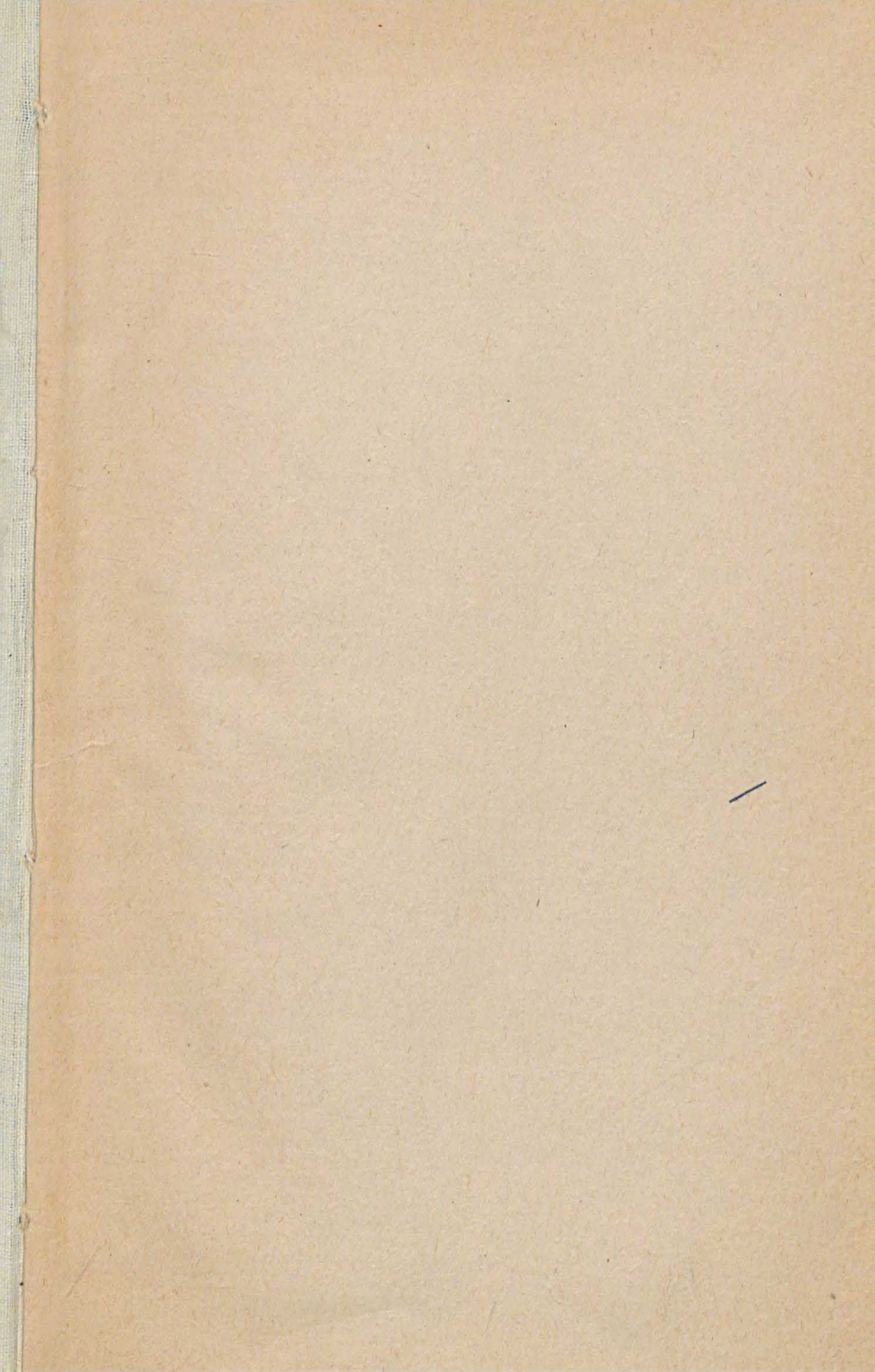
Булич С.К.
Очерки истории языкознания в России
т. I



С. К. Буличъ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЯЗЫКОЗНАНІЯ

въ

РОССІИ.

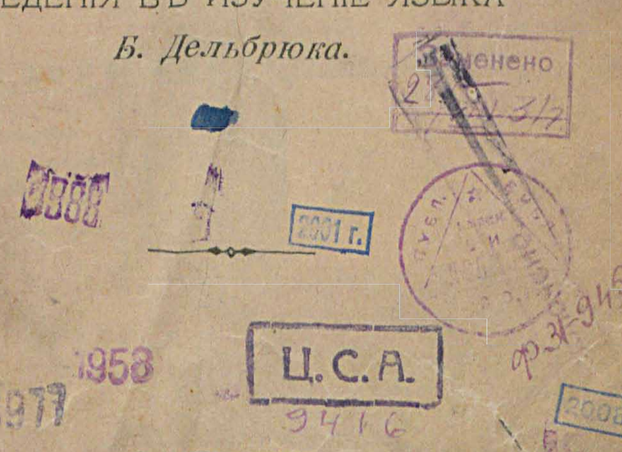
Т. I.

(XIII в.—1825 г.).

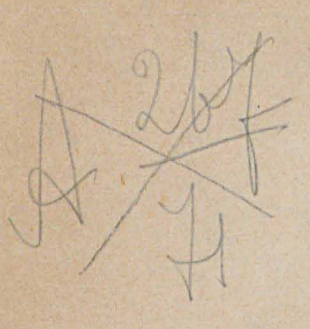
Съ приложеніемъ, вмѣсто вступленія,

„ВВЕДЕНІЯ ВЪ ИЗУЧЕНІЕ ЯЗЫКА"

Б. Дельбрюка.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій пр., № 8.
1904.



Печатается по опредѣленію Историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, 26 мая 1904 года.

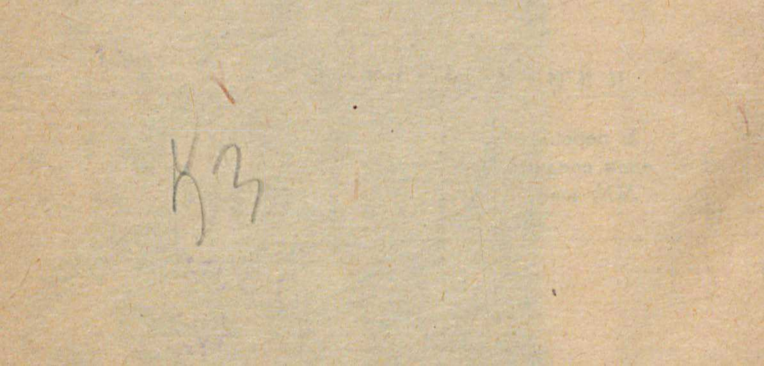
Деканъ *С. Платоновъ*.

Отд. оттискъ изъ Записокъ Историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

Колл. Е/обр

КНИГА ИМЕЕТ:

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1947 г.
79	1					3	153 382	


К3

Дорогой матери

и первой своей учительницѣ

авторъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая книга имѣетъ свою довольно длинную исторію, обусловившую нѣкоторыя ея особенности. Еще въ 1897 г. нѣсколько студентовъ филологовъ старшихъ семестровъ Петербургскаго университета, большею частью постоянные слушатели пишущаго эти строки, желая прійти на помощь открывшейся около этого времени студенческой столовой общества вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ спб. университета, задумали перевести и издать прекрасную книгу знаменитаго германскаго языковѣда, проф. Б. Дельбрюка: „Einleitung in das Sprachstudium". Чистая выручка отъ изданія предназначалась переводчиками въ пользу вышеупомянутаго молодого и нуждавшагося въ поддержкѣ учрежденія.

Съ просьбой редактировать переводъ, иниціаторы его обратились къ нижеподписавшемуся, на котораго возложена была также обязанность осуществить изданіе. Достоинства книги, до сихъ поръ еще не переведенной цѣликомъ на русскій языкъ [1]), и симпатичная цѣль предпріятія, разумѣется, могли встрѣтить лишь полное сочувствіе со стороны

[1]) Неконченный переводъ второго изданія книги (1884), довольно сильно отличающагося отъ 3-го (1893 г.), съ котораго сдѣланъ настоящій переводъ, печатался въ „Воронежскихъ Филологич. Запискахъ" 1884 (№ 1 и 3), 1885 (№ 2), 1887 (№ 6) и 1888 (№ 1 и 5) гг.

избраннаго переводчиками редактора, который тогда же заручился согласіемъ, какъ самого автора, такъ и собственниковъ оригинальнаго изданія, гг. Брейткопфа и Гертеля въ Лейпцигѣ.

Самое дѣло перевода, однако, затянулось, и отдѣльныя части его, распредѣленныя между иниціаторами предпріятія, поступали къ редактору очень туго, такъ что и черезъ два года переводъ не былъ еще законченъ. Въ концѣ концовъ, послѣ того, какъ редакторомъ были привлечены къ участію въ переводѣ новые участники изъ числа его слушателей, а одинъ изъ первыхъ иниціаторовъ взялъ на свою долю еще одинъ кусокъ перевода, всетаки двѣ изъ долей, на которыя былъ раздѣленъ оригинальный текстъ изданія, оставались непереведенными. Чтобы довести дѣло до конца, редакторъ взялъ на себя перевести и эти два куска. Такимъ образомъ, въ 1900 году, наконецъ, переводъ былъ приведенъ къ желанному окончанію.

Самый трудъ перевода распредѣляется между участниками его такъ: первый отдѣлъ I главы (стр. 1—16 оригинала и перевода) былъ переведенъ Э. О. Бирманомъ (нынѣ уже покойнымъ) и Г. А. Ильинскимъ; второй отдѣлъ той же главы (стр. 16—26 оригинала и перевода)—Я. И. Эрлихомъ (также уже покойнымъ); глава II (стр. 27—41 оригинала=27—42 перевода)—Э. фонъ-Бергомъ; глава III (стр. 41—56 оригинала=43—58 перевода)—К. Ѳ. Тіандеромъ; IV глава (стр. 57—73 оригинала=58—77 перевода)—опять Г. А. Ильинскимъ; часть V главы до I ея отдѣла „Корни“ (стр. 73—85 оригинала=78—90 перевода) – редакторомъ; отдѣлы I и II той же главы (стр. 85—102 оригинала=90—107 перевода)—В. Ѳ. Шишмаревымъ [1]); конецъ этой главы и начало VI (стр. 103—116 и часть 117 оригинала=108—122 перевода до словъ „отказываясь“ и т. д., строчка 10 сверху)—Э. Э. Лямбекомъ; дальше до конца главы (стр. 117—130 оригинала=

[1]) При участіи А. М. Шишмаревой, также бывшей слушательницы редактора по С.-Петербургскимъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ.

122—136)—опять редакторомъ, и послѣдняя VII глава—В. А. Бѣлявскимъ. Оглавленіе и указатель (дополненный противъ оригинала) были изготовлены снова редакторомъ.

Такъ какъ со времени появленія 3-го оригинальнаго изданія книги Дельбрюка, легшаго въ основаніе предлагаемаго перевода, до 1900 г. прошло цѣлыхъ семь лѣтъ (1893—1900), то явилась необходимость освѣжить нѣкоторыя библіографическія данныя подлинника, а также сдѣлать нѣсколько пояснительныхъ примѣчаній, предназначенныхъ для русскихъ читателей. Всѣ подобныя подстрочныя примѣчанія редактора отмѣчены словами *прим. ред.*, а вставки въ текстѣ (очень немногочисленныя) заключены въ угловатыя скобки [ ].

Имѣя въ виду, что книга Дельбрюка представляетъ собой родъ историческаго очерка развитія новѣйшаго европейскаго языкознанія (со временъ Боппа), въ которомъ, разумѣется, исторія русской науки была совершенно обойдена, редакторъ полагалъ не безполезнымъ для русскихъ читателей приложить къ переводу въ видѣ дополненія очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. Это было тѣмъ легче сдѣлать, что незадолго передъ этимъ имъ былъ написанъ подобный очеркъ для „Энциклопедическаго Словаря" Брокгауза и Ефрона, напечатанный (съ большими сокращеніями) въ 55-мъ полутомѣ названнаго изданія (въ 1899 г.). Разумѣется, этотъ очеркъ слѣдовало расширить и дополнить въ извѣстныхъ отношеніяхъ, причемъ, приступивъ къ этой работѣ, авторъ разсчитывалъ окончить ее скоро, совсѣмъ не предполагая, что она впослѣдствіи такъ затянется и приметъ столь обширные размѣры.

Чтобы осуществить затѣянное изданіе, редакторъ обратился къ помощи извѣстнаго издателя и литератора Л. Ѳ. Пантелѣева, зная его дѣятельное сочувствіе, какъ задачамъ общества вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ спб. университета, такъ и учрежденной названнымъ обществомъ студенческой столовой. Л. Ѳ. съ большой готовностью согласился оплатить издержки предполагавшагося изданія (задуманнаго первоначально въ размѣрѣ 15 печатныхъ листовъ),

чистая выручка съ котораго имѣла поступить на вышеуказанную цѣль. Въ концѣ 1900 г. рукопись была сдана въ печать, и въ теченіе 1901 г. напечатанъ не только самый переводъ, но и семь листовъ приложеннаго къ нему „Очерка исторіи языкознанія въ Россіи". Авторъ этого послѣдняго, продолжая расширять свой первоначальный набросокъ и печатая его по мѣрѣ изготовленія, не могъ, конечно, съ самаго начала совершенно точно представить себѣ тѣ размѣры, которые впослѣдствіи приняла его работа, особенно же послѣдняя ея глава, посвященная исторіи изученія русскаго и славянскихъ языковъ въ теченіе первой четверти XIX вѣка и занимающая около половины всей книги. Разумѣется, если бы книга была вполнѣ готова въ рукописи еще до начала печатанья, авторъ не преминулъ бы разбить ее на нѣсколько томовъ, закончивъ, напримѣръ, первый изъ нихъ концомъ XVIII в., а второй—первой четвертью XIX и т. д., но при наличныхъ условіяхъ работы ему волей-неволей пришлось предложить читателямъ нѣкоторымъ образомъ книгу-левіаѳана, возможную еще на нѣмецкомъ книжномъ рынкѣ, но совсѣмъ необычную у насъ... Размѣры, принятые предлагаемымъ первымъ томомъ, заставили также автора пожертвовать до извѣстной степени цѣльностью представленія и отнести къ имѣющему выйти второму тому двѣ дальнѣйшихъ главы, принадлежащихъ въ сущности къ первому (объ изученіи европейскихъ и восточныхъ языковъ въ теченіи первой четверти XIX в.).

Обширные размѣры предлагаемаго труда объясняются не только обиліемъ и сложностью матеріала, но также и тѣмъ, что авторъ считалъ необходимымъ излагать содержаніе тѣхъ или другихъ книгъ, брошюръ и статей, какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ, приводя изъ нихъ нерѣдко и болѣе характерныя выдержки. Пріемъ этотъ, быть можетъ, встрѣтитъ осужденіе „строгихъ" критиковъ, но авторъ тѣмъ не менѣе считаетъ и будетъ считать его необходимымъ, имѣя въ виду жалкое состояніе нашихъ провинціальныхъ книгохранилищъ, въ томъ числѣ и университетскихъ. Даже луч-

шія столичныя библіотеки наши не всегда имѣютъ полные комплекты тѣхъ или другихъ старыхъ журналовъ и прочихъ періодическихъ изданій, не говоря уже о разныхъ старыхъ учебникахъ, книгахъ и брошюрахъ. Голыя ссылки на страницы, вмѣсто цитатъ, конечно, очень бы уменьшили объемъ книги, но ничего бы не дали нестоличнымъ читателямъ.

Какъ бы то ни было, въ силу вышеизложенныхъ причинъ, центръ тяжести въ задуманномъ смѣшанномъ трудѣ перемѣстился въ сторону приложенія, во много разъ превзошедшаго своимъ объемомъ книжку Дельбрюка, дополненіемъ которой оно имѣло служить. Эта неожиданная метаморфоза принудила редактора опредѣлить отношеніе его собственной работы къ труду знаменитаго германскаго языковѣда обратно тому, какъ это первично предполагалось, т. е. сдѣлать его „Введеніе въ изученіе языка" также и введеніемъ въ исторію русскаго языкознанія.

Нижеподписавшемуся ничего не остается болѣе, какъ извиниться въ этомъ передъ глубокоуважаемымъ ученымъ, занятія и личныя отношенія съ которымъ въ обвѣянной поэтическими воспоминаніями Іенѣ принадлежатъ къ лучшимъ мѣсяцамъ его Lehr- und Wanderjahre. Достоинства труда знаменитаго языковѣда отъ этой перемѣны заглавія, конечно, нисколько не страдаютъ, а пишущій эти строки можетъ только радоваться тому, что его посильная работа въ области исторіи русской науки, по благопріятному стеченію обстоятельствъ, получила такое превосходное введеніе. Онъ счелъ бы себя также весьма счастливымъ, если-бы этотъ своего рода симбіозъ двухъ книгъ подъ одной обложкой снискалъ прекрасному труду проф. Дельбрюка новыхъ друзей среди тѣхъ русскихъ читателей, которые почему-либо еще не были съ нимъ знакомы.

Выше описанное увеличеніе объема книги (вмѣсто предположенныхъ 15 листовъ—78) повлекло за собой участіе въ издержкахъ изданія самого виновника этого расширенія, т. е. нижеподписавшагося, причемъ доля участія Л. Ѳ. Панте-

лѣева осталась въ прежнемъ видѣ (имъ оплачены первые 15 листовъ). На помощь изданію пришелъ и Историко-Филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, принявшій 200 экземпляровъ его (изъ 600) въ свои „Записки“ и тѣмъ оказавшій предпріятію весьма существенную матеріальную поддержку.

Вполнѣ естественно, что продолжительность времени, въ теченіе котораго книга писалась и печаталась (три года: 1901—1904), должна была въ извѣстной мѣрѣ отразиться на ея содержаніи. За это время успѣли появиться кое-какіе научные труды, которые могли быть упомянуты въ библіографическихъ примѣчаніяхъ редактора къ „Введенію“ Дельбрюка. Кое-что, имѣющее прямое отношеніе къ исторіи русскаго языкознанія, тоже не могло быть использовано авторомъ по той причинѣ, что явилось въ свѣтъ послѣ того, какъ соотвѣтственные отдѣлы его работы уже были отпечатаны (напр., находки проф. В. Н. Перетца: труды магистра Паузе, карельско-русскій словарь начала XVIII в. и т. д.). Найдутся, конечно, и разные другіе недосмотры, пропуски и т. п., частью отмѣченные уже авторомъ (см. стр. 451, прим.). Всѣ подобныя addenda будутъ помѣщены въ дополненіяхъ ко II тому предлагаемаго труда, къ которому будетъ приложенъ и общій указатель для обоихъ томовъ. Отсутствіе такого указателя въ первомъ томѣ авторъ думалъ возмѣстить подробнымъ оглавленіемъ, которое даетъ также и болѣе дробное раздѣленіе содержанія на отдѣльныя рубрики, не проведенное въ самой книгѣ, отчасти по вышеизложеннымъ уже условіямъ работы.

Самое отношеніе автора къ его темѣ успѣло измѣниться за столь продолжительное время. Первоначально онъ намѣревался дать лишь сжатый рефератъ того, что было уже изслѣдовано и установлено другими работниками въ этой области. Такой, именно, характеръ и носятъ первыя главы его труда. Но очень скоро автору пришлось убѣдиться въ необходимости расширить первоначальныя довольно узкія рамки, поставленныя самому себѣ, и ввести въ нихъ много

новаго, никѣмъ еще нетронутаго матеріала, частью печатнаго, частью рукописнаго.

Потерпѣла нѣкоторое видоизмѣненіе за это время и благотворительная цѣль изданія, вслѣдствіе закрытія студенческой столовой и перехода ея имущества въ собственность казны. Иниціаторы предпріятія, въ виду этого обстоятельства, согласились между собою обратить чистую выручку отъ книги на усиленіе капитала имени покойнаго О. Ѳ. Миллера, легшаго въ свое время въ основаніе средствъ столовой (носившей поэтому названное, незабвенное въ лѣтописи С.-Петербургскаго университета имя).

Въ заключеніе нижеподписавшійся вмѣняетъ себѣ въ пріятную обязанность высказать свою живѣйшую благодарность товарищамъ ученымъ и библіотекарямъ: И. А. Бычкову, акад. К. Г. Залеману, акад. П. К. Коковцову, В. П. Ламбину, проф. Н. Я. Марру, Л. З. Мсеріанцу, акад. б. В. Р. Розену, П. К. Симони, В. И. Срезневскому и акад. А. А. Шахматову, облегчавшимъ его работу своими дружескими совѣтами, компетентными указаніями и любезнымъ содѣйствіемъ каждаго въ своей сферѣ дѣятельности.

С. Буличъ.

Спб., 25 мая 1904.

помогли извлечь еще нетронутаго матеріала, иногда печатнаго, часто рукописнаго.

Петербургская ... библіографическая за это время и безвозвратныя ... потери, ... ской прессой и перевезти ... изъ собственности склада. Инициатива предпріятія, въ видѣ этого собственника ... обратить ... внимание ... сыновьями на ... покойнаго С. И. Миллера ... въ ... время, въ основаніи ... С.-Петербургскаго Университета имя) ... выразить себѣ ... признательность высказать свою искреннюю благодарность товарищамъ ученымъ и библіографамъ: Н. А. Бул..., И. Е. Забѣлину, акад. Н. П. Кондакову, В. П. ..., проф. В. Я. ..., Г. Я. ..., акад. С. Н. ..., Павлову, Н. Я. Смирнову, В. Н. Сребнянскому и акад. А. А. Шахматову, облегчившимъ его работу своими дружескими совѣтами, ... указаніями, а ... въ самой сферѣ дѣятельности.

С. Булычъ.

СПб. 25 мая 1896.

Б. Дельбрюкъ.

ВВЕДЕНІЕ
ВЪ
ИЗУЧЕНІЕ ЯЗЫКА
(EINLEITUNG IN DAS SPRACHSTUDIUM).

Изъ исторіи и методологіи сравнительнаго языкознанія.

Переводъ студентовъ С.-Петербургскаго университета
съ третьяго исправл. изданія 1893 г.
подъ редакціей и при участіи
С. Булича.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8.
1904.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Францъ Боппъ.

Когда основатель сравнительнаго языкознанія Францъ Боппъ [1]) (род. въ 1791 г.) приступилъ къ занятіямъ санскритомъ, мнѣніе о близкомъ родствѣ языка брахмановъ съ языками Европы, въ особенности съ греческимъ и латинскимъ, было уже неоднократно высказано и подтверждено рядомъ доказательствъ. Именно, Уилльямъ Джонсъ, первый предсѣдатель общества, основаннаго въ Калькуттѣ для изслѣдованія Азіи, уже въ 1786 г. высказался по этому вопросу такимъ образомъ: „Санскритскій языкъ обладаетъ удивительнымъ строеніемъ; онъ совершеннѣе греческаго, богаче латинскаго, выработанъ тоньше обоихъ. Какъ въ отношеніи глагольныхъ корней, такъ и въ отношеніи грамматическихъ формъ, онъ стоитъ въ родственной связи съ обоими древними языками,— связи столь близкой, что она не можетъ быть дѣломъ случая, и столь опредѣленной, что всякій филологъ, изучающій эти три языка, долженъ притти къ убѣжденію, что они произошли изъ одного и того-же источника, который, быть можетъ, болѣе уже не существуетъ. Такія-же доказательства, хотя и не столь убѣдительныя, говорятъ въ пользу того предположенія, что готскій и кельтскій языки, хотя и смѣшанные съ неродственными языками, имѣютъ также одинаковое происхожденіе съ санскритомъ“ (ср. Benfey, Geschichte der Sprachwissenschaft, стр. 348). Въ главныхъ чертахъ съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ согласуются тѣ положенія, въ одномъ отношеніи, впрочемъ, менѣе точныя, которыми Фридрихъ Шлегель начинаетъ свою знаменитую книгу „О языкѣ и муд-

---

[1]) Ср. S. Lefmann, «Franz Bopp, sein Leben und seine Wissenschaft» Berl. ч. I. 1891 (первая половина).

Прим. редакт. Вторая половина этой книги вышла въ 1895 г., а въ 1897 г. явился «Nachtrag», заключающій въ себѣ переписку Боппа съ В. ф. Гумбольдтомъ (Berlin. Reimer 1897. XLII + 129).

рости индусовъ" (Гейдельбергъ, 1808): „Древне-индійскій санскритъ, т. е. „развитой" или „совершенный", называемый также гронтхонъ (Gronthon) [1]), т. е. „литературный" или „книжный" языкъ, находится въ ближайшемъ родствѣ съ латинскимъ и греческимъ, а также съ германскимъ и персидскимъ языками. Сходство заключается не только въ большомъ числѣ общихъ корней,— но оно простирается и на самое внутреннее строеніе и грамматику. Совпаденіе это слѣдовательно не случайное, которое можно было-бы объяснить смѣшеніемъ данныхъ языковъ, но существенное и указывающее на общее ихъ происхожденіе. Далѣе, сравненіе показываетъ, что индійскій языкъ — древнѣйшій, прочіе-же языки моложе и произошли изъ перваго". Такимъ образомъ, нельзя сказать, что Боппъ открылъ родство индогерманскихъ [2]) языковъ; но ему конечно принадлежитъ та заслуга, что онъ разъ навсегда, путемъ систематическаго сравненія, исходящаго изъ формъ глагола и отсюда распространяющагося на весь языкъ, доказалъ то, что Джонсъ, Шлегель и др. высказывали въ видѣ догадокъ и голословныхъ утвержденій.

Безъ сомнѣнія, потомство увидитъ въ этомъ доказательствѣ проявленіе генія Боппа, составившее эпоху, но точно также несомнѣнно, что самъ Боппъ первоначально задавался не сравненіемъ, но объясненіемъ формъ, и что сравненіе служило ему только средствомъ къ достиженію этой главной цѣли. Онъ, такимъ образомъ, не удовлетворялся (пояснимъ это на примѣрѣ)

---

[1]) Искаженное санскр. grantha (м. р.) = соединеніе словъ, текстъ.

Прим. ред.

[2]) Я употребляю терминъ «индогерманскій», ибо, насколько я могъ замѣтить, онъ наиболѣе употребителенъ въ Германіи. Впервые употребленъ былъ этотъ терминъ, поскольку мы можемъ доказать документально, Гезеніусомъ въ 1831 г., послѣ того, какъ Фр. Шмитхеннеръ придумалъ слово «индотевтонскій» (indisch-deutsch). Ср. Штейнталь, «Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern.» 2 Aufl. Berlin. 1890, XI.

Прим. автора.

Прим. ред. Въ прежнихъ изданіяхъ этой книги Дельбрюкъ правильно указывалъ на Ю. Клапрота, какъ изобрѣтателя термина «индогерманскіе языки», употребленнаго имъ гораздо раньше Шмитхеннера и Гезеніуса. Въ третьемъ изданіи, въ силу какого-то «затменія», онъ измѣнилъ (неудачно) свое мнѣніе, но долженъ былъ отказаться отъ него («Indogermanische Forschungen» т. III. 1894. Anzeiger für indogerm. Sprach- und Altertumskunde» стр, 267—8) и присоединился къ Густаву Майеру, доказавшему («Indogermanische Forschungen», т. III. стр. 125—130: «Von wem stammt die Bezeichnung «Indogermanen»), что первымъ ученымъ, употреблявшимъ данный терминъ, дѣйствительно былъ Ю. Клапротъ, въ своемъ трудѣ «Asia Poliglotta» (Парижъ, 1823 г.). Впрочемъ, ни откуда не видно, что Клапротъ былъ и изобрѣтателемъ даннаго термина.

положеніемъ, столь чреватымъ слѣдствіями для фонетики всѣхъ отдѣльныхъ (индоевроп.) языковъ,—что ásmi, εἰμί, sum, im, *есмь* въ сущности представляютъ одну и ту же форму, но ему важно было прежде всего открыть, изъ какихъ элементовъ эта форма образовалась. Главною цѣлью его работы было не сравненіе готовыхъ формъ языка, а анализъ возникновенія флексіи.

Что дѣло обстоитъ именно такъ, было достаточно доказано старыми и новыми критиками Боппа. Здѣсь достаточно указать на извѣстное мнѣніе учителя Боппа, Виндишмана, по которому цѣлью Боппа съ самаго начала было: „путемъ изслѣдованія языковъ вникнуть въ тайну человѣческаго духа и раскрыть нѣкоторую часть его природы и законовъ", и затѣмъ привести слѣдующее выраженіе Т. Бенфея: „Я, поэтому, склоненъ считать настоящей задачей этого грандіознаго сочиненія (т. е. Сравнительной Грамматики Боппа) изслѣдованіе о происхожденіи грамматическихъ формъ индогерманскихъ языковъ; сравненіе формъ — собственно только средствомъ къ достиженію этой цѣли, опредѣленіемъ ихъ основнаго вида; наконецъ, изслѣдованіе звуковыхъ законовъ—главнымъ средствомъ сравненія, единственно надежной основой для доказательства родства, въ особенности-же родства основныхъ формъ" („Gesch. der Sprachw." 476 [1]).

Въ виду этихъ обстоятельствъ, я считаю правильнымъ сначала изложить взглядъ Боппа на происхожденіе флексіи и затѣмъ лишь перейти къ характеристикѣ его сравнительнаго метода.

I. Взгляды Боппа на происхожденіе флексіи.

Теоріи Боппа о генезисѣ индогерманскихъ формъ языка не представляютъ собою (какъ можно было-бы предположить) чистый результатъ его грамматическаго анализа, но восходятъ, въ очень существенныхъ своихъ частяхъ, къ прежнимъ воззрѣніямъ и предразсудкамъ. Между ними важную роль играетъ та теорія Фридриха Шлегеля, которая излагается въ упомянутомъ уже сочиненіи „О языкѣ и мудрости индусовъ". Поэтому представляется умѣстнымъ познакомить читателя прежде всего именно съ ней.

---

[1]) Извѣстная книга геттингенскаго санскритиста: «Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie in Deutschland seit dem Anfange des 19. Jahrhunderts mit einem Rückblick auf die früheren Zeiten. Von Theodor Benfey. München. 1869. 8°. X + 836 + II. Издано въ серіи «Geschichte der Wissenschaften in Deutschland», выходившей съ субсидіей баварскаго правительства при Мюнхенской академіи наукъ. *Прим. ред.*

По Фридриху Шлегелю существуетъ двѣ главныхъ категоріи языковъ, во-первыхъ, такіе языки, которые выражаютъ побочныя опредѣленія значенія посредствомъ внутренняго измѣненія звуковъ корня, и во-вторыхъ, такіе, которые прибавляютъ для этой цѣли особенныя слова, выражающія уже сами собой понятія множественности, прошедшаго времени, долженствованія въ будущемъ или другихъ отношеній этого рода. Первая главная категорія заключаетъ въ себѣ языки, обладающіе флексіей. Слѣдовательно, подъ флексіей Шлегель понимаетъ внутреннее измѣненіе звуковъ корня. Онъ оспариваетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ воззрѣніе, будто формы флексіи образовались посредствомъ присоединенія нѣкогда самостоятельныхъ словъ [1]). „Въ греческомъ еще можно найти, по крайней мѣрѣ, тѣнь вѣроятности того, что флективные слоги возникли изъ частицъ и вспомогательныхъ словъ, слившихся со словомъ,—хотя такую гипотезу и нельзя было-бы провести послѣдовательно, не прибѣгая къ тѣмъ этимологическимъ уловкамъ и ухищреніямъ, съ которыми прежде всего слѣдуетъ окончательно разстаться, если разсматривать языкъ научно, т. е. совершенно исторически; да и тогда еще врядъ-ли удалось-бы провести эту гипотезу. Въ индійскомъ-же языкѣ исчезаетъ и послѣдній призракъ такой возможности, и необходимо признать, что строеніе языка образовалось чисто органически, развѣтвилось во всѣхъ своихъ значеніяхъ путемъ флексій или внутреннихъ измѣненій и преобразованій звуковъ корня, а не составилось чисто механически помощью прицѣпленныхъ словъ и частицъ, причемъ самъ корень собственно остался неизмѣненнымъ и непроизводительнымъ“ (41). Въ этомъ органическомъ свойствѣ онъ видитъ существенное преимущество языковъ флективныхъ. „Отсюда, во-первыхъ, — богатство, затѣмъ постоянство и устойчивость этихъ языковъ, о которыхъ можно сказать съ полною увѣренностью, что они возникли органически и представляютъ органическую ткань; такъ что даже въ языкахъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга обширными странами, спустя тысячелѣтія, нерѣдко можно легко распознать ту нить, которая проходитъ черезъ широко развернувшееся богатство цѣлой семьи словъ и приводитъ насъ къ простому началу первичнаго корня. Напротивъ, въ языкахъ, имѣющихъ вмѣсто флексіи только приставки, корни въ сущности не имѣютъ значенія таковыхъ, являясь не плодо-

[1]) Вѣроятно, въ этой полемикѣ онъ имѣлъ въ виду школу Леннепа и Шейда (см. ниже), но врядъ-ли—Горнъ Тука (Horne Tooke), о которомъ ср. Макса Мюллера, «Наука о языкѣ» (серія первая, гл. VII, начало).

носнымъ сѣменемъ, но лишь какъ-бы скопленіемъ атомовъ, которые по прихоти случая легко могутъ то разъединяться, то соединяться. Собственно говоря, связь между ними не можетъ быть иной, какъ только чисто механической, обусловленной внѣшнимъ присоединеніемъ. Этимъ языкамъ, при самомъ ихъ возникновеніи, не хватаетъ зачатка живого развитія и т. д". (стр. 51).

Если мы спросимъ, какимъ образомъ такой даровитый человѣкъ могъ додуматься до объясненія флексіи, какъ внутренняго измѣненія корня, — объясненія, которое кажется намъ до такой степени неяснымъ и туманнымъ,—то намъ по крайней мѣрѣ сразу станетъ ясно, что оно взято не изъ непосредственнаго наблюденія (ибо гдѣ можно было бы наблюдать такое органическое развитіе?)—а, напротивъ, можно съ вѣроятностью доказать, что оно является прежде всего реакціей противъ той теоріи, бороться съ которой Шлегель считалъ своимъ долгомъ. Очевидно, подъ впечатлѣніемъ нелѣпостей Леннепа, Шейда и имъ подобныхъ, расчленявшихъ языкъ самымъ безсмысленнымъ образомъ и насильственно сводившихъ его къ фантастическимъ пра-корнямъ, Шлегель проникся убѣжденіемъ, что путемъ разложенія словъ на составныя части нельзя вообще дойти до тайны возникновенія формъ языка, и потому въ противоположность теоріи, представлявшей себѣ языкъ возникшимъ помощью сложенія, указалъ на болѣе вѣроятное развитіе его путемъ органическаго роста, не будучи, впрочемъ, въ состояніи составить себѣ ясное представленіе о способѣ и основаніяхъ этого роста. Въ этомъ воззрѣніи его могло укрѣпить еще другое наблюденіе. То соотношеніе, которое существуетъ между латинскими и романскими языками (и которое его братъ пытался позднѣе опредѣлить терминами „синтетическій" и „аналитическій"), представлялось ему тѣмъ замѣчательнѣе, что въ санскритѣ онъ находилъ какъ бы еще „болѣе латинское состояніе", чѣмъ въ самомъ латинскомъ (стр. 40). Если (такъ думалъ онъ вѣроятно) языкъ тѣмъ меньше обнаруживаетъ способности къ сложенію, чѣмъ онъ древнѣе, то можно-ли допустить, чтобы формы языка въ древнѣйшее время возникли исключительно благодаря сложенію?

Что Шлегель только такой внутренній ростъ называлъ „органическимъ", и въ то же время, въ противоположность сочетанію, понималъ его какъ высшій и болѣе благородный процессъ, было вполнѣ въ духѣ философа романтической школы, съ ходомъ мысли и способомъ выраженія которой онъ сроднился.

Къ этой изложенной здѣсь вкратцѣ теоріи Шлегеля вполнѣ примкнулъ Боппъ въ своемъ первомъ сочиненіи („Conjugationssystem der Sanskritsprache" 1816), не называя, впрочемъ, имени

Шлегеля. Только онъ сейчасъ же расширилъ ее въ одномъ направленіи, добавивъ къ признаку внутренняго преобразованія корня еще способность поглощать въ себя verbum substantivum [1]) „Среди всѣхъ извѣстныхъ намъ языковъ—говорится на 7 стр.—священный языкъ индусовъ оказывается наиболѣе способнымъ къ выраженію истинно-органическимъ образомъ самыхъ разнообразныхъ соотношеній и связей посредствомъ внутренняго измѣненія и преобразованія коренного слога. Не смотря на эту достойную удивленія гибкость, онъ иногда вводитъ въ составъ корня verbum abstractum, при чемъ коренной слогъ и присоединенное verbum abstractum раздѣляютъ между собою грамматическія функціи глагола. Это раздѣленіе задачъ можно наблюдать, напр., въ аористѣ слѣдующимъ образомъ. Въ санскр. *açraushat* (я слышалъ) *a* обозначаетъ понятіе прошедшаго времени, въ подъемѣ *u* въ *au* въ корнѣ *çru* указывается своеобразный оттѣнокъ понятія прошедшаго времени, свойственный аористу, и къ образованному такимъ образомъ прошедшему времени (praeteritum) присоединяется verbum substantivum, „такъ что, послѣ выраженія временныхъ отношеній на чисто-органическій ладъ путемъ внутренняго преобразованія корня, лицо и число опредѣлялись посредствомъ спряженія приставленнаго вспомогательнаго глагола“ (стр. 18). Присоединеніе verbi substantivi Боппъ находитъ въ будущемъ времени и аористѣ въ санскритѣ и греч. яз., въ прекативѣ санскрита, въ извѣстныхъ образованіяхъ перфекта и имперфекта латинскаго яз. и (отъ чего онъ впослѣдствіи отказался) въ окончаніяхъ страдательнаго залога того же языка. Другихъ сочетаній, кромѣ какъ съ корнемъ *as* (быть), Боппъ въ системѣ спряженія не признаетъ. Правда, онъ говоритъ о присоединеніи „личныхъ примѣтъ“ M, S, T, но не видитъ въ этихъ примѣтахъ остатковъ нѣкогда самостоятельныхъ словъ, напротивъ, по другому поводу, замѣчаетъ категорически: „Несогласно съ духомъ индійскаго языка выражать какое-нибудь отношеніе посредствомъ присоединенія нѣсколькихъ буквъ, которыя могли бы быть разсматриваемы въ качествѣ особаго слова“ (стр. 30). Происхожденіе этихъ личныхъ примѣтъ онъ оставляетъ въ „Системѣ спряженія“ „столь же темнымъ, какъ и происхожденіе „вставного“ *ī*, являющагося признакомъ potentialis.

Было бы любопытно установить, путемъ какихъ размышленій

---

[1]) Только этотъ способъ объясненія могъ подразумѣвать Боппъ, утверждая на 12 стр. „Conjug.“, что онъ въ своихъ изысканіяхъ нигдѣ не могъ опираться на чужой авторитетъ.

Боппъ пришелъ къ измѣненію Шлегелевскаго опредѣленія понятія о флексіи. По счастью, сочиненія Боппа предлагаютъ для этого достаточный матеріалъ. Но что бы сдѣлать понятными относящіяся сюда мѣста, я сперва скажу нѣсколько словъ о принятой въ началѣ нашего столѣтія классификаціи частей рѣчи. Въ то время почти всѣ находились подъ впечатлѣніемъ воззрѣнія, что предложеніе есть какъ бы отраженіе логическаго сужденія, и держались, поэтому, того взгляда, что въ предложеніи не можетъ быть ни больше, ни меньше трехъ частей, подобно тому, какъ въ сужденіи есть три части: субъектъ, предикатъ и связка. Естественно, было не легко подвести традиціонныя части рѣчи подъ три группы, и это подведеніе достигалось не безъ софистики. Такъ, напр., А. Ф. Бернгарди не съумѣлъ лучше примирить противорѣчіе между своимъ философскимъ воззрѣніемъ и своимъ добытымъ изъ опыта знаніемъ, какъ посредствомъ слѣдующаго табличнаго изображенія:

I. Части рѣчи:

a. Объ именахъ существительныхъ.
b. Объ именахъ аттрибутивныхъ.
  aa. Объ именахъ прилагательныхъ.
  bb. О причастіяхъ.
  cc. О нарѣчіяхъ.
c. О глаголѣ *быть*.

II. Частички рѣчи:

a. О предлогахъ.
b. О союзахъ.
c. О первоначальныхъ нарѣчіяхъ.

III. Части рѣчи и частички рѣчи:

О мѣстоименіяхъ.

Такъ-же какъ и Бернгарди, въ возможности существованія только трехъ частей рѣчи былъ убѣжденъ и Готфридъ Германъ;—то-же предвзятое убѣжденіе мы находимъ и у Боппа, какъ это яснѣе всего видно изъ одной фразы въ англійской переработкѣ его перваго сочиненія Analytical comparison и т. д. (которую я цитирую по нѣмецкому переводу Зебоде „Neues

Archiv für Philologie und Pädagogik", 2 Jahrgang), гдѣ на 63 стр. 3-го выпуска читаемъ: „Potest соединяетъ въ себѣ три главныхъ части рѣчи, причемъ t есть подлежащее, es — связка и pot — признакъ (предикатъ)". При этомъ, слѣдуетъ обратить особое вниманіе на то обстоятельство, что третьей частью рѣчи считается не глаголъ вообще, а только глаголъ „быть". „Est enim—говоритъ Готфридъ Германъ, („De emendanda ratione graecae grammaticae", Lipsiae 1801, стр. 173)—haec verbi vis, ut praedicatum subjecto tribuat atque adjungat. Hinc facile colligitur proprie unum tantummodo esse verbum idque est verbum esse. Caetera enim quaecunque praeter hoc verbum verba reperiuntur, hanc naturam habent, ut praeterquam quod illud esse contineant quo fit ut verba sint, adjunctam habeant etiam praedicati alicujus notationem. Sic „ire", „stare", ut aliqua certe exempla afferamus significat „euntem, stantem esse" [1]). Это мнѣніе раздѣляетъ также Боппъ, какъ это достаточно ясно видно изъ первыхъ словъ его „Системы спряженія": „Подъ глаголомъ въ самомъ узкомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать ту часть рѣчи, которая выражаетъ соединеніе извѣстнаго предмета съ извѣстнымъ свойствомъ и ихъ отношеніе другъ къ другу. Глаголъ, по этому опредѣленію, самъ по себѣ не имѣетъ никакого реальнаго значенія, но представляетъ только грамматическую связь между подлежащимъ и сказуемымъ, посредствомъ внутренняго измѣненія и преобразованія которой опредѣляются эти взаимныя отношенія. Подъ это понятіе подходитъ только одинъ глаголъ, именно абстрактный глаголъ (verbum abstractum), быть, esse" и т. т. Такъ какъ, по воззрѣнію Боппа, рѣчь могла возникнуть не иначе, какъ при содѣйствіи глагола esse, и такъ какъ поэтому послѣдній, взятый въ своемъ понятіи, подразумѣвается самъ собой въ каждомъ т. н. „глаголѣ", то Боппъ, послѣдовательно разсуждая, долженъ былъ-бы найти естественнымъ, если-бы глаголъ *as* оказался въ каждой глагольной формѣ, въ конкретномъ и реальномъ видѣ. Боппъ это заключеніе дѣйствительно и вывелъ въ одномъ въ высшей степени замѣчательномъ

---

[1]) Ибо глаголъ имѣетъ ту силу, что онъ придаетъ подлежащему (субъекту) признакъ (предикатъ) и присоединяетъ его къ нему. Отсюда легко вытекаетъ, что, собственно говоря, есть только одинъ глаголъ, и этотъ глаголъ есть глаголъ быть. Ибо прочіе глаголы, какіе только, кромѣ него имѣются, обладаютъ тѣмъ свойствомъ, что, содержа въ себѣ это быть, дѣлающее ихъ глаголами, имѣютъ еще присоединенное къ нимъ обозначеніе нѣкотораго признака. Такъ „идти", „стоять"—приведемъ по крайней мѣрѣ нѣсколько примѣровъ—обозначаетъ „быть идущимъ, стоящимъ".

Перев. ред.

положеніи на 7 стр. цитированнаго трактата: „Послѣ этихъ замѣчаній, читатель не удивится, если въ языкахъ, которые мы теперь сравниваемъ, встрѣтитъ и другіе глаголы, которые образованы также, какъ potest, или, если онъ откроетъ, что нѣкоторыя времена содержатъ verbum substantivum, въ то время какъ другія отбросили его, или, быть можетъ, никогда и не имѣли. Напротивъ, онъ скорѣе почувствуетъ себя склоннымъ спросить, почему не всѣ времена всѣхъ глаголовъ имѣютъ это сложное строеніе? И отсутствіе verbum substantivum онъ, можетъ быть, будетъ разсматривать, какъ видъ эллипсы“ (ibid. стр. 63). Кто хорошенько обдумаетъ эту странную тираду, гдѣ ловкимъ оборотомъ подсовывается читателю рѣшеніе труднаго вопроса, котораго послѣдній естественно долженъ былъ-бы ожидать отъ автора, тотъ, конечно, согласится съ моимъ мнѣніемъ, что главнымъ образомъ неправильный взглядъ Боппа на три части рѣчи привелъ его къ тому, чтобы искать verbum substantivum въ S, случайно попадающемся въ индогерманскихъ формахъ.

Итакъ, первоначальное воззрѣніе Боппа на флексію, по-скольку оно высказалось въ „Системѣ спряженія“, мы можемъ охарактеризовать, какъ комбинацію замѣчанія Шлегеля съ традиціонной теоріей трехъ частей рѣчи.

Очень важный шагъ впередъ, сравнительно съ данной гипотезой, изложенной въ „Системѣ спряженія“ (1816), представляетъ упомянутая уже англійская переработка этого сочиненія, которую я буду цитировать подъ названіемъ „Аналитическаго сравненія“. Этотъ шагъ впередъ въ короткихъ словахъ можетъ быть резюмированъ такимъ образомъ, что принципъ сложенія, который до сихъ поръ имѣлъ значеніе только при корнѣ *as*, теперь признается вообще господствующимъ. Какимъ образомъ Боппъ пришелъ къ этому преобразованію своего мнѣнія, лучше всего можно прослѣдить по его выясненію понятія о корнѣ и его гипотезѣ о происхожденіи личныхъ окончаній глагола.

Что касается прежде всего понятія о корнѣ, то Боппъ могъ заимствовать высказанную въ этомъ сочиненіи и позднѣе всегда поддерживавшуюся имъ идею, что всѣ слова восходятъ къ односложнымъ элементамъ, изъ грамматической традиціи, имѣвшей силу въ его время. Въ самомъ дѣлѣ уже Аделунгъ училъ, что всѣ слова въ нѣмецкомъ языкѣ возникли изъ односложныхъ первичныхъ составныхъ частей, которыя носятъ названіе корня (ср. Adelung, „Ueber den Ursprung der Sprache und den Bau der Wörter,

besonders des Deutschen", Leipzig. 1781, стр. 16 и сл.)[1]). Подтвержденіе этого взгляда Боппъ нашелъ также при провѣркѣ перечней санскритскихъ корней, которые ему были извѣстны въ изданіи Карея и Уилькинса (ср. A. W. Schlegel, „Indische Bibliothek", I, 316 и 223). Онъ формулировалъ свой взглядъ на этотъ предметъ въ „Аналитическомъ сравненіи" слѣдующимъ образомъ: „Характеръ санскритскихъ корней нельзя опредѣлять по числу буквъ, но только по числу слоговъ, которыхъ они содержатъ лишь по одному; они всѣ односложны, за исключеніемъ немногихъ, относительно которыхъ можно основательно предполагать, что они непервичнаго происхожденія" (ср. также A. W. v. Schlegel, цитир. соч. 336). Что̀ имѣло силу для санскритскихъ корней, то Боппъ допустилъ и для корней родственныхъ языковъ, провозгласивъ тезисъ: „корни въ санскритѣ и родственныхъ ему языкахъ односложны".

Рядомъ съ такимъ пониманіемъ корня, понятіе Шлегеля о флексіи, конечно, должно было показаться очень сомнительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, до какого предѣла, наконецъ, возможно для односложнаго корня (въ особенности, если, какъ доказываетъ очевидность, согласные остаются неизмѣненными) внутреннее преобразованіе и видоизмѣненіе? Представленіе объ односложности корня необходимо должно было подкрѣпить идею сложенія во флексіи, и поэтому не надо удивляться, что полемика Боппа противъ Шлегеля исходила именно изъ этого пункта. Выраженіе этой полемики мы находимъ въ слѣдующемъ сужденіи. „Если мы, говоритъ Боппъ— ibid. 59—можемъ извлечь какое-нибудь заключеніе изъ того факта, что корни односложны въ санскритѣ и родственныхъ съ нимъ языкахъ, то, конечно, то̀, что эти языки не особенно легко могутъ выражать грамматическія модификаціи посредствомъ измѣненія ихъ первоначальнаго матерьяла безъ помощи посторонних прибавокъ. Мы должны-бы ожидать, что въ этомъ семействѣ языковъ принципъ сложенія распространится на первыя основы языка, каковы: лица, времена глагола и падежи именъ и т. д. Что это дѣйствительно такъ, я надѣюсь доказать въ этомъ сочиненіи, въ противоположность мнѣнію знаменитаго нѣмецкаго писателя, пола-

[1]) Не лишено интереса сравнить, что проповѣдуетъ о нахожденіи корней предшественникъ Аделунга, Фульда («Sammlung und Abstammung germanischer Wurzelwörter», Halle 1776): «Отнимите у отдѣльнаго слова его грамматическія функціи, префиксы и суффиксы глагольные, именные, родовые, числа, падежа, лица, времени. Если спереди и сзади стоятъ рядомъ по два гласныхъ, отбросьте самый передній и самый задній: корень, ничего не теряя въ своемъ главномъ значеніи, явится въ видѣ отдѣльнаго слога» (ibid., стр. 59).

гающаго, что грамматическія формы санскрита и родственныхъ съ нимъ языковъ состоятъ лишь въ измѣненіяхъ и внутреннихъ преобразованіяхъ словъ".

Еще важнѣе второй пунктъ, именно выставленная въ „Аналитическомъ сравненіи" гипотеза о происхожденіи личныхъ суффиксовъ изъ личныхъ мѣстоименій. Мѣсто, въ которомъ эта гипотеза была впервые высказана, такъ интересно, что я приведу его цѣликомъ. Оно гласитъ: „Фр. Шлегель считаетъ возможнымъ выводить обозначеніе лицъ глагола въ санскритѣ и языкахъ того-же происхожденія изъ измѣненія корня, но Шейдій (Scheidius) очень удовлетворительно, по крайней мѣрѣ относительно множественнаго числа, показываетъ, что даже греческіе глаголы для обозначенія различныхъ лицъ употребляютъ мѣстоименія, сложенныя съ корнемъ. Что касается единственнаго числа, то онъ достигъ-бы гораздо лучшаго результата, если-бы не ограничился искаженной формой на ω, третье лицо которой оканчивается въ настоящемъ на ει,—формой, гдѣ я не могу найти приставки мѣстоименія;—но обратилъ-бы свое вниманіе на форму на μι, третье лицо которой оканчивается въ дорическомъ діалектѣ на τι. Шейдій дѣлаетъ еще другую ошибку, именно ту, что, говоря о мѣстоименіяхъ, онъ продолжаетъ основываться на именительномъ падежѣ, тогда какъ первоначальная форма именъ лучше можетъ быть получена изъ косвенныхъ падежей. Такимъ путемъ легко открыть что το есть коренная форма греческаго члена, который первоначально есть не что иное, какъ мѣстоименіе третьяго лица, и, какъ таковое, употребляется у Гомера. Это το, лишенное конечно гласнаго, дѣлается главной составной частью глаголовъ въ ихъ третьемъ лицѣ единственнаго, двойственнаго и множественнаго чиселъ, какъ δίδοτι (такъ) δίδοτον δίδοντι. Я не сомнѣваюсь въ возможности доказать, по крайней мѣрѣ съ такой-же вѣроятностью, какъ и для арабскихъ глаголовъ, что и санскритскіе глаголы образуютъ свои лица посредствомъ сложенія корня съ мѣстоименіемъ. Объ этомъ предметѣ я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній въ надлежащемъ мѣстѣ" (цит. соч., стр. 60). Но въ дальнѣйшемъ теченіи этихъ разсужденій, Боппу не представилось больше случая изложить эти имѣвшіяся у него въ виду замѣчанія; онъ только говоритъ еще слѣдующее: „Въ настоящемъ времени мѣстоименныя согласныя M, S и T единственнаго и третьяго лица множественнаго числа произносятся съ короткимъ *i*" (стр. 64), изъ чего слѣдуетъ, что утверждавшееся имъ впослѣдствіи происхожденіе *mi* изъ *ma* и т. д. въ то время не было еще для него яснымъ.

Въ этомъ разсужденіи прежде всего заслуживаетъ нашего

вниманія ссылка на Шейдія, который уже „очень удовлетворительно“ установилъ принципъ сложенія. Здѣсь имѣется въ виду обширное изслѣдованіе въ „L. C. Valckenarii observationes acad. et Jo. Dan. a Lennep praelectiones academicae rec. Everardus Scheidius (Trajecti ad Rhenum 1790)“ стр. 275 и слл. Предоставляя самому читателю насладиться этимологическими фокусами въ подробностяхъ, я приведу только тѣ слова Шейдія, которыя интересны съ принципіальной стороны: „Memini equidem, quum ante hos octodecim, et quod excurrit, annos, contubernio fruerer viri summi, quem honoris causa nomino, Joannis Jacobi Schultensii, inter familiares sermones, quibus de linguarum indole agebatur, narrare Schultensium, virum suavissimum et harum rerum elegantissimum arbitrum, Lennepio placuisse, ut, quemadmodum in verbis orientalium, 'adformantes, quae dicuntur, temporis praeteriti proprie essent syllabae literaeve, a pronominibus antiquis quasi resectae; ita et in Graecorum verborum temporibus personisque eadem fuisset sermonis ratio“. [1]).

Изъ этого мѣста мы видимъ, что Боппов ское пониманіе личныхъ окончаній въ концѣ концовъ было навѣяно семитической грамматикой.

Если принципъ сложенія рекомендуется такимъ образомъ, то нисколько не удивительно, что онъ получаетъ значеніе и въ другихъ формахъ, кромѣ временъ, сложенныхъ съ *as*, и личныхъ окончаній, а именно, въ желательномъ наклоненіи, котораго *ī* впервые въ „Аналитическомъ сравненіи“ на стр. 71 толкуется, какъ глаголъ „желать“, „домогаться“. Изъ дѣйствительныхъ измѣненій въ Шлегелевскомъ смыслѣ Боппъ признаетъ въ „Аналит. сравненіи“ только еще нѣкоторыя измѣненія гласныхъ, напр. *ai* средняго залога, которое онъ еще не объяснялъ, какъ впослѣдствіи, изъ сложенія, и редупликацію (цит. соч. стр. 60).

Къ этимъ двумъ формулировкамъ воззрѣнія Боппа, какъ онѣ представлены въ „Системѣ спряженія“ и „Аналитическомъ сравненіи“, присоединилась, наконецъ, третья и окончательная редак-

---

[1]) «Я лично помню, какъ 18 или болѣе лѣтъ тому назадъ, я былъ близко знакомъ съ великимъ мужемъ Іоганномъ Якобомъ Шульце, имя котораго упоминаю съ почтеніемъ. Въ дружескихъ бесѣдахъ, въ которыхъ рѣчь шла о природѣ языковъ, Шульце, пріятнѣйшій человѣкъ и тонкій знатокъ предмета, разсказывалъ, что, по мнѣнію Леннепа, такъ называемые образовательные суффиксы прошедшаго времени, подобно тому, какъ въ глаголахъ восточныхъ языковъ, въ сущности представляютъ собой слоги или буквы, какъ-бы отрѣзанные отъ древнихъ мѣстоименій; тотъ же внутренній принципъ рѣчи былъ по его мнѣнію и въ временахъ и лицахъ греческаго глагола».

Перев. ред.

ція, которая впервые была изложена въ рядѣ академическихъ разсужденій, и, наконецъ, въ „Сравнительной грамматикѣ“ и которая отличается отъ второй редакціи, главнымъ образомъ, лишь тѣмъ, что принципъ сложенія пріобрѣтаетъ въ ней все болѣе и болѣе исключительную силу и послѣдовательно проводится и въ тѣхъ отдѣлахъ грамматики, которые еще не трактовались въ „Системѣ спряженія“ и „Аналитическомъ сравненіи“.

Теперь уже это воззрѣніе понятно безъ дальнѣйшей подготовки и гласитъ въ краткомъ извлеченіи такъ:

Слова индогерманскихъ языковъ должны быть выводимы изъ корней, которые всегда односложны. Есть два класса корней, именно глагольные, отъ которыхъ происходятъ глаголы и имена, и мѣстоименные, отъ которыхъ происходятъ мѣстоименія, первоначальные предлоги, союзы и частицы (ср., кромѣ Сравн. Грамм. § 107, также Труды [Abhandl.] Берл. Акад. 1841, стр. 13 и сл.).

Падежныя окончанія, по своему происхожденію, представляютъ, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ [1]) мѣстоименія. Такъ *s* им. п. происходитъ отъ мѣстоименія *sa*, *m* винит. п. напоминаетъ индійскую мѣстоименную основу *i-ma*, конечное *t* отложительнаго падежа (аблатива) происходитъ отъ той же мѣстоим. основы *ta*, которой обязано своимъ происхожденіемъ окончаніе средн. рода *d* въ *id* и т. д. (ср., между прочимъ, Abhandl. Берл. Акад. 1826, стр. 98).

Личныя окончанія глагола происходятъ отъ мѣстоименій перваго, второго и третьяго лица: *mi* есть ослабленіе слога *ma*, „который въ санскритѣ и зендѣ лежитъ въ качествѣ темы въ основаніи косвенныхъ падежей простого мѣстоименія“. Изъ *mi* затѣмъ возникло *m*. Въ окончаніи множественнаго числа *mas* скрывается или именная примѣта множественнаго числа *as*, или мѣстоименный элементъ *sma*. Примѣта *v* двойственнаго числа есть только выродившееся *m* множественнаго числа. Окончанія второго лица подобнымъ же образомъ восходятъ къ *tva*, окончанія третьяго лица— къ *ta* (*nti* см. ниже, стр. 14). Не вполнѣ увѣренно разсуждаетъ Боппъ объ окончаніяхъ средняго залога. Впрочемъ, онъ считаетъ вѣроятнымъ, что они основаны на удвоеніи соотвѣтствующаго окончанія дѣйствительнаго залога.

Что касается до примѣтъ основы настоящаго времени, какъ νυ въ ζεύγνυμι, то всего вѣроятнѣе, что большая часть изъ нихъ суть мѣстоименія.

---

[1]) «Въ большинствѣ случаевъ», потому что нѣкоторыя окончанія (*os* и *sam*) не разсматриваются, какъ истолкованныя, и при случаѣ (см. ниже стр. 14) дѣлается даже попытка символическаго объясненія.

Аугментъ (приращеніе), о которомъ заходитъ рѣчь по поводу имперфекта, Боппъ считаетъ въ Ср. Гр. § 537 и также уже въ „Аналитич. Сравненіи“ стр. 74, тождественнымъ съ *a* privativum, и разсматриваетъ его, такимъ образомъ, какъ выраженіе отрицанія понятія настоящаго времени. Но онъ считаетъ также возможнымъ ставить его въ непосредственную связь съ системой мѣстоименія *a* „тотъ“, съ которымъ де, впрочемъ, съ своей стороны также родственна отрицательная частица *a*.

Въ сигматическомъ аористѣ *s* принадлежитъ къ verbum substantivum, и сложеніе здѣсь можно именно понимать такъ, что имперфектъ отъ *as* (но безъ аугмента) образуетъ его окончаніе. „Я признаю—говорится въ § 542—въ этомъ *s* verbum substantivum, съ имперфектомъ котораго первое образованіе (аориста) совершенно согласно, и только потерялось *ā* отъ *ā́sam*“ и т. д. Суффиксъ *sja* сигматическаго будущаго какъ *dāsyáti* „Боппъ считаетъ за исчезнувшее въ самостоятельномъ употребленіи будущее отъ *as*. Впрочемъ, по его мнѣнію вѣроятно, что нѣкогда всѣ глаголы образовывали будущее посредствомъ *ja*. Самое же *ja* происходитъ де, такъ же, какъ и примѣта желательнаго наклоненія, отъ корня *ī* „желать“.

Въ *aja* винословныхъ глаголовъ (Causativa) скрывается глаголъ *i* „идти“ (какъ *jā* „итти“ въ *ya* санскритскаго страдательнаго залога), а въ *s* дезидеративныхъ глаголовъ—verbum substantivum.

Такое же сложеніе имѣется въ нѣкоторыхъ образованіяхъ отдѣльныхъ языковъ, напр. *ama-vī*, гдѣ можно узнать корень *bhū*, *ama-rem*, гдѣ скрывается корень *as* и т. д. [1]) (ср. Vergl. Gr., § 521).

Наконецъ, тематическіе суффиксы отчасти имѣютъ мѣстоименное происхожденіе, отчасти—глагольное (напр. *dātar* „даватель“ означаетъ собственно „тотъ, который проходитъ актъ даванія“ отъ *dā* давать и *tar* проходить).

Рядомъ съ этимъ объясненіемъ помощью сложенія, употребляется при случаѣ другое, символическое. Такъ, о двойственномъ числѣ говорится: „Такъ какъ въ основаніи двойственнаго числа лежитъ болѣе ясное воззрѣніе, чѣмъ воззрѣніе неопредѣленнаго множества, то для болѣе сильнаго впечатлѣнія и болѣе живого олицетворенія (Personificirung) оно любитъ употреблять

---

[1]) Напротивъ, Боппъ не допускаетъ, чтобы въ отдѣльномъ языкѣ могли возникать новыя коренныя слова (ср. „Предисловіе“ къ третьему отдѣлу. Сравн. Грамм. Изд. 1, стр. XIV).

мыя долгія окончанія" (Ср. Гр. § 206). То же говорится и о женскомъ родѣ, „который въ санскритѣ, какъ въ основѣ, такъ и въ падежныхъ окончаніяхъ, любитъ пышное богатство формы". (§ 113). Символическое значеніе имѣетъ также *n* въ третьемъ лицѣ множеств. ч.-*nti*, которое будто бы произошло изъ *ti* посредствомъ вставки носового звука. Эта вставка совсѣмъ не представляетъ какой нибудь чуждой примѣси, и ближе всего подходитъ къ простому удлиненію уже существовавшаго гласнаго (§ 236, ср. также § 226).

Если сравнить теперь эту послѣднюю окончательную формулировку взглядовъ Боппа съ предшествовавшей ей, то окажется, что, за исключеніемъ небольшаго остатка, вліяніе Шлегеля у него исчезло. Именно дифтонгъ *ai* окончаній средняго залога, въ которомъ Боппъ прежде видѣлъ еще внутреннее преобразованіе корня, объясняется имъ уже охотнѣе какъ результатъ „сложенія", и такимъ образомъ только редупликація еще остается у него чѣмъ-то въ родѣ „внутренняго видоизмѣненія" корня. Да и относительно послѣдней, которая первично можетъ быть и возникла изъ еще разъ присоединеннаго корня, можно сказать только очень условно, что она представляетъ „внутреннее" его измѣненіе.

Естественно поэтому, что Боппъ, въ рѣзкой, по существу, полемикѣ формально отрекается въ „Сравнительной грамматикѣ" отъ Фр. Шлегеля. Относящееся сюда мѣсто гласитъ: „Подъ флексіей Фридрихъ фонъ-Шлегель понимаетъ внутреннее измѣненіе коренного звука, или внутреннюю модификацію корня, противопоставляемыя имъ присоединенію снаружи. (Anfügung von aussen). Но, если греческіе δίδωμι δώσω δωθησόμεθα происходятъ отъ δο или δω, то чѣмъ другимъ могутъ быть формы μι, σω, θησόμεθα, какъ не очевидными внѣшними приставками къ корню, внутри совсѣмъ неизмѣненному, или измѣненному только въ количествѣ гласнаго? Если, такимъ образомъ, подъ флексіей должно понимать внутреннюю модификацію корня, то въ санскритскомъ, греческомъ и др. языкахъ едва-ли можно указать какую-нибудь флексію, за исключеніемъ редупликаціи, которая сама почерпается изъ матерьяла корня. Но если θησόμεθα есть внутренняя модификація корня δο лишь потому, что оно связано съ нимъ, граничитъ съ нимъ, составляетъ съ нимъ одно цѣлое, то съ одинаковымъ правомъ можно было бы также и сущность моря и суши представить, какъ внутреннюю модификацію моря или наоборотъ".

Если оставить въ сторонѣ незначительную примѣсь символизма,

то теорію Боппа, изложенную въ этомъ отрывкѣ, можно охарактеризовать какъ теорію сложенія или агглютинаціи [1]).

Подробную критику теоріи агглютинаціи мы попытаемся сдѣлать въ 5-й главѣ. Напротивъ, здѣсь я хочу еще разъ обратить вниманіе читателя на то, что теоріи Боппа не представляются само собой естественными результатами сравненія, какъ обыкновенно полагали, но что онѣ выросли изъ различныхъ и независимыхъ другъ отъ друга воззрѣній и наблюденій. При этомъ къ побужденіямъ, вытекавшимъ изъ подробностей самого изслѣдованія, у Боппа присоединились и остатки прежней традиціонной учености, такъ, напримѣръ, предразсудокъ о тройственности частей рѣчи, который, повидимому, далъ первый толчокъ къ тому, чтобы находить въ различныхъ *s* глагольныхъ формъ verbum substantivum, далѣе — унаслѣдованное изъ прошлаго воззрѣніе, что корни должны представляться односложными, и, наконецъ, перенесенное изъ семитической грамматики преданіе, что въ личныхъ суффиксахъ глагола надо признать приставленныя къ нему мѣстоименія.

II. Пріемы Боппа при сравненіи данныхъ языковъ.

Давши въ первомъ отдѣлѣ отчетъ о Бопповской теоріи флексіи, я долженъ теперь сказать о его способѣ сравненія данныхъ отдѣльныхъ языковъ. Само собою разумѣется, я не намѣренъ отмѣчать результаты, добытые Боппомъ при сравненіи индогерманскихъ языковъ, но только попытаюсь описать методъ, которому онъ слѣдуетъ.

Но, ни въ этомъ, ни еще въ другомъ отношеніи не слѣдуетъ ожидать отъ Боппа полнаго, охватывающаго всѣ частные случаи и систематическаго отвѣта. Изложеніе Боппа представляетъ полную противоположность изложенію Гумбольдта. Тогда какъ Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ только и занятъ, что выясненіемъ общаго, и вездѣ стремится подчинить подробности идеямъ, Боппъ, напротивъ, главнымъ образомъ вращается среди данныхъ въ языкѣ отдѣльныхъ фактовъ и лишь очень рѣдко вставляетъ общія разсужденія, которыя можно было бы назвать философскими. Какъ невозможно извлечь граматтическія парадигмы (образцы склон. и спряженій) изъ Гумбольдтовскаго „Введенія въ языкъ Кави“ [2]), также мало возможно изъ „Сравнительной грамматики“

[1]) Такъ назвалъ ее впервые Лассенъ съ цѣлью осудить ее этимъ (ср. Поттъ, Etym. Forsch. (erste Aufl.), 1,179).

[2]) Знаменитый трудъ нѣмецкаго ученаго „Ueber die Kawi-Sprache auf der Insel Jawa, nebst Einleitung über die Verschiedenheit der menschlichen Sprach-

Боппа извлечь теорію или систематику языкознанія. Въ подобныхъ условіяхъ къ изслѣдованію теоретическихъ воззрѣній Боппа на силы, дѣйствующія въ языкѣ, должно приступать съ осторожностью, именно: не слѣдуетъ съ нетерпимостью систематика требовать точнаго опредѣленія объема и содержанія понятій, обозначаемыхъ у Боппа извѣстными терминами, которые онъ употребляетъ довольно непринужденно. Поэтому, думается мнѣ, я поступлю правильнѣе всего, если поставлю вопросъ такъ: „каковы тѣ общіе представленія и взгляды, исходя изъ которыхъ Боппъ обыкновенно судилъ о явленіяхъ языка?“ и отвѣчу на него слѣдующимъ образомъ: Его общія научныя воззрѣнія носили естественно-научный оттѣнокъ, но все же старинный филологическій основной фонъ подъ нимъ еще не стерся. Склонность къ естественно-научнымъ способамъ выраженія обнаруживается сейчасъ же, какъ только онъ пытается опредѣлить отличительныя особенности своего лингвистическаго метода, въ сравненіи съ прежнимъ. Онъ ставитъ цѣлью — дать сравнительное „расчлененіе“ языковъ, систематическое сравненіе языковъ для него — „анатомія языка“, или (пуская въ ходъ другой образъ) „физика“ или „физіологія“ языка. Очень опредѣленно выступаетъ естественнонаучная окраска уже въ первой фразѣ предисловія къ „Сравнительной грамматикѣ“: „Я намѣреваюсь дать въ этой книгѣ сравнительное, обнимающее всѣ родственные случаи описаніе организма поименованныхъ въ заглавіи языковъ, дать изслѣдованіе ихъ физическихъ и механическихъ законовъ и происхожденія формъ, выражающихъ грамматическія отношенія“. На вопросъ о томъ, что понимать въ этой тирадѣ подъ физическими и механическими законами, далъ отвѣтъ самъ авторъ, какъ сообщаетъ Бреаль во французскомъ переводѣ „Сравнительной грамматики“ Боппа. Согласно съ нимъ, подъ физическими законами слѣдуетъ разумѣть то, что мы теперь называемъ звуковыми законами (Lautgesetze), а подъ механическими то, что ему, казалось, удалось открыть относительно взаимнаго количественнаго отношенія (Gewichtsverhältniss) гласныхъ и слоговъ, о чемъ рѣчь будетъ

baues, und ihren Einfluss auf die geistige Entwickelung des Menschengeschlechts». Три тома, Берлинъ 1836—40. Русскій переводъ введенія къ этому труду, сдѣланный академикомъ П. С. Билярскимъ, былъ напечатанъ въ «Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1858 и 1859 г. и отдѣльно п. з.: «О различіи организмовъ человѣческаго языка и о вліяніи этого различія на умственное развитіе человѣческаго рода». Посмертное сочиненіе Вильгельма фонъ Гумбольдта. Введеніе во всеобщее языкознаніе. Переводъ П. Билярскаго. Учебное пособіе по теоріи языка и словесности въ Военно-Учебныхъ заведеніяхъ». Спб. 1859. Тип. имп. акад. наукъ. 8° VI + 366 стр. *Прим. ред.*

ниже. Что слѣдуетъ понимать подъ словами „организмъ“ и „органическій“, показываютъ нѣкоторыя мѣста „Сравнительной грамматики“. „Флексіи, такъ гласитъ предисловіе къ второму выпуску „Сравн. гр.“ (изд. I. стр. VII) образуютъ истинный организмъ языка“, и, въ противоположность этому, онъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ о „языкахъ съ односложными корнями, безъ способности къ сложенію и, потому, безъ организма, безъ грамматики“ (§ 108). Итакъ, организмъ—это не что иное, какъ основанный на агглютинаціи грамматическій „строй“ языка („Einrichtung“: предисловіе къ первому тому Сравн. гр., стр. IV), и „органическое“—это все то, что соотвѣтствуетъ этому строю, „неорганическое“ же—то, что ему не отвѣчаетъ. Поэтому, вмѣсто „органическій“, можно также сказать „исконный, первичный“ („ursprünglich“), вмѣсто „неорганическій“—„вторичный“ („unursprünglich“). Такъ напр, о ν въ окончаніи μην говорится, что оно „органично, т. е. является не позднѣйшимъ, ничего не значущимъ придаткомъ, но необходимымъ и преднамѣреннымъ элементомъ, наслѣдіемъ первичнаго періода въ исторіи нашей семьи языковъ“; напротивъ μι въ τύπτοιμι оказывается неорганическимъ, потому что желательное накл. во всѣхъ языкахъ, гдѣ оно сохранилось въ видѣ самостоятельной формы, имѣетъ краткія окончанія даже въ первомъ лицѣ, за исключеніемъ одного греческаго. Неорганическимъ является такимъ образомъ все то, что не можетъ быть выведено изъ кореннаго строя индогерманскихъ языковъ (какимъ его себѣ представляетъ нашъ авторъ).

Не трудно видѣть, что опредѣленія „механическій“, „физическій“, „органическій“ употреблены здѣсь не въ ихъ строгомъ естественно-научномъ значеніи; но все же изъ ихъ употребленія у Боппа можно заключить, что онъ представляетъ себѣ языкъ, какъ своего рода „тѣло природы“ (Naturkörper). Это самое слово онъ даже прямо употребляетъ (Vocalismus, стр. 1): „Языки должны быть разсматриваемы, какъ органическія тѣла природы (organische Naturkörper), которыя образуются по опредѣленнымъ законамъ, развиваются въ силу заключающагося въ нихъ внутренняго жизненнаго принципа и затѣмъ мало по малу мертвѣютъ (absterben), причемъ, переставъ понимать самихъ себя, отбрасываютъ свои члены или формы, первоначально имѣвшія значеніе, но затѣмъ постепенно превратившіяся скорѣе во внѣшнюю массу, или искажаютъ ихъ, или злоупотребляютъ ими, т. е. примѣняютъ въ цѣляхъ, къ которымъ они не были предназначены по своему происхожденію“.

Эта тирада важна для насъ въ двухъ отношеніяхъ. Прежде

всего я желалъ-бы обратить вниманіе читателя на то замѣчаніе, что языкъ съ теченіемъ времени перестаетъ понимать себя. Этимъ самымъ языку приписывается духовная дѣятельность, и о немъ говорится, какъ о мыслящемъ, существѣ. Этотъ способъ выражаться у Боппа не рѣдокъ. Въ другихъ мѣстахъ онъ говоритъ о духѣ или „геніи“ языка и находитъ въ его способѣ дѣйствій извѣстныя тенденціи и намѣренія. Иногда не только языкъ въ своемъ цѣломъ, но и отдѣльныя формы разсматриваются, какъ мыслящія существа. Такъ въ Сравн. гр. (изд. I, стр 516) говорится, что славянская основа *sjo* „не сознаетъ болѣе своей сложности, унаслѣдованной ею изъ періода праязыка“. Эти обороты суть образы и даже очень естественные, и Боппъ, вѣроятно, согласился-бы (если-бы на это было обращено его вниманіе), что въ дѣйствительности эта душевная дѣятельность происходитъ не въ языкѣ, а въ душѣ отдѣльнаго говорящаго человѣка; но тутъ важно обратить вниманіе на зачатки того общаго воззрѣнія, которое у Шлейхера дошло до сознательнаго гипостазированія [1]) понятія „языкъ“. Далѣе въ вышеприведенной фразѣ заслуживаетъ вниманія выраженіе „мертвѣютъ“. По взгляду Боппа, всѣ внѣшнія измѣненія, наблюдаемыя нами въ индогерманскихъ языкахъ, свидѣтельствуютъ не о развитіи языка, а о его болѣзни, искаженіи, паденіи. Мы знакомимся съ языками не въ ихъ прогрессирующемъ развитіи, но въ состояніи, въ которомъ они уже совершенно оставили за собою предопредѣленную имъ цѣль. Мы застаемъ ихъ именно въ такомъ положеніи, „когда они синтактически, правда, еще могутъ совершенствоваться, но въ грамматическомъ отношеніи уже потеряли больше или меньше изъ того, что дѣлало законченнымъ, совершеннымъ ихъ строй, въ которомъ отдѣльныя ихъ части („Glieder“) находились въ точномъ соотношеніи другъ съ другомъ, и все производное еще было связано со своимъ источникомъ видимою ясною связью (Vocalismus, стр. 2)“. Пока значеніе сложнаго состава (Zusammensetzung) еще чувствуется въ грамматической формѣ, она еще оказываетъ сопротивленіе измѣненію. Но чѣмъ болѣе языки удаляются отъ своего первоначальнаго источника, тѣмъ сильнѣе даетъ себя чувствовать стремленіе къ благозвучію. („Abhandlungen“ Берлинской Акад. 1824, стр. 119). Этотъ взглядъ также нашелъ болѣе усиленное и систематичное выраженіе у Шлейхера.

---

[1]) „Гипостазировать“ понятіе—значитъ приписывать ему бытіе самостоятельное, помимо существованія его въ представленіи.

Прим. перев.

Послѣ этихъ замѣчаній относительно основныхъ воззрѣній Боппа, я перехожу къ болѣе подробному описанію того, какъ онъ представлялъ себѣ измѣненія въ языкѣ, а для порядка изложенія воспользуюсь установленными самимъ Боппомъ категоріями: механическіе и физическіе законы.

То, что Боппъ называетъ механическими законами, обнаруживаетъ свое дѣйствіе прежде всего въ измѣненіяхъ, которыя вызываются въ основѣ слова „вѣсомъ" (das Gewicht) личныхъ окончаній. За сильной („schwer") формой корня слѣдуетъ слабое („leicht") окончаніе, напр. *é-mi* „я иду" отъ *i* „идти" [1]), и наоборотъ передъ сильнымъ окончаніемъ терпима лишь слабая форма корня, напр. *imás* „мы идемъ". На томъ-же законѣ основано нѣмецкое чередованіе гласныхъ („Ablaut"), которое сохранилось вплоть до настоящаго времени, напримѣръ, въ формахъ ich *weiss*, wir *wissen*. Такимъ образомъ Боппъ, судя по этому, очевидно принимаетъ, что формы, составляющія въ своей совокупности звенья одной парадигмы, по возможности должны быть приблизительно равнаго вѣса, и вслѣдствіе этого корень будетъ имѣть слабую форму тамъ, гдѣ окончаніе сильно, и наоборотъ. Въ настоящее время мы исходимъ (оставаясь при вышеприведенномъ примѣрѣ) изъ сильной формы корня *ei*, какъ первоначальной, и принимаемъ, что *ei* подъ вліяніемъ слѣдующаго за нимъ высокаго (и сильнаго) слогового звука превратилось въ *i*.

Кромѣ вліянія вѣса личныхъ окончаній, Боппъ замѣчаетъ еще другое дѣйствіе закона „тяготѣнія" (Gravitätsgesegetz), которое можно пояснить наглядно на слѣдующихъ примѣрахъ. Коренные слоги имѣютъ своей задачей поддерживать словообразовательные или суффиксальные слоги, и можетъ случиться, что коренной слогъ для того не достаточно силенъ. Такой случай имѣется въ санскритскомъ повелит. накл. *çinu* (чит. чину) „собирай" отъ *çi*, при чемъ замѣчается, что признакъ *nu* лишь въ томъ случаѣ можетъ поддерживать окончаніе *hi*, если гласный *u* находитъ опору въ двухъ предыдущихъ согласныхъ, какъ это имѣется напр. въ *âpnuhi*. „Тамъ же, гдѣ согласному *n* предшествуетъ только одинъ простой согласный, тамъ оно уже потеряло способность поддерживать окончаніе [2]) *hi*, откуда *çinu* собирай, отъ *çi*" (§ 451). По-

[1]) Боппъ считаетъ за основную форму корня его „слабый" видъ (въ данномъ случаѣ *i*), рядомъ съ которомъ находится сильная или полная форма *ei* (санскр. é-, греч. ει- въ εἶ-μι «иду»), считаемая современной сравнит. грамматикой за основную. *Прим. ред.*

[2]) Окончаніе 2 л. повелит. наклоненія, соотвѣтствующее греческому—θι: κλῦθι | санскр. çṛṇuhi и çrudhi. *Прим. ред.*

добнымъ же образомъ объясняетъ себѣ Боппъ то обстоятельство, что окончанія прошедшаго совершеннаго (перфекта), сравнительно съ окончаніями настоящ. времени, являются сильно искаженными. Такъ какъ въ прошедшемъ совершенномъ корень долженъ поддерживать также и слогъ, образуемый удвоеніемъ, то ему приходится какъ бы справляться съ грузомъ уже не съ одной, а съ обѣихъ сторонъ, и онъ болѣе не въ состояніи поддерживать тяжелое [1]) окончаніе. Ясно, что этотъ второй законъ тяготѣнія, дѣйствіе котораго Боппъ видитъ еще въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, находится въ прямой противоположности съ первымъ закономъ, и въ настоящее время вѣроятно всѣ согласятся, что мысль, высказанная въ этомъ законѣ, страдаетъ [неумѣстной] образностью и неясностью.

От механическихъ законовъ, которые мы (какъ уже замѣчено) теперь не можемъ болѣе представлять себѣ и признавать въ томъ видѣ, какъ это дѣлалъ Боппъ, я перехожу къ *физическимъ законамъ*, которые мы нынѣ называемъ обыкновенно звуковыми законами (Lautgesetze). Чтобы оцѣнить по достоинству основную точку зрѣнія Боппа на этотъ предметъ, важно уяснить себѣ, какимъ путемъ вообще можно было бы притти къ установленію опредѣленныхъ звуковыхъ законовъ. Всякій, кто только сравнивалъ санскритъ съ другимъ индогерманскимъ языкомъ, хотя бы съ греческимъ, долженъ былъ вынести впечатлѣніе, что въ обоихъ языкахъ существуютъ слова и образованія, сполна покрывающія другъ друга. Никакъ нельзя было проглядѣть, что напр. санскр. *mātár* и греч. μήτηρ, санскр. *dáma* и греч. δόμος, санскр. *pitár* и греч. πατήρ—одни и тѣ-же слова, и что флективныя окончанія глагола въ существенныхъ чертахъ совпадаютъ въ обоихъ языкахъ. Убѣжденіе въ этомъ совпаденіи основывалось на непосредственной очевидности и не нуждалось въ дальнѣйшихъ доказательствахъ. Изъ сравненія можно было вывести правило, что извѣстнымъ звукамъ санскрита отвѣчаютъ извѣстные звуки греческаго языка: санскритскому *m*—греч. μ, санскр. *t*—греч. τ. и т. д. Въ то же время, даже при сопоставленіи совсѣмъ небольшого числа словъ, оказалось, что не всегда извѣстный звукъ санскрита отвѣчаетъ одному и тому же звуку греческаго языка. Такъ напр. въ *dáma*—δόμος, *dádāmi*—δίδωμι индійскому *d* соотвѣтствуетъ греческое δ, межъ тѣмъ какъ въ такой парѣ, какъ *duhitár*—θυγάτηρ, разъединить которую не представлялось возможнымъ, тому же индійскому *d* отвѣчало греческое θ. На основаніи такихъ наблюденій поневолѣ

[1]) Или сильное. *Прим. ред.*

должны были притти къ убѣжденію, что всякое правило допускаетъ исключенія и, слѣдовательно, выразиться такимъ образомъ: обыкновенно индійскому *d* отвѣчаетъ греческое δ, но иногда также и греческое θ. А къ подобному правилу мыслимо двоякое отношеніе. Либо можно, исходя изъ теоретическаго убѣжденія, что законъ не терпитъ исключеній, чувствовать себя вынужденнымъ искать причинъ, порождающихъ такъ называемыя исключенія, либо можно успокоиться на формулировкѣ правила съ помощью словечекъ „обыкновенно“ и „иногда“. Послѣдняя точка зрѣнія и есть, вообще говоря, Бопповская. „Не слѣдуетъ искать—таково было его мнѣніе—въ языкахъ законовъ, которые могли бы оказать болѣе стойкое сопротивленіе, чѣмъ берега рѣкъ и морей“. (Vocalismus стр. 15). Въ другихъ мѣстахъ онъ, по крайней мѣрѣ относительно извѣстной части наблюдаемыхъ звуковыхъ явленій, придерживается этого удобнаго способа пониманія, полагая, что въ языкахъ существуютъ двоякаго рода эвфоническія измѣненія: „одни, поднявшіяся до значенія общаго закона, проявляются въ одинаковомъ видѣ при каждомъ одинаковомъ поводѣ, тогда какъ другія, не успѣвшія стать закономъ, обнаруживаются лишь случайно (Ср. Гр. Изд. 1. § 236, прим.). Можно скоро замѣтить, что явленія этого послѣдняго рода занимаютъ, по мнѣнію Боппа, болѣе обширное мѣсто, чѣмъ явленія перваго рода. Онъ часто приписываетъ языку право „съ извѣстной свободой“ отклоняться отъ существующаго закона. Что гласные безъ причины удлиняются, что безъ достаточнаго повода происходятъ сильныя искаженія (такъ, напр., ἐτύπην есть якобы искаженное ἐτύφθην), что одно и то же сочетаніе звуковъ въ одномъ и томъ же періодѣ жизни языка подвергается весьма различнымъ преобразованіямъ, все это не удивляетъ его. Такъ, напр., мѣстоименная основа *sma* въ готскомъ появляется будто бы въ шести видахъ: *nsa*, *sva*, *nka*, *nkva*, *mma* и *s* (§ 167). Если для кажущагося ему вѣроятнымъ перехода онъ не могъ указать аналогіи въ томъ же языкѣ, то онъ обращался къ другому языку; напр., для того, чтобы подтвердить свое положеніе, что *l* славянскихъ причастій произошло изъ *t*, онъ ссылается на бенгальскій. Звукъ κ въ δέδωκα онъ производитъ изъ *s*, межъ тѣмъ какъ то же κ въ τέτυφα „совершенно въ духѣ германскаго закона передвиженія согласныхъ“ дало якобы *h*, а послѣднее, въ соединеніи съ предыдущимъ глухимъ или звонкимъ согласнымъ, превратилось въ аспирату или звукъ придыхательный (§ 569). Онъ не останавливается даже передъ признаніемъ совершенно единичныхъ случаевъ перехода. Непреложность и отсутствіе исключеній Боппъ признаетъ за звуковыми законами лишь

въ рѣдкихъ случаяхъ. Интересный примѣръ этого рода находится въ его разсужденіи объ указательномъ мѣстоименіи и происхожденіи падежныхъ суффиксовъ (Зап. [Abh.] Берлин. Акад. 1826). Здѣсь ему очень важно доказать, что членъ *sa*—ὁ не могъ никогда имѣть окончанія именительнаго падежа -*s*, и, поэтому, онъ, отклоняя предположеніе, что это *s* могло отпасть въ санскритѣ и греческомъ, пользуется, какъ оружіемъ, непреложностью звуковыхъ законовъ, въ слѣдующихъ характерныхъ выраженіяхъ: „Не слѣдуетъ однако упускать изъ вида, что такія отпаденія обыкновенно, если не всегда, имѣютъ мѣсто скорѣе въ массѣ и закономѣрно, чѣмъ въ единичныхъ случаяхъ и произвольно, и что, если духъ языка въ извѣстный періодъ его исторіи почему либо не взлюбитъ той или другой буквы, какъ крайней колонны въ словѣ, то онъ вытѣсняетъ ее отовсюду, гдѣ только ее находитъ, такъ что не остается даже и одной, которая позволяла бы догадываться, что тутъ существовали еще другія ей подобныя. Такимъ именно образомъ свирѣпствовалъ въ греческомъ языкѣ звуковой законъ противъ τ и искоренилъ его повсюду, гдѣ оно стояло въ качествѣ конечной буквы, какъ бы важна и широка ни была до этого его грамматическая роль, о которой достаточно ясно можно заключить изъ сравненія съ родственными языками. Между тѣмъ Σ, напротивъ, такъ и осталась пріятною для греческаго уха конечной буквой, и, насколько охотно она давала себя вытѣснить въ серединѣ словъ между двумя гласными, настолько-же стойкою показала себя въ концѣ словъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сравнительное языкознаніе даетъ право ожидать ее“.

Изъ этихъ цитатъ, число которыхъ можно было бы увеличить до безконечности, видно, что, хотя Боппъ, правда въ отдѣльномъ случаѣ, гдѣ факты, казалось, ему это внушали, но отнюдь не вообще, признавалъ звуковой законъ не имѣющимъ исключеній, тѣмъ не менѣе допускалъ у языка свободу при случаѣ уклоняться отъ существующихъ законовъ. Всѣми (даже тѣми изслѣдователями, которые не придерживаются принципа, что звуковой законъ не имѣетъ исключеній) признается единодушно, что въ области фонетики Боппъ больше всего оставилъ работы своимъ преемникамъ. Для него (намекъ на это уже сдѣланъ былъ выше) всегда рѣшающимъ было общее впечатлѣніе, что подвергнутыя сравненію слова тожественны, и къ этому общему впечатлѣнію звуки должны были прилаживаться; провѣрку извѣстнаго положенія сопоставленіемъ разныхъ судебъ того же самаго звука, засвидѣтельствованныхъ другими случаями, онъ допускалъ не въ достаточномъ объемѣ.

Заполненіе этого пробѣла — вотъ великая заслуга Августа Фридриха Потта.

Только что описанный методическій недостатокъ изслѣдованій Боппа не ощущался такъ сильно въ области индогерманскихъ языковъ потому, что она дѣйствительно изобилуетъ такими формами и словами, гдѣ одинаковый звукъ является на одномъ и томъ же мѣстѣ, и еще потому, что Боппомъ при раскрытіи непримѣтныхъ сходствъ съ поразительною правильностью руководила его геніальная проницательность. Но недостатокъ этотъ рѣзко сказался, когда Боппъ вздумалъ привлечь къ сравненію языки, принадлежность которыхъ къ нашей семьѣ языковъ не была установлена, я разумѣю именно языки малайско-полинезійскіе. Въ настоящее время, насколько я знаю, рѣшительно всѣми знатоками признано, что языки эти не имѣютъ ничего общаго съ санскритскими [1]). Боппъ однако вынесъ впечатлѣніе, будто они являются сыновьями санскрита, и въ своей Сравн. Гр. старался подтвердить это родство такимъ же точно образомъ, какъ родство индогерманскихъ языковъ, насколько это допускаетъ характеръ выше названныхъ языковъ, „испытавшихъ полное распаденіе своего первоначальнаго строя". Такимъ образомъ, онъ и здѣсь не попытался устанавливать таблицы звуковыхъ соотвѣтствій, но только сравнивалъ между собою слова, казавшіяся ему тожественными (напр. числительныя), и старался разобраться въ звуковыхъ переходахъ въ отдѣльныхъ данныхъ случаяхъ. Разумѣется, его образъ дѣйствія здѣсь, гдѣ ему приходилось имѣть дѣло съ совершенно неподдававшимся его усиліямъ матеріаломъ, оказался болѣе насильственнымъ, чѣмъ въ области индогерманскихъ языковъ. Я поясню эту насильственность примѣромъ. Это—разборъ слова *po*, означающаго „ночь". О немъ Боппъ говоритъ („О родствѣ малайско-полинезійскихъ языковъ съ индоевропейскими". Зап. [Abh.] Берл. Акад. 1840. стр. 172) слѣдующее: „Обычное названіе ночи звучитъ въ южно-океанскихъ языкахъ, именно въ новозеландскомъ, таитскомъ и гавайскомъ, *po*, которое, подобно эху, повторяетъ только послѣдній слогъ санскритскаго *kshapas, kshapo*". Но вотъ кромѣ того существуетъ слово *bo* день, которое, какъ значится на стр. 228, могло бы происходить отъ скр. *divas, divo*. „А если бы оказалось — продолжаетъ Боппъ — что тонгское *bo* имѣетъ связь съ упомянутымъ ранѣе *po*, означающимъ въ южно-океанійскихъ языкахъ

[1]) Авторъ употребляетъ здѣсь опредѣленіе «санскритскіе» языки въ устарѣломъ его значеніи: «индоевропейскіе» или «арійскіе».

Прим. ред.

ночь, то пришлось-бы оставить сопоставленіе этого *po* съ санскритскимъ *kshapas*, и принять, что у этого *po* отпалъ эпитетъ, который въ тонгскомъ преображаетъ день въ ночь и обозначаетъ эту послѣднюю, какъ черный или темный день“.

Послѣ того, что я сказалъ выше объ отношеніи Боппа къ фонетикѣ, нѣтъ необходимости дольше останавливаться на подобныхъ экстравагантностяхъ; изъ сказаннаго и безъ того уже ясно, что въ неудачѣ этой экскурсіи его въ малайско-полинезійскую область обнаружился не какой либо прирожденный (constitutioneller) недостатокъ языкознанія вообще, но лишь восполненный впослѣдствіи недочетъ Бопповскаго метода, въ этомъ пунктѣ еще несовершеннаго.

То, что Боппъ еще не могъ выбраться изъ довольно свободнаго представленія о звуковыхъ процессахъ и звуковыхъ законахъ, слѣдуетъ признать весьма естественнымъ. Боппъ былъ вовсе не естествоиспытателемъ, но филологомъ, проведшимъ всю свою жизнь среди грамматикъ. Конечно мысль, что законъ по желанію допускаетъ исключенія, кажется естествоиспытателю смѣшной или возмутительной, межъ тѣмъ какъ это воззрѣніе въ филологической теоріи и практикѣ было вполнѣ ходячимъ. Во всѣхъ грамматикахъ масса „неправильностей“ по меньшей мѣрѣ равнялась массѣ „правильнаго, законнаго“, и правило безъ исключеній прямо таки возбуждало къ себѣ недовѣріе. А такого рода унаслѣдованныя убѣжденія исчезаютъ лишь въ цѣломъ рядѣ смѣняющихся поколѣній.

Заслуга Боппа состоитъ, какъ выше уже замѣчено, въ томъ, что онъ построилъ самостоятельную теорію происхожденія флексіи и затѣмъ въ томъ, что онъ научнымъ путемъ доказалъ исконную, основную взаимную связь индогерманскихъ языковъ.

Теперь, когда мы представили читателю отчетъ о работахъ Боппа въ той и другой области, мы можемъ резюмировать въ немногихъ словахъ, въ чемъ собственно заключается его духовная своеобразность, особенно обнаружившаяся въ произведеніяхъ этого великаго ученаго.

Когда слышишь, что одинъ человѣкъ представилъ сравнительный обзоръ санскрита, древнеперсидскаго, зендскаго, армянскаго, греческаго, италійскаго, кельтскаго, славянскаго и германскаго языковъ и, пройдя всю эту громадную область, добрался и до языковъ южнаго океана, поневолѣ будешь склоненъ приписывать этому человѣку необыкновенную, прямо выходящую за всякіе

предѣлы ученость. Но при ближайшемъ наблюденіи легко замѣтить, что ученость не есть собственно характерное для Боппа качество. Разумѣется, въ своей трудолюбивой жизни онъ многое изучилъ, но онъ не былъ однимъ изъ тѣхъ людей, ученость которыхъ прямо пугаетъ въ родѣ того, какъ это было у А. В. фонъ Шлегеля. Въ нѣкоторыхъ языкахъ, въ дѣлѣ разъясненія которыхъ его заслуги незабвенны, какъ напр. въ славянскихъ и кельтскихъ, онъ обладалъ (говоря языкомъ филологовъ) лишь скудными познаніями, а по отношенію къ извѣстнымъ деталямъ традиціи, напр. къ правиламъ латыни, онъ былъ иногда равнодушнѣе, чѣмъ это желательно. Такъ, онъ не постѣснялся дать своему санскритскому словарю такое заглавіе: *glossarium sanscritum a Francisco Bopp*, и предпочиталъ сочетать *postquam* съ Plusquamperfectum. Что не казалось полезнымъ для разъясненія формъ и уясненія естественнаго строя языка, къ тому онъ оставался въ извѣстной степени равнодушнымъ. Не вполнѣ вѣрно и то, будто Боппъ, какъ часто увѣряютъ, открылъ сравнительный методъ въ языкознаніи: Боппъ обладалъ несравненнымъ умѣніемъ въ разрозненномъ угадывать прежнее единство, но особаго искусства, метода, который у него можно было бы перенять, онъ не создалъ. Скорѣе именно методическая сторона, какъ показано выше, составляетъ его слабое мѣсто.

Величіе Боппа совсѣмъ въ другомъ, независимомъ отъ учености и метода, именно въ томъ, что мы зовемъ геніальностью. Его „Сравнительная грамматика“ основана на рядѣ геніальныхъ открытій, которыя стали возможны, благодаря природному дару, не поддающемуся нашему дальнѣйшему анализу, а не труду и эрудиціи. Этимъ я, разумѣется, не хочу сказать, чтобы Боппъ не былъ многимъ обязанъ своей учености и своему логически разсуждающему разуму, а говорю только въ томъ смыслѣ, что счастливый взглядъ играетъ у него гораздо важнѣйшую роль, чѣмъ у другихъ отличныхъ языковѣдовъ, напр. у Августа Шлейхера.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Современники и преемники Боппа до Августа Шлейхера.

Боппъ былъ самостоятеленъ, но не одинокъ. Одновременно съ нимъ работали въ смежныхъ областяхъ знанія Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, Августъ Вильгельмъ фонъ-Шлегель, Яковъ Гриммъ. Попытаюсь опредѣлить степень вліянія, оказаннаго этими дѣятелями на основанную Боппомъ науку.

О Вильгельмѣ ф. Гумбольдтѣ [1]) Боппъ никогда не говоритъ иначе, какъ съ выраженіемъ глубокаго почитанія. Достаточно привести слова, которыми онъ заключаетъ предисловіе ко второму отдѣлу „Сравнительной грамматики": „Относительно этого наблюденія, затронутаго уже въ другомъ мѣстѣ (рѣчь идетъ о склоненіи именъ прилагательныхъ), я имѣлъ счастіе узнать еще въ высшей степени для меня цѣнное одобрительное мнѣніе моего покойнаго покровителя В. ф. Гумбольдта, въ лицѣ котораго языкознаніе лишилось недавно своего лучшаго украшенія. Еще вполнѣ охваченный скорбью по поводу этой тяжкой потери, я не могу упустить случая воздать здѣсь славной памяти этого великаго человѣка дань искреннѣйшаго почтенія и выразить удивленіе, которымъ меня преисполнили какъ его остроумныя сочиненія, относящіяся къ области философскаго и историческаго языкознанія, такъ и его поучительное и полное любви личное и письменное обращеніе со мною".

Я не нахожу, однако, что В. ф. Гумбольдтъ оказалъ значительное вліяніе на Боппа. Безконечно многосторонняя, соединявшая и примирявшая въ себѣ самыя разнообразныя знанія и стремленія духовная природа Гумбольдта не годилась для того, чтобы придать другое направленіе уму такой большой и простой силы, какъ у Боппа. Вообще нѣтъ ничего труднѣе, какъ опредѣлить въ ясныхъ и точныхъ выраженіяхъ, въ чемъ заклю-

---

[1]) См. о немъ Р. Гайма, «Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ, описаніе его жизни и характеристика». Перев. съ нѣм. Изд. К. Солдатенкова. Москва. 1899.

Прим. ред.

чается вліяніе Гумбольдта именно на индогерманское языкознаніе. Трудно указать въ данной наукѣ область, въ которой онъ первый проложилъ бы дорогу, назвать опредѣленно теорію, которую бы онъ построилъ, или обозначить точку зрѣнія, которая восходила бы исключительно къ нему, и все же не только Боппъ, но и другіе представители этой спеціальности, какъ Поттъ, Шлейхеръ, Курціусъ, признаютъ себя благодарными учениками Гумбольдта. На вопросъ, чѣмъ же повліялъ Гумбольдтъ на этихъ дѣятелей, по моему мнѣнію, должно отвѣчать такъ: главнымъ образомъ всѣми сторонами своей духовной личности. Его высокая и безкорыстная любовь къ истинѣ, его взглядъ, направленный всегда къ высшимъ идеальнымъ цѣлямъ, его стремленіе не упускать изъ за подробностей цѣлое и изъ за цѣлаго отдѣльные факты, чтобы предохранить себя, какъ отъ опасностей спеціализаціи, такъ и отъ крайностей прежней, „всеобщей грамматики", осторожно взвѣшивающая справедливость его сужденій, его всесторонне образованный умъ и благородная гуманность—всѣ эти свойства дѣйствуютъ укрѣпляюще и просвѣтляюще на каждую другую научную личность, приходящую въ соприкосновеніе съ Вильгельмомъ фонъ Гумбольдтомъ, и такое вліяніе Гумбольдтъ, по моему мнѣнію, сохранитъ еще на долго и будетъ продолжать производить даже на тѣхъ, кто останавливается безпомощно передъ его теоріями.

Менѣе дружелюбно, чѣмъ къ Вильгельму фонъ Гумбольдту, потомство отнеслось къ Августу Вильгельму фонъ Шлегелю. Внѣ круга спеціалистовъ, мнѣ кажется, недостаточно извѣстно, что переводчикъ Шекспира [1]) является въ то же время и основателемъ санскритской филологіи. А. В. фонъ Шлегелю шелъ уже сорокъ восьмой годъ, когда онъ началъ заниматься санскритомъ, но его удивительное прилежаніе и способность оріентироваться, усиленная многостороннимъ упражненіемъ, въ короткое время дала ему побѣду надъ тѣми громадными трудностями, которыя въ то время препятствовали изученію индійской литературы. Съ удивленіемъ читаемъ мы, какъ вѣрно онъ въ самомъ началѣ опредѣлилъ тѣ задачи, которыя слѣдовало разрѣшить: „Для успѣшнаго изученія индійской литературы — таковы его слова въ „Индійской библіотекѣ" I. 22,—должны быть примѣняемы (и со всей научной строгостью) правила классической фи-

---

[1]) А. В. ф. Шлегель, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Фридр. ф. Шлегелемъ, дали классическій стихотворный переводъ Шекспира на нѣмецкій языкъ.

Прим. ред.

лологіи. Не слѣдуетъ возражать, что ученые брахманы владѣютъ пониманіемъ своихъ старыхъ книгъ, благодаря непрерывной традиціи; что для нихъ санскритъ до сихъ поръ еще живой языкъ, и что слѣдовательно мы должны учиться только у нихъ. Съ греками до разрушенія Константинополя дѣло обстояло такъ же: знанія такихъ людей, какъ Ласкарисъ, Дмитрій Халкондилъ, въ области древней литературы ихъ народа были во всякомъ случаѣ цѣнны; и тѣмъ не менѣе западные ученые поступили очень хорошо, что не удовольствовались ими. Къ пониманію грековъ въ Европѣ были довольно хорошо подготовлены, благодаря никогда вполнѣ не прекращавшемуся знакомству съ латинской литературой. Здѣсь же, напротивъ, мы вступаемъ въ совершенно новый кругъ идей. Мы должны учиться понимать письменные памятники Индіи въ одно и то же время, какъ брахманы и ихъ европейскіе критики. Современный гомеровскій вопросъ былъ такъ же чуждъ вышеупомянутымъ греческимъ ученымъ, какъ были бы чужды мудрецамъ Индіи изслѣдованія о началѣ индійской религіи и законодательства, о постепенномъ развитіи миѳологіи, ея внутренней связи и противорѣчіяхъ, о ея космогоническомъ, физическомъ или историческомъ истолкованіи и, наконецъ, о примѣсяхъ позднѣйшаго вымысла. Издателю индійскихъ текстовъ представляются тѣже задачи, какъ и филологу-классику: установленіе подлинности или подложности цѣлыхъ текстовъ и отдѣльныхъ мѣстъ, сравненіе рукописей, выборъ разночтеній, а иногда и критическое исправленіе его помощью конъектуръ, [1]) наконецъ, примѣненіе всѣхъ искусныхъ пріемовъ проницательнѣйшей герменевтики“ [2]). За этой программой у А. В. ф. Шлегеля сейчасъ же послѣдовало и выполненіе ея на дѣлѣ. Его изданія, по отзыву знатоковъ дѣла, даютъ все, что вообще можно было дать тогда, и полагаютъ собой настоящее начало индійской филологіи. Къ Боппу А. В. ф. Шлегель относился сначала дружелюбно. Онъ первый (въ „Heidelberger Jahrbücher“ 1815, сент. № 56) возвѣ-

---

[1]) Конъектура — догадка, возстановленіе испорченнаго или уничтоженнаго мѣста въ рукописномъ, рѣже печатномъ текстѣ какого-нибудь автора. Возстановленіе это совершается на основаніи смысла уцѣлѣвшаго сосѣдняго текста, на основаніи грамматическихъ соображеній, историческихъ данныхъ и т. п. Особое развитіе этотъ пріемъ получилъ въ классической филологіи. *Прим. ред.*

[2]) Герменевтика — ученіе о способахъ толкованія рѣчей или сочиненій, по возможности ближе къ ихъ истинному смыслу. Также — искусство правильнаго и точнаго толкованія текстовъ при ихъ передачѣ на чужой языкъ. *Прим. ред.*

стилъ публикѣ, чего ей слѣдовало ожидать отъ Боппа; онъ же благосклонно и внимательно рецензировалъ „Наля“ Боппа [1]) и еще въ 1827 году увѣрялъ въ первомъ письмѣ къ Герену („Индійская библіотека“ 2,385), что „Боппъ и онъ съ самаго начала ихъ взаимнаго знакомства въ Парижѣ въ 1812 г. всегда работали для одной и той же цѣли въ дружественномъ соревнованіи и согласіи“. Впослѣдствіи отношенія ихъ измѣнились, и дружественное соревнованіе смѣнилось однимъ изъ тѣхъ литературныхъ враждебныхъ отношеній, которыя составляли для А. В. ф. Шлегеля жизненную потребность.

До серьезной полемики между Шлегелемъ и Боппомъ дѣло не дошло, если не считать нѣкоторыхъ язвительныхъ эпиграммъ со стороны А. В. фонъ-Шлегеля, на которыя Боппъ отвѣтилъ. Разногласіе касалось двухъ областей: санскритской филологіи и языкознанія. Рядомъ со своими большими работами по сравнительному языкознанію, Боппъ нашелъ еще время, чтобы создать необходимыя пособія къ изученію санскритскаго языка: изданіе „Наля“, словарь, и главное — грамматику санскритскаго языка, изданную въ нѣсколькихъ редакціяхъ различнаго способа изложенія. При составленіи именно этой грамматики онъ сдѣлалъ упущеніе, котораго ему не простилъ А. В. фонъ-Шлегель. Боппъ никогда не изучалъ спеціально индійскихъ туземныхъ грамматиковъ; то, что ему изъ этой области казалось годнымъ для его цѣлей, онъ бралъ изъ вторыхъ рукъ, а именно—изъ грамматикъ своихъ англійскихъ предшественниковъ; самъ онъ довольствовался тѣмъ, что проникалъ въ сущность священнаго языка Индіи путемъ непосредственнаго наблюденія и сравнительнаго расчлененія. Конечно, нѣтъ сомнѣнія, что въ теоріи Шлегель былъ совершенно правъ, требуя, чтобы туземныхъ знатоковъ индійской грамматики не оставляли безъ вниманія, но справедливо также и то, что Боппъ руководствовался вѣрнымъ чутьемъ. Обработка индійскихъ грамматиковъ при тогдашнихъ пособіяхъ потребовала бы цѣлые годы, и Бенфей (въ „Исторіи языкознанія“ 389) справедливо сомнѣвается, подходила ли именно Боппу эта преимущественно филологическая задача.

Въ другой области, именно въ области сравнительнаго языко-

---

[1]) Изданіе эпизода о Налѣ и Дамаянти изъ индійской эпической поэмы Магабхарата, сдѣланное съ лат. переводомъ и комментаріями Боппомъ п. з. Nalus, carmen sanscritum e Mahâbhârato: edidit, latine vertit et adnotationibus illustravit Franciscus Bopp. London 1819. 8⁰ XIII. 216. Оно явилось первымъ удобнымъ и практическимъ пособіемъ для первоначальнаго изученія санскрита, какого не доставало наукѣ. *Прим. ред.*

знанія, А. В. фонъ-Шлегель считалъ себя обязаннымъ защищать, такъ сказать, семейную честь. Тѣмъ, что Боппъ все болѣе и болѣе уклонялся отъ теоріи Фридриха Шлегеля, братъ послѣдняго былъ весьма недоволенъ. Онъ считалъ себя естественнымъ защитникомъ „органической“ точки зрѣнія, у которой теорія агглютинаціи Боппа начинала такъ успѣшно отвоевывать поле дѣйствій. Къ сожалѣнію А. В. фонъ-Шлегель не пошелъ дальше сообщенія о предстоящемъ появленіи въ свѣтъ большаго лингвистическаго труда, долженствовавшаго носить заглавіе: „Etymologicum novum sive synopsis linguarum, qua exponitur parallelismus linguae Brachmanum sacrae cum lingua Graeca et Latina; cum reliquiis linguae Etruscae, Oscae ceterarumque indigenarum veteris Italiae dialectorum, denique cum diversis populorum Teutonicorum linguis, Gothica, Saxonica, Francica, Alemannica, Scandica, Belgica“. [1]) Сохранилась, однако, объемистая и подробная рецензія его близкаго ученика Христіана Лассена, посвященная грамматическимъ работамъ Боппа, изъ которой видно, какъ приблизительно судили о Боппѣ въ Шлегелевскомъ кружкѣ. Тонъ, въ которомъ Лассенъ пишетъ, — тонъ холоднаго, но справедливаго судьи. Достойное одобренія отмѣчается имъ по заслугамъ, ошибочное—подвергается серьезному порицанію, и раздраженіе прорывается только при упоминаніи о теоріи агглютинаціи. Мѣсто это гласитъ такъ (Индійская библ. 3,78): „Я имѣлъ намѣреніе выступить противъ встрѣчающейся здѣсь снова теоріи агглютинаціи; но такъ какъ мнѣ извѣстно, что объ этомъ будетъ говорить господинъ фонъ-Шлегель, то я добровольно умолчу о данномъ вопросѣ, который, конечно, заслуживаетъ того, чтобы быть разработаннымъ его болѣе искусной рукой. Итакъ, я только упомяну, что по мнѣнію господина Боппа характерныя буквы личныхъ окончаній суть собственно не что иное, какъ приставленныя мѣстоименія, и что источникъ многихъ временныхъ формъ глагола слѣдуетъ искать, по его мнѣнію, въ глаголѣ существительномъ (*as*), входящемъ въ ихъ составъ. Это слово въ книгѣ, подлежащей разсмотрѣнію, играетъ вообще роль извѣстнаго „вездѣ и нигдѣ“ и превращается, какъ Протей, въ самыя разнообразныя формы. Хотя приправы, подъ которыми господинъ Боппъ угощаетъ словечкомъ

---

[1]) «Новый этимологиконъ или обозрѣніе языковъ, въ которомъ изображается параллелизмъ священнаго языка брахмановъ (т. е. санскрита) съ греческимъ и латинскимъ; съ остатками языковъ этрусскаго, осскаго и прочихъ туземныхъ діалектовъ древней Италіи; и, наконецъ, съ различными языками тевтонскихъ (т. е. германскихъ) народовъ, готскимъ, саксонскимъ, франкскимъ, алеманскимъ, скандинавскимъ, бельгійскимъ. *Прим. ред.*

as, мнѣ рѣдко приходятся особенно по вкусу, но я все-же, изъ чувства признательности къ его прочимъ полезнымъ стремленіямъ, укажу на неизвѣстную ему форму этого глагола, съ которой я самъ, правда, немного съумѣлъ бы сдѣлать, не отрицая однако же поэтому, что другіе, быть можетъ, воспользуются ею для самыхъ неожиданныхъ объясненій производныхъ формъ. Форма эта — *âs* (вмѣсто *âst*), 3 лицо единственнаго числа — imperfecti act. (Панини VII, 3,97). Краткость формы дѣлаетъ ее весьма удобной для объясненія ею производныхъ формъ; такъ какъ вообще для построенія этимологій не можетъ быть болѣе пригодныхъ словъ, чѣмъ коротенькія китайскія, ибо стоитъ только въ нихъ упустить изъ виду одинъ гласный, перемѣнить одинъ согласный въ другой, чтобы получить изъ нихъ по желанію финскія, коптскія и ирокезскія слова. Но вѣнецъ теоріи агглютинаціи мы находимъ въ производствѣ обыкновеннаго приращенія (Augments) отъ *a privativum*. Изъ всѣхъ странныхъ свойствъ, которыми, будто-бы, были одарены первобытные люди, самое примѣчательное — та логика, по которой они, вмѣсто „я видѣлъ", — говорили „я не вижу". Въ примѣненіи къ педагогикѣ такой образъ дѣйствій слѣдовало бы изложить такъ: Если ты возьмешься за воспитаніе своихъ дѣтей, то прежде всего отруби имъ головы. Сперва отнимаютъ у глагола его значеніе, чтобы затѣмъ получить возможность образовать изъ него новую форму".

Эта рецензія Лассена вызвала въ кругу друзей Боппа сильное негодованіе, но не оставила послѣ себя прочнаго вліянія, потому что не давала никакихъ положительныхъ построеній, которыя могли бы замѣнить теорію агглютинаціи Боппа. И впослѣдствіи этотъ пробѣлъ не былъ заполненъ ни А. В. фонъ-Шлегелемъ, ни кѣмъ либо изъ его сторонниковъ. Такимъ образомъ оппозиція со стороны Шлегеля и его приверженцевъ мало-помалу пришла въ забвеніе, въ то время какъ теоріи Боппа безпрепятственно одерживали верхъ. Взгляды Шлегеля впослѣдствіи ожили вторично до нѣкоторой степени лишь въ грамматическихъ трудахъ Вестфаля, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Итакъ, вліяніе Шлегеля на сравнительное языкознаніе въ прямомъ отношеніи не было особенно благотворнымъ. Косвенно-же оно было для него не маловажно. Такъ какъ Шлегель далъ могучій толчекъ изученію санскрита, то ему принадлежитъ по праву часть благодарности, которою сравнительное языкознаніе обязано санскритской филологіи.

Зато вліяніе Якова Гримма было велико и непосредственно. Онъ занимаетъ вполнѣ самостоятельное положеніе ря-

домъ съ Боппомъ. Когда въ 1819 году вышелъ первый томъ его нѣмецкой грамматики, научная дѣятельность Боппа ограничивалась пока только выпускомъ въ свѣтъ „Системы спряженія“ и рецензіей на санскритскую грамматику Форстера въ Гейдельбергскихъ Jahrbücher. Гриммъ использовалъ и цитировалъ оба эти труда Боппа, но все сооруженіе его грамматики ведетъ свое начало изъ до-Бопповскаго періода. Въ чемъ заключается составившій эпоху подвигъ Гримма, мы узнаемъ отъ него самого: „Мною сильно завладѣла мысль предпринять составленіе исторической грамматики нѣмецкаго языка,—такъ говоритъ онъ въ предисловіи къ первому изданію своей грамматики,—даже если бы ей, какъ первой попыткѣ, было суждено черезъ непродолжительное время оказаться превзойденной послѣдующими работами. При внимательномъ чтеніи древне-нѣмецкихъ источниковъ я ежедневно открывалъ такія формы и совершенства языка, изъ-за которыхъ мы обыкновенно завидуемъ грекамъ и римлянамъ, когда оцѣниваемъ свойства нашего теперешняго языка; слѣды, которые въ современномъ языкѣ еще сохранились въ обломкахъ и какъ бы въ окаменѣломъ видѣ, стали мнѣ мало-по-малу ясными, и рѣзкіе переходы сгладились, когда явилось возможнымъ связать новое со среднимъ и среднее съ древнимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружились самыя поразительныя сходныя черты между всѣми родственными нарѣчіями, равно какъ и незамѣченныя до сихъ поръ отношенія ихъ отличій. Мнѣ казалось весьма важнымъ прослѣдить до мелочей и изобразить эту непрерывную, все распространяющуюся связь; осуществленіе плана я представилъ себѣ настолько совершенно, что сдѣланное пока мною остается далеко позади его“. Уже давно судъ знатоковъ, согласно съ этими словами, формулировалъ заслуги Гримма въ положеніи: „Гриммъ является творцомъ исторической грамматики“. Нѣмецкая грамматика [1]) сильно повліяла на современниковъ. Прежде всего внушало имъ уваженіе богатство матеріала, въ сравненіи съ которымъ ученическія правила греческой и латинской грамматикъ казались совсѣмъ мизерными. Впервые изъ грамматики Гримма мы узнали, что для вывода извѣстнаго закона необходима полная индукція. Кромѣ того его изложеніе увеличило уваженіе къ тому, что можно назвать первобытнымъ состояніемъ языка; оно, напримѣръ, обезпечило такъ-называемымъ діалектамъ ихъ надлежащее положеніе, рядомъ съ книжнымъ языкомъ, не только въ области

[1]) J. Grimm. „Deutsche Grammatik“, Göttingen, т. I, 1819, (фонетика: 2 изд. 1822), т. II. 1826, т. III—1831 (словообразованіе), т. IV—1837 (синтаксисъ). *Прим. ред.*

нѣмецкаго, но и другихъ языковъ, — какъ можно заключить изъ словъ Аренса, который въ посвященіи своего труда о греческихъ діалектахъ упоминаетъ съ благодарностью о мужѣ, qui conspicuo grammaticae Diutiscae exemplo docuit, dialectorum secundum aetates vel stirpes diversarum diligenti et sagaci comparatione quam possit in secreta linguarum penetrari [1]. На языковѣдовъ имѣлъ особенно сильное вліяніе такъ называемый законъ передвиженія согласныхъ, въ общихъ чертахъ высказанный уже Раскомъ, но извѣстный подъ именемъ „Гриммова". Въ то время какъ изысканія Боппа направлялись главнымъ образомъ на сравненіе и объясненіе формъ, такъ что въ его изложеніи необходимость наблюденій надъ звуками пока еще стояла на заднемъ планѣ, — Раскъ и Гриммъ закономъ передвиженія звуковъ установили прочно фактъ, что переходы звуковъ, или, какъ тогда говорили, буквъ, другъ въ друга происходятъ по извѣстнымъ законамъ; особенно-же между звуками нѣмецкаго языка съ одной стороны и классическихъ языковъ съ другой, наблюдается прочное историческое соотношеніе. Какъ богато было вліяніемъ открытіе закона передвиженія звуковъ, объ этомъ пусть скажетъ намъ А. Ф. Поттъ, творецъ фонетики индогерманскихъ языковъ: „Среди высокихъ заслугъ Я. Гримма въ области общаго и спеціальнаго языкознанія, одна изъ главнѣйшихъ заключается въ томъ, что онъ возвратилъ буквамъ ихъ законныя права, до тѣхъ поръ подвергавшіяся стѣсненію въ наукѣ языкознанія, и поднялъ ихъ на то равноправное положеніе, которое онѣ занимаютъ въ самомъ языкѣ. Историческое изложеніе звуковыхъ переходовъ въ германскихъ языкахъ, данное Гриммомъ, одно уже болѣе цѣнно, чѣмъ иное философское ученіе о языкѣ, полное одностороннихъ или ничтожныхъ отвлеченностей: изъ этого изложенія достаточно явствуетъ, что буква, какъ осязательный элементъ языка, хотя, впрочемъ, и не постоянный, но все-таки движущійся болѣе покойнымъ путемъ, представляетъ собою въ общемъ болѣе вѣрную нить въ темномъ лабиринтѣ этимологіи, чѣмъ значеніе слова, дѣлающее часто смѣлые и разнообразные скачки; изъ этого изложенія явствуетъ, что языкознаніе, въ особенности сравнительное, безъ точнаго историческаго знанія буквъ лишено твердой основы; оно-же наконецъ, доказываетъ съ удивительною ясностью, что даже въ области простыхъ буквъ, да и вообще гдѣ-либо въ языкѣ, господствуетъ не беззаконіе дерзкаго произвола, какъ это можетъ ка-

[1]) «который яркимъ примѣромъ своей «Нѣмецкой грамматики», насколько могъ, научилъ проникать въ тайны языковъ помощью точнаго и проницательнаго сравненія діалектовъ, различающихся другъ отъ друга по времени или по происхожденію». *Перев. ред.*

заться развѣ только спокойному невѣжеству, а разумная свобода, т. е. ограниченіе, производимое своими собственными законами, основанными на природѣ звуковъ" (Этимол. изслѣд. I, XII).

Не безъ основанія, можетъ быть, полагаютъ, что, кромѣ Боппа, никто не имѣлъ такого вліянія на сравнительное языкознаніе, какъ Яковъ Гриммъ (хотя онъ никогда не былъ сравнительнымъ языковѣдомъ въ Бопповскомъ смыслѣ и не всегда извлекалъ изъ трудовъ Боппа тѣ знанія, которыя они могли бы ему дать); во всякомъ случаѣ можно утверждать, что на неоцѣнимые дары, принесенные Боппомъ германской грамматикѣ, Гриммъ отвѣтилъ въ высшей степени цѣнными и почтенными обратными дарами.

Громадная важность начатыхъ Боппомъ и Гриммомъ изслѣдованій не могла укрыться отъ современниковъ, ибо въ самомъ дѣлѣ—какъ выразился однажды впослѣдствіи Корсенъ—столь же можно игнорировать солнечный свѣтъ,сколько и главные результаты сравнительнаго языкознанія. Но логическіе выводы изъ нихъ, особенно по скольку шла рѣчь о преобразованіи въ изученіи классическихъ языковъ, дѣлались пока лишь медленно. Выдающіеся ученые, какъ напр. Бутманъ, продолжали разрабатывать свои отдѣлы, не справляясь съ тѣмъ, что дѣлаютъ ихъ товарищи, которые только что изобрѣли новый и лучшій методъ для изслѣдованія своей области; и педагоги, чувствовавшіе себя призванными блюстителями существующаго порядка, вопіяли противъ тѣхъ молодыхъ людей, которые задумали преобразовать все считавшееся до сихъ поръ истиной, но изъ трудовъ которыхъ въ концѣ концовъ для греческой и латинской грамматики не вытекало ничего другого, кромѣ „вѣчнаго Locativus" (Allgemeine Schulzeitung", іюль 1833). Всѣ эти отставшіе изъ лѣности или предубѣжденія находились въ затруднительномъ положеніи въ виду бурныхъ нападеній на нихъ человѣка, который былъ прославленъ по единодушному мнѣнію всѣхъ, какъ самый выдающійся изъ преемниковъ Боппа. Это — Августъ Фридрихъ Поттъ (1802 — 1887 г.), капитальнымъ трудомъ котораго „Этимологическія изслѣдованія въ области индогерманскихъ языковъ, съ особеннымъ отношеніемъ къ переходу звуковъ въ санскритскомъ, греческомъ, латинскомъ, литовскомъ и готскомъ языкахъ" Лемго 1833—1836 [1])— была основана научная фонетика.

---

[1]) «Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen mit besonderem Bezug auf die Lautumwandlung im Sanskrit, Grie-

Поттъ пришелъ къ убѣжденію, что отнынѣ, послѣ трудовъ Боппа и Гримма, надежный ключъ къ этимологіи долженъ быть найденъ въ фонетикѣ (См. интересное мѣсто въ Этимолог. изслѣд. 2, 349), и дѣйствительно компетентные судьи рѣшили, что Поттъ былъ въ высшей степени способенъ къ рѣшенію этой задачи (на сколько можетъ быть рѣчь о рѣшеніи задачъ, которыя по самой природѣ вещей безконечны). Поттъ, по выраженію Ренана, былъ un esprit à la fois sévère et hardi, столь же богато надѣленный комбинаціонной фантазіей, сколько критическимъ сужденіемъ. Ему мы обязаны не только очень большимъ числомъ этимологій, считаемыхъ безошибочными, но и первыми таблицами звуковыхъ соотвѣтствій, охватывающими сравнивавшіеся языки во всемъ ихъ объемѣ. Будущность, по моему мнѣнію, придетъ къ заключенію, что Поттъ, увлекаемый своей фантазіей, иногда позволялъ себѣ насильственныя предположенія (такъ напр. прежде всего относительно разложенія корней, вопросъ, въ которомъ его побѣдоносно опровергалъ Курціусъ), но что въ общемъ онъ все-же болѣе кого-либо другого способствовалъ установленію точныхъ законовъ о переходѣ звуковъ,—и причислитъ поэтому этимологическія изслѣдованія Потта къ основнымъ трудамъ въ области сравнительной грамматики, которымъ по праву принадлежитъ ближайшее мѣсто рядомъ съ трудами Боппа и Гримма.

Что касается вопроса о возникновеніи флективныхъ формъ, то Поттъ примыкаетъ къ Боппу, утверждая, что послѣдній объяснилъ флексію такъ ясно и прозрачно, что сущность и природа ея въ этимологическомъ отношеніи достаточно понятны и доступны, если не считать нѣкоторыхъ второстепенныхъ трудностей, пока еще не разрѣшенныхъ (II,364). Итакъ, Поттъ, подобно Боппу, находитъ главнымъ дѣйствующимъ принципомъ во флексіи сложеніе, но при этомъ онъ не отказывается вполнѣ отъ символическихъ объясненій. „Способъ обозначенія въ языкѣ—говоря его словами—или символическій или киріологическій. [1]) Въ склоненіи измѣненіе и обозначеніе рода часто имѣютъ символическій характеръ, обозначеніе же падежей и чиселъ напротивъ большею частью —киріологическій“ (II,261). Флективныя окончанія глагола онъ объясняетъ себѣ въ общемъ такъ же, какъ и Боппъ, но слѣдуетъ

---

chischen, Lateinischen, Litauischen und Gotischen“, Lemgo 1833—36 (2 тома). Второе изданіе, вполнѣ переработанное, вышло въ 6 частяхъ и 11 томахъ въ Детмольдѣ въ 1859—1876 гг. *Прим. ред.*

[1]) Терминъ *киріологическій*, употребленный здѣсь Бенфеемъ и вообще очень рѣдкій, происходитъ отъ греческаго глагола κυριολογεῖν = «употреблять слово въ его собственномъ, не метафорическомъ, значеніи». *Прим. ред.*

замѣтить, что букву *n* въ третьемъ лицѣ множественнаго числа, оканчивающемся на *anti*, онъ не объясняетъ, какъ Боппъ, символически, но видитъ въ немъ мѣстоименную основу (такого-же мнѣнія былъ впослѣдствіи и Шлейхеръ), а первое лицо множ. числа, оканчивающееся на *masi*, онъ представляетъ образовавшимся изъ мѣстоим. личн. „я“ и „ты“ (1,710). Слѣдовательно, онъ наравнѣ съ Боппомъ является рѣшительнымъ сторонникомъ теоріи агглютинаціи, хотя, какъ мы впослѣдствіи увидимъ, и склоненъ отвергать выводы изъ теоріи Боппа, касающіеся исторіи языка.

Наряду съ Поттомъ и послѣ него долженъ быть названъ прежде всѣхъ Теодоръ Бенфей, который, будучи въ общемъ приверженцемъ Боппа, уже въ первые годы своего появленія на научномъ поприщѣ обнаружилъ самостоятельную и разностороннюю дѣятельность. Его словарь греческихъ корней (Берлинъ, 1839), предтеча задуманной въ весьма обширномъ стилѣ, но не доведенной до конца греческой грамматики, обнаружилъ, наряду съ достойнымъ удивленія богатствомъ содержанія, богатѣйшій даръ комбинаціи, но въ отношеніи пониманія звуковыхъ измѣненій не можетъ быть названъ шагомъ впередъ, въ сравненіи съ точкой зрѣнія Боппа. Его теоріи о первичныхъ глаголахъ, которыми онъ желалъ бы замѣнить такъ называемые корни, и о происхожденіи суффиксовъ, образующихъ основы, будутъ занимать насъ ниже. Напротивъ здѣсь же слѣдуетъ отмѣтить важныя заслуги Бенфея въ области индійской филологіи, достигнутыя особенно его изданіемъ Самаведы (Лейпцигъ 1848 г.). Его словарь къ Самаведѣ впервые далъ языковѣдамъ надежный и удобный для пользованія матеріалъ изъ ведійскаго языка и оказалъ самое благотворное вліяніе на этимологическія изслѣдованія [1].

Замѣчаніе о книгѣ, вышедшей въ свѣтъ въ 1848 году, относится собственно уже къ слѣдующему періоду, обнимающему собой весьма разнообразныя направленія и стремленія, о которыхъ я прежде всего постараюсь дать понятіе, назвавъ главнѣйшихъ ихъ представителей. Затѣмъ уже долженъ получить болѣе обстоятельную характеристику тотъ ученый, который въ нѣкоторомъ смыслѣ заканчиваетъ этотъ періодъ и подводитъ ему итоги, именно Августъ Шлейхеръ.

---

[1]) Тепло написанной оцѣнкой дѣятельности Бенфея († 26 іюня 1881) мы обязаны Беценбергеру (Журналъ „Bezzenberger's Beiträge z. Kunde der idg. Sprachen“, т. VIII. 234 сл.).

Въ промежутокъ времени, между появленіемъ этимологическихъ изслѣдованій Потта и выходомъ въ свѣтъ „Компендія“ Шлейхера, произошло весьма значительное расширеніе нашихъ знаній, на что прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе. Быть можетъ ни одно расширеніе знаній не было столь богато послѣдствіями для языкознанія, какъ то, которое совершилось въ области индійской филологіи. Ознакомленіе съ индійской литературой шло такимъ путемъ, что сперва намъ открылись индійскіе средніе вѣка, а уже затѣмъ гораздо позже, приблизительно съ 1840 г., когда началось изученіе ведъ, передъ нами выступила и индійская древность. Благодаря трудамъ Розена, Рота, Бенфея, Вестергорда, Мюллера, Куна, Ауфрехта и др., въ сравнительно короткое время этимологамъ, которые до того располагали лишь довольно скудными индійскими лексикографическими пособіями, была доставлена масса новаго и достовѣрнаго матеріала. Словарь Вильсона (о которомъ, кромѣ статьи Шлегеля въ „Индійской библіотекѣ“ 1,295 слл., можно прочесть въ предисловіи Бетлинга и Рота къ первому тому ихъ словаря) представлялъ собой все что угодно, только не исторически расположенный словарь, а индійскіе перечни корней являются такимъ пособіемъ, которое скрываетъ въ себѣ своеобразныя опасности. Даже если допустить, что перечни, составленные индійскими грамматиками, были изготовлены совершенно правильно и дошли до насъ въ неизмѣненномъ видѣ, то и въ такомъ случаѣ пользоваться ими для этимологическихъ сопоставленій можно было бы лишь осторожно, ибо способъ, по которому эти индійскіе ученые обозначаютъ значеніе, рѣзко отличается отъ употребляющагося у насъ. Прибавляя къ корню мѣстный падежъ существительнаго для опредѣленія его значенія, они этимъ самымъ не всегда хотятъ обозначить индивидуальное употребленіе въ данномъ смыслѣ, но часто только общую категорію значенія, подъ которую подходитъ тотъ или другой глаголъ. Поэтому Вестергордъ, критическій издатель этихъ перечней, предостерегалъ отъ слишкомъ довѣрчиваго пользованія ими (Radices linguae sanscritae Bonn 1841). «Ceterum puto cavendum esse, ne illa grammaticorum de potestate radicum decreta nimis urgeantur, nam illis nihil vagius, nihil magis dubium et ambiguum esse potest; sic, ut unum modo exemplum afferam, vocula quae „gatau“ est, unumquemque motum ut eundi, currendi, volandi etc. indicat, quin etiam exprimit mutationem, quam subit lac coagulando, et nescio quam multas alias“ [1]). Къ этой трудности слѣдуетъ

[1]) «Впрочемъ, думаю, должно остерегаться, чтобы декретамъ грамматиковъ

прибавить еще, что, разумѣется, не всѣ корни въ нихъ построены вѣрно. Поэтому, если мы хотимъ быть осторожными, мы должны довѣрять такому корню только при томъ условіи, что онъ засвидѣтельствованъ текстами (а очень многіе въ нихъ не встрѣчаются), кромѣ тѣхъ случаевъ, когда можетъ быть обнаружена причина, по которой корень въ литературномъ языкѣ отсутствуетъ естественно, что̀ напр. имѣетъ мѣсто относительно „*pard*“ = πέρδομαι. Кромѣ того перечни эти не дошли до насъ въ нетронутомъ видѣ, но подвергались всѣмъ тѣмъ искаженіямъ, которыя обыкновенно производитъ время въ литературныхъ произведеніяхъ. И эта порча коснулась не только самыхъ корней (такъ напр. Вестергордъ на стр. IX перечисляетъ не менѣе 130 корней, которые ошибочно приводились его предшественниками и отчасти употреблялись для этимологическихъ сравненій), но и обозначенія ихъ смысла. Изъ этого видно, сколько было поводовъ къ заблужденію: и въ самомъ дѣлѣ, благодаря употребленію недоказанныхъ корней при этимологизаціи и невѣрному пониманію значеній, было надѣлано много ошибокъ. Тѣмъ, что этотъ источникъ заблужденій въ настоящее время устраненъ, мы обязаны трудамъ выше названныхъ ученыхъ, прежде всего санскритскому словарю Бетлинга и Рота, этому несравненному образцовому труду, который въ языкознаніи составилъ почти такую же эпоху, какъ и въ санскритской филологіи.

На ряду съ санскритомъ, научную обработку получили преимущественно языки славянскій и кельтскій. Въ области славянской филологіи слѣдуетъ назвать Вука Стефановича Караджича, Добровскаго и Копитара [1]), и впереди всѣхъ другихъ Франца Миклошича, котораго неутомимая энергія въ работѣ сдѣлала широкую область славянскихъ языковъ доступной и для изслѣдователей неславянскаго происхожденія. Въ области изученія кельтскаго языка, о которомъ Поттъ въ „Этим. изслѣд.“ 2,478, еще думалъ, что онъ не принадлежитъ къ индогерманскому

относительно значенія корней не придавалась слишкомъ большая важность, ибо нѣтъ ничего болѣе неяснаго, болѣе сомнительнаго и двусмысленнаго, чѣмъ ихъ показанія. Такъ, если ограничиться однимъ только примѣромъ, словечко gatau обозначаетъ одно и тоже движеніе, будетъ ли это ходьба, бѣгъ, полетъ, и даже выражаетъ измѣненіе, претерпѣваемое молокомъ при свертываніи, и я не знаю, сколько еще разныхъ другихъ значеній».

Перев. ред.

[1]) Этотъ перечень именъ слѣдовало бы дополнить именемъ Востокова, которое очевидно потому не пришло въ голову почтенному автору этой книги, что труды Востокова писаны на русскомъ языкѣ и потому мало извѣстны въ Германіи. *Прим. ред.*

корню и только смѣшался съ нимъ въ доисторическое время,— долженъ быть названъ одинъ изъ величайшихъ ученыхъ всѣхъ временъ, Іоганнъ Каспаръ Цейсъ, „Grammatica celtica" котораго (впервые появилась въ 1853 году), по смерти автора, послѣдовавшей въ 1856 году, достойнымъ образомъ была обработана Германомъ Эбелемъ (Берлинъ 1871 г.). Однако, какъ бы высока ни была цѣнность этихъ трудовъ, можно утверждать, что въ періодъ времени, занимающій здѣсь насъ, руководящее, такъ сказать, положеніе постоянно занимали санскритъ, классическіе и германскіе языки.

Кромѣ расширенія знаній, характеристично для этого періода отношеніе къ звуковымъ законамъ. Что именно я разумѣю, хорошо разъясняетъ одно мѣсто изъ замѣчаній Курціуса, относительно силы звуковыхъ законовъ (Отчеты фил.-истор. отдѣленія Саксонскаго королевскаго научнаго общества 1870 г.), гласящее такъ: „Послѣ первыхъ смѣлыхъ попытокъ основателей нашей науки, новое, болѣе молодое поколѣніе съ сороковыхъ годовъ признало своимъ лозунгомъ строжайшее соблюденіе звуковыхъ законовъ. Злоупотребленія, которыя совершались даже заслуженными изслѣдователями, прибѣгавшими къ разнымъ ослабленіямъ, вырожденіямъ, отпаденіямъ и т. д., вызвали вполнѣ основательное недовѣріе, долженствовавшее привести къ большей строгости и сдержанности въ этомъ отношеніи. Послѣдствія болѣе строгаго въ этомъ смыслѣ направленія оказались, конечно, можно сказать, благодѣтельными. Достигнуты были: болѣе строгое наблюденіе звуковыхъ переходовъ и ихъ причинъ, болѣе старательное разграниченіе отдѣльныхъ языковъ, періодовъ и разновидностей языка другъ отъ друга, болѣе опредѣленное представленіе о возникновеніи многихъ звуковъ и сочетаній звуковъ. Въ этомъ отношеніи мы смотримъ гораздо дальше и шире, чѣмъ двадцать лѣтъ тому назадъ, и это яснѣе всего доказывается тѣмъ, что многія раньше высказывавшіяся, ни на чемъ не основанныя мнѣнія признаются невозможными даже тѣми, кто впервые пустилъ ихъ въ ходъ".

Какъ особенно важное, должно быть, наконецъ отмѣчено стремленіе строже разграничить отдѣльные языки другъ отъ друга. Боппъ не стѣснялся обосновывать какое-либо звуковое измѣненіе, предполагаемое въ латинскомъ языкѣ, указаніемъ на армянскій языкъ. Подобная вольность отнынѣ не должна была допускаться. Каждый отдѣльный языкъ долженъ былъ изучаться въ присущихъ ему особенностяхъ. Въ этомъ направленіи, рядомъ съ Шлейхеромъ, особенно работалъ Георгъ Курціусъ (1820—1885). Воспитанный какъ филологъ-классикъ, Курціусъ еще въ мо-

лодости живо увлекался Гумбольдтомъ и Боппомъ и уже рано выяснилъ себѣ задачу своей жизни, именно: употребить сравнительное языкознаніе на пользу классическихъ языковъ и въ особенности, греческаго. Эту цѣль имѣли уже въ виду нѣкоторыя мелкія его работы болѣе ранняго періода, съ наибольшимъ же успѣхомъ преслѣдовалъ ее его главный трудъ „Основныя черты греческой этимологіи“, появившійся въ пяти изданіяхъ [1]). Задачею этого труда было—отмѣтить дѣйствительную пользу, принесенную греческой этимологіи сравнительнымъ языкознаніемъ, и эта задача была выполнена—по словамъ Асколи—съ тѣмъ мастерствомъ положительной творческой критики, которое особенно отличало автора. Курціусъ, правда, не былъ этимологомъ, но онъ оказалъ важныя услуги этимологіи тѣмъ, что собралъ и привелъ въ порядокъ установленное другими, искусно отдѣлилъ достовѣрное отъ сомнительнаго и, наконецъ, старался отыскать твердыя нормы для перехода звуковъ и сохранить значенію его права, а такъ какъ онъ всегда стремился подвести частныя явленія подъ общія точки зрѣнія, то этимъ самымъ онъ также значительно подвинулъ впередъ теорію сравнительнаго языкознанія [2]). Второй по объему трудъ—это „Глаголъ въ греческомъ языкѣ“ (1873—1876), въ которомъ, однако, какъ мнѣ кажется, чувствуется ослабленіе творческой силы. Но трудовая дѣятельность Курціуса не исчерпывалась однимъ писаніемъ книжекъ. Вліяніе Курціуса, какъ академическаго учителя, было равносильно его вліянію, какъ писателя. Тысячи его слушателей вынесли одушевленіе и любовь къ занятіямъ языкознаніемъ въ свою собственную педагогическую дѣятельность; не мало изъ нихъ получило импульсъ къ самостоятельнымъ сравнительно-грамматическимъ изслѣдованіямъ. Школьный міръ также былъ захваченъ его вліяніемъ. Хотя его школьная греческая грамматика и не удержалась въ нѣмецкой гимназіи, она все-таки много способствовала уменьшенію разстоянія между школьными ученіями и научными. Въ характеристикѣ, написанной Виндишемъ съ точки зрѣнія друга и единомышленника—(„Георгъ Курціусъ, харак-

---

[1]) „Grundzüge der griechischen Etymologie“, Лейпцигъ. 5 изд. 1879. Съ этого изданія сдѣланъ русскій переводъ (одна книга первая, введеніе) съ критическими обширными и интересными примѣчаніями К. Я. Люгебилемъ: „Начала и главные вопросы греч. этимологіи“ Спб. 1882. 8°, 316.

Прим. ред.

[2]) Объ этой сторонѣ дѣятельности *Курціуса* будетъ говориться въ статьѣ о звуковыхъ законахъ. О его отношеніи къ глоттогоническимъ проблемамъ, см. гл. 5.

теристика Э. Виндиша“, Берлинъ у Кальвари, 1887), высказывается слѣдующее, на мой взглядъ справедливое, общее сужденіе о значеніи Курціуса въ наукѣ: „Сила Курціуса не заключалась, собственно говоря, въ смѣло, но одиноко стремящемся впередъ спеціальномъ изслѣдованіи, направленномъ къ новымъ открытіямъ..., онъ предпочиталъ, не вдаваясь въ частности, охватывать и представлять картину цѣлаго, стоять въ центрѣ движенія, отмѣчать то, что онъ по тщательномъ изслѣдованіи считалъ достовѣрными выводами науки, способствовать ихъ упроченію и распространенію, и раздѣлять со многими одинаковыя убѣжденія“ (Стр. 16). Этимъ объясняется его судьба въ послѣдніе годы. Спеціалистъ можетъ остаться почти незатронутымъ великими измѣненіями въ научныхъ направленіяхъ, которыя можно сравнить съ волненіями моря политической жизни, между тѣмъ какъ положеніе Курціуса было въ своемъ основаніи потрясено тѣмъ движеніемъ, о которомъ будетъ рѣчь въ четвертой главѣ. Бросая теперь взглядъ назадъ, мы удивляемся тому, что Курціусъ не замѣтилъ предвѣстниковъ наступающей бури нѣсколько лѣтъ раньше. Кажется, что онъ былъ застигнутъ совершенно врасплохъ наступившимъ переворотомъ. Онъ былъ въ высшей степени пораженъ и отстаивалъ свои мнѣнія въ пространномъ сочиненіи, озаглавленномъ „Матеріалы для критики новѣйшаго языкознанія. Лейпцигъ 1885 г.“. Я не думаю, что онъ остался правъ. Рядомъ съ Курціусомъ обыкновенно ставили впродолженіи ряда лѣтъ Вильгельма Корсена (1820—1875 г.), будто бы сдѣлавшаго для латинскаго языка столько-же, сколько Курціусъ для греческаго. Дѣйствительно, онъ стяжалъ большія заслуги своимъ трудомъ о произношеніи, вокализмѣ и удареніи въ латинскомъ языкѣ, но дальнѣйшее теченіе учено-писательской дѣятельности Корсена выяснило, что его знанія въ области прочихъ индогерманскихъ языковъ были даже слишкомъ незначительны, и что его направленіе въ самомъ дѣлѣ было обособленнымъ (на что съ порицаніемъ указалъ Бенфей въ „Orient und Occident“, 1, 230 слѣд.). Меткое сужденіе объ ученой дѣятельности Корсена можно найти у Асколи въ его „Критическихъ этюдахъ“ [1]), стр. IX.

Третьему и самому выдающемуся среди трехъ неоднократно упоминавшихся вмѣстѣ ученыхъ, Августу Шлейхеру, должна быть посвящена особая глава.

---

[1]) „Studj critici“ (Миланъ 1861); нѣм. переводъ: „Ascoli, Kritische Studien zur Sprachwissenschaft. Uebersetzt von R. Merzdorf und B. Mangold.“ Веймаръ, 1878. *Прим. ред.*

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Августъ Шлейхеръ.

Уже при первомъ знакомствѣ съ работами Августа Шлейхера (род. въ 1821 г. и ум. въ 1868 г.) [1]), бросается въ глаза то обстоятельство, что ученый этотъ находился подъ признаннымъ имъ самимъ вліяніемъ двухъ отраслей знанія, ничего общаго не имѣющихъ съ наукою о языкѣ, а именно, философіи Гегеля, послѣдователемъ которой онъ былъ въ молодые годы, и новаго естествознанія, къ которому онъ, особенно въ послѣдній періодъ своей жизни, обнаружилъ горячее и даже страстное влеченіе [2]). Прежде чѣмъ прослѣдить пріемы научныхъ изслѣдованій Шлейхера въ ихъ деталяхъ, попробуемъ опредѣлить вообще характеръ и степень этихъ вліяній на него.

Уже во введеніи къ первому своему обширному труду «Sprachvergleichende Untersuchungen» (Bonn, 1848 г.), Шлейхеръ является послѣдователемъ Гегеля, какъ это вытекаетъ изъ обзора высказанныхъ тамъ мыслей. Языкъ,—говорится тамъ—раскрывается въ значеніи и отношеніи. Первое содержится въ корнѣ, отношеніе же выражается въ образовательныхъ (суффиксальныхъ) слогахъ. Поэтому можно различать только три класса языковъ. Либо обозначается одно только значеніе, какъ въ изолирующихъ языкахъ. Либо звуки, выражающіе отношеніе, приставляются къ звукамъ, выражающимъ значеніе, какъ-то бываетъ въ агглютинирующихъ языкахъ. Либо, наконецъ, тѣ и другіе образуютъ тѣсно спаянную нераздѣльную единицу — въ языкахъ флектирующихъ. Четвертый случай немыслимъ, ибо звуки, обозначающіе отношеніе,

---

[1]) Cp. S. Lefmann. „August Schleicher.—Skizze von Dr. Salomon Lefmann etc.“ Leipzig, Teubner 1870. 8° VIII + 104.

Прим. ред.

[2]) Наклонность къ нему впрочемъ, сказывается уже рано. Ср. „Formenlehre der kirchensl. Sprache“. Предисловіе стр. VI, прим.

не могутъ существовать отдѣльно. Тремъ здѣсь характеризованнымъ видамъ системы соотвѣтствуютъ и три періода развитія. Итакъ, мы должны притти къ предположенію, что изолирующіе языки представляютъ собою древнѣйшую форму, что изъ нихъ возникли агглютинирующіе, а изъ послѣднихъ уже флектирующіе, такъ что послѣдняя ступень содержитъ въ себѣ двѣ предыдущихъ въ отжившемъ уже состояніи. Но этому теоретическому построенію,— разсуждаетъ далѣе Шлейхеръ,—не соотвѣтствуетъ нашъ опытъ, ибо мы знаемъ языки, вступающіе въ кругъ нашихъ наблюденій, не въ стадіи развитія, но напротивъ—разложенія; на нашихъ глазахъ не возникаютъ высшія формы, но напротивъ разлагаются существующія. Но такъ какъ философское построеніе съ одной стороны и результатъ нашего наблюденія съ другой должны сохранять свои права, то отсюда вытекаетъ, какъ необходимое слѣдствіе, что оба явленія, о которыхъ здѣсь говорится, должны быть отнесены къ различнымъ эпохамъ. Въ доисторическое время языки образовались, въ историческое они разлагаются. Образованіе языка и развитіе исторіи суть проявленія человѣческаго духа, исключающія другъ друга.

Таково въ сжатомъ изложеніи разсужденіе Шлейхера, которое цѣликомъ или лишь отчасти повторяется и въ болѣе позднихъ его работахъ, и не было даже вполнѣ уничтожено естественно-научнымъ направленіемъ, возобладавшимъ въ немъ въ послѣднее время его жизни.

Здѣсь не мѣсто входить въ критическій разборъ этихъ взглядовъ, слабыя стороны которыхъ очевидны теперь сразу всякому, но, конечно, интересно получить отвѣтъ на вопросъ, насколько здѣсь Шлейхеръ зависитъ отъ Гегеля. In materialibus (въ конкретномъ отношеніи) зависимость эта очевидно незначительна. Прежде всего раздѣленіе языковъ на вышеназванныя три группы ведетъ свое начало не отъ Гегеля, но изъ опыта. Шлейхеръ выработалъ его, опираясь на Фридриха Шлегеля и Вильгельма фонъ-Гумбольдта (Ср. журналъ «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung» Куна и Шлейхера, т. I, стр. 3, прим.). Далѣе, мнѣніе, что флексія развилась путемъ сложенія, явилось логическимъ выводомъ изъ морфологическаго анализа Боппа, къ которому примкнулъ въ главныхъ чертахъ и Шлейхеръ и, наконецъ, теорія, по которой мы можемъ наблюдать языки (по крайней мѣрѣ индогерманскіе), лишь въ состояніи упадка, также восходитъ къ Боппу. Такимъ образомъ, фактическое вліяніе Гегеля можетъ быть найдено развѣ только въ принятіи того мнѣнія, что въ развитіи человѣчества слѣдуетъ отли-

чать періодъ доисторическій, въ которомъ духъ былъ еще связанъ неясными грезами, и историческій, обозначенный его пробужденіемъ къ свободѣ. Раздѣленіе эволюціи человѣчества на періодъ доисторическій и историческій (причемъ къ доисторическому періоду относится эпоха развитія языка) удержалось у Шлейхера во всю его жизнь, и не невѣроятно, что взглядъ этотъ внушенъ ему Гегелемъ.

Если такимъ образомъ запасъ идей, которыя могли-бы быть приписаны Гегелю, у Шлейхера не великъ, зато въ упомянутомъ юношескомъ трудѣ сильно сказывается манера Гегеля въ формулировкѣ мыслей и въ построеніи доказательствъ. Манеру эту Шлейхеръ оставляетъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, но она чувствуется еще и въ позднѣйшихъ трудахъ, и въ особенности можетъ быть указана кое-гдѣ въ терминологіи.

Въ общемъ вліяніе философіи Гегеля на Шлейхера оказывается лишь умѣреннымъ, и довольно внѣшняго свойства.

Естествоиспытатели, знавшіе его, разсказываютъ, что онъ славился какъ своими удачными препаратами для микроскопа, такъ и нѣкоторыми продуктами своего садовничества. Эти любительскія занятія оказывали съ годами все большее вліяніе на его взгляды въ области языкознанія. Когда, гуляя по своему любимому саду, онъ анализировалъ формы языковъ, у него, вѣроятно, часто мелькала мысль, что тотъ, кто разлагаетъ формы языка и разсѣкаетъ растенія, въ сущности дѣлаетъ одно и то же дѣло; когда же онъ взвѣшивалъ закономѣрность развитія языковъ, ясно представить которую было его самымъ серьезнымъ стремленіемъ, то ему казалась весьма естественной мысль, что языкъ есть не что иное, какъ органическое существо. Эти впечатлѣнія и мысли складывались въ его систематизирующемъ умѣ въ серьезное ученіе, главныя положенія котораго слѣдующія: языкъ есть природный организмъ, онъ живетъ какъ и другіе организмы, хотя и не поступаетъ, какъ человѣкъ.

Наука объ этомъ организмѣ принадлежитъ къ наукамъ естественнымъ, и методъ, посредствомъ котораго она должна быть разрабатываема, есть методъ естественныхъ наукъ. Шлейхеръ придавалъ большое значеніе этимъ положеніямъ, и я готовъ даже утверждать, что если бы его спросили въ послѣдніе годы его жизни—въ чемъ главнымъ образомъ заключается, по его собственному мнѣнію, его научная заслуга, онъ бы отвѣтилъ, что она состоитъ въ примѣненіи естественно-научнаго метода къ языкознанію. Мнѣніе большинства современниковъ было другое, и теперь почти всѣ согласны въ томъ, что эти три Шлейхеровскія положе-

нія не могутъ быть приняты. Терминъ „организмъ" примѣнялъ къ языку уже Боппъ, но онъ не хотѣлъ сказать этимъ ничего другого, какъ только то, что языкъ не есть произвольное издѣліе. Такое образное выраженіе можетъ быть допущено, но когда его принимаютъ въ серьезъ, сейчасъ же обнаруживается противорѣчіе. Языкъ конечно не существо, а лишь проявленіе существа; онъ есть, слѣдовательно, если выражаться языкомъ естествознанія,—не организмъ, а его функція. И зачисленіе языкознанія въ рядъ наукъ естественныхъ едва ли можетъ быть осуществлено на дѣлѣ [1]). Такъ какъ языкъ есть нѣчто возникшее въ человѣческомъ обществѣ, то наука о языкѣ не можетъ принадлежать къ числу естественныхъ наукъ, въ особенности же если мы захотимъ и дальше примѣнять этотъ терминъ въ обычномъ техническомъ смыслѣ.

Наконецъ, относительно метода, по моему несомнѣнно, что не существуетъ одного опредѣленнаго метода, имѣющаго силу для всѣхъ естественныхъ наукъ. Для одного отдѣла естественныхъ наукъ необходимо примѣненіе математики, для другого—опытъ и, наконецъ, для третьяго, къ которому, напримѣръ, принадлежитъ біологія,—такъ называемый генетическій методъ. Несомнѣнно методъ языкознанія имѣетъ сходство съ этимъ послѣднимъ постольку, поскольку объекты обѣихъ наукъ суть такіе объекты, историческое образованіе которыхъ стремятся уяснить себѣ изслѣдователи.

Однако я не намѣреваюсь входить въ болѣе подробную критику этихъ взглядовъ, ибо моя теперешняя задача заключается не въ томъ, чтобы опредѣлить вѣрность, или невѣрность взглядовъ Шлейхера, а, наоборотъ, показать, какъ они въ немъ возникли и дѣйствовали. Кромѣ того изъ вышесказаннаго уже можно составить правильное понятіе о положеніи вещей. Мнѣ кажется, можно не сомнѣваться въ томъ, что естественныя науки, правда, оказали на Шлейхера болѣе продолжительное вліяніе, чѣмъ философія Гегеля, но что онѣ не могли дать направленіе и методъ его изслѣдованію. Вліяніе взглядовъ Дарвина на языкъ не замѣтно у Шлейхера; оно скорѣе выступаетъ въ теоріи приспособленія (адаптаціи) его противника Альфреда Людвига. Вѣрность этого мнѣнія станетъ еще яснѣе при критическомъ

[1]) Къ сожалѣнію этотъ аргументъ не весьма убѣдителенъ: пищевареніе, дыханіе, кровообращеніе и т. п. процессы—также не организмы, а функціи организма, но тѣмъ не менѣе являются предметомъ естественной науки—физіологіи. Т. о. и языкъ, какъ функція организма, могъ бы быть предметомъ науки естественно-исторической. *Прим. ред.*

обозрѣніи трудовъ Шлейхера по языкознанію, къ которому я теперь и перехожу.

Въ первыхъ работахъ Шлейхера еще ясно чувствуется философская атмосфера, изъ которой онѣ вышли, въ томъ смыслѣ, что онѣ имѣютъ цѣлью не столько детальныя изслѣдованія, сколько систематическое обозрѣніе обширной области. Ибо его, „Sprachvergleichende Untersuchungen» [1]) въ своей первой части имѣютъ задачей прослѣдить извѣстное вліяніе звука *j* (такъ называемый зетацизмъ) въ наибольшемъ количествѣ языковъ, а во второй части («Sprachen Europas») даютъ очеркъ системы лингвистики. Вполнѣ схожій характеръ носитъ и его гораздо болѣе поздняя работа («Die Unterscheidung von Nomen und Verbum in der lautlichen Form» (Abhandl. d. Sächs. Gesellsch. der Wissensch. Leipzig. 1865). Между тѣмъ еще раньше Шлейхеръ началъ наравнѣ съ этими общими изслѣдованіями отвоевывать себѣ спеціальную область, а именно литвославянскіе языки, и на этомъ поприщѣ достигъ такихъ заслугъ, которыхъ не могутъ поколебать никакія перемѣны во времени и во взглядахъ. Шлейхеръ стоитъ рядомъ съ Миклошичемъ, приблизительно такъ, какъ въ области германской филологіи Боппъ рядомъ съ Гриммомъ. Онъ больше, чѣмъ кто бы то ни было, способствовалъ освѣщенію славянскихъ языковъ свѣтомъ сравнительно-грамматическаго метода. Совершенно новый матеріалъ доставилъ онъ наукѣ своими занятіями въ области литовскаго языка, собирая его формы на мѣстѣ, какъ ботаникъ, и сохранивъ ихъ въ гербаріи своей грамматики [2]) на вѣчныя времена. Благодаря своимъ обязанностямъ профессора (въ Боннѣ, Прагѣ и Іенѣ), онъ принужденъ былъ обращать постоянное вниманіе и на остальные индогерманскіе языки и такимъ образомъ съ возможной всесторонностью подготовлялся къ главному труду своей жизни, „Компендію сравнительной грамматики индогерманскихъ языковъ“ (Веймаръ 1861 г., [3]), который, въ силу его ранней кончины,

[1]) „Sprachvergleichende Untersuchungen“. 2 т. (I. Zur vergleichenden Sprachgeschichte. II. Die Sprachen Europa's in systematischer Uebersicht). Боннъ, 1848—50. *Прим. ред.*

[2]) «Handbuch der litauischen Sprache von August Schleicher I. Grammatik. Prag 1856 etc. II. Lesebuch und Glossar. Prag. 1857 etc. *Прим. ред.*

[3]) August Schleicher, „Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Kurzer Abriss einer Laut- und Formenlere der indogermanischen Ursprache, des Altindischen, Alteranischen, Altgriechischen, Altitalischen, Altkeltischen, Altslawischen, Litauischen und Altdeutschen“. 4-ое послѣднее изд. съ незначит. исправленіями и добавленіями было выпущено послѣ смерти Шлейхера его учениками І. Шмидтомъ и А. Лескиномъ (1876). *Прим. ред.*

помѣшавшей ему выполнить другіе его обширные планы, является для насъ въ то же время вѣнцомъ всей его дѣятельности.

Компендій Шлейхера завершаетъ собой цѣлый періодъ въ исторіи языкознанія, въ противоположность работамъ Боппа, открывавшимъ его. Поэтому-то такъ различно общее впечатлѣніе, производимое „Сравнительной грамматикой“ съ одной стороны и „Компендіемъ“ съ другой. Боппъ долженъ былъ доказывать основное тожество индогерманскихъ языковъ, тогда какъ Шлейхеръ считалъ его уже доказаннымъ; Боппъ завоевываетъ, Шлейхеръ организуетъ. Боппъ главнымъ образомъ обращалъ свое вниманіе на то, что принадлежитъ всѣмъ индогерманскимъ языкамъ, Шлейхеръ же взялъ на себя задачу оттѣнить ярче отдѣльные индогерманскіе языки на общемъ фонѣ. Поэтому-то „Сравнительная грамматика“ является цѣльнымъ связнымъ изображеніемъ, тогда какъ „Компендій“ можетъ быть разложенъ безъ особаго труда на рядъ отдѣльныхъ грамматикъ. Составитель „Грамматики“ придаетъ описанію частностей главнымъ образомъ форму изслѣдованія, примѣняя ее съ большой природной граціей, „Компендій“ же, напротивъ, почти сплошь изложенъ въ сжатомъ и однообразномъ тонѣ догматическаго утвержденія. Болѣе ранній трудъ можетъ быть сравниваемъ съ описаніемъ интереснаго процесса, а позднѣйшій—съ параграфами свода законовъ.

Менѣе ярко обрисовывается разница при сравненіи взглядовъ, изложенныхъ въ обѣихъ книгахъ. Прежде всего, что касается теоріи Боппа о происхожденіи флексіи, то Шлейхеръ въ существенныхъ чертахъ ее принялъ, хотя и формулировалъ иначе. Какъ и первый, онъ разсматриваетъ корни, непреложный законъ которыхъ есть односложность, какъ главные составные элементы индогерманскихъ языковъ. Такъ-же, какъ и первый, онъ различаетъ два класса корней (но въ отличіе отъ Боппа считаетъ вѣроятнымъ, что такъ называемые мѣстоименные корни образовались изъ другихъ). Подобно Боппу, онъ видитъ въ тематическихъ и словообразовательныхъ суффиксахъ приставленныя мѣстоименія. Онъ отклоняется отъ него лишь въ частностяхъ, такъ, напримѣръ, въ объясненіи окончаній средняго залога, относительно которыхъ Боппъ колебался, Шлейхеръ съ рѣшительностью высказался въ пользу теоріи сложенія, которую и развилъ въ подробностяхъ. Въ объясненіи окончаній множественнаго числа дѣйствительнаго залога онъ примкнулъ къ Потту; характерный элементъ желательнаго наклоненія онъ видитъ не въ корнѣ *i* или *ī*, но въ мѣстоименномъ корнѣ *ja* (не высказываясь, однако, какъ

при такомъ предположеніи объясняется значеніе желательнаго наклоненія); въ сослагательномъ же наклоненіи, которое Боппъ еще не считалъ съ увѣренностью за отдѣльное наклоненіе, онъ видѣлъ мѣстоименный корень *a*.

Значительная разница видна, впрочемъ, въ опредѣленіи понятія флексіи, которую Шлейхеръ такъ опредѣляетъ во второмъ параграфѣ Компендія: „сущность флексіи основана на вокализмѣ". Эти съ перваго взгляда очень странно звучащія слова должны быть понимаемы такъ: Шлейхеръ признаетъ два класса языковъ, въ которыхъ формы создаются посредствомъ сложенія: агглютинирующіе и флектирующіе. Особенность послѣднихъ онъ находитъ въ томъ, что они могутъ измѣнять коренной гласный для выраженія отношеній, такъ, напримѣръ, εἶμι составлено изъ ι и μι, причемъ ι измѣняется въ ει для выраженія отношенія. Флектирующіе языки такимъ образомъ имѣютъ своимъ принципомъ сложеніе и, кромѣ того, способность измѣнять коренной гласный по указанному способу. Въ окончательную-же формулировку Шлейхеръ внесъ только это послѣднее отличительное качество. Легко убѣдиться въ томъ, что въ этой редакціи опредѣленія скрывается остатокъ Шлегелевскаго пониманія флексіи, къ которому Шлейхеръ въ прежнее время стоялъ ближе; но этотъ остатокъ такъ незамѣтенъ по своему значенію, что, несмотря на это, Шлейхеръ по праву можетъ быть признанъ приверженцемъ теоріи агглютинаціи Боппа.

Шлейхеръ сходится съ Боппомъ также и въ томъ, что не ограничиваетъ однимъ первобытнымъ періодомъ способность образовать новыя сочетанія посредствомъ агглютинаціи, но допускаетъ и въ отдѣльныхъ языкахъ сложенія, образованныя по тому-же принципу, какъ въ праязыкѣ (напр. въ латинскомъ перфектѣ).

Больше всего различій въ фонетикѣ. Какой внушительной является передъ нами фонетика Шлейхера, занимающая половину всего Компендія, въ сравненіи съ довольно тощей и неравномѣрно разработанной главой у Боппа, носящей названіе „Система письма и звуковъ" (Schrift-und Lautsystem)! Задачей Шлейхера было критически разобрать и использовать всю массу частныхъ изслѣдованій, предпринятыхъ послѣ Боппа Поттомъ, Бенфеемъ, Куномъ, Курціусомъ, имъ самимъ и другими. Въ обработкѣ матеріала видны уже отмѣченные выше успѣхи. Приняты во вниманіе особенности отдѣльныхъ языковъ, всѣ родственные случаи тщательно сопоставлены, и по полученнымъ результатамъ измѣряется правдоподобность отдѣльнаго случая. Такимъ образомъ Шлейхеръ установилъ длинный рядъ тщательно взвѣ-

щенныхъ и хорошо обоснованныхъ фонетическихъ законовъ, которые были предназначены служить путеводной нитью каждому языковѣду, и безспорно, этимъ дѣломъ упорядоченія и критическаго разбора стяжалъ себѣ выходящія изъ ряда вонъ заслуги.

Эти заслуги не уменьшаются даже тѣмъ соображеніемъ, что всѣ такіе законы могутъ имѣть лишь временную цѣну. Такъ какъ очевидныя этимологіи служатъ матеріаломъ, изъ котораго выводятся фонетическіе законы, а матеріалъ этотъ можетъ постоянно увеличиваться и измѣняться, то всегда могутъ быть открываемы и новые фонетическіе законы или измѣняемы старые. Самъ Шлейхеръ, правда, не достаточно оцѣнилъ эту мысль, справедливость которой уже довольно доказана намъ опытомъ (сколько новаго было открыто и не только однимъ Фикомъ!). Это зависѣло, кажется, отъ того, что онъ самъ въ своемъ систематизирующемъ умѣ не ощущалъ той комбинаторной фантазіи, которая необходима для открытія новыхъ этимологій, и потому вообще слишкомъ низко цѣнилъ значеніе этимологизаціи.

Въ новѣйшее время неоднократно обсуждался вопросъ, какъ относился Шлейхеръ въ принципѣ къ фонетическимъ законамъ. Допускалъ-ли онъ въ нихъ исключенія, подобно своимъ предшественникамъ, или же приписывалъ имъ непреложное дѣйствіе? (Сравн. I. Шмидтъ въ Kuhn's Zeitschrift für vergl. Sprachforsch., т. XXVIII, стр. 303 и сл. и XXXII, 419). По его общему воззрѣнію на сущность языка слѣдовало ожидать, что онъ стоитъ за вторую часть альтернативы. Ибо тотъ, кто считаетъ языкъ естественнымъ произведеніемъ природы, долженъ признавать закономѣрность и у его измѣненій. Между тѣмъ у него встрѣчаются нѣкоторыя мѣста, изъ которыхъ повидимому вытекаетъ, что онъ думалъ иначе. Такъ въ Компендіи § 703 (1866), защищая воззрѣніе Боппа, что *r* медіопассива произошло изъ *s*, онъ говоритъ: „это явленіе (именно переходъ *s* въ *r*) встрѣчается также и въ другихъ языкахъ, которымъ чуждъ звуковой переходъ *s* въ *r*“; здѣсь сознательно для извѣстнаго образованія принимается особый звуковой переходъ, который противорѣчитъ законамъ, имѣющимъ силу въ данныхъ языкахъ. Въ противоположность этому мы читаемъ слѣдующее, высказанное въ 1860 г. заявленіе, на которое впервые обратилъ вниманіе А. Іогансонъ. „По отсутствію фонетическихъ законовъ, дѣйствующихъ безъ исключенія, вполнѣ ясно замѣтно, что нашъ письменный языкъ не есть нарѣчіе, живущее въ устахъ народа, или спокойное безпрепятственное дальнѣйшее развитіе болѣе древней формы языка. Наши народные говоры обыкновенно представляются научному наблюденію, какъ выше стоящіе

по развитію языка, болѣе закономѣрные организмы, чѣмъ письменный языкъ". („Deutsche Sprache" 170) [1]). Изъ этого мѣста несомнѣнно слѣдуетъ, что Шлейхеръ требовалъ фонетическихъ законовъ, дѣйствующихъ безъ исключенія, но этимъ не говорится, что онъ не признавалъ никакихъ другихъ законовъ, кромѣ дѣйствующихъ безъ исключенія. Это мѣсто дѣлаетъ возможнымъ мнѣніе, что Шлейхеръ вмѣстѣ съ Боппомъ (ср. выше стр. 22) стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что въ языкахъ есть „два рода евфоническихъ измѣненій, изъ которыхъ одни, поднявшіяся до значенія общаго закона, проявляются въ одинаковомъ видѣ при каждомъ одинаковомъ поводѣ, тогда какъ другія, не успѣвшія стать закономъ, обнаруживаются лишь случайно". Я не могу поэтому составить себѣ яснаго представленія изъ трудовъ Шлейхера, какъ далеко онъ выводилъ въ этомъ направленіи логическія слѣдствія изъ своей системы. Такимъ образомъ, для рѣшенія этого вопроса, приходится обратиться къ указаніямъ тѣхъ, которые имѣли счастіе лично слушать лекціи Шлейхера. Къ нимъ принадлежитъ І. Шмидтъ, который выражается такъ: „Шлейхеръ впервые училъ, что всѣ измѣненія, которыя претерпѣвали индогерманскія слова отъ первобытныхъ временъ до нашихъ дней, причинены вліяніемъ двухъ факторовъ: фонетическихъ законовъ, дѣйствующихъ безъ исключенія, и перекрещивающихся съ ними неправильныхъ аналогій, которыя давали себя чувствовать уже и въ болѣе древніе періоды развитія языка". Если это такъ, то во всякомъ случаѣ слѣдуетъ установить, что Шлейхеръ не вносилъ положенія о непреложности фонетическихъ законовъ въ великое научное движеніе послѣдняго времени. Болѣе позднему времени предоставлено было сознать его снова и провозгласить его путеводной звѣздой для научной работы.

Остается однако незатронутымъ еще одинъ пунктъ, который во всякомъ случаѣ лучше всего обнаруживаетъ оригинальность Шлейхера, — я разумѣю построенный имъ индогерманскій праязыкъ, о которомъ теперь должна итти рѣчь. Самый ранній отзывъ о праязыкѣ я нахожу въ предисловіи къ „Ученію о формахъ церковнославянскаго языка", гдѣ говорится: „при сравненіи формъ двухъ родственныхъ языковъ, я стараюсь прежде всего привести сравниваемыя формы къ ихъ предполагаемой основной формѣ, т. е. къ тому виду, который онѣ должны были бы имѣть, внѣ дѣйствія позднѣйшихъ

[1]) Извѣстная книга А. Шлейхера, представляющая собой родъ популярнаго изложенія общаго языкознанія на основѣ характеристики нѣмецкаго языка: „Die Deutsche Sprache", Штутгартъ, 1860.

Прим. ред.

звуковыхъ законовъ, или вообще поставить ихъ на одинаковую ступень звуковыхъ отношеній. Такъ какъ даже самые древніе языки нашего корня, въ томъ числѣ и самъ санскритъ, лежатъ передъ нами не въ своей древнѣйшей звуковой формѣ, такъ какъ далѣе различные языки извѣстны намъ въ очень разнообразныхъ возрастахъ своего развитія, то, прежде чѣмъ приступать къ сравненію, нужно по возможности устранить эту разницу въ возрастѣ; данныя величины должны быть сперва приведены къ одному общему выраженію, прежде чѣмъ ихъ можно будетъ сопоставить въ одномъ уравненіи, будетъ ли это общее выраженіе—искомымъ древнѣйшимъ выраженіемъ обоихъ сравниваемыхъ языковъ, или звуковой формой одного изъ нихъ". Итакъ поэтому, при сравненіи двухъ языковъ, или форма одного языка должна быть сведена къ формѣ другого (напримѣръ слав. пєкѫшта къ санскр. *pacantyasya*. См. цитир. сочин.), или обѣ формы могутъ быть сведены къ одной общей праформѣ. Первый методъ, насколько я вижу, былъ мало примѣняемъ Шлейхеромъ на практикѣ; наоборотъ, второй содержитъ въ себѣ наставленіе для образованія индогерманскихъ основныхъ формъ, если мы, вмѣсто словъ „сравненіе двухъ языковъ", поставимъ слова—„сравненіе всѣхъ индогерманскихъ языковъ". Нужно отнять у формы, встрѣчающейся во всѣхъ языкахъ, то, что принадлежитъ спеціальному развитію отдѣльнаго языка, и то, что тогда останется, и есть основная, первоначальная форма (праформа). Примѣръ пояснитъ это наставленіе. Въ санскритѣ поле называется *ájras*, въ греческомъ ἀγρός, въ латинскомъ *ager*, въ готскомъ *akrs*. Между тѣмъ извѣстно, что въ готскомъ языкѣ *k* образовалось изъ *g*, а передъ *s* исчезло *a*, такимъ образомъ изъ готскаго языка получается основная форма *agras*; далѣе извѣстно, что греческое o должно быть выводимо изъ *a*, и такимъ образомъ опять приходятъ къ формѣ *agras*, и такъ въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ. Такимъ образомъ *agras* можетъ считаться основной формой; при помощи такихъ же пріемовъ устанавливаются основныя формы: вин. п.—*agram*, род. п.—*agrasya*, отложительнаго—*agrat*, имен. множ.—*agrāsas* и т. д., затѣмъ большое число мѣстоименій, предлоговъ и т. д. Всѣ эти формы, вмѣстѣ взятыя, образуютъ индогерманскій праязыкъ, или же, выражаясь исторически, праязыкъ есть тотъ языкъ, на которомъ говорили непосредственно передъ первымъ раздѣленіемъ индогерманскаго народа-предка.

Впрочемъ, Шлейхеръ не всегда довольствовался этимъ простымъ и яснымъ опредѣленіемъ праязыка, ибо онъ часто приписываетъ ему качество, которое нельзя вывести изъ даннаго до

сихъ поръ опредѣленія его понятія,—качество полнѣйшей первичности и нетронутости. Лучше всего то, что мы здѣсь разумѣемъ, поясняется примѣромъ. Им. пад. отъ слова „мать“ звучитъ въ санскритскомъ *mātá*, въ греческомъ μήτηρ, въ литовскомъ *motė́*, въ древнеславянскомъ—*мати*, въ древневерхненѣмецкомъ *muoter* Нигдѣ нѣтъ въ им. пад. *s* [1]). Такимъ образомъ посредствомъ сравненія отдѣльныхъ формъ можно придти только къ формѣ *mātār* или *mātā* (послѣднее возможно, только если принять, что *r*, напр. въ μήτηρ, было перенесено въ именит. падежъ въ отдѣльныхъ языкахъ изъ косвенныхъ падежей), но не къ *mātars*, какъ дѣлаетъ Шлейхеръ. Онъ, однако, принялъ эту форму, потому—что *matar* есть основа, а *s* суффиксъ им. пад., и былъ твердо убѣжденъ, что въ праязыкѣ не было еще такъ назыв. звуковыхъ законовъ, вліянія звуковъ другъ на друга и т. под. Это предположеніе, однако, совершенно произвольно, такъ какъ, если праязыкъ былъ такимъ языкомъ, на которомъ говорили люди, то онъ, какъ и всѣ другіе языки, долженъ былъ испытать и ихъ судьбу, а именно: измѣненіе своего звукового и формальнаго состава. Слѣдовательно, ничто не мѣшаетъ предполагать въ праязыкѣ такія формы, какъ *mātār* или *mātā*. Конечно въ болѣе древнемъ періодѣ данная форма могла имѣть видъ *mātars*, какъ предполагаетъ Шлейхеръ, но тогда нужно такъ разграничивать отдѣльные періоды праязыка, чтобы болѣе древнія и позднѣйшія формы не ставились на одну доску, какъ это повидимому бываетъ у Шлейхера. Это недостаточное раздѣленіе—нельзя этого отрицать, вызвало въ понятіи Шлейхера о праязыкѣ нѣкоторую неясность. Я думаю, что въ дальнѣйшемъ изложеніи можно оставить въ сторонѣ эту трудность, и такимъ образомъ понимаю „праязыкъ“ всегда только въ вышеозначенномъ смыслѣ, т. е. въ томъ смыслѣ, который отвѣчаетъ и первичнымъ намѣреніямъ Шлейхера.

Слѣдуетъ-ли теперь, по мнѣнію Шлейхера, приписывать историческую реальность формамъ праязыка въ этомъ смыслѣ? Я думаю, что послѣ чтенія Компендія является наклонность отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно, и до нѣкоторой степени поражаешься, наталкиваясь на слѣдующее замѣчаніе въ дополненіяхъ къ нему (Chrestomatie [2]) 342): „построеніемъ этихъ основ-

[1]) Окончаніе им. пад. ед., частое у основъ на гласный: санскр. *vṛka-s*, греч. λύκο-ς, лат. lupu-s, готск. vulf-s, лат. hosti-s, гр. πόσι-ς, санскр. *pati-s* и т. д.
Прим. ред.

[2]) Indogermanische chrestomathie. Schriftproben und lesestücke mit erklärenden glossaren zu August Schleichers compendium der vergleichenden grammatik der indogermanischen sprachen. Bearbeitet von H. Ebel, A. Leskien,

ныхъ формъ не утверждается, что онѣ дѣйствительно нѣкогда существовали". Чтобы объяснить это кажущееся противорѣчіе, я избираю форму самостоятельнаго изложенія, которую, думается, лучше всего вести такъ, что я формулирую возраженія, могущія быть выставленными противъ Шлейхеровскаго праязыка въ вышеописанномъ смыслѣ, и постараюсь показать ихъ дѣйствительную цѣну.

Первое затрудненіе заключается очевидно въ требованіи, что для построенія извѣстной формы необходимо принимать во вниманіе всѣ отдѣльные языки. Это требованіе можетъ быть выполнено только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ слова и формы, которыя мы можемъ прослѣдить во всѣхъ языкахъ, очень немногочисленны. Но, однако, на практикѣ это возраженіе не имѣетъ такого большого значенія. Ибо во-первыхъ, надо взвѣсить то обстоятельство, что мы въ самомъ дѣлѣ можемъ показать во всѣхъ языкахъ, хотя-бы только и въ видѣ слѣдовъ, изрядное количество флективныхъ суффиксовъ; далѣе — относительно извѣстнаго количества словесныхъ основъ мы можемъ сказать, какъ онѣ должны были звучать въ извѣстномъ отдѣльномъ языкѣ, такъ какъ намъ извѣстны фонетическіе законы, которые при этомъ пришлось-бы принимать во вниманіе. Болѣе серьезнымъ является другое возраженіе. Можно-ли дѣйствительно опредѣлить, гдѣ начинается развитіе отдѣльнаго языка. Можно-ли прочно установить, принадлежитъ-ли извѣстная звуковая модификація или видъ формы уже праязыку, или только отдѣльному языку? Шлейхеръ въ этомъ отношеніи имѣлъ твердо установившіеся взгляды. Онъ, напримѣръ, считалъ возможнымъ утверждать, что праязыкъ имѣлъ слѣдующіе звуки:

Согласные						*Гласные*		
k	g	gh	j	s	v	a	i	u
t	d	dh	n	m	r	aa	ai	au
p	b	bh				āa	āi	āu

Какъ онъ пришелъ къ этому убѣжденію? Въ отдѣльныхъ вопросахъ почва была подготовлена для него его предшественниками; такъ въ вопросѣ о группѣ гласныхъ типа *a* [1]), индо-иран-

Iohannes Schmidt und August Schleicher. Nebst zusätzen und berichtigungen zur zweiten auflage des compendiums heraussgegeben von August Schleicher. Веймаръ, 1859. *Прим. ред.*

[1]) До установленія современной теоріи индоевропейскаго вокализма (въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ) индоевр. праязыку приписывались только три основныхъ гласныхъ *a*, *i*, *u*, причемъ первый „разщеплялся" въ отдѣль-

ская группа индогерманскихъ языковъ не имѣетъ, какъ извѣстно, *ĕ* и *ŏ*, и гласнымъ *ĕ ŏ* другихъ языковъ противопоставляетъ одинъ гласный *ă*. Боппъ сначала держался взгляда, что *ĕ* и *ŏ* имѣлись первоначально и въ санскритѣ и затѣмъ были утрачены; но впослѣдствіи примкнулъ къ мнѣнію Гримма („Deutsche Grammatik“, 2 изд. I, 594), который, ссылаясь на готскій языкъ, отрицалъ первичность *ĕ* и *ŏ*, такъ что для индогерманскаго праязыка получалось три простыхъ основныхъ гласныхъ: *a i u*. Это предположеніе въ то же время казалось заманчивымъ въ силу того почитанія, которымъ обыкновенно пользуется число три, и въ самомъ дѣлѣ Поттъ начинаетъ отдѣлъ о гласныхъ въ „Et. Forsch.“ такимъ заявленіемъ: „изъ историческихъ и физико-философскихъ основаній, повидимому съ большой вѣроятностью, вытекаетъ, что языкъ обладаетъ всего тремя простыми основными гласными звуками, именно: *ă*, *ĭ*, *ŭ*“. Такимъ образомъ эта гипотеза Гримма, казалось, подтверждалась со всѣхъ сторонъ и была принята также и Шлейхеромъ. Онъ такимъ образомъ предполагалъ, что праязыкъ простотою своего вокализма приближался къ санскриту, тогда какъ болѣе пестрый въ звуковомъ отношеніи греческій языкъ обнаруживаетъ уже болѣе развитое или вырождающееся состояніе. Относительно-же согласныхъ пришлось притти къ совершенно противоположному взгляду. Первичность церебральныхъ [1]) согласныхъ санскрита была заподозрѣна уже давно, (причемъ предполагалось, что индусы заимствовали эти своеобразные звуки у варварскихъ первичныхъ обитателей Индіи), а также и небные согласные во многихъ случаяхъ оказывались болѣе поздними въ сравненіи съ заднеязычными, напр., въ удвоеніи (*cakāra* [2]) отъ корня *kar*). Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи греческій языкъ оказался первичнымъ, а санскритъ—искаженнымъ, и, какъ главный результатъ, отсюда вытекало, что пестрый и богатый звуковой матеріалъ, который находится или нѣкогда находился въ отдѣльныхъ языкахъ, возникъ изъ скуднаго и простого звукового матеріала праязыка путемъ развѣтвленія и умноженія на разные лады. По аналогіи этого результата Шлейхеръ заключилъ далѣе, что

ныхъ индоевр. языкахъ на разныя „*a*“, отражавшіяся, то въ видѣ *a*, то въ видѣ *o* или *e*. *Прим. ред.*

[1]) Особый видъ согласныхъ переднеязычныхъ, произносимыхъ кончикомъ языка, загнутымъ кверху и прикасающимся къ твердому небу за альвеолами верхнихъ зубовъ: ṭ ḍ ṭh ḍh ṇ ḷ и т. д. *Прим. ред.*

[2]) 3-е лицо ед. числа прошедшаго совершеннаго дѣйствительнаго залога (perfecti activi): *онъ сдѣлалъ*. *Прим. ред.*

звуковой составъ праязыка въ еще болѣе древнее время былъ еще проще: „въ болѣе древній періодъ жизни индогерманскаго праязыка, вѣроятно, не было трехъ аспиратъ и двугласныхъ съ *ā* (*āa*, *āi*, *āu*); въ самомъ-же первичномъ, еще не флектирующемъ языковомъ періодѣ не было никакихъ двугласныхъ. Первоначально такимъ образомъ индогерманскій праязыкъ, вѣроятно, обладалъ шестью мгновенными согласными, а именно, тремя глухими и тремя звонкими; шестью длительными согласными звуками, а именно, тремя спирантами и тремя такъ называемыми плавными, т. е. двумя носовыми *n m* и *r* (*l* есть вторичная разновидность *r*), и шестью гласными. Въ болѣе поздній періодъ развитія языка, незадолго до перваго раздѣленія, имѣлось девять мгновенныхъ звуковъ и девять гласныхъ звуковъ. Не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія симметрію числовыхъ отношеній въ числѣ звуковъ“. („Compendium“ § 1, прим. 1). Это разсужденіе открываетъ критикѣ широкое поле для нападокъ. Прежде всего необходимо устранить общія соображенія, какъ неубѣдительныя. Такъ, мнѣнію, что въ древнѣйшія времена звуковой составъ языка долженъ былъ отличаться особой простотой, можно съ одинаковымъ правомъ противопоставить противоположное мнѣніе. Мы-же видимъ, что отдѣльные языки часто теряютъ богатство звуковъ. Отчего-же не предположить, что праязыкъ былъ богаче, чѣмъ кто-либо изъ его сыновей? Подчеркнутая-же Шлейхеромъ симметрія числовыхъ отношеній имѣла бы извѣстное значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы можно было доказать, что она обусловлена природой человѣческихъ органовъ рѣчи, чего, однако, на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Такимъ образомъ только спеціальныя условія могутъ быть рѣшающими въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. А эти условія говорятъ (какъ будетъ показано въ слѣдующей главѣ) противъ направленія предположеній Шлейхера. Мы теперь придерживаемся скорѣе того мнѣнія, что звуковой составъ праязыка былъ разнообразнѣе, чѣмъ таковой-же составъ какого нибудь отдѣльнаго языка, такъ что согласно этому взгляду, слова праязыка, построенныя Шлейхеромъ, должны были-бы получить сильно измѣненный видъ. Шлейхеръ однажды позволилъ себѣ шутку, сочинивъ на индогерманскомъ праязыкѣ басню, которую онъ озаглавилъ: *avis akvāsas ka* (овца и лошади). Это заглавіе, согласно новымъ научнымъ воззрѣніямъ, звучало бы такъ: *ovis eçvōs qe* (причемъ подъ ç долженъ былъ бы подразумѣваться глухой согласный спирантнаго ряда *k*, а подъ q глухой велярнаго ряда), „онъ увидалъ“ было бы уже не *dadarka*, а *dedorçe*, вин. пад. причастія „несущій“ не *bhārantam*, а *bherontm̥* и т. д.

Очень вѣроятно, что черезъ десять лѣтъ транскрипція можетъ быть приметъ снова другую окраску, и такимъ образомъ отсюда слѣдуетъ выводъ, что построенный типъ праязыка есть не что иное, какъ формула, служащая для выраженія измѣняющихся мнѣній ученыхъ о размѣрахъ и свойствахъ языкового матерьяла, который вынесли для себя отдѣльные языки изъ своего общаго праязыка. Такимъ опредѣленіемъ праязыка рѣшается одновременно и вопросъ объ исторической цѣнности его теоретически построенныхъ формъ. Что праязыкъ обладалъ большимъ запасомъ словъ, способныхъ къ грамматическимъ измѣненіямъ (флексіи) и, кромѣ того цѣлымъ рядомъ неизмѣняющихся (нефлектирующихъ) словъ, несомнѣнно и не можетъ быть оспариваемо. Но что они имѣли какъ разъ тотъ самый видъ, который приписываетъ имъ современное изслѣдованіе, состояніе коего отражается въ этихъ построеніяхъ, разумѣется, не можетъ быть установлено.

Теперь является возможность опредѣлить также значеніе и пользу этихъ формъ. Онѣ не доставляютъ нашему познанію новаго матерьяла, а стараются сдѣлать нагляднымъ уже признанное. Такимъ образомъ онѣ имѣютъ то же значеніе для языкознанія, какое имѣютъ кривыя линіи или подобныя средства нагляднаго изображенія для статистики; онѣ поэтому являются очень полезнымъ средствомъ изображенія, которымъ не слѣдуетъ пренебрегать. Кромѣ того нужно принять во вниманіе, что необходимость строить основныя формы должна заставлять изслѣдователя всегда задавать себѣ вопросъ, является ли разсматриваемая форма первичнымъ образованіемъ, или новымъ, и вообще не успокаиваться раньше полнаго преодолѣнія всѣхъ фонетическихъ и прочихъ трудностей.

Эти разсужденія доставляютъ теперь намъ матеріалъ для сжатой оцѣнки характерныхъ особенностей Шлейхера и его значенія. Шлейхеръ не былъ авторомъ геніальныхъ открытій, какъ Боппъ, но обладалъ прежде всего умомъ упорядочивающимъ, систематизирующимъ. Отсюда являются у него недостатки и достоинства, свойственные обыкновенно систематикамъ. О недостаткахъ было уже достаточно говорено выше. Значеніе же его главнымъ образомъ заключается въ томъ, что онъ привелъ въ правильный порядокъ имѣвшійся уже матеріалъ и указалъ на пробѣлы въ выполненіи плана. Этимъ самымъ, напримѣръ, было указано надлежащее мѣсто санскриту, которому до Шлейхера слишкомъ легко

отводилось черезчуръ господствующее положеніе, а современники получили поощреніе къ изученію и упорядоченію пока еще мало обработанныхъ языковъ. Далѣе,—и это, конечно, главнѣйшій трудъ Шлейхера,—его природныя дарованія дѣлали его въ выдающейся степени способнымъ къ открытію звуковыхъ законовъ. Острая проницательность, обнаруженная имъ въ этой дѣятельности, честная рѣшительность, съ которой онъ критиковалъ себя и другихъ, повліяли воспитательно на позднѣйшихъ языковѣдовъ, и такимъ образомъ эта часть его работы оказала благотворное вліяніе даже въ той области, въ которой мы теперь болѣе уже не можемъ слѣдовать за нимъ.

Если, наконецъ, принять еще во вниманіе, что Шлейхеръ доставилъ также и новый матерьялъ для изслѣдованій, то мы найдемъ вполнѣ справедливымъ мнѣніе, что хотя Шлейхеръ и не можетъ быть поставленъ рядомъ съ великими учеными, какъ Боппъ и Гриммъ, тѣмъ не менѣе не былъ превзойденъ никѣмъ изъ своихъ сверстниковъ.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

Третій періодъ.

Первый періодъ исторіи сравнительнаго языкознанія имѣлъ своимъ центральнымъ трудомъ „Сравнительную Грамматику" Боппа, второй въ довольно значительной части своихъ стремленій былъ резюмированъ Компендіемъ Шлейхера, третій характеризуется оконченнымъ нынѣ „Очеркомъ сравнительной грамматики индогерманскихъ языковъ" Карла Бругмана (Страсбургъ, 1886 г. и сл.) [1]).

Чтобы сдѣлать понятнымъ этотъ третій періодъ, я намѣренъ прежде всего показать, какіе новые зародыши получили развитіе послѣ Компендія Шлейхера.

Новыя движенія имѣли своей исходной точкой весьма различные центры и личности. Я назову Асколи, главу итальянскихъ лингвистовъ, который, пріученный къ самому точному наблюденію своими занятіями въ области живыхъ романскихъ языковъ, подвергъ историко-критическому изслѣдованію важныя фонетическія явленія болѣе древнихъ періодовъ языка; Шерера [2]),

[1]) Ср. о немъ Іог. Шмидта. Рѣчь въ память В. Шерера, Берл. 1887 г. („Abh. der Akad. der Wiss.").

[2]) K. Brugmann, „Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Kurzgefasste Darstellung der Geschichte des Altindischen, Altiranischen (Avestischen und Altpersischen), Altarmenischen, Altgriechischen, Lateinischen, Umbrisch-Samnitischen, Altirischen, Gotischen, Althochdeutschen, Litauischen und Altkirchenslawischen". Т. I. Введеніе и ученіе о звукахъ. Страсбургъ, 1886. 8⁰. XVIII + 568; т. II. Словообразованіе (ученіе объ образованіи основъ и ученіе о флексіи). Первая часть: вводныя замѣчанія. Сложныя имена, Именныя образованія съ удвоеніемъ. Имена съ тематическими суффиксами. Имена коренныя. 1889. XIV + 462; Вторая часть: Образованіе именъ числительныхъ. Образованіе падежей у именъ. Мѣстоименія. Образованіе основъ и флексія у глагола (спряженіе). Страсбургъ 1892. XII + 975 стр. Ко всему изданію вышелъ «Указатель» (словъ, предметовъ и авторовъ): Страсбургъ, 1893. VIII + 236. Съ 1897 г. начинаетъ выходить второе изданіе, кромѣ

съ его преслѣдующей высокую цѣль, но въ частностяхъ во многомъ неудовлетворительной книгой „Къ исторіи нѣм. языка“ (Берл. 1868), которая произвела плодотворное и разнообразное вліяніе, указавъ особенно на важность физіологіи звука и сильно подчеркнувъ значеніе принципа аналогіи; Вернера, который въ статьѣ „Исключеніе изъ закона о первомъ передвиженіи звуковъ“ (KZ, XXIII, 97 и сл.) представилъ рѣдкій образецъ ученаго произведенія самой убѣдительной доказательности, на которое мы охотно ссылаемся всякій разъ, когда желаемъ показать естествоиспытателямъ, что и у насъ можетъ итти рѣчь о строгихъ доводахъ. Тѣсную группу образуютъ между собою тѣ ученые, которые вышли изъ школы Бенфея, именно, неистощимый этимологъ Фикъ, Коллицъ, Беценбергеръ. Далѣе—ученые, примыкающіе къ школѣ Шлейхера, какъ Шмидтъ и его ученикъ Маловъ, Лескинъ и ближайшіе ученики и друзья послѣдняго—Остгофъ, Бругманъ, Пауль. Вліяніе лейпцигской школы оказалось благотворнымъ также для де-Соссюра, котораго „Mémoire sur le système primitif des voyelles“ (Лейпцигъ 1879 г.) принадлежитъ къ самымъ глубокимъ трудамъ этой эпохи. Я не имѣю намѣренія показать, какъ изъ взаимодѣйствія всѣхъ этихъ силъ постепенно развилось новое, теперь одержавшее верхъ направленіе. Я хочу отмѣтить лишь наиболѣе дѣятельныя направленія и теченія [1]).

стараго заглавія, имѣющее новое: „Vergleichende Laut-, Stammbildungs- und Flexionslehre der indogermanischen Sprachen von Karl Brugmann. Zweite Bearbeitung“. Вышелъ пока Т. I. Введеніе и ученіе о звукахъ. Первая половина (§ 1—694). Страсбургъ 1897. 8⁰ XLVIII + 622. Вторая половина (§ 695—1084). X + 876. Кромѣ того, Бругманъ готовитъ сокращенное изданіе своего труда п. з. „Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen“, имѣющее выйти въ свѣтъ у того-же издателя (Трюбнеръ въ Страсбургѣ). Къ сравн. грамматикѣ Бругмана достойно примыкаетъ, носящій съ нимъ общее заглавіе „Grundriss etc.“ трудъ Б. Дельбрюка, автора этой книги: „Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen“ т. I. Страсбургъ. 1893. 8⁰. XXIV + 796; т. II. 1897. XVIII + 560; т. III. 1900. XX + 608. Трудъ этотъ, составляющій эпоху въ данной области, является *первымъ* опытомъ сравнит. синтаксиса индоевроп. языковъ: (за исключеніемъ армянскаго, албанскаго и кельтскаго), имѣющимъ въ данной области основное капитальное значеніе по богатству матеріала, новизнѣ и самостоятельности взглядовъ автора—лучшаго знатока синтактической стороны индоевропейскихъ языковъ. *Прим. ред.*

[1]) Я могу тѣмъ скорѣе отказаться отъ такой попытки, что имѣю возможность сослаться на сочиненіе Бехтеля, „Die Hauptprobleme der indogermanischen Sprachen seit Schleicher“ (Геттингенъ, 1892). Въ этой усидчивой работѣ развитіе нашей науки, поскольку оно можетъ быть прослѣжено по сочиненіямъ,—изображено съ такою объективностью, какой только позволительно

Начнемъ съ монографіи Вернера. Хотя языковѣды всегда гордились закономъ передвиженія согласныхъ, тѣмъ не менѣе, при возрастающихъ требованіяхъ науки, не могло остаться незамѣченнымъ существованіе массы досадныхъ исключеній изъ него, присутствіе которыхъ, въ сущности, не позволяло говорить о законѣ. Мало-по-малу удалось ограничить число этихъ исключеній. Именно, Грасманъ [1]) удачно доказалъ, что при разсмотрѣніи словъ, подобныхъ гот. *dauhtar*, греч. θυγάτηρ, др.-инд. *duhitár*, которыхъ нельзя отдѣлять другъ отъ друга, хотя согласные ихъ и не имѣютъ полнаго соотвѣтствія между собой [2]), можно легко выйти изъ всякаго затрудненія, если предположить, что въ первобытную эпоху коренной слогъ начинался и оканчивался звонкимъ аспиратомъ (придыхательнымъ). Но дальнѣйшій, гораздо важнѣйшій шагъ сдѣлалъ Вернеръ. Онъ указалъ на нѣкоторыя затрудненія, замѣчаемыя въ самихъ германскихъ языкахъ, и притомъ не въ единичныхъ случаяхъ, но въ цѣлой массѣ таковыхъ. Слѣдующій случай можетъ служить примѣромъ. Никто, конечно, не можетъ сомнѣваться въ томъ, что нѣмецкія слова *Vater*, *Mutter*, *Bruder* тождественны съ соотвѣтствующими древнеиндійскими, греческими и т. д., т. е. съ др.-инд. *pitár*, гр. πατήρ, др.-инд. *mātár*, греч. μήτηρ, др.-инд. *bhrātar*, лат. *frater*, не смотря на то, что одному и тому же звуку *t* негерманскихъ словъ соотвѣтствуютъ въ германскихъ языкахъ двоякіе звуки: въ гот. *fadar*, др.-сакс. *mōdar* (въ гот. текстахъ не встрѣчается), гот. *broþar*. Такая же странная двойственность звуковаго соотвѣтствія встрѣчается часто и въ параллельныхъ формахъ, принадлежащихъ одной и той же основѣ или одному и тому же корню, напр., въ гот. *taihun*, соврем. нѣм. zehn, рядомъ съ *tigus*, равняющимся современному нѣмецкому—*zig* [3]); затѣмъ, оно очень

ожидать отъ того, кто самъ принимаетъ участіе въ борьбѣ мнѣній Чего естественно здѣсь не хватаетъ — это оцѣнки вліянія живыхъ лицъ. Если бы она оказалась возможной для автора, то свѣтъ и тѣни мѣстами распредѣлились бы нѣсколько иначе; такъ напр., вліяніе Лескина выступило бы гораздо ярче. Къ сочиненію Бехтеля можно отослать читателя и для библіографическихъ справокъ.

[1]) Объ этомъ превосходномъ и, среди нѣмецкихъ языковѣдовъ, въ извѣстномъ отношеніи единственномъ ученомъ, см. мою статью въ Augsburger Allg. Ztg. 1877, № 291 (Приложеніе).

[2]) Готское *d* не можетъ отвѣчать санскр. *d* (мы бы ожидали въ готскомъ *t*, ср. г. *taihun*, гр. δέκα, санскр. *dáça*), а греческое ϑ заставляло бы ожидать въ санскритѣ *dh*, которому отвѣчаетъ готское *d*. Равнымъ образомъ греческому γ въ готскомъ должно бы отвѣчать *k*, а санскритскому *h* греческое χ.
Прим. ред.

[3]) Въ числительныхъ въ родѣ vier-zig=*четыре-десять*. *Прим. ред.*

часто въ глагольныхъ формахъ, изъ которыхъ однѣ въ старину постоянно имѣли спирантъ, а другія звонкій взрывной, напр., др. в. н. *slahan*, *sluoh*, *sluogum*, *slagan*; *ziohan*, *zôh*, *zugum*, *zogan*; англо-сакс. *veordan*, *veard*, *vurdon*, *vorden* и мн. др. Вернеръ нашелъ средство исправить всѣ эти недостатки закона, указавъ, что въ различіи оттѣнковъ согласныхъ виновато германское удареніе, унаслѣдованное изъ индогерм. первобытной эпохи. Онъ именно указалъ, что въ древнегерманскомъ языкѣ спирантъ стоитъ тогда, когда слогъ, заканчивающійся имъ, стоитъ подъ удареніемъ, въ противномъ случаѣ стоятъ звонкіе взрывные. Такъ, напр., слово *братъ* въ первобытную эпоху, по свидѣтельству древнеиндійскаго языка, имѣло удареніе на основномъ слогѣ (санскр. *bhrátar*), и поэтому въ готскомъ мы видимъ *broþar*, слово же, соотвѣтствующее нѣм. *Vater* (отецъ), имѣло удареніе на суффиксальномъ слогѣ (санскр. *pitár*) и поэтому въ готскомъ звучитъ *fadar*. Того, кто сталъ бы еще сомнѣваться, долженъ окончательно убѣдить примѣръ глаголовъ. Въ древнеиндійскомъ, отъ корня *diç* „указывать“ мы имѣемъ прошедш. соверш. (perfectum) ед. ч. *didéça*, множ. *didiçimá*. Если же этимъ древнеиндійскимъ формамъ соотвѣтствуютъ въ древневерхненѣмецкомъ ед. *zeh* (*didéça*), но *zigum* (*didiçimá*), то вліяніе ударенія становится сейчасъ же очевиднымъ. Это открытіе имѣло большое вліяніе, а именно, поскольку оно касалось сравнительнаго языкознанія, въ трехъ направленіяхъ. Прежде всего должно было укрѣпиться то убѣжденіе, которое Вернеръ формулируетъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Конечно сравнительное языкознаніе не можетъ отрицать совершенно значеніе случая въ жизни языка, но оно не можетъ и не имѣетъ права признавать случайности en masse, какъ здѣсь, гдѣ случаи неправильнаго передвиженія звуковъ внутри слова почти столь-же часты, какъ и случаи правильнаго. Слѣдовательно, здѣсь должно существовать, такъ сказать, правило для неправильности; нужно только его открыть“. Затѣмъ оказалось необходимымъ допустить въ широкихъ размѣрахъ замѣну однихъ звуковъ другими. Въ готскомъ, именно, глаголъ не обнаруживаетъ того различія въ согласныхъ звукахъ, которое имѣется въ остальныхъ германскихъ языкахъ. Въ то время какъ въ древневерхненѣм. видимъ *slaha*, *sluoh*, *sluogum*, *slagan*, по-готски будетъ *slaha*, *slôh*, *slôhum slahans* и соотвѣтственно этому во всѣхъ случаяхъ. Если бы, какъ это дѣлалось прежде, принимался во вниманіе одинъ лишь готскій языкъ, то легко можно было бы придти къ предположенію, что готскій языкъ сохранилъ древнѣйшее перво-

бытное состоянiе, тогда какъ остальные дiалекты утратили его. Послѣ Вернера такое предположенiе болѣе невозможно. Прагерманскiй языкъ, очевидно, долженъ былъ представлять такое-же состоянiе, какъ и остальные дiалекты, слѣдовательно въ готскомъ различiя были сглажены. Эта замѣна звуковъ другими есть результатъ аналогiи, дѣйствовавшей въ ряду формъ, связанныхъ между собой внутренней связью, и такимъ образомъ, благодаря закону Вернера, должно было возрасти уваженiе къ могуществу аналогiи. Наконецъ, должно было вызывать на размышленiе то обстоятельство, что типъ ударенiя (Accentprincip), который мы видимъ дѣйствующимъ въ древнеиндiйскомъ языкѣ, еще столь явственно даетъ себя замѣтить въ своихъ результатахъ въ германскомъ, хотя тамъ онъ уже давно исчезъ, какъ живой типъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ самъ Вернеръ: „Быть можетъ, результаты, къ которымъ меня привело мое изслѣдованiе, будутъ найдены въ высокой степени поразительными. Конечно, можетъ показаться страннымъ, что принципъ ударенiя (Betonungsprincip), потерявшiй силу еще въ сѣдой древности, можетъ быть прослѣженъ въ своихъ результатахъ еще до нашихъ дней въ нѣмецкихъ глагольныхъ формахъ: *ziehen gezogen*, *sieden gesotten*, *schneiden geschnitten*. Дѣйствительно, должно казаться поразительнымъ, что именно германскiй консонантизмъ даетъ намъ ключъ къ акцентуацiи праязыка, который до сихъ поръ напрасно старались найти въ германскомъ вокализмѣ“. А такъ какъ противъ выводовъ изслѣдованiя ничего нельзя было возразить, то изъ него и другихъ изслѣдованiй убѣдились, что сравненiе индогерманскихъ языковъ заслуживаетъ того, чтобы быть проведеннымъ до мельчайшихъ деталей. Шлейхеръ несомнѣнно оказалъ въ свое время большую услугу, воздавая должное каждому отдѣльному языку, но теперь наступило время, когда надлежало вновь предпринять работу Боппа съ лучшими вспомогательными средствами и съ болѣе изощренными методами.

Такое же влiянiе, какъ законъ Вернера, имѣли многiя самостоятельно возникшiя, но образующiя одно цѣлое, открытiя въ области вокализма, именно изслѣдованiя о древности *e* или *o*, о слогообразующихъ плавныхъ и носовыхъ и о первичности „гуны“ [1]).

Прежде всего, относительно *e* и *o*, старое воззрѣнiе гласило, что въ основномъ индогерманскомъ языкѣ существовало

---

[1]) Ср. относительно этихъ трехъ пунктовъ, кромѣ Бехтеля, превосходно орiентирующую статью Bloomfield'а: «The Greek Ablaut» въ «American Journal of Philology» I, 281 и сл.

три первичныхъ короткихъ гласныхъ *a*, *i*, *u*, откуда въ отдѣльныхъ языкахъ образовались, вслѣдствіе развѣтвленія звука *a*, извѣстныя намъ еще со школьной скамьи пять звуковъ: *a*, *e*, *o*, *i*, *u*. Въ пользу такого предположенія говорило не только воззрѣніе, что санскритъ вообще сохранилъ болѣе древнее состояніе языка, но также и унаслѣдованное изъ болѣе ранней эпохи представленіе о простотѣ первичнаго состоянія человѣческаго рода, а слѣдовательно и праязыка, и мнѣніе, что *a*, „самый чистый и благородный“ изъ всѣхъ гласныхъ, необходимо долженъ былъ послужить исходной точкой всего развивающагося ряда (ср. стр. 55). Я вспоминаю еще очень живо, какъ навертывался на мои уста вопросъ Никодима, когда впервые мнѣ стало извѣстно сербское *дан* (день), гдѣ *a* очевидно произошло изъ *i* [1]). Ученіе о разщепленіи (Spaltung) звука *a*, такимъ образомъ, крѣпко внѣдрилось въ воззрѣнія эпохи и уступило лишь неоднократнымъ нападеніямъ. Первое измѣненіе въ унаслѣдованномъ воззрѣніи сдѣлалъ Курціусъ. До 1864 г. (въ которомъ появилась статья Курціуса „О „разщепленіи“ звука А въ греческомъ, латинскомъ“ и др. (ср. Бехтель, 18), предполагали, что развѣтвленіе въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ, имъ обладающемъ, произошло независимо отъ другихъ языковъ, такъ что изъ европейскихъ языковъ готскій сохранилъ древнее состояніе, тогда какъ греческій и латинскій испытали измѣненіе. И вотъ Курціусъ обратилъ вниманіе на то, что готскій языкъ нерѣдко имѣетъ *i* тамъ, гдѣ другіе европейскіе языки имѣютъ *e*, напримѣръ, древнеиндійск. *ahám*, греч. ἐγώ, лат. *ego*, готское *ik*. Это *i*, конечно, не могло быть первичнымъ *i* и скорѣе является позднѣйшимъ видоизмѣненіемъ *e*. Вмѣстѣ съ этимъ, обнаружилось, что готскій языкъ въ своемъ *i* соединилъ два древнихъ гласныхъ, именно чистое *i*, напр. въ *vitum* „мы знаемъ“, и *i*, происшедшее изъ *e*, и такимъ образомъ само собой явилось предположеніе, что *e* древнѣе возникновенія отдѣльныхъ языковъ, или, какъ выражался Курціусъ, принадлежитъ къ европейскому праязыку. Объ *o* Курціусъ не могъ судить такъ рѣшительно, но ясно, что по крайней мѣрѣ, извѣстное *o*, именно то, которое находится въ нѣкоторомъ правильномъ взаимномъ соотношеніи съ *e* (напр. δέρκομαι-δέδορκα), не могло быть моложе, чѣмъ *e*. Благодаря этой работѣ Курціуса, дѣло упрощалось постольку, поскольку, вмѣсто многихъ исходныхъ точекъ, принималась одна (европейскій праязыкъ), но принципіальная трудность оставалась.

---

[1]) Черезъ промежуточную ступень *ь*, возникшую въ праславянскую эпоху изъ *i* (ср. стсл. *дьнь*). *Прим. ред.*

Оставалось, какъ и прежде, страннымъ то обстоятельство, что праязычное *a*, напр., въ ἄγω, л. *ago*, удержалось, тогда какъ въ φέρω *fero* перешло въ *e*, въ ὀκτώ *octo*—въ *o*, причемъ для такого перехода нельзя было найти сколько-нибудь вѣроятное основаніе. При этихъ условіяхъ необходимо должны были притти къ вопросу, не представляетъ-ли, быть можетъ, пестрота вокализма, свойственная, напр., греческому языку, древнѣйшаго состоянія, изъ котораго уже путемъ совпаденія нѣкогда различныхъ гласныхъ звуковъ возникло арійское однообразіе, приблизительно такъ, какъ гот. *i* представляетъ въ своемъ лицѣ совпавшія древнія *i* и *e*. Въ этомъ направленіи трудились тщетно въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Такъ, я, напр., вѣрилъ въ возможность различить въ индійскомъ *e* два элемента, дифтонгъ и долгое *e*, которое, путемъ замѣнительнаго удлиненія произошло изъ краткаго *e*, и такимъ образомъ думалъ сдѣлать вѣроятнымъ существованіе въ санскритѣ краткаго *e*. Слѣдъ этихъ стараній внимательный читатель могъ найти еще въ моемъ сочиненіи „О древне-индійскомъ глаголѣ", появившемся въ 1874 г. [1]), гдѣ на стр. 118 говорится слѣд. объ *e* такихъ формъ, какъ *seditá*: „Какое изъ этихъ воззрѣній правильное, быть можетъ откроетъ только общее изслѣдованіе всего индогерманскаго вокализма". Счастливѣе были Амелунгъ и Бругманъ. Послѣдній отправлялся отъ начатыхъ тогда (1876 г.) изслѣдованій о градаціи основъ (*Stammabstufung*) именъ существительныхъ [2]) и, принявъ въ соображеніе, что индійскому *pitáram* соотвѣтствуетъ греч. πατέρα, а индійск. *dātáram*—греч. δώτορα, пришелъ къ предположенію, что въ индогерманскомъ праязыкѣ существовалъ звукъ a_1, который въ санскритѣ продолжалъ существовать въ видѣ *a*, а въ греч. въ видѣ *e*, и звукъ a_2, который въ обоихъ языкахъ являлся въ видѣ *a*, respective *o*. Справедливость этого послѣдняго сопоставленія оспаривалась и будетъ оспариваться, но утвержденіе, что уже въ праязыкѣ существовало *e*, подтвердилось и сдѣлалось весьма вѣроятнымъ, благодаря открытію закона о смягченіи (палатализаціи) заднеязычныхъ согласныхъ (такъ наз. Palatalgezetz), къ которому пришли въ одно и то-же

---

[1]) «Das altindische Verbum aus den Hymnen des Rigveda seinem Baue nach dargestellt von B. Delbrück» (Halle, 1874). *Прим. ред.*

[2]) Подъ этимъ терминомъ разумѣется отношеніе между «сильными» и «слабыми» формами основъ именъ существительныхъ въ разныхъ падежахъ, которое наблюдается, напр., въ греч. формахъ: им. ед. πατήρ, винит. πατέρα, зват. πάτερ, именит. множ. πατέρες, винит. мн. πατέρας и т. д. съ одной стороны и род. ед. πατρός, дат. множ. πατράσι съ другой.

Прим. ред.

время многіе ученые (ср. Бехтель 62). Я укажу особенно на статью Коллица въ „Матерьялахъ“ Беценбергера (Bezzenberger's „Beiträge zur Kunde d. idg. Sprachen“ III, 177 и слѣд.). Въ индоиранскихъ (арійскихъ) языкахъ палатализація согласнаго *k* совершается путемъ вліянія послѣдующаго *i*. Такъ, напр., въ зендѣ имѣемъ *cip̄i* (то же, что греч. τίσις), между тѣмъ какъ въ *kaena* (=греч. ποινή) звукъ *k* сохранился; такъ въ др.-инд. *citrá* „блестящій“, рядомъ съ *ketú* „блескъ“, въ зендскомъ *cis* (=лат. *quis*) въ то время, какъ первоначальное *k* вопросит. мѣстоименія выступаетъ въ др.-инд. *ká* (откуда звукъ *k* былъ перенесенъ и въ др.-инд. *kim* „что“) и т. д. Подобное явленіе наблюдается часто передъ *a*, напр. въ др.-инд. *ca*=τε, лат. *que*, въ др.-инд. *catvāras*= τέσσαρες, лат. *quatuor*, въ др.-инд. *cakrá* „колесо“=κύκλος, въ др.-инд. *jathára* „брюхо“ = гот. *qiþus*; въ удвоеніи корней, которые начинаются звукомъ *k*, какъ, напр., въ санскр. прош. сов. (perfectum) *cakāra* отъ *kar* „дѣлать“. Какъ показываетъ одинъ взглядъ, брошенный на приведенные примѣры, и какъ можетъ быть доказано точнѣе, это *a*, передъ которымъ происходитъ палатализація, есть то *a*, которому соотвѣтствуетъ въ родственныхъ языкахъ *e*. Такимъ образомъ, нельзя избѣжать заключенія, что превращеніе звука *k* должно быть поставлено на счетъ именно этого *e*. Если такимъ образомъ для болѣе древняго періода санскрита можно предположить *e*, и такимъ образомъ санскритъ въ этомъ отношеніи будетъ согласоваться съ европейскими языками, то придется признать, что *e* существовало уже въ первобытномъ языкѣ. Изъ этихъ начатковъ затѣмъ постепенно развилась гипотеза (дальнѣйшаго роста которой я здѣсь не буду касаться), что уже въ праязыкѣ существовали долгіе и краткіе *a e o i u*, а затѣмъ, конечно, и дифтонги *ai ei oi au eu ou*, рядомъ съ *āi ēi* и т. д. Таковъ господствующій теперь взглядъ. Такимъ образомъ, мы теперь уже больше не предполагаемъ, что *a* праязыка, при неизвѣстныхъ условіяхъ, развѣтвилось на *a*, *e* и *o*, но, что въ нѣкоторой части нашихъ языковъ, именно въ языкахъ арійскомъ, литовскомъ, германскомъ, албанскомъ, *o* превратилось въ *a*; и тою же самою дорогою пошло въ арійскомъ языкѣ *e*. Отсылая въ отношеніи частностей къ „Очерку“ Бругмана (Grundriss etc.), я позволю себѣ указать еще на нѣсколько замѣчаній относительно вѣроятности совпаденія первоначально различныхъ звуковъ, которыя я противопоставилъ возраженіямъ Курціуса въ моей брошюрѣ „О новѣйшемъ языкознаніи“ стр. 30 и сл. [1]).

---

[1]) Die neueste Sprachforschung. Betrachtungen über Georg Curtius Schrift

Съ обработкою вопроса объ *e* и *o* непосредственно связано открытіе плавныхъ и носовыхъ сонантовъ (liquida и nasalis sonans)—непосредственно въ томъ отношеніи, что оно также проистекало изъ удивленія передъ неправильностями въ вокализмѣ, а именно прежде всего передъ неправильностями, свойственными греческому α. Съ давнихъ поръ ученые удивлялись, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ греческомъ языкѣ въ сочетаніи съ ρ является α тамъ, гдѣ съ прежней точки зрѣнія слѣдовало бы ожидать *e* или *o*. Случай перваго рода мы видимъ, напр., въ словѣ πατράσι при πατέρες и т. д., случай второго—напр., въ словѣ καρδία при лат. *cor*. До тѣхъ поръ пока исходили изъ основнаго праязычнаго *a*, этотъ фактъ не могли объяснить себѣ иначе, какъ предположеніемъ, что въ словахъ πατράσι и καρδία сохранилось архаическое α, которое собственно должно было, вмѣстѣ съ множествомъ другихъ *a*, перейти въ *e* и *o*. Эти трудности разрѣшилъ Остгофъ слѣдующими словами статьи, помѣщенной въ „Матерьялахъ“ Пауля и Брауне III, 52 [1]): „Это же (именно то гласная, то согласная природа *r*) является причиной, почему въ санск. *pitṛ́-bhyas*, *pitṛ́-shu* изъ **pitṛ-bhyás*, **pitṛ-shú* тематическій слогъ является гласнымъ, съ *r* sonans, въ противоположность согласному *r* въ дат. ед.. *pitr-é*, творит. *pitr-á*. Греческое ρα въ πατρά-σι, надъ которымъ такъ много и такъ долго ломали безуспѣшно голову, я приравниваю непосредственно санскр. *ṛ* въ словѣ *pitṛ-shu*. Другими словами: я понимаю это ρα, какъ родъ греческаго *ṛ* sonans, какъ извѣстное *ṛ*, изъ котораго долженъ былъ развиться въ слогѣ, хотя и ослабленномъ, но необходимо удержавшемъ свой гласный элементъ, голосовой тонъ (Stimmton) плавнаго согласнаго, развившійся, однако, въ видѣ *a*, благодаря тембру гласнаго *a* (a-Farbe), свойственному греческому ρ.“ Эта точка зрѣнія оправдалась. Дальнѣйшее изслѣдованіе показало, что слогообразующему *r* первобытной эпохи въ греч. языкѣ соотвѣтствуетъ ρα, αρ, въ италійскомъ *or*, въ германскомъ *ru ur*, въ литовскомъ *ir* и т. д. и, благодаря этому, многія допущенныя прежде неправильности были устранены. Къ слогообразующему плавному сейчасъ же присоединился

---

zur Kritik der neuesten Sprachforschung von B. Delbrück.» Leipzig. 1885. 8°. 49 стр. *Прим. ред.*

[1]) Извѣстный журналъ, посвященный изученію нѣмецкаго языка и литературы: «Beiträge zur geschichte der deutschen sprache und literatur herausgegeben von Hermann Paul und Wilhelm Braune». Halle an der Saale. Lippert'sche Buchhandlung (Max Niemeyer). Выходитъ съ 1874 года. *Прим. ред.*

носовой слогообразующій, установленіемъ котораго мы обязаны Бругману. Должно казаться страннымъ, что конечный слогъ, который въ древнеиндійскомъ звучитъ *am*, въ греческомъ и латинскомъ языкахъ передается различнымъ образомъ, именно то черезъ ον, *om*, напр., *ábharam* ἔφερον, *áçvam*, ἵππον *equom*, то черезъ α, *em*, напр., *áyam* ἦια, *pádam* πόδα *pedem*. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ древнеиндійскомъ языкѣ находимъ тоже *a*, напр., *nâma* ὄνομα *nomen*. Постоянно это наблюдается внутри слова передъ согласными, напр., въ *çatám* ἑκατόν *centum*, къ которымъ присоединяются гот. *hund* и лит. *szimtas*. Всѣ эти разногласицы объясняются, если предположить, что соотвѣтствующій слогъ первобытной эпохи (Urzeit) имѣлъ, главнымъ образомъ, носовой составъ, изъ котораго впослѣдствіи развились въ отдѣльныхъ языкахъ различные гласные, которые отчасти вытѣснили первичный носовой, отчасти стали сопровождать его. Различіе въ конечномъ слогѣ древнеиндійскихъ формъ могло быть основано на дѣйствіи аналогіи. Кто желаетъ убѣдиться, въ какой высокой мѣрѣ ученіе о слогообразующихъ плавномъ и носовомъ (здѣсь не мѣсто вдаваться въ детали этого ученія) укрѣпило убѣжденіе о закономѣрности въ измѣненіяхъ звуковъ, тотъ пусть припомнитъ, сколько гласныхъ α въ греческомъ языкѣ, считавшихся прежде необъяснимыми, теперь признаются вполнѣ законными и правильными.

Ученіе о сонантахъ приводитъ къ новой теоріи „подъема гласныхъ“ (Vocalsteigerung). Очевидно, что сонанты часто соотвѣтствуютъ простымъ гласнымъ, изъ которыхъ, по заимствованному отъ индійскихъ грамматиковъ воззрѣнію, произошли дифтонги подъема (Steigerungsdiphtonge). Такъ, очевидно, др.-инд. *bibhṛmás* „мы несемъ“ относится къ *bibhármi* „я несу“ или πίμπλαμεν къ πίμπλημι совершенно также, какъ *imás* ἴμεν къ *émi* εἶμι; аористъ *ádrçam* ἔδρακον относится къ δέρκομαι *dadárça* δέδορκα также, какъ *áricam* ἔλιπον къ λείπω *riréca* λέλοιπα; далѣе γέγαμεν къ γέγονα относится также, какъ ἐπέπιθμεν къ πέποιθα и т. д., или, сводя къ одной формулѣ, *en*, *on* относится къ *n̥* и *er*, *or* — къ *r̥*, какъ *ei*, *oi* къ *i* и *eu ou* къ *u*. Спрашивается теперь, гдѣ первоначальный звукъ—въ слабой или сильной формѣ? Чтобы получить точку опоры при рѣшеніи этого вопроса, привлекаютъ къ сравненію третье, очевидно параллельное, соотношеніе формъ. Не возможно вѣдь сомнѣваться, что древне-инд. *ásmi* и *smás* (*sumus*) также относятся другъ къ другу, какъ *émi* къ *imás*, и πέτομαι относится къ ἐπτόμην такъ, какъ δέρκομαι къ ἔδρακον. Но, конечно, нельзя исходить изъ формы корня, какъ *s* или *pt*, и помощью подъема

выводить изъ нея *es* и *pet*. Такимъ же образомъ въ основу долженъ быть положенъ не гласный *i*, а *ei*, и сообразно съ этимъ должно поступать и въ другихъ случаяхъ. Такимъ образомъ, пришли къ тому, что, перевернувъ индійское ученіе о подъемѣ, стали принимать *ei*, *bheudh* и т. д. за коренныя формы, изъ которыхъ (повидимому, подъ вліяніемъ слѣдующаго ударенія) произошло *i*, *bhudh* и т. д. Какъ видно, эта третья гипотеза нѣсколько иного рода, чѣмъ двѣ первыя. Въ то время какъ эти утверждаютъ только, что *e*, *o*, nasalis sonans и т. д. существовали въ готовомъ праязыкѣ, новая гипотеза ослабленія (Schwächungshypothese) говоритъ нѣчто и о тѣхъ процессахъ, которые должны были происходить во времена перваго образованія индогерманскаго праязыка. Я думаю, что ученые хорошо поступаютъ, относясь сдержанно къ такому построенію, и это можно дѣлать тѣмъ скорѣе, что главную суть въ новой точкѣ зрѣнія составляетъ не гипотеза о происхожденіи отношеній, но ихъ констатированіе. А то, что ею констатировано, я въ заключеніе резюмирую словами Г. Мейера (Греч. грамм. ²10 и сл. [1]): „Тѣ корни, которые показываютъ чередованіе гласныхъ *e o*, уже въ индогерманскую эпоху, въ нѣкоторыхъ формахъ флексій и тематическихъ образованіяхъ, въ которыхъ удареніе стояло не на коренномъ слогѣ, выработали третью разновидность, въ которой коренной гласный *e*, вслѣдствіе отсутствія на немъ ударенія, исчезаетъ, и которую называютъ слабою формою корня.

1) Корни, не содержащіе въ себѣ послѣ *e* никакого сонантическаго элемента (sonantisches Element) [2], въ слабой формѣ, вслѣдствіе выпаденія *e* остаются совершенно безъ гласнаго:

Сильная	*форма*	*pet*	падать.	*Слабая*	*pt*
		es	быть		*s*

2) Если корень состоитъ изъ *e* (съ предшествующими согласными или безъ нихъ) и изъ одного примыкающаго къ нему со-

---

[1]) Извѣстный трудъ нынѣ покойнаго профессора Грацскаго университета: «Griechische Grammatik von Gustav Meyer», составляющій третій томъ серіи «Indogermanische Grammatiken», издаваемыхъ Лейпцигской фирмой Брейткопфа и Гертеля. Первое изданіе вышло въ 1880 г. (8⁰. XXX+464). Съ тѣхъ поръ явилось уже третье увеличенное изданіе (тамъ же 1896 г.).

Прим. ред.

[2]) Т. е. звука, способнаго при случаѣ образовать слогъ самостоятельно, безъ помощи гласнаго. Такими «сонантами» или слогообразующими звуками могутъ быть, не говоря о гласныхъ, и согласные звуки. Въ индоевропейскомъ праязыкѣ въ роли сонантовъ являлись носовые *m n* и «плавные» *r*, *l*.

Прим. ред.

нанта (*i u r l n m*), то послѣдній въ слабой формѣ корня функціонируетъ какъ согласный, если словообразовательные (суффиксальные) элементы начинаются съ гласнаго звука, и какъ гласный, если они начинаются согласнымъ:

Сильная форма.	*Слабая форма.*
ei идти	*i*
kei лежать	*ki*
sreu течь	*sru*
bher нести	*bhr*
men упоминать	*mn*

3) Если корень состоитъ изъ *e* (съ предшествующимъ согласнымъ или безъ него), изъ одного примыкающаго къ нему сонанта и замыкающаго согласнаго, то, вслѣдствіе выпаденія *e*, сонантъ дѣлается слогообразующимъ.

Сильная форма.	*Слабая форма.*
deik показывать	*dik*
bheugh гнуть	*bhugh*
derk видѣть	*drk*
bhendh вязать	*bhndh*.»

Если изъ результатовъ, вытекавшихъ изъ нѣсколькихъ гипотезъ касательно вокализма (Vocal-Hypothesen), могъ получиться такой стройный рядъ, какъ приведенный здѣсь рядъ *e-o-*, то этотъ результатъ, разумѣется, является желаннымъ подтвержденіемъ отдѣльныхъ опирающихся другъ на друга гипотезъ. Далѣе легко себѣ представить, что рядъ *e-o-* принуждаетъ къ построенію другихъ подобныхъ рядовъ и, слѣдовательно, къ систематическому представленію индогерманскаго вокализма. Мы не можемъ, однако, вдаваться въ разсмотрѣніе попытокъ, предпринятыхъ въ этомъ направленіи.

Рядомъ съ названными завоеваніями науки въ области вокализма становятся подобныя же открытія въ области согласныхъ. Я напомню ученіе о двухъ (и позже трехъ) рядахъ заднеязычныхъ согласныхъ, котораго я уже коснулся на стр. 65, гдѣ рѣчь шла о законѣ палатализаціи (смягченія). Ясно изложенное резюмé воззрѣній Шлейхера на индогерманскіе звуки типа K можно найти у Бехтеля (стр. 291) въ слѣдующихъ словахъ: „Въ Компендіи Шлейхера праязыку приписывается только одинъ рядъ заднеязычныхъ согласныхъ, состоящій изъ звуковъ *k*, *g*, *gh*. Ни одинъ историческій языкъ не можетъ сравняться съ праязыкомъ въ этой простотѣ. Мы находимъ, напротивъ, что въ

нихъ чистые заднеязычные *k*, *g*, *gh* чередуются съ палатальными или лабіализованными, или переднеязычными зубными смычными звуками или съ заднеязычными, за которыми слѣдуетъ губной призвукъ; въ нѣкоторыхъ языкахъ наблюдается даже такой случай, что въ извѣстномъ числѣ словъ заднеязычный смычный звукъ уступаетъ мѣсто палатальному, переднеязычному или зубному спиранту. Всѣ эти различныя артикуляціи возникли лишь послѣ распаденія праязыка, вслѣдствіе причинъ, которыя еще неизвѣстны. Въ санскритѣ, напр., рядомъ съ *k* стоитъ небный смычный звукъ [1]) *c* и палатальный спирантъ *ç*. Такимъ образомъ, произошло развѣтвленіе унаслѣдованнаго *k*; „законъ, по которому заднеязычные частью переходятъ въ палатальные, частью остаются, въ подробностяхъ еще не разслѣдованъ". Разсмотрѣніе соотвѣтствующихъ звуковъ прочихъ языковъ совершается въ томъ же направленіи: постояннымъ предположеніемъ является одинаковая артикуляція всѣхъ заднеязычныхъ согласныхъ праязыка, а постояннымъ методомъ—стремленіе выводить множественность явленій, свойственныхъ отдѣльнымъ языкамъ, изъ предполагаемаго развѣтвленія первичнаго единства". Напротивъ того, современный взглядъ, явившійся результатомъ трудовъ Асколи, Фика, Коллица, І. Шмидта, Бецценбергера и др., можетъ быть резюмированъ слѣдующимъ образомъ. Въ первобытную эпоху было три ряда заднеязычныхъ (такъ называемыхъ гортанныхъ) согласныхъ, именно рядъ спирантовъ, рядъ *k* и рядъ *q* [2]). Рядъ спирантовъ удержался только въ арійскомъ, армянскомъ, литвославянскомъ, албанскомъ языкахъ, а въ остальныхъ совпалъ съ рядомъ *k*. Глухимъ согласнымъ этого ряда является звукъ, который въ индійскомъ представленъ пала-

---

[1]) Фонетическая терминологія Бехтеля нѣсколько не выдержана: санскр. *c* (=русск. *ч*) есть въ сущности не смычный, а сложный согласный, состоящій изъ смычнаго *т* и спиранта *ш*, иначе такъ назыв. аффриката.

Прим. ред.

[2]) Здѣсь вкралась нѣкоторая неточность, объясняемая частью условіями времени (3 изд. книжки Дельбрюка вышло въ 1893 г.), частью можетъ быть тѣмъ, что центръ тяжести работъ почтеннаго автора лежитъ внѣ области фонетики. Спирантный характеръ такъ называемаго перваго ряда заднеязычныхъ согласныхъ невр. праязыка, принимаемый нѣкоторыми учеными, главнымъ образомъ Бецценбергеромъ и его учениками, является мало вѣроятнымъ съ точки зрѣнія современной физіологической фонетики и обусловленнаго ею представленія о звуковыхъ измѣненіяхъ. Весьма сомнительно, чтобы первоначальные спиранты, сохранившіеся не только въ восточныхъ представителяхъ индоевропейской семьи языковъ (арійскихъ, литвославянскихъ, албанскомъ и армянскомъ языкахъ), могли въ западныхъ индоевр. языкахъ (греч., италійскихъ,

тальнымъ *s* (которое я изображаю *ç*), напр., др.-инд. *dáça*, зенд. *dasa*, арм. *tasn*, лит. *dẽšimtis*, церк.-сл. десѧть, напротивъ того *k* въ δέκα, *decem*, др. ирл. *deich*, гот. *taihun*. Въ прежнее время это *ç* считали единственнымъ заднеязычнымъ [1]) спирантомъ древнеиндійскаго языка, но Асколи доказалъ, что соотвѣтствующіе ему звуки нѣкогда должны были имѣться и въ звонкомъ, и придыхательномъ видахъ, указавъ, что древнеиндійское *j* и *h* представляютъ собою каждый два болѣе древнихъ звука. Примѣромъ первоначальнаго звонкаго спиранта служитъ др.-инд. *yájati* „онъ приноситъ въ жертву" съ прич. прош. вр. стр. з. *ishtá*, зенд. *yazaite yašta*, др. инд. *ṛjú* прямой, зенд. *erezu* (id.) лит. *ražaus* „вытягиваюсь" (съ этими случаями ср. звонкіе смычные въ др.-инд. *yunájmi* „запрягаю", *yuktá*, зенд. *yujyeiti yukhta*, лит. *jùngiu*, ц.-сл. *иго* „ярмо"). Примѣръ первоначальнаго спирантнаго придыхательнаго: др.-инд. *váhati* „везетъ", *vodhár* „вьючное животное", зенд. *vazaiti vaštar*, лит. *vežù*, ц.-сл. везѫ (съ которыми ср. неспирантные придыхательные въ др.-инд. *dahati* „онъ пылаетъ", прич. *dagdhá*, лит. *degù*). Таковой видъ представляетъ рядъ спирантовъ. Рядъ *k* и рядъ *q*, съ своей стороны, остались раздѣленными въ греческомъ, италійскомъ, кельтскомъ и германскомъ языкахъ, и, напротивъ, совпали въ тѣхъ языкахъ, которые сохранили спирантный рядъ, т. е. — въ арійскомъ, армянскомъ, литво-славянскомъ, албанскомъ. Примѣромъ для глухого согласнаго ряда *k* является греч. κρέας, лат. *cruor*, др.-ирл. *crú*, корн. *crow*, др. сканд. *hrár*; для ряда *q* греч. πέντε и πεμπώβολον, лат. *quinque*, др.-ирл. *cóic*, кимр. *pimp*, гот. *fimf*. Относительно звонкихъ, придыхательныхъ и прочихъ подробностей, я отсылаю къ изложенію Бехтеля.

После этихъ замѣчаній, мы можемъ сказать вкратцѣ, что мы оставили гипотезы Шлейхеровскихъ временъ о „развѣтвленіи"

кельтскихъ, германскихъ) опять превратиться въ заднеязычные смычные. Гораздо правдоподобнѣе предположеніе, раздѣляемое Бругманомъ и многими другими современными учеными, что первый рядъ заднеязычныхъ смычныхъ согласныхъ въ праязыкѣ имѣлъ легкій небный (палатальный) оттѣнокъ, исчезнувшій въ западныхъ индоевроп. языкахъ, но продолжавшій усиливаться въ восточныхъ и приведшій въ нихъ къ превращенію смычныхъ въ спиранты.

Прим. ред.

[1]) Терминъ «заднеязычный» (или гортанный, нѣм. guttural) здѣсь очевидно слѣдуетъ понимать въ историческомъ смыслѣ: *ç* происходитъ изъ заднеязычнаго («гортаннаго») согласнаго, но произносится совсѣмъ не задней частью языка (какъ заднеязычные или такъ назыв. «гортанные» согласные), а передней, такъ назыв. Zungenblatt нѣмецкихъ фонетиковъ, при дорсальной артикуляціи языка. *Прим. ред.*

(Spaltungshypothesen), какъ въ области гласныхъ, такъ и въ области согласныхъ, и на ихъ мѣсто поставили гипотезу о существовавшемъ въ праязыкѣ разнообразіи, которое въ отдѣльныхъ языкахъ частью сохранилось, частью умножилось вслѣдствіе совпаденія звуковъ. Я полагаю (какъ это ясно уже изъ моего изложенія), что мы въ этомъ случаѣ поступили правильно. Въ пользу новаго воззрѣнія говоритъ, во-первыхъ, то размышленіе, что мы не имѣемъ никакого основанія представлять праязыкъ проще и бѣднѣе звуками, чѣмъ какой-либо отдѣльный языкъ, и затѣмъ то еще болѣе вѣское соображеніе, что неудобно сводить къ исторической случайности тѣ многочисленныя совпаденія, которыя проявляются въ звуковыхъ соотвѣтствіяхъ отдѣльныхъ языковъ. Убѣжденіе въ правильности приложенныхъ методовъ укрѣпляется, въ особенности, тѣмъ наблюденіемъ, что каждый вновь открытый для науки языкъ даетъ подтвержденіе результатовъ, добытыхъ въ изслѣдованныхъ до сихъ поръ языкахъ. Это особенно относится къ армянскому языку, разработкою котораго стяжалъ себѣ заслуги Гюбшманъ (ср. Hübschmann, „Armenische Studien“, Leipzig, 1883 г.), и къ албанскому, которому было указано его мѣсто въ ряду индоевропейскихъ языковъ блестящими работами Г. Мейера (изъ нихъ я придаю особенное значеніе „Этимологическому словарю албанскаго языка“, Страсбургъ 1891 г. и „Албанскимъ этюдамъ“ III въ Sitzungsberichte Вѣнской Академіи Наукъ. Томъ CXXV, Вѣна 1892 г.). Довольствуясь вообще ссылкою на эти изслѣдованія, я не могу, однако, не привести по крайней мѣрѣ одного факта, который можетъ подтвердить сказанное до сихъ поръ. Уже въ 1867 г. Георгъ Шульце утверждалъ въ своей появившейся въ Гёттингенѣ диссертаціи, что праязыкъ долженъ былъ имѣть два согласныхъ, одинъ съ болѣе вокальнымъ характеромъ, который въ греческомъ языкѣ превратился въ Spiritus asper (напр., *yaj* ἅγιος, *yuyát* ὑμεῖς) и другой съ болѣе консонантической природой, который въ греческомъ представленъ звукомъ ζ, напр. *yugát* ζυγόν. Курціусъ высказался рѣшительно противъ этой гипотезы (Stud. 2,180) и твердо держался своего прежняго воззрѣнія, по которому ζ „развилось“ въ греческомъ языкѣ. Въ новѣйшее время, когда гипотезы, основанныя на „разщепленіи“ простыхъ звуковъ праязыка (Spaltungs hypothesen), потеряли свой престижъ, ученые, напротивъ, стали на сторону Шульце. Такъ, Бругманъ (Grundriss первое изданіе I, 453, второе изданіе: I. § 280. Прим. стр. 262 и § 922, стр. 793), принимаетъ для первобытнаго языка спирантное *j*, о которомъ выражается приблизительно такъ: „Только греческій

языкъ различаетъ *j* и *i̯* другъ отъ друга въ началѣ слова. Въ другихъ языкахъ оба звука совпадаютъ въ *i̯* [1]). Однако и здѣсь первоначальная разница можетъ быть замѣчена по стольку, по скольку у корней, начинающихся звукомъ *j*, не имѣется унаслѣдованной изъ древности формы со слабой ступенью вокализма (Tiefstufenform), представляющей гласные *i* или *ī*, напр., др.-инд. *yasta*, отъ *yas* „кипѣть, бить ключемъ", но *iṣ̌ṭa* отъ *yaj* „чтить". Къ этимъ слѣдамъ въ греческомъ прибавилось теперь рѣшительное свидѣтельство албанскаго яз. (Meyer, Sitzungsber. 39), гдѣ зенд. *yāsta*, греч. ζωστός, лит. *jùstas* соотвѣтствуетъ алб. *n̆ješ* „опоясываю" (*n*=*in*), но греч. ὑμεῖς и т. д.—*ju*. Этимъ доказана первичность *j* и *i̯*, такъ какъ нельзя допустить, чтобы въ однихъ и тѣхъ же словахъ, въ греческомъ и албанскомъ языкахъ, первоначально единое *j* „развилось" въ ζ respective *g̑*.

Какой переворотъ въ воззрѣніяхъ современниковъ должны были теперь произвести всѣ эти и имъ подобныя откровенія, мы указывали уже неоднократно. Послѣ того какъ наука начала съ допущенія многочисленныхъ и произвольныхъ исключеній, послѣ того какъ послѣднія, благодаря все возраставшимъ успѣхамъ изслѣдованія, ограничивались болѣе и болѣе, долженъ былъ, конечно, явиться взглядъ, что звуковые законы не терпятъ вообще никакихъ исключеній. Хотя, какъ мы видѣли выше на стр. 51, это научное мнѣніе высказывалось уже Шлейхеромъ (тѣмъ болѣе, что оно является и логическимъ слѣдствіемъ его естественнонаучнаго міросозерцанія), но въ то время оно произвело такъ мало впечатлѣнія, что соотвѣтствующую фразу Шлейхера совершенно недавно пришлось, такъ сказать, снова выкапывать на свѣтъ Божій. Положеніе, что звуковые законы не имѣютъ исключеній, вошло въ жизнь только въ томъ періодѣ, который насъ теперь занимаетъ, а именно, — насколько я замѣтилъ, — Лескинъ былъ тѣмъ ученымъ, который больше другихъ способствовалъ его признанію. Нераздѣльно съ этимъ положеніемъ было связано другое, дополняющее его, относительно многочисленности случаевъ, въ которыхъ проявляется дѣйствіе аналогіи. Теоретическое обоснованіе этихъ обоихъ важныхъ положеній я дамъ въ главѣ о звуковыхъ законахъ. Здѣсь-же мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о третьемъ, также уже затронутомъ, пунктѣ, именно объ измѣненіи воззрѣній на отношеніе отдѣльныхъ языковъ къ основному языку и о самомъ основномъ языкѣ, которое явилось результатомъ разсмотрѣнныхъ въ этой главѣ работъ.

---

[1]) Неслоговое *i*, т. е. гласный *i* съ функціей согласнаго, какъ, напримѣръ, въ концѣ нѣмецкихъ дифтонговъ *ei*, *ai*. *Прим. ред.*

Боппъ, объясняя формы индогерманскихъ языковъ изъ сложенія самостоятельныхъ прежде элементовъ, не совсѣмъ ясно выражался въ то-же время, къ какому періоду слѣдуетъ отнести процессъ этого сложенія. Для нѣкоторыхъ формъ, напр., для падежей, онъ очевидно допускалъ возникновеніе въ первобытную эпоху, образованіе другихъ онъ относилъ къ періоду отдѣльныхъ языковъ, напр., латинское прошедшее несовершенное (imperfectum) на *bam*. У Шлейхера мы встрѣчаемъ еще это воззрѣніе, когда онъ, напр., понимаетъ латинское *lexi*, какъ образованіе изъ корня *leg* и прошедшаго совершеннаго (perfectum) *esi* [1]). При возраставшихъ успѣхахъ науки, эта точка зрѣнія не могла, однако, удержаться. Чѣмъ глубже шло сравненіе индогерманскихъ языковъ, тѣмъ очевиднѣе становилось положеніе: образованіе флексіи завершилось уже въ праязыкѣ; въ отдѣльные языки были унаслѣдованы лишь готовыя слова. Если-же это справедливо (а кто можетъ еще въ этомъ сомнѣваться?), то тотчасъ возникаетъ вопросъ: какъ-же тогда возможны въ отдѣльныхъ языкахъ новообразованія? Заслугу постановки этого вопроса стяжалъ себѣ Мергэ (Merguet: „Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik“, CIX, 145 и сл.; „Entwickelung der lateinischen Formenbildung“, Berl. 1870), а заслугу отвѣта на него—тѣ ученые, которые снова сильно подчеркнули значеніе аналогическихъ образованій, именно Уитней, Шереръ, Лескинъ (ср. статью Мистели, „Звуковой законъ и аналогія“ [Lautgesetz und Analogie] въ журналѣ Штейнталя XI, 365 [2]) и сл.). Такъ какъ новообразованія не могли-бы больше возникнуть въ уже готовомъ языкѣ путемъ сочетанія (Zusammenfügung) составляющихъ слово элементовъ, если только эти элементы сами не суть готовыя слова, то всѣ прочія новообразованія могутъ возникать только путемъ аналогическаго образованія. Новообразованія суть подражанія (Nachbildungen) уже имѣющимся типамъ образованій. При этомъ пониманіи, естественно, принципъ аналогіи выступалъ, при объясненіи формъ, на первый планъ, и многія отдѣльныя формы, какъ, напр., латинскія прошедшее несовершенное, будущее (imperfectum, futurum) и т. д., теперь уже понимаются иначе, чѣмъ прежде.

Но не только измѣнилось отношеніе отдѣльныхъ языковъ къ основному языку, но и этотъ послѣдній самъ получилъ другой

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. въ моемъ сочиненіи «Новѣйшее языкознаніе». Стр. 45 и сл. (см. подробное заглавіе этой брошюры на стр. 66, прим.).

Прим. ред.

[2]) Извѣстный журналъ, издававшійся Штейнталемъ и Лацарусомъ въ Берлинѣ съ 1860 г. «Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. Herausgegeben von Dr. M. Lazarus etc. und Dr. H. Steinthal etc.».

Прим. ред.

видъ Шлейхеровскій основной языкъ, или праязыкъ, состоялъ, какъ читатель помнитъ, изъ двухъ частей. Прежде всего, изображеніе его помощью извѣстныхъ формулъ представляетъ какъ-бы извлеченіе изъ изслѣдованія звукового и формальнаго міра индогерманскихъ языковъ. Что въ этой части онъ долженъ былъ измѣниться, что вмѣсто *a* пришлось, напротивъ, поставить *a e o*, а вмѣсто одного ряда заднеязычныхъ—три,—это ясно, хотя въ принципіальномъ отношеніи неважно. Естественно, что взглядъ на праязыкъ измѣняется, соотвѣтственно измѣненію взглядовъ на отдѣльные языки. Видъ изображенія въ зеркалѣ измѣняется сообразно съ движеніями тѣла. Вторая часть праязыка Шлейхера оказалась построенной не на основаніи непосредственнаго сравненія отдѣльныхъ языковъ, но выведенной изъ теоріи агглютинаціи. Если Шлейхеръ, напр., предполагаетъ, что окончаніе средняго залога *sai* возникло изъ *tva-tvi*, то это основывается не на наблюденіи процессовъ отдѣльныхъ языковъ, но на допущеніи, что въ основѣ окончанія второго лица глагола лежитъ мѣстоименная основа *tva*, и что личныя окончанія средняго залога возникли изъ окончаній дѣйствительнаго путемъ удвоенія. Новѣйшее направленіе вооружается противъ такихъ построеній. „Этотъ методъ, — такъ говоритъ Бругманъ („Morph. Unt.“ I, 133 [1])—у многихъ изслѣдователей потерялъ кредитъ. И вполнѣ заслуженно“. Строгое проведеніе звуковыхъ законовъ должно быть основою всего языкознанія. Формы, при постройкѣ которыхъ звуковые законы были-бы оставлены безъ вниманія, не должны имѣть никакой цѣны. Такія построенія будутъ также и неисторическими (unhistorisch). „Глагольныя окончанія, въ то время, когда индогерманскіе народы разошлись въ разныя стороны, безъ сомнѣнія, имѣли уже за собой длинную исторію, а при такихъ обстоятельствахъ, кто можетъ сказать или позволить себѣ сказать, какъ и откуда они всѣ явились“ [2]). Такъ возникло то отвращеніе къ глоттогоническимъ гипотезамъ вообще, то настроеніе, которое я могъ-бы еще иллюстрировать словами І. Шмидта. Этотъ послѣдній ученый въ изслѣдованіи о первоначальной флексіи желательнаго наклоненія и объ основахъ настоящаго вр., оканчивающихся на *a*, указавъ на сомнительность обычнаго объясненія желательнаго наклоненія (изъ соединенія съ корнемъ *i* или *ja*), выражается такъ („Zeitschr“. Куна, т. 24, 320): „Я не чувствую себя призваннымъ предложить

---

[1]) Сборникъ статей, выпущенный Бругманомъ и Остгофомъ въ пяти частяхъ: «Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen». Leipzig, Hirzel 8⁰. Ч. I, 1878. XX+290, ч. II. 1879. VI+262, ч. III. 1880. IV+160, ч. IV. 1881. XX+418, ч. V. 1890. *Прим. ред.*

[2]) См. цитиров. статью Бругмана, стр. 136. *Прим. ред.*

новое объясненіе. Задача индогерманскаго языкознанія состоитъ въ томъ, чтобы показать, каковы были формы праязыка, и какимъ путемъ изъ нихъ возникли формы отдѣльныхъ языковъ. Объяснить семасіологическое значеніе словообразовательныхъ элементовъ, присоединенныхъ къ такъ называемымъ корнямъ, мы въ большинствѣ случаевъ такъ же не въ состояніи и по тѣмъ же основаніямъ, какъ односторонняя греческая грамматика не была въ состояніи объяснить элементы греческихъ словъ. Въ этой области признаніе невозможности знать (des Nichtwissens), какъ и подобаетъ трезвой наукѣ, дѣлаетъ съ каждымъ годомъ успѣхи". Это, по моему мнѣнію, очень справедливое и разумное настроеніе, впрочемъ, долго не удержалось, такъ какъ въ новѣйшемъ развитіи нашей науки склонность къ глоттогоническимъ гипотезамъ опять разрослась сильнѣе.

Это приводитъ меня къ темнымъ сторонамъ новѣйшаго направленія. Мы видѣли, что затрудненія, представлявшіяся изслѣдованію въ отдѣльныхъ языкахъ, были успѣшно устранены тѣмъ, что праязыку было приписано такое многообразіе явленій, котораго прежде у него не хотѣли признавать. Въ этомъ пріемѣ, естественно, есть нѣчто соблазнительное, и когда его примѣняютъ безъ необходимой осторожности, можно притти къ тому, что праязыкъ дѣлается складочнымъ мѣстомъ всевозможныхъ загадокъ и трудностей, являющихся при изученіи отдѣльныхъ языковъ. Другая опасность угрожаетъ при объясненіи отдѣльныхъ формъ, въ особенности въ этимологіи. Поколѣніе, которое радуется открытію непреложныхъ звуковыхъ законовъ, легко можетъ допустить, что извѣстное объясненіе уже обосновано, разъ только оно не противорѣчитъ звуковымъ законамъ. Этимъ, однако, достигается, конечно, соблюденіе лишь одного условія. Другое состоитъ въ томъ, чтобы объясненіе было очевиднымъ или по крайней мѣрѣ вѣроятнымъ, причемъ, конечно, судьею дѣлается субъективное впечатлѣніе. Но такой субъективный элементъ содержится въ большей части всѣхъ сужденій въ области историческихъ знаній.

Если, такимъ образомъ, невозможно оспаривать то, что нѣкоторые изслѣдователи впали въ указанныя ошибки, то спрашивается, какимъ-же образомъ можно бороться съ такими промахами? Я думаю, что предохранительное средство существуетъ, а именно упорное и идущее въ глубь занятіе какимъ нибудь отдѣльнымъ языкомъ. Только такимъ путемъ можно воспитать въ себѣ уваженіе къ преданію и чутье возможнаго и вѣроятнаго, недающееся еще (какъ это очень справедливо было замѣчено) никакой ученостью.

ПЯТАЯ ГЛАВА.

Теорія агглютинаціи.

Въ предшествующемъ изложеніи было показано, какъ возникла у Боппа такъ называемая теорія агглютинаціи, и по крайней мѣрѣ было намѣчено, какую роль играла эта гипотеза въ теченіе дальнѣйшаго развитія языкознанія. Моя задача теперь—изслѣдовать, какую степень вѣроятности можно признать за ней.

Всякій анализъ индогерманскихъ флективныхъ формъ долженъ исходить изъ того факта, что нѣкоторыя флективныя окончанія глагола обнаруживаютъ большое сходство съ нѣкоторыми мѣстоименными основами. Окончаніе перваго лица *-mi* сразу напоминаетъ о *me*, *mi-hi* и связанныхъ съ ними формахъ, равнымъ образомъ *-ti* третьяго лица—о мѣстоименной основѣ *ta* [1]), являющейся въ греческомъ τό и т. п. Окончанія второго лица также обнаруживаютъ отношеніе къ соотвѣтствующимъ мѣстоименіямъ, хотя это отношеніе и не такъ бросается въ глаза, какъ у двухъ другихъ лицъ. Это сходство Боппъ объяснялъ предположеніемъ, что мѣстоименія примкнули къ глаголу, который слѣдовательно до этого присоединенія еще не имѣлъ никакихъ окончаній, и выраженная въ этой гипотезѣ мысль о спайкѣ или агглютинаціи сдѣлалась господствующей во всемъ его объясненіи флексіи. Однако, очевидно, что, рядомъ съ предположеніемъ Боппа, возможны и другія предположенія, исходящія изъ того же факта. До сихъ поръ въ языкознаніи выдѣлились двѣ такія гипотезы: одна, принимающая, что окончанія явились раньше, и мѣстоименія возникли изъ нихъ путемъ выдѣленія—теорія эволюціи или развитія, другая, по которой мѣстоименія и окончанія возникли независимо

---

[1]) Въ индоевропейскомъ праязыкѣ эта основа, согласно современной теоріи вокализма, должна была имѣть видъ **to*. Дельбрюкъ, вѣроятно по привычкѣ къ старой манерѣ представлять себѣ индоевропейскій праязыкъ, пишетъ *ta*, какъ она звучитъ въ санскритѣ. *Прим. ред.*

другъ отъ друга и позже были приспособлены другъ къ другу,— теорія адаптаціи или приспособленія.

Сначала я разберу эти обѣ гипотезы.

Теорія эволюціи, имѣющая своимъ первымъ представителемъ Фридриха фонъ Шлегеля, древнѣе теоріи агглютинаціи, но достовѣрнаго изложенія ея не имѣется, такъ какъ ни Августъ Вильгельмъ фонъ-Шлегель, ни Лассенъ, ни какой-либо другой ученый этой школы, не выставили противъ доказательствъ Боппа ничего, кромѣ отрицаній. При такихъ обстоятельствахъ мы должны руководиться работами трехъ людей, изъ которыхъ ни одинъ не можетъ считаться признаннымъ истолкователемъ ученій Шлегеля, я разумѣю Карла Фердинанда Беккера, Морица Раппа, Рудольфа Вестфаля. То, что К. Ф. Беккеръ, нѣкогда знаменитый авторъ „Организма“ [1]), имѣетъ сказать въ пользу первичности личныхъ суффиксовъ, сводится въ существенныхъ чертахъ къ слѣдующему разсужденію: „такъ какъ слово первоначально есть членъ предложенія, то вмѣстѣ съ понятіемъ слова дается первоначально и грамматическое отношеніе, а вмѣстѣ со словомъ и его флексія. Слово, какъ выраженіе понятія, и флексія, какъ выраженіе отношенія, одинаково древни и первичны“. Между тѣмъ это разсужденіе было-бы вѣрно лишь въ томъ случаѣ, если бы принять, что все, что мыслится, находитъ себѣ и выраженіе въ языкѣ. Однако это, какъ извѣстно, совсѣмъ не такъ, и поэтому ничто не мѣшаетъ допустить, что идея отношенія уже имѣлась давно, прежде чѣмъ была выражена въ языкѣ. Такимъ образомъ изъ этого, якобы логическаго, способа разсужденія (logisierende Betrachtungsart) нельзя получить никакого заключенія относительно древности выраженія отношеній. Что касается втораго изъ названныхъ ученыхъ, тюбингенскаго профессора Морица Раппа, то я отсылаю читателя къ рецензіи Штейнталя на его сравнительную грамматику (K. Z. II, 276 сл.), гдѣ подробно разсматривается какъ разъ относящееся сюда. Болѣе подробнаго разсмотрѣнія, напротивъ, требуютъ взгляды Рудольфа Вестфаля, изложенные имъ именно въ его философско-исторической грамматикѣ нѣмецкаго языка (Іена 1869) и методической грамматикѣ греческаго языка (Іена 1870) [2]).

Система Вестфаля, изложенная вкратцѣ, — слѣдующая. Въ

---

[1]) «Organismus der Sprache» 2 изд. Франкфуртъ на Майнѣ. 1841. *Прим. ред.*

[2]) «Philosophisch-historische Grammatik der deutschen Sprache». Iena. 1869. Gr. 8⁰; «Methodische Grammatik der griechischen Sprache.» Thl. 1 und II. Abth. 1, in 3 Bänden. Iena, 1870—72. Gr. 8⁰. *Прим. ред.*

развитіи языка послѣ образованія корней можно различать три періода. Въ первомъ вещи опредѣляются сами по себѣ (an und für sich), во второмъ въ отношеніи къ человѣческому мышленію, въ третьемъ въ отношеніи другъ къ другу (Фил.-Истор. Грам. стр. 98). Въ первомъ періодѣ возникли именныя основы, во второмъ глагольная флексія, въ третьемъ именная флексія. Посредствомъ корня бытіе получило выраженіе въ языкѣ, какъ нѣчто, у чего проявляется извѣстное опредѣленное движеніе или дѣятельность. Этотъ корень, правда, иногда употребляется и тамъ, гдѣ надо обозначить бытіе, независимое въ его спокойствіи, но обыкновенно онъ всетаки измѣняется для этой цѣли и въ звуковомъ отношеніи. А именно онъ расширяется при помощи *ă*, *ĭ*, *ŭ*. О значеніи этого расширенія Вестфаль высказывается такъ: „въ противоположность односложному глагольному корню, этимъ путемъ для конкретнаго имени получается двухсложная форма слова, конечный гласный которой прежде всего не долженъ обозначать ничего другого, какъ только то, что корень, заключенный въ этой формѣ слова, не долженъ болѣе означать каждую вещь, у которой проявляется соотвѣтствующая дѣятельность или движеніе, но только одну опредѣленную вещь или по крайней мѣрѣ одинъ опредѣленный классъ, или видъ вещей, существеннымъ признакомъ которыхъ принимается это движеніе или дѣятельность. Обогащеніе корня звуками *a i u* свидѣтельствуетъ только о движеніи впередъ отъ большей отвлеченности къ болѣе конкретной опредѣленности, къ спеціализаціи“. Въ теченіе дальнѣйшаго развитія, значенія именъ спеціализируются все больше и больше, и „ближе всего лежащіе“ гласные *a i u* становятся уже недостаточными; такимъ образомъ въ той же функціи примѣняются также и другія сочетанія звуковъ. „Сперва именно передъ гласнымъ *a i u* является носовой или зубной согласный“, и такъ происходятъ суффиксы *na ni nu*, *ta ti tu*; затѣмъ также и плавные, причемъ возникаютъ *ra ri ru*, *la li lu* (цит. соч. стр. 84). Чтобы образовать производныя именныя основы, прибавляется опять новый элементъ. Ибо каждое „расширеніе понятія какимъ нибудь признакомъ, какой либо опредѣленностью, требуетъ обогащенія уже имѣющейся на лицо словесной формы новымъ звуковымъ элементомъ (стр. 85)“. Всего искуснѣе эта игра понятіями и звуками у глагола. У глагола выражаются слѣдующія опредѣленности: 1) пространственное тожество между мыслящимъ и мыслимымъ, выраженное первымъ лицомъ; 2) тожество во времени, выраженное настоящимъ временемъ; 3) причинное тожество между мыслимой дѣятельностью и ея осуществленіемъ („Gedachtwerden“?),

выраженное повелительнымъ наклоненіемъ. Къ этимъ тремъ опредѣленностямъ прибавляются еще ихъ противоположности, именно: 1) пространственное нетожество, т. е. третье и второе лицо, вмѣстѣ взятыя; 2) нетожество во времени, т. е. прошлое (будущность не обозначается какъ либо особо); 3) причинное нетожество, т. е. изъявительное наклоненіе. Первой изъ этихъ опредѣленностей отвѣчаетъ звукъ, лежащій ближе всего, а именно таковымъ въ данномъ случаѣ является носовой „все равно, зубной или губной“, и такимъ образомъ первымъ образованіемъ было образованіе съ *m*, напр., отъ корня *sta* оно звучало *stam*, а противоположность къ этой опредѣленности выражается помощью присоединенія дальше лежащаго звука *t*, слѣдовательно *stat*. Но теперь еще должно быть отмѣчено особеннымъ образомъ второе лицо, для чего были предназначены имѣвшіеся на лицо ближе всего лежащіе гласные *a i u*. Вѣроятно, что нѣкогда *stata stati statu* могло употребляться для второго лица, но форма *statu* стала самой любимой. Изъ нея возникло *stas*, и такимъ образомъ мы имѣемъ *stam stas stat*. Подобнымъ же образомъ, правда не безъ всевозможныхъ предположеній, которыя, даже съ точки зрѣнія системы, должны быть названы грубыми и неправдоподобными, составляется все строеніе глагольной флексіи изъ однихъ „ближе и дальше лежащихъ“ звуковъ. Изъ готовыхъ флективныхъ формъ глагола затѣмъ произошли мѣстоименныя основы, и именно только изъ формъ средняго залога. Возникли формы средняго залога *tudama* и *tudatva*, и изъ нихъ выдѣлились *ma* и *tva*. „Чтобы выразить понятіе „ты бьешь меня“ или „онъ билъ меня“, брали форму дѣйствит. залога *tudas* или *tudat* и обозначали связанное съ ними „меня“ тѣмъ же самымъ звуковымъ элементомъ, которымъ было выражено возвратное „меня“ въ формѣ средняго залога, именно слогомъ *ma*“ (цит. сочин. стр. 127). Подобно флективнымъ формамъ глагола, возникли и флективныя формы имени, такъ что мнѣ нѣтъ надобности ближе разсматривать эту сторону системы.

Эта система требуетъ критики во многихъ отношеніяхъ, прежде всего относительно ея философской основы. Я полагаю, едва-ли можно сомнѣваться, что она можетъ подкупать только извѣстной внушительностью терминологіи. Трезвая филологическая публика столь же мало убѣдится въ томъ, что эти глубокомысленныя и темныя „опредѣленности“ выступали въ качествѣ образующихъ языкъ силъ въ умахъ нашихъ предковъ, и притомъ въ діалектически точно опредѣленномъ порядкѣ, сколь мало повѣритъ автору, что тѣ-же первичныя силы (Urkräfte) „лежатъ въ основѣ сидери-

ческаго, растительнаго и животнаго бытія". Дальнѣйшее возраженіе должно быть почерпнуто изъ названной теоріи о „ближе и дальше лежащихъ" звукахъ. Не говоря о томъ, что Вестфаль при случаѣ противорѣчитъ себѣ въ оцѣнкѣ разстоянія звуковъ, позволительно спросить, что̀ собственно означаетъ близкое разстояніе одного звука и далекое другого? Изъ согласныхъ носовые и зубные по Вестфалю лежатъ ближе всего: нужно ли понимать это, что они возникли прежде всѣхъ, и, напр., губные уже болѣе поздняго происхожденія? И другія фонетическія предположенія его въ высшей степени сомнительны. Какъ, напримѣръ, слѣдуетъ объяснять, что въ середину слова передъ суффиксами *a i u* вставляются согласные *t n r l*? Гдѣ можно найти что либо подобное въ области индогерманскихъ языковъ?

Но главное для моей теперешней цѣли — теорія о выдѣленіи личныхъ суффиксовъ. Правдоподобна-ли эта теорія? Противъ нея можно возразить, что она дѣлаетъ необходимымъ предположеніе, будто индогерманскіе языки въ теченіе извѣстнаго времени обходились безъ личныхъ мѣстоименій. Но это предположеніе (такъ думаетъ Курціусъ: „Verbum" I², 22) въ высшей степени затруднительно. Ибо гдѣ же—спрашиваетъ онъ—можно найти языки безъ личныхъ мѣстоименій? Но затѣмъ должно сказать, что все представленіе, будто окончанія, „какъ спѣлыя груши упали съ дерева" (Поттъ, „Etymol. Forschungen" II. 360), или „выступили отъ жара, какъ смола, и отдѣлились каплями" (какъ выражается Шереръ) вполнѣ странно и не имѣетъ себѣ никакой аналогіи. По крайней мѣрѣ, насколько я знаю, изъ другихъ языковъ нельзя привести ничего соотвѣтствующаго, тогда какъ въ пользу гипотезы Боппа во всякомъ случаѣ (какъ будетъ показано ниже) свидѣтельствуетъ примѣръ агглютинирующихъ языковъ.

Я полагаю поэтому, что теорія эволюціи въ томъ видѣ, въ какомъ она до сихъ поръ представлялась, не можетъ никакъ разсчитывать на одобреніе языковѣдовъ, и именно тѣмъ менѣе, что для теоріи агглютинаціи, хотя и не во всѣхъ ея подробностяхъ, но въ общихъ и главныхъ чертахъ, все-таки должна быть установлена извѣстная вѣроятность, какъ это должно обнаружиться въ дальнѣйшемъ моемъ изложеніи.

Мы переходимъ къ теоріи адаптаціи или взглядамъ, которые Альфредъ Лудвигъ изложилъ въ своемъ разсужденіи о возникновеніи склоненія на *a-* (Sitzungsberichte Вѣнской акад. наукъ 1867) и двухъ отдѣльно появившихся трудахъ „Der Infinitiv im Veda nebst einer Systematik des litauischen und slavischen Verb" (Прага, 1871: „Неопр. наклоненіе въ ведахъ и система-

тика литовскаго и славянскаго глагола") и „Agglutination oder Adaptation? eine sprachwissenschaftliche Streitfrage" (Прага, 1873: „Агглютинація или приспособленіе? Лингвистическій спорный вопросъ").

А. Лудвигъ, прекрасный знатокъ ведъ, держится мнѣнія, что до сихъ поръ языкознаніе слишкомъ односторонне копировало съ греческаго языка свои представленія о природѣ индогерманскаго языка. Веды должны-бы быть использованы въ гораздо большей мѣрѣ, и только изъ ведійскаго языка могли бы быть почерпнуты указанія для правильнаго пониманія и флективныхъ окончаній, и притомъ, какъ глагольныхъ, такъ и именныхъ суффиксовъ. Прежде всего, что касается глагола, то это фактъ, что въ ведахъ третье лицо единственнаго числа средняго залога иногда обнаруживаетъ въ настоящемъ времени то же окончаніе, какъ и въ перфектѣ, т. е. *-e* (не *-te*), и такимъ образомъ совпадаетъ съ первымъ лицомъ единственнаго числа, такъ что *çṛṇvé* можетъ означать одинаково „его слушаютъ" и „меня слушаютъ". Нѣчто подобное Лудвигъ думаетъ найти также и во второмъ лицѣ средняго залога, причемъ предполагаетъ, что суффиксъ *-se* употребляется одинаково въ значеніи перваго и второго лица. Дѣлая заключеніе отъ *-e* и *-se* относительно *-te*, а отсюда еще дальше о *-mi -si -ti* (у которыхъ уже не такъ явно выступаетъ подобная же многозначительность, какъ у *-se* и *-te*), онъ приходитъ къ мнѣнію, что первоначально такъ называемые личные суффиксы не имѣли ничего общаго съ обозначеніемъ лицъ. Согласно этому мнѣнію, не было никакихъ первичныхъ личныхъ суффиксовъ, скорѣе лишь единственный родъ суффиксовъ, а именно тѣ, которые мы называемъ тематическими. Формы спрягаемаго глагола (verbi finiti) по своему происхожденію не что иное, какъ основы. То же самое оказывается и относительно именной флексіи. Для падежей Лудвигъ также пытается доказать, основываясь на ведахъ, что первоначально они совсѣмъ не имѣли опредѣленно разграниченныхъ сферъ значенія. Въ той области, которую мы называемъ именной, первоначально были также только основы, значенія которыхъ постепенно дифференцировались и спеціализировались.

Но съ другой стороны Лудвигъ, однако, крѣпко держится за тотъ фактъ, что въ позднѣйшихъ періодахъ развитія языка, напр., въ классическомъ санскритѣ, дѣйствительно каждое изъ различныхъ окончаній указываетъ на особый способъ употребленія слова. Такимъ образомъ, подымается все-таки вопросъ: какъ пришли суффиксы къ этому значенію, котораго они нѣкогда не имѣли? Отвѣтъ гласитъ: оно было имъ придано говорящими. Пробуждающаяся

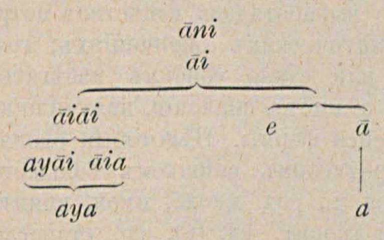
духовная потребность требовала выраженія извѣстныхъ категорій, и суффиксы, которые первоначально имѣли исключительно указательное (демонстративное) значеніе, приспособились къ этой потребности. Позже всѣхъ возникли спрягающіяся формы глагола („verbi finiti"), послѣдняя предварительная стадія которыхъ образуется при помощи тѣхъ основъ, которыя мы теперь называемъ неопредѣленными наклоненіями. Чтобы привести читателя къ лучшему пониманію намѣченныхъ здѣсь измѣненій, я предоставлю говорить самому автору. Высказавши положеніе, что дательный и мѣстный падежи, коль скоро мы сохранимъ историческую точку зрѣнія на нихъ, утрачиваютъ свой характеръ флектирующихся формъ и „отступаютъ въ область словообразованія", онъ продолжаетъ: „этотъ процессъ словообразованія постепенно пришелъ въ нѣкоторый застой, и рядомъ съ нимъ къ формамъ словообразованія, потерявшимъ свою прежнюю цѣнность, стали примѣнять другое направленіе. Если сначала пренебрегали спеціальнымъ обозначеніемъ *agens actio actum* (дѣйствующаго лица, дѣйствія, того что сдѣлано) и ограничивались лишь простымъ указаніемъ, примѣнявшимся тогда очевидно въ широкихъ размѣрахъ, то языкъ постепенно шелъ (коль скоро располагалъ звуковымъ матеріаломъ) къ тому, чтобы положить начало этому различенію, необыкновенно способствующему понятности рѣчи, причемъ онъ, однако, принимался за дѣло совсѣмъ не послѣдовательно. Когда онъ съ этой дифференціацией дошелъ до извѣстной степени, нужно было, конечно, обозначить число и падежное отношеніе, но для этого воспользовались только наличными средствами языка; о созданіи же грамматики нечего и думать". („Infinitiv im Veda", § 19). Въ другомъ мѣстѣ говорится: „Что нужно было для того чтобы явилось хотя-бы и смутное чувство флексіи? Ничего, кромѣ забвенія. Пока въ соотвѣтствующихъ образованіяхъ не забывали фактической связи, до тѣхъ поръ существовали только основы, но отнюдь не флектирующіяся основы. Коль скоро память объ этой связи исчезла, явилась потребность мыслить нѣчто при различіяхъ, или собственно понимать эти различія, о настоящей природѣ и происхожденіи которыхъ уже ничего больше не знали, и при которыхъ даже и не сознавали, что было что̀ знать. Ибо нѣтъ сомнѣнія, что люди были увѣрены, будто понимаютъ тѣ значенія, которыя они придавали формамъ" (цит. соч. § 29). Нѣсколькими страницами дальше: „съ постепеннымъ образованіемъ формъ, естественнымъ образомъ возникли два явленія, ставшія краеугольными пунктами синтаксиса, о которомъ слѣдуетъ сказать, что раньше онъ совсѣмъ не существовалъ, кромѣ какъ въ фразеологіи: это — обозначеніе

грамматической зависимости и грамматическаго согласія, или грамматическое подчиненіе и сочиненіе. Было естественно, что тамъ, гдѣ между выраженіями существовало отношеніе, являлось стремленіе выразить это отношеніе, чтобы этимъ могло быть обозначено различіе или тожество нѣсколькихъ значеній, сравнительно съ другимъ, однимъ только значеніемъ. Это затѣмъ имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что выработалась извѣстная потребность въ такъ-называемыхъ грамматическихъ окончаніяхъ; голое же окончаніе основъ постепенно или стало совсѣмъ избѣгаться, или, ограниченное спеціальной областью значенія, получило кажущуюся внѣшность флектирующейся формы. Нѣкоторыя окончанія повидимому сдѣлались даже предметомъ слишкомъ большого спроса: âm въ мѣстномъ падежѣ ед. ч., род. множ., имен. винит. дв., и какъ мы убѣждены, также и творит. ед. (â), ср. старослав. ају[1]); точно также и bhi. Этимъ путемъ очевидно, какъ казалось, слова впервые получили закругленный и законченный видъ. По мѣрѣ того какъ возрасталъ спросъ на окончанія, съ другой стороны ограничивалось число возможныхъ окончаній слова" (цитир. соч. § 31). Сопоставьте съ этимъ одно мѣсто изъ полемической брошюры Лудвига: „ихъ (личныхъ суффиксовъ) первоначальнымъ значеніемъ я устанавливаю указательное значеніе, которое затѣмъ освободило мѣсто для функцій словообразованія; затѣмъ они приняли общее глагольное значеніе (какъ оно является въ неопредѣленномъ наклоненіи) и, наконецъ, когда число этихъ элементовъ возрасло, ихъ по случайнымъ аналогіямъ, а часто и совсѣмъ безъ этихъ послѣднихъ, привели въ связь и отношеніе съ выработавшимися за то время у личныхъ мѣстоименій категоріями грамматическихъ лицъ. Итакъ, я принимаю первичное значеніе и кромѣ того прохожденіе черезъ три метаморфозы" („Agglutination oder Adaptation", стр. 62).

Хотя читатель получилъ теперь изъ этого изложенія приблизительное представленіе объ общихъ воззрѣніяхъ Лудвига, тѣмъ не менѣе мнѣ остается еще важная задача, именно показать, какъ Лудвигъ добылъ эти результаты изъ фактическаго состава индогерманскихъ звуковъ и формъ. Конечно, невозможно слѣдовать съ этой цѣлью за авторомъ во всѣхъ подробностяхъ; поэтому я замѣчу только, вообще, что Лудвигъ думаетъ, будто нашелъ нѣкоторое число звуковыхъ законовъ, значительно уклоняющихся отъ того, что другіе ученые признаютъ за твердо установленное. Такъ, напримѣръ, онъ считаетъ себя вправѣ принимать, что въ индогерман-

[1]) Слѣдовало бы—*oją*, или, въ транскрипціи Лудвига,—*oyą*. *Прим. ред.*

скомъ праязыкѣ каждый суффиксъ оканчивался на гласный, что *t* переходило въ *s*, *s* въ *r*, *t* измѣнялось въ *n*, *n* выпадало между гласными и т. д. Чтобы сдѣлать нагляднымъ пріемъ Л-а на примѣрѣ, я приведу какъ образчикъ, что у него принимается существованіе подобной неопредѣленному наклоненію основы на *-āni*, которая измѣняется слѣдующимъ образомъ:



То, что обозначено здѣсь посредствомъ *e*, есть то, что мы называемъ первымъ или третьимъ лицомъ на *e* (напр. санскр. *çṛṇvé*, см. выше, стр. 83), подъ *ā* разумѣются формы на *ā*, какъ *stávā* и т. д., которыя извѣстны знатокамъ ведъ, подъ *a* — основа глаголовъ спряженія на *o*-. Подобныя формы, по мнѣнію Лудвига, въ теченіе извѣстнаго времени употреблялись въ значеніи глагола безъ дальнѣйшихъ окончаній (называемыхъ у насъ личными окончаніями); потомъ формы, въ родѣ *bhara* и *bhara* получили суффиксы *mi*, *si*, *ti*, путемъ перенесенія отъ глаголовъ въ родѣ *dvish*, къ которымъ окончанія основъ *mi* и т. д. приспособились въ качествѣ извѣстнаго рода личныхъ суффиксовъ.

Чтобы оцѣнить правдоподобность этихъ гипотезъ, нужно прежде всего занять извѣстное положеніе относительно пониманія Лудвигомъ ведійскаго языка, такъ какъ ясно, что теорія приспособленія или адаптаціи получила бы могущественное подкрѣпленіе, если бы удалось доказать утверждаемую Лудвигомъ многозначительность ведійскихъ формъ. Я уже высказалъ раньше мнѣніе, что это доказательство не приведено и не можетъ быть приведено (K. Z. XX, 212 сл.), и продолжаю настаивать на этомъ взглядѣ тѣмъ болѣе, что какъ разъ въ послѣдніе годы дѣлающая постоянные успѣхи интерпретація ведъ (въ которой и самъ Лудвигъ принималъ далеко немалое участіе) показывала все яснѣе и яснѣе, что она можетъ обходиться безъ предположеній Лудвига. Если теперь отнять эти опоры у теоріи приспособленія, то доказательствомъ въ ея пользу останется только ея собственная внутренняя вѣроятность (ибо звуковые законы Лудвига сами не имѣютъ другого фундамента, какъ вѣроятность теоріи). Какъ же дѣло обстоитъ съ этой внутренней вѣроятностью? Какъ мнѣ кажется,

было бы рискованно, если бы кто-нибудь захотѣлъ отклонить по всей линіи грамматики мысль о томъ, что флективные суффиксы произошли изъ тематическихъ суффиксовъ (мы встрѣтимся еще съ нею позже, при разсмотрѣніи имени), но примѣненіе ея Лудвигомъ къ глаголу представляется мнѣ не имѣющимъ оправданія. Даже если бы захотѣли признать возможнымъ, что личныя формы (Personen) глагола развились изъ основъ, что́ мнѣ кажется весьма невѣроятнымъ, то и тогда все еще предстояло бы рѣшить вопросъ, откуда происходитъ сходство такъ называемыхъ личныхъ суффиксовъ съ мѣстоименіями, сходство, которое не должно быть отрицаемо. То́, что Лудвигъ даетъ какъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, очень смахиваетъ на признаніе въ своей некомпетентности. Именно я желалъ бы обратить вниманіе читателя на одинъ изъ вышеприведенныхъ отрывковъ, гласящій такъ: „когда число этихъ элементовъ возрасло, ихъ по случайнымъ аналогіямъ, а часто и совсѣмъ безъ этихъ послѣднихъ, привели въ связь и отношеніе съ выработавшимися за то время у личныхъ мѣстоименій категоріями грамматическихъ лицъ". Если я не ошибаюсь, то авторъ въ этомъ предложеніи самъ отказывается отъ всякаго объясненія по одному изъ важнѣйшихъ пунктовъ своей системы, допуская возникновеніе отношенія между суффиксами и мѣстоименіями часто безъ всякихъ аналогій. Этимъ онъ самъ формулировалъ одно изъ наиболѣе вѣскихъ возраженій противъ своей гипотезы. „Теорія адаптаціи, принимающая независимое возникновеніе личныхъ суффиксовъ и мѣстоименій, прежде всего должна доказать или по крайней мѣрѣ сдѣлать вѣроятнымъ какое нибудь объясненіе поразительнаго, не смотря на независимое происхожденіе, сходства вышеназванныхъ элементовъ. Этого доказательства Лудвигъ не далъ. Такимъ образомъ, я могу признать столько же вѣроятія за теоріей адаптаціи, сколько и за теоріей эволюціи [1]).

---

[1]) Въ существенномъ согласенъ съ Лудвигомъ многосторонній англійскій языковѣдъ А. Сэсъ (A. H. Sayce, ср. его «Principles of comparative philology», 2 изд. Лонд. 1873, «Introduction to the science of language», 2 тома, 2 изд. Лондонъ 1885). Сэсъ раньше въ объясненіи глагольныхъ формъ поддерживалъ еще извѣстныя точки соприкосновенія съ Боппомъ, объявляя еще въ 1882 г. («Introduction etc.» I. 392): «весьма вѣроятно, что личныя окончанія арійскаго глагола *as-mi a(s)-si as-ti* или ἔσ-μι ἔσ-σι ἔσ-τι суть просто личныя мѣстоименія, тѣсно связанныя съ глагольной основой». Въ предисловіи, однако (стр. VII), онъ исправляетъ этотъ взглядъ и признаетъ *m* перваго лица тожественнымъ съ *m* именительнаго и винительнаго падежей ср. р. Гласный *i* введенъ въ эти окончанія формой третьяго лица, которое съ своей стороны представляетъ собой или именную основу въ родѣ γενεσι-ς, или мѣстный падежъ (см. также статью Сэса въ «Academy» № 541, 16 сент. 1882 г. стр. 207). Первое изданіе

Посмотримъ теперь, что можно вывести изъ отклоненія обѣихъ только что упомянутыхъ гипотезъ. Фактъ сходства между нѣкоторыми личными суффиксами и мѣстоименіями, исключающаго всякое объясненіе случайностью, сходства, отъ котораго, какъ мы видѣли, должна отправляться всякая гипотеза относительно происхожденія флексіи, можетъ быть, насколько я понимаю, объясненъ троякимъ образомъ. Или надо принять, что окончанія возникли изъ мѣстоименій, или что мѣстоименія произошли изъ окончаній, или, что окончанія и мѣстоименія возникли независимо другъ отъ друга и только позже уподобились другъ другу. Второе и третье предположенія представляются мнѣ, какъ я только что объяснилъ, неправдоподобными. Итакъ, если не желаютъ отказаться отъ всякой попытки объясненія (точка зрѣнія, которая должна подвергнуться оцѣнкѣ въ концѣ этого отдѣла), то остается только одна гипотеза—гипотеза Боппа.

Эта гипотеза получаетъ свидѣтельство въ свою пользу также и съ другой стороны, а именно за нее говоритъ аналогія такъ называемыхъ агглютинирующихъ языковъ.

Въ этой области я не могу судить на основаніи собственныхъ наблюденій и основываюсь поэтому единственно на выводахъ знатока этихъ языковъ, именно Бётлинга во введеніи къ его „Якутской грамматикѣ“. Я не желаю искажать его сжатое изложеніе, передавая его въ извлеченіи, но отсылаю читателя къ изученію этого поучительнаго труда, которымъ въ послѣднее время не достаточно пользуются [1]). Но чтобы дать нѣкоторое представленіе о томъ, что я имѣю въ виду, указывая на Бётлинга, я сообщу въ подлинникѣ одно мѣсто (стр. XXIV): „если мы приведемъ въ общую связь всѣ явленія, то должны будемъ сознаться, что въ индогерманскихъ языкахъ вообще матерія и форма связаны другъ съ другомъ гораздо интимнѣе, чѣмъ въ такъ называемыхъ агглютинирующихъ языкахъ, но что въ нѣкоторыхъ членахъ урало-алтайской семьи языковъ, именно въ финскомъ и якутскомъ, матерія и форма прилѣплены другъ къ другу совсѣмъ не такимъ внѣшнимъ образомъ, какъ склонны принимать Поттъ и другіе языковѣды. Я долженъ также сознаться откровенно, что способъ,

---

«Введенія» Сэса встрѣтило благосклонную оцѣнку со стороны Фика, развившаго при этомъ и нѣкоторыя собственныя воззрѣнія, а именно теорію инфиксовъ или вставокъ, въ «Göttinger Gelehrt. Anzeiger», 6 апр. 1881 г.

[1]) O. Böhtlingk. «Über die Sprache der Jakuten». 2 части въ 3 вып. 4° С.-Петербургъ, 1851 (изд. Акад. Наукъ). (Томъ I. Якутскіе тексты съ нѣм. переводомъ, томъ II. Введеніе. Якутская грамматика, томъ III. Якутско-нѣмецкій словарь). *Прим. ред.*

по которому матерія и форма связываются другъ съ другомъ въ разныхъ языкахъ, я вообще считаю за слишкомъ внѣшній признакъ, для того чтобы я могъ основать на немъ одномъ дѣленіе языковъ. Болѣе слабое или болѣе тѣсное соединеніе матеріи съ формой стоитъ въ точномъ соотношеніи съ способностью извѣстнаго народа къ артикуляціи, но также и съ древностью и частымъ употребленіемъ формъ. Въ индогерманскихъ языкахъ, занимающихъ въ отношеніи этого соединенія болѣе высокую ступень, чѣмъ, напримѣръ, урало-алтайскіе языки, образованіе формъ, по моему самому искреннему убѣжденію, началось значительно раньше, чѣмъ въ послѣднихъ изъ названныхъ языковъ. Между этими языками финскій въ свою очередь приступилъ къ образованію формъ раньше, чѣмъ тюрко-татарскій, а этотъ опять раньше, чѣмъ монгольскій. Въ древнѣйшихъ памятникахъ языка индогерманскихъ народовъ мы наблюдаемъ грамматическія формы уже на такой высотѣ, дальше которой не совершилось никакого дальнѣйшаго поступательнаго движенія; то, что сформировалось снова на обломкахъ этихъ формъ, мы должны разсматривать въ исторіи этихъ языковъ, какъ новый процессъ созданія формъ. Урало-алтайскіе языки, можетъ быть за исключеніемъ финскаго, еще не достигли высшей точки перваго образованія формъ: если мы здѣсь наталкиваемся на слова, лишенныя флексіи, то это—остатки изъ болѣе древняго періода въ исторіи языка, гдѣ флексія не была еще развита; напротивъ слова новыхъ индогерманскихъ языковъ, не имѣющія флексіи, обыкновенно суть вывѣтрившіяся флективныя формы. Сравненіе монгольскаго и калмыцкаго народнаго языка съ письменнымъ показываетъ намъ вполнѣ ясно, какъ образовались формы въ самомъ недавнемъ прошломъ. Монгольскій письменный языкъ еще не знаетъ совсѣмъ мѣстоименныхъ приставокъ, ни притяжательныхъ, ни опредѣлительныхъ; въ языкѣ теперешнихъ бурятъ развились оба рода приставокъ-мѣстоименій, но не въ такихъ формахъ, которыя различались бы постоянно; такимъ образомъ при глаголѣ наблюдается измѣненіе по лицамъ. Это же явленіе имѣемъ мы у калмыковъ: *üsädshi bainu tschi* = „видишь ли ты“ народный языкъ стягиваетъ въ *üsädshänütsch*, *ögüngädshi bainai bi* = „я скоро пойду, я собираюсь пойти“—въ *ögüngädshänäb*. Такъ „послѣлогъ“ *ätsä* также соединяется со своимъ именемъ въ неразрывную единицу и дѣлается просто падежнымъ окончаніемъ: *chagâsa* „откуда“, въ письменномъ языкѣ *chamigha ätsä*. Отсюда видно, какъ преждевременно и поспѣшно было дѣлать заключеніе по судьбѣ индоевропейскихъ языковъ, что исторія языка, по скольку она является исторіей развитія

образованія языковъ, принадлежитъ періоду, предшествовавшему міровой исторіи". Именно заключеніе этихъ разсужденій имѣетъ большой интересъ для разсмотрѣннаго здѣсь вопроса. Ибо замѣчаніе, что и въ историческія времена путемъ сложенія возникаютъ языковыя формы, должно получить особый вѣсъ въ пользу подобнаго же предположенія относительно такъ называемой доисторической эпохи.

Впрочемъ все, что было здѣсь приведено въ пользу воззрѣнія Боппа, можетъ служить только къ тому, чтобы рекомендовать этотъ принципъ вообще. Насколько же онъ оправдывается въ подробностяхъ, объ этомъ можно судить только изъ спеціальнаго разсмотрѣнія отдѣльныхъ случаевъ, къ которому я и перехожу. При этомъ я устанавливаю три главныхъ подраздѣленія: корни, имя, глаголъ.

I. Корни.

a) Понятіе корня.

То положеніе, что вся совокупность словъ извѣстнаго языка восходитъ къ корнямъ, Боппъ, какъ указано было выше, заимствовалъ изъ грамматической традиціи своего времени и отъ индійскихъ грамматиковъ. Но, насколько мнѣ извѣстно, Боппъ, который вообще не любитъ разсужденій болѣе или менѣе общаго характера, не высказался о томъ, нужно ли разсматривать эти такъ называемые корни, какъ реальныя образованія языка или же какъ абстракціи грамматиковъ. Напротивъ, вопросъ этотъ обстоятельно разсмотрѣнъ Поттомъ въ первомъ изданіи его „Этимологическихъ разысканій" во многихъ мѣстахъ, а во второмъ изданіи въ объемистомъ томѣ, имѣющемъ болѣе тысячи страницъ. (II ч., I-ый отдѣлъ, 2-ое изд., Lemgo und Detmold 1861). Мнѣніе его (выражаюсь по возможности его собственными словами) заключается въ слѣдующемъ: „Корни—это старѣйшины извѣстной семьи словъ, соединеніе, вершина пирамиды, въ которой сходятся всѣ члены, составляющіе вмѣстѣ такое семейство. Только сложныя слова, какъ слова-супруги, могутъ принадлежать двумъ разнымъ семьямъ. Корни далѣе есть нѣчто воображаемое, абстракція; фактически корней въ языкѣ не можетъ быть, а то, что въ немъ и могло бы съ внѣшней стороны представляться чистымъ корнемъ, есть не что иное, какъ слово или же форма слова, отнюдь не корень; ибо послѣдній есть абстракція всѣхъ классовъ словъ и ихъ подраздѣленій, это такъ сказать ихъ фокусъ, получившійся безъ

преломленія лучей" (I изд. 148). Похожее мѣсто находимъ и во второмъ изданіи: „Корень есть не только звуковая единица, подобно буквѣ или слогу, но и единица идейная, лежащая въ основѣ генетически вмѣстѣ связанныхъ словъ и формъ, которая, какъ прототипъ, носилась въ сознаніи творца языка при созданіи этого послѣдняго и болѣе или менѣе ясно (кромѣ случаевъ полнаго своего затемненія) ощущается каждымъ говорящимъ въ томъ языкѣ, которымъ онъ пользуется (большею частью въ родномъ языкѣ)". Съ этимъ сопоставьте стр. 194: „Корни суть всегда лишь идеальныя абстракціи, необходимыя грамматику для его работы, которыя онъ, однако, долженъ извлекать изъ языка, подъ условіемъ ихъ строгаго соотвѣтствія данной дѣйствительности". Итакъ Поттъ отрицаетъ существованіе корней до возникновенія флективныхъ формъ: „Если теперь должно утверждать, что склоненіе въ санскритскихъ языкахъ [1]) образуется путемъ присоединенія флективныхъ суффиксовъ къ основнымъ формамъ имени, а спряженіе путемъ присоединенія другихъ суффиксовъ къ корню или основѣ, то это не слѣдуетъ понимать въ томъ невѣрномъ смыслѣ, что основная форма и корень представляютъ собой нѣчто самостоятельное, существующее въ языкѣ (безъ всякой взаимной связи) или какъ бы существовавшее въ немъ до образованія флексіи; это только мысль, что основная форма во всѣхъ падежахъ, а корень во всѣхъ глагольныхъ формахъ содержатся, какъ нѣчто еще не различенное, имъ всѣмъ общее, которое только грамматическій анализъ стремится освободить для научныхъ цѣлей отъ всѣхъ связанныхъ съ ними въ дѣйствительности различій и возстановить въ ихъ простотѣ" (1-е изд. I стр. 155). Сходно съ этимъ говорится и во второмъ изданіи стр. 196 (срав. также 1-ое изд. I ч., стр. 179). Это опредѣленіе Потта вѣрно, поскольку оно указываетъ, какое мѣсто занимаетъ корень внутри готоваго флективнаго языка, но оно одностороннее, поскольку не опредѣляетъ, какимъ образомъ корень пришелъ къ этой функціи. На этотъ вопросъ, съ точки зрѣнія гипотезы Боппа, возможенъ только одинъ отвѣтъ. Если дѣйствительно прототипы существующихъ теперь флективныхъ формъ произошли путемъ сложенія, особенно же прототипы формъ verbi finiti (спрягаемыя глагольныя формы)—путемъ соединенія корня глагольнаго съ мѣстоименнымъ, то корень долженъ былъ существовать до возникновенія слова. Потому корни и входятъ въ составъ словъ, что они существовали до нихъ и вошли въ нихъ. Они—

---

[1]) Старый терминъ, вмѣсто «индоевропейскіе языки». *Прим. ред.*

слова до-флективнаго періода, которыя исчезаютъ вмѣстѣ съ образованіемъ флексіи. И поэтому то, что нѣкогда было реальнымъ словомъ, является, съ точки зрѣнія выработаннаго флектирующаго языка, только идеальнымъ центромъ значенія. Это, во всякомъ случаѣ, ясное и логичное понятіе о корнѣ въ настоящее время принято вѣроятно всѣми, кто придерживается точки зрѣнія Боппа. Объ этомъ срв., кромѣ Курціуса Chronologie [1]), изд. 2, стр. 23, еще Benfey, Gött. Gel. Anz. 1852 стр., 1782 и Steinthal, „Zeitschr. f. Völkerpsychologie" т. 2, 453—486.

Кажется, что и Поттъ, въ концѣ концовъ, могъ бы примириться съ подобнымъ воззрѣніемъ. Въ самомъ дѣлѣ мы и у него встрѣчаемъ мысли въ родѣ слѣдующихъ: „Можно допустить, что санскритскимъ языкамъ, въ той формѣ, въ какой мы ихъ унаслѣдовали, предшествовало состояніе наибольшей простоты и отсутствія флексій, подобное которому представляетъ еще до сихъ поръ китайскій и другіе такъ назыв. односложные языки" (Et. F. изд. 1, 2, 360). Если, несмотря на это, Поттъ относится отрицательно къ высказанному здѣсь историческому пониманію корня, то это очевидно происходитъ отъ его критическаго нерасположенія ко всѣмъ вообще построеніямъ праязыка. Но это нерасположеніе заходитъ уже слишкомъ далеко, отвергая не только построеніе корней въ частности, но и вообще понятіе о корнѣ, какъ о словѣ праязыка. Ибо это понятіе о корнѣ—необходимое слѣдствіе Бопповской теоріи сложенія (агглютинаціи), которой держится и самъ Поттъ.

Изъ только что установленнаго понятія о корнѣ сейчасъ же вытекаетъ важное практическое слѣдствіе. Если корни не существовали уже болѣе ни въ отдѣльныхъ языкахъ, ни въ индогерманскомъ флективномъ языкѣ, а только въ эпоху, предшествовавшую этимъ послѣднимъ, то можно говорить лишь о корняхъ индогерманскихъ, а не санскритскихъ, греческихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ, славянскихъ и т. д. Если тѣмъ не менѣе строятся корни отдѣльныхъ языковъ, то такіе корни не имѣютъ никакой научной цѣны, но играютъ роль исключительно практическихъ вспомогательныхъ построеній. При этомъ древность отдѣльныхъ языковъ не имѣетъ никакого значенія. Санскритскіе корни имѣютъ не болѣе правъ на существованіе, чѣмъ нововерхненѣмецкіе или румынскіе, такъ какъ то обстоятельство, что въ древнихъ языкахъ первоначальные корни легче подмѣтить, для теоретическаго

[1]) „Zur Chronologie der indogermanischen Sprachforschung von Georg Curtius, Mitglied der Königl. Sächs. Gesellschaft der Wissenschaften (т. V. Abhandl. историко-филолог. отдѣленія корол. Сакс. научнаго Общества. Отд. Лейпцигъ, 1867. 4°. 77). *Прим. ред.*

сужденія не принимается въ расчетъ. Вѣдь всюду мы наблюдаемъ одни и тѣ же историческія отношенія: въ безконечной глубинѣ вѣковъ, за предѣлами всякаго преданія лежитъ то время, въ которое индогерманская флексія еще не существовала и въ которое напр. употребляли *dō*, чтобы выразить: „давать, даватель" и т. п. Когда же возникло *dōmi*—я даю, *dōtor*—даватель, то корень *dō*, какъ таковой, вмѣстѣ съ тѣмъ исчезъ изъ языка. Съ этихъ поръ (послѣ завершенія развитія флексіи) стали существовать не корни, а одни только слова. Когда же, наконецъ, можетъ быть, по прошествіи тысячелѣтій, изъ пранарода выдѣлились отдѣльные народы, какъ-то индусы, эллины и т. д., то эти послѣдніе изъ своей прародины принесли одни только готовыя слова. Въ нѣкоторыхъ словахъ то, что нѣкогда было корнемъ, сохранилось еще явственно, напр. въ греческомъ δίδωμι, δοτήρ и т. д., и конечно эти слова образовали въ умѣ говорящаго связную группу, но корень δο или δω въ языкѣ грековъ болѣе уже не существовалъ. Напротивъ, въ другихъ случаяхъ даже въ такомъ древнемъ яз., каковъ греческій, родственныя слова уже не связываются звуковымъ сходствомъ. Вѣроятно для индуса еще существовала связь между *āçús* (ὠκύς) и *áçvas* (ἵππος), но грекъ навѣрно не чувствовалъ ни малѣйшей связи между ὠκύς и ἵππος. Новые языки какъ разъ тѣмъ и отличаются отъ санскр., греч. и т. п., что отношеніе, которое мы замѣчаемъ въ греческомъ между ὠκύς и ἵππος, сдѣлалось въ нихъ гораздо чаще.

Если изо всего сказаннаго очевидно, что не научно говорить о корняхъ отдѣльныхъ языковъ, то съ другой стороны всетаки вѣроятно, что они, въ виду ихъ удобства, не исчезнутъ изъ практики языкознанія. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя ничего возразить противъ употребленія вспомогательныхъ терминовъ, пока ихъ не смѣшиваютъ съ реальными величинами. При построеніи такихъ корней форма ихъ, разумѣется, не имѣетъ значенія: говорить ли φερ, φορ, φαρ или, наконецъ, φρ—дѣло чисто условное.

b) Классы корней.

Относительно классовъ корней Боппъ высказываетъ слѣдующее мнѣніе: „Въ санскритѣ и въ языкахъ ему родственныхъ существуетъ два класса корней: изъ одного, гораздо болѣе многочисленнаго, развились глаголы и имена (существит. и прилагат.), которыя связаны съ первыми не генетическою зависимостью, а, такъ сказать, кровнымъ братскимъ родствомъ, т. е. имена не порождены глаголами, но и тѣ, и другіе произошли изъ одного и

того же источника. Мы, однако, отчасти для отличія, отчасти въ силу господствующей привычки называемъ ихъ глагольными корнями. Изъ второго класса корней происходятъ мѣстоименія, всѣ первичные предлоги, союзы и частицы; эти корни мы называемъ „мѣстоименными", такъ какъ всѣ они выражаютъ извѣстное мѣстоименное понятіе, которое болѣе или менѣе скрыто въ предлогахъ, союзахъ и частицахъ". Эта классификація корней была принята цѣлымъ рядомъ ученыхъ (срв. G. Curtius, „Zur Chronologie der indogermanischen Sprachforschung" [Abh. der phil.-hist. Classe der sächsischen Ges. der Wiss.] Zweite Aufl. Leipzig 1873, S. 23, и Whitney, „Sprachwissenschaft übersetzt von Jolly", Мюнхенъ 1874, S. 389), хотя нѣкоторые изъ нихъ и предпочитаютъ другія названія для обоихъ классовъ; изъ нихъ болѣе удачными мнѣ кажутся термины, предложенные Максомъ Мюллеромъ; именно: корни предикативные и демонстративные.

Съ другой стороны, противъ взгляда Боппа были высказаны возраженія, формулировать которыя можно слѣдующимъ образомъ:

Прежде всего было высказано сомнѣніе въ возможности принять первоначальную двойственность классовъ; казалось, не правильнѣе ли будетъ выводить демонстративный классъ изъ предикативнаго. Этого взгляда держатся такіе ученые, какъ Яковъ Гриммъ, Шлейхеръ (срв. Curtius „Chronologie", 2 изд., 24), Веберъ („Indische Studien" т. II, 406). Они, напр., производятъ мѣстоименную основу *ta* [1]) отъ *tan* „тянуть" и мѣстоименіе перваго лица *ma* отъ *mā*—„мѣрять" (причемъ Шлейхеръ предполагаетъ слѣдующее развитіе значенія: *мѣрять, думать, человѣкъ, я*).

Отчасти примыкаетъ къ нимъ и Шереръ, высказывающій въ „Zur Geschichte der deutschen Sprache" (изд. 2. 451), ту мысль, что кое-что изъ утвержденій Вебера по этой части не лишено основанія, но онъ въ тоже время расходится съ названными учеными въ томъ отношеніи, что принимаетъ также происхожденіе предикативныхъ корней изъ пространственныхъ представленій.

Что касается меня, то ни одна изъ приведенныхъ выше гипотезъ о происхожденіи того или другого класса корней не представляется мнѣ вѣроятной, и я поэтому хотѣлъ бы только установить, что генетическое единство, противопоставлявшееся Бопповской двойственности, не было еще сдѣлано сколько нибудь правдоподобнымъ.

---

[1]) Праформы приводятся мною здѣсь и въ другихъ мѣстахъ этой главы въ томъ видѣ и, особенно, съ той вокализаціей, какую придавали въ свое время цитируемые изслѣдователи.

Своеобразный взглядъ, который отчасти совпадаетъ съ только что упомянутыми, высказалъ Бенфей. Онъ также соглашается, что предикативные корни составляютъ собой основу всѣхъ корней, но опредѣляетъ ихъ въ болѣе узкомъ смыслѣ, нежели Боппъ и остальные языковѣды. Боппъ производилъ имя и глаголъ, какъ близнецовъ, отъ предикативныхъ корней. Бенфей, напротивъ, считаетъ одни только глаголы первичнымъ образованіемъ и, соотвѣтственно этому, называетъ односложные основные элементы, которыхъ и онъ не отрицаетъ, уже не корнями, а первичными глаголами. Такимъ образомъ онъ выводитъ всю массу индогерманскихъ словъ изъ первоначальныхъ глаголовъ. Теорія эта основывается главнымъ образомъ на суффиксальной теоріи Бенфея; а такъ какъ я (см. ниже) не могу согласиться съ ней, то тѣмъ самымъ не принимаю и ея слѣдствія — односложныхъ первичныхъ глаголовъ.

Во всѣхъ приведенныхъ выше взглядахъ наблюдается та общая черта, что они, вмѣсто принятаго Боппомъ принципа двойственности корней, выдвигаютъ, съ большей или меньшей опредѣленностью, принципъ ихъ единства. Но можетъ быть выставлено и противоположное возраженіе. Достаточно ли двухъ классовъ Боппа? Можно ли вывести изъ нихъ безъ остатка всѣ дошедшія до насъ части рѣчи? При попыткѣ подобной операціи (оставляя въ сторонѣ числительныя, происхожденіе которыхъ неизвѣстно) мы наталкиваемся на большія затрудненія, представляемыя предлогами и частицами. Поттъ не соглашается отнести предлоги ни къ одному изъ двухъ классовъ и напротивъ полагаетъ, что они вполнѣ своеобразны и столь же первичны, какъ и мѣстоименія. Я не думаю, чтобы удалось когда нибудь съ нѣкоторой достовѣрностью анализировать индогерманскіе первичные предлоги (попытка Грасмана въ Kuhn's Zeitschrift т. XXII, 559 и сл. меня не удовлетворяетъ), но тѣмъ не менѣе ясно, что они стоятъ въ тѣсной логической связи съ мѣстоименіями, и поэтому позволительно соединять тѣ и другіе въ одинъ классъ. Гораздо большее сомнѣніе возбуждаютъ нѣкоторыя частицы, какъ напр. частицы, выражающія отклоненіе и поощреніе — *mā* и *nū*. Трудно сказать, какъ могутъ быть включены въ одинъ изъ имѣющихся уже отдѣловъ корней эти слова, которыя не обозначаютъ ни явленій, ни данныхъ отношеній говорящаго къ окружающей его средѣ. Можетъ быть слѣдовало бы прибавить еще одинъ, третій классъ, именно для такихъ корней, которые являются сопровождающими общія ощущенія и принадлежатъ къ одной категоріи съ междометіями, не поддающимися совершенному исключенію изъ языка.

Впрочемъ, средствами индуктивнаго языкознанія трудно достигнуть въ этой области какихъ нибудь положительныхъ результатовъ, даже и въ томъ случаѣ, если мы, серьезнѣе взявшись за ученіе о частяхъ рѣчи, подвинемся впередъ нѣсколько далѣе, чѣмъ теперь. Всегда придется давать мѣсто и взвѣшиванію психологическаго вѣроятія и вмѣстѣ съ тѣмъ подвергать весь вопросъ нѣсколько иному и болѣе широкому обсужденію, чѣмъ то, которое я могу здѣсь предпринять.

c) Форма корней.

О формѣ корней Боппъ говоритъ, что, кромѣ закона односложности, она не подчинена никакимъ дальнѣйшимъ ограниченіямъ. Того же мнѣнія Бенфей, Курціусъ и др.; Шлейхеръ прибавляетъ къ этому еще то условіе, что корень всегда долженъ содержать основной гласный (*i u*) и не представлять никогда ступени подъема (Steigerungslaut) [1]).

Въ пользу сплошной односложности корней приводятъ, прежде всего, такъ сказать, философское основаніе, выраженное Аделунгомъ слѣдующимъ образомъ: „Каждое коренное слово (Wurzelwort) было первоначально односложнымъ, потому что грубый, первобытный человѣкъ все свое представленіе выражалъ однимъ открытіемъ рта“. Нѣсколько тоньше выражается Вильгельмъ ф. Гумбольтъ: „Разсматривая вопросъ только со стороны идей, вѣроятно заходятъ не слишкомъ далеко, когда высказываютъ общее предположеніе, что первоначально всякое понятіе обозначалось только однимъ слогомъ. Понятіе въ языкознаніи есть то впечатлѣніе, которое производитъ на человѣка объектъ внѣшняго или внутренняго міра, а звукъ, вызванный изъ его груди живостью этого впечатлѣнія, есть слово. Въ подобныхъ условіяхъ едва ли одному впечатлѣнію могутъ соотвѣтствовать два звука“. (Цитировано у Потта, „Wurzeln“, стр. 216). На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и Курціусъ. („Chronologie“, 23): „Я согласенъ со взглядами большинства языковѣдовъ и въ томъ отношеніи, что приписываю корнямъ односложность. Цѣлостное единое представленіе, какъ было сказано, подобно молніи, прорывается въ видѣ комплекса звуковъ, который долженъ быть воспринятъ въ теченіе одного мгновенія“. Очевидно, что такое разсужденіе, какъ оно ни заманчиво, не можетъ имѣть никакой убѣдительной

[1]) На стр. 68—69 выяснено, что относительно этого послѣдняго пункта теперь думаютъ иначе.

силы, и все зависитъ отъ того, можно ли привести въ пользу предполагаемой односложности корней эмпирическое доказательство. Корень находятъ, отбрасывая отъ слова всѣ образовательные (суффиксальные) слоги. Если оставшееся послѣ такой операціи зерно слова будетъ всякій разъ односложнымъ, то, повидимому, доказательство найдено. Но это доказательство вращается въ заколдованномъ кругу. Въ самомъ дѣлѣ: корень это то, что не есть образовательный слогъ, а образовательный слогъ это то, что не есть корень; рѣшить же, гдѣ слѣдуетъ провести границу между тѣмъ и другимъ, это дѣло нашихъ грамматическихъ разсужденій. Спрашивается теперь, какъ же быть, если бы мы ошиблись въ этихъ построеніяхъ, если бы мы, напр., *gamati* = „онъ идетъ" должны были бы разложить не на *gam-a-ti*, а на *gama-ti*, т. е. признали бы для этого слова двусложный корень.

Насколько приведенное только что гипотетическое соображеніе можетъ считаться правильнымъ, этому, быть можетъ, насъ научатъ изслѣдованія, предпринятыя въ области исторіи и развитія корней. Поэтому я сообщаю изъ этихъ изслѣдованій то, что необходимо.

Нельзя сомнѣваться, что корни, которые мы (въ существенныхъ чертахъ по примѣру индійскихъ грамматиковъ) имѣемъ обыкновеніе принимать за индогерманскіе, не всѣ стоятъ на одномъ и томъ же историческомъ уровнѣ, но что скорѣе среди нихъ нужно различать болѣе древнія и болѣе позднія образованія. Пытаясь провести это различеніе, Поттъ шелъ такимъ путемъ, который теперь по справедливости оставленъ: именно, онъ полагаетъ, что въ начальныхъ звукахъ корня часто скрываются предлоги или другіе префиксы, какъ напр., „*svād*" „находить наслажденіе, удовольствіе" можно объяснить изъ „*su ā ad*"=„хорошо-къ-ѣсть", (ср. по этому поводу полемику Курціуса въ „Grundzüge der griechisch. Etymologie", 5 изд., 32 сл.). Курціусъ прибѣгаетъ къ противоположному методу, отдѣляя часто конечные согласные, такъ называемые коренные опредѣлители (Wurzeldeterminative), какъ позднѣйшія приставки; такъ напр., *yudh* — „сражаться" и *yug*—„связывать" онъ производитъ изъ общаго первичнаго корня *yu*, не высказываясь, впрочемъ, опредѣленно относительно природы и происхожденія этихъ „опредѣлителей" (Determinative). По слѣдамъ Курціуса, пошелъ Фикъ, предпринявъ въ томъ отдѣлѣ своего „Словаря корней", который носитъ названіе „Корни и коренные опредѣлители" („Wurzeln und Wurzeldeterminative"), очень пространную попытку разложенія корней.

При этомъ онъ достигъ слѣдующихъ общихъ результатовъ: „первичный корень можетъ состоять: 1) изъ одного только глас-

наго (*a i u*), 2) гласнаго *a* + согласный (*ad*, *ap*, *as*), 3) согласнаго или двойного согласнаго + гласный *a* (*da*, *pa*, *sa*; *sta*, *spa*, *sna*). Всѣ иначе или полнѣе образованные корни или произошли изъ первичныхъ корней путемъ звуковаго ослабленія (напр., *ki* изъ *ka*, *gi* изъ *ga*, *tu* изъ *ta*), или получили дальнѣйшее развитіе, при помощи прибавленныхъ къ нимъ коренныхъ опредѣлителей (Determinative)". Доказательство этого положенія онъ пытается вести эмпирически, указывая, что всѣ или же почти всѣ корни, форма которыхъ не соотвѣтствуетъ тремъ вышеуказаннымъ категоріямъ, легко можно свести, по формѣ и значенію, къ корнямъ, которые этимъ тремъ видамъ соотвѣтствуютъ.

Чтобы показать, какъ происходитъ это сведеніе корней, я привожу примѣръ:

ka звучать.

ka, *ka-n canere* звучать, звенѣть.

ka-k смѣяться.

ka-t шумѣть, болтать.

ka-r звать, называть.

kar-k, *kra-k* звучать, смѣяться, каркать = *kru-k* то же.

kar-d, *kra-d* шумѣть, звучать.

kra-p шумѣть, рыдать, быть жалкимъ, ср. санскр. *karuṇa* жалкій.

kru слышать, ср. арійск. *kra-tu* предусмотрительность.

(*kru-k* кричать, каркать, кряхтѣть, вѣроятно произошло уже изъ *krak*).

kru-s слышать.

ka-s показывать, славить, хвалить

kās кашлять.

ku кричать, выть.

ku-k кричать, выть.

ku-g визжать, чирикать.

ku-d шумѣть, бранить.

Позже Фикъ („Bezzenberger's Beiträge" I, 1 сл.) значительно видоизмѣнилъ эту теорію, объясняя теперь всѣ принятые имъ „опредѣлители" или детерминативы, какъ остатки слоговъ. „Если такія формы, какъ *mak*, *star*, *dam*, произошли путемъ сложенія первичныхъ корней *ma*, *sta*, *da* съ какимъ-то другимъ членомъ, то продукты этого сложенія первоначально должны были внѣ всякаго сомнѣнія звучать *ma-ka*, *sta-ra*, *da-ma*, ибо такихъ образовательныхъ элементовъ, какъ *k r m*, т. е. простые согласные, въ индогерманскомъ совсѣмъ нѣтъ, а потому и оперировать ими нельзя". Судя по этому, Фикъ стоитъ здѣсь на той точкѣ зрѣнія, что—возьмемъ нашъ старый примѣръ—*gamati* нужно разложить

на *gama-ti* и *gama* разсматривать, какъ двусложный вторичный корень, возникшій изъ первичнаго корня *ga*, помощью присоединенія къ нему *ma*.

Уже до Фика Асколи [1]) (въ своихъ „Studj ariosemitici“ 1865) высказалъ приблизительно тотъ же взглядъ и вернулся къ нему вновь въ своемъ вступительномъ письмѣ о палеонтологическихъ реконструкціяхъ языка, составляющемъ введеніе къ его „Kritische Studien“ (Веймаръ 1878). Онъ высказывается здѣсь между прочимъ слѣдующимъ образомъ: „Въ то же самое время обнаруживается, что очень многіе имѣющіе видъ корней звуковые комплексы индоевропейскаго лексикона, вмѣсто того, чтобы оставаться вѣрными своему древнему значенію истинныхъ первичныхъ элементовъ, настоящихъ корней, первичныхъ односложныхъ образованій, допускаютъ точный анализъ, послѣ коего оказываются соединеніями первичныхъ дѣйствительно односложныхъ элементовъ съ однимъ или нѣсколькими придаточными элементами (производнаго, опредѣлительнаго или дополнительнаго, можно назвать какъ угодно, значенія), такъ что эти кажущіеся корни на самомъ дѣлѣ суть ослабленія двухъ- или трехъ-сложныхъ аггрегатовъ, которые въ дѣйствительности не имѣли никогда самостоятельнаго существованія, но получились просто путемъ соединенія старыхъ аггрегатовъ съ новыми добавочными элементами, имѣющими другое, словопроизводное или флективное значеніе. Такъ, напримѣръ, въ языкѣ арійцевъ, до ихъ распаденія, существовалъ звуковой комплексъ SKID съ *i* (рѣзать, раскалывать, лат. *scid-*, зендское *çkid-* и т. д.), но рядомъ съ нимъ существовали и потомки равнозначущихъ комплексовъ SKAD (зендск. *çkenda* и т. д.) и SKA (SAK-A; санскр. *khā*, лат. *sec-*); и въ самомъ дѣлѣ отъ *skid* мы тоже стали-бы восходить къ *ska-da*. Для обозначенія понятія „бѣгать“ у арійцевъ, до ихъ раздѣленія, имѣлся звуковой комплексъ DRAM (санскр. dram, греч. δρεμ-), который, собственно говоря, имѣетъ видъ DRAMA; DRA мы находимъ въ равнозначущемъ индійскомъ *dra* и греческомъ (ἔ-δρα-ν); въ третьемъ синонимѣ, индійскомъ *dru* (*drava-ti*) *u*, очевидно, не можетъ быть разсматриваемо, какъ первоначальное. Добавочный элементъ, наблюдаемый въ DRAM, появляется и въ TRAM (TRA-MA; лат. *trem* и т. д.), настоящее коренное основаніе котораго сквозитъ въ равнозначущемъ соединеніи TRAS (TRA-SA, санскр. *tras*, греч. τρεσ- τρέω), а также и въ TRAP (TRA-PA; напр., въ лат. *trepidus*). Подобнымъ образомъ

---

[1]) Я счелъ нужнымъ привести читателю сначала соображенія Фика только въ виду подробности его изложенія.

санскр. *kṛt*, „рѣзать“ (ср. κείρω) можно было бы возводить къ KAR-TA (рядомъ съ KARA) или отъ зенд. *çtakh-ra* „то, что оказываетъ сопротивленіе, стоитъ крѣпко“, къ STA-KA и т. д. въ безчисленномъ рядѣ случаевъ“.

Недавно, съ другой точки зрѣнія, а именно, основываясь на различныхъ ступеняхъ вокализма, пришелъ къ построенію двусложныхъ корней Соссюръ (ср. по поводу этого Бругманъ, „Grundriss“ т. II, 19). Я не вдаюсь здѣсь въ болѣе подробное изложеніе и критику его теоріи [1]).

Какъ самую важную точку зрѣнія, читатель долженъ запомнить слѣдующее: намъ даны одни только слова. Мы извлекаемъ изъ нихъ корни путемъ грамматическихъ операцій. Но при этомъ мы можемъ заблуждаться, и мнѣнія о томъ, что правильно и что неправильно, могутъ съ теченіемъ времени мѣняться. Словомъ съ формой корней происходитъ то же, что и съ формой словъ въ праязыкѣ Шлейхера. Если вообще анализъ Боппа состоятеленъ, то, несомнѣнно, что до образованія флексіи такъ называемые корни были словами праязыка; но въ рѣшеніи вопроса о формѣ отдѣльныхъ корней отражаются только различныя мнѣнія ученыхъ о томъ, какъ слѣдуетъ разлагать дошедшія до насъ слова индогерманскихъ языковъ.

II. Имя.

а) Тематическіе суффиксы.

Въ индогерманскихъ языкахъ, какъ извѣстно, имѣются именныя формы, образующіяся путемъ присоединенія падежнаго знака непосредственно къ корню, какъ напр., лат. *dux* = *duc-s*, тогда какъ большинство подобныхъ формъ представляетъ между корнемъ и

---

[1]) Въ настоящее время существованіе въ индоевропейскомъ праязыкѣ двусложныхъ и даже трехсложныхъ корней или «базъ» (basis), какъ ихъ большею частью называютъ, принимается все большимъ и большимъ числомъ ученыхъ, и недалеко, повидимому, то время, когда эти построенія получатъ полныя права гражданства въ индоевропейскомъ сравнительномъ языкознаніи. Изъ важнѣйшихъ работъ, занимающихся опредѣленіемъ свойствъ и состава индоевроп. корней, укажемъ трудъ П. Персона, „Studien zur Lehre von der Wurzelerweiterung und Wurzelvariation“. Upsala Universitets Årsskrift. 1891 г. б. 8⁰, 194 стр. M. Bloomfield, „On the so called root determinatives in the Indo-European languages“ въ „Indogermanische Forschungen“, т IV. 1894. 66—78; Fr. A. Wood, „Indo-European Root-Formation“, въ „Journal of the German Philology“, 1897 (т. I. 280—308, 442—470) и N. Flensburg, „Studien auf dem Gebiete der indogermanischen Wurzelbildung“ I. Lund. 1897.
Прим. ред.

падежнымъ знакомъ особые элементы, называемые тематическими суффиксами. Послѣдніе состоятъ либо изъ простого гласнаго, либо изъ сочетанія согласнаго съ гласнымъ, какъ *ta*, *na*, *ra*, или наоборотъ гласнаго съ согласнымъ, какъ *as*, либо, наконецъ, имѣютъ болѣе богатую звуками форму, какъ *tar*, *tama*, *mant* и т. д. О суффиксахъ, состоящихъ изъ простыхъ гласныхъ *a*, *i* или *u*, Боппъ сперва высказывался еще нерѣшительно, съ отголосками взглядовъ Шлегеля; такъ въ одномъ своемъ академическомъ разсужденіи (28 іюля 1831, стр. 15) онъ говорилъ слѣдующее: „Субтильное тѣло ихъ даетъ возможность легче всего замѣтить исконное древнее сложеніе въ глагольныхъ корняхъ, которые, благодаря имъ, превращаются въ слова, вводятся въ жизнь и облекаются извѣстной личностью. Можно, пожалуй, лучше разсматривать эти звуки какъ ноги, которыя, такъ сказать, приданы корню или приросли къ нему для того, чтобы онъ могъ двигаться на нихъ въ склоненіи; можно разсматривать ихъ и какъ духовныя эманаціи корня, которыя вышли изъ лона корней (какимъ образомъ, нѣтъ надобности опредѣлять) и обладаютъ только видимостью индивидуальности, но сами въ себѣ составляютъ съ корнемъ одно цѣлое или являются лишь его цвѣтомъ или плодомъ, развившимся органически. Мнѣ кажется, однако, что заслуживаетъ предпочтеніе объясненіе самое простое и подтвержденное, притомъ, генезисомъ другихъ языковъ [1]); а такъ какъ вполнѣ естественно, что въ общемъ словообразованіе, какъ и грамматика вообще, основаны на принципѣ соединенія имѣющаго значеніе съ имѣющимъ значеніе, то мнѣ кажется едва ли подлежащимъ сомнѣнію, что *a*, напр., въ *dam-a* „укрощающій, укротитель“, стоитъ несомнѣнно для обозначенія лица, которое или носитъ въ себѣ, или является виновникомъ того, что обозначаетъ корень *dam*; такимъ образомъ *dam-a* есть какъ бы третье лицо глагола въ именномъ субстантивномъ или адъективномъ значеніи, независимо отъ опредѣленій времени“. Съ гораздо большей увѣренностью, какъ уже было указано, излагается эта теорія въ сравнительной грамматикѣ, и тамъ же большинство тематическихъ суффиксовъ производится отъ мѣстоименій, причемъ для одной части ихъ (напримѣръ *-tar*) дѣлается попытка сведенія къ предикативнымъ корнямъ. Ко взгляду Боппа, въ существенныхъ пунктахъ, примыкаетъ Поттъ („Etym. Forschungen“, I изд., II, стр. 454 сл.). Шлейхеръ и Курціусъ уклоняются отъ него въ томъ смыслѣ, что отказываются отъ объясненія тематическихъ суффиксовъ изъ

---

[1]) Выше (стр. 14) были привлечены къ сравненію семитическіе языки.

предикативныхъ корней и хотѣли бы объяснять напр. *tar* изъ двухъ мѣстоименныхъ корней *ta* и *ra* (ср. Kuhn въ его „Zeitschrift“ 14, 229). Шереръ, наоборотъ, снова вернулся къ предикативнымъ корнямъ и готовъ былъ даже признавать за этимъ родомъ образованія гораздо большее поле дѣйствія, чѣмъ то дѣлалъ Боппъ; такъ, онъ, напримѣръ, считалъ возможнымъ сопоставлять суффиксъ *va* съ корнемъ *av*, „насыщаться, наполнять“.

Само собой разумѣется, что послѣдователи агглютинативной теоріи Боппа при попыткѣ объяснить тематическіе суффиксы обращались къ обоимъ или же къ одному изъ Бопповыхъ классовъ корней. Я долженъ, однако, сознаться (вмѣстѣ съ Шереромъ), что могу вполнѣ ясно представить себѣ только происхожденіе суффиксовъ изъ предикативныхъ корней, такъ какъ для подобнаго производства мы располагаемъ прекрасной аналогіей въ нѣмецкихъ суффиксахъ *-bar*, *-heit*, *-thum* [1]). Въ пользу предположенія, что во многихъ суффиксахъ скрыты мѣстоименія, говоритъ, конечно, и формальное тожество или сходство суффиксовъ съ мѣстоименными корнями, но трудно найти между ними психологическую связь. Можно сказать, что мѣстоименія обозначаютъ лицо или вещь вообще, которая ближе опредѣляется присоединеннымъ предикативнымъ корнемъ (Виндишъ въ Curtius' „Studien“ II, 402 [2]), или что мѣстоименіе, подобно члену, указываетъ на готовое уже слово (Курціусъ, „Chronologie“), но всегда придется удивляться тому, что существуетъ масса параллельныхъ суффиксовъ съ одинаковымъ приблизительно значеніемъ, и что нѣтъ никакой возможности отыскать въ суффиксахъ черты специфическаго значенія мѣстоименій.

---

[1]) Указанные суффиксы, встрѣчаемые у именъ прилагательныхъ (*-bar*) и существительныхъ (*-heit*, *-thum*), восходятъ сами къ самостоятельнымъ отдѣльнымъ словамъ. Первый возникъ изъ древневерхненѣмецкаго прилагательнаго *-bâri* «носящій» (fruchtbar = плодоносящій, плодородный), родственнаго нашему *беру, -боръ*, санскр. *bharāmi*, гр. φέρω, лат. *fero*, готск. *baira* = несу; второй происходитъ изъ самостоятельнаго имени существительнаго, употреблявшагося еще въ средневерхненѣмецкомъ: *heit* «свойство, способъ», древневерхненѣм. *heit* «особа, полъ, чинъ, состояніе», готск. haidus «способъ», въ связи съ которымъ находится санскр. *ketús* «свѣтъ, лучъ, пламя», нѣм. *heiter* = веселый, свѣтлый и т. д.; третій есть не что иное, какъ самостоятельное отвлеченное имя существ. средневерхненѣм. и древневерхнѣм. *tuom* «состояніе, достоинство, отношеніе», родствен. глаголу *thun*, дѣлать, санскр. *dhā-* класть, слав. *дѣ-ти*, *дѣ-ло*, руск. *дѣ-ть* и т. д. *Прим. ред.*

[2]) «Studien zur griechischen und lateinischen Grammatik. Herausgegeben von Georg Curtius». Leipzig. Hirzel. Изд. съ 1868 г. 10 томовъ. Здѣсь появились первыя работы Бругмана, въ томъ числѣ его знаменитое изслѣдованіе «Nasalis sonans». *Прим. ред.*

Нѣтъ ничего удивительнаго при этихъ условіяхъ, что Бенфеемъ и, въ предѣлахъ только нѣкоторыхъ типовъ суффиксовъ, Шереромъ и Фикомъ были сдѣланы попытки другого объясненія тематическихъ суффиксовъ.

Бенфей развиваетъ свою теорію въ цѣломъ рядѣ трудовъ: въ своихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Kieler Monatsschrift" 1854 г., въ своей „Краткой санскритской грамматикѣ", въ различныхъ частяхъ журнала „Orient und Occident", но короче и яснѣе всего въ статьѣ, озаглавленной „Ein Abschnitt aus meiner Vorlesung über vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen" въ IX томѣ „Zeitschrift" Куна. Какъ эта теорія можетъ быть примѣнена на практикѣ, удобнѣе всего можно видѣть изъ сравнительной грамматики греческаго и латинскаго языковъ Лео Мейера (II т., Берлинъ 1865 г.).

Эта теорія Бенфея (въ которой впрочемъ принимали нѣкоторое участіе также Эбель и А. Кунъ) можетъ быть вкратцѣ представлена слѣд. образомъ. Суффиксы, столь разнообразные въ сохранившихся языкахъ, не были таковыми въ древнѣйшую пору; скорѣе можно сдѣлать очень правдоподобное предположеніе, что всѣ они, или почти всѣ, могутъ быть произведены отъ одной основной формы *ant*, появляющейся въ прич. наст. вр. дѣйств. зал. Само же *ant* развилось изъ формы 3 лица мн. ч. на *-anti*. Слѣдовательно изъ *bharanti* = „они носятъ", возникло *bharant-* „носящій", откуда уже *bhara-* „носитель" и т. д. Ибо первоначальное *-ant* испытало длинный рядъ звуковыхъ измѣненій, причемъ *ant* ослабилось въ *at*, въ *an*, и сократилось затѣмъ въ *a*; *at* превратилось въ *as*, *an* въ *ar*, *a* измѣнилось въ *i*, и такимъ образомъ произошли основы на *it*, *in*, *is*; далѣе въ результатѣ присоединенія „мѣстоименной темы *a*" получились *anta*, *ata*, *ana*, *ara*, *asa*, *isa* и т. д. и т. д. Туда же, можетъ, быть относятся по своему происхожденію и суффиксы, имѣющіе въ началѣ *v* или *m*, какъ *vant* и *mant*, такъ какъ *vant* произошло, вѣроятно, изъ формы 3 лица мн. ч. *vanti*, принадлежащей къ формѣ перфекта съ *v*. Въ свою очередь этотъ перфектъ съ *v* произошелъ путемъ сложенія съ формой глагола *bhū* „быть", и *v* есть послѣдній остатокъ *babhūva* [1]). Суффиксъ *mant* съ своей стороны возникъ изъ *tmant*, а *tmant* изъ *tvant*; само же *tvant* можетъ быть есть причастіе отъ *tu* „быть сильнымъ" (ср. Бенфей „Kurze Sanskritgrammatik" § 366, примѣч. стр. 212). Это *tvant* съ теченіемъ времени дифференци-

---

[1]) Санскр. перфектъ отъ корня *bhū* „быть". *Прим. ред.*

ровалось въ различныхъ направленіяхъ, такъ что съ одной стороны изъ него развилось *tva*, съ другой—*mâna*.

Если бы всѣ эти утвержденія были доказуемы, и слѣдовательно всѣ или почти всѣ суффиксы были бы сведены къ *ant*, получившемуся, въ свою очередь, изъ 3 л. мн. ч. *anti*, то тѣмъ самымъ было бы доказано, что всѣ имена развились изъ глаголовъ и, такимъ образомъ, упомянутая выше (на стр. 95) гипотеза „первичныхъ глаголовъ" была бы оправдана.

Противъ изложенной здѣсь вкратцѣ теоріи, однако, говоритъ цѣлый рядъ слѣдующихъ вѣскихъ доводовъ:

Во-первыхъ: нельзя никакъ уяснить, какимъ образомъ причастіе должно было произойти изъ 3 л. мн. ч. Скорѣе во всякомъ случаѣ можно было бы понять обратное (см. объ этомъ ниже стр. 113).

Во-вторыхъ: При измѣненіяхъ суффиксовъ допускаются звуковыя явленія, которыя въ другихъ случаяхъ не могутъ быть доказаны. Особенно сомнительно предположеніе, что одна и та же форма въ одинаковыхъ условіяхъ могла развиваться въ совершенно различныя образованія, какъ напр., *tvant* въ *tva* съ одной стороны и въ *mâna* съ другой.

Въ-третьихъ: если, наконецъ, всѣ имена представляютъ собою образованія на *ant*, то слѣдуетъ допустить, что часто встрѣчающіяся въ древнѣйшей индійской литературѣ имена безъ суффиксовъ, какъ *dvish ud* и т. д., имѣли нѣкогда суффиксы, но потомъ (конечно еще въ пору глубокой древности) утеряли ихъ. Бенфей дѣлаетъ и это предположеніе, но на сколько я могу замѣтить, оно не можетъ опираться на чемъ-либо другомъ, кромѣ потребности въ извѣстной системѣ. Въ заключеніе слѣдуетъ указать еще и на то, что въ концѣ концовъ невозможно выводить всѣ суффиксы изъ *ant*, и Бенфей самъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, долженъ былъ прибѣгать къ мѣстоименіямъ, какъ одному изъ источниковъ суффиксовъ [1]). Въ силу этихъ основаній я не могу согласиться со взглядомъ Бенфея; но само собой разумѣется, что отклоненіе гипотезы въ ея цѣломъ не равносильно еще отрицанію всякой возможности выводить одинъ суффиксъ изъ другого. Допустимо ли подобное производство,—должно быть взвѣшено въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ особенно.

Шереръ, общій взглядъ котораго на суффиксы былъ уже упомянутъ, предположилъ для извѣстнаго числа суффиксовъ, что

---

[1]) Обстоятельную критику воззрѣнія Бенфея, съ которой вполнѣ согласуются вышеприведенные доводы, можно найти у Zimmer'a, «Die Nominalsuffixe *a* und *â*» (Страсбургъ, 1876 г.).

они, собственно говоря, представляютъ собой знаки мѣстнаго пад., т. е. что образованныя съ ихъ помощью основы суть формы мѣстн. пад. Такъ о суффиксѣ *a* онъ говоритъ слѣд.: „когда говорятъ, что *a* придаетъ корню субстантивное значеніе, будетъ ли то общее значеніе вещи или лица, тогда подымаются въ недосягаемыя сферы абстракціи, въ которыя я не рѣшаюсь послѣдовать. Это идетъ наперекоръ всѣмъ моимъ представленіямъ объ языкѣ. Я считаю тематическое *a* тожественнымъ съ словообразующимъ *a*, т. е. съ *a* склоненія. Мы знаемъ его локативное значеніе и употребленіе въ качествѣ предлога, исходящее изъ значенія связи, соединенія съ чѣмъ-нибудь. Какъ же проще и конкретнѣе всего обозначить лицо, надѣленное извѣстнымъ качествомъ или являющееся носителемъ извѣстнаго состоянія или дѣйствія? Конечно только путемъ указанія на то, что лицо это находится *въ* этомъ качествѣ, *въ* этомъ состояніи, или дѣйствіи, что оно съ нимъ связано“. („Zur Geschichte der deutschen Sprache von Wilhelm Scherer“ Berlin. 1868. XVI+492: стр. 331).

Противъ этого я желалъ бы возразить, что, при такомъ толкованіи, носитель дѣйствія, обладатель или исполнитель извѣстнаго качества собственно даже и не обозначается (ибо *bhar-a* согласно этому значило бы:—„въ ношеніи“, но не—„нѣкто, находящійся въ ношеніи“); прежде же всего, что я, вмѣстѣ съ Куномъ (Zeitschrift, XVIII, 365 сл.), убѣжденъ въ невозможности доказать существованіе суффикса мѣстнаго падежа *a*, предполагаемаго Шереромъ, тѣмъ болѣе, что я вообще не нахожу, будто Шереръ показалъ вѣроятность большей древности склоненія въ сравненіи съ образованіемъ основъ, и такимъ образомъ не могу принять его объясненіе тематическаго суффикса изъ мѣстнаго пад.

Наконецъ Фикъ (о которомъ необходимо здѣсь упомянуть послѣ Бенфея и Шерера) въ статьѣ, помѣщенной въ „Bezzenbergers Beiträge“ (I, 1 сл.), оспаривалъ вообще существованіе суффикса *a*. Онъ исходитъ изъ положенія, что тѣ основы, которымъ прежде приписывали суффиксъ *a*, тождественны въ своей основѣ съ нѣкоторыми основами наст. вр.; такъ, напр,, δόμο-ς тождественно съ основой наст. вр. δεμο-въ δέμομεν. Эти основы наст. вр. Фикъ, согласно со своей выше разсмотрѣнной теоріей корней, разлагаетъ иначе, чѣмъ это дѣлалось обыкновенно до него; именно δεμο = не на δεμ-ο, а на δε-μο = индогерманскому *da-ma*. Продолжая далѣе вездѣ такое разложеніе формъ, Фикъ приходитъ къ убѣжденію, что тематическій суффиксъ *a* никогда не существовалъ. Между тѣмъ подобный выводъ наталкивается на величайшія затрудненія. Особенно необходимо взвѣсить слѣдующее: нужно

ли дѣйствительно корни *av*—подкрѣплять, живить, *as*—быть, *an*—дышать, *am*—стѣснять и цѣлый рядъ другихъ, одинаково образованныхъ, разлагать на *a-va* и т. д. и принимать за основу ихъ или простѣйшій корень—звукъ *a*? При такомъ предположеніи, языкъ въ древнѣйшей своей формѣ едва ли уже могъ бы называться понятнымъ. Если бы методъ Фика былъ математически точнымъ, то, конечно, нельзя было бы не согласиться съ этимъ страннымъ результатомъ, какъ дѣлаетъ Беценбергеръ („Gött. Gel. Anz.“ 1879, вып. 18, стр. 558); но въ данномъ случаѣ, скорѣе, ввиду невѣроятности вывода, слѣдуетъ усумниться въ правильности самаго метода. Итакъ я не могу никакъ рѣшиться отнять у элемента *a* (*o*) имя суффикса; замѣчу только, какъ это будетъ показано ниже, что недостаточно еще участія *a* въ образованіи временъ для того, чтобы оспаривать у него значеніе именного суффикса.

Итакъ я долженъ сознаться, что ни одна изъ разсмотрѣнныхъ теорій не нравится мнѣ больше Бопповской. Впрочемъ, приходится сильно сомнѣваться, чтобы когда-нибудь удалось достигнуть въ этой области результатовъ, имѣющихъ сколько-нибудь значительную вѣроятность.

Въ заключеніе я не могу не отмѣтить особенно тотъ фактъ, что съ вопросомъ о реальности основъ въ отдѣльныхъ языкахъ дѣло обстоитъ совершенно такъ же, какъ съ вопросомъ о реальности корней. Основы могли существовать только въ общемъ праязыкѣ до развитія падежей. Если мы, несмотря на это, строимъ греческія, латинскія и др. именныя основы, то это дѣлается исключительно изъ практическихъ соображеній.

б) *Образованіе падежей.*

Если при разсмотрѣніи индогерманскихъ падежей воспользоваться аналогіей склоненій въ финско-татарскихъ языкахъ, то легко можно притти къ двумъ предположеніямъ, которыя напрашиваются сами собой и безъ того, благодаря своей естественности, именно предположеніямъ, что нѣкогда и въ индогерманскомъ праязыкѣ каждый падежъ также имѣлъ только одинъ и тотъ же признакъ во всѣхъ числахъ и что, кромѣ того, имѣлся общій признакъ для множественнаго числа. Между тѣмъ, на основаніи имѣющихся на лицо въ индогерманскихъ языкахъ падежныхъ суффиксовъ, до сихъ поръ не удается подтвердить справедливость этихъ обоихъ предположеній (которыми, сознательно или безсознательно, увлекались многіе ученые, при своихъ попыткахъ объ-

яснить падежные суффиксы). Мы не только находимъ самые разнообразные знаки для обозначенія одинаковаго падежа въ различныхъ числахъ (напр. въ род. п. ед. ч. *os* и *sjo*, а во мн. ч. *ōm*), но и для обозначенія одного падежа въ однихъ и тѣхъ же числахъ имѣются на лицо различные знаки (напр. въ мѣстн. пад. ед. ч.), и Шлейхеръ, несмотря на всѣ свои усилія, никакъ не могъ констатировать существованія нѣкогда *s* во всѣхъ падежахъ множ. ч. Съ другой стороны нельзя не сознаться, что кое-что говоритъ въ пользу обоихъ названныхъ выше предположеній, и такимъ образомъ можно догадываться, что первоначальная форма индогерманскаго склоненія измѣнилась до неузнаваемости. Основанія для такихъ измѣненій могли бы легко представиться. Именно возможно, что первоначально индогерманскій праязыкъ имѣлъ значительно больше падежей, чѣмъ сколько ихъ теперь въ санскритскомъ именномъ склоненіи и что, слѣдовательно, тамъ, гдѣ теперь мы находимъ нѣсколько окончаній для обозначенія одного падежа, первоначально дѣйствительно могло быть нѣсколько падежей, и что исчезли такія окончанія, которыя могли бы служить недостающими параллелями къ сохранившимся.

При такомъ безнадежномъ положеніи вещей я не считаю правильнымъ входить въ подробное разсмотрѣніе предложенныхъ теорій и удовольствуюсь только краткимъ указаніемъ на два главныхъ направленія, которыхъ можно было бы держаться при объясненіи фактовъ. Или можно предположить, что падежные суффиксы уже съ самаго начала развитія присоединялись съ цѣлью обозначить нѣчто вродѣ нынѣшнихъ падежей (при этомъ въ нихъ видятъ мѣстоименные или же мѣстоименные и предложные элементы), или же можно допустить, что падежные суффиксы развились изъ тематическихъ, такъ что, напр., род. п. на *-sjo* есть ничто иное, какъ основа въ роли прилагательнаго. Это послѣднее мнѣніе въ отношеніи нѣкоторыхъ падежей высказываетъ Курціусъ, въ отношеніи большинства падежей — Бергэнь (Bergaigne, „Mém. de la soc. linguistique" 2,358 сл.) и въ отношеніи всѣхъ, наконецъ,—Лудвигъ.

Я не усматриваю, какія принципіальныя возраженія можно было бы выставить противъ признанія извѣстной доли значенія за обоими взглядами (какъ это дѣлаетъ Курціусъ); но все въ этомъ вопросѣ такъ сомнительно и неясно, что я, неоднократно обдумывая его въ полномъ объемѣ (работы по синтаксису постоянно наталкивали меня на него), не могъ притти ни къ чему другому, какъ только къ постоянно само собой навязывающемуся non liquet.

III. Глаголъ.

Въ разсмотрѣніи предмета, предстоящемъ намъ теперь, дѣло идетъ, разумѣется, не о попыткѣ дать исторію происхожденія глагольной системы (почему многое изъ разсмотрѣннаго въ „Chronologie" Курціуса и подобныхъ сочиненіяхъ, касающихся происхожденія языка, должно здѣсь остаться незатронутымъ), но только о вопросѣ, въ какой мѣрѣ можно провести по отношенію къ глаголу теорію агглютинаціи. Поэтому я буду говорить только а) объ основахъ временъ, б) объ основахъ наклоненій, в) о личныхъ окончаніяхъ.

а) Основы временъ.

Среди временныхъ основъ прежде всего заслуживаютъ разсмотрѣнія разнообразныя формы основы настоящаго времени.

Относительно слоговъ, характерныхъ для основъ настоящаго времени, Боппъ въ „Системѣ спряженія", стр. 61, высказался такимъ образомъ: „Въ греческомъ языкѣ, какъ и въ санскритѣ, прибавляются къ корнямъ извѣстныя, случайныя буквы, которыя, какъ и въ индійскомъ, удерживаются только въ нѣкоторыхъ временахъ, а въ прочихъ снова исчезаютъ. Можно было бы, сообразуясь съ ними, раздѣлить глаголы, какъ и въ санскритѣ, на разныя спряженія, которыя при этомъ въ большинствѣ случаевъ совпадали бы съ индійскими въ своихъ признакахъ". Въ сравненіи съ этими словами то, что Боппъ говоритъ въ Vgl. Gr. § 495, свидѣтельствуетъ о большомъ шагѣ впередъ. Соотвѣтствующее мѣсто гласитъ тамъ слѣдующимъ образомъ: „Едва ли возможно сказать что-нибудь достовѣрное о происхожденіи этихъ слоговъ. Вѣроятнѣе всего мнѣ кажется, что большинство изъ нихъ—мѣстоименія, благодаря чему дѣйствіе или свойство (Eigenschaft), выраженное въ корнѣ in abstracto, становится чѣмъ-то конкретнымъ, такъ, напримѣръ, выраженіе понятія любить становится выраженіемъ лица, которое любитъ. А это лицо ближе опредѣляется личнымъ окончаніемъ, будетъ ли оно *я*, *ты* или *онъ*". Этимъ уже намѣчено то, что впослѣдствіи Бенфей и Кунъ высказали относительно основы настоящаго времени съ суффиксомъ *nu*, именно, что она въ сущности есть именная основа, такъ что, напр., основа настоящаго времени *dhṛishṇu* въ *dhṛishṇumás* „мы осмѣливаемся" есть не что иное, какъ прилагательное *dhṛishṇús* „смѣлый". Это объясненіе потомъ было распространено и на другія основы наст.

времени, въ особенности на тѣ, которыя оканчиваются на *o/e*. Согласно этому ученію, въ ο/ε формъ λέγο-μεν, λέγε-τε, φεύγο-μεν, φεύγε-τε видятъ не соединительный гласный, который вставленъ по фонетическимъ причинамъ, или (какъ полагалъ Поттъ) представляетъ связку, но именной суффиксъ *a*, о которомъ рѣчь была выше. Но насчетъ того, обязательно ли такое пониманіе для всѣхъ основъ настоящаго времени, существуетъ разногласіе. Такъ, напримѣръ, Курціусъ въ примѣтѣ наст. вр. *ja* (*jo*) видитъ глаголъ *ja* „итти", а другіе—именной суффиксъ *ia* (*io*) [ср. Brugmann „Zur Geschichte der präsensstammbildenden Suffixe" въ „Sprachwissensch. Abhandl." Leipzig 1874]. Во всякомъ случаѣ по этой теоріи большинство основъ наст. вр. въ сущности являются именными основами, къ которымъ личныя окончанія присоединены, какъ къ корнямъ, такъ что, напр., въ ἄγο-μεν скрывается тотъ же самый элементъ, какъ въ ἀγός „погонщикъ" и первоначальное *ageti* такимъ образомъ собственно обозначало: „онъ есть погонщикъ".

Противъ этого мнѣнія возсталъ Фикъ въ двухъ статьяхъ въ первомъ томѣ „Beiträge" Бецценбергера, изъ которыхъ одна была уже упомянута выше. Онъ прежде всего констатируетъ, что именныя и временныя основы сходятся между собою во многихъ отношеніяхъ (при чемъ, впрочемъ, онъ упускалъ тогда еще изъ виду разницу гласныхъ, которая, напр., имѣется въ формахъ δόμο-ς и δέμο-μεν и навѣрно восходитъ къ праязыку), и заключаетъ отсюда, что въ такихъ случаяхъ не позволительно говорить объ особыхъ именныхъ суффиксахъ. Правда, изъ одного факта сходства именныхъ и временныхъ основъ еще нельзя выводить это заключеніе, ибо данное сходство могло возникнуть и такимъ путемъ, что самостоятельно образованная именная основа впослѣдствіи была привлечена въ систему временъ, хотя это сходство для Фика является не единственнымъ поводомъ къ оспариванію извѣстныхъ именныхъ тематическихъ суффиксовъ. Кромѣ того, у него повидимому скорѣе преобладаетъ то представленіе, что временныя основы всегда являются раньше именныхъ. Я говорю „повидимому", такъ какъ онъ, насколько я могъ замѣтить, не высказался ясно относительно этого пункта, но мы находимъ у него рядъ клонящихся къ этому мнѣнію намековъ, напр.: „ἔρος μάχη βοσκός суть не что иное, какъ глагольныя формы, употребленныя въ качествѣ именъ", или: „доказательство, что такъ называемыя именныя основы на *a*- тожественны съ глагольными основами на *a*-", при чемъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что только именныя основы, о которыхъ Фикъ вообще говоритъ съ извѣстной ироніей, получаютъ

у него эпитетъ „такъ называемыя“. Далѣе онъ говоритъ объ именной „перекраскѣ“ ε въ ο (стр. 14), слѣдовательно находитъ въ гласномъ, присущемъ глаголу, первоначальный элементъ и т. д. Если, такимъ образомъ, глагольныя основы являются болѣе ранними („prius“), то естественно возникаетъ вопросъ, откуда же происходятъ у глагола эти элементы, которые не должны болѣе называться суффиксами. Для суффикса *a* (*o*) Фикъ сдѣлалъ разобранную нами выше (стр. 105—106) попытку объясненія, но для суффикса *ia* (*io*) [который разсматривается во второй статьѣ] таковая не была сдѣлана.

Судя по современному положенію изслѣдованія, мнѣ кажется, дѣло обстоитъ такимъ образомъ: очевидно, что прототипы извѣстныхъ временныхъ основъ и извѣстныхъ именныхъ одни и тѣ же. Слѣдуетъ ли теперь принять, что эти прототипы не имѣли ни глагольнаго, ни именного характера, а слѣдовательно имѣли такое значеніе, какое мы приписываемъ корнямъ (какъ думалъ Шлейхеръ) или первоначально были именами, которыя вошли въ составъ глагольной системы, или глагольными основами, которыя употреблялись въ качествѣ именъ, — этотъ вопросъ каждый рѣшитъ, согласно тому представленію, которое онъ себѣ составилъ о развитіи индогерманской флексіи.

Я перехожу къ аористу и будущему.

Какъ выше было показано, Боппъ былъ приведенъ главнымъ образомъ схоластическимъ заблужденіемъ относительно трехъ частей рѣчи къ гипотезѣ, что въ аористѣ съ примѣтой *s* и въ будущемъ врем. скрывается корень *es*. Такимъ образомъ происхожденіе этой гипотезы не можетъ говорить въ пользу ея правильности. Попробуемъ теперь поискать, нельзя ли привести еще другіе доводы въ ея пользу.

Боппъ находитъ такой доводъ въ томъ обстоятельствѣ, что въ одной формѣ санскритскаго аориста это *s* является также удвоеннымъ, напр., въ *áyāsisham* отъ *yā* „итти“, что во всякомъ случаѣ привело бы къ предположенію о принадлежности *s* глаголу. Противъ этого мнѣнія Бругманъ (Curtius „Studien“ т. IX, 312) возражаетъ, 1) что не понятно, для чего здѣсь должна служить редупликація, и 2) что, исходя изъ формъ санскрита, можно было бы дать болѣе легкое и естественное объясненіе. Въ санскритѣ существуютъ аористы *áyāsam áyāsīs áyāsīt* и *ávedisham ávedīs ávedīt*. Развѣ не представляется весьма естественнымъ, что, по аналогіи формы *ávedisham*, къ *áyāsīs* была образована форма перваго лица *áyāsisham*? Это предположеніе уже потому особенно

вѣроятно, что данный аористъ констатированъ только въ санскритѣ. Если это мнѣніе Бругмана вѣрно (Бецценбергеръ оспариваетъ его въ своихъ „Beiträge“ т. III, 159, примѣчаніе,—сравните противоположное мнѣніе Бругмана въ „Morphologische Untersuchungen“, III, 83, примѣчаніе), то изъ этого слѣдуетъ, что форма *áyāsishat* ничего не доказываетъ въ пользу гипотезы о глагольномъ происхожденіи *s*, принадлежащаго аористу.

Напротивъ, нельзя отрицать, что гипотеза Боппа имѣетъ за собой нѣкоторое внутреннее правдоподобіе. Въ самомъ дѣлѣ, совсѣмъ не далеко предположеніе, что рядомъ съ непосредственной флексіей глагола могла употребляться и посредственная, созданная путемъ прибавленія формъ вспомогательнаго глагола *es* (при этомъ относительно значенія и способа сложенія этой флексіи могутъ существовать еще различныя мнѣнія, ср. Curtius „Chronologie“ 55 и 64).

Во всякомъ случаѣ предположеніе это не можетъ быть доказано, и потому не слѣдуетъ удивляться, что ему было противопоставлено и другое; именно проф. Асколи (ср. Curtius, цитир. соч. и Kuhn's „Zeitschrift“ т. XVI, 148), который полагаетъ, что основа аориста можетъ быть именного происхожденія, совершенно такъ же, какъ и выше (стр. 108) разсмотрѣнныя основы настоящаго времени. Но у основы аориста совсѣмъ нѣтъ столь правдоподобныхъ точекъ соприкосновенія, какъ у основъ наст. времени, и потому послѣднее предположеніе мнѣ кажется менѣе вѣроятнымъ. Съ основой буд. врем. дѣло обстоитъ mutatis mutandis точно такъ же, какъ и съ основой аориста.

б) Основы наклоненій.

Іоганнъ Шмидтъ доказалъ въ Kuhn's „Zeitschrift“ (XXIV, 303 сл.), что примѣта желат. накл. въ индогерманскомъ была *iā* (*iē*) и *ī*, и притомъ *iā* (*iē*) повсюду, гдѣ этотъ слогъ имѣлъ на себѣ удареніе (Hochton), а *ī*, гдѣ этого ударенія не было. Сообразно съ этимъ придется принять, что *iā* (*iē*) представляетъ собой первоначальную форму элемента этого наклоненія, а *ī* — форму, стяженную изъ первой. Можно ли отожествить это *iā* (*iē*) съ индійскимъ глаголомъ *yā* „итти“? Сомнѣнія семасіологическаго характера, выставлявшіяся противъ этого, можетъ-быть, и удалось бы устранить. Но вся эта комбинація совсѣмъ потеряла правдоподобіе съ тѣхъ поръ, какъ было признано, что гласный примѣты желат. накл. былъ не *a*, а *e*. А такъ какъ, насколько я вижу, нельзя съ увѣренностью установить, имѣло ли *yā* „итти“ гласный

ā или *ē*, то приходится отказаться отъ этого сопоставленія и заявить, что относительно примѣты желат. накл. ничего нельзя сказать [1]).

Что касается сослаг. наклон., то, вѣроятно, Курціусъ (въ своей „Chronologie") высказалъ впервые тотъ взглядъ, что оно въ сущности есть изъявит. накл., такъ что сослаг. накл. *hanati* есть такое же образованіе, какъ изъявит. накл. *bharati*. Значеніе подобныхъ формъ изъявит. накл. Курціусъ представляетъ первично длительнымъ и старается отсюда вывести понятіе сослагательнаго наклон., въ чемъ я съ нимъ согласился въ „Syntaktische Forschungen". I. Но теперь я допускаю, что подобный промежуточный оттѣнокъ значенія не имѣетъ вовсе убѣдительной силы, и потому я не желалъ бы основывать на немъ производство сослагательнаго наклон. отъ изъявительнаго, хотя внѣшнее сходство формъ въ родѣ *hanati* и *bharati*, какъ мнѣ кажется, и теперь еще весьма рѣшительно говоритъ въ пользу принятія для нихъ первоначальнаго тожества. Сослаг. накл. съ *ā* (*ē*, *ō*) я хотѣлъ бы вмѣстѣ съ Курціусомъ разсматривать, какъ одинъ изъ видовъ образованія путемъ аналогіи.

в) Личныя окончанія.

Мнѣніе, что въ личныхъ окончаніяхъ глагола скрываются мѣстоименія, я уже назвалъ выше (стр. 78 и слѣд.) вѣроятнымъ, и здѣсь теперь не касаюсь еще разъ вопроса, имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ дѣло съ агглютинаціей или нѣтъ, но только выдвигаю то, что въ теоріи агглютинаціи является заслуживающимъ поясненія.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что не всѣ тѣ ученые, которые въ общемъ считаютъ присоединеніе аффиксовъ, или приставокъ (аффигацію) вѣроятнымъ, допускаютъ это присоединеніе для всѣхъ лицъ. Въ особенности замѣтно разногласіе относительно объясненія третьяго лица множественнаго числа въ дѣйствительномъ залогѣ. Сходство между прич. наст. врем. дѣйств. зал. и этимъ 3-мъ лицомъ въ такой степени бросается въ глаза, что само собою

---

[1]) Санскритскій корень *yā* *итти, ѣхать* родственъ русск. *ѣду, ѣхать*, лит. *jóti ѣхать верхомъ* и такимъ образомъ можетъ имѣть долгое *ē* (дающее въ санскритѣ *ā*, какъ и индоевр. *ō*, *ā*). Родственныя, повидимому, формы корня *ei-* въ гр εἶμι, лат. *eo*, *īre*, слав. *итти* указываютъ на двусложный корень *ei̯-ā-*, и м. б. *ei̯-ō-* (ср. лат. *ja-nua*, зенд. *yarə годъ*, русск. *яръ* = весна, др. в. нѣм. *jar* = нѣм. *jahr* годъ, гр. ὥρος годъ). *Прим. ред.*

напрашивается желаніе изслѣдовать, нельзя ли поставить обѣ формы въ генетическую связь между собой. Эту попытку сдѣлалъ Бенфей, производя *ant* изъ *anti*. Выше (стр. 99) я высказался противъ его мнѣнія. Какъ разъ обратный путь выбрали Асколи и Бругманъ. Послѣдній говоритъ: „Кто знаетъ, не представляетъ ли изъ себя *bhāranti* основу прич. (*bhārant*), которую наши индогерманскіе предки употребляли въ качествѣ 3 лица мн. числа, и къ которой они впослѣдствіи, но еще въ эпоху праязыка, по аналогіи съ *bharati*, прибавили *ĭ*?“. („Morphologische Untersuchungen“ I, 137). Трудно рѣшить вопросъ, является ли болѣе вѣроятнымъ это мнѣніе или мнѣніе Потта, по которому въ окончаніи *nti* содержатся двѣ мѣстоименныя основы *na* и *ta* (мы совершенно умалчиваемъ о мнѣніи Боппа, согласно коему *n* символически должно обозначать множ. число). Дальше названныхъ ученыхъ идетъ Шереръ, который разсматриваетъ и 3 л. ед. ч., какъ именное образованіе, а именно, какъ мѣстн. пад. причастія. Но такого причастія, которое стояло бы въ столь же близкомъ отношеніи къ третьему лицу ед. ч., въ какомъ наст. вр. дѣйств. зал. стоитъ къ третьему лицу множеств. числа, не имѣется, и потому обычное пониманіе, по которому въ суффиксѣ *ti* скрыта основа *ta to* (примыкавшая по своей формѣ, а также по отсутствію средствъ для обозначенія рода, къ *mi* и *si*), мнѣ кажется самымъ естественнымъ (ср. также мнѣніе Куна въ „Zeitschrift“ т. XVIII, стр. 402 и слѣд).

Такимъ образомъ, мнѣ кажется вѣроятнымъ, что всѣ три окончанія единств. числа и два первыя мн. ч. (двойств. ч. мы оставляемъ безъ разсмотрѣнія) слѣдуетъ объяснять, исходя изъ мѣстоименныхъ корней (которые вступаютъ въ связь съ глаголами въ болѣе общемъ значеніи, чѣмъ то, которое можетъ быть выражено посредствомъ какого-либо изъ позднѣйшихъ падежей), между тѣмъ какъ по отношенію къ 3-му лицу множ. ч. приходится признавать возможнымъ, что оно первоначально (какъ и латинское *amamini*) имѣло именное происхожденіе, а затѣмъ было присоединено къ системѣ окончаній и ассимилировано съ прочими формами [1].

Весьма большому сомнѣнію подлежатъ всѣ предположенія относительно сложеній, превращеній и искаженій, которыя должны были (по мнѣнію изслѣдователей) претерпѣть личныя оконча-

[1]) То же самое принимаютъ и для суффикса повелит. наклоненія *-tōd*, который былъ объясненъ, сперва Шереромъ, а потомъ и Бругманомъ, какъ отложительный падежъ (Ablativus). Ср. интересную статью Турнейзена: «Der indogermanische Imperativ». K. Z. т. XXVII. 179.

нія въ праязыкѣ. Если — приведемъ лишь одинъ примѣръ — принимаютъ, что *si* произошло изъ *tva*, то, правда, нельзя доказать, что этого не могло быть, но такъ же мало можно подкрѣпить это предположеніе ссылкой на аналогичный процессъ въ праязыкѣ; оно основано единственно на внутренней вѣроятности той догадки, что суффиксы 2-го лица всѣ принадлежатъ одной основѣ. Но эта вѣроятность вовсе не такъ громадна, чтобы исключать всякое сомнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, отчего же (такъ спрашиваетъ Бругманъ, „Morph. Unters". I, 135) нельзя было бы принять для мѣстоименія 2-го лица двѣ основы съ тѣмъ же правомъ, какъ и для мѣстоименія 1-го лица, гдѣ, конечно, никто не станетъ сводить формы, какъ *nas* и *vayám* къ одной и той же основной формѣ?

Подобнымъ образомъ дѣло обстоитъ съ объясненіемъ окончаній средняго залога изъ дважды прибавленныхъ мѣстоименій. Правда, связь ихъ съ окончаніями дѣйствительнаго залога не подлежитъ сомнѣнію, но врядъ ли удастся опредѣлить путь, по которому слѣдовало развитіе отдѣльныхъ формъ средняго залога. Въ особенности необходимо взвѣсить еще слѣдующій сомнительный пунктъ. Шлейхеръ и Курціусъ объясняютъ отдѣльныя формы, каждую саму по себѣ, слѣдовательно принимаютъ, что въ каждой формѣ совершился процессъ сложенія и искаженія. Но развѣ не такъ же, можетъ-быть, естественно принять, что сходство окончаній частью основано на приспособленіи ихъ другъ къ другу? И другая теорія, по которой въ окончаніи средняго залога *ai* имѣется подъемъ гласнаго, не является безусловно убѣдительной, такъ что я долженъ остаться при своемъ мнѣніи, высказанномъ въ „Synt. Forsch". V. 69, согласно которому ни одно изъ приведенныхъ объясненій не является столь достовѣрнымъ, чтобы на немъ можно было возводить синтактическія или другія построенія.

Не иначе дѣло обстоитъ и съ прочими вопросами, которые должны быть приняты здѣсь во вниманіе. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, мнѣ кажется, обнаруживается недостаточность нашего матеріала для того, чтобы сдѣлать вѣрный выборъ изъ различныхъ возможностей развитія, представляющихся намъ. Мы не должны также забывать, что формы, которыя мы выводимъ путемъ сравненія отдѣльныхъ индогерманскихъ языковъ, прошли уже длинный процессъ развитія, быть-можетъ, такъ измѣнившій соотвѣтственныя формы, что сдѣлалось невозможно узнать ихъ первоначальный видъ.

Уже при опредѣленіи понятія корня выяснилось, что мы должны различать въ исторіи индогерманскихъ языковъ два

періода, именно, періодъ дофлективный, или корневой, и флективный. Правда Боппъ не высказалъ прямо этой мысли, а Поттъ даже отрицалъ ее (хотя и не послѣдовательно, какъ мы видѣли), но все-таки, какъ было показано на 86 стр., она является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ изъ анализовъ Боппа. Но и флексія не могла образоваться сразу, напротивъ, должна была возникнуть путемъ различныхъ актовъ, такъ что флективный періодъ въ свою очередь долженъ распасться на подраздѣленія. Особенную заслугу Курціуса именно и составляетъ то, что онъ сильнѣе другихъ ученыхъ подчеркнулъ въ своемъ сочиненіи: „Zur Chronologie и т. д.“ ту мысль, что въ развитіи языка, какъ и въ расположеніи каменныхъ породъ, слѣдуетъ различать слои.

Другой вопросъ однако, удалось ли ему (или кому-нибудь другому, хотя бы Шереру) установить съ вѣроятностью тѣ періоды, которые дѣйствительно прошла въ своемъ образованіи индогерманская флексія. Согласно тому, что было развито въ этой главѣ, я чувствую себя не въ состояніи рѣшить этотъ вопросъ. Всякое гипотетическое построеніе предполагаетъ наличность извѣстнаго числа отдѣльныхъ гипотезъ, которыя сами по себѣ могутъ быть разсматриваемы, какъ достовѣрныя, и на которыя затѣмъ уже могутъ опереться менѣе достовѣрныя гипотезы. Занявъ, однако, болѣе или менѣе скептическое положеніе относительно всѣхъ отдѣльныхъ анализовъ формы, я долженъ теперь сдѣлать отсюда логическое заключеніе, что изъ *этого* матеріала нельзя возвести никакого зданія. Такимъ образомъ, я долженъ ограничиться утвержденіемъ, что флексія несомнѣнно развилась не вдругъ, а постепенно, но я сомнѣваюсь въ томъ, достаточенъ ли нашъ матеріалъ для того, чтобъ точно установить періоды развитія.

Дѣло обстояло бы, впрочемъ, иначе, если бы мы были въ состояніи привлечь еще новый матеріалъ. И эту попытку сдѣлалъ Асколи. Этотъ превосходный языковѣдъ, который въ одно и то же время владѣетъ и индогерманской, и семитической областью, предполагаетъ, что индогерманскій и семитическій праязыки произошли изъ одного общаго источника, и даже что они имѣютъ извѣстныя именныя основы и зачатки склоненія, общія имъ обоимъ. Если бы это предположеніе оказалось вѣрнымъ, то этимъ было бы доказано, что развитіе флексіи въ индогерманскомъ началось съ образованія именныхъ основъ. Я не могу судить о способѣ доказательства Асколи, такъ какъ у меня не можетъ быть собственнаго мнѣнія въ семитической области, и потому я, къ своему сожалѣнію, долженъ удовольствоваться отсылкой читателей къ изложенію самого Асколи (удобнѣе всего въ его „Kritische Studien“ 21).

По окончаніи этого спеціальнаго разсмотрѣнія, мы обращаемся теперь опять къ началу этой главы и спрашиваемъ: „Оправдалась ли теорія агглютинаціи въ частностяхъ?“ Мнѣ мало вѣрится, что терпѣливый читатель, слѣдовавшій за мною чрезъ все предшествующее изложеніе, отвѣтитъ увѣреннымъ „да“. Въ самомъ дѣлѣ, въ лучшемъ случаѣ результатомъ отдѣльныхъ анализовъ была у насъ извѣстная вѣроятность, нерѣдко—голое non liquet. Такимъ образомъ, въ концѣ продолжительнаго и труднаго странствія мы не подошли ближе къ его цѣли. И теперь еще мы ничего не можемъ утверждать, кромѣ того, что утверждали выше, а именно, что принципъ агглютинаціи—единственный, дающій намъ удобопонятное объясненіе формъ.

Другого принципа, кромѣ этого, мы не встрѣтили, въ особенности же не встрѣчали такъ называемаго символическаго объясненія, къ которому въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибѣгаетъ Боппъ, и которому Поттъ отдаетъ дань въ еще бо̀льшемъ размѣрѣ. Я не считаю себя призваннымъ останавливаться подробнѣе на этомъ способѣ объясненія. Ибо, насколько я вижу, онъ такъ субъективенъ, что разсмотрѣніе доводовъ за и противъ него не можетъ быть предпринято.

При такихъ обстоятельствахъ, когда изъ всего разсужденія можно спасти только принципъ агглютинаціи, навязывается вопросъ, не лучше ли будетъ совсѣмъ оставить метафизику въ области языкознанія и ограничиться лишь тѣмъ, что можно знать, т.-е. опредѣлить задачу индогерманскаго языкознанія такимъ образомъ, что оно выводитъ основныя формы (въ Шлейхеровскомъ смыслѣ) и изъ нихъ объясняетъ формы отдѣльныхъ языковъ. Теперь я склоненъ становиться на эту точку зрѣнія, въ противоположность моему прежнему, болѣе оптимистическому настроенію. Будетъ ли достигнутъ когда-нибудь болѣе удовлетворительный результатъ, чѣмъ теперь, рѣшать это—не дѣло настоящаго времени. Если эта попытка когда-нибудь удастся лучше, то во всякомъ случаѣ только при условіи привлеченія неизмѣримо большаго количества матеріала, чѣмъ обыкновенно дѣлается теперь, т.-е. при болѣе широкомъ пользованіи неиндогерманскими языками.

ШЕСТАЯ ГЛАВА [1]).

Звуковые законы.

Въ первой части этого сочиненія было показано, какъ первоначально допущеніе исключеній казалось чѣмъ-то естественнымъ, и какъ мало-по-малу приходили все къ болѣе и болѣе строгому пониманію закономѣрности въ области звуковъ, пока наконецъ не возникла мысль, что звуковые законы вообще не терпятъ исключеній. Теперь же дѣло идетъ объ выясненіи этого вопроса со стороны самого понятія.

Основатели нашей науки не много занимались теоріями, зато

---

[1]) Къ подробному и поучительному трактату Мистели о звуковомъ законѣ и аналогіи въ „Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft" Лацаруса и Штейнталя (XI, 365 слѣд.), которымъ я часто пользовался при составленіи предыдущаго изданія. теперь, среди нѣсколькихъ другихъ сочиненій, прибавилось H. Paul, «Principien der Sprachgeschichte», 2-ое изданіе, 1886 г. (и 3-е 1898 г. *Прим. ред.*), на которое я и указываю вообще, стоя въ существенныхъ вопросахъ на той же почвѣ, какъ и Пауль, а затѣмъ и H. Schuchardt «Ueber die Lautgesetze», Берлинъ, 1885, который возстаетъ противъ теоріи объ отсутствіи исключеній изъ звуковыхъ законовъ.

Прим. авт.

Къ этой литературѣ слѣдуетъ прибавить русскія работы, оставшіяся неизвѣстными Дельбрюку: Н. В. Крушевскій „Ueber die Lautabwechslung" (Казань, 1881), его же «Очеркъ науки о языкѣ» (Казань, 1883), И. А. Бодуэнъ де Куртенэ, «Нѣкоторые отдѣлы сравнит. грамматики слав. языковъ» („Русск. Филол. Вѣстникъ" т. V. 1881 г. и его же „Próba teorji alternacyi fonetycznych. Część I. Ogólna" (Краковъ, 1894. Нѣм. переводъ: „Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen". Страсбургъ, 1895), а также статьи и книги, вышедшія послѣ появленія въ свѣтъ третьяго изданія книги Дельбрюка, какъ то: Meillet, „Les lois du language. I. Les lois phonétiques" („Revue internationale de Sociologie". Paris. 1893); A. Ludwig, «Ueber den Begriff «Lautgesetz». («Sitzungsberichte der Kgl. Bömischen Gesellsch. d. Wissenschaften». 1894); A. Wallensköld, «Zur Klärung der Lautgesetze». («Festschrift für A. Tobler»); M. Bréal, «Des lois phoniques». («Mémoires de la Société de Linguistique» т. X. 1897); Wechssler, «Giebt es Lautgesetze» (Halle, 1900) и др. менѣе значительныя по объему и содержанію.

Прим. ред.

организаторы ея, въ томъ числѣ Курціусъ и Шлейхеръ, пускались въ подобнаго рода объясненія. Я разсмотрю сначала взгляды Курціуса, и отвожу имъ нѣсколько болѣе широкое мѣсто, уже потому, что интересно видѣть, съ какимъ чрезвычайнымъ успѣхомъ онъ подготовилъ своей работой формулировку, сдѣланную послѣдующимъ поколѣніемъ. Стремленія Курціуса были направлены преимущественно къ тому, чтобы доказать существованіе болѣе строгаго порядка въ области звуковъ, чѣмъ это удалось сдѣлать его предшественникамъ, и такимъ образомъ положить основаніе болѣе прочнаго метода для этимологіи. Если бы въ исторіи звуковъ—говоритъ онъ („Grundz.", стр. 80)—дѣйствительно являлись бы столь значительныя спорадическія уклоненія съ истиннаго пути и вполнѣ болѣзненныя непредвидѣнныя искаженія звуковъ, какъ это съ большою увѣренностью принимаютъ нѣкоторые ученые, то мы на дѣлѣ должны были бы отказаться отъ всякаго этимологизированія. Вѣдь изслѣдованію доступно только законосообразное и находящееся во внутренней связи, произвольное же можно въ лучшемъ случаѣ только угадать, никогда — вывести на основаніи умозаключенія. „Но дѣло не стоитъ такъ плохо, полагаю я", напротивъ, скорѣе „именно въ жизни звуковъ всего вѣрнѣе можно установить прочные законы, обнаруживающіеся почти съ послѣдовательностью силъ природы" (стр. 81). Поэтому Курціусъ и отличаетъ отъ правильной замѣны звуковъ неправильную или спорадическую, но все-таки этимъ онъ не хочетъ сказать, что часть звуковыхъ измѣненій стоитъ внѣ всякихъ законовъ и такимъ образомъ предоставлена случаю и произволу. „Само собою разумѣется", заключаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 90), „что мы ни того, ни другого измѣненія звуковъ не признаемъ случайнымъ, но исходимъ изъ того взгляда, что законы проникаютъ собой какъ весь языкъ, такъ и эту звуковую сторону". Законосообразность прежде всего обнаруживается въ томъ, что измѣненіе звуковъ преслѣдуетъ извѣстную тенденцію или извѣстное направленіе, и при этомъ его основное направленіе—нисходящее, убывающее или, какъ Курціусъ охотнѣе всего выражается, направленіе „вывѣтриванія" („Verwitterung": стр. 409). „Ибо, въ самомъ дѣлѣ, само собою навязывается сравненіе съ каменными породами, постепенно убывающими и исчезающими подъ вліяніемъ атмосферныхъ вліяній, но тѣмъ не менѣе такъ упорно сохраняющими свою сердцевину". Разумѣется, по отношенію къ звукамъ, причина убыванія коренится не во вліяніи внѣшнихъ силъ, но въ наклонности людей къ удобству, которая старается сдѣлать произношеніе все болѣе и болѣе легкимъ. „Наклонность къ удобству разъ навсегда остается главнымъ по-

водомъ къ звуковымъ измѣненіямъ при всѣхъ обстоятельствахъ" (стр. 23). А наклонность къ удобству главнымъ образомъ сказывается въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, охотно замѣняютъ менѣе удобное мѣсто артикуляціи болѣе удобнымъ; и на этомъ основаніи, такъ какъ мѣсто, расположенное дальше назадъ, менѣе удобно, можно точно установить, какъ общее направленіе звуковыхъ измѣненій,—направленіе сзади напередъ. Такимъ образомъ, дѣйствительно, возникаетъ *p* изъ *k*, но не *k* изъ *p*. Во-вторыхъ, замѣняютъ звукъ, по своему роду болѣе трудный для произношенія, звукомъ болѣе легкимъ для произношенія; поэтому, напр., такъ называемые взрывные переходятъ въ такъ называемые фрикативы [1]), межъ тѣмъ какъ обратный переходъ не наблюдается. Такъ *t* обращается въ s, но никогда *s* въ *t*. Этимъ главнымъ нормамъ, дѣйствительность которыхъ Курціусъ старается доказать подробно, подчинено всякое измѣненіе звуковъ, а также и спорадическое. И по отношенію къ спорадической замѣнѣ звуковъ для насъ руководящей нитью должно служить то основное положеніе, что слѣдуетъ ожидать только перехода болѣе сильнаго звука въ болѣе слабый, а не наоборотъ (стр. 437).

Если такимъ образомъ звуковое измѣненіе связано извѣстнымъ направленіемъ, то все-таки въ предѣлахъ этого направленія оно пользуется извѣстной свободой движенія. Сюда относятся, напр., такіе случаи, когда въ европейскихъ языкахъ древнее *a* замѣняется гласными: то *a*, то *e*, то *o*; когда древнее *k* въ греч. является въ видѣ κ, τ, π. Подобныя неправильности въ меньшемъ кругѣ фактовъ опять-таки обнаруживаютъ извѣстную правильность, но бываютъ и отдѣльныя исключенія, неправильности, „возмущенія" (Trübungen), уродливости. Подобной неправильностью является, напр., сохраненіе σ въ σῦς рядомъ съ ὗς, хотя обыкновенно въ греч. яз. начальное индогерманское *s* отпадаетъ. Эти исключенія можно по крайней мѣрѣ отчасти объяснить, если вспомнить тѣ два стремленія, которыя господствуютъ въ языкѣ: стремленіе сохранить звуки и слоги, выражающіе значеніе, и аналогію. Насчетъ перваго пункта Курціусъ прежде всего высказалъ свое мнѣніе въ своихъ замѣчаніяхъ о сферѣ дѣйствія звуковыхъ законовъ, въ особенности въ греч. и лат. «Ueber die Tragweite der Lautgesetze insbesondere im Griechischen und Lateinischen»: «Ber. der phil.-hist. Classe der Königl. Sächs. Ges. der Wissenschaften» 1870). Въ этомъ разсужденіи онъ доказываетъ, что звуки и слоги, которые

[1]) То же, что спиранты или „придувные" по терминологіи нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ. *Прим. ред.*

чувствуются носящими значеніе, дольше сопротивляются разрушенію, чѣмъ остальные, и что, слѣдовательно, при разсмотрѣніи звуковыхъ измѣненій нельзя пренебрегать степенью важности звука. Примѣромъ можетъ служить то, что замѣчается относительно „ί“ желательнаго наклоненія: „Въ общемъ греки имѣли сильно развитую склонность отнимать передъ гласными у дифтонговъ на ι этотъ второй звукъ, оттого мы находимъ αω, εω, οω, вмѣсто болѣе древняго *ajāmi*, ποέω часто вмѣсто ποιέω и т. д. Той же склонности они слѣдовали въ род. ед., гдѣ уже издавна οιο низошло до οο и далѣе до ου, въ дор. и эол. нарѣчіяхъ — ω. Напротивъ οι въ формахъ жел. накл. въ родѣ δοίην, λέγοιεν, γενοίατο, ποιοίην осталось неприкосновеннымъ. Только въ качествѣ эолійской формы дошло до насъ λαχόην = λάχοιμι (Ahr. стр. 133). Очевидно, примѣта наклоненія нуждалась въ болѣе бережливомъ обращеніи съ нею, чѣмъ „ι“ въ род. пад. Этотъ послѣдній падежъ и безъ ι, даже послѣ совершившагося стяженія гласныхъ, все еще оставался легко распознаваемымъ, а формы жел. накл. стали безъ этого ι почти неузнаваемыми, во всякомъ случаѣ уже весьма непохожими на прочія формы того же наклоненія“ и т. д. Теперь этотъ взглядъ оставленъ. Если въ δοίην ι не исчезаетъ, то мы приписываемъ это скорѣе тому обстоятельству, что δοίην ассоціировалось съ формами въ родѣ δοῖμεν и т. п., въ которыхъ οι по необходимости должно было сохраниться. Напротивъ, относительно силы вліянія аналогіи мы согласны съ Курціусомъ. Отъ него нисколько не ускользнуло важное значеніе принципа аналогіи, хотя онъ на практикѣ и рѣже пользуется имъ, чѣмъ мы это считаемъ правильнымъ. Въ этомъ отношеніи интересно одно мѣсто въ вышеупомянутомъ трактатѣ (1870 г.), стр. 2, гласящее такъ: „Для изслѣдованія языковъ чрезвычайно важны два основныхъ понятія, одно—понятіе аналогіи, другое—звукового закона. Я думаю, что не ошибаюсь, когда утверждаю, что большая часть разногласій во мнѣніяхъ, замѣчаемыхъ по отношенію къ отдѣльныхъ вопросамъ, основана на степени распространенія, которую, по мнѣнію ученыхъ, необходимо дать каждому изъ этихъ обоихъ понятій въ жизни языка“. О положеніи, которое занимаетъ Шлейхеръ по отношенію къ звуковымъ законамъ, было сказано выше (стр. 50 — 51), и тамъ было показано, что въ одномъ сужденіи его, высказанномъ въ 1860, находится признаніе отсутствія исключеній у всякаго происходящаго въ языкѣ звуковаго измѣненія. Вполнѣ категориченъ, по моему мнѣнію, только отзывъ Шерера въ 1875 г. („Preussische Jahrbücher“ 35, 107, приведенъ у І. Шмидта K. Z. XXVIII, 308), который гласитъ такъ: „Измѣненіе звуковъ,

которое мы можемъ наблюдать въ достовѣрной исторіи языка, совершается по твердымъ законамъ, не испытывающимъ никакихъ другихъ нарушеній, кромѣ опять-таки вполнѣ закономѣрныхъ". Нѣсколько позже появилось печатное разъясненіе Лескина, который въ своихъ лекціяхъ успѣшнѣе всѣхъ пропагандировалъ эту мысль („Склоненіе въ славяно-литовскомъ и германскомъ", напечатано въ „Preisschriften der Jablonowski'schen Gesellschaft in Leipzig". Leipzig 1876, стр. XXVIII и 1). Онъ говоритъ: „Въ своемъ изслѣдованіи я исходилъ изъ того принципа, что дошедшая до насъ форма падежа никогда не основывается на исключеніи изъ звуковыхъ законовъ, соблюдаемыхъ въ прочихъ случаяхъ. Для того, чтобъ меня не поняли неправильно, я хотѣлъ бы еще добавить: если подъ исключеніями разумѣютъ такіе случаи, гдѣ ожидаемое измѣненіе звука не наступило по опредѣленнымъ, легко узнаваемымъ причинамъ, напр., отсутствіе передвиженія въ нѣмецкомъ въ группахъ согласныхъ, въ родѣ *st* и т. п., гдѣ слѣдовательно въ извѣстной мѣрѣ одинъ законъ перекрещивается съ другимъ, то, разумѣется, ничего нельзя возразить противъ положенія, что звуковые законы не лишены исключеній. Законъ этимъ какъ разъ не уничтожается и дѣйствуетъ такимъ способомъ, какого и слѣдовало ожидать, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ тѣхъ или другихъ помѣхъ, вліяній другихъ законовъ. Но если допускаютъ произвольныя, случайныя, не стоящія межъ собой ни въ какой связи уклоненія, то, въ сущности говоря, этимъ объявляютъ, что предметъ изслѣдованія, языкъ, не доступенъ научному познанію". Сюда примыкаетъ то, что высказываютъ Остгофъ и Бругманъ „Morph. Unters." ч. I стр. XIII: „Всякое звуковое измѣненіе, поскольку оно происходитъ механически, совершается по законамъ, не допускающимъ исключеній, т.-е. направленіе движенія звуковъ у всѣхъ членовъ одной группы языковъ, за исключеніемъ того случая, когда происходитъ развѣтвленіе на діалекты, постоянно остается одно и то же, и всѣ слова, въ которыхъ, при одинаковыхъ условіяхъ, является звукъ, подчиненный звуковому измѣненію, безъ исключенія захватываются этимъ измѣненіемъ". Рядомъ съ этимъ мнѣніемъ встрѣчается также часто безусловная формулировка: „всѣ звуковые законы дѣйствуютъ слѣпо, со слѣпой необходимостью, наблюдаемой въ природѣ" или въ этомъ родѣ.

Какъ же слѣдуетъ относиться къ этому ученію? Прежде всего вполнѣ ясно, что между принципіальной вѣрностью извѣстнаго правила и возможностью провести его на практикѣ должна существовать разница. Кто признаетъ ученіе о невозможности исключеній въ дѣйствіи звуковыхъ законовъ, тотъ тѣмъ самымъ еще не

утверждаетъ, что обладаетъ средствомъ, съ помощью котораго можетъ объяснить всѣ исключенія. Само собой разумѣется, что у каждаго изслѣдователя остается масса трудностей, для него неразрѣшимыхъ, и даже можно сказать, что тотъ, кто вездѣ доискивается твердыхъ законовъ, встрѣчаетъ препятствія тамъ, гдѣ ихъ раньше не находили. Всѣ причастные этому ученію сходятся на томъ, что невозможность исключеній въ дѣйствіи звуковыхъ законовъ не можетъ быть доказана индуктивнымъ путемъ. Въ такомъ случаѣ должно попробовать, какъ далеко можно проникнуть съ помощью дедукціи. Отказываясь покуда отъ опредѣленія понятія о звуковыхъ измѣненіяхъ и законѣ, я желалъ бы установить общее единство мнѣнія относительно того пункта, что судьбы языковыхъ группъ оказываютъ величайшее вліяніе на внѣшній звуковой обликъ языковъ. У народца, съ незапамятныхъ временъ живущаго на уединенномъ островѣ, совсѣмъ не посѣщаемомъ чужеземцами, само собою разумѣется, совершается болѣе безпрепятственное теченіе развитія языка, чѣмъ въ занимающей центральное положеніе странѣ, куда стекаются всякаго рода народныя передвиженія и культурныя теченія. Каждый народъ, не совсѣмъ удаленный отъ сношеній съ другими, принимаетъ въ свой языкъ въ большемъ или меньшемъ числѣ заимствованныя слова. Ими кишатъ наши литературные языки, и часто ихъ трудно распознать. Кто изъ насъ, кромѣ, конечно, ученыхъ языковѣдовъ, могъ бы, напримѣръ, повѣрить, что слово *echt* есть чужое слово, перенесенное въ литературный ново-верхне-нѣмецкій языкъ изъ нижне-нѣмецкаго, а между тѣмъ этотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію. *Echt*, какъ выражается Гриммъ, есть слово, неизвѣстное древнему [нѣмецкому] языку во всѣхъ его верхнихъ нарѣчіяхъ; даже въ настоящее время народъ совсѣмъ не знаетъ его въ Швейцаріи, Баваріи и Швабіи, и оно заносится къ народу только путемъ книжнаго языка. Въ древнихъ литературныхъ языкахъ дѣло обстоитъ естественно точно такъ же или подобно тому, какъ и въ ново-верхне-нѣмецкомъ, съ тою только разницею, что мы рѣже, чѣмъ здѣсь, въ состояніи доказать подобныя заимствованія и должны ограничиваться догадками. Такъ, напримѣръ, аттическое γεννατος совершенно такъ же противорѣчитъ своимъ двойнымъ ν аттическому звуковому строю, какъ *echt* своимъ *cht* ново-верхне-нѣмецкому; не слѣдуетъ ли, однако, считать себя въ правѣ предположить, что часто употребляемое γεννατος заимствовано изъ какого-нибудь эолическаго діалекта совершенно такъ же, какъ часто употребляемое *echt* взято изъ нижне-нѣмецкаго, хотя историческое доказательство тому и не можетъ быть

приведено. Чѣмъ больше въ извѣстномъ языкѣ словъ, относительно которыхъ можно подозрѣвать, что они откуда нибудь заимствованы, тѣмъ труднѣе установить первоначальный звуковой составъ для такого языка. Между тѣмъ извѣстно, что именно въ греческихъ поэтическихъ языкахъ играетъ большую роль заимствованіе словъ и оборотовъ; такимъ образомъ именно здѣсь легко принять чужое за свое и этимъ самымъ предполагать исключенія изъ правила тамъ, гдѣ напротивъ имѣются явленія, стоящія внѣ всякой связи съ правиломъ. Я хотѣлъ бы особенно подчеркнуть эту послѣднюю мысль, что явленія въ области заимствованныхъ словъ не имѣютъ никакого отношенія къ мѣстнымъ законамъ, потому что я нахожу пренебреженіе ею у Курціуса, выражающагося при случаѣ такъ: „другой поводъ къ нарушеніямъ фонетическихъ правилъ заключается во вліяніи говоровъ другъ на друга." Подобныя нарушенія признаются всѣми и не могутъ быть совершенно отрицаемы и самыми рьяными защитниками закономѣрности въ этой области. Конечно заимствованія изъ одного діалекта въ другой не подлежатъ отрицанію, но я не могу согласиться, что они производятъ нарушеніе мѣстныхъ законовъ даннаго языка. Если этнографъ найдетъ нѣсколько семействъ бѣлыхъ поселенцевъ въ странѣ, обитаемой темнокожими людьми, онъ конечно не назоветъ исключеніемъ изъ господствующаго въ этой странѣ типа уклоняющійся отъ него бѣлый типъ, но придетъ къ заключенію, что, при описаніи первичныхъ обитателей страны, бѣлые совсѣмъ не должны приниматься въ разсчетъ. Совершенно такъ же, какъ этнографъ къ этимъ поселенцамъ, долженъ относиться—полагаю я—языковѣдъ къ чужимъ словамъ, будутъ ли они внесены въ данный языкъ издалека или изъ ближайшаго сосѣдства.

Такимъ образомъ навѣрное всѣ согласны въ томъ, что заимствованныя слова не должны приниматься въ разсчетъ, при обсужденіи звуковаго состава извѣстнаго языка.

Второй пунктъ, относительно котораго всѣ согласны, тотъ, что звуковые законы не могутъ претендовать на постоянное и всеобщее значеніе, какимъ обладаютъ физическіе законы. Они имѣютъ силу только внутри извѣстныхъ пространственныхъ и хронологическихъ границъ, т. е. только для одного языка и только для одного ограниченнаго во времени періода. Что касается прежде всего ограниченности въ пространствѣ, то Шухардтъ (стр. 10) противопоставляетъ формулѣ: „звуковые законы дѣйствуютъ безъ

исключеній въ предѣлахъ одного и того же діалекта“ [1]) слѣдующую критику: „Въ выраженіи „одинъ и тотъ же діалектъ“ скрывается неясность; мы не знаемъ, должны ли мы его понимать a priori или a posteriori (должны ли мы сказать: „въ неаполитанскомъ, римскомъ, флорентинскомъ и т. п. діалектахъ лат. *k* превратилось въ *č* передъ *e* и *i*“, или „*č* = *k e*, *i* господствуетъ въ языкѣ всей южной и средней Италіи“). Послѣднее пониманіе рекомендуется связаннымъ съ нимъ выраженіемъ „одинъ и тотъ же періодъ“, которое можетъ быть понято только въ такомъ смыслѣ; первое же—принципіальнымъ соображеніемъ, и въ самомъ дѣлѣ обыкновенно подъ словомъ діалектъ здѣсь разумѣютъ совершенно цѣльную единую общность языка. Но существуетъ ли таковая? Самъ Дельбрюкъ, чтобы найти дѣйствительное единство, внутри котораго могла бы имѣть силу непреложность звуковыхъ законовъ, нисходитъ къ индивидуальному языку и притомъ въ его мгновенномъ разрѣзѣ“. Какъ видно, въ этомъ разсужденіи идетъ рѣчь о томъ, существуютъ ли общества съ совершенно одинаковымъ языкомъ, и какъ къ нимъ относятся звуковые законы. Если принять понятіе „одинаковый“ въ строжайшемъ значеніи слова, то конечно существуютъ только индивидуальные языки, да и индивидуумы будутъ говорить нѣсколько различно въ разныя эпохи своей жизни. Поэтому слово „одинаковый“ надо понимать въ томъ смыслѣ, чтобы подъ нимъ разумѣлось единство внутри одной языковой массы, сравнительно съ состояніемъ другой языковой массы. Подобное единство, такъ какъ дѣло идетъ о человѣческихъ индивидуумахъ, лишь относительное. Полное тожество проявленій языка было бы достижимо только у машинъ. Какъ обширна можетъ быть такая группа одинаково говорящихъ (Sprachgenossenschaft), нельзя опредѣлить a priori. Въ нѣкоторыхъ языкахъ, напр. въ якутскомъ, относительное единообразіе охватываетъ собой огромное пространство, у другихъ народовъ, въ силу характера ихъ мѣстности и направленія исторіи, образуются малые районы. Гдѣ имѣются преграждающія общеніе границы, тамъ единообразіе можетъ простираться на всю округу извѣстнаго языкового сообщества, образующаго одно цѣлое, но гдѣ языковыя сообщества мирно граничатъ другъ съ другомъ, и сношенія, какъ волны, переливаются то на ту, то на другую сторону, тамъ возникаетъ такое состояніе, которое І. Шмидтъ называетъ непрерывной промежу-

---

[1]) Разница между языкомъ и діалектомъ не лингвистическая, но историко-политическая. Я могу поэтому употреблять здѣсь оба слова безразлично (promiscue).

точной связью (continuirliche Vermittelung) между двумя сосѣдними діалектами, и пограничные пояса такимъ образомъ будутъ кое въ чемъ отличаться отъ центральной языковой массы. Какъ видно, здѣсь идетъ дѣло о вопросѣ раздѣленія языковъ, о трудности коего должна дать представленіе наша послѣдняя глава. Для теперешней моей цѣли мнѣ достаточно еще прибавить, что извѣстный звуковой процессъ не всегда останавливается на границѣ діалекта, но можетъ охватить и другую звуковую массу, которую отдѣляютъ отъ первой въ силу разныхъ другихъ основаній. Такимъ образомъ придется сказать, что звуковой законъ имѣетъ свое опредѣленное пространственное ограниченіе, часто совпадающее съ границей діалекта, но можетъ также при извѣстныхъ условіяхъ и перешагнуть черезъ эту границу.

При обсужденіи продолжительности дѣйствія звуковыхъ законовъ, споръ главнымъ образомъ вращается около понятія „переходныхъ ступеней“. Я уже сказалъ во второмъ изданіи этой книги (стр. 123): „насколько я замѣчаю, всѣми признается (или по крайней мѣрѣ должно бы признаваться), что при переходѣ отъ одного произношенія извѣстнаго звука къ другому можетъ возникать состояніе колебанія, въ которомъ одинъ и тотъ же индивидуумъ произноситъ одинъ и тотъ же звукъ разъ такъ, другой иначе. Сиверсъ, напр. („Lautphysiologie“, стр. 127), выражается по этому вопросу слѣдующимъ образомъ [1]): „спонтанеическое образованіе новыхъ звуковыхъ формъ исходитъ, само собою разумѣется, отъ отдѣльнаго индивидуума или ряда индивидуумовъ, и только путемъ подражанія эти новшества постепенно переносятся на все языковое сообщество (Sprachgenossenschaft), къ которому принадлежатъ эти индивидуумы. Окончательное установленіе равновѣсія между старыми и новыми формами, приходящими въ коллизію другъ съ другомъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ потребовать долгаго времени. Въ теченіе извѣстнаго времени обѣ формы употребляются promiscue, а также примѣняются различнымъ образомъ, смотря по положенію звука, пока, наконецъ, новая форма звука не вытѣснитъ совсѣмъ старую“. При этомъ Сиверсъ приводитъ нѣсколько примѣровъ такого колебанія изъ практики наблюденія, говоря: „примѣры колебанія между двумя формами представляютъ, напримѣръ,

---

[1]) Дельбрюкъ очевидно имѣетъ здѣсь въ виду первое изданіе извѣстной книги Сиверса: „Grundzüge der Lautphysiologie“ (Лейпц. 1876), получившей во второмъ изданіи уже другое заглавіе: «Grundzüge der Phonetik etc.» (Лейпц. 1881). Въ этомъ послѣднемъ изданіи цитируемое мѣсто находится въ примѣчаніи 1 на стр. 198, въ 3-мъ изд. на стр. 226, а въ 4-мъ (1893 г.) отсутствуетъ совсѣмъ. *Прим. ред.*

многіе сѣверно-нѣмецкіе говоры, употребляющіе безъ различія звонкіе и глухіе Media, а также и армянскій въ различныхъ діалектахъ. Средне- и южно-нѣмецкіе говоры, напротивъ, уже давно вступили въ періодъ исключительнаго господства глухихъ Media". Бругманъ въ K. Z. XXIV. 6 разсуждаетъ совершенно подобнымъ же образомъ, обнаруживая только желаніе признавать за такими переходными эпохами малую длительность, а не большую, сообразно съ обстоятельствами, какъ дѣлалъ это Сиверсъ. Само собою понятно, что споръ о такихъ растяжимыхъ опредѣленіяхъ, какъ „малый" и „большой", можетъ считаться излишнимъ. Скорѣе слѣдуетъ собирать дальнѣйшія наблюденія изъ живыхъ языковъ, по которымъ можно было бы затѣмъ дѣлать заключенія о древнихъ языкахъ. Сравните съ этимъ то, что Шухардтъ говоритъ на стр. 18: „здѣсь только одно слово о переходныхъ ступеняхъ вообще. Доказательство этихъ ступеней, относится ли оно къ тому или другому случаю, стараются отклонить тѣмъ, что прекращаютъ на время переходныхъ стадій дѣйствіе закона объ отсутствіи исключеній изъ звуковыхъ законовъ. Это совершенно недопустимо. Каждая стадія языка есть переходная стадія, каждая столь же нормальна, какъ любая другая; чтó имѣетъ силу для цѣлаго, то имѣетъ силу и для отдѣльныхъ случаевъ. Я не могу представлять себѣ языкъ, какъ рядъ готовыхъ и еще неготовыхъ звуковыхъ законовъ; это было бы равносильно внесенію телеологическихъ представленій въ естественное разсмотрѣніе. Хотя и я говорю о переходныхъ стадіяхъ, но только въ относительномъ смыслѣ, только въ примѣненіи къ позднѣйшимъ уже твердо установленнымъ фактамъ; называть какое нибудь современное отношеніе переходной стадіей мы не имѣемъ никакого права". Я полагаю, что слѣдуетъ различать между „переходной стадіей" и „состояніемъ колебанія". Правда, слой B образуетъ въ извѣстномъ языкѣ переходъ отъ A къ C, а C—переходъ отъ B къ D, и если бы захотѣли прекратить дѣйствіе звуковыхъ законовъ для всѣхъ этихъ переходныхъ ступеней, то лишили бы эти законы силы для всей области языка. Но это совсѣмъ не имѣлось въ виду. Разумѣлось только то, что мы иногда можемъ наблюдать въ одномъ діалектѣ колебаніе въ произношеніи одного звука. Если мы ограничимъ разсмотрѣніе этимъ состояніемъ, не оглядываясь назадъ или на родственные діалекты, то мы можемъ только установить, что въ этомъ отношеніи не имѣется никакого единообразія. Если же мы призовемъ къ себѣ на помощь наблюденія въ области родственныхъ діалектовъ, какъ это сдѣлано Сиверсомъ, то придемъ ко взгляду, что колебаніе должно быть поставлено на счетъ

перехода къ новому состоянію, въ чемъ я не могу видѣть непозволительной телеологіи.

Итакъ изъ предыдущаго разсужденія оказывается прежде всего, что надо исключить заимствованныя слова, затѣмъ, что должно изъять извѣстныя пограничныя и переходныя области, въ которыхъ отношенія слишкомъ сложны, для того, чтобы ихъ можно было бы привести къ какой нибудь простой формулѣ. По отношенію къ прочему языковому матеріалу и только по отношенію къ нему должно имѣть силу утвержденіе, что звуковой составъ языка объясняется дѣятельностью звуковыхъ законовъ, дѣйствующихъ безъ исключенія съ одной стороны, и дѣятельностью аналогіи съ другой. Переходя теперь къ истолкованію этого утвержденія, я буду говорить сначала объ аналогіи [1]).

Неизбѣжность дѣйствія аналогіи въ языкѣ становится очевидной, если уяснить себѣ, что слова въ душѣ говорящаго являются въ значительно большей части своей не обособленно, но въ тѣсной связи (ассоціированныя) съ другими. „Ассоціируются между собой различные падежи одного и того же имени, различныя времена, наклоненія, лица одного и того же глагола, различныя производныя формы отъ одного и того же корня, въ силу родства звукового и по значенію; затѣмъ всѣ слова одной и той же функціи, напр. всѣ существительныя, всѣ прилагательныя, всѣ глаголы; затѣмъ всѣ производныя формы, образованныя отъ разныхъ корней при помощи одинаковыхъ суффиксовъ; далѣе одинаковыя по своей функціи формы различныхъ словъ, слѣдовательно, напр., всѣ формы множ. числа, всѣ родит. падежи, всѣ страдат. залоги, всѣ прошедшія совершенныя, всѣ сослагательныя, всѣ первыя лица; затѣмъ слова съ одинаковымъ родомъ флексіи, напр. въ новонѣмецкомъ всѣ „слабые“ глаголы въ противоположность „сильнымъ“,

---

[1]) Ср., кромѣ вышеприведенныхъ работъ B. J. Wheeler, „Analogy and the scope of its applications in language“ въ «Studies of classical philology», Cornell University Ithaca 1887. *Прим. авт.*

Изъ русскихъ работъ укажемъ: Н. В. Крушевскій, „Объ аналогіи и народномъ словопроизводствѣ“ („Русск. Филол. Вѣстникъ“ 1880); его же «Лингвистич. замѣтки» III. «О морфологич. абсорпціи» (тамъ же); В. А. Богородицкій, «О морфологической абсорпціи» (тамъ же, 1881); его же «Объ основныхъ факторахъ морфологическаго развитія языка» (тамъ же, 1895). Изъ болѣе новой иностранной литературы: A. Meillet, «Les lois du langauge. II. L'analogie». («Revue international de Sociologie». Paris, 1894); G. E. Karsten, «The psychological Basis of Phonetic Law and Analogy» („Publications of the Modern Language Association of America“, IX. I); O. Bender «Die Analogie. Ihr Wesen und Wirken in der deutschen Flexion» (Programm. Moersburg. 1893). *Прим. ред.*

всѣ имена существительныя муж. рода, образующія множ. число съ перемѣной гласнаго звука (Umlaut) въ противоположность неизмѣняющимъ гласныхъ; также могутъ смыкаться въ группы слова, представляющія лишь частичное тожество способа флексіи, въ противоположность словамъ съ болѣе рѣзкими уклоненіями", (Paul, „Principien der Sprachgeschichte", 2 изд. Halle, 1886, стр. 24). Многія изъ соединенныхъ въ такія группы формъ обнаруживаютъ или существенное сходство внѣшняго вида, или основное различіе, или, наконецъ, незначительныя различія при большомъ сходствѣ. Противъ этихъ различій работаетъ постоянно стремленіе придать возможно большее внѣшнее сходство тому, что связано между собой внутренней связью, и не рѣдко удается устранить болѣе незначительныя различія путемъ подравненія (Ausgleichung). Такъ, напримѣръ, несомнѣнно, что такое слово, какъ лат. *homo* первоначально звучало съ образованіемъ падежей разной силы (съ градаціей основъ — stammabstufende Bildung): *homo hominis homini homonem homones hominum* и т. д., откуда затѣмъ путемъ подравненія получилось: *hominis homini hominem homines*. Точно также не подлежитъ сомнѣнію, что въ аркадійскомъ діалектѣ, какъ и въ прочихъ діалектахъ, жен. родъ χώρα звучалъ въ род. χώρας, но муж. родъ ἐργάτας—ἐργάταυ (изъ ἐργάταο), тогда какъ позже χώρας превратилось въ угоду мужск. роду въ χώραυ. Почему и при какихъ условіяхъ такія преобразованія возникли въ извѣстную эпоху, и почему только въ извѣстныхъ діалектахъ, въ другихъ же нѣтъ,—мы можемъ установить съ нѣкоторой вѣрностью только въ рѣдчайшихъ случаяхъ. Напротивъ, мы должны большею частью удовольствоваться наблюденіемъ, что изъ обоихъ другъ съ другомъ борющихся стремленій—сохранить отдѣльный случай въ его традиціонной формѣ и съ другой стороны — уподобить его родственнымъ формамъ—побѣдило послѣднее стремленіе. Если такимъ образомъ мы должны быть скромными въ этомъ отношеніи, съ другой стороны мы все-таки можемъ сказать съ нѣкоторой увѣренностью, что́ собственно произошло при такомъ подравненіи, и чѣмъ отличается этотъ процессъ отъ того, который мы называемъ звуковымъ измѣненіемъ. Чтобы пояснить это, я возьму примѣромъ законъ Вернера, описанный мною на стр. 58 и сл. Вернеръ, какъ было сказано въ названномъ мѣстѣ, показалъ, что глаголъ, въ родѣ гот. *leiþan*, долженъ былъ образовать въ прагерманскомъ [1]) формы *leiþan laiþ lidum lidans*, откуда въ готскомъ

---

[1]) Здѣсь не имѣетъ значенія, звучали ли индогерманскія формы въ концѣ слова такъ или иначе.

возникли путемъ подравненія формы *leiþan laiþ liþum liþans*, тогда какъ, напр. въ древневерхненѣмецкомъ первоначальное различіе сохранилось въ формахъ съ передвиженіемъ согласныхъ *lidan leid litum litan*. Можно было бы склониться къ формулировкѣ того, что произошло въ готскомъ, въ такихъ выраженіяхъ: въ формахъ *liþum liþans* первичное *d* перешло въ *þ*. Но невѣрность такой формулировки обнаруживается сейчасъ же, какъ только привлекаются къ сравненію соотвѣтствующія явленія въ другихъ языкахъ. Въ греческомъ перфектъ отъ πείθω навѣрное звучалъ нѣкогда πέποιθα, πέποιθε, πέπιθμεν (еще древнѣе πεπιθμέν). Изъ послѣдней формы сдѣлалось πεποίθαμεν. Произошло ли это такимъ образомъ, что ι было измѣнено путемъ „подъема“ въ οι и вставлено α? Конечно нѣтъ. Я оставлю здѣсь совсѣмъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, возможно ли вообще предполагать на старый ладъ существованіе подъема; относительно этого пункта во всякомъ случаѣ теперь всѣ ученые согласны, что подобнаго явленія не происходило ни въ одномъ отдѣльномъ (индоевропейскомъ *Ред.*) языкѣ. Всѣ такъ называемые дифтонги подъема въ отдѣльныхъ языкахъ, слѣдовательно и въ греческомъ, ведутъ свое начало изъ первобытной эпохи. О вставкѣ α также нельзя думать. Правда, мы можемъ говорить о вставкѣ гласнаго, или лучше о развитіи гласнаго изъ голосового тона сосѣдняго согласнаго въ случаяхъ, какъ *poculum* изъ *poclum*, *nominis* изъ *nomnis*, но подобнаго случая въ πεποίθαμεν мы не имѣемъ. Такимъ образомъ вышеприведенная формулировка не подходитъ къ формѣ πεποίθαμεν. Здѣсь произошло не звуковое измѣненіе, но замѣна одной формы другою. Такъ какъ πέπιθμεν въ томъ ряду, къ которому оно принадлежало, являлось членомъ, нарушавшимъ гармонію, то оно было замѣнено посредствомъ πεποίθαμεν. Такимъ образомъ и въ готскомъ нельзя говорить о звуковомъ процессѣ, но должно принять замѣну формы. Выражаясь точно, слѣдовало бы сказать такъ: Въ германскомъ звуки *þ*, стоявшіе передъ ударенным слогомъ между гласными, превратились въ *d*. Это измѣненіе наступило вездѣ, гдѣ имѣлось подобное сочетаніе звуковъ, слѣдовательно *fa*þár* такъ же превратилось въ **fadar*, какъ **liþúm* въ *lidum*. Въ готскомъ *fadar* осталось неизмѣненнымъ, такъ какъ оно не входило въ составъ группы, достаточно сильной для того, чтобы передѣлать его. Напротивъ *lidum* съ родичами, которые вездѣ были связаны съ формами единств. числа, содержавшими въ себѣ *þ*, и которые еще болѣе приблизились къ послѣднимъ формамъ, благодаря совершившемуся передвиженію ударенія назадъ, были замѣнены новообразованными формами *liþum* и т. д. Такимъ образомъ отношеніе между звуковымъ измѣненіемъ

и аналогіей можетъ быть выражено вкратцѣ такъ: звуковое измѣненіе основано на перемѣнѣ въ произведеніи звука и проявляется вездѣ при одинаковомъ стеченіи звуковъ; аналогія же, напротивъ, влечетъ за собой замѣну старой формы новообразованною. Поскольку же новая форма можетъ представлять такой звуковой составъ, котораго не было въ вытѣсненной формѣ, постольку вліяніемъ аналогіи можетъ быть нанесенъ ущербъ области равномѣрныхъ одинаковыхъ измѣненій [1]).

Согласно сказанному, мы, по устраненіи всѣхъ предварительныхъ вопросовъ, дошли наконецъ до главнаго вопроса: насколько можно утверждать, что измѣненіе звуковъ само по себѣ зависитъ отъ звуковыхъ законовъ, дѣйствующихъ безъ исключенія. Чтобы понять вопросъ какъ слѣдуетъ, припомнимъ, какимъ путемъ пришли къ утвержденію, что въ языкѣ существуютъ законы, дѣйствующіе безъ исключенія. Боппъ и его современники, какъ мы видѣли, допускали отдѣльныя исключенія внутри массы, въ прочихъ отношеніяхъ одинаковой; такъ, напримѣръ, онъ предполагалъ, что въ ἔδωκα, ἔθηκα, ἧκα *s* перешло въ *k*, тогда какъ во всѣхъ прочихъ аористахъ сохранилось въ видѣ *s*. Это допущеніе съ теченіемъ времени стало казаться невозможнымъ. Такимъ образомъ, въ противность Боппу, стали подчеркивать однообразіе звукового состава, причемъ понятію закона не придавали никакой особой цѣны, а именно не желали утверждать, что для однообразія также должно быть найдено объясненіе, выведеніе его изъ высшаго принципа.

---

[1]) Мнѣ представляется несомнѣннымъ, что дѣло въ огромномъ большинствѣ случаевъ происходило такъ, какъ это изложено въ текстѣ. Но былъ возбужденъ вопросъ, нѣтъ ли, быть можетъ, случаевъ, въ которыхъ согласная съ звуковыми законами форма совсѣмъ и не была сперва образована, но ея появленіе было сдѣлано невозможнымъ, благодаря дѣйствію аналогіи. Подобный вопросъ возникаетъ относительно греческаго аориста. Такъ какъ индогерманское *s* должно выпадать въ греческомъ между двумя гласными, то слѣдовало бы ожидать не ἔλυσα, а ἔλυα. Всѣ согласны въ томъ, что ἔτυψα и подобныя формы подѣйствовали на появленіе σ въ ἔλυσα, но спорятъ о томъ, существовала ли въ самомъ дѣлѣ нѣкогда, хотя бы въ теченіи короткаго времени, такая форма, какъ ἔλυα, и затѣмъ была вытѣснена формой ἔλυσα, или дѣло совсѣмъ и не доходило до появленія формы ἔλυα, потому что ἔτυψα и ей подобныя формы оказали побѣдоносное противное давленіе своимъ σ. Я не съумѣю сказать, какъ можно было бы отвѣтить съ вѣроятностью на этотъ психологическій спорный вопросъ.—При этомъ одновременно я долженъ замѣтить, что въ этомъ изданіи оставлено въ сторонѣ кое-что, излагавшееся мною прежде, а именно—опытъ классификаціи аналогическихъ образованій. Мнѣ кажется теперь правильнымъ повременить, покуда мы не будемъ обладать гораздо болѣе точными наблюденіями, произведенными надъ живыми языками, чѣмъ находящіяся до сихъ поръ въ нашемъ распоряженіи.

Затѣмъ нужно обратить вниманіе на то, что терминомъ „звуковое измѣненіе“ (Lautwandel) не выражено еще все, что собственно имѣется при этомъ въ виду, такъ какъ подъ нимъ разумѣется и то, что сохраняется въ языкѣ неизмѣненнымъ въ теченіи времени. Итакъ подъ этимъ выраженіемъ разумѣютъ въ сущности слѣдующее: звуковой составъ извѣстнаго языка одинаковъ внутри извѣстныхъ пространственныхъ и хронологическихъ границъ. Одинаковость эта, впрочемъ, дѣлается замѣтной лишь тогда, когда не обращаютъ вниманія на пограничныя состоянія, исключаютъ чужія слова и представляютъ дѣйствіе аналогіи прекратившимся. Можно было бы, слѣдовательно, сказать вкратцѣ: звуковой строй самъ по себѣ одинаковъ. Вѣрно ли это утвержденіе? Что можно сказать за и противъ него? Всего лучше, пожалуй, можно будетъ подойти къ трудному вопросу, если постараться уяснить себѣ, какъ происходитъ измѣненіе звуковъ языка. Отвѣтъ можетъ быть только такой: это зависитъ отъ общественной природы языка. Каждый новый человѣкъ, вступающій съ достиженіемъ извѣстнаго возраста въ языковое сообщество, имѣетъ стремленіе точно воспроизводить языкъ старшаго поколѣнія, какъ онъ его слышитъ. Онъ имѣетъ естественно лишь желаніе понять и быть понятымъ; поэтому какъ же вздумалось бы ему пожелать какихъ нибудь измѣненій въ средствѣ взаимнаго пониманія? Въ самомъ дѣлѣ слѣдующее поколѣніе продолжаетъ также сохранять извѣстную часть звукового строя, переданнаго ему отъ предыдущаго поколѣнія, но въ другой части этого строя возникаютъ измѣненія. Никто не будетъ удивляться тому, что измѣненія являются у каждаго индивидуума, такъ какъ, конечно, естественно, что намѣренное воспроизведеніе и дальнѣйшая передача унаслѣдованнаго удается не въ полной мѣрѣ. Но замѣчательно то, что измѣненіе совершается у всѣхъ особей въ одномъ и томъ же направленіи. Можно сказать, что эта одинаковость достигается подравненіемъ индивидуальныхъ уклоненій. Въ этомъ, конечно, есть нѣчто вѣрное, но, однако, несомнѣнно, что безчисленная масса индивидуальныхъ различій не можетъ сложиться въ гармонію, если опредѣленное направленіе измѣненія не является ближайшимъ и естественнымъ для опредѣленнаго поколѣнія. Мы должны, слѣдовательно, попытаться отвѣтить на вопросъ, можетъ ли быть замѣчена извѣстная тенденція или направленіе въ измѣненіи звуковъ. На этотъ вопросъ, какъ мы видѣли на стр. 118, К у р ц і у с ъ отвѣтилъ указаніемъ на стремленіе людей къ удобству, и мы видимъ, что такъ же разсуждаютъ и другіе выдающіеся ученые, напримѣръ У и т н е й, взглядъ котораго можетъ быть выраженъ вкратцѣ такъ: каждое поколѣніе

учится языку отъ предшествующаго, не задумываясь какъ либо надъ этимъ, слѣдовательно учится безъ намѣренія говорить сколько нибудь иначе, чѣмъ говорилось до сихъ поръ. Измѣненія, которыя находитъ посторонній наблюдатель, сравнивая языкъ одного поколѣнія съ языкомъ предшествующаго, происходятъ такимъ образомъ вполнѣ внѣ сознанія людей, принимающихъ въ нихъ участіе. Гдѣ же лежитъ побужденіе къ этимъ измѣненіямъ? Разумѣется, не въ самихъ звукахъ (это была бы миѳологическая точка зрѣнія), но въ людяхъ, имѣющихъ естественное стремленіе избѣгать неудобнаго для нихъ и предпочитать болѣе удобное. Итакъ стремленіе къ удобству, или экономія въ силѣ—законъ, которымъ безсознательно управляются въ языкѣ всѣ измѣненія. (См. именно статью Уитнея. „The principle of economy as a phonetic force“ въ „Transactions of the American philological association“. 1877). Какъ ни заманчива эта формулировка, однако нельзя скрыть нѣкоторыхъ сомнѣній, возбуждаемыхъ ею. Прежде всего спрашивается, въ самомъ ли дѣлѣ стремленіе къ удобству является единственной побудительной причиной измѣненія, или рядомъ съ нимъ должны быть признаны еще и другія силы. Уитней не отвергаетъ вполнѣ подобной мысли, но напротивъ готовъ предоставить право и другимъ силамъ, коль скоро присутствіе ихъ будетъ ясно указано. Что это трудно, отрицать нельзя. Но мнѣ и теперь еще кажется убѣдительнымъ то, что я уже сказалъ раньше, ссылаясь на Бенфея („Göttinger Nachrichten“, 1877, № 21, стр. 550), а именно, что въ языкѣ очевидно есть стремленіе не только къ тому, что удобно, но и къ тому, что нравится. Для поясненія я привелъ наблюденіе достовѣрнаго свидѣтеля, которое можетъ быть приведено и здѣсь. Изобрѣтатель говорящей машины Кемпеленъ говоритъ въ своемъ „Механизмѣ человѣческой рѣчи“ („Mechanismus der menschlichen Sprache und Beschreibung seiner sprechenden Maschine“, Вѣна, 1791): „Въ Парижѣ мнѣ казалось, будто четвертая по крайней мѣрѣ часть жителей картавила, не потому, что они не могли произнести настоящее *r*, но потому, что въ этомъ находили удовольствіе, и это уже сдѣлалось модой; но эта мода не можетъ прекратиться, какъ прочія моды, ибо цѣлыя семейства уже давно разучились говорить язычное *r*, и картавость у нихъ будетъ передаваться къ дѣтямъ ихъ дѣтей“ (ср. Trautmann въ журналѣ „Anglia“, т. III, 216 и сл.).

Другое соображеніе, которое можетъ быть присоединено къ вышеназванной формулѣ, слѣдующее: допустивъ, что люди въ своей рѣчи стремятся все къ большему и большему удобству, всетаки очень хотѣлось бы знать, почему извѣстные звуки, напримѣръ, извѣстные оттѣнки гласныхъ для насъ удобнѣе, чѣмъ для

нашихъ отцовъ. Испытали что ли измѣненіе наши органы рѣчи? Дѣйствуетъ ли видоизмѣняющимъ образомъ на наши органы рѣчи окружающій насъ міръ, пища, климатъ, и не находятся ли отъ этого въ зависимости измѣненія звуковъ? Этимъ ставится на обсужденіе мысль, часто высказывавшаяся въ прежнія времена. Какъ часто воображаемая грубость дорическаго діалекта увѣренно ставилась въ связь съ дикой горной природой лаконской страны, а воображаемая мягкость іонійскаго діалекта съ мягкимъ воздухомъ малоазіатской береговой полосы! Въ новѣйшее время, послѣ того какъ Уитней (Whitney-Jolly, „Die Sprachwissenschaft. Vorlesungen über die Principien der vergleichenden Sprachforschung“ etc. Мюнхенъ, 1874, 230) очень рѣшительно высказался противъ этого устарѣлаго предположенія, опять взялся за него Остгофъ, который говоритъ: „Какъ форма всѣхъ физическихъ органовъ человѣка, такъ и форма его органовъ рѣчи зависитъ преимущественно отъ климатическихъ и культурныхъ условій, среди которыхъ онъ живетъ. Хотя въ общемъ извѣстно, что, напр., различный климатъ горъ и равнинъ иначе выработываетъ легкія, грудь и гортань горныхъ обитателей и иначе тѣ же органы у обитателей низменностей, тѣмъ не менѣе еще слишкомъ мало оцѣненъ въ языкознаніи тотъ фактъ, что обыкновенно, при одинаковыхъ или похожихъ климатическихъ и культурныхъ условіяхъ, вездѣ обнаруживаются одинаковыя или похожія фонетическія наклонности языка или говора. Къ сожалѣнію, я не могу пуститься здѣсь въ подробную мотивировку этого положенія помощью примѣровъ. Поэтому я напоминаю только о томъ, что, напр., на Кавказѣ даже не родственныя искони сосѣднія народности, индогерманцы-армяне и иранцы и неиндогерманцы-грузины и пр. въ главныхъ чертахъ обладаютъ почти тождественной системой гласныхъ и согласныхъ. Внутри одного и того же языка, какъ особенно убѣдительно показали изысканія послѣднихъ лѣтъ въ разныхъ областяхъ, господствуетъ или господствовалъ прежде почти сплошь непрерывный переходъ между отдѣльными діалектами, образующими общій языкъ; напр., въ германскомъ—отъ алеманнскаго въ Альпахъ до нижнесаксонскаго на берегахъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей. Мнѣ кажется едва допустимымъ, чтобы непрерывность климатическихъ переходовъ въ той же части пространства не имѣла никакой общей причинной связи съ подобной діалектической непрерывностью“ [„Das physiologische und psychologische Moment in der sprachlichen Formenbildung“ („Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge, herausgegeb. von Rud. Virchow und Fr. von Holtzendorff“. Вып. 327), стр. 19].

Я полагаю, что о вліяніи климата нельзя сказать что либо опредѣленное. Правда въ общихъ чертахъ, конечно, всѣ согласятся, что климатъ не можетъ не производить вліянія, какъ на все тѣло, такъ и на органы рѣчи; но, съ другой стороны, слѣдуетъ также признать, что физіологи еще не наблюдали такого различія въ органахъ, изъ котораго объяснялось бы различіе въ произношеніи отдѣльныхъ звуковъ. Сходства между близъ лежащими языками, которыя приводитъ Остгофъ, быть можетъ, могутъ быть объяснены также историческимъ воздѣйствіемъ одной народности на другую (какъ, напр., выговоръ нѣмцевъ, живущихъ въ Курляндіи, кое что заимствовалъ изъ выговора латышей), и прежде всего здѣсь получаютъ особый вѣсъ, какъ противоположная сторона, тѣ многочисленныя перемѣны мѣста жительства, которыя продѣлывали народы каждой эпохи.

Въ такомъ положеніи находится вопросъ объ измѣненіяхъ въ звуковомъ составѣ языковъ. Какъ видно, о точномъ знаніи въ этой области не можетъ быть серьезной рѣчи. Тѣмъ не менѣе можно сказать: мы питаемъ основательное предположеніе, что измѣненія въ значительно бо́льшей своей части зависятъ отъ извѣстныхъ производящихъ общее дѣйствіе причинъ, надъ которыми отдѣльный человѣкъ не имѣетъ никакой власти. Правда, нельзя отрицать также и возможности вліянія со стороны отдѣльнаго индивидуума, вліянія, простирающагося съ его стороны на нѣсколькихъ, людей, а отъ этихъ на многихъ, но такъ какъ при этомъ противное давленіе со стороны общества все-таки всегда велико, то едва ли можно предполагать, что отдѣльному индивидууму удастся провести такія измѣненія, которыя противорѣчатъ направленію развитія, замѣчаемому у остальныхъ звуковыхъ измѣненій. Навѣрное можно считать несомнѣннымъ то, что всѣ (или почти всѣ) эти акты совершаются безсознательно. Въ какой мѣрѣ оправдывается это утвержденіе на нашемъ теперешнемъ языкѣ, въ этомъ можно легко убѣдиться путемъ опыта. Большая часть людей не знаетъ, ка́къ они говорятъ, и часто только съ величайшимъ трудомъ удается доказать имъ, что они дѣйствительно обладаютъ нѣкоторыми тонкостями произношенія, которыя замѣчаетъ у нихъ опытный наблюдатель.

Согласно сказанному, на занимающій насъ вопросъ о закономѣрности звукового измѣненія можно теперь дать общій сжатый отвѣтъ.

Слѣдуетъ признать, что полная закономѣрность звукового измѣненія не наблюдается нигдѣ въ мірѣ данныхъ фактовъ, но имѣются на лицо достаточныя основанія, ведущія къ допущенію, что зву-

ковое измѣненіе, протекающее закономѣрно, есть одинъ изъ факторовъ, изъ совмѣстнаго дѣйствія которыхъ вытекаетъ эмпирическій обликъ языка. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, правда, всегда будетъ имѣться лишь приблизительная возможность представить этотъ факторъ въ его чистотѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ вышеприведеннаго изложенія слѣдуетъ, можно ли вообще и насколько можно говорить о законахъ или даже о законахъ природы въ области фонетики или ученія о звукахъ.

Звуковые законы, устанавливаемые нами, суть, какъ это оказалось, не что иное, какъ единообразія, возникающія въ извѣстномъ языкѣ и въ извѣстное время, и имѣющія силу только для этого языка и времени. Примѣнимо ли вообще къ нимъ выраженіе „законъ“, остается сомнительнымъ. Между тѣмъ я избѣгаю входить въ разсмотрѣніе понятія о законѣ, примѣняемаго въ естественныхъ наукахъ и статистикѣ, такъ какъ я нахожу, что въ языковомъ употребленіи понятіе „звуковой законъ“ настолько утвердилось, что уже не можетъ быть искоренено, и кромѣ того я не могу предложить вмѣсто него лучшаго термина. Терминъ этотъ, кромѣ того, безвреденъ, если помнить твердо, что онъ не можетъ имѣть никакого другого смысла, кромѣ здѣсь означеннаго.

Но я не могу помириться съ опредѣленіемъ звуковыхъ законовъ, какъ законовъ природы. Съ химическими или физическими законами эти историческія единообразія очевидно не имѣютъ никакого сходства. Языкъ слагается изъ человѣческихъ поступковъ и дѣйствій (Handlungen), и поэтому звуковые законы относятся не къ ученію о закономѣрности въ явленіяхъ природы, а къ ученію о закономѣрности человѣческихъ поступковъ, повидимому произвольныхъ.

Въ заключеніе остается сдѣлать еще одно ограниченіе, которое подразумѣвается само собою потому, что непосредственно вытекаетъ изъ понятія о законѣ, какъ его можно опредѣлить въ спеціальномъ значеніи. Объ этомъ я высказался въ своей брошюрѣ „Die neueste Sprachforschung“ (Лейпцигъ, 1885, стр. 18) слѣдующимъ образомъ: „гдѣ же отсутствуетъ и этотъ послѣдній критерій понятія о законѣ, а именно большое число одинаковыхъ отдѣльныхъ явленій, тамъ уже нельзя болѣе говорить о „законѣ“. Вполнѣ уединенныя явленія не подходятъ подъ понятіе закона. Поэтому, когда Курціусъ спрашиваетъ: „какимъ звуковымъ закономъ или какимъ аналогичнымъ образованіемъ можно объяснить дошедшія до насъ въ хорошихъ аттическихъ надписяхъ формы ἡμέδιμνον вмѣсто ἡμιμέδιμνον, ἀμφορεύς вмѣсто ἀμφιφορεύς?“ то я

отвѣчаю: никакимъ закономъ, потому что это единичный случай, и никакимъ аналогичнымъ образованіемъ, по той же причинѣ. Въ этомъ случаѣ мы можемъ только сказать, что въ переходѣ ἀμφιφορεύς въ ἀμφορεύς мы можемъ признать общее стремленіе къ экономіи работы; это стремленіе побудило отдѣльнаго индивидуума къ образованію формы ἀμφορεύς, и оно же съ успѣхомъ содѣйствовало распространенію этой формы. Но если мы констатируемъ, что есть случаи, гдѣ, вслѣдствіе изолированности явленія, не можетъ быть установленъ спеціальный законъ, то этимъ, разумѣется, не признается право допускать исключенія въ такихъ случаяхъ, гдѣ законъ можетъ быть установленъ. На другія изолированныя слова, имѣющія особую судьбу, именно привѣтственныя формулы и титулы, указалъ Шухардтъ, стр. 26. Они, конечно, заслуживали отдѣльнаго разсмотрѣнія.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА.

Раздѣленіе народовъ [1]).

Какъ упомянуто выше на стр. 1, Вильямъ Джонсъ уже въ 1786 г. высказывался въ томъ смыслѣ, что всякій филологъ, который сравнитъ другъ съ другомъ языки санскритскій, греческій и латинскій, долженъ будетъ притти къ убѣжденію, что эти три языка слѣдуетъ выводить изъ одного общаго источника, теперь, можетъ быть, уже болѣе не существующаго. Не столь убѣдительны были доводы, говорившіе за принятіе такого же отношенія для языковъ готскаго и кельтскаго. У Фридриха Шлегеля мы нашли шагъ назадъ сравнительно съ Джонсомъ, поскольку онъ утверждаетъ, будто бы изъ упомянутаго сравненія слѣдуетъ, что индійскій языкъ болѣе древній, а другіе моложе и произошли изъ него. Не всегда правильно высказывается въ началѣ своей литературной дѣятельности и Боппъ. Такъ въ своей „Системѣ спряженія“ (стр. 9) онъ говоритъ о языкахъ, „происходящихъ отъ санскрита или отъ общаго съ нимъ отца“, но позднѣе онъ всегда правильно говоритъ лишь о братскомъ отношеніи между ними. Точно также онъ остерегается преувеличивать первоначальность и древность санскрита. Такъ мы встрѣчаемъ у него одно примѣчаніе къ § 605 перваго изданія Сравн. Гр., опущенное въ позднѣйшихъ изданіяхъ; въ немъ говорится: „уже въ своей „Системѣ спряженія“ и „Лѣтописяхъ Вост. Литературы“ („Annals of Oriental Literature“, Лондонъ 1820) я обратилъ вниманіе на то, что скр. *tutupa* во второмъ лицѣ мн. числа есть искаженная форма, и въ предыдущихъ отдѣлахъ этой книги очень часто указывалось, что санскритъ въ отдѣльныхъ случаяхъ стоитъ

---

[1]) Въ дополненіе къ этой главѣ ср. Бругманъ „Zur Frage nach den verwadtschaftsverhältnissen der indogermanischen Sprachen“ въ „Internationale Zeitschr. f. allgemeine Sprachw.“ Техмера (Лейпцигъ 1883, I, 226 сл.).

позади своихъ европейскихъ братьевъ-языковъ. Поэтому мнѣ показалось страннымъ, что проф. Höfer, въ своихъ „Beiträge“ и пр. стр. 40, такъ голословно и въ такихъ общихъ выраженіяхъ утверждаетъ, будто новымъ изслѣдователямъ не удалось вполнѣ „освободиться отъ несчастнаго предубѣжденія относительно мнимой чистоты и первобытной вѣрности и совершенства санскрита“. Я, съ своей стороны, никогда не вѣрилъ въ такую первобытную вѣрность санскрита, и мнѣ всегда было пріятно обращать вниманіе на тѣ случаи, въ которыхъ его европейскіе братья-языки стоятъ выше его“ и т. д.

Но постояннаго опредѣленнаго названія для того родоначальника-языка, изъ котораго происходятъ отдѣльные языки, Боппъ не имѣетъ. Онъ говоритъ о „единомъ“ основномъ языкѣ, о періодѣ языкового единства, о первобытной эпохѣ языка, о первичной и древнѣйшей эпохѣ его образованія и т. д. Несуществующій болѣе основной языкъ Боппъ представляетъ себѣ въ существенныхъ чертахъ подобнымъ одному изъ языковъ-братьевъ. Особенно слѣдуетъ отмѣтить то, что онъ, повидимому, не требовалъ отъ этого языка неизмѣняемости. Напротивъ, онъ допускаетъ, что „въ эпоху единства нынѣ уже раздѣленныхъ языковъ въ организмѣ этого единаго основнаго языка уже произошли нѣкоторыя разрушенія“ (§ 673). Такъ, напр., онъ принимаетъ, что въ древнѣйшую эпоху имена женск. рода на *ā* имѣли въ именит. падежѣ *s*, но утратили его уже въ періодѣ языкового единства. О мѣстопребываніи народа, который говорилъ этимъ основнымъ языкомъ, я не нахожу у Боппа ни одного предположенія, тѣмъ болѣе, что онъ вообще далекъ отъ культурно-исторической точки зрѣнія [1]).

Изъ этой „прародины“ путемъ „обособленія“ выдѣлились от-

---

[1]) Вопросъ о мѣстѣ жительства пранарода часто обсуждался въ послѣднее время. Изложеніе и оцѣнку различныхъ взглядовъ можно найти у О. Шрадера „Sprachvergleichung und Urgeschichte“, 2 изд. Іена 1890. Достовѣрное рѣшеніе его, однако, по моему мнѣнію, не было дано ни Шрадеромъ, ни І. Шмидтомъ, „Die Urheimath der Indogermanen“ (Abhandlungen Королевск. Прусской Академіи Наукъ, Берлинъ 1890). *Прим. автора.*

Сочиненіе Шрадера имѣется въ русскомъ переводѣ п. з. «Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная культура» Спб. 1886, сдѣланномъ къ сожалѣнію не со втораго, значительно дополненнаго и исправленнаго изданія нѣмецкаго подлинника, а съ перваго, страдавшаго рядомъ недостатковъ. Изъ новѣйшей литературы заслуживаютъ упоминанія статьи проф. Г. Гирта: „Die Urheimat der Indogermanen“ и „Der Ackerbau der Indogermanen“ въ журналѣ „Indogermanische Forschungen“, т. I. 1892 г. и V, 1895, его же «Die Urheimat und die Wanderungen der Indogermanen» и „Die vorgeschichtliche Kultur Europa’s

дѣльные языки. Встрѣчается у Боппа и выраженіе „раздѣленіе языковъ“ (§ 493). О болѣе или менѣе близкомъ родствѣ ихъ, т. е. послѣдовательности, въ какой они отдѣлялись другъ отъ друга, Боппъ имѣлъ слѣдующее мнѣніе: близко относятся другъ къ другу въ Азіи языки индійскій и мидо-персидскій, въ Европѣ греческій и латинскій. Относительно положенія славянскаго языка, мнѣніе Боппа съ теченіемъ времени измѣнилось. Сперва (I изд. Срав. Гр., стр. 760) онъ разсматривалъ славянскій, литовскій и германскій языки какъ своего рода „тройни“; позднѣе („О языкѣ древнихъ пруссовъ“, Abh. der Berl. Akad. 1853, с. 80) онъ такъ формулировалъ свой взглядъ: „отдѣленіе летто-славянской вѣтви отъ азіатскаго брата-языка, называть ли послѣдній санскритомъ или оставлять вовсе безъ названія, наступило позднѣе, чѣмъ отдѣленіе классическихъ, германскихъ и кельтскихъ языковъ, но все же еще до распаденія азіатской части нашей языковой области на вѣтвь мидо-персидскую и индійскую“. Особо близкаго родства языковъ кельтовъ и римлянъ онъ не предполагалъ.

Первымъ, кто построилъ уже настоящую систему развѣтвленія индогерманскихъ языковъ (въ видѣ родословнаго древа), былъ Шлейхеръ. Онъ сходился съ Боппомъ въ принятіи ближайшаго родства языковыхъ вѣтвей индійской, иранской и италійской съ греческой, но отступилъ отъ него во взглядѣ на положеніе литво-славянской отрасли: именно, онъ полагалъ, что сходства въ исторіи звуковъ, какія безъ сомнѣнія существуютъ между языками азіатскими и литво-славянскимъ, ведутъ свое начало не изъ первобытной эпохи, а возникли въ каждой группѣ независимо. Такъ, напр., онъ принимаетъ, что числительное для

---

und der Indogermanen“ («Hettner's Geographische Zeitschrift», т. I, 1895 г. и III, 1898), дающія рядъ вѣскихъ дополненій, соображеній и поправокъ къ теоріи прародины О. Шрадера; вопросомъ о происхожденіи индоевропейцевъ занимался И. Тэйлоръ („The origins of the Aryans“ Л. 1890. Русскій переводъ, не вездѣ вѣрный, вышелъ въ Москвѣ въ 1897 п. з. „Происхожденіе арійцевъ и доисторическій человѣкъ“). Въ концѣ 1900 г. вышелъ въ свѣтъ первый томъ новаго труда О. Шрадера: «Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. Grundzüge einer Kultur und Völkergeschichte Alteuropas» (Страсбургъ, Трюбнеръ, 1900). Общій обзоръ этой новой литературы, кромѣ послѣдняго изъ названныхъ сочиненій, можно найти по-русски въ статьяхъ А. Л. Погодина: „Жреческая организація индогерманцевъ (обзоръ новѣйшихъ трудовъ по культурѣ индогерманцевъ)“, въ „Живой Старинѣ“ (1900 г., кн. 1—2) и «Новыя изслѣдованія о языкѣ и культурѣ индогерманцевъ» («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1899 г., № 2). *Прим. ред.*

обозначенія сотни звучало въ основномъ языкѣ *kantam*, и отсюда уже, по раздѣленіи первобытнаго народа на два, развилось въ азіатской части *çatam* и совершенно независимо отъ нея въ славянскомъ *сѧто*, такъ что слѣдовательно сходствомъ *ç* и *s* въ этомъ словѣ, въ которомъ греческій и латинскій сохранили древнее *k*, нельзя воспользоваться для заключенія генеалогическаго свойства (срв. „Beiträge“ 1, 107). Такимъ образомъ онъ совершенно отдѣляетъ литво-славянскую группу отъ азіатской и, вмѣстѣ съ Яковомъ Гриммомъ, сближаетъ ее съ германской. Главное доказательство близкаго родства этихъ языковъ представляетъ ихъ согласіе въ дат. п. мн. числа, въ которомъ они представляютъ *m*, между тѣмъ какъ другіе языки имѣютъ *bh* (напр. слав. *влъкомъ* и гот. *vulfam*, но санскр. *vṛkébhyas*). Такъ какъ далѣе Шлейхеръ ставитъ въ ближайшее отношеніе яз. кельтскій съ италійскимъ („Beitr. zur vergleich. Sprachforschung etc. herausgeg. von A. Kuhn u. A. Schleicher“, I, 437), то у него получаются слѣдующія три группы: 1) азіатская, 2) славяно-германская, 3) греко-итало-кельтская. Историческое ихъ отношеніе онъ опредѣлялъ степенью вѣрности, съ какой каждая изъ этихъ трехъ группъ (на его взглядъ) сохранила типъ праязыка. Въ наименьшей степени обладала такою вѣрностью, казалось ему, группа славяно-германская, и потому онъ принималъ, что эта часть прежде другихъ выдѣлилась изъ пранарода, а за ней греко-итало-кельты, такъ что въ остаткѣ оказываются азіатскіе представители нашей семьи.

Между тѣмъ это хронологическое распредѣленіе, очевидно, основано на весьма спорномъ умозаключеніи. Сравнительно далеко идущее вырожденіе славяно-германской вѣтви (если можно его разсматривать, какъ доказанное), можетъ вѣдь основываться просто на томъ, что она развивалась быстрѣе своихъ родичей. Мотивировка Шлейхера, стало быть, недостаточна для того, чтобы отдѣлять славяно-германскую группу отъ той большой европейской массы, къ которой она принадлежитъ географически. Что она принадлежитъ сюда и въ лингвистическомъ отношеніи, подробно доказалъ Лотнеръ въ „Zeitschrift“ Куна, т. VII, 18 слл. Онъ устанавливаетъ двѣ большія группы, азіатскую и европейскую, изъ которыхъ послѣдняя отличается отъ первой главнымъ образомъ общимъ употребленіемъ *l* вмѣсто азіатскаго *r* (напр., πολύ, гот. *filu* наряду съ санскр. *purú*). Дальнѣйшій отличительный признакъ указалъ Г. Курціусъ, а именно правильно встрѣчающееся во многихъ мѣстахъ *e*, отвѣчающее азіатскому *a* (напр. φέρω, лат. *ferō*, гот. *baira*, т. е. *bera* наряду съ *bhárāmi*). Поэтому очень вѣроятнымъ казалось предположеніе, что индогерманцы, говорив-

шіе въ періодъ совмѣстной жизни на какомъ-то единомъ языкѣ, разбились сперва на европейцевъ съ одной и азіатовъ съ другой стороны, и что затѣмъ, по раздѣленіи, въ обѣихъ группахъ развились извѣстныя особенности (какъ напр. *e* въ Европѣ), усвоенныя затѣмъ всѣми подраздѣленіями этой главной группы. Такихъ подраздѣленій въ Европѣ было первоначально, повидимому, два— сѣверное и южное, изъ которыхъ первое разбилось затѣмъ въ свою очередь на вѣтви славянскую и германскую, а южное — на греческую, италійскую и кельтскую.

Труднѣе всего было подвести подъ эту теорію греческій языкъ. Нѣкоторые ученые принимали, что изъ южноевропейской массы прежде другихъ выдѣлилась кельтская группа, послѣ чего языки греческій и италійскій еще сохраняли свое единство, другіе (какъ Шлейхеръ) высказывались за болѣе тѣсное родство языковъ италійскаго и кельтскаго, наконецъ, третьи вовсе отдѣляли греческую группу отъ Европы, перенося ее въ Азію. Таково мнѣнія Грасмана („Zeitschrift" Куна, т. XII, 119), говорящаго съ большой увѣренностью о многихъ формахъ проявленія, „въ которыхъ обнаруживается далеко простирающаяся гармонія между греческимъ и арійскимъ (добрахманскимъ) міромъ въ языкѣ, поэзіи, миѳѣ и жизни,—гармонія, свидѣтельствующая о томъ могучемъ духовномъ развитіи греко-арійскаго основного племени, которое оно пережило послѣ отдѣленія другихъ племенъ". Того же мнѣнія и Зонне въ теперь, повидимому, забытой программѣ „Zur ethnologischen Stellung der Griechen". (Wismar 1869) [1]).

Противникомъ всѣхъ этихъ гипотезъ, поскольку онѣ имѣютъ дѣло съ идеей раздѣленія народовъ или языковъ, выступилъ Іоганнъ Шмидтъ въ сочиненіи „О родственныхъ отношеніяхъ между индогерманскими языками". Веймаръ 1872. І. Шмидтъ исходитъ изъ того же пункта, изъ котораго вышла оппозиція Шлейхера Боппу, именно изъ мысли объ отношеніи литвославянскаго языка къ азіатской группѣ, но въ главномъ и существенномъ сходится съ Боппомъ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, въ высшей степени удивительно, что изъ *k* слова *kantam* въ обѣихъ группахъ получается шипящій (или во всякомъ случаѣ нѣчто ему

---

[1]) Пользуясь случаемъ, я приведу изъ этой программы слѣдующее положеніе: «если въ санскритѣ глаголъ главнаго предложенія, лишаясь ударенія, подчиняется каждому предшествующему объективному опредѣленію, то мы, думается, можетъ признать въ этомъ явленіи, столь противорѣчащемъ нашимъ европейскимъ понятіямъ, остатокъ первобытнаго (proethnischer) ударенія»— (стр. 3).

подобное), между тѣмъ какъ напр. *k* въ *ka* „кто“ сохраняется въ обѣихъ группахъ. Неужели это удивительное сходство не слѣдуетъ объяснять совмѣстнымъ развитіемъ, и неужели позволительно думать здѣсь объ исторической случайности, какъ это дѣлаетъ Шлейхеръ? Но коль скоро мнѣніе Боппа вѣрно, то между Азіей и Европой нѣтъ никакого промежутка, а напротивъ лишь „непрерывная промежуточная связь“. Такое же точно состояніе находитъ Шмидтъ и въ Европѣ. Онъ признаетъ взаимную близость греческаго, италійскаго и кельтскаго языковъ, но они не образуютъ исторически обособленной группы, ибо подобно тому какъ италійская группа служитъ промежуточнымъ звеномъ между греческой и кельтской, такъ съ другой стороны кельтская является промежуточной между италійской и германской, затѣмъ германская — между кельтской и славянской и т. д. Итакъ, мы можемъ представлять себѣ индогерманскіе языки въ видѣ большой цѣпи изъ различныхъ звеньевъ, цѣпи, замкнутой въ себѣ и потому не имѣющей ни начала, ни конца. Если мы произвольно сдѣлаемъ началомъ индо-иранскій языкъ, то ближайшимъ звеномъ явится литвославянскій, потомъ германскій, кельтскій, италійскій, пока, наконецъ, не дойдемъ до греческаго, въ свою очередь примыкающаго къ индоиранскому. Армянскій и албанскій, о которомъ Шмидтъ въ то время еще не могъ говорить, могли бы быть вставлены между индо-иранскимъ и литво-славянскимъ языками.

Какъ видно, эта теорія „переходовъ“ или „волнообразная теорія“, какъ ее называетъ ея авторъ (непрерывное поступательное движеніе, замѣчаемое въ языкѣ, можетъ быть сравниваемо съ движеніемъ волнъ), совпадаетъ съ теоріей развѣтвленія въ томъ, что она, подобно послѣдней, считаетъ вообще доказательными черты сходства, наблюдаемыя между отдѣльными индогерманскими языками (нѣкоторыя изъ нихъ уже были приведены), но отличается отъ нея допущеніемъ безпрерывнаго перехода, заступающаго мѣсто теоріи развѣтвленія. Итакъ мы должны прежде всего анализировать это предположеніе. Прежде всего, конечно, ясно, что теорію переходовъ нельзя понимать въ томъ смыслѣ, будто бы между всѣми индогерманскими языками, какъ они переданы намъ исторіей, существовала непрерывная промежуточная связь. Противъ даннаго взгляда говоритъ тотъ фактъ, что отдѣльные языки образуютъ замкнутыя, отдѣленныя отъ другихъ единицы. Мы можемъ, конечно, сомнѣваться относительно отдѣльныхъ діалектовъ, напр. въ германской группѣ, къ какой группѣ діалектовъ ихъ отнести, но иначе обстоитъ дѣло съ отдѣльными главными языками, напр. съ германскимъ по отношенію его къ славянскому. Не существуетъ

ни одной языковой массы, относительно которой можно было бы сомнѣваться, славянская ли она или германская,—скорѣе мы имѣемъ твердыя границы между германскимъ и славянскимъ, равно какъ и между другими основными языками. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ предположенію, что германскій языкъ нѣкогда, когда на немъ говорило еще не такъ много людей, образовалъ собою связную область взаимныхъ сношеній, внутри которой лишь съ теченіемъ времени развились отдѣльные германскіе діалекты. Такъ же дѣло обстоитъ и съ другими языками. Такимъ образомъ гипотезу переходовъ слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что хотя языки въ первобытную эпоху и представляли, согласно описанію Шмидта, связное цѣлое, но затѣмъ между ними образовались строгоопредѣленныя границы. Возникновеніе такихъ границъ I. Шмидтъ представляетъ себѣ слѣдующимъ образомъ: „Какое нибудь племя или народъ, говорившій, примѣрно, на языковой разновидности F, пріобрѣлъ, въ силу политическихъ, религіозныхъ, соціальныхъ или другихъ условій, извѣстный перевѣсъ надъ ближайшими своими сосѣдями. Вслѣдствіе этого, ближайшія къ нему лингвистическія разновидности G H I K съ одной, и E D C, съ другой стороны, были подавлены и замѣнены разновидностью F. Когда это случилось, F стало примыкать съ одной стороны, непосредственно къ B, съ другой непосредственно къ L, которыя вмѣстѣ съ обѣими посредствующими разновидностями, съ одной стороны были подняты на одинъ уровень съ F, съ другой—подчинены. Такимъ образомъ, между F и B съ одной, и между F и L съ другой стороны, была проведена рѣзкая языковая граница“ (цитир. сочин. стр. 28). Примѣромъ тому могутъ служить языки аттическій, римскій городской и т. подобные, мало по малу одержавшіе верхъ надъ мѣстными діалектами. Если далѣе принять, что во всякомъ случаѣ уже въ давнее время образовались предѣлы сношеній, вслѣдствіе выселенія большихъ частей народа или оттого, что въ пранародъ, какъ клинья, втирались чужіе народы, и что такимъ путемъ, во всякомъ случаѣ, уже рано возникли продолжительныя пространственныя разъединенія сосѣдей (пунктъ, на который указалъ Лескинъ въ своемъ интересномъ разборѣ гипотезы Шмидта во введеніи къ своему сочиненію „О склоненіи въ славяно-литовскомъ и германскомъ язз.“ Лейпцигъ. 1876), то теорію „родословнаго древа“ и „волнообразную“ теорію можно согласить, допустивши, что первоначально имѣлась непрерывная промежуточная связь (continuirliche Vermittelung), какъ ее представляетъ себѣ Шмидтъ, а потомъ возникли развѣтвленія, и такимъ образомъ явились раз-

лученныя одна отъ другой массы, обнаруживающія, однако, въ себѣ опять тѣ же самыя отношенія, какія были въ праязыкѣ [1]).

Теперь, однако, къ сожалѣнію, съ точки зрѣнія новѣйшихъ изслѣдованій приходится формулировать возраженіе, направленное какъ противъ гипотезы развѣтвленія, такъ и противъ гипотезы переходовъ. Именно, изслѣдованіями послѣднихъ годовъ выяснено, что моменты, на основаніи которыхъ заключали о ближайшемъ родствѣ извѣстныхъ языковъ, не имѣютъ такой доказательной силы, какъ думали до сихъ поръ.

Вообще говоря, ясно, что не всякое сходство между двумя языками можетъ быть разсматриваемо, какъ аргументъ въ пользу первичной ихъ общности. Если, напр., нѣкоторые языки потеряли аугментъ или приращеніе, сохранившееся еще въ другихъ, то изъ этого, естественно, не слѣдуетъ, чтобы эта потеря должна была происходить въ періодъ общей жизни. Точно такъ же всѣ согласятся, что сходство въ словарѣ (если оно не проявляется въ подавляющихъ размѣрахъ) не можетъ быть приводимо въ доказательство первоначальной общности языковъ, такъ какъ всегда остается возможнымъ, что извѣстное слово, находимое нами лишь въ нѣкоторыхъ языкахъ, имѣлось и въ другихъ, но было отнято у насъ „безпощаднымъ временемъ“. Эти соображенія очень уменьшаютъ матеріалъ, и имѣющими доказательную силу остаются, строго говоря, лишь выработанныя сообща новообразованія. Такими считали, еще недавно, единообразное распаденіе единаго индогерманскаго *k* на *k* и *s* (*sz*) въ азіатской и литво-славянской, гласный *e* въ европейской, *r* медіопассива (среднестрадательнаго залога) въ италійской и кельтской группахъ, *m* въ литво-славянскомъ и германскомъ дат. п. мн. ч. Но въ четвертой главѣ было показано, что теперь мы иначе смотримъ на эти отношенія. Мы принимаемъ, что большинство *k* и *e* восходитъ къ праязыку, а также и *r* въ страдательномъ, поскольку мы ставимъ его въ связь съ *r*, *re*, *rate* и т. д. въ санскритѣ. Наконецъ въ *m* литво-славянскаго и германскаго дат. п. мн. ч. мы видимъ остатокъ первобытнаго суффикса, который не произошелъ изъ суффикса съ *bh*, но употреблялся параллельно съ нимъ.

---

[1]) Подтвержденіе «волнообразной теоріи» I. Шмидта въ отношеніяхъ латинскихъ діалектовъ между собою находитъ R. Meringer. „Schmidt's Wellentheorie und die neuen Dialektforschungen“ („Verhandlungen der 42. Versammlung deutscher Philologen“. Leipzig. Teubner. 1894). Вопросъ о родственныхъ отношеніяхъ между діалектами вообще разсматриваетъ H. Oertel, „On the Character of the Inferred Parent Languages“ („American Journal of Philology“, т. XVIII. 1897. 416—38). *Прим. ред.*

Если этотъ взглядъ въ его цѣломъ имѣетъ основаніе (что я предполагаю), то изъ такихъ восходящихъ къ основному языку различій естественно нельзя дѣлать никакихъ достовѣрныхъ выводовъ о послѣдовательномъ развѣтвленіи индогерманскихъ языковъ, и ко всѣмъ предпринятымъ до сихъ поръ группировкамъ (за единственнымъ исключеніемъ азіатской группы, объединяемой въ одно цѣлое рядомъ сходствъ, напр. общимъ превращеніемъ древняго *e* въ *a*) должно относиться скептически.

Я дѣйствительно считаю эту точку зрѣнія, при нынѣшнемъ состояніи изслѣдованія, правильною и полагаю, что по всему вопросу о взаимоотношеніи отдѣльныхъ индогерманскихъ языковъ другъ къ другу могу высказать лишь слѣдующее.

Весьма вѣроятно, что этотъ основной языкъ не былъ, какъ склонны были предполагать раньше, совершенно единообразенъ. Ибо если мы имѣемъ право предполагать, что онъ прошелъ тысячелѣтія въ своемъ развитіи, то въ эпоху окончательной выработки флексіи пранародъ долженъ былъ быть многочисленъ, стало быть въ немъ, конечно, начали вырабатываться различія въ рѣчи. Эти различія являются зародышами нѣкоторыхъ особенностей, замѣчаемыхъ нами въ индогерманскихъ языкахъ; другія прибавились уже послѣ того, какъ основной языкъ распался на различные отдѣльные языки. Возможно, что предки позднѣйшихъ грековъ, италійцевъ, кельтовъ и др. были нѣкогда такъ расположены относительно другъ друга, какъ мы догадываемся на основаніи ихъ нынѣшняго географическаго положенія, но возможно и то, что произошли большія передвиженія народовъ, затемняющія ихъ прежнее разселеніе. Итакъ, мы удовольствуемся пока признаніемъ основной первоначальной общности индогерманскихъ языковъ, воздерживаясь, однако, отъ раздѣленія ихъ на группы (за исключеніемъ индо-иранской).

Это самое имѣетъ силу и относительно столь часто предполагаемаго грекоиталійскаго единства. Нельзя навѣрное утверждать, что его никогда не было, но столь же мало вѣроятно, что оно можетъ быть доказано. Изъ доводовъ [1]), приведенныхъ въ его пользу Шмидтомъ (с. 19), при нынѣшнемъ положеніи науки можетъ быть принятъ во вниманіе лишь тотъ фактъ, что только въ

[1]) Сопоставленія словъ, сдѣланныя Момзеномъ, Шмидтъ даже не приводитъ и съ полнымъ правомъ, потому что они ничего не доказываютъ. Ибо одна часть относящихся сюда словъ находится также и въ другихъ языкахъ (что признаетъ и самъ Момзенъ въ позднѣйшихъ изданіяхъ своей римской исторіи), а другая часть (напр. *milium*, *rapa*, *vinum*) представляетъ собой возможныя или вѣроятныя заимствованія изъ одного языка въ другой.

греческомъ и латинскомъ языкахъ существуютъ имена женскаго рода по второму склоненію, и согласіе въ удареніи. Между тѣмъ, если правильно то, что я старался доказать въ „Synt. Forsch.“ IV, 6 сл., а именно, что имена муж. р. на-τα перваго склоненія перешли изъ женск. въ муж. родъ только въ періодъ обособленной жизни греческаго языка, то аналогичный процессъ можетъ быть предполагаемъ и для указанныхъ выше словъ, а что касается законовъ ударенія, то, конечно, ясно, что въ италійскихъ языкахъ можно установить остатки древнѣйшаго способа акцентуаціи, откуда вытекаетъ, что законъ трехъ слоговъ не могъ получить господства въ доиталійское время. Во всякомъ случаѣ, на спорномъ предположеніи нельзя строить гипотезу такого значенія, какъ гипотеза первичнаго грекоиталійскаго единства.

Остается подождать, не удастся ли будущему достичь болѣе опредѣленныхъ результатовъ. А пока историки хорошо сдѣлаютъ, если будутъ воздерживаться отъ пользованія въ наукѣ такими группами языковъ и народовъ, какъ грекоиталійская, славяно-германская и т. п. [1]).

Заключеніе.

Придя къ концу нашего разсужденія, возвратимся на мигъ къ его началу, чтобы въ немногихъ словахъ сжато показать, какъ разрослись начатки, принадлежащіе Боппу. Какъ мы видѣли, Боппъ поставилъ себѣ двѣ задачи: онъ хотѣлъ раскрыть возникновеніе флексіи и доказать въ подробностяхъ родство индогерманскихъ языковъ. Въ то же время мы видѣли, что Боппъ, въ качествѣ сына философскаго вѣка, придавалъ главное значеніе

---

[1]) Въ новѣйшее время все болѣе и болѣе вѣроятнымъ дѣлается предположеніе, что индоевропейскій праязыкъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ распадался на два діалекта: восточный (откуда возникли языки индо-иранцевъ или арійцевъ, литво-славянъ, албанцевъ, армянъ, ѳракійцевъ и т. д.) и западный (предокъ германскаго, итало-кельтскаго, греческаго языковъ). Новѣйшія работы, посвященныя взаимнымъ родственнымъ отношеніямъ индоевропейскихъ языковъ: H. Hirt, «Die Verwandtschaftsverhältnisse der Indogermanen» (журналъ «Indogermanische Forschungen» т. IV. 1894, стр. 36—45); P. Kretshmer, «Einleitung in die Geschichte der Griechischen Sprache» (Геттингенъ. 1896. 8°. IV+428). *Прим. ред.*

разрѣшенію первой задачи. Его современники и непосредственные послѣдователи большею частью приняли, какъ было показано, его объясненіе флективныхъ формъ, такъ что можно было думать, будто бы оно представляетъ собой прочное завоеваніе науки. Только мало-по-малу явились сомнѣнія и проникли въ болѣе широкіе круги. Стали сознавать, сначала медленно, что дѣло идетъ о задачѣ, для разрѣшенія которой нужна смѣлость спекулятивнаго философа, задачѣ, не допускающей достовѣрнаго рѣшенія по самому своему характеру. Въ самомъ дѣлѣ, рѣчь идетъ объ умозрѣніяхъ, выходящихъ далеко за предѣлы тѣхъ временъ, изъ которыхъ до насъ доходятъ хоть какія-нибудь преданія. Поэтому понятно, что интересъ нынѣшнихъ изслѣдователей-реалистовъ отвратился отъ этой области языкознанія. Противникъ Бопповской теоріи агглютинаціи А. Г. Сэсъ (A. H. Sayce) выражаетъ это обстоятельство словами: „старую теорію агглютинаціи Боппа нужно считать мертвой“ („the old Aglutinationstheory of Bopp must be considered as dead“). Я думаю, такой же приговоръ можно постановить и относительно теоріи адаптаціи. Время, когда интересовались этими послѣдними вопросами языкознанія, въ настоящую минуту миновало. Что оно когда-нибудь вернется опять, и что всѣ эти проблемы снова и много разъ будутъ разобраны съ высокаго уровня болѣе зрѣлаго общаго языкознанія, въ этомъ я не сомнѣваюсь [1]).

Въ извѣстной степени таковъ же ходъ изслѣдованій о родственныхъ отношеніяхъ индогерманскихъ языковъ. На основаніи скудныхъ чертъ сходства и различія, молодая наука установила родословное древо индогерманцевъ, которое историки при случаѣ принимали за чистую монету. Теперь, когда мы научились лучше цѣнить доказательную силу отдѣльныхъ моментовъ, мы довольствуемся установленіемъ нѣкоторыхъ немногихъ группъ, признавая, впрочемъ, глубокое сходство всѣхъ родственныхъ языковъ. Но важно отмѣтить, что это отступленіе не имѣетъ значенія для самой научной работы: масса сходныхъ чертъ въ области

---

[1]) Попытку подобнаго пересмотра представляетъ статья E. W. Fay, «Agglutination or Adaptation» въ «American Journal of Philology» (I. въ т. XV. 1894. стр. 409—42, II. въ т. XVI, 1895 г. стр. 409—443), встрѣтившая критику V. Henry («Revue Critique» 23 дек. 1895). Отвѣтъ Fay—въ Amer. Journ. of Philol. т. XVII. 1896. Fay держится мнѣнія, что, въ виду односложности большинства индоевропейскихъ корней, необходимо притти къ заключенію о происхожденіи *многосложныхъ* индоевропейскихъ формъ путемъ агглютинаціи односложныхъ корней съ суффиксами мѣстоименнаго происхожденія. *Прим. ред.*

фонетики, морфологіи, синтаксиса, исторіи нравовъ и культуры еще далеко не исчерпана; еще будетъ время возвратиться къ вопросамъ о раздѣленіи народовъ, когда въ названныхъ областяхъ уйдутъ значительно дальше, чѣмъ мы теперь.

Совсѣмъ иную картину представляетъ намъ вторая изъ проблемъ Боппа. Шагъ за шагомъ мы прослѣдили, какъ послѣ робкихъ попытокъ наудачу былъ завоеванъ болѣе надежный методъ, и какъ удалось успѣшно затронуть одну задачу фонетики и морфологіи за другой, одинъ языкъ за другимъ. Сравненіе отдѣльныхъ данныхъ языковъ между собою, открытіе общихъ всѣмъ имъ чертъ, установленіе связи каждаго изъ нихъ съ этой общей основой, однимъ словомъ, историческое изслѣдованіе индогерманской семьи языковъ—вотъ задача сравнительнаго языкознанія, къ рѣшенію которой со времени Боппа оно дѣлается способнымъ, въ правильно возрастающей мѣрѣ. Удивительно, какихъ результатовъ въ этомъ отношеніи достигло остроуміе и прилежаніе ученыхъ, хотя въ то же время мы видимъ, что цѣлый рядъ почетныхъ задачъ остается и для будущаго времени.

Что этотъ ходъ развитія науки вполнѣ естественъ, не станетъ отрицать никто, кому хоть разъ сталъ ясенъ послѣдовательный ходъ научной работы въ любой отрасли знанія. Все, что я сказалъ въ этомъ заключеніи, можно было бы выразить также словами: языкознаніе вступило изъ философскаго періода въ историческій.

ОЧЕРКЪ
ИСТОРІИ ЯЗЫКОЗНАНІЯ
ВЪ
РОССІИ.

С. Булича.

Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи.

I. Рукописная грамматическая литература XIII—XVI вв.

Языкознаніе въ древней Руси, какъ и слѣдовало ожидать, носило вполнѣ опредѣленный подражательный характеръ. Работы грамматическаго содержанія, обращавшіяся у насъ и имѣвшія своимъ предметомъ, главнымъ образомъ, церковнославянскій языкъ, представляли собой почти исключительно рабскія подражанія византійскимъ образцамъ, шедшія къ намъ первично изъ южнославянскихъ земель—Сербіи и Болгаріи, а потомъ возникавшія и на русской почвѣ.

Первыя свѣдѣнія о церковнославянскомъ языкѣ и изобрѣтеніи славянской азбуки находимъ въ такъ называемыхъ „паннонскихъ легендахъ" о жизни славянскихъ первоучителей св. Кирилла и Меѳодія, изъ которыхъ они были заимствованы и Несторомъ въ его „Повѣсть временныхъ лѣтъ".

Болѣе подробныя свѣдѣнія объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ даетъ извѣстное сказаніе черноризца Храбра „О писменехъ", относящееся къ X вѣку и извѣстное въ болгарскихъ редакціяхъ XIII—XIV в. и русскихъ спискахъ XV—XVII вв., прототипомъ котораго послужило аналогичное разсужденіе византійскаго грамматика Псевдо-Ѳеодосія.

Въ спискахъ XII в., и особенно часто XVI—XVII в., встрѣчается разсужденіе Іоанна, экзарха болгарскаго, о славянскомъ языкѣ, входившее въ составъ его предисловія къ переводу богословія св. Іоанна Дамаскина и трактующее о нѣкоторыхъ различіяхъ славянскаго языка отъ греческаго. Это разсужденіе является самымъ раннимъ источникомъ грамматическихъ трактатовъ, обращавшихся въ древней Россіи, и встрѣчается въ многочисленныхъ спискахъ. Большимъ распространеніемъ у насъ пользовалось также разсужденіе „о восьми частяхъ слова", считавшееся многими (съ легкой руки Калайдовича) за переводъ грамматики Іоанна Дамас-

кина, сдѣланный Іоанномъ, экзархомъ болгарскимъ, въ X вѣкѣ. Горскій и Невоструевъ [1]), а затѣмъ и Ягичъ [2]), однако, доказали позднѣйшее происхожденіе этого разсужденія, приписаннаго Іоанну Дамаскину и Іоанну экзарху только потому, что въ старинныхъ сборникахъ оно обыкновенно помѣщалось рядомъ со статьями обоихъ названныхъ авторовъ. Разсужденіе это, по мнѣнію Ягича, составлено въ началѣ или первой половинѣ XIV в. въ Сербіи по очень позднимъ греческимъ образцамъ, точно покуда не опредѣлимымъ (разсужденія „о восьми частяхъ слова“ у грековъ не были рѣдкостью), затѣмъ перешло съ обыкновенною передѣлкою къ болгарамъ, отъ которыхъ, черезъ молдаво-валахскіе списки попало и къ намъ (русскія рукописи XVI—XVII в.). Въ 1586 г. въ Вильнѣ, въ типографіи Мамоничей, статья о „восьми частяхъ слова“ была даже напечатана подъ заглавіемъ: „Кграматыка словеньска языка з газоѳилакіи славнаго града Острога власне отчизны ясне вельможнаго княжати и пана Константина Константиновича на Острогу“ (около 14 листовъ, большая рѣдкость). Статья „о восьми частяхъ слова“ весьма интересна, какъ первый образчикъ чисто грамматическаго разсужденія на славянскомъ языкѣ, гдѣ находимъ впервые славянскую грамматическую терминологію. Здѣсь встрѣчаются впервые термины: *имя (общее* и *собное*, т. е. собственное), *рѣчь* (т. е. глаголъ), *причастіе*, *различіе* (членъ), *мѣстоименіе*, *предлогъ*, *нарѣчіе*, *союзъ*; *имя* можетъ быть *мужское*, *женское* и *среднее*, имѣетъ *паденія* или *падежи: правый* (именит.), *родный* (родит.), *виновный* (винит.), *дательный*, *звательный*, которые различно „*скончавають ся*“, т. е. оканчиваются; есть и *числа: едино, двойно, множно*; глаголъ имѣетъ разныя *супружества* (спряженія), *времена* (въ томъ числѣ *настоящее*, *будущее*, *мимошедшее*, *протяженное*, *непредѣльное* и т. д.), *лица*, *залоги* (*дѣйствительный* и *страдательный*) и т. д.

Гораздо меньшимъ распространеніемъ у насъ пользовалось извлеченіе изъ обширнаго грамматическаго трактата знаменитаго Константина Философа или Грамматика, жившаго въ концѣ XIV вѣка при дворѣ сербскаго деспота Стефана Лазаревича и занимавшагося преимущественно вопросами графики, правописанія, обученія грамотѣ и т. п. Извлеченіе это, озаглавленное „Словеса вкратцѣ избранна отъ книги Константина“ и составленное (вѣ-

---

[1]) Въ «Описаніи слав. рукописей синод. библіотеки», т. II, 2. 311.

[2]) «Разсужденія южнославянской и русской старины о церковнославянскомъ языкѣ» въ «Изслѣдованіяхъ по русскому языку». Изд. отдѣленія русск. языка и словесн. Имп. Ак. Наукъ, т. I, 1895. (стр. 289—1070): стр. 325—328.

роятно однимъ изъ учениковъ Константина) очень плохо и безтолково (въ Сербіи), подверглось вторичной передѣлкѣ и у насъ, и въ этомъ видѣ, хотя и очень рѣдко, встрѣчается въ нашихъ рукописныхъ сборникахъ XVI—XVII в.

Въ XVI в. къ перечисленнымъ грамматическимъ трактатамъ прибавляются работы Максима Грека, какъ извѣстно, византійскаго ученаго, переселившагося въ Россію (род. около 1480 г. въ Артѣ, въ Албаніи, ум. въ 1556 г. въ Троицкой лаврѣ). Филологическимъ образованіемъ и чутьемъ Максимъ Грекъ безусловно превосходилъ вышеупомянутаго Константина Грамматика съ его рабской преданностью буквѣ и педантичнымъ уваженіемъ къ внѣшнимъ особенностямъ графики. Призванный для исправленія нашихъ богослужебныхъ книгъ (въ 1515 г.), Максимъ Грекъ въ своихъ статьяхъ, указывавшихъ разныя погрѣшности славянскаго перевода и предлагавшихъ исправленныя чтенія, очень часто прибѣгалъ къ грамматическимъ доводамъ и объясненіямъ, обнаруживавшимъ въ немъ знатока тогдашней грамматической науки, съ которой онъ, конечно, познакомился еще у себя дома въ примѣненіи къ родному языку, дополнивъ и расширивъ затѣмъ свое филологическое образованіе въ Италіи. Такимъ образомъ, въ его статьяхъ появились у насъ первые образчики филологической критики текста, стоявшіе вполнѣ на уровнѣ тогдашней европейской науки. Грамматическія экскурсіи являлись для него только средствомъ къ правильному возстановленію и истолкованію текста Св. Писанія. Тѣмъ не менѣе, благодаря имъ, онъ пріобрѣлъ репутацію лучшаго у насъ знатока грамматики, хотя и не оставилъ настоящихъ грамматическихъ работъ. Рядъ статей, принадлежавшихъ и приписывавшихся ему, неоднократно вносился въ разные наши грамматическіе рукописные сборники; нѣкоторыя изъ нихъ впослѣдствіи даже печатались, напр., въ московскомъ изданіи грамматики М. Смотрицкаго 1648 года, гдѣ въ качествѣ предисловія помѣщено его разсужденіе о пользѣ грамматики, а въ концѣ разныя другія статьи, приписываемыя ему. Статьи Максима Грека или имѣли характеръ общихъ разсужденій о греческомъ и славянскомъ языкахъ, ихъ красотахъ, достоинствахъ и трудностяхъ, или толковали значеніе разныхъ словъ, иногда же и затрагивали синтактическіе вопросы (употребленіе предлоговъ, союзовъ и т. д.). Занимали его и вопросы стихосложенія (разные виды акростиха) и т. д. Всѣ подобныя толкованія для громаднаго большинства тогдашнихъ русскихъ грамотныхъ людей являлись совершенной новостью, дотолѣ неслыханною на Руси, и снискали Максиму Греку славу перваго знатока и авторитета въ области грамматики. Отсюда распростране-

ніе его статей у насъ и приписываніе ему цѣлаго ряда грамматическихъ разсужденій, обращавшихся въ нашей рукописной литературѣ. Нѣкоторыя изъ такихъ апокрифическихъ статей, однако, могли принадлежать и самому Максиму Греку. Такъ въ одной рукописи XVI в. находится статейка, представляющая краткій очеркъ грамматики и ея содержанія, повидимому, несомнѣнно принадлежащая Максиму Греку и обнаруживающая знакомство его съ вышеупомянутымъ трактатомъ „о восьми частяхъ слова". Статейка эта находится въ связи съ весьма распространенной въ сборникахъ XVI—XVII вв. статьей «*Книга глаголемая буквы иже в началѣ от грамматикія о просодіяхъ*», трактующей о десяти просодическихъ названіяхъ и знакахъ, о правописаніи словъ, сокращаемыхъ подъ титлами, о формахъ глагола, о славянской грамотѣ вообще, потомъ опять о просодіяхъ, титлѣ и, наконецъ, о восьми частяхъ слова (въ двухъ редакціяхъ: пространной и сокращенной). Содержаніе названной статьи, какъ видно, пестрое, и сводка матеріала въ ней лишена всякой системы. Составлена она была, по мнѣнію Ягича (см. его статью, цитир. выше) въ сѣверо-вост. Россіи, частью изъ источниковъ очень древняго происхожденія (статьи о восьми частяхъ слова). Нѣкоторыя мѣста въ ней безусловно совпадаютъ съ аналогичными положеніями въ вышеупомянутой статейкѣ Максима Грека, что́ свидѣтельствуетъ, по мнѣнію Ягича, о знакомствѣ Максима Грека съ нею.

Кромѣ того въ русскихъ граматическихъ сборникахъ XVI — XVII вв. имѣется большое количество анонимныхъ статеекъ грамматическаго содержанія, нѣкоторыя изъ коихъ также могли принадлежать Максиму Греку, тѣмъ болѣе что и встрѣчаются онѣ здѣсь рядомъ съ прочими статьями, дѣйствительно принадлежащими нашему грамматику. Терминологія грамматическая, встрѣчающаяся въ нихъ, интересна въ историческомъ отношеніи. Нѣкоторые термины болѣе близки къ современнымъ, чѣмъ обычно употребительные въ то время. Такъ вмѣсто обычныхъ русскихъ названій XVI в. „*звательныя*" и „*полузвательныя*" (повидимому переведенныхъ съ лат. vocales и semivocales) находимъ термины: „*гласовныя*" (=гласныя) и „*полугласовныя*" (полугласныя), „*согласовныя*" и даже „*согласныя*". Напротивъ общеупотребительный въ то время и удержавшійся до сихъ поръ терминъ *слогъ* замѣняется здѣсь словомъ „*складъ*", уцѣлѣвшимъ теперь лишь въ болѣе узкомъ значеніи и во множ. ч.: *склады, читать по складамъ*. Встрѣчаются и термины: *дифтонгъ* (им. множ. *дифтогги*), *долгій складъ* (т. е. долгій слогъ) и т. д. Нѣкоторыя статьи приписываются прямо Максиму Греку, какъ напр. статья въ одномъ

сборникѣ XVII в., озаглавленная: „О грамотикі Інока Максіма грека святогорца обявлено на тонкословіе“ и встрѣчающаяся также и въ сборникахъ конца XVI в., гдѣ находимъ терминологію, подобную вышеприведенной: *писмена гласовная (до̀лга, кра̀тка, двоѐвремѐнна)*, *съгласовная* (*полугласовна*, *безгласна* [послѣднія дѣлятся на *тонка* = tenues, *часта* и *средня* = mediae]), *части* слова (8): *имя*, *рѣчь*, *причястіе*, *члѣнъ*, *вмѣстоимя*, *предлогъ*, *прирѣчіе*, *съюзъ*; изъ нихъ пять *клонятся* (склоняются), три же не *клонятся* (*предлогъ*, *прирѣчіе*, *союзъ*), имя имѣетъ *паденія* (падежи). Рядомъ, однако, находимъ и рядъ греческихъ терминовъ (названіе удареній; *оксіа*, *варіа*, *периспомени*, надстрочныхъ значковъ или просодій: *макра*, *врахіа*, *апострофо̀с* и т. д.). Статья эта повторяется во множествѣ рукописей и очевидно принадлежала къ весьма популярнымъ. Первоначально она имѣла въ виду особенности греческаго языка и письма, но въ нѣкоторыхъ рукописяхъ она передѣлана и приспособлена къ славянскому языку, причемъ эта передѣлка всегда помѣщалась передъ оригиналомъ. Грамматическая основа ея не представляетъ ничего оригинальнаго, что̀ могло бы принадлежать именно Максиму Греку. Источникомъ ея служили весьма распространенныя въ Византіи коротенькія грамматическія статейки въ видѣ *Эротиматъ* (нѣкот. напечатаны Эгенольфомъ въ программѣ Мангеймской гимназіи за 1880 г.: „Erotemata grammatica ex arte Dionysiana oriunda etc“), восходившія въ концѣ концовъ къ грамматикѣ Діонисія Ѳракійскаго. Авторитетъ Максима Грека ставился очень высоко еще въ началѣ XVII в., и ему приписывали разные грамматическіе трактаты, очевидно ему не принадлежавшіе. Таковы и двѣ статьи, вставленныя анонимнымъ московскимъ издателемъ и передѣлывателемъ грамматики М. Смотрицкаго въ началѣ и концѣ его изданія. Вторая статья изложена въ видѣ разговора между Максимомъ и безъимяннымъ собесѣдникомъ, „вопросившимъ“ его о пользѣ „*граматикіи*, *риторикіи* и *философіи*“.

Начиная съ XVI в., въ нашихъ сборникахъ статьи грамматическаго содержанія (встрѣчавшіяся и въ XV в.) попадаются все чаще и чаще. По составу сборники эти весьма разнообразны, и составныя ихъ статьи встрѣчаются въ нихъ въ самыхъ различныхъ комбинаціяхъ. Единственнымъ общимъ признакомъ ихъ является безымянность. Только въ позднѣйшихъ рукописяхъ упоминаются имена нѣкоторыхъ авторовъ: извѣстныхъ грамматиковъ Лаврентія Зизанія и Мелетія Смотрицкаго, какого-то Евдокима, автора грамматики, Герасима Ворбозовскаго, или Палки, автора сочиненія о буквахъ и др. Въ вышеупомянутомъ трудѣ акад.

Ягича изданы слѣдующія статьи этого рода: „Начало грамоты греческой и русской", „Предсловіе о буковницѣ, рекше о азбуцѣ", „Написаніе языкомъ словенскимъ о буквѣ и о ея писменехъ, рекше о азбуцѣ и о ея словехъ разсужденіе и свѣдѣтельство", „Имена знаменію книжнаго писанія и о ея силѣ, сведено вкратцѣ", „Написаніе языкомъ словенскимъ о грамотѣ и о ея строеніи, в нейже о буквѣ и о ея писменехъ, вопрошанія учителская, яко в лице ученическо и отвѣщанія ученическа, яко в лице учителско", „Бесѣда о ученіи грамотѣ: что есть грамота и что ея строеніе, и чесо ради составися таковое ученіе и что от нея приобрѣтеніе и что прежде всего учитися подобаетъ", „Сказаніе грамотичнымъ степенемъ, до колика степенеи азбучнои слогъ всходитъ", „Написаніе буковницы, рекше азбуки, четыредесяти пяти буквъ, на утверженіе хотящимъ в началѣ навыкнути божественая писанія", „О верхней силѣ еллиньскои" (о надстрочныхъ значкахъ), „Указаніе книжныя силы в кратцѣ иже пишется в книгахъ над буквы в срокахъ (т. е. строкахъ) для исправленія звателнаго разума к которой же пословицы", „Сила существу книжнаго писма", „О множествѣ и о единствѣ" (объ употребленіи разныхъ по начертанію, но имѣющихъ одинаковое звуковое значеніе буквъ славянской азбуки, напр. о и ѡ, ѕ и з и т. д.), „Сила существу книжнаго писанія", „Книга глаголемая буквы иже в началѣ отъ грамматикія о просодияхъ о еже како во святыхъ книгахъ каяждо пословица писати и глаголати", „О еже како просодія достоитъ писати и глаголати", разныя редакціи сказанія „о осми частехъ слова", приписываемаго Іоанну Дамаскину, „Сказание триемъ частемъ слова оставшимъ отъ осми частей слова", „Написаніе о паденіяхъ с тонкословіемъ, извитіе словесъ отъ осмичастнаго разумѣнія", „Азбука сотворена по алое, еже есть по скоростихіи, како которая буква глаголется и на колько дѣлится рѣчь и пословица и в колико съчетается", „Анеима архимандрита святыя голгофы о силе книжней яже надъ коегождо рѣчію пишется отъ просодія", „Наказаніе ко учителемъ како имъ учити дѣтей грамотѣ и дѣтемъ учитися божественному писанію и разумѣнію" и нѣкот. др. менѣе крупныя по объему или лишенныя заглавія.

Содержаніе этихъ статей сводится къ слѣдующимъ главнымъ вопросамъ: 1) о просодіяхъ, т. е. надстрочныхъ значкахъ и о разныхъ знакахъ препинанія, попутно также нѣсколько замѣчаній о почеркахъ письма; 2) объ орѳографіи и орѳоэпіи, т. е. о правильномъ (съ точки зрѣнія древней теоріи) употребленіи различныхъ буквъ, о сокращеніи извѣстныхъ словъ подъ титлами и правильномъ чтеніи

такихъ сокращеній; 3) о классификаціи гласныхъ и согласныхъ по ихъ положенію въ словѣ или физіологическимъ свойствамъ; 4) о грамматическомъ анализѣ словъ на основаніи теоріи о восьми частяхъ слова. Грамматическій матеріалъ этихъ статей основанъ почти исключительно на греческой грамматической теоріи, источники которой, однако, не всегда могутъ быть прослѣжены, и только изрѣдка въ нѣкоторыхъ терминахъ обнаруживается вліяніе латинской грамматики (буквы „звательныя“ и „полузвательныя“ ближе напоминаютъ латинскіе термины „vocales“ и „semivocales“, чѣмъ греческія φωνήεντα и ἡμίφωνα). Источникомъ, откуда могло попадать къ намъ это вліяніе, могла быть русская передѣлка латинской грамматики Доната или „Донатуса“, извѣстная у насъ въ нѣсколькихъ спискахъ.

Особаго интереса заслуживаютъ тѣ части этихъ грамматическихъ разсужденій, въ которыхъ мы находимъ первые зачатки фонетики и физіологіи звука. Разумѣется, эти начатки очень наивны и нерѣдко носятъ характеръ совершенно произвольныхъ, ни на чемъ реальномъ не основанныхъ, мудрованій, но иногда мы встрѣчаемся или съ попытками тонкаго различенія звуковъ рѣчи по акустическому впечатлѣнію, производимому ими, или съ неожиданными проблесками безсознательнаго чутья, схватывающаго извѣстныя различія, но не умѣющаго еще правильно ихъ формулировать и выразить въ точной терминологіи. Гласныя дѣлятся на *долгія* и *краткія*, или *тонкія* (заимствовано изъ греческой теоріи). По звуку или по „гласу“ гласныя характеризуются такъ: а = гласъ „простъ“, є = гласъ „скуденъ“, и = „узокъ“, о = „остръ“, ѵ = „пространенъ“, ъ = „толстъ и кратокъ“, α = „назнаменателенъ“, є = „доволенъ“, і = „плоскъ“, ѡ = „гладокъ и логоватъ“, оу = „доволенъ“, ѫ = „гугнивъ и произволенъ“, ь = „тонокъ и кратокъ“, ѧ = „внятеленъ“, ѣ = „гибокъ“, ы = „широкъ“, ѿ = „затинчивь“, ю = „крѣпокъ“, ѵ = „неуставенъ“, и й = „сокращенъ и опровер женъ“. Эти странныя характеристики, имѣющія претензію быть тонкими, частью быть можетъ восходятъ къ греческому источнику, но рядомъ очевидно имѣются и доморощенныя опредѣленія, какъ напримѣръ для извѣстныхъ звуковъ, или сочетаній, греческому языку чуждыхъ: ъ, ь, ѫ, ѧ, ѣ, ы, ю и т. д. Другіе термины лишены повидимому всякаго реальнаго основанія. Таково, напримѣръ, различеніе „назнаменательныхъ“ а, є, и, о, у, или „начальнѣйшихъ“ а, є, і, ѡ, у, „внятельныхъ“ (ѧ, ѣ, ы, ѡ, ю) или „тѣмъ способныхъ“ (а, є, и, о, у). Насчитывается

также пять „полныхъ“ (а, і, є, ѿ, у) и восемь „самоособныхъ“ (ѿ, ы, ѣ, ю, ѧ, ѫ, ь, й). Гласные ѫ ѵ въ одномъ разсужденіи называются „подданными“, въ другомъ „произвольными“. „Полузвательные“, или согласные, раздѣляются, согласно греческой классификаціи, на: „полугласные“ (ж, з, ѯ, ѱ, л, м, н, р, с, ш, щ) и „несогласные“ (всѣ остальные). Среди нихъ различаются также: „сугубыя“ (ж, з, ѯ, ѱ), „непремѣнныя“ или „мокрыя“ (ср. лат. liquidae): л, м, н, р, „тонкія“ (лат. tenues): к, ц, ч, п, т, „частыя“ (ѳ, ѱ, х) и „среднія“ (mediae): б, в, г, д. Кромѣ того рядомъ идетъ классификація по акустическому впечатлѣнію, нѣкоторые пережитки которой до сихъ поръ еще держатся въ нашей школьно-грамматической терминологіи: „грубыя“ (б, в, г, д или б, п), „шепетливыя“ (ср. теперешній терминъ „шипящія“): ж, ч, ш, или только ж, ш; „сипавыя“ (теперь „свистящія“): ѕ з ц с или ѕ з с ѯ ѱ; „свибливыя“ (в, ф, ѳ), „громныя“ (к п р т или только д т) иначе также „простыя“ и „легкія“; „нѣмыя“ (л, м, н), „натужныя“ (ф, х, ѳ или только г х, которыя называются также „гугнивыми“), „гласныя“ (ѿ щ ѯ ѱ), „ясныя“ щ ѯ ѱ или ц ч ш), „кортавыя“ (к, р) [1]). Какъ видно, одни и тѣ же звуки согласные могли фигурировать въ разныхъ рубрикахъ этой классификаціи, въ значительной степени произвольной. Рядомъ, однако, находимъ и мѣткія наблюденія. Замѣченъ, напримѣръ, параллелизмъ глухихъ и звонкихъ согласныхъ, означенный терминомъ „сходительныя“. Такъ „сходительны“ другъ съ другомъ б и п, в и ф, г и х (очевидно г произносилось, какъ спирантъ = малорусск. *г* или нашему *г* въ *Бога, благо*), д и т, ж и ш, з или ѕ и с, ц и ч. При этомъ звонкіе звуки (б в г д ж, ѕ—з) получаютъ названіе „чистыхъ“ (очевидно по своей музыкальности, зависящей отъ участія въ ихъ образованіи голосоваго тона), а глухіе п, ф — ѳ, х, т, с, ш, ч называются „тусклыми“—термины, немногимъ худшіе нашихъ современныхъ тоже описательныхъ терминовъ „глухіе“ и „звонкіе“

Рядомъ съ этими грамматическими статьями, распространенными въ довольно многочисленныхъ рукописныхъ сборникахъ

---

[1]) Ср. терминологію въ грамматическомъ отдѣлѣ «азбуковника» XVII в., описаннаго Д. Л. Мордовцевымъ въ его статьѣ «О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в.»: «Чтенія Имп. Общ. Ист. и древн. росс.». М. 1861, кн. 4 и отд. М. 1862.

XV—XVII вв. въ средней (московской), вост. и сѣв. Россіи, пошедшими изъ Византіи и можетъ быть только въ нѣкоторыхъ частностяхъ представлявшими плодъ доморощенной грамматической мудрости, съ XVI в. появляется новый источникъ грамматическаго знанія, имѣющій западно-европейское происхожденіе и занесенный, очевидно, благодаря сношеніямъ Москвы съ Европой, возникшимъ въ XVI в. Это — упомянутая уже выше латинская грамматика Доната, передѣланная у насъ на Руси. На западѣ она пользовалась большимъ распространеніемъ, и потому имя ея автора Доната, извѣстнаго римскаго грамматика IV в. по Р. Хр., сдѣлалось нарицательнымъ именемъ всякой латинской элементарной грамматики вообще. Учебниковъ, носившихъ такое названіе, было очень много и разнились они другъ отъ друга не столько содержаніемъ, сколько формой изложенія. Всѣмъ позднѣйшимъ передѣлкамъ Доната, въ отличіе отъ подлинника, свойственна діалогическая форма, встрѣчающаяся, впрочемъ, уже въ приписываемой самому Донату „Ars minor“. Подобная передѣлка попала какъ-то къ извѣстному толмачу Дмитрію Герасимову, ѣздившему съ посольствами вел. кн. Василья IV въ Швецію, Данію, Пруссію, Вѣну и Римъ и знавшему не только нѣмецкій языкъ, но и латинскій. Дмитрій толмачъ перевелъ Доната, но его переводъ сохранился только въ позднѣйшихъ спискахъ, относящихся ко второй половинѣ XVI в. и имѣющихся въ библіотекахъ казанскаго университета (полнѣйшій) и императорской публичной. Рядомъ имѣлись и другія передѣлки Доната (немногочисленныя). Казанскій списокъ замѣчателенъ тѣмъ, что писанъ, по словамъ переписчика, „единымъ русскимъ языкомъ, без латиньскаго, да бы прочитающимъ ю и учащимся въ ней болѣе разумно было“, и только въ концѣ приложены въ качествѣ образца латинскія молитвы (русскими буквами). Такимъ образомъ всѣ примѣры латинскихъ склоненій, спряженій и оборотовъ приводятся, за рѣдкими исключеніями, въ переводѣ. Обстоятельство это позволяетъ думать, что для неизвѣстнаго передѣлывателя Дмитріевъ переводъ Доната являлся не столько руководствомъ къ изученію латинскаго языка, сколько источникомъ грамматической мудрости вообще и научной грамматикой русскаго языка, втиснутаго (вполнѣ механически) въ рамки латинской грамматики. Наиболѣе полный списокъ Доната, принадлежащій казанской университетской библіотекѣ, снабженъ предисловіемъ, въ которомъ повидимому самъ переводчикъ сообщаетъ о времени составленія своего труда, предпринятаго еще въ то время, когда онъ учился въ училищѣ латинскому и нѣмецкому языкамъ. Занятый потомъ „суетами жизни“, онъ не имѣлъ

времени переработать и исправить свою работу, которая, впрочемъ, ни для кого и не могла быть интересной по его словамъ („а здѣ се того и не пытаютъ“). Кромѣ предисловія, казанскій списокъ содержитъ въ себѣ еще небольшое „сказаніе о буквахъ“, напоминающее нѣсколько главу de littera изъ сочиненія Доната „Ars grammatica“ (такъ-наз. „Ars major“). И предисловіе, и это сказаніе отсутствуютъ въ петербургскомъ спискѣ Доната. Въ основу же главнаго ядра названной передѣлки Доната легла его такъ-наз. „Ars minor“, какъ это видно изъ заглавія настоящаго „Донатуса“, находимаго въ казанскомъ спискѣ: „Книга, глаголемая Донатусъ меншей, в неи же бесѣдует о осми частех вѣщаниа, сирѣч о имени, о проимени, о словѣ, о предлозѣ слова, о причастиі слова и имени, о соузѣ, о представлениі, і о различиі, еяже учать ученицы новоначалниі послѣ азбуки и т. д.“ (въ петербургскомъ спискѣ пропущено только слово „меншей“). Какъ источникъ для исторіи нашей грамматической терминологіи, эта передѣлка Доната представляетъ безспорно большую цѣнность. Такъ здѣсь находимъ уже имя „собственное“ (примѣры: *Римъ, Тиверъ,* т.-е. р. Тибръ) или „сущее“ (лат. proprium) и „общее“ *(градъ, рѣка)* или „нарицательное“. Различаются три „степени прилаганія“ (gradus comparationis): „положителная“ (напр. *ученъ),* „прилагателная“ (т.-е. сравнительная, какъ напр. *„ученѣе“)* и „надприлагателная“ или „превышняя“, т.-е. превосходная *(преученнѣише).* „Кои имена прилагаются“ (т.-е. прилагательныя)— выражаютъ „качество“ (напр. *благъ, добръ)* или „количество„ *(великъ, малъ),.* Родовъ различается четыре: мужескій, женскій, „посредній“ (примѣръ: *сие сѣдалище)* и общій (примѣръ: *сей и сиа человѣкъ*). Послѣдній называется также „смѣшенымъ“ или „смѣснымъ“ (примѣры: *сей и сиа орелъ, ласица, коршунъ).* Чиселъ только два (въ лат. не было двойственнаго). Различаются простыя или *„по русски единорядныя“* формы („образы“), какъ напр. *мощенъ, вѣренъ* и „сложныя“ *(велемощенъ, достовѣренъ, немощенъ* и т. д.). „Паденій“—шесть: „именователное“ или „правое по гречески“, „родственное“, „дателное“, „виновное“, „звателное“ и „отрицателное“ (ablativus) [1]). Парадигмы склоненія („уклоненія“ или „укланянія“) называются „образцами“ или „подобниками“ и даютъ понятіе, какъ „уклоняется“ то или другое имя. При этомъ иногда приводятся подлинныя латинскія формы склоненія, боль-

[1]) Такова же терминологія падежей въ «Азбуковникѣ» XVII в., описанномъ Д. Л. Мордовцевымъ (см. цитир. выше его статью). Спряженія здѣсь называются «супружествами» (conjugatio).

шею же частію въ русскомъ переводѣ. Мѣстоименіе здѣсь называется „проименіемъ“ (лат. pronomen), и различаются слѣдующіе его виды: „укончалное“ (pronomen finitum), „члѣновное или малочастное, предложное или указателное“ (pronomen articulare praepositivum vel demonstrativum), „подложное“ или „преносное“ (subjunctivum vel relativum), „наслѣдователная“ (possessiva). Глаголъ называется „словомъ“ (verbum), имѣетъ „качество, согласие, родъ, число, образъ (forma), время, лице, чины и залоги (modi)“; различается „указателный чинъ“ (indicativus), т.-е. изъявительное наклоненіе, „повелителный“ (imperativus), „сложный“ (conjunctivus), „желателныи“ (optativus), „некончалныи“ (infinitivus), „безличныи“; глагольные „образы“ (виды): „совершеныи“ или „съвръшителныи“ (perfecta), „любомудрственыи“ или „поучателныи“ (meditativa), „прилежныи“ или „поглумятелныи“, „учащаемыи“ (frequentativa), „начинателныи“ (inchoativa), залоги („слова“ или „роды“), „дѣлный“ (activum), „посредственыи“ (medium), „терпѣлныи“ или „страдалныи“ (passivum), общій и „отложный“ (deponens); времена: „настоящие“, „минувшее“ („несовершеное“, „совершеное“ и „пресовершеное“ = imperfectum, perfectum и plusquamperfectum) и „грядущее“. Въ приложеніи къ собственно „Донату“ находятся статьи: 2) „И по семъ ино ученіе предлагаетъ учитель и показуеть в кое время и от какова ученика чести се имѣют“ (родъ практическихъ наставленій и указаній учащему, какъ вести преподаваніе), 3) „Правила или уставы граматичные меншие“ (рядъ простѣйшихъ синтактическихъ правилъ о согласованіи и конструкціи. Латинскій оригиналъ находится въ приложеніи къ грамматикѣ Александра и Доната, изд. 1520 г. и носитъ здѣсь заглавіе: Regule congruitatum. Constructiones и т. д.), 4) „Послѣдуется о устроениіхъ или уряжениіхъ. коньструксио: урядъ“ (также синтактическія правила).

Были и другія передѣлки Доната, напр. „Книга глаголемая Грамматикіа меньшая“, (ркп. 972 Румянцовскаго музея), представляющая рядъ передѣлокъ и дополненій, сравнительно съ казанской редакціей, сдѣланныхъ подъ вліяніемъ статьи о восьми частяхъ слова. Какъ образчикъ передачи латинскихъ текстовъ славянскими буквами, приведемъ одну изъ молитвъ, находящихся въ концѣ казанскаго списка Доната:

(Г)рацiасъ агиму^{с} тіби домине езȣ кр^{с}те про ȣниве^{р}си^{с} донисъ акъ бенефицiисъ туисъ, кви вивисъ ет регнасъ и^{н} секулѡ секȣлорȣ^{м}, аме́нъ (рядомъ съ каждымъ такимъ текстомъ стоитъ и славянскій переводъ).

Въ связи съ разсмотрѣнной передѣлкой Доната находится и „Книга глаголемая простословія, некнижное ученіе грамотѣ, избрана нѣкоторою безнадежною сиротою, скитающеюся безпокоя, Евдокимищемъ препростымъ“ и т. д., относящаяся къ концу XVI в. Сочиненіе это компилятивнаго характера и въ своей фонетико-ореографической части основано на многочисленныхъ, перечисленныхъ выше грамматическихъ статейкахъ, которыя неизвѣстный Евдокимъ пытался свести въ одно цѣлое, а въ морфологической на извѣстной уже намъ русской передѣлкѣ Доната. Въ другомъ спискѣ (второй половины XVII в.), нѣсколько отличающемся отъ списка XVI в., авторомъ трактата названъ столь же неизвѣстный Боголѣпъ, который, вѣроятно, воспользовался компилятивнымъ трудомъ Евдокима, если только оба они не одно лицо, носившее два имени (монашеское и свѣтское). Кромѣ этихъ рукописныхъ текстовъ грамматическаго содержанія, восходящихъ къ рукописнымъ же источникамъ, въ XVII в. у насъ обращалось много другихъ рукописныхъ разсужденій, черпавшихъ свою ученость уже изъ печатныхъ грамматикъ Лаврентія Зизанія, Адельфотиса и т. д., о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Подробное изслѣдованіе и характеристику только что перечисленныхъ образчиковъ нашей рукописной грамматической литературы, вмѣстѣ съ изданіемъ самихъ текстовъ, можно найти въ цитированномъ выше обширномъ трудѣ акад. Ягича, на которомъ и основывается наше изложеніе. Вторая часть изслѣдованія, обѣщанная Ягичемъ, но еще не вышедшая, должна содержать въ себѣ обзоръ старопечатныхъ славянскихъ грамматикъ и рукописной литературы, на нихъ основанной.

II. Древне-русскіе глоссаріи-азбуковники.

Рядомъ съ разсмотрѣнными выше образцами грамматической учености, большимъ распространеніемъ у насъ пользовались такъ называемые *азбуковники* или *алфавиты иностранныхъ рѣчей*, соединявшіе въ себѣ обыкновенные словари чужихъ или вообще непонятныхъ словъ съ своего рода энциклопедіею, куда вносились въ азбучномъ порядкѣ (и безъ него) разныя интересныя свѣдѣнія. Въ болѣе позднее время (уже въ XVII в.) „азбуковниками“ назывались даже просто разные школьные учебники или руководства, въ которыхъ въ большей или меньшей степени соблюдался алфавитный порядокъ изложенія [1]). Алфавитами иногда назывались и грамматическія

---

[1]) Ср., напр., азбуковники, описанные Д. Л. Мордовцевымъ въ его статьѣ

руководства. Таковъ, напримѣръ, алфавитъ начала XVII в., изданный Калайдовичемъ („Іоаннъ, Ексархъ болгарскій". Москва, 1824) и носящій заглавіе: „Алфавитъ, како которая рѣчь говорити или писати", гдѣ мы находимъ родъ руководства по орѳографіи и грамматикѣ, изложеннаго въ алфавитномъ порядкѣ. Другіе алфавиты, напротивъ, представляли собой уже настоящіе глоссаріи, какъ, напримѣръ, алфавитъ XVI—XVII в., цитированный у Срезневскаго въ его „Матеріалахъ для словаря древне-русскаго языка" подъ этимъ словомъ: „алфавитъ си есть толкованіе иностранныхъ рѣчіи". Названіе „азбуковникъ", какъ думаетъ Срезневскій („Матеріалы" s. v.), стало примѣняться для обозначенія словаря въ тѣсномъ значеніи слова не раньше XVI в., хотя въ смыслѣ сборника, вообще расположеннаго въ азбучномъ порядкѣ, встрѣчалось и раньше (въ XV в). Впослѣдствіи является и терминъ „лексиконъ", напр., въ азбуковникѣ Московской Синод. Библіотеки 1654 г. (№ 353; выдержки напечатаны въ „Историч. Христоматіи" Буслаева), гдѣ находимъ „*предисловіе лексикона, сирѣчь собраннымъ рѣчемъ по азбуцѣ*", за коимъ слѣдуетъ „*предисловіе алфавита толковаго*". Обычное названіе такихъ словарей — *алфавитъ иностранныхъ рѣчей*—встрѣчается очень часто въ XVII в., къ которому относится большая часть азбуковниковъ, и въ XVIII в.

Древнѣйшіе представители этого типа литературы имѣютъ болѣе узкій, опредѣленный характеръ настоящихъ глоссаріевъ; энциклопедическое же направленіе приняли азбуковники уже позже (съ половины XVI в.) [1]). Еще въ „Изборникѣ Святослава" 1073 г. мы встрѣчаемъ нѣкоторыя главы, напоминающія будущіе азбуковники. Тамъ находимъ въ немъ главы о 12 „*камыку*" или камняхъ, гдѣ объясняются понятія, выражаемыя иностранными словами *змарагдъ*, *анфраксъ* (имена камней) и т. д. Въ оглавленіи второй части „Изборника" находимъ главу 25-ю «имена великыхъ рѣкъ», отсутствующую въ текстѣ, но очевидно аналогичную подобнымъ позднѣйшимъ перечнямъ разныхъ замѣчатель-

---

«О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в.», въ «Чтеніяхъ Имп. Общ. Ист. и древн. Росс.». М. 1861, кн. 4 и отд. М. 1862.

[1]) Объ азбуковникахъ см. Буслаевъ, «Дополненія и прибавленія ко 2-му тому «Сказаній Сахарова» въ I кн. «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній Калачева» за 1850 г.; статью «Объ источникахъ свѣдѣній по различнымъ наукамъ, въ древнія времена Россіи», въ «Правосл. Собесѣдникѣ» 1860 г., кн. 1; Ширскаго «Очеркъ древнихъ славянорусскихъ словарей» въ «Филолог. Запискахъ» 1869 г., кн. 1—2; Баталина, «Древнерусскіе азбуковники», тамъ же, 1873, вып. 3—5; наиболѣе полный обзоръ у Карпова, «Азбуковники или алфавиты иностр. рѣчей по спискамъ соловецкой библіотеки» въ приложеніи къ «Правосл. Собесѣднику» 1877 г.

ныхъ собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ азбуковникахъ. Такой же характеръ имѣютъ главы „о естьствѣ“, „о собьствѣ“, „о лици“, „о различии“, „о сълучании“, „о количьствѣ“ („количьство оубо есть сама та мѣра мѣряштия и чьтуштия колико еже подъ чисменьмь и мѣрою подъложить рекъше мѣримая и чтомая“ и т. д.), „о качьствѣ“ («качьство есть въсущьная сила» и т. д.), или глава 165-я: „Георьгия Хуровоска о образѣхъ“: творьчистии образи соуть 27: инословие, прѣводъ, непотрѣбие, приятие, прѣходьное, возвратъ, съприятие, сънятие, именотворие, въименомѣстьство, отъимение, вспятословие, округословие, нестатъкъ, лихорѣчие, притъча, прикладъ, отъдание, лицетворие, сълогъ, поруганпе, видъ, послѣдословие“. Вездѣ здѣсь выясняется значеніе словъ, или выражающихъ общія, отвлеченныя понятія (качество, количество и т. п.), или имѣющихъ опредѣленное техническое употребленіе, какъ перечисленные риторическіе термины, переведенные съ греческаго, но все таки неудобопонятные. Примѣромъ объясненій, встрѣчающихся здѣсь, можетъ служить слѣдующее: „инословие убо есть ино нѣчто гл҃юшти а инъ разумъ указаюшти и т. д.“ Съ подобными объясненіями имѣетъ извѣстную связь первая попытка составить словарь непонятныхъ именъ (преимущественно еврейскихъ) и словъ, дошедшая до насъ въ Новгородской Кормчей 1282 г. подъ заглавіемъ: «Рѣчь жидовскаго языка преложена на рускую, неразумно на разумъ, и въ Еванг҃лихъ, и въ Ап҃лхъ, и въ Псалтыри, и въ Пармиѣ и въ прочихъ книгахъ“ [1]). Большую часть встрѣчаемыхъ здѣсь словъ составляютъ собственныя имена, частью объясняемыя уже въ самой Библіи, въ родѣ Акелдама, Гедеонъ, Петръ, Павелъ, Лука, Агарь, Авессаломъ, Марія, Роовъ, Филипъ, Голгофа, Іерихонъ и т. д. Но кромѣ того сюда вошли и нѣкоторыя греческія имена и слова (Андрей, адъ, хризма, олтарь) и даже славянскія или русскія, которыхъ составитель не отличалъ отъ еврейскихъ (череща=куща, ковъ=лесть, бритва=стриголникъ, неключно=ненадобѣ, тина=грязь, зѣло=велми, рогъ=сила, степень=лѣствица и т. д.). Въ число непонятныхъ словъ попали и разныя слова, употребленныя метафорически: псалтирь=умъ, гусли=языкъ, тумпанъ=гласъ, ликъ=мысль, кюмвалъ=образъ человѣчь и т. д. Всѣхъ словъ, объяснявшихся такимъ образомъ, было 174. Расположены они были не въ азбучномъ порядкѣ, а какъ придется. Впослѣдствіи число ихъ было доведено переписчиками до 344.

---

[1]) Изд Калайдовичемъ въ его изслѣдованіи «Іоаннъ, Ексархъ Болгарскій» Москва, 1824, стр. 193—195.

Къ 1431 году относится второй новгородскій словарь (при книгѣ „Іоаннъ Лѣствичникъ“, писанной въ Новгородѣ „на горѣ Лисичьей“), болѣе обширный и озаглавленный: „Тлъкованіе неудобь познаваемомъ въ писаныхъ речемь, понеже положены суть рѣчи въ книгахъ отъ началныихъ преводникъ ово Словенскы, и ино Сръбскы, и другаа Блъгарскы и Гръчьскы, ихже неудоволишася преложити на Рускый» [1]). Въ оригинальномъ видѣ словарь этотъ заключалъ всего 61 слово, но въ позднѣйшихъ спискахъ число ихъ возросло до 200. Частью встрѣчаемъ здѣсь объясненіе тѣхъ же отвлеченныхъ выраженій, которыя объясняются въ Изборникѣ Святослава (качьство, количьство, свойство) или подобныхъ имъ (*обавленіе*=явленіе; *художьство*=хытрость; *доблесть*=крѣпость, мужьство, лукавъство; *самолюбіе*=еже къ тѣлу страсть и угодное тому и т. д.), частью непонятныхъ устарѣлыхъ или инославянскихъ выраженій (*свѣне*=кромѣ, и наоборотъ *кромство*=освѣнство, *бѣхма* = весьма, *пьваніе* = дрьзновеніе, *тезъ* = едино, *презь*=чрезь, *ашють*=туне, рекше даромъ, *цѣща*=ради, *узрокъ*=вина, *жупища*=гробища, *хухнаніе*=роптаніе хулное и т. д.). Иностранныхъ словъ немного: *Ипостась*=съставъ, *нафоа*=смѣшеніе лои и смола, *ваіа*=прутіе финиково, *милотарь*=кожа овчаа. Алфавитнаго порядка и въ немъ не находимъ.

Словарь этотъ послужилъ источникомъ для позднѣйшихъ нашихъ словарныхъ работъ. Однимъ изъ лексикографовъ, пользовавшихся имъ, былъ Вассіанъ Возмицкій, жившій въ XVI в., составитель Сборника, принадлежащаго Моск. Румянцевскому музею (Ркп. № 1257, пис. полууставомъ на 433 лл. На первомъ листѣ заглавіе „Сборникъ старца Васьяна Кошки“. Въ послѣсловіи: „Соборникъ письмо нищаго Васіянишки, ученика старца Фатея Касіянова, ученика Босово, и т. д.“). Здѣсь среди другихъ статей помѣщенъ краткій словарь съ тѣмъ же заглавіемъ, какъ у Новгородскаго словаря 1431 г., но распадающійся на двѣ части. Первую составляетъ словарь 1431, а за нимъ слѣдуетъ статья, озаглавленная: „а се имена Господня, еже обрѣтаемы въ святыхъ книгахъ отъ греческаго языка и отъ еврейскаго и отъ сирскаго и отъ словенскаго“, и почерпнутая изъ другихъ источниковъ. Здѣсь объясняются имена: *Іисусъ, Адонаи, Еммануилъ, Маріамъ*, слова: *одигитріе, лампада*, названія разныхъ церковныхъ сановъ: *патріархъ, митрополитъ* и т. д., литературные термины: *патерикъ, алфавитъ* и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ перечень именъ: „а се

---

[1]) Изд. также Калайдовичемъ («Іоаннъ, екзархъ болгарскій». Москва, 1824. стр. 196—197).

имена Богу... тріемъ царемъ... другомъ Іевовымъ... разбойникомъ... прободый Господа копьемъ... раба дверница, ея же ради отвержеся Петръ... Семіоновы дѣти Богопріимца... а дѣлалъ крестъ Господень" и т. д. Дальше слѣдуетъ „приточникъ": „сіе же приточникъ речеся", заимствованный частью изъ новгородскаго словаря XIII в. Здѣсь находимъ толкованіе разныхъ метафорическихъ и аллегорическихъ выраженій; *псалтырь*—умъ, *гусли*—языкъ, *тимпанъ*—гласъ, *струны*—персты, *труба*—горло и т. д. Затѣмъ опять слѣдуютъ имена волхвовъ, „иныя рѣчи" (слова *хризма, катапетазма, краніево мисто, пасха, сканда),* имена городовъ (*Капернаумъ, Іерихонъ, Виолеемъ* и т. д.). Заключается азбуковникъ Вассіана объясненіемъ нѣсколькихъ еврейскихъ словъ, заимствованныхъ изъ словаря Новгор. кормчей 1282 г., которымъ онъ, однако, воспользовался лишь отчасти. Въ свою очередь его трудъ послужилъ источникомъ для позднѣйшихъ пространныхъ азбуковниковъ, гдѣ опять повторяются статьи въ родѣ: „а се имена Богу, тремъ разбойникамъ, волхвамъ" и т. д.

На сборникъ Вассіана весьма похожи азбуковники Московск. Синод. Библіотеки XVI в. (ркп. № 717 и № 421). Въ первой азбуковникъ озаглавленъ: „Сказаніе невѣдомымъ рѣчемъ, еже обрѣтаемъ въ святыхъ книгахъ отъ греческаго языка, и отъ еврейскаго, отъ сирскаго и отъ словенскаго". ($9^1/_2$ лист. in. 4°). Сначала здѣсь идутъ греческія и еврейскія собственныя имена, затѣмъ иностранныя слова, встрѣчающіяся въ Св. Писаніи *(Еммануилъ, осанна, лампада, аминь, пасха* и др.), далѣе слѣдуетъ статья „сіе же приточне речеся", одинаковая съ „приточникомъ" Вассіана (изъ Новг. словаря XIII в.) и толкованіе разныхъ собственныхъ именъ (рѣкъ, городовъ, главнымъ образомъ библейскихъ). Въ концѣ находятся статьи: „а се имена Богу, волхвомъ персидскимъ, разбойникомъ" и т. д., имѣющіяся и у Вассіана. Второй азбуковникъ (№ 421) нѣсколько бѣднѣе перваго, но источники у обоихъ одинаковые. Отъ Вассіанова сборника они отличаются тѣмъ, что воспользовались вполнѣ и словаремъ 1282 г. (новгор. Кормчей), который у Вассіана вошелъ только частью.

Къ концу XVI в. относится первый печатный словарь: „Лексисъ, сирѣчь реченія, въ кратцѣ събранны и изсловенскаго языка на просты Русскій діялектъ истолкованы", приложенный къ славянской грамматикѣ священника Лаврентія Зизанія Тустановскаго (изд. 1596) [1]). Словарь этотъ содержитъ 1061 слово, расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ и почти исключительно

[1]) Переизданъ (плохо) Сахаровымъ: «Сказанія русскаго народа», т. II.

славянскія. Источники его неизвѣстны; хотя въ немъ и встрѣчается нѣсколько словъ изъ новгородскаго словаря 1431 г., но отсюда нельзя сдѣлать заключенія, что Зизаній въ числѣ прочихъ источниковъ пользовался и этимъ словаремъ. Вѣроятно Зизаній составлялъ свой словарь самостоятельно, почерпая матеріалъ изъ книгъ Св. писанія, богослужебныхъ и сочиненій отцовъ церкви, напр. Кирилла Іерусалимскаго. Въ его словарѣ находимъ уже немало краткихъ объясненій энциклопедическаго характера, что̀ дѣлаетъ его какъ бы переходнымъ звеномъ отъ простыхъ глоссаріевъ къ позднѣйшимъ энциклопедическимъ азбуковникамъ. Въ свою очередь „Лексисъ" Зизанія послужилъ источникомъ для рукописныхъ азбуковниковъ или алфавитовъ иностранныхъ рѣчей XVII и XVIII вв., а также для печатнаго словаря Памвы Берынды: „Лексиконъ славеноросскій, именъ толкованіе, всечестнымъ отцемъ киръ Памвою Берындою, Протосиггеломъ Ѳрону Іерусалимского, згромаженый и т. д.", изд. въ Кіевѣ въ 1627 и вторымъ изданіемъ въ Кутеинскомъ монастырѣ въ 1653 г. [1]). Въ словарь Берынды вошелъ почти цѣликомъ „Лексисъ" Зизанія, хотя и съ измѣненіями, а также и почти всѣ слова обоихъ новгородскихъ словарей. Составитель вѣроятно пользовался и другими словарями, хотя самъ указываетъ только на словарь Зизанія. Кромѣ того онъ ссылается на библейскія и церковныя книги и на разныхъ церковныхъ писателей, у которыхъ заимствовалъ тѣ или другія объясненія, имѣющія часто и у него энциклопедическій характеръ. Къ источникамъ своимъ Берында относился довольно самостоятельно, исправляя и дополняя ихъ правописаніе и объясненія. Многое устарѣлое или мѣстное онъ и вовсе опускалъ. Въ его словарѣ уже нерѣдко удачно разграничивается церковно-славянскій элементъ отъ народнаго, русскаго, точнѣе малорусскаго, хотя разумѣется, послѣдовательности и выдержанности въ этомъ отношеніи нельзя и требовать отъ книжника XVII в. [2]). Находимъ здѣсь и примѣры изъ разныхъ славянскихъ языковъ, очевидно въ извѣстной степени знакомыхъ составителю, какъ это видно изъ слѣдующихъ его объясненій: *кобль* или *кобелъ*, корецъ, мѣра з словацка; *лукъ*, далматски: чеснокъ лѣсный, польск. цебуля, чешски: лукъ червленый; *пѣтель*,

---

[1]) Переизданъ также (плохо) Сахаровымъ «Сказанія» и т. д., т. II. См. о немъ Житецкаго, «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв.», Кіевъ, 1889, стр. 37—51.

[2]) Объ этой сторонѣ словаря Берынды см. цитир. выше статью Буслаева въ «Архивѣ» Калачова, 1850, кн. 1, отд. 4, стр. 28 сл. и С. Буличъ «Церковно-славянскіе элементы въ современномъ литер. и нар. русск. языкѣ», ч. I. Спб. 1893, стр. 58—59:

чески когутъ, волынски пѣвень, литовски пѣтухъ; *разлой*, долина, чески удолъ, далматски лука и т. д. „Славенскимъ“ формамъ: *бразда, брію браду, бремя, влекуся, врагъ, врата, возгласъ, глава, гласъ, древянъ, заграждение, злато, крастѣль, мракъ* и т. д. онъ правильно противополагаетъ „россійскія“ формы: *борозна, голю бороду, беремя, волокуся, ворогъ, ворота, оголошеніе, голова, голосъ, деревяный, загороженье, золото, коростѣль, морокъ* и т. д., хотя рядомъ помѣщаетъ въ „славенскомъ“ отдѣлѣ и слова *голошу, колоколъ, дзвонокъ* (полонизмъ: п. dzwonek), *жажель* = хоть, *приблужаю*, и т. д. Наоборотъ въ „россиомъ“ отдѣлѣ фигурируютъ формы *грядущій*, полонизмы *немоцный, владза, моцъ, звѣрхность* (п. zwierzchność) и т. д.

Всѣ эти словари впослѣдствіи часто переписывались цѣликомъ или входили въ составъ новыхъ, рукописныхъ азбуковниковъ и настоящихъ словарей въ родѣ напечатаннаго Житецкимъ [1]) рукописнаго глоссарія XVII в.: „Синонима славенороссская“, составитель котораго несомнѣнно пользовался словаремъ Берынды. Почти необходимой частью каждаго азбуковника является „алфавитъ иностранныхъ рѣчей“, представляющій родъ словаря, расположеннаго въ азбучномъ порядкѣ, нѣсколько отличномъ отъ принятаго въ нашихъ словаряхъ и не всегда послѣдовательно проведенномъ.

Первоначальная побудительная причина составленія такихъ словарей имѣла практическій характеръ: книжники наши нуждались въ объясненіи непонятныхъ словъ, вошедшихъ въ письменный языкъ изъ чужихъ языковъ. Составитель азбуковника Моск. Синод. Библ. (ркп. № 353, выдержки напечат. въ „Историч. Христоматіи“ Буслаева) говоритъ объ этомъ такъ: „проходя святыя писанія Ветх. и Нов. Завѣта, обрѣтохъ въ нихъ многи рѣчи иностранными глаголаніи положены и того ради намъ славяномъ неудобь разумѣваемы, ины же отъ нихъ и конечнѣ намъ не вѣдомы, ихъ же древніи преводницы ли неудоволишася на русскій преложити языкъ, или и могуще, оставиша ихъ въ нѣкихъ мѣстехъ тако быти: понеже ова суть отъ нихъ Сирска, ова же Еврейска, ина же Римска и ина же Египетска и иныхъ многихъ языкъ. Сія же азъ грубый обрѣтая въ писаніяхъ, помыслихъ въ себѣ, еже како что не навыкъ Сирску или Еврейску или Еллинску языку возможетъ тѣхъ языкъ рѣчи разумѣвати непогрѣшнѣ, якоже се: еже что есть *аласторъ*, или что *веліаръ*, что же ли *Гаввафа* или что *кидарь*, и *каѳоликія* и прочая таковая. Тоя ради

[1]) Очеркъ литер. исторіи малор. нарѣчія въ XVII и XVIII вв. Кіевъ. 1889. Приложеніе.

вины понудихся отъ многихъ разныхъ книгъ согласныхъ же во святыхъ писанiихъ, сiя едину во единый нѣкако изобрѣсти на русскiй языкъ преложены, и елика тѣхъ съ Божiею помощiю изобрѣтохъ, умыслихъ тыя по буквамъ здѣ писати" (л. 14). Особенную важность объясненiе иностранныхъ словъ имѣло для правильнаго разумѣнiя священныхъ книгъ. Такъ въ предисловiи къ этому же азбуковнику составитель говоритъ: „Во святыхъ книгахъ словенскаго языка многи рѣчи неудобь разумѣваемы обрѣтаются, якоже се есть въ канонѣ Покрову Пр. Богородицы: свѣтящеся, Владычице, омофоръ твой *паче електра,* а невѣдущiи силы слова рѣчь ту пишутъ сице: *паче алектора,* и не хотятъ разумѣти, яко ино есть илектръ, и ино алекторъ: алекторъ бо есть пѣтелъ (на полѣ приписка: *куръ*), и кая суть похвала Богородицѣ, еже прилагати и уподобляти свѣтлость омофора ея ко блистанiю пѣтуха. Но достоитъ писати сице: свѣтящеся, омофоръ твой, Владычице, *паче илектрона:* илектронъ бо есть камень зѣло честенъ, единъ изъ драгихъ каменiй, тако именуемъ, златовиденъ: златовиднымъ блистанiемъ прообразуетъ божество Христово, а сребровиднымъ человѣчество" и т. д. „И паки въ Лѣствицѣ въ 25 главѣ сице глаголемыхъ китръ вѣiя писати достоитъ, а отъ неискусныхъ въ словесномъ ученiи писцевъ въ преводѣхъ пишется вмѣсто *китръ—кедръ,* не разумѣютъ бо, яко ино есть древо *кедръ* и ино суть древо *китръ*" и т. д.

Преслѣдуя прежде всего эти практическiя цѣли, составители заносили въ свои собранiя и всякiя другiя попадавшiяся имъ слова, почему-либо останавливавшiя на себѣ ихъ вниманiе. Такимъ путемъ возникла обильная рукописная литература алфавитовъ иностранныхъ рѣчей, богато представленная въ нашихъ книгохранилищахъ. Многiе изъ такихъ словарей весьма схожи другъ съ другомъ, свидѣтельствуя этимъ объ общемъ своемъ пропроисхожденiи изъ одного источника. Больше всего объясняется въ алфавитахъ греческихъ словъ, затѣмъ слѣдуютъ еврейскiя, латинскiя и, наконецъ, слова разныхъ европейскихъ языковъ; рѣже всего представлены восточные языки. Передъ объясненiемъ словъ обыкновенно перечисляются языки и нарѣчiя, изъ которыхъ взяты слова. Въ этихъ перечняхъ встрѣчаемъ слѣдующiя названiя языковъ: арапскiй, армянскiй, болгарскiй, греческiй, еврейскiй, египетскiй, жидовскiй, еллинскiй, евфiопскiй, евхаитскiй, иверскiй, латинскiй, литовскiй, лятскiй, македонскiй, мидонскiй, пермскiй, перскiй, польскiй, римскiй, сербскiй, сирскiй [1]), скиѳскiй, татар-

[1]) «Сирскими» словами составители назвали слова, взятыя изъ слав. перевода сочиненiй Ефрема Сирина, которыя были дѣйствительно первоначально

скій, турскій, чешскій. Въ самихъ толкованіяхъ словъ приводятся еще слова изъ языковъ: арабскаго, турецкаго, гишпанскаго, нѣмецкаго, критскаго, кипрскаго, индійскаго, хорватскаго, халдейскаго, фряжскаго (?), фивейскаго, финикійскаго, персидскаго и т. д. Многія опредѣленія вѣрны, но попадаются и совершенно ошибочныя. Такъ какъ составитель часто самъ не зналъ языковъ, а только собиралъ глоссы изъ разныхъ источниковъ, то ему часто приходилось недоумѣвать, къ какому языку относится слово, если происхожденіе его не было показано въ источникѣ. Такъ въ одномъ азбуковникѣ (принадлежавшимъ проф. Тихонравову) составитель пишетъ, что никакъ не могъ „изобрѣсти", откуда происходитъ слово *хабува* (пѣвческій терминъ, обыкновенно объясняемый изъ болг. *хубав*—красивый), и что оно значитъ по-русски. Другой составитель (Азбук. Пискарева № $^{197}/_{632}$) указываетъ, что въ его сборникѣ „есть нѣкія рѣчи безъ надписанія", т. е. безъ указанія на языкъ [1]): „якоже се: *равви* толкуется *учителю*, а еже по коему языку глаголется сіе, не вездѣ обрѣтается; и паки *алекторъ* толкуется пятелъ, а которымъ языкомъ, сего не обрѣтохъ. Тѣмже какъ кую рѣчь толковану обрѣтохъ. такъ ея здѣ и написахъ, аще съ надписаніемъ, съ надписаніемъ и писахъ, аще ли безъ надписанія, безъ надписанія и писахъ: нѣсть бо мое толкованіе, но древнихъ любомудрецъ". Поэтому неудивительно, если въ обозначеніи происхожденія словъ встрѣчаются разнообразныя ошибки. Такъ напр., составители нерѣдко принимаютъ разныя названія одного языка за два разныхъ языка, напр., греческій и еллинскій, латинскій и римскій, перскій и персидскій, польскій и лятскій, еврейскій и жидовскій и т. д. Иногда, впрочемъ, повидимому подъ *еллинскимъ* языкомъ разумѣлся древнегреческій, а подъ *греческимъ*—просто новогреческій, какъ это можно думать въ виду глоссы: „*земля* по-еллински нарицается *хаіа* (γᾶα), а гречески *гипа*, а по-еврейски *адамъ*; того ради созданнаго отъ нея Адамомъ нарицаютъ" (Азб. Моск. Синод. Библ.). Въ силу рабскаго отношенія къ авторитету источниковъ и происходитъ то, что ошибка перваго новгородскаго словаря, гдѣ слово *зѣло* показано *жидовскимъ* и переведено *велми*, повторяется во всѣхъ азбуковникахъ XVII в., т. е. черезъ 400 почти лѣтъ. Неудивительно, если и принадлежность слова тому или другому языку часто показана

писаны на сирійскомъ языкѣ. Къ намъ они дошли черезъ посредство болгарскаго перевода, сдѣланнаго съ греческаго, который въ свою очередь былъ сдѣланъ съ сирійскаго. (Сахаровъ, «Сказанія р. народа", II, стр. XI).

[1]) Обозначеніе языка надписывалось сокращенно надъ объяснявшимся словомъ.

совсѣмъ ошибочно. Такъ греч. слова *базисъ*, *апехфиа*, *дисменіа* (βάσις, ἀπέχθεια, δυσμένεια) показаны латинскими, гр. *динатонъ* (δυνατόν=сильно) показано „римскимъ", лат. слова mons, insula показаны нѣмецкими, а venter, dividitur, flos—еллинскими и греческими, тогда какъ нѣмецкія *бротъ* и *фишъ* (Brod, Fisch) названы латинскими. Представленія составителей въ этомъ отношеніи отличались иногда большою сбивчивостью. Такъ въ азбуковникѣ коллекціи Ундольскаго (ркп. № 975, л. 192) слово *французскій* объясняется: *галатійскій*, рекше *нѣмецкій*. Другія опредѣленія, напротивъ, отличаются неожиданной, едва-ли не случайной, тонкостью. Такъ форма *бласфемія* (Азб. М. Синод. Библ. № 353, л. 34) показана латинской (blasphemia), а *власфеміа* (тамъ же, л. 37)—греческой. Многія слова, особенно восточныя, имѣютъ довольно невѣроятный видъ. Нерѣдко встрѣчаются цѣлыя греческія формы и выраженія съ переводомъ: *миденъ ергасисъ*—не дѣлаешь, *екинонъ*—тѣхъ, *діакрине*—разсуди, *пеплека*—плетяхъ, *пиросъ*—огня, *мафене ергонъ*—учися дѣлу, *миденъ ергасу*—не дѣлай, *икуса еси мананъ*—слышалъ: звонили и т. д. Многія греческія слова переведены ошибочно: *василіосъ* (βασιλεῖος=*царскій*) переведено *царь* (βασιλεύς), *астеніа* (ἀσθένεια = слабость, болѣзнь) переведено *болитъ*, *василеосъ* (βασιλέως=царя)—*воцарюся* и т. д. Произношеніе иностранныхъ словъ обозначено часто невѣрно: напр. «французские *поивре*»=перецъ (фр. poivre, которое составитель просто переписалъ славянскими буквами) и т. д. Образчикомъ толкованія слова въ азбуковникахъ можетъ служить, напр., такая глосса: «Божественное нареченіе: еврейски *илъ*, гречески *о оеосъ*, арапьски *алла*, арменски *арьства*, пермьски *ень*, татарски *тенгри*, по русски Богъ» (Алфав. Солов. библ. № 19, л. 34) или «Перецъ греческимъ языкомъ *пеперъ* (гр. πέπερι), латинскимъ языкомъ *пиперъ* (л. piper), арапскимъ *фухоелъ*, или *фулоулъ* (фильфиль), нѣмцы *пеоелъ* (? вм. pfeffer), гишпанские *пимнеста* (вм. pimiénta), французские *поивре*» и т. д. Какъ въ старыхъ словаряхъ XIII и XV вв., въ азбуковникахъ объясняются и славянскія слова: качество, молитва, безсловесно, величество, моленіе, лицемѣріе, чарованіе и т. п. Славянскія формы, какъ у Памвы Берынды, толкуются русскими и даже народными формами: *аще*—если, *аки*—якобы, *абіе*—уже, заразъ, скоро, *велій*—высокій, великій, *егда*—когда и т. д.

Въ составъ азбуковниковъ, кромѣ многочисленныхъ грамматическихъ статей, въ родѣ охарактеризованныхъ выше, входятъ также образцы разныхъ азбукъ: польской, греческой, русской, еврейской, нѣмецкой, латинской, пермской, сирской, «литоренской»

или «риторской» тайнописи и т. д., разсказъ о раздѣленіи языковъ по столпотвореніи вавилонскомъ, свѣдѣнія по метрикѣ, отрывки польскихъ молитвъ, греческія молитвы (русскими буквами), не говоря о всевозможныхъ другихъ статьяхъ, не имѣющихъ отношенія къ языкознанію.

III. Старопечатныя грамматики и другія грамматическія сочиненія XVI—XVII вв., принадлежащія опредѣленнымъ отдѣльнымъ авторамъ.

Одновременно съ первыми печатными словарями (въ концѣ XVI в.), начинаютъ являться у насъ и первыя печатныя грамматики. Мѣстомъ ихъ появленія служила западная и юго-западная Россія, гдѣ больше было стимуловъ научнымъ интересамъ, и гдѣ сильнѣе дѣйствовалъ примѣръ западной образованности и науки. Во главѣ этихъ грамматикъ должна быть поставлена упомянутая уже выше „Кграматыка славеньска языка з газофилакіи славнаго града Острога и т. д.“ (Вильно, 1586); за нею вскорѣ явилась (во Львовѣ въ 1591 г.) изданная Львовскимъ братствомъ „ΑΔΕΛΦΟΤΗΣ. Грамматика доброглаголиваго Еллинословенскаго языка, совершеннаго искуства осми частей слова, по наказанію многоименитому Россійскому роду, во Львовѣ, въ друкарни братской, року 1591; сложенна отъ различныхъ Грамматикъ спудейми (т. е. студентами), иже въ Львовской школѣ» подъ руководствомъ митрополита елласонскаго Арсенія, учителя этой школы. Первая грамматика, очень небольшая по объему, являлась плодомъ наблюденій надъ тогдашнимъ церковнославянскимъ языкомъ (напр. Острожской библіи), къ которому примѣнена была теорія восьми частей слова. Вторая имѣла въ виду главнымъ образомъ греческій языкъ, но въ то же время получала значеніе и для грамматической теоріи славянскаго языка. Страннымъ пониманіемъ отношеній между греческимъ и славянскимъ языками, приведшимъ къ представленію того и другаго въ рамкахъ одной «еллинославенской» грамматики [1]), она напоминаетъ въ извѣстномъ смыслѣ ту русскую рукописную передѣлку «Донатуса», о которой была рѣчь выше (казанскій списокъ).

Особенное значеніе имѣетъ „Адельфотисъ“ своей грамматической терминологіей, во многомъ уже тожественной съ нынѣ употребительной. Грамматика уже такъ и называется *грамматика*,

---

[1]) Въ этомъ отношеніи характерны нѣкоторыя замѣчанія, напр., въ главѣ о союзахъ, относительно неупотребительности нѣкоторыхъ ихъ видовъ «*въ нашемъ языцѣ*».

не *грамматикія*, какъ раньше. Звуки, точнѣе *писмена* (γράμματα) дѣлятся на *гласныя* (φωνήεντα) и *согласныя* (σύμφωνα). Первыя раздѣляются на *долгія* (μακρὰ), *краткія* (βραχέα) и *двоевременныя* (δίχρονα: α, ι, υ), т. е. такія, которыя могутъ быть и долгими, и краткими. Кромѣ того отличаются и *двогласныя* (δίφθογγοι). Согласныя распадаются на *полъгласныя* (ἡμίφωνα) и *безгласныя* (ἄφωνα). Подраздѣленіе первыхъ не имѣетъ значенія для нашей грамматической терминологіи (*сугубыя*=διπλᾶ, *неотмѣнныя*=ἀμετάβολα, *незнаменателныя*=ἄσημοι), дѣленіе же вторыхъ оставило въ ней свой слѣдъ: *тонкія* (ψιλά=л. tenues), *сипливыя* (δασέα), *среднія* (μέσα=л. mediae). Изъ письменъ составляются *слоги* (не *склады*—терминъ, удержавшійся только въ примѣненіи къ обученію грамотѣ: „читать по складамъ". Частей „слова"—восемь: *различіе* (ἄρθρον), т. е. членъ, *имя́* (ὄνομα), *мѣстоимя́* (ἀντωνυμία), *глаголъ* (ῥῆμα), *причастіе* (μετοχή), *предлогъ* (πρόθεσις), *нарѣчіе* (ἐπίρρημα), *съюзъ* (σύνδεσμος). Первыя пять изъ нихъ суть *склаияемыя* (κλιτά), а послѣднія три *несклаияемыя* (ἄκλιτα). Ро̂довъ пять: *мужéскій*, *женьскій*, *средній*, *общій* (напр. *человѣкъ*) и *преобщій* (ἐπίκοινον), какъ *орелъ*; числъ также три: *единствéнное*, *двойствéнное* (и *двóйственное*), *множественное*; *падéжей* (не *паденій*) пять: *именóвный*, *рóдный*, *дáтелный*, *винóвный*, *звáтелный*. Имена и мѣстоименія имѣютъ *склоненія*. У именъ различаются *виды* (εἴδη): *первообразный* (πρωτότυπον), напр. *небо* и *производный*, (παράγωγον), нпр. *небесный*, а также *начертанія*: *прóстое*, *сложное*, *пресложное* (ἁπλοῦν, σύνθετον, παρασύνθετον). Различаются также имена *иносклаияемыя* (ἑτερόκλιτα). Всѣ пять греческихъ склоненій, какъ и всѣ парадигмы вообще, представлены въ греческомъ оригиналѣ и въ славянскомъ переводѣ. Именамъ *числительнымъ* (ἀριθμητικά) отведено особое мѣсто. Имена прилагательныя здѣсь называются *налагаемыми* (ἐπίθετα) и имѣютъ *начертанія* (σχηματισμοί): *разсудителное* (συγκριτικός) и *превосходное* (ὑπερθετικός), т. е. сравнит. и превосходную степени. У именъ имѣется также и *начертаніе умалителное* (нпр. *кораблúкъ*)=гр. ὑποκοριστικόν. Мѣстоименія имѣютъ пять видовъ: *первообразный* (нпр. *азъ*, *ты*, *онъ*), *зиждителный* (=притяжательныя, гр. κτητικόν) [1]), *показателный* или *указателный* (δεικτικόν), *наносный* (ἀναφορικόν, нпр. αὐτός, переведенное слав. *той*) и *сложный*. Глаголъ имѣетъ пять *изложеній*=(ἔγκλισις), т. е. наклоненій: *изявител-*

[1]) Неправильный переводъ греческаго κτητικόν, ошибочно поставленнаго въ связь съ глаголомъ κτίζω = строю, созидаю, вмѣсто κτάομαι, κέκτημαι = пріобрѣтаю, стяжаю.

ное (ὁριστική), *повелителное* (προστακτική), *молитвеное* (εὐκτική: *да бію*), *подчинное* (ὑποτακτική: *аще бію*), *необавное* (ἀπαρέμφατος), т. е. неопредѣленное; пять *родовъ* (γένος) или *залоговъ* (διάθεσις): *дѣйственный* (ἐνεργητικόν), *страдателный* (παθητικόν), *среднїй* (οὐδέτερον), *общїй* или *посредственный* (κοινόν, μέσον) и *отложный* (ἀποθετικόν), тринадцать *супружествъ* (συζυγίαι) или спряженій, шесть временъ: *настоящее*, *мимошедшее* (παρατατικός, нпр. ἔτυπτον=*оубихъ*), *протяженное* (παρακείμενος, нпр. τέτυφα=*біяхъ*), *пресъвершенное* (ὑπερσυντελικός, нпр. ἐτετύφην=*біяахъ*), *непредѣлное* (ἀόριστος: ἔτυψα=*бихъ*) и *будущее* (μέλλων), нпр. τύψω=*оубію*. Среди многочисленныхъ подраздѣленій нарѣчій укажемъ на *отрицателныя* (ἀπαγορευτικά), *вопросителныя* (ἐρωτηματικά), *раздѣлителныя* (διαιρετικά) и др. нынѣ не употребительныя. Союзы также дѣлятся на *сплѣтателные*, *съпряженные*, *совокупителные* (συναπτικοί), *пресовокупителные*, *винословные* (αἰτιολογικοί) *отглаголные*, *съмысленые*, *преисполнителные*, *противные* (ἐναντιωματικοί), т. е. противительные. Какъ можно было замѣтить, многіе изъ этихъ терминовъ употребляются донынѣ, указывая тѣмъ на сильное западнорусское и южнорусское вліяніе въ данномъ отношеніи. Для послѣдующихъ грамматиковъ (Зизанія, Смотрицкаго), терминологія Адельфотиса, очевидно, являлась образцомъ научной терминологіи, которому они и слѣдовали въ своихъ трудахъ съ нѣкоторыми уклоненіями, большею частью незначительными.

Въ 1596 г. выходитъ извѣстная „Грамматика Словенска, съвершенаго искуства осьми частей слова и иныхъ нуждныхъ, ново съставлена Л. Z. (Лаврентіемъ Зизаніемъ) Въ Вильнѣ, въ друкарни братской, року Божого 1596 и т. д.“, изложенная въ формѣ катехизиса и снабженная разсмотрѣннымъ уже выше словаремъ („Лексисъ сирѣчъ реченія, въкратъцѣ събранны“ и т. д.). Она еще носитъ слѣды вліянія извѣстной византійской теоріи о восьми частяхъ слова, доходившей до насъ въ указанныхъ выше южнославянскихъ передѣлкахъ, но въ то же время представляетъ попытку систематическаго изложенія славянской грамматики въ тѣхъ схемахъ, которыя уже сложились въ то время въ западной грамматической литературѣ. Въ своей грамматической терминологіи и извѣстныхъ ученіяхъ она тѣсно примыкаетъ къ „Адельфотису“ и только изрѣдка уклоняется отъ него. Цѣль грамматики также чисто практическая: „*же бы мы добре мовили* и *писали*“. Здѣсь находимъ дѣленіе грамматики на *орѳографію*, *просодію*, *этимологію* и *синтаксисъ*, имѣющееся и въ „Адельфотисѣ“. Части эти получаютъ и славянскія названія: *правописаніе*, *припѣло* (Въ „Адельфотисѣ“—припѣваніе), *исти-*

нословіе (Въ „Адельфотисѣ"—православіе) и *съчиненіе*. Раздѣленіе *писменъ* совершенно такое же, какъ въ „Адельфотисѣ", только съ прибавкой нѣкоторыхъ объясненій: *гласная писмена, которіи голосъ зсебе выдаютъ, съгласная... з себе голосу выдати и без гласныхъ нѣчого справовати не могутъ... ниже слогъ съставити могутъ о себѣ, но токмо съ гласными, гласная же... и гласъ подати могутъ сами о себѣ и слогъ съставити*. Различеніе долгихъ, краткихъ и двовременныхъ гласныхъ является здѣсь, конечно, лишь механическимъ подражаніемъ греческой теоріи: долгія и ѣ ѡ ѧ, краткія є о у, двовременныя а і ѧ ѵ. Интересно замѣчаніе о послѣднихъ, что онѣ бываютъ и долгими, и краткими „*произволеніемъ Творца*". Дѣленіе согласныхъ также сопровождается объясненіями терминовъ: *сугубыя*, потому что составляются „*отъ иныхъ писменъ*"; къ дифтонгамъ отнесены ꙋ, ы, ю, ꙗ, очевидно за неимѣніемъ настоящихъ и въ подражаніе греческимъ дифтонгамъ. Ученіе о просодіяхъ, или *припѣлѣ*, цѣликомъ скопировано съ греческой теоріи и механическимъ образомъ принаровлено къ славянскому. Сравнительно съ „Адельфотисомъ", новыми являются главы о титлѣ и точкахъ, которыя однако соприкасаются съ аналогичными главами въ разныхъ рукописныхъ грамматическихъ трактатахъ, характеризованныхъ выше (см. гл. I). Названія частей рѣчи тѣ же, что въ „Адельфотисѣ", причемъ удержано и различіе, т. е. членъ (*иже, яже, еже*). Названіе *падежій* почти одинаковы: *виновный* замѣненъ *винителнымъ*, но число ихъ увеличено *творителнымъ*. Имена различаются *собственныя* и *нарицаемыя*, чего въ „Адельфотисѣ" нѣтъ. „Нарицаемыя" раздѣляются на *осущественныя* (*человѣкъ, конь, поле, ему же не можетъ приложитися мужъ, жена, животное*") и *прилагаемыя* (т. е. „прилагательныя"; въ „Адельфофотисѣ"—*налагаемыя*). Число свойствъ именъ увеличено еще однимъ: *разсужденіе* (въ „Адельфотисѣ" только шесть: *родъ, начертаніе, падежъ, видъ, число, склоненіе*, которыя находимъ и у Зизанія). „Разсужденіе" имѣетъ три степени: *положенный, разсудный* и *превышшій* (степени сравненія; въ „Адельфотисѣ" иначе). Число родовъ меньше на одинъ (*преобщій*), „виды" имени тѣ же. Нѣсколько иначе, сравнительно съ Адельфотисомъ, представлено различеніе *образовъ* (тамъ *начертанія*): *отеческихъ, властныхъ* (въ А. *зиждительныхъ*), *языческихъ, умалительныхъ, отъименныхъ, глаголныхъ* (эти есть и въ А.). Склоненій у Зизанія 10: 1-е: *богъ, человѣкъ, снѣгъ*; 2-е: *нощь, кость*; 3-е: *небо, отроча*; 4-е: *Лука, дѣва*; 5-е: *пьяница, судія*; 6-е: *сѣверъ,-я, конь, море, спасеніе*; 7-е: *святый, благій, святъ, благъ*; 8-е: *мати, святая, дщерь*; 9-е: *уста*,

устна; 10-е: *Ной*, *іерей*, *единъ*, *два*. Иначе различаются свойства мѣстоименій: вмѣсто шести въ Адельфотисѣ, у Зизанія семь: къ *роду*, *виду*, *числу*, *лицу* и *падежу* прибавлены: *начертаніе* (простое и сложное) и *значеніе* (*изъявителное: азъ, ты, онъ; зиждителное: мой, твой* и т. д. и *указателное: той, оный*). *Склоненіе*, приводимое въ „Адельфотисѣ", въ качествѣ шестого свойства мѣстоименія, у Зизанія не упоминается. „Значенія" *зиждителное* и *указателное* въ Адельфотисѣ отнесены къ *видамъ* мѣстоименія, но термины эти уже встрѣчаются и здѣсь. Представленіе свойствъ глагола отличается немногимъ: свойствъ этихъ у Зизанія девять, вмѣсто восьми Адельфотиса, но это увеличеніе произошло очевидно вслѣдствіе недосмотра позднѣйшаго грамматика, не замѣтившаго въ Адельфотисѣ частицы *или*, стоящей между словами: *родъ* или *залогъ*, и насчитавшаго поэтому девять свойствъ глагола, причемъ о девятомъ изъ нихъ *родѣ* ничего не говорится. Порядокъ ихъ нѣсколько иной: *залогъ* (*дѣлателный, страдателный, средній, посредственный* и *общій*), *образъ* (въ Адельфотисѣ—*изложеніе*), представляющій четыре вида съ новыми названіями (*изъявителный* или *указателный*, *повелителный*, *желателный* или *молитвенный*, *непредѣлный* или *необавный*: новы здѣсь термины: второй, четвертый и шестой), *видъ*, *начертаніе* (два: *простое* и *сложное*. Въ Адельфотисѣ есть еще третье—*пресложное*), *число*, *лице*, *время* (названія тѣ же, что въ Адельфотисѣ), *супружество* (два: первое и второе) и *родъ*. Свойства причастія тѣ же, что и въ Адельфотисѣ. Глава о сочиненіи предлоговъ обнаруживаетъ также вліяніе Адельфотиса. Въ началѣ, какъ и тамъ, приводится предлогъ *въ*, сочиняющійся будто бы съ дательнымъ падежомъ (такъ въ греческомъ), напр. *въ церкви*, и винительнымъ: *въ церковь*. Дальше слѣдуютъ, какъ и въ Адельфотисѣ, главы о нарѣчіи и союзѣ, мѣстами также напоминающія болѣе раннюю грамматику.

Въ 1619 г. (въ Евю близъ Вильны) вышла третья печатная славянская грамматика: „*Грамматики Славенския правилное Сѵнтагма, потщаніемъ многогрѣшнаго мниха Мелетія Смотрискоrо* [1]) *въ Киновіи братства церковнаго Виленскаго при храмѣ Сошествіа пресвятаго и животворящаго Духа назданномъ, стран-*

---

[1]) М. Смотрицкій род. въ 1577 г. въ Подоліи; отецъ его, Герасимъ Смотрицкій, учитель и ректоръ острожскаго училища, былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ Константина Острожскаго въ его просвѣтительной дѣятельности. Первоначальнымъ образованіемъ М. Смотрицкій обязанъ своему отцу и ректору острожскаго училища Кириллу Лукарю, одному изъ образованнѣйшихъ людей въ Острогѣ въ то время. Около 1601 г. М. Смотрицкій былъ отправленъ княземъ Конст. Острожскимъ въ виленскую іезуитскую академію, кончивъ

ствующаго, снисканное и прожитое лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1619" и т. д., надолго сдѣлавшаяся основнымъ грамматическимъ руководствомъ и выдержавшая нѣсколько передѣлокъ и изданій (2-е: 1629, Вильно). На ея основаніи уже составлялись практическія школьныя грамматики, въ родѣ виленской „*Грамматики албо сложенія письмени хотящимъ ся учити словенскаго языка, младолѣтнымъ отрочатомъ*" (Вильно, 1621), или подобнаго же руководства, приписываемаго Аѳанасію Пузинѣ, епископу луцкому (*Грамматіки или писменница языка Словенскаго тщателемъ въ кратъцѣ издана въ Кремянци. Року 1638*) и являющагося сокращеніемъ грамматики Смотрицкаго. У насъ въ Москвѣ грамматика Смотрицкаго была передѣлана, расширена вставкой грамматическихъ разсужденій, приписываемыхъ Максиму Греку, и въ такомъ видѣ издана въ третій разъ уже безъ имени автора (1648 г.). Передѣлка коснулась не столько системы, въ которой излагается матеріалъ у Смотрицкаго, сколько самихъ парадигмъ. Московскіе издатели не оставили безъ измѣненія почти ни одной формы или акцентуаціи, которыя показались имъ странными или непривычными. Въ склоненіяхъ, на мѣсто древнихъ славянскихъ формъ или близкихъ къ нимъ, поставлены новѣйшія, чисто великорусскія формы. Напр. вмѣсто дат. *снóсѣ*, поставлено *снохѣ*, вмѣсто род. ед. *мрéжя—мрéжи*, вм. им. вин. и зв. множ. *мрéжя*—им. зв. *мрéжи* и винит. *мрéжы;* вмѣсто родит. ед. *лáдіѧ—лодíй*, во множ. числѣ вм. им. винит. *лáдія—лóдіи*, а вм. родит. *лáдій—лодéй;* вм. мѣстн. ед. *отцú, чвáнци—отцѣ, чвáнцѣ* и т. д. Въ спряженіяхъ измѣненій меньше (напр., сохранены всѣ образованныя на польскій ладъ глагольныя формы), но если они сдѣланы, то всегда въ пользу болѣе позднихъ образованій. Такъ, вмѣсто окончаній двойств. ч. *-ва-вѣ*, находимъ болѣе позднія *-ма,-мѣ;* вм. формъ повелит. *чтѣва, чтѣта, чтѣмъ, чтѣте* и т. д.—*чтéма, чтéта, чтéмъ, чтéте*; вм. формъ будущ. *прочтѣва, прочтѣта, прочтѣмъ, прочтѣте—прочтéма, прочтéта, прочтемъ, прочтете* и т. д. Коренной передѣлкѣ подверглась акцентуація, приближенная въ московскомъ изданіи къ великорусской. Такъ, вмѣсто *снóхамъ, снóхами, снóхахъ* стоитъ *снохáмъ,-áми,-áхъ*, вмѣсто *юродъ, юрода—юрóдъ, юрóда,* вм. им. мн. *дрéва, сéрдца*—

которую, около 1610 г. уѣхалъ за границу домашнимъ наставникомъ при дѣтяхъ одного литовскаго магната. Эта поѣздка дала ему возможность побывать въ лейпцигскомъ, нюренбергскомъ и виттенбергскомъ университетахъ. Вернувшись домой, онъ сталъ учительствовать (въ ...вской школѣ, а м. б. и въ кіевской). Около 1616 г. вступилъ въ виленскій монастырь, для школъ котораго, вѣроятно, и составилъ свою грамматику. Умеръ въ 1633 г.

древá, сердцá, вмѣсто *имя́—и́мя*, вмѣсто *римляни́нъ—ри́млянинъ*, вм. мѣстн. п. *до́му*, род. мн. *до́мовъ—дому́, домо́въ*, вм. *ходота́й—ходáтай*, вм. *ходатайству́ю—ходáтайствую*, вм. *твори́ши, тво́ритъ, тво́римъ, тво́рите, тво́рятъ — твори́ши, - и́тъ, - и́мъ, -и́те,-я́тъ* и т. д. Цѣль Смотрицкаго была также чисто практическая—дать кодексъ правилъ, при помощи которыхъ можно было бы „читать по словенску и чтомое выразумѣвати", а также „писати раздѣлне" чистымъ славянскимъ языкомъ. Тѣмъ не менѣе чистаго „славянскаго" языка и въ оригинальной редакціи грамматики Смотрицкаго (не говоря уже о позднѣйшихъ ея передѣлкахъ) не было такъ же, какъ и у Зизанія: рядомъ съ формами древними, находимъ у него формы позднѣйшія, вызванныя вліяніемъ живыхъ новославянскихъ языковъ (русскаго, польскаго), а также и самодѣльныя, искусственныя. Новымъ у Смотрицкаго было введеніе понятія о видахъ глагола („начинательномъ" и „учащательномъ"), хотя и не совсѣмъ въ современномъ его значеніи. Историческаго метода нѣтъ и слѣда. Все изложеніе носитъ характеръ догматическій и чисто-описательный. Внѣшнія схемы, въ которыхъ расположенъ матеріалъ (гораздо болѣе обильный, чѣмъ у Зизанія), скопированы съ греческой грамматики (Ласкариса, изд. въ Миланѣ въ 1476 г.), нерѣдко вопреки всякой логикѣ и природѣ славянскаго языка.

Терминологія Смотрицкаго уже очень близка къ современной традиціонной школьнограмматической, представляя въ то же время сходство и съ терминологіей Зизанія и Адельфотиса. Частей грамматики отличается также четыре, причемъ подъ просодіей уже разумѣется ученіе о стихосложеніи, а не акцентологія, какъ у Зизанія. Частей рѣчи восемь: *имя, мѣстоименіе* (не *мѣстоимя*, какъ у Зизанія), *глаголъ, причастіе, предлогъ, союзъ, нарѣчіе*, и являющееся впервые *междометіе*. О послѣднемъ сказано немного. Въ московской передѣлкѣ число частей рѣчи то же, но междометіе (=лат. interjectio) выкинуто, зато возстановлено ненужное *различіе*, имѣвшееся у Зизанія и въ Адельфотисѣ. Имена дѣлятся на *собственныя* и *нарицательныя* (у Зизанія еще *нарицаемыя*), а послѣднія на *существительныя* (Зизаній: *осуществéнныя*), *собирательныя* и *прилагательныя* (Зизаній: *прилагаемыя*). Дѣленіе именъ прилагательныхъ: *совершенное* (у З. нѣтъ), *отъименное, числительное, чинительное* (т.-е. числит. порядковое; у З. нѣтъ), *вопросительное* (мѣстоименія: *каковъ, коликъ, еликъ*; у З. нѣтъ), *отвѣщательное* (у З. нѣтъ: мѣстоим. *таковъ, толикъ*), *притяжательное* (у З. *властное* = польск. własny), *отечественное* (у З. *отеческое), языческое*. Степени *уравненія* (у З. *разсужденія): положительный* (у З.

положе́нный), разсудительный (у З. *разсудный)* и *превосходительный* (у З. *превышшій).* Къ четыремъ родамъ Зизанія прибавлено еще три: *всякій* (нпр. *той, тая, тое исполнь), недоумѣнный (! той* или *тая неясыть)* и возстановленный изъ Адельфотиса *преобщій (той орелъ, тая ластовица;* въ Адельфотисѣ примѣры тѣ же). Имена дѣлятся у Смотрицкаго, какъ у Зизанія, на *простыя* и *производныя,* а послѣднія на: *отчеиме́нныя (Павловъ, Петровна:* греч. πατρονυμικά) или *притяжательныя, оте́чественныя (москвитинъ, пермитинъ), властели́нныя* (*царевичъ, царевна*) *языческія (грекъ, грекиня) глагольныя (чтецъ, слышаніе), отъиме́нныя (солнечный, златый), умалительныя (словце, тѣлце), уничижительныя (вретище, жени́ще, дѣтище). Начертанія,* какъ у Зизанія: *простое, сложное* и *пресложное.* Число падежей больше, чѣмъ у Зизанія, на одинъ *(сказательный,* т.-е. мѣстный или предложный), и названія ихъ тожественны съ современными: *именительный* (не *именовный,* какъ у З.), *родительный* (вм. *ро́дный), дательный* (такъ и у З.), *винительный, звательный, творительный* (такъ и у З.) и *сказательный. Склоненій* только пять, вмѣсто десяти Зизаніевыхъ: 1-е: *Іона, дѣва, воевода, Захарія, ладья, святыня* и т. д.; 2-е: *клевретъ, древо, сердце, отроча* и т. д.; 3-е: *жизнь, заповѣдь, мати* или *матерь;* 4-е: *пастырь, дреко́ль, ходатай, іерей, знаменіе;* 5-е: имена прилагательныя: *святъ, святый, нищъ, нищій.* Мѣстоименія, вмѣсто семи отличій Зизанія, имѣютъ восемь: *видъ* (есть и у З.), *качество* или *знаменованіе* (у З. *значеніе); родъ* (есть и у З.), *число* (тоже), *начертаніе* (тоже), *лицо* (тоже), *падежъ* (тоже) и *склоненіе* (у З. опущено въ перечнѣ, но различается въ дальнѣйшемъ изложеніи). Названія *качествъ* у мѣстоименій: *указателное* (есть и у З.), *возносителное (сей, овъ, онъ.* У З. нѣтъ), *возвратителное (себе,* у З. нѣтъ), *вопросителное* (у З. нѣтъ) и *притяжателное* (у З. *зиждителное)* [1]). Глаголъ различается: *личный, безличный, стропотный* (взято изъ Адельфотиса, гдѣ *строптивыми* называются неправильные глаголы: ἀνώμαλα ῥήματα) и *лишаемый* (т.-е. недостаточные глаголы). У Зизанія этого дѣленія еще нѣтъ. Затѣмъ у глагола отличается девять признаковъ: *залогъ* (есть и у З.), *начертаніе* (тоже), *видъ* (у З. въ другомъ смыслѣ), *число* (у З. есть), *лицо* (тоже), *наклоненіе* (у З. *образъ),* время (есть и у З.), *родъ* (у З. есть только въ перечнѣ, гдѣ является синонимомъ *залога,* см. выше) и *спряженіе* (у З. *супружество).* Названія залоговъ у Смотрицкаго уже современныя: *дѣй-*

---

[1]) Плохой переводъ греч. κτητικός, ошибочно произведеннаго не отъ κτάομαι = пріобрѣтаю, а отъ κτίζω = строить, созидать.

ствительный (у З. еще *дѣлательный), страдательный* (такъ и у З.), *среднiй* (у З., кромѣ того, есть и *посредственный,* который у Смотрицкаго отсутствуетъ), *отложительный* (у З. нѣтъ, въ Адельфотисѣ—*отложный)* и *общiй* (такъ и у З.). *Виды* являются у Смотрицкаго совсѣмъ въ новомъ значенiи, приближающемся до нѣкоторой степени къ современному, и различаются: *первообразный* или *совершенный (чту, стою)* и *производный,* распадающiйся на *начинательный (каменѣю, трезвѣю)* и *учащательный (бѣгаю, читаю).* Здѣсь уже сказался нѣкоторый проблескъ самостоятельной работы мысли надъ особенностями славянскаго глагола, который, однако, надолго еще остался безъ развитiя. Названiя *наклоненiй* почти одинаковы съ современными: *изъявительное* (такъ и у Зизанiя), *повелительное* (тоже), *молительное* (у З. *желательное* или *молитвенное),* какъ напр. *услыши, вонми, призри; сослагательное*=лат. conjunctivus (впервые: у Зизанiя нѣтъ): *аще бы хотѣлъ, далъ бы; подчинительное* (у З. нѣтъ, примѣръ: *мнѣ повелѣваеши, да бiю)* и *неопредѣленное* (у З. *непредѣльное* или *необавное).* Названiя временъ почти тѣ же, что у Зизанiя, съ тою разницею, что, вмѣсто терминовъ *протяженное* и *пресовершенное,* находимъ у Смотрицкаго *преходящее* и *прешедшее.* Самыя понятiя временъ, однако, у него такъ же сбивчивы, какъ у Зизанiя, и у обоихъ не всегда совпадаютъ. Такъ у Зизанiя *явихъ* будетъ *мимошедшее,* а у Смотрицкаго *творихъ—преходящее* и наоборотъ: *являахъ* у Зизанiя—*протяженное,* а у Смотрицкаго—*мимошедшее* и т. д. Среди формъ—много построенныхъ по образцу польскаго глагола, а также и самодѣльныхъ (напр. въ причастiяхъ, въ сослагат. наклоненiи и т. д.). Впервые вводится понятiе *дѣепричастiя,* удержавшееся и въ нашей школьной грамматикѣ. Среди разныхъ „знаменованiй" союзовъ встрѣчаемъ: *противительное (но, обаче), раздѣлительное (или, ли, либо), винословное (бо, ибо).* Синтаксису впервые отводится особая и довольно обширная часть грамматики. Влiянiе греческихъ образцовъ здѣсь очевидно [1]).

Московская передѣлка грамматики Смотрицкаго легла въ основанiе позднѣйшихъ передѣлокъ (очень незначительно отличающихся отъ нея): 1) Θеодора Поликарпова, справщика, а послѣ директора Московской духовной типографiи: „*Грамматiка въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ: въ лѣто отъ сотворенiя мiра 7229, отъ рождества же по плоти Бога слова 1721 г.*". Вмѣсто предисловiя о пользѣ грамматики и послѣсловiя, приписываемыхъ Максиму

---

[1]) О дѣятельности Смотрицкаго вообще см. Засадкевичъ, «Мелетiй Смотрицкiй, какъ филологъ», Одесса. 1883, 8°, 204

Греку, находимъ здѣсь новое предисловіе, указывающее на разныя причины, вызвавшія новое изданіе книги; 2) Θеодора Максимова, иподіакона Софійскаго Новгородскаго Собора, ученика братьевъ Лихудовъ въ Новгородской Славяно-Греко-Латинской школѣ и впослѣдствіи учителя тамъ же: „*Грамматíка Славенская въ кратцѣ собрáнная въ Греко-славенской школѣ яже въ великомъ Новѣградѣ при домѣ архіерейскомъ. Повелѣніемъ Всепресвѣтлѣйшаго, Державнѣйшаго Государя нашего Петра Великаго, отца отечества, Императора и самодержца Всероссійскаго благословеніемъ же Свят. Прав. Всероссійск. Сѵнода напечатася при Санктъпитербурхѣ въ Троицкомъ Александровскомъ монастырѣ лѣта Рож. Христ. 1723*“. Формы здѣсь подновлены и приближены мѣстами еще болѣе къ великорусскимъ. Въ предисловіи составитель объясняетъ побудительныя причины переизданія и мотивируетъ сдѣланныя имъ измѣненія. Съ изданія 1721 г. имѣется еще перепечатка грамматики Смотрицкаго подъ заглавіемъ: „*Грамматíка въ пользу и употребленіе отроковъ Сербски желающихъ основательнаго наученія Славенскаго діалекта напечатася въ Епископіи Рымнической. Лѣта Господня. 1755*“. Къ грамматикамъ Зизанія и Смотрицкаго сводится также рядъ рукописныхъ статей XVII и XVIII вв., которыя, вѣроятно, вмѣстѣ съ ихъ печатными источниками, войдутъ въ продолженіе выше приведеннаго труда академика Ягича.

Особнякомъ стоитъ „Граматично исказанје об руском језику“ (написанное въ Тобольскѣ, 1666 г.), принадлежащее извѣстному Крижаничу и изданное Бодянскимъ въ „Чтеніяхъ Общества Ист. и Др. Росс.“ (1848, Кн. I. и 1859, Кн. VI). Это—грамматика не русскаго и не славянскаго языковъ, а созданнаго самимъ Крижаничемъ общеславянскаго языка, который онъ называетъ „стародавнимъ и кореннымъ, русскимъ именемъ“. Какъ первый опытъ этого рода, заключающій въ себѣ не мало остроумныхъ, вѣрныхъ и поразительныхъ для своего времени замѣчаній о славянскомъ языкѣ и славянскихъ нарѣчіяхъ, „Граматично изказанје“ Крижанича является весьма замѣчательнымъ памятникомъ, но историческаго значенія и вліянія на развитіе русской науки не имѣло и не могло имѣть, частью по непонятности языка, на которомъ было написано (именно на изобрѣтенномъ Крижаничемъ общеславянскомъ языкѣ), частью по неблагопріятнымъ условіямъ личной судьбы автора, непонятаго въ Москвѣ, въ чемъ-то заподозрѣннаго и сосланнаго въ Сибирь, частью, наконецъ, вслѣдствіе полной неподготовленности тогдашняго русскаго общества къ оцѣнкѣ подобнаго рода трудовъ. Въ высшей степени характерно уже то об-

стоятельство, что авторомъ „Изказанья“ былъ не русскій, а западный славянинъ, вкусившій отъ плодовъ европейской науки и свой научный талантъ, свои знанія и идеи принесшій далекому родственному народу, который, думалось ему, долженъ былъ оцѣнить и осуществить мечты скитальца-панслависта. Но русская дѣйствительность обманула его ожиданія и встрѣтила чужеземца-мечтателя, подошедшаго къ ней съ представленіями, выработанными внѣ ея условій, такъ, какъ она долго еще спустя встрѣчала да и понынѣ встрѣчаетъ своихъ и чужихъ мечтателей. Для воспріятія научныхъ трудовъ и широкихъ мечтаній на научной основѣ тогдашняя Русь совсѣмъ не была готова, и трудъ Крижанича можетъ имѣть для насъ значеніе лишь извѣстнаго симптома эпохи, одного изъ все болѣе и болѣе частыхъ случаевъ столкновенія европейскихъ идей, европейской науки съ условіями русской жизни, которая не хотѣла да и не могла отозваться на нихъ благопріятно. Но все же только эти идеи, только европейская наука, хотя бы и не прямо, а черезъ посредство юго-западной образованности, немного шевелила сонную московскую Русь и вносила въ ея умственную жизнь свѣжую струю. Поэтому вполнѣ естественно, что появленіе юго-западныхъ ученыхъ въ Москвѣ во второй половинѣ XVI в. отозвалось оживленіемъ и нашей грамматической литературы.

Однимъ изъ такихъ ученыхъ, Епифаніемъ Славинецкимъ [1]), умершимъ въ 1676 г., составлено было три рукописныхъ словаря, вызванныхъ настоятельной потребностью въ подобнаго рода пособіяхъ для перевода съ латинскаго и греческаго языковъ и вообще ихъ изученія. Потребность эта все сильнѣе и сильнѣе давала себя знать, благодаря учащенію сношеній съ западомъ и возраставшему европейскому вліянію. Не удивительно поэтому, что Епифаній Славинецкій еще въ бытность свою въ Кіевѣ, въ 1642 г., сдѣлалъ попытку передѣлать многоязычный словарь Амвросія Калепина [2]) въ латино-славянскій: „*Лексиконъ латинскій зкале-*

[1]) См. о немъ: Митроп. Евгеній, «Словарь историч. о писателяхъ духовн. чина», т. I; Пекарскій, «Наука и литература при Петрѣ В.», Спб. 1862, т. I, 189—190; Пѣвницкій, «Епиф. Славинецкій, одинъ изъ главныхъ дѣятелей русской духовной литературы въ XVII в.». (Труды Кіевск. Дух. Акад. 1861 г. № 8 и 10, т. II и III, стр. 405—438, 135—182); Ив. Ротаръ, «Епифаній Славинецкій, литературный дѣятель XVII в.» («Кіевская Старина» 1900 г., № 10, стр. 1—38, № 11, стр. 189—217, № 12, стр. 347—400). Спеціально лексикографическимъ трудамъ Славинецкаго посвящена обстоятельная статья С. Брайловскаго: «Филологическіе труды Епиф. Славинецкаго» («Русскій Филолог. Вѣстникъ» 1890 г., № 2, стр. 236—250).

[2]) Амвросій Калепинъ, ученый монахъ, род. въ 1435 г. въ Калепіо, близъ

пина преложенный на славенски лѣта от созданія мира 7150“ = 1642 отъ Р. Х. (рукоп. за № $^{241}/_{441}$ библіотеки Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ). При второй передѣлкѣ Калепина, относящейся къ 1650 г., Славинецкій имѣлъ помощникомъ Арсенія Корецкаго-Сатановскаго, какъ это видно изъ заглавія на одномъ изъ списковъ этой передѣлки, принадлежащемъ Парижской корол. библіотекѣ: „Dictionarium Latinosclauonicum operi Ambrosii Calepini seruata Verborum integra seria conformatum studio atque reuerendorum in Christo patrum Epiphanii Slauienickij. Arsenij Koreckij Satanouiensis Ordinis S. Basiliy magni. Moschovia. Anno Reparatae salutis 1650“. Существуютъ и другія рукописныя передѣлки этой обработки Калепина, носящія даты уже позднѣйшія, чѣмъ годъ смерти Славинецкаго. Одна изъ нихъ, напр., означена 1685 г. Нѣкоторыя изъ нихъ попадали и въ Европу, какъ напр. рукописный славяно-латино-нѣмецкій словарь, составленный библіотекаремъ берлинской корол. библіотеки Матюриномъ де ла Крозомъ и хранящійся въ названной библіотекѣ [1]).

Уже въ Москвѣ, по просьбѣ просвѣщеннаго боярина Ртищева, Славинецкій приступилъ къ составленію другого лексикографическаго труда, сохраняющагося въ рукописи Патріаршей библіотеки (№ 383) и озаглавленнаго: „Книга лѣксиконъ греко-славенолатинскій“. Какъ и первый словарь Славинецкаго, такъ и этотъ былъ простой передѣлкой уже готоваго словаря западно-европейскаго происхожденія. По изслѣдованію Брайловскаго, оригиналомъ этой передѣлки послужилъ греко-латинскій словарь Іоанна Скопулы, имѣющійся въ библіотекѣ Моск. Синод. Типографіи въ двухъ изданіяхъ 1552 г. (въ Амстердамѣ) и 1663 г. („Ioannis Scopulae Lexicon graeco-latinum. Lugduni MDCLXIII“). Какъ показало сличеніе лексикона Славинецкаго съ словаремъ Скопулы, московскій составитель почти дословно мѣстами переводилъ свой оригиналъ на славянскій. Время составленія этой передѣлки во всякомъ случаѣ раньше 1680 г., какъ видно изъ имѣющихся извѣстій объ устройствѣ

Бергамо и ум. въ 1511 г., издалъ свой латинскій словарь въ Реджіо въ 1502 г. (industria Dionysii Bertochii in fol.). Впослѣдствіи словарь этотъ много разъ переиздавался (одни Альды выпустили съ 1542 до 1592 г. восемнадцать изданій), причемъ позднѣйшіе издатели постоянно передѣлывали и дополняли его. Въ 1578 г. число языковъ, на которыхъ въ немъ давались значенія лат. словъ, дошло уже до семи. Въ такомъ видѣ словарь этотъ носилъ заглавіе «Lexicon latinum variarum linguarum interpretatione adjecta». Passerat превратилъ его въ «Dictionarium octolingue» (греч., евр., итал., нѣм., исп., франц., англ.). Въ другихъ изданіяхъ прибавлены были еще венгерскій и славянскій (польскій) языки, такъ что въ концѣ-концовъ число языковъ въ немъ дошло до 11. Одно изъ полнѣйшихъ изданій—Базельское, 1590 г.

[1]) Пекарскій, «Наука и литература при Петрѣ В.», т. I, 189—90.

въ этомъ году въ книгохранительной палатѣ особыхъ ящиковъ для храненія данной рукописи, весьма цѣнившейся современниками. Если передѣлка была сдѣлана съ изданія Скопулы 1663 г., то такимъ образомъ время ея составленія опредѣляется приблизительно между 1664 и 1676 г. (годомъ смерти Славинецкаго). Другимъ источникомъ для Славинецкаго могъ служить принадлежащій также библіотекѣ Синодальной Типографіи (№ $^{41}/_{2570}$) „Dictionarium graecum cum interpretatione latina, omnium quae hactenus impressa sunt, copiosissimum“, изд. въ Венеціи въ 1524 г. Отсюда Славинецкій могъ черпать тѣ слова, которыхъ въ словарѣ Скопулы нѣтъ, но которыя тѣмъ не менѣе имѣются въ его передѣлкѣ. Словарь Славинецкаго, заключавшій въ себѣ около 7000 словъ, необыкновенно цѣнился современниками и ближайшимъ потомствомъ, какъ совершенно исключительное явленіе въ тогдашнемъ умственномъ обиходѣ московской Руси. Рукопись его сохранялась въ особыхъ золоченыхъ и расписныхъ ящикахъ и выдавалась нуждавшимся въ ея помощи не иначе, какъ съ Высочайшаго соизволенія уже и при Петрѣ Великомъ (примѣры см. въ цитир. статьѣ Брайловскаго). Какъ думаетъ Пекарскій [1]), лексиконъ Епиф. Славинецкаго послужилъ въ свою очередь источникомъ того славянскаго рукописнаго словаря въ трехъ томахъ in folio, который былъ привезенъ въ концѣ XVII в. изъ Россіи знаменитымъ шведскимъ лингвистомъ Спарвенфельдомъ и хранится нынѣ въ библіотекѣ Упсальскаго университета. Кромѣ того, Славинецкому принадлежитъ еще третій рукописный словарь, такъ-назыв. „Филологическій лексиконъ“, въ которомъ объяснялись разныя непонятныя слова Св. Писанія изъ ихъ употребленія въ твореніяхъ святыхъ отцовъ.

Для противовѣса юго-западнымъ ученымъ, заподозривавшимся у насъ въ латинствѣ и еретичествѣ, выписывались и ученые греки, въ родѣ братьевъ Іоанникія и Софронія Лихудовъ (первый род. въ 1633 г. и ум. въ 1717, второй род. въ 1652, ум. въ 1730 г.) [2]), получившихъ образованіе въ Греціи, а потомъ въ Венеціи и Падуѣ (въ Коттоніанской академіи, гдѣ послѣ 9 лѣтняго ученія удостоены докторскихъ дипломовъ). Съ 1685 г. они преподавали грамматику и другія науки въ Заиконоспасской школѣ, иначе „Еллино-славенскомъ училищѣ“, для котораго составили особые учебники (рукописные), хранящіеся въ библіотекѣ Моск.

---

[1]) О перепискѣ Лейбница», «Записки Императ. Акад. Наукъ», 1863 г., т. IV, стр. 4, примѣч.

[2]) См. о нихъ: Сменцовскій, «Братья Лихуды» и т. д. Спб., 1899.

Дух. Академіи. Среди этихъ учебниковъ находится краткая греческая грамматика, составленная въ 1687 г. и озаглавленная: „Περὶ γραμματικῆς μετόδου, συντεθείσης τε καὶ διαρεθείσης ἐς τρεῖς βίβλους κατ' ἐρώτησιν καὶ ἀπόκρισιν". Она изложена въ разговорной формѣ и представляла собой сокращеніе грамматики Константина Ласкариса, изданной въ Миланѣ въ 1476 г. [1]) и неоднократно переиздававшейся потомъ (между прочимъ въ Венеціи въ 1683 г.). Даже предисловіе къ грамматикѣ заимствовано у Ласкариса [2]). Кромѣ того, ими была составлена латинская грамматика, которую первоначально авторы предполагали написать на четырехъ языкахъ: латинскомъ, греческомъ, славянскомъ и грузинскомъ. Въ рукописи, однако, имѣется текстъ только на двухъ первыхъ языкахъ, а для другихъ двухъ оставлено мѣсто. Работа эта, повидимому, не была доведена до конца, можетъ быть, потому, что оказалась ненужной въ виду того подозрѣнія, съ которымъ у насъ тогда относились къ лат. языку. Во всякомъ случаѣ, сохранился только одинъ томъ, заключающій въ себѣ всю первую часть грамматики и нѣсколько главъ второй части. Составленіемъ грамматики Лихуды, однако, занялись по порученію своего начальства, какъ это видно изъ предисловія къ первой части. Пособіями при составленіи служили имъ всѣ извѣстные тогда грамматическіе учебники, выходившіе въ Греціи или Италіи, изъ которыхъ ни одинъ, однако, не удовлетворилъ ихъ въ отношеніи полноты и ясности.

О другихъ научныхъ пособіяхъ, обращавшихся тогда у насъ, можно судить по описи Спасской библіотеки, сдѣланной въ сентябрѣ 1689. Среди 603 названій рукописныхъ и печатныхъ книгъ на латинскомъ, греческомъ, нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ значатся слѣдующія лингвистическія: „книга лексиконъ латинской Цицерона (т.-е. вѣроятно къ Цицерону, быть можетъ „H. Stephanus: Ciceronianum lexicon". Парижъ, 1557), книга Калепинъ великій на одиннадцати языкахъ (многоязычный словарь Калепина, служившій источникомъ для латино-слав. словаря Епиф. Славинецкаго), лексиконъ словено-латинской, лексиконъ латино-словенскій (Славинецкаго?), книга лапонская (вѣроятно лапландскій словарь: „Manuale lapponicum", 8°, Стокгольмъ, 1648 г.), лексиконъ полскаго, словен-

---

[1]) Полное ея заглавіе: Compendium octo orationis partium et aliorum quorundam necessariorum in fine quaedam ex Tryphone Grammatico de Passionibus dictionum; Graece ex Recensione Demetrii Cretensis, qui Epistolam Graecam cum versione Latina promisit Mediolani impressum per Magistrum Dionysium Paravisinum. 30 янв. 1476 г.

[2]) См. Смирновъ, «Исторія Московской славяно-греко-латинской академіи». Москва, 1855 г., стр. 44—46.

скаго языковъ, 10 книгъ синонимовъ, 18 книгъ греко-славянскихъ грамматикъ (вѣроятно „Адельфотисъ" или вышеупомянутая греч. грамматика Лихудовъ, писанная на греч. и слав. языкахъ), 23 книги Алваровъ (очевидно латинской грамматики Эмануэля Альвареца: „De institutione grammatica lib. III. Dillingae, 1574", извѣстной подъ именемъ „Alvari principia"), книги лексиконъ шестероязычный [1]) и проч.

Въ народъ элементарныя школьно-грамматическія знанія проникали путемъ букварей въ родѣ „Науки ку читаню и розумѣню писма словенскаго" (самый первый—Вильно, 1596), или „Азбуки" Бурцева-Протопопова: „Начальное ученіе человѣкомъ, хотящимъ разумѣти божественнаго писанія", напеч. (1634) „исканіемъ и труды многогрѣшнаго Василія Ѳедорова сына Бурцева". Изъ др. „букварей" выдавался Каріона Истомина „Букварь славено-россійскихъ письменъ" (1694) [2]).

IV. Знакомство съ языками въ древней и московской Руси и преподаваніе ихъ.

Практическое языкознаніе въ древней Руси, конечно, не могло быть сильно развито. Тѣмъ не менѣе необходимость сношеній съ сосѣдними странами и иноземными послами, пріѣзжавшими въ Р., должна была вызывать знакомство съ иностранными языками. Уже въ Поученіи Владиміра Мономаха мы находимъ указаніе относительно отца автора—вел. кн. Всеволода Юрьевича, который „дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ"; внукъ Владиміра Мономаха, вел. кн. Михаилъ Юрьевичъ (XII в.) по преданію, впрочемъ, недостовѣрному, „съ греки и латины говорилъ ихъ языкомъ, яко русскимъ". О переводахъ съ греческаго находимъ лѣтописныя извѣстія изъ XI в. (о князѣ Ярославѣ, вотором многіе писцы „прекладаша отъ Грѣкъ на Словѣньское письмо"). Митрополиты Алексѣй (1293—1377) и Купріанъ (1376—1406) занимались сами переводами съ греческаго. Іоаннъ Грозный предполагалъ открыть въ Москвѣ школы для преподаванія латинскаго и нѣмецкаго языковъ. Современникъ и бывшій сподвижникъ его, кн. Курбскій, зналъ языки греческій, латинскій и польскій.

---

[1]) См. Смирновъ, «Исторія Московской славяно-греко-латинской академіи», стр. 42—43, а также «Временникъ Импер. Общ. истор. и древн.» 1853 г., кн. 16, смѣсь и «Вѣстн. Евр.», 1827 г., № 16, стр. 255.

[2]) О букваряхъ этого времени см. Пекарскій «Наука и лит. при Петрѣ Вел.». Т. I. стр. 167 и сл.

Кромѣ частныхъ лицъ, изучавшихъ чужіе языки изъ любознательности, имѣлись у насъ и профессіоналисты-толмачи. У Максима Грека, не знавшаго по славянски, помощниками были толмачи Власій и Митя, которымъ онъ переводилъ съ греческаго на латинскій, а тѣ уже съ латинскаго на славянскій. Въ посольствѣ къ императору Максиміліану (1518) состоялъ толмачъ Истома малый, съ которымъ, равно какъ и съ посломъ Владиміромъ Племянниковымъ, императоръ говорилъ по латыни. О толмачѣ Дмитріи Щербатовѣ, знавшемъ нѣмецкій и латинскій языки, уже упоминалось выше (стр. 157). Борисъ Годуновъ въ 1602 г. отправилъ въ Англію и Германію молодыхъ людей для изученія англійскаго, латинскаго и нѣмецкаго языковъ [1]). Въ посольствѣ въ Венецію (1656) участвовалъ переводчикъ Тимофей Топоровскій, знавшій по-итальянски. Котошихинъ (XVII в.) говоритъ о большомъ количествѣ переводчиковъ (около 50) и толмачей (до 70 чел.) при посольскомъ приказѣ въ Москвѣ, для переводовъ съ латинскаго, польскаго, шведскаго, нѣмецкаго, греческаго, польскаго, татарскаго и „иныхъ языковъ". По его словамъ, „бываетъ тѣмъ переводчикамъ на Москвѣ работа по вся дни... также старые письма и книги для испытанія велятъ имъ переводити". Переводчики эти, впрочемъ, большею частію были иноземнаго происхожденія, какъ свидѣтельствуютъ ихъ имена, встрѣчающіяся въ памятникахъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ иностранными послами и державами: Касперъ Ивановъ, Юшка Вичентовъ, Лукашъ, сынъ Магнусовъ, Анца Андреевъ, Вестерманъ, иноземецъ Романъ Болдвинъ, Романъ Бекманъ, Иванъ Гельмъ. Въ сношеніяхъ съ турками употреблялись переводчики, носившіе имена въ родѣ: Келметъ Алешовъ, Шебанъ Шепчюринъ и т. д. Природные же русскіе рѣдко знали иностранные языки, такъ что де-ла-Нёвиль, бывшій въ Россіи въ концѣ XVII в., когда наше общество начинало уже немножко просыпаться, изъ своихъ московскихъ знакомыхъ насчиталъ только четверыхъ, знавшихъ по латыни (Пекарскій, „Наука и литература при Петрѣ Вел., т. I, 186—87). Изъ не индо-европейскихъ языковъ наши предки знакомились съ урало-алтайскими и финскими. О знакомствѣ съ первыми свидѣтельствуетъ переводъ ханскихъ ярлыковъ. Финскіе языки изучались въ цѣляхъ миссіонерства. Въ XIV в. знаменитый св. Стефанъ Пермскій изобрѣлъ пермскія или зырянскія письмена

---

[1]) (См. объ этомъ: „Записки Имп. Акад. Наукъ" т. XI, кн. I, стр. 91, а также: Арсеньевъ, «Исторія посылки первыхъ русскихъ студентовъ заграницу при Борисѣ Годуновѣ». Москва, 1887).

и перевелъ на зырянскій св. книги. Въ XVI в. архимандритъ Өеодоритъ, обращая въ христіанство лопарей (до р. Туломы) тоже изобрѣлъ для нихъ письмена и перевелъ Евангеліе [1]).

Къ концу XVII в. возникаетъ правильное преподаваніе языковъ (сначала древнихъ и славянскаго) въ учебныхъ заведеніяхъ. Сначала устраивается небольшая школа въ Спасскомъ монастырѣ, въ Москвѣ, въ 1665 г. Здѣсь учились у Сим. Полоцкаго „по латынямъ" порученные ему „для грамматическаго ученія" молодые подъячіе приказа тайныхъ дѣлъ. Греческій языкъ, повидимому, здѣсь не преподавался. Школа существовала недолго и закрылась если не въ 1668 г., то не позже 1671 г., когда Полоцкій былъ сдѣланъ наставникомъ царевича Өеодора [2]). Въ Спасской школѣ, конечно, господствовало латино-польское направленіе книжной учености, представителемъ котораго былъ Симеонъ Полоцкій. Несмотря на противодѣйствіе сторонниковъ греко-византійскаго направленія, во главѣ которыхъ стоялъ Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій, пользуясь своимъ придворнымъ вліяніемъ, успѣлъ все-таки провести проектъ Академіи, уставъ которой былъ составленъ имъ въ 1680 г. по образцу западно-европейскихъ учрежденій этого рода и Кіевской коллегіи. Въ академіи предполагалось преподавать „различные діалекты, наипаче-же славенскій, еллиногреческій, польскій и латинскій". Въ числѣ обязанностей академіи былъ, однако, также надзоръ за обращеніемъ различныхъ книгъ и сожженіе изъ нихъ вредныхъ „польскихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ, лютеранскихъ и кальвинскихъ" [3]). Открытіе академіи, однако, долго заставляло себя ждать. Его повидимому тормозили сторонники греко-византійской учености, и хлопотавшій о немъ ученикъ Симеона Полоцкаго, Сильвестръ Медвѣдевъ, принужденъ былъ удовольствоваться лишь преподаваніемъ „славенскаго языка". Для этого, въ 1682 г. въ Спасскомъ монастырѣ выстроены были двѣ кельи для ученія. Въ этой школѣ и преподавалъ С. Медвѣдевъ Какъ долго существовала эта школа, точно неизвѣстно. Повидимому въ 1686 г. она еще дѣйствовала. Кромѣ „словенскаго ученія", Медвѣдевъ ввелъ въ нее и латинскій языкъ [4]). Въ противовѣсъ этому латинскому ученію, патріархъ Іоакимъ открылъ въ 1681 г. школу „греческаго языка и писанія" при Московской Духовной Типографіи. Въ 1684 г. въ ней было уже 191 ученикъ:

---

[1]) О языкознаніи въ древней Руси см. статью акад. Сухомлинова въ «Ученыхъ Запискахъ 2-го отд. Имп. Ак. Наукъ», кн. I, 1854.

[2]) Сменцовскій, „Братья Лихуды", Спб., 1899, стр. 21—22.

[3]) Тамъ-же, стр. 26—29.

[4]) Тамъ-же, стр. 36—38.

23 „греческаго діалекта“ и 168 славянскаго языка, въ 1685 г.—200 и въ 1686—233. Старшій классъ былъ посвященъ „греческому языку и писанію“, а младшій „славенскому“ языку. Наконецъ въ 1685 г. выписаны были братья Лихуды, открывшіе вскорѣ свою школу, въ которую поступило 6 человѣкъ изъ типографской школы. Зданіе для новой школы было скоро готово, и въ декабрѣ 1685 въ ней было уже 28 учениковъ, а въ январѣ 1686—33. Наконецъ осенью 1687 г. было готово новое каменное зданіе Славяно-Греко-Латинской академіи, въ которую перешли ученики Типографской школы. Съ этого времени начинается дѣятельность новой академіи, число учащихся въ которой, впрочемъ, не было особенно велико: къ Рождеству 1687 года—76 учениковъ, а весною 1688 и 1689—64. Курсъ начинался здѣсь русской грамотой. Въ низшихъ классахъ преподавались начатки греческаго языка или „греческое книжное писаніе“, въ среднихъ—грамматика (на греч. языкѣ) [1]).

Кромѣ грамматики, по-гречески преподавалась еще піитика; логика, риторика и физика—по-гречески и по-латыни. Учениковъ заставляли говорить на этихъ языкахъ, что́ и достигалось уже черезъ 3 года послѣ открытія академіи. Воспитанники ея занимались и переводами.

Особенно распространено было изученіе латинскаго языка въ кіевской академіи (съ 1631 г.). На немъ преподавали здѣсь всѣ предметы, кромѣ катехизиса и славянской грамматики. Воспитанники должны были говорить по-латыни не только въ классахъ и стѣнахъ заведенія, но и внѣ его, на улицахъ, даже у себя дома. За ошибку въ латинскомъ или за русское слово, сказанное вмѣсто латинскаго, виновный подвергался строжайшему взысканію. Впрочемъ славяно-греко-латинская академія въ Москвѣ процвѣтала не очень долго. Съ 1694 г., послѣ ухода изъ нея братьевъ Лихудовъ, она быстро стала падать, и въ 1701 г. митрополитъ Стефанъ Яворскій, назначенный блюстителемъ академіи, нашелъ ее въ крайнемъ упадкѣ. 150 учениковъ академіи терпѣли страшную нужду въ самомъ необходимомъ; самое зданіе пришло въ запущеніе: потолки и печи въ немъ обвалились, и въ зимнее время ученье стало невозможно [2])

Выйдя изъ академіи, Лихуды давали желающимъ частные уроки итальянскаго языка. Въ 1697 г. вышелъ и царскій указъ, чтобы у Лихудовъ учились итальянскому языку дѣти бояръ и другихъ

---

[1]) Тамъ-же, стр. 36 и слѣд.

[2]) Сменцовскій «Братья Лихуды», стр. 295—297.

чиновъ. Всѣхъ такихъ учениковъ Лихудамъ было дано 55 человѣкъ. Такой неожиданный спросъ на итальянскій языкъ объяснялся желаніемъ Петра заключить союзъ съ Венеціей противъ Турціи, съ которою мы въ это время завели неудачную войну, и ему нужны были люди, знающіе по-итальянски [1]). Сношенія съ западомъ въ это время также становятся все чаще и оживленнѣе. Благодаря всему этому, знаніе иностранныхъ языковъ, особенно латинскаго, въ концѣ XVII в. стало встрѣчаться у насъ все чаще и чаще. Знаніе это, однако, носило исключительно практическій характеръ. О сколько-нибудь отчетливомъ теоретическомъ пониманіи языка, какое уже въ это время встрѣчалось на западѣ, у насъ нечего было и думать. Для характеристики представленій о взаимныхъ отношеніяхъ языковъ греческаго, латинскаго и славянскаго другъ къ другу, которыя обращались у насъ въ послѣдней четверти XVII в., могутъ служить нѣкоторыя мѣста изъ разсужденія: „Учитися ли намъ полезнѣе грамматики, риторики... и котораго языка ученію учитися намъ словенамъ, потребнѣе и полезнѣе: латинскаго или греческаго" (Рукоп. Спб. Духовной Акад. № 423. Напечатана въ приложеніи къ цитир. книгѣ Смендовскаго, „Братья Лихуды". Спб. 1899). Неизвѣстный авторъ этого разсужденія, порожденнаго, очевидно, распрей между сторонниками латинской учености съ одной стороны и византійской съ другой, находитъ, что греческій и славянскій языки болѣе схожи между собою, чѣмъ славянскій и латинскій. Сходство это онъ, между прочимъ, видитъ въ присутствіи члена или «арѳра» въ греческомъ и славянскомъ, тогда какъ въ латинскомъ его нѣтъ. Такимъ образомъ вполнѣ искусственное измышленіе грамматиковъ, рабски копировавшихъ схемы греческой грамматики, нѣкоторыми (М. Смотрицкій и его послѣдователи) уже оставленное, было принято у насъ за дѣйствительное свойство славянскаго языка [2]) Ярко характеризуютъ тогдашнія общія представленія о языкѣ и другія доказательства „тѣсноты и убожества" латинскаго языка: такія слова, какъ *митрополитъ* и *архіепископъ*, звучатъ де по-латыни *метрополитъ* и *арцибискупъ*, вмѣсто *Іисусъ* говорится Iesus, вмѣсто *Михаилъ, Даніилъ, Измаилъ* будетъ *Михель, Даніель, Измаель*. Особенно же автора сокрушаетъ то, что имя „святаго многострадальнаго Іова" звучитъ по-латыни уже совсѣмъ „срамно"...

---

[1]) Тамъ же, стр. 299—300.

[2]) Въ связи съ этимъ быть можетъ находится возстановленіе въ Московскомъ изданіи грамматики Смотрицкаго «различія», т. е. «члена», котораго въ оригинальномъ изданіи не находимъ. Не было ли принято отсутствіе этого «арѳра» въ подлинномъ изданіи грамматики Смотрицкаго за латинскую ересь?

Таково было состоянiе нашихъ грамматическихъ знанiй и практическаго знакомства съ чужими языками къ началу XVIII в. Между тѣмъ на западѣ языкознанiе уже въ XVI вѣкѣ выдвинуло рядъ замѣчательныхъ для своего времени работъ, въ родѣ „De causis linguae latinae libri XIII“ Скалигера (1540) и „Minerva seu de causis linguae latinae“ Санкцiя (1587), грандiознаго „Thesaurus linguae graecae“ Генрика Стефана (1572), „Thesaurus linguae latinae“ Роберта Стефана (1531) и др. Первая печатная грамматика, авторомъ которой былъ одинъ изъ греческихъ выходцевъ въ западную Европу—Константинъ Ласкарисъ, явилась уже въ концѣ XV в. (Миланъ, 1476 г.). До Россiи она дошла только черезъ сто слишкомъ лѣтъ и послужила образцомъ для нашихъ западныхъ грамматиковъ, въ родѣ М. Смотрицкаго и другихъ. Въ концѣ XVII в. ею пользовались для цѣлей преподаванiя, какъ мы видѣли выше, братья Лихуды. Кромѣ нея, въ Европѣ были въ ходу греческiя грамматики Рейхлина († 1522), Меланхтона († 1560), Зильбурга († 1596) и др. Къ началу XVII в. является замѣчательный большой Thesaurus латинскихъ надписей Грутера и Скалигера. Печатная грамматика и словарь испанскаго языка (авторъ—Aelius Antonius Nebrissensis) является уже въ 1492 г., голландско-латинскiй словарь Шюрена еще въ 1475 г., а въ 1574 г. выходитъ *сравнительный* словарь фламандскаго и родственныхъ дiалектовъ Килiана. Въ теченiе XVI в. выходитъ рядъ печатныхъ грамматикъ и словарей французскаго, бретонскаго, валлiйскаго, нѣмецкаго, чешскаго, польскаго, даже басскаго языковъ. Въ это же время въ испанскихъ владѣнiяхъ въ Америкѣ является рядъ грамматикъ и словарей разныхъ американскихъ языковъ. Возникаютъ уже и попытки сравненiя разныхъ языковъ, какъ напр., трудъ Guilielmi Postelli „De affinitate linguarum et hebraicae excellentia“ (1538), гдѣ ближайшими родичами еврейскаго признаются языки халдейскiй, самаританскiй, финикiйскiй, арабскiй и эѳiопскiй. Въ этомъ же родѣ работа Бухманна „De communi ratione omnium literarum et linguarum“ 1548. Выше въ извѣстныхъ отношенiяхъ трудъ Скалигера «Diatriba de Europaeorum linguis» (1599). Въ теченiе XVII вѣка грамматическiя и лексикографическiя работы являются на западѣ все чаще и чаще. Становятся возможны такiе труды, какъ «Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis» (Парижъ, 1678) Дюканжа, первыя попытки физiологiи звука, какъ «Tractatus grammatico-physicus de loquela sive sonorum formatione» Джона Уэльза (1653) и его же англiйская грамматика. Выходятъ работы по албанскому, готскому, англо-саксонскому, древне-сѣверному, шведскому, датскому, норвежскому, португальскому, дал-

матскому-сербскому, литовскому, латышскому, ирландскому, финскому, эстонскому, турецкому, лапландскому язз. и даже первая русская грамматика (Лудольфа, въ Оксфордѣ 1696 г) [1]).

Все это широкое научное движеніе докатилось слабымъ всплескомъ только до нашей западной Руси, болѣе зараженной вѣяніями „тлетворнаго" запада и тамъ отразилось въ видѣ работъ невѣдомыхъ „спудеевъ", сложившихъ „отъ разныхъ грамматикъ" свой Адельфотисъ, грамматикъ Зизанія, Смотрицкаго, словаря Памвы Берынды и др. Въ московской Руси оно осталось безъ отклика, и наши грамотѣи въ это время довольствовались своими азбуковниками и передѣлками византійскихъ грамматическихъ трактатовъ, да дивились срамности и бѣдности латинскаго языка. Единственная до извѣстной степени самостоятельная работа ихъ состояла только въ передѣлкѣ грамматики Смотрицкаго, въ которой они оставили систему нетронутой, замѣнивъ лишь славянскія и западнорусскія формы и акцентуаціи болѣе привычными и близкими къ великорусскимъ. Въ началѣ XVIII в. такое положеніе дѣла, понятно, не могло быстро измѣниться.

V. XVIII вѣкъ. Состояніе языкознанія при Петрѣ Великомъ.

Просвѣтительная дѣятельность Петра Великаго, открывшая XVIII столѣтіе, слабо отозвалась на нашемъ языкознаніи. Петру нужны были прежде всего точныя и прикладныя, техническія знанія. Поэтому среди членовъ учрежденной имъ академіи наукъ совсѣмъ не было языковѣдовъ. Даже вліяніе Лейбница, съ которымъ Петръ вступилъ въ сношенія и который составлялъ ему проекты развитія наукъ и просвѣщенія въ Россіи, осталось безразультатнымъ. По крайней мѣрѣ изъ разныхъ мѣръ, предлагавшихся Лейбницемъ, всѣ, имѣвшія значеніе для языкознанія, остались неосуществленными. Лейбницъ, еще до свиданія съ Петромъ (въ 1711 г.) интересовавшійся образцами нарѣчій и языковъ [2]), употребляемыхъ

---

[1]) См. Benfey «Geschichte der Sprachwissenschaft etc.». (Мюнхенъ 1869).

[2]) Такъ въ письмѣ къ графу Пальміери, назначенному состоять въ свитѣ бранденбургской курфирстины, ѣхавшей на свиданіе съ Петромъ Великимъ въ г. Коппенбрюгге, Лейбницъ проситъ его способствовать полученію «образчиковъ тѣхъ нарѣчій въ Россіи, которыя совершенно различны съ русскимъ языкомъ, напр., нарѣчій черкесскихъ, сибирскихъ, языка Черемисовъ, Калмыковъ» и т. п. (В. Герье, «Отношенія Лейбница къ Россіи и Петру Великому, по неизданнымъ бумагамъ Лейбница въ Гановерской библіотекѣ». Спб. 1871, стр. 12).

Въ письмѣ къ Лефорту (тамъ же, стр. 13) Лейбницъ опять проситъ «образчиковъ всѣхъ языковъ, которые употребляются народами, подвластными царю

разными народами Россіи, указывалъ черезъ Брюса на необходимость перевода на инородческіе языки главныхъ молитвъ (въ видахъ распространенія христіанства) и составленія хотя бы небольшихъ словарей по каждому изъ этихъ языковъ; просилъ также и о доставленіи ему образцовъ языковъ Россіи и сосѣднихъ царствъ, русскаго лексикона или вокабулъ, славянской грамматики, свѣдѣній о рукописяхъ греческихъ и русскихъ, хранящихся въ монастыряхъ и прочихъ мѣстахъ, разныхъ русскихъ богослужебныхъ и историческихъ книгъ и т. д. Кое-что, можетъ быть, изъ этихъ пожеланій и могло бы быть исполнено (по части посылки книгъ), но ни инородческихъ словарей, ни образцовъ инородческихъ языковъ, ни русскаго словаря, ни свѣдѣній о рукописяхъ и т. п. Петръ, конечно, не могъ послать Лейбницу и, повидимому, даже не пробовалъ сдѣлать что-нибудь для полученія требуемыхъ имъ данныхъ.

и ведущими торговлю съ его государствомъ и до предѣловъ Персіи, Индіи и Китая», и именно такихъ языковъ, «которые совершенно не сходны съ русскимъ, а для этихъ образчиковъ... было бы лучше перевести «Отче нашъ» и составить списокъ самыхъ обыкновенныхъ словъ на каждомъ изъ этихъ языковъ». Хотя Лефортъ и обѣщалъ доставить Лейбницу желаемое имъ, по впослѣдствіи Лейбницу пришлось опять напоминать ему о своей просьбѣ (тамъ же, стр. 19). Въ концѣ концовъ отвѣтъ былъ данъ Лефортомъ, но весьма мало, вѣроятно, удовлетворилъ Лейбница. Лефортъ писалъ Лейбницу, что желаніе его не могло быть исполнено сейчасъ же, потому что при русскомъ посольствѣ (въ Голландіи) не было людей, знавшихъ инородческіе языки. Поэтому онъ написалъ въ Москву, прося выслать списокъ разныхъ словъ на этихъ языкахъ. Достать на нихъ «Отче нашъ» не возможно, потому что инородцы не знаютъ этой молитвы. По границѣ съ Китаемъ живутъ все татары, около Сѣв. моря и Архангельска Самоѣды, а по Волгѣ множество разныхъ народовъ, изъ названій которыхъ Лефортъ запомнилъ только чувашъ. По ту сторону Волги опять обитаютъ татары. Корень русскаго языка—славянскій, и съ нимъ схожи польскій и чешскій языки (тамъ же, стр. 20—21).

Съ просьбой объ образчикахъ инородческихъ языковъ Лейбницъ обращался къ Лудольфу, жившему въ Голландіи, черезъ котораго онъ, очевидно, думалъ завязать сношенія съ русскимъ посольствомъ въ Голландіи. Отъ него онъ наконецъ, получилъ переводы «Отче нашъ» на монгольскомъ и тунгузскомъ язз., вѣроятно, переданные Лудольфу Витзеномъ (тамъ же, стр. 28). Отъ послѣдняго Лейбницъ получилъ, лѣтомъ 1698 г., и самоѣдскій переводъ «Отче нашъ» (тамъ же, стр. 31). Витзенъ сообщалъ также, что его другъ Виліусъ, вѣдавшій Сибирскимъ приказомъ, сдѣлалъ надлежащія распоряженія, чтобы Лейбницу выслали переводы «Отче нашъ» и на другіе сибирскіе языки (тамъ же).

Наконецъ въ 1711 г. Лейбницу удается добиться аудіенціи у самого Петра въ Торгау и изложить ему свои проекты и предложенія, а въ томъ числѣ и свои лингвистическія pia desideria. Изъ писемъ философа къ Брюсу и Гюйссену видно, что Петръ съ интересомъ слушалъ не только прочія предложенія Лейбница, но и о собираніи лингвистическихъ матеріаловъ, и обѣщалъ доставить желаемыя свѣдѣнія черезъ посредство царской канцеляріи (тамъ же, стр. 126).

По крайней мѣрѣ съ тѣми-же просьбами, какъ къ Брюсу, Лейбницъ обращался къ блюстителю патріаршаго престола Стефану Яворскому, спрашивая его объ изданныхъ имъ рукописныхъ памятникахъ древнѣйшей русской исторіи, Патерикѣ, рукописяхъ, прося прислать образчики языковъ и т. д. (Герье, „Отношенія Лейбница къ Россіи", стр. 162). Всѣ эти письма, однако, оставались, повидимому, безрезультатными. По крайней мѣрѣ въ январѣ 1715 г. Лейбницъ жаловался, что не получаетъ ни отвѣтовъ на свои письма, ни жалованья, хотя уже болѣе двухъ лѣтъ состоитъ на русской службѣ (тамъ-же, стр. 176). Во всякомъ случаѣ никакого сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на развитіе у насъ языкознанія старанія Лейбница не возъимѣли. (См. кромѣ цитир. сочиненія В. Герье, изданный имъ-же „Сборникъ писемъ и меморіаловъ Лейбница, относящихся къ Россіи и Петру Вел.", Спб., 1873).

Изученіе иностранныхъ языковъ при Петрѣ Великомъ продолжало носить практическій характеръ. По прежнему при посольскомъ приказѣ состояли толмачи, въ родѣ Николая Спаѳарія, голландца Андрея Виніуса и др. Кромѣ толмачей, переводами занимались духовныя лица, воспитанники кіевской и московской академій, въ родѣ кіевскихъ ученыхъ Симона Кохановскаго и Ѳеофила Кролика, знавшаго не только латинскій, но и нѣмецкій языкъ. Въ Москвѣ переводами занимались братья Лихуды, знавшіе, кромѣ древнихъ языковъ, еще итальянскій, а также ихъ ученики Ѳеодоръ Поликарповъ и Алексѣй Барсовъ. Природныхъ русскихъ, знавшихъ иностранные языки, по прежнему было мало. Неплюевъ, изучившій морское дѣло, былъ сдѣланъ посломъ въ Константинополѣ, потому что былъ единственнымъ человѣкомъ въ Петербургѣ (1721 г.), знавшимъ итальянскій языкъ. Въ 1706 г. въ Москвѣ, кромѣ переводчика латинскаго языка и двухъ молодыхъ подъячихъ, знавшихъ иностранные языки, не было никого [1]).

Изъ восточныхъ языковъ въ царствованіе Петра I особое вниманіе было обращено на изученіе японскаго. Покореніе Камчатки поставило Россію лицомъ къ лицу съ Японіей, и дальновидный императоръ, имѣя въ виду возможность торговыхъ и другихъ сношеній съ нашей новой сосѣдкой, положилъ начало правильному преподаванію у насъ японскаго языка. Первымъ учителемъ этого языка сталъ японецъ Денбей, выброшенный бурей на берегъ Камчатки въ самомъ началѣ XVIII в. и отправленный въ Анадырскій острогъ. Узнавъ объ этомъ событіи, Петръ указомъ отъ 16 апрѣля 1702 г. повелѣлъ прислать Денбея изъ Сибирскаго при-

---

[1]) Пекарскій, «Наука и литература при Петрѣ I», т. I, стр. 187.

каза въ Артиллерійскій для обученія русскому языку и грамотѣ, послѣ чего повелѣвалось „ему Денбею учить своему японскому языку и грамотѣ робятъ человѣкъ четырехъ или пяти". Сдѣлавъ это распоряженіе, Петръ не забылъ его и, указомъ отъ 16 окт. 1705 г., запросилъ генералъ-фельдцейхмейстера царевича Александра Арчиловича и генералъ-маіора Брюса, научился ли Денбей по русски, научилъ ли самъ кого японскому языку и продолжаетъ ли учить.

Въ результатѣ этого запроса въ томъ же году возникла въ Петербургѣ особая „Школа для изученія японскаго языка". Надзоръ за нею былъ порученъ Сенату. Комплектъ учениковъ и дѣйствительное число учащихся въ ней остались неизвѣстными, но, судя по дѣйствительной потребности въ знающихъ японскій языкъ и по цифрѣ, назначенной самимъ Петромъ въ его первомъ указѣ, надо думать, что ихъ было не много. Откуда были взяты первые ученики,—также неизвѣстно, и только позже имѣются свѣдѣнія, что ихъ набирали изъ солдатскихъ дѣтей. Положеніе этихъ учениковъ было подневольное: учениками они числились всю жизнь, и все время должны были изучать японскій языкъ. Когда была нужда въ переводчикахъ японскаго языка, ихъ брали изъ учениковъ названной школы; проходила эта нужда—переводчики опять превращались въ пожизненныхъ учениковъ.

Въ помощь Денбею, Сенатъ заботился пріискать другого японца, который, въ случаѣ смерти Денбея, могъ бы и замѣстить его. Поэтому Сибирскій приказъ неоднократно получалъ изъ Петербурга предписанія выслать туда еще одного японца. Для исполненія этихъ предписаній Якутская канцелярія оповѣстила камчатскихъ сборщиковъ ясака, чтобы они, въ случаѣ новаго крушенія какого нибудь судна, доставили въ Якутскъ еще одного японца. Случай скоро представился, и въ 1711 году въ Петербургъ былъ отправленъ новый спасшійся при кораблекрушеніи японецъ Санима [1]), назначенный помощникомъ Денбея. Учрежденная такимъ образомъ японская школа продолжала дѣйствовать и при преемникахъ Петра I. Ученіе въ ней, конечно, имѣло примитивно-практическій характеръ и обходилось безъ какихъ либо пособій и руководствъ, которыя явились у насъ лишь много лѣтъ спустя, да и то въ очень скудномъ числѣ [2]).

Петръ Великій заботился и объ изученіи китайскаго языка,

[1]) Отецъ академическаго переводчика японскаго языка Андрея Богданова († 1768), автора рукописной японской грамматики.

[2]) См. П. Ивановъ «Распоряженіе Петра Великаго объ обученіи въ Россіи японскому языку» («Вѣстникъ Имп. Русск. Географ. Общ.» 1856 г., № 7) и

преслѣдуя при этомъ, конечно, цѣли чисто утилитарныя. Еще въ 1700 г., указомъ отъ 18 іюня, Петръ повелѣлъ назначить на свободную каѳедру Сибирской митрополіи „пастыря не только добраго и благого непорочнаго житія, но и ученаго, который бы при томъ, въ помощь себѣ, взялъ въ Сибирь нѣсколько образованныхъ, способныхъ изучить языки, китайскій и сибирскихъ инородцевъ“. Особое значеніе этимъ заботамъ придавалъ носившійся въ то время слухъ, что тогдашній китайскій богдыханъ Канси не прочь принять христіанскую вѣру. Желаніе Петра, однако, долго оставалось безъ исполненія, и только въ 1714 г., когда отправилась въ Китай наша первая духовная миссія (подъ начальствомъ архимандрита Иларіона Лежайскаго), къ ней прикомандировано было семь человѣкъ студентовъ и причетниковъ. Миссія эта достигла цѣли назначенія въ 1716 г., а въ 1719 возвратилась назадъ въ Россію. Въѣздъ студентамъ въ Китай тогда еще не былъ разрѣшенъ китайскимъ правительствомъ, такъ что истинная цѣль ихъ посылки — изученіе туземнаго языка на мѣстѣ, вѣроятно, скрывалась миссіей. Разрѣшеніе привозить учениковъ „для узнанія китайскаго языка“ получено было только послѣ смерти Петра, въ 1728 г. [1]).

Первая попытка къ изученію монгольскаго языка была сдѣлана новымъ митрополитомъ Сибирскимъ Филоѳеемъ Лещинскимъ (съ 1702 г.), отправившимъ въ 1707 г. въ Калху миссію изъ проповѣдника Иларіона Лежайскаго, іеродіакона Филиппа Хавова, одного боярскаго сына и двухъ учениковъ. Цѣлью миссіи было ознакомиться съ ученіемъ буддистовъ, а ученики, состоявшіе при ней, должны были изучить на мѣстѣ монгольскій языкъ. Миссія исполнила возложенное на нее порученіе, но ученики ея, встрѣтивъ разныя препятствія, вскорѣ вернулись въ Тобольскъ [2]). Въ 1724 г. настоятель Иркутскаго Вознесенскаго монастыря, архимандритъ Антоній Платковскій, быть можетъ дѣйствовавшій подъ вліяніемъ плановъ своего покровителя, митрополита Филоѳея Лещинскаго, вошелъ въ Синодъ съ представленіемъ о необходимости учрежденія при вышеназванномъ монастырѣ школы монгольскаго языка, въ видахъ „распространенія православной вѣры въ Сибири и для сношенія съ сосѣдями“. Разрѣшеніе было дано уже въ

А. Сгибневъ «Объ обученіи въ Россіи японскому языку» (на основаніи дѣлъ иркутскаго и якутскаго архивовъ) въ «Морск. Сборникѣ» 1868 г. декабрь.

[1]) См. Н. Веселовскій, «Свѣдѣнія объ оффиціальномъ преподаваніи вост. языковъ въ Россіи». Спб. 1879, стр. 71—72.

[2]) Словцовъ, «Историч. Обозрѣніе Сибири» (Москва, 1838, кн. I. стр. 358—59) и «Иркутск. Епарх. Вѣдомости» 1875 г. № 52, стр. 698.

слѣдующемъ 1725 году; тогда же выстроенъ домъ для школы и приступлено къ набору учениковъ изъ дѣтей священно-и церковнослужительскихъ (комплектъ 25 ч.). Попадали въ школу, впрочемъ, не только крестьянскія дѣти, но и монголы-мальчики [1]). Предполагалось, по желанію Синода, преподавать въ этой школѣ и китайскій языкъ, но предположеніе это не осуществилось. Черезъ 15 лѣтъ школа закрылась.

Калмыцкимъ языкомъ занимался Никодимъ Линкевичъ, родомъ полякъ, постригшійся въ 1715 г. въ монахи Кіевопечерской лавры, гдѣ онъ и учился этому языку у крещеныхъ калмыковъ. Въ 1725 г. Линкевичъ былъ посланъ къ калмыкамъ миссіонеромъ съ тремя учениками [2]).

Для изученія турецкаго, персидскаго и татарскаго языковъ Петръ въ 1716 году наказывалъ отправить 5 учениковъ московскихъ латинскихъ школъ въ Персію съ посланникомъ Волынскимъ. Въ результатѣ этой мѣры у насъ впослѣдствіи явились свои переводчики персидскаго языка (Колушкинъ, послѣ резидентъ при персидскомъ дворѣ и др. [3]).

Школьное преподаваніе славянскаго и древнихъ языковъ шло въ томъ-же духѣ и направленіи, какъ въ московской славяно-греко-латинской академіи, объ упадкѣ которой, по уходѣ братьевъ Лихудовъ, уже шла выше (стр. 187) рѣчь. Съ 1706 г. была учреждена Новгородская греко-славянская школа при Софійскомъ Соборѣ, куда были призваны преподавателями тѣ же Лихуды. Преподаваніе въ ней не отличалось существенно отъ преподаванія въ московской академіи, но число учениковъ было не велико (за все время учительства здѣсь Лихудовъ—только 163 ч.). Школа дѣлилась на два класса, гдѣ преподаваніе шло на „еллинскомъ діалектѣ“ и на „словенскомъ общемъ діалектѣ“. Въ славянскомъ классѣ преподавалъ переводчикъ Ѳедоръ Герасимовъ (по учебнику Мелетія Смотрицкаго), а въ греческомъ—Лихуды, по руководству, составленному Софроніемъ Лихудомъ. По крайней мѣрѣ, въ спискѣ книгъ Новгородской школы значится „грамматика Софроніева, творенія Лихудіева греческая“ (Смендовскій, „Братья Лихуды“, Спб., 1899, стр. 342). Была ли это та же передѣлка

---

[1]) «Иркутскія Епарх. Вѣдом.» 1863 г. № 17, 28, 38 и 1875 г.; Газета «Амуръ» 1862 г. № 19.; Пекарскій «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ» Спб. 1862 г., т. I. 121.

[2]) См. статью Шестакова въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1869 г. ч. 145 и Смирнова «Истор. Моск. Духовной Академіи», I, 243.

[3]) «Полное Собраніе Законовъ Росс. Имперіи» № 2978 и цитир. трудъ Н. И Веселовскаго «Свѣдѣнія объ офф. препод. и т. д.» стр. 147.

грамматики Ласкариса, о которой упоминалось выше, неясно. Для надобностей этой-же школы однимъ изъ ея учителей, Θедоромъ Максимовымъ, сокращена грамматика Смотрицкаго. Латинскій языкъ введенъ былъ въ Новгородскую школу только при епископѣ Новгородскомъ Θеодосіи Яновскомъ въ 1721 г., но преподаваніе его шло плохо, и въ 1726 при Θеофанѣ Прокоповичѣ латинскіе классы были закрыты (тамъ-же, стр. 344). Да и преподаваніе греческаго языка встрѣчало огромныя трудности. Большая часть учащихся (56 ч.) не пошла далѣе букваря; этимологію до синтаксиса прошло уже только 32 ч., этимологію и часть синтаксиса одолѣло 17 ч., а всю грамматику только 9. Покончившіе грамматику проходили піитику (такихъ было 8) и, наконецъ, достигали риторики (таковыхъ набралось всего 4). Софроній Лихудъ оставался здѣсь недолго и въ 1707 г. былъ вызванъ въ Москву, гдѣ и былъ удержанъ митрополитомъ Стефаномъ Яворскимъ, для устройства школы „еллинскаго языка". Іоанникій же остался въ Новгородѣ до 1716 г., когда переѣхалъ въ Москву, гдѣ и умеръ въ 1717. Преемникомъ его сталъ иподіаконъ Θедоръ Максимовъ, издатель упомянутой выше (стр. 179) передѣлки грамматики Смотрицкаго. При немъ новгородская греко-славянская школа сдѣлалась разсадникомъ просвѣщенія не только для Новгородской области, но и для другихъ епархій, посылавшихъ сюда лучшихъ учениковъ своихъ школъ, какъ въ своего рода образцовую педагогическую семинарію. Въ 1721 г. по образцу ея открыта въ Петербургѣ при Александро-Невскомъ монастырѣ „славенская" школа, а въ 1723 г. въ ней началось обученіе и греческому языку. Кромѣ того, по мысли Θеодосія Яновскаго, новгор. епископа, съ 1721 г. были открыты школы въ разныхъ городахъ и монастыряхъ: Юрьевская, Тихвинская, Каргопольская, Валдайская, Бѣжецкая, Городецкая и т. д. Нѣкоторыя изъ нихъ назывались партикулярными, другія епархіальными. Въ послѣднихъ преподавался и греческій языкъ. Всего въ епархіальныхъ школахъ со времени ихъ открытія до 1726 г., когда онѣ были закрыты, обучалось 723 ученика (Смендовскій, „Братья Лихуды", гл. V). Хуже шла греческая школа, устроенная въ 1707 г. въ Москвѣ Софроніемъ Лихудомъ, особенно упавшая, когда послѣдній былъ назначенъ въ коммиссію по исправленію славянскаго перевода библіи. На помощь ему пріѣхалъ изъ Новгорода престарѣлый Іоанникій, но не могъ ничего сдѣлать. Школа продолжала пребывать въ состояніи крайняго упадка, и большинство учениковъ ея (40 ч.) находилось въ бѣгахъ. Въ 1721 г. школа, вмѣстѣ съ типографіею, перешла въ вѣдѣніе только что учрежденнаго Св. Синода, а въ 1725 г. переведена въ зданіе

Славяно-латинской академіи, войдя въ нее, какъ одно изъ трехъ отдѣленій Славяно-греко-латинской академіи, но сохраняя при этомъ извѣстную самостоятельность, которую утратила только въ 1743 году, слившись окончательно съ академіей. Преподаваніе въ ней шло особенно хорошо при Алексѣѣ Барсовѣ (съ 1725 по 1731 г), но послѣ его ухода, вслѣдствіе арестованія его преемника Ивана Яковлева (1732) и не нахожденія ему хорошаго замѣстителя, обученіе греческому языку въ ней прекратилось и началось снова только въ 1743 г., когда въ нее былъ вызванъ изъ Кіева учителемъ греч. языка іеромонахъ Іаковъ Блонницкій (Сменцовскій, „Братья Лихуды", гл. VI). Духовныя училища, въ которыхъ преподавался латинскій и греческій языки, существовали въ концѣ царствованія Петра Великаго и года два—три послѣ его смерти еще въ Коломенской, Казанской, Рязанской и Нижегородской епархіяхъ, не говоря уже о южно-русскихъ—Кіевской, Черниговской, Бѣлоградской. (См. о нихъ Пекарскій, „Наука и литература и т. д.", т. I, стр. 107—121). Родъ гимназіи, гдѣ преподавались франц., нѣм. и лат. языки, открылъ въ Москвѣ, въ 1703 году, извѣстный плѣнный пасторъ Глюкъ, вскорѣ однако умершій (въ 1705), послѣ чего училищемъ этимъ нѣкоторое время завѣдывалъ магистръ философіи Іенскаго университета, впослѣдствіи первый переводчикъ въ петерб. академіи наукъ, Іоганнъ Вернеръ Паузе. Въ программѣ гимназіи упоминались, въ случаѣ, „когда угодные ученики будутъ", и семитическіе языки--еврейскій, сирійскій и халдейскій, „въ пользу всѣмъ охотникамъ ѳеологскихъ сладостей". О преподаваніи ихъ, равно какъ о дальнѣйшей судьбѣ этой школы ничего не извѣстно (см. тамъ-же, стр. 131).

Развивавшееся такимъ образомъ понемногу и съ большими остановками школьное преподаваніе языковъ требовало пособій и руководствъ. Не удивительно, впрочемъ, что при новизнѣ дѣла лингвистическая литература петровской эпохи ограничивалась немногими учебниками, въ родѣ Копіевича „Руковеденія въ грамматику славенороссійскую" (1706), представлявшаго извлеченіе изъ грамматики Смотрицкаго, его-же русско-латинско-нѣмецкихъ вокабулъ („Nomenclator in lingua latina, germanica et russica", 1700), латинской грамматики („Latina Grammatica in usum scholarum celeberrimae gentis Sclavonico-Rosseanae adornata, studio atque opera Elia Kopiewitz seu de Hasta Hastenii", Амстердамъ, 1700), упомянутыхъ уже выше славяно-русскихъ грамматикъ Поликарпова (М., 1721) и Максимова (Спб., 1723), основанныхъ на грамматикѣ Смотрицкаго (первая цѣликомъ, вторая съ нѣкоторыми незначительными самостоятельными добавленіями), голландско-русскихъ разговоровъ

Дезидерія Эразма („Разговоры дружескіе Дезідеріа Ерасма, съ приложенными общими нѣкіими разговоровъ образцами и часто употребляемыми пословицами, отъ различныхъ авторовъ избранными, во употребленіе хотящимъ языка Галанскаго учитися юношамъ. 2 части на Россійскомъ и Галанскомъ языкахъ. Спб. 1716. 8°. См. Смирдинъ „Роспись россійскимъ книгамъ", № 5876. У Сопикова въ „Опытѣ росс. библіографіи", № 9443, заглавіе приводится съ нѣкоторыми отличіями, впрочемъ незначительными), переводной грамматики голл. яз. Вилима Сѣвела „Искусство нидерландскаго языка" (1716—17) (см. Пекарскій, т. II, 395—97) и немногихъ букварей, въ родѣ „Букваря славенскими, греческими и римскими письмены" Өедора Поликарпова (М., 1701). Въ этомъ букварѣ впервые встрѣчаемъ латинскія и греческія слова, напечатанныя подлиннымъ латинскимъ и греческимъ шрифтомъ. Заключающіяся въ немъ вокабулы заимствованы изъ вокабулъ Копіевича (Пекарскій, т. I, стр. 176). Такойже практическій характеръ имѣли: „Лексиконъ треязычный; сирѣчь рѣченій славенскихъ, еллиногреческихъ и латинскихъ сокровище изъ различныхъ древнихъ и новыхъ книгъ собранное и по славенскому алфавиту въ чинъ расположенное" Ө. Поликарпова (М., 1704), въ составленіи котораго принимали участіе и братья Лихуды, разсмотрѣвшіе его вмѣстѣ съ Стефаномъ Яворскимъ и Рафаиломъ Краснопольскимъ (учителемъ Славяно-латинской академіи) и дополнившіе его [1]), и „Книга лексіконъ или собраніе рѣчей по алфавіту съ россійскаго на голанской яз.". (Спб., 1717). Въ „лексиконѣ треязычномъ" Поликарпова интересно предисловіе, въ которомъ авторъ старается уничтожить предубѣжденіе противъ изученія иностранныхъ языковъ и предлагаетъ читателю, вопрошающему „что пользуютъ намъ языцы иностранніи, не доволенъ-ли единъ нашъ славенскій ко глаголанію", внять его доводамъ въ пользу этого изученія и „развѣять негодованія облакъ". Далѣе приводятся аргументы въ пользу выбора трехъ языковъ: „еврейскій языкъ есть языкъ святъ, греческій языкъ есть языкъ премудрости, латинскій языкъ есть языкъ единоначальствія"; кромѣ того на этихъ языкахъ было написано „титло Христа распятаго". Составитель, однако, позволилъ себѣ замѣнить еврейскій языкъ славянскимъ „яко поистинѣ отцемъ многихъ языковъ благоплоднѣйшимъ, понеже отъ него аки отъ источника неизчерпаема прочіимъ многимъ произыти языкомъ: сирѣчь поль-

[1]) См. Пекарскій, «Наука и литература при Петрѣ I, т. I, стр. 190, т. II, стр. 93.

скому, чешскому, сербскому, болгарскому, литовскому [1]), малороссійскому и инымъ множайшымъ всѣмъ есть явно. Не малую же и отсюду нашъ языкъ славенскій имѣетъ почесть, яко начало воспріятъ отъ самыя славы, ибо еже грекомъ есть δόξα, латиномъ gloria. Сіе намъ есть слава. Отнюдуже чрезъ имени производство отъ славы славенскій и родъ и языкъ преславное свое начало восприяша". Помимо указанія на подозрительное отношеніе къ занятіямъ иностранными языками, вполнѣ естественное въ невѣжественномъ обществѣ, очень мало еще отошедшемъ отъ взглядовъ московской старины, здѣсь находимъ представленіе о старослав. языкѣ, какъ объ отцѣ всѣхъ славянскихъ языковъ, а также и признаніе взаимнаго родства этихъ послѣднихъ между собою.

Рядомъ съ этими печатными руководствами, продолжаютъ появляться и рукописныя, что было вполнѣ естественно, въ виду слабаго спроса на подобныя книги. Такъ въ 1705 году Лихуды, сосланные въ то время на житье въ Костромской Ипатьевскій монастырь, составили пространную греческую грамматику, сохраняющуюся въ рукописи, въ библіотекѣ Моск. Дух. Акад. (№ 332) и озаглавленную „Ἰωαννικίου καὶ Σωφρονίου τῶν Λειχουδῶν περὶ Γραμματικῆς μεθόδου ἔκδοσις τὸ δεύτερον, πρὸς τὴν τῆς Ῥητορικῆς σχολὴν ἀποβλέπουσα". Это руководство изложено уже не въ катехетической формѣ (какъ ихъ первая грамматика), но также основано на грамматикѣ Ласкариса, хотя примѣчанія и объясненія къ правиламъ принадлежатъ самимъ Лихудамъ. Первая часть (437 стр.) заключаетъ въ себѣ ученіе объ осьми частяхъ рѣчи, вторая же трактуетъ περὶ συντάξεως τῶν ὀκτὼ μερῶν τοῦ λόγου и заключается синтаксисомъ σχηματικῆ, гдѣ говорится о барбаризмахъ, солекизмахъ, эллипсисѣ, синекдохѣ и т. д. Примѣры грамматическихъ формъ склоненія и спряженія представляютъ всегда сравненія съ діалектическими разновидностями и почерпнуты изъ классическихъ писателей, мѣстами же изъ Новаго Завѣта [2]).

Въ концѣ царствованія Петра Великаго нѣкій Іоаннъ Максимовичъ (по правдоподобному предположенію Пекарскаго, малороссъ, канцеляристъ, бѣжавшій за границу съ Мазепою, но потомъ вернувшійся съ повинной головой въ 1715 г. и опредѣленный переводчикомъ въ московскую типографію, какъ человѣкъ, знакомый съ иностранными языками) составилъ рукописный латино-русскій словарь, хранящійся нынѣ въ Имп. Пу-

---

[1]) Т.-е. западно-русскому.

[2]) См. описаніе этой грамматики у С. К. Смирнова: „Исторія Славяно-греко-лат. Академіи". Москва, 1855, стр. 46—47.

бличной Библіотекѣ (рукоп. Q., XVI, № 21). Оконченъ онъ былъ послѣ шестилѣтняго труда въ 1724 году, какъ это видно изъ разныхъ указаній обширнаго предисловія (на 21 л.), писаннаго по латыни и по русски. Самый словарь занимаетъ 1425 стр., и въ концѣ къ нему приложены (на 74 стр.) „Vocabula et phrases quae non minori diligentia, opera ac curiositate auctoris hujus onomastici, tam ex S. Scriptura, quam ex variis libris et lexicis excerpta et suis locis secundum ordinem verborum inserta, non propter jactantiam operis, sed evidentiam sedulitatis hic sunt adnotata“. Словарь былъ посвященъ императрицѣ Екатеринѣ I, о предстоящей коронаціи которой говорится въ очень пространномъ предисловіи, дающемъ нѣкоторыя указанія, цѣнныя для исторіи языкознанія у насъ. Въ посвященіи авторъ старается связать коронацію императрицы со своимъ словаремъ, чтобы каждый изучающій лат. языкъ по его труду вспоминалъ бы это событіе. Въ предисловіи указываются мотивы составленія словаря: отсутствіе лексиконовъ (и грамматикъ) не только въ Великой Россіи, гдѣ до сихъ поръ „власть духовная, ея же честь ученія разширяти долгъ не рушимый... о размноженіи наукъ на языкахъ политическихъ не прилагала попеченія“, но даже и въ Малой Россіи, гдѣ латинскія училища, основанныя Петромъ Могилою, въ теченіи болѣе 80 лѣтъ своего существованія „отъ полоно-латинскихъ и латино-польскихъ лексиконовъ въ ученіяхъ своихъ пользовашася и сего ради въ свойственномъ себѣ словенскомъ оскудѣваху языцѣ“. Здѣсь-же перечисляются разныя западныя пособія для изученія иностранныхъ языковъ на западѣ, и указывается источникъ самого словаря Максимовича, именно латино-польскій „Thesaurus polono-latino-graecus, seu Promptuarium linguae latinae et graecae polonorum usui accomodatum“ іезуита Григорія Кнапія, изд. въ Краковѣ въ 1621 г. и потомъ неоднократно переиздававшійся въ теченіе XVII ст. [1]). Такимъ образомъ даже въ концѣ царствованія Петра Великаго европейская наука все еще попадала къ намъ черезъ посредство Польши и Малороссіи.

При Петрѣ начинаются и первыя у насъ попытки собиранія лингвистическаго матеріала. Такія работы производили иностранцы: Готлобъ Шоберъ, посланный на Кавказъ (1717), Даніилъ Готлибъ Мессершмидтъ, натуралистъ и оріенталистъ, отправленный въ 1721 г. въ Сибирь, Шарль Фредерикъ де Патронъ Боданъ, ѣздившій съ Петромъ въ персидскій походъ, въ Казань и Астрахань

[1]) Пекарскій, «Наука и литература при Петрѣ Великомъ», Спб. 1862, т. I, 191—197.

(1722). Работы ихъ остались, однако, въ рукописи (см. Пекарскій „Наука и литер. при Петрѣ I", т. I, стр. 350—51).

Къ этимъ ученымъ надо прибавить еще голландца Николая Витзена (р. 1641 † 1717), пребываніе котораго въ Россіи, правда, относится къ болѣе раннему времени (1666—1677). Первое изданіе его сочиненія „Noord en Oost-Tartarye ofte bondig Ontwerp van eenige dier Landen en Volken etc." вышло еще въ 1672, въ Амстердамѣ (2 т. in folio), но второе, значительно дополненное и совершенно передѣланное, въ 1705 [1]). Дополненія второго изданія были основаны на матеріалѣ, доставлявшемся изъ Россіи, съ вѣдома и при содѣйствіи Петра Великаго, которому и была посвящена книга Витзена еще въ первомъ изданіи. Въ этомъ трудѣ находимъ образчики (глоссаріи и тексты) слѣдующихъ языковъ: корейскаго, даурскаго (т. е. бурятскаго), монгольскаго, татарскаго (въ томъ числѣ и крымскихъ татаръ), калмыцкаго, грузинскаго, черемисскаго, мордовскаго, остяцкаго, тунгузскаго, якутскаго, ламутскаго, юкагирскаго, вогульскаго, пермяцкаго и самоѣдскаго [2]).

Въ этомъ же родѣ были и рукописныя работы выше названныхъ трехъ ученыхъ. Готлобъ Шоберъ, поступившій въ 1712 г. въ русскую службу лейбъ-медикомъ, оставилъ рукописное сочиненіе „Memorabilia Russico-Asiatica", въ которомъ, по разсказамъ современниковъ, было очень много образчиковъ разныхъ языковъ. Рукопись эта была отправлена наслѣдниками Шобера въ Голландію для изданія, но и въ 1760 г. все еще оставалась ненапечатанной, принадлежа одному частному лицу въ Гагѣ [3]). Мессершмидтъ (р. 1685 † 1735), семь лѣтъ странствовавшій по Сибири, занимался также собираніемъ образчиковъ разныхъ языковъ. Аделунгъ, въ цитированномъ уже сочиненіи своемъ о заслугахъ Екатерины II въ области сравнительнаго языкознанія, приводитъ заглавіе одного рукописнаго труда Мессершмидта, доставшагося ему, вмѣстѣ съ бумагами такого же позднѣйшаго собирателя, Бакмейстера: „Specimen der Zahlen einiger Orientalischen und Sibirischen Völker, woraus unter andern Merkmalen auch zu ersehen seyn mögte, wie etwa solche vor Zeiten sowohl unter sich, als mit andern westlichen Völkern combinirt gewesen". Здѣсь приводятся формы изъ языковъ: венгерскаго, финскаго, мордовскаго, вотяцкаго, пермяцкаго, вогульскаго или югорскаго, черемисскаго, остяцкаго, якутскаго, сибирскихъ татаръ, тунгузскаго, манчжурскаго, верхне-

---

[1]) Оба изданія имѣются въ библіотекѣ Имп. Акад. Наукъ.

[2]) См. Adelung, „Catharinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Spachenkunde". Спб. 1815, стр. 3—6.

[3]) Аделунгъ, цит. сочин. стр. 9 и Мюллера „Samml. Russ. Gesch." IV. 280.

тунгузскаго или ламутскаго, калмыцкаго или монгольскаго, бухарско-персидскаго (таджикскаго ?), или монгольско-индійскаго (?), тангутскаго (т. е. тибетскаго), китайскаго, камчадальскаго, мангазейскаго [1]). Помощникомъ его и такимъ же любителемъ-собирателемъ лингвистическаго матеріала былъ Іоганнъ фонъ Штраленбергъ, прежде носившій фамилію Табберта [2]), шведскій капитанъ, взятый въ плѣнъ въ 1709 г. при Полтавѣ и отправленный, вмѣстѣ съ другими плѣнниками, въ Сибирь, гдѣ онъ пробылъ 13 лѣтъ. Плодомъ его наблюденій было извѣстное его сочиненіе о Россіи: „Das Nord-und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das ganze Russische Reich mit Sibirien und der grossen Tartarey in sich begreifet... etc.“ (Стокгольмъ, 1730 г.). Здѣсь напечатаны слѣдующіе лингвистическіе матеріалы, собранные Штраленбергомъ: „Vocabularium Calmuco-Mungalicum“, „Tabula Polyglotta“, носящая заглавіе: „Gentium Boreo-Orientalium vulgo Tatarorum Harmonia Linguarum oder Specimen einiger Zahlen und Wörter derer in dem Nord-Ostlichen Theil von Europa und Asia wohnenden Tatar-und Hunno-Scythischen Abstämmlings-Völker“ и т. д. Таблица эта дѣлитъ сравниваемые языки на шесть классовъ; въ первомъ находимъ сравненіе языковъ вогульскаго, мордовскаго, черемисскаго, пермяцкаго, вотяцкаго и остяцкаго съ венгерскимъ и финскимъ; во второмъ сравнивается языкъ тобольскихъ, тюменскихъ и туринскихъ татаръ съ якутскимъ и чувашскимъ; въ третьемъ разсматриваются шесть самоѣдскихъ діалектовъ (архангельскихъ и енисейскихъ самоѣдовъ, остяковъ на Оби и Чулимѣ и др.); четвертый классъ составляютъ языки калмыцкій, манчжурскій и тангутскій (т. е. тибетскій); въ пятомъ сближаются языки камачинцовъ, аринцовъ, нерчинскихъ и ангарскихъ тунгузовъ, ламутовъ, коряковъ и курильцевъ, а въ шестомъ языки аваровъ, кумыковъ, кубинцевъ, черкесовъ и куринцевъ, живущихъ между Чернымъ и Каспійскимъ морями.

По свидѣтельству Мюллера (Sammlung Russ. Geschichte, XI, 86—87), Штраленбергъ былъ страстнымъ любителемъ этимологизаціи („ein ungemeiner Liebhaber der Wortforschung“), примѣнявшейся имъ въ его историческихъ изысканіяхъ, но къ сожалѣнію не зналъ границъ своей фантазіи, увлекавшей его нерѣдко къ самымъ рискованнымъ заключеніямъ („die abenteuerlichsten Sätze“) [3]).

Особенно плодовитымъ лингвистомъ-дилеттантомъ Петровской эпохи является Шарль Фредерикъ де-Патронъ Боданъ (Baudan), оста-

---

[1]) Аделунгъ, стр. 8—9.
[2]) Тамъ же, стр. 6—8.
[3]) Тамъ же.

вившій послѣ себя множество рукописныхъ трактатовъ. Рукописи его, прежде находившіяся въ библіотекѣ Эрмитажа, хранятся теперь въ Имп. публичной библіотекѣ и посвящены преимущественно вопросу о происхожденіи письма и сравнительному языкознанію. Аделунгъ, ознакомившійся съ ними, приводитъ ихъ заглавія. Языкознанію посвящены слѣдующія: „Remarques sur l'analyse des dialectes Scythes tant Slaviens que Germains“ (9 лист.), „Essai de l'analyse de la langue Russe-Slavienne“, „Amazones“, трактатъ „Sur les diverses branches Scythes Sarmates, tant Slaviennes que Germaines, auxquelles le métier de la guerre et sa profession étaient dans les premiers siècles universels etc.“ (79 листовъ). Здѣсь между прочимъ доказывается, что сирійскій языкъ тожественъ съ русскимъ, „la même langue que le Russe moderne“, такъ какъ „le terme de Sour, Sourien ou Syrien a été transposé par les Grecs et Latins, et pris du terme de Rouss ou Roussien, de même que celui de Souriac ou Syriaque est le terme renversé de Rossak et Roussiak, qui est le même que Rouss et Rouski“. Въ связи съ этимъ трактатомъ находится его „Le grand Dictionnaire du Chevalier Gentilhomme ou Dictionnaire Amasonien“ или „Le grand Dictionnaire Amasonien Etymologique, Géo-Hydrographique, Héraldique, Historique, Chronologique et Critique. Par le secours du quel il est prouvé, que toutes les langues usitées des peuples Chrétiens de l'Europe, y compris la Latine et la Grecque ou Hellénienne, ne sont rédévables de tous les termes anciens fameux et remarquables qu'elles comprennent qu'aux Dialectes antiques *Slaviens* et *Germains*, en tant que dérivés l'un et l'autre de la plus antique langue Scythe Septentrionale, Mère commune des dialectes fameux *Slaviens* et *Germains*“. Этотъ громадный рукописный трактатъ представляетъ типичный образчикъ безграничной свободы въ сравненіи формъ разныхъ языковъ, основанномъ исключительно на созвучіи. Такъ Боданъ сравниваетъ *хорошъ* съ лат. *carus*, *богатый* съ лат. *beatus*, *обитаетъ* съ лат. *habitat*, *покой* съ лат. *pax*, *убыль* съ нѣм. *Uebel*, *кафтанъ* съ *heft an!* *годится* съ *gut ist es*, *принеси* съ *bringen Sie* и т. д. Рядомъ, однако, имѣются болѣе удачныя сопоставленія: *овецъ* || *ovis*, *видитъ* || *videt*, *агнецъ* || *agnus*, *беретъ* || *fert*, *игомъ* || *jugum*, *домъ* || *domus*, *сидитъ* || *sedet*, или *яе*, *яйцо* съ нѣм. Ei, *яблоко* съ *Apfel*, *купа* съ *Haufe*, *купить* съ *Kaufen*, *ута* съ *Ente* (сопоставленіе, кажущееся Аделунгу слишкомъ смѣлымъ, но теперь общепринятое). Сходство славянскаго съ санкритомъ (или „langue Indienne Bramine“) объясняется существованіемъ Индо-скиѳскаго языка и господствомъ скиѳовъ или Сарматовъ надъ всей Азіей (см. Аделунгъ, „Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleich. Sprachenkunde“, стр. 10—20).

VI. Языкознаніе при преемникахъ Петра Великаго. Тредьяковскій, Сумароковъ, Ломоносовъ.

При преемникахъ Петра условія научнаго развитія въ Россіи не могли существенно измѣниться, и настоящихъ языковѣдовъ у насъ пока все еще не являлось да и не могло явиться. Грамматическими вопросами занимались преимущественно писатели, и въ томъ числѣ Тредьковскій (1703—1769), Сумароковъ (1718—1777), и особенно Ломоносовъ (1712—1765). Первому принадлежитъ „Разговоръ между чужестраннымъ человѣкомъ и россійскимъ объ орѳографіи старинной и новой“ (1748), составленный по образцу разговора Эразма Роттердамскаго о произношеніи въ греческомъ и латинскомъ языкахъ. Въ немъ авторъ проводилъ смѣлую по тогдашнему мысль о необходимости фонетическаго правописанія „по звонамъ“ (по выговору). Сообразно съ этимъ принципомъ, Тредьяковскій изгонялъ изъ русской азбуки нѣкоторые лишніе знаки, въ родѣ *щ*, которое замѣнялъ сочетаніемъ *шч*, а также *з*, *и*, *э*, *ѳ*, *г*. Вмѣсто *з* онъ предлагалъ знакъ ѕ (зѣло), а вмѣсто *и*—*і*. При этомъ, однако, самъ онъ являлся непослѣдовательнымъ, продолжая писать многое по укоренившемуся обычаю.

Вопросовъ метрики и версификаціи онъ касался въ своемъ извѣстномъ „способѣ къ сложенію россійскихъ стиховъ“ (1735) и въ разсужденіи „о древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи россійскомъ“ (1755), гдѣ впервые устанавливалъ тоническую теорію русскаго стихосложенія.

Объ употребленіи языковъ церковно-славянскаго и русскаго, въ зависимости отъ содержанія и характера сочиненія, онъ говоритъ въ предисловіи къ переводному сочиненію „Ѣзда на островъ любви“, затрогивая здѣсь вопросы, поднятые также и Ломоносовымъ въ его извѣстномъ ученіи о трехъ штиляхъ. Между прочимъ онъ сообщаетъ читателямъ своего перевода, что старался писать „почти самымъ простымъ русскимъ словомъ, то есть каковымъ мы межъ собой говоримъ“. Причинами такого выбора „простого русскаго языка“, вмѣсто „славянскаго“, онъ выставляетъ: 1) свѣтскій характеръ своей книги: „языкъ словенской у насъ есть языкъ церковной, а сія книга мірская“; 2) непонятность „славенскаго“, который „въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очюнь теменъ, и многія его наши читая неразумѣютъ“, между тѣмъ какъ данное сочиненіе, трактующее о „сладкой любви“, должно быть вразумительно всѣмъ; 3) жесткость славянскаго: „языкъ славенскій нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не только я

имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми". Тѣмъ не менѣе „самый простой русскій языкъ" этого перевода кишитъ славянизмами, въ родѣ: *бремя, гласъ, брегъ, зракъ, драгая, велегласно, древеса, благосердна, премѣнъ, престать, престаютъ, немогуще, привлещи, нощь, вящшей, тысящи, зажещи, хощу, возмощи, провождать, такожде, любве, сице, понеже, выну, паки, зѣло* и т. д. Рядомъ дѣйствительно находимъ и чисто русскія формы: *отъ берегу, оборотившися, перестань*, р. ед. *города, холодность, хочешь, свѣчи, тысячу, нахожу, также* и т. д. Такая путаница въ употребленіи „славенскихъ" и „простыхъ русскихъ формъ" вытекала изъ совершенно неяснаго представленія объ отличіи русскаго языка отъ старославянскаго. Въ упомянутомъ уже „Разговорѣ о правописаніи" Тредьяковскій говоритъ, что „вся разность" между русскимъ и славянскимъ „касается токмо, такъ сказать, до поверхности языка, а не до внутренности" и состоитъ лишь въ заимствованіяхъ, „нововводныхъ словахъ, воспріятыхъ отъ чужихъ языковъ", въ весьма немногихъ „отмѣнныхъ словахъ" (нпр. слав. *аще*, вм. р. *ежели*) и „въ простѣйшемъ выговорѣ отъ народа введенномъ" (вм. *глава—голова*, вм. *пити—пить* и т. д,). Разницы эти, однако, „нимало" не мѣшаютъ „быть нашему языку однимъ и тѣмъ же съ славенскимъ". Это отожествленіе русскаго языка съ старославянскимъ повторяется и впослѣдствіи, не только въ грамматическихъ работахъ первой четверти XIX в., но даже и въ недавнее время (нпр. въ передовой статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей" 1885 г., № 93, въ которой, по поводу юбилея славянскихъ Первоучителей, очевидно, не безъ вѣдома редактора-филолога, если и не имъ самимъ, доказывалось, что „славянскій языкъ есть также русскій только въ его древнѣйшемъ состояніи... славянскій языкъ есть славянорусскій" и т. д.).

Весьма интересны для характеристики филологическихъ пріемовъ Тредьяковскаго его „Три разсужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ: I. о первенствѣ словенскаго языка предъ тевтоническимъ: II. о первоначаліи Россовъ, III. о варягахъ-руссахъ славенскаго званія, рода и языка" (1773). Свое положеніе о первенствѣ слав. языка [1]) Тредьяковскій доказываетъ рядомъ курьезныхъ этимологій, основанныхъ на грубомъ созву-

[1]) . . . „древнѣйшій всего Запада и Сѣвера Европѣйскаго языкъ былъ одинъ Словенскій, отецъ по прямой чертѣ Славенскому, Славенороссійскому, Польскому, Чешскому, Далматскому, Сербскому, Болгарскому, Хорватскому, Расціанскому и многимъ прочимъ; а вотчимъ, или лучше отецъ же, но только съ косвенныя стороны, всѣмъ Тивтоническимъ и Цімбрическимъ". (Тредьяк. «Три разс.» 1773 г., стр. 61—62).

чіи и дающихъ яркое понятіе о его филологическомъ методѣ, въ которомъ онъ, однако, являлся только ученикомъ современныхъ западно-европейскихъ филологовъ и историковъ [1]). Такъ скиѳы у него = *скиты* (отъ *скитанія*); Британія = *Пристанія* (гдѣ *пристали* кельты, названные такъ за *желтый* цвѣтъ своихъ волосъ); иберы=*уперы*, такъ какъ море со всѣхъ сторонъ *упи-*

---

[1]) Изъ лингвистическихъ европейскихъ работъ Тредьяковскій неоднократно ссылается на: „Синопсисъ всеобщей Филологіи“ Генселія (Henselius Godofr. Synopsis universae *Philosophiae* [такъ у Grässe, „Trésor des livres rares“], in qua mira unitas et harmonia linguarum totius orbis terrarum occulta, literarum, syllabarum, vocumque natura et recessibus eruitur; cum grammatica linguarum orientalium harmonica synoptice tractata, necnon descriptione orbis terrarum quoad linguarum situm et propagationem, mappisque geographicis polyglottis.“ Norimb. 1741 и 1754. Мал. 8°. Grässe замѣчаетъ: Cet ouvrage bizarre ne mérite notre attention...), „Параллел. XII. языкъ Скитѳо-Целто-Европейскихъ“ Кирхмайера (Георгъ Каспаръ Кирхмайеръ, р. 1635 † 1700, проф. элоквенціи Виттенбергскаго университета, весьма плодовитый авторъ массы разсужденій на разныя темы, въ томъ числѣ „Parallelismus XII. linguarum ex matrice Scytho Celtica Europae a Japheti posteris vindicatarum“. Виттенб. 1693, и „De origine, jure ac utilitate linguae Slavoniae“. Виттенб. 1697), „Анти-клувер.“ шведа „Стіернгелмія“ (Georg Stjernhjelm, р. 1598 † 1672, первый директоръ коллегіи древностей въ Упсалѣ, авторъ нѣсколькихъ ученыхъ трудовъ, между прочимъ цитуемаго Тредьяковскимъ полемическаго сочиненія, направленнаго противъ „Germania antiqua“ географа Клювера: „Anticluverius sive de originibus sueo-gothicis“ Стокгольмъ, 1685.), „Разсужден. о вѣк. Тевтоническ. языка“ другого Кирхмайера (Теодора, р. 1645 † 1715, адъюнкта философ. факультета въ Виттенбергѣ, автора нѣсколькихъ трактатовъ, среди которыхъ находится и „De linguae teutonicae aetatibus“, по показанію Jöcher, „Allgem. Gelehrten-Lexikon“ т., II. 1750 г., стлб. 2099—2100), Пезрона „Древности Целтич. язык.“ (аббатъ Paul Pezron, филологъ и хронологистъ, р. 1639 † 1706. Книга его: „Antiquités de la nation et de la langue des Celtes autrement appelez Gaulois“. Парижъ 1703), акты Королевскаго научнаго Упсальскаго общества, въ частности на посланіе епископа Готебурскаго Георгія Валлина, напечатанное въ этихъ актахъ за 1743 г., Прашія „Разсужденіе о германическ. начал. Латинск. языка“ (Praschius, „De origine Germanica linguae Latinae. Ratisbonae 1686“), на “Фалегъ“ Бошарта (знаменитый въ свое время ученый Samuel Bochart, р. 1599 † 1667, гугенотскій пасторъ, авторъ „Geographia Sacra“, изд. подъ заглавіемъ „Phaleg et Canaan“, 1646 г.), на „Амазоническія писанія“ Горопія Бекана (фламандецъ Van Gorp или Goropius Becanus р. 1518 † 1572, медикъ и оріенталистъ, авторъ различныхъ трактатовъ, въ томъ числѣ „Origines gentium“. Сочиненія его „Opera Joannis Goropii Beccani“ изд. въ Антверпенѣ въ 1570 г. Въ нихъ онъ доказывалъ между прочимъ, что голландскій языкъ—древнѣйшій изъ языковъ міра, и что рай былъ въ Голландіи); на историковъ: Байера, т. I. „О началѣ и перьвѣйшихъ Скитѳскихъ мѣстахъ“, Кромера (Mart. Cromer, 1512—1539, епископъ, авторъ „De origine et rebus gestis Polonorum“) и Стрыйковскаго, на „Полоно--латино-Греч. Словарь іезуита Кнапія (Григ. Cnapius, полякъ, 1574—1638, авторъ „Thesaurum polono-latino-graecum“) и франц. словарь „Ришлета“ (Pierre Richelet, † 1698, авторъ „Dictionnaire françois“, Женева, 1680, Кельнъ 1694, Амстердамъ 1709) и т. д.

рается въ Пиренейскій полуо-въ; Италія=*Удалія* (*удаленная* отъ сѣвера); Норвегія=*Наверхія* (лежитъ *на верху* карты къ сѣверу) и т. д. Скиѳскія имена получаютъ здѣсь такое объясненіе: Агатїрсъ есть *Окодыржъ*, т. е. *Окодержъ* отъ надсмотра или надзора, паралаты=*перелеты* или *буреленты*, тиссагеты=*дюжечеты*, т. е. сильные люди, мессагеты=*мѣсточеты*, т. е. преходящіе по мѣстамъ, аргипеи или арджипеи=*о-рчи-баи*, т. е. о рѣчи баятели, или сказатели дѣльнаго и справедливаго, аримаспы=*яры машбы* отъ яраго маханія на бою; сарматы или *царметы*, т. е. отлично умѣющіе метать изъ лука (какъ царь-колоколъ, царьдѣвица), или *за-ра-мати*, т. е. имѣющія своихъ матерей за Волгою (Ра). Имена амазонокъ также славянскія: Антіопа=Энтавопа, т. е. та вопящая, Гипполита=Губалюта или велерѣчивая. Самое имя амазоны=*омужоны*, т. е. мужественныя жены. Этруски или Гетруски=отъ хитрости *хитрушки*, „ибо сіи люди въ наукахъ по тогдашнему упражнялись“ и т. д. и т. д.

Замѣчательно, что при составленіи такихъ этимологій Тредьяковскій самъ высказывался противъ сближеній, основанныхъ на одномъ созвучіи: „знаю, что произведеніе именъ есть такой доводъ, которой опасно и благоразумно приводить должно: ибо оно сходственнымъ звономъ, въ самомъ чуждомъ языкѣ изобрѣтаемымъ, способно и прельстить и обольстить можетъ. Но ежели такое произведеніе законамъ своимъ правильно слѣдуетъ; то едвалъ сего доказательства, въ семъ случаѣ, возможетъ быть другое вѣроятнѣе. (Тредьяк. „Три разс.“ 1773 г. стр. 25—26).

Рядомъ съ приведенными образчиками фантастическаго произвола въ этимологизаціи, число которыхъ можно было бы увеличить во много разъ, мы находимъ и болѣе удачныя сопоставленія, восходящія, однако, въ европейскимъ источникамъ [1]) и далеко не столь многочисленныя: „тевтоническое ауге и оге (нѣм. Auge), око; цвей и твей (нѣм. zwei), два; дрітте (нѣм. dritte), третій; Эзель (нѣм. Esel), Оселъ; Эссігъ (н. Essig), Оцетъ; Гкансъ (нѣм. Gans), Гусь; Гкастъ (н. Gast), гость; Леїнъ (н. Lein), Ленъ; Маусъ (н. Maus), Мышь; Мееръ (н. Meer), Море; Вассеръ (нѣм. Wasser) и Ваттеръ, Вода; Меетъ (н. Meth), Медъ; Мюллеръ (н. Müller), Млинарь, нынѣ Мѣльникъ; Муттеръ (н. Mutter) и Мадеръ, Матерь; Пфейнігъ (н. Pfennig), Пѣнязь; Зонъ (н. Sohn) и Сунъ, Сынъ; Юнгкъ (н. jung), юнъ; Кірхе (н. Kirche), Церковь; Заамен

---

[1]) Тредьяковскій ссылается здѣсь на Кирхмайера: „Parallelismus XII. linguarum ex matrice Scytho Celtica Europae a Iapheti posteris vindicatarum“ 1697 г.

(н. Saame), Сѣмя; Заалцъ (н. Salz), соль; Сицъ (н. Sitz), сидѣніе; Шілдъ (нѣм. Schild), щитъ; Веінъ (н. Wein), Вино; Виттве (нѣм. Wittwe), Вдова; Абрісъ (н. Abriss), Образъ" [1]). За исключеніемъ двухъ-трехъ (Schild и щитъ, Abriss и образъ), всѣ эти этимологіи признаны и современной наукой. Не лишено интереса примѣчаніе на стр. 25: „самое Тевтоническое слово МЕНШЪ, есть Словенское жъ мужъ, по примѣру Словенопольскаго Вензелъ за Словенскій узолъ; Венсъ за усъ; Венгры за угры". Здѣсь правильно и впервые, задолго до Востокова, подмѣчено сотвѣтствіе русскаго *у* польскимъ носовымъ гласнымъ, хотя еще въ видѣ неопредѣленнаго сопоставленія. Вѣрно же указано и отношеніе нѣм. Mensch къ слав. (точнѣе русскому) *мужъ*, хотя, конечно, Тредьяковскій навѣрное считалъ эти слова тожественными (приравнивая нѣм. *sch* славянскому *ж*), а не родственными только. Но подобныя удачныя этимологіи тонутъ въ массѣ совершенно нелѣпыхъ и чудовищныхъ сближеній, дикихъ даже и для того времени.

На дѣйствительное сходство между различными индоевропейскими языками (и мнимое ихъ сходство съ другими, не индоевропейскими) Тредьяковскій смотритъ такимъ образомъ: „Да соглашаютъ, когда угодно, нѣкоторыи изъ ученыхъ... Греческій языкъ съ Словенскимъ, по многимъ сходнымъ словамъ, также и по свойству склоняемыхъ именъ разными окончаніями, да и по приложенію частей ихъ естественнаго порядка, во всякое произвольное сочиненія мѣсто: я вѣдаю токмо сіе, отъ свидѣтельства Страбонова (Кн. VIII, стр. 222), что греки изъ Азіи перешли въ Европу. Да находятъ сходство по томужъ и у Латинскаго съ Словенскимъ: мнѣ только сіе извѣстно, что Латинскій языкъ, есть растлѣнный, по большой части, Греческій; чему свидѣтельствомъ суть оставшіися знаки древнѣйшаго Латинскаго діалекта; а надпись, такъ называемаго столпа рострατнаго, или носоваго, до нынѣ въ Римѣ сохраненнаго въ нѣкоторыхъ знаменитыхъ Авторахъ находящаяся, есть довольнымъ и яснымъ тому доказательствомъ. Извѣстно и сіе, что нынѣшній Італіанскій, Французскій и Гишпанскій языки, суть родныя дѣти Латинскому. Да изобрѣтается сходство наконецъ между Словенскимъ, и между Турецкимъ, Татарскимъ, Партѳянскимъ, и Мидскимъ: о семъ я не пекусь по многу, вѣдая, что Турецкій языкъ, самое крайнее сходство имѣетъ съ пресловущимъ восточнымъ языкомъ Арапскимъ, а сей съ Еврейскимъ". Между тѣмъ, по мнѣнію Гербинія, „Словенскій" имѣетъ „нѣкоторое свойство... съ симъ Еврейскимъ". А такъ какъ „Целтическій и Еврейскій

[1]) «Три разсужд.» 1773 г., стр. 67—68.

языкъ, суть токмо два діалекта одного и того-жъ языка", прародителя въ то же время языковъ нѣмецкаго, латинскаго, греческаго и „арапскаго", къ которымъ Пезронъ прибавляетъ еще и персидскій, то отсюда слѣдуетъ, „что народы, говорившіе сими языками, были или поколѣнія, или разселенцы отъ Гамерітовъ, коихъ они говорили языкомъ, пока не разлучились съ своими братами и не смѣшались съ другими народами", чѣмъ и „повредили свой древній языкъ". Тредьяковскій поэтому полагаетъ, въ виду „многихъ свидѣтельствъ", что „Целтическій языкъ, бывъ одинъ и тотъ же съ Скитѳскимъ, самъ по томъ (?) произшелъ отъ него и слѣдовательно, по моему, отъ Словенскаго первѣйшаго". Тредьяковскій предоставляетъ всякому любопытному судить о сходствѣ этихъ языковъ, „какъ покажется вѣроятнѣе", но заявляетъ при этомъ, что ему самому болѣе по сердцу „токмо первенство Скитѳскаго и единство съ самаго начала Словенскаго съ Целтическимъ" [1]).

Изъ филологическихъ работъ Тредьяковскаго неизданнымъ осталось еще разсужденіе „объ окончаніяхъ собственныхъ и прилагательныхъ именъ" (см. „Словарь митрополита Евгенія", II, 210—225). Возможно, впрочемъ, что оно тожественно съ латинскимъ разсужденіемъ Тредьяковскаго „De plurali nominum adjectivorum integrorum Russica lingua scribendorum terminatione", извѣстнымъ и въ русской редакціи: „О множественномъ прилагательныхъ целыхъ іменъ окончаніі" (Напечатано въ IV т. академ. изд. соч. Ломоносова. Спб. 1898. Приложенія) [2]).

Подобно Тредьяковскому, Сумароковъ тоже написалъ разсужденіе „О правописаніи". Нѣкоторыя замѣчанія его, высказанныя здѣсь, свидѣтельствуютъ объ извѣстной вдумчивости автора. Такъ, полемизируя съ г. Б..., утверждавшимъ, что русскій языкъ имѣетъ тринадцать литеръ „гласныхъ", Сумароковъ резонно называетъ это утвержденіе „худымъ наставленіемъ учащимся; ибо можетъ ли то быти въ нашемъ языкѣ, чево нѣтъ во естествѣ. И и I есть литера одна. Э литеры нѣтъ: а когда оно сліянно (съ согласнымъ j), когда не сліянно, то уже сказано... Я и Ю литеры сліянныя (т. е. представляютъ собой слоги изъ j+а, у)" и т. д. Хотя ниже Сумароковъ возражаетъ также и противъ принятія *ы* за самостоятельный гласный, тѣмъ не менѣе замѣчанія его въ указанномъ мѣстѣ названнаго разсужденія обнаруживаютъ желаніе разобраться въ обычномъ для того времени смѣшеніи буквъ со звуками. Нѣкоторыя

---

[1]) «Три разсужденія», стр. 26—28.

[2]) О Тредьяковскомъ см. Пекарскій, „Исторія Имп. Акад. Наукъ" т. II. Спб. 1873, стр. 1—232.

изъ замѣчаній относительно произношенія нѣкоторыхъ звуковъ, употребленія извѣстныхъ словъ или формъ, имѣютъ и до сихъ поръ цѣну, какъ историческій матеріалъ. Интересно, напр., замѣчаніе о малорусскомъ вліяніи на произношеніе духовныхъ лицъ, вызванномъ тѣмъ обстоятельствомъ, что „знатнѣйшія наши духовныя были ко стыду нашему только одни Малороссіянцы..., отчего и всѣ духовныя, слѣпо слѣдуя ихъ неправильному и провинціальному наречію, вмѣсто *во вѣки* и протч. говорили *во вики* и такъ далѣе"... Въ связи съ этимъ разсужденіемъ находятся посвященныя тому же предмету: „примѣчаніе о правописаніи" и „наставленіе ученикамъ". Вопросы правописанія задѣваются снова и въ разсужденіи „о стопосложеніи", гдѣ Сумароковъ полемизируетъ съ Тредьяковскимъ и Ломоносовымъ. Замѣчанія грамматическаго характера разсѣяны и въ другихъ полемическихъ сочиненіяхъ Сумарокова, напр., въ его „Отвѣтѣ на критику" (его стихотвореній).

Этимологіи во вкусѣ Тредьяковскаго находимъ въ разсужденіи „О происхожденіи Россійскаго Народа". Въ началѣ его Сумароковъ сообщаетъ баснословныя извѣстія о первичныхъ обитателяхъ Россіи, идущія отъ античныхъ географовъ и историковъ (объ одноглазныхъ „иперборейцахъ", жестокихъ „сарматахъ" и т. д.), называя ихъ „невкусными и неестественными сказками". Далѣе слѣдуютъ доказательства того положенія, что славяне, какъ „почти всѣ Европейцы, суть Цельты: а языкъ Цельтской есть языкъ Славенской, который отъ древняго, почти единою долготою времени отмѣненъ; а смѣшеніе въ сей отмѣнѣ мало участвовало. *Долгота времени и разстояніе мѣстъ, безо всякой другой причины премѣняетъ языки*, что мы во своихъ провинціяхъ и въ близкихъ отъ насъ временахъ видимъ. *Сколько различествуетъ языкъ писемъ времени царя Ивана Васильевича, съ языкомъ времени царя Ѳеодора Алексѣевича*!" Эти проблески здраваго чутья затемняются, однако, дальнѣйшими доказательствами того, что пращурами славянъ и другихъ европейцевъ являются „Цельты", „древнѣйшій народъ современный Коптамъ и Скиѳамъ (!!)". „Сами Греки суть отродія Цельтовъ", смѣшавшіяся съ египтянами и финикіянами, „что ихъ языкъ показываетъ". „Гальскія и славенскія Цельты" прославились больше другихъ; первые названы были *галлами* отъ цельтскаго слова „Гуляю", т. е. гуляками или странниками; напротивъ *вандалы* „отъ того, что вышли *вонъ далѣ*, нарѣклися *Вондалями*", откуда и нѣмецкое Wanderer странникъ; въ свою очередь отъ wandern происходитъ имя Вендовъ, тоже „странниковъ". Въ этой кельтоманіи Сумарокова, конечно, отразилась кельтоманія западныхъ историковъ, которую мы видѣли уже у Тредьяковскаго

и которая долго еще давала себя знать у разныхъ дилеттантовъ кельтологовъ, особенно французскихъ и британскихъ, даже и въ XIX столѣтіи. Доказательство общаго происхожденія латинскаго, нѣмецкаго и русскаго языковъ Сумароковъ видитъ въ „великомъ сходствѣ“ разныхъ словъ названныхъ языковъ, которыхъ онъ могъ бы „цѣлый небольшой словарь при семъ приобщить“. Образчиками такихъ словъ являются:

лат.	окулусъ	(oculus)	нѣмец.	оуге	(Auge)	русск.	око
„	насусъ	(nasus)	„	насе	(Nase)	„	носъ
„	фратеръ	(frater)	„	брудеръ	(Bruder)	„	братъ
„	соль	(sol)	„	Сонне	(Sonne)	„	солнце
„	унусъ	(unus)	„	ейнъ	(ein)	„	единъ
„	дуо	(duo)	„	цвей	(zwei)	„	два
„	тресъ	(tres)	„	дрей	(drei)	„	три

Конечно Сумароковъ руководился въ своемъ сопоставленіи (едва ли не заимствованномъ изъ того же источника, какъ и аналогичныя сближенія у Тредьяковскаго, приведенныя выше) простымъ созвучіемъ и совпаденіемъ значенія, что̀ и привело его къ невѣрнымъ сближеніямъ *единъ* съ лат. *unus* (можно было бы сравнивать только *инъ* съ unus) или *око* съ нѣм. *auge* (данное сопоставленіе сомнительно въ виду германскаго дифтонга au, который здѣсь фонетически необъяснимъ, хотя слѣдуетъ сказать, что подобное сопоставленіе встрѣчается и у многихъ современныхъ лингвистовъ). Изъ этого сравненія Сумароковъ приходитъ къ ложному заключенію, что русскій языкъ ближе къ своему источнику, чѣмъ другіе языки, ибо „коренныя слова всѣ единосложныя“, а русскія именно короче нѣмецкихъ или латинскихъ. Такимъ образомъ отсюда строится гипотеза, что нашъ языкъ „единоутробенъ съ латинскимъ и нѣмецкимъ и что онъ ихъ обѣихъ старяе“. При дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса Сумароковъ приходитъ къ выводу, что „цельтороссійскій“ или „славянороссійскій“ языкъ и европейскіе языки имѣютъ также сходство со многими азіатскими и африканскими языками, такъ какъ „Копты, Сиряня (сирійцы), Скиѳы и Цельты произвели свои языки отъ единаго“. Доказывается это сходствомъ слова *папа*, „которое во всѣхъ европейскихъ языкахъ дается отцу“, съ евр. *абхъ*, сирск. *абохъ*, халд. *абба*, араб. *аба*, еѳіоп. *аби*, самар. *абъ*, и другими подобными этимологіями. Родство коптскаго со славянскимъ доказывается слѣдующимъ образомъ: „Орна у Коптовъ небо: а у Славянъ Горняя. Изи у Коптовъ земля: и отъ того богиня Изисъ, по нашему нарѣчію Изида, богиня земли: а Словенское слово отъ того Низъ; и такъ отъ Орна верьхъ, а

отъ Изи низъ“. Разсужденіе оканчивается интереснымъ въ историческомъ отношеніи сопоставленіемъ Молитвы Господней на разныхъ славянскихъ языкахъ „для показанія близкаго сходства сихъ языковъ“, а также, „колико мало мы отъ Цельтскаго языка отшиблися“. Это сопоставленіе также имѣло уже себѣ прототипъ на западѣ въ подобныхъ же сопоставленіяхъ Молитвы Господней на разныхъ языкахъ. У насъ оно является первой попыткой сравненія отдѣльныхъ славянскихъ языковъ между собою. Молитва приводится въ транскрипціи русскими буквами „по Карнійски, по Лузатически, по Чешски, по Славенски, по Кроатски, по Далматски, по Болгарски, по Сербски, по Вандальски“.

Въ статейкѣ „О происхожденіи слова Царь“ Сумароковъ отвергаетъ обычную этимологію отъ Цесарь на томъ основаніи, что *царь* „не знаменуетъ ни Цесаря, ни Короля, но Монарха“ — отца своихъ подданныхъ, и потому очевидно возникло изъ *отцарь*. Интересный историческій матеріалъ изъ области заимствованныхъ словъ даетъ статья „О истребленіи чужихъ словъ изъ Русскаго языка“, не лишенная значенія и теперь въ качествѣ источника для опредѣленія даты заимствованія довольно большого числа иностранныхъ словъ. Въ разсужденіи „о коренныхъ словахъ Русскаго языка“ (см. о немъ также ниже въ гл. XI) находимъ фантастическія этимологіи, подтверждающія происхожденіе русскаго языка изъ скиѳскаго, согласно съ довольно частымъ на Западѣ въ первой половинѣ XVIII в. (и позднѣе) произведеніемъ всѣхъ языковъ изъ скиѳскаго (напр. у Хр. Теод. Вальтера въ его „Doctrina temporum Indica ex libris Indicis et Brahmanum institutione a. Ch. 1733“). Такъ: „рабенокъ на нѣкоторыхъ скиѳскихъ языкахъ называется Бала: отъ сего происходитъ слово Балавать, то-есть робячиться“, нѣм. See происходитъ отъ „скиѳскаго“ (татарскаго) *су* (вода). „Отъ *Ока* еще по естественному изображенію круглости (буква *о* круглая и глазъ круглый): Около, Околица, Колесо, а отъ того Колесница, Коляска... Укъ: Слово скиѳское по руски стрѣла. Отъ того съ приставкою литеры Л: выходитъ слово Лукъ... Ночь и нощь, по сопряженіи слова Очи съ литерою Н, приятою отрицаніемъ: знаменуетъ Нѣтъ Очей, въ разсужденіи Тьмы“.

Это дилеттантское языкознаніе, простительное еще въ XVIII вѣкѣ, держалось у насъ довольно долго, почти до самаго недавняго времени. Ему отдали дань, хотя и въ нѣсколько смягченной формѣ и дилеттанты-языковѣды XIX в.: Шишковъ, Вельтманъ, Хомяковъ, въ значительной степени Конст. Аксаковъ и даже Гильфердингъ, не говоря уже объ одномъ изъ послѣднихъ могиканъ этого направленія, покойномъ проф. Безсоновѣ. У послѣднихъ четырехъ

оно еще соединялось съ презрительнымъ отношеніемъ къ ограниченной европейской наукѣ, запутавшейся де въ своихъ собственныхъ измышленіяхъ, стѣсняющихъ только по напрасну свободу духа изслѣдователя и не позволяющихъ открыть самую истину.

Первую русскую, не „славянороссійскую" грамматику XVIII в. (на нѣм. языкѣ) находимъ въ нѣмецко-латино-русскомъ словарѣ Вейсмана, изд. акд. наукъ въ 1731 г.: „Teutsh-Lateinisch-und Russisches Lexicon Samt Denen Anfangs-Gründen der Russischen Sprache", СПб.). Грамматика эта, приписываемая студенту Ададурову, по отзыву Ломоносова, „весьма несовершенная и во многихъ мѣстахъ неисправная", представляетъ собой передѣлку и сокращеніе грамматики Смотрицкаго, примѣненной къ русскому языку, и имѣетъ характеръ обычной описательной школьной грамматики, далекой отъ какого-бы то ни было научнаго отношенія къ фактамъ языка. Только ученіе Смотрицкаго о глаголѣ очевидно не понравилось Ададурову, который, однако, не умѣя замѣнить его чѣмъ либо лучшимъ, изложилъ эту часть грамматики очень кратко и неполно.

Между тѣмъ необходимость порядочной русской грамматики ощущалась уже давно. Еще Крижаничъ („Русское государство въ половинѣ XVII в.", ч. II, 2) жаловался на отсутствіе „доброй грамматики и лексикона". Посошковъ въ началѣ XVIII в. („Сочиненія", т. I, 11), говоря о мѣрахъ къ образованію духовенства, указывалъ, что „Его императорскому величеству надлежитъ постаратися о грамматикѣ". Въ 1735 г. учреждено было при нашей академіи наукъ такъ назыв. „Россійское Собраніе" любителей русскаго слова, долженствовавшее „радѣть о возможномъ дополненіи россійскаго языка, о его чистотѣ, красотѣ и желаемомъ потомъ совершенствѣ". Въ числѣ задачъ новаго учрежденія, открытаго рѣчью Тредьяковскаго „О чистотѣ россійскаго слова", было, по выраженію самого оратора, составленіе „грамматики доброй и исправной" и „дикціонарія полнаго и довольнаго".

Осуществить эту задачу задумалъ Ломоносовъ, начавшій еще съ конца сороковыхъ годовъ XVIII вѣка собирать матеріалъ для своей „Россійской грамматики" (1755—1757), которая и явилась первой полной грамматикой русскаго литературнаго языка. Хотя Ломоносовъ во многомъ пользовался грамматикой Смотрицкаго и ея передѣлкой Ададурова, но тѣмъ не менѣе его геніальность сказалась и въ выборѣ грамматическаго матеріала, и въ его обработкѣ и систематизаціи. Грамматика стоила Ломоносову долгаго и упорнаго труда. Въ его черновыхъ бумагахъ остались указанія на время ея составленія. Такъ въ отчетахъ о своихъ научныхъ работахъ Ломоносовъ отмѣчаетъ подъ 1751 г., что началъ приводить въ

порядокъ собранные прежде матеріалы, а въ 1755, что привелъ къ концу большую часть грамматики. Черновые наброски Ломоносова свидѣтельствуютъ о въ высшей степени добросовѣстной подготовительной работѣ, въ которой сказался индуктивный пріемъ натуралиста. Цѣлые листы у него исписаны примѣрами, общій выводъ изъ которыхъ выраженъ въ видѣ того или другого грамматическаго правила. Всѣ лексическіе матеріалы, какіе могли быть тогда въ распоряженіи Ломоносова, были имъ использованы. Натуралистъ виденъ и въ отношеніи къ фактамъ языка, за норму котораго Ломоносовъ принимаетъ „разсудительное его употребленіе“. Шульмейстерскаго педантизма, стремящагося исправлять живой языкъ, даже сочинять небывалыя формы (какъ это дѣлалъ Смотрицкій), у Ломоносова нѣтъ и въ поминѣ. Въ то время, какъ Смотрицкій рабски держится своего греческаго прототипа (грамматики Ласкариса) и не смѣетъ выкинуть изъ славянской азбуки греческихъ буквъ ѯ, ѱ, ѻ, ѿ „составленныхъ отъ древнихъ“, хотя и сознаетъ ихъ ненужность, Ломоносовъ смѣло заявляетъ, что большинство „надстрочныхъ знаковъ принято отъ грековъ безъ нужды“, и выкидываетъ изъ азбуки десять лишнихъ буквъ. Въ вопросѣ ороографіи онъ, съ вѣрнымъ пониманіемъ практическихъ задачъ правописанія, указываетъ, что здѣсь „одному употребленію повиноноваться должно“ и, дѣлая извѣстныя разумныя уступки фонетическому принципу правописанія, въ то же время признаетъ необходимость и этимологическаго принципа, несоблюденіе котораго было бы „весьма странно и противно способности легкаго чтенія“. Хорошій знатокъ живого русскаго языка не только своемъ родномъ сѣверномъ его нарѣчіи, но и въ московскомъ говорѣ и „украинскомъ діалектѣ“, съ которымъ онъ познакомился въ Кіевѣ, Ломоносовъ удачно выдѣлилъ въ литературномъ языкѣ два его составныхъ элемента: „просторѣчіе“, т. е. матеріалъ, вошедшій въ него изъ живыхъ областныхъ говоровъ, и церковнославянскій осадокъ, внесенный многовѣковой совмѣстной жизнью живого народнаго языка съ книжнымъ славянскимъ языкомъ. Отдѣленіе „славянизмовъ“ отъ „руссизмовъ“ въ общемъ составѣ русскаго языка придало его грамматикѣ характеръ сравнительный. Иногда Ломоносовъ вводилъ и историческіе доводы, ссылаясь напримѣръ на „уложенія, указныя книги, печатныя и письменныя права и указы“ [1]), въ которыхъ имѣются извѣстныя написанія. Хотя его и упрекали въ вульгаризаціи языка, внесеніи въ него мно-

---

[1]) „Примѣчанія на предложеніе о множественномъ окончаніи прилагательныхъ именъ“ въ академ. изданіи Сочин. Ломоносова, т. VI. Спб. 1898, стр. 2.

гочисленныхъ провинціализмовъ, подмѣнѣ русскаго языка „холмогорскимъ нарѣчіемъ“ [1]), Ломоносовъ все же правильно изъ всѣхъ живыхъ говоровъ отдавалъ предпочтеніе московскому, не только „для важности столичнаго города, но и для его отмѣнной красоты“ [2]). Рядъ замѣчаній о произношеніи извѣстныхъ звуковъ или словъ, употребительности тѣхъ или другихъ формъ и т. д., дѣлаютъ „Грамматику“ Ломоносова до сихъ поръ важнымъ историческимъ памятникомъ, изъ котораго историкъ языка можетъ извлечь много цѣнныхъ фактовъ. Недостаткомъ грамматики является искусственность и насильственность схемъ, въ которыхъ изложена въ ней морфологія, особенно ученіе о глаголѣ. Здѣсь Ломоносовъ является въ зависимости отъ своего времени, выше котораго онъ стать не съумѣлъ. Кое въ чемъ онъ даже сдѣлалъ шагъ назадъ, сравнительно съ М. Смотрицкимъ. Такъ понятіе о „видѣ“, встрѣчаемое въ зародышѣ уже у Смотрицкаго, не было оцѣнено и развито Ломоносовымъ и осталось ему совершенно чуждо. Вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ построить систему цѣлыхъ десяти временъ, чтобы какъ нибудь втиснуть въ нихъ своеобразныя формы русскаго глагола.

Грамматическая терминологія Ломоносова близко примыкаетъ къ терминологіи М. Смотрицкаго. Такъ же онъ называетъ 8 частей рѣчи, выкидывая „различіе“ московскаго изданія грамматики Смотрицкаго, такъ же дѣлитъ имена (собственныя, нарицательныя, собирательныя, умалительныя, уничижительныя, прилагательныя). Родовъ различаетъ только три; сохраняетъ тѣ же имена залоговъ (только три, безъ „общаго“), наклоненій (изъ которыхъ удержаны только *изъявительное*, *сослагательное* и *неопредѣленное* или *неокончательное*), степеней „уравненія“ (*положительный*, *разсудительный* и *превосходный*). Въ названіяхъ падежей, вмѣсто *сказательнаго* М. Смотрицкаго, встрѣчаемъ новый терминъ *предложный* падежъ, пріобрѣтшій съ тѣхъ поръ права гражданства. Названія своихъ десяти временъ Л., повидимому, переводилъ съ латинскихъ (прошедшее неопредѣленное, давнопрошедшее, прошедшее и будущее совершенное). Термины эти вошли съ тѣхъ поръ во всеобщее употребленіе, хотя и не всегда въ смыслѣ, приданномъ имъ Ломоносовымъ. Такъ термины „прошедшее и будущее *однократныя*“ дали впослѣдствіи начало названію „однократнаго вида“. Нѣкоторые же термины не привились, напр., неудачное различеніе четырехъ видовъ наклоненія неокончательнаго:

---

[1]) Сумароковъ, „Примѣчаніе о правописаніи“; см. «Полн. Собр. всѣхъ его сочиненій“, изд. Н. Новикова, Москва 1787, ч. X, стр. 33.

[2]) „Росс. Грам.“ § 115.

учащательнаго, неопредѣленнаго, однократнаго и *сомнѣннаго*. Названія мѣстоименій тѣ же, что у Смотрицкаго (въ томъ числѣ удержаны: *возносительныя* и *возвратительныя*), но различеніе пяти родовъ у мѣстоименій скорѣе напоминаетъ Адельфотисъ, съ его пятью родами.

Большее вниманіе, чѣмъ доселѣ и долго послѣ, Ломоносовъ обращаетъ на описаніе звуковъ рѣчи и способа произведенія ихъ. Несмотря на странность и неясность нѣкоторыхъ терминовъ и опредѣленій, въ этой части „Россійской грамматики" чувствуется натуралистъ, какимъ былъ Л., замѣтна тонкая наблюдательность и вдумчивость. Замѣчателенъ, напр., § 23, гдѣ находимъ современное дѣленіе согласныхъ звуковъ на *взрывные*, *спиранты* и *дрожащіе*, выраженное правда въ довольно неясныхъ и неудачныхъ опредѣленіяхъ (*удареніе*=взрывъ, *расположеніе*, напоминающее современный нѣмецкій терминъ Stellungslaute, и *трясеніе*=вибрація). Замѣчательна классификація согласныхъ, стоящая выше современной школьной грамматической, такъ какъ эта послѣдняя представляетъ собою неудачное и необдуманное упрощеніе классификаціи Ломоносова, правильно выдѣлившаго взрывные *к* и *г* въ классъ „поднебныхъ" (ср. „задненебныя" нѣкоторыхъ современныхъ фонетиковъ) и отдѣлившаго ихъ отъ «гортанныхъ», къ которому отнесены только *х* и спирантное *г* (въ *благо, Бога*): ошибка во всякомъ случаѣ не очень грубая и объясняющаяся вѣроятно отожествленіемъ русскаго *х* и *г* съ нѣмецкимъ *h*. Замѣчательны и нѣкоторыя отдѣльныя замѣчанія, напр. о произношеніи втораго *ж* въ *вожжи*, какъ итальянскаго *g* передъ *e*, *i* и т. д.

„Россійская Грамматика" выдержала нѣсколько изданій (около четырнадцати, изъ нихъ шесть въ теченіе XVIII в.) и служила надолго источникомъ, изъ котораго щедро черпали позднѣйшіе составители грамматическихъ руководствъ [1]).

Рядомъ съ грамматикой, Ломоносовъ задумалъ цѣлый рядъ «филологическихъ изслѣдованій, къ дополненію грамматики подлежащихъ». Нѣкоторыя изъ нихъ были осуществлены, какъ, напр., утраченное письмо „о сходствѣ и перемѣнахъ языковъ", другія

---

[1]) Отзывы о ней: Сумароковъ: (Собр. Сочин. изд. Новикова, М. 1787, ч. X, стр. 6—7, 10—11, 13—14, 16, 22, 25—26 и слѣд.; Митроп. Евгеній, «Словарь русск. свѣтск. писателей», 1845, т. II, 22—23; Ѳ. И. Буслаевъ, «Ломоносовъ какъ грамматикъ» („Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова". 1865. 71—74); Я. К. Гротъ «Филолог. Разысканія» 1885, т. II, стр. 46—48. Лучшее изданіе съ цѣнными примѣчаніями въ академическомъ изданіи Сочин. Ломоносова, т. IV. Спб. 1898.

сохранились только въ наброскахъ или заглавіяхъ. Одинъ перечень названій этихъ работъ даетъ представленіе о широтѣ и серьезности плановъ Ломоносова. Такъ онъ думалъ писать „о сродныхъ языкахъ россійскому и о нынѣшнихъ діалектахъ, о преимуществахъ россійскаго языка, о его красотѣ, чистотѣ, о славенскомъ церковномъ языкѣ, о чтеніи книгъ старинныхъ и о реченіяхъ Нестеровскихъ, новгородскихъ и протч. лексиконамъ незнакомыхъ, о простонародныхъ словахъ, о новыхъ россійскихъ реченіяхъ, о синонимахъ, о лексиконѣ, о переводахъ“. Нѣкоторыя мысли, сохранившіяся въ черновикахъ этихъ задуманныхъ работъ, весьма замѣчательны [1]). Ломоносовъ, задолго еще до возникновенія сравнительной грамматики, различаетъ языки *сродственные*, какъ русскій, греческій, латинскій и нѣмецкій, и *несродственные*, какъ финскій, мексиканскій, готтентотскій и китайскій. Мысль его проникала въ доисторическую эпоху выдѣленія родственныхъ языковъ изъ общаго источника: „польскій и россійскій языкъ коль давно раздѣлились! Подумай же, когда курляндскій! (вѣроятно латышскій и литовскій). Подумай же, когда латинскій, греческій, нѣмецкій, россійскій! О, глубокая древность!“ Не смотря на происхожденіе этихъ языковъ отъ одного корня, они „разнятся свойствами не меньше, какъ словами. Только не вдругъ перемѣняются языки“... а въ „значительную долготу времени... ибо предъ Богомъ тысячи лѣтъ, яко день одинъ“.

Понятіе развитія языка было не чуждо Ломоносову: „какъ всѣ вещи отъ начала въ маломъ количествѣ начинаются и потомъ присовокупленіями возрастаютъ, такъ и слово человѣческое, по мѣрѣ извѣстныхъ человѣку понятій, въ началѣ было тѣсно ограничено и одними простыми рѣченіями довольствовалось. Но съ приращеніемъ понятій и само по мало умножилось, что̀ происходило произвожденіемъ и сложеніемъ“ (Росс. Гр. § 51).

Принявшись сравнивать родственные языки, онъ началъ прямо съ числительныхъ именъ, угадавъ своимъ геніальнымъ чутьемъ надежность этихъ примѣровъ. Въ своихъ сравнительныхъ поискахъ Ломоносовъ прошелъ половину греческаго словаря (до буквы N), отмѣчая схожія съ русскими слова, нѣкоторыя совершенно вѣрно (въ родѣ βδέω—бжу, γέρανος—журавль, δαήρ—деверь, δίδωμι—даю, δολιχός—долгій, δῶρον—даръ, ἔλαφος—елень, γιγνώσκω—знаю, γυνή—жена, νύξ—ночь). Другія сближенія, однако, основаны на случайномъ созвучіи: βοῦς—быкъ, βουλή—воля, βῶλος—поле, γράσος—грязь,

[1]) Напечатаны въ Собр. сочин. Ломоносова, акад. изд. т. IV. Спб. 1898. Примѣчанія: 248—258.

γράσσος—гласъ, λίσσος—лысый, ἀθρέω—зрю, καλός—хорошъ, ἴσχνος исхлой, macer и т. д.

Еще до Шлецера онъ устанавливалъ семью славянскихъ языковъ: „языки отъ славянскаго произошли: 1) россійскій, 2) польскій, 3) болгарскій, 4) сербскій, 5) чешскій, 6) словацкій, 7) вендскій“— и предугадывалъ позднѣйшее дѣленіе ихъ на юго-восточную и сѣверо-западную группы, отмѣчая большее сходство русскаго языка съ южнославянскими (задунайскими) языками, чѣмъ съ польскимъ. Онъ же различалъ древнерусскій языкъ отъ старославянскаго, указывая на договоры князей съ греками, „Русскую Правду“ и “прочія историческія книги“ (вѣроятно лѣтописи), какъ на памятники *русскіе*, а не *славянскіе*. Въ его черновикахъ находятся попытки собиранія синонимовъ, переводовъ заимствованныхъ иностранныхъ терминовъ, записи типичныхъ народныхъ реченій и оборотовъ и т. д.

Знаменитое его „Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ“, повидимому, какъ бы входило въ намѣченную серію „филологическихъ изслѣдованій“. Здѣсь онъ пытался найти извѣстныя незыблемыя основы для русской стилистики, разграничивая и опредѣляя употребленіе въ разныхъ родахъ сочиненія славянизмовъ и природныхъ русскихъ словъ. Разграниченіе это, впрочемъ, далеко не точно. Ломоносовъ основываетъ его не на историческихъ данныхъ языка, а на чисто случайныхъ условіяхъ—употребленіи или неупотребленіи данныхъ словъ въ церковныхъ книгахъ. Поэтому ему пришлось считать за первично-русскія, церковно-славянскому чуждыя, такія слова, какъ *говорю*, *который*, отнесенныя вмѣстѣ съ *ручей*, *пока*, *лишь* къ одному и тому же классу словъ, въ церковныхъ книгахъ отсутствующихъ. Между тѣмъ, *говорю*, *который* одинаково свойственны и русскому, и старославянскому языку. Цѣль, которую Ломоносовъ при этомъ преслѣдовалъ, была чисто практическая—способствовать установленію русской стилистики. Отсюда и случайность основаній классификаціи, для этой цѣли вполнѣ достаточныхъ.

Въ „Письмахъ о правилахъ россійскаго стихотворства“ (1739) Ломоносовъ, хотя и является единомышленникомъ Тредьяковскаго, признавая тоническую систему стихосложенія единственно пригодной для русскаго языка, но тѣмъ не менѣе не соглашается съ нимъ относительно многихъ подробностей и даетъ рядъ поправокъ и дополненій къ его теоріи.

Въ своихъ историческихъ работахъ Ломоносовъ, какъ и Тредьяковскій и Сумароковъ, прибѣгалъ къ филологическимъ доказательствамъ, хотя и значительно сдержаннѣе. Въ этой области, однако, онъ не сдѣлалъ особеннаго шага впередъ, сравнительно съ Тредьяков-

скимъ, этимологіи котораго приведены выше, и Шлёцеромъ, производившимъ, напр., *князь* отъ нѣм. Knecht, а *бояринъ* отъ *баранъ* и т. п. Осмѣивая Шлёцера за его наивныя словопроизводства, Ломоносовъ, однако, самъ считалъ „варяго-руссовъ", вмѣстѣ съ „пруссами", славянскимъ народомъ, говорившимъ на славянскомъ языкѣ, только отдѣлившемся отъ своего корня. Въ доказательство своей гипотезы Ломоносовъ указывалъ, что самое слово Пруссія — славянское и составлено изъ предлога *по-* и имени *Русь* (Порусь, Поруссія=пограничная съ Русью страна [1]).

VII. Дѣятельность нашей Академіи Наукъ и «Сравнительный Словарь» Екатерины II.

Тѣмъ временемъ и другіе члены академіи наукъ, хотя и не языковѣды по профессіи, собирали лингвистическіе матеріалы и занимались разными другими работами лингвистическаго характера. Знаменитый историкъ-оріенталистъ Теофилъ Зигфридъ Байеръ (род. 1694, академикъ съ 1726 г., † 1738) занимался изученіемъ китайскаго, монгольскаго, калмыцкаго, манчжурскаго, тангутскаго (тибетскаго) языковъ. Одинъ изъ первыхъ, если не самый первый у насъ, началъ онъ заниматься съ пріѣзжимъ въ Петербургъ индусомъ изученіемъ „браминскаго" языка, т. е. санскрита [2]). Плодомъ этихъ занятій были напечатанныя въ изданіяхъ академіи работы по литературѣ и грамматикѣ перечисленныхъ выше языковъ: „Elementa litteraturae brahmanicae, tangutanae, mungalicae" („Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae", т. III. 1732, стр. 389—422); „Elementa brahmanica, tangutana, mungalica" (ibid. т. IV. 1735, стр. 289—301) и т. д. Въ первомъ трудѣ находимъ впервые у насъ образчики санскритской азбуки, рисованные, оче-

---

[1]) См. о Ломоносовѣ К. Аксаковъ, «Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка» (М., 1846); А. А. Котляревскій, «Нѣсколько словъ о Ломоносовѣ, по поводу исполнившагося столѣтія его грамматики» («Московскія Вѣдомости» 1855, № 152 и «Сочиненія А. А. Котляревскаго», т. I, Спб. 1889, стр. 1—8); Билярскій, «Матеріалы для біографіи Ломоносова» (Спб. 1865); Будиловичъ, «Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ» (Спб., 1869); Пекарскій, «Исторія Импер. Акад. Наукъ» т. II. Спб. 1873, стр. 259—963; Гротъ, «Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ» (Спб., 1876, стр. 48 и 49)—наиболѣе полныя и обстоятельныя оцѣнки грамматическихъ трудовъ Ломоносова, а также краткія статьи Буслаева, «Ломоносовъ, какъ грамматикъ» и Лавровскаго, «О трудахъ Ломоносова по грамматикѣ русскаго языка и русской исторіи» въ сборникахъ московскаго и харьковскаго университетовъ, изданныхъ по случаю Ломоносовскаго юбилея (1865).

[2]) Пекарскій, «Ист. И. Акад. Наукъ», т. I, стр. 189.

видно, самимъ Байеромъ и отпечатанные вѣроятно съ деревянныхъ рѣзныхъ клише. Во второмъ, между прочимъ, говорится о названіяхъ санскрита, письмѣ дравидическихъ языковъ тамуль и телугу (со ссылками на Ziegenbalg'а „Gramatica damulica" 1716), о новоиндійскихъ языкахъ маратхи, гузерати и т. д. и особыхъ видахъ индійской азбуки, употребляемыхъ для ихъ письменной передачи. Объ индійскомъ алфавитѣ находимъ слѣдующее свѣдѣніе: „Devanágaram tamquam mater omnis sacrae scripturae editur, qua legem a deo in Cashia promulgatam praedicant" и т. д. Байеръ, какъ и другіе лингвисты XVIII в., уже зналъ о сходствѣ индійскихъ, персидскихъ и греческихъ числительныхъ, но ошибочно считалъ это и другія подобныя сходства результатомъ греческаго пребыванія и господства въ Бактріи [1]).

Іоганнъ Эбергардъ Фишеръ (р. 1697 г., акад. съ 1730 г., † 1771 г.) во время своего восьмилѣтняго путешествія по Сибири (1739—1747) собиралъ лексическіе матеріалы по инородческимъ языкамъ, оставшіеся, однако, не напечатанными. Рукописный его словарь, носившій заглавіе: „Vocabularium continens trecenta vocabula triginta quatuor gentium maxima ex parte Sibericarum", собранный впрочемъ, кажется, не имъ самимъ, служилъ пособіемъ Шлецеру при составленіи имъ классификаціи „aller russischen Nationen", извѣстной изъ его „Probe Russischen Annalen" и „Allgemeine Nordische Geschichte". По просьбѣ Шлецера, Фишеръ подарилъ свою рукопись (въ 1767 г.) историческому институту въ Геттингенѣ, гдѣ она должна находиться и понынѣ [2]).

I. К. Таубертъ (род. въ 1717 г., на службѣ въ Академіи съ 1732 г., † 1771), принимавшій участіе въ занятіяхъ „Россійскаго Собранія", учрежденнаго при Академіи наукъ въ 1735 г., сочинялъ «изъ собственной своей охоты, а не по указу», «Россійскій лексиконъ» съ лат., франц. и нѣм. переводами русскихъ словъ, оставшійся, впрочемъ, въ рукописи и едва ли оконченный. Ему помогали въ этомъ дѣлѣ академическіе переводчики: Лебедевъ, В. Тепловъ и Фрейгангъ [3]).

Знаменитый исторіографъ Гергардъ Фридрихъ Мюллеръ (р. 1705, въ Россіи съ 1725, † 1783), подобно Фишеру, собиралъ лингвисти-

[1]) См. о немъ Пекарскій, «Исторія Имп. Академіи Наукъ въ Петербургѣ» т. I. Спб. 1870, стр. 180—196, гдѣ указана и прочая литература о немъ.

[2]) См. Пекарскій, «Исторія Имп. Ак. Наукъ» т. I. Спб. 1870, стр. 617—636 и Adelung, «Catharinens der Grossen Verdienste um die vergl. Sprachenkunde». Спб. 1815, стр. 21—22.

[3]) Пекарскій, „Исторія Императ. Академіи Наукъ въ Петербургѣ", т. I. 1870, стр. 650—651, 643.

ческій матеріалъ по тюркскимъ и финскимъ языкамъ. Плодомъ его занятій былъ „Vocabularium Harmonicum“, напечатанный имъ въ его „Sammlung Russischer Geschichte“ (т. III, 382—408) и содержащій 275 словъ и 38 числительныхъ изъ языковъ: татарскаго, чувашскаго, черемисскаго, вотяцкаго, мордовскаго, пермяцкаго и зырянскаго. Кромѣ того, въ „Sammlung Russ. Gesch.“ (т. III) напечатаны черемисскій и чувашскій тексты „Отче нашъ“ (стр. 410—411) и замѣтка „Von der Sprache der Tscheremissen, Tschuvaschen und Wotjaken“ (стр. 324). Онъ же редактировалъ первый русско-нѣмецкій словарь, расположенный въ этимологическомъ порядкѣ по отдѣльнымъ гнѣздамъ: „Россійской Целларіусъ, или этимологической россійской лексиконъ, купно съ прибавленіемъ иностранныхъ въ россійскомъ языкѣ во употребленіе принятыхъ словъ також съ сокращенною россійскою этимологіею“, изд. въ Москвѣ Францискомъ Гельтергофомъ, лекторомъ нѣм. языка моск. унив. (1771). Этимологическій принципъ здѣсь, конечно, проведенъ въ очень скромныхъ размѣрахъ и совсѣмъ не напоминаетъ современныхъ этимологическихъ словарей, съ ихъ неизбѣжнымъ сравнительно-лингвистическимъ аппаратомъ. Размѣщеніе словъ по гнѣздамъ основано только на самыхъ очевидныхъ родственныхъ отношеніяхъ, въ родѣ, напр., такой семьи:

Баба: бабенка, по бабьи, бабка, бабушка повивальная, бабушкинъ, бабища, прабаба, бабикъ, бабки, бабочка...

или:

гожу, годишь, годить: гожуся, негожуся, годный, негодный, годность, не-; негодую, выгода, выгодность, выгодный, пригодно, пригодный, пригождаю, -ся, пригоже, пригожій, пригоженькій, пригожство, угождаю, угожденіе, угодно, -ый, угодіе, человѣкоугодіе, благоугодно, -ость, -ый, богоугодный и т. д.

Болѣе отдаленные родичи обыкновенно не сопоставляются. Такъ *горю* и *жаръ*, *трясти* и *трусъ*, *кислый* и *квасъ*, *бодрый* и *бдѣть*, *липкій* и *лѣпить* и т. д. разнесены по разнымъ самостоятельнымъ гнѣздамъ. Иногда, впрочемъ, встрѣчаются и болѣе сложныя сопоставленія, въ родѣ *кора*, *корица*, *корь* (болѣзнь), *скорнякъ* (сюда же отнесено и *коржавѣю*). Интересно, что слово *дышло*, отнесенное Далемъ въ первомъ изданіи его словаря къ глаголу *дышать*, стоитъ здѣсь правильно въ спискѣ иностранныхъ словъ. Изъ другихъ словъ, отнесенныхъ къ иностраннымъ, слѣдуетъ отмѣтить *арбузъ*, *бутылка*, *вензель*, *дюжина*, *каламенка*, *палата*, *пеня* (пена), *петрушка* (растеніе), *попугай*, *противень*, *рюмка*, *тарелка*, *тузъ*, *цыганъ*, *шандалъ*, *шинокъ*, *щурупъ*, правильное

опредѣленіе которыхъ требовало извѣстныхъ знаній и этимологическаго чутья. Ошибки въ этомъ направленіи, впрочемъ, не чужды „Целларіусу“. Такъ *квакать* и *пазъ* отнесены къ иностраннымъ словамъ, а *агнецъ*, *Адамъ*, *адъ*, *алкоранъ*, *алтынъ*, *алмазъ*, *амвонъ*, *ангелъ*, *апостолъ*, *базаръ*, *банка*, *башмакъ*, *бляха*, *Венера*, *винтъ*, *вохра*, *гридировать*, *декабрь*, *діаволъ*, *діаконъ*, *евангеліе*, *игуменъ*, *идолъ*, *извлечь*, *изюмъ*, *икона*, *іерей*, *Іисусъ*, *іюль*, *іюнь*, *канунъ*, *карета*, *кафтанъ*, *кедръ*, *лампада*, *лядунка*, *монастырь*, *ноябрь* и мн. др. помѣщены только въ томъ отдѣлѣ словаря, который содержитъ природныя русскія слова. Лишь немногія слова фигурируютъ и въ томъ, и другомъ отдѣлѣ, напр., *лютня*, *арбузъ*. Не лишенъ историческаго интереса и списокъ подписчиковъ, приложенный къ Целларіусу, въ которомъ на 136 лицъ и учрежденій 100 слишкомъ (107) носятъ иностранныя имена (главнымъ образомъ нѣмецкія). Очевидно, что подобное изданіе не могло еще интересовать русскую публику въ такой мѣрѣ, какъ иноземную [1]).

Даніилъ Дюмарескъ (почетный членъ академіи съ 1762 † 1805) составилъ, по приглашенію Екатерины II, сравнительный словарь азіатскихъ языковъ: „Comparative Vocabulary of the Eastern Languages“, изданный въ Англіи и сдѣлавшійся большой библіографической рѣдкостью [2]).

Особеннымъ трудолюбіемъ и энергіей въ этомъ направленіи отличался Гартвигъ Людвигъ Христіанъ Бакмейстеръ († 1806), инспекторъ академической гимназіи, собравшій огромный матеріалъ для сравнительнаго словаря всѣхъ языковъ земного шара, которымъ неоднократно пользовались разные современные ему ученые, въ томъ числѣ и Палласъ, редакторъ знаменитаго сравнительнаго словаря Екатерины II (по смерти Бакмейстера, его собраніе перешло въ собственность Фр. Аделунга). Въ 1773 г. Бакмейстеръ обратился къ ученымъ всѣхъ странъ съ воззваніемъ на латинскомъ, русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ („Idea et desideria de colligendis linguarum speciminibus“, Спб., 1773), прося ихъ доставить ему образцы всевозможныхъ языковъ. Для нашихъ академиковъ Лепехина, Палласа, Гюльденштедта и др., отправлявшихся въ путешествія по Р., онъ составилъ особую подробную программу и наставленіе къ собиранію лингвистическихъ мате-

---

[1]) О дѣятельности Г. Ф. Мюллера, см. Пекарскій, „Исторія Имп. Акад. Наукъ“ т. I, 1870, стр. 308—430 и Adelung, „Catharinens der Grossen Verdienste um die vergleich. Sprachenkunde“, Спб. 1815, стр. 22.

[2]) См. о немъ: Пекарскій „Исторія Имп. Акад. Наукъ“, т. I. 1870, стр. 388—89, прим. и „Adelung, „Catharinens der Grossen Verdienste um die vergleich. Sprachenkunde“. Спб. 1815, стр. 22—23.

ріаловъ. Благодаря этому, онъ получилъ массу текстовъ (переводъ одного отрывка изъ Библіи, образчикъ котораго на нѣсколькихъ наиболѣе извѣстныхъ языкахъ [1]) былъ имъ приложенъ къ его воззванію), глоссаріевъ и разныхъ замѣчаній о языкѣ. Въ 1784 г. Бакмейстеръ повторилъ свое воззваніе (съ другими уже образцами). Корреспондентами Бакмейстера были: иркутскій губернаторъ Кличка (алеутскіе, бурятскіе, якутскіе, японскіе, юкагирскіе, камчадальскіе, ламутскіе, монгольскіе тексты и глоссаріи), Рюдигеръ (еврейско-нѣмецкій жаргонъ, лангедокское нарѣчіе, иллирскіе, тамульскіе, малайскіе, лужицкіе тексты и глоссаріи), акад. Гюльденштедтъ (афганскій, армянскій, грузинскій, калмыцкій, осетинскій, персидскій, венгерскій, валахскій и кавказскіе языки), епископъ Дамаскинъ (мордовскій, волжско-татарскій, чувашскій), Бюшингъ, Ієригъ (ногайскій, тангутскій или тибетскій), Щепотьевъ (арабскій, греческій), Квандтъ (аравакскій), капуцинъ P. Agrippinus изъ Астрахани (армянскій), чешскій священникъ Эйснеръ (чешскій), Тунманъ (тоже, венгерскій), Мюнтеръ (китайскій, датскій, гренландскій, т. е. эскимосскій, исландскій), пасторъ Хупель (эстонскій, шведскій), пасторъ Крогіусъ (финскій), Петерсенъ (фризскій), раввинъ Барухъ (еврейскій), Баузе (еврейско-нѣмецкій жаргонъ), пасторъ Куммеръ (кашубскій), Омскій пасторъ Люттеръ (киргизскій), Родіоновъ (тоже), Лаксманъ (корякскій, тангутскій, т. е. тибетскій), Hacquet въ Лайбахѣ (краинскій, т. е. словинскій), пасторъ Хунъ въ Митавѣ (кривскій), Орлингъ (лапландскій), пасторъ Стендеръ (латышскій), пасторы Людевигъ и Бурхардтъ (ливскій), пасторъ Циппель (литовскій), де ла Ру (люттихскій діалектъ), Форстеръ (отаитскій), Маевскій и пасторъ Гервигъ (польскій), Фоминъ (самоѣдскій архангельскій), Лексель и Линдеманъ (шведскій), Марсденъ (малайскій), свящ. Симеонъ Черкасовъ (вогульскій словарь), академики: Палласъ (китайскій, якутскій, ирландскій, калмыцкій, монгольскій, мультанскій, остяцкій, березовскихъ самоѣдовъ, шотландскій, чукотскій, тунгузскій, вогульскій, индустани), Георги (башкирскій) и мн. др.

Собираніемъ лингвистическаго матеріала для Бакмейстера занимались и наши академическіе путешественники второй половины XVIII в., академики: Гмелинъ (слова и образцы сибирско-татарскаго, бурятскаго, качинскаго, тагайскаго, турецкаго, персидскаго и гилани), Фалькъ (черемисскія, вотяцкія, остяцкія, татарскія, киргизскія, бухарскія, калмыцкія слова), Лепехинъ (зы-

---

[1]) Латинскомъ, арабскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, русскомъ, шведскомъ и финскомъ.

рянскія и пермскія слова, переводъ литургіи на зырянскій). Особенно много матеріала собралъ Гюльденштедтъ по языкамъ Кавказа и смежныхъ странъ: грузинскому (говоры картвельскій, мингрельскій, суанскій), чеченскому, ингушскому, тушинскому, лезгинскому и его діалектамъ, казикумыкскому, андскому, акушинскому, кабардинскому и абхазскому, афганскому, осетинскому, персидскому, курдскому, татарскому и т. д.

Матеріалы Бакмейстера легли въ основаніе знаменитаго сравнительнаго словаря всѣхъ языковъ земного шара, составленнаго и изданнаго Екатериной II. Еще великой княгиней Екатерина носилась съ идеей подобнаго словаря [1]), но только въ 1784 году, подъ вліяніемъ одного трактата Куръ де Жебелена („Monde primitif analysé et comparé avec le monde moderne". Paris. 1773—1781, 8 томовъ), доказывавшаго, что всѣ языки могутъ быть выведены изъ одного основнаго, приступила къ ея осуществленію и сама въ теченіе девяти мѣсяцевъ работала надъ своей затѣей. Императрица, какъ писала сама къ доктору Циммерману 9 мая 1785 г., „составила реестръ отъ двухъ до трехъ сотъ коренныхъ русскихъ словъ, которыя велѣла перевести на столько языковъ и нарѣчій, сколько могла ихъ найти: ихъ уже болѣе двухъ сотъ. Каждый день писала я по одному изъ своихъ словъ на всѣхъ мною собранныхъ языкахъ. Сіе удостовѣрило меня въ томъ, что кельтскій языкъ сходствуетъ съ языкомъ остяковъ (!)" и т. д. Не довольствуясь собственнымъ трудомъ, императрица обращалась за содѣйствіемъ своему плану и къ другимъ лицамъ (маркизу Лафайету, аббату Галіани, Гримму). По ея порученію гр. Кир. Гр. Разумовскій долженъ былъ въ своихъ копорскихъ деревняхъ собрать по присланному ему реестру словъ образчики языка „тѣхъ мужиковъ, кои себя Варягами называютъ" или даже привезти въ столицу „человѣка-другого посмышленнѣе изъ этихъ „варяговъ" [2]).

Подобный же реестръ изъ 286 русскихъ словъ былъ по ея приказанію отправленъ въ концѣ 1784 г. графомъ Безбородко нашему константинопольскому послу, который, черезъ посредство патріарховъ Антіохійскаго и Іерусалимскаго, или другимъ какимъ-нибудь путемъ, долженъ былъ достать переводъ ихъ на абиссинскій и эѳіопскій языки и на разные ихъ діалекты, причемъ требовалось, чтобы слова „эти были написаны не только оригинальными письменами, но и русскими или латинскими буквами для показа-

---

[1]) По ея иниціативѣ составилъ свой сравнительный словарь Дюмарескъ, о кот. см. выше, стр. 222.

[2]) Записка къ Безбородкѣ, „Русск. Архивъ" 1863, изд. 1, стр. 942.

нія ихъ произношенія“ [1]). Наконецъ, занятіе это наскучило ей, и весь собранный матеріалъ [2]) переданъ былъ Палласу съ цѣлью изданія „для употребленія тѣхъ, которые пожелаютъ воспользоваться скукою другихъ“.

Кромѣ Палласа, помощникомъ Екатерины въ этомъ трудѣ былъ также берлинскій ученый и книгопродавецъ Фридрихъ Николаи, составившій для нея (1785 г.) общее обозрѣніе всѣхъ языковъ міра: „Tableau général de toutes les langues du monde avec un catalogue préliminaire des principaux dictionnaires dans toutes les langues et des principaux livres qui traitent de l'origine de toutes les langues; de leur étymologie et de leur affinité, fait par ordre de S. M. l'Impératrice de toutes les Russies“, (346 стр. in folio) (хранившееся въ рукописи въ библіотекѣ Эрмитажа, а потомъ переданное въ Имп. Публ. Библіотеку). Предисловіе къ этому обозрѣнію, въ которомъ Николаи излагаетъ основныя положенія, легшія въ основу его труда, напечатано у Аделунга, въ его сочиненіи: „Catharinens der Grossen Verdienste um die vergleich. Spachenkunde“ (Спб. 1815, стр. 43—47 [3]). Въ этомъ предисловіи также идетъ рѣчь о будущей Императорской библіотекѣ по языкознанію, естественное систематическое расположеніе которой авторъ, между прочимъ, желалъ установить своимъ „обозрѣніемъ“. Повидимому Екатерина II имѣла намѣреніе учредить такую библіотеку. Хотя оно и не было осуществлено во всемъ его объемѣ, тѣмъ не менѣе Николаи посылалъ Императрицѣ довольно много книгъ по языкознанію, такъ что отдѣлъ Эрмитажной библіотеки по этой наукѣ, какъ свидѣтельствуетъ Аделунгъ, былъ очень богатъ.

Получивъ матеріалы, собранные Екатериною, вмѣстѣ съ обозрѣніемъ Николаи, Палласъ въ 1785 г. возвѣстилъ въ особомъ „Avis au public“ (напечат. у Аделунга, стр. 48—51 и въ “Русск.

---

[1]) „Русск. Арх.“ 1864 г. изд. 1, стлб. 293.

[2]) Черновыя бумаги Екатерины, содержащія въ себѣ подготовительныя работы по словарю, хранятся въ Императорской Публичной библіотекѣ, куда онѣ поступили изъ Эрмитажной (см. о нихъ и другихъ рукописныхъ филологическихъ замѣткахъ императрицы въ статьѣ Я. Грота «Филологическія занятія Екатерины II»: «Русскій Архивъ» 1877 г. кн. I. стр. 426—29). Другія этимологическія замѣтки ея, во вкусѣ этимологій Тредьяковскаго, Сумарокова, отчасти Ломоносова, Шлецера и др. нашихъ этимологизаторовъ XVIII в., напечатаны въ XV т. «Сборника Историч. Общества» (образчики въ назв. статьѣ Грота, стр. 413). Подлинники же ихъ находятся въ библіотекѣ Имп. Академіи Наукъ.

[3]) Существуетъ и краткое извлеченіе изъ этого сочиненія уже на русскомъ языкѣ: «Заслуги Екатерины Великой въ сравнительномъ языкознаніи», явившееся въ журналѣ «Соревнователь» 1818 г., ч. I. и отдѣльно (s. l. et a.).

Архивѣ“ 1871 г. стр. 432—434) о скоромъ выходѣ въ свѣтъ словаря и разослалъ въ Россіи и за границей (нашимъ посланникамъ и разнымъ ученымъ) новую программу для собиранія матеріала („Modèle du vocabulaire, qui doit servir à la comparaison de toutes les langues“ Спб., 1786), содержавшую выбранныя императрицей пробныя слова на русскомъ языкѣ, съ переводомъ ихъ на латинскій, нѣмецкій и французскій языки. Наши губернаторы должны были доставить свѣдѣнія о языкахъ и нарѣчіяхъ ихъ областей; наши посланники такія же свѣдѣнія о странахъ, въ которыхъ находились. Программа отправлена была кромѣ того въ Китай, Бразилію и Сѣверную Америку, гдѣ знаменитый Вашингтонъ пригласилъ губернаторовъ Соединенныхъ Штатовъ собирать матеріалъ для научнаго предпріятія русской императрицы. Путешественники, отправлявшіеся въ правительственныя экспедиціи по Россіи, также должны были обращать вниманіе и на собираніе лингвистическихъ образцовъ. Инструкція въ этомъ духѣ была, напримѣръ, дана спутнику Биллингса въ его путешествіи по сѣверовосточной Сибири (1785—1794), естествоиспытателю Мерку. Такимъ путемъ получена была масса научнаго матеріала. Отъ губернаторовъ присланы были списки словъ, составленные офиціальными переводчиками и скрѣпленные подписями секретарей губернскихъ канцелярій и даже самихъ губернаторовъ и намѣстниковъ. Заграничные ученые также откликнулись на воззваніе, присылая свои книги, совѣты, матеріалы и т. д.

Вскорѣ въ 1787 г. явилась возможность издать первую часть словаря (на русскомъ и латинскомъ языкахъ), содержавшую 285 словъ (напечатанныхъ русскими буквами) изъ 51 европейскаго и 149 азіатскихъ языковъ и нарѣчій и озаглавленную: „Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отдѣленіе первое, содержащее въ себѣ Европейскіе и Азіатскіе языки“ (СПб.). Заключавшіяся здѣсь слова должны были отвѣчать главнѣйшимъ понятіямъ. Во главѣ стояло слово *Богъ*. За нимъ слѣдовали: небо, отецъ, мать, сынъ, дочь, братъ, сестра, мужъ, жена, дѣвушка, мальчикъ, дитя, человѣкъ, люди, названія частей тѣла, пяти чувствъ, разныхъ звуковъ, состояній, явленій природы (солнце, луна, звѣзда, лучъ, вѣтеръ, вихорь, буря, дождь, градъ, молнія, снѣгъ, ледъ, день, ночь и т. д.), временъ года, топографическіе термины (море, рѣка, гора, берегъ и т. д.), названія растеній, животныхъ, утвари, главныхъ предметовъ житейскаго обихода, названія цвѣтовъ, главнѣйшихъ свойствъ предметовъ, главнѣйшихъ дѣйствій человѣка (ѣсть, пить, пѣть, бить, спать, лежать, брать, любить, нести, ѣхать, рѣзать, сѣять, пахать

и т. д.), мѣстоименія, главныя нарѣчія и, наконецъ, имена числительныя. Всѣ эти слова были переведены на 200 азіатскихъ и европейскихъ языковъ (перечень ихъ см. у Аделунга, цит. сочин., стр. 76 и слѣд.). Изданіе второй части, содержавшей слова африканскихъ и американскихъ языковъ, было отложено на нѣкоторое время.

Между тѣмъ къ издателямъ словаря поступило довольно много новаго матеріала и для первой части, что̀ позволило сдѣлать новое изданіе всего словаря, подъ редакціей Ѳ. И. Янковича де Миріево: „Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій по азбучному порядку расположенный", (4 ч., СПб., 1790—91). Это переработанное изданіе (на одномъ русскомъ языкѣ) было дополнено 4 европейскими и 22 азіатскими, а также 30 африканскими и 23 американскими языками. (Подробное описаніе изданія Янковича де Миріево, см. у Аделунга, цит. соч., стр. 95 и сл.). Порядокъ, въ которомъ здѣсь расположены были слова сравниваемыхъ языковъ, алфавитный, что̀ въ высшей степени затрудняетъ пользованіе словаремъ. Образчикомъ можетъ служить слѣдующій отрывокъ (стр. 314, т. II):

канна	глазъ	малабарскій
канна	курица	эстонскій
каннакъ	собака	карасинскій
каннамене	плечо	самоѣдскій-мангазейскій
каннарине	глотка	неаполитанскій
каннаукъ	легкій	вогульскій
каннекъ	ротъ	гренландскій эскимосскій
каннемсъ	нести	мордовскій
каннетъ	варить	енисейскихъ татаръ
каннибa	Богъ	мандингскій (въ Африкѣ)
		и т. д.

Только черезъ нѣсколько словъ дальше слѣдуетъ родственное первому изъ этихъ словъ канарезское *канну*, такъ что сравненіе формъ родственныхъ языковъ при помощи этого „Сравнительнаго словаря" сопряжено съ величайшими неудобствами, въ виду отсутствія какихъ-бы то ни было указателей для ихъ нахожденія.

Словарь Екатерины, вышедшій при такихъ исключительныхъ для научнаго изданія условіяхъ и заинтересовавшій многихъ ученыхъ въ разныхъ концахъ цивилизованнаго міра, сдѣлался предметомъ живого обсужденія въ научной литературѣ. Рецензіи

на него написали Бакмейстеръ [1]), Краусъ [2]), Бютнеръ [3]), Рюдигеръ [4]), Хагеръ [5]), Вольней [6]), Добровскій [7]), Альтеръ [8]), Фра Бартоломео [9]). Большая часть рецензентовъ восхищалась новымъ, широко задуманнымъ и небывалымъ по полнотѣ научнымъ трудомъ.

Наиболѣе основательной и безпристрастной оказалась рецензія Крауса (профессора исторіи и политической экономіи кенигсбергскаго университета), получившаго за нее бриллiантовый перстень, несмотря на указаніе многихъ недостатковъ словаря. Исходя изъ основного требованія науки, чтобы факты передавались точно и правильно, Краусъ подвергъ словарь разсмотрѣнію съ трехъ точекъ зрѣнія: въ отношеніи точности матеріала языковъ (Stoff), ихъ формы (т.-е. грамматики) и ихъ распространенія. Относительно перваго условія, онъ справедливо сомнѣвался въ точности передачи не только звуковой стороны сообщенныхъ словъ (принадлежащихъ

---

[1]) Въ «Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland, herausgeg. von H. L. Chr. Bacmeister». Спб., Рига и Лейпцигъ. 1781 г., т. XI, стр. 1—24.

[2]) «Allgemeine Literatur Zeitung» 1787, № 235 — 37 и почти цѣликомъ въ цитир. книгѣ Аделунга, стр. 112—131.

[3]) Рецензія извѣстнаго Іенскаго языковѣда и коллекціонера-лингвиста повидимому была послана императрицѣ въ рукописи и въ печати не появлялась. Рецензентъ получилъ бриллiантовый перстень. (См. Аделунгъ, цит. соч. 131—132).

[4]) См. періодическое изданіе Рюдигера «Neuester Zuwachs der teutschen, fremden und allgemeinen Sprachkunde in eigenen Aufsätzen, Bücheranzeigen und Nachrichten». St. V. стр. 233.

[5]) Отдѣльно подъ загл.: «Schreiben aus Wien an Herrn Pallas in St. Petersburg». Вѣна 1789, б. 8°.

[6]) «Mémoires de l'Académie Celtique», годъ XIV и «Moniteur» того же года № 31, 32. Почти цѣликомъ перепечатано въ цит. книгѣ Аделунга, стр. 142—174.

[7]) «Vergleichung der Russischen und Böhmischen Sprache. Nach dem Wörterverzeichnisse des Petersburger Vergleichungs-Wörterbuchs» въ приложеніи къ «Litterarische Nachrichten von einer auf Veranlassung der böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften im Jahre 1792 unternommenen Reise nach Schweden und Russland». Прага 1796. 8°, стр. 121—272. Другія поправк Добровскаго «Neue Beiträge zu den Petersburger Vocabulariis comparativis» явились въ его «Slovanka. Zur Kenntniss der alten und neuen slawischen Literatur, der Sprachkunde nach allen Mundarten, der Geschichte und Alterthümer». Прага. 1814.

[8]) Поправка къ грузинской и санскритской части словаря въ двухъ работахъ Альтера: «Ueber Georgianische Litteratur, von Fr. K. Alter, Professor der Griech. Sprache etc.». Вѣна. 1798 (стр. 131—164) и «Ueber die Samskrdamische Sprache, vulgo Samskrit von F. K. Alter etc.». Вѣна. 1799. Въ послѣдней книгѣ напечатаны и поправки Фра Бартоломео. Поправки къ полабскимъ словамъ—у Альтера «Philologisch-Kritische Miscellaneen». Вѣна. 1799

часто совершенно дикимъ, лишеннымъ письменности народамъ), но и ихъ формы, предполагая возможность различныхъ ошибокъ, въ родѣ принятія цѣлаго предложенія или ряда словъ за одно слово, ошибокъ, вполнѣ понятныхъ при полной научной неподготовленности весьма многихъ оффиціальныхъ собирателей матеріала для словаря. Если ближайшіе, сосѣдніе языки, въ родѣ латышскаго, были представлены въ словарѣ съ большими ошибками, въ чемъ Краусъ убѣдился, то тѣмъ болѣе подозрѣнія внушала ему передача формъ разныхъ дикихъ и безписьменныхъ языковъ. Замѣчанія Крауса, высказанныя имъ по этому поводу, о трудности записыванія незнакомаго языка изъ устъ грубыхъ дикарей, сохраняютъ свое значеніе и до сихъ поръ. Самый выборъ нѣкоторыхъ понятій, въ родѣ *длина, ростъ, могущество, любовь*, долженъ былъ вести ко всевозможнымъ ошибкамъ при передачѣ ихъ на языки некультурныхъ племенъ, чуждыхъ всякимъ отвлеченностямъ и выражающихъ ихъ обыкновенно разными сложными, описательными оборотами и т. д. При этомъ Краусъ указывалъ на невозможность правильнаго представленія матеріальной стороны языка безъ изученія его грамматическаго строя, изслѣдованіе котораго гораздо легче, проще и скорѣе ведетъ къ рѣшенію вопроса о взаимномъ родствѣ языковъ (вопроса, кстати сказать, вызвавшаго появленіе словаря Екатерины), чѣмъ сопоставленіе одного ихъ лексическаго матеріала. Между тѣмъ эту сторону дѣла словарь совсѣмъ игнорировалъ. Со стороны распространенія языковъ, или ихъ принадлежности большему или меньшему кругу говорящихъ, Краусъ также отмѣчалъ рядъ ошибокъ, въ родѣ установленія небывалыхъ языковъ, какъ напр. *кривинго-ливонскаго* (кривы — латыши, ливы — финны), принятія языка французскихъ басковъ за другой языкъ, чѣмъ испанск. Vascuença, или неправильнаго выбора одного какого-нибудь нарѣчія въ качествѣ представителя цѣлой большой языковой группы, какъ это было съ китайскимъ, представленнымъ однимъ мандаринскимъ нарѣчіемъ. Краусъ указывалъ также на недостаточность голыхъ названій языковъ для ихъ опредѣленія и обращалъ вниманіе на желательность болѣе подробныхъ показаній о ихъ географическомъ распространеніи. Рецензія Крауса вообще свидѣтельствовала о ясности и трезвости научныхъ взглядовъ ея автора, глубинѣ и серьезности его знаній, и многія ея замѣчанія до сихъ поръ сохраняютъ свое методологическое значеніе. Несмотря на серьезныя критическія возраженія противъ основной мысли словаря и ея выполненія, Краусъ все-таки отдавалъ должную дань удивленія столь

важному и безпримѣрному научному предпріятію, какимъ тогда являлся словарь русской императрицы и ея сотрудниковъ.

Весьма рѣзкій характеръ носила рецензія Хагера (Hager), замѣчанія котораго, однако, также нельзя не признать вполнѣ справедливыми. Хагеръ, придравшись къ выраженію Палласа „reliquas *omnes* ipse curavi“, указывалъ на невозможность сравнительнаго словаря *всѣхъ* азіатскихъ языковъ, говоря что это задача, совершенно непосильная для одного человѣка, и съ которой могло бы справиться только цѣлое общество ученыхъ. Далѣе онъ обращалъ вниманіе на присутствіе въ татарскихъ и турецкомъ языкахъ большого количества арабскихъ и персидскихъ заимствованныхъ словъ, которыя въ „сравнительномъ“ словарѣ слѣдовало-бы точно отграничить отъ природнаго матеріала этихъ языковъ, или и совсѣмъ выкинуть. Относительно арабскаго, рецензентъ отмѣчалъ смѣшеніе въ словарѣ древняго арабскаго съ новымъ и полное невниманіе къ многочисленнымъ его діалектамъ. Цѣлый рядъ языковъ представленъ былъ въ словарѣ, по мнѣнію Хагера, съ большими ошибками и некритично. Много ошибокъ онъ нашелъ въ еврейскихъ, сирійскихъ, армянскихъ, японскихъ словахъ. Говоря объ индійскихъ языкахъ, Хагеръ справедливо удивляется тому, что на первый планъ поставленъ цыганскій языкъ, а не санскритъ, относительно котораго въ свою очередь словарь не опредѣляетъ точно, разумѣется ли подъ этимъ терминомъ чистый древній языкъ, или одинъ изъ позднѣйшихъ діалектовъ, смѣшанныхъ съ тамульскими и бенгальскими (?) словами. Какъ и Краусъ, Хагеръ ставитъ въ упрекъ составителямъ словаря, что они не приняли во вниманіе ни географическаго положенія языковъ, ни ихъ происхожденія. Ссылкѣ составителей на недостатокъ пособій онъ противопоставляетъ замѣчаніе, что въ Парижѣ, Римѣ и другихъ мѣстахъ можно было бы найти еще много неиспользованныхъ источниковъ. Наконецъ, многіе языки въ словарѣ представлены въ очень искаженномъ видѣ, дающемъ неправильное представленіе о ихъ звуковой сторонѣ, какъ это рецензентъ доказывалъ на примѣрѣ татарскихъ діалектовъ, персидскаго, арабскаго, нѣкоторыхъ индійскихъ и китайскаго языковъ.

Характерно полное отсутствіе русскихъ рецензентовъ, если не считать Бакмейстера,—*нѣмецкаго* ученаго на *русской* службѣ. Отчасти оно, можетъ быть, объясняется высокимъ положеніемъ инціаторши и покровительницы словаря, но съ другой стороны (и гораздо больше) совершенно тепличнымъ характеромъ новаго плода науки, выросшаго среди русскихъ снѣговъ и пустынь подъ присмотромъ и охраной высокопоставленной садовницы, которая, какъ и ея ближай-

шіе помощники въ этомъ дѣлѣ, Николаи, Палласъ, Бакмейстеръ [1]), Арндтъ, Янковичъ де Миріево, не могла считаться природной русской. Читателей и судей для подобнаго ученаго труда у насъ тогда не могло быть (Ломоносова уже давно не было въ живыхъ), да и въ публику русскую онъ почти не проникалъ: императрица сама разсылала его иноземнымъ дворамъ и ученымъ, въ Петербургѣ же поступило въ продажу только 40 экземпляровъ, подаренныхъ для этого Екатериною книгопродавцу Вейтбрехту. Изданіе Янковича де Миріево, недоступное европейской публикѣ (какъ напечатанное по русски), у насъ также почему то [2]) долго не поступало въ продажу (до 1813 г.) и хранилось въ кабинетѣ императорскаго двора. Такимъ образомъ сами издатели словаря какъ какъ будто не считали возможнымъ заинтересовать имъ русское общество и едва ли ошибались въ своемъ недовѣріи. Впрочемъ общее научное значеніе его было не велико.

Оставляя въ сторонѣ ошибочность основной идеи подобнаго „всеобщаго“ сравнительнаго словаря, которая могла явиться только въ XVIII в. до возникновенія научнаго сравнительнаго языкознанія, нельзя не замѣтить, что и выполненіе задуманнаго плана, даже принимая во вниманіе тогдашнія условія научной работы, носило характеръ скороспѣлости и необдуманности. Систематизація матеріала, достовѣрность и полнота его, точность обозначенія произношенія, оставляли и по тогдашнему желать многаго, какъ это и было указано современной критикой. Планъ словаря, выборъ словъ также страдали многими недостатками и ошибками. Грамматическій строй разсматриваемыхъ языковъ совсѣмъ не принимался во вниманіе. Цѣлый рядъ языковъ и діалектовъ, извѣстныхъ и вполнѣ доступныхъ и въ то время (эѳіопскій, алеутскій, башкирскій, хорватскій, куманскій, лезгинскій, норвежскій, тибетскій, телугу и т. д.) отсутствуетъ въ словарѣ. Приводятся и никогда не существовавшіе языки, въ родѣ „тевтонскаго“. Лица, доставившія образчики языка, какъ сами собиратели ихъ, такъ и опрошенныя ими, названы лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; не указаны также въ большинствѣ случаевъ и мѣстности, въ которыхъ собирался матеріалъ. Самыя слова представлены то сообразно своему выговору,

---

[1]) И. Д. Бакмейстеръ, родственникъ вышеупомянутаго Хр. Бакмейстера, младшій библіотекарь Академіи Наукъ, былъ приглашенъ Палласомъ въ помощники по редактированію словаря. (См. Я. Гротъ, «Филолог. занятія Екатерины II», «Русскій Архивъ», 1877 г., кн. I стр. 440).

[2]) Чуть ли не потому, что императрица справедливо была недовольна неудачной редакціей этого изданія.

то сообразно правописанію, принятому въ соотвѣтствующихъ письменностяхъ и т. д.

Тѣмъ не менѣе словарь Екатерины II оживилъ научную жизнь того времени. Идея его никого не могла поражать своей ошибочностью; она вытекала изъ господствовавшаго тогда представленія о всеобщемъ происхожденіи языковъ земного шара изъ одного источника, и современная критика могла судить не самую идею, а только ея выполненіе. Уже появленіе ряда рецензій и поправокъ къ словарю Екатерины было пріобрѣтеніемъ для науки. Положительную сторону словаря безусловно составляло обиліе новаго матеріала, хотя бы часто и ненадежнаго: Свѣдѣнія о многихъ языкахъ Россіи, Сибири и Азіи вообще проникали съ трудомъ въ Европу того времени, и многое въ словарѣ было безспорно новинкой для европейскихъ ученыхъ.

На развитіе русской науки, однако, онъ едва ли имѣлъ какое-нибудь вліяніе (хотя бы въ силу крайне малой распространенности), если не считать такихъ позднѣйшихъ отголосковъ его всесравнительнаго направленія, какъ этимологизаторская дѣятельность адмирала Шишкова и др. Зато въ европейской наукѣ, не смотря на свою сравнительную рѣдкость и въ Европѣ, словарь Екатерины вызвалъ рядъ замѣчательныхъ для своего времени работъ, изъ которыхъ особенно выдаются „Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde“ и т. д. (4 т., 1806—17), I. Хр. Аделунга и „Catalogo de las lenguas de las naziones“ (6 т., 1800—1805) испанца Герваса. Къ произведеніямъ европейской научной литературы слѣдуетъ отнести и сочиненіе бывшаго переводчика кабинета Императрицы и помощника Палласа по изданію „Сравн. Словаря“, Іоанна Готлиба Арндта (р. 1743, † 1829) „Über den Ursprung und die verschiedenartige Verwandtschaft der europäischen Sprachen“, изданное во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1818 г., но существовавшее уже въ 80-хъ гг. XVIII в., какъ это видно изъ записки Екатерины II къ Храповицкому, хранящейся въ библіотекѣ Императ. Академіи Наукъ (см. Я. Гротъ, „Филологическія занятія Екарины II“, Русскій Архивъ, 1877, кн. I, стр. 440—442).

VIII. Грамматическіе труды А. Барсова, В. Свѣтова и др. Словари О. Алексѣева, Евгенія, Россійской Академіи.

Гораздо важнѣе для русскаго языкознанія была дѣятельность Ломоносова и Тредьяковскаго, подготовившихъ и первыхъ преподавателей словесности въ московскомъ университетѣ, Н. Н. Поповскаго (1730—1760) и А. А. Барсова (1730—1791), изъ коихъ послѣд-

ній является послѣдователемъ Ломоносова и въ своихъ грамматическихъ трудахъ: „Краткія правила россійской грамматики, собранныя изъ разныхъ россійскихъ грамматикъ въ пользу обучающагося юношества въ гимназіяхъ Московскаго Университета", (Москва, 1771), перепечатывавшіяся восемь разъ, и „Обстоятельная россійская грамматика", составленная по порученію коммиссіи о народныхъ училищахъ въ 1784—88 гг., но оставшаяся въ рукописи и впослѣдствіи затерявшаяся. Сохранились только списки съ нея, изъ которыхъ нѣкоторые были исправлены и дополнены самимъ Барсовымъ. Одинъ изъ такихъ списковъ, заключающій въ себѣ большой отдѣлъ „о словопроизвожденіи", писанный на многихъ страницахъ рукою самого Барсова и снабженный его же замѣтками и приписками, находится въ Имп. публичной библіотекѣ. Другіе два списка имѣются въ библіотекѣ Московскаго университета, и одинъ изъ нихъ, также съ поправками и дополненіями Барсова, заключаетъ въ себѣ всѣ пять частей его грамматики (правоизглашеніе=орѳоэпія, словоудареніе=просодія, правописаніе=орѳографія, словопроизвожденіе=этимологія, словосочиненіе=синтаксисъ), хотя и не въ полномъ видѣ. Другой московскій списокъ полнѣе всѣхъ, но зато изложенъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сокращеннѣе и съ нѣсколько иной редакціей текста. Барсовскихъ дополненій онъ не имѣетъ. Но и этотъ списокъ не можетъ назваться полнымъ, такъ что въ настоящемъ своемъ видѣ большая грамматика Барсова до насъ не дошла. Оставаясь въ рукописи, она не могла имѣть особаго вліянія на развитіе нашего языкознанія, хотя существованіе нѣсколькихъ списковъ ея указываетъ до нѣкоторой степени, что ею всетаки пользовались. Но какъ показатель извѣстнаго успѣха, достигнутаго русской школой языкознанія со времени грамматики Ломоносова, трудъ Барсова все же имѣетъ историческое значеніе, тѣмъ болѣе, что авторъ его, какъ профессоръ словесности Московскаго университета (съ 1761 г.), вводившій иногда въ свои курсы и русскую грамматику, имѣлъ возможность, по крайней мѣрѣ въ устномъ преподаваніи, распространять свои взгляды. Карамзинъ, искренній почитатель Барсова, говорилъ, что если *умѣетъ задумываться надъ словомъ*, то этимъ обязанъ Барсову. Русская грамматика была любимымъ предметомъ занятій Барсова. По его словамъ, „человѣкъ всего болѣе отличается отъ животнаго словомъ или языкомъ, слѣдовательно наука о языкѣ есть важнѣйшая и истинно-человѣческая" [1]). Составленіе грамматики предпринято было имъ по порученію коммиссіи объ

[1]) Сухомлиновъ, «Исторія Россійской Академіи», т. IV. 1878, стр. 241.

учрежденіи народныхъ училищъ, предсѣдателемъ которой былъ Ѳ. И. Янковичъ де Миріево (1741—1814). Коммиссія нуждалась въ „исправной, достаточной и лучшимъ порядкомъ расположенной россійской грамматикѣ“ для „употребленія въ новозаводимыхъ по высочайшему ея императорскаго величества повелѣнію народныхъ училищахъ“ (письмо члена коммиссіи Завадовскаго къ Барсову, нап. у Сухомлинова, „Исторія россійской академіи“ вып. IV, Спб. 1878, стр. 250). Отвлекаемый многообразными занятіями и обязанностями отъ обременительнаго и сложнаго по отсутствію надлежащихъ подготовительныхъ работъ труда, Барсовъ проработалъ четыре слишкомъ года надъ своей грамматикой. Но обширный объемъ ея (шестдесять тетрадей рукописи, по сообщенію самого Барсова), сдѣлавшій ее „пространнѣйшею всѣхъ нынѣ имѣющихся въ своемъ родѣ“, послужилъ причиною того, что коммиссія не могла воспользоваться ею для намѣченнаго употребленія ея, въ качествѣ учебника, и рѣшила напечатать ее въ сокращенномъ видѣ. Для этого сокращенія рукопись была передана нѣкоему Пахомову, при чемъ вѣроятно и затерялась.

По словамъ самого Барсова, его грамматика представляла „не только многія нужныя наставленія“, имъ „вновь выработанныя, которыя другими грамматиками совсѣмъ опущены были, но и порядокъ систематическій, котораго въ нихъ не находится“. Составленіе ея стоило большаго труда, „по причинѣ безчисленныхъ справокъ съ разными, не только россійскими, но и другихъ языковъ грамматиками, словарями и другими многими книгами, замѣчаній въ нихъ, выписокъ; многочисленныхъ, какъ въ самое время сочиненія, перемѣнъ и переправокъ, такъ и потомъ многократныхъ переписокъ, исправленій и дополненій“. Тѣмъ прискорбнѣе постигшая этотъ трудъ печальная участь, къ сожалѣнію не безпримѣрная въ исторіи русской духовной культуры.

Впрочемъ, благодаря уцѣлѣвшимъ спискамъ, хотя и неполнымъ, сужденіе о большой грамматикѣ Барсова всетаки возможно. По словамъ Буслаева, Барсовъ является въ ней „достойнымъ послѣдователемъ Ломоносова; для исторіи русскаго языка въ XVIII в. предлагаетъ она весьма много любопытныхъ данныхъ“. Составитель ея стремился воспользоваться всѣми лучшими тогдашними источниками и пособіями. Во главѣ ихъ стоитъ, конечно, грамматика Ломоносова, но иногда Барсовъ слѣдуетъ и Тредьяковскому, лекціи котораго въ свое время слушалъ въ академическомъ университетѣ. Кое-что заимствовано имъ изъ грамматическихъ таблицъ Свѣтова, придерживаться которыхъ рекомендовала ему школьная коммиссія. Кромѣ того онъ пользовался и „примѣчаніями

вольнаго россійскаго собранія", одною изъ задачъ котораго было собираніе и разработка памятниковъ языка, составленіе словаря и грамматики и т. д. Изъ иностранныхъ пособій Барсовъ ссылается на обще-философскіе грамматическіе трактаты Куръ де Жебелена и Аделунга („Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache"), подъ вліяніемъ которыхъ онъ вводитъ въ грамматику логическій элементъ, выводя извѣстныя явленія языка, особенно въ области синтаксиса, изъ общихъ логическихъ понятій. Ученіе о частяхъ предложенія, о подлежащемъ и сказуемомъ и т. д. изложено Барсовымъ, согласно взглядамъ Аделунга. Внѣшнія рамки изложенія, порядокъ частей, извѣстныя правила и опредѣленія заимствованы были изъ нѣмецкой грамматики, принятой въ австрійскихъ школахъ („Verbesserte Anleitung zur deutschen Sprachlehre. Zum Gebrauche der deutshen Schulen in den Kaiserlichen Königlichen Staaten". Вѣна. 1779). Этотъ послѣдній образецъ, которому слѣдовалъ Барсовъ нерѣдко дословно [1]), былъ указанъ ему школьной коммиссіей, такъ какъ для нея австрійское школьное устройство являлось идеаломъ, къ которому слѣдовало стремиться во всѣхъ отношеніяхъ. Грамматическая терминологія Барсова почти та же, что у Ломоносова, съ уклоненіями въ сторону большей близости къ современной. Уклоненія эти, впрочемъ, нерѣдко восходятъ къ старинной терминологіи, знакомой уже намъ изъ грамматикъ XVI—XVII вв. Такъ слогъ у Барсова называется и *складъ* (какъ у Ломоносова), и *слогъ* (такъ уже въ грамматич. статьяхъ XVI—XVII в. и грамматикахъ: „Адельфотисѣ" и Лаврентія Зизанія, см. выше, стр. 171 и 173 [1]), слово—*реченіе* (какъ у Ломоносова) и просто *слово*, сравнительная степень—*уравнительная* или *разсудительная степень*, тогда какъ у Ломоносова еще—*разсудительный степень* (такъ и у Смотрицкаго, см. выше, стр. 177), предложеніе—*рѣчь* (какъ у Ломоносова) и *предложеніе* [2]), части рѣчи—не *части слова* (какъ у Ломоносова), а *части рѣчи* и т. д. Въ ороографіи Барсовъ являлся сторонникомъ Тредьяковскаго и, подобно ему, хотѣлъ основать ее „на звонахъ", т. е. на фонетическомъ принципѣ. Такъ недостаткомъ нашей азбуки онъ считалъ отсутствіе различія на письмѣ двухъ разныхъ звуковъ, соотвѣтствующихъ лат. g и h. Слѣдуя первому изданію грамматики Смотрицкаго, Барсовъ предлагалъ ввести въ русскую азбуку особый знакъ для обозначенія спиранта *h*. Такимъ же недостаткомъ онъ считаетъ обозна-

[1]) См. примѣры у Сухомлинова, «Исторія Россійской Академіи» 1878, вып. IV. 274—276.

[2]) Переводъ лат. термина propositio.

ченіе звука о въ *медъ, ледъ, Веревкинъ* и множествѣ другихъ случаевъ посредствомъ обыкновеннаго *е*, вмѣсто котораго предлагаетъ знакъ *їо*. Изъ двухъ буквъ *и* и *і* первая является для него излишней. Излишни также, по его мнѣнію, ъ въ концѣ словъ и буквы *ѳ* и *ѵ*. Фонетическія представленія Барсова представляютъ, однако, шагъ назадъ, сравнительно съ грамматикой Ломоносова. Такъ гласные звуки онъ дѣлитъ по способу ихъ произношенія на *отверстые* (а, у и др.) и *полуотверстые* (я, ю и др.), что мало вразумительно, особенно въ виду рекомендуемаго имъ способа убѣдиться въ различіи „отверстыхъ" отъ „полуотверстыхъ", произнося ихъ передъ зеркаломъ [1]). Такъ же мало понятно различіе *чистыхъ* гласныхъ отъ *растворенныхъ*. По опредѣленію Барсова, тѣ гласные *чисты*, которые слѣдуютъ за гласными же, гласные же, стоящіе послѣ согласныхъ,—*растворенные*. Напр. въ *сіяю і*—растворенный гласный, а *я* и *ю*—чистые.

Гораздо цѣннѣе многочисленныя фактическія наблюденія надъ литературнымъ и народнымъ языкомъ, щедро разсѣянныя въ разныхъ мѣстахъ грамматики. Барсовъ часто отмѣчаетъ различія между литературнымъ и народнымъ языкомъ, приводя примѣры изъ послѣдняго гораздо чаще, чѣмъ это дѣлалъ Ломоносовъ. Такъ онъ указываетъ на переходъ неударённаго *е* въ *о*, какъ на принадлежность деревенскаго выговора, въ формахъ, въ родѣ *віола, ніосла, пишотъ*, обращаетъ вниманіе на переходъ неудареннаго *о* въ *а*, какъ черту московскаго говора, и объясняетъ ею появленіе „ложныхъ окончаній" въ случаяхъ, въ родѣ *проса, пуза*, вмѣсто *просо, пузо*, отмѣчаетъ разныя діалектическія формы члена *тъ, та, то*, свойственныя сѣверному нарѣчію и т. д. Какъ и Ломоносовъ, Барсовъ ссылается иногда и на древнія рукописи, указывая на существованіе въ нихъ, напр., такихъ написаній, какъ *Къıевъ* и т. д. Временъ глагольныхъ онъ признавалъ только шесть, вмѣсто десяти Ломоносовскихъ, и вообще въ вопросѣ о глагольныхъ видахъ склонялся больше ко взглядамъ Смотрицкаго, въ которыхъ заключалось нѣкоторымъ образомъ предчувствіе современной теоріи видовъ. Такъ онъ отличалъ учащательные глаголы отъ начинательныхъ. Но и пространная грамматика Барсова, и его краткій учебникъ, выдержавшій столько изданій и употреблявшійся еще и въ началѣ XIX вѣка, продолжали сохранять характеръ обычной школьной грамматики, преслѣдующей практическія цѣли и долженствующей научить, по словамъ самого Барсова, „исправно читать, говорить и писать на

[1]) Растворъ рта при *а* и *я*, *у* и *ю* будетъ одинаковъ!

россійскомъ языкѣ по лучшему и разсудительному его употребленію".

Такой же характеръ имѣли и другія грамматики, бывшія у насъ въ ходу въ послѣдней четверти XVIII в.; безпорядочная „Россійская универсальная грамматика или всеобщее письмословіе, предлагающее легчайшій способъ основательнаго ученія русскому языку, съ седмью присовокупленіями разныхъ учебныхъ и полезнозабавныхъ вещей", Соч. Николая Курганова, Спб. 1769 (послѣдующія изданія 1790, 1796, 1802, 1831); „Краткая россійская грамматика, изданная для народныхъ училищъ", Спб. 1787 (изданіе школьной коммиссіи, представляющее собой извлеченіе изъ грамматики Ломоносова, сдѣланное Сырейщиковымъ. Послѣдующія изданія: 1793, 1796, 1805 г.); „Начальныя основанія россійской грамматики въ пользу учащагося въ гимназіи при Императорской Академіи Наукъ юношества, составленная Петромъ Соколовымъ", Спб. 1788 (послѣдующія изданія: 1792, 1797, 1806, 1808); „Краткія правила ко изученію языка россійскаго, съ присовокупленіемъ краткихъ правилъ россійской поэзіи или науки писать стихи, собранныя изъ новѣйшихъ писаній въ пользу обучающагося юношества Васильемъ Свѣтовымъ" [1]). Москва. 1790 (2-е изд. Спб. 1795, 8°, VIII+190): его же „Опытъ новаго россійскаго правописанія" 1773 г. (2-е изд. 1787 г.), „Таблицы о познаніи буквъ, о складахъ, о чтеніи и правописаніи" (1783 г.) и нѣкоторые другіе краткіе учебники грамматики.

Въ такомъ состояніи къ концу XVIII в. находилась наша литература по отдѣлу грамматики русскаго языка. Дальше обыкновенныхъ школьныхъ рамокъ наши грамматики этого рода не шли. Нѣкоторое исключеніе составляли лишь грамматики Ломоносова и Барсова (пространная), но и эти составители преслѣдовали также только педагогическія цѣли, и если ихъ работы впослѣдствіи получили научное значеніе, то во всякомъ случаѣ независимо отъ намѣренія авторовъ. Еще менѣе было сдѣлано для словаря русскаго языка. Если не считать нѣсколькихъ словарей съ русскаго на разные иностранные языки, въ родѣ упоминавшагося выше „Россійскаго Целларіуса" Гельтергофа или шести-язычнаго словаря Григорія Полѣтики [2]), то, до появленія въ свѣтъ „Словаря Ака-

[1]) Оцѣнку грамматическихъ трудовъ Свѣтова см. у Сухомлинова, «Исторія россійской академіи», вып. IV., стр. 321—327.

[2]) Словарь на 6 языкахъ: на Россійскомъ, Греческомъ, Латинскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ и Англинскомъ, изд. Григорьемъ Полѣтикою. Спб. 1763. (Сопиковъ № 10453). Словарь этотъ въ сущности представляетъ собой просто

деміи Россійской", уже въ послѣднихъ годахъ XVIII в., наша научная литература не могла представить ни одного труда этого рода.

Пробѣлъ этотъ до нѣкоторой степени восполнилъ протоіерей московскаго архангельскаго собора П. А. Алексѣевъ (1727—1801), составившій „Церковный словарь, или истолкованіе реченій славенскихъ древнихъ, такожъ иноязычныхъ, безъ перевода положенныхъ въ Св. Писаніи и др. церковныхъ книгахъ и т. д."—первый опытъ церковно-слав. словаря, построенный совсѣмъ по образцу древнихъ азбуковниковъ и дававшій нерѣдко обширныя предметныя объясненія энциклопедическаго характера. Словарь Алексѣева былъ разсмотрѣнъ и одобренъ къ напечатанію „Вольнымъ россійскимъ собраніемъ" при Московскомъ университетѣ, которое посвятило свое изданіе Императрицѣ Екатеринѣ II. Въ предисловіи указывались поводы къ составленію и изданію этой „книжки, въ своемъ родѣ новой", и высказывались надежды, что, благодаря этому пособію, „любезное отечество въ скоромъ времени увидитъ на своемъ коренномъ языкѣ достойныхъ Витіевъ, Стихотворецъ и Исторій писателей, кои оставя иноязычные для насъ незнакомые выговоры, собственную красоту Россійскаго слога искажающіе, и при частой перемѣнѣ къ осязательному упадку его наклоняющіе, Россійскимъ чистымъ слогомъ прославятъ громкія дѣла нынѣшняго знаменитаго вѣка". Составитель находилъ, что „изобилующій сложными реченіями языкъ Еллиногреческій придаетъ Славенскому способность ко изъясненію краткими словами великихъ мыслей, чего на другихъ Европейскихъ языкахъ безъ пространнаго описанія выразить не можно". Поэтому онъ питалъ „небезосновательную надежду, что по нынѣшнему обще воспріятому отъ ученыхъ людей старанію о чистотѣ Россійскаго слога, и почтенной древности изъ подспуда на свѣтъ произведенію, не преминутъ съ надлежащимъ приготовленіемъ охотно читать священную Библію, и прямый оныя разумъ постигать на природномъ языкѣ и тѣ люди, кои доселѣ отъ того удалялися за встрѣчающимися тамъ темнопереведенными Славенскими, или безъ перевода оставленными реченіями". Т. о. самъ составитель и издатели ожидали отъ своего изданія пользы прежде всего для русскаго языка, отожествлявшагося вообще въ XVIII в. и началѣ XIX съ славянскимъ. Для нихъ ихъ словарь былъ, такъ сказать, суррогатомъ русскаго словаря, хотя и содержалъ только малопо-

---

собраніе вокабулъ на перечисленныхъ въ заглавіи языкахъ и совсѣмъ не заслуживаетъ своего громкаго имени.

нятныя церковно-славянскія слова и различныя иностранныя (главнымъ образомъ еврейскія и греческія) слова и названія, встрѣчающіяся въ свящ. писаніи. Для образца приведемъ первыя слова на букву л: лабекъ, ладонъ, лакоть, лаконскія, лазарома, лампада, лань, ланита, ласица, ласкосердство, ластовица, латынь, лаятель, лавра, лавсаикъ, лвичищъ, левіаѳанъ и т. д. Въ 1776 г. вышло „Дополненіе къ церковному словарю... съ пріобщеніемъ къ оному нѣкоторыхъ церковныхъ ірмосовъ вновь преложенныхъ и приведенныхъ въ стихи“, имѣвшее тотъ же характеръ, что и самъ словарь. Въ него вошли, впрочемъ, и нѣкоторые иностранные термины, имѣющіе только косвенное отношеніе къ языку церкви, въ родѣ музыкальныхъ: басъ, гесольутъ, еѳа, полтакта и т. д. Наконецъ черезъ три года, въ 1779 г. вышло еще „Продолженіе Церковнаго словаря“ и т. д. (Москва, въ типогр. Имп. Моск. университета). Словарь Алексѣева пользовался большимъ распространеніемъ и выдержалъ 4 изданія (1773—76 первое, и 1817—19—четвертое).

Въ томъ же родѣ былъ и „Краткой Словарь Славенской съ прибавленіемъ Слав. склоненій, спряженій и нѣкоторыхъ нужнѣйшихъ грамматическихъ правилъ. Собранный бывшимъ при Импер. Сухопутн. Шляхетномъ Кадетск. Корпусѣ Іеродіакономъ, что нынѣ Игуменомъ Евгеніемъ. Печатанъ въ Типографіи онаго корпуса 1784 г. (8°. 127+прибавленіе 42 стр.). Словарь этотъ богаче словаря Памвы Берынды, но, подобно послѣднему, изобилуетъ словами, совсѣмъ не принадлежащими старославянскому языку. Такъ въ немъ находимъ не мало новообразованій (подчасъ искусственнаго происхожденія), русскихъ, болгарскихъ, польскихъ или западно-русскихъ и т. п. словъ, въ родѣ: *басемной окладъ, бичильно, бережу, блудяга, бохма, ботю* (откармливаю), *брозда* (удила), *брудю* (мараю, черню), *ватага* (семья), *володѣю, волотъ, грабля, дмый* (мѣхъ кузнечій), *дозаратай* (надзиратель), *дремый* (раздираемый), *друкую* (печатаю), *жребствую* (въ жребій принимаю), *збруевоможница* (оружейная палата) и т. д.

Еще болѣе опредѣленный энциклопедическій характеръ имѣлъ словарь Іоанна Алексѣева: „Пространное поле, обработанное и плодоносное или всеобщій историческій оригинальный Словарь“, остановившійся повидимому на самомъ началѣ (въ экземплярѣ Библіотеки Имп. Акад. Наукъ, т. I. и въ ч. 1 тома II [Москва. 1792—94. 8°] имѣется только буква А). О его характерѣ могутъ дать понятіе первыя статьи на букву А: Аангичъ (птица), Ааронова вѣтвь (металлургич.), Аароновъ жезлъ, Абабы (турецкіе полки), Абазинцы (народъ), Абасіа или Абисси-

нія, Абасъ—вѣсъ и монета, Аббатство—чинъ, Абда—эпоха, Абинцы—народъ, Абиссинія—государство, Абракадабра—идолъ, Абрикозовое дерево и абрикозы, Абстиненты—еретики, Абхазы—народъ, Абызъ—жрецъ, Ава—королевство и т. д.

Но главнымъ словарнымъ трудомъ этого времени, имѣвшимъ важное значеніе для изученія русскаго языка, является „Словарь Академіи Россійской“ (Спб., 6 частей, 1789—94, 2 изд., дополненное десятью тысячами словъ, 1806—22), удовлетворявшій давнишней потребности въ подобномъ пособіи. Словарь начали составлять вскорѣ послѣ открытія „Россійской Академіи“ (1783). При составленіи его, источниками служили всѣ вышедшіе до него печатные словари (Зизанія, Памвы Берынды, „Россійскій Целларіусъ“ Гельтергофа, „Церковный словарь“ Алексѣева), а также и различныя рукописныя собранія словъ въ родѣ собраній Тауберта и Кондратовича, переводчика Ботвинкина, протоіерея Левшина и т. д. Собираніе матеріала было распредѣлено между академиками, по буквамъ. Слова черпались не только изъ печатныхъ и рукописныхъ словарей, но и изъ церковныхъ книгъ и произведеній русской литературы древней и новой. Весь собранный матеріалъ былъ напечатанъ въ азбучномъ порядкѣ, въ формѣ таблицъ (такъ наз. „Аналогическія таблицы“), въ пяти томахъ, которые и были розданы членамъ академіи для провѣрки и исправленій. Въ таблицы эти, кромѣ общераспространенныхъ словъ, вносились древнія, старыя и областныя слова, техническіе термины и т. д. Такимъ образомъ скопился весьма обильный матеріалъ, въ количествѣ дотолѣ неслыханномъ. Въ обработкѣ его приняли участіе члены Россійской Академіи, раздѣлившіеся на 3 отдѣла: *грамматикальный* (для грамматическихъ объясненій и систематизаціи матеріала), *объяснительный* (для опредѣленія значенія словъ) и *издательный* или *распорядительный* (для веденія самаго печатанія). Составленъ былъ планъ, въ обсужденіи котораго приняли участіе разныя лица, въ томъ числѣ Болтинъ, доказывавшій необходимость алфавитнаго, не аналогическаго или предметнаго порядка (его замѣчанія напечатаны Гротомъ въ V томѣ академич. изданія соч. Державина), и Фонвизинъ, написавшій въ 1784 г. О. П. Козодавлеву „Письмо о планѣ росс. словаря“, гдѣ онъ говоритъ о собственныхъ и уменьшительныхъ именахъ, географическихъ названіяхъ, техническихъ терминахъ и синонимахъ [1]). Въ немъ Фонвизинъ доказывалъ, что въ проектируемый словарь не надо вводить собственныя имена, прилагатель-

[1]) Письмо это было напечатано впервые лишь въ 1803 г. въ «Вѣстникѣ Европы» (№ 19) съ примѣчаніями редакціи.

ныя, образованныя отъ собственныхъ именъ, и отечества, географическія имена и имена народовъ. Въ послѣднемъ случаѣ Фонвизинъ, однако, не былъ послѣдователенъ, допуская для словаря имя *жидъ*, имѣющее, по его мнѣнію болѣе общее, нарицательное значеніе, чѣмъ слово *іудеянинъ*, которое имъ изгонялось (см. подробную исторію этого „Словаря“ у Сухомлинова „Ист. Росс. Академіи“, вып. VIII, 1887). Изъ 60 членовъ академіи въ составленіи словаря участвовало 47. Особенно дѣятельное участіе проявили Болтинъ, Фонвизинъ, Лепехинъ и другіе современные писатели и ученые. Выборкой словъ изъ разныхъ источниковъ и вообще собираніемъ матеріала занимались: Державинъ, Фонвизинъ, Княжнинъ, Богдановичъ, митрополитъ Гавріилъ, Лепехинъ, Козодавлевъ, княгиня Дашкова, графъ Строгоновъ, И. И. Шуваловъ и др. Научные термины объясняли академики Румовскій и Иноходцевъ (математическіе и астрономическіе), Лепехинъ (естественно-историческіе), Озерецковскій (названія болѣзней) и т. д. Особенную дѣятельность проявилъ въ этомъ дѣлѣ Лепехинъ, непремѣнный секретарь россійской академіи, одинъ изъ главныхъ поставщиковъ матеріала и членъ каждаго изъ трехъ отдѣловъ, образованныхъ въ средѣ академиковъ для составленія и изданія словаря. Вмѣстѣ съ нимъ членами „издательнаго комитета“ были академики Румовскій, Озерецковскій, Иноходцевъ. Весьма полезно и толково было и участіе въ этомъ дѣлѣ кн. Дашковой, дававшей нѣкоторыя дѣльныя указанія и употреблявшей всѣ усилія къ скорѣйшему окончанію словаря, которымъ очень интересовалась императрица Екатерина II.

Составленіе словаря вообще пробудило интересъ къ изученію русскаго языка и безспорно оставило свой слѣдъ въ исторіи нашего языкознанія. Какъ первый опытъ *русскаго* словаря, академическій словарь, не имѣвшій почти никакихъ предшественниковъ (словари Зизанія, Памвы Берынды, Алексѣева, Гельтергофа, Поликарпова и др. не могутъ серьезно итти въ счетъ), долженъ быть признанъ довольно полнымъ (43257 словъ), особенно если принять во вниманіе непродолжительность срока, въ теченіе котораго онъ составлялся (11 лѣтъ). Составители сдѣлали все возможное въ то время для достиженія наибольшей полноты, и нельзя не сказать, что для перваго опыта въ этомъ родѣ едва ли и можно было бы требовать большаго отъ лицъ, въ сущности совсѣмъ не подготовлявшихся къ подобнаго рода задачѣ. Съ совершенно вѣрнымъ чутьемъ рѣшено было въ началѣ, по настоянію Болтина, ввести въ словарь всѣ областныя слова „безъ изъятія“, какія только можно будетъ добыть, и которыхъ „въ столицахъ не нахо-

дится". Впослѣдствіи, однако, академія отступила отъ этого намѣренія и рѣшила принимать въ словарь только тѣ областныя слова, которыми „изображаются вещи, орудія и проч. въ столицахъ неизвѣстныя", или тѣ, «которыя могутъ послужить къ обогащенію и обилію языка", благодаря „своей ясности, силѣ и краткости". Тѣмъ не менѣе въ словарь всетаки вошло порядочное количество областныхъ словъ (малорусскихъ, сибирскихъ, камчатскихъ, уральскихъ, архангельскихъ, поморскихъ, волжскихъ и т. д.); введены были и разныя техническія слова, въ основѣ которыхъ нерѣдко также лежатъ областныя и народныя названія разныхъ растеній и животныхъ, а также и вообще „простонародныя" или „народныя" слова. Кромѣ того, въ него вошли и многія „старинныя" слова, способствующія пониманію древняго быта или заключающія въ себѣ корни словъ, употребляющихся и теперь, а также и многія славянскія. Словъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ, внесено было немного, такъ что общее ихъ количество не составляетъ и $^1/_{50}$ всего количества словъ. Иностранныя слова, введенныя въ употребленіе безъ особенной надобности или совершенно равносильныя русскимъ или славянскимъ, были совсѣмъ исключены изъ словаря. Допущены были лишь греческія и еврейскія слова, встрѣчаемыя въ священныхъ книгахъ, названія чиновъ и должностей, принятыя нашимъ законодательствомъ, названія чужеземныхъ произведеній, какъ естественныхъ, такъ и художественныхъ. Слова, хотя и не всегда, доказывались цитатами изъ разныхъ источниковъ, священныхъ и церковныхъ книгъ, актовъ и лѣтописей (изъ лѣтописи Нестора, Новгородской и Архангельской лѣтописей, Никоновскаго Сборника, Русской правды, Судебника, Уложенія, Синопсиса, Ратнаго устава, Царственной книги, Сказанія объ осадѣ Троицко-Сергіевой лавры, Бесѣдъ и Литургіи Іоанна Златоуста, книгъ Григорія Назіанзина, Шестоднева Василія Великаго, Минеи праздничной, Тріоди постной и цвѣтной, Ирмолога и Октоиха, Пролога, Кормчей, Номоканона, Требника и т. д.), извѣстныхъ въ то время древнихъ и новыхъ писателей (Ломоносова, Сумарокова, Петрова, Хераскова, Кострова, Екатерины II, Ѳеофана Прокоповича, Кн. Дашковой, Н. Поповскаго, М. Попова, И. И. Шувалова и т. д.), народныхъ пѣсенъ, пословицъ и поговорокъ и т. д. Современное употребленіе словъ также находило себѣ здѣсь мѣсто въ примѣрахъ, составлявшихся, очевидно, академиками именно для его демонстраціи.

Въ виду всѣхъ этихъ положительныхъ сторонъ, словарь Россійской академіи долженъ быть признанъ явленіемъ для своего времени замѣчательнымъ, какъ богатое собраніе лексическаго ма-

теріала, часто совсѣмъ новаго и впервые регистрированнаго и нерѣдко имѣющаго историческую важность и для нашего времени. Неудивительно, если современники приходили въ восторгъ отъ этого перваго опыта и причисляли его „къ числу тѣхъ феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ иноземцевъ“ (Карамзинъ, рѣчь въ торжественномъ собраніи россійской академіи 5 дек. 1818 г.). Какъ первый опытъ, словарь, конечно, имѣлъ много недостатковъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ. И тѣ и другіе частью объясняются условіями времени, частью отсутствіемъ настоящей научно-филологической подготовки у огромнаго большинства членовъ академіи.

Къ недостаткамъ перваго рода слѣдуетъ отнести недостаточное различеніе церковно-славянскихъ лексическихъ элементовъ отъ природныхъ русскихъ, находившееся въ связи съ обычнымъ въ то время (и много послѣ) убѣжденіемъ, что языки славянскій и русскій представляютъ собою скорѣе разные способы выраженія, присущіе одному и тому же языку, чѣмъ два различныхъ языка [1]). Полнота словаря пострадала отъ недопущенія въ него областныхъ словъ, кромѣ нѣкоторыхъ ихъ категорій, указанныхъ выше; допущеніе „простонародныхъ“ словъ и рядомъ исключеніе многихъ „областныхъ“ плохо вязались другъ съ другомъ и придавали составу словаря оттѣнокъ извѣстной случайности и произвольности. Наряду со строгостью въ отношеніи къ извѣстнымъ категоріямъ областныхъ словъ, находимъ введеніе обветшалыхъ и даже вновь составленныхъ словъ въ замѣну иностранныхъ, которое находилось въ связи съ замѣтнымъ стремленіемъ исправлять и регламентировать живое употребленіе языка. Это стремленіе вытекало изъ основного назначенія „Россійской Академіи“, учрежденной для „вычищенія и обогащенія языка, установленія и употребленія словъ, витійства и стихотворства“. Наивно-механическій взглядъ на звуковую сторону языка, этимологіи, основанныя на грубомъ созвучіи (въ родѣ *воробей* отъ *воръ* и *бей*), отсутствіе правильнаго историческаго пониманія языка, сказавшееся, напримѣръ, въ признаніи извѣстныхъ славянскихъ и русскихъ словъ, схожихъ со словами другихъ родственныхъ языковъ, за заимствованія изъ этихъ послѣднихъ, (благодаря чему къ иностраннымъ словамъ относились такія исконныя славянскія и русскія слова, какъ *гомола, воръ, быкъ, братъ, гость, село, щи* и т. д.)—вытекали уже изъ условій самаго времени возникновенія

[1]) См. С. Буличъ, „Церковнославянскіе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ“. Ч. I. Спб. 1893 г., стр. 78—82.

словаря. Попадали въ словарь и просто фантастическія, никогда не бывалыя слова, въ родѣ якобы стариннаго междометія *гизъ* (у скороходовъ, разгонявшихъ толпу передъ поѣздомъ вельможи)— восходящаго, очевидно, къ сокращенному *берегись (гись!)* Впрочемъ, такихъ ошибокъ въ словарѣ было немного. Къ недостаткамъ формы надо отнести словопроизводный или этимологическій распорядокъ словаря, благодаря которому, при отсутствіи общаго алфавитнаго реестра, приходилось перебирать всѣ шесть томовъ словаря, чтобы найти иное слово. Глаголы приводились не въ неопредѣленномъ наклоненіи, а только въ формѣ перваго лица настоящаго времени, что также затрудняло пользованіе словаремъ. Во второмъ изданіи словаря, вышедшемъ уже въ началѣ XIX в., эти внѣшніе недостатки были устранены.

Несмотря на указанные недостатки, словарь россійской академіи составилъ въ извѣстномъ смыслѣ эпоху въ данной области нашей научной литературы и сейчасъ же оказалъ извѣстное вліяніе, вызвавъ появленіе практическихъ словарей, основанныхъ на немъ. Таковы были: „Новый россійско-французско-нѣмецкій словарь, сочиненный по словарю россійской академіи Иваномъ Геймомъ и т. д. Nouveau Dictionnaire Russe-françois et allemand composé d'aprés le dictionnaire de l'académie russe par Jean Heym etc. Москва, въ универс. типографіи, у Христофора Клаудія. 4°. 3 ч. 1799—1802“ и „Полный россійско-нѣмецкій словарь, по большому словарю россійской академіи сочиненный Иваномъ Геймомъ“ (2-я часть его вышла въ Ригѣ и въ Лейпцигѣ, въ 1800 г.).

Въ научной литературѣ того времени онъ, однако, не обратилъ на себя особаго вниманія, если не считать хвалебнаго отзыва, напечатаннаго (безъ подписи) въ „Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ (ч. 86, 1792 г., стр. 4—14): „Письмо объ издаваемомъ Императорской Россійской Академіей Словарѣ Россійскомъ“. Авторъ этой рецензіи поздравляетъ читающую публику съ отпечатаніемъ IV части Россійскаго Словаря, ставитъ этотъ послѣдній выше словаря Французской Академіи и указываетъ на великое значеніе подобныхъ трудовъ для духовнаго развитія народа: „сколь необходимо для благоустроеннаго государства рачить о пользѣ отечественнаго языка, ибо языкъ, ежели можно такъ сказать, есть печать или свидѣтельство силы, просвѣщенія и богатства народнаго, какъ то въ древности ясно намъ доказываютъ Египтяне, Греки и Римляне, а въ новѣйшія времена французы и др.“. Значеніе разбираемаго труда тѣмъ болѣе, что составленіе его, по мнѣнію автора статьи, было гораздо труднѣе, чѣмъ составленіе французскаго академическаго словаря: „Судя по бѣдности французскаго языка, по

недостатку первообразныхъ реченій и почти по неимѣнію сложенныхъ глаголовъ, трудъ Франц. Словаря гораздо легче, нежели Россійскаго“. Изданіе, конечно, не лишено недостатковъ, но авторъ надѣется, что Россійская Академія, „прилѣжа толь неутомимо о существенномъ дѣлѣ своего подвига, и не занимаяся произношеніемъ тщетныхъ привѣтствій во время принятія своихъ членовъ, наполненныхъ взаимными и часто пристрастными, чтобы не сказать нелѣпыми похвалами, избѣгнетъ сея укоризны при 2-мъ или 3-мъ изданіи своего Словаря“. О степени компетенціи критика словаря свидѣтельствуютъ слѣдующія его разсужденія о русскомъ и старославянскомъ языкахъ: „извѣстно, что Россійскій языкъ—отрасль Славянскаго, которой можно нѣкоторымъ образомъ назвать языкомъ мертвымъ по тому, что онъ существуетъ въ книгахъ Св. Писанія, и много словъ, которыя на нашемъ нынѣ употребляемомъ языкѣ, которой я осмѣлюсь назвать языкомъ Славяноросcійскимъ, преданы забвенію, и неграмотнымъ и непросвѣщеннымъ людямъ со всемъ невразумительны; предки же наши говорили по недостатку, или по неимѣнію хорошихъ писателей, простонароднымъ языкомъ, въ которой вкралося множество чужеземныхъ (татарскихъ и польскихъ) словъ; слѣдственно надлежало, ... очистя сію древнюю громаду отъ несвойственныхъ ей безобразій, представить въ новомъ величественномъ видѣ. Сіе было дѣло Россійской Академіи.... сдѣлать хранилище всѣхъ сокровищъ Россійскаго языка.... Сіе хранилище есть Словарь Россійской Академіи; сіе есть подвигъ сколько трудный, столько же полезный и славный для Россіи“. Въ заключеніе критикъ обращается къ составителямъ Словаря со словами ободренія: „есть можетъ быть по всеобщей судьбѣ человѣчества негодователи и порицатели трудовъ вашихъ; есть вамъ завистники. Накажите ихъ, ступя послѣдній шагъ теченія вашего. Россія вамъ обязана за Словарь свой. Недостатки его исправитъ время; ибо трудъ вашъ такова роду, что чрезъ новыя изданія онаго исправиться и достигнуть возможнаго совершенства только удобенъ. Но и теперь сіе хранилище сокровищъ Россійскаго языка, сей Словарь вашъ, есть истинный руководитель какъ природнымъ Россіянамъ, такъ и иностраннымъ желающимъ научиться языку нашему“.

За исключеніемъ этого, въ общемъ совершенно голословнаго отзыва, наша молодая наука и журналистика XVIII в. не откликнулась на появленіе такого важнаго для своего времени научнаго труда ни однимъ критическимъ разборомъ его достоинствъ и недостатковъ. У насъ не было еще компетентныхъ судей для его оцѣнки, а на западѣ мало кто могъ имъ заинтере-

соваться въ то время. Только Шлецеръ, уже лѣтъ черезъ 7 по выходѣ послѣдняго тома, напечаталъ весьма сочувственную рецензію академическаго труда („Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen". 147 stück. 1801 г., 12 сент.), а Добровскій уже гораздо позже, говоря о второмъ изданіи словаря, охарактеризовалъ и первое его изданіе („Jahrbücher der Litteratur". Wien. 1825. т. XXIX), указавъ его хорошія и слабыя стороны. Академическимъ словаремъ, сравнительнымъ словаремъ Екатерины II и грамматикой Ломоносова исчерпывается такимъ образомъ все важнѣйшее въ области языкознанія, явившееся у насъ въ XVIII в. Прочая лингвистическая литература во второй половинѣ XVIII в. была у насъ довольно скудна и состояла главнымъ образомъ изъ переводныхъ, рѣдко оригинальныхъ разсужденій на разныя, преимущественно общія, темы.

IX. Переводныя и оригинальныя сочиненія общаго характера по языкознанію во второй половинѣ XVIII в.

Къ переводнымъ сочиненіямъ этого рода принадлежитъ „Книга языкъ; переведена съ французскаго Сергѣемъ Волчковымъ. Спб. При Имп. Акад. Наукъ" (1761), представляющая рядъ самыхъ общихъ разсужденій о разныхъ способахъ выраженія, въ зависимости отъ того или другого настроенія, чувства, общественнаго положенія говорящаго или собесѣдника и т. д., лишенныхъ какого бы то ни было научнаго характера, даже если прилагать тогдашнюю научную мѣрку. Выше, быть можетъ, стояло „Разсужденіе о началѣ и происхожденіи языковъ. Перев. съ французскаго". (Спб. 1777 г. 8°), упоминаемое Сопиковымъ въ его „Опытѣ россійской библіографіи" подъ № 9598, но которое мнѣ не удалось видѣть [1]).

Совсѣмъ недурно для своего времени аналогичное разсужденіе „О началѣ и постепенномъ приращеніи языка и изображеніи письма. Москва. Въ Губернской типографіи у А. Рѣшетникова. 1799, 8°. Посвящается Его Пр--ву Д. С. С. Императорскаго Московскаго Университета Директору и Кавалеру Ивану Петровичу Тургеневу, милостивому государю". Появленіе этой книги связано уже съ народившейся у насъ университетской наукой, такъ какъ переводъ ея сдѣланъ былъ (очень недурнымъ и легкимъ языкомъ) воспитанниками Московскаго университетскаго Благороднаго Пансіона, княземъ Григорьемъ Гагаринымъ и Петромъ Лихачевымъ. Переводчики снабдили свой трудъ посвященіемъ и предисловіемъ,

---

[1]) Въ библіотекахъ Академіи Наукъ и Публичной этой книги не оказалось.

а также и нѣсколькими примѣчаніями, свидѣтельствующими объ извѣстной вдумчивости и самостоятельномъ отношеніи къ нѣкоторымъ взглядамъ автора книги. Изъ предисловія узнаемъ, что „это небольшое, но прекрасное разсужденіе о началѣ языка и письма“ принадлежитъ „извѣстному въ ученомъ свѣтѣ“ англичанину Блеру. „На нашемъ языкѣ—говорится въ концѣ предисловія —нѣтъ еще, кажется, ничего подобнаго [1]). Счастливы будемъ, есть ли мы, дѣти, умножимъ хотя однимъ зерномъ познанія любезныхъ своихъ соотечественниковъ“. Въ примѣчаніяхъ автора (стр. 7—8) указывался рядъ аналогичныхъ сочиненій на франц. языкѣ, а въ примѣчаніяхъ переводчиковъ—поправки ко взглядамъ автора, основанныя на фактахъ русскаго языка, но не всегда удачныя. Взглядъ Блера на происхожденіе языка можетъ быть признанъ вполнѣ научнымъ съ точки зрѣнія тогдашняго уровня знаній. Онъ выводитъ языкъ изъ междометій и звукоподражаній, но находитъ, что въ современномъ состояніи языка слова являются лишь вполнѣ условными знаками понятій, потерявшими уже всякую „сходственность или сродство звуковъ съ вещами, посредствомъ ихъ изображаемыми“. Древнее состояніе языка представляло большее богатство интонаціи, метафоръ и другихъ фигуральныхъ способовъ выраженія. Въ синтаксисѣ также наблюдается постепенное развитіе извѣстныхъ оборотовъ и пріемовъ (порядокъ словъ и т. д.), въ зависимости отъ измѣненія характера людей, въ силу ихъ воспитанія. Въ заключеніи находимъ сжатый очеркъ исторіи письма, въ которомъ идетъ рѣчь о живописномъ письмѣ мексиканцевъ, египетскихъ іероглифахъ, шнуркахъ перуанцевъ, китайскомъ письмѣ, изобрѣтеніи финикійскаго алфавита, о связи съ нимъ греческой азбуки Кадма, о различныхъ способахъ письма (справа налѣво, бустрофедонъ, слѣва направо), разныхъ письменныхъ матеріалахъ (камень, пергаментъ, бумага, вощаныя дощечки) и пріемахъ письма [2]). Какъ видно изъ этого сжатаго обзора содержанія данной книги, она давала въ легкой и доступной формѣ рядъ такихъ свѣдѣній, какія до той поры можно было найти лишь въ иностранной научной литературѣ, и представляла собой первое или одно изъ первыхъ у насъ сочиненій, хотя бы и переводныхъ, по общему языкознанію.

---

[1]) Переводчики ошибались, такъ какъ еще въ 1777 г. вышла указанная выше книга «Разсужденіе о началѣ и происхожденіи языковъ».

[2]) Большинство данныхъ свѣдѣній по исторіи письма являлось впервые въ нашей литературѣ. Объ исторіи письма, до появленія книги Блера, у насъ была только одна статья А. Д. Б. «О изобрѣтеніи буквъ и т. д.», напечатанная въ «Зеркалѣ свѣта» за 1787 г., о которой см. ниже, гл. XI.

Свѣдѣнія о различныхъ языкахъ можно было почерпать также изъ переводныхъ сочиненій, выборъ которыхъ, конечно, носилъ случайный характеръ. Самое выполненіе переводовъ тоже подчасъ оставляло желать весьма многаго.

Первыя на русскомъ языкѣ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о санскритѣ, индійской литературѣ, религіи и философіи можно было найти въ сочиненіи подъ заглавіемъ: „Краткое и общее объясненіе и разсужденіе о нравахъ, обыкновеніяхъ, языкѣ, вѣрѣ и философіи Индѣйцовъ. Переведено съ франц.“ (Спб. 1759. На иждивеніи І. К. Шнора. 8°. 164 стр.). Книга эта представляетъ переводъ двухъ главъ изъ исторіи Индостана, „изданной предъ симъ въ Англіи Александромъ Довомъ въ двухъ томахъ in 4° и переведенной по большей части съ персидскаго подлинника Магомета Казима Фериста изъ Дели“. Нѣсколько переводовъ (съ персидскаго на англійскій, съ англійскаго на французскій и съ французскаго на русскій), которые испытала эта книга, и очевидное незнакомство русскаго (анонимнаго) переводчика съ санскритскимъ и персидскимъ языками, а также съ настоящимъ звуковымъ значеніемъ англійской транскрипціи индійскихъ именъ, которую онъ читалъ то на французскій ладъ, то придавая буквальное значеніе каждой буквѣ,—привели къ такимъ искаженіямъ, что иногда совершенно нельзя догадаться, какое санскритское слово лежитъ въ основѣ того или другого совершенно невѣроятнаго скопленія звуковъ, выдаваемаго за индійское имя или слово. Санскритъ здѣсь послѣдовательно называется Ганскритъ, веды—Беды, ихъ миѳическій авторъ Вьяса—Беасъ Муни, міровая эпоха Калаюга—Калжугъ, царь Юдхиштхира—Жудистеръ, его столица Гастинапура—Истанапоръ, Ригведа—Руг-Беда, что будто бы значитъ „познаніе Божества“, Самаведа названа Шегамъ (?), Яджурведа—Жудгеръ-Беда, Атхарваведа—Обатаръ-Беда, Шива—Шибагъ, Готама—Гутамъ, гуна—Гоонъ, Агни—Агюнни, ракшасы—ракиссы, индійскія четыре касты—брамины, ситтри (Киттри или Коаттри), беизъ или бизъ и суддеръ и т. д. Такъ же искажены и названія современныхъ племенъ, географическія имена и т. д.: сикхи являются *шейками*, джаты—*ятами* и т. д. Санскриту дается такая характеристика (стр. 74—75): „Ганскритъ сколь бы ни удивительнымъ казался словъ соединеніемъ, но его основанія всѣ собраны въ грамматикѣ и словарѣ довольно малой величины (?), коренные же и первообразные слова въ одномъ разсужденіи, состоящемъ изъ многихъ страницъ. Въ произведеніяхъ и наклоненіяхъ словъ его образованіе есть единообразно; отъ чего происходитъ, что всякое око съ величайшею

удобностью можетъ съ перваго раза усмотрѣть произведеніе каждаго слова. Вся трудность состоитъ въ произношеніи. Оно скоропостижно, усильно, такъ что самой тотъ возрастъ, въ которомъ органы весьма гибки, долженъ продолжительной и немалой употребить трудъ для достиженія правильнаго произношенія. Но когда хотя разъ въ семъ удастся, то слухъ удивительнымъ пораженіемъ и согласіемъ до чрезмѣрности услаждается. Алфабетъ Санскрита состоитъ изъ 50 буквъ (приблизительно!); но въ выговорѣ чрезъ соединеніе ихъ бываетъ почти только половина, такъ что подлинное ихъ начертаніе не превосходитъ число писменъ нашихъ". О лигатурахъ, въ которыхъ нерѣдко составные элементы узнаются лишь съ трудомъ, а иногда и совсѣмъ не узнаваемы, авторъ не говоритъ ничего.

О лапландскомъ языкѣ можно было почерпнуть свѣдѣнія изъ книги: „Новыя и достовѣрныя извѣстія о лапландцахъ въ Финмархіи, о ихъ языкѣ, обрядахъ, правахъ и о прежде бывшемъ языческомъ ихъ законѣ. Переводъ съ Датскаго Профессоромъ Лапландскаго языка Кнудъ-Лемсомъ на Нѣмецкой, а съ онаго на Россійской Сржнтм. Андрм. Врдвм. Любопытное и полезное чтеніе. Съ указнаго дозволенія. Москва. Въ типографіи Исаака Н. Зедербана. 1792". (мал. 8°, 136 стр.). „Отдѣленіе II" (стр. 5—7), озаглавленное „О Лапландскомъ языкѣ", содержитъ слѣдующую характеристику этого языка: „Языкъ Лапландцевъ кажется совсѣмъ особливымъ и отъ всѣхъ прочихъ въ сходственности отступающимъ. Онъ имѣетъ съ однимъ финляндскимъ нѣкоторое сходство; но всѣ сіи языки меньше между собой сходны, нежели Датской съ Нѣмецкимъ. Еще похожъ нѣсколько Лапландской на Еврейской языкъ (!), однакожъ изъ того не слѣдуетъ, чтобъ первой отъ послѣдняго происходилъ. Для примѣру найти можно нѣсколько словъ, которыя отъ Латинскаго и Греческаго произходятъ, не заключая изъ того, чтобы одинъ произходилъ отъ другого; ибо часто случается, что нѣкоторыя слова въ обоихъ языкахъ между собой соотвѣтственны. Правда, что многія слова Лапландскаго языка съ Финляндскимъ, Датскимъ или такъ называемымъ Норвегскимъ сходствуютъ: но всѣ еще правила ихъ *разговора* такъ отличны, что естьли они заговорятъ своимъ языкомъ, то одинъ другого разумѣть не можетъ. Языку Лапландцевъ и самые близкіе сосѣди Норвегцы не учились, хотя онъ какъ и другія языки заслуживаетъ быть утвержденъ на правилахъ: онъ имѣетъ въ своемъ изъясненіи нѣчто особое; не многими словами заключаетъ полный и ясный смыслъ періода, или однимъ словомъ весьма много даетъ разумѣть... Сей языкъ имѣетъ также нѣсколько

этимологичесгихъ фигуръ, Prothesin, Aphaeresin, Sincopen, Paragogen, Apocopen, и такъ далѣе. Въ немъ находятся, такъ какъ и въ прочихъ языкахъ, разныя нарѣчія и всѣ части рѣчи какъ, *имя, мѣстоимѣніе, глаголъ, причастіе, нарѣчіе, предлогъ, союзъ и междомѣтіе*" и т. д. Дальше приводится нѣсколько идіотизмовъ Лапландскаго языка: разные виды обращенія къ мужчинѣ и къ женщинѣ, сравненіе съ кладеными оленями лицъ, которымъ хотятъ оказать уваженіе; выраженіе сожалѣнія о комъ нибудь словами: „о бѣдная! (бестія)": „У насъ означаетъ хотя сіе слово грубость: но у нихъ познается чрезъ то доброе сердце и сожалѣніе".

Свѣдѣнія о различныхъ языкахъ индоевропейскаго и другихъ языковыхъ семействъ содержитъ въ себѣ также: „Начертаніе знатнѣйшихъ народовъ свѣта, по ихъ произхожденію и распространенію языка; перевелъ съ нѣм. Никифоръ Черепановъ. Съ картою. Москва. 1798 г. Иждивеніемъ Христофора Клаудія. Въ универ. типографіи у Хр. Ридигера и Хр. Клаудія" (8°, 127 стр.). Книга эта носитъ посвященіе „Его Пр-ву, г. Тайн. Сов. и ордена святаго Владиміра 2 степени кавалеру, Московскаго Императорскаго Университета Куратору Михайлу Матвѣевичу Хераскову". Изъ предисловія переводчика узнаемъ, что „многіе изъ обучающагося при Имп. Моск. Университетѣ юношества изъявили желаніе имѣть сію книгу". Самъ переводчикъ [1]) также принадлежалъ къ преподавателямъ университетской гимназіи и университета. Такимъ образомъ мы снова имѣемъ здѣсь дѣло съ научнымъ трудомъ, вызваннымъ потребностями новой университетской науки и во всякомъ случаѣ до нѣкоторой степени отвѣчавшимъ имъ. Порядокъ, въ которомъ перечисляются здѣсь разные народы свѣта,— географическій, по частямъ свѣта, причемъ каждому народу отводится особая глава съ отдѣльнымъ заглавіемъ; болѣе мелкія этнографическія подраздѣленія упоминаются уже въ текстѣ такихъ отдѣльныхъ главъ. Во главѣ перечня поставлена Азія съ народами: аравляне, евреи или іудеи, персы, грузины, армяне, черкесы, индѣйцы (къ которымъ отнесены не только арійцы-индусы, но и дравидическія племена южной Индіи), негритосы, малайцы, сіамцы, аннамиты и т. д., китайцы, тибетанцы, японцы, турки или татары, могольцы, тунгузы, самоѣды, коряки; за нею слѣдуетъ Европа, которую представляютъ: греки, римляне, гер-

---

[1]) Никифоръ Евтропіевичъ Черепановъ, преподаватель исторіи и географіи въ академической гимназіи при Московскомъ университетѣ, съ 1799 г. адъюнктъ философскаго факультета по тому же предмету, 1804 г. экстра-ординарный профессоръ, а съ 1810 ординарный († 1823).

манцы, славяне, латыши, финны, [дѣленіе ихъ: ижорцы, эстіи, т. е. эсты, ливы, кури, т. е. куры, зыряне, пермяки, вотяки, черемисы, башкиры (!), вогуличи, остяки, булгары, волохи (!), авары (!)], бискайцы (т. е. баски), галлы, кимры; дальше идетъ рѣчь объ Африкѣ (копты, кабилы или берберы, моры или мавры, негры, абиссинцы, кафры), сѣв. Америкѣ (эскимы, суузы или надовесіи, алгонкины или чипивеи, гуроны, наси—натти, шерокезы, апалахи, мексиканцы, калифорнцы, караибы) и южной Америкѣ (панхіи, галибы, перуаны, бразильцы, парагвайскіе и магелланскіе народы). Рядомъ съ опредѣленіемъ родственныхъ отношеній между перечисляемыми народами и указаніемъ мѣста ихъ жительства (въ общихъ чертахъ), сообщаются и краткія свѣдѣнія объ ихъ языкахъ. Каковы были эти свѣдѣнія, можно судить по нижеслѣдующимъ образчикамъ. Персы являются здѣсь потомками азіатскихъ скиѳовъ; современные парсы, по словамъ автора, одни изъ персидскихъ народовъ сохранили древнее нарѣчіе персидскаго языка (!) *пелагви* (т. е. *пехльви*), на которомъ писалъ Зороастръ (!). Нынѣшній персидскій языкъ—смѣсь этого „пелагви" съ греческимъ, арабскимъ и татарскимъ, но въ немъ также „много нѣмецкихъ и славянскихъ словъ, которыя подали поводъ думать, что Нѣмцы и Персы, такъ какъ и языкъ ихъ, одного происхожденія". Армянскій языкъ—„одинъ и тотъ же съ древнимъ Фригійскимъ и одного происхожденія съ вискайскимъ, гальскимъ, финскимъ и кимврскимъ, а по мнѣнію нѣкоторыхъ и съ древнимъ Египетскимъ". О санскритѣ сообщаются такія свѣдѣнія: „древнѣйшій языкъ въ Индостанѣ былъ Санскритъ или Грандомъ [1]), который теперь только ученый языкъ, и на которомъ писаны священныя книги браминовъ. Нѣкоторые остатки его находятся еще только между Браминами на берегахъ Ориксы (такъ!). На берегахъ Коромандельскихъ онъ уже теперь совсѣмъ истребился, и по нуждѣ употребляются только еще нѣкоторыя буквы сего языка (!!). Отъ него ведутъ начало: 1) Малабарскій или Тамульскій [2]), сходный съ Малайскимъ (!), который есть нарѣчіе тамульскаго [3]), 2) Индостанской или Гузуратской и т. д." Албанскій языкъ называется потомкомъ древняго пеласгійскаго или ѳракійскаго. „Ны-

---

[1]) Санскр. granthа-s=узелъ, словосочетаніе, текстъ, глава.

[2]) На самомъ дѣлѣ тамульскій языкъ принадлежитъ къ самостоятельному семейству дравидическихъ языковъ, не имѣющему никакого родства съ санскритомъ.

[3]) Очевидное недоразумѣніе автора или переводчика, отождествившихъ одинъ изъ дравидійскихъ языковъ—«малаялимъ» съ малайскимъ, принадлежащимъ къ самостоятельной семьѣ малайско-полинезійскихъ языковъ.

нѣшній греческой или романійской языкъ“ опредѣляется, какъ смѣсь древняго греческаго, латинскаго и итальянскаго. Какъ слѣдовало ожидать отъ нѣмецкаго автора (переводчикомъ онъ не названъ), подробнѣе всего излагается классификація германскихъ языковъ, разумѣется отличающаяся отъ современной. Отсутствіе самостоятельнаго знанія и взгляда у русскаго переводчика сказывается въ тѣхъ мѣстахъ, которыя относятся къ славянамъ. Наивныя ошибки, естественныя у нѣмца-автора, остались и въ русскомъ переводѣ. Такъ мы узнаемъ, что „къ Славянамъ надлежатъ также и козаки (донскіе и малороссійскіе)“, а „Латышей также должно по языку причислять къ Славянамъ“. Классификація славянскихъ языковъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: „Нынѣшній языкъ Славенскихъ народовъ раздѣляется на Россійской, Польской, Венгерской, Булгарской (потому что Венгры и Булгары, хотя и финны, приняли Славенскій языкъ), на Иллирійской и Вендской“. Такъ же неточны и свѣдѣнія, даваемыя о балтійской группѣ языковъ: „Латышскимъ или (!) Литовскимъ языкомъ говорятъ особенными нарѣчіями Латыши собственные, Куря или Курляндцы, Семгаллы и Литовцы. Древній Прусской языкъ былъ сего же языка нарѣчіе, а въ XVIII в. онъ и вовсе истребился. Латышской языкъ содержитъ много латинскихъ, греческихъ, нѣмецкихъ и славянскихъ словъ. По мнѣнію Стендерна („Welt Historie“ 31. p. 317), языкъ Бѣлгородскихъ татаръ между Бугомъ и Березанью весьма сходенъ съ Латышскимъ“.

Таково было состояніе нашей переводной научной литературы по общему языкознанію къ концу XVIII в. Составъ ея немного увеличивается еще тѣми немногочисленными переводными статьями, которыя изрѣдка встрѣчались въ нашихъ общихъ журналахъ XVIII в. Мы говоримъ о нихъ ниже (глава XI).

Оригинальная наша литература второй половины XVIII в., разрабатывающая общія темы, еще бѣднѣе. Образчикомъ ея можетъ служить во-первыхъ статья В. С. (В. П. Свѣтова: 1744—1783): „Нѣкоторыя общія примѣчанія о языкѣ Россійскомъ“ („Академическія извѣстія“. Спб. 1779, ч. III, сентябрь, стр. 77—92). Авторъ утверждаетъ, что человѣкъ съ начала довольствовался лишь главнѣйшими понятіями, „кои съ лѣтами его возрастая, умножали мало по малу и человѣческое слово“. Совершенно „такъ же и языкъ цѣлаго народа восходилъ и обогащался по степенямъ его просвѣщенія и искусства“, такъ что „всѣ нынѣшніе языки въ началѣ своемъ весьма въ тѣсныхъ предѣлахъ заключались“ и достигли „нынѣшняго своего богатства и силы“ уже по распространеніи „словесныхъ наукъ и другихъ

полезныхъ въ общежитіи знаній“. Переходя къ русскому языку, авторъ утверждаетъ, что онъ „не изъ числа древнихъ, но отрасль Славенскаго языка, какъ и Польской, Чешской, Вендской, Моравской и другіе, и состоитъ изъ примѣсу многихъ другихъ реченій, а именно Татарскихъ, Чудскихъ, Нѣмецкихъ, Греческихъ и Латинскихъ“. Татарскія заимствованія объясняются татарскимъ игомъ и сношеніями съ татарами. Равнымъ образомъ „древнее Россійскихъ Славянъ соединеніе съ Чудью, и послѣ съ Варягами Россами, единородцами Шведовъ“, ввело въ русскій языкъ „многія странности“. Во времена Петра Великаго приняты „премногія нѣмецкія, голландскія и французскія реченія... по неимѣнію ихъ“. „Слѣды нѣмецкаго языка“ (не считая заимствованій) замѣчаются въ русскомъ и „въ отдаленнѣйшей древности“. Такими слѣдами являются сходныя слова: Leute—*люди*, Schnee—*снѣгъ*, Wasser—*вода*, Kaufen—*купить*, Thurm—*тюрьма*, Bedrücken — *удручать*, überklügeln—*переклюкать* (!), treffen—*утрапить*, begränzen—*ограничить*, Schilling—*шелехъ*, Pfenning—*пенязь*, o weh!—*увы* (!), Bude—*будка*, wahrsagen—*ворожить* (!) и проч., относительно которыхъ сомнительно, заимствовали ли ихъ русскіе отъ нѣмцевъ или нѣмцы отъ русскихъ, или оба эти народа отъ какого-нибудь третьяго. Греческія слова внесены „по обращеніи Россовъ въ Христіанской законъ“; латинскія же слова „чрезъ какое-нибудь древнее еще сообщеніе Славянъ съ Римлянами“ стали „у нихъ искони общими“, какъ ignis—*огонь*, flamma—*пламя* (!), domus—*домъ*, grando—*градъ* (!), oculus—*око*, videre—*видѣть*, dies—*день*, nox—*ночь*, plenus—*полный*, scrineum—*скрынка* (?), poena—*пеня*, sol—*солнце*, extorquere—*исторгнуть*, mare—*море*, post—*послѣ* (!), caedere—*сѣчь* (!) и т. д. Какъ видно, нѣкоторыя сопоставленія Свѣтова были вполнѣ удачны, когда сходство словъ совпадало съ дѣйствительнымъ ихъ родствомъ, но рядомъ имѣются и совсѣмъ неудачныя сближенія, основанныя на грубомъ созвучіи. Древній „Славенскій“ языкъ, которымъ говорили на Дунаѣ, „въ разныхъ своихъ діалектахъ или нарѣчіяхъ нынѣ весьма измѣнился“ и потому можетъ быть „по достоинству“ названъ языкомъ мертвымъ. Поэтому авторъ вполнѣ правильно различаетъ языки „Славенской, Славенороссской и Новороссійской“, которые „не во всемъ имѣютъ между собою сходство“ и должны быть „тщательно раздѣлены“. Опредѣленіе понятій, связанныхъ съ этими терминами, однако не вполнѣ совпадаетъ съ современнымъ: мертвый „Славенской“ языкъ, по Свѣтову, употреблялся только „въ разговорахъ до изобрѣтенія письменъ“. Очевидно авторъ разумѣетъ подъ этимъ терминомъ что-то въ родѣ общеславянскаго или праславянскаго языка. На „славенороссійскомъ“—пи-

сано Св. писаніе „по пренесеніи буквъ, также лѣтописи и другіе рукописные документы“. Въ этомъ понятіи такимъ образомъ у автора смѣшиваются и старославянскій, и древнерусскій, и позднѣйшій церковнославянскій русскаго оттѣнка. Новороссійскимъ же „почитается тотъ, коимъ нынѣ говорятъ и пишутъ грамотные Россіяне. Началъ онъ свое существованіе отъ временъ Обновителя Россійскаго слова“, т. е. Петра Великаго. Слѣдуя Ломоносову, авторъ признаетъ необходимость славянизмовъ въ „высокомъ родѣ сочиненія въ прозѣ и стихахъ“, наприм. *восходящу солнцу на высоту небесную*, вмѣсто „простого“: *когда солнце восходило*, или: *когда развѣтало*; *гнѣвъ Божій проліется*, вм. *Богъ прогнѣвается*, *вижу восходящую брани тучу*, вм. *се война подымается* и т. д. Отличія „Славенскаго нарѣчія отъ Новороссійскаго“ авторъ видитъ: 1) „въ особливыхъ старинныхъ словахъ въ родѣ *азъ*, *абіе*, *повѣдати*, *аще*, *стража*, *стопа*, *увы*; 2) „въ особливомъ выговорѣ многихъ словъ“, въ родѣ *хощу*, *нощію*, *ліется*, *елень*, *единъ*, *того* (вм. *тово*); 3) „въ опущеніи буквы *о*:“ *брада*, *страна*, *здравъ*, *хладъ*, *огнь*, *пламя* (вмѣсто *борода*, *сторона* и т. д.); 4) „въ прибавленіи въ глаголахъ буквы *и*:“ *глаголати*, *воздымлятися*, *вѣщаеши*. Далѣе Свѣтовъ указываетъ на лексическое богатство соединенныхъ „Славенскаго и Россійскаго діалектовъ, съ пріобщеніемъ... словъ“, употреблявшихся у русскихъ „въ среднемъ вѣкѣ“ и хранящихся „въ старинныхъ лѣтописцахъ и граматахъ“. Всѣ подобныя слова могли бы современемъ составить „огромный словарь“. Зато техническихъ терминовъ или „искусствомъ изобрѣтенныхъ словъ“ у насъ немного, что впрочемъ не удивительно, такъ какъ и французы съ нѣмцами, обладающіе болѣе древней культурой, чѣмъ наша, „удержали во своемъ языкѣ Греческія и Латинскія реченія, коихъ не могли перевести“. Богатство и силу русскаго языка доказалъ М. В. Ломоносовъ, отчасти составившій, отчасти отыскавшій въ древнихъ книгахъ (?) физическіе, химическіе и минералогическіе термины и тѣмъ не мало способствовавшій „къ распространенію языка Россійскаго“. При Екатеринѣ же II „словесныя знанія толикое получили приращеніе“, что явилась возможность довольствоваться своими словами „почти безъ занятія иностранныхъ словъ“, а также обогащать языкъ новыми реченіями, примѣръ чему показала сама императрица, „употребивъ многія новыя реченія“ въ Наказѣ и Учрежденіи губерній. Тѣмъ не менѣе многіе писатели грѣшатъ противъ чистоты языка, вводя неудачные или неправильные неологизмы, напр., вм. *отечество*—отчизна, вм. *земледѣліе*—землетвореніе, вм. *ремесло*—рукомесло; вм. *жатва*—жнитва, вм. *придворный*—царедворецъ, „что даже и въ сти-

хахъ не простительно". Для руководства при „дѣланіи новыхъ реченій" авторъ даетъ рядъ правилъ: 1) новое реченіе не должно быть двусмысленно по значенію (напр. *амфибія* нельзя передать словомъ *двужизненное*, но только *земноводное* животное); zweideutige Frage надо передавать выраженіемъ: *двусмысленный вопросъ*, или *вопросъ двоякаго разумѣнія*, но не *обоюдный вопросъ*; 2) новое слово должно точно изображать „свойство представляемой въ умѣ вещи", чтобы ее сразу можно было отличить отъ другихъ, напр. *фонтанъ* — водометъ, *апелляція* — правоискъ (!), *лектура*—чтеніе (!), *парапетъ*—грудокровъ (!), *авангардія* — предстражіе или *сторожевы полки*; 3) чтобы слово не было сложено изъ реченій разныхъ языковъ (hybrida), напр. *виршеписецъ, дориносимый, пограничный* (!); 4) чтобы оно имѣло „пристойное Россійское окончаніе", напр. не *богословія*, а *богословіе*, какъ *условіе*, *празднословіе* и т. д. Какъ видно, исторія языка оказалась довольно безжалостной къ pia desideria автора и сохранила нѣкоторыя неправильныя, по его мнѣнію, слова, въ то же самое время не давая укорениться неологизмамъ, вполнѣ его удовлетворявшимъ. Точно такъ же исторія языка оказалась снисходительной къ германизмамъ: *на голову разбить непріятеля* (Den Feind auf's Haupt schlagen) или *придти въ себя* (wieder zu sich kommen), вмѣсто которыхъ Свѣтовъ предлагалъ: *разбить въ прахъ* или *положить лоскомъ*, *опомниться*, или *образумиться*. Въ заключеніе слѣдуетъ нѣсколько основательныхъ замѣчаній на грамматику Ломоносова, не „примѣтившаго" нѣкоторыхъ „изъятій, т. е. словъ отъ общихъ правилъ отходящихъ". Какъ грамматикъ-практикъ, много занимавшійся вопросами правописанія, Свѣтовъ указываетъ у Ломоносова еще нѣсколько непослѣдовательностей „въ опредѣленіи числа Россійскихъ буквъ и раздѣленіи ихъ". Ломоносовъ выключилъ изъ алфавита *і*, *щ*, *ѳ*, „кои однакожъ самъ вездѣ употреблялъ". Напримѣръ, буква *щ* выключена, какъ „сложенная изъ двухъ письменъ *шч* или *сч*", тогда какъ *ц*=*тс* или *дс* (?) и *ч*=*тш* оставлены. Статья оканчивается споромъ между буквами *и* и *і*, который рѣшаютъ *ф* и *ѳ*, причемъ *ѳита* говоритъ, что *і* и *и* одинаково хороши, ибо „оба въ одно время въ Русь пріѣхали изъ Греціи".

Гораздо слабѣе другой образчикъ такихъ общихъ разсужденій о русскомъ языкѣ, а именно „Разсужденіе о вычищеніи, удобреніи и обогащеніи Россійскаго языка", читанное „Философіи студентомъ Васильемъ Протопоповымъ [1]) въ Московской Сла-

[1]) Впослѣдствіи преподаватель моск. дух. академіи и коломенской дух. семинаріи († 1810).

вено-Греко-Латинской Академіи въ публичномъ собраніи іюля 12 дня 1786 г.“ (Москва. Въ типографіи Компаніи Типографической, съ Указнаго дозволенія, 1786 г. 12°, 30 стр.). Мы находимъ здѣсь слѣдующія общія мысли о языкѣ: Богъ „для того единственно далъ человѣку *Разумъ*, чтобы въ ту же минуту дать ему способность *слова*. Ибо что есть *Разумъ* безъ *Слова*?... Мы безошибочно познаемъ изъ богатства *Слова* богатство *Разума*, и изъ богатства *Разума* богатство *Слова*. Кто изобиленъ въ словахъ, тотъ изобиленъ и въ мысляхъ“... (и обратно). Россія можетъ служить доказательствомъ вѣрности этой мысли: до Петра Великаго она „бѣдна была въ мысляхъ, бѣдна и въ языкѣ. Но послѣ онаго щастливаго преображенія черезъ вводимое просвѣщеніе начали возрождаться новыя мысли, потекли и новыя слова“. Петръ „довольно возродилъ въ своемъ народѣ новыхъ мыслей и понятій, но не успѣлъ онъ столько же родить и выраженій“..., почему книги его времени „обезображены обветшалыми, грубыми и чужестранными словами, по недостатку чистыхъ Россійскихъ“. Авторъ надѣется, что русскій языкъ достигнетъ „златаго своего состоянія“ при Екатеринѣ II, продолжательницѣ Петра. „Открытыя по многимъ градамъ народныя училища, по нѣкоторымъ Университеты, воскрешеніе и ободреніе въ духовныхъ Академіяхъ и Семинаріяхъ Греческаго языка, столь обильнаго источника къ обогащенію Россійскаго слова“, особенно же „Россійская Академія“ подкрѣпляютъ его надежду. Послѣ этого общаго вступленія авторъ приступаетъ къ разсмотрѣнію самого предмета своего разсужденія. По его мнѣнію, существуетъ двѣ грамматики: „одна слова, самою природою произведенныя и производимыя, подводитъ подъ правила, на благоразумномъ обыкновеніи основанныя (*Грамматика Опредѣлительная*). Другая—*Критическая*, которая съ благоразумною свободою слова иныя перемѣняетъ, иныя изобрѣтаетъ, иныя уничтожаетъ“. „Должность“ первой грамматики—„запрещать нововведенія въ *склоненіяхъ именъ*, напр, вмѣсто *на улицѣ—на улицы*, вмѣсто *доброй человѣкъ—добрай челавѣкъ* и пр. Также въ спряженіяхъ глаголовъ, напр. *увидѣмши* вм. *увидѣвши*; *ѣздію* вм. *ѣзжу*. Таковыя всѣ грамматики учебныя“... Такихъ грамматикъ существуетъ только двѣ: Ломоносова и изданная при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. „Но Грамматика Критическая гораздо далѣе простираетъ свою власть и должности, и можно сказать, что она-то едина очищаетъ, удобряетъ и обогащаетъ каждый языкъ“. По словамъ автора, „всему свѣту извѣстно, что нашъ Россійской языкъ“, равно „какъ и Польской, Сербской, Кроацкой, и пр., есть діалектъ Славенскаго кореннаго, нынѣ у насъ

въ Церковныхъ книгахъ употребляемаго". Поэтому, „для точнаго познанія какого-либо слова, Россійское-ли оно, или отвнѣ пришедшее, должно искать его начало" въ славянскомъ или одномъ изъ его діалектовъ или нарѣчій. Для этого „весьма полезно собрать какъ изъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ книгъ всѣ обветшалыя слова... и найти ихъ прямой смыслъ и начало... Напр. *совокупляю* и *скупаю, купецъ* и *скупой* вѣроятно" ведутъ свое начало отъ обветшавшаго слова *купа, купы* (куча). Если искомаго слова нѣтъ въ славянскомъ, „тогда должно прибѣгнуть къ другимъ сего языка діалектамъ или еще и діалектамъ самого Россійскаго языка, по разнымъ провинціямъ раздѣлившагося". Если и здѣсь не окажется искомаго слова, то его надо искать въ татарскомъ, откуда ведутъ свое начало *туманъ, кушакъ, базаръ, кафтанъ* и т. д. „Отъ другихъ народовъ: евхаристія, каѳедра, фельдмаршалъ, генералъ, бухгалтеръ, такса и т. д." Всѣ такія слова, по мнѣнію автора, „должно стараться перемѣнять на Россійскія", напр., вмѣсто *литургія*, употреблять *служба*, вмѣсто *каѳедра—проповѣдалище*, вмѣсто *флотъ—морская сила*, вмѣсто *генералъ—верховный начальникъ*, вмѣсто *шпага—мечъ*, вм. *полиція—благочиніе, благоучрежденіе*, вм.*ордеръ—приказъ, повелѣніе* и пр. „Очистивъ языкъ отъ словъ иностранныхъ, надлежитъ помышлять о дальнѣйшемъ его обогащеніи", невозможномъ безъ обогащенія мыслями, для появленія которыхъ „потребно дѣлать метафизическія сочиненія, переводы хорошихъ писателей" и т. д. Такъ, „кто бы отъ себя изобрѣсти могъ мысль и слово *собезначальный, матеродѣвственный, златоустый, воскресеніе, троица* и пр., ежели бы не сдѣланъ былъ переводъ съ греческаго церковныхъ книгъ". Авторъ, однако, не доволенъ выходящими сочиненіями и переводами и находитъ въ нихъ много „выраженій странныхъ и словъ совсѣмъ не то значащихъ; напр. „Армія стоявши подъ городомъ 10 дней, городъ здался". Много и въ словахъ нелѣпостей, какъ то: *подобострастный* вм. *подчиненный; на такой ногѣ*, вмѣсто *въ такомъ состояніи* или *степени*, и другія безчисленныя". Для обогащенія и очищенія русскаго языка авторъ считаетъ необходимыми „ученыя собранія", критическія грамматики и толковые словари. Какъ видно изъ приведеннаго, взгляды автора на языкъ еще очень элементарны. Языкъ является у него сразу, вмѣстѣ съ разумомъ, „въ ту же минуту"; развитіе языка представляется въ исключительной зависимости отъ развитія мысли и литературы, историческій элементъ въ воззрѣніяхъ автора совсѣмъ отсутствуетъ, и грамматика, вмѣстѣ съ этимологіей, имѣютъ исключительно утилитарную цѣль. Въ послѣднемъ отношеніи не замѣчается никакой существенной разницы межд.

его „опредѣлительной“ грамматикой и „критической“, такъ какъ обѣ онѣ служатъ одной цѣли—поддержанію чистоты языка, и различіе между ними состоитъ лишь въ степени могущества надъ матеріаломъ языка. Въ виду этого заявленіе автора о большой пользѣ этимологическихъ разысканій и о необходимости собирать для нихъ рѣдкія и устарѣлыя слова представляется въ очень слабой связи съ его общимъ взглядомъ на назначеніе грамматики. Зачѣмъ изучать то, что должно быть выброшено изъ языка?

Нѣкоторыя общія замѣчанія о русскомъ языкѣ, его графикѣ, началѣ образованія на Руси и т. д., заключаютъ еще „Remarques sur la Langue Russienne et sur son Alphabet, avec des pièces relatives à la connoissance de cette langue Publiées et augmentées par Phéodore Karjawine, ancien Interprète pour le Roi à la Martinique“. (Сопиковъ, № 9026: „Примѣчанія о Росс. языкѣ и его азбукѣ, съ присовокупленіемъ разныхъ статей, относящихся къ познанію сего языка. Remarques sur la langue Russiénne. Соч. Ѳ. Каржавина на Фр. и Росс. языкахъ“. Спб. 1791 г. 8°). Это руководство для французовъ и вообще иностранцевъ было составлено въ 1755 г. въ Парижѣ нѣкіимъ Ерофеемъ Каржавинымъ, по просьбѣ извѣстныхъ географовъ Бюаша и Делиля и историка Барро, и издано племянникомъ его Ѳедоромъ Вас. Каржавинымъ (1745—1812), преподавателемъ французскаго языка въ Троицкой лаврской семинаріи, впослѣдствіи переводчикомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Бѣдность отечественной литературы трудами по языкознанію общаго содержанія заставила даже нѣкоего А. Сыромятникова переиздать вновь „Предисловіе къ Грамматикѣ Славенской (сочин. М. Смотрискимъ), напечатанной въ Москвѣ при патріархѣ Іосифѣ, въ которомъ содержится о пользѣ Грамматики, о нуждѣ чтенія Св. Писанія и проч.“ (Москва. 1782 г. 8°. Сопиковъ № 8889).

Запоздалымъ отголоскомъ разсужденій конца XVII в. о пользѣ и важности греческаго языка является „Разсужденіе о надобности греческаго языка для богословіи, и объ особенной пользѣ его для россійскаго языка. Изданіе второе пересмотрѣнное. Читано въ Публичномъ Собраніи 1793 г. Іюля 13 дня въ Воронежской семинаріи. Воронежъ. Въ типографіи Губернскаго Правленія, 1800 г., 4°, 17 стр.“ [1]). Разсужденіе это принадлежало преподавателю воронежской

---

[1]) Сопиковъ («Опытъ росс. библіографіи», № 3656) цитируетъ первое изданіе этого сочиненія (Москва, 1793 г. 4°) съ нѣсколько инымъ заглавіемъ: «Разсужденіе о пользѣ Греч. языка для Богословскаго ученія, и особенно для Россійскаго языка», упоминая и о второмъ изданіи его. Кромѣ того, подъ

семинаріи Евѳимію Болховитинову, впослѣдствіи знаменитому митрополиту кіевскому Евгенію. Идея его не была уже новостью у насъ на Руси. Но аргументы, которыми пользуется авторъ, и вообще научный аппаратъ его разсужденія, уже отражаютъ на себѣ успѣхи, достигнутые нами въ данной области знанія. Авторъ цитируетъ древнихъ и европейскихъ писателей и филологовъ (Цицерона, Лукреція, Виргилія, Сенеку, Ювенала, Плинія, Квинтиліана, Эрнеста, Трюблета, Вольтера); нѣкоторыя мѣста его работы свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ зналъ разсмотрѣнное выше разсужденіе Протопопова; въ другихъ онъ ссылается неоднократно на Ломоносова и т. д. Доводы его слѣдующіе: Новый Завѣтъ писанъ на греческомъ языкѣ, избранномъ Провидѣніемъ въ виду: 1) достоинства самого языка и 2) его „повсемственнаго" употребленія; на этомъ же языкѣ Евангеліе „распространено, объяснено, опредѣлено и защищено противъ Еретиковъ первыми Отцами Церкви"; греки— самый просвѣщенный и образованный народъ древняго міра, а потому и языкъ ихъ обладаетъ „обиліемъ, выразительностью и красотами всѣхъ языковъ", и является „источникомъ обогащенія и усовершенія другихъ"; Римъ, арабы, Франція, Германія, Англія, черпали свое просвѣщеніе изъ греческихъ книгъ; славянскій языкъ, „языкъ полудикаго и скитающагося народа", имѣющій „такое множество словъ, такую гибкость и удобосклонность реченій, такое изобиліе прилагательныхъ и перемѣнъ ихъ, какихъ ни въ одномъ языкѣ мы не примѣчаемъ", получилъ всѣ эти достоинства отъ греческаго языка. „Всѣ языки почерпнули изъ Греческаго большую часть (?) своего изобилія и красотъ, но ни одинъ... въ такой выразительности и близкой къ подлиннику точности, какъ Славенской". Авторъ находитъ далѣе, что ни на одинъ языкъ, кромѣ славянскаго, нельзя было перевести „такъ точно и выразительно" слова: *соприсносущный*, *собезначальный*, *матеродѣвственный*, *неискусобрачный*, *человѣкообразный*, *равносущный* и т. п., представляющія, согласно съ теперешними взглядами, буквальныя и не соотвѣтствующія „духу" слав. языка переложенія греческихъ словъ на славянскій. Всѣ прочіе языки, „желая заимствовать выразительныя слова изъ греческаго", принуждены были брать ихъ цѣликомъ. Одинъ славянскій „нашелъ и находитъ въ себѣ силы совершенно подражать греческому... не только въ словахъ и выра-

№ 9599 находимъ у него аналогичное «Разсужденіе», читанное нѣкіимъ Ив. Ставровымъ въ воронежской же семинаріи и носящее заглавіе, совершенно тожественное съ цитированнымъ у насъ въ текстѣ сочиненіемъ, о которомъ идетъ рѣчь. Повидимому, это одно и то-же сочиненіе, если судить по совпаденію заглавій.

женіяхъ, но и въ самой вольности положенія и порядка рѣчей, что совсѣмъ, кажется, невозможно для другихъ языковъ". Такимъ образомъ, даже пересадка греческихъ синтактическихъ конструкцій, столь частая въ плохихъ переводахъ съ греческаго на славянскій, казалась автору разсужденія доказательствомъ особой силы и гибкости славянскаго языка, служащей къ его украшенію. Пріобрѣтеніями же славянскаго языка „можетъ пользоваться и пользуется" русскій языкъ, который, „сверхъ новыхъ введенныхъ словъ и выраженій", обладаетъ „всѣми прочими качествами Славенскаго языка", вслѣдствіе чего „не только не уступаетъ ни одному изъ Европейскихъ (языковъ), но отчасти и превосходитъ ихъ въ выразительности". Наконецъ, какъ „важнѣйшее свидѣтельство" въ пользу изученія греческаго языка, приводится цитата изъ указа императрицы Екатерины II, изданнаго для епархіальныхъ семинарій въ 1784 г.: „изъ числа языковъ Греческій предпочтительнѣе другимъ въ оныхъ преподаваемъ быть долженствуетъ, какъ въ разсужденіи, что книги Священныя и Учителей православной нашей Грекороссійской Церкви на немъ писаны, такъ и потому, что знаніе сего языка многимъ другимъ наукамъ пособствуетъ". Кромѣ того цитируется другое мѣсто этого указа, опредѣляющее „преимущественныя отличія" за успѣхи въ греч. языкѣ, а именно назначеніе Синодомъ „на убылыя мѣста" преимущественно тѣхъ семинаристовъ, „кои въ Греческомъ языкѣ совершенное пріобрѣли знаніе".

Совершенно внѣ круга господствовавшихъ въ то время у насъ взглядовъ и представленій о языкѣ стояла работа профессора копенгагенскаго университета и члена нашей Академіи Наукъ, Х. Т. Краценштейна: „Tentamen resolvendi problema ab Academia scientiarum Imperiali Petropolitana ad annum 1780 publice propositum. 1) Qualis sit natura et character sonorum litterarum vocalium a, e, i, o, u, tam insigniter inter se diversorum. 2) Annon construi queant instrumenta ordini tuborum organicorum, sub termino vocis humanae noto, similia, quae litterarum vocalium a, e, i, o, u, sonos exprimant. In Publico Conventu die 19 Septembris 1780 praemio coronatum" (Petropoli, 1781). Разсужденіе это представляло попытку рѣшить опытнымъ путемъ предложенную нашей академіей наукъ задачу: изслѣдовать природу гласныхъ звуковъ человѣческой рѣчи, задачу, выполненную лишь около восьмидесяти лѣтъ спустя знаменитымъ Гельмгольцемъ. Къ русской наукѣ это изслѣдованіе имѣло, впрочемъ, лишь отдаленное касательство. Дѣятельность автора протекала внѣ Россіи, а латинскій языкъ, на которомъ его раота была написана, дѣлалъ ее малодоступной русскимъ читате-

лямъ. Не удивительно поэтому, если она не оставила въ нашей литературѣ ни малѣйшаго слѣда по себѣ, хотя и представляла въ данной области довольно замѣчательное явленіе. Въ началѣ авторъ даетъ сжатое, но болѣе или менѣе точное описаніе органовъ рѣчи и переходитъ затѣмъ къ описанію произношенія гласныхъ звуковъ, опираясь между прочимъ на трактаты I. К. Аммана [1]) и Галлера [2]). Описанія послѣднихъ ученыхъ для того времени въ общемъ могутъ считаться точными, хотя для современнаго физіолога звука они не достаточно подробны и имѣютъ слишкомъ общій характеръ. Тѣмъ не менѣе главные физіологическіе моменты произношенія указаны ими вѣрно. Ихъ наблюденія Краценштейнъ дополняетъ своими, отличающимися гораздо большей точностью и подробностью. Таблица, въ которой онъ изображаетъ произношеніе главныхъ гласныхъ звуковъ—отмѣтимъ хотя бы стремленіе къ точному опредѣленію разстоянія языка отъ неба, отъ переднихъ зубовъ, разстоянія между обоими рядами зубовъ, между губами и т. д. — представляетъ несомнѣнный интересъ и для современнаго фонетика. Далѣе идетъ рѣчь объ образованіи голоса, со ссылками на работы Dodart'а, Галлера и Ferrein'а [3]). Не соглашаясь съ этими учеными, болѣе правильно считавшими источникомъ голосоваго тона вибраціи голосовыхъ связокъ, Краценштейнъ ошибочно видитъ этотъ источникъ въ вибраціяхъ надгортанника (epiglottis), дѣлая такимъ образомъ шагъ назадъ, сравнительно со своими предшественниками. На основаніи своихъ наблюденій и теорій, Краценштейнъ построилъ рядъ трубокъ различной формы и устройства, которыя болѣе или менѣе удачно воспроизводили гласные звуки. Акустическимъ анализомъ гласныхъ Краценштейнъ не занимался, и такимъ образомъ задача, поставленная нашей Академіей, въ чемъ заключается природа гласныхъ звуковъ, осталась имъ неразрѣшенной.

---

[1]) Краценштейнъ не цитируетъ подробно заглавій и называетъ сочиненіе Аммана «utilissimum de loquela opusculum». Очевидно онъ имѣлъ здѣсь въ виду его «Dissertatio de loquela», вышедшую въ Амстердамѣ въ 1700 г., какъ второе изданіе болѣе ранняго труда Аммана «Surdus loquens» (Амст. 1692). Въ третьемъ изданіи она была напечатана въ 1727 г. въ Лейденѣ, вмѣстѣ съ разсужденіемъ I. Wallis'а «De loquela sive sonorum formatione».

[2]) Вѣроятно его «Elementa physiologiae corporis humani» (Лозанна и Бернъ, 1757—66. 8 том. in 4⁰), вып. 2-мъ изданіемъ п. з. «Partium corporis humani fabrica» (Бернъ 1777—88, 8 т. in 8⁰). Есть и нѣмецкій переводъ Halle и Tribolet (Берлинъ, 1759—76, 8 т. in 8⁰.

[3]) Dodart «Voix de l'homme» (Мемуары Парижск. Академіи Наукъ 1700 и 1706 г.), Ferrein, «Formation de la voix de l'homme» (тамъ же, 1741 г.).

X. Этимологическіе домыслы нашихъ историковъ: Татищева, Щербатова, Болтина.

Рядомъ съ болѣе или менѣе теоретическими трудами по языкознанію, разсмотрѣнными выше, для характеристики состоянія языкознанія у насъ во второй половинѣ XVIII в. извѣстное значеніе имѣютъ филологическія соображенія нашихъ историковъ В. Н. Татищева (1686—1750); кн. М. М. Щербатова (1733—1790) и И. Н. Болтина (1735—1792), не обнаруживающихъ въ своихъ этимологіяхъ особеннаго шага впередъ, сравнительно съ Тредьяковскимъ, Ломоносовымъ и Сумароковымъ. Татищевъ въ своей „Исторіи Россійской съ самыхъ древнѣйшихъ временъ“ пускается въ филологическіе экскурсы и домыслы особенно часто въ первой и второй части I-го тома (Москва, 1768 и 1769). Такъ въ первой части онъ посвящаетъ цѣлую первую главу вопросу „О древности письма Славяновъ“, въ которой доказываетъ, что „Славяне задолго до Христа и Славянороссы собственно до Владимира письмо имѣли, въ чемъ намъ многіе древніе писатели свидѣтельствуютъ“ (стр. 2); въ слѣдующей главѣ о идолослуженіи славянъ имя народа, встрѣчаемое у римскихъ писателей,—триглифи (триглавы) производится отъ имени славянскаго бога Триглава (стр. 14); имя галльскаго бога Абеліо сближается съ *Белы* или *Велій* (стр. 15), откуда слѣдуетъ, что галлы были славяне. На стр. 16-й находимъ толкованія именъ разныхъ божествъ: „*Едуса* и *Едука*, можетъ *Едуніа*, или *Едуша*, которая дѣтей ѣдѣ обучила; *Енилъ* богъ Вендовъ, имя что значитъ, дознаться не можно, но паче мню, отъ *ѣды* или *ѣжи* или *единъ*“. На стр. 24 имя города *Азагоріумъ*, встрѣчающееся у Птолемея, объясняется, какъ русское *Загорье*. Глава десятая трактуетъ о „причинахъ разности званій народовъ“, которыя авторъ видитъ въ ошибкахъ записавшихъ имена, въ произволѣ дававшихъ такія названія, которыхъ нѣтъ совсѣмъ у данныхъ народовъ, въ фонетическомъ различіи языковъ и т. д. Въ XI главѣ объясняется имя народа скиѳовъ. Изложивъ взгляды разныхъ ученыхъ, Татищевъ находитъ самымъ вѣроятнымъ мнѣніе Бержерона, по которому „Скиѳы и Скениды отъ Еврейскаго или Халдейскаго *Скиносъ* названы, зане въ степяхъ преходно въ палаткахъ или шалашахъ обитали“ (стр. 81). Въ XVI главѣ толкуются славянскія имена днѣпровскихъ пороговъ: Ессупы=не спи, Островуни Прагъ = островный прагъ; вулни прагъ=вольный; напрези=напряги или напрящи, натянуть парусы и т. д. На стр. 215 разсматривается имя рѣки Донъ

(„имя древняго языка“), но безъ положительныхъ результатовъ. На стр. 228 вѣрно отмѣчается родство прусскаго (древнепрусскаго) языка съ „Литовскимъ, Курляндскимъ и Летскимъ“, а на 234 указывается принадлежность „эстляндскаго“ языка къ финскимъ. Въ XX главѣ даются фантастическія этимологіи для именъ скиѳскихъ и сарматскихъ народовъ, перечисляемыхъ Птолемеемъ: „Агориты, и Пагориты отъ горъ, отъ которыхъ Угоры или Угры произошли, Амазоны, какъ ниже показано, въ Славянахъ беки, можетъ *Боси*, ибо ихъ Славяне именованы (такъ!) Госи можетъ *гости*, какъ въ Вандаліи симъ нѣкоторые именовались, а паче которые по-морю разбивали; Закаты можетъ отъ *закаченія* или *запада*, Зенхи можетъ *женихи*, Коноплени отъ *конопель*, которыхъ по Геродоту много въ сей странѣ родилось, Костобоки самое Славенское въ Пафлагоніи, Славяне были *толстобоги* или *толстобоки*, Толистосаги или Толистосады, Матери *матерые* или отъ *матерей* именованы, Парни или *юноши*, Плесіи или *плешивые*, Сабосіи или Сабочи (собачьи), Санаріи можетъ *женари* или *женолюбы*, Оброни или *бронные*, *оружные* и *оборонители*, Сапорени или Опатрени, *осмотрительны*, Савори можетъ *заворы*, Ставани *стоятели* или *стоящіе*, Свардени *свародѣи*, или *смутники*“ и т. д. . . многіе блиски къ Славенскимъ, что я заподлинно хотя не утверждаю, но искуснѣйшему въ древностяхъ и языка Славенскаго добрѣ свѣдущему къ разсмотрѣнію предаю“. На стр. 307 сближаются имена Мурома, Муромъ и Мурманъ, Мурмани, Mауремани (?!) и толкуются, какъ *поморіе*, или *приморская* земля; на стр. 322 имя „готскаго“ короля Сирмуса производится „отъ штурмованія“ а другое „готское“ имя Дурпанъ объясняется, какъ „дурный панъ“. На стр. 340, говоря о Кимбрахъ и признавая ихъ кельтами, Татищевъ прибавляетъ: „сіе еще нарѣчіе языкъ Целтійскій имѣетъ т. е. Исландскій, Норвежскій, Шведскій, Датскій, Германскій“, т. е. относитъ къ кельтамъ и германскіе народы. Приведенные примѣры достаточно иллюстрируютъ произвольность и ненаучность филологическихъ пріемовъ Татищева, а также и недостаточность его познаній въ данной научной области даже для того времени.

Спеціально славянскому языку посвящены двѣ главы: 41-я „языкъ славенской и разность нарѣчій“ и 42-я „о умноженіи и умаленіи славянъ и языка“. Въ первой Татищевъ указываетъ, что древняго славянскаго языка „почитай нигдѣ уже точнаго не употребляютъ, какъ свидѣтельствуютъ наши отъ 863. Меѳодіемъ и Кирилломъ переведенныя книги“, въ которыхъ „простой народъ нигдѣ всѣхъ словъ точно не разумѣетъ, развѣ тѣ, которые о

томъ довольно прилежать, и отъ читанія обыкнуть, но и тѣ книги видимо, что послѣ онаго перевода нѣколико для лучшаго выразумѣнія въ нарѣчіе настоящее переправливаны". Опираясь на Стрыйковскаго (книга I гл. 2), Татищевъ находитъ, что въ Россіи еще цѣлъ древній „славенскій" языкъ: „сущій языкъ Славенскій древній является быть Рускій Московскій, зане они, какъ по пришествіи изъ Азіи мало по чужимъ странамъ скитались, такъ языкъ и обычаи древніе сохранили", между тѣмъ какъ „поляки свой языкъ приложеніемъ нѣкоторыхъ согласныхъ или изверженіемъ гласныхъ много перемѣнили; къ тому многіе изъ Латинскаго, Германскаго и Французскаго имена и глаголы внесши такъ исказили, что ни съ которымъ кромѣ боемскаго (т. е. чешскаго) и то не весьма согласуетъ. Противно же тому нашъ Русской прибавкою на многихъ мѣстахъ гласныхъ буквъ перемѣненъ, яко вмѣсто градъ, гладъ, говорятъ городъ, голодъ, слано солоно, область власть. Много же издревле отъ Сарматскаго языка въ Славенской внесено, какъ то древнія гражданскія и историческія наши книги свидѣтельствуютъ (?!), а по крещеніи Греческихъ, и съ половины 13. ста Татарскихъ словъ въ нашъ языкъ внесли, и оныхъ такъ намножили и производили, что собственныя свои слова въ забвеніе привели (?), наипаче же несмысленные самохвалы вредъ въ языкѣ наносятъ, мня стройными реченіи ихъ разговоры и письма украсить, что токмо въ голову придетъ, и тѣмъ слышателей въ недоумѣніе или странное мнѣніе и заблужденіе приводятъ. Въ примѣръ сему переводчикъ въ посланіи ко Евреемъ гл. 12 ст. 15 вмѣсто корень въ верьхъ возрастающій, написалъ: горести корень выспрь прозабаяй (такъ!): сіе слово *выспрь* такимъ же невѣждамъ, пустосвятамъ возмнилось быть именемъ того корене, и толкуютъ, яко бы Апостолъ сіе о табакѣ говоритъ"...

Татищевъ признаетъ, впрочемъ, неизбѣжность заимствованія чужихъ словъ: „ни единъ языкъ, а паче въ Европѣ, гдѣ науки болѣе другихъ частей міра распространились, отрещися не можетъ; достаточно бо видимъ Евреи, Греки, Латини одинъ отъ другаго слово въ дополненіе своего заимствовали, и за собственныя причли: однакожъ давно мудрые люди оное охуждали и отъ того мѣшанія увѣщевали, и перво видится Франція осмотрясь, многія иноязычныя слова повыметали, испорченныя исправили, и достаточными лексиконы для знанія всѣмъ пользу не малую изъявляли; чему любомудрые въ Германіи послѣдовали, преизрядныя книги филосовскія и богословскія на своемъ языкѣ безъ примѣса иноязычныхъ словъ издаютъ. Славяне же, мню, въ глубокой древности,

живучи по разнымъ и весьма отдаленнымъ мѣстамъ, и съ разными языки сообществуя, въ языкѣ уже разность не малую имѣли, какъ древнѣйшія письма всѣхъ оныхъ могутъ доказательствомъ быть. Мы хотя можемъ похвалиться, что нашъ языкъ многихъ полнѣе и плодовитѣе, и мню, что въ Философіи, Маѳематикѣ и прочихъ наукахъ не хуже Французскаго и Германскаго, но еще кратче изъяснить можемъ, что нѣкоторые Члены Руской Академіи изданіемъ преизрядныхъ книгъ засвидѣтельствовали, особливо господина Профессора Ломоносова изрядная Реторика и другое, яко же Тредіаковскаго и господина Сумарокова стихотворныя хвалы достойны; однакожъ много такихъ видимъ, которые никакого языка не знаютъ, ниже своего достаточно учились, а чужихъ словъ въ реченіи и письмахъ съ избыткомъ употребляютъ; а какъ они силы ихъ не знаютъ, такъ часто неправильно оныя кладутъ, и не въ той силѣ ихъ разумѣютъ, на что господинъ Сумароковъ изрядную сатиру издалъ".

На основаніи Стрыйковскаго Татищевъ такъ изображаетъ „прочія смѣшанія Славенскихъ языковъ", или ихъ „разнь": понеже другіе Славяне по разнымъ странамъ ходя отъ оныхъ языкъ древній испортили, ясно Сербы, Карваты (такъ!), Раци и Булгары со Греческимъ, Венгерскимъ и Турецкимъ; Далматы, Карніоли, Стиріане, Истри, Иллирики съ Италіанскимъ, бѣлая Русь, Москва съ Татары; Подгоряне, Мазуры, Подляшане, Русь Чермная, Волынь и часть Литвы съ Поляки, а Поляки со всѣми народы обычаи, убранства, а отчасти и языкъ помѣшали". Кромѣ такого „генеральнаго поврежденія" языковъ, „во всѣхъ пространныхъ государствахъ есть и партикулярныя по разстоянію дальности предѣловъ, не токмо въ произглашеніи или удареніи гласа, но и въ именахъ и глаголахъ такое различіе, что сошедшіеся единъ другаго не вскорѣ выразумѣютъ, яко у насъ Сибиряки, Великороссіане, Малороссіане, Низовые и Поморскіе, единъ съ другимъ весьма различаются, на примѣръ: ковшъ и корецъ, квашня и дижа и пр. Много же отъ древности не разсуднымъ употребленіемъ одно за другое, и отдѣльное за общее принято, а сущее оставлено, или въ иномъ разумѣніи, нежели издревле значило, употребляется: яко вмѣсто жито нива и сочиво именуютъ хлѣбъ, въ которомъ та разница, что жито разумѣется всякія сѣмена, яко пшеница, рожь, ячмень, овесъ и пр. Отъ чего хранилище житница именована, сочиво у Славянъ именно горохъ, бобы, чечевица и пр. нива насѣянное на поляхъ, въ библіи Русской часто перевожено съ Греческаго класы, хлѣбъ же не болѣе значитъ, какъ печеный и кислый, а неквашеный опреснокъ".

Въ слѣдующей 42-й главѣ Татищевъ говоритъ о расширеніи

и съуженіи языковой славянской области. Умноженіе и распространеніе языковъ и народовъ, по мнѣнію нашего историка, происходитъ, какъ „всѣмъ сіе извѣстно... мудростію и тщаніемъ высочайшихъ правительствъ.“ Такъ, Александръ Македонскій „языкъ Греческій во всей Азіи до Египта внесши во употребленіе такое ввелъ, что по немъ многіе народы свой оставя, Греческій употребляли“, какъ это доказываетъ-де употребленіе греческаго языка Іисусомъ Христомъ и его учениками (?) „а сіе для того, что Греческій языкъ тогда большею частію всѣ тѣхъ странъ народы разумѣли.“ Точно также владычество Рима распространило латинскій языкъ такъ, „что отъ самаго западнаго Океана до Германіи, т. е. Португалія, Испанія, Францiя, Италія, не иной какъ Латинской языкъ употребляли. А хотя по раздѣленіи областей и особныхъ въ нихъ высокихъ правительствъ, чрезъ долгое время и отъ смѣшанія съ другими, ово ихъ древними, ово иноязычными далеко разнились, однакожъ языка не мало и къ западу распространилось, какъ намъ Волохи, яко населенные Римляне свидѣтельствуютъ.“ Другой причиной его распространенія была „папежская великая власть и коварный вымыслъ къ содержанію народа въ темнотѣ невѣденія и суевѣрствахъ, употребленіемъ въ богослуженіи единственно Латинскаго языка“... Никто, однако, не изъявилъ „столько тщанія о чести своего отечества и языка, какъ мню Французскій, для котораго такъ много и Академіи устроены, и особливо Академія Французская именуемая для исправленія токмо языка учреждена, стараніемъ которой преизрядные разныхъ качествъ лексиконы сочинили, книги древнія перевели и изъяснили. При Дворѣ не позволено никому кромѣ Французскаго языка употреблять, чрезъ что многіе Германскіе Дворы Французской, яко ихъ собственной во употребленіе ввели, а для возрастшихъ наукъ и множества нужныхъ и полезныхъ во всѣхъ наукахъ книгъ всѣ прилежатъ онаго обучаться; въ министерствѣ же почти за общей всея Европы языкъ почитается и т. д. Славяне храбростію и мудростію Государевой едва меньше ли оныхъ свои области и языкъ въ древности распространили... Въ Греціи (Византіи?) Славенской языкъ былъ въ такомъ употребленіи, какъ нынѣ въ Германіи Французскій; ибо не токмо Министры и придворные знатные, но сами Императоры онымъ говорить не гнушались... Изъ всѣхъ Славенскихъ областей Рускіе Государи наиболѣе всѣхъ распространеніемъ и умноженіемъ языка Славенскаго славу свою показали... но пришествіемъ Рюрика съ Варяги родъ и языкъ Славенской былъ уничиженъ; блаженная же Олга будучи сама отъ рода Князей Славенскихъ, . . . народъ Славенской возвысила и языкъ во употреб-

леніе общее привела (?).“ Она же, „пріятіемъ крещенія чрезъ болгаръ и книги Славенскія церковныя наиболѣе утвердила, отъ чего чрезъ много лѣтъ великимъ тщаніемъ Государей завоеванные Сарматскіе и Татарскіе предѣлы языкъ Славенорусскій приняли, а свой прежній забыли, и почитаются за Славянъ“... Но если славянскій языкъ такъ умножился и распространился на сѣверѣ и востокѣ, то на югѣ и западѣ онъ настолько же „умалился“: „государства болгарское и сербское и другія (?) подъ власть Турецкую пришедъ весьма умалились и умаляются, но не столько отъ Магомета, сколько отъ Папы утѣсняемы... Въ Венгріи по нашествіи Готовъ, Аваровъ и Маджаровъ, Сарматы языкъ Славенскій почти совсѣмъ уже угасили, а употребляютъ Сарматскій съ Латинскимъ и Германскимъ, а частію и Турецкимъ, смѣшанный... На западѣ... королевства Вандальское (Вендское?) и боемское совсѣмъ подъ власть Германскую пришедъ, языкъ, а при томъ и имя Славенъ, купно со славою древнею погубили, и въ Германе превратились, такъ что едва слѣды оной древности языка остаются.“

Щербатовъ прибѣгаетъ къ этимологизаціи въ своей „Исторіи россійской отъ древнѣйшихъ времянъ“ (Спб. при Имп. Акад. наукъ, 1770—1791, 7 т. in 4°), главнымъ образомъ въ первомъ ея томѣ, хотя и заявляетъ въ предисловіи, что „не тщился обрѣтающіися промѣжки догадками наполнять, и по знаменованію именъ изыскивать, какія были языки тѣхъ (старобытныхъ) народовъ“. Правильно указывая, что „по малому числу оставшихся намъ именъ, поврежденныхъ временемъ и неправильнымъ выговоромъ чужестранныхъ, которые намъ ихъ преложили,... весьма трудно“ заключать о родствѣ тѣхъ или другихъ народовъ между собою, кн. Щербатовъ тѣмъ не менѣе пускается при случаѣ въ самыя рискованныя сближенія именъ и географическихъ названій. Такъ, напримѣръ, имя народа скиѳовъ можетъ происходить, по словамъ Щербатова, отъ „глагола *Тевтоническаго Сетенъ* или *Шутенъ* [1]), стрѣлять, въ чемъ“, по свидѣтельству Геродота и др. историковъ, скиѳы „весьма искусны были“. Болѣе вѣроятно, впрочемъ, для него родство имени скиѳовъ съ именемъ народа *Чудь*, которое „через повреждені“ дало начало имени *Скиоскому* или *Сцитскому*. Имя народа Сарматовъ происходитъ отъ греческихъ словъ: „*Савросъ* (σαῦρος = ящерица) и *омма* (ὄμμα = лицо, видъ, око), *эхидной око* (такъ!)“, каковое имя было дано имъ „чаятельно... ради звѣрства ихъ нравовъ“. Имя *Московія* происходитъ не отъ *Москвы*,

¹) Форма вполнѣ фантастическая, основой для которой вѣроятно послужили англ. *shoot*, сканд. *skjóta*, др. сакс. *skeotan*.

но отъ древнихъ именъ „Россіанъ, а именно *Мольи*, *Моски*, *Месехи* или отъ *Мосоха* ихъ Праотца“ [1]). Имена братьевъ Кія и Хорева кн. Щербатовъ выводитъ изъ „древняго Персицкаго“ языка, въ которомъ будто-бы *Кій* (новоперс. Kiya = царь, герой) или *Кеа* значитъ *державецъ*, *владѣтель*, *господарь*, а *Хурехъ* (?)— *участіе* или *соучастникъ*, *совладѣтель*. Изъ формы *Хурехъ* уже „по поврежденію“ получилось *Хоревъ*. Впрочемъ это послѣднее имя, по его мнѣнію, еще лучше производить изъ „арапскаго“ языка, гдѣ *Херифъ* [2]) означаетъ *соперника* (братья Кій и Хоревъ *соперничали* въ постройкѣ городовъ: одинъ выстроилъ Кіевъ, а другой, будто-бы, Хоревицу). Имя *Щекъ* или *Шекъ* также ведетъ свое начало отъ арабскаго *Шейхъ* или *Шихъ*—старѣйшина, начальникъ [3]). Нужно замѣтить при этомъ, что кн. Щербатовъ не зналъ самъ ни того, ни другого языка, а основывался на помощи „единаго весьма искуснаго въ сихъ языкахъ... пріятеля“ (В. Ѳ. Братищева, долго жившаго въ Персіи и изучившаго данные языки). Изъ персидскаго языка Щербатовъ толкуетъ и имя сестры Лыбеди или „*Лебѣды*“, сравнивая его съ перс. *Лебадъ* „верхнее одѣяніе, епанча“ (перс. labād = верхнее платье. С. Б.). Собственныя имена: Вятко, Дулепа и т. д. у него тоже персидскаго происхожденія [4]), а Радимъ (откуда Радимчане) — арабскаго [5]). Этимологіи (*Бояринъ* отъ *бой* и *ярый*, т. е. *ярый въ бою*) находимъ также въ „Письмѣ князя Щербатова, сочинителя россійской исторіи, къ одному его пріятелю и т. д.“. (Москва, 1789, 16°, 149 стр.). Полемика съ Болтинымъ, отвѣчавшимъ на это письмо [6]), заставила кн. Щербатова формулировать свои взгляды на этимологію, какъ вспомогательное орудіе историка, и изложить основанія того метода, котораго онъ держался въ своихъ этимологическихъ сближеніяхъ. Онъ сдѣлалъ это очень подробно въ своихъ „При-

---

[1]) Т. I. Введеніе, стр. 3—4.

[2]) Арабскаго слова съ такимъ значеніемъ нѣтъ. Имѣющіяся подобныя слова значитъ *осень, товарищъ*. Повидимому здѣсь произошла ошибка со стороны Щербатова или его источника—В. Ѳ. Братищева.

[3]) Т. 1. Кн. 1, стр. 119.

[4]) «*Вятко* или *Вѣтекъ* на древнемъ *Персицкомъ* языкѣ *Перепелъ*, *Дулепа* или лучше *Дулабъ* на *Персицкомъ* языкѣ *Коло* или *казенное мѣсто*». Тамъ-же стр. 120. (Очевидно здѣсь имѣлись въ виду *новоперс*. формы watak = перепелъ и dolab или dūlāb = колесо для подъема воды, подъемная машина, амбаръ, хитрость, козни. С. Б.).

[5]) «По поврежденію» изъ *Регимъ* (правильнѣе было-бы *рехимъ*) = «милосердый». Тамъ-же, стр. 120.

[6]) И. Болтинъ, «Отвѣтъ на письмо князя Щербатова, сочинителя Россійской Исторіи». Спб. 1789. 8°. 181.

мѣчаніяхъ на отвѣтъ господина генералъ-маіора Болтина, на письмо князя Щербатова, сочинителя россійской исторіи и т. д." (Москва, 1792 г. 4°, 624 стр.), посвятивъ этимъ вопросамъ около $^1/_6$ всей своей книги. По словамъ Щербатова, онъ счелъ нужнымъ: „1) утвердить правила этимологіи; 2) приложить ихъ къ Славенороссійскому языку; 3) показать трудности сего изысканія; 4) изъяснить знаемъ-ли Сарматской языкъ; 5) разсмотрѣть приводимыя этимологіи; 6) учинить замѣчанія на самыя реченія Его Превосходительства, какъ о словахъ, такъ и о народахъ; 7) какимъ языкомъ говорилъ Рюрикъ и пришедшіе съ нимъ Руси и 8) изъ сего сдѣлать свои заключенія". Этимологія опредѣляется имъ, какъ „искусство на догадкахъ основанное", а потому и раздѣляющееся „на двѣ части": „искусство дѣлать догадки или положенія, и искусство ихъ повѣрять; или другими словами..., искусство выдумывать, и искусство критиковать". Попутно онъ даетъ основанія „критическаго искусства", указывая на неизбѣжность „перемѣнъ" въ выговорѣ языковъ, проистекавшихъ отъ „распространенія понятій" у народовъ, въ силу бо́льшаго ихъ просвѣщенія. Этотъ ростъ понятій показалъ „неудобность многихъ, прежде учиненныхъ реченій" и вызвалъ ихъ перемѣну. Другія реченія измѣнились, „переходя изъ устъ въ уста." Измѣненія эти, однако, коснулись только первообразныхъ словъ; „но какъ отъ первыхъ словъ были еще тогда же произведены другія, то тогда какъ начальныя перемѣнились, или во всемъ выговорѣ, или въ поврежденіи, произведенныя осталися", вслѣдствіе чего затмилась ихъ этимологическая связь съ первообразными словами, „исчезла память ихъ произведенія". Чтобы еще болѣе закрѣпить это предположеніе полной непослѣдовательности языковыхъ измѣненій, кн. Щербатовъ прибавляетъ: „Ибо не должно думать, чтобы въ перемѣненіи языковъ какія предположенныя правила наблюдались". Если къ этимъ перемѣнамъ прибавить еще разныя другія „бываемыя перемѣны въ народахъ", вызванныя завоеваніями, переселеніями, сношеніями съ другими народами и т. д., то отсюда для этимологизатора вытекаетъ необходимость входить „во все обстоятельство исторіи того народа, котораго языка хотятъ дѣлать произведенія", а также „воззрѣть еще на состояніе ихъ языковъ, во время употребленія бывшихъ у нихъ словъ, на время сысканныхъ искусствъ, или произведеній вновь заведенныхъ". Необходимость сказаннаго кн. Щербатовъ подкрѣпляетъ удачной иллюстраціей: „ибо есть ли мы отъ Шведскаго языка будемъ производить *Апелсинъ*, гдѣ они конечно не находятся, и куда конечно послѣ нежели въ Голандію пришли, то конечно впадемъ въ заблужденіе". Нельзя не признать спра-

ведливости послѣднихъ методологическихъ соображеній кн. Щербатова, польза которыхъ, однако, совершенно парализовалась выше отмѣченнымъ положеніемъ его объ отсутствіи какой бы то ни было законности въ измѣненіяхъ языка, положеніемъ, оправдывавшимъ полнѣйшій произволъ въ этимологическихъ сближеніяхъ и сводившихъ ихъ, по словамъ самого Щербатова, къ „искусству выдумывать.“ Въ этомъ отношеніи, однако, онъ всецѣло зависѣлъ отъ современныхъ ему взглядовъ, какъ это и видно изъ приводимой имъ большой цитаты изъ французской энциклопедіи, въ которой опредѣляется понятіе слова „этимологія“. По словамъ энциклопедической статьи, служившей источникомъ его метода, изобрѣтеніе при этимологическихъ сближеніяхъ „не имѣетъ весьма опредѣленныхъ правилъ“. Здѣсь приходится „отгадывать“, т. е. „въ неизмѣримыхъ поляхъ возможныхъ положеній по нечаянности хватать единое, потомъ второе, и многія еще одно послѣ другого“. Не удивительно послѣ этого, если этимологіи кн. Щербатова основаны были прежде всего лишь на внѣшнемъ звуковомъ сходствѣ и близости значенія, которая не была случайной только тогда, когда сближавшіяся слова были дѣйствительно родственны между собою. Кромѣ статьи энциклопедіи, Щербатовъ приводитъ и другія лингвистическія сочиненія, изъ которыхъ почерпалъ свои свѣдѣнія: разсужденіе „Сусмилха“ (Süssmilch): „О сходствіи языка Келтическаго и особливо Тевтоническаго съ языками восточными“ и пр. („Исторія [Мемуары?] Королевской Академіи наукъ Берлинской“, 1745 г., стр. 188), „Куртъ Гибелина“ (Куръ де Жебеленъ) „Dictionnaire etymologique de la langue Françoise“, разсужденіе Лейбница „De l'origine des François“ и сравнительный словарь Екатерины II. Лингвистическій матеріалъ находилъ онъ между прочимъ и въ путешествіи Олеарія. Какъ можно видѣть, выборъ пособій у Щербатова имѣетъ случайный характеръ, и число ихъ очень скудно. Поэтому насъ не должны особенно удивлять частыя ошибки и заблужденія кн. Щербатова, вызывающія въ современномъ читателѣ снисходительную улыбку. Напротивъ, надо отдать ему справедливость, что въ извѣстныхъ своихъ мнѣніяхъ и возраженіяхъ Болтину онъ нерѣдко былъ вполнѣ правъ или во всякомъ случаѣ стоялъ на одномъ съ нимъ уровнѣ. Такъ онъ откровенно сознается (стр. 228), что не знаетъ этимологіи слова *царь* (стсл. *цьсарь*, лат. caesar), тогда какъ Болтинъ искалъ его начала въ сирійскомъ языкѣ, въ концѣ такихъ именъ, какъ Навуходоносоръ, Балтасаръ и т. д., представлявшихъ будто бы собственныя имена *Навоходона*, *Балта* съ присоединеннымъ къ нимъ приложеніемъ *саръ*, т. е. *царь*.

Правъ Щербатовъ и въ своемъ отрицаніи тожества сарматовъ съ финнами, утверждавшагося Болтинымъ вслѣдъ за Миллеромъ, Татищевымъ и другими. Основательны и нѣкоторыя замѣчанія его на финскія этимологіи Болтина, возводившаго, напримѣръ, областное названіе индѣйки—„калкунъ“ къ „сарматскому“ источнику, въ виду финскаго *kalkun* (у Болтина *calcuna*), но забывшаго при этомъ, что „сарматы“ никоимъ образомъ не могли знать индѣйскаго пѣтуха, вывезеннаго изъ Америки въ XVI в. Правъ Щербатовъ и въ своемъ отрицаніи финскаго происхожденія первыхъ русскихъ князей Рюрика и его братьевъ, которыхъ онъ, во всякомъ случаѣ ближе къ истинѣ, считаетъ германцами „готфами“. Совершенно резонно онъ отдаетъ преимущество болѣе правильнымъ (хотя и не всегда удачнымъ) толкованіямъ названій днѣпровскихъ пороговъ изъ германскихъ „сѣверныхъ“ языковъ (почерпнутымъ имъ изъ „Dissertation sur les anciens Russes par F. H. S. D. P.“ Спб. 1785), передъ этимологіями Болтина, выводившаго эти названія изъ венгерскаго языка [1]). Но коренной недостатокъ его метода—произвольность сопоставленій, основанныхъ лишь на случайномъ сходствѣ сравнивавшихся словъ, не позволялъ ему итти далѣе отдѣльныхъ, случайно счастливыхъ сближеній и одержать верхъ надъ своимъ противникомъ, который стоялъ на одномъ съ нимъ уровнѣ научнаго знанія въ данной области и страдалъ тѣмъ же основнымъ недостаткомъ метода.

Болтинъ, прибѣгавшій часто въ своихъ историко-критическихъ трудахъ къ этимологическимъ сближеніямъ, такъ же, какъ и кн. Щербатовъ, въ теоріи былъ противъ сопоставленій, основанныхъ на одномъ созвучіи. Въ своихъ „Примѣчаніяхъ на исторію древнія и нынѣшнія Россіи Леклерка“ (Спб. 1788, 2 т. 4°) онъ вооружается противъ подобныхъ этимологій и въ качествѣ примѣровъ приводитъ сходство русскаго *мою* съ арабскимъ *май* или *мойе=вода* [2]), франц. *lecher* (лизать) съ халдейскимъ *лишну* (вѣроятно вм. nomen actionis leshno = лизаніе или leshana = языкъ С. Б.). и русск. *лижу*, франц. ami (*другъ*) съ тунгуз. *ами=отецъ* [3]). Внѣшнее и семасіологическое сходство этихъ формъ, по его словамъ, не даетъ еще права „заключить, что языкъ русскій происходитъ отъ

---

[1]) «Критическія примѣчанія Генералъ-Маіора Болтина на первый томъ исторіи Князя Щербатова». Спб. 1793, 4°, 352; стр. 8 и слѣд.

[2]) Форма *май* очевидно есть передѣлка древне-арабскаго *ма*, сдѣланная подъ вліяніемъ ново-арабской формы, приведенной въ видѣ *мойе*. На самомъ дѣлѣ арабскаго слова *май* не существуетъ.

[3]) «Примѣчанія на Леклерка», т. I; стр. 283.

арабскаго, а французскій отъ тунгузскаго". Но сейчасъ же вслѣдъ за этимъ основательнымъ замѣчаніемъ, онъ, въ противность Леклерку, считавшему русск. *баба* татарскимъ словомъ (*бамбиза=мамка*), доказываетъ, что *баба* обнаруживаетъ „несравненно ближайшее сходство и въ выговорѣ и въ смыслѣ" съ „цымбрскимъ" *баибъ*, „пампангскимъ" *бабай* и „талаганскимъ" *бабае* (тамъ же, стр. 282—283) [1]). Этимологіи Леклерка, производившаго (вслѣдъ за Поповымъ) имя божества *Хорса* отъ *корчить*, а названіе города *Рязань* отъ франц. *raisin=виноградъ*, онъ справедливо считаетъ странными и произвольными [2]). По его мнѣнію, созвучіе словъ можетъ служить признакомъ ихъ родства только въ томъ случаѣ, если это родство является вѣроятнымъ еще въ виду сосѣдства или сношеній тѣхъ народовъ, языкамъ которыхъ принадлежатъ эти слова, если между данными словами имѣется и семасіологическое родство, если сходныя слова обозначаютъ понятія самыя обыкновенныя для первобытнаго народа и т. д. Но всѣ эти благія соображенія безсильны и у Болтина направить этимологію по вѣрному пути: *бояринъ* онъ, вмѣстѣ съ Татищевымъ, производитъ отъ „сарматскихъ" словъ *по=голова* и *ярикъ=умный* [3]); славянское имя мадьяръ *угры*—изъ *угоры*, потому что они жили у *горъ* кавказскихъ [4]),—этимологія вполнѣ достойная словопроизводствъ Тредьяковскаго: Норвегія = *Наверхія*, Британія = *Пристанія*. Точно также онъ находитъ вѣроятнымъ, что имя бога любви *Лель* можетъ происходить отъ арабск. *леиль* = ассиріійск. (?) *лели*, халдейскаго *лельё*, сиріійскаго *лильё* (ночь), ибо тайны любви совершаются „по большей части, подъ покровомъ нощи" [5]). По его мнѣнію выраженіе „*зги* не видать" значитъ „облаковъ не видать", и слово *зга* родственно шведскому *sky* облака [6]). Сходство нѣкоторыхъ латинскихъ словъ со славянскими онъ объясняетъ тѣмъ, что въ глубокой древности часть славянскаго народа переселилась въ Италію и смѣшалась съ тамошними народами. Отсюда въ латинскомъ языкѣ осталось „премножество словъ славянскихъ". „Въ греческомъ языкѣ также множество есть словъ славянскихъ или греческихъ въ славянскомъ", откуда ясно, что народы греческій

---

1) Источникомъ, откуда черпались эти иноземныя формы, служилъ обыкновенно Сравнит. Словарь Екатерины II (см. выше).

2) «Примѣчанія на Леклерка», т. I, стр. 98—99 и т. II, стр. 115.

3) «Отвѣтъ Болтина на письмо кн. Щербатова» (Спб. 1789), стр. 76, или «Примѣчанія на Леклерка», т. II, стр. 442—43.

4) «Примѣчанія на Леклерка», т. I, стр. 47.

5) Тамъ же, стр. 111.

6) «Отвѣтъ на письма кн. Щербатова», стр. 83—84.

и славянскій долго сожительствовали другъ съ другомъ [1]). Болтинъ основательно смѣялся надъ Леклеркомъ, утверждавшимъ, что много русскихъ словъ имѣется въ индійскомъ, персидскомъ, тевтонскомъ и даже *китайскомъ*, и возражалъ ему, что, дѣйствительно, нѣсколько славянскихъ словъ находится въ персидскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, но ему еще не приводилось слышать, чтобы они встрѣчались и въ китайскомъ [2]). Но въ то же время Болтинъ считалъ вполнѣ вѣроятнымъ, что русскій языкъ — отрасль сарматской вѣтви языковъ, къ которой принадлежали и языки вымершихъ „сарматскихъ" народовъ, какъ чудь, кривичи, меря, мурома, весь, а также теперь принадлежатъ живые языки венгерскій и шведскій (!), и уцѣлѣвшіе языки мордвы, чувашей (!), черемисовъ, кореловъ, финновъ и т. д. [3]). Положеніе это доказывается сопоставленіями въ родѣ финск. *raadi* (судья) съ русск. *рядить*, финск. *nena* (носъ) съ русск. *разбить*, *разквасить нюни* (лицо, носъ) [4]), финск. *kissa*=кошка съ русск. *киска*, *кисъ-кисъ*, венгерск. *titkos*= тайный, сокровенный, *titok*=тайна съ русск. *титьки*, „понеже всегда ихъ содержали покровенными" и т. д. [5]). Эти примѣры достаточно ясно свидѣтельствуютъ, что въ отношеніи метода Болтинъ стоялъ нисколько не выше своего соперника, кн. Щербатова, и что единственнымъ мотивомъ ихъ этимологическихъ споровъ служило просто несогласіе ихъ индивидуальныхъ вкусовъ, а не большее или меньшее совершенство научнаго метода. Тѣмъ не менѣе Болтину принадлежитъ заслуга перваго сопоставленія нѣкоторыхъ русскихъ словъ съ финскими. Если отбросить неудачное примѣненіе термина „сарматскіе" языки въ значеніи финскихъ языковъ и отнесеніе къ нимъ русскаго, чувашскаго и аварскаго, то въ остаткѣ получится, хотя и смутно чувствовавшаяся и неправильно формулированная, но въ основѣ своей вѣрная мысль о необходимости сравненія русскаго языка съ финскими, въ виду многовѣковаго сосѣдства русскихъ и финновъ. Нѣкоторыя изъ сближеній Болтина вполнѣ удачны (р. *пасмо* съ ф. pasma; р. *пахтать* съ ф. pahtaa, р. *тина*, съ ф. tina, р. *товаръ* съ ф. tawara, р. *кутенокъ*, *кутята* съ венг. kutya и т. д.) и встрѣчаются и у современныхъ ученыхъ, сравнивавшихъ данные языки. Впрочемъ, серьезнаго вниманія къ изслѣдованіямъ этого рода Болтинъ, по-

[1]) «Примѣчан. на Леклерка», I. 55—56.

[2]) Тамъ же, II. 42.

[3]) «Отвѣтъ на письмо кн. Щербатова», стр. 77—78.

[4]) Въ дѣйствительности такого выраженія нѣтъ, а есть *распустить нюни*, т. е. *разревѣться*, *расплакаться*.

[5]) «Отвѣтъ на письмо кн. Щербатова», стр. 79—86.

добно другимъ тогдашнимъ и позднѣйшимъ историкамъ-этимологизаторамъ, не проявлялъ, какъ это видно изъ откровеннаго его признанія, что „краткость времени и *скучность* таковаго упражненія“ дозволила ему пріискать лишь нѣсколько случайно подвернувшихся лексическихъ параллелей въ русскомъ и прочихъ „сарматскихъ“ языкахъ [1]).

XI. Статьи лингвистическаго содержанія въ журналахъ XVIII в.

О пробужденіи интереса къ языку вообще и къ родному въ частности свидѣтельствуютъ довольно многочисленныя статьи въ нашихъ журналахъ XVIII вѣка (главнымъ образомъ второй его половины). Статьи эти не всѣ одинаковаго достоинства, но всѣ онѣ интересны съ исторической точки зрѣнія, свидѣтельствуя объ общемъ уровнѣ знаній въ данной научной области или предвѣщая собою появленіе въ будущемъ болѣе серьезныхъ научныхъ работъ по тѣмъ или другимъ частнымъ вопросамъ. Ихъ можно раздѣлить на два отдѣла: а) оригинальныя и б) переводныя.

Первыя обыкновенно трактуютъ о вопросахъ русской и славянской грамматики и стилистики, вторыя же, или разрабатываютъ общелингвистическія темы, или имѣютъ въ виду тѣ или другіе иностранные языки (нѣмецкій, англійскій), касаясь при этомъ такихъ общихъ вопросовъ, которые могли интересовать и русскихъ читателей. Появленіе у насъ переводныхъ статей послѣдняго рода вызывалось, конечно, отсутствіемъ русскихъ оригинальныхъ авторовъ, которые могли бы удовлетворить извѣстнымъ запросамъ русской читающей публики. Журналамъ нашимъ приходилось поэтому брать изъ иностранной печати то, что могло косвеннымъ образомъ служить отвѣтомъ на наши мѣстныя потребности.

а) *Статьи оригинальныя.*

Рядъ оригинальныхъ нашихъ журнальныхъ филологическихъ статей открывается статьею А. С(умарокова): „О коренныхъ словахъ русскаго языка“, напечат. въ „Трудолюбивой Пчелѣ“ за февр. 1759 (2 изд. 1780 г., стр. 91—101), о которой шла уже рѣчь выше (стр. 212). Общіе взгляды автора на языкъ достаточно могутъ быть охарактеризованы слѣдующими вступительными его словами: „Что Русской языкъ близокъ отъ своего происхожденія, то отъ множества коренныхъ словъ ясно видно. Сіе языкамъ остав-

[1]) «Отвѣтъ на письмо кн. Щербатова», стр. 79.

ляетъ естественную красоту и великолѣпіе; ибо народы составляющіе себѣ языкъ являютъ словами начертаніе естества, и съ мыслію и чувствіемъ сходство произношенія. Гордая вещь получаетъ гордое имя. Нѣжная, нѣжное имя и пр. Напротивъ того въ языкахъ отдаленныхъ отъ своево происхожденія или отъ разныхъ языковъ составленныхъ сего преимущества нѣтъ"... Далѣе Сумароковъ усматриваетъ взаимоотношеніе между формой слова (или буквъ, которыми слово изображается на письмѣ) и обозначаемыми имъ понятіями: „око, изображаетъ круглость. Дождь, точный шумъ раздробленно ліющихся изъ воздуха водъ. Журчаніе, потоки мѣлкихъ струй. Шумъ, великое движеніе воздуха" и т. д.

Въ другой статейкѣ „Объ истребленіи чужихъ словъ изъ рускаго языка" („Трудолюбивая Пчела". Генварь. 1759. Вторымъ тисненіемъ. Спб. при Имп. Акад. Наукъ. 1780 г. стр. 58—62), также упоминавшейся уже выше (стр. 212), Сумароковъ разсматриваетъ живой въ то время вопросъ о заимствованіи иностранныхъ словъ, возставая вообще противъ него: „Воспріятіе чужихъ словъ, а особливо безъ необходимости, есть не обогащеніе, а порча языка. Тако долго временно портился притяженіемъ Латинскихъ словъ Нѣмецкой, испортился Польской... и какъ портится Нѣмецкими и Французскими словами Русской. Честолюбіе возвратитъ насъ когда нибудь съ сего пути несумнѣннаго заблужденія; но языкъ нашъ толико сею зараженъ язвою, что и теперь уже вычищать ево трудно; а ежели сіе мнимое обогащеніе еще нѣсколько лѣтъ продлится, такъ совершеннаго очищенія не можно будетъ больше надѣяться. Какая нужда говорить вмѣсто Плоды, Фрукты? вмѣсто столовый приборъ, столовый сервизъ? вмѣсто передняя комната, антишамбера? вмѣсто комната, камера? [1]) вмѣсто опахало, Вѣеръ? вмѣсто епанечка, Мантилья ? [2]) вмѣсто переписка, корреспонденція, и еще чудняе, Каришпанденція... Странны чужія слова въ разговорахъ, въ письмѣ еще страння, а въ печати и того страння. Что скажетъ потомство!.." Далѣе на примѣрѣ слова *лошадь*, заимствованнаго изъ татарскаго языка, доказывается, что такія заимствованія всегда пребудутъ «низкими" словами, „какъ кафтанъ и всѣ новыя не къ стати введенныя въ нашъ языкъ дикія слова. Отъ Нѣмецкихъ и Французскихъ словъ Русскому языку сея же судьбины ожидать надобно". Исключеніе дѣлаетъ Сумароковъ для

---

[1]) Сумароковъ, очевидно, не подозрѣвалъ, что *комната* такое же чужое слово, какъ *камера* и родственное ему болѣе употребительное *каморка*.

[2]) Иностранное происхожденіе слова *епанча*, повидимому, также осталось Сумарокову неизвѣстнымъ.

греческихъ словъ, которыя „введены въ нашъ языкъ по необходимости и дѣлаютъ ему украшеніе, а Нѣмецкія и Французскія намъ ненадобны, кромѣ названія такихъ животныхъ, плодовъ и протчаго, какихъ Россія не имѣетъ, напр. Рыба Карпъ. По сей необходимости и стерлядь наша на Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ Стерлядью, а Соболь Соболемъ называется. Сарделли, Каперсы, Оливки, Цитронъ, Апельсинъ, Померанецъ, нпр.: А Куликъ Бекасомъ и протчее тому подобное, чужими именами напрасно называются. Греческія слова, какъ напримѣръ: Порфира, Скипетръ, Діадима, имена наукъ, болѣзней и протчія надобныя слова для изъясненія точности потребны нашему языку. Они жъ въ Латинской и во всѣ Европейскіе языки войти право имѣли; ибо стараніе Грековъ въ нужныхъ именованіяхъ на верьхъ совершенства взошло, и получило почтеніе воспріято быть Римлянами, а потомъ и всею Европою для избѣжанія великія трудности въ пріисканіи новыхъ нужныхъ именованій, а нѣкоторыя ихъ слова съ необходимыми и безъ нужды въ чужія вошли языки, и съ необходимыми ради единыя красоты ихъ утвердилися, какъ на нашемъ языкѣ Тронъ; ибо и Престолъ то же знаменуетъ; а при томъ и великолѣпно слышится. Таковымъ образомъ вошло слово Корона [1]) въ Русской языкъ, и знаменуетъ то же, что и Вѣнецъ. Ради необходимости многія Греческія слова стали быть словами всѣмъ языкамъ общими. И тако воспріятыя Греческія слова присвоены нашему языку достохвально, а Нѣмецкія и Французскія языкъ нашъ обезображиваютъ“.

Приведенныя выдержки ясно говорятъ о недостаточности познаній, съ которыми Сумароковъ взялся за рѣшеніе выбраннаго имъ вопроса, а также и объ отсутствіи логической послѣдовательности, съ которымъ рѣшеніе его было осуществлено. Такъ, оправдывая заимствованіе нѣкоторыхъ ненужныхъ греческихъ словъ эстетическими соображеніями (слово *тронъ* „великолѣпно“ слышится“), Сумароковъ совсѣмъ не допускаетъ никакихъ оправданій для заимствованія словъ изъ европейскихъ языковъ: французскаго и нѣмецкаго.

Фантастическія этимологіи встрѣчаются между прочимъ въ сатирическомъ журналѣ Василія Тузова „Поденьщина“ (1769 г. Переиздано А. Афонасьевымъ. Москва. 1858. 12°. 136 стр.). Здѣсь (стр. 127 и сл.) находимъ сравненіе словъ арабскихъ, персидскихъ, турецкихъ и татарскихъ съ русскими, съ объясненіями въ родѣ слѣдующихъ: Арабскіе 1) *эль харемъ*—храмъ въ

[1]) Повидимому Сумароковъ считалъ это слово греческимъ.

Меккѣ—*храмъ, храмина, хоромы,* можетъ быть и *хранить*; 2) *Беитъ* —домъ, но можно сказать и *битъ*, съ чѣмъ надо сравнить *витати:* „не мудрено къ тому прибавить *о* и сдѣлается *обитати*, жить, *одомовиться*“. Ср. лат. habitatio, „и то же значитъ domicilium, жилище, хозяйство, а отъ сего (!) кажется domus и домъ по Руски“. 3) *Базаръ*—рынокъ, базаръ, „сказываютъ, что и въ евр. языкѣ *база*; 4) *Исмь* имя, легко временемъ вырониться могло *с* и сдѣлаться *имь*, а потомъ *имя*“; 5) *Хаджи*, „отъ чего, кажется, произошло слово *ханжа*, обманьщикъ. У Французовъ такой путникъ назывался pelerine (такъ!), а въ другомъ смыслѣ слово сіе значитъ то же, что и ханжа“. Удачнѣе сопоставленія съ персидскими формами, въ которыхъ авторъ, конечно, руководился также созвучіемъ, но, при общемъ индоевропейскомъ происхожденіи персидскаго и русскаго языковъ, имѣлъ больше шансовъ угадать вѣрно. Мы находимъ здѣсь слѣдующія сближенія [1]): 6) „*Педеръ* (pèdèr) отецъ, сходно съ лат. pater; 7) *Мадеръ* (madèr) — mater, Mutter, 8) *Брадеръ* (bradèr)—Bruder, frater, fratello, 9) *Земистанъ* (zèmèstan)—зима, 10) *Шемьданъ* (chèm'dan)—шандалъ, подсвѣщникъ отъ *шамъ* (chèm') свѣча, 11) *ду* (du)—два, 12) *чегаръ* (tchèhar)—четыре, 13) *пенжь* (pèndj)—пять, 14) *шишъ* (chèch)—шесть, 15) *нэ* (nè)—не, 16) *нистъ* (nist)—нѣтъ, 17) *эстъ* (èst) и 18) *гестъ*—есть; токмо *эстъ* одно не употребляется, а при многихъ глаголахъ бываетъ помогающимъ, подобно Франц. il est venu=*амеде эстъ*, (âmèdè èst) 19) *земинъ* (zemîn)—земля“. Сближаются и личныя мѣстоименія: 20) *ма* (mą)—мы, 21) *энъ* или *анъ* (în или ôn = указат. мѣстоименіе) — онъ, 22) *ту* (tu)—ты, лат. tu, нѣм. du. „Слѣдующія сопоставленія—турецкихъ словъ съ русскими—опять большею частью неудачны: „23, 24) *диваръ, дуваръ*—стѣна, отъ того кажется произошло дворъ (!); 25) *Кесекь* отрѣзокъ, отъ *кесмекь* рѣзать, также кусокъ, и отъ того кусать (!); 26) *капамакъ*—закрыть, накрыть, покрыть, конечно было прежде какое нибудь покрывало, которое отъ слова сего называлось *капокъ*“. Отсюда авторъ ведетъ названіе простонароднаго головнаго убора *подкапокъ*; „и отъ того кажется шапка“ (!). „Или отъ лат. caput, capello, chaupeau (такъ!), шляпа и шапка; 27) *кисе*—киса, мѣшокъ (вѣрно!), а отъ тяжелины мѣшка или неподвижности собою, кажется произошло *мѣшкать, неповоротливу быть*; 28) *Серай* съ Персидскаго: палаты, домъ, *караванъ се-*

[1]) Мы приводимъ рядомъ для сравненія персидскія слова въ транскрипціи, употребленной Nicolas въ его «Dictionnaire français-persan» (Парижъ, 2 т. 1885—87).

рай — постоялый домъ; а у насъ отъ того *сарай* (вѣрно!); 29) *Сандыкъ*—сундукъ [1]); 30) *кузы* — овца, барашекъ, отъ того кажется козелъ и коза (!)"; 31) *аршинъ*—аршинъ; 32) *калпакъ*—шапка, колпакъ; 33) *устюре*, бритва, „отъ сего кажется—острота и острее" (!); 34) *хорасъ* и 35) тат. *корасъ* пѣтухъ, „можно думать, что отъ сего въ Россійскомъ языкѣ названа курица" (!). Такой же характеръ имѣютъ и сопоставленія съ татарскими словами. Такъ тат. *азбаръ*—дворъ, огорода сближается съ русск. *заборъ* (!), *туваръ*—рогатый скотъ съ р. *тварь* (!); р. *щи* производится отъ тат. и тур. *ашчи*—поваръ, и попутно дѣлается экскурсія для объясненія русск. *счастіе*: „Да уже не отъ сего полно произошло и счастіе, отъ *щи* и *ясть*: *щіястіе*, можетъ быть въ старые времена, бѣдные люди говаривали о достаточныхъ: такъ разбогатѣлъ, до такого состоянія дошелъ, что каждой день щи ѣсть можетъ" (!). Рядомъ, однако, находимъ и вѣрныя сопоставленія: 39) „*Бирю* волкъ, и *бирюкомъ* во многихъ городахъ волка называютъ; 40) *Алаша*—мѣринъ и 41) *атъ* конь, а отъ сихъ двухъ (?) словъ происходитъ Россійское названіе лошадь; 42) *Кушакъ*—поясъ, кушакъ; 44) *Камышъ*—тростникъ, камышъ; 45) *Кафтанъ* -- верхнее платье, кафтанъ; 51) Тат. и тур. *алъ* — алой цвѣтъ".

Еще болѣе наивный характеръ имѣетъ письмо нѣкоего г. Люборуссова (очевидный псевдонимъ) „О произведеніи нѣкоторыхъ русскихъ словъ", напечатанное въ „Трудолюбивомъ Муравьѣ", еженедѣльномъ изданіи, выходившемъ въ Петербургѣ со второй половины 1771 г. (стр. 169—172 и 201—203). Образчиками этимологизаторскихъ пріемовъ неизвѣстнаго автора могутъ служить нижеслѣдующія выдержки изъ его труда. На стр. 171 такъ говорится о происхожденіи слова *побѣда*: „кажется мнѣ, что отъ слова *бѣдность*, выводится *бѣда*, *бѣдствіе*, глаголъ *бѣдствовать* и прилагательное имя *бѣдный*, а *побѣда* значитъ *по бѣдѣ*»..., т. е. „мы благополучны послѣ *бѣды*, которая намъ грозила на сраженіи". На стр. 202 находимъ такія соображенія: „*поставецъ* отъ *стоять*—*остановиться*, *ставить*, *поставить* и *приставить*, а отъ того *стояніе*, *станъ* гдѣ лошади стоятъ, *станъ* лагерь и *станъ человѣческой*, *ставень* у окна, *ставленикъ*, *ставецъ*, *приставъ* или приставленный человѣкъ, также и поставецъ или мѣсто гдѣ поставляются всякія вещи и *стаканъ* (!) или *стоящей*. Но какъ отъ сего же глагола выводится *заставить*, или загородить, то отъ того происходитъ *застава*; отъ глагола же *подставить*, *под*-

[1]) Вѣрнѣе было бы изъ персидскаго sandûc.

ставка; подстава гдѣ *подставляются лошади*, а кажется мнѣ, что и *стойка* на кабакѣ происходитъ отъ глагола же стоять; ибо всѣ приходящіе для питья люди предъ нею стоятъ съ благоговѣніемъ, также *стойка* въ строеніи и *стоило*, гдѣ стоятъ лошади, а можетъ быть и *столбъ*, также и *столъ*"... Сюда же авторъ правильно относитъ и слово *настоятель*, давая, однако, невѣрное толкованіе его значенія: „отъ глагола *стоять* происходитъ *настоять*, т. е. *докучать*, а отъ сего *настоятель*, о пользѣ подчиненныхъ ему нищихъ, и для собиранія на потребности ихъ денегъ докучающій людямъ."

Редакція журнала снабдила это письмо слѣдующимъ сжатымъ отвѣтомъ, не лишеннымъ нѣкоторой ироніи: „Г. Люборуссовъ великую способность имѣетъ къ сочиненію словаря производныхъ Русскихъ словъ; почему и совѣтую ему въ томъ упражняться, тѣмъ паче, что такого словаря еще въ Россіи не было".

Смѣсью наивнаго раціонализма съ пробресками здраваго смысла и отсутствіемъ предубѣжденій примѣчательна статья, напечатанная въ „Собраніи Новостей" за 1775 г. (октябрь, стр. 58—79): „Опытъ о языкѣ вообще, и о Россійскомъ языкѣ". По словамъ редакціи, статья эта доставлена „изъ Ярославля, отъ неизвѣстнаго сочинителя". Неизвѣстный ярославецъ уже въ самомъ началѣ своей статьи свидѣтельствуетъ о высокомъ строѣ своей мысли: „начиная говорить о языкѣ, я долженъ перенести себя въ состояніе гражданина цѣлаго Свѣта, и восприять свойство друга вообщѣ всего человѣчества. Любовь къ Отечеству не воспрепятствуетъ мнѣ отдавать справедливость успѣхамъ чужеземцевъ въ ихъ языкахъ, и брать у нихъ примѣръ словеснаго знанія". Не лишено интереса и его мнѣніе о происхожденіи языка, слѣдующее затѣмъ: „Первоначальныя слова... были... знаки простыхъ неученыхъ людей, коихъ естественная нужда заставила вымыслить нѣкоторые различные зыки (такъ!), дабы они могли сообщать другъ другу свои желанія, чувствіи или мысли. Всѣ языки въ началѣ были грубы и безъ правилъ; но общество людей и время [1]) содѣлало изъ простыхъ вымышленныхъ для нужды зыковъ самую благородную часть нашего познанія. И какъ не свойственно единому человѣку узнать, изслѣдовать, раздробить, понять и назвать всѣ вѣщи, то не обходимо надлежало чтобъ люди въ наукахъ и художествахъ упражняющіяся заимствовали слова другъ отъ друга, и напослѣдокъ составили корпусъ готовыхъ словъ, съ договоромъ

---

[1]) Стало быть, не вмѣшательство божественной силы, какъ обыкновенно думали въ XVIII в.

понимать ихъ такъ какъ они взаимно другъ другу предписали. Греки... составили свой языкъ... многими вѣками и трудами многихъ обществъ. Латинскій языкъ, нарицающійся отцемъ всѣхъ (!) Европѣйскихъ, занялъ лучшую (?) часть словъ у Грековъ: всѣ его дѣти не возгордились ему послѣдовать, и принимали къ себѣ какъ Греческія такъ и Латинскія слова, для ихъ краткости, внятности или приятности въ произношеніи. Напослѣдокъ казалось, что нѣкоторая часть людей разсѣянная по всему земному шару, любящая человѣчество и полезныя оному науки, имѣла единый общій языкъ, которымъ прямо ученые люди, отдѣлясь отъ простаго людства, ставили себѣ въ особую честь безтрудно соглашать свои о вѣщахъ понятіи. Нѣкоторые только народы восхищенные худоразумѣваемою любовью къ своему Отечеству, желали въ собственномъ своемъ древнемъ языкѣ найти названія тѣхъ вѣщей, кои въ малыхъ ихъ округахъ прежде не существовали. Отъ того произошли долгіе, непонятные и грубые слова, которыхъ въ закоренеломъ обычаѣ ни какое просвѣщеніе вдругъ истребить не можетъ".

Далѣе слѣдуетъ обзоръ главнѣйшихъ формальныхъ особенностей русскаго языка съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности, какъ ее понимаетъ нашъ авторъ. „О первобытныхъ именахъ существительныхъ въ русскомъ языкѣ" онъ говоритъ такъ: „большею частью первобытные русскіе имена существительные суть кратки, многіе односложны и вообщѣ довольно приятны въ ихъ произношеніи: *Богъ*, *Царь*, *Миръ*, *свѣтъ*, *день*, *ночь*, *тѣнь*, и проч.: кажутся толь означительны и сходственны съ натурою вѣщей (!), что трудно было бы выдумать другіе болѣ приличные". Къ сожалѣнію, такъ какъ „первые ихъ изобрѣтатели были безъ наукъ простые люди, то они и немыслили о томъ чтобъ раздѣлять всегда слова муж. и женск. рода нѣкоторыми особыми окончаніями". Отсюда происходитъ то, что слова въ родѣ *день*, *ночь*, *тѣнь*, *пень* не имѣютъ „характернаго между собою различія". Но „можно думать, что въ прежнихъ временахъ *день*, *пень* или назывались *денъ*, *пенъ*, или были женск. рода". Теперь, по мнѣнію автора,все это уже трудно поправить, „но желательно, чтобъ Господа Сочинители Росс. Словарей сдѣлали опытъ назвать свое сочиненіе *Словаръ* вм. *Словарь*". Купидона, по мнѣнію автора, тоже слѣдовало бы называть *любовъ*, а не *любовь* (чувство). Что касается именъ прилагательныхъ, то авторъ недоволенъ „грубостью и безполѣзностью" окончаній, въ родѣ *долгій—долгой*, *быстрый—быстрой*, *краткая*, *средняя*, *тонкіи*, и предлагаетъ писать и произносить въ ж. и ср. родахъ: *кратка*, *пріятно*, *тонки*. Такъ же слѣдуетъ укоротить сте-

пени сравненія и говорить: *слабѣйша, -ше, -ши*: рекомендуются еще формы: *слабовата* вмѣсто *-ая, слабенька, слабешинька*. Вмѣсто *толстаго* человѣка, совѣтуется говорить *толста*, вм. *средняго роста — средня роста* и т. д. Аналогичныя поправки предлагаются и для мѣстоименій: вмѣсто *сія, сіе, сіи* лучше *ся, се, си*, „какъ въ древнихъ книгахъ"; вм. *оная, оное, оныe, которая, -ое, -ые* лучше *она, оно, оны, котора, -о, -ы* и т. д. У предлоговъ авторъ также предпочитаетъ болѣе краткія формы: лучше *въ поле, съ нимъ*, чѣмъ *во поле, со нимъ*. Авторъ дѣлаетъ, однако, исключеніе для случаевъ, въ родѣ *во храмѣ, со братіей, ко Творцу*.

Въ системѣ глагольныхъ формъ нашъ авторъ очень доволенъ тѣмъ, что въ неопредѣленномъ наклоненіи говорятъ *молить*, а не *молити*, и высказываетъ надежду, что „мы возымѣемъ смѣлость и впредь отдаляться ото всего, что введено было въ языкъ не размотрительнымъ установленіемъ и несчастною привычкою". Нѣкоторые глаголы, однако, по его предположенію „сдѣланы уже въ позныхъ временахъ (*влюбляться*, вм. *любить, чувствовать*, вм. *ощущать, обожать, танцовать, фехтовать, рисовать, гравировать, вояжировать, естимовать* и пр.) всѣ сіи слова вошли въ языкъ по мѣрѣ новыхъ успѣховъ во нравахъ и въ наукахъ и по мѣрѣ новыхъ понятій... Чаятельно что мы привыкнемъ такъ же употреблять глаголы *философовать, педантовать*, когда станемъ болѣе узнавать философію и педантерію". Въ противность Сумарокову, нашъ ярославецъ полагаетъ, что „таковые слова не могутъ испортить языкъ, но паче обогатятъ оной новыми и прямыми названіями вещей намъ неизвѣстныхъ или мало извѣстныхъ", предпочитая, впрочемъ, сокращенныя формы *философъ, комедь, трагедь, исторь, пруденца, полица*, вм. *пруденція, полиція* и т. д. Такія же измѣненія онъ предлагаетъ для формъ, въ родѣ *желаніе, рожденіе, изобиліе, веселіе*, которымъ онъ предпочитаетъ: *желань, рождень, изобиль, весель*. Вообще онъ врагъ длинныхъ словъ и постоянно предлагаетъ разныя сокращенія; лучше *дателька, любителька, родителька*, чѣмъ *любительница, родительница* и т. д. Автору не нравятся также вообще параллельныя различныя формы для одинаковыхъ грамматическихъ категорій. Такъ напр., вмѣсто формъ отглагольныхъ существительныхъ, въ родѣ *шитье, житье, чутье*, онъ предлагаетъ формы *житень, шитень, чутень*, очевидно, по образцу указанныхъ выше *желань, рождень*. По причинѣ того же стремленія къ упрощенію языка, онъ недоволенъ формами множ. ч. *окна* вм. *окны, точила* вм. *точилы, пламена* вм. *плами, поля* вм. *поли, города* вм. *городы, леса* вм.

лесы. Вмѣстѣ съ упрощеніемъ формальной стороны языка, ярославскій реформаторъ языка желалъ бы упростить и звуковую сторону рѣчи, рекомендуя говорить *дружесво*, *родсво*, вм. *дружество* и т. д. Вмѣсто „грубой по своему естественному произношенію буквы *щ*,“ лучше употреблять *ч*: *даючь*, *даюча*, *-че*, *-чи*. Не совсѣмъ понятно слѣдующее предложеніе: „въ прочихъ словахъ вм. грубаго *щ*, можно употреблять *шч* или *сч*: *шчи*, *счетка*, *счеты*, *счастіе*“, такъ какъ самъ же онъ считаетъ естественнымъ произношеніемъ *щ*—*шч*. У нарѣчій онъ также предпочитаетъ болѣе короткія формы: *слепѣй*, *лысѣй*, вм. формъ на *ѣе*; *болѣ*, *менѣ* заслуживаютъ предпочтенія передъ *болѣе*, *менѣе* и т. п. Восклицанія или междометія, по его словамъ „суть толь природны и общи всѣмъ народамъ, что онѣ, изображая сильныя сердечныя движенія, почти на всѣхъ языкахъ одинаковы“. При этомъ удобномъ случаѣ замѣчается, что „*уфъ*, чаятельно отъ сего восклицанія въ русскомъ испорченномъ языкѣ сдѣлалось *увы*“. Не безъинтересны замѣчанія: „О нѣкоторыхъ буквахъ и правописаніи“. О буквѣ *е* говорится, что она „въ русскомъ языкѣ имѣетъ двоякое произношеніе, которое мы различаемъ на письмѣ нѣкоторою новою литерою *э*, какъ напр. *ель*, *эхо*“. Лучше, однако, было бы „ставить наверьху точку, для разности въ произношеніи. Е часто произносится какъ *о*, иные же обыкли и писать *о* вм. *е*; *желательно чтобъ и въ другихъ случаяхъ правописаніе всегда согласно было съ произношеніемъ* (курсивъ нашъ). Буква *і* можетъ служить везде вм. *и*, которое ни къ чему другому не надобно, какъ только для означенія краткаго *й*, въ словахъ, *долгой*, *высокой* и пр. т. п. Буква *о* часто произносится какъ *а*; желательно было бы, чтобъ она въ семъ случаѣ означаема была наверьху точкою, какъ напр., въ словахъ *попадья*, *хороша*, *тово* и пр. Буква *щ*, есть сложная изъ *шч*; слѣдственно, равно такъ какъ ѯ и ѱ, безполезна. Буква *ѣ*, произносится равно такъ какъ *е*, слѣдственно не надобна, но языкъ нашъ имѣетъ нужду въ буквѣ ͦіо, которую надлежитъ употреблять на письмѣ согласно съ произношеніемъ словъ, т. е. согласно съ правильнымъ и приятнымъ произношеніемъ. Буква греч. ѳ, не надобна, потому что у насъ есть *ф*. Буква *ѵ* ставится въ нѣкоторыхъ Греческихъ словахъ вмѣсто *і*, какъ будто буква должна намъ сказывать, что слово взято у Грековъ; желательно, чтобы мы о томъ знали, но безъ буквы *ѵ*“...

Интересны также замѣчанія „о чужестранныхъ словахъ, принятыхъ въ руской языкъ, и о такихъ въ коихъ мы имѣемъ надобность“. Здѣсь неизвѣстный авторъ обнаруживаетъ рѣдкую въ

то время и много спустя широту и свободу взглядовъ. Когда Петръ Великій, по его словамъ, „предпринялъ завесть въ Россіи добрый во всемъ порядокъ, то надлежало принять въ языкъ слова, дающія нѣкоторое особое понятіе о порядкѣ. Мы узнали тогда *ордеръ*, военную *дисциплину*, военные *артикулы*, *экзерцицію*. *Сенатъ*, *Коллегіи*, *Юстицію*, *Полицію*, добрую *политику*, и прочія такія вещи кои до тѣхъ временъ не существовали въ Россіи, слѣдственно не могли быть въ языкѣ нашемъ. По мѣрѣ-же новыхъ познаній, которыя мы заимствовали часъ отъ часа болѣ у чужеземныхъ просвѣщенныхъ Народовъ, языкъ нашъ нечувствительно обогащался, иногда, правду сказать, безполезными и грубыми словами, но большою частью нужными, и такими кои приводимыя къ совершенству науки и художествы сдѣлали всему Свѣту общими. Должно признаться что мы и еще имѣемъ великой недостатокъ въ словахъ, кои особо до наукъ и художествъ касаются; но безполезенъ будетъ трудъ, есть-ли мы захотимъ въ собственномъ своемъ языкѣ искать названій *Математики*, *Географіи*, *Физики*, *Исторіи*, и ихъ частнымъ терминамъ, кои мы уже издавна заблагоразсудили взять у Грековъ, Латинянъ, Французовъ и Немцовъ, такъ какъ они сами у другихъ брали. Желательно чтобъ принимая ихъ, мы выбирали тѣ кои короче (опять!), означительнѣе, внятнѣе, и чтобъ оные вносились въ русскіе Словари съ ихъ точными понятіями. Чѣмъ болѣ ихъ имѣть мы будемъ, тѣмъ выборъ нашъ будетъ напослѣдокъ совершеннѣе. Желательно при томъ, чтобъ сіи вводимыя новыя слова оканчиваемы были по правиламъ чистаго и *краткаго* (NB) Русскаго языка“. Въ связи съ этимъ пожеланіемъ авторъ предлагаетъ обрусить собственныя имена и, вм. Боало, Русо, Севиньи, ввести формы Боаловъ, Русовъ, Госпожа Севиньина (!): „Всево вдругъ перемѣнить неудобно, однако мало по малу успѣть можно“. Заключается статья также интересными соображеніями „о злоупотребленіяхъ въ русскомъ языкѣ“, средствомъ противъ коихъ онъ считаетъ составленіе Словаря. Указавъ, что „самыя достохвальныя принцоціи имѣютъ часто вредныя послѣдствія, естьли они не управляемы общественною пользою“, нашъ авторъ говоритъ, что „въ языкѣ сіе наиболѣе ощутительно.

Любить прямую честь Россіянамъ природно,
Но должно каждому любить ее свободно.

Въ древнемъ нашемъ языкѣ многія слова, какъ напр. *славолюбіе*, *властолюбіе*, *честолюбіе*, *страсти*, и другія заключали въ себѣ нѣкоторыя противобожныя понятіи; но когда познаніи на-

чали приближаться къ человѣческимъ должностямъ, то всѣ сіи слова, доселѣ грѣхами почитаемыя, обратились, въ сердцахъ честныхъ людей, въ источникъ самыхъ похвальныхъ дѣлъ человѣческихъ. Итакъ одинакія слова, въ разныхъ мѣстахъ и въ разныхъ временахъ, могутъ заключать въ себѣ весьма разныя понятіи. А дабы при сихъ словахъ, согласить людей мыслить одинакимъ образомъ, то желательно, чтобъ въ Россіи, по примѣру другихъ просвѣщенныхъ Народовъ, составленъ былъ Словарь, съ опредѣленіемъ точныхъ понятій на каждое слово".

„Исправленіе и совершеніе" русскаго языка и сочиненіе „правильнаго Россійскаго Словаря по азбукѣ" являются также цѣлью, которую поставило себѣ „Вольное Россійское Собраніе при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ", какъ это видно изъ „Предувѣдомленія о началѣ, распоряженіяхъ и нынѣшнемъ состояніи Вольнаго Росс. Собранія при Имп. Моск. Унив.", напечатаннаго въ ч. I „Опыта Трудовъ" названнаго собранія (1774 г.). Объ этихъ задачахъ говорилъ въ своей рѣчи, открывшей первое засѣданіе Собранія, 2 авг. 1771 г. инициаторъ и предсѣдатель Собранія, Кураторъ Моск. университета И. И. Мелиссино.

Извѣстное отношеніе къ языку имѣетъ мало, впрочемъ, замѣчательная анонимная статья „О письменахъ славянороссійскихъ и тисненіи оныхъ въ Россіи", напечатанная въ ежемѣсячномъ изданіи „Утренній Свѣтъ" (ч. I, мѣсяцъ сентябрь, стр. 55—61. Спб. 1777). Авторъ утверждаетъ, что „древность письменъ Славянороссійскихъ" окутана мракомъ. Были-ли какіе письменные знаки до Владиміра, онъ не можетъ сказать, но сравнительно процвѣтавшая тогда культура древней Руси, заставляетъ думать, „что ежели не совершенныя буквы, то какіе ни есть знаки, или изображенія" были еще во времена Кія и до учрежденія Новгородской республики. Время, однако, изгладило ихъ слѣды. Далѣе приводится извѣстіе Синопсиса о присылкѣ славянамъ славянскихъ буквъ греческимъ царемъ Михаиломъ при заключеніи мира „еще до Рурикова княженья, т. е. въ 855 г.", объ изображеніи Кирилломъ и Меѳодіемъ письменъ и переводѣ Св. Писанія, „но подлинно-ли существовали оныя книги и Россіяне имѣли-ли свѣдѣніе о нихъ, или въ отдаленной только Иллирикѣ, и другимъ Славенскимъ народамъ они извѣстны были, все сіе мрачная древность отъ нашего любопытства и отъ нашей догадки сокрыла... Нѣкоторые лѣтописцы вѣроятно утверждаютъ, что вся наша азбука принята съ Греческія азбуки; но недостатокъ подлинника по Славенскому нарѣчію въ послѣдующія времена дополненъ былъ". По

словамъ неизвѣстнаго автора [1]), „Св. Писаніе Россійскими юношами, Еллинскому языку обученными, и многими Греческими мудрецами преложено на языкъ Славенороссійскій“. Но идолопоклонство и невѣжество составляли великое препятствіе дальнѣйшему развитію: „Россіянамъ нужно было изобрѣсти слова и цѣлыя составить рѣчи“ для новыхъ и важныхъ понятій. „Отъ того можетъ быть вкрались въ древнія наши книги странныя, непонятныя и несвойственныя рѣченія: но стѣзи проложены, остается благоразумію уравнять ихъ, разширить и совершить“ и т. д. Далѣе говорится о началѣ книгопечатанія при Іоаннѣ Грозномъ и введеніи гражданской печати при Петрѣ Великомъ.

Въ связи съ разными насущными вопросами о литературномъ русскомъ языкѣ, заимствованіи въ него иностранныхъ словъ, сравнительномъ его достоинствѣ и пригодности къ литературному употребленію, вопросами весьма понятными въ обществѣ, начинающемъ пробуждаться для сознательной культурной жизни, находится анонимная статья „Начертаніе о россійскихъ сочиненіяхъ и россійскомъ языкѣ“, напечатанная въ „Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго Слова, содержащемъ разныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ нѣкоторыхъ Россійскихъ писателей“ (Спб. Иждивеніемъ Имп. Акад. Наукъ. 1783 г., ч. VII. 143—161). Авторъ начинаетъ съ заявленія, что эпоха процвѣтанія наукъ и художествъ, наступившая въ правленіе императрицы Екатерины II, побуждаетъ его привести въ порядокъ свои мысли и „сообщить оныя всѣмъ остроумнымъ словесныхъ наукъ Любителямъ“. Отъ литературнаго произведенія онъ требуетъ: 1) „чтобы всѣ періоды основаны были на грамматическихъ правилахъ для яснаго вразумленія какъ расположенія сочинителевыхъ мыслей, такъ и его дарованій въ выраженіяхъ оныхъ; 2) чтобы не потерять достоинствъ описуемаго предмета; 3) чтобы не нарушать свойствъ языка нашего“. Въ дальнѣйшемъ изложеніи выясняются эти свойства: русскій языкъ „изобиліемъ, простотою и важностью превосходитъ всѣ языки“, и жалобы на его скудность не основательны. Напротивъ, онъ даже „многіе превосходитъ, подобляясь и равняясь съ древними изящными Греческимъ и Латинскимъ“. Русскому языку досталось богатое наслѣдство съ двухъ сторонъ: „съ одной отъ общаго отца многихъ языковъ, т. е. отъ древняго Славенскаго, съ другой отъ Греческаго“. Древностью своей „превосходитъ онъ всѣ нынѣшніе Европейскіе языки, сверхъ того по многимъ признакамъ равенъ временемъ Латинскому, ежели еще и не старѣе: ибо хотя

---

[1]) Онъ называетъ себя бывшимъ директоромъ Синодальной Типографіи.

весьма неоспоримо, что въ немъ письмены начались предъ Латинскимъ гораздо позже; однако сіе древности языка отнюдь умалить не можетъ, при весьма вѣроятныхъ оныя доказательствахъ состоящихъ въ сношеніи Славенскаго языка съ Латинскимъ".

Въ подтвержденіе своего мнѣнія авторъ приводитъ рядъ словъ, сходныхъ въ латинскомъ и славянскомъ, излагая при этомъ слѣдующіе методологическіе принципы, которые надо имѣть въ виду при сужденіи объ относительной древности языковъ, родственныхъ между собою: 1) „Ежели оба (языка) не малое число оныхъ и тѣхъ же коренныхъ словъ имѣютъ; сіе показываетъ, что они оба произошли изъ одного источника; но долготою времени и многими народовъ перемѣнами различились: слѣдовательно оба почти одной древности; 2) Ежели сходствующія коренныя слова въ одномъ языкѣ имѣютъ нѣкоторое знаменованіе, съ натурою вещей знаменуемыхъ сходное, чего въ другомъ не находится; и ежели при томъ отъ перваго есть больше сложенныхъ и производныхъ: по сему будутъ онѣ въ первомъ прямо коренныя, а въ другомъ ближе къ производнымъ; 3) Ежели въ одномъ языкѣ слова почитаемыя за коренныя имѣютъ по окончаніямъ и по многимъ слогамъ подобіе производныхъ, и корень въ другомъ сыщется; то весьма вѣроятно, что оныя отъ сего происходятъ. 4) Когда въ одномъ языкѣ за коренное почитаемое слово можно раздѣлить на два, которыя суть въ другомъ языкѣ, и сложеніе ихъ будетъ съ натурою вещи сходно; то не льзя сомнѣваться, что сіи суть простыя, а оныя сложныя рѣченія. Сіи послѣднія положенія суть признакомъ, показующимъ разность древности двухъ языковъ; и когда онѣ согласно показываютъ, то сіе должно почитать неоспоримымъ доводомъ".

Приведенныя положенія несомнѣнно свидѣтельствуютъ объ извѣстной вдумчивости ихъ автора и въ болѣе строгой формулировкѣ могутъ быть приняты и современнымъ языкознаніемъ. Что касается латино-славянскихъ сближеній автора [1]), то боль-

---

[1]) Здѣсь можно подозрѣвать вліяніе этюда „Sur les rapports de la Langue des Slaves avec celles des anciens Habitants du Latium", напечатаннаго въ видѣ вступленія (вмѣстѣ съ другимъ этюдомъ о религіи славянъ), въ первомъ томѣ „Histoire de Russie" Левека (Levesque: Парижъ. 1782. Стр. 9—44). Въ этомъ этюдѣ, вышедшемъ въ свѣтъ всего за годъ до появленія нашей статьи, находимъ также рядъ сопоставленій латинскихъ словъ со славянскими (русскими), хотя и не всегда тожественныхъ съ параллелями русскаго автора. Левекъ сближаетъ числительныя: dva || duo; tri || tres; chest || sex; sem || septem; deciat || decem; мѣстоименія: menia, mia, méné, mne или mi, ny или my, nas || gen. mei, acc. me, N. A. pl. nos; ty || tu; tebe, ti || tibi; tebia, tia || te; vy, vas || vos; on, ona, oni || ollus, olla, olli; sebia, sebè, sia || sui,

шинство ихъ (всего болѣе 100 словъ) удачно, хотя онъ руководствовался въ нихъ однимъ созвучіемъ при близости значеній, иногда чисто случайной. Мы находимъ, напримѣръ такія вполнѣ

---

sibi, se; moi, maia, moї || meus, mea, mei; svoi, svaia, svoї || suus, sua, sui; koi, р. п. kogo или koho || genit. cujus и т. д. Изъ отдѣльныхъ словъ сближаются: voda || vadum; more || mare; terou (тру) || terra; polé || palor, palans; polami || palam; kolami, klami (?!) || clam, т. е. въ хижинахъ, которыя были построены изъ *кольевъ*, покрытыхъ корой, шкурами, вѣтвями (!); korami || coram, т. е. въ хижинахъ, покрытыхъ корой (!); den || dies; nostch (нощь) || nox; sneg || nix; grad || grando; vetr || ventus; teploi || tepidus; sol-ntsé || sol; ogon или огни || ignis; plamia || flamma; glyba || gleba; loutch || lux; svon || sonus (итальянцы, по словамъ Левека, возстановили древнее славянское слово и говорятъ suon); sol || sal; oko || oculus; nos || nasus; spina || spina; cost (кость) || costa; semia || semen; мн. ч. semena || semina; kholm (холмъ) || colmen, culmen; verkh (верхъ) || vertex; skala || scala; gost, gosti || hostis; palata, palatka || palatium; levy || laevus; nov, novoi || novus; vetkhy (ветхій) || vetus; iouny || juvenis; div, divny || divus, divinus; mal, malo, maloi || malus; mnog || magnus; esi, est, este, sont (еси, есть, есте, суть) || es, est, estis, sunt; iam, iasi, iast, iami, iaste, iadat (ѣдять) или em, echi, est, edim, edite, ediat || edo, es, est, edimus, editis, edunt, griadi-ti (ошибочная форма отъ гряду) || gradire; i-ti || ire; sid-iti (сидѣть) || sed-ere; sta-ti || stare; vid-eti || vid-ere; da-ti, dai || da-re, da; vol-iou (ошибочно, вм. велю) || volo; volia || voluntas; stro-iti || stru-ere; secou (сѣку) || seco; ventchati || vincire; viou (вью) || vi-eo; kloniti, klaniti || in-clinare, de-clinare; past-oukhi, pastyry || pastores; pasti || pascere; ovets (ошибка, вм. овца) || ov-is. Большинство этихъ сопоставленій, основанныхъ, конечно, лишь на созвучіи, удачно. Встрѣчаются ошибки въ написаніи русскихъ или „славянскихъ“ словъ, и ошибочныя этимологіи, но онѣ сравнительно немногочисленны. Какъ образчикъ счастливой догадливости автора, которому созвучіе уже не могло служить путеводной нитью, можно указать на совершенно правильное сближеніе *звѣрь* съ лат. fera. Нѣкоторыя изъ сближеній Левека имѣются и въ разсматриваемой русской статьѣ, хотя не всѣ они вошли въ нее; съ другой стороны у русскаго автора есть рядъ этимологій, отсутствующихъ у Левека. Т. о., если русскій авторъ и зналъ этюдъ Левека, то все же заимствовалъ у послѣдняго лишь самую идею и нѣкоторыя этимологіи, въ большинствѣ же случаевъ самостоятельно сравнивалъ латинскій съ русскимъ. Сходство латинскаго и славянскаго языковъ толкуется Левекомъ, какъ доказательство глубочайшей древности славянскаго языка, отъ котораго уже произошелъ латинскій. Древніе обитатели Лаціума, по его мнѣнію, были славяне. Что родство между этими языками исконно, Левекъ заключаетъ изъ того обстоятельства, что сходныя слова обозначаютъ древнѣйшія культурныя и общественныя понятія, которыя являются у народовъ, стоящихъ еще на самыхъ первыхъ ступеняхъ культурнаго развитія. Отъ нихъ онъ отдѣляетъ новѣйшія заимствованія изъ латинскаго и романскихъ языковъ въ русскій, которыя объясняются новѣйшимъ культурнымъ вліяніемъ. Свой этюдъ онъ заканчиваетъ общимъ указаніемъ (уже безъ примѣровъ) на сходныя черты, имѣющіяся у славянскаго языка съ греческимъ и нѣмецкимъ, откуда заключаетъ, что *нѣкогда почти всѣ народы Европы образовали одинъ народъ*. Тутъ же онъ обращаетъ вниманіе на сходство персидскихъ словъ mader, brader съ соотвѣтствующими латинскимъ mater, слав. mat, brat, „тевтонскимъ“ mader, brader и т. д. Но рядомъ нахо-

правильныя сопоставленія: acer—остръ, agnus—агнецъ [1]), aro—орю, avena—овесъ, axis—ось, barba—борода, clavis—ключъ, cruor—кровь, dexter—десный, dies—день, discus—доска, do—даю, domus—домъ, frater—братъ, glaber—гладокъ, hiems—зима, juvenis—юноша, laevus—лѣвый, lingo—лижу, linum—ленъ, malleus—молотъ, mater—мать, mensis—мѣсяцъ и т. д. Рядомъ, однако, встрѣчаются такія сопоставленія, которыя подрываютъ значеніе удачныхъ сближеній, показывая, что ихъ правильность совершенно случайна. Такъ авторъ сближаетъ между прочимъ: *frutex* и *прутъ*, *hortus* и *огородъ*, *serenus* и *свирѣль*, *sono* и *звеню*, *uterus* и *утроба* и т. д. Приведя рядъ подобныхъ правильныхъ и невѣрныхъ сближеній, авторъ замѣчаетъ: „здѣсь ни по какой причинѣ сказать не льзя, чтобы Славенскія слова были моложе Латинскихъ. Ибо поздное чужестранныхъ введеніе бываетъ по большей части съ вещьми новыми: какъ то у насъ при введеніи Греческаго православія вошли въ языкъ рѣченія Греческія, а съ учрежденіемъ флота, Голландскія, Аглинскія, Нѣмецкія, Французскія и пр. Но выше показанныя слова должны были начаться купно съ началомъ Славянскаго и Латинскаго народа; для того что онѣ значатъ вещи необходимо нужныя въ человѣческой жизни, и относящіяся къ нравственному и физическому употребленію.

И такъ по первому положенію слѣдуетъ, что Славянскій и Латинскій языки почти одной древности и что они оба коренные языки, ибо ученымъ этимологистамъ довольно извѣстно, что въ составѣ оныхъ совсѣмъ сродственныя правила. Латинскія рѣченія corbis, коробъ, costa кость, ребро, gibbus, ostium, meta имѣютъ въ Славянскомъ съ натурою сходное знаменованіе, чего нѣтъ въ Латинскомъ, и больше Славянскія производныхъ, нежели Латинскія имѣютъ. Corbis коробъ, что сдѣланъ изъ коры (!), costa отъ общаго кость; gibbus отъ слова гибь или гнуто (!); ostium отъ узкости (!); meta отъ глагола *мѣчу* (sic!), который у насъ весьма богатъ производными, какъ то предмѣтъ, примѣта, примѣчаю, примѣтливъ, отмѣта, отмѣчаю, намѣчаю и прочая, коихъ больше начесть можно, нежели въ Латинскомъ. Сіи по второму положенію показываютъ нѣсколько большую древность Славенскаго языка, нежели Латинскаго.

димъ и сближеніе китайскаго king съ слав. kniga. Мы остановились нѣсколько подробнѣе на этюдѣ Левека, потому что его исторія была довольно распространена въ Россіи, какъ можно видѣть изъ списка подписчиковъ на нее, помѣщеннаго въ началѣ книги, въ которомъ находимъ много русскихъ фамилій.

[1]) Къ неточностямъ, въ родѣ приравненія заимствованій, какъ *agnus-агнецъ*, къ случаямъ коренного исконнаго родства, конечно, нельзя уже быть слишкомъ строгимъ.

Donec, донелѣ же; solidus твердый; spolium, добыча въ полѣ; suadeo, совѣтую; temetum, старинный напитокъ былъ у Римлянъ. Сіи всѣ кажутся быть сложены изъ рѣченій Славенскихъ: donec изъ *до* и *нелѣ* (!); solidus изъ *со* и *литый*, какъ бы *слитой* (!); spolium изъ *съ* и *поль* (!); suadeo изъ *со* и *вѣтъ* (!), откуду произошло вѣщаю; temetum, какъ бы *той медъ* (!). Сіи слова сверьхъ того, что по видимому изъ другихъ сложены, имѣютъ больше складовъ, нежели коренному прилично; и по третьему положенію уступаютъ большую древность Славенскимъ.

Fistula, трубочка; graculus, ворона; nebula, туманъ; oculus, глазъ, въ Латинскомъ суть производныя умалительныя; однако въ своемъ языкѣ коренныхъ не имѣютъ. Но въ Славенскомъ явно ихъ видимъ, и почти сомнѣваться не можемъ, что происходитъ fistula отъ свиста (!), graculus отъ грача, nebula отъ неба, oculus отъ ока; слѣдовательно по четвертому положенію заключаемъ, что Славенскаго языка древность не токмо равна древности Латинскаго, но для показанныхъ явныхъ признаковъ едва ли оную не превышаетъ. Въ разсужденіи сего начало Славенскаго языка далѣе двухъ тысячь лѣтъ простирается. Такова есть древность Славенскаго языка"!

Какъ ни ошибочны подъ часъ отдѣльныя сужденія автора о фактахъ латинскаго и славянскаго языковъ и выводы, дѣлаемые имъ изъ нихъ, но въ нихъ всетаки есть зерно истины, не всегда правильно понятое нашимъ этимологомъ или превратно формулированное. Не удивительно, продолжаетъ онъ, что распространеніе Славянскаго языка очень велико: „Россіяне, Поляки, Болгары, Сербы, Моравы, Кроаты, Чехи, Славяне (?), Литва, Венды и многіе другіе какъ бы потомки отъ него произшедшіе" показываютъ, какъ „силенъ и великъ былъ народъ Славенскій, толикія произведшій поколѣнія", и сколько понадобилось времени на это распространеніе. „Сіе все разсуждая, имъ возможно спорить противъ извѣстія нашихъ лѣтописцевъ, за долгое время до Рожд. Христова полагающихъ обитаніе Славянъ отъ Чернаго моря до Ильменя и до Бѣла озера. По симъ обстоятельствамъ Россійскій языкъ красотою изобиліемъ, важностію и разнообразными родами мѣръ въ стихотворствѣ, какихъ нѣтъ въ другихъ, превосходитъ многіе Европейскіе языки, а потому и сожалѣтельно, что Россіяне", пренебрегая имъ, „ревностно домогаются говорить или писать не совершенно языкомъ весьма низкимъ для твердости нашего духа и обильныхъ чувствованій сердца. Въ столичныхъ городахъ дамы стыдятся въ большихъ собраніяхъ говорить по Россійски, а писать рѣдкія умѣютъ. Сія зараза распространяется

и во всѣ провинціи. О образованіи разума, о чтеніи полезной Россійской книги, о писаніи на собственномъ языкѣ думаютъ очень мало... До какого бы цвѣтущаго состоянія довели Россіяне свою литературу, если бы познали цѣну языка своего и старались бы на ономъ изображать свои мысли!“ Въ заключеніе авторъ выражаетъ надежду, что въ “щастливый вѣкъ премудрой Екатерины II“ это осуществится.

Патріотизмъ автора и его нерасположеніе къ иноземному вліянію привлекли ему впослѣдствіи сочувствіе одного изъ единомышленниковъ А. С. Шишкова, Е. Станевича, автора „Разсужденія о русскомъ языкѣ“ (Спб. 1808), о которомъ см. ниже.

Фантастическія этимологіи подчасъ самаго неожиданнаго свойства въ обычномъ всесравнительномъ направленіи находимъ въ статьѣ К. А. Ивана Коха „О нѣкоторыхъ древнихъ названіяхъ Словенскаго народа“, напечатанной въ ежемѣсячномъ изданіи „Растущій Виноградъ“ (издаваемомъ отъ Главнаго народнаго училища города Св. Петра) за 1785 г. (іюль, стр. 75—92, августъ 59—69).

Отсюда мы узнаемъ, что славяне были извѣстны еще финикіянамъ, аравійскому народу Палистымъ (Филистымъ). Поэтому не удивительно, если русск. *скитъ* есть въ сущности евр. *сикутъ*=шалашъ, юртъ, шатеръ. Напротивъ одно изъ именъ славянъ—*Анты*=готск. *анде* (нѣм. Ende), т. е. конецъ, край, „и значитъ Крайнева, или Украйнца, изъ чего латинскіе писатели сдѣлали Грейтунги (Greuthungi)“. Древляне были извѣстны Персамъ подъ именемъ *Хербетъ*, „что значитъ человѣкъ дикій, живущій въ лѣсахъ, лѣсный, отсюда греки называли ихъ испорченнымъ персидскимъ словомъ *Карпы*, *Карпиды*, а горы ихъ *Карпатскими*, т. е. Деревлянскими“. Кохъ не соглашается съ „нѣкоторымъ Чехскимъ или Богемскимъ писателемъ“, который „сталъ недавно производить названія славянъ отъ *слово* и отъ *слыть*, выводя притомъ оттудажъ *соловей*, *славей* (птица); но онъ не вникнулъ, что всѣ Европейскіе языки содержатъ не малое число Финикійскихъ, Еврейскихъ и Аравійскихъ словъ (доказываютъ сіе уже разные глоссаріи), что разныя названія народовъ, городовъ, горъ и пр. въ Европѣ, въ древней и нынѣшней Географіи Феникійскаго суть произхожденія, такъ что и *соловей* можетъ быть этого-же произхожденія, ибо по еврейски *шелавъ* или *селавъ* значитъ перепелку и саранчу“. Самъ Кохъ производитъ имя Славяне отъ евр. *селфа* и *селафи*—земля твердая, каменистая, откуда:

Слав-янинъ

Слав-акъ

Слов-янинъ
Слов-акъ
Slav-i

Между тѣмъ оказывается (стр. 85), что „Словаки и Поляки называютъ опоку и камень также *скала*, а въ уменьшительномъ *скалка*, что и въ Росс. нарѣчіи употребительно“. Отсюда дѣлается переходъ къ лат. и греч. названіямъ *Склавы*, *Склавины*, т. е. горные жители, или *Горваты*. На стр. 86 доказывается, что имя *Языги* происходитъ отъ персидскаго и турецкаго слова *язъ=поле*, *ровное мѣсто* и равносильно имени *Поляне*; напротивъ *ляхъ*, *лѣхъ*, *Олахъ* значитъ „живущій въ *ооляхъ*, въ горахъ (отъ калмыцкаго *оола* гора). Имя *калмыкъ*=аравійск. *калъ*, множ. *калымъ*, откуда *кальмакъ*, *калмыкъ*, т. е. *оставшіеся*, *остатки*, *поселяне* или по латыни и нынѣшнему обыкновенному *колонисты*, отсюда-же и *галлы*“ и т. д. Во второй статьѣ рядъ не менѣе смѣлыхъ этимологій: Италія=*И-тале*, *И-туле*, *И-тилъ*, т. е. долгій островъ; *Рома* отъ *ромъ*, *румъ*, *рома*=высокое мѣсто, холмъ, возвышенность. *Реа Сильвія=рехемъ*, *рахамъ* (дѣвка)+*зулъ*=подлая или *шуалъ*=лисица. *Ромулусъ=ромъ алалъ*, т. е. „здалъ городъ Римъ“. *Лукреція=луа* (горло)+*каратъ* (отрѣзала) и т. д.

По эрудиціи, сказывающейся въ ссылкахъ на современную европейскую научную литературу, и нѣкоторымъ общимъ мыслямъ, новымъ для того времени, интересно разсужденіе „О древности и превосходствѣ Славенскаго языка и способѣ возвысить оный до первоначальнаго его величія“, подписанное иниціалами А. Б. [1]) и напечатанное въ ежемѣсячномъ изданіи Петра Богдановича „Новый С.-Петербургскій Вѣстникъ“ (1786, кн. 2, стр. 131—144). Авторъ очень высокаго мнѣнія о славянскомъ языкѣ: „Изъ всѣхъ извѣстныхъ народовъ нѣтъ не единаго, коего бы языкъ былъ столь обширенъ и толико твердъ въ основаніи, какъ Славенской. Начиная отъ Полудня съ Адріатич. моря... употребляется оный во всей Далмаціи, Кроаціи, Босніи и такъ называемой Славоніи между рѣками Дравомъ и Савой лежащей, въ разныхъ мѣстахъ Венгріи и по обѣимъ сторонамъ Дуная, а оттуда распространяется до самаго Балтійскаго и Ледовитаго моря. Россіяне, Поляки, Литва, Богемцы, Кроаты, Венды, Моравы, Волохи (!), Булгары, Карніолы (Словинцы?), Кориноы (?), Либурны (?) и иные народы говорятъ онымъ съ столь малымъ отличіемъ, что безъ труда взаимно себя

[1]) Н. М. Петровскій (Журн. Мин. Нар. Просв. 1898 г., янв., стр. 98) дѣлаетъ не невѣроятное предположеніе, что подъ этими буквами скрывается извѣстный профессоръ Московскаго Университета А. А. Барсовъ.

разумѣть могутъ“. Въ Африкѣ... находятся доселѣ остатки Славянъ, сохраняющіе „Славенскіе нравы, обычаи и языкъ“ (!). „Въ Турецкой землѣ Янычары говорятъ почти всѣ симъ языкомъ... По всѣмъ изслѣдованіямъ ученыхъ и въ знаніи древностей искусныхъ мужей“... онъ „есть одинъ изъ первоначальныхъ и коренныхъ языковъ, и если не древнѣйшій Еврейскаго, имѣющаго много Халдейскихъ и Сирскихъ рѣченій, то по крайней мѣрѣ оному современный. Знаменитый дѣеписатель Штиригельмъ“ [1]) доказываетъ (въ предисловіи къ изданію „гооическаго“ перевода Нов. Завѣта), что „Іафетъ съ 15 родоначальниками его племени (отъ которыхъ произошли Европейскіе народы) неучаствовали въ Вавилонскомъ столпотвореніи“, и заключаетъ отсюда, что „языкъ Іафетовыхъ потомковъ происходитъ непосредственно отъ Ноя, но разными случаями, частыми переселеніями и долготою времени раздѣлился на многія вѣтви. *Экардъ* [2]) же объявляетъ въ сочиненіи своемъ о первоначаліи и происхожденіи Нѣмецкаго народа, что всѣ Европейскіе жители не отъ Ноя происходятъ, но отъ какого-то другого колѣна, перешедшаго далеко къ Сѣверу еще прежде потопа, куда оный по мнѣнію его не простирался и обитателей его неистребилъ. Симъ утверждаетъ онъ, что Целтскій и Скиѳскій языкъ отъ Еврейскаго непроисходитъ, но отъ нѣкоего древнѣйшаго. Сходство языковъ Коптическаго, Сирскаго, Скиѳскаго, Цельтскаго и ихъ отраслей показываетъ, что всѣ сіи народы заимствовали свой языкъ отъ единаго и не суть первоначальные, но токмо первоплеменные по извѣстной намъ древности; почему праотцы наши произошли отъ корня погруженнаго въ самой глубокой древности“. Поэтому многіе „славные дѣеписатели древнихъ и новыхъ временъ признавали потомками ихъ и самыхъ Финикіанъ, Троянъ, Грековъ и Римлянъ, утверждая... что почти всѣ западные народы отъ нихъ произошли и заимствовали свой языкъ, измѣненный въ поздныя времена чрезъ различныя преселенія, смѣшеніе нарѣчій, частое раздѣленіе и разные иные случаи столь много, что нынѣ каждая отрасль его отличается отъ древа своего такъ, какъ будтобы совсѣмъ отъ него не происходила... Эдвардъ Чернардъ [3]) по-

[1]) Шведскій ученый въ Упсалѣ Georg Stjernhjelm (р. 1598, † 1672), издавшій въ 1671 г. готское евангеліе Ульфилы со словаремъ и лингвистическими прибавленіями весьма фантастическаго характера.

[2]) Извѣстный германистъ Joh. Georg. Eckhard (1674—1730), или Eccard, помощникъ Лейбница въ его историческихъ работахъ и наслѣдникъ его въ должности ганноверскаго исторіографа. Сочиненіе его, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, поситъ заглавіе «De origine Germanorum eorumque coloniis ac rebus gestis. L.L. II. ex schedis mss. edidit Ch. L. Scheid. Gott. 1750. 4°.

[3]) Очевидная опечатка: Эдвардъ Бернардъ (1638—1697), филологъ-оріен-

казалъ" въ своемъ *„Аглинскомъ словопроизводствѣ*, что Великобританскій языкъ имѣетъ основаніемъ своимъ Славянскій, коего соединеніе съ Персидскимъ, Армянскимъ и инымъ составило странную оную смѣсь, отличающую языкъ сей отъ прочихъ. Сіе доказываетъ и Рудольфъ Іонасъ [1]) въ книгѣ своей „Рожденіе сѣвернаго языка" (1688 г. Оксфордъ)... Бревудъ [2]) въ изслѣдованіи своемъ закона духовнаго и Долчи [3]) Рагузецъ въ разсужденіи о древности и пространствѣ Иллирическаго или Славенскаго языка. Фришій [4]) утверждаетъ то же самое и о Нѣмецкомъ языкѣ въ своемъ словопроизводственномъ словарѣ; изъ чего слѣдуетъ, что и другіе Европейскіе языки, произшедшіе отъ Латинскаго или Нѣмецкаго, обязаны началомъ своимъ Славянскому. Славный италійскій писатель Муратори [5]) по весьма тщательномъ изысканіи первыхъ причинъ въ постепенномъ образованіи и утвержденіи отечественнаго его языка, доказалъ, что оной менѣе обиленъ Аравійскими, Греческими и Нѣмецкими словами и рѣченіями нежели Славенскій. Изъ сихъ свидѣтельствъ довольно видна древность и превосходство Славенскаго языка. Нынѣ слѣдуетъ показать, какимъ образомъ можно его возвысить до первоначальнаго величія и употребивъ оной для изъясненія о всѣхъ предмѣтахъ, какіе только встрѣчаются въ пространномъ полѣ словесныхъ и свободныхъ наукъ, многоразличныхъ художествъ и ремеслъ, приложить и къ исторіи Славенской, которой еще нигдѣ въ надлежащей своей точности не существуетъ, (такъ какъ начало ея обезобра-

---

талистъ, математикъ, магистръ Оксфордскаго университета и одно время прокураторъ Академіи, докторъ богословія. Его «Etymologicum Britannicum» напечатанъ въ приложеніи къ книгѣ G. Hickes. «Institutiones grammaticae anglo-saxonicae et Moeso-Gothicae» вмѣстѣ съ исландск. грамматикой Рунольфа Іонаса и каталогомъ скандинавскихъ книгъ. Оксфордъ. 1689. 4°.

[1]) Скандинавскій ученый XVII в. Runolfus Jonas (Runolf Jónsson), издавшій въ 1651 г. въ Копенгагенѣ «Grammaticae Islandicae Rudimenta», долгое время служившія руководствомъ и по древнеисландскому языку. Надо думать, что авторъ статьи, о которой идетъ рѣчь, имѣетъ въ виду изданіе этой грамматики въ упомянутомъ выше трудѣ Hickes. «Institutiones grammaticae anglo-saxonicae et moeso-gothicae» (Оксфордъ, 1689 г. 4°), озаглавленное «Recentissima antiquissimae linguae Septemtrionalis incunabula» etc.

[2]) Свѣдѣній объ этомъ ученомъ мнѣ не посчастливилось найти.

[3]) Здѣсь очевидно имѣется въ виду Францисканецъ Себастіанъ Дольчи, р. въ Рагузѣ въ 1699, ум. около 1770. Книга его носитъ заглавіе «De Illyricae linguae vetustate et amplitudine dissertatio» (Венеція, 1754).

[4]) Іоганнъ Леонардъ Фришъ, ректоръ Берлинской гимназіи «Zum grauen Kloster» († 1743). Книга, о которой здѣсь идетъ рѣчь,—очевидно его «Teutsch-Lateinische Wörter-Buchs (1741), содержавшій обильный лексическій матеріалъ и довольно осторожныя этимологическія объясненія.

[5]) Знаменитый италіанскій историкъ Луи Антонъ Муратори (1672—1750).

жено „баснословіемъ“)... Въ семъ случаѣ, если-бы употреблены были надлежащія мѣры къ приведенію многоразличныхъ нарѣчій сего языка къ его началу такъ, чтобы собравъ всѣ оныя показать особенное свойство и существенное различіе каждаго, то можно-бы приступить къ самому надежнѣйшему изслѣдованію первоначалія, мѣстоположенія, происхожденія, жительства... и важнѣйшихъ приключеній Славенскаго народа и его племени“ [1]). Многіе славяне чувствовали важность этого дѣла и трудились въ этомъ направленіи, но „неизвѣстность о таковомъ ихъ рѣченіи есть причиною, что разные иностранные писатели доселѣ о славенскихъ племенахъ худо отзываются, и упоминая о ихъ языкѣ смѣшиваютъ оной почти всегда съ Венгерскимъ, Финскимъ, Епирскимъ или Албанскимъ, Татарскимъ и Калмыцкимъ. Поелику-же важность въ основательномъ знаніи Славенскаго языка столь велика, что и Россійская исторія безъ онаго обойтись не можетъ, то и нужно стараться изслѣдовать прилѣжно коренное его нарѣчіе, сохраненное менѣе въ церковныхъ книгахъ восприявшихъ въ поздния уже времена свое бытіе, нежели во многочисленныхъ его отродіяхъ, которыя если приведены будутъ воедино и изъяснены во всеобщемъ Славенскомъ словарѣ, то откроется чрезъ то великой свѣтъ въ древней нашей исторіи и обогатится весьма языкъ [2]).

Изъ вышесказаннаго авторъ заключаетъ, „что къ исправленію и распространенію Россійскаго языка ближайшіе и лучшіе способы, о показаніи коихъ предложены были въ 1777 г. вольнымъ Россійскимъ Собраніемъ задачи [3]), почитать надлежитъ разнородныя сочиненія древнихъ и новыхъ Славянъ въ разныя времена и въ различныхъ мѣстахъ писанныя... Французской языкъ столь бѣдный во основаніи своемъ сдѣлался пріятнымъ, общеупотребительнымъ и достаточнымъ для наукъ и художествъ... помощію соединоутробныхъ языковъ Ишпанскаго, Италіанскаго и Португальскаго. Аглинскій, Голландскій, Датскій и Шведскій служили къ обогащенію Нѣмецкаго... Изъ внимательнаго разсматриванія древнихъ и новыхъ сочиненій обрѣтающихся на всѣхъ нарѣчіяхъ языка предковъ нашихъ окажется, какимъ образомъ оный возра-

[1]) Въ этихъ словахъ высказывается замѣчательная для того времени мысль о значеніи сравнительнаго изученія славянскихъ языковъ для возстановленія исторіи культуры славянъ.

[2]) Замѣчательная для своего времени мысль о необходимости сравнительнаго изученія славянскихъ языковъ для возстановленія «коренного ихъ нарѣчія», т. е. праславянскаго языка, какъ выражается современная наука.

[3]) Въ «Опытѣ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Имп. Московскомъ Университетѣ» (4 т. 1774—78) объ этихъ задачахъ свѣдѣній нѣтъ.

сталъ, упадалъ, или отъ источника своего удалялся". А такъ какъ у Славянъ, „смѣжныхъ съ Италіею", весьма давно уже есть разныя училища, „гдѣ науки и художества на одномъ токмо Славенскомъ языкѣ преподаются, то и сіе немало пособствовать можетъ къ обогащенію нашего языка и очищенію его отъ плевелъ чуждыхъ". Непосредственно къ этой статьѣ примыкаютъ рядомъ напечатанные: „Перечень [1]) письма г. Говеля и грамота Александра Великаго, данная Славянамъ".

Объ интересѣ къ вопросамъ языка, обнаруживавшемся не присяжными учеными, а обыкновенными смертными, людьми изъ тогдашняго русскаго общества, говоритъ рядъ статей, напечатанныхъ въ журналѣ „Новыя Ежемѣсячныя сочиненія". Онъ открывается „Письмомъ къ издателямъ Ежемѣс. Сочиненій (о злоупотребленіяхъ Россійскаго языка)", появившимся въ ч. IV этого журнала (октябрь 1786 г., стр. 64—74). Само письмо не имѣетъ строго грамматическаго характера, касаясь скорѣе самымъ общимъ образомъ вопросовъ слога и стилистики. Неизвѣстный авторъ предлагаетъ на усмотрѣніе издателей „злоупотребленіе, каковое *сравненіями* и *переноснаго смысла словами* дѣлается" и говоритъ о затрудненіяхъ, испытываемыхъ „страждущими въ недоумѣніи пріѣзжающими сюды изъ отдаленныхъ Губерніи дворянами, которые не знавъ всѣ ломанныя и перековерканныя переноснымъ смысломъ, обыкновеніемъ введенныя слова, не привыкнувъ невѣроподобныя дѣлать сравненія, часто изъ разговоровъ въ здѣшнихъ бесѣдахъ употребляемыхъ ничего въ толкъ взять не могутъ". Пишущій относитъ и себя самого къ числу „сихъ многострадальцевъ" и проситъ: „или наставьте насъ незнающихъ, напечатавъ въ вашей книгѣ родъ словаря, который бы изъяснилъ модою введенной принятой новой смыслъ словамъ, или склоните къ жалости вашихъ согражданъ, чтобъ они говоря съ Россіанами, настоящимъ Россійскимъ языкомъ говорили". Авторъ письма приводитъ далѣе образчики выраженій, которыя онъ находитъ неправильными, указывая на обороты въ родѣ *ужасно хороша, страшно какъ прекрасна*, или неподходящія сравненія, какъ, напр.: „генералъ... съ младою супругою своею какъ вѣрные и нѣжные *голубята* милуются, цѣлуются..." По его мнѣнію приличнѣе сравнивать генерала съ ястребомъ, орломъ, львомъ и т. д...

Если даже и считать самую форму этого письма извѣстнымъ литературнымъ пріемомъ редакціи журнала, имѣвшимъ цѣлью оправдать появленіе въ немъ статьи, интересной не для большой

[1]) Странъ и мѣстностей, въ которыхъ говорятъ на славянскихъ языкахъ.

публики, а для самихъ писателей, которымъ постоянно приходилось сталкиваться съ вопросами стилистики, то и въ такомъ случаѣ данное письмо не теряетъ своего значенія, въ качествѣ извѣстнаго историческаго памятника. Упомянуть о немъ необходимо и потому, что оно вызвало интересное письмо Ѳомина [1]) „Къ любителямъ Россійскаго языка" („Новыя Ежем. Сочиненія" ч. XI, 1787 г., стр, 74—82) и примыкающую къ нему „Роспись словъ и реченій, изъ остатковъ древняго Россійскаго языка въ Двинской странѣ собранныхъ и по нынѣшнему образованію изъясненныхъ" тѣмъ же Ѳоминымъ (тамъ же стр. 83—88).

По словамъ автора, онъ издавна размышлялъ „о пріисканіи коренныхъ или первообразныхъ словъ породившихъ многочисленныя нынѣшняго Россійскаго языка реченія: но стремленіе любопытства моего оставлялось всегда на межѣ непрочицаемой мрачности, въ коей стези къ дальнѣйшему теченію познанія вовсе изчезали. Вы, государи мои! удобно понимаете сего пріисканія надобность... Вы согласитесь... что чемъ болѣе сихъ коренныхъ словъ приисканіе умножено, и чемъ глубочае въ изслѣдованіе объ нихъ вниманіе устремлено будетъ; тѣмъ большій приобрящется успѣхъ въ познаніи употребляемаго нами языка, и тѣмъ пространнѣе разверзется дверь къ расширенію его изъ началъ ему свойственныхъ" [2]). Такое расширеніе „произтекало бы не изъ насильственныхъ прихотей, но изъ естества самаго языка" со всѣми свойственными ему красотами. „Изъ сихъ приисканныхъ нами началъ... какъ любители Россійскаго языка легко могли бы производить въ немъ новыя имена, глаголы и другія части слова". Авторъ полагаетъ, что еслибы русскій народъ имѣлъ „общее познаніе и употребленіе буквъ" еще во времена Владиміра, мы бы „имѣли многіе, какого бы то ни было рода, письменные разноплеменные остатки", что́ дало бы „нарочитую удобность къ познанію исторіи о произхожденіи и смѣшеніи нашего языка". За отсутствіемъ ихъ, мы едва можемъ „познавать вообще, что корень и основаніе нашего Россійскаго языка есть языкъ Славенскій", который, „смѣшавшись съ Руссо-Варяжскимъ, принималъ въ свое примѣшеніе въ разныя времена и въ разныхъ областяхъ разнодіалектный

---

[1]) А. И. Ѳоминъ, «купецъ Архангелогородскій», какъ онъ подписывается самъ подъ этимъ письмомъ (р. 1713 † 1802 г.).

[2]) «Не можно уже теперь, кажется», исключить изъ него усвоенныхъ за древностью «иноязычныхъ словъ», въ родѣ тат. кушакъ, кафтанъ, халатъ, тынъ (Ѳоминъ считаетъ татарскимъ это слово, въ дѣйствительности заимствованное изъ германскаго: др. в. нѣм. zûn, совр. нѣм. zaun, др. сакс. tûn, сканд. tûn), базаръ и пр.

Чюдскій языкъ, составъ его исказившій“. Потомъ и татары „внесеніемъ повелительнаго своего разговора свойство его обезобразили“. Наконецъ, „завоеванные многіе разноязычные народы, привели его въ дивное смѣшеніе“. Тѣмъ не менѣе, „превозходящее количество господствующаго Славенскаго языка произвело языкъ Россійскій, придавъ ему изъ многихъ въ смѣшеніе сшедшихся величественную обширность и могущественную силу ко умножительному его распространенію. Въ таковомъ привмѣшеніи, продолжавшемся черезъ многіе вѣки, не могли ль родиться производныя слова, коихъ корень съ тѣмъ или другимъ языкомъ изчезъ, оставя ихъ намъ за коренныя?“

По мнѣнію автора, древніе эти языки съ ихъ діалектами начали больше исчезать со времени освобожденія отъ татарскаго ига. Исчезновенію содѣйствовало „благополучно утвержденное въ Россіи единоначаліе“. Обыватели областей, бывая въ Москвѣ, „приняли вкусъ принаравливаться къ тамошнимъ словамъ и нарѣчію“, а возвратясь домой, „возбуждали въ своихъ соотчичахъ ревнованіе подражать выговору царственнаго города“. Авторъ не сомнѣвается, что подражаніе это „до того разпростерлось, что каждый городской житель“ уже стыдился „непринаровленія къ сему новому, яко общему уже языку“, и всѣ получили „какъ будто нѣкоторое право оговаривать и стыдить“ тѣхъ, кто о томъ покажетъ нерадѣніе, или сдѣлаетъ въ выговорѣ ошибку. Поселяне, „живущіе въ отдаленіи отъ городовъ и большихъ дорогъ“ могли бы еще сохранять старину, но, судя по Двинской области, на это мало надежды, такъ какъ изъ нея „издавна уже многочисленными толпами ежегодно переходятъ крестьяне въ С.-Петербургъ“ на работы и, „возвратясь оттуда, приносятъ съ собою вычищенный языкъ, коимъ старинный разговоръ, а съ нимъ древнія сельскія слова изтребили“.

Нарисовавъ эту замѣчательную для своего времени по ясности и правильному пониманію отношеній картину образованія русскаго языка [1]), авторъ забвеніемъ старыхъ формъ и словъ въ мѣстныхъ говорахъ объясняетъ „ту непроницаемость, представляющую безчисленное множество словъ Россійскихъ въ невѣденіи, коренныя ли они, или производныя; изъ Славенскаго ли они произтекаютъ языка, или изъ другаго къ оному примѣсившагося

[1]) Отмѣтимъ особенно совершенно новыя для того времени указанія на финское вліяніе (еще до Болтинскихъ сближеній русскихъ словъ съ финскими, вытекавшихъ вдобавокъ изъ невѣрнаго предположенія о родствѣ славянскихъ языковъ съ «сарматскими») и на сглаживаніе мѣстныхъ діалектическихъ отличій подъ давленіемъ рѣчи городскихъ классовъ и отхожихъ промысловъ.

(книга, бумага, сундукъ, ящикъ, шляпа и др. многія)". „По щастію",—продолжаетъ онъ далѣе,—„за нѣсколько лѣтъ, началъ я записывать для шуточнаго употребленія приходящія на память слова, во время моей молодости въ простонародіи употреблявшіяся, нынѣ-жъ въ презрѣніи оставленныя, не обходя притомъ и ребяческихъ игрушечныхъ рэченій, которыя теперь кажутся техническими словами". Такимъ образомъ, авторъ нашелъ въ „дѣтскомъ игрушечномъ имени одинъ корень производныхъ нѣсколькихъ Славенскихъ и Россійскихъ словъ, казавшихся мнѣ прежде коренными, каковы суть, изкони, законъ, конецъ, съ ихъ отродками". Совѣтуя послѣдовать его примѣру и собирать подобныя рѣдкія слова, авторъ излагаетъ свои взгляды на разные классы областныхъ словъ и научное значеніе ихъ: каждая область имѣетъ „собственныя свои простонародныя слова, въ другихъ областяхъ неупотребляемыя и незнакомыя. Хлѣбопашество, скотоводство, домоводство, ремесла и рукодѣлія, съ ихъ обстоятельствами, много принимаютъ таковыхъ реченій, кои людямъ въ другихъ упражненіяхъ обращающимся, а тѣмъ болѣе въ другихъ странахъ живущимъ, вовсе неизвѣстны. Когда таковыя слова собраны будутъ и обнародованы съ объясненіемъ прямаго ихъ знаменованія, то... подадутъ они легкій способъ къ возрожденію, оживленію и разширенію нашего языка, въ естественныхъ ему изображеніяхъ".

Далѣе слѣдуетъ сама „роспись", изъ сорока областныхъ словъ и реченій, являющаяся въ нашей литературѣ первымъ печатнымъ опытомъ собиранія областного лексическаго матеріала и предвозвѣщающая въ будущемъ аналогичные труды Московскаго Общества любителей Россійской Словесности и В. И. Даля. Среди собранныхъ словъ и реченій можно отмѣтить, какъ болѣе рѣдкія или впервые записанныя: *пóконъ* вирный (у Даля только покóнъ), зват. п. ед. ч. *спожè*, *(госпожe)*, *крóшни*, *милЯшъ*, *порàто*, *патрàть, прилУкъ*, *шàлга* и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что письмо Ѳомина и его „Роспись" находились въ связи съ тѣмъ интересомъ къ русской старинѣ, русской пѣснѣ и народной музыкѣ, который породилъ въ XVIII в. сборники Чулкова, Кирши Данилова, Прача, Трутовскаго и др.

Для полноты обзора упомянемъ и о посмертномъ отрывкѣ, найденномъ среди бумагъ М. В. Ломоносова: „Судъ россійскихъ письменъ предъ разумомъ и обычаемъ отъ грамматики представленныхъ" („Лекарство отъ скуки и заботъ". Еженедѣльное изданіе Федора Туманскаго. Спб. ч. II. 1787, стр. 153—58). Это шуточное произведеніе трактовало въ юмористической формѣ о разныхъ вопросахъ правописанія и примыкаетъ къ ряду другихъ

подобныхъ quasi-грамматическихъ статей въ нашихъ журналахъ XVIII в., въ которыхъ иногда попадаются и замѣчанія грамматическаго свойства или лексическій матеріалъ [1]).

Въ томъ же году явилась статья, подписанная иниціалами А. Б. Д. и напечатанная въ журналѣ „Зеркало свѣта“, издававшемся Ѳедоромъ Туманскимъ „во градѣ Св. Петра“ (1787 г., ч. IV, стр. 70—78). Она озаглавлена: „О изобрѣтеніи буквъ и о разности писанія у древнихъ“ и трактуетъ о значеніи письма, письменныхъ знакахъ-буквахъ, письмѣ звуковомъ и идеографическомъ, о первомъ изобрѣтателѣ буквъ, о библейскихъ преданіяхъ относительно его, о семитическомъ алфавитѣ и изобрѣтателяхъ его—финикіянахъ, о *стенгографіи* или *критографіи* (sic!) у древнихъ и ея изобрѣтателяхъ и т. д.

---

[1]) Таковы, напримѣръ, «Статьи изъ русскаго Словаря» въ «Трутнѣ» Н. И. Новикова (листъ V. маія 26 дня 1769 г. стр. 36—40), гдѣ, послѣ чисто сатирическихъ разсужденій о выраженіяхъ *украсить голову по французски* и *украсить разумъ науками*, авторъ направляетъ стрѣлы своего остроумія на «новопроявившееся слово» *какъ ли не*, «котораго ни во всемъ священномъ писаніи ни во всѣхъ свѣтскихъ сочиненіяхъ славныхъ нашихъ авторовъ нѣтъ. Изъ чего слѣдуетъ, что пишущей нынѣ *какъ ли не*, вмѣсто *какъ ни*, гораздо разумнѣе тѣхъ писателей, которые до сего времени по Русски писали; несмотря на то, что остроумныя сочиненіи съ *какъ ни* устроеваютъ наше сердце, и питаютъ разумъ; а изданіи съ *какъ ли не* смѣяться заставляютъ“. Слѣдуетъ рядъ насмѣшекъ надъ изобрѣтателемъ *какъ ли не*, который не достоинъ почтенія, какъ изобрѣтатели пороха, печати и ариѳметики; *какъ ли не* можетъ обогатить употребляющихъ его, потому что если его почаще употреблять, книга будетъ вдвое толще и продаваться вдвое дороже и т. д. Лингвистическій матеріалъ (иностранныя слова и т. д.) есть и въ извѣстномъ «Опытѣ моднаго Словаря щегольскаго нарѣчія» въ «Живописцѣ» Новикова же (1772—73 г. См. 7-е изданіе П. Ефремова. Спб. 1864. 8⁰. XX+356: Стр. 59—66).

Совсѣмъ не имѣютъ отношенія къ языкознанію: А. С(умарокова). «Истолкованіе личныхъ мѣстоменій: я, ты, онъ, мы, вы, они», напечат. въ «Трудолюбивой пчелѣ« (апрѣль 1759, 2-е изд. 1780, стр. 225—229), гдѣ находимъ остроты въ родѣ: «Я для изъясненія чего нибудь худова ни когда не полагается, но всегда для изъясненія доброва, и по большей части несправедливо. Напр.: Я человѣкъ разумный, ученый, честный» и пр. Въ томъ же родѣ: «Опытъ нѣмецкаго словаря, расположеннаго по русскому Алфавиту. Переведено изъ Сатирическихъ сочиненій Готлиба Вильгельма Рабенера. Съ нѣм. переводилъ А. Н. (тамъ же, апр. 1759 г. стр. 194—211)». «Опытъ вещественнаго Россійскаго Словаря» въ «Чтеніи для вкуса разума и чувствованій» (Москва, ч. II. 1791 г. 275—292), гдѣ, напр., такъ объясняется слово *акциденціи* (взятки): «слово̀ оригинально не Русское, но отъ долгаго употребленія совершенно обрусѣвшее, такъ что никакой искусной Грамматикъ изъ языка нашего не можетъ онаго выгнать»; «Опытъ ученаго и моднаго Словаря, или ключь ко всѣмъ дверямъ, ларцамъ, сундукамъ, шкапамъ и ящикамъ учености», въ журналѣ «Что нибудь отъ бездѣлья на досугѣ» (еженедѣльное изданіе Николая Петров. Осипова, р. 1751, у. 1799. Спб. 1798).

По содержанію своему статья эта являлась предшественницей описанной выше (стр. 246—47) книги Блера „О началѣ и постепенномъ приращеніи языка и изображеніи языка“ (М. 1799), которой она уступала въ полнотѣ и научности. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что и она не оригинальнаго происхожденія и представляетъ собой или переводъ какой-нибудь иностранной журнальной статьи, или компиляцію по иностраннымъ источникамъ.

Даже въ далекой Сибири, въ Тобольскомъ журналѣ: „Библіотека ученая, економическая, нравоучительная, историческая и увеселительная, въ пользу и удовольствіе всякаго званія читателей“ (печат. съ указнаго дозволенія въ Тобольскѣ, въ Типогр. у В. Корнильева, ч. V, 1793 г. стр. 130), находимъ анонимную статейку „О языкахъ“, не имѣющую, впрочемъ, интереса. О ея содержаніи и духѣ можетъ дать понятіе такая выдержка: „тотъ, кто обучается рачительно иностраннымъ языкамъ, а о своемъ собственномъ не рачитъ, подобенъ такому человѣку, который пашетъ чужое поле, а свое оставляетъ необработаннымъ...“

Вопросу о всеобщемъ языкѣ посвящена небольшая анонимная статья (переводная?): „О далекописаніи, всеобщемъ языкѣ и посредствѣ учреждать переписку съ другими народами безъ познанія о языкѣ оныхъ“. (Магазинъ общеполезныхъ знаній и изобрѣтеній съ присовокупленіемъ моднаго журнала, раскраш. рисунковъ и музык. нотъ“. Ч. I, мартъ. Спб. 1795. Приложеніе).

Какъ относились у насъ въ XVIII в. къ лат. языку и какія свѣдѣнія имѣли о романскихъ языкахъ, свидѣтельствуетъ статья „Латинскій языкъ“ (безъ подписи), напечат. въ журналѣ „Что нибудь отъ бездѣлья“ за 1798 г. (стр. 129—133). Изъ нея мы узнаемъ, что латинскій языкъ „произвелъ на свѣтъ отъ себя трехъ сыновей, которыя въ нынѣшнія времена взяли верхъ надъ всѣми прочими языками. Старшей изъ нихъ важной и степенной, ходитъ надмѣнными шагами и показываетъ въ себѣ величественное свойство. Сынъ сей есть языкъ Гишпанской.

Другой сынъ великой волокита, поетъ, пляшетъ, старается восхищать сердце и уши, и ни о чемъ больше не говоритъ, какъ о любви и о нѣжности. Вотъ вамъ языкъ Италіанскій.

Младшей сынъ вертопрахъ, гнусарь, шутливой разскащикъ, болтаетъ изъ Лафонтена забавныя сказочки, съ Вольтеромъ всему свѣту смѣется; на театрѣ иногда съ Моліеромъ играетъ комедіи, а иногда съ Расиномъ плачетъ и вздыхаетъ. Онъ есть языкъ Французской.

Есть еще у латинскаго языка четвертой побочной сынъ, кото-

рой всегда боленъ горломъ и всѣ свои слова выпускаетъ изъ горла принужденно. Не годится онъ ни для пѣнія, ни для театра, а только безпрестанно философствуетъ. Въ семъ состоитъ свойство языка Англинскаго..." [1]). Къ „посѣдѣлому старику", латинскому языку, „дѣти его и прочія языки сохраняютъ... очень мало уваженія... Они говорятъ, что бормотанья беззубаго старика почти никто разумѣть не можетъ. Я тому очень вѣрю. Какимъ образомъ его разумѣть, когда его теперь почти никто учить не хочетъ..." Между тѣмъ, „Латинскій языкъ образилъ (такъ!), возвысилъ, украсилъ и поставилъ Европу на ту высочайшую степень, на которой она теперь существуетъ. Онъ былъ первой духовной языкъ западной церкви... Посредствомъ всеобщаго сего языка могли всѣ народы разумѣть другъ друга, могли имѣть другъ съ другомъ сношеніе и чрезъ то содѣлалися друзьями... Латинскій языкъ подалъ образецъ грамматики для всѣхъ прочихъ языковъ, исключая Нѣмецкаго... былъ языкъ ученыхъ. Но теперь уже совсѣмъ не то". Всѣ ученые стали писать на своихъ родныхъ языкахъ, вслѣдствіе чего приходится учиться многимъ языкамъ. „Латинскій языкъ усовершенствовалъ въ насъ наши душевныя силы, дабы мы въ состояніи были удивляться твореніямъ Римскихъ мудрецовъ и онымъ подражать и уподобляться. Мы подражаемъ имъ уже болѣе 1000 лѣтъ; но могли ли ихъ въ чемъ нибудь превзойти, въ томъ ни одинъ нашъ докторъ и профессоръ похвалиться не можетъ. Латинской языкъ употребляемъ былъ во всей Европѣ болѣе 1000 лѣтъ для нашего просвѣщенія и усовершенствованія". Въ благодарность за это „никто не хочетъ ему учиться... почти всѣ имъ гнушаются и молодыхъ людей воспитываютъ безъ латинского языка", пріучая ихъ въ то же время болтать всякій вздоръ по французски. „По счастію сохраняется онъ еще между духовными въ семинаріяхъ, и нѣсколько въ академіяхъ и университетахъ".

Мы видѣли уже выше (стр. 237—38), что наша нарождавшаяся въ XVIII в. филологическая наука и литература, вмѣстѣ съ образованными людьми изъ общества, живо ощущали потребность въ словарѣ русскаго языка, каковаго у насъ не было до выхода въ свѣтъ перваго академическаго словаря (въ 1789—94 г.). Поэтому не удивительно, если наши журналы XVIII в. отзывались и на эту потребность общества, ставшую особенно замѣтной въ царствованіе Екатерины II, когда „науки и художества" начали было процвѣтать подъ ея покровительствомъ. Такъ въ журналѣ

---

[1]) Авторъ, очевидно, относитъ его къ романскимъ языкамъ.

„Собраніе Новостей“ (ежемѣсячное сочиненіе. Спб. 1775, сент. 115—121) напечатана была статья о „Планѣ русскаго словаря“ съ такимъ примѣчаніемъ редакціи: „Мы сообщаемъ съ удовольствіемъ нашимъ Читателямъ слѣдующій присланный къ намъ планъ Россійскаго словаря. Знаемъ мы трудности такого предпріятія, такъ какъ и сочинитель онаго даетъ видѣть свое въ томъ предусмотрѣніе; но простая и легкая метода, которую онъ избираетъ для начала, представляетъ намъ по малой мѣрѣ возможность добраго успѣха современемъ“... Авторъ статьи о словарѣ исходитъ изъ слѣдующихъ соображеній: „Изъ главнѣйшихъ резоновъ препятствующихъ успѣхамъ словесныхъ наукъ въ нашемъ отечествѣ, есть безъ сумнѣнія недостатокъ добраго словаря Россійскаго съ другими языками и другихъ языковъ съ Россійскимъ. Всѣ любители литературы усердно желаютъ таковыхъ Словарей, и многіе изъ нихъ предпринимали составлять оные; но необъятныя трудности... и многія другія неудобности скоро пресѣкали ихъ усердіе“. Трудности заключались въ слѣдующемъ: многія русскія слова „не имѣютъ еще точнаго ихъ означенія, и никто не осмѣлился выдавать себя классическимъ Сочинителемъ... Частыя перемѣны и распространеніи новыхъ словъ въ каковыхъ мы имѣемъ нужду, и каковыя ежедневно умножаются“, еще болѣе затрудняютъ составленіе словаря. Поэтому надо отказаться отъ мысли дать словарь, „совершенно исправный и свободный отъ всякой критики... Но всѣ сіи резоны всегда существовать будутъ, и потому надлежало бы отрѣщись на всегда отъ сего предпріятія“. Тѣмъ не менѣе, примѣръ другихъ народовъ, преодолѣвшихъ эти трудности, „довольно ободряетъ“ автора статьи, который надѣется, что „публика съ удовольствіемъ приметъ посильныя труды нѣкоторыхъ партикулярныхъ людей, любителей наукъ словесныхъ, употребляющихъ всевозможное прилежаніе для сочиненія помянутаго Словаря“. Поэтому они „уповаютъ съ раченіемъ и временемъ сочинить разные Словари, кои будутъ служить какъ Россіянамъ для удобнѣйшаго изученія главныхъ языковъ въ Европѣ, такъ и чужестраннымъ, для изученія Россійскаго языка“. Одинъ изъ этихъ „охотниковъ давно уже сочинилъ нѣкоторое собраніе Россійскихъ словъ для своего собственнаго употребленія, и сіе будетъ началомъ трудовъ ихъ въ ожиданіи лучшаго“. Затѣмъ дается обѣщаніе пополнить это собраніе, „съ прибавкою къ нимъ Французскихъ и Нѣмецкихъ словъ“, и начать печатать его въ концѣ 1775 г., чтобы въ теченіи 1776 г. могли выйти всѣ три тома, около 70 листовъ каждый: I. Россійско-Французско-Нѣмецкій; II. Французско-Россійско-Нѣмецкій и III. Нѣмецко-Россійско-

Французскій. „Сей начальный опытъ выданъ будетъ такъ какъ простое только собраніе рѣченій, которое не вмѣщаетъ въ себѣ ни произхожденія словъ, ни ихъ приличнаго употребленія: по чѣму сіе первое тисненіе будетъ не многочисленно, такъ чтобъ оно могло быть раскуплено въ два года“. Во второмъ изданіи уже должно было прибавиться „произхожденіе разныхъ словъ, приличное оныхъ употребленіе, ихъ точное означеніе и правильный слогъ въ языкѣ“. Кромѣ того, „свѣдущіе люди“ должны были въ этомъ второмъ изданіи „изъяснить и точно означить... термины относительные къ разнымъ наукамъ, художествамъ, мастерствамъ и другимъ вѣщамъ требующимъ своихъ наименованій“. Сочинители приглашали всѣхъ охотниковъ сообщать имъ свои примѣчанія и свѣдѣнія и разсчитывали выпустить второе исправленное и умноженное изданіе въ январѣ 1778 г., а въ 1780 г. и третье, еще болѣе совершенное, обѣщая въ будущемъ выпустить и другіе словари „чужестранные съ Русскимъ, а имянно Аглинской, Італіанской и Латинской“. Въ концѣ высказывалось „крѣпкое упованіе“ осуществить намѣченное предпріятіе въ пять или шесть лѣтъ.

Но планъ этотъ остался не осуществленнымъ, и едва ли можно привести съ нимъ въ связь какое либо изъ нашихъ лексикографическихъ изданій XVIII в. По крайней мѣрѣ для этого нѣтъ никакихъ данныхъ.

Къ концу XVIII в. возникаетъ потребность и въ словарѣ древне-русскаго языка, вызванная очевидно рядомъ работъ по русской исторіографіи, а въ томъ числѣ и изданіями старыхъ историческихъ памятниковъ Щербатова (приложеніе къ исторіи Россійской) и Новикова („Древняя Россійская Вивліоѳика“ и „Повѣствователь древностей Россійскихъ“).

Въ связи съ этой потребностью находится статейка Василія Крестинина († 1795 г.): „Толкованіе на древнее въ россійскомъ языкѣ рѣченіе: Гридинъ“, напечатанная въ „Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ (ч. XVI. 1787 г. 56—60). Авторъ говоритъ, что вышедшее изъ употребленія въ русскомъ языкѣ слово „гридинъ“ (т. е. гридень) „кажется намъ аки чужестранное слово“, хотя на самомъ дѣлѣ оно есть „славено-русское реченіе, имѣющее корень свой въ Славенскомъ языкѣ, по примѣру сихъ словъ: *вече*, *вира*, *мытъ*, *лѣшій* и прочая“. По его мнѣнію, данное слово есть „существительное имя вида производнаго, отъ имени *градъ*“ и означаетъ „*градежея* (?!), или ограждающаго человѣка“. Выводится это толкованіе на основаніи того, что у Нестора слово *градъ* употребляется будто бы не только въ смыслѣ „селеніе людей“,

но и въ значеніи „огражденіе изъ живыхъ людей составленное“. Основаніемъ для этого мнѣнія автору служитъ мѣсто лѣтописи, повѣствующее, что „Берендееви яша князя за поводъ и недаша имъ ѣхати, рекуще: не ѣздите вы на передъ; вы есте нашъ Городъ“ и пр. Изъ приведенныхъ соображеній вытекаетъ, что гридни суть „ближніе тѣлохранители самодержавнаго Князя“, а *гридница*— „придворная палата Великаго Князя, опредѣленная для собранія сихъ знатныхъ мужей. Авторъ полагаетъ, что гридни были дворяне, потому что Русская Правда ставитъ ихъ на первомъ мѣстѣ „по тогдашнему въ народныхъ чинахъ порядку“, а также по тому, что „въ боярскихъ домахъ главная горница называлась Гридинскою“ [1]). Свою статейку авторъ заключаетъ указаніемъ на то, что, сравнительно съ „первообразнымъ своимъ именемъ *Градъ*“, слово „гридинъ“ показываетъ „не большую перемѣну“; напротивъ слова *вира* и *мытъ* далеко отошли „отъ первообразныхъ своихъ именъ *Вервь* и *Мостъ* (!)“, причемъ „позже *Вира* измѣнилась въ реченіе *Выть*“. Какъ ни наивны и ни ошибочны приведенныя соображенія, но они свидѣтельствуютъ о нарожденіи извѣстной потребности въ объясненіи древнерусскихъ непонятныхъ словъ, вышедшихъ изъ употребленія въ живомъ языкѣ, но попадавшихся въ тѣхъ историческихъ текстахъ и памятникахъ, которые въ это время уже начинали издаваться для всеобщаго пользованія.

Объ этой же потребности свидѣтельствуетъ „Увѣдомленіе къ читателямъ о Словарѣ древнимъ россійскимъ словамъ“, напечатанное въ „Россійскомъ Магазинѣ (ч. II. 1793, стр. 349—350) Ѳ. О. Туманскаго. Въ своемъ увѣдомленіи издатель сообщаетъ, что получилъ такую просьбу: „Видя ваше любопытное и тщательное вниманіе въ древности Россійскія, нахожу припомянуть, ежели потрудиться есть время, не благоволите ли сдѣлать и приложить къ Магазину Словарь древнимъ Россійскимъ словамъ, которыя находятся то въ лѣтописяхъ, то въ граматахъ, то въ письмахъ и въ иныхъ свиткахъ старинныхъ (и давно уже вшедшія въ печатныя книги) и приложить къ нимъ изъясненія. Есть таковыхъ древнихъ словъ много какихъ нынѣ уже не разумѣютъ“. Подъ просьбой стояли инициалы С. Ар. Р. и Ш., очевидно ея авторовъ. Издатель изъявлялъ согласіе исполнить эту просьбу: „Другого предмета не имѣя, какъ служить моимъ соотчичамъ всѣми силами, я предложеніе сего достопочтеннѣйшаго Мужа пріемлю и постараюсь желанію Его, надѣясь, что со онымъ и весьма многіе согласны,

[1]) Утвержденіе это опирается на «дѣльной крѣпости» 1527 г.

соотвѣтствовать по возможности". Несмотря на обѣщаніе, такого словаря ни въ „Россійскомъ Магазинѣ", ни отдѣльно, Туманскій не издалъ. Правда въ своемъ же журналѣ (ч. I, II, III) онъ помѣстилъ „Изъясненіе малороссійскихъ Рѣченій въ лѣтописцѣ встрѣтившихся" [1]), но едва ли этотъ, нужно замѣтить, первый по времени болѣе обширный малорусскій глоссарій находился въ связи съ вышеупомянутой просьбой, такъ какъ печататься онъ началъ съ первой части журнала, а письмо С. Ар. Р. и Ш. появилось только во второй части.

Обильное заимствованіе иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ языкъ нашихъ образованныхъ классовъ въ теченіе XVIII в., вызвало также въ журналахъ этого времени появленіе нѣсколькихъ глоссаріевъ, содержавшихъ наиболѣе употребительныя слова явно иностраннаго происхожденія.

Первый по времени подобный глоссарій напечатанъ въ журналѣ „И то и сіо" (1769 г. нед. 26 и 27), содержитъ въ себѣ 279 словъ и снабженъ такимъ предисловіемъ отъ редакціи: „Многіе изъ насъ привыкли употреблять иностранные слова въ разговорахъ, и есть между тѣмъ такіе, которые, не смысля ихъ силы ни знаменія, употребляютъ совсѣмъ не къ статѣ, того для намѣренъ я нѣсколько оныхъ изъяснить, не для той причины, чтобы они осталися въ русскомъ языкѣ, но доказать тѣмъ, что они не наши, и что напрасно стараются оные вводить; ибо нашъ языкъ и безъ оныхъ преизобиленъ, а поставлю я ихъ такъ точно, какъ у насъ оные выговариваются". О характерѣ и содержаніи словаря могутъ дать представленіе слѣдующія первыя слова на букву *а:* абсолютъ, алліанція, акциденція, аммуниція, анатомія, арсеналъ, артиллерія, ассамблея, ассигнація, атака, авантажъ, афронтъ, антикъ, антипатія, атеистъ, аргументъ, аргументально, астрологъ, астрономъ, авторъ, ариѳметика, амициція, амбиція, акція, аппетитъ, акредитованный, адвокатъ, арестъ, арестантъ, аккордъ, авдіенція, армея (т. е. армія), амуръ, арія, апшитъ, архитектура и т. д. Нѣкоторыя изъ словъ интересны по своей формѣ, отличающейся отъ современной или, наоборотъ, представляющей черты народной переработки: архива, вм. архивъ, валентиръ — вольный человѣкъ, вм. волонтеръ, галдарея, рядомъ съ галерія, залфъ, вм. залпъ, масивъ—чисто, безъ примѣсу, магазеинъ, вм. магазинъ, метаморфозъ, пашпортъ, вм. паспортъ, пекетъ—ночной караулъ,

[1]) См. ч. III, стр. 439 примѣчаніе редактора: «Всего въ перьвой, второй и сей третей части Магазина переведено Малороссійскихъ словъ (кромѣ другихъ Малороссійскихъ знаменованій изъясненія) *триста тридсять три*».

вм. пикетъ, педесталъ, вм. пьедесталъ, резерфъ, вм. резервъ, и т. д. Интересно, что въ число иностранныхъ словъ зачислено не только польск. *сеймъ*, но и слав. и древнерусск. *клевретъ*.

Въ этомъ же родѣ—глоссарій, напечатанный въ журналѣ Матвѣя Комарова „Разныя письменныя матеріи" (Москва, 1791 г. стр. 123—135) подъ заглавіемъ: „Рѣчи иностранныхъ языковъ, употребляемыя въ разговорахъ и писаніяхъ. Толкъ оныхъ на Россійскомъ языкѣ" (всего около 120). Слова размѣщены безъ всякаго порядка (напр., философія, система, интрига, идея, матерія, натура, комедія, механика, геометрія, математика̀, комета, акціонъ, экземпляръ, циркуль, оргиналъ [sic!], астрономія, обсервація и т. д.) и представлены не всегда въ вѣрной формѣ (*акціонъ* вм. аукціонъ, *оргиналъ*, *кризесъ*, слово Греческое—судъ, *заологія*, *острагалъ* и т. д.). Толкованіе нѣкоторыхъ словъ довольно курьезно. Такъ, *овалъ* объясняется, какъ „фигура яичнаго содержанія". Въ число иностранныхъ словъ попало и нѣсколько словъ „изъ церковнаго словаря", въ родѣ *распутіе*, *стогны*, *нощный вранъ на нырищи*, греч. *ника* (на просфорахъ) и сокращеній на образахъ: М. Р. Θ. У., О. О. Н.

Болѣе спеціальную публику имѣетъ въ виду „Музыкальный Словарь, содержащій въ себѣ употребительныя въ музыкѣ слова и реченія", напечатанный въ „Карманной книгѣ для любителей музыки на 1795 г." (Спб. иждивеніемъ книгопродавца У. Д. Герстенберга и тов.). Словарикъ этотъ содержитъ 193 музыкальныхъ термина, среди которыхъ встрѣчаются не только иностранные, но и русскіе.

Извѣстное отношеніе къ языкознанію имѣютъ и первыя попытки описанія письменныхъ памятниковъ языка, начинающія попадаться въ журналахъ конца XVIII в. Такъ членъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Московскомъ университетѣ, коллежскій ассесоръ при Архивѣ Московской Государственной Юстицъ-Коллегіи Іоганнъ Готтильфъ Штриттеръ напечаталъ въ „Опытѣ Трудовъ" означеннаго Собранія (ч. VI, Москва 1783 г., стр. 177—194) очень обстоятельное и подробное описаніе библіи Скорины подъ заглавіемъ: „Описаніе перваго изданія въ печать и перевода на Россійскій языкъ священной Библіи въ 1517—1519 гг.". Авторъ почти не даетъ характеристики языка названнаго перевода, ограничиваясь только замѣчаніемъ (стр. 193), что онъ „нѣсколько подходитъ къ польскому языку", но зато приводитъ нѣсколько выдержекъ изъ текста, сопоставляя его съ соотвѣтственными мѣстами Елисаветинской библіи 1756 г.

Въ томъ же изданіи (ч. VI. Москва 1783 г., стр. 195—204)

извѣстный ученый протоіерей П. А. Алексѣевъ напечаталъ подобное же описаніе Апостола Скорины подъ заглавіемъ: „Разсмотреніе Славенской старопечатной книги Апостола, которая справлена Докторомъ Франциском Скориною изъ Полоцка, напечатана въ Вилнѣ 1525 году въ четверть листа (in 8-vo)“. О языкѣ памятника, впрочемъ, здѣсь ничего не говорится.

б) *Статьи переводныя.*

За неимѣніемъ оригинальныхъ статей и русскихъ спеціалистовъ по нѣкоторымъ вопросамъ, наши журналы XVIII вѣка удовлетворяли своихъ читателей переводными статьями. Нѣсколько такихъ статей явилось и по языкознанію. Одною изъ первыхъ было „Разсужденіе о китайскомъ языкѣ“, напечатанное въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ (т. V, 1757 г., стр. 161—164) и почерпнутое „изъ писемъ барона Голберга“. Въ концѣ статьи подпись: „переводилъ въ шляхет. кадетск. корпусѣ С. П***“ [1]). Статья эта интересна, какъ первая у насъ печатная характеристика китайскаго языка, дающая довольно вѣрныя о немъ свѣдѣнія. Въ началѣ ея указывается, что нѣкоторые считаютъ китайскій языкъ однимъ изъ древнѣйшихъ въ виду его простоты и несложности (не болѣе 330 односложныхъ, не измѣняющихся словъ, оканчивающихся на гласный, *н* и *нг*). Но небольшое число этихъ словъ разнообразится „удареніемъ, произношеніемъ и преложеніемъ голоса“. Благодаря этому, китайцы „умѣютъ... изъясняться съ немалымъ краснорѣчіемъ“. Мнѣніе многихъ писателей, вызванное этой „безпрестанной перемѣной голоса и выговора“, что „китайскій языкъ кончится съ напѣвомъ“, не основательно, такъ какъ многія слова и въ европейскихъ языкахъ также имѣютъ разное значеніе „премѣненіемъ одного только выговора“. Въ примѣръ очевидно уже самъ русскій переводчикъ приводитъ „русское слово *Да*“, которое, „ежели выговорится скоро, значитъ подтвержденіе, естьли же протяжно, то показываетъ въ какой нибудь вещи сомнительство“. Вслѣдствіе малаго числа словъ въ китайскомъ языкѣ, является необходимость „великаго множества литеръ для придачи малымъ словамъ разнаго знаменованія“. По словамъ статьи, такихъ литеръ до 80,000 (число очень преувеличенное), отчего изученіе китайскаго письменнаго языка въ высшей степени трудно.

[1]) А. Н. Неустроевъ въ своемъ «Историческомъ розысканіи о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г. и т. д.» раскрываетъ эти инициалы и приписываетъ переводъ С. А. Порошину (1741—1769), которому въ то время было всего 16 л.

„Всѣ сіи литеры собраны въ большой книгѣ, называемой *Гайпіенъ*". (Юй-пянь?) Впрочемъ, „должно при семъ примѣчать, что кто до 10,000 литеръ знаетъ, тотъ можетъ на семъ языкѣ нарочито изъясниться и разумѣть разныя книги. Многіе ученые люди не знаютъ болѣе 15, 20 тысячъ литеръ, а такихъ не много, коихъ 40,000 выучили". Далѣе указывается на существованіе трехъ діалектовъ: „подлой народъ употребляетъ одинъ, знатные говорятъ другимъ, а въ книгахъ пишутъ отъ обоихъ сихъ отмѣннымъ. И сей послѣдній въ повсядневномъ обхожденіи не употребляется, но обрѣтается только въ книгахъ, и безъ помянутаго Лексикона не удобо вразумителенъ. Обыкновенно думаютъ, что въ Китайскомъ языкѣ не произошло никакой перемѣны, и что оный и нынѣ таковъ же, каковъ былъ прежде сего за три или за четыре тысячи лѣтъ, чего ни о какомъ другомъ языкѣ сказать не можно. (Мнѣніе это болѣе или менѣе вѣрно только относительно книжнаго языка). Причина же сему, уповаю та, что Китайцы не имѣли никакого сообщенія съ чужестранными народами, и для того какъ языкъ свой, такъ и обычаи непремѣнными сохраняли" (далѣе уже о языкѣ не говорится).

Къ статьямъ, избраннымъ для напечатанія за поучительность ихъ содержанія для русской публики, принадлежитъ также переводная съ англійскаго статья: „Предложеніе о исправленіи, распространеніи и установленіи Англинскаго языка, въ письмѣ къ Лорду Оксфорду, Великобританскому главному Казначею" („Опытъ Трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Импер. Московск. Университетѣ", ч. III. Москва 1776, стр. 1—34). Къ статьѣ приложены оригинальныя примѣчанія переводчика (подписавшагося: англоманъ), по которымъ можно судить о мотивахъ, руководившихъ имъ при выборѣ данной статьи для русской публики. Неизвѣстный „англоманъ" находитъ, что „Россійскій языкъ также требуетъ многихъ исправленій, и хотя онъ изобиленъ, однако онъ долженъ быть распространенъ; много словъ ему не достаетъ; но всего больше нужно оной установить. Мы еще колеблемся въ разныхъ Грамматическихъ правилахъ, и есть множество словъ въ нашемъ языкѣ, которыя не имѣютъ опредѣленнаго смысла. Мы не имѣемъ метафизическаго языка, безъ котораго о многихъ матеріяхъ писать не возможно. Симъ предметамъ можетъ слѣдовать всякой, кто для Россійскаго языка предпріять захочетъ то, что авторъ сего письма для Аглинскаго предлагалъ. Чтобъ поправить нашъ языкъ надлежитъ утвердить грамматическія правила, кои не утверждены, или отъ коихъ многіе удалились и исключить изъ онаго все то, что ему не свойственно;

чтобъ распространить оной, должно изобрѣсть многія слова, или занять ихъ изъ чужестранныхъ языковъ; чтобъ оной установить, должно имѣть лексиконы, опредѣляющіе смыслъ словъ, и другія сочиненія, гдѣ сила ихъ должна необходимо быть съ точностью означена". Замѣчателенъ взглядъ автора примѣчаній на заимствованныя слова (недаромъ онъ и подписался „англоманъ"!): „Весьма противенъ распространенію, а нѣкоторымъ образомъ и установленію нашего языка обычай, введенный съ нѣкотораго времени, откидывать всѣ чужестранныя слова, кои уже въ общемъ употребленіи, и, есть ли такъ осмѣлюсь сказать, натурализованы были, и изображать оныя Россійскими словами, которыхъ никто не разумѣетъ, или по крайней мѣрѣ не столь ясное понятіе съ ними сопрягаетъ, какъ съ первыми. Мы видимъ, что нѣтъ народа, у коего науки и художества сколько нибудь цвѣтутъ, который бы не заимствовалъ отъ другихъ языковъ. Аглинскій и Французскій языкъ ни малаго сходства съ Греческимъ не имѣютъ: однако въ нихъ нѣсколько 1000 греческихъ словъ, кои въ языкъ ихъ приняты, и коихъ они переводить не стараются. Почти всѣ слова, употребляемыя въ наукахъ и художествахъ, которыя у Грековъ и у Римлянъ начало имѣли, всѣ Греческія или Латинскія, и въ земляхъ гдѣ сіи науки и художества цвѣтутъ, въ общемъ употребленіи. Да и нынѣ народы одинъ отъ другаго заимствуютъ, особливо въ художествахъ. Агличане, хотя изобильный языкъ имѣютъ, однако многіе техническіе термины, кои у другихъ народовъ въ употребленіи, безъ всякой перемѣны принимаютъ. Въ Англіи человѣкъ, говоря о соединеніи свѣта и тѣни въ живописи, скорѣе употребитъ chiar oscuro нежели light and shade, т. е. свѣтъ и тѣни". Подобно тому, какъ въ англійскомъ языкѣ наблюдаются разныя нестроенія, такъ и въ русскомъ, говоритъ далѣе авторъ примѣчаній, „видимъ многія поврежденія и находимъ во многихъ писателяхъ не простительныя погрѣшности противъ Грамматики". Авторъ находитъ достойнымъ „искуснаго пера испытать перемѣны, коимъ нашъ языкъ подверженъ былъ; мнѣ кажется, что онъ никогда не доходилъ до совершенства, до котораго другіе языки достигли, и что лучшій его періодъ тотъ, въ которомъ здѣсь науки введены, и мы стали имѣть сообщеніе съ чужестранными; особливо, когда нѣкоторые изъ нашихъ писателей подражали древнимъ Греческимъ и Латинскимъ писателямъ, и заимствовали красоты оныхъ, къ которымъ нашъ языкъ весьма способенъ". Ниже авторъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что „мало изъ нашихъ стихотворцевъ, которые бы о согласіи (языка) помышляли, и старались обогатить его пріятностями и красотами, происходящими отъ жи-

ваго и сильнаго воображенія“, и въ заключеніе высказываетъ убѣжденіе, „что нельзя хорошо писать, не употребя отмѣнныхъ, надутыхъ и долгихъ словъ, и не возвышая свой штиль, отъ чего онъ часто весьма принужденъ бываетъ“.

Отвѣтомъ на выше названную статью и примѣчанія къ ней послужило „Письмо къ Англоману отъ одного изъ Членовъ Вольнаго Россійскаго Собранія“, напечатанное въ той же книжкѣ „Опыта трудовъ“ (стр. 30—42) и подписанное Х***. Ч****. [1]). Авторъ этого письма, заявляя, что пишетъ по порученію Вольнаго Россійскаго Собранія, одобряетъ „похвальную“ любовь англомана къ „Россійскому слову“ и его починъ, оказывающій честь словеснымъ наукамъ и возбуждающій интересъ къ ихъ вопросамъ. Особенную благодарность высказываетъ авторъ письма за переводъ статьи и болѣе всего за примѣчанія къ ней. По его словамъ, Вольное Россійское Собраніе во многомъ согласно съ предложеніями, сдѣланными англоманомъ въ его примѣчаніяхъ, и уже намѣрено „вскорѣ издать начатокъ Россійскаго Словаря букву А, за которою и другія въ свое время послѣдуютъ“. Въ заключеніе авторъ отвѣтнаго письма проситъ англомана объяснить какое нибудь изъ собственныхъ его предложеній, напр., „*до какого совершенства доведенъ Россійскій языкъ, и какіе періоды онаго поставлять должно?* или другое, какое Вы сами заблагоразсудите“.

Обѣщанный „начатокъ Россійскаго Словаря“, однако, такъ и не явился, и намѣреніе собранія повидимому не вышло изъ области благихъ намѣреній, какъ, впрочемъ, и слѣдовало ожидать, въ виду трудности предпріятія и недостаточности научныхъ средствъ у самого собранія.

Рядомъ съ указанной статьей, имѣвшей, какъ видно изъ изложеннаго, лишь относительный интересъ для русскихъ читателей, мы находимъ въ журналахъ XVIII в. небольшое число переводныхъ статей по такимъ общимъ вопросамъ языкознанія, для которыхъ у насъ еще не имѣлось спеціалистовъ. Къ числу такихъ статей принадлежитъ, очевидно, переведенная съ нѣмецкаго статья „О языкѣ животныхъ“, напечатанная въ „Московскомъ Ежемѣсячномъ Изданіи“, (Москва, въ унив. типографіи у Н. Новикова, ч. I. 1781; стр. 107—114), какъ часть болѣе обширнаго „Размышленія о дѣлахъ Божіихъ“ [2]). Въ статьѣ этой разбирается раз-

---

[1]) Не скрывается ли подъ этими иниціалами Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ (1746—1815), впослѣдствіи профессоръ Моск. Университета по каѳедрѣ Россійской Словесности?

[2]) Что статья переведена съ нѣмецкаго, видно, напримѣръ, изъ слѣдую-

личіе между языкомъ человѣка и животныхъ, причемъ неизвѣстный авторъ высказывается слѣдующимъ образомъ: „Что не всѣмъ животнымъ употребленіе языка отрицать можно въ нынѣшнія времена почитается неопровергаемою истиною. Но въ чемъ языкъ человѣковъ предъ скотскимъ преимуществуетъ? вопросъ сей гораздо труднѣе для рѣшенія". Слѣдуетъ разборъ доводовъ въ пользу превосходства человѣческаго языка. Обыкновенно говорятъ, что „языкъ человѣческій состоитъ изъ частицъ, а скотскій оныхъ не имѣетъ", какъ это утверждалъ уже Гомеръ... Но ежедневный опытъ „показываетъ намъ, что животныя многоразличнымъ образомъ свои голоса раздѣляютъ. Итакъ должно здѣсь разумѣть о голосахъ несложныхъ, то-есть, что голоса животныхъ неспособны къ раздѣленію на слоги и буквы, какъ" человѣческія слова. „Но и сіе положеніе можетъ имѣть двоякій смыслъ... 1) что голоса животныхъ... по естеству ихъ не способны къ раздѣленію на слоги и буквы. Но оно также можетъ означать: что люди не знаютъ какъ сдѣлать себѣ вразумительными голоса животныхъ помощію извѣстныхъ имъ слоговъ и буквъ. Когда мы послѣднее означеніе примемъ за справедливое, то изъ того ничто менѣе не слѣдуетъ, какъ преимущество человѣческаго языка передъ языкомъ животныхъ. А слѣдуетъ только то, что люди не разумѣютъ языка животныхъ, что имъ больше приноситъ стыда, нежели животнымъ; а языкъ столько же мало тѣмъ въ разсужденіи человѣческаго языка унижается, какъ наилучше сочиненная Арія бываетъ помрачена отъ простонародныхъ пѣсней, и что она слуху неразумнаго меньше послѣднихъ нравится".

„Итакъ естьли языкъ человѣческой въ томъ долженъ имѣть истинное преимущество предъ языкомъ животныхъ, что тотъ составленъ изъ частицъ, а сей ихъ не имѣетъ, то первое означеніе справедливо; т. е. должно утверждать, что голоса животныхъ по ихъ свойству не способны раздѣляемы быть на буквы и слоги". Такъ, можетъ быть, понималъ это различіе и Гомеръ, но авторъ статьи думаетъ, что онъ „и всѣ его послѣдователи въ томъ ошиблись". Сомнѣнія автора основаны на общеизвѣстномъ наблюденіи, „что часто при пѣніи, котораго содержаніе безызвѣстно, неможно различить слова, умалчивая о буквахъ и слогахъ, до тѣхъ поръ, пока неизвѣстно содержаніе". Когда же содержаніе текста знакомо, „думается намъ, что слова, слоги и буквы учинились внятными". На дѣлѣ это такой же психическій обманъ, какъ суще-

щаго ея мѣста: «наши Тирингскіе мужики не тѣмъ ли же самымъ Нѣмецкимъ языкомъ говорятъ, какъ и мы» и т. д.

ствуетъ обманъ зрѣнія, по которому палка въ водѣ кажется кривою: „слухъ продолжаетъ чувствовать одни голоса, а свѣдѣніе присовокупляетъ къ тому и слова, слоги и буквы. Равнымъ образомъ бываетъ сіе при слушаніи неизвѣстныхъ, а особливо съ извѣстнымъ несходныхъ языковъ“. Такъ, если слушать поляка, венгерца, не зная ихъ языка, то „не можно будетъ различить ни слова, ни слога, ниже буквы, развѣ только случайнымъ образомъ, что будетъ что нибудь сходно съ извѣстными намъ словами, слогами или буквами [1]). Да и даже одинъ различной выговоръ и въ извѣстныхъ языкахъ дѣлаетъ всѣ слоги и буквы отчасти совсѣмъ непонятными, а отчасти неясными, когда онъ нѣсколько отходитъ отъ обыкновеннаго выговора, а особливо“ при скорой рѣчи. Такъ, „жидовской выговоръ Еврейскаго... и самымъ знатокамъ Еврейскаго языка“ является непонятнымъ. „Наши Тирингскіе мужики не тѣмъ ли же самымъ Нѣмецкимъ языкомъ говорятъ, какъ и мы? однакожъ несмотря на то невразумителенъ намъ языкъ ихъ, когда къ оному не пріобыкли“. Авторъ полагаетъ, что и „въ языкѣ Тирингскихъ нѣмецкихъ мужиковъ“ найдутся „такіе голоса, въ которыхъ не пріобыкшей слухъ не можетъ распознать ни слоговъ, ниже буквъ. Развѣ сіи люди говорятъ языкомъ животныхъ, т. е. произносятъ одни звоны, нераздѣленныя на частицы? Извѣстно всѣмъ изъ описаній путешествій, что есть такія языки, для выраженія коихъ употребляемыя нами буквы будутъ недостаточны“, такъ что путешественники уподобляютъ подобные языки крикамъ животныхъ. Наконецъ, по мнѣнію автора, „нѣкоторые голоса животныхъ могутъ быть выражены нѣкоторыми музыкальными инструментами“, а, стало быть, и изображены нотами. „Слѣдовательно можно ихъ и писать“, а затѣмъ и читать. „Но языкъ, способный для чтенія и писанія, можетъ ли быть на частицы не раздѣльный?“ Невозможность разложить крики или „голоса“ животныхъ на слова, слоги и буквы „происходитъ не отъ свойства голосовъ животныхъ, но отъ нашего незнанія, или паче отъ наименованій, которыя бы мы имъ приписать должны или могли“. Въ заключеніе своего разсужденія авторъ задаетъ вопросъ: „не возможно ли и не стоитъ ли сіе труда испытать, чтобы голоса животныхъ, которыхъ мы не можемъ выразить помощію извѣстныхъ намъ буквъ, по крайней мѣрѣ какимъ бы нибудь способомъ можно было читать, слѣдовательно и писать, хотя

[1]) Не надо забывать, что оригинальная статья была писана по нѣмецки, и авторомъ ея, очевидно, былъ нѣмецъ, для котораго польскій или венгерскій языкъ были одинаково непонятны.

помощію намъ уже извѣстныхъ или еще какихъ нибудь къ нимъ изобрѣтенныхъ нотъ. Есть ли бы сіе было возможно, то бы я съ моей стороны никакъ не сомнѣвался, чтобы невозможно было языкъ животныхъ на артикулированные голоса раздѣлить, оныэ точнѣе опредѣлить и въ несравненно большихъ случаяхъ, какъ до того возможно было научиться, узнавать".

Самая замѣчательная изъ этихъ переводныхъ статей представляетъ собой какъ бы краткій очеркъ общаго языкознанія. Это— тоже анонимная статья „О языкѣ", составляющая одну изъ главъ болѣе обширнаго трактата „Повѣствованіе человѣческаго разума", печатавшагося въ „Опытѣ Трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Имп. Московскомъ Университетѣ" за 1783 г. (ч. VI, стр. 63—81). Неизвѣстный авторъ ея выводитъ особенности языковъ изъ разницъ въ душевной организаціи: „Языкъ народа есть изображеніе его дарованія. А какъ сіи весьма различнаго суть состоянія, то долженствовали необходимо произойти и разные языки. Но подъ языкомъ народа не только разумѣютъ слова, да и различную связь онаго, и родъ выраженія: сего ради могутъ слова оставаться одинаковы, но языкъ можетъ перемѣняться, когда начнутъ говорить новымъ образомъ, и словамъ придавать другую связь, и чужестранный поворотъ, который прежде не былъ въ употребленіи". Въ доказательство своей мысли авторъ приводитъ съ одной стороны лаконизмъ спартанцевъ, съ другой слова Плутарха, находившаго: „какъ сластолюбивая жизнь людей дѣлаетъ неплодородными, такъ рѣчь бываетъ отъ безмѣрности въ реченіи пуста въ разумѣ и выраженіи". Такъ „азіатскіе народы... изъяснялись со гнусною и единогласною пространностію; но не доставало въ ихъ рѣчи ясности".

2. „Хотя языкъ и выражаетъ впечатлѣніе мыслей націи, и очевидно стези ея духа въ ономъ открыть можетъ; однакожъ имѣетъ онъ паки обратно вліяніе въ мысли человѣческія. Слышатъ съ нѣжной юности нѣкоторыя слова и учатся сіи или тѣ понятія съ оными соединять; слышатъ, какою связію изъясняются; привыкаютъ мало по малу къ сему роду размышленія; выраженіе становится намъ собственно, механическо, и якобы соразмѣрно; и тако получаетъ душа мало по малу способность сопрягати нѣкоторыми выраженіями слѣдствія мыслей, которыхъ бы она можетъ быть само собою не переняла, и которыя она либо совсѣмъ, или весьма поздо отложить можетъ... Туда принадлежатъ, между прочимъ, общественныя слова (Termini familiares), которыя черезъ обыкновеніе и ежедневное употребленіе такъ вкореняются, что всегда ихъ употребляютъ по темному изображенію означенія, не

разыскивая, годятся ли они къ дѣлу, или нѣтъ. Говорятъ всегда: это великолѣпно, это естественно. Обыкновенно говорятъ по темнымъ воображеніямъ право; но многіе ли знаютъ собственно, что они сказать хотятъ?“

3. „Когда желаемъ мы нѣчто пріобрѣсти, то съ нами не такъ бываетъ, яко съ Богомъ, который изъ ничего нѣчто творитъ. Никогда не обрѣтемъ мы чего либо изъ ничего. Разумъ нашъ такъ ограниченъ, что онъ всегда нѣчто извѣстное имѣть долженъ, когда ему нѣчто не извѣстное изъ того открыти надлежитъ. Слова, которыя имѣемъ мы въ языкѣ, почитать должно яко извѣстныя основанія на которыхъ дарованіе трудится, и которыя ему служатъ путеводителемъ, чтобъ восходить на неизвѣстныя стези, и открывать новые виды. Общее языка употребленіе кажется быть произвольно; но оно не столько произвольно, какъ думаютъ. Скоро или поздо сыщется человѣкъ съ отмѣннымъ дарованіемъ, который оное оправдаетъ и темное понятіе, сопряженное съ словомъ просвѣтитъ“... Далѣе авторъ выясняетъ значеніе языка для мышленія: пока языкъ естественъ, господствуетъ „златый вѣкъ (есть ли онъ [т. е. языкъ] не возвышаетъ ни мѣлочей чрезъ противное и напыщенное выраженіе, ниже говоритъ великихъ вещей грубо устами подлой женщины)“, и онъ является „дарованію помощнымъ средствомъ; но буде сдѣлается не естественъ, тогда онъ размышленію есть важнымъ препятствіемъ“. Справедливость этого положенія доказывается примѣромъ Греціи и Рима. Пока здѣсь языкъ былъ естественъ, были и великіе поэты, риторы и философы; „но какъ скоро естественное въ выраженіи исчезло, какъ скоро чрезмѣрными и не пріятными украшеніями языкъ испещряли, или чрезъ варварское небреженіе чистоту выраженія оставляли, тогда“ являлись „посредственныя и бѣдныя“ сочиненія, не пережившія своихъ авторовъ. Въ средніе вѣка „осталось множество гнусныхъ сочиненій“, потому что писали только по латыни. Въ нихъ „духъ сочинителей кажется исчезаетъ подъ бременемъ варварскаго языка, и теряетъ всю силу“. Но когда въ XV в. и въ эпоху реформаціи „возсталъ новый свѣтъ“, тогда „старались о чистотѣ и красотѣ Латинскаго выраженія, и возстановители учености тщились исправлять варварскій родъ писанія“...

4) „Итакъ кажется дарованіе имѣетъ равный успѣхъ съ языкомъ въ процвѣтаніи и ущербѣ онаго. Французы чистили языкъ свой въ златый вѣкъ Людовика XIV, то же самое было и во времена Филиппа и Августа у Грековъ и Римлянъ. И тогда же происходили величайшіе мужи“. И въ Германіи, когда „начали болѣе прилагать прилѣжанія къ исправленію Нѣмецкаго языка“,

явились знаменитые писатели, которыхъ „она смѣло противоположить можетъ славнѣйшимъ мужамъ Греческимъ и Римскимъ (Галлеръ, Клопстокъ, Геллертъ и Рабнеръ)“... Прежде думали, что „исправленіе природнаго языка варварству помогаетъ, и Латинской языкъ будто есть лучшее противу сего средство“, но теперь мнѣніе это „по меньшей мѣрѣ въ безпристрастныхъ людяхъ исчезло“, когда замѣтили, что, „при всей чистотѣ латинскаго языка Германцы никогда столь много себя въ свободныхъ наукахъ не прославили, какъ мысля и пиша на своемъ природномъ. Чистота природнаго языка почти у всѣхъ народовъ была началомъ художествъ и наукъ. Мы (т. е. нѣмцы) можемъ во всѣхъ родахъ свободныхъ наукъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ великихъ мужей представить, коихъ уже слава на крыліяхъ своихъ носитъ, и творенія коихъ заслуживаютъ вѣчность. Видно вліяніе языка въ дарованіе лучше въ дикихъ народахъ. Когда они имѣютъ бѣдный языкъ, и научатся Европейскому, то перемѣняется мало по малу и весь ихъ родъ мыслей. Всѣ Индѣйцы, выучившіеся по Гиспански, гораздо остроумнѣе, нежели тѣ, кои только разумѣютъ природный свой языкъ (Ulloa, Reise nach Peru)“.

5) „Языкъ дѣлаетъ между человѣками и звѣрями, въ разсужденіи душевныхъ силъ важное розличіе. Сего ради дикіе люди, между звѣрей безъ человѣческаго обхожденія возростшіе“, по уму „звѣрямъ гораздо подобнѣе, нежели людямъ... Когда сіи дикіе нечаяннымъ щастіемъ наконецъ попадутся между людей, и спознаютъ языкъ, то является новый, неизвѣстный свѣтъ въ душѣ ихъ; но не могутъ совсѣмъ больше помнить о прежнемъ дикомъ своемъ состояніи, такъ какъ ребенокъ не можетъ помнить болѣе о первыхъ своихъ лѣтахъ, когда еще ему употребленія языка не доставало; а помнитъ о тѣхъ, въ которыхъ могъ уже онъ говорить, хотя они и еще гораздо далеко отстоятъ (какъ иллюстрація къ сказанному слѣдуетъ разсказъ о дикомъ десятилѣтнемъ мальчикѣ, выросшемъ будто бы среди медвѣдей)... Изъ сего по меньшей мѣрѣ заключить можно, что языкъ есть изящное помощное средство памяти“...

6. ...„Тотъ языкъ, который понятія изъясняетъ съ легкостію, выраженіемъ и означеніемъ, долженъ быть великимъ помощнымъ средствомъ для разума. Въ древнѣйшія времена, когда однимъ словомъ множество различныхъ вещей означать долженствовало, къ чему часто подавало случай отдаленное подобіе, когда изъ недостатка вмѣшивать должно было не свойственныя слова, весьма препятствовало процвѣтанію разума“, а слѣдовательно и художествъ и наукъ.

7. Одного разума, впрочемъ, не достаточно: „мало находится людей, которые одни бы разуму своему помогли; есть ли бы не были они великіе люди съ дарованіемъ, то сдѣлались бы поистиннѣ тупыми, кои бы даже и посредственнаго, въ разсужденіи недостатка въ знаніи, не достигли. Разумъ долженъ необходимо имѣть нѣкоторыя помощныя средства, которыя ему отъ части сообщаютъ первую матерію къ движенію, и отчасти къ продолженію сего движенія, или дѣйствія. Когда мельницѣ... не достаетъ побуждающаго движенія, то она стоитъ неподвижною; подобно сему и человѣческій разумъ самъ собою не дѣйствуетъ. Сколь поздо возрастали въ первыхъ вѣкахъ послѣ потопа художества и науки, понеже не изобрѣтено еще было писменъ; сколь медлительно долженствовалъ возрастать разумъ, когда еще писали въ картинахъ и іероглифахъ!.. Но тогда художества и науки долженствовали итти исполиновыми шагами, когда изобрѣтены были письмена“...

8. Авторъ выясняетъ значеніе изобрѣтенія книгопечатанія; „помощныя средства стали общественные и менѣе драгоцѣнны, и путь ко ученію былъ отверстъ каждому... котораго естество по опредѣленію своему не назначило къ сохѣ“.

9. „Итакъ когда языкъ почесться можетъ помощнымъ средствомъ разума, и подлинное имѣетъ вліяніе къ дарованію, то должно и дарованію быть различному по различію языка. Богатый языкъ открываетъ оному пространное поле. Оно учитъ множество словъ, и съ ними множество познаетъ понятій, получаетъ обширные виды и пространный путь, въ которомъ оно упражняться можетъ. Сего ради бѣдные языки производятъ худыя головы, которыя не могутъ далѣе предковъ своихъ простираться. Американскіе языки [1]) большею частію въ выраженіяхъ бѣдны, что касается до числъ. Отъ такихъ людей не можно ожидать и посредственнаго проницанія въ Ариѳметикѣ, и ежели они хотятъ показать великое множество, то берутъ кучу песку, или показываютъ полную горсть волосовъ. Ямеосы въ южной части Америки могутъ только считать до 3-хъ, которое число три предъявляютъ чрезъ протяжное слово Поеттаррароринкоуроакъ (De la Condamine, Relation de la Riviere des Amasones, p. 67). Они могутъ понятіе имѣть и о большихъ числахъ, хотя и не достаетъ имъ названій; и для того обыкновенно употребляютъ Европейскихъ языковъ выраженія“.

[1]) Впервые въ русской литературѣ здѣсь упоминаются эти языки, и приводятся изъ нихъ примѣры («Сравнит. словарь» Екатерины II, гдѣ также есть образчики американскихъ языковъ, вышелъ позже—въ 1787 г.).

10. „Такой языкъ, которой имѣетъ избыточество, въ несвойственныхъ словахъ и аллегорическихъ реченіяхъ, свободнымъ наукамъ полезенъ. Такой языкъ, коего слова не долгопротяжны, но опредѣленны и означительны, помогаетъ Философическому дарованію. Нѣмцы много выиграли тѣмъ, что Лейбницъ и Вольфъ множеству словъ положили твердое означеніе и симъ языкъ къ Философіи способнѣе сдѣлали, нежели какъ былъ онъ прежде“. Отсюда авторъ объясняетъ успѣхи нѣмецкой философіи: „Наши выраженія нынѣ въ Философіи гораздо означительнѣе, нежели у другихъ народовъ, у коихъ они гораздо протяжнѣе. Нѣмецкой языкъ можетъ быть выигралъ бы еще болѣе и въ другихъ вещахъ, есть ли бы предложеніе, которое Лейбницъ представлялъ первому Королю Прусскому, имѣло свой успѣхъ, чтобы всѣ особливыя слова въ нѣкоторыхъ провинціяхъ велѣть собрать, и потомъ всеобщее сравненіе изъ нихъ сдѣлать“.

11. „Чѣмъ опредѣленнѣе выраженія, чѣмъ болѣе составленіе оныхъ къ существеннымъ законамъ близко подходитъ, тѣмъ паче служитъ оно дарованію путеводителемъ въ размышленіи и изобрѣтеніи (въ примѣръ авторъ приводитъ успѣхи математики, оказанные ею послѣ изобрѣтенія алгебраическихъ знаковъ)... Произведеніе словъ содержитъ иногда описаніе вещи, и ведетъ насъ по легкому и естественному пути къ отверзтію понятія, которое бы намъ безъ сего средства много труда причинило“.

12. „Сухой языкъ, который имѣетъ множество отдѣленныхъ словъ и мало не свойственныхъ, Философіи полезенъ, хотя онъ можетъ быть вреденъ прекраснымъ наукамъ. Сего ради не могутъ варварскія націи, коимъ не достаетъ отдѣльныхъ словъ, возвыситься въ Философіи. Еѳіопляне не имѣютъ въ языкѣ своемъ такого слова, которое бы персону и естество выражало“, почему они и не понимали „ученія объ одной ѵпостаси и двухъ естествахъ во Христѣ. Китайцы всегда неподвижными пребудутъ“ въ наукахъ, ибо „всеобщихъ выраженій имъ не достаетъ. Ибо слова ихъ только особливыя понятія выражаютъ... Египетъ былъ всегда суевѣренъ, и языкъ его великое въ ономъ имѣлъ участіе. Де ла Кондаминъ говоритъ: всѣ языки, которые узналъ онъ въ Америкѣ, были бѣдны. Многіе суть выразительны и къ украшенію способны, особливо древній Перуанскій языкъ, но имъ не достаетъ всѣмъ словъ къ выраженію отдѣльныхъ вещей и общихъ понятій (какъ, напр., время, долгое пребываніе, мѣсто, присутствіе, существо, матерія, тѣло, добродѣтель, правосудіе, вольность, признаніе, благодарность и проч.)“.

13. „Какъ съ упадкомъ языка могло начаться нѣкоторое вар-

варство, такъ равно можетъ чрезмѣрно великое прилѣжаніе, употребляемое въ языкѣ, быть вредно наукамъ, что печется болѣе о словахъ, нежели о дѣлѣ, и становится рабскимъ подражателемъ древнихъ, не имѣя ихъ духа (какъ примѣръ, авторъ приводитъ механическихъ подражателей римскимъ стихотворцамъ, народившихся въ обиліи въ эпоху возрожденія)".

14. „Итакъ многія вещи, касающіяся до сего дѣла, могутъ дарованію препятствовать въ справедливомъ размышленіи. Представь языкъ, коего выраженія ложными сопонятіями преисполнены; сіи суть источникъ, изъ котораго различныя произтекаютъ заблужденія (напримѣръ, солнце *восходитъ* и *заходитъ*). Нечистый источникъ можетъ совсѣмъ произвести нечистую рѣку, и неисправное выраженіе можетъ за собою вести множество заблужденій. Превращеніе словъ было плодомъ Риторскихъ цвѣтовъ. У Египтянъ былъ Тифонъ Эмблемою моря, и прямымъ непріятелемъ Озириса", почему они, по мнѣнію автора, не любили моря и не сдѣлали на немъ никакихъ открытій... Въ подтвержденіе высказаннаго выше мнѣнія авторъ приводитъ еще примѣръ изъ англійской исторіи: при Кромвелѣ слово *царство* стало такъ ненавистно, что даже въ молитвѣ Господней оно было замѣнено словомъ республика: „да пріидетъ республика твоя" и т. д.

Нѣтъ сомнѣнія, что статьи, въ родѣ послѣднихъ двухъ, возбуждали мысль читателя и обращали его вниманіе на цѣлый рядъ вопросовъ общаго языкознанія, которыхъ не затрогивало ни одно изъ нашихъ оригинальныхъ сочиненій по языкознанію, появившихся въ XVIII в.

Къ переводнымъ статьямъ, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ выраженій, принадлежитъ и маленькая статейка „О нѣмецкомъ языкѣ", напечатанная въ журналѣ „Лекарство отъ скуки и заботъ" 1787 (ч. II, стр. 132—136). Избрана она, повидимому, была по тѣмъ-же мотивамъ, какъ и вышеупомянутая статья объ исправленіи англійскаго языка (см. стр. 308): содержаніе ея касалось тѣхъ же вопросовъ о значеніи языка для народнаго самосознанія и развитія, какіе возникали неизбѣжно и у насъ. Въ то же время она свидѣтельствуетъ о томъ, что́ могъ найти о нѣмецкомъ языкѣ въ нашей литературѣ читатель, который почему либо заинтересовался бы имъ.

Въ началѣ статьи авторъ ея спрашиваетъ, былъ ли когда такой народъ, который, при всѣхъ трудахъ и успѣхахъ, „толь долго въ неизвѣстности и пренебреженіи оставался, какъ Нѣмецкій?... Отечество наше есть самое среднее въ Европѣ госу-

дарство“, мы знамениты и т. д. [1])... „Откуду-же то происходитъ, что мы недовольно знамениты у чужихъ народовъ“, спрашиваетъ авторъ и даетъ сейчасъ-же слѣдующій отвѣтъ на заданный вопросъ: „Нѣмецкій языкъ труденъ, вотъ причина, для чего они не стараются свесть ближшего съ нами знакомства“ и плетутъ разныя о немъ сказки. „Сей-же самый языкъ, который столько имъ отвратителенъ есть, чего никакой знающій человѣкъ оспаривать не можетъ, второй первобытный языкъ въ Европѣ по Греческомъ. Частію изъ отброшенныхъ имъ самимъ, частію изъ находящихся въ Архивахъ Этимологическихъ онаго сокровищь (?), частію также отъ постороннихъ нѣкоторымъ образомъ въономъ употребительныхъ словъ произошли множайшіе языки, а особливо Англинскій“. Сообщивъ подобныя свѣдѣнія о нѣмецкомъ языкѣ, очевидно переводныя изъ какой нибудь оригинальной нѣмецкой статьи, переводчикъ уже отъ себя довольно неожиданно спрашиваетъ: „Что-же говорить намъ о Россійскомъ: *мы Россіяне* не хотимъ ни читать, ни писать на Россійскомъ языкѣ. Скажите“... (этимъ статья кончается).

Въ какомъ положеніи находилось у насъ въ концѣ XVIII в. знакомство съ санскритомъ, свидѣтельствуетъ переводъ „Сценъ Саконталы, индѣйской драмы“, принадлежащій Карамзину и напечатанный въ „Московскомъ Журналѣ“ (М. 1792 г. Въ универс. типогр. у В. Окорокова, ч. VI. 125—156, 294—323). Переводъ, конечно, сдѣланъ, судя по транскрипціи санскритскихъ именъ русскими буквами, съ нѣмецкаго языка, а не съ оригинала, который въ то время несомнѣнно былъ недоступенъ по языку кому-бы то ни было изъ нашихъ образованныхъ людей. Въ предисловіи сообщаются нѣкоторыя данныя объ авторѣ Шакунталы: „Творческой духъ обитаетъ не въ одной Европѣ; онъ есть гражданинъ вселенной. Человѣкъ вездѣ—человѣкъ; вездѣ имѣетъ онъ чувствительное сердце, и въ зеркалѣ воображенія своего вмѣщаетъ небеса и землю и т. д. Я чувствовалъ сіе весьма живо, читая Саконталу, драму, сочиненную на Индѣйскомъ языкѣ, за 1900 лѣтъ передъ симъ, Азіатскимъ Поэтомъ Калидасомъ, и недавно переведенную на Англійской Вилліамомъ Джонсомъ, Бенгальскимъ Судьею (которой и прежде того извѣстенъ былъ въ ученомъ свѣтѣ по своимъ переводамъ съ восточныхъ языковъ), а на Нѣмецкой профессоромъ Георгомъ Форстеромъ (которой путешествовалъ съ Кукомъ въ отдаленнѣйшихъ предѣлахъ нашего міра). Почти на каждой страницѣ... находилъ я высочайшія красоты...

---

[1]) Не надо забывать, что это пишетъ о себѣ нѣмецъ-авторъ.

Калидасъ для меня столь-же великъ, какъ и Гомеръ. Для собственнаго своего удовольствія перевелъ я нѣкоторыя сцены изъ Саконталы... и... рѣшился напечатать ... надѣясь, что сіи благовонные цвѣты Азіатской литературы будутъ пріятны для многихъ читателей, имѣющихъ тонкой вкусъ и любящихъ восточную поэзію". Какъ примѣръ транскрипціи индійскихъ именъ, приведемъ нѣсколько образчиковъ: Душманта, Соматирта (вм. Соматиртха), Ингуди, Гіа (топленое масло), Анузуя (вм. Анасуя), Пріямвада, сверга (вм. сварга) = нижшее небо, жилище духовъ, Дурвазасъ (вм. Дурвасасъ), Сарадуата (вм. Шарадвата = санскр. Çâradvata) и т. д.

XII. Знакомство съ древними и новыми европейскими языками при преемникахъ Петра I.

Большіе успѣхи при преемникахъ Петра I, особенно съ половины XVIII в., сдѣлало у насъ изученіе древнихъ и новыхъ европейскихъ языковъ. Скудость пособій для ихъ изученія въ царствованіе Петра I и ближайшихъ его преемниковъ, отмѣченная нами выше (стр. 197 и слѣд.), мало-по-малу начинаетъ уступать мѣсто сравнительному обилію, особенно по нѣкоторымъ языкамъ, болѣе ходкимъ и важнымъ въ практическомъ отношеніи. Такимъ образомъ къ концу XVIII в. у насъ появляется довольно богатая литература важнѣйшихъ школьныхъ пособій по древнимъ и новымъ языкамъ (грамматикъ, словарей и христоматій). Педагогическія достоинства этихъ учебниковъ, особенно „оригинальныхъ", не переводныхъ, большею частію очень слабы, но плохое качество ихъ до нѣкоторой степени уравновѣшивалось ихъ обиліемъ, дававшимъ возможность, хотя и съ большой затратой лишняго труда, но все-таки научиться тому или другому языку. Важную роль въ развитіи этой литературы играло открытіе разныхъ учебныхъ заведеній (кадетскихъ корпусовъ, гимназій, университетовъ, женскихъ институтовъ), въ программу которыхъ входило изученіе тѣхъ или другихъ языковъ. Мы видѣли уже выше (стр. 196—197), какую роль (въ общемъ очень скромную) играли епархіальныя училища въ распространеніи у насъ знакомства съ классическими языками. Иначе обстояло со школьнымъ преподаваніемъ новыхъ языковъ, которымъ въ духовныхъ школахъ у насъ сначала не учили [1]). Только свѣтскія школы могли начать у насъ

[1]) Даже въ Московской славяно-греко-латинской академіи новые языки, французскій и нѣмецкій, были введены лишь въ 1784 г., по почину митрополита Платона. См. Смирновъ, «Исторія Моск. славяно-греко-лат. академіи» (М. 1855), стр. 260 и 341. О преподаваніи названныхъ языковъ въ Александро-

это дѣло. Но ихъ сперва было очень мало, и потому печатные учебники по новымъ языкамъ появляются у насъ не сразу. Такъ учрежденіе первой у насъ общеобразовательной свѣтской школы, С.-Петербургской академической гимназіи (1726 г.), въ первые годы ея существованія не отозвалось ничѣмъ въ занимающей насъ литературѣ. Только въ 1730 году, когда открытъ былъ и первый шляхетскій корпусъ, явилось первое у насъ печатное руководство для изученія нѣмецкаго языка: „Нѣмецкая грамматика изъ разныхъ авторовъ собрана и россійской юности въ пользу издана отъ учителя нѣмецкаго языка при Санктъ-Петербургской Гимназіи. Напечатана въ типографіи Академіи Наукъ. 1730. Die Teutsche Grammatica Aus unterschiedenen Auctoribus zusammengetragen und der Russischen Jugend zum Besten heraus gegeben von dem Informatore der Teutschen Sprache bey dem St. Peterburgischen Gymnasio. Gedruckt in der Academischen Buchdruckerey. 1730 (8°. 413 стр. Библ. Имп. Акад. Наукъ)“. Учебникъ этотъ еще отличается большой неуклюжестью русскаго текста и свидѣтельствуетъ о незнакомствѣ автора съ русской школьной грамматической терминологіей того времени или о его нежеланіи пользоваться ею. По крайней мѣрѣ почти всѣ нѣмецкіе грамматическіе термины (латинскаго происхожденія) сохранены и въ русскомъ текстѣ. Вотъ нѣсколько образчиковъ:

Стр. 4—5. Примѣчаніе (Nota) 1. Wenn eine Sylbe auf einen Vocalem ausgehet, so wird der Vocalis im Sprechen gemeiniglich lang gezogen; sofern aber eine Sylbe sich mit einem Consonante endiget, so wird ihr Vocalis gemeiniglich geschwind und kurz ausgesprochen = „когда суллаба (слогъ) на вокалисъ кончается, то говорітся вокалисъ почитаи всегда протяжно; но ежели суллаба на консонансъ (двоегласныи) кончается, то ея вокалисъ почитаи всегда скоро и кратко говорітся“.

Стр. 8—9: III. Wann zwey unterschiedene Vocales in einem Thon ausgesprochen werden, so wird es ein Dyphtongus geheissen = „Когда два разные вокалиса едіногласно говорятся, то нарицаются оные дифтонгусъ“...

Стр. 10—11: 2. In den Verbis, welche *ei* haben (sonsten würden die Radicales oder Haupt-Buchstaben eines Verbi verstümmelt, wenn man aus *schrieben* oder *geschrieben* etc. das *e* weg thäte, da das Verbum einen seiner wesentlichen Buchstaben verlieret... = „Въ

невской семинаріи имѣются извѣстія, относящіяся къ нѣсколько болѣе ранему времени, а именно къ 1775 г. (См. «Историческое, географическое и топографическое описаніе С.-Петербурга», соч. Богдановымъ, доп. и изд. В. Рубаномъ. Спб. 1779, стр. 359—365).

вербахъ (глаголѣхъ) которые *ei* имѣютъ, (ибо главные буквы онаго верба напрасно лишилися бы, когдабъ изъ верба schrieben, писывали, geschrieben, писали, и изъ протчихъ оное *e* оставлено было, и тогда вербумъ одно изъ своихъ собственныхъ літеръ потеряло бъ"...)

На стр. 29 читаемъ слѣдующее правило (нѣмецкаго текста мы уже не приводимъ): „Всѣ номина субстантива (имена существителные), адіектива (прилагателные) которые отъ проприисъ (собственныхъ) происходятъ, таколсде и адіектива, прономина (мѣстоименія) и инѳінитива (неопредѣлителные), когда оные вмѣсто субстантивовъ употребляются"...

На стр. 213: „При всякомъ вербѣ надлежитъ слѣдующіе части примѣтить: Генусъ (залогъ), Модусъ (наклоненіе), персону (лице), нумерусъ (число)" и т. д.

Во второмъ изданіи [1]), отданномъ для исправленія Адодурову (см. Сухомлиновъ, „Матер. для ист. Имп. Акад. Наукъ", т. II, 413), находимъ другую, болѣе понятную и легкую редакцію текста и уже одни русскіе грамматическіе термины: „Когда какой ни будь слогъ кончится на гласное, то оное гласное выговаривается почти всегда протяжно, но ежели онъ кончится на согласное, то его гласное обыкновенно скоро и коротко выговаривается"... „Когда двѣ разныя гласныя единогласно выговариваются, то называются они двоегласны"... или послѣдніе два примѣра: „Всѣ имена существительныя, прилагательныя отъ свойственныхъ произходящія, такожде прилагательныя, мѣстоименія, и наклоненія неопредѣленныя, когда они вмѣсто именъ существительныхъ употребляются"... (стр. 21); „При всякомъ глаголѣ надлежитъ примѣчать слѣдующія части: залогъ, наклоненіе, лице, число, видъ, начертаніе, время и спряженіе" (стр. 167). Очевидно способъ изложенія перваго изданія уже тогда былъ признанъ неудовлетворительнымъ, и русскій текстъ во второмъ изданіи былъ передѣланъ коренным образомъ. Впослѣдствіи грамматика эта еще въ теченіи того же XVIII вѣка выдержала нѣсколько изданій [2]), въ испра-

---

[1]) «Нѣмецкая грамматіка собранная изъ разныхъ авторовъ и въ пользу Санктпетербургской гимназіи вторымъ тисненіемъ изданная. Печатана въ Санктпетербургѣ при Академіи Наукъ. Teutsche Grammatica aus unterschiedenen Auctoribus zusammen getragen und zum Gebrauch des St. Petersburgischen Gymnasii zum andern mahl herausgegeben. Gedruckt St. Peterburg bey der Academie der Wissenschaften (1734. 8°. 387 стр.)».

[2]) Имѣется 3-е изданіе 1745 г., озаглавленное: «Нѣмецкая грамматика, собранная прежде изъ разныхъ авторовъ, а нынѣ для употребленія Спб. гимназіи вновь пересмотрѣнная и во многихъ мѣстахъ исправленная. «Teutsche Grammatica Aus unterschieden auctoribus ehmals zusammen getragen, nunmehro

вленіи и улучшеніи которыхъ (3-го, напримѣръ) принимали участіе члены академіи, какъ Штелинъ, Эйлеръ, Крафтъ и др. [1]).

Въ томъ же 1730 году вышла и первая у насъ печатная грамматика французскаго языка: „Грамматика Французская и Русская нынѣшняго языка сообщена съ малымъ лексикономъ ради удобности сообщества въ Санктъ Петербургѣ. Grammaire françoise et russe en Langue moderne accompagnée d'un petit dictionnaire pour la Facilité du Commerce. A St. Petersbourg 1730", мал. 8°, 64 стр. (Сопиковъ, „Опытъ росс. библ.", № 3006, цитируетъ заглавіе невѣрно).

Очевидно это та самая „французскаго діалекта грамматика", составленная „шпрахмейстеромъ Декомбелемъ", которая въ 1729 г. была отдана, по постановленію Академіи Наукъ, переводчику Ивану Горлецкому для перевода на русскій языкъ [2]). Рядомъ употребляли у насъ и ходячіе учебники, изданные въ Европѣ [3]).

Вслѣдъ за первой нѣмецкой грамматикой является и первый печатный нѣмецко-латинско-русскій словарь: „Teutsch-Lateinisch und Russisches Lexicon samt denen Anfangs-gründen der Russischen Sprache. Zu allgemeinem Nutzen bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften Zum Druck befördert. Нѣмецко-латинскіи и рускіи лексиконъ купно съ первыми началами рускаго языка къ общей пользѣ при Імператорскои Академіи Наукъ печатію изданъ. S. Petersburg. Gedruckt in der Kayserl. Academie der Wissenschaften Buchdruckerey". 1731. 4°. 788+48 Словарь снабженъ предисловіемъ, изъ котораго видно, какъ онъ возникъ: „Нынѣ совершенно предлагаемъ Вамъ доброхотный Читателю на Рускіи языкъ переведенныи Веисмановъ Нѣмецко-Латинскій лексиконъ. Мы сего Автора того ради избрали, понеже онаго уже совсѣмъ переведена

---

aber von neuem übersehen und viel verbessert. Zum Gebrauch des St.-Petersburgischen Gymnasii herausgegeben etc. Спб. 1745, 8°, 447 стр. Печатана при Имп. Акад. Наукъ». Вѣроятно, именно это изданіе печаталось, въ количествѣ 2400 экз., подъ присмотромъ Ададурова и Штелина, какъ это было рѣшено академіею наукъ въ апрѣлѣ 1742 г. (См. Сухомлиновъ, «Мат. для ист. Имп. Ак. Наукъ» т. V, 122). Одинаковое заглавіе носитъ и 4-е изданіе 1762 г., (также 8°, 447 стр.). Сопиковъ («Опытъ росс. библіогр.» № 2918, 2921) указываетъ только изданія 1730, 1734, 1762 гг. и, кромѣ того, 1787 и 1802 гг.

[1]) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. акад. наукъ», т. VI. 540—41, и «Протоколы засѣданій конфер. Имп. акад. наукъ» т. I, стр. 627, 629, 665, 672—74.

[2]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. Акад. Наукъ», т. I, 499, 603.

[3]) Такъ въ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ была въ ходу французская «Пеплиева грамматика» (авторъ—Peplier), см. Сухомл., Матеріалы и т. д. Т. III, стр. 464—66.

нашли: особливо же сего ради, что мы нынѣ толко о собраніи доволнаго числа Рускихъ словъ и речеи тщалися, къ чему сеи Веисманновъ Лексиконъ, ради имѣющагося въ немъ, какъ извѣстно, Латинскихъ словъ и речеи довольства удобнѣйшіи показался". Далѣе переводчики просятъ извинить ошибки, которыхъ больше въ первыхъ листахъ, чѣмъ въ послѣдующихъ, причемъ ссылаются на примѣръ „Французскаго ученыхъ собранія, которое всѣ къ тому надлежащіе потребности доволно имѣло, и 40 лѣтъ надъ тако-именуемымъ Диксіонеръ де л'Академи Франсезъ трудилося", но все же не избѣжало погрѣшностей. Изъ предисловія узнаемъ также, что переводчики лексикона, „за неимѣніемъ совершеннаго знанія въ Нѣмецкомъ языкѣ толко Латинскому послѣдовали", почему и находятъ, что проистекающія отсюда ошибки имъ „простить можно". Въ заключеніе дается обѣщаніе исправить ошибки въ будущихъ изданіяхъ и выражается просьба о сообщеніи издателямъ поправокъ, „какъ сіе отъ нѣкотораго добраго пріятеля уже учинено".

По свидѣтельству Г. Фр. Мюллера [1]), для перевода словаря Вейсмана на нѣмецкій языкъ былъ приглашенъ недостаточно для того образованный пруссакъ Шваневицъ, а переводившіе слова съ латинскаго на русскій Ильинскій, Горлицкій и Сатаровъ [2]) не знали по нѣмецки (какъ они и говорятъ въ предисловіи); ошибокъ ихъ никто не исправлялъ, и Шумахеръ, единолично распоряжавшійся работой, чрезмѣрно спѣшилъ, руководствуясь своимъ правиломъ: „для начала все хорошо, а ошибки можно исправить при второмъ изданіи". Благодаря этому въ словарь вкралось много грубыхъ ошибокъ. Самый выборъ даннаго словаря былъ неудаченъ, такъ какъ въ немъ было много областныхъ словъ, которыя нужно было бы выкинуть.

При словарѣ, въ качествѣ приложенія, была напечатана также (съ особой нумераціей страницъ, 48) краткая русская грамматика, на нѣмецкомъ языкѣ, составленная по грамматикѣ М. Смотрицкаго и приписываемая В. Е. Адодурову (р. 1709 † 1778 или 1780).

1) См. его рукопись «Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften», стр. 206, 207, цитир. у Пекарскаго, «Исторія Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ», т. I. Спб. 1870, стр. 403—404, а также Сухомлинова, «Матер. для исторіи Имп. Акад. Наукъ» т. VI (стр. 170—171), гдѣ данное сочиненіе Г. Ф. Мюллера напечатано цѣликомъ.

2) Сопиковъ («Опытъ росс. библіогр.», № 5911) приписываетъ переводъ даннаго словаря Сергѣю Волчкову, но это совсѣмъ не вѣроятно въ виду того, что названный переводчикъ былъ впервые опредѣленъ къ Академіи Наукъ, по представленію барона Корфа, лишь въ 1735 г., а до того находился въ Берлинѣ (Пекарскій, «Ист. Имп. Акад. Наукъ», т. I. 1870, стр. 524).

Словарь былъ напечатанъ въ количествѣ 2500 экземпляровъ [1]) и около 1755 г. сдѣлался уже большой рѣдкостью, какъ свидѣтельствуетъ Г. Ф. Мюллеръ въ своей исторіи академіи (писанной около 1775 г.), по словамъ котораго словаря Вейсмана нельзя добыть „уже 20 лѣтъ“ [2]). Историческія данныя о составленіи словаря, ходѣ его печатанія и т. д. см. у Сухомлинова, „Матеріалы для исторіи Имп. Акад. Наукъ“ (т. I, стр. 355, 439, 444, 486, 603).

Словарь Вейсмана выдержалъ впослѣдствіи, еще въ теченіи XVIII в., два изданія, а именно второе въ 1782 г.: „Вейсманновъ Нѣмецкій лексиконъ съ Латинскимъ, переложенный на Россійской языкъ, при второмъ семъ изданіи вновь пересмотренный и противъ прежняго въ разсужденіи Латинскаго и Россійскаго языковъ знатно приумноженный. Спб. При Имп. Акад. Наукъ. 1782. (4°. 1 ненум.+1017)“ и третье въ 1799: „Vollständiges Deutsch und Russisches Lexicon, neueste vermehrte und verbesserte Auflage von Weissmann. Полный Нѣмецкій и Россійскій Лексиконъ, новое изданіе; при которомъ оный словарь вновь пересмотрѣнъ и противъ прежняго въ разсужденіи Росс. языка знатно приумноженъ Господиномъ Вейсманомъ (Спб. 1799. 4°. 2 ненум. +1017+48 стр.)“. Оба имѣются въ Имп. Публ. Библ.

Къ числу школьныхъ учебниковъ этого времени относится и „Lateinisch-Russisch und Teutsches Vocabularium. Латіно-Россійская и Нѣмецкая словесная книга. Печатана 1732 году (безъ обозначенія мѣста, которымъ былъ, конечно, Петербургъ. Мал. 8°. 104)“, представляющая собой собраніе параллельныхъ вокабулъ на указанныхъ въ заглавіи языкахъ. Слова были расположены здѣсь по особымъ главамъ или отдѣламъ: „I. О бозѣ и дусѣхъ. II. О мирѣ, стихіяхъ и небеси. III. О временахъ и праздникахъ. IV. О водахъ. V. О мѣстѣхъ и земляхъ. VI. О человѣкѣ и его частѣхъ. VII. О болѣзнехъ, немощахъ. VIII. О брашнѣ, ѣствѣ. IX. О питіи. X. О животныхъ четвероногихъ. XI. О птицахъ. XII. О червѣхъ и мухахъ и ѕміяхъ. XIII. О рыбахъ. XVI. О древѣхъ. XV. О овощахъ. XVI. О житахъ и пшеницахъ и ѕеліи огородномъ. XVII. О частѣхъ древесъ, купинъ и плодовъ. XVIII. О ѕеліи и цвѣтахъ. XIX. О ароматахъ или о кореніи и ѕеліи многоцѣнномъ. XX. О деревни(,)полѣ и селѣ. XXI. О сосудѣхъ деревенскихъ. XXII. О градѣ, о городѣ. XXIII. Имена странъ и народовъ. XXIV. О домѣ. XXV. О избѣ и вещахъ къ столу принад-

[1]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. Ак. Наукъ», т. 1, стр. 441.
[2]) Тамъ же, т. VI, стр. 171.

лежащихъ. XXVI. О поварнѣ. XXVII. О ложницѣ(,) о спальни. XXVIII. О конюшнѣ. XXIX. О мылнѣ или банѣ. XXX. О школѣ и о книгахъ. XXXI. О церкви и о вещахъ и людяхъ церковныхъ. XXXII. О судовыхъ дѣлѣхъ. XXXIII. О началѣхъ политичныхъ или мирскихъ. XXXIV. О ученыхъ и художникахъ. XXXV. О художникахъ или рукодѣльникахъ. XXXVI. О женитвѣ(,) о брацѣ и о сродствѣ. XXXVII. О сродствѣ. XXXVIII. О прядвѣ. XXXIX. О одѣяніи или платіи. XL. О краскахъ. XLI. О брани воинской. XLII. О кораблѣ. XLIII. О играніи или игралищахъ. XLIV. О рудахъ, о жемчюгахъ и драгоцѣнномъ каменіи. XLV. О денгахъ. XLVI. Имена градовъ". Далѣе слѣдуютъ „Нѣкоторая прилагательная; глаголы 1, 2, 3, 4-го спряженій; предлоги которые винительнымъ управляютъ; предлоги относительнымъ управляющіи. Предлоги обоими падежи управляющіи".

Названная книжка служила руководствомъ при преподаваніи латинскаго и нѣмецкаго языковъ въ кадетскомъ шляхетномъ корпусѣ и не лишена значенія и до сихъ поръ, какъ источникъ для опредѣленія времени заимствованія тѣхъ или другихъ иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ въ теченіе XVIII в. (Имѣется въ библ. Имп. Акад. Н. и Имп. Публ.).

Первый печатный французско-русскій словарь, заключавшій въ себѣ, впрочемъ, также нѣмецкія и латинскія слова [1]), явился уже гораздо позже, а именно, если вѣрить Сопикову („Опытъ росс. библіографіи" № 5889), въ 1755 — 1768 (въ дѣйствительности 1764) гг. Это былъ: „Новой лексиконъ на французскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и россійскомъ языкахъ, переводу ассессора Сергѣя Волчкова. Часть перьвая съ литеры A, по литеру G. Въ Спб. при Императорской Академіи Наукъ (годъ не обозначенъ). 8°. 2+1066 стр." [2]). Словарь этотъ издавался и впослѣдствіи [3]).

---

[1]) Словари-полиглотты, какъ это было естественно при отсутствіи словарныхъ пособій по отдѣльнымъ языкамъ, пользовались у насъ въ XVIII в. довольно большимъ распространеніемъ и появлялись часто. Отчасти это явленіе было слѣдствіемъ обычнаго у насъ въ тѣ времена способа составленія такихъ словарей, заключавшагося въ переводѣ на русскій языкъ уже готовыхъ иностранныхъ словарей (какъ это было, напр., со словаремъ Вейсмана, см. выше), или въ механической компиляціи нѣсколькихъ также уже готовыхъ словарей.

[2]) Вторая часть этого словаря, имѣющаяся въ Имп. Публич. библіотекѣ. озаглавлена иначе: «Новаго вояжирова лексикона на французскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и россійскомъ языкахъ. Часть вторая съ литеры G, до конца алфавита. Въ Санктпетербургѣ при Имп. Акад. Наукъ. 1764». (8°. 2 + 1282 стр.) Переводился этотъ словарь Волчковымъ въ теченіе 1747—1749 гг. и, повидимому, законченъ былъ къ 1750 г. См. Сухомлиновъ, «Матер. для исторіи Имп. Акад. Наукъ», т. VIII, 521—22, 525—26; IX, 354, 391—92, 419—21, 757, т. X, 364.

[3]) Имѣется 2-е изданіе: «Французской подробной лексиконъ, содержащій

Эти первыя руководства для изученія нѣмецкаго и французскаго языковъ, составленныя по инниціативѣ Академіи Наукъ и при участіи ея членовъ и служащихъ при ней, открываютъ собой довольно длинный рядъ разнаго рода аналогичныхъ пособій, вышедшихъ въ теченіе одного только XVIII вѣка, особенно во второй его половинѣ, послѣ открытія Московскаго университета и двухъ гимназій при немъ (1755 г.). Такъ по нѣмецкому языку вышло однихъ грамматикъ (кромѣ уже указанной выше) не менѣе 11 [1]), не считая повторныхъ изданій; краткихъ руководствъ, въ родѣ азбукъ или букварей, содержавшихъ въ себѣ не только наставленія къ чтенію и склады, но нерѣдко и краткую грамматику, вокабулы, разговоры, статейки для перевода и т. д.,—также не менѣе 11 [2]).

Въ послѣдней четверти XVIII в. явились и нѣмецкія хрестоматіи: 1) „Introduction à la lecture Des auteurs allemands à l'usage du noble corps Impérial des Cadets de terre; à St. Petersbourg. 1776“. (Мал. 8°. 212 стр.). Руководство это очевидно предназначалось для знакомыхъ уже съ французскимъ языкомъ, какъ показываютъ французскія объясненія словъ, приложенныя къ половинѣ статей. За нимъ послѣдовало руководство Ѳедора Сапожникова: „Auserlesene Stellen aus den besten Deutschen Schriftstellern zum Gebrauch bey den Kayserlichen Gymnasien zu Moskau. Избранныя мѣста изъ лучшихъ Нѣмецк. писателей для употребленія при Императ. Моск. Гимназіяхъ. М. въ Унив. Тип. у Н. Новикова. 1780“. 8°. (12 ненум.+379 стр.). Черезъ пять лѣтъ

въ себѣ всѣ слова французскаго языка, всѣ ученыя, такъ же и техническія названія, собственныя имена людей, земель, городовъ, морей и рѣкъ съ Нѣмецкимъ и Латинскимъ; преложенный на Россійской языкъ при первомъ изданіи Сергѣемъ Волчковымъ; а при нынѣшнемъ второмъ вновь просмотренной и исправленной. При Императорской Академіи Наукъ». 4°. Ч. I. 1778 г. A—I, 2 ненум. + 863 стр. и Ч. II. 1779 г. I—Z, 2 ненум. + 851 стр. (Имп. Публ. Библ.); 3-е изданіе: «Французскій лексиконъ, содержащій въ себѣ всѣ слова французскаго языка, таковъ всѣ въ наукахъ, художествахъ и ремеслахъ употребительныя названія, собственныя имена людей, земель, городовъ, морей и рѣкъ, съ нѣмецкимъ и латинскимъ преложенные на россійской языкъ при первомъ изданіи Сергеемъ Волчковымъ, а при семъ третіемъ вновь пересмотренный и выправленный, съ прибавленіемъ многихъ словъ и реченій. Спб. Иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ. 4°, Часть I. A—Д. 1785 г. 2 + + 506 стр. Часть II. Д—O. 1786 г. 2 + 523 стр. Часть III. O—Z. 1787 г. 2 + + 586 стр. (Библ. Спб. Ун. и Имп. Публ. Библ.). Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.» подъ № 5890 и 5891 цитируетъ эти заглавія съ произвольными дополненіями и измѣненіями и невѣрно обозначаетъ годъ 3-го изданія—1795.

[1]) См. въ концѣ главы приложеніе А.

[2]) См. въ концѣ главы приложеніе Б.

надо было разбирать!

вышла 3-я христоматія, озаглавленная: „Das Buch für Anfänger im Lesen und Denken. Von C. H. Wölke. S. Petersburg. 1785. Aus der Breitkopfschen Buchdruckerey. Mit Erlaubniss des Policey Amts (8°. 204 стр. Библ. Спб. Унив.)“. Въ предисловіи къ ней находимъ списокъ подписчиковъ, до нѣкоторой степени характеризующій своими указаніями состояніе преподаванія нѣмецкаго языка и спроса на него въ то время. Изъ этого списка узнаемъ, что по 100 экземпляровъ книги, очевидно для поддержки изданія, потребовали для себя Великіе Князья Александръ и Константинъ Павловичи; сухопутный корпусъ и Московскій воспитательный институтъ по 300 экз., артиллерійскій корпусъ и воспитательный домъ по 100, а архангельская семинарія (единственная въ спискѣ) всего 9 экз. Остальные подписчики (частныя лица и книгопродавцы, огромное большинство которыхъ—иностранцы) заявили требованія лишь на небольшое число экземпляровъ, большею частью очевидно для личнаго употребленія. Требованія на книгу были заявлены изъ Амстердама, Берлина, Бордо, Курляндіи, Данцига, Дессау, Дрездена, Дерпта, Гамбурга, Іевера, Киля, Копенгагена, Кенигсберга, Лемберга, Лейпцига, Лиссабона, Любека, Магдебурга, Нарвы (все нѣмцами), Ремшейда, Риги и Лифляндіи, Ревеля, Стокгольма, Вѣны, Выборга и Цербста. Изъ русскихъ городовъ въ этомъ спискѣ фигурируютъ только: С.-Петербургъ (огромное большинство подписчиковъ—нѣмцы), Архангельскъ (тоже), Ярославль (единственный подписчикъ — проф. Löchner) и Москва (единственный подписчикъ—институтъ). Черезъ три года появляется такое же руководство въ Москвѣ: „Deutsches Lesebuch für junge Anfänger in der deutschen Sprache. Учебная книга для юношества, начинающагося учиться нѣмецкому языку. Въ Типографіи Компаніи Типографической, съ Указнаго дозволенія. Москва. 1788“. (8°. 147 стр.). Въ 1792 г. явилась „Нѣмецкая хрестоматія“ Матв. Гавр. Гаврилова (Москва), впослѣдствіи проф. росс. и славянск. словесности, изящныхъ наукъ, археологіи и эстетики въ Моск. Унив. Наконецъ, въ самомъ концѣ XVIII в., въ 1800 г., вышло шестое руководство этого рода: „Neues Lesebuch für die Anfänger in der deutschen Sprache von J. C. Müller. Mit. Genehmigung der Censur. St. Petersburg. 1800. Gedruckt in der Breitkopfschen Buchdruckerey (Мал. 8°, 76 стр.)“.

Къ 1780 году относится появленіе первой практической стилистики нѣмецкаго языка, едва ли, впрочемъ, заслуживающей это имя [1]).

[1]) Начертаніе первыхъ основаній нѣмецкаго слога, для употребленія въ публичныхъ лекціяхъ при Московскомъ Университетѣ. Часть I. Москва, 1780.

Въ послѣднія двадцать лѣтъ XVIII вѣка вышло также нѣсколько „разговоровъ“ для практическаго обученія нѣмецкому языку, часто перепечатывавшихся и впослѣдствіи [1]). Словарей нѣмецко-русскихъ и русско-нѣмецкихъ, кромѣ нѣсколькихъ изданій упоминавшагося выше словаря Вейсмана, вышло сравнительно немного, а именно не менѣе шести [2]). Нужно еще замѣтить, что, кромѣ указанныхъ пособій, имѣвшихъ въ виду, за немногими исключеніями, одинъ нѣмецкій языкъ, въ нашей учебной литературѣ XVIII вѣка было не мало руководствъ, словарей и разговоровъ по нѣсколькимъ языкамъ заразъ (въ томъ числѣ и для нѣмецкаго), которые увеличивали собой число источниковъ для полученія требовавшихся знаній. Нѣкоторыя изъ нихъ явились даже раньше соотвѣтствующихъ пособій для одного нѣмецкаго языка. Таковы были нѣкоторые многоязычные разговоры. Но объ этихъ руководствахъ мы скажемъ ниже.

Что касается французскаго языка, то, какъ это и слѣдовало ожидать, литература пособій для его изученія, вышедшихъ въ XVIII в., еще богаче, чѣмъ для нѣмецкаго языка. Однихъ французскихъ грамматикъ, не считая уже упомянутой выше 1730 г., вышло не менѣе 18 [3]). Разныхъ краткихъ руководствъ (азбукъ, букварей и т. п., содержащихъ въ себѣ нерѣдко и краткія грамматики, глоссаріи, статейки для переводовъ, разговоры и т. д.) явилось не менѣе 20 [4]). Французско-русскихъ „разговоровъ“ въ послѣднюю четверть XVIII в. насчитывалось не менѣе четырехъ [5]), а словарей, не считая уже упомянутаго выше, не менѣе пяти [6]), причемъ одинъ изъ послѣднихъ (№ 4) составленъ итальянцемъ и изданъ въ Неаполѣ. Христоматій имѣлось очень мало, по крайней мѣрѣ пишущему эти строки извѣстна только одна [7]). Очевидно, большой нужды въ нихъ не было, въ виду довольно большого распространенія произведеній французской литературы, а также частаго приложенія къ

8°. (Смирдинъ, Роспись. № 5825. У Сопикова, № 6784, заглавіе приведено въ болѣе сокращенномъ видѣ, но означена цѣна: 1 р. 20 к.).

[1]) См. въ концѣ главы приложеніе В.

[2]) См. въ концѣ главы приложеніе Г.

[3]) См. въ концѣ главы приложеніе Д.

[4]) См. въ концѣ главы приложеніе Е.

[5]) См. въ концѣ главы приложеніе Ж.

[6]) См. въ концѣ главы приложеніе З.

[7]) Livre de Lecture à l'usage des classes Françoises Etymologiques de la Pension des Nobles, établie à l'Université Impériale de Moscou. Учебная книга въ пользу среднихъ Французскихъ классовъ благороднаго пансіона при Имп. Моск. Унив. изданная И. Г. Moscou à la Typographie de l'Université chez Rüdiger et Claudi. 1794. 8°. 202+2 непум. (Библ. Имп. Ак. Н.).

учебникамъ статей для перевода. Кромѣ того, вышло нѣсколько пособій по обоимъ языкамъ—французскому и нѣмецкому: не менѣе пяти словарей [1]), христоматій—одна [2]) и разговоровъ не менѣе двухъ [3]).

Довольно много пособій явилось по англійскому языку, знакомство съ которымъ было необходимо для нашихъ моряковъ. Морское вѣдомство еще въ концѣ первой половины XVIII в. принимало мѣры для приготовленія людей, знающихъ англійскій языкъ. Такъ въ концѣ 40-хъ гг. XVIII в. были посланы въ Лондонъ для изученія названнаго языка учитель морской академіи математическихъ и навигацкихъ наукъ Алексѣй Кривовъ и подмастерье той же академіи Михайло Четвериковъ. Въ концѣ 1748 г. они прислали въ государств. адмиралтейскую коллегію нѣсколько своихъ переводовъ съ англ., которые были переданы въ академію наукъ, съ просьбой разсмотрѣть и дать отзывъ о ихъ качествѣ (Сухомлиновъ, „Матер. для ист. Имп. Акад. Наукъ", т. IX, 611).

---

[1]) См. въ концѣ главы приложеніе И.

[2]) Трезычная книга, въ пользу Россійскаго и иностраннаго юношества, обучающагося Россійскому, Нѣмецкому и Французскому языкамъ. Lesebuch in drey Sprachen zum Unterricht der Jugend im Russischen, Deutschen und Französischen. Le livre en trois langues pour faciliter à la Jeunesse l'intelligence des langues russe, allemande et françoise. Напечатано подъ смотреніемъ издателей Вѣстника. Въ Спб., печатано въ вольной Типографіи Вейтбрехта и Шнора. 1779 г. 4⁰. 8 ненум.+136 стр. (Басни, повѣсти, выписки изъ исторій Ломоносова и т. д.). Имѣется 2-ое изд.: „Въ Ригѣ, у книгопродавца Івана Гарткноха. 1786 г. 4⁰. 8 нен.+130+2 стр.

[3]) 1) Nouveau parlement ou Dialogues François-Allemands & Rus. (sic!) par Mathieu Cramer. Das ist Französisch-Deutsche-und Russische Gespräche des Herrn Matthias Kramern. Новыя французскіе, нѣмецкіе и россійскія разговоры Матвѣя Крамера. Переведенные на Россійской языкъ въ пользу Россійскаго юношества Іосифомъ Гандини. Въ Москвѣ. 1782. 8⁰. 2 ненум.+212 стр. (Имп. Публ. Библ.).

2) Nouveaux Dialogues, François, Russes et Allemands, à l'usage des commençants. Neue Französische, Russische und Deutsche Gespräche zum Gebrauch der Anfänger. Новые Французскіе, Россійскіе и Нѣмецкіе Разговоры, купно съ собраніемъ употребительнѣйшихъ словъ въ пользу начинателей. Въ Санктпетербургѣ печатано у Шнора. 1784. 8⁰. 173 стр. (Библ. Имп. Ак. Н.). Сопиковъ (№ 9475) указываетъ второе изданіе, исправленное Ѳ. Каржавинымъ. Спб. 1791 г. Въ библіотекѣ Имп. Ак. Наукъ имѣется изданіе 1799 г. (3-е?), озаглавленное: Dialogues, Français, Russes et Allemands, à l'usage des commençans. Edition augmentée par Th. Karjavine. Французскіе, Россійскіе и Нѣмецкіе разговоры, въ пользу начинателей. Съ прибавленіями изъ сочиненій Краммера и Геллерта: изданные Ѳ. Каржавинымъ, съ позволенія Санктпетербургской цензуры. Französische, Russische und Deutsche Gespräche zum Gebrauch der Anfänger. Въ Санктпетербургѣ, при Имп. Ак. Наукъ, 1799 года, иждивеніемъ купца Герасима Зотова продаются въ книжной лавкѣ подъ № 18 противъ зеркальной линіи, цѣна безъ переплета по 50 коп. 8⁰. 175+1 нен.

Первые учебники по англійскому языку явились у насъ, однако, гораздо позже. Первая англійская грамматика на русскомъ языкѣ Михайла Пермскаго (бывшаго воспитанника Александроневской семинаріи, послѣ причетника посольской церкви въ Лондонѣ и преподавателя англійскаго языка въ Морск. корпусѣ, † 1770) вышла на 36 лѣтъ позже первыхъ нѣмецкой и французской грамматикъ (въ 1766 г.) и представляла собой простой переводъ англійскаго грамматическаго учебника [1]). За нею послѣдовало нѣсколько другихъ пособій (грамматикъ и христоматій) и одинъ словарь [2]).

---

[1]) Практическая Англиская Грамматика переведенная съ англискаго языка на россійскій Морскаго шляхетнаго кадетскаго корпуса переводчикомъ Михайломъ Пермскимъ. Въ Спб. При морскомъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ. 1766 г. 8°. 2 ненум.+192 стр. (Библ. Спб. Унив. и Имп. Публ.).

[2]) 1) *Грамматики:* Англиска (такъ!) грамматика, сочиненная морскаго шляхетнаго Кадетскаго Корпуса учителемъ Прохоромъ Ждановымъ въ пользу учащагося благороднаго юношества. Въ Санкпетербургѣ. При морскомъ шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ. 1772 г. 8°. 16 ненум.+104 стр. Словарь и разговоры: 304 стр.+41 ненум. (Библ. Имп. Ак. Н. и Имп. Публ.). Посвящ. графу Н. Г. Чернышеву, вице-президенту адмиралт. коллегіи. 2-ое изд. 1801г. 8°. VII+499 стр. (тамъ же).

2) New Guide to the English Tongue. Новый предводитель англискаго языка. Печатана въ Типографіи морскаго шляхетнаго кадетскаго Корпуса 1776 года. 12°. 142 стр. (азбука, склады, упражненія для чтенія, таблицы словъ разнаго ударенія и состава, басни, разговоры, глоссарій). (Библ. Имп. Ак. Н. и Имп. Публ.). Второе изданіе съ тѣмъ же заглавіемъ: Спб. 1793. 12°. 1 нен.+142 стр. (Библ. Спб. Унив.). По словамъ Сопикова (№ 1782), неоднократно издавалась послѣ.

3) Руководство къ Англинскому языку, изданное Васильемъ Кряжевымъ. Москва. Въ Унив. Типогр. у В. Окорокова. 1791 г. X+241+8 нен. стр. (Имп. Публ. Библ.). Къ нему II ч., содержащая христоматію (см. ниже № 1).

4) Аглинская Грамматика, заключающая въ себѣ кратко всѣ правила нужныя для изученія сему языку, съ прибавленіемъ употребительнѣйшихъ разговоровъ, изданная въ пользу обучающихся сему языку, и въ особенности въ пользу Благородныхъ Воспитанниковъ въ Пенсіонѣ при Имп. Моск. Университетѣ. Москва. Въ Унив. Типогр., у Ридигера и Клаудія. 1795. 8°, 110 стр. (Имп. Публ. Библ.).

Христоматіи: 1) (Руководство къ Англинскому языку. Ч. II). Избранныя сочиненія изъ лучшихъ англинскихъ писателей прозою и стихами, для упражненія въ чтеніи и переводѣ (изд. В. Кряжевымъ). Москва, въ Унив. Типогр. у В. Окорокова. 1792 г. 8°. 4 нен.+142 стр.+5 нен. (Имп. Публ. Библ.).

2) Молодой Англичанинъ, или собраніе нравоучительныхъ пьесъ, взятыхъ изъ лучшихъ Англинскихъ писателей, въ которомъ показаны правила о выговорѣ и удареніи словъ, съ пріобщеніемъ словаря на всѣ слова въ книгѣ находящіяся, и показаніемъ выраженій, свойственныхъ Англинскому языку. Издано для гимназіи Московскаго университета. Москва. 1795. 8°. Ц. 60 коп. (Сопиковъ, № 6288 и Смирдинъ, № 5033).

3) Ждановъ, Прохоръ. A new dictionary English and Russian. Новый сло-

Первая итальянская грамматика явилась на семь лѣтъ раньше англійской грамматики Пермскаго, т. е. въ 1759 г. [1]), но число прочихъ пособій для изученія итальянскаго языка, вышедшихъ вслѣдъ за нею, уступаетъ числу пособій по англійскому языку [2]). Словаря итальянскаго XVIII в. такъ и не увидѣлъ. Только во второй четверти XIX вѣка появился первый итальянско-русскій словарь П. Криворотовой (М. 2 т. 1834—39). Не лишено интереса то обстоятельство, что всѣ эти пособія явились въ Москвѣ, подъ эгидой молодого Московскаго университета.

варь Англиской и Россійской. Въ Санктпетербургѣ, при Типографіи Морскаго Шляхетн. Кадетск. Корпуса. 1784 г. 8⁰. 6+408 ненум. Посвященъ „благороднымъ и почтеннымъ юношамъ въ Морск. Шляхетн. Кадетск. Корпусѣ". (Библ. Имп. Ак. Н. и Публ.).

[1]) Новая италіанская грамматика, собрана изъ разныхъ Авторовъ и переведена на россійской языкъ Московскаго Императорскаго Университета студентомъ Егоромъ Булатницкимъ. Печатана при Московскомъ Императорскомъ Университетѣ. Москва 1759. 8⁰. 4 ненум.+232 стр.+1 нен. (Имп. Публ. Библ.) Въ предисловіи переводчикъ объясняетъ появленіе своего труда отсутствіемъ итальянскихъ грамматикъ, вслѣдствіе котораго «многіе... съ великимъ трудомъ доставали... несравненную пользу» отъ знанія итал. языка, «а нѣкоторые и со всѣмъ ея лишались». Поэтому авторъ принялъ на себя трудъ «услужить обществу», въ чемъ ему, «предводителемъ былъ и наставленіе подавалъ бывшій Италіанскаго класса Магистръ господинъ Папафило». Переводчикъ «не сочинялъ» эту грамматику, но «выбиралъ изъ разныхъ грамматикъ, которое ему способнѣе быть казалось». Руководство это заключало въ себѣ этимологію, синтаксисъ, вокабулы, главу (VIII) о происхожденіи словъ съ латинскаго языка и собраніе разныхъ исторій (итальянскіе тексты съ русскимъ переводомъ en regard). Второе изданіе грамматики вышло въ 1774 г. Москва, Унив. Тип. 8⁰. 160 стр. (Имп. Публ. Библ.). Составитель-переводчикъ этого учебника, студентъ Московскаго Университета, Егоръ Булатницкій, умеръ въ 1767 г. въ Москвѣ. Грамматика его, по выраженію митрополита Евгенія, была «классическою» въ московской университетской гимназіи. См. о немъ Новиковъ, «Опытъ историч. словаря», Спб. 1772 г. стр. 22—23 и митроп. Евгеній, «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», изданіе «Москвитянина», т. I. Москва 1845, стр. 64.

[2]) 1) Alfabetto italiano arrichito d'un vocabulario e di dialoghi famigliari con alcune sentenze morali, all'uso delle scuole Italiane. Stampato à Mosca l'anno 1773. Азбука италіанская съ словаремъ и разговорами, также и съ нѣкоторыми правоучительными правилами къ употребленію Итальянскихъ школъ. Напечатана въ Москвѣ, при Импер. Московскомъ Университетѣ, иждивеніемъ Христіана Лудвига Вебера 1773 г. 8⁰. 2 нен.+? стр. (экземпляръ Имп. Публ. Библ. неполонъ). Второе изданіе: Alfabetto Italiano arrichito d'un vocabulario, di dialoghi famigliari con alcune sentenze morali, all'uso delle scuole Italiane. Азбука италіанская со словаремъ и т. д., какъ выше. Въ Москвѣ. Въ Унив. Тип. у Н. Новикова. 1783 г. 12⁰. 160 стр. Цѣна 50 коп.

2) Dialoghi Italiani divisi in 130 Lezioni ad uso della Gioventù, e di tutti quelli che cominciano ad imparare la detta lingua. Tradotti dal Russo da L. B. Riveduti è corretti da Giuseppe Galli. Разговоры Италіянскіе, раздѣленные

Изъ другихъ новыхъ европейскихъ языковъ въ учебной литературѣ второй половины XVIII в. представлены языки: шведскій [1]), датскій [2])—оба благодаря нашему морскому сосѣдству съ Швеціей и Даніей,—и новогреческій [3]) съ румын-

на 130 уроковъ для употребленія юношеству и всѣмъ начинающимъ учиться сему языку переведенныя съ Россійскаго Л. Б.; пересмотренныя и переправленные Іосифомъ Галли. Въ Москвѣ, печатаны у Г. Вейса. 1790 г. 12°. VIII+244.

3) Abrégé des principes de la grammaire italienne Avec la traduction Française et Russe. Краткія правила Италіанской грамматики. Съ переводомъ на Французской и Россійской языкъ, изданныя Александромъ Никифоровымъ. Москва. Въ Унив. Тип. у В. Окорокова. 1793. 8°. 40. (Имп. Публ. Библ.).

[1]) 1) Ny Anwisning at Lesa Swenska, jæmte En Orda Samling. Новое наставленіе къ Шведскому чтенію, и собраніе словъ. Въ Спб. При морскомъ шляхетномъ кадетскомъ Корпусѣ 1770 г. 8°. 75 стр. (Имп. Пуб. Библ.). Сопиковъ (№ 1892) цитируетъ вѣроятно эту же книгу подъ заглавіемъ «Азбука Шведская, или новое наставленіе и т. д. Спб. 1770. 8°».

2) Шведская грамматика по нынѣшнему онаго языка произношенію сочиненная, Королевскою Академіею Наукъ аппробованная и по приказанію оной издана, Абрагамомъ Салстетомъ, Секретаремъ Королевскимъ, а съ онаго на Россійской языкъ переведена и приумножена правилами, разговорами и нѣкоторыми краткими исторіями Иваномъ Гекертомъ. Въ Санктпетербургѣ. При морскомъ шляхетномъ кадетскомъ Корпусѣ. 1773 г. 8°. 3 ненум.+202+2 ненум. (Имп. Публ. Библ.). Посвящена Генералу Казначею, члену Государственной Адмиралтейской коллегіи и директору морск. корпуса Ивану Логиновичу Голенищеву-Кутузову. Содержитъ грамматику (151 стр.), разговоры и краткія повѣсти для чтенія.

Словарей шведскихъ у насъ въ XVIII в. не выходило. Они стали появляться у насъ только въ XIX в. Въ библіотекѣ Имп. Акад. Наукъ (I отд., отдѣлъ рукописей, шифръ 16. 16. 24) имѣются, впрочемъ, черновые матеріалы для шведско-русскаго словаря, очень неполные, носящіе странное заглавіе: «A. B. C. D. Дѣйствіе и противодѣйствіе» (Рукопись конца XVIII, начала XIX вѣка; 80 листовъ въ восьмушку писчей бумаги, среди которыхъ есть довольно много бѣлыхъ).

[2]) Nytt forsog at laesa Danske, og i lige maade en Orde bog. Новое наставленіе къ Датскому чтенію, и собраніе словъ. Въ Спб. При морскомъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ. 1770 г. 8°. 80 стр.

[3]) 1) Λεξικὸν Ῥωμαικὸν ἁπλοῦν Περιέχον Ῥωμαικὰς ἁπλὰς λέξεις μέ τὸ πόθεν ἀυταὶ πάραγονται ἤγουν ἀπὸ ποίαις γλώσσαις и т. д. Лексиконъ простаго Греческаго языка. Содержащій въ себѣ простыя Греческія слова съ присоединеніемъ того, отъ какихъ языковъ оныя происходятъ. Собранъ въ Троицкой Семинаріи. Иждивеніемъ Н. Новикова и Комп. Печатанъ въ Университ. Типографіи у Н. Новикова. (Москва). 1783. 12°. 120 стр.+6 нен. (Имп. Публ. Библ.).

2) Наставленія Греческаго простаго языка, собрано въ Московской Славено-Греко-Латинской Академіи. Москва. Въ типографіи Пономарева. 1789 г. 8°. 2 ненум.+93 стр. (Имп. Публ. Библ.).

3) Πλέον ἔνχριστοι Διαλόγοι Εἰς τὴν Ῥωσσικὴν και τὴν ἁπλὴν ἢ τὴν κοινῶς παρὰ τῶν νῦν Ῥωμαίων μεταχειριζομένην διάλεκτον, εἰς ὠφέλειαν τῶν νέων τῆς Ῥωσσίας καὶ τῶν Ῥωμαίων ἐπιθυμούντων и т. д. Употребительнѣйшіе разговоры

скимъ [1]), необходимость знанія которыхъ вызывалась распространеніемъ нашихъ границъ и сношеній на югѣ. Впрочемъ, единственное руководство къ послѣднему изъ названныхъ языковъ столько же принадлежитъ и румынской литературѣ, сколько русской.

Изъ славянскихъ языковъ посчастливилось польскому, по которому въ послѣдней четверти XVIII вѣка явилось небольшое число пособій, а именно одинъ словарь и двѣ грамматики [2]).

Образчики славянскихъ языковъ приводились въ русской транскрипціи еще у Сумарокова въ его разсужденіи „О происхожденіи Россійскаго народа" (см. выше, стр. 292). Послѣ него тексты польскій, чешскій и сербскій (далматинскій), напечатанные впервые (въ 1794 г.) подлиннымъ латинскимъ алфавитомъ (хотя и не безъ ошибокъ, благодаря типографскимъ условіямъ), находимъ въ начальномъ учебникѣ французскаго языка, составленномъ Ѳеодоромъ Каржавинымъ: „Новая и полная азбука и т. д.". (См. полное заглавіе въ концѣ главы, приложеніе Е, № 11).

на Россійскомъ и простомъ, или общенародно нынѣ Греками употребляемомъ языкѣ, въ пользу Россійскаго юношества и Грековъ, желающихъ обучаться Россійскому языку, изданные Московской Славено-Греко-Латинской Академіи Учителемъ Іеродіакономъ Владиміромъ. Москва. Въ Унив. Типогр. у Ридигера и Клаудія. 1795. 8°. 1 загл. листъ+137 стр. (Имп. Публ. Библ.).

5) Словарь простаго, или общенародно нынѣ Греками употребляемаго языка, содержащій въ себѣ, по показанію произношенія каждой буквы, 1) краткое начертаніе Грамм. правилъ онаго языка, какъ-то: склоненія, спряженія и сочиненія словъ 2) Лексіконъ чистыхъ Еллинскихъ словъ, употребляемыхъ въ простомъ Греческомъ языкѣ, съ Россійскимъ переводомъ, за которымъ наконецъ 3) слѣдуетъ Россійско-просто-Греческій лексіконъ, въ которомъ помѣщены многія употребительнѣйшія рѣченія, съ поставленными надъ каждымъ Россійскимъ словомъ оксіами, или удареніемъ, собранный въ пользу Россійскаго юношества и грековъ, желающихъ обучаться Россійскому языку, Московскія славено-греко-латинскія академіи Р. А. Меѳодіемъ. Москва. Въ Унив. типографіи, у Ридигера и Клаудія. 1795. 8°. 278. (Имп. Публ. Библ.).

[1]) Разговоры (домашніе), Россійскіе и Молдавскіе, съ пріятельскими комплиментами; изд. Протоіеремъ Молдавскимъ и Бессарабскимъ, Михайломъ Стрелбецкимъ, въ собственной своей типографіи. Яссы. 1789 (Сопиковъ, № 9442. Въ библіотекахъ Имп. Ак. Наукъ и Публ. не имѣется).

[2]) 1) Польскій общій Словарь и Библейный съ Польскою, Латинскою, Россійскою новоисправленною библіями смѣчиванъ; и по порядку книгъ, главъ и стиховъ, тройственнымъ штилемъ, высокимъ, среднимъ и простонароднымъ на Россійскій языкъ переведенъ Коллежскимъ ассесоромъ Киріякомъ Кондратовичемъ. Въ Спб. При Имп. Акад. Наукъ. 4°. 6 непум. + 292 стр. (Библ. Спб. Унив. и Имп. Публ.). Въ концѣ (стр. 255—292) находится «Польскій Библейный словарь самыхъ странныхъ именъ Великороссіянамъ неудобноразумѣваемый, смѣчиванъ съ троими печатными библеи, съ Польскою переведенною съ Еврейскаго и съ Греческаго языковъ; съ Латинскою Вульгатною,

Довольно много учебниковъ вышло по классическимъ языкамъ: греческому и латинскому. По первому изъ нихъ насчитывается не менѣе 9 грамматикъ [1]), относящихся по времени своего появленія большею частію къ послѣднимъ 35 годамъ XVIII столѣтія, нѣсколько другихъ краткихъ пособій (азбукъ и христоматій) [2]), но ни одного словаря. Недостатокъ послѣдняго возмѣщался лишь отчасти нѣкоторыми многоязычными словарями, въ которые входилъ и греческій языкъ (см. о нихъ ниже). Первымъ изъ нихъ былъ упомянутый уже выше (стр. 198) „Лексиконъ треязычный“ Ѳ. Поликарпова.

Учебная литература по латинскому языку была богаче и возникла гораздо раньше аналогичной литературы по греческому языку. Такъ первая печатная латинская грамматика Копіевича вышла еще въ 1700 году (см. выше, стр. 197), слѣдующая за нею, предназначенная для преподаванія въ академической гимназіи въ Петербургѣ, явилась въ 1746 г. [3]), латино-нѣмецкіе вокабулы — въ 1732 г. (см. выше, стр. 325), а „домашніе разговоры“ на нѣсколькихъ языкахъ, въ томъ числѣ и на латинскомъ,—въ 1738 и лат. букварь—въ 1739 году. Очевидно, латинскимъ языкомъ больше интересовались, чѣмъ греческимъ. Такъ однихъ латинскихъ грамма-

---

или Іеронимовою, и съ Россійскою новоисправленною, не по алфавиту, но по порядку книгъ, главъ и стиховъ, отъ начала ветхаго закона, до конца новаго завѣта».

2) Грамматика Польская, для Пользы и Употребленія Россійскаго Юношества, изданная Академіи Кіевской Учителемъ Исторіи Географіи и Польскаго языка Максимомъ Сѣмигиновскимъ въ Кіевѣ. Печатано въ типографіи Академіи Кіевской при Лаврѣ Печерской. 1701 г. 8°. XVI + 159 + 1 стр. опечатокъ (Имп. Публ. Библ.).

3) Краткія правила Польскаго языка, съ присовокупленіемъ къ нимъ употребительнѣйшихъ словъ, разговоровъ и примѣровъ для чтенія въ пользу и удовольствіе желающихъ скоро выучиться оному. Изданная Яковомъ Благодаровымъ. Москва. Въ Унив. Типографіи. 1796 г. 12°. 4 + 80 стр. Ц. 50 к. (Имп. Публ. Библ.).

[1]) См. въ концѣ главы приложеніе І.

[2]) См. въ концѣ главы приложеніе К.

[3]) Сокращеніе грамматики латинской въ пользу учащагося латинскому языку Россійскаго юношества переведено чрезъ Василья Лебедева, переводчика при Академіи Наукъ. Въ Санктпетербургѣ при Императ. академіи наукъ. 1746 г. Мал. 8°. 335 + 4 ненум. стран. (Библ. Имп. Ак. Н.). Второе изданіе: Спб. 1762. 8°. (Библ. И. А. Н.) вышло подъ наблюденіемъ Ломоносова (см. Билярскаго, «Матеріалы для біографіи Ломоносова». Спб. 1865, стр. 624). Сопиковъ (№ 2902) указываетъ 3-е изд. Спб. 1774 г. Имѣется также изданіе 1779 г., озаглавленное: Краткая грамматика латинская въ пользу учащагося лат. языку Россійскаго юношества, прежде сего переведенная, а нынѣ вновь пересмотрѣнная и исправленная Академіи Наукъ переводчикомъ Васильемъ Лебедевымъ. Въ Спб. При Имп. Ак. Наукъ 1779 г. 8°. 6 ненум. + 335 стр. + XVI

тикъ съ конца первой половины XVIII в. вышло не менѣе 9 [1]); азбукъ и другихъ подобныхъ руководствъ — не менѣе 12 [2]), словарей—5 [3]) и нѣсколько разныхъ другихъ пособій: христоматій [4]), основаній синтаксиса и стилистики [5]). Многія изъ этихъ пособій выдержали не одно изданіе.

Всю эту довольно богатую учебную литературу по отдѣльнымъ новымъ и древнимъ языкамъ еще болѣе увеличивали разныя многоязычныя пособія [6]), къ которымъ относится и рядъ спеціальныхъ научныхъ и техническихъ словарей [7]).

Настоящаго научнаго характера, конечно, ни одно изъ произведеній этой довольно богатой литературы не имѣло, но извѣстное и притомъ довольно большое историческое и подготовительное значеніе за нею должно быть признано. Нѣкоторыя изъ пособій (особенно словарей) были для своего времени очень обстоятельными и полными. Оригинальныхъ трудовъ среди нихъ было совсѣмъ мало. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ это были передѣлки, а то такъ и простые переводы учебниковъ и словарей, вышедшихъ на западѣ и уже получившихъ тамъ большее или меньшее распространеніе. Такимъ образомъ, при добромъ желаніи, русскій человѣкъ XVIII вѣка, особенно во второй его половинѣ и послѣдней четверти, могъ учиться главнѣйшимъ новымъ и древнимъ языкамъ по руководствамъ, написаннымъ на его родномъ языкѣ. Такъ какъ почти всѣ эти руководства представляли собой переводы или легкія передѣлки соотвѣтственныхъ пособій, употреблявшихся на западѣ, то, очевидно, наша учебно-лингвистическая литература XVIII в. по качествамъ не многимъ уступала аналогичной западной, не будучи, однако, въ состояніи равняться съ нею количествомъ. Во всякомъ случаѣ ростъ этой литературы свидѣтельствовалъ о развитіи нашего просвѣщенія и совпадалъ

(прибавленій, переведенныхъ изъ грамматики, называемой Marchica). Седьмое изданіе вышло тамъ же въ 1792 г. (8°. 6 ненум. + 336 стр. + XVI прибавленій). Учебникъ этотъ принадлежалъ къ очень употребительнымъ и продолжалъ издаваться и въ XIX в. Въ библіотекѣ Спб. Университета имѣется 10-е изданіе (Спб. 1808 г. 8°. XV + 336 стр. + 4 ненум.). Грамматика Лебедева содержала въ себѣ этимологію, синтаксисъ, просодію и календарь, не считая прибавленій (стилистическія и синтактическія правила).

[1]) См. въ концѣ главы приложеніе Л.

[2]) См. въ концѣ главы приложеніе М.

[3]) См. въ концѣ главы приложеніе Н.

[4]) См. въ концѣ главы приложеніе О.

[5]) См. въ концѣ главы приложеніе П.

[6]) См. въ концѣ главы приложеніе Р.

[7]) См. въ концѣ главы приложеніе С.

также и съ появленіемъ уже вполнѣ оригинальныхъ печатныхъ грамматическихъ работъ по нѣкоторымъ восточнымъ языкамъ, хотя покуда еще очень немногочисленныхъ (см. ниже гл. XIII).

Немаловажное значеніе имѣетъ разсмотрѣнная литература для исторіи нашей грамматической терминологіи. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые изъ перечисленныхъ выше учебниковъ [1]) явились *раньше* „Россійской грамматики" Ломоносова (1755 г.) и потому должны быть приняты во вниманіе при рѣшеніи вопроса о времени появленія тѣхъ или другихъ грамматическихъ терминовъ. Терминологія этихъ учебниковъ примыкаетъ, разумѣется, къ терминологіи М. Смотрицкаго, и это объясняетъ намъ, почему нѣкоторыя нововведенія въ этой области, сдѣланныя Ломоносовымъ, не привились. Такъ въ нѣмецкой грамматикѣ 1745 г. находимъ *междометіе* (такъ и во франц. грамматикѣ Теплова 1752 г.), а не *междуметіе*, какъ у Ломоносова, тамъ же, рядомъ съ терминомъ *складъ* (какъ у Ломоносова), находимъ и *слогъ, слоги*; здѣсь же находимъ современные термины: *членъ опредѣленный* и *неопредѣленный*, *окончаніе* (Endigung), *главное предложеніе* (Hauptsatz), *тоническое удареніе*, *косвенные* падежи (casus obliqui), стихи *ямбическіе*, *трохеическіе*, *дактилическіе* и т. д. Verba auxiliaria передаются еще здѣсь по русски: глаголы *помогающіе* (такъ и во франц. грамматикѣ Теплова 1752 г.), и лишь сорокъ слишкомъ лѣтъ спустя мы находимъ терминъ: глаголы *вспомогательные* (въ нѣмецкой грамматикѣ Шалля, 1786 г.).

Значительную роль въ развитіи вышеразсмотрѣнной учебно-лингвистической литературы играли наши молодыя учебныя заведенія XVIII вѣка: кадетскіе корпуса, академическая гимназія въ Петербургѣ, Московскій университетъ и гимназіи при немъ, а также и духовныя высшія учебныя заведенія, какъ Кіевская и Московская духовныя академіи. Очень многіе грамматическіе учебники и словари были изданы именно для нуждъ преподаванія въ перечисленныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Особыя заслуги по изданію этихъ пособій принадлежатъ Н. И. Новикову, по почину котораго нѣкоторыя изъ нихъ были даже и составлены. Имя его, какъ издателя указанныхъ пособій, столь важныхъ для развитія нашего просвѣщенія, встрѣчается очень часто. За нимъ уже слѣдуютъ позднѣйшіе арендаторы московской университетской типографіи—Ридигеръ и Клаудій и другія лица и учрежденія, занимавшіяся изданіемъ подобныхъ учебниковъ и пособій.

[1]) Нѣмецкія грамматики 1730, 1734, 1745 г., французскія грамматики 1730 и 1752 гг. (въ послѣднемъ году двѣ: Теплова и Делаваля), латинская грамматика 1746 г. и т. д.

Рядомъ съ учебниками, хотя бы и переводными, но изданными въ Россіи, употреблялись у насъ, особенно въ первое время, и руководства заграничнаго изданія. Такъ въ вѣдомости книгамъ, необходимымъ для академической гимназіи въ 1732 г. [1]), значатся: 8) Die Märckische grammatique, 9) Auszug der Märckischen grammatique, 17) Welleri grammatica graeca. Въ январѣ 1735 г., въ реестрѣ, «коликое число надобно книгъ къ ученію на 50 учениковъ» академической же гимназіи, находимъ, что для преподаванія латинской грамматики требовалось 25 экземпляровъ «Алваровъ или грамматикъ латинскихъ», кромѣ 25 экземпляровъ «Элементовъ или азбукъ латино-русскихъ» и 5 экземпляровъ «Лексиконовъ, или диціонаріевъ славяно-латинскихъ» [2]). Точно такъ же, въ описи книгъ, вещей и т. п., принадлежащихъ академической гимназіи, отъ 23 марта 1748 г., показаны находящимися въ латинскомъ классѣ: Василья Фабра латинскій лексиконъ, печатанный въ Лейпцигѣ въ 1735 г. (2 т. in folio), и Фришевъ французскій и нѣмецкій лексиконъ (8°. Лейпцигъ, 1739) и т. д. [3]).

Знаніе новыхъ европейскихъ языковъ, несмотря на довольно изрядное количество пособій, стояло всетаки на сравнительно низкомъ уровнѣ, особенно въ первую половину XVIII в. Мы видѣли уже выше (стр. 324), что академическіе переводчики Ильинскій, Горлицкій и Сатаровъ, принимавшіе участіе въ переводѣ нѣмецко-латинскаго словаря Вейсмана (Спб. 1731), не знали по нѣмецки и переводили только латинскія значенія. Другой плодовитый переводчикъ XVIII в., одно время учитель лат. языка въ Екатеринбургской «латинской гимназіи», Киріакъ Кондратовичъ, которому академія, еще до принятія его въ свою службу, поручила переводить одинъ лексиконъ, писалъ (15 іюня 1740 г.) академіи: «что-жъ касается до Киршіева лексикона, то я не знаю нѣмецкаго языка, и ради того изъ иныхъ авторовъ толковать принужденъ», а въ іюлѣ 1741 г. вернулъ названный лексиконъ обратно непереведеннымъ [4]).

Довольно яркой иллюстраціей плохого знакомства съ иностранными новыми и древними языками въ это же время могутъ служить курьезныя транскрипціи русскими буквами иностранныхъ заглавій въ спискѣ книгъ, взятыхъ послѣ смерти Брюса въ академію наукъ въ 1742 г. Списокъ этотъ вѣроятно составлялся кѣмъ

---

[1]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. Акад. Наукъ», т. II. 178.
[2]) Тамъ же, стр. 576.
[3]) Тамъ же, т. IX, стр. 120—121.
[4]) Тамъ же, т. IV стр. 421—22.

нибудь изъ состоявшихъ при академіи переводчиковъ и т. п. мелкихъ служащихъ. Транскрипціи эти не представляютъ буквальной подстановки русскихъ буквъ подъ иностранныя, но мѣстами находимъ въ нихъ и поползновенія передать произношеніе. Такъ въ спискѣ значатся: «Философикалъ принцыплесъ офъ религіонъ натураль на аглинскомъ языкѣ, Рекуль (Recueil!) демблемсъ диверсъ медалу (?) на франц. языкѣ, Мумieумъ (Musaeum!) синикумъ Теофили Сижефриди Баери на лат. языкѣ, Атреатисъ (A treatise!) офъ теи сплентъ онъ вапорсъ (?) на агл. языкѣ, Эрцейгункъ (Erzeugung?) деръ меншинъ на нѣм. языкѣ» и т. д. [1]). Подобныя же курьезныя транскрипціи имѣются въ «Любопытной азбукѣ» 1793 г. (см. въ концѣ главы приложеніе Р. № 1).

Нѣкоторые европейскіе языки совсѣмъ или почти совсѣмъ не изучались у насъ. Такъ, напримѣръ, мы не имѣемъ указаній на знакомство съ испанскимъ языкомъ, если не считать заглавія одной изъ книгъ библіотеки бывшаго князя Дмитрія Голицына, взятой въ 1739 г. въ академію наукъ: «Наставленіе мужа праведнаго. Переведена съ гишпанскаго языка съ приданнымъ автором съ Сектейдіамъ» [2]). Но переводъ этотъ могъ быть сдѣланъ и съ какого нибудь другого европейскаго языка, на который былъ переведенъ «гишпанскій» подлинникъ. Примѣры такихъ переводовъ, какъ извѣстно, нерѣдки и въ наше время.

Преподавателями европейскихъ языковъ были люди большею частью мало образованные и совсѣмъ не знакомые съ русскимъ языкомъ. Такъ преподаватель нѣмецкаго языка въ академической гимназіи, Шваневицъ, по отзыву академика Г. Ф. Мюллера, былъ человѣкомъ недостаточно образованнымъ (см. выше, стр. 324), а въ январѣ 1749 г. канцелярія академіи наукъ, по поводу требованія академическаго регламента, чтобы обученіе иностраннымъ языкамъ происходило на русскомъ языкѣ, свидѣтельствовала о неудачѣ своихъ ревностныхъ стараній «пріискать искусныхъ учителей, которые бы могли помянутымъ образомъ обучать». Въ виду такой неудачи, канцелярія академіи ходатайствовала объ оставленіи преподаванія иностранныхъ языковъ на прежнихъ основаніяхъ [3]). Если таково было положеніе дѣла въ академической гимназіи, поставленной въ особо благопріятныя условія, благодаря компетентности академиковъ, надзиравшихъ за преподаваніемъ въ ней и имѣвшихъ многочисленныя знакомства и связи

[1]) Тамъ же, т. V, стр. 172—173—176 и т. д.

[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 178.

[3]) Тамъ же, т. IX, 650—51.

за границей, то въ другихъ учебныхъ заведенiяхъ оно, конечно, стояло на еще болѣе низкомъ уровнѣ [1]). Исключенiя изъ общаго правила наблюдались, и среди тогдашнихъ преподавателей новыхъ языковъ встрѣчались образованные люди и хорошiе педагоги (графъ Ранцовъ, Ѳ. Каржавинъ, Гельтергофъ), но они были рѣдки. Тѣмъ не менѣе знанiе иностранныхъ новыхъ и древнихъ языковъ къ концу XVIII в. распространялось у насъ все шире и шире. Спросъ на учебники росъ и вызывалъ появленiе новыхъ руководствъ. Въ послѣднюю четверть XVIII в. является даже родъ введенiя въ филологiю, исторiю и практическую педагогику, правда переводнаго, но очевидно отвѣчавшаго назрѣвшей потребности въ подобномъ руководствѣ. Книга эта носила заглавiе: «Способъ, которымъ можно учить и обучаться словеснымъ наукамъ. Сочиненъ г. Ролленомъ, а съ франц. языка на россiйской переведенъ Иваномъ Крюковымъ. 8 частей. Въ Спб. при Имп. Акад. Наукъ»: Часть I (ц. 50 к. 1774 г. 17 нум. стр.+3 ненум.+378 нум.+ +2 ненумер. [опечатки]), кромѣ общихъ педагогическихъ наставленiй (о цѣляхъ обученiя дѣтей, въ какихъ лѣтахъ можно начинать обученiе, чему учить и т. д.), заключала въ себѣ главы: о франц. грамматикѣ (стр. 150—157), о знанiи языковъ (стр. 255), о изученiи франц. языка (стр. 256—378); вторая часть (ц. 70 к. 1775 г. 3 ненум. листка [заглавiе и реестръ]+341+2 ненум. [опечатки]) также трактовала во II главѣ «о изученiи Греч. языка. § 1 Польза и надобность сего языка (стр. 1—25). II. Какимъ порядкомъ надлежитъ обучать оному (25—47)», а въ III главѣ говорилось «о изученiи лат. языка (стр. 47—142: о томъ, что надлежитъ дѣлать въ 6 и 5 классахъ, о томъ, что должно наблюдать въ высшихъ классахъ. О обыкновенiи заставлять говорить по Латынѣ въ классахъ)». Въ этихъ двухъ частяхъ заключается цѣлый рядъ грамматическихъ замѣчанiй о франц. и латинск. произношенiи, стилистикѣ и т. д. Слѣдующiя части трактовали: о реторикѣ (ч. III, 1779), о 3 родахъ краснорѣчiя (ч. IV, 1779), о исторiи (ч. V, VI, 1780, и VII, 1783), «о правленiи классовъ», т. е. классной дисциплинѣ, личномъ составѣ и т. д. (ч. VIII, 1783). На книгу былъ очевидный спросъ и повидимому болѣе всего на первыя двѣ части, потому что онѣ вышли новымъ изданiемъ въ 1783 г. (безъ обозначенiя, которое изданiе), а всѣ 8 частей вторымъ изданiемъ—въ 1789 г. (всѣ изданiя имѣются въ Имп. Публ. Библ.).

---

[1]) См., напр., характеристику преподавателей новыхъ языковъ въ Казанской первой гимназiи у Владимiрова, «Историческая записка о 1-й каз. гимназiи», Ч. I. Казань 1867, стр. 38.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Грамматики нѣмецкаго языка.

1) Нѣмецкая грамматика, сочиненная въ пользу и употребленіе Благороднаго Юношества. При Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ корпусѣ. Печатана въ типографіи онаго жъ корпуса. Спб. 1760. 8°, 394 стр. + 1 ненум. (Имп. Публ. Библ.). Грамматика эта представляетъ передѣлку нѣм. грамматики Готшеда, какъ это видно изъ заключительныхъ словъ учебника, въ которыхъ читатель отсылается къ «сочиненной Г. профессоромъ Годшейдомъ пространной Грамматикѣ, которой и при сочиненіи сей книги по большей части слѣдовано» (стр. 394). (Очевидно 1-е изданіе учебника, приведеннаго ниже подъ № 3).

2) Краткая нѣмецкая грамматика, собранная изъ разныхъ авторовъ въ пользу Россійскаго юношества, переводчикомъ Михайломъ Агентовымъ, обучающимъ въ гимназіи Императ. Московск. Университета Нѣмецкой Синтактической классъ. Печатана въ Университ. типографіи въ 1762 году, чрезъ фактора Гоіера». 8°, 8 ненум. + 196 стр. + 2 ненум. (И. П. Б.). 2-е изд. съ прибавленіемъ синтаксиса. Иждивеніемъ университетскаго книгопродавца Христіана Ридигера. Въ университ. типографіи. Москва. 1779. 8°. V + 264 стр. (Имп. Публ. Библ.). 3-е изд. съ прибавленіемъ синтаксиса. Москва. 1789. Въ унив. тип. 8°. 6 ненум. + 200 стр. (Имп. Публ. Библ.).

3) Готшедова нѣмецкая грамматика. вновь исправленная и для пользы и употребленія россійскаго благороднаго юношества напечатанная, вторымъ тисненіемъ. Спб. При морскомъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ. 1769. 8°. 421 стр. (Очевидно второе изданіе учебника, приведеннаго выше подъ № 1. Сопиковъ, «Опытъ росс. библіогр.» № 2926 невѣрно считаетъ это изданіе первымъ и указываетъ изданія: 2-е [т. е. 3-е]: Спб. 1789 и 3-е [4-е]: Спб. 1791). Имѣется въ библ. Спб. Унив.

4) Нѣмецкая грамматика, въ которой не токмо всѣ части рѣчи или произведеніе словъ, но и синтаксисъ или сочиненіе словъ, оба надлежащими примѣрами объяснены, въ пользу россійскаго юношества. Издана учителемъ нѣмецкаго языка, въ Московскомъ Императ. Университетѣ [Гельтергофомъ]. Печатана при универс. типографіи, 1770 году. Москва 8°. II ненум. + 274 + + II ненум. Это былъ первый учебникъ нѣм. языка, въ которомъ имѣлся и болѣе подробный синтаксисъ. (2-е изданіе грамматики Агентова, «съ прибавленіемъ синтаксиса» вышло только въ 1779 г. См. выше). Книжка снабжена интереснымъ предисловіемъ автора, въ которомъ онъ сообщаетъ, что его книгу «при совѣтованіи его начальствующихъ отчасти надобность, а отчасти къ обществу любовь произвели на свѣтъ. Намъ... не доставало печатнаго Синтаксиса». Прежде изданныя грамматики авторъ считаетъ неудачными въ отношеніи синтаксиса. Интересно слѣдующее мѣсто, свидѣтельствующее о рѣдкой и въ наше время широтѣ взгляда автора на педагогическіе пріемы: «есть ли бы я причину имѣлъ думать, что юношество по какимъ либо мѣстамъ, какъ то за 50 лѣтъ тому назадъ, было употребительно, подъ угрозою наказанія будетъ принуждаемо, всѣ въ сей Грамматикѣ находящіяся Правила и Примѣчанія отъ слова до слова на изустъ выучать, то я бъ теперь весьма сожалѣлъ о томъ, что къ сочиненію сей Грамматики приложилъ трудъ свой. Но я увѣренъ, что сего мрачнаго и мучительнаго времени въ наши нынѣ просвѣщенныя времена не многіе уже слѣды остались». Авторъ въ заключеніе полагаетъ, что въ грамматикѣ «обязанъ учитель подчиненныхъ своихъ заста-

влять болѣе дѣйствовать разумомъ». 2-е изданіе этой грамматики вышло, по указанію Сопикова, цитирующаго заглавіе книги, по обыкновенію, неточно (№ 2930), въ 1775 г.; 3-е изданіе «съ пополненіемъ многихъ полезныхъ примѣровъ, изъ лучшихъ нѣм. авторовъ» вышло въ М. въ 1784, въ 8°, а 4-е въ 1791 (Сопиковъ, № 2932). Руководсгво это часто издавалось и впослѣдствіи, даже въ XIX в. (10-е изданіе, по указанію Сопикова, вышло въ Спб. въ 1829 г.).

5) Kurze Deutsche Grammatik in Fragen und Antworten zum Gebrauch der Kaiserlichen Gymnasien zu Moskau. Краткая нѣмецкая грамм. съ вопросами и отвѣтами для употребленія при Императорскихъ Московскихъ Гимназіяхъ. Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи. Москва. Въ унив. типогр. у Н. Новикова. 1782. 8°. 47 стр. (Сопиковъ, № 2947, откуда то сообщаетъ имя издателя или автора ея, Матвѣя Гаврилова, въ книжкѣ нигдѣ не названнаго).

6) Новой нѣмецкой грамматики отдѣленная и предварительная часть для употребленія Императорскаго Сухопутнаго Шляхетскаго Кадетскаго корпуса. Соч. Шалля. Спб. при Имп. Акад. Наукъ. 1786. 12°. XX + 304 + 3 ненум. стр. (Библ. Спб. Унив.). Въ предисловіи составитель, «инспекторъ и профессоръ корпуса», И. Е. Ф. Шалль говоритъ, что составилъ свой учебникъ по отсутствію хорошихъ грамматикъ: «Нѣтъ ни одной хорошей, по крайней мѣрѣ для Россійскихъ училищъ. Правда, что есть двѣ писанныя на Россійскомъ языкѣ, изъ коихъ одна здѣсь, а другая въ Москвѣ издана (на дѣлѣ было больше); но также сверьхъ того, что наполнены погрѣшностями, не соотвѣтствуютъ намѣренію удобнаго ученія». Отсюда же узнаемъ, что коммисія народныхъ училищъ затребовала 200 экз. этой книжки.

7) Грамматика Нѣмецкая (новая), собранная изъ разныхъ авторовъ, для употребленія въ Сухоп. Шлях. Кад. Корпусѣ. Спб. 1788. (Сопиковъ, № 2934). Повидимому Сопиковъ имѣлъ въ виду книгу: «Новая нѣм. Грамматика въ пользу обучающагося юношества въ Имп. Шляхетномъ Сухопутн. Кад. корпусѣ. Сочиненная проф. Шалломъ. Печатана при ономъ же корпусѣ. 1789. 8°. 21, 263, 68 + 4 ненум. страницы (И. П. Б.).

8) Kurze Deutsche Wortforschung zum Gebrauch der Russischen Jugend. Краткое Нѣмецкое Словопроизведеніе для употребленія Россійскаго юношества. Москва. Въ Университетской Типогр. В. Окорокова. 1789. 8°. 66 стр. (Библ. Имп. Ак. Н.).

9) Новый легчайшій способъ самому безъ помощи учителя учиться правильно по Нѣмецки. Содержащій въ себѣ изображенія, произношеніе и выговоръ въ цѣлыхъ реченіяхъ всѣхъ Нѣмецкихъ буквъ съ показаніемъ ихъ употребленія, также разные полезные разговоры, пріятныя повѣсти, нравоучительныя письма съ пріобщеніемъ довольнаго собранія употребительнѣйшихъ въ общежитіи словъ. Въ пользу Россійскаго юношества. Издается иждивеніемъ сочинителя онаго Содержателемъ Благороднаго въ столичномъ городѣ Москвѣ Пансіона Матвѣемъ Блемеромъ. М. Въ Сенатской типогр., у В. Окорокова. 1795. 8°. XIV. 297 + 4 нен. (Имп. Публ. Библ.).

10) Новая Нѣмецкая Грамматика, или руководство правильно говорить и писать по нѣмецки, основанное на правилахъ лучшихъ нѣмецкаго языка учителей: Аделунга, Гейнаца и Морица, изданное Колл. Секретаремъ Иваномъ Фабіаномъ, обучавшимъ при Имп. Моск. Университетѣ синтактической нѣмецкой классъ. Москва. Въ унив. типогр., у Ридигера и Клаудія. 1799. 8°. 4 ненум. + 218. (Библ. Имп. Ак. Н.).

11) Самоучитель Нѣмецкаго языка или вѣрный и легкій способъ самоучкою научиться по Нѣмецки правильно говорить и разумѣть писателей на ономъ

языкѣ, содержащій: 1. Чтеніе и произношеніе. 2. Удобопонятнымъ образомъ расположенную Грамматику. 3. Разговоры. 4. Словарь употребительнѣйшихъ словъ. Собрано изъ разныхъ лучшихъ учителей Нѣм. языка для употребленія желающихъ самимъ собою научиться по Нѣмецки Иваномъ Виноградовымъ. Цѣна 1 р. безъ переплета. Спб. при Губ. Правленіи. 1800 г. 8°. 168 стр. 2-ое изданіе: 1802. 8°. 230 стр. (Библ. Имп. Ак. Наукъ).

Б. Азбуки и букварн нѣмецкаго языка.

1) Азбука нѣмецкая съ Россійскимъ переводомъ. Спб. 1758. 8°. (Сопиковъ, № 1814).

2) То-же. Москва. 1760. 8°. (Сопиковъ, № 1813).

3) Наставленіе новое къ нѣмецкому чтенію. Спб. 1768. 8°. (Сопиковъ, № 6528).

4) Азбука нѣмецкая, съ россійскимъ переводомъ, вокабулами и разговорами. М. 1768. 8°. Ц. 20 к. (Сопиковъ, № 1804).

5) Азбука нѣмецкая, съ пріобщеніемъ нужнѣйшихъ словъ. М. 1773. 8°. (Сопиковъ, № 1805).

6) Азбука нѣм., для дѣтскаго употребленія. Спб. 1779. 8°. (Сопиковъ. № 1806).

7) Азбука нѣм., съ вокабулами, разговорами и нравоучительными правилами. М. 1779. 8°. (Сопиковъ, № 1807, указываетъ, что впослѣдствіи она неоднократно перепечатывалась).

8) Азбука нѣмецкая (новая) съ пріобщеніемъ собранія нужнѣйшихъ словъ, легкихъ стихотвореній и пріятныхъ повѣстей, для употребленія благороднаго россійскаго юношества. М. Тип. типографич. Комп. 1787. 8°. 71 стр. Ц. 30 к. (Сопиковъ, № 1808).

9) Азбука нѣм. (новая), съ россійскимъ переводомъ, сокращенною нѣм. этимологіею, и съ пріобщеніемъ употребительныхъ рѣченій. помощію коихъ можно научиться говорить по нѣмецки чисто и правильно. М. 1787. 8° Ц. 40 к. (Сопиковъ, № 1809). Послѣ неоднократно перепечатывалась.

10) Начальныя правила нѣмецкаго языка для употребленія Россійскаго юношества въ Гимназіяхъ Императорскаго Московскаго университета, собранныя Матвѣемъ Гавриловымъ. М., въ унив. типографіи, у В. Окорокова. 1790. 8°. VI + 1 ненум. + 72 стр. (составлено по грамматикамъ Гельтергофа и Аделунга, «частію жъ изъ собственныхъ опытовъ»). (Библ. Имп. Акад. Наукъ).

11) Азбука нѣм. (новая), съ Росс. переводомъ, или первыя начала нѣм. языка; сочиненная для нижнихъ Нѣмецкихъ классовъ Университетскихъ гимназій и вольнаго благороднаго Университ. пансіона. М. 1793. 8°. (Сопиковъ № 1810).

В. Разговоры для изученія нѣмецкаго языка.

1) Собраніе употребительныхъ рѣчей, (для) желающихъ въ короткое время научиться говорить по нѣмецки, изд. Ф. Вегелиномъ; съ росс. переводомъ. Москва. 1783. 4° (Сопиковъ, № 11038). Много разъ перепечатывались послѣ.

2) Домашніе разговоры. Gespräche von Haussachen. Riga, bey Johann Friedrich Hartknoch. 1789. Мал. 8°. 112 стр. (И. П. Б.).

3) Разговоры нѣмецкіе и россійскіе (новые), раздѣленные на 130 уроковъ, для употребленія юношества, и всѣмъ начинающимъ учиться симъ языкамъ; изд. Іоанномъ Филиппомъ Вегелиномъ. М. 1789. 12°. (Сопиковъ, № 9457). Послѣ неоднократно перепечатывались. Два изъ позднѣйшихъ изданій: Новые нѣм. и росс. разговоры, раздѣленные на 130 уроковъ для употребленія юношеству и всѣмъ начинающимъ учиться симъ языкамъ. Изданные Іоанномъ Филиппомъ Вегелиномъ. Новѣйшее изданіе. Москва, въ типографіи Се-

ливановскаго и товарища. 1792 г. 12⁰. 2 ненум.+VII+355 стр. и другое, съ такимъ же заглавіемъ, тамъ же, 1794 г. 12⁰. IX+355 стр. Кромѣ русскаго, есть и нѣмецкое заглавіе: Neue Deutsche und Russische Gespräche in 130 Lectionen eingetheilet, zum Gebrauch и т. д. (Имп. Публ. Библ.).

4) Neue Leichte Deutsche Gespräche in 150 Lectione (sic!) eingetheilt, und zum Nutzen der Jugend, die diese Sprache erlernen will, herausgegeben von B. Tretjakow. Новые легчайшіе разговоры, раздѣленные на 150 уроковъ, и въ пользу юношества начинающаго обучаться сему языку, изданные В. Третьяковымъ. Москва. Въ типографіи Селивановскаго и товарища. 1795. 12⁰. 16 ненум. + 344 стр. (Имп. Публ. Библ.).

Многоязычные разговоры, въ томъ числѣ и на нѣмецкомъ языкѣ, появлялись и раньше (въ 1738 г., въ 1749, въ 1776 г., не считая повторныхъ изданій одного и того же руководства). См. о нихъ ниже.

Г. Словари нѣмецкаго языка.

1) Der Deutsche Cellarius oder vortheilhaftes Wörter-Buch, woraus die nöthigsten Wörter der Deutschen Sprache ohne grosse Mühe und in kurzer Zeit zu erlernen sind. Нѣмецкой Целларіусъ или полезной лексиконъ, изъ котораго безъ великаго труда и наискоряе нужнѣйшихъ нѣмецкаго языка словъ научиться можно. Печатанъ при Имп. Моск. Унив. М. 1765. 8⁰. 4 ненум. + 368 стр. (Библ. Имп. Ак. Н. и Имп. Публ.).

Реестръ россійскихъ словъ изъ краткаго нѣмецкаго Целляріева лексикона выбранный и по алфавиту расположенный. Печатанъ при Имп. Моск. Унив. 1767 г. 8⁰. 136 стр. (примыкаетъ къ предыдущему. И. Публ. Библ.).

2) Россійской Целларіусъ, или этимологической россійской лексиконъ, купно съ прибавленіемъ иностранныхъ въ россійскомъ языкѣ въ употребленіе принятыхъ словъ также съ сокращенною россійскою этимологіей. М. 1771. 8⁰, 16 ненум.+656. Изданъ Франц. Гельтергофомъ, лекторомъ нѣм. языка московскаго университета. (См. объ этой книгѣ выше, стр. 221—222). Новое измѣненное и дополненное изданіе его вышло въ М. въ 1778 г. п. з.: «Россійской Лексиконъ, по алфавиту съ нѣм. и лат. переводомъ изданный Франц. Гельтергофомъ Проф. Публ. Экстр. въ Имп. Моск. Унив. Russisches alphabetisches Wörterbuch mit deutscher und lateinischer Uebersetzung etc. Печатанъ при Имп. Моск. Унив. Ч. I. 8 ненум. + 338. Ч. II. 339—942 стр. (Имп. Публ. Библ.).

3) Лексиконъ Россійскій съ нѣмецкимъ и Нѣмецкій съ россійскимъ; изд. Яковомъ Родде. Рига. Въ типогр. Гартноха. 1784. 2 ч. 8⁰ (Сопиковъ, № 5924; Смирдинъ, Роспись. № 5964). Въ Имп. Публ. Библіотекѣ имѣется русско-нѣмецкая часть, озаглавленная: «Россійской лексиконъ по алфавиту изданной, Яковомъ Родде секретаремъ и переводчикомъ при Магистратѣ Россійско-Императорскаго города Риги. Въ Ригѣ. Въ (такъ!) Іогана Фридриха Гартноха 1784. 8⁰. 2 ненум. + 418 стр. (въ концѣ книги: «Печатанъ въ Лейпцигѣ въ типографіи Іогана Готлоба Мануила Брейткопфа»).

4) Собраніе нѣмецкихъ и иностранныхъ, въ нѣм. языкѣ принятыхъ первообразныхъ словъ. Спб. Въ тип. Брейткопфа. 1792 г. 8⁰. 3 ненум. + 84 стр. (Имп. Публ. Библ.).

5) Словарь нѣмецко-россійскій и россійско-нѣмецкій стараніемъ Іоанна Гейма, колл. ассесора и Императорскаго Моск. Унив. профессора и подъбибліотекаря. Ч. I. содержащая нѣмецкое съ росс. переводомъ. Въ Ригѣ, прод. у Іогана Фридриха Гартноха. Deutsch - Russisches und Russisch - Deutsches Wörterbuch etc. Полный Россійско-Нѣм. словарь по большому словарю Росс. Акад. сочиненный Иваномъ Геймомъ, надворнымъ совѣтникомъ, профессоромъ и субибліотекаремъ при Имп. Моск. Унив. Ч. 2-я, содержащая россійское съ

нѣм. переводомъ. Рига и Лейпц. Прод. у Іоанна Фридр. Гарткноха. 1798. 8⁰. 11 ненум. + 2308 стлбц. Имѣется и изданіе этой части 1800 г. 8⁰. 17 ненум. + + 2308 стлб. (Имп. Публ. Библ.).

6) Полной Нѣмецко-Россійской лексиконъ, изъ большого грамматикально-критическаго словаря г. Аделунга, составленный съ присовокупленіемъ всѣхъ для совершеннаго познанія Нѣмецкаго языка нужныхъ словоизреченій и объясненій: издано обществомъ ученыхъ людей. Спб. 1798. 8⁰. Ч. I. IX + 1048 стр. Ч. II. 1060 + 4 ненум. стр. Печатано въ Импер. типографіи у Ивана Вейтбрехта. (Имп. Публ. Библ.). Къ этому словарю относится одно мѣсто въ «Извѣстіи о Словарѣ Французскомъ и Русскомъ и т. д.», напечатанномъ въ «Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ» за 1778 г., ч. I, стр. 144. Послѣ извѣщенія о томъ, что переводъ французско-русскаго словаря уже конченъ, и приступлено къ его печатанію, сообщается, что другое общество ученыхъ людей трудится надъ лексикономъ нѣмецко-россійскимъ по словарю Аделунга, который начали печатать въ Лейпцигѣ два года назадъ. «Извѣстіе» обѣщало, что печатаніе этого перевода скоро начнется. Какъ видно, книга вышла, однако, только черезъ 20 лѣтъ послѣ предварительнаго сообщенія о ней.

Д. Грамматики французскаго языка.

1) Новая французская грамматика сочиненная вопросами и отвѣтами. Собрана изъ сочиненій господина Ресто и другихъ грамматикъ, а на Россійской языкъ переведена Академіи Наукъ Переводчикомъ Васильемъ Тепловымъ. Спб. при Имп. Акад. Наукъ. 1752. 8⁰. 454 стр. (съ глоссаріемъ важнѣйшихъ словъ). 2 изд. 1762 г. 8⁰. 380 + 149 (Имп. Публ. Библ.), 3-е 1777 г. 8⁰. 2 ненум. + 380. Извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ этого изданія см. въ «Санктпетерб. Вѣстникѣ» 1778 г. стр. 243. Сопиковъ указываетъ еще 4-е изданіе 1787 г. (Имп. Публ. Библ. 8⁰. 2 нен. + 355 стр.) и 5-ое 1809; см. его «Опытъ росс. библіогр.», №№ 3003 и 3004. Переводъ Теплова былъ готовъ уже въ іюнѣ 1750 г. и затѣмъ переданъ на разсмотрѣніе Тредьяковскаго и Сумарокова. Первый писалъ, что переводъ «чистъ и вразумителенъ» и выражалъ надежду, что «грамматика сія великую пользу учинитъ учащемуся нашему юношеству, ежели напечатана будетъ, чего она и достойна». Такой же благопріятный отзывъ далъ и Ломоносовъ, послѣ чего студентъ Тепловъ былъ опредѣленъ переводчикомъ при Академіи, съ жалованьемъ 250 р. въ годъ. Въ виду достоинствъ перевода, другому переводчику, Горлицкому, отказано было въ печатаніи его перевода той же грамматики Ресто, хотя онъ и подалъ его раньше, вмѣстѣ съ переводомъ другой, анонимной грамматики «Начала французскаго языка». Изъ перевода Горлицкаго были взяты только «разговоры», которые рѣшено было приложить къ переводу Теплова. Послѣдній опредѣлено было печатать въ количествѣ 1225 экземпляровъ. «Начала франц. языка» Горлицкаго рѣшено было печатать въ такомъ же количествѣ, но осуществилось ли это постановленіе академіи, трудно сказать. По крайней мѣрѣ, грамматика съ подобнымъ заглавіемъ мнѣ не встрѣчалась *).

2) Explication de la Grammaire françoise avec de nouvelles observations, et des exemples sensibles sur l'usage de toutes ses parties. Dediée à son Altesse le Prince George Troubetskoye Par Mr. De Laval. Son Precepteur. A St.-Petersbourg. De l'imprimerie de l'Academie des Sciences. 1752. Изъясненіе новой французской грамматики съ примѣчаніями и примѣрами на всѣ части слова, приписано его сіятельству Князь Юрью Никитичу Трубецкому отъ

*) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. акад. наукъ», т. IX. 491, 687, 690—91, 725, т. X, стр. 430, 448, 482—83, 643—44.

учителя Его г. Да Ла Валла. Печатана въ Спб. при Имп. Акад. Наукъ. 1752. 8°. 26 ненум. (заглавія, посвященіе, предисловіе) + 687 + 10 ненум. стр. (Errata, оглавленіе). Есть и другое изданіе того же года, отличающееся тѣмъ, что оба заглавія (фр. и русское) напечатаны на одной страницѣ (въ первомъ на двухъ) и съ исправленіемъ ошибокъ (нпр. фамилія Troubetskoy напечатана вѣрно). посвященіе и предисловіе напечатаны болѣе компактно. Въ остальномъ нѣтъ разницы (8°. 22 ненум. + 687 + 10 ненум. Имп. Публ. Библ.).

3) Французская грамм. съ краткимъ употребленіемъ на всѣ части сочиненная въ сухопутн. шляхетн. кадетскомъ корпусѣ. Подмастерьемъ Васильемъ Бунинымъ. Спб. 1758. 8°. 158. 6 ненум. + 158. Посвящена кн. Н. Б. Юсупову, Вахмистру Л. Гв. коннаго полку, сыну директора шлях. кад. корпуса Б. Б. Юсупова (Библ. Спб. Ун.).

4) Краткія правила французской грамматики сочиненныя въ пользу учащагося въ сухопутномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ юношества. Въ Спб. 1761. 8'. 4 ненум. + 221 стр. (Библ. Имп. Ак. Н.). Въ предисловіи авторъ такъ опредѣляетъ назначеніе своего учебника: «долговременное искусство подало случай сочинителю узнать большую часть несвойственнаго Французскому языку употребленія, въ которомъ Россіяне послѣдуютъ своему языку слово отъ слова; и такъ почелъ онъ за должность приложить стараніе къ отвращенію Россіянъ отъ сего недостатка подобно Пепліеру, старавшемуся отвратить нѣмцовъ, для которыхъ онъ писалъ, отъ Нѣмецкаго словъ расположенія во Французскомъ языкѣ». Въ заключеніе высказывается надежда, что «сія книга... должна тѣмъ наипаче понравиться такой націи, которой склонность къ Французскому языку ежечасно возрастаетъ», такъ какъ въ ней, «кромѣ общихъ правилъ», есть и спеціальныя для русскихъ, изучающихъ французскій языкъ.

5) Grammaire Françoise et Russe sur les principes des Meilleurs Auteurs, composée à l'usage de la jeunesse. De l'empire de Russie par Louis Comte de Rantzow. Imprimée à Moscau (sic!) chez l'Université Impériale (посвящена: A son altesse Monsieur le prince Michel Scharbatoff gentilhomme de la chambre de Sa Majesté L'imperatrice de toutes les Russies, et deputé de la noblesse de Jaroslaw pour la confection du nouveau code de droit). Грамматика Французская съ росс. переводомъ, основанная на лучшихъ авторахъ, сочинена для употребленія Россійскаго юношества Лудовикомъ Графомъ Ранцовымъ. Печатана при Имп. Моск. Университетѣ. 1769. 8°. 8 ненум. + 272 + 6 ненум. стр. (опечатки). (Имп. Публ. Библ.).

Не лишено интереса обращеніе автора къ князю Щербатову. Авторъ указываетъ, что имѣлъ честь содѣйствовать отчасти воспитанію князя, и проситъ не удивляться, что человѣкъ его происхожденія «s'est amusé à écrire une grammaire», которыхъ и безъ того много. «Mais quand il Vous plaira de Vous souvenir —продолжаетъ онъ—que je vis depuis longtems en Philosophe, qui n'estime aucun titre plus haut que ce lui, d'honnête homme, rien de plus digne de l'homme de qualité que de se rendre utile à la société, j'ose me persuader que Vous ne trouverés plus si etrange que je me suis déterminé à faire mettre au jour ce petit essai». Переводы примѣровъ на русскій языкъ въ общемъ сносны, хотя изрѣдка попадаются галлицизмы, въ родѣ: «elle se croit anthorisée de haïr son mari» = она себя думаетъ властно ненавидѣть мужа своего и т. д. (стр. 149).

6) Грамматика франц. сочиненная Г. Зигисбекомъ. Спб. 1770 (Сопиковъ, № 3008; въ библіот. Академической и Публичной ея нѣтъ).

7) Grammaire françoise abregée, faite Par démandes et reponses, avec la traduction russe. Seconde édition corrigée et augmentée de la syntaxe. Сокра-

щенная франц. грамматика расположенная по вопросамъ и отвѣтамъ, съ россійскимъ переводомъ вновь исправлена съ прибавленіемъ сочиненія частей слова Мартыномъ Соколовскимъ. Печатана при Имп. Моск. Университетѣ. 1770. 8⁰. 278 (Библ. Спб. Унив.). Сопиковъ (№ 12874) относитъ ея первое изданіе къ 1762 г., повидимому смѣшивая данную передѣлку французской грамматики де ла Туша со вторымъ изданіемъ грамматики Ресто, передѣланной Тепловымъ и стоящей у насъ подъ № 1. Во всякомъ случаѣ изъ приведеннаго здѣсь заглавія грамматики М. Соколовскаго видно, что мы имѣемъ дѣло со вторымъ ея изданіемъ. Дата перваго изданія мнѣ точнѣе не извѣстна. Грамматика эта много разъ переиздавалась. Третье изданіе (И. П. Б.) вышло въ 1778 (8⁰. 2 + 400 + 6 стр.). Четвертое изданіе ея озаглавлено: Grammaire Françaisе faite par demandes et reponses avec la traduction russe etc. Франц. грамм. съ росс. переводомъ, расположенная по вопросамъ и отвѣтамъ, вновь исправлена четвертымъ изд., съ прибавленіемъ словъ, разговоровъ и писемъ Колл. ассесоромъ Мартыномъ Соколовскимъ. Москва. Въ Унив. типогр. у Н. Новикова. 1781. 8⁰. 400 стр. Одинаково съ нимъ 5-е изд. 1794 г. 8⁰. 408 стр.

8) Methode pour apprendre facilement le François, composée sur les models des meilleurs Auteurs en Quatre Parties. Par J. R. Gautier. Легкой способъ научиться франц. языку, основанный на примѣрахъ лучшихъ авторовъ и расположенной на четыре части Ж. Р. Готье. Спб. При морск. шляхетн. кад. корпусѣ. 1777. 4 вып, 8⁰. 85, 96, 105, 126 стр. (Библ. Спб. Унив.). Сопиковъ (№ 3035) указываетъ 2-е изд. 1787 г.

9) Францускaя граматика при которой Исправнѣйшій Словарь, Дружескіе Разговоры, пословицы, Достойныя примѣчанія Исторіи и пристойныя на разные случаи писма. Изданная на немѣцкомъ (такъ!) языкѣ г. Пепліеромъ. А на россійской переведенная П. С. К. Федоромъ Сокольскимъ. Въ Москвѣ. Въ Унив. Типогр. у Н. Новикова. 1780 г. 8⁰. 2 ненум. + 487 + 2 нен. стр. (опечатки). (Имп. Публ. Библ.). Сопиковъ (№ 3013) и Смирдинъ (№ 5785). указываютъ 2-е изданіе съ тожеств. заглавіемъ 1788 г.

10) Грамматика франц. или самый легчайшій способъ къ обученію франц. языка, сочиненная Ив. Астаховымъ. Спб. 1784 (Сопиковъ, № 3018). Смирдинъ (Роспись, № 5784) приводитъ повидимому эту грамматику (другое изданіе?): Самый легчайшій способъ къ обученію Франц. языку, то есть: говорить, читать и писать; или новая Франц. грамматика, то-есть, стиховникъ, соч. І. А. Спб. 1787. 8⁰. Впрочемъ у Сопикова (№ 11258) упоминается книга съ подходящимъ заглавіемъ: «Самый легчайшій способъ и т. д.» 1787 г. (Въ библіотекахъ Академіи Наукъ и Публичной этой книги нѣтъ).

11) Грамматика французская (новая) съ краткимъ словаремъ употребительныхъ вещей и проч. Изд. Васильемъ Протопоповымъ. Спб. 1789. (Сопиковъ, № 3016). Подлинное заглавіе ея, кажется, должно быть: «Способъ къ познанію франц. языка или новая франц. грамматика» (См. Энциклоп. Словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXV, стр. 558). (Въ библіотекахъ Академіи Наукъ и Публичной нѣтъ).

12) Новая франц. грамматика съ прибавленіемъ краткаго словаря употребительнѣйшихъ вещей; съ изъясненіемъ нужнѣйшихъ и простѣйшихъ разговоровъ; и съ модными привѣтствіями какія нынѣ употребляются въ большимъ свѣтѣ: Собранная изъ лучшихъ иностранныхъ писателей. Спб. 1790. Печатано въ Имп. Типографіи, иждивеніемъ Г. П. Цѣна въ переп. 1 р. 8⁰. 128 стр. (Библ. Спб. Ун.).

13) Граммат. франц. (новая), содержащая въ себѣ краткія правила франц.

языка, сочиненная Ив. Соцомъ. М. 1790. (Сопиковъ, № 3017.) (Въ библіотекахъ Академіи Наукъ и Публ. нѣтъ).

14) Introduction a l'étude de la Grammaire Françoise à l'usage de la Jeunesse Russe par Jean Philippe Weguelin. Введеніе къ обученію грамматики Французской въ пользу росс. юношества. Перевелъ Имп. Моск. Унив. Бакалавръ Михайло Цвѣтковъ. Съ указнаго дозволенія. Москва, въ вольной типогр. при театрѣ у Хр. Клаудія. 8⁰. XX + 224 + 2 табл. (Библ. Имп. Акад. Наукъ).

15) Principes generaux de la grammaire Françoise tirés des meilleurs Auteurs nationaux, pour l'usage des nobles eleves de la pension de l'Université Impériale de Moscou. á Moscou. Imprimé dans la Typographie de l'Université Impériale chez Rüdiger et Claudi. 1794. 8⁰. 80 стр. (Библ. Спб. Унив.).

16) Abrégé des principes de la Grammaire Françoise. Par M. Restaut. Reimprimé à l'usage du Corps Impérial des Nobles Cadets. Troasième édition. A St. Petersbourg. 1799. 8⁰. 143. (Библ. Спб. Унив.). Когда вышло первое изданіе?

17) Этимологія или подробныя наставленія о измѣненіи словъ Французской рѣчи, изданныя для употребленія въ Этимологич. Классахъ, въ Гимназіяхъ при Имп. Моск. Университетѣ, Французскаго Синтактическаго и Аглинскаго нижняго классовъ Учителемъ Тимоѳеемъ Перелоговымъ. Москва. Въ унив. типогр. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудія. 1797. 8⁰. 66 стр. (Библ. Имп. Ак. Н.).

18) Практическая фр. грамматика, изданная для среднихъ Французскихъ классовъ Благороднаго Университетскаго Пансіона, учителемъ означеннаго Пансіона Филиппомъ Гормичемъ. Москва. 1800. Въ Унив. типогр. у Ридигера и Клаудія. 8⁰. 194 стр. (Библ. Имп. Ак. Н.).

Е. Азбуки и буквари французскаго языка.

1) Букварь французскій, съ росс. переводомъ. Спб. 1765. 8⁰. (Сопиковъ, № 2344).

2) Азбука франц. съ россійскимъ словаремъ и разговорами. Москва. 1767. 8⁰. (Сопиковъ. № 1875). Новое изданіе: Спб. 1784. 8⁰. (Сопиковъ, № 1876).

3) Наставленіе, какъ по французски исправно читать и произносить, съ собраніемъ словъ. Спб. 1767. 8⁰. Ц. 50 к. (Сопиковъ, № 6492).

Второе изданіе этого учебника, имѣющееся въ библіотекѣ Имп. Ак. Наукъ, озаглавлено: Наставленіе какъ по французски исправно читать и произносить. Въ Санктпетербургѣ. Печатано вторымъ тисненіемъ при морскомъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ. 1774 г. 8⁰. 154 стр. Содержаніе: азбука, упражненія въ чтеніи, басни, глоссарій, разговоры, примѣры склоненій и спряженій.

4) Французскій букварь, вновь расположенный, исправленный и дополненный противъ прежнихъ многими рѣченіями и нѣсколькими разговорами. Alphabet François nouvellement arrangé, corrigé et augmenté и т. д. Иждивеніемъ книгопродавца К. И. Миллера. Спб. Печат. въ вольной типографіи Вейтбрехта и Шнора. 1778. 8⁰. 128 стр. (Библ. Спб. Унив.).

5) Азбука французская, съ пріобщеніемъ вокабуловъ, разговоровъ, нравоучит. правилъ и молитвъ. Москва. 1783. 8⁰. (Сопиковъ, № 1874. Послѣ неоднократно перепечатывалась).

6) Азбука франц. (новая) и полная, заключающая въ себѣ, кромѣ обыкновенныхъ началъ, наставленія для самоучащихся въ правильномъ произношеніи буквъ и словъ французскихъ, краткій словарь, часто употребительные разговоры, полезныя нравоученія, басни и проч. Спб. 1785. 8⁰. Ц. 50 к. (Сопик. № 1877)

7) Азб. франц. (новая) или легчайшій способъ учиться читать, предлагающій начальныя правила о словахъ французскихъ, приведенныхъ въ удобнѣйшій порядокъ для употребленія благородному Россійскому юношеству. Москва. 1788. 8°. Ц. 50 к. (Сопиковъ, № 1878).

8) Азбука франц. (новая), съ пріобщеніемъ краткаго начертанія этимологіи, такъ же съ присовокупленіемъ служащихъ для упражненія въ оной выраженій и разговоровъ. Спб. 1790. 8°. (Сопиковъ. № 1882; подъ № 1883 указано новое второе изданіе: Москва, 1794. 8°. Издавалось и послѣ. 9-е изданіе вышло уже въ 1833 г.).

9) Азбука или новый способъ объяснять дѣтямъ начальныя правила Франц. языка, съ присовокупленіемъ словаря и разговоровъ на Франц. и Россійск. языкахъ. М. 1791. 8°. (Сопиковъ, № 1890). Не тожественна ли со слѣдующимъ № ?

10) Syllabaire méthodique, ou nouvelle méthode pour apprendre à bien lire, á l'usage des Commençans, suivi d'un vocabulaire François Russe. Par Jean Philippe Weguelin. Новый методическій способъ учиться хорошо читать для употребленія обучающимся Франц. языку, съ присовокупленіемъ словаря на Франц. и Россійскомъ языкахъ, изданный Іоаномъ Вегелиномъ. Москва. Въ Типографіи Компаніи Типографической. 1791. 8°. 118 стр. (Имп. Публ. Библ.).

11) Новая и полная французская азбука, по которой можно самому выучиться, по правиламъ или безъ правилъ, аки бы съ помощью нѣкоего путеводителя или Вожака, выговаривать чисто и писать порядочно слова не только нынѣшняго, но и древняго французскаго языка. Собранная трудами публичнаго разныхъ языковъ учителя и переводчика Θеодора Каржавина. Во градѣ Святаго Петра, съ дозволенія Указнаго печатано у І. К. Шнора, 1794. 8°. 6 ненум. + 286 + 2 ненум. (И. П. Б.). Второе заглавіе гласитъ: Вожакъ, показывающій путь къ лучшему выговору буквъ и реченій французскихъ. Le Guide Français, par Theodore Karshavine. Le véritable honneur est d'être utile aux hommes. Во градѣ Святаго Петра, съ дозволенія Указнаго печатано у І. К. Шнора, 1794 г.

Эта довольно интересная книжка открывается посвященіемъ ея «Aux tres-honorables membres de la conference de l'univesité imperiale de Moscva», Авторъ (бывшій слушатель Парижск. университета) находитъ, что книги, назначенныя совершенствовать слово, должны появляться подъ покровительствомъ ученыхъ, представляющихъ собой прирожденныхъ знатоковъ и цѣнителей всѣхъ литературныхъ явленій: «l'âme s'élève et le genie s'échauffe, quand on approche des hommes que le flambeau de la science éclaire, et qui passent leurs jours à élargir par leurs travaux le cercle universel des connoissances humaines: leur coup d'oeil est un aiguillon, et leur suffrage une récompense». Далѣе слѣдуетъ описаніе латинской (французской) азбуки съ указаніемъ на ея разновидности (нпр. косое письмо, готическое) у разныхъ народовъ, въ томъ числѣ и у славянъ (поляковъ, чеховъ, далматинцевъ; примѣры съ переводомъ на русскій языкъ приводятся въ концѣ книги, стр. 273—282); подробное наставленіе къ произношенію франц. словъ (съ русской ихъ транскрипціей), различныя стилистическія замѣчанія и т. д. Интересны образчики старо-французскаго языка (стр. 213 сл.) XIV—XVI вв., а также простонароднаго «рыночнаго» (стр. 244), и первые примѣры славянскихъ текстовъ, переданныхъ (не совсѣмъ вѣрно, вслѣдствіе отсутствія въ типографіи нѣкоторыхъ знаковъ) ихъ подлиннымъ правописаніемъ (славянскіе тексты приводились уже раньше Сумароковымъ въ его разсужденіи «О происхожденіи русскаго народа», но въ транскрипціи русской азбукой).

12) Alphabet français, ou nouvelle méthode d'enseigner aux enfans les premiers élémens de la Langue Française. Франц. азбука или новый способъ объяснять дѣтямъ начальныя правила Франц. языка; съ прибавленіемъ разныхъ изрѣченій, употребительныхъ въ разговорахъ, также и нравоучит. басенъ. Въ Москвѣ, въ типогр. Селивановскаго и товарища. 1794. 8⁰. 106 стр. Сопиковъ (№ 1879) говоритъ о неоднократныхъ изданіяхъ ея.

13) Начальныя основанія Франц. языка для Росс. юношества, а особливо для нижнихъ классовъ благороднаго пансіона при Моск. Университетѣ. Москва. 1794. 8⁰. (Сопиковъ, № 6728). Судя по заглавію, тожественно съ слѣдующимъ учебникомъ:

14) Азбука или начальныя основанія Франц. языка для Росс. юношества, а особливо для нижнихъ классовъ вольнаго благороднаго пансіона при Имп. Моск. Университетѣ. Москва. 1795. 8⁰. (Сопиковъ, № 1889).

15) Букварь французскій (новый), для обученія юношества, съ пріобщеніемъ словаря. Москва. 1796. 8⁰. (Сопиковъ, № 2347).

16) Азбука новая французская. Изд. второе, вновь пересмотрѣнное, исправленное и дополненное. Въ университетской типографіи у Хр. Ридигера и Хр. Клаудія. Москва. 1797. 8⁰. 148 стр. (Венгеровъ, «Русскія Книги», № 869). Когда вышло первое изданіе?

17) Букварь французскій (новый), съ пріобщеніемъ словаря франц. изрѣченій и разговоровъ. Николаевъ. 1797. 8⁰. (Сопиковъ, № 2348).

18) Букварь (новый) французскій. Николаевъ. 1798. 8⁰. (Сопиковъ, № 12846). Второе изданіе предыдущаго учебника?

19) Новая французская азбука съ пріобщеніемъ краткаго начертанія этимологіи, также съ присовокупленіемъ служащихъ для упражненія въ оной выраженій и разговоровъ. Nouvel alphabet Français enrichi d'un abregé des principes de l'etymologie etc. Moscou. 1798. 8⁰. 124 стр. (Библ. Спб. Унив. У Сопикова нѣтъ).

20) Abc instructif, pour apprendre aux enfans Les élémens de la langue françoise. Поучительная Азбука, преподающая дѣтямъ начальныя правила Франц. языка. Съ дозволенія Моск. Цензуры. Москва. 1799. Въ Унив. типографіи у Ридигера и Клаудія. 8⁰. 74 стр. (Библ. Имп. Ак. Н.).

Ж. Французскіе разговоры.

1) Рахмановы, Дмитрій и Павелъ: Comedies et dialogues françois et russes avec les explications des mots à l'usage des enfans qui commencent l'étude de la langue françoise. Разговоры и комедіи на франц. и росс. языкахъ съ объясненіемъ словъ для употребленія юношества, начинающаго учиться французскому языку. Печатаны въ типогр. Имп. Моск. Университета, на иждивеніе книгосодержателя Христіана Ридигера. М. 1778. 8⁰. 120 стр. (И. П. Б.).

2) Сопиковъ (№ 11038), приводя «Собраніе употребительныхъ рѣчей Ф. Вегелина для изученія нѣмецкаго языка», прибавляетъ: «то жь, на Франц. и Россійскомъ языкахъ. Москва. 1783. 12⁰» съ указаніемъ, что руководство много разъ издавалось впослѣдствіи.

3) Разговоры (новые) Французскіе и Россійскіе, раздѣленные на 130 уроковъ, для употребленія юношества и всѣмъ желающимъ учиться симъ языкамъ; изд. Іоанномъ Филиппомъ Вегелиномъ. Москва. 1788 г. 12⁰ (Сопиковъ, № 9478). По словамъ Сопикова, послѣ много разъ перепечатывались. Очевидно одно изъ этихъ позднѣйшихъ изданій принадлежитъ Имп. Публ. Библіотекѣ: Nouveaux Dialogues François et Russes, divisés en 130 leçons, à l'usage de la Jeunesse & de tous ceux qui commencent à apprendre ces langues, par Jean Philippe Weguelin. Новые разговоры французскіе и россійскіе, раздѣленные

на 130 уроковъ, для употребленія юношества и всѣхъ начинающихъ учиться симъ языкамъ, изданные Іоанномъ Филиппомъ Вегелиномъ. Москва. Въ Губ. Типографіи, у А. Рѣшетникова. 1803, мал. 8⁰. 251 стр.

4) Nouveaux dialogues français et russes Divisés en 99 thêmes sur les neuf parties du discours, ou Maniere très facile pour apprendre les principes de la grammaire françoise par Jean Frédéric Fabian. Новые Франц. разговоры съ россійскимъ переводомъ, раздѣленные на 99 задачь, показывающихъ свойство каждой части рѣчи, или легчайшій способъ узнать правила французской грамматики, изданный Иваномъ Фабіаномъ. Москва. Въ губернской типографіи у А. Рѣшетникова. 1799 г. 8⁰. 131 + III (оглавленіе) [Имп. Публ. Библ.].

3. Словари французскаго языка.

1) Лексиконъ россійской и французской въ которомъ находятся почти всѣ Россійскія слова по порядку Россійскаго алфавита. Ч. I. А.—Н. Въ Спб. 1762 г. 8⁰. 4 неп. + 376 нум. стр. (Имп. Публ. Библ.). Сопиковъ (№ 5928) и Смирдинъ (Роспись, № 5955) указываютъ на существованіе двухъ частей. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что предлагаетъ первую часть русско-франц. словаря, какого у насъ еще не было и указываетъ на трудность составленія, по отсутствію пособій этого рода. Въ словарѣ въ алфавитномъ порядкѣ приводятся не только слова, но и разныя фразы и реченія. Такъ при словѣ берегъ стоятъ реченія: «изъ береговъ выступаетъ», «рѣка изъ береговъ выступила» и т. д.

2) Le Cellarius françois ou méthode trés facile pour apprendre sans peine et en peu de temps les mots les plus necessaires de la langue française avec un registre alphabetique des mots russes. Французскій Целларіусъ, или полезной лексиконъ, изъ котораго безъ великаго труда и наискоряе нужнѣйшимъ франц. языка словамъ научиться можно. Печатанъ при Имп. Моск. Университетѣ. 1769 г. 8⁰. 2 ненум. стр. + 668 стлб. и реестръ (Имп. Публ. Библ.). Сопиковъ (№ 5929) приписываетъ его составленіе лектору нѣм. языка, впослѣдствіи профессору Московскаго унив., Гельтергофу, но въ перечнѣ трудовъ названнаго ученаго, напечатанномъ въ его біографіи въ «Біографич. Словарѣ профессоровъ и преподавателей Имп. Моск. Университета» (Москва, 1855), словарь этотъ не упомянутъ. Второе изданіе, озаглавленное такъ же, но «съ приложеніемъ реестра по алфавиту Россійскихъ словъ» (avec un Registre Alphabetique de Mots Russes) вышло въ Москвѣ, въ Унив. типогр. у Н. Новикова. 1782 г. 6 ненум. + 668 стлб. и 168 ненум. стр. (Библ. Имп. Ак. Н. и Публ.).

3) Словарь Французскою Академіею сочиненный и четвертымъ тисненіемъ изданный въ Парижѣ 1762 года, а въ Санктпетербургѣ напечатанный съ прибавленіемъ Россійскаго языка въ 1773 году. Цѣна 1 р. 25 к. Буква А. In folio. XII+227 стр. (Имп. Публ. Библ.). Болѣе не выходило.

4) Recueil de mots russes, Disposés par ordre alphabétique, avec leur explication en François, Par Mr. le D. de S. N. (Дюкъ ди Санъ Никола). Pour son propre usage, en attendant un Dictionnaire de la même Langue. A Naples 1778, больш. 8⁰. 2 неп.+94 нум. стр. См. о немъ Н. П. Лихачевъ, «Русско-Французскій словарь, напечатанный въ Неаполѣ въ 1778 г. Библіографическая замѣтка». Спб. 1897.

5) Полной Французской и Россійской Лексиконъ, съ послѣдняго Лексикона Французской Академіи на Россійской языкъ переведенный собраніемъ ученыхъ людей. Въ Санктпетербургѣ. Печатано въ Импер. Типографіи. 1786. 2 ч. 4⁰. Ч. I, отъ А до К=7 неп.+684 стр.; Ч. II, отъ L до Z=2 ненум.+693+1 неп. (Имп. Публ. Библ.). Къ этому изданію очевидно относится «Извѣстіе о Сло-

варѣ Французскомъ съ Рускимъ, печатающемся нынѣ въ Санктпетербургѣ иждивеніемъ книгопродавца Вейтбрехта», появившееся въ «Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ» 1778 г., ч. I, стр. 142—144. Здѣсь сообщается, что надъ переводомъ трудилось «общество ученыхъ людей», что онъ оконченъ, но нельзя еще предвидѣть, когда будетъ напечатанъ. Въ качествѣ образчика внѣшняго вида будущаго изданія, при журналѣ (издававшемся у того же Вейтбрехта) былъ приложенъ отрывокъ изъ 4-го листа словаря. Какъ видно, печатаніе тянулось цѣлыхъ 8 лѣтъ. Черезъ 12 лѣтъ по выходѣ перваго изданія потребовалось второе, «рачительнѣйше сличенное съ Французскимъ оригиналомъ, исправленное и дополненное Статск. Совѣтникомъ И. Татищевымъ. Спб. 1798. Печатано въ Импер. Типографіи, у Ивана Вейтбрехта. 8°. I ч. A—K: 3 нен.+VIII +957 стр. II ч. L—Z: 3 нен. + 839. Сопиковъ (№ 5932) замѣчаетъ: «сей переводъ противу Французскаго подлинника весьма не полонъ».

II. Словари французскаго, русскаго и нѣмецкаго языковъ.

1) Собраніе словъ Французскихъ, Россійскихъ и Нѣмецкихъ. Спб. 1773. 8°. (Сопиковъ, № 11033). Новое изданіе: Спб. Въ Типогр. Сухопутн. Кадетск. Корпуса. 1786. 12° (Сопиковъ, № 11034). По указанію Сопикова, много разъ перепечатывалось впослѣдствіи. Въ Имп. Публ. Библ. имѣется подобная книга, очевидно XVIII в., но безъ заглавнаго листа. Второе заглавіе гласитъ: «Recueil de mots françois, Russes et Allemands. Собраніе словъ Французскихъ, Россійскихъ и Нѣмецкихъ. Französisch-Russisch-und Deutsches Wörterbuch. 8°. 149 стр. Повидимому, это собраніе тождественно съ совершенно такъ же озаглавленнымъ собраніемъ франц., русскихъ и нѣмецкихъ словъ, приложеннымъ ко второму изданію французской грамматики Ресто-Теплова (см. выше стр. 345) и имѣющимъ одинаковое число страницъ (149).

2) Россійскій съ Нѣмецкимъ и Французскимъ переводами словарь; сочин. Надворнымъ Совѣтникомъ Іваномъ Нордстетомъ. Спб. Иждивеніемъ типографщика и книгопродавца I. К. Шнора, 4°. Ч. I. A—H. 1780 г., и Ч. II. 1782 г. буква O—V. 2 нен.+886+2 нен. стр. (Имп. Публ. Библ.).

3) Ручной Россійской Словарь съ Нѣмецкимъ и Французскимъ переводами (изданный Лангеромъ). Москва, въ вольной типогр. при театрѣ, у Хр. Клаудія. 1792 г. 8°. 4 ненум.+454 стр. (Имп. Публ. Библ.). См. о немъ замѣтку (Карамзина) въ «Московскомъ журналѣ» 1792 г., ч. VIII, стр. 158—159.

4) Neues vollständiges Wörterbuch. Erste Abtheilung, welche das Deutsch-Russisch-Französische Wörterbuch enthält, erster Theil von A—K herausgegeben von Johann Heym, Russisch Kaiserlichem Collegien - Assessor, Professor und Unterbibliothecarius bey der Kaiserl. Moscowischen Universität. Новый и полный Словарь, Первое отдѣленіе, содержащее нѣмецко-россійско-французскій словарь. Часть первая. Отъ A до K изданный Иваномъ Геймомъ. Коллежскимъ Ассессоромъ, Профессоромъ и Суббибліотекаремъ при Имп. Моск. Университетѣ. Москва. Въ Унив. Типогр., иждивеніемъ Хр. Ридигера и Хр. Клаудія 1796 г. 4°. 12 ненум.+663 стр., Ч. II. L—Z. Москва. 1797. 2 ненум. +626 стр. Посвященъ И. И. Шувалову и М. М. Хераскову, кураторамъ Моск. Университета. Изъ предисловія видно, что авторъ пользовался цѣлымъ рядомъ словарей, въ томъ числѣ словарями Аделунга и Швана. Имѣется въ Импер. Публ. Библ.

5) Новый Россійско-Французско-Нѣмецкій словарь, сочиненный по словарю Россійской Академіи Иваномъ Геймомъ Надворнымъ Совѣтникомъ, Профес. и Суббибліотекаремъ Имп. Моск. Унив. и Проф. Исторіи и Географіи при Коммерческомъ Училищѣ. 3 т. 4°. Т. I. A—K. Иждивеніемъ Хр. Клаудія. Москва. 1799. Въ Унив. Типогр. у Ридигера и Клаудія. 12 ненум.+502 стр.; т. II. K–P.

Москва, 1801 г. Въ Унив. Типогр. у Христофора Клаудія. 2 ненум.+652 стр. т. III. Р—V. Москва, 1802 г. Въ Унив. Тип. у Люби, Гарія и Попова. 2 нем. +398 стр. (Имп. Публ. Библ.).

I. Грамматики греческаго языка.

1) Institutionum linguae graecae liber, utilissimis regulis, cum aliis ad solidiorem hujus sacri idiomatis cognitionem observationibus, non solum ad rectam vocum σύνθεσιν, sed etiam ad conficiendum metrum graecum pernecessariis, ex variis auctoribus collectis indicibusque graeco et latino instructus et exhibitus in Academia Kijowomohylozaborowsciana nunc primis typis evulgatus. Wratislaviae apud Iohannem Iacobum Korn MDCCXLVI. Мал. 8°. 20 ненум. + 462 стр. + 54 ненум. (указатель). Предисловіе подписано: Hieromonachus Barlaam (Варлаамъ Лащевскій, сначала профессоръ греч. и еврейск. языковъ и префектъ въ Кіевской Академіи, впослѣдствіи—архимандритъ Московскаго Донскаго Монастыря и членъ св. Синода). По свидѣтельству студента Василія Петрова, переведшаго ее на русскій языкъ въ 1788 г. (см. ниже № 7), по ней начали обучать греческому языку въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ и продолжали пользоваться ею съ этой цѣлью почти во всѣхъ названныхъ учрежденіяхъ еще въ концѣ 80-хъ гг. XVIII в. Въ предисловіи іеромонахъ Варлаамъ говоритъ, что греческая литература введена была въ Кіевской Академіи уже за 6 лѣтъ слишкомъ до изданія его книги, и обращается къ русскому юношеству съ увѣщаніемъ учиться по гречески: «Cui ergo convenit magis, quam tibi o *Iuventus Roxolana*, primas partes sacrae linguae Graecae tribuere, in ea exerceri, ea unice oblectari? Mihi crede, tantum tibi emolumenti hujus linguae cognitio ad omnia feret, quantam ejus ignorantia ignominiam pariet vel eo nomine, quod cum Graeci ritûs et sis et dicaris: tamen Spiritum S. Graeca lingua loquentem non intelliges, non intelliges SS. Patres sua lingua docentes и т. д. (См. объ этой книгѣ замѣтку Ст. Рож. «Къ исторіи классическаго образованія въ Россіи» въ журналѣ «Гимназія» за 1888 г. кн. III., стр. XCVIII, гдѣ, однако, заглавіе книги напечатано съ ошибками). Впослѣдствіи издавалась много разъ Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ въ Лейпцигѣ (въ 1779, 1785, 1791) и въ Москвѣ.

2) Грамматика греческая съ россійскимъ переводомъ 1765 г. (Сопиковъ, № 2886). Въ библ. Спб. Унив., Имп. Ак. Наукъ, Публичной и Спб. Дух. Акад. —нѣтъ.

3) Facilis et perspicua Grammatica Graeca cum appendice auctorum. Mosquae 1767. Упоминается Прозоровымъ въ его «Систематич. указателѣ книгъ и статей по греч. филологіи, напечатанныхъ въ Россіи съ XVII столѣтія по 1892 г.» (Спб. 1898). Вѣроятно это та грамматика, которую, по словамъ студента Василія Петрова, переводчика вышеупомянутой греч. грамматики Варлаама Лащевскаго, «собралъ при Имп. Моск. Университетѣ» въ 1767 г. на латинскомъ языкѣ, «по образцу Гальской», нѣкій Урбанскій (см. предисловіе Петрова къ его переводу грамматики Лащевскаго, приведенному у насъ ниже подъ № 7).

4) Греческая грамматика, собранная въ Московской Греко-Латинской Академіи изъ разныхъ грамматикъ, съ россійскимъ переводомъ. Москва. 1787. 8°. (Сопиковъ, № 2887).

5) Краткая грамматика древняго греческаго языка. Спб. 1787. 8°. (Сопиковъ, № 2888). Послѣ неоднократно издавалась. Четвертое изданіе (Спб. 1820 г. 8°) приводитъ Смирдинъ (Роспись, № 5748).

6) Греческая грамматика, или наставленія греческаго языка, собранныя изъ лучшихъ грамматикъ въ пользу обучающихся греческому языку въ Мос-

ковской Славено-греко-латинской академіи. Москва. Въ типографіи Пономарева, 1788 г. 8°. 8 ненум. + 378 стр. + 1 стр. погрѣшностей (Имп. Публ. Библ.). На оборотѣ заглавнаго листка: «оная грамматика продается въ Москвѣ... въ Академической Книжной Лавкѣ у купца Тимоѳея Полежаева. Тамъ же можно получать... и новую латинскую азбуку съ словаремъ». Учебникъ этотъ содержитъ этимологію, краткій синтаксисъ, просодію, краткія свѣдѣнія о разныхъ діалектическихъ формахъ, о числахъ и календарѣ. Посвящена Митрополиту Московскому Платону. Предисловіе-посвященіе подписано: греческаго языка учитель Семенъ Протасовъ. Въ началѣ его говорится, что Россія еще «не видала Греческой Грамматики на своемъ природномъ языкѣ (ошибочное мнѣніе, см. выше № 2, 4, 5), хотя и довольно имѣетъ любителей онаго». Имѣющіяся руководства на латинскомъ языкѣ отвращаютъ многихъ отъ изученія греческаго, и этимъ лишаютъ «тѣхъ безчисленныхъ выгодъ, какія проистекаютъ отъ сего полезнаго знанія» и производятъ «неблагополучное вліяніе и въ цѣлое общество, а наипаче въ Духовное званіе», Составлена грамматика Протасовымъ была по порученію Московской Академіи. Въ Имп. Публ. Библіотекѣ имѣется и другое изданіе этого руководства того же года, но болѣе мелкимъ шрифтомъ, безъ посвященія и предисловія: Наставленія греческаго языка сочиненныя въ московской славяно-греко-латинской академіи въ пользу обучающихся греческому языку въ оной же академіи и во всѣхъ семинаріяхъ, съ присовокупленіемъ словъ, находящихся въ новомъ заветѣ. Академіи Учителемъ Семеномъ Протасовымъ. Москва. Въ типогр. Пономарева, 1788. 8°. Загл. листъ + 378 стр.

7) Греческая грамматика, въ которой синтаксисъ, такъ же различные Греческіе діалекты и просодія изъ разныхъ древнихъ Писателей выбранными правилами и примѣрами объяснены. Переведена съ Латинскаго языка Студентомъ Васильемъ Петровымъ. Изданіе первое. Въ Санктпетербургѣ при Имп. Акад. Наукъ 1788 г. 8°. 16 ненум. + 488 стр. + 12 нен. (указатели, опечатки) [Имп. Публ. Библ.]. Книга посвящена Вел. Князю Константину Павловичу и представляетъ собой переводъ вышеупомянутой грамматики Варлаама Лащевскаго, исправленной Георгіемъ Щербацкимъ. Въ предисловіи переводчикъ говоритъ о предшествующихъ аналогичныхъ учебникахъ и проситъ снисхожденія къ собственной грамматической терминологіи (переводной съ латинскаго и греческаго), которую ему приходилось до нѣкоторой степени создавать заново: «можетъ быть иныя Грамматическія наименованія по своей новости не покажутся нѣкоторымъ, но со временемъ слухъ къ онымъ привыкнетъ». Въ числѣ такихъ неологизмовъ находимъ у Петрова членъ *предположительный* (praepositivus) и *послѣположительный* (postpositivus), *отложительные* глаголы (deponentia), *причастодѣтіе* (супинъ), согласныя *таемыя* (liquida: λ, μ, ν, ρ). *придуваемыя* (aspiratae), ударенія *послѣднее*, *предпослѣднее* и *запредпослѣднее* облеченное, острое и тяжкое (gravis), знаки *различительные* (diacritica), дыханія *тонкое* и *густое*, имена *разносклоняемыя*, родъ *преобщій*, имена числительныя — *основательныя* и *порядочныя* (количественныя и порядковыя) и т. д.

8) Краткая грамматика древняго греческаго языка, изданная по высочайшему повелѣнію царствующія Екатерины Вторыя. Цѣна безъ переплету 20 к. Спб. Печатано въ Имп. Типографіи. 1789 г. 8°. 4 ненум. + 91 стр. (Библ. Спб. Унив.). Учебникъ этотъ былъ изданъ Коммиссіей объ училищахъ.

9) Антоновичъ Павелъ (учитель греч. и лат. яз. въ гимназіяхъ Моск. Университета, † 1830 г.). Греческаго языка начальное познаніе. Часть I. Азбука, собранная изъ разныхъ лучшихъ Греческихъ азбукъ, содержащая въ себѣ простое наставленіе о произношеніи, нѣкоторыя употребительнѣйшія

молитвы, десятословіе, Ирмосы изъ Канона Святыя Пасхи, и другія мѣста изъ Свящ. Писанія; Гражданское и Нравственное ученіе съ Россійскимъ переводомъ, связно и сокращенно употребляемыя слова, и для чистаго письма пропись. Съ присовокупленіемъ къ оной Россійской, Церковной и Гражданской Азбуки, сокращенныхъ подъ титлами въ Россійскихъ церковной печати книгахъ употребляемыхъ словъ, и переведенной съ Греческаго для Россійскаго чистописанія прописи. Москва 1797 г. Печатана церковными и гражданскими буквами въ Моск. Синодальн. Типографіи 1796 г. 4°. 8 нен. + V + 1 нен. + + VIII + 5 + 39 стр. Часть II-я. Словопроизводство или этимологія, содержащая въ себѣ главнѣйшія осьми частей рѣчи правила, выполняя по возможности и Россійскія. Москва. Въ Унив. Тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудія. 1797. 4°. 95 стр. и грав. пропись. Часть III, см. ниже (христоматіи).

К. Азбуки, буквари и христоматіи греческаго языка.

1) Азбука греческая въ пользу россійскаго юношества. Печатана при Императ. Моск. Университетѣ. 1768 г. 8°. 56 (Библ. Спб. Ун.). Сопиковъ (№ 1783) указываетъ на неоднократныя перепечатки впослѣдствіи. Одно изъ этихъ изданій (второе?) носитъ также греческое заглавіе: Ἀλφάβητον Ἑλληνικόν εἰς τὴν χρῆσιν Ῥουσσικῆς νεανότητος. Москва. Типогр. Унив. у Н. Новикова 1783 г. 12°. 60 стр. (Имп. Публ. Библ.). Смирдинъ (Роспись, № 5608) указываетъ третье изданіе: Москва. Въ унив. типогр. 1788. 12°.

2) Азбука Россійская, съ прибавленіемъ греческой азбуки (начиная съ 15-й стр. греческое заглавіе: Ἀλφάβητον Ἑλληνικόν πρὸς χρῆσιν καὶ σπουδὴν τῶν παίδων ἐξ ἐπιταγῆς ἐκτυπωθέν. Πετρουπόλει. Ἔτει 1782. Ἐν τῇ Αὐτοκρατορικῇ Ἀκαδημίᾳ τῶν Ἐπιστημῶν. 10 стр. 8°. Изданіе Академіи Наукъ).

3) Антоновичъ Павелъ. Греческаго языка начальное познаніе. Ч. I. Азбука, собранная изъ лучшихъ Греч. азбукъ и т. д. См. выше грамматики греч. языка, № 9.

Христоматіи 1) Разговоръ и разсказы. Διάλογος καὶ διηγήσεις. Πετρουπόλει. Ἐν τῇ Αὐτοκρατορικῇ Ἀκαδημίᾳ τῶν ἐπιστημῶν. Ἔτει. 1782. 4°. 231 стр. (И. П. Библ.). Смирдинъ (Роспись, № 5866) указываетъ второе изданіе «на одномъ россійскомъ языкѣ».

2) Ἐκλογαὶ ἐν τῶν Ἑλληνίδι φωνῇ γραψάντων συλλεχθεῖσαι μέν ὑπὸ Χριστιανοῦ Φρηδερήχου τοῦ Ματθαίι и т. д. Избранныя мѣста изъ Греческихъ писателей, собранныя Христіаномъ Фридерикомъ Маттеемъ, а переведенныя съ Греческаго на Россійской языкъ для обучающихся въ Смоленской Семинаріи, той же Семинаріи Піитическаго, Исторіо-Географическаго и Греческаго классовъ Учителемъ Борисомъ Филоновымъ. Печатаны въ Унив. Типогр., у Н. Новикова. 1785. 12°. 155 стр. (Имп. Публ. Библ.).

3) Антоновичъ Павелъ. Греческаго языка начальное познаніе. Часть III. Нѣкоторыя мѣста, взятыя изъ Греческихъ древнихъ писателей, съ Россійскимъ переводомъ, состоящія изъ отборнѣйшихъ Езоповыхъ и Гавріевыхъ басенъ, писемъ, Лукіановыхъ разговоровъ, удивительныхъ изъ Аристотеля повѣствованій, его же описанія животныхъ и Лукіанова сновидѣнія. Москва. Въ Унив. Тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудія. 1797. 4°. 101 + 4 карт. (Имп. Публ. Библ.).

Л. Грамматики латинскаго языка.

1) Краткая латинская грамматика, сочиненная Господиномъ Целларіемъ, исправленная и умноженная Господиномъ Геснеромъ; съ нѣмецкаго на Россійской языкъ переведена при Имп. Моск. Университетѣ Элоквенціи профессоромъ Антономъ Барсовымъ. Печатано въ Унив. Типогр. чрезъ фактора Гоіера. Москва. 1762. 8°. 28 ненум. + 220 (И. П. Б.). Сопиковъ (№ 2907 и 2908) указываетъ 2-е и 3-е изданія (Москва. 8°. 1771 и 1789 г.).

2) Первыя основанія латынскаго языка Sive Rudimenta linguae latinae recens concinnata in usum gymnasii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Petropoli. Typis Academiae Scientiarum anno CIϽIϽCCLXV (1765). 8⁰. 3 ненум. листа + 307 стр. (Библ. Спб. Унив.): грамматика, нѣкоторые домашніе разговоры, молитвы, римскій календарь, глоссарій первообразныхъ словъ и т. д.

3) Грамматика латинская, для употребленія Россійскаго юношества, обучающагося въ Кіевской Академіи. Кіевъ. 1765. (Сопиковъ, № 2904).

4) Грамматика латинская, изданная при сухопутномъ Кадетскомъ корпусѣ. Спб. 1765 г. (Сопиковъ, № 2913).

5) Grammatica Latina, usibus Juventutis Rossicae summa cura Facilique Methodo Adornata nec non regularum ac exemplorum interpretatione rossica illustrata. Латинская грамматика, въ пользу Россійскаго Юношества тщательно и ясно съ россійскимъ переводомъ расположенная Николаемъ Бантышемъ-Каменскимъ. Въ Москвѣ. Въ унив. типографіи у Н. Новикова. 1779. Послѣ выдержала 11 изданій, по свидѣтельству Сопикова (№ 2910). Второе изданіе вышло въ 1781 («Русскія книги», Венгерова, т. II. стр. 57), третье: Grammatica Latina и т. д. Латинская грамм., въ пользу росс. юношества тщательно и ясно съ росс. переводомъ расположенная и при третичномъ изданіи исправленная и умноженная Николаемъ Бантышъ-Каменскимъ. Цѣна восемьдесятъ коп. Въ Москвѣ. Въ Унив. Тип. у Н. Новикова. 1 сент. 1783 г. 8⁰. VIII + 392. Шестое изданіе: Gram. Latina и т. д. Съ одобренія Моск. Цензуры. Москва 1798. Въ Унив. Тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудія. 8⁰. VIII + 392 стр. (И. П. Библ.). Седьмое изд. уже вышло въ 1801 г.: Москва. Въ Унив. Тип. у Хр. Клаудія. 1801 г. 8⁰. VIII + 392 стр. (Библ. Спб. Унив.).

6) Grammatica Latina in usum juventutis rossicae. Грамматика латинская для употребленія россійскаго юношества, съ пріобщеніемъ краткой Хрестоматіи для нижнихъ классовъ. Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи. Въ Москвѣ. Въ Унив. Типографіи, у Н. Новикова, 1782 г. 8⁰. 8 ненум. + 323 стр. (И. П. Б.). Посвящена Платону, архіепископу Московскому и Калужскому. (Есть другое изданіе болѣе мелкимъ шрифтомъ и безъ посвященія, предназначенное очевидно для употребленія въ классахъ). Содержаніе: этимологія, loca selecta in usum tironum, colloquia selecta, loca selecta ex Cicerone. Инціатива изданія повидимому исходила отъ Общества любителей Россійской словесности, какъ можно судить по посвященію, подписанному: deuotissima Societas Litteraria amicorum. Въ составленіи книги принимали участіе Николай Евфимовичъ Поповъ, учитель лат. языка въ университетской гимназіи и Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ, впослѣдствіи профессоръ Моск. Университета (р. 1746 † 1815). Ее повидимому цитируетъ Сопиковъ (№ 2909), приписывающій ея изданіе проф. Маттеи.

7) Имман. Іоа. Герарда Шеллера. Сокращенное Латинское Языко-ученіе или Грамматика новѣйшая и изъ всѣхъ донынѣ изданныхъ Грамматикъ по всей Германіи самою лучшею и къ обученію юношества удобнѣйшею признаваемая. Съ нѣм. перевелъ М. А. Б. Москва. 1787. Въ Унив. Типогр. у Н. Новикова. 8⁰. 16 ненум. + 364 стр. (Библ. Спб. Унив.). Смирдинъ (Роспись № 5756) приписываетъ этотъ переводъ Антону Барсову, Геннади же—Андрею Брянцеву. Обѣ догадки вѣроятны только въ томъ случаѣ, если первая начальная буква М. означаетъ собой сокращенное «магистръ», что, однако, не очень правдоподобно.

8) Lectiones latinae in usum classium etymologicarum in Gymnasio Universitatis Caesareae Mosquensis. Curavit I. G. L. Mellmann, Rector. Mosquae. Typis Universitatis Caesareae Mosquensis apud A. Svetuschkin. 1789. 8⁰. 155 +

1 ненум. стр. (Библ. Спб. Унив.). Родъ хрестоматіи съ синтакт. правилами, латино-русскимъ глоссаріемъ и граммат. парадигмами.

9) Lectiones latinae in usum classis syntacticae in Gymnasio Universitatis Caesareae Mosquensis. Curavit I. G. L. Mellmann, Rector. Mosquae. Typis Universitatis, per B. Okorokow, 1791. 8°. 4 ненум. + 216 стр. (Библ. Спб. Унив.). Хрестоматія и практич. синтаксисъ.

М. Азбуки и буквари латинскаго языка.

1) Elementa puerilis institutionis in lingua latina: Mandato suae imperatoriae Majestatis & facultate SS. Synodi, Impressa in Typographia Mosquensi. Anno Domini 1739, Mense Novembri. Нача́ло пи́сменъ дѣтемъ къ наставле́нію на Латі́нскомъ язы́кѣ: повелѣ́ніемъ ея́ Імпера́торскаго Вели́чества и позволе́ніемъ святѣйшаго Сѵно́да Напечатася въ Моско́вской Тѵпографіи, лѣта Господня 1739, мѣсяца ноемврія. 16°. 31 листъ (Азбука, склады, молитвы, латинскія и церковнославянскія, десять заповѣдей, семь таинствъ, семь даровъ Духа Св., плоды Духа Св., три добродѣтели богословныя, три добродѣтели благочестія, три совѣта евангельстіи и т. д.). [Библ. И. А. Н.].

2) Азбука Латинская, съ Россійскимъ переводомъ, съ вокабулами и разговорами, содержащая притомъ 24 исторіи. Москва. 1761. 8°. (Сопиковъ, № 1797).

3) Азбука Латинская, съ Россійскимъ переводомъ, съ вокабулами, разговорами, молитвами, баснями, нравоучительными правилами и употребительнѣйшими словами. Москва. 1762. 8°. (Сопиковъ, № 1789).

4) Азбука Латинская, показывающая красоту Латинскаго письма. Москва. 1779. 4°. (Сопиковъ, № 1800). Не тожественна ли эта азбука съ латинскимъ букваремъ Н. Бантышъ-Каменскаго, вышедшимъ также въ 1779 г. въ Москвѣ? Слѣдующія изданія этого послѣдняго букваря въ Москвѣ: 1780, 1783, 1784, 1786 и въ Лейпцигѣ, также въ 1786 г. Третье изданіе букваря Бантышъ-Каменскаго озаглавлено: Alphabetum latinum. Латинскій букварь. Въ пользу обучающагося въ Россійскихъ училищахъ юношества. Третично изданный Н. Б. К. Цѣна въ переплетѣ 84 коп., печатанъ въ Унив. Типогр., у Н. Новикова. 1784 г. Сентября 1. 8°. 48 стр. (Имп. Публ. Библ.).

5) Азбука новая Латинская, съ краткимъ и удобнѣйшимъ словаремъ. Москва. 1782 г. 8°. (Сопиковъ, № 1790; у Венгерова, «Русскія Книги», т. I. № 625,—другая дата: 1780 г.).

6) Азбука лат., съ приложеніемъ къ оной словаря по алфавиту, въ пользу учащагося юношества. Москва. 1782 г. 12°. (Сопиковъ, № 1791).

7) Азбука Латинская, съ Россійскимъ переводомъ. Москва. 1783 г. 8°. (Сопиковъ, № 1802. Не тожественна ли эта азбука съ однимъ изъ изданій лат. букваря Бантышъ-Каменскаго? См. выше № 4).

8) Азбука латинская новая содержащая кромѣ обыкновенныхъ начатковъ Латинскаго языка, обстоятельное показаніе произношенія и правописанія какъ древняго, такъ и новаго; также краткій Словарь, расположенный по алфавиту, заключающій въ себѣ первоначальныя Латинскія реченія и образъ ихъ Грамматическихъ перемѣнъ, съ прибавленіемъ Греческихъ словъ, употребительнѣйшихъ въ Лат. языкѣ; потомъ краткіе учтивые разговоры и выраженія могущія быть употребляемы въ письмахъ; наконецъ подробный и ясный Римскій календарь. Въ пользу Россійскаго юношества изданная. Иждивеніемъ М. Петрова. Москва. Въ Типогр. Пономарева. 1788 г. 4°. 2 ненум. + XVI + 64 стр. (Имп. Публ. Библ.).

9) Азбука новая латинская или легчайшій методъ читать по—латыни и въ то же время учиться началамъ латинскаго языка. Изданіе М. Петрова.

Москва. № 1788 г. 8°. Ц. 35 к. (Сопиковъ, № 1793). 2-е изданіе (Библ. Имп. Ак. Н.): Methodus facilior latine legendi ac simul principia lingvae latinae discendi, Locis et Auctoribus Latinis, ad exercitationem puerorum in legendo, selectis, brevi explicatione partium orationis, et quibusdam regulis Grammaticis necessariis, atque tabulis declinationum et conjugationum, et tandem vocabulis usitatioribus, in usum infimarum classium, instructa A. D. T. Новая латинская азбука, или легчайшій методъ читать по латинѣ и въ тоже самое время учиться началамъ латинскаго языка, мѣстами изъ Латинскихъ Писателей, для упражненія дѣтей въ чтеніи, избранными, краткимъ изъясненіемъ частей слова, нѣкоторыми Граматическими нужными правилами, таблицами склоненій и спряженій, и наконецъ Словаремъ, для употребленія въ нижнихъ классахъ снабдѣнный. Изданіе второе, вновь пересмотрѣнное исправленное и дополненное. Москва. Въ Унив. Типогр. у Ридигера и Клаудія. 1799. 8°. 2 ненум.+XII (таблицы спряженій, неправильныхъ, недостаточныхъ и безличныхъ глаголовъ)+111 стр. (азбука, молитвы и статьи для перевода, краткая грамматика). Изд. 3-е: Москва, тип. Пономарева. 1804. 8° (Смирдинъ, Роспись, № 5611). Четвертое изданіе: «...противъ втораго и третьяго вновь пересмотрѣно, исправлено и пополнено». Москва. Въ Унив. Типогр. 1806 г. 8°. 2 ненум. + XII + 106 стр. (тожественно съ предыдущимъ).

10) Азбука Латинская, съ правилами правописанія и разговорами. Москва, 1788. 8°. Сочиненіе Преосвященнаго Евгенія, Епископа Калужскаго и Боровскаго (Сопиковъ, № 3647).

11) Начальныя правила Лат. языка, для начинающихъ обучаться Лат. языку. Москва. 1791. 8°. (Сопиковъ, № 6737).

12) Prima latini sermonis rudimenta in usum tironum. Новая лат. азбука. Съ пріобщеніемъ краткаго начертанія этимологіи, также служащихъ для упражненія въ ономъ языкѣ выраженій и разговоровъ. Съ указнаго дозволенія. Москва. Печатана въ вольной типографіи при театрѣ у Хр. Клаудія. 1792 г. 8°. 68 стр. Цѣна 30 коп. (Библ. Спб. Унив.).

II. Словари латинскаго языка.

1) Христофора Целларія краткой Латинской лексиконъ съ Россійскимъ и Нѣмецкимъ переводомъ, для употребленія Спб. Гимназіи. Въ Санктпетербургѣ. При Имп. Акад. Наукъ. 1746. 8°. 404+154 стр. (Библ. Имп. Акад. Наукъ). Изданіе это печаталось въ количествѣ 2439 экземпляровъ, продававшихся по 1 р. Въ 1747 г. къ нему напечатанъ былъ реестръ. (См. Сухомлиновъ, «Матер. для ист. Имп. Ак. Наукъ» т. VIII, стр. 714—15). Второе изданіе, озаглавленное такъ-же (Спб. При Имп. Акад. Наукъ. 1768 г. 8°. 496+155), имѣется въ Имп. Публ. Библіотекѣ; тамъ же есть и третье изданіе, съ тѣмъ же заглавіемъ и числомъ страницъ, 1781 г.; 4-е изданіе съ тѣмъ же заглавіемъ (1795 г. 8°. 1 загл. листъ, 496 + 154 нумер. стр.) имѣется въ библіотекѣ Спб. Дух. Академіи. Въ немъ сначала идетъ самъ «лексиконъ съ росс. и нѣм. переводомъ» (480 стр.), затѣмъ слѣдуетъ «Прибавленіе греческихъ рѣчей, употребляемыхъ въ лат. языкѣ»; къ нему уже примыкаетъ «реэстръ россійскихъ словъ изъ краткаго Целларіева лексикона выбранный и по алфавиту расположенный (стр. 1—148)» и «прибавленіе греч. рѣчей»...

2) Лексиконъ Латинской съ Геснерова этимологическаго лексикона на Россійской языкъ переведенной въ Императ. Московскомъ Университетѣ. Печатанъ въ 1767 г. 8°. 4 ненум. + 954 стлб. + 2 ненум. (Имп. Публ. Библ.). Второе изданіе: Москва. Въ Унив. Типографіи. 1780. 8°. 954 стлб. + 3 ненум. (И. П. Б.). Третье, переработанное изданіе носитъ уже иное заглавіе (см. ниже № 4). Реэстры русскихъ словъ изъ этого словаря имѣются и въ видѣ

отдѣльныхъ книгъ. Въ Имп. Публ. Библ. имѣются два изданія, озаглавленныя одинаково: 1) Реэстръ Россійскихъ словъ изъ Латинскаго Геснерова лексикона выбранный и по алфавиту расположенный. Печатанъ при Имп. Моск. Универс. 1768 г. 8°. 302 стр.; 2) Реестръ и т. д. Москва. Въ Унив. типогр. у Н. Новикова. 1780 г. 8°. 300 стр,

3) Первоначальныя латинскія слова съ россійскимъ переводомъ. Въ Спб. Печатаны въ Типографіи Корпуса Чужестранныхъ Единовѣрцевъ. 1795. 16°. 126 стр. (Библ. Имп. Ак. Н.: Азбука, склады [стр. 1—6], глоссаріи [стр. 7—121], краткое правоученіе [на русскомъ языкѣ, стр. 122—125], число римское, таблица умноженія).

4) Полной Латинской Геснеровъ лексиконъ, съ Россійскимъ переводомъ, съ прибавленіемъ къ нему Греческихъ словъ и Россійскаго Реэстра, вновь исправленной и умноженной Императорскаго Московскаго Университета Публичнымъ Ординарнымъ Профессоромъ Философіи, Кол. Асесс. Дмитріемъ Синьковскимъ. Москва. Въ Унив. типогр., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудія. 1796—98 гг. Три ч. 8°. Ч. I. 1796 г. A–P. XVIII + 1294 стлб.; Ч. II. 1796 г. Q—U. 1295—3878 стлб.; ч. III. Полный латинской Геснеровъ лексиконъ и т. д. Содержащій въ себѣ Греческія слова съ Россійскимъ переводомъ и расположенный по алфавиту россійской реэстръ къ обѣимъ предъидущимъ Частямъ, докончанный Народнаго Училища Учителемъ Андреемъ Синьковскимъ. Москва. Въ Унив. Тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудія. 1798. 2 ненум. л. + 448 стлб. + 500 стр. (русскаго реэстра). (И. П. Б.).

5) Лексиконъ Латинской, съ Россійскимъ переводомъ, изъ лучшихъ латинскихъ писателей собранный Ѳомою Розоновымъ. Москва. 1797. Сопиковъ (№ 5904) замѣчаетъ о немъ: «точный переводъ латино-французскаго лексикона Будотова» и (№ 5905) указываетъ 2-е изданіе 1805 г. Это послѣднее (И. П. Библ.) озаглавлено: Латинскій лексиконъ съ россійскимъ переводомъ и полнымъ объясненіемъ всѣхъ граммат. перемѣнъ и свойствъ каждаго Латинскаго слова, также начала или происхожденія и разныхъ онаго знаменованій. Въ пользу юношества, обучающагося Латинскому языку. Трудами Надв. Совѣтника Ѳомы Розанова. Москва. Въ Типогр. С. Селивановскаго. 1805. 8°. X. стр. + 2076 стлб. (Авторъ, «Московской Синодальной Типографіи Директорскій Товарищъ», посвятилъ свой пятнадцатилѣтній трудъ Императору Александру I.).

О. Христоматіи для изученія латинскаго языка.

1) Мнѣнія Цицероновы, изъ разныхъ его сочиненій,, собралъ Аббатъ Оливетъ; перев. съ франц. Иванъ Шишкинъ. Спб. Въ Типогр. Академіи Наукъ. 1752 г. 8°.—То жъ изданіе 2-е на Россійскомъ и Латинскомъ языкахъ, Спб. Въ Тип. Акад. Наукъ. 1767 г. 8°. (Смирдинъ, Роспись, № 5920). Въ библіотекахъ Имп. Публ. и Ак. Наукъ нѣтъ.

2) Flos latinitatis ex auctorum Latinae linguae principum monumentis, in usum juventutis Rossicae Latinam linguam addiscentis, excerptus. Цвѣтъ чистаго Лат. языка изъ лучшихъ латинскихъ писателей выбранный, для пользы и употребленія Россійскаго юношества, обучающагося латинскому языку. Москва. Въ Унив. Тип., у Новикова. 1789. 8°. VII + 367 + 2 ненум. стр. (Имп. Публ. Библ.). Переводъ этого руководства, составленнаго «славнымъ лексикографомъ Г. Помеемъ» и посвященнаго Моск. митрополиту Платону, принадлежитъ іеромонаху Серафиму.

3) Flosculi Ciceroniani. Цвѣтки Цицероновы, выбранные какъ изъ сего, такъ и изъ другихъ Лат. писателей, въ пользу обучающагося Лат. языку юношества У. М. И. І. Печатаны въ типогр. Христофора Клаудія. 1793 г. 12°.

4 ненум. + 207 стр. (И. П. Б.). Родъ словаря разныхъ «фразесовъ» изъ сочиненій Цицерона и др. писателей, расположеннаго въ алфавитномъ порядкѣ (русск. азбуки).

II. Учебники латинскаго синтаксиса и стилистики.

1) Syntaxis latina in usum iuventutis rossicae ad normam grammaticae marchicae maioris conformata. Editionem curavit Christianus Fridericus Matthaei. Синтаксисъ латинской, изданной для употребленія Россійскаго юношества, по правиламъ большой Мархической грамматики стараніемъ Христіана Фридерика Маттея. Печатанъ въ Унив. типогр. у Н. Новикова. 1780 года. Мал. 8°. 20 ненум. + 348 + 3 ненум. (оглавленіе и указатель сокращеній). Книга посвящена Куратору Моск. Унив. М. М. Хераскову. Въ предисловіи къ читателямъ издатель указываетъ, что приступилъ къ изданію по почину Н. Новикова, обратившагося къ нему по совѣту орд. проф. философіи Іоанна Георгія фонъ Шварца. Между причинами, замедлившими его работу, Маттеи приводитъ опасеніе, «дабы не подвергнуть себя злословію нѣкоторыхъ людей, которые, сами провождая жизнь праздную, на дѣла другихъ съ ненавистью взираютъ». Тѣмъ не менѣе Маттеи взялся за это дѣло, особенно, когда по особому приказанію Куратора Хераскова, ему былъ данъ «прилежный и знающій помощникъ, студентъ Николай Поповъ (въ качествѣ переводчика)..., человѣкъ съ дарованіями, трудолюбивый, скромный и притомъ членъ въ Семинаріи Педагоговъ», учрежденной Прок. Ак. Демидовымъ и порученной «вѣрности и ученію славнаго профессора Шварца», подъ руководствомъ котораго она «день отъ дня начинаетъ славиться и процвѣтать». Выборъ палъ на лат. синтаксисъ потому, что въ существовавшихъ до того учебникахъ эта часть грамматики была или совсѣмъ опущена, или представлена очень недостаточно.

2) Начальныя правила сочиненія латинскаго, для начинающихъ обучаться латинскому языку. Москва. Въ Унив. тип. у В. Окорокова. 1791 г. 8°. 24 стр. Имѣются и позднѣйшія изданія: Нач. правила соч. латинскаго, для начинающихъ обучаться Лат. языку въ Кіевской академіи. Изд. второе 1794. 8°. 16 (безъ обознач. мѣста изданія); Нач. прав. сочиненія Латинскаго, для начинающихъ обучаться Лат. языку изданіе третіе. Въ Спб. 1798 г. Въ привиллегированной типографіи у Вильковскаго. 8°. 16 стр. Авторъ книги — «Академіи Кіевской Учитель Исторіи, Географіи, Поэзіи и Польскаго языка Максимъ Семигиновскій», какъ значится подъ предисловіемъ втораго изданія (И. Публ. Библ.).

3) Краткое начертаніе латинскаго слога; сочиненное на Нѣм. языкѣ Г. Филлеборномъ Профессоромъ Бреславскимъ на Россійскомъ изданное Павломъ Сохацкимъ. Москва. Въ Универс. Типографіи у Ридигера и Клаудія 1795 г. 8°. 2 нен. + 135 стр. (И. П. Б.).

Р. Многоязычныя азбуки, христоматіи и тому под. руководства, словари и разговоры.

1) *Азбуки:* 1) Любопытная азбука на латинскомъ, рускомъ и французскомъ языкахъ, нужная для тѣхъ, кои хотятъ безъ учителя обучатся симъ четыремъ языкамъ, съ присовокупленіемъ къ оной краткаго понятія о философіи, астрономіи, геометріи, ариѳметики и поэзій (такъ!). Каждая изъ сихъ наукъ изложена здѣсь такимъ образомъ, что дѣти безъ труда и излишнихъ напряженій духа оную въ мысли свои вмѣстить могутъ. Съ Указнаго дозволенія. Москва. Въ типогр. Исаака Н. Зедербана. 1793. 16°. 2 табл. съ рисунк. + 30 ненум. + 56 + 3 ненум. стр. (И. П. Б. и Библ. И. А. Н.). Кромѣ азбукъ по указаннымъ въ заглавіи языкамъ, здѣсь приводятся еще азбуки еврейская и греческая, нотныя азбуки «скрипичная и клавикортная», наставленія къ произно-

шенію, разговоры и т. д., Слова иностранныхъ языковъ представлены въ транскрипціи русскими буквами, со многими ошибками и опечатками. Такъ нѣм. слова dreissig, vierzig, siebenzig изображены такимъ образомъ: *дрейзцігъ, віерцигъ, зіебенцігъ*; франц. vingtdeux и quatrevingtdix — *венхтдьо, катрвенхдисъ*. Также читаемъ: *Бонъ журъ монсіеръ* (monsieur), *бонъ соаръ мессіеръ* (messieurs), *команъ ва летатъ де вотръ я* (?) *санте*? Отвѣтъ гласитъ: *ѳдортъ* (такъ!) *біенъ* и т. д.

2) Новоизобрѣтенной забавной способъ выучиться шутя многимъ словамъ на разныхъ языкахъ безъ Азбуки, Грамматики и Лексикона, или собраніе многихъ иностранныхъ словъ имѣющихъ съ Россійскими одинакой выговоръ, но ознающихъ (такъ!) совсѣмъ различныя вещи и предмѣты. Въ Спб. Печатано въ Имп. Тип. 1791 г. 8⁰. 28 стр. (И. П. Б.). Приводимъ нѣсколько первыхъ словъ: «Адъ на лат. языкѣ близь, при, у. Азъ на франц. и немѣц: Тузъ. Ай! (больно) на англин: Я. на грубомъ немѣц: (т. е. платтдейчѣ) яйцо. Алтынъ на татарскомъ: Золото. Аль? (не ужели) на немѣцкомъ: Угорь. Анна на финск: и корел: Дай. Бабъ на англ. Вшивой парикъ. Баре (бояре) на дат : Только, единожды. Баръ (бояръ) на немѣц: Наличной» и т. д. Дальше находимъ между прочимъ: Густъ на датск.: Вѣтерокъ. Грѣлъ на франц. Градъ и т. п.

Христоматіи и тому подобныя руководства: 1) Іоанна Амоса Коменія видимый свѣтъ на Лат., Росс., Нѣм., Италіянскомъ и Франц. языкахъ представленъ или краткое введеніе, которымъ изъясняется, что обучающемуся юношеству лехкимъ способомъ не только языку, разумнымъ упражненіемъ, но также и вещи достойныя знанія самонужнѣйшія должны быть вперены, изо ста пятидесяти одной главы состоящее, изъ которыхъ каждая вмѣсто надписи и содержанія изъ Свящ. Писанія взятымъ свидѣтельствомъ означена, и съ реестромъ самыхъ нужнѣйшихъ Россійскихъ словъ, которой вмѣсто лексикона для употребленія Россійскаго юношества служить имѣетъ, мѣсто на пяти языкахъ дополнить можетъ, изданное. (Такія же подробныя заглавія и на новыхъ языкахъ). Печатанъ при Имп. Моск. Унив. 1768. 8⁰. 24 нен. + +477 стр. + 28 ненум. (И. П. Б., Спб. Ун.). Въ Имп. П. Библ. имѣется и 2-е изданіе (Москва. Въ Унив. Типогр. у Н. Новикова. 1788. 4⁰. 554 стр.).

2) Емвлемы и символы избранные, на Россійскій, Латинскій, Французскій, Нѣмецкій и Аглицкій языкъ преложенные, прежде въ Амстердамѣ, а нынѣ во градѣ Св. Петра напечатанные и исправленные Несторомъ Максимовичемъ-Амбодикомъ. Emblemata et Symbola selecta Rossica, Latina, Gallica, Germanica et Anglica linguis exposita; olim Amstelodami edita, nunc denique Petropoli typis recusa, aucta et emendata; cura ac sumptibus Consiliarii aulici, Doctoris et Professoris Medicinae Nestoris Maximowitsch-Ambodick, MDCCLXXXVIII. Печатано въ Имп. Тип. 1788 л. 4⁰. 4 нен. + LXVIII + 280 + 4 нен. (оглавл. и опечатки).

3) Зрѣлище вселенныя на Лат., Росс. и Нѣмецк. языкахъ, изданное для народныхъ училищъ Россійской Имперіи по высочайшему повелѣнію Царствующія Императрицы Екатерины Вторыя. Цѣна, съ естампами, безъ переплета, 80 к. Въ Санктпетербургѣ 1788 года. 8⁰. 8 нен. + 142 стр. и 80 гравюръ на отдѣльныхъ листкахъ. Въ предисловіи указывается цѣль руководства: сообщить основанія лат. и нѣмецкаго языка ученикамъ перваго разряда главныхъ народныхъ училищъ въ тѣхъ намѣстничествахъ, гдѣ помянутые языки преподаются въ названныхъ училищахъ. Издано коммиссіей объ училищахъ. Имѣется и изданіе 1808 г. (безъ перемѣнъ, кромѣ опущенія гравюръ): «Зрѣлище вселенныя на лат., росс. и нѣм. языкахъ, изданное для на-

родн. училищъ Росс. Имперіи, по высочайшему повелѣнію. Цѣна, съ естампами (?), безъ переплета, 80 к. Въ Спб., при Имп. Ак. Наукъ 1808 г. 8°. VIII + 142 стр. (Библ. Имп. Ак. Н.).

4) Зрѣлище вселенныя на Французскомъ Россійскомъ и Нѣм. языкахъ. Вторымъ тисненіемъ. Цѣна съ естампами безъ переплета, 80 коп. Въ Санктпетербургѣ 1793 года. 8°. 8 ненум. + 142 стр. и 80 гравюръ на отд. листкахъ. Изданіе по содержанію совершенно одинаково съ вышеприведеннымъ изданіемъ на лат., русск. и нѣм. языкахъ (Библ. Имп. Ак. Н.). Имѣется также изданіе 1808 г. (И. А. Н.).

5) Книга на четырехъ языкахъ. Съ дозволенія указнаго. Das Buch in vier Sprachen. Въ Спб. Печатано въ Тип. Ф. Мейера. 1796. Livre en quatre langues. Avec permission de Police. The book of four languages, 8°. 8 ненум. + 355 стр. (И. П. Б.). Христоматія на нѣм., франц. и англ. языкахъ съ русскимъ переводомъ статей.

Словари: 1) Словарь на шести языкахъ: Россійскомъ, Греческомъ, Латинскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ и Англійскомъ, изданный въ пользу учащагося россійскаго юношества. Въ Спб. при Имп. Ак. Наукъ. 1763. 8°. 2 нен. листа + 247 стр. (Библ. Спб. Унив., Имп. Ак. Н. и Имп. Публ.). Передѣлка словаря Рея, изданнаго въ Лондонѣ въ 1696 г. на англ., греч. и лат. яз. Въ сущности это родъ вокабулъ, разбитыхъ на XXXII отдѣла (1-й о небѣ, 2-й о стихіяхъ и явленіяхъ воздушныхъ и т. д.). Нашъ переводчикъ (по Сопикову, № 10453)—Григорій Полетика. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Сухомлиновымъ («Матер. для ист. Имп. Ак. Наукъ», т. VIII, стр. 148—151, 158—54, 162, 165—66, 178), Полетика былъ сынъ значковаго товарища малороссійскаго лубенскаго полку, учился въ кіевской академіи (1737—45 гг.), гдѣ и обучился латинскому, нѣмецкому и греч. языкамъ. Въ іюлѣ 1746 г. онъ просилъ академію опредѣлить его при ней переводчикомъ съ лат. и нѣм. языковъ, причемъ прилагалъ и свой аттестатъ. По постановленію академіи, онъ былъ подвергнутъ испытанію у Штелина (изъ нѣм. и лат. языковъ), Тредьяковскаго (по русскому и лат. язз.) и Крузіуса (изъ греч.); причемъ всѣ экзаминаторы дали удовлетворительный отзывъ. По полученіи отзывовъ, Полетика былъ опредѣленъ при академіи переводчикомъ лат. и нѣм. язз.

2) Dictionnaire manuel en quatre langues savoir la Françoise, l'Italienne, l'Allemande et la Russe, par Mr. Veneroni. Краткій лексиконъ на четырехъ языкахъ, т. е. на Французскомъ, Италіанск., Нѣм. и Россійскомъ, сочиненъ Г. Венеронымъ. Печатанъ при Имп. Моск. Университетѣ 1771 г. 8°. 6 нен. + + 172 стр. Словарь этотъ, по словамъ предисловія къ цитированному ниже многоязычному словарю Гаврилова (№ 5), былъ составленъ инспекторомъ педагогической семинаріи при Московскомъ университетѣ.

3) Сокращенной четыреязычной словарь, а имянно на Нѣм., Лат., Франц. и Росс. языкахъ, съ предисловіемъ о краткомъ, легкомъ и пріятномъ способѣ ученія. Москва. Въ Унив. Тип. 1776 г. 8°. (Сопиковъ, № 10441). Смирдинъ (Роспись, № 5997) указываетъ авторомъ Францискa Гельтергофа, лектора и профессора Моск. Университета. Ср. также біографію Гельтергофа въ «Біографич. Словарѣ Профессоровъ и Преподавателей Имп. Моск. Университета» (М. 1855, т. I. стр. 192).

4) Россійской лексиконъ по алфавиту, съ нѣмецк. и латинск. переводомъ. I. Часть. Изданный Францискомъ Гелтергофомъ Профессоромъ Публичнымъ Экстраординарнымъ въ Имп. Моск. Университетѣ. Russisches alphabetisches Wörterbuch, mit Deutscher und Lateinischer Uebersetzung. I. Theil ans Licht

gestellt von F. Hölterhof etc. Печатанъ при Имп. Моск. Унив. 1778 г. 8°. 8 ненум. + 942 + 1 неп. стр.

5) Neues Deutsch - Französisch - Lateinisch - Italiänisch - Russisches Wörterbuch, herausgegeben von Matthias Gabrielow, Mitglied, des bei der Kayserlichen Universität zu Moskau gestifteten Pädagogischen Seminarii. Новый лексиконъ на Нѣмецк., Франц., Лат., Италіанск., и Россійскомъ языкахъ, изданный Матвѣемъ Гавриловымъ, членомъ Педагогической Семинаріи, учрежденной при Имп. Моск. Унив. Въ Москвѣ. Въ Унив. Тип., у Н. Новикова. 1781 г. 8°. XV + 766 (И. П. Б.). Книга снабжена посвященіемъ И. И. Шувалову и М. М. Хераскову, кураторамъ Моск. университета. Въ предисловіи составитель указываетъ на отсутствіе пособій этого рода, такъ какъ Вояжировъ лексиконъ (см. выше, стр. 326, прим. 2), изданный въ 1764 г. и вторымъ изданіемъ въ 1778 г. (т. е. за три года до словаря Гаврилова), и другіе подобные словари всѣ разошлись. Въ 1789 г. вышло 2-е изданіе словаря (Москва, 8°. 2 ненум. + 729 стр.), имѣющееся также въ И. Публ. Библ.

6) Nouveau dictionnaire françois, italien, allemand, latin et russe. Новый лексиконъ или словарь на Франц., Италіанскомъ, Нѣмецкомъ, Латинскомъ и Россійскомъ языкахъ, содержащій въ себѣ полное собраніе всѣхъ употребительныхъ Французскихъ словъ съ самымъ точнѣйшимъ оныхъ на другіе четыре языка переводомъ и объясненіемъ различныхъ знаменованій и всѣхъ грамматическихъ свойствъ, какія токмо каждому слову приличествуютъ. Сообразно словарю Франц. Академіи изданный трудами Коллежскаго переводчика Ив. Соца. Москва. Въ Унив. Типогр. 1784—87 г. 2 ч. 4°. I. 6 ненум. + 529 стр. II, 2 ненум. + 655 стр. (Библ. Спб. Ун.).

7) Словарь французскихъ реченій первообразныхъ и такихъ, коихъ начала во Франц. языкѣ нѣтъ, или кои отъ своего первообразнаго весьма отдалены, съ Нѣм., Лат. и Росс. переводами и съ показаніемъ Грамматическихъ принадлежностей. Иждивеніемъ и трудами Ильи Яковкина. Съ дозволенія управы благочинія. Во градѣ Св. Петра. 1796. Въ книгопечатнѣ I. К. Шнора. 8°. VIII + 100. (Библ. Спб. Унив.)

Разговоры: 1) Colloquia scholastica. Школьные разговоры. Schulgespräche. Dialogues. Спб. Gedruckt bey der Kayserl. Academie der Wissensch. 1738. Мал. 8°. 213. (Имп. П. Б.). (Повидимому о печатаніи этихъ разговоровъ «Ѳранцысіи Лудовицы Тулліи» состоялось постановленіе Академіи Наукъ въ октябрѣ 1737 г. См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. Акад. Наукъ» III, 506). Сопиковъ (№ 9489) указываетъ второе изданіе: Спб. 1763, но на имѣющемся въ Имп. Публ. Б. совершенно тождественномъ по содержанію изданіи 1763 года значится: «третіе изданіе. Въ Спб. печатаны при Имп. Ак. Н. 1763 году» (8°. 215 стр. + 1 ненум.). Такое же изданіе 1789 г. (по Сопикову, № 9490,— третье) такъ же обозначено: «третьимъ тисненіемъ. Въ Спб., при Имп. Ак. Наукъ 1789 года». (8°. 175 стр.) (И. П. Б. и И. А. Н.).

2) Colloquia scholastica. Школьные разговоры. Σολλαλιαὶ σχολαστικαί. Dialogues. Schul-Gespräche. Печатаны въ Типогр. Имп. Моск. Университета. 1776. 8°. 319 стр. 2-ое изданіе: Въ Москвѣ. Въ Унив. Типогр., у Н. Новикова. 1785 8°. 215 стр. + 1 ненум. 3-е изданіе: «Съ дозволенія Моск. Цензуры. Москва. Въ Губ. Типографіи, у А. Рѣшетникова. 1800. 8°. 215 + 1 ненум. (И. П. Б.).

3) Dialogues domestiques. Gespräche von Haus-Sachen. Домашніе разговоры (Франц., Нѣмец., Росс. и Лат. съ пріятельскими комплиментами). Colloquia domestica. Въ Спб. печатаны при Имп. Акад. Наукъ. 1749. Мал. 8°. 231 стр. (Библ. И. Ак. Н. и И. Публ.). Разговоры эти переводились на русскій

языкъ академическимъ переводчикомъ Васильемъ Лебедевымъ. По распоряженію президента академіи 9 ноября 1747 года, они печатались въ количествѣ 2400 экз. (См. Сухомлиновъ, «Матер. для исторіи Имп. Акад. Наукъ» т. VIII, стр. 594 и X, стр. 61. Второе изданіе вышло въ Ригѣ, въ 1773 г., третье— тамъ же, 1778, четвертое—тамъ же, 1788 и пятое—Москва. Синод. Типогр. 1804 (Сопиковъ, № 9438—9441).

C. Спеціальные научные и техническіе словари.

1) Дикціонеръ, или реченіаръ, по алфавиту россійскихъ словъ, о разныхъ произращеніяхъ, то есть древахъ, травахъ, цвѣтахъ, сѣменахъ огородныхъ и полевыхъ, кореньяхъ и о прочихъ быліяхъ и минералахъ. Собранный и сочиненный Имп. Академіи Наукъ Коллежскимъ Ассесоромъ К(иріакомъ) Кондратовичемъ. Въ Спб. Въ Типогр. морскаго шляхетнаго кад. корпуса. 1780. 8⁰. 4 ненум. + 168 стр. и 1 таблица опечатокъ. Авторъ, бывшій переводчикъ и учитель латинской школы въ Екатеринбургѣ, посвятившій свой трудъ Прок. Ак. Демидову, составилъ «полный лексиконъ въ 10 стопъ писчей бумаги»; изданный имъ «Дикціонеръ или реченіаръ» является только $^1/_{200}$ долей этого громаднаго труда. Самъ словарь (на русск. и лат. языкахъ) кончается на 149 стр., а со 151-й начинается приложеніе: «Травы, отличающіяся отъ предположенныхъ одними прилагательными именами». (И. П. Б.). Сопиковъ (№ 5923) указываетъ какъ будто второе изданіе этой книги: Лексиконъ по алфавиту Росс. словъ о разныхъ произрастѣніяхъ, т. е. о древахъ, травахъ, цвѣтахъ, сѣменахъ, огородныхъ и полевыхъ кореньяхъ; перев. съ лат. К. Кондратовичъ. Спб. 1781. 8⁰.

2) Ботаническoй подробный словарь, или Травникъ; Содержащій въ себѣ по Алфавиту описаніе большой части по сіе время извѣстныхъ, какъ иностранныхъ, такъ и здѣшнихъ деревъ, кустовъ, травъ, цвѣтовъ, корней, мховъ, грибовъ и сѣмянъ, и нхъ на Росс., Лат., Французскомъ, Италіанскомъ, Аглинскомъ и Греч. языкахъ названія, съ показаніемъ на какихъ мѣстахъ растутъ, въ какое время цвѣтутъ, какъ и въ какихъ болѣзняхъ употребляются, что изъ нихъ въ Аптекахъ дѣлается, въ какой классъ Господами Линнеемъ и Турнефортомъ полагаются, съ приложеніемъ Росс. перевода съ Латинскаго изъ системы Господина Линнея, всѣхъ родовыхъ латинскихъ и до Ботаники касающихся учебныхъ названій, слѣдуя лучшимъ авторамъ, сочиненный Артиллеріи Офицеромъ и Вольнаго Росс. Собранія при Имп. Моск. Унив. Членомъ Андреемъ Мейеромъ. Въ Москвѣ. Въ Унив. Тип. у Н. Новикова. 2 ч. 4⁰. 1781—83 г. Ч. I (1781 г.): 8 ненум. + 650 стлб. + 2 ненум. стр. Ч. II. (1783). 8 ненум. + 16 стр. + 608 стлб. (И. П. Б.). Этотъ широко задуманный трудъ, посвященный императрицѣ Екатеринѣ II, остановился послѣ выхода первыхъ двухъ частей, обнимавшихъ буквы А. В. С.

3) Анатомико-Физіологическій Словарь, въ коемъ Всѣ наименованія частей человѣческаго тѣла, до Анатоміи и Физіологіи принадлежащія, изъ разныхъ врачебныхъ сочиненій собранныя, на Россійскомъ, Лат. и Французскомъ языкахъ ясно и кратко предлагаются, съ краткимъ описаніемъ сихъ наукъ, для пользы росс. юношества въ первое напечатанный трудами и иждивеніемъ Нестора Максимовича Амбодика врачебной науки Доктора и Профессора повивальнаго искусства. Въ Типографіи Морскаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса. Во Градѣ Святаго Петра. 1783 года. 8⁰. 2 ненум. + LXVIII + 160 + 1 ненум. стр. (опечатки). Часть II носитъ лат. заглавіе: Anatomico-physiologicum Vocabularium sive onomatologia partium corporis humani, ubi omnes voces in Anatomia et Physiologia explicandae, Latino, Rossico et Gallico Idiomate succincte ac dilucide proponuntur. Ad usus inventutis Rossicae prima

vice in lucem editum cura ac sumptibus Nestoris Maximowitsch-Ambodick Medicinae Doctoris et artis Embryulciae Professoris publici. Petropoli in Typographia classis maritimae. Anno MDCCLXXXIII. 2 ненум. + 136 стр. (Библ. Спб. Унив.). 1-я часть — русско-латино-французская; II-я — латино-русско-французская (слова послѣдняго языка приводятся далеко не всегда).

4) Словарь минералогическій, Стараніемъ вольнаго экономическаго общества изданный 1790 года. Въ Спб., при Имп. Ак. Наукъ. 4⁰. 4 ненум. + 98 стр. (Библ. Спб. Унив.). Въ «Извѣстіи» къ словарю указывается побудительная причина изданія: «чужестранныя... сочиненія, заключающія иногда именованія произведеній земныхъ нѣдръ, затрудняли переводчиковъ преложеніемъ оныхъ на Россійской языкъ, а читателей неупражняющихся въ Рудословіи, незнаніемъ словъ». Трудъ былъ выполненъ «нѣкоторыми членами» вольнаго экономич. собранія. Термины приводятся сначала на нѣмецкомъ языкѣ съ русскимъ и латинскимъ значеніями.

5) Треязычный морской словарь на Англинскомъ, Француском и Россійскомъ языкахъ въ трехъ частяхъ. Собралъ и объяснилъ Флота Капитанъ Александръ Шишковъ. Печатано въ Типогр. Морскаго Шляхетнаго Кад. Корпуса 1795 г. три части 4⁰. I. 6 ненум. + VIII + 34 стр.; II. 169 стр; III. 41 стр. (И. П. Б.). Имѣется второе изданіе: Морской Словарь, содержащій объясненіе всѣхъ названій, употребляемыхъ въ морскомъ искусствѣ. Сочинилъ Адмиралъ А. С. Шишковъ. Дополненъ и изданъ Ученымъ Комитетомъ Морскаго Министерства. Спб. Въ Тип. Имп. Росс. Акад. 1832—40. 3 части. 8⁰. Ч. I. Словарь по кораблестроенію. XVI + 180 стр. Ч. II. Словарь по артиллеріи: 6 ненум. + 281 стр. Ч. III. Словарь по наукамъ до мореплаванія относящимся: IV + 462 стр. + 1 ненум. (И. П. Б.).

6) Botanisches Wörterbuch veranstaltet und herausgegeben von Der freyen ökonomischen Gesellschaft in Jahr 1895. St. Petersburg gedruckt beym kaiserlichen adelichen Landkadettenkorps. Словарь ботаническій, Содержащій наименованія растѣній и ихъ частей. Тщаніемъ и иждивеніемъ вольнаго экономическаго общества изданный 1795 года. Во градѣ Св. Петра при Имп. Шлях. Кад. Корпусѣ. 4⁰. 4 ненум. + 157 стр. (И. Публ. Б.): нѣмецко-латинско-русскій словарь названій растеній.

XIII. Изученіе восточныхъ языковъ въ XVIII в. при преемникахъ Петра I-го.

Изученіе восточныхъ языковъ при преемникахъ Петра I продолжало носить чисто практическій характеръ. На первомъ планѣ стояло обученіе тѣмъ изъ нихъ, которые были важны въ политическомъ и торговомъ отношеніяхъ. Научныя задачи оставались въ тѣни, и попытки выдвинуть ихъ впередъ не имѣли никакого успѣха. Такая попытка была сдѣлана Георгіемъ Якобомъ Керомъ (Kehr, р. 1692 † 1740), однимъ изъ немногихъ нашихъ ученыхъ оріенталистовъ первой половины XVIII в. [1]). Питомецъ универ-

[1]) См. о немъ довольно скудную данными статью М. Шувалова въ «Сборникѣ моск. главнаго архива министерства иностр. дѣлъ», вып. 5. Москва 1893, стр. 91—110.

ситета въ Галле, Керъ былъ вызванъ въ Петербургъ въ 1732 г. вице-канцлеромъ гр. Остерманомъ для разбора восточныхъ монетъ и получилъ мѣсто переводчика арабскаго, персидскаго и турецкаго языковъ при коллегіи иностранныхъ дѣлъ, съ обязательствомъ обучать этимъ языкамъ русскихъ учениковъ, выписанныхъ для него изъ Московской славяно-греко-латинской школы. Ему было назначено 400 р. жалованья, и обѣщана награда по 100 руб. за каждаго обученнаго студента. Этой награды, однако, ему такъ и не привелось получить ни разу, вѣроятно по отсутствію „обученныхъ“ студентовъ.

Труды Кера остались въ рукописяхъ [1]). Въ числѣ ихъ между прочимъ находится сборникъ 137 различныхъ азбукъ съ молитвой Господней на разныхъ языкахъ [2]) и проектъ учрежденія восточной академіи въ С.-Петербургѣ [3]): Academiae vel Societatis scientiarum atque linguarum Orientalium in Imperii Ruthenici emolumentum et gloriam instaurandae simul et ab autore hvjus consilii, hisce in studiis XXV. annorum exercitatione experto, dirigendae [4]). Необходимость восточной академіи Керъ мотивировалъ постоянными политическими сношеніями на турецко-татарскомъ и персидскомъ языкахъ съ различными восточными государями, въ томъ числѣ даже съ Великимъ Моголомъ, отъ которыхъ нерѣдко являются въ Россію посольства; для такихъ сношеній, по его мнѣнію, нужны знающіе толмачи и переводчики, которые умѣли бы и вести переписку на восточныхъ языкахъ. Рядомъ Керъ указывалъ и на научное значеніе подобной академіи: многія „исторіи“ татарскія, турецкія, персидскія и арабскія содержатъ документы, важные для Россійскаго государства, которое нуждается не только въ умѣлыхъ переводчикахъ и

---

[1]) Хранятся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. См. о нихъ С. Бѣлокурова «О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи» (Москва. 1899), стр. 91—93.

[2]) Изданъ въ 1876 на средства туркестанскаго генералъ-губернатора К. П. фонъ Кауфмана, въ количествѣ 45 экземпляровъ.

[3]) См. статью П. Савельева: «Предположенія объ учрежденіи восточной академіи въ С. Петербургѣ, 1733 и 1810 гг.». («Журн. Мин. Н. Просв.» 1855 г., ч. 89, отд. III, стр. 27—36).

[4]) Былъ отысканъ въ 1821 г. академикомъ оріенталистомъ Френомъ въ архивѣ Академіи Наукъ. Переводъ, повидимому, довольно свободный, напечатанъ въ вышеупомянутой статьѣ Савельева въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1855 г., а оригиналъ на особой таблицѣ въ приложеніи къ книгѣ Френа: «Das Muhammedanische Münzkabinet des Asiatischen Museums der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. Vorläufiger Bericht vom Director des Asiat. Museums C. M. Frähn». Спб. 1821.

толмачахъ, но и въ восточныхъ библіотекаряхъ, архиваріусахъ, дипломатахъ, нумизматахъ, полиглоттахъ, полигисторахъ, собирателяхъ и истолкователяхъ восточныхъ древностей, живыхъ инвентаряхъ знаній Востока. Восточная академія могла бы создать, по мнѣнію Кера, историковъ, антикваріевъ, филологовъ и критиковъ, которые извлекали бы изъ восточныхъ текстовъ разныя свѣдѣнія, полезныя для Россіи; она же могла бы выпускать восточныхъ полигисторовъ, политиковъ и юрисконсультовъ, которые были бы совѣтниками при посольствахъ и умѣли бы извлекать „изъ восточныхъ и другихъ сочиненій наблюденія и правила, клонящіяся къ привлеченію восточныхъ народовъ къ Россіи“. Изъ нея выходили бы „профессоры знающіе и опытные въ преподаваніи“, а также и миссіонеры.

Въ проектѣ Керъ характеризовалъ и тогдашнее состояніе научныхъ пособій по изученію восточныхъ языковъ. Отмѣтивъ краткость и ошибочность имѣвшихся въ то время турецкихъ, персидскихъ и арабскихъ грамматикъ, рѣдкость и неудовлетворительность такихъ же словарей, отсутствіе лексикона и грамматики по татарскому языку (дѣло первой потребности) и собраній разговоровъ и изреченій арабскихъ, персидскихъ и турецко-татарскихъ, Керъ сообщалъ, что самъ собралъ и продолжаетъ собирать необходимыя пособія для изученія восточныхъ языковъ: объясненія грамматико-критическія, словари, съ примѣрами номенклатуръ и фразеологій, собранія образцовъ слога и каллиграфіи, писемъ и разговоровъ, а также и свѣдѣнія о древностяхъ, исторіи, хронологіи и т. п. арабско-мавританскихъ, персидско-бухарскихъ и турецко-татарскихъ [1]).

Въ заключеніе своего проекта Керъ перечислялъ наличныя ученыя силы Петербурга, на которыя можно было бы разсчитывать при учрежденіи восточной академіи. Это были: „весьма знающій докторъ Мессершмидтъ“, о которомъ уже шла рѣчь выше (стр. 201—202), и „при Императорской коллегіи знающіе азіатскіе языки секретари, переводчики и толмачи“: а) для турецкаго и татарскаго языковъ: секретарь Суда, „весьма знающій турецкій языкъ“; переводчикъ Синевичъ, „отлично говорящій по-ту-

---

[1]) Въ бумагахъ Кера, хранящихся въ Московскомъ главномъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ, рукописныхъ пособій для изученія восточныхъ языковъ, однако, не много. Въ цитированной выше книгѣ С. Бѣлокурова „О библіотекѣ Московскихъ Государей въ XVI вѣкѣ“ (стр. 92) приводится перечень восточныхъ рукописей Кера, среди которыхъ такихъ пособій только 2: № 7, „пословицы персицкіе (и начало по обученію того языка)“ и № 10, «вакабулы на арабскомъ и персицкомъ языкахъ».

рецки"; Мустафа-Ахмедъ, „знающій письменно и устно турецко-татарскій языкъ", и Муртаза Тевкелевъ; b) для персидскаго и турецкаго языка: Бикри Христофоръ, для котораго названные языки были природными; c) для арабскаго, персидскаго, турецкаго, сирско-халдейско-самаританско-пуническаго, эѳіопско-абиссинскаго, греческаго и латинскаго: самъ Георгій Яковъ Керъ, „императорскій профессоръ восточныхъ языковъ"; d) для языковъ и письменъ калмыцко-монголо-манджурскихъ и китайскихъ: академикъ Теофилъ-Зигфридъ Байеръ, профессоръ древностей при академіи (см. о его дѣятельности выше, стр. 219—220), Бухартъ, „молодой человѣкъ, недавно возвратившійся въ С.-Петербургъ" изъ Пекина [1]), секретарь посольства Бакунинъ и переводчикъ калмыцкаго языка Петръ Смирновъ.

Проектъ Кера не вышелъ, однако, изъ области предположеній. Время для осуществленія подобной широкой программы еще не наступило, и дѣятельность ея автора ограничивалась пока преподаваніемъ восточныхъ языковъ при Иностранной Коллегіи.

Такъ въ 1732 г. къ нему было прислано пять учениковъ Московской Славяно-Греко-Латинской академіи, умѣвшихъ говорить по латыни, которые должны были обучаться у Кера языкамъ арабскому, турецкому и персидскому. Въ 1738 г. къ нему поступило еще два ученика для занятій маньчжурскимъ языкомъ. Учениковъ брали преимущественно изъ Московской Славяно-Греко-Латинской академіи, такъ что въ 1735 году ректоръ ея, Софроній, жаловался Синоду на недостатокъ слушателей въ старшемъ богословскомъ классѣ, въ силу того, что однихъ берутъ изъ академіи въ Петербургъ „для обученія оріентальныхъ діалектовъ и для камчадальской экспедиціи", а другихъ—въ Астрахань „для наставленія калмыковъ и ихъ языка познанія", третьихъ же посылаютъ „въ Сибирскую губернію съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Василіемъ Татищевымъ" и т. д. [2]).

Тѣмъ не менѣе, если широкіе проекты, въ родѣ предложенія Кера, не находили отзыва у нашего правительства въ XVIII в., все-таки оно съ своей стороны не переставало заботиться о развитіи у насъ знанія тѣхъ или другихъ восточныхъ языковъ, частью поддерживая и продолжая разныя начинанія, предпринятыя въ этомъ направленіи еще Петромъ Великимъ, частью вы-

---

[1]) Повидимому—одно лицо со студентомъ одной изъ первыхъ нашихъ миссій въ Китай, Иваномъ Пухартомъ, о которомъ см. ниже. Надежды Кера, называвшаго Пухарта, «juvenis ornatissimus», не оправдались, какъ мы увидимъ.

[2]) См. С. К. Смирновъ, «Исторія славяно-греко-латинской академіи» (Москва, 1857), стр. 242—43.

зывая къ жизни новыя учрежденія и изыскивая новыя мѣры въ томъ же духѣ. Конечно, начинанія эти большею частью имѣли случайный и разрозненный характеръ, но тѣмъ не менѣе кое-что при этомъ достигалось. Главное вниманіе въ этихъ заботахъ, разумѣется, доставалось на долю тѣхъ языковъ, знаніе которыхъ было важно въ государственномъ отношеніи, для цѣлей торговыхъ, дипломатическихъ или административныхъ. Научныя цѣли продолжали оставаться въ тѣни и предоставлялись частной иниціативѣ. Исключеніе составляетъ только сравнительный словарь Екатерины II, обязанный своимъ происхожденіемъ мимолетной прихоти скучавшей сѣверной Семирамиды, но вызвавшій нѣкоторое, хотя и чисто искусственное, пробужденіе лингвистическаго интереса къ восточнымъ языкамъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, не очень, впрочемъ, многочисленныхъ. (См. о немъ выше, гл. VII).

Наиболѣе систематическій и постоянный характеръ имѣли у насъ въ XVIII в. заботы о практическомъ изученіи языковъ дальняго востока—китайскаго съ маньчжурскимъ и японскаго. Первымъ ученымъ, занимавшимся у насъ китайскимъ и маньчжурскимъ языками, былъ академикъ Байеръ (см. выше, стр. 219—20).

Первое основаніе своему знакомству съ китайскимъ языкомъ Байеръ положилъ еще до пріѣзда въ Россію, во время своего пребыванія въ Берлинѣ [1]). Въ Россіи онъ разсчитывалъ найти много новыхъ для себя матеріаловъ и пособій для изученія Китая, но ожиданія его были обмануты. Напротивъ, здѣсь онъ встрѣтилъ полное отсутствіе какихъ бы то ни было пособій по этой части и рѣшился самъ издать родъ руководства по китайской грамматикѣ, вмѣстѣ съ введеніемъ въ китайскую литературу и словаремъ [2]). Руководство это было готово уже къ февралю 1729 г., такъ что 7 февраля состоялось опредѣленіе конференціи академіи наукъ о печатаніи „хинейскія грамматики господина профессора Беэра на французской александринской бумагѣ“, въ количествѣ 1000 экземпляровъ „въ осмушку большія руки“ [3]); 8 февраля начался и самый наборъ перваго листа, а въ 1730 г. весь трудъ Байера вышелъ въ свѣтъ, въ двухъ томахъ in 8°, носившихъ общее заглавіе: „Museum Sinicum, in quo sinicae linguae et litteraturae ratio explicatur“. Каждый томъ имѣлъ и особое заглавіе: первый (XX+190 стр.).—„Praefationem historicam de progressu litteraturae sinicae in Europa, grammaticae sinicae duos libros, grammaticam lin-

¹) Пекарскій, «Исторія Имп. акад. наукъ», т. I. Спб. 1870, стр. 185—186.
²) Тамъ же, стр. 188—189.
³) Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи Имп. акад. н.», т. I. 450—51.

guae Chinches, Missionariorum a Tranquebare epistolam Andrea Mulleri propositionem clauis sinicae et epistolam ad Jo. Hevelium comprehendit", а второй (372 стр.)—„Lexicon sinicum et diatribas sinicas comprehendit". Китайскія слова напечатаны были здѣсь латинскими буквами и безъ ударенія, что́ вызвало строгую критику Фурмана въ „Journal des Savants" (См. Пекарскій, „Ист. Имп. Ак. наукъ", т. I. Спб. 1870, стр. 192).

Но главнымъ плодомъ занятій Байера китайскимъ языкомъ является его многотомный рукописный китайско-латинскій словарь: „Lexicon Sinicum ex vetustis lexicis Sinicis et aliis libris congestum", хранящійся нынѣ въ библіотекѣ Азіатскаго Музея при академіи наукъ, (отд. III, № 57). Словарь этотъ въ ноябрѣ 1734 года уже подвинулся на столько, что въ конференціи академіи заходила рѣчь о его печатаніи. Вопросъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Но такъ какъ для осуществленія этого предположенія пришлось бы вырѣзать на деревѣ болѣе 10,000 китайскихъ буквъ, то отъ него должны были отказаться, и рукопись словаря, послѣ смерти Байера, поступила въ академическую библіотеку [1]).

Всѣхъ томовъ (формата in folio) первоначально было 26, но изъ нихъ уцѣлѣло только 23 (не хватаетъ томовъ IX, X и XII). Уже въ 1770-хъ гг., во времена Бакмейстера, въ академической библіотекѣ было на лицо только 24 тома [2]). Пособіями при составленіи этого словаря служили Байеру печатные китайскіе лексиконы Çu gvéy и Hai pien, сообщенные ему вице-канцлеромъ гр. Остерманомъ изъ собственной библіотеки, а также очень полный китайско-латинскій рукописный лексиконъ отца Паренина. Много матеріала доставили Байеру и пекинскіе іезуиты, съ которыми онъ завязалъ переписку, благодаря содѣйствію того же Остермана [3]). Изъ печатныхъ трудовъ Байера маньчжурскому языку и письму посвящено отчасти разсужденіе „De litteratura mangiurica" („Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae", т. VI. 1738, стр. 325—338). Здѣсь впервые у насъ находимъ образчики маньчжурскихъ письменъ, оттиснутые, очевидно, съ рѣзанныхъ на мѣди или деревѣ клише. Такіе же образчики китайскихъ письменъ (довольно многочисленные) приводятся въ дру-

---

[1]) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи Импер. академія наукъ», т. VI, стр. 337 (Исторія академіи Г. Ф. Миллера).

[2]) См. Бакмейстеръ, «Опытъ о библіотекѣ и кабинетѣ рѣдкостей и исторіи натуральной С.-Петербургской Императорской Академіи наукъ», перев Васильемъ Костыговымъ. Спб. 1779, стр. 58.

[3]) См. Пекарскій «Ист. Имп. акад. наукъ», т. I. стр. 188—189.

гой статьѣ Байера: „De lexico sinico çü gvéy“ (тамъ же, стр. 339—364). Въ связи съ первой изъ только что названныхъ статей находится разсужденіе „Dissertatio de orthographia Mantsurensi“, рукопись котораго, вмѣстѣ съ рукописнымъ же предисловіемъ Байера; „Praefamen ad dissertationem de Lexico Sinico“, хранится въ Азіатскомъ музеѣ Имп. акад. наукъ (отд. III, № 59 и 58).

Въ одно время съ Байеромъ надъ составленіемъ китайскаго словаря трудился и какой-то русскій студентъ въ Китаѣ, личность котораго опредѣлить трудно. Свидѣтельство объ этомъ находимъ въ одной изъ бумагъ академическаго архива, относящейся къ январю 1734 года (см. Сухомлиновъ, „Матеріалы для исторіи Имп. ак. наукъ“, т. II. 433), гдѣ говорится, что въ виду посылки курьера въ Китай, было бы хорошо отправить съ нимъ „Музеумъ синикумъ“ господина проф. Байера „къ россійскому студенту, который въ сочиненіи китайскаго лексикона въ китайской землѣ трудится“. Вѣроятно здѣсь имѣется въ виду кто-нибудь изъ студентовъ, посылавшихся съ нашими духовными миссіями въ Китай для изученія китайскаго языка. Судя по времени, этимъ студентомъ могъ быть только одинъ изъ членовъ миссіи Антонія Платковскаго (второй по счету), отправленчой въ Пекинъ въ 1729 г., быть можетъ Разсохинъ или Пухартъ, о которыхъ рѣчь идетъ ниже. Нѣкоторые лингвистическіе матеріалы по маньчжурскому и китайскому языкамъ собиралъ также академикъ Миллеръ во время своего путешествія по Сибири въ 30-хъ годахъ XVIII в. Такъ въ 1735 году онъ послалъ изъ Иркутска въ академію „числа на манджурскомъ и китайскомъ языкахъ“ [1]).

Болѣе всего рукописныхъ пособій для изученія китайскаго и маньчжурскаго языковъ дали участники нашихъ духовныхъ миссій въ Китай и ихъ ученики. Послѣ первой такой миссіи Иларіона Лежайскаго (см. выше, стр. 194), снаряженной еще при Петрѣ I, съ посольствомъ графа Рагузинскаго отправлена была вторая, подъ начальствомъ только что упомянутаго архимандрита Антонія Платковскаго, прибывшая въ Китай въ 1729 г. Въ составъ студентовъ ея (всего 6 числомъ) входили между прочимъ: Иванъ Пухартъ, несомнѣнно тожественный съ тѣмъ Бухартомъ, о которомъ упоминаетъ Керъ въ своемъ проектѣ восточной академіи (см. выше, стр. 368), и ученикъ монгольской школы въ Иркутскѣ (см. о ней ниже), Иларіонъ Разсохинъ, впослѣдствіи переводчикъ китайскаго и маньчжурскаго языковъ при академіи наукъ. Сту-

[1]) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. академіи наукъ», т. VIII, стр. 202.

денты этой миссіи могли уже открыто заниматься изученіемъ китайскаго языка, на основаніи нашего договора съ Китаемъ 14 іюня 1728 г., пятая статья котораго гласила: „для русскихъ въ Пекинѣ выстроить домъ, въ которомъ будутъ жить трое священниковъ и шесть учениковъ для узнанія китайскаго языка“ [1]).

Начальникъ этой миссіи прожилъ въ Китаѣ недолго. Въ 1732 г. онъ просилъ замѣстить его другимъ, и на его мѣсто былъ присланъ въ 1736 г. архимандритъ Иларіонъ Трусовъ, съ ученикомъ Алексѣемъ Владыкинымъ (замѣнившимъ возвращавшагося въ Россію Разсохина), а также еще двумя студентами Московской славяно-греко-латинской академіи [2]). Разсохинъ, пожалованный еще въ 1738 г. чиномъ прапорщика за свои успѣхи въ китайскомъ и маньчжурскомъ языкахъ, прибылъ въ Россію въ 1740 г. [3]) и въ слѣдующемъ 1741 г. изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ былъ направленъ въ академію наукъ, которая 20 марта 1741 г. и приказала ему быть при ней „для переводовъ и обученія китайскаго и манжурскаго языковъ“, опредѣливъ и жалованье по 180 р. въ годъ. 29 апрѣля 1741 г. этотъ окладъ былъ увеличенъ еще 50 р. [4]). Тогда же Разсохинъ просилъ академію опредѣлить къ нему такихъ учениковъ, „которые бы умѣли россійской грамотѣ“, и дать въ помощники копіиста Пухарта [5]) и находившагося въ

---

[1]) См. Н. И. Веселовскій, «Свѣдѣнія объ оффиціальномъ преподаваніи восточныхъ языковъ въ Россіи». (Спб. 1879), стр. 72.

[2]) См. тамъ-же стр. 72—73, кромѣ того: Словцовъ: «Историческое Обозрѣніе Сибири». Изд. 2-е, кн. I, стр. 205—206 и Смирновъ, «Исторія Славяно-греко-лат. академіи», стр. 231.

[3]) См. собственный рапортъ Разсохина академіи 5 августа 1745 г. у Сухомлинова, «Матеріалы для исторіи Имп. акад. наукъ», т. VII, стр. 496—97. См. о Разсохинѣ также «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей» митрополита Евгенія, изд. Погодина (М. 1845), т. II, 149.

[4]) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. ак. наукъ», т. IV, 636.

[5]) Копіистъ Пухартъ несомнѣнно тожественъ съ Бухартомъ, упоминаемымъ въ проектѣ восточной академіи Кера, и со студентомъ второй китайской миссіи Иваномъ Пухартомъ (какъ догадывается объ этомъ Веселовскій, «Свѣдѣнія объ оффиціальн. препод. вост. языковъ», стр. 72, прим. 231). Это явствуетъ изъ доношенія «студента Івана Пухарта» въ академію наукъ (апрѣль, 1743), напечатаннаго у Сухомлинова, «Матер. для ист. Имп. Акад. Наукъ» (т. V. 645—47). Здѣсь Пухартъ сообщаетъ, что въ 1727 г. ѣздилъ въ Китай для изученія китайскаго и маньчжурскаго языковъ и пробылъ тамъ по 1732 г. Въ 1734 г. онъ прибылъ въ Петербургъ въ государственную иностранныхъ дѣлъ коллегію, но «въ оной никакого опредѣленія ему не учинено»; вслѣдствіе этого онъ въ 1735 г. принужденъ былъ поступить на службу копіистомъ въ академію наукъ и находился безъ упражненія въ китайскомъ и маньчжурскомъ языкахъ, такъ что перезабылъ то, чему учился. Въ 1741 г. его опредѣлили въ помощники Разсохину. См. о Пухартѣ также т. III «Матеріаловъ для истор. Имп. акад. наукъ» Сухомлинова (стр. 536—7).

Москвѣ при иностранной конторѣ [1]) крещенаго китайца Θедора Петрова. Академія наукъ съ своей стороны ходатайствовала передъ кабинетомъ министровъ объ утвержденіи представленія Разсохина и о вызовѣ для него изъ Москвы помянутаго китайца, чтобы онъ обучалъ учениковъ китайскому и маньчжурскому языкамъ, безпрестанно говорилъ съ ними на этихъ языкахъ, „силу и произношеніе голосомъ рѣчей имъ показывалъ, трудныя слова и литеры толковалъ, а притомъ великатность этихъ двухъ языковъ показывалъ"; со временемъ же упражнялъ бы учениковъ въ переводахъ на русскій языкъ. При этомъ присовокуплялось, что китаецъ Петровъ „на досугѣ и самъ полезныя книги съ маньчжурскаго и китайскаго языковъ на россійскій діалектъ къ немалой прибыли переводить можетъ" [2]). Разсохинъ просилъ также, чтобы ему дали учениковъ изъ семинаристовъ Θеофана новгородскаго, или изъ другихъ мѣстъ, и изъ академической гимназіи три-четыре молодыхъ человѣка, которые бы „не только по-русски читать и писать умѣли, но притомъ бы нѣмецкаго и латинскаго языковъ довольно знали" [3]).

Просьбы Разсохина были удовлетворены лишь отчасти. Пухарта онъ получилъ себѣ въ помощники (см. выше, стр. 372, примѣч. 5-е), но китаецъ Θедоръ Петровъ, онъ же Джога, такъ и остался въ Москвѣ. Когда государственная коллегія иностранныхъ дѣлъ въ сентябрѣ 1742 г. обратилась въ академію наукъ, съ вопросомъ, нуженъ ли ей китаецъ Θедоръ Джога, котораго она желала получить въ помощники Разсохину [4]), то академія, крайне стѣсненная въ то время въ своихъ денежныхъ средствахъ, отвѣтила: „не только въ ономъ Джогѣ академія наукъ нынѣ нужды не имѣетъ, но и прапорщика Россохина, за неподтвержденіемъ своего штата, жалованьемъ содержать не въ состояніи" [5]).

Тѣмъ не менѣе Разсохинъ оставался при академіи. Вмѣсто учениковъ семинаристовъ, или гимназистовъ, съ извѣстной подготовкой, въ августѣ 1741 г. опредѣлены къ нему были четыре ученика изъ солдатскихъ дѣтей, учившихся въ петербургской гарнизонной школѣ, „кои уже россійской грамотѣ и писать обучились и къ наукамъ понятны" [6]). Имъ велѣно было „къ

[1]) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. ак. наукъ», т. IV, стр. 723.

[2]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи Имп. ак. наукъ», т. IV, стр. 643—44, и Полное Собраніе Законовъ, № 8418.

[3]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. ак. наукъ», IV, 643—644. «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи», № 8418.

[4]) Сухомлиновъ, «Матеріалы» т. V, стр. 341.

[5]) Тамъ же, стр. 345.

[6]) См. «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи» № 8418.

ихъ скорому вниманію при немъ весьма неотлучно быть, ибо не только ихъ обучать грамотѣ, но и всегда съ ними, для лутчаго ихъ понятія тѣми языками, разговаривать и показывать все китайское обхожденіе, чтобъ они и китайскую политику современемъ узнать могли". Такъ какъ въ домѣ, гдѣ проживалъ Разсохинъ, стоялъ военный постой, и ученики его не могли поэтому помѣститься съ нимъ вмѣстѣ и находиться при немъ неотлучно, то академія обратилась въ главную полицмейстерскую канцелярію съ промеморіей о снятіи постоя, чтобы ученикамъ можно было жить „въ его, Разсохина, домѣ" [1]).

Назначенный въ помощники Разсохину Пухартъ не долго оставался при немъ. Въ апрѣлѣ 1743 года онъ просилъ уволить его отъ этихъ обязанностей, указывая при этомъ, что вынужденный служить копіистомъ, находился долго безъ упражненія въ китайскомъ и маньчжурскомъ языкахъ. Впрочемъ, онъ, „хотя чрезъ означенныя лѣта нѣчто и забылъ, однако, къ тому тщался, и къ нему, прапорщику Разсохину, гдѣ тѣ ученики обрѣтаются, на Санктпетербургскомъ острову, ѣздилъ". Тѣмъ не менѣе, „за недачею жалованья", Пухартъ являлся вынужденнымъ, „какъ отъ сего, такъ и отъ вышеупомянутаго прежняго къ той наукѣ недопущенія, а наипаче для неимущества и утраченныхъ же лѣтъ, охоту свою уничтожить, и для того болѣе у того не быть", тѣмъ паче, что у него имѣлись и другія обязательныя занятія [2]). Въ связи съ этимъ прошеніемъ академія доложила 24 окт. 1744 г. сенату, что студентъ Пухартъ „ни къ чему при академіи наукъ не способенъ", и уволила его отъ обязанностей помощника Разсохина, оставивъ его попрежнему копіистомъ [3]).

Несмотря на отсутствіе помощниковъ, Разсохинъ продолжалъ обучать своихъ учениковъ не безъ успѣха, заботясь и объ ихъ общемъ образованіи. Такъ едва-ли безъ его вѣдома въ августѣ 1746 г. двое изъ его учениковъ, Яковъ Волковъ и Леонтій Савельевъ, обратились въ канцелярію академіи наукъ съ слѣдующей просьбой: „обучаемся мы... съ 1741 года китайскому языку, котораго уже понынѣ не мало познали, и нѣсколько читая ихъ книги, разумѣть можемъ. А нынѣ еще желаемъ мы обучиться въ гимназіи латинскому или французскому языку, понеже на оныхъ языкахъ многія китайскія переведенныя книги имѣются, которыя къ продолженію нашей науки не безполезны быть могутъ" [4]).

---

[1]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. ак. наукъ», т. IV. 723—724.
[2]) Тамъ же, т. V. 645—47.
[3]) Тамъ же, т. VII. 182.
[4]) Тамъ же, т. VIII, 218—19, 228.

Просьба ихъ, очевидно, была удовлетворена, такъ какъ имена ихъ находимъ въ спискѣ учениковъ французскаго класса академической гимназіи за 1748 г. Обоимъ въ это время уже было по 20 лѣтъ [1]). Вскорѣ число учениковъ Разсохина уменьшилось. Въ февралѣ 1748 г. одинъ изъ нихъ, Степанъ Чекмаревъ, обратился въ канцелярію академіи, прося уволить его отъ ученія, по недостаточности получаемаго имъ жалованья [2]) для содержанія себя съ домашними и отсутствію дальнѣйшей охоты заниматься маньчжурскимъ языкомъ. При этомъ онъ выражалъ желаніе получить мѣсто копіиста при академической канцеляріи. Спрошенный по этому поводу Разсохинъ далъ Чекмареву такую аттестацію: „оный ученикъ, Степанъ Чекмаревъ, въ обученіи манджурскаго языка не понятенъ, и потому дальней надежды въ немъ быть не можетъ". На основаніи этого заключенія и своей просьбы, Чекмаревъ, 10 авг. 1748 г. былъ уволенъ отъ обученія маньчжурскому языку и опредѣленъ копіистомъ, съ жалованьемъ 30 р. въ годъ [3]). Остальные ученики продолжали заниматься подъ руководствомъ Разсохина. Объ успѣхахъ ихъ сохранилось современное свидѣтельство, заключающееся въ статьѣ, напечатанной въ Прибавленіи къ „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ" 12 іюля 1748 г. и описывавшей посѣщеніе академіи наукъ мальтійскими кавалерами, маркизомъ Сакрамоза и графомъ Гамильтономъ [4]): „показываны были имъ разныя въ Китаѣ печатанныя книги на китайскомъ и манджурскомъ языкахъ [5]). Обрѣтающійся при Академіи переводчикъ Рассохинъ, которой болѣе пятнадцати лѣтъ въ Пекинѣ жилъ [6]), и въ обоихъ языкахъ весьма искусенъ, толковалъ имъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ оныхъ книгъ.., а ученики его отправ-

---

[1]) Тамъ же, т. IX, 496.

[2]) Ученики Разсохина получали 24 рубля въ годъ, какъ это видно изъ академическихъ штатовъ этого времени. См. Сухомлиновъ, «Матеріалы и т. д.» т. VIII, стр. 722 и т. д.

[3]) Тамъ же, т. IX, стр. 85—86, 360.

[4]) Перепечатана у Пекарскаго, «Исторія Импер. акад. наукъ въ Петербургѣ». Т. II. Спб. 1873, стр. XXXVII.

[5]) Китайскія и маньчжурскія рукописи и книги пріобрѣтались академіей уже раньше. Въ «Матеріалахъ для ист. Имп. акад. наукъ» Сухомлинова (т. IV. 49) находимъ указаніе на полученіе большого кит. словаря (40 книгъ въ 6 томахъ) и разныхъ другихъ книгъ, посланныхъ для Байера отъ южной іезуитской коллегіи въ Пекинѣ. Въ мартѣ 1741 г. пріобрѣтено было у Разсохина разныхъ китайскихъ книгъ на 242 р. 30 к., (тамъ же, стр. 620).

[6]) Цифра 15 лѣтъ находится въ противорѣчіи съ показаніями самого Разсохина (въ его рапортѣ 5 авг. 1745), согласно которымъ онъ былъ посланъ въ Китай въ 1727 г. и вернулся въ Россію уже въ 1740 г. (Сухомлиновъ, «Матер. для ист. Имп. ак. н.» VII. 496—497).

ляли разговоръ на помянутыхъ языкахъ съ особливою способностью".

Въ томъ же 1748 году сенатъ намѣревался опредѣлить при академіи еще одного китаиста, вѣроятно, также изъ студентовъ второй китайской миссіи, прапорщика Ивана Быкова [1]). Быковъ, бывшій ученикъ московской математической академіи, былъ посланъ въ 1731 году въ Китай и оставленъ тамъ для обученія китайскому и маньчжурскому языкамъ. По возвращеніи его въ Россію, коллегія иностранныхъ дѣлъ, за отсутствіемъ у нея какой-либо корреспонденціи на этихъ языкахъ, не знала, что съ нимъ дѣлать, и передала его на усмотрѣніе сената, который указалъ ему быть при академіи наукъ и здѣсь „на тѣхъ языкахъ... разнымъ разговорамъ съ переводомъ на россійской діалектъ надлежащія книги учить и тѣмъ языкамъ нѣсколько... учениковъ обучать" [2]). Академія рѣшила подвергнуть Быкова испытанію у профессора ея и исторіографа Миллера [3]). По испытаніи оказалось, что Быковъ „въ манжурскомъ языкѣ искусенъ и переводить съ манжурскаго на россійскій и съ россійскаго на манжурскій языки умѣетъ и учениковъ обучить можетъ; только въ никанскомъ, т. е. въ китайскомъ языкѣ, онъ, Быковъ, хотя въ просторѣчіи о всякихъ дѣлахъ говорить можетъ, однакожъ, за великимъ множествомъ китайскихъ литеръ, всего вытвердить не могъ, чего ради и въ переводахъ воономъ языкѣ будетъ недостаточенъ и учениковъ совершенно ему выучить невозможно". А такъ какъ академія имѣетъ уже переводчика Разсохина, присланнаго изъ той же коллегіи иностранныхъ дѣлъ и искуснаго въ обоихъ языкахъ, то „слѣдовательно для тѣхъ наукъ двумъ учителямъ при академіи быть не для чего и нужды академіи въ томъ нимало нѣтъ". Поэтому академія представляла сенату, не благоволитъ ли онъ „помянутаго поручика Быкова опредѣлить къ какой иной службѣ, а при академіи до него нужнаго ничего не касается" [4]). Что сдѣлалось далѣе съ Быковымъ,—неизвѣстно. Очевидно, что на самыхъ первыхъ порахъ насажденія у насъ синологіи намъ пришлось считаться съ перепроизводствомъ ученыхъ спеціалистовъ въ этой области...

Какъ долго преподавалъ Разсохинъ при академіи, изъ печат

---

[1]) О Быковѣ, какъ членѣ второй кит. миссіи, нѣтъ указаній въ литературѣ (напр. въ цит. книгѣ Веселовскаго), но пребываніе его въ Китаѣ совпадаетъ съ пребываніемъ тамъ названной миссіи Илар. Трусова.

[2]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. ак. н.» IX. 131—134.

[3]) Тамъ же, стр. 163—164.

[4]) Тамъ же, стр. 221—222.

ныхъ источниковъ для ея исторіи не видно („Матеріалы" Сухомлинова заканчиваются 1750 годомъ). Данныя для этого должны находиться въ академическомъ архивѣ, не вполнѣ доступномъ для посторонннихъ изслѣдователей. Несомнѣнно, что въ 1750 году Разсохинъ со своими тремя учениками (Леонтіемъ Савельевымъ, Семеномъ Корелинымъ и Яковомъ Волковымъ) значился еще въ штатахъ академіи [1]). Въ этомъ же году (5 апрѣля) названные ученики Разсохина, состоявшіе при академіи съ 1741 года, указывая на свои труды по изученію китайскаго и маньчжурскаго языковъ (выучили сперва „разные вокабулы и разговоры, а потомъ книгу Сышу въ 4 частяхъ, книгу Саньдзыгинъ" и т. д.), просили себѣ прибавки жалованья (противъ 2 р. 50 к. въ мѣсяцъ, получа̀вшихся ими въ то время). Академія постановила спросить Разсохина, каковы ихъ успѣхи, что́ они знаютъ, и какія надежды можно возлагать на нихъ [2]). Каковъ былъ отвѣтъ Разсохина, изъ матеріаловъ для исторіи академіи Сухомлинова, остановившихся на 1750 г., не видно. Въ 1762 г. Разсохинъ еще состоялъ при академіи, въ качествѣ переводчика [3]). Умеръ онъ около 1770 года.

Очевидно для потребностей преподаванія своимъ академическимъ ученикамъ Разсохинъ составилъ (или, точнѣе, перевелъ) разговоры на русскомъ, китайскомъ и маньчжурскомъ языкахъ, оставшіеся, впрочемъ, въ рукописи. Первое упоминаніе о нихъ находимъ въ біографіи Разсохина, въ Новиковскомъ „Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ" (Спб. 1772, стр. 191). Рукопись ихъ, хранящаяся въ I-мъ отдѣленіи библіотеки Имп. академіи наукъ [4]), содержитъ предисловіе Разсохина (на 5 листахъ, формата въ поллиста писчей бумаги) и самые разговоры (на 81 листѣ такого же формата). Изъ предисловія мы узнаемъ, что Разсохинъ былъ только переводчикомъ и, пожалуй, редакторомъ названныхъ разговоровъ, но не составителемъ ихъ: „слѣдующія школьныя простыя манджурскаго и китайскаго языковъ разговоры сочинены чрезъ моего пріятеля Шеупинъ Сянь Шына на манджурскомъ языкѣ для обученія при немъ находящихся учениковъ, которыя после его же трудами переведены на китайской языкъ. Хотя и не краснословно самыми простыми словами, однакожъ вступающему въ науку подадутъ къ совершенному познанію

---

[1]) Тамъ же, т. X, стр. 288.
[2]) Тамъ же, стр. 373.
[3]) Пекарскій, «Исторія Имп. акад. наукъ», т. II, стр. 960.
[4]) Рукопись 32. 6. 17.

такой способъ, что онъ чрезъ оной такъ можетъ въ наукѣ изрядно преспѣвать" и т. д. Въ концѣ предисловія указывается время составленія оригинала разговоровъ: „написана во владѣніе мирноправдиваго осмаго году, т. е. 1730-го весною благополучного дня чрезъ Чынъ минъ дана (,) переведена чрезъ прапорщика Илариона Рассохина". Предисловіе писано на трехъ языкахъ: русскомъ (вверху), китайскомъ (ниже) и маньчжурскомъ (въ самомъ низу страницы). Такъ же писаны и сами разговоры, въ которыхъ китайскій и маньчжурскій тексты изображены оригинальными письменами, а не въ русской транскрипціи, какъ это часто у насъ дѣлалось съ разными восточными текстами въ XVIII в.

Въ академической библіотекѣ (отдѣленіе I), кромѣ того имѣются и другіе рукописные труды Разсохина и его учениковъ, являющіеся, очевидно, плодомъ его занятій съ вышеназванными учениками при академіи наукъ. Таковы, напримѣръ, три рукописныхъ перевода Разсохина, относящихся къ одному времени (1745 г.): 1) „О томъ какъ нѣкоторый мальчикъ переспорилъ великаго китайскаго учителя Кунъ Фудзыя. Съ манджурскаго языка на россійской переводилъ прапорщикъ Ларіонъ Разсохинъ (на русскомъ, китайскомъ и маньчжурскомъ языкахъ, 12 листовъ формата въ поллиста писчей бумаги)". Въ концѣ рукописи замѣтка: „по китайски писалъ ученикъ Левонтей Савельевъ; по манджурски писалъ ученикъ Семенъ Корѣлинъ. 1745"; 2) „О двадцати четырехъ пунктахъ, касающихся родительскаго почтенія, съ манджурскаго языка на россійской, перевелъ прапорщикъ Ларіонъ Разсохинъ. Спб. 1745 (на русскомъ, китайск. и маньчж. языкахъ; 30 листовъ форматомъ въ поллиста писчей бумаги)". Въ концѣ этой рукописи тоже надпись: „по китайски писалъ ученикъ Яковъ Волковъ, по маньчжурски писалъ ученикъ Степанъ Чекмаревъ"; 3) „китайскаго графа Сюэ вынь цинъ гуна собственныя разсужденія о себѣ самомъ" и т. д. (небольшая рукопись на русскомъ, китайск. и маньчж. языкахъ на нѣсколькихъ листахъ писчей бумаги). Въ концѣ надпись: „съ маньчжурскаго языка на русской перевелъ прапорщикъ Ларіонъ Разсохинъ. 1745. По китайски писалъ ученикъ Яковъ Волковъ, по манджурски писалъ ученикъ Степанъ Чекмаревъ [1])".

Кромѣ этихъ переводовъ, вѣроятно служившихъ для упражне-

---

[1]) О принесеніи этихъ переводовъ Разсохинымъ въ даръ библіотекѣ академіи см. Сухомлинова, «Матеріалы для ист. Имп. акад. наукъ», т. VIII, стр. 48. Рукописи этихъ переводовъ носятъ шифры: 1) 34.6.20; 2) 34.6.25; 3) 43.5.11.

нія академическихъ учениковъ въ письмѣ и устномъ переводѣ, библіотека академіи наукъ обладаетъ еще нѣсколькими рукописными переводами съ китайскаго и маньчжурскаго, сдѣланными тѣмъ же Разсохинымъ. Число рукописныхъ работъ Разсохина должно было быть еще больше: въ своемъ рапортѣ академіи отъ 5-го авг. 1745 г. Разсохинъ въ числѣ своихъ „переводовъ" указываетъ еще „манджурскую азбуку" (№ 7), „школьные разговоры" (№ 8), очевидно дошедшіе до насъ, прибавляя затѣмъ: „да для обученія учениковъ перевелъ я разные вокабулы, разговоры и часть лексикона [1])". Послѣдніе труды Разсохина не дошли до насъ; по крайней мѣрѣ о нихъ ничего не извѣстно.

Такимъ образомъ наши первыя миссіи въ Китай уже принесли извѣстные практическіе результаты, и потому наше правительство продолжало снаряжать ихъ.

Послѣ смерти начальника третьей китайской миссіи, Иларіона Трусова († 1741), на его мѣсто отправленъ былъ начальникъ четвертой миссіи въ Китай, архимандритъ Гервасій Линцеевскій съ новыми двумя учениками, которымъ дана была инструкція „всемѣрно тщатися къ обученію себе тамошняго китайскаго языка [2])". Въ числѣ студентовъ этой миссіи находился Алексѣй Леонтьевичъ Леонтьевъ, впослѣдствіи переводчикъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и авторъ многочисленныхъ печатныхъ переводовъ съ китайскаго и маньчжурскаго († въ Спб. въ 1786 г.) [3]).

Въ 1753 г. на смѣну этой миссіи послана была пятая, съ архимандритомъ Амвросіемъ Юматовымъ во главѣ и нѣсколькими студентами Казанской духовной семинаріи и Московской Славяно-греко-латинской академіи. Въ Пекинѣ была ими открыта школа, въ которой они учили китайцевъ по русски, учась въ то же время у нихъ китайскому языку [4]). Научныхъ трудовъ члены этой миссіи повидимому по себѣ не оставили.

Вслѣдъ за миссіей Юматова до конца XVIII в. нашимъ правительствомъ посылались въ Китай еще слѣдующія миссіи: шестая, подъ начальствомъ архимандрита Николая Цвѣта (въ 1767 г., вернулась въ 1780 г.), въ числѣ спутниковъ котораго были уче-

---

[1]) Тамъ же, т. VII. 496—97.

[2]) См. Веселовскій. «Свѣдѣнія объ оффиціальномъ преподаваніи восточныхъ языковъ въ Россіи». Спб. 1879, стр. 73.

[3]) См. о немъ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1837 г., часть XVI, стр. 244, и «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей» митрополита Евгенія. (Изданіе Погодина, Москва, 1845), кн. II, 7.

[4]) См. Смирнова, «Исторія Московской славяно-греко-латинской академіи». (Москва, 1857), стр. 232.

ники Тобольской семинаріи: Алексѣй Семеновичъ Агафоновъ, впослѣдствіи переводчикъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Кяхтѣ († 1794), авторъ нѣсколькихъ печатныхъ переводовъ съ китайскаго, вышедшихъ въ теченіе XVIII в. [1]) и Ѳедоръ Бакшеевъ, составитель перваго, и притомъ очень объемистаго, маньчжурско-русскаго словаря, хранящагося въ Имп. Публ. библіотекѣ въ двухъ спискахъ: черновомъ (вост. ркп. № DCLXXXIX) и бѣловомъ (вост. ркп. № DCLXXXVII). Первый изъ нихъ обнимаетъ 290 ненумер. листовъ (большого квадратнаго формата въ листъ китайской бумаги) и имѣетъ въ концѣ нѣсколько помѣтокъ, устанавливающихъ принадлежность его Бакшееву: „сей лексиконъ китайскаго(?) и манджурскаго языковъ студента Ѳедора Бакшеева... Сей лексиконъ переведенъ на манджурской языкъ переводчикомъ Ѳедоромъ Бакшеевымъ... Кончилъ подводить по манджурски сей лексиконъ 1776 года мѣсяца декабря 14 дня, въ день среды, пополудни въ 3-мъ часу Ѳедоръ Бакшеевъ“, и другія, уже личнаго характера (о покупкахъ, пусканіи себѣ крови и т. д.). Бѣловой списокъ (на 677 ненумер. листахъ китайской бумаги формата въ поллиста писчей бумаги) писанъ одною рукою съ первымъ, но не имѣетъ никакихъ помѣтокъ. О принадлежности его къ царствованію императрицы Екатерины II свидѣтельствуетъ начало посвященія, которое составитель словаря принялся было писать впереди словаря, но почему то не кончилъ: „Всемилостивѣйшая государыня, приращая вседневно ваше императорское величество вѣрноподданныхъ вашихъ просвѣщеніе“... Вѣроятно составитель словаря намѣревался посвятить свой трудъ императрицѣ, но по какой то причинѣ не осуществилъ этого намѣренія.

Во всякомъ случаѣ словарь Бакшеева свидѣтельствуетъ о его трудолюбіи и, вмѣстѣ съ переводами Агафонова, снимаетъ съ миссіи Цвѣта упрекъ въ бездѣятельности, сдѣланный ея членамъ Словцовымъ [2]), замѣтившимъ, что „они при должностяхъ, для которыхъ готовились, не замѣтили себя публичными переводами изъ восточной любознательности“.

За шестою миссіей послѣдовала седьмая, архимандрита Іоакима Шишковскаго (въ 1780—1794), съ которымъ ѣздилъ, въ числѣ прочихъ студентовъ Московской славяно-греко-латинской академіи Антонъ Григорьевичъ Владыкинъ († 1811 или 1812 г.), воспитанникъ Троицкой семинаріи изъ крещенныхъ калмыковъ, впослѣдствіи переводчикъ китайскаго и маньчжурскаго языковъ въ

[1]) См. ихъ перечень у Венгерова, «Русскія книги», т. I, стр. 40.

[2]) См. его «Историческое Обозрѣніе Сибири». Изд. 2-е. 1886 г., кн. II, стр. 20.

Москвѣ при коллегіи иностранныхъ дѣлъ и авторъ рукописныхъ грамматики (точнѣе азбуки) и лексикона маньчжурскаго языка, хранящихся въ Имп. публичной библіотекѣ, но относящихся уже къ началу XIX в. [1]).

За миссіею Шишковскаго была отправлена восьмая подъ начальствомъ архимандрита Софронія Грибовскаго (въ 1794 г., вернулась въ 1808 г.), среди спутниковъ котораго находились Степ. Вас. Липовцовъ († 1841 г.) и Пав. Ив. Каменскій (р. 1765, † 1845 г.). Первый сталъ впослѣдствіи переводчикомъ китайскаго и маньчжурскаго языковъ при коллегіи иностранныхъ дѣлъ и членомъ-корреспондентомъ академіи наукъ по отдѣлу восточныхъ литературъ и древностей. Научная дѣятельность его уже принадлежитъ XIX вѣку. Второй изъ названныхъ спутниковъ Софронія Грибовскаго, П. И. Каменскій, изъ воспитанниковъ Троицкой семинаріи и студентовъ молодого Московскаго университета, впослѣдствіи также переводчикъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ архимандритъ и начальникъ миссіи въ Китаѣ, вѣроятно, еще во время своего пятнадцатилѣтняго пребыванія въ Китаѣ студентомъ миссіи, положилъ начало составленному имъ обширному китайско-маньчжурско-монгольско-русскому словарю (20 томовъ in folio), оставшемуся, однако, въ рукописи [2]). Научная дѣятельность его также относится уже къ XIX в. [3]).

Помимо китайскихъ миссій въ концѣ XVIII в. принимались и нѣкоторыя другія мѣры для обученія китайскому и маньчжурскому языкамъ. Такъ въ Высочайшемъ указѣ „Коммиссіи о учрежденіи народныхъ училищъ“ (27 сент. 1782) предписывалось ввести преподаваніе арабскаго языка въ школахъ нашихъ восточныхъ губерній и прибавлялось: „самое то же предлежитъ къ наблюденію въ Иркутской губерніи и Колыванской области, въ раз-

---

[1]) См. о немъ: С. К. Смирновъ, «Исторія Троицкой Лаврской семинаріи», Москва 1867, стр. 522—23; Энциклопед. лексиконъ Плюшара, т. XI. 93. Митрополитъ Евгеній, «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», изданіе Погодина, Москва 1845, кн. I, 85, Снегиревъ, «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», Москва 1838, стр. 202.

[2]) См. объ этомъ словарѣ Аделунга «Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde». Спб. 1815, стр. 203. Аделунгъ говоритъ о немъ, какъ о совершенно готовомъ къ печати трудѣ, ожидающемъ лишь великодушнаго издателя-мецената.

[3]) См. его некрологъ въ «Нижегород. Губ. Вѣдомостяхъ» 1845 г., часть неоффиціальная, № 21, «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1845 г. ч. 46, отд. VII, стр. 46—48 и статью А. Можаровскаго «Архимандритъ Петръ Каменскій. Начальникъ Россійско-Императорской X миссіи въ Пекинѣ», въ «Нижегор. Епархіальн. Вѣдомостяхъ» 1887 г. № 9—12, 15—17, 19, 22—24.

сужденіи китайскаго языка" [1]). Маньчжурскій языкъ, вмѣстѣ съ другими восточными языками, преподавался также въ Омской азіатской школѣ для приготовленія переводчиковъ по пограничному управленію Сибирской линіи, открытой въ 1789. Для маньчжурскаго языка былъ установленъ комплектъ въ пять учениковъ при одномъ учителѣ. Школа эта существовала до 1836 г.[2]). Кромѣ того сдѣлана была попытка ввести преподаваніе китайскаго и маньчжурскаго языка въ Иркутскомъ гражданскомъ училищѣ, одновременно съ открытіемъ въ немъ монгольскаго класса (см. ниже). Преподаваніе началось 13 окт. 1790 г. и на первыхъ порахъ привлекло порядочное число учениковъ (21 человѣкъ), но черезъ четыре года было прекращено, якобы по трудности и неудобности [3]).

Благодаря китайскимъ миссіямъ, у насъ явились такимъ образомъ свои первые китаисты и маньчжуристы, которые далеко превосходили своихъ европейскихъ товарищей практическимъ знаніемъ Китая и его языковъ и положили прочное основаніе русской школѣ синологіи, насчитывающей въ своихъ рядахъ первоклассныхъ знатоковъ Китая. Участникамъ нашихъ миссій въ Китаѣ принадлежатъ, какъ мы видѣли выше, первые русскіе труды по китайскому языку и первые переводы съ него на русскій. Прочіе памятники нашего знакомства въ XVIII в. съ китайскимъ языкомъ, дошедшіе до насъ, совсѣмъ незначительны. Такъ въ картонахъ Аделунга (Имп. Публ. библіотека), въ ряду другихъ образчиковъ разныхъ языковъ земного шара, имѣются и рукописныя собранія нѣкоторыхъ китайскихъ словъ (именъ числительныхъ и т. д.) и фразъ, поступившія къ Аделунгу отъ Бакмейстера (см. выше, стр. 222). Одно такое собраніе (китайскими и русскими буквами), обнимающее 10 стран. въ поллиста писчей бумаги, носитъ помѣту: Reçû avec la lettre de Mr le Professeur Pallas du 8 octobre 1773 г. Другое, немногимъ болѣе обширное (11 стран. такого же формата), имѣетъ помѣту о полученіи его отъ Палласа 18 іюля того же 1773 г. Въ помянутомъ собраніи Аделунга имѣются и небольшіе китайскіе тексты. Одинъ изъ нихъ

---

[1]) «Полное Собраніе Законовъ Росс. Имперіи» № 15,523.

[2]) См. «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1836 г., ч. 12, стр. 607—608 и статью Петра Золотова «Краткій историческій очеркъ бывшей Омской Азіатской школы» въ «Акмолинскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ» 1873, № 16—18.

[3]) См. газету «Амуръ» 1862 г. № 19 и статью директора училищъ въ Иркутскѣ, И. Миллера: «Краткое историческое обозрѣніе учебныхъ заведеній въ Иркутской губерніи», напеч. въ «Періодическомъ сочиненіи о успѣхахъ народнаго просвѣщенія», ч. XXVII, 1810 г., стр. 421.

записанъ русскими буквами (почеркъ второй половины XVIII в.) на 6 стран. въ четверку. Все это, конечно, лишено почти всякаго научнаго значенія. Печатныхъ статей на русскомъ языкѣ, посвященныхъ китайскому языку, у насъ въ XVIII в. не являлось, если не считать упоминавшейся уже переводной статьи С. П. (Порошина), „О китайскомъ языкѣ“, напечатанной въ V томѣ „Ежемѣсячныхъ сочиненій“ за 1757 г. (стр. 161—164). См. о ней выше (стр. 307—308).

Появленіе своихъ знатоковъ китайскаго и маньчжурскаго языковъ дало возможность и нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ, прибѣгавшей на первыхъ порахъ къ услугамъ иностранныхъ переводчиковъ, въ родѣ Кера и др., обходиться отнынѣ своими силами, къ чему она со своей стороны стала прилагать стараніе. Такъ въ 1762 г. коллегія представила Сенату о своемъ намѣреніи завести у себя учениковъ китайскаго и маньчжурскаго языковъ, чтобы со временемъ приготовить изъ нихъ „исправныхъ переводчиковъ“. Сенатъ утвердилъ это предположеніе коллегіи, и тогда же въ нее поступило, по собственному желанію, два ученика С.-Петербургской духовной семинаріи: Яковъ Коркинъ (уѣхавшій въ 1767 г. съ миссіей Николая Цвѣта въ Пекинъ) и Яковъ Полянскій. Въ 1770 году сдѣланъ былъ новый вызовъ желающихъ, и на него откликнулись опять два воспитанника С.-Петербургской семинаріи: Яковъ Соколовъ и Василій Полянскій [1]). Извѣстности, однако, эти первые ученики коллегіи не пріобрѣли, и о ихъ дальнѣйшей дѣятельности ничего не извѣстно.

Въ 1773 г. Иркутская губернская канцелярія также обратилась въ Сенатъ, прося назначить ей переводчика китайскаго и монгольскаго языковъ. Сенатъ исполнилъ эту просьбу и сверхъ того нашелъ необходимымъ держать при переводчикахъ нѣсколькихъ учениковъ для обученія названнымъ языкамъ и приготовленія къ занятію впослѣдствіи переводческихъ должностей. Тогда же было опредѣлено жалованье: переводчику—150 р. въ годъ, а ученикамъ по 15 [2]).

Менѣе успѣшны были мѣропріятія, направленныя къ приготовленію переводчиковъ японскаго языка, хотя стараніе къ этому прилагалось въ теченіе всего XVIII в. Меньшій успѣхъ этихъ мѣръ, сравнительно съ болѣе плодотворной дѣятельностью китайскихъ миссій, объясняется, конечно, менѣе благопріятными усло-

---

[1]) См. Чистовичъ, «Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи». Спб., 1857, стр. 58. (Дѣло архива Св. Синода, 1762 г., № 245).

[2]) «Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи», № 14000.

віями, въ которыхъ находилось у насъ обученіе японскому языку. Замкнутость Японіи, продолжавшаяся и большую часть XIX в., не позволяла прибѣгать къ отправкѣ въ нее миссій, и поэтому приходилось уже такъ или иначе добывать учителей японскаго языка для преподаванія его въ самой Россіи. Вслѣдствіе вполнѣ естественнаго отсутствія добровольныхъ учителей-японцевъ, оставался только одинъ способъ ихъ вербовки, уже примѣнявшійся въ царствованіе Петра I, а именно—насильственный захватъ въ плѣнъ тѣхъ японцевъ, которыхъ злая судьба заставляла терпѣть кораблекрушеніе у негостепріимныхъ береговъ нашихъ азіатскихъ владѣній. Дѣйствительно такимъ путемъ и получались у насъ учителя японскаго языка въ теченіе всего XVIII в.

Петербургская японская школа, основанная при Петрѣ I, продолжала дѣйствовать и при его ближайшихъ преемникахъ. Преподаваніе въ ней шло, очевидно, на тѣхъ же основаніяхъ и въ томъ же духѣ, какъ и при Петрѣ, а учителя вербовались тѣмъ же вышеуказаннымъ оригинальнымъ способомъ, какъ и первые ея учителя Денбей и Санима. Такъ въ 1735 г., по указу Сената, учителями ея были назначены новые японцы Соза и Гонза (или Сосса и Ганса), также потерпѣвшіе кораблекрушеніе у береговъ Камчатки (въ 1729 г.). Взятые въ плѣнъ, они были отправлены въ 1731 г. въ Петербургъ, куда и прибыли въ 1733 г. [1]). Здѣсь ихъ окрестили, обучивъ сначала русскому языку и началамъ христіанской религіи. При этомъ Соза превратился въ Кузьму Шульца, а Гонза въ Демьяна Поморцева. Первому было тогда 40 лѣтъ, а второму—17 [2]). При сенатѣ, однако, они состояли недолго и въ началѣ ноября 1735 г., въ силу Высочайшаго указа, были отосланы въ академію наукъ. Въ сенатскомъ указѣ, данномъ академіи по этому случаю, предписывалось спросить японцевъ „о состояніи ихъ государства... и обстоятельно записать, и что они покажутъ—донесть о томъ въ сенатѣ“. На пропитаніе положено было „давать имъ изъ штатсъ-конторы по десяти копѣекъ на день человѣку [3])“. Въ 1736 г., 25 мая, послѣдовалъ новый указъ

[1]) См. Сухомлиновъ. «Матеріалы для исторіи Имп. ак. наукъ», т. III, стр. 76.

[2]) Тамъ же, т. II, стр. 434—35; статья А. Сгибнева, основанная на архивныхъ данныхъ: «Объ обученіи въ Россіи японскому языку» въ «Морскомъ Сборникѣ» 1868 г. декабрь, стр. 56, и «Сочиненія и переводы къ пользѣ и увеселенію служащіе» 1758 г., май, 399. О Шульцѣ и Поморцевѣ см. также Сухомлиновъ, «Матер. для исторіи Имп. ак. наукъ», т. VI, 391. (Исторія академіи Г. Ф. Миллера) и болѣе подробно: Миллера Sammlung russischer Geschichte, т. III, 125—27.

[3]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. акад. наукъ», т. II, стр. 817, 818—19, 822.

сената, коимъ предписывалось академіи: „вышеписаннымъ новокрещеннымъ быть при академіи наукъ обоимъ вмѣстѣ, чтобъ они природнаго своего языка позабыть не могли, и поручить ихъ въ особливое смотрѣніе изъ россійскихъ людей человѣку искусному, кому та академія заблагоразсудитъ, дабы они завсегда были въ добромъ смотрѣніи и порядкѣ; и для обученія того японскаго языка опредѣлить къ нимъ санктпитербурхской гарнизонной школы изъ солдатскихъ дѣтей двухъ человѣкъ, грамотѣ умѣющихъ, кои поострѣя, а чтобъ они прилежнѣе ихъ тому языку обучали, прибавить имъ жалованья къ прежней дачѣ еще по пяти копѣекъ, а съ прежними—по пятнадцати копѣеекъ на день человѣку, и давать изъ штатсъ-конторы. А между тѣмъ, для лучшаго въ вѣрѣ греческаго исповѣданія утвержденія, велѣть имъ ходить ко обрѣтающемуся въ кадетскомъ корпусѣ іеромонаху, которому ихъ къ познанію закона наставлять и во чтеніи книгъ прилежное смотрѣніе имѣть; также, по объявленію изъ нихъ Поморцева, въ Иркутскъ послать указъ: велѣть немедленно сыскать японское судно, на которомъ они были, и притомъ и книги на ихъ языкѣ кто изъ россійскихъ людей взяли, и тѣ книги у кого нынѣ обрѣтаются. И сколько тѣхъ книгъ или писемъ какихъ на японскомъ языкѣ отыскано будетъ, оныя прислать въ сенатъ немедленно [1])".

Въ началѣ іюня къ Шульцу и Поморцеву были уже опредѣлены и ученики „санктпетербургской гварнизонной школы", солдатскія дѣти: „санктпитербургскаго полку Андрей Ѳеневъ, копорскаго—Петръ Шенаныкинъ" [2]), а въ концѣ того же мѣсяца „главный командиръ" академіи баронъ фонъ Корфъ приказалъ: „оныхъ японцовъ и при нихъ солдатскихъ дѣтей для содержанія отдать Андрею Богданову [3]), которому ихъ содержать при себѣ

---

[1]) Тамъ же, т. III, стр. 76—77.

[2]) Тамъ же, стр. 86—87.

[3]) См. о немъ: Пекарскій, «Исторія Имп. акад. наукъ», т. II, стр. 198—200, примѣчаніе, и М. Мазаевъ, «Критико-біографическій словарь» Венгерова, т. IV, 115—116. Н. Новиковъ, «Опытъ историч. словаря о россійскихъ писателяхъ» (Спб. 1772. 20—21). Прочіе источники указаны у Венгерова: «Источники словаря русскихъ писателей», Спб. 1900, стр. 284. Словцовъ («Историческое Обозрѣніе Сибири», изд. 2-е. Спб. 1886, кн. I, стр. 206, примѣч.), а за нимъ и Н. И. Веселовскій («Свѣдѣнія объ оффиц. преподаваніи вост. языковъ въ Россіи», стр. 63, примѣч. 200), считаютъ Богданова сыномъ японца, спасшагося отъ бури въ 1710 г., т. е. вышеупомянутаго Санимы. Мнѣніе это, однако, плохо вяжется со словами самого Богданова въ прошеніи, писанномъ имъ незадолго до своей смерти». (См. Пекарскій, «Исторія Имп. акад. наукъ Т. II, 200), откуда видно, что Богдановъ уже въ 1712 г. поступилъ на службу при пороховомъ дѣлѣ, замѣнивъ здѣсь своего отца, который отъ старости не могъ больше работать. Спасшійся же въ 1710 г. Санима былъ отправленъ въ

и обучать японцовъ русской грамотѣ; а показаннымъ солдатскимъ дѣтямъ обучаться японскому языку, чего ему смотрить, дабы оные, какъ японцы русской грамотѣ, такъ и солдатскихъ дѣтей японскому языку они обучали со всякимъ прилежнымъ тщаніемъ. А что имъ надобно къ обученію на русскомъ и другихъ діалектахъ книгъ, о томъ ему въ академическую канцелярію подать

Петербургъ въ 1711 (Веселовскій, «Свѣдѣнія и т. д.», стр. 62, если только это не опечатка) или даже въ 1714 г. (см. «Сочиненія и переводы къ пользѣ и увеселенію служащіе». Спб. 1758 г., апрѣль, стр. 297). Сомнительно, чтобы только что очутившійся въ Россіи японецъ могъ быть приставленъ къ пороховому дѣлу, а также чтобы у него въ это время уже былъ такой взрослый сынъ, который могъ бы замѣнить его. Существующія указанія, будто Андрей Богдановъ былъ родомъ японецъ, восходятъ, повидимому, къ «Словарю русскихъ свѣтскихъ писателей» митрополита Евгенія, по словамъ котораго (изд. Погодина, Москва, 1845 г., ч. I, 47), Богдановъ родился въ Сибири въ 1707 г., «отъ отца японской націи» и былъ привезенъ въ 1733 г. въ Петербургъ, гдѣ и окрещенъ (въ болѣе раннемъ словарѣ Новикова о японскомъ происхожденіи Богданова нѣтъ и помину). Самъ Богдановъ въ упомянутомъ выше прошеніи ничего не говоритъ о своей національности; выборъ его въ надзиратели японской школы также указываетъ скорѣе, что онъ былъ «изъ россійскихъ людей», какъ этого требовалъ сенатскій указъ. Дата пріѣзда Богданова въ Петербургъ (1733), приводимая митрополитомъ Евгеніемъ, очевидно основана на томъ, что Евгеній смѣшалъ Богданова съ порученными его смотрѣнію японцами, дѣйствительно прибывшими въ Петербургъ въ этомъ году. Самъ Богдановъ въ своемъ прошеніи ни слова не говоритъ о пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ откуда бы то ни было и, напротивъ, вполнѣ опредѣленно указываетъ, что служилъ въ типографіи, (очевидно академической) съ 1719 г. по 1727. Въ штатахъ академіи онъ дѣйствительно значится тередорщикомъ типографіи въ 1727, 1728 и 1730 гг. (См. Сухомлиновъ, «Матер. для исторіи Имп. акад. наукъ», 1, 295, 343—44, 651, 687—88). Въ ноябрѣ 1730 г. онъ подаетъ просьбу о принятіи его сторожемъ въ академич. библіотеку (тамъ же, 680), хотя продолжаетъ числиться тередорщикомъ даже въ іюнѣ 1736 г. (тамъ же, III, 97, 250—51). Отсюда вполнѣ очевидна невѣрность показанія митрополита Евгенія о пріѣздѣ Богданова въ Петербургъ въ 1733 г., а эта невѣрность заставляетъ сомнѣваться и въ точности свидѣтельства Евгенія о японскомъ происхожденіи Богданова, которое быть можетъ основано лишь на указанномъ уже смѣшеніи Богданова съ порученными ему японцами. Вообще имѣющіяся въ литературѣ свѣдѣнія о Богдановѣ крайне сомнительны. Такъ, согласно показанію Новикова («Словарь и т. д.», 21). Богдановъ умеръ въ 1768 г., имѣя около 70 лѣтъ роду, по Пекарскому же («Ист. Имп. акад. наукъ», т. II, 199, прим.) онъ скончался въ 1766 г. Показанія Новикова и Пекарскаго плохо вяжутся съ общепринятымъ годомъ рожденія Богданова (1707), приведеннымъ въ Словарѣ Евгенія. Если Богдановъ родился въ 1707 г., то въ 1768 г. или 1766 г. ему не могло быть «около 70 лѣтъ». Дата 1707 г., какъ годъ рожденія Богданова, не правдоподобна и въ виду словъ самаго Богданова въ его прошеніи, согласно которымъ онъ уже въ 1712 г. замѣнилъ своего отца при пороховомъ дѣлѣ. Если вѣрить митрополиту Евгенію, что Богдановъ родился въ 1707 г., то выйдетъ, что Богдановъ началъ служить съ пятилѣтняго возраста, а это, конечно, совсѣмъ невѣроятно.

репортъ. А продерзостей и лишняго гулянья и своевольствъ никакихъ чинить имъ не допускать, а содержать ихъ во всякомъ страхѣ [1])".

Въ сентябрѣ 1736 г. Шульцъ умеръ [2]), и учителемъ остался одинъ Поморцевъ. Учениковъ у него было только двое (вышеупомянутые Ѳеневъ и Шенаныкинъ), но въ 1739 г. число ихъ, согласно сенатскому указу отъ 25 іюля 1739 г. [3]), увеличилось до пяти.

При этомъ Поморцеву, „обрѣтающемуся въ академіи наукъ для обученія", опредѣлено было жалованье 100 р. въ годъ, съ тѣмъ, „чтобъ онъ опредѣленныхъ къ нему въ ученики, для обученія японскаго языка, обучалъ, также и самъ въ академіи обучался со всякимъ прилежаніемъ"; ученикамъ, Шенаныкину и Ѳеневу дано было солдатское жалованье, а новымъ ученикамъ объявлено, „дабы они японскому языку и письму обучались со всякою прилежностью и когда обучатся, то имъ учинено будетъ награжденіе [4])". Новые ученики, тоже солдатскія дѣти, назывались: Тимоѳей Терентьевъ, Матвѣй Непорозжей и Василій Красной [5]).

Около 15 декабря 1739 г. умеръ и Поморцевъ [6]), но преподаваніе японскаго языка продолжалось и послѣ его смерти, причемъ академія наукъ представила сенату, чтобы онъ повелѣлъ выдать ученикамъ жалованье. Ученикамъ же Шенаныкину и Ѳеневу было подтверждено, „чтобъ они японскаго языка сами обучались и вновь присланныхъ трехъ учениковъ обучали со всякимъ раченіемъ и прилежностью"; Богдановъ же долженъ былъ смотрѣть за ними [7]). Такимъ образомъ, за отсутствіемъ природныхъ японцевъ, учителями въ академической школѣ японскаго языка стали бывшіе ея ученики, научившіеся немного по японски отъ Шульца и Поморцева.

Богдановъ принималъ повидимому дѣятельное участіе въ преподаваніи во ввѣренной ему школѣ. Плодомъ этого участія явились составленные подъ его наблюденіемъ рукописные учебники японскаго языка, употреблявшіеся очевидно для цѣлей обученія въ японской школѣ. Въ своемъ упоминавшемся уже выше прошеніи Богдановъ говоритъ: „по силѣ даннаго отъ Императорской

---

[1]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. акад. наукъ» III. 100—101.
[2]) Тамъ же, стр. 195.
[3]) Тамъ же, т. IV, стр. 156.
[4]) Тамъ же, стр. 155, 166.
[5]) Тамъ же, стр. 190, 196—197.
[6]) Тамъ же. стр. 271—272.
[7]) Тамъ же, стр. 319—320.

Академіи наукъ указу японскую школу содержалъ и къ тому ученію пять книгъ грамматическихъ произвелъ для японскаго языка, которыя въ библіотекѣ хранятся [1])".

Этими книгами были упоминаемые также Новиковымъ въ его „Опытѣ историческаго словаря" (стр. 21) „грамматика, вокабулы, дружескіе разговоры, и *орбисъ пиктусъ*, то-есть, свѣтъ въ лицахъ" и др. на русскомъ и японскомъ языкахъ. Всѣ эти руководства остались въ рукописи и хранятся нынѣ въ I-мъ отдѣленіи библіотеки академіи наукъ. Составлены они были въ промежутокъ отъ 1736 по 1739 годъ и свидѣтельствуютъ о недюжинной энергіи Богданова, успѣвшаго, при наличности другихъ обязательныхъ занятій, въ такой короткій срокъ приготовить рядъ довольно объемистыхъ пособій для изученія японскаго языка, при полномъ отсутствіи предшественниковъ въ этой вполнѣ новой у насъ отрасли литературы.

Первое по времени изъ этихъ руководствъ представляетъ собой русско-японскія вокабулы (расположенныя не въ алфавитномъ порядкѣ, а по разнымъ рубрикамъ), къ которымъ примыкаетъ „преддверіе разговоровъ японскаго языка". Вокабулы занимаютъ 104 съ небольшимъ ненумер. страницы (въ четвертку писчей бумаги), а „разговоры" — 70 такихъ же страницъ. На бѣломъ переднемъ листѣ рукописи — надпись рукой Богданова: „списана 1736 году японцомъ [2]) подъ наблюденіемъ сего ученія Андрея Богданова" [3]). Въ академической библіотекѣ находится и черновикъ даннаго руководства (77 ненум. листовъ въ 4°), мало отличающійся отъ только что описаннаго чистаго экземпляра [4]).

Японская грамматика Богданова носитъ заглавіе: „Краткая грамматика" и содержитъ (на 38 съ небольшимъ ненумерованныхъ страницахъ въ четвертку листа писчей бумаги) образцы японскихъ склоненій и спряженій, а также подробный перечень нарѣчій японскаго языка, распредѣленныхъ по многочисленнымъ рубрикамъ. На бѣломъ переднемъ листѣ рукописи рукой Богда-

---

[1]) Пекарскій «Исторія Импер. академіи наукъ», т. II, стр. 198—200, прим. 4.

[2]) Противоположеніе себя «японцу», дѣлаемое здѣсь Богдановымъ, какъ бы указываетъ, что самъ онъ не былъ японцемъ по происхожденію, или, по крайней мѣрѣ, не считалъ себя таковымъ. Японцемъ, помогавшимъ ему въ составленіи этого руководства, былъ, вѣроятно, Поморцевъ, бывшій Гонза (Шульцъ умеръ въ сентябрѣ 1736 г.). Но Богдановъ долженъ былъ всетаки знать по-японски, чтобы контролировать работу своего помощника. Откуда же онъ научился этому языку?

[3]) Рукопись I-го отдѣленія библіотеки Имп. академіи наукъ, 17, 14, 7.

[4]) Рукопись I-го отдѣленія библіотеки Имп. академіи наукъ, 17, 7, 10.

нова написано: „писана японцомъ подъ надзираніемъ и ученіемъ русскаго языка чрезъ Андрея Богданова 1738 г.“ [1]).

Богданову же очевидно принадлежитъ и обширный рукописный „Новый лексиконъ славено-японскій“ (4°, 382 ненум. листа), хранящійся также въ I-мъ отдѣл. академической библіотеки [2]). Почеркъ, которымъ онъ писанъ, мѣстами, гдѣ писавшій менѣе старался и впадалъ въ болѣе небрежную скоропись, напоминаетъ почеркъ Богданова. На первомъ бѣломъ листѣ словаря несомнѣнно рукою Богданова написано: „сего языка содержатель школы японскаго языка Андрей Богдановъ“. Въ концѣ рукописи приписка: „начался сентября 29 дня 1736 г., кончился октября 27 дня 1738 г.“

„Дружескіе разговоры“ Богданова, упоминаемые Новиковымъ въ его словарѣ, озаглавлены: „Дружескихъ нѣкоторыхъ разговоровъ образцы“ и представляютъ собой русско-японскіе разговоры. Они имѣются въ I-мъ отдѣленіи академической библіотеки въ двухъ спискахъ: черновомъ (88 листовъ въ четвертку писчей бумаги), писанномъ рукою, напоминающей мѣстами почеркъ Богданова, и бѣловомъ, переписанномъ очень четко (75 л. въ четвертку). Въ послѣднемъ на внутренней бѣлой сторонѣ крышки переплета сдѣлана рукой Богданова надпись: „писана 1739 году“ [3]).

Послѣднее изъ упоминаемыхъ Новиковымъ руководствъ Богданова, названное у Новикова „orbis pictus“, въ оригиналѣ, принадлежащемъ академіи наукъ [4]), не носитъ никакого заглавія и представляетъ собой обработку извѣстнаго учебника Яна Амоса Коменскаго на русскомъ и японскомъ языкахъ. На начальномъ листѣ помѣчено рукою Богданова: „Переведена 1739 году японцомъ подъ надзираніемъ сего ученія Андрея Богданова“. Сначала находимъ предисловіе (2 стр. въ 4°), за которымъ слѣдуетъ „Індеѯъ главъ по алфавіту“ (на 4 ненум. стр.). Послѣ идетъ самъ orbis pictus въ 151 главѣ съ заключеніемъ (на 302 ненум. стр.), къ которому примыкаетъ „Леѯікончикъ. Рѣчи которые в'сеи книгѣ в'сочиненіи обрѣтаются“, представляющій собою русско-японскій словарикъ (на 158 ненум. стр.), болѣе богатый, чѣмъ вокабулы 1736 г., и расположенный въ азбучномъ порядкѣ. Японскія слова здѣсь, какъ и въ другихъ вышеуказанныхъ руководствахъ, пере-

[1]) Рукопись 1-го отд. библіотеки Имп. ак. наукъ, 17. 15, 10. Японецъ, помогавшій Богданову въ составленіи этого руководства, былъ очевидно Поморцевъ, такъ какъ Шульцъ умеръ уже за два года до этого.

[2]) Рукопись: 17. 5. 7.

[3]) Рукописи: 17. 7. 21 (бѣловой списокъ) и 17, 7, 22 (черновикъ).

[4]) Рукопись 17, 14, 5.

даны русскими буквами; удареніе обозначено вездѣ, за исключеніемъ большого „славено-японскаго“ словаря и „дружескихъ разговоровъ“.

Интересно вступленіе къ „orbis pictus“ Богданова, озаглавленное „Вмѣсто предисловія“: „Не за малую бы то куріозность сія книжица причется могла быть ежели бы она собственнымъ японскимъ характеромъ писана была.

Но за недостатокъ было сему природному японцу въ томъ [что ихъ характеръ писменъ трудностію подобны хінскимъ] который еще суще въ младыхъ лѣтахъ будучи в'своемъ отечествѣ Японскаго Государства собственного обученія своего писма недостаточенъ былъ. А понеже по указу ея Імператорскаго Величества повелѣно оному японцу будучи при Імператорской Академіи Наукъ во обученіи россійскаго языка не токмо чтобъ своего природнаго языка моглъ не позабыть но обучалъ бы при томъ и другихъ природному своему японскому языку котораго ради ученія не токмо что сія книжица на японскій языкъ переведена видится: но притомъ лезіконъ и двѣ другіе малые книжицы вокабуловъ и разговоровъ суть переведены имѣются.

Того ради всякъ куріозный читатель видя сію книжицу переведенную на японскій языкъ чрезъ характеръ россійскихъ литеръ писанную не былъ бы в'томъ подъ какимъ сомнѣніемъ и не подумалъ бы в'семъ якобы не правда.

Однакожъ Імператорская Академіа Наукъ и сіе наблюдая впредь для случая сіи орігіналы въ библіотеку сообщити соблаговолила“.

Всѣ перечисленныя руководства Богданова остались въ рукописи. Очевидно, спроса на такого рода пособія не было, да и не могло быть. Тѣмъ не менѣе петербургская школа японскаго языка приносила практическую пользу.

Такъ, въ 1740 г., двое учениковъ покойнаго Поморцева, упомянутые уже раньше солдатскія дѣти Петръ Шенаныкинъ и Андрей Ѳеневъ, оставшіяся, какъ мы видѣли выше, безъ руководителя, были, по указу сената (отъ 19-го марта) назначены въ японскую экспедицію капитана Шпанберга. Въ 1742 г. они плавали со Шпанбергомъ къ берегамъ Японіи, въ качествѣ переводчиковъ и, по окончаніи экспедиціи, были отправлены обратно въ Петербургъ [1]). Оказанная ими польза оправдывала заботы правительства объ

[1]) См. статью «Дополнительныя свѣдѣнія о распоряженіяхъ Петра Великаго для обученія русскихъ восточнымъ языкамъ» въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» 1853 г. ч. 80, отд. VII, стр. 28, взятую изъ «Вѣстника Имп. Русск. Геогр. Общ.» 1853, кн. IV.

умноженіи у насъ переводчиковъ японскаго языка, и скоро возникаетъ вторая японская школа, на этотъ разъ уже въ Якутскѣ.

Въ 1745 г. камчадалы опять захватили въ плѣнъ 10 потерпѣвшихъ кораблекрушеніе японцевъ, которые затѣмъ были окрещены. Четырехъ оставили въ Якутскѣ на казенномъ содержаніи (въ 1746 г.) и поручили имъ обучать учениковъ японскому языку, одинъ умеръ, а пятерыхъ, согласно указу Сената, отправили въ Петербургъ, гдѣ ихъ опредѣлили въ школу японскаго языка, состоявшую тогда при Сенатской конторѣ [1]).

Вскорѣ послѣ этого Петербургская японская школа была переведена въ Иркутскъ. Поводомъ къ этому послужило снаряженіе въ Сибирь ученой экспедиціи (въ 1753 г.) для изслѣдованія земель и острововъ на прилегающихъ моряхъ. Въ 1754 г. школа, въ составѣ трехъ учителей (изъ пятерыхъ японцевъ, отправленныхъ въ Петербургъ въ японскую школу, двое уже умерло къ этому времени) и двухъ учениковъ (все тѣхъ же Шенаныкина и Ѳенева), прибыла въ Иркутскъ. Какъ разъ въ этомъ же году здѣсь открылась навигацкая школа, и японская школа была помѣщена съ нею вмѣстѣ. Такимъ образомъ въ Сибири оказались двѣ школы японскаго языка: въ Иркутскѣ и въ Якутскѣ. Въ послѣдней школѣ, гдѣ учили четыре японца, оставленные здѣсь въ 1746 г., былъ всего одинъ ученикъ, казакъ Ляпуновъ. Иркутская канцелярія вытребовала было Якутскую „школу“ въ Иркутскъ, но сибирскій губернаторъ Мятлевъ, опасаясь, что ея учителя потребуютъ себѣ такое же большое жалованье, какое получали ихъ петербургскіе товарищи по занятіемъ, присланные въ Иркутскъ (150 р. въ годъ), предписалъ оставить ее на прежнемъ мѣстѣ. Губернаторское предписаніе, однако, пришло уже послѣ отъѣзда школы изъ Якутска, и ее задержали лишь въ Илимскѣ, куда въ 1757 г. и были высланы изъ Якутска четыре казачьихъ мальчика для обученія ихъ японскому языку. Здѣсь школа оставалась до 1761 года [2]).

Японской школой въ Иркутскѣ завѣдывалъ начальникъ навигацкой школы, штурманъ Татариновъ, который въ 1759 г. перевелъ въ нее изъ навигацкой 6 учениковъ, а въ 1760 г. еще двухъ. По его же ходатайству, японцы, жившіе въ Илимскѣ, и ихъ ученики были также переведены въ Иркутскъ. Такимъ образомъ обѣ сибирскихъ японскихъ школы слились въ одну.

Къ этому, очевидно, времени относятся два письменныхъ

---

[1]) См. цитир. уже статью Сгибнева «Объ обученіи въ Россіи японскому языку» въ «Морск. Сборникѣ» 1868 г., декабрь, стр. 56—57.

[2]) «Морской Сборникъ», 1868 г., декабрь, стр. 57.

памятника дѣятельности нашихъ школъ японскаго языка въ Сибири, хранящіеся въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публичной библіотеки, въ одномъ изъ картоновъ собранія лингвистическихъ матеріаловъ, принадлежавшаго извѣстному Ѳ. П. Аделунгу. Первымъ изъ этихъ памятниковъ является собраніе числительныхъ и нѣкоторыхъ фразъ на русскомъ и японскомъ языкахъ (6 стр. въ поллиста писчей бумаги, скорописью второй половины XVIII в.). Японскія слова изображены здѣсь оригинальнымъ японскимъ письмомъ и русскими буквами (безъ обозначенія ударенія, хотя въ болѣе раннихъ пособіяхъ для изученія японскаго языка, составленныхъ при участіи Андрея Богданова, удареніе обозначалось). Въ концѣ рукописи подписались составители описаннаго собранія: японецъ Петръ Черной (у Сгибнева въ цитир. выше статьѣ — *Черныхъ*), единственный подписавшійся по японски и по русски, поручикъ Василій Пановъ [1]), японецъ Матѳей Поповъ, японецъ Иванъ Аѳонасьевъ и японецъ Филипъ Трапезниковъ. Вторымъ памятникомъ является собраніе фразъ: «Разговоры японскимъ письмомъ по японски и россійскимъ письмомъ переведены» (7 стр. въ поллиста писчей бумаги, скорописью того же времени, какъ и первая рукопись). Въ концѣ его подписались тѣ же лица и въ томъ же порядкѣ, какъ и на первомъ изъ названныхъ памятниковъ, причемъ опять только одинъ Черной подписался по русски и по японски, остальные же только по русски (подписи послѣднихъ трехъ японцевъ, особенно Попова, свидѣтельствуютъ о маломъ навыкѣ въ письмѣ). Очевидно, одинъ Черной умѣлъ писать по японски, остальные же впервые познакомились съ письмомъ, только попавъ въ русскій плѣнъ и потому умѣли писать лишь по русски. На обѣихъ рукописяхъ, на послѣдней чистой страницѣ, помѣчено рукой Бакмейстера, изъ собранія котораго они поступили къ Аделунгу: Reçû par M. le Professeur Pallas. Время составленія этихъ небольшихъ собраній лингвистическаго матеріала (вѣроятно, по иниціативѣ

---

[1]) У Сгибнева («Морск. Сборникъ», 1868, декабрь, стр. 57) Пановъ, подписавшійся въ разсматриваемой рукописи «поручикомъ», безъ эпитета «японецъ», значится и въ числѣ 5 японцевъ, отправленныхъ въ Петербургъ, и въ числѣ четырехъ японцевъ, оставленныхъ въ Якутскѣ; о японцѣ же Поповѣ совсѣмъ не упоминается. Повидимому, тутъ какое-то недоразумѣніе или ошибка, если не опечатка. Не прочелъ ли г. Сгибневъ въ томъ или другомъ случаѣ фамилію «Пановъ», вмѣсто «Поповъ»? То обстоятельство, что всѣ японцы подписались, съ прибавленіемъ къ своимъ именамъ опредѣленія «японецъ», а Пановъ одинъ называетъ себя «поручикомъ», до нѣкоторой степени показываетъ, что Пановъ не былъ японцемъ. Во всякомъ случаѣ о японцѣ Поповѣ у Сгибнева нѣтъ и рѣчи, хотя принадлежность его къ составленію указанныхъ рукописныхъ матеріаловъ не подлежитъ сомнѣнію.

Бакмейстера, см. выше, стр. 222), относится, судя по именамъ ихъ составителей, ко времени послѣ 1761 г., когда, какъ мы видѣли выше, обѣ сибирскихъ школы японскаго языка—Иркутская и Якутская (позже Илимская) соединились въ Иркутскѣ въ одну школу. Въ самомъ дѣлѣ, изъ подписавшихся подъ рукописями лицъ японцы Аѳонасьевъ, Трапезниковъ и Поповъ (?) принадлежали къ числу четырехъ японцевъ, оставленныхъ въ 1746 году въ Якутскѣ, а послѣ жившихъ въ Илимскѣ, тогда какъ Пановъ и Черной входили въ составъ пятерыхъ, отправленныхъ въ Петербургъ и впослѣдствіи (1753 г.) возвращенныхъ въ Иркутскъ. Подписи тѣхъ и другихъ на этихъ рукописяхъ ясно свидѣтельствуютъ о совмѣстномъ проживаніи писавшихъ, очевидно, въ Иркутскѣ.

Вѣроятно къ этому же приблизительно времени относится единственный болѣе крупный письменный памятникъ дѣятельности нашихъ японскихъ школъ въ Сибири, а именно рукописный русско-японскій словарь (точнѣе глоссарій), озаглавленный: „Лексиконъ и именуется по японски нипонно кодобанъ; азбуки и щетъ съ переводомъ россійскимъ, а оной переводъ наименованъ литерами японскими; о чемъ и можетъ благосклонный читатель заблагоразсудя дотти до сведенія и предузнать въ чемъ состояло положеніе иностраннаго деалекта сея книги“. Рукопись его (формата въ поллиста писчей бумаги), насчитывающая 43 ненум. листа словаря и 4 разговоровъ (+3 л. азбуки и счета), хранится въ библіотекѣ Азіатскаго музея при Императ. академіи наукъ (Отд. III, № 26). Судя по иниціаламъ въ заглавіи словаря (А. Т.) и академическому протоколу отъ 24 окт. 1782 г. [1]), онъ былъ составленъ ученикомъ японской школы въ Якутскѣ, а потомъ въ Илимскѣ, Андреемъ Татариновымъ, по происхожденію японцемъ (изъ четырехъ плѣнныхъ японцевъ, оставленныхъ въ Якутскѣ) и присланъ въ академію наукъ иркутскимъ губернаторомъ Кличкой. Такъ какъ Татариновъ умеръ въ 1765 г. [2]), то, очевидно, словарь этотъ составленъ былъ имъ задолго до того времени, какъ поступилъ въ академію наукъ (1782 г.). Кромѣ русско-японскихъ вокабулъ, онъ заключаетъ въ себѣ также азбуку и „нѣкоторую часть японскаго разговора“. Японскія слова переданы въ немъ не только оригинальнымъ японскимъ письмомъ (впервые у насъ), но и русскими буквами, иногда съ обозначеніемъ ударенія.

---

[1]) См. «Протоколы засѣданій конференціи Имп. академіи наукъ» т. III, (Спб. 1900).

[2]) См. статью Сгибнева въ «Морск. Сборникѣ» 1868 г. декабрь, стр. 58, прим.

Въ 1760 г. въ Иркутской школѣ было 7 японцевъ и 15 учениковъ. Число ихъ, впрочемъ, скоро послѣ этого начало уменьшаться за смертью нѣкоторыхъ преподавателей и учениковъ. На мѣсто умершихъ учениковъ брали учениковъ навигацкой школы. Такъ, въ августѣ 1764 г. въ японскую школу перевели четырехъ навигацкихъ учениковъ, а въ 1765 г. еще троихъ. Въ 1767 г. въ школѣ оставалось только 8 учениковъ и 5 японцевъ. Содержаніе иркутской школы тѣмъ не менѣе стоило казнѣ довольно дорого: съ основанія школы (въ 1754 г.) по 1-е сентября 1767 г. истрачено было на нее 15,372 рубля. Въ 1772 г. четыре ученика ея были произведены въ „капралы японскаго языка" [1]).

Затѣмъ школа начала постепенно падать. Мало по малу всѣ японцы перемерли, а новыхъ еще не попадалось въ плѣнъ; учениковъ тоже осталось всего 3 человѣка, и на старшаго изъ нихъ, Туголукова, возложены были учительскія обязанности. Правительство и администрація перестали заботиться о школѣ, и ученики, не получая достаточнаго содержанія отъ казны, принуждены были заниматься не своимъ дѣломъ, а добываніемъ себѣ пропитанія. Въ такомъ положеніи школа влачила свое существованіе до 1786 г., когда, по Высочайшему повелѣнію, была отправлена кругосвѣтная экспедиція Муловскаго, которая должна была, между прочимъ, завязать торговыя сношенія съ Японіей.

Какъ разъ въ это время (въ 1787 г.) въ Иркутскъ доставили 9 человѣкъ японцевъ, выкинутыхъ кораблекрушеніемъ на одинъ изъ Алеутскихъ острововъ. Четверыхъ изъ нихъ, по ихъ собственному желанію, отправили было въ Петербургъ, но потомъ снова вернули въ Иркутскъ для отправленія на родину, согласно съ Высочайшимъ повелѣніемъ 13 сентября 1791 г. Двое принявшихъ христіанство японцевъ, Созій и Шинзо, превратившіеся въ Ѳедора Ситникова и Николая Колотыгина, были оставлены въ Иркутскѣ и тѣмъ же указомъ Императрицы Екатерины II, отъ 13-го сентября 1791 г., назначены учителями японскаго языка, который, по словамъ указа, „при установленіи торговыхъ сношеній съ Японіею весьма нуженъ". Школу предписано было помѣстить при иркутскомъ народномъ училищѣ и для обученія въ ней назначить 5—6 семинаристовъ. Но иркутскій губернаторъ не нашелъ такого числа желающихъ и назначилъ въ школу всего трехъ семинаристовъ. Сенатъ, узнавъ объ этомъ, указомъ отъ 7-го апрѣля 1796 г. предписалъ довести число учениковъ до назначеннаго комплекта, что́ и было исполнено. Учитель Ситниковъ

---

[1]) См. статью Сгибнева («Морск. Сборникъ» 1868 г. дек.), стр. 57—58.

вскорѣ послѣ этого умеръ, и, вмѣсто него, въ школу былъ назначенъ помощникомъ учителя крещеный японецъ Киселевъ, вывезенный изъ Охотска. Но Киселевъ, не получая казеннаго содержанія, занимался торговлей, ѣздилъ по ея дѣламъ на продолжительное время въ Москву, а потомъ, уже въ самомъ началѣ XIX вѣка, долго жилъ въ Охотскѣ по дѣламъ посольства Резанова въ Японіи. Въ 1805 г. японская школа была присоединена къ иркутской гимназіи [1]).

Въ научномъ отношеніи дѣятельность нашихъ сибирскихъ школъ японскаго языка прошла, какъ мы видѣли выше, почти безслѣдно. Невольные учителя ихъ, большею частью полуграмотные и невѣжественные японцы, знали свой языкъ лишь практически, не имѣя, конечно, никакого понятія о грамматикѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ можно думать, не знали даже собственнаго письма. Ученики, также подневольные, просиживая въ школѣ чуть не всю жизнь, не только не выучивались языку настолько, чтобы переводить японскія книги, но часто даже не знали японскихъ литеръ. Курьезовъ, въ родѣ одного ученика на четырехъ учителей (казакъ Ляпуновъ въ Якутской школѣ), возложенія учительскихъ обязанностей на старшаго ученика (Туголукова) или посылки одного ученика (Антипина) вслѣдъ за другимъ (Ляпуновымъ) въ Камчатку, чтобы этотъ послѣдній не забылъ безъ практики по японски и т. д., въ исторіи этихъ школъ не мало. Руководства, употреблявшіяся въ нихъ, надо думать, имѣли чисто случайный характеръ, такъ какъ самимъ преподавателямъ нечего было и покушаться на ихъ составленіе, руководства же Богданова и его помощниковъ-японцевъ въ автографныхъ спискахъ своихъ составителей лежали безъ употребленія въ академической библіотекѣ въ С.-Петербургѣ. Печатать какія-либо руководства этого рода ни въ Петербургѣ, ни въ Иркутскѣ также было невозможно, тѣмъ болѣе, что число учениковъ въ японскихъ школахъ было всегда не велико, а иногда падало до совершенно ничтожной цифры.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ уже выше пособій для изученія японскаго языка, принадлежащихъ Богданову и Татаринову и обязанныхъ своимъ возникновеніемъ нашимъ японскимъ школамъ въ Петербургѣ и Сибири, до насъ дошло крайне мало письменныхъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о занятіяхъ нашихъ соотечественниковъ названнымъ языкомъ въ XVIII в. По своему объему

[1]) См. цитир. уже статью Сгибнева, стр. 58—59, и газету «Амуръ» 1862 г. № 19. («Нѣсколько словъ по поводу разрѣшенія принимать въ Иркутское и Нерчинское духовныя училища, а равно въ Иркутскую духовную семинарію инородческихъ дѣтей изъ бурятъ»).

и содержанію памятники эти много уступаютъ работамъ Богданова и Татаринова, представляя собой небольшія рукописныя собранія японскихъ словъ (числительныхъ и т. д.) и фразъ, записанныхъ самымъ первобытнымъ образомъ, вѣроятно по приглашенію Бакмейстера (см. выше, стр. 222—23). Въ настоящее время они входятъ въ составъ собранія лингвистическихъ матеріаловъ, принадлежавшаго Аделунгу и затѣмъ доставшагося Импер. Публ. библіотекѣ. Памятниками этими являются: 1) русско-японскій глоссарій (2 страницы съ небольшимъ, въ четвертку писчей бумаги; японскія слова изображены только русской транскрипціей), озаглавленный „Переводъ съ россійскаго на японскій" и скрѣпленный подписью охотскаго коменданта, капитана Миницкаго (почеркъ 2-й половины XVIII в.); 2) небольшое собраніе числительныхъ, немногихъ словъ и фразъ на русскомъ и японскомъ языкахъ (японскія слова представлены и оригинальнымъ письмомъ, и русской транскрипціей), снабженное помѣткой (вѣроятно, рукой Бакмейстера) о полученіи его отъ иркутскаго губернатора Клички 15-го марта 1780 г., и 3) такое же собраніе (4 стр. in folio), озаглавленное: „Сочиненіе которое прошу перевесть. Переводъ японскій" (японскія слова писаны японскими буквами и русской транскрипціей) и снабженное помѣтой (Бакмейстера?): „Reçu par le Prof. Pallas".

Немногимъ успѣшнѣе нашихъ японскихъ школъ дѣйствовала монгольская школа при Вознесенскомъ монастырѣ въ Иркутскѣ, открытая еще въ 1725 г. (см. выше, стр. 194 — 195). Въ 1727 году число учениковъ въ ней съ 13 (изъ коихъ пятеро учились монгольскому языку, а восемь—русской грамотѣ) возрасло до 30 (изъ нихъ монгольскимъ, однако, занималось только 8 человѣкъ, а остальные обучались русской грамотѣ). Въ числѣ учениковъ ея въ это время состоялъ упомянутый выше (стр. 372 и сл.) Илларіонъ Разсохинъ, отправленный потомъ въ Китай для изученія китайскаго и маньчжурскаго языковъ и ставшій, по возвращеніи своемъ въ Россію, переводчикомъ названныхъ языковъ при академіи наукъ [1]).

За отъѣздомъ учредителя школы, архимандрита Антонія Платковскаго, въ качествѣ начальника духовной миссіи въ Китаѣ (см. выше, стр. 371), школа поступила въ вѣдѣніе епископа Иннокентія I, который заботился объ ея улучшеніи, пріобрѣтая монгольскія книги и расширивъ ее отдѣленіемъ для обученія дѣтей всѣхъ сословій славяно-русской грамотѣ. Съ этихъ поръ школа полу-

[1]) См. Веселовскій, «Свѣдѣнія объ оффиціальномъ преподаваніи восточныхъ языковъ въ Россіи». Спб. 1879, стр. 72.

чила названіе Русско-монгольской школы. Въ 1730 г. въ монгольскомъ отдѣленіи ея училось 25 человѣкъ, а въ русскомъ—10 [1]). Учителями въ школѣ были: бурятскій лама Лапсанъ, впослѣдствіи крестившійся и получившій имя Лаврентія Ивановича Нерунова, и товарищъ его Николай Щолкуновъ. Оба не знали по русски, почему къ нимъ пришлось назначить переводчикомъ нѣкоего Ивана Пустынникова, учившагося въ монгольской школѣ, а потомъ отправленнаго въ Селенгинскъ къ тамошнему тайшѣ Лупсану для усовершенствованія въ монгольскомъ языкѣ [2]).

При преемникѣ епископа Иннокентія I Кульчицкаго († 1731), Иннокентіи Неруновичѣ, или Нероновичѣ, школа продолжала численно расти. При немъ число учащихся, для которыхъ монгольскій языкъ былъ обязателенъ безъ изъятія, доходило до 70. Иннокентій II Неруновичъ строго наблюдалъ за тѣмъ, чтобы дѣти духовныхъ, достигшія извѣстнаго возраста, неукоснительно доставлялись въ школу, и облагалъ большимъ штрафомъ уклонявшихся. Едва ли, однако, ученье въ ней шло особенно успѣшно; повидимому, порядки въ ней были не очень привлекательны: дѣти разбѣгались изъ школы, и для поимки ихъ и водворенія въ школу приходилось снаряжать, на счетъ родителей, особыхъ нарочныхъ [3]).

Свѣтскія власти съ своей стороны почему-то старались всячески вредить школѣ. Иркутскій вице-губернаторъ, Бибиковъ, не позволялъ строить новаго помѣщенія для школы, несмотря на неудобство прежняго. На зло преосвященному, въ 1737 г. привлекли къ какому-то слѣдствію учителя школы Лапсана и отняли его у школы, хотя замѣнить его было не кѣмъ. Въ отвѣтъ на жалобу Иннокентія въ синодъ, послѣдній, указомъ отъ 27 февр. 1739 г., предписалъ, чтобы провинціальная канцелярія нашла достойнаго учителя, и „необходимая для края“ монгольская школа была бы вновь открыта. Почему то, однако, требованіе синода не могло быть исполнено, и Иркутская монгольская школа, просуществовавъ 15 лѣтъ, закрылась. Сохранилось только ея русское отдѣленіе [4]).

[1]) «Иркутскія Епарх. Вѣдомости» 1864 г. прибавленія № 34. Веселовскій, цитир. сочиненіе.

[2]) «Иркутскія Епарх. Вѣдомости». 1863, прибавленія, № 38 (стр. 603)

[3]) Газета «Амуръ» 1862 г. № 19; «Иркутск. Епарх. Вѣдомости» 1863 г., прибавленія, № 39, 47, 1870 г. прибавл. № 49, 1864 г. № 34.

[4]) «Иркутскія Епарх. Вѣдом.» 1870 г., № 49. По словамъ Семивскаго («Новѣйшія любопытныя повѣствованія о Восточной Сибири, изъ чего многое донынѣ не было всѣмъ извѣстно». Спб. 1818 стр. 99, прим.), преподаваніе монгольскаго языка продолжалось здѣсь почти до 1746 г. Свидѣтельство это, впрочемъ, мало внушаетъ довѣрія.

Рядомъ съ духовнымъ вѣдомствомъ, насаждавшимъ обученіе монгольскому языку въ просвѣтительныхъ миссіонерскихъ цѣляхъ, заботились объ его изученіи уже для научныхъ цѣлей и наши свѣтскія учрежденія и лица. Такъ въ 30-хъ гг. XVIII в. занимался изученіемъ монгольскаго и калмыцкаго языковъ академикъ Байеръ, напечатавшій въ академическихъ „Комментаріяхъ" нѣсколько статей о монгольскихъ литературѣ и языкѣ (см. выше, стр. 219). Матеріалы ему доставлялъ между прочимъ и графъ Брюсъ. Такъ въ протоколахъ засѣданій конференціи академіи наукъ (т. I. 37) находимъ извѣстіе, что въ засѣданіи 12 февр. 1731 г. Байеръ демонстрировалъ передъ академиками „alphabetum Mongolicum a Comite Bruce missum, in XII capitum divisum".

Одновременно съ Байеромъ занимался собираніемъ лингвистическихъ матеріаловъ по монгольскому языку и академикъ Миллеръ, путешествовавшій въ то время по Сибири. Такъ въ 1734 г. онъ отправляетъ съ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ въ Петербургъ, въ академію два ящика съ найденными имъ монгольскими „печатными и письменными листами [1])". Въ 1735 г. онъ присылаетъ въ сенатъ изъ Иркутска „вокабуларіумъ" разныхъ языковъ Красноярскаго уѣзда и въ томъ числѣ „брацкаго", т. е. бурятскаго [2]); тогда же имъ посылается и вокабуляріумъ „мунгальскаго", тунгузскаго и тангутскаго языковъ и т. д. [3]). Академія и послѣ продолжала содѣйствовать изученію монгольскаго, а также и тибетскаго языковъ, начатому Байеромъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ суббибліотекарь академіи Бакмейстеръ, сообщающій въ своемъ „Опытѣ о библіотекѣ и кабинетѣ рѣдкостей и исторіи натуральной Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ (перев. В. Костыговымъ. Спб. 1779, стр. 87)", что „съ нѣкотораго времени Академія для обученія помянутымъ языкамъ содержитъ между сими народами студента", имя котораго, впрочемъ, пока остается неизвѣстнымъ. Возможно, что Бакмейстеръ называетъ здѣсь „студентомъ" Іерига, вступившаго на службу академіи въ 1773 году (франц. изданіе книжки Бакмейстера вышло въ 1776 г.).

Несмотря на закрытіе Иркутской монастырской школы для обученія монгольскому языку, переводчики, знающіе этотъ языкъ, всетаки находились. Такъ, когда Иркутская губернская канцелярія въ 1773 году обратилась въ сенатъ, прося назначить ей

[1]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи Имп. академ. наукъ», т. VIII, стр. 197.

[2]) Тамъ-же стр. 202.

[3]) Тамъ-же.

переводчика для китайскаго и монгольскаго и двухъ толмачей для бурятскаго и тунгузскаго (маньчжурскаго), то Сенатъ исполнилъ эту просьбу, найдя сверхъ того необходимымъ имѣть при переводчикахъ по нѣскольку учениковъ для обученія ихъ названнымъ языкамъ и приготовленія къ занятію впослѣдствіи переводческихъ должностей. Тогда же назначено было и жалованье: переводчику—150 р. въ годъ, толмачамъ—по 30 р., а ученикамъ—по 15 [1]).

Снова возобновилось преподаваніе монгольскаго языка въ Иркутскѣ, лишь 50 слишкомъ лѣтъ спустя послѣ закрытія монастырской монгольской школы, т. е. въ 1790 г. На этотъ разъ монгольскій классъ былъ открытъ при Главномъ народномъ училищѣ въ Иркутскѣ, съ цѣлью приготовленія переводчиковъ. Въ первое время учениковъ въ этомъ классѣ было довольно много, а именно 32 человѣка, но классъ просуществовалъ всего 4 года и въ 1794 былъ закрытъ, за отсутствіемъ свѣдущихъ преподавателей [2]). Въ концѣ XVIII в. монгольскій языкъ преподавался также въ азіатской Омской школѣ для приготовленія переводчиковъ по пограничному управленію Сибирской линіи, открытой въ 1789 г. Комплектъ учениковъ монгольскаго класса былъ установленъ въ пять учениковъ при одномъ учителѣ. Какъ шло здѣсь преподаваніе монгольскаго языка, свѣдѣній не имѣется [3]). Школа эта просуществовала до 1835 или 1836 года.

Какихъ нибудь письменныхъ памятниковъ отъ дѣятельности иркутской школы монгольскаго языка, повидимому, не осталось. Наиболѣе раннимъ, насколько мнѣ извѣстно, рукописнымъ пособіемъ для изученія монгольскаго языка, возникшимъ въ началѣ второй половины XVIII в., является монгольско-русскій глоссарій, озаглавленный: „Разговоръ мунгалской-россійской“. Глоссарій этотъ находится въ сборникѣ, писанномъ скорописью разныхъ почерковъ второй половины XVIII в. и первой четверти XIX в. и поступившемъ въ Императорскую Публичную библіотеку въ числѣ прочихъ рукописей П. И. Савваитова [4]). Названный глоссарій занимаетъ листы 141—154-й (формата въ длинную, высокую 8° листа писчей бумаги) помянутаго сборника (формата въ 4°) и

---

[1]) «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи», № 14000.

[2]) «Періодическія сочиненія о успѣхахъ народнаго просвѣщенія», XXVII 421, Газета «Амуръ» 1862 г., № 19.

[3]) См. «Журн. Минист. Нар. Просвѣщ.», за 18[illegible]
и статью П. Золотова «Краткій историческій с[illegible]
ской Школы» въ «Акмолинскихъ Областныхъ[illegible]

[4]) См. Каталогъ этого собранія, составле[illegible]
Спб. 1900 г., стр. 172—173.

составленъ какимъ-то Василіемъ Ивановичемъ, котораго просилъ нѣкій Матвѣй Лыткинъ „промежду купечества отъ досужна времени пописать“. Письменное обращеніе Лыткина къ составителю глоссарія, Василію Ивановичу, находится на первой страницѣ рукописи глоссарія, содержащаго около 390 словъ, выраженій и фразъ (послѣднія лишь изрѣдка). Въ концѣ глоссарія находится небольшое воззваніе къ снисходительности читателя, писанное силлабическимъ стихомъ. Монгольскія слова переданы здѣсь обыкновеннымъ русскимъ алфавитомъ, безъ обозначенія ударенія. Время составленія этого пособія опредѣляется надписью на оборотѣ 141-го листа сборника: „переведено съ мунгалского языка на словенороссійскій лѣта 1753 году“. Въ это время Иркутская монгольская школа, какъ мы видѣли выше, уже не существовала, и со дня ея закрытія прошло уже около 14 лѣтъ. Впрочемъ, ничто не мѣшаетъ предположенію, что составитель разговоровъ, Василій Ивановичъ, по профессіи купецъ, могъ въ свое время учиться монгольскому языку въ названной школѣ.

Двумя годами позже является и первая печатная статья, касавшаяся монгольскаго языка и разсматривавшая вопросъ „О народѣ и имени Татарскомъ, также о древнихъ Могольцахъ и ихъ языкѣ“ („Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія“, т. I. 1755 г., май, стр. 421—451). Въ концѣ статьи (начиная съ 447 стр.) имѣется нѣсколько примѣровъ монгольскихъ формъ и сопоставленій татарскихъ словъ съ монгольскими. Въ результатѣ сравненія авторъ признаетъ монгольскій языкъ тюркскимъ или, какъ онъ выражается, „турецкимъ“, „которой мы нынѣ называемъ Татарскимъ“,—выводъ, разумѣется, съ точки зрѣнія современной науки ошибочный. Кромѣ того, монгольскій языкъ, по словамъ автора, заимствовалъ отъ сосѣдей, „наипаче отъ Уйрятъ... великое множество иностранныхъ словъ, которыя нынѣ за мунгальскія почитаются“. Авторомъ статьи былъ академикъ І. Э. Фишеръ.

Нѣкоторое количество лингвистическаго матеріала по монгольскому языку было собрано въ послѣднее тридцатилѣтіе XVIII в. по иниціативѣ Бакмейстера и Палласа (см. выше, стр. 222—23). Въ собраніи лингвистическихъ матеріаловъ Аделунга, принадлежащемъ нынѣ Имп. публ. библіотекѣ, имѣется нѣсколько руко-
ныхъ вокабулъ, сборниковъ фразъ, грамматическихъ пара-
ихъ къ Аделунгу отъ Бакмейстера. Та-

бурятскаго глагола, озаглавленное:
ъ брацкаго языка. Подлинной пере-

водилъ иркуцкой дворянинъ Иванъ Чемесовъ, генваря 16 дня 1773» (содержитъ на 4½ стр. въ поллиста писчей бумаги примѣры спряженія по временамъ: настоящему, прош. несовершенному, давнопрошедшему и т. д.). Тѣмъ же Чемесовымъ составлены поступившія къ Аделунгу изъ бумагъ Палласа русско-бурятскія вокабулы:

2) „Переводъ разговора брацкихъ иноверцовъ иркуцкаго уезду. Переводилъ дворянинъ и городовой толмачъ Иванъ Чемесовъ“ (4 стр. въ поллиста того же времени, какъ и предыдущая рукопись).

3) Вокабулы (числительныя и т. д.) и фразы на монгольскомъ съ русскимъ переводомъ (монгольскія слова переданы подлиннымъ письмомъ и русской транскрипціей: 7 стр. въ поллиста). Въ концѣ помѣта Бакмейстера: Reçu par M. le Prof. Pallas avec la lettre du 18 Juillet 1773.

4) Вокабулы и фразы на Селенгинскомъ нарѣчіи монгольскаго языка (подлиннымъ письмомъ съ русской транскрипціей и переводомъ) въ двухъ одинаковыхъ экземплярахъ (15 стр. и 16 стр. въ поллиста), съ помѣтой о полученіи 18 августа 1779 г. и 30 марта 1780 отъ иркутскаго губернатора Клички.

Наиболѣе ревностнымъ изслѣдователемъ монгольскаго языка и собирателемъ матеріаловъ для его изученія въ концѣ XVIII в. былъ у насъ Іоганъ Іеригъ (Jährig), гернгутеръ изъ Сарепты, съ которымъ познакомился Палласъ во время своего перваго путешествія въ 1773 г. [1]). Іеригъ обратилъ на себя вниманіе Палласа своимъ отличнымъ знаніемъ калмыцкаго языка и былъ приглашенъ вступить въ службу академіи, которая отправила его въ Сибирь на монгольскую границу для собиранія лингвистическихъ и этнографическихъ матеріаловъ, назначивъ ему 100 р. годоваго жалованья—цифру, которую онъ самъ желалъ получить [2]). Въ 1779 г. Іеригу было дано званіе переводчика академіи (Translateur de l'Académie), хотя уже раньше имя его встрѣчается въ протоколахъ академической конференціи съ эпитетомъ „Translateur“ [3]). Очутившись въ Сибири, Іеригъ усердно принялся за собираніе всевозможныхъ матеріаловъ для изученія монгольскаго языка, быта, исторіи, литературы и т. д. и писаніе собственныхъ

---

[1]) Аделунгъ, «Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleich. Sprachenkunde». Спб. 1815, стр. 34.

[2]) Тамъ же: «Протоколы засѣданій конференціи Имп. акад. наукъ», т. III, 108.

[3]) «Протоколы засѣданій конф. Имп. акад. наукъ», т. III. 434, 185.

изслѣдованій разнаго рода, среди которыхъ есть и лингвистическія [1]). Объ этой дѣятельности Іерига свидѣтельствуютъ его рукописные труды, сохраняющіеся въ библіотекѣ Азіатскаго музея Имп. акад. наукъ: 1) „Om hain Amogolong bottugäi. Mongolischer lexicalischer Wörter-Spiegel. Aufgeschrieben und zum Druck befördert unter Hoher Direction und dessen 56-ten Reichs-Regierungs Jahre des Chinesischen Monarchen Öulä Amogoolongte-Lhau durch hiezu Hochverordnete gelehrte Gesellschaft von 4 Tübäten, 3 Mongolen und 7 Chinesen. Von Wort zu Wort verdeutscht durch Johannes Jaehrig verschiedener Mongolscher Sprachen Translateur der Russisch Kayserlichen Academie der Wissenschaften. In der Mongoley im Jahre 1783.“ 2 тома: I: 68 стр. въ поллиста, въ концѣ помѣта: Ende des ersten Bandes durch Translateur J. Jaehrig. Mongoley a. o. 1783, d. 11-ten Juni; II: 69—104 стр. того же формата съ монгольскимъ заглавіемъ и нѣмецкимъ: «Des Königs aufgeschriebenen Mongolschen Wörter-Spiegels zweiter Band von Wort zu Wort verdeutscht durch Translateur Johannes Jaehrig.» [2]) Въ названной библіотекѣ имѣется и второй экземпляръ этой работы Іерига, озаглавленный почти такъ-же, но въ одномъ томѣ (104 стр. въ поллиста) [3]).

2) «Anfangs-gründe der Mongolschen und Öhletschen Schrift— und Sprach-Lehre. Erster Theil. Erste Abtheilung: Lehr-Sätze und Muster der Schreibarten (стр. 2—10). Zweite Eintheilung. Von allen Haupt-Gattungen und Zwischen-Arten der verdoppelten Selbstlauts-Töne und derselben Schreibart. (стр. 10—15). Dritte Abtheilung. Lehr-Beschreibung vom Buchstabiren und Lesen (стр. 16—48)». Въ концѣ первой части (всего 48 стр. въ поллиста) помѣта: Кяхтъ, d. 12 December 1791 [4]). Вторая часть посвящена уже калмыцкому языку и о ней см. ниже. Въ библіотекѣ Азіатскаго музея имѣется и второй экземпляръ этого труда Іерига, озаглавленный только болѣе кратко, но одинаковый съ нимъ по формату и числу страницъ [5]).

---

[1]) См. рукописный «Katalogus aller unter den Mongolschen Grenzvölkern gesamleten sowohl gedruckter als geschriebener Indianischen, Tübätschen und Mongolschen Manuscripte gesamlet durch Johannes Jaehrig, Translateur Mongolischer und Öhlötscher Sprachen bey der Russisch Kayserlichen Academie der Wissenschaften. Въ концѣ помѣта: Soweit d. 24—ten Februar Irkutsk. 1788. Translateur Joh. Jaehrig. Рукопись библіотеки Азіатскаго музея при Имп. акад. наукъ, отд. III. № 76 (16 лист. въ поллиста писчей бумаги).

[2]) Рукопись Азіатскаго музея, отд. III, № 76.

[3]) Рукопись Азіатскаго музея, отд. III, № 73 (въ одномъ переплетѣ съ № 70, 71, 72).

[4]) Рукопись Азіатскаго музея, отд. III, № 76.

[5]) Тоже, отд. III, № 70.

3) «Mongolische Buchstaben-Forschung enthaltend die Geschichte dieser Schrift-Stiftung, nebst Lehre-Ertheilung wie diese Schrift mit zertheilbaren Buchstaben zur Buchdruckerey einzurichten sey. Durch Johann Jaehrig» [1]). Повидимому—часть другого болѣе обширнаго труда Іерига о тибетскомъ языкѣ и письмѣ, какъ это показываетъ нумерація страницъ (97—116 стр. въ поллиста), а также и соединеніе обѣихъ частей (о тибетскомъ языкѣ и литературѣ съ «Mongolische Buchstaben-Forschung») въ одно цѣлое въ другомъ экземплярѣ этой рукописи, имѣющемся также въ Азіатскомъ музеѣ [2]). Судя по датѣ на этомъ второмъ экземплярѣ, данная работа Іерига относится къ 1793 году.

Перечисленными работами не исчерпывается все сдѣланное Іеригомъ для изученія монгольскаго языка. Такъ мы имѣемъ свѣдѣнія о томъ, что Іеригъ постоянно посылалъ въ академію разныя монгольскія рукописныя и печатныя книги [3]), а въ 1783 г. выслалъ нѣм. переводъ монгольскаго словаря «Uhgänn-Tolli», рукопись котораго была получена академіей, но, повидимому, не сохранилась до нашихъ дней [4]). Во всякомъ случаѣ, работы Іерига своей обстоятельностью и количествомъ превосходятъ все, что было у насъ сдѣлано въ XVIII в. для изученія монгольскаго языка. Кромѣ Іерига, собираніемъ монгольскихъ рукописей и книгъ занимались также Фалькъ и Палласъ [5]). По словамъ Бакмейстера („Опытъ о библіотекѣ и кабинетѣ Рѣдкостей и Исторіи Натуральной Спб. Имп. ак. наукъ", перев. В. Костыгова, Спб. 1779, стр. 87; французскій оригиналъ вышелъ въ 1776 г.), къ половинѣ 70-хъ гг. XVIII в. академическая библіотека была уже „обильно снабдена *Тангутскими* и *Монгольскими* письмами, кои писаны золотомъ, серебромъ и чернилами". Основываясь на этихъ рукописяхъ, Бакмейстеръ давалъ и нѣкоторое общее понятіе о монгольскомъ и калмыцкомъ письмѣ (стр. 92).

Въ концѣ XVIII в. (начиная съ 1788 г.) занимался составленіемъ монгольско-русскаго словаря, такъ и оставшагося въ рукописи, А. В. Игумновъ, отличный знатокъ монгольскаго языка, главная дѣятельность котораго, впрочемъ, принадлежитъ XIX в. (см. ниже).

Больше было сдѣлано у насъ для калмыцкаго или западно-

---

[1]) Тоже, отд. III, № 72.

[2]) Тоже, отд. III, № 76.

[3]) См. «Протоколы засѣданій конференціи Имп. акад. наукъ», т. III, стр. 240, 324, 338, 342, 357, 434, 474 и т. д.

[4]) Тамъ же, стр. 678, 691, 698, 702, 724.

[5]) Тамъ же, стр. 143, 145, 157, 509 и т. д,

монгольскаго языка, о чемъ свидѣтельствуетъ и рядъ правительственныхъ мѣропріятій, и большее количество разнаго рода рукописныхъ трудовъ (преимущественно лексическихъ) по названному языку. Уже въ началѣ тридцатыхъ годовъ XVIII в. у насъ были хорошо знающіе калмыцкій языкъ переводчики, что̀, конечно, объясняется большей географической близостью калмыковъ, вызывавшей чисто практическую потребность знакомства съ ихъ языкомъ для цѣлей административныхъ и общегосударственныхъ. Въ исторіи академіи наукъ Г. Ф. Миллера [1]) находимъ извѣстіе, что въ 1733 г. съ калмыцкими послами при русскомъ дворѣ объяснялся ein geschickter Kalmükischer Dolmetscher, Петръ Смирновъ, о которомъ упоминаетъ также и Керъ въ своемъ проектѣ восточной академіи въ Россіи (см. выше, стр. 368). Въ 1735 г. академикъ Миллеръ присылаетъ изъ Енисейска въ сенатъ „вокабуляріумъ" калмыцкаго и бухарскаго языковъ [2]). Калмыцкимъ занимался и академикъ Байеръ († 1738), маленькая замѣтка котораго, «Elementa Calmucica», была напечатана уже послѣ его смерти [3]). Рукопись его, носящая такое же заглавіе, хранится донынѣ въ библіотекѣ Азіатскаго музея академіи наукъ (отд. III, № 59).

Правительство наше также довольно рано начало сознавать необходимость знакомства съ калмыцкимъ и другими инородческими языками. Такъ въ 1737 г. кабинетъ министровъ, по поводу просьбы св. синода о разрѣшеніи напечатать богослужебныя книги на грузинскомъ языкѣ, рекомендовалъ ему „стараніе приложить, дабы" состоящіе при немъ свѣдущіе люди „какъ того Грузинскаго, такъ и особливо Калмыцкаго языка обучались и со временемъ потребныя къ душевному наставленію тѣхъ народовъ книги на ихъ природномъ языкѣ напечатаны быть могли" [4]). О какихъ-нибудь прямыхъ послѣдствіяхъ этого указанія, впрочемъ, намъ ничего не извѣстно.

Объ изученіи калмыцкаго языка много заботился также и В. Н. Татищевъ, особенно во время двухлѣтняго своего управленія оренбургскимъ краемъ (1737—39) и послѣ назначенія своего астраханскимъ губернаторомъ (въ 1741 г.). Изъ Оренбурга онъ посылалъ въ академію разные матеріалы по исторіи и этнографіи калмыцкаго народа, среди которыхъ находились и имѣющіе отношеніе

---

[1]) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи Императ. академіи наукъ», т. VI, 290.

[2]) Тамъ же, т. VIII, стр. 198.

[3]) «Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», т. VII 1740, стр. 345.

[4]) См. «Полное собраніе законовъ Росс. имперіи», № 7411.

къ языкознанію. Такъ въ февралѣ 1739 г. онъ посылалъ „уложенье калмыцкое съ переводомъ“ и „характеры, каковы калмыки для разныхъ причинъ при себѣ написанные носятъ [1])“. Въ управленіе свое оренбургскимъ краемъ (1737—39) онъ основалъ въ Самарѣ татарско-калмыцкую школу, при которой, по его указаніямъ, начали переводить книги съ восточныхъ языковъ на русскій и даже составлять татарско-калмыцкій словарь [2]). П. И. Рычковъ, служившій тогда при Татищевѣ, въ февралѣ 1741 года писалъ своему начальнику: „къ начатому въ татарско-калмыцкой нашей школѣ лексикону (съ русскими началы татаро-калмыкской) уже двѣ литеры дѣйствительно сдѣланы и, кажется, съ добрымъ успѣхомъ продолжаются. Не худо-ли, милостивѣйшій государь мой, что я такимъ образомъ русскія слова переводить велѣлъ, чтобъ татарское и калмыкское прежде русскими и калмыкскими, а потомъ уже и тѣми языки писать, ибо разсудилъ, что у насъ въ напечатаніи татарскихъ и калмыцкихъ литеръ произойдетъ великое затрудненіе. А когда будетъ и русскими литерами изображенное, то и умѣющимъ и неумѣющимъ тѣхъ языковъ чтеніемъ будетъ во употребленіе, и въ напечатаніи всего онаго русскими литерами труда будетъ не столько“ [3]). Въ мартѣ 1741 г. смѣнившій Татищева князь Урусовъ увѣдомлялъ своего предшественника, что его заботы о самарской татарско-калмыцкой школѣ не пропали даромъ, и что Рычковъ продолжаетъ работать надъ лексикономъ и переводами: „во всемъ томъ старается у меня г. Рычковъ“. Въ то-же время Рычковъ писалъ Татищеву, что основанная послѣднимъ школа „время отъ времени къ лучшему состоянію приходитъ“. При этомъ Рычковъ извѣщалъ своего бывшаго начальника, что князь Урусовъ уже посылаетъ ему „нѣсколько тетрадей сочиняемаго здѣсь татарско-калмыкскаго лексикона, въ которомъ сочиненіи я, нижайшій, имѣя малое участіе, всепокорнѣйше прошу сіе наше начало милостивно разсмотрѣть, годится-ль въ дѣло?“ Пособіемъ для составленія русской части этого лексикона служилъ „Лексиконъ треязычный“ Поликарпова (см. выше, стр. 198): „что касается въ ономъ до русскаго, то хотя оное набрано изъ лексикона поликарповскаго, однако греческіе мокронизмы (т. е. макаронизмы), необыкновенныя словенскія званія выкидываны, а напротивъ того многое, что припамятовалось, объяснено простыми рѣчами, а въ иномъ и при-

---

[1]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. ак. наукъ», т. IV, 41.

[2]) Пекарскій «Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова». Спб. 1867, стр. 9.

[3]) Тамъ же, стр. 9—10.

бавлено. Только кажется мнѣ теперь, грамматическія изъясненія (которыя отчасти въ сочиняемомъ уже употреблены), предлоговъ и союзовъ нашихъ не нужны. Да и толмачи переводить ихъ не умѣютъ, и для того ихъ оставлю и буду тщиться, чтобъ во всемъ томъ сочиненіи болѣе простотѣ подражать, которая у насъ съ вышеупомянутыми языки довольно согласуетъ, особливо же, что въ татарскомъ усматриваются многія такія званія, кои съ нашими во всемъ сходны" [1]).

Изъ этого же письма узнаемъ, что при школѣ состоялъ ученый ахунъ (магометанское духовное лицо), умѣвшій говорить по персидски и турецки. Это давало Рычкову надежду „со временемъ и по маленьку оба сіи языки къ предназначеннымъ сообщить". Имя ахуна—Махмутъ А(б)драхмановъ—сохранилось въ заглавіи одного его перевода съ арабскаго на татарскій, сообщаемомъ Пекарскимъ въ цитированномъ его трудѣ [2]).

Эти свѣдѣнія позволяютъ предполагать съ достаточной вѣроятностью, что упоминаемый здѣсь русско-татарско-калмыцкій словарь („съ русскими началы татаро-калмыкской", какъ говоритъ Рычковъ въ приведенномъ выше письмѣ) тожественъ съ аналогичнымъ рукописнымъ словаремъ, находящимся въ настоящее время въ рукописномъ отдѣлѣ I-го отдѣленія библіотеки Императорской академіи наукъ (шифръ: 58. 1. 5). Анонимный словарь этотъ писанъ повидимому въ первой половинѣ XVIII в. и содержитъ всего три первыхъ буквы АБВ на 98 листахъ (формата въ поллиста писчей бумаги). Всѣхъ словъ въ немъ 1321 (всѣ занумерованы, съ отдѣльнымъ счетомъ для каждой буквы). Задуманъ этотъ словарь былъ очевидно, какъ русско-арабско-татарско-калмыцкій, но для арабскаго языка лишь были оставлены двѣ графы („россійскими литеры и арабскими литеры"), имѣвшія заполниться въ будущемъ (вѣроятно при помощи помянутаго выше ахуна) хотя, однако, такъ и оставшіяся пустыми. Русское значеніе стоитъ впереди и помѣщается со слѣдующими за нимъ арабскими графами на лѣвой сторонѣ рукописи [3]); на правой же находятся четыре графы для татарскаго и калмыцкаго языковъ (по двѣ графы

---

[1]) Тамъ же, стр. 11—12.

[2]) Тамъ же, стр. 12—13. Книжка, переведенная Адрахмановымъ на татарскій языкъ, въ свою очередь была переведена на русскій при «учрежденной въ оренбургской коммиссіи татаро-калмыцкой школѣ» въ февралѣ мѣсяцѣ 1741 г. См. тамъ-же, стр. 13, примѣч.

[3]) Первая такая страница съ 9-ю начальными словами на букву А отсутствуетъ и уцѣлѣла лишь соотвѣтствующая ей правая съ татарскими и калмыцкими значеніями.

на каждый). Татарскія и калмыцкія слова писаны двояко: оригинальнымъ письмомъ (очень четко, повидимому, навыкшей рукой) и русской транскрипціей, что опять согласуется съ намѣреніемъ Рычкова передавать инородческія слова „русскими литерами" для ясности и легкости печатанія.

Къ тому же времени относится и другой анонимный калмыцко-русскій глоссарій (главнымъ образомъ географическихъ названій и именъ разныхъ урочищъ), хранящійся также въ I-мъ отдѣленіи библіотеки Имп. академіи наукъ въ рукописномъ ея отдѣлѣ (шифръ 19. 1. 5.). Рукопись его писана на 14 листахъ (формата въ поллиста писчей бумаги) въ два столбца, изъ которыхъ лѣвый озаглавленъ „Копія" и содержитъ калмыцкія слова (въ русской транскрипціи и оригинальнымъ письмомъ), а правый, озаглавленный „переводъ", — русскія значенія. Всѣхъ словъ въ немъ 536 (всѣ нумерованы), но русскія значенія имѣются далеко не у всѣхъ. Въ виду многочисленныхъ повтореній однихъ и тѣхъ же словъ съ разными только опредѣленіями, вышеприведенная цифра 536 не можетъ считаться настоящей, и въ дѣйствительности словъ въ глоссаріи гораздо меньше. Сходство внѣшняго вида этой рукописи съ предыдущей и рѣдкій пріемъ нумераціи словъ, повторяющійся и въ той и другой рукописи, позволяютъ догадываться, что и этотъ второй калмыцкій глоссарій также связанъ съ дѣятельностью Татищева въ оренбургскомъ или астраханскомъ краѣ.

Въ 1741 году, въ Ставропольской крѣпости была основана еще одна школа для обученія калмыцкихъ дѣтей русскому и калмыцкому языкамъ и грамотѣ. Учителями ея были назначены помощники и ученики упоминавшагося уже выше (стр. 195) Линкевича, Яковъ Бестужевъ и Иванъ Ляховъ. Третій изъ учениковъ Линкевича, Андрей Чубовскій, успѣвшій къ этому времени сдѣлаться протопопомъ, назначенъ былъ руководителемъ школы [1]). Къ тому же времени относится приказаніе переводчику Кондакову въ праздничные дни говорить калмыкамъ поученія на ихъ родномъ языкѣ, чтобы «они могли прійдти въ лучшее познаніе православной христіанской вѣры» [2]).

Тогда же, а можетъ быть и нѣсколько раньше, у насъ уже печатались калмыцкіе тексты (указы) оригинальнымъ калмыцкимъ

---

[1]) См. статьи П. Д. Шестакова: «Нѣкоторыя свѣдѣнія о распространеніи христіанства у калмыковъ» въ «Журн. Мин. Нар. Пр.» 1869 г., ч. 145. Соврем. лѣтопись, стр. 128—29, 135 и К. И. Костенкова: «О распространеніи христіанства у калмыковъ», тамъ же, ч. 144. Соврем. лѣтопись, стр. 135, а также «Полное Собр. законовъ Росс. имп.» № 8394.

[2]) «Полное Собр. законовъ» № 7335.

алфавитомъ, хотя покуда только съ гравированныхъ досокъ. Такъ въ описи «грыдорованнымъ» доскамъ, имѣвшимся въ февралѣ 1743 г. у академическаго гравера, мастера Келлера, значится «калмыцкаго языка указная одна» [1]), вѣроятно, единственная въ то время въ этомъ родѣ, быть можетъ съ однимъ изъ первыхъ указовъ новой императрицы Елизаветы Петровны.

Несмотря на вышеуказанныя мѣры, принимавшіяся въ цѣляхъ преподаванія калмыцкаго языка, для научнаго изученія его въ теченіе первой половины XVIII в. было сдѣлано очень немного, и въ печатной литературѣ этого времени свѣдѣній объ немъ почти не имѣется. Можно указать лишь на небольшое число калмыцкихъ фразъ (всего 45), числительныхъ и названій мѣсяцевъ, записанныхъ шведскимъ офицеромъ Іог. Христ. Шничеромъ, который еще въ 1715 году попалъ въ Саратовъ, вмѣстѣ съ китайскимъ посольствомъ. Его наблюденія были изданы въ 1744, въ Стокгольмѣ подъ заглавіемъ „Berättelse om Ajuckiniska Calmuckier etc". Достояніемъ „русской" литературы, хотя и въ не русской одеждѣ они сдѣлались лишь въ 1760 г., когда явился ихъ нѣмецкій переводъ въ Миллеровскомъ „Sammlung Russischer Geschichte" (Bd. IV. Viertes Stück; С.-Петербургъ, 1760): „Nachricht von den Ajuckischen Calmücken. Aus dem Schwedischen übersetzt". (Указанные лингвистическіе матеріалы находятся здѣсь на стр. 354—360).

Путешествовавшій въ концѣ 30-хъ и въ 40-хъ гг. XVIII в. по Сибири академикъ Фишеръ также записалъ нѣкоторое количество монгольскихъ, бурятскихъ и калмыцкихъ словъ, небольшая часть которыхъ (12 числительныхъ и слово „Богъ") была напечатана имъ во введеніи къ его „Sibirische Geschichte" (ч. I. Спб. 1768, стр. 40), а остальное осталось въ его рукописныхъ матеріалахъ для словаря сибирскихъ инородческихъ языковъ (см. выше, стр. 220).

Небольшое число калмыцкихъ словъ (11) и числительныхъ (10), собранныхъ еще въ первой четверти XVIII в. Шоберомъ (см. выше, стр. 201), было напечатано академикомъ Г. Ф. Миллеромъ въ его „Sammlung Russischer Geschichte" (Bd. VII, erstes und zweites Stück. Спб. 1762: „Anszug aus D. Gottlob Schobers bisher noch ungedrucktem Werke: Memorabilia Russico-Asiatica", стр. 71).

Въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ XVIII столѣтія у насъ было собрано уже довольно много матеріаловъ по калмыцкому языку, хранящихся въ рукописяхъ въ нашихъ книгохранилищахъ. Въ концѣ 60-хъ или началѣ 70-хъ годовъ XVIII в. сдѣлалъ нѣсколько

---

[1]) Сухомлиновъ, «Матер. для исторіи Имп. акад. наукъ», т. V, 534.

подобныхъ записей академикъ Гюльденштедтъ. Въ собраніи лингвистическихъ матеріаловъ Аделунга, принадлежащемъ Имп. публ. библіотекѣ, находится одна изъ этихъ записей, содержащая калмыцкія числительныя и фразы (подлиннымъ письмомъ и русскими буквами) съ русскимъ переводомъ (15 стр. въ поллиста). На задней страницѣ рукописи помѣта (Бакмейстера?): «reçû par Mr. le Professeur Güldenstaedt le 18 sept. 1773».

Лучшимъ знатокомъ калмыцкаго языка въ это время былъ у насъ упомянутый уже выше Іоганнъ Іеригъ, который своими знаніями именно калмыцкаго и обратилъ на себя вниманіе Палласа, рекомендовавшаго его академіи. Посланный въ Сибирь на монгольскую границу, Іеригъ и тамъ еще продолжалъ заниматься калмыцкимъ языкомъ. Такъ въ апрѣлѣ 1775 г. онъ посылалъ академіи переводъ на нѣмецкій языкъ разныхъ калмыцкихъ сказокъ [1]). Плодомъ этихъ его занятій является рукописная калмыцкая азбука, хранящаяся въ библіотекѣ Азіатскаго музея Имп. академіи наукъ (отд. III, № 75), и довольно большой рукописный трактатъ, уже упоминавшійся выше (стр. 402): «Anfangsgründe der mongolschen und öhletschen Schrift-und Sprach-lehre». Вторая часть его, посвященная калмыцкому языку, озаглавлена: «Anfangsgründe der Mongolschen und Öhletschen Schriftund Sprachlehre, 2-er Theil. Schriftlehre der Öhlötschen Sprache. 1791 (стр. 49—70 въ поллиста). Вторая часть, какъ и первая (посвященная монг. языку), имѣется въ библіотекѣ Азіатскаго музея въ двухъ почти одинаковыхъ спискахъ (отд. III, № 70 и № 76). На первомъ изъ нихъ (№ 70) имѣется помѣта о передачѣ его академіи 27 февр. 1792 г., на второмъ такая же помѣта о полученіи 8 марта 1792 г. и собственноручная надпись Іерига: «So weit gekommen d. 19-ten December 1791 aus Kjachta, von pag. 1—70. Johannes Jährig».

Лексическій матеріалъ по калмыцкому языку собирали также наши академическіе путешественники по Россіи, Гмелинъ и Фалькъ. У перваго находимъ собраніе татарскихъ и калмыцкихъ названій волжскихъ рыбъ [2]), а у вторагo—сравнительный глоссарій казанскаго-татарскаго, киргизскаго, «бухарскаго» и калмыцкаго языковъ [3]).

---

[1]) См. «Протоколы засѣданій конференціи Имп. акад. наукъ», т. III, 185.

[2]) Путешествіе по Россіи для изслѣдованія трехъ царствъ природы. Перев. съ нѣм. Часть II. Съ начала августа 1769 г. по 5 іюля 1770 г. Спб. 1783, стр. 341. Нѣм. изданіе вышло раньше, въ четырехъ томахъ. Спб. 1771—1786.

[3]) См. Herrn Johann Peter Falk Professors der Kräuterkunde beym Garten des Russisch-Kayserl. Medizinischen Kollegiums, auch Mitglieds der freyen

Къ послѣдней четверти XVIII в. относится анонимный рукописный «Словарь языка Калмыцкаго», входившій въ составъ Эрмитажной библіотеки и переданный изъ нея въ Имп. публичную, въ которой находится и нынѣ (ркп. Эрмит. № 221). Внѣшнимъ видомъ своимъ (изящнымъ переплетомъ, форматомъ in 4°, четкимъ и красивымъ почеркомъ 2-й половины XVIII в., плотной хорошей бумагой) онъ тожественъ съ нѣсколькими другими такими же словарями нѣкоторыхъ инородческихъ языковъ (черемисскаго, мордовскаго, вотяцкаго), поступившими въ Публичную библіотеку изъ Эрмитажной, и вѣроятно принадлежитъ къ матеріаламъ, собиравшимся для сравнительнаго словаря Екатерины II и, повидимому, переписывавшимся особо для Высочайшаго употребленія. Словарь этотъ—русско-калмыцкій и содержитъ по приблизительному разсчету около 3000 словъ (по 15 словъ на страницу, при 101 листѣ объема). Калмыцкія слова въ немъ переданы русскими буквами (съ обозначеніемъ ударенія) и подлиннымъ письмомъ.

Къ XVIII же вѣку относится анонимный рукописный калмыцко-армянско-персидско-татарскій словарь, хранящійся въ библіотекѣ Азіатскаго музея Имп. акад. наукъ (отд. III, № 36) и представляющій собой скорѣе черновые матеріалы для многоязычнаго словаря, разработанные крайне неравномѣрно и неодинаково. Словарь этотъ мѣстами содержитъ грузинскій и индійскій переводы, а иногда и образчики разговоровъ; мѣстами же находимъ незаполненные пробѣлы, оставленные для внесенія того или другого языка. Повидимому, собиратель былъ иностранецъ, какъ можно это заключить изъ отсутствія русскаго перевода и самого почерка, очень мелкаго и сдержаннаго. Въ одномъ мѣстѣ вписано—вѣроятно позднѣйшимъ владѣтелемъ рукописи—нѣсколько случайныхъ словъ по-русски, должно быть въ видѣ «пробы пера», не имѣющей никакого отношенія къ содержанію словаря и не дающей никакого указанія ни на личность составителя, ни на время составленія.

Монголо-калмыцкая азбука, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими восточными азбуками, имѣется также въ рукописномъ сборникѣ конца XVIII, начала XIX в. (in folio), писанномъ частью академикомъ Іоганномъ Христіаномъ Гаммелемъ, частью его отцомъ, жителемъ Сарепты, и хранящемся въ библіотекѣ Азіатскаго музея (отд. III, № 34).

Oekonomischen Societät in S.-Petersburg Beyträge zur Topographischen Kenntniss des Russischen Reichs. Th. III. Beyträge zur Thierkenntniss und Völkerbeschreibung. Спб. 1786, 4°, стр. 575—582.

Изъ правительственныхъ мѣръ, направленныхъ къ преподаванію калмыцкаго языка, вмѣстѣ съ другими восточными языками, и осуществленныхъ въ теченіе второй половины XVIII в., можно указать на введеніе названныхъ языковъ въ программу нѣкоторыхъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній. Такъ въ Астраханской школѣ для солдатскихъ дѣтей и разночинцевъ, учрежденной въ 1764 г., преподавались четыре азіатскихъ языка, въ числѣ которыхъ, по всей вѣроятности былъ и калмыцкій. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что, послѣ преобразованія этой школы въ 1788 г. въ народное училище, содержавшееся на средства мѣстнаго купечества, калмыцкій языкъ преподавался здѣсь въ ряду другихъ восточныхъ языковъ [1]). Важность знакомства съ калмыцкимъ языкомъ для жителей Астраханскаго края позволяетъ думать, что преподаваніе названнаго языка началось уже въ упомянутой выше школѣ для солдатскихъ дѣтей и разночинцевъ. Должности переводчиковъ калмыцкаго языка были учреждены при Оренбургской губернской канцеляріи и при Ставропольской канцеляріи еще до введенія правительственныхъ штатовъ присутственныхъ мѣстъ въ 1763 г. Въ Ставрополѣ, кромѣ переводчика, было еще 2 толмача и 50 учениковъ. Такъ какъ новые штаты не подтверждали названныхъ должностей, то главная мѣстная администрація обратилась въ сенатъ съ представленіемъ о ихъ пользѣ и необходимости, спрашивая, содержать ли названныхъ толмачей и переводчиковъ и впредь. Докладъ сената по этому поводу былъ Высочайше утвержденъ, и должности переводчиковъ калмыцкаго и другихъ мѣстныхъ инородческихъ языковъ сохранены и на будущее время [2]).

Всѣ три монгольскихъ языка (монгольскій, бурятскій и калмыцкій) представлены и въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II.

Связь монгольскаго буддизма съ тибетскимъ заставляла нашихъ монголовѣдовъ интересоваться и тибетскимъ языкомъ. Начало изученію послѣдняго было положено тѣмъ же Байеромъ, напечатавшимъ въ академическихъ «комментаріяхъ» рядъ работъ, касавшихся и «тангутскихъ», т. е. тибетскихъ, языка и литературы (см. выше, стр. 219—20). Тибетскіе матеріалы собиралъ и Г. Ф. Миллеръ. Въ «Протоколахъ засѣданій конференціи Имп. акад. наукъ» (т. I, стр. 67) находимъ извѣстіе, что въ засѣданіи

[1]) См. статью «По поводу мысли Лейбница объ учрежденіи университета въ Астрахани» въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» 1859 г., ч. 102, отд. VII, стр. 208, и «Москвитянинъ» 1854 г., ч. I, № 3 и 4, февраль, отд. VII, стр. 134 (статья «Астрахань»).

[2]) «Полное Собраніе законовъ Росс. имперіи», № 13,489.

22 мая 1733 г. Миллеръ показывалъ членамъ академіи тибетскую азбуку, полученную отъ одного ламы изъ Тангута [1]). Изъ своего сибирскаго путешествія онъ неоднократно присылалъ въ сенатъ лингвистическіе матеріалы по «тангутскому» языку. Такъ въ 1735 г. изъ Иркутска былъ посланъ «вокабуляріумъ мунгальскаго, тунгускаго и тангуцкаго языковъ», и переводъ тангутскаго листка, переведеннаго невѣрно въ Парижѣ [2]), а за годъ передъ этимъ, въ 1734 г., съ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ отправлены два ящика съ собранными Миллеромъ тангутскими и монгольскими печатными и рукописными листами [3]).

Около этого же времени собиралъ разные лингвистическіе матеріалы и Мессершмидтъ (см. о немъ выше, стр. 201—202), въ рукописномъ собраніи которыхъ, принадлежащемъ Азіатскому музею Имп. акад. наукъ (отд. III, № 68: «Messerschmidtiana ad linguas Populorum Sibiriae pertinentes»), представленъ и тибетскій языкъ (матеріалы для индійско-тибетскаго глоссарія, съ помѣтой: scribebam A. 1733; lectiones orientales seu linguarum aliquot orientalium Indicarum sc. tanguticarum et mongolicarum elementa etc).

По возвращеніи изъ своего сибирскаго путешествія (въ 1743 г.) Миллеръ не оставлялъ занятій тибетскимъ языкомъ. Въ 1747 г., въ X томѣ академическаго изданія «Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae» (стр. 420—68) была напечатана его статья: «De scriptis tanguticis in Sibiria repertis commentatio», читанная передъ этимъ въ одномъ изъ академ. засѣданій [4]).

Въ 1766 году, проѣздомъ черезъ Селенгинскую область, занялся „тангутскимъ“ языкомъ пасторъ-натуралистъ, впослѣдствіи академикъ, Эрикъ Лаксманъ, незадолго передъ этимъ пріѣхавшій въ Сибирь (въ 1764 г.). Свои замѣтки о немъ онъ сообщилъ Шлёцеру [5]). Онѣ же вѣроятно впослѣдствіи достались Бакмейстеру, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Аделунгъ [6]). До нашего времени онѣ повидимому не дошли, по крайней мѣрѣ въ лингвистической коллекціи Аделунга, въ составъ которой вошли матеріалы

---

[1]) См. также «Исторію академіи» Г. Ф. Миллера въ «Матеріалахъ для исторіи Имп. акад. наукъ» Сухомлинова, т. VI, стр. 293.

[2]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи Имп. акад. наукъ», т. VIII, 202.

[3]) Тамъ же, стр. 197.

[4]) См. «Протоколы засѣданій конференціи Имп. ак. наукъ», т. II, 42, 47, 49—50.

[5]) См. В. Лагусъ. Эрикъ Лаксманъ. Его жизнь, путешествія, изслѣдованія и переписка. Съ шведскаго перевелъ Э. Паландеръ. Спб. изд. Имп. акад. наукъ 1890, стр. 41.

[6]) Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde. S.-Petersburg, 1815, стр. 31.

Бакмейстера, ихъ теперь не имѣется. Нѣкоторыя свѣдѣнія о „тангутскихъ“ рукописяхъ, принадлежавшихъ уже въ XVIII вѣкѣ библіотекѣ академіи наукъ, и „тангутскомъ“ письмѣ находимъ у помощника библіотекаря академіи I. Бакмейстера въ его „Опытѣ о библіотекѣ и кабинетѣ рѣдкостей и исторіи натуральной Спб. Имп. акад. наукъ, изданномъ на Франц. языкѣ (въ 1776 г.), а на Россійской языкъ переведенномъ Васильемъ Костыговымъ“ (Спб. 1779 г. стр. 87—93).

Интересовался тибетскимъ и упомянутый выше (стр. 401) Іеригъ. Въ 1776 году онъ посылаетъ академіи «Alphabet de la langue Anätkäl comparé à ceux des Tangoutes-Schaar et Moungales-Gallic» [1]), а въ 1777 образчики «тангутской» азбуки и маленькую христоматію («Lesebüchlein») [2]).

Ему же принадлежитъ рукописный трудъ «Anfangsgründe der Tübätischen Schrift-und Sprach-Lehre. 1792, in Kjacht an der Chinesisch-Mongolscher Grenze», хранящійся въ Азіатскомъ музеѣ въ двухъ спискахъ (Отд. III, №№ 71 и 76; форматъ въ поллиста писчей бумаги; нумерація идетъ отъ л. 71 по 96, послѣ котораго во второмъ спискѣ начинается уже «Mongolische Buchstaben-Forschung», упомянутая выше, стр. 403).

Въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II „тангутскій“ былъ также представленъ. По словамъ русскаго предисловія „тангутскія“ слова взяты большею частью „изъ рукописныхъ сочиненій“; въ латинской же редакціи Палласъ говоритъ: Tangutana (vocabula) ipse ex adversariis collegi.

Среди другихъ инородческихъ языковъ сѣверо-восточной Азіи извѣстное вниманіе нашихъ собирателей лингвистическаго матеріала обращалъ на себя и тунгузскій языкъ. Самымъ первымъ изъ такихъ собирателей былъ академикъ Г. Ф. Миллеръ, приславшій въ 1735 г. въ сенатъ изъ Иркутска „вокабуляріумъ мунгальскаго, тунгускаго и тангуцкаго языковъ“ [3]). Сопутствовавшій ему въ теченіе нѣкотораго времени академикъ I. Э. Фишеръ, странствовавшій по Сибири съ 1739 по 1747 г., также собралъ нѣсколько тунгузскихъ словъ, небольшая часть которыхъ (12 числительныхъ и слово „Богъ“, какъ они звучатъ въ трехъ тунгузскихъ діалектахъ), была напечатана имъ, съ маньчжурскими параллелями, во введеніи къ его „Sibirische Geschichte von der entdekkung Sibiriens bis auf die eroberung dieses Lands etc“.

---

[1]) «Протоколы засѣданій конференціи Имп. акад. наукъ», т. III, стр. 240.
[2]) Тамъ же, стр. 320.
[3]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. акад. наукъ», т. III, 202.

(Erster Teil. S.-Petersburg. Gedruckt bei der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften. 1768, стр. 116). Большая же часть этого матеріала должна находиться въ его рукописномъ сибирскомъ инородческомъ словарѣ, подаренномъ имъ историческому институту въ Геттингенѣ (см. выше, стр. 220).

Послѣ названныхъ ученыхъ едва ли кто особенно интересовался тунгузскимъ, по крайней мѣрѣ дошедшіе до насъ памятники подобнаго интереса представляютъ большой пробѣлъ со времени Миллера и Фишера до 1772 г., когда одинъ изъ нашихъ академическихъ путешественниковъ, І. Г. Георги, собралъ 265 тунгузскихъ словъ (см. его „Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich im Jahre 1772, St. Petersburg. 1775, стр. 268 и сл.). Въ слѣдующемъ, 1773 году, по иниціативѣ Бакмейстера (см. выше, стр. 222) началось, на этотъ разъ полу-оффиціальное, собираніе образцовъ разныхъ инородческихъ языковъ, въ томъ числѣ и тунгузскаго. Рядъ рукописныхъ записей этого рода имѣется въ собраніи лингвистическихъ матеріаловъ Аделунга, принадлежащемъ Имп. Публ. библіотекѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ записей доставлены были Бакмейстеру академикомъ Палласомъ, другія поступили прямо отъ разныхъ оффиціальныхъ лицъ. Таковы:

1) „Переводъ числу нумеровъ русскихъ и запроснымъ речамъ на тунгуской разговоръ въ ниже писаномъ адресованіе“ (такъ!): собраніе числительныхъ и фразъ, переведенныхъ съ русскаго на тунгузскій (писано русскими буквами на 6 стр. въ поллиста), составленное нѣкіимъ Павломъ Гантимуровымъ. На рукописи помѣта (Бакмейстера): Reçû avec la lettre de Pallas du 8 octobre 1773.

2) „Переводъ съ россійскаго на тунгуской“ (аналогичное собраніе числительныхъ и фразъ, составленное тѣмъ же Павломъ Гантимуровымъ также въ 1773 г.: 6 стр. въ поллиста).

3) Латинско-тунгузскій глоссарій: „Wörterbuch der Tungusischen Mundart iu Daurien, die mit dem Mongolischen vermischt ist“ (6 стр. въ поллиста), подаренный Бакмейстеру въ январѣ 1775 г., вѣроятно, самимъ Палласомъ, которому онъ принадлежалъ, какъ указываетъ помѣта: „Aus Pallas Papieren“. Тунгузскія слова и фразы изображены русскими буквами.

4) Собраніе числительныхъ и фразъ на русскомъ, тунгузскомъ, бурятскомъ, якутскомъ и японскомъ языкахъ (14 стр. въ поллиста). Имѣется помѣта (Бакмейстера) о полученіи 20 іюля 1779 г. отъ Иркутскаго губернатора Клички.

5) Русско-тунгузскій глоссарій: „Разговоры охотскихъ тунгусовъ, прозываемыхъ по тамошнему ламутовъ“ (3 стр. въ поллиста): Помѣта: Ce 27 Juin 1780 reçû de Mr. Le Gouverneur de Klitschka.

6) Собраніе числительныхъ и фразъ: „Речи переведенныя якутского ведомства верхнеков(л)ымскаго острога ламутскаго дельянского роду князка Федора Евловскаго и прочихъ того ламутскаго родовъ“ (6 стр. съ небольшимъ въ четвертку). Помѣта: reçû ce 20 Juillet 1781 de Klitschka, Gouverneur d'Irkutzk.

7) Русско-тунгузскій глоссарій: „Переводъ съ россійскаго на тонгуской“ (4 стр. въ четвертку) за подписью: Миницкій, и съ помѣтою: Capitaine Minizkii, Commendant von Ochozk. Безъ обозначенія года и времени полученія. Рукопись—2-й полов. XVIII в.

8) „Vocabularium. 1-mo Tungusice Bargusini, Tungusorum Olennüe dictorum, Buraetice Wercholeni. 2-do Tungusice Werchna Angara, Tungusice Jakutzk, Jukagiri Ust-janskoe. 3-tio Tungusorum Ochotensium“. Латинско-тунгузскій глоссарій (29 стр. въ поллиста), рукопись конца XVIII в.

9) Русско-остяцко-якутско-тунгузско-самоѣдскій глоссарій, озаглавленный: „Нарѣчіе по туруханской округѣ“ (26 стр. въ поллиста). Содержитъ 286 словъ и скрѣпленъ подписью „Совѣтника Ильи Мыльникова“. Вѣроятно изъ тѣхъ образцовъ разныхъ языковъ, которые собирались для Бакмейстера оффиціальными лицами въ половинѣ 70-хъ и въ 80-хъ гг. XVIII вѣка.

Въ 70-хъ гг. XVIII в. собиралъ въ Сибири тунгузскія рукописи упомянутый уже выше нашъ академикъ Эрикъ Лаксманъ, подарившій ихъ библіотекѣ университета въ Або [1]).

Въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II тунгузскій былъ представленъ въ цѣломъ рядѣ діалектическихъ формъ (въ діалектахъ: Нерчинской области, Енисейской округи, Баргузинскомъ, Верхне-Ангарскомъ, Якутскомъ, Охотскомъ, Ламутскомъ и „Чапогирскомъ“).

Кромѣ перечисленныхъ выше рукописныхъ матеріаловъ, свидѣтельствующихъ объ изученіи у насъ тунгузскаго языка въ XVIII вѣкѣ, небольшое количество лексическаго матеріала по ламутскому (т. е. тунгузскому) языку было собрано докторомъ Робекомъ, находившимся при сибирской экспедиціи капитана Биллингса (въ 1791 г.). Но описаніе этого путешествія, вмѣстѣ съ „краткимъ словаремъ двѣнадцати народовъ, обитающихъ въ сѣверовост. части Сибири“, собраннымъ Робекомъ, вышло лишь 20 лѣтъ спустя послѣ того, какъ Биллингсъ былъ въ Сибири, т. е. въ 1811 г., такъ что доступными для общаго пользованія матеріалы Робека сдѣлались уже въ XIX в.

---

[1]) См. В. Лагусъ. Эрикъ Лаксманъ. Его жизнь, путешествія, изслѣдованія и переписка. Съ шведскаго перевелъ Э. Паландеръ. Спб. 1890, стр. 123.

Другой спутникъ Биллингса, его секретарь Мартинъ Зауеръ впослѣдствіи биржевой маклеръ въ Петербургѣ, собралъ также, хотя и изъ вторыхъ рукъ, нѣкоторое количество лексическаго матеріала по тунгузскому языку. Издалъ онъ его также уже въ началѣ XIX в. [1]).

Довольно обильна литература, главнымъ образомъ рукописная, по угро-финнскимъ и тюркскимъ языкамъ, возникшая при преемникахъ Петра Великаго и особенно въ теченіе второй половины XVIII в. Обиліе это вполнѣ естественно, въ виду распространенности названныхъ языковъ, какъ въ Европейской Россіи, такъ и въ Азіатской. Знаніе ихъ было особенно важно для цѣлей миссіонерскихъ и административныхъ, и потому наше правительство принимало рядъ мѣръ для подготовленія духовныхъ лицъ, переводчиковъ и вообще низшихъ служащихъ, знакомыхъ съ данными языками. Такъ въ концѣ 30-хъ гг. XVIII в. В. Н. Татищевъ во время своего управленія оренбургскимъ краемъ основалъ въ Самарѣ татарско-калмыцкую школу, при которой составлялся даже русско-татарско-калмыцкій словарь (см. выше, стр. 405) [2]). Около этого же времени, въ 1740 г. (см. именной указъ изъ кабинета Ея Величества Св. Синоду отъ 18 янв.) предписывалось: „для обученія православію и приведенія въ вѣру Греческаго исповѣданія Мордовскаго, Чувашскаго и Черемисскаго, Лопарскаго и Самоядскаго народовъ, ...выбрать въ Казанской губ. 30, да въ Архангелогородской 15 человѣкъ, изъ живущихъ въ уѣздахъ поповскихъ, дьяконскихъ и церковныхъ

---

[1]) См. составленный имъ «An account of a geographical and astronomical expedition to the Northern Parts of Russia, for ascertaining the degrees ot latitude and longitude of the mouth of the river Kovima, of the whole coast of the Tshutski, to East Cape; and of the Islands in the Eastern Ocean, stretching to the American coast. Performed by Command of Her Imp. Maj. Catherine the Second by Commodore Joseph Billings, in the years 1785 etc. to 1794. The whole narrated from the original papers by Martin Sauer, Secretary to the Expedition. London. 1802. 4⁰. Тогда же вышли: франц. переводъ I. Castéra, (въ Парижѣ, 2 т. 4⁰) и нѣмецкій (Берлинъ, 8⁰). Словарь, о которомъ идетъ рѣчь, помѣщенъ въ англійскомъ изданіи въ приложеніи (Appendix, № 1, стр. 1—8) и озаглавленъ: «Vocabulary of the yukagir, yakut, and tungoose (or lamut) languages». Въ концѣ книги примѣчаніе автора: «The Vocabulary of the Tungoose or Lamut Language Iobtained from Mr. Koch the Commandan of Ochotsk, who succeeded Lieutenant Colonel Ugreinin; the rest were all taken by myself on the spot with great care and attention; and having had frequent opportunities to prove them with different natives, I can pronounce them correct».

[2]) Пекарскій, «Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова» Спб. 1867, стр. 9—10.

причетниковъ, также изъ купечества, которые ѣздятъ по иновѣрческимъ деревнямъ, и торгу своего имѣютъ, не выше 150 р., изъ убогаго Шляхетства дѣтей, россійской грамотѣ и писать умѣющихъ и знающихъ вышепомянутые иновѣрческіе языки, которые бъ были отъ 15 лѣтъ", сдѣлать имъ на счетъ казны платье (не дороже 10 р. на человѣка) и прислать ихъ въ синодъ. Этотъ послѣдній уже долженъ былъ опредѣлять ихъ въ духовныя школы для приготовленія къ священнослужительству. а послѣ назначать діаконами и священниками „въ тѣ жъ Губерніи, чтобъ они помянутымъ народамъ, на ихъ языкѣ, могли проповѣдь чинить".

Синодъ, впрочемъ, нашелъ, что, „за неимѣніемъ въ Санктъ-Петербургѣ подъ вѣдомствомъ Св. Синода школъ", такихъ миссіонеровъ можно всему научить на мѣстѣ въ Казанской и Архангелогородской епархіяхъ, подъ присмотромъ тамошнихъ епархіальныхъ архіереевъ, людей „ученыхъ", причемъ и стоить это будетъ гораздо дешевле. Кабинетъ министровъ 1-го мая 1740 г. согласился съ мнѣніемъ Св. Синода [1]). О трудахъ и дѣятельности приготовленныхъ такимъ образомъ миссіонеровъ и вообще объ успѣхѣ этой мѣры, мы, впрочемъ, ничего не знаемъ.

Въ царствованіе Екатерины II, когда было обращено особое вниманіе на распространеніе знакомства съ восточными языками, а можетъ быть и нѣсколько раньше, преподаваніе названныхъ языковъ было поручено, между прочимъ, переводчикамъ, которые должны были держать при себѣ извѣстное число учениковъ. Такъ еще до изданія штатовъ присутственныхъ мѣстъ 1763 г., при Оренбургской губернской канцеляріи, у переводчика татарскаго языка состояло 10 человѣкъ учениковъ, и мѣстный губернаторъ, спрашивавшій сенатъ, содержать ли такихъ переводчиковъ и учениковъ на будущее время (въ штатахъ о нихъ ничего не говорилось), указывалъ на пользу, принесенную ими краю, присовокупляя, что нѣкоторые изъ русскихъ учениковъ татарскаго языка поступили въ переводчики, толмачи и подъячіе и продолжали служить и далѣе съ пользою [2]).

Кромѣ того преподаваніе нѣкоторыхъ инородческихъ языковъ, особенно такихъ распространенныхъ, какъ татарскій, вводилось, какъ мы уже имѣли случай видѣть выше, и въ разныя общеобразовательныя или спеціальныя учебныя заведенія. Такъ татарскій языкъ вѣроятно входилъ въ число четырехъ азіатскихъ языковъ, которые преподавались въ Астраханской школѣ для солдатскихъ

[1]) См. «Полное собраніе законовъ Росс. имперіи». № 8004.
[2]) Тамъ же, № 13,489.

дѣтей и разночинцевъ, открытой въ 1764 г. (см. выше, стр. 411). Во всякомъ случаѣ, послѣ преобразованія этой школы въ народное училище (въ 1788 г), татарскій языкъ въ немъ несомнѣнно преподавался [1]).

Преподаваніе татарскаго языка введено также въ Казанской первой гимназіи, основанной еще въ 1758 г. (указомъ Императрицы Елизаветы Петровны отъ 21-го іюля). Мысль о введеніи названнаго языка въ программу гимназіи принадлежала первому ея директору М. М. Веревкину, который въ рапортѣ отъ 18 сент. 1759 г. писалъ: „здѣшній городъ есть главный цѣлаго царства татарскаго національнаго діалекта. Не повелѣно-ли будетъ завести при гимназіяхъ классъ татарскаго языка: со временемъ на ономъ отыскиваемы быть могутъ многіе манускрипты: правдоподобно, что оные подадутъ нѣкоторый можетъ быть не малой свѣтъ въ русской исторіи“ [2]). Но мысль эта не получила надлежащей оцѣнки, и только въ 1769 г. Императрица Екатерина II указомъ отъ 12 мая на имя казанскаго губернатора Квашнина-Самарина, обращая вниманіе на нужду въ хорошихъ переводчикахъ съ татарскаго на русскій, повелѣла: „учредить единожды навсегда при Казанской гимназіи для охотниковъ классъ того языка и опредѣлить учителемъ онаго старой и новой въ Казани татарскихъ слободъ депутата и тамошней адмиралтейской конторы толмача Сагита Хальфина, котораго, пожаловавъ въ переводчики съ чиномъ и жалованьемъ противъ Губернскаго переводчика, какъ его самого, такъ и дѣтей его, исключа изъ податнаго оклада, дабы онъ со своей стороны къ обоимъ ему поручаемымъ должностямъ прилежаніе, и дѣти его къ изученію себя впредь годными къ службѣ надежное одобреніе имѣть могли“.

Занятія татарскимъ языкомъ начались въ гимназіи 5-го октября 1769 г. въ управленіе директора фонъ-Каница. Обучались татарскому всѣ изъявившіе желаніе, которые и должны были оставаться въ татарскомъ классѣ, пока не приготовятся въ переводчики. Отъ изученія названнаго языка освобождались только знавшіе отлично латинскій языкъ, которыхъ отправляли въ Московскій университетъ. При открытіи татарскаго класса учебныхъ пособій для него не имѣлось, почему Московскій университетъ предпи-

---

[1]) См. статью «По поводу мысли Лейбница объ учрежденіи университета въ Астрахани» въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.», 1859 г. Ч. 102, отд. VII, стр. 208 и «Москвитянинъ» 1854 г., Ч. I, № 3 и 4, февраль, отд. VII, стр. 134 (статья «Астрахань»).

[2]) Владиміровъ, «Историч. записка о 1-й Казанской гимназіи». Ч. I. Казань 1867, стр. 39.

салъ директору обратиться за учебниками (вѣроятно рукописными) въ духовныя училища Казани, гдѣ уже раньше обучались крещеные татары [1]).

Должность учителя или информатора татарскаго языка довольно долго была наслѣдственной въ семействѣ Хальфина. Когда Сагитъ Хальфинъ, за старостью лѣтъ, оставилъ свою должность (въ мартѣ 1785 г.), его мѣсто занялъ его сынъ, Исхакъ Хальфинъ, въ свою очередь уступившій каѳедру также своему сыну Ибрагиму Хальфину (въ 1800 г.) [2]).

Преподаваніе Хальфиныхъ, по словамъ проф. О. М. Ковалевскаго, было направлено „къ практическому изученію языка посредствомъ краткихъ грамматическихъ правилъ о механическомъ составѣ языка, переводовъ, какъ съ Татарскаго на Русскій, такъ и обратно съ Русскаго на Татарскій, и, наконецъ, помощью разговора. Изъ ихъ школы вышли многіе знатоки Татарскаго языка, которые на разныхъ ступеняхъ Государственной службы оправдывали ожиданіе Правительства“ [3]).

Въ мартѣ 1785 г., передъ уходомъ на покой Сагита Хальфинова, въ татарскомъ классѣ было всего 16 ч. [4]). Въ 1788 г. преподаваніе татарскаго языка въ Казанской гимназіи временно прекратилось, вслѣдствіе ея закрытія по недостатку средствъ. Со вторичнымъ открытіемъ гимназіи въ 1798 г., возобновилось и обученіе татарскому языку, но число учившихся ему было ограничено шестью-восемью, „дабы излишнее число не занимать безполезнымъ предметомъ и не тратить времени, нужнаго для другихъ наукъ“ [5]).

Для надобностей преподаванія Сагитъ Хальфинъ составилъ нѣсколько пособій, печатныхъ и рукописныхъ, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ ниже.

По мнѣнію Н. И. Ильминскаго, [6]) Хальфины обучали книжному

---

[1]) Тамъ же, стр. 45—46.

[2]) Тамъ же, стр. 46. О. М. Ковалевскій (Ж. М. Н. Пр. 1843, отд. III, стр. 51) говоритъ, что Сагитъ Хальфинъ оставилъ свою должность въ 1773 г., но это, очевидно, невѣрно, какъ доказываютъ и документальныя данныя, сообщенныя въ цитир. «Истор. Запискѣ» Владимірова.

[3]) См. его статью «Обозрѣніе хода и успѣховъ преподаванія восточныхъ языковъ въ Казанск. университетѣ» въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1843, ч. 39, отд. III, стр. 51—52.

[4]) См. ихъ списокъ у Владимірова: «Историч. записка о 1-й каз. гимназіи». Ч. I. Казань. 1867. Стр. 48—49.

[5]) Тамъ же, стр. 49—50.

[6]) См. его статью «Вступительное чтеніе въ курсъ турецко-татарскаго языка» въ Запискахъ Каз. Университета, 1861 г. III. 15.

татарскому языку, очень мало похожему на народный языкъ казанскихъ татаръ и сложившемуся искусственнымъ путемъ среди татарскихъ муллъ.

Преподаванiе татарскаго языка входило также въ программу омской азiатской школы, открытой въ 1789 г. (см. о ней выше, стр. 399), причемъ былъ опредѣленъ и комплектъ обучавшихся ему: 20 учениковъ при одномъ учителѣ [1]). Въ концѣ XVIII в. тат. языкъ преподавался и въ главномъ народномъ Тобольскомъ училищѣ, гдѣ учителемъ его былъ священникъ Iосифъ Гигановъ, авторъ первой у насъ печатной татарской грамматики, вышедшей въ Спб. въ 1801 г. [2]).

Татарскiй языкъ, въ числѣ другихъ инородческихъ языковъ, вводился въ кругъ предметовъ преподаванiя и въ разныхъ духовныхъ учебныхъ заведенiяхъ. Въ Тобольской семинарiи, открытой въ 1744 г., татарскiй языкъ былъ введенъ въ 1783 г., т. е. даже раньше греческаго языка, изученiе котораго началось здѣсь лишь въ 1785 г. [3]). Въ Нижегородской духовной семинарiи, съ опредѣленiемъ въ Нижегородскую епархiю епископа Дамаскина (въ 1783 г.), носившаго въ мiру имя Димитрiя Руднева и закончившаго свое образованiе за границей (въ Геттингенскомъ университетѣ), введено было преподаванiе татарскаго, мордовскаго и чувашскаго языковъ [4]). Подъ непосредственнымъ надзоромъ Дамаскина при семинарiи и въ его архiерейскомъ домѣ былъ составленъ сборникъ словъ татарскихъ, мордовскихъ, чувашскихъ и черемисскихъ для издававшагося Екатериной II сравнительнаго словаря (см. выше, стр. 223). Для составленiя этого сборника избраны были нѣкоторые ученики семинарiи, а также вызваны изъ своихъ приходовъ и тѣ духовныя лица, которыя знали вышеупомянутые языки. Кромѣ того, къ работѣ были привлечены и нѣкоторые крещеные инородцы. Въ семь мѣсяцевъ словарь былъ готовъ, снабженъ краткимъ историко-этнографическимъ и статистическимъ введенiемъ объ инородческихъ племенахъ, языки ко-

---

[1]) См. «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1836 г. Ч. 12, стр. 607—608.

[2]) См. «Энциклопед. лексиконъ» изд. Плюшара, т. XIV. 202.

[3]) См. статью Н. Абрамова, «Матерiалы для исторiи христiанскаго просвѣщенiя Сибири» въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1854 г. ч. 81, отд. V, стр. 55.

[4]) См. исторiю этой семинарiи въ «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1849 г. и отдѣльно: «Исторiя Нижегородской Семинарiи. Составлена Профессоромъ оной Iеромонахомъ Макарiемъ». Нижнiй-Новгородъ. 1849, стр. 13—14, а также замѣтку А. Можаровскаго въ «Русской Старинѣ» 1878 г., декабрь, стр. 705—707: «Рукописный пятиязычный словарь въ Нижегородской семинарской библiотекѣ и его происхожденiе».

торыхъ вошли въ это собраніе [1]), и списокъ съ него отправленъ императрицѣ. Этотъ вѣроятно списокъ и находится теперь въ Имп. публ. библіотекѣ, куда поступилъ изъ Эрмитажной (подробнѣе объ этомъ словарѣ см. ниже). Оригинальный-же списокъ его (въ двухъ томахъ, содержавшихъ болѣе 1000 листовъ) былъ отданъ въ библіотеку Нижегородской семинаріи, „для храненія въ вѣчные роды, яко достопамятный монументъ премудрыхъ узаконеній императрицы“ [2]). Для образованія учителей инородческихъ языковъ, Дамаскинъ посылалъ нѣсколькихъ студентовъ семинаріи въ Казань.

Благодаря перечисленнымъ мѣрамъ, знаніе тюркскихъ языковъ, главнымъ образомъ, конечно, татарскаго, и угро-финнскихъ было довольно распространено у насъ въ XVIII в. и отразилось въ рядѣ лингвистическихъ трудовъ (грамматикъ, словарей, разговоровъ), не только рукописныхъ, но даже и печатныхъ.

Въ началѣ 30-хъ гг. XVIII в. собирали матеріалы по татарскому и другимъ тюркскимъ, а также и финнскимъ языкамъ, упоминавшійся уже выше (стр. 200—202) докторъ Даніилъ Готлибъ Мессершмидтъ и академикъ Г. Ф. Миллеръ. Въ разныхъ рукописныхъ замѣткахъ Мессершмидта, хранящихся въ Азіатскомъ музеѣ Имп. акад. наукъ (отд. III, № 68) и относящихся частью къ началу 30-хъ гг. (къ 1733 г.), частью къ болѣе раннему времени („Messerschmidtiana ad linguas populorum Sibiriae pertinentes“), имѣются образчики татарскаго языка, напр. въ его „Lectiones orientales seu linguarum aliquot orientalium elementa“ или въ „Nomina animalium Arabico-Persico-Tattarico-latina“ и т. д.

Академикъ Миллеръ въ 1733 г. посылалъ въ Правит. Сенатъ изъ своего путешествія съ Гмелинымъ и де-Лиль де ла Кройеромъ „вокабуляріумъ разныхъ иноземческихъ языковъ“ Казанской губерніи, въ томъ числѣ татарскаго и чувашскаго и переводъ *Отче нашъ* на чувашскій [3]). Въ донесеніи путешественниковъ Академіи, писанномъ въ декабрѣ 1733 г., говорится: „пришли къ намъ четыре толмача татарскаго, черемисскаго, чювашскаго и вотскаго языка, которыхъ помощію проф. Миллеръ, за неимѣніемъ

---

[1]) Введеніе это было написано самимъ Дамаскинымъ и напечатано въ цитир. ниже статьѣ А. Можаровскаго въ «Нижег. Епарх. Вѣд.», за 1886 г., № 1 и 2, стр. 11—24, 10—15.

[2]) См. архимандритъ Макарій, «Исторія нижегородской іерархіи (1672—1850)». Спб. 1857, стр. 171—75 и «Нижегородскія Епархіальныя Вѣдомости», 1886 г. № 1 и 2, статью А. Можаровскаго: «Инородцы-христіане Нижегородской Епархіи сто лѣтъ тому назадъ».

[3]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. акад. наукъ». Т. VIII. 195.

случая къ инымъ изслѣдованіямъ, на сихъ 4 языкахъ знатнѣйшія слова написалъ и Отче нашъ на черемисскій и чювашскій языки перевелъ, понеже въ данныхъ отъ академіи инструкціяхъ всѣхъ чюжихъ языковъ пробы собирать велѣно" [1]). Въ 1734 г. Миллеръ послалъ изъ Тобольска древнія татарскія надгробныя надписи, собранныя въ „старомъ татарскомъ городѣ" Болгарахъ, съ переводомъ на русскій, и „вокабуляріумъ" татарскаго и вогульскаго языковъ [2]). Въ 1735 изъ Енисейска былъ отправленъ имъ „вокабуляріумъ" калмыцкаго и бухарскаго языковъ, другой „вокабуляріумъ" кузнецкихъ и телеутскихъ татаръ и третій—двухъ томскихъ татарскихъ діалектовъ, остяцкаго и зырянскаго [3]); и въ томъ-же году изъ Иркутска — „вокабуляріумъ татарскаго, аринскаго, котовскаго, камашинскаго и брацкаго (бурятскаго) языковъ" Красноярскаго уѣзда [4]).

Около этого-же времени для Татищева, вѣроятно въ управленіе его на Уралѣ (1734—1737), собирали также матеріалъ по нѣкоторымъ сибирскимъ инородческимъ языкамъ, согласно Высочайшему указу. Объ этомъ свидѣтельствуетъ одна изъ рукописей Азіатскаго музея Имп. академіи наукъ (отд. III, № 35), озаглавленная въ каталогѣ музея: „Linguae Tatarorum Tobolensium, Ostiacorum Narymensium, Tartarorum Tarensium", а въ подлинникѣ: „Вѣдомость сочиненная въ Тобольску по именному ея Имп. Величества указу присланному изъ кабинета и по опредѣленіямъ тайнаго совѣтника господина Татищева потребная къ сочиненію исторіи". Рукопись эта (формата въ поллиста) относится къ первой половинѣ XVIII в. и, кромѣ разныхъ этнографическихъ, статистическихъ и географическихъ данныхъ, содержитъ словари „тобольскаго татарскаго языка" (л. 21—32), нарымскихъ остяковъ (л. 65—68) и тарскихъ татаръ (л. 94—105). Инородческія слова изображены здѣсь русскими буквами, безъ какихъ бы то ни было стремленій къ болѣе тонкому и точному обозначенію произношенія. Вѣроятно были и другія записи этого рода, но повидимому до нашего времени дошла только эта одна.

Тогда-же собиралъ лексическіе матеріалы по татарскому и чувашскому языкамъ неутомимый, но бездарный лексикографъ и переводчикъ Киріакъ Кондратовичъ, какъ это мы узнаемъ изъ его прошенія въ академію наукъ отъ 30 іюня 1737 г. Здѣсь онъ,

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 407.
[2]) Тамъ же, т. VIII, стр. 196.
[3]) Тамъ же, стр. 198.
[4]) Тамъ же, стр. 202.

выставляя передъ академіей свои заслуги, пишетъ, что „собралъ различные лексиконы съ россійскимъ", въ томъ числѣ татарскій и чувашскій [1]). Переченъ тѣхъ-же словарей находимъ и въ позднѣйшемъ его подобномъ прошеніи отъ 22-го іюня 1739 г. [2]). Всѣ эти словари Кондратовича, едва-ли, однако, заслуживавшіе это имя, впослѣдствіи были взяты къ себѣ Татищевымъ [3]), и такъ и пропали (см. ниже).

Съ именемъ Татищева, который, повидимому, и самъ зналъ по татарски [4]), связанъ упоминавшійся уже нами выше (стр. 405) русско-татарско-калмыцкій словарь, составленный при Самарской школѣ калмыцкаго и татарскаго языковъ и вѣроятно тожественный съ такимъ же словаремъ, находящимся нынѣ въ отдѣлѣ рукописей 1-го отдѣленія библіотеки академіи наукъ (шифръ 58. 1. 5). Татарскія слова изображены здѣсь подлиннымъ арабско-татарскимъ письмомъ и въ русской транскрипціи. Вѣроятное время возникновенія этого словаря—начало 40-хъ годовъ XVIII в. (см. выше стр. 405—406).

Въ это же время, или немного позже, возникли первые рукописные русско-татарскіе разговоры Матвѣя Сем. Котельникова [5]),

---

1) Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи Имп. академ. наукъ», т, III, стр. 418.

2) Тамъ же. т. IV, стр. 131—32.

3) Тамъ же, стр. 385.

4) Объ этомъ знаніи свидѣтельствуетъ его отзывъ (въ сент. 1746 г.) о русскомъ переводѣ татарской исторіи Абдулгаси-хана, которая, по словамъ его, «неправильно переведена, многія имена за недостаткомъ буквъ перепорчены, а во многомъ переводчикъ русскій погрѣшалъ». (Сухомлиновъ, «Матер. для ист. Имп. акад. н.» т. VIII, 248).

5) Скудныя свѣдѣнія о Котельниковѣ имѣются въ «Матеріалахъ для ист. Имп. ак. н.» Сухомлинова (т. V, стр. 96-97, 292—293). Отсюда мы узнаемъ, что М. С. Котельниковъ былъ сынъ ссыльнаго въ Оренбургскій край Семена Котельникова и обучался «въ оренбургскихъ школахъ наукамъ, нотному пѣнію, по татарски читать и писать, которое нарочито понялъ. Въ бытность же его при оренбургскихъ школахъ, онъ, Матвѣй, получалъ Ея Имп. Величества жалованье». Такъ писалъ о немъ въ іюлѣ 1742 г. въ академію наукъ генералъ-лейтенантъ Соймоновъ, высказывая желаніе, чтобы «начатые имъ, Матвѣемъ Котельниковымъ, азіатскія науки привесть обученіемъ во окончаніе въ академіи наукъ». Соймоновъ прибавлялъ, что если Котельникова отпустить въ Петербургъ, гдѣ у его матери былъ домъ, «то можетъ онъ ту науку оставить туне... не безъ ущербу интересу Ея Имп. Величества», такъ какъ въ оренбургскомъ краѣ «такіе обученые для азіатскихъ народовъ весьма потребны быть имѣютъ». Академія отвѣтила, что, за смертью Кера, въ ней «ни одного азіатскимъ языкамъ искуснаго человѣка не осталось», и потому Котельниковъ не можетъ продолжать при ней свои занятія. Вѣроятно, что русско-татарскіе «разговоры», составленные имъ, были присланы въ академію наукъ около этого же времени вмѣстѣ съ бумагой Соймонова, какъ доказательство знаній Котельникова, хотя указаній на это мы не имѣемъ.

о которыхъ упоминаетъ уже Новиковъ въ своемъ „Опытѣ Историческаго словаря“ (Спб. 1772 г. стр. 109). Рукопись эта носитъ заглавіе: „Русско-татарскіе разговоры. Писалъ сие писмо ученикъ татарского языка Матвей Котелниковъ (64 листа, въ четвертку писчей бумаги)“ и хранится въ рукописномъ отдѣлѣ I-го отдѣленія библіотеки академіи наукъ (шифръ 17. 15. 8). Татарскій текстъ писанъ оригинальнымъ арабско-татарскимъ письмомъ и русскими буквами (безъ обозначенія удареній).

Къ первой половинѣ или срединѣ XVIII в. повидимому относится и русско-татарскій словарь Имп. Публ. библіотеки (Q. XVI, № 18). Рукопись его (51 л. въ четвертку писчей бумаги) къ сожалѣнію не полна: переплета, заглавнаго и нѣсколькихъ первыхъ и послѣднихъ листовъ не хватаетъ, вслѣдствіе чего опредѣлить мѣсто и время составленія, а также имя автора является невозможнымъ. Повидимому это или черновой списокъ какого нибудь словаря, или только матеріалы для таковаго. Въ началѣ находимъ русско-татарскія вокабулы (названія частей тѣла и т. д.), а дальше идетъ словарь, или точнѣе глоссарій, расположенный въ алфавитномъ порядкѣ (не хватаетъ буквы *а*, а на *я* уцѣлѣло только два слова). Татарскія слова въ огромномъ большинствѣ случаевъ изображены только русскими буквами (безъ удареній), для подлинныхъ арабско-татарскихъ написаній оставлена пустая графа, но внесены они очень рѣдко.

Небольшое число словъ (13) и числительныхъ (10) изъ діалекта крымскихъ татаръ, собранныхъ еще Д. Г. Шоберомъ (см. выше, стр. 201), напечатаны были академикомъ Г. Ф. Миллеромъ въ VII т. его „Sammlung russischer Geschichte“ (Erstes und zweites Stück. 1762 г.: „Auszug aus D. Gottlob Schober's bisher noch ungedrucktem Werke: Memorabilia Russico-Asiatica“, стр. 95).

Столь-же незначительное количество татарскихъ словъ (23), сопоставленныхъ съ венгерскими параллелями, съ цѣлью доказать взаимное родство названныхъ языковъ, находимъ во введеніи къ „Sibirische Geschichte“ академика Фишера (т. I. Спб. 1768, стр. 167—68).

Уже къ послѣдней четверти XVIII в. относится собраніе числительныхъ и нѣкоторыхъ другихъ словъ и фразъ изъ коллекціи лингвистическихъ матеріаловъ Аделунга (Имп. публ. библ.), поступившее къ нему отъ Бакмейстера, а къ этому послѣднему отъ академика Гюльденштедта: Dialectus linguae tataricae qua Kumüki utuntur (10 стр. въ поллиста писчей бумаги). Помѣтка: reçû par Mr. le Professeur Güldenschtädt le 18 sept. 1775. Татарскія слова изображены здѣсь подлиннымъ письмомъ и русскими буквами.

Въ той же коллекціи имѣется другое аналогичное собраніе числительныхъ и фразъ: Dialectus linguae Tartaricae qua Kumiki utuntur in loquendo ex traductione Studiosi Krascheninnikow (7 стр. въ поллиста, переписанныхъ въ началѣ XIX в.). Помѣта Аделунга: „Aus Güldenstädtschen Papieren im Archiv der Akademie der Wissenschaften". Очевидно это болѣе поздній списокъ съ оригинала, современнаго предшествующему собранію изъ бумагъ Гюльденштедта. Татарскія слова изображены здѣсь въ русской и латинской транскрипціи.

Ногайскій діалектъ представленъ въ названной коллекціи небольшимъ собраніемъ числительныхъ и фразъ. Собраніе это (6 стр. въ поллиста) озаглавлено (вѣроятно Бакмейстеромъ): „Tatarisch am Ende von Hr. Jährig unterschrieben. Empfangen am 4 März von dem Hr. Prof. Pallas". Русскій текстъ (общій для цѣлаго ряда подобныхъ собраній лингвистическихъ матеріаловъ въ XVIII в.) стоитъ здѣсь впереди, за нимъ слѣдуетъ татарскій (писанъ арабскимъ шрифтомъ и латинскими буквами, безъ удареній). Въ концѣ рукописи подпись: Jährig.

Въ 1778 г. является первое у насъ и единственное для XVIII в. печатное руководство по татарскому языку: „Азбука Татарскаго языка съ обстоятельнымъ описаніемъ Буквъ и Складовъ сочиненная Казанскихъ Гимназій учителемъ и Адмиралтейской конторы переводчикомъ Сагитомъ Хальфинымъ и татарскихъ въ Казанѣ слободъ Муллами въ оныхъ гимназіяхъ разсмотренная и одобренная. Москва. 1778 г. 8°. 52 стр. (Библіотека Спб. Университета)". Сопиковъ (№ 1891) приводитъ, очевидно, эту же книгу: Азбука татарская, съ Россійскимъ переводомъ и съ обстоятельнымъ описаніемъ буквъ и складовъ. М. 1778. 8°.

Татарскія названія волжскихъ рыбъ въ 1769—1770 г. собиралъ нашъ академическій путешественникъ по Россіи, Г. С. Гмелинъ [1]). Онъ же записалъ около полусотни словъ изъ діалекта сибирскихъ татаръ (около Кондомы и Кузнецка) [2]), а также три татарскихъ пѣсни (качинцевъ, тагайцевъ и „чацкую") [3]).

Къ 1785 г. относится составленный подъ надзоромъ епископа нижегородскаго Дамаскина и упоминавшійся уже выше (стр. 420—21):

---

[1]) См. его «Путешествіе по Россіи для изслѣдованія трехъ царствъ природы. Перев. съ нѣм. Часть II (съ начала августа 1769 г. по 5 іюля 1770 г.» Спб. 1783 г. стр. 341. (Нѣмецкое изданіе вышло раньше: 4 тома. Спб. 1771—1786).

[2]) См. его «Reise durch Russland zur Untersuchung der drey Natur-Reiche», т. I. Спб. 1770, стр. 291.

[3]) Тамъ-же, т. III, стр. 370, 522 и 525.

„Словарь языковъ разныхъ народовъ въ Нижегородской епархіи обитающихъ, именно Россіянъ, Татаръ, Чювашей, Мордвы и Черемисъ, по высочайшему соизволенію и повелѣнію Ея Императорскаго Величества премудрой Государыни Екатерины Алексѣевны, императрицы и самодержицы Всероссійской, по алфавиту Россійскихъ словъ расположенный и въ Нижегородской семинаріи отъ знающихъ оныя языки священниковъ и семинаристовъ, подъ присмотромъ преосвященнаго Дамаскина, епископа Нижегородскаго и Алаторскаго, сочиненный 1785-го года“. (имп. Публ. библ. изъ Эрмитажной, № 223; 465 листовъ въ поллиста писчей бумаги). Въ предувѣдомленіи сообщается, что въ 1784 г. разослано было всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ Высочайшее повелѣніе, которымъ предписывалось имъ собрать словари народовъ, обитающихъ въ ихъ епархіяхъ, обозначивъ „по россійски каждое слово, какъ оное произносится“. Оригинальный списокъ этого словаря, долженствовавшаго служить источникомъ для сравнительнаго словаря Екатерины II, былъ оставленъ въ библіотекѣ Нижегородской семинаріи (см. выше, стр. 421),

Въ связи съ сравнительнымъ словаремъ Екатерины II долженъ находиться и принадлежащій нынѣ Имп. публ. библіотекѣ (изъ Эрмитажной, № 217) „Татарскій словарь, въ пользу обучающагося при Казанскихъ гимназіяхъ юношества Татарскому языку сочиненный при оныхъ же гимназіяхъ 1785 г. (въ четвертку писчей бумаги, 2 части въ трехъ переплетахъ: I часть А—К., 1 ненум. + 662 стр. Ч. II: 998 стр. томъ 1-й: Л—П. 638 стр. и томъ 2-й, Р—Я: 639—998 стр.).

Словарь этотъ—русско-татарскій (тат. слова писаны русскими и арабскими буквами) и является наиболѣе обильнымъ изъ инородческихъ рукописныхъ словарей XVIII в., содержа по приблизительному разсчету (15—17 словъ на страницѣ) около 25000 словъ. Нѣкоторыя русскія слова, проставленныя въ русской графѣ, не переведены на татарскій—составитель очевидно затруднился подыскать соотвѣтствующее татарское значеніе, — но ихъ очень не много. Большею частью это иностранныя слова или названія извѣстныхъ культурныхъ понятій, чуждыхъ татарскому народу и вообще мусульманству. Составителемъ словаря былъ очевидно преподаватель татарскаго языка въ первой казанской гимназіи, упомянутый выше (стр. 418—19) Сагитъ Хальфинъ.

Предположеніе это подтверждается наличностью другого списка этого словаря, принадлежащаго Азіатскому музею Имп. академіи наукъ и носящаго имя Сагита Хальфина (Библ. Аз. музея, отд. III, № 18). Въ этомъ спискѣ словарь имѣетъ двѣ части (in 4°): I ч. А—К.

662 стр. (какъ въ спискѣ Публ. библіотеки);—II-я: Л—Я (899 стр.). На спискѣ имѣется надпись рукою академика Френа: „Vocabularium Russo-Tataricum juventuti in Gymnasio Kasanensi linguae Tataricae studiosae composuit a. 1785 Said filius Havani Chalfin Linguae Tataricae quondam in Gymnasio Kasanensi praeceptor atque in rei navalis curia quae Kasani est praeceptor Ismaïl, ejus filius descripsit. De Sergio Ziwotoff, Protoiereo Petropolitano, pro Museo Asiatico Academiae Imp. Scientiarum XX Rubelorum tessera emi a. 1819. Fraehn“. Объемъ этого словаря одинаковъ съ объемомъ списка Публичной библіотеки и составляетъ, по приблизительному разсчету, также около 25000 словъ (отъ 15 до 18 словъ на страницу, коихъ въ обѣихъ частяхъ—1561).

Лексическіе матеріалы по тюркскимъ языкамъ собиралъ также и одинъ изъ нашихъ академическихъ путешественниковъ XVIII в. I. П. Фалькъ, въ описаніи путешествія котораго [1]) мы находимъ сравнительный глоссарій казанскаго-татарскаго, киргизскаго, „бухарскаго“ и калмыцкаго языковъ (т. III, стр. 575—582).

Лексическіе матеріалы по діалекту закавказскихъ адербейджанскихъ татаръ находимъ во второй части описанія путешествія по Россіи и Кавказу академика Гюльденштедта, изданнаго послѣ его смерти П. С. Палласомъ [2]), гдѣ помѣщенъ сравнительный глоссарій персидскаго, курдскаго и языка „казахскихъ“ (т. е. адербейджанскихъ) татаръ (стр. 545—552). Нѣкоторыя замѣчанія о діалектѣ крымскихъ татаръ встрѣчаются у Палласа въ описаніи его путешествія (1793—94 гг.) по южной Россіи [3]). Между прочимъ онъ отмѣчаетъ итальянскія („генуэзскія“) заимствованія въ языкѣ крымскихъ татаръ, хотя и не всегда удачно. Такъ тат. kaimak онъ ведетъ изъ итал. caimacco (слѣдовало бы наоборотъ).

Лексическій матеріалъ по татарскому и чувашскому языкамъ имѣется также въ Миллеровскомъ „Описаніи живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ и т. д.“ Спб. 1791 г. 8°, издан-

[1]) Herrn Johann Peter Falk Professors der Kräuterkunde beim Garten des Russischen Kayserlichen Medizinischen Kollegiums, auch Mitglieds der freyen Oekonomischen Societät in St. Petersburg Beyträge zur Topographischen Kenntniss des Russischen Reichs. Bd. III. Beiträge zur Thierkenntniss und Völkerbeschreibung. St. Petersburg. Gedruckt bei der Kayserl. Akademie der Wissenschaften. 1786. 4°.

[2]) Güldenstädt. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge. Auf Befehl der Russisch-Kayserlichen Akademie der Wissenschaften herausgegeben von P. S. Pallas. Ч. II. Спб. 1791. 4°.

[3]) Pallas. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. 2 т. 4°. Лейпцигъ 1799—1801. См. т. II, стр. 361—363.

номъ академіей наукъ уже послѣ смерти автора, съ рядомъ лингвистическихъ добавленій, которыя были взяты очевидно изъ бумагъ покойнаго ученаго (подробнѣе объ этомъ трудѣ см. ниже). Добавленія эти несомнѣнно основаны на записяхъ, сдѣланныхъ Миллеромъ въ Казанской и другихъ губерніяхъ еще въ 1733 г., во время его путешествія съ Гмелинымъ и Делилемъ де ла Кройеромъ (см. выше, стр. 421).

Цѣлый рядъ лингвистическихъ записей, переводовъ и глоссаріевъ по разнымъ татарскимъ діалектамъ, сдѣланныхъ въ XVIII в., имѣется въ лингвистической коллекціи Аделунга, принадлежащей нынѣ Императ. Публичной библіотекѣ. Лишь немногія изъ этихъ записей имѣютъ дату; большинство же только по внѣшнему виду можетъ быть отнесено ко второй половинѣ и концу XVIII в. Нѣкоторыя изъ нихъ (сравнительно немногія) носятъ на себѣ имя составителей, другія—анонимны. Очевидно изъ нижегородской духовной семинаріи временъ епископа Дамаскина вышли двѣ записи, одна датированная, другая безъ даты, но несомѣнно относящаяся къ тому же времени. Первая представляетъ переводъ Символа вѣры, озаглавленный „На татарскомъ переводѣ" (3 стр. въ четвертку). Татарскій текстъ писанъ здѣсь русскими буквами (съ означеніемъ ударенія) и со слав. текстомъ молитвы en regard. На рукописи стоятъ и имена переводчиковъ: „переводили богословіи и философіи слушатели Семенъ Березовскій и василей Серлянскій". Время полученія рукописи (Палласомъ или Бакмейстеромъ?) обозначено: „получ. Генв. 16 дня 1791 г." Вѣроятность предположенія, что переводчики этого текста были учениками Нижегородской семинаріи, подтверждается другимъ собраніемъ числительныхъ и фразъ на русскомъ и татарскомъ языкахъ, озаглавленнымъ: „Рѣчи для переводу татарскаго языка" (3 съ небольшимъ стр. въ четвертку). Переводъ этого собранія съ русскаго на татарскій сдѣлалъ тотъ же „богословіи и философіи слушатель, Сергачской округи, села Березовки, Діякона Егора Осипова сынъ Семенъ Березовскій". Болѣе подробное обозначеніе мѣсторожденія переводчика (нынѣшній Сергачскій уѣздъ Нижегородской губерніи) указываетъ, что семинарія, въ которой онъ учился вмѣстѣ съ Вас. Серлянскимъ, была по всей вѣроятности—Нижегородская. Время происхожденія послѣдней записи, очевидно, то же, что и у предыдущей. Татарскія слова изображены здѣсь только русскими буквами (безъ удареній).

Прочія записи разныхъ татарскихъ діалектовъ изъ коллекціи Аделунга:

1) „Переводъ Россійскаго Словаря на языки: Качинскія, Кы-

зыльскія, Кайдынскія, Сагайскія и Белтырскія" (15 стр. въ поллиста, скорописью конца XVIII в., тюркскія слова переданы русскими буквами).

2) „Наречіе татарское. Проточенные жъ линіи (?) съ предъидущими линиями татарской діалектъ на россійской переводъ сходственной": русско-татарскій глоссарій (говоръ тобольскихъ и тарскихъ татаръ), заключающій въ себѣ 286 словъ (татарскія изображены арабскими буквами и въ русской транскрипціи) на 14 стр. въ поллиста, почеркомъ конца XVIII в. Въ концѣ подпись: Совѣтникъ Илья Мыльниковъ. Принадлежитъ вѣроятно къ матеріаламъ Бакмейстера или сравнит. словаря Екатерины II.

3) Русско-татарскій глоссарій (тюркскія слова изображены русскими буквами): „По русски, по кангтски, по карагаски или по камасински" (4 стр. въ поллиста, скорописью конца XVIII в.).

4) „Слова взятые изъ уроковъ для переводу Татарскаго языка": русско-татарскія вокабулы, раздѣленныя на 130 уроковъ; татарскій текстъ изображенъ русскими буквами съ обозначеніемъ ударенія. Мѣсто составленія и имя составителя не обозначены, почеркъ второй половины XVIII в. (47 стр. въ четвертку).

5) „Vocabularium der Tartarischen Sprache nach allen ihren Mundarten die in Siberien gebräuchlich sind als 1) Im Werchoturischen und Cathrinburgischen Gebieten..., 2) Um Turinsk und Tiumen aus dem Flusse Tura, 3) Um Tobolsk und Tura am Irtisch. 4) Die Tschazische und Seuchtinische Tataren bey Tomsk, 5) Die Tomskische Tataren..., 6) Teleuten и т. д. [7) Кузнецкіе татары, 8) Кузнецкіе степные татары, 9) Кангаты въ Красноярской области, 10) Бухарцы, 11) Якуты]: латинско-тюркскій глоссарій съ 11-ю значеніями на перечисленныхъ тюркскихъ нарѣчіяхъ (тюркскія слова переданы латинскими буквами), писано во второй половинѣ или концѣ XVIII в. (27 стр. въ большую четвертку).

6) Реестръ Татарскимъ волостямъ Бійскаго и Кузнецкаго уѣздовъ, на діалекты которыхъ переведены нижеписанныя слова, съ показаніемъ гдѣ оныя находятся, такъ же какими буквами въ переводѣ словъ означены (20 стр. въ поллиста, заключающія глоссарій изъ 258 рубрикъ съ большимъ количествомъ матеріала и скрѣпленныя подписью нѣкоего Меккерта, очевидно оффиціальнаго лица, завѣдывавшаго собираніемъ глоссарія). При этой рукописи находится бумага изъ Барнаула (отъ 26 ноября 1785), адресованная на имя не названнаго Сіятельнѣйшаго Графа (Безбородко?), объ исполненіи Высочайшаго повелѣнія, предписывавшаго перевести присланный перечень словъ „на языки разныхъ Колыванскую губ. населяющихъ народовъ". Для этого былъ по-

сланъ „изъ находящихся здѣсь въ штатской службѣ, знающій языки грамматикально, дабы съ большею точностью діалектъ сихъ народовъ изъяснить было можно“. Въ заключеніе говорится, что къ бумагѣ прилагается описаніе только двухъ уѣздовъ, на которое тѣмъ не менѣе было употреблено все лѣтнее время.

Нѣкоторый лексическій матеріалъ по татарскому языку имѣется также въ упоминавшемся уже выше (стр. 410) многоязычномъ калмыцко-армянско-персидско-татарскомъ рукописномъ словарѣ Азіатскаго музея (отд. III. № 36), писанномъ несомнѣнно въ XVIII в. Турецко-татарская азбука содержится также въ одномъ рукописномъ сборникѣ лингвист. матеріаловъ Азіатскаго музея (отд. III, № 34), писанномъ въ концѣ XVIII и нач. XIX вв. рукою академика Іоганна Христіана Гаммеля или его отца.

По чувашскому языку, кромѣ указанныхъ выше (стр. 421—22), работъ Г. Ф. Миллера, и многоязычнаго словаря, составленнаго въ Нижегородской дух. семинаріи подъ надзоромъ епископа Дамаскина, въ XVIII в. было сдѣлано также довольно много.

Еще въ 30-хъ гг. XVIII в. Киріакъ Кондратовичъ, упоминавшійся выше уже нѣсколько разъ, составилъ „чувашско-россійскій лексиконъ“ [1]).

Въ 1756 г. является въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ“, издававшихся академіей наукъ (іюль 33—64, августъ 119—145), „Описаніе трехъ языческихъ народовъ въ казанской губерніи, а именно: черемисовъ, чувашей и вотяковъ“, которое потомъ было перепечатано въ расширенномъ видѣ въ „Sammlung russischer Geschichte“ [2]), а также и отдѣльно по русски въ 1791 г. (см. ниже). Въ названной статьѣ Миллера особое значеніе для насъ имѣетъ глава V „о языкахъ, художествахъ и наукахъ“ названныхъ въ заглавіи народовъ. Авторъ констатируетъ здѣсь родство чувашскаго съ татарскимъ (вѣроятно впервые въ нашей литературѣ), говоритъ о разныхъ діалектахъ чувашъ, живущихъ по Волгѣ выше устья Камы и ниже его, и приводитъ образчики разныхъ чувашскихъ словъ и названій. Въ главѣ XIII-й приводятся главныя собственныя имена чувашъ.

---

[1]) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи Имп. акад. наукъ», т. III, стр. 418, т. IV, стр. 131—32.

[2]) Bd. III. Viertes Stück. 1759 Nachricht von dreyen im Gebiete der Stadt Casan, wohnhaften Heidnischen Völkern, den Tscheremissen, Tschuwaschen, und Wotiaken (стр. 305—412). Къ статьѣ приложены были: «Vocabularium» (Deutsch-tatarisch-tscheremiss.-tschuwasch.-wotiakisch-morduan.-permisch-siriänisch, стр. 382—409) и переводъ Молитвы Господней на черемисскій и чувашскій языки (410—12).

Вѣроятно къ 1769 г. относится первая у насъ печатная грамматика чувашскаго языка, вышедшая безъ обозначенія имени автора, мѣста и времени напечатанія, подъ заглавіемъ: „Сочиненія, принадлежащія къ грамматикѣ Чувашскаго языка" (4°, 68 стр. Библ. Спб. унив. и Имп. публ.). Сопиковъ (№ 3038) приводитъ очевидно эту же книгу съ измѣненнымъ заглавіемъ: „Грамматика чувашскаго языка (Спб. 1775. 4°)" и относитъ къ 1775 г. Онъ дѣлаетъ это, повидимому, на основаніи ея внутренняго и внѣшняго сходства съ черемисской и вотяцкой грамматиками, вышедшими дѣйствительно въ 1775 г. въ Спб. при академіи наукъ, также безъ имени автора (см. ихъ подробныя заглавія ниже). Несмотря на указанное сходство, болѣе вѣроятна принадлежность ея къ 1769 г., какъ это вытекаетъ изъ объявленія о поступленіи въ продажу „новонапечатанной Грамматики Чувашской съ россійскимъ" (ц. 20 к.), которое мы находимъ въ № 41 (22) мая „Санктпетербургскихъ Вѣдомостей" за 1769 г. Составленіе ея такъ же, какъ и только что названной вотяцкой грамматики, приписывается въ нашихъ библіографическихъ пособіяхъ [1]) архіепископу Казанскому Веніамину Пуцеку-Григоровичу (р. 1706 † 1782), но въ печатныхъ біографическихъ свѣдѣніяхъ о названномъ іерархѣ на это нѣтъ, однако, никакихъ указаній [2]). Мнѣніе это не лишено вѣроятія въ виду того, что Веніаминъ дѣйствительно изучилъ инородческіе языки Поволжья съ миссіонерскими цѣлями, обративъ въ христіанство много татаръ, мордвы, черемисъ, чувашъ и вотяковъ еще до конца 40-хъ гг. XVIII в. [3]). Что авторъ названныхъ грамматикъ былъ малороссъ родомъ (какъ и самъ Веніаминъ), указываетъ одна черта примѣненной имъ во всѣхъ трехъ грамматикахъ транскрипціи инородческихъ словъ русскими буквами, а именно употребленіе латинской буквы g вмѣсто русскаго г, для обозначенія звонкаго заднеязычнаго взрыв-

---

[1]) Напр. въ «Систематическомъ и алфавитномъ указателѣ статей, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ Имп. Академіи Наукъ, а также сочиненій, изданныхъ Академіею отдѣльно». Спб. 1875 г. Ч. II стр. 225, или у Межова въ его «Библіографіи Азіи», т. III Спб. 1894, стр. 22 и 117. Источникомъ для Межова служилъ очевидно академич. указатель, въ которомъ черемисская грамматика почему-то пропущена, а двѣ другихъ приписываются Веніамину.

[2]) См. ихъ перечень у Венгерова: «Источники словаря русскихъ писателей», т. I, Спб. 1900. стр. 543.

[3]) См. Миссіонерскій противомусульманскій сборникъ. Труды студентовъ миссіонерскаго противомусульм. отдѣленія при Казанской Духовной Академіи. Вып. V. Казань. 1874. Сочиненіе А. Хрусталева, «Очеркъ распространенія христіанства между иновѣрцами Казанскаго края», стр. 74.

ного. Выборъ латинской буквы очевидно объясняется тѣмъ, что для автора-малоросса русское г было знакомъ звонкаго заднеязычнаго спиранта, который онъ произносилъ почти вездѣ, вмѣсто великорусскаго взрывного.

Какъ болѣе ранняя изъ трехъ названныхъ грамматикъ, чувашская грамматика Веніамина (?) снабжена предисловіемъ, повидимому издателя—не самого автора—въ которомъ излагаются побудительныя причины, вызвавшія появленіе даннаго труда. Въ историческомъ отношеніи оно не лишено интереса. Вотъ его начало: „Когда многіе для разныхъ причинъ желаютъ знать языки не только ближнихъ, но и отдаленныхъ, не только нынѣшнихъ, но и преждебывшихъ народовъ; то кольми паче надлежитъ намъ стараться довольно узнать языки тѣхъ народовъ, которые между нами внутрь предѣловъ единаго отечества обитаютъ, и составляютъ часть общества нашего. Не одно насъ любопытство, но и польза къ тому поощрять должна, которая очевидна всякому, кто съ ними обращается. Сочинитель книги сея похвалу заслуживаетъ тѣмъ больше, что онъ первый подаетъ примѣръ. Нѣтъ сомнѣнія, что и другіе ему станутъ въ семъ дѣлѣ наслѣдовать. Желающимъ трудъ сей на себя принять предлежитъ пространное поле, такъ сказать, ни кѣмъ отъ вѣка еще неоранное“.

Грамматика эта даетъ очеркъ морфологіи чувашскаго языка (склоненіе именъ существительныхъ и прилагательныхъ, числительныхъ и мѣстоименій, спряженіе глаголовъ, о нарѣчіи, междометіи и предлогахъ), вмѣстѣ съ довольно большимъ лексическимъ матеріаломъ. Перечни именъ существительныхъ (стр. 13—34) и прилагательныхъ (стр. 35—39), глаголовъ (стр. 52—62) и нарѣчій (стр. 62—67) и другихъ менѣе многочисленныхъ частей рѣчи замѣняли въ своей совокупности небольшой словарь даннаго языка и давали такимъ образомъ заодно и знакомство съ лексическимъ его запасомъ. Чувашскія слова переданы русскими буквами, причемъ удареніе вездѣ обозначено.

По всей вѣроятности къ 1785 г. нужно отнести анонимный рукописный „Словарь языка Чувашскаго“, поступившій въ Имп. публичную библ. изъ Эрмитажной (№ 222). Внѣшнимъ своимъ видомъ онъ одинаковъ съ цѣлымъ рядомъ другихъ инородческихъ словарей публ. библіотеки, переданныхъ въ нее тоже изъ Эрмитажной, и, повидимому, вмѣстѣ съ ними былъ особо переписанъ для Высочайшаго пользованія при работахъ Императрицы Екатерины II надъ ея сравнительнымъ словаремъ. Это довольно объемистый русско-чувашскій словарь, писанный очень четко и старательно на 68 листахъ въ четвертку писчей бумаги и заклю-

чающій по приблизительному разсчету около 3000 словъ (по 22 слова на страницѣ). Чувашскія слова изображены здѣсь русскими буквами; удареніе вездѣ отмѣчено.

Кромѣ того довольно обильный лексическій матеріалъ по чувашскому языку имѣлся въ упомянутомъ выше (стр. 420 и 426) пятиязычномъ словарѣ инородческихъ языковъ Поволжья, составленномъ въ 1785 подъ руководствомъ епископа Нижегородскаго Дамаскина-Руднева.

Къ концу 80-хъ и началу 90-хъ гг. XVIII в. относится рядъ рукописныхъ переводовъ на чувашскій языкъ и русско-чувашскихъ вокабулъ, возникшихъ при Нижегородской духовной семинаріи и вообще въ Нижегородской эпархіи по почину или подъ надзоромъ епископа Дамаскина и поступившихъ затѣмъ къ Бакмейстеру или Палласу, въ качествѣ матеріаловъ для сравнительнаго словаря Екатерины II. Впослѣдствіи они достались Ѳ. П. Аделунгу и въ настоящее время хранятся вмѣстѣ со всей его коллекціей лингвистическихъ матеріаловъ въ Имп. публ. библіотекѣ Таковы:

1) „Краткій катихизисъ переведенный на Чувашскій языкъ съ наблюденіемъ Россійскаго и Чувашскаго просторѣчія, ради удобнѣйшаго онаго познанія восpріявшихъ Святое крещеніе 1788 года (34 стр. въ четвертку писчей бум.). Въ концѣ приписано: Переводилъ Нижегородской эпархіи Чувашскаго языка Проповѣдникъ Іерей Ермей Рожанскій, природою изъ чювашъ, учившійся въ Семинаріи Нижегородской“.

2) „Рѣчи для переводу на Чувашской языкъ“ (4 стр. въ четвертку писчей бумаги). Въ концѣ приписано: „переводилъ Нижегородской Эпархіи Чувашскаго языка проповѣдникъ Іерей Ермей Рожанскій“. Помѣта (Бакмейстера?): „Reçû avec la lettre de S. E. l'Evêque Damaskin du 12 Décembre 1789“. Собраніе числительныхъ и фразъ, съ чувашскимъ параллельнымъ переводомъ.

3) „Переводъ по чувашски“ (3 стр. in 4°): переводъ 23 фразъ (безъ соотвѣтствующаго русскаго текста). Въ концѣ приписано: „Переводилъ Нижегородской эпархіи чувашскаго языка проповѣдникъ Іерей Ермей Рожанскій“, и имѣется помѣта (на франц. языкѣ) о полученіи этой рукописи, вмѣстѣ съ письмомъ епископа Дамаскина 12 дек. 1789 г.

4) Переводъ молитвъ „Отъ сна воставъ“, „Отходя ко сну“, „Предъ обѣдомъ“, и „Послѣ обѣда“ на чувашскій языкъ (4 стр. въ четвертку). Въ концѣ—приписка: „переводилъ съ Россійскаго на Чувашскій діалектъ Богословіи и Философіи слушатель Григорій Рожанскій (вѣроятно, родственникъ вышеупомянутаго Ермея

Рожанскаго и родомъ также чувашъ)“. На рукописи помѣта о полученіи ея (Бакмейстеромъ?) „генв. 16 дня 1791 г.“.

5) Переводъ „Символа вѣры“ на чувашскій (3 стр. въ четвертку). Имѣется надпись: „переводилъ богословіи и философіи слушатель Іванъ Русановскій“ и помѣта о полученіи 16 янв. 1791 г.

6) Къ этому же времени, очевидно, относятся, судя по именамъ составителей, русско-чувашскія вокабулы: „Слова взятые изъ французскихъ разговоровъ Россійскіе съ Чувашскими расположенные по урокамъ“ (81 стр. въ четвертку). Помѣта: „переводили съ Россійскаго на Чувашскій языкъ богословіи и философіи слушатели Григорій Рожанскій и Иванъ Русановскій“.

Кромѣ того въ собраніи Аделунга имѣется еще одинъ чувашскій переводъ молитвы „Отче нашъ“ (1 стр. въ четвертку), сдѣланный „поэзіи учителемъ Петромъ Тагіевымъ“ и относящійся вѣроятно къ самому концу XVIII в.

По киргизскому языку можно указать на рядъ рукописныхъ матеріаловъ, во главѣ которыхъ долженъ быть поставленъ довольно объемистый русско-киргизскій словарь (84 стр. въ полъ-листа писчей бумаги), входящій въ составъ лингвистической коллекціи Ѳ. П. Аделунга (Имп. публ. библ.) На заглавномъ листѣ подъ картинкой, писанной тушью и изображающей часть киргизскаго становища съ кибитками, скотомъ, утварью и т. п., съ очевиднымъ намѣреніемъ дать возможно полное изображеніе внѣшняго быта киргизовъ, слѣдуетъ заглавіе: „Сей переводъ по алфавиту собранъ стараніемъ генералъ-маіора и кавалера Скалона съ темъ желаніемъ не можно ль иногда изъ оного сочинять россійскими литерами азбуку букварь и другии приличествующии сему народу книшки. Августа 8 числа 1774 году. Сибирской губерни Иртышской линіи въ крепости устькаменогорской“. Въ концѣ рукописи находится титулъ императрицы, переведенный на киргизскій, киргизскіе числительныя фразы и переводъ 10 заповѣдей и молитвы Господней. Составленіе этого словаря, судя по времени его возникновенія, связано съ воззваніемъ Бакмейстера въ 1773 г., приглашавшимъ собирать для него лингвистическіе матеріалы. На рукописи надпись на нѣм. языкѣ, свидѣтельствующая, что она была получена, очевидно, Бакмейстеромъ, вмѣстѣ съ письмомъ пастора Лютера (изъ Омска), 2 ноября 1774 г.

Къ 1778 г. относится небольшое собраніе киргизскихъ именъ числительныхъ, немногихъ другихъ словъ и фразъ (7 стр. въ полълиста), писанныхъ арабскими и русскими буквами съ русскимъ переводомъ. Оно также входитъ въ составъ коллекціи Ѳ. П. Аделунга, къ которому перешло, повидимому, отъ Бакмей-

стера. Въ концѣ рукописи—замѣтка на нѣм. языкѣ, изъ которой видно, что переводъ данныхъ словъ и фразъ на киргизскій языкъ былъ сдѣланъ въ сентябрѣ 1778 г. въ Петербургѣ. Переводчикомъ былъ нѣкто Родіоновъ, пріѣзжавшій тогда въ Петербургъ съ наслѣдникомъ киргизскаго хана Средней орды, природный русскій, попавшій 11-лѣтнимъ мальчикомъ въ Оренбургъ и научившійся тамъ по киргизски.

Кромѣ того въ коллекціи Аделунга имѣется еще аналогичное небольшое собраніе числительныхъ и фразъ (русско-киргизское), полученное, согласно помѣтѣ на немъ (Бакмейстера?), отъ пастора Лютера изъ Омска 20 февр. 1780 г. Оно заключаетъ въ себѣ всего 4 стр. (въ поллиста писч. бумаги). Киргизскія слова изображены въ немъ русскими буквами.

Затѣмъ киргизскія слова находятся также въ собраніи параллельныхъ глоссаріевъ на нѣсколькихъ тюркскихъ діалектахъ, поступившемъ въ коллекцію Аделунга изъ бумагъ Палласа, вѣроятно черезъ посредство того же Бакмейстера. Оно озаглавлено (Бакмейстеромъ?): „Wörter-Sammlung aus der Chiwischen, Bucharischen, Kirgisischen, und Meschtscheräkischen Sprache“ и содержитъ въ себѣ всего 12 стр. съ половиной (въ поллиста). Тюркскія слова изображены русскими буквами (безъ удареній).

Въ лингвистической коллекціи Бакмейстера, доставшейся впослѣдствіи Аделунгу, имѣлся еще большой башкирскій словарь (по словамъ Аделунга [1]): „ein sehr reiches Wörterbuch“), а также списокъ башкирскихъ словъ, доставленный Бакмейстеру Георги. Но эти памятники, существованіе которыхъ засвидѣтельствовано Аделунгомъ въ только что цитированномъ его трудѣ (стр. 31), не дошли до насъ. По крайней мѣрѣ въ составѣ коллекціи Аделунга (въ Имп. публ. библіотекѣ) ихъ въ настоящее время не имѣется.

Мещеряцкое и сартское („хивинское“) нарѣчія представлены въ коллекціи Аделунга цитированнымъ немного выше собраніемъ параллельныхъ тюркскихъ глоссаріевъ, поступившимъ въ нее изъ бумагъ Палласа.

„Бухарскій“ глоссарій, содержащій въ себѣ болѣе 600 словъ, имѣется также въ приложеніи къ книгѣ: „Россійскаго унтеръ-офицера Ефремова, нынѣ Коллежскаго Ассесора Десятилѣтнее странствованіе и приключеніе въ Бухаріи, Хивѣ, Персіи и Индіи, и возвращеніе оттуда чрезъ Англію въ Россію. Писанное имъ самимъ. Въ С.-Петербургѣ печатано съ дозволенія Указнаго у Гека 1786 г.“ Мал. 8°. 224 стр. (Глоссарій занимаетъ стр. 194—224).

[1]) См. его «Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde». Спб. 1815, стр. 31.

28*

Тюркскихъ словъ въ этомъ глоссаріи сравнительно немного. Зато иранскихъ (таджикскихъ и т. д.) гораздо больше, чѣмъ въ обыкновенномъ сартскомъ (напр. Наманганскаго уѣзда); числительныя, нѣкоторыя имена родства (въ родѣ *падаръ*—отецъ и т. д.) здѣсь иранскія. Очевидно Ефремовъ не различалъ разныхъ „бухарскихъ" языковъ другъ отъ друга. Книга Ефремова черезъ нѣсколько лѣтъ вышла 2-мъ, а впослѣдствіи и 3-мъ изданіями [1]). Изъ другихъ тюркскихъ діалектовъ въ XVIII в. обращено было вниманіе и на якутскій. Объ этомъ свидѣтельствуютъ три небольшихъ записи якутскихъ словъ и фразъ, находящихся въ коллекціи Аделунга, въ Имп. Публ. библ.:

1) Собраніе якутскихъ словъ и фразъ (на 9 стр. въ поллиста), составленное для Палласа опекуномъ якутскаго народа дворяниномъ Иваномъ Старостинымъ въ 1773 г.

2) Такое же собраніе (7 стр. въ поллиста), составл. тѣмъ же Старостинымъ.

3) Небольшое собраніе русско-якутскихъ вокабулъ конца XVIII в., озаглавленное „Якутскій переводъ" (6 стр. въ поллиста). Кромѣ того якутскія слова и фразы имѣются еще въ многоязычномъ глоссаріи: „Нарѣчіе по туруханской округѣ" (см. его содержаніе выше, стр. 415, № 9), въ собраніи числит. и фразъ на нѣсколькихъ сибирскихъ инородческихъ языкахъ, присланномъ Бакмейстеру въ 1779 г. отъ Иркутскаго губернатора Клички (см. выше, стр. 414, № 4) и въ латино-тюркскомъ глоссаріи конца XVIII в., цитированномъ выше (стр. 429, № 5). Всѣ три послѣднихъ собранія находятся нынѣ также въ коллекціи лингвистическихъ матеріаловъ Аделунга въ Имп. Публ. библ.

Кромѣ того въ началѣ 90-хъ гг. XVIII в. собираніемъ лексическаго матеріала по разнымъ сибирскимъ языкамъ, въ томъ числѣ и по якутскому, занимался докторъ Робекъ, состоявшій при экспедиціи капитана Биллингса въ Чукотскую землю. Результатомъ этихъ занятій Робека является его „Краткій словарь двѣнадцати

---

[1]) Второе изданіе: «Странствованіе надворнаго совѣтника Ефремова въ Бухаріи, Хивѣ, Персіи и Индіи и возвращеніе оттуда чрезъ Англію въ Россію. Новое исправленное и умноженное изданіе въ Спб. 1794 г. печат. на игжд. И. Б. и прод. по Невск. перспективѣ у Аничкова моста въ домѣ Графа Д. А. Зубова». 8°. 110 стр. (глоссарій занимаетъ стр. 101—110). Третье изданіе: «Странствованіе Филиппа Ефремова въ Киргизской степи, Бухаріи, Хивѣ, Персіи, Тибетѣ и Индіи и возвращеніе его оттуда чрезъ Англію въ Россію. Третіе вновь передѣланное, исправленное и умноженное изданіе. Казань. Въ Унив. Типографіи 1811, 8°. 160 стр. Изд. Магистромъ Истор. наукъ Петромъ Кондыревымъ». Глоссарій расположенъ здѣсь въ алфавитномъ порядкѣ, и для сравненія прибавлены параллельныя татарскія слова (стр. 149—159).

нарѣчій разныхъ народовъ, обитающихъ въ сѣверовост. части Сибири и на Алеутскихъ островахъ", увидавшій, однако, свѣтъ лишь 20 лѣтъ спустя послѣ путешествія Биллингса, въ описаніи послѣдняго, вышедшемъ въ Спб. въ 1811 году: (см. ниже въ обзорѣ исторіи нашего языкознанія въ XIX в.). Якутскій глоссарій имѣется также въ другомъ описаніи экспедиціи Биллингса, изданномъ на англійскомъ языкѣ секретаремъ Биллингса Мартиномъ Зауеромъ въ началѣ XIX вѣка (см. его подробное заглавіе выше, стр. 416, прим. 1). Словарь этотъ находится въ приложеніи къ книгѣ и собранъ самимъ Зауеромъ (см. выше тамъ же).

Менѣе всего занимались у насъ турецкимъ языкомъ, несмотря на его важность для Россіи въ политическомъ отношеніи. Въ концѣ 30-хъ или въ началѣ 40-хъ гг. XVIII в., при татарско-калмыцкой школѣ, открытой Татищевымъ въ Самарѣ, состоялъ ученый ахунъ, знавшій и по турецки (см. выше, стр. 406). Около этого же времени, въ 30-хъ гг. XVIII в. занимался собираніемъ арабскихъ и турецкихъ рукописей адъюнктъ нашей академіи наукъ, профессоръ политики, морали и элоквенціи, впослѣдствіи почетный членъ академіи, Готтлибъ Фр. Вильгельмъ Юнкеръ. Объ этихъ занятіяхъ его мы узнаемъ изъ протокола засѣданія академической конференціи отъ 19 сент. 1737 г. [1]). Тамъ же [2]) находимъ извѣстіе, сообщенное письмомъ Гюльденштедта къ Миллеру, о томъ, что капуцинскій патеръ въ Моздокѣ, P. Agrippin, къ началу 70-хъ гг. XVIII в. составилъ латино-турецкій словарь, который желалъ предоставить академіи для напечатанія за нѣсколько даровыхъ экземпляровъ. Академія въ засѣданіи 14 ноября 1771 г. постановила сообщить Гюльденштедту, чтобы онъ именемъ академіи взялъ у Агриппина рукопись и прислалъ ее съ вѣрной оказіей. При этомъ Агриппину было обѣщано 20 даровыхъ экземпляровъ печатнаго словаря, если академія найдетъ, что рукопись достойна печати. Въ противномъ же случаѣ, академія давала обѣщаніе немедленно отослать ее обратно. Позднѣйшая судьба названнаго рукописнаго словаря намъ не извѣстна. Въ напечатанныхъ пока протоколахъ засѣданій конференціи дальнѣйшихъ свѣдѣній о немъ нѣтъ.

Въ коллекціи Аделунга почти нѣтъ матеріаловъ по турецкому языку, собранныхъ въ Россіи и русскими собирателями, если не считать небольшого текста, озаглавленнаго: „Traduction turque reçûe par Mr. le Conseiller Müller à Moscou" и содержащаго (на

---

[1]) См. Протоколы засѣданій конференціи Имп. акад. наукъ, т. I. 424.
[2]) См. т. III. 40.

2 стр. въ поллиста) турецкій текстъ подлиннымъ письмомъ и въ русской транскрипціи, но, вопреки заглавію, безъ перевода.

Нѣкоторое оживленіе интереса къ названному языку принесла первая война императрицы Екатерины II съ Турціей (1768—1774): вскорѣ послѣ заключенія мира въ Кучукъ-Кайнарджи у насъ является цѣлыхъ два печатныхъ руководства къ изученію турецкаго языка, или лучше сказать два перевода съ одного и того-же французскаго учебника (Гольдермана). Первый переводъ вышелъ въ Петербургѣ и очевидно имѣлъ цѣлью удовлетворить той потребности въ подобномъ руководствѣ, которая ощущалась въ нашихъ военныхъ кругахъ [1]), второй же появился въ Москвѣ и связанъ съ молодымъ Московскимъ университетомъ [2]), причемъ и самая цѣль его появленія, какъ видно изъ предисловія переводчика, студента Московскаго университета, имѣла болѣе обще-научный и культурный характеръ. Примѣры въ обоихъ изданіяхъ напечатаны арабскимъ шрифтомъ.

Наконецъ, небольшое количество турецкихъ словъ находимъ въ параллельномъ русско-турецко-персидско-гилянскомъ глоссаріи (196 словъ), помѣщенномъ во второй половинѣ третьей части описанія путешествія по Россіи академика І. С. Гмелина („Путешествіе по Россіи для изслѣдованія трехъ царствъ природы. Пере-

---

[1]) Турецкая грамматика или краткій и легчайшій способъ къ изученію Турецкаго языка съ собраніемъ имянъ, глаголовъ, нужнѣйшихъ къ познанію рѣчей, и многихъ дружескихъ разговоровъ. Переведена съ Французскаго въ С.-Петербургѣ 1776 года при Артиллерійскомъ и Инженерномъ Шляхетномъ Кадетскомъ корпусѣ. При Имп. Академіи наукъ. 1776 г. 8°. 288 стр. + 7 ненум. (оглавленіе) и 1 таблица алфавита.

[2]) Grammaire Turque ou methode courte et facile pour apprendre la langue Turque avec un recueil des noms, des verbes, et des manieres de parler les plus necessaires à savoir, avec plusieurs dialogues familiers. Турецкая грамматика, или краткой и легкой способъ къ обученію турецкаго языка, съ собраніемъ именъ, глаголовъ и нужнѣйшихъ къ свѣденію рѣчей, такожъ нѣкоторыхъ дружескихъ разговоровъ, переведенная съ франц. языка Императорскаго Моск. Университета студентомъ Рейнголдомъ Габлицлемъ. Въ Москвѣ. При Имп. Моск. Университетѣ. 1777. 8°. 585. Напечатана почему-то на франц. и русскомъ языкахъ, texte en regard. Въ предисловіи переводчикъ говоритъ, что Московскій университетъ, «пользуясь случаемъ заключеннаго съ Оттоманскою Портою преславнаго для Россіи мира, стараніе употребилъ пріобрѣсть полезныя Турецкія книги, по которымъ бы юношеству удобно можно было изучиться оному языку...и...за первую должность... себѣ почелъ, сію Грамматику турецкую на фр. языкѣ написанную, перевесть на Россійскій», исполненіе чего поручилъ ему, Габлицлю, «яко своему питомцу». Примѣры здѣсь печатаны оригинальнымъ арабскимъ шрифтомъ. Руководство содержитъ въ себѣ: грамматику (этимологію и синтаксисъ), словарь, глаголы, употребительнѣйшія изреченія, разговоры.

водъ съ нѣмецкаго. Ч. III, половина 2-я. Спб. 1785, стр. 520—527. Нѣм. изданіе въ 4 томахъ вышло раньше. Спб. 1771—1786). Въ „Сравнительномъ словарѣ“ Екатерины II представлены были слѣдующіе тюркскіе діалекты и языки (приводимъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ другъ за другомъ въ словарѣ): турецкій, казанскихъ татаръ, мещеряцкій, башкирскій, ногайскій, татаръ: казахскихъ (адербейджанскихъ), тобольскихъ, чацкихъ, чулымскихъ, енисейскихъ, кузнецкихъ, барабинскихъ, кангатскій, телеутскій, „бухарскій“, хивинскій, киргизскій, туркменскій („трухменскій“), якутскій и чувашскій (помѣщенный въ перечняхъ словъ раньше перечисленныхъ тюркскихъ діалектовъ и языковъ, вмѣстѣ съ финскими языками, къ которымъ онъ отнесенъ, конечно, неправильно).

Среди лицъ, производившихъ наблюденія надъ тюркскими діалектами, необходимо упомянуть и нашего академика-натуралиста Эрика Лаксмана, который во время своего пребыванія въ Сибири, въ 1788 г. имѣлъ случай наблюдать языкъ такъ назыв. „карагассовъ“ и пришелъ къ иному выводу, чѣмъ Палласъ. Въ то время, какъ послѣдній ученый считалъ его смѣсью самоѣдскаго съ татарскимъ и въ сравнит. словарѣ Екатерины II отвелъ ему мѣсто (подъ именемъ „камашинскаго“), рядомъ съ южно-самоѣдскими языками (койбальскимъ и моторскимъ), Лаксманъ считалъ его чисто тюркскимъ діалектомъ [1]).

Довольно обильна литература, главнымъ образомъ рукописная, по угро-финскимъ языкамъ, возникшая при преемникахъ Петра Великаго. Однимъ изъ самыхъ первыхъ собирателей лингвистическаго матеріала по названнымъ языкамъ былъ у насъ академикъ Г. Ф. Миллеръ, какъ мы отчасти уже имѣли случай видѣть выше. Въ 1733 году онъ отправляетъ изъ своего путешествія въ Правит. Сенатъ „вокабуляріумъ разныхъ иноземческихъ языковъ“ Казанской губ., въ томъ числѣ слѣдующихъ угро-финскихъ: вотяцкаго, черемисскаго и мордовскаго. Къ „вокабуляріуму“ былъ приложенъ и переводъ Молитвы Господней на черемисскомъ (и чувашскомъ) языкахъ [2]). Въ 1734 году Миллеръ отправляетъ по тому же адресу „вокабуляріумъ“ татарскаго и вогульскаго языковъ и переводъ Молитвы Господней на вогульскій же языкъ [3]). Въ 1735 отъ

---

[1]) См. В. Лагусъ, «Эрикъ Лаксманъ. Его жизнь, путешествія, изслѣдованія и переписка. Съ шведскаго перевелъ Э. Паландеръ. Спб. 1890». Изд. Имп. акад. наукъ, стр. 213.

[2]) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи Импер. академіи наукъ», т. VIII. 195.

[3]) Тамъ же, стр. 196.

него получается новый „вокабуляріумъ“ томскихъ татарскихъ діалектовъ, остяцкаго и зырянскаго языковъ [1]).

Въ 30-хъ же годахъ XVIII в. занимался составленіемъ словарей разныхъ угро-финскихъ языковъ нашъ плодовитый переводчикъ и лексикографъ этого времени Киріакъ Кондратовичъ. Изъ его прошенія въ академію наукъ отъ 30 іюня 1737 г. мы узнаемъ, что въ это время у него уже были „собраны“ слѣдующіе лексиконы финскихъ языковъ: „черемишскій, ватяцкій и вагулицкій“ [2]). Изъ другого его прошенія въ академію, отъ 22-го іюня 1739 г., видно, что, кромѣ названныхъ „вогулицко-русскаго“, черемисско-русскаго и вотяцко-русскаго словарей, у него въ то время былъ уже готовъ и остяцко-русскій словарь [3]). При словаряхъ этихъ были и „краткіе разговоры“ [4]). Какъ уже говорилось выше (стр. 423), словари эти въ числѣ другихъ были взяты къ себѣ Татищевымъ [5]). Въ 1745 г. Синодъ требовалъ отъ Татищева словари Кондратовича, побужденный къ тому прошеніемъ ихъ составителя. Татищевъ отвѣчалъ на это требованіе такъ: „...лексикона такого, какъ переводчикъ Кондратовичь доносилъ, я не имѣю: токмо словъ съ небольшимъ 200 написавъ отъ всѣхъ подвластныхъ Россіи языковъ, требовалъ переводу, а именно: изъ Сарматскаго — Финской, Естляндской, Вотяцкой, Вогулицкой, Остяцкой, Черемисской, Мордовской, Чувашской или Болгарской. Токмо не имѣвъ случая достать Самоѣдской, Лапландской и Ливонской. Изъ Татарскихъ: Калмыцкой, Мунгольской, Якутской, Тунгузской, Чегодайской, Болгарской, которой въ Казани и Астрахани употребляютъ, Кабардинской, Кумыцкой, Персидской, Турецкой. А неполучилъ Аварскаго и Тавлинскаго, но сіи, яко и Чувашскій испорченные и смѣшанные изъ Сарматскаго и Татарскаго. За тѣмъ разныхъ — Индійской, Армянской, Жулфимской (діалектъ Джульфы?) и Порачинской да Грузинской. При нѣкоторыхъ тѣхъ народовъ краткое описаніе и разговоры, но все иное не токмо въ порядкѣ не собрано, но и по разнымъ мѣстамъ лежитъ, котораго до возвращенія моего отсюда собрать и тѣмъ Свят. Правит. Сіноду услужить нынѣ не могу“ [6]).

Изъ этого довольно неяснаго и уклончиваго отвѣта Татищева видно, что словари, или точнѣе глоссаріи финскихъ и другихъ

[1]) Тамъ же, стр. 198.
[2]) Тамъ же, т. III, 418.
[3]) Тамъ же, т. IV. 131—132.
[4]) Тамъ же, т. V, стр. 542.
[5]) Тамъ же, т. IV, стр. 385.
[6]) См. Н. Поповъ, «В. Н. Татищевъ и его время». М. 1861, стр. 682—83.

инородческихъ языковъ, составленные Кондратовичемъ, едва-ли могли претендовать на пышное званіе „дикціонеровъ". Дальнѣйшая судьба ихъ неизвѣстна. Повидимому они раздѣлили участь прочихъ книгъ и бумагъ Татищева, ставшихъ жертвой пожара. По всей вѣроятности глоссаріи Кондратовича должны были служить Татищеву источниками для задуманнаго имъ многоязычнаго словаря, рукописный набросокъ котораго хранится и теперь въ рукописномъ отдѣлѣ 1-го отдѣленія библіотеки Имп. академіи наукъ и носитъ заглавіе: „Лексиконъ сочиненный для приписыванія иноязычныхъ словъ обрѣтающихся въ Россіи народовъ для котораго выбраны только такія слова, которыя въ простомъ народѣ употребляемы и т. д." Рукопись неполна и заключаетъ въ себѣ только часть предполагавшагося словаря (А—Покой: 22 листа формата въ поллиста писчей бумаги, шифръ академ. библіотеки 32. 13. 14). „Иноязычныя" слова здѣсь еще не „приписаны". Татищевъ, очевидно, предполагалъ это сдѣлать, но не имѣлъ достаточно досуга для данной работы [1]).

Извѣстное количество лингвистическаго матеріала по разнымъ восточнымъ финскимъ языкамъ имѣется въ статьѣ Г. Ф. Миллера: „Описаніе трехъ языческихъ народовъ въ Казанской губерніи, а именно: черемисовъ, чувашей и вотяковъ", напечатанной въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ" 1756 г. (іюль 33—64, августъ 119—145). Вопросамъ языкознанія посвящена именно V-я глава этой статьи (стр. 53—60): „О языкахъ, художествахъ и наукахъ" названныхъ народовъ. Здѣсь констатируется сходство вотяцкаго съ черемисскимъ и пермскимъ, указываются главные діалекты луговыхъ и горныхъ черемисъ, верхнихъ и нижнихъ вотяковъ, приводятся разныя слова и названія на ихъ языкахъ и т. д. Въ VIII главѣ перечисляются главныя черемисскія и вотскія собственныя имена. Статья эта была перепечатана (съ приложеніемъ сравнительнаго глоссарія на нѣм., тат., черем., чувашск., вотяцк., мордовск., пермяцк. и зырянскомъ языкахъ и переводовъ молитвы Господней на черемисскій и чувашскій языки) въ „Sammlung russischer Geschichte" (см. выше, стр. 430, прим. 2) и потомъ, уже послѣ смерти Миллера, издана академіей съ такими же лингвистическими приложеніями, подъ заглавіемъ: „Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ, яко то Черемисъ, Чувашъ и Вотяковъ; съ приложеніемъ многочисленныхъ словъ на семи языкахъ, какъ-то на Казанско-Татарскомъ, Черемисскомъ,

---

[1]) См. объ этомъ словарѣ (съ большими выдержками изъ него): Н. Поповъ, «В. Н. Татищевъ и его время». М. 1861, стр. 583—85.

Чувашск., Вотяцк., Мордовск., Пермск. и Зырянскомъ, и приобщеннымъ переводомъ *Отче Нашъ* на Черем. и Чув. яз. (Соч. по возвращеніи его въ 1743 г. изъ Камчатской экспедиціи). Въ Спб. Иждивеніемъ Имп. Акад. Наукъ. 1791". 8°. 4 ненум. листа, 99+2 стр. (8 листовъ съ гравюрами).

Сопоставленіями словъ изъ разныхъ финскихъ языковъ занимается и академикъ Фишеръ во введеніи къ своей „Sibirische Geschichte" (т. I. Спб. 1768), гдѣ находимъ, напр., слово „Богъ" и 12 числительныхъ на венгерскомъ, вогульскомъ, иртышско-остяцкомъ, вотяцкомъ, черемисскомъ и финскомъ языкахъ (стр. 133); ниже (стр. 162—65) приводятся 24 слова на венгерскомъ, вогульскомъ, иртышско-остяцкомъ, пермяцкомъ, вотяцкомъ, мордовскомъ и финскомъ языкахъ. Слова эти составляютъ только небольшую часть лексическаго матеріала, собраннаго имъ въ Сибири по инородческимъ языкамъ и доставшагося Геттингенскому историческому институту (см. выше, стр. 220). На основаніи своихъ сопоставленій Фишеръ утверждалъ (вполнѣ правильно), что венгерскій языкъ долженъ находиться въ родствѣ съ чудскими, т. е. финскими языками: „Ich halte nicht dafür, dass jemand die abstammung der Tschudischen sprachen von einer allgemeinen mutter (съ венгерскимъ) in zweifel ziehen wird (стр. 166)". Послѣ ряда лингвистическихъ сближеній онъ говоритъ (стр. 171): „Hieraus erhellet nun die übereinstimmung der Tschudischen, Tatarischen (!) und Üschtäkischen sprachen mit der Ungrischen". Сходство это „gehet durch die ganze Sprache" и потому не можетъ быть случайно, напротивъ доказываетъ коренное родство названныхъ языковъ между собою. Не лишены интереса и заключительныя слова его введенія, свидѣтельствующія объ рѣдкой для того времени осторожности (стр. 174): Bei dem allen gebe ich gerne zu, dass die etymologie für sich allein nicht zureicht, die verwandtschaft der sprachen auszumachen; wenn sie aber von der geographie und der historie der alten und mitlern zeiten, wie auch von den gemeinschaftlichen sitten und gewohnheiten der völker unterstützt wird, so kann mann, meines erachtens einen gegründeten schluss von einem auf das andere machen".

Въ концѣ 70 и началѣ 80-хъ гг. XVIII в. дѣлалъ наблюденія надъ финскими языками (около Вологды и Галича) академикъ Эрикъ Лаксманъ, путешествовавшій въ 1779 г. по озерному краю. Въ письмѣ своемъ къ архіепископу Меннандеру онъ указываетъ на близкое родство языковъ: вотскаго, чувашскаго (?!), черемисскаго, вогульскаго, остяцкаго и финнскаго, отзываясь при этомъ неодобрительно о печатныхъ грамматикахъ вотяцкаго и чуваш-

скаго языковъ, вышедшихъ „незадолго передъ этимъ“ (въ 1775 и 1769 гг.). По его словамъ, онѣ составлены „согласно съ русскимъ языкомъ“, и „финнъ открылъ бы больше внутренняго сходства“ между этими языками, чего совсѣмъ не сдѣлалъ русскій ихъ авторъ [1]).

Наконецъ извѣстное количество лексическаго матеріала находимъ у другого академическаго путешественника XVIII в., І. П. Фалька. Въ III томѣ описанія его путешествія по Россіи („Herrn Johann Peter Falk Professor der Kräuterkunde beym Garten des Russisch-Kayserlich. Medizinischen Kollegiums, auch Mitglieds der freyen Oekonomischen Societät in S.-Petersburg Beyträge zur Topographischen Kenntniss des Russichen Reichs. T. III. Beyträge zur Thierkenntniss und Völkerbeschreibung. Спб. 1786. 4°. Sechste Abtheilung: Beyträge zur Kenntniss der Nazionen Russlands, стр. 453—582) находимъ названія остяцкихъ мѣсяцевъ (стр. 465) и сравнительный глоссарій остяцкаго съ черемисскимъ, финскимъ и вотяцкимъ (стр. 467—471).

Большая часть работъ по угро-финскимъ языкамъ падаетъ на вторую половину XVIII в. и особенно на послѣднюю его четверть. Такъ работы по изученію мордовскаго языка не восходятъ далѣе 1785 г. [2]) Къ этому именно времени вѣроятно относится русско-мордовскій словарь 2-й половины XVIII в., принадлежащій Имп. публ. библіотекѣ (поступилъ изъ Эрмитажной, № 220). По своему внѣшнему виду онъ одинаковъ съ упоминавшимися выше (стр. 410 и 432) калмыцкимъ и чувашскимъ словарями. Онъ довольно обиленъ матеріаломъ (около 20 словъ на страницу, при объемѣ въ 65 листовъ въ четвертку, что̀ составляетъ около $2^1/_2$ тысячъ словъ) и вѣроятно, какъ и названные выше словари, служилъ источникомъ для сравнительнаго словаря Екатерины II. Мордовскія слова изображены въ немъ русскими буквами съ обозначеніемъ удареній. Кромѣ того довольно богатый запасъ лексическаго матеріала по мордовскому языку содержитъ упомянутый уже выше (стр. 420 и 426)

---

[1]) См. В. Лагусъ. Эрикъ Лаксманъ. Его жизнь, путешествія, изслѣдованія и переписка. Со шведскаго перевелъ Э. Паландеръ. Изд. Имп. акад. наукъ. Спб. 1890, стр. 341—42.

[2]) Сдѣланное до этого времени совсѣмъ незначительно. Такъ въ VII т. «Sammlung Russischer Geschichte» (erstes und zweites Stück. 1762) академикъ Миллеръ напечаталъ «Auszug aus D. Gottlob Schobers bisher noch ungedruckten Werke: Memorabilia Russico-Asiatica», въ которомъ (стр. 44) приводятся мордовскія числительныя (10).

Въ «Sibirische Geschichte» академика Фишера (ч. I, введеніе, стр. 162—65) также приводится небольшое число мордовскихъ словъ (всего 24), параллельно съ примѣрами изъ другихъ финскихъ языковъ

пятиязычный словарь инородческихъ языковъ Поволжья, составленный въ 1785 г. при Нижегородской семинаріи подъ надзоромъ епископа Дамаскина.

Нѣсколько матеріаловъ по мордовскому языку, восходящихъ къ XVIII в., представляетъ и коллекція лингвистическихъ записей Аделунга, составляющая нынѣ собственность Имп. публ. библіотеки. Здѣсь находимъ рядъ переводовъ на мордовскій и собраній лексическаго матеріала. Всѣ эти рукописные матеріалы возникли при Нижегородской духовной семинаріи, очевидно, благодаря помянутому выше почину епископа Дамаскина. Сюда относятся:

1) „Краткій катихисисъ переведенный на мордовскій языкъ съ наблюденіемъ россійскаго и мордовскаго просторѣчія, ради удобнѣйшаго онаго познанія воспріявшихъ святое крещеніе. 1788-го года (33 стр. 4°)". Русскій текстъ и мордовскій (въ русской транскрипціи, съ обозначеніемъ ударенія) стоятъ здѣсь рядомъ. Въ концѣ надпись: „переводилъ на мордовской языкъ Нижегородской семинаріи богословіи слушатель Иванъ Тиховъ, природой изъ мордвы".

2) Къ этому же времени относится собраніе числительныхъ и фразъ съ переводомъ на мордовскій, озаглавленное: „Рѣчи для переводу на мордовской языкъ" (4 стр. in 4°). Въ концѣ находится приписка: „переводилъ нижегородской семинаріи богословіи и философіи слушатель Іванъ Тиховъ". Рукопись эта очевидно одного времени съ только что приведеннымъ катихизисомъ (№ 1), который былъ переведенъ тѣмъ же Иваномъ Тиховымъ. На послѣдней (чистой) страничкѣ рукописи имѣется помѣта на франц. языкѣ о полученіи ея (Бакмейстеромъ) 12 декабря 1789 г., вмѣстѣ съ письмомъ епископа Дамаскина.

3) „Священная исторія краткими вопросами и отвѣтами сочиненная и переведенная на мордовской языкъ 1790 г., марта 14 дня (85 стр. in 4°)". Въ концѣ надпись: „переводилъ богословіи и философіи слушатель Семенъ Березовскій" [1]).

4) Переводъ „Символа вѣры" на мордовскій: „На мордовскомъ переводѣ" (2 стр. in 4° на церковносл. и мордовскомъ языкахъ). Въ концѣ—надпись: „перевелъ риторики ученикъ григорій нововеровъ". Рукою Бакмейстера (?) сдѣлана помѣта о полученіи рукописи „генваря 16 дня 1791 г." [2]).

---

[1]) Семенъ Березовскій—вѣроятно воспитанникъ Нижегородской семинаріи, какъ это видно изъ надписи на другой его работѣ (см. выше, стр. 428).

[2]) Дата полученія этого текста одинакова съ аналогичной датой нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ лингвистическихъ матеріаловъ, присланныхъ не-

5) Собраніе русско-мордовскихъ вокабулъ, раздѣленное на 130 уроковъ: „Слова взятые изъ разговоровъ для переводу на мордовской языкъ“ (72 стр. in 4°). Въ концѣ—надпись: „переводилъ съ россійскаго на мордовской языкъ богословіи и философіи слушатель григорій симилейскій“.

6) Второй переводъ Символа вѣры, озаглавленный: „Символъ вѣры переведенъ на мордовской языкъ (3 стр. въ четвертку на церковно-славянскомъ и мордовскомъ языкахъ)“. Въ концѣ ея надпись: „Переводилъ богословіи и философіи Слушатель Григорій Симилейскій“. Обѣ послѣднія рукописи конца XVIII в. и вѣроятно ведутъ свое происхожденіе также изъ Нижегородской семинаріи.

По черемисскому языку во второй четверти XVIII в. имѣлись только рукописныя собранія преимущественно лексическаго матеріала Миллера (см. выше, стр. 439) и Кондратовича (см. выше, стр. 440). Въ началѣ второй половины XVIII в. является печатная статья Миллера же „Описаніе трехъ языческихъ народовъ въ Казанской губерніи, а именно черемисовъ, чувашей и вотяковъ“, напечатанная въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ“ за 1756 г. (іюль, стр. 33—64, августъ, стр. 119—145). Свѣдѣнія о черемисскомъ языкѣ здѣсь, впрочемъ, довольно скудны и заключаются лишь въ главѣ V-й „о языкахъ, художествахъ и наукахъ“ названныхъ народовъ (стр. 53—60). Здѣсь указывается на сходство черемисскаго съ вотяцкимъ и пермскимъ, говорится о двухъ нарѣчіяхъ черемисъ, нагорныхъ и луговыхъ, и приводятся примѣры разныхъ словъ, географическихъ названій и т. п. Въ главѣ VIII перечисляются главныя собственныя имена черемисовъ.

Въ нѣмецкомъ изданіи этой статьи („Sammlung russischer Geschichte, т. III. Viertes Stück. Спб. 1759) находится уже сравнительный словарикъ разныхъ инородческихъ языковъ, въ томъ числѣ и черемисскаго (стр. 382—409), а также переводъ на него молитвы Господней (стр. 410).

Десять черемисскихъ словъ приводятся въ изданномъ Г. Ф. Миллеромъ „Auzug aus D. Gottlob Schobers bisher noch ungedrucktem Werke: Memorabilia Russico-Asiatica“ (см. „Sammlung russischer Geschichte“, т. VII. erstes und zweites Stück. Спб. 1762, стр. 47).

Небольшое количество словъ (12 числительныхъ, слово „Богъ“ и 24 другихъ слова) приводитъ также академикъ Фишеръ

сомнѣнно изъ Нижегородской епархіи (см. напр. стр. 433—4, № 4 и 5), а потому надо думать, что и данный переводъ сдѣланъ въ Нижегородской духовной семинаріи.

(введеніе къ его „Sibirische Geschichte“, т. I. Спб. 1768, стр. 133, 162—65). Лексическій матеріалъ по черемисскому языку долженъ также находиться въ его матеріалахъ для словаря сибирскихъ инородческихъ языковъ, пожертвованныхъ имъ Геттингенскому историческому институту (см. выше, стр. 220).

Къ началу 70-хъ гг. XVIII в. вѣроятно относится рукописное собраніе словъ на черемисскомъ, вотяцкомъ и пермяцкомъ языкахъ, находящееся въ составѣ лингвистической коллекціи Аделунга (нынѣ въ Имп. публ. библ.) и помѣченное: „Aus Pallas Papieren“. Оно озаглавлено по нѣмецки: „Wörter Sammlung der Tscheremissischen und Wotjakischen Sprache aus dem Krasnoufimskischen Gebiet und der Permischen Sprache, aus dem Tscherdenzkischen Kreise (Чердынскій у.?)“. Собраніе это содержитъ въ себѣ 286 русскихъ словъ, переведенныхъ на упомянутые въ заглавіи языки (12 стр. формата въ поллиста писчей бумаги). Инородческія слова изображены русскими буквами.

Въ 1775 г. является первая у насъ печатная грамматика черемисскаго языка, составленная неизвѣстнымъ авторомъ: „Сочиненія, принадлежащія къ Грамматикѣ Черемисскаго языка. Спб. при Имп. Акад. Наукъ“. 4°. 2 ненум. + 136 нум. стр. (Библ. Спб. Унив. и Имп. Публ.). Составленіе этой грамматики такъ же, какъ и одновременно съ нею вышедшей, тоже анонимной вотяцкой грамматики (подробное заглавіе ея см. ниже), приписываемой архіепископу Казанскому Веніамину Пуцеку-Григоровичу (р. 1706 † 1782), должно быть также приписано названному іерарху, чего впрочемъ цитированныя выше (стр. 431, прим. 1) библіографическія пособія не дѣлаютъ.

Вѣроятности этого мнѣнія мы уже касались выше (стр. 431), когда шла рѣчь объ аналогичной грамматикѣ чувашскаго языка. Планъ и общій характеръ данной грамматики почти таковъ же, какъ у болѣе ранней чувашской, и совершенно подобенъ вотяцкой. И здѣсь встрѣчаемъ стремленіе соединить картину формальнаго строя языка съ представленіемъ его лексическаго запаса. Сначала слѣдуетъ отдѣлъ „О имени“ (стр. 1—45), въ которомъ находимъ перечень именъ прилагательныхъ, занимающій 2 страницы; затѣмъ идетъ глава о числительныхъ съ перечнемъ ихъ (стр. 46—48) и отдѣлъ о мѣстоименіяхъ (стр. 48—54). Послѣ грамматика прерывается, и слѣдуютъ черемисско-русскія вокабулы (стр. 54—72), раздѣленныя на 15 главъ (о человѣкѣ, членахъ человѣческихъ, землѣ, земледѣліи, овощахъ, пищѣ, древахъ, ползающихъ, птицахъ, пчелахъ, звѣряхъ, скотѣ, домѣ, водѣ и рыбѣ). За вокабулами опять слѣдуетъ глава о глаголѣ (о родѣ или залогѣ, наклоненіи, вре-

менахъ), образцы спряженія и перечень глаголовъ (стр. 124—131). Въ концѣ книги находимъ главы о предлогѣ и нарѣчіи (перечень послѣднихъ на стр. 131—135), о союзахъ и междометіи. Черемисскія слова изображены русскими буквами, причемъ для взрывнаго *г* употребленъ знакъ латинск. *g*, какъ въ выше разсмотрѣнной анонимной чувашской грамматикѣ 1769 г. Удареніе также обозначено.

Вѣроятно ко времени около 1785 г. относится рукописный „Словарь языка Черемискаго", принадлежащій Импер. Публ. библіотекѣ, куда онъ поступилъ изъ Эрмитажной (№ 216). Онъ принадлежитъ къ той же серіи одинаковыхъ по внѣшнему виду инородческихъ словарей, нѣкоторые представители которой уже упоминались выше, и вѣроятно, долженъ былъ служить матеріаломъ для сравнит. словаря Екатерины II. Онъ довольно богатъ по своему объему (около 3000 словъ, считая по 21 слову на страницу, при 73 листахъ формата in 4°). Словарь этотъ—русско-черемисскій, и черемисскія слова въ немъ изображаются русскими буквами, причемъ удареніе всегда обозначается.

Къ тому-же времени вѣроятно относится другой подобный-же русско-черемисскій словарь Имп. Публ. библіотеки, поступившій въ нее также изъ Эрмитажной (№ 218). Онъ озаглавленъ „Словарь Черемисскаго языка съ россійскимъ переводомъ" и заключаетъ въ себѣ 246 листовъ, формата въ поллиста писчей бумаги. По своему объему онъ еще богаче только что упомянутаго словаря и содержитъ въ себѣ по приблизительному разсчету (по 13 словъ на страницу—обычное число въ данной рукописи) около 6000 словъ. Черемисскія слова и здѣсь изображены русскими буквами, причемъ удареніе вездѣ обозначено. И этотъ словарь вѣроятно долженъ былъ находиться въ связи съ сравнит. словаремъ Екатерины II.

Кромѣ того довольно большое количество лексическаго матеріала по черемисскому языку имѣется въ упоминавшемся уже выше (стр. 420 и 426) пятиязычномъ словарѣ инородческихъ языковъ Поволжья, составленномъ въ 1785 г. подъ руководствомъ Нижегородскаго епископа Дамаскина-Руднева.

Извѣстное количество черемисскихъ словъ находимъ также въ описаніи путешествія по Россіи Фалька (см. выше, стр. 443) въ его сравнительномъ глоссаріи нѣсколькихъ финскихъ языковъ.

Лингвистическій матеріалъ по черемисскому языку имѣется и въ цитированномъ не разъ выше посмертномъ трудѣ Г. Ф. Миллера: „Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ" и т. д. (Спб. 1791 г.).

Матеріалы по вотяцкому языку во второй четверти XVIII в. собирали тѣ-же Г. Ф. Миллеръ и Киріакъ Кондратовичъ, упоминавшіеся выше (см. стр.439—40). Кромѣ рукописныхъ „вокабуляріумовъ" и „дикціонеровъ", собранныхъ названными дѣятелями, лексическіе матеріалы по вотяцкому языку имѣются также въ упомянутыхъ выше печатной статьѣ Миллера въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ" 1756 г. (іюль, августъ) и ея позднѣйшемъ, умноженномъ изданіи 1791 г. (см. выше стр. 441—42).

Въ лингвистической коллекціи Аделунга, принадлежащей Имп. публ. библіотекѣ, работъ по вотяцкому языку почти не встрѣчаемъ если не считать небольшого собранія словъ (числомъ 285) изъ нѣсколькихъ финскихъ языковъ нашего уральскаго края, озаглавленнаго „Wörter-Sammlung der Tscheremissischen und Wotjäkischen Sprache aus dem Krasnoufimskischen Gebiet und der Permischen Sprache, aus dem Tscherdenzkischen Kreise". Рукопись эта (12 стр. въ поллиста) происходитъ изъ бумагъ Палласа и т. о. относится вѣроятно къ началу 70-хъ гг. XVIII в., когда Палласъ собиралъ образцы языковъ для Бакмейстера (см. выше, стр. 223). Вотяцкія слова изображены здѣсь русскими буквами, въ первой графѣ стоитъ русское значеніе, а затѣмъ слѣдуютъ инородческія слова.

Важнѣйшимъ явленіемъ въ области литературы XVIII в., посвященной изученію вотяцкаго языка, слѣдуетъ, конечно, признать первую печатную его грамматику, вышедшую въ 1775 г. подъ заглавіемъ: „Сочиненія, принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Спб. При Имп. Академіи наукъ" (4°. 1 нен. листъ + 113 нум. стр. Имп. публ. библ.). Составленіе ея такъ-же, какъ и подобной ей первой печатной грамматики чувашскаго языка (см. выше, стр. 431), приписывается Веніамину Пуцеку-Григоровичу, архіепископу казанскому. Расположеніе матеріала въ ней совершенно одинаково съ современной ей черемисской грамматикой 1775 г., разсмотрѣнной выше (стр. 446). Транскрипція вотяцкихъ словъ русскими буквами также вполнѣ тожественна съ транскрипціей, примѣненной въ чувашской грамматикѣ 1769 г. и только что названной черемисской 1775. И здѣсь также, вмѣсто русскаго *г*, употребляется латинское g, для обозначенія заднеязычнаго звонкаго взрывного, что́ указываетъ на малорусское происхожденіе составителя грамматики. Такъ-же, какъ въ чувашской и черемисской грамматикахъ 1769 и 1775 гг., и здѣсь составитель стремился дать не только изображеніе формальнаго строя избраннаго имъ языка, но и его лексическаго состава. Этимъ объясняется присутствіе въ ней длинныхъ перечней словъ по разнымъ частямъ рѣчи, перечней, которые имѣли цѣлью дать нѣкоторый сур-

рогатъ краткаго словаря наиболѣе употребительныхъ словъ вотяцкаго языка. Въ началѣ грамматики находимъ главу о склоненіи, съ парадигмами его (стр. 1—13). За нею, какъ въ черемисской грамматикѣ (см. выше, стр. 446), слѣдуетъ перечень вотяцкихъ именъ существительныхъ съ русскимъ переводомъ, размѣщенныхъ въ видѣ вокабулъ по отдѣльнымъ главамъ (о человѣкѣ, о членахъ человѣческихъ, о землѣ, земледѣліи, пищѣ, питіи, древахъ, ползающихъ, летающихъ птицахъ, пчелахъ, звѣряхъ, скотѣ, домѣ и вещахъ, водѣ, рыбѣ). Перечень этотъ занимаетъ стр. 13—36. За нимъ слѣдуютъ отдѣлы: объ именахъ прилагательныхъ (съ перечнемъ ихъ на стр. 36—40), объ именахъ числительныхъ (перечень, стр. 40—41), о склоненіи мѣстоименій (стр. 41—46) и спряженіе глаголовъ (стр. 47—97). Дальше находимъ опять перечень глаголовъ (стр. 97—108), за которымъ слѣдуютъ главы: о нарѣчіи (перечень нарѣчій: стр. 108—112), о междометіи и предлогѣ (112—113), также съ небольшими перечнями. Вотяцкія формы вездѣ переданы русскими буквами съ обозначеніемъ ударенія.

Кромѣ только что указанныхъ работъ, мы имѣемъ еще два рукописныхъ, довольно объемистыхъ труда, посвященныхъ вотяцкому языку. Первый изъ нихъ—русско-вотяцкій словарь—находится въ Имп. публ. библіотекѣ, въ которую онъ поступилъ изъ Эрмитажной библіотеки (№ 219). Словарь этотъ тожественъ во внѣшнемъ отношеніи съ упоминавшимися уже выше словарями калмыцкимъ, чувашскимъ и черемисскимъ (№№ 216, 221, 222; см. выше, стр. 410, 432, 447) и писанъ одинаковымъ съ ними почеркомъ и на одинаковой бумагѣ. Подобно имъ, онъ вѣроятно относится къ 1785 г., когда, по Высочайшему повелѣнію, въ разныхъ мѣстахъ Россіи явился рядъ словарей, долженствовавшихъ служить матеріалами для сравнительнаго словаря Екатерины II. Онъ озаглавленъ „Словарь языка Вотскаго“ и содержитъ, по приблизительному разсчету, болѣе 2800 словъ на 78 листахъ in 4° (считая по 19 словъ на страницу). Вотяцкія слова изображены русскими буквами, съ обозначеніемъ ударенія.

Вѣроятно около этого же времени возникла интересная рукописная вотяцкая грамматика, принадлежащая теперь библіотекѣ Имп. академіи наукъ и хранящаяся въ рукописномъ отдѣлѣ I-го отдѣленія названной библіотеки (шифръ: 32. 3. 7.), Она озаглавлена: „Краткой Отяцкія грамматики опытъ“ и писана на 56 л. in 4°. На оборотѣ заглавнаго листа—надпись: „принадлежитъ къ числу книгъ библіотеки семинаріи вятской яко истинный плодъ семинаріи воспитанника вотяцкихъ новокрещенныхъ училищъ села Упану священника Михаила Могилина“. Внизу этой замѣтки, под-

пись игумена Адама Крестовоздвиженскаго, профессора философіи и префекта вятской семинаріи, отъ 21 окт. 1786 г., опредѣляющая время поступленія данной рукописи въ библіотеку вятской семинаріи. Трудъ этотъ посвященъ архіепископу вятскому Лаврентію, и въ немъ упоминается латинская грамматика В. Лебедева, вышедшая въ 1762 г., которой составитель пользовался, какъ пособіемъ для построенія грамматической системы своего труда. Такимъ образомъ, время возникновенія ея нужно помѣстить между 1762 и 1786 гг. и, вѣроятнѣе всего ближе къ послѣднему изъ приведенныхъ годовъ. Возможно, что побудительной причиной составленія разсматриваемой грамматики былъ тотъ Высочайшій указъ провинціальнымъ архіереямъ 1784 г., который вызвалъ словарь Дамаскина (см. выше, стр. 426) и рядъ другихъ инородческихъ словарей. Грамматикѣ предпослано обращеніе къ читателю, характеризующее взгляды самого автора ея, происходившаго, очевидно, изъ вотяковъ, и интересное, какъ проблескъ научныхъ интересовъ въ дикой глуши далекаго полуязыческаго вотскаго края.

Авторъ сразу указываетъ на чисто научную цѣль своего труда: „причина сего малаго предпріятія не инная какая, какъ толко чтобы извѣстнаго въ свѣтѣ отяцкаго народа неизвѣстный языкъ ученому свѣту былъ извѣстенъ; чтобъ любопытству позднѣйшихъ потомковъ древность осталась соблюденною, чтобъ увидѣлъ свѣтъ, какими пространное Россійское Государство наполнено народами, чтобъ любопытные трудолюбцы видѣли сколь много еще ихъ разуму и любопытству предлежитъ предмѣтовъ“. Далѣе онъ выясняетъ пользу „отъ изданія въ свѣтъ не только просвѣщенныхъ, но и варварскихъ языковъ“: „чрезъ то умножаются науки, исторія и древность все скрывающая не исчезаетъ, политическіе правительствъ дѣла съ лутчимъ производятся успѣхомъ, а между тѣмъ невѣжество и варварство исчезаетъ“. Авторъ спрашиваетъ затѣмъ: „гдѣ жъ тѣхъ безчисленныхъ языковъ множества, которыя возникли при столпотвореніи вавилонскомъ: древность и время все пожирающее въ себѣ сокрыли, а которые языки намъ нынѣ извѣстны, то не почему иному, какъ толко что жившіе въ свое время разумные люди насъ тѣмъ сокровищемъ одаря вѣчно одолжили.... Издаются безчисленные разные сочиненія на разныхъ языкахъ, какъ напр. на францускомъ и со удоволствіемъ принимаются. Здѣсь же не иное что, какъ едны толко языка черты и выраженія цѣлаго народа изображаются, и какъ ихъ надлежитъ произносить представляется кратко... Не сумнѣваюсь что отъ разумныхъ людей не былъ благосклонно принятъ въ нѣкоторомъ порядкѣ представляемый языкъ такого народа, которой внутри

общества нашего и государства обитаетъ и издревле Россійской державѣ вѣрноподданный, по христіанству благословенный, по простотѣ своей и трудолюбію благополучный, и здравый, отъ хищничества, отъ лукавства, отъ гордости, отъ честолюбія отдаленный, достойный всякой любви и призрѣнія". Кромѣ научныхъ цѣлей, авторомъ руководилъ и патріотическій долгъ, побуждавшій его сохранить позднѣйшимъ потомствамъ вотяцкаго народа его сѣдую древность, чтобы она впослѣдствіи была имъ понятна, благодаря знанію древного языка.

Не лишена интереса и дальнѣйшая судьба этой рукописи, живо иллюстрирующая отношеніе окружающей среды къ подобнымъ рѣдкимъ проблескамъ научной мысли, тамъ и сямъ загоравшимся въ безпросвѣтной тьмѣ нашего вѣковаго невѣжества, не разсѣянной и понынѣ. Какъ видно изъ надписи на рукописи, она была куплена въ 1864 г. на толкучемъ рынкѣ въ Казани, вмѣстѣ съ другими рукописями, уже изорванными, извѣстнымъ профессоромъ тамошняго университета В. И. Григоровичемъ, и отъ него уже пріобрѣтена академіей, согласно отзыву академика Видемана. Была-ли эта рукопись похищена изъ библіотеки вятской семинаріи или выкинута, какъ ненужный хламъ, во всякомъ случаѣ характерно для исторіи нашего просвѣщенія, что только счастливая случайность сохранила потомству имя безвѣстнаго священника Михаила Могилина, въ душѣ котораго теплился огонекъ безкорыстнаго научнаго интереса, очевидно, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ окружавшей его общественной среды.

Въ связи съ сравнительнымъ словаремъ Екатерины II находится нѣсколько рукописныхъ вотяцкихъ глоссаріевъ изъ бумагъ Палласа, хранящихся во II отдѣленіи библіотеки академіи наукъ, въ составѣ коллекціи лингвистическихъ матеріаловъ покойнаго академика Шёгрена [1]). Таковъ:

1) вотяцкій „вокабулярій", заключающій въ себѣ 284 разныхъ словъ и числительныхъ (тѣ же, что въ словарѣ Екатерины II) и обнимающій 4 стр. въ поллиста (см. рукописный каталогъ коллекціи Шёгрена, составленный Лерхомъ и принадлежащій библіотекѣ академіи: „Register zu Sjögrén's handschriftlichem Nachlass, verfertigt von Lerch", бумаги Палласа, стр. 96 и сл., № 133);

2) аналогичный „Переводъ Учиненной въ вятскомъ намѣстни-

---

[1]) О существованіи этой цѣнной для исторіи языкознанія въ Россіи коллекціи я узналъ, къ сожалѣнію, уже по отпечатаніи предыдущихъ листовъ своего очерка и могъ воспользоваться имѣющимся въ ней матеріаломъ лишь отчасти.

ческомъ правленіи вотского разговора 286-ти словъ по неимѣнію у нихъ никакихъ буквъ написано россійскими букvами" (10 стр. въ поллиста, каталогъ Лерха, тамъ же, № 135);

3) „По вотски" (сличеніе разныхъ лексическихъ варіантовъ въ матеріалахъ, присланныхъ отъ архіепископа Казанскаго и изъ вятскаго намѣстничества; 4 стр. въ поллиста. Каталогъ Лерха, тамъ же, № 135);

4) оригиналъ цитированнаго выше (стр. 448) собранія 286 словъ на черемисскомъ, вотяцкомъ и пермяцкомъ языкахъ изъ Красноуфимскаго и Чердынскаго округовъ, скрѣпленнаго подписью секретаря [1]) Никиты Овчинникова (12 стр. въ поллиста, каталогъ Лерха, тамъ же, № 113);

5) аналогичный черемисско-чувашско-мордовско-вотяцкій „вокабулярій" (каталогъ Лерха, тамъ же, № 111).

Небольшое количество вотяцкихъ словъ встрѣчаемъ еще въ сравнительномъ глоссаріи нѣкоторыхъ финскихъ языковъ, напечатанномъ въ „Beyträge zur Topographischen Kenntniss des Russischen Reichs" проф. Фалька (см. выше, стр. 443).

По зырянскому и пермяцкому языкамъ во второй четверти XVIII в. собиралъ лексическіе матеріалы одинъ Г. Ф. Миллеръ, пославшій въ 1735 г. въ сенатъ изъ города Енисейска „вокабуляріумъ" двухъ томскихъ татарскихъ діалектовъ, остяцкаго и зырянскаго языковъ [2]). Небольшое количество пермяцкихъ словъ приводитъ также во введеніи къ своей „Sibirische Geschichte" (ч. I. 1768) путешествовавшій по Сибири въ одно время съ Миллеромъ академикъ Фишеръ (см. выше, стр. 442). Затѣмъ болѣе крупныя работы по названнымъ языкамъ появляются лишь не ранѣе начала 70-хъ годовъ XVIII в. Такъ въ началѣ 70-хъ годовъ XVIII в. собиралъ матеріалы по зырянскому и пермяцкому языкамъ нашъ академикъ И. И. Лепехинъ, путешествовавшій съ научной цѣлью по сѣверо- и юго-восточной Россіи. Въ дневникѣ его путешествія [3]) находимъ 50 пермскихъ словъ (ч. III, стр. 196—197), переводъ обѣдни на зырянскій языкъ (съ русскимъ текстомъ en regard, тамъ-же, стр. 242—49), собраніе зырянскихъ словъ и

---

[1]) Званіе это опредѣляется надписью на другомъ рукописномъ сборникѣ (вогульскихъ словъ, каталогъ Лерха, стр. 96 и сл. № 130): «съ подлинными свѣрялъ секретарь Никита Овчинниковъ».

[2]) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. акад. наукъ», т. VIII стр. 198.

[3]) «Дневные записки путешествія Ивана Лепехина по разнымъ провинціямъ Росс. Государства въ 1767—71 гг.», 3 части. Спб. 4°, 1771, 1772 и 1780 гг.

фразъ (тамъ-же, стр. 250—59) и зырянскія числительныя или „щотъ“ (тамъ-же, стр. 260). Матеріалы, собранные Лепехинымъ, являются первыми болѣе крупными печатными памятниками научнаго интереса къ названнымъ языкамъ у насъ въ XVIII в. (указанные выше матеріалы Фишера слишкомъ незначительны).

Кромѣ того, въ лингвистической коллекціи Аделунга, принадлежащей нынѣ Имп. публ. библіотекѣ, находятся два рукописныхъ сборника словъ инородческихъ языковъ, въ томъ числѣ и зырянскаго съ пермяцкимъ, относящіеся очевидно къ половинѣ 80-хъ гг. XVIII в. и принадлежащіе къ матеріаламъ для сравнительнаго словаря Екатерины II:

1) русско-зырянско-самоѣдско-вогульскій глоссарій, попавшій къ Бакмейстеру или Аделунгу изъ бумагъ Палласа, какъ свидѣтельствуетъ надпись на немъ „Aus Pallas Papieren“. Онъ озаглавленъ по нѣмецки кѣмъ-нибудь изъ позднѣйшихъ обладателей его: „Wörter-Sammlung aus der sürjänischen, samojedischen und Manskischen Sprache“ и содержитъ въ себѣ 286 словъ и числительныхъ (на 12 стр. въ поллиста писчей бумаги). Инородческія слова переданы русской транскрипціей.

2) совершенно аналогичное собраніе словъ черемисскихъ, вотяцкихъ и пермяцкихъ, озаглавленное такъ-же по-нѣмецки (Бакмейстеромъ или Аделунгомъ): „Wörter-Sammlung der Tscheremissischen und Wotjäkischen Sprache aus dem Krasnoufimskischen Gebiet und der Permischen Sprache, aus dem Tscherdenzkischen Kreise“ (286 словъ и числительныхъ, на 12 стр. въ поллиста). На рукописи—помѣта: Aus Pallas Papieren. Русское значеніе здѣсь стоитъ впереди, и инородческія слова (изображенныя русскими буквами) слѣдуютъ за нимъ. Другой экземпляръ этого собранія (точнѣе—оригиналъ) находится среди бумагъ Палласа, въ упомянутой выше коллекціи Шёгрена (см. каталогъ коллекціи, составл. Лерхомъ, стр. 96 и сл., № 113).

Въ только что названной коллекціи имѣется еще собраніе 286 словъ и числительныхъ, озаглавленное „Зырянской языкъ“ (9½ стр. въ поллиста, транскрипція русскими буквами; см. каталогъ Лерха, стр. 96 и сл., № 100).

Къ 1785 г. относится первый болѣе обширный словарь пермяцкаго языка, принадлежащій къ лингвистической коллекціи Аделунга (Имп. публ. библ.). Онъ носитъ слѣдующее заглавіе: „Краткой Пермской Словарь съ Россійскимъ Переводомъ собранный и по разнымъ матеріямъ расположенный Города Перми Петро-Павловскаго Собора Протоіереемъ Антоніемъ Поповымъ 1785 г.“ (31 стр. въ поллиста). Два списка этого словаря имѣются также

въ Шёгреновской коллекціи лингвистическихъ матеріаловъ во II-мъ отдѣленіи библіотеки Имп. академіи наукъ.

Наконецъ, лексическій матеріалъ по зырянскому и пермяцкому языкамъ имѣется въ приложеніяхъ къ цитированному уже выше (стр. 441) посмертному труду Г. Ф. Миллера: „Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ“ (Спб., 1791).

Въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II оба названные языка (точнѣе діалекта) представлены особой рубрикой: „по зырянски“ (№ 59, въ „числахъ“—№ 65) и „по пермякски“ (№ 60, въ „числахъ“—№ 66).

Нѣкоторое количество матеріала было собрано и по западно-финнскимъ языкамъ. Въ составѣ коллекціи Аделунга (Имп. публ. библ.) до насъ дошло нѣсколько записей по ливскому и эстонскому языкамъ, сдѣланныхъ остзейскими пасторами для Бакмейстера и доставшихся послѣ Аделунгу. По первому имѣются двѣ записи: 1) „Liewische Sprachprobe in Kurland“, содержащая (на 4 стр. въ поллиста) ливскія числительныя и фразы съ нѣм. переводомъ. Собиралъ ихъ пасторъ Лудвигъ въ Курляндіи. На рукописи—помѣта Бакмейстера о полученіи ея вмѣстѣ съ письмомъ суперинтендента Штуна (Stuhn) 9 января 1774. 2) „Uebersetzung folgender Sachen aus dem Deutschen ins Liwische bei Salis“ (2 стр. въ поллиста: числительныя, фразы, нѣсколько словъ). Собирателемъ былъ пасторъ въ Салисѣ, Іог. Бурхардъ. Рукопись помѣчена 1 авг. 1774 г.

Болѣе объемистый матеріалъ по эстонскому доставилъ Бакмейстеру пасторъ Штупель изъ Ревеля. Его рукопись озаглавлена: „Des zum Uebersetzen bekanntgemachten Aufsatzes Uebersetzung in den revalschen Dialekt der ehstnischen Sprache“ и содержитъ (на 43 стр. in 4°) введеніе объ эстахъ и ихъ языкѣ, числительныя, фразы, рядъ замѣчаній по грамматикѣ, парадигмы и т. д.

Нѣсколько собраній лексическаго матеріала по эстонскому представляютъ и бумаги Палласа, входящія въ составъ лингвист. коллекціи Шёгрена (II отдѣл. библіотеки Имп. акад. наукъ) и составлявшія матеріалъ для сравнительнаго словаря Екатерины II. Таковы:

1) „Собраніе россійскихъ словъ съ эстляндскимъ переводомъ“ (286 словъ и числительныхъ на 14 съ небольшимъ стр. въ поллиста; рукоп. конца XVIII в.; эстонскія слова изображены латинскими буквами и русской транскрипціей. Каталогъ коллекціи Шёгрена, сост. Лерхомъ, стр. 96 и слѣд. „Бумаги Палласа“, № 38).

2) Списокъ 286 эстонскихъ словъ и числительныхъ (безъ русскаго значенія; 5 съ небольшимъ стр. въ поллиста; транскрипція

русскими буквами съ обозначеніемъ ударенія. Каталогъ Лерха, стр. 96 и сл.: „Бумаги Палласа“, № 39).

3) Собраніе 286 словъ и числительныхъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ съ переводомъ: „по лифляндски“ и „по эстляндски“. Эстонскія слова переданы нѣмецкой и русской транскрипціей (31 стр. въ поллиста). Къ собранію приложено примѣчаніе объ употребленіи названныхъ языковъ, согласно которому „лифляндскій“ употребляется въ уѣздахъ рижскомъ, венденскомъ, вольмарскомъ, и валкскомъ, а „эстляндскій“—въ уѣздахъ дерптскомъ, верроскомъ, феллинскомъ, перновскомъ и эзельскомъ; по словамъ собирателя, „бывшій языкъ древнихъ ливонцовъ употребителенъ въ одномъ весьма маломъ округѣ“ и то только въ сношеніяхъ жителей другъ съ другомъ, съ прочими же они говорятъ „по эстляндски и лифляндски“, т. е. по эстонски. На островѣ-же Руно — „особливый языкъ, котораго никто не разумѣетъ и повидимому составленъ изъ шведскаго, лифляндскаго, эстляндскаго и древняго ливонскаго языковъ (!); съ другими людьми оныя руноскія обитатели сообщаются на шведскомъ, нѣмецкомъ и эстляндскомъ языкахъ“ (въ каталогѣ Лерха [бумаги Палласа] эта рукопись носитъ тоже № 39, каковой проставленъ и на ней).

4) Собраніе 286 словъ и числительныхъ на лапландскомъ, литовскомъ, эстонскомъ и старофранцузскомъ (!) языкахъ ($14^1/_3$ стр. въ поллиста, каталогъ Лерха, „Бумаги Палласа“, стр. 96 и слѣд. № 79).

Въ словарѣ Екатерины II эстонскій фигурируетъ только въ одной рубрикѣ: „по эстландски“ (въ словахъ стоитъ подъ № 55, а въ числит. подъ № 61). Собственно финскому (суоми) посвящено собраніе 286 словъ и числительныхъ на русскомъ и финскомъ языкахъ, имѣющееся въ той же коллекціи Шёгрена, въ отдѣлѣ бумагъ Палласа (каталогъ Лерха, стр. 96, № 40), и озаглавленное „Фински“ (6 стр. въ поллиста; финскія слова переданы нѣмецкими буквами). Рукопись содержитъ еще примѣчаніе (на нѣм. яз.) о произношеніи финскихъ звуковъ и т. п. и подпись составителя ея: Joh. Henr. (sic!) Krogius, Pastor.

Другое такое собраніе (каталогъ Лерха, стр. 96 и сл. № 41) озаглавлено: „Собраніе россійскихъ словъ съ чухонскимъ переводомъ (латинскими и русскими буквами) и содержитъ также 286 словъ и числительныхъ (на 11 съ небольшимъ стр. въ поллиста).

Ижорскіе діалекты представлены въ коллекціи Шёгрена тремя сборниками (каталогъ Лерха, стр. 96 и сл. „Бумаги Палласа“, № 116, 117, 118), озаглавленными:

1) „Реестръ словъ, переведенныхъ на Чудской языкъ, коимъ

говорятъ Санктпетербургской губерніи въ Ораніенбаумскомъ уѣздѣ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ близъ Копорья лежащихъ и принадлежащихъ Графу Разумовскому, а между прочимъ въ деревнѣ Ивановской" (286 словъ и числит., русскими буквами, съ обозначеніемъ ударенія, на 11 стр. въ поллиста).

2) „Реестръ словъ, переведенныхъ на Чудской языкъ, коимъ говорятъ въ Ямбургскомъ уѣздѣ въ Котельной мызѣ, принадлежащей полковнику Албрехту, и въ 2 селахъ близъ ея лежащихъ" (286 словъ и числ., русскими буквами, съ обозначеніемъ ударенія, 11$^1/_2$ стр. въ поллиста).

3) „Реестръ словъ переведенныхъ на варяжской (!) языкъ, коимъ говорятъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Санктпетербургской губерніи близь Копорья, принадлежащихъ графу Разумовскому, а между прочимъ въ деревнѣ Керновой" (286 словъ и числит. русск. буквами, 9$^1/_2$ стр. въ поллиста).

Въ словарѣ Екатерины II собственно финскому отведена только одна рубрика: „по чюхонски" (№ 54, въ „числахъ"—№ 60), и приведенные здѣсь матеріалы по ижорскимъ діалектамъ остались неиспользованными. Карельскій языкъ также нашелъ себѣ мѣсто въ рукописныхъ матеріалахъ для сравнит. словаря Екатерины II, вошедшихъ въ составъ коллекціи Шёгрена. Ему посвящены слѣдующія собранія (каталогъ Лерха, „Бумаги Палласа", стр. 96 и слѣд., №№ 69, 70, 70 bis и 87):

1) „Корельской языкъ" (286 словъ и числит. на 10 съ небольшимъ стр. въ поллиста, транскрипція русскими буквами).

2) „Слова Россійскіе переведенные на корельской языкъ" (286 словъ и числит. въ русской транскрипціи на 5 стр. въ поллиста. Каталогъ Лерха, № 70). На рукописи приписано: „Сіе по корельски переводилъ Тверской семинаріи ученикъ Феодоръ васильевъ сынъ Груздовъ, оной же семинаріи ученикъ Ефимъ Михаиловъ сынъ Мохнецкій. Но чтоль принадлежитъ до корелскаго рукописанія, то какъ писменнаго такъ и печатнаго не имеется, а употребляется толко въ разговорахъ".

3) „Слова Россійскіе переведенные на корѣлской языкъ" (287 словъ и числит., русскими буквами, на 14$^1/_2$ стр. въ поллиста. Въ каталогѣ Лерха, „Бумаги Палласа", стр. 96 и сл., это собраніе, помѣченное тоже № 70, какъ и предыдущее, не имѣетъ своего №).

4) „По олонецки" (286 словъ и числит. на пяти неполныхъ стр. въ поллиста).

Въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II корельскому отведены двѣ рубрики: „по корельски" и „по олонецки" № 56 и 57; въ „числахъ" № 61 и 62).

По лапландскому языку можно указать лишь на цитированное выше (стр. 455) собраніе 286 словъ и числительныхъ на языкахъ „Лапонскомъ, Литовскомъ, Эстляндскомъ и Старо-Французскомъ“, въ отдѣлѣ „бумаги Палласа“ коллекціи Шёгрена (II отдѣленіе библіотеки Имп. акад. наукъ, см. каталогъ Лерха, „Бумаги Палласа“, № 79) и служившее матеріаломъ для составленія сравнительнаго словаря Екатерины II (1786 г.), а также на цитированную выше (стр. 249 и слѣд.) книгу Кнуда-Лемса „Новыя и достовѣрныя извѣстія о лапландцахъ и т. д.“ (Москва, 1792 г.). Въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II онъ фигурируетъ въ рубрикѣ № 58 (въ числительныхъ—№ 64): „по Лопарски“.

Изъ угорскихъ языковъ финской семьи привлекали вниманіе нашихъ ученыхъ XVIII в. языки вогульскій и остяцкій, особенно первый. Во второй четверти XVIII вѣка имъ занимались Г. Ф. Миллеръ и Киріакъ Кондратовичъ. Первый еще въ 1734 г. посылалъ сенату изъ Тобольска „вокабуляріумъ“ татарскаго и вогульскаго языковъ, вмѣстѣ съ переводомъ на вогульскій языкъ „Молитвы господней“ [1]), а второй еще до 1737 г. составилъ лексиконъ „вагулицкій съ россійскимъ“ [2]), едва-ли, впрочемъ, могшій считаться настоящимъ словаремъ (см. выше, стр. 440). Остальныя работы по вогульскому, главнымъ образомъ лексическія, принажатъ къ знакомой уже намъ лингвистической коллекціи Аделунга, хранящейся въ Имп. публ. библіотекѣ, и къ упоминавшемуся уже выше отдѣлу Шёгреновской коллекціи (II-е отдѣл. библіотеки Имп. Акад. наукъ): „Бумаги Палласа“.

Къ первой относятся: 1) небольшое собраніе числительныхъ и фразъ на остяцкомъ, вогульскомъ и самоѣдскомъ языкахъ на 6 стр. съ небольшимъ, формата въ поллиста писчей бумаги. На рукописи помѣта рукой Бакмейстера: reçû avec la lettre de Pallas du 10-e Fevrier 1774.

2) Небольшой латинско-вогульскій глоссарій неизвѣстнаго составителя, „Vocabularium Wogulicum“ (4° obl. 16 стр.), носящій на себѣ помѣту Бакмейстера о полученіи его въ январѣ 1775 г.

3) Небольшой русско-вогульскій глоссарій по діалектамъ: кунгурскому, чердынскому и верхотурскому, съ помѣтою на немъ: Aus Pallas Papieren (13 стр. форматомъ въ поллиста писчей бумаги).

4) Собраніе 286 словъ и числительныхъ (въ транскрипціи русскими буквами) на языкахъ зырянскомъ, самоѣдскомъ и во-

---

[1]) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. акад. н.», т. VIII, стр. 196.
[2]) См. тамъ-же, т. III, 418 и IV, 131—132.

гульскомъ, помѣченное „Aus Pallas Papieren“ и принадлежащее къ матеріаламъ для сравнительнаго словаря Екатерины II: „Wörter-Sammlung aus der sürjänischen, samojedischen und Manskischen Sprache“ (12 стр. въ поллиста).

5) „Краткой вогулической словарь съ Россійскимъ переводомъ собранный и по разнымъ матеріямъ расположенный города Соликамска Свято-Троицкаго Собора Протоіереемъ Симеономъ Черкаловымъ 1785 г.“ (18 стр. въ поллиста). Словарь этотъ—вогульско-русскій и возникъ вѣроятно подъ вліяніемъ упоминавшагося уже выше Высочайшаго указа провинціальнымъ архіереямъ о доставленіи словарей разныхъ языковъ, имѣющихся въ предѣлахъ ихъ епархій.

Ко второй принадлежатъ слѣдующія рукописныя собранія (каталогъ коллекціи Шёгрена, составл. Лерхомъ, „Бумаги Палласа“, стр. 96 и сл. №№ 130, 131, 132): 1) 286 вогульскихъ словъ и числительныхъ (по діалектамъ кунгурскому, чердынскому и верхотурской области), писанныхъ русскими буквами (безъ удареній) на $10^1/_2$ стр. въ поллиста, съ подписью: „съ подлинными свѣрялъ секретарь Никита Овчинниковъ“. Собраніе это тожественно съ такимъ же глоссаріемъ, имѣющимся въ коллекціи Аделунга (Имп. публ. библ.) и только что цитированнымъ выше подъ № 3.

2) Черновой русско-вогульскій „вокабулярій“ (русскими буквами, съ обознач. ударенія, 7 стр. въ поллиста).

3) Собраніе 286 словъ и 22 числительныхъ (русскими буквами, безъ удареній), озаглавленное: „Наречие вагулское которые грамоты неимеютъ, а проточенные в сей ведомости линии переводомъ съ предыдущими линиями сходственные“. Слова собраны изъ діалектовъ: тобольскаго, туринскаго, въ г. Березовѣ и въ Березовской округѣ (19 стр. въ поллиста).

Нѣкоторыя свѣдѣнія о вогульскомъ языкѣ сообщала охарактеризованная уже выше книга „Начертаніе знатнѣйшихъ народовъ свѣта и т. д.“, переведенная съ нѣмецкаго Н. Е. Черепановымъ (Москва, 1798 г. см. выше, стр. 250—52). Краткость ихъ позволяетъ намъ привести ихъ цѣликомъ: „Вогулической языкъ имѣетъ много Венгерскихъ и Финскихъ словъ, а Венгерской содержитъ половину Финскихъ, также много Татарскихъ и древне-Персидскихъ словъ, что показываетъ, что древніе Югры прежде жили ближе къ Персіи“ (цит. сочин. стр. 68).

Въ словарѣ Екатерины II вогульскій представленъ въ четырехъ діалектахъ: „по р. Чюссовой, въ Верхотурской окр., около Чердыма (Чердынь), около Березова“.

Меньше сдѣлано было по изслѣдованію остяцкаго языка. Кромѣ остяцко-русскаго „дикціонера“ Киріака Кондратовича, упоминае-

маго имъ въ его письмѣ въ академію наукъ отъ 22 іюня 1739 г.[1]), незначительнаго количества остяцкихъ числительныхъ и словъ (иртышскихъ и томскихъ остяковъ) во введеніи къ „Sibirische Geschichte“ Фишера (ч. I. Спб. 1768, см. выше, стр. 442) и немного выше (стр. 457) цитированнаго нами анонимнаго небольшого собранія числительныхъ и фразъ на остяцкомъ, вогульскомъ и самоѣдскомъ языкахъ (изъ коллекціи Аделунга, съ помѣтою о полученіи его отъ Палласа въ февр. 1774), мы имѣемъ еще только три анонимныхъ-же рукописныхъ собранія лексическихъ матеріаловъ по остяцкому яз.: 1) рукописный русско-остяцко-якутско-тунгузско-самоѣдскій глоссарій, также изъ коллекціи Аделунга, озаглавленный: „Нарѣчіе по туруханской округѣ“. Онъ содержитъ въ себѣ 286 словъ на 26 стр. форматомъ въ поллиста, скрѣпленъ подписью нѣкоего „Совѣтника Ильи Мыльникова“ и, очевидно, принадлежитъ къ числу матеріаловъ для сравнительнаго словаря Екатерины II. 2) Черновой (повидимому) списокъ (блѣдными, выцвѣтшими чернилами), остяцкихъ числительныхъ и словъ, находящійся среди бумагъ Палласа въ лингвистической коллекціи Шёгрена (II отд. библ. Имп. акад. наукъ, каталогъ Лерха, „Бумаги Палласа“, стр. 96 и сл. № 90).

3) Собраніе словъ на тунгузскомъ, остяцкомъ, самоѣдскомъ и бурятскомъ языкахъ (изъ той же коллекціи, каталогъ Лерха, тамъ же, № 91—92), озаглавленное „Vocabularium *trilingue*“ (sic!) и обнимающее 12 стр. въ поллиста. Оба послѣднихъ собранія также принадлежатъ къ матеріаламъ для сравнительнаго словаря Екатерины II, въ которомъ остяцкій представленъ въ шести діалектическихъ формахъ: „около Березова, около Нарыма, по рѣкѣ Юганѣ, Лумпокольскаго поколенія, Вассюганскаго роду, по рѣкѣ Тазѣ“.

Остяцкія названія мѣсяцовъ и нѣкоторое количество другихъ остяцкихъ словъ находимъ также въ „Beyträge zur Topographischen Kenntniss des Russischen Reichs“ Фалька, т. III, 1786 (см. выше, стр. 443), причемъ эти данныя, вмѣстѣ съ цитированными выше болѣе ранними данными Фишера (Sibirische Geschichte 1768) и словаремъ Екатерины II, являются единственными печатными свидѣтельствами о занятіяхъ у насъ въ XVIII в. остяцкимъ языкомъ.

Венгерскій языкъ изъ всѣхъ финскихъ языковъ привлекалъ меньше всего вниманія. Кромѣ небольшаго числа венгерскихъ, словъ, приводимыхъ для сравненія съ формами другихъ урало-

---

[1]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. акад. наукъ», т. IV, 131—32

алтайскихъ языковъ во введеніи къ „Sibirische Geschichte“ Фишера (т. I Спб. 1768, стр. 133, 162—5, 167—70), можно указать только на сравнительный словарь Екатерины II, гдѣ названному языку (№ 47) отведено мѣсто между „волошскимъ“ (т. е. румынскимъ) и аварскимъ, за которымъ слѣдуютъ кубачинскій и лезгинскій языки. Только уже за этими двумя кавказскими языками находимъ прочіе угро-финскіе языки, въ семью которыхъ попалъ и чувашскій. Очевидно, что составители сравнительнаго словаря скорѣе склонны были роднить венгерскій съ кавказскими, но не съ финскими языками. Въ пользу этого говоритъ и одна изъ рукописей академическаго собранія бумагъ Палласа, служившихъ матеріалами для сравнит. словаря Екатерины II (коллекція Шёгрена, каталогъ Лерха, стр. 96 и сл. № 62), а именно: «Comparaison des Dialectes du Kabarda et de l'Abassa avec la langue Hongroise“ (7¹/₂ стр. въ поллиста). Здѣсь находимъ параллельное сопоставленіе венгерскихъ формъ съ абхазскими (по двумъ діалектамъ: *алтекесскъ* и *кушъ-хасипъ*) и кабардинскими. Въ этой же коллекціи имѣется и анонимное собраніе 287 словъ и числительныхъ на русскомъ и венгерскомъ языкахъ, очевидно, служившее источникомъ для венгерскаго отдѣла словаря Екатерины (7 стр. въ поллиста, каталогъ Лерха, стр. 96 и сл. № 126).

Нѣсколько больше матеріала было собрано для изученія самоѣдскихъ языковъ. Еще Татищевъ собиралъ подобные матеріалы, какъ это свидѣтельствуетъ упоминавшаяся уже выше (стр. 422) рукопись Азіатскаго музея Имп. академіи наукъ (отд. III, № 35), относящаяся вѣроятно къ концу 30-хъ гг. XVIII ст.: „Вѣдомость сочиненная въ Тобольску по именному Ея Императ. Величества указу присланному изъ кабинета и по опредѣленіямъ тайнаго совѣтника господина Татищева потребная къ сочиненію исторіи“. Кромѣ двухъ татарскихъ словарей, упоминавшихся выше, мы находимъ здѣсь небольшой глоссарій нарымскихъ остяковъ, принадлежащихъ по языку къ самоѣдамъ (листы 65—68).

Послѣ Татищева собиралъ лексическіе матеріалы по разнымъ сибирскимъ языкамъ, въ томъ числѣ и по самоѣдскимъ, академикъ Фишеръ, путешествовавшій по Сибири въ одно время съ Г. Ф. Миллеромъ, (см. выше, стр. 220). Въ небольшой части этихъ матеріаловъ [1]), обнародованной имъ во введеніи къ „Sibirische Geschichte“ (т. I. Спб. 1768), находимъ сличеніе 12 числитель-

¹) «Ich habe ein Wörterbuch von 40 Sprachen, jede von 300 Wörtern gesamlet» («Sibirische Geschichte», т. I. Спб. 1768 г. стр. 161).

ныхъ и слова „Богъ" въ языкѣ: томскихъ остяковъ, камашей и самоѣдовъ мезенскихъ и югорскихъ (стр. 137), эти-же слова въ языкѣ койбаловъ (южно-самоѣдской народности) приводятся на стр. 139, въ сопоставленіи съ параллельными формами языковъ: енисейско-остяцкаго, аринцевъ, коттовъ и ассановъ: на стр. 168—69 Фишеръ сближаетъ 18 разныхъ словъ въ языкахъ: венгерскомъ, томско-остяцкомъ, *камашинскомъ* и *самоѣдскомъ*, а на 170 стр.— 12 словъ въ языкахъ: венгерскомъ, енисейскихъ остяковъ, коттовъ и *койбаловъ* и аринцевъ съ ассанами. Взгляды Фишера на родство этихъ языковъ, однако, были еще довольно смутны. Такъ на стр. 168 онъ соединяетъ въ одно семейство томскихъ остяковъ съ камашами и самоѣдами, а въ другое семейство самоѣдовъ-койбаловъ съ загадочными енисейскими остяками, коттами, аринцами и ассанами.

Затѣмъ рядъ рукописныхъ матеріаловъ имѣется въ лингвистической коллекціи Аделунга, въ Имп. публ. библіотекѣ. Такъ самоѣдскія слова имѣются въ упоминавшемся уже выше (стр. 457) собраніи числительныхъ и фразъ на остяцкомъ, вогульскомъ и самоѣдскомъ языкахъ (6 стр. съ небольшимъ, форматомъ въ поллиста писчей бумаги), полученномъ Бакмейстеромъ отъ академика Палласа въ февралѣ 1774, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ французская надпись, сдѣланная на рукописи, вѣроятно, Бакмейстеромъ.

Къ 1776 году относятся „Образцы самоядскаго языка, по предписанію г. Бакмейстера собранные" и заключающіе въ себѣ (на 16 стр. въ поллиста) имена числительныя, фразы, собственныя имена, грамматическія замѣчанія и т. д. На рукописи—надпись: „собрано архангелогородскимъ первостатейнымъ купцомъ Николаемъ Чирцовымъ". Самоѣдскія формы писаны здѣсь русскими буквами, а фразы снабжены еще латинскимъ и нѣмецкимъ переводами. Имѣется помѣта о полученіи рукописи Бакмейстеромъ въ 1776 году.

Къ болѣе позднему времени относится цитированное уже выше (стр. 458) собраніе словъ на зырянскомъ, самоѣдскомъ и вогульскомъ языкахъ (12 стр. въ поллиста), озаглавленное „Wörter-Sammlung aus der Sürjanischen, Samojedischen und Manskischen Sprache". Оно содержитъ 286 русскихъ словъ и числительныхъ съ переводомъ на названные инородческіе языки, въ томъ числѣ и на самоѣдскій, и происходитъ изъ бумагъ Палласа, какъ это видно изъ помѣты на рукописи. Инородческія слова переданы русскими буквами. Собраніе это очевидно принадлежитъ къ матеріаламъ для сравнительнаго словаря Екатерины II, какъ показы-

ваетъ самое число словъ, и, стало быть, относится къ половинѣ 80-хъ гг. XVIII в.

Образчики самоѣдскаго языка имѣются также въ цитированномъ подробно выше (стр. 415) многоязычномъ глоссаріи, озаглавленномъ: „Нарѣчіе по туруханской округѣ“ и скрѣпленномъ подписью „Совѣтника Ильи Мыльникова“. Глоссарій этотъ, служившій матеріаломъ для сравнительнаго словаря Екатерины II, относится также къ срединѣ 80-хъ гг. XVIII в.

Кромѣ того въ коллекціи Аделунга есть довольно объемистый самоѣдско-латинскій глоссарій по 13 діалектамъ (пустозерскому, обдорскому, юрацкому, мангазейскому, туруханскому, тавгинскому, томскихъ и нарымскихъ остяковъ, кеттскихъ и тимскихъ остяковъ, карасинскому, тайгинскому и камасинскому), писанный латинской транскрипціей на 34 листахъ форматомъ въ поллиста писчей бумаги.

Меньше по объему (12 стр. въ поллиста) другой латинско-русско-самоѣдскій глоссарій коллекціи Аделунга, относящійся также, вѣроятно, къ послѣдней четверти XVIII в. Число самоѣдскихъ діалектовъ, представленныхъ въ этомъ глоссаріи, бѣднѣе, чѣмъ въ предыдущемъ (только три: „тугорскій“, пустозерскій и мезенскій).

Въ бумагахъ Палласа, хранящихся въ составѣ Шёгреновской лингвистической коллекціи во II-мъ отдѣленіи библіотеки Имп. академіи наукъ, находимъ лишь упоминавшійся выше (стр. 459) „Vocabularium trilingue“ (слѣдовало-бы „quadrilingue“), представляющій собраніе словъ на тунгузскомъ, остяцкомъ, *самоѣдскомъ* и бурятскомъ яз. (12 стр. въ поллиста, каталогъ Лерха, стр. 96 и сл. № 91—92). Онъ, очевидно, служилъ матеріаломъ при составленіи сравнит. словаря Екатерины II, въ которомъ самоѣдскій („семоядскій“) представленъ въ 10 діалектическихъ разновидностяхъ: Пустозерскаго и Обдорскаго округовъ, Юрацкаго берега, Мангазейскаго и Туруханскаго округа, Тавгинскаго діалекта, Томскаго и Нарымскаго округовъ, по рѣкѣ Кетѣ и Тимскаго рода (№ 120—129). За ними слѣдуютъ другіе южно-самоѣдскіе діалекты или языки (№ 130—134): карассинскій, тайгинскій, камашинскій, койбальскій и моторскій, которые успѣли уже съ того времени исчезнуть, въ силу быстрой ассимиляціи говорившихъ ими народцевъ къ своимъ сосѣдямъ.

Очень цѣнны свѣдѣнія, сообщаемыя впервые Палласомъ [1]), о

[1]) Reise durch verschiedene Prowinzen des Russischen Reichs. III Theile. 4⁰. St. Petersburg. Gedruckt bey der Kayserlichen Akademie der Wissenschaf-

языкѣ койбаловъ и моторовъ, принадлежавшихъ по языку къ самоѣдскимъ племенамъ и впослѣдствіи частью вымершихъ, частью отатарившихся или омонголившихся: „разговоръ ихъ („койбальцевъ“) весьма походитъ на самоѣдской, и хотя много примѣшено въ немъ и татарскихъ нарѣчій, однако легко еще распознать можно останки Самоѣдскаго, видимаго и въ Койбальской Ордѣ, въ Карагассахъ; Каймашахъ [1]) и Моторахъ въ восточной сторонѣ Енисея живущихъ (,) Соіотахъ въ горахъ за Россійскою границею кочующихъ, такъ что весьма вѣроятно, что всѣ сіи отродія суть остатки одного врозь разбитаго и изъ своихъ въ древности здѣсь настоящихъ жилищъ до сѣверныхъ Самоѣдскихъ нынѣ мѣстъ выгнаннаго народа. Въ доказательство сходствія ихъ языковъ довольно будетъ привести сихъ нарѣчій, коихъ взять сличить только однѣ Моторскія, какъ сходственнѣйшія съ незнакомыми мнѣ Соіотскими, что однако сами Моторы и Кайбалы на промыслахъ по границѣ съ Соіотами встрѣчающіеся единогласно подтверждаютъ [2])“. Слѣдующій за этими словами глоссарій (русско-самоѣдско-койбальско-моторско-каратaшскій [карагасскій?]) даетъ 52 слова, въ томъ числѣ 22 числительныхъ, являющихся драгоцѣннымъ и совершенно новымъ научнымъ матеріаломъ, ставшимъ, благодаря Палласу, впервые достояніемъ науки.

Въ концѣ 80-хъ гг. XVIII являются и первые печатные тексты на самоѣдскомъ языкѣ. Такъ въ академическомъ изданіи „Новыя ежемѣсячныя сочиненія“ за 1787 г. (іюнь, стр. 60—69) напечатана самоѣдская сказка (въ русской транскрипціи, безъ обозначенія ударенія) съ русскимъ переводомъ en regard: „Вада Хасово. Самоѣдская сказка. Получено изъ города Архангельскаго“ (быть можетъ черезъ упоминавшагося уже выше [стр. 296] А. И. Ѳомина).

Сравнительно мало вниманія привлекали семитическіе языки, исключая еврейскаго, довольно рано введеннаго въ программы нашихъ духовныхъ семинарій. Арабскимъ языкомъ въ началѣ вто-

---

ten. Ч. I: 1771. Ч. II (въ двухъ книгахъ): 1773. Ч. III (годы 1772—1773): 1776. Указанныя свѣдѣнія заключаются въ послѣдней, III-ей части, стр. 373—378 (глоссарій на стр. 374—76).

[1]) Въ подстрочномъ примѣчаніи Палласъ приводитъ также рядъ словъ изъ языка названныхъ каймашей и кыштымскихъ татаръ или енисейскихъ остяковъ, относимыхъ нѣкоторыми тоже къ самоѣдской группѣ. Матеріалъ этотъ является также цѣннымъ и совершенно новымъ въ наукѣ.

[2]) Цитируемъ по русскому переводу Василія Зуева «Петра Симона Палласа и т. д. путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства». Ч. III. Половина первая (1772—73 гг.). Спб при Имп. Акад. Наукъ. 1788 г, стр. 523—526.

рой четверти XVIII в. занимался Д. Г. Мессершмидтъ (см. выше стр. 201—202). Въ его рукописномъ собраніи разныхъ замѣтокъ и матеріаловъ по языкознанію изъ конца 20-хъ и начала 30-хъ гг. XVIII в., принадлежащемъ Азіатскому музею Импер. академіи наукъ (отд. III, № 68): „Messerschmidtiana ad linguas populorum Sibiriae pertinentes", имѣются между прочимъ „nomina animalium Arabico-Persico-Tattarica-latina", образчики арабскихъ письменъ и т. д. Другимъ знатокомъ арабскаго языка былъ упомянутый выше (стр. 365—68) Георгъ Іаковъ Керъ, прибывшій въ Россію въ началѣ 30-хъ гг. Въ концѣ 30-хъ гг. арабскимъ интересовался Готлибъ Фридрихъ Вильгельмъ Юнкеръ, адъюнктъ академіи наукъ, профессоръ политики, морали и элоквенціи, впослѣдствіи почетный чинъ академіи (р. 1702 † 1746), собиравшій въ это время арабскія и турецкія рукописи [1]). Тогда же, въ засѣданіи академіи 4-го ноября 1738, разсматривались неизвѣстно кѣмъ составленныя русско-арабскія вокабулы, содержавшія 536 словъ на 7 листахъ [2]). Что съ ними сталось впослѣдствіи, мы пока не имѣемъ извѣстій. Вообще же знатоковъ арабскаго языка въ это время у насъ было очень немного. Такъ въ разсмотрѣнномъ выше (стр. 366—68) проектѣ Кера объ устройствѣ у насъ восточной академіи, названный ученый, перечисляя тогдашнихъ нашихъ знатоковъ восточныхъ языковъ, по арабскому языку могъ указать только на себя самого. Не удивительно поэтому, если въ русско-татарско-калмыцкомъ словарѣ академической библіотеки (1-е отдѣленіе, шифръ 58. 1. 5), въ которомъ выше (стр. 406—7) мы находили возможнымъ видѣть словарь, составлявшійся въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ гг. XVIII в., подъ надзоромъ Рычкова и по почину Татищева, графа, оставленная для вписыванія арабскихъ словъ, такъ и осталась незаполненною. Составители, очевидно, не нашли въ Самарѣ (гдѣ словарь составлялся) человѣка, знающаго по арабски, и отложили заполненіе соотвѣтствующей графы до болѣе благопріятнаго времени. Вскорѣ затѣмъ Татищевъ оставилъ службу въ Оренбургскомъ краѣ, и составленіе затѣяннаго имъ словаря такъ и заглохло.

Во-второй половинѣ XVIII в. дѣлаются попытки ввести преподаваніе арабскаго языка въ нѣкоторыя наши общеобразовательныя школы. Такъ вѣроятно, что въ числѣ четырехъ азіатскихъ языковъ, преподававшихся въ астраханской школѣ для солдатскихъ дѣтей, учрежденной въ 1764 г., былъ и арабскій языкъ, такъ какъ не-

---

[1]) См. «Протоколы засѣданій конференціи Имп. Акад. наукъ», т. I, стр. 424, протоколъ засѣданія отъ 19 сент. 1737 г.

[2]) См. тамъ же, стр. 514.

сомнѣнно онъ, вмѣстѣ съ другими восточными языками, входилъ въ программу астраханскаго народнаго училища, въ которое названная школа была преобразована въ 1778 г. [1]).

Императрица Екатерина II въ указѣ „Коммиссіи о учрежденіи народныхъ училищъ“ отъ 24 сент. 1782 г. предписывала ввести преподаваніе арабскаго языка (вмѣстѣ съ татарскимъ и персидскимъ) въ народныхъ школахъ тѣхъ губерній, которыя лежатъ „къ сторонѣ татарской, персидской и бухарской“, такъ какъ отъ арабскаго языка „всѣ въ той сторонѣ употребляемые діалекты имѣютъ свое происхожденіе (!) и посредствомъ его можно будетъ завести лучшихъ переводчиковъ во всѣхъ сихъ языкахъ, нежели до сего времени мы ихъ имѣемъ“ [2]). Разумѣется, за отсутствіемъ преподавателей, знающихъ арабскій языкъ, предписаніе императрицы осталось чисто бумажной, мертворожденной мѣрой, и никакихъ практическихъ послѣдствій не возымѣло. Не удивительно, если въ теченіе XVIII в. у насъ не явилось ни одной печатной работы по арабскому языку, если не считать нѣкоторыхъ сравненій съ арабскимъ, производившихся такъ сказать, мимоходомъ въ нѣкоторыхъ журнальныхъ статьяхъ или въ трудахъ нашихъ историковъ, когда они пускались въ этимологизацію. Таковы, напр., цитированныя выше (стр. 276—277) фантастическія арабско-русскія этимологіи въ „Поденьшинѣ“ Василія Тузова (1769 г.), таковыя-же этимологіи въ статьѣ И. Коха „О нѣкоторыхъ древнихъ названіяхъ Словенскаго народа“ въ „Растущемъ Виноградѣ“ 1785 г. (см. выше, стр. 290—291), и въ его брошюрахъ: „Tentamen enucleationis Hieroglyphorum quorundam numorum“ (Спб. 1788, 8° съ 6 табл.) и „Tentamen secundum et quidem enucleationis sphingium. Опытъ изъясненія сфинговъ“ (на русск. и нѣм. яз. Спб. 1789. 27 стр. и 1 табл. Образчики этихъ этимологій см. у Аделунга „Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde“. Спб. 1815, стр. 196—97), у Щербатова въ его „Исторіи Россійской“ 1770—1791 (см. выше, стр. 267—268), у Болтина въ его „Примѣчаніяхъ на исторію Леклерка“ 1788 г. (см. выше, стр. 271—72) и т. д.

Въ рукописной нашей литературѣ XVIII в. можно указать лишь небольшое число работъ по арабскому языку, входящихъ въ составъ богатой лингвистической коллекціи Аделунга (собствен-

[1]) См. статью «По поводу мысли Лейбница объ учрежденіи университета въ Астрахани» въ «журналѣ Мин. Нар. Просв.» 1859 г. ч. 102, отд. VII, стр. 208, и «Москвитянинъ» 1854 г. ч. I, № 3 и 4, февраль, отд. VII, стр. 134 (статья «Астрахань»).

[2]) См. «Полное Собраніе Законовъ Росс. Имперіи», № 15523.

ность Имп. публ. библ.). Всѣ онѣ очень невелики по своему объему и, весьма вѣроятно, представляютъ собой простыя извлеченія изъ какихъ нибудь иностранныхъ печатныхъ пособій. Таковы:

1) „Молитва Господня" на арабскомъ языкѣ (арабскими буквами и въ русской транскрипціи). Рукопись второй половины XVIII в. (1 стр. in 4°), вѣроятно изъ собранія Бакмейстера, доставшагося Аделунгу.

2) „Слова арабовъ Мадагаскарскихъ". Небольшое собраніе русскихъ словъ (всего 285) съ параллельными арабскими значеніями (писаны русскими буквами), быть можетъ выписанными изъ какого нибудь печатнаго словаря. Рукопись второй половины XVIII в. (7 стр. въ мал. поллиста писчей бумаги), очевидно изъ матеріаловъ для сравнительнаго словаря Екатерины II.

3) Русско-арабскія вокабулы и фразы, озаглавленныя по нѣмецки и по русски: „Arabische Wörtersammlung in den Dialecten von Jemen und Kagir. Aus Pallas Papieren. Языкъ Аравитянъ (въ Iеменѣ и въ Кагирѣ: 5 стр. въ поллиста писчей бумаги)". Второй, экземпляръ этого собранія имѣется во II отд. библіотеки академіи наукъ среди бумагъ Палласа, служившихъ матеріалами для сравнительнаго словаря Екатерины II (см. ниже).

Прочія рукописныя работы по арабскому языку, находящіяся въ названномъ собраніи, не имѣютъ ближайшаго отношенія къ русской наукѣ.

Нѣсколько подобныхъ-же собраній арабскихъ словъ, служившихъ матеріаломъ для сравнительнаго словаря Екатерины II, имѣется среди бумагъ Палласа въ лингвистической коллекціи Шёгрена въ библіотекѣ академіи наукъ (II отдѣленіе). Таковы: 1) собраніе 286 арабскихъ словъ и числительныхъ (арабскими и русскими буквами, съ обозначеніемъ ударенія, 18 стр. въ поллиста. Каталогъ Лерха, стр. 96, № 3);

2) Аналогичное собраніе тѣхъ же словъ, озаглавленное: „Произношеніе арабскихъ словъ" (9 стр. въ малые поллиста. Катал. Лерха, стр. 96, № 4);

3) Подобное-же собраніе, озаглавленное „Собраніе россійскихъ словъ съ арабскимъ переводомъ" (12 стр. въ поллиста. Катал. Лерха, стр. 96, № 5).

4) Русско-арабскія вокабулы и фразы: „Языкъ Аравитянъ въ Iеменѣ, въ Кагирѣ" (5 стр. въ поллиста, араб. буквами и русской транскрипціей. Каталогъ Лерха, стр. 96, № 6). Тожественны съ цитированнымъ немного выше собраніемъ изъ коллекціи Аделунга, озаглавленнымъ почти такъ-же.

Кромѣ того, арабскія слова приводятся и въ многоязычномъ

русско-арабско-персидско-мещерядко-киргизско-хивинско-бухарскомъ глоссаріи (26 стр. въ поллиста), составленномъ коллежскимъ ассессоромъ Мендіеромъ Бещеринымъ, очевидно, однимъ изъ нашихъ восточныхъ инородцевъ-переводчиковъ, и принадлежащемъ къ тѣмъ-же матеріаламъ Палласа для сравнительнаго словаря Екатерины II, о которыхъ уже неоднократно говорилось выше (въ каталогѣ коллекціи Шёгрена, сост. Лерхомъ, стр. 96, онъ помѣченъ № 26). Каждому инородческому языку здѣсь отведено по двѣ графы: одна для арабскихъ написаній, другая для русской транскрипціи.

Въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II арабскій помѣщенъ (подъ № 85), рядомъ съ близко родственнымъ „малтійскимъ" (№ 86),—въ сущности однимъ изъ новоарабскихъ діалектовъ, вслѣдъ за сирійскимъ (№ 84), халдейскимъ (№ 83) и еврейскимъ (№№ 82 и 81) языками.

Какъ видно изъ предыдущаго, для изученія арабскаго языка въ XVIII в. было сдѣлано у насъ очень мало. Только въ началѣ XIX в. у насъ являются первые солидные арабисты, оставившіе рядъ печатныхъ работъ по своей спеціальности.

Изъ семитическихъ языковъ больше всего занимались у насъ въ XVIII в. еврейскимъ. Довольно рано начали его преподавать въ нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ. Такъ въ Кіевской духовной академіи преподаваніе еврейскаго языка началось сравнительно очень рано. Первымъ-же извѣстнымъ преподавателемъ его въ ней былъ ея-же питомецъ Симонъ Тодорскій († 1754), усовершенствовавшійся въ своихъ познаніяхъ въ теченіе болѣе чѣмъ десятилѣтняго пребыванія заграницей, (особенно въ Іенѣ у профессора Михаэлиса) и начавшій преподавать еврейскій языкъ съ 1738 г. Его смѣнилъ ученикъ его, іеромонахъ Варлаамъ Лащевскій, отличный знатокъ греческаго языка и авторъ греческой грамматики (см. выше, стр. 353), занимавшій каѳедру еврейскаго языка съ 1743 по 1747 г., когда онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для исправленія славянской библіи. За нимъ послѣдовалъ рядъ преподавателей еврейскаго: Павинскій, Крижановскій, Павловичъ, Петолинскій, Злотковскій, Колтовскій, Иванишевъ. За отсутствіемъ учебниковъ, изданныхъ въ Россіи, преподаваніе основывалось на грамматикѣ Михаэлиса, переведенной съ нѣмецкаго языка на латинскій при академіи; для упражненій въ переводахъ служила книга Бытія и другія библейскія книги, а также руководство Христофора Целларія „Разговоры домашніе и школьные" [1]).

[1]) См. «Исторію Кіевск. Академіи» Макарія Булгакова. Спб. 1843, стр.

Въ Московской славяно-греко-латинской академіи первымъ преподавателемъ еврейскаго былъ іеромонахъ Іаковъ Блонницкій, приглашенный туда въ 1743. Онъ употреблялъ руководство Пфейфера. Затѣмъ преподавали: Никитинъ, Наумовъ, Антонскій, Ивановъ, Гумилевскій, Протасовъ, Платоновъ, Птицынъ. Впослѣдствіи при преподаваніи стали пользоваться еврейской грамматикой Гемпеля (Hempillii elementa linguae Hebraicae una cum doctrina de accentibus. Lipsiae 1776).

При Павлѣ I въ 1798 г. Св. Синодъ, подтверждая указъ 1784 г. объ усиленіи преподаванія греческаго языка въ духовныхъ училищахъ, предписывалъ: „языкамъ Еврейскому, а наипаче Греческому, яко нужнымъ для уразумѣнія Св. Писанія, обучаться всѣмъ, какъ присылаемымъ изъ Семинаріи, такъ и прочимъ Академіи студентамъ“ [1]). Отъ учителя еврейскаго языка митрополитъ Платонъ ожидалъ такого преподаванія, чтобы „ученики не токмо надлежащій успѣхъ имѣли, но чтобъ изъ нихъ и учительское мѣсто могли заступать“ [2]).

Въ Петербургской духовной академіи, основанной въ 1797 г., первыми преподавателями евр. языка были: иностранецъ Александръ Донатскій (очень недолго) и Петръ Гуриновскій (съ 1800 г.) [3]).

Столь-же рано началось преподаваніе еврейскаго языка и въ духовныхъ семинаріяхъ. Такъ въ Троицко-Лаврской семинаріи оно было введено въ концѣ 1744 г., и первымъ учителемъ его былъ Яковъ Федоровичъ Пашкевичъ. За нимъ слѣдовали Постниковъ, Тененевъ (воспитанникъ той-же семинаріи), Андрей (въ монашествѣ Амвросій) Подобѣдовъ, съ помощникомъ, крещенымъ евреемъ игуменомъ Варлаамомъ, Чижевскій и Замыцкій (воспитанники Троицкой-же семинаріи), Смирновъ, Никольскій (воспитанникъ Троицкой семинаріи) съ помощникомъ, крещенымъ евреемъ Яковомъ Матвѣевымъ и др. [4]).

Преподавался еврейскій вѣроятно и въ другихъ духовныхъ

156—157. Аскоченскій «Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею». Кіевъ. 1856 г. Ч. II., стр. 143—144, 160—61, 242, 246, 260, 350, 365, 428, 434, 473—74.

[1]) См. «Полное Собраніе Законовъ Росс. Имперіи», т. XXV. № 18726.

[2]) См. «Исторію Моск. Славяно-Греко-Лат. Академіи» С. Смирнова (М. 1855 г.), стр. 114, 310. Веселовскій, «Свѣдѣнія объ официальномъ преподаваніи вост. языковъ въ Россіи» Спб. 1879, стр. 116. сл.

[3]) См. Чистовичъ, «Исторія С.-Петерб. Духовной академіи». Спб. 1857, стр. 134.

[4]) См. Чистовичъ, «Исторія Троицкой Лаврской Семинаріи». М. 1867, стр. 98, 345—47, 496, 503—504, 507, 513.

семинаріяхъ, но безъ особыхъ успѣховъ. Плохіе результаты этого преподаванія не удивительны, въ виду отсутствія хорошихъ учителей, пособій на русскомъ языкѣ и совершенной оторванности изучаемаго предмета отъ дѣйствительныхъ условій русской жизни. Лишь очень немногимъ, посвящавшимъ себя научнымъ занятіямъ, еврейскій языкъ могъ пригодиться въ ихъ дальнѣйшей жизни. Огромное большинство учащихся, конечно, смотрѣло на него, какъ на совершенно ненужную школьную обузу.

Классъ еврейскаго языка не былъ, впрочемъ, обязателенъ для всѣхъ, и его посѣщали лишь желающіе. Пособіями были: грамматика Васмута (изд. 1692 г.), „Clavis Hebraei codicis“ Лангія и „Philologia sacra“ Гласія.

Каковы были преподаватели еврейскаго языка, можно видѣть на примѣрѣ упомянутыхъ выше двухъ крещеныхъ евреевъ, которые тоже занимались преподаваніемъ. Первому изъ нихъ, игумену Варлааму (поступившему въ 1769), поручено было два или три дня въ недѣлю посвящать переводу изъ Библіи, съ объясненіемъ трудныхъ словъ, корней и собственныхъ значеній, главнымъ образомъ съ наиболѣе успѣшными учениками, ибо „недовольно обучившихся оной игуменъ обучать за незнаніемъ резолюціи по грамматикѣ признается неспособнымъ“. Второй, Яковъ Матвѣевъ (преподавалъ съ 1792 г.), также не зналъ грамматики и потому долженъ былъ учить своихъ учениковъ только чтенію, письму и переводу въ теченіе получаса до прихода учителя [1]).

Въ самомъ концѣ XVIII в. (25 февр. 1800 г.) митрополитъ Платонъ, озабочиваясь пригототовленіемъ хорошихъ учителей евр. языка, приказалъ: „изъ обучающихся еврейскому языку философовъ понятныхъ и къ еврейскому языку другихъ склоннѣйшихъ отобравъ трехъ, обучать ихъ единственно еврейскому языку, съ тѣмъ, чтобъ они по еврейски никакъ не хуже знали, какъ лучшій, успѣвшій въ греческомъ языкѣ“ [2]).

Въ половинѣ 60-хъ гг. XVIII в. была сдѣлана у насъ попытка обзавестись для духовныхъ учебныхъ заведеній европейски образованными преподавателями восточныхъ языковъ, главнымъ образомъ еврейскаго, сирійскаго и халдейскаго. Попытка эта впослѣдствіи вызвала, въ свою очередь, смѣлый проектъ объ учрежденіи богословскаго факультета при молодомъ Московскомъ университетѣ, осуществленіе котораго несомнѣнно имѣло-бы огромное значеніе для послѣдующей исторіи нашей духовной куль-

---

[1]) С. Смирновъ, «Исторія Троицкой Семинаріи». Москва. 1867, стр. 346—347.
[2]) Тамъ-же, стр. 347.

туры. 6-го мая 1765 г. императрица Екатерина II повелѣла оберъ-прокурору Синода Мелиссино объявить св. Синоду слѣдующую свою волю: „изъ обучающихся въ семинаріяхъ учениковъ, кои дошли уже до реторики и какъ въ понятіи хорошую о себѣ подаютъ надежду, такъ и въ частныхъ поступкахъ предъ прочими взяли преимущество, избрать 10 человѣкъ, для отправленія ихъ въ Англію, дабы въ университетахъ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ въ пользу государства, высшихъ обучатися могли наукъ и восточныхъ языковъ, не выключая и богословія“.

Для надзора и попеченія при молодыхъ людяхъ должны были находиться два инспектора.

Въ случаѣ отсутствія способныхъ семинаристовъ, предписывалось набрать для этой посылки молодыхъ людей въ Московскомъ университетѣ. Въ засѣданіи Синода 25-го мая Мелиссино лично объяснилъ, что государыня, ревнуя о пользѣ нашей церкви, 21-го мая вторично приказала объявить св. Синоду, чтобы сказанные семинаристы были отправлены въ Англію для обученія восточнымъ языкамъ и высшимъ наукамъ, не исключая и богословія.

Согласно этой Высочайшей волѣ, въ томъ-же году было отправлено въ Оксфордъ и Кембриджъ четверо семинаристовъ (Левшиновъ, Быковъ, Суворовъ и Матвѣевской), въ сопровожденіи инспектора Василія Никитина. Съ ними, также для изученія восточныхъ языковъ, былъ посланъ еще канцеляристъ Александръ Быховецкій, состоявшій до этого при статсъ-секретарѣ Тепловѣ. Въ 1766 г. выѣхала вторая партія, также изъ четырехъ молодыхъ людей (Клевецкій, Наумовъ, Багрянскій и Антонскій), съ инспекторомъ Миной Исаевымъ,—въ Лейденъ, а за нею третья, опять въ числѣ четырехъ студентовъ (Розановъ, Новиковъ, Смирновъ и Андреевскій) съ инспекторомъ Димитріемъ Семеновымъ-Рудневымъ (впослѣдствіи епископъ Нижегородскій Дамаскинъ)—въ Геттингенъ.

Кромѣ посланныхъ со студентами инспекторовъ, за поведеніемъ и успѣхами молодыхъ людей, отправленныхъ за-границу, должны были слѣдить и наши дипломатическіе агенты, жившіе въ тѣхъ государствахъ, гдѣ они обучались. Эти агенты иногда присылали подлинныя свидѣтельства профессоровъ, у которыхъ учились наши студенты. Общій тонъ всѣхъ свидѣтельствъ былъ очень благопріятный; о нѣкоторыхъ-же (о Семеновѣ-Рудневѣ, Багрянскомъ, Исаевѣ и Никитинѣ) заграничные профессора отзывались со особой похвалой. Нѣкоторые изъ студентовъ занимались, въ числѣ другихъ предметовъ, и еврейскимъ языкомъ. Такъ изъ первой партіи

еврейскимъ занимались Быковъ и Суворовъ, вторая вся занималась восточными языками (въ томъ числѣ, конечно, и еврейскимъ) у проф. Шультенса, который очень хвалилъ успѣхи и прилежаніе своихъ русскихъ учениковъ, а въ третьей также всѣ, кромѣ одного (Андреевскаго), учились еврейскому у профессора Михаэлиса.

Всѣхъ успѣшнѣе оказалась поѣздка третьей, геттингенской партіи.

По возвращеніи ея въ Россію въ 1772 г., членамъ ея устроено было особое испытаніе въ нарочно для сего организованной коммиссіи, состоявшей изъ архіепископовъ петербургскаго, Гавріила, и псковскаго, Иннокентія, тайныхъ совѣтниковъ Григорія Теплова и Петра Чебышева, академиковъ Штелина, Крафта, Лаксмана, инспектора академической гимназіи Бакмейстера и конректора Штриттера. Испытаніе блестяще доказало, что посланные во время своей командировки не теряли даромъ времени. Особенныя-же познанія и успѣхи изъ этой партіи обнаружилъ ея инспекторъ Дмитрій Семеновъ-Рудневъ, впослѣдствіи архіепископъ Нижегородскій, на котораго испытательная коммиссія и обращала особое вниманіе императрицы въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ о произведенномъ ею испытаніи. Въ этомъ-же представленіи подымалась и мысль объ учрежденіи у насъ богословскихъ факультетовъ, оставшаяся, однако, неосуществленною, несмотря на наличность молодыхъ силъ, получившихъ европейское образованіе.

Вернувшіеся молодые люди получили разныя назначенія, часто совсѣмъ не соотвѣтствовавшія степени ихъ образованія и труду, положенному на достиженіе его. Самое почетное назначеніе получилъ Дмитрій Семеновъ-Рудневъ, опредѣленный въ 1774 г. префектомъ и профессоромъ философіи въ Московскую академію. Въ 1775 г. онъ вступилъ уже въ монашество, принявъ имя Дамаскина, былъ ректоромъ академіи, съ 1782 г. епископомъ Сѣвскимѣ, а съ 1783—Нижегородскимъ († 1795). О его лингвистическихъ трудахъ говорилось уже выше (стр. 420—21 и 425).

Розановъ былъ утвержденъ въ степени магистра словесныхъ наукъ, но, вмѣсто восточныхъ языковъ, сталъ преподавать въ Александроневской семинаріи франц. и нѣм. языки и математику. Новиковъ умеръ вскорѣ послѣ экзамена, а Смирновъ еще въ Геттингенѣ. Изъ Лейденской и англійской партій, раньше другихъ въ 1772 г. вернулись Левшинъ, Быковъ, Клевецкій и Наумовъ. Первый изъ нихъ сдѣлался священникомъ Московскаго Благовѣщенскаго собора, а Иванъ Наумовъ назначенъ былъ учителемъ греческаго и еврейскаго языковъ въ Московскую академію (въ 1772 г.), но черезъ четыре года умеръ, уже въ званіи іеродіакона

при Академіи Художествъ. Быковъ сдѣланъ былъ преподавателемъ Троицкой семинаріи, гдѣ и умеръ, а Клевецкій сталъ учителемъ исторіи, географіи и греческаго языка въ Петербургской Александроневской семинаріи.

Инспекторъ Лейденской партіи Исаевъ, подававшій блестящія надежды, скончался, возвращаясь въ Россію, въ Мангеймѣ, инспекторъ англійской группы Никитинъ сталъ профессоромъ, а послѣ и инспекторомъ Морского кадетскаго корпуса. Суворовъ, измѣнившій еще за границей восточнымъ языкамъ для математики (получилъ отъ Оксфордскаго университета дипломъ на званіе магистра), сталъ также преподавателемъ Морского корпуса (математики, миѳологіи, географіи, англ. языка и словесности) и впослѣдствіи профессоромъ математики Московскаго университета. Антонскій и Багрянскій вернулись въ 1775 г. Первый былъ назначенъ въ Московскую академію учителемъ греч. и евр. языковъ на мѣсто своего товарища Наумова, но также скоро умеръ (въ 1777 г.), а Багрянскій въ 1776 г. постригся и былъ сдѣланъ префектомъ и учителемъ философіи Новгородской семинаріи, гдѣ былъ впослѣдствіи и ректоромъ.

Такимъ образомъ большинство студентовъ, посланныхъ за границу для обученія восточнымъ языкамъ, частью умерло преждевременно, частью измѣнило восточной филологіи. Одинъ только Дамаскинъ-Рудневъ, какъ мы уже видѣли выше, вписалъ свое имя на страницы исторіи языкознанія въ Россіи, хотя и не въ области еврейскаго языка, изучить который онъ былъ посланъ. Мѣра, задуманная Екатериной II „на пользу государства“, очевидно потерпѣла неуспѣхъ; отчасти и по винѣ самой императрицы, скоро охладѣвшей къ своей идеѣ [1]).

Еще слабѣе, былъ, конечно, спросъ на еврейскій языкъ въ нашей свѣтской школѣ. Въ этой области мы лишь изрѣдка находимъ указанія на возможность преподаванія его. Такъ въ 1756 г., на должность ректора университетской гимназіи въ Москвѣ, былъ вызванъ докторъ философіи Іоганнъ-Матіасъ Шаденъ, питомецъ Тюбингенскаго университета, гдѣ онъ занимался еврейскимъ языкомъ у проф. Шнуррера. Прибывъ въ Москву, Шаденъ составилъ для гимназіи обозрѣніе преподаванія, въ которомъ выражалъ готовность: „есть ли найдутся которые восточнымъ языкамъ еврей-

---

[1]) См. Чистовичъ, «Исторія С.-Петербургской Духовной академіи» (Спб. 1857), стр. 62—68, 36, 42 и статью неизвѣстнаго автора Х.: «Проектъ богословскаго факультета при Екатеринѣ II. 1773-й годъ» въ «Вѣстникѣ Европы» 1873 г., ноябрь, стр. 300—317.

скому и халдейскому учиться, и оныхъ древности разсмотрѣть пожелаютъ, то онъ (Шаденъ) имъ не только въ филологію руководство тѣхъ восточныхъ языковъ, но и особенное наставленіе въ языкахъ еврейскомъ и халдейскомъ преподастъ“ [1]).

Едва ли, однако, онъ нашелъ такихъ желающихъ. Слишкомъ мало отношенія къ дѣйствительности и ея интересамъ имѣли „еврейскія и халдейскія древности“, привлекающія и въ наше время лишь очень немногихъ. Не удивительно поэтому, если, не смотря на преподаваніе еврейскаго языка въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ, наша учебная и научная литература XVIII в. не представляетъ ни одного пособія для изученія названнаго языка, ни одной статьи, посвященной ему. Даже въ богатой лингвистической коллекціи Аделунга (Имп. публ. библіотека) нѣтъ ничего, что могло-бы быть отмѣчено въ данномъ отдѣлѣ исторіи русской науки. Только въ бумагахъ Палласа, хранящихся въ II отд. библіотеки академіи наукъ въ составѣ лингвистической коллекціи Шёгрена и представляющихъ собраніе матеріаловъ для сравнительнаго словаря Екатерины, дошли до насъ два собранія 286 русскихъ словъ и числительныхъ съ еврейскими значеніями:

1) „Собраніе словъ россійскихъ съ переводомъ Еврейскимъ Андрея Градера“ (14 съ небольшимъ стр. въ поллиста писчей бумаги, еврейскія слова изображены оригинальнымъ письмомъ и русскими буквами съ обозначеніемъ акцентуаціи. См. каталогъ коллекціи Шёгрена, сост. Лерхомъ, стр. 96 и сл. № 47).

2) Подобное же собраніе безъ заглавія ($5^1/_2$ стр. въ поллиста, еврейскими и русскими буквами, каталогъ Лерха, стр. 96 и слѣд., № 48).

Кромѣ этихъ незначительныхъ памятниковъ изученія еврейскаго языка у насъ въ XVIII в., можно указать еще только на рядъ отдѣльныхъ фантастическихъ этимологій и сравненій съ еврейскими, сирійскими и халдейскими формами, которыя мы находимъ въ нѣкоторыхъ журнальныхъ статьяхъ и у нашихъ этимологизаторовъ историковъ. Такія сравненія съ еврейскимъ, сирійскимъ и халдейскимъ находимъ у Сумарокова (см. выше, стр. 211), у Коха въ статьѣ „О нѣкоторыхъ древнихъ названіяхъ Словенскаго народа“ („Растущій Виноградъ“ 1785 г., см. выше, стр.

[1]) См. Біографич. словарь Имп. Московскаго Университета за истекающее столѣтіе со дня учрежденія января 12-го 1755 года по день столѣтняго юбилея янв. 12-го 1855 г., составленный трудами профессоровъ и преподавателей и т. д. (Москва, 1855 г.). Ч. II. стр. 560.

290—91) и цитированныхъ выше (стр. 465) фантастическихъ экскурсіяхъ въ область египетскихъ іероглифовъ и сфинксовъ; у Болтина въ „Примѣчаніяхъ на исторію Россіи Леклерка“ (см.выше, стр. 271—72) и т. д.

Въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II еврейскій представленъ двумя рубриками: „по-еврейски“ (№ 81) и „по-жидовски“ (№ 82); за ними слѣдуютъ другіе семитическіе языки: халдейскій (№ 83), сирійскій (№ 84), арабскій (№ 85), мальтійскій (№ 86) и „ассирійскій“ (?! № 87). Подготовительныя работы по халдейскому и „ассирійскому“ сохранились до нашихъ дней въ бумагахъ Палласа, входящихъ въ составъ коллекціи Шёгрена (II отд. библ. Имп. акад. наукъ). Среди нихъ находимъ, напр.: 1) собраніе 285 „ассирійскихъ“ словъ и числительныхъ, озаглавленное: „Произношеніе словъ Ассирійскихъ“ (8 стр. въ поллиста, каталогъ коллекціи Шёгрена, составл. Лерхомъ, стр. 96, № 12);

2) „Произношеніе словъ Халдейскихъ“: такое же собраніе 286 халдейскихъ словъ и числит. (оригин. письмомъ и въ русской транскрипціи) съ русскимъ значеніемъ (7 съ небольшимъ стр. въ поллиста, каталогъ Лерха, ibid. № 30).

3) Собраніе 286 халдейскихъ словъ и числит. безъ заглавія (12 стр. въ поллиста, каталогъ Лерха, ibidem, № 52).

4) Такое же собраніе безъ заглавія (10 съ небольшимъ стр. въ поллиста, каталогъ Лерха, ibidem, № 53).

Изъ кавказскихъ языковъ болѣе всего посчастливилось грузинскому. Еще Мессершмидтъ въ началѣ 30-хъ гг. XVIII в. (1733 г.) занимался имъ. Въ собраніи его рукописныхъ замѣтокъ („Messerschmidtiana ad linguas populorum Sibiriae pertinentes“, рукопись Азіатскаго музея, отд. III. № 68) находимъ между прочимъ „Alphabetum Grusinensium seu Georgianum“. Въ его-же „Lectiones orientales seu linguarum aliquot orientalium... elementa“ опять встрѣчаются замѣтки, посвященныя грузинскому языку и его азбукѣ. Правительство наше также обращало вниманіе на важность знакомства съ грузинскимъ языкомъ. Такъ, когда въ 1737 г. Св. Синодъ вошелъ въ кабинетъ министровъ съ просьбой о разрѣшеніи напечатать священныя книги „Грузинскими литерами для службы Божіей въ Грузіи“, кабинетъ министровъ, удовлетворяя просьбу, при этомъ случаѣ „наикрѣпчайше рекомендовалъ“ имѣть при синодѣ знающихъ по грузински людей, которые-бы „сами оныя книги на Грузинскомъ языкѣ освидѣтельствовать могли“. Кабинетъ при этомъ совѣтовалъ „стараніе приложить, дабы, какъ того Грузинскаго, такъ и особливо Калмыцкаго языка

обучались и со временемъ потребныя къ душевному наставленію тѣхъ народовъ книги на ихъ природномъ языкѣ напечаны быть могли" [1]).

Около этого-же времени при академіи наукъ, по почину „новгородской епархіи архіепископа Грузинскаго монастыря Іоанна, игумена Христофора", предлагавшаго даже свои услуги въ качествѣ наборщика, печаталась грузинская азбука „на россійскомъ и грузинскомъ діалектахъ", какъ это было рѣшено въ засѣданіи 17 іюня 1737 г. Для этого изданія (въ количествѣ 500 экземпляровъ) постановлено было въ академической словолитнѣ „отлить вновь литеръ грузинскихъ" [2]) „по показанію" помянутаго игумена Христофора. Выраженіе „вновь" какъ-бы указываетъ, что и раньше подобныя литеры отливались. Но подобное предположеніе опровергается довольно вѣско прошеніемъ типографскаго подмастерья Михаила Яковлева о производствѣ его въ факторы, поданнымъ въ академію наукъ въ іюлѣ 1746 г. Говоря о своихъ заслугахъ, Яковлевъ указываетъ, что онъ исправлялъ „на грузинскомъ языкѣ азбуку, которыхъ при здѣшней типографіи еще никогда не бывало" [3]).

Такимъ образомъ надо думать, что та азбука, о печатаніи которой шла рѣчь въ академіи въ іюлѣ 1737 г., была первымъ пособіемъ для изученія грузинскаго языка, напечатаннымъ въ Петербургѣ. Азбука эта, впрочемъ, должна представлять собой величайшую библіографическую рѣдкость. По крайней мѣрѣ ея нѣтъ ни въ одномъ изъ главныхъ книгохранилищъ Петербурга, библіотекахъ Имп. Публ., Академической (I отдѣл.), Азіатскаго музея и университетской. Въ библіотекѣ С.-Петербургской духовной академіи, впрочемъ, есть одна подобная азбука, озаглавленная у г. Родосскаго [4]): „Азбука россійская и грузинская. 8°. 32 стр. 1730 г.", но отожествить ее съ вышеупомянутой книгой нѣсколько трудно, въ виду отсутствія заглавнаго листа.

Г. Родосскій относитъ появленіе ея ко времени до 1735 г., въ виду присутствія въ ней, въ ряду прочихъ буквъ русской гражданской азбуки, и буквъ S (зѣло) и V (ижица), изгнанныхъ въ этомъ году изъ употребленія по постановленію академіи наукъ. Едва-ли, однако, такой остракизмъ могъ быть особенно строгъ, и потому присут-

---

[1]) См. «Полное собраніе законовъ Росс. имперіи», № 7411.

[2]) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи Императ. академіи наукъ», т. III, 411—412.

[3]) Тамъ же, т. VIII, стр. 175.

[4]) См. его «Описаніе книгъ гражданской печати XVIII ст., хранящихся въ библіотекѣ Спб. Духовной Академіи». Спб. 1896, стр. 36—37.

ствіе въ нашей книгѣ названныхъ буквъ, вдобавокъ не въ текстѣ, а только въ азбукѣ, врядъ-ли можетъ служить вѣскимъ доказательствомъ ея появленія въ свѣтъ до 1735 г. По шрифту и бумагѣ она несомнѣнно похожа на нѣкоторыя академическія изданія 30-хъ годовъ XVIII в. На первой страницѣ ея — рукописная помѣта „Petropoli“, вѣроятно ея прежняго владѣльца, монаха Никодима Селлія, отъ котораго она поступила въ библіотеку Александроневской семинаріи, впослѣдствіи Духовной академіи, въ 1746 г., какъ гласитъ рукописная современная надпись на первыхъ страницахъ книги. Такимъ образомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что академическая азбука грузинскаго языка тожественна съ упоминаемой въ „Матеріалахъ для исторіи Имп. акад. наукъ“ подъ 1737 годомъ. Академическій экземпляръ содержитъ русскую и грузинскую (церковную) азбуки, склады, „число арїѳметїческое и грузїнское“, рядъ вокабулъ въ алфавитн. порядкѣ (2 страницы на русск. и груз. языкахъ), нѣсколько молитвъ (слав. и груз. тексты en regard), латинскую транскрипцію груз. азбуки и складовъ съ замѣчаніями на нѣмецкомъ языкѣ о произношеніи нѣкоторыхъ звуковъ (g и h) и параллельные тексты „Отче нашъ“ на латинскомъ и грузинскомъ языкахъ. Во всякомъ случаѣ академическая азбука является большой библіографической рѣдкостью и представляетъ одно изъ самыхъ раннихъ пособій для изученія грузинскаго языка, вышедшихъ у насъ въ XVIII в. Грузинскій текстъ вездѣ напечатанъ въ ней церковнымъ шрифтомъ.

Къ 1737 г. относится и появленіе первой краткой рукописной грамматики грузинскаго языка, составленной нѣкіимъ Зурабомъ Шаншовани въ Москвѣ. Въ составленіи ея принималъ участіе и царевичъ Вахуштъ, сынъ Вахтанга VI. Увидѣла свѣтъ, впрочемъ, эта грамматика лишь 144 года спустя послѣ своего составленія, изданная проф. А. А. Цагарели [1]). Въ 1743 выходитъ грузинская библія, печатавшаяся въ подмосковномъ селѣ Всехсвятскомъ въ грузинской типографіи царевича Бакара, сына Вахтанга VI, переѣхавшаго въ Москву съ семьею въ 1724 г. послѣ раззоренія Тифлиса персіанами [2]), а въ 1747, также въ Москвѣ,—другое изданіе грузинской библіи (имѣется въ библіотекѣ Азіатскаго музея).

---

[1]) «Краткая грузинская грамматика, составленная Зурабомъ Шаншовани въ 1737 г., изданная А. Ц[агарели]. Въ память V археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ». Спб. 1881 г. 8°. XXIII+75 стр.

[2]) См. Цагарели, «О граммат. литературѣ груз. языка» (Спб. 1873), стр. 102.

За библіей послѣдовалъ псалтырь, напечатанный также въ Москвѣ, въ 1749 г. (Библ. Аз. музея).

Въ серединѣ XVIII в. возникъ и русско-грузинскій рукописный словарь, составленный по приказанію царевича Вахушта, сына Вахтанга VI (см. рукопись Азіат. музея № 98).

Къ 1753 г. относится рукописная грамматика Антонія Католикоса (р. 1714 † 1788), составленная по плану и методѣ армянской грамматики Мхитара севастійскаго (см. ея рукописный экземпляръ въ библіотекѣ Азіатскаго музея, № 88 в.)[1]).

Въ 1758 явилась вторая (?), цитируемая Сопиковымъ (№ 1781) „Азбука Грузинская. М. 1758. 8°“. Этого изданія также не имѣется ни въ одномъ изъ вышеперечисленныхъ книгохранилищъ Петербурга, такъ что Сопиковъ служитъ вѣроятно единственнымъ свидѣтелемъ его существованія.

О томъ, что въ началѣ 60-хъ гг. XVIII в. въ академической типографіи имѣлся грузинскій шрифтъ и печатались грузинскіе тексты, свидѣтельствуетъ печатное привѣтствіе на грузинскомъ (оригинальнымъ грузинскимъ шрифтомъ) и русскомъ языкахъ Теймуразу Николаевичу, царю Грузинскому, поднесенное ему типографскими служителями Императ. академіи наукъ, по случаю его прибытія въ Петербургъ въ 1761 г. Экземпляръ его, сохранившійся въ лингвистической коллекціи Аделунга (Имп. Публ. библ.), носитъ дату 21-го іюня 1761 г.

Къ 1767 году относится составленіе второй рукописной грузинской грамматики Антонія Католикоса (рукопись Аз. муз., № 88а), отличающейся особой подробностью и самостоятельностью въ отношеніи какъ формы, такъ и обработаннаго въ ней матеріала, и обнаруживающей уже вліяніе европейскихъ грамматиковъ[2]). Время составленія третьей грамматики Антонія, носящей заглавіе „Симетне“, (рукопись Азіат. музея № 91) и представляющей въ сущности приложеніе къ первой части его первой грамматики, въ точности не извѣстно. Самъ Антоній не говоритъ нигдѣ о принадлежности ему этого труда. Она изложена въ формѣ катехизиса и вѣроятно служила школьнымъ руководствомъ[3]). Названные грамматическіе труды Антонія Католикоса имѣли большое вліяніе на послѣдующихъ составителей грузинскихъ грамматикъ,

---

[1]) См. о ней подробнѣе въ только что цитир. книгѣ проф. Цагарели, стр. VII и 1—26.

[2]) См. о ней подробнѣе тамъ же, стр. VII—VIII, 30—35.

[3]) См. о ней подробнѣе тамъ же, стр. 26—30.

которые строго придерживались его терминологіи, опредѣленій и внѣшняго плана [1]).

Въ началѣ и серединѣ 70-хъ гг. XVIII в. собиралъ лексическіе матеріалы по грузинскому языку академикъ Гюльденштедтъ. Въ лингвистической коллекціи Аделунга (имп. публ. библ.) находимъ два рукописныхъ собранія грузинскихъ словъ, фразъ и небольшихъ текстовъ, поступившихъ отъ Гюльденштедта къ прежнему владѣльцу ея Бакмейстеру 18 сент. 1775 г.

Одно изъ этихъ собраній обнимаетъ 14 стр. въ поллиста писчей бумаги и распадается на двѣ части съ отдѣльными заглавіями: „Notae ad linguam qua utitur in Grusia" (о произношеніи русскихъ буквъ съ разными діакритическими значками, примѣненныхъ собирателемъ для изображенія грузинскихъ звуковъ) и „Lingua qua utitur in Georgia". Грузинскія слова приводятся здѣсь въ оригинальныхъ написаніяхъ туземной азбукой, въ русской и латинской транскрипціи. Другое собраніе меньше (11 стр. въ поллиста) и озаглавлено: „Lingua qua utitur in provincia Mingrelia". Здѣсь находимъ также примѣчанія о звуковомъ значеніи примѣненныхъ для транскрипціи русскихъ буквъ.

Кромѣ этихъ рукописныхъ матеріаловъ, собранныхъ Гюльденштедтомъ, довольно обильное собраніе словъ изъ трехъ грузинскихъ діалектовъ (картвельскаго, мингрельскаго и сванетскаго), озаглавленное „Georgianische Mundarten", мы находимъ во второй части его печатнаго путешествія по Россіи (въ 1768—1775 гг.): „Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge. Auf Befehl der Russisch-Kayserlichen Akademie der Wissenschaften herausgegeben von P. S. Pallas", Спб. 1791. 4°, стр. 496—504. Перечень 105 груз. словъ имѣется также въ I части (стр. 343—4).

Довольно много списковъ грузинскихъ словъ имѣется въ упоминавшихся не разъ выше бумагахъ Палласа, служившихъ матеріалами при составленіи сравнительнаго словаря Екатерины II (1786—89), въ которомъ грузинскій представленъ тремя отдѣльными рубриками: „по Карталински" (№ 108), „по Имиретински" (№ 109) и „по Суанетски" (№ 110). Таковы:

1) Собраніе 286 словъ и числительныхъ (на 11 стр. въ поллиста) на русскомъ языкѣ съ переводомъ на грузинскій, для котораго приготовлены двѣ графы: „переводъ на Грузинской Діалектъ" (оставлена пустой, предназначалась очевидно для подлинныхъ написаній грузинской азбукой) и „Произношеніе", въ которой грузинскія слова переданы русскими буквами (см. рукопис.

[1]) Тамъ же, стр. 35.

каталогъ коллекціи Шёгрена, сост. Лерхомъ, отд. „Бумаги Палласа“, стр. 96 и сл. № 42).

2) Такое же собраніе (на 9 съ небольшимъ стр. въ поллиста, каталогъ Лерха, тамъ-же, № 43).

3) „Собраніе россійскихъ словъ съ грузинскимъ переводомъ. Г. Канцеляріи совѣтника князя Мауравова“ (286 словъ и числит. грузинскими и русск. буквами, 19 стр. въ поллиста, каталогъ Лерха, тамъ-же, № 44).

4) „Переводъ Грузинскихъ словъ“ (286 словъ и числит. грузинскими и русскими буквами на 8 съ небольшимъ стран. въ поллиста. Каталогъ Лерха, тамъ-же № 45). Въ примѣчаніи разъясняется значеніе нѣкоторыхъ осложненныхъ діакритическими значками знаковъ русской азбуки: Г̇ = лат. g, к̇ обозначаетъ „гортанное произношеніе“, ц̇, з̇, ч̇ и ж̇—особые согласные, свойственные грузинскому и нѣкот. другимъ кавказскимъ языкамъ и т. д.

5) „Dialectes de la langue Georgienne“: 286 словъ и числит., расположенныхъ въ четырехъ графахъ: Russe, Cartuel, Mingrélie, Swanet (10 стр. въ поллиста. Каталогъ Лерха, тамъ-же, № 46).

Въ концѣ 80-хъ годовъ XVIII в. явилась первая печатанная въ Россіи грамматика грузинскаго языка (на грузинскомъ). Она вышла въ Кременчугѣ 2-го октября 1789 г. (143 стр. 8°) и содержитъ три части: этимологію, синтаксисъ и орѳографію. Авторомъ ея былъ природный грузинъ, одно время ректоръ грузинской семинаріи, впослѣдствіи архіепископъ, Гаіозъ († въ началѣ XIX в.). Грамматика Гаіоза мало отступаетъ отъ грамматики Антонія, представляя собой удачное ея сокращеніе [1]).

Вѣроятно къ послѣднимъ годамъ XVIII в. (не позже 1798 г.) относится рукописная грамматика царевича Давида [† 1812] (рукопись Азіатскаго музея, № 93, 4°), названная „Философической грамматикой“ и изложенная въ формѣ катехизиса. Вліяніе грамматики Антонія замѣтно и здѣсь, но, кромѣ того, авторъ заплатилъ дань и модному въ то время увлеченію „всеобщею“ или „философскою грамматикой“, о чемъ свидѣтельствуетъ не только заглавіе, но и самое содержаніе его труда [2]).

Въ послѣднихъ же годахъ XVIII в. вышла еще одна печатная грузинская азбука (Моздокъ, 1797 г.), экземпляръ которой, составляющій большую библіографическую рѣдкость, имѣется въ библіотекѣ Азіатскаго музея (Georgiana, № 87, f).

---

[1]) Подробнѣе см. о ней въ цит. книгѣ проф. Цагарели, стр. 35—36.

[2]) См. о немъ тамъ же, стр. 36—38.

Другіе кавказскіе языки (не индоевропейскаго происхожденія) также обращали на себя вниманіе нашихъ ученыхъ XVIII в., хотя и не такъ рано, какъ грузинскій. Предметомъ научнаго интереса они сдѣлались лишь въ началѣ 70-хъ годовъ XVIII в., когда на Кавказѣ путешествовалъ академикъ Гюльденштедтъ. Памятникомъ этого интереса служитъ прежде всего рядъ рукописныхъ записей, сдѣланныхъ имъ, или его помощниками, и переданныхъ въ 1775 г. Бакмейстеру, отъ котораго они впослѣдствіи перешли къ Ѳ. П. Аделунгу и въ настоящее время хранятся въ Имп. публ. библіотекѣ, въ составѣ всей лингвистической коллекціи Аделунга. Чеченскій языкъ представленъ здѣсь небольшимъ собраніемъ числительныхъ и фразъ на русскомъ и чеченскомъ языкахъ, озаглавленнымъ „Lingua qua utitur in districtu Tschetschen "(5 стр. въ поллиста, чеченскія слова изображены латинск. и русскими буквами); аварскій языкъ—такимъ же собраніемъ, носящимъ заглавіе: „Lingua qua utitur in districtu Auar seu Chunsag" (8 стр. въ поллиста, числит. и фразы на русскомъ и аварскомъ языкахъ, послѣднія въ латинской и русской транскрипціи); даргинскій (по терминологіи Вс. Ѳ. Миллера) и его діалекты послужили матеріаломъ для слѣдующихъ записей: „Lingua districtus Kasi Kumuch" (также числительныя и фразы, 9 стр. въ поллиста); „Lingua qua utitur in districtu Andi" (тоже, 7 стр. въ поллиста); „Lingua qua utitur in districtu Akuscha" (тоже, 5 стр. въ поллиста). Западногорская группа представлена только одной записью: „(Kabardaice) Tscherkesice" (также числительныя и фразы на русскомъ и черкесскомъ языкахъ, съ двоякой транскрипціей черкесскихъ словъ русскими и латинскими буквами, 9 стр. въ поллиста). Всѣ эти записи носятъ помѣту на франц. языкѣ о полученіи ихъ (Бакмейстеромъ) отъ Гюльденштедта 18 сент. 1775 г.

Записи эти очевидно представляютъ только часть того черноваго матеріала, который легъ въ основаніе глоссаріевъ разныхъ кавказскихъ языковъ, напечатанныхъ во 2-й части описанія путешествія Гюльденштедта по Кавказу, изданнаго уже послѣ его смерти (1781) академикомъ Палласомъ [1]).

Мы находимъ здѣсь глоссаріи слѣдующихъ кавказскихъ не индоевр. языковъ: Мицджегизскіе діалекты (Mizdschegisische Mundarten): чеченскій, ингушскій, тушетскій (стр. 504—511); лезгинскіе діалекты: анцугскій, джарскій, хунсагскій, дидойскій (стр. 512—519); языки

[1]) Güldenstädt. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge. Auf Befehl der Russisch-Kayserlichen Akademie der Wissenschaften herausgegeben von P. S. Pallas. Ч. II. Спб. 1791. 4°.

казікумыковъ, андійскій и акушинскій (стр. 520—527); языки кабардинскіе и абхазскіе (кабардинскій, кушъ-хасибъ-абхазскій и алтекесекъ-абхазскій, стр. 527—535). Кромѣ того, въ путешествіи Гюльденштедта приводятся и глоссаріи нѣкоторыхъ иранскихъ языковъ Кавказа и смежныхъ или близкихъ странъ. О нихъ мы скажемъ ниже, въ своемъ мѣстѣ. Свѣдѣнія о географическомъ распредѣленіи разныхъ кавказскихъ языковъ даетъ первая часть путешествія Гюльденштедта, содержащая описаніе разныхъ мѣстностей Кавказа.

Первую классификацію кавказскихъ языковъ далъ также Гюльденштедтъ въ письмѣ своемъ къ Бакмейстеру, напечатанномъ въ „Wöchentliche Nachrichten von neuen Landcharten, geographischen, statistischen und historischen Büchern und Sachen“ (Берлинъ, 1773 г. 23-es Stück отъ 31-го мая, стр. 173—76), издававшихся Бюшингомъ. Гюльденштедтъ различаетъ здѣсь 6 языковъ: 1) татарскій, съ діалектами: нагайскимъ, кумыкскимъ, „терекеменскимъ“ или трухменскимъ; 2) лезгинскій, съ шестью діалектами; по мнѣнію Гюльденштедта—одного происхожденія съ пермяцкимъ, вотяцкимъ, черемисскимъ и венгерскимъ (!); 3) кистійскій (въ Чечнѣ и т. д.: происхожденіе не извѣстно, но во всякомъ случаѣ не европейское); 4) осетинскій (съ двумя діалектами: дугорскимъ и гирскимъ; сынъ персидскаго языка); 5) черкесскій (съ двумя въ высшей степени различными и едва-ли одного происхожденія діалектами въ Кабардѣ и Абхазіи); 6) грузинскій (съ тремя діалектами: кахетинскимъ и картвельскимъ, мингрельскимъ и сванетскимъ). При этомъ Гюльденштедтъ сообщалъ, что имъ собраны еще матеріалы по венгерскому, калмыцкому, армянскому, ново арабскому, персидскому и курдскому, который онъ называлъ: „ein stark abweichender Dialekt der persischen Sprache“.

Кромѣ Гюльденштедта, лексическіе матеріалы по кавказскимъ языкамъ собиралъ также Палласъ. Надо думать, что глоссаріи въ печатномъ изданіи путешествія Гюльденштедта основываются отчасти и на записяхъ Палласа. Этимъ быть можетъ, объясняется разница между печатными глоссаріями Гюльденштедта и его рукописными собраніями лингвистическихъ матеріаловъ по кавказскимъ языкамъ, вошедшими въ составъ коллекціи Аделунга. Въ печатныхъ глоссаріяхъ находимъ больше языковъ, чѣмъ въ его рукописныхъ матеріалахъ. Очень можетъ быть, что Палласъ, издавшій путешествіе Гюльденштедта, пополнилъ его лексическіе матеріалы и изъ своихъ записей. Одна изъ такихъ записей имѣется въ коллекціи Аделунга. Она носитъ два заглавія — нѣмецкое и французское: „Wörter-Sammlung aus der Kasikumuchi-

schen, Andischen, und Akuschischen Sprache. Aus Pallas Papieren. Comparaison des langues des Kasikumuchs, des Andis et du district Akouscha, dans le Caucase. Not. Les Kouräli parlent la langue de l'Akouscha à quelques mots près". Здѣсь находимъ русско-кумыцко-андійско-акушинскій глоссарій (на 8 стр. въ поллиста). Кромѣ того въ коллекціи Аделунга имѣется еще одно небольшое собраніе черкесскихъ словъ, конца XVIII в., озаглавленное (вѣроятно, Бакмейстеромъ): „Tscherkessische Sprachproben von dem Stamm Хатукайци". Это—небольшой черкесско-нѣмецкій глоссарій (на 2 стр. въ поллиста), неизвѣстно кѣмъ составленный; черкесскія слова изображены русскими буквами.

Въ упоминавшихся уже не разъ выше бумагахъ Палласа, составляющихъ часть коллекціи Шёгрена (II отд. библіотеки Имп. акад. наукъ) имѣется нѣсколько глоссаріевъ разныхъ кавказскихъ языковъ, служившихъ матеріаломъ при составленіи сравнит. словаря Екатерины II и вѣроятно находящихся въ нѣкоторой связи и съ матеріалами Гюльденштедта. Таковы:

1) Лезгинскій глоссарій, п. з.: „Dialectes de la langue des Lesghi, selon les differents Districts (Russe-Antzough, Djâr, Chounsagh, Dido), обнимающій 8 стр. въ четвертку (Каталогъ коллекціи Шёгрена, сост. Лерхомъ, стр. 96, № 17);

2) Собраніе 286 словъ и числит. съ „переводомъ на Лезгинской (и Осетинской) діалектъ, писма не имѣющей" ($10^1/_3$ стр. въ поллиста, транскрипція русскими буквами, безъ ударенія. Каталогъ Лерха, стр. 96 и сл. № 80);

3) Такое же собраніе ($11^1/_2$ стр. въ поллиста, тамъ-же, № 81);

4) „Слова Черкесъ Кабардинскихъ" (284 слова и числит. на 6 стр. въ поллиста, транскрипція русск. буквами, тамъ-же, № 61);

5) „Comparaison des Dialectes du Kabarda et de l'Abassa avec la langue Hongroise" (русско-венгерско-алтекесекъ-кушъ-хасипъ-кабардинскій глоссарій на $7^1/_2$ стр. въ поллиста, тамъ-же, № 62).

6) Рукописное собраніе 286 словъ и числительныхъ: „переводъ на Андійской и Ингушевской діалектъ писма неимѣющей" (10 съ небольш. стр. въ поллиста, русская транскрипція. Каталогъ Лерха, стр. 96. № 2).

7) Такое-же собраніе (12 стр. въ поллиста. Каталогъ Лерха, стр. 96, № 2).

8) „Comparaison des langues des Kasikumuchs, des Andis et du district Akuscha dans le Caucase" (сравнит. глоссарій названныхъ язз. ($6^1/_2$ стр. въ поллиста, тамъ-же, № 71); глоссарій этотъ тождественъ съ упомянутымъ выше одинаково озаглавленнымъ и находящимся въ коллекціи Аделунга (Имп. публ. библ.).

9) Собраніе 286 словъ и числительныхъ, съ „переводомъ на курской (курдскій) діалектъ писма не имеющій“, и на „чеченской діалѣктъ писма не имеющій“ (транскр. русская, съ обозначеніемъ ударенія, 11 стр. въ поллиста, тамъ-же, № 74).

10) Такое-же собраніе 286 словъ и числит. съ переводомъ на „Куртской“ и „Чеченской“ діалекты (11 стр. въ поллиста, тамъ-же, № 75).

11) Сравнительный глоссарій, озаглавленный: „Comparaisons de la langue des Doughors et Ossetins avec celle des Mitschdegises et ses dialectes“ (ингушскимъ и тушетскимъ; 8 стр. въ поллиста, тамъ-же, № 89).

12) Собраніе 286 словъ и числит. на черкесскомъ яз. (русск. буквами), озаглавленное: „Переводъ на Черкеской діалектъ писма не имеющій“ (14 стр. въ поллиста, тамъ-же, № 115);

13) Такое-же собраніе (10 стр. въ поллиста, тамъ-же, № 114).

Въ словарѣ Екатерины II кавказскіе языки объединены въ двѣ разныя группы; одна, меньшая, заключаетъ въ себѣ языки: „Аварскій, Кубачинскій [1]) и Лезгинскіе діалекты, родовъ: Анцугъ, Джаръ, Хунзагъ и Дидо“ (№№ рубрикъ: 48—53), другая, болѣе крупная, одна только и получившая въ предисловіи къ словарю названіе „Кавказскихъ языковъ“, обнимаетъ три вышеупомянутыхъ (стр. 478) грузинскихъ діалекта: карталинскій, имеретинскій и суанетскій, языкъ кабардинскихъ черкесовъ, два абхазскихъ или “абассинскихъ“ діалекта (*алтекезекъ* и *кушьгазибъ*), языки и діалекты: „чечингскій, ингушевскій, кази-кумыцкій, андійскій и акушинскій“ (№№ рубрикъ: 108—119). Первая группа помѣщена между венгерскимъ и „чюхонскимъ“ языками, а вторая между армянскимъ (помѣщеннымъ вслѣдъ за тюркскими языками) и самоѣдскимъ. Такъ какъ размѣщеніе языковъ въ словарѣ Екатерины II болѣе или менѣе основано на ихъ взаимномъ родствѣ между собою, то такое распредѣленіе кавказскихъ языковъ характеризуетъ до нѣкоторой степени и взгляды составителей словаря на родство названныхъ языковъ между собою и съ другими языками. Недаромъ одинъ изъ вышеупомянутыхъ рукописныхъ кавказскихъ глоссаріевъ собранія Палласа (№ 5) представляетъ сравненіе кабардинскаго и абхазскаго съ венгерскимъ. О родствѣ кавк. языковъ съ самоѣдскимъ вполнѣ опредѣленно (разумѣется ошибочно) говорится въ предисловіи: „въ нихъ (кавк. язз.), равно какъ въ сродныхъ съ ними Лезгинскихъ нарѣчіяхъ, можно видѣть нѣкоторые слѣды сходства

[1]) Въ отдѣлѣ числительныхъ (въ концѣ II т. Словаря) кубачинскій и аварскій представлены каждый въ двухъ діалектическихъ формахъ.

съ Самоѣдскимъ языкомъ, которое встрѣчается также и у малыхъ народовъ, въ горахъ между Сибирью и Китайскимъ государствомъ живущихъ".

Въ одно время съ Гюльденштедтомъ путешествовалъ сотоварищъ, а иногда и спутникъ Палласа, І. Г. Георги († 1802). Плодомъ его наблюденій въ области этнографіи, часто близко соприкасающейся съ языкознаніемъ, была его извѣстная книга „Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion... und übrigen Merkwürdigkeiten. 4 ч. in 4°. Спб. 1776—80 [1]). Во второй части этого труда [2]) находимъ также нѣсколько словъ о кавказскихъ языкахъ, не лишенныхъ интереса въ историческомъ отношеніи: „думать надобно, что всѣ кавказскіе яз. произошли отъ Татарскаго (!), изъ коего много занято словъ во всѣ тамошніе языки: однакожъ въ иныхъ попадается не мало словъ и Финскихъ, въ другихъ Славянскихъ и Италіанскихъ (?), а въ нѣкоторыхъ, и совсѣмъ неизвѣстныхъ. Языки ихъ можно вообще раздѣлить на чистой Татарской, Черкаской, Лесгинской, Кистинской или Чеченгской, Грузинской и Осетской". О послѣднемъ авторъ, впрочемъ, съ бóльшей основательностью замѣчаетъ: „кажется, что онъ произошелъ отъ Персидскаго" (слѣдовало бы сказать: „родственъ персидскому"). Какъ видно изъ предыдущаго (стр. 481), Георги повторяетъ здѣсь классификацію Гюльденштедта, данную послѣднимъ въ „Wöchentl. Nachrichten" Бюшинга. Для характеристики взглядовъ Георги прибавимъ еще, что онъ находилъ на Кавказѣ и „чеховъ или Богемцевъ", которые „у Базіанъ (?) говорятъ испорченнымъ и перемѣшаннымъ Богемскимъ языкомъ (?!)".

Лексическій матеріалъ по кавказскимъ языкамъ, хотя и не богатый, даетъ также описаніе Кавказа доктора Якоба Рейнегса [3]),

---

[1]) Одновременно вышелъ русскій переводъ, 3 ч. 4° 1776—1777, а черезъ 23 года и второе изданіе его п. з.: Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ, ихъ житейскихъ обрядовъ, обыкновеній, одеждъ, жилищъ, упражненій, забавъ, вѣроисповѣданій и т. д. Иждивеніемъ книгопродавца Ивана Глазунова, съ позволенія С.-Петербургской цензуры. Спб. 1799. 4 части in 4°.

[2]) Цитируемъ по 2-му изданію 1799, ч. II. О народахъ татарскаго племени, стр. 66 и 67.

[3]) Dr. Jacob Reineggs, «Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Aus dessen nachgelassenen Papieren gesammelt und herausgegeben von Friedrich Enoch Schröder. Th. I. Gotha und S.-Petersburg bei Gerstenberg und Dittmar. 1796. 8°. XII + 294 и 3 гравюры. Th. II. Hildesheim und S.-Petersburg bei Gerstenb. u. Dittm. 1797. 8°. XVI + 432 (съ карт.). Біографическія свѣдѣнія о Рейнегсѣ см. во II ч. его описанія, стр. 211—295, Аделунгъ, «Catherinens der Grossen Verdienste um die vergl. Sprachenkunde» (Спб. 1815, стр. 199).

гдѣ находимъ небольшія собранія числительныхъ и словъ изъ нѣсколькихъ названныхъ языковъ: „Einige Wörter der Kisti Sprache und der Zschetschens“ (по 10-ти числительныхъ и 12 словъ, ч. I стр. 38), главныя числительныя (1—10, 11—20, 30—90, 100, 1000), 20 словъ и 6 мѣстоименій черкесскаго языка („der Tscherkassischen Sprache“, ч. I, стр. 247—48) и 18 словъ тайнаго или придворнаго языка „Sikowschir“ (тамъ-же, стр. 248).

Нѣкоторыя свѣдѣнія о кавказскихъ языкахъ сообщаетъ также переводная съ нѣм. книга „Начертаніе знатнѣйшихъ народовъ свѣта и т. д.“ (М. 1798), изданная Ник. Черепановымъ (см. выше, стр. 250—52). Такъ, на стр. 21, здѣсь говорится о разницѣ между языкомъ „черкасовъ“ и „лесговъ“: „Лесги говорятъ особливымъ языкомъ и отчасти смѣшаннымъ съ турецко-татарскимъ и кумыкскимъ. Черкасы говорятъ своимъ собственнымъ языкомъ“. Безсодержательность и ошибочность этихъ свѣдѣній, конечно, должна быть поставлена на счетъ автора—нѣмца, а не переводчика—Черепанова, но во всякомъ случаѣ она свидѣтельствуетъ о томъ, что работы Гюльденштедта и Палласа какъ-бы не существовали для нашей ученой литературы, хотя со времени ихъ прошло уже около четверти вѣка.

Изъ другихъ языковъ Азіи вниманіе нашихъ собирателей лингвистическихъ матеріаловъ въ XVIII в. привлекали также и нѣкоторые изолированные или такъ называемые „гиперборейскіе“ языки, преимущественно дальняго ея востока.

Образцы *юкагирскаго* языка собирали упоминавшіеся уже выше участники экспедиціи капитана Биллингса въ Чукотскую землю и сосѣднія области (1785—1794): штабъ-лѣкарь Робекъ, секретарь Биллингса Мартинъ Зауеръ и натуралистъ Меркъ. Изданы были эти матеріалы только первыми двумя, уже въ XIX в. [1]);

[1]) Путешествіе капитана Биллингса, въ приложеніи къ которому были напечатаны и словари Робека, издано было Сарычевымъ въ 1811 г. (Спб. Въ Морской Типографіи, 4⁰. IV + 191 стр. + 6 гравюръ и картъ); записки Зауера вышли на англійскомъ языкѣ въ Лондонѣ, въ 1802 г. п. з. «An account of a geographical and astronomical Expedition to the Northern Parts of Russia... performed by Command of Her Imp. Maj. Catherina the Second, by Commodore Joseph Billings, in the years 1875 etc. to 1794. The whole narrated from the original papers by Martin Sauer, secretary to the Expedition (4⁰)». Тогда-же вышли французскій (J. Castéra. Paris. 1802. 2 m. 4⁰) и нѣмецкій (Берлинъ. 1802. 8⁰) переводы. Юкагирскій глоссарій (параллельно съ якутскимъ и тунгузскимъ) приложенъ въ концѣ оригинальнаго англійскаго изданія (Appendix, № 1, стр. 1—8) и является плодомъ занятій самого Зауера, какъ это видно изъ его примѣчанія въ концѣ всей книги (см. выше, стр. 416, прим. 1). Въ нѣмецкомъ переводѣ данный глоссарій находится на стр. 387 и слѣд.

записи-же Мерка остались въ рукописи и достались впослѣдствіи Ѳ. Аделунгу [1]). Въ современномъ составѣ коллекціи Аделунга ихъ, однако, не сохранилось. Юкагирскія слова (изъ Устьянска) находятся также въ одномъ сборникѣ лексическихъ матеріаловъ изъ коллекціи Аделунга, уже цитированномъ выше (стр. 415), а именно въ латино-тунгузско-бурятско-юкагирскомъ глоссаріи, относящемся, вѣроятно, къ послѣдней четверти XVIII в. Въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II юкагирскій языкъ тоже представленъ (№ 147) и помѣщенъ между тунгузскими нарѣчіями и аринскими.

Изъ рукописныхъ матеріаловъ, служившихъ источниками для названнаго словаря или предназначавшихся къ тому, сохранились до нашихъ дней два собранія юкагирскихъ словъ, находящіяся въ лингвистической коллекціи Шёгрена, въ отдѣлѣ бумагъ Палласа (ср. рукописный каталогъ коллекціи, сост. Лерхомъ, стр. 96 и сл.), во II отд. библіотеки Имп. акад. наукъ. Первое, англо-юкагирское, озаглавлено: „Vocabulary of Dialect of the Kovima Ukagers“ (13 стр. въ поллиста) и снабжено надписью: Captain 2° rank Joseph Billings (см. каталогъ Лерха, стр. 96 и сл. № 59). Очевидно составителемъ его является кто-нибудь изъ вышепомянутыхъ спутниковъ и сотрудниковъ Биллингса, если не онъ самъ, что довольно сомнительно. Второе собраніе 30 числительныхъ озаглавлено: „Переводъ на юкагирской языкъ, переводчиковъ здѣсь не случилось а нижеписанныя слова наидены въ прежнихъ дѣлахъ“ и обнимаетъ собой всего одну стр. въ поллиста (каталогъ Лерха, тамъ-же, № 60).

Кромѣ того, въ Имп. публ. библіотекѣ находится чукотско-коряцко-юкагирскій переводъ около 50 фразъ, сдѣланный толмачемъ этихъ языковъ въ 1781 г., по инициативѣ тогдашняго оберъ-комменданта Охотской гавани капитанъ-лейтенанта Зубова и упоминаемый Л. Радловымъ въ его статьѣ „Ueber die Sprache der Tschuktschen und ihr Verhältniss zum Korjakischen (Mémoires de l'Academie, 7-я серія, III, № 10, 1861, стр. 55)“, въ приложеніи къ которой и напечатана чукотско-коряцкая часть этого перевода (безъ юкагирскаго яз.).

Лексическіе матеріалы по обоимъ *чукотскимъ* языкамъ собирали тѣ-же участники экспедиціи Биллингса: докторъ Робекъ, давшій глоссаріи осѣдлыхъ и кочующихъ чукчей [2]), и натура-

---

[1]) Запись Мерка была озаглавлена: «Wörter der Jukagiren aus Werchnei-kowimsk (Верхнеколымскъ), см. Аделунгъ, «Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde». Спб. 1815. Стр. 198.

[2]) См. второе отдѣленіе «Краткаго словаря двенадцати нарѣчій разныхъ

листъ Меркъ (глоссаріи оленныхъ, т. е. кочующихъ чукчей, и айванскихъ, т. е. осѣдлыхъ). Записи послѣдняго сохранились до нашего времени въ составѣ лингвистической коллекціи Аделунга, въ видѣ нѣмецко-чукотско-уналашкинско-алеутско-камчадальскаго глоссарія (16 листовъ продолговатаго формата въ поллиста писчей бумаги; инородческія слова переданы латинскими буквами). Въ словарѣ Екатерины II чукотскіе языки не отличаются другъ отъ друга, и для нихъ имѣется только одна рубрика, въ которой обыкновенно приводятся лишь формы, свойственныя языку кочующихъ чукчей.

Изъ матеріаловъ, служившихъ при составленіи названнаго словаря, въ собраніи бумагъ Палласа, хранящихся въ составѣ Шёгреновской коллекціи во II отд. библіотеки Имп. акад. наукъ, до насъ дошли слѣдующія рукописныя записи образцовъ чукотскаго языка: 1) Собраніе 296 словъ и числительныхъ, озаглавленное: „Переводъ россійскихъ словъ на ламуцкой, чукоцкой, корятской и камчатской діалекты" (22 стр. въ поллиста, транскрипція русск. буквами; см. рукописный каталогъ коллекціи Шёгрена, сост. Лерхомъ, стр. 96 и сл. № 78). См. о немъ въ статьѣ Л. Радлова „Ueber die Sprache der Tschuktschen und ihr Verhältniss zum Korjackischen" (Mémoires de l'Academie", 7 серія, III, № 10. 1861, стр. 1 и сл.). Въ сокращеніи (до 238 словъ) это собраніе было напечатано у Лессепса въ „Journal Historique de Voyage" (Парижъ, 1790 г., 8°, т. II. 356—76);

2) цитированное выше (стр. 486) собраніе около 50 фразъ, переведенныхъ въ 1781 г. на чукотскій, коряцкій и юкагирскій языки, по приказанію Охотскаго оберъ-коммендданта капитанъ-лейтенанта Зубова;

3) собраніе 278 фразъ и словъ (около 50), переведенныхъ на чук. языкъ и озаглавленное: „Словарь россійской съ чукотскимъ языкомъ. Здѣсь переводчиковъ нонѣ не случилось, а найдены въ прежнихъ дѣлахъ нѣкоторые слова съ переводомъ поданнымъ отъ бывшаго въ чукотскихъ жилищахъ переводчика онаго языка Дауркина" ($8^1/_2$ стр. въ поллиста, Каталогъ Лерха, стр. 96 и сл. № 119). Оригиналъ этого собранія, посланный въ Петербургъ академикомъ Лаксманомъ, находится въ Имп. публ. библіотекѣ и описанъ Л. Радловымъ въ упомянутой уже выше статьѣ („Mem. de l'Acad." 7 сер. III. № 10, 1861, стр. 54—55).

народовъ, обитающихъ въ сѣверовосточной части Сибири и на Алеутскихъ островахъ», составленнаго Робекомъ и приложеннаго къ цитированному выше «Путешествію капитана Биллингса» (Спб. 1811).

Первымъ послѣ Страленберга (см. выше, стр. 202) собирателемъ матеріаловъ по *коряцкому* языку, родственному съ языкомъ кочующихъ чукчей, былъ профессоръ академіи Ст. П. Крашенинниковъ (1713—1755), еще студентомъ путешествовавшій по Сибири, вмѣстѣ съ академикомъ Г. Ф. Миллеромъ въ 1733—43 гг. Въ III части его описанія Камчатки [1]), кромѣ перечня коряцкихъ именъ (стр. 165), находимъ цѣлую главу (XXI) „О коряцкомъ народѣ", содержащую общія замѣчанія о названномъ языкѣ и собраніе словъ изъ четырехъ его діалектовъ (стр. 169—178). Впервые здѣсь (стр. 163) указывается сходство коряцкаго (сидячихъ и оленныхъ коряковъ, такъ назыв. олюторовъ) съ чукотскимъ, что́, однако, упущено изъ виду въ сравнит. словарѣ Екатерины II, утверждающемъ (предисловіе), что „чукотское нарѣчіе" отъ коряцкаго „очень отлично".

Крашенинниковъ, впрочемъ, еще не дѣлаетъ различія между двумя разными чукотскими языками, изъ которыхъ только одинъ (кочующихъ чукчей) схожъ съ коряцкимъ. Коряцкій глоссарій („Wörterbuch der üblichen Sprache der Koriäken, von Tumana bis Aklan"), содержащій около 400 словъ, находится также въ составленномъ Г. Ф. Миллеромъ приложеніи къ описанію путешествія по Камчаткѣ адъюнкта академіи Г. В. Штеллера (Стеллера), бывшаго одно время спутникомъ Крашенинникова [2]). Нѣкоторые матеріалы по коряцкому доставлялъ Бакмейстеру и нашъ академикъ-натуралистъ, Эрикъ Лаксманъ, поселившійся въ Сибири въ началѣ 80-хъ гг. XVIII в. [3]). Наконецъ, лексическіе матеріалы по тому-же языку собиралъ (въ 1785—94 гг.) и докторъ Робекъ,

[1]) «Описаніе земли Камчатки сочиненное Степаномъ Крашенинниковымъ, Академіи Наукъ Профессоромъ». Т. II. Спб. При Имп. Акад. наукъ 1755. 4°. Часть III.

[2]) «Georg Wilhelm Stellers gewesenen Adjuncti und Mitglieds der Kayserlichen Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg Beschreibung von dem Lande Kamtschatka dessen Einwohnern, deren Sitten, Namen, Lebensart und verschiedenen Gewohnheiten herausgegeben von I. B. S(cherer). Mit vielen Kupfern. Frankfurt und Leipzig bei Johann Georg Fleischer 1774». 8°. Нум. 24 + 4 ненум. + нум. 384 + 71 стр. приложенія: «Geographie und Verfassung von Kamtschatka aus verschiedenen schriftlichen und mündlichen Nachrichten gesammlet zu Jakuzk, 1737». Коряцкій глоссарій находится на стр. 59—71. Общую характеристику коряцкаго Штеллеръ даетъ на стр. 12 своего описанія Камчатки.

[3]) См. Adelung, «Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde». Спб. 1815, стр. 28. Въ біографіи Лаксмана, составленной В. Лагусомъ (Спб. 1890, изд. академіи наукъ), объ этихъ занятіяхъ его свѣдѣній нѣтъ.

участникъ экспедиціи Биллингса [1]). Въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II коряцкій языкъ представленъ тремя рубриками: 1) по коряцки, 2) по коряцки на Тигилѣ, 3) по коряцки на р. Колымѣ.

Изъ рукописныхъ матеріаловъ, на основаніи которыхъ Палласомъ былъ составленъ только что названный словарь, до насъ дошли слѣдующія записи, хранящіяся въ отдѣлѣ бумагъ Палласа въ Шёгреновской коллекціи (II отд. библ. Имп. акад. наукъ): 1) собраніе образцовъ камчадальскаго, курильскаго и коряцкаго языковъ изъ бумагъ Штеллера, озаглавленное: „Specimina linguarum in terris Kamtschaticis usitatarum“ (27 стр. въ поллиста, каталогъ Лерха, стр. 96 и сл. № 68). Коряцкому здѣсь отведено 4 графы для разныхъ его діалектовъ. По словамъ самого собирателя, часть его матеріаловъ почерпнута изъ записей Крашенинникова, часть-же (въ томъ числѣ два коряцкихъ діалекта) собрана имъ самимъ. Штеллеръ собиралъ эти слова въ Якутскѣ отъ камчадальскихъ, курильскихъ и коряцкихъ заложниковъ (см. объ этой записи цитир. выше статью Л. Радлова, въ „Mém. de l'Acad.“ 7. III. № 10. 1861, стр. 6).

2) Цитир. выше (стр. 487) собраніе 296 словъ на камчад., коряцкомъ, чукотскомъ и ламутскомъ языкахъ.

3) Цитир. выше (стр. 486) собраніе около 50 фразъ, сдѣланное въ 1781 по инициативѣ Охотскаго оберъ-коммендаита Зубова.

Нѣкоторыя свѣдѣнія (въ общемъ неточныя) о коряцкомъ языкѣ давала также цитиров. выше (стр. 250—52) книга, переведенная съ нѣм. Н. Е. Черепановымъ „Начертаніе знатнѣйшихъ народовъ свѣта и т. д.“. (1798). На стр. 45—46 здѣсь утверждается, что коряки... „не принадлежатъ къ Татарамъ... и дѣлятся на Чукчей (въ языкѣ коихъ „основаніе должно быть Корякское“) и собственно Коряковъ и Камчадаловъ. Курильцы суть различной отъ нихъ народъ и имѣютъ особливой языкъ“.

Языкъ обитателей острова Кадьяка, родственный языку осѣдлыхъ чукчей, привлекалъ вниманіе уже знакомыхъ намъ участниковъ экспедиціи Биллингса. Лексическіе матеріалы собирали: Меркъ [2]),

---

[1]) См. второе отдѣленіе его «Краткаго словаря двѣнадцати нарѣчій разныхъ народовъ и т. д.», въ «Путешествіи капитана Биллингса» (Спб. 1811).

[2]) См. его многоязычный глоссарій изъ лингвистической коллекціи Аделунга (Нѣмецко - кадьякско - тигильско-камчатскій), озаглавленный: «Bey der Billingschen Expedition von Dr. Merk gesammelt» (25 стр. in 4°. Транскрипція—латинская).

Робекъ [1]) и Зауеръ [2]). Въ словарѣ Екатерины II онъ отсутствуетъ.

Довольно много лексическаго матеріала доставили наши собиратели XVIII в. по *камчадальскому* языку и его нарѣчіямъ. Такъ мы имѣемъ свѣдѣнія, что еще въ 1739 г. Г. Ф. Миллеръ, путешествовавшій въ это время по Сибири, отправилъ изъ Енисейска въ сенатъ „вокабуляріумъ камчатскихъ языковъ" [3]), а въ 1742 году изъ Тобольска—„вокабуляріумъ" трехъ камчатскихъ языковъ [4]).

Сопровождавшій его Крашенинниковъ посвящаетъ всю третью часть своего „Описанія земли Камчатки" (т. II. Спб. При Имп. Акад. Наукъ, 1755, 4°) описанію камчатскихъ народовъ (ч. III. „О камчатскихъ народахъ". Стр. 1—319). Глава I (стр. 1—7) трактуетъ здѣсь „О камчатскихъ народахъ вообще", а глава II (стр. 8—14) „О произхожденіи званія камчадалъ и камчадальскаго народа по однимъ токмо догадкамъ". Въ послѣдней главѣ Крашенинниковъ находитъ сходство камчадальскаго съ монгольскимъ и китайскимъ (что́, разумѣется, невѣрно), а въ главѣ XX (стр. 137—145) сообщаетъ данныя „О разныхъ нарѣчіяхъ Камчатскаго народа" [5]). Лексическій матеріалъ и тексты находимъ также въ цитированномъ уже выше (стр. 488 прим. 2) описаніи Камчатки спутника Крашенинникова, Г. В. Штеллера. Кромѣ камчадальскихъ или „ительменскихъ" пѣсенъ (стр. 334, 336—38), мы находимъ здѣсь образчики именъ (стр. 353), бранныхъ словъ (стр. 357—58), названія разныхъ дѣленій времени, мѣсяцевъ, птицъ и т. д. (глава XXIV).

Общую характеристику камчадальскаго языка (очень наивную на современный взглядъ) Штеллеръ даетъ на 12 стр. своего опи-

---

[1]) См. четвертый отдѣлъ его «Краткаго словаря двѣнадцати нарѣчій и т. д.», приложеннаго къ «Путешествію капитана Биллингса» (Спб. 1811), и рукописный нѣмецко-кадьякскій глоссарій, сохранившійся въ коллекціи Аделунга: «Wörterbuch von der Insel Kadjak. Gesammelt von dem Dr. Robeck, welcher Capt. Billings als Arzt begleitete» (8 стр. въ поллиста).

[2]) См. его «Vocabulary of the languages of Kamtshatka, the aleutan islands, and of Kadiak» въ Appendix № 2 къ цитированному уже выше его описанію путешествія Биллингса: «An account of a geographical and astronomical Expedition etc.» (стр. 9—14).

[3]) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи Имп. академіи наукъ», т. VIII, стр. 206.

[4]) Тамъ-же, стр. 209.

[5]) Работы Крашенинникова относятся къ концу 40-хъ гг. XVIII в. 23-го іюня 1749 г. онъ писалъ въ академію наукъ о ихъ ходѣ и сообщалъ даже оглавленіе готовой III части, въ которомъ 19-я глава носила заглавіе «О разныхъ нарѣчіяхъ камчатскаго народа съ пріобщеніемъ краткаго вокабулярія». См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи Имп. акад. наукъ», т. IX. 746—48.

санія Камчатки. Ему же принадлежитъ сохранившееся среди бумагъ Палласа (II отд. библ. Имп. акад. наукъ, коллекція Шёгрена) рукописное собраніе лексич. матеріала, цитированное уже выше: „Specimen linguarum in terris Kamtschaticis usitatarum", гдѣ камчадальскимъ діалектамъ отведено цѣлыхъ четыре графы (изъ общаго числа 9). Большая часть этихъ матеріаловъ по камчадальскому собрана была самимъ Штеллеромъ, небольшая же часть почерпнута изъ записей Крашенинникова. Кромѣ того, въ томъ же собраніи бумагъ Палласа имѣется также цитированное уже выше (стр. 487) рукописное собраніе 296 словъ и числительныхъ на ламутскомъ, чукотскомъ, коряцкомъ и *камчадальскомъ* языкахъ (Каталогъ Лерха, стр. 96 и сл. № 78). Несмотря на работы Крашенинникова и Штеллера, всетаки въ самомъ концѣ XVIII в. мы встрѣчаемъ еще печатныя утвержденія (хотя бы и въ переводной съ нѣм. книгѣ), что камчадалы (какъ и чукчи, что, впрочемъ, вѣрно) суть лишь одно изъ коряцкихъ племенъ (см. выше, стр. 491).

Спутники Биллингса—Робекъ, Меркъ и М. Зауеръ также занимались собираніемъ лексическаго матеріала по камчадальскому языку. Первый посвятилъ діалектамъ Большерѣцкихъ, Нижнекамчатскихъ и Тигильскихъ камчадаловъ третье отдѣленіе своего „Краткаго словаря двѣнадцати нарѣчій разныхъ народовъ, обитающихъ въ сѣверовост. части Сибири" [1]), второй составилъ нѣсколько рукописныхъ глоссаріевъ, доставшихся впослѣдствіи Ѳ. П. Аделунгу [2]), а третій обнародовалъ свои записи въ цитированномъ уже выше (стр. 416, примѣч. 1-е) описаніи экспедиціи Биллингса [3]).

---

[1]) См. «Путешествіе капитана Биллингса чрезъ Чукотскую землю и т. д.». Спб. 1811.

[2]) Въ коллекціи Аделунга сохранились два такихъ глоссарія: 1) цитированный уже выше (стр. 487) нѣмецко-инородческій (шесть языковъ: чукотскій, айванскихъ чукчей, жителей острова Нагуналашка, [т. е. Уналашка], Андреяновскихъ островов, Большерѣченскихъ камчадаловъ и діалектъ мѣстности между острогами Кикчикъ и Бѣлоголово): 16 листовъ въ продолговатые пол-листа; 8) Нѣмецко-кадьякско-тигильско-камчатскій. Bey der Billingschen Expedition von Dr. Merk gesammelt (25 стр. in 4⁰). Въ обоихъ инородческія слова изображены латинской транскрипціей.

[3]) Глоссаріи эти, озаглавленные: «Vocabulary of the language of Kamtshatka, the aleutan islands, and of Kadiak», приложены въ концѣ книги Зауера (Appendix, № 2 стр. 9—14. Въ нѣмецкомъ переводѣ стр. 397 и слѣд.) и собраны имъ самимъ, какъ говоритъ онъ самъ въ примѣчаніи послѣ приложеній (см. выше, стр. 416, прим. 1). Относительно точности записей онъ самъ дѣлаетъ оговорку: «There are many words in the Language of Kamtshatka that I was not able to pronounce and could not of course attempt to convey any idea of their sound, which is the cause of so many blanks».

Въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II камчадальскія слова выбраны, по словамъ Палласа (см. предисловіе къ I части) „отчасти изъ рукописей, отчасти изъ Крашенинникова описанія Камчатки“. Словарь различаетъ три нарѣчія (на р. Тигилѣ, среднихъ или Большерѣцкихъ камчадаловъ и южныхъ, на рѣкѣ Камчаткѣ и южной оконечности полуострова) „При всемъ томъ“ Палласъ находилъ еще „между Камчадальскими нарѣчіями нѣкоторыя неопредѣленности“, которыя, однако, предоставлялъ „дальнѣйшему изслѣдованію“.

Гораздо меньше интересовались у насъ *алеутскимъ* и *айносскимъ* языками. Образцы перваго собирали знакомые уже намъ участники экспедиціи Биллингса: докторъ Робекъ (на островахъ Андреяновскихъ и Лисьихъ), Меркъ (тоже на Андреяновскихъ островахъ и на Уналашкѣ) и Мартинъ Зауеръ [1]). Второму изъ названныхъ языковъ посвящена XX-я глава „Описанія земли Камчатки“ Крашенинникова, трактующая „О курильскомъ народѣ“ и, кромѣ общихъ замѣчаній, содержащая образчики наиболѣе употребительныхъ айносскихъ именъ (стр. 184) и собраніе словъ (стр. 185—88). Характеристику его даетъ и Штеллеръ (стр. 12 его Опис. Камчатки). Въ сравнит. словарѣ Екатерины II (I-е изд.) представленъ только одинъ айносскій языкъ подъ названіемъ „курильскаго“ (на основаніи матеріаловъ Крашенинникова въ его описаніи Камчатки); алеутскій же, предназначавшійся для втораго отдѣленія, отсутствуетъ („по причинѣ его сродства съ Сѣверо-Американскими“).

Кромѣ указанныхъ печатныхъ матеріаловъ по изслѣдованію айносскаго языка, до насъ дошло изъ XVIII в. нѣсколько рукописныхъ айносскихъ глоссаріевъ. Таково цитированное уже выше (стр. 489) собраніе словъ изъ разныхъ языковъ полуострова Камчатки: „Specimen linguarum in terris Kamtschaticis usitatarum“, принадлежащее Штеллеру и поступившее въ отдѣлъ бумагъ Палласа (въ Шёгреновской коллекціи) изъ научнаго наслѣдства названнаго ученаго изслѣдователя Камчатки. Айносскому (съ мыса Лопатка) отведена здѣсь только одна графа (изъ общаго числа 9). Затѣмъ среди тѣхъ же бумагъ Палласа находится небольшой „ку-

---

[1]) Матеріалы Робека образуютъ четвертый отдѣлъ его «Краткаго словаря двѣнадцати нарѣчій разныхъ народовъ, обитающихъ въ сѣверо-вост. части Сибири и т. д.», приложеннаго къ «Путешествію капитана Биллингса» (Спб; 1811, стр. 93—129) и цитированнаго уже выше; записи Зауера изданы имъ въ приложеніи (Appendix № 2, стр. 9—14) къ цитир. также выше англійскому описанію экспедиціи Биллингса (см. подробное заглавіе на стр. 416, прим. 1); рукописный глоссарій Мерка сохранился до нашихъ дней въ составѣ коллекціи Аделунга (см. выше, стр. 491, прим. 2).

рильскій“ глоссарій, содержащій (на 7 стр. въ четвертку) 177 разныхъ словъ и 12 числительныхъ и помѣченный 1776 г. (см. рукописный каталогъ коллекціи Шёгрена, сост. Лерхомъ, стр. 96 и сл. № 76). О томъ, что „курильскій“, т. е. айносскій, языкъ не имѣетъ ничего общаго съ коряцкимъ, камчадальскимъ и чукотскимъ, у насъ хорошо уже знали въ концѣ XVIII в., какъ свидѣтельствуетъ переводная съ нѣм. книга „Начертаніе знатнѣйшихъ народовъ свѣта и т. д.“ (М. 1798), изданная Н. Черепановымъ (см. выше, стр. 489).

Едва ли результатомъ самостоятельныхъ наблюденій является имѣющійся въ коллекціи Аделунга русско-гренландскій (т. е. эскимосскій) глоссарій второй половины XVIII в., носящій заглавіе: „Echantillon de la langue Groenlandoise“ (5 стр. въ поллиста; гренландскія слова изображены русскими буквами). По всей вѣроятности онъ принадлежитъ къ матеріаламъ для сравнительнаго словаря Екатерины II, часто собиравшимся совершенно формально, безъ всякихъ научныхъ цѣлей и пріемовъ, и нерѣдко изъ иностранныхъ печатныхъ источниковъ.

Одинъ изъ изолированныхъ языковъ внутренней Сибири—енисейскихъ остяковъ и родственные ему діалекты коттовъ („котовскій“, какъ его называли въ XVIII в.), аринцевъ и ассановъ, впослѣдствіе вымершіе безъ остатка, обратили на себя еще вниманіе участниковъ Миллеровской экспедиціи въ Сибирь. Самъ Г. Ф. Миллеръ въ 1735 г. посылалъ въ сенатъ изъ Иркутска „вокабуляріумъ“ татарскаго, *аринскаго*, *котовскаго*, камашинскаго и брацкаго (бурятскаго) языковъ Красноярскаго уѣзда [1]). Сопутствовавшій ему въ теченіе нѣкотораго времени І. Э. Фишеръ записалъ по дюжинѣ числительныхъ и нѣкоторыхъ словъ въ языкахъ енисейскихъ остяковъ, аринцевъ, коттовъ и ассановъ [2]). Матеріалы по этимъ языкамъ должны быть и въ его „Vocabularium continens trecenta vocabula triginta quatuor gentium maxima ex parte Sibericarum“, упоминавшемся уже выше (стр. 220).

Среди бумагъ Палласа, хранящихся во II-мъ отдѣленіи библіотеки Имп. академіи наукъ въ составѣ лингвистической коллекціи Шёгрена, находится цѣнный анонимный „Vocabularium der Arinzischen Sprache in 5 Mundarten (Lumpokolskisch am Ket,

---

[1]) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи Имп. акад. наукъ», т. VIII, стр. 202.

[2]) См. введеніе къ его «Sibirische Geschichte» (Спб. 1768), стр. 139 и 170. На стр. 139 и 168 находимъ соединеніе въ одну группу енис. остяковъ, аринцевъ, коттовъ и ассановъ съ койбалами, принадлежащими къ самоѣдской группѣ, а на стр. 170 языки этихъ же народовъ сближаются еще съ венгерскимъ.

Inbatskisch [1]) am Jenissei, Assanisch am Ta, Kotowzisch am Kan, Arinzisch zu Krasnojarsk)", обнимающій 22 стр. въ поллиста и служившій очевидно, какъ и другія академическія бумаги Палласа, матеріаломъ для сравнительнаго словаря Екатерины II (въ рукописномъ каталогѣ коллекціи Шёгрена, сост. Лерхомъ, онъ значится подъ № 7, см. стр. 96 каталога). Названный глоссарій позволяетъ исправить систематическую опечатку или ошибку словаря Екатерины II, гдѣ, вмѣсто лумпокольскаго, находимъ *п*умпокольскій, приводившій въ смущеніе еще Аделунга („Catherinens der Gross. Verdienste" etc. стр. 84). Находится ли этотъ глоссарій въ связи съ работами Миллера, упомянутыми выше, нельзя опредѣлить, такъ какъ вокабулярій Миллера еще не разысканъ. Въ словарѣ Екатерины II аринскіе діалекты представлены въ томъ же числѣ и съ тѣми же названіями (кромѣ „пумпокольскаго"), какъ и въ описанномъ рукописномъ сборникѣ словъ: „по Арински (№ 148), по Котовски (№ 149; въ отдѣлѣ числительныхъ въ концѣ II тома: „по Котовчески"), по Ассански (№ 150), по Инбацки (№ 151), по Пумпокольски (№ 152)". Названные діалекты помѣщены здѣсь, вѣроятно, не безсознательно, среди другихъ изолированныхъ языковъ сѣверной Азіи, между юкагирскимъ и корякцкимъ. Такъ какъ впослѣдствіи аринцы частью ассимилировались съ другими инородцами Сибири, частью совсѣмъ вымерли, то означенные матеріалы по ихъ языку являются единственными его остатками (если не считать изслѣдованія Кастрена: „Versuch einer jenissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre" въ его „Nordische Reisen und Forschungen", т. XII. 1858), въ добавокъ записанными еще въ XVIII в., что́ дѣлаетъ ихъ еще болѣе цѣнными. Цитированная выше (стр. 250) книга Черепанова „Начертаніе знатнѣйшихъ народовъ свѣта" (М. 1798) правильно отличаетъ енисейскихъ остяковъ отъ прочихъ (Нарымскихъ и др.): „суть совсѣмъ различной народъ и говорятъ своимъ собственнымъ языкомъ" (стр. 45).

Дравидическими языками, кромѣ Байера, имѣвшаго о нихъ нѣкоторое понятіе (см. выше, стр. 220), интересовался у насъ во второй четверти XVIII в. еще только докторъ Мессершмидтъ (см. выше, стр. 200—201). Въ его рукописныхъ замѣткахъ, сохраняющихся въ Азіатскомъ музеѣ Имп. академіи наукъ (отд. III, № 68) и носящихъ заглавіе: „Messerschmidtiana ad linguas populorum Sibiriae pertinentes" (изъ начала 30-хъ гг. XVIII в.), находимъ образчики дравидійскихъ азбукъ и парадигмы тамильскаго склоненія:

---

[1]) Кастренъ въ своемъ «Versuch einer jenissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre» считаетъ имбацкій говоромъ енисейско-остяцкаго языка.

„Tamulorum declinatio“. Кромѣ этихъ двухъ ученыхъ, едва ли кто у насъ въ то время, и вообще въ XVIII в., занимался этими языками, хотя тамильскія рукописи были въ нашей академической библіотекѣ еще до 1776 г., когда Бакмейстеръ издалъ на французскомъ языкѣ свой „Опытъ о библіотекѣ и кабинетѣ рѣдкостей“ академіи наукъ (русск. переводъ В. Костыгова, Спб. 1779 г. стр. 87). Нѣкоторое знакомство съ тамильскимъ и „малабарскимъ“, (вѣроятно „малайалимъ“) языками имѣлъ въ концѣ XVIII в. Г. С. Лебедевъ, пріобрѣтшій эти знанія въ самой Индіи [1]).

Въ словарь Екатерины II изъ дравидическихъ языковъ вошли: канарезе („по канарски“, № 176), малайалимъ („по малабарски“, № 177), тамиль („по тамульски“, № 178) и какой то „варугжскій“ (?! № 179), подъ которымъ очевидно скрывается телугу, какъ это свидѣтельствуютъ „варугжскія“ числительныя, помѣщенныя въ отдѣлѣ „числъ“, въ концѣ II-го тома (№ 187). Въ большинствѣ случаевъ рубрики, отведенныя для этихъ языковъ, пустуютъ. Необходимо замѣтить, что дравидическія имена числительныя, которыя легче всего поддаются провѣркѣ, сообщены здѣсь безъ особо грубыхъ ошибокъ, конечно, на основаніи иностранныхъ (не названныхъ) источниковъ.

Какъ смутны были еще свѣдѣнія о дравидическихъ языкахъ, обращавшіяся у насъ въ самомъ концѣ XVIII в., мы видѣли уже отчасти выше (стр. 251). Къ этому можно прибавить еще нѣкоторыя утвержденія, находимыя нами въ цитированной на означенномъ мѣстѣ, переводной (съ нѣм.) книгѣ Черепанова „Начертаніе знатнѣйшихъ народовъ свѣта и т. д.“ (Москва, 1798). Главнымъ дравидическимъ языкомъ (происшедшимъ якобы отъ санскрита!) здѣсь выставляется „Малабарской или Тамулиской, ... сей сходствуетъ съ Малайскимъ языкомъ (очевидно—малайалимъ), которой есть нарѣчіе Тамулискаго“. Въ свою очередь „Малабарскій“ (т. е. тамиль) распадается на діалекты: „Канарской и Теленгиской или Телинга (телугу)“, а новоиндійскій арійскій „Маратской языкъ“ оказывается также смѣсью „изъ Индостанскаго и Малабарскаго“ (см. цит. соч. стр. 24 и сл.).

По американскимъ языкамъ наши изслѣдователи Сибири XVIII в. собрали очень небольшое количество лексическаго матеріала.

Какъ и слѣдовало ожидать, вниманіе собирателей было обра-

---

[1]) По свидѣтельству адмирала Крузенштерна, встрѣтившаго Лебедева въ Калькуттѣ во время своего перваго путешествія въ Индію. См. Аделунга «Catherinens der Grossen Verdienste um die vergl. Sprachenk.», стр. 205, примѣчаніе.

щено лишь на языки областей, смежныхъ съ нашими сибирскими владѣніями. Въ коллекціи Аделунга сохранился только одинъ небольшой глоссарій (3 стр. въ поллиста) неизвѣстнаго автора, содержащій въ себѣ „языкъ области Нутка, или въ проливѣ Короля Георгія“ и помѣченный 1778 годомъ. Онъ принадлежитъ вѣроятно къ матеріаламъ, собраннымъ для Бакмейстера (американскія слова изображены русской транскрипціей).

Вообще американскіе языки лишь случайно или по какимъ нибудь внѣшнимъ побужденіямъ могли становиться предметомъ „научнаго“ интереса для русскихъ людей XVIII в. Довольно яркой иллюстраціей такого интереса служитъ дошедшая до насъ въ коллекціи Аделунга оффиціальная бумага нашего дипломатическаго агента въ Мадридѣ Зиновьева, адресованная канцлеру графу Безбородко и помѣченная 1-мъ января 1796 г. Зиновьевъ извѣщаетъ въ ней своего начальника объ исполненіи его приказа, полученнаго въ Мадридѣ въ то время, когда Зиновьева тамъ не было: перевести приложенный списокъ русскихъ словъ на *всѣ* (!) американскіе, африканскіе и остиндскіе (sic!) языки. Не удивительно, если приказъ этотъ, ставившій подобную задачу совершенно къ ней неподготовленному персоналу нашей мадридской миссіи, не былъ выполненъ въ точности, а лишь отчасти, чтобы какъ нибудь „отписаться“. Изъ бумаги мы узнаемъ, что при участіи одного испанскаго полковника, родомъ изъ Перу, и г. Буцова (вѣроятно одного изъ чиновниковъ миссіи), а также съ помощью мексиканскаго словаря, взятаго изъ королевской библіотеки, былъ сдѣланъ переводъ присланныхъ словъ на мексиканскій и перуанскій языки, къ которымъ прибавленъ былъ еще и басскій, хотя о немъ въ приказѣ гр. Безбородко и не упоминалось. Послѣдній языкъ, вполнѣ доступный въ Испаніи, очевидно послужилъ у нашихъ чиновниковъ замѣной для прочихъ недоступныхъ имъ „американскихъ, африканскихъ и остиндскихъ языковъ“, на которые перевода не дѣлалось. При бумагѣ имѣется тетрадь за № 2, озаглавленная „Traduction en langue mexicaine“, и содержащая въ себѣ русско-мексиканскій глоссарій изъ 237 словъ (на 12 стр. въ поллиста писчей бумаги). Въ коллекціи Аделунга сохранилась (уже отдѣльно) и другая тетрадь съ перуанскимъ переводомъ данныхъ вокабулъ, однако, почему-то не обозначенная никакимъ №: „Traduction en langue de Perou expliquée par des caractères Russes“ (11 стр. въ поллиста). Басскій переводъ не дошелъ до насъ. Можетъ быть, онъ и имѣлся въ коллекціи Аделунга, но затерялся, подобно нѣкоторымъ другимъ образчикамъ языковъ, поступившимъ въ нее изъ разныхъ источниковъ и упоминаемымъ Аделунгомъ

въ его извѣстной книгѣ „Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde (Спб. 1815)“, но въ настоящее время въ коллекціи не находящимся. Предназначались эти матеріалы вѣроятно для дальнѣйшихъ изданій сравнительнаго словаря императрицы Екатерины II, которая, повидимому, не очень была довольна вторымъ его изданіемъ, подъ редакціей Янковича де Миріево [1]).

То же назначеніе вѣроятно имѣлъ находящійся въ коллекціи Аделунга русско-ирокезскій глоссарій конца XVIII в. (6 стр. въ полъ-листа писчей бумаги), неизвѣстно кѣмъ составленный, очевидно по европейскимъ источникамъ (ирокезскія слова изображены въ латинской транскрипціи).

Печатная наша литература XVIII в. не представляетъ ни одного труда, посвященнаго американскимъ языкамъ. Мы найдемъ въ ней лишь нѣсколько замѣчаній, брошенныхъ большею частію вскользь, мимоходомъ. Такъ нѣсколько общихъ разсужденій и замѣчаній о названныхъ языкахъ найдемъ въ статьѣ, напечатанной (безъ подписи автора) въ „Историческомъ мѣсяцесловѣ“ на 1771 г., издававшемся при академіи наукъ: „Догадка о происхожденіи американцевъ“. Авторъ довольно остороженъ и замѣчаетъ между прочимъ: „нельзя думать, будто Латинскій и Гренландскій языки родственны, только потому, что *игнахъ* и *ignis* похожи другъ на друга“.

Упоминаются и до нѣкоторой степени характеризуются американскіе языки еще въ одной переводной статьѣ „О языкѣ“, напечатанной въ „Опытѣ трудовъ Вольнаго Росс. Собранія при Имп. Московскомъ Университетѣ (ч. VI, 1783 г.)“. Здѣсь приводится даже и образчикъ числительнаго одного изъ южно-американскихъ языковъ (см. выше, стр. 316).

Въ словарѣ Екатерины II американскіе языки (въ числѣ 24) нашли мѣсто только во второй его обработкѣ, вышедшей подъ редакціей Янковича де Миріево (1790—91). Разумѣется, самостоятельнаго научнаго значенія эта часть словаря не имѣла, и матеріалы для нея почерпались, конечно, изъ вторыхъ рукъ, т. е. главнымъ образомъ изъ разныхъ европейскихъ источниковъ (книгъ и частныхъ лицъ), такъ что ближайшаго отношенія къ исторіи русской науки она не имѣетъ. Перечень этихъ языковъ см. у Аделунга: „Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleich. Sprachenkunde“ (Спб. 1815, стр. 99).

[1]) Ср. Аделунгъ, „Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde“. Спб. 1815, стр. 102, о полученіи подобныхъ матеріаловъ долго спустя и послѣ выхода въ свѣтъ второго изданія словаря Екатерины II.

Нѣкоторыя общія замѣчанія о данныхъ языкахъ встрѣчаются также въ разсмотрѣнной уже выше (стр. 250—511) книгѣ, переведенной съ нѣмецкаго Н. Черепановымъ: „Начертаніе знатнѣйшихъ народовъ свѣта“ и т. д. (Москва, 1798). Характеристики языковъ, однако, здѣсь не дѣлается.

Подобны разсмотрѣннымъ выше глоссаріямъ америк. языковъ и глоссаріи нѣкоторыхъ африканскихъ языковъ изъ второй половины XVIII в., сохранившіеся въ коллекціи Аделунга и очевидно предназначавшіеся для сравнит. словаря Екатерины II. Таковы:

1) русско-коптскій глоссарій, озаглавленный „Коптическій“ (6 стр. въ небольшіе поллиста писчей бумаги; коптскія слова изображены латинскими буквами, съ обозначеніемъ ударенія);

2) русско-кафрско-готентотскій глоссарій, озаглавленный: „Comparaison de quelques mots de la langue des Caffres et des Hottentots“ (2 стр. въ поллиста, для транскрипціи примѣнены русскія буквы съ нѣкоторыми діакритическими значками, удареніе иногда обозначено);

3) русско-ялофско-фульскій глоссарій съ заголовкомъ: „Ялофы въ Африкѣ въ Нигритіи живутъ отъ устья Сенегалы до Зеленаго мыса. Фули, близь рѣки Сенегалы“ (5 стр. въ поллиста. Транскрипція подобна употребленной въ предыдущемъ глоссаріи);

4) русско-шильхинскій глоссарій: „Quelques mots de la langue Schillha ou Tarmazeght (sic!) qui est l'ancienne langue de Lybie, usitée de nos jours dans l'interieur du Royaume de Maroc (2 стр. въ малые поллиста; транскрипція—русскими буквами, безъ обозначенія ударенія)“;

5) мандингскій глоссарій съ заголовкомъ: „Мандинги, народъ африканскій въ Нигритіи, на рѣкѣ Гамби, на югъ отъ области Бамбукъ“ (4 стр. въ небольшіе поллиста, транскрипція—русскими буквами, иногда съ обозначеніемъ ударенія);

6) образчики древняго канарійскаго языка и языка гваншей на о. Тенерифѣ: „Fragments de l'ancienne langue des Iles Canaries et de celle des Gouanches de Tenериffe“ (3 стр. въ малые поллиста; первое значеніе—французское; канарскія слова стоятъ на второмъ мѣстѣ и изображены русскими буквами; удареніе не обозначено).

Перечисленные здѣсь африканскіе глоссаріи представляютъ только часть тѣхъ матеріаловъ, которые служили для обработки второго изданія сравнит. словаря Екатерины II (подъ редакціей Янковича де Миріево); гдѣ находится другая часть ихъ, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, среди бумагъ Палласа, хранящихся въ коллекціи Шёгрена, во II отд. библіотеки Имп. академіи наукъ,

ихъ нѣтъ. Разумѣется, самостоятельнаго научнаго значенія эти матеріалы, представляющіе собой эксцерпты изъ разныхъ европейскихъ печатныхъ изданій, не имѣли и въ исторіи нашего языкознанія также могутъ быть упомянуты лишь для отрицательной характеристики своего времени.

Изъ восточныхъ языковъ индоевропейской семьи вниманіе нашихъ лингвистовъ, начиная со второй четверти XVIII в., привлекали, конечно, представители арійской (индо-иранской) группы и армянскій языкъ.

Важнѣйшій представитель первой изъ названныхъ группъ, санкритъ, изучался у насъ почти однимъ академикомъ Т. З. Байеромъ, напечатавшимъ въ началѣ 30-хъ гг. XVIII в. въ академическихъ „Комментаріяхъ" двѣ статьи, свидѣтельствовавшія о его знакомствѣ съ санскритомъ и другими индійскими языками (см. выше, стр. 219).

Кромѣ него, также въ началѣ 30-хъ гг., нѣкоторое знакомство, если не съ санскритомъ, то съ его азбукой, обнаружилъ докторъ Д. Г. Мессершмидтъ (см. выше, стр. 200 — 201), какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ его рукописныя черновыя замѣтки, хранящіяся въ Азіатскомъ музеѣ академіи наукъ: „Messerschmidtiana ad linguas populorum Sibiriae pertinentes (отд. III, № 68)". Мы находимъ здѣсь образчики азбуки деванагари, Clavis alphabeti indici, матеріалы для тибетско-индійскаго глоссарія (съ помѣтой: „scribebam A. 1733"), Lectiones orientales seu linguarum aliquot orientalium Indicarum sc. tanguticarum et Mongolicarum elementa и т. подобные наброски и замѣтки.

Печатная литература о санскритѣ, начинающаяся съ вышеупомянутыхъ статей (на латинск. языкѣ) академика Байера (см. выше, стр. 219), явившихся въ 1732 и 1735 гг., крайне бѣдна. Послѣ нихъ, черезъ 20 слишкомъ лѣтъ, является первое сочиненіе на русскомъ языкѣ, переводное, впрочемъ, въ которомъ сообщались разныя общія свѣдѣнія о санскритѣ, индійской литературѣ, религіи и философіи: „Краткое и общее объясненіе и разсужденіе о нравахъ, обыкновеніяхъ, языкѣ, вѣрѣ и философіи Индѣйцовъ. Переведено съ франц. Спб. 1759". Каковы были эти свѣдѣнія, мы видѣли уже выше (стр. 248—49).

Немногимъ лучше свѣдѣнія о санскритѣ, имѣвшіяся у составителей „Сравнительнаго словаря" императрицы Екатерины II (1787). Санскритскія („самшкрутанскія") слова, приводимыя въ немъ, часто представлены совсѣмъ невѣрно и съ большими пробѣлами. Достаточно указать, что составителямъ были неизвѣстны санскритскія слова, означающія: *дочь*, *братъ*, *жена*, *человѣкъ*, *ко-*

лѣно, *мясо*, *сердце*, *имя*, *слово*, *день*, *ночь*, *гора*, *огонь* [1]), не говоря уже о другихъ, не столь обыкновенныхъ, на мѣстѣ которыхъ находимъ пробѣлы. Другія слова приведены въ искаженномъ видѣ или не на своемъ мѣстѣ. Такъ, вмѣсто обычнаго deva=богъ, приводится *діота* (очевидно санскр. dyota=блескъ, слизь), вмѣсто pitar=отецъ—*Питаче* (?) и *Питага*, вм. matar=мать—*мятя* (?!), вм. putra=сынъ, дитя—*путре*, вмѣсто обычнаго svasar=сестра—*баганъ* (?), вм. çiras=голова—*сирагя* (!), *сирассу*, вм. обычнаго jihva=языкъ—*симгá* (=simhá=левъ?!), подъ словомъ *солнце*, вм. arka стоитъ *аркагá*, вм. indu=мѣсяцъ—*индугу*, подъ словомъ *весна* находимъ „по самшкрутански“—*баминь* (санскр. bhamin=блестящій, гнѣвный, bhamini=прекрасная или гнѣвная женщина), *земля* переведено посредствомъ *пума* (санскр. bhuman=земля) и т. д. Болѣе или менѣе вѣрныхъ глоссъ найдемъ сравнительно немного. Таковы: носъ=*назикамъ* (вм. nasika ж. р., почему то взятъ винит. падежъ), глазъ (напечатано ошибочно *гласъ*)=*нетрамъ* (санскр. netra ср. р. веденіе, руководство, глазъ, болѣе употребительное было бы—akši), ухо=*карнамъ* (санскр. karna м. р., опять взятъ почему то винит. падежъ), но тутъ же переведено и посредствомъ *шотрамъ* (очевидно вм. çrotra ср. р.=ухо), рука—*гастамъ* (санскр. hasta м. р., опять винит. п., вм. именительнаго), нога=*падамъ* (санскр. pada ср. р.), вода—*дзаламь* (очевидно, санскр. jala ср. р.), гдѣ конечное *ь* можетъ быть и опечаткой (слѣдовало бы: *джаламъ*). Въ огромномъ-же большинствѣ случаевъ находимъ пробѣлы, которые часто вполнѣ извинительны (напр. по такимъ рубрикамъ, какъ *вкусъ*, *осязаніе*, *щеки*, *шаръ*, *шумъ*, *ширина*, *высота*, *глубина* и т. д.). Санскритскія имена числительныя, помѣщенныя въ отдѣлѣ „чиселъ“, въ концѣ II-го тома, также приведены неточно, а иногда и совсѣмъ невѣрно. Что недостатки эти нельзя всецѣло поставить на счетъ времени, когда словарь составлялся, видно изъ рецензій и замѣчаній на него Фра-Бартоломео и Альтера (см. выше, стр. 228, прим. 8), а также Хагера (см. выше, стр. 230), вѣрно отмѣчавшихъ его ошибки и неточности.

Какъ скудны были у насъ свѣдѣнія о санскритѣ въ самомъ концѣ XVIII в., свидѣтельствуетъ переводная съ нѣмецкаго книга „Начертаніе знатнѣйшихъ народовъ свѣта, по ихъ происхожденію

---

[1]) Санскр. duhitar, bhratar, jani, manu, manusha, janu, mamsa hrd, naman, vacas, dina или div, diva, nakti, nakti, giri, agni.

и распространенію языка“ (Москва 1798), изданная Н. Е. Черепановымъ, преподавателемъ гимназіи при Московскомъ университетѣ, а впослѣдствіи профессоромъ послѣдняго. О санскритѣ сказано здѣсь еще меньше, чѣмъ въ цитированной выше переведенной съ франц. книгѣ 1759 г. о нравахъ, языкѣ, религіи и философіи индійцевъ; при этомъ въ родство съ санскритомъ приводится и дравидическій тамильскій языкъ (см. выше стр. 251 и 495).

Не удивительно, что при такихъ условіяхъ, у насъ въ XVIII в. являлись переводы памятниковъ индійской словесности, сдѣланные не съ санскрита, а съ европейскихъ языковъ, на которые они были уже разъ переведены. Таковы, напр. переводы: Бхагавадгиты, сдѣланный неизвѣстнымъ переводчикомъ съ англійскаго [1]), и сценъ изъ Шакунталы (съ нѣмецкаго), принадлежащій Карамзину (напечатанъ въ „Московскомъ Журналѣ“ за 1792 г., см. выше, стр. 319—320). Людей, знавшихъ санскритъ, хотя на столько, на сколько его знали тогда въ Германіи (не говоря уже объ англійскихъ санскритистахъ, въ родѣ В. Джонса), у насъ въ XVIII в. послѣ Байера и Мессершмидта не было. Единственный нашъ тогдашній санскритистъ-самоучка, Герасимъ Степановичъ Лебедевъ, пріѣхавшій въ Индію въ 1785 г. (въ Мадрасъ, откуда переселился въ Калькутту въ 1787 г.), только еще приступалъ къ своимъ занятіямъ санскритомъ и другими индійскими языками (главнымъ образомъ бенгали). Со своими работами (о нихъ см. ниже) Лебедевъ выступилъ, однако, гораздо позже, а именно въ началѣ XIX в., около котораго онъ вернулся изъ Индіи (сначала въ Англію и только потомъ въ Россію). Не подлежитъ сомнѣнію, что Лебедевъ гораздо лучше зналъ новоиндійскіе языки (особенно—бенгали), чѣмъ санскритъ, причемъ знанія его, конечно, носили чисто-практическій характеръ.

Очень немного было сдѣлано у насъ по новоиндійскимъ языкамъ. О занятіяхъ цыганскимъ языкомъ свидѣтельствуетъ неболь-

---

[1]) Багуатъ-Гета или Бесѣды Кришны съ Аржуномъ, съ примѣчаніями, переведенныя съ подлинника писаннаго на древнемъ Браминскомъ языкѣ, называемомъ Санскритта, на англійской, а съ сего на россійскій языкъ. Москва, въ Унив. типографіи у Н. Новикова. 1788. 8°. 213 стр. Индійскія имена здѣсь переданы для того времени сравнительно сносно. Изъ нѣкоторыхъ неточностей и странностей на нашъ теперешній взглядъ отмѣтимъ, напр., употребленіе термина *санскритъ* въ ж. р.: *санскритта* (санскр. saṃskṛta), изученіе *санскритты* и т. д. Гастинапура является здѣсь въ видѣ *Гастенапуръ*; родъ Бхарата въ видѣ *Барутъ*, а самъ родоначальникъ его *Бурута*; Дуръйодхана—то какъ «Дуриодунъ», то какъ «Дурйодганъ» и т. д. Колебанія эти большею частью основаны на невѣрномъ чтеніи англ. транскрипціи инд. именъ.

шая (5 стр. in 4°) рукописная статейка Барданеса въ коллекціи Аделунга, озаглавленная „О цыганахъ" и снабженная небольшимъ собраніемъ цыганскихъ словъ. На рукописи помѣта (рукой Бакмейстера): „Dieser Aufsatz ist von Bardanes, d. 5 Januar 1775".

Первыя печатныя данныя по цыганскому языку находимъ въ описаніи путешествія студента Василья Зуева, посланнаго академіей наукъ на югъ Россіи [1]). Здѣсь помѣщено собраніе около 200 цыганскихъ словъ и 18 фразъ, собранныхъ Зуевымъ въ Бѣлгородѣ (см. цитир. сочиненіе, стр. 179—182). По словамъ собирателя, мѣстный цыганскій языкъ „уже во многомъ испорченъ, и имѣетъ многія слова отъ Русскихъ взятыя", такъ что онъ записывалъ только тѣ слова, которыя ему „прямо цыганскими казались". Какъ первая и довольно давняя запись нарѣчія нашихъ южнорусскихъ цыганъ, глоссарій Зуева имѣетъ и до сихъ поръ извѣстную научную цѣну.

Рукописное собраніе (русско-цыганское) числительныхъ и фразъ, записанное также въ Бѣлгородѣ (6 стр. въ поллиста писчей бумаги) въ концѣ XVIII в. (быть можетъ тѣмъ же Зуевымъ), находится въ лингвистической коллекціи Аделунга въ Имп. публичн. библіотекѣ.

Въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II цыганскому отведено самое почетное мѣсто, впереди всѣхъ индо-иранскихъ языковъ (№ 166); за нимъ уже слѣдуютъ мультанскій и индостанскій (въ Бенгалѣ и Деканѣ) языки, староперсидскій (зендъ?), „пеелвскій" (т. е. пехльви) и наконецъ „самшкрутанскій", т. е. санскритъ. Такое предпочтеніе цыганскому было отмѣчено современной научной критикой (см. выше, стр. 230) и, дѣйствительно, ничѣмъ не объяснимо. Рукописный перечень 286 словъ даннаго словаря съ цыганскими значеніями, озаглавленный: „Переводъ Россійскихъ словъ на Цыганскій" (русскими буквами, съ обозначеніемъ ударенія, 5 неполныхъ страницъ въ поллиста) и служившій матеріаломъ для составленія названнаго словаря, сохранился до нашихъ дней среди бумагъ Палласа, составляющихъ часть коллекціи лингвистическихъ рукописей Шёгрена (см. рукописный каталогъ этой коллекціи, составленный Лерхомъ, стр. 96 и сл. № 136).

Мультанскимъ діалектомъ новоиндійскаго языка панджаби [2]) въ 30-хъ гг. XVIII в. занимался нѣсколько Мессершмидтъ, о чемъ

[1]) Путешественныя записки Василья Зуева отъ С.-Петербурга до Херсона въ 1781 и 1782 г. Въ С.-Петербургѣ. При Императорской академіи наукъ. 1787. 4°.

[2]) Нарѣчіе мультани является промежуточнымъ діалектомъ между новоиндійскими языками панджаби и синдхи.

свидѣтельствуютъ его рукописныя черновыя замѣтки „Messerschmidtiana ad linguas populorum Sibiriae pertinentes“ (Азіатскій музей, отд. III, № 68). Нѣсколько фразъ и числительныя этого же діалекта записалъ во время своего путешествія по южной Россіи академикъ Палласъ въ Астрахани, у проживавшихъ тамъ индусовъ, родомъ изъ провинціи Мультанъ. Рукопись Палласа сохранилась до нашихъ дней въ коллекціи Аделунга. Она озаглавлена: „Речи для перевода. По Индейски“ и занимаетъ всего 4 стр. въ четвертку писчей бумаги. Какъ образчикъ транскрипціи (русскими буквами), приведемъ первыя числительныя: 1—икъ, 2—ду, 3—трей, 4—чаа́ръ, 5—панча, 6—чи, 7—саттэ́, 8—ачи, 9—на́у, 10—да, 11—яра́, 12—бара́, 13—тера́, 14—чо́да, 15—пандэра, 16—сола и т. д. На рукописи—помѣта (Бакмейстера, изъ собранія котораго она перешла къ Аделунгу): Reçu par M. le Prof. Pallas avec la lettre du 10 novembre 1773.

Приведенныя здѣсь формы мультанскихъ числительныхъ отличаются, однако, отъ тѣхъ формъ, которыя мы находимъ въ отдѣлѣ „числъ“ въ концѣ II тома сравнит. словаря Екатерины II (№ рубрики 174). Очевидно при составленіи словаря пользовались еще какимъ-нибудь другимъ источникомъ для языка „мультани“.

Кромѣ того, въ коллекціи Аделунга, имѣется еще собраніе фразъ на одномъ изъ новоиндійскихъ языковъ (повидимому индустани), переданныхъ „по россійски, по индейски (арабской азбукой) и по индейски россійскими литерами“. Оно заключаетъ въ себѣ 25 фразъ (на 3 стр. въ поллиста) и относится также ко второй половинѣ XVIII в.

Въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II изъ новоиндійскихъ языковъ представлены были, конечно, весьма неполными и случайными, часто ошибочными примѣрами: мультани („по Індейски въ Мултанѣ“), бенгали („по Індостански въ Бенгалѣ“), индостанскій въ Деканѣ“ (деканскій діалектъ языка маратхи?), сингалезскій („по сингальски“), цыганскій и какой-то „балабандскій“ или „валабандскій“ (такъ въ отдѣлѣ „числъ“ въ концѣ II-го тома).

Въ отдѣлѣ „числъ“, приложенномъ къ концу II-го тома, количество новоиндійскихъ языковъ увеличено еще однимъ, а именно непальскимъ, который не имѣетъ соотвѣтствующей рубрики на всемъ остальномъ протяженіи книги. Помѣщены всѣ новоиндійскіе языки (въ середину коихъ попали какъ-то „старо-персидскій“ и пехльви, превратившійся въ „пеелвскій“) въ довольно странномъ сосѣдствѣ, а именно между тибетскимъ („тангутскимъ“) и корейскимъ, за которымъ непосредственно слѣдуютъ и дравидическіе языки (канарскій, „малабарскій“, тамульскій и др.).

Рубрики, отведенныя нѣкоторымъ изъ перечисленныхъ индійскихъ языковъ, большею частію пустуютъ, особенно во второй части, только цыганскія, мультанскія, бенгальскія и „деканскія“ глоссы обыкновенно находятся на лицо. Формы названныхъ языковъ мало внушаютъ къ себѣ довѣрія, если судить по числительнымъ, приведеннымъ большею частію неточно или невѣрно, благодаря чему является, напр., затруднительнымъ опредѣлить, что за новоиндійскій языкъ разумѣли составители словаря подъ „балабандскимъ“ или „валабандскимъ“. Особенно странно сходство „сингальскихъ“ числительныхъ (совсѣмъ не имѣющихъ арійскаго вида, какъ это должно бы быть) съ корейскими, благодаря каковому сходству, повидимому, оба эти языка и помѣщены рядомъ. Матеріалы для этого отдѣла (кромѣ мультанскаго, собраннаго самимъ Палласомъ въ Астрахани, см. выше) получены были, вѣроятно, изъ Англіи, какъ это и указано въ предисловіи относительно бенгальскаго и „деканскаго“ языковъ (послѣдній отъ губернатора „Голвелла“). Если не оригинальное сообщеніе названнаго губернатора, то современный переводъ его сохранился въ коллекціи Шёгрена (II отд. библіотеки Имп. акад. н.), въ отдѣлѣ бумагъ Палласа, служившихъ матеріалами для сравнительнаго словаря Екатерины II (см. рукоп. каталогъ коллекціи, сост. Лерхомъ, стр. 96 и сл. № 54). Оно озаглавлено „Индостанскій“ и, кромѣ 297 словъ и числительныхъ (въ англо-индійской и русской транскрипціяхъ), содержитъ (на 13 съ небольшимъ стр. въ поллиста) еще „гентусскую“, т. е. индусскую, пѣснь „пренебреженной нимфы“ и „муринскую пѣснь въ Индостанѣ“. За глоссаріемъ слѣдуетъ „Примѣчаніе отъ губернатора Голвела“, въ которомъ, среди разныхъ замѣчаній о данномъ языкѣ, еще выясняется понятіе „муринскаго или магометанскаго діалекта“ (очевидно *урду* или *индустани*), который опредѣляется, какъ „сбродъ или порча персидскаго, аравійскаго (арабскаго), турецкаго и Гентусскаго нарѣчій“. Кромѣ этого источника словаря Екатерины II, въ томъ-же собраніи бумагъ Палласа (каталогъ Лерха, тамъ-же, № 55) имѣется еще одно собраніе 287 словъ и числительныхъ на русскомъ, англійскомъ, „индостанскомъ“ и персидскомъ языкахъ (14 стр. въ поллиста).

Въ половинѣ послѣдней четверти XVIII в. началъ свои занятія новоиндійскими языками помянутый уже выше (стр. 501) Г. С. Лебедевъ. Прибывъ въ августѣ 1787 г. въ Калькутту, онъ въ 1789 г., по его собственнымъ словамъ [1]), началъ изучать индійскіе языки и

---

[1]) См. его предисловіе къ изданной имъ въ 1801 г. въ Лондонѣ «A Grammar of the pure and mixed East Indian Dialects with Dialogues etc.». Руко-

литературу и скоро успѣлъ на столько, что могъ перевести на бенгали двѣ англійскія театральныя пьесы „The Disguise“ и „Love is the best Doctor“ [1]). Переводъ свой онъ прочелъ нѣсколькимъ ученымъ пандитамъ, которые его одобрили. Учитель Лебедева, Шри Голокнатъ Дашъ, посовѣтовалъ ему исполнить переведенныя имъ пьесы въ театрѣ, обѣщаясь добыть туземныхъ актеровъ обоего пола. Тогда Лебедевъ выстроилъ театръ въ центрѣ Калькутты, и 27 ноября 1795 г. первая изъ названныхъ выше пьесъ была впервые представлена на бенгали индусами-актерами подъ руководствомъ нашего антрепренера-индіаниста. 21-го марта 1796 г. представленіе это было повторено. Успѣхъ пьесы доставилъ Лебедеву разрѣшеніе ставить на своемъ театрѣ англійскія и индійскія пьесы, а также поощреніе, со стороны генералъ-губернатора Индіи и разныхъ лицъ изъ обществъ, въ занятіяхъ санскритомъ, бенгали, разными „смѣшанными индійскими діалектами“, индійской хронологіей, астрономіей и т. д.

Открывъ во время этихъ занятій „многія ошибки и неточности“, Лебедевъ рѣшился обнародовать плоды своихъ изслѣдованій и потому покинулъ Индію и вернулся въ Европу (Англію).

Въ цитированной выше (стр. 250 и сл.) книгѣ „Начертаніе знатнѣйшихъ народовъ свѣта и т. д.“ (Москва, 1798 г.), переведенной съ нѣм. Н. Е. Черепановымъ, даются также нѣкоторыя краткія свѣдѣнія о новоиндійскихъ языкахъ, происшедшихъ отъ санскрита. Кромѣ дравидическихъ языковъ—„малабарскаго“ и тамильскаго, относимыхъ сюда совершенно невѣрно, въ названной книгѣ въ числѣ потомковъ санскрита приводятся языки: „Индостанской или (!) Гузуратской... съ діалектами: Патанской, Дакнисской и Верхне-Могольской (индустани?)“. „Маратской“ языкъ опредѣляется здѣсь, какъ „смѣсь изъ Индостанскаго и Малабарскаго“ (!), а „языкъ Моровъ или Могольской“ (индустани) также, какъ смѣсь „изъ Персидскаго и Индостанскаго“ (цитир. сочиненіе, стр. 24).

Изъ иранскихъ языковъ, конечно, прежде всего должны были у насъ интересоваться персидскимъ. О занятіяхъ имъ Кера мы уже говорили выше (стр. 366—68). Знакомъ съ нимъ былъ и

писная краткая автобіографическая записка Лебедева (на франц. яз.), не отличающаяся существенно отъ этого предисловія, имѣется въ коллекціи Аделунга въ Имп. публ. библіотекѣ. См. о немъ также «Истор. Вѣстникъ» 1880, ноябрь, стр. 515—524.

[1]) Переводъ первой изъ названныхъ пьесъ на бенгали долженъ храниться въ рукописи, въ Императ. публичной библіотекѣ.

Мессершмидтъ, въ рукописныхъ замѣткахъ котораго, относящихся къ 30 гг. XVIII в. („Messerschmidtiana ad linguas populorum Sibiriae pertinentes", Азіатскій музей, отд. III, № 68), находимъ словарикъ названій животныхъ на нѣсколькихъ восточныхъ языкахъ, въ томъ числѣ и на персидскомъ: „Nomina animalium Arabico-Persico-Tattarica latina"; персидскій представленъ и въ его „Lectiones orientales seu linguarum aliquot orientalium Indicarum sc. Tanguticarum et Mongolicarum elementa, arabic. turco-tattaric. et Persic. denique Georgian. Armen. et Syriac.".

Знали по персидски также Колушкинъ, нашъ переводчикъ и резидентъ при Персидскомъ дворѣ въ концѣ 30 и нач. 40-хъ гг. XVIII в. [1]), и его замѣститель Василій Θедор. Братищевъ, бывшій въ Персіи съ 1736 по 1745 г., въ качествѣ студента, переводчика, а впослѣдствіи также и резидента, авторъ „Историческаго извѣстія о происшедшихъ печальныхъ приключеніяхъ между Шахомъ Надиромъ, извѣстнымъ подъ именемъ Шаха-Тухмас-Кулы-Хана и старшимъ его сыномъ Реза-Кулы-Мирзою въ 1741 и 1742 г." Спб. 1763) [2]). Братищевъ не оставилъ по себѣ лингвистическихъ работъ, но заслуживаетъ упоминанія здѣсь, какъ совѣтникъ кн. Щербатова, пользовавшагося его знаніями восточныхъ языковъ въ своихъ экскурсахъ въ область этимологіи (см. выше, стр. 267—70).

Попытки ввести персидскій языкъ въ число предметовъ преподаванія въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ при преемникахъ Петра Великаго встрѣчались лишь изрѣдка и систематическаго характера не имѣли. О присутствіи ученаго ахуна, знавшаго и по персидски, въ числѣ преподавателей Самарской школы восточныхъ языковъ, учрежденной Татищевымъ, говорилось уже выше (стр. 406), но о преподаваніи имъ персидскаго языка не имѣется никакихъ свѣдѣній. Чисто бумажный характеръ имѣло и предписаніе Екатерины II (указъ 27 сент. 1782 г.) о введеніи въ преподаваніе арабскаго языка въ народныхъ училищахъ областей, „обращенныхъ къ сторонѣ татарской, персидской и бухарской, для полученія „лучшихъ переводчиковъ во всѣхъ сихъ языкахъ, (т. е. и въ персидскомъ), нежели до сего времени мы имѣемъ" [3]).

---

[1]) См. Веселовскій, „Свѣдѣнія объ оффиціальномъ преподаваніи восточныхъ языковъ въ Россіи въ 1876 г.", стр. 147. Н. Поповъ „Татищевъ и его время". Москва. 1861. Стр. 374, 379.

[2]) См. о немъ митроп. Евгенія «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», изд. «Москвитянина». Москва, 1845 г. т. I. стр. 60. Нилъ Поповъ, «Татищевъ и его время». Москва. 1861. стр. 374, 379.

[3]) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, № 15523.

У насъ не могло быть для этого ни преподавателей, ни достаточнаго числа желающихъ обучаться. Впрочемъ, можно думать, что персидскій преподавался въ Астраханскомъ народномъ училищѣ, преобразованномъ въ 1778 г. изъ школы для солдатскихъ дѣтей и разночинцевъ [1]). Преподавался персидскій, въ ряду другихъ восточныхъ языковъ и при коллегіи иностранныхъ дѣлъ, вѣроятно, болѣе или менѣе непрерывно со временъ Кера. Имѣется извѣстіе, что въ 1798 г. на обученіе студентовъ китайскому, маньчжурскому, *персидскому*, турецкому и татарскому было ассигновано 3000 р. ежегодно [2]).

Несмотря на отсутствіе систематическаго преподаванія персидскаго языка, извѣстное знакомство съ нимъ такъ или иначе всетаки продолжало встрѣчаться и въ теченіе второй половины XVIII в. Такъ въ журналѣ Василія Тузова „Поденьшина" (1769 г.) находимъ рядъ удачныхъ сравненій персидскихъ словъ съ соотвѣтствующими русскими, латинскими и нѣмецкими — одинъ изъ самыхъ первыхъ у насъ опытовъ подобнаго сближенія (см. выше, стр. 277). Кн. Щербатовъ часто прибѣгалъ къ персидскому языку въ фантастическихъ и произвольныхъ этимологіяхъ своей „Исторіи россійской отъ древнѣйшихъ времянъ (Спб. 1770—1791)", не зная, впрочемъ, самъ по-персидски и получая матеріалъ для своихъ сближеній отъ В. Ѳ. Братищева (см. выше, стр. 267—268). И. Н. Болтинъ также находилъ сходство между нѣкоторыми славянскими и персидскими словами (см. выше, стр. 273).

Въ концѣ третьей и въ теченіе послѣдней четверти XVIII в., въ связи съ предпріятіемъ Бакмейстера (см. выше, стр. 222—23) и нашими академическими путешествіями, начинаютъ у насъ являться и опыты собиранія лингвистическаго матеріала по персидскому языку и его діалектамъ. Такъ академикъ Самуилъ Готлибъ Гмелинъ въ теченіе своего путешествія по Россіи (1768—1772) собралъ русско-турецко-персидско-гилянскій глоссарій, содержащій 196 словъ [3]). О гилянскомъ діалектѣ онъ замѣчаетъ: „въ Гилянскомъ выговорѣ примѣтилъ я нѣкоторую отмѣнность отъ Персидскаго. Она вся почти состоитъ въ однихъ только областныхъ нарѣчіяхъ". Около этого же времени собиралъ лексическій матеріалъ по персидскому академикъ Гюльденштедтъ.

---

[1]) См. выше, стр. 411, прим. 1.

[2]) Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи, № 18599.

[3]) См. его «Reise durch Russland» 4 т. Спб 1771—86. Въ русскомъ переводѣ: «Путешествіе по Россіи для изслѣдованія трехъ царствъ природы» (Спб., при Имп. акад. наукъ, 4°. 3 ч. 1771—1785). часть III, половина 2-я (Спб. 1785), стр. 520—27.

Въ коллекціи Аделунга сохранилось рукописное собраніе числительныхъ и нѣсколькихъ фразъ на персидскомъ языкѣ (оригинальнымъ письмомъ, русской и латинской транскрипціей) съ русскимъ переводомъ (8 съ небольшимъ стр. въ поллиста), озаглавленное „Persice“ и полученное Бакмейстеромъ 18 сент. 1775 г. „par Mr. le Prof. Güldenstaedt“, какъ гласитъ надпись на рукописи, сдѣланная очевидно Бакмейстеромъ. Персидскій глоссарій (параллельно съ курдскимъ и казахско-татарскимъ) имѣется также во второй части путешествія Гюльденштедта по Россіи, изданнаго уже послѣ его смерти Палласомъ (Güldenstädt. Reisen durch Russland und im Caucasichen Gebürge. Auf Befehl der Russisch-Kayserlichen Akademie der Wissenschaften herausgegeben von P. S. Pallas. 4°. Th. II. S. Petersburg. 1791. 545—552).

Рядъ таджикскихъ или бухарско-персидскихъ словъ (вмѣстѣ съ тюркскими) записалъ во время своего пребыванія въ бухарскомъ плѣну нашъ унтеръ-офицеръ Ефремовъ, издавшій въ 1786 г. описаніе своего десятилѣтняго пребыванія въ Средней Азіи, Персіи и Индіи и возвращенія въ Россію (подробное заглавіе см. выше, стр. 435—6), къ которому былъ приложенъ глоссарій изъ 600 слишкомъ „бухарскихъ“ словъ.

Таджикскія слова нерѣдко фигурируютъ подъ именемъ „бухарскихъ“ и въ сравнит. словарѣ Екатерины II, гдѣ имъ отведено мѣсто среди тюркскихъ языковъ (между кангатскимъ и телеутскимъ съ одной стороны и хивинскимъ, киргизскимъ и трухменскимъ съ другой). Такимъ образомъ составители словаря повидимому считали „бухарскій“ языкъ тюркскимъ (приводя въ то же время, напримѣръ, почти однѣ только иранскія формы числительныхъ).

Среди бумагъ Палласа, служившихъ источниками для сравнит. словаря Екатерины II и составляющихъ часть лингвистической коллекціи Шёгрена (II отд. библ. Имп. акад. наукъ), сохранилось нѣсколько рукописныхъ „бухарскихъ“ глоссаріевъ. Таковы:

1) собраніе 286 словъ и числит., озаглавленное: „Переводъ бухарскихъ словъ“ (7½ стр. въ поллиста. См. рукописный каталогъ колл. Шёгрена, сост. Лерхомъ, стр. 96, № 22);

2) русско-хивинско-*бухарско*-мещерядкій глоссарій, содержащій всего 277 словъ на 12 стр. въ поллиста (послѣдняя страница вырѣзана). Для каждаго языка (кромѣ русскаго) отведено по двѣ графы: одна—для написаній арабскими буквами („по хивински“, „по бухарски“, „по киргизски“, „по мещерядки“), а другая для русской транскрипціи („Бухарскія слова изображены росс. буквами“ и т. д.). См. каталогъ Лерха, стр. 96, № 23;

3) собраніе 286 словъ и числит. на русскомъ, хивинскомъ и *бухарскомъ* языкахъ (араб. и русск. письмомъ, 9 съ небольш. стр. въ поллиста; см. катал. Лерха, тамъ же, № 24);

4) такое же собраніе 286 словъ и числит. на тѣхъ же языкахъ (12 стр. въ поллиста, см. катал. Лерха, тамъ же, № 25);

5) цитированный уже выше (стр. 467) русско-арабско-персидско-мещеряцко-киргизско-хивинско-*бухарскій* глоссарій коллежскаго ассесора Мендіера-Бещерина (см. кат. Лерха, тамъ же, № 26).

Несомнѣнно къ XVIII в. относится рукописный русско-персидскій словарь (малый 8°, безъ года и автора), содержащій также русско-персидскіе разговоры и принадлежащій Азіатскому музею академіи наукъ (отд. III, № 19).

Вѣроятно въ Россіи же возникъ другой уже многоязычный словарь Азіатскаго музея (отд. III, № 36) на языкахъ калмыцкомъ, армянскомъ, персидскомъ и татарскомъ (есть также части: грузинская и на одномъ изъ новоиндійскихъ языковъ, но лишь мѣстами), содержащій также и разговоры на нѣкоторыхъ изъ названныхъ языковъ. Составитель его, впрочемъ, вѣроятно былъ не русскій родомъ. Встрѣчающіяся мѣстами случайныя надписи по-русски (безъ отношенія къ содержанію словаря) указываютъ лишь на случайныхъ и позднѣйшихъ русскихъ владѣльцевъ этой рукописи.

Въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II персидскій (№ 76) поставленъ во главѣ другихъ живыхъ иранскихъ языковъ (курдскаго, „авганскаго", „осетскаго" и „дугорскаго", № 77—80), помѣщенныхъ между группой угро-финнскихъ (послѣ остяцкаго) и семьей семитическихъ языковъ (передъ еврейскимъ). Кромѣ этихъ живыхъ языковъ, въ словарѣ нашелъ себѣ мѣсто и зендъ (крайне сомнительнаго свойства), названный ошибочно „старо-персидскимъ" (№ 170), и пехльви („пеелвскій" № 171, столь же сомнительнаго качества), помѣщенные почему-то не съ другими иранскими языками, а въ ряду индійскихъ (между „индостанскимъ" и „самшкрутанскимъ").

Въ собраніи бумагъ Палласа, служившихъ матеріаломъ для названнаго словаря (коллекція Шёгрена во II отд. библіотеки Имп. акад. наукъ), сохранилось нѣсколько рукописныхъ глоссаріевъ одного персидскаго или вмѣстѣ съ разными другими языками. Таковы:

1) многоязычный русско-арабско-*персидско*-мещеряцко-киргизско-хивинско-бухарскій глоссарій Мендіера Бещерина, упоминавшійся уже выше (стр. 467);

2) также упоминавшееся выше (стр. 504) собраніе 287 словъ

и числительныхъ на русскомъ, англ., индостанскомъ и *персидскомъ* языкахъ (каталогъ Лерха, стр. 96 и сл., № 55);

3) собраніе 286 словъ и числительныхъ на русскомъ и персидскомъ язз. (оригинальнымъ письмомъ и русскими буквами), обнимающее 16 стр. въ поллиста (каталогъ Лерха, тамъ же, № 93);

4) такое же собраніе, озаглавленное: „Переводъ словъ персидскихъ“ (8 стр. въ поллиста, каталогъ Лерха, тамъ же, № 94).

5) такое же собраніе, озаглавленное: „Differents Dialectes Persans et Tatares“ и имѣющее шесть графъ: „Russe, Kasagh, Arabe, Awghan, Ghourte ou Curde, Persan“ (10 стр. въ поллиста; транскрипція русскими буквами; каталогъ Лерха, тамъ же, № 95).

По другимъ живымъ иранскимъ языкамъ сдѣлано было гораздо меньше. Первымъ у насъ собирателемъ лексическаго матеріала по афганскому и курдскому языкамъ былъ также академикъ Гюльденштедтъ (см. его „Reisen durch Russland“, ч. II. Спб. 1791 г., стр. 535—44 и 545—52). Оба названныхъ языка вошли и въ сравнительный словарь Екатерины II, гдѣ они помѣщены вслѣдъ за персидскимъ, діалектами котораго считались.

Среди бумагъ Палласа, служившихъ матеріалами для названнаго словаря и составляющихъ часть коллекціи Шёгрена (II отд. библ. Имп. акад. н.), находится два рукописныхъ курдскихъ глоссарія и одинъ афганскій, параллельно съ другими, даже и не иранскими, языками:

1) цитированный уже выше (стр. 483) русско-курдско-чеченскій глоссарій, содержащій 286 словъ и числит. (каталогъ колл. Шёгрена, сост. Лерхомъ, стр. 96 и сл., № 74);

2) подобный предыдущему и также цитированный выше русско-курдско-чеченскій глоссарій (каталогъ Лерха, тамъ же, № 75);

3) также цитированный немного выше глоссарій: „Differents Dialectes Persans et Tatares“, содержащій между прочимъ афганскія и курдскія слова („Awghan, Ghourte ou Curde“, см. каталогъ Лерха, тамъ же, № 95).

Гюльденштедтъ является и первымъ по времени собирателемъ образцовъ осетинскаго языка. Такъ въ коллекціи Аделунга находимъ рукописное собраніе числительныхъ и фразъ на русскомъ и осетинскомъ языкахъ (въ русской и латинской транскрипціи; 11 стр. въ поллиста), озаглавленное „Osetice“ и полученное Бакмейстеромъ отъ Гюльденштедта 18 сент. 1775 г., какъ это видно изъ надписи на рукописи. Вѣроятно такого же происхожденія другой рукописный списокъ 70 осетинскихъ словъ, озаглавленный по-англійски „The Dugor or Ossi language“ (1 стр. въ поллиста) и дошедшій до насъ также въ составѣ коллекціи Аделунга. На-

конецъ, въ „Reisen durch Russland“ Гюльденштедта (ч. II. Спб. 1791, стр. 535—544) находимъ параллельный глоссарій „афганскаго, дугорскаго [1]) и осетинскаго языковъ“.

Въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II осетинскій представленъ въ двухъ діалектахъ: собственно осетинскомъ (по „осетски“, № 79) и дугорскомъ (по „дугорски“, № 80), помѣщенныхъ вслѣдъ за персидскимъ, курдскимъ и афганскимъ языками. Весьма вѣроятно, что это двойственное дѣленіе осетинскаго языка восходитъ къ только что упомянутому такому же его дѣленію, которое мы видѣли у Гюльденштедта. Надо думать, что Палласъ и его помощники черпали матеріалъ для осетинской части словаря именно изъ записей Гюльденштедта. Среди бумагъ Палласа, хранящихся въ составѣ лингвистич. коллекціи Шёгрена, во II отд. библіотеки Имп. акад. наукъ, и представляющихъ собой черновые матеріалы словаря Екатерины II, сохранились до сихъ поръ четыре осетинскихъ глоссарія. Нѣкоторые изъ нихъ уже упоминались выше. Таковы два русско-лезгинско-осетинскихъ глоссарія (каталогъ колл. Шёгрена, сост. Лерхомъ, стр. 96 и слѣд., № 80—81, см. выше, стр. 482, № 2—3) и одинъ дугорско-осетинско-„мичдегизскій“ (ингушско-тушетскій, каталогъ Лерха, тамъ же, № 89, см. выше, стр. 483, № 11). Кромѣ этихъ трехъ глоссаріевъ, уже извѣстныхъ намъ, въ названной коллекціи находится еще одно собраніе осетинскихъ словъ (русскими буквами, безъ удареній), озаглавленное: „Произношеніе словъ Асетинскихъ“ и содержащее 285 словъ на 9 стр. въ поллиста (каталогъ Лерха, тамъ же, № 88).

Нѣсколько осетинскихъ словъ имѣется также въ книгѣ доктора Я. Рейнеггса († 1793 г. въ Спб.): „Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus“ (Спб. 1796—7. 2 т. 8⁰), изданной Фр. Э. Шредеромъ (ч. I, стр. 215—16). Здѣсь приводятся главныя осетинскія числительныя (1—10, 11—20, 30, 40, 50, 60, 70, 80, 90, 100, 1000) и 20 разныхъ другихъ словъ.

Въ самомъ концѣ XVIII вѣка въ Москвѣ является первая у насъ печатная книга на осетинскомъ языкѣ, напечатанная церковнославянскимъ шрифтомъ съ особыми діакритическими значками для изображенія нѣкоторыхъ особыхъ звуковъ, свойственныхъ звуковой системѣ даннаго языка: „Нача́лное оу҆че́ніе человѣкѡмъ. хотѧщымъ оу҆чи́тисѧ кни́гъ бж҃ественнагѡ писа́нїѧ“. 16⁰, 56 листовъ. На послѣдней страницѣ: „Печатанъ въ Московской Сѵнодальной Типографіи 1798 года мц҃а маіа̀“. Здѣсь находимъ

---

[1]) Въ дѣйствительности дугорскій представляетъ собой только нарѣчіе осетинскаго языка.

церковнославянскую и русскую гражданскую азбуки, склады и сокращенный катехизисъ, нѣкоторыя молитвы, краткое христіанское нравоученіе, снова молитвы, 50-й псаломъ и символъ вѣры на церковнославянскомъ и осетинскомъ языкахъ texte en regard. Для передачи осетинскаго текста (на южномъ нарѣчіи) употребленъ обыкновенный церковнославянскій шрифтъ съ опущеніемъ нѣкоторыхъ знаковъ и слѣдующими дополненіями: знакъ остраго ударенія ʹ обозначаетъ собой удареніе, знакъ тупого ударенія (gravis) надъ г (г̀) означаетъ звонкій заднеязычный взрывной (лат. g), знакъ краткости надъ т (т̆) — глухую аспирату th (въ объясненіи знаковъ приравненную греч. ϑ), затѣмъ сочетанія к̓х к̓г д̓з д̓ц д̓ч д̓ж изображаютъ особый видъ взрывныхъ согласныхъ, свойственныхъ кавказскимъ языкамъ, или какъ говоритъ подлинное толкованіе: „сіи двухлитерные знаки съ каморою означаютъ собственное произношеніе Осѣтинскаго языка". Составителемъ этой весьма интересной въ разныхъ отношеніяхъ книги былъ архимандритъ Гай [1]). Она сохраняетъ до сихъ поръ научное значеніе, какъ одинъ изъ самыхъ древнихъ образчиковъ осетинскаго языка.

О томъ, какъ смутны были у насъ (да и въ Европѣ) даже въ самомъ концѣ XVIII в. представленія объ иранскихъ языкахъ вообще, а въ частности о персидскомъ, древнеперсидскомъ и пехльви, даетъ понятіе переведенная съ нѣмецкаго Н. Е. Черепановымъ книга „Начертаніе знатнѣйшихъ народовъ свѣта, по ихъ происхожденію и распространенію языка" (М. 1798), о которой уже говорилось выше (см. стр. 250—251).

Для изученія армянскаго языка было сдѣлано не больше, чѣмъ для только что разсмотрѣнныхъ иранскихъ. Однимъ изъ самыхъ первыхъ собирателей матеріаловъ по армянскому языку былъ у насъ академикъ Г. Ф. Миллеръ, посылавшій въ 1734 г. въ сенатъ изъ Тобольска древнія татарскія и армянскія „гробныя надписи стариннаго татарскаго города Болгары" съ переводомъ на русскій языкъ [2]). О занятіяхъ Мессершмидта армянскимъ языкомъ свидѣтельствуютъ его „Lectiones orientales seu linguarum aliquot orientalium Indicarum sc. Tanguticarum et Mongolicarum elementa" въ собраніи его рукописныхъ замѣтокъ „Messerschmid-

[1]) См. Всев. Миллеръ, «Осет. этюды», ч. II (Москва, 1882), стр. 1. Отрывки изъ катехизиса Гая напечатаны у Ю. Ф. Клапрота въ его «Kaukasische Sprachen. Anhang zu Reise in den Kaukasus und nach Georgien». Halle-Berlin. 1814. Abth. III. Ossetische Sprache, стр. 189—196.

[2]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи Имп. акад. наукъ», т. VII. 196.

tiana ad linguas populorum Sibiriae pertinentes", принадлежащемъ библіотекѣ Азіатскаго музея академіи наукъ (отд. III, № 68).

Можно думать, что армянскій языкъ преподавался въ Астраханской школѣ для солдатскихъ дѣтей и разночинцевъ, учрежденной въ 1764 г., въ программу которой, кромѣ общихъ предметовъ, фортификаціи и навигаціи, входили и четыре азіатскихъ языка (опредѣленно не поименованныхъ). Послѣ преобразованія этой школы въ 1778 г. въ народное училище, преподаваніе восточныхъ языковъ было расширено прибавленіемъ еще двухъ языковъ, и армянскій языкъ несомнѣнно входилъ тогда въ кругъ преподаваемыхъ предметовъ [1]).

Въ послѣднюю четверть XVIII в. интересъ къ армянскому языку нѣсколько оживляется, благодаря извѣстнымъ уже намъ условіямъ: дѣятельности Бакмейстера и академическимъ путешествіямъ (именно Гюльденштедта). Въ коллекціи Аделунга находимъ два документа, свидѣтельствующихъ объ этомъ оживленіи:

1) рукописное собраніе числительныхъ и фразъ на русскомъ (въ верхней строкѣ) и армянскомъ языкахъ (ниже, армянскимъ письмомъ, русской и латинской транскрипціей, 8 стр. въ поллиста), озаглавленное „Armenice vulgo". На рукописи — помѣта (Бакмейстера): Reçû par M. le Prof. Güldenstaedt le 18 sept. 1775;

2) армянская азбука и краткія грамматическія правила, писанныя во второй половинѣ XVIII в. на латинскомъ языкѣ патеромъ Агриппиномъ (жившимъ въ Моздокѣ и Астрахани), какъ свидѣтельствуетъ его собственноручная подпись: pater Agrippinus, capuzinus: „Alphabetum Armenum (12 стр. въ поллиста)". Очевидно эта рукопись принадлежала тоже Бакмейстеру [2]) и возникла также въ 70-хъ гг. XVIII вѣка.

Въ концѣ 80-хъ гг. XVIII столѣтія появляются у насъ и первыя печатныя книги, которыя могли служить пособіемъ для изученія армянскаго языка русскими, или обратно русскаго — армянами. Это были:

1) „Книга, содержащая въ себѣ ключь познанія букваря, словаря и нѣкоторыхъ правилъ изъ нравоученія. Сочиненная и переведенная съ Россійскаго на армянской и съ Армянскаго на россійской языки дѣвицею Клеопатрою Сарафовою. Въ пользу малолѣтняго юношества, и всѣхъ желающихъ сему обучаться. Печатано въ теченіе 9-го лѣта Патріаршества на Святомъ Престолѣ Эчміацинѣ Католикоса Армянскаго Святѣйшаго Луки. И при Ар-

[1]) См. выше, стр. 411, прим. 1.

[2]) См. Adelung, «Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde». Спб. 1815, стр. 30.

хіепископѣ во всероссійской Имперіи Іосифа Армянскаго Архипастыря (sic!). 1788 года Августа 1 дня. Въ Санктпетербургѣ, печатано съ дозволенія Управы Благочинія, Григорія Халдарова". 4°. Непум. 6+285 стр.

Книга эта имѣетъ и армянское заглавіе: Girk or koci ba nali gituteаn etc. и посвящена „Его Императорскому Высочеству благовѣрному Великому Князю Константину Павловичу, Милостивому Государю". Послѣ посвященія (стр. 1—3) слѣдуютъ: букварь и склады (стр. 5—20), довольно объемистый армяно-русскій (стр. 21—124) и русско-армянскій (стр. 125—243) словарь, армяно-русскіе разговоры (стр. 245—256) и гражданское начальное ученіе (стр. 257—285). Книжка Сарафовой являлась первымъ у насъ печатнымъ пособіемъ для изученія армянскаго языка, во всякомъ случаѣ гораздо болѣе удобнымъ и практическимъ, чѣмъ одновременно съ нею вышедшій армяно-русскій словарь или вокабулы Гр. Халдарова, разсматриваемыя ниже.

2) Григорій Халдаровъ (Халдарянъ), армянско-русскій словарь или вокабулы. Спб. 1788 г. Подлинное его заглавіе гласитъ: „Girk or koci saviγ lezva gituteаn" и т. д., т. е. „Книга, называемая „стезя языкознанія", составленная съ правописаніемъ подробнымъ". Спб. 1788. 2 дек. 8°. XII+156. Эта рѣдкая книга (въ петербургскихъ библіотекахъ ея нѣтъ) заслуживаетъ болѣе подробнаго описанія [1]). Ее указываетъ Сопиковъ (№ 10390), какъ словарь армянскаго и русскаго языка; подробное (армянское) заглавіе приводится въ „Bibliographie Arménienne" Зарбаналяна (Венеція, 1883, стр. 132). Въ переводѣ на русскій оно гласитъ: „Книга, называемая „стезя языкознанія", составленная съ подробнымъ правописаніемъ господиномъ Григоріемъ, вышедшимъ изъ благороднаго рода Ново-Джульфинскаго Халдарянъ, сыномъ благороднаго Ходжамала, во Христѣ почившимъ. Спб. 1787" (въ дѣйствительности 1788) [2]). Книга издана въ Петербургѣ въ типографіи самого составителя Гр. Халдарова, или Халдаряна, уже послѣ

[1]) Самой книги мнѣ не удалось видѣть. Два ея экземпляра имѣются въ библіотекѣ Лазаревскаго института (см. Каталогъ книгъ и рукописей библіотекъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ. Москва. 1888, стр. 37, № 481), и сообщаемыми свѣдѣніями о ней я обязанъ любезности моихъ уважаемыхъ коллегъ, отчасти Н. Я. Марра, отчасти Л. З. Мсеріанца, изъ коихъ послѣдній по моей просьбѣ осмотрѣлъ лично книгу и сообщилъ ея подробное описаніе, приводимое мною лишь съ небольшими измѣненіями.

[2]) Цитату изъ Зарбаналяна съ переводомъ на русскій мнѣ сообщилъ любезно Н. Я. Марръ.

его смерти, на иждивеніи его вдовы Екатерины Захаровны Халдаровой и „повелѣніемъ“ епархіальнаго архіепископа армянъ, живущихъ въ Россійской имперіи [1]), князя Іосифа Аргутинскаго-Долгорукова. Начинается она съ предисловія (стр. IV—XII), за которымъ слѣдуютъ избранныя вокабулы армянскаго языка съ переводомъ на русскій (стр. 1—139), причемъ русскія слова приведены въ транскрипціи армянскими буквами (въ „восточномъ“ произношеніи). Сами вокабулы расположены въ алфавитномъ порядкѣ, такъ что́ въ дѣйствительности книга представляетъ собою словарь. При этомъ вслѣдъ за армянскимъ словомъ слѣдуютъ его армянскіе синонимы, что́, впрочемъ, не мѣшаетъ приведенію ихъ и въ своемъ мѣстѣ по алфавитному порядку. Словарь имѣетъ элементарный характеръ и содержитъ только отдѣльныя слова; выраженія и обороты не приводятся. За вокабулами помѣщена въ подлинникѣ и въ переводѣ texte en regard „Молитва Нѣрсеса (sic!), Патріарха Арменскаго, сочиненная для вѣрующихъ въ Господа нашего Іисуса Христа лѣта Господня 1170“. Заключается книга послѣсловіемъ (стр. 154—156).

Разсмотрѣнная книга служила вѣроятно въ позднѣйшее время пособіемъ при преподаваніи армянскаго языка въ Лазаревскомъ институтѣ. На это указываетъ, по словамъ Л. З. Мсеріанца [2]), имѣющійся на книгѣ штемпель, выставлявшійся обыкновенно на книгахъ ученической библіотеки Лазаревскаго института. Для русскихъ она не была особенно доступна, въ виду употребленія армянской азбуки для изображенія русскихъ словъ, и такимъ образомъ въ смыслѣ практичности уступала выше разсмотрѣнному руководству дѣвицы Сарафовой.

Какъ памятники научнаго интереса къ армянскому языку и его письменности въ XVIII в., должны быть упомянуты еще двѣ рукописи Азіатскаго музея академіи наукъ: 1) калмыцко-*армянско*-персидско-татарскій словарь XVIII в., цитировавшійся уже нами выше и представляющій скорѣе подготовительные матеріалы для такого параллельнаго словаря восточныхъ языковъ (Азіатскій музей, отд. III, № 36).

2) *Армяно*-Турецко-Татарская и Монголо-Калмыцкая азбука въ сборникѣ XVIII—XIX в., писанномъ частью акад. Joh. Christ. Hammel'емъ, частью его отцомъ (Азіат. музей, отд. III, № 34).

Въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II, первая часть кото-

[1]) Эчміадзинскій католикосатъ находился въ то время подъ властью Персіи.

[2]) Въ его частномъ письмѣ ко мнѣ.

раго вышла годомъ или двумя раньше разсмотрѣнныхъ выше книгъ Сарафовой и Халдарова, армянскій былъ также представленъ. Помѣщенъ онъ здѣсь вслѣдъ за группой тюркскихъ языковъ, сейчасъ послѣ якутскаго (№ 106) и непосредственно передъ грузинскими діалектами (карталинскимъ, имеретинскимъ и сванетскимъ), открывающими группу кавказскихъ языковъ. Отсюда можно заключать, что составители словаря склонны были относить армянскій языкъ къ числу кавказскихъ языковъ, очевидно, на основаніи географическаго сосѣдства. Въ предисловіи къ словарю Палласъ сообщаетъ, что обработалъ этотъ языкъ въ числѣ прочихъ самъ, „сличая по многимъ словарямъ“ (какимъ?), причемъ нашелъ „во многихъ словахъ отличія, наипаче если разбирать употребляемыя въ книгахъ слова и сравнивать съ народными, кои сверхъ того по разнымъ мѣстамъ съ другими языками перемѣшавшись часто весьма отличны“. Необходимо прибавить, что армянскій отдѣлъ въ словарѣ Екатерины II сравнительно полнѣе, чѣмъ многіе другіе, и почти не представляетъ пробѣловъ (за исключеніемъ очень немногихъ случаевъ). Неточности и ошибки, конечно, даютъ себя чувствовать и здѣсь, но ихъ меньше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ, напр. въ санскритской.

Среди упоминавшихся уже не разъ бумагъ Палласа (въ коллекціи Шёгрена, во II отд. библ. акад. наукъ) сохранилось довольно много рукописныхъ армянскихъ глоссаріевъ, служившихъ очевидно матеріалами при составленіи армянскаго отдѣла словаря Екатерины II (см. рукописный каталогъ колл. Шёгрена, сост. Лерхомъ, стр. 96, № 8—11).

Таковы: 1) собраніе 286 словъ и числит. на русскомъ и армянскомъ яз. (оригинальнымъ письмомъ и русскими буквами, 10 съ небольшимъ стр. въ поллиста);

2) такое же собраніе (на 12 неполныхъ стр. въ поллиста);

3) подобное же собраніе, озаглавленное: „Переводъ Армянскихъ книжныхъ словъ“ (также 286 словъ и числит. на 8 стр. въ поллиста);

4) собраніе 363 словъ на русскомъ и армянскомъ яз. (оригинальнымъ письмомъ и русскими буквами, на 20 стр. въ поллиста);

5) собраніе 286 словъ и числит. на русскомъ и арм. яз., озаглавленное: „Переводъ Армянскихъ словъ народнаго языка“ (оригин. письмомъ и русскими буквами, 9 стр. въ поллиста);

6) такое же собраніе 286 словъ и числит., озаглавленное: „Армянскій словарь“ (оригинальн. письмомъ и русск. буквами, 10 съ небольш. стр. въ поллиста).

Какіе взгляды на родство армянскаго языка съ другими языками, обращались у насъ (и въ Европѣ) въ самомъ концѣ XVIII в., свидѣтельствуетъ книга, переведенная Н. Е. Черепановымъ съ нѣм.: „Начертаніе знатнѣйшихъ народовъ свѣта и т. д.“ (Москва. 1798. См. о ней выше, стр. 250—52). По словамъ ея, армянскій языкъ... „одинъ и тотъ же съ древнимъ фригійскимъ, которымъ говорили въ древнѣйшія времена во всей Малой Азіи“, и одного происхожденія „съ Бискайскимъ, Гальскимъ, съ Финскимъ и Кимврскимъ, а по мнѣнію нѣкоторыхъ и съ древнимъ Египетскимъ. Новой весьма отходитъ отъ древняго Армянскаго“, т.-е. грабара (см. цит. соч., стр. 20).

Разсмотрѣнными выше печатными и рукописными работами по изученію восточныхъ языковъ исчерпывается все важнѣйшее, сдѣланное у насъ въ этой области въ XVIII вѣкѣ при преемникахъ Петра Великаго, и наиболѣе характерное для исторіи науки за этотъ періодъ. Пробѣлы, весьма естественные при первомъ опытѣ связнаго представленія столь разбросаннаго, малоизвѣстнаго и никѣмъ еще во всей его совокупности не упорядоченнаго матеріала, конечно, неизбѣжны, но ихъ, думается мнѣ, должно быть немного[1]). Кромѣ перечисленныхъ выше попытокъ собиранія лингвистическихъ (главнымъ образомъ лексическихъ) матеріаловъ, а иногда и ихъ обработки, попытокъ нерѣдко самостоятельныхъ и сохраняющихъ свою научную цѣнность и донынѣ, въ качествѣ первыхъ, а подчасъ и единственныхъ старыхъ записей, особенно по языкамъ, успѣвшимъ съ тѣхъ поръ исчезнуть, для полноты характеристики слѣдуетъ указать еще на рядъ восточныхъ языковъ, представленныхъ въ словарѣ Екатерины II, на основаніи матеріаловъ, уже готовыхъ и собранныхъ не русскими, а европейскими учеными и путешественниками, притомъ не для помянутаго словаря. Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть и о тѣхъ восточныхъ языкахъ, которые были представлены въ названномъ словарѣ на основаніи неизвѣстныхъ намъ источниковъ.

Вполнѣ естественно, конечно, было у насъ отсутствіе людей, знакомыхъ съ малайско-полинезійскими языками, которые и представлены въ словарѣ на основаніи матеріаловъ, почерпнутыхъ у разныхъ европейскихъ путешественниковъ, притомъ съ большими пробѣлами. Изъ малайскихъ языковъ этой семьи въ словарь

---

[1]) Нѣкоторые изъ этихъ пробѣловъ ясны мнѣ уже и теперь. Такъ, вслѣдствіе того, что мнѣ пришлось ознакомиться съ коллекціей Шёгрена уже послѣ отпечатанія 28-го листа настоящаго изданія, я не могъ воспользоваться ея данными при изложеніи исторіи изученія тюркскихъ, монгольскихъ и нѣкоторыхъ финскихъ языковъ.

(1-е изд.) вошли: собственно малайскій, яванскій, филиппинскіе языки—„пампангскій“ (пампанга), „тагаланскій“ (тагальскій) и „магинданскій“ (минданао), ново-гвинейскій (вѣроятно альфуровъ съ Новой Гвинеи), къ которымъ нужно прибавить еще рядъ языковъ, нашедшихъ себѣ мѣсто лишь въ отдѣлѣ „чиселъ“, въ концѣ II-го тома: „ахинскій“ (слѣдовало бы: *ачинскій)*, „баттанскій“ (баттакскій), „лампунскій“ (лампунгъ), „ніаскій“, „реянскій“, (собственно: *реджангъ*—все малайскіе діалекты острова Суматры), „малагашскій“ (мальгашскій) „монгерейскій“, (*мангарей* — на о. Флоресъ), савуанскій (о. Саву), макассарскій, съ острова Церама, съ Маріанскихъ острововъ, и „Формозонскій“ (съ острова Формозы); изъ меланезійскихъ языковъ въ словарѣ представлены языки острововъ: „Танна“ (Тана) и Малликоло, а изъ полинезійскихъ: ново-зеландскій (маори), о. „Вайгоо“ (?), о-вовъ Дружества (Тонга), о-вовъ Общества (Таити?) [1]), о-вовъ „Кокосовыхъ“, „Маркезанскихъ“ (Маркизскихъ) и „Сандвича“ (Сандвичевыхъ или Гаваи).

Кромѣ того, въ словарѣ, вмѣстѣ съ малайско-полинезійскими языками, помѣщенъ и не принадлежащій къ нимъ „ново-голландскій“, т.-е., очевидно, одинъ изъ австралійскихъ языковъ (рубрики его большею частію пустуютъ), къ которому въ отдѣлѣ „чиселъ“ (т. II) присоединяется еще „папуанскій“ (языкъ папуасовъ, принадлежащій къ самостоятельному языковому семейству). Всѣ эти языки помѣщены всегда вмѣстѣ въ концѣ всего ряда языковъ (№ 183—200), причемъ малайскій поставленъ во главѣ (№ 183). Рубрики, отведенныя имъ, впрочемъ, очень часто не заполнены.

Что составители словаря считали всѣ эти языки родственными между собою, видно изъ одной рукописи, находящейся среди бумагъ Палласа, составляющихъ часть извѣстной уже намъ коллекціи Шёгрена (во II отд. библ. Имп. ак. н.). Рукопись эта (каталогъ Лерха, стр. 96, № 15, 10 стр. въ поллиста) озаглавлена: „Сличеніе чиселъ, показующее родство и разность языка, обще употребимаго на островахъ Восточнаго моря, имущій корень свой въ употребляемомъ на матерой землѣ Асіи въ области Малайской“, и представляетъ параллельную таблицу числительныхъ выше перечисленныхъ и нѣкоторыхъ другихъ языковъ, которыя размѣщены въ 39 графахъ (на нѣкоторые языки приходятся 2—3 графы для помѣщенія варіантовъ, наблюдаемыхъ въ разныхъ источникахъ, откуда формы почерпались). Внизу этихъ графъ сокра-

---

[1]) Въ отдѣлѣ «чиселъ», во II т., впрочемъ, языкъ о. Таити фигурируетъ самостоятельно, на ряду съ языкомъ о-вовъ «Общества».

щенно обозначены авторы сочиненій (большею частью разные путешественники), изъ которыхъ взяты сличаемыя формы. Въ заголовкахъ графъ стоятъ названія языковъ: „Малай, Малай въ Суматрѣ, Малай, Мадагаскаръ (4 графы), Ахинъ (Ачинъ) на Суматрѣ, Лампунъ на Суматрѣ, Батта на Суматрѣ, Риенъ на Суматрѣ, Княжескіе о-ва, Іава (т. е. Ява), Тагалъ Пеукони или Манилла, Папангосъ (пампанга) или Филиппинскій, Минданасъ, Саву островъ, Гератъ островъ (очевидно неразобранное Ceram=Церамъ), островъ Монс*ъя*, Новая Гвинея 1616 г., Папуа въ Нов. Гвинеѣ, Земля св. Духа, Новая Каледонія (2 графы), Маликоло, Танна (2 графы), Новая Зеландія (3 графы), островъ Рога, Кокосовъ о-въ, о-ва Дружества, Амстердамъ о-въ, Сандвичь о-въ, Отагити (Отаити, 2 графы), Маркизасъ (Маркизскіе, 2 графы), Восточный островъ (2 графы)“. Матеріалъ для этой таблицы черпался изъ путешествій и прочихъ работъ Кука, Паркинсона, Форстера, Герреры, Андерсона, Марсдена, Дрэри, Герберта и др., имена которыхъ находимъ внизу тѣхъ графъ, гдѣ помѣщены числительныя.

Кромѣ того, среди бумагъ Палласа (коллекція Шегрена) имѣются еще слѣдующіе глоссаріи нѣкоторыхъ изъ выше перечисленныхъ малайско-полинезійскихъ языковъ: 1) глоссарій острововъ Дружества (18 стр. въ поллиста, каталогъ Лерха, стр. 96, № 13), 2) глоссарій о-ва Таити (8 стр. въ поллиста, см. тамъ же, № 14), 3) „Языкъ Атуи острова изъ числа острововъ Сандвичь“ (3 стр. въ поллиста, см. тамъ же, № 16), 4) собраніе 10 числительныхъ на „мадагаскарскомъ“ языкѣ (2 стр. въ поллиста, 4 графы для варіантовъ, наблюдаемыхъ у разныхъ авторовъ: Parkinson, Drury, Herbert, Banks. См. каталогъ Лерха, стр. 96 и слѣд. № 84) и 5) собраніе малайскихъ словъ, почерпнутыхъ изъ разныхъ путешествій (см. тамъ же, № 97).

Нѣсколько словъ малайскимъ языкамъ посвящаетъ также упоминавшаяся уже не разъ книга „Начертаніе знатнѣйшихъ народовъ свѣта и т. д.“, переведенная съ нѣм. Н. Е. Черепановымъ (М. 1798). По ея словамъ, къ малайскимъ языкамъ относятся филиппинскіе: „Тагалискій, Пампангискій и Биссаійскій. На Явѣ тамошній придворный языкъ состоитъ изъ трехъ четвертей Санскритскаго или Браминскаго, притомъ находятся многія и Малабарскія и Деканскія слова“ (стр. 30). Такимъ образомъ здѣсь впервые у насъ идетъ рѣчь о языкахъ *висайя*[1]) и *кави*.

Изъ другихъ еще не упомянутыхъ восточныхъ языковъ въ

---

[1]) Другіе филиппинскіе языки—тагальскій и пампанга—были представлены уже въ болѣе раннемъ словарѣ Екатерины II.

словарѣ Екатерины II нашли себѣ мѣсто: корейскій (№ 175), помѣщенный страннымъ образомъ между группой индійскихъ языковъ (послѣ „сингальскаго") и дравидическими языками; изъ односложныхъ индокитайскихъ языковъ — „боманскій" (№ 180, очевидно, бирманскій), сіамскій (№ 181) и тонкинскій (№ 182, т. е. аннамитскій), къ которымъ въ отдѣлѣ „чиселъ" прибавленъ еще „пегуанскій". Откуда были почерпнуты формы этихъ послѣднихъ языковъ, предисловіе къ словарю ничего не говоритъ. Равнымъ образомъ, ни въ коллекціи Аделунга, ни въ бумагахъ Палласа изъ коллекціи Шёгрена, не дошли насъ и тѣ рукописные матеріалы составителей словаря, по которымъ можно было бы судить объ источникахъ, служившихъ имъ при обработкѣ перечисленныхъ языковъ для научнаго предпріятія русской императрицы.

XIV. Состояніе языкознанія въ теченіе первой четверти XIX в.

Научная дѣятельность въ области языкознанія въ XVIII в., какъ и во многихъ другихъ областяхъ русской духовной культуры этого времени, характеризуется отрывочностью и разрозненностью начинаній, отсутствіемъ прочной преемственности въ научной работѣ, дающими себя знать и въ наши времена, въ началѣ XX вѣка. Зависѣло это, конечно, отъ общихъ культурноисторическихъ условій. Необозримое поле, открывавшееся для научнаго изслѣдованія, требовало многочисленныхъ энергическихъ работниковъ и общихъ благопріятныхъ для ихъ дѣятельности условій. Между тѣмъ уровень общей умственной культуры въ нашемъ обществѣ былъ еще слишкомъ низокъ, а число отдѣльныхъ носителей этой культуры слишкомъ незначительно, въ сравненіи съ остальной неподвижной и сонной массой общества и количествомъ предстоявшаго труда. Не удивительно, если людямъ, по дарованіямъ и образованію стоявшимъ выше современнаго имъ общества, приходилось работать заразъ въ нѣсколькихъ областяхъ научнаго знанія (какъ это дѣлалъ Ломоносовъ), или рядомъ со своими прямыми занятіями, браться мимоходомъ и за чужую спеціальность, какъ это, напримѣръ, мы видѣли у натуралистовъ Петровской эпохи, докторовъ Мессершмидта и Шобера, или у нашихъ академическихъ путешественниковъ, тоже натуралистовъ, занимавшихся между прочимъ, и собираніемъ лингвистическихъ матеріаловъ (Крашенинниковъ, Штеллеръ, Фишеръ, Гмелинъ младшій, Гюльденштедтъ, Лепехинъ, Фалькъ, Лаксманъ и др.), а то такъ и составленіемъ сравнительныхъ словарей (Палласъ).

Конечно, подобная многосторонность, неразлучная съ поверхностностью, свойственна была отчасти и современной европейской наукѣ, въ силу ея молодости, но у насъ она становилась неизбѣжной и общей, своего рода категорическимъ императивомъ. Такимъ образомъ очень многія работы и предпріятія въ области языкознанія, разсмотрѣнныя выше, должны были неизбѣжно носить извѣстный отпечатокъ дилеттантизма, что́ и было отчасти отмѣчено западной научной критикой, напр. по отношенію къ знаменитому сравнительному словарю Екатерины II.

Въ сущности дилеттантами въ области языкознанія были не только переименованные выше натуралисты-собиратели лингвистическаго матеріала, но и другіе наши дѣятели въ названной области, съ именами которыхъ мы познакомились. Не только Тредьяковскій и Сумароковъ, не говоря уже о Татищевѣ, Щербатовѣ и Болтинѣ, но и Ломоносовъ, А. А. Барсовъ, В. П. Свѣтовъ, протоіерей П. А. Алексѣевъ, архіепископы: нижегородскій Дамаскинъ-Рудневъ и казанскій Веніаминъ и др. болѣе мелкіе дѣятели въ области языкознанія въ XVIII в. были, строго говоря, простыми любителями, посвящавшими языкознанію лишь небольшую часть своего времени. Не говоримъ уже о тѣхъ многочисленныхъ собирателяхъ лингвистическихъ матеріаловъ, которые вдругъ объявились по всему лицу земли русской, когда потребовались образцы разныхъ языковъ, сначала для Бакмейстера, а затѣмъ для словаря императрицы Екатерины II. Въ этомъ случаѣ собираніе лингвистическаго матеріала являлось уже не невиннымъ любительствомъ частнаго свойства, а новой чиновничьей или служебной обязанностью, къ которой, за немногими исключеніями, конечно, и относились, какъ къ таковой, т.-е. чисто формально.

Присяжныхъ языковѣдовъ и филологовъ у насъ не было, да и негдѣ было имъ образоваться, за отсутствіемъ надлежащей постановки образованія, какъ въ средней, такъ и въ высшей школѣ. Единственные образчики этой послѣдней — академическій, полуноминальный университетъ и молодой московскій, не представляли для этого благопріятныхъ условій, ни по своимъ учебнымъ планамъ, ни по тѣмъ научнымъ силамъ, которыми они располагали. Незнаніе обоихъ классическихъ языковъ, преподаваніе которыхъ только начинало вводиться, главнымъ образомъ въ духовной школѣ — свѣтская средняя школа едва еще возникала — и плохое знаніе новыхъ европейскихъ, обученіе которымъ преслѣдовало прежде всего цѣли чисто внѣшняго или вполнѣ утилитарнаго характера, также отнюдь не могли способствовать развитію у насъ языкознанія, нуждающагося для этого въ нѣкоторой

общей подготовкѣ и извѣстномъ спеціальномъ практическомъ знакомствѣ съ языками, распространенномъ въ болѣе широкихъ слояхъ общества.

Не удивительно поэтому, если особый интересъ къ языкознанію и особую иниціативу въ этой области науки обнаруживали у насъ въ XVIII в. или иностранные ученые въ русской службѣ, главнымъ образомъ нѣмцы, получившіе европейское среднее и высшее образованіе, или тѣ русскіе люди, которые тоже побывали заграницей и болѣе или менѣе пріобщились на мѣстѣ къ европейской научной жизни (Тредьяковскій, Татищевъ, Ломоносовъ, Лепехинъ, Дамаскинъ-Рудневъ и др.). Не удивительно также, что дѣятельность такихъ болѣе просвѣщенныхъ и болѣе энергичныхъ людей въ области языкознанія проходила, не встрѣчая надлежащаго отзыва и продолженія въ окружавшей ихъ общественной средѣ. Вспыхивавшія тутъ или тамъ искры безкорыстнаго научнаго интереса и сознательной иниціативы падали въ сонную трясину равнодушнаго и невѣжественнаго общества и гасли, не встрѣчая матеріала для горѣнія.

Яркой иллюстраціей къ только что сказанному является научное предпріятіе Екатерины II, ея знаменитый „Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій". Державная воля повелительницы Сѣвера вызвала небывалое до тѣхъ поръ въ нашей жизни проявленіе „научнаго интереса" къ собиранію образчиковъ языковъ, которыми раньше почти никто не интересовался. Перья разныхъ комендантовъ, посольскихъ чиновниковъ, секретарей, коллежскихъ ассесоровъ, канцеляріи совѣтниковъ, переводчиковъ, городскихъ толмачей, захолустныхъ протоіереевъ и др. россійскихъ обывателей, никогда, быть можетъ, до того и не помышлявшихъ о собираніи научныхъ матеріаловъ, внезапно, какъ по мановенію волшебнаго жезла, пришли въ движеніе; вороха бумаги были исписаны требуемыми образцами и отправлены въ Петербургъ, гдѣ извѣстная часть собраннаго матеріала вошла въ печатные „Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій", другая, разбитая по разнымъ библіотекамъ, остается и понынѣ почти безъ всякаго научнаго употребленія, а третья, повидимому, и совсѣмъ утрачена. Затѣмъ снова все пришло въ прежнее спокойствіе. Императрица, послѣ девятимѣсячнаго увлеченія своей идеей, остыла къ ней, и многочисленные корреспонденты-собиратели ея словаря, отбывъ неожиданную лингвистическую повинность, никогда больше и не подумали sua sponte заняться собираніемъ лингвистическаго матеріала. Рѣдкіе случаи болѣе или менѣе самостоятельной иниціативы, въ родѣ дѣятельности Андрея Богданова, составителя учебни-

ковъ японскаго языка, кое-какихъ членовъ нашихъ китайскихъ миссій (Разсохина, Бакшеева, Игумнова, Каменскаго), составителя киргизскаго словаря генерала Скалона, автора вотяцкой грамматики свящ. Могилина и др., не могутъ служить опроверженіемъ сказаннаго выше, а судьба ихъ трудовъ только подтверждаетъ это.

Тѣмъ не менѣе въ теченіе XVIII в. кое-что было достигнуто. Грамматика Ломоносова положила начало научной обработкѣ русскаго языка и вызвала рядъ продолжателей и подражателей (А. Барсовъ, П. Соколовъ, В. Свѣтовъ и др.). „Лексиконъ треязычный“ Поликарпова, „Россійской Целларіусъ“ Гельтергофа, „Церковный словарь“ Алексѣева, „Краткій славянскій словарь“ игумена Евгенія и разныя рукописныя собранія русскихъ словъ (Богданова, Тауберта, Кондратовича, Ботвинкина, Левшина и др) подготовили „Словарь Академіи Россійской“, первый капитальный трудъ въ области лексикографіи русскаго языка. Первыя изданія древнихъ русскихъ текстовъ („Древняя Россійская Вивліоѳика“ Новикова, приложенія къ исторіи Щербатова, изданія гр. А. Н. Мусина-Пушкина: „Русской Правды“ 1792 г., „Духовной“ Владиміра Мономаха, 1793 г., „Слова о полку Игоревѣ“ 1800), при всѣхъ своихъ недостаткахъ, неизбѣжно наталкивали на сравненіе современнаго языка съ древнимъ и вызвали въ концѣ вѣка потребность въ древнерусскомъ словарѣ, оставшуюся, впрочемъ, неудовлетворенной, и первыя попытки толкованія непонятныхъ древнихъ словъ Крестинина (см. выше, стр. 303—4), Щербатова (въ его историческихъ трудахъ) и др. Рядъ общихъ филологическихъ разсужденій, имѣвшихъ въ виду главнымъ образомъ также русскій языкъ и принадлежавшихъ Ломоносову, Сумарокову, Свѣтову, Протопопову, А. Б., и др., свидѣтельствовалъ о наличности извѣстнаго движенія филологической мысли и въ свою очередь питалъ его. Объ этомъ движеніи говорятъ и нѣкоторыя статьи нашихъ журналовъ того времени. Возникла цѣлая, частью оригинальная, частью переводная педагогическая печатная литература (грамматики, словари, разговоры и т. д.) по обоимъ классическимъ языкамъ, главнымъ ново-европейскимъ и нѣкоторымъ восточнымъ, дававшая возможность пріобрѣсти практическое знаніе ихъ. Положено было начало преподаванію и изученію нѣкоторыхъ инородческихъ языковъ, вызвавшему рядъ пособій по нимъ, преимущественно рукописныхъ. Наконецъ лексикографическія предпріятія въ широкомъ масштабѣ Бакмейстера и Екатерины II, въ связи съ нашими правительственными экспедиціями для изученія Россіи, частью положили первое основаніе изученію нѣкоторыхъ языковъ Россіи, частью принесли массу совершенно новаго для того вре-

мени научнаго матеріала, правда, далеко не всегда надежнаго, но цѣннаго по времени, когда онъ былъ записанъ, а иногда и единственнаго по своему научному значенію, въ виду полнаго съ тѣхъ поръ исчезновенія иныхъ языковъ.

Таково было научное наслѣдіе, завѣщанное въ области языкознанія XVIII вѣкомъ XIX-му и собранное преимущественно во второй половинѣ XVIII вѣка, въ царствованіе Екатерины II, въ эпоху усиленнаго насажденія „наукъ и художествъ", принесшаго извѣстные плоды и въ разсматриваемой научной области. Культурно-историческія условія XVIII в., охарактеризованныя выше, конечно не могли быстро измѣниться не только въ самомъ началѣ XIX в., но и въ теченіе первой его четверти, почти совпадающей съ царствованіемъ Александра I. Поэтому состояніе языкознанія у насъ въ самомъ началѣ XIX в. не представляетъ какихъ нибудь новыхъ чертъ, сравнительно съ послѣдними годами XVIII в. Только въ началѣ второго десятилѣтія и къ концу его мы замѣчаемъ рядъ новыхъ явленій. Эти явленія были вызваны частью движеніемъ науки на западѣ, обнаружившимся тамъ еще въ теченіе послѣднихъ полутора десятилѣтій XVIII в., но дошедшимъ до насъ, какъ всегда, съ значительнымъ запозданіемъ, частью возникли на русской почвѣ, какъ естественные плоды русской науки, свидѣтельствовавшіе о ея самостоятельномъ развитіи.

a) Состояніе общаго языкознанія въ Россіи въ теченіе первой четверти XIX в.

Однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ писателей по вопросамъ общаго и славянскаго языкознанія за разсматриваемый періодъ времени былъ у насъ знаменитый А. С. Шишковъ, сначала дѣятельный членъ, а затѣмъ и предсѣдатель Россійской Академіи, типичный представитель того дилеттантизма въ языкознаніи, который, зародившись у насъ въ XVIII в., благодаря общимъ условіямъ нашей культуры, продолжаетъ держаться чуть не до нашихъ дней. Уже въ первой книжкѣ „Сочиненій и переводовъ, издаваемыхъ Россійскою Академіею" (1805 г., стр. 245—61) находимъ его разсужденіе „О звукоподражаніи". Въ самомъ началѣ его Шишковъ излагаетъ свои любимыя идеи о происхожденіи языка путемъ ономатопеи, къ которымъ онъ неразъ болѣе подробно возвращался впослѣдствіи. Идеи эти, конечно, не были его собственностью. Мы находимъ ихъ у де-Бросса въ его „Traité de la formation mécanique des langues et des principes physiques de l'Etymologie" (Парижъ, 2 т. 1765), у Гердера въ его „Abhandlung über

den Ursprung der Sprache" (Берлинъ, 1772), Куръ де Жебелена („Monde Primitif etc." 9 т. Парижъ, 1773—1784) и др. „общихъ грамматиковъ" XVIII вѣка. Шишковъ только упрощаетъ эти идеи, какъ это свойственно вообще любителямъ, и видитъ въ звукоподражаніи единственный древнѣйшій источникъ языка. Въ началѣ своей статьи (стр. 245—47) онъ говоритъ: „Первоначальному составленію языковъ учительницею была сама природа. Люди, слыша естественные звуки, соглашали голосъ свой съ оными, и давали имъ тѣ самыя имена, какими, казалось, они сами себя называютъ". Какъ примѣры такого древняго звукоподражанія, Шишковъ приводитъ названіе *кукушки* и глаголы, означающіе звуки, издаваемые разными животными и птицами: гусь *гогочетъ*, утка *квакаетъ* (?), кошка *мяучитъ*, собака *ворчитъ*, голубь *уркуетъ* (?) или *воркуетъ* и т. д. По словамъ Шишкова, „такимъже образомъ и другія многія названія составлены: громъ, трескъ, стучитъ, шипѣть, хрипѣть... Таковое природнымъ звукомъ подражаніе въ словахъ показываетъ древность языка; ибо открываетъ въ нихъ слѣды коренныхъ и первоначальныхъ понятій человѣческихъ... Великіе стихотворцы тѣмъ-же самымъ идутъ путемъ" (слѣдуютъ примѣры звукоподражаній у Виргилія, Расина, Тасса, Попе, Сумарокова, Ломоносова, Державина, въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ и т. д.).

Разныя общія разсужденія о языкѣ находимъ въ книгѣ профессора только что основаннаго харьковскаго университета Ив. Рижскаго [1]): „Введеніе въ кругъ словесности" [2]), вышедшей въ въ 1806 г. и посвященной императору Александру I, въ качествѣ „слабаго первенца, получившаго бытіе во святилищѣ наукъ, богоподобными Его Имп. Величества щедротами основанномъ на югѣ Россіи". Первая, меньшая часть книги, интересной какъ образчикъ молодой университетской науки своего времени и обнаруживающей несомнѣнное вліяніе писаній Шишкова, трактуетъ „объ изящныхъ наукахъ" (стр. 1—12); вторая-же, занимающая стр. 13—108, излагаетъ ученіе „о человѣческомъ словѣ" и даетъ очеркъ общей грамматики, первый у насъ не переводный опытъ этого рода. Мы находимъ здѣсь слѣдующіе §§: § 10. „О качест-

---

[1]) См. о немъ Багалѣй, «Опытъ Исторіи Харьковскаго университета» въ „Учен. Запискахъ Харьк. унив." 1896, кн. 4. 62—63.

[2]) „Введеніе въ кругъ словесности, сочиненное въ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ, и служившее руководствомъ бывшихъ въ ономъ 1805 года публичныхъ чтеній, предшествовавшихъ наукѣ краснорѣчія. Въ Харьковѣ, въ Университетской Типографіи. 1806 года". 8°, 8 ненум. + 108 + IV стр. (оглавленіе).

вахъ слова, занимающихъ философа, § 11. О качествахъ слова, занимающихъ витію. § 12. Качества слова, занимающія витію, суть исторія, правила онаго, и преимущественныя качества нѣкоторыхъ языковъ. § 13. О произхожденіи слова. § 14. Объ успѣхахъ слова. § 15. О измѣненіи языковъ отъ взаимнаго народовъ сообщенія. § 16. О произхожденіи отъ одного языка разныхъ нарѣчій. § 17. О различіи, какое находится въ первоначальныхъ понятіяхъ разныхъ народовъ объ одной и той-же вещи, и о частныхъ правилахъ языковъ. § 18. Объ общихъ правилахъ человѣческаго слова. § 19. Начальныя понятія о составѣ человѣческаго слова и о главнѣйшихъ измѣненіяхъ нѣкоторыхъ частей рѣчи. § 20. О не измѣняемыхъ частяхъ рѣчи. § 21. О преимущественныхъ качествахъ вообще, и особенно о богатствѣ нѣкоторыхъ языковъ. § 22. О томъ, что называется силою языка. § 23. О пріятности слова, произходящей отъ качества и смѣшенія въ рѣчи буквъ. § 24. О томъ, что называется ладомъ, и въ особенности плясовымъ и мусикійскимъ. § 25. О ладѣ, свойственномъ человѣческому слову, и о происхожденіи стихосложенія. § 26. О зависящей отъ качества и смѣшенія слоговъ и реченій естественной, и о произхожденіи искусственной пріятности слова".

Языкъ разсматривается здѣсь, конечно, главнымъ образомъ, какъ орудіе словесности, т. е. какъ средство выраженія, но нѣкоторые §§ затрогиваютъ и вопросы общаго языкознанія, да и другіе, имѣющіе болѣе слабое отношеніе къ послѣднему, всетаки даютъ случай судить объ общихъ взглядахъ автора въ данной научной области. Общій характеръ книги—безсодержательно-риторическій. Вмѣсто выясненія или анализа извѣстныхъ понятій, находимъ рядъ риторическихъ словоизвитій, прикрывающихъ скудость мысли и положительнаго знанія. Говоря, напр., объ интересѣ языка для философа (§ 10), Рижскій восклицаетъ: „можетъ-ли онъ (философъ) безъ восторга представить себѣ съ одной стороны хитрое устроеніе орудія слова, съ другой отличное предназначеніе, безконечныя и безцѣнныя онаго пользы? Коль разнородны члены, составляющіе сіе орудіе! Коль различнымъ въ разсужденіи образованія и степени напряженія [1]), но въ то же время коль единообразнымъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, при всей непостижимой скорости, съ какою мы говоримъ, оно дѣлаетъ дви-

[1]) Подъ разницами въ „образованіи" авторъ разумѣетъ различія между „свистящими" (*с*, *з*), „шипящими" (*ш*), „тупыми" (какъ *т*), „яркими и разительными" звуками (какъ *р*). Неожиданно удачно различеніе звуковъ по степени „напряженія" на *мягкія* и *твердыя*, напр. *б* и *п*, *д* и *т*, *с* и *з* (ср. тепершніе термины: lenes и fortes=*слабые* и *сильные*).

женіе изходящаго изъ насъ воздуха, рождая чрезъ то разнообразные звуки, сіи не раздѣлимыя части нашего слова! Кто изъяснитъ намъ оную таинственную связь между словомъ и мыслью, посредствомъ которой оно, будучи само нѣчто вещественное, дѣлаетъ нѣкоторымъ образомъ такими-же измѣненія нашей души, толь сокрытыя отъ чувствъ, толь удаленныя отъ всего вещественнаго и толь мало нами постижимыя, что для изображенія ихъ по сіе время мы не имѣемъ еще собственныхъ словъ?" (стр. 13—15). Указавъ на принадлежность языка человѣку, какъ отличительное его свойство сравнительно съ животными, и на соціальное значеніе языка, какъ средства сношенія съ подобными себѣ, авторъ такъ заключаетъ свое разсмотрѣніе языка со стороны его философскаго интереса: „Между тѣмъ коль восхитительныхъ мы были-бы лишены наслажденій жизни, или лучше сказать, коль не изъяснимому подлежали-бы часто томленію, не имѣя средства переливать въ сердце другого свои пріятныя и огорчительныя чувствія, и открывать по произволенію свои намѣренія и желанія!" Въ подобномъ родѣ написана вся книга, такъ что крупицы мысли приходится въ ней вылавливать въ морѣ риторической воды.

Въ § 12 авторъ доказываетъ, что посвятившій себя словесности „долженъ сквозь множество произвольныхъ постановленій народа видѣть ихъ основанія, содержащіяся въ самомъ естествѣ человѣческаго слова; дабы на сихъ общихъ и природныхъ онаго качествахъ утверждаться въ своихъ сужденіяхъ и случайныхъ его свойствахъ" (стр. 20). Знаніе языка достигается „долговременнымъ и благоразумнымъ чтеніемъ употреблявшихъ его лучшихъ писателей и здравыми при томъ разсужденіями" (стр. 20—21). Но тотъ, кто хочетъ быть „всегда справедливымъ судіею", долженъ предварительно узнать „самые источники какъ отличныхъ свойствъ, такъ и самыхъ правилъ человѣческаго слова, цвѣтущаго состоянія или упадка онаго. Ограничиваяся въ семъ подвигѣ общими только умозаключеніями, выведенными изъ сличенія важнѣйшихъ измѣненій, претерпѣнныхъ однимъ языкомъ, съ таковыми же произшествіями, относящимися до другаго, третіяго и т. д., мы узнаемъ естественный ходъ нашего слова, содержащій въ себѣ общія причины частныхъ перемѣнъ, какимъ подлежалъ каждый въ особенности языкъ (стр. 22)". Исходя изъ этого соображенія, авторъ изображаетъ далѣе „естественный ходъ нашего слова".

По его словамъ „благодѣтельное намѣреніе, съ какимъ Творецъ одарилъ насъ способностію слова, доказываетъ (?), что происхожденіе онаго современно началу общежитія"; успѣхи же языка

„суть произведенія безчисленныхъ усилій человѣческаго ума и многихъ вѣковъ“ (стр. 23). Такимъ образомъ авторъ довольно искусно обходитъ скользкую (особенно въ тѣ времена) дилемму о божественномъ или человѣческомъ происхожденіи языка. Излагая далѣе свои взгляды на вопросъ о происхожденіи развитіи языка, авторъ утверждаетъ, что „ходъ нашего слова во всѣхъ своихъ періодахъ совершенно соразмѣренъ ходу нашихъ мыслей“, такъ какъ „всякое изображеніе имѣетъ своимъ началомъ или источникомъ воображаемую вещь“. Поэтому „рождающійся языкъ первоначально состоитъ изъ названій вещей самыхъ извѣстныхъ и наиболѣе поражающихъ чувства, таковыхъ же ихъ свойствъ, дѣйствій и проч.“, ибо „понятія о вещахъ дѣйствующихъ“ возникаютъ въ „порядкѣ человѣческаго познанія“, подъ руководствомъ самой природы, „прежде понятій общихъ или отвлеченныхъ“. Эти „первенцы“ языка „по большей части составляютъ коренныя реченія, или такъ называемые, корни словъ“. Напротивъ, „имена существъ умственныхъ или отвлеченныхъ“ являются лишь тогда, когда „умъ народа сдѣлается способнымъ и навычнымъ къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ, сличеніямъ и сужденіямъ, требующимъ нарочитаго вниманія“ (стр. 23 — 24). Авторъ еще держится теоріи общественнаго договора: „отъ произволенія и *согласія* цѣлаго общества зависѣло назвать всякую вещь такимъ, или другимъ именемъ“ (стр. 24), но думаетъ также, что при этомъ играло роль и „разсужденіе“, а не „одинъ слѣпой случай“. Творцы языковъ „старались составить каждое... слово изъ такихъ звуковъ, которые бы, сколь возможно, явственнѣе изображали природу и качества вещей“, такъ какъ имъ было „извѣстно разительное сходство человѣческихъ звуковъ и звукоизмѣненій съ естественными качествами вещей“. При этомъ случаѣ авторъ даетъ дѣленіе звуковъ со стороны ихъ выразительности: гласные *а, е, ы,* о, *у* въ этомъ отношеніи могутъ быть названы „полными“ и „служать къ изображенію всего, что важно“, гласные же *я, ѣ, и, йо, ю,* суть гласные „смягченные“ и „дѣлаютъ рѣчь нѣжною“. Согласные звуки также выразительны: *р* изображаетъ „яркій и громкій шумъ. наприм. громъ, трескъ, буря“; *т* и *к* передаютъ „тупый и слитный шумъ, наприм. топоръ, стукъ“, *с* и *з* „выражаютъ свистъ“ (*взвились, свирѣль, звенѣть*); *х, ш* и *ж* — „нѣкоторое какъ бы шептаніе“ (*шумитъ, жужжитъ, хохотъ*), а *щ, ч* и *ц*—нѣкоторый родъ щелканія (?)“, напр. „*щипать, досчечка* (?!) *цвѣточикъ* (?!), *цѣловать* (стр. 24—25)“. Какъ и Шишковъ, авторъ ведетъ языкъ изъ звукоподражаній и парируетъ возраженіе о трудности выводить отсюда и названія отвлеченныхъ понятій ссылкой на мнѣніе „нѣко-

торыхъ философовъ", учащихъ, что „нарочитая оныхъ словъ часть ведетъ свое начало отъ именъ такихъ чувственныхъ вещей, съ коими ихъ подлинники имѣютъ сходство, которое не опустили примѣтить изобрѣтатели оныхъ реченій". Въ доказательство авторъ ссылается на то, что во всѣхъ языкахъ встрѣчается употребленіе именъ конкретныхъ понятій для обозначенія „существъ, постигаемыхъ умомъ", въ родѣ „грызеніе совѣсти". Нужно только помнить, что въ языкѣ тѣмъ менѣе остается слѣдовъ такого происхожденія словъ, чѣмъ болѣе онъ „претерпѣлъ измѣненій, и слѣдственно чѣмъ болѣе удалился отъ своего первообразнаго состоянія". Въ подтвержденіе того, что „въ нынѣшнихъ языкахъ" есть много словъ, почитаемыхъ первообразными, благодаря забвенію ихъ этимологической связи съ ихъ корнями, авторъ ссылается на прилагательныя *высокій*, *глубокій*, *низокъ*, почитаемыя первообразными, но, можетъ быть, происходящія „отъ одного корня, то есть, око" (знаменитая этимологія Шишкова!).

Развитіе синтактическаго строя рѣчи, или „взаимнаго сопряженія словъ", авторъ тоже ставитъ въ зависимость отъ „хода человѣческаго познанія, пріобрѣтаемаго въ природномъ состояніи". Умъ человѣка, только что начинающаго мыслить, постигаетъ лишь такія связи между понятіями, „которыя самому малому вниманію могутъ быть вразумительны; по сей причинѣ его познаніе состоитъ изъ весьма не многаго числа мыслей: а языкъ его заключаетъ также въ себѣ не большое количество выраженій". Поэтому рѣчь такого человѣка чужда „тѣхъ остроумныхъ оборотовъ... какіе свойственны слову просвѣщенныхъ людей". Неопровержимымъ доказательствомъ этой мысли служатъ „языки народовъ, открытыхъ новѣйшими мореходцами" (стр. 28—30).

Успѣхи слова (§ 14) авторъ ставитъ въ связь съ „постепеннымъ устроеніемъ внутренняго состоянія общества" (стр. 30): „отличные умы, распространяя между своими современниками новыя понятія... тѣмъ самымъ вводятъ весьма много новаго въ ихъ языкъ. Но истинные успѣхи слова начинаются" только съ тѣхъ поръ, „когда здравомыслящій разумъ благовоспитанной части народа будетъ обращенъ на оное (т. е. слово) столько же, сколько и на изображаемыя имъ вещи; когда о точной силѣ, о чистотѣ, о сочиненіи, и проч. реченій, будутъ судить, руководствуяся здравымъ смысломъ и Философскимъ познаніемъ языка. Изобрѣтать и распространять знаменованіе слова, говоритъ сочинитель разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка, есть дѣло искусныхъ, знающихъ корни своего языка и умѣющихъ производить отъ нихъ сродныя имъ отрасли"... Короче сказать, „успѣхи

слова всегда бываютъ въ одинаковой степени съ успѣхами народнаго просвѣщенія" (стр. 30—35).

При такомъ ходѣ развитія языка, состояніе его „зависитъ токмо отъ внутреннихъ, и, такъ сказать, домашнихъ обстоятельствъ народа, у коего онъ родился... Но есть еще важныя измѣненія человѣческаго слова, которыя оно претерпѣваетъ отъ внѣшнихъ или постороннихъ причинъ" (стр. 36), а именно отъ „взаимнаго народовъ общенія" (§ 15) посредствомъ путешествій, торговли, поселеній и завоеваній, влекущихъ за собою заимствованіе новыхъ выраженій, вмѣстѣ съ новыми понятіями. На этотъ процессъ авторъ, какъ и слѣдовало ожидать, смотритъ довольно отрицательно и допускаетъ, что онъ служитъ лишь тогда „къ нѣкоторому совершенству" языка, когда заимствованіе зависитъ „отъ произвольнаго рѣшенія, основаннаго на здравомъ разсужденіи..., напр. когда просвѣщеннѣйшая часть народа вводитъ въ свое слово иноязычныя реченія единственно по причинѣ недостатка въ немъ сознательныхъ и равносильныхъ, и когда прочіе здравомыслящіе соотечественники, бывъ убѣждены тою же причиною, будутъ употреблять оныя вездѣ, гдѣ пристойно, такъ что онѣ сдѣлаются внятными не менѣе самыхъ отечественныхъ" (стр. 36—38). Въ употребленіи заимствованнаго слова „прочими здравомыслящими соотечественниками" авторъ видитъ „вѣрное доказательство, что вводимое изъ чужаго языка слово одобряется. Но когда тотъ, кто вводитъ его, или никого, или весьма мало имѣетъ послѣдователей, заслуживающихъ довѣрія: то долженъ быть увѣренъ, что онъ или не совершенно вникнулъ въ сущность выражаемаго понятія, а еще менѣе въ знаменованіе употребленнаго имъ къ тому иностраннаго реченія, или вводитъ его безъ надобности. Къ сожалѣнію у многихъ просвѣщенныхъ народовъ въ сихъ случаяхъ часто дѣйствуетъ пристрастіе къ чужестранному слову; пристрастіе, которое тѣмъ скорѣе подрываетъ и приводитъ въ забвеніе изящество природнаго языка, что оно всегда и вездѣ подобно разлившейся рѣкѣ, изпровергаетъ все" (стр. 37—38, прим.).

Но и заимствованіямъ, ставшимъ уже „внятными не менѣе самыхъ отечественныхъ" и введеннымъ „просвѣщеннѣйшей частью народа", авторъ предпочитаетъ „такія природныя, которыя знающими основательно и философски свой языкъ, сообразно правиламъ и свойству онаго, будутъ или вновь изобрѣтены, или возобновлены изъ числа вышедшихъ уже изъ употребленія", каковы напр. „*книгопечатня* вмѣсто *типографія*: *справщикъ* вмѣсто *корректоръ; лицедѣй* вм. *актеръ*; *обзорище* вм. *каланча*, и проч." Авторъ совѣтуетъ, „въ случаѣ недостатковъ своего языка, прежде

всего прибѣгать къ его источнику, то есть, къ тому коренному, отъ котораго онъ происходитъ", а именно къ славянскому языку, реченія котораго „могутъ сообщить нашей рѣчи несравненно болѣе изящества, нежели иностранныя". При этомъ приводится рядъ славянскихъ выраженій, въ родѣ *неискусобрачный*, *первенецъ*, въ дѣлѣ твоемъ *обветшай*, не познанъ будетъ *во благихъ* другъ и не скрыется во *злыхъ* врагъ, да веселятся *небесная*, да радуются *земная*, мольбу услышитъ *Сотворивый* его и т. д., выразительностью и величіемъ которыхъ авторъ восхищается, забывая или не подозрѣвая, что они представляютъ собой такіе же буквальные переводы иностранныхъ (греческихъ или латинскихъ) выраженій, какъ и ненавистные ему галлицизмы. Такимъ образомъ авторъ становится совершенно на точку зрѣнія Шишкова, которой не смягчаетъ и заключающая данный § оговорка, требующая отъ вводящихъ неологизмы, чтобы эти послѣдніе „ни въ чемъ не были противны ни свойству, ни правиламъ той рѣчи, въ которую" они вводятся. Для этого „творцы новыхъ въ своемъ языкѣ сего рода выраженій обязаны знать его не менѣе, сколько и тотъ чужестранный, изъ коего они заимствуютъ, или коего примѣру послѣдуютъ въ составленіи новыхъ реченій", иначе получатся „погрѣшности", называемыя „именемъ того чужаго языка, коему свойственное реченіе или словосочиненіе малознающіе вводятъ въ свой собственной, не примѣчая того, что оно нарушаетъ его чистоту", какъ напр. галлицизмы и эллинизмы (стр. 38—42).

Разсматривая въ слѣдующемъ § 16 причины возникновенія разныхъ нарѣчій и производныхъ языковъ, авторъ видитъ ихъ въ невѣжествѣ, при которомъ народы „ни мало не вникаютъ въ основанія и качества своего языка, безъ затрудненія рѣшаются на всякую въ немъ перемѣну и безъ размышленія употребляютъ право, въ которомъ каждый народъ тайно бываетъ увѣренъ, т. е. не токмо перемѣнять, но и вовсе оставлять ведущіяся отъ предковъ въ разсужденіи сего произвольныя постановленія". Въ результатѣ съ языкомъ такого народа происходятъ „весьма странныя и не лѣпыя" измѣненія, „отъ которыхъ онъ дѣлается, наконецъ, какъ говорятъ, самъ на себя не похожимъ". Опять обвиняется въ этомъ процессъ заимствованія: „народъ для удобнѣйшаго по его мнѣнію объясненія съ иностранцами... принимаетъ изъ ихъ языковъ въ свой нужныя и не нужныя реченія, которыя... приводятъ въ забвеніе тожде значащія природныя (напр. *авангардія* и *арріегардія* вм. передовой, сторожевой полкъ)". Заимствованнымъ реченіямъ „не рѣдко даютъ окончанія, и даже сочиняютъ ихъ между собою по правиламъ своей природной рѣчи,

а иногда поступаютъ также и со своими (?)“. Въ примѣръ приводится „страсть Римлянъ къ языку Греческому“, дошедшая до того, что „лучшіе (?) стихотворцы своимъ природнымъ словамъ часто (?) давали сочиненія, свойственныя помянутому языку, и тѣмъ содѣйствовали между прочими причинами упадку собственнаго“. Къ этимъ причинамъ авторъ прибавляетъ еще часто наблюдаемое неправильное произношеніе заимствуемыхъ иностранныхъ словъ и то соображеніе, „что произношеніе составляетъ такое важное въ нѣкоторыхъ случаяхъ качество, отъ коего не рѣдко зависитъ знаменованіе словъ“ (стр. 43—45).

Въ силу указанныхъ общихъ причинъ, „языкъ, болѣе и болѣе удаляяся отъ первообразнаго своего вида, не чувствительно переходитъ въ иное наречіе (dialectum)“, и происходящія такимъ образомъ нарѣчія „бываютъ послѣ мало похожи не только на свой первообразный языкъ, но и одно наречіе на другое“, особенно при рѣдкости взаимного сообщенія другъ съ другомъ. Иногда такимъ „превращеніемъ языка въ иное наречіе оканчиваются бывающія съ нимъ измѣненія; иногда же онѣ простираются до того, что наконецъ дѣлаютъ изъ него совсемъ другой новый языкъ (?)“. И то и другое „зависитъ отъ количества и степени производящихъ сіе причинъ“. Эти общія положенія иллюстрируются частными случаями. Когда извѣстный народъ, или его значительная отрасль, „поселяется между другимъ народомъ“, или когда одинъ народъ покоряетъ другой, между ихъ языками возникаетъ борьба, „которая по большой части кончится въ пользу народа сильнѣйшаго“, и побѣжденный принуждается принять въ свой языкъ „множество не токмо реченій, но Грамматическихъ словоизмѣненій и словосочиненій (?), и смѣшать ихъ съ частію своихъ собственныхъ“. Для китайскаго языка, оставшагося не тронутымъ и послѣ покоренія Китая маньчжурами, авторъ, впрочемъ, дѣлаетъ исключеніе.

Получившійся такимъ образомъ „новый родъ слова иногда остается въ такомъ состояніи, что весьма не много еще не доставало, чтобъ изъ него произошелъ новый языкъ. Сіе бываетъ тогда, когда связь оныхъ народовъ будетъ прервана вдругъ какимъ нибудь важнымъ произшествіемъ. Но по большой части смѣшеніе двухъ языковъ замѣняетъ языкъ или и одного, или и обоихъ говорившихъ ими народовъ. Оно называется въ семъ случаѣ языкомъ производнымъ; а тѣ, отъ которыхъ оно получило свое бытіе, первообразными или коренными“ (стр. 45—47). По словамъ автора, „почти всѣ (?) нынѣшніе западной Европы языки имѣли такое произхожденіе“. Еще болѣе „явственный“ примѣръ

авторъ видитъ въ языкахъ „важнѣйшихъ Кавказскихъ народовъ“, увѣряя, что „послѣдняго столѣтія просвѣщенные путешественники“ считаютъ весьма вѣроятнымъ татарское происхожденіе главныхъ языковъ Кавказа, каковы: „Татарскій, Черкесскій, Лезгинскій, Кистскій, Грузинскій и Осетинскій... судя по преимущественному въ нихъ количеству Татарскихъ словъ;... при всемъ томъ большая часть изъ нихъ имѣетъ весьма много Финскихъ, Славянскихъ, Италіанскихъ и другихъ неизвѣстнаго происхожденія“. Утверждая это, Рижскій дѣлаетъ шагъ назадъ не только, въ сравненіи со словаремъ Екатерины II, правильно раздѣлявшимъ перечисленные языки, но и съ Гюльденштедтомъ, который еще въ 1773 г. довольно правильно судилъ о взаимномъ родствѣ названныхъ языковъ и ставилъ осетинскій въ связь съ персидскимъ языкомъ [1]). Опредѣляя далѣе понятія мертвыхъ языковъ, Рижскій говоритъ, что они „наиболѣе сохраняются въ древнихъ твореніяхъ“, почитаемыхъ „въ нѣкоторомъ смыслѣ священными. Такъ у Индійцевъ въ ихъ Санскритскихъ писаніяхъ (!) и Ведамѣ“.

Въ исторіи языка онъ различаетъ, какъ и „во всемъ, что родится“, три періода: въ первомъ языкъ „зрѣетъ и возрастаетъ до опредѣленной степени“, во второмъ—„состарѣвается и ослабѣваетъ“, а въ третьемъ „погибаетъ или умираетъ“. Такая „почти общая и въ нѣкоторомъ разумѣ естественная участь“ языка ясно говоритъ, „коль много къ снисканію основательнаго познанія всякаго языка должно содѣйствовать знаніе древностей и Исторія говорившаго имъ народа“, и обратно, „сколько должны служить къ открытію важныхъ Историческихъ истиннъ, изслѣдованія касающіяся языковъ“. Здѣсь авторъ предлагаетъ искать источники словъ, выраженій и присловій, „коихъ произхожденіе сопряжено съ какимъ нибудь произшествіемъ; но, что важнѣе всего, показать время, причины и степень бывшихъ съ онымъ измѣненій“ (стр. 47—49).

Въ § 17 Рижскій касается того явленія въ языкѣ, которое В. ф. Гумбольдтъ и Штейнталь называютъ „внутренней формой языка“. У нашего автора внутренняя форма слова получаетъ названіе „первоначальнаго понятія вещи“, и онъ разсматриваетъ разницы, наблюдаемыя въ этомъ отношеніи въ разныхъ языкахъ приводя примѣры различія въ „понятіяхъ разныхъ народовъ объ

---

[1]) См. первую классификацію кавказскихъ языковъ Гюльденштедта въ «Wöchentliche Nachrichten von neuen Landcharten geographischen, statistischen, und historischen Büchern und Sachen» Бюшинга (Берлинъ) 1773 г. 23-es Stück, стр. 173—76.

одной и той же вещи“. Сличаются такіе синонимы, какъ р. *оправдать* съ лат. absolvere, франц. absoudre и disculper, р. островъ и лат. peninsula, франц. presque'île. При этомъ обнаруживается, что авторъ не умѣетъ этимологически разложить слово *островъ*, которое для него „почти совсемъ не имѣетъ точности“. Ему больше нравится „изобразительное“ слав. „отокъ“, т. е. „земля, которую кругомъ обтекаетъ вода“; въ русскомъ же *островъ* этой изобразительности онъ не замѣчаетъ (стр. 50—55).

Послѣдующіе §§ 18, 19, 20 посвящены изложенію общихъ основаній философской грамматики. По словамъ автора, „есть нѣкоторые общіе всѣмъ языкамъ законы, имѣющіе основаніе не на изволеніи народовъ, но на существенныхъ и не измѣняемыхъ человѣческаго слова качествахъ, кои дѣлая оное всегда и вездѣ съ сей стороны единообразнымъ, служатъ къ тому, что люди разныхъ вѣковъ и странъ могутъ разумѣть одни другихъ“ (?).

Возникновеніе этихъ „повсемѣстныхъ, и, естьли позволено такъ сказать, повсевременныхъ человѣческаго слова правилъ, которымъ всѣ извѣстные въ свѣтѣ языки послѣдуютъ во всемъ, кромѣ свойственныхъ каждому изъ нихъ особенностей“, объясняется тѣмъ, что „слова суть знаки нашихъ мыслей“, а „свойства означаемой мысли должны находиться въ ея изображеніи“. Слѣдовательно, „все, что существенно и всегда принадлежитъ нашимъ мыслямъ, должно быть существенно и непремѣнно въ нашихъ словахъ“. Эти „всегдашнія качества мысли“ представляютъ собой „такія положенія вещей, въ которыхъ онѣ вездѣ бывали и бываютъ; такія взаимныя ихъ отношенія, кои онѣ вездѣ имѣли и имѣютъ“. Въ примѣръ авторъ неудачно приводитъ разницу въ величинѣ между предметами, отражающуюся въ существованіи „умалительныхъ и увеличительныхъ именъ“—неудачно, потому что сейчасъ же ему приходится дѣлать оговорку о существованіи языковъ, совсѣмъ не имѣющихъ или весьма мало имѣющихъ подобныхъ именъ. Между тѣмъ такое „всегдашнее качество мысли“ должно бы отражаться и въ соотвѣтственныхъ „повсемѣстныхъ правилахъ“ языка.

Постоянныя положенія вещей, о которыхъ выше говорилось, „человѣкъ... могъ замѣтить... токмо въ предметахъ, подлежащихъ испытанію его чувствъ. Но вскорѣ потомъ началъ въ своемъ воображеніи представлять себѣ съ такими же качествами, какія находилъ въ чувственныхъ вещахъ, и существа, постигаемыя однимъ умомъ: тѣмъ болѣе, что по недостатку словъ... часто принужденъ былъ употреблять имена чувственныхъ вещей для названія умственныхъ существъ. Такимъ образомъ преходя отъ словъ къ мыслямъ,

а отъ сихъ къ вещамъ, и по разсмотрѣніи послѣднихъ обратнымъ путемъ доходя до словъ, открылъ существенныя и повсемѣстныя ихъ принадлежности. Наконецъ, приведши все свое познаніе о сихъ общихъ качествахъ слова въ непрерывную связь, составилъ изъ того особливую Философскую науку, которая называется всеобщею или Философскою Грамматикою (стр. 57—62)".

Въ слѣдующемъ § 19 даются опредѣленія частей рѣчи, въ родѣ слѣдующихъ: „имена... служатъ къ наименованію всякаго рода существъ... имѣющихъ какъ дѣйствительное бытіе, такъ и существующихъ въ одномъ только нашемъ умѣ", или „когда... имя отвлеченнаго существа бываетъ употреблено какъ наименованіе свойства чувственной вещи, и соединено съ именемъ сей послѣдней; тогда называется словомъ прилагательнымъ"; „члены, не означая никакой вещи, но будучи приложены къ имени, показываютъ, въ какомъ измѣненіи должно его разумѣть"; мѣстоименія „сами собою и не посредственно не означаютъ никакого понятія или вещи, но будучи употреблены вмѣсто или имени, или слова прилагательнаго, получаютъ тогда ихъ знаменованіе". Въ томъ же родѣ—опредѣленія глагола, его залоговъ, временъ прошедшаго, настоящаго, будущаго, наклоненія, причастія, дѣепричастія и т. д. (стр. 63—69).

Въ 20 § находимъ подобныя же опредѣленія неизмѣняемыхъ частей рѣчи: нарѣчія, предлога и союза: нарѣчія изображаютъ такія „пополненія понятій", которыя „имѣютъ отношеніе къ обстоятельствамъ разнаго рода, напр., къ мѣсту, времени, порядку, степени своего значенія"; предлогъ означаетъ такое „обстоятельство", которое ставится передъ „понятіемъ", зависящимъ отъ другого понятія, и „какъ бы вспомоществуя обыкновеннымъ его измѣненіямъ, служитъ узломъ связующимъ помянутыя два понятія"; союзы употребляются „для означенія... связи нашихъ мыслей", если „рѣчь наша содержитъ въ себѣ нѣсколько разсужденій", имѣющихъ „взаимное между собою соотношеніе", междометія „выражаютъ то, что происходитъ въ нашемъ сердцѣ, означая дѣйствія чувствуемыхъ нами страстей, и справедливо называются отъ нѣкоторыхъ языкомъ сердца". Зависимость построеній автора отъ французскихъ философскихъ грамматикъ XVIII в. сказывается въ приводимомъ имъ дѣленіи всѣхъ частей рѣчи на слова „сердцеглаголивыя" („les mots affectifs") = междометія и „мыслеглаголивыя" (énonciatifs) = всѣ прочія части рѣчи (стр. 69—73).

Въ § 21 ставятся въ связь съ характеромъ и исторіей народа „преимущественныя качества" и „богатство" нѣкоторыхъ языковъ: зависящія отъ характера „суть нѣчто какъ-бы врожден-

ное“, другія-же „суть нѣчто приобрѣтенное и зависящее отъ перемѣнъ, бывшихъ съ умомъ и участію народа“.

„Сила“ языка также ставится въ зависимость отъ особой „силы и твердости духа“, присущихъ говорящему даннымъ языкомъ народу (§ 22, стр. 81—87).

Пріятность или непріятность языка въ смыслѣ акустическаго впечатлѣнія приводится въ § 23 въ связь съ „разнообразнымъ у разныхъ народовъ употребленіемъ членовъ, составляющихъ естественное орудіе слова“. Это разнообразіе употребленія членовъ въ свою очередь объясняется тѣмъ, что „мѣстныя и частныя обстоятельства народовъ, напр., воздухъ, пища, питіе, образъ жизни, воспитанія, упражненія и пр., имѣя чувствительное вліяніе въ составъ нашего тѣла, дѣйствуютъ и на тѣ его части, которыя даны человѣку для произношенія гласа“ (стр. 88). При этомъ читатель узнаетъ, между прочимъ, что „Кавказскіе народы, по свидѣтельству новѣйшихъ просвѣщенныхъ путешественниковъ, всѣ вообще говорятъ горломъ“, такъ что „большую часть изъ нихъ не возможно изобразить употребляемыми у насъ буквами“ (стр. 88, прим.), а одинъ изъ кавказскихъ народовъ, „называющій себя Ламуромъ, имѣетъ произношеніе, подобное тому, какъ-бы сталъ говорить человѣкъ, у котораго во рту мелкіе камешки“ (стр. 90 прим.).

Послѣдніе §§ (24—26) имѣютъ уже мало отношенія къ языкознанію и могутъ быть пройдены молчаніемъ.

Мы остановились нѣсколько подробнѣе на разсмотрѣнномъ сочиненіи, такъ какъ научная безсодержательность и наивность его довольно живо характеризуютъ направленіе тогдашняго нашего университетскаго преподаванія въ разсматриваемой области. Очевидно время, потраченное на чтеніе и слушаніе такого курса общаго языкознанія, или „философской грамматики“, можно было считать въ научномъ отношеніи совершенно потеряннымъ.

Подробное разсмотрѣніе одного изъ вопросовъ, затронутыхъ Рижскимъ въ его книгѣ (§ 15), а именно о переводѣ иностранныхъ словъ, даетъ Шишковъ въ своемъ „Разговорѣ между двумя пріятелями о переводѣ словъ съ одного языка на другой“, напечатанномъ въ III-ей части „Сочиненій и переводовъ, издаваемыхъ Россійскою Академіею“ (1808 г. стр. 219—247). Основная мысль высказывается уже въ началѣ статьи: „переводить нельзя, а можно изъ тѣхъ же словъ, изъ какихъ иностранное слово составлено, составить свое, когда свойство языка сіе позволяетъ“ (стр. 219).

По свидѣтельству А. Н. Чудинова [1]), въ томъ же 1808 г., въ Петербургѣ, А. С. Лубкинымъ, впослѣдствіи (съ 1815 г.) профессоромъ философіи въ Казанскомъ университетѣ († 1829), былъ предпринятъ переводъ всеобщей грамматики Фатера. Къ сожалѣнію, г. Чудиновъ не указываетъ источника, изъ котораго онъ почерпнулъ приводимое имъ извѣстіе, а также и точнаго заглавія нѣмецкаго оригинальнаго сочиненія. Поэтому остается неяснымъ, какую изъ двухъ книжекъ Фатера [2]) переводилъ Лубкинъ. Переводъ этотъ, очевидно, остался ненапечатаннымъ, такъ какъ поиски за нимъ въ нашихъ библіотекахъ и современныхъ библіографическихъ пособіяхъ остались тщетными. Извѣстіе, сообщаемое г. Чудиновымъ, впрочемъ, не внушаетъ особаго довѣрія, въ виду утвержденія его (тамъ же), что другой переводъ книги Фатера былъ сдѣланъ въ Москвѣ еще въ 1798 г., т. е. за три года до появленія въ свѣтъ самаго ранняго изъ трудовъ Фатера, посвященныхъ всеобщей грамматикѣ. Сомнительно, чтобы московскій переводчикъ, также не названный г. Чудиновымъ, дѣлалъ свой переводъ съ оригинальной рукописи автора. Въ тѣ времена это не было въ обычаѣ. да и теперь случается у насъ крайне рѣдко. Нѣтъ-ли тутъ какой-нибудь ошибки?

Нѣсколько незначительныхъ замѣчаній о языкѣ компилятивнаго характера находимъ въ книгѣ Петра Модрю: „Нѣчто о языкѣ и предварительныя примѣчанія къ Россійской Грамматикѣ. Спб. Въ типографіи И. Байкова. 1810 года“ (8°, 8 ненум. + 123 + 2 ненум.). Относительно происхожденія языка здѣсь говорится только, что мнѣнія объ этомъ вопросѣ различны, но, согласно утвержденію нѣкоторыхъ, „человѣкъ отъ природы получилъ только способность говорить“ и лишь „побуждаемый своими нуждами“, послѣ долгихъ усилій и опытовъ, составилъ, наконецъ, языкъ. Такимъ образомъ авторъ, очевидно, является сторонникомъ теоріи о чисто человѣческомъ происхожденіи языка. Авторъ различаетъ три рода

---

[1]) «О преподаваніи отечественнаго языка. Очеркъ исторіи языкознанія въ связи съ исторіей обученія родному языку, съ приложеніемъ библіографическаго указателя. Выпускъ I. Отд. отт. изъ «Филологич. Записокъ». Воронежъ. 1872, стр. 232—33.

[2]) 1) Versuch einer allgemeinen Sprachlehre. Mit einer Einleitung über den Begriff und Ursprung der Sprache und einem Anhang über die Anwendung der allgemeinen Sprachlehre auf die Grammatik einzelner Sprachen und auf Pasigraphie von Johann Severin Vater Prof. der Theologie und der morgenländ. Sprachen. Halle in der Rengerschen Buchhandlung. 1801». Мал. 8°. XVI + 295 + 1 ненум. стр.

2) «Lehrbuch der allgemeinen Grammatik besonders für hohe Schulklassen mit Vergleichung älterer und neuerer Sprachen». Halle, 1805.

языка: „языкъ въ дѣйствіи“ или языкъ тѣлодвиженій (langage d'action), „языкъ словесный“ (l. des sons articulés, discours verbal) и „языкъ письменный“ (langage écrit, l'écriture). Первый состоитъ изъ „измѣненій лица, игры глазъ, различныхъ положеній и движеній тѣла и его частей... есть дѣло природы, а не... изобрѣтенія человѣческаго, и, слѣдовательно“, всѣмъ равно понятенъ. Природа такъ устроила, что всѣ наши чувства выражаются въ разныхъ положеніяхъ тѣла, „а особливо въ чертахъ лица“—зеркала души. Этому языку не надо учиться, но его „можно распространить и усовершенствовать“, прибавляя къ природнымъ знакамъ похожіе на нихъ искусственные, подчиняя его нѣкоторымъ правиламъ и т. д. „Тогда онъ будетъ вмѣстѣ и *природный* и *искусственный*“. Языкъ жестовъ „скорѣе, разительнѣе и живѣе, нежели языкъ словесный, котораго ходъ мѣшкотенъ и слабъ“, но за то онъ „безпокоенъ“, заставляя человѣка дѣлать слишкомъ много движеній, и „недостаточенъ, потому что имъ нельзя всего изъяснить“. Первый шагъ человѣка къ языку словесному „былъ вѣроятно тогда, когда онъ... почувствовалъ, напр., вдругъ... радость, или печаль, или страхъ, или боль, произнесъ соотвѣтственный тогдашнему своему положенію звукъ... Не невѣроятно и то, что первый звукъ вырвался у человѣка тогда, когда онъ имѣлъ нужду сообщить что нибудь другому, говорилъ ему тѣлодвиженіями, а тотъ или не смотрѣлъ на него, или былъ въ дальнемъ разстояніи. Естественно, чтобъ обратить на себя вниманіе другаго человѣка, или заставить его приближится, надлежало закричать: и этотъ-то крикъ, такъ сказать, машинальной, есть основа или зародышь языка словеснаго. Отсюда человѣкъ сдѣлалъ еще шагъ. Ему стоило только примѣтить первой звукъ свой, чтобъ произнести другіе подобные. Впрочемъ, вѣроятно звуки эти были... простые, необразованные, т. е. вырвавшіеся изъ груди (!) и прямо выходившіе изо рта, не ударяясь о части его“ (?)... Эти звуки, выражавшіе сильныя движенія души и „сродные самымъ животнымъ... грамматики называютъ *междометіями*“. Въ началѣ существованія языка, когда „словъ было очень мало, и люди не умѣли еще выражать всего приличными измѣненіями и напѣвами голоса, междометій было гораздо больше“. Вѣроятно, они возникли вмѣстѣ съ „языкомъ въ дѣйствіи“. Отсюда уже человѣкъ сдѣлалъ „третій шагъ къ языку словесному“, а именно, „побуждаемый нуждами и примѣтивъ силу и дѣйствіе произносимыхъ имъ звуковъ, ...онъ началъ дѣлать разные опыты надъ словеснымъ своимъ органомъ, ...двигать языкомъ... губами, раздроблять (?), перебирать звуки, ...образовать ихъ и составлять слова. Слова эти были конечно

грубы и... сложены... изъ начальныхъ простыхъ звуковъ... или междометій“, тоже выражавшихъ чувства и страсти (стр. 1—9). Дальнѣйшимъ шагомъ впередъ было звукоподражаніе, примѣняя которое человѣкъ дѣйствовалъ почти какъ живописецъ, подражающій природѣ. Труднѣе было „дать названіе предметамъ, дѣйствующимъ не на слухъ, а на прочія чувства, особливо предметамъ духовнымъ“. Здѣсь человѣкъ прибѣгъ къ средству *аналогіи* (сходства), пользуясь также гибкостью и разнообразіемъ звуковъ, издаваемыхъ его органами; связь двухъ предметовъ онъ, напр., представлялъ „посредствомъ слитія двухъ звуковъ въ одно“ и т. д. Новыя встрѣчи, чувства, нужды и понятія рождали новыя слова, и чѣмъ ихъ дѣлалось больше, тѣмъ легче становилось „составлять другія“. Такимъ образомъ и создался современный развитой и совершенный звуковой языкъ, рядомъ съ которымъ продолжаетъ существовать и „языкъ въ дѣйствіи“, придающій ему оживленіе, важность, опредѣленность, красоту и разительность (стр. 9—12). По опредѣленію Модрю, звуковой языкъ „есть изображеніе нашихъ мыслей посредствомъ образованныхъ звуковъ (sons articulés)“, подъ которыми „разумѣются всѣ измѣненія, напѣвы, тоны голоса, выходящіе изъ груди и образуемые“ ртомъ и его частями.

Послѣ опредѣленія словеснаго языка и очерка его развитія, который, при всей его бѣглости и наивности, всетаки стоитъ выше представленій Шишкова о томъ же процессѣ, Модрю даетъ такой же очеркъ исторіи письменнаго языка, опредѣляемаго, какъ „изображеніе словеснаго на бумагѣ или на другой поверхности, посредствомъ извѣстныхъ знаковъ, называемыхъ вообще *буквами*“. Письмо возникло у человѣка уже по удовлетвореніи первыхъ потребностей, когда онъ сталъ „помышлять о удобностяхъ, выгодностяхъ и пріятностяхъ жизни“, и у него родились прихоти и безконечныя желанія (!). Идетъ рѣчь сначала о разныхъ внѣшнихъ средствахъ, примѣнявшихся для того, чтобы отмѣтить что нибудь замѣчательное: насыпаніи бугровъ, складываніи кучъ изъ камней, постановкѣ столбовъ, вырѣзываніи знаковъ на деревьяхъ и даваніи особыхъ названій рѣкамъ, горамъ и пр. урочищамъ, въ чемъ авторъ тоже видитъ „нѣкоторый родъ письма“ или „первой шагъ къ нему“ (!). Далѣе дается самое общее понятіе о іероглифахъ и буквахъ, о числѣ послѣднихъ, времени изобрѣтенія („старѣе самаго Моисея“), выражается сомнѣніе, чтобы изобрѣтателемъ письма былъ Кадмъ, и высказывается предположеніе, „что оно родилось во Египтѣ; оттуда перешло въ Ханаанъ“, а отсюда уже Финикіяне „присвоили его себѣ и предали грекамъ“. Нако-

нецъ сообщаются самыя общія свѣдѣнія о способахъ писать (справа налѣво, попеременно справа налѣво, и слѣва на право, затѣмъ только слѣва направо, какъ теперь), письменныхъ матеріалахъ, орудіяхъ (листы, кора деревъ, камень, свинецъ, восковыя дощечки, „штиль", пергаментъ, бумага). Очеркъ Модрю, хотя и не самостоятельный, написанъ довольно яснымъ и простымъ языкомъ и выгодно отличается отъ высокопарной книги Рижскаго, разсмотрѣнной выше. Какъ приложеніе къ школьному учебнику русской грамматики (очень плохому, впрочемъ), онъ для своего времени сравнительно сносенъ.

Довольно неожиданное и оригинальное по личности автора явленіе представляетъ собой книга діакона Орлова: „Краткое историческое начертаніе языковъ" [1]), вышедшая въ 1810 г. Какъ и слѣдовало ожидать, авторъ исходитъ изъ Библіи вообще и сказанія о Вавилонскомъ смѣшеніи языковъ въ частности. Такимъ образомъ, отправная точка его та же, что и русскихъ книжниковъ XVI—XVII вв., писавшихъ о языкѣ, но всемогущій духъ времени беретъ свое и заставляетъ автора становиться иной разъ и въ скрытое противорѣчіе съ библейскими основами его лингвистическаго міровоззрѣнія, выраженнаго въ предисловіи-посвященіи. Здѣсь говорится: „Богъ образовалъ изъ хаоса прекрасный міръ сей; злой духъ породилъ царство тьмы и беззаконія,—отселѣ возникло множество языковъ. Первый человѣкъ, въ состояніи невинности, для бесѣдованія съ Богомъ, довольствовался небольшимъ количествомъ словъ живаго единаго языка. Но послѣ когда онъ такъ сказать вышелъ изъ самаго себя, и произвелъ въ себѣ какъ бы новое твореніе, съ того времени языкъ невинности сталъ для него непонятенъ и недостаточенъ: гордость, буйство и нечестіе породили тысячи другихъ словъ; слѣдствіемъ было Вавилонское смѣшеніе; истина сокрылась подъ симъ бременемъ — и Мудрые вѣка сего должны были признаться, что нѣтъ въ мірѣ истины, все одинъ призракъ".

При такомъ взглядѣ на возникновеніе языковъ, какъ порожде-

---

[1]) «Краткое историческое начертаніе языковъ, съ Описаніемъ ихъ начала, распространенія, перемѣнъ и смѣшенія, и съ Присовокупленіемъ нѣкоторыхъ всеобщихъ замѣчаній о письменномъ искусствѣ всѣхъ временъ. Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императ. Моск. Университета. Москва. Въ Губ. Типографіи, у А. Рѣшетникова, 1810». Мал. 8⁰ ненум. + + III + 131 стр. Книга снабжена эпиграфомъ: «impiger extremos currit Mercator ad Indos. N. N.» и посвящена митрополиту Платону. Посвященіе-предисловіе подписано: «Церкви Успенія Пресв. Богородицы, что въ Печатникахъ, Діаконъ Іоаннъ Стефановъ Орловъ».

ній „злого духа, нечестія, гордости и буйства“, казалось, не слѣдовало бы и интересоваться этими „исчадіями діавола“, но, очевидно, духъ тьмы силенъ, и—діаконъ Орловъ говоритъ въ своей книгѣ: о началѣ языковъ (гл. I); о главныхъ языкахъ (гл. II); объ азіатскихъ, африканскихъ, европейскихъ и американскихъ языкахъ вообще (гл. III); о еврейскомъ языкѣ въ особенности и о прочихъ азіатскихъ и африканскихъ языкахъ, о халдейскомъ, самарянскомъ, ханаанскомъ или финикійскомъ язз., о сирскомъ, египетскомъ или коптскомъ язз., о китайскомъ, арабскомъ, абиссинскомъ язз., о языкѣ въ королевствѣ Марокко, о Мадагаскарскомъ языкѣ (гл. IV); объ армянскомъ, персидскомъ, турецкомъ и татарскомъ язз. (гл. V); о греческомъ языкѣ въ особенности и о прочихъ европейскихъ язз., о латинскомъ яз., о древнихъ римскихъ цифрахъ, о нѣмецк. яз., о римскомъ провинціальномъ языкѣ, о древнемъ франко-нѣм. языкѣ, о письмѣ древнихъ нѣмцевъ, о россійскомъ языкѣ, о письмѣ россійскомъ, о венгерскомъ яз. (гл. VI); объ американскихъ языкахъ въ особенности, о каннибальскомъ, бразильскомъ и хилисскомъ (чилійскомъ?) языкахъ (гл. VII). Книга оканчивается VIII главою: критическое обозрѣніе всѣхъ языковъ. Заключеніе.

Какъ видно изъ этого оглавленія, порядка и системы въ книгѣ Орлова немного, и въ этомъ отношеніи, а также отсутствіемъ настоящей научной цѣли, она напоминаетъ древнерусскіе азбуковники. Какъ и эти послѣдніе, она является просто плодомъ личной приватной любознательности автора-любителя. Но вѣяніе времени сказывается, и свѣдѣнія Орлова уже гораздо богаче и разнообразнѣе, чѣмъ его предшественниковъ, и кое-что у него является впервые въ нашей литературѣ.

Въ главѣ I о началѣ языковъ авторъ сразу же становится на точку зрѣнія, рѣзко противорѣчащую взглядамъ, выраженнымъ въ предисловіи: „Языки возрастаютъ также, какъ и самый человѣкъ... Каждый языкъ возникаетъ и размножается постепенно. Представьте, напр., какое нибудь небольшое общество, недавно получившее свое начало: языкъ его такъ кратокъ, что простирается только на немногіе предметы; они довольствуются малымъ числомъ словъ, но большею частью односложныхъ (?), составленныхъ сообразно ограниченнымъ ихъ понятіямъ и простымъ жизненнымъ потребностямъ; самый даже словесный органъ ихъ не можетъ такъ скоро изгибаться, чтобы выговаривать многія слова; довольно, есть-ли они называютъ *отца*, *мать*, *сына* или *дочь*; есть-ли они могутъ именовать предметы, болѣе ихъ поражающіе; прочее же они замѣняютъ знаками, или выражаютъ тѣми же (?) словами.

Такъ возникали языки"... Какъ видно, о зломъ духѣ, нечестіи, гордости и буйствѣ, какъ причинахъ образованія языковъ, здѣсь уже нѣтъ рѣчи: все объясняется естественнымъ путемъ, хотя и довольно наивно: „И хотя-бъ сіе небольшое общество—говоритъ далѣе авторъ—въ продолженіе времени довольно размножилось; впрочемъ языкъ его все остается въ тѣхъ же ограниченныхъ предѣлахъ, потому что народы размножаются гораздо скорѣе, нежели слова языка ихъ. Можно сказать, что имъ пожалуй и не нужно выдумывать новыя слова; находясь въ одномъ мѣстѣ и ведя единообразную жизнь, они всегда видятъ одни и тѣ же предметы... Но когда народъ сей начнетъ размножаться, и когда невозможность помѣститься и довольствоваться произведеніями въ своей отчизнѣ, принудитъ нѣкоторыхъ преселиться въ другія страны; то уже въ скоромъ времени языкъ ихъ расширяется и увеличивается. Здѣсь они видятъ множество" новыхъ предметовъ, даютъ имъ названія и для этого придумываютъ новыя слова. „И такъ каждый народъ... составляетъ свой особенный языкъ; но не смотря на сіе, тѣ слова, кои заимствовали они отъ своихъ предковъ и которыя мы здѣсь называемъ словами *дѣтскими* [1]), такъ глубоко вкореняются въ языкѣ ихъ, что... навсегда сохраняютъ свои первоначальные характеры", хотя и отличаются другъ отъ друга „произношеніемъ и перемѣною измѣняемыхъ литеръ". Оттого „во многихъ между собою различныхъ языкахъ, такъ называемыя мною *дѣтскія* слова довольно примѣчательны по ихъ сходству". Слѣдуетъ таблица такихъ сходныхъ словъ, въ которой есть и сопоставленія съ персидскимъ языкомъ, нѣкоторыя уже знакомыя намъ изъ XVIII в., другія еще не встрѣчавшіяся и, повидимому, принадлежащія самому Орлову. Нѣсколько странно отсутствіе греческихъ словъ для *дочь* и *братъ*, которыя Орловъ затруднился почему то привести въ своей таблицѣ.

По Славянски	по Гречески	по Латыни	по Нѣмецки	по Персидски.
Матерь, мат	Митиръ	Матеръ	Мутеръ	Мадеръ
—	Патиръ	Патеръ	Фатеръ	Падеръ
братъ	—	Фратеръ	Брудеръ	Брадеръ
Дочерь или дочь	—	—	Тохтеръ	Дохмеръ (такъ!)
Парень или Мальчикъ	Песъ или пети	Пуеръ	Бубе (!)	—
		—	—	—

[1]) Мысль не дурная и встрѣчающаяся и въ современной научной литературѣ, хотя и не совсѣмъ въ томъ значеніи и примѣненіи, какъ у нашего автора.

По Славянски	по Гречески	по Латыни	по Нѣмецки	по Персидски.
Имя	онома	номенъ	наме	намъ
кой или которой	—	кви	—	квигъ (?)
ты	—	ту	ду	—
единъ	енъ	унусъ	еинъ	—

По словамъ автора, „сіе грамматикальное изслѣдованіе хотя само по себѣ маловажно; но даетъ намъ предварительное понятіе о составленіи языковъ. И естьлибъ знали мы всѣ языки азіятскіе и европейскіе, *то моглибъ найти между ими сходства*, которыя бы напомнили намъ о *первомъ нашемъ началѣ и открыли бы намъ колыбель нашу* (стр. 1—6)".

Во второй главѣ (о главныхъ языкахъ) авторъ признаетъ только пять таковыхъ, которые „съ самаго смѣшенія Вавилонскаго и по сіе время сохранили корень свой и существенные свои характеры;... отъ нихъ произошли всѣ другіе языки". Далѣе сообщается рядъ полу-фантастическихъ свѣдѣній объ этихъ языкахъ (еврейскомъ, греческомъ, латинскомъ, славянскомъ и нѣмецкомъ), очевидно почерпнутый изъ лингвистической и полигисторической литературы XVI—XVII вв. Мы узнаемъ, что Еврейскій языкъ употреблялся „между поколѣніемъ *Еверовымъ*". Отъ него (!) произошли „Халдейской, Арабской или Мадіанитской, Самарянской, Ѳеіопской и, наконецъ, Сирской, всѣ во многомъ между собою сходные". Греческій языкъ, „спустя нѣсколько по Вавилонскомъ смѣшеніи, распространился въ Греціи отъ потомковъ Фалека, сына Еверова; почему и называются они *Феласками* или *Пеласгами*, а языкъ ихъ *Пеласгическимъ*". Отъ греческаго произошли „Аттической, Фригійской и другіе многіе, по-различію народовъ, населяющихъ Грецію".

Латинскій языкъ „большею частію обязанъ языку Греческому"; отъ него произошли италіанскій, французскій, „гишпанскій" и португальскій; изъ италіанскаго и латинскаго „составились Сицилійской и Сардинской". Славянскій языкъ... „возникъ гораздо прежде нежели сталъ быть извѣстенъ подъ симъ именемъ"; по словамъ историковъ, сынъ Афетовъ Ѳирасъ (не его ли „восточные писатели называютъ Саклабомъ"), по столпотвореніи Вавилонскомъ поселился въ *Иллиріи* и ввелъ въ ней языкъ Славянской", который уже отсюда распространился по Европѣ.

Изъ этого авторъ, предвозвѣщая лингвистическія открытія г. Иловайскаго, заключаетъ, что сарматы, гунны, венеты и скиты заимствовали отъ славянъ свои языки. „Отъ Славянскаго произошли потомъ многіе различные языки, какъ-то: Болгарской, Серб-

ской, Молдаванской (!), Богемской, Польской и Венгерской (!), которые въ продолженіи времени весьма перемѣнились". Въ примѣчаніи авторъ замѣчаетъ, что болгары и венгры относятся къ финнамъ, но „послѣ приняли языкъ Славянской". Нѣмецкій языкъ „происходитъ отъ Аскана, внука Афетова, который по столпотвореніи Вавилонскомъ переселился въ Европу. Отъ него (!) произошли языки: нидерландскій, ирландскій (!), шведскій, англійскій и шотландскій (!). „Впрочемъ, оговаривается авторъ, послѣдніе два (!) языка имѣютъ начало свое отъ нижнихъ или такъ называвшихся Англо-Саксонцовъ, обитавшихъ прежде въ Кимвріи, или Голштейнѣ и Шлезвигѣ (стр. 6—11)".

Главнѣйшимъ изъ азіатскихъ языковъ авторъ признаетъ китайскій, „потому что онъ старѣе всѣхъ и не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ другими извѣстными языками". Состоитъ онъ „изъ многихъ знаковъ или фигуръ, изъ коихъ каждая означаетъ особое слово". Простолюдинъ знаетъ четыре или пять тысячъ такихъ знаковъ (слишкомъ много!), ученый—20,000, а самые ученые до 80,000 (!). „Судя по сему Китайской языкъ очень походитъ на Коптской или древній Египетской, въ которыхъ простолюдинъ никогда не можетъ достигнуть совершеннаго познанія". Малайскій языкъ—языкъ купеческій, „составился самъ изъ лучшихъ (!) сосѣдственныхъ языковъ (!), и особенно изъ Тамулисскаго, съ коимъ онъ имѣетъ ближайшее сходство [1])" (стр. 13—14).

Нѣмецкій языкъ (стр. 19) авторъ дѣлитъ, „по различному его произношенію и выговорамъ", на настоящій нѣмецкій, нижнесаксонскій и датскій (!). Кромѣ европейскихъ главныхъ языковъ, каковы: „Славянской, или (!) нынѣшній Россійскій, Нѣмецкій, Венгерскій, Шведскій, Голландскій, Англійскій, Италіянскій, Французскій, Гишпанскій и Португальскій", есть еще „многіе языки, употребляемые только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и составленные большею частію изъ пограничныхъ языковъ (!): Албанской, Богемской, Молдавской, Польской, Сардинской, Сицилійской, Финляндской, Лапландской, Фламанской, Исландской, древній Британской, употребляемый и нынѣ простымъ народомъ въ княжествѣ Валлійскомъ (очевидно кимрскій или уэльзскій) и языкъ Бискайской, коимъ говорятъ по сю и ту сторону" Пиринеевъ (очевидно басскій). Какъ видно отсюда, представленія автора о взаимномъ родствѣ языковъ являются очень устарѣлыми. Уже въ XVIII в. у

[1]) Здѣсь находимъ повтореніе указаннаго уже выше недоразумѣнія и смѣшенія малайскаго съ дравидическимъ языкомъ *малаялимъ*. (См. выше, стр. 251, прим. 3).

насъ были въ ходу болѣе правильные взгляды на ихъ взаимныя отношенія, чѣмъ у нашего ученаго діакона, черпавшаго свои свѣдѣнія большею частію изъ литературы XVI—XVII в. и не ушедшаго въ этомъ отношеніи особенно далеко, сравнительно съ азбуковниками.

Всѣ эти языки у него, „по твердому или плавному ихъ произношенію, раздѣляются на *муской* или твердой (нѣмецкій, гишпанскій и англійскій), и на *женской* или нѣжной (французскій, италіанскій), кои такъ сказать болѣе приличны женщинамъ нежели мущинамъ. Причину такого ихъ раздѣленія не должно искать ни на брегахъ Евфрата, гдѣ было Вавилонское смѣшеніе, ни въ революціяхъ цѣлыхъ имперій и народовъ“, но въ разномъ строеніи органовъ. Нѣмецкій языкъ, „который въ выговорѣ весьма труденъ и твердъ, безъ сомнѣнія, первоначально произошелъ отъ народа крѣпкаго сложенія, а Италіанской..., какъ и самый языкъ Латинской, отъ коего онъ произшелъ, можетъ быть отъ народа слабаго сложенія, кои въ выговорѣ и въ произношеніи словъ не хотѣли или не могли напрягать своихъ органовъ“ (стр. 19—21).

Въ такомъ родѣ характеристики и прочихъ языковъ, изъ которыхъ приводимъ только наиболѣе курьезныя или замѣчательныя. Въ отдѣлѣ о семитическихъ языкахъ приводятся образцы перевода „Отче нашъ“ на еврейскій, халдейскій и сирійскій (русскими буквами)—впервые въ нашей литературѣ (стр. 34—35). Довольно подробно говорится отдѣльно о китайскомъ письмѣ и языкѣ, (стр. 46—67), причемъ на особой таблицѣ приводятся образчики китайскихъ іероглифовъ (вмѣстѣ съ древними „арабскими“ и латинскими цифрами); подробно описывается іезуитскій способъ означать китайскіе акценты (впервые печатно въ нашей литературѣ) и т. д. Говорится и вообще о письмѣ и его четырехъ видахъ: справа на лѣво, слѣва на право, „бустре(о)федонъ“, сверху внизъ и снизу вверхъ (у древнихъ мексиканцевъ), (стр. 63—64). Впервые такъ подробно говорится объ абиссинскомъ языкѣ (стр. 70—75).

Почему то довольно подробно трактуется о „Мадагаскарскомъ“ языкѣ, который „по выговору и словосоставленію много походитъ на Восточные языки, и особенно на Арабской и Греческой (!)“: приводится при этомъ много „мадагаскарскихъ“ словъ (чего не дѣлается для многихъ болѣе извѣстныхъ языковъ).

На стр. 81 находимъ такое замѣчаніе объ армянскомъ языкѣ: „...совершенно отличенъ отъ прочихъ Восточныхъ языковъ, онъ также не имѣетъ ни малѣйшаго сходства ни съ Еврейскимъ, ни

съ Халдейскимъ, ни съ Сирскимъ языкомъ", хотя народы, говорившіе этими языками, всѣ жили долго весьма близко другъ отъ друга. Въ примѣчаніи сообщается, что нѣкоторые считаютъ армянскій „остаткомъ древняго языка Фригійскаго, который былъ нарѣчіе языка Греческаго (!)".

Происхожденіе персидскаго языка рисуется такъ (стр. 81—82): сначала въ Персіи господствовалъ ассирійскій языкъ, но когда греки завоевали Персію, языкъ ея „смѣшался нѣсколько съ Греческимъ (!), потомъ также съ Латинскимъ (!) и наконецъ съ Арабскимъ". При Тамерланѣ „вкрались" нѣкоторыя татарскія слова и, наконецъ, въ концѣ XVI в.—турецкія.

Въ статьѣ о латинскомъ языкѣ приводится (стр. 90—91) образчикъ древней латыни изъ надписи въ Капитоліи (впервые въ нашей литературѣ): „C. Bilios M. F. advorsom Cartucienienseis en Siceliad rem. Cerens. ecest. A nos Cocnatos. Popli. Romani artisumod obsedeone D eXEMET. LecioNeis Cartacinienseis. Omneis mAXIMOSQUE. Magistratos Lucaes bove bous. relictis noVEM. CASTREIS EX FOCIONT" и т. д. (стр. 90—91). По словамъ автора, „изъ сей надписи легко можно видѣть, что всѣ (!) слова древняго Латинскаго языка имѣли свои окончанія и перемѣны по свойству языка Греческаго". Въ статьѣ о древнемъ „Франко-Нѣмецкомъ" языкѣ (стр. 99 и сл.) приводятся образчики названнаго и древне-нѣмецкаго языковъ (также впервые у насъ): „франко-нѣм.": Vatter unser, Thu pist im Himile, wihi Nahmu Dinan; queme Rihe Din: werde Wille Din, so in Himile, so sa in Erdu и т. д. „старо-нѣмецк.": 1) Kilaubum in Gott, Fader, Almathicum Kiscaf Himiles enti Erdu; 2) Enti in Jesum Christ, son Sinan ain acun, unseran Truhtin; 3) Der inphangen ist fon Wihemu Keste, Kiporan fona Maria и т. д. Приводится символъ вѣры и на „россійскомъ" языкѣ (въ сущности на церковно-славянскомъ).

О „россійскомъ" языкѣ даются такія свѣдѣнія (стр. 105 и слѣд.): „до соединенія всѣхъ Славянскихъ народовъ въ одно гражданское общество", россійскій языкъ „былъ не что иное, какъ языкъ полудикихъ и необразованныхъ людей... не имѣлъ даже ни Азбуки, ни правилъ грамматическихъ (!), и состоялъ большею частію изъ словъ грубыхъ и неправильныхъ". Послѣ крещенія, когда начали переводить съ греческаго священныя книги, „при возникающемъ свѣтѣ просвѣщенія, и Россійскій языкъ принялъ новый видъ и образованность. Во многихъ мѣстахъ заведены были училища, гдѣ преимущественно обучали языку Греческому" (?), даже Великіе Князья „съ ревностію занимались Греческою словесностью, отъ чего Россійскій языкъ скоро достигъ

своего истиннаго совершенства". Переводившіе Библію съ греческаго на славянскій старались подражать красотамъ греч. подлинника и сохранить ихъ въ переводѣ. Такимъ образомъ, славянскій языкъ, какъ и римскій, „всею красотою и пріятностью обязанъ языку Греческому". Въ такомъ видѣ „пребылъ онъ до начала XVIII в.". Третій періодъ исторіи русскаго языка авторъ считаетъ съ конца XVII в. Когда русскіе ближе познакомились съ европейцами, „тогда и въ Россійскомъ языкѣ произошла великая перемѣна, такъ что онъ лишился всей прежней красоты и превосходства, которыя заимствовалъ отъ языка Греческаго". Началось это, разумѣется, тогда, когда „Рускіе начали преимущественно заниматься Французскою словесностію", почему „Россійскій языкъ пріобрѣлъ такое множество нововыдуманныхъ и по свойству Французскаго языка составленныхъ словъ, что" воскресшій древній русскій человѣкъ не узналъ бы своего языка. Въ примѣчаніи авторъ рекомендуетъ читателю „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка" А. С. Шишкова (стр. 105—110). Славянскихъ азбукъ авторъ знаетъ двѣ: одну кириллицу, другую, изобрѣтенную св. Іеронимомъ (стр. 10).

Впервые въ нашей литературѣ приводится здѣсь довольно много образчиковъ южно-американскихъ языковъ, какъ напр. слова и глаголы бразильскіе (стр. 117); на стр. 117—119 идетъ рѣчь о „хилисскомъ" языкѣ, причемъ оказывается, что „природные Хилиссы говорятъ мужественно и твердо"; въ качествѣ примѣровъ ихъ языка помѣщенъ рядъ словъ и глаголовъ и даже цѣлая страница русско-чилійскихъ разговоровъ.

Въ заключительной главѣ авторъ находитъ причину великаго различія всѣхъ языковъ не столько въ климатѣ, сколько во времени и народномъ просвѣщеніи. Вліяніе климата, дѣйствующаго на строеніе человѣческаго тѣла и органовъ рѣчи, „отъ коихъ различнаго образованія происходитъ плавность, или твердость и грубость нарѣчій", онъ не отвергаетъ (трудно было бы ожидать въ тѣ времена противнаго), но все же больше ссылается на время, уставу коего „повинуются всѣ вещи; всѣ мы и всѣ дѣла наши, имѣемъ одинаковый законъ измѣненія, положенный природою и временемъ: Tempora mutantur и т. д.". Въ „заключеніи" авторъ говоритъ, что перечислялъ только главнѣйшіе языки, оставляя производные и тѣ, „кои мало извѣстны и употребительны только нѣкоторыми народами", тѣмъ болѣе, что „числа всѣхъ языковъ опредѣлить не можно. Да и нельзя ихъ исчислить". Въ „заключеніи" говорится о неудачныхъ попыткахъ создать всеобщій понятный языкъ, „которой бы могли понимать всѣ жители Европы

и Азіи“. Такъ какъ авторъ черпалъ свои свѣдѣнія главнымъ образомъ изъ старыхъ книгъ XVII. в., то онъ сообщаетъ только о трудѣ Іоанна Бехера, „извѣстнаго XVII вѣка Философа“, издавшаго на лат. языкѣ „Характеръ ко всеобщему познанію языковъ“, объ изобрѣтеніи Г. Кирхеромъ (разумѣется извѣстный іезуитъ-полигисторъ XVII в. Аѳанасій Кирхеръ), „по препорученію Римскаго императора Фердинанда III“, особаго рода оптическаго языка, названнаго имъ „Всеобщей Полиграфіей“. Заканчивается книга сообщеніемъ, что полиграфія эта всѣмъ очень понравилась: императоръ Фердинандъ III и эрцъ-герцогъ Леопольдъ Вильгельмъ „часто ею занимались съ удовольствіемъ“, а папа Александръ VII даже опредѣлилъ ея изобрѣтателю „знатное годовое жалованье“ (стр. 130—131).

Въ своей курьезной книгѣ, опоздавшей появленіемъ по крайней мѣрѣ лѣтъ на 100, нашъ ученый діаконъ, конечно, былъ только компиляторомъ; европейская литература, изъ которой онъ черпалъ свои свѣдѣнія, принадлежитъ главнымъ образомъ XVI и XVII вв. Изъ русскихъ авторовъ онъ ссылается на „Собраніе сочиненій и переводовъ Протопопова (Вас. Мих. † 1810?), а именно, на его статью „О изобрѣтеніи буквъ“; въ классификаціи европейскихъ языковъ (стр. 18—21) онъ слѣдовалъ Аѳанасію Кирхеру [1]), а въ отдѣлѣ объ американскихъ языкахъ Іосифу Анжиру (?) и Ѳомѣ Гаге [2]); кромѣ того, цитируются: „Франциско Пикъ де Мирандула [3]), Геснеръ [4]), Волятерранъ [5]),

---

[1]) Ученый іезуитъ, извѣстный полигисторъ XVII в. (р. 1602 † 1680), авторъ многочисленныхъ трактатовъ по физикѣ, математикѣ, естеств. наукамъ и филологіи: «Prodromus copticus» (1636), «Oedipus Aegyptiacus» (1652), «China monumentis qua sacris qua profanis illustrata» (1667), «Lingua Aegyptiaca restituta» (1643), «Polygraphia nova et universalis ex combinatoria arte detecta» (1663) и др.

[2]) Thomas Gage, ирландецъ родомъ, доминиканскій монахъ, путешествовавшій въ 1626 г. по Америкѣ, авторъ «Survey of the West-India, containing a Journal of three thousand and three hundred miles within the main land of America» (Лондонъ, 1648, 1655, 1677 и т. д., франц. переводъ 1676, нѣмецкій 1693), гдѣ была помѣщена грамматика индійскаго языка poconchi или pocoman.

[3]) Іоаннъ Францискъ Пико де Мирандула, довольно извѣстный богословъ и философъ, † 1533.

[4]) Вѣроятно, Конрадъ Геснеръ (р. 1516 † 1565), гебраистъ, эллинистъ, латинистъ, медикъ, физикъ и ботаникъ, авторъ многочисленныхъ трактатовъ по перечисленнымъ спеціальностямъ, въ томъ числѣ «Mithridates. De differentiis linguarum, tum veterum tum qua hodie apud diversas nationes in toto orbe terrarum in usu sunt, observationes. Tiguri. 1555. 8°. 2 изд. 1610.

[5]) Вѣроятно Рафаэль Volaterranus, ученый итальянецъ-полигисторъ XV—XVI в. († 1521 г. на 71 г. жизни). Авторъ «Commentarii urbani» (38 книгъ

Вальтонъ [1]), Воссій [2]), Евергардъ Гвернеръ (?), Горопій Беканъ (см. выше, стр. 206, прим.)" и древніе писатели: Луканъ, Клеархъ, Птолемей, Діодоръ Сицилійскій, Евсевій, Тезей и т. д.

Такимъ образомъ, если по методу и духу компиляція діакона Орлова родственна анонимнымъ азбуковникамъ XVII в., то всетаки факты онъ принужденъ былъ черпать уже изъ европейской литературы, хотя бы и отставшей на 2—3 вѣка, на которую онъ считаетъ необходимымъ и ссылаться.

Въ томъ же 1810-мъ г. явился первый русскій переводъ или точнѣе передѣлка извѣстной „Grammaire générale et raisonnée contenant les fondements de l'art de parler expliqués d'une manière claire et naturelle" Port-Royal'a, вышедшей еще въ 1660 г. и много разъ переиздававшейся впослѣдствіи. Передѣлка эта [3]), въ общемъ довольно близкая къ подлиннику, была сдѣлана учителемъ россійской словесности въ Петербургской гимназіи Н. Язвицкимъ, не обозначившимъ, однако, въ заглавіи того, что книга, изданная имъ, не есть оригинальное сочиненіе. Объ этомъ авторъ, впрочемъ, говоритъ, въ предисловіи: „Во всемъ держался я всеобщей Грамматики, Французскаго писателя Портъ-Рояля(!); только гдѣ нужно, сдѣлалъ перемѣны; многое выбросилъ, многое прибавилъ... Осмѣлился также въ нѣкоторыхъ главахъ дѣлать замѣчанія относительно нашего, Французскаго и прочихъ языковъ". Такъ какъ книга эта по своему происхожденію не принадлежитъ къ русской научной литературѣ, то мы ограничимся здѣсь только перечнемъ ея содержанія, могущимъ дать представленіе о томъ, чтó находилъ въ ней русскій читатель. Книга начинается „предварительнымъ извѣстіемъ" (стр. 3—5), за которымъ слѣдуетъ „введеніе во всеобщую или философическую грамматику (стр. 7—9)", гдѣ

въ III ч.), содержащихъ древнюю географію, жизнеописанія разныхъ знаменитыхъ людей и основы разныхъ наукъ и искусствъ (изд. 1511, 1530, 1552 г. и т. д.). Другіе ученые съ этимъ прозвищемъ также принадлежатъ XV—XVI вв.

[1]) Brianus Walton, англійскій ученый богословъ-епископъ († 1661), авторъ «Introductio ad lectionem linguarum Orientalium» (Лондонъ 1655), издатель «Biblia polyglotta», въ которой напечатана его «Dissertatio de Linguarum natura, origine, divisione, numero, mutationibus et usu (Лонд. 1658), изд. опять въ его-же «Apparatus Biblicus» (Tiguri 1673) и т. д.

[2]) Вѣроятно знаменитый полигисторъ Гергардъ Іоганнъ Vossius (р. 1577 въ Гейдельбергѣ, † 1649), авторъ многочисленныхъ трактатовъ, въ томъ числѣ «Aristarchus sive de arte grammatica» (Амстердамъ 1635, 1653, 1662 и т. д.). «Etimologicon linguae latinae» (Амст. 1662) и др.

[3]) Всеобщая, философическая грамматика, изданная Николаемъ Язвицкимъ. Печатано съ дозволенія Спб. Цензурнаго Комитета. Въ Спб. при Имп. Акад. Наукъ. 1810. 8°. 138 стр. (Имп. публ. библ.).

опредѣляются ея цѣль и содержаніе. Сама „всеобщая, на здравомъ разсудкѣ основанная грамматика“ начинается только съ 11 стр. Ея содержаніе: Часть первая. О начертаніяхъ и буквахъ, употребляемыхъ въ письмѣ. Глава I. О литерахъ, такъ какъ звукахъ, и во первыхъ о Гласныхъ. Гл. 2. О согласныхъ. Гл. 3. О слогахъ. Гл. 4. О словахъ, такъ какъ звукахъ и о ихъ удареніяхъ. Гл. 5. О буквахъ, разсматриваемыхъ такъ какъ начертаніяхъ. Гл. 6. О новыхъ способахъ, посредствомъ коихъ легко можно выучиться читать на разныхъ языкахъ. Часть II. О значеніи словъ. Гл. 1. О томъ, что незнаніе того, что происходитъ въ душѣ нашей не обходимо къ уразумѣнію грамматическихъ основаній. Гл. 2. О именахъ, и во первыхъ существительныхъ и прилагательныхъ. Гл. 3. О именахъ собственныхъ, нарицательныхъ или общихъ. Гл. 4. О числѣ единственномъ и множественномъ. Гл. 5. О родахъ. Гл. 6. О падежахъ, кои необходимы для различія нашей рѣчи. Гл. 7. О членахъ. Гл. 8. О мѣстоименіяхъ. Гл. 9. О мѣстоименіи возносительномъ. Послѣдствіе той же главы. Посредствомъ его начала можно изъяснить различныя трудности грамматики. Гл. 10. О предлогахъ. Гл. 11. О нарѣчіяхъ. Гл. 12. О глаголахъ и о томъ, что собственно и существенно имъ принадлежитъ. Гл. 13. О различіи лицъ и числъ въ глаголахъ. Гл. 14. О различныхъ временахъ глагола. Гл. 15. О различныхъ наклоненіяхъ или образцахъ глаголовъ. Гл. 16. О неопредѣленномъ. Гл. 17. О глаголахъ, кои можно назвать прилагательными, о ихъ различныхъ видахъ дѣйствительныхъ, страдательныхъ и среднихъ. Гл. 18. О Глаголахъ безличныхъ. Гл. 19. О Причастіяхъ. Гл. 20. О Герундіяхъ и Супинахъ. Гл. 21. О вспомогательныхъ глаголахъ. Гл. 22. О союзахъ и междометіяхъ. Гл. 23. О синтаксисѣ или словосочиненіи. По изложенію книжка Язвицкаго суха и тяжеловѣсна, такъ что едва-ли могла найти себѣ много читателей.

Недостатки передѣлки Язвицкаго не укрылись отъ современной критики. Въ журналѣ „Санктпетербургскій Вѣстникъ“, издаваемомъ „обществомъ любителей Словесности, наукъ и художествъ“ за 1812 г. (ч. I. № 1, янв., стр. 93—101) явилась на нее рецензія, подписанная буквою Г. Рецензентъ признавалъ похвальное намѣреніе переводчика обогатить русскую научную литературу одной изъ лучшихъ философскихъ грамматикъ, но остался недоволенъ его исполненіемъ. По его словамъ, слѣдовало бы переводить книгу „съ строжайшей точностью“, какъ, напримѣръ, Фатеръ перевелъ на нѣмецкій языкъ извѣстный трудъ Сильвестра де Саси: „Principes de Grammaire générale, mis à la portée des enfants“. Между тѣмъ переводчикъ вздумалъ сокращать оригиналъ

и самыя сокращенія дѣлалъ случайно и непослѣдовательно, безъ опредѣленной системы и мотивовъ. Поэтому онъ „опускалъ безъ разбору многія необходимыя мѣста и вставлялъ свои примѣчанія и правила, часто ложныя и рѣдко относящіяся къ Философской грамматикѣ“. Слогъ перевода „весьма теменъ, неправиленъ и тяжелъ“. Во многихъ мѣстахъ переводчикъ не понималъ подлинника и исказилъ его смыслъ въ своемъ переводѣ (приводятся примѣры, дѣйствительно подтверждающіе этотъ упрекъ). Наконецъ, переводчикъ не зналъ даже, кѣмъ и гдѣ сочинена книга, и называетъ ее сочиненіемъ „французскаго писателя Портъ-Рояля“. „Жаль, что онъ въ началѣ не помѣстилъ біографіи сего знаменитаго Француза“, ядовито замѣчаетъ суровый критикъ, заключающій свою рецензію такимъ выводомъ: „Философская грамматика сія совершенно испорчена этимъ переводомъ. Желательно, чтобы кто нибудь другой взялся перевести ее снова“. Впрочемъ не всѣ замѣчанія самого критика основательны. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ укоряетъ переводчика, что этотъ послѣдній слишкомъ коротко говоритъ о дѣленіи русскихъ „буквъ“ и не имѣетъ никакого понятія „о богатствѣ русской азбуки“.

О происхожденіи языка Язвицкій говорилъ особо въ своей книжкѣ, посвященной Императору Александру I: „Разсужденіе о словесности вообще, изданное Николаемъ Язвицкимъ. Печатано съ дозволенія Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета. Въ Санктпетербургѣ, при Имп. Акад. Наукъ 1810“ (8°, 2 ненум. + 47 стр.). Въ началѣ ея находимъ вводную главу: „О происхожденіи слова или языка вообще и средствахъ, споспѣшествующихъ къ усовершенію Словесности“. Взгляды Язвицкаго, не представляя ничего самостоятельнаго, новаго или глубокаго, тѣмъ не менѣе интересны въ историческомъ отношеніи, выгодно отличаясь большею свободою и независимостью мысли, сравнительно съ позднѣйшими аналогичными разсужденіями Глаголева и Гульянова. Въ противоположность болѣе позднимъ авторамъ, писавшимъ въ разгаръ реакціи и мракобѣсія конца царствованія Александра I, Язвицкій приписываетъ языку вполнѣ естественное, чисто человѣческое происхожденіе и становится на опредѣленную эволюціонную точку зрѣнія: „въ обществахъ, такъ какъ и въ природѣ все расло постепенно. Нравственное слѣдуетъ естественному... При младенчествѣ тѣла младенчествуетъ и умъ. Наши душевныя силы и понятія, кажется, подлежатъ тѣмъ же законамъ, каковымъ подлежатъ всѣ тѣла органическія... Отъ единицы, до безконечныхъ Архимедовыхъ вычисленій, отъ смиреннаго и низкаго шалаша дикаго, до смѣлаго и величественнаго

купола церкви Св. Петра въ Римѣ, отъ первой по водамъ плавающей коры, до трехъ-палубнаго корабля... отъ сельской свирѣли пастуховъ, до симфоніи Моцарда (такъ!), словомъ, отъ первыхъ началъ, до самыхъ сложенныхъ и чудесныхъ твореній— сколько находится постепенностей.

Разговоръ, или наша рѣчь имѣла таковыя же постепенности— и не искуству, но *случаю* (курсивъ нашъ) одолжена своимъ происхожденіемъ. Безъ сомнѣнія весьма трудно описать... невѣжество и грубость, предшествующую той мрачной эпохѣ, послѣ которой наши предки вздумали умягчить дикой свой крикъ, дать названія вещамъ, перелить понятіе говорящаго—внимающему, и симъ ввести между подобными себѣ новой родъ соотношенія. ...Сколько сіи первые опыты должны быть трудны и незаманчивы! Въ продолженіе коликихъ вѣковъ родъ человѣческій немотствовалъ и лепеталъ, какъ младенецъ! Сколько потребно было времени для собранія главныхъ правилъ *всеобщей грамматики*, или умозрѣнія всѣхъ языковъ! Сколько нужно было размышленій, дабы достигнуть языка здраваго, правильнаго, сильнаго и разительнаго, не взирая на всѣ его недостатки? Начало языка кажется чудомъ ума человѣческаго и совсѣмъ нерѣшимою задачей. Ибо не можно не имѣя Грамматики составить языкъ (?!); или, не имѣя языка выдумать грамматику? Сіи сомнѣнія будутъ всегда сомнѣнія. Двѣ только вещи дѣлаютъ ихъ нѣсколько понятными — *нужда* и *время*".

Первоначальная рѣчь, по словамъ Язвицкаго, была груба и неразвита. Правда, одни говорили немного лучше, другіе хуже, но „безъ умозрѣній, безъ правилъ (!), что такое была рѣчь ихъ? Безъискуственное изліяніе восхищеннаго сердца... увлекаемаго пламеннымъ воображеніемъ... вмѣстѣ боязливаго и безстрашнаго. Грубость и невѣжество служили тогда началомъ и основаніемъ къ познаніямъ. Перваго человѣка все поражало и удивляло ...симъ то различнымъ движеніямъ души одолжены мы быстрыми и разительными оборотами..., кои называемъ теперь *тропами*, *фигурами*; и всѣ они не что иное суть, какъ первоначальный языкъ грубыхъ и необразованныхъ народовъ. Въ младенческія лѣта свои рѣчь была вовсемъ недостаточна, и сей самой недостатокъ, сія бѣдность въ словахъ произвели богатство и изобиліе въ языкѣ... какъ первая одежда", служившая сперва для прикрытія наготы, сдѣлалась потомъ предметомъ роскоши. „Итакъ не *искуство*, но *нужда* и страсти изобрѣли языкъ фигуральной и метафорической; онъ не вынужденной, но естественной. Онъ составлялъ самой простой первой образъ выраженія дикихъ и не просвѣщенныхъ

народовъ;—*разумъ* и *сердце* въ собственныхъ заблужденіяхъ соружили... храмъ Поэзіи". Изобрѣтеніе письма „весьма много содѣйствовало къ усовершенію всѣхъ искуствъ, а особливо языка. Ибо слова, прежде сего исчезающія въ воздухѣ, и неоставляющія по себѣ ни чего, кромѣ пустаго и кратковременнаго напоминанія, сдѣлались симъ средствомъ видимыми и долговременными; подверглись во всѣхъ частяхъ своихъ испытанію, критикѣ и изслѣдованію всѣхъ людей"... Дальнѣйшіе успѣхи рѣчи достигнуты были путемъ „*соревнованія*, *размышленія* и *исправленія*", при чемъ образцовыя сочиненія хранились и служили предметомъ изученія, разбора, подражанія и т. п. (стр. 3—11). Разсужденія эти заключаются такими словами: „Изъ всего выше сказаннаго видно, что *происхожденіе рѣчи*, или языка вообще (т.-е. *Поэзіи и краснорѣчія*) заключено въ самой природѣ человѣка, и современно его существованію. Но кто первый началъ говорить? Коимъ именно народамъ одолжена Европа корнемъ своихъ познаній? Все сіе погружено во маракѣ временъ протекшихъ. И тщетно на сіе потратили бы мы трудъ свой" (стр. 15).

Увлеченіе всеобщей грамматикой, не наблюдавшееся у насъ до начала XIX вѣка, хотя въ Европѣ руководства по ней появлялись одно за другимъ особенно во второй половинѣ XVIII в., объясняется тѣмъ, что, по уставу учебныхъ заведеній 1804 г., преподаваніе всеобщей грамматики было введено въ нашей средней школѣ, какъ обязательный предметъ, замѣнившій грамматику русскаго языка. За отсутствіемъ оригинальныхъ учебниковъ, приходилось довольствоваться переводными. Этимъ, конечно, и объясняется появленіе перевода всеобщей грамматики Фатера, упомянутаго выше, а также и разсмотрѣннаго уже переводнаго труда Н. Язвицкаго, открывающихъ собой рядъ аналогичныхъ руководствъ.

Названное увлеченіе всеобщей грамматикой отразилось и въ провинціальной глуши. Такъ въ Харьковѣ, въ одинъ годъ съ переводомъ Язвицкаго (1810), является книга Ивана Орнатовскаго: „Новѣйшее начертаніе правилъ россійской грамматики, на началахъ всеобщей основанныхъ". (Въ Харьковѣ. Въ Унив. типографіи 1810. 8°. 311 стр.). Книга эта распадается на двѣ части: общую, помѣщенную въ началѣ книги, въ качествѣ введенія (отдѣленіе I), и спеціальную (отдѣленіе II), посвященную главнымъ образомъ самой грамматикѣ русскаго языка. Здѣсь мы разсмотримъ только первую, а о второй будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ ниже.

Общая часть грамматики Орнатовскаго начинается главою I (стр. 3—4) „о достоинствѣ языка человѣческаго". Изъ нея мы узнаемъ,

что „природа влила во всѣхъ животныхъ непреодолимое побужденіе хранить бытіе свое, снабдивъ ихъ для этого разными средствами“. У человѣка „побужденія живѣе и благороднѣе;—нужды обширнѣе и важнѣе: слѣдовательно и средства должны быть сильнѣе, дѣятельнѣе, удобопримѣняемѣе“. Эти средства—„разумъ и вѣчная склонность къ подобнымъ себѣ, заставляющая людей соединяться въ общество“. Одинъ человѣкъ „былъ бы всегда слабъ и бѣденъ, какъ младенецъ, или грубъ и жестокъ какъ звѣрь... Для утвержденія взаимнаго союза между людьми... Богъ украсилъ человѣка даромъ слова, т.-е. способностью посредствомъ различныхъ измѣненій голоса изъяснять другимъ мысли свои и чувствованія“. Безъ языка невозможна была бы культура, разумъ безъ слова былъ бы также полезенъ, „какъ часы безъ указателя, или безъ колокола“. Безъ языка „цвѣтущія государства не долѣе бы существовали, какъ толпа, предпріявшая Вавилонское столпотвореніе“.

Въ слѣдующей II главѣ (стр. 5—7) идетъ рѣчь „о произхожденіи и успѣхахъ слова“. Автору не чужда идея постепеннаго развитія языка: „ничто не бываетъ вдругъ совершеннымъ; то о чемъ мы теперь совсѣмъ не мыслимъ, стоило непостижимыхъ трудностей нашимъ прародителямъ. Языкъ пятилѣтняго младенца въ нынѣшнія времена есть можетъ быть произведеніе 1000 умовъ, трудившихся цѣлыя столѣтія“. Сначала языкъ состоялъ „въ непосредственномъ выраженіи чувства, т. е. въ такихъ знакахъ своего лица, въ такомъ напряженіи членовъ, въ такихъ движеніяхъ, въ такихъ восклицаніяхъ, кои соотвѣтствовали внутреннему его состоянію. Сей есть единственный языкъ, которой природа сдѣлала для всѣхъ понятнымъ (стр. 5)“. Но „такія изъясненія не могли простираться на другіе предметы, кромѣ самихъ себя и вообще предметовъ, глазамъ предлежащихъ“... Когда же понадобилось называть „предметъ отдаленный“, пришлось „прибѣгнуть... къ самой природѣ его и подражать оной звукомъ слова“, т. е. явилось звукоподражаніе. Какъ примѣры таковаго приводятся: *быкъ*, греч. βοῦς, лат. bos, фр. beuf; *волкъ*, нѣм. Wolf, гр. λύκος, лат. lupus, фр. loup; *громъ*, гр. βροντή, лат. tonitru, нѣм. Donner, фр. tonnerre; *трепетъ*, гр. τρόμος, лат. tremor, нѣм. zittern, фр. tremblement; *кукушка*, гр. κόκκυξ, лат. cuculus, нѣм. Kukuck, фр. coucou; *свистъ*, лат. sibilus, гр. σο(υ)ριγμός, нѣм. zischen, франц. siffler и пр. Въ подкрѣпленіе этихъ взглядовъ приводится цитата изъ англійскаго риторика, Блэра[1]), которой пользуется въ соот-

[1]) Авторъ «Lectures on rhetoric and belles lettres. By Hugh Blair, DD. one of the Ministers of the high church and professor of rhetoric and belles

вѣтственномъ мѣстѣ и Модрю (см. выше, стр. 539), не называя своего источника: изобрѣтатели языка поступали, какъ живописецъ, который изображаетъ траву и листья зеленой краской: для выраженія дикаго и грубаго предмета брали и звуки дикіе и грубые, „а для изображенія чего нибудь нѣжнаго и тихаго, звуки тихіе и нѣжные“, напр. вѣтеръ, духъ, свѣтъ, огонь, грубый, суровый, варварскій, и т. д. (стр. 6).

Что касается именъ отвлеченныхъ понятій, то они „уже заимствованы отъ словъ предметовъ чувственныхъ, напр. грубый, жестокій, тихій, нѣжный, пламенный, сердечный и т. д.“. При этомъ авторъ ссылается на Аделунга, полагающаго, что „въ большей части извѣстныхъ языковъ есть нѣкоторыя общія звукоизмѣненія“, служащія „къ изображенію различныхъ понятій одинаковаго свойства“: „*Ст* выражаетъ нѣчто крѣпкое и твердое: ἵςημι (такъ! очевидно, вм. ἵστημι) стою, лат. sto, нѣм. steh, лат. stips (стволъ, должно бы быть stipes), нѣм. Stamm. Стонъ (?), старъ. *Стр*—крѣпость и сильное дѣйствіе или движеніе, напр. ςρώννυμι, ςρατεύομαι (такъ! вм. στρώννυμι, στρατεύομαι), строй, стрѣла, лат. strepitus, нѣм. streng“ [1]). „По мѣрѣ того, какъ отношенія людей сдѣлались обширнѣе, нужды ихъ увеличились, познаніе вещей распространилось; возрасло и многообразіе выраженій и все пространное поле языка перерождалось въ своемъ корнѣ“. Отъ этого „истребилось всякое подобіе языка съ изображаемыми предметами (стр. 7)“.

Въ III главѣ, „о языкѣ вообще“, авторъ излагаетъ свои взгляды на происхожденіе и взаимное родство языковъ: „основаніе языка... у всѣхъ народовъ свѣта есть одно и то-же“, а первобытное жилище человѣческаго рода находится въ средней Азіи“, гдѣ „должно полагать и начало первороднаго языка“. Но тщетно стараются среди множества языковъ, открывъ сей языкъ, дать ему наименованіе“. Видъ его долженъ былъ безпрестанно измѣняться, пока, по мѣрѣ раздѣленія людей на племена и народы, не явилось множество языковъ, „совсѣмъ одинъ отъ другого отдаленныхъ“. По словамъ автора, древнѣйшій языкъ—еврейскій, хотя

---

lettres in the university of Edinburgh». 3 т. 8⁰. 1788. Базель. Языку посвящены здѣсь главы I-го тома: VI. Rise and Progress of Language (стр. 110—132; VII. Rise and Progress of Language, and of Writing (133—55); VIII. Structure of Language (156—80); IX. Structure of Language. Englisch Tongue (181—208).

[1]) Въ дѣйствительности между нѣкоторыми изъ указываемыхъ Аделунгомъ словъ имѣется первичное болѣе или менѣе близкое родство, чѣмъ и объясняется близость значеній.

нельзя доказать, чтобы онъ былъ общимъ отцомъ всѣхъ языковъ, а тѣмъ менѣе можно приписывать это прочимъ. Тѣмъ не менѣе „во всѣхъ языкахъ... примѣтно большее или меньшее сходство". За этими общими замѣчаніями даются опредѣленія понятій: языки древніе (antiquae) и новые (recentiores), коренные (originales) и производные (derivativae), восточные и западные, мертвые и новые. Къ кореннымъ языкамъ Орнатовскій относитъ египетскій, еврейскій, греческій, латинскій, славянскій, нѣмецкій, скандинавскій, „цельтскій", арабскій, монгольскій и китайскій, а къ производнымъ—происходящіе отъ другихъ языковъ и „смѣшанные" языки: россійскій, происшедшій отъ славянскаго, англійскій—отъ британскаго и саксонскаго, французскій—отъ „цельтскаго", франкскаго и латинскаго, испанскій—отъ латинскаго, „готѳскаго", вандальскаго и арабскаго, финикійскій—отъ еврейскаго и египетскаго (!), халдейскій и арабскій—отъ еврейскаго (!), эѳіопскій—отъ арабскаго, турецкій—отъ монгольскаго и арабскаго (!) (стр. 8—11). Интересно, что о санскритѣ Орнатовскій и діаконъ Орловъ, повидимому, даже и не слыхивали; по крайней мѣрѣ, такъ можно думать по отсутствію какого бы то ни было упоминанія о немъ.

Въ IV главѣ идетъ рѣчь „о письмѣ", которое называется „изобрѣтеніемъ, дарованіемъ великимъ, драгоцѣннымъ для рода человѣческаго". Здѣсь дается общее понятіе объ идеографическомъ письмѣ, изобрѣтенномъ въ Мексикѣ, за которымъ „отъ изображенія предметовъ чувственныхъ въ позднѣйшія уже времена перешли къ изображенію понятій умственныхъ" и изобрѣли гіероглифы (стр. 11—12). Эти послѣдніе опредѣляются, какъ „знаки, взятые съ видимыхъ предметовъ для изображенія невидимыхъ или умственныхъ, имѣющихъ съ оными какое-либо отношеніе и сходство"; глазъ является символомъ всевидѣнія, кругъ—символомъ вѣчности, голубь—любви и т. д. Далѣе (стр. 14) говорится о недостаткахъ этого письма (допускаетъ разныя субъективныя толкованія), о разныхъ произвольныхъ знакахъ: снуркахъ перуанцевъ, письмѣ китайцевъ, японцевъ, тонкинцевъ и корейцевъ, состоящемъ „въ извѣстныхъ чертахъ", означающихъ отдѣльныя понятія. О трудности такого письма говоритъ цифра 70000 и болѣе китайскихъ знаковъ. Въ заключеніе упоминается о фонетическомъ письмѣ, неизвѣстно кѣмъ изобрѣтенномъ, вѣроятнѣе всего египтянами; о перенесеніи его Моисеемъ въ Ханаанъ, откуда его взяли финикійцы; о греческомъ алфавитѣ Кадма и о нововведеніяхъ въ немъ Паламида и Симонида (стр. 15—16).

Заканчивается первое отдѣленіе книги Орнатовскаго V-ю гла-

вою „о книгопечатаніи“ (стр. 17—18), имѣющей уже мало отношенія къ языкознанію.

Нѣсколько обще-грамматическихъ разсужденій находится и во второмъ отдѣленіи разсматриваемой грамматики. Такъ на стр. 36 находимъ общій отдѣлъ „О Грамматикѣ“. Первый параграфъ этого отдѣла, представляющій собой вступленіе въ него (стр. 37—8), доказываетъ „необходимость науки о языкѣ, или, какъ говорятъ вообще, Грамматики“. Языкъ опредѣляется, какъ „способность выражать понятія членораздѣльными звуками (articulatus sonus)“. Существованіе языковъ предполагаетъ „согласіе народа, сіи, а не другіе членораздѣльные звуки употреблять по взаимному сообщенію понятій“ (теорія contrat social). Грамматика дѣлится на всеобщую, или философическую, и частную. Первая „разсматриваетъ составъ слова человѣческаго въ отношеніи его къ понятіямъ, изображаемымъ членораздѣльными звуками“ (стр. 37); вторая „руководствуетъ“ принятые какимъ-нибудь народомъ членораздѣльные звуки „употреблять вразумительнымъ и тому народу свойственнымъ образомъ“. Поэтому „правила частной грамматики всякаго народа зависятъ отъ общаго употребленія“ во „всеобщемъ, письменномъ, просвѣщеннѣйшими въ обществѣ людьми употребляемомъ языкѣ, а нарѣчія могутъ только служить объясненіемъ или дополненіемъ симъ правиламъ, а не закономъ ихъ“. Съ этой точки зрѣнія русская грамматика есть „наставленіе къ правильному употребленію языка Россійскаго“ (стр. 38). Во второмъ параграфѣ этого отдѣла (стр. 39—41) говорится „о предметѣ языка и раздѣленіи грамматики“. „Предметъ“ языка составляютъ представленія и понятія, выраженныя словами и реченіями. „Разсужденіе“ (judicium) выражается въ предложеніи, съ его составными частями: подлежащимъ, сказуемымъ и т. д. Грамматику Орнатовскій дѣлитъ, согласно общему обычаю, на четыре части: I. Слово-составленіе, или слово-произведеніе (Etymologia); II. Слово-сочиненіе (Syntaxis); III. Слово-произношеніе, или слого-удареніе (Prosodia) и IV. Правописаніе (Orthographia).

Интересны для того времени фонетическія представленія автора. Довольно правильно опредѣляется разница между гласными и согласными съ физіологической точки зрѣнія: „Нѣкоторые звуки произносятся только однимъ отверстіемъ рта и напряженіемъ горла безъ всякаго прикосновенія языка къ прочимъ частямъ онаго, и называются простыми или само-гласными звуками; а въ письмѣ само-гласными буквами“ (стр. 44). Такихъ гласныхъ Орнатовскій насчитываетъ шесть: а, э, е, ы, о, у. „Самое большое отверстіе производитъ *а*, самое меньшее—*у*“. Нѣсколько странное представленіе имѣетъ

авторъ о „умягченныхъ гласныхъ“, т. е. слогахъ изъ согласнаго j+гласный: „когда при отверстіи рта языкъ касается нѣсколько къ зубамъ (?), тогда происходятъ самогласные звуки умягченные (Lenes litterae) я (йа), ѣ (йе), іо́ (йо), и (йы), ю (йу)“. (Тамъ же). Какъ и нѣкоторые позднѣйшіе фонетики, Орнатовскій признаетъ существованіе дифтонговъ въ русскомъ языкѣ; „когда два само-гласные звука однимъ отверстіемъ рта произносятся, или лучше, когда ротъ отъ одного отверстія вдругъ, не пресѣкая голоса, переходитъ къ другому: тогда звуки называются двугласными (diphthongi), напр. ай, ей, ой, ій, уй, ау. Какъ въ словахъ: *май*, *пей*, *постойте*, *бушуйте*, *заутра* *) (стр. 44—45).

Общій характеръ имѣютъ и нѣкоторые параграфы слѣдующихъ отдѣловъ. Такъ, напр. параграфъ V (стр. 47 и слѣд.) трактуетъ „Объ отношеніи словъ къ понятіямъ и о раздѣленіи оныхъ на части“. Частей рѣчи признается девять: „имя, прилагательное, числительное, мѣстоименіе, глаголъ, нарѣчіе, предлогъ, союзъ, междуметіе“. Даются опредѣленія этихъ категорій, въ обычномъ родѣ: имя означаетъ всякій предметъ, существующій въ природѣ, и составляетъ подлежащее сужденія; прилагательное означаетъ свойство или качество и т. д. Подобныя же опредѣленія находимъ въ параграфѣ VI (стр. 55) „о измѣненіяхъ частей рѣчи“, которыя дѣлятся на „измѣняемыя“ (flexibiles) и „неизмѣняемыя“ (inflexibiles): въ „Главѣ Первой“ (стр. 56), „о имени вообще“, дается опредѣленіе именъ общихъ, собственныхъ, собирательныхъ, увеличительныхъ и уменьшительныхъ; параграфъ II этой главы трактуетъ „о измѣненіяхъ имени“ вообще, а III, IV и V объ этихъ измѣненіяхъ въ отдѣльности, т. е. родахъ (стр. 59 и сл.), числахъ (стр. 63 и сл.) и падежахъ. Мужескій родъ приписывается „такимъ вещамъ, которыя имѣютъ нѣкоторое свойство крѣпости, дѣятельности, сообщительности и вообще дѣйствія“, а женскій — такимъ, которыя „служатъ къ вмѣщенію чего-нибудь, или къ произведенію и вообще по природѣ своей, болѣе страдательны, нежели дѣятельны, болѣе тихи, красивы, пріятны, нежели крѣпки“ и т. д.

Остальные отдѣлы разсматриваемой книги преставляютъ собой обычную школьную грамматику русскаго языка, связанную чисто механически съ общими разсужденіями, образчики которыхъ мы видѣли выше. Разумѣется, въ „философскихъ“ взглядахъ Орнатовскаго на языкъ не было ничего новаго и самостоятельнаго;

*) Авторъ, очевидно, произносилъ *завтра* по южно-русски, т. е. съ неслоговымъ *у*, вмѣсто губно-губного спиранта *w*, соотвѣтствующаго великорусскому *в*.

они представляютъ собой ходячія мѣста, почерпнутыя изъ той или другой европейской книжки по „всеобщей грамматикѣ“, которыя уже давно сдѣлались общимъ достояніемъ европейской науки, но у насъ еще могли считаться въ нѣкоторомъ родѣ „послѣднимъ словомъ“ общаго языкознанія.

Самая же попытка основать изложеніе русской грамматики на данныхъ всеобщей грамматики во всякомъ случаѣ была у насъ новостью, чѣмъ бы она ни вызывалась.

Во всякомъ случаѣ книга Орнатовскаго лучше могла служить распространенію у насъ знакомства со всеобщей грамматикой, чѣмъ вышедшій въ слѣдующемъ 1811 г. трудъ его земляка, проф. Харьковскаго университета И. Ѳ. Тимковскаго [1]: „Опытный способъ къ философическому познанію Россійскаго языка, сочиненный Иліею Тимковскимъ. Изданный Императорскимъ Харьковскимъ университетомъ. Въ Харьковѣ. Въ Универс. Типографіи. 1811“. 8°. 310 стр. Книга эта въ общемъ имѣетъ странный характеръ, представляя собой родъ неудобочитаемаго конспекта или подробной программы предлагаемаго авторомъ „опытнаго способа къ философическому познанію“ русскаго языка. Она начинается „разсудительными изслѣдованіями“ о составѣ, свойствѣ и силѣ россійскаго слова, которыя „открываютъ постепенную связь предметовъ“, содержащую въ себѣ: I. Грамматическій разборъ частей рѣчи и смысла выраженій. II. Окончанія производныхъ словъ, съ ихъ знаменованіемъ. III. Сложеніе словъ, съ изъясненіемъ означенія сложныхъ. IV. Произведеніе словъ и употребленіе ихъ. V. Связь и опредѣленіе понятій, для составленія мысли. VI. Опредѣленіе и связь мыслей. VII. Порядокъ словъ и звуки въ выраженіяхъ. VIII. Древности языка Славено-Россійскаго и отношенія его къ другимъ языкамъ. IX. Начальное руководство къ ясному понятію чужихъ и сообщенію своихъ мыслей. Затѣмъ авторъ даетъ указанія наставнику, какъ онъ долженъ преподавать по этому руководству. Грамматическій разборъ, о которомъ идетъ рѣчь въ первой главѣ, авторъ предлагаетъ начинать съ „показанія начала словъ, выраженіе составляющихъ, и какія они суть части рѣчи. При семъ:

---

[1]) См. о немъ спеціальную монографію Шугурова: «И. Ѳ. Тимковскій, педагогъ прошлаго времени» въ «Кіевской Старинѣ» 1891 г. и отдѣльно (Кіевъ 1891. 8°. 73 стр.), а также проф. Багалѣй, «Опытъ исторіи Харьк. университета» въ «Ученыхъ запискахъ Харьк. унив.», 1896 г., кн. 2. Лѣтопись, стр. 26—38. О его грамматикѣ см. отзывъ проф. Халанскаго, тамъ-же 1896, кн. 4. Лѣтопись, стр. 72.

1. Сокращенныя или усѣченныя слова приводятся въ полное состоянiе свое;

2. Увеличительныя или умалительныя слова—въ простое состоянiе;

3. Имена, мѣстоименiя и причастiя поставляются въ именит. падежѣ, ед. числа;

4. Имена прилагательныя, мѣстоименiя таковыя-же и причастiя, по приведенiи въ именит. падежъ, ед. числа, поставляются въ муж. родѣ" и т. д.

Авторъ замѣчаетъ, что „къ сему разысканiю (?) о началѣ словъ и частяхъ рѣчи не примѣшиваются никакiя подробнѣйшiя указанiя; но просто и единственно оное предлагается".

Такъ-же изложены отдѣлы: Б (грамматическiй смыслъ выраженiя), В (разборъ грамматическаго смысла), Г (грамматическiя свойства частей рѣчи), причемъ каждый заключается ссылкой на примѣры, приложенные въ концѣ книги.

Вторая глава разсматриваетъ „окончанiя производныхъ словъ", по нѣсколькимъ рубрикамъ. Для примѣра приводимъ рубрику А: „окончанiя глаголовъ, съ дѣепричастiями и причастiями на *ти, ть, у, ю, аю, ею, iю, ою, ую, яю, ѣю, ыю, юю,—а, я, чи, въ, дъ, ши,—щiй, шiй, мый, ный, тый.* При семъ произведенiи замѣчаются въ глаголахъ перемѣны нѣкоторыхъ согласныхъ буквъ одной на другую: *г* и *ж*, *д* и *с* (?), *ж* и *з*, *к* и *ч*, *с* и *ш*. См. примѣры". Такъ-же перечисляются другiя виды окончанiй: именъ существительныхъ, прилагательныхъ и т. д.

Въ третьей главѣ указывается, что „сложныя слова происходятъ: 1) соединенiемъ предлоговъ со словами простыми; 2) совокупленiемъ именъ, мѣстоименiй и нарѣчiй съ именами и глаголами", и перечисляются „предлоги, къ первообразнымъ и производнымъ именамъ и глаголамъ для сложенiя прибавляемые:

1) Отдѣльные: *изъ, о, объ, отъ, у, во, до, за, на, надъ, по, подъ, предъ* и т. д.

2) Совокупные или слитные (?): *возъ, вы, низъ, пре* или *пере, разъ.*

Въ четвертой главѣ, посвященной „разбору сложной рѣчи относительно произведенiя и употребленiя словъ", въ рубрикѣ А „предлагается произведенiе словъ отъ корня ихъ, въ рѣчахъ взятыхъ для примѣра, и показанiе другихъ отъ того-же корня производныхъ и сложныхъ словъ, съ изъясненiемъ значенiя оныхъ и сравненiемъ ихъ съ другими словами подобнаго или противнаго знаменованiя", а въ рубрикѣ Б—„главнѣйшихъ, въ той самой рѣчи находящихся, словъ употребленiе въ другихъ выраженiяхъ".

Въ томъ-же родѣ V и VI главы. Въ послѣдней, занимающейся „опредѣленіемъ и связью мыслей“, указывается, что „опредѣленіе мыслей въ ихъ точности, силѣ, полнотѣ и круглости“ должно слѣдовать за „опредѣленіемъ словъ“ и достигается прежде всего „филологическимъ опредѣленіемъ видовъ“, при которомъ между прочимъ надо обращать вниманіе на „степень и напряженіе“, такъ какъ „слова опредѣляемыя и опредѣляющія, бывая въ нѣкоторомъ числѣ, изображаютъ совокупное или разное, постепенное или противное между собою бытіе, состояніе или дѣйствіе:

I. Иныя суть сверстныя, равностепенныя. II. Иныя—подчиненныя главнымъ, или вводныя, главную опредѣляющія“.

Въ началѣ VIII главы о „древностяхъ языка славено-россійскаго“ находимъ такое общее замѣчаніе: „языкъ есть одно изъ племенныхъ отличій всякаго народа. Въ свойствѣ и перемѣнахъ того и другого дѣйствующія причины такъ совокупны, что исторія народа содержитъ въ себѣ и исторію языка его. Дѣйствія въ нихъ иныя суть внѣшнія, къ періодамъ относящіяся, другія внутреннія, которыя въ образованіи состоятъ“.

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, книга Тимковскаго имѣла мало связи со всеобщей или философской грамматикой и представляла скорѣе родъ своеобразнаго конспекта къ практическому курсу грамматики русскаго языка. Въ конспектѣ этомъ только намѣчались извѣстныя опредѣленныя грамматическія схемы, на которыя обращалъ вниманіе, вѣроятно, самъ авторъ при разборѣ образцовъ языка на своихъ чтеніяхъ въ Харьковскомъ университетѣ. Въ связи съ этимъ основнымъ характеромъ всей книги находится и та ея черта, что только $^1/_6$ ея объема посвящена выше характеризованному общему конспекту грамматики, а всю остальную часть ея образуютъ примѣры (изъ Св. Писанія, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Державина, Тредьяковскаго, Хемницера, Петрова, Княжнина, Кострова, Карамзина, Капниста, Дмитріева, фонъ-Визина, Богдановича, кн. Щербатова), на которые постоянно въ конспектѣ дѣлаются ссылки. Такимъ образомъ по отношенію къ общему языкознанію книга Тимковскаго не представляетъ интереса, не смотря на эпитетъ „философическій“, помѣщенный въ заглавіи ея. Зато она довольно замѣчательна въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, о которыхъ мы скажемъ ниже.

О томъ, какой неожиданный пріемъ могли встрѣчать у насъ извѣстныя, вполнѣ въ то время обычныя на западѣ обще-лингвистическія понятія, довольно ярко свидѣтельствуетъ вышедшая въ 1811 г. въ Москвѣ брошюра: „Простое умозаключеніе о всеобщемъ языкѣ, изобрѣтенномъ отъ Г. Ріема; Маинцскаго Адвоката.

Сочинено Коллежскимъ Совѣтникомъ Михайломъ Росляковымъ. Москва. Въ вольной типографіи Пономарева" (8°. 16 стр.). Несомнѣнно, что названная брошюрка принадлежитъ скорѣе къ области курьезовъ, чѣмъ къ научной литературѣ, хотя-бы и тѣхъ отдаленныхъ временъ, но содержаніе ея все-таки поучительно въ культурно-историческомъ отношеніи, живописуя до извѣстной степени ту почву, на которой у насъ должны были прививаться обще-лингвистическія понятія, проникавшія съ запада.

Дѣло въ томъ, что въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1810 г. (№ 83, 15-го октября) было напечатано въ переводѣ письмо адвоката Ріема объ изобрѣтенномъ имъ всеобщемъ языкѣ, якобы очень простомъ по своей идеѣ, очень удобномъ, легко изучаемомъ и т. д. Изобрѣтатель, увлеченный своей идеей, восхвалялъ ее и обѣщалъ человѣчеству рядъ всевозможныхъ удобствъ и выгодъ отъ употребленія выдуманнаго имъ всеобщаго языка. Названное письмо повергло колл. совѣтника Рослякова, никогда, очевидно, не слыхавшаго о цѣломъ рядѣ утопическихъ попытокъ къ созданію всеобщаго языка, въ величайшее смущеніе. По его собственному заявленію (въ предисловіи, стр. 4), онъ не учился „ничему иному, кромѣ азбуки, букваря и псалтири", но тѣмъ не менѣе почитывалъ въ свободное время „кое какія книжки, сходныя со своимъ слабымъ понятіемъ". Нисколько не удивительно послѣ этого, что прочитанное имъ въ газетахъ „чудное извѣстіе" показалось ему столь „ново и непостижимо, что онъ, „по своему худому разумѣнію не могъ никакъ вѣрить, чтобы былъ такой удивительный языкъ кѣмъ и когда нибудь изобрѣтенъ". Свои недоумѣнія и критическія замѣчанія, вызванныя извѣстіемъ, онъ рѣшился предать печати. „Теряясь много въ догадкахъ", онъ взялъ „ближайшую по своему понятію: о языкѣ Христіанской религіи", который онъ и противопоставляетъ всеобщему языку майнцскаго адвоката. Авторъ не увѣренъ, какъ его примутъ „люди высокаго ума, ученые и опытные въ познаніяхъ всякаго рода", но заявляетъ, что писалъ свое „умозаключеніе" „въ простотѣ сердца; изъ любви къ вѣрѣ и догматамъ ея, и не для любомудрыхъ вѣка сего, которымъ, конечно, покажется оно вредомъ и сонною грезою". Приступая къ уничтоженію бѣднаго г. Ріема, Росляковъ заявляетъ: „Есть ли бы г. Ріемъ увѣрялъ нынѣ о возможности существованія всеобщаго языка словеснаго, то не многаго-бы стоило труда отразить его. *Бѣ вся земля устнѣ единѣ и гласъ единъ всѣмъ; и смѣси Господь устна всея земли, да не услышитъ кійждо гласа ближняго своего* (Быт. I. 15, ст. 7—9). Тогда можно-бы ему сказать, что такой важный переворотъ силенъ сдѣлать одинъ

только Богъ. Но онъ говоритъ о всеобщемъ языкѣ такомъ, который весь состоитъ изъ знаковъ, помощью коихъ произноситъ онъ и пишетъ многія тысячи словъ; видитъ его, слышитъ черезъ него (?), вкушаетъ (?), обоняетъ (?) [1]), громко разговариваетъ съ жителями отдаленнѣйшихъ странъ, и въ самое короткое время сообщаетъ имъ извѣстія... Г. Ріемъ обнаруживаетъ, что человѣкъ, одаренный способностями, можетъ сему языку научиться въ одинъ часъ. Но, къ сожалѣнію, мы не можемъ постигнуть тайны его".

За этимъ приступомъ авторъ разбираетъ письмо Ріема по пунктамъ, перепечатывая его параллельно своему разбору и противопоставляя каждому положенію своего противника свои замѣчанія. Словамъ Ріема: „есть такой языкъ, который, имѣя самыя простыя начала, разнообразенъ до безконечности въ своихъ измѣненіяхъ", противополагается такое возраженіе: „сей языкъ можно уподобительно примѣнить къ языку вѣры, который, имѣя самыя простыя начала, начертанныя на скрижаляхъ... Моисея, разнообразенъ до безконечности" и т. д. По словамъ Ріема, языкъ его „имѣетъ только одинъ видимый знакъ, посредствомъ коего можно читать, и 4 знака для слуха", на что его московскій критикъ замѣчаетъ: „И сей языкъ имѣетъ только одинъ видимый священный знакъ Евангеліе, посредствомъ коего можно читать всѣ наклонности души и чувствованія сердца къ доброму или худому, и 4 знака для слуха...—четырехъ Евангелистовъ" и т. д.

Ріемъ утверждалъ, что посредствомъ его знаковъ можно произносить и писать 24,000 французскихъ словъ и 80,000 нѣмецкихъ. На это его противникъ возражалъ рядомъ ариѳметическихъ выкладокъ съ приведенными цифрами: сложивъ ихъ, онъ получилъ число 104,000, затѣмъ отбросивъ нули и продѣлавъ разныя другія манипуляціи съ даннымъ числомъ во вкусѣ тогдашней мистической цифири, онъ снова читалъ получившіяся числа, какъ тѣ же „самые знаки языка, т. е. 1 Евангеліе и 4 имени евангелистовъ". Въ особое волненіе повергаетъ Рослякова замѣчаніе Ріема, что его всеобщій языкъ „имѣетъ великое преимущество предъ телеграфомъ". Съ жаромъ Росляковъ доказываетъ, что языкъ вѣры христіанской, противополагаемый имъ всеобщему языку Ріема, „безъ сомнѣнія имѣетъ величайшее преимущество предъ телеграфомъ [2]). Ибо телеграфъ есть только выдумка человѣка, основанная не столько на пользѣ общей, сколько на тщеславіи, своекорыстіи и

[1]) Волненіе заставляетъ Рослякова немного преувеличивать: о «вкушеніи» и «обоняніи» помощью всеобщаго языка (!) Ріемъ ничего не говорилъ въ своемъ письмѣ.

[2]) Конечно, оптическимъ, какой тогда только и существовалъ.

самонадѣяніи. А языкъ вѣры утвержденъ на трехъ-же... основаніяхъ: вѣрѣ въ Бога, надеждѣ на Его всемогущество и любви къ Нему" и т. д.

Слѣдуя такимъ образомъ шагъ за шагомъ за своимъ противникомъ, Росляковъ побѣдоносно разбиваетъ всѣ утвержденія майнцскаго изобрѣтателя всеобщаго языка и заключаетъ свою брошюру моленіемъ: „сотвори убо скоро, да престанутъ татіе и разбойницы, прелазящіе инудѣ во дворъ смиренныхъ овецъ твоихъ, да вси вѣру имутъ тебѣ, идутъ по тебѣ и вѣдятъ гласъ твой; по чуждемъ-же не идутъ, но да бѣжатъ отъ него, яко отъ чуждаго гласа". Такимъ образомъ бѣдный майнцскій адвокатъ-изобрѣтатель всеобщаго языка попалъ у насъ, самъ того не подозрѣвая, въ тати и разбойники...

Въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ курьезной брошюрой Рослякова, какъ-бы въ видѣ иллюстраціи разительныхъ контрастовъ, которыми богата исторія нашей культуры, приходится говорить о замѣчательнѣйшемъ явленіи у насъ въ области общаго языкознанія за разсматриваемый періодъ—книгѣ Л. Г. Якоба [1]): „Начертаніе всеобщей грамматики, для Гимназій Россійской Имперіи сочиненное Лудвигомъ Гейнрихомъ Якобомъ, Коллежскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ. Издано отъ Главнаго Правленія Училищъ". Книжка носитъ и другое (главное) заглавіе: „Курсъ философіи для гимназій Россійской Имперіи, сочиненный Лудвигомъ Гейнрихомъ Якобомъ, Колл. Совѣтникомъ и Кавалеромъ. Изданъ отъ главнаго правленія училищъ. Часть вторая, содержащая Начертаніе Всеобщей Грамматики. С.-Петербургъ. Печатано при Имп. Ак. Н. 1812 г.". (8°. VII + 104 стр.).

Написанная человѣкомъ, получившимъ широкое европейское

---

[1]) Якобъ р. 26 ф. 1759 г. въ Веттинѣ, † 22 іюля 1827 близь Галле; изучалъ филологію въ Галльскомъ университетѣ, въ 1781 г. сталъ учителемъ гимназіи въ Галле, въ 1785 получилъ доктора («De allegoria Homerica») и началъ читать въ университетѣ лекціи по философіи. въ 1789 г. сталъ экстраординарнымъ, а въ 1791—ординарнымъ профессоромъ. Восторженный послѣдователь Канта, буквально повторявшій и популяризировавшій его ученія, онъ напечаталъ длинный рядъ философскихъ статей и трактатовъ и три года издавалъ журналъ «Annalen der Philosophie», рѣзко полемизировавшій съ Фихте и Шеллингомъ. Въ 1800 г. Якобъ оставилъ философію и съ такимъ-же жаромъ и увлеченіемъ перешелъ къ государственнымъ наукамъ (1801: «Theorie und Praxis in der Staatswirtschaft»; 1805: «Grundsätze der Nationalökonomie», въ которыхъ тѣсно примыкалъ къ Адаму Смиту). Въ 1806 г., послѣ Наполеоновскаго нашествія въ Германію, былъ приглашенъ на каѳедру государственныхъ наукъ въ только что открывшійся Харьковскій университетъ; издалъ здѣсь переводъ Say «Traité d'économie politique» (1807) и «Основанія поли-

философское и научное образованіе, и недурно переведенная на русскій языкъ (проф. Н. И. Бутырскимъ), всеобщая грамматика Якоба несомнѣнно превосходитъ всѣ современныя ей аналогичныя руководства, изданныя въ Россіи, богатствомъ и серьезностью содержанія, проникнутаго настоящимъ философскимъ духомъ, изложеннаго ясно и систематично, и въ то же время безъ лишняго многословія и надоѣдливаго педантизма. Разумѣется, въ качествѣ гимназическаго учебника, вдобавокъ въ рукахъ тогдашняго плохого и невѣжественнаго учителя, книжка Якоба была совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ, не могла принести и, конечно, не принесла никакихъ благихъ результатовъ, будучи слишкомъ серьезной и глубокомысленной для еще не окрѣпшаго дѣтскаго ума. Въ университетѣ, въ рукахъ начинающаго филолога-студента, она была-бы болѣе пригодна, но едва-ли пользовалась большимъ распространеніемъ, и потому слѣдовъ ея вліянія въ исторіи нашей науки незамѣтно.

Какъ мы видѣли уже выше, названное руководство представляетъ собой лишь одинъ изъ отдѣловъ цѣлаго курса философіи, который, согласно уставу 1804 г., долженъ былъ проходиться въ нашихъ гимназіяхъ. Наиболѣе интересною частью книги является введеніе, распадающееся на нѣсколько отдѣльныхъ главъ. Въ первой выясняется понятіе языка, къ опредѣленію котораго авторъ приходитъ черезъ опредѣленіе понятія знака вообще и его роли въ умственной жизни человѣка.

§ 1. „Каждой чувственный предметъ, служащій средствомъ къ возбужденію другаго опредѣленнаго понятія въ душѣ нашей, и при томъ правильнымъ образомъ, называется *знакомъ*".

§ 2. „Знаки бываютъ или естественные, или искуственные, смотря по тому, какъ природа, или искуство сопрягаетъ между

цейскаго законодательства» (1809), подалъ высшему правительству записку о бумажныхъ деньгахъ (напечатанную въ 1817 г.) и былъ вызванъ въ 1809 г. членомъ финансовой коммиссіи въ С.-Петербургъ; изготовилъ здѣсь проектъ уголовнаго уложенія для Россіи (1810, напеч. 1818) и извѣстную работу «О трудѣ крѣпостныхъ и свободныхъ крестьянъ въ Россіи» (1815). Послѣ паденія своего покровителя Сперанскаго и Якобъ потерялъ точку опоры, положеніе его сдѣлалось шаткимъ и сомнительнымъ, такъ что приглашеніе его обратно въ Галле (1816) явилось какъ нельзя болѣе кстати. Здѣсь онъ продолжалъ свою научно-литературную дѣятельность, выпустивъ рядъ статей по государственнымъ наукамъ, въ томъ числѣ «Amtliche Belehrung über den Geist und das Wesen der Burschenschaft» (1824). Знавшіе Якоба единодушно восхваляли его кроткій и въ то же время принципіально твердый характеръ. См. о немъ также Е. А. Бобровъ, „Философія въ Россіи. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки". Вып. IV. Казань. 1901. Стр. 126—160.

собою два предмета столь тѣсно, что понятіе объ одномъ предметѣ возбуждаетъ понятіе о другомъ. Естественные знаки называются также *необходимыми*, а искусственные *произвольными*".

§ 3. „Искуственные знаки означаютъ *вещи*, или только *понятія*. Примѣчательнѣйшіе знаки послѣдняго рода бываютъ частію предметы видѣнія, частію предметы слуха. Понятія видѣнія, къ сему роду относящіяся, суть: 1) искуственныя, подходящія впрочемъ къ естественнымъ, знаки внутреннихъ душевныхъ ощущеній, какъ-то: тѣлодвиженія, взоры. 2) Срисовка предметовъ, изображенія въ собственномъ смыслѣ. 3) Символы... 4) Черты, т. е. письменные знаки, неимѣющіе никакого сходства съ означаемымъ предметомъ. Понятія слуха, къ сему роду относящіяся, суть звуки, производимые людьми для сего намѣренія". Звуки эти Якобъ дѣлитъ на *членообразные* и *нечленообразные*. Первые опредѣляются имъ, какъ „особенные, одинъ отъ другого различные, удобослышимые звуки, изъ которыхъ составить можно нѣкоторое цѣлое".

§ 4. „Членообразные звуки, смотря потому, какъ они употребляются для произвольнаго означенія понятій, называются *словами*. На Нѣмецкомъ языкѣ дѣлаютъ различіе между Wörter (vocabula) и Worte (verba); ибо словомъ Worte означаютъ удобослышимыя выраженія, поколику онѣ въ рѣчи составляютъ полной смыслъ; а подъ словомъ Wörter разумѣютъ слова, не имѣющія никакой связи",

§ 5. „*Говорить* значитъ произносить слова, какъ членообразные звуки. Совокупность словъ, для сего употребляемыхъ, называется языкомъ".

§ 6. „Цѣль языка есть *утвержденіе*, а особливо *сообщеніе* мыслей. Говорить (sprechen), изражая чрезъ то свои мысли, называется въ особенности вести рѣчь (reden) [1]). Рѣчь есть рядъ словъ, выражающихъ соединяемыя мысли".

§ 7. „Поелику и прочіе искусственные знаки (§ 3) можно употреблять, какъ средства, служащія къ сообщенію нашихъ понятій, для того понятіе языка распространили, и назвали *языкомъ* каждую систему такихъ знаковъ, которые можно по произволу употреблять для сообщенія мыслей. Впрочемъ, *словесный языкъ* заслуживаетъ преимущество предъ всѣми; ибо знаки для разумнаго употребленія тѣмъ совершеннѣе: 1) чѣмъ изъ меньшаго числа началъ (Elementen) состоятъ, и чѣмъ легче изъ сихъ

---

[1]) Этотъ пріемъ приведенія въ скобкахъ нѣмецкихъ словъ повторяется постоянно и свидѣтельствуетъ частью о невыработанности еще нашей научно-философской терминологіи, частью о неувѣренности переводчика въ правильности своего перевода.

началъ можно составить большую разнообразность другихъ знаковъ; 2) чѣмъ легче представляются памяти и воображенію; 3) чѣмъ болѣе надлежатъ произвольному употребленію людей; 4) чѣмъ болѣе служатъ средствомъ не только для собственнаго размышленія, но и для сообщенія нашихъ мыслей; 5) чѣмъ болѣе обстоятельствъ, въ которыхъ могутъ быть употребляемы и производимы по произволу; 6) чѣмъ менѣе они означаютъ нѣчто самостоятельное, и только почитаются знаками другихъ понятій".

§ 8. Слова, представляемыя „буквами или на *письмѣ*,... такимъ образомъ получаютъ *постоянство* и бываютъ способны къ сообщенію мыслей въ отдаленнѣйшія времена и пространства", что́ „довершаетъ всѣ тѣ выгоды, какія только могутъ имѣть знаки".

§ 9. Поелику выборъ словъ зависитъ отъ произвола; то... всѣ не могутъ употреблять одни и тѣ-же слова для означенія одинаковыхъ мыслей... Тѣ, кои хотятъ употреблять языкъ для взаимнаго сообщенія своихъ мыслей, должны согласиться въ употребленіи одинаковыхъ словъ. По сему люди, живущіе въ общественной связи и всегда во многоразличномъ обращеніи между собою находящіеся, употребляютъ также и одинаковыя слова для означенія одинаковыхъ мыслей, т. е. имѣютъ *одинъ* языкъ. Но чѣмъ независимѣе другъ отъ друга народы возникли, и чѣмъ отдаленнѣе образовались, тѣмъ различнѣе и языкъ ихъ. Слѣдовательно, есть весьма *много* языковъ, которые, судя по различному происхожденію и разсѣянію народовъ, имѣютъ то болѣе, то менѣе между собою сходства".

Въ слѣдующей главѣ выясняется „возможность словеснаго языка вообще". Авторъ говоритъ въ § 10, что „органическое строеніе тѣла человѣческаго между прочимъ доставляетъ человѣку способность произвольно располагать нѣкоторыми органами, отъ чего выходитъ то, что мы называемъ *голосомъ* (Stimme). Голосъ есть особенный звукъ, рождающійся отъ того, что воздухъ, въ извѣстныя обстоятельства, посредствомъ напряженія мускуловъ, изторгается чрезъ дыхательное горлышко"...

§ 11. „Помощію сего голоса человѣкъ можетъ производить многоразличные звуки"...

§ 13. „Какъ родъ, такъ и число буквъ ограничивается свойствомъ язычныхъ органовъ"...

§ 14. „Язычные органы суть: 1) Гортань, мускулами коея производятся всѣ звуки голоса [1]), 2) языкъ, 3) нёбо, 4) челюсть, 5) зубы, 6) губы, 7) носъ"...

---

[1]) Для того времени замѣчательно вѣрное опредѣленіе, свидѣтельствующее о знакомствѣ автора съ современной ему антропофоникой (ниже онъ цити-

§ 15. „Нѣкоторыя изъ... буквъ составляютъ самостоятельные, совершенные, простые и опредѣленные звуки. Таковые звуки обыкновенно называются *гласными* (vocales). Мы производимъ ихъ посредствомъ большаго, или меньшаго отверстія рта и губъ, ни мало не касаясь поднимающимся или опускающимся языкомъ до какой-нибудь части устнаго отверстія“ [1]).

§ 16. „Такъ называемыя *согласныя* (consonantes)... могутъ быть производимы и отличаемы посредствомъ губъ, языка, зубовъ, носа, нёба, челюсти, или также посредствомъ большей части сихъ орудій вмѣстѣ“.

Въ главѣ III идетъ рѣчь „О значеніи словъ“: § 21. „Слова опредѣлены для означенія мыслей. Вѣроятно, очень долго люди не могли перейти отъ нечленообразныхъ звуковъ къ членообразнымъ, и первые опыты сего перехода конечно были слишкомъ грубы и несовершенны. Высота и глубина звука, вѣроятно, много способствовали къ измѣненію выраженій, и начинающій языкъ, думать должно, состоитъ изъ звуковъ не много различныхъ отъ крика, изражающаго чувствованія, пока, наконецъ, сіи звуки мало по малу получаютъ лучшую членообразность“.

§ 22... „Для означенія тихихъ понятій употребляемы были и звуки тихіе, для означенія грубыхъ и сильныхъ мыслей—грубые и сильные“ (ходячая мысль, повторяющаяся чуть-ли не во всѣхъ всеобщихъ грамматикахъ XVIII и начала XIX вв.).

IV глава введенія доказываетъ „необходимость языка“, какъ знака мысли. Сначала выясняется сущность мышленія: § 28. „Мышленіе состоитъ въ раздѣльномъ представленіи признаковъ вещи, или частныхъ представленій (дѣлается ссылка на часть того-же курса философіи, содержащую „Логику“, § 3, 10); разумъ ни о чемъ-бы не могъ мыслить, ежели-бы чувства не доставляли ему матеріи. Ибо дѣйствованіе разума состоитъ только въ томъ, что онъ объемлетъ многоразличное чувствами доставленное, или понятію даетъ форму. Но чувства всегда представляютъ нѣчто недѣлимое; а не всеобщее, или признакъ понятія *въ отвлеченности* (in abstracto). Если-же таковой признакъ долженъ быть представленъ чувственно: то надобно приложить его къ другому чувственному предмету, и такимъ образомъ равномѣрно сдѣлать недѣлимымъ“.

руетъ извѣстную книгу Кемпелена «Mechanismus der menschl. Sprache». Вѣна. 1791, хотя почему-то во французскомъ переводѣ).

[1]) Якобъ не приводитъ здѣсь обычнаго ошибочнаго опредѣленія гласныхъ, какъ звуковъ, образующихъ слогъ, и пытается дать физіологическое ихъ опредѣленіе, которое оказывается почти вѣрнымъ.

§ 29. „Таковой чувственный предметъ, служащій только средствомъ къ представленію только частныхъ понятій, или признаковъ въ отвлеченности (in abstracto) равнымъ образомъ называется знакомъ. Слѣдовательно знаки необходимо нужны къ мышленію, поелику безъ оныхъ не можно никакой мысли въ отвлеченности составить, а тѣмъ паче удержать“.

Въ V главѣ идетъ рѣчь о „Познаніи языка, грамматикѣ и всеобщей грамматикѣ“. Въ § 32 этой главы указывается общее значеніе изученія языка: „Образованіе народовъ узнается только по ихъ языку. Поучающійся въ различныхъ языкахъ и ихъ измѣненіяхъ научается вмѣстѣ познавать духъ и перемѣны образованности націй, говорящихъ тѣмъ языкомъ“. Далѣе выясняются понятія содержанія и формы языка:

§ 33. „Во всякомъ языкѣ надобно обращать вниманіе на два предмета: 1) на самыя слова, составляющія матерію или содержаніе языковъ; 2) на образъ и способъ, какъ сіи слова составляются, измѣняются, или на форму“.

Предметомъ грамматики извѣстнаго языка является „начертаніе его формы“, т. е. „начертаніе правилъ, по которымъ... слова составляются, перемѣняются, и соединяются въ предложенія и періоды“ (§ 34). Здѣсь-же, впервые въ нашей литературѣ, употребляется терминъ „сравнительная грамматика“, и выясняется содержаніе и значеніе этой отрасли знанія: „Сравнивая различные языки, находимъ, какъ въ звукахъ ихъ словъ, такъ и въ правилахъ, по которымъ слова составляются, измѣняются и соединяются, нѣкоторыя сходства и несходства; откуда можно вывести многія слѣдствія для исторіи народовъ и ихъ образованія. Грамматика, опредѣляющая, посредствомъ сравненія, сходство и несходство многихъ языковъ, называется „*Сравнительною Грамматикою*“ (§ 35).

Точно такъ-же выясняется и понятіе всеобщей грамматики: „Но мы усматриваемъ также и нѣкоторые законы, между правилами языка заключающіеся, безъ коихъ нигдѣ и никакой языкъ состоять не можетъ; усматриваемъ еще и другіе, коимъ всякой долженъ быть подверженъ, есть-ли хотятъ его усовершенствовать. Сіи законы выводятся изъ понятія формы языка вообще, и слѣдственно необходимы для всякаго языка безъ различія (a priori). Наука, излагающая формы каждаго языка вообще, называется *Всеобщею Грамматикою*, или *Всеобщимъ Языкоученіемъ* (§ 36). Для того Всеобщая Грамматика показываетъ: 1) существенное и необходимое во всѣхъ языкахъ, слѣдственно опредѣляетъ всѣ тѣ предметы, о коихъ должно разсуждать въ каждой частной Грам-

матикѣ; 2) содержитъ начала, по которымъ должно судить, и даже содѣйствовать къ усовершенствованію каждаго языка (§ 37)".

„Разсужденіе" о всеобщей грамматикѣ, по мнѣнію автора, должно представлять „слѣдующія главныя отдѣленія: I. О единственныхъ частяхъ рѣчи. A) О различной природѣ частей рѣчи. B) О примѣненіяхъ единственныхъ словъ. C) О составленіи и произведеніи словъ. D) О соединеніи словъ. II. О словосочиненіи. A) О соединеніи единственныхъ словъ, для опредѣленія понятій. B) О соединеніи словъ въ предложенія и предложеній въ періоды. C) О словосочиненіи и просодіи вообще" (§ 47).

Въ слѣдующемъ § 48 авторъ указываетъ, что „честь изобрѣтенія Всеобщей Грамматики принадлежитъ новѣйшимъ временамъ", и перечисляетъ „знаменитѣйшихъ писателей по сей части". Списокъ этихъ писателей для того времени очень интересенъ, но, конечно, былъ совсѣмъ не на мѣстѣ въ гимназическомъ учебникѣ, такъ какъ содержитъ заглавія серьезныхъ книгъ на иностранныхъ языкахъ, въ томъ числѣ и на англійскомъ, совершенно недоступныхъ во всѣхъ отношеніяхъ для русскаго школьника [1]).

За разсмотрѣннымъ введеніемъ, представляющимъ настоящій сжатый очеркъ общаго языкознанія, во многомъ уже близкій къ современнымъ трактатамъ этого рода, слѣдуетъ сама всеобщая грамматика, распадающаяся на двѣ части: I. „О частяхъ рѣчи въ особенности или руководство къ грамматическимъ началамъ" и II. „Синтаксисъ или грамматическій способъ ученія". Въ первой, бо́льшей по объему части находимъ такое распредѣленіе содержанія: „*Отдѣленіе I.* О свойствѣ различныхъ частей рѣчи. I. О словахъ, подлежащее означающихъ (Subjectswörter). A) О су-

---

[1]) Такъ здѣсь перечисляются: «Hermes, or a Philosophical inquiry concerning language and universal grammar, by J. Harris». London 1751; «On (въ подлинникѣ Of!) the origine and progress of language, by James Burnett, Lord of Monboddo. London, IV v. 1775—92; De Brosses, «Traité de la formation mécanique des langues». Paris 1765, 2 т.; «Grammaire générale par Beauzée». P. 1767; «Le Mécanisme de la parole suivi de la description d'une machine parlante», par de Kempelen; «Principes de Grammaire, ou des causes de la parole, par du Marsais», nouv. édition; «Versuch einer an der menschlichen Sprache abgebildeten Vernunftlehre, entworfen von J. Meider». Leipzig. 1781; «Elémens de grammaire générale par R. A. Sicard». Paris. 1801; «A. F. Sylvester de Sasy's Grundsätze der allgemeinen Sprachlehre, übersetzt von J. S. Vater». Halle; «J. S. Vater's Versuch einer allgemeinen Sprachlehre mit einer Einleitung über den Begriff und Ursprung der Sprache u. s. w.» Halle. 1801; его-же «Lehrbuch der allgemeinen Grammatik besonders für hohe Schulklassen mit Vergleichung älterer und neuerer Sprachen». Halle 1805; его-же «Übersicht des neuesten, was für Philosophie der Sprache in Deutschland gethan worden ist». Gotha, 1799.

ществительныхъ именахъ въ особенности. B) О мѣстоименіяхъ (Pronominibus); II. О словахъ, выражающихъ сказуемое (Prädicatswörter); III. О словахъ, выражающихъ сужденіе (глаголахъ). (Von den Urtheilswörtern); IV. О словахъ, означающихъ отношеніе (Von den Verhältniswörtern). A) О словахъ, означающихъ отношеніе между одними понятіями (о предлогахъ). B) О словахъ, выражающихъ отношеніе между предложеніями. V. О словахъ, выражающихъ чувствованіе (междуметіяхъ). *Отдѣленіе II.* О перемѣнахъ словъ порознь. I. О перемѣнахъ словъ, означающихъ подлежащее. II. Объ измѣненіи словъ, означающихъ сказуемое (Prädicatswörter). III. Объ измѣненіи глаголовъ. A) Форма лицъ, чиселъ и родовъ. B) Форма временъ (tempora). C) О различныхъ родахъ положеній или наклоненіяхъ (modi). D) О такъ называемыхъ залогахъ. IV. О словахъ неизмѣняющихся. *Отдѣленіе III.* Объ изобрѣтеніи и произведеніи словъ. *Отдѣленіе IV.* О составленіи словъ.

Вторая часть, посвященная синтаксису, дѣлится на три отдѣленія: I. О соединеніи словъ для опредѣленія отдѣльныхъ понятій въ предложеніяхъ. II. О составленіи изъ словъ предложеній. III. О соединеніи предложеній въ періоды.

Всеобщая грамматика Якоба, вмѣстѣ съ другими частями его курса философіи, еще въ рукописи была одобрена къ печатанію академикомъ Фусомъ, членомъ тогдашняго главнаго правленія училищъ. Въ своемъ отзывѣ, доставленномъ въ правленіе Харьковскаго университета попечителемъ его, графомъ С. Потоцкимъ (17 апр. 1809 г.), Фусъ находилъ существенными достоинствами курса Якоба „основательность, порядокъ, ясность, краткость и сообразность съ планомъ ученія и со временемъ, опредѣленнымъ для каждой философской науки", а также „систематическую связь всѣхъ частей,... сочиненныхъ однимъ и тѣмъ-же ученымъ и по одинаковому плану". Грамматику-же его онъ считалъ „основательною и порядочно расположенною, ясною и соотвѣтствующею нуждамъ нашихъ гимназій и плану ученія, начертанному для сихъ заведеній". Примѣчанія къ ней для учителей, вызванныя краткостью учебника, Фусъ находилъ тѣмъ болѣе полезными, что они простираются на всѣ языки, преподаваемые въ гимназіяхъ, въ томъ числѣ и на русскій, котораго „существенныя и отличительныя свойства авторъ, повидимому, съ великимъ прилежаніемъ старался узнать во время своего двухлѣтняго пребыванія въ Россіи". На основаніи этого отзыва, главное правленіе училищъ рѣшило перевести и издать курсъ Якоба [1]). Но ему не долго су-

[1]) См. «Опытъ исторіи Харьковскаго университета» проф. Багалѣя въ

ждено было служить въ качествѣ школьнаго учебника. Введенный въ гимназіи около 1814 г., когда отпечатаны были послѣднія его части, онъ былъ изгнанъ изъ употребленія всего черезъ пять лѣтъ, въ 1819 г., съ наступленіемъ общей реакціи во всей нашей внутренней политикѣ вообще и въ дѣлѣ просвѣщенія въ частности [1]). Мало того, онъ даже подвергся преслѣдованію; книжки его отбирались и уничтожались.

Вновь избранный ученый комитетъ, въ составъ котораго вошелъ и Фусъ, когда-то одобрившій курсъ Якоба, представилъ главному правленію училищъ, что онъ призналъ всеобщую грамматику Якоба „не инымъ чѣмъ, какъ обезображеннымъ умозрѣніемъ давно извѣстныхъ грамматикъ и вообще сочиненіемъ праздноумственнымъ и безплоднымъ, и не находитъ пользы не только въ этой книгѣ, но и ни въ какой другой, подъ симъ названіемъ доселѣ извѣстной, потому что ни одна изъ нихъ не представляетъ коренныхъ началъ слововѣдѣнія, способствующаго къ открытію законовъ вещественнаго и умственнаго образованія языковъ“.

Исходя изъ этихъ соображеній, комитетъ полагалъ нужнымъ отнынѣ прекратить преподаваніе всеобщей грамматики во всѣхъ гимназіяхъ, а занятые ею до того часы употребить на другія занятія, особенно по части словесности. Главное правленіе училищъ опредѣлило: утвердить во всей силѣ и привести въ исполненіе мнѣніе ученаго комитета [2]). Такъ закончилось недолговременное преподаваніе всеобщей грамматики въ нашей средней школѣ.

Своеобразнымъ плодомъ русской университетской науки того времени является „опытъ“ адъюнкта Харьковскаго университета Разумника Гонорскаго (1790—1818) „О подражательной гармоніи слова. Харьковъ. Въ Университ. Типографіи 1815“. (Мал. 8°. 59 стр.),—„Почтеннымъ членамъ общества наукъ при Имп. Харьковскомъ университетѣ усерднѣйшее приношеніе“. Разсужденіе это возводитъ въ перлъ созданія идеи Шишкова и Рижскаго о звукоподражаніи (см. выше стр. 525 и 528) и даетъ ясное пред-

---

«Ученыхъ Запискахъ» названнаго университета за 1897 г., кн. I. Лѣтопись Харьк. унив., стр. 13—14.

[1]) См. Е. А. Бобровъ, «Философія въ Россіи. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки». Вып. IV. Казань. 1901. стр. 246.

[2]) См. Сухомлиновъ, „Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію». Т. I. Спб. 1889. Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I, стр. 137—38 и примѣчаніе 178 на стр. 504.

ставленіе о томъ, чему Гонорскій могъ поучать въ своихъ университетскихъ чтеніяхъ.

Какъ объясняетъ авторъ въ приступѣ своего разсужденія, онъ „попытался изъяснить причину удовольствія, ощущаемаго нами при чтеніи прекрасныхъ стиховъ", и думаетъ, что читатели найдутъ въ его трудѣ „нѣсколько новыхъ замѣчаній и догадокъ". Авторъ не выдаетъ ихъ, впрочемъ, за непреложную истину и даже желалъ-бы, „чтобы ихъ оспоривали". При этомъ онъ, однако, утверждаетъ, что его положенія „основаны на свойствѣ составныхъ частей человѣческаго слова", и это „дѣлаетъ ихъ общими" (стр. 5).

Свое изслѣдованіе онъ начинаетъ съ разсмотрѣнія „элементовъ слова":

1) Гласныя; ихъ объемъ и свойства и 2) Согласныя; ихъ качества и значеніе.

Къ элементамъ слова принадлежитъ и „слогъ (syllaba)", который бываетъ:„ 1) Физическій (?), а) усѣченный; 2) Составный (?), а) слитный" (стр. 7).

Элементы эти подвергаются „смѣшенію": а) съ цѣлью „изображенія массы предметовъ по ихъ

1. Тонкости.	1. Полнотѣ.
2. Жидкости.	2. Густотѣ.
3. Мягкости.	3. Твердости.

4. При переходѣ изъ одного состоянія въ другое.

b) „для изображенія движенія предметовъ:

1. Скораго.	2. Медленнаго.
a) по свойству легкости	b) по свойству тяжелости

(стр. 7—8).

Рѣчь Гонорскій опредѣляетъ, какъ „рядъ звуковъ"; „гласныя собственно *снуютъ* (?) рѣчь; согласныя *облекаютъ* (?) ихъ собою", а вмѣстѣ тѣ и другія „составляютъ ткань слова" (стр. 9). За этими общими замѣчаніями излагается своеобразная теорія гласныхъ звуковъ, начинающаяся съ такого мало вразумительнаго „уравненія":

$$\left.\begin{matrix} а = э \\ о = у \end{matrix}\right\} = ы \ (?!)$$

По словамъ Гонорскаго, эти гласныя „въ объемѣ [1]) своемъ

---

[1]) Объемъ гласной, по словамъ автора, „измѣряется массою воздуха, выдыхаемаго въ отверстіе рта, образуемое при произношеніи каждой гласной и

равны; но противоположны по образованію; и потому онѣ могутъ поддерживать взаимное дѣйствіе и замѣнять другъ друга". Постепенный ихъ рядъ: а, о, у, э (ы), ѣ, е, и, й. Слѣдуетъ затѣмъ описаніе отдѣльныхъ гласныхъ звуковъ, весьма далекое отъ того, что разумѣется подъ этимъ въ настоящее время. Такъ мы узнаемъ, что *а* открытѣе и свѣтлѣе всѣхъ прочихъ гласныхъ; оно „округляется въ *о*, коего звукъ полонъ; углубленное (?) *о* есть *у*—глухое, но не столь тупое (?), какъ *ы*, которое, впрочемъ, больше его по объему; *э*—не что иное, какъ обращенное *а* (?), и потому касательно объема имѣетъ всѣ его свойства,—но противуположно по звуку (?); объятность гласной *э* уменьшается въ *ѣ*, еще меньше становится въ *е*, утончается въ *и*, и почти исчезаетъ въ *й* (стр. 10)".

Дальше (стр. 11) узнаемъ, что гласныя *е* и *і* по объему своему „суть самыя малыя", и это „дѣлаетъ ихъ удобными для изображенія тонкихъ предметовъ и особенно стремительнаго движенія по прямой линеи:

и ласточки надъ нимъ кружилися, вилися. Дмитріевъ".

Казалось бы, въ приведенномъ примѣрѣ съ ласточками нѣтъ „стремительнаго движенія по *прямой* линіи", но не будемъ придирчивы и послѣдуемъ дальше. На стр. 12 развивается мысль, что для изображенія движущихся большихъ предметовъ „потребны другія гласныя большаго объема", напр. гласный *ы*. Что же касается гласнаго *а*, то онъ по причинѣ большого объема не можетъ изображать стремительнаго движенія, но только:

1. Тихое и спокойное движеніе, напр. Златая плавала луна. Держ.

2. Движеніе большихъ предметовъ: La nature à grands pas marche vers sa décadence. Delille.

Въ то же время, однако, *а* можетъ выражать и 3. остановленіе движенія, 4. пребываніе на одномъ мѣстѣ. 5. разрѣженіе: Apparent rari nantes in gurgite vasto. Vergil. и т. д. (стр. 14—15). „Главный же характеръ" гласнаго *а*—„круглость, почему radio превосходно выражаетъ свой предметъ" (стр. 15).

Гласный *у*, напротивъ, имѣетъ характеромъ „глухость и углубленіе" (стр. 17).

Очень своеобразна физіологія звука Гонорскаго и основанная

продолженіемъ ея звука. Этотъ разнообразимый воздухъ принимается за физическую массу, служащую основаніемъ матеріи слова". Разумѣется, измѣреній этой массы авторъ не производилъ, и ссылка на нее является просто для пущей важности изложенія.

на ней классификація согласныхъ (стр. 18), которые происходятъ отъ:

„А. Простаго прикосновенія: 1. Мягкихъ частей (*б*, *п*, *м*), 2. Мягкихъ и твердыхъ (*д*, *т*, *н*), 3. влажныхъ или слизкихъ (*л*, *р*), 4. влажныхъ и мягкихъ (лат. g, k).

В. Сложнаго прикосновенія... которое предшествуемо или сопровождаемо бываетъ 1. Тонкимъ свистомъ въ *в*, *ф*. 2. Усиленнымъ въ *з*, *с*, *ц*. 3. Сгущеннымъ (!) въ *ч*, *щ*. 4. Шипѣніемъ въ *ж*, *ш*. 5. Придыханіемъ въ *г*, *х*".

На стр. 19 приводится такая таблица „качества массы (!) согласныхъ":

Мягкія: в, ф,	среднія	ц
Твердыя: д, т.	*б п м с з*	
Звонкія: g, к.	среднія	
Текучія: л, р	h ch ж ш н ч щ	

Приведенныя своеобразныя фонетическія основанія теоріи Гонорскаго получаютъ далѣе не менѣе блестящее развитіе и примѣненіе. Такъ на стр. 27 описывается, „чѣмъ оттѣнена *жалобность*". Мы узнаемъ, что жалобность „есть выраженіе печали голосомъ; но печаль имѣетъ аналогію съ *мракомъ*, коего характеристика, какъ мы видѣли [1]), есть *т*; голосъ уподобляется *жидкости*, которую преимущественно отличаетъ *l*, наконецъ *жалобный* тонъ, *стенящій* и глухо отдающійся, отличается черезъ *п*:

Qualis populea maerens philomela sub umbra
Amissos queritur foetus, quos durus arator
Observans nido implumes detraxit etc. Verg.

Столь же своеобразно и ученіе Гонорскаго о слогѣ (31—33). На почвѣ ученія о звукахъ и о слогѣ дальше разсматривается „смѣшеніе элементовъ для изображенія качества предметовъ, или словесная живопись" (стр. 34—51), за которымъ слѣдуетъ „смѣшеніе элементовъ для изображенія движенія массъ, или словесный тактъ (52—59)". И здѣсь приводятся примѣры звукоподражаній, якобы изображающихъ „тонкость, узкость, жидкость, переливаніе, скользкость, гибкость, переплетаніе, обвиваніе, помаваніе, утонченіе, затвердѣніе и расплавленіе, поднятіе, наклоненіе, толстоту, густоту, тѣнь, скорость, медленность" и т. д. Въ каче-

---

[1]) Что согласный *т* изображаетъ мракъ, слѣдуетъ будто бы изъ описанія тартара у Виргилія:
Tenarias etiam fauces alta ostia ditis || Et caligantem nigra formidine lucum.

ствѣ образчика приведемъ изображеніе „затверденія“ и „расплавленія“, которое якобы передается стихомъ Виргилія:

затвердѣніе расплавленіе
Limus ut hic durescit (et) haec ut cera liquescit

Вотъ какъ анализируетъ эту „картину“ нашъ авторъ: „li—жидкость, mus—сгущеніе, ut hic—плотность, durescit—совершенное затвердѣніе, haec ut ce—плотность, ra—жидкость, но не въ такой степени, какъ *li*, которое съ quescit довершаетъ черту“.

Въ такомъ родѣ написано все разсужденіе харьковскаго доцента, очевидно, поучавшаго въ этомъ направленіи и своихъ университетскихъ слушателей.

Въ своихъ взглядахъ Гонорскій, конечно, не былъ самостоятеленъ. Подобныя „теоріи“ звукоподражанія встрѣчались еще въ XVIII в. Образчикомъ ихъ можетъ служить разсужденіе французскаго философа и ученаго Морелле, современника энциклопедистовъ и Вольтера, переведенное у насъ Шишковымъ и изданное имъ въ 1819 г. (См. ниже). Разсужденіе Гонорскаго принадлежало къ этому же типу.

Въ томъ же 1815 году явился обстоятельный трудъ Ѳ. П. Аделунга: „Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde. Von Friedrich Adelung Russ. Kaiserl. Staatsrath, etc. St. Petersburg. Gedruckt bei Friedrich Drechsler. 1815“ (4°. XIV+210+1 ненум. стр.). Эта книга была посвящена императору Александру I и содержитъ въ себѣ очеркъ исторіи обще-сравнительнаго языкознанія у насъ въ XVIII и началѣ XIX в., при чемъ первенствующее мѣсто отведено сравнительному словарю императрицы Екатерины II. Въ первой главѣ идетъ рѣчь о работахъ по языкознанію до появленія названнаго словаря, принадлежащихъ: Витсену, Штраленбергу, Мессершмидту, Шоберу, Бодану, Фишеру, Миллеру, Дюмареску, Бакмейстеру, Гмелину младшему, Фальку, Лепехину, Георги, Іеригу, Гюльденштедту, Палласу. Вторая глава посвящена исторіи возникновенія и подробному описанію сравнительнаго словаря; третья содержитъ обзоръ критическихъ сужденій современниковъ о словарѣ, а въ четвертой идетъ рѣчь о его вліяніи на изученіе всеобщаго языкознанія и обзоръ лингвистическихъ работъ Бергмана ст., Давыдова, Коха, Кошелева, докт. Мерка, докт. Рейнегса, Резанова, Владыкина, Бергмана мл., Головнина, Ефремова, Италинскаго, Каменскаго, Клапрота, Кожевина, Крузенштерна, Лангсдорфа, Лебедева, Леванды, Потоцкаго, Робека, Зауера, Шишкова, Шмидта и Стевена. Трудъ Аделунга содержитъ много драгоцѣнныхъ данныхъ для

исторіи языкознанія у насъ и сохраняетъ свою цѣну до сихъ поръ.

Кромѣ нѣмецкаго оригинальнаго изданія, три года спустя, въ 1818 году было напечатано и краткое извлеченіе изъ него, составленное П. И. Кеппеномъ и И. А. Гарижскимъ, членами С.-Петербургскаго Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности [1]). Въ него вошла только характеристика дѣятельности самой императрицы; все же не относящееся къ ней, какъ, напр., обозрѣніе работъ предшествующихъ и послѣдующихъ ученыхъ, опущено.

Не столь курьезенъ, но зато порядочно безсодержателенъ другой образчикъ нашей университетской науки того времени, а именно: „Слово о пользѣ языка вообще, и особливо въ отношеніи къ просвѣщенію и благу народовъ, произнесенное въ торжественномъ собраніи Императ. Московскаго Университета іюня 1 дня 1816 г. профессоромъ П. Э. и Общества Любителей Россійской Словесности Дѣйствительнымъ Членомъ Алексѣемъ Болдыревымъ. Москва. Въ Унив. Типогр.“ 4°. 1816. 15 стр. Написано оно въ риторическомъ приподнятомъ стилѣ, въ видѣ ряда догматическихъ афоризмовъ; анализа и выясненія предлагаемыхъ положеній не дѣлается; самыя мысли не представляютъ ничего новаго и оригинальнаго и являются обычными ходячими мѣстами, обращавшимися въ тогдашней всеобще-грамматической литературѣ. Слово начинается риторическими восхваленіями царствованія Александра I, во время котораго „повсемѣстно распространяется лучезарный свѣтъ наукъ... и языкъ Россійской быстро восходитъ на высокую степень совершенства и обогащается; ибо извѣстно, что языкъ идетъ ровнымъ шагомъ съ народнымъ просвѣщеніемъ. Богатства его умножаются, какъ скоро кругъ понятій нашихъ становится обширнѣе“... По словамъ оратора, языкъ „приноситъ величайшую пользу и наукамъ: служитъ къ повсемѣстному ихъ распространенію и чрезъ то способствуетъ благу народному (стр. 5)“. Разумъ и языкъ „поставили человѣка превыше всѣхъ земныхъ тварей (стр. 7)“; языкъ „служитъ намъ для изъясненія внутреннихъ нашихъ чувствованій, онъ, такъ сказать, переливаетъ ихъ въ душу другаго и дѣлаетъ ихъ понятными (стр. 8)... Нѣтъ ничего въ физическомъ и нравственномъ мірѣ, чего бы мы не могли выразить посредствомъ слова, какъ скоро это понимаемъ... все изображается словами съ совершенной точностью и ясностью“...

[1]) См. «Труды» названнаго общества, подъ заглавіемъ «Соревнователь Просвѣщенія и благотворенія» 1818 г., кн. I, стр. 271—304.

Замѣнить слово тѣлодвиженіями и другими знаками нельзя: „языкъ дѣйствія непремѣнно долженъ быть ограниченъ въ извѣстныхъ предѣлахъ,—между тѣмъ какъ языкъ словесный не знаетъ никакихъ предѣловъ“... Языкъ дѣйствія „болѣе способенъ изображать предметы, подверженные чувствамъ, ихъ дѣйствія и нѣкоторыя движенія души,—но не столько способенъ выражать понятія отвлеченныя (стр. 8). Кромѣ того выраженія его могутъ быть темны, сбивчивы, сомнительны; но выраженія языка словеснаго имѣютъ совершенную ясность—точность, опредѣленность“.

Ораторъ возражаетъ противъ того, кто указалъ бы „на Парижское училище глухонѣмыхъ, въ которомъ языкъ дѣйствія доведенъ до извѣстной степени совершенства“, и сталъ бы утверждать, что „онъ можетъ достигнуть еще большаго совершенства и, наконецъ, сравниться съ языкомъ словеснымъ“. Авторъ находитъ, „что это возможно,—хотя впрочемъ и трудно согласиться“. По его мнѣнію, это возможно было бы только, „при теперешнемъ нашемъ образованіи и просвѣщеніи, при настоящемъ богатствѣ и усовершенствованіи языка словеснаго, который долженъ бы служить матеріаломъ (?) и образчикомъ для языка дѣйствія“. Особенное преимущество словеснаго языка Болдыревъ видитъ въ томъ, что онъ можетъ быть выраженъ письмомъ, а „языкъ дѣйствія“ не поддается этому (?) (стр. 9). Языкъ помогъ достичь „той степени образованности, благосостоянія и величія, на которой видимъ мы теперь земные народы“, давъ имъ возможность образовать общество. Когда возникла религія, право, науки, искусства—„языкъ, принявъ ихъ подъ охраненіе свое, переносилъ изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, и собирая на пути своемъ все, что могло послужить къ ихъ усовершенствованію; передавалъ сіи богатыя сокровища во всей цѣлости“ (стр. 10). Безъ языка человѣкъ не могъ бы „никогда возвыситься до настоящаго совершенства и въ своихъ познаніяхъ, и въ своемъ благосостояніи“.

„Но кругъ благодѣтельныхъ дѣйствій языка былъ бы гораздо тѣснѣе и ограниченнѣе“, если бы „вдохновенный Геній“, явившійся между смертными, не представилъ его „въ новомъ видѣ—*въ видѣ письменъ* (стр. 11)“. Слѣдуютъ риторическія похвалы изобрѣтателю письма и его изобрѣтенію, и указаніе на пользу послѣдняго: „языкъ словесный или изустное преданіе не могло бы сохранить потомству всѣхъ глубокихъ наблюденій ума человѣческаго надъ Природой и человѣкомъ, всѣхъ полезныхъ изобрѣтеній и учрежденій... съ такою точностію, полнотою и вѣрностью, какъ языкъ письменный (стр. 12)“.

Въ томъ же году явилось упоминаемое въ „Росписи“ Смирдина

(№ 5724) „Философическое ученіе языка, съ новою Россійскою Грамматикою теоретико-практическою, и Россійское чтеніе, содержащее въ себѣ отборныя прозы и стихи для чтенія и переводовъ; также начальныя основанія Географіи и Исторіи; издалъ Волынскій. 3 ч. Спб. Въ Типографіяхъ Дрехслера, Іоаннесова и Крайя. 1816. 8°“.

Въ Имп. публичной библіотекѣ, однако, имѣется только одна изъ частей этого изданія, заключающая въ себѣ „Россійское чтеніе“ (родъ букваря и начальной христоматіи); „Философическаго ученія языка“ мнѣ видѣть не пришлось. По всей вѣроятности оно представляетъ изъ себя вполнѣ ремесленное издѣліе книжнаго рынка, вызванное дѣйствовавшими тогда учебными планами. Въ лучшемъ случаѣ это было что нибудь въ родѣ разсмотрѣнной выше (стр. 537—40) книжки Модрю.

Вопросу о происхожденіи письма посвящена посмертная статья В. С. Подшивалова (1765—1813): „Чтеніе и Письмо или Азбука“, напечатанная въ „Трудахъ Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности“ за 1816 г. ч. V, стр. 85—112.

Она носитъ въ общемъ тотъ же характеръ, какъ и охарактеризованные выше (стр. 246—47 и 299) аналогичные очерки XVIII в. Авторъ говоритъ о іероглифахъ у китайцевъ, мексиканцевъ, скиѳовъ, индійцевъ, финикіянъ, „этрурцевъ“, о „квитахъ“ (такъ! вм. quippos) перуанцевъ; о силлабическомъ письмѣ у абиссинцевъ, еѳіоплянъ и разныхъ народовъ Индіи (со ссылками на Блера), о греческой азбукѣ, славянской и русской, отъ нея происходящей. Говоря о славянской азбукѣ, авторъ замѣчаетъ, что ѕ употребляется „наипаче для цифры 6“, а ѫ обозначаетъ, вѣроятно, нѣчто среднее между *у* и *ю*, „самое же значеніе его утратилось“. Такимъ образомъ настоящее звуковое значеніе этихъ знаковъ оставалось ему неизвѣстнымъ. Авторъ высказывается противъ буквъ ъ, *о*, *ѣ* и *э* и выражаетъ надежду, что онѣ со временемъ выйдутъ изъ употребленія. Далѣе идетъ рѣчь о криптографіи, полиграфіи, стеганографіи или „сокровенномъ письмѣ“, шифрахъ, тахиграфіи, каллиграфіи и общемъ графическомъ языкѣ Вилкинса, „Долгарма“ (!) [1]) и Лейбница.

Вѣроятно, въ родѣ рѣчи Болдырева, если не еще безсодержательнѣе, было разсужденіе на родственную тему члена Россійской академіи Т. С. Мальгина „О неоцѣненномъ дарѣ слова человѣче-

[1]) Дѣло идетъ, очевидно, о Дальгарнѣ (Dalgarn), англичанинѣ родомъ, авторѣ трактата «Ars signorum vulgo character universalis et lingua philosophica» 1661.

скаго и о послѣдственной отъ онаго пользѣ постепеннаго усовершенія словесности для народнаго просвѣщенія и славы государейлюбителей онаго", читанное въ двухъ засѣданіяхъ академіи (35-мъ, 13 окт. и 36-мъ, 20 окт. 1817 г.). Разсужденіе это было выслушано академіей, которая и положила хранить его, чтобы со временемъ сдѣлать надлежащее употребленіе. Оно такъ и осталось ненапечатаннымъ и погребеннымъ въ архивѣ Россійской академіи [1]).

Къ области курьезовъ, не лишенныхъ отчасти даже патологическаго привкуса, но во всякомъ случаѣ характеризующихъ и положеніе языкознанія у насъ, и общій уровень умственной культуры вообще, принадлежитъ „Оставшееся послѣ покойнаго NN разсужденіе объ опасности и вредѣ, о пользѣ и выгодахъ отъ Французскаго языка. Сравненіе его съ Россійскимъ. Москва. Въ Универс. Типографіи 1817 г." 8°. 59 стр. Изданіе 2-е. Тамъ же 1825 [2]). По духу, проникающему эту небольшую книжку, она находится въ тѣсномъ родствѣ отчасти съ вышеразсмотрѣнной брошюркой Михаила Рослякова, отчасти съ патріотическими вылазками противъ всего французскаго А. С. Шишкова, Ростопчина, С. Глинки и др. Сочиненіе имѣетъ эпиграфы: „Nec tecum possum vivere, nec sine te. Убо вы ли едини есте человѣцы, или съ вами скончается премудрость? И у мене сердце есть, яко же и у васъ. Іов. 12. 2.—Вѣмъ, елика и вы вѣсте, и не (не) разумнѣе есмьвасъ. Іов. 13. 2.

О тонѣ книжки и характерѣ общихъ разсужденій о языкѣ, преподносимыхъ въ ней читателямъ, можетъ дать представленіе такая характеристика французскаго языка, нѣсколько напоминающая уже знакомую намъ аналогичную характеристику въ одной изъ журнальныхъ статей XVIII в. (см. выше, стр. 300): „Въ новѣйшія времена не изъ Цельтическаго, который есть явно происхожденія Еврейскаго (!), но изъ стараго Франкскаго съ половиною Латинскаго вдругъ появился модный щеголь французскій языкъ. За 400 или за 500 лѣтъ былъ онъ еще деревенскимъ мужичкомъ, оляповатъ, и нынѣ есть ли читать, то смѣшонъ и такъ часто теменъ, что для уразумѣнія его прибѣгать должно къ Сивилламъ... За 200 лѣтъ или больше онъ пооправился, попріодѣлся, изъ крестьянина сдѣлался уже городовымъ купцомъ, а въ сіи сто

[1]) См. Сухомлиновъ, «Исторія Россійской академіи», вып. V, стр. 49 и 314 (= Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. акад. наукъ, т. XXII).

[2]) Второе изданіе вызвало рецензію въ «Библіографическихъ Листахъ» Кеппена, № 20, стлб. 282—83, авторъ которой относилъ разбираемую книгу къ произведеніямъ, не приносящимъ литературѣ «ни пользы, ни чести».

лѣтъ уже и въ первую гильдію записался. Но сего не довольно; онъ спозналъ большой свѣтъ, и у большаго свѣта сталъ въ знати. Сперва много, много дѣлалъ онъ хорошаго, когда существовала Сорбона и подобныя ей изрядныя училища и хорошіе еще нравы.

Наконецъ въ послѣднія 50 лѣтъ, а въ особенности лѣтъ за 25 сдѣлался онъ по употребленію и по модѣ всеобщимъ почти во всей Европѣ, и въ другихъ частяхъ Свѣта по соразмѣрности. Въ это время онъ уже крайне избаловался, сдѣлался вертлянъ (такъ!), лукавъ, высокомѣренъ, вмѣстѣ почтителенъ и вмѣстѣ ѣдокъ и гордъ, политикантъ крайній, пролазливъ, любострастенъ, и Циникъ, обманчивъ, презирающь другими, все охуждающій у другихъ, несносный самолюбецъ одного себя выхваляющій, и начиная съ Вольтера по сію пору возсталъ на все; старое портитъ и губитъ, а новаго хорошаго не видно: сталъ горами качать, и честолюбіе его столь шибко захрептѣло (?), что полетѣлъ на небеса къ огненному солнцеву дому, подобно Фаетону. Онъ сдѣлался безбоженъ, и сталъ распространять безбожіе; онъ сталъ первымъ дѣйствующимъ орудіемъ повсюднаго головокруженія и необычайно злыхъ замысловъ, отъ вѣка неслыханныхъ. Однимъ словомъ, по Якобинцамъ онъ сдѣлался совсѣмъ діаволическимъ адскимъ языкомъ, за злобою котораго ни одинъ какой другой языкъ не могъ успѣвать. Онъ очаровалъ сперва повсюду знатность, потомъ и прочихъ въ умѣ перепортилъ; такъ что самый тотъ, кто его знаетъ и имъ пользовался, не знаетъ, что съ нимъ дѣлать, и думаетъ, не пора-ль его въ отставку. Онъ столь много въ свѣтѣ зла надѣлалъ"! (стр. 6—7).

Вторая часть разсужденія (стр. 14 и слѣд.) даетъ обильный матеріалъ для сужденія о лингвистическомъ методѣ и познаніяхъ автора, не обнаруживающаго въ этомъ отношеніи никакого успѣха, сравнительно съ аналогичными фантастическими экскурсами въ область языкознанія, принадлежащими разнымъ любителямъ XVIII в. Отсюда мы узнаемъ, что древній „Галлскій" языкъ, „который есть тотъ-же, что и Цельтическій", перенесенъ во Францію „изъ внутренности Азіи... съ переселеніемъ Галловъ, долго существовалъ въ Арморикѣ, „особливо въ приморскихъ городахъ", но „теперь уже замолкъ... Все показываетъ глубокую древность Цельтическаго языка, и происхожденіе его частію или совсѣмъ отъ Еврейскаго (!)". Приведенное только что положеніе авторъ доказываетъ примѣрами, почерпнутыми изъ статьи „La langue primitive conservée", напечатанной въ „Journal Encyclopedique" (мартъ 1787). Оказывается, что евр. ve-hi-or = „да будетъ свѣтъ", звучитъ по „цельтски"

vou-or, евр. havel havelim amar coheleth, havel havelim = *суета суетствъ*, *рече Екклезіастъ*, *суета суетствъ*, отражается почти буквально въ „цельтскомъ“ avel avelo, emme har Cou-a-led, avel avelo acol avel = vent des vents, a dit l'Ecclesiaste, vent des vents et tout vent. „Но Французскій съ симъ общаго не имѣетъ; онъ есть смѣсь изъ замолкшаго Франкскаго и Латинскаго, частію и Греческихъ словъ не мало. И Россійскій множество Латинскихъ словъ имѣетъ, какъ оныя вычисляются въ l'Histoire de Russie de l'Evêque: video вижу, oculus око, vieo вью, sedeo сижу, palam полями (!), явно, nasus носъ, verto верчу, tendo тяну, ros роса, sol солнце и пр. (см. выше, стр. 286, прим.). Но и многія-жъ коренныя слова въ немъ суть явно Еврейскаго происхожденія. Почему онъ самому Цельтическому языку можетъ назваться набитымъ братомъ, и внучекъ Французскій отдать долженъ по должности честь, преимущество и старшинство не только своему древнему Цельтическому, но вкупѣ и Россійскому, и признать предъ нимъ свою молодость“.

Доказательствомъ служитъ рядъ сопоставленій русскихъ и еврейскихъ словъ въ родѣ: евр. *дерéх* || р. дорога, евр. *маим* воды || р. мою, евр. *лайлà* || ночь, когда собаки *лаютъ* (Болтинъ сближалъ слова другихъ семитическихъ языковъ, родственныя этому слову, съ именемъ „славянскаго“ бога любви Леля, см. выше, стр. 272), евр. *кабац* = собралъ || р. собраніе, кабакъ, евр. *кашар* = связалъ || р. кошель, евр. *абид* = крѣпкій, сильный || р. обида отъ сильнаго, евр. *айелéт* || стслав. елень, евр. *аби* utinam || абы, по Черниговски (!) о! когда-бы, евр. *агáб* = любилъ || р. похабствовать, о непозволительной любви, евр. *суб* = старѣться || шуба, т. е. одежда стариковъ и т. д. По мнѣнію автора (стр. 18), такихъ словъ было больше, „но по прехожденію и смѣшенію съ Татарами и прочими народами, многія слова перемѣнены на другія“. Бóльшая древность русскаго языка, сравнительно съ французскимъ, явствуетъ также изъ того обстоятельства, что „еще до Р. Х. самъ Овидій зналъ Сарматскій, т. е. Славяно-Русскій языкъ“. Превосходство русскаго языка надъ французскимъ замѣтно и въ переводахъ, гдѣ „французскій часто прибѣгаетъ къ циркумліокуціямъ; но Россійскому какое ни дай слово, все вдругъ въ точность однимъ махомъ выбираетъ“. Даже пасхальная служба является у нашего автора неожиданнымъ доказательствомъ превосходства русскаго языка: „иллюминація со свѣщами, въ рукахъ державмыми, возвышаетъ торжество, и Россійскій языкъ симъ надъ Французскимъ безпрекословно преимуществуетъ“ (стр. 44).

Не удивительно, если въ концѣ концовъ авторъ приходитъ къ выводу, что „теперь во вселенной Россійскій языкъ почесться можетъ занимающимъ мѣсто Еврейскаго, какъ сей былъ при Моисеѣ и другихъ богомудрыхъ Пророкахъ и Царяхъ. Онъ по пространству и силѣ Государства, и по истинной вѣрѣ, не смотря на мнѣнія инославныхъ, первый хранитъ истинное богопознаніе“ (стр. 45). Конечно, разсмотрѣнное разсужденіе скорѣе относится къ области патологическихъ явленій научной литературы, наблюдающихся и при болѣе высокомъ состояніи умственной культуры въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ, но нельзя не видѣть, что въ данномъ случаѣ патологическая уродливость сказалась съ особой рѣзкостью, благодаря мѣстнымъ условіямъ. Не лишено симптоматическаго значенія и то обстоятельство, что черезъ восемь лѣтъ потребовалось второе изданіе подобнаго элабората, такъ какъ это указываетъ на извѣстную распространенность аналогичнаго образа мыслей и состоянія знаній въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ.

Къ 1817 году относится также „Опытъ разсужденія о первоначаліи, единствѣ и разности языковъ, основанный на изслѣдованіи онѣхъ“ Шишкова [1]). Статья эта представляетъ собой введеніе къ другимъ двумъ статьямъ: „Сравненіе Краинскаго [2]) нарѣчія съ Россійскимъ“ и „Разсмотрѣніе корня въ произведенныхъ отъ него вѣтвяхъ“, въ которыхъ доказывается излюбленная идея Шишкова о тожествѣ славянскаго и русскаго языковъ. Какъ смутны были общелингвистическія представленія Шишкова, и какъ скуденъ былъ запасъ его научныхъ знаній, могутъ дать понятіе слѣдующія выдержки изъ его статьи.

Въ самомъ началѣ ея Шишковъ опредѣляетъ понятіе о языкѣ вообще. По его словамъ, языкъ есть „образъ объясненія каждому народу собственный, отличный отъ другого народа, и потому препятствующій имъ понимать другъ друга“ (стр. 2). Языки эти называются „именемъ того народа, который говоритъ имъ“. Но это дѣлается лишь „нынѣ, когда народы, по раздѣленіи своемъ, стали различаться разными именами...; до тѣхъ-же поръ, покуда народъ пребывалъ единъ, нераздѣльно, въ единой странѣ свѣта, до тѣхъ поръ не имѣлъ онъ и надобности отличать себя какимъ-либо названіемъ; слѣдовательно и языкъ его долженствовалъ быть безъимянный. Тщетно мы назовемъ его Еврейскимъ, или Халдей-

---

[1]) «Извѣстія Россійской Академіи. Книжка пятая. Въ Санктпетербургѣ, въ Морской Типографіи 1817 года» (стр. 1—22).

[2]) Т. е. словинскаго.

скимъ, или инымъ какимъ; ибо мы не докажемъ, чтобъ сей языкъ, полагаемый нами первымъ, былъ точно тотъ, какимъ говорило до раздѣленія своего первое потомство первой четы. Сего по естественному порядку вещей даже и быть не можетъ, поелику языкъ съ теченіемъ времени измѣняется и пріумножается. Имя, данное какому-либо языку, отрицаетъ уже первобытность онаго, потому что языки назывались и нынѣ всегда называются именами говорящихъ ими народовъ, а народы не прежде могли получить имена, какъ по раздѣленіи и разселеніи своемъ по лицу земли" (стр. 2—3). Когда-же раздѣленіе совершилось, и „часть первобытнаго, нераздѣльнаго дотолѣ народа, отошла въ иную страну, то между отшествіемъ ея и окорененіемъ тамъ, доколѣ она подъ особымъ именемъ составила особый народъ, надлежало пройти немалому времени, которое необходимо" должно было повлечь за собой нѣкоторое измѣненіе языка отдѣлившагося народа, такъ что онъ уже „не могъ быть точно первобытнымъ языкомъ, но нарѣчіемъ онаго; ибо мы видимъ, что ни одинъ языкъ не сохраняется во всей своей цѣлости, но всегда измѣняется въ нарѣчіе (?), меньше или больше отдаленное" (стр. 3). Отсюда слѣдуетъ выводъ, что „ни одинъ языкъ, носящій на себѣ имя, не есть первобытный", а только „близкое къ нему нарѣчіе онаго". Точно также и „всѣ языки всѣхъ бывшихъ и нынѣ существующихъ народовъ суть нарѣчія одинъ другаго (!), и слѣдственно, по непрерывности сцѣпленія ихъ, суть многоразличныя нарѣчія первобытнаго языка, сколь ни отдаленныя отъ онаго, но долженствующія непремѣнно сохранить въ себѣ коренныя его начала". Истина этого положенія доказывается „разсмотрѣніемъ корней словъ" (стр. 4).

Какъ и слѣдовало ожидать, Шишковъ является приверженцемъ теоріи моногенизма: „изъ самой природы и свидѣтельства преданій видимъ мы, что Богъ не имѣлъ надобности для населенія земли... созидать въ десяти или болѣе странахъ десять или болѣе мужей и женъ", и создалъ только „одного мужа и одну жену" (стр. 5). Вопросъ о происхожденіи языка рѣшается очень просто: „первоначальная чета, одаренная разумомъ, воображеніемъ, памятію, и орудіями голоса, удобными раздроблять оный на множество звуковъ, должна была вмѣстѣ съ началомъ бытія своего почувствовать и способность свою и надобность объясняться другъ съ другомъ. Съ сею способностью тотчасъ, по мѣрѣ пораженія чувствъ ихъ отъ внѣшнихъ вещей, стали въ умѣ ихъ рождаться и названія онымъ, которыя, по взаимному желанію разумѣть другъ друга, старались они отличить голосомъ и утвердить памятію. Вотъ начало первобытнаго языка" (стр. 5—6).

Развитіе этого первобытнаго языка изображается такъ: „первоначальные звуки, составлявшіе имена, которыми“ первые мужъ и жена отличали „видимые ими предметы, долженствовали быть единогласные, сродные младенчеству языка, простымъ отверстіемъ устъ произносимые, таковые какъ *а*, *е*, *и*, *о*, *у*“ (стр. 6). Уже за ними явились „малосложные губные, гортанные и язычные, таковые какъ *ба*, *ма*, *на*, *та* и проч.; потомъ изъ повторенія сихъ звуковъ стали дѣлаться настоящія имена: *баба*, *мама*, *няня*, *тятя* и т. д. Можетъ быть между словами *мама* и *высоко-превосходительство* прошло столько-же времени, сколько между челнокомъ и кораблемъ. Самыя первыя названія... должны были состоять изъ краткихъ звуковъ, какіе по какому-либо родившемуся при первомъ воззрѣніи на предметъ въ человѣкѣ побужденію произносило его чувство. Часто природа была его учительницею“ и заставляла подражать разнымъ своимъ звукамъ (стр. 6—7). Такъ человѣкъ, „услыша, что птица повторяетъ голосъ *ку*, назвалъ ее сперва *куку*, а потомъ... *кукушка*; или примѣчая въ ударахъ, сопровождающихъ молнію, звуки *грр*, и въ преломленіи дерева звукъ *трр*, сталъ выражать ихъ гортанью своею, и для объясненія сихъ дѣйствій природы можетъ быть съ начала говорилъ: *чу! грр*, или *чу! трр*, а потомъ изъ сего *чу* сдѣлалъ *чуять*, *чую*, *чухать*, *чутье*, *чувствовать*, и проч. (!); а изъ сихъ гортанныхъ звуковъ *грр*, *трр*, произвелъ слова *громъ*, *гремѣть*, *громко*, *гремушка*, *трескъ*, *трещать*, *трещотка* и пр. Такимъ или подобнымъ тому образомъ составлялись первыя названія вещей и начинался первобытный языкъ“ (стр. 7—8).

Ростъ языка совершался постепенно, подобно росту дерева: „языкъ подобенъ древу: въ немъ также отъ корня идетъ слово, и отъ вѣтви родится вѣтвь. Языкъ новосозданныхъ мужа и жены, въ первой день бытія ихъ, конечно не могъ быть иной, какъ состоящій изъ немногаго числа краткихъ, малоразличныхъ звуковъ, подъ которыми они, чрезъ взаимное сообщеніе мыслей своихъ помощію знаковъ, начали разумѣть и различать первопредставившіеся очамъ ихъ предметы. На другой день языкъ ихъ долженъ былъ прибавиться, по мѣрѣ, какъ новыя, еще незамѣченныя ими вещи, обращали на себя ихъ вниманіе. На третій день тоже, и такъ далѣе. Чрезъ нѣкоторое время отъ сей четы, единственной и первой, пошли дѣти, внучата, правнучата, праправнучата, и словомъ потомство... Напослѣдокъ сдѣлался многочисленный народъ, и доколѣ народъ сей пребывалъ неразлучно въ одномъ краю свѣта, до тѣхъ поръ имѣлъ одинъ общій языкъ, и сей-то языкъ, праотецъ всѣхъ языковъ, есть первобытный (стр. 8—9)“. Съ умно-

женіемъ первобытнаго народа происходило его дробленіе на отдѣльные народы и разселеніе по лицу всей земли. Различіе существующихъ языковъ, изъ которыхъ „одни на другіе совсѣмъ не похожи“, хотя и имѣютъ общее происхожденіе, Шишковъ объясняетъ только фонетическими измѣненіями: „человѣческій голосъ удобно измѣняется на множество звуковъ, и потому одно и то-же слово, переходя изъ устъ въ уста, мало-по-малу портится произношеніемъ, сокращеніемъ или прибавленіемъ составляющихъ оное буквъ, такъ что становится не похожимъ на самаго себя (стр. 11)“. Какъ иллюстрацію къ сказанному, Шишковъ приводитъ сравненіе слова *отецъ* въ разныхъ языкахъ, дающее яркій образчикъ его всесравнительнаго метода: „одинъ народъ говоритъ *ата*, другой *ату*, третій *ате*, четвертый *атъ* (сіи звуки яко легчайшіе для произношенія, должны быть самые древніе, относящіеся къ первобытному языку); пятый къ концу сихъ первоначальныхъ словъ прибавилъ букву *ц*: *атацъ*, *атецъ*, *отецъ*; шестый вмѣсто *ц* произноситъ *р*; *атеръ;* седьмый къ началу сего послѣдняго присовокупилъ букву *ф*: *фатеръ*; осьмый вмѣсто *ф* выговариваетъ *п*: *патиръ*, *патеръ;* девятый изъ *патеръ*, чрезъ перестановку буквъ *ер* въ *ре*, сдѣлалъ *патре* или *падре;* десятый *падре* сократилъ въ *пере* и произноситъ оное *перъ*. Сличимъ теперь *перъ* съ *ата:* есть-ли между ими какое сходство? Кто-жъ безъ изслѣдованія вообразитъ себѣ, чтобъ сіи два слова были не иное что, какъ измѣненіе одно другаго? (стр. 12—13)“. Дальше слѣдуетъ самая таблица, въ которой сближено слово *отецъ* въ языкахъ: краинскомъ, разныхъ „сибирскихъ“, албанскомъ, кельтскомъ, зырянскомъ, готскомъ, разныхъ славянскихъ, ирландскомъ, германскомъ (въ сущности нѣмецкомъ), „цимбрскомъ“, англійскомъ, датскомъ, шведскомъ, голландскомъ, персидскомъ, греческомъ, латинскомъ, итальянскомъ и французскомъ. Литовское „*тевасъ*“, латышское „*тесъ*“ и „корнвальское“ *таазъ* Шишковъ не ввелъ въ таблицу, но тоже считаетъ испорченными изъ слова „*отецъ*“. Такимъ-же точно образомъ представлено первичное родство остальныхъ названій родства, „происшедшихъ отъ первоначальныхъ звуковъ *ат*, *ад*, *аб*, *ап*, *ам*, *ан*,... чрезъ повтореніе задней буквы на переди (*тат*, *дад*, *баб*, *пап*, *мам*, *нан*“ (стр. 15), каковы: *батя*, *батюшка*, *мать*, *братъ*, *тятя*, *тетка*, *тетушка* (изъ *ат* или *тат*), *дядя*, *дядюшка*, *дядя*, *дѣдушка* (изъ *ад* или *дад*), *папа*, *папинька* (изъ *ап* или *пап*), *мама*, *маминька*, *мамка*, *мамушка* (изъ *ам* или *мам*), *няня*, *нянька*, *нянюшка* (изъ *ан* или *нан*) и т. д.

Приведенныя слова сближаются затѣмъ съ соотвѣтственными

формами чуть не всѣхъ языковъ земнаго шара (индоевропейскихъ, семитическихъ, угро-финнскихъ, тюркскихъ, кавказскихъ, меланезійскихъ, полинезійскихъ и т. д.), почерпнутыми изъ сравнительнаго словаря императрицы Екатерины II. Въ связи съ этими сближеніями даются также и этимологіи именъ библейскихъ прародителей Адама и Евы. Первое приводится въ связь съ „звуками *ад* и *ам*", означающими будто-бы во всѣхъ языкахъ *отца*, *праотца*, а второе съ первобытными словаии *абъ*, *абба*, *авва*, *бабъ*, *баба* и т. д., означающими *отца* или *мать*. Такъ какъ по сравнительному словарю Екатерины II имена матери на разныхъ языкахъ звучатъ: *мати*, *матерь*, *мутеръ*, *матре*, *мама*, *ама*, *амма*, *нана*, *наана*, *ана*, *яна*, *ина*, *энья*, *эне*, *эвя*, то очевидно, что „звуки *аба*, *эба*, *ава*, *эва*, *эвва*, содержатъ въ себѣ значеніе *праматери*" (стр. 20).

Приведенныя фантастическія этимологіи, не представляющія никакого шага впередъ сравнительно съ такими-же сближеніями Тредьяковскаго, Сумарокова, Татищева, Щербатова и др. этимологизаторовъ XVIII в., служатъ Шишкову „неоспоримымъ доказательствомъ" того, что замѣченное имъ „единство и согласіе въ коренныхъ звукахъ" названій родства являются „отголосками первобытнаго языка" (стр. 21). Оказывается, что „Еврей, Грекъ, Славенинъ, Французъ, Нѣмецъ, Лапланецъ, Турка, Японецъ, Камчадалъ, словомъ всѣ безъ изъятія народы, при всей разности языковъ ихъ, говорятъ въ нѣкоторомъ смыслѣ первобытнымъ языкомъ", имѣя въ своемъ языкѣ „весьма примѣтные слѣды" этого первобытнаго языка, „состоящіе не въ словахъ, измѣняющихъ видъ свой, но въ корняхъ, сохраняющихъ въ себѣ единство звука и главнаго или первоначальнаго понятія".

Установивъ это первичное родство всѣхъ языковъ между собою, Шишковъ переходитъ къ изображенію того процесса, помощью котораго „языкъ, измѣняясь, становится нарѣчіемъ (?), больше или меньше отдаленнымъ отъ прежняго своего состоянія", иллюстрируя его „сравненіемъ Краинскаго нарѣчія съ Россійскимъ, взятымъ собственно за Славенскій языкъ" и переходя такимъ образомъ уже въ область славянскаго языкознанія. Понятія *языкъ* и *нарѣчіе* при этомъ имъ не опредѣляются ближайшимъ образомъ и постоянно смѣшиваются другъ съ другомъ, какъ напр. въ выше приведенномъ заглавіи: „сравненіе Краинскаго *нарѣчія* съ Россійскимъ (очевидно *нарѣчіемъ*-же), взятымъ", однако, почему-то „за Славенскій языкъ" (стр. 21—22). Ниже (стр. 54) уже говорится о „единствѣ Краинскаго *нарѣчія* съ Русскимъ *языкомъ* (уже не нарѣчіемъ)" и т. д. Желая во что-бы то ни стало доказать лю-

бимое свое положеніе о тожествѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ, Шишковъ прибѣгаетъ къ указанной жонглировкѣ словами *языкъ* и *нарѣчіе*, тщится показать тожественность и различіе этихъ понятій въ одно и то-же время, не имѣя, при этомъ опредѣленнаго взгляда на ихъ содержаніе. Вездѣ при этомъ чувствуется скрытое стремленіе считать русскій языкъ *языкомъ*, а не *нарѣчіемъ*, хотя это и идетъ въ разрѣзъ съ устанавливаемымъ въ то же время положеніемъ, что настоящимъ *языкомъ* можно назвать лишь „первобытный языкъ", а всѣ остальные „языки" суть только уклонившіяся отъ него „нарѣчія" (стр. 58). Рядомъ съ этимъ говорится, однако, о трехъ народахъ, изъ которыхъ одинъ говоритъ настоящимъ языкомъ, а два другіе произведенными изъ него нарѣчіями", причемъ „всѣ трое, не взирая на единство языка ихъ, другъ другъ друга не разумѣютъ" (стр. 55). Примѣромъ такихъ трехъ народовъ приводятся русскіе (очевидно они то и говорятъ „настоящимъ языкомъ"!), поляки и босняки, называющіе одну и туже птицу тремя словами: *утка, kaczka* и *пловка*.

Не удивительно, если изъ такой безнадежной путаницы понятій не могло получиться ничего, кромѣ безплоднаго топтанія на одномъ мѣстѣ въ напрасныхъ потугахъ доказать тожество русскаго и старославянскаго языковъ.

Какъ далеки были мы еще въ 1818 году отъ научнаго движенія, развивавшагося въ то время на западѣ и принесшаго уже такіе плоды, какъ „Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache" Боппа (Франкфуртъ на Майнѣ 1816), свидѣтельствуетъ, кромѣ разсмотрѣнныхъ выше дилеттантскихъ упражненій Шишкова, маленькое сообщеніе объ имѣвшей скоро выйти книгѣ Шарля Пужана (Pougens, 1755—1833), члена Парижской академіи надписей и изящныхъ наукъ и корреспондента нашей академіи наукъ: „Specimen du trésor des origines et du Dictionnaire grammatical raisonné de la langue Française", напечатанное въ „Трудахъ Высочайше утвержденнаго Общества Любителей Русской Словесности", (1818 г., ч. IV. „Смѣсь. Ученыя извѣстія", стр. 380—85).

Референтъ, очевидно и не слыхавшій о трудахъ Джонса, Фр. фонъ Шлегеля и Боппа (см. выше, стр. 1—2 и слѣд.), находилъ, что авторъ названной книги „счастливо избѣжалъ заблужденія системъ, кои подобно баснословнымъ преданіямъ затрудняютъ изслѣдованіе истины. Существованіе языка первобытнаго, происходящаго отъ первоначальныхъ и общихъ всѣмъ людямъ звуковъ,

ему казалось Филологическимъ романомъ... Не естественнѣе ли думать, что" разныя причины, вызывавшія смѣшеніе народовъ, „подвергли и нарѣчія ихъ подобному же смѣшенію? Если же народы смѣшаны, то удивительно ли, что на Востокѣ употребляются слова, принадлежащія языкамъ Сѣвернымъ, и что Европа обогатилась рѣченіями обитателей Аравіи и Индіи. Г. Пужанъ въ изслѣдованіяхъ своихъ не показываетъ особеннаго пристрастія ни къ Оріентализму, ни къ языкамъ Сѣвернымъ. Очищенная Метафизика, свободная отъ всякихъ предположеній, глубокія свѣденія въ Исторіи, и, наконецъ, основательное знаніе многихъ языковъ суть нити, коимъ должны мы слѣдовать, вступая въ лабиринтъ Этимологіи. Присовокупимъ также, что звукоподражаніе должно быть вождемъ каждаго Этимолога-Философа, особенно въ словахъ, посвященныхъ изображенію различныхъ предметовъ въ натурѣ и выраженію дѣйствій физическихъ".

За этими общими замѣчаніями, рисующими научныя убѣжденія референта, слѣдуетъ изложеніе вкратцѣ содержанія труда Пужана. Для состоянія языкознанія у насъ въ то время во всякомъ случаѣ характеристично, что о работахъ Джонса, Фр. ф. Шлегеля, Боппа и др. почти никто и не зналъ, тогда какъ книжка ничѣмъ не замѣчательнаго Пужана, еще до выхода своего въ свѣтъ [1]), удостоилась довольно длинной рецензіи, авторъ которой и не подозрѣвалъ существованія теоріи о взаимномъ родствѣ индоевропейскихъ языковъ, твердо уже установленной въ то время въ европейской наукѣ, и, напротивъ, объяснялъ сходныя черты „восточныхъ" и „сѣверныхъ" языковъ взаимнымъ ихъ смѣшеніемъ.

Подобный же безплодный и отсталой характеръ имѣла явившаяся въ слѣдующемъ 1819 г. статья члена франц. академіи аббата „Мореллета", переведенная съ франц. А. С. Шишковымъ и снабженная введеніемъ и примѣчаніями переводчика: „Опытъ изслѣдованія словопроизводства" [2]). Въ своемъ предисловіи Шишковъ говоритъ о значеніи науки словопроизводства", которая „долгое время была не познаваема, и даже, по причинѣ устрашавшей трудности своей, небрегома и презираема; но напослѣдокъ ученые и трудолюбивые люди начали мало по мало обращать на нее свое вниманіе, и нынѣ предводимые свѣтильникомъ разума, входятъ смѣлѣе въ сіе, казавшееся столь неприступнымъ, обширное

---

[1]) По словамъ референта, она должна была выйти черезъ шесть недѣль.

[2]) См. «Извѣстія Россійской Академіи» кн. 7-я, 1819 г. стр. 7—50. Предисловіе переводчика (А. Шишкова)—тамъ же, стр. 1—7.

хранилище таинствъ". Далѣе утверждается, что „въ нашемъ Славянскомъ языкѣ, яко древнѣйшемъ, можемъ мы находить гораздо болѣе надежнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ къ тому слѣдовъ, нежели они въ своихъ языкахъ (стр. 2). Ниже приводятся цитаты изъ сочиненій Лагарпа и Чезаротти („Saggio sulla filosofia delle lingue e del gusto" = I томъ его „Opere complete" Pisa, 1805), въ которыхъ опредѣляются задачи французской и флорентинской академій: составленіе словопроизводныхъ словарей, разработка исторіи языка, изслѣдованіе происхожденія словъ и т. д. Въ этомъ примѣрѣ европейскихъ академій Шишковъ ищетъ поддержки аналогичнымъ стремленіямъ Россійской академіи, которая, по его словамъ, тоже „заботится объ изданіи Словарей Славянскихъ нарѣчій, о сводѣ и сравненіи оныхъ; ...входитъ въ изслѣдованіе корней и пр.". Чтобы распространить у насъ правильныя представленія о словопроизводствѣ, очевидно и была переведена статья аббата Морелле, современника и сподвижника Вольтера и Дидро (р. 1727 † 1819). Какъ разъ въ это время вышло собраніе его прежнихъ статей „Mélanges de littérature et de philosophie au XVIII siècle" (1818). По своему направленію статья Морелле вполнѣ принадлежитъ XVIII вѣку и должна была вызывать сочувствіе Шишкова тѣмъ, что авторъ ея, какъ и нашъ дилеттантъ-языковѣдъ, отводилъ самую широкую роль звукоподражанію, какъ одному изъ основныхъ пріемовъ при изобрѣтеніи языка. Причина предпочтенія, оказаннаго при образованіи первоначальныхъ словъ однимъ звукамъ передъ другими, по словамъ Морелле, есть „нѣкоторое сходство, нѣкоторая соотвѣтственность между произношеніемъ или произношеніями избираемыми, и предметомъ означаемымъ, поелику для напамятованія о предметѣ отсутственномъ... не было иного средства, какъ нѣкое голосомъ предмету сему подражаніе" (стр. 14—15). Къ такимъ звукоподражаніямъ Морелле относитъ лат. corvus, crocitare, ulula, cuculus, tonitru, fragor, flatus, spiritus, pipitus, vagitus, франц. croassement и т. д. Шишковъ съ своей стороны снабжаетъ это мѣсто примѣчаніемъ, въ которомъ обѣщаетъ при разборѣ славянскихъ корней показать несравненно въ величайшемъ изобиліи „сіе звукоподражаніе, отъ коего родилось превеликое количество словъ".

Далѣе Морелле развиваетъ цѣлую теорію звукоподражанія въ обычномъ вкусѣ XVIII в , послужившую, быть можетъ, образцомъ, которому стремился подражать Гонорскій въ своемъ выше разсмотрѣнномъ разсужденіи „О подражательной гармоніи слова" (см. выше, стр. 572—76). Сходство ученій того и другого во всякомъ случаѣ настолько значительно, что если здѣсь не было непосред-

ственнаго заимствованія (Гонорскимъ отъ Морелле), то, очевидно, оба черпали свои положенія и даже примѣры изъ одного общаго источника. По словамъ Морелле, „сверхъ сего подражанія шуму, органъ голоса человѣческаго... способенъ движеніемъ различныхъ частей своихъ означать образъ, положеніе, движеніе, и проч., различныхъ существъ. Органъ голоса могъ также самого себя означить (?), и всѣ части, изъ коихъ онъ составленъ, приведеніемъ ихъ въ дѣйствіе. Такимъ образомъ, составляя гортанныя согласныя, т. е. произнося ихъ горломъ (!), ознаменовалъ онъ сію глубочайшую часть гласоиздательнаго орудія, и произнося зубныя согласныя, или губныя, или язычныя, означилъ, безъ всякаго двусмыслія, тѣ части того-жъ органа, коими производятся сіи различныя произношенія (стр. 16)“. Какъ у Гонорскаго, такъ и у Морелле, различные звуки обладаютъ способностью выражать различныя отвлеченныя понятія: неподвижность изображается „зубными буквами, поелику зубы суть самыя непоколебимѣйшія части гласоиздательнаго орудія“. Отсюда—такія слова, какъ stare, stella, stirps, stagnum и т. д., „въ коихъ господствуетъ буква t, самая твердѣйшая изъ зубныхъ буквъ“.

„Впалость или яма (la cavité)“ изображается „гортанными буквами k, l, g, изъ самой глубокости органа исходящими, guttur, cavea“ и т. д. „Жидкость, влага, легкость движенія—буквами n, l, самыми жидкими (!), самыми скоропроизносимыми изъ всѣхъ буквъ, navis, flatus, etc. Грубость, жесткость, шумъ раздробляющійся, трескучій—буквою r, имѣющею произношеніе изъ всѣхъ грубѣйшее, frendere, frangere etc. Дѣйствіе повторенное, движеніе быстрое, удвоеніемъ той-же самой буквы, и повторяемымъ удареніемъ языка въ небо, и проч. trepidare, tremere“ и т. д. (стр. 16—17)

Дальнѣйшее развитіе и обогащеніе языка совершалось уже при помощи переносныхъ, иносказательныхъ или метафорическихъ оборотовъ. Этотъ источникъ языка кажется автору „гораздо изобильнѣйшимъ, нежели подражаніе“. По его словамъ, онъ „довелъ насъ до того, что мы можемъ изображать движенія, внутреннія чувствованія самыя тончайшія, понятія самыя отвлеченнѣйшія, и *давать цвѣтъ и тѣло словамъ*“, (курсивъ подлинника, стр. 30). „Сіе то самое сходство, позволяющее намъ слово, служившее къ означенію одной вещи, употреблять для означенія другой, и переносить оное отъ одного употребленія къ другому, дало существованіе иносказанію или *метафорѣ*... Иносказаніе обогатило языки, заступая мѣсто тѣхъ новыхъ словъ, въ коихъ могла-бы настоять надобность, и которыя не могли-бы быть въ

достаточномъ числѣ для всѣхъ существующихъ предметовъ, для всѣхъ понятій, и всѣхъ новыхъ чувствованій; иносказаніе освободило отъ сего словосозиданія высшаго силъ человѣческихъ, науча употреблять старыя слова въ новомъ смыслѣ" (стр. 30—31).

Заключеніе статьи принадлежитъ опять самому Шишкову. По его мнѣнію, изъ переведеннаго имъ труда „довольно явствуетъ, какъ давно и на какомъ общемъ мнѣніи любомудрѣйшихъ изъ писателей основана мысль, что истинное значеніе языка, состоящее въ знаніи силы и достоинства словъ, не по наслышкѣ или навыку, но по разуму и разсудку познаваемыхъ и оцѣняемыхъ, почерпается изъ разсмотрѣнія ихъ корней. Хотя умозрительная наука сія не приведена еще въ такое изслѣдованіе и опредѣленіе, чтобъ свѣтильникъ ея горѣлъ для всѣхъ ясно, однако-жъ сіи Локки, сіи Михаелисы, Баконы, Цицероны, Блеры, Беккаріи, приводимые въ примѣръ Мореллетами, Лагарпами, Чезароттіями и пр., должны возбудить въ насъ любопытство обратить вниманіе свое на сей, по мнѣнію ихъ, толико важный предметъ". Шишковъ выражалъ увѣренность, „что при малѣйшемъ на то обращеніи ума и трудолюбія, языкъ нашъ древній, богатый, великое число нарѣчій породившій, озаритъ насъ толь великимъ свѣтомъ, что мы въ семъ для другихъ мрачномъ лабиринтѣ, будемъ ходить какъ-бы при солнечномъ сіяніи. Съ симъ-то намѣреніемъ Россійская Академія начала издавать свои *Извѣстія*. Да найдутъ они читателей и посѣютъ въ юные умы сѣмена будущаго сей общеполезной науки прозябенія!" (стр. 48—50).

Призывъ этотъ, продиктованный безкорыстной и искренней любовью, если не къ научному языкознанію, то къ замѣнявшему его дилеттантскому „корнесловію", остался, однако, безъ особыхъ послѣдствій. Общество мало интересовалось любимыми занятіями Шишкова, и самые образчики его преданной, но безтолковой любви къ языку и корнесловію не могли доказать пользы и необходимости тѣхъ изысканій, ревностнымъ апостоломъ которыхъ онъ являлся. Для этого ему не доставало ни научныхъ знаній, ни метода, ни природнаго такта, ни общаго и философскаго образованія.

Въ слѣдующемъ 1820 г. явилась въ свѣтъ работа Ѳ. П. Аделунга, представлявшая голый каталогъ или перечень „всѣхъ" извѣстныхъ языковъ земного шара и ихъ нарѣчій безъ какой-бы то ни было характеристики: „Uebersicht aller bekannten Sprachen und ihrer Dialekte. Von Friedrih Adelung, Staatsrath etc. St. Petersburg. Gedruckt bey Nic. Gretsch. 1820. 8°. XIV + 2 ненум. + 185 нем. + 1 ненум. Работа эта, долженствовавшая служить пред-

варительнымъ абрисомъ задуманнаго Аделунгомъ большого библіографическаго труда „Bibliotheca glottica", въ значительной своей долѣ основана на знаменитомъ трудѣ дяди автора, Іоганна Христофора Аделунга (р. 1732 † 1806): „Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde", доконченномъ уже І. С. Фатеромъ и Аделунгомъ-племянникомъ (4 т. 1806—1817). Число языковъ, приведенныхъ въ перечнѣ Ѳ. Аделунга, въ 1½ раза больше числа ихъ въ „Митридатѣ" его дяди и заключаетъ въ себѣ 987 названій азіатскихъ языковъ, 587—европейскихъ, 276—африканскихъ и 1214—американскихъ, всего-же 3064 названія разныхъ языковъ и нарѣчій, тогда какъ въ „Митридатѣ" ихъ было не болѣе 2000. Такое увеличеніе числа языковъ, на которое съ гордостью указывалъ авторъ труда, было, однако, достигнуто иногда на счетъ научной точности и достовѣрности. Нерѣдко одинъ и тотъ-же языкъ приводится нѣсколько разъ подъ разными названіями; самыя названія часто не провѣрены, и подлинность ихъ весьма сомнительна. Такимъ образомъ книга Аделунга младшаго давала только списокъ разныхъ названій языковъ, но не самихъ языковъ, и не имѣла почти никакого научнаго значенія. Система, въ которой перечислялись языки у Аделунга, была, съ нѣкоторыми незначительными отличіями, заимствована имъ изъ „Митридата" его дяди. Сначала перечисляются азіатскіе языки: 1. односложные (китайскій, тибетскій, бирманскій, пегуанскій, аннамскій, сіамскій), 2. многосложные (южные: малайскіе, индійскіе, иранскіе; западные: семитическіе, армянскій, грузинскій, кавказскіе языки,—въ томъ числѣ и осетинскій, помѣщенный между татарскимъ и кистинскимъ; средне-азіатскіе: турко-татарскіе, монгольскіе, маньчжурскій, корейскій; сѣверные: финнскіе, среди которыхъ попалъ и языкъ тептярей, самоѣдскіе, разные изолированные языки: енисейскихъ остяковъ, юкагировъ, коряковъ, чукчей, камчадальскій, курильскій, алеутскій, айносскій, японскій, о-вовъ Лью Кью и Формозы). Затѣмъ слѣдуютъ европейскіе языки (кантабрскій или басскій, кельтскіе, кельто-германскіе или кимврскіе, германскіе, ѳракійско-пелазгическо-греческій и латинскій, романскіе, славянскіе, „германо-славянскіе" [!], или латышскіе, „римско-славянскій", или валашскій, „чудскіе" языки и нѣкоторые „смѣшанные" языки на юго-востокѣ Европы, къ которымъ авторъ относитъ венгерскій [!] и албанскій). Въ этомъ-же родѣ далѣе перечисляются африканскіе и американскіе (южные, средніе и сѣверные) языки. За перечисленіемъ языковъ слѣдуетъ алфавитный списокъ всѣхъ перечисляемыхъ языковъ, имѣвшій цѣлью облегчить отыскиваніе того или другого изъ нихъ (стр. 119—185). Рядомъ съ географическимъ

принципомъ, въ перечнѣ языковъ принимается въ разсчетъ и принципъ ихъ взаимнаго родства между собою, но лишь тамъ, гдѣ ему не мѣшаетъ первый. Вслѣдствіе этого система, въ которой перечислены здѣсь языки, отличается непослѣдовательностью. Такъ осетинскій языкъ помѣщенъ не среди иранскихъ языковъ, а вмѣстѣ съ кавказскими, діалекты кавказскихъ татаръ— также съ кавказскими языками, но не съ тюркскими, курильскій отдѣленъ отъ айносскаго, венгерскій отъ финнскихъ, формозанскій отъ малайскихъ языковъ и т. д. Одни и тѣ-же языки фигурируютъ нерѣдко подъ разными названіями. Такъ словацкій приведенъ подъ собственнымъ именемъ среди „чешскихъ" или „богемскихъ" діалектовъ (стр. 64) и подъ названіемъ „словенскаго въ Венгріи („Slowener in Ungern", стр. 63). Одинъ изъ тибето-бирманскихъ языковъ, *каренъ*, фигурируетъ подъ именемъ „каріанъ", какъ народная форма бирманскаго языка (стр. 4), и рядомъ, какъ одинъ изъ бирманскихъ діалектовъ подъ именами *каріенгъ*, *карайнъ*, *кадоанъ* (тамъ-же); нѣсколько ниже эти имена повторяются, но уже не въ качествѣ синонимовъ, а какъ названія отдѣльныхъ діалектовъ „пегуанскаго" языка: „2. Карайнъ, языкъ горныхъ жителей. Извѣстенъ въ четырехъ діалектахъ. 3. Кадоанъ" (тамъ-же); а еще ниже находимъ ихъ, какъ имена діалектовъ одного изъ „индійскихъ" языковъ, а именно „араканскаго": „каріенгъ, карайнъ" (стр. 22). Одинъ изъ малайскихъ языковъ о. Суматры, *лампунгъ*, помѣщенъ и на островѣ Явѣ (стр. 7—8) и т. д.

Интересенъ планъ задуманной Аделунгомъ „Bibliotheca glottica", который онъ приводитъ въ предисловіи къ разсматриваемой книгѣ (стр. X и сл.). Введеніе къ „Bibliotheca glottica" должно было содержать литературу по слѣдующимъ вопросамъ:

I. Исторія изученія лингвистики.

II. Прежнія попытки къ составленію Bibliotheca glottica.

III. О языкѣ вообще.

1. Способность рѣчи у человѣка.
    a. Съ физіологической стороны.
    b. Со стороны психологической.
        Прибавленіе. О языкѣ животныхъ.
2. Происхожденіе языка.
    a. Божественное, помощью непосредственнаго сообщенія.
    b. Человѣческое.
        α. Произвольное.
        β. Случайное.
3. О первобытномъ языкѣ (Ursprache).

4. Споръ о древнѣйшемъ изъ извѣстныхъ языковъ.
5. Языкъ жестовъ.
6. О различіи языковъ и его физическихъ, историческихъ и нравственныхъ причинахъ.
7. Исторія опытовъ всеобщаго языка.

IV. Всеобщая грамматика.

V. О письмѣ.

1. Происхожденіе письма.
   a. Картинное письмо.
   b. Гіероглифы.
      α. Египетскіе.
      β. Мексиканскіе.
      γ. Различные.
   c. Буквенное письмо.
   d. Клинообразное письмо.
2. Изложеніе всѣхъ извѣстныхъ алфавитовъ.
3. Исторія попытокъ всеобщаго письма.
4. Искусство скорописи.
   a. Стенографія.
   b. Тахиграфія.
   c. Пазиграфія.
   d. Аббревіатуры.
      α. Тироновскіе знаки (Notae Tironianae).
      β. Монограммы.
5. Тайное письмо.
   a. Криптографія. Стеганографія.
   b. Шифрованное письмо.
      α. Искусство дешифрированія.
      β. Исторія цифръ.
      γ. О природѣ цифръ.
   c. Телеграфія.

VI. Родство языковъ.

VII. Сочиненія по сравнительному языкознанію.

1. Полиглотты.
   a. Словари.
   b. Грамматики.
   c. Библіи.
   d. Собранія молитвы Господней (на разныхъ языкахъ).
   e. Отдѣльныя статьи (на разныхъ языкахъ).
      α. Бакмейстеровскій образчикъ языковъ.
      β. Притча о блудномъ сынѣ.

γ. Слова большого сравнительнаго словаря.

2. Сравненіе нѣсколькихъ заразъ и отдѣльныхъ языковъ между собою.

3. Карты языковъ.

VIII. Вымершіе языки.

1. Древніе.

2. Новые.

a. Литература.

b. Остатки языковъ.

За этимъ введеніемъ, планъ котораго не лишенъ интереса и для нашего времени, должна была слѣдовать библіографія всѣхъ языковъ въ томъ порядкѣ, въ которомъ они перечислены въ „Обзорѣ", или въ измѣненномъ, сообразно указаніямъ компетентной критики. Для каждаго языка предполагалось указать: 1) всѣ работы о немъ вообще, 2) словари, 3) грамматики, 4) сочиненія о его письменной системѣ и 5) книги съ образчиками языка или особыми замѣчаніями о немъ.

Въ видѣ образчика такой библіографической обработки одного отдѣльнаго языка, Ѳ. Аделунгъ обѣщалъ выпустить вслѣдъ за своимъ „Обзоромъ языковъ"—„Литературу санскрита". Это обѣщаніе было выполнено лишь черезъ 10 лѣтъ [1]), но задуманная „Bibliotheca Glottica" такъ и не вышла изъ области предположеній. Рукописные матеріалы для нея хранятся въ картонахъ не разъ уже упоминавшейся выше лингвистической коллекціи Ѳ. Аделунга, въ Имп. публ. библіотекѣ.

Книга Аделунга вызвала обстоятельную рецензію П. И. Кеппена, представленную имъ въ видѣ „Донесенія" С.-Петербургскому Вольному Обществу любителей Россійской Словесности 12 апр. 1820 и напечатанную въ трудахъ названнаго общества [2]). Кеппенъ охарактеризовалъ разбираемую книгу, какъ „полнѣйшее, а по сему и удовлетворительнѣйшее произведеніе въ семъ родѣ" (стр. 191). Недостатки труда Аделунга не укрылись, однако, отъ вниманія его рецензента, обнаружившаго при выполненіи своей задачи эрудицію и самостоятельный взглядъ на вопросы, задѣваемые въ разбираемомъ научномъ трудѣ. Кеппенъ указываетъ на неудовлетворительность географической системы, въ которой расположены перечисляемые у Аделунга языки. Самымъ

---

[1]) «Versuch einer Literatur der Sanskrit Sprache. St. Petersburg. 1830». Второе изданіе носитъ заглавіе: „Bibliotheca sanscrita. Literatur der Sanskrit Sprache. St. Petersburg. 1837".

[2]) См. Часть X, стр. 189—225.

естественнымъ порядкомъ онъ считаетъ основанный „на одномъ только произхожденіи народовъ и языковъ“ (стр. 193), но оправдываетъ отступленіе отъ него трудностью разобраться въ „тысячѣ разнородныхъ предположеній, более или менѣе правдоподобныхъ и основательныхъ“, и невозможностью „воскресить поколѣнія, на вѣки уже съ лица земли исчезнувшія,—народы, о существованіи которыхъ не дошли до насъ ни малѣйшія свѣдѣнія и коихъ имена даже исчезли во тьмѣ протекшихъ столѣтій“ (тамъ же). Тѣмъ не менѣе онъ указываетъ ошибки Аделунга и исправляетъ ихъ. Такъ на стр. 207 Кеппенъ правильно относитъ діалектъ острова Руно къ шведскимъ, тогда какъ Аделунгъ считалъ его латышскимъ; на стр. 209—210 указана слабость и ошибочность представленій Аделунга о русскихъ нарѣчіяхъ, которыхъ онъ, вслѣдъ за словаремъ Екатерины II, считаетъ только два: *суздальское* и *украинское* (*кривичское*). Кеппенъ вѣрно замѣчаетъ, что названіе *кривичскій* правильнѣе отнести къ бѣлорусскому нарѣчію, и выражаетъ особое сожалѣніе, „что такъ мало обработанъ сей предметъ, который для насъ столько važенъ“ (стр. 210). При этомъ онъ указываетъ причины главныхъ измѣненій „коренного Славянскаго языка“, соотвѣтствующихъ „обстоятельствамъ мѣста и времени“. Онъ видитъ ихъ въ заимствованіи разныхъ иноязычныхъ словъ: норманскихъ или скандинавскихъ, какъ, напр., *глазъ* (око), татарскихъ и монгольскихъ, какъ *лошадь, болванъ, кафтанъ* (особенно въ восточныхъ губерніяхъ Великороссіи), „мидійскихъ“, какъ *собака* = мидійск. *spaka*, финскихъ (въ Рязанской губерніи), употребляемыхъ „Мещорякамі“, нѣмецкихъ (малорусск. *лихтарь* = Leuchter, *мандровать* = wandern), латинскихъ (при посредствѣ духовенства, обучавшагося въ „коллегіумахъ и семинаріяхъ, гдѣ большая часть наукъ преподавалась на языкѣ латинскомъ“), греческихъ (при переводѣ Св. Писанія) и т. д. (стр. 210—213). Кромѣ заимствованныхъ словъ, „въ языкѣ нашемъ много и такихъ словъ Славянскихъ, которыя имѣютъ общіе корни со словами Греческими и Латинскими и т. д.“. Это сходство Кеппенъ приписываетъ первоначальному общему происхожденію европейскихъ языковъ и въ примѣръ таковаго приводитъ слово *млеко* или *молоко*, „съ коимъ сличить должно Греч. μολγος доить (?!), латинск. emulgo, нѣмецк. melken (доить), Molken (сыворотка) и проч.“ (стр. 213). Тутъ же, въ подстрочномъ примѣчаніи Кеппенъ, однако, сближаетъ съ приведенными формами и схожія между собою греч. γάλα, γάλακτος и лат. lac, находя, что ихъ „коренныя буквы“ *л* и *к* встрѣчаются не только въ *млеко, молоко*, но и въ словахъ *влеку, извлекаю*, которыя „од-

ного происхожденія съ греч. λέγω, лат. lego (colligo, deligo), франц. élection и пр.

Въ заключеніе высказывается рядъ научныхъ пожеланій ученаго рецензента: 1) „чтобы со временемъ какое либо ученое заведеніе познакомило Публику со всѣми нарѣчіями отечественнаго нашего языка, съ приложеніемъ и списковъ словъ оныхъ“; 2) чтобы были собраны „извѣстія о всѣхъ языкахъ и нарѣчіяхъ употребляемыхъ въ нашемъ отечествѣ, которыя удобно изложить можно бы въ видѣ атласа языковъ“; при этомъ указывалось, что для такого атласа „Ѳ. П. Аделунгъ нѣсколько лѣтъ уже собираетъ матеріалы“, въ чемъ „обѣщался было ему содѣйствовать и покойный Лербергъ“. Кеппенъ выражалъ при этомъ особое желаніе, „чтобы обстоятельства благопріятствовали скорѣйшему изданію ихъ творенія, коего напечатаніе однако едва ли можетъ быть предметомъ частнаго иждивенія“ (стр. 214—215). Для составленія карты кавказскихъ языковъ „весьма была бы полезна карта жителей Кавказскихъ горъ, проектированная Г. Ст. Сов. Х. Х. Стевеномъ“, который показывалъ ее Кеппену въ бытность послѣдняго въ Симферополѣ. Мнѣнія иностранцевъ, называющихъ русскихъ и нѣмцевъ учителями прочихъ народовъ въ области языкознанія, хвалебные отзывы иностранныхъ журналовъ о трудѣ Аделунга о заслугахъ императрицы Екатерины II въ сравнительномъ языкознаніи и „твердое упованіе иноземцевъ на покровительство оказываемое Россіею всѣмъ родамъ наукъ“ давали автору рецензіи „надежду, что Правительство не оставитъ безъ вниманія и изслѣдованій относящихся до языковъ“, такъ какъ „у насъ (?) положено начало совершеннѣйшему образованію сей части человѣческихъ познаній“ (стр. 215—216). Кеппенъ поэтому предсказывалъ „появленіе новаго изданія Сравнительныхъ словарей“, состоящихъ въ тѣсной связи съ „Библіотекою языковъ“, задуманной Аделунгомъ, и обращалъ вниманіе своихъ сочленовъ на множество новыхъ свѣдѣній и матеріаловъ, собранныхъ со временъ Екатерины II для такого новаго изданія и „ожидающихъ только покровительства къ обнародованію оныхъ“ (стр. 216). Въ концѣ рецензіи онъ приводитъ знакомый уже намъ планъ „Bibliotheca glottica“ Аделунга, а въ приложеніи къ ней (стр. 222—25) — „Опытъ Этнографическихъ и Географическихъ Синонимовъ“, отысканный имъ въ бумагахъ Лерберга и составленный послѣднимъ на основаніи „извѣстій г. Клапрота о Кавказскихъ народахъ“ (стр. 209). „Опытъ“ этотъ представляетъ просто сравнительную табличку названій разныхъ народовъ Кавказа и Закавказья и двухъ географическихъ именъ (Кабарда Большая и Малая) на русскомъ, черкесскомъ,

лезгинскомъ, курдскомъ, грузинскомъ „и другихъ“ (осетинскомъ, чеченскомъ, армянскомъ, „балкарскомъ“, „карачайскомъ“ и др.) языкахъ.

Къ слѣдующему 1821-му году относится высокопарная, темная по изложенію и безплодная по содержанію „Рѣчь о образованіи и существѣ языковъ, Читанная въ Академіи Россійской Надворнымъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ И. А. Гульяновымъ [1]), 18 іюня 1821 года, по случаю принятія его въ Дѣйствительные Члены оной Академіи. Въ Санктпетербургѣ, Въ типографіи Императорской Россійской Академіи, 1821 (8°. 27 стр.).“ Рѣчь эта вышла и по-французски, подъ заглавіемъ „Discours sur l'étude fondamentale des langues“. Авторъ, одинъ изъ многочисленныхъ нашихъ лингвистовъ-дилеттантовъ (чиновникъ министерства иностр. дѣлъ, служившій при разныхъ нашихъ миссіяхъ за границей), въ благодарность за избраніе, поставилъ себѣ въ обязанность представить „краткій отчетъ“, излагающій „совокупность его понятій о образованіи и существѣ языковъ, — предоставляя себѣ въ другое время говорить въ особенности о природѣ и образованіи языка Славенороссійскаго“ (стр. 4).

Въ основу своихъ взглядовъ на языкъ Гульяновъ кладетъ „ученіе о *умственномъ человѣкѣ*, долженствующее способствовать усовершенствованію прочихъ наукъ“, но очень мало соотвѣтствующее ихъ ожиданіямъ.

Авторъ не доволенъ своими предшественниками: „большая часть писателей, умствовавшихъ о образованіи языковъ, почитая сіе явленіе человѣческимъ изобрѣтеніемъ, думали сказать истину, поставивъ первоначальное существо языковъ на ряду съ грубыми нуждами первобытнаго человѣка (?). Но если вѣрить тому, что первоначальный языкъ состоялъ изъ выраженій, служившихъ знаками вещественнымъ предметамъ, а потому *никакого смысла* не заключавшихъ (?!); то должно въ то-же время утверждать, что первобытныя племена не имѣли разсудка, коего начала суть *разумѣнія отвлеченныя* (стр. 4)“. Думающіе такимъ образомъ обнаруживаютъ „весьма темныя понятія о врожденныхъ способностяхъ человѣка“.

---

[1]) Экономидъ, «О сродствѣ греческаго и русскаго языковъ» (т. I, стр. CLIX примѣч.), такъ характеризуетъ его: «родомъ Грекъ (вѣрнѣе, молдаванинъ), извѣстный своею ученостью, открытіями объ Іероглифахъ и другими сочиненіями на Франц. и Росс. языкахъ, какъ-то: «Рѣчью объ образованіи и разума языка», или «Discours sur l'étude fondamentale des langues», и «Essai sur Horapollon». Гульяновъ р. въ 1789 г. † 1841 г. См. о немъ также «Отчеты II отд. Имп. акад. наукъ» 1852 г., стр. 45—48.

Авторъ заявляетъ себя рѣшительнымъ сторонникомъ теоріи о непосредственно божественномъ происхожденіи языка, какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ его разсужденій.

„Когда же вдохновенная способность Слова,... сей даръ Небесъ вмѣнился предъ лицемъ мудрствователей въ дѣло ума человѣческаго; то конечно уже надлежало имъ ознаменовать первоначальный языкъ какъ скопище случайныхъ и несвязныхъ реченій, рожденныхъ во тракѣ чувствъ и въ нелѣпости понятій“ (стр. 4—5). При такомъ взглядѣ ученыхъ на происхожденіе языка, „Словоученіе не могло уже равняться съ науками, имѣющими положительные свои законы. Тогда искуство, присвоивъ себѣ ученіе языковъ, возвело ихъ на крутизну замысловатыхъ своихъ правилъ; и съ того времени употребленіе сдѣлалось единственнымъ ихъ (правилъ или языковъ?) закономъ (стр. 5).“ Утратившая въ то время покровительство властей всеобщая грамматика находитъ у него строгое осужденіе, распространяющееся и на сравнительную грамматику. По его словамъ, „нѣкоторые словоучители нашего вѣка, обольщены будучи сходствомъ Грамматическихъ правилъ различныхъ языковъ, представляютъ намъ оныя въ одномъ составѣ. Смотря на умствователей, примѣнившихъ искуство къ философіи (L'art de penser!), словоучители сіи приложили Философію къ преподаваемому ими искуству, и называютъ оное *всеобщимъ словоученіемъ* (Grammaire Générale). Но не постигнувъ предмета сей науки, они начертали не иное что, какъ *сравнительную Грамматику* (?), и тѣмъ вящше утвердили мнѣніе о языкѣ первобытномъ“, столь непріятное автору рѣчи. Далѣе слѣдуетъ нѣсколько вылазокъ противъ „умозрительной философіи“, вовлекшей „словоучителей нашего вѣка“ въ вышеуказанныя заблужденія. Авторъ старается выставить противорѣчія въ „несвязныхъ положеніяхъ умозрительной науки“: признаніе ею языка необходимымъ орудіемъ мысли не вяжется (?) „съ толико скуднымъ предположеніемъ о существѣ первоначальнаго языка“ (стр. 6). Положеніе „умозрительной философіи“, что усовершенствованіе человѣческихъ знаній „сопряжено съ строгимъ наблюденіемъ первообразныхъ и коренныхъ нашихъ понятій“, правильность которыхъ, въ свою очередь, „зависитъ отъ точности въ употребленіи приличныхъ имъ выраженій“, также, по мнѣнію автора, находится въ противорѣчіи съ обычнымъ представленіемъ о несовершенствѣ только что возникшаго первообразнаго языка. Ибо, „какой же правильности ожидать можно отъ существа понятій, изъ источника заблужденій проистекшихъ? Какой точности можно требовать отъ выраженій, имѣющихъ произвольное начало?“

Точно такъ-же философія не можетъ ручаться за ясность „своихъ изложеній“, почитая „первоначальные знаки нашихъ понятій произвольными, называя принятый смыслъ выраженій условнымъ“ и т. д. (стр. 6—7).

Изъ дальнѣйшаго мы узнаемъ, что авторъ намѣревался представить вскорѣ вниманію своихъ сочленовъ „Опытъ о умственномъ человѣкѣ“, заключавшій въ себѣ: „Разборъ способностей человѣка и приличныхъ имъ постиганій. Изслѣдованіе образованія и разума языковъ, и начертаніе правилъ всеобщаго словоученія“.

Такъ какъ „новый порядокъ мыслей“, заключающійся въ этомъ „Опытѣ“, долженъ былъ, по мнѣнію автора, вызвать „совопрошенія“, то онъ и соединилъ эти „совопрошенія“ въ „особенномъ и предварительномъ разсужденіи о образованіи и существѣ языковъ“, въ которомъ должны были получить отпоръ „доводы, благопріятствующіе общепризнаннымъ правиламъ и умозрѣніямъ“ (стр. 7). Авторъ разсчитывалъ такимъ образомъ „склонить къ себѣ вниманіе безпристрастныхъ словоучителей, ревнующихъ споспѣшествовать насажденію науки, до нынѣ ложными толками омраченной“ (стр. 7—8).

Къ „новому порядку мыслей“ авторъ пришелъ, занимаясь составленіемъ „Руководства къ словописанію“ французскаго языка „въ пользу Россійскаго юношества“, т. е., проще говоря, французской школьной грамматики. Въ этомъ учебникѣ онъ старался изложить „коренныя правила словописанія, вникая въ причины измѣненія словъ, каковое почитается искаженіемъ языка“. Занятія эти заставили его обратиться „отъ частныхъ наблюденій къ общимъ“. Авторъ „любопытствовалъ знать, чтó побудило къ различному употребленію нѣкоторыхъ буквъ, каковы, напримѣръ, С, G, T,—желалъ постигнуть различныя сочетанія нѣкоторыхъ писменъ, отмѣны въ выговорѣ реченій, однимъ словомъ: всѣ тѣ явленія въ языкѣ, которыя приписываютъ произволу царствующаго употребленія“ (стр. 8—9). Опыты свои авторъ началъ „наблюденіемъ выговора одинакихъ письменъ, употребляемыхъ въ словописаніи различныхъ языковъ Европейскихъ. Сличивъ ихъ... съ писменами имъ равными другихъ языковъ“, онъ нашелъ между ними „существенныя соотношенія, коихъ сокровенная причина открыла поприще“ его любопытству.

Тогда авторъ сталъ „сводить реченія общія разнымъ языкамъ, и сравнивалъ ихъ отмѣны“, не довольствуясь свидѣтельствомъ однихъ словарей, но прибѣгая и къ „дышущимъ примѣрамъ“. При этомъ онъ замѣтилъ, что устный языкъ, „имѣющій существованіе

преходящее... удаляется непримѣтно отъ *книжнаго языка*, который столько же горделивъ, сколько языкъ устный самонравенъ"; въ результатѣ книжный языкъ, каковы бы ни были уклоненія разговорнаго языка, принужденъ соображаться съ ними и узаконяетъ ихъ употребленіе, чтобъ не остаться позади общества (стр. 9).

Кромѣ того, авторъ вслушивался „въ выговоръ дѣтей, кои не примѣнясь еще къ онымъ словеснымъ началамъ (т. е. звукамъ), произносятъ вмѣсто оныхъ другія, имъ соприкосновенныя и болѣе сродныя мягкости дѣтскихъ орудій слова" (стр. 9—10). Затѣмъ всякій „выговоръ", въ которомъ давало себя знать „несовершенство словесныхъ орудій" (недостатки произношенія?), также служилъ ему „поводомъ къ сравненію словесныхъ началъ" и умножалъ его наблюденія надъ языкомъ. Собранный такимъ образомъ матеріалъ приведенъ былъ въ порядокъ: авторъ „соединилъ словесныя начала согласно орудіямъ, ихъ образующимъ, и расположилъ изысканія свои по сему природному ихъ устройству". Въ результатѣ получилось предчувствіе, „что языкъ есть произведеніе природы, а не искуства", перешедшее въ увѣренность, благодаря дальнѣйшимъ трудамъ автора, въ которыхъ онъ прежде всего долженъ былъ „извѣдать точное образованіе началъ Словесныхъ—т. е., изслѣдовать всѣ движенія орудій слова", иначе заняться физіологической фонетикой. Каковы были эти занятія автора, мы не знаемъ, но онъ увѣряетъ, что „познавъ природу Словесныхъ началъ (т. е. звуковъ) и *мѣсто образованія* (курсивъ нашъ) каждаго изъ оныхъ, онъ опредѣлилъ ихъ соприкосновенность, существенное ихъ сродство, взаимныя ихъ отношенія, и наконецъ явныя и тайныя (?) ихъ связи" (стр. 10). Намѣренія, руководившія авторомъ, должны быть признаны благими, но довѣріе къ правильности и научности пріемовъ, посредствомъ которыхъ они были осуществлены, подрывается дальнѣйшими его сообщеніями. По его словамъ, во время этихъ занятій онъ „неоднократно примѣчалъ сходство въ писменахъ различныхъ языковъ. Желая удостовѣриться въ основательности сего замѣчанія, онъ расположилъ буквы по сродству началъ, ими изображаемыхъ — и симъ способомъ открылъ сродство ихъ начертаній (!)" (стр. 10—11).

Изслѣдованія эти привели Гульянова къ основанію „*вещественнаго сложенія языка*",—открытіе, которое онъ, однако, называетъ безплоднымъ и требующимъ новыхъ наблюденій надъ „*языкомъ отвлеченнымъ*". Ему предстояло „изслѣдовать знаменованіе словъ и постигнуть *сложеніе человѣческаго смысла*".

Помощь словарей, „сихъ зерцалъ употребленія“, въ этихъ занятіяхъ автора оказалась безполезной: „угнѣтая его разумъ грудами своихъ сокровищъ“, они вели его „по слѣдамъ азбуки, разрывающей всѣ связи соплеменныхъ понятій“. Убѣжденный „въ законности вещественнаго образованія языковъ“, авторъ очутился въ недоумѣніи, „видя произвольность знаковъ нашихъ мыслей“, которую онъ отрицалъ, какъ мы видѣли выше. Толкованіе отвлеченныхъ выраженій въ словаряхъ и самый ихъ распорядокъ „въ опредѣленіи сложности знаменованій каждаго реченія, гдѣ вещественное всегда предшествуетъ отвлеченному и частное общему—порядокъ, уничтожающій первобытный разумъ языковъ и ихъ устройство“—все влекло нашего философа-лингвиста къ „ложному заключенію“, что „все словесное сооруженіе“ составлено „изъ смутныхъ веществъ (?), вѣками просвѣщенія усовершенныхъ“ (стр. 11—12).

Наставленія словарей заставляли автора „признать отвлеченный міръ призракомъ видимаго міра; и разумъ, изъ нѣдръ вещества возникшій“, всюду являлъ ему „иносказанія и личины“. Утомленный такими „призраками“, нашъ авторъ „рѣшился отложить (?) все достояніе наукъ и художествъ.... сдвинулъ (!) сіи памятники человѣческаго величія и старался узнать, на какихъ основаніяхъ они воздвигнуты“. Для этого онъ разрѣшалъ „реченія отъ поверхностныхъ и условныхъ ихъ знаменованій—совлекалъ съ нихъ все искуственное—все привычное—все то, что покрываетъ наготу первоначальнаго состоянія языковъ“ и такимъ образомъ „открывалъ постепенно слѣды умственной природы“ (природы чего?). Тогда „выраженія, приведенныя къ общему имъ началу“, обнаружили „черты первообразнаго своего обличія“, въ которыхъ, наконецъ, авторъ усмотрѣлъ „согласіе между *разумомъ* и *словомъ*“. Сдѣлавъ такое открытіе, онъ „обратился къ изслѣдованію первоначальнаго значенія словъ, стараясь въ то-же время постигнуть связь отвлеченныхъ разумѣній (?) въ образованіи языковъ“ (стр. 12—13).

Изложивъ такимъ образомъ ходъ своихъ занятій языкомъ, судить о плодотворности которыхъ представляется невозможнымъ, Гульяновъ сообщаетъ главныя положенія своего научнаго міровоззрѣнія. По его словамъ, „человѣкъ получилъ при созданіи *даръ слова*, то-есть: *врожденную способность* выражать свои ощущенія и мысли *опредѣленными звуками*“. Каждая-же способность „предполагаетъ здравость устроенныхъ для нея чувствъ и орудій, посредствомъ коихъ обнаруживается она въ явленіяхъ, имѣющихъ *положительные законы*“. Наши „праотцы, преданные чувствен-

ному созерцанію внѣшнихъ предметовъ и внемля внутреннимъ своимъ ощущеніямъ, сообщали какъ ощущенія сіи, такъ и свои мысли другъ другу въ простотѣ разума и безусловно. Они выражали каждое чувство, каждое понятіе сложеніемъ звуковъ, каковые рождались отъ самосовершавшихся движеній орудій слова". Постепенныя измѣненія этихъ первыхъ выраженій „происходили какъ отъ измѣненія, такъ и отъ соединенія словесныхъ началъ, подлежащаго закону сродственной ихъ связи" (стр. 13—14).

Для доказательства истины этихъ положеній и опредѣленія „человѣческаго содѣйствія въ первоначальномъ образованіи языка", нужно сначала „опредѣлить природу словесныхъ началъ и показать потомъ ихъ родство и соплеменность".

Оказывается при этомъ, что „*сродство* словесныхъ началъ обнаружитъ законы образовательнаго ихъ сочетанія, то-есть: природныя основанія реченій. *Соплеменность* (?) же началъ слова откроетъ... пути ихъ измѣненія и симъ оправдаетъ естественное превращеніе слова, образующее многочисленность видовъ языка первобытнаго".

По словамъ автора, „сіи законы, взятые въ возвратномъ ихъ порядкѣ и разрѣшенно (?), послужатъ основаніями *словоразъятія*, т. е.: науки вещественнаго разлаганія реченій" (стр. 14). Авторъ утверждаетъ также, что и „словописаніе, составленное изъ отдѣльныхъ знаковъ, словесныя начала представляющихъ, подлежитъ необходимо всѣмъ законамъ образованія реченій. Слѣдственно: *разлагать слова* значитъ — разлучать составныя ихъ начала въ порядкѣ образовательнаго ихъ сопряженія".

„Наука образованія словъ изложитъ намъ законы всѣхъ словесныхъ явленій, при помощи коихъ познаемъ мы существо первообразныхъ корней, и всѣ пути измѣненій языка первобытнаго. Руководствуясь тогда способомъ разлаганія словъ, мы постигнемъ словесныя измѣненія, покрывающія сродство всѣхъ извѣстныхъ языковъ и нарѣчій—и соображаясь съ степенями отмѣнъ первоначальныхъ корней, опредѣлимъ старшинство языковъ по старшинству корней (?), имъ принадлежащихъ".

„Таковы будутъ плоды познанія правилъ вещественнаго словоученія. Безъ сей же науки, всѣ умствованія о языкахъ, всѣ правила и руководства къ изученію оныхъ останутся безполезными" (стр. 15).

Предшествующая исторія языкознанія, до трудовъ автора, не выработала ничего цѣннаго, и наука шла по ложному пути: „если бы первые словоучители предпочли изслѣдованіе естественныхъ основаній собственнымъ своимъ умозрѣніямъ и руковод-

ствамъ (очень хорошо!); то, конечно, не затруднили бы они ученіе языковъ тонкостями вымышленныхъ ими правилъ, и не обременили бы оное выраженіями, въ знаменованіи коихъ разумъ ничего существеннаго не постигаетъ.

„Устранясь отъ ихъ поученій и шествуя по слѣдамъ природы, мы снискали истины простыя по существу своему — но богатыя слѣдствіями—разрѣшающія таинство словеснаго сооруженія“ (стр. 15—16).

Все это, можетъ быть, и очень хорошо, но мы такъ и не узнаёмъ, въ чемъ состояли открытія Гульянова и его „простыя истины“, разрѣшавшія всѣ тайны строенія языковъ, и потому не можемъ не относиться къ нимъ съ недовѣріемъ.

Изобразивъ основныя положенія „вещественнаго“ анализа языка, Гульяновъ переходитъ къ разсмотрѣнію „человѣческаго *смысла*, т. е. *разума*, *въ слово облеченнаго*“. По его мнѣнію, „словари не наблюдаютъ различія въ опредѣленіи *разума* и *смысла*“, между тѣмъ какъ „способность *разума* сокровенна, — а смыслъ предполагаетъ *словесное представленіе* нашихъ мыслей и ощущеній“. Онъ справедливо вооружается противъ господствовавшаго въ тѣ времена безпочвеннаго и оторваннаго отъ реальныхъ фактовъ „умствованія“ въ вопросахъ общаго языкознанія. „Но тщетны будутъ всѣ изысканія, если умствованіе не уступитъ, наконецъ, правъ своихъ *разбору*. По сіе же время вмѣсто разбора всюду находимъ мы умственныя заключенія и доводы. Но *разбирать* не значитъ выводить умомъ, а разлагать, разнимать части цѣлаго“ и т. д. (стр. 17). Только „познавъ, посредствомъ *мыслеразъятія* сродственную связь всеобщихъ разумѣній, мы возможемъ опредѣлить связь реченій имъ присвоенныхъ, и слѣдовательно, умственную основу языковъ. Тогда удобно намъ будетъ представить начертаніе соплеменныхъ понятій видимаго, умственнаго и нравственнаго міра, въ лицѣ словесномъ сліянныхъ и *строеніе смысла* (?) образующихъ“. Это „словесное начертаніе“ должно дать готовыя основанія „для составленія *Сродственнаго словаря*, коего призракъ являютъ намъ Словари сослововъ“ (стр. 19). Такой словарь избавитъ слова „отъ произволу азбучнаго безпорядка, разлучающаго и смѣшивающаго въ груды всѣ понятія, представитъ ихъ по порядку въ *семейной ихъ связи*. Подчиняя всегда частные предметы коренному и общему имъ разумѣнію, Словарь сей опредѣлитъ намъ въ точности знаменованіе каждаго реченія, назначитъ приличное каждому мѣсто въ порядкѣ вещественныхъ, умственныхъ и нравственныхъ предметовъ, сведетъ отрицательныя понятія съ положительными, покажетъ кругъ за-

конныхъ связей и отношенiй каждаго понятiя, и отличитъ однажды навсегда то, что введено употребленiемъ, отъ того, что положено природой... Разумъ языковъ, будучи основанiемъ сродственнаго Словаря, послужитъ... къ исправленiю многихъ словесныхъ толкованiй, и... возстановитъ въ реченiяхъ естественный порядокъ знаменованiй, въ разумѣ проначэртанный" (стр. 20—21).

Составить такой словарь можно только на основанiи „началъ всеобщаго словоученiя", къ которымъ авторъ и переходитъ. Первоначальными способностями человѣка онъ считаетъ *разумъ*, „извлекающiй изъ созерцанiя предметовъ отношенiя имъ общiя, которыя мы назовемъ *разумѣнiями*", и *смыслъ*, „присваивающiй частнымъ предметамъ знаменованiе общихъ разумѣнiй, словесными отмѣнами прикрытыхъ". Этими двумя способностями „управляетъ еще высшая способность, способность *помышленiя*, которая... соображаетъ" понятiя и представленiя, „согласно съ видами ума и съ обстоятельствами наблюдаемыхъ предметовъ"; она же, „сооружая частныя понятiя на основанiи общихъ разумѣнiй, творитъ *сужденiя*, словомъ выражаемыя (стр. 21)". Авторъ сожалѣетъ, что „существующiя Грамматики не открыли еще намъ въ наставленiяхъ своихъ *образованiя мысли.* Онѣ обращаются къ одной памяти и предписывая ей искуственные свои законы, не оставляютъ никакихъ почти слѣдовъ ни въ разумѣ, ни въ смыслѣ. Для отвращенiя сего неудобства нужно опредѣлить яснымъ образомъ всѣ словесныя подобiя нашихъ *мысленныхъ видовъ*, т. е. знаменованiе каждой рѣчи". Но для этого „должно будетъ упразднить и предать забвенiю всѣ Грамматическiя выраженiя древней школы, выраженiя произвольныя, и которыя, незаключая въ себѣ никакого существеннаго отношенiя къ мысленнымъ видамъ, затмѣваютъ всю простоту началъ словесной науки".

По словамъ автора, совлекши „съ лица Грамматикъ древнiя сiи личины", словоучители усмотрятъ, „что Грамматическiя опредѣленiя научаютъ подлинно *искуству* правильно говорить; но что симъ самымъ искуствомъ заграждаютъ умственные виды помышленiя (?), ознаменованныя въ частяхъ рѣчи". Для уразумѣнiя же этихъ видовъ необходимо „опредѣлить силу всѣхъ окончанiй частей рѣчи, и всѣхъ частицъ при началѣ и при концѣ словъ употребляемыхъ" (стр. 22). Тогда эти „образовательныя орудiя частей рѣчи, воспрiявъ законную силу свою въ словесномъ составѣ, обличатъ сами собою всѣ сочетанiя словъ, терпимыя употребленiемъ, но противныя смыслу". Съ другой стороны прiобрѣтется „способъ образовать отмѣны выраженiй, приличныя мыслен-

нымъ видамъ, въ языкѣ не существующимъ—и употребленіе, нынѣ столь могущее, столь грозное, примирится тогда съ разумомъ словесной науки“ (стр. 23).

Авторъ отрицаетъ пользу синтаксиса: „словоучители, разсматривая внѣшнія соотношенія частей рѣчи, составили изъ начертанія оныхъ особенное искуство, преподаваемое ими подъ именемъ *словосочиненія*. Но... полезно ли созидать исключительное ученіе изъ правилъ, изображающихъ непосредственную связь орудій, Грамматическому толкованію подлежащихъ? притомъ же: сообразно ли съ законами природы, творить два особенные предмета наблюденій изъ *разбора* и *сложенія* одной и той же вещи?“ Вмѣсто синтаксиса, онъ предлагаетъ заняться „изслѣдованіемъ *первоначальнаго образованія частей рѣчи*“. Такое изслѣдованіе, „объемля коренное существо и сложеніе мысленныхъ видовъ, обнаружитъ ихъ связь и первородство, въ которыхъ заключается все таинство способности помышленія—и слѣдовательно, всѣ умственныя основанія словесной науки (стр. 23—24)“.

Въ заключеніе авторъ рисуетъ благія послѣдствія отъ изученія языковъ по его методу: вникнувъ въ спеціальныя особенности каждаго языка, „мы познаемъ средства, коими каждый языкъ пользуется исключительно для представленія иныхъ умственныхъ постиганій и опредѣлимъ ихъ правильность и достоинство.

„Познаніе основныхъ понятій положитъ... конецъ словопрѣнію (такъ!), и стязующіеся перестанутъ теряться во тмѣ произвольныхъ своихъ опредѣленій, когда узнаютъ, что корень слова, будучи выраженіемъ понятія отвлеченнаго, заключаетъ въ предѣлахъ общаго своего знаменованія всю мѣру частныхъ своихъ отношеній (стр. 24—25)“.

„Отвлеченныя понятія, составляющія по существу своему законы видимой природы, пріобрѣтя недостающую имъ точность, послужатъ незыблемыми основаніями, на коихъ должны утверждаться всѣ человѣческія познанія, всѣ правила нашихъ умозрѣній.

„Тогда опредѣлится *языкъ ученія*, общій всѣмъ наукамъ“ и „составленный изъ ясныхъ выраженій, коихъ согласованіе... будетъ благопріятствовать образу мыслей наблюдателя... въ строгомъ отношеніи къ существу созерцаемыхъ имъ предметовъ.

„Наконецъ, разумъ языковъ, указавъ предѣлы разуму человѣческому, и проложивъ слѣды его изыскиваніямъ, понудитъ изложить и устроить правила наукъ по начертанію природы“.

Тогда и „наблюдатели отвлеченнаго міра, вникнувъ въ природу нашихъ способностей, признаютъ наконецъ праздность *Логики*—

сего ученія возникшаго древле отъ избытка ума и покоряющаго выкладкамъ своимъ здравый разсудокъ (стр. 25—26)". Авторъ не только противъ логики, которая безсильна „вперить разсудокъ въ того, кто не получилъ сей способности при рожденіи", но и противъ философіи, „туманной науки, сѣдящей между творцемъ и созданіемъ, и проповѣдающей законы свои о бытіи существъ, о явленіяхъ умственнаго и нравственнаго міра". По мнѣнію Гульянова, это „наука мрачная, которая, попирая врожденное сознаніе человѣка, изсушаетъ его разсудокъ, заглушаетъ всѣ чувства, и разрушая цѣпь вселенной, представляетъ помраченнымъ очамъ случайность міра сего и ничтожность грядущаго".

Такимъ образомъ реакціонное теченіе, обнаружившееся у насъ особенно сильно въ концѣ второго десятилѣтія XIX в., отразилось и въ области общаго языкознанія.

Рѣчь Гульянова, только что разсмотрѣнная выше, является образчикомъ этого отраженія. Претенціозная и причудливо-высокопарная, она ничего не внесла въ нашу науку, и всѣ ея похвальбы и обѣщанія такъ и остались словами. Описываемаго въ ней переворота въ языкознаніи труды ея автора не произвели, да и не могли произвести [1]).

Рѣчь Гульянова была разослана въ разныя европейскія ученыя общества, „изъ которыхъ многія отозвались объ ней съ похвалою", какъ свидѣтельствуетъ протоколъ Россійской академіи отъ 12 авг. 1822 г. („Извѣстія Росс. Акад." 1823 г., кн. XI, стр. 4 и слѣд.). Шишковъ видѣлъ „писанное изъ Вѣны однимъ ученымъ мужемъ (къ сожалѣнію не названнымъ) весьма одобрительное о ней письмо". Кромѣ того, къ Шишкову было препровождено графомъ Каподистрія письмо къ послѣднему нѣкоего Б. Меріана [2]) изъ Парижа, въ которомъ сообщалось, что Гульяновъ намѣренъ скоро выпустить продолженіе своего перваго труда (такъ и оставшееся въ портфелѣ автора). При этомъ присовокуплялось, что значеніе научныхъ трудовъ Гульянова увеличивается день ото

---

[1]) Позднѣйшая научная дѣятельность Гульянова была посвящена полемикѣ съ Шамподьономъ младшимъ, въ которой Гульяновъ доказывалъ ошибочность пріемовъ французскаго ученаго при чтеніи египетскихъ іероглифовъ (!).

[2]) Это былъ, очевидно, баронъ Андрей Адольфъ Меріанъ (р. въ Базелѣ въ 1772 г. † въ Парижѣ въ 1828 г.), въ молодыхъ лѣтахъ переселившійся въ Петербургъ и потомъ поступившій на русскую службу по мин. иностр. дѣлъ, въ которой ему приходилось исполнять разныя дипломатическія порученія, и именно во Франціи. Меріанъ былъ друженъ съ Ю. Клапротомъ, который посвятилъ ему свою «Asia Polyglotta». Б. Меріанъ, подобно своему

дня, что они уже обратили на себя вниманіе Англіи, Германіи и Франціи, и такимъ образомъ идеи его одержали полную побѣду, несмотря на скромность ихъ автора. Баронъ Меріанъ находилъ поэтому, что нѣкоторое поощреніе Гульянову было бы въ высшей степени желательно. Въ виду этого письма Россійская академія возмѣстила Гульянову его расходы по изданію рѣчи и назначила ему 500 р. асс. „въ награду за первые опыты его трудовъ" (тамъ же, стр. 5—6).

Въ томъ-же 1821 году явилась въ свѣтъ первая часть русскаго перевода извѣстной книги де Бросса: „Разсужденіе о механическомъ составѣ языковъ, и физическихъ началахъ этимологіи. Сочиненіе Бросса. Переведено съ французскаго Императорской Россійской Академіи Членомъ Александромъ Никольскимъ, и оною Академіею издано. Часть I. Въ Санктпетербургѣ. Въ типографіи Импер. Россійской Академіи. 1821" (8°, IX+407 стр.)". Вторая часть (8°, 446 стр.) была выпущена въ слѣдующемъ, 1822 году. Это извѣстное въ западной научной литературѣ сочиненіе вышло въ оригиналѣ еще въ 1765 г. и дождалось такимъ образомъ перевода на русскій языкъ лишь черезъ 56 лѣтъ послѣ своего появленія въ свѣтъ. Для своего времени книга де Бросса была замѣтнымъ явленіемъ, давая очень обстоятельный очеркъ общаго языкознанія, затрогивавшій наиболѣе интересные вопросы этой науки. Первыя двѣ главы его содержали ученіе объ этимологіи, ея основахъ, научномъ значеніи и пользѣ, слѣдующія двѣ (III—IV) — очеркъ фонетики или антропофоники, въ пятой главѣ описывалась физіологическая всеобщая азбука, изобрѣтенная де Броссомъ для изображенія всевозможныхъ звуковъ всѣхъ языковъ (попытка интересная для своего времени и въ извѣстныхъ отношеніяхъ аналогичная новѣйшимъ опытамъ въ этомъ направленіи Брюкке, Таузинга и др.), глава VI трактовала о первобытномъ языкѣ и ономатопеѣ, VII-я—о символическомъ и фонетическомъ письмѣ, VIII-я—о цифрахъ, IX-я—объ образованіи и

сослуживцу Гульянову, былъ тоже дилеттантомъ-языковѣдомъ и оставилъ нѣсколько лингвистическихъ работъ: «Tripartitum seu de analogia linguarum libellus» (вмѣстѣ съ Клапротомъ, Вѣна 1820—23, folio), «Synglosse ou Principes de l'étude comparative des langues» (Карлсруэ. 1826, 8°). Излюбленной идеей Меріана было, что корни всѣхъ языковъ односложны и одинаковы, и что подобныя формы встрѣчаются въ языкахъ народовъ, рѣзко отличающихся другъ отъ друга въ физіологическомъ отношеніи. Такимъ образомъ ничего нѣтъ удивительнаго, если дипломатъ-лингвистъ Меріанъ выражалъ сочувствіе Гульянову, своему сотоварищу по службѣ и такому же дилеттанту-языковѣду, какъ и онъ самъ.

развитіи языковъ и дробленіи ихъ на діалекты, X-я—о словопроизведеніи и значеніи словъ, XI-я—о словообразованіи и грамматическихъ измѣненіяхъ (флексіи), XII-я—о именахъ существъ нравственныхъ, XIII-я—о именахъ собственныхъ, XIV-я—о корняхъ, XV-я—о началахъ и правилахъ этимологическаго „искусства", XVI-я—объ „Археологѣ", или всеобщемъ историко-сравнительномъ словарѣ всѣхъ языковъ, расположенномъ по корнямъ [1]). Ко времени своего перевода на русскій языкъ книга де Бросса, однако, устарѣла по крайней мѣрѣ на 3/4 своего содержанія, и трудъ ея переводчика, изданіе котораго Россійская Академія ставила себѣ въ заслугу, являлся совершенно напрасной тратой времени. Упоминаніе о немъ можетъ только служить для вящшей характеристики тогдашняго положенія у насъ общаго языкознанія вообще и безплодной дѣятельности Россійской Академіи въ частности.

Появленіе книги де Бросса въ русскомъ переводѣ могло только содѣйствовать утвержденію у насъ цѣлаго ряда устарѣвшихъ и наивныхъ взглядовъ и теорій, отъ которыхъ общее языкознаніе уже давно отдѣлалось. Такимъ образомъ книга приносила больше вреда, чѣмъ пользы. Тѣмъ не менѣе современная печать привѣтствовала ея появленіе. Такъ въ рецензіи, напечатанной въ „Сынѣ Отечества" за 1822 г. (ч. 82, стр. 132), говорилось: „Хорошій переводъ творенія, признаннаго классическимъ въ своемъ родѣ, есть пріятный и драгоцѣнный подарокъ любителямъ изысканій филологическихъ. Совѣтуемъ всѣмъ, занимающимся этимологическими трудами, познакомиться съ сею превосходною книгою".

Къ 1822 году относится продолженіе упомянутой уже выше статьи А. С. Шишкова: „Опытъ разсужденія о первоначаліи, единствѣ и разности языковъ, основанный на изслѣдованіи оныхъ" („Извѣстія Россійской Академіи", кн. X. 1822, стр. 72—230). Какого-нибудь шага впередъ, въ смыслѣ метода и знакомства съ данными современной науки, сравнительно съ первой болѣе ранней частью статьи, здѣсь не замѣчается. Шишковъ по прежнему отправляется отъ положенія о единомъ всеобщемъ первобытномъ языкѣ, серьезно занимается вопросомъ о томъ, на какомъ языкѣ говорилъ Ной и его семейство, о вавилонскомъ столпотвореніи и смѣшеніи языковъ, и доказываетъ происхожденіе всѣхъ языковъ отъ одного первобытнаго ссылками на „Сравнительный словарь" Екатерины II, выражая при этомъ надежду, что Россійская Ака-

---

[1]) См. сжатую оцѣнку труда де Бросса у Бенфея, «Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie in Deutschland», Мюнхенъ, 1869, стр. 286—290.

демія „со временемъ не оставитъ издать оный съ новыми прибавленіями и примѣчаніями“ (стр. 78, прим.). Главное содержаніе статьи заключается, однако, въ опредѣленіи разницъ нарѣчія отъ языка и въ доказательствѣ глубочайшей древности славянскаго языка, который скрываетъ „начало свое въ самыхъ отдаленнѣйшихъ временахъ, и слѣдовательно безсомнѣнія есть отецъ безчисленнаго множества нарѣчій и языковъ“ (стр. 174). Достигается это при помощи фантастическихъ этимологій, въ которыхъ выдающуюся роль играетъ звукоподражаніе, и къ которымъ мы еще вернемся въ своемъ мѣстѣ.

Въ томъ же 1822 г., 4 февраля, читалось въ собраніи Московскаго общества любителей Россійской Словесности разсужденіе А. Глаголева († 1844): „О постепенномъ развитіи первообразныхъ языковъ“ [1]). Авторъ его, также любитель языкознанія, какъ Гульяновъ, Шишковъ и мн. другіе, подобно Шишкову, держится мнѣнія о единомъ всеобщемъ первобытномъ языкѣ, начало котораго скрыла отъ насъ глубокая древность. Изобрѣтеніе языка, по его мнѣнію, не можетъ быть дѣломъ человѣка: „смѣлая мысль нѣкоторыхъ ученыхъ, что человѣкъ самъ изобрѣлъ для себя слово, есть не что иное, какъ одна игра воображенія, оставляющая насъ въ недоумѣніи... Какимъ же образомъ человѣкъ, лишенный дара слова, могъ сообщать другимъ свои мысли? Если мы иначе не можемъ теперь мыслить, какъ разговаривая тайно съ самими собою, то неужели мыслящая способность первобытныхъ людей дѣйствовала по другимъ, особеннымъ законамъ? Говорятъ, что человѣкъ... сначала употреблялъ знаки естественныя, т. е. тѣлодвиженія, измѣненія голоса;—а въ послѣдствіи... произвольные или условные: но какимъ образомъ люди нѣмые могли согласиться или условиться въ принятіи тѣхъ знаковъ, которые не имѣли никакого отношенія къ понятіямъ или предметамъ?“ Автору кажется, что „всѣ сіи предположенія Философовъ похожи на систему извѣстныхъ атомовъ, изъ которыхъ, по мнѣнію Епикура, составился сей огромный и прекрасный міръ. Повидимому, они хотятъ доказать намъ, что человѣкъ есть созданіе случая. Иначе, можно ли вообразить, чтобы сіе превосходное твореніе, выходя изъ рукъ своего Творца, вмѣстѣ съ прочими безцѣнными дарами не получило и слова?“ (стр. 15—16).

„Если же происхожденіе слова современно человѣку; то любопытно знать первоначальный его составъ, обширность и раз-

---

[1]) См. «Сочиненія въ прозѣ и стихахъ». Труды Моск. Общества любителей Росс. Словесности, ч. III (отъ начала изданія ч. 23), 1823, стр. 15—28.

витіе. Исторія... не оставила намъ никакихъ слѣдовъ его постепеннаго хода: но въ сихъ изслѣдованіяхъ могутъ насъ руководствовать наблюденіе собственной мыслящей нашей способности и вмѣстѣ наблюденіе всѣхъ извѣстныхъ языковъ, а преимущественно нашего отечественнаго, который удержалъ доселѣ многія качества языковъ древнихъ“ (стр. 16—17). Чтобы „съ большею точностью опредѣлить корни словъ и ихъ отрасли“, авторъ изображаетъ тотъ порядокъ, „въ которомъ извѣстныя Грамматическія части рѣчи рождались одна съ другою или одна послѣ другой“. Первобытный человѣкъ, по его словамъ, „подобенъ младенцу, плачетъ, радуется и удивляется какъ младенецъ“. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что, „*междометія*, употребляемыя и нынѣ при выраженіи сильныхъ страстей, извѣстная часть рѣчи у грамматиковъ, безъ сомнѣнія были господствующею частію въ языкахъ первобытныхъ. Самая односложность и однозвучіе сихъ частицъ... доказываютъ ихъ первообразіе... Человѣкъ прежде старался удовлетворить нуждамъ... и обращалъ свое вниманіе только на предметы, его окружающіе... и имѣвшіе къ нему ближайшее отношеніе. Слѣдовательно... *имена вещей* должны относиться къ словамъ первообразнымъ. Такъ называемыя *имена подражательныя*“, принадлежавшія, по мнѣнію филологовъ, къ „языку природы“ и бывшія „основаніемъ всѣхъ другихъ частей рѣчи“, вѣроятно образованы „по аналогіи съ существовавшимъ уже языкомъ“ (стр. 16—19).

Человѣкъ прежде замѣчалъ самые предметы, и уже потомъ ихъ качества. Слѣдовательно, имена прилагательныя явились послѣ существительныхъ, причемъ прилагательныя, выражающія чувственныя качества (красный, черный), раньше другихъ. Родъ у прилагательныхъ и степени сравненія явились позже. Первоначально превосходная степень могла выражаться „повтореніемъ или наклоненіемъ одного и того же слова: *святая—святыхъ, небо—небесе*“ (?) (стр. 19—20). „Употребленіе глаголовъ предполагаетъ способность соединять два понятія“ (отличіе человѣка отъ всѣхъ животныхъ). При этомъ verbum substantivum *быть* вѣроятно возникъ раньше другихъ глаголовъ. Сначала должны были говорить: *лице красно есть*, а послѣ — „сокращенно“: *лице краснѣетъ*. Дѣйствительные и средніе глаголы первообразны, „ибо первоначально человѣкъ не могъ замѣтить другихъ измѣненій въ предметахъ, кромѣ ихъ дѣйствія и положенія“. Изъ наклоненій должно было существовать одно изъявительное, а изъ временъ—два, или не болѣе трехъ: настоящее, прошедшее, будущее. Мѣстоименія личныя, по мнѣнію автора,

должны быть современны глаголамъ. Односложность предлоговъ также доказываетъ, что и они входили въ составъ первообразнаго языка (стр. 20—21). *Нарѣчія* и *союзы* вѣроятно явились позднѣе всѣхъ другихъ частей рѣчи. Въ самомъ дѣлѣ всѣ они „производныя или сложныя изъ другихъ словъ“. Союзы также—„слова сложенныя или усѣченныя отъ другихъ частей рѣчи“. Въ доказательство авторъ ссылается на нарѣчіе *поздно*, происходящее отъ прилагательнаго *поздній*, которое въ свою очередь возникло изъ прилагат. *послѣдній* (!). Нарѣчія *когда*, *тогда*, *всегда*, по мнѣнію Глаголева, получились изъ выраженій *коего года*, *того года*, *весь годъ* (!); *нынѣ* заимствовано изъ (!) греч. νῦν, а *еще*, можетъ быть, изъ лат. etiam (!!); *или*, *ли*—отъ *либо*=*любо*, *любить* (!) (стр. 23—24). Имена общія и отвлеченныя „предполагаютъ уже въ высшей степени развитіе мыслящей способности“, давшее возможность абстракціи. Къ отвлеченнымъ именамъ авторъ относитъ и числительныя (стр. 25). Въ заключеніе формулируется разница между древними языками и новѣйшими: „первые, составлены будучи изъ именъ вещей и изъ словъ, выражающихъ чувственные предметы и особыя понятія, болѣе выразительны, живописны и украшенны; послѣдніе, перешедши отъ недостатка къ изобилію, отъ частныхъ понятій къ общимъ и отвлеченнымъ, болѣе точны и опредѣленны. Въ первыхъ расположеніе слова естественное, въ послѣднихъ грамматическое; первые способны болѣе къ поэзіи и витійству, послѣдніе—къ сочиненіямъ учебнымъ и историческимъ“ (стр. 27—28).

Какъ видно изъ приведенныхъ выдержекъ, статья А. Глаголева не представляетъ никакого шага впередъ, сравнительно съ другими аналогичными очерками общаго характера, разсмотрѣнными выше. Авторъ придерживается устарѣлыхъ уже въ то время точекъ зрѣнія (теоріи божественнаго происхожденія языка, теоріи общественнаго договора и т. д.), и если уклоняется отъ нѣкоторыхъ общераспространенныхъ въ то время взглядовъ (предпочитая, напр., интеръекціональную теорію происхожденія языка ономатопеической), то лишь случайно и безъ особой мотивировки. Такимъ образомъ, статья его имѣетъ вполнѣ дилеттантскій характеръ.

Такимъ же дилеттантскимъ произведеніемъ являются „Нѣкоторыя выписки изъ сочиненій графа Меистера, съ примѣчаніями на оныя“, переведенныя А. С. Шишковымъ и напечатанныя въ „Извѣстіяхъ Россійской Академіи“ (кн. XI, 1823 г., стр. 46—76). „Выписки“ эти сдѣланы изъ извѣстной книги графа Жозефа де-Местра „Les soirées de Saint-Pétersbourg“ (Парижъ, 1821, 2 т.)

и содержатъ доказательство положенія, что всѣ языки происходятъ отъ одного первобытнаго. По словамъ дипломата-автора, „нѣтъ произвольныхъ названій, всякое слово имѣетъ свою причину“ (стр. 46). Доказывается это рядомъ примѣровъ, въ томъ числѣ сходствомъ словъ *bren*=отруби и *sava*=сова, употребительныхъ „при подошвѣ Альпійскихъ горъ“, съ англ. bran, и русск. *сова* [1]). Изъ этого сходства де-Местръ заключаетъ, что данныя слова „существовали прежде въ двухъ языкахъ, сообщившихъ оныя двумъ нарѣчіямъ“, и готовъ согласиться, что всѣ четыре народа (англичане, славяне и жители „по ту и по сю сторону Альпъ“) получили ихъ „отъ народа преждебывшаго“ (стр. 48). Отсюда дѣлается выводъ, что „Тевтонское и Славенское“ семейства „не произвольно изобрѣли сіи два слова; но получили ихъ отъ кого-либо иначе“, т. е. отъ народовъ, „бывшихъ прежде ихъ“, которые въ свою очередь тоже получили ихъ отъ преждебывшихъ“ народовъ, „и такъ далѣе до первоначалія вещей“ (стр. 49). Разсужденія де-Местра сопровождаются примѣчаніями переводчика (А. Шишкова), назойливо настаивающаго въ нихъ на своихъ излюбленныхъ идеяхъ: необходимости „изслѣдованія“ корней для доказательства „происхожденія всѣхъ языковъ отъ одного первобытнаго“ (стр. 48, прим. 4, и стр. 49, прим. 5), объ особенной важности „Славенскаго“ языка, который могъ бы „руководствовать“ ученыхъ „къ самовѣрнѣйшимъ выводамъ и заключеніямъ“ и т. д. (стр. 49, прим. 5). Дальше де-Местръ утверждаетъ, что „младенчествующіе народы одарены чрезвычайнымъ талантомъ производить слова, и что философы напротивъ совершенно къ сему неспособны“ (стр. 51). При этомъ каждый языкъ имѣетъ свои особенные способы производить слова. Такъ латинскій любитъ „болѣе раздробленіе, позволяетъ себѣ слова свои,

---

[1]) Первое изъ этихъ словъ встрѣчается въ ретороманскомъ (brenn) и пьемонтскомъ (bren) и родственно прованс. и др. франц. bren=отруби, новофранц. bran = соръ, отбросы, испанск. brab'a = отпавшіе листья или кора. Сходство его съ англійскимъ bran объясняется, вѣроятно, общимъ его заимствованіемъ изъ кельтскаго (ср. бретонское brenn, новоирл. bran = отруби). Что касается второго слова, то въ ретороманскомъ есть дѣйствительно слово sava, но оно означаетъ *порогъ*, *косякъ* и, очевидно, не имѣетъ ничего общаго съ русскимъ *сова*. Во фріульскомъ есть одна только подходящая форма Save=*жаба*, заимствованная изъ славянскаго *жаба* и также, очевидно, вполнѣ чуждая русскому *сова*. Какой именно языкъ имѣлъ въ виду де-Местръ, неизвѣстно, и потому нельзя категорически установить, не ошибался ли онъ въ данномъ случаѣ. См. Körting «Lateinisch- Romaniches Wörterbuch» Paderborn 1901 г. № 1560, Carigiet, «Rätoromanisches Wörterbuch» (Bon.-Chur, 1882), Pirona, «Vocabolario friulano» (1871).

такъ сказать разламывать, и изъ разломковъ ихъ" составляетъ „новыя удивительной красоты названія, коихъ стихіи не могутъ быть усмотрѣны, какъ токмо искуснымъ окомъ" (стр. 54—55). Такъ лат. cadaver=трупъ получилось будто бы изъ трехъ словъ *caro data vermibus=тѣло, данное червямъ* (стр. 55—56), caecutire=caecus ut ire=идти ощупью, подобно слѣпому, negotier=ne ego o tier=я упражненъ, не теряю времени, откуда negotium (стр. 57), oratio=os+ratio, т. е. разумъ говорящій (стр. 58). Французы въ этомъ отношеніи—послѣдователи римлянъ и образовали „съ удивительнымъ остроуміемъ" свой глаголъ sortir изъ мѣстоименія личнаго se, нарѣчія мѣста hors и глагольнаго окончанія tir: se-hors-tir=sortir, т. е. поставить себя внѣ мѣста, гдѣ находился (стр. 58—60).

Необходимо указать, что даже Шишкову подобныя этимологіи показались произвольными, и онъ замѣчаетъ въ своихъ примѣчаніяхъ, что negotium скорѣе состоитъ изъ отрицат. частицы ne или nego+otio, cadaver должно имѣть связь съ cadere, oratio происходитъ отъ oro, orare (сравниваетъ съ русскимъ *орю, орать*), и т. д.

Замѣчанія де-Местра о множествѣ иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ встрѣчаютъ сочувствіе переводчика, который находитъ, что „упрекъ, сдѣланный намъ отъ г. Меистера, весьма справедливъ" (стр. 67, прим.). Положеніе де-Местра, что „время просвѣщенія и любомудрія... было временемъ безплодія" въ языкѣ, находитъ себѣ сочувствіе Шишкова, который, впрочемъ, оговаривается, что такое вредное вліяніе имѣетъ лишь „перенимательное просвѣщеніе" (стр. 67—71, прим.). По словамъ переводчика, разсужденія де-Местра, „при нѣкоторыхъ малыхъ разностяхъ", представляютъ „и великое... сходство" съ сужденіями самаго переводчика, помѣщенными въ „Извѣстіяхъ Россійской Академіи" (стр. 75). Такимъ образомъ мотивомъ къ переводу и изданію въ свѣтъ любительскихъ экскурсій де-Местра въ область языкознанія было сходство во взглядахъ и методѣ обоихъ дилеттантовъ-языковѣдовъ, нашего и французскаго. Въ научномъ отношеніи домыслы де-Местра были лишены всякаго значенія и никакого пріобрѣтенія для нашей научной литературы составить не могли.

Отрицательнымъ образчикомъ университетской науки середины 20-хъ гг. является „Всеобщая и философическая грамматика языковъ" (на самомъ дѣлѣ учебникъ французскаго языка на русскомъ и франц. языкахъ texte en regard съ „философическимъ" введеніемъ) Николая Паки де Совиньи, сначала адъюнкта и послѣ экстраординарнаго профессора французскаго и латинскаго язы-

ковъ въ Харьковскомъ университетѣ, характеризуемаго въ воспоминаніяхъ современниковъ, какъ надутая и крайне ограниченная бездарность [1]).

Книга его состоитъ изъ трехъ частей, носящихъ по нѣскольку заглавій, краткихъ и пространныхъ, каждое на русскомъ и французскомъ языкахъ. Общій характеръ имѣетъ только первая часть, носящая слѣдующее главное заглавіе: „Философическая грамматика языковъ или ключъ ко всѣмъ языкамъ и литературѣ; сочиненіе классическое и учебное, расположенное въ видѣ таблицъ или сокращеннаго и умозрительнаго метода, чрезъ которой учащіеся въ Университетахъ, Лицеяхъ, Пансіонахъ, могутъ узнать легко и методически основныя правила, приложенныя ко всѣмъ языкамъ вообще и въ особенности къ французскому. Изданная Николаемъ Паки де Совиньи, Коллежскимъ Совѣтникомъ, Профессоромъ при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ. Часть Первая. Грамматическія и логическія качества рѣчи. Харьковъ, 1823 г. 8°. 158 стр. (стр. 144—158: Таблица вопросовъ, предлагаемыхъ на экзаменахъ)“. Имѣется и французское столь же пространное заглавіе: „Grammaire générale, philosophique et litteraire des Langues ou la clef des langues et des lettres etc.“. Книга посвящена вдовствующей императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ и снабжена эпиграфомъ:

«Sans la langue en un mot l'auteur le plus divin,
Est toujours quoique'il fasse un méchant écrivain».
Boileau, art poët. I chant.

Содержаніе этого рутинно-бездарнаго, надутаго и болтливаго учебника обнаруживаетъ невѣжество и ограниченность автора. Послѣ многословныхъ и банальныхъ разсужденій о пользѣ изученія языковъ, авторъ даетъ рядъ ходячихъ опредѣленій разныхъ грамматическихъ и риторическихъ понятій, подчасъ довольно курьезныхъ. Тамъ, на стр. 45, находимъ такое объясненіе „троповъ“: „*тропы* суть фигуры словъ, ежели перемѣните слова, то фигура уже не существуетъ болѣе; между тѣмъ, какъ фигуры мыслей находятся всегда (??), какія бы ни были слова, которыя употребляете для выраженія мыслей; но чтобы ихъ употреблять кстати, свѣтильникъ здраваго разсудка долженъ руководствовать сочинителя“. На стр. 71-й такъ опредѣляется понятіе глагола:

---

[1]) См. о немъ проф. Багалѣя «Опытъ Исторіи Харьковскаго университета» въ «Ученыхъ Запискахъ» названнаго университета 1895, кн. 2. Лѣтопись Харьк. унив., стр. 1—2; 1896 г. кн. 2. Лѣтопись, стр. 22, кн. 3, тамъ же, стр. 49; 1902 г., кн. 1; тамъ же, стр. 45—47.

„глаголъ есть слово по превосходству, выражающее дѣйствіе въ подлежащемъ, или просто состояніе, въ которомъ оно находится“.

Общіе лингвистическіе взгляды автора стоятъ на много ниже тогдашняго уровня науки и отдаютъ началомъ XVIII вѣка. „Касательно образованія языковъ“ П. де С. „почитаетъ вѣроятнѣйшимъ“ нижеслѣдующее мнѣніе, хотя и затрудняется высказать его категорически: „...*всѣ языки*... съ самаго начала міра заимствовали одни отъ другихъ множество словъ или выраженій, которымъ народы дали новыя формы, новыя окончанія, различныя отъ прежнихъ, бывшихъ ихъ началомъ; новыя слова, примѣненныя къ новымъ ихъ открытіямъ и такимъ образомъ произошло сочиненіе совершенно новое, которое составило смѣсь частей столь разнородныхъ и столь различныхъ между собою, что древніе народы, вставши теперь изъ гробовъ своихъ, съ трудомъ могли бъ узнать въ сихъ новыхъ нарѣчіяхъ, распространенныхъ по всему земному шару, то, что имъ собственно принадлежитъ.

Но ежели кто хочетъ пріобрѣсти основательное знаніе происхожденія словъ, то древніе языки Греческій, Латинскій, Цельтическій, Тевтоническій, Славянскій служатъ необходимымъ ключемъ всѣмъ литтераторамъ и ученымъ Филологамъ тѣхъ народовъ, нарѣчія которыхъ наиболѣе, по видимому, сближаются съ какимъ нибудь изъ сихъ древнихъ языковъ, т. е. корнемъ, откуда они ведутъ свое начало (стр. 133)“.

Невѣжество автора сказывается особенно въ его представленіяхъ о существующихъ языкахъ. Къ славянскимъ языкамъ онъ относитъ только „россійскій, польскій, богемскій, иллирійскій и другіе“, которые „нынѣ столько же полезны, сколько пріятны и сладкозвучны“ (стр. 125). „Древними полезнѣйшими языками“ онъ считаетъ еврейскій, санскритскій, китайскій, арабскій, персидскій, греческій и латинскій (стр. 129). О санскритѣ онъ имѣлъ также лишь очень смутное представленіе (см. ниже, въ слѣдующемъ отдѣлѣ б) этой главы). Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ древними или первоначальными языками лишь языки еврейскій, греческій, латинскій, славянскій, тевтоническій (!), татарскій или скиѳскій (!), тосканскій (?!) и цельтическій (стр. 131). Отъ этихъ языковъ произошли разные вторичные и позднѣйшіе языки: „Еврейскій далъ начало Арабскому, Халдейскому и Сирійскому (!). Латинскій и Тосканскій (!) произвели Французскій, Итальянскій, Испанскій и Португальскій... отъ Тевтоническаго (!) родились новой Нѣмецкій, Английскій, Фламандскій или (!) Голландскій и Шведскій... Скиѳскій или Татарскій былъ корнемъ языковъ: Турецкаго, Абиссинскаго (!), Еѳіопскаго (!) и Сармаканскаго (?!)“.

Приведенные образчики достаточно ярко говорятъ о достоинствѣ этого *профессорскаго* труда, возникшаго у насъ уже послѣ появленія въ свѣтъ на западѣ первыхъ работъ Боппа, Я. Гримма и В. ф. Гумбольдта или одновременно съ нѣкоторыми изъ нихъ. Книжка Паки де Совиньи была послѣдней въ ряду нашихъ „философскихъ“ грамматикъ, послѣднимъ чахлымъ и худосочнымъ отпрыскомъ всеобще-грамматическаго направленія, разцвѣтшаго на западѣ главнымъ образомъ во второй половинѣ XVIII вѣка, но дошедшаго до насъ, какъ всегда, съ значительнымъ опозданіемъ. У насъ это направленіе не могло найти для себя благопріятной почвы. Философская мысль еще дремала и, съ поворотомъ въ сторону реакціи во второй половинѣ царствованія Александра I, почти совсѣмъ замерла. Слѣды такого неблагопріятнаго поворота можно найти и въ занимающей насъ области. Въ то время, какъ Модрю, Язвицкій и даже діаконъ Орловъ, писавшіе до 1810 г., болѣе или менѣе категорически признаютъ языкъ созданіемъ, или постепеннымъ пріобрѣтеніемъ человѣка, позднѣйшіе авторы разныхъ обще-грамматическихъ разсужденій (Гульяновъ, Глаголевъ) придерживаются теоріи о непосредственно божественномъ происхожденіи языка и т. д. Не удивительно, если наша обще-грамматическая литература первой четверти XIX в., какъ можно было убѣдиться выше, представляетъ лишь блѣдныя компиляціи и отголоски, а то такъ и простые переводы произведеній соотвѣтствующей западно-европейской литературы, притомъ устарѣлыхъ (Де Броссъ, Морелле) или дилеттантскихъ и ничѣмъ не выдающихся (Пужанъ, де Местръ). Рядомъ находимъ и такіе курьезы, какъ разсужденія Рослякова, NN, отчасти діакона Орлова и Гонорскаго. Единственное болѣе замѣтное явленіе въ этой области— „Всеобщая грамматика“ Якоба, принадлежала нѣмецкому ученому, лишь временно состоявшему на русской службѣ, да и та была у насъ признана „сочиненіемъ праздноумственнымъ и безплоднымъ“ и изъята изъ употребленія въ качествѣ учебника.

б) *Индійская филологія и сравнительное языкознаніе въ первой четверти XIX в.*

Въ началѣ XIX в. къ намъ начинаютъ проникать болѣе подробныя, хотя все еще довольно смутныя свѣдѣнія о санскритѣ, другихъ индійскихъ языкахъ и индійской литературѣ. Къ самому началу XIX в. относится изданная въ Лондонѣ грамматика индустани [1]), авторомъ которой былъ нашъ индіанистъ-самоучка, Г. С. Лебедевъ (см. выше, стр. 504—505).

---

[1]) «A grammar of the pure and mixed dialects, spoken in all the eastern

Книга эта интересна, какъ первый печатный трудъ русскаго автора, основанный на самостоятельномъ изученіи одного изъ новоиндійскихъ языковъ. Начало предисловія (стр. I) содержитъ нѣсколько любопытныхъ чертъ для характеристики самого автора, принадлежащаго къ числу довольно неожиданныхъ и отнюдь не дюжинныхъ личностей, выдвинутыхъ русскимъ обществомъ конца XVIII в. По его словамъ, его привлекло въ Индію естественное стремленіе человѣческаго духа узнать міръ также хорошо, какъ и свою родину. При этомъ онъ нашелъ, что „природа не ограничиваетъ своихъ наставленій какой нибудь отдѣльной страной или классомъ людей, но развертываетъ свои сокровища съ самой высокой цѣлью, а именно для общаго блага всего человѣческаго рода; она открываетъ широкій видъ за горизонтомъ этого міра и расширяетъ область нашего познанія". Въ разысканіяхъ этого рода научились самые замѣчательные люди всѣхъ странъ и временъ уважать истину природы и „приближаться къ ея священному мѣстопребыванію съ благоговѣйнымъ чувствомъ". Движимый желаніемъ принести посильную пользу, нашъ авторъ предпринялъ и свои занятія индійскими языками и литературой, первымъ плодомъ которыхъ и была разсматриваемая книга.

Старанія автора по прибытіи въ Индію найти такого переводчика, „который могъ бы научно объяснить санскритскій (Shamscrit) алфавитъ, употребляемый для бенгальскаго языка и иначе называемый *пракритъ*(!) или *бхаша*(Bhadsha!)", сначала были тщетны. На помощь со стороны „испорченныхъ грамматикъ индійскихъ діалек-

countries, Methodically arranged at Calcutta, according to the Brahmenian System, of the Shamscrit language. Comprehending literal explanation of the compound words, and circumlocutory phrases, necessary for the attainment of the idiom of that language etc. Calculated for the Use of Europeans. With remarks on the error in former grammars and dialogues of the Mixed dialects called Moorish or Moors, written by different Europeans; together with a recitation of the assertions of Sir William Jones, respecting the Shamscrit Alphabet; and several specimens of Oriental Poetry, published in the Asiatic Researches (съ индійскимъ четверостишіемъ—эпиграфомъ: «Shoono anondit, Raja Kohila tahare; beia-Koran odie Kabbeo shongito nirnoy и т. д. Bedde Shoondor, Vol. I. Shrie Chondro Riy.). By Herasim Lebedeff. London: Printed by J. S. Kirven, Ratcliff-highway; for, and sold by the author, № 3, Warwick-place, Bedford-row; and by Mr. Deberett, bookseller, Piccadilly. 1801». 4°, 2 ненум. листа (заглавіе и посвященіе to the honorable the east India company) + XXIII (автобіограф. введеніе и предисловіе) + 2 л. ненум. (оглавленіе, errata) + 86 стр. (сама грамматика: «A grammar of the mixed indian dialects: erroneously called Moorish, or Moors»; стр. 2—63 и разговоры—стр. 65—86). Объ этой грамматикѣ и ея авторѣ см. также Аделунга «Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde etc.» т. I. Берлинъ 1806, стр. 184—86.

товъ, писанныхъ европейцами и озаглавленныхъ безъ различія грамматиками *индостанскаго* языка", онъ также не могъ разсчитывать (стр. III). Въ концѣ концовъ учитель, однако, нашелся (см. выше, стр. 505), и Лебедевъ, сдѣлавъ подъ его руководствомъ значительные успѣхи, перевелъ „словарь индійскихъ смѣшанныхъ діалектовъ и бенгальскаго языка [1]) и составилъ нѣсколько разговоровъ объ обыденныхъ и научныхъ предметахъ; тѣ и другіе на бенгали и на „смѣшанныхъ діалектахъ". Чтобы лучше опредѣлить разницу между ними, онъ „отмѣтилъ тѣ діалекты, которые давали отличить свой корень и отпрыски, и нашелъ при этомъ, что смѣшанные индійскіе діалекты несомнѣнно обязаны своимъ происхожденіемъ болѣе двумъ первоначальнымъ вѣтвямъ—бенгальскому языку и шамскриту, иначе Дебъ или Дебъ Нагоръ (*деванагари*!), чѣмъ языку какихъ либо другихъ областей" (стр. V—VI).

Ниже (стр. IX—X) Лебедевъ указываетъ, что индійская литература стала уже предметомъ трудолюбивыхъ и остроумныхъ изслѣдованій и привлекла вниманіе многихъ ученыхъ. Но ни одинъ изъ нихъ не далъ „правильной системы шамскритской азбуки, или (!) грамматики смѣшанныхъ діалектовъ, изъ которыхъ мы могли бы получить сколько нибудь сносное знаніе восточныхъ языковъ". По его словамъ, это объясняется недостаточнымъ знаніемъ англійскаго языка индійскими пандитами, которые поэтому не могутъ объяснить какъ слѣдуетъ особенности санскритскаго языка. Соглашаясь съ В. Джонсомъ, находившимъ („Asiatic Researches", т. I, стр. 13), что англійская азбука и ороографія несовершенны до смѣшного и совсѣмъ не пригодны для передачи индійскихъ, персидскихъ или арабскихъ словъ, Лебедевъ замѣчаетъ, что ему, какъ русскому, было особенно легко „усвоить звуковое значеніе и силу шамскритскихъ знаковъ и т. п., благодаря ихъ сходству со звуками (!) азбуки его родной страны—Россіи", и выражаетъ увѣренность, что нѣтъ другой азбуки, которая обнаруживала бы больше сходства съ индійской, чѣмъ русская.

Далѣе Лебедевъ указываетъ на недостатки трудовъ его предшественниковъ и современниковъ въ данной области и полемизируетъ съ нѣкоторыми изъ нихъ. Признавая ихъ старанія, заслуживающія высшей похвалы, и считая верхомъ самонадѣянности „присвоить себѣ единственное право судить о предметѣ, столь

[1]) Рукопись этого словаря, вмѣстѣ съ другими рукописями Лебедева (въ томъ числѣ, очевидно, и разсматриваемой его грамматики) принадлежала въ 80-хъ гг. истекшаго столѣтія кн. П. П. Вяземскому (см. «Историч. Вѣстникъ» 1880 г. ноябрь, стр. 515—516, прим.).

темномъ и мало извѣстномъ, притомъ въ языкѣ, столь далекомъ отъ его родного языка“, Лебедевъ считаетъ своимъ долгомъ передъ потомствомъ указать и провѣрить ошибочныя утвержденія своихъ предшественниковъ, „которыя до сихъ поръ доставляли изслѣдователямъ индійской литературы болѣе затрудненій, чѣмъ точныхъ свѣдѣній“. Поэтому онъ старался прослѣдить до самаго источника „безчисленныя ошибки“, открытыя имъ въ индійскихъ грамматикахъ, обнародованныхъ раньше его руководства, и указаніемъ на нихъ предостеречь отъ нихъ, насколько это было возможно (стр. XI—XII).

Ниже приводятся примѣры такихъ ошибокъ у Фергюсона въ его „Hindostan grammar“ и у Гедли (Hadley), автора „Grammatical Remarks on the Indostan language“ и „Familiar Phrases and Practical dialogues“. Кромѣ того, Лебедевъ полемизируетъ и съ В. Джонсомъ, упрекая его въ невѣжествѣ и незнаніи туземной „системы индійской азбуки“, вслѣдствіе чего „описаніе индійской азбуки“ у Джонса сильно отличается отъ настоящей брахманской системы. Въ подтвержденіе своего приговора Лебедевъ приводитъ примѣры якобы ошибочной транскрипціи санскритскаго текста у Джонса, которые въ огромномъ большинствѣ случаевъ объясняется разницей между новымъ, туземнымъ произношеніемъ санскрита, принятымъ Лебедевымъ, и условно-архаичнымъ, проведеннымъ у Джонса въ его транскрипціи и почти тожественнымъ съ нынѣ общепринятымъ (стр. XVIII и сл.).

Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ этой книги, Лебедевъ вернулся въ Россію (1802 г.) и былъ опредѣленъ переводчикомъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. На средства, полученныя изъ казны [1]), онъ открылъ типографію, въ которой впервые, не только у насъ, но и вообще въ Европѣ, былъ имъ отлитъ санскритскій шрифтъ (типа бенгали), нашедшій себѣ примѣненіе въ выпущенной имъ въ 1805 г. книгѣ: „Безпристрастное созерцаніе системъ восточной Индіи брамгеновъ, Священныхъ обрядовъ ихъ и народныхъ обычаевъ, Всеавгустѣйшему Монарху Посвященное. по Высочайшей волѣ Его Императорскаго Величества напечатано въ Санктпетербургѣ. Въ типографіи Герасима Лѣбедева. 1805 года“ (4°; 8 ненум. + X + 2 ненум. + 173 + 1 ненум. стр.).

[1]) Лебедевъ пользовался покровительствомъ высокихъ особъ, какъ это видно изъ его посвященія къ цитируемой книгѣ, сообщающаго, что Павелъ I, «съ восхитительнымъ для вѣрноподданнаго Монаршимъ благоволеніемъ, ободривъ его предпріятія къ снисканію общеполезныхъ свѣдѣній, Всемилостивѣйше соизволилъ руководствовать его достойнымъ Величества своего предначертаніемъ до самой Восточной Индіи» (посвященіе къ «Безпристрастному созерцанію и т. д.» стр. 2).

По своему содержанію книга эта, дающая обзоръ религіозныхъ и космографическихъ ученій индусовъ, индійскаго календаря и нѣкоторыхъ этнографическихъ данныхъ (культъ, народные обычаи и т. д.), не имѣетъ ближайшаго отношенія къ языкознанію [1]), но тѣмъ не менѣе свидѣтельствуетъ о степени знакомства Лебедева съ санскритомъ. Передача санскритскихъ словъ въ русской транскрипціи носитъ у него всегда отпечатокъ туземнаго (бенгальскаго) традиціоннаго произношенія.

Санскритъ называется вездѣ *шомскритъ*, *шомскритскій* языкъ, пандиты—*пондиты* (стр. IV); названія ведъ приводятся въ такомъ видѣ: *Шомо бедъ* или *Шомъ бедъ* (Самаведа), *Чъочъуръ бедъ* (Яджурведа), *Ритъ*, или „народно" *Рикъ бедъ*, *Оторбо бедъ*, „народно" *Утторъ* или *Отторъ бедъ* (Атхарва-веда), пураны—*пуранеръ*, сборники законовъ (*шастра*)—въ ед. ч. *шаштра*, а въ множ. *шаштрореръ* и т. д. Кромѣ того въ текстѣ находимъ цѣлый рядъ санскритскихъ словъ (около 150), напечатанныхъ подвижными, нарочно для этого отлитыми знаками бенгальскаго деванагари, какъ было уже сказано,—первый случай этого рода не только у насъ въ Россіи, но и въ Европѣ вообще [2]).

---

[1]) Въ семи главахъ первой части: «о источникахъ брамгенскихъ просвѣщеній, основанныхъ на откровеніи въ вѣкъ первый лунный» и т. д. трактуется «о сотвореніи міра сего; о святѣй единосущнѣй и нераздѣльнѣй Троицѣ; объ Ангелахъ Индійцами разнопознаваемыхъ; о свѣтилахъ небесныхъ, первоначальнаго луннаго вѣка; о сотвореніи всей земной твари; о начальномъ счисленіи времени у Индійцовъ и о четырехъ Индійскихъ вѣкахъ». Вторая часть—«о источникахъ индійскихъ познаній почерпаемыхъ изъ природы въ первоначальный вѣкъ солнечный» и т. д. содержитъ пять главъ: «о раздѣленіи царствъ природы; о раздѣленіи свѣта сего на планеты и градусы; о свѣтилахъ небесныхъ первоначальнаго солнечнаго вѣка; о мѣсяцахъ и знакахъ къ онымъ принадлежащихъ и о шести разныхъ временахъ годичныхъ; о ключѣ и чертежахъ табелей Индійскаго календаря». Третья часть «о священныхъ брамгенскихъ обрядахъ и народныхъ обычаяхъ» содержитъ семь главъ: «о священныхъ брамгенскихъ обрядахъ; о храмахъ и украшеніяхъ къ онымъ принадлежащихъ; о главныхъ праздникахъ индійскихъ; о разности чиновъ и званій индійскаго народа (о кастахъ); о нравахъ и обычаяхъ индійцовъ; о изобиліяхъ Восточной Индіи; о торговлѣ индійской.

[2]) Первымъ европейцемъ, вырѣзавшимъ и отлившимъ индійскій шрифтъ, считается обыкновенно Ч. Вилькинсъ (1749—1836), санскритская грамматика котораго была издана въ Лондонѣ только въ 1808 г., вслѣдствіе пожара, разрушившаго его типографію. Въ Индіи Вилькинсъ отливалъ бенгальскій шрифтъ еще въ 70-хъ гг. XVIII в. для изданной имъ въ 1778 г. бенгальской грамматики Halhed'a. Здѣсь кстати исправить ошибку Мурко, утверждающаго въ своей статьѣ: «Prvi usporedjivači sanskrita sa slovenskim jezicima» («Rad jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti». Кн. 132. Разрядъ историко-филологическихъ и юридич. наукъ. XLVIII. Загребъ 1897. Стр. 107), что первая сан-

Въ „предувѣдомленіи“ къ своей книгѣ Лебедевъ говоритъ о важности изученія Индіи не только въ виду ея природныхъ богатствъ, но и потому, что она „есть та первенствующая часть свѣта, изъ которой по свидѣтельству разныхъ бытописателей, родъ человѣческій по лицу его земнаго круга разсѣлялся; и которыя національный *Шомскритскій* языкъ, не довольно со многими Азіатскими, но и съ Европейскими языками имѣетъ весьма ощитительное въ правилахъ сближеніе“. Неожиданное доказательство этого взгляда на Индію, какъ прародину человѣчества, высказаннаго за три года до Фр. ф. Шлегеля („Ueber die Sprache und Weisheit der Indier“ 1808 г. Кн. III, гл. III, стр. 173 и сл.), Лебедевъ находитъ, „кромѣ другихъ премногихъ историковъ“, у Ломоносова, Палласа и Агафонова [1]). Первый въ „краткой о Россахъ исторіи“ объявляетъ, что „прародители Славенскіе *Сарматы*, Амазоны, Варяги, Россы, или Россоланы, и другіе разные народы, происхожденіе свое имѣютъ изъ Азіи, и составляютъ одинъ разсѣянный народъ“. Въ подтвержденіе этого мнѣнія Ломоносова, Лебедевъ указываетъ, что „на Индійскомъ (?) языкѣ тѣ же самыя именованіи выговариваются *Шоръ-мата*, (Россійскіе жители), *Амар-чъоны* (мое стяжаніе), *Бара-гей*, или *Баръ-гей* (Восточный народъ), *Россъ-нами* (сыны свѣта)“. Что до Палласа, то онъ въ своемъ „путешественномъ изданіи показываетъ великое сходство *Манжурскихъ* или *Китайскихъ* божествъ, съ изображеніями божествъ Индійскихъ“, объясняющееся, конечно, индійскимъ происхожденіемъ буддизма, но толкуемое Лебедевымъ въ пользу своего мнѣнія. Агафоновъ-же, „въ переведенной имъ на Россійскій языкъ Манжурскаго и Китайскаго *Шунь-джи Хана* книгѣ о законахъ, представляетъ множество словъ *Шомскритскаго* языка“ („Предувѣдомленіе“, стр. I).

скритская типографія въ славянскихъ земляхъ была основана польскимъ ученымъ Валент. Маевскимъ, авторомъ труда «O sławianach i ich pobratymcach» (Варшава, 1816). Какъ видно изъ вышеизложеннаго, Лебедевъ опередилъ Вилькинса на три года, а Маевскаго на цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ. Во Франціи сначала санскритскіе тексты печатались съ гравированныхъ мѣдныхъ досокъ. Такъ изданъ былъ первымъ профессоромъ санскрита въ Collége de France, Шези, эпизодъ изъ Магабхараты «Yadjnadatta-Badha» (Парижъ. 1814). Только послѣ этого изданія французское правительство заказало для королевской типографіи индійскій шрифтъ деванагари. См. рецензію А. В. фонъ-Шлегеля на означенное изданіе Шези и его же вступительную лекцію въ открытый имъ курсъ санскрита въ Collége de France („Heidelbergische Jahrbücher der Litteratur» 1815 г. № 56. Стр. 881—93=A. W. von Schlegel, «Sämmtliche Werke». Лейпцигъ 1847, т. XII. Стр. 427—38).

[1]) А. С. Агафоновъ, одинъ изъ первыхъ русскихъ синологовъ, воспитанникъ тобольской семинаріи, въ 1769 студентъ пекинской миссіи, 1780—переводчикъ въ Кяхтѣ, † 1794 г.

Указавъ на трудности поставленной имъ себѣ цѣли (изученіе Индіи), ибо „нетокмо о Брамгенскихъ Системахъ, но и о свойствѣ древнѣйшаго ихъ *Шомскритскаго* языка точнаго свѣдѣнія по сіе время Европа еще не имѣла“ (благодаря между прочимъ недовѣрію индусовъ къ европейцамъ), Лебедевъ передаетъ исторію своего путешествія въ Индію и своихъ занятій индійской филологіей (болѣе подробно, чѣмъ во введеніи къ вышеразсмотрѣнной индостанской грамматикѣ на англійскомъ языкѣ). „Подъ руководствомъ почетныхъ *Брамгеновъ* и (ученыхъ) *Пондитовъ*“, Лебедевъ „выразумѣлъ Бромгенскую азбуку, Словарь, Граматику, Ариѳметику, Календарь и прочіе предлагаемые“ имъ въ своей книгѣ „въ краткости предметы“ (стр. IV). Такъ какъ онъ отдавалъ индійскимъ ученымъ „справедливость въ ихъ знаніяхъ, то сею признательностію получилъ отъ нихъ свѣдѣніе о *Шомскритскомъ* языкѣ, иначе называемомъ *Дебъ накъоръ* (devanāgarī!) или *Пронкрито* (пракритъ!!), изъ котораго произошли *Бенгальской* языкъ и *Урія*, и тотъ обще-народной діалектъ называемый *Моришъ* (англ. Moorish!) или *мурсъ* (англ. Moors!), употребляемой не токмо во всей Индіи, но и между разсѣянными въ свѣтѣ цыганами, происшедшими отъ племянъ Индійскихъ; воззаимствовалъ понятіе о древнѣйшихъ Брамгенскихъ системахъ, священныхъ ихъ обрядахъ и народныхъ обычаяхъ“ (тамъ-же).

Ниже сообщаются свѣдѣнія о санскритской „азбукѣ *Борно* (санскр. varṇa!), называемой *Шомскрито*, или *Пранкрито*, иначе *Дебъ накъоръ*, то есть богоначертанная“ (стр. V), о ея туземномъ расположеніи („въ пяти отдѣленіяхъ, въ каждомъ семью столпами сообразно имяни Всесоздателя *Брормго*, начертаннаго семью буквами“), мистическомъ значеніи отдѣльныхъ буквъ и т. д.

Изложивъ затѣмъ вкратцѣ содержаніе своей книги, Лебедевъ въ концѣ предисловія увѣдомляетъ читателей, что писалъ индійскія слова въ своей книгѣ, „не Европейскому, а Индійскому послѣдуя произношенію [1]); за небреженіемъ котораго, во многихъ Европейскихъ изданіяхъ самыхъ священныхъ древностей, настоящій смыслъ коренныхъ языка сего реченій такъ утерянъ (?), что собственнаго ихъ знаменованія, съ великою трудностію доискиватся должно“ (стр. IX).

Въ заключеніе даются наставленія путешественникамъ въ Индію, которымъ между прочимъ рекомендуется имѣть при себѣ

[1]) Какъ это было въ ходу въ началѣ XIX и у европейскихъ ученыхъ, хотя бы, напр., у Фр. фонъ-Шлегеля въ его извѣстной книгѣ «Ueber die Sprache und Weisheit der Indier» (1808) и др.

„Славенороссійскую Азбуку, имѣющую великое сходство и сближеніе въ числѣ буквъ съ Индійскою (!), Словарь, Граматику (очевидно индійскія), Географію, Естественную исторію, Философію, Библію, даже и Миѳологію“, и изучить санскритъ (стр. IX—X).

Въ самомъ концѣ предисловія авторъ говоритъ о своихъ научныхъ планахъ, которые такъ и остались неосуществленными: „... есть-ли угодно будетъ провидѣнію жизнь мою продолжить, и отдалить подобныя тѣмъ затрудненіи, какіе при семъ изданіи встрѣчались сомною (такъ!) отъ художниковъ, за вѣрноподданническій почитаю долгъ, выдать не токмо выше означенную смѣшанныхъ Индійскихъ діалектовъ [1]), но и Бенгальскаго языка Грамматику, Словарь и Ариѳметику, и выше помянутые драммы, на собственномъ нашемъ Россійскомъ и Индійскомъ языкахъ“ (стр. X).

Разсмотрѣнная книга была, повидимому, послѣднимъ печатнымъ трудомъ Лебедева, конецъ жизни котораго (онъ умеръ въ 20-хъ гг. XIX ст.) окутанъ неизвѣстностью.

О санскритѣ и ведахъ зналъ также и профессоръ харьковскаго университета И. Рижскій, упоминающій въ своемъ „Введеніи въ кругъ словесности“ (Харьковъ, 1806, стр. 48, см. выше, стр. 525 и слѣд.) о „Санскритскихъ писаніяхъ и Ведамѣ“ (санскр. им. ед. ср. р. veda-m=веда), какъ священныхъ памятникахъ литературы, писанныхъ на одномъ изъ „мертвыхъ“ языковъ (см. выше, стр. 533). Источникъ этихъ свѣдѣній Рижскимъ не названъ, но, очевидно, имъ не могла быть книга Лебедева, гдѣ веды послѣдовательно называются *бедами*.

Къ 1807 году относится небольшая статейка „Нѣчто о санскритскомъ языкѣ“, переведенная съ нѣмецкаго нѣкіимъ С. Р. (Ст. Руссовымъ?) и напечатанная въ журналѣ „Минерва“ (1807, ч. V, стр. 25—28), издателями котораго были московскіе профессора Побѣдоносцевъ и Сохацкій. Въ началѣ этой статьи находимъ очень наивную характеристику санскрита, не представляющую никакого шага впередъ, сравнительно съ аналогичными характеристиками, имѣвшимися у насъ уже въ XVIII в. (см. выше, стр. 248—49, 251): „Брамины, ученые жрецы Восточной Индіи, говорятъ Санскритскимъ языкомъ изобильнымъ и выразительнымъ. Правильность его и сила беретъ преимущество надъ Греческимъ и Арабскимъ языкомъ. Каждое первообразное слово его имѣетъ великое множество производныхъ. Правила Грамматическія многочисленны и трудны. Въ верхнемъ Индостанѣ учатся по санскритской азбукѣ; ее называютъ *Діу нагаръ* (devanagari!), т. е. *Ангельскій языкъ* (!).

[1]) См. выше, стр. 618. и сл.

Письмена, введенныя въ употребленіе Браминами Бенгальскими, испорчены и не столь древни, какъ другія". За этой характеристикой слѣдуетъ анекдотъ, свидѣтельствующій о томъ, какъ брахманы оберегаютъ свою литературу и языкъ отъ иноземцевъ.

Первымъ опытомъ сопоставленія санскритскихъ словъ съ русскими является рукописный санскрито-русскій глоссарій, находящійся въ лингвистической коллекціи Аделунга (Имп. Публ. библ.). Онъ озаглавленъ (Ѳ. Аделунгомъ): «Vergleichung der Samskrit-Wörter im Mithridates [1]) mit dem Russischen von H. General-Lieutenant von Achwerdow" (12 стр. 4⁰). Рукопись помѣчена 6-мъ февр. 1809 г. (вѣроятно время поступленія ея въ коллекцію Аделунга), такъ что время составленія даннаго глоссарія должно относиться къ промежутку времени отъ 1806 г. (годъ выхода въ свѣтъ перваго тома „Митридата" Аделунга) до начала февраля 1809 г.

Строго говоря, названная рукопись не даетъ настоящаго сравненія санскритскихъ словъ съ родственными русскими, а скорѣе небольшой санскрито-русскій вокабулярій, почерпнутый изъ извѣстнаго труда нѣмецкаго лингвиста. Этимологическія сопоставленія здѣсь встрѣчаются лишь въ нѣкоторыхъ, хотя и довольно частыхъ, случаяхъ, но систематически не проведены; нерѣдко составитель ограничивается простымъ переводомъ санскритскихъ словъ на русскій языкъ. Такимъ образомъ терминъ „Vergleichung", примѣненный Аделунгомъ къ данной попыткѣ, является не вполнѣ точнымъ. Неточности и ошибки въ передачѣ самихъ санскритскихъ словъ должны быть, конечно, поставлены въ вину источнику Ахвердова—„Митридату" Аделунга. Всѣхъ словъ у Ахвердова безъ малаго 500 (нѣкоторыя слова, имѣющіяся въ „Митридатѣ", здѣсь пропущены). Для примѣра приводимъ нѣсколько первыхъ словъ съ толкованіями Ахвердова:

aala (?)—дворъ, храмъ, капище.

aascha (=санскр. āçā=желаніе, ожиданіе)—желаніе, хотѣніе, вожделеніе.

ab (=санскр. apa=отъ)—*о*(а)тъ [2]) (похоть, böse Lust).

---

[1]) «Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde mit dem Vater Unser als Sprachprobe in bey nahe fünfhundert Sprachen und Mundarten, von Johann Christoph Adelung etc.». Берлинъ, 4 т. 8⁰. 1806—1817.

[2]) Буквы, поставленныя у насъ въ скобкахъ, въ рукописи Ахвердова выписаны сверху тѣхъ буквъ, за которыми онѣ у насъ стоятъ. Курсивъ у насъ отвѣчаетъ подчеркнутымъ буквамъ рукописи. Неясно, что Ахвердовъ собственно хотѣлъ обозначить этимъ способомъ, т. е. имѣлъ ли онъ въ виду при-

abi (=санскр. abhi)—съ, со.

abitaba (=санскр. abhitapa-s=жаръ, скорбь)—солнце.

ada (=санскрит. aja-s=козелъ)—ко(а)за.

Jad (?)—скотъ.

ada (=санскр. ad—ѣсть, adana=ѣда)—*ѣ*(ie)да, яда.

addia (=санскр. adya=сегодня, теперь)—сегодня, ны*ѣ*(ie).

adima (=санскр. ādima-=первый)—*о*(а)динъ.

adir (? ādi-s=начало?)—предѣлъ (терніе, тернъ. Dornen mit langen Stacheln).

aduna (adhunā=теперь)—теперь, нынѣ.

agam (aham=я)—азъ, я.

aghni (agni-s=огонь)—огнь, *о*(а)гни (plural.).

agui (? ahi-s=змѣя?)—змѣя.

aham (aham=я)—азъ, я.

aho (aho=ахъ!)—како, какъ.

aiun (āyu ср. р.=жизнь)—время.

ayam (скр. aya-s=ходъ, бѣгъ)—двигая, движеніе, двигаемъ.

akitta (?)—единственно, едино.

akschi (akši ср. р.=глазъ)—око, очи (pluralis) и т. д.

Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, сопоставленія Ахвердова,—тамъ, гдѣ ихъ можно назвать таковыми,—основаны на простомъ созвучіи, часто даже и не полномъ, а лишь частичномъ. Такое неполное созвучіе имѣется, напр., въ сближеніи ab (собственно apa) съ *о*(а)тъ [1]), aduna (adhunā), нынѣ, aho—как*о*, ayam (aya-s)—двиг*ая* и т. д. Такого рода сближеній, основанныхъ на частичномъ сходствѣ, не мало и въ остальной части рукописи Ахвердова. Такъ сближаются amara (позднѣйшее новоиндійское заимствованіе изъ арабскаго amir, emir)=полководецъ, кормчій—съ р. *море*ходъ (!), amisza (вм. amiš, amišam ср. р.) съ *мясо*, hasta—рука съ *пясть* (!), tri-lokhan (вм. tri-locana) съ *тре-окій*, oschna—жара (ср. oša- =

близить русскія формы къ санскритскимъ, въ которыхъ, напр., русскому *о* отвѣчаетъ *a*, или русскому *ѣ* (*ie*)—санскр. *ia* (въ ошибочномъ сближеніе *addia*—нынѣ), или мы имѣемъ здѣсь попытку точнѣе обозначить русское произношеніе.

[1]) Буква *а* стоитъ наверху, надъ *о* и вѣроятно, означаетъ произношеніе *о*, какъ *а*, въ акающемъ произношеніи, въ тѣхъ случаяхъ, когда удареніе находилось на начальномъ слогѣ слѣдующаго слова, съ которымъ сочетался предлогъ *отъ*.

жженіе, горѣніе) съ *тошно* (мнѣ тошно!), ratha съ ка*рета*, mada (?) съ гло*да*ть, schunaka (санскр. çunaka-=собачка) съ соб*ака*, sugara (=свинья ?) съ *су*поросъ и т. д. На внѣшнемъ созвучіи основаны сопоставленія: badi, padi — вождь, воевода (очевидно pati-) съ *по*(*а*)*ди* (!); bendhu (вм. bandh-) съ *вязать*, cabala (вм. kabāla-чаша, черепъ) съ *голова* (!) и *закабалиться* (продать свою голову), djo, djau (=небо, отъ div-) съ *духъ* въ *воз-духъ* (!), gopala (коровій пастухъ) съ *купала*, jonidge, dschonidge (=совокупленіе; вѣроятно= yoni+dha?) съ *женидьба* (!), kalaha= голосъ (очевидно, kalaha= споръ, ссора) со мн. ч. *го*(*а*)*ло*(*а*)*са*, karen=надсмотрщикъ, смотритель, хранитель (karaṇa-=дѣлающій, дѣйствующій, помощникъ?) съ *хоронить* (!), kida (?) съ *кидать*, *кивать*, koska (?)=крикъ — съ *кошка*, mastaka (голова)—съ *мастакъ* (!), mrita (вм. mr̥ta-)= смертный—съ *мрите* (2 л. мн.повел. накл.), muni = пустынникъ, инокъ—съ *монахъ*, *мудрый*, nabha=пупъ—съ *набдѣвати*, nadu= вода (въ сущности *рѣка*)—съ *надо*—nöthig, nara, narajam—вода (? второе слово у Аделунга приводится, какъ эпитетъ божества: движущійся на водахъ= санскр. narāyaṇa) съ *ныряемъ* и т. д.

Рядомъ, однако, есть совершенно вѣрныя и принятыя впослѣдствіи наукой сближенія, напр., ada (т. е. ad-) съ *ѣда*, adima (adima) съ *одинъ*, aghni (agni-) съ *огнь*, aham съ *азъ*, *я*, akschi (akši-) съ *око*, отрицательная частица an съ *не*, andara (вм. antara-ср. р.), внутренность, съ *нутро*, asti съ *есть*, bharadi (bharati, 3 л. ед.), bharami (bharāmi) съ *бремя*, *беремя*, brader (bhratar-) съ *братъ*, bruwan (вин. пад. ед. ч. bhruvam?) съ *брови*, da (dā-), datu (da-datu 3. л. ед. ч. повел. накл.?) съ *дай*, *дать*, danam (dānam) съ *дань*, *даяніе*, dascha (daça) съ *десять*, dewa (deva-), съ *дѣва*, dhu, dhuma (dhūma-) съ дымъ, dina съ *день*, dugita (им. ед. duhita-) съ *дочь* (но рядомъ и съ *дѣвица*, *дѣвка*!), dwar (dvār) съ *дверь* (такъ уже Аделунгъ), gena (gna?-) съ жена, giri съ *гора* (такъ уже Аделунгъ), harania (вм. hiraṇya-) съ *золото*, harida (вм. harita-) съ *зелень*, herda (вм. hr̥d-) съ *сердце*, hima съ *зима* (такъ уже Аделунгъ), juga (yuga-) съ *иго* (такъ уже Аделунгъ), juwa, juwana (yuvā, yuvan-) съ *юно*, *юноша*, lakku (laghú-) съ *легко*, loab (lobha-) съ любовь, ma (mā), mama (р. ед. мѣстоименія перваго лица) съ *мой*, *мо*(*а*)*я*, mada, madra (mātā, тв. ед. matrā?) съ *мать*, *матерь*, (такъ уже Аделунгъ), mahat съ *могущъ*, maja (māyā) съ *обманъ*, manu и разныя производныя отъ него слова—съ *мужъ*, man,

mana (manas) съ *мнѣніе*, marana (marana-) съ *смерть*, *мереть*, *моръ*, mrita (mṛta-), marthia (martya-) со *смертный*, masi (mās) —съ *мѣсяцъ*, misra (miçra-=смѣшанный)—съ *мѣшать*, mita (прич. прош. стр. з. отъ mā-) съ *мѣрять*, na съ *не*, *нѣтъ*, naba (nabhas) съ *небо*, naga (вм. nakha-) съ *ноготь*, *нога*, nagnaha (вм. nagna-) съ *нагой*, nama съ *имя*, nasa (nāsā) съ *носъ*, 1) nawa (nava-) съ *новъ*, 2) nawa (nava) съ *девять*, oschda (oṣṭha-) съ *уста*, padi (вм. pathi=дорогой?) съ *путь*, pala (pāla) съ *пастырь*, *пастухъ*, pan, pani (pāna-m) съ *пить*, panscha (pañca) съ *пять*, par, para съ *пре*, pria, priam (priya-) съ *пріязнь*, *пріятель*, rawa (rava-) съ *ревъ*, rohida (rohita-) съ *руда* (кровь), sakka (çākhā) съ *сукъ*, sapta съ *семь*, schad (?), schata (çata-) со *сто* (такъ и Аделунгъ), schaschta (ṣaṣṭha-=шестой) съ *шесть* (такъ уже Аделунгъ), stala (sthāla-) со *стоять*, stana (sthāna-) со *станъ*, *станица*, sua (sva-) со *свой*, sunu, (sūnu-) съ *сынъ*, surja (sūrya-) съ *солнце*, swapa (svapna-) съ *сонъ*, *спать*, tama (támas-) съ *тьма*, *темно*, tanu съ *тянуть*, *тяну*, taru (daru-) съ *древо* (такъ уже Аделунгъ), tatra (tatrā) съ *тамъ* (не совсѣмъ, конечно, точное соотвѣтствіе), treja (tráyas= им. мн. трое, три) съ *три*, *третій*, tschatwar (catvāras) съ *четыре* (такъ и Аделунгъ), tuam, tawa (tvam, tava) съ *ты*, *твой*, uda, oda (odma), udakam съ *вода*, udru (udrá-) съ *выдра*, weda (vēda-) съ *вѣдать*, widhawa (vidhavā) съ *вдова*, waihu, vayu (vāyu-) съ *вѣтръ* (такъ и Аделунгъ), wartana (vartana-=вращеніе, забота, требованіе и т. д.) съ *вратникъ*, *привратникъ*, weischwa (viçva-) съ *вся* (такъ и Аделунгъ: сопоставленіе, до сихъ поръ еще встрѣчающее сторонниковъ въ современной научной литературѣ, чтó естественно въ виду неясности этимологіи даннаго слова), widja (vidyā) съ *вѣдѣніе* и т. д.

Составителемъ этой первой у насъ работы подобнаго рода былъ, очевидно, генералъ-лейтенантъ (съ 1807 г.) Николай Исаевичъ Ахвердовъ (р. 1755 † 1817 г.), воспитатель (съ 1802) и учитель великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, при которыхъ состоялъ и Ѳ. П. Аделунгъ [1]).

Повидимому Ахвердовъ передалъ свою рукопись, которой должно быть не придавалъ особой цѣны, своему сослуживцу, извѣстному за любителя-языковѣда, собиравшаго образчики языковъ. Нѣтъ

---

[1]) См. о немъ «Русскій біографическій словарь», т. II, вып. I. Спб. 1898.

никакого сомнѣнія, что впослѣдствіи она послужила Аделунгу, въ качествѣ одного изъ главныхъ источниковъ (имъ, впрочемъ, не названнаго) для изданнаго имъ въ 1811 г. аналогичнаго печатнаго труда о сродствѣ русскаго языка съ санскритомъ (см. ниже), въ которомъ находимъ цѣлый рядъ характерныхъ этимологій (вѣрныхъ и ошибочныхъ), отмѣченныхъ нами выше у Ахвердова.

Къ 1809 году относится другая, менѣе значительная по объему попытка этого рода, принадлежащая анонимному автору и напечатанная въ журналѣ „Fundgruben des Orients, bearbeitet durch eine Gesellschaft von Liebhabern=Mines de l'orient, exploitées par une société d'amateurs" (т. I. Вѣна. Folio, 1809, стр. 459—60), издававшемся на средства гр. В. Ржевусскаго. Статья эта озаглавлена: „Etymologies slavonnes tirées du Sanscrit" и, кромѣ маленькаго введенія, содержитъ сопоставленіе 43 санскритскихъ словъ со „славянскими", т. е. попросту говоря, съ русскими. Попытка эта была вызвана извѣстной книгой Фр. фонъ Шлегеля, „Ueber die Sprache und Weisheit der Indier" (1808).

Анонимный авторъ, вѣроятно русскій родомъ [1]), исходитъ изъ замѣчанія Шлегеля (цит. сочин., стр. 3—4), который находилъ родство санскрита съ армянскимъ, славянскими и кельтскими языками менѣе очевиднымъ, чѣмъ съ латинскимъ, греческимъ, германскимъ и персидскимъ. Шлегель, однако, прибавлялъ, что не слѣдуетъ пренебрегать и этимъ незначительнымъ сходствомъ, такъ какъ аналогіи въ грамматическихъ формахъ и другихъ составныхъ элементахъ языка нельзя считать случайными, но скорѣе проистекающими изъ внутренняго родства грамматической структуры данныхъ языковъ. Авторъ статьи указываетъ, что его цѣлью было именно дать доказательство въ пользу гипотезы Шлегеля и развить нѣкоторыя изъ аналогій „entre les langues indiennes et slavonnes", на основаніи словъ, цитированныхъ въ самомъ трудѣ нѣмецкаго ученаго. Авторъ приводитъ только сближенія, представляющія „l'analogie la plus frappante et la plus naturelle", и не желаетъ прибѣгать „къ тѣмъ натяжкамъ, которыми этимологизаторы обыкновенно вооружаются, чтобы защищать свои положенія". Въ самомъ дѣлѣ, большинство сближеній удачно, и лишь нѣкоторыя

[1]) Мурко въ цитированной уже выше статьѣ «Prvi uporedjivaci sanskrita etc.» (Rad jugosl. Akademije, 1897, кн. 132, разр. истор. филолог. и юридич. наукъ, стр. 104) дѣлаетъ не лишенное вѣроятія предположеніе, что этимъ авторомъ былъ одинъ изъ русскихъ сотрудниковъ «Fundgruben», гр. Головкинъ, бывшій русскій посолъ. Очевидно онъ имѣлъ въ виду Ю. А. Головкина, члена госуд. совѣта, бывшаго посломъ въ Вѣнѣ и Китаѣ и умершаго въ 1846 г.

должны быть признаны ошибочными [1]). Къ удачнымъ относятся сопоставленія: bhruvo (bhruva-) съ *брови* (bruori, sic!), noko (nakha-) съ nokti (ногти), vetsi съ védaisch (вѣдаешь), nasa (nāsā) съ noss (носъ), tvari (dvarī) съ dveri (очевидно, мн. ч. *двери*), mata (mātā) съ mat (мать), bhrata (bhrātā) съ brat (братъ), osmi, osi, osti (asmi, asi, asti) съ jesm, jessi, jesti (есмь, еси, есть), dodami, dodasi, dodati (dadāmi, dadāsi, dadāti) съ dajou, dajesch, dajet (даю, даешь, даетъ), pijote (3 л. стр. зал. pīyate) съ pijet (пьетъ), masoh (māsa) съ mésäts (мѣсяцъ), vortute (vartate) съ vertit (вертитъ), danon (dānam) съ dan (дань), dinon (dinam) съ den (день), vidheva (vidhavā) съ vdova (вдова), jauvonoh (yauvana-) съ jounosch (юноша), jugon (yugam) съ igo (иго), rosch (rasa-) съ rossa (роса), ognih (agni-) съ ogon (огонь), jati (yāti), eti съ idet, itti (идетъ, итти), tonu (tanu-) съ tonko (тонко), tonnoti (tanoti) съ tanut (тянуть), mrityuh (mr̥tyu-) съ mertvit (мертвить), tisthoti (tiṣṭhati) со stoit (стоитъ), monyote (manyate) съ mnit (мнитъ), vetti съ védat (вѣдать), svon, svan (svam, svām) со svoe, svoja (свое, своя), chotur (catur) съ chetire (четыре), trèttiyoh (tr̥tīya-) съ trétoye (третее), soptomon (saptama-) съ sedmoye (седьмое), duadoscho (dvādaça) съ dvadecatoye (двадесятое), maho (maha-) съ matchnoe (мочное), tomo (tama-) съ tomno (темный), madhu съ med (медъ).

Такимъ образомъ изъ 43 сближеній 34 оказываются удачными, что нельзя не признать довольно высокимъ %, оправдывающимъ выраженіе автора: „l'analogie la plus frappante et la plus naturelle“. Другія сближенія или ошибочны и основаны на внѣшнемъ созвучіи (svonoh, т. е. svana-, со *звонъ*, sevjoti, т. е. 3 л. страд. з. sevyate, съ *свѣтитъ*, trasoh, т. е. trāsa-=страхъ, ужасъ, съ dragat, т. е. дрожать, со-дрогаться-ся и т. д.), или представляютъ собой результатъ извѣстнаго недоразумѣнія. Такъ сближается svastri (счастье, благо) съ *сестра* (ошибку эту находимъ уже у Шлегеля „Ueb. die Sprache und Weish. der Indier“, стр. 7, гдѣ shvosa [= svasā] и svostri стоятъ рядомъ, какъ синонимы для р. *сестра*); въ иномъ родѣ сопоставленіе kakon—qui, quæ, quod—съ какая (*какае*), основанное на грубомъ недоразумѣніи. Авторъ не разобралъ у Шлегеля (цит. соч., стр. 22) словъ koh, ka, kon (т. е. формъ вопросит. мѣстоименія kas, kā, kam) и прочелъ послѣднія двѣ формы вмѣстѣ: „kakon“, что и сблизилъ съ *какае* (какая?).

[1]) Ошибки въ передачѣ санскритскихъ словъ, конечно, должны быть поставлены въ вину источнику автора—книгѣ Шлегеля.

Несмотря на то, что свѣдѣнія о санскритѣ и даже попытки сравненія его съ русскимъ языкомъ начинаютъ появляться у насъ съ 1805 г. все чаще и чаще, все же общаго распространенія среди нашихъ филологовъ они не получали. Востоковъ, работавшій уже съ 1807 г., а, можетъ быть, еще и раньше, надъ „этимологическимъ словорасписаніемъ“ русскаго языка, даже въ 1809 году, указывая языки, привлекавшіеся имъ къ сравненію съ русскимъ (славянскій, нѣмецкій, греческій, латинскій и „цельтскій“), не упоминаетъ совсѣмъ о санскритѣ [1]). Орнатовскій, авторъ „Новѣйшаго начертанія правилъ россійской грамматики, на началахъ всеобщей основанныхъ“ (Харьковъ 1810, см. выше, стр. 553 и сл.), перечисляя разные „коренные“ языки, также не говоритъ ничего о санскритѣ. Въ другомъ современномъ книгѣ Орнатовскаго обзорѣ разныхъ языковъ, „Краткомъ историческомъ начертаніи языковъ“ діакона Орлова (Москва, 1810, см. выше, стр. 540 и слѣд.), о санскритѣ тоже нѣтъ ни слова.

Нѣсколько словъ о важности Индіи, ея языка и литературы, находимъ въ замѣчательномъ для своего времени проектѣ азіатской академіи, составленномъ 24-хъ лѣтнимъ графомъ С. С. Уваровымъ, тогда еще (1810 г.) секретаремъ нашего посольства въ Парижѣ [2]). Правда, въ составленіи этого проекта принималъ участіе извѣстный европейскій ученый Ю. Клапротъ, давшій Уварову, по его собственнымъ словамъ (стр. 41), много матеріала (особенно для второй части проекта) и составившій для него рядъ таблицъ съ учебными планами разныхъ восточныхъ литературъ, но это нисколько не

[1]) См. Срезневскій, «Обозрѣніе научныхъ трудовъ А. Х. Востокова, между прочимъ и неизданныхъ» въ академическомъ изданіи «Филологическихъ наблюденій А. Х. Востокова» (Спб. 1865, стр. V—XI). Въ рукописи Востокова гораздо чаще встрѣчаются ссылки на арабскія, сирійскія, халдейскія и еврейскія формы, тогда какъ сравненія съ санскритомъ (обознач. обыкновенно indic., ind.) встрѣчаются крайне рѣдко и случайно. Такъ ихъ нѣтъ при словахъ, въ родѣ *мать* (приведены еврейскія и арабскія формы, персидское mader, но санскритскаго слова нѣтъ), *братъ*, *дочь* и т. д. Только при *десять* (indost. dasha), *огнь* (sanskr. akni, aghni), *межа* (кромѣ арабской, халдейской, сирійской и еврейской формъ, приводится и «Ind. madjama—между»: санскр. madhyama собственно значитъ *талія*, *станъ*=средина туловища) и очень немногихъ другихъ словахъ находимъ санскритскія формы, несомнѣнно приписанныя Востоковымъ уже послѣ.

[2]) «Projet d'une académie asiatique. S. Pétersbourg, de l'imprimerie d'Alexandre Pluchart et Comp. 1810». 4°. 4 ненум. + 50 + 8 ненум. Безъ имени автора. Съ эпиграфомъ: ...Juvat integros accedere fontes. *Lucret.* и посвященіемъ тогдашнему министру нар. просвѣщенія гр. А. Разумовскому. Русскій переводъ см. «Вѣстн. Европы» 1811 г., ч. 55, № 1 и 2. Переводчикъ (Ж.) въ подстрочномъ примѣчаніи (стр. 27) указывалъ, что читатели въ этой статьѣ найдутъ «многія важныя мысли» и «новый со многихъ сторонъ привлекательный предметъ, изображенный перомъ искуснымъ».

умаляетъ заслуги самого юнаго автора проекта, обнаружившаго въ немъ рѣдкое тогда у насъ пониманіе научныхъ задачъ и чисто европейское образованіе. Уже въ самомъ началѣ проекта обращается вниманіе на великій переворотъ, совершившійся въ послѣдніе годы XVIII в. во взглядахъ ученыхъ на роль востока въ исторіи цивилизаціи человѣчества. Востокъ былъ признанъ колыбелью всемірной цивилизаціи, благодаря успѣхамъ англичанъ въ Индіи, открытію санскрита и Авесты, работамъ нѣмецкихъ ученыхъ надъ изученіемъ Библіи и учрежденію Азіатскаго общества въ Калькуттѣ (стр. 1). На первыхъ же страницахъ своего проекта, Уваровъ ведетъ изъ Индіи всю греческую философію (стр. 2), говоритъ о заслугахъ Анкетиля дю-Перрона, вывезшаго оттуда-же Авесту (стр. 4, прим.), о глубокой древности индійскихъ религіи, философіи, права, поэзіи, являющихся первыми шагами человѣчества въ его культурномъ развитіи (стр. 6), о значеніи изученія древнихъ азіатскихъ языковъ, и особенно санскрита, для критики положеній всеобщей грамматики, пытавшейся изобразить процессъ возникновенія языка у первобытнаго человѣка подъ вліяніемъ нужды изъ простыхъ криковъ и т. п. грубыхъ элементовъ. По мнѣнію Уварова, всеобщая грамматика вынуждена теперь отказаться отъ своего представленія о грубости и бѣдности первобытнаго языка, въ виду стройности и правильности грамматическаго строя и выразительности санскрита, который де всѣми признанъ за древнѣйшій изъ существующихъ языковъ (§ 5). Открытіе санскрита такимъ образомъ, по мнѣнію Уварова, уничтожаетъ аргументы философовъ противъ теоріи о божественномъ происхожденіи языка. Говоря о важности изученія индійской литературы, тогда еще очень мало извѣстной въ Европѣ Уваровъ съ восторгомъ отзывается о Шакунталѣ Калидасы, цитируя знаменитое четверостишіе Гёте, вдохновленное красотами этой драмы (§ 7). Ниже говорится и о важности изученія индійской астрономіи (стр. 25—26).

Во второй части проекта, посвященной опредѣленію въ общихъ чертахъ программы преподаванія въ проектированной академіи, Уваровъ снова говоритъ объ индійской литературѣ, самой древней, самой интересной и наименѣе извѣстной изъ всѣхъ прочихъ литературъ. Здѣсь же характеризуются вкратцѣ главныя черты религіозныхъ и философскихъ ученій Индіи, происходящихъ вмѣстѣ съ таковыми же ученіями Египта изъ одного общаго источника. Указывается на отсутствіе въ Европѣ пособій для изученія индійской цивилизаціи во всемъ ея объемѣ, вызывающее необходимость обращаться за книгами и рукописями въ Азіатское ученое обще-

ство въ Калькуттѣ. Для составленія санскритскаго словаря рекомендуется послать ученаго въ Парижъ, чтобы тамъ списать грамматики и словари, перечисленные въ каталогѣ санскр. рукописей Парижской библіотеки Гамильтона и Лангле (Парижъ, 1807) и въ предисловіи къ книгѣ Шлегеля „О языкѣ и мудрости индусовъ“. Уваровъ полагаетъ, что въ виду недостатка пособій, будетъ трудно на первыхъ же порахъ организовать научное преподаваніе санскрита въ проектируемой академіи, но совѣтуетъ всетаки сначала ознакомить ея студентовъ съ индійскими азбуками деванагари и бенгали и дать имъ нѣкоторыя свѣдѣнія по грамматикѣ послѣдняго, что̀ могло бы заохотить ихъ къ дальнѣйшему изученію индійской филологіи (ч. II, § 2). Въ текстѣ дѣлаются ссылки на труды В. Джонса, Паулино де С. Бартоломео, Фр. ф. Шлегеля, Бальи, Вильфорда, Гамильтона и Лангле, на журналъ „Asiatic Researches“ и т. д. Очень интересна для того времени таблица, служащая программой для изученія индійской литературы и составленная Клапротомъ (см. стр. 38).

Для изученія языка Клапротъ предлагаетъ такіе курсы (cours de langue): упражненія въ письмѣ деванагари и бенгали, санскритская грамматика, образованіе санскритскихъ глаголовъ, Гитопадеша или басни Вишну-Сармы, Магабгарата, поэма о войнѣ Куру и Панду. Для изученія литературы, философіи и религіи рекомендуются чтенія: о системахъ поклонниковъ Брахмы, послѣдователей Будды и ламаизма, обожателей Вишну и Шивы, очеркъ индійской литературы, исторія и географія Индустана. Какъ научныя desiderata, Клапротъ выставляетъ: санскритскій словарь и грамматику, переводы ведъ, Магабхараты, драмъ Калидасы и Джаядевы, полный переводъ и изданіе текста Гитаговинды. Санскритскія имена передаются здѣсь въ транскрипціи, по тогдашнему очень точной и близкой къ нынѣ употребляемой (большая рѣдкость въ то время, особенно у насъ): Dêvânâgarî, Hitôpadêsa, Vichnou-Sarma, Mahâbhârata, Brahmâ, Boudha, Vichnou, Chiva, Vêdas, Kâlidâsa, Djaya-Dêva, Guîtâ-Govinda и т. д. [1]).

Проекту Уварова, какъ извѣстно, не было суждено осуществиться до открытія восточнаго факультета въ Казани, замѣнившаго проектированную имъ академію, но интересъ къ Индіи, обнаруженный молодымъ дипломатомъ, несомнѣнно принесъ свои плоды впослѣдствіи, когда Уваровъ сталъ министромъ народнаго просвѣщенія (съ 1833) и въ этомъ званіи сдѣлалъ рядъ попытокъ насадить у насъ изученіе индійской филологіи.

---

[1]) Въ цитированномъ выше русскомъ переводѣ (Вѣстникъ Европы» 1811 г.) имена эти переданы съ грубыми ошибками: девангари, Гитопадеза, Вистну, Гунта-Говинда и т. д.

Къ 1811 году относится первый у насъ печатный опытъ сличенія русскаго языка съ санскритомъ: „Rapports entre la langue Sanscrit et la langue Russe. Présentés à l'Académie Impériale Russe St. Petersb. De l'Impr. de Drechsler. 1811“ (4°, 16 стр.), вышедшій и въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: „О сходствѣ санскритскаго языка съ русскимъ. Поднесено Императорской Россійской Академіи. Перевелъ съ французскаго Павелъ Фрейгангъ. Санктпетербургъ. Въ Императорской типографіи. 1811 года“ (8°. 20 стр.). Авторомъ этого сочиненія, вышедшаго анонимно, былъ, по свидѣтельству современниковъ, Ө. П. Аделунгъ [1]), племянникъ знаменитаго нѣмецкаго языковѣда-полиглотта и наставникъ великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, впослѣдствіи (съ 1824 г.) директоръ института восточныхъ языковъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (р. 1768—1843). Русскій переводъ снабженъ предисловіемъ Н. Греча, изъ котораго мы узнаемъ, что переводчикъ брошюры на русскій языкъ, П. Фрейгангъ, былъ ученикомъ автора предисловія и воспитанникомъ главнаго нѣмецкаго училища при церкви Св. Петра. Въ концѣ брошюры помѣщены анонимныя замѣчанія, написанныя, по словамъ Греча, „въ классѣ, при чтеніи онаго перевода,—не учеными испытателями языковъ, а молодыми, скромными любителями Историческихъ и Филологическихъ истинъ“.

Въ небольшомъ, но содержательномъ для своего времени введеніи (стр. 1—7) Аделунгъ говоритъ о важности филологическихъ изысканій, являющихся „лучшимъ средствомъ для изъясненія Исторіи народовъ“, и о переворотѣ во взглядахъ ученыхъ, происшедшемъ, благодаря открытію санскрита: „старинныя умствованія о первоначальномъ языкѣ, о связи древнихъ и новыхъ языковъ изчезли отъ лучей новаго свѣта“, которымъ мы обязаны „особливо подробнѣйшему познанію Индіи“. Это познаніе „руководствуетъ нынѣ ученыхъ мужей въ изысканіяхъ о сходствѣ языковъ, *и при всѣхъ недостаткахъ своихъ, указываетъ путь, которымъ отнынѣ должны идти всѣ, желающіе распространять свои изысканія, выводить слѣдствія, сообразныя со свойствомъ языковъ* (курсивъ нашъ) и съ Исторіею людей, и рѣшать задачи, предлагаемыя намъ Исторіею, языкомъ и нравами каждаго народа въ особенности“. Въ этихъ словахъ впервые у насъ такъ категорически устанавливалось наступленіе новой эпохи въ исторіи языкознанія, созданной трудами Джонса и Шлегеля и разрушившей „старинныя

[1]) См. «Труды Высочайше утвержденнаго вольнаго общества любителей Россійской словесности», иначе «Соревнователь просвѣщенія», ч. X. 1820, стр. 211.

умствованія“. Интересно, что авторъ говоритъ здѣсь о новой эрѣ не только по отношенію къ языкознанію, но и къ индоевропейской филологіи вообще, указывая на необходимость считаться съ открытіемъ взаимнаго родства санскрита съ европейскими языками и въ области исторіи и этнографіи, чѣмъ предвозвѣщаетъ водвореніе сравнительнаго метода и въ этихъ областяхъ знанія, воспослѣдовавшее значительно позже. Самыя свѣдѣнія о санскритѣ, сообщаемыя имъ здѣсь, по тогдашнему времени очень точны и обстоятельны, чего и слѣдовало ожидать отъ такого хорошаго библіографа, какимъ былъ Аделунгъ. Указанія эти несомнѣнно могли принести большую пользу тому, кто вздумалъ бы заняться изученіемъ названнаго языка. Въ своемъ введеніи Аделунгъ перечисляетъ ученыхъ, познакомившихъ Европу съ санскритомъ (Джонса, Кольбрука, Гамильтона, Анкетиля дю Перрона, Лангле, Сильвестра де Саси и Шлегеля) и удивившихъ „всѣхъ сходствомъ, которое являлось въ немъ со многими другими языками“ и заставило „понимать сей языкъ отцемъ или по крайней мѣрѣ старшимъ братомъ большей части, естьли не всѣхъ, живыхъ языковъ“. По словамъ Аделунга, въ немъ найдены языки не только еврейскій (!), персидскій, греческій, латинскій, кельтскій, нѣмецкій, но и славянскій. При этомъ въ примѣчаніяхъ объясняется самое названіе языка *санскритъ* или *санскрита*, и указываются труды, могущіе служить для его изученія: „Митридатъ“ Аделунга старшаго, „De affinitate qua lingua Samscredamica cum ea Persarum ita conjuncta est etc.“ Оттомара Франка, его же „Commentarii de Persidis lingua et genio“ (Нюренбергъ, 1809), переписка патера Кёрду съ Анкетилемъ дю Перрономъ и Бартелеми о сходствѣ санскрита съ лат. и греч. яз. въ „Мемуарахъ“ академіи надписей (т. XLIX), латинскія разсужденія Паулино а С. Бартоломео: „De latini sermonis origine etc.“ (Римъ, 1802) и „De antiquitate et affinitate linguarum Zendicae, Samscritanae et Germanicae“ (Падуя, 1798), его же санскр. грамматика: „Vyacarana seu locupletissima samscrdamicae linguae institutio etc.“ (Римъ, 1804), такія же грамматики Кольбрука, Карея (Калькутта, 1808), и Вилькинса (Лондонъ, 1808), сочиненіе проф. Антона „De lingua Rossica ex eadem cum Samscrdamica matre orientali prognata etc.“ (Виттенбергъ, 1809) и т. д. Чѣмъ объясняется „удивительное явленіе, что нынѣшніе Россіяне находятся въ сродствѣ съ обитателями Ганга посредствомъ своего языка“, Аделунгъ предоставляетъ рѣшить историкамъ Карамзину, Кругу и Лербергу, но самый фактъ этого родства онъ признаетъ, хотя и невѣроятнымъ, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно существующимъ. При этомъ высказывается надежда,

что Россійская академія, оказавшая уже многочисленныя важныя услуги русскому языку, займется этимъ важнымъ предметомъ и разсмотритъ „сіи любопытственныя изысканія". Съ этой цѣлью авторъ и поднесъ академіи свое разсужденіе. Свои доказательства онъ, впрочемъ, не считаетъ достаточными, „потому что Санскритскій языкъ намъ еще слишкомъ мало извѣстенъ и мы имѣемъ въ Европѣ немного пособій для сего сравненія. Особенно-жъ грамматическими сходствами, при подробномъ познаніи языка Санскритскаго, можно будетъ доказать сходство онаго съ Русскимъ (стр. 6—7)". Въ самомъ сравненіи санскрита съ русскимъ, впрочемъ, о грамматическихъ сходствахъ рѣчи нѣтъ, и Аделунгъ ограничивается лишь лексическими сближеніями, въ огромномъ большинствѣ случаевъ заимствованными прямо изъ выше разсмотрѣннаго рукописнаго труда генерала Ахвердова, въ числѣ источниковъ имъ однако не названнаго [1]). Приписывая себѣ открытіе данныхъ сходствъ [2]) между санскритомъ и русскимъ яз., Аделунгъ совершилъ несомнѣнный плагіатъ, никѣмъ въ свое время не разоблаченный. Не пыталась, повидимому, его разоблачить и сама жертва плагіата, ген. Ахвердовъ, можетъ быть потому, что рукопись его, долженствовавшая служить вещественнымъ доказательствомъ, была въ рукахъ плагіатора, переданная ему, вѣроятно, самимъ Ахвердовымъ. Долгъ историка, однако, заставляетъ насъ указать настоящаго автора. Изъ 178 лексическихъ сближеній Аделунга ему самому принадлежитъ лишь очень небольшое число. Правда, онъ выкинулъ изъ списка Ахвердова рядъ такихъ сопоставленій, которыя являлись простыми переводами санскритскихъ словъ на русскій языкъ и никакого сходства не представляли (въ томъ числѣ выкинуты иногда и вѣрныя сближенія, въ родѣ deva—дѣва, haranіа, т. е. hiranya—золото, ma, mama—мой, моя, maja, т. е. maya—обманъ, manu—мужъ, na—не. panscha—пять и немногія др.), но этимъ и ограничилось самостоятельное его участіе въ составленіи своего списка. Почти всѣ курьезныя сопоставленія и ошибки Ахвердова, отмѣченныя нами выше (стр. 627—28), вошли и въ списокъ Аделунга (*амисца*—мясо, *аямъ*—двигая, *бади*, *вади*—водить, *дшенту*—человѣкъ, женатый, *гопала*—Купала, *жонидге*—

---

[1]) Аделунгъ говоритъ, что при составленіи своего списка санскритскихъ словъ, схожихъ съ русскими, онъ пользовался «матеріалами, сообщенными драгоцѣннымъ собраніемъ Азійскихъ изысканій (очевидно «Asiatic Researches»), трудами отца Варѳоломея, Анкетиля дю-Перрона, Лангле́, Гамильтона и Шлегеля» (цит. соч., стр. 7).

[2]) Подлинныя слова Аделунга: «предлагаю всѣ сходства, *замѣченныя мною*» и т. д. (стр. 7).

женитьба, *кабала*—голова, кабала, *калага*—голоса, *каренъ*—хоронить, *кида*—кидать, *коилъ*—колиба, *маркка*—мѣрка, *мастака*—мастакъ, *нарайгамъ*—двигающійся на водѣ—ныряемъ, *ништь*—ничто, *ратга*—карета, *сумана*—сѣмяна, *чарида*—работа, шарить, *чару*—хорошій, красивый, чары, *шунака*—собака и т. д.). Вошли въ него и почти всѣ удачныя сближенія Ахвердова: *ада*—ѣмъ, *агамъ*—я, *агни*—огонь, огни, *адима*—одинъ, *акши*—око, очи, *асти*—есть, *барами*—беремя, бремя, *брува, брувань*—брови, *вайгу*—вѣтеръ, *вартана*—вратникъ, *веда*—вѣдать, *вигава* (очевидно, опечатка, вм. *видгава*)—вдова, *видья*—вѣдать, *гена* (gnā?)—жена, *герда*—сердце, *гима*—зима, *гири*—гора, *дадгату*—(очевидно, вм. *дадати*)—дать, дати, *данамъ*—дань, *даша*—десять, *дваръ*—дверь, *дгума*—дымъ, *дина*—день, *додами, додасти, додати*—дамъ, додамъ (!) и т. д., *дужида* (ошибка переводчика, прочитавшаго на французскій ладъ *dugida*)—дочь, *жада* (yadā)—егда, *жува* (Ахвердовъ: juva)—юный, *лакку*—легко, *лоабъ*—любовь, *мада, мадра*—мать, *магатъ*—могущъ, *манъ, мана*—сердце, мысль, мнѣніе, *маси*—мѣсяцъ, *мисра*—мѣшать, *моду* (madhu-)—медъ, *мрита*—смертный, *наба*—небо, *нога, ного, ноко*—ноготь, *нагнага*—нагій, *нава*—новый, *наза*—носъ, *ода, уда*—вода, *онторъ*—внутри, нутрь, *осма* (asmi!)—есмь, *ошда*—уста, *пади*—путь, *паръ, пара*—пре, *пріа, пріамъ, пріади*—пріязнь, пріятель, *рава*—ревъ, *рудгира*—руда, *сакка*—сукъ, *стана*—станъ, *суню* (! вм. *суну*)—сынъ, *тава*—твой, *тама*—тьма, темный, *тону*—тонкій, *три*—три, *удру*—выдра, *чатваръ*—четыре, *шашта*—шесть, *шива* (jīva-?)—животъ, жизнь, *юва*—юный, *юга, югонъ*—иго и т. д.

Самимъ Аделунгомъ добавлены лишь очень немногія этимологіи, которыхъ не было у Ахвердова. Къ такимъ можно отнести удачныя сближенія: *тапа*—тепло, топить, *гормо* (gharma-)—гаръ, *крюшна, чришна* (! kr̥shna)—черный, *піотъ, пійотъ* (страд. piyāte?)—пьетъ, и неудачныя: *барья*—женщина (bhāryā—супруга)—барыня (!), *гада*—идучи (очевидно, прич. прош. вр. стр. з. gatá-)—ходить, ходя, *оженонъ*—столъ (le repas))—ужинъ (! очевидно, Аделунгъ имѣлъ въ виду форму, приведенную Шлегелемъ, въ его „Ueb. die Spr. u. Weish. d. Indier“, стр. 7: „oshonon—das Essen“=санскр. açana-m=ѣда, кушанье), и м. б. еще очень немного. Самыя слова санскритскія часто очень сомнительной достовѣрности, въ чемъ, впрочемъ, виноватъ не самъ Аделунгъ, а его источники. Сообщены они то въ архаизированномъ произношеніи, то въ новомъ, туземномъ (ср., напр., *жува*—молодой и *юва*—юный, *жада*=yadā и *яти*=yāti и т. д.), съ рядомъ ошибокъ, въ родѣ

амисца (невѣрно прочитанное amisza Аделунга старшаго=āmiṣa), *вигава* (м. б. опечатка, вм. *видгава*=vidhava), *дадгату* (?)—дать, *крюшна*, вм. *кришна* (kṛṣṇa-), *наза* — носъ, вмѣсто nasa=*наса*, *суню* вм. *суну* и т. д., не говоря уже о многихъ другихъ.

Очевидно, что о самомъ санскритѣ Аделунгъ, даже и по тогдашнему, имѣлъ довольно смутное представленіе и ограничился простой выпиской формъ изъ разныхъ источниковъ (главнымъ образомъ изъ рукописи Ахвердова), не провѣривъ ихъ подлинности и не подводя ихъ подъ какую-нибудь одну норму правописанія. Такимъ образомъ чисто лингвистическая сторона брошюры Аделунга стояла ниже его обстоятельнаго библіографическаго введенія, что́, однако, не мѣшаетъ намъ признать ее въ цѣломъ довольно примѣчательнымъ историческимъ явленіемъ въ области русской науки.

Замѣчанія, приложенныя къ русскому переводу разсужденія Аделунга, свидѣтельствуютъ о томъ впечатлѣніи, которое было имъ произведено на „молодыхъ любителей историческихъ и филологическихъ истинъ". Замѣчанія эти частью дополняютъ наблюденія и выводы Аделунга, частью даютъ поправки и критическія замѣчанія къ его этимологіямъ. Къ перваго рода наблюденіямъ относится замѣчаніе 1-ое, въ которомъ указывается, что „великая часть словъ Русскихъ, сходныхъ съ Санскритскими, обрѣтается и въ Латинскомъ языкѣ", причемъ латинскія ближе къ санскритскимъ. Вспоминая одну изъ журнальныхъ статей XVIII в. (въ „Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго слова", ч. VII, см. выше стр. 285 и слѣд.), въ которой утверждалось, что латинскій языкъ происходитъ отъ русскаго, авторы замѣчаній приходятъ теперь къ заключенію, „что оба языка произошли токмо изъ *одного источника* (курсивъ нашъ), что въ одномъ сохранились нѣкоторыя первообразныя слова, потерянныя въ другомъ" (стр. 15). Отмѣчается также, что „нѣкоторыя изъ сихъ Санскритскихъ словъ находятся почти во всѣхъ коренныхъ Европейскихъ языкахъ, напр.: имена числительныя" и слова: *амма*—мать, *брува*—брови, *братга*—братъ, *герда*—сердце, *маркка*—мѣрка (!), *наба*—небо, *нидгигъ* (nidhi-)—гнѣздо (!), *рудгира*—руда, *самъ* (санскр. предлогъ sam-)—самъ (!), *стала*—стойло, *стана*—станъ, *станну* (?)—станъ, *суа*—свой, *суню* (!)—сынъ, *тада*, *татта*—отецъ, тятя (!), *шунака*—собака (!). „Удивительнѣе всего" для авторовъ замѣчаній „сходство спряженій существительнаго глагола", которое они и выписываютъ изъ разсужденія проф. Антона о сходствѣ санскрита съ

русскимъ (въ языкахъ: санскритѣ, русскомъ, лат., греч., старонѣм., исландскомъ).

Въ примѣчаніи 2-мъ для объясненія сходства русскаго языка съ санскритомъ приводятся выводы Антона изъ указаннаго только что его разсужденія: „оба сіи языка произошли изъ одного общаго корня“, а именно: „древняго Персидскаго или Мидійскаго языка“, который „весьма сходенъ былъ (а можетъ быть составлялъ и одно нарѣчіе) съ неизвѣстнымъ Сѣверо-халдейскимъ языкомъ, по множеству Халдейскихъ словъ, обрѣтаемыхъ какъ въ Санскритскихъ, и такъ въ Славянскихъ книгахъ (!)“. Антонъ находилъ также, что русскій языкъ „имѣетъ болѣе признаковъ возточнаго характера, нежели Польскій и Вендскій, и заключаетъ въ себѣ больше словъ, сходныхъ съ Санскритскими и Персидскими“ (стр. 16); что онъ имѣетъ также „много словъ, сходныхъ съ Нѣмецкими, Греческими и Латинскими“, большая часть которыхъ происходитъ, однако, не изъ нѣмецкаго, греческаго и латинскаго, „а непосредственно изъ Мидійскаго, общаго ихъ отца“ (стр. 17). По мнѣнію Антона, „русскій языкъ не только находится въ сродствѣ съ Санскритскимъ, но и по многимъ, оставшимся въ немъ слѣдамъ возточнаго характера, есть старшій онаго братъ“ и потому „можетъ почесться однимъ изъ древнѣйшихъ языковъ намъ извѣстныхъ“ (стр. 17—18). Изъ этого слѣдуетъ, что новые индійскіе языки, происходящіе изъ санскрита, всѣ „моложе Русскаго“, а также, что „первоначальныя мѣста жительства Россіянъ и Славянъ были въ древней Мидіи или Иранѣ, которая страна оставлена Россіянами прежде 1300 л. до Р. Хр.“ и т. д.

Самыя замѣчанія анонимныхъ авторовъ, относительно этимологій Аделунга, основательны и свидѣтельствуютъ о здравомъ смыслѣ и довольно ясномъ пониманіи предмета. Въ примѣчаніи 3-мъ резонно указывается, что нельзя сравнивать санскр. слово *аямъ* съ р. *двигаемъ*, гдѣ корень *двиг*, а *-аемъ* есть только окончаніе. Справедливо замѣчается, что тогда придется роднить съ этимъ словомъ и р. *читаемъ*, *знаемъ* и т. д. Въ примѣчаніи 6-мъ правильно указывается, что р. *мастакъ* и *карета* ничего не имѣютъ общаго съ санскр. *мастака* и *ратга* и происходятъ изъ нѣмецкаго (Meister—*мастеръ* и *carrete*=итал. *carreta*). Авторы заключеній находятъ также, что роспись сходныхъ словъ слишкомъ недостаточна: „не однимъ сходствомъ словъ“, но „и грамматическими формами надлежало-бы доказать сродство сихъ двухъ языковъ“. Правильно замѣчено ими, между прочимъ, отсутствіе звука *ф* въ санскритѣ, но наивно и ошибочно указаніе на невозможность въ немъ звуковъ *е*, *я* (!) и *ю* (!) послѣ *к* и *х*, или *я*

и *ю* послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ* (?!), какъ въ русскомъ. По всей вѣроятности въ составленіи этихъ примѣчаній участвовалъ и авторъ предисловія къ русскому переводу, учитель переводчика, столь извѣстный впослѣдствіи Н. И. Гречъ.

Брошюра Аделунга вызвала курьезный критическій ея разборъ, написанный по порученію Россійской Академіи Колл. Совѣтникомъ Ив. Левандою [1]). Появленіе такого „научнаго" трактата подъ эгидой Россійской академіи и по ея приглашенію ярко характеризуетъ состояніе языкознанія въ Россіи въ описываемое время. Очевидно, со временъ Тредьяковскаго, Щербатова, Сумарокова, Коха и другихъ подобныхъ этимологизаторовъ XVIII в., мы немногому научились, такъ что незначительная по содержанію и объему брошюрка пріѣзжаго нѣмца (Аделунга), совсѣмъ не выдающагося лингвиста, но все-же вкусившаго отъ плодовъ европейской науки, оказалась стоящей неизмѣримо выше научнаго пониманія, присущаго нашимъ доморощеннымъ языковѣдамъ, въ родѣ Леванды и облекшихъ его своимъ довѣріемъ членовъ Россійской академіи.

Главное достоинство разбираемаго имъ труда Леванда видитъ въ томъ, что „безъимянный сочинитель" его первый (?) сталъ сравнивать русскій и славянскій языкъ съ санскритомъ. Похвала эта, какъ мы видѣли выше, однако, не вполнѣ заслужена анонимнымъ авторомъ (Аделунгомъ), ибо изъ его-же брошюры ученый критикъ ея могъ-бы узнать, что она имѣла уже предшественника въ аналогичномъ разсужденіи проф. Антона: „De lingua Rossica ex eadem cum Samscrdamica matre orientali prognata etc". (Виттенбергъ, 1809), не говоря уже объ указанной выше (стр. 630) анонимной статьѣ въ „Fundgruben des Orients". Сопоставленіями безъимяннаго автора (Аделунга) Леванда, однако, не доволенъ, находя, что не всѣ они „равномѣрно сильны и справедливы", напротивъ, есть между ними даже „натянутыя" (стр. III). Съ этимъ замѣчаніемъ можно было-бы согласиться, но изъ

[1]) Разсужденіе о пользѣ и достоинствѣ Сочиненія сообщеннаго отъ неизвѣстной особы подъ названіемъ: сходство между Санскритскимъ и Россійскимъ языками (такъ!). За симъ разсужденіемъ слѣдуетъ Истинное происхожденіе и начало славянскаго народа И его Имени доказанное Исторически и Этимологически, и представленное Императорской Россійской Академіи Коллежскимъ Совѣтникомъ Ив. Левандою. Въ Санктпетербургѣ, въ Императорской Типографіи, 1812 года, (8°, 1 ненум. + IX + 64 стр.).

Также и по-французски: «Dissertation sur l'utilité et le merite d'un ouvrage anonyme ayant pour titre: Rapports entre la langue... suivie de la decouverte de la vraie origine de la Nation Slavonne prouvée historiquement et étimologiquement et présentée à l'Acad. Imp. Russe» (Спб. 1812).

поправокъ Леванды и его собственныхъ сближеній видно, что его недовольство вытекало изъ неспособности оцѣнить разбираемую работу и отсутствія сколько-нибудь вѣрнаго чутья, не говоря уже о недостаткѣ знаній, которыхъ и трудно было-бы требовать въ данной области въ то время. Изъ сходства санскрита съ еврейскимъ (!), персидскимъ, греческимъ, латинскимъ, „цельтическимъ“ и нѣмецкимъ Леванда заключаетъ, что всѣ эти языки, вмѣстѣ съ остальными, „происходятъ изъ одного и того-же источника“ (стр. III—V), которымъ „по историческимъ выводамъ долженъ быть Скиѳскій, до потопа существовавшій, единый“ первобытный языкъ. На этомъ-то языкѣ и говорили люди „прежде разсѣянія по всей землѣ“, почему онъ „и теперь еще служитъ единственнымъ ключемъ, посредствомъ коего не только таинственный языкъ всѣхъ религій, древнія надписи удобочитаемыя, но непонятныя, на какомъ-бы то ни было языкѣ, но и самое произхожденіе народовъ и всѣ реченія ихъ языковъ изъясняются естественнымъ, точнымъ и удовлетворительнымъ образомъ“ (стр. V—VI). Въ подтвержденіе этого Леванда ссылается на этимологическій словарь французскаго языка Менажа [1]), который онъ „весь разобралъ и нарочито приумножилъ“, на собственныя объясненія непонятныхъ словъ изъ Слова о Полку Игоревѣ, „смыслъ коихъ по отзыву самой Академіи признанъ былъ навсегда потеряннымъ“, но открылся, благодаря „ключу“ Леванды, и на „безчисленное производство множества языковъ мертвыхъ и живыхъ“, которые онъ „сравнивалъ и разбиралъ“, причемъ „удостовѣрился въ неоспоримой отъ нынѣ *единости* (identité) языковъ и народовъ, доказанной до очевидности: 1) Историческими событіями, посредствомъ Родословнаго древа народовъ; 2) Словопроизводнымъ разборомъ почти всѣхъ языковъ, представляющихъ метафизическія (?!) картины слова“ (стр. VI). Далѣе оказывается, что корни этого „допотопнаго“ Скиѳскаго языка извлекаются „исключительно, *иногда* изъ Наваѳейскаго или древняго Арабскаго, безъ различія (!) именуемаго Сирскимъ, Халдейскимъ, Савейскимъ и Пеглевійскимъ (!), словомъ изъ языка, на коемъ писаны Зороастровы книги, Зендъ, Пазендъ и Веста (!), и коимъ Авраамъ и предки (?!) его говорили, а *иногда* изъ древняго Персидскаго, или правильнѣе сказать изъ Мидскаго языка, древнимъ Волхвамъ свойственнаго“ (стр. VII).

[1]) Жилль Менажъ, французскій филологъ XVII в. (1613—1692), врагъ Буало, аббата Котена, Шаплена и франц. академіи, выведенный Мольеромъ въ «Femmes Savantes» подъ именемъ педанта Вадіуса, другъ M-me де Севинье и M-me де Лафайетъ. Словарь его вышелъ въ 1650—94 г. подъ загл. «Dictionnaire étymologique ou Origines de la langue française».

Въ заключеніе предисловія Леванда говоритъ о богатыхъ матеріалахъ, собранныхъ имъ для словопроизводнаго словаря русскаго языка въ теченіе многолѣтнихъ занятій, и предлагаетъ затѣмъ образчики своего этимологическаго искусства въ видѣ „Разбора словопроизводнаго Санскритскихъ и Россійскихъ реченій, вотще признаваемыхъ тождесловными и коихъ совершенное несходство доказывается ихъ-же словопроизводствомъ“. Разборъ этотъ начинается объясненіемъ именъ четырехъ „гиндузскихъ“ языковъ, сообщаемыхъ „Шевалье Кольброкомъ“. „Санскрита“ опредѣляется, какъ „священный языкъ Гиндузовъ, которые величаютъ его Божественнымъ и небеснымъ; поелику на семъ языкѣ писаны Ведамъ и Шастагъ (Шастры?), книги священныя, самыя древнія и наиболѣе уважаемыя Индѣйцами“ и т. д. (стр. 1). Самое имя „санскрита“ производится отъ др. арабскаго *шан* или *шен* = Vetus + *са* = *а*. Vox vehemens alta, elata + „вывороченное“ *арк* или *арик*, дающее *кра*, т. е. „корень, начало, Вавилонія, Халдея“, или *криа*, т. е. „знатный, благородный мужъ“ + *ту*, произносимое *тев* = „единственный“. Такимъ образомъ „санскритъ“ есть *Шан-са-кра-ту*, т. е. „языкъ единственный, преизящный и древній, ведущій благородное свое происхожденіе отъ Халдей или Вавилонскаго зданія“ (стр. 1—2). При помощи такихъ-же сопоставленій оказывается, что имя одного изъ діалектовъ пракрита, *пайсахи* (т. е. пайсачи), въ сущности значитъ „ревъ и стонъ высокомѣрнаго виновника золъ и бѣдствій, т. е. сатаны“ (стр. 3—4); *море* является сложнымъ изъ *ма* = вода + *ру*=лицо, поверхность, или *рей*=видъ, взглядъ, что́ вмѣстѣ даетъ „блестящее и восхитительное позорище поверхности водъ“ (стр. 8); *барыня* „per hyperthesin“ происходитъ изъ *берин* = supra hunc, vel hoc, ad alta pertinens, и означаетъ такимъ образомъ „слово въ слово: первенствующая надъ другими, т. е. женщинами: поставленная превыше другихъ, сирѣчь: превосходная, великая, благородная и отличная“ (стр. 10). Слово *собака* оказывается происходящимъ отъ *зыбу* = canis silvaticus + *ка* = пугать или *ака* = курносый, тупоносый; сидѣть, опершись на заднія лапы. Изъ получившагося такимъ образомъ *зыбука* или *зыбака*, „при нечувствительномъ измѣненіи буквъ“, выходитъ слово *собака*, означающее: „собака, животное тупоносое, которое останавливаетъ (прохожаго) наведеніемъ на него страха и которое любитъ сидѣть опершись на переднія лапы“ (стр. 34—35). Индійскія собаки или „шунаки“, однако, судя по ихъ имени, нѣсколько добрѣе русскихъ, ибо „шунака“ толкуется, какъ „животное съ тупымъ носомъ, смирное, ручное и дворовое, которое“ тѣмъ не менѣе „останавливаетъ, т. е. прохожихъ, приведя ихъ

въ страхъ, и любитъ сидѣть, опершись на переднія лапы (стр. 34)". Такимъ-же путемъ толкуется *горло*, какъ „отверзтіе алчное и прожорливое внутрь рта находящееся (стр. 14)" и т. д. Въ этомъ родѣ всѣ этимологіи Леванды (числомъ 108), вдохновлявшагося этимологіями Менажа. Въ заключительной главѣ объ „истинномъ произхожденіи и началѣ славянскаго народа и его имени", при помощи аналогичныхъ пріемовъ выводится имя *славянъ* отъ „восточнаго" слова *секлабъ*, *секлаби* или *секлабунъ* въ единств. ч. и *секлабагъ* во множественномъ, откуда и греческое имя народа χάλυβες, получающееся путемъ перестановки звуковъ изъ *секлаби* и означающее: „дѣлатели оружій, укротители и наѣзживающіе лошадей, и остроумные наставники и образователи ума и сердца. Секлабагамъ, Халибесамъ или Склавянамъ принадлежитъ слѣдственно честь изобрѣтенія толико полезныхъ искуствъ для человѣка; образовать сердце и разумъ; ввести въ употребленіе желѣзо, дѣлать изъ онаго оружіе, и наконецъ вскармливать и обращаться съ животнымъ, столь-же безцѣннымъ, какъ и полезнымъ, какова лошадь. Сколько знаменитыхъ правъ на всеобщую благодарность"! (стр. 55—56).

Затѣмъ халибесы, или славяне, приняли имя „*Ализоновъ* или *Гализоновъ*, называемыхъ нынѣ Галичанами (! стр. 57—58)". Имя-же *ализоновъ* означаетъ „народъ, прославившій великою ученостію, или народъ извѣстный по глубокой своей учености (стр. 58)". Послѣ „ализоны" приняли имя *цефеновъ*, древнее названіе *персовъ*, и затѣмъ уже стали называться *халдеями*, что̀ значитъ: „полчище военныхъ людей, или воинство распутное и развращенное, которое, достигнувъ цѣли своихъ желаній, затмило свое (древнее) имя принятіемъ другого (стр. 59—61)". Доказавъ такимъ путемъ тожество славянъ и персовъ, Леванда утверждаетъ, что персы тожественны и съ индусами, какъ это явствуетъ изъ ихъ „общаго произхожденія, признаннаго всѣми древними и новѣйшими писателями, которые почитаютъ Индіанъ толикими-же селеніями, вышедшими изъ Мидіи, а санскритскій языкъ нарѣчіемъ того поколѣнія Персіанъ, которые въ самыя отдаленнѣйшія времена древности подавались уже до самаго сѣвера Индіи. Во вторыхъ, сходствомъ языка, которое ученые почитаютъ важнѣйшимъ и достовѣрнѣйшимъ доказательствомъ". Такъ думалъ Леванда изъяснить „непостижимую загадку", представленную лингвистическимъ родствомъ „нынѣшнихъ Россіянъ съ жителями Гангеса" (стр. 64).

Изъ этого разбора Аделунгъ могъ съ достаточной наглядностью убѣдиться, что, у насъ по крайней мѣрѣ, „старинныя умствованія

о первоначальномъ языкѣ, о связи древнихъ и новыхъ языковъ" и т. п. еще не исчезли „отъ лучей новаго свѣта" и продолжаютъ держаться довольно прочно. Въ данномъ случаѣ старина „умствованій" Леванды была очень почтенная и восходила къ XVII, а то такъ и XVI вѣку.

Въ томъ-же 1812 году явилась актовая рѣчь профессора Харьковскаго университета по каѳедрѣ исторіи европейскихъ государствъ и статистики Б. О. Рейта (1770—1824): „Geist der literarischen Cultur des Orients und Occidents" [1]. Главное содержаніе ея историко-философское, но въ своихъ сопоставленіяхъ и историческихъ построеніяхъ авторъ основывается часто на данныхъ языкознанія. Говоря объ эпохѣ первобытной культуры и о первобытномъ языкѣ, Рейтъ видитъ въ именахъ горъ и рѣкъ южной Европы древнѣйшіе памятники, оставшіеся отъ первобытнаго народа, своего рода „надписи праязыка и его раздѣленія на діалекты (стр. 53)". Въ глубину этихъ временъ можно проникнуть только съ нитью словопроизводства. „Европа, и именно юго-востокъ ея, были сначала заняты средне-азіатскими горными народами. Скиѳы, ѳракійцы, саки и геты Геродота—только разныя имена вѣтвей одного и того-же семейства, несомнѣнными потомками и остатками котораго являются прежніе аланы и теперешніе афганцы, джаты или геты, сейки (сикхи въ Индіи?) и рогиллы". Эти народы Рейтъ называетъ скиѳскими или гетскими и считаетъ родиной ихъ сѣверную Индію, а источникомъ ихъ языка—санскритъ. Подтвержденіе этому онъ видитъ въ недавнемъ для него открытіи санскритскаго происхожденія языка Кашмира (стр. 54). Эти-же народы населяли Грецію и юго-западную Европу, чѣмъ и объясняется взаимное родство мизійцевъ, фригійцевъ, эллиновъ, первичныхъ обитателей Италіи, иллирійцевъ (аланъ), готовъ и германцевъ вообще (стр. 54—55).

Только что изображенному западному культурному міру Рейтъ противополагаетъ восточный, „сарматскій", занимающій площадь отъ сѣверо-востока Азіи и черезъ Волгу до сѣверо-востока Европы. „Сарматская" семья народовъ распадается, по его словамъ, на монголовъ, тюрковъ или тюрко-татаръ и сарматовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, имѣющихъ медо-скиѳское происхожденіе. Къ послѣдней вѣтви „сарматской" семьи, медо-скиѳамъ, Рейтъ отно-

[1]) См. „Рѣчи произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Харьковскаго университета, бывшемъ 17 Генваря 1812 года. Въ Харьковѣ. Въ Университетской Типографіи, 1812 года". 4°. 67 стр. № 3, стр. 53—67. Біографію Рейта см. „Библіографическіе Листы" П. И. Кеппена, 1825, № 15, стлб. 214—216.

ситъ славянъ. Сходство славянскихъ языковъ съ греческимъ, латинскимъ и нѣмецкимъ подавало поводъ выводить ихъ изъ одного общаго источника, но Рейтъ задаетъ вопросъ, объясняется-ли это сходство общимъ происхожденіемъ изъ санскрита, или здѣсь возникла какая-нибудь другая и болѣе поздняя связь. На этотъ вопросъ онъ, впрочемъ, не даетъ опредѣленнаго, яснаго отвѣта. Въ послѣсловіи, написанномъ уже лѣтомъ 1812 г., Рейтъ приводитъ цитаты изъ „Митридата“ Аделунга, Эйхгорна „Geschichte der neuern Sprachkunde“ и книги Шлегеля о языкѣ и мудрости индусовъ, а также упоминаетъ цитированную уже выше диссертацію Антона о сродствѣ русскаго языка съ санскритомъ. Въ заключеніе Рейтъ даетъ списокъ нѣсколькихъ зендскихъ, пехлевійскихъ и персидскихъ словъ, почерпнутыхъ имъ изъ соотвѣтствующихъ словарей во второмъ томѣ „Зендавесты“ Анкетиля дю Перрона. По его словамъ, это—„unläugbar slavonische Wörter“. Вотъ они:

Зендъ:

Eréthéhé—объясненіе, экзаменъ, совѣщаніе (вѣроятно р. ед. отъ arəθa=правило, законъ).

(Eréthеoûenô) [?]

Eorooued—сильный (очевидно: aurvant-).

Eôkthê—онъ говоритъ (3 ед. aoxte).

Bekhdré—весна (!?).

Tchetveré—четыре (т. е. čaθwarə).

Thretim—третій (θritīm = въ третій разъ).

Vetché, Vetchâo—говорить (vac- говорить).

Vetchâ—вмѣстѣ, съ (?).

Пехльви:

Zivad, Zived—живетъ (пазендск. zīvēδ=живите?).

Персидскій:

Rouistan—рости (параллельная форма къ rustan).

Zemin—земля (zamīn).

Boudan—быть (buδan).

Bouam—я есмь

Nist—его нѣтъ (nīst).

Daridan—раздирать (darīδan).

Не говоря уже объ ошибкахъ и неточностяхъ въ приведенныхъ зендскихъ формахъ (въ нихъ, конечно, виноватъ Анкетиль дю Перронъ), нельзя не замѣтить, что приведенныя соображенія Рейта, очевидно, все-таки интересовавшагося новыми открытіями въ области языкознанія, не представляютъ никакого шага впередъ, сравнительно съ XVIII в. Сопоставленія его примитивны и наивны, и новаго духа въ нихъ, о которомъ говорилъ Аделунгъ мл. въ цитированной выше своей брошюрѣ, не замѣтно. Имъ не хватаетъ даже самой элементарной точности. Рейтъ ограничивается общимъ указаніемъ на несомнѣнное сходство или торжество приводимыхъ

имъ иранскихъ словъ со „славянскими", но этихъ послѣднихъ не называетъ. Поэтому остается совсѣмъ неяснымъ, съ какими именно славянскими словами онъ считаетъ схожими свои первыя свои четыре зендскихъ слова (eréthéhé—eókthé), или послѣднее (vetchâ). Относительно bekhdré—весна [1]) можно думать, что онъ имѣлъ въ виду русское *вёдро* или, можетъ быть, и *весна* (должно быть, только по сходству начальныхъ буквъ!), а vetché (vac-говорить), вѣроятно напоминало ему русск. *вѣче* (какъ, можетъ быть и его vetchâ!) или глаголъ от-*вѣч*-ать. Нечего и говорить, что эти сходства случайны. Пехлевійскія и новоперсидскія параллели лучше и дѣйствительно находятся въ родствѣ съ соотвѣтствующими славянскими формами. Во всякомъ случаѣ Рейтъ первый у насъ сравнивалъ русскія или славянскія формы съ зендскими и пехлевійскими [2]).

Послѣдующія явленія въ области нашего ознакомленія съ санскритомъ совсѣмъ незначительны и сводятся къ ряду переводовъ разныхъ иностранныхъ статей о санскритѣ и отрывковъ изъ памятниковъ индійской литературы, переведенныхъ уже на европейскіе языки. Такъ въ 1815 г., въ „Вѣстникѣ Европы" (ч. 84, отд. II: изящныя искусства, науки и литература, стр. 196—216) явилась статья, озаглавленная: „О преимуществахъ, изящности и богатствѣ языка санскритскаго, также о пользѣ и удовольствіяхъ отъ изученія онаго". Самостоятельнаго въ этой статьѣ было только заглавіе, состряпанное, очевидно, русскимъ переводчикомъ *Пбдн.* [3]), да примѣчаніе редакціи, въ которомъ говорилось между прочимъ: „Сей древній, у насъ почти неизвѣстный языкъ, нынѣ обращаетъ на себя вниманіе нѣкоторыхъ ученыхъ съ такой стороны, которая и для насъ весьма любопытна. Довольно упомянуть, что въ немъ

[1]) Въ дѣйствительности подобнаго зендскаго слова съ этимъ значеніемъ нѣтъ. Анкетиль дю Перронъ, очевидно, имѣлъ въ виду з. baxšra—*доля, жребій*, которое никогда не значило *весна*. Оно соотвѣтствуетъ санскр. bhadrá—*прекрасный, счастливый, счастье, благо*, и отражается въ новоперсидскомъ въ видѣ baxr, а въ пехльви, какъ bahr. Сходство этой послѣдней формы съ новоперсидскимъ bahâr *весна*, отвѣчающимъ пехлевійскому vahâr (зенд. vanhra, санскр. vâsara), заставило Анкетиля дю Перрона ошибочно сопоставить свое bekhdré, т. е. baxšra-съ bahar, которое у него названо пехлевійскимъ и переведено «Printems». Самъ же Рейтъ, конечно, совершенно не былъ знакомъ съ зендомъ и всецѣло довѣрился своему источнику.

[2]) Съ персидскимъ русскія формы сравнивали у насъ еще въ XVIII в. и гораздо полнѣе, чѣмъ это сдѣлалъ Рейтъ. См. выше стр. 277.

[3]) Подъ этими буквами вѣроятно скрывается профессоръ Московскаго Университета, П. В. Побѣдоносцевъ, въ журналѣ котораго «Минерва» уже въ 1807 г. явилась также переводная статья о санскритѣ (см. выше, стр. 625).

находятъ многія слова, сходныя съ Русскими. Одинъ изъ членовъ Варшавскаго Общества друзей наукъ, подкрѣпляемый щедростію нѣкотораго вельможи, трудится теперь надъ изслѣдованіемъ сходства между языками Славянскаго происхожденія и Санскритскимъ [1]). Въ бытность Государя Императора въ Варшавѣ на одной прозрачной картинѣ сіяло Высочайшее имя, изображенное, кромѣ другихъ, и Санскритскими письменами". Сама же статья представляла собой переводъ вступительной лекціи перваго профессора санскрита въ Collège de France Шези, открывшаго ею 15 янв. 1815 г. свои чтенія въ этомъ учрежденіи. Лекція Шези, напечатанная въ Magasin Encyclopédique, касалась, однако, главнымъ образомъ индійской литературы. Изъ грамматическихъ особенностей указывалось только на поразительное сходство санскрита съ греческимъ и латинскимъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя объ индійской литературѣ, здѣсь полнѣе и точнѣе, чѣмъ въ вышеразсмотрѣнныхъ аналогичныхъ статьяхъ и книгахъ; древне индійскія названія памятниковъ передаются правильнѣе, хотя и тутъ не мало ошибокъ и искаженій. Сначала говорится о ведахъ (Ритшъ, Іаджушъ, Саманъ и Атхарвану, т. е. Ригведѣ, Яджурведѣ, Самаведѣ и Атхарваведѣ), сочиненныхъ будто бы Віазой или Веда-Віазой (Вьяса= санскр. Vyāsa), затѣмъ о Пуранахъ и Магабхаратѣ; о философскихъ „произведеніяхъ": Ніаіа (Nyāya), Меиманса (? Mīmāṃsā), Веданта, Санкхіа-Састра (Sāṃkhya-çāstra), грамматическихъ трактатахъ Панини, Сиддганта-Каумуди, Сарасвати-Пракриія-Мугдга-Бода (Sarasvatī-prakriya-mugdhabodha), объ „астрономическомъ" трактатѣ Биджа-Ганита (Bijaganita=алгебра). Затѣмъ идетъ рѣчь объ эпической литературѣ и перечисляются: „Гитопедеса (Гитопадеша),

---

[1]) Здѣсь очевидно имѣется въ виду Валентинъ Скороходъ-Маевскій, авторъ интереснаго для своего времени сочиненія: «O Sławianach i ich pobratymcach. W Warszawie. 1816. W drukarnie Wiktora Dąbrowskiego». 8⁰. 2+180+LXIV стр. Книга эта содержала въ себѣ: «Rozprawy o języku samskrytskim tudzież o literaturze Indyan w tymże języku, z przydatkiem wyciągu grammatyki tegoż języku, Tablic rycin czyli pisma; liczbowych postaci, Osnowy wiersza bohatyrskiego pod nazwaniem Rama-Jana, wyciągów z tegoż wiersza, Słowniczku, niemniej dwóch poprzedniczych rozpraw o archiwach i umiejętności dyplomatycznéy». При составленіи своего очерка санскритской грамматики, Маевскій пользовался грамматикой брата Паулино а С. Бартоломео (1780) и такъ называемой Серампурской грамматикой 1806 г. (Карея). Между прочимъ Маевскій помѣщалъ здѣсь колыбель славянъ на р. Гангѣ. См. объ этой книгѣ цитированную уже выше (стр. 622, прим. 2) статью Мурко въ «Rad'ѣ» югославянской академіи (въ Загребѣ) за 1897 г. кн., CXXXII истор. филологическаго отдѣла, XLVIII, стр. 104—108.

Рамаіана (съ краткой передачей содержанія), Магабгарата, Сусипала-Бада (Шушипала-Бадха), Разгу-Ванза (Рагхуванша), Рагаватъ-Гита (! очевидно, Бхагавадгита), Мегадута (Мегхадута), маленькая поэма Джаіа-Девы „Любовь Мадавы и Рады“ (т. е. Мадхавы и Радхи) и т. д. Многія изъ этихъ именъ являлись здѣсь впервые въ нашей литературѣ.

Черезъ три года явилась у насъ другая переводная (съ англійскаго) статья: „О словесности Индіянъ. Сочиненіе на Санскритскомъ языкѣ, сообщенное Индѣйцомъ Говердганъ Кали“, напечатанная въ „Сынѣ Отечества“ за 1818 г. (ч. 50. № LII, стр. 289—307). Свѣдѣнія, сообщаемыя здѣсь, еще подробнѣе и богаче, чѣмъ въ лекціи Шези. Кромѣ главныхъ ведъ, здѣсь идетъ рѣчь и объ упаведахъ, шести ведангахъ (въ томъ числѣ и о Нируктѣ Яски), четырехъ упангахъ, о собраніяхъ законовъ *смрити*, о разныхъ философскихъ и юридическихъ текстахъ и т. д. Цѣлый рядъ названій памятниковъ и свѣдѣній о памятникахъ является здѣсь впервые въ нашей литературѣ. Къ сожалѣнію, индійскія имена и названія передаются съ различными ошибками, какъ вслѣдствіе незнанія переводчикомъ санскрита, такъ и вслѣдствіе опечатокъ или описокъ. Авторъ Гандхарва-веды, Бхарата, названъ Бгарама, Нирукта — Нирути, Нилакантха — Ниликанта, Рамануджа—Рамануділ, Патанджала—Патандела и Пантадела, Вайбхашика—Вебашика, Арджуна—Ардзюна, Гита—Жита, Яджнявалкья—Яденнаявалка, языкъ Пали—Пили, лексикографъ Амарасинха—Амарасигна, буддисты — бгудисты, грамматика Мугдха-бодха — Магдга-бога и т. д. Переводчикъ скрылъ свое имя подъ иниціалами Ѳ. П.

Несомнѣнно существовавшій у насъ интересъ къ Индіи удовлетворялся такимъ образомъ случайными переводами иностранныхъ статей, иногда довольно обстоятельныхъ и полныхъ, какъ только что разсмотрѣнная, иногда же невѣжественныхъ и устарѣлыхъ. Разумѣется, судить о годности такихъ статей въ нашихъ журнальныхъ редакціяхъ того времени было некому, и этимъ только объясняется, напр., что тотъ же „Сынъ Отечества“, который помѣстилъ въ 1818 г. вышеразсмотрѣнную обстоятельную статью объ индійской литературѣ, въ слѣдующемъ 1819 г. далъ у себя мѣсто статьѣ „Индія и Индійцы“ [1]), представляющей переводъ статьи аббата Бержіера изъ „Методической Энциклопедіи“ Парижскаго изданія 1789 г. (!), Богословскаго отдѣленія, т. II. Статья

[1]) «Сынъ Отечества» 1819 г. ч. 56-я, стр. 145—159, 214—226, 240—256.

эта поражаетъ своей устарѣлостью и рядомъ ошибокъ и невѣрныхъ данныхъ, что̀ вполнѣ понятно, въ виду времени, къ которому она относится. Мы находимъ въ ней, напримѣръ, такія названія памятниковъ индійской литературы: Бгада (?), Беда (Веда?), Гедангъ (Веданга?), и рядомъ Веда, Ведамъ, затѣмъ Шастангъ, Шастеръ, Шистрамъ (Шастра?), Пурачамъ (стр. 147). Имена трехъ главныхъ индійскихъ божествъ передаются здѣсь такъ: Брамга, Бримга, Бирмга (Брахма), Вишенъ, Висну, Вишну, Сиба, Сибъ, Шивенъ (Шива), Руддеръ, Рудра (стр. 219); названія четырехъ кастъ являются въ такомъ видѣ: 1) Брамины, 2) Наиры или Шехтереи (Кшатріи?), 3) Бисы (Вайшья), 4) Судеры, Шутрерсы (Шудры) или Паріи (стр. 225) и т. д. Подъ статьей подписался В. Ан...чъ (очевидно, извѣстный библіографъ В. Анастасевичъ), который снабдилъ ее не лишеннымъ историческаго интереса примѣчаніемъ, ярко характеризующимъ степень его компетентности въ вопросахъ индіанистики и гласящимъ, что „для пополненія сей статьи объ Индіи, въ отношеніи къ мнимой древности ея учености, которую столько превозносятъ Санскритоманы, едва знающіе и санскритскую азбуку (?)“, необходимо прибавить прочія статьи аббата Бержьера и статью Langlés объ Индостанской словесности („Revue Encyclopédique“, 1819, т. II—III).

Въ томъ же „Сынѣ Отечества“ (1819 г. ч. 54, стр. 230—31) была помѣщена небольшая замѣтка о пребываніи въ Петербургѣ, проѣздомъ въ Индію, знаменитаго датскаго языковѣда и оріенталиста Раска. Здѣсь сообщалось между прочимъ, что Раскъ намѣренъ выучиться „древнему, доселѣ неизвѣстному языку Бали (т. е. Пали!), и посредствомъ онаго истолковать и издать въ Европѣ священныя книги Буддаистовъ“... Къ этому прибавлялось, что Раскъ окончилъ въ Петербургѣ свою грамматику санскритскаго языка.

Къ тому же времени относятся образчики индійской словесности, помѣщавшіеся также въ нашихъ журналахъ, но переведенные не прямо съ санскрита, а съ того или другого европейскаго языка. Таковъ, напримѣръ: „Плачь родителей надъ прахомъ сына. Отрывокъ изъ поэмы Рама-Яна, творенія на Санскритскомъ языкѣ Индіянина Вальмикія“, помѣщенный въ „Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія“ на 1819 г. (ч. VIII. стр. 3—21). Какъ гласитъ подстрочное примѣчаніе (стр. 3), отрывокъ этотъ былъ взятъ изъ незадолго передъ тѣмъ вышедшей книги Маевскаго „O sławianach i ich pobratymcach“. Переводчикомъ (съ польскаго) явился нѣкій *Папк*..... (очевидно, Папковичъ, губ.

секретарь и членъ корресподентъ общества просвѣщенія и благотворенія, а съ 1818 г. и дѣйствительный его членъ [1]).

Въ этомъ же родѣ другой аналогичный „переводъ“: „Налъ, отрывокъ, взятый изъ санскритской поэмы *Магабгарата*“ (въ подстрочномъ примѣчаніи цитируется заглавіе извѣстнаго Бопповскаго изданія этого отрывка „Nalus, carmen Sanscritum, e Mahabharato; edidit, latine vertit et adnotationibus illustravit F. Bopp“), явившійся въ „Трудахъ Вольнаго Общества любителей Россійской Словесности“ за 1820 г. (ч. 13, стр. 327—366). Какъ видно изъ ссылки, переводъ этотъ, подписанный А. Ж. (Алексѣй Жилинъ?), былъ сдѣланъ со статьи въ „Revue Encyclopédique“. Статья начиналась указаніемъ на то, что „изученіе санскритскаго языка весьма полезно“, но пособій для него очень мало, а далѣе сообщалось, что „*Бопъ*“ издалъ подобное пособіе. Такимъ образомъ, очевидно, у насъ находились люди, интересовавшіеся санскритомъ, хотя и платонически, но настолько, что слѣдили за литературой о немъ и отмѣчали довольно своевременно новинки въ этой области (изданіе „Наля“ Боппа вышло въ 1819, а переводная статья о немъ появилась у насъ въ 1820 г.).

Индійской миѳологіи была посвящена статья Б. Корфа: „Четыре первыя божества Индіи (изъ Опыта полнаго Миѳологическаго Словаря всѣхъ народовъ)“, напечатанная въ „Трудахъ Высочайше утвержденнаго Вольнаго Общества любителей Россійской Словесности“ за 1820 г. (ч. IX, стр. 3—18). Здѣсь шла рѣчь о четырехъ главныхъ божествахъ: Парабрахмѣ, Брахмѣ, Вишну и Шивѣ. О степени знакомства автора съ санскритомъ могутъ свидѣтельствовать формы именъ описываемыхъ имъ божествъ: Брахма называется Брамой, Бремой, Бирмой и Брумой (!), Вишну—Висну, Бистну (!) и Вишну, Шива — Хивой, Иксорой, (Îçvara), Магадевой и Рудрой.

Касается вскользь санскрита и ученый П. И. Кеппенъ въ своей рецензіи на „Обозрѣніе всѣхъ языковъ“ Ѳ. П. Аделунга (см. выше, стр. 593 и сл.), напечатанной въ „Трудахъ Высочайше утвержденнаго Вольн. Общ. любителей Росс. Словесности“ за 1820 г. (Ч. X.). Но какъ смотрѣлъ онъ на отношенія санскрита къ русскому, изъ словъ его не видно. Можно думать, что онъ едва-ли не былъ склоненъ объяснять сходство санскрита съ русскимъ заимствованіемъ изъ перваго послѣднимъ. О санскритѣ онъ говоритъ въ томъ мѣстѣ своей рецензіи, гдѣ идетъ рѣчь о разныхъ

[1]) См. его фамилію въ спискѣ членовъ названнаго общества («Труды» общества, часть XXIV. 1823 г., стр. 297).

чужихъ словахъ въ русскомъ языкѣ. Указавъ, что въ русскомъ языкѣ есть нѣсколько словъ, заимствованныхъ изъ скандинавскаго и татарскаго языковъ, онъ прибавляетъ: „Даже слова другихъ Азіатскихъ народовъ встрѣчаются въ языкѣ Россійскомъ (цит. статья, стр. 211)“. Въ примѣръ приводится слово *собака*, которое „вѣроятно заимствовано отъ Мидянъ, у коихъ по увѣренію Геродота (I, 110) собака называется Spaka. А о сходствѣ Санскритскаго съ Рускимъ писалъ уже авторъ сего обозрѣнія“ (т. е. Аделунгъ).

Нѣкоторыя, хотя и очень устарѣлыя свѣдѣнія о санскритѣ русскіе читатели могли почерпнуть также изъ русскаго перевода книги де Бросса „Разсужденіе о механическомъ составѣ языковъ и т. д.“ (см. выше, стр. 609), гдѣ (часть II, стр. 312—315) былъ напечатанъ отрывокъ изъ извѣстнаго письма іезуитскаго патера Pons къ патеру Duhalde (отъ 23 ноября 1740 г.). Каковы были эти свѣдѣнія, можно судить по слѣдующему образчику: „Грамматика Брахмановъ можетъ поставлена быть на ряду превосходныхъ знаній. Никогда раздробленіе (analyse) и соединеніе (synthese) не были такъ удачно употребляемы, какъ въ грамматическихъ твореніяхъ языка Самскретскаго или Самскрутанскаго. Мнѣ кажется, что сей языкъ, удивительный по своему сладкозвучію, обилію и силѣ своей былъ нѣкогда живымъ языкомъ въ странахъ, гдѣ обитали первые Брахманы. По истеченіи многихъ вѣковъ, онъ нечувствительно портился въ общемъ употребленіи, такъ что нарѣчіе древнихъ *Риховъ* (очевидно *Риш*) или *Кающихся*, въ Веданѣ или книгахъ священныхъ, довольно вразумителенъ для искусниковъ, кои знаютъ только Самскретское нарѣчіе, утвержденное Грамматиками“. Далѣе идетъ рѣчь о томъ, какъ индійскіе грамматики привели санскритъ чрезъ разложеніе „въ небольшое число первообразныхъ стихій языка, которыя можно назвать Caput mortuum языка“ и которыя „сами по себѣ ни къ чему не служатъ“ и „собственно ничего не значатъ“, имѣя только „отношеніе къ понятію, напримѣръ, *kru* къ понятію о дѣйствіи“. Къ этимъ первообразнымъ стихіямъ прибавляются вторичныя, или окончанія, суффиксы, предлоги и т. д. „По придачѣ второстепенныхъ стихій, первоначальная стихія часто перемѣняетъ свой образъ: *kru*, напримѣръ, уже дѣлается, смотря по прибавочному, *kar*, *kár*, *kir*, *kri*, *kír*, и проч. Синтезисъ соединяетъ и соображаетъ всѣ сіи стихіи, и составляетъ безконечную многоразличность употребительныхъ рѣченій.

Правиламъ такого соединенія и соображенія стихій учитъ грамматика, такъ что простой ученикъ, который, кромѣ грамма-

тики, ничего не знаетъ, можетъ, поступая по правиламъ, на одномъ корнѣ или стихіи первоначальной, составить многія тысячи словъ истинно Самскретскихъ. Сіе-то искусство дало имя языку; ибо *Samskret* значитъ синтетическій или сложный (Lettres édifiantes, Tom. XXV)“. Де Броссъ называетъ это мѣсто изъ письма патера Pons „весьма обстоятельнымъ описаніемъ синтетическаго способа, по которому составленъ Самскрутанскій языкъ Индійцевъ“. Сомнительно, однако, чтобы русскіе читатели 1822 г. (годъ появленія у насъ II-го тома русскаго перевода книги де Бросса) могли вынести изъ этого отрывка какое-либо иное представленіе о санскритѣ, кромѣ нѣкотораго трепета передъ трудностью этого языка...

О томъ, какія представленія о санскритѣ встрѣчались у нашихъ университетскихъ профессоровъ конца первой четверти XIX в. (1823 г.), краснорѣчиво говоритъ слѣдующее мѣсто изъ „Философической грамматики“ профессора Харьковскаго университета Паки де Совиньи (см. выше, стр. 615 и сл.), относившаго санскритъ къ числу „древнихъ полезнѣйшихъ языковъ“ („Философ. грамматика“, ч. I, стр. 129)“: „Черезъ знаніе санскритскаго языка, одного изъ древнѣйшихъ языковъ, существовавшихъ въ Индіи, ученые европейцы Анкетиль и Довъ Голвелль доставили намъ Французскій и Англійскій переводы одного изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ самой отдаленной древности, т. е. *Шаста Бада* (?!: *шастра* и *веда*?), священной книги Брахмановъ, первыхъ индійскихъ законодателей, и браминовъ (очевидно, Паки де Совиньи полагалъ, что *брахманы* и *брамины* не одно и то же! См. его „Философич. грамм.“ т. I. 1823 г., стр. 131)“.

Такъ обстояло у насъ дѣло съ изученіемъ санскрита въ теченіе первой четверти XIX-го вѣка. Объ университетскомъ преподаваніи его, конечно, нечего было и думать, хотя во Франціи первая каѳедра санскрита возникла еще въ 1815 г., а въ Пруссіи въ 1819 г. Нашимъ же молодымъ университетамъ въ Петербургѣ, Харьковѣ и Казани и ихъ старшему брату въ Москвѣ еще долго не суждено было обзавестись каѳедрами индійской филологіи или санскрита. Вполнѣ естественно, что новая наука, созданная XIX вѣкомъ, въ связи съ болѣе близкимъ изученіемъ санскрита,—сравнительное языкознаніе, при такихъ условіяхъ не могла найти у насъ благопріятной почвы для своего развитія. Тѣмъ не менѣе попытки сопоставленія формъ разныхъ языковъ съ русскимъ являются у насъ съ самаго начала XIX в. Къ этому времени относится рукописный трудъ Востокова, сохранившійся въ его бумагахъ и писанный, по словамъ И. И. Срезневскаго, „до

1802 г., можетъ быть, даже за нѣсколько лѣтъ до этого"[1]): „Коренныя и первообразныя слова языка Славенскаго". Небольшая тетрадка эта, обнимающая всего восемь листовъ писчей бумаги въ четвертку[2]), содержитъ нѣсколько сотъ словъ и является первымъ наброскомъ болѣе поздняго и болѣе обширнаго труда Востокова, названнаго имъ „Этимологическимъ словорасписаніемъ". Слова расположены въ ней въ алфавитномъ порядкѣ въ трехъ столбцахъ (имена, глаголы и вспомогательныя части рѣчи), и въ большинствѣ случаевъ рядомъ съ ними выписаны нѣм., англ., греч. и латинскія слова, дѣйствительно родственныя или казавшіяся Востокову таковыми. Судя по цвѣту чернилъ, сначала были вписаны только русскія и „славянскія" „коренныя" слова, и только у немногихъ сразу поставлены первыя пришедшія въ голову родродственныя формы чужихъ языковъ, въ родѣ слѣдующихъ: *баба*—weib (!), *брегъ—прагъ*—berg, *бремя*—(*бржезый*, тяжелый по богемски, бережая, беременная), *благо* (*блажь*, *блазнь*), *бобъ*—faba, *богатъ—убогъ*, *бодръ*—bieder (!), *брада*—barba, *братъ*—bruder—frater, *бровь*—brauen, *брусъ*—obrussa, *блюду*—βλέπω—blicke (!), *боду*—fodio, *борю* (*брань*, *броня*, *обороняю*)—wrangle по англ. бранюсь (!), *бѣгу*—fugio—φεύγω, *болтаю*—plaudern (!); *ветхій*—vetus, *вечеръ*—vesper, *вода*—wasser, *вращу*—англ. writhe (!), *вторый*—δεύτερος (!), *вымя*—sumen (!), *все, весь, вся*—πᾶς (!), *воръ*—φώρ—fur(!), *голубь*—columba, *горазда*—gar (!), *господь*—δέσποτα, *гость*—hospes—gast, *грызу*—*жру*—γράω (!), *голубой*—galbus (!), *глина*—glis, glissis (!), *день*—dies, *журавль*—geranios (?), *жупелъ*—sulphur, schwefel, *кажу—искажаю—проказа*—κακός, *пишу*—pingo, pinxi, *плачу*—plango, *плыву—плавлю*—πλάω (!), *пѣнязь*—pfenning—pense и т. д.

Другія сопоставленія, очевидно, вписаны позже, чернилами болѣе темнаго цвѣта. Среди получившихся такимъ образомъ этимологическихъ сближеній мы найдемъ не мало совершенно удачныхъ, свидѣтельствующихъ о вѣрномъ чутьѣ Востокова и принятыхъ современной наукой. Такъ, напримѣръ, здѣсь сближаются: *бобръ* съ лат. fiber и нѣм. biber; *брада* съ лат. barba и нѣм. Bart; *баю, баснь* съ лат. fabula; нѣм. Furth съ греч. πόρος и нѣм. fahren (но невѣрно съ русск. *бреду*, *бродъ*); *вдовъ* съ лат. viduus и нѣм. Wittwe; лат. vellus съ нѣм. Wolle; (но ошибочно съ слав.

[1]) См. «Филологическія наблюденія А. Х. Востокова. Издалъ, по порученію 2-го отдѣленія академіи наукъ, И. Срезневскій. Спб. 1865», обозрѣніе научныхъ трудовъ А. Х. Востокова и т. д. стр. IV—V.

[2]) Находится вмѣстѣ съ прочими бумагами Востокова въ рукописномъ отдѣлѣ I-го отдѣленія библіотеки Имп. Акад. Наукъ. Бумаги Востокова, пачка № 10.

власъ); *волна* (шерсть) съ лат. lana; *вода* съ гр. ὕδωρ, л. unda; *волкъ* съ гр. λύκος, нѣм. Wolf, лат. lupus; *выдра* съ нѣм. Otter, (но также и съ лат. lutra!); *горнъ, горнецъ, горшокъ* съ лат. fornax, furnus; *гусь* съ нѣм. Gans и лат. anser; *глотаю* съ лат. glutio; *два* съ гр. δύο, лат. duo, нѣм. zwei; *десять* съ л. decem и греч. δεκάτη; *домъ* съ гр. δῶμος, л. domus; *дщерь* съ гр. θυγάτηρ, нѣм. Tochter; *дымъ* съ гр. θυμός, л. fumus; *дарю, даръ* съ гр. δῶρος (δῶρον?); *даю* съ лат. do, dono, гр. δῶ; *дою* съ греч. θάω, θηλή, θῆλυς; *дѣлю* съ нѣм. theilen, шв. dela, гр. δαίω; *дѣю, дѣлаю* съ нѣм. thun, That (но и съ греч. δήω „изобрѣтаю“ [?!], тогда какъ τίθημι отсутствуетъ!); *дроздъ* съ лат. turdus; *дышло* съ нѣм. Deichsel (безъ указанія на заимствованіе); *желвь* съ гр. χέλυς; *жена* съ гр. γυνή; *желудь* съ лат. glans, glandis; *живу* съ лат. vivo; *звѣрь* съ лат. fer, гр. θήρ, (но и съ нѣм. Thier!); *зеленый, злакъ, зеліе* съ гр. χλόα-зелень и фригійскимъ ζελκία, *земля* съ лат. humus, гр. χαμαί; *зерно* съ л. granum, нѣм. Kern, Korn; *зима* съ л. hiems; *знаю, знакъ* съ лат. gnarus, nosco; *зіяю* съ л. hio, hiatus, нѣм. gähnen и т. д. Замѣчательно для того времени отнесеніе въ одну семью *зябну* съ *ознобъ, знобъ* [1]), хотя и безъ указанія на родственныя формы въ индоевропейскихъ языкахъ.

Къ другимъ новымъ и замѣчательнымъ для своего времени этимологіямъ принадлежатъ еще: *баня*—нѣм. Bad; *кислый, кисну квасъ*; *коло, колесо* — гр. κύκλος; *лядвея* — л. lumbus, нѣм. Lende; *лижу, лизать*—лат. lingo, нѣм. lecken; *мгла* — гр. ὀμίχλη; *муравій*—л. formica, гр. μύρμηξ; *мѣсяцъ*—л. mensis, нѣм. Monath, Mond, гр. μήν; *млатъ*—л. malleus; *морковь*—нѣм. Möhre; *мозгъ*—нѣм. Mark; *ноготь*—лат. unguis, гр. ὄνυξ, нѣм. Nagel; *оса*—л. vespa, нѣм. Wespe; *отворяю*—л. aperio (но и съ л. porta!); *пеку*—гр. πέπτω; *пила, пилить*—нѣм. Feile, feilen; *прошу*—лат. precor; *покой, почію* съ л. quies, quiesco, гр. κέω; *рамо* съ л. armus; *свекоръ*—гр. ἑκυρός, л. socer, нѣм. Schwieger; *сердце*—нѣм. Herz, англ. hearth, гр. καρδιον (καρδία?), л. cor; *слово, слышу* — гр. κλείω; *смѣхъ* — гр. μειδάω, μειδέω (но также и съ μῶκος, μωκάω и фр. moquer!); *сноха*—лат. nurus, нѣм. Schnur; *тьма, темный*—л. tenebrae (но также отнесены сюда: *туманъ, туча*, нѣм. dunkel, düster, dämmern!); *уха, юха*—л. jus; *ухо*—οὖς, нѣм. Ohr; *хлѣбъ*—нѣм. der Laib; *хмѣль*—лат. humulus, шв. humln; *цѣлый*—нѣм. heil, Heilen,

[1]) Ср. H. Hirt, «Der indogermanische Ablaut vornehmlich in seinem Verhältniss zur Betonung» (Страсбургъ, 1900, стр. 131, № 643), гдѣ устанавливается двусложный индоевроп. корень genobh, изъ котораго при исчезновеніи гласнаго *e* получается gnobh-=слав. *зноб-*.

англ. whole (но и съ гр. ὅλος, лат. salvus, sanus!); *шуй*—л. scaevus=*шульга*, гр. σκαιός; *шью*—л. suo, sutum и т. д. Не говоримъ уже о рядѣ удачныхъ объясненій заимствованныхъ словъ въ родѣ: *деньга*—тат. tanga; *конопля*—н. Hanf, гр. κανναβις, *конопать*; *лукъ*—н. Lauch; *тынъ*—нѣм. Zaun; *черешня*—л. cerasus; *яблоко*—нѣм. Apfel (другихъ относящихся сюда словъ нѣтъ); *щурупъ*—н. Schraube; *шлемъ*—н. Helm; *хижина*—н. Haus и т. д.

Конечно, рядомъ мы находимъ еще больше неудачныхъ и невозможныхъ сопоставленій, изъ коихъ нѣкоторыя, впрочемъ, встрѣчались и въ болѣе позднее время. Такъ *бочка* сближается съ нѣм. Bottich и *бочарь* съ нѣм. Böttcher; *брегъ*, *прагъ* съ лат. frango, fractura, гр. φράγμα, нѣм. brechen; *бремя* съ гр. βαρύς (но правильно съ н. Bürde); *благо* съ нѣм. Wohl; *блескъ* не только съ л. fulgeo (что дѣлали и позже), но и съ splendeo, н. blenden, blank; *блудъ*, *блуждать* съ нѣм. wild; *блѣдный* съ л. pallidus; *боль* съ нѣм. übel. л. doleo и vulnus; *бразда* съ н. Furche, brach; *бракъ* съ н. Braut; *быкъ* съ л. bos;-*бавлю* (забавлять, при- и т. д.) съ л. faveo; *брегу* (берегу) съ л. parco (зато вѣрно съ нѣм. bergen, borgen); *беру* съ н. werben; *бью* съ л. pavio; *блюду* съ гр. βλέπω, н. blicken; *боюсь* съ нѣм. bang, гр. φόβος; *бросаю* и *брызжу* съ н. sprengen, spritzen; *побѣждать* съ л. vinco, vici; *блекну* съ н. welken; *добыча* съ н. Beute, erbeuten; *велій* съ н. viel, гр. πολλά; *вечеръ* не только съ л. vesper, гр. ἑσπέρα (что̀ дѣлается и нынѣ), но и съ нѣм. gestern; *вихрь*—съ л. vortex, н. Wirbel; *влага* съ лат. uligo (сырость земли); *власъ* съ нѣм. Vlies; *велю*, *воля* съ гр. βουλή (но и съ нѣм. Wille, wollen, л. voluntas); *врагъ* съ л. vargus (убійца потаенный) и нѣм. arg; *врачъ* съ н. Arzt; *время* съ гр. χρόνος; *вѣко* съ н. winken; *варю* съ л. fervo, р. *брага*, англ. to brew, нѣм. brauen, Bier, гр. βρύω, βρύτον; *валю* съ л. fallo; *ваблю*=маню сближатся съ -*бавлю*; *сверлю* и *верчу* съ л. foro и н. bohren; *висѣть* съ л. pendeo, pensum, н. hängen, wägen; *облако* съ н. Wolke; *вяжу* съ л. haereo, haesi, jungo, junxi (*узы*, *союзъ*) и vincio, vinxi; *вѣче* съ гр. πείθω, л. fides; *вѣтвь* съ гр. βαΐς, βαΐον; *верто-градъ* съ л. hortus, нѣм. Ort, Garten; *глава* съ гр. κεφάλη; *гадъ* съ н. garstig; *гласъ*, *гулъ* (!) съ нѣм. Hall, gällen (т. е. gellen); *глубь* и *глыба* не только съ л. *gleba*, но и съ гр. γλάφω, л. sculpto; *гнусный* съ л. nausea и *носъ*; *годъ*, *годный*, *негодую* съ гр. ἅδος, ἁδέω, γηθέω, ἡδονὴ, л. gaudeo; *горбъ* съ л. gibbus; *гордый* съ л. arduus, гр. γαίω, γαῦρος; *готовъ* съ гр. ἕτοιμος, ἑτοιμάζω; *гривна* относится къ *грузъ*; *гроздъ* къ *груда*, которое сближается съ гр. βροντή, нѣм. gross, л. grandis; *гляжу* сравнивается не только съ гр. γλήνη, γλήμη (какъ дѣлаютъ и теперь), но и съ гр. λεύσσω=

гляжу; *гобзую, угобзаюсь*—съ л. uber; *гроза, грожу* съ н. Graus, grässlich; *говорю* съ лат. far, faris (?), гр. ἀγορέω; *день* не только съ лат. dies, но и съ нѣм. Tag; *деревня*—съ нѣм. Dorf; *дужій* съ лат. densus, гр. δασύς; *дму* съ л. tumeo, tumor; *дроблю* съ гр. δρέπω; *дрязгъ* и *друзгъ* относятся къ *тру*; *жена* сближается съ лат. femina, *заяцъ* съ н. Hase, *игла* съ л. acus, acer и т. д. Нѣсколько вполнѣ обыкновенныхъ словъ осталось вовсе безъ этимологіи: *девять, дитя, древо, диво, дѣва, деверь, елень, есть, младый, орелъ* и т. д. Для другихъ, также вполнѣ ясныхъ, привлечены совсѣмъ не подходящія и не естественныя сближенія, въ родѣ, напр., *беру*—нѣм. werben, вм. близкихъ по звукамъ и значенію л. fero, гр. φέρω.

Разсмотрѣнныя этимологіи Востокова возникли, очевидно, въ промежутокъ времени отъ 1802 (а, можетъ быть, и немного раньше) до 1808 г., когда онъ началъ уже работать надъ большимъ трудомъ этого-же рода, названнымъ имъ „Этимологическимъ словорoсписаніемъ“ [1]). По словамъ самого Востокова, онъ принялся приводить въ порядокъ свое „словороспиcаніе“ въ маѣ 1808 г., а 15 декабря того-же года были переписаны послѣднія буквы. О томъ, какъ слѣдуетъ вести подобныя лексикографическія работы, Востоковъ, очевидно, не имѣлъ никакого представленія, будучи чистѣйшимъ самоучкой. Поэтому форма, избранная имъ для своего труда, поражаетъ неудобствомъ и непрактичностью, тѣмъ болѣе, что въ ея недостаткахъ онъ, казалось, долженъ былъ-бы уже убѣдиться на примѣрѣ своего перваго, выше разсмотрѣннаго опыта. Когда страницы его первой росписи коренныхъ словъ покрылись сплошь постоянно вносимыми дополненіями и параллелями изъ другихъ языковъ, писанными самымъ убористымъ почеркомъ, и нигдѣ не оставалось уже свободнаго мѣстечка, Востоковъ принялся переписывать свою работу, но все въ той-же неудобной формѣ, помѣщая по нѣскольку словъ на страницѣ (въ азбучномъ порядкѣ) и отводя для каждаго приблизительно одинаковое пространство. Каждая страница (въ обыкновенную четвертку), кромѣ горизонтальныхъ графъ (для славено-русскихъ словъ) была имъ раздѣлена еще на четыре вертикальныя графы для внесенія словъ изъ разныхъ иностранныхъ языковъ, привлекавшихся къ сравненію. Разумѣется, при такомъ внѣшнемъ планѣ работы, границы между участками для отдѣльныхъ словъ очень скоро

---

[1]) См. «Филологическія наблюденія А. Х. Востокова. Издалъ и т. д. И. Срезневскій». Спб. 1865, стр. V, гдѣ ошибочно показанъ 1807 г., и «Замѣтки А. Х. Востокова о его жизни». Изд. В. И. Срезневскаго. Спб. 1901 (отд. отт. изъ т. LXX Сборника отд. русск. языка и словесн. Имп. акад. наукъ), стр. 24.

сами собой нарушились; за недостаткомъ мѣста въ уже заполненныхъ графахъ, слова стали вписываться въ чужія графы, и скоро рукопись приняла такой-же и даже еще болѣе неудобочитаемый видъ, какъ и въ первой редакціи. Постоянно вносившіяся дополненія заставили Востокова пришить по лоскутку бумаги къ каждой страницѣ, къ этимъ лоскуткамъ мѣстами понадобилось пришить новые, такъ что, вѣроятно, и самъ авторъ труда подъ конецъ съ трудомъ могъ оріентироваться въ своей рукописи. Вписывались иностранныя слова постепенно, въ разное время. Сначала былъ заполненъ столбецъ для польскаго языка. Въ запискахъ Востокова подъ 23-мъ марта 1809 года записано: „кончилъ польской столбецъ въ Этимол. росписаніи, трудившись надъ нимъ слишкомъ три мѣсяца" [1]). За польскими словами были внесены англійскія, на что потребовалось около двухъ мѣсяцевъ. Какъ свидѣтельствуютъ записки Востокова, англійскій столбецъ былъ законченъ 21-го мая 1809 года [2]). Слова другихъ языковъ вносились, по словамъ И. И. Срезневскаго [3]), частью при первичномъ написаніи (т. е. въ 1808 г.), частію и послѣ. Всѣхъ вертикальныхъ столбцовъ на двухъ смежныхъ страницахъ такимъ образомъ получилось восемь (не считая двухъ, а иногда и болѣе, пришитыхъ по краямъ): 1) славено-русскій, 2) польскій, 3) нѣмецкій, 4) англійскій и шведскій (въ одномъ столбцѣ), 5) греческій, 6) латинскій, 7) цельто-латинскій, 8) для разныхъ другихъ языковъ: турецкаго, татарскаго, еврейскаго, арабскаго, сирійскаго, халдейскаго, персидскаго, индостанскаго или санскрита и др. На пришитыхъ столбцахъ вписывались формы разныхъ славянскихъ языковъ и вообще разныя дополнительныя замѣчанія.

Съ какимъ трудомъ Востоковъ добывалъ необходимыя для своей работы научныя пособія, свидѣтельствуютъ его собственныя записки и „Изложеніе объ этимологическомъ словарѣ", написанное имъ для тогдашняго директора Императ. публ. библіотеки Оленина и напечатанное въ извлеченіи И. И. Срезневскимъ въ его очеркѣ біографіи Востокова („Филологическія наблюденія А. Х. Востокова". Спб. 1866, стр. Ѵ—Х). Пособія, имѣвшіяся у него подъ рукою, „по малому его достатку и по неимѣнію случаевъ, чтобы пользоваться знатными библіотеками", были крайне скудны: для польскаго ему служилъ очень плохой словарь Кондратовича (см. выше, стр. 334, прим. 2), для чешскаго и другихъ славян-

---

[1]) См. «Замѣтки А. Х. Востокова», изд. В. И. Срезневскимъ. Спб. 1901, стр. 29.

[2]) Тамъ-же, стр. 30.

[3]) «Филологическія наблюденія А. Х. Востокова». Спб. 1865, стр. Ѵ.

скихъ языковъ „Litterarische Nachrichten von einer Reise nach Schweden und Russland“ Добровскаго, для нѣмецкаго—нѣмецко-русскій словарь Гейма (см. выше, стр. 344), для голландскаго—„Niederdeutsche oder Holländische Grammatik“ Крамера, для англійскаго—„Pocket dictionary“ Шаде, для шведскаго—русскій переводъ грамматики Сальстета (см. выше, стр. 333, прим. 1), для греческаго—Lexicon manuale Шревелія, для новогреческаго—словарь архимандрита Меѳодія (см. выше, стр. 334, прим.) и для латинскаго—русскій переводъ словаря Геснера, сдѣланный Синьковскимъ (см. выше, стр. 359, прим.).

Съ этими пособіями Востоковъ „перебивался кое-какъ“. При лучшихъ пособіяхъ онъ „конечно сберегъ-бы половину времени и труда, потерянныхъ надъ безплодными, можетъ быть, розысками и надъ составленіемъ ложныхъ заключеній“. Какъ говорится въ запискѣ Востокова, ему хотѣлось-бы имѣть въ рукахъ „Митридата“ и „Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart“ Аделунга, „Glossarium Sveo-Gothicum“ Ире, о которомъ съ большой похвалой отзывался Шлецеръ, и польскій словарь Линде, тогда еще только выходившій. Кромѣ того, Востоковъ просилъ у Оленина позволенія пользоваться нужными книгами изъ его частной, или изъ Императорской библіотеки, „а особливо Линдеевымъ словаремъ“, который составлялъ предметъ его живѣйшаго интереса. Насколько силенъ былъ этотъ интересъ къ словарю Линде, свидѣтельствуютъ записки Востокова, гдѣ подъ 19 мая 1808 г. отмѣчено, что ему удалось, наконецъ, пока только „видѣть“ (!) словарь Линде у своего знакомаго Ермолаева [1]).

Записка Востокова, поданная 21-го декабря 1809 г., была принята Оленинымъ благосклонно [2]), но практическихъ результатовъ не имѣла. Даже „Линдеева словаря“ Востоковъ не могъ получить отъ Оленина и только черезъ полгода выпросилъ его на подержаніе у Д. И. Языкова, что́ и отмѣтилъ подъ 14 мая 1810 г. въ своихъ „Замѣткахъ“ [3]). Получивъ предметъ своихъ страстныхъ желаній, онъ на другой-же день принялся за работу и къ 12-му іюля „прошелъ 1-ю часть словаря, употребивъ на то два мѣсяца“ [4]). Къ 24-му октября 1810 г. была пройдена и вторая часть словаря, на что понадобилось слишкомъ три мѣсяца [5]); съ третьей частью было покончено въ четыре мѣсяца, къ 25-му февраля

[1]) См. «Замѣтки А. Х. Востокова», изд. В. И. Срезневскимъ, стр. 25.
[2]) «Замѣтки А. Х. Востокова», изд. В. И. Срезневскимъ, стр. 32.
[3]) Тамъ-же, стр. 33.
[4]) Тамъ-же.
[5]) Тамъ-же, стр. 34.

1811 г. [1]). Послѣ этого Востоковъ вторично „разсматривалъ“ первыя двѣ части словаря, по 24 апрѣля 1811 г., просидѣвъ такимъ образомъ надъ словаремъ Линде „безъ малаго годъ“ [2]).

О тогдашнихъ взглядахъ Востокова на предпринятое имъ дѣло и о состояніи его познаній свидѣтельствуютъ отрывки изъ его докладной записки Оленину, напечатанные частью И. И. Срезневскимъ въ цитированномъ уже его очеркѣ біографіи Востокова [3]). Изъ нихъ мы узнаемъ, что Востоковъ намѣревался показать „различныя степени сродства между всѣми“ сравнивавшимися у него языками и „постепенное произхожденіе и прехожденіе словъ изъ одного языка въ другой“. Трудности задачи были ему извѣстны: „я знаю сколь предметъ сей запутанъ, и какая въ ономъ господствуетъ вообще нерѣшительность; знаю что этимологію называютъ безполезнымъ знаніемъ, служащимъ только къ удовлетворенію пустаго любопытства. Но нельзя ли, руководствуясь осторожностью и, за разборомъ мѣлочей, не теряя никогда изъ виду цѣлаго, пройти въ этимологіи недалеко, но за то надежно; извлечь изъ сего хаоса столько по крайней мѣрѣ свѣту, сколько нужно для основательнаго и философическаго словопознанія? Нельзя ли избѣгнуть злоупотребленій соединенныхъ съ сего наукою—употребляя оную всегда не какъ главную а какъ пособную, у мѣста и умѣренно?“.

Высказывая этотъ осторожный взглядъ на этимологію, какъ средство опасное и допустимое лишь въ умѣренныхъ размѣрахъ, Востоковъ подкрѣплялъ свои доводы въ пользу этимологіи цитатой изъ статьи объ этомъ предметѣ во французской энциклопедіи [4]). По его словамъ, онъ имѣлъ въ виду, „утвердивъ если можно историческими и логическими доказательствами словопроизводство Россійскаго языка, пояснить сію историческую часть Грам-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 36.

[2]) Тамъ-же.

[3]) «Филологическія наблюденія А. Х. Востокова. Издалъ, по порученію II-го отд. академіи наукъ, И. Срезневскій», Спб. 1865, стр. V—IX. Приведенные у насъ отрывки иногда разнятся отъ напечатанныхъ Срезневскимъ и почерпнуты изъ черновой рукописи Востокова, сохраняющейся, вмѣстѣ съ другими его бумагами, въ рукописномъ отдѣлѣ I-го отдѣленія библіотеки Имп. акад. наукъ.

[4]) «Le grand objet de l'art étymologique n'est pas de rendre raison de l'origine de tous les mots sans exceptions et j'ose dire que ce seroit un but assez frivole. Cet art est principalement recommandable en ce qu'il fournit à la philosophie des materiaux et des observations pour élever le grand édifice de la théorie générale des langues; or, pour cela il importe bien plus d'employer des observations certaines que d'en accumuler un grand nombre» (Encycloped. method. Dictionnaire de gramm. et de litterature, s. v. Etymologie).

матики для будущихъ нашихъ лексикографовъ, и пресѣчь чрезъ то единожды навсегда всякія произвольныя и неосновательныя словопроизвожденія, какихъ у насъ не мало выкидывала въ свѣтъ самоумная неученость или всеугадывающая полученость. Легко станется, что и на меня самого обратятъ попрекъ сей, хотя я всемѣрно старался не утверждать ничего, не основываясь на вѣрныхъ доводахъ и свидѣтельствахъ".

Какъ еще шатки были основы этимологическаго метода Востокова, свидѣтельствуютъ его разсужденія о томъ, какія сходства словъ основаны на первичномъ родствѣ языковъ, и какія— на заимствованіи изъ одного языка въ другой. При сужденіи объ этомъ сходствѣ Востоковъ исходитъ изъ дѣленія всѣхъ словъ на „первоклассныя" (primordiales) и „второклассныя" (secundarii; sic!). Къ первымъ онъ относитъ „a) такія имена (существ. и прилагат.), коими означаются предметы ближайшіе къ чувствамъ, какъ то: самъ человѣкъ и части его тѣла, *глава*, *рука*, *нога* и пр. окружающіе его повсѣмственно главныя части Естества родъ (genus) знаменующіе: *земля*, *небо*, *вода*, *древо*, *звѣрь* и пр. ихъ качества: *черный*, *бѣлый*, *долгій*, *короткій*, *добрый*, *злой*, и пр. ихъ отношенія: сюда принадлежатъ имена служащія къ означенію родственныхъ связей: *отецъ*, *мать*, *сынъ*, *дочь*, *братъ*, *сестра*, также имена числительныя и мѣстоименія". Къ словамъ первокласснымъ Востоковъ причисляетъ еще: b) глаголы и c) вспомогательныя частицы слова, какъ то: предлоги, союзы, междометія. Всѣ эти „первоклассныя", или „первенствующія" слова, „суть необходимо нужныя слову человѣческому и первыя по старшинству во всякомъ языкѣ; слѣдовательно нельзя, по настоящему, предполагать чтобъ они непосредственно заимствованы были съ чужаго языка, и ежели таковые первоклассные слова при тождествѣ значенія въ двухъ, трехъ или множайшихъ языкахъ имѣютъ тотъ же или подобный звукъ, то сіе можетъ служить вѣрнымъ доказательствомъ, что языки сіи одного происхожденія или корени".

Подъ „второклассными" словами Востоковъ разумѣлъ „имена *частныя*, *видъ* (species) означающія, животныхъ, растеній и ископаемыхъ, также всякихъ орудій, снастей, одежды, нѣкоторыхъ искусствъ и ремеслъ, и словомъ всего *необщаго* и не всѣмъ вообще странамъ свойственнаго и отъ одного народа къ другому преходящаго или изъ одной страны въ другую преносимаго; почему и очевидное сходство таковыхъ имянъ въ различныхъ языкахъ, не составляетъ еще доказательства о единоплеменности народовъ или о сродствѣ языковъ, а только показываетъ, что который нибудь народъ отъ другаго заимствовалъ вмѣстѣ съ ве-

щію и слово къ означенію вещи служащее". Основываясь на этихъ общихъ положеніяхъ, Востоковъ считаетъ неосновательнымъ заключеніе „о единокоренности языковъ" на основаніи сходства словъ, въ родѣ слѣдующихъ: „мечъ μαχαιρα Messer; Scamnum скамья Schämel; рѣпа Rübe rapa; мышь Maus μυς; вепрь Eber aper; оселъ Esel asinus". По его мнѣнію, „это все имена второклассныя, каковыя мы могли перенять по сосѣдству, не только отъ Нѣмцовъ, Грековъ и пр., но и отъ Чуди и Татаръ (!), совершенно намъ разноплеменныхъ". Напротивъ, сходство словъ въ родѣ: „око, Auge, οφ, οκκος, (дорич.), oculus, αυω, блистаю, свѣчусь, αυγη, αιγλη (блескъ, ясность); глава, κεφαλη (по фригійски или макед. κεβλη), κολοφον (вершина, вышка), Kopf, Haupt, caput; сердце, Herz, hearth, κεαρ, καρδιον, cor; день, Tag, dies, δην (днесь), δηρος (дневной), δηλος (явный); ночь, Nacht, νυξ, nox; солнце, Sonne, Sol, ηλιος; мѣсяцъ, Mond, μην, mensis; вода, Wasser, анг. water, исландск. wata, υδωρ (по фригійски: βεδυ), unda; древо, (агл.) tree, (швед.) träd, δενδρον; стою, stehen, ςαω, ιςημι (sic!) sto; лежу, liegen, λεγομαι; сѣжду, sitzen, ἕζομαι, sedeo; вижу, ειδω, video; вѣмъ, вѣдаю, wissen, (швед.) weta, ιστημι (?), ειδεω, и множество другихъ", свидѣтельствуетъ о „единоплеменности и происхожденіи отъ одного корени".

Не говоря уже объ ошибочности нѣкоторыхъ приведенныхъ здѣсь сближеній Востокова (въ родѣ мечъ—μάχαιρα—Messer, или вепрь—Eber—aper), мы встрѣчаемся здѣсь съ отсутствіемъ правильнаго представленія о коренныхъ и заимствованныхъ словахъ въ индоевроп. языкахъ, вытекающимъ изъ ошибочнаго критерія для сужденія о первичности или вторичности тѣхъ или другихъ словъ въ индоевроп. языкахъ. Въ результатѣ исконныя индоевроп. слова, какъ *мышь*, *Maus*, *mus*, относятся Востоковымъ къ заимствованнымъ и т. д. Ниже Востоковъ производитъ „новорусское" слово *дешевый* отъ „Славенскаго *тще—тщавый*" (!), польское tani—отъ слав. *туне* (!), а „новорусское" *глазъ*—отъ „кореннаго славенскаго глагола *гляжу-глядь*" (!). О родствѣ сравниваемыхъ имъ языковъ Востоковъ разсуждалъ слѣдующимъ образомъ: „а что они дѣйствительно единокоренны, въ томъ удостовѣриться можетъ и самый осторожный этимологистъ, ежели только займется сравнительнымъ ихъ обозрѣніемъ; да и въ ученомъ свѣтѣ мнѣніе сіе давно стало общепринятымъ. Ссылаюсь на достовѣрнѣйшаго и многообъятнѣйшаго по сей части—Шлецера. Изъ его „Nordische Geschichte" почерпнулъ я слѣдующую классификацію народовъ и языковъ: 5 европейскихъ первообразныхъ языковъ (langues mères) *Греческій*, *Словенскій*, *Нѣмецкій*, *Гальскій*, или

Цельтскій и *Кимрскій* или Британскій [1]), суть родные братія или нарѣчія одного кореннаго языка, принесеннаго изъ Азіи первобытными населенцами Европы (которыхъ, за незнаніемъ настоящаго ихъ имени, назовемъ хотя, по книгамъ Моисеевымъ, *Яфетовымъ племенемъ*). Можетъ быть еще въ Азіи кочевавши, раздѣлилось сіе племя на вышеименованныя 5 поколѣній, или уже по переходѣ своемъ въ Европу — а имянно съ Фригійскаго въ Малой Азіи берегу, на Ѳракійскій въ Европѣ—откуда одно колѣно поворотило на югъ и заселило Грецію, другіе четыре, разсѣявшись по сѣверу и западу Европы раздѣлились на Словянъ, Нѣмцовъ, Кимровъ и пр., которые по мѣрѣ распространенія своего и отдаленія одни отъ другихъ на семъ обширномъ пространствѣ земли, болѣе и болѣе стали отмѣняться и нарѣчіями своими, однакоже и послѣ тысящелѣтій еще настолько чтобъ нельзя было признать теперь даже ихъ единокоренности".

Что касается самихъ этимологій этой второй редакціи сравнительно-этимологическаго словаря Востокова, то ихъ значительно больше, чѣмъ въ первой, выше разсмотрѣнной. По опредѣленію И. И. Срезневскаго, позднѣйшая редакція словаря заключаетъ въ себѣ матеріала приблизительно на 40 печатныхъ листовъ мелкаго набора [2]), тогда какъ первая обнимала собой всего нѣсколько листочковъ писчей бумаги въ четвертку. Въ смыслѣ метода онѣ, конечно, страдаютъ тѣми же недостатками, которые отмѣчены выше по отношенію къ первой редакціи: авторъ руководился главнымъ образомъ внѣшнимъ сходствомъ, при извѣстной близости значеній, и полагался прежде всего на свое личное чутье, что́ было въ то время вполнѣ естественно. Тѣмъ не менѣе, болѣе пристальное занятіе предметомъ, сравнительно съ первой редакціей, сказалось въ значительномъ обиліи привлеченнаго къ сравненію матеріала, въ массѣ примѣровъ изъ другихъ языковъ, особенно славянскихъ, и въ рядѣ новыхъ этимологій, среди которыхъ попадаются замѣчательныя для того времени. И. И. Срезневскій уже напечаталъ въ видѣ образчика одну изъ этимологій этой второй редакціи, а именно глагола *бреду, брести* [3]), зани-

---

[1]) «*Латинскій* какъ извѣстно есть языкъ производный (dérivé) съ Греческаго и Цельтскаго; *Латышскій*—также смѣсь Славенскаго и другихъ языковъ. Прочіе два первобытные Европейскіе языка: *Чудскій* (Скиѳскій?) на сѣверовостокѣ, и *Васконскій* или Кантабрскій на югозападѣ суть по всѣмъ примѣтамъ не Яфетова племяни, а вѣроятно Симова».

[2]) „Филологическія наблюденія А. Х. Востокова. Изд. И. Срезневскій". Спб. 1865, стр. X.

[3]) См. «Филолог. Наблюденія А. Х. Востокова. Изд. И. Срезневскій. Спб. 1865», стр. XI.

мающую у него болѣе половины страницы въ 8° долю листа, тогда какъ въ первой редакціи она была представлена лишь въ пяти словахъ: *бреду*, *бродъ*, furth, πορος fahren. Изъ замѣчательныхъ для того времени этимологій отмѣтимъ сближеніе слав. *высокъ* съ гр. ὕψος отъ ὑπέρ, (но рядомъ и съ нѣм. hoch, Höhe, англ. high, to heave, to whip и т. д.); *везу*, *возъ* съ ὀχέω, ὄχος, лат. veho, нѣм. Wagen (но и съ русск. *паузокъ!)*; *влеку* съ ἕλκω, ὁλκός; *иго* съ Joch, гр. ζυγός, л. jugum; *десный* съ δεξιός, л. dexter; *долгій* съ англ. tall и гр. δολιχός (но также и съ нѣм. lang, лат. longus); *тушу*, польск. otucha съ *тѣшу* (см. подъ *дую*); *гладкій* съ лат. glaber (но и съ греч. λεῖος); *громъ* съ βρέμω, βρόμος; горю съ гр. θέρω, θέρος, θερμός (но и съ лат. ardeo, uro, cremo!); *гнида* съ нѣм. Niss, англ. nit, англосакс. hnitu, дат. gnid, гр. κονίς; извѣстный неприличный русскій глаголъ съ гр. οἰφέω [1]) (но и съ ὀπυίω!); *лось* съ лат. alces (см. *елень*); *земля* съ χθών, χαμαί, л. humus; *знать* съ нѣм. kennen, англ. know, γιγνώσκω (но и съ σῆμα, σημαίνω!), лат. nosco (но и съ signum!); *зіяю* съ χαίνο, χάω, лат. hio, hiatus; *золовка* съ γάλως, л. glos; *илемъ*, съ нѣм. Ulm, англ. elm, лат. ulmus; *ключь*, съ κλείω, κλείς, л. clavis, нѣм. schlüssel, schliessen; *малый* съ англ. small, нѣм. schmal (но и съ греч. μικρός!); *смердѣть* съ лат. *merda* (см. *мертвъ*); *ольха* съ нѣм. Erle, Eller, англ. alder, дат. elle, шв. al, лат. alnus; *осина* съ нѣм. Espe, англ. asp, aspen; *пѣна* съ англ. foam, лат. spuma; *порозъ* съ нѣм. Farre; *порося* съ нѣм. Ferkel, англ. farrow, л. porcus; *пазъ* съ гр. πηγνύω, л. pago, нѣм. fügen; *руда*, *рдѣть*, *ржа* съ нѣм. roth, англ. red, ruddy, гр. ἔρευθος, ἐρυθρός (но и съ ῥόδον), лат. ruber, rubeo, rufus; *рыгаю* съ ἐρεύγω; *сило*, *силокъ* съ нѣм. Seil; *цѣлый* съ нѣм. heil, англ. whole, hail, health, (см. подъ *сила*); *снѣгъ* съ нѣм. Schnee, шв. snö, гр. νίφο (но и съ χιών), л. nix, ninguis, niveo; *солома* съ нѣм. Halm, гр. κάλαμος, л. culmus; *селезенка* съ σπλήν, лат. lien; *скипидаръ*—spikanarda, нѣм. Spicknarden, шв. spyk-naard [2]); *толпа* съ р. *телепень*, (но и съ нѣм. Tölpel!); *тонкій* съ нѣм. dünn, англ. thin, лат. tenuis, ирл. tana, гальск. tene, перс. tend (но и съ гр. τόνος); *туръ* съ ταῦρος, taurus; *утка* съ гр. νῆσσα, νῆττα, лат. anas, нѣм. Ente; *шуй* съ англ. skue, (skew), гр. σκαιός, л. scaevus; *шью* съ англ. to sew (но и съ to sow), лат. suo, sutum и т. д. Не говоримъ уже о многихъ удачныхъ сближеніяхъ, которыя напрашивались сами собой, въ

---

[1]) Ср. Hirt, „Der indogermanische Ablaut etc. Strassburg. 1900", стр. 132, № 653, гдѣ для соотвѣтствующихъ санскр., греч. и славянскихъ словъ устанавливается двусложный корень ojebh.

[2]) Сопоставленія эти явились въ печати впервые у Я. Грота.

родѣ нѣкоторыхъ числительныхъ, именъ родства, многочисленныхъ удачныхъ объясненій заимствованныхъ словъ, какъ *шкафъ*, *штопаю*, *штукатурка*, *шандалъ* и т. п.

Нѣкоторыя изъ этимологій Востокова совпадаютъ съ этимологіями Шлёцера (въ его неконченной русской грамматикѣ). Таковы, напр. этимологіи словъ: *везу*, *иго*, *десный*, *долгій* (Шлёцеръ тоже сравниваетъ съ нѣм. lang, лат. longus), *гладкій* (у Шлёцера также съ лат. glaber и греч. λεῖος), *знать* и другія, не приведенныя здѣсь. Это позволяетъ думать, что Востоковъ былъ знакомъ съ уцѣлѣвшими листами грамматики Шлёцера и почерпнулъ оттуда нѣкоторыя сопоставленія. Во всякомъ случаѣ, однако, онъ не ограничился простымъ перенесеніемъ Шлёцеровскихъ этимологій въ свою рукопись, а много внесъ и собственнаго, прибавляя матеріалъ изъ другихъ языковъ къ готовымъ сближеніямъ и устанавливая новыя, принадлежащія ему лично.

Разумѣется, рядомъ съ удачными этимологіями, у Востокова имѣется масса совершенно невозможныхъ, невѣроятныхъ и ошибочныхъ, основанныхъ на одномъ внѣшнемъ сходствѣ и случайной близости значенія (въ родѣ сближенія *блескъ* не только съ лат. fulgeo, но и съ splendeo!), но во всякомъ случаѣ нельзя не признать неизданный трудъ Востокова явленіемъ для своего времени замѣчательнымъ. Сравнительно-этимологической работы съ такимъ широкимъ планомъ никто не предпринималъ въ то время, ни у насъ, ни въ Европѣ. Особенно богата она сопоставленіями со славянскими языками, которыя, правда, были почерпнуты изъ словаря Линде, но впервые были такъ широко проведены и выполнены въ работѣ русскаго ученаго,—вдобавокъ такого самоучки, какимъ былъ еще въ то время Востоковъ, предпринявшій свой трудъ по собственному почину и безъ всякаго поощренія со стороны тогдашнихъ магнатовъ отъ науки, въ родѣ Оленина и Шишкова.

Авторъ, повидимому, самъ созналъ впослѣдствіи недостатки своего труда и оставилъ его въ рукописи. Ничто не обнаруживаетъ также, чтобы Востоковъ продолжалъ и впослѣдствіи работать надъ своимъ словаремъ. Вѣроятно, въ глазахъ самого автора трудъ его являлся юношескимъ незрѣлымъ опытомъ, правда, вытекавшимъ изъ горячаго интереса къ предмету, но предпринятымъ безъ достаточной подготовки и знаній. Во всякомъ случаѣ, для научнаго развитія самого Востокова онъ долженъ былъ имѣть, по вѣрному замѣчанію И. И. Срезневскаго [1]), „чрезвычайно важное

[1]) „Филологическія наблюденія А. Х. Востокова“, 1865, стр. XI—XII.

значеніе. Онъ приготовилъ въ головѣ его много вопросовъ по сравнительному историческому изученію строя славянскаго языка и безъ сомнѣнія много рѣшеній, по крайней мѣрѣ предположительныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ пріучилъ къ работѣ тщательной и стойкой". Впослѣдствіи другія задачи, другіе труды отвлекли Востокова отъ его „этимологикона", да и нарожденіе настоящаго сравнительнаго языкознанія въ трудахъ Боппа и его послѣдователей, вѣроятно, мало по малу раскрыло Востокову всѣ слабыя стороны его юношескаго труда.

Выше (стр. 632) уже указывалось на почти полное отсутствіе въ немъ сравненій съ санскритомъ и сравнительное обиліе сближеній съ еврейскими, арабскими, сирійскими, халдейскими и т. п. формами. Мы видѣли также, что Востокову очень хотѣлось достать „Митридата" Аделунга старшаго. Это желаніе онъ осуществилъ, но, повидимому, не раньше 1811 года. Среди бумагъ Востокова, хранящихся въ рукописномъ отдѣлѣ I отдѣленія библіотеки Имп. академіи наукъ, находится извѣстная уже намъ брошюра Аделунга младшаго „О сходствѣ санскритскаго языка съ русскимъ" (Спб. 1811), въ которую вложены писанные рукой Востокова листки съ выписанными изъ „Митридата" санскритскими словами: „Uebereinkunft vieler Wörter des Sanscrit mit den Wörtern anderer alter Sprachen". Въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣются собственныя замѣчанія Востокова. Такъ, относительно перваго слова въ спискѣ Аделунга: aala „дворъ" (санскр. âlaya—дымъ, жилье, осѣдлость?), которое сравнивается съ копт. auli, турецк. awli, греч. ἀυλη и лат. aula, Востоковъ въ скобкахъ замѣчаетъ: „копт. и турецк. такъ какъ и Латинск. вѣрно съ Греческаго"; при 2. Andara „das Innere" (санскр. antara-) онъ ставитъ въ скобкахъ: „утрь, утроба"; при aredsch „der König im Schachspiele" (очевидно, просто râj = царь) замѣчено въ скобкахъ: „рядить" (!); при arna „Wasser" (очевидно arna=волна, потокъ) замѣчено (конечно неосновательно): „а греч. ουρον, лат. urina забылъ Аделунгъ?"; при 2. aster „Feuer" (?!) приписано: „сюда же иллир. ватро, греч. αιθρα, слов. утро, ведро" (!); при Badi, Pati (санскр. pati-=господинъ, вождь) сдѣлано примѣчаніе: „младшій Аделунгъ сличаетъ *водить*, *вождь* и пр.; я бы привелъ еще греч. βασι-λευς и пр."; при Bala „мальчикъ" замѣчено: „сюда же πωλος, pollus(?), Fülle, φυλη, полъ, племя и др. Латинское же filius отъ другого корня, отъ греч. υιος, отъ φύω и пр., куда принадлежитъ и *сынъ*, Sohn"(!); слав. *у-* въ *убогій* и т. п. Востоковъ здѣсь ошибочно сближаетъ съ санскр. префиксомъ vi- vya- и т. д. Подобныхъ замѣчаній, впрочемъ, немного. Вездѣ Востоковъ отмѣчалъ также, какія

санскритскія слова, имѣющіяся у Аделунга младшаго, пропущены въ „Митридатѣ“ его дяди, но дѣлалось это, впрочемъ, безъ надлежащаго знанія и критики. Такъ, въ числѣ пропущенныхъ словъ онъ указываетъ и такія фантастическія и полуфантастическія формы, какъ *ода*, *оженонъ*, *онторъ*, *осма*, *ости*, *остги* и т. д. Во всякомъ случаѣ эти замѣтки Востокова свидѣтельствуютъ о его интересѣ къ санскриту, находившемся, очевидно, въ связи съ его этимологическими замыслами. Выписки эти, конечно, должны были служить матеріалами для внесенія санскритскихъ параллелей въ разсмотрѣнное выше „этимологическое словорасписаніе“, въ которомъ, однако, мы ихъ не находимъ. Повидимому, указанныя замѣтки Востокова были послѣдней данью, отданной имъ сравнительно-этимологическимъ занятіямъ, когда-то столь его увлекавшимъ. Занести въ свой „этимологиконъ“ параллели, выбранныя изъ „Митридата“, и этимологіи Аделунга младшаго онъ уже не собрался, и онѣ остались въ его рукописномъ наслѣдіи.

Что сравнительно-этимологическіе интересы занимали Востокова еще въ 1812 г., свидѣтельствуетъ его статейка „Задача любителямъ этимологіи“, подписанная инціалами А. В. и напечатанная въ „Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ“ за 1812 г. (ч. I, февраль, № 2, стр. 204—215). Статейка эта рисуетъ намъ довольно ярко обще-лингвистическіе взгляды и методъ тогдашняго Востокова: языкъ, по его словамъ, „изъ всѣхъ признаковъ соплеменности или сродства между народами... сохраняется всего долѣе: онъ не зависитъ отъ климата, такъ какъ другіе признаки, напр. одежда, образъ жизни и даже складъ тѣла... онъ не теряетъ еще и по прошествіи тысящелѣтій, въ самыхъ отдаленнѣйшихъ и противоположнѣйшихъ климатахъ, общаго своего сходства или тожества корней, въ разсужденіи ихъ звука и значенія. Сіе доказывается сличеніемъ древнихъ языковъ съ новѣйшими, ежели отъ первыхъ сохранились письменные памятники. По симъ памятникамъ съ достовѣрностью утверждать можно о сродствѣ Арабскаго языка съ Еврейскимъ, Греческаго же, Латинскаго, Нѣмецкаго и Славянскаго съ Персидскимъ и Санскритскимъ, и объ общемъ ихъ происхожденіи отъ древняго Мидійскаго (стр. 202—203)“. Въ этихъ словахъ находимъ уже вполнѣ отчетливый взглядъ на родство нѣкоторыхъ европейскихъ языковъ съ санскритомъ, свидѣтельствующій о знакомствѣ Востокова съ работами Фр. ф. Шлегеля или, по крайней мѣрѣ, Аделунга младшаго, въ примѣчаніяхъ къ брошюрѣ котораго цитировалось мнѣніе проф. Антона о происхожденіи названныхъ языковъ изъ „Мидійскаго“ языка.

Дальше Востоковъ говоритъ о скиѳскихъ и сарматскихъ име-

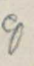
нахъ у греческихъ историковъ, являясь такимъ образомъ предшественникомъ въ этой области В. Ѳ. Миллера и др. современныхъ нашихъ ученыхъ. По словамъ Востокова, происхожденіе этихъ именъ, „соплеменны ли они или разнородны съ нами“, нельзя опредѣлить, за неимѣніемъ свѣдѣній, „о языкахъ, коими говорили сіи народы“, и письменныхъ на нихъ памятниковъ. „Но есть и другіе, достовѣрнѣйшіе, можетъ быть, памятники“, а именно географическія названія, переживающія „многими тысячами лѣтъ... существованіе того народа, отъ коего первоначально изречены были“.

Съ цѣлью обратить вниманіе на географическія названія Россіи и была написана данная статья, въ которой дается небольшой ихъ перечень и попытка объясненія. Лингвистическій анализъ ихъ въ высшей степени наивенъ. Приведя нѣсколько именъ, въ концѣ которыхъ имѣется слогъ *-га* (Пинега, Онега, Серега, Ладога и т. д.), Востоковъ переходитъ къ названіямъ, оканчивающимся на *-ва,-ба,-ма*, полагая, что всѣ они одного происхожденія, такъ какъ губные звуки легко переходятъ другъ въ друга. Приводятся при этомъ названія, въ родѣ Колва, Полва, Лозва, Сосва, Сылва и т. д. Разсмотрѣвъ такимъ образомъ „суффиксы“ нашихъ географическихъ именъ, Востоковъ приступаетъ къ анализу ихъ корней. Во всей Европѣ онъ находитъ имена, въ которыхъ повторяется сочетаніе Д-нъ (Донъ, Двина, Днѣпръ, Роданъ, Эриданъ и т. д.), тогда какъ въ именахъ рѣкъ юго-восточной Россіи повторяются сочетанія к-лъ, г-лъ (Осколъ, Ворскла, Деркулъ, Ингулъ, Телигулъ и т. д.).

Основываясь на замѣчаніи Клопштока („Grammatische Gespräche“ 1794), что имена рѣкъ Weser, Oder, Eder, Eyder, Iser, Esse, Hase заключаютъ въ себѣ слова Wasser, Water (!), а имена другихъ рѣкъ, какъ Aa, Ach, Au, Eger, Ocker, Neckar, происходятъ отъ латинскаго aqua=вода (!), Востоковъ толкуетъ въ этомъ смыслѣ и наши названія рѣкъ: „если *га*, *Д-нъ*, *К-лъ* и пр. тоже значатъ *вода* или *рѣка*, то и приложенные къ нимъ слоги: Оне-га, Ладо-га, Вол-га, Днѣ-пръ, Дне-стръ, Дер-кулъ, Ин-гулъ и т. д. вѣроятно суть какія-нибудь прилагательныя, опредѣляющія качества тѣхъ рѣкъ“. Въ концѣ статьи авторъ, впрочемъ, скромно предоставлялъ „ученѣйшимъ людямъ повѣрить сіи предположенія и вывести изъ оныхъ дальнѣйшія слѣдствія“.

Фантастическія сближенія почерпнутыхъ у Страбона „каппадокійскихъ“ формъ со славянскими и болѣе удачныя санскритскихъ со славянскими же можно найти въ трудѣ католическаго митрополита Стан. Сестренцевича-Богуша: „Recherches historiques sur

l'origine des Sarmates, des Esclavons et de Slaves" (Спб. 1812). Отрывокъ отсюда (съ помянутыми сближеніями) явился черезъ 5 лѣтъ по выходѣ оригинала и въ русскомъ переводѣ одного изъ нашихъ молодыхъ университетскихъ преподавателей (см. ниже).



Довольно много сопоставленій славянскихъ и русскихъ словъ и формъ съ соотвѣтствующими латинскими, греческими и нѣмецкими (очень рѣдко англійскими, шведскими и датскими) находимъ у Карамзина въ I томѣ его „Исторіи Государства Россійскаго" (Спб. 1816, 2-е изданіе, тамъ же, 1818). Относительно родства славянской семьи языковъ съ другими языками, Карамзинъ высказываетъ мнѣніе, что близкое родство семья эта имѣетъ только съ европейскими языками: „Нѣкоторые утверждали, что онъ (слав. языкъ) весьма близокъ къ древнимъ языкамъ Азіатскимъ, но вѣрнѣйшее изслѣдованіе доказало, что сіе мнимое сродство ограничивается весьма немногими словами, Еврейскими или Халдейскими, Сирскими, Арабскими, которыя находятся и въ другихъ языкахъ Европы, свидѣтельствуя единственно ихъ общее Азіатское происхожденіе [1]); и что Славянскій имѣетъ съ Греческимъ, Латинскимъ, Нѣмецкимъ, гораздо болѣе связи, нежели съ Еврейскимъ и съ другими Восточными. Сіе великое явное сходство встрѣчается не только въ словахъ единозвучныхъ съ дѣйствіями, которыя означаются ими—ибо названіе *грома*, *журчанія* водъ, *крика* птицъ, *рева* звѣрей, могутъ на всѣхъ языкахъ сходствовать между собою отъ подражанія Естеству (напримѣръ: *карканье*, *блеяніе*, *кваканье*, и проч., см. примѣч. 247), но и въ выраженіи самыхъ первыхъ мыслей человѣка, въ ознаменованіи главныхъ нуждъ жизни домашней, въ именахъ и глаголахъ совершенно произвольныхъ" (стр. 106—107). Карамзинъ не считаетъ возможнымъ объяснять это сходство заимствованіемъ отъ сосѣдей. Хотя, напримѣръ,

---

[1]) Сообразно общему тогдашнему взгляду, Карамзинъ полагалъ, что Азію «должно признавать колыбелію всѣхъ народовъ, ибо согласно съ преданіями священными, и всѣ языки Европейскіе, несмотря на ихъ разныя измѣненія, сохраняютъ въ себѣ нѣкоторое сходство съ древними Азіатскими» («Ист. Гос. Росс.», т. I. Спб. 1816, стр. 15—16). Въ примѣчаніи (№ 33, стр. 269—270), въ подкрѣпленіе высказаннаго имъ мнѣнія, Карамзинъ ссылается на «творенія Жебленевы» (Court de Gebelin) «sur la grammaire comparative», гдѣ говорится о связи европ. языковъ съ восточными, на замѣчаніе Линнея, цитированное Шлецеромъ въ его «Probe Russisch. Annalen» (стр. 45—46), о томъ, что Азія, и именно Сибирь, должна быть первымъ отечествомъ Ноевыхъ потомковъ, ибо тамъ ростутъ въ дикомъ состояніи рожь, пшеница и ячмень, а также на указаніе Антона («Versuch über der alten Slaven Ursprung»), „что въ языкѣ нашемъ есть имя слона, вельблюда, обезьяны, которыхъ" между тѣмъ нѣтъ въ Европѣ.

„Венеды издревле жили въ сосѣдствѣ съ нѣмцами и долгое время въ Дакіи (гдѣ языкъ Латинскій со временъ Траяновыхъ былъ въ общемъ употребленіи), воевали въ Имперіи и служили Императорамъ Греческимъ, но сіи обстоятельства могли бы ввести въ языкъ Славянскій только нѣкоторыя особенныя Нѣмецкія, Латинскія или Греческія слова, и не принудили бы ихъ забыть собственныя, коренныя, необходимыя въ самомъ древнѣйшемъ обществѣ людей, то-есть въ семейственномъ. Изъ чего вѣроятнымъ образомъ заключаютъ, что *предки сихъ народовъ говорили нѣкогда однимъ языкомъ* (курсивъ нашъ): какимъ [1]) неизвѣстно, но безъ сомнѣнія древнѣйшимъ въ Европѣ, *гдѣ Исторія находитъ ихъ* (курсивъ автора): ибо Греція, а послѣ и часть Италіи, населена *Пеласгами*, *Ѳракійскими* жителями, которые прежде Елленовъ утвердились въ Мореѣ, и могли быть единоплеменны съ Германцами и Славянами. Въ теченіе временъ удаленные другъ отъ друга, они пріобрѣтали новыя гражданскія понятія, выдумывали новыя слова, или присвоивали чужія, и долженствовали чрезъ нѣсколько вѣковъ говорить уже языкомъ различнымъ. Самыя общія, коренныя слова легко могли измѣниться въ произношеніи, когда люди еще не знали буквъ и письма, вѣрно опредѣляющаго выговоръ“ (стр. 107—108).

Въ примѣчаніяхъ 245 и 246 заключаются самыя сопоставленія русскихъ формъ и словъ съ формами другихъ языковъ. Въ первомъ изъ нихъ (стр. 354—55) находимъ даже сближенія съ санскритомъ („Замѣтимъ, что есть сходство даже между Индѣйскимъ, Санскритскимъ и нашимъ языкомъ“): *эторонъ* (санскр. antara=другой)—второй; *піете* (у Шлегеля, Ueb. die Sprache u. Weish. der Indier, стр. 11, служившаго источникомъ Карамзину,—pīyote=piyate, 3 л. стр. з. ед. ч.)—піетъ; *тону* (санскр. tanu-)—тонкій; *мри* (у Шлегеля, стр. 19, приведено, какъ корень глагола, т. е. mr̥-)—умри; *сото* (санскр. çatá-)—сто; *чотуръ* (санскр. catur-)—

[1]) Въ примѣчаніи къ этому мѣсту (№ 250. стр. 359—60) Карамзинъ разбираетъ мнѣніе скандинавскаго ученаго Ире (въ предисловіи къ его „Лексикону Шведо-Готскому»), полагавшаго, что этимъ общимъ языкомъ былъ языкъ скиѳскій, и Пеллутье («Histoire des Celtes», 1740 - 50), считавшаго его кельтскимъ. Первое мнѣніе онъ отвергаетъ на томъ основаніи, что скиѳы «пришли изъ Азіи уже въ то время, когда Европа имѣла своихъ жителей», а второе, опираясь на мнѣніе Шлецера, что имя Кельтики, которымъ называетъ Птолемей всю Европу, «подобно Скиѳіи, есть болѣе географическое, нежели историческое» и означало у древнихъ «западную часть свѣта со всѣми ея жителями безъ всякаго различія въ народахъ». Такимъ образомъ названія эти являются собирательными и ничего опредѣленнаго не выражаютъ.

четыре; *тритiе* (у Шлегеля, стр. 23, tritiyoh = им. ед. м. р. tritiyas)—третiе; *томо* (санскр. tamas=тьма)—темно; *моду* (санскр. madhu)—медъ. Не ограничиваясь лексическими сближенiями, Карамзинъ сравниваетъ и морфологическiя особенности: „Въ Индѣйскомъ языкѣ имена существительныя оканчиваются на *твонъ* (т. е. санскр.-twam), въ Славянскомъ на *тво*; напр.: *богатство*, *безумство*“. Далѣе сопоставляются личныя окончанiя глагола: такъ въ 1-мъ л. множ, ч. изъявит. накл. „главная буква въ Латинскомъ и Славянскомъ *М: любимъ*, *читаемъ*, amamus, legimus“. Окончанiе 3 л. ед. ч. „тоже на всѣхъ трехъ языкахъ: *любитъ*, amat, liebet; во множеств. числѣ одно на Латинскомъ и Славянскомъ: accipiunt, legunt, *принимаютъ*, *читаютъ*. Во второмъ лицѣ отличительная буква есть также одна: docetis, учите, lehret; а въ повелит. наклоненiи еще болѣе сходства: *любите*, *учите*, amate, docete и проч.“ Какъ ни скромны кажутся намъ теперь эти замѣчанiя, мы не должны забывать, что они явились какъ разъ въ томъ же году, когда Боппъ выпустилъ свое знаменитое первое изслѣдованiе „Ueber das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache“. Для того времени, особенно въ нашей литературѣ и у писателя, который настоящимъ филологомъ не былъ да и не собирался быть, они должны быть признаны довольно замѣчательными. Къ сожалѣнiю не поддается опредѣленiю, сдѣланы ли эти сближенiя самимъ Карамзинымъ, или онъ пользовался въ данномъ случаѣ какими нибудь пособiями, или чьими-либо совѣтами. Сравненiя съ санскритомъ сдѣланы, повидимому, самостоятельно, на основанiи матерiала, найденнаго въ цитированной выше книжкѣ Шлегеля, гдѣ по временамъ уже встрѣчаются сопоставленiя съ славянскими формами, въ родѣ санскр. catur со слав. *четыре* (у Шлегеля: chetyr, стр. 23). Разсужденiя Аделунга о сходствѣ русскаго языка съ санскритомъ Карамзинъ, очевидно, не зналъ, — по крайней мѣрѣ онъ его совсѣмъ не цитируетъ, да и влiянiя названнаго разсужденiя въ трудѣ нашего исторiографа не замѣчается.

Наиболѣе полное сближенiе русскаго и старослав. языковъ съ главными европейскими языками (греческимъ, латинскимъ и нѣмецкимъ, англiйскимъ и шведскимъ) находимъ въ примѣчанiи 246-мъ (стр. 355—58). Сближенiя здѣсь имѣютъ не только лексическiй, но и морфологическiй характеръ, хотя случаевъ послѣдняго рода вообще немного. По числу этимологiй (около 260) и полнотѣ сближенiя (въ именахъ существительныхъ, числительныхъ, прилага-

тельныхъ, мѣстоименіяхъ и глаголахъ), сравненія Карамзина являются первымъ печатнымъ опытомъ этого рода, выполненнымъ въ такомъ размѣрѣ. Этимологіи Шлёцера въ его начатой печатаніемъ, но не увидѣвшей свѣта русской грамматикѣ (см. дополненія), конечно, были многочисленнѣе (безъ малаго 500), въ сравненіи съ сопоставленіями Карамзина, нерѣдко совпадающими съ ними, но были доступны лишь очень немногимъ, въ виду крайней рѣдкости тѣхъ листовъ Шлецеровской грамматики, которые уцѣлѣли отъ уничтоженія. Сближенія Востокова, разсмотрѣнныя выше (стр. 654—65) и также часто совпадающія съ этимологіями Шлёцера, конечно, стояли выше Карамзинскихъ по объему и широтѣ сравненія, а также по обилію матеріала, но и они остались въ рукописи, и едва ли ими могъ пользоваться кто нибудь, кромѣ самого Востокова, тогда какъ сопоставленія Карамзина, благодаря небывалому успѣху его труда, получили по тогдашнему времени очень широкое распространеніе. Сами этимологіи Карамзина не представляютъ ничего особенно новаго, сравнительно съ знакомыми намъ уже сближеніями Востокова. Многія изъ нихъ тожественны съ Востоковскими, и всѣ, конечно, основаны лишь на созвучіи сравниваемыхъ словъ, благодаря чему, мы найдемъ здѣсь не мало ошибокъ. Въ именахъ существительныхъ сначала сопоставляются имена степеней родства, въ родѣ: *матерь*, μήτηρ, mater, Mutter; Πατήρ, Vater, pater, малорусск. *батько*, *батюшка*; *отецъ*—кельт. *отъ*, также сходное съ pater; *братъ*, Bruder, frater, греч. φράτορες, φρατρίαι; *сестра*, soror, Schwester; *свекоръ*, *свекровь*, socer, socrus, Schwiegervater,-mutter; *сынъ*, Sohn; *дочь* по Тевтонски (!) *Дотеръ*, откуда нѣм. Tochter; *деверь*, δατήρ; *люди*, Leute, λαός (!); *мужъ*, Mann, mas; *вдова*, vidua, Wittwe; *жена*, γυνή; *пастырь*, pastor, βοτήρ (!); затѣмъ идутъ названія частей тѣла: *око*, oculus, Auge; *брада*, Bart, barba; *пята*, πτέρνα (!); *волосъ*, pilus (!); брови, Augenbraunen (такъ!), англ. brow; *сердце*, Herz, κῆρ, καρδία, cor; *уста*—στόμα (!); *спина*, spina (и supinus); *кость*, ὀστέον (!), costa, Knochen (!); *ребро*, Ribbe; *ноготь*, Nagel (лат. и греч. соотвѣтственныя слова не приведены, очевидно, изъ осторожности, въ данномъ случаѣ напрасной); *слюна*, Saliva (?); *кровь*, cruor; названія разныхъ явленій природы: *солнце*, sol, Sonne; *огнь*, ignis (πῦρ и Feuer, англо-сакс., швед. и датск. fyr также одного происхожденія); *пламя*, flamma, Flamme, φλόξ (!); *лучъ*, λύκη, lux, Licht; *мѣсяцъ*, μήν, mensis; *день*, dies, греч. δήν, δηναιός (!); *вечеръ*, vesper, ἕσπερος; *ночь*, nox, νύξ, Nacht; *вѣтеръ*, ventus, Wind; *тепло*, tepor, (греч. θέρμη зато сближается съ нѣм. Wärme); *копоть*, καπνός; *вода*, vadum (!), ὕδωρ, Wasser; *ведро*, ὑδρία, hydria; *влага*, φλέγμα (!);

глыба, gleba; *паръ*, vapor (!); *роса*, ros, δρόσος (!); *пыль*, pulvis; *поле*, βῶλος (!) и т. д. Изъ курьезныхъ и ошибочныхъ сближеній отмѣтимъ: *бой* и *вой*, βοή; *кликъ*, κλῆσις; *звонъ*, *звукъ*, φωνή, sonus; *ужинъ*, cocna (!); селеніе, colonia (!); *цѣлость*, salus (!); *корысть*, κορυστής (!); *сѣно*, foenum (!); *ворота*, porta (!); *бремя*, βάρος; *береза*, betula; *жиръ*, στέαρ (!); *работа*, labor (!); *лѣпость*, lepor и т. д. Изъ прилагательныхъ сближены: *лѣвый*, laevus, λαιός, link; *десный*, δέξιος, dexter и rechter (!); *прежній*, prior; *лѣпый*, lepidus (?); *новый*, novus, νέος, neu; *ветхій*, vetus; *блеклый*, welk (!); *юный*, jung, junior (юнѣйшій); *правый*, probus (!); *сухій*, siccus (!); *чистый*, castus(!) и т. д. Удачны въ общемъ сближенія числительныхъ и мѣстоименій. Въ глаголахъ сближены формы: *есмь*, εἰμί, sum; *еси*, εἶς, es; *есть*, ἐστὶ, est, ist и т. д., а также глаголы: *яду* (ѣмъ), ἔδω, edo, esse; *пію*, πίνω (пить, poto); *гряду*, gradior; *сидѣть*, sedere, sitzen; *стою*, sto, stehe; *видѣть*, videre, εἰδέω; *даю*, do, δίδωμι и т. д. Рядомъ есть и ошибочныя сближенія, въ родѣ: *бить*, battuo (!); *кормлю*, κορέω; *врѣю*, ferveo; *прошу*, rogo (!); *кричу*, quirito (!); *числю*, zähle; *совѣтую*, suadeo; *усиляю*, auxilior (!) и т. д, Сходство многихъ изъ этихъ этимологій съ разсмотрѣнными выше Востоковскими позволяетъ думать, что Карамзинъ въ данномъ случаѣ пользовался совѣтами, а, можетъ быть, и матеріалами Востокова. Карамзинъ и въ другихъ мѣстахъ своей исторіи нерѣдко прибѣгаетъ къ сравненію русскаго съ прочими европ. языками для объясненія разныхъ рѣдкихъ словъ. Такъ на стр. 48 говорится о скандинавскомъ происхожденіи такихъ древне-русскихъ словъ, какъ *тіунъ* и *вира*.

На стр. 269 (прим. 32) находимъ сравненіе скиѳскихъ словъ, приводимыхъ Геродотомъ (эксампеосъ, *горькій источникъ;* арима, *одинъ;* спу, *глазъ, око*; оіоръ, *мужъ*; апіа, *земля*; пата, *умертвить, задавить*), со славянскими. При этомъ оказывается, что слова эти „такъ мало подходятъ къ Славянскимъ, что ими скорѣе можно доказать несходство сихъ двухъ языковъ“.

О родствѣ литовскихъ языковъ со славянскими Карамзинъ высказывается на стр. 38—39. По его словамъ, упоминаемые Несторомъ народы: Леттола, Земгола, Корсь и Литва „не принадлежатъ къ Финнамъ, но вмѣстѣ съ древними Пруссами составляютъ народъ Латышскій. Въ языкѣ его находится множество Славянскихъ, довольно Готѳскихъ и Финскихъ словъ: изъ чего основательно заключаютъ историки, что Латыши происходятъ отъ сихъ народовъ“. Имя Латышей онъ ведетъ отъ лит. *лата* (?)=*расчищеніе*. Въ примѣчаніи 80-мъ къ этой страницѣ указывается, что „нѣтъ нужды спорить съ тѣми, которые производятъ Латышей

отъ Римлянъ, Македонянъ, Евреевъ, Сарациновъ и пр.“, ибо „большая половина языка ихъ есть славянская“ (стр. 306—307). На страницѣ 50-й Карамзинъ даже высказываетъ увѣренность, что древніе жители Пруссіи, долго жившіе между Латышами, „могли разумѣть языкъ Славянскій“,—такъ близки казались ему языки латышскій и славянскій.

На стр. 323—4, примѣч. 102, объясняются скандинавскія имена днѣпровскихъ пороговъ, причемъ замѣчается, что нѣкоторыя скандинавскія и шведскія слова донынѣ остались въ языкѣ Русскомъ; напр. Besman, *безменъ*, Grus, *грузъ* (!) и проч.

Со сравнит. словаремъ Екатерины II Карамзинъ былъ несомнѣнно знакомъ и ссылается на него, напр. въ примѣч. 182-мъ (стр. 345), 240-мъ и 242-мъ (стр. 354) и т. д.

Въ общемъ сравнительно-лингвистическій элементъ въ исторіи Карамзина несомнѣнно свидѣтельствуетъ о значительномъ успѣхѣ, достигнутомъ въ этой области со временъ Болтина и Щербатова, а также объ искреннемъ желаніи нашего исторіографа усвоить себѣ эти успѣхи и примѣнить ихъ съ пользою въ своемъ знаменитомъ историческомъ трудѣ.

Кратковременныя экскурсіи въ область сравнительнаго языкознанія производилъ иногда въ своихъ писаніяхъ и А. С. Шишковъ. Такія экскурсіи находимъ въ его „Нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ на предлагаемое вновь сочиненіе Россійскаго словаря“ (Извѣстія Россійской Академіи. Кн. I. Спб. 1815). Здѣсь по поводу сходства словъ: греч. *скинія*, лат. *сцена* и слав. *сѣнь* (?!); нѣм. *Sonne*, англ. *sun*, слав. *солнце*, польск. *słońce*; фр. *sel*, нѣм. *Salz*, слав. *соль*, указывается, что это „такія слова, которыя почитаемъ мы иностранными, и которыя суть наши Славенскія, или по крайней мѣрѣ общи намъ съ тѣми языками, къ коимъ мы ихъ причисляемъ потому только, что по свойству ихъ (?) произносимъ оныя“ (цит. соч., стр. 18—19). Сравненія такого рода находимъ и въ его „Опытѣ Славенскаго Словаря или объясненіи силы и знаменованія коренныхъ и производныхъ Русскихъ словъ“, печатавшемся также въ „Извѣстіяхъ Росс. Академіи“ съ первой ихъ книжки. Такъ слав. *веле-* (въ *велевыспренность* и т. д.) сопоставляется съ датскимъ *vel* въ *velbrysig*, *velbyrdig*, и съ нѣм. *wohl* въ *wohlgewachsen* и т. п. („Изв. Росс. Акад.“, кн. 2, 1816, стр. 42—43), что довольно сомнительно. Тамъ же др. русское *воронъ* сближается съ *воробей* (хищникъ), *робовати*, *робити*, а послѣднія съ нѣм. Raub, датск. rappe, лат. rabo, rapio, ит. rabbia, rubare, фр. rapiner, rapt, ravager и т. д. (!) (тамъ же, стр. 68—70); тамъ же *кокотъ*, *кокошь* сопоставляется съ фр. coq и англ. cock (цит. изд., кн. IV, 1817, стр. 81) и т. д.

Аналогичныя экскурсіи въ область сравнительнаго языкознанія находимъ и въ его „Опытѣ разсужденія о первоначаліи, единствѣ и разности языковъ, основанномъ на изслѣдованіи оныхъ". („Изв. Росс. Акад.". Кн. 5-я. Спб. 1817 г.). Каковы были эти экскурсіи, мы видѣли уже отчасти выше (стр. 586).

Кромѣ приведенныхъ уже тамъ этимологій, находимъ здѣсь сближеніе *вѣщать* и-*вѣтовать* съ лат. vates, греч. φάτης, ит. vate, лат. fatum, fatalitas, ит. fato, fata, фр. fée, лат. propheta, греч. προφήτης, ит. profeta, фр. prophéte и ихъ производныхъ, лат. ит. veto, лат. vox, ит. voce, англ. voice, фр. voix и т. д. (!). Удачнѣе сравнивается здѣсь *вѣдаю, вѣдать*, съ нѣм. wissen, голл. weeten, швед. veta, дат. vide и ихъ производными; *вижу, видѣть*—съ л. videre, греч. ἰδεῖν, ит. vedere, фр. voir и ихъ многочисленными производными. Но за то, въ концѣ концовъ оказывается, что корни *вѣд* и *вѣт* тожественны! (цит. статья, стр. 154).

Подобный же характеръ имѣютъ сравненія русскихъ словъ съ иностранными въ статьяхъ Шишкова, служащихъ продолженіемъ вышеназваннаго труда: „Продолженіе изслѣдованій корней. Корень *мал* и корень *пин*" („Изв. Росс. Акад." Кн. 6-я. Спб. 1818). Въ первой изъ названныхъ статей (о корнѣ *мал*) *мал-ый*, *мал-ъ* сопоставляются и съ русскими словами *мелю*, *молоть* (!), *молотъ*, *молотокъ* (орудіе, служащее къ превращенію большихъ вещей въ малыя), *молочу*, *мелкій*, *мель*, *молнія*, *мелькаю*, *малина* („состоитъ изъ *малыхъ*... частицъ"), *меньше*, *мизинецъ*, *мизирно*, лат., ит., фр., англ. male, греч. μύλη, л. mola, ит. molino, франц. moulin, нѣм. Mühle, англ. mill, дат. malle; лат. molaris, molo, нѣм. mahlen, фр. moudre, дат. at male, л. molitor, ит. molinaro, фр. meunier, нѣм. Müller, англ. millman, фр. meule, ит. mola, ит. molestare, фр. molester, molaire, л. malleatus (?), фр. moulu, нѣм. zer-mal-mt, л. malleus, malleolus, malleator (?), ит. malleo, maglio (?), фр. maillet (?). Сюда же Шишковъ относитъ и лат. minuo, diminuo, minor, minus и т. д. съ родичами: итал. minorare, minimare, minore, minimo, diminuzione, minuzia, meno, даже manco! и т. д., фр. diminuer, moins, moindre, diminution, mince и т. д., англ. to diminish, meaner, diminution, minuteness, minority, нѣм. mindern, minder, minste (такъ!), Verminderung, датск. at mindske, mindre, mindst, formindskelse и т. д., а также лат. и ит. miseria, фр. misère, англ. misery. Въ комментаріи къ этимъ сопоставленіямъ указывается, что „въ Италіянскихъ словахъ корень *mis*, и во Французскихъ *mes*, сокращенный въ *mé*, есть очевидное измѣненіе корня *mal*", какъ показываетъ множество словъ, въ родѣ ит. miscontento и malcontento, фр. mécontent и malcontent и т. д. Отсюда устанавливаются

такіе виды корня *мал*, какъ *мел*, *мол*, *мен* и *миз* (! стр. 33—34); „вѣтвями того же корня“ Шишковъ считаетъ *мигаю*, *помизаніе*; *мигъ*, *мгновеніе*, „поелику при сохраненіи той же первоначальной буквы онаго означаютъ тожъ понятіе, т. е. *малость* или краткость времени“ (стр. 34). Латинскія семасіологическія параллели къ mola, molitor и т. д.—pistrinum, pistrilla, pistrinarius, pistillum (пестъ для толченія въ ступѣ) и т. д. приводятся въ связь съ pinso, а это съ нашимъ *пинаю* (!), *пестъ*, откуда *пестать* (нянчить), означающее де „пинаніе руками къ верху“ (стр. 36—38).

Послѣднія сближенія служатъ какъ бы переходомъ къ разсмотрѣнію всего семейства корня *пин* въ *пинаю* и родичахъ. Сближается *пинать* съ „краинскимъ“ (т. е. словинскимъ) pineti, *воспящаю* (!), *пята* (!), *претить* (!), которое будто бы возникло изъ *препятить*, *спина* (! то мѣсто, гдѣ *спинается* „хребтовая кость съ ребрами“), *спенекъ*, откуда „испорченное произношеніе“ *шпенекъ*; болѣе отдаленныя формы: *пялю* и производное отсюда *пелена* (!), *пень* (!), *пенька* (!), *пѣшкомъ*, вмѣсто *пихшкомъ*, откуда *пишкомъ* и *пѣшкомъ* (человѣкъ *пихаетъ* себя ногами во время ходьбы), *блоха*, вм. *пхла*, какъ въ польскомъ, т. е. *пхающаяся* ногами, скачущая (!). Вся эта разношерстная семья возводится къ корню *пин* и сопоставляется не только съ лат. *pinso*, *piso*, *pisto* и производными отсюда, но и съ лат. pulso, фр. pousser, ит. impulso, лат. и ит. pugnare, pugna, фр. repugner и ихъ родичами, лат. и ит. pungere, фр. piquer, л. punctum, ит. punto, фр. point, лат. spicare, spiculus, spina, spica, ит. spiculo, spina, spica. фр. épine, épi, épingle, нѣм. spitze, spitzig, дат. spids, spidsig, enpind, pindsvin, лат. и ит. pingere, фр. peindre, pinseau, нѣм. pinsel, дат. pensel, лат. и ит. ponere, фр. poser и ихъ производными, лат. poena, ит. pena, фр. peine, нѣм. Pein, дат. pine и ихъ родичами и, наконецъ, съ нѣм. Peitsche, peitschen (!!!).

Доводы въ пользу подобныхъ сопоставленій почерпаются изъ общедоступныхъ соображеній такъ называемаго „здраваго смысла“. Такъ для Шишкова вполнѣ ясно, что лат. pugna одного корня съ *пинать*, ибо „рукопашный бой или драка (безъ сомнѣнія первоначальный между людьми образъ войны) состоитъ въ *пинаніи* (толканіи) другъ друга“. Точно также доказывается, что лат. pugnus=кулакъ „есть наше отъ того же корня *пинало*, подъ которымъ и намъ, даже безъ всякой къ оному привычки, не трудно разумѣть сжатую руку или кулакъ, яко первое человѣческое орудіе, которымъ *пинаютъ*, толкаютъ, дерутся“ (стр. 98—99). *Писать* также могло возникнуть изъ *пихсать* или *пинсать*, ибо перомъ, какъ и кистью (фр. pinceau), тычутъ, *пихаютъ* въ бумагу

(стр. 111—12) и т. д. Въ своихъ сопоставленіяхъ Шишковъ нерѣдко обращается къ славянскимъ языкамъ. Эти сближенія, пока не выходятъ за границы славянской семьи, удачны, но сейчасъ же впадаютъ въ произволъ при первой попыткѣ выйти изъ болѣе узкихъ рамокъ.

Въ результатѣ подобныхъ сближеній получается знакомый уже намъ выводъ, что „всѣ языки, не взирая на великое различіе оныхъ, происходятъ отъ одного первобытнаго языка, и что хотя сіе сходство ихъ исчезаетъ въ наращеніяхъ словъ, но остается въ корняхъ ихъ неизгладимымъ, такъ что въ разборѣ или соображеніи всѣхъ произведенныхъ отъ нихъ разноязычныхъ вѣтвей представляется вѣрное средство къ выводу изъ нихъ ясныхъ и неоспоримыхъ доказательствъ“ (стр. 126—127). Доказательства эти основаны на сопоставленіяхъ, въ родѣ лат. opponere, ит. opporre, фр. opposer, или слав. *дочерь*, тевтонскаго (!?) *дотеръ*, англ. *датеръ*, „готійскаго“ *даутеръ*, голл. *дохтеръ*, нѣм. *тохтеръ*, перс. *духтаръ*, элл. *тюгатеръ*, корельск. *тютеръ* (!), лопарск. *дахтаръ* (!) и т. д. (стр. 127—128).

Въ сопоставленіяхъ своихъ Шишковъ основывается главнымъ образомъ на сравнит. словарѣ Екатерины II, хотя и находитъ, что изъ подобныхъ „нужныхъ собраній не произошло еще ничего дѣйствительно полезнаго“ (стр. 130). Настоящимъ же путемъ онъ считаетъ не „сличеніе одного токмо сходства словъ, но разысканіе корней, показующихъ, какимъ образомъ каждый языкъ извлекалъ изъ одного и того же общаго всѣмъ имъ корня, одну и туже мысль въ себѣ содержащаго, разныя вѣтви, которыя всѣ, означая тысячи разныхъ предметовъ, показываютъ однакожъ, что всѣ сіи названія предметовъ, во всѣхъ языкахъ, не иначе произведены, какъ по смежности и сцѣпленію понятій съ первоначальною, заключающеюся въ корнѣ, одною и тою же всѣмъ языкамъ общею мыслію“ (стр. 130—131). Этотъ методъ онъ называетъ „требующимъ несравненно глубочайшихъ (?) изслѣдованій и соображеній; но за то несравненно вѣрнѣйшимъ и полезнѣйшимъ; ибо нетокмо открываетъ составъ, разумъ и свойство своего языка, но и всѣхъ языковъ вообще, претворяя ихъ какъ бы въ одинъ и тотъ же языкъ“ (стр. 131). Въ видѣ образчика приводится слѣдующее словопроизводство, составляющее какъ бы квинтэссенцію выше приведенныхъ этимологическихъ изысканій надъ корнемъ *мал*:

Малина. Minuto. Molestare. Malin. μολη. Minder. to diminish.

Основываясь на подобныхъ соображеніяхъ, Шишковъ въ концѣ своей статьи предлагаетъ замѣнить обычный азбучный порядокъ словарей словопроизводнымъ и располагать такимъ образомъ слова въ словарѣ не „по вѣтвямъ“, а „по корнямъ“. Съ этой точки зрѣнія онъ недоволенъ Академическимъ словопроизводнымъ словаремъ и даетъ образчики его исправленія, согласно съ основными принципами своего метода. Разумѣется, полная произвольность этого метода не могла дать никакихъ сколько нибудь путныхъ результатовъ, такъ что даже историческая цѣнность всѣхъ сравнительно-этимологическихъ потугъ Шишкова должна быть признана совершенно ничтожной. Къ счастью для русской науки, смѣхотворность измышленій Шишкова слишкомъ кидалась въ глаза, и его направленіе, несмотря на высоту его общественнаго положенія, какъ президента Россійской Академіи и впослѣдствіи Министра народнаго просвѣщенія, ввело въ заблужденіе лишь очень немногихъ.

Не лучше Шишковскихъ сравненій и этимологіи митрополита Сестренцевича-Богуша, съ которыми онъ связываетъ рядъ общихъ разсужденій и выводовъ, въ своей выше (стр. 668) упомянутой книгѣ: „Recherches historiques etc“ (Спб. 1812). Отрывокъ изъ нея былъ переведенъ на русскій языкъ адъюнктомъ Харьковскаго университета и изящныхъ наукъ магистромъ Д. С. Борзенковымъ и напечатанъ во II ч. перваго (и единственнаго) тома „Трудовъ“ общества наукъ при Харьковскомъ университетѣ (Харьковъ 1817 г., стр. 32—39). Согласно модной въ то время теоріи, Сестренцевичъ ведетъ чуть не всѣ индоевропейскіе языки изъ древняго „Мидскаго языка“. По его словамъ, языкъ этотъ былъ употребляемъ въ Персіи и Индіи, но, кромѣ того, въ Персіи „издревле былъ языкъ, котораго буквы назывались *Зендъ* (!) и языкъ *Авеста* (!),

подобно какъ буквы священной книги *Веда* называются *Нагари*, и языкъ Санскритъ; или какъ *Сагасъ* (Sagas) и пѣсни Исландскія писаны буквами Руническими" (стр. 33). Далѣе находимъ сравненіе „Сарматскихъ или Славянскихъ" (!) словъ: Богъ, Ойцецъ, сердце, радятка (мать?!), бѣсъ, мясо съ „*Каппадокійскими*", почерпнутыми у Страбона: Багасъ, Енціацъ, сардокесъ, ратаѳесъ, бѣсасъ, манесъ (стр. 33—34). Не удовлетворяясь этими сближеніями, авторъ сопоставляетъ еще рядъ столь же фантастическихъ „старинныхъ словъ Персидскихъ, слѣдовательно Мидскихъ", взятыхъ изъ сравнит. словаря Екатерины II, съ „Каппадокійскими": уши—уши, умре—меръ, мѣсяцъ—мястъ, баранъ—баръ, мышь—мышенъ, есть—есть, онъ—онъ, ни—ней, шесть—шесь, чело (лобъ)—очоле (!). Кромѣ того, авторъ находитъ въ Каппадокіи и Пафлагоніи еще нѣсколько словъ, схожихъ со славянскими или „сарматскими": „Морава (лугъ)—Маравина, богоданіе (даръ Божій)—богодаони, снопъ—синопе, за море—аза мора, нора—нора, стѣна—тіана, сидѣніе—сидѣніе, зелена—зелія, хитрой—хитріумъ, кромы (лавки)—кромна" (! стр. 34—35).

Далѣе сообщаются въ перемежку вѣрныя и фантастическія свѣдѣнія объ арійскихъ языкахъ: о существованіи въ Персіи въ эпоху рожденія Магомета и Хозроя Ануширвана двухъ языковъ: придворнаго *Дери* и ученаго (!)—*Палави* (Pahlavi), которые относятся къ эпохѣ гораздо позднѣйшей 1455 г. до Р. Х., когда Сарматы и Славяне вышли изъ Мидіи. Мы узнаемъ также, что „книга Зороастра или Цератустъ (Zératuscht), писанная на языкѣ Зендъ-Авеста (!), затеряна (?)"; что „буквы Зендъ, и языки Авеста и Палави истребились въ Персіи"; что „всѣ языки, которыми говорятъ въ Индіи, суть нарѣчія языка Санскритскаго, которой самъ происходитъ отъ Персидскаго языка Парси (!!); а сей въ свою очередь произошелъ отъ языка Брахмановъ, жрецовъ Индійскихъ (!!)". При этомъ оказывается, что и „языкъ Зенд-Авеста, имѣя тотъ же источникъ, много имѣетъ сходства съ языкомъ Санскритъ (какъ и языкъ *Палави* съ Арабскимъ [!]). Дальше, однако, „сей древній языкъ" неожиданно называется „матерію не только Санскритскаго, но такъ же Греческаго, Латинскаго и Готѳскаго". Вытекаютъ эти удивительныя положенія изъ того, что „древняя Исторія Персіи заключается въ Исторіи Индовъ", и что „первобытные Персы, Индіяне, Греки, Римляне и Готѳы, такъ же древніе Египтяне или Еѳіопляне, говорили первоначально однимъ языкомъ". „Китайцы, Японцы и Инды" тоже сначала были одного происхожденія (стр. 35—36).

„Санскритъ", одинъ изъ трехъ языковъ (?), „которыми гово-

рили Инды“, характеризуется, какъ „важнѣйшій и превосходнѣйшій“. На немъ есть превосходные Стихотворцы; всѣ ученые Индійскіе въ немъ упражняются, поелику онъ способенъ къ наукамъ и словесности. Сей-то языкъ посвященъ особенно на храненіе законовъ Гражданскихъ и духовныхъ“. Отъ него Сестренцевичъ ведетъ языки: „Санскритскій (отъ санскрита!) у Индовъ, Палавскій у Персовъ, и Еллинскій или древній Греческій“. По его словамъ, санскритскій языкъ „достигъ своего совершенства уже въ послѣднемъ вѣкѣ до Р. Х.“, и „другія нынѣшнія нарѣчія Индовъ суть только измѣненія онаго“ (стр. 36—37). Такимъ же образомъ мы узнаемъ, что „языкъ, которымъ говорили въ древности въ Мидіи, состоялъ изъ Брахманскаго, Зенд-Авесты и Санскритскаго еще необразованнаго. Сарматы и Славяне, или Енеты, оставляя Мидію въ 1445 году (до Р. Х.!), вынесли съ собой и языкъ“, сохранившійся до сихъ поръ въ Европѣ. Отсюда вытекаютъ такія сходства между слав. и санскритскими словами, какъ напр. огонь—агни, братъ—брата, брови—брувo, дай—да, даръ—дарана, деонь (? день)—дина, животъ (жизнь)—жива, дверь—дваръ, это—этотъ (!), гора—гири и проч. (стр. 37—38). Сношенія съ другими народами скоро измѣнили „первобытное произношеніе“ сарматовъ и славянъ (двухъ колоній мидскаго народа) и „наполнили языкъ ихъ множествомъ словъ иностранныхъ“. Но такъ какъ славяне жили на берегахъ Чернаго моря и вели торговлю со всѣми тогдашними „образованнѣйшими народами“, то и языкъ ихъ „богатой, плавной, приятной и ученой“. Напротивъ, сарматы, разсѣянные въ степяхъ южной Россіи и ведшіе „родъ жизни грубой, степной и дикой“, сохранили „грубость и жесткость древняго ихъ нарѣчія, образовавшагося гораздо прежде усовершенствованія языка Санскритскаго“ и даже допустили въ него „многое изъ рѣчи поколѣній варварскихъ, коими они были окружены“. Отсюда—трудность ихъ языковъ, въ которыхъ будто бы встрѣчаются слоги съ 10-ю согласными „передъ одною гласною“ (?!), „а другія составлены изъ однихъ согласныхъ“. Не менѣе удивительно, что къ сарматамъ по Сестренцевичу принадлежатъ: „Богемцы, Поляки, Сербы на Дунаѣ (къ Югу), Кассубы [1]), Сорабы въ Лузаціи, Венды, Виндіяны (?) въ Стиріи, Краины, Расци и Козаки (?!)“, тогда какъ славянское нарѣчіе употребляютъ: „Славяне (?), Руссы, Моравы (?! ср. выше съ Богемцами—сарматами!), Иллиріяне, Дал-

[1]) Вѣроятно, первое упоминаніе въ нашей литературѣ объ этомъ слав. народѣ.

маты, Кроаты, жители Есклавоніи къ Югу отъ Дуная и Босняки" (ср. выше съ сербами—сарматами!) (стр. 38—39).

Достойно вниманія, во всякомъ случаѣ, что подобный вздоръ былъ признанъ со стороны адъюнкта университета заслуживающимъ перевода и помѣщенъ въ „Трудахъ" научнаго университетскаго общества. Фактъ, краснорѣчиво свидѣтельствующій о состояніи данной отрасли знанія въ нашихъ университетахъ первой четверти XIX в.!

Прочія явленія въ занимающей насъ области за разсматриваемый періодъ времени сводятся къ небольшому числу журнальныхъ статей, въ которыхъ такъ или иначе затрагиваются вопросы сравнительнаго языкознанія. Такъ въ „Трудахъ московскаго Общества Любителей Россійской Словесности" за 1819 г. (т. XIII, стр. 82—127) находимъ статью нѣкоего „Любослова" [1]: „Корни и измѣненія словъ", заключающую въ себѣ „роспись словъ Рускихъ и иностранныхъ, болѣе или менѣе сходныхъ въ произношеніи", которую неизвѣстный авторъ, по его словамъ, „сдѣлалъ только для опыта". По мнѣнію автора, собраніе такихъ словъ, хотя бы и съ отдаленнымъ сходствомъ, „могло бы гораздо облегчить изученіе языковъ", а сбереженное такимъ образомъ время, „самая лучшая часть жизни человѣческой, могло бы употреблено быть на пріобрѣтеніе наукъ и искусствъ полезныхъ" (стр. 82). Такимъ образомъ сопоставленія данной статьи не преслѣдуютъ научной цѣли. Причину замѣченнаго сходства между русскимъ и другими языками авторъ видитъ въ заимствованіи, но не новомъ, а древнемъ: „я не утверждаю, чтобы мы или иностранцы заимствовали сіи слова одни отъ другихъ, хотя нѣкоторыя Русскія могутъ очень легко быть произведены отъ Нѣмецкихъ и служить подтвержденіемъ историческихъ дѣяній и рода связей, въ какихъ предки наши состояли съ Германцами. Напротивъ, думаю, что такія сколько нибудь сходныя слова переняли наши предки и иностранцы у старинныхъ народовъ, которыхъ языки теперь мало извѣстны, и передѣлали ихъ, какъ кому способнѣе показалось, по привычкѣ своего произношенія" (стр. 83). Вошедшія въ недавнее время иностранныя слова, въ родѣ *генералъ*, *артиллерія* и др., и разные техническіе и научные термины, „явно носящіе на себѣ печать иностранныхъ", въ роспись Любослова, по его словамъ, не вошли. На дѣлѣ въ ней,

---

[1]) Сходство нѣкоторыхъ этимологій «Любослова» съ этимологіями И. И. Татищева, образчики которыхъ находимъ въ VII т. «Исторіи Россійской Академіи» М. И. Сухомлинова (стр. 418 сл.), дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что «Любословъ» есть только псевдонимъ И. И. Татищева.

однако, встрѣчаются такія слова, какъ барка, биржа, ванна, гзымсъ, голдъ, дюймъ, карта, келья, крахмалъ, куфа, кухня, лампада, лира, мантія, матерія, можжиръ (нѣм. Mörser), мопсъ, опть, оцетъ, схима, табель, тактъ, тарчь, хартія, и т. д. Какъ видно, авторъ, очевидно, не имѣлъ никакого представленія о гипотезѣ взаимнаго родства по крайней мѣрѣ тѣхъ индоевропейскихъ языковъ, которые были указаны за 33 года до того В. Джонсомъ и за 11 лѣтъ Фр. фонъ Шлегелемъ. Очевидно, ему остались неизвѣстны и приведенныя выше отраженія взглядовъ Джонса и Шлегеля въ брошюрахъ и статьяхъ нашихъ ученыхъ, Аделунга младшаго и Востокова (см. выше, стр. 635 и сл., и 667). Роспись сходныхъ словъ, приведенная въ началѣ статьи, содержитъ всего 380 русскихъ и славянскихъ словъ (считая дублеты, въ родѣ *млеко—молоко* за одно слово), сопоставленныхъ съ соотвѣтствующими латинскими, французскими, англійскими, нѣмецкими и греческими. Въ нашей литературѣ она является вторымъ печатнымъ опытомъ этого рода, послѣ разсмотрѣнныхъ выше сближеній въ „Исторіи Госуд. Россійскаго" Карамзина, которыя нѣсколько превосходитъ своимъ объемомъ. Среди предлагаемыхъ здѣсь сближеній не мало вѣрныхъ и являющихся впервые въ печатной литературѣ. Большинство ихъ имѣется уже въ первомъ рукописномъ опытѣ Востокова, охарактеризованномъ выше, и въ напоминающихъ его сопоставленіяхъ Карамзина, но у Любослова есть и новыя этимологіи. Характерно, что графа, отведенная для греческихъ словъ, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ пустуетъ и представляетъ только два случая сближенія: *жена*—γυνή (только съ греч. словомъ) и *щитъ* — нѣм. Schild, σκύτος. Греческихъ параллелей почему-то нѣтъ даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ рядомъ стояли латинскія формы, въ родѣ pater (сопост. съ русскимъ *батя* !), duo (*два*), mater (*мать*) и т. д.

Для примѣра приводимъ пятьдесятъ первыхъ словъ: Алифа—фр. olive (!); баба—англ. wife, нѣм. Weib (!); баня—лат. balneum (?), фр. bain, англ. bath, bagnio, нѣм. Bad; баринъ, баронъ—фр., англ., нѣм. Baron (!); барка—фр. barque, англ. bark, н. Barke; батя—л. pater, а. father, н. Vater (!); биржа—фр. bourse, а. burse, н. Börse; блекнуть—а. forwelk (?), н. welken (!); блескъ—н. Blitz (!); блистать—blitzen (!); бочка—англ. bucket (?), н. Bottich; брада, борода—л. barba, фр. barbe, а. beard, н. Bart; братъ—л. frater, а. brother, н. Bruder; брови — а. eye brows, н. Augenbraunen (такъ!) [1]), брюхо — н. Bruch (!); буравъ — н. Bohrer; быть — а.

[1]) Повтореніе этой опечатки, сдѣланной впервые въ «Исторіи Госуд. Рос-

to be; вага—а. weight, н. Wage; вайда—а. woad, н. Waide; вакса, воскъ—а. wax, н. Wachs, Wichse; валять—н. walken; ванна—н. Wanne; вата—фр. ouate, н. Wate; вдова—л. vidua, фр. veuve, а. widow, н. Wittwe; вертоградъ—фр. jardin, а. garden, н. Garten; ветхій—л. vetus; вижу—л. video; вино—л. vinum, фр. vin, а. wine, н. Wein; вирша—л. versus, фр. vers, а. verse, н. Vers; високосъ—л. bissextus, фр. bissexte; гай (роща)—н. Hain (!); гаковница—фр. и а. arquebuse, н. Hackenbüchse; вкусъ—л. gustus, фр. goût (!); вода—а. water, н. Wasser; волна—а. wave (!), н. Welle; ′волъ—а. bull, н. Bull (!); вѣю—н. wehen; воля—л. voluntas, фр. volonté, а. will, н. Wille; вѣмъ—н. wissen; верчу—л. verto; гзымсъ—л. cymatium, фр. cymaise, а. the seams, н. Gesims; глотаю—л. glutio, фр. engloutir; глотка—л. glutus; глыба—л. gleba, фр. glèbe (возможно отдаленное родство), а. clod, н. Kloss (!); гнѣздо—л. nidus, фр. nid, а. и н. Nest; гость—л. hostis, фр. hôte, а. guest, н. Gast; голдъ—а. holder; гость—л. hospes, а. husband (?!); грубъ—н. grob и т. д.

Какъ на выдающіеся курьезы, можно указать на сближенія: *звѣрь* съ н. Thier; *зобъ* съ фр. jabot; *зрю* съ а. to see; *ключъ* съ н. Flock, л. floccus; *коверъ*, *киверъ* (!) съ а. cover; *краса* съ л. gratia, фр. grâce; *лице* съ н. Antlitz; *морда*, т. е. *кусало* (!) съ л. mordeo; *образъ* съ н. Abriss; *пазуха* съ н. Buse; *пламя* съ н. Flamme, а. flame, л. flamma, фр. flamme; *площадь* съ н. Platz, фр. и а. place; *понеже*—л. pone; *правый*—н. brav, фр., а. brave, л. probus; *повелѣть*—н. befehlen; *платъ*—а. blade, н. Blatt; *се*—а. see, н. siehe (!); *стерво*—а. starve, н. sterben; *сужду*—л. judicare, фр. juger, а. to judge; *тенета*—а. the net, н. das Netz; *товаръ*—а. the Ware, н. die Waare; *тать*—а. thief, н. Dieb; *тупый*—л. stupidus; *уповаю*—а. to hope, н. hoffen; *утроба*—л. uterus; *хапаю*—л. capio; *харя*—фр. carricature, н. Zerrbild; *хорошій*—л. charus (? очевидно, вм. carus); *цѣню*—л. censeo; *чирей*—а. sore, н. Geschwür (!); *шибаю*—н. schieben; *ширенга*—а. the rank; *щека*—а. cheek; *щепаю*—н. Spalten и т. д. Большинство же сопоставленій удачно, особенно нѣкоторыхъ усвоенныхъ словъ, въ родѣ *китъ*—л. cete; *котелъ*—н. Kessel; *кровать*—фр. grabate (слѣдовало бы привести греч. форму, болѣе близкую); *лудить*—н. löthen; *минога*—н. Neunaugen; *можжиръ*—н. Mörser; *овощъ*—н. Obst; *опѣтъ*—н. Haupt; *оцетъ*—л. acetum; *пила*—н. Feile; *постъ*—н. Fasten; *пудъ*—л. pondus; *сѣра*—л. cera, фр. cire; *хомутъ*—н. Kummet; *царь*—л. Caesar; *цырюльникъ*—л. chirurgus и т. д.

сійскаго» Карамзина, свидѣтельствуетъ о томъ, что Любословъ зналъ сближенія Карамзина и пользовался ими при составленіи своего списка.

Наивное замѣчаніе въ концѣ росписи выдаетъ нѣкоторые секреты этимологическаго метода нашего автора [1]), что, впрочемъ, не особенно умаляетъ его заслуги. Какъ бы то ни было, ему посчастливилось дать не менѣе 250 болѣе или менѣе удачныхъ этимологій, количество, впервые встрѣчающееся въ нашей печатной литературѣ языкознанія (у Карамзина удачныхъ этимологій гораздо меньше).

Неизмѣримо слабѣе слѣдующія двѣ главы этой статьи: II. „Собраніе звуковъ, производимыхъ дѣйствіемъ естественныхъ вещей и отзвучныхъ или по звукамъ составленныхъ русскихъ словъ" и III. „Вѣроятные корни россійскихъ словъ". Въ первой изъ нихъ находимъ рядъ этимологій во вкусѣ Шишкова, основанныхъ на звукоподражаніи, напр. *аа*: аакаю, аакала, кто аакаетъ, вякать, вякало, балакать, калякать, каляка, звяки (!!); *ау:* аукаю, баюкаю (!); *бръ* (звукъ производимый брызганьемъ воды изо рта): брызжу, брызгъ, брызгалка, прыщу, прысканье, брюзжу, брюзга, браню (!); *гръ-гръ-гръ* (звукъ издаваемый отъ гребенія, гремѣнія, грызенія): гребу, грабли, гребокъ, гребло, гробъ, граблю, грабастаю, гремлю, громъ, грызу, грыжа, крыса (!), громада, груда (!) и пр.; къ „естественному звуку" *гу-гу-гу* относятся не только *гусли* и *гудокъ*, но и *кукнуть*, *кукаю* (?), *кукишь* (!); къ „звуку отъ жженія" (!) *жжъ-жжъ* относятся: жгу, уголь (изъ ужель!!), галка (вм. жгалка, т. е. головня, перекидываемая во время пожара), головня (жголовня), голова (жголова), въ которой безпрестанно кипятъ, горятъ мысли, горю (жгорю), жаръ, пожаръ, горнъ (гдѣ разводятъ огонь), горшокъ (обожженный сосудъ), огонь (ожгонъ!), хотя это слово можно бы производить также отъ латинскаго ignis. Жужжу, журчу, жужелица, журю, жупелъ (кипящая сѣра), жагра, живу (какъ свѣча горю!), горло, жерло, гортань, жру, жрети, жертва, жертвенникъ, жгутъ, жгутить, жиръ (горючее вещество) и пр.; отъ звука *кахи-кахи* производятся: кашляю, кашель, чахотка (сопровождаемая всегда кашлемъ), чахнуть, чахлый и пр.; отъ *ля-ля* (дѣтской первоначальный разговоръ)—лепечу, лепетанье; отъ *псъ* (звукъ отъ пера, водимаго по бумагѣ)—пишу и пр.; *старый* толкуется, какъ „отъ долговременности истертый" и относится къ звуку *тръ* отъ тренія двухъ жесткихъ тѣлъ и т. д. все въ этомъ родѣ.

[1]) Авторъ говоритъ здѣсь, что, «пріискивая сходство между Россійскими и иностранными словами, смотрѣлъ иногда не на выговоръ, а на буквы, изъ которыхъ иностранныя составлены. Такимъ образомъ Нѣмецкое Schemmel, а по буквамъ схеммель, нашелъ я сроднымъ съ Латинскимъ scamnum и Россійскимъ *скамья*, Аглинское same, а по буквамъ саме, съ Рускимъ *самъ* и т. д.».

Въ этой коллекціи „естественныхъ звуковъ“ авторъ видитъ „неопровергаемое доказательство выразительности и оригинальности отечественнаго нашего языка“, превосходящаго „въ семъ отношеніи... многіе Европейскіе діалекты... которыхъ слова заимствованы изъ древнихъ языковъ и въ произношеніи перемѣнены по своему“ (стр, 103).

Въ послѣдней III главѣ авторъ занимается отысканіемъ такихъ словъ, „которыя не могутъ быть подведены ни подъ какіе звуки выше приложенной росписи“. Онъ полагаетъ, что слова эти составлялись постепенно съ развитіемъ понятій „изъ готовыхъ уже матеріаловъ“, путемъ прибавленія „къ наличнымъ словамъ въ началѣ или въ окончаніи“ или пропуска въ серединѣ буквъ и слоговъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, получилось, по мнѣнію автора, *поясъ* изъ *повязъ*, *вериги* изъ *вервиги* (!) и т. д. Въ своихъ изысканіяхъ авторъ руководился особой таблицей звуковыхъ переходовъ, согласно которой гласные а, е, и, о, у переходятъ „во всѣ гласныя и двоегласныя буквы“, *б*—въ *в п ф*, *в*—въ *б п ф*, *г*—въ *ж з к*, *д*—въ *т*, *ж*—въ *г ч*, *з*—въ *с ж*, *к*—въ *г х ч*, *л*—въ *р*, *м*—въ *н*, *н*—въ *м*, *п*—въ *б ф*, *р*—въ *л*, *с*—въ *з*, *т*—въ *д*, *ф*—въ *п б в*, *х*—въ *к*, *ц*—въ *с ч к* и т. д.

Основанныя на этомъ методѣ этимологіи вполнѣ достойны вышеприведенной фонетики: *брегъ* происходитъ у нашего автора отъ *берегу*, ибо „бережетъ воду отъ разлитія“; *богатъ* и *убогъ* производятся отъ глагола *быть*: у *богатаго*—много *быту*, а у *убогаго*—мало; отъ того-же глагола *быть* происходитъ и *Богъ*—„владыка всего, бытіе верховное“; *бодрый* ведетъ начало отъ *бдю* или *боду*, т. е. „несонливый или смѣло нападающій“; *блато, болото*—отъ *болтаюсь*; *бочка*—отъ *бока*, т. е. „сосудъ весь въ бокахъ“; *блюдо*, въ которомъ блюдутъ пищу,—отъ *блюду; брага*—отъ *брожу*; *брашно, борошно*—отъ *беру* (пищу); *вечеръ*, ветшеръ, ветшающій, преклоняющійся день, отъ *ветшаю*; *возгри*—отъ *вязкій; волкъ*—*вою*; *выспрь*—„что въ высь претъ“; *гнѣздо*—отъ *гну здо*, т. е. зданіе; *гужъ*—отъ *уже*, *узы*, чѣмъ вяжутъ; *гумно* есть „мѣсто умятое, углаженное, отъ *мну*“; *деготь* = „тяготь“, вещество извлеченное изъ дерева, отъ *тяну*; *дуракъ*—не полонъ, не цѣлъ умомъ, отъ *дыры*; *звѣзда*— отъ *свѣтъ; зима*, время, въ которое все сжимается, отъ *жму,* откуда и *знобъ*; *кадить* и *чадить*—„въ существѣ однозначенательны, т. е. курить, только первыя буквы перемѣнены для показанія разности испаренія (!)“; *корова*, крова, многокровное, многомолочное животное, отъ *кровь*; *книга*, „сперва чаятельно *гнига*, отъ *гну*“; *мартышка*, въ старину можетъ быть выговаривали *мордашка*, отъ морда; *пыль*, что падаетъ на платье

и пр., отъ *паду*; *пчела*, которая печется, запасается кормомъ, отъ *пекусь*; *свекоръ*, сведеный отецъ, отъ *свожу*; *смерть*, производящая смрадъ, отъ *смрадъ*; *слеза*, капля слѣзающая по щекѣ, отъ *слѣзаю* и т. д.

Столь же наивны представленія о сходствѣ русскаго языка съ другими, которыя обнаруживаетъ авторъ анонимной замѣтки „О разительномъ свойствѣ Россійскаго языка съ Латинскимъ", напечатанной въ „Трудахъ Высочайше утвержденнаго Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности" за 1819 г. (ч. V, стр. 119—120) и представляющей сообщеніе о книгѣ „Observations sur la ressemblance frappante entre la langue des Russes et celle des Romains. Milan. 1817". Взгляды, высказываемые въ этой замѣткѣ, не обнаруживаютъ никакого успѣха, сравнительно, напримѣръ, съ наблюденіями надъ сходствомъ русскаго и латинскаго языковъ, производившимися у насъ въ XVIII в. (см. выше, стр. 285—289). По словамъ анонимнаго автора, „изученіе этимологіи, сколь ни привлекательно и занимательно для ума, нерѣдко теряло достоинство свое отъ того, что многіе отличались въ ней величайшими странностями". Правда, онъ не отвергаетъ „возможность перехожденія словъ одного языка въ другой, совершенно отъ него различный", но отсюда надо заключить, что онъ, повидимому, считалъ русскій и латинскій языки не родственными между собою и „совершенно различными". Указавъ, что въ цитированной книгѣ собрано „до 200 первообразныхъ Россійскихъ словъ, имѣющихъ разительное сходство съ латинскимъ, какъ напр. mare море, sal соль, somnus сонъ, nox ночь, pavo пава, novus новый, vetus ветхій и пр.", онъ, однако, полагаетъ, что отсюда „нельзя еще заключать о взаимномъ (?!) произхожденіи языковъ: надобно вникнуть въ самое строеніе оныхъ". Послѣдняя мысль о необходимости грамматическаго изслѣдованія для рѣшенія вопроса о родствѣ тѣхъ или другихъ языковъ по тому времени не лишена интереса, но во всякомъ случаѣ автору данной замѣтки, очевидно, остались неизвѣстными не только труды В. Джонса и Фр. фонъ Шлегеля, но и повторенія ихъ взглядовъ у нашихъ ученыхъ Ѳ. П. Аделунга и Востокова (см. выше стр. 635 и сл. и 667). Не удивительно поэтому, если авторъ замѣтки отмѣчаетъ безъ всякихъ комментарій со своей стороны, что въ разбираемомъ имъ сочиненіи многія русскія слова производятся сверхъ того отъ турецкаго, татарскаго и китайскаго языковъ.

Сравненія русскихъ словъ со словами разныхъ европейскихъ языковъ находимъ также въ цитированной выше рецензіи П. И. Кеппена на книгу Ѳ. Аделунга „Uebersicht aller bekannten

Sprachen und ihrer Dialekte etc." (Спб. 1820). Образчики этихъ сравненій см. выше, стр. 597—598.

Изъ только что названной рецензіи, явившейся въ 1820 г. („Труды Высочайше утвержд. вольн. общества любит. росс. слов." 1820 г., ч. X, стр. 206) узнаемъ также, что вопросомъ о сходствѣ греческаго языка съ армянскимъ занимался помощникъ директора шелководства въ Россіи, извѣстный ботаникъ X. X. Стевенъ (р. 1781 † 1864), представившій, по словамъ Кеппена, академіи наукъ „любопытныя замѣчанія свои" по означенному вопросу. Надо думать, что записка Стевена еще можетъ отыскаться въ академич. архивѣ.

Какъ новинку въ нашей литературѣ, слѣдуетъ отмѣтить сопоставленія русскихъ словъ со скандинавскими въ статьѣ И. Лобойко: „Взглядъ на древнюю словесность Скандинавскаго сѣвера", напечатанной въ „Сынѣ Отечества" за 1821 годъ, ч. 68, стр. 245—263, 292—304. Интересно, что авторъ ея [1]) былъ частнымъ ученикомъ знаменитаго скандинавскаго лингвиста Раска, о чемъ и заявляетъ въ концѣ своей статьи (стр. 304): „неутомимое усердіе и дружба почтеннаго моего наставника, знаменитаго датскаго филолога, профессора Эразма Христіана Раска, въ продолженіе двугодичнаго пребыванія его въ Петербургѣ, привели меня въ состояніе заниматься подобными трудами". Первымъ опытомъ этихъ трудовъ и была означенная статья, въ концѣ которой авторъ ея свидѣтельствовалъ публично вѣчную признательность своему прославленному учителю.

О самомъ скандинавскомъ языкѣ говорилось здѣсь немного. Авторъ отожествлялъ древне-скандинавскій языкъ съ исландскимъ и производилъ его, вмѣстѣ съ „Германскимъ", отъ „Готескаго", чѣмъ и объяснялъ взаимное сходство всѣхъ этихъ языковъ (стр. 246). Въ свою очередь датскій и шведскій языки производились отъ исландскаго (стр. 245).

Сопоставленія исландскихъ, шведскихъ и датскихъ словъ съ русскими находимъ въ примѣчаніи на стр. 247. По словамъ Лобойко, „въ Исландскомъ не трудно найти слова, сходныя съ Русскими, напр. sami, sama, samo (т. е. samr)=самъ, сама, само; dôma—думать, gáta—гадать (!), vöttur—вещь (!), brynia—броня, sina—сѣно, köstr—костеръ, sild—сельдь, silki—шелкъ, lipr—лѣпый, dimma—тьма, dimmr—темный, ella—или и пр. Въ датскомъ и шведскомъ такихъ словъ, схожихъ съ русскими, авторъ нахо-

---

[1]) Ив. Никол. Лобойко (1786—1861), питомецъ Харьковскаго университета, впослѣдствіи профессоръ исторіи Виленскаго университета.

дитъ еще больше: mörkne (дат.)—меркнуть, syl—шило, tolke—толковать, löger (дат. läge)—лекарь, dögn („выговар. *дейнъ*")—день, сутки (!), barm—грудь (бармы). Huus bonde—господинъ (!)= Huus—домъ+bonde—хозяинъ. Авторъ находитъ также, что „другія Русскія слова, встрѣчающіяся и въ Нѣмецкомъ (!), всегда" обнаруживаютъ больше сходства съ исландскимъ, чѣмъ съ нѣмецкимъ, напр. röd—рядъ—Reihe, mjolk—молоко—Milch, mjod (собств. mjödr)—медъ—Meth, mölr—моль—Motte.

Въ томъ-же родѣ сопоставленія со скандинавскими словами, которыя мы находимъ въ примѣчаніяхъ къ статьѣ: „Нравы и обычаи древнихъ норвежцевъ", представляющей вольный переводъ съ датскаго изъ книги: „Det Norske Riges Historie ved Gustav Ludvig Baden" (Копенгагенъ, 1804) и напечатанной въ XVIII ч. „Трудовъ Высочайше утвержденнаго Вольнаго общества любителей росс. словесности" за 1822 г. (стр. 139—157). Переводчикъ, скрывшій свое имя подъ инициалами А. Р., утверждаетъ, что „Варяги или Норманны имѣли на Россію несравненно болѣе вліянія, нежели сколько у насъ думали", и приводитъ этому лингвистическія доказательства (стр. 140, прим.). Многія изъ его сопоставленій уже находятся въ только что разсмотрѣнной статьѣ Лобойко; другія-же являются впервые. Авторъ, впрочемъ, объясняетъ приводимыя имъ сходства не взаимнымъ родствомъ сравниваемыхъ языковъ, а заимствованіемъ въ русскій изъ скандинавскаго, чего Лобойко не дѣлаетъ. По словамъ примѣчанія, „отъ Нормановъ перешло въ нашъ языкъ множество словъ. Изъ языка Исланскаго: röd—рядъ, köstr—костеръ, *ketill*[1]—котелъ, sina—сѣно, brynia—броня, sild—сельдь, *gardr*—городъ; изъ Датскаго и Шведскаго: *torg*—торгъ, *morke* (шв. mörker, дат. mörke)—мракъ; *dal*—долъ, *skrig*—крикъ (?), *bösemen*—безсѣменъ (такъ !), т. е. безмѣнъ, *dele*—дѣлить, tolke—толковать, möl—моль, syl—шило, *gnid*—гнида, *skabet*—шкафъ, barm—„на Датскомъ грудь, у насъ оплечья", silk—шелкъ, husbonde—господинъ (!), *dom*—дума, *svin*—свинья, *stak*—стогъ сѣна, *spore*—шпора, *dimma*—дымъ (!), *skumring*—сумерки (!), *smag*—вкусъ, смакъ.

Кромѣ того, на стр. 145 (прим.) производится др. русск. *олуй* отъ дат. öl=пиво.

Разсмотрѣнными работами исчерпывается все немногое, сдѣланное у насъ въ области сравнительнаго языкознанія и индійской филологіи за первую четверть XIX вѣка. Какъ можно было

---

[1]) Курсивомъ мы отмѣчаемъ сопоставленія, встрѣчающіяся въ статьѣ А. Р. впервые.

видѣть, оригинальныхъ работъ этого рода у насъ почти не было. Немногіе подобные труды (Лебедева, Ахвердова, Аделунга, Востокова. пожалуй Карамзина и частью Любослова), были предприняты безъ достаточной подготовки и имѣли болѣе или менѣе любительскій характеръ. Остальное вполнѣ ничтожно, представляя собой большею частью уже совсѣмъ ненаучныя и дилеттантскія упражненія (въ родѣ работъ Шишкова, Леванды, частью Любослова и др.), не лишенныя даже слегка патологическаго оттѣнка.

в) Изученіе русскаго и славянскихъ языковъ въ теченіе первой четверти XIX вѣка.

Начало XIX в. въ области изученія русскаго и славянскихъ языковъ не ознаменовалось ничѣмъ выдающимся. Вышедшая въ 1802 г. „Россійская грамматика“ Россійской академіи [1]) представляетъ собой обычное школьное руководство, довольно обширныхъ размѣровъ, но вполнѣ лишенное научнаго характера. Историческій элементъ въ ней отсутствуетъ, и изложеніе предмета носитъ чисто описательный характеръ. Внѣшнее распредѣленіе матеріала заключено въ обычныя рутинныя школьныя рамки. Понятія славянскаго и русскаго языковъ не отличаются другъ отъ друга, и оба языка сливаются въ одномъ „славенороссійскомъ“ (стр. I). Грамматика опредѣляется, какъ „наука, руководствующая къ правильному языка употребленію“ (стр. 1). Нѣкоторое поползновеніе къ оригинальности представляетъ дѣленіе глагола не на два спряженія, какъ у Ломоносова и другихъ грамматиковъ XVIII в., а на четыре (по окончанію неопредѣленнаго наклоненія): 1) глаголы на *—ать*, *—ять (писать, сѣять)*, 2) на *—еть*, *—ѣть (мереть, смотрѣть);* 3) на *—ить*, *—ыть (строить, мыть)* и 4) на *—оть*, *—уть (колоть, сохнуть)*. Глаголы-же съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ на *—чь*, или „съ предыдущею согласною буквою на *ть*“, какъ напр. *влечь*, *течь*, *несть*, *грызть*, и также *итти*, причислены къ классу глаголовъ неправильныхъ. Научная и педагогическая несостоятельность этого дѣленія, проистекавшаго изъ желанія уменьшить число неправильныхъ глаголовъ, не требуетъ особаго поясненія. Достаточно указать лишь на то, что, при подобномъ дѣленіи, ко второму спряженію относились столь

[1]) «Россійская грамматика сочиненная Императорскою Россійскою академіею, въ С.-Петербургѣ, печатана въ Императорской Типографіи Иждивеніемъ Россійской Академіи, 1802 года». 8°. Загл. л. + 3 ненум. + 355 + 1 ненум. (погрѣшности). Выдержала впослѣдствіи нѣсколько изданій: 1809 г. (испр. и дополн.), 1819, 1827.

различныя формы, какъ *мрёшь* || *горишь*, а къ первому—*желаешь*, *даёшь* || *кричишь* и т. д. На эту слабую сторону академической грамматики было указано въ свое время Добровскимъ (въ предисловіи къ „Lehrgebäude der russischen Sprache, von Anton Jaroslaw Puchmayer“. Прага 1820. Стр. XXVII—VIII). О видахъ глагола въ разбираемой грамматикѣ еще не говорится, хотя нѣкоторое предчувствіе ихъ можно видѣть въ обозначеніи четырехъ видовъ неокончательнаго наклоненія терминами: *неопредѣленное*, *однократное*, *совершенное*, *многократное* (стр. 152). Обозначеніе это не представляется, однако, новостью и встрѣчалось уже въ грамматикахъ XVIII вѣка.

Къ достоинствамъ грамматики принадлежитъ обиліе примѣровъ (большею частью, впрочемъ, анонимныхъ и вѣроятно сочиненныхъ ad hoc) и довольно для того времени обстоятельный отдѣлъ о слогоудареніи (часть IV, стр. 315—355). Главными составителями ея были протоіерей И. И. Красовскій и академики П. И. и Д. М. Соколовы [1]), подъ руководствомъ преосвященнаго Гавріила, митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго, но въ обработкѣ принимали участіе и прочіе члены россійской академіи. Къ составленію ея было приступлено еще въ концѣ XVIII вѣка. Въ собраніи 5 авг. 1794 года изъ членовъ академіи былъ составленъ особый „грамматическій“ отдѣлъ [2]), которому поручено было „сдѣлать начертаніе и расположеніе“ предпринятаго изданія. Нѣсколько засѣданій было посвящено выработкѣ плана грамматики, или, какъ тогда выражались, „начертанія для составленія грамматическихъ правилъ“, которое и было окончательно разсмотрѣно и утверждено въ собраніи 21 окт. 1794 г. Главными образцами, которыхъ придерживались при составленіи „начертанія“, служили „грамматики Максима Грека (т. е., очевидно, Московское изданіе грамматики Мелетія Смотрицкаго 1648 г.) и Ломоносова“.

Разсмотрѣніе составленной грамматики началось 24 февраля 1795 г. и закончилось 2 апр. 1799 г. Съ мая 1796 г. академическія собранія занимались главнымъ образомъ этимъ дѣломъ. По составленіи опять приступлено было къ „повторительному просматриванію“ грамматики, продолжавшемуся съ 7 мая 1799 г.

---

[1]) См. о ея составленіи болѣе подробно въ «Исторіи Россійской Академіи» М. И. Сухомлинова. Вып. VIII. Спб. 1887, стр. 195—205, а также его же «Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію». Т. I. Спб. 1889. стр. 452—456.

[2]) Членами его были, кромѣ составителей, архимандритъ Новоспасскаго монастыря Меѳодій, С. Я. Румовскій, И. И. Лепехинъ и П. Б. Иноходцевъ.

по 18 мая 1801 г. Затѣмъ грамматика опять подверглась пересмотру (съ 8 іюня 1801 г. по 24 дек. того-же года).

Несмотря на указанные выше недостатки, грамматика академіи вышла впослѣдствіи еще двумя изданіями: вторымъ въ 1811-мъ и третьимъ въ 1819 году. Послѣднее изданіе вызвало большую критическую статью въ „Сынѣ Отечества" 1819 г. (ч. 55, №№ 29, 31, 32, 33), отмѣчавшую не безъ язвительности многочисленные недостатки академическаго труда и тѣмъ возбудившую большое неудовольствіе въ Шишковѣ и прочихъ членахъ академіи. Причиненная этой критикой обида была такъ велика, что Шишковъ даже жаловался на дерзкаго рецензента министру народнаго просвѣщенія [1]). О содержаніи этой критики см. ниже.

Совершенно во вкусѣ словариковъ иностранныхъ словъ, печатавшихся въ нашихъ журналахъ XVIII вѣка (см. выше, стр. 305—306) и имѣвшихъ по преимуществу справочный характеръ, являются „Отрывки терминологіи или знаніе ученыхъ словъ", печатавшіеся въ журналѣ Галинковскаго, „Корифей или ключь литературы" (Спб. 1802 г., ч. I, стр. 209—210 и ч. II, 1803 г., стр. 189—191). Мы находимъ здѣсь рядъ объясненій разныхъ иностранныхъ терминовъ, большею частью научныхъ, въ родѣ: апографъ—списокъ съ письма, анемографія—практическая наука о воздухѣ, вѣтрѣ и пр. Въ первой части объясняются еще термины: аѳоризмы, апоѳегма, апоѳеосъ, археологія, вивліографія, віографія, геогнозія, гномоника, гномическій, Гоэтія—родъ Магіи (!?), эхатологія, эѳемериды, космографія, космогонія, космополитъ, лексикографія, номенклатура, некрологія, пролегоменъ. Аналогичный характеръ имѣютъ и объясненія терминовъ: антропоморѳитъ, аристократія, анонимъ, гомонимы, гимнъ, космографія, демагогъ, дидинамія, ипотеза, ихнографія, кенотафія, каррикатура, коллекція, лиѳологія, лиѳонтроптическій (спиртъ), лаконическій, монотонія, мистическій и т. д., расположенныя въ такомъ же невыдержанномъ алфавитномъ порядкѣ. Разумѣется, ни этотъ списокъ иностранныхъ словъ, ни болѣе ранніе подобные ему, не имѣли въ виду никакихъ научныхъ цѣлей, хотя, независимо отъ намѣренія ихъ составителей, могутъ иногда дать цѣнный матеріалъ для хронологіи нашихъ терминовъ иностраннаго происхожденія.

Очень мало научнаго значенія имѣло и знаменитое въ свое время „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка" А. С. Шишкова. (Съ дозволенія Санктпетербургскаго Гражданскаго Губернатора. Въ Санктпетербургѣ, въ Императорской Типографіи,

[1]) См. Сухомлиновъ, цит. сочиненія.

1803 года. 8°, 6 ненум. + 453 + 1 ненум. опечатокъ; 2 изд. Спб. 1818 г.). Основная мысль его отнюдь не была новостью въ нашей литературѣ. Красоты и сила славянскаго языка прославлялись еще Ломоносовымъ въ его „Разсужденіи о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ", и новаго въ этомъ направленіи книга Шишкова ничего не давала. Литературная форма ея также не блистала достоинствами, не представляя ни стройно выработаннаго плана [1]), ни изящнаго изложенія. Самыя мысли автора отличались неопредѣленностью и неясностью, проистекавшими изъ недостаточности его научнаго и общаго образованія и извѣстной прирожденной ограниченности ума. Главное содержаніе разсужденія было въ значительной мѣрѣ чуждо языкознанію и имѣло частью публицистическій характеръ, частью разсматривало самые общіе вопросы русской стилистики съ очень субъективной и предвзятой точки зрѣнія. Публицистическія стороны и обще-литературное значеніе разсужденія Шишкова уже много разъ были характеризованы въ нашей литературѣ [2]), и потому касаться ихъ мы не будемъ, ограничившись только тѣми составными его элементами, которые имѣютъ отношеніе къ языкознанію. Приведемъ лишь строгій отзывъ покойнаго Я. К. Грота, котораго никто не рѣшится въ данномъ случаѣ заподозрить въ пристрастіи къ знаменитому славянофилу. По словамъ его, уже Макаровъ, Мартыновъ, Дашковъ и Каченовскій отмѣтили въ разсужденіи Шишкова „много нелѣпостей; но ограниченность, безвкусіе, недостатокъ основательной учености и добросовѣстной критики, обнаруженныя ея авторомъ, еще ждутъ себѣ заслуженнаго приговора.

„Говорятъ, что книга Шишкова все-таки принесла свою пользу,

---

[1]) Самъ Шишковъ въ «Предувѣдомленіи» къ первому изданію «Разсужденія» характеризуетъ его съ этой стороны. По его словамъ, оно «не иное что есть, какъ родъ веденной имъ записки всему тому, что ему при чтеніи разныхъ старинныхъ и новыхъ книгъ, касательно до языка и слога, замѣтить случилось. Время и обстоятельства не позволили ему всѣ сіи въ разныя времена сдѣланныя... примѣчанія сообразить и привести въ послѣдственный и непрерывный порядокъ». Поэтому Шишкову пришлось оставить свой трудъ «въ томъ неустроенномъ видѣ и составѣ, какой оно, прирастая день ото дня, само собою получило». Въ заключеніе высказывается надежда, что тѣмъ не менѣе «Разсужденіе» будетъ не безполезно для тѣхъ, «кои любятъ языкъ свой; тѣжъ, которые не любятъ его, могутъ бросить оное куда хотятъ».

[2]) См. В. Стоюнинъ, «Историческія сочиненія. Часть I. А. С. Шишковъ». Спб. 1880 г., стр. 85—95; Галаховъ, «Исторія русской словесности», т. II. Спб. 1880, стр. 68—78; Гротъ, «Филологическія Разысканія», Изд. 2. Спб., т. I. 1876, стр. 88—99; Н. Н. Буличъ, «Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX в.». Спб. 1902, стр. 119—141.

и это несомнѣнно: всякая крайность имѣетъ ту хорошую сторону, что она предостерегаетъ отъ крайности противоположной; но парадоксъ тѣмъ не менѣе остается парадоксомъ. Говорятъ также, что Шишковъ въ сущности ратовалъ не за языкъ, а за чистоту вѣры и нравственности. Съ этимъ нельзя согласиться: сначала не было и рѣчи о чемъ-либо иномъ, кромѣ *слога*, котораго порча приписывалась только пристрастному предпочтенію французскаго языка и французскому воспитанію [1]); потомъ, уже въ концѣ своего *Разсужденія*, Шишковъ, чувствуя недостаточность прямыхъ доводовъ, прибѣгнулъ къ другимъ и задѣлъ своихъ противниковъ опасеніемъ за ихъ религіозныя и патріотическія чувства [2]). Чѣмъ далѣе шла полемика, тѣмъ болѣе пользовался онъ этою уловкой; но спорившіе съ нимъ очень хорошо понимали настоящій смыслъ ея, и Дашковъ умно замѣтилъ: „Онъ считаетъ всякое *оружіе* противъ соперниковъ своихъ законнымъ“ [3]), а въ другомъ мѣстѣ: „Зачѣмъ къ обыкновеннымъ сужденіямъ о словесности примѣшивать постороннія укоризны въ неисполненіи обрядовъ, предписанныхъ церковію?“ [4]). Тѣ, которые защищались въ этой полемикѣ, вели себя гораздо благороднѣе Шишкова и отзывались о немъ, въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ своихъ, очень снисходительно“ [5]).

Научное содержаніе „Разсужденія“ прямо ничтожно. У Шишкова такъ мало было научныхъ знаній и прирожденной лингвистической наблюдательности, что онъ не находилъ даже никакихъ критеріевъ для отличенія русскаго языка отъ церковно-славянскаго, хотя это съумѣлъ сдѣлать Лудольфъ еще въ концѣ XVII в., въ своей русской грамматикѣ (Оксфордъ, 1696) и дѣлали современники Шишкова: Каченовскій, Востоковъ, Добровскій и др. По словамъ Шишкова, „подъ именемъ Славенскихъ, Славено-Россійскихъ и Русскихъ книгъ, можно разумѣть различныхъ временъ слоги (!), или языкъ въ смыслѣ слога, какъ-то слогъ Библіи, Патерика или Чети-миней, слова о полку Игоревомъ, старинныхъ грамотъ, Несторовой лѣтописи, Ломоносова, и проч. Во всѣхъ

---

[1]) «Шишковъ не замѣтилъ, что Карамзинъ въ «*Вѣстникѣ Европы*» самъ съ жаромъ возставалъ противъ такого пристрастія и во всемъ направленіи этого журнала обнаруживалъ патріотизмъ, который стоялъ никакъ не ниже *его* собственнаго (шишковскаго)».

[2]) *Разсужд.*, стр. 303: «Сія ненависть къ языку своему (а съ нимъ понемногу, постепенно и къ сродству и къ обычаямъ и къ вѣрѣ и къ отечеству) такъ сильно вкоренилась въ насъ» и проч.

[3]) «*Легчайшій способъ возражать на критики*», стр. 30.

[4]) «*Цвѣтникъ*», изд. В. Измайловымъ и П. Никольскимъ (декабрь 1810 года). Ч. VIII, стр. 431.

[5]) См. Гротъ «Филологич. Разысканія», изд. 2, ч. I. Спб. 1876, стр. 88—89.

оныхъ слогъ или образъ объясненія различенъ; но чтобъ Славенской и Руской языкъ были два языка, то-есть, чтобъ можно было сказать это Славенское, а это Руское слово, *сего различія въ нихъ не существуетъ* (курсивъ нашъ). Между тѣмъ многіе, безъ всякаго основанія (!), почитаютъ ихъ двумя разными языками, и сіе ложное мнѣніе подало поводъ Руской языкъ подъ именемъ Славенскаго презирать (?), и тотъ же самый языкъ, унижая до просторѣчія и располагая оный по свойствамъ Французскаго языка, называть „Рускимъ" и т. д. (Шишковъ, „Собраніе сочиненій" т. II. Спб. 1824. Прим. 4, стр. 8—9). Такимъ образомъ для Шишкова церковно-славянскій языкъ былъ просто „высокимъ слогомъ", а русскій—„просторѣчивымъ".

Возставая противъ неологизмовъ, представляющихъ буквальные переводы съ иностранныхъ языковъ, въ родѣ *переворотъ* (révolution), *развитіе* (développement), *утонченный* (raffiné), *сосредоточить* (concentrer), *трогательный* (touchant), *занимательный* (intéressant), *вліяніе на* (influence sur...) и т. д. (стр. 24—28), какъ противныхъ духу русскаго языка, Шишковъ тѣмъ не менѣе считаетъ „прямыми и коренными" русскими или славянскими словами такіе же точно буквальные переводы съ греческаго, въ родѣ *любомудріе*, *велелѣпіе* (φιλοσοφία, μεγαλοπρέπεια), *умодѣліе* (отъ *умодѣльникъ*—φρενοτέκτων), *приснопамятный* (ἀείμνηστος), *приснотекущій* (ἀείναος или ἀείρροος, ἀείρρυτος) и т. д. (тамъ же, стр. 47), которые не менѣе чужды строю славянскихъ языковъ. Народная форма *чай* (=1 л. ед. ч. *чаю*) для Шишкова есть „сокращеніе" выраженія *чаять должно* (тамъ же, стр. 22) и т. д.

Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, научныя свѣдѣнія Шишкова были очень скудны, и мы съ трудомъ найдемъ въ его „Разсужденіи" нѣсколько замѣчаній, имѣвшихъ въ свое время и сохранившихъ до сихъ поръ хотя какую-нибудь научную цѣнность.

Къ послѣднимъ принадлежатъ замѣчанія о различіи понятій, соединяемыхъ съ извѣстными синонимами въ разныхъ языкахъ (тамъ-же, стр. 33—46),—одинъ изъ первыхъ образчиковъ подобныхъ семасіологическихъ разсужденій въ нашей литературѣ. На рядѣ довольно удачно выбранныхъ примѣровъ Шишковъ выясняетъ невозможность буквальнаго перевода словъ изъ одного языка въ другой, въ силу несоотвѣтствія объема понятій, соединяемыхъ съ данными словами въ разныхъ языкахъ. При этомъ для большей наглядности онъ прибѣгаетъ къ графическимъ пріемамъ, въ видѣ концентрическихъ и эксцентрическихъ пересѣкающихся круговъ разной величины, изображающихъ разные объемы понятій. Надъ этимъ пріемомъ въ свое время смѣялись такъ-же, какъ и надъ

другими особенностями писаній Шишкова, дѣйствительно достойными осмѣянія [1]), но насмѣшки эти по существу не были заслужены и скорѣе говорили о нѣкоторомъ пристрастіи критиковъ и ихъ нежеланіи, а можетъ быть и неумѣніи оцѣнить то немногое путное, что встрѣчалось въ знаменитомъ „Разсужденіи".

Разумѣется, и въ этой части „Разсужденія" дѣло необходится безъ забавныхъ недоразумѣній. Такъ въ примѣръ того, что „въ каждомъ языкѣ есть много... такихъ словъ, которымъ въ другомъ нѣтъ соотвѣтствующихъ", Шишковъ приводитъ русское выраженіе *зги не видать* и спрашиваетъ: „Какое знаменованіе имѣетъ на Французскомъ языкѣ слово *зга*?" Примѣръ этотъ, конечно, ничего не говорилъ въ пользу выставленнаго положенія, потому что настоящее значеніе слова *зга* Шишкову было неизвѣстно, и онъ не могъ и ручаться, имѣется-ли во французскомъ языкѣ слово соотвѣтствующаго значенія [2]).

Къ положительнымъ сторонамъ „Разсужденія" слѣдуетъ отнести большую начитанность его автора въ церковно-славянскихъ текстахъ, конечно, главнымъ образомъ печатныхъ: Библіи, Четьяхъ-Минеяхъ, Патерикѣ, Прологахъ и т. д. Обнаруживается она главнымъ образомъ во входящемъ въ составъ „Разсужденія" „Опытѣ Словаря, или словахъ и рѣчахъ, выписанныхъ изъ Священнаго Писанія для показанія наименованія оныхъ" (Шишковъ, „Собраніе сочиненій и переводовъ" ч. II. Спб. 1824, стр. 172—249). Въ этомъ словарѣ иногда находимъ и этимологическія сближенія приводимыхъ словъ. Такъ церковно-слав. *лысто* правильно сближается съ *лытка* (вм. лыдка), *лыжи* (но ошибочно съ *лытать*); *мышца* сопоставляется съ народнымъ *мышка*, но рядомъ *поприще* производится отъ *пря*, *углъбати* отъ *глубина* (!) и т. д.

Справедливость требуетъ признать также, что нѣкоторыя замѣчанія Шишкова противъ пристрастія къ иностраннымъ словамъ,

---

[1]) Отголосокъ этихъ насмѣшекъ (напр. у Каченовскаго) находимъ въ цитиров. уже выше «Очеркахъ по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX в.» Н. Н. Булича, т. I. Спб. 1902, стр. 130.

[2]) Наши прежніе филологи, а за ними Микуцкій и А. И. Соболевскій (Лекціи по ист. р. яз. [2], стр. 103), видѣли въ этомъ словѣ сокращенное» *стьга*—путь (ср. *стезя*=*стьзя*). Этому толкованію противорѣчатъ, однако, упущенныя ими изъ виду параллельныя выраженія: «зги Божіей не видно», «свѣту Божьяго не видать», не позволяющія толковать слово *зга* въ смыслѣ *дорога* (никогда не стоитъ съ эпитетомъ *Божія*). Правильнѣе сближалъ это слово Буслаевъ (Истор. Грамм. 1863 ч. II, стр. 72) съ рязанскимъ *згинка*, *згиночка*—искра, искорка (также—крошка), въ основѣ котораго можетъ лежать другое *стьга*, родственное санскр. tij, быть острымъ, tejas, блескъ (корень steig), р. στιγμή—точка, лат. instigare, готск. stiks—мгновеніе, др. в. нѣм. stih.

продиктованныя искренней любовью къ родному языку, были вѣрны, а иногда сохранили свое общее значенiе даже и до нашего времени. Но указанныя немногiя достоинства труда Шишкова для современниковъ положительно заслонялись неуклюжестью формы и содержанiя, преувеличенiемъ и странностью многихъ выставленныхъ положенiй, а также и чрезмѣрностью претензiй автора на единственно вѣрное пониманiе духа русскаго языка.

Для исторiи изученiя русскаго и славянскихъ языковъ „Разсужденiе“ Шишкова имѣло главнымъ образомъ лишь то значенiе, что вызвало и довольно долго поддерживало вниманiе и интересъ къ извѣстнымъ вопросамъ языка, ставъ исходной точкой пресловутаго спора о старомъ и новомъ слогѣ, продолжавшагося нѣсколько лѣтъ.

Первымъ отвѣтилъ Шишкову издатель „Московскаго Меркурiя“ П. И. Макаровъ (1765—1804), полковникъ артиллерiи и писатель, собранiе сочиненiй и переводовъ котораго выдержало два изданiя (въ 1805 и 1817 г.). Статья его („Московскiй Меркурiй“ 1803 г. декабрь, стр. 155—198, или „Сочиненiя и переводы“ Макарова, ч. II) имѣетъ, впрочемъ, почти исключительно обще-литературный характеръ и, хотя и свидѣтельствуетъ объ умѣ и здравомъ смыслѣ своего автора, но не представляетъ особаго интереса въ смыслѣ лингвистическомъ. Научныя свѣдѣнiя Макарова были того же калибра, какъ и у его противника, и научная критика положенiй Шишкова была ему не по силамъ.

Тѣмъ не менѣе Макаровъ сдѣлалъ нѣсколько вѣскихъ замѣчанiй и лингвистическаго свойства. Такъ на стр. 159 своей статьи онъ обращаетъ вниманiе Шишкова на то, что наши предки „успѣли занять отъ Грековъ множество названiй и нѣсколько метафорическихъ выраженiй“ и, „оставя древнее Славенское нарѣчiе“, образовали свой языкъ „по свойству Греческаго“. Такимъ образомъ и славянскiй языкъ оказывается не чуждымъ иноземнаго влiянiя. На стр. 164-й и сл. Макаровъ ловитъ Шишкова на противорѣчiи и изобличаетъ его невѣжество. Критикъ указываетъ, что Шишковъ жалуется на заимствованiе чужихъ словъ, а самъ (стр. 1 его „Разсужденiя“) все-таки говоритъ, что „Славенскiй языкъ процвѣлъ и обогатился красотами, заимствованными отъ сроднаго ему Эллинскаго языка“. Спрашивается, почему греческiя слова, взятыя въ X—XII в., кажутся Шишкову почтеннѣе взятыхъ оттуда же въ новѣйшее время? Оказывается, что Шишковъ, не зная греческаго языка, принимаетъ иногда греческiя слова за французскiя, какъ напр. слово *фраза* („Разсужденiе“, стр. 183) и нѣкот. другiя. По словамъ Макарова, всѣ языки „составились одинъ изъ другого

обмѣномъ взаимнымъ". Римляне взяли много словъ отъ грековъ и сами передали другимъ народамъ. Французы заимствовали много словъ изъ греческаго, латинскаго и италіанскаго. „Почему намъ однимъ не занимать?", спрашиваетъ Макаровъ: „мы ли первые начали?" Шишковъ самъ употреблялъ въ „Разсужденіи" иностранныя слова, въ родѣ *единоцентренный*, *метафорическій*, *текстъ*, *проза* и т. д., обрушиваясь въ то же время на употребленіе словъ *эпоха*, *сцена* и т. д. Кромѣ того, Макаровъ указывалъ Шишкову, что языкъ имѣетъ свою исторію, мѣняется и долженъ мѣняться, въ зависимости отъ роста культуры, причемъ остановить этотъ процессъ не въ силахъ человѣческихъ.

Шишковъ отвѣчалъ на критику Макарова въ особомъ „Прибавленіи" къ своему „Разсужденію" [1]), относясь къ своему противнику съ большимъ высокомѣріемъ, но не приводя никакихъ существенно новыхъ аргументовъ въ пользу своихъ утвержденій, столь упорно имъ отстаиваемыхъ.

За критикой Макарова послѣдовала критика М. Т. Каченовскаго (1775—1842), бывшаго впослѣдствіи, въ теченіе долгихъ лѣтъ, профессоромъ Московскаго университета, а въ то время правителя личной канцеляріи московскаго попечителя, гр. А. К. Разумовскаго. Его статья явилась въ журналѣ Мартынова „Сѣверный Вѣстникъ" 1804 (ч. I, стр. 17—29), въ видѣ „Письма отъ неизвѣстнаго" изъ города Кадома, отъ 30 ноября 1803 г., и была перепечатана цѣликомъ Шишковымъ съ возраженіями въ „Прибавленіи" къ „Разсужденію", а послѣ во второмъ изданіи „Разсужденія" (Спб. 1818).

И эта критика большею частью не имѣетъ лингвистическаго характера, исходя главнымъ образомъ изъ требованій здраваго вкуса и смысла въ вопросахъ слога. Аргументы лингвистическаго свойства рѣдки, но во всякомъ случаѣ ихъ больше, чѣмъ у Макарова. Славянскій языкъ Каченовскій называетъ „древнимъ нашимъ нарѣчіемъ", не указывая, однако, опредѣленно на его отличія отъ живого русскаго языка. Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи онъ принципіально стоитъ повидимому на той же точкѣ зрѣнія, какъ и Шишковъ, всегда указывавшій, что русскій языкъ есть „нарѣчіе" славянскаго (см. напр. выше, стр. 587—588). Замѣчаніе кри-

---

[1]) «Прибавленіе къ сочиненію называемому Разсужденіемъ о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка, или собраніе критикъ изданныхъ на сію книгу, съ примѣчаніями на оныя. Въ Санктпетербургѣ, при Морской типографіи, 1804 г.» 8°,2 ненум. листка + 170 стр. + 2 ненум. листка (на первомъ изъ нихъ эпиграфъ: Pourquoi faut-il que je vous ecrive?... quelle langue commune pouvons nous parler. Rousseau).

тика, что авторъ „Разсужденія“, кажется, хочетъ „обратить насъ“ къ этому древнему нарѣчію. вызываетъ горячее, но безтолковое возраженіе Шишкова, въ которомъ онъ то настаиваетъ, что и не думаетъ обращать русскій слогъ „къ *неупотребительному* (курсивъ нашъ) нарѣчію“, а только показываетъ „красоты природнаго языка своего“ и „источники онаго“, то начинаетъ доказывать, что отдѣленіе „славянскаго“ языка отъ русскаго повлечетъ за собой полное обѣдненіе послѣдняго, и въ немъ останутся одни татарскія слова, въ родѣ *лошадь*, *кушакъ*, *колпакъ*, *сарай* и пр., „площадныя и низкія“, какъ *калякать*, *чечениться*, *хохлиться* и т. п., да „чужестранныя“, въ родѣ *гармонія*, *элоквенція*, *серіозно*, *авантажно* и т. д. (Шишковъ „Собр. сочиненій“, ч. II. Спб. 1824, стр. 358—60). Такъ же упорно и горячо отстаиваетъ Шишковъ и другія свои положенія, а равно и разныя мало удачныя выраженія, которыя Каченовскій осуждаетъ со стороны стилистической. Дѣлаетъ это Каченовскій не всегда основательно, утверждая, напримѣръ, что храбрыхъ воиновъ нельзя называть *удалыми*, т. е. буянами и повѣсами, чему Шишковъ побѣдоносно противопоставляетъ указаніе на былинные эпитеты, въ родѣ *поляница удалая* (тамъ же, стр. 373—74).

Въ дальнѣйшихъ своихъ замѣчаніяхъ Каченовскій обращалъ вниманіе Шишкова на разницы стиля у древнихъ и новыхъ греческихъ и латинскихъ авторовъ, на подверженность языковъ „неминуемой перемѣнѣ“, въ силу которой „времена Мономаха, царя Іоанна Васильевича, Петра Великаго и Екатерины II очень примѣтно“ отличаются другъ отъ друга въ отношеніи языка. Въ заключеніе нашъ критикъ совершенно основательно напоминаетъ Шишкову, „что всѣ самые богатѣйшіе языки, въ томъ числѣ и Славенской, образовались одинакимъ способомъ; то есть подражаніемъ, или, если можно такъ сказать, переливомъ словъ одного языка въ другой. Сличите церковныя наши книги съ Греческими и убѣдитесь въ сей истинѣ“ (см. тамъ же, стр. 407—411).

Отвѣты Шишкова на эти замѣчанія крайне слабы, цѣпляются за выраженія и старательно обходятъ существо вопроса. Такъ онъ заявляетъ, что никогда не читалъ греческихъ авторовъ въ подлинникѣ и потому не знаетъ разницы между слогомъ древнихъ и новыхъ писателей Греціи, но тѣмъ не менѣе не можетъ предпочесть новогреческій языкъ древнегреческому (чего Каченовскій отъ него и не требовалъ). Прицѣпившись къ выраженію Каченовскаго: „переливъ“ словъ изъ одного языка въ другой, Шишковъ доказываетъ, что „языки не бочки: слова одного изъ нихъ неудобно переливать въ другой такъ, какъ воду изъ одной бочки въ другую.

При переливѣ ихъ потребно умствовать и размышлять". При этомъ Шишковъ утверждаетъ, что сколько бы мы ни сравнивали наши церковныя книги съ греческими, нельзя въ нихъ найти „сего *перелива словъ* изъ Греческаго въ нашъ Славенскій языкъ".

Такимъ образомъ онъ совершенно отрицаетъ существованіе въ церковнославянскомъ тѣхъ грецизмовъ, о которыхъ мы говорили выше (стр. 694), несмотря на то, что ихъ присутствіе ему было опредѣленно указано. Подобный голословный характеръ имѣетъ огромное большинство возраженій, выставленныхъ Шишковымъ противъ своихъ критиковъ. Новыхъ доводовъ въ пользу высказанныхъ имъ раньше положеній онъ не приводитъ, но упорно стоитъ на своемъ, не уступая ни въ чемъ своимъ противникамъ и относясь къ нимъ съ большимъ высокомѣріемъ. Возраженія ихъ онъ называетъ „злонамѣренными бранями", которыми можно „скорѣе тщеславиться, нежели оскорбляться" (см. „Предъувѣдомленіе" въ „Прибавленіи" къ „Разсужденію"); свой отвѣтъ Макарову заканчиваетъ заявленіемъ, что никогда и не слыхивалъ объ издаваемомъ имъ „Московскомъ Меркуріи" и т. д.

Въ томъ же 1803 году, когда явилось „Разсужденіе" Шишкова, началъ выходить и „Новый Словотолкователь, расположенный по алфавиту содержащій: Разныя въ Россійскомъ языкѣ встрѣчающіяся иностранныя реченія и Техническіе термины, значеніе которыхъ не всякому извѣстно и т. д. Напечатано по Высочайшему Его Имп. Велич. повелѣнію. Спб. При Имп. Акад. Наукъ 1803—1806". 3 ч. 8° (868, 964, 1322 стлб.). Книга эта была посвящена императору Александру I составителемъ ея, Николаемъ Яновскимъ, и содержала не только объясненіе иностранныхъ словъ, но и родъ энциклопедическаго словаря съ довольно объемистыми объяснительными статьями. Несмотря на отсутствіе у нея какого бы то ни было научнаго характера, она заслуживаетъ упоминанія, какъ первый у насъ обширный опытъ словаря иностранныхъ словъ, принятыхъ въ русскій литературный языкъ [1]). По своей цѣли и характеру, словарь Яновскаго являлся продолженіемъ упоминавшихся уже выше списковъ иностранныхъ словъ, встрѣчающихся въ журналахъ второй половины XVIII в. и самого начала XIX (см. стр. 305—306 и 691).

Оживленіе нашей періодической печати, которое принесло съ

[1]) Современная печать отнеслась сочувственно къ труду Яновскаго. Такъ въ „Сѣверн. Вѣстникѣ" 1805 г. (ч. VI, стр. 11—16) была напечатана хвалебная рецензія, въ которой между прочимъ сообщалось, что авторъ даннаго труда, долженствующаго занять „первое мѣсто въ нашей лексикографіи", трудился надъ нимъ цѣлыхъ 10 лѣтъ.

собой „дней Александровыхъ прекрасное начало“, сказалось и длиннымъ рядомъ статей, посвященныхъ вопросамъ русскаго и славянскаго языкознанія, въ разныхъ нашихъ журналахъ этого времени. На нѣкоторое время въ нихъ сосредоточилось почти все научное движеніе въ данной области знанія. Къ 1803 году относится нѣсколько статей въ „Вѣстникѣ Европы“, издававшемся тогда Карамзинымъ. Статьи эти частью принадлежатъ самому Карамзину, частью снабжены его примѣчаніями и свидѣтельствуютъ о его интересѣ къ вопросамъ русской грамматики. По своему духу онѣ еще ничѣмъ не отличаются отъ аналогичныхъ статей въ нашихъ журналахъ XVIII в., разсмотрѣнныхъ выше (гл. XI), одна даже прямо восходитъ къ указанному столѣтію. Таковы:

1) Статья самого Карамзина: „Великой мужъ Русской Грамматики А. Б. В.“ (Вѣстн. Евр. 1803 г., ч. 8, № 7, стр. 200—212), являющаяся замаскированной рецензіей на грамматику Россійской академіи и содержащая нѣсколько грамматическихъ замѣчаній относительно спряженій, склоненій, согласованія словъ въ русскомъ языкѣ и т. п. Критическія замѣчанія и поправки Карамзина изложены здѣсь въ формѣ беллетристическаго разсказа и имѣютъ чисто практическій характеръ.

2) Анонимная статейка: „Мудрое предложеніе одного ученаго Нѣмца, сдѣланное имъ Россіи“ (тамъ же, ч. 9, № 11, стр. 189). Проектъ „нѣмца“ предлагалъ уничтожить русскій языкъ, какъ весьма грубый, и замѣнить его древнегреческимъ.

3) Рецензія Карамзина: „О русской Грамматикѣ Француза Модрю“ (тамъ же, ч. 10, № 15, стр. 204—12, перепечат. въ „Полн. собр. сочиненій Карамзина, изд. Смирдина, т. III). Плохая грамматика Модрю (на франц. языкѣ, Парижъ, 1802 г.), составленная по плохой тоже грамматикѣ Шарпантье (на фр. языкѣ, Спб. 1768), подвергается здѣсь заслуженному осмѣянію, а составитель уличается въ плагіатѣ [1]).

4) „Письмо Дениса Ивановича фонъ-Визина къ его пріятелю о планѣ Россійскаго словаря“ (тамъ же, ч. 11, № 19, стр. 163—178): извѣстное письмо къ Козодавлеву, содержащее критическія замѣчанія на примѣчанія И. Н. Болтина къ плану словаря Россійской академіи и снабженное примѣчаніями Карамзина, не имѣющими

[1]) Не лишены историческаго интереса замѣчанія Карамзина о вліяніи греческаго языка на церковнославянскій (въ сложныхъ словахъ) и большомъ отличіи языка Слова о Полку Игоревѣ, по его словамъ — единственнаго остатка древняго Славянскаго языка, отъ „языка нашихъ церковныхъ книгъ“ (стр. 210).

особаго значенія. Письмо это было написано еще въ 1784 г. (см. выше, стр. 240), но попало въ печать, лишь благодаря Карамзину.

Въ 1804—1805 годахъ явилось нѣсколько подобныхъ статей въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ", издававшемся И. И. Мартыновымъ. Съ первой же части журнала началось печатаніе замѣтокъ о русскихъ синонимахъ, которыя открываютъ собою длинный рядъ аналогичныхъ статей въ самыхъ разнообразныхъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ первой четверти XIX вѣка. Тема эта сдѣлалась надолго излюбленною и была несомнѣнно навѣяна аналогичными французскими разсужденіями. И въ нашихъ статьяхъ этого рода находимъ постоянныя ссылки на французскихъ авторовъ (Жирара, Рубо [1]) и др.), а нѣкоторыя изъ нихъ даже прямо обозначены переведенными съ французскаго. Подъ двумя подобными статьями „Сѣвернаго Вѣстника" находимъ подпись: „А—чь" и „Ан—чь",—очевидно извѣстнаго библіографа В. Г. Анастасевича (р. 1775 † 1845) [2]).

Цѣлью этихъ статей являлось обогащеніе языка въ лексическомъ отношеніи: „Богатство языка причиною тѣхъ словъ, которыя обыкновенно называются *Синонимами* или *подобозначущими*. Какъ ни скуденъ языкъ Французской, но таковыхъ словъ имѣетъ великое множество. Жирары, Рубо и подобные имъ Филологи расширили предѣлы онаго, показавъ степени и тончайшія оттѣнки въ знаменованіяхъ реченій, которыя естественнымъ образомъ имѣютъ между собою сходство, но вмѣстѣ и различіе. Отобрать

---

[1]) Абатъ Габріель Жираръ (1677 — 1748), грамматикъ, авторъ книги „La justesse de la langue françoise", или „Les différentes significations des mots qui passent pour être synonymes" (1718), второе изданіе которой вышло въ 1736 г. подъ загл.: „Synonymes françois, leurs différentes significations, et le choix qu'il en faut faire pour parler avec justesse" (2 т. 12°); Пьеръ Жозефъ Андре Рубо (1730—91), авторъ „Les nouveaux synonymes français" (1785, 4 т. 8°), вышедшихъ съ дополненіями изъ работъ Жирара, Бозе (Beauzée) и др. подъ загл.: „Dictionnaire des synonymes" въ 1810 г. (2 т. 12°). Работа Жирара была первой въ этомъ родѣ и считалась въ свое время классической, какъ и книга Рубо.

[2]) Въ статьяхъ этихъ разсматривались слѣдующіе синонимы: *эгоистъ* и *своекорыстный* (Ч. I. 1804 г., стр. 31—38, безъ подписи и съ указаніемъ, что содержаніе почти все почерпнуто изъ сочиненія Рубо, съ примѣненіемъ только его къ русскому яз.); *ожидать* и *надѣяться* (Ч. I, 172 - 74); *геній* и *умъ* (Ч. III, стр. 40—44. Съ франц.); *нужда, крайность, нищета, бѣдность, скудость* (Ч. V. 1805 г., стр. 60—61); *любовникъ, волокита; влюбленный, любовникъ* (тамъ же, стр. 183—86); *признательность, благодарность* (Ч. VI, стр. 80—85. Подпись: *А—чь); союзъ, споборенiе* (!), *совозстанiе* (!), *соополченiе* (!) (очевидно — переводъ съ французскаго изъ цитируемой книжки Рубо. Ч. VI, стр. 353—61. Подпись: *Ан—чь*).

сіи свойства и заключить слова въ постоянныя границы значитъ дать языку силу и вѣсъ, сообразныя цѣли его состоящей въ правильномъ и вѣрномъ вещей изображеніи.—Въ семъ то и состоитъ истинное краснорѣчіе"... („Сѣв. Вѣстникъ", ч. I. 1804, стр. 31).

Ниже авторъ обращается къ русскому языку. По его словамъ, „нашъ языкъ обиленъ и гибокъ; нельзя назвать недостаткомъ, что одно и то же иностранное слово, въ разныхъ отношеніяхъ выражается у насъ разными словами. Но тѣмъ не менѣе, давно бы уже слѣдовало заняться установленіемъ какъ сей разности, такъ и знаменованія Синонимовъ. Не мѣшаетъ и изъ другихъ языковъ (если не можно пріискать собственныхъ) усыновлять такія слова, которыя доказываютъ преимущество знаній иностранцевъ предъ нашими; особливо же нужно сіе для словъ техническихъ, которыми другіе языки нашъ упредили; такъ напр. слова: *существо*, *сущность*, *существенность*, и пр. нерѣдко у насъ сливаются, хотя онѣ имѣютъ великое между собою различіе. Можетъ быть, умножать такимъ образомъ богатство Россійскаго языка, значитъ прибавлять капли въ Океанъ, но онѣ необходимы; безъ сего никогда не будемъ имѣть истиннаго, *мужественнаго* краснорѣчія, ни вѣрныхъ переводовъ превосходныхъ иностранныхъ твореній. Обильный языкъ долженъ подражать такому богачу, который чѣмъ богатѣе, тѣмъ жаднѣе" (тамъ-же, стр. 32—33). Такимъ образомъ всѣ эти разсужденія о синонимахъ преслѣдовали чисто практическую, не научную цѣль.

Въ связи съ походомъ Шишкова противъ иностранныхъ словъ находится замѣтка о томъ, что Президентъ Россійской Академіи предложилъ членамъ ея замѣнить русскими словами слѣдующія иностранныя: *аудіенція*. *акція*, *аллея*, *амфитеатръ*, *антипатія*, *арестъ*, *арестантъ*, *арсеналъ*, *артиллерія*, *аспектъ*, *адресъ*, *аманатъ*, *амнистія*, *анаграмма*, *апроши*, *арматура*, *аттрибутъ*, *армія*, *ассистентъ* [1]). Вскорѣ журналъ сообщилъ и о воспослѣдовавшей ихъ замѣнѣ [2]), при коей уцѣлѣли только *артиллерія* и *амфитеатръ*, какъ освященныя уже употребленіемъ и не поддающіяся переводу, въ виду отсутствія равносильныхъ русскихъ словъ. Нѣкоторыя изъ этихъ замѣнъ можно назвать вполнѣ или довольно удачными [3]), другія же состряпаны во вкусѣ знаменитыхъ Шиш-

---

[1]) „Сѣверный Вѣстникъ" 1804 г., ч. II, стр. 118.

[2]) Тамъ же, стр. 250—51.

[3]) Напр. *пріемъ* вм. *аудіенція*; *пай*, *доля* вм. *акція*; *пайщикъ* вм. *акціонеръ*; *отвращеніе* вм. *антипатія*; *задержаніе*, *задержанный* вм. *арестъ*, *арестантъ*; *оружейная* вм. *арсеналъ*; *надпись* вм. *адресъ*; *принадлежность* вм. *аттрибутъ*; *заложникъ* вм. *аманатъ*; *преданіе забвенію* вм. *амнистія*.

ковскихъ неологизмовъ, неуклюжи и дики [1]). Редакція журнала видимо интересовалась этимъ вопросомъ и сообщала о дальнѣйшихъ опытахъ подобнаго рода [2]). Въ связи съ этимъ интересомъ находится и собственная статья журнала, озаглавленная: „Программа“ и содержащая опытъ перевода нѣсколькихъ техническихъ терминовъ, выбранныхъ изъ книги „Recherches des principes de l'Economie politique“ Жака Стюарта (Jacques Stuart) [3]). При статьѣ обѣщалось продолженіе ея, которое, однако, не появлялось.

Довольно любопытны нѣкоторыя мѣста анонимной статьи: „Изображеніе просвѣщенія Россіянъ“ [4]), содержащія характеристику русскаго языка, его отношеній къ другимъ языкамъ и рядъ этимологическихъ сближеній съ формами родственныхъ языковъ.

По словамъ автора статьи, „всѣ лучшіе Археологи признаютъ, что нынѣшній Россійскій языкъ есть только діалектъ или нарѣчіе Славянскаго, и никогда не составлялъ особливаго языка“... Тѣмъ не менѣе авторъ былъ склоненъ слѣдовать за нѣкоторыми писателями, увѣряющими, „что до пришествія въ Россію Славянъ, т. е. до половины V в. по Р. Х. (?!) между нарѣчіемъ Руси или Руссовъ (жившихъ, по словамъ автора, около оз. Ильменя, р. Мсты и Волхова, Пскова и т. д.) и нарѣчіемъ Славянъ находилось ощутительное различіе; что Россы, происходя отъ Кимвровъ или Киммеріанъ (?!), сохранили въ языкѣ своемъ коренныя слова сего народа; потомъ въ разныя времена смѣшавшись съ Сарматами и Готами много приняли словъ и отъ нихъ; пока наконецъ вмѣстѣ съ законами и обычаями Славянъ не смѣшалось совершенно и нарѣчіе Руси съ нарѣчіемъ сихъ послѣднихъ подъ общимъ именемъ языка Россійскаго; таковыя изслѣдованія никогда не докажутъ, чтобы два сіи языка происходили отъ разныхъ корней

---

[1]) Напр. *прохожъ*, *просадь* вм. *аллея; буквопреложеніе* вм. *анаграмма*; *прикопы* вм. *апроши; присущникъ* вм. *ассистентъ* и т. д.

[2]) См. ч. IV, стр. 99 (о замѣнѣ словъ: *аудиторія—слушалище; авторитетъ—превосходство, преимущество; авторъ—сочинитель, творецъ; адресоваться—относиться; администрація—управленіе; адъюнктъ—приобщникъ; азартъ—запальчивость, задоръ; аккордъ—договоръ, созвучность; акциденція—доходъ, прибытокъ; актеръ—лицедѣй*) и ч. VI, 1805, стр. 228 (о замѣнѣ словъ: *акцентація—подпись къ платежу; акцизна—мытня* или *мытница; аккредитованный—довѣренный; акростихъ—краестишіе; аліансъ—союзъ*).

[3]) Administration—*управленіе*, manufacturier—*рукомесленникъ*, *мастеровой;* subsistance—*продовольствіе, содержаніе;* consommation—*издерживаніе;* aliener—*передать*, *перекупить;* manufacture—*издѣліе*, *произведеніе Мануфактуры* въ отличіе отъ fabrication—*выдѣлка;* ustensiles—*орудія*, *скарбъ;* loi agraire—*поземельный законъ;* naturalisation—*принятіе въ гражданство* и т. д.

[4]) „Сѣверный Вѣстникъ“ 1804 г., ч. I, стр. 1—12; 115—132.

(стр. 116—117)“. Далѣе авторъ, „положивъ за неоспоримую истину, что Россійскій и Славянскій языки всегда составляли одинъ языкъ“, задаетъ вопросъ: „не произошелъ ли сей послѣдній отъ другого какого либо языка?“ (стр. 117). По его словамъ, нѣкоторые писатели [1]) производятъ славянскій, какъ и латинскій отъ „Цельтскаго“, основываясь „на сходствѣ сихъ языковъ въ словахъ означающихъ первыя нужды и предмѣты нашихъ познаній. Какъ ни вѣроятно сіе мнѣніе, но лучше, кажется, признаться въ невѣденіи истиннаго произхожденія сего языка и прибѣгнуть къ общей гипотезѣ, что всѣ коренные языки... вылиты въ одну форму; ибо упомянутое сходство“ замѣтно не только между славянскими, литовскими и кельтскими словами, но и съ греческими, персидскими и другихъ (какихъ?) азіатскихъ языковъ. Въ подтвержденіе высказаннаго взгляда приводится рядъ этимологическихъ сближеній, почерпнутыхъ изъ цитированнаго труда гр. Потоцкаго. Такъ здѣсь сближаются: греч. ἕδω (sic!), т. е. ἔδω, лат. edo, слав. *ямъ* (*яду*), русск. *ѣмъ*; греч. ἔδομεν (! вм. ἔδομεν), лат. edimus, слав. *ядемъ*, *ями* (очевидно: *ямы*!), русск. *ѣдимъ*; гр. ἔδετε (! вм. ἔδ...), лат. editis, сл. *ядите*, р. *ѣдите* (*ясте*); ἔδουσι (! вм. ἔδ...), лат. edunt, сл. *ядутъ*, р. *ѣдятъ*; кельт. *ма*, гр. μητήρ (!), дорич. ματήρ (!), зв. μάτερ, лат. mater, слав. *матерь* (*мать*); *пастырь* (*пастухъ*), гр. πάστωρ (?), л. pastor; *пію* (*пью*), гр. πίνω, буд. вр. πιῶ; *домъ*, гр. δῶμα, лат. domus; *гора*, ὄρος (!!), кельт. gor (?); *братъ*, перс. *брадеръ*, кельт. *bra* (?); *быкъ*, гр. βοῦς (!!), лат. bos (!), кельт. bikon (!?) и пр.

Изъ этого „поразительнѣйшаго сходства Славянскаго языка съ столь различными другими языками“ дѣлается выводъ, что „сей языкъ вышелъ изъ общаго всѣмъ языкамъ источника“ (стр. 117—119). Далѣе сообщаются свѣдѣнія о началѣ слав. письменности и изобрѣтеніи кирилицы. Какъ видно изъ приведенныхъ выдержекъ, представленія анонимнаго автора данной статьи о славянскомъ языкѣ не представляютъ сколько нибудь замѣтнаго шага впередъ, сравнительно съ соотвѣтствующими взглядами XVIII вѣка.

Кромѣ того, въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ за 1804 (ч. IV, стр. 219—25) находимъ двѣ статьи библіографическаго характера, свидѣтельствующія объ интересѣ редакціи къ славянскому языкознанію. Первая представляетъ собой отчетъ объ извѣстной книгѣ Дуриха (напечатано: *Дурича*): „Bibliotheca Slavica antiquissimae dialecti communis et ecclesiasticae universae Slavorum gentis“ (1795).

---

[1]) Изъ нихъ упоминается только Comte Jean Potocki, «Histoire primitive des peuples de la Russie» (Спб. 1802).

Въ отчетѣ in extenso приводилось оглавленіе книги, которое могло возбуждать извѣстные вопросы и интересы у читателей журнала.

Другая статья (п. з. „Польская словесность") содержала въ себѣ приглашеніе къ подпискѣ на знаменитый словарь польскаго языка Линде, составленное самимъ Линде и начинавшееся съ краткаго очерка исторіи польской лексикографіи (тамъ же, ч. IV. 1804. 260—71).

Въ томъ же 1804 году появился первый печатный опытъ А. Х. Востокова, обнаружившій въ немъ наклонности будущаго филолога, а именно примѣчанія къ его же поэмѣ въ „славянскомъ" вкусѣ „Пѣвисладъ и Зора" (См. „Періодическое изданіе вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ". Ч. I. 1804 г.). Примѣчанія эти даютъ объясненія нѣкоторыхъ древнихъ словъ и миѳологическихъ именъ, встрѣчающихся въ поэмѣ, во вкусѣ тогдашней фантастической этимологіи. Изъ нихъ мы узнаемъ, что *сулея* (сосудъ) происходитъ отъ *сливать* (стр. 168); что имя *Стрибогъ* находится въ родствѣ со слав. *устрабляю*, *устрабить*= лѣчить (стр. 169); что *Купала* называется такъ, потому что совокупилъ славенъ въ общество, и что подъ нимъ скрывается Ромулъ, собравшій вмѣстѣ римлянъ, откуда вытекаетъ родство Купалы съ римской богиней Паледой (Pales) (стр. 170—171); что имя *Хорса* происходитъ отъ словъ *корчма*, *корчемница* (отъ вина *корчитъ*) (стр. 171—72) и т. д. Очевидно этимологическіе домыслы уже тогда занимали юношу Востокова, едва ли помышлявшаго о будущей ученой карьерѣ.

Въ концѣ 1805 г., въ „Сѣв. Вѣстникѣ" [1]) явилось письмо „неизвѣстной особы" изъ Москвы отъ 5 окт. того же года, подписанное иниціалами Н. Н. и читанное въ засѣданіи Россійской Академіи 12 окт. Содержаніе его находится въ несомнѣнной связи съ животрепещущимъ въ то время вопросомъ о принятіи иностранныхъ словъ въ русскій книжный языкъ, поднятымъ съ такимъ шумомъ въ разсмотрѣнномъ уже выше „Разсужденіи о старомъ и новомъ слогѣ" Шишкова. По словамъ неизвѣстнаго автора, „Россійскій языкъ... есть собраніе многосложности и опредѣленныхъ границъ не имѣетъ, что доказывается какъ составомъ рѣчи, такъ и заимствованіемъ оборотовъ изъ другихъ языковъ и введеніемъ многихъ новыхъ реченій". Опредѣливъ такимъ образомъ русскій языкъ, авторъ предлагаетъ задачу: „имѣетъ ли Руской языкъ для обогащенія своего заимствовать, и до какой степени, обороты реченій изъ другихъ языковъ, кромѣ своего

[1]) Октябрь 1805 г., стр. 84—85.

корня; достаточенъ ли онъ самъ по себѣ для произведенія во всѣхъ родахъ сочиненій славныхъ Витій и Пѣснопѣвцевъ; и наконецъ доказать, иностранное заимствованіе пользу ли приноситъ языку нашему, или порчу, и въ обоихъ случаяхъ представить выгоды и вредъ въ настоящемъ ихъ видѣ, утвердя доказательствами, какой именно оборотъ несвойственъ языку нашему, и что его искажаетъ?" По словамъ письма, Россійская Академія окажетъ большую пользу, объявивъ конкурсъ для рѣшенія предложенной задачи, „ибо по большей части слава Государства усугубляется славою языка". За лучшее сочиненіе авторъ предлагалъ давать золотую медаль въ 30 червонцевъ.

Въ томъ же году „Сѣв. Вѣстникъ" [1]) помѣстилъ рецензію неизвѣстнаго автора на явившіеся незадолго передъ тѣмъ опыты славянской миѳологіи: „Древняя религія Славянъ, соч. Григ. Глинки, Проф. Дерптскаго Унив. Митава, 1804" и Кайсарова, „Versuch einer Slawischen Mythologie" (Геттингенъ, 1804). Рецензентъ иногда касается и лингвистической стороны, разбирая имена славянскихъ боговъ и частью исправляя ошибки названныхъ нашихъ филологовъ, частью предлагая свои толкованія, далеко не всегда удачныя. Такъ онъ поправляетъ имена славянск. боговъ Бѣлбегъ, Проне и Сива, приводимыя Глинкой, на Бѣлбугъ, Прове и Дзива и т. д. Конечно, по методу и знаніямъ и резензентъ, и авторы разбираемыхъ книгъ стояли недалеко другъ отъ друга.

Наконецъ, въ 1805 г., также въ „Сѣв. Вѣстникѣ" [2]) явилась первая у насъ статья палеографическаго характера: „Извѣстіе о славномъ собраніи рукописей Г. Дубровскаго", подписанная Г*** и содержавшая самое „извѣстіе" о возникновеніи собранія, его источникахъ, о владѣльцѣ его и т. д., а также и довольно обстоятельный перечень рукописей собранія. Статья, повидимому, заинтересовала читающее наше общество того времени, потому что начало ея, т. е. само „извѣстіе", было тогда же перепечатано и въ „Вѣстникѣ Европы" [3]). По словамъ „извѣстія", въ собраніи Дубровскаго имѣлись якобы „драгоцѣнныя рукописи Славянскія, до времени Рюрика восходящія" (!), а также маленькая домашняя библіотека Княжны Россійской Анны Ярославны, выданной въ XIV в. за короля Генриха I Французскаго, которая состояла „большею частію изъ церковныхъ книгъ, такъ же *Древлянскихъ рукописей*, писанныхъ *Руническими буквами*, и другихъ отъ вре-

[1]) Часть VII. 1804, стр. 159—172 и VIII, стр. 12—33, 123-41.
[2]) Ч. V. 1805 г., стр. 210—229 и ч. VI, стр. 85—98, 207—222.
[3]) Ч. XX. 1805 г., стр. 48—55.

мени *Св. Ольги, Владимира*" [1]). При этомъ сообщалось еще, что Дубровскій [2]) занимается составленіемъ „Исторіи о древности россійскихъ письменъ", и выражалось желаніе, чтобы и у насъ, какъ во Франціи, было учреждено „Депо манускриптовъ". Какъ извѣстно, собраніе Дубровскаго было пожертвовано имъ въ Императ. публичную библіотеку, за что владѣлецъ его получилъ единовременно 5000 рублей, орденъ св. Анны при Высочайшемъ рескриптѣ и пожизненную пенсію по 3000 р. въ годъ, не считая разныхъ другихъ наградъ впослѣдствіи. Изъ собранія было образовано отдѣльное „Депо" подъ надзоромъ тогдашняго директора библіотеки гр. А. С. Строганова [3]).

Разумѣется, древлянскія рукописи, писанныя рунами, или рукописи, современныя Ольгѣ и Владимиру, могли существовать только въ фантазіи собственника собранія, или его поклонника, автора статьи въ „Сѣв. Вѣстникѣ", но во всякомъ случаѣ и интересъ къ собранію Дубровскаго, и появленіе въ журналѣ статьи о немъ, должны быть признаны знаменательными для своего времени симптомами, свидѣтельствовавшими о пробужденіи такихъ научныхъ интересовъ, которые въ XVIII в. еще не выражались у насъ такъ опредѣленно (если не считать „Опыта о библіотекѣ Имп. Акад. Наукъ", принадлежащаго ученому нѣмцу Бакмейстеру).

„Вѣстникъ Европы" 1805 года также не былъ чуждъ интереса къ вопросамъ русскаго и славянскаго языкознанія. Такъ въ немъ находимъ статью С.: „Отчего Русскіе Нѣмцевъ называютъ Нѣмцами?" (ч. 19, № 4, стр. 289), гдѣ доказывается, что слово *нѣмецъ* надо производить не отъ *нѣмой*, а отъ имени народа *неметовъ*, жившихъ на Рейнѣ въ непосредственномъ сосѣдствѣ со славянами (!).

Тамъ же (ч. 21, № 9, стр. 3—23) напечатано было „Письмо отъ Преосвященнаго Станислава Сестренцевича (Митрополита Римскихъ церквей въ Россіи, Архіепископа Могилевскаго) къ

[1]) «Сѣв. Вѣстникъ» 1805 г., ч. V, стр. 214 и 218 На самомъ дѣлѣ въ собраніи Дубровскаго преобладали рукописи XVII—XVIII в., въ томъ числѣ нѣсколько хронографовъ XVII в. и лѣтописныхъ сборниковъ XVII—XVIII в., которые, вѣроятно, и были приняты владѣльцемъ и авторомъ статьи за «памятники временъ Рюрика, Ольги и Владимира». Самъ Дубровскій очень мало смыслилъ въ палеографіи, какъ видно изъ оффиціальнаго отзыва о немъ (см. «Русскій Архивъ» 1878, II, стр. 439—41).

[2]) Петръ Петр. Дубровскій († 1816), секретарь и переводчикъ при русской миссіи въ Парижѣ. См. о немъ статью А. Ивановскаго въ «Кіевлянинѣ» 1869 г. № 114, а также «Русскій Архивъ» 1878 г. II. 437—41. О его собраніи см. также «Путеводитель по Имп. Публичной библіотекѣ» (Спб. 1860).

[3]) «Сѣверный Вѣстникъ» 1805, ч. VI, стр. 85—87.

Преосвященному Архіепископу Евгенію Булгару, и отвѣтъ сего святителя о томъ, что древніе Сарматы говорили языкомъ Славянскимъ (переводъ съ итальянскаго)". Переписка названныхъ іерарховъ относилась еще къ 1785 г. и была сообщена редакціи журнала графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ. Предметъ ея показался, очевидно, редакціи „Вѣстника Европы" имѣющимъ общій интересъ. Главнымъ въ ней является письмо Евгенія Булгара. Ученый авторъ его, приводя свидѣтельства древнихъ авторовъ (Трога, Помпея, Юстина, Плинія, Помпонія Мелы и др.) о сходствѣ языка сарматовъ съ мидійскимъ и скиѳскимъ, приходитъ къ заключенію, что языкъ сарматовъ тождественъ съ языкомъ скиѳовъ и мидянъ, или мидянъ и парѳянъ. Выводъ этотъ вполнѣ совпадаетъ съ современнымъ взглядомъ на принадлежность языковъ сарматскаго и скиѳскаго къ семьѣ иранскихъ языковъ, къ которымъ несомнѣнно относились и языки мидянъ и парѳянъ. Но для Евгенія Булгара совершенно было не ясно, что́ же представлялъ собой парѳо-мидійскій или мидо-парѳянскій языкъ. Въ концѣ концовъ онъ приходитъ къ предположенію, что сарматы говорили славянскимъ языкомъ. Свои заключенія о происхожденіи слав. языка онъ основываетъ между прочимъ на знакомыхъ намъ сближеніяхъ слав. формъ съ латинскими, принадлежащихъ Левеку (см. выше, стр. 286—287, примѣч.), и самъ сопоставляетъ славянскія числительныя съ греческими и латинскими.

Всѣ эти статьи, взятыя въ отдѣльности, вообще не имѣютъ самостоятельной цѣны, но въ своей совокупности несомнѣнно свидѣтельствуютъ объ оживленіи интереса къ вопросамъ языка, удовлетворять который, за неимѣніемъ болѣе свѣжей пищи, приходилось даже и продуктами, ведшими свое начало изъ послѣднихъ десятилѣтій XVIII вѣка. Во всякомъ случаѣ никогда раньше и никогда послѣ наши обще-литературные журналы не обнаруживали такого живого интереса къ языку и языкознанію и не помѣщали такъ часто статей филологическаго и грамматическаго содержанія, какъ въ теченіе первой четверти XIX в.

Съ 1805 года является новое повременное изданіе, литературно-филологическаго содержанія—„Сочиненія и переводы, издаваемые Россійскою академіею". Цѣлью его было: „откровеніемъ свойственныхъ языку нашему красотъ" принести „существенную словесности пользу" и дать молодымъ людямъ, „въ которыхъ горитъ похвальная охота упражняться въ Россійскомъ словѣ, ...надежныхъ путеводителей, съ которыми бы они бесѣдовать и природное дарованіе свое искуствомъ укрѣплять могли". (Ч. I. стр. I). Прежняя и современная литература въ этомъ отношеніи давала

мало подобныхъ руководящихъ сочиненій. Поэтому Россійская академія рѣшила „ежегодно, или какъ успѣвать будетъ, издавать такого рода сочиненія, въ которыхъ бы основательными толкованіями и сужденіями объ языкѣ показываемы были коренныя силы его и красоты“ (тамъ же, стр. II). „Любящіе отечественный языкъ свой“ приглашались „присылать сужденія свои объ ономъ, также и другія полезныя сочиненія, для помѣщенія ихъ въ семъ изданіи“ (тамъ же). Особымъ желаніемъ Академіи, конечно, было разсмотрѣть въ подробности „красоты Славенскаго языка и знаменованія мало или совсѣмъ неупотребительныхъ нынѣ словъ и рѣченій“, ибо „сила и богатство Россійскаго языка заимствуется отъ Славенскаго“, а „истолкованіе мало извѣстныхъ словъ открываетъ ихъ знаменованіе, какъ въ настоящемъ, такъ и въ иносказательномъ смыслѣ, откуда часто рождается краткость, сила и красота выраженій“ (тамъ же, стр. II—III). Академія полагала также, что было бы „весьма не худо, естьлибъ и тѣ самыя слова, которыя нынѣ совсѣмъ уже намъ неизвѣстны, отыскиваемы и объясняемы были“, такъ какъ „ихъ нужно знать для чтенія старинныхъ книгъ и рукописей“. Эти филологическія задачи ставились на первый планъ, прочія же сочиненія и переводы, а также извѣстія о дѣятельности Академіи, должны были занимать уже второе мѣсто. Въ дѣйствительности осуществленіе этихъ плановъ не вполнѣ отвѣчало первоначальнымъ намѣреніямъ. Академія не располагала достаточнымъ количествомъ подходящихъ научныхъ или хотя бы просто рабочихъ силъ, занятыхъ въ то же время подготовленіемъ второго изданія словаря русскаго языка, а посторонныхъ ей любителей филологіи было еще слишкомъ мало, такъ что на поддержку съ ихъ стороны изданіе не могло разсчитывать.

Первая часть „Сочиненій и переводовъ“ Россійской Академіи открывалась перепечаткой перваго печатнаго изданія „Слова о полку Игоревѣ“ (1800 г.), съ приложеніемъ новыхъ примѣчаній къ тексту поэмы, составленныхъ А. С. Шишковымъ, тогда еще членомъ, а вскорѣ послѣ того и президентомъ Академіи (стр. 23—234). Въ примѣчаніяхъ этихъ нерѣдко находимъ объясненія разныхъ древнихъ непонятныхъ Шишкову словъ и сближенія ихъ съ другими формами. Такъ на стр. 91 Шишковъ сравниваетъ форму *потятъ*, корень которой ему кажется неизвѣстнымъ, съ глаголомъ *тяпать* (!); на стр. 94—95 сближаются формы *ущекоталъ* и *щекотъ* съ выраженіемъ *сорока щекочетъ* и названіемъ болтливой женщины *щекотунья*; на стр. 119 им. множ. *пороси* сравнивается съ *пороша*, *поросить* и даже *роса*, откуда выводится, что

пороси значитъ: *паръ*, *туманъ*; на стр. 107 и 132 форма *убуди* производится отъ глагола *убывать*, но не отъ *будить* (!); на стр. 137 сближается *окаянный* съ *хаютъ*, *брехаютъ* (!); на стр. 150 слово *бобыль* выводится изъ *быль* (!) и т. д. Иногда Шишковъ ограничивается заявленіемъ, что корень разбираемаго слова ему неизвѣстенъ, напр., на стр. 108 о формѣ *разсушась* (стрѣлами по полю); на стр. 171 о словахъ *зегзица*, *кычетъ*, *не знаемь* (*незнаемою*) и т. д. Нѣкоторыхъ словъ Шишковъ совсѣмъ не понималъ, какъ, напр., форму *бологомъ* (стр. 167) и т. д. Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, въ лингвистическомъ отношеніи примѣчанія Шишкова были очень слабы, но все же переводъ „Слова", сдѣланный имъ, и толкованія многихъ мѣстъ для того времени и для такого дилеттанта, какимъ онъ былъ, сравнительно сносны. Во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ здѣсь одинъ изъ первыхъ опытовъ комментарія къ древнерусскому тексту, свидѣтельствующій о народившихся новыхъ научныхъ задачахъ и цѣляхъ и прибѣгающій, хотя бы и неудачно, къ лингвистическимъ средствамъ истолкованія непонятныхъ мѣстъ. Въ примѣчаніяхъ приводится также замѣтка члена Россійской Академіи С. Я. Румовскаго о словахъ: *поскепаны*, *цвѣлити*, *потяту*, которыя приводятся имъ въ связь съ формами: *щепать*, обл. *скепать*, *разкепъ* (у пера),— областн. *квелить* и древнерусск. *разтять* (въ Новгор. лѣтописи: *Глѣбъ же вына топоръ разтя и*, т. е. волхва). Румовскій, какъ и Шишковъ, сближаетъ *тяпать* съ *тять* и видитъ въ немъ *глаголъ учащательный* отъ только что названной формы (стр. 92—93).

Въ этой же части находимъ знакомую уже намъ статью Шишкова „О звукоподражаніи" (см. выше, стр. 524—25), въ которой приводятся примѣры и изъ русскаго языка.

Во второй части „Сочиненій и переводовъ" (1806 г.) находимъ снова статью Шишкова „О сословахъ" (стр. 247—258), содержащую разсмотрѣніе синонимовъ: *бѣдность*, *убожество*, *скудость*, *нищета; шествіе*, *теченіе*, *ходъ*, и примыкающую къ вышеупомянутымъ статьямъ о томъ же предметѣ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" 1804 г. (см. выше, стр. 701).

Какъ первое извѣстіе о только что найденномъ и пожертвованномъ въ Публичную библіотеку Остромировомъ евангеліи, интересна статья въ „Лицеѣ" Мартынова (1806 г., ч. II, кн. 1, стр. 101). Дата памятника сообщается здѣсь невѣрно: 1066 вмѣсто 1056. Палеографическія замѣчанія очень скудны и поверхностны. Указано на иное написаніе буквы и, сравнительно съ церковнославянскимъ, на употребленіе ѥ для „мягкаго" *е* и ѣ, вмѣсто

„грубаго“ (?) *е*. О послѣднемъ случаѣ сказано, что истинное произношеніе этого *е*—*„задача“* (перепечатка статьи—въ „Изслѣдованіяхъ по русскому языку“. Изд. Имп. Ак. Н., Спб., т. I. Спб. 1885—95, стр. 4).

Въ это же время ознакомился съ рукописью Остромирова евангелія и викарный епископъ Новгородскій Евгеній Болховитиновъ, впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій [1]), который еще раньше, вскорѣ послѣ перевода своего въ Новгородъ (1804), занимался собираніемъ древнихъ рукописей, спасая ихъ отъ уничтоженія невѣжественными монахами (въ томъ числѣ спасены были листки такъ называемой Евгеніевской псалтири XI в. и отрывки изъ житій Св. Кондрата и Ѳеклы) [2]).

Въ 1806 г. появился и первый трудъ, положившій начало русской палеографіи. Это было извѣстное „Письмо къ графу Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину о камнѣ Тмутороканскомъ, найденномъ на островѣ Таманѣ въ 1792 году съ описаніемъ картинъ къ письму приложенныхъ. А. О(ленина): Съ дозволенія Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета. Санктпетербургъ, въ Медицинской Типографіи, 1806 г. (4°, 8 ненум. + 51 + 7 ненум. + 5 табл. снимковъ, картъ и т. п.).

Кромѣ описанія самого Тмутороканскаго камня и надписи на немъ, книга эта содержала и рядъ частныхъ замѣчаній, экскурсовъ и сопоставленій филологическаго содержанія, сдѣлавшихъ ее однимъ изъ видныхъ научныхъ трудовъ своего времени, на который часто и охотно ссылались. Какого бы мнѣнія ни держаться относительно подлинности Тмутороканской надписи, во всякомъ случаѣ нельзя не признать „Письмо“ Оленина первымъ у насъ опытомъ палеографическаго изслѣдованія, выполненнаго самимъ Оленинымъ и его помощникомъ А. И. Ермолаевымъ и основывавшагося въ рядѣ сопоставленій на памятникахъ безспорной подлинности. Ермолаеву принадлежитъ рядъ палеографическихъ снимковъ и рисунковъ (снимокъ съ „Ярославля серебра“, на стр. 28, 1-я и 5-я изъ приложенныхъ въ концѣ книги таблицъ) и замѣчаніе (стр. 4—5) о томъ, что одна изъ буквъ надписи, принимавшаяся Палласомъ за *л*, на самомъ дѣлѣ есть *і* десятиричное. Есть основаніе предполагать, что участіе Ермолаева, отличнаго практическаго знатока русской и славянской палеографіи, было болѣе

---

[1]) См. А. Кочубинскій «Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ Румянцевъ. Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія». Од. 1888 г., стр. 140.

[2]) См. «Сборникъ статей, чит. въ отд. русск. яз. и слав. Имп. ак. Наукъ», т. V, вып. I, стр. 23—24.

значительнымъ, чѣмъ это видно изъ самой книги. Объясненіе надписи и доказательство ея подлинности поставлены въ „Письмѣ“ Оленина на довольно широкую сравнительно-палеографическую и отчасти филологическую почву, причемъ авторъ приводитъ рядъ снимковъ facsimile съ разныхъ древнихъ надписей и рукописей для сравненія съ изслѣдуемой надписью. Такъ на стр. 32, по поводу снимка съ „Ярославля серебра“, объясняется, что намѣреніе автора „въ представленіи оной (надписи на монетѣ) состоитъ въ томъ только, чтобъ съ надписью Тмутороканскою сравнить буквы на сей монетѣ вычеканенныя“. На стр. 37-й находимъ поясненіе facsimile съ рукописей, помѣщенныхъ въ „IX чертежѣ“, на которомъ „для сличенія буквъ надписи Тмутороканской съ древними нашими письменами, представлены въ точномъ ихъ видѣ (Facsimile) нѣкоторыя выписки изъ разныхъ рукописей и составленныя изъ оныхъ азбуки“. За исключеніемъ первой и послѣдней изъ этихъ рукописей, остальные 3 списка были получены Оленинымъ отъ графа Мусина-Пушкина. Далѣе (стр. 37 и слѣд.) перечисляются и частью описываются рукописи, съ которыхъ сняты снимки: „№ 1. Выписка изъ книги, называемой Сборникъ (Сборникъ Святослава 1076 г.). № 2. Азбука къ ней принадлежащая (дается описаніе рукописи: писана полууставомъ, на пергаментѣ, въ 8°, говорится объ украшеніяхъ и заглавныхъ буквахъ, писанныхъ киноварью, о содержаніи рукописи и т. д.). № 3. Выписка изъ псалтыря. № 4. Азбука къ ней принадлежащая (излагается содержаніе рукописи). № 5. Выписка изъ рукописной книги, извѣстной подъ именемъ „похвала Вел. Князю Владимиру“. № 6. Азбука къ ней принадлежащая (дается описаніе рукописи). № 7. Выписки изъ Лавр. лѣтописи. № 9. Азбуки къ ней принадлежащія (слѣдуетъ описаніе рукописи). № 8. Выписка изъ Несторовой лѣтописи по подлинному Кенигсбергскому списку. № 10. Азбука къ ней (дается описаніе рукописи, водяныхъ знаковъ въ бумагѣ и рисунки ихъ). Этотъ обзоръ снимковъ и рукописей заключается слѣдующимъ выводомъ: „Мнѣ кажется, что при описаніи послѣдней картины (изъ Кенигсбергскаго списка) я слишкомъ долго заговорился, *отъ избытка сердца уста глаголютъ*. Мнѣ казалось, что я уже пишу *Славено-Рускую палеографію* (курсивъ нашъ): но какъ я къ тому ни времени, ни способовъ не имѣю, то и принужденъ отложить мое намѣреніе и заключить всѣ мои здѣсь разсужденія тѣмъ, что до колѣ Руская словесность не будетъ имѣть: 1) Полнаго собранія лѣтописей и другихъ древнихъ извѣстій о Россіи (русскихъ и иностранныхъ), 2) древней Россійской Географіи, основанной на ясныхъ историческихъ доводахъ, и 3) Палео-

графіи Славенороссійской, то будетъ трудно писать Русскую исторію" (стр. 45—46). Въ концѣ (стр. 47—51) приводятся довольно большія выписки изъ Лаврентьевскаго и Кенигсбергскаго списковъ.

Изъ объясненій филологическаго характера можно указать на толкованіе особаго выраженія надписи: 10,000 и 4,000 саженъ на основаніи мѣстъ въ лѣтописяхъ, гдѣ тоже встрѣчается аналогичный способъ счета (стр. 6—7). Встрѣчаются и обычныя историко-этнографическія этимологіи: на стр. 25 названіе рѣки Псіолъ толкуется, какъ „Посуліе" (изъ Слова о Полку Игоревѣ), потому что Псіолъ течетъ параллельно съ р. Сулою. На стр. 19-й приводится извѣстіе арабскаго географа Абнъ Алварди, согласно которому вблизи Волги жили хозары и *бажнакья* или *баженаки* (нынѣ такъ называемые Калмыки и Ногайцы); въ связи съ этимъ Оленинъ находитъ, что „русское названіе Печенеги и греческое *патзинаке* или *печинаки* (πατζινακαι, πετζινακαι) весьма сходную имѣютъ созвучность съ *баженаки*".

Кромѣ указанныхъ выше журналовъ, продолжалъ помѣщать филологическія статьи „Вѣстникъ Европы". Такъ въ 1806 г. (ч. 28, стр. 168—80) въ немъ явилась переводная съ французскаго статья „О происхожденіи и нѣкоторыхъ обыкновеніяхъ Вендовъ, или Вандаловъ Лузатскихъ", въ которой между прочимъ приводятся два стиха [1]) изъ Лужицкой библіи (Будышинскаго изданія 1742 г.) и указывается сходство лужицкаго языка со славянскимъ.

Къ слѣдующему 1807 г. (ч. 34, № 15, стр. 200, и ч. 36, № 23, стр. 199) относятся анонимныя: 1) замѣтка „О происхожденіи словъ „Князь" и „Книга" (отъ греческаго имени финикійцевъ: χνάος!) и 2) Филологическая догадка о происхожденіи слова „красный", въ которой неизвѣстный авторъ NN производилъ это слово отъ *краса*, *красый*, а это послѣднее отъ латинскаго graciae, откуда французское *грас* (т. е. grace). Переходъ *г* въ *к*, по словамъ автора, доказанъ былъ Мальгинымъ („Сѣв. Вѣстникъ", 1805 г., ч. VII, стр. 233), производившимъ *князь* (вмѣсто *гнесъ*) отъ *гнету*. Такимъ же образомъ возникла де и *книга* отъ *гну*, т. е. *гнига* или *гниха* (отъ *разгибанія* ея). Въ этой же замѣткѣ *смерть* производится отъ *смердѣть* (ибо послѣ смерти наступаетъ разложеніе), *страхъ* и *страсть* отъ *деру* и *короблю*—отъ *горбъ* (!).

Въ томъ же году (ч. 34, № 16, стр. 291 и сл.) явилась и за-

---

[1]) Первый разъ въ нашей литературѣ въ оригинальномъ правописаніи латинскими буквами (вмѣсто нѣмецкихъ готическихъ) и второй разъ вообще (послѣ Сумарокова, приводившаго образчикъ въ видѣ „лузатическаго" перевода Молитвы Господней, см. выше, стр. 212).

мѣтка „О первой Русской Грамматикѣ" (Лудольфа „Grammatica Russica", Оксфордъ, 1696), въ которой подробно приводились интересныя для своего времени замѣчанія Лудольфа о разницѣ между славянскимъ и русскимъ языками, показавшіяся очевидно автору замѣтки поучительными и для тогдашнихъ русскихъ читателей журнала.

Знакомые уже намъ взгляды находимъ въ Шишковскомъ „Разговорѣ между двумя пріятелями о переводѣ словъ съ одного языка на другой", напечатанномъ въ III части „Сочиненій и переводовъ" Россійской академіи (Спб. 1808. См. выше, стр. 536).

Какъ видно отсюда, въ первыя 8 лѣтъ XIX в. филологическая дѣятельность по изслѣдованію русскаго и славянскихъ языковъ, если не считать Россійской Академіи, занятой главнымъ образомъ вторымъ изданіемъ своего словаря, сосредоточивалась преимущественно въ нашихъ тогдашнихъ журналахъ. Конечно, журнальныя замѣтки и статьи этого времени, посвященныя русскому и славянскому языкознанію, незначительны и по объему, и по содержанію, но числомъ своимъ они свидѣтельствовали объ извѣстномъ оживленіи и бо́льшемъ распространеніи филологическихъ интересовъ въ русскомъ образованномъ обществѣ, сравнительно съ XVIII в. Они несомнѣнно подготовляли почву для дѣйствительно научнаго движенія, выдвинувшаго въ скоромъ времени такихъ дѣятелей, какъ К. Калайдовичъ и Востоковъ, и позже, какъ Максимовичъ, Надеждинъ, Буслаевъ, Билярскій, Срезневскій и др.

Отраженіе этихъ интересовъ находимъ и въ перепискѣ епископа новгородскаго, впослѣдствіи митрополита кіевскаго, Евгенія Болховитинова. На вопросъ своего корреспондента, гр. Хвостова, пресловутаго піита и члена Россійской академіи, Евгеній писалъ 31-го окт. 1806 г.: „1) что *коренной* или, лучше сказать, *древнѣйшій* славянскій языкъ потерянъ, и что такимъ славянскимъ языкомъ, какой дошелъ до насъ въ церковныхъ книгахъ, никогда не говорили, это мнѣніе Шлецера въ недавно изданномъ имъ (съ 1802 г.—1805 г.) *сводномъ нѣмецкомъ Несторѣ*. Я согласенъ въ томъ, такъ какъ и мы не говоримъ въ общежитіи такимъ русскимъ языкомъ, какимъ сами же пишемъ богословскія, философскія, математич. и другія книги. При переводѣ книгъ на славянской, много словъ подражательно греческому выдумано и произведено изъ славянскаго; много также безъ переводу принято изъ греческаго. Все это значитъ только, что дошедшій до насъ языкъ славянскій пополненъ и распространенъ. Но чтобы чрезъ то весь древнѣйшій языкъ былъ потерянъ, того доказать нельзя. Ибо есть ли первобытные Европейскіе славяне новопреведенныхъ имъ

книгъ не понимали, то не для чего было и переводить оныя. А есть-ли понимали не только въ Моравіи, но въ Кіевѣ и Новѣ городѣ, то этотъ переводъ былъ на ихъ языкѣ. А что понимали, то свидѣтельствуетъ Несторъ... Съ другой стороны, у Прокопія и другихъ историковъ греческихъ отъ VI до половины XI вѣка находится много собственныхъ именъ и названій урочищъ славенскихъ, которыя, какъ ни обезображены, согласны однакожъ этимологіи и аналогіи нашей славянской Грамматики. Имена сіи выбраны у Штриттера и у Дурича. А что древнѣйшій, или, какъ говорятъ, *коренной* славянской языкъ до насъ не дошелъ, то не диво. Ни одна нація кореннаго языка своего не знаетъ. Да полно и можетъ ли когда либо и какой либо языкъ быть кореннымъ? Ибо каждый вѣкъ и даже каждое десятилѣтіе вводитъ перемѣны въ языки, и то, что мы назвали бы относительно къ себѣ *кореннымъ*, будетъ производнымъ діалектомъ относительно къ прошедшему времени.

2) Что руской языкъ самъ *коренной*, или, лучше сказать, *очень древній* отродокъ сѣверныхъ языковъ, этому я вѣрю. Но чтобы Несторъ, Ярославъ I и пѣснопѣвецъ Игоревъ писали на подлинномъ рускомъ, тому я не вѣрю, и думаю, что эти сочиненія писаны на Кіевскомъ славянскомъ съ примѣсью рускаго языка. Ибо 1-е, небольшая кучка Руссовъ, пришедшихъ къ Славянамъ, не могли ввести въ цѣлую націю славянскую свой языкъ, а особливо въ 300 лѣтъ. 2-е, многія собственныя имена Руссовъ (...у Штриттера и въ договорѣ Олега съ греками)... и русскія имена пороговъ днѣпровскихъ (у Константина Багрянороднаго)..., никакого не имѣютъ корня и производства ни изъ славянскаго, ни изъ славянорусскаго, каковымъ писали Несторъ, Ярославъ I и пр. Шлецеръ въ своей всеобщей *Сѣверной исторіи*... сказалъ, что Константинъ тутъ видно разумѣлъ не руской, а другой какой нибудь неизвѣстной народъ. Слѣдовательно руской языкъ потерянъ. Впрочемъ, за вѣрность сихъ моихъ примѣчаній я спорить не хочу“ *).

Какъ видно отсюда, взгляды Евгенія на отношеніе между рускимъ и старослав. языками не отличаются опредѣленностью. Конечно, онъ стоитъ выше Шишкова (споромъ котораго съ карамзинистами, повидимому, отчасти и вызваны приведенныя сужденія), по крайней мѣрѣ не отожествляетъ категорически рускаго языка со старослав. и не считаетъ послѣдній „кореннымъ“

*) См. «Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ», т. V, вып. I. Спб. 1868, стр. 138—139 (переписка Евгенія съ гр. Хвостовымъ).

славянскимъ, т. е. праславянскимъ, но и онъ не можетъ разобраться въ обычной для того времени путаницѣ понятій и смѣшиваетъ языкъ Руссовъ-скандинавовъ („отпрыскъ сѣверныхъ языковъ“) съ русскимъ-славянскимъ, съ одной стороны утверждая, что первый утраченъ, а съ другой говоря о языкѣ Нестора и Слова о полку Игореви, какъ о Кіевскомъ славянскомъ, съ примѣсью русскаго, или славянорусскомъ.

Кромѣ вышеразсмотрѣнныхъ журнальныхъ статей, за промежутокъ времени отъ 1803 до 1807 г. включительно, можно указать лишь немногія явленія въ занимающей насъ области научной литературы. Первымъ образчикомъ интереса къ русской діалектологіи является рукописная работа А. Павловскаго; „Обозрѣніе малороссійскаго нарѣчія или грамматическое показаніе существеннѣйшихъ отличій, отдалившихъ сіе нарѣчіе отъ чистаго Россійскаго языка, сопровождаемое разными по сему предмету замѣчаніями и сочиненіями“. Работа эта, появившаяся впослѣдствіи (1818 г.) въ печати подъ нѣсколько измѣненнымъ заглавіемъ: „Грамматика малороссійскаго нарѣчія или грамматическое показаніе и т. д.“, была сообщена собранію Россійской академіи членомъ ея Н. Я. Озерецковскимъ въ засѣданіи 2 марта 1805 г. и передана на разсмотрѣніе академиковъ Д. М. и П. И. Соколовыхъ и И. А. Дмитревскаго [1]). Отсюда можно заключить, что она была написана не позже самаго начала 1805 года, а можетъ быть и въ концѣ 1804 г. Ниже мы вернемся къ ней еще разъ.

Наиболѣе крупнымъ явленіемъ за это время надо признать выходъ въ свѣтъ первой части втораго изданія словаря Россійской академіи, переработаннаго въ азбучномъ порядкѣ (въ 1806 г.). Рѣшеніе издать словарь въ этомъ видѣ было принято еще въ 1794 г., вмѣстѣ съ окончаніемъ перваго изданія. Академики Румовскій и Озерецковскій составили предварительный планъ алфавитнаго словаря, согласно которому въ него предполагалось ввести и значенія русскихъ словъ на трехъ иностранныхъ языкахъ: (латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ). Рѣшено было также исправить разные недостатки и промахи перваго изданія. Болѣе подробнаго плана изданія, однако, не было выработано до самаго начала XIX в. Только въ академическомъ собраніи 19 января 1801 г. было заслушано составленное секретаремъ академіи И. И. Лепехинымъ „Начертаніе вразсужденіи приведенія славенороссійскаго этимологическаго словаря въ буквенный порядокъ“. Отъ прибавленія словъ изъ иностранныхъ языковъ еще раньше рѣшено было

[1]) См. «Сѣверный Вѣстникъ» 1805 г., стр. 351—52.

отказаться. Работа была раздѣлена по буквамъ между членами академіи, которые должны были представлять свои матеріалы въ особые комитеты для ихъ разсмотрѣнія и дополненія; замѣчанія же и поправки комитетовъ постановлено было обсуждать въ общихъ собраніяхъ академіи. Первыя двѣ буквы бралъ Озерецковскій, букву В—Мальгинъ, букву Г—Севастьяновъ, Д—Севергинъ и т. д. Нѣкоторые взяли по двѣ буквы и больше.

Для внесенія пропущенныхъ словъ, выраженій и пословицъ былъ образованъ особый комитетъ изъ членовъ. Академикъ Гурьевъ доставилъ опредѣленія математическихъ и физическихъ терминовъ, а А. С. Никольскій предложилъ „собрать россійскія пословицы и поговорки, съ объясненіемъ настоящаго ихъ знаменованія". Вклады прочихъ академиковъ были менѣе значительны. По предложенію президента академіи Нартова, рѣшено было внести въ словарь всѣ научные и художественные термины, а преимущественно естественно-научные, какъ переведенные на русскій языкъ, такъ и оставшіеся безъ перевода (въ родѣ *гекко*, *игуана* и т. д.). Формы глаголовъ рѣшено было приводить въ неопредѣленномъ наклоненіи (такъ какъ многіе глаголы не имѣютъ настоящаго времени) и, кромѣ того, присоединять формы настоящаго, прошедшаго и будущаго временъ и повелительнаго наклоненія.

Работы по новому изданію шли, однако, медленно и вяло, вслѣдствіе чего одинъ изъ членовъ академіи, протоіерей Красовскій внесъ въ общее собраніе предложеніе (отъ 3 сентября 1804 г.) посвятить всѣ общія собранія академіи разсмотрѣнію словаря и предположенныхъ правилъ россійскаго краснорѣчія, а пересмотръ и обсужденіе „вновь сочиненныхъ или на россійскій языкъ переложенныхъ пьесъ", касающихся россійской словесности лишь побочно, предоставить особому комитету или отложить до времени окончанія предпринятыхъ главныхъ трудовъ академіи. Предложеніе это, однако, было отвергнуто, такъ какъ и безъ того въ каждое почти засѣданіе прочитывалось по листу и болѣе новаго изданія словаря. Тѣмъ не менѣе дѣло шло туго, такъ что съ 23 ноября 1801 г., когда Озерецковскій представилъ академіи букву А, уже прочтенную и исправленную комитетомъ, до окончанія разсмотрѣнія первой части (буквы А—Г) (16 декабря 1805 г.) прошло четыре слишкомъ года. Вторая часть (буквы Д—І) разсматривалась до 5 сентября 1807 г. и была выпущена въ свѣтъ только въ 1809 г. Третья часть явилась въ 1814 г., а послѣднія части лишь въ 1822 году [1]). О значеніи и характерныхъ особенно-

[1]) См. подробную исторію втораго изданія этого словаря у Сухомлинова «Исторія россійской академіи», вып. VIII. Спб. 1887 г., стр. 180—195.

стяхъ этого академическаго труда будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ ниже.

Къ этому же промежутку времени относится начало научной дѣятельности А. Х. Востокова, который уже тогда работалъ надъ сравнительно-этимологическимъ словаремъ русскаго языка (см. выше, стр. 653—66) и собиралъ свои по тогдашнему богатыя и глубокія знанія въ области русскаго и славянскихъ языковъ. Къ 1808 году, когда ему минуло 27 лѣтъ, относится и первый его печатный грамматическій трудъ, а именно грамматическія примѣчанія, помѣщенныя имъ въ „Краткомъ руководствѣ къ Россійской словесности“ И. Борна (Спб. 1808, 8º XII + 162). Примѣчанія эти трактовали: 1) о законѣ произношенія буквы *е* (стр. 3—6); 2) о дебеломъ и тонкомъ произношеніи буквъ (стр. 9—12); 3) объ уменьшительныхъ прилагательныхъ (стр. 37—38); 4) о неупотребительности сравнительной степени причастія (стр. 46—47); 5) объ употребленіи мѣстоименія *что* вмѣсто *который* (стр. 66) и пр. (о стихотворныхъ размѣрахъ и слогѣ). Замѣчанія эти (особенно 1-е и 2-е) обнаруживаютъ уже будущаго обстоятельнаго и точнаго наблюдателя и описателя фактическихъ отношеній языка, хотя и не свободны отъ разныхъ ошибокъ и наивныхъ промаховъ, объясняющихся въ значительной мѣрѣ условіями времени, когда они писались. Особенно подробно представлены „правила“ произношенія „буквы“ е, въ которыхъ Востоковъ впервые такъ подробно устанавливаетъ рядъ различныхъ случаевъ съ тѣмъ или другимъ „произношеніемъ“. О степени знакомства его въ то время съ старославянскимъ языкомъ свидѣтельствуетъ неумѣнье объяснить сохраненіе *е* въ случаяхъ, въ родѣ *трескаю*, *брезгую*, *брежу*, въ которыхъ Востоковъ, очевидно, не подозрѣвалъ присутствія *ѣ*. „Примѣчанія“ часто полемизируютъ съ грамматикой Россійской академіи и указываютъ неточность и недостаточность ея правилъ.

Въ томъ же 1808 году, 30-го іюня, въ молодомъ Харьковскомъ университетѣ читалась торжественная рѣчь проф. Ив. Ст. Рижскаго „О состояніи Славянскаго языка въ древнія времена“ [1]), съ которой, за отсутствіемъ ея въ Петербургскихъ библіотекахъ, мнѣ не удалось ознакомиться.

Тогда же явилось и „Разсужденіе о русскомъ языкѣ“ Станевича [2]), представляющее довольно безсвязный рядъ вялыхъ и без-

---

[1]) См. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1855, ч. 87, отд. V «Объ ученой дѣятельности Харьковскаго унив. въ первое десятилѣтіе его существованія», стр. 27.

[2]) «Разсужденіе о русскомъ языкѣ. Сочинено Евстафьемъ Станевичемъ. Съ дозволенія Спб. Цензурн. Комитета. Спб. Тип. Ив. Глазунова 1808 г.» (2 ч. 8º. 70 и 116 стр.).

цвѣтныхъ quasi-патріотическихъ нападокъ, во вкусѣ Шишкова и другихъ патріотовъ того времени, на французовъ, и другихъ иностранцевъ, на „нынѣшнихъ сочинителей“, создающихъ „особенный языкъ свой по образцу языка Французскаго“, на иноземныхъ гувернеровъ, среднее и знатное русское дворянство, говорящее по французски, обзаводящееся иностранными книгами и пренебрегающее русскими, на родителей, спѣшащихъ записывать своихъ дѣтей на службу и т. д. Это патріотическое краснорѣчіе принимаетъ довольно странный видъ, если вспомнить, что Станевичъ родомъ былъ грекъ и только воспитывался въ Россіи [1]). О самомъ русскомъ языкѣ говорится мало, особенно въ первой части. Тамъ, гдѣ приходится касаться вопросовъ языкознанія, авторъ отдѣлывается большею частью общими фразами. „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ“ Шишкова является для него главнымъ авторитетомъ, и онъ постоянно возвращается къ этому источнику своего патріотическаго воодушевленія и общихъ взглядовъ на языкъ вообще и русскій въ частности. Кромѣ Шишкова, довольно часто цитируются: Кондильякъ („La langue des calculs“, „Логика“ и др.), извѣстный англійскій лексикографъ Джонсонъ и Вольтеръ; рѣже упоминаются: Блеръ („Lectures on Rhetoric and Belles-Lettres“), Баттё („Construction Oratoire“), Плюшà („Méchanique des langues et l'art de les enseigner“), Марсе („Traité de la construction grammaticale“), Бозе („Grammaire Générale“), Куръ де Жебеленъ („Monde primitif“), Лами („Rhetorique ou l'art de parler“), Смитъ („The formation of language“), Ривароль („Разсужденіе о всеобщемъ употребленіи языка Французскаго“) и др.

Общія представленія Станевича о языкѣ, почерпаемыя имъ главнымъ образомъ у Шишкова, отличаются неясностью и неопредѣленностью, свойственными и самому Шишкову. Такъ на стр. 6-й и слѣд. II части своего разсужденія Станевичъ говоритъ объ отличіяхъ русскаго языка отъ славянскаго слѣдующее: „языкъ есть н*и* что иное, какъ одно хранилище множества словъ, выдуманныхъ и составленныхъ соединившимися въ общество людьми въ облегченіе своихъ нуждъ и недостатковъ. Сначала слова сіи не имѣли никакихъ правилъ для своего составленія; потомъ частое употребленіе оныхъ опредѣлило обороты рѣчей и выраженій; мало-по-малу составлялись для него постоянныя и непремѣнныя правила и симъ образомъ языкъ установлялся. Время могло измѣнять его нарѣчіе (?! идея Шишкова!), но языкъ всегда оста-

[1]) См. о немъ П. Лащенкова „Е. И. Станевичъ“ въ „Сборникѣ Харьковскаго Историко-Филологич. Общества“, т. IX. 1897 г., стр. 55—92.

вался тотъ-же въ своей сущности. Перемѣняется языкъ тогда, когда нѣсколько языковъ смѣшиваются вмѣстѣ, и перемѣняютъ такъ сказать, первобытное существо его: но сіи перемѣны сопровождаются всегда (?!) общими бѣдствіями. Греческій языкъ перемѣнился съ покореніемъ цѣлой Греціи. Языкъ латинскій изчезъ съ опустошеніемъ всей Италіи... Тоже послѣдовало-бы, можетъ быть, и съ Русскимъ языкомъ, когда-бы иго татарское продолжилося. Съ освобожденіемъ народа и языкъ уцѣлелъ; и я не знаю для чего мы отдѣляемъ языкъ Славенскій отъ русскаго и почему языкъ нашъ не тотъ, которымъ говорили наши предки? Свойства и главныя (?) правила языка тѣже, слова тѣже (?); въ чемъ-же состоитъ сія перемѣна? Въ измѣненіи-ли нѣкоторыхъ окончаній и неупотребленіи иныхъ словъ? Сіе показываетъ только не большое измѣненіе нарѣчія въ видѣ, а не въ существѣ самаго языка: ибо между нарѣчіемъ и языкомъ есть такая разность, какая есть между веществомъ и его измѣняющимися образами (?!). Можно изъ воску дѣлать всякія изображенія и давать симъ различные виды; но воскъ останется воскомъ. Сіе самое можно сказать и о нашемъ языкѣ. До Кантемира и Прокоповича нарѣчіе было иное, нежели какое при нихъ употреблялось; со временъ-же Ломоносова и Сумарокова оно опять не много измѣнилось... Однако языкъ нашъ остался все тѣмъ-же языкомъ славенскимъ. Правда перемѣна въ нарѣчіи показалась намъ столь ощутительною, что мы вздумали (!) раздѣлить свой языкъ на два языка, изъ коихъ одинъ назвали Славенскимъ, оставшимся въ священныхъ книгахъ; а другой Россійскимъ, или простонароднымъ, нынѣ всѣми употребляем*о*мъ (такъ!). Такое раздѣленіе столь-же справедливо, какъ и то, когда-бы кого почли за другова человѣка потому, что вчера на немъ было платье синяго цвѣту, а сего дни чернаго. На сіе-то раздѣленіе весьма справедливо востаетъ сочинитель разсматриваемой книги („Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ“ Шишкова)“.

Кромѣ того въ разсужденіи Станевича находимъ и соображенія о родствѣ славянскаго языка съ латинскимъ, въ которыхъ онъ цѣликомъ основывается на знакомыхъ уже намъ сближеніяхъ неизвѣстнаго автора статьи „Начертаніе о россійскихъ сочиненіяхъ и россійскомъ языкѣ“ въ „Собесѣдникѣ любителей Россійскаго слова“ 1783 г. (см. выше, стр. 285 и слѣд.). Какъ и Шишковъ, Станевичъ ищетъ опоры въ авторитетахъ XVIII вѣка, да и то тѣхъ, которые постарше. Искать у него носившихся уже въ воздухѣ идей о родствѣ славянскаго языка съ санскритомъ и другими индоевропейскими языками (см. выше, стр. 623, 626) было-бы

напраснымъ трудомъ. Въ разсматриваемомъ „Разсужденіи" онъ ничего не даетъ новаго и оригинальнаго, являясь бездарнымъ подражателемъ своего невѣжественнаго и ограниченнаго вдохновителя Шишкова.

Вполнѣ любительскій характеръ имѣли этимологическія упражненія извѣстнаго издателя французскаго словаря, московскаго чиновника И. И. Татищева, присланныя имъ въ рукописи въ 1808 г. Россійской академіи [1]).

Замѣчанія его были вызваны чтеніемъ и изученіемъ словаря Россійской академіи, который являлся для Татищева „надежнымъ вождемъ и свѣтильникомъ". Онъ намѣревался было напечатать ихъ „подъ вымышленнымъ именемъ" въ одномъ изъ журналовъ, но передумалъ и представилъ сначала „на усмотрѣніе надлежащихъ судей". Надо думать, что работа Татищева въ измѣненномъ и дополненномъ видѣ легла въ основу статьи „Корни и измѣненія словъ" въ „Трудахъ Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности", за 1819 г. (т. XIII, стр. 82—127), подписанной псевдонимомъ „Любослова" (см. выше, стр. 681—86). Исходнымъ пунктомъ изысканій Татищева послужило желаніе „посмотрѣть, не имѣемъ-ли и мы россіяне, такого-же или еще лучшаго права хвалиться выразительностію нашихъ словъ", какіе присвоивали себѣ нѣмцы, хвалившіеся въ его присутствіи выразительностью слова Donner, громъ. Не желая уступать иностранцамъ, Татищевъ составилъ небольшую „роспись" якобы звукоподражательныхъ словъ русскаго языка, въ которой находятся фантастическія этимологіи, въ родѣ слѣдующихъ: „*звоню*, *звеню*, *звучу*, *звяцаю*, со всѣми производными отъ нихъ словами, явно происходятъ отъ продолжительнаго звука *зъ... зъ*, какой издаютъ отъ себя колокола, звонки, мѣдь и прочія подобныя имъ вещи, приведенныя въ сотрясеніе". Сюда-же авторъ относитъ *зычу* и *зову*. „*Тру*, *трясу*, *трещу*, *трескъ*, съ своими производными,—отъ звука *тръ*, слышимаго при треніи вещей... и при трясеніи оконъ отъ пушечнаго выстрѣла и т. д.". Сюда-же относятся: „*трудъ*, *тружуся*, *торю* и происходящее отъ того *дорога* (встарину, можетъ быть, выговаривали *торога*), *терпѣть* и т. д. Ибо хотя тутъ и не слышенъ звукъ *тръ*, но треніе, т. е. трата силы въ трудѣ, въ *тореніи*, т. е. протаптываніи дорогъ, въ терпѣніи побоевъ и пр., всегда бываетъ". Сюда-же причисляются: *старость*, *стараюсь* (отъ слова *стираюсь!*), *трупъ*, *тряпка*, *трутъ*, *трут-*

[1]) См. Сухомлиновъ, «Исторія Россійской Академіи», вып. VII. Спб. 1885, стр. 416—435.

ница и т. д. все въ этомъ-же родѣ. Впрочемъ, Татищевъ и самъ повидимому нѣсколько сомнѣвался въ достоинствѣ своего труда, предполагая, что академія можетъ „почесть" его этимологіи „бреднями". Цѣннѣе прибавленіе къ его смѣхотворнымъ этимологіямъ, заключающее въ себѣ „роспись стариннымъ словамъ, найденнымъ при разборѣ бумагъ", въ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ (всего 31 слово).

Въ январѣ слѣдующаго 1809 г. Татищевъ прислалъ еще собраніе „старинныхъ словъ и реченій", выписанныхъ изъ Кормчей книги (около 178) и такое-же собраніе словъ и выраженій, употребляемыхъ „въ общежитіи" (около 200). Собраніе это должно было служить дополненіемъ къ словарю Россійской академіи, въ которомъ присланныя Татищевымъ слова отсутствовали, и является одной изъ первыхъ у насъ въ XIX в. частныхъ попытокъ въ дѣлѣ собиранія лексическихъ матеріаловъ.

Вышедшія у насъ въ теченіе 1805—1809 годовъ руководства по грамматикѣ русскаго языка [1]) на русскомъ и другихъ языкахъ не представляли ровно ничего примѣчательнаго и являлись самыми ординарными и рутинными школьными учебниками, не обличавшими никакого прогресса, сравнительно съ грамматиками Ломоносова, Барсова и Россійской академіи, а въ иныхъ отношеніяхъ стоявшими много ниже. Несмотря на это, нѣкоторыя изъ нихъ выдерживали отъ 6 до 15 повторныхъ изданій.

Изъ журнальныхъ статей за это время слѣдуетъ упомянуть статью Д. Языкова: „Замѣчанія о нѣкоторыхъ русскихъ буквахъ" („Цвѣт-

---

[1]) Gregor Glinka, «Elementarbuch der russishen Sprache zum Gebrauch der Kreisschulen in Lief-, Esth-, Kur- und Finnland». Митава, 1805—1806. А. Никольскій, «Основанія россійской словесности». Спб. 1807 (издавалась впослѣдствіи въ 1809, 1814, 1822, 1823, 1828, 1830. Первая часть содержитъ грамматику).

И. И. Давыдовъ, „Начальныя правила россійской грамматики, въ пользу воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона. Москва, 1807 (позднѣйшія изданія: 1809, 1814, 1818, 1822, 1829, 1833, 1843).

Михайло Меморскій, „Новая россійская грамматика, въ вопросахъ и отвѣтахъ, издана къ легчайшему обученію малолѣтняго юношества съ присовокупленіемъ правилъ поэзіи». Москва, 1807 (позднѣйшія изданія: 1808, 1811, 1814, 1815, 1816, 1818, 1820, 1823, 1825, 1826, 1829, 1831, 1838, 1849, 1857).

„Способъ учиться и учить россійской грамматикѣ, съ практическимъ употребленіемъ правилъ правописанія. М. 1808".

Жанъ-Баптистъ Мадрю, проф. словесныхъ наукъ и т. д., «Основательное сокращеніе россійской грамматики». М. 1808: русское сокращенное изданіе упомянутой выше (стр. 700) французской книги, рецензированной Карамзинымъ. Оригинальна здѣсь лишь терминологія: сказуемое = *приписательное*, дополненіе прямое = *предметъ*, дополненіе косвенное—*предѣлъ* и т. д.

никъ“ 1809 г., ч. II, стр. 55—81). Главное содержаніе статьи не представляетъ научно-историческаго интереса. Это—дѣйствительно замѣчанія о „буквахъ“ азбуки, но не о звукахъ языка, не дающія ничего новаго. Такъ здѣсь идетъ рѣчь объ употребленіи слав. о и ω, оу и ꙋ, ꙁ и ѕ, русск. *и* и *і*, *е*, *ѣ* и *э*, *ѳ*, *ѵ* и т д. Лишь нѣкоторыя замѣчанія имѣютъ фонетическій интересъ, напр. заявленіе автора, что онъ не слышитъ, „будто *ѣ* произносится нѣжнѣе *е*“, какъ нѣкоторые его увѣряли (стр. 71). Говорится и о нѣкоторыхъ славянскихъ буквахъ, причемъ, напр., звуковое значеніе ѫ и ѧ приравнивается *у* и *я* (стр. 64). Замѣчательно, что авторъ ссылается на незадолго до того открытое „Остромирово Евангеліе“, которое называетъ „Сборникомъ, найденнымъ недавно Дружининымъ и писаннымъ въ 1056 г.“ Впервые приводятся изъ него нѣкоторыя формы, какъ примѣры своеобразныхъ славянскихъ написаній: ѥже, ѥго, ѥмоу, ѥлико, съ видѣтельствоуѥть, кръви, плътскыꙗ, нъ (но), плъть, испълнь и пр. Говоря о произношеніи ъ и ь, Языковъ, хотя самъ и недоумѣваетъ, зачѣмъ предки наши сдѣлали ъ „сторожемъ всѣхъ согласныхъ конечныхъ буквъ“, но указываетъ на формы *вътль*, *кръвь*, *вълхвъ*, гдѣ ъ имѣетъ значеніе гласнаго, и приводитъ мнѣніе извѣстнаго впослѣдствіи критика Карамзинской „Исторіи Государства Россійскаго“, Н. С. Арцыбышева, котораго характеризуетъ, какъ человѣка, „хорошо знающаго многіе Европейскіе живые и мертвые языки, а также нѣкоторые Азіятскіе“. Согласно этому мнѣнію, „ъ въ древности составлялъ иногда гласную букву со всемъ (такъ!) особую отъ нынѣшнихъ, и давалъ звукъ, подобный весьма короткому *о*, *и*, *е*, и... такое-же значеніе имѣлъ часто и *ь*“. Нельзя не признать этого взгляда, столь близ-

---

Ив. Борнъ, «Краткое руководство къ россійской словесности». Спб. 1808 (см. выше, стр. 718; грамматика занимаетъ первыя 81 стр.).

С. Кавецки, «Краткая россійская грамматика, или то, что необходимо наизусть знать должно. Москва, 1809» (родъ конспекта).

«Россійская грамматика, изданная отъ главнаго правленія училищъ для преподаванія въ нижнихъ учебныхъ завѣденіяхъ. Спб. 1809». (Сокращеніе академической грамматики. Позднѣйшія изданія: 1811, 1813, 1816, 1818, 1820, 1822, 1828, 1829).

Mich. Butowski, «Grammatyka język̨a rossyyskiego» (Почаевъ. 1809. По Ломоносову и академической).

J. Bohdanowicz Dworzecki: «Początki języka rossyyskiego, dla pożytku młodzieży szkolney z różnych Autorów a szczególnie z Grammatyki przez Akademią Imperatorską Rossyyską i JP. Lomonosowa wydaney» (Вильно, 1809, 2 изд. 1811).

каго къ современному, весьма замѣчательнымъ для того времени, когда ъ и ь зачислялись безъ всякихъ околичностей въ разрядъ „буквъ безгласныхъ“ [1]).

Въ томъ-же 1809 г., въ „Вѣстникѣ Европы“ М. Т. Каченовскаго (ч. XLIII, 193—210, ч. XLIV, 3—19, особенно *98—119* и XLVI, 209—18) явилась (неконченная) статья „Объ источникахъ для русской исторіи“, подписанная буквой К. и приписываемая обыкновенно самому издателю. Здѣсь впервые у насъ такъ подробно говорилось о русской палеографіи, сообщались свѣдѣнія о письменныхъ матеріалахъ, разныхъ почеркахъ, которыми писались древнія рукописи (уставъ, полууставъ, скоропись), о славянской азбукѣ и т. д, „Дождемся-ли, спрашиваетъ авторъ, наконецъ до того, чтобы въ Россіи начали упражняться въ Славянской Палеографіи, чтобы по руководству Гаттерера и Шенемана кто-нибудь собралъ Славянскія буквы, расположилъ ихъ по хронологическому порядку, и показалъ намъ начертаніе буквъ каждаго вѣка въ сравнительныхъ таблицахъ“, какія давно уже есть у европейцевъ (нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, итальянцевъ) и объ которыхъ у насъ никто не заботится. При этомъ идетъ рѣчь о Реймскомъ евангеліи, сборникѣ якобы 1046 г., принадлежавшемъ кн. Щербатову (т.-е. о Святославовѣ Изборникѣ 1076 г.), Стихирарѣ Моск. Синод. Типографіи 1157 г., о библіотекѣ княжны Анны Ярославны, „руническихъ древлянскихъ“ рукописяхъ и другихъ древнихъ памятникахъ Дубровскаго, вызывающихъ сомнѣнія автора, о рукописяхъ лѣтописей: Патріаршей, Воскресенской, Софійской, Радзивиловской и т. д. (ч. XLIV, стр. 102—5). Ниже (стр. 108) говорится о древнемъ „Славенскомъ языкѣ, томъ самомъ, на которой переведены церковныя книги“ и отправляется богослуженіе у славянъ, какъ объ отцѣ всѣхъ славянскихъ нарѣчій (русскаго, польскаго, богемскаго, крайнскаго, кроатскаго, боснійскаго, иллирійскаго, или далматскаго, „лузатскаго или вендскаго“). Такимъ образомъ церковнославянскій языкъ здѣсь еще вполнѣ опредѣленно отожествляется съ праславянскимъ: „Славянскій языкъ есть отецъ всѣхъ сихъ нарѣчій, изъ которыхъ каждое особливо болѣе имѣетъ сходства съ нимъ, нежели взаимно между собою“. О нашемъ славянскомъ языкѣ можно сказать, „что нѣкогда онъ одинъ былъ въ употребленіи. Но кто докажетъ, *когда именно* и *какъ* онъ раздѣлился на разныя нарѣчія? Когда изъ древняго Славянскаго языка образо-

[1]) См., напримѣръ, «Сокращеніе слав. этимологіи» Ѳ. Розонова. М. 1810 г. стр. 1.

вался нынѣшній Русскій? Есть слѣды, по которымъ видно, что Русскій и Польскій языки прежде имѣли болѣе сходства между собою, нежели нынѣ" (стр. 109—110). Выше-же (стр., 108) говорится: „отечество наше весьма счастливо, что богослуженіе отправляется въ немъ на языкѣ, понятномъ даже для поселянина, которой, какимъ-бы нарѣчіемъ ни говорилъ, все можетъ разумѣть старинный языкъ славянскій". Отсюда видно, что для автора статьи понятія о языкахъ: древнеславянскомъ (т. е. церковнославянскомъ) и праславянскомъ совпадали. Интересно также замѣчаніе (стр. 110—111), что славянскій языкъ былъ общенароднымъ не въ Россіи, а въ Моравіи и *Булгаріи*, заключающее, хотя и въ формѣ предположенія, современную общепризнанную теорію о болгарскомъ происхожденіи церковнославянскаго языка [1]). Въ связи съ этимъ опредѣленно указывается на „великое различіе" языка церковныхъ книгъ отъ „нынѣшняго Русскаго" съ одной стороны и отъ языка Русской Правды и Слова о полку Игоревѣ съ другой. Такимъ образомъ авторъ статьи вполнѣ опредѣленно отличалъ древнерусскій языкъ отъ церковнославянскаго, чему всю жизнь не могъ научиться Шишковъ. Ниже (стр. 114) говорится о наличныхъ въ то время пособіяхъ къ изученію славянскаго языка: грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, словаряхъ П. А. Алексѣева (1773 г.) и „краткомъ" (Игумена Евгенія, 1784 г.), а также и о словарѣ русскаго языка, изданномъ Россійской академіей и въ то время уже ставшемъ библіографической рѣдкостью. Обращается вниманіе и на вольныя, и невольныя ошибки переписчиковъ, вызванныя между прочимъ вліяніемъ ихъ природныхъ говоровъ (стр. 116—17). Въ послѣдней части статьи (ч. XLVI, 209—18) выясняется понятіе о хронографахъ, степенныхъ, родословныхъ и разрядныхъ книгахъ и т. д. Однимъ словомъ, по тогдашнему времени статья К. являлась единственнымъ у насъ введеніемъ въ изученіе славянской и русской письменности, которое могло сослужить хорошую службу не только историку, но и лингвисту, и, конечно, возбуждало въ воспріимчивомъ читателѣ цѣлый рядъ научныхъ вопросовъ и интересовъ.

Важность изученія древнихъ письменныхъ памятниковъ старославянскаго и русскаго языковъ сознавалась и Востоковымъ, который, конечно, зналъ только что разсмотрѣнную статью „Вѣстника Европы", но интересовался памятниками уже гораздо раньше.

---

[1]) Позже Каченовскій измѣнилъ свое мнѣніе и утверждалъ, что церковнославянскій языкъ есть въ сущности сербское нарѣчіе, а не первобытный языкъ древнихъ славянъ («Вѣстн. Евр.» 1816, ч. 89, № 19, 241).

Извѣстно, что еще въ 1803 году онъ получилъ въ подарокъ отъ своего друга, А. И. Ермолаева, тетрадь съ выписками изъ Сборника 1076 г. [1]). Къ 1810 году Востоковъ уже хорошо былъ знакомъ съ такими памятниками языка, какъ Русская Правда, Поученіе Владиміра Мономаха, Лѣтопись Нестора, Слово о Полку Игоревѣ, помянутый выше Сборникъ Святослава 1076 г. и др. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его переводъ примѣчаній Добровскаго на разсужденія Шлецера о старославянскомъ языкѣ, снабженный собственными примѣчаніями переводчика и читанный въ декабрѣ 1810 г. (вѣроятно, въ обществѣ любителей словесности, наукъ и художествъ) [2]).

Въ своихъ примѣчаніяхъ къ этому переводу Востоковъ подтверждаетъ мнѣніе Добровскаго о различіи „древнѣйшаго“ русскаго языка отъ славянскаго, явствующемъ изъ многихъ мѣстъ Русской Правды, и дополняетъ его указаніемъ на еще большее отличіе языка „Слова о Полку Игоревѣ“ отъ церковнославянскаго. При этомъ Востоковъ указываетъ на болѣе книжный и близкій къ славянскому языкъ лѣтописи Нестора и духовной Владиміра Мономаха, въ которыхъ тѣмъ не менѣе имѣются „между чистою славянщиною Русскіе идіотизмы и правописаніе“, внесенные, можетъ быть, и переписчиками, какъ напр.: *хоробрыя* (вм. *храбрыя*), *городъ*, *городы* (вм. *градъ*, *грады*), формы преход. вр. на-*ть: бяхуть, имѣяхуть, писашеть*, еще рѣдкія у Нестора, но почти постоянныя въ Словѣ о полку Игоревѣ [3]).

Интересно также примѣчаніе на слова Добровскаго о томъ, что „безгласная ъ, ставшая теперь совсѣмъ безполезною“, прежде не была таковою, „ибо показывала окончаніе словъ“. Здѣсь Востоковъ высказываетъ взглядъ, близкій къ вышеприведенному взгляду Арцыбышева и Д. И. Языкова (см. выше, стр. 723). Подобно послѣднему, онъ указываетъ, что ъ „нерѣдко вставлялся въ серединѣ словъ между двумя согласными“ и, вѣроятно, не былъ „безполезенъ, какъ на концѣ словъ, такъ и въ серединѣ“. Отсюда онъ заключаетъ, что „буква ъ писалась (по крайней мѣрѣ должна была писаться) только вмѣсто краткой гласной или, лучше сказать, полугласной, соотвѣтствующей, можетъ быть, Еврейскому шева и Французскому e muet, которую едва слышно было въ произношеніи, напр. *плънъ*, *пръстъ*, *пръвый*, *длъго*“ и т. д. Отно-

---

[1]) См. И. Срезневскій, «Филологическія наблюденія А. Х. Востокова». Спб. 1865, стр. XVII.

[2]) См. тамъ-же, стр. XVIII.

[3]) Тамъ-же, стр. XVIII—XIX.

сительно предлоговъ *въ*, *съ*, *къ* онъ указываетъ, что переходъ этого ъ въ русское *о*, сербское *а*, польское и чешское *е* есть явленіе позднѣйшее, чуждое древнимъ рукописямъ, приводитъ древнее написаніе союза *но=нъ*, причемъ ссылается на Слово о полку Игоревѣ, старинное сербское евангеліе, сборникъ кн. Щербатова 1046 г, (т. е. Сборникъ Святослава 1076 г.) и т. д. [1]). Всѣ эти замѣчанія Востокова являются уже предзнаменованіемъ новой научной эры, привлекшей впослѣдствіи новый научный матеріалъ и выставившей новыя задачи и цѣли изслѣдованія.

О занятіяхъ Востокова древними памятниками русскаго языка свидѣтельствуетъ также его статья, озаглавленная: „Грамматическое замѣчаніе на одно мѣсто въ пѣсни о походѣ Игоря. Читано въ С.-Петербургскомъ Обществѣ Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ. Мая 14 дня“, и подписанная иниціалами А. В. („Цвѣтникъ“ 1810 г. ч. VI, 311—321).

Здѣсь предлагается иное толкованіе извѣстнаго мѣста: „о русская земле, уже за *шеломянемъ* еси“, чѣмъ данное гр. Мусинъ-Пушкинымъ, видѣвшимъ здѣсь небывалое село Шеломя. Востоковъ, указывая, что такого села нѣтъ (а есть только Шеломыя), толкуетъ данное слово въ значеніи „пригорокъ, высокое мѣсто“ и производитъ его не отъ *шлемъ*, *шеломъ*, а отъ *холмъ*, высказывая предположеніе о родствѣ его съ сѣв. русск. *голомя* (открытое море) и слав. *голѣмый*, *голѣмо* (!).

Рядомъ съ опредѣленными и обоснованными взглядами Каченовскаго и Востокова на отличіе древняго русскаго языка отъ церковнославянскаго, продолжаетъ процвѣтать и старое мнѣніе о тожествѣ ихъ, защищаемое Шишковымъ. Этого послѣдняго мнѣнія придерживается Орнатовскій въ упоминавшейся уже выше (стр. 553) книгѣ: „Новѣйшее начертаніе правилъ россійской грамматики, на началахъ всеобщей основанныхъ“ (Харьковъ, 1860 г.). О „славеноросcійскомъ“ языкѣ онъ говоритъ во II отдѣленіи своей книги (стр. 19 и слѣд.). По его словамъ, „изъ всѣхъ древнихъ коренныхъ языковъ ни одинъ не сохранилъ всего первообразнаго свойства въ такой цѣлости, какъ языкъ Славянскій“. Уже поэтому древность его не подлежитъ никакому сомнѣнію, но она „еще болѣе дѣлается достовѣрною, когда разсмотримъ, какъ основаніе его близко къ основанію древнихъ языковъ—Греческаго и Латинскаго; какъ чистъ онъ отъ всякой примѣси другихъ коренныхъ языковъ, какъ обширно его употребленіе... даже перенесенное

---

[1]) Тамъ-же, стр. XIX—XX.

Вандалами въ Египетъ“ (?! стр. 19—20). Авторъ несогласенъ съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ ученыхъ, считающихъ русскій языкъ „смѣсью Кимврическаго и Сарматскаго“, и указываетъ на „изслѣдованія достовѣрнѣйшихъ дѣеписателей“, доказывающія „совершенно противное“. Эти изслѣдованія говорятъ, что древніе географы за нѣсколько лѣтъ до Р. Х. „показывали уже отечество Славянъ подъ именемъ Энетовъ на южныхъ берегахъ Чернаго моря, въ малой Азіи, а позднѣйшія событія открыли, что и Россы произошли по ту сторону Кавказскихъ горъ, недалеко отъ береговъ Чернаго моря, слѣдовательно“ въ ближайшемъ сосѣдствѣ со славянами. Въ первыхъ вѣкахъ послѣ Р. Х. многочисленное племя славянъ „подъ испорченнымъ названіемъ Венетовъ, Вендовъ и Вандаловъ“ занимаетъ все пространство отъ Адріатическаго моря до Нѣмецкаго и Балтійскаго. Въ то-же время россы или роксоланы, перемѣшанные съ аланами, аварами и варягами, или финнами (!), живутъ на рр. Днѣпрѣ, Дону и Волховѣ отъ Чернаго моря до Балтійскаго (стр. 21). Дальше славяне отожествляются съ древними россами (стр. 21—22), и отсюда дѣлается выводъ, что и „языкъ древнихъ Россовъ первоначально былъ одинъ и тотъ-же съ славянскимъ“. Подтвержденіе этому выводу Орнатовскій видитъ въ отсутствіи какихъ-либо извѣстій (!) о томъ, чтобы во времена Рюрика, Игоря и ихъ преемниковъ россы и славяне говорили разными языками.

Введеніе христіанской вѣры доказываетъ будто-бы то-же: если бы славяне и россы говорили разными языками, то и переводовъ Св. писанія понадобилось-бы два. Этими исключительно историческими и общими аргументами оправдывается терминъ: „славенороссійскій“ языкъ (стр. 23). Славянскій языкъ образовался, благодаря св. Кириллу и Меѳодію. Они ввели христіанство у славянъ, и это послужило къ образованію ихъ языка. Далѣе (стр. 24, прим.) указывается, что это образованіе, „вопреки мнѣнію многихъ писателей, состоитъ болѣе въ распространеніи круга понятій; въ возвышеніи духа къ познаніямъ... однимъ словомъ: въ открытіи истинъ, просвѣщающихъ умъ и сердце, а не въ заимствованіи свойствъ языка Греческаго, какъ обыкновенно полагаютъ“. При этомъ авторъ утверждаетъ, что славянороссійскій языкъ по своему строенію „не только способенъ ко всѣмъ измѣненіямъ словъ, свойственнымъ Греческому; но и изобиліемъ оныхъ въ нѣкоторыхъ частяхъ словъ (?) равняется, а въ нѣкоторыхъ даже превосходитъ его“. Ниже (стр. 26—28) набрасывается очеркъ исторіи названнаго языка, говорится объ эпохѣ Владиміра и Ярослава, Словѣ о полку Игоревѣ, „преисполненномъ стихотворче-

скими красотами“ и „пламенными чувствами“, о ростѣ просвѣщенія въ XII—XIII в., выразившемся въ уваженіи князей къ наукѣ и содержаніи ими библіотекъ и ученыхъ, а также о татарскомъ игѣ и сосѣдствѣ съ литовцами и поляками, отразившихся и на языкѣ: отъ татаръ получено „множество (!) реченій Татарскихъ, которыя употребленіе превратило въ наши природныя“, а отъ литовцевъ (бѣлоруссовъ?) „много словъ, а еще болѣе окончаній“, усвоенныхъ изъ ихъ языка „сѣверозападной частью Россіи“. Еще сильнѣе было дѣйствіе поляковъ на порабощенныхъ ими россовъ (?). Такимъ образомъ „иноземныя вѣтви, прививщись къ кореннымъ жителямъ Россіи, измѣнили языкъ Славяно-Рускій и произвели ту разность нарѣчій (Великороссійскаго, Малороссійскаго, Бѣлорускаго, Низовскаго и т. д.), которая доселѣ въ немъ существуетъ“. Съ этого-то времени русскій языкъ и начинаетъ отличаться отъ славянскаго коренного языка. Обмолвившись такимъ образомъ, Орнатовскій сейчасъ-же оговаривается, что разница эта относится только къ языку общенародному, но не коснулась письменнаго книжнаго языка, сохранившаго цѣлость до XVII в., а въ богослуженіи употребляемаго и нынѣ. Указываются дальнѣйшія событія, знаменательныя для исторіи русскаго языка: уничтоженіе монгольскаго ига Іоанномъ Васильевичемъ I и насажденіе наукъ и художествъ Іоанномъ Васильевичемъ II, появленіе славянской грамматики Максима Грека, исправленіе священныхъ книгъ и связанное съ нимъ учрежденіе книгопечатанія въ 1564 г., помощь, оказанная кн. Константину Острожскому въ изданіи имъ славянской библіи, воцареніе Михаила, при которомъ изданы: Православное исповѣданіе Петра Могилы, Скиѳская исторія Лызлова, старый военный уставъ и словарь Славено-Россійскій (очевидно Памвы Берынды), ростъ наукъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, изданіе грамматики Мелетія Смотрицкаго, переводъ Анѳологіи (т. е. лучшихъ мѣстъ изъ греческихъ, языческихъ и христіанскихъ писателей) и Уложенія царя Алексѣя Михайловича на русскій языкъ, переводъ псалтыря на смѣшанный русско-славянскій языкъ Симеона Полоцкаго, появленіе въ 1696 г. первой грамматики русскаго языка (Лудольфа), эпоха Петра Великаго, литературная дѣятельность Кантемира, Тредьяковскаго, Сумарокова, Ломоносова, грамматика послѣдняго, дѣятельность другихъ писателей, учрежденіе Екатериною II Россійской академіи въ 1783 г. и выходъ въ свѣтъ академическаго словаря русскаго языка (стр. 29—34). Усиленіе иноземнаго вліянія вызвало, по словамъ автора, „отвратительную смѣсь полу Французскаго съ полу Россійскимъ“, но къ счастію это состояніе длилось не долго. Авторъ указы-

ваетъ причины, вызвавшія образованіе этой „отвратительной смѣси“: „голосъ, который въ первой разъ слышали младенцы наши, былъ Французскій“, впечатлительные годы дѣтства „проходили подъ чуждымъ небомъ“ (?); „невольное (?) возвращеніе въ отечество было только источникомъ хладнокровія и отвращенія ко всему природному“. Неудивительно, что „скоро опасенія Ломоносова о порчѣ языка нашего начали оправдываться“ (стр. 34). Въ довершеніе бѣды „молодые ученые“ тоже „заразились общею язвою“ и „натверживали безпрестанно на Россійскія сочиненія (?) Французскіе Сонеты, Мадригалы, романсы, пѣсни и пр.,“ а также „вздумали искать славы преобразованіемъ Россійскаго языка, т. е. отвратительной смѣсью полу-Французскаго съ полу-Россійскимъ. Языкъ нашъ... первородный, чистый, мужественный, сильный, богатый, являлся уже въ младенческомъ лепетаньѣ, слабости, изнѣженности, недостаткѣ языка Цельто-Латино-Гальскаго“. Къ счастью „гласъ истинной любви къ отечеству“ и „духъ твердости, бодрствовавшій въ сердцахъ лютыхъ Россіянъ, истребили сію лютую заразу, угрожавшую разтлить прекрасный нашъ языкъ“.

Похвальный патріотизмъ во вкусѣ Шишкова, обнаруженный здѣсь Орнатовскимъ, идетъ у него, какъ и слѣдовало ожидать, рука объ руку съ невѣжествомъ въ вопросахъ русской грамматики. Дѣленіе звуковъ русскаго языка (стр. 44—47) хуже, чѣмъ у Ломоносова (см. выше, стр. 557—58); *щ* считается самостоятельнымъ „звукоизмѣненіемъ“. Согласные дѣлятся на гортанныя *(г, к, х)*, язычныя *(д, т, л, н, р, ѳ!)*, зубныя *(з, с, ж, ш, ч, щ, ц)* и губныя *(б, п, в, ф, м)*. Склоненій Орнатовскій принимаетъ четыре: 1) на *-а* и *-я* муж. и ж. р., 2) на *-й, -ъ, -ь, -е, -іе, -о* муж. и ср. р.), 3) на *-я, -а* ср. р. и 4) на *-ь* ж. р. У сложныхъ глаголовъ признается восемь временъ, а у простыхъ—шесть: настоящее, прош. неокончательное или несовершенное, прош. совершенное, давнопрош. или многократное (въ народной рѣчи отмѣчаются формы давнопрош. 2-го и 3-го: бывало спалъ, сыпалъ бывало), буд. время неокончательное, совершенное, однократное. Говоря о числахъ, лицахъ и родахъ, авторъ дѣлаетъ ссылки на латинскій, еврейскій, греческій и новые европейскіе языки. Спряженій—три: I) съ окончаніями *-ешь, -утъ, -ютъ*, II) съ окончаніями *-ишь, -атъ, -ятъ* и III) глаголы „сложенные, слѣдующіе въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ первому, а въ другихъ второму спряженію (увѣряю, оканчиваю, погубляю)“. Спряженіе глаголовъ вспомогательныхъ разсматривается особо. Хотя авторъ и не отличаетъ видовъ русскаго глагола, но тѣмъ не менѣе указываетъ на значеніе сложенія съ предлогами

для видовыхъ оттѣнковъ (стр. 153—57)[1]). Во всѣхъ этихъ отдѣлахъ историческій методъ совершенно отсутствуетъ. Въ отдѣлѣ о причастіяхъ находимъ небывалыя формы въ родѣ *прятый* отъ *пряду—прясть*, *пятый* отъ *пячу*, *кольнутый* отъ *кольнуть*, *черпыванный*, *кончиванный*, *давливанный*, *строеванный*. Междометія у Орнатовскаго выражаютъ или внутреннее чувствованіе, или наружное (?!). Къ первымъ принадлежатъ междометія въ родѣ *ура*, *увы*, *ай*, а ко вторымъ *бахъ*, *бухъ*, *гопъ*, *цапъ* (стр. 215) и т. д.

Въ началѣ третьей части „О слогоудареніи" развивается слѣдующая общая мысль: „предложивъ (такъ!), что слова въ младенчествѣ языковъ были одни дикіе, грубые звуки: надобно принять то, что сіи звуки для означенія различныхъ понятій отличались одинъ отъ другаго большимъ, или меньшимъ возвышеніемъ голоса". По обогащеніи и усовершенствованіи языковъ это возвышеніе голоса сдѣлалось собственно говоря не нужнымъ, но самая „природа дыхательныхъ орудій", производящихъ звуки, и движенія души говорящаго вызываютъ возвышеніе и пониженіе голоса (стр. 263). Въ главѣ I этого отдѣла предлагаются правила въ родѣ: „Имена существительныя, кончащіяся на *бка*, *вка*, *дка*, *жка*, *зка*, *лка*, *мка*, *нка*, *пка*, *рка*, *ска*, *тка*, *чка*, *шка* (скобка, трубка, лавка, загородка, кружка, ложка, повязка, палка, мамка, самка, починка, шапка, запирка, краска, утка, почка, шашка и пр.) имѣютъ удареніе на второмъ слогѣ" (исключеніе: сложныя съ предлогомъ *вы*), или: „имена на *-та* имѣютъ удареніе на концѣ, кромѣ дремота, забота, капуста, защита, зѣвота, икота, лопата, льгота, мята (!), охота, пѣхота, работа, рвота". Подобныя же правила даются для ударенія именъ прилагательныхъ, числительныхъ, мѣстоименій и прочихъ частей рѣчи.

Послѣдняя часть IV посвящена правописанію. Въ началѣ ея даются свѣдѣнія о кирилицѣ, причемъ указывается, на основаніи „славянской грамматики Максима Грека", что славянское ѕ (*зѣло*) = *д* + *с*. О знакѣ ѫ говорится, что „знаменованіе оныя не многимъ извѣстно". Обернувъ ее вверхъ ногами, „можно примѣтить, что она составлена изъ ȣ въ низъ обращеннаго и *і*. Древнія славянскія книги и рукописи... свидѣтельствуютъ, что славяне симъ писменемъ выражали голосъ латинскихъ буквъ ju (?!): буква же *ю*, поелику сложена изъ *і* и *о*, означала голосъ сихъ самыхъ буквъ

[1]) Напримѣръ, «*воз* или *вз*, употребляется для означенія дѣйствія или вдругъ произведеннаго, или приведеннаго до возможной степени совершенства. *За* прилагается къ глаголамъ для означенія дѣйствія усилившагося; *изъ* употребляется при глаголахъ для означенія дѣйствія ихъ, доведеннаго до послѣдней точки» и т. д.

нераздѣльно произносимыхъ, т. е. *іо;* нынѣ же *ю* точно выражаетъ голосъ латинскихъ буквъ ju; по сему... употребленіе сей буквы (очевидно, ѭ) съ давнихъ временъ уничтожено". Буква *ъ* есть „усѣченіе буквы *ы*, а *ь* — усѣченіе буквы *и*" (стр. 298) и т. д. Приведенныя выдержки краснорѣчиво говорятъ о ничтожествѣ книги Орнатовскаго въ научномъ отношеніи.

Столь же и даже еще болѣе ничтожны другія двѣ грамматики русскаго языка, вышедшія въ томъ же году: 1) „Россійская грамматика, содержащая въ себѣ новый, легкій и достаточный способъ къ изученію россійскаго языка, изданная Московской Синодальной типографіи Директорскимъ Товарищемъ Ѳомою Розановымъ для новоучреждаемыхъ духовныхъ училищъ. Москва. 1810". 8° [1])

2) „Нѣчто о языкѣ и предварительныя примѣчанія къ Россійской грамматикѣ" Петра Модрю. Спб. 1810 г. (см. выше, стр. 587 и сл., гдѣ характеризуется общеграмматическое вступленіе этой книги).

Не выше по научному достоинству и „Сокращеніе Славянской этимологіи, собранное покойнымъ Коллежскимъ Совѣтникомъ Ѳомою Розоновымъ. Москва. Въ Сѵнодальной типографіи, 1810 г. (8°. 6 ненум.+119 стр.+1 ненум.)". Книжка эта, посвященная вдовою автора оберъ-прокурору Святѣйшаго Сѵнода, князю А. Н. Голицыну, представляетъ историческій интересъ въ томъ отношеніи, что является первой грамматикой церковно-славянскаго языка, изданной въ XIX в. Какого-нибудь успѣха въ ней, сравнительно съ аналогичными грамматиками XVII и XVIII в. (М. Смотрицкаго и ея передѣлокъ Поликарпова и Максимова), однако, не замѣчается. Парадигмы ея даже въ выборѣ словъ въ большинствѣ случаевъ восходятъ къ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, и предметомъ ея служитъ не древній церковнославянскій, а языкъ печатныхъ церковныхъ книгъ, съ разными дополнительными книжными измышленіями, почерпнутыми изъ грамматики М. Смотрицкаго и въ дѣйствительномъ употребленіи не встрѣчающимися. Глаголъ дѣлится на четыре спряженія по образцу академической грамматики русскаго языка, на тѣхъ же основаніяхъ (по прошедшему времени или неопредѣленному наклоненію). Различаются времена: настоящее, прошедшія: неопредѣленное, или несовершенное однократное, со-

---

[1]) Ср. рецензію на эту книгу въ «Вѣстникѣ Европы» 1810 г. (ч. 49, январь, № 1, стр. 151—52), гдѣ Розанова хвалятъ за то, что онъ въ дѣленіи спряженій слѣдовалъ академической грамматикѣ, раздѣлившей простые глаголы на 4 спряженія. «Оставалось показать правила о спряженіи и о произвожденіи сложныхъ глаголовъ, коихъ несравненно болѣе, нежели простыхъ». Это Розановъ «по возможности» и сдѣлалъ.

вершенное, однократно-совершенное, давнопрошедшее, будущія: неопредѣленное однократное, совершенное и однократно-совершенное; понятіе о видѣ, имѣвшееся у Смотрицкаго, отсутствуетъ; наклоненій насчитывается четыре: изъявительное, повелительное, сослагательное, неокончательное; залоговъ — шесть: дѣйствительный, средній, страдательный, возвратный, взаимный и общій. И въ склоненіи, и въ спряженіи находимъ много небывалыхъ формъ, въ родѣ падежей двойственнаго числа отъ словъ *кокошь*, *топазій* и т. п., или формъ двойственнаго числа „давнопрошедшаго" времени: *мы бывахома, вы бываста, бывастѣ, она бываста, бывастѣ* и т. д., причастій: *умалявый*, *воздвигій* и т. д. Въ числѣ „славянскихъ" междометій между прочимъ значатся: *гой*, *фу*, *цыть*, *цҫс* и т. д.

Отъ этихъ доморощенныхъ плодовъ грамматической учености выгодно отличается большей систематичностью и обдуманностью трудъ старшаго учителя Выборгской гимназіи д-ра Авг. Вильг. Таппе: „Neue theoretisch-praktische Russische Sprachlehre für Deutsche mit Beispielen, als Aufgaben zum Uebersetzen aus dem Deutschen in das Russische, nach den Hauptlehren der Grammatik, nebst einem Abrisse der Geschichte Russlands. St.-Petersburg und Riga. 1810". 8°. XII+268 стр. Позднѣйшія изданія: 1812 (8°. XII+312), 1815, 1819, 1825, 1836. Приложеніемъ къ грамматикѣ служила вышедшая одновременно съ нею хрестоматія „Neues russisches Elementar-Lesebuch für Deutsche".

Въ книгѣ Таппе впервые у насъ послѣ М. Смотрицкаго вполнѣ категорично было выставлено ученіе о видахъ русскаго глагола въ формѣ очень близкой къ современной. Ученіе это не было безусловной собственностью Таппе. Самъ онъ въ предисловіи къ первому изданію указываетъ на совпаденіе своею ученія во многомъ со взглядами Кенигсбергскаго оріенталиста и богослова, профессора Іог. Север. Фатера (раньше въ Галле), книжка котораго вышла въ 1808 г. (см. Таппе, цит. сочин. изд. 2, стр. X—XI).

Въ предисловіи ко второму изданію (стр. VIII) Таппе указываетъ также, что для него онъ пользовался еще таблицей русскихъ глаголовъ, составленной Н. И. Гречемъ, и заимствовалъ оттуда рядъ мелкихъ замѣчаній.

Что касается до предшественника Таппе — Фатера, то и его взгляды на виды русскаго глагола, выраженные имъ въ его „Praktische Grammatik der Russischen Sprache in Tabellen und Regeln, nebst Uebungstücken zur grammatischen Analyse etc." (Leipzig, 1808. 8°, XL+169+14 таблицъ)", находились въ зависимости отъ взглядовъ его предшественниковъ. Самъ онъ во введеніи къ названной грамматикѣ (стр. XXII) указываетъ, что значительной до-

лей своего ученія о русскомъ глаголѣ обязанъ ученію о польскомъ глаголѣ извѣстнаго польскаго грамматика Копчинскаго, и еще въ бо́льшей мѣрѣ—„древнему ученію самой славянской грамматики“ („und noch mehr durch die alte Lehre der Slawonischen Grammatik selbst“), изданной при Петрѣ Великомъ. Ниже на стр. XXIV—XXV приводится это самое „древнее ученіе“, почерпнутое изъ славянской грамматики „1719 г.“, подъ которой скорѣе всего надо разумѣть передѣлку грамматики Мелетія Смотрицкаго, изданную въ Москвѣ въ 1721 г. Θедоромъ Поликарповымъ (см. выше, стр. 178), или, что менѣе вѣроятно, таковую же передѣлку Θедора Максимова (Спб. 1723 г., см. выше, стр. 179). Фатеръ зналъ также и московское изданіе грамматики Мелетія Смотрицкаго 1648 г. (см. его книгу, стр. XVIII, прим. 2). Кромѣ того Фатеръ находился въ научной перепискѣ о русскихъ глаголахъ съ путешествовавшимъ тогда за границей А. В. Болдыревымъ, впослѣдствіи профессоромъ Московскаго университета и извѣстнымъ нашимъ оріенталистомъ [1]). Судя по словамъ Фатера (Предисловіе къ его грамматикѣ, стр. VIII), взглядъ его на виды русскаго глагола сложился еще за 4 года до выхода въ свѣтъ его книги, т. е. въ 1804 г., и тогда же онъ предлагалъ его на разсмотрѣніе знатоковъ русскаго языка, но не получилъ отъ нихъ сколько нибудь поучительныхъ наставленій („ohne hinlängliche Belehrung zu erhalten“). У русскаго глагола Фатеръ признаетъ слѣдующія особенности: *залогъ*, *начертаніе*, или σχῆμα (простой или сложный глаголъ), *видъ*, „или εἶδος, а именно *первообразный* ли (verbum primitivum) данный глаголъ и *совершенный* (perfectum, τέλειος), или *производный* (derivativum), причемъ послѣдній снова можетъ быть *начинательнымъ* (inchoativum), или *многократнымъ* (frequentativum)“, затѣмъ *число*, *лицо*, *наклоненіе*, *время*, *родъ* и *спряженіе* (правильное или неправильное) (введеніе, стр. XXII). Самое представленіе видовъ русскаго глагола у Фатера еще не выработано и выражено въ слѣдующемъ, довольно неопредѣленномъ видѣ (стр. XXII—XXIV): „Въ русскомъ языкѣ обыкновенно отъ одного корня (Stamm) образуется нѣсколько глаголовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои формы настоящаго, прошедшаго, будущаго, повелительнаго, неопредѣленнаго, причастій и дѣепри-

---

[1]) Болдыревъ, кончившій курсъ Московскаго университета въ 1805 г., въ 1806 г. получилъ степень магистра философіи и свободныхъ наукъ и былъ посланъ для изученія восточныхъ языковъ за границу, гдѣ пробылъ до 1811 г. Во время этого заграничнаго путешествія онъ и велъ переписку съ Фатеромъ. См. біографію его, написанную проф. Буслаевымъ, въ «Словарѣ профессоровъ Московскаго университета», или Венгерова «Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ» т. V (Спб. 1897), стр. 85.

частій. Пытались соединить эти разные глаголы тѣмъ, что разсматривали ихъ неопредѣленныя наклоненія и времена, какъ различныя формы неопредѣленнаго наклоненія и произведенныя отъ нихъ времена одного и того же глагола, сваливая всѣ эти формы въ одинъ глаголъ. Между тѣмъ, однако, двиНУЛЪ, конечно, не находится въ непосредственной формальной связи съ двигАЮ и тѣмъ менѣе съ двиЖЕМЪ, формой, признанной во всѣхъ грамматикахъ за причастіе страдательнаго залога и настоящее страдательное. Напротивъ, первая форма происходитъ отъ *двину*, а вторая отъ *двигу*, которыя обѣ суть такія же формы настоящаго времени, какъ и *двигаю*, хотя *двину* въ употребленіи получило значеніе другого времени, а само *двигу* уже болѣе не употребительно". Далѣе слѣдуетъ сравненіе этихъ отношеній съ отношеніями греческаго глагола, гдѣ одинъ и тотъ же глаголъ имѣетъ всѣ времена различнаго происхожденія, одни по типу глаголовъ на μι (какъ аористы страд. въ родѣ ἐτύφθην), а другія по спряженію на ω. „Какъ у греческаго глагола формы различнаго происхожденія путемъ употребленія срослись въ одномъ глаголѣ, такъ, кажется мнѣ, совершенно подобное же явленіе происходило и въ русскомъ, съ тою только разницей, что здѣсь различеніе было нужнѣе... въ русскомъ языкѣ три или четыре отрасли временъ, соединившіяся теперь въ одномъ глаголѣ, идутъ совершенно параллельно другъ другу, и каждая изъ нихъ имѣетъ какъ разъ столько же временъ и такого же образованія, какъ и другая. Не гораздо ли естественнѣе сказать, что такъ называемое неокончательное наклоненіе со своимъ настоящимъ, прошедшимъ и будущимъ, образованнымъ при помощи вспомогательнаго глагола, или неокончательное совершенное и неокончательное однократное (simplex) со своимъ будущимъ временемъ, подобнымъ настоящему и своимъ прошедшимъ, наконецъ такъ называемое неокончательное учащательное съ разными формами, отъ него происходящими, являются самостоятельными вѣтвями, каждая сама по себѣ? Такимъ образомъ отсюда становится яснымъ столь упрощающее наблюденіе, что каждая изъ этихъ отраслей, кромѣ своего неопредѣленнаго наклоненія, дѣепричастія и причастій, имѣетъ, собственно говоря, только двѣ разныхъ формы времени (какъ это наблюдается въ другихъ славянскихъ языкахъ, напримѣръ въ польскомъ), но что каждый глаголъ находится въ родственныхъ братскихъ отношеніяхъ къ другимъ подобнымъ глаголамъ своего корня, и отъ нихъ, взятыхъ вмѣстѣ, происходятъ тѣ многочисленныя формы времени, которыя мы видимъ теперь у русскаго глагола. Отличіе настоящаго неопредѣленнаго (präs. indefinitum) на *аю* или *яю*,

какъ *двигаю* и всей его отрасли, состоитъ въ томъ, что эти глаголы не выражаютъ вполнѣ законченнаго дѣйствія и этой неопредѣленностью въ выраженіи дѣйствія и состоянія отдѣляются отъ формъ, связанныхъ съ неокончательнымъ совершеннымъ (perfectus) или однократнымъ (simplex) и обозначающихъ полное или только одинъ разъ происшедшее совершеніе дѣйствія.

Не лежитъ ли какъ разъ въ этомъ различеніи ихъ отъ дѣйствій вполнѣ завершенныхъ или однажды совершенныхъ нѣчто, приближающее ихъ къ глаголамъ многократнымъ (frequentativa), по крайней мѣрѣ настолько, насколько это отличіе заключаетъ въ себѣ и эту неопредѣленность? Я считаю глаголы на *аю* и *яю*, въ родѣ *двигаю, мѣряю, валяю,* составляющіе значительную часть русскихъ глаголовъ, формами *производными*; а формы неокончательнаго совершеннаго, какъ *мѣрить* (и особенно если онѣ сложны съ предлогомъ, какъ *повалить,* а съ опущеніемъ его—*валить*) за такія же первичныя образованія, какъ признанное многократное *бѣгаю*—за вторичную и *бѣгу*—за первичную форму, причемъ первая возникла изъ второй путемъ присоединенія окончанія *аю*. Короче, я считаю всѣ глаголы на *ю* съ предыдущимъ согласнымъ и на *у* первичными, а прочіе на *аю*, *яю* и т. д., а также и такъ называемое неокончательное однократное на *нуть* съ его временами—производными формами".

Зависимость этого ученія Фатера отъ ученія Мелетія Смотрицкаго явствуетъ изъ приводимой имъ самимъ цитаты изъ славянской грамматики „1719 г." (л. 110), согласно которой глаголъ въ отношеніи вида можетъ быть: 1) *первообразнымъ*, или что одно и то же, *совершеннымъ* (чту, стою), или 2) *производнымъ*, представляющимъ два подраздѣленія: *начинательный*, оканчивающійся обыкновенно на *ѣю* (*каменѣю, бѣлѣю*) и *многократный* или *учащательный*, обозначающій нѣчто, случающееся часто, и оканчивающійся на *аю*, *яю* (*читаю*, *творяю*—отъ глаголовъ совершенныхъ *чту*, *творю*).

Но Фатеръ всетаки не совладалъ съ трудностями русскаго глагола и, составивъ рядъ таблицъ для обозрѣнія всѣхъ формальныхъ измѣненій глагола, въ концѣ концовъ въ своей системѣ спряженія принялъ почти всѣ 10 временъ Ломоносова, введя въ нее и такія шульмейстерскія измышленія, какъ praeteritum indefinitum passivi былъ двиганъ, былъ валенъ, futurum indefinitum passivi буду двиганъ, валенъ и т. д.

Таппе въ своей грамматикѣ окончательно порвалъ съ традиціей и далъ такое дѣленіе видовъ русскаго глагола, которое мало разнится отъ общепринятаго. По его словамъ (§ 102), „въ русскомъ

языкѣ имѣется нѣсколько родственныхъ глаголовъ одного и того же корня, но съ различными формами, окончаніями и значеніями, подобныхъ которымъ нѣтъ ни въ какомъ другомъ европейскомъ языкѣ, кромѣ славянскихъ". Первый типъ этихъ глаголовъ онъ называетъ „простыми или неопредѣленными глаголами" (Indefinita, allgemeine unbestimmte Verba), высказывающими нѣчто о лицѣ или предметѣ лишь вообще, безъ ближайшаго опредѣленія, напр. *двигать*. Второй типъ, свойственный якобы только русскому языку, у него носитъ названіе *однократныхъ* глаголовъ (simplicia, einfache Verba) и выражаетъ при помощи извѣстнаго окончанія понятіе дѣйствія или страданія, совершающихся лишь одинъ разъ, напр. *двинуть*. Третій типъ можно было бы назвать глаголами *учащательными* (Frequentativa), выражающими понятіе дѣйствія или страданія повторнаго: *двигивать*. Ихъ можно сравнить съ лат. глаголами многократными, въ родѣ cursitare, factitare, вмѣсто currere, facere. Наконецъ, четвертый видъ Таппе называетъ глаголами *совершенными, сложными* (Perfecta, Composita, vollendete, zusammengesetzte Verba), выражающими понятіе опредѣленности и законченности, чуждое неопредѣленнымъ глаголамъ перваго класса. Образуются они нерѣдко при помощи предлоговъ, которые, подобно аугменту, измѣняютъ значеніе глагола. Этотъ послѣдній видъ Таппе сравниваетъ съ еврейской глагольной формой *пиль*, и, наконецъ, указываетъ (со ссылкой на чешск. грамматику Negedly), что и въ чешскомъ языкѣ глаголы дѣлятся на Durativa, Singularia, Frequentativa и Iterativa.

Книга Таппе, заключавшая въ себѣ, кромѣ грамматики, еще краткій очеркъ так. назыв. исторіи русскаго языка [1]), встрѣтила очень сочувственный пріемъ въ нѣмецкой печати [2]). Особенно обстоятельная и толковая рецензія явилась въ 247 № „Jenaische Allgemeine Literatur-Zeitung" (29 окт. 1811). Авторъ ея, подписавшійся буквами МНР., обращаетъ особое вниманіе на новое ученіе Таппе о русскомъ глаголѣ и находитъ его болѣе яснымъ, чѣмъ Фатеровское. Замѣчанія его свидѣтельствуютъ о здравомъ смыслѣ и пониманіи дѣла.

Холоднѣе трудъ Таппе былъ встрѣченъ въ русскомъ журналѣ и

---

[1]) Такой же очеркъ имѣется и въ грамматикѣ Фатера. Въ сущности объ исторіи языка здѣсь говорится мало. Скорѣе, это очеркъ внѣшнихъ судебъ языка, съ указаніемъ въ самыхъ главныхъ чертахъ нѣкоторыхъ историческихъ моментовъ, въ родѣ греческаго, монгольскаго и западно-европейскаго вліяній и т. п.

[2]) Рецензіи были напечатаны еще въ «Pernauer wöchentliche Nachrichten» и въ «Ruthenia» (Августъ, 1811).

какъ разъ за то, что составляло его заслугу. Такъ въ рецензіи на 2-е изданіе его, напечатанной въ „С.-Петерб. Вѣстникѣ" за 1812 г. (№ III, стр. 339—54) выражалось порицаніе именно за новое ученіе о глаголѣ. Неизвѣстный рецензентъ, подписавшійся буквой Ч. и несомнѣнно вообще человѣкъ знающій, въ главѣ о глаголѣ осуждалъ „новизну, противную свойству Русскаго языка", а именно, что „сочинитель изъ прошедшихъ многократныхъ временъ *хаживалъ*, *говаривалъ* дѣлаетъ особые глаголы *хаживать*, *говаривать*, называя оные „учащательными". Рецензентъ утверждалъ при этомъ, что подобные глаголы совсѣмъ не употребляются въ неопредѣленномъ наклоненіи (!). Вообще же рецензія „Спб. Вѣстника" написана очень обстоятельно и начинается съ обзора предыдущихъ русскихъ грамматикъ: Лудольфа (приводятся „забавные" разговоры изъ нея), Ададурова (при словарѣ Вейсмана), Греннинга (Стокгольмъ, 1750), Шлёцера, Шарпантье, Родде, Гейма, Модрю, Фатера. Общій отзывъ о книгѣ благопріятный: свою цѣль авторъ ея выполнилъ въ совершенствѣ, правила изложены „ясно, въ порядкѣ и въ лучшей связи". Хотя „самъ сочинитель и не сдѣлалъ въ теоріи языка важныхъ открытій, но онъ съумѣлъ выбрать лучшее изъ сочиненій предшественниковъ своихъ и предложить оное весьма удачно". Отмѣчается, что на стр. 245 приведено интересное извлеченіе изъ сравнительнаго глоссарія, напечатаннаго въ грамматикѣ Шлёцера и т. д. Къ недостаткамъ рецензентъ относилъ то, что книга „написана весьма высокопарно и съ лишнею ученостью". Въ главѣ о глаголахъ, въ которой Таппе „имѣлъ въ виду почти всѣ изданныя донынѣ Грамматики, но преимущественно слѣдовалъ теоріямъ Г. Никольскаго, Борна и сочинителя „Опыта о Русскихъ спряженіяхъ" (т. е. Греча), рецензенту не понравилась вышеуказанная новизна. Рецензія справедливо указываетъ и на ошибочность нѣкоторыхъ орѳографическихъ правилъ Таппе, который велитъ, напримѣръ, писать *ѣ* передъ *ю*, *я* и послѣ *н*, забывая случаи, въ родѣ *швея*, *шея*, *башнею*, *плѣненъ*, *гоненіе* и т. д.

Болѣе хвалебный тонъ имѣетъ рецензія на 4-е изданіе грамматики Таппе (Спб. 1815), напечатанная въ „Сынѣ Отечества" за 1815 г. (№ 30, стр. 162—65). Анонимный рецензентъ (вѣроятно самъ Гречъ) причисляетъ автора грамматики къ числу „признательныхъ, благородныхъ иноземцевъ", пріѣзжающихъ въ Россію съ желаніемъ быть полезными, и отводитъ ему среди нихъ „отличное мѣсто". По словамъ рецензіи, грамматика Таппе среди „изданныхъ для иностранцевъ, занимаетъ во всѣхъ отношеніяхъ первое мѣсто. Она отличается и отъ Грамматикъ, изданныхъ на Русскомъ языкѣ, порядкомъ, полнотою и ясностію механическихъ за-

коновъ языка, особенно въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, которыя въ ней представлены гораздо исправнѣе и достаточнѣе нежели во всѣхъ донынѣ изданныхъ книгахъ сего рода".

Фантастическія этимологіи находимъ въ вышедшемъ въ томъ же 1810 г. второмъ изданіи „Славянской и россійской миѳологіи. Соч. Г. Кайсарова" (Москва. Въ типографіи Дубровина и Мерзлякова. 1810 г. 16°. 211 + IV ненум. стр.). Самъ авторъ этого труда этимологизируетъ довольно рѣдко, но вѣритъ, напримѣръ, что имя *Зимцерла* (богиня весны) происходитъ отъ *зима* и *стереть*, а *Кродо* отъ *краду* (стр. 107). Для имени богини смерти *Марцаны* самымъ вѣроятнымъ кажется автору объясненіе извѣстнаго лужицкаго полигистора XVII в. Френцеля, сближавшаго его съ русскимъ *морю*, „богемскимъ" *мру*, *мрцаванъ* (?!) оледенѣть, замерзнуть (стр. 128). Френцелю слѣдуетъ онъ и въ объясненіи фантастическихъ именъ Проно, Прове, Право, которыя тотъ ведетъ отъ *право* (стр. 145). Рѣдкимъ для того времени случаемъ сравненія съ литовскими языками является объясненіе имени Перунъ: „у Латышей *Порконъ*, а громъ и нынѣ называется по Латынски (такъ!) *перконне*" (стр. 137). Славянскія слова приводятся большею частью съ грубыми ошибками: „*бѣлый*, по богемски *билій*, по Польскій (такъ!) — *бьялій*" (стр. 66, прим.), „*богъ* — по богемски *Бегъ* (Böh) (стр. 57); имена польскихъ историковъ Нарушевича и Длугоша приводятся въ видѣ: *Нарусцевичь*, *Длугоссъ* (стр. 119) и т. д. Въ этихъ ошибкахъ, конечно, болѣе виноватъ переводчикъ книги Кайсарова, но все же онѣ характеристичны.

Къ вышеразсмотрѣннымъ опытамъ разработки русской синонимики въ 1810 г. прибавилась переводная съ французскаго статья о синонимахъ *умъ* и *геній*, напечатанная въ 7-й части „Цвѣтника" за 1810 г. (стр. 215—226).

Въ такомъ видѣ представляется исторія русскаго и славянскаго языкознанія у насъ за первыя 10 лѣтъ XIX в. Мы видимъ здѣсь рядъ разрозненныхъ мелкихъ попытокъ, сливающихся въ довольно хаотическую картину, изъ которой выдѣляется лишь нѣсколько болѣе крупныхъ и опредѣленныхъ явленій и направленій. Это было вполнѣ понятно при той tabula rasa, которую представляла у насъ въ началѣ XIX в. данная область знанія. Молодые наши университеты по уставу 1804 г. имѣли только одну каѳедру, которая могла содѣйствовать развитію этой области: „краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго" [1]). Преподаваніе по ней вполнѣ

[1]) См. Сухомлиновъ. «Изслѣдованія и статьи», т. I, стр. 59—60.

отвѣчало ея оффиціальному названію: впереди стояло „краснорѣчіе и стихотворство“, а „языкъ россійскій“ отходилъ на самый задній планъ. Въ Казани ее занималъ Г. Н. Городчаниновъ (съ 1806), въ Харьковѣ—И. С. Рижскій, въ Москвѣ—А. Ѳ. Мерзляковъ—люди почти или совсѣмъ чуждые языкознанію. Поэтому нисколько не удивительно, если наша университетская наука въ данной области за это время дала только одну актовую рѣчь Рижскаго (см. выше, стр. 718), да цѣнную статью Каченовскаго „Объ источникахъ русской исторіи“ (см. выше, стр. 724—25), поставившую на очередь вопросъ о необходимости у насъ научной палеографіи. Изъ другихъ ученыхъ учрежденій дѣйствовали Россійская академія, Петербургское вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ, возникшее въ 1801 г., и Казанское общество любителей отечественной словесности, основанное въ 1805 г. подъ названіемъ „Общества вольныхъ упражненій въ росс. словесности“. Первая издала академическую грамматику (см. выше, стр. 689—91), двѣ части второго изданія своего словаря (см. выше, стр. 716—18) и первыя три части „Сочиненій и переводовъ“, наполненныя почти исключительно статьями Шишкова (см. выше, стр. 709—10, 714), а также занималась очищеніемъ русскаго языка отъ иностранныхъ словъ (см. выше, стр. 702—3). Второе въ 1802 г. заслушало докладъ Востокова „Нѣчто о переводѣ слова эгоизмъ“ [1]) и выпустило единственную книжку „Періодическаго изданія“ (1804) съ поэмой Востокова „Пѣвисладъ и Зора“ и его этимологическими примѣчаніями къ ней (см. выше, стр. 705). Что касается до Казанскаго общества любителей отечественной словесности, то изъ докладовъ въ немъ лишь очень немногіе имѣли отношеніе по языкознанію. Такъ въ 1807 г. въ немъ обсуждался вопросъ: „Какимъ образомъ въ языкахъ, не имѣющихъ членовъ, замѣняется сей недостатокъ и какимъ образомъ переводить“ [2]), въ 1809—1810 гг. Д. Княжевичъ читалъ о „сословахъ или синонимахъ“ [3]), и о томъ же предметѣ въ 1810 г. докладывалъ Ибрагимовъ [4]).

Какъ важный починъ въ дѣлѣ собиранія древнихъ письменныхъ памятниковъ русскаго и старославянскаго языковъ, должно быть отмѣчено пріобрѣтеніе собранія рукописей Дубровскаго для

---

[1]) См. «Періодическое изданіе» назв. общества за 1804 г., ч. I. XIV.

[2]) См. Н. Буличъ, «Изъ первыхъ лѣтъ Каз. университета». Казань. 1887, стр. 597.

[3]) Тамъ же, стр. 604 и 609.

[4]) Тамъ же, стр. 609.

Имп. Публ. библіотеки (см. выше, стр. 706—7) и передача ей же рукописи Остромирова евангелія (см. выше, стр. 710).

Наиболѣе крупными центральными интересами, около которыхъ сосредоточивалась научная дѣятельность этого времени, были грамматика и словарь русскаго языка. Для первой было сдѣлано немного. Среди обычныхъ школьныхъ грамматикъ Россійской академіи, Глинки, Никольскаго, Давыдова, Меморскаго, Ж. Б. Модрю, Борна-Востокова, Кавецкаго, Бутовскаго, Дворжецкаго, Розанова и т. д. (см. выше, стр. 722), можно указать лишь на книги Орнатовскаго (см. выше, стр. 553—59 и 727—32) и Таппе (стр. 733—39), выдѣлявшіяся изъ общей массы, или поползновеніями на нѣкоторую научность (Орнатовскій), или новизной взглядовъ (Таппе). Для словаря было сдѣлано также не очень много. Иностранныя слова собирали: журналъ „Корифей" (см. выше, стр. 691) и Н. Яновскій (см. выше, стр. 699); начались попытки, покуда рабски подражательныя, разработки синонимики русскаго языка (статьи „Сѣвернаго Вѣстника" см. выше, стр. 701, Шишкова, см. выше, стр. 710, „Цвѣтника" 1810 г., см. выше, стр. 739); слова изъ книгъ священнаго писанія выбиралъ Шишковъ (въ своемъ „Разсужд. о стар. и новомъ слогѣ", см. выше, стр. 695); а изъ древнихъ памятниковъ и разговорнаго языка—Татищевъ (см. выше, стр. 722); изданы двѣ первыя части втораго изданія словаря Россійской академіи (см. выше, стр. 716—18). Надъ этимологическимъ словаремъ русскаго языка трудился Востоковъ (см. выше, стр. 653—66). Кромѣ него, этимологіями, большею частью смѣхотворными, занимались: Шишковъ (см. выше, стр. 709—10), Румовскій (см. выше. стр. 710), Татищевъ (см. выше, стр. 721), анонимные авторы разныхъ мелкихъ статеекъ въ журналахъ (см. выше, стр. 707, 713) и др.

По грамматикѣ старославянскаго языка можно указать только жалкое „Сокращеніе слав. этимологіи" Розанова (см. выше, стр. 732).

По русской діалектологіи необходимо отмѣтить появленіе интереса къ малорусскому нарѣчію, обнаружившагося въ рукописной пока „грамматикѣ" названнаго нарѣчія, А. Павловскаго (см. выше, стр. 716). Сюда же можно отнести собраніе словъ, частью областныхъ, записанныхъ „въ общежитіи" И. И Татищевымъ (см. выше, стр. 722).

Большое вниманіе привлекъ къ себѣ вопросъ о слогѣ и значеніи заимствованныхъ лексическихъ элементовъ, поднятый Шишковымъ (см. выше, стр. 694, 702), къ которому примкнули Рижскій (см. выше, стр. 529—32), Станевичъ (см. выше, стр. 719—20), діаконъ Орловъ (см. выше, стр. 547), Орнатовскій (см. выше, стр. 727—30) и др. Про-

тивъ Шишкова выступили: Макаровъ, Каченовскій (см. выше, стр. 696—98), Дашковъ и др. Въ связи съ этимъ споромъ находится предложеніе Н. Н. въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1805 (см. выше, стр. 705—6). Отчасти въ связи съ нимъ (у Шишкова и его сторонниковъ), отчасти въ силу самостоятельнаго интереса, возникаетъ изученіе древнихъ памятниковъ русскаго языка, напр. Слова о полку Игоревѣ, которымъ занимаются Шишковъ (см. выше, стр. 709) и Востоковъ (см. выше, стр. 727), Остромирова евангелія (см. выше, стр. 710), Русской Правды, Лѣтописи Нестора, Сборника Святослава 1076 г. (Востоковъ, см. выше, стр. 726) и т. д.

Проявленіе интереса къ славянскимъ языкамъ наблюдалось, но въ очень случайномъ и отрывочномъ видѣ, не заходя далѣе мелкихъ журнальныхъ статеекъ, свидѣтельствующихъ, однако о наличности этого интереса (стр. 704—5, 713).

Въ 1811 г. число учрежденій, трудившихся надъ болѣе или менѣе научной разработкой русскаго и славянскихъ языковъ, увеличилось новымъ ученымъ обществомъ, очень горячо взявшимся за это дѣло въ первое время своего существованія. Это было Московское Общество Любителей Россійской Словесности, возникшее при Московскомъ университетѣ. Первымъ предсѣдателемъ его былъ проф. Московскаго университета А. А. Прокоповичъ-Антонскій, (1762—1848), открывшій дѣятельность общества своей рѣчью о преимуществахъ и недостаткахъ россійскаго языка. Цѣлью общества было, по его словамъ, „способствовать успѣхамъ Отечественной словесности“, немыслимымъ безъ разработки языка. Указавъ, что Московскій университетъ всегда отличался „важными заслугами языку Россійскому“ и имѣлъ въ своей средѣ такихъ „искусныхъ въ Русскомъ словѣ наставниковъ“, какъ Барсовъ и Зыбелинъ [2]), Прокоповичъ-Антонскій обращаетъ вниманіе на „самые главные недостатки“ русскаго языка: „*Языкъ долженъ имѣть постоянное измѣненіе словъ, правильное ихъ сочиненіе и удареніе*“. Между тѣмъ у насъ нѣтъ „систематической, основательной грамматики“, и поэтому „утвердить сочиненіе словъ“—не на чемъ. Употребленіе „не подкрѣплено изящностью“, а примѣры—„постоянствомъ“. Въ удареніи слѣдуетъ руководиться славянскими книгами, но мы „иногда ихъ придерживаемся, иногда отъ нихъ отступаемъ. У насъ совсѣмъ нѣтъ правилъ ударенія словъ“. Въ

[1]) Труды Общества Любителей Росс. Словесности при Имп. Моск. Университетѣ. Ч. I. 1812, стр. 3—16.

[2]) С. Г. Зыбелинъ (поступилъ студентомъ въ Моск. университетъ въ 1755, † 1802) одинъ изъ первыхъ профессоровъ медицины въ Моск. университетѣ, краснорѣчивый лекторъ.

правописаніи мы слѣдуемъ то „обычаямъ, то производству словъ", а „иногда отъ того и другаго уклоняемся". „*Значенія словъ должны быть свойственны и опредѣленны*". Между тѣмъ много предметовъ „не имѣютъ свойственныхъ, имъ однимъ принадлежащихъ выраженій. Сколько словъ, которыхъ значеніе невѣрно и неопредѣленно!" Необходимо обогатить себя разными научными понятіями, „отличить и объяснить синонимы", составить „полный и философскій словарь". „*Классическіе писатели обогащаютъ языкъ и опредѣляютъ его свойства*". Но у насъ большею частью учатся на иностранныхъ языкахъ, и отъ того нашъ слогъ „отзывается иностраннымъ". Необходимы поэтому учебники на родномъ языкѣ и классическія произведенія литературы. Но и этого еще недостаточно: „*Одни классики не установятъ слога; нуженъ вкусъ лучшаго состоянія гражданъ*". Между тѣмъ въ большомъ свѣтѣ „болѣе любятъ вести разговоры на чужомъ языкѣ, нежели на своемъ. Большая часть гражданъ вышшаго состоянія, прилѣпясь къ Французскому языку, показываютъ явное презрѣніе къ своему природному". „*При недостаткѣ природныхъ Классиковъ, при недостаткѣ собственныхъ образцовыхъ Писателей во всѣхъ родахъ слога, мы должны заимствовать красоты онаго въ переводѣ иностранныхъ лучшихъ Писателей, особливо древнихъ*". Между тѣмъ переводовъ хорошихъ авторовъ у насъ мало, и, напротивъ, переведено много ничтожныхъ книгъ и неискусными переводчиками. На отношеніе русскаго языка къ церковнославянскому Прокоповичъ-Антонскій смотритъ глазами Шишкова: „*Ключъ Россійскаго языка Славенской; онъ долженъ быть для него изобильнымъ и неизсякаемымъ источникомъ*". Нельзя требовать, чтобы писали по славянски, но „богатство словъ, сильное изображеніе предметовъ, краткость и ясность слога, высокія, свышевдохновенныя мысли, почерпнутыя въ церковныхъ книгахъ, все должно заставить насъ заниматься Славенскимъ языкомъ, и пользоваться имъ, смотря по надобности и приличію. Но какъ мало знающихъ Славенской языкъ!" Впрочемъ, по мнѣнію оратора, „*нуженъ судъ здравой Критики, чтобъ умѣть Славенскую рѣчь соединять съ Рускою; чтобъ, заимствуя красоты изъ чужихъ языковъ, не портить своего природнаго, чтобъ въ понятіяхъ и выраженіяхъ былъ точный смыслъ, вкусъ и приличіе*". Въ заключеніе ораторъ обращалъ вниманіе на отсутствіе литературной критики. По его словамъ, „изъ сего довольно видно, что мы еще не достигли совершенства въ словѣ, и не всѣ средства, нужныя для достиженія къ тому, употребляемъ... Языкъ нашъ имѣетъ преимущества, ему одному свойственныя:—силу и богатство, величество

и пріятность". Но онъ еще не обработанъ, и потому „благоразумные Любители Слова будутъ съ ревностью воздѣлывать его".

Какъ видно изъ этой рѣчи, новое общество ставило свои задачи очень широко и, повидимому, желало стать чѣмъ-то въ родѣ вольной академіи русскаго языка и литературы. Конечно, изученіе языка и его разработка играли въ этихъ задачахъ лишь служебную роль. Языкъ долженъ былъ получить обработку, чтобы стать достойнымъ орудіемъ „словесности" или литературы. Но дѣятельность молодого общества, явившагося соперникомъ сонной и отсталой петербургской Россійской академіи, показала, что и это пониманіе обработки родного языка не исключало очень широкаго (по тогдашнему) его изученія. Цѣлый рядъ различныхъ работъ, явившихся въ „Трудахъ" общества, свидѣтельствуетъ объ этомъ. Среди нихъ найдемъ рядъ грамматическихъ этюдовъ Болдырева, П. и Ив. Калайдовичей, И. Давыдова, Востокова (знаменитое „Разсужденіе о слав. языкѣ"; рядъ этюдовъ по синонимикѣ русскаго языка П. и Ив. Калайдовичей, Коха и Саларева, какъ осуществленіе одной изъ задачъ, выставленныхъ въ своей рѣчи Прокоповичемъ-Антонскимъ („отличить и объяснить синонимы"); рядъ руководящихъ статей о разработкѣ русскаго словаря И. Давыдова, А. Болдырева, И. Калайдовича, обильное собраніе лексическихъ матеріаловъ изъ областныхъ говоровъ, очень цѣнное даже и до сихъ поръ, и нѣсколько обработанныхъ уже буквъ „словопроизводнаго словаря", составленнаго обществомъ, а также рядъ общихъ разсужденій по исторіи славянскаго и русскаго языка М. Т. Каченовскаго, К. Калайдовича, Полевого и др.

Задачи, выставленныя предсѣдателемъ молодого общества при его возникновеніи, были вновь подтверждены въ его „Рѣчи при годичномъ торжествѣ" общества [1]). Въ ней Прокоповичъ-Антонскій опять подчеркивалъ значеніе „основательнаго познанія языка", указывая при этомъ на трудности „познанія Русскаго языка", не получившаго еще „настоящаго своего образованія", не очищеннаго „еще отъ примѣсу чуждыхъ нарѣчій" и не опредѣленнаго „въ собственныхъ своихъ свойствахъ". По его словамъ, „мы шествуемъ по таинственному лабиринту, увлекаемые непостоянными прелестями вкуса, и никто еще не явился въ образѣ Тезея съ Аріадниной нитью; никто еще не извелъ насъ изъ мрака сомнѣній и неизвѣстности". Въ виду этого ораторъ въ концѣ рѣчи настаивалъ на продолженіи занятій русскимъ языкомъ, ибо „совершен-

[1]) «Труды Общества Любит. Росс. Слов. при Имп. Моск. унив.», ч. III, 1812 г., стр. 104—112.

ное образованіе языка ограничивается не годами, но вѣкомъ, не усиліями нѣкоторыхъ людей, но усиліями цѣлаго народа, безпрерывно возвышающагося въ своемъ просвѣщеніи".

Въ теченіе 1812 года обществомъ была предложена задача для конкурснаго сочиненія на премію: „показать причины измѣненія Русскаго языка и вліяніе, полученное имъ отъ иностранныхъ языковъ, какъ-то: Польскаго, Латинскаго, Нѣмецкаго и Французскаго и выгоды и невыгоды, отъ сего происходящія". При обсужденіи этой темы было опредѣлено: 1) „какъ въ Русскомъ языкѣ произошли очевидныя перемѣны отъ языковъ Греческаго и Татарскаго, то включить и сіи въ число упомянутыхъ въ задачѣ, имѣвшихъ на оной вліяніе"; 2) задачу объявить въ газетахъ. За лучшее сочиненіе предполагалось давать золотую медаль въ 30 червонцевъ [1]).

Въ томъ же году, по предложенію П. Калайдовича, общество объявило на рѣшеніе желающихъ другую тему: „На какомъ языкѣ писана Пѣснь о полку Игоря, на древнемъ ли Славенскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ Св. Писанія, или на какомъ нибудь областномъ нарѣчіи?" [2]). По изданіи первыхъ четырехъ частей „Трудовъ", дѣятельность общества, вслѣдствіе пожара Москвы и тревожнаго военнаго времени, прервалась на четыре года, чтобы возобновиться лишь съ начала 1816 г. Обзоръ дѣятельности общества за первый по возобновленіи годъ находимъ въ третьей рѣчи Прокоповича-Антонскаго: „О пользѣ просвѣщенія, о вліяніи на оное языка и объ удовольствіяхъ, доставляемыхъ упражненіемъ въ наукахъ и Словесности", читанной въ торжественномъ собраніи общества 15 іюня 1818 г. По словамъ оратора, за это время членами общества „изслѣдованъ весьма важный предметъ, происхожденіе Славенскаго языка (статья Каченовскаго „О слав. языкѣ вообще"); предложены мысли, достойныя вниманія о Россійскихъ буквахъ и письменахъ (статья Подшивалова: „Чтеніе и письмо, или азбука"); начертаны главныя правила, для свѣдѣнія каждаго необходимыя, о порядкѣ словъ (статья И. И. Давыдова)... Предприняли издавать производный Словарь для основательнѣйшаго познанія Россійскаго слова" [3]).

Въ слѣдующемъ 1818 г., въ засѣданіи 26 окт., была предложена вторая конкурсная задача, опять историко-грамматическаго свой-

---

[1]) Протоколы Общества въ его «Трудахъ», ч. IV, 1812 г., стр. 184—85, 203.

[2]) См. «Труды» Общества, т. IV. 1812, стр. 159, 177—81. Вопросъ этотъ былъ напечатанъ также и въ «Вѣстникѣ Европы» 1812 г., ч. 63, № 10, стр. 136.

[3]) См. «Труды» Общества Люб. Росс. Слов. при Моск. унив. 1817 г., ч. VIII, стр. 203. Сама рѣчь напечатана въ ч. IX, 1817 г., стр. 3—16.

ства, очень широко задуманная и формулированная, а именно: „показать измѣненія Россійскаго языка отъ древнѣйшихъ временъ до осьмагонадесять столѣтія, принимая въ основаніе памятники древней Словесности: пѣсни, сказки, преданія, пословицы, надписи и другіе письменные остатки“ [1]), т. е., другими словами, дать исторію русскаго языка.

Въ 1816 г. возникло въ Петербургѣ новое „Вольное общество любителей просвѣщенія и благотворенія“, издававшее съ 1818 года свои „Труды“ (иначе „Соревнователь, Просвѣщенія и Благотворенія“), въ которыхъ помѣщались и статьи по языкознанію. Въ объявленіяхъ объ изданіи „Соревнователя“, въ программѣ журнала за первые годы его существованія указывалось на „изслѣдованія о свойствѣ языковъ“ (см. нпр. „Соревнователь“, ч. 7, 1819 г., стр. 361), но въ 1821 г. указанія эти прекратились, и въ объявленіи объ изданіи журнала на 1822 г. уже не упоминается о лингвистическихъ статьяхъ, а только о трудахъ историческихъ, археологическихъ, статистическихъ, а также „философическихъ мнѣніяхъ и разсужденіяхъ о любопытнѣйшихъ предметахъ Естественной Исторіи, Физики и Химіи“ [2]). Вообще статей по языкознанію въ „Соревнователѣ“ явилось немного.

Въ 1812 г. основано было „Общество наукъ при Харьковскомъ университетѣ“, выпустившее въ 1817 г. первый (и единственный) томъ своихъ „Трудовъ“, въ которыхъ есть и двѣ переводныя статьи по языкознанію. Основанное еще въ 1805 г., но довольно долго ничѣмъ себя не заявлявшее, Императорское Московское Общество исторіи и древностей россійскихъ въ 1815 г. издало рядъ историческихъ памятниковъ, важныхъ и для исторіи русскаго языка, подъ заглавіемъ „Русскія достопамятности“ (Ч. I, 1815 г.); съ этого же года начинаютъ выходить его „Записки и Труды“, въ которыхъ попадаются статьи, имѣющія отношеніе и къ языкознанію.

Рядомъ съ дѣятельностью названныхъ обществъ продолжала свои занятія въ знакомомъ уже намъ направленіи и Россійская академія, въ 1813 году получившая новаго президента А. С. Шишкова. Его избраніе еще болѣе утвердило въ ея дѣятельности тотъ мертвенно-безплодный и отсталый духъ невѣжественнаго любительства, который былъ уже неоднократно отмѣченъ нами выше и которымъ пропитано и новое изданіе „обновленной“ академіи, ея „Извѣстія“, начавшія выходить съ 1815 г. (12 частей, 1815—28).

---

[1]) См. «Труды» Общества, ч. XII. 1818 г., стр. 131.

[2]) См. «Труды Вольн. Общ. Любит. Росс. Слов.», ч. XVI. 1821, стр. 245—46.

Кромѣ дѣятельности перечисленныхъ учрежденій, необходимо указать еще на одно событіе, которое могло бы имѣть благотворное вліяніе на изученіе русскаго и славянскихъ языковъ у насъ, а именно на учрежденіе въ 1811 г. при Московскомъ университетѣ „катедры славянскаго языка" или „славянской словесности". Преподаваніе по этой каѳедрѣ, учрежденной тогдашнимъ министромъ нар. просвѣщенія гр. Разумовскимъ, вѣроятно по мысли М. Т. Каченовскаго, имѣло „ознакомить учащихся со всѣми вообще славянскими книгами, съ показаніемъ соотношенія россійскаго языка къ славянскому и происхожденія его изъ славянскаго". Къ сожалѣнію, на новую каѳедру былъ назначенъ человѣкъ, совершенно чуждый научному языкознанію, — профессоръ изящныхъ наукъ и эстетики, прежде преподаватель нѣмецкаго языка, М. Г. Гавриловъ (1759—1829), авторъ нѣсколькихъ школьныхъ учебниковъ по названному языку, вышедшихъ въ 90-хъ гг. XVIII в. Преподаваніе Гаврилова, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе 4 года его жизни, по воспоминаніямъ проф. Мурзакевича, лишено было научнаго характера и состояло въ чтеніи славянской псалтири, отдѣльными мѣстами которой лекторъ восхищался. Со смертью Гаврилова каѳедра его была упразднена. Такимъ образомъ этотъ первый опытъ учрежденія каѳедры славянской филологіи вышелъ вполнѣ неудачнымъ и не имѣлъ никакого научнаго значенія [1]).

Второй подобный опытъ былъ произведенъ въ Варшавскомъ университетѣ, открытомъ русскимъ правительствомъ въ 1817 г. „Вѣстникъ Европы" Каченовскаго (1817 г., ч. 94, стр. 162) сообщалъ объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Въ новоучрежденномъ Варшавскомъ университетѣ положена каѳедра и для преподаванія *Славянскихъ нарѣчій*. Дѣйствительно, чтобъ имѣть философическое знаніе какого-нибудь изъ Славянскихъ нарѣчій (положимъ, Польскаго языка), нужно имѣть достаточное понятіе и о прочихъ. Безъ того нельзя показать и происхожденія многихъ словъ, ниже правильнаго ихъ употребленія". Такимъ образомъ научное значеніе новой „катедры" правильно понималось лучшими представителями тогдашняго нашего образованнаго общества, въ родѣ издателя „Вѣстника Европы"—университетскаго профессора. Но въ административныхъ сферахъ, очевидно, сознаніе этого значенія еще не созрѣло, и русскимъ университетамъ пришлось

---

[1]) См. А. А. Кочубинскаго, «Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ Гр. Румянцовъ. Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія». Одесса, 1887—88 гг. (стр. 50—52).

ждать учрежденія подобныхъ каѳедръ еще цѣлыхъ 20 лѣтъ слишкомъ. Для развитія русской науки Варшавская каѳедра славянскихъ „нарѣчій“, конечно, не имѣла никакого значенія, тѣмъ болѣе, что въ 1830 г. университетъ въ Варшавѣ былъ закрытъ на долгіе годы.

Съ 1819 г. число нашихъ университетовъ умножилось еще однимъ въ Петербургѣ, преобразованнымъ изъ Главнаго Педагогическаго Института. Новый университетъ, однако, въ первое время своей жизни не внесъ ни одного цѣннаго вклада въ разсматриваемую научную область. „Словесныя науки“ въ немъ читались бездарнымъ и невѣжественнымъ Я. В. Толмачовымъ, занимавшимъ ту же каѳедру еще раньше въ Главномъ Педагогич. Институтѣ, и Н. И. Бутырскимъ († 1848). Оба были совершенно чужды языкознанію, хотя первый и считалъ себя судьею въ грамматическихъ вопросахъ, какъ свидѣтельствуетъ записка Н. И. Греча о разсмотрѣніи его учебника русской грамматики въ тогдашнемъ Ученомъ комитетѣ Мин. Нар. Просвѣщенія [1]). По словамъ Греча, Толмачевъ дѣлалъ „странныя замѣчанія“ на его грамматику и между прочимъ производилъ *море* отъ *мокрый*, а *село* отъ *сѣдло*. Къ его преподаванію, очевидно, относится свидѣтельство автора исторической записки объ „Имп. Спб. университетѣ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія“ (Спб. 1870), проф. В. В. Григорьева: „О движеніи Лингвистики въ Германіи не заходило сюда и слуха: изложеніе „Языковѣдѣнія“ производилось по де-Броссу, съ самыми дикими экскурсіями въ область Этимологіи, разсказывавшимися по городу въ видѣ образчиковъ нелѣпости. Упражненіе студентовъ въ „Россійскомъ слогѣ“, при неспособности къ тому профессора, разучивало, а не пріучало владѣть отечественнымъ языкомъ“ (цит. сочин., стр. 73) [2]). Уволенъ Толмачевъ былъ только въ 1832 году, а Бутырскій въ 1836 году.

Таковы были внѣшнія условія, въ которыхъ должно было развиваться у насъ изученіе русскаго, церковнославянскаго и славянскихъ языковъ въ теченіе второго и половинѣ третьяго десятилѣтій XIX в.

---

[1]) См. Приложеніе № III къ книгѣ А. А. Кочубинскаго: „Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ Гр. Румянцовъ. Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія“. Одесса, 1887—88, стр. XCVIII.

[2]) Этому же Я. Толмачеву принадлежитъ вышедшая много лѣтъ спустя „Аналитическая филологія о составѣ и образованіи русскаго языка. (Сочиненіе Якова Толмачева. Спб. 1859“), подтверждающая своимъ содержаніемъ приведенный отзывъ историка Петербургскаго университета.

Характерной чертой научной литературы этого времени является обиліе общихъ разсужденій о русскомъ и церковнославянскомъ языкѣ, выясняющихъ ихъ отличительныя свойства, взаимное отношеніе и происхожденіе. Вопросы эти стояли на очереди и предлагались на обсужденіе и разрѣшеніе нашими тогдашними учеными обществами и учрежденіями (см. выше, стр. 745). Въ ряду разсужденій, разсматривавшихъ эти очередные вопросы нашей науки, встрѣчаемъ прежде всего извѣстное „Разсужденіе о Краснорѣчіи Священнаго Писанія, и о томъ, въ чемъ состоитъ богатство, обиліе (,) красота и сила Россійскаго языка, и какими средствами оный еще болѣе распространить, обогатить и усовершенствовать можно, читанное въ годичное Императорской Россійской Академіи Собраніе, бывшее въ 3-й день Декабря 1810 года. Сочиненіе Члена Академіи Александра Шишкова, и оною Академіею издано. Въ Санктпетербургѣ, печатано въ Императорской Типографіи 1811 года“ (8^0, 2 ненум. + 11 + 2 ненум.).

Разсужденіе это представляетъ собой соединенное разрѣшеніе двухъ „заданій“ Россійской академіи, предложенныхъ ею незадолго передъ этимъ: 1) *написать разсужденіе о краснорѣчіи Священнаго Писанія;* 2) *показать, въ чемъ состоитъ богатство, обиліе* и т. д. (какъ въ заглавіи труда Шишкова). Сочиненіе Шишкова распадается на 3 „статьи“ и одно „присовокупленіе“. Первая „статья“ трактуетъ „о превосходныхъ свойствахъ нашего языка“ (стр. 2—19), вторая—„о краснорѣчіи Священныхъ Писаній“ и третья — о томъ, „какими средствами словесность наша обогащаться можетъ, и какими приходитъ въ упадокъ“. Это новое произведеніе Шишкова ничѣмъ не отличалось отъ его прежнихъ писаній въ этомъ родѣ, съ которыми мы уже познакомились выше, если не считать ряда новыхъ смѣхотворныхъ этимологій. Русскій языкъ, какъ и вполнѣ естественно у Шишкова, представляется ему „нѣкой чудной загадкой, понынѣ еще темной и не разрѣшенной“. Каковъ онъ былъ до крещенія Руси, „мы не имѣемъ ни малѣйшаго... понятія, точно, какъ бы его не было. Ни одна книга не показываетъ намъ онаго. Но вдругъ видимъ его возникшаго съ вѣрою“, во всеоружіи „силы, чистоты, согласія, важности и великолѣпія“ (стр. 2—3). Въ примѣръ этихъ качествъ приводятся яко бы звукоподражательныя слова *громъ, трескъ, вихрь* и знаменитыя глубокомысленныя этимологіи: *далеко=даль око* (т. е. простирай зрѣніе далѣе), *близко=близь око* (не простирай оное вдаль), *низко=низь око* (опускай внизъ), *глубоко=глубь око* (углубляй), *широко=ширь око* (разширяй), *высоко=высь око* (возвышай). По словамъ Шишкова, такой изобразительности нѣтъ въ

соотвѣтствующихъ французскихъ и нѣмецкихъ нарѣчіяхъ, ничего не говорящихъ воображенію: loin, weit, proche, nahe и т. д. Другими образчиками „превосходныхъ свойствъ нашего языка“ служатъ такія слова, какъ: *слухъ,* въ которомъ помѣщено названіе части тѣла, служащей „орудіемъ къ возрожденію въ насъ сего чувства“, т. е. *уха*; *зрѣніе*, родственное „съ подобными же свѣтъ означающими понятіями *зареніе (?), заря* (удачно!)“; *обоняніе=обвоняніе* изъ *объ-+воня* (также возможно, хотя и не необходимо, въ виду первичнаго индоевр. корня an-: л. animus) и т. д. (стр. 4). Къ „превосходнымъ свойствамъ“ относится и то, что русскій умъ, желая назвать какую либо видимую вещь, „разбиралъ качества ея; ежели примѣчалъ въ ней круглость, то для составленія имени ея выбиралъ и буквы такой же образъ имѣющія (!): *око*“. Выходитъ такимъ образомъ, что буквы существовали еще до изобрѣтенія если не всего языка, то по крайней мѣрѣ нѣкоторой его части! Отъ столь блестяще объясненнаго *ока* далѣе производятся не только *окно*, но и *около, околица, околичность*, которыя дали новыя „отрасли“; *коло* или *колесо, коловратно, колесница, кольцо, колыхать, колыбель* и т. д. (стр. 5). Далѣе приводятся примѣры другихъ семействъ словъ, „изъ которыхъ иныя весьма плодородны“ (стр. 6), причемъ вѣрно сопоставляются: *лукъ, лука, лучица, лукоморье, налякáть* или *наляцáть, слякáть* и *сляцáть, слякій* или *слукій, облукъ (облучекъ), излучина, излучисто, луковица, лукошко, лукавство, лукавить; случение, случай, случайность, случиться, случить, случка; разлученіе, разлука, разлучиться; отлученіе, отлучить, отлучиться, отлучка; прилученіе, прилучиться, прилучить, прилука; полученіе, получить, залучить, улучить, излучить, благополучіе, злополучіе* и пр. (стр. 6—10). Сравнивая эти родственныя между собою слова съ соотвѣтствующими французскими, Шишковъ находитъ, что у послѣднихъ „нѣтъ той семейственности, и что слова ихъ суть разныхъ отцовъ дѣти“, въ родѣ лукъ—arc, лука—courbe, улучить—saisir, случай—occasion и т. д. (стр. 12—13). Отсюда дѣлается „безошибочный“ выводъ, что русскій языкъ, въ сравненіи съ французскимъ, есть „несравненно древнѣйшій и богатѣйшій, поелику видно, что онъ о составленіи словъ своихъ, такъ сказать, самъ умствовалъ, изъ самаго себя извлекалъ ихъ, раждалъ; а не случайно какъ нибудь заимствовалъ и собиралъ отъ другихъ народовъ“ (стр. 14). Превосходство русскаго языка надъ французскимъ и нѣмецкимъ доказывается дальше еще сравненіемъ словъ: *вельможа* съ grand Seigneur и grosser Herr, *цѣломудріе*—съ chasteté и Keuschheit, при чемъ русскія слова объявляются несравненно болѣе много-

значительными и выразительными. Въ примѣръ подобныхъ же словъ приводятся слова: *присносущный*, *благообразный*, *лютонравный*, *пѣснопѣніе*, *благоуханіе*, *чадолюбіе*, *искони*, *вретище*, *сладкорѣчіе*, „и тысячи имъ подобныхъ" (стр. 15—17). Если нѣмцы и французы еще могутъ привести соотвѣтственныя слова для *мощный* и *всемощный*, *могущій* и *всемогущій* (puissant, tout puissant и mächtig, allmächtig), то въ словахъ: *всесильный*, *всеблагій*, *всещедрый*, *всерадостный*, *всеядецъ*, *всеоружіе*, *всецарь* и пр. „тотчасъ отъ насъ отстанутъ" (стр. 17). Кромѣ того, имъ „почти совсѣмъ неизвѣстно богатство языка нашего, происходящее отъ сложенія предлоговъ съ именами и глаголами", и формы въ родѣ *попѣваю*, *разпѣваю*, *разлечься*, *разлежаться*, *залечь*, *отлежать*, *належать*, *улежать*, *пролежать*, у нихъ не возможны. Далѣе утверждается, что во французскомъ и нѣмецкомъ очень мало или совсѣмъ нѣтъ уменьшительныхъ (?!), въ родѣ *колечко*, *ручка*, *сердечко*, *сердечушко*, *малешенько*, *ранешенько*, увеличительныхъ, какъ *столище*, *домище*, *ручища*, прилагательныхъ формъ, въ родѣ *бѣловатъ*, *кругловатъ*, *бѣленекъ*, *кругленекъ*, *великонекъ* и т. д. (стр. 17—18).

Доказавъ такимъ произвольнымъ и ненаучнымъ образомъ превосходство русскаго языка, Шишковъ въ слѣдующей II статьѣ переходитъ къ доказательству вящшаго краснорѣчія Священнаго Писанія, приводя оттуда рядъ отрывковъ съ соотвѣтствующимъ французскимъ переводомъ и восхищаясь силой, красотой и великолѣпіемъ славянской версіи, сравнительно съ французской.

Третья статья содержитъ опроверженіе „распространившихся ко вреду словесности толковъ о мнимой разности Славенскаго языка съ Рускимъ", которые „не только не даютъ ей процвѣтать, ниже пребывать твердою и постоянною", и которые Шишковъ находилъ во многихъ тогдашнихъ книгахъ.

Мысль о различіи „Славенскаго и Рускаго языковъ" объявляется „неосновательною", и тожество ихъ доказывается нижеслѣдующими разсужденіями: „Ежели мы слово *языкъ* возмемъ въ смыслѣ нарѣчія или слога, то конечно можемъ утверждать сію разность; но таковыхъ разностей мы найдемъ не одну, многія (?): во всякомъ вѣкѣ или полувѣкѣ примѣчаются нѣкоторыя перемѣны въ нарѣчіяхъ. Слово о полку Игоревомъ, Библія, Четіи-минеи, Несторова лѣтопись, Ѳеофановы проповѣди, Кантемировы сатиры, оды Ломоносова, сочиненія Петрова, Богдановича, и проч., суть книги писанныя разными слогами и нарѣчіями, но языкъ въ нихъ одинъ и тотъ же Славенской или Руской. *Собственно подъ именемъ языка разумѣются корни словъ и вѣтви отъ нихъ произшедшія*

(? курсивъ нашъ). Когда оныя въ двухъ языкахъ различны, тогда и языки различны между собою; но когда знаменованія словъ и вѣтвей оныхъ находятся въ самомъ языкѣ, тогда оныя всякому нарѣчію общи, выключая развѣ такое, которое совсѣмъ отъ корней языка своего удалилось: тогда уже оное не есть болѣе нарѣчіе, но совсѣмъ иной языкъ". Въ русскомъ языкѣ утрачено, напр., двойств. число въ склоненіи и спряженіи, но здѣсь „мы измѣнили только окончаніе", а не корни, „слѣдовательно разность не въ языкѣ, а въ нарѣчіи, нимало не уклонившемся чрезъ то отъ разума и свойства языка" (стр. 44—45). Нужно замѣтить, однако, что понятіе „нарѣчія" Шишковымъ совсѣмъ не опредѣляется, и такимъ образомъ, все его разсужденіе представляется весьма сбивчивой и нескладной игрой въ слова: *языкъ* и *нарѣчіе*, которымъ придается произвольное толкованіе. Справедливо указываетъ Шишковъ, что на лексическихъ различіяхъ, въ родѣ русск. *глазъ*, *лобъ*, *щоки*, *плечи*, рядомъ со слав. *око*, *чело*, *ланиты*, *рамена*, нельзя основать различеніе русскаго языка отъ славянскаго. Но толкованіе, которое онъ даетъ подобнымъ случаямъ, сейчасъ же обнаруживаетъ свою ненаучность и отсутствіе настоящаго критерія для различенія. „Чѣмъ докажутъ мнѣ, спрашиваетъ Шишковъ, что *глазъ*, *лобъ*, *щоки*, *плечи*, суть Рускія, а не Славенскія названія?" Отсутствіе ихъ въ Свящ. Писаніи не есть доказательство, „потому что во всякомъ языкѣ есть сословы, слѣдовательно и въ нашемъ быть должны", кромѣ того, „нѣкоторые изъ нихъ и въ Священныхъ книгахъ попадаются", въ родѣ *плещи*, *плечи*, рядомъ съ *рамена*. Священныя книги всегда пишутся высокимъ слогомъ, а потому въ нихъ и не можетъ быть простыхъ или низкихъ словъ, въ родѣ *калякать*, *кобениться*, *задориться*, *пригорюниться*, *ошеломить*, *треснуть въ рожу*. По мнѣнію Шишкова, эти слова всетаки могутъ быть признаны „Славенскими", хотя ихъ и „нѣтъ въ высокихъ твореніяхъ, въ которыхъ имъ и быть неприлично... Мы конечно не найдемъ въ народномъ языкѣ ни *благовонія*, ни *воздоенія*, ни *добледушія*, ни *древодѣлія*; а напротивъ того въ Библіи не найдемъ ни *любчика*, ни *голубчика*, ни *удалаго добраго молодца*; однако не можемъ изъ сего различія заключить о разности языковъ. Всякое слово... пускаетъ отъ себя вѣтви, изъ которыхъ иныя приличны высокому, а другія простому нарѣчію или слогу (?!). Изъ сего раздѣленія ихъ", однако, не слѣдуетъ, „будто бы оныя не одно и тожъ дерево составляли. Могутъ еще сослаться на слова *лошадь*, *колпакъ*, *кучеръ*, *артиллерія*, *фортификація*, и проч.", но эти слова не славянскія и не русскія, а взяты изъ чужихъ языковъ. „Чтожъ такое Руской языкъ

отдѣльно отъ Славенскаго? Мечта, загадка (?!). Не странно ли утверждать существованіе языка, въ которомъ нѣтъ ни одного слова?“, спрашиваетъ Шишковъ (стр. 46—48), принимающій собственное невѣжество и неумѣнье разобраться въ вопросѣ за невозможность его рѣшенія.

„Доказавъ“ такимъ образомъ тожество русскаго и славянскаго языковъ, Шишковъ обращается противъ „новѣйшихъ писателей“, желающихъ изгнать всѣ славянскія слова изъ литературнаго языка и „писать, какъ говоримъ“. Аргументы его здѣсь столь же своеобразны, какъ и выше. Забывъ, что раньше онъ самъ называлъ различія языка древнихъ книгъ отъ новыхъ разницами „въ нарѣчіи“ (стр. 45), онъ начинаетъ теперь утверждать, что и нарѣчія одного и того же языка, „не могутъ называться одно Славенскимъ, а другое Рускимъ; въ такомъ случаѣ предполагалось бы различіе въ сихъ двухъ языкахъ“ (стр. 49). Но все же Шишковъ дѣлаетъ уступку и соглашается „разумѣть подъ именемъ Славенскаго языка нарѣчіе Свящ. Писанія, а подъ именемъ Рускаго языка нарѣчіе свѣтскихъ книгъ“. Разницу между этими нарѣчіями онъ видитъ „въ нѣкоторомъ токмо измѣненіи словъ, а не въ раздѣленіи оныхъ на Славенскія и Рускія (!); ибо какимъ образомъ можемъ мы сдѣлать сіе раздѣленіе?“ (стр. 49).

Дальнѣйшія разсужденія обнаруживаютъ крайнюю неясность представленій Шишкова о составѣ русскаго литературнаго языка и отличіи его отъ народнаго и древнерусскаго: „ежели назовемъ *воронъ*, *корова*, *воробей*, *молоко*, Рускими словами; а *вранъ*, *крава*, *врабій*, *млеко*, Славенскими, то за чемъ же говоримъ по Словенски *нравъ*, *врагъ*, *владѣть*, *награда*; а не по Руски *норовъ*, *ворогъ*, *володѣть*, *нагорода*, какъ читаемъ мы въ лѣтописяхъ и въ простомъ народномъ языкѣ?“ (стр. 49—50) и т. д.

Запутавшись въ подобныхъ недоумѣніяхъ, Шишковъ признаетъ совершенно невозможнымъ разобрать въ составѣ языка, „что Славенское и что Руское“ (стр. 50), и на основаніи этого съ негодованіемъ отвергаетъ всѣ попытки новѣйшихъ писателей, отказывающихся отъ славенщины и желающихъ писать по разговорному. При этомъ дается опредѣленіе славянскаго языка, какъ языка, „который выше разговорнаго и которому слѣдственно не можемъ иначе научиться, какъ изъ чтенія книгъ“, т. е., „что онъ есть высокій, ученый, книжный языкъ“ и т. д. (стр. 64). Въ доказательство пагубности „удаленія отъ славянскаго языка“ и проистекающей отсюда бѣдности въ мысляхъ, приводится разговоръ между „славениномъ“ и „русскимъ“ о словѣ *доить*, которое въ русскомъ языкѣ гораздо бѣднѣе по значенію, чѣмъ въ славянскомъ, и о нѣ-

которыхъ другихъ словахъ. Все клонится къ доказательству необходимости „черпать изъ богатаго источника“ славянскаго языка и „возходить, какъ можно далѣе къ началамъ онаго“, какъ „единаго средства къ распространенію, обогащенію и усовершенствованію нашей словесности“.

Въ „присовокупленіи“ къ „Разсужденію“ находимъ полемику съ Д. В. Дашковымъ, который принялъ участіе въ спорѣ Шишкова съ карамзинистами своей критикой „Шишковскаго „Перевода двухъ статей изъ Лагарпа съ примѣчаніями переводчика“ [1]), содержавшими излюбленныя и знакомыя уже намъ его мысли. Критика Дашкова была очень сдержанна и вполнѣ прилична по тону. Авторъ ея не отвергалъ близости русскаго языка къ славянскому, но спрашивалъ: „не слишкомъ ли много смѣшивать сіи два языка и почитать ихъ за одинъ и тотъ же“, придавая ему имя „Славенороссійскаго“, вмѣсто „просто Россійскаго“ („Цвѣтн.“ 1810, ч. VIII, стр. 259). Дашковъ полагалъ даже, вмѣстѣ съ Шишковымъ (и Шлецеромъ), что русскій языкъ происходитъ отъ славянскаго, какъ французскій „отъ Латинскаго, смѣшаннаго съ Цельтскимъ, или Вельхскимъ“, съ той только разницей, что французскій началъ обособляться еще въ X вѣкѣ, а на русскомъ языкѣ никто не писалъ до временъ Петра I (тамъ же, стр. 260). По мнѣнію Дашкова, отдѣленіе русскаго языка отъ славянскаго произошло „давно уже... введеніемъ множества Татарскихъ словъ и выраженій, совсѣмъ прежде неизвѣстныхъ“. Дашковъ возставалъ поэтому противъ отожествленія русскаго языка со славянскимъ: „можно ли называть однимъ и тѣмъ же языкомъ два нарѣчія, изъ коихъ одно, хотя непосредственно происходитъ отъ другого, но смѣшано съ третьимъ *чуждымъ*, и притомъ испорчено пятисотлѣтнимъ употребленіемъ? Къ чему величаться названіемъ, намъ непринадлежащимъ! Мы и безъ того имѣемъ множество выгодъ предъ всѣми Европейскими народами: нашъ Руской языкъ самъ по себѣ гораздо богатѣе, великолѣпнѣе, сильнѣе всѣхъ прочихъ; но мы сверхъ того можемъ еще почерпать изъ Славенскаго (выгода несравненная!) съ тѣмъ... условіемъ, чтобы выраженія и обороты, заимствованные нами, не были противны“ нашему языку. Если бы оба языка были тожественны, „на что сіи предосторожности?“ (стр. 261—62). Если бы это было такъ, то почему мы не пишемъ языкомъ Библіи, почему имѣемъ много выраженій, со-

[1]) Статья Шишкова была напечатана въ «Запискахъ Адмиралтейскаго Департамента» (ч. II), критика Дашкова—въ «Цвѣтникѣ» 1810 г. ч. VIII, стр. 256—303, 404—467.

всѣмъ не славянскихъ и не происходящихъ изъ славянскаго. Языкъ сочиненій, написанныхъ „высокимъ слогомъ", со множествомъ славянизмовъ, для Дашкова все же остается русскимъ (стр. 263). Онъ обращаетъ также вниманіе на противорѣчіе термина „Славенороссійскій" съ принятымъ и у Шишкова дѣленіемъ слога на „высокій, средній и низкій". Если первый видъ слога — „чистой Славенской языкъ", а послѣдній — простонародный, то, очевидно, „совокупленіе" этихъ двухъ языковъ въ одинъ „*Славеноссійской*" само собою уничтожается".

Конечно, лингвистическія представленія Дашкова не всегда вѣрны. Такъ онъ ошибается, приписывая татарскому вліянію отдѣленіе русскаго языка отъ славянскаго, въ связи съ чѣмъ думаетъ, что „при Петрѣ Великомъ, или въ началѣ просвѣщенія нашего, высокимъ слогомъ, т. е. по просту на Славенскомъ языкѣ, писали всякія книги безъ разбора; а простымъ слогомъ, или лучше сказать, нарѣчіемъ, испорченнымъ изъ Славенскаго и смѣшеннымъ со множествомъ Татарскихъ словъ, тогда говорили"; теперь же, „когда Руской языкъ образовался", то это различіе въ слогѣ „съ точностью наблюдается по различію рода сочиненій". Но тутъ же онъ высказываетъ вполнѣ правильную мысль, что „исключительное назначеніе получаемыхъ нами отъ Славенскаго пособій одному высокому слогу, а языка общенароднаго простому слогу, не существуетъ, да и существовать не можетъ", при чемъ подкрѣпляетъ ее удачными иллюстраціями изъ произведеній Державина и Крылова (стр. 265—67). Дашковъ протестуетъ также противъ предположенія Шишкова, что славянскій языкъ долженъ былъ имѣть словесность еще до перваго перевода на него Свящ. Писанія, ибо „никакой языкъ отъ изустнаго употребленія не можетъ вознестись вдругъ" на такую высоту, на которой, по силѣ, богатству и лаконичности, стоитъ языкъ церковныхъ книгъ. Въ опроверженіе этого мнѣнія, критикъ приводитъ рядъ примѣровъ возвышеннаго слога въ языкахъ народовъ, не имѣвшихъ письменности (стр. 269—272). Онъ не оставляетъ безъ возраженія и утвержденіе Шишкова, будто въ славянскомъ и происшедшихъ отъ него языкахъ находятся корни „многихъ Греческихъ и Латинскихъ словъ". Правда, Дашковъ не зналъ по гречески и потому отвѣтилъ Шишкову лишь общимъ соображеніемъ, что едва ли греки временъ Гомера, Софокла и Демосѳена стали бы черпать изъ славянскаго языка, котораго они не знали до временъ Владимира и который, конечно, былъ грубъ и бѣденъ, но въ то же время онъ категорически отвергаетъ совершенно возможное сопоставленіе Шишкова лат. tollere и tolerare съ русскимъ *толить*. При этомъ

Дашковъ утверждаетъ, что „корень Латинскаго языка есть древній Этруской, смѣшанный съ Греческимъ“ (стр. 269—274), и обнаруживаетъ свое очевидное незнакомство съ народившимися уже въ то время ученіями объ *общемъ* происхожденіи греческаго, латинскаго и славянскаго языковъ изъ одного источника.

Дашковъ согласенъ съ разсужденіями Шишкова относительно бѣдности франц. языка и богатства русскаго (стр. 278), но не можетъ слѣдовать за нимъ, когда онъ предлагаетъ замѣнить извѣстныя и всѣми употребляемыя иностранныя слова, въ родѣ *актеръ*—„славенорусскими“, или лучше „славеноварварскими“, въ родѣ *лицедѣй* (стр. 296—97). Не сходится Дашковъ съ Шишковымъ и въ его пристрастіи къ сложнымъ словамъ греческаго типа, въ родѣ *древо благосѣннолиственное* и т. п., приводя въ качествѣ отрицательнаго примѣра аналогичныя смѣхотворныя формы: *длинногустозакоптѣлая* брада и *Христогробопоклоняемая* страна (стр. 297—300). Походу Шишкова противъ иностранныхъ словъ онъ противопоставляетъ указаніе на рядъ подобныхъ словъ у него самого (проза, поэма, журналистъ, граматика, электрическая сила, дактили, ямбы, эпизода), на неудачные переводы: *синонимъ*—сословъ, *критикъ*—разсматриватель книгъ (стр. 423—25), и галлицизмы (*выразить себя*, вм. *выражаться*, *нашли короче говорить* и т. д., стр. 445 и 449), которыхъ Шишковъ не замѣчалъ у себя, преслѣдуя, однако, другихъ за порчу русскаго языка.

Критика Дашкова, конечно, не могла понравиться самолюбивому и задорному Шишкову, который отвѣтилъ на нее въ своемъ „присовокупленіи“ къ вышеразсмотрѣнному разсужденію. Новыхъ аргументовъ Шишковъ здѣсь не приводитъ и даже впадаетъ иногда въ противорѣчіе съ мнѣніями, высказанными имъ же самимъ раньше. Такъ, возражая на фразу Дашкова: „при Петрѣ Великомъ... высокимъ слогомъ, т. е. по просту на Славенскомъ языкѣ, писали всякія книги безъ разбора“, Шишковъ [1]) обрушивается на него: „Да развѣ Славенской языкъ и высокой слогъ есть одно и то же? Не ужъ ли всякая Славенская рѣчь есть высокая?“ и т. д., забывая, однако, при этомъ, что самъ раньше (стр. 64) понималъ подъ „Славенскимъ“ языкомъ языкъ „выше разговорнаго, высокій, ученый, книжный“ и т. д. Мелкія ошибки Дашкова онъ иногда указываетъ удачно, обращая, напр., его вниманіе на рядъ произведеній русской словесности, писанныхъ до Петра (стр. 96), въ родѣ Русской правды, духовной Владимира Мономаха, Слова о полку Игоревѣ, лѣтописей (въ томъ числѣ и „древней Вивліо-

---

[1]) «Разсужденіе о краснорѣчіи священнаго писанія» и т. д., стр. 107.

ѳики“!) и т. д. Справедливо также замѣчаніе, что о „множествѣ“ татарскихъ словъ въ русскомъ языкѣ нельзя говорить, и что „нѣсколько словъ, вошедшихъ въ простонародное нарѣчіе“, не могли положить начало новому языку (стр. 97). Кромѣ этихъ немногихъ вѣрныхъ замѣчаній, возраженіе Шишкова состоитъ изъ назойливаго повторенія все тѣхъ же голословныхъ утвержденій, клонившихся къ оправданію своего собственнаго пристрастія къ славенщинѣ XVIII-го вѣка подобіемъ научной аргументаціи. Споръ въ концѣ-концовъ сводился къ разницѣ стилистическихъ вкусовъ и имѣлъ совсѣмъ не научный характеръ. Для Шишкова важно было только перекричать своихъ противниковъ, которыхъ онъ, наконецъ, сталъ обвинять въ желаніи отвлечь умъ и сердце каждаго „отъ нравоучительныхъ духовныхъ книгъ, отвратить отъ словъ, отъ языка, отъ разума оныхъ, и привязать къ однимъ свѣтскимъ писаніямъ, гдѣ столько разставлено сѣтей къ помраченію ума и уловленію невинности... удалить нынѣшній языкъ нашъ отъ языка древняго..., чтобъ языкъ вѣры, ставъ невразумительнымъ, не могъ никогда обуздывать страстей“ и т. д. (стр. 93—94).

Дашковъ отвѣчалъ Шишкову брошюрой „О легчайшемъ способѣ возражать на критики“ (Спб. въ типогр. Шнора, 1811. 12°, 76 стр.), въ которой указывалъ на недостойный и личный тонъ возраженій своего противника и, отстаивая свои прежнія замѣчанія, подвергъ разбору и само „Разсужденіе о краснорѣчіи Св. писанія“ Шишкова. Нѣкоторыя изъ его замѣчаній основательны, другія обнаруживаютъ отсутствіе научныхъ знаній, притомъ такихъ, которыя можно было имѣть и въ тѣ времена. Въ защиту своего различенія между языкомъ славянскимъ и русскимъ, Дашковъ ссылается на извѣстное Ломоносовское разсужденіе „О пользѣ книгъ церковныхъ“, гдѣ оба языка вполнѣ отчетливо разграничиваются другъ отъ друга [1]), и о которомъ Шишковъ, очевидно, совсѣмъ забылъ (стр. 18—19, прим.). Дѣлается также ссылка на критическій разборъ статьи Шишкова „Разговоры о словесности“, принадлежащій Каченовскому („Вѣстникъ Европы“, 1811, № 12, стр. 293), въ которомъ указывается различіе славянскаго языка отъ русскаго и неправильность названія *нарѣчіе* или *слогъ*, въ

---

[1]) Нпр.: „къ первому роду реченій Россійскаго языка причитаются, которыя у древнихъ Славянъ и нынѣ у Россіянъ *обще употребительны* (Богъ, слава, рука, нынѣ, почитаю)... Къ третьему роду относятся, которыхъ нѣтъ въ остаткахъ Славенскаго языка, т. е. въ церковныхъ книгахъ (говорю, ручей, которой, пока, лишь)... Симъ штилемъ преимуществуетъ *Россійскій языкъ* предъ многими нынѣшними Европейскими, *пользуясь языкомъ Славенскимъ*, изъ книгъ церковныхъ“...

примѣненіи къ послѣднему (стр. 19—20). Далѣе Дашковъ устанавливаетъ свое отношеніе къ славянскому языку, который онъ и не думалъ „презирать", утверждая только, что „не должно употреблять въ Рускомъ языкѣ несвойственныхъ ему Славенскихъ выраженій и оборотовъ" (стр. 24). Вѣрно и его замѣчаніе, что, въ доказательство тожества славянскаго и русскаго языковъ, нельзя ссылаться на понятность пролога, Четій-Миней и другихъ церковныхъ книгъ для безграмотныхъ мужиковъ, какъ это дѣлалъ Шишковъ (стр. 26). На дѣлѣ, по словамъ Дашкова, наблюдается совсѣмъ иное: „у насъ ни одинъ мужикъ, хотя бы и грамотный, не пойметъ ничего изъ Пролога и Четіи-Минеи, естьли не учился читать по Часослову и не затвердилъ начальныхъ правилъ Славенскаго языка" (стр. 26—27). На стр. 35—37 (примѣч. 6) Дашковъ исправляетъ ошибочную этимологію Шишкова, производившаго *теперь* отъ мѣстоим. *та* и имени *пора*. При этомъ онъ пользуется письмомъ „одного почтеннаго любителя словесности" (Д. И. Языкова?), въ которомъ указывалось на лѣтописную форму *нетеперво* и рядъ славянскихъ формъ (взятыхъ изъ словаря Линде), въ родѣ „*Богемск.* тепрвъ, тепрва, тепрувъ, *Рагузск.* топарвъ, стопарвъ" и т. д. По мнѣнію „Любителя", русск. *теперь*=*теперво*, *топерво*, а *та пора* дало начало только нарѣчіямъ *въ тупору*, *на тупору*, *втапоры*. Осуждаетъ Дашковъ и знаменитыя этимологіи Шишкова *далеко*=*даль око*, *близко*=*близь око*, и т. п., указывая, что ихъ „окончанія *еко*, *ко*, *око*" тѣ же самыя, что и въ словахъ *жестоко*, *мягко*, *крѣпко* и т. д. (стр. 67). При этомъ Дашковъ отсылаетъ читателя и къ настоящему источнику этихъ этимологій—статьѣ Сумарокова „О коренныхъ словахъ Русскаго языка" (см. выше, стр. 212 и 274—276), о которой Шишковъ совсѣмъ не упоминаетъ (стр. 68—69, прим.). Смѣшному соображенію Шишкова, по которому звукъ *о* въ словѣ *око* выбранъ за круглую форму буквы *о*, напоминающую видъ глаза, Дашковъ противопоставляетъ указаніе на слова *кругъ* и *шаръ*, названія „фигуръ самыхъ круглѣйшихъ", въ которыхъ тѣмъ не менѣе нѣтъ гласнаго *о* (стр. 72—73). Кромѣ того, исправляется рядъ другихъ мелкихъ ошибокъ Шишкова, въ родѣ небывалаго слова *зареніе* (очевидно изъ *о-зареніе*), *лучица*, заливецъ (по Дашкову—*водоросль*, *водяная трава*; на дѣлѣ—*болото*, *стоячая вода*) и т. п. (стр. 71, 73).

Рядомъ со справедливыми замѣчаніями, находимъ у Дашкова и ошибки. Онъ самъ, какъ и его противникъ, не умѣлъ отличить церковно-славянскаго отъ русскаго. Только Шишковъ называлъ русскій — славянскимъ, а Дашковъ утверждалъ, что

„встарину всякія книги духовныя и свѣтскія писали языкомъ Славенскимъ болѣе или менѣе испорченнымъ“ (стр. 28), и спрашивалъ: „Развѣ Русская правда, Владимірова духовная, Слово о полку Игоревомъ (коихъ у насъ незнающіе по славенски безъ перевода читать не могутъ, даже и знающіе очень часто не понимаютъ), развѣ всѣ сіи книги писаны по руски?“ (стр. 28—29). По прежнему онъ продолжаетъ настаивать, что „въ *нарѣчіе Руское* вмѣшалось множество Татарскихъ и другихъ иностранныхъ словъ“, вслѣдствіе чего „оное нарѣчіе отдѣлилось совершенно отъ своего корня“ (стр. 32). Главное мѣстопребываніе славянъ Дашковъ помѣщаетъ на Дунаѣ, а „главную колыбель Славенскаго языка“ въ Моравіи, гдѣ изобрѣтены и буквы наши (стр. 46) и т. д. Не удивительно, если Карамзинъ, не принимавшій участія въ спорѣ своихъ приверженцевъ съ Шишковымъ, такъ оцѣнилъ его научное значеніе въ своемъ письмѣ къ И. И. Дмитріеву отъ 4 дек. 1811 г.: „Кажется, что наши петербургскіе авторы, и старые и молодые, спорятъ о языкахъ славянскомъ и русскомъ безъ яснаго понятія о ихъ различіи. Объ этомъ говорить будетъ долго; и такъ не скажу ничего [1])“. Такимъ образомъ научной пользы отъ этого спора вышло очень немного, и онъ характеристиченъ скорѣе въ смыслѣ отрицательнаго показателя, дающаго понятіе о состояніи нашей науки въ данное время.

Въ томъ же 1811-мъ году явились „Разговоры о Словесности. Сочиненіе Александра Шишкова. Въ С.-Петербургѣ, въ Типографіи Ивана Глазунова (8°, 158 стр.)“, Мы находимъ здѣсь большею частью обычное у Шишкова повтореніе тѣхъ же излюбленныхъ парадоксовъ и ошибокъ, знакомыхъ намъ изъ болѣе раннихъ его писаній. Первая часть этихъ „Разговоровъ“ была посвящена вопросу о русскомъ правописаніи, вторая—„Рускому стихотворству“ и содержала нѣсколько цѣнныхъ по тому времени замѣчаній объ особенностяхъ народнаго поэтическаго языка. Новый трудъ неутомимаго „славенофила“ вызвалъ критическую статью К. (Каченовскаго), напечатанную въ „Вѣстникѣ Европы“ (1811, ч. 57, № 12, стр. 285—305 и № 13, стр. 34—57). Каченовскій соглашается съ цѣлымъ рядомъ основныхъ положеній Шишковскихъ „Разговоровъ“ и цитируетъ цѣликомъ „прекрасное ихъ окончаніе“, гдѣ говорится опять о важности церковныхъ книгъ для рус-

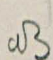
[1]) „Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. По порученію Отд. русск. языка и слов. Имп. Акад. наукъ изд. Я. Гротомъ и Пекарскимъ“. Спб. 1866, стр. 159. См. примѣчаніе Грота къ этому письму, стр. 067—071.

скаго литературнаго языка, вредѣ подражанія иностраннымъ языкамъ, достоинствахъ „Славянскаго“ языка, опасности испортить нашъ языкъ, если забудемъ славянскій его источникъ и будемъ гнаться за изученіемъ чужихъ языковъ и т. д. Несмотря на это принципіальное сочувствіе, Каченовскій дѣлаетъ рядъ поправокъ и критическихъ замѣчаній къ отдѣльнымъ мнѣніямъ Шишкова. На его утвержденіе, будто церковныя книги даютъ „достаточныя и твердыя правила для правописанія“, Каченовскій отвѣчаетъ указаніемъ на непослѣдовательность и пестроту правописанія въ этихъ самыхъ книгахъ. Точно также Каченовскій указываетъ, что отступленія отъ церковно-славянскаго правописанія начались въ нашемъ письменномъ языкѣ уже давно, а не въ новѣйшее время („нынѣ“), какъ утверждалъ Шишковъ. На слова Шишкова, называвшаго мнѣніе о различіи славянскаго и русскаго языковъ „неосновательнымъ и невѣжественнымъ“ и объявлявшаго русскій языкъ не существующимъ, „ибо слогъ или нарѣчіе не есть языкъ“, Каченовскій отвѣчалъ такимъ опредѣленіемъ помянутаго различія: „Оставшійся въ книгахъ духовныхъ Славянскій языкъ отдѣленъ отъ нынѣшняго Русскаго несходствомъ нѣкоторыхъ словъ и разностію въ спряженіяхъ и даже въ правилахъ синтаксиса. Безъ всякаго сомнѣнія Русской языкъ есть отрасль Славенскаго; но теперь онъ уже въ такомъ состояніи, что приличнѣе называть его языкомъ, а не нарѣчіемъ. На немъ издаются законы; на немъ написаны многія книги; какъ же можно сказать, что онъ не существуетъ, и какъ можно называть его нарѣчіемъ, тогда какъ самъ онъ уже имѣетъ множество мѣстныхъ нарѣчій? Ежели такъ, то ни одинъ изъ нынѣшнихъ Европейскихъ языковъ не существуетъ; ибо всѣ они произошли отъ древнихъ и изъ нихъ составились... Было бы очень странно, когдабъ увѣрять стали, что у италіанцевъ и французовъ нѣтъ языка, и что тѣ и другіе говорятъ *нарѣчіемъ* или *слогомъ*“ (стр. 293). Какъ ни наивенъ кажется намъ теперь этотъ взглядъ Каченовскаго, но нельзя не признать, что онъ стоитъ неизмѣримо выше нелѣпой теоріи Шишкова, по которой русскій языкъ являлся „слогомъ“ или „нарѣчіемъ“ славянскаго.

Каченовскій осуждаетъ здѣсь (стр. 293—94) и пресловутыя этимологіи Шишкова: высоко = *высь-око*, глубоко = *глубь-око* и т. д., а также объясненія: *зѣница* изъ *зрѣница* (зрѣніе) и *граница* изъ *храница* (храненіе). По словамъ нашего критика, тогда и *гордость* можно производить отъ *гора* и *даю*. Особенно рѣшительно отвергаетъ онъ производство: *граница* изъ *храница* и указываетъ на схожее и, вѣроятно, по его мнѣнію, родственное

нѣм. Gränze (въ дѣйствительности заимств. изъ славянскаго). Самое значеніе слова *граница* — (черта, рубежъ, край, межа) не имѣетъ ничего общаго съ *храненіемъ* (стр. 295). Не согласенъ также Каченовскій съ Шишковымъ, относительно великаго значенія русскихъ буквъ *ч*, *ш*, *щ*, которыя, по словамъ Шишкова, „возвели Славенскую азбуку и языкъ до такой силы и звучности, до которыхъ всѣ новѣйшіе языки, неимѣющіе сихъ буквъ, тщетно покушаются вознестись". Каченовскій справедливо полагаетъ, что этимъ буквамъ приписывается „слишкомъ уже много почести" (стр. 297), и указываетъ, что „выражаемые ими звуки были въ языкѣ прежде употребленія письма, а буквы изобрѣтены послѣ и именно для звуковъ. Какую-жъ особливую услугу оказали буквы *ч*, *ш* и *щ*, и какую причину мы имѣемъ хвалиться тѣмъ, что для звука *ш* у насъ есть одинъ знакъ", а у французовъ двѣ буквы (ch). „У насъ нѣтъ буквъ для выраженія нѣкоторыхъ звуковъ Италіанскихъ, Французскихъ, Англійскихъ; должны ли мы о томъ печалиться, и могутъ ли иностранцы упрекать насъ бѣдностью?" (стр. 298—98). Такимъ образомъ не всѣ смотрѣли въ то время такъ странно и наивно на вопросы языка, какъ Шишковъ, не считавшійся ни съ требованіями науки, ни съ соображеніями обыкновеннаго здраваго смысла. Впрочемъ и Каченовскій отдаетъ дань времени, одобряя доводы Шишкова, какъ противъ незадолго до того изобрѣтенной буквы ё, такъ и противъ самаго произношенія гласнаго *о* на мѣстѣ древняго ударенпаго *е* (напр. *слёзы*). По словамъ Шишкова, „важному и краснорѣчивому слогу приличенъ такой же и выговоръ словъ"; и критикъ, и авторъ „Разговоровъ" согласны, что нельзя вводить „простонародное" въ „книжный высокой и благородной языкъ" (стр. 302).

Оставляя въ сторонѣ чисто литературное содержаніе „Разговоровъ" Шишкова и замѣтки Каченовскаго относительно этой ихъ части, укажемъ еще, что Каченовскій вполнѣ справедливо отмѣчаетъ похвалой дѣйствительно новыя и цѣнныя для того времени замѣчанія Шишкова „объ отличіяхъ стариннаго Русскаго



стихотворства", т. е. народнаго поэтическаго языка.

Въ этомъ послѣднемъ Шишковъ отмѣчалъ частыя повторенія, въ родѣ: „ты *дуброва* моя, *дубровушка*"; эпитеты („часто употребляются имена прилагательныя съ своими существительными"), въ родѣ: *красное солнце*, *свѣтлый мѣсяцъ*, *частыя звѣзды*, *синее море* и т. д.; двойные эпитеты: *темный дремучій лѣсъ*, *желтый сыпучій песокъ*, *бѣлая кудрявая береза* и т. д., краткія или простыя („усѣченныя") формы прилагательныхъ: *бѣлы руки*, *добра*

коня, бѣлъ горючь камень; имена уменьшительныя: *дѣтинушка, головушка;* „особливыя приговорки“: *видомъ не видать, слыхомъ не слыхать, журмя журить*; отрицательныя уподобленія: *не черная туча изъ за горъ поднималася, поднималось храброе Русское воинство* и т. д. Каченовскій находилъ, что сочинитель „Разговоровъ“ этими наблюденіями „сдѣлалъ приятное одолженіе всѣмъ благомыслящимъ своимъ читателямъ“.

По обыкновенію, Шишковъ не остался въ долгу у своего критика и въ слѣдующемъ 1812 году выпустилъ особое „Прибавленіе къ разговорамъ о словесности, или возраженія противъ возраженій, сдѣланныхъ на сію книгу“ (Спб. 8°, 71 стр.). Отвѣтныя возраженія Шишкова имѣютъ обычный для него характеръ, отличаясь голословностью и задоромъ, и мало прибавляютъ новаго къ высказаннымъ имъ раньше взглядамъ. Изрѣдка только встрѣчаются новыя этимологіи въ знакомомъ уже намъ вкусѣ, въ родѣ объясненія *серьги* = древн. *усерязи*, которое въ свою очередь состоитъ будто бы изъ словъ *усе* (уши) и *рязи* (ряжу, наряжаю! стр. 4—5). Свои дикія этимологіи *высоко* = *высь око*, *граница* = *храница* Шишковъ отстаиваетъ, повторяя ихъ опять и утверждая, что онѣ такъ же очевидны, какъ происхожденіе слова *благополучіе* изъ *благо* и *получаю* (стр. 13—14) и т. д. Курьезно возраженіе Каченовскому относительно *щ*, которое, по мнѣнію послѣдняго, равно *ш* + *ч*. Шишковъ отвѣчалъ на это, что *щ* „составлено изъ *с* + *ч*, только это *с* „слышится всегда какъ *ш*“ (стр. 21)! Прочія возраженія въ томъ же родѣ и, конечно, отнимали всякую охоту у противниковъ Шишкова продолжать съ нимъ научную полемику. Толку изъ нея выйти, очевидно, не могло. Тѣмъ не менѣе Каченовскій отвѣчалъ и на „Прибавленіе“ (см. „Вѣстникъ Европы“ 1812 г., ч. 62, стр. 118—130, 195—217), отстаивая свои замѣчанія и подчеркивая слабыя стороны Шишковскихъ возраженій.

Къ этой литературѣ, вызванной къ жизни полемическими писаніями Шишкова, принадлежитъ и „Разговоръ о томъ, что преимущественно заниматься должно языкомъ отечественнымъ“ („Вѣстникъ Европы“ 1812 г., ч. 61, стр. 173—202), полученный редакціей изъ московскаго университетскаго Благороднаго Пансіона и подписанный иниціалами Ѳ. С...й. Разговоръ этотъ ведется между приверженцемъ славенщины Стародумовымъ (Шишковъ), космополитически настроеннымъ Модовымъ (карамзинисты), Вѣтрономъ (представитель свѣтскихъ шалопаевъ, равнодушныхъ ко всякимъ отвлеченнымъ и научнымъ вопросамъ) и Здравомысломъ, фамилія котораго ясно говоритъ о его роли. Основная мысль выражена въ концѣ разговора устами Здравомысла, стыдящаго Модова и Вѣт-

рона и доказывающаго, что надо сначала изучить свой родной языкъ, а потомъ приниматься и за иностранные. Стародумовъ, сначала ратовавшій противъ этой мысли, въ концѣ концовъ соглашается со Здравомысломъ и признаетъ пользу иностр. языковъ. Модовъ, въ свою очередь, поступается до извѣстной степени своими западническими вкусами, а Вѣтронъ обѣщаетъ наверстать безпутно растерянное въ пустыхъ забавахъ время и заняться изученіемъ своего родного языка.

Въ связи съ походомъ Шишкова противъ иноземнаго вліянія и его „славенофильствомъ", выраженнымъ въ расмотрѣнныхъ его писаніяхъ, находится, очевидно, и довольно любопытное рукописное „Постановленіе общества, свергнувшаго иго чужеязычія", принадлежащее I-му отдѣленію библіотеки Имп. акад. наукъ (шифръ 26. 2. I. 38). Весьма вѣроятно, что мысль объ учрежденіи названнаго общества возникла какъ разъ во время вышеупомянутой полемики между Шишковымъ и карамзинистами. Небольшая рукопись „Постановленія", возникшая не раньше 1811 г. (писана на бумагѣ этого года), содержитъ проектъ устава общества и украшена эпиграфомъ: „Хорошее никогда не поздно". Цѣль общества изложена въ первомъ пунктѣ устава: „какъ возможно устраняться отъ употребленія франц. языка безъ самой крайней необходимости, какъ въ разговорѣ, такъ и на письмѣ". Члены общества, „будучи удостовѣрены въ изяществѣ и пользѣ цѣли его" (§ 2), должны были „пользу сію стараться разпространять сколько ко всеобщему употребленію языка, столько и къ его усовершенствованію" (§ 3). Въ виду возможности, что новость общества и закоренѣлость „предубѣжденія въ пользу франц. языка" навлекутъ на него „колкія сужденія и насмѣшки", члены его приглашались дѣйствовать рѣшительно, „противополагая имъ тѣже насмѣшки и презрѣніе въ душѣ" (§ 5). Члены обязывались проповѣдовать главную цѣль общества не только на словахъ, но и въ сочиненіяхъ (§ 6), и „очищать языкъ отъ употребленія иностранныхъ словъ, стараясь замѣнить ихъ собственными, равносильными" (§ 7). Знаніе иностранныхъ языковъ, однако, уставомъ не отвергалось и даже признавалось полезнымъ, но осуждалась привычка говорить на нихъ. Кто были учредители общества, изъ рукописи не видно. Въ ней упоминается только одно имя какого то г. Кикина, быть можетъ секретаря общества, у котораго должна была храниться книга для вписыванія въ нее членовъ. Повидимому, дальше проекта устава дѣло не пошло, такъ какъ о дѣятельности этого мертворожденнаго общества другихъ свѣдѣній не

имѣется. Такимъ образомъ для „усовершенствованія“ русскаго языка оно не успѣло ничего сдѣлать.

Вообще вліяніе „славенофильской“ проповѣди Шишкова было ничтожно, несмотря на его авторитетное общественное положеніе. Послѣдователей, проводившихъ его идеи въ дѣйствительную жизнь, было очень немного, и примѣръ ихъ могъ имѣть только отрицательное значеніе, ярко живописуя, куда можно зайти, слѣпо слѣдуя завѣтамъ маститаго пуриста и гонителя иностранныхъ словъ. Однимъ изъ такихъ слѣпыхъ послѣдователей, шедшихъ въ своемъ рвеніи еще дальше Шишкова, былъ нѣкій М. К. (Михайло Карлевичъ?), напечатавшій въ 1815 г. переводъ „Основаній естественнаго законодательства“ Перро (С.-ПБ). Не ограничиваясь переводомъ иностранныхъ словъ, въ родѣ: система—*объемъ*, политика—*общеклоніе* (!), характеръ—*основодъ* (?!), логикъ—*словоздатель* и т. д., онъ замѣнялъ и укоренившіяся уже, переводныя и даже природныя русскія слова своими неологизмами, въ родѣ: землеизмѣреніе—*мѣроземіе*, предметъ—*обдумъ*, способность—*удособіе*, существо—*сущіе*, нравоучитель—*нравоставъ*, мѣра, вѣсъ и умѣщеніе—*умѣръ, увѣсъ, умѣстъ* и т. д. (См. „Сынъ Отечества“ 1815 г., ч. 26, стр. 61—62).

Судя по фамильному сходству этихъ неологизмовъ съ подобными же неологизмами въ изданіи надв. сов. Михайлы Карлевича „Приступъ къ ежемѣсячному изданію подъ названіемъ любитель отечества (отчелюбецъ)“, С.-ПБ. 1816 г.), надо думать, что переводчикъ книги Перро, М. К., и издатель „Отчелюбца“, Мих. Карлевичъ,—одно и то же лицо. Журналъ его задавался необыкновенно широкой программой и имѣлъ въ виду между прочимъ содѣйствовать „усовершенію русскаго языка“. Вліяніе Шишкова на Карлевича несомнѣнно явствуетъ изъ руководящихъ его принциповъ, высказанныхъ имъ въ одномъ изъ отдѣловъ его „Приступа“: порча слова, по его мнѣнію, равносильна порчѣ обычаевъ и нравственности, иноземныя примѣси въ языкѣ ведутъ „къ важнымъ недоразумѣніямъ“. Поэтому „нужно возвращаться къ Славенскому языку яко своему коренному языку, но все неиначе какъ образомъ постепенности“. Здѣсь тоже найдемъ и рядъ дикихъ неологизмовъ, состряпанныхъ, очевидно, съ большою натугою и отсутствіемъ языковаго чутья: астрономія—*звѣздочетство*, физика—*тѣлообразіе*, медицина—*лѣчезнаніе*, химія—*споятѣло* (!), математика—*сомѣрочетіе* (!), механика—*трудоспоръ* и *силодѣліе*, минералогія—*ископаніе*, технологія—*искусствословіе* (?), метафизика—*душевзоръ* и *душевидъ*, аптека—*лѣчебня*, музеумъ—*храно-*

видъ, и т. д.; даже *распространенiе* не уцѣлѣло отъ перевода и превратилось въ *уизвѣстiе* (!).

Рядомъ съ кликаньемъ такихъ рьяныхъ шишковистовъ, какъ Карлевичъ, однако, высказывались и другiе, болѣе трезвые и здравые голоса. Такъ, въ видѣ противовѣса пуризму Шишкова и его послѣдователей, „Вѣстникъ Европы“ Каченовскаго помѣстилъ въ 1816 г. (ч. 87, стр. 266—80) переводную статью франкфуртскаго профессора Бока: „Нѣсколько словъ о строжайшемъ наблюденiи чистоты въ языкѣ“, содержавшую очень рѣзкое осужденiе галлофобiи.

Вопроса о взаимномъ отношенiи русскаго и славянскаго языковъ, разсматривавшагося въ писанiяхъ Шишкова, касается также Н. Брусиловъ въ своей статьѣ: „Историческое разсужденiе о началѣ Русскаго Государства“ („Вѣстникъ Европы“ 1811 г., ч. 55, 284—316). Но онъ подъ „языкомъ Руссовъ“, очевидно, разумѣетъ языкъ древнихъ скандинавовъ, поселившихся въ Россiи. Такъ онъ спрашиваетъ (стр. 290—91), гдѣ остатки языка руссовъ; „Русскiй языкъ, нынѣ нами употребляемый, имѣетъ ли хотя малѣйшее сходство съ древнимъ языкомъ Руссовъ? Не чистый ли корень имѣетъ языкъ нашъ въ Славянскомъ? Книги на семъ языкѣ писанныя въ XI и XII вв., не можемъ ли мы понимать безъ всякой трудности? Какой Русскiй, даже не ученый, потребуетъ перевода Славянскаго нарѣчiя, кромѣ нѣкоторыхъ выраженiй, измѣнившихся съ теченiемъ времени, или забытыхъ?“ Объ этомъ свидѣтельствуетъ и понятность „Слова о П. Игор.“, „писаннаго древнѣйшимъ Славянскимъ языкомъ“ (кромѣ нѣкоторыхъ особыхъ мѣстъ и архаизмовъ). Различiе между нынѣшнимъ славянскимъ и русскимъ языками Брусиловъ объясняетъ не смѣшенiемъ славянъ съ руссами, а временемъ, „которое измѣняетъ всѣ языки“, просвѣщенiемъ, сношенiями съ греками, и набѣгами половцевъ, печенѣговъ и особенно монголовъ, „отъ которыхъ въ 200-лѣтнее ихъ владычество мы заимствовали множество словъ и по нынѣ въ языкѣ нашемъ сохранившихся“. Какъ на остатки древняго русскаго языка, Брусиловъ указываетъ на „русскiя“ названiя Днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянородскаго, отличныя отъ соотвѣтственныхъ имъ славянскихъ.

Путаница понятiй о языкахъ славянскомъ, русскомъ и „славянороссiйскомъ“, отмѣченная нами въ спецiальной литературѣ этого времени, даетъ себя знать и въ извѣстномъ трудѣ Харьковскаго профессора исторiи, географiи и статистики, бывшаго воспитанника С.-Петербургской семинарiи Гавр. Петр. Успенскаго († 1820): „Опытъ повѣствованiя о древностяхъ Русскихъ“ (2 ч.

Харьковъ. 1811—12, 2 изд., испр. и умнож., тамъ же, 1818 г. [1]). Въ началѣ вступленія къ первой части книги, трактующаго „о произхожденіи Россійскаго народа и его наименованія“, „языкъ, которымъ мы говоримъ, называется Славено-русскимъ и Славено-Россійскимъ“ (изд. 1-е, стр. 1). Названіе это „доказываетъ уже, что мы произходимъ наипаче отъ двухъ главныхъ народовъ, то есть, Славянъ и Руссовъ“. Славяне, послѣ долгихъ странствій, осѣли, наконецъ, въ Илиріи, Далмаціи и на Дунаѣ, но и оттуда должны были удалиться (стр. 4). Часть ихъ, поселившаяся въ Новгородской области, или Новогородцы, удержала „не токмо собственное названіе Славянъ, но и языкъ своихъ единоплеменниковъ около Дуная и въ Иллиріи обитающихъ, который несравненно сходнѣе съ нынѣшнимъ нашимъ, нежели съ Польскимъ; несмотря на то, что Польша была къ нимъ (къ кому: Новгородцамъ или южнымъ славянамъ?) гораздо ближе, нежели мы“ (стр. 5). Вопросу „о языкѣ, разныхъ нарѣчіяхъ, именахъ и прозваніяхъ Россіянъ“ посвящена первая глава труда Успенскаго (изд. 1, стр. 16—21). Здѣсь, въ противовѣчіе съ понятіемъ о „славяно-русскомъ“ языкѣ, раздѣляемымъ и авторомъ, русскій языкъ категорически отличается отъ славянскаго. По словамъ Успенскаго, во время прибытія Рюрика въ Россію, древніе Руссы „имѣли также свой языкъ, который какъ отъ Славянскаго, такъ и другихъ языковъ былъ отличенъ и сходствовалъ, какъ думалъ Г. Болтинъ, съ нынѣшнимъ Венгерскимъ (! Болтинъ причислялъ финскіе языки къ сарматскимъ). Великая княгиня Ольга, будучи сама отъ рода Князей Славянскихъ (!), возвысивъ народъ свой, распространила и языкъ его, который вскорѣ потомъ принятіемъ св. крещенія и переводомъ на него церковныхъ книгъ съ Греческаго болѣе утвердился и сдѣлался общимъ, особливо между знатныхъ и почтенныхъ людей [2]). Напротивъ того Рускій, какъ изъ многихъ обстоятельствъ заключать можно, оставался въ употребленіи между черни, яко въ сословіи многочисленнѣйшемъ, и въ десятомъ столѣтіи былъ въ большемъ употребленіи, нежели языкъ Славянскій [3]). Потомъ всѣ завоеванныя прежде и послѣ Сарматскія (т. е. финскія) и Татарскія племена мало-по-малу приняли языкъ Славянскій (отчего не русскій?), а нѣкоторые изъ нихъ

---

[1]) Книга эта была написана авторомъ по внушенію Харьковскаго же профессора И. Ѳ. Тимковскаго, см. монографію о послѣднемъ ученомъ Шугурова въ „Кіевской Старинѣ“ 1891 г. и отдѣльно, стр. 53.

[2]) Записки касат. Росс. истор. Часть I. стр. 84.

[3]) Критич. примѣч. Болтина. Часть I. стр. 7, 9.

свой прежній забыли и нынѣ почитаются за Славянъ (?). Руссы были въ числѣ сихъ завоеванныхъ племенъ, кои забывъ также свой природный, стали говорить языкомъ своихъ побѣдителей. Татара, обладая Россіею болѣе двухъ вѣковъ, ввели въ языкъ нашъ множество (?) своихъ словъ (идея Дашкова, см. выше, стр. 755); тѣсное же обращеніе съ Варягами и Нѣмцами заставило насъ занять нѣсколько словъ у нихъ, а ихъ у насъ; и такимъ образомъ къ Славено-россійскому языку, употребляемому нынѣ въ общежитіи, примѣшалось множество словъ чуждыхъ; Славянскій же остался въ церковныхъ книгахъ таковъ, каковъ онъ былъ во время обращенія Славянъ и Руссовъ въ Христіанство. Но чтобы на Рускомъ языкѣ писаны были книги въ половинѣ одиннадцатаго вѣка, какъ нѣкоторые утверждаютъ, то сему едва ли повѣрить можно (!). Ибо грамотѣ тогда знали только духовные и весьма малое число изъ мірскихъ; учились они по книгамъ Славянскимъ, языкъ же Руской оставался въ общенародіи только для разговора, и ежели, можетъ быть, и былъ въ писаніи употребляемъ, то до насъ не дошли нетолько какого-либо рода сочиненія, но ниже малѣйшаго отрывка, писаннаго древнимъ Рускимъ языкомъ" (!) (стр. 20—21). Какъ видно, подобно Дашкову и др., Успенскій языкъ „Русской правды" и „Слова о полку Игоревѣ" считалъ очевидно, не русскимъ, а „славянскимъ".

Гораздо опредѣленнѣе точка зрѣнія, проводимая проф. Московскаго унив. М. Т. Каченовскимъ въ его статьѣ: „Взгляды на успѣхи россійскаго витійства въ первой половинѣ истекшаго столѣтія" [1]). По его словамъ (стр. 20 и сл.), „языкъ богослужебный или книжный, Моравскими переводчиками однажды образованный по Греческому, при всемъ богатствѣ своемъ (послѣ наступленія тат. ига), оставался необработаннымъ за недостаткомъ мыслящихъ писателей... не очищался, но портился неученными переписчиками; не было великихъ дарованій, не было никакихъ грамматическихъ и критическихъ сочиненій, которыя предохраняли бы цѣлость его отъ неизбѣжнаго поврежденія... Языкъ гражданскій и общенародный всегда былъ у насъ отличнымъ отъ языка церковнаго: оба они суть ближайшія вѣтви единаго древа,... органы вѣщанія единаго Славянскаго народа, но по отдѣленіи племенъ необходимо уже измѣнившіеся отъ различія въ мѣстномъ положеніи тѣхъ племенъ, въ сосѣдствѣ съ народами, въ образѣ правленія. Языкъ, говорю богослужебный, образованный по Греческому и принесен-

---

[1]) „Труды Общ. любит. Россійск. Словесности при Моск. унив." 1812 г. ч. I, стр. 17—52.

ный въ Русь по крещеніи... былъ весьма отличенъ отъ употребительнаго нарѣчія. Чтобы удостовѣриться... сравнимъ" Новгородскую лѣтопись, грамоты и другіе памятники XIII и XIV вв. со слогомъ церковныхъ молитвъ и пѣснопѣній и, „при множествѣ несходныхъ словъ повсюду увидимъ въ нихъ отмѣнное словосочиненіе... Но что окажется, когда сличимъ слогъ Русской Правды или Пѣсни о Полку Игоревѣ (ежели пѣснь сія въ самомъ дѣлѣ суть остатокъ отдаленной древности) со слогомъ тѣхъ же молитвъ и пѣсней церковныхъ? Въ памятникахъ ближайшаго къ намъ времени, когда по всей вѣроятности уже надлежало бы слиться двумъ симъ нарѣчіямъ... все еще замѣчаемъ несходство, которое до нынѣ продолжается и будетъ продолжаться. И такъ языкъ богослужебный, искажаемый неосторожными переписчиками, не могъ возноситься до высшей степени совершенства, а языкъ гражданскій и общенародный, присвоившій себѣ многія чужестранныя слова и заимствовавшій нѣкоторые обороты изъ богослужебнаго, также"... не сдѣлалъ почти никакихъ успѣховъ даже до начала царствованія Петра I. Оба языка, по словамъ Каченовскаго,—за отсутствіемъ великихъ писателей и правилъ на нихъ основанныхъ, „были не иное что, какъ богатая руда золота, ожидающая трудолюбивыхъ рукъ художника" (стр. 23).

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о русскомъ и церковнославянскомъ языкахъ, Каченовскій описываетъ возникновеніе малорусскаго нарѣчія. По его мнѣнію, въ Малороссіи и за Днѣпромъ, вслѣдствіе господства Польскаго языка, явилось искаженіе русскаго языка, „который мало по малу принималъ окончанія, обороты въ словахъ и цѣлыя слова отъ Польскаго, между тѣмъ какъ языкъ Славянскій оставался въ церковныхъ книгахъ". Ученые монахи, чтобы предохранить славянскій языкъ отъ забвенія, „сочиняли Грекославенскія и особо Славенскія грамматики" (здѣсь разумѣются Адельфотисъ и грамматики Л. Зизанія и М. Смотрицкаго). Какъ образчикъ испорченнаго югозападнаго церковнославянскаго языка, приводится отрывокъ изъ проповѣди Іоанникія Голятовскаго, дѣйствительно кишащій полонизмами. Этотъ югозападный типъ церковнослав. языка „въ устахъ Ст. Яворскаго, Димитрія св., Өеофана Прокоповича, Гавріила Бужинскаго и др.,. примѣтно сближался съ Великороссійскимъ". Даже дается характеристика только что названныхъ ораторовъ и ихъ языка, говорится объ учрежденіи Россійской академіи, рѣчи Третьяковскаго о чистотѣ россійскаго языка и т. д.

Вопроса о русскомъ литературномъ языкѣ касается и другой московскій профессоръ этого времени А. Ө. Мерзляковъ (1778—

1830) въ своемъ „Разсужденіи о россійской словесности въ нынѣшнемъ ея состояніи“ [1]), правильно чувствовавшій недостатокъ научной его разработки. Въ началѣ этого „Разсужденія“ идетъ рѣчь и о языкѣ, главнымъ образомъ какъ органѣ литературы или словесности.

Языкъ народа представляется Мерзлякову „нелживымъ знаменіемъ его характера, прочности, силы, обилія и благоустроенія“. Такими являются и языки греческій и латинскій, пережившіе грековъ и римлянъ и сохранившіеся вѣчнымъ ихъ памятникомъ, „котораго не могли разрушить ни время, ни варвары“. Съ этой же точки зрѣнія „должны мы смотрѣть на собственный свой языкъ, если хотимъ быть точно ему полезными“ (стр. 55). Тремъ степенямъ „совершенствованія“ народа отвѣчаютъ и три степени развитія языка: „обогащеніе, опредѣленность, утонченіе“ (стр. 57). Первая требуетъ обилія стихотворцевъ, вторая—обилія философовъ и филологовъ, создающихъ теорію языка, словари, грамматики (стр. 58—61). Мерзляковъ благоразумно уклоняется отъ рѣшенія „темнаго и запутаннаго“ вопроса „о томъ, первобытной ли нашъ языкъ или нѣтъ, нарѣчіе ли Славянскаго или самой Славянскій, искаженной временемъ и обстоятельствами“, которое превышало его научныя знанія и силы, и указываетъ лишь, „что онъ имѣетъ систему, отличную почти отъ всѣхъ новѣйшихъ языковъ“, обладаетъ „опредѣленными окончаніями въ падежахъ“, свободой „въ перестановкѣ словъ по силѣ смысла или гармоніи; столько же или еще болѣе измѣняемъ въ глаголахъ; въ сложеніи и въ производствѣ обиленъ и натураленъ“; богатъ словами, живописенъ и простъ и т. д. (стр. 62—63). Самъ по себѣ языкъ представляется автору „мертвымъ капиталомъ“, видимымъ „только въ оборотахъ“. „Обороты“ же русскаго языка кажутся ему еще не очень значительными. Правда онъ древенъ, но „древность его по многимъ политическимъ обстоятельствамъ была продолжительнымъ младенчествомъ“, и только со временъ Петра Великаго онъ получаетъ литературную обработку (стр. 65—66). „Но сто лѣтъ очень малое время для того, чтобъ языкъ образовался для всѣхъ наукъ“. Слѣдуетъ сравненіе нашихъ первыхъ путешественниковъ по Россіи въ XVIII в. Лепехина, Крашенинникова, Палласа, Мусина-Пушкина, открывшихъ многія богатства Россіи, съ первыми стихотворцами—Ломоносовымъ, Сумароковымъ, Херасковымъ, Державинымъ, Петровымъ, которые открыли намъ „чудесное великолѣ-

---

[1]) «Труды Общества Любит. Росс. Словесн. при Имп. Моск. унив.» 1812 г., ч. I, стр. 53—110.

ніе языка; но они всѣ испытали только одинъ рудникъ: стихотворство" (стр. 66—67). Необходима разработка его въ другихъ отношеніяхъ и особенно въ научномъ, ибо „если мы необильны въ Писателяхъ различныхъ родовъ, то еще менѣе богаты въ наблюдателяхъ языка" (стр. 68). Указывается на заслуги (!) Россійской академіи, которая „почувствовала", что грамматика Ломоносова „содержитъ въ себѣ много замѣчаній объ языкѣ, но не Грамматику, т. е. не систему языка, представленную въ возможной простотѣ и ясности", и занялась составленіемъ словаря („дѣло славное", но еще не окончательное) и грамматики („конечно хорошей", но не преодолѣвшей всѣ трудности) (стр. 68—69).

Говорится, конечно, и о заслугахъ „почтеннаго Шишкова", доказавшаго „выразительность и богатство языка Россійскаго, какъ нарѣчія отъ славянскаго", слѣдуя за которымъ, „мы можемъ со временемъ имѣть *синонимы* или *сословы*, и слѣдовательно доставимъ языку надлежащую опредѣленность" (стр. 69—70). Шишковъ получаетъ здѣсь эпитетъ „знаменитаго мужа", труды котораго „послужатъ началами хорошей Грамматики" (!).

Очевидно, филологическая „ученость" Шишкова импонировала Мерзлякову, сожалѣющему, что никто не любитъ славянскихъ книгъ, и языкъ ихъ „не входитъ въ планъ домашняго воспитанія", но въ то же время все таки высказывающемуся противъ „нѣкоторыхъ страстныхъ любителей языка Славянскаго", въ сочиненіяхъ которыхъ стоятъ рядомъ „слова обветшалыя Славянскія вмѣстѣ съ простыми общенародными и притомъ въ оборотахъ чужеязычныхъ (намекъ на галлицизмы Шишкова), или сряду старой языкъ Славянской, отъ котораго мы уже отвыкли". Мерзляковъ указываетъ на прихотливость вкуса публики: ей надо угождать „и тогда, когда хотимъ ее научить", и потому не слѣдуетъ угощать ее славянскими словами, „одичалыми уже для вкуса свѣтскаго". Ломоносовъ понималъ это и не употреблялъ обветшалыхъ славянскихъ словъ, какъ это дѣлалъ „другой, спустя 60 лѣтъ", вознамѣрившійся „плѣнить сими словами публику еще болѣе въ продолженіе сего времени, удаленную отъ Славянскаго". По мнѣнію Мерзлякова, „поздно уже заставлять насъ писать языкомъ Славянскимъ; осталось: искусно имъ пользоваться" (стр. 63 — 72). Далѣе отмѣчается оживленіе интереса къ вопросамъ языка: „Никогда столько не было ученыхъ прѣній (такъ!) въ разсужденіи языка, какъ нынѣ. Знакъ благопріятной! Утѣшительная надежда". Крики, будто языкъ погибъ и искаженъ, преувеличены (стр. 73). По мнѣнію автора, грамматика имѣетъ большое значеніе для развитія словесности: „филологъ смотритъ, сравниваетъ,

и въ продолженіи времени составляетъ систему языка, которая освятится писателями золотого его вѣка. Впрочемъ, всякой пожелаетъ, чтобы у насъ болѣе занимались основательнымъ грамматическимъ ученіемъ. Имена Грамматиковъ, толкователей, Критиковъ не столько блистательны, какъ имена Гомеровъ; но люди сіи необходимо нужны, и заслуживаютъ вѣчную благодарность" (стр. 74—75).

Четвертымъ образчикомъ университетской науки въ данной области является „Разсужденіе о Россійскомъ языкѣ" дерптскаго профессора русскаго языка Гр. Андр. Глинки (1774—1818), напечатанное въ „Вѣстникѣ Европы" 1813 г. (ч. 70, стр. 172—208, 259—276). Какъ и Мерзляковъ, Глинка уклоняется отъ рѣшенія вопроса о происхожденіи русскаго языка: „начало перводревняго языка Россійскаго, по примѣру большей части иныхъ языковъ, покрыто завѣсою тайны: и намѣреваться разсѣять хаосъ, окружающій древнихъ Руссовъ нарѣчіе, составленное, или смѣшанное съ нарѣчіями тѣхъ племенъ, коихъ они побѣждали, или коими низложены были сами, есть покушеніе столько же отважное, сколько и безплодное" (стр. 172—73). Этотъ отказъ благоразуменъ, въ виду слабыхъ познаній автора, полагающаго, напримѣръ, что переводчиками библіи и вообще св. книгъ на славянскій языкъ были не Кириллъ и Меѳодій, о которыхъ у него нѣтъ и рѣчи, а „духовные отцы, выходцы изъ Моравіи и Греціи, происхожденія же большею частію Славянскаго" (стр. 175). Эти ученые, „образовавшіе Славянскій языкъ по Греческому", за отсутствіемъ систематическихъ грамматикъ и философическихъ словарей отечественнаго языка, а также „природныхъ классиковъ и здравосудящихъ критиковъ", могли „руководствоваться прекраснѣйшимъ въ свѣтѣ языкомъ" только „слабо и превратно". Необходимо, однако, отмѣтить, что въ спорѣ Шишкова съ карамзинистами Глинка занялъ самостоятельное положеніе. По его мнѣнію, „общеупотребительный языкъ Россійскаго народа и церковный или Славянскій языкъ... изстари были двумя отличными между собою нарѣчіями", какъ это видно изъ сличенія слога Русской Правды или Слова о полку Игоревѣ со слогомъ церковныхъ книгъ XIII и XIV вв. Эта разница „обнаруживается съ очевидною ясностію" и въ новѣйшихъ памятникахъ (стр. 175—76). Въ спорѣ объ этихъ двухъ нарѣчіяхъ, по словамъ Глинки, „спорющія стороны больше однѣ у другихъ испровергаютъ, нежели что либо созидаютъ сами" (стр. 175). Вообще объ отечественномъ языкѣ нашемъ „многіе судятъ большею частію на удачу, самопроизвольно, или по внушенію темнаго и необдуманнаго чувства своего", почему о немъ и

„наговорено множество нелѣпостей какъ въ хорошую, такъ и въ худую сторону“ (стр. 177). Несмотря на столь строгій отзывъ о своихъ современникахъ, самъ Глинка въ своемъ разсужденіи даетъ лишь рутинное, ненаучное и реторическое доказательство превосходства русскаго языка надъ французскимъ, въ отношеніи „богатства, силы, величества и пріятности“. Какъ „источникъ богатства и вмѣстѣ возвышенности“ русскаго языка, указывается славянскій языкъ, изъ котораго мы можемъ переносить „лучшія слова и обороты“ въ свой собственный, тогда какъ французскіе лирики не имѣютъ другого источника, кромѣ „простого общенароднаго языка“ (стр. 187). У насъ много словъ, заимствованныхъ „изъ другихъ языковъ, особенно древнихъ“, которыя „не вредятъ ни мало оригинальности Русскаго языка“, въ родѣ: *любомудріе*, *законоискусство* или *правовѣдѣніе*, *военоначальникъ* (такъ!), *полководецъ*, *самочувствіе*, *своекорыстіе*, *самодержавный*, *первородный* и т. д. (стр. 188). Кромѣ того, въ русскомъ языкѣ несравненно больше уменьшительныхъ именъ, чѣмъ во французскомъ (стр. 188—189), и зато нѣтъ неудобныхъ „членовъ“ (190—191), имѣется свободный порядокъ словъ (стр. 192 и сл.), разнообразіе окончаній и падежей въ склоненіи (стр. 200) и спряженіи (200—201), возможны сложныя слова, передаваемыя по французски лишь описательно (201—203) и т. д. Сверхъ этого, русскій языкъ можетъ самъ собственными средствами создавать новые термины, въ родѣ *переворотъ*, *небосклонъ*, *лиценачертаніе*, *промышленность*, *текучесть*, тогда какъ французскій долженъ прибѣгать къ латинскому или греческому языкамъ (стр. 259—261) и т. д. Въ этомъ патріотическомъ превознесеніи русскаго языка надъ французскимъ нельзя не видѣть вліянія Шишкова и вообще современной патріотической литературы, среди дѣятелей которой авторъ даннаго разсужденія имѣлъ и близкихъ родственниковъ. Научнаго значенія, конечно, такая „патріотическая лингвистика“ не могла имѣть.

Всѣ эти разсужденія и послѣдовавшія за ними служили до нѣкоторой степени какъ бы отвѣтомъ на рядъ задачъ, поставленныхъ въ это время нашими учеными обществами и другими учрежденіями. Такъ въ 1812 г., въ Московскомъ Обществѣ Любит. Росс. Словесности, по предложенію П. Калайдовича, была объявлена задача: опредѣлить, „На какомъ языкѣ писана Пѣснь о полку Игоревѣ, на древнемъ ли Славянскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ Св. Писанія, или на какомъ нибудь областномъ нарѣчіи“ (см. выше, стр. 745); тѣмъ же обществомъ и въ томъ же году предложена была тема: „Показать причины измѣненія Русскаго языка и вліяніе, полученное имъ отъ иностранныхъ язы-

ковъ, какъ то: Польскаго, Латинскаго, Нѣмецкаго и Французскаго, и выгоды и невыгоды, отъ сего происходящія" (см. выше, тамъ-же). Въ томъ же 1812 г., въ засѣданіи 13 марта. въ Императ. Моск. общ. исторіи и древностей россійскихъ, отъ имени члена его, барона Б. И. Фитингофа, и съ одобренія общества, была поставлена задача на премію въ 50 червонцевъ, срокомъ до 1814 года: „Языкъ, на которомъ писанъ принятый Русскими переводъ Библіи, лѣтописи ихъ и церковные отцы, ими переведенные, и который они называютъ Словенскимъ, въ самомъ ли дѣлѣ есть подлинный Словенскій коренной языкъ, произведшій столь многія отрасли, или онъ не что иное есть, какъ токмо произведенный, подобно прочимъ? Когда же сіе найдено будетъ по достаточномъ изслѣдованіи, то спрашивается, существуетъ ли еще подлинный Словенскій коренной языкъ, и гдѣ существуетъ оный" [1]).

Вслѣдъ за вопросомъ объ отношеніи русскаго языка къ „славенскому", или церковнославянскому, возникаетъ вопросъ о томъ, что же представляетъ собой этотъ послѣдній. Послѣ долгаго господства мнѣнія Шлецера, отожествлявшаго церковно-славянскій языкъ съ праславянскимъ или общеславянскимъ, являются попытки опредѣлить, какому изъ древнихъ отдѣльныхъ славянскихъ племенъ принадлежалъ такъ называемый церковнославянскій. Первой у насъ попыткой этого рода должна быть названа статья М. Т. Каченовскаго: „О славянскомъ языкѣ вообще и въ особенности о Церковномъ", напечатанная въ „Вѣстникѣ Европы" за 1816 г. (ч. 89, № 19, стр. 241—263) [2]) и служившая отвѣтомъ на тему, предложенную въ 1812 г. Имп. Моск. общ. ист. и древн. росс. (см. выше, эту же стр.) и Казанскимъ обществомъ „Любителей отечественной словесности" [3]). Это былъ докладъ, читанный Каченовскимъ въ засѣданіи Моск. Общ. Любит. Росс. Слов. 28 окт. 1816 г. [4]). Въ своемъ разсужденіи Каченовскій, основываясь на свидѣтельствахъ Іорнанда, Прокопія и Эгингарда устанавливаетъ,

---

[1]) См. Нилъ Поповъ, «Исторія Императ. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.». Ч. I. Москва, 1884 г. стр. 207—208.

[2]) Статья эта, съ небольшимъ вступленіемъ (менѣе страницы) была напечатана также въ «Трудахъ Моск. Общ. Любит. Росс. Слов.» за 1817 г. ч. VII, стр. 5—27 подъ нѣсколько инымъ заглавіемъ: «О славянскомъ и въ особенности церковномъ языкѣ». Въ «Вѣстникѣ Европы» она имѣетъ «Прибавленіе», отсутствующее въ «Трудахъ» и содержащее изложеніе взглядовъ на славянск. языкъ, которые находятся въ предисловіи къ книгѣ Іоанна Рукослава, «Плутарха Хиронейскаго дѣлце о воспитаніи дѣтей и т. д.» (Будинъ градъ, 1808).

[3]) См. «Труды Моск. Общ. Любит. Росс. Слов.» за 1817 г., часть VII, стр. 5.

[4]) См. «Труды» того же общества, 1817 г., ч. VIII, стр. 100.

что „при первомъ появленіи народа Славянскаго“ въ V—VI вв. по Р. Х., онъ уже представляется „чрезвычайно многолюднымъ, разсѣяннымъ на великомъ пространствѣ Европы, раздѣленнымъ на многія племена, слѣдственно говорящимъ не на одномъ общемъ коренномъ, во всѣхъ словахъ и окончаніяхъ однообразномъ языкѣ, но на разныхъ нарѣчіяхъ болѣе или менѣе несходныхъ между собою и происшедшихъ отъ кореннаго“ (стр. 247). Разселеніе славянъ продолжалось въ VI и VII вв., „въ IX в. уже были составлены всѣ государства Славянскія“ (тамъ же), въ которыхъ употреблялись „діалекты или нарѣчія *нынѣ намъ неизвѣстнаго* (курсивъ автора) коренного, первобытнаго языка Славянскаго, принадлежавшаго народу еще прежде, нежели онъ началъ распространяться. Слѣдственно и нашъ церковный языкъ, сохраненный первыми переводчиками Священныхъ книгъ въ Моравіи и Булгаріи, сдѣлался книжнымъ или письменнымъ въ девятомъ столѣтіи уже *изъ нарѣчія* (курс. автора), а не изъ кореннаго, не изъ первобытнаго языка Славянскаго, отъ котораго произошли всѣ нынѣшнія его нарѣчія: Русскій яз., Польскій, Богемскій, Сербскій, Кроатскій, Боснійскій и проч.“ (стр. 248—49). Приведя историческія данныя о первоучителяхъ Кириллѣ и Меѳодіи, „уроженцахъ изъ *Солуня*“ (курсивъ автора), которые оба весьма хорошо знали слав. языкъ, Каченовскій приходитъ къ заключенію, „что книги церковныя переведены если не всѣ, то большею частію, въ Моравіи“ (стр. 249—250).

Между тѣмъ „моравскій“ языкъ—„одинъ и тотъ же съ Чешскимъ или Богемскимъ, даже и по названію“, и мы найдемъ „весьма значительное несходство съ церковнымъ Славянскимъ не только въ нынѣшнемъ Богемскомъ, но и въ древнихъ остаткахъ его, сохранившихся до временъ нашихъ“ (стр. 250—51), какъ это усматривается изъ „Geschichte der Böhmischen Sprache und Litteratur“ Добровскаго (Прага, 1792, стр. 59, 62). „Булгаро-Славянское нарѣчіе также весьма далеко отъ церковнаго“, благодаря покоренію дунайскихъ славянъ булгарами, „которые безъ сомнѣнія успѣли исказить языкъ ихъ, прежде нежели сами въ Славянъ превратились“. Кромѣ того, „несчастные Булгарскіе Славяне не имѣютъ у себя никакой литературы“ (стр. 251).

Въ виду этихъ фактовъ, Каченовскій, опираясь на свидѣтельство „разныхъ историческихъ книгъ“ (цитируется „Anleitung zur Kenntniss der allgem. Welt- und Völker-Geschichte“ Христ. Дан. Бека, т. III, 232), на мнѣніе Добровскаго, утверждавшаго, что „Русскій церковный языкъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ Руссизмовъ) есть собственно *древле-Сербскій*“ (стр. 252), свидѣтельство

Раича о „книгахъ писанныхъ на *древнемъ* Сербскомъ языкѣ“ и свободное письменное употребленіе „Славянскаго церковнаго языка“ у сербовъ, приходитъ къ заключенію, что „*нынѣшній церковный нашъ языкъ есть старинное Сербское нарѣчіе*“, а „*древній коренный Славянскій языкъ намъ неизвѣстенъ*“ (стр. 257, курсивъ вездѣ автора). На вопросъ, почему Кириллъ и Меѳодій переводили Свящ. Писаніе для моравскихъ славянъ на „Сербское, чуждое Моравамъ нарѣчіе“, а не на ихъ собственное, моравское, онъ отвѣчаетъ: „они переводили на то нарѣчіе, которому имѣли случай научиться“, будучи посылаемы въ разныя славянскія области, а кромѣ того и отъ сербовъ, поселенныхъ императоромъ Иракліемъ въ Ѳессаліи (стр. 254—258). Догадка Шлецера, указывавшаго со свойственнымъ ему геніальнымъ чутьемъ, что болгары жили недалеко отъ Солуни, имѣвшей съ ними сношенія, и первоучители могли узнать славянскій языкъ отъ нихъ, Каченовскимъ отклоняется, какъ противорѣчащая его гипотезѣ.

Взглядъ Каченовскаго (и Добровскаго) нашелъ себѣ сторонника въ Карамзинѣ, который въ своей „Исторіи Государства Россійскаго“ (изд. 1, 1816 г., т. I, стр. 250) тоже говоритъ, что Кириллъ и Меѳодій и ихъ помощники „основали правила книжнаго языка Славянскаго на Греческой Грамматикѣ, обогатили его новыми выраженіями и словами, держась нарѣчія своей родины, Ѳессалоники, то есть Иллирическаго или Сербскаго, въ коемъ и теперь видимъ сходство съ нашимъ Церковнымъ“. По его словамъ, „впрочемъ, всѣ тогдашнія нарѣчія долженствовали менѣе нынѣшняго разниться между собою, будучи гораздо ближе къ своему общему источнику, и предки наши тѣмъ удобнѣе могли присвоить себѣ Моравскую (?!) Библію. Слогъ ея сдѣлался образцемъ для новѣйшихъ книгъ Христіанскихъ, и самъ Несторъ подражалъ ему; но Русское особенное нарѣчіе сохранилось въ употребленіи, и съ того времени мы имѣли два языка, книжный и народный. Такимъ образомъ изъясняется разность въ языкѣ Славянской Библіи и *Русской Правды* (изданной скоро послѣ Владиміра), Несторовой лѣтописи и *Слова о Полку Игоревѣ...*“ (стр. 251).

Рядомъ съ этими двумя, вполнѣ опредѣленными взглядами Каченовскаго и Карамзина, представителей науки своего времени, самыя ошибки которыхъ поучительны, совершенно ничтожнымъ представляется риторически безсодержательное „Краткое начертаніе о славянахъ и славянскомъ языкѣ“ нѣкоего Димитрія Воронова [1]), напечатанное въ „Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ Любителей Рус-

[1]) Д. I. Вороновъ, воспитанникъ александро-невской академіи, съ 1808 пре-

скаго слова“ (Чтеніе 15-е. Спб. 1816 г., стр. 28—43). Въ началѣ его авторъ выражаетъ свою признательность католическому митрополиту Сестренцевичу-Богушу и нашему Тредьяковскому, занимавшимся вопросомъ о происхожденіи славянъ. Авторъ соглашается съ послѣднимъ изъ названныхъ ученыхъ въ томъ, что начало славянскаго языка должно примыкать къ началу скиѳскаго народа (!).

Самой „блистательной эпохой Славянскаго языка“ онъ считаетъ правленіе благовѣрныхъ князей Владиміра и Ярослава и цитируетъ мнѣніе „Дурича“ (т. е. Дуриха), по которому было время (вѣроятно при Ярославѣ), „когда Славянскому языку учились Сиріане, Копты, Греки, Нѣмцы, Итальянцы, Французы, Англичане, Датчане и Шведы“ (! стр. 32—33). Авторъ не сомнѣвается, „что Славянскій языкъ у насъ быстро взошелъ на высокую степень образованности послѣ достопамятныхъ произшествій всеобщаго крещенія и перевода Св. книгъ“. Переводчики этихъ послѣднихъ несомнѣнно „знали всю тайну Славянскаго языка и имѣли глубокое логическое о немъ понятіе (?)... умѣли давать всякой рѣчи, всякому израженію превосходные обороты“ и т. д. (стр. 33—34). Изъ великолѣпія славянскаго языка выводится, что и сами славяне были „народъ могущественный и твердый“ (стр. 35). Если бы не удѣльныя усобицы и монгольское иго, то „жители Запада никогда не опередили бы насъ своею образованностью“, и славянскій языкъ „былъ бы языкомъ такъ назыв. большого свѣта и перевѣсилъ бы своею важностью всѣ современные ему языки“ (стр. 37). И у насъ, если бы нѣкоторые люди, пристрастные къ французскому языку, отбросили это пристрастіе и сравнили франц. языкъ „со Славянскимъ, Библейскимъ и вообще Славяно-Россійскимъ языкомъ“, то увидѣли бы скоро свое заблужденіе и превосходство славянскаго надъ французскимъ (стр. 38). Въ видѣ иллюстраціи этого превосходства слѣдуютъ выписки изъ Св. Писанія, составленныя „Его Прев. А. С. Шишковымъ и удостоенныя вниманія Его Имп. Величества“ (стр. 43).

Въ 1818 году явился „Опытъ рѣшенія вопроса, предложеннаго въ Обществѣ Люб. Росс. Слов., основанномъ при Имп. Моск. Унив., о томъ: на какомъ языкѣ писана Пѣснь о полку Игоря: на древнемъ ли Славянскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ Св. Писанія, или на какомъ нибудь областномъ нарѣчіи“ [1]).

подаватель въ ней греч. языка, затѣмъ профессоръ Петерб. духовной семинаріи, а впослѣдствіи чиновникъ. Ум. въ 1826 г.

[1]) «Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Слов.» 1818 г., ч. XI, стр. 3—32.

Авторомъ этого „Опыта“ былъ 25-лѣтній К. Ѳ. Калайдовичъ, подписавшійся псевдонимомъ „Неизвѣстный“ и означившій Москву своимъ мѣстомъ жительства [1]). Молодой авторъ, хотя и обнаружилъ извѣстныя знанія и значительную начитанность въ древнерусской литературѣ, не сладилъ вполнѣ со своей задачей. По его словамъ, языкъ „Слова“ не можетъ быть ни „библейскимъ“, ни „простонароднымъ“, ни „областнымъ нарѣчіемъ, ни какимъ нибудь отдѣльнымъ славянскимъ языкомъ“ (стр. 5—6). Славянскіе языки, утверждаетъ онъ далѣе, настолько удалились отъ языка нашихъ церковныхъ книгъ и лѣтописей, что въ „Словѣ о п. Игоревѣ“ могутъ быть замѣчены лишь „едва малѣйшіе слѣды одного изъ нихъ — Польскаго“. Поляки „измѣнили благозвучіе Славянское на слабую тѣнь языка Латинскаго; а Сербы невольно приняли къ себѣ чуждыя имъ реченія“ (стр. 6). Въ „Словѣ“ найдется лишь нѣсколько словъ, схожихъ съ польскими и сербскими [2]), „но нѣсколько словъ не составляютъ еще языка“. Поэтому тщетно отыскивать слогъ „Пѣсни Игоревой“ „въ извѣстныхъ языкахъ Славянъ, а того менѣе въ областномъ нарѣчіи“. Едва ли не всѣ средства къ открытію его источника „находятся въ языкѣ Св. Писанія, а болѣе въ языкѣ Лѣтописей, грамотъ и другихъ историческихъ памятниковъ“. Калайдовичъ находитъ далѣе, что „языкъ пѣсни ни мало не разнится отъ древняго языка Славяно-Русскаго“ (стр. 7), и опирается при этомъ на доводахъ грамматическихъ (употребленіе двойств. числа, заимствованнаго будто бы „отъ нашихъ учителей Грековъ“: стр. 8) и лексическихъ (употребленіе слова *куръ*, вм. *пѣтухъ* въ Св. Писаніи и въ Словѣ о п. Игор., а также словъ: *паполома*, *потять*, *сморци*, *князь*, *трудъ*, *сулица*, *Велесъ*, *Хорсъ*, *Дажьбогъ*, *Стрибогъ*, *живыя струны*, *крѣсити*, *стружіе*, *пардусъ*, *стягъ* и т. д., встрѣчающихся въ „Словѣ“ и частью въ церковныхъ книгахъ, частью въ лѣтописяхъ и грамотахъ). Слова *крѣсити*, *болонье*, *смага*, *година*, въ глазахъ Калайдовича являются доказательствами малорусскаго происхожденія неизвѣстнаго автора „Слова о п. Игор.“ (стр. 26). Въ концѣ статьи Калайдовичемъ дѣлаются слѣдующіе выводы: 1) „Пѣснь Игорева писана не на томъ Славянскомъ языкѣ, которой существовалъ въ Россіи до перевода книгъ Св. Писанія, не на какомъ либо древ-

---

[1]) См. Безсоновъ, «К. Ѳ. Калайдовичъ. Біографич. очеркъ», въ «Чтеніяхъ въ Имп. Общ. ист. и др. Росс.», 1862, кн. III, стр. 20. Принадлежность этой статьи Калайдовичу доказывается его собственнымъ указаніемъ въ его же статьѣ «О трудахъ проф. Тимковскаго», въ «Вѣстникѣ Европы», 1820, ч. 110, стр. 128—32.

[2]) Какъ схожія съ польскими, приводятся слова: *година*, *мужаймеся*, *комони*, *яруги* (стр. 27—28).

немъ областномъ нарѣчіи, или нынѣ употребляемомъ, но сочинена Славянорусскимъ языкомъ, подобнымъ Библейскому и сходнымъ съ лѣтописями, грамотами и другими историческими памятниками. 2) Что піитическій языкъ Пѣсни Игоревой не вновь родился, но имѣлъ уже начало до ея появленія. 3) Что оная сочинена, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ нынѣшней Малороссіи, и 4) что нарѣчіе ея, изъ всѣхъ Славянскихъ, судя по нѣкоторымъ словамъ и реченіямъ болѣе подходитъ къ языку Польскому (стр. 31—32)". Въ другомъ мѣстѣ (стр. 23) языкъ „Слова" называется „*чистымъ* (? курсивъ нашъ)... Славяно-Рускимъ, котораго множество словъ и реченій разсѣяно въ древнихъ памятникахъ, сохранившихся отъ алчности времени" (стр. 23).

Неудовлетворительность такого рѣшенія вопроса, поставленнаго себѣ Калайдовичемъ, искупается до нѣкоторой степени внимательностью изученія языка „Слова". Такого подробнаго лингвистическаго анализа и комментарія къ „Слову", какъ бы слабъ и неполонъ онъ ни казался теперь намъ, въ нашей литературѣ до тѣхъ поръ еще не появлялось. Очевидно, изученіе и разработка научнаго матеріала въ данной области знанія все-таки ширились и углублялись, несмотря на разныя неблагопріятныя условія.

О томъ, что научная мысль этого времени упорно возвращалась къ извѣстнымъ общимъ вопросамъ, свидѣтельствуетъ новая, очень широко задуманная и формулированная задача, предложенная въ томъ же году въ засѣданіи Московскаго Общ. Любит. Росс. Словесности (26 окт. 1818 г.): „Показать измѣненія Россійскаго языка отъ древнѣйшихъ временъ до осьмагонадесять столѣтія, принимая въ основаніе памятники древней Словесности: пѣсни, сказки, преданія, пословицы, надписи и другіе письменные остатки" (см. выше, стр. 745—46). Задача эта и до сихъ поръ еще стоитъ на очереди, не смотря на рядъ попытокъ отвѣтить на нее Буслаева, Колосова и Соболевскаго, изъ которыхъ ни одна еще не можетъ быть названа полной, представляя пробѣлы то въ однихъ, то въ другихъ отношеніяхъ.

Самымъ выдающимся явленіемъ въ разсматриваемой литературѣ, опередившимъ на много свое время и составившимъ цѣлую эпоху въ исторіи нашего языкознанія, должно быть признано знаменитое „Разсужденіе о славянскомъ языкѣ, служащее введеніемъ къ Грамматикѣ сего языка, составляемой по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ" Востокова. Оно было послано въ январѣ 1820 г. въ Моск. Общ. Люб. Росс. Слов., читалось тогда же въ одномъ изъ засѣданій [1]) и напечатано цѣликомъ въ „Трудахъ"

[1]) См. «Филологическія наблюденія А. Х. Востокова» (Спб. 1865), стр.

названнаго Общества за 1820 г. (ч. XVII, стр. 5—61), а въ извлеченіи, въ „Вѣстникѣ Европы" за тотъ же годъ (ч. 109, № 3, стр. 169—187) [1]).

Незначительное по объему, охарактеризованное самимъ скромнымъ Востоковымъ, какъ „безпорядочно набросанныя мысли и замѣчанія" [2]), оно было богато совершенно новымъ содержаніемъ, заключало въ себѣ рядъ блестящихъ открытій и мыслей и обнаруживало единственную по тому времени у насъ научную эрудицію, а также превосходное и безпримѣрное дотолѣ знакомство съ письменными памятниками, изъ доступныхъ изученію въ Петербургѣ, къ которому былъ прикованъ своей службой Востоковъ. Впервые въ нашей научной литературѣ мы находимъ здѣсь также такое увѣренное и точное примѣненіе сравнительнаго метода (хотя бы только въ области главныхъ слав. языковъ), дающаго въ рукахъ Востокова блестящіе результаты. Отъ всего разсужденія вѣетъ новымъ научнымъ духомъ, и въ немъ затрогиваются, ставятся и рѣшаются самые разнообразные и въ то же время въ высшей степени важные вопросы, не только старослав. и древне-русской грамматики, но и сравнит. грамматики славянскихъ языковъ. Такъ въ самомъ же началѣ „Разсужденія" затрогивается вопросъ о происхожденіи церковно-слав. языка, устанавливается дѣленіе его на древній, средній и новый, и характеризуется составъ этого послѣдняго; далѣе высказывается вполнѣ опредѣленный взглядъ на отношеніе древне-русскаго языка (Русской Правды, Слова о п. И.) къ новому и древнему церковнославянскому, а также къ польскому и сербскому, причемъ формулируется ихъ отличіе другъ отъ друга въ отношеніи рефлексовъ древнихъ сочетаній *дj*, *тj* и *кт* передъ *е*, *і*; впервые опредѣляется звуковое значеніе церковнославянскихъ „юсовъ", при помощи сравненія формъ изъ Остромирова евангелія съ соотвѣтствующими польскими; указываются три періода въ исторіи собственно русскаго языка: древній (до второй половины XIV в., языкъ Русской Правды, Слова о П. И., Поученія Владимира Мономаха), средній (языкъ Судебника и Уложенія) и новый (XVIII в.); устанавливается близость древнихъ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ другъ къ другу, иллюстрируемая примѣрами изъ Фрейзин-

XXVI, и «Переписка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ» съ примѣч. И. Срезневскаго (Спб. 1873), стр. XXXI—XXXIII=Сборникъ втор. отд. Имп. Ак. Наукъ, т. V, вып. II.

[1]) Перепечатано въ «Филологич. Наблюденіяхъ», стр. 1—27.

[2]) См. «Переписка А. Х. Востокова въ повременн. порядкѣ», изд. И. Срезневскимъ (Спб. 1873), стр. XXXI.

генскихъ отрывковъ и указаніемъ на сходство языка Краледворской рукописи (подлинность которой тогда еще не подвергалась сомнѣнію) съ древне-русскимъ и т. д. Далѣе въ сжатомъ очеркѣ излагаются главнѣйшія фонетическія и морфологическія особенности древняго церковно-славянскаго языка: употребленіе „полугласныхъ“ ъ и ь, которымъ, впрочемъ, дается фантастическое физіологическое опредѣленіе [1]), и соотвѣтствія имъ въ польскомъ, русскомъ и сербскомъ, сочетанія *кы, гы, хы*, и дальнѣйшая судьба звуковъ *г, к, х*, (переходъ передъ *е* и *ь* въ *ж, ч, ш*, и передъ *ѣ, и* въ *з, ц, с)*, отсутствіе *о, ы* и ъ послѣ *ж, ш, ч, ц, щ*.; затѣмъ тожество склоненія прилагательныхъ простыхъ и именъ существительныхъ, отсутствіе „дѣепричастій“, вмѣсто которыхъ имѣются только причастія (сравнительно съ польскимъ, словинскимъ и сербохорватскимъ языками), и „двоякое окончаніе неопредѣленнаго наклоненія“, другими словами, употребленіе формъ супина (которому дается имя „достигательнаго“ наклоненія), наряду съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ. Разсужденіе заканчивается указаніемъ на важность грамматическаго изученія рукописныхъ сокровищъ московской синодальной и другихъ библіотекъ и необходимость сравнительной славянской палеографіи, а также краткимъ разборомъ мнѣнія Каченовскаго о тожествѣ древняго церковно-славянскаго и сербскаго языковъ, съ которымъ Востоковъ не соглашается, приводя противъ него вполнѣ вѣскіе доводы. Кромѣ того, въ примѣчаніяхъ и въ текстѣ „Разсужденіе“ Востокова содержало рядъ отдѣльныхъ замѣчаній и экскурсовъ, столь же новыхъ и важныхъ, какъ и главное его содержаніе. Таково, напр., примѣчаніе 2-е, въ которомъ Востоковъ говоритъ о правописаніи Остромирова евангелія, указывая на его глубокую древность и отсутствіе рѣзкихъ и частыхъ слѣдовъ русскаго вліянія, въ противоположность другимъ древнимъ памятникамъ, писаннымъ въ Россіи. Интересно и примѣчаніе 3-е, общаго характера, въ которомъ отмѣчается, что „всѣ древніе языки превосходили правильностію и изобиліемъ формъ позднѣйшіе, ведущіе отъ нихъ на-

---

[1]) «Полугласныя ъ и ь не что иное суть, какъ стремленіе воздуха изъ гортани, потребное для образованія всякой изъ пяти гласныхъ *а, е, і, о, у*, но недостигающее сего полнаго изглашенія, потому что на половинѣ пути остановленное ударяется въ небо, вмѣсто того чтобъ устремиться въ отверстіе рта.—ь ближе подходитъ къ полнымъ гласнымъ отъ того, что гортанный воздухъ для произношенія его совершаетъ въ устахъ болѣе пути, и ударяется въ переднюю часть неба, почти къ деснамъ: ъ напротивъ того, при самомъ исходѣ изъ гортани, въ небо ударяется». Дальше ь или й («ибо это одно и тоже») отожествляется съ *і* другихъ языковъ («Филол. Наблюденія», стр. 18, прим.).

чало. Въ такомъ отношенiи находится Санскритскiй къ новымъ Индостанскимъ языкамъ [1]), Еллинскiй къ Ромейскому или Новогреческому, древнiй Германскiй (по замѣчанiю Гримма въ его Грамматикѣ 1819 въ Геттинг.) [2]) по всѣмъ новымъ своимъ отраслямъ, и таковъ точно старинный Славянскiй въ сравненiи съ Русскимъ и съ другими дiалектами". Въ примѣчанiи 4-мъ довольно подробно говорится о грамматикѣ Мелетiя Смотрицкаго, сравниваемой съ грамматикой Лавр. Зизанiя, а также упоминается о грамматической статьѣ въ одномъ изъ „Алфавитовъ" Имп. публ. библiотеки (вѣроятно, первое печатное указанiе на подобнаго рода памятники древне-русской учености). Въ примѣчанiи 6-мъ характеризуется рядъ памятниковъ, въ отношенiи употребленiя „юсовъ": Краковскiй печатный часословъ 1491 г., два „рукописныя евангелiя" Имп. публ. библiотеки, отрывокъ мѣсячной минеи, „Судебникъ" Казимира IV-го, короля польскаго (принадлежавшiй тогда гр. Н. П. Румянцову), харатейный типикъ или служебникъ сербскiй XIV—XV в. и т. д.

Конечно, въ разсужденiи Востокова имѣлись и ошибки, или неточности, въ большинствѣ случаевъ объясняющiяся условiями времени. Такъ Востоковъ говоритъ о несуществующихъ въ дѣйствительности письменныхъ памятникахъ церковнославянскаго языка IX-го вѣка (!); считаетъ подлинной Краледворскую рукопись; языкъ Фрейзингенской рукописи называетъ „хорватскимъ"; полагаетъ, что переводъ Св. Писанiя на слав. языкъ былъ сдѣланъ въ Моравiи, а не въ Македонiи или Болгарiи; слышитъ въ чешскомъ vlk полугласный звукъ, „не дебелый... и не тонкiй... а среднiй" и т. д. Но всѣ эти вполнѣ извинительныя погрѣшности сторицею выкупаются высокими положительными достоинствами труда Востокова, богатое и новое содержанiе котораго сразу доставило его автору репутацiю выдающагося знатока славянскаго языка. Россiйская академiя, по предложенiю Шишкова, указывавшаго въ своей запискѣ, что „стихотворенiя г. Востокова, а особливо похвальныя упражненiя его по части изслѣдованiй отечественнаго языка, обращаютъ на труды его вниманiе любителей Словесности", 5 iюня 1820 г. избрала Востокова въ дѣйствительные члены. Въ томъ же году выбрало его своимъ почетнымъ членомъ и „Вольное Общество любителей Россiйской словесности" [3]). Знаменитый Добровскiй, печатавшiй

---

[1]) Одно изъ рѣдкихъ указанiй взаимнаго отношенiя между названными языками въ нашей литературѣ.

[2]) Вѣроятно, первое у насъ печатное упоминанiе названнаго труда Гримма.

[3]) См. «Филологическiя наблюденiя А. Х. Востокова» стр. XXVIII и «Пе-

въ это время свои „Institutiones", такъ былъ пораженъ важностью и новизной „Разсужденія", что хотѣлъ прекратить печатаніе своего труда и приступить къ полной его переработкѣ въ связи съ открытіями Востокова. Только усиленныя убѣжденія Копитара заставили его измѣнить свое намѣреніе и продолжать печатаніе, какъ свидѣтельствуетъ это со словъ самого Копитара И. И. Срезневскій [1]). Въ письмѣ къ Кеппену Добровскій признавался: „я приписалъ очень много на поляхъ своихъ Institutiones l. Slav.; замѣчанія Востокова побудили меня продолжать изслѣдованіе дальше и открыть еще кое-что" [2]).

Въ другомъ письмѣ того же времени Добровскій называетъ Востокова „отличнымъ филологомъ, за исключеніемъ каприза, будто ѫ = польск. ą" [3]). Въ послѣднемъ вопросѣ сказалось вліяніе Копитара, величавшаго между прочимъ нашего ученаго „глупцомъ" (stultus) за то, что онъ, хотя и знаетъ супинъ, но не желаетъ его такъ называть (Востоковъ предпочиталъ терминъ „достигательное наклоненіе"). Пообѣщавъ „отчитать" его за это въ своей рецензіи, Копитаръ увѣрялъ Добровскаго, что онъ будетъ смѣяться (ridebis) надъ открытіемъ Востокова, будто ѫ = польск. ą и ę [4]).

Впрочемъ, въ приложеніи къ своей рецензіи на „Institutiones" Добровскаго, посвященномъ краткому резюме труда Востокова, Копитаръ привѣтствовалъ его, какъ „почти неожиданную зарю настоящей славянской филологіи на восточномъ небосклонѣ славянской земли", указывая въ то же время, что результаты работъ Добровскаго и Востокова, хотя и вытекаютъ изъ различныхъ источниковъ, тѣмъ не менѣе прекрасно согласуются между собою [5]).

Болѣе восторженно былъ принятъ трудъ Востокова представителями Румянцовскаго кружка нашихъ любителей отечественной филологіи, съ самимъ канцлеромъ Румянцовымъ во главѣ, и членами Московскаго общества Любит. Росс. словесности. Каченовскій, которому, какъ секретарю Общества, Востоковъ послалъ рукопись своего „Разсужденія", отвѣтилъ ему немедленно (22 янв.

реписка А. Х. Востокова, въ повременн. порядкѣ», изд. И. Срезневскимъ, Спб. 1873 (Изд. Имп. ак. наукъ), стр. XXXIV—XL.

[1]) «Филологич. наблюденія», стр. XXVI—XXVII.

[2]) «Письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ» изд. Ягичемъ въ «Сборникѣ отдѣленія русск. языка и словесн. Имп. ак. наукъ», т. 39, 1885, стр. 672 (письмо 6 дек. 1824).

[3]) Тамъ же, стр. 670 (письмо къ Кеппену отъ 15-го марта 1824).

[4]) Тамъ же, стр. 473, письмо отъ 8 мая 1822, № 144.

[5]) «Wiener Jahrbücher der Litteratur» 1822. I, стр. 101.

1820 г.), называя его трудъ „превосходнымъ“ и сообщая, что „прочелъ его съ превеликимъ удовольствіемъ и нашелъ въ немъ много для себя поучительнаго“. При этомъ онъ, повидимому, отказывался отъ прежняго своего взгляда о тожествѣ церковнослав. языка съ сербскимъ (см. выше, стр. 775) о которомъ прежде до выхода въ свѣтъ грамматики и словаря Вука Ст. Караджича, имѣлъ „самое ложное мнѣніе“. По его словамъ, онъ имѣлъ въ виду передѣлать свое собственное разсужденіе и „потомъ напечатать уже въ другомъ видѣ“ [1]). Едва ли можно сомнѣваться, что такому повороту во взглядахъ Каченовскаго много способствовало Востоковское „Разсужденіе“.

И. И. Давыдовъ, читавшій „Разсужденіе“ въ публичномъ засѣданіи общества, также счелъ своимъ долгомъ написать письмо его автору, въ которомъ называетъ его трудъ „рѣдкой услугой ученаго Автора“ и сообщаетъ, что И. И. Дмитріевъ и другіе „благомыслящіе слушатели... съ нетерпѣніемъ ожидаютъ напечатанія сего разсужденія“. По словамъ Давыдова, „желательно только всѣмъ слышать“ отъ Востокова „еще что либо о спорномъ положеніи, точно ли къ Сербскому нарѣчію отнести должно намъ Церковно-Славянскій языкъ?“ [2]).

Самъ канцлеръ Румянцовъ писалъ академику Кругу 19 іюня 1820 г., что разсужденіе Востокова „о различныхъ измѣненіяхъ, которыя претерпѣла русская или славянская грамматика въ эпохи древнѣйшія и наиболѣе близкія ко времени Меѳодія и Кирилла“, „оказываетъ безконечную честь“ своему автору и „несомнѣнно произвело бы большое впечатлѣніе заграницей, если бы сдѣлалось тамъ извѣстно“ [3]).

Лестно отзывался о трудѣ Востокова въ своемъ письмѣ къ нему (отъ 2 сент. 1821 г.) и архіепископъ Псковскій, впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій, Евгеній Болховитиновъ, давно уже интересовавшійся вопросами славянской палеографіи и грамматики. „Разсужденіе“ Евгеній называлъ „весьма любопытнымъ“ и писалъ, что „внимательныя и глубокія замѣчанія“ Востокова заставляютъ ожидать отъ него „такой Славянской грамматики, какой ни одно еще Славянское племя доселѣ не издавало“ [4]).

Иной характеръ имѣетъ письмо президента Россійской академіи А. С. Шишкова, извѣщавшаго Востокова о его избраніи въ

---

[1]) «Переписка Востокова», изд. И. Срезневскимъ (Спб. 1873), стр. XXXII—XXXIII.

[2]) Тамъ же, стр. XXXIII—XXXIV.

[3]) Тамъ же, стр. XXXIV.

[4]) Тамъ же, стр. 3—4.

члены академіи. Наставительно-покровительственный тонъ всего письма, снисходительные совѣты, подаваемые Шишковымъ (!) Востокову, у современнаго читателя могутъ только вызвать горькую улыбку и живо напоминаютъ мудрыя наставленія соловью въ извѣстной баснѣ Крылова. Шишковъ выражаетъ здѣсь радость, что академія пріобрѣтаетъ въ лицѣ Востокова „члена, охотно (!) упражняющагося (!) въ изслѣдованіяхъ отечественнаго языка", и надѣется, что онъ „не отречется вникнуть въ правила, которыми она руководствуется (!)... и пользоваться ея примѣчаніями (!)". Шишковъ разъясняетъ (!) далѣе Востокову обширность и важность науки о языкѣ (!) и предлагаетъ прислать ему труды академіи, если онъ хочетъ (!) „вмѣстѣ съ Академіею посвятить себя сему полезному упражненію". Востоковъ, какъ мальчишка, приглашается „прочитать со вниманіемъ" эти труды, быть „внимательнымъ къ примѣчаніямъ" академіи, „поприлежнѣе прочитать Академическія извѣстія" и „хорошенько" въ нихъ вникнуть. Шишковъ присовокуплялъ къ этому, что во многихъ „выходящихъ нынѣ сужденіяхъ о языкѣ" (очевидно и въ „Разсужденіи" Востокова) видитъ „похвальное рвеніе и охоту", но вмѣстѣ съ тѣмъ и отсутствіе „истиннаго основанія", состоявшаго, очевидно, въ томъ фантастическомъ „словопроизводствѣ" собственной фабрикаціи, образчики котораго мы уже видѣли неоднократно выше. Въ видѣ примѣра приводится этимологія *настъ* отъ *стыть* (настыть), а „*стыть* отъ *студь* или *стужа*, которая сама происходитъ отъ глагола *стою*, поелику дѣйствіе ея состоитъ въ *останавливаніи*, т. е. въ превращеніи всѣхъ жидкихъ тѣлъ въ густыя, твердыя, неподвижныя". Въ заключеніе заявлялось, что надежда имѣть въ лицѣ Востокова „усерднаго и хорошаго сотрудника" академіи вызвала „сіи объясненія", и что „отзывъ" Востокова „уменьшитъ или увеличитъ сію довѣренность" [1]).

Что оставалось дѣлать скромному и застѣнчивому Востокову, какъ не благодарить въ отвѣтномъ письмѣ за „отличную честь" и „высокое довѣріе", оказанныя ему академіей, выражать увѣренность, что „примѣчанія и совѣты почтеннѣйшихъ сочленовъ его въ Россійской Академіи послужатъ ему важнѣйшимъ свѣтильникомъ къ озаренію пути толикими преткновеніями исполненнаго", соглашаться съ этимологіями Шишкова и заявлять объ удовольствіи и пользѣ, доставляемыхъ „глубокими изслѣдованіями Его Превосходительства по части словопроизводства"? Очевидно, Востоковъ не желалъ своимъ „отзывомъ" уменьшить оказанную ему

[1]) Тамъ же, стр. XXXV—XXXVII.

„довѣренность“, особенно послѣ того какъ ему категорически поставлены были на видъ послѣдствія этого „отзыва“... У историка науки не хватаетъ духа бросить въ него словомъ осужденія за недостатокъ чувства собственнаго достоинства. Да и какъ было воспитаться этому чувству въ странѣ, гдѣ невѣжество съ издавна „посѣло мѣстомъ... ободраную и въ лоскутахъ обшитую“ науку?

Тотъ же вопросъ, что въ разсужденіяхъ Каченовскаго и Востокова, разсматривается и въ разсужденіи К. Ѳ. Калайдовича „О древнемъ церковномъ языкѣ славянскомъ“, читанномъ имъ въ Моск. Общ. Любит. Росс. Словесности по случаю своего избранія въ члены общества и напечатанномъ въ „Трудахъ“ послѣдняго (ч. XXII=„Сочиненія въ прозѣ и стихахъ“, ч. II. Москва, 1822, стр. 57—71). Впослѣдствіи оно съ небольшими измѣненіями составило первую главу извѣстнаго изслѣдованія Калайдовича объ Іоаннѣ экзархѣ Болгарскомъ (см. ниже). Мы находимъ здѣсь „правдоподобныя мнѣнія о томъ: *на какой языкъ переведены первыя богослужебныя книги*“ (стр. 57). „Каковъ былъ коренной Славянскій языкъ“, по словамъ автора, „столь же мало извѣстно какъ и то, въ какой странѣ была колыбель народа, онымъ говорившаго; послѣдній еще задолго до изобрѣтенія своей письменности является во многочисленныхъ разноименныхъ племенахъ, населявшихъ берега Дуная“. Только въ IX вѣкѣ оканчивается окутывающая его „тьма“, и „восточная заря“, въ видѣ христіанства, „освѣщаетъ полудикія скитающіяся орды“ моравовъ и болгаръ. Ставится вопросъ, на какомъ языкѣ совершали эти славяне божественную службу: „природный еще неподвиженъ (?), въ совершенномъ бездѣйствіи и не имѣетъ собственныхъ буквъ; а Греческій и Латинскій, не будучи извѣстны Славянскому племени“, безполезны. Тогда-то Меѳодій и Кириллъ „являются къ Моравамъ, и Кириллъ составляетъ Славянскую азбуку“, въ которую „вмѣщаетъ... собственные Славянскіе знаки, если вѣрить черноризцу Храбру, *чертами и рѣзами* называвшіеся, посредствомъ коихъ они въ идолопоклонствѣ читали и гадали“ (стр. 58—59). По словамъ Калайдовича, „всѣ изслѣдованія о томъ, каковъ былъ коренной Славянскій языкъ, остаются безуспѣшными. Новѣйшіе филологи сходствомъ онаго съ языками Азіатскими, а особливо съ богослужебнымъ Санскритскимъ, — сходствомъ, примѣченнымъ и въ другихъ Европейскихъ,—показали только ихъ общее Азіатское происхожденіе, хотя ближайшая связь Славянскаго съ языками Греческимъ, Латинскимъ и Нѣмецкимъ давно уже найдена“ (стр. 61).

Моравы, чехи или богемцы не оставили „ни одного собственно

имъ, безъ всякой примѣси, принадлежащаго памятника", а письменность сербовъ, „древняго благороднѣйшаго Славянскаго народа", сохранившаго въ богослуженіи слав. языкъ, „не углубляется далѣе XIII в." Дальше подвергается критическому разбору мнѣніе Добровскаго, полагавшаго, что „Русскій церковный языкъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ Руссизмовъ) есть собственно древле-Сербскій" и отличавшаго „древній Сербскій неиспорченный языкъ" отъ „нынѣшняго Сербскаго испорченнаго" (стр. 62). По мнѣнію Калайдовича, Добровскій „никогда не сказалъ бы сего", еслибы „хорошо зналъ церковный Славянскій языкъ, употребляемый въ богослуженіи Россіянами, Сербами, Болгарами," и былъ знакомъ съ рѣзкимъ отличіемъ его „отъ нынѣшняго общенароднаго нарѣчія Сербовъ", среди которыхъ лишь немногіе изучавшіе древній слав. языкъ могутъ понимать его. Въ данномъ случаѣ Калайдовичъ опирается на приводимое имъ мнѣніе Раича, отличающаго живой великорусскій или малорусскій языкъ отъ „чистаго" церковнославянскаго, не употребительнаго „въ общемъ разговорѣ", и употребляемый у сербовъ въ церквахъ „древній Славенскій" отъ иллирическаго простаго нарѣчія, или сербскаго діалекта, примѣняемаго „въ свѣтскихъ дѣлахъ" (стр. 63—64).

Въ подтвержденіе сказаннаго приводятся цитированныя въ „Исторіи славянскихъ народовъ" Раича книги, писанныя „старымъ Сербскимъ штиломъ" или „Славенски", т. е. „на Славянскомъ, съ примѣсью Сербскаго нарѣчія", и—на нынѣшнемъ сербскомъ нарѣчіи (стр. 64—65). Цитируется также мѣсто изъ предисловія Іоанна Рукослава къ его переводу „Плутарха Хиронейскаго дѣлце о воспитаніи дѣтей", упоминавшемуся уже въ разсмотрѣнной раньше статьѣ Каченовскаго (см. выше, стр. 773). Рукославъ здѣсь говоритъ тоже о разницѣ между живымъ сербскимъ языкомъ, изобилующимъ „нѣмецкими, мадьярскими и турецкими рѣчами", отъ языка славянскаго, „иже чистотою и обиліемъ многія превзошедый, первоначальнымъ вправду причисляется" (стр. 65—66).

На основаніи приведенныхъ соображеній и свидѣтельствъ, Калайдовичъ отрицаетъ „возможность когда-либо доказать, что нынѣшній церковный нашъ языкъ есть старинное Сербское нарѣчіе", и пытается искать „памятники древнѣйшей Славянской письменности" у болгаръ, завладѣвшихъ „нынѣшней Болгаріей, мѣстомъ жилища Славянъ", во второй половинѣ VII в. и „мало по малу слившихся съ ними въ одинъ народъ, говорившій однимъ языкомъ". Хотя „нынѣшнее Булгаро-Славянское нарѣчіе" и болѣе прочихъ удалилось „отъ своего источника", но сохраненіе бол-

гарами книжнаго богослужебнаго славянскаго языка, заимствованнаго ими, „вѣроятно, отъ Моравовъ“ (!), по принятіи въ IX в. христіанства отъ грековъ, заставляетъ Калайдовича думать, что древнѣйшіе памятники церковнослав. языка должны найтись у болгаръ, у которыхъ литература процвѣтала въ концѣ IX и въ началѣ X в. (указываются труды Іоанна Ексарха Болгарскаго, кн. Симеона Болгарскаго, епископа Константина, пресвитера Григорія и т. д.). На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ и сравненія славянскаго книжнаго языка съ языкомъ „древнѣйшихъ Русскихъ памятниковъ“, сохранившихся отъ XI в., Калайдовичъ приходитъ къ „вѣрнымъ положеніямъ“, что церковносл. языкъ „былъ нѣкогда однимъ, общимъ у Моравовъ, Болгаръ, Сербовъ, Русскихъ, вѣроятно и у другихъ племенъ *однородныхъ*“. Это мнѣніе онъ подкрѣпляетъ еще тѣмъ, что „Славянскій языкъ, вмѣстѣ съ народомъ въ V вѣкѣ въ бытописаніяхъ появившійся (?), не могъ (?) въ IX раздѣлиться на разныя нарѣчія“, потому что всѣ славяне жили еще вмѣстѣ на Дунаѣ (!), а также потому, что „не имѣя никакихъ письменныхъ памятниковъ, не могъ дѣлать и ощутительныхъ перемѣнъ въ своей главной формѣ“. Кромѣ того и Несторъ не дѣлаетъ различія въ языкѣ разныхъ славянъ, перечисляемыхъ имъ, а называетъ его „словѣньскимъ“. Въ концѣ разсужденія еще разъ вполнѣ опредѣленно церковнославянскій языкъ называется „церковнымъ Моравскимъ языкомъ“, сходство котораго (съ другими славянскими?) „способствовало къ принятію онаго Болгарами, въ одно время, и Русскими, просвѣтившимися послѣ нихъ святымъ Крещеніемъ“ (стр. 66—71).

Общія замѣчанія о русскомъ и церковнославянскомъ языкахъ находимъ также въ вышедшемъ въ томъ же 1822 г. „Опытѣ краткой Исторіи Русской литературы“ Н. Греча (Спб. 8°). Замѣчанія эти, конечно, имѣли компилятивный характеръ и представляютъ историческій интересъ лишь тѣмъ, что показываютъ, какіе взгляды по данному вопросу обращались у насъ въ болѣе широкихъ кругахъ образованнаго общества. По мнѣнію Греча, славяне говорили вѣроятно однимъ общимъ языкомъ, происходившимъ, какъ и всѣ европейскіе языки, изъ Азіи, что̀ доказывается сходствомъ его коренныхъ словъ съ греч., лат., нѣмецкими, „а сихъ съ Санскритскимъ—древнимъ языкомъ Индіи“. „Свойство древняго Слав. языка намъ неизвѣстно“, по отсутствію письменныхъ памятниковъ не только до раздѣленія славянъ, но даже до перевода на „оный“ языкъ Св. Писанія. Въ древнѣйшія времена было, „по всей вѣроятности“, только одно нарѣчіе, которое затѣмъ раздѣлилось на два: восточное и западное (славянское и антское), пустившія отъ

себя многія отрасли (стр. 11). Слав. языки Гречъ дѣлилъ на двѣ главныя отрасли: восточную и западную, относя къ первой русскій, церковнославянскій, сербскій, кроатскій и краинскій. О русскихъ нарѣчіяхъ сообщались такія свѣдѣнія: главное нарѣчіе— Великороссійское, кромѣ него есть нѣсколько второстепенныхъ, „изъ коихъ важнѣйшее Малороссійское, различествующее отъ главнаго произношеніемъ, многими выраженіями, оборотами и грамматич. формами". Родилось и усилилось оно „отъ долговременнаго владычества Поляковъ въ югозап. Россіи, и можетъ даже назваться областнымъ *Польскимъ*" (!). Бѣлорусскимъ нарѣчіемъ „говоритъ народъ въ Литвѣ и частію на Волыни. Сіе нарѣчіе (именуемое и *Руськимъ*) было книжнымъ языкомъ нѣкоторыхъ писателей въ XVI и XVII в.". Прочія нарѣчія, по словамъ Греча, ближе къ главному и отличаются отъ него лишь нѣкоторыми словами (напр. *Суздальское*, „заключающее въ себѣ многія слова, вовсе чуждыя Рускому языку", и *Олонецкое*, „происшедшее отъ смѣшенія Рускихъ съ финнами"!), или произношеніемъ нѣкоторыхъ буквъ (*Новгородское*).

Церковный языкъ заключается въ переводахъ церк. книгъ на славянское (сербское) нарѣчіе. Какъ смутны были представленія Греча о славянскихъ языкахъ, видно изъ того, что онъ относилъ къ „Иллирійскому племени" слѣдующіе „главные" языки: 1) Сербскій (съ нарѣчіями: сербскимъ, боснійскимъ, *болгарскимъ*, славонскимъ, далматскимъ, черногорскимъ, рагузанскимъ, седмиградскимъ и пр.). При этомъ сербскій языкъ характеризовался такъ: „не весьма чистый, но, какъ нѣкоторые утверждаютъ, пріятный языкъ, ожидающій благопріятнаго случая, чтобъ воспрянуть отъ долговременнаго сна". Сюда же Гречъ относилъ языки 2) *Кроатскій* и 3) *Краинскій* „почти вовсе необработанные, и уже смѣшанные съ итальянскимъ и нѣмецкимъ" и т. д. (стр. 12—13). Къ языкамъ „западной отрасли" Гречъ относилъ „*Польскій, Богемскій* или Чешскій, имѣющій нарѣчія Моравское, Хорватское (!), Словацкое и пр., и *Вендскій* въ Лузаціи, самый бѣдный изъ языковъ Славянскихъ, мало по малу вытѣсняемый Нѣмецкимъ" (стр. 14).

Книга Греча вызвала рецензію нѣкоего А. Р.: „Нѣчто объ Опытѣ Исторіи Россійской Словесности" въ „Вѣстникѣ Европы" 1822, № 11 — 12 (стр. 239 — 246). Рецензентъ подвергалъ взгляды Греча довольно подробному разбору. Такъ, по его словамъ, всѣмъ историческимъ преданіямъ противорѣчитъ мнѣніе, будто „причиною оригинальности Русскаго языка можетъ быть то обстоятельство, что Русскіе жили посреди другихъ Славянскихъ племенъ и съ чужими народами не имѣли не-

посредственнаго сношенія до совершеннаго образованія ихъ языка". Рецензентъ правильно замѣчаетъ, что русскіе, напротивъ, всегда были окружены иноплеменниками, съ которыми принуждены были вести непрестанную борьбу; и подчеркиваетъ также внутреннее противорѣчіе Греча съ его собственными утвержденіями, будто „нашъ языкъ образованъ по Греческому синтаксису", и что первые переводчики переводили съ греческаго на славянскій „буквально слово въ слово", въ виду чего положеніе объ оригинальности русскаго языка является весьма сомнительнымъ. Рецензентъ не соглашается и съ мнѣніемъ Греча, будто „Слово о Полку Игоря" писано тогдашнимъ народнымъ языкомъ, близко подходящимъ къ слогу Нестора и переводу Библіи", и находитъ его невѣрнымъ, указывая, что Русская Правда, „какъ народный законъ, имѣетъ совсѣмъ отличный языкъ", и болѣе для насъ вразумительный, нежели пѣснь Бояна (?), не имѣющая ни малѣйшаго сходства со слогомъ Библіи, а тѣмъ болѣе съ лѣтописью Нестора. Въ доказательство „невразумительности" языка Слова о п. Игоревѣ указывается на рядъ попытокъ различныхъ ученыхъ объяснить разныя непонятныя мѣста его, причемъ получаетъ похвалы г. Пожарскій, объяснившій удачнѣе своихъ предшественниковъ съ помощью польскаго и бѣлорусскаго языковъ разныя темныя мѣста названнаго памятника.

Какъ попытка отвѣтить на вопросъ, предложенный въ 1818 г. московскимъ обществомъ любит. росс. словесности (см. выше, стр. 745—46), должна быть названа статья извѣстнаго германскаго ученаго Іог. Северина Фатера: „Versuch einer Kurzen Einleitung zur Uebersicht der Entstehung und Schicksale der Russischen Sprache", напечатанная во второй части книги „Analecten der Sprachkunde" и посвященная Государственному Канцлеру Графу Н. П. Румянцову. Переводъ этой статьи, „озаряющей новымъ свѣтомъ начало языка и самое происхожденіе имени Русскаго", (Вѣстн. Евр." 1823, № 2, стр. 113, примѣч.) съ примѣчаніями частью автора, частью переводчика - издателя, былъ напечатанъ въ „Вѣстникѣ Европы" Каченовскаго за 1823 г. (№ 2: 113—128; № 3—4: 252—261; № 5: 39—51; № 7: 195—203, 237—39; № 9: 14—23, 77—79) подъ заглавіемъ: „О происхожденіи Русскаго языка и о бывшихъ съ нимъ перемѣнахъ".

По мнѣнію Фатера, русскій языкъ „есть отрасль кореннаго Славянскаго, именно восточной его вѣтви", къ которой относятся болгары, сербы и „винды", обитающіе „въ Крайнѣ, Стиріи и Каринтіи" (т. е. словинцы), тогда какъ другіе славянскіе языки: „Богемскій, Моравскій, Польскій, Сербо-Вендскій въ Лаузицѣ",

вмѣстѣ съ полабскимъ въ Люнебургѣ, составляютъ западную вѣтвь. Отецъ всѣхъ этихъ языковъ, „коренный, первобытный“ славянскій языкъ, „неприступенъ для нашего любопытства; памятниковъ его отъ того времени, когда онъ еще не былъ раздѣленъ на разныя отрасли, имѣемъ мы столь же мало (?), какъ и отъ другихъ подобныхъ языковъ первобытныхъ“ (№ 2, 113—114). Древнѣйшіе памятники отдѣльныхъ вѣтвей ближе къ этому „первобытному языку“, и мы можемъ похвалиться, что имѣемъ подобный памятникъ „второй половины девятаго столѣтія (!?), юговосточной вѣтви принадлежащій“, языкъ котораго гораздо ближе къ русскому, чѣмъ къ западно-славянскому, но могъ быть понятенъ „и въ такъ назыв. Велико-Моравскомъ государствѣ“. Памятникъ этотъ—евангеліе, апостолъ и псалтирь, переведенные Кирилломъ и Меѳодіемъ на „древній чистый, неиспорченный Сербскій языкъ“, которому переводчики научились въ родномъ своемъ городѣ Солуни. Языкъ этотъ до сихъ поръ остается церковнымъ для русскихъ и сербовъ, „а отъ X столѣтія до начала XVIII... былъ и книжнымъ языкомъ Русскихъ“ (стр. 114—115). Фатеръ ставитъ себѣ задачу, занимавшую и „ученѣйшаго изслѣдователя древнихъ и нынѣ существующихъ отраслей языка Славянскаго“, т. е. Добровскаго („Slavin“, 365): отчего „нынѣшній Сербскій языкъ менѣе сходенъ съ древнимъ, нежели Русскій“, хотя русскіе славяне жили весьма далеко отъ мѣста образованія церковнаго языка, мѣшались съ чужими племенами и подъ игомъ хазаръ и монголовъ приняли „множество словъ чуждыхъ“, а послѣ „воевали съ родственными по языку Поляками“ (стр. 115—116).

Прежде чѣмъ рѣшить эту задачу, Фатеръ суммируетъ историческія извѣстія о происхожденіи русскихъ славянъ и доказываетъ, что имя свое (Русь, русскіе) они получили „отъ рода владѣтелей своихъ“ въ половинѣ IX в., т. е. отъ варяжскаго племени *Русь*, или *росовъ*, жившаго при Черномъ морѣ (стр. 116—123). Ихъ германское происхожденіе видно изъ упоминаемыхъ Константиномъ Багрянороднымъ именъ Днѣпровскихъ пороговъ и множества германскихъ именъ „Руссо-Варяжскихъ“ полководцевъ и воиновъ „въ Исторіи Рурика, Олега, Игоря“, которыя въ своей совокупности „имѣютъ великую важность“ (№ 3, стр. 256). Скандинавами, или норманнами, Фатеръ считаетъ и другой „значительный“ народъ Русь, жившій около „Казаръ и Булгаровъ“ (стр. 257). Къ „Руси“ принадлежалъ и „благородный домъ Княжескій съ Германскими именами, отъ котораго произошли Рурикъ съ братьями своими и съ Олегомъ“. Отъ этого-то дома „имя Руси распространилось и на государства отъ Ильмена-Озера до Кіева, равно какъ

и на господствующій языкъ въ ихъ государствахъ" (стр. 258—59). Языкъ этихъ „Русовъ", германскаго корня, „потерялся между Славянами, хотя смѣшеніе сіе осталось и не безъ послѣдствій". Что это были за славяне, жившіе при о. Ильменѣ и около Кіева, и каковъ былъ ихъ языкъ, „мы неимѣемъ никакого извѣстія; незнаемъ также, въ какомъ отношеніи былъ послѣдній къ языку древнихъ Сербовъ, на которой переведены священныя книги" (№ 5, стр. 51). Тѣмъ не менѣе „по языку мы видимъ очень близкое родство ихъ съ Сербами, то есть, судя по сходству, которое долженствовало быть еще до вліянія древле-Сербскихъ (т. е. церковнославянскихъ) переводовъ" (№ 7, стр. 195). Начало этого послѣдняго вліянія Фатеръ относитъ къ эпохѣ введенія христіанства при Владимирѣ Великомъ и проводитъ параллель между нимъ и вліяніемъ языка Лютеровой библіи „на весь языкъ Нѣмецкій вообще, и въ особенности на утвержденіе грамматическаго состава его" (стр. 196). Разница только въ томъ, что „отношенія тогдашнихъ Нѣмецкихъ нарѣчій къ Лютерову переводу Библіи" извѣстны, а „отношенія Новгородо-Кіевскаго нарѣчія, при Владимірѣ Великомъ къ древле-Сербскому переводу Священнаго Писанія... мы не можемъ опредѣлить съ точностію. Языкъ перевода былъ церковнымъ и книжнымъ; упомянутое выше нарѣчіе было языкомъ общеупотребительнымъ. Князья и народъ продолжали говорить порусски. Нѣкоторыя собственно Русскія формы и выраженія видны въ *Правдѣ Русской*, Ярославовыхъ законахъ XI в., въ *Пѣснѣ объ Игоревомъ походѣ* противъ Половцевъ XII в., въ Архивскихъ памятникахъ XIII и XIV столѣтій [1]). Въ лѣтописяхъ смѣсь обоихъ нарѣчій еще примѣтнѣе [2]). Перешедшія слова изъ одного нарѣчія въ другое надлежало бы съ точностію замѣтить [3]). Хотя многіе руссизмы... явились и въ Славянскомъ языкѣ лѣтописей, не сохранившемъ прежней чистоты своей (и даже въ Острожской библіи, см. Добровск. Slovanka, Th. I, s. 205); но во-

[1]) Въ примѣчаніи 14 (на стр. 238—39) изъ предисловія Добровскаго къ Русской грамматикѣ Пухмайера Фатеръ приводитъ примѣры полногласныхъ формъ: *волога* вм. *влага*, *переборотн* вм. *перебрати* и т. д., глаголы съ предлогомъ *вы*-вмѣсто *из*: *выведу* вм. *изведу* и т. д.; *о* вм. *е* въ началѣ слова: *одинъ*, *одва* вм. *единъ*, *едва* и т. д.

[2]) Въ примѣчаніи 15 (стр. 239) Фатеръ указываетъ, что русскія формы, внесенныя очевидно позднѣйшими переписчиками, и параллельныя имъ славянскія употребляются совсѣмъ рядомъ, очень близко другъ отъ друга.

[3]) Задача до сихъ поръ не выполненная во всемъ объемѣ. Приступъ, не получившій, однако, до сихъ поръ продолженія, сдѣлалъ пишущій эти строки въ своей работѣ «Церковнослав. элементы въ современномъ литерат. и народномъ русскомъ языкѣ». Ч. I, Спб. 1893.

обще въ писаніяхъ остался господствующимъ языкъ перевода книгъ священныхъ" (стр. 197—98). Вліяніе церковнаго языка должно было имѣть особую силу въ странѣ, какъ Россія, лишенной свѣтской литературы и съ единственнымъ сколько нибудь образованнымъ сословіемъ—духовенствомъ. Во время татарскаго ига языкъ русскій „подпалъ отношеніямъ зависимости уже отъ языка Татарскаго" и „является искаженъ примѣсью многихъ словъ чуждыхъ. Но при Славянскомъ племени осталось большинство словъ природныхъ и сохранился весь грамматическій составъ языка древле-Славянскаго. Такимъ образомъ господство утвержденной Кирилловымъ переводомъ Грамматики не только не рушилось, но еще распространило власть свою и на слова чуждаго корня (?), и языкъ народный остался тѣмъ же, чѣмъ былъ онъ прежде въ отношеніи къ церковному переводу" (стр. 198—201). Послѣ политическаго усиленія Москвы, она становится съ XVI в. центромъ не только государственнымъ, но и языковымъ: „способъ выраженія, наблюдаемый при отправленіи дѣлъ въ столицѣ, переносится въ провинцію, гдѣ стараются слѣдовать ему, чтобы подобныя же дѣла отправлять съ лучшимъ успѣхомъ (!). Даже ремесленники и рабочіе люди, по надобностямъ своимъ живущіе въ главномъ городѣ, перенятыя ими слова и способы выражаться распространяютъ между низшимъ классомъ народа". Москва является „также среднимъ пунктомъ и духовенства и дѣятельности сего сословія", которому „языкъ обязанъ всѣмъ своимъ образованіемъ". Рядомъ съ церковнославянскимъ вліяніемъ, отмѣчается и вліяніе „Греческаго языка на Грамматику древле-Славянскаго", объясняемое „продолжительнымъ сообщеніемъ съ Греческою Церковью" и тѣмъ, что „первые перелагатели книгъ были Греки". Упоминается при этомъ случаѣ „Максимъ Грекъ, призванный для исправленія книгъ" (стр. 201—203). Далѣе сообщаются свѣдѣнія о передѣлкахъ грамматики М. Смотрицкаго, изданныхъ въ 1648 и 1719 (1721 ?) гг., и приводятся особенности живого русскаго языка, которыхъ не могло истребить вліяніе церковнослав. языка: вмѣсто *азъ*—*я*, вм. *днесь*—*севодня*, вм. *глаголати*—*говорить*, вм. родит. на-*го*—родит. на-*во*; „вставка гласной буквы между согласными" (*берегъ* вм. *брегъ*); въ русскихъ словаряхъ приводится много устарѣлыхъ славянскихъ словъ, неупотребительныхъ уже въ живой рѣчи; въ русскомъ языкѣ много „учащательныхъ" глаголовъ на *иваю* или *ывαю*, тогда какъ въ славянскомъ ихъ очень мало (только *бываю*); въ числѣ особенностей слав. глагола указывается двойственное число, притомъ для всѣхъ лицъ по двѣ формы, муж. и женск. рода (такъ у М. Смотрицкаго), окончаніе 2 л. ед. числа-*еси*,

-иси (?), вм. русск.*-ешь,-ишь*, окончаніе 1 л. ед. и мн. прош. вр.*-хъ* и*-хомъ*, а при второмъ л. на*-лъ,-ла,-ло*—всегда стоитъ вспомогат. глаголъ *еси* и т. д. (частью на основаніи искусственныхъ формъ грамматики Смотрицкаго). Затѣмъ указываются главнѣйшіе моменты исторіи русскаго литературнаго языка по даннымъ Фриша („Historia linguae Slavonicae", Берл. 1727): *Уложеніе* царя Алексѣя Михайловича, переводы и сочиненія Симеона Полоцкаго, Петровскіе указы и объявленія, грамматика Ломоносова. Въ заключеніе высказывается надежда, что русскій языкъ, богатый „легко составляемыми прилагательными, уменьшительными и другими словами весьма выразительнаго качества", и имѣя возможность черпать изъ славянскаго языка, являющагося для него „неоцѣненнымъ источникомъ достоинства и силы", достигнетъ особаго процвѣтанія въ царствованіе Александра I-го (№ 9, стр. 14—20). Интересны заключительныя строки статьи, содержащія характеристику родственныхъ отношеній общеславянскаго языка къ другимъ языкамъ: „въ глубокой древности обиталище его, равно какъ и другихъ первобытныхъ народовъ Европы, было въ южной Азіи, близъ Самскрита; ручается въ томъ весьма явственное сходство въ спряженіяхъ глаголовъ, и множество словъ одинакихъ. Такое же родство примѣтно и съ другими Европейскими языками, особливо съ Нѣмецкимъ; примѣтны отношенія между ними не случайныя, не въ послѣдствіи времени оказавшіяся, но первоначальныя и природныя: въ этимологическомъ словарѣ Русскаго языка они могли бы быть показаны". Въ окончаніи прош. вр. на*-лъ*, встрѣчающемся также и въ армянскомъ [1]), Фатеръ видитъ „слѣдъ того пути, по которому оный древнѣйшій народъ и съ языкомъ своимъ шествовалъ въ Европу" (стр. 22—23). Статья Фатера снабжена и самостоятельными примѣчаніями редактора, въ которыхъ онъ дополняетъ, или исправляетъ его замѣчанія. Конечно, она даже по тому времени представляла нѣсколько ошибочныхъ и уже опровергнутыхъ взглядовъ (въ родѣ отожествленія церковнослав. съ сербскимъ, или утвержденія, что 2-е л. ед. ч. кончится въ славянскомъ на*-еси,-иси* и т. п.), но все же должна была шевелить мысль своихъ русскихъ читателей, направляя ее въ извѣстную сторону и возбуждая рядъ вопросовъ, сомнѣній и интересовъ.

Около тѣхъ же общихъ вопросовъ славянскаго языкознанія вертится содержаніе „Письма отъ Сербскаго литтератора Вука Стефановича къ Дмитрію Фрушичу, Доктору Медицины", переве-

[1]) Сравненіе, принятое и современной наукой, ср., напр., «Grundriss» Бругмана, т. II, ч. 2, § 1099, стр. 1421.

деннаго съ сербскаго (Додатакъ къ 68 числу Новина Србски 1821) и напечатаннаго съ нѣкоторыми примѣчаніями редактора въ томъ же 1823 г. въ „Вѣстникѣ Европы“ (№ 10, стр. 99—117). Караджичъ въ этомъ письмѣ (19 ноября 1819 г.) извѣщаетъ друга своего Фрушича о пріѣздѣ въ Вѣну Добровскаго съ рукописью славянской грамматики („Institutiones linguae Slavicae“), которую тотъ намѣревался напечатать [1]), и приходитъ въ восторгъ отъ знаній Добровскаго. По его словамъ, не можетъ быть на свѣтѣ человѣка, который зналъ бы „какой нибудь языкъ такъ хорошо, какъ Добровскій знаетъ языкъ Славенскій“ (стр. 101). Главное содержаніе письма Караджича касается соотвѣтствій древнему ѧ въ сербскомъ (*е*) и русскомъ (*я*), и проистекающихъ отсюда недоумѣній пишущаго, какъ примирить древность русскаго *я* и сравнительную новизну сербскаго *е* съ теоріей, что древне-славянскій языкъ есть въ сущности древне-сербскій. Караджичъ исходитъ изъ свидѣтельства Добровскаго, что „русскіе переписчики во многомъ перемѣнили *старый* или *истинный* языкъ Славенскій, т. е... *поправляли*“... или *портили* его, напр. изъ *длъгъ*, *плънъ*, *слънце*, *слъза*, *прьстъ*, *скрьбъ*, *сътворити* и т. д. сдѣлали: *долгъ*, *полнъ*, *солнце*, *слеза*, *перстъ*, *скорбь*, *сотворити* и пр. Согласно этому, Караджичъ думаетъ, „что Рускіе во многихъ словахъ и Е перемѣнили на Я; напр. *кнезь*, *клетва*, *имє*, *сѣме*, *ме*, *те*, *се*, они превратили въ *князь*, *клятва*, *имя*, *сѣмя*, *мя*, *тя*, *ся* и пр.“ (стр. 101—102). Спрошенный по этому поводу Добровскій сказалъ, что сами сербы („позднѣйшіе“) перемѣнили *Я* на *Е*, „и что въ древнихъ Сербскихъ (т. е. церковнославянскихъ) книгахъ было писано *князь*, *клятва*, *имя*, *сѣмя* и пр. Несмотря на авторитетъ Добровскаго, Караджичъ всетаки полагаетъ, „что не сербы перемѣнили Я на Е, но что или Рускіе перемѣнили Е на Я (!), или же еще въ IX в. упомянутыя слова“ писались и такъ, и такъ, т. е. въ „Сербско-Славянскихъ книгахъ“—Е, а въ „Русско-Славенскихъ“—Я. Основанія, которыми Караджичъ руководился, были слѣдующія: 1) славянскій языкъ, на который переводили Св. Писаніе Первоучители (греки изъ Солуня) долженъ былъ быть болгарскій или сербскій; 2) если бы въ древне-сербскихъ книгахъ стояло *князь*, *клятва*, *имя*, то эти формы должны были бы остаться „въ писаніяхъ, сколь ни измѣнялся бы языкъ простонародный“. Между тѣмъ во всѣхъ старинныхъ сербскихъ рукописныхъ книгахъ, гра-

[1]) Въ примѣчаніи къ этому мѣсту редакторъ «Вѣстника Европы» извѣщалъ, что книга Добровскаго уже вышла и находится въ рукахъ «у многихъ ученыхъ любителей языка Славянскаго, какъ иноземныхъ, такъ и нашихъ Русскихъ».

мотахъ, записяхъ и надписяхъ, находимъ *кнезь*, *клетва*, *име* и т. д.; 3) сербскихъ книгъ старше XIII в. нѣтъ, а „древнѣйшіе памятники, начиная съ XI-го в., были писаны въ Россіи", причемъ „Рускимъ всегда вольно было поправлять ихъ, какъ признаются они сами и какъ показываютъ то ихъ рукописи". Запутавшись во всѣхъ этихъ недоумѣніяхъ, при ошибочномъ положеніи, что церковнославянскій языкъ есть древне-сербскій, Караджичъ выводитъ „важнѣйшее положеніе"; 4) слав. языкъ „и въ самомъ началѣ, т. е. въ IX в., не былъ вездѣ одинакимъ въ книгахъ". Начало перевода Св. Писанія, „сдѣланное въ Царьградѣ, было Булгарское или Сербское; но, пришедши въ Паннонію и Моравію", первоучители стали переводить уже на моравское нарѣчіе, потому что (какъ полагаетъ Преосвящ. Евгеній въ своемъ Историч. Словарѣ духовныхъ писателей) имъ было легче перевести книги „на Моравское нарѣчіе, нежели Моравамъ учиться Булгарскому языку или Сербскому" (стр. 102—113). Меѳодій, живя 30 лѣтъ (?) въ Панноніи и Моравіи, конечно, переводилъ уже не на болгарское или сербское нарѣчіе, „а на употребительное между тамошнимъ народомъ". Такимъ образомъ уже въ IX в. могли и должны были существовать два перевода Кирилловъ и Меѳодіевъ. Переѣздами славянскихъ апостоловъ изъ страны въ страну Караджичъ также пытается объяснить „разнообразіе въ Славенскихъ переводахъ, и теперь въ нихъ находимое". Это разнообразіе есть и въ Острожской библіи, гдѣ Караджичъ находитъ руссизмы въ родѣ *молотити*, *дрова*, *воронъ*, и *сербизмы*, въ родѣ *книга* вм. *посланіе*, *хвалити* вм. *благодарити* и т. д. Исходя изъ всѣхъ этихъ соображеній, Караджичъ настаиваетъ на своемъ мнѣніи, что „или Рускіе перемѣнили Е на Я, или же еще въ IX в. было въ употребленіи то и другое, т. е.: въ Сербско-Славянскихъ книгахъ писали Е, а въ Русско-Славянскихъ Я" (стр. 113—115). Конечно, заключенія Караджича были ошибочны, но все же ближе къ истинѣ, чѣмъ невозможное мнѣніе Добровскаго, считавшаго церковнославянскій языкъ древнесербскимъ и потому неизбѣжно приходившаго къ невѣроятнымъ выводамъ и предположеніямъ. Каченовскій, самъ одно время слѣдовавшій Добровскому и всегда очень интересовавшійся вопросами славянскаго языкознанія, не могъ пройти мимо даннаго письма Караджича, столь близко соприкасавшагося съ содержаніемъ его собственнаго выше (стр. 773—75) разсмотрѣннаго разсужденія.

Въ томъ же 1823 г., въ „Трудахъ Моск. Общ. Любит. Росс. Слов.", ч. 23(= „Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Труды и т. д. ч. III, стр. 337—39) напечатано было письмо почетнаго члена общес-

ства“, престарѣлаго изв. писателя В. В. Капниста къ предсѣдателю общества, гдѣ между прочимъ развивалась идея о древности языка русскаго передъ славянскимъ, невѣжественная и фантастическая даже по тому времени. Капнистъ считалъ русскій языкъ „кореннымъ или первоначальнѣйшимъ славянскимъ діалектомъ, въ виду его простоты и кратко-правильности“ (нѣтъ зват. падежа и двойств. числа; вмѣсто двухъ вспомогательныхъ глаголовъ, наблюдается только одинъ и то рѣдко, при чемъ не имѣется даже и настоящаго времени, „заимствованнаго, кажется (!) изъ Греческаго или Латинскаго языка“). Отсюда дѣлался выводъ, что русскій языкъ древнѣе, чѣмъ греческій и латинскій, и даже чѣмъ всѣ извѣстнѣйшіе европейскіе языки. Возраженіе на эту статью напечатано почти рядомъ (тамъ же, стр. 342—48). Оно принадлежитъ К. Ѳ. Калайдовичу и озаглавлено: „Въ отвѣтъ на замѣчанія В. В. Капниста о древности языка Русскаго предъ Славянскимъ“ Фантастическіе и произвольные домыслы Капниста Калайдовичъ опровергаетъ безъ труда, поддерживая знакомую уже намъ теорію свою относительно церковно-славянскаго языка, который былъ нѣкогда общимъ для моравовъ, болгаръ, сербовъ и русскихъ. Онъ указываетъ при этомъ на издревле существовавшее различіе славянъ отъ варяжскаго племени Руси, языкъ котораго „слился съ языкомъ Славянскимъ, сильнымъ, болѣе образованнымъ“, почти въ то время (раньше или позже?), когда славянскіе первоучители изобрѣли славянскую азбуку и перевели на слав. языкъ Св. писаніе. „Письменные памятники языка Славянскаго перешли къ потомству; отъ Руссовъ ничего не сохранилось, кромѣ собственныхъ именъ первыхъ нашихъ Государей, пословъ въ Договорахъ Олега и Игоря; названій Днѣпровскихъ пороговъ и нѣсколькихъ другихъ словъ — слѣдовъ норманнскаго владычества. Съ переводомъ Св. писанія слав. языкъ, „бывшій дотолѣ разговорнымъ“, сталъ книжнымъ и въ этомъ видѣ перешелъ въ Россію. „Между тѣмъ временемъ нѣсколько уклонялся отъ библейскаго и языкъ народный (какой? славянскій или русскій?). Онъ видѣнъ съ большимъ или меньшимъ приближеніемъ къ Славянскому, въ Правдѣ Русской, Пѣсни Игоревой, Новгородскомъ Лѣтописцѣ; но сія разность состоитъ только въ употребленіи нѣкоторыхъ особенныхъ словъ [1]), безъ перемѣны формъ грамматическихъ (?)“. Этому „народному“ языку, „въ отличіе отъ церковнаго“, Калайдовичъ даетъ имя русскаго, прибавляя, что онъ, „до своего преобразованія въ началѣ

[1]) Очевидно, указанія Востокова (въ его «Разсужденіи») на фонетическую разницу церковнослав. и русскаго языковъ не были усвоены и поняты Калайдовичемъ.

прошедшаго вѣка не имѣлъ постоянныхъ законовъ (!), прибѣгая во всякомъ случаѣ къ пособію Грамматики Славянской, отъ которой тогда только уклонялся, когда употребленіе не согласовалось съ правилами". Такимъ образомъ русскій языкъ „не составляетъ особеннаго, будучи всѣмъ одолженъ Славянскому". Какъ видно, самъ Калайдовичъ очень неясно представлялъ себѣ отношеніе русскаго языка къ старославянскому, несмотря на то, что, конечно, былъ уже знакомъ съ „Разсужденіемъ" Востокова. Въ одномъ мѣстѣ (стр. 346) прямо говорится объ „отдѣленіи языка Русскаго отъ своего *источника* (курсивъ нашъ) Славянскаго". Такимъ образомъ Калайдовичъ не прочь былъ даже считать церковнославянскій языкъ — отцомъ, если не всѣхъ отдѣльныхъ слав. языковъ, то по крайней мѣрѣ русскаго. Разумѣется, отсюда слѣдуетъ выводъ, что русскій „не можно почитать *кореннымъ* или *древнѣйшимъ*", вѣрный самъ по себѣ, но у Калайдовича въ дѣйствительности доказанный очень слабо. Доводы Капниста о большей простотѣ русскаго языка Калайдовичъ отражаетъ указаніями на труды Шишкова, доказавшаго де уже „примѣрами и сравненіями", что, напротивъ, церковнославянскій болѣе простъ и кратокъ, чѣмъ русскій. Зват. падежъ есть въ языкахъ греч. и латинскомъ (болѣе древнихъ, чѣмъ славянскій), а также и „въ нашихъ Грамматикахъ и у нашихъ писателей"; двойственное же число, „еще въ XVII в. имѣвшее права свои", исключено только Ломоносовымъ въ XVIII в., какъ ненужное. Исправляетъ Калайдовичъ и другую ошибку Капниста, указывая, что, кромѣ двухъ вспомогательныхъ глаголовъ *есмь* и *бываю* (Капнистъ говоритъ только объ „одномъ"), имѣются еще глаголы *стану* и *имѣю*, употребляемые въ роли настоящихъ вспомогательныхъ глаголовъ.

Длинный рядъ разсмотрѣнныхъ выше разсужденій и статей общаго характера, появившихся у насъ въ теченіи 1810—1825 гг., заканчивается интереснымъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ разсужденіемъ извѣстнаго писателя и журналиста Н. Полевого: „О древнемъ языкѣ словенскомъ", читаннымъ въ засѣданіи Московскаго Общ. любит. росс. слов. 23 мая 1823 г. и напечатаннымъ въ „Трудахъ" общества (ч. 24=ч. 4. „Сочиненій въ прозѣ и стихахъ". Москва. 1824, стр. 24—43). Рядомъ со взглядами устарѣлыми и ненаучными, даже по тому времени, мы находимъ здѣсь нѣсколько оригинальныхъ и свѣжихъ мыслей. Ученіе о родствѣ индоевроп. языковъ и происхожденіи ихъ изъ одного общаго источника, совершенно уже установленное въ западной наукѣ, повидимому, остается еще неизвѣстнымъ Полевому. Въ началѣ своего разсужденія, говоря о языкахъ коренныхъ, т. е. такихъ, „собственное произхожденіе ко-

торыхъ намъ неизвѣстно", и производныхъ, Полевой устанавливаетъ, на основаніи „многихъ изслѣдованій" (очевидно, XVIII в.), что въ Европѣ коренныхъ языковъ (съ „неизвѣстнымъ" происхожденіемъ) — пять: „Греческій, Германскій, Готескій, Цельтскій и Словенскій; отъ нихъ произошли всѣ Европейскіе языки" (стр. 24). Въ этомъ отношеніи такимъ образомъ онъ стоитъ совсѣмъ на почвѣ XVIII в. За то далѣе говорится уже объ „историческомъ" изслѣдованіи языка: „желая изслѣдовать исторически какой нибудь изъ новѣйшихъ языковъ, мы должны обратить вниманіе на коренный, отъ котораго онъ происходитъ". Поэтому „законы языка Русскаго должны разкрыться въ изслѣдованіи древняго Словенскаго языка", его предка.

Препятствіемъ такому изслѣдованію служитъ, однако, отсутствіе письменныхъ памятниковъ „первобытнаго народа Словенскаго, не знавшаго письменъ" (стр. 25). Славяне, первыя извѣстія о которыхъ начинаются въ V в., въ VI в. двигаются на югъ, но еще „долго говорятъ одинаковымъ языкомъ", какъ „въ этомъ увѣряютъ насъ нѣкоторые писатели" (!). Вскорѣ они занимаютъ „величайшее пространство земли отъ Чернаго до Балт. моря" и распадаются уже на отдѣльныя племена сербовъ, моравовъ, поляковъ, русскихъ и пр. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что „*племена Словенскія въ IX в.*, когда они были уже не кочевыми, но осѣдлыми народами, *не могли говорить совершенно единообразнымъ, первобытнымъ языкомъ своихъ предковъ*" (стр. 26). Авторъ отказывается разбирать, „какъ далеко простиралась разность нарѣчій" у русскихъ славянъ и у моравовъ, „гдѣ положено начало письменности Словенской", называя при этомъ извѣстіе Нестора о единствѣ языка названныхъ слав. народовъ „необстоятельнымъ". Сходство между слав. языками, замѣчаемое и теперь, въ IX в. было еще ближе, но „коренной" слав. языкъ уже не существовалъ и раздѣлялся на нарѣчія. По этому поводу Полевой выражаетъ несогласіе съ мнѣніями своихъ предшественниковъ (имъ, впрочемъ, не называемыхъ), а именно Востокова, утверждавшаго, что „разность нарѣчій не касалась въ то время еще до склоненій, спряженій и другихъ грамматическихъ формъ, и состояла, большею частію, только въ различіи выговора и въ употребленіи нѣкоторыхъ особенныхъ словъ" [1]), и Калайдовича, доказывавшаго, что славяне въ IX в. не говорили еще на разныхъ нарѣчіяхъ, ибо жили всѣ вмѣстѣ на Дунаѣ и не имѣли письменныхъ памятниковъ, вслѣдствіе чего языкъ ихъ „не могъ дѣлать и ощутитель-

---

[1]) См. его «Разсужденіе о славянскомъ языкѣ и т. д.».

ныхъ перемѣнъ въ своей главной формѣ" (см. выше, стр. 787). Мнѣніе Востокова, дѣйствительно невѣрное, хотя и формулированное такъ неопредѣленно, что категорически оспаривать его трудно (что значитъ: „различіе выговора"? напр., польск. piec, р. *печь*, стсл. *пешть*—разницы *выговора* или нѣтъ?), отклоняется Полевымъ безъ мотивировки: *„разница состояла не въ одномъ выговорѣ, и нарѣчія существенно уже раздѣлились"* (стр. 29). Мнѣнію же Калайдовича Полевой вполнѣ резонно противопоставляетъ замѣчаніе, что именно „это самое *неимѣніе письменныхъ памятниковъ* и должно было производить ощутительную перемѣну въ нарѣчіяхъ племенъ", жившихъ не только на Дунаѣ, но „разсѣянныхъ на нѣсколькихъ тысячахъ верстъ" (стр. 28). На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, Полевому, какъ и его предшественникамъ, представляется несомнѣннымъ, что языкъ слав. перевода Св. писанія—„не первобытный, общій языкъ Словенскій, но *какое нибудь изъ нарѣчій тѣхъ племенъ, которыя произошли отъ первобытнаго народа Словенскаго и имѣли въ то время свои особенныя названія*" (стр. 30). Вслѣдъ за Добровскимъ и Каченовскимъ, высказывается далѣе убѣжденіе, что языкомъ этимъ было *„нарѣчіе Словенъ, жившихъ около Солуня*, вѣроятно *древнее Сербское*". Но у Полевого мнѣніе это получаетъ нѣкоторое видоизмѣненіе: первоучители-переводчики *„держались вѣроятно древняго Сербскаго; но перевели собственно ни на какое, а составили новый, неслыханный до того времени языкъ церковный"* (стр. 31). Переводъ дѣлался по его мнѣнію *„подстрочно*: для каждаго слова Греческаго они *прiискивали* Словенское, стараясь поставить его въ томъ же падежѣ, въ томъ же родѣ, наклоненіи и времени, какъ находили въ оригиналѣ; если не знали, чѣмъ замѣнить; то *выдумывали* новое слово (?), или прямо становили *Греческое безъ перевода*" (стр. 31—32). Въ связи съ этимъ взглядомъ Полевой утверждаетъ, что если дошедшіе до насъ памятники, въ родѣ Остромирова и Синодальныхъ ев., Стихираря и переводовъ Іоанна, Экзарха Болгарскаго, „суть достовѣрные памятники того языка, *какимъ въ IX в. переводили Греческія книги*", всетаки они *„могутъ только показать тогдашній выговоръ Словенскихъ словъ* (?)", но совсѣмъ не должны считаться „памятниками языка, *какимъ тогда говорили племена Словенскія*, еще менѣе *памятниками первобытнаго Словенскаго языка*". Онъ думаетъ, что ихъ „должно назвать *сборомъ словъ Словенскихъ, разставленныхъ по Греческому синтаксису, по Греческимъ формамъ*, и слѣдственно—*должно совершенно отдѣлить отъ прежняго, народнаго языка Словенскаго*" (стр. 33—34). Такимъ образомъ греческій языкъ „обогатилъ насъ новыми идеями,

послужилъ къ усовершенствованію нашего языка", но въ то же время затмилъ „*коренныя основанія* языка Словенскаго".

Изслѣдовать этотъ церковный языкъ и составить его грамматику—полезно, но еще полезнѣе, „увѣрившись, что языкъ церковный есть языкъ искусственный,... отыскать, по крайней мѣрѣ, *по возможности, стараться отыскать* коренныя правила языка *собственно Словенскаго* и составить Грамматику не церковнаго, или Греко-Словенскаго языка, появившагося съ переводомъ Библіи, но первобытнаго, древняго Словенскаго языка, или, по крайней мѣрѣ, того языка, которымъ *говорили наши предки.*—Предпріятіе столь же трудное, сколь легко составить Грамматику языка церковнаго" (стр. 34—35). Такимъ образомъ Полевой предлагалъ возстановить грамматику праславянскаго или обще-славянскаго языка—задача до сихъ поръ еще никѣмъ не выполненная и не предпринимавшаяся, но научная и въ извѣстныхъ предѣлахъ осуществимая. Далѣе онъ набрасываетъ планъ сравнительно-грамматическаго изслѣдованія славянскихъ языковъ: „Скажутъ, что" составленіе грамматики первобытнаго славянскаго языка „даже невозможно", въ виду отсутствія письменныхъ памятниковъ, но „языкъ первобытныхъ Словенъ" не исчезъ: „онъ живъ для насъ, только не въ первомъ видѣ своемъ, а въ отрасляхъ, происшедшихъ отъ главнаго корня, сокрытаго вѣками и событіями... Прежде всего должно оставить всегдашнюю неопредѣленность названія *Словенскій языкъ.* До сихъ поръ немногіе писатели поняли важность раздѣленія языка церковнаго отъ народнаго (?) Словенскаго и необходимость *разобрать ихъ каждый особо.* Многіе донынѣ въ древнихъ спискахъ книгъ церковныхъ видятъ языкъ, которымъ *говорили* наши предки; утверждаютъ, что между искусственнымъ, Греко-Словенскимъ и тогдашнимъ общенароднымъ (? выше Полевой признавалъ существованіе отдѣльныхъ слав. діалектовъ или языковъ) не было никакой разницы. Другіе (Шишковъ?) смѣшиваютъ церковный языкъ „съ древнимъ народнымъ, ссылаются безъ разбора и на Библію и на памятники народные, а потомъ выводятъ слѣдствія тамъ, гдѣ ихъ быть не можетъ" (стр. 36—37). Для достиженія намѣченной цѣли, необходимо „означить мѣру и границы *шести* языкамъ Словенскимъ, нынѣ существующимъ" (русскому, польскому, богемскому, сербскому, болгарскому и „кроатскому"!), что легко сдѣлать, благодаря трудамъ многихъ ученыхъ, особенно же Добровскаго. Слѣдовало бы „повѣрить грамматики и словари сихъ языковъ на мѣстѣ ихъ употребленія", но „*для перваго начала*" можно воспользоваться и тѣмъ, что есть, и на основаніи имѣющихся пособій сдѣлать „подробное соображе-

ніе склоненій, спряженій и синтаксиса всѣхъ сихъ языковъ. Мы увидимъ, что во всѣхъ сихъ языкахъ есть *общіе законы* спряженій, склоненій и синтаксиса; есть имена, глаголы, общіе всѣмъ; производство нарѣчій и прилагательныхъ одинаковое. Надобно умѣть отличать основныя правила отъ позднѣйшихъ прибавленій, особыхъ въ каждомъ языкѣ Словенскомъ, и такой этимологическій разборъ покажетъ намъ древнія имена и глаголы Словенскіе; составится словарь—и симъ окончится филологическая часть разбора языковъ" (стр. 37—38).

Не ограничиваясь планомъ сравнительной грамматики славянскихъ языковъ, Полевой даетъ очеркъ „разбора историческаго, гораздо труднѣйшаго. Языкъ древнихъ книгъ церковныхъ долженъ быть разобранъ особо, и это будетъ *вспомогательнымъ средствомъ*; но главное вниманіе надобно обратить на тѣ памятники, гдѣ найдены слѣды языка народнаго, отдѣляя прибавки Греко-Словенскія— и такіе памятники есть у насъ, у Поляковъ, у Сербовъ, у Богемцовъ и даже у Болгаръ: ихъ составляютъ лѣтописи, грамоты, старинныя пѣсни, Слово о полку Игоревомъ, стихотворенія Богемскія и Сербскія, пословицы, поговорки... Надобно воспользоваться и географическою номенклатурою, замѣчая то, что встрѣтимъ Словенскаго въ именахъ городищъ, городовъ, рѣкъ, урочищъ, нынѣ существующихъ, или въ исторіи находимыхъ, къ чему столь хорошее начало сдѣлалъ извѣстный путешественникъ Ходаковскій" (стр. 38—39).

Тогда только, по мнѣнію Полевого, „откроется богатый могущественный языкъ Словенскій въ первобытномъ его величіи, силѣ, простотѣ, свойственной языкамъореннымъ, самостоятельнымъ; тогда увидимъ вставки, употребленіемъ или вліяніемъ чуждыхъ языковъ произведенныя, и найдемъ настоящіе законы нашего Русскаго и другихъ, однородныхъ съ нашимъ, языковъ... Пока не совершимъ такого подвига, напрасно будемъ изъ частнаго выводить общее: можемъ открыть нѣкоторыя истины; но никогда не составимъ ни полнаго словаря, ни полной грамматики Русской, ни даже систематическаго, полнаго обзора нашихъ спряженій" (стр. 39—40). Въ заключеніе Полевой сообщалъ, что предметъ его разсужденія занимаетъ его „постоянно уже нѣсколько лѣтъ", и высказывалъ намѣреніе представить обществу „краткое обозрѣніе Словенскихъ и Русскихъ грамматикъ и дальнѣйшія поясненія всего... сказаннаго, чтобы показать причины несовершенства нашихъ грамматикъ" и „оправдать... необходимость новой системы для филологическихъ и критическихъ разысканій въ языкѣ отечественномъ" (стр. 42).

Обѣщанія эти, однако, остались невыполненными: другія литературныя работы отвлекли Полевого отъ занятій языкознаніемъ, въ которыхъ онъ оставался любителемъ и самоучкой. Тѣмъ интереснѣе нѣкоторые изъ изложенныхъ выше его взглядовъ и особенно его планъ сравнительно-грамматическаго изученія славянскихъ языковъ, которому за вычетомъ нѣкоторыхъ неудачныхъ деталей (нпр., мало понятнаго „означенія мѣры и границъ“ для шести слав. языковъ), нельзя отказать въ рѣдкой по тогдашнимъ временамъ ясности и широтѣ общаго взгляда на цѣли науки и здравомъ пониманіи средствъ, ведущихъ къ ихъ осуществленію.

Такъ выяснялись мало-по-малу въ теченіе первой четверти XIX в. общіе взгляды на отношеніе русскаго языка къ старославянскому, ихъ отдѣльныя свойства, происхожденіе и составъ, цѣли и способъ изученія и т. д. Рядомъ шла разработка фактическаго матеріала, результаты которой нерѣдко служили точкой опоры для вышеразсмотрѣнныхъ разсужденій. Въ этой области прежде всего нужно отмѣтить рядъ работъ по палеографіи и связанной съ ней тѣсно археографіи: раньше чѣмъ изслѣдовать языкъ письменныхъ памятниковъ старины, нужно было разобраться въ нихъ и привести въ извѣстность, чтò уцѣлѣло отъ безжалостнаго времени. Къ этимъ работамъ примыкаютъ и попытки изслѣдовать тѣ или другіе отдѣльные памятники со стороны языка.

Мы видѣли уже выше (стр. 712 и 724), что важность палеографіи сознавалась у насъ въ самомъ началѣ XIX в. Это сознаніе не преминуло вызвать цѣлый рядъ ревностныхъ работниковъ-палеографовъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Къ началу второго десятилѣтія XIX в. у насъ уже было нѣсколько знатоковъ и любителей палеографіи, какъ А. Н. Оленинъ (1763—1843), А. И. Ермолаевъ (1780—1828), А. Х. Востоковъ (1781—1864) въ Петербургѣ, Н. Н. Бантышъ-Каменскій (1737—1814), А. Ѳ. Малиновскій (1762—1840), работавшіе въ этой области еще въ послѣдней четверти XVIII в., К. Ѳ. Калайдовичъ (1792—1832), М. Т. Каченовскій (1775—1842), любитель-самоучка антикваръ Игн. Ѳерап. Ѳерапонтовъ [1]) и др. въ Москвѣ. Всѣ названныя лица (за исключеніемъ торговца Ѳерапонтова), особенно москвичи, группировались около просвѣщеннаго мецената науки, государственнаго канцлера гр. Н. П. Румянцова, образуя извѣстный Ру-

---

[1]) См. о немъ К. Калайдовичъ, «Московскія записки» въ «Вѣстникѣ Европы» 1811, ч. 55, стр. 57—59, а также отдѣльно, съ дополненіями и поправками, подъ заглавіемъ: «Извѣстіе о древностяхъ Славяно-Рускихъ и объ Игнатіѣ Ѳерапонтовичѣ Ѳерапонтовѣ, первомъ собирателѣ оныхъ. Москва, 1811. Въ Университ. Типогр. (Мал. 8°, 21 стр.)».

мянцовскій кружокъ, занятый всецѣло интересами археографіи, палеографіи и археологіи вообще. Къ этому кружку принадлежалъ еще жившій внѣ Москвы епископъ вологодскій, впослѣдствіи калужскій, а еще позже митрополитъ кіевскій, знаменитый Евгеній Болховитиновъ (1767—1837). Впослѣдствіи въ него вошли: молодой могилевскій учитель, послѣ гомельскій протоіерей, І. Григоровичъ (1792—1861), П. М. Строевъ (1796—1876) и П. И. Кеппенъ (1793—1862) [1].

Научная дѣятельность гр. Румянцова и его кружка началась съ изданія знаменитаго „Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, хранящихся въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ“ (4 ч. in fol. Москва, 1813, 1819, 1822, 1828). Еще въ началѣ 1811-го года графъ Румянцовъ вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, испрашивая себѣ разрѣшеніе для болѣе легкаго изученія историческаго прошлаго Россіи и „распространенія общеполезныхъ свѣдѣній“, издать на свой счетъ всѣ государственные акты, начиная съ древнѣйшихъ временъ [2]). Тогда же началось подготовленіе къ изданію „Собранія“, какъ это видно изъ переписки Румянцова съ Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ [3]).

„Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ“, задуманное по образцу „Corps universel diplomatique“ Дюмона (8 том. fol. Брюссель, 1726—31 и 3 т. дополненій 1739 г.), преслѣдовало прежде всего историческія цѣли, но сослужило службу и нашему языкознанію, сдѣлавъ доступнымъ для изученія цѣлый рядъ древнихъ памятниковъ языка. Кромѣ того, ставъ на нѣкоторое время центральнымъ предметомъ занятій Румянцовскаго кружка, „Собраніе госуд. грамотъ“ послужило ядромъ и основаніемъ дальнѣйшихъ работъ и изданій названнаго кружка, все шире и шире захватывавшихъ еще до нынѣ неисчерпанный матеріалъ нашей древней письменности, имѣющій не только историческое, но и лингвистическое значеніе. Предпріятіе Румянцова, конечно, содѣйствовало еще большему оживленію интереса къ древней письменности, о которомъ говоритъ К. Калайдовичъ въ цитированной уже выше статьѣ своей о славяно-русскихъ древностяхъ и ихъ собирателѣ И. Ѳ. Ѳерапонтовѣ („Вѣстн. Евр.“ 1811 г., ч. 55, и отдѣльно, М. 1811 г.).

---

[1]) О дѣятельности Румянцовскаго кружка, см. А. Кочубинскій, «Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ Гр. Румянцовъ. Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія». (Одесса, 1888).

[2]) См. тамъ-же, стр. 64.

[3]) См. «Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1882, I, стр. 1—3, письмо Бантыша-Каменскаго отъ 31 янв. 1811, а также приложеніе I къ цитир. только что труду проф. А. Кочубинскаго.

По словамъ молодого археолога (Калайдовичу тогда было всего 19 лѣтъ), „въ Россіи много отечественныхъ древностей; первое и важнѣйшее мѣсто занимаютъ книги: въ одномъ краю онѣ гніютъ въ углахъ монастырскихъ, въ другомъ невѣжество жжетъ ихъ—употребляетъ на обвертки,—кой гдѣ попадаютъ они въ руки мѣлочнымъ торгашамъ и продаются иногда за безцѣнокъ; а очень, очень рѣдко появляется знающій охотникъ, который съ возможнымъ тщаніемъ хранитъ ихъ и дѣлаетъ изъ нихъ лучшее употребленіе. При такомъ небреженіи чего ожидать добраго? Что скажутъ объ насъ ученые иностранцы? Какой отчетъ дадимъ мы просвѣщенію? У насъ нѣтъ полнаго собранія древностей, или хотя такого, которое бы превосходило прочія: одинъ имѣетъ то, другой другое, и все это разсѣяно въ рукахъ частныхъ, невѣрныхъ. Кажется, теперь весьма тщательно собираютъ ихъ; но умножающееся число охотниковъ, а особливо до нашихъ древнихъ рукописей, возвышаетъ оныхъ цѣну...“ втрое и вчетверо (отд. изд. стр. 4—5). „Богатые охотники до Славяно-Рускихъ древностей, ничего не жалѣя, собираютъ сіи драгоцѣнные остатки—памятники народнаго просвѣщенія“. Дальше сообщалось, что „въ Москвѣ давно уже торгуетъ старинными Рускими, письменными и печатными книгами, также древними иконами, почтенный старикъ *Игнатій Ѳерапонтовичъ*“, который р. въ 1740 г., въ г. Каширѣ, выучился грамотѣ самоучкой, сталъ читать и разбирать старинныя церковныя книги и пристрастился къ торговлѣ рукописями, не будучи настолько богатъ, чтобы заняться ихъ собираніемъ. По словамъ Калайдовича, Ѳерапонтовъ на 71-мъ году своей жизни сталъ отличнымъ знатокомъ рукописей, такъ что многіе любители и знатоки считали „себѣ за честь совѣтоваться съ нимъ при изъясненіи (!) старинныхъ книгъ и другихъ древностей, и даже называться его *учениками*“ (стр. 5—7). Первые обратили на него вниманіе московскіе профессора А. А. Барсовъ, Д. Н. Синьковскій, Ѳ. Г. Баузе (стр. 7—8).

Ѳерапонтовъ „съ невѣроятною ревностью собиралъ, гдѣ только могъ... всѣ древнія книги, не рѣдко и самъ покупая дорогою цѣною“..., и заслужилъ „общую благодарность за то что безъ его старанія можетъ быть нѣсколько сотенъ важныхъ книгъ совершенно бы пропали отъ нерадѣнія, ибо *лѣтъ за сорокъ передъ симъ весьма немногіе думали о собираніи ихъ*“ (курсивъ нашъ, см. стр. 20 цит. соч.) [1].

---

[1]) Какъ относились у насъ еще въ концѣ XVIII в. къ древнимъ рукописямъ, свидѣтельствуетъ А. Титовъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ «Воспомина-

У Ѳерапонтова много покупали „почтеннѣйшіе любители", гр. А. И. Мусинъ-Пушкинъ, гр. Ѳ. А. Толстой, проф. Ѳ. Г. Баузе и др., которые „много весьма рѣдкихъ вѣщей черезъ него получили" [1]). Говоря объ этихъ собирателяхъ, обладавшихъ къ тому времени уже порядочными коллекціями рукописей, нашъ юноша-археологъ пользуется случаемъ, чтобы сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія объ извѣстныхъ ему рукописныхъ собраніяхъ, обнаруживая недурное знакомство съ московскими сокровищами по этой части и живѣйшій интересъ къ древне-русской письменности. По его словамъ, древнѣйшая книга въ собраніи проф. Баузе (послѣ того сгорѣвшемъ въ 1812 г.) былъ Прологъ 1229 г., писанный уставомъ въ Новгородѣ (описаніе его дается въ примѣчаніи на стр. 9—10-й); кромѣ того изъ собранія Баузе указываются: другой Прологъ, не менѣе древній, хотя и безъ даты, книга Степенная 1551 г., Лѣчебникъ, переведенный съ польскаго въ 1588 г., библіи Скорины и Острожская, первопечатный Апостолъ и т. д. (стр. 14—19)[2]).

Несмотря на свою молодость, Калайдовичъ обнаруживаетъ уже въ этой брошюрѣ рѣдкую по тогдашнему осторожность и здравый научный скепсисъ, говоря о не подтвердившихся указаніяхъ на „древлянскія руническія рукописи" Дубровскаго (см. выше, стр. 706)), которыя онъ называетъ „невѣроятными драгоцѣнностями" (стр. 10—11, прим. 3), о „Моравскомъ дворянинѣ" Ганкенштейнѣ [3]),

---

ніямъ крестьянина села Угодичь, А. Артынова» («Чтенія въ общ. ист. и древн. росс.» 1882 г., кн. I, 63, прим. 2): «рукописей въ началѣ XIX в. въ Ростовѣ, говоритъ онъ, дѣйствительно было много. Покойный ростовскій гражданинъ А. И. Щенниковъ, умершій въ началѣ 60-хъ гг. въ глубокой старости, разсказывалъ намъ лично, что вскорѣ послѣ перевода митрополіи изъ Ростова въ Ярославль въ 1785 г. свитковъ и рукописей валялось въ башняхъ и на переходахъ архіерейскаго дома цѣлые вороха. И онъ, бывши въ то время мальчикомъ, вмѣстѣ съ товарищами вырывалъ изъ рукописей заставки и картинки, а изъ свитковъ золотыя буквы и виньетки и наклеивалъ ихъ на латухи».

[1]) При открытіи Моск. Общ. Ист. и Др. Росс., Ѳерапонтовъ принесъ ему въ даръ 500 р. и 15 старопечатныхъ книгъ (въ томъ числѣ Остр. библію, Апостолъ 1606 г., Моск. изданіе грамматики М. Смотрицкаго 1648 г., Уложеніе царя Алексѣя Мих. и др.), за что получилъ званіе «Благотворителя» и золотую медаль. Впослѣдствіи имя Ѳерапонтова продолжаетъ упоминаться въ числѣ жертвователей Обществу. См. письмо Ѳерапонтова въ «Запискахъ и трудахъ» названнаго общества. Ч. I. Москва, 1815, стр. L—LI, LXXV, LXXVI, LXXII, CVI, CXVIII—IX и т. д.

[2]) Библіотека Баузе заключала въ себѣ 460 нумеровъ, каталогъ которыхъ былъ составленъ В. Н. Каразинымъ и приготовленъ къ печати Калайдовичемъ. См. «Библіографическія Разысканія. Очеркъ библіограф. трудовъ въ Россіи» В. М. Ундольскаго (Москва, 1846 г., изъ «Москвитянина» 1846 г., № 2), стр. 13.

[3]) Ганкенштейну и его книжкѣ «Recension der ältesten Urkunde der

тщетно пытавшемся обмануть его „Словенскою“ рукописью, будто бы VIII в. (стр. 10—11), или о „Каталогѣ древнихъ рукописей Московской духовной типографіи“, въ которомъ многіе нумера „означены XII, XI, и даже X вѣками; но какъ думаютъ на угадъ“ (стр. 12). Кромѣ того, въ своей замѣткѣ (и отдѣльномъ ея оттискѣ) Калайдовичъ перечислялъ другія извѣстныя ему древнѣйшія подлинныя рукописи. Такими являются, по его словамъ: Сборникъ князя Щербатова, по увѣренію владѣльца,—1046 г. (т. е. Святославовъ Изборникъ 1076 г.), въ Архивѣ Коллегіи Иностр. дѣлъ—три новгородскихъ грамоты на пергаментѣ 1264 г., а изъ бумажныхъ—рядная Симеона Іоанновича Гордаго и его братьевъ 1341 г.; въ библіотекѣ Имп. Ак. наукъ—пергаментная рукопись 1298 г. и бумажная 1377 (на основаніи „Опыта“ Бакмейстера). Здѣсь же упоминается и о незадолго передъ тѣмъ найденномъ Остромировомъ евангеліи, о которомъ Калайдовичъ зналъ изъ статьи въ „Лицеѣ“ Мартынова за 1806 г. (см. выше, стр. 710). Для тогдашняго состоянія нашей палеографіи характерно, что Калайдовичъ не вѣритъ въ глубокую древность этого памятника, указывая, что отмѣченныя въ статьѣ „Лицея“ якобы древнія черты его графики встрѣчаются и въ Новгородскихъ Софійскихъ рукописяхъ конца XIII, начала XIV в. (стр. 13—14).

Статья Калайдовича, отдѣльное изданіе которой онъ принесъ въ даръ Моск. Обществу Ист. и Древн. Росс., обратила на него

---

slavischen Kirchengeschichte, Litteratur und Sprache, eines pergamentenen Codex aus dem VIII Jahrhunderte» (Офенъ, 1804) была посвящена статья преосв. Евгенія Болховитинова въ «Любителѣ Словесности» за 1806 г. (май, 140—152): «Примѣчанія на Ганкенштейнову Рецензію найденнаго имъ стариннаго славенскаго кодекса, которой почитаетъ онъ найденнымъ въ 8-мъ вѣкѣ». Евгеній указывалъ здѣсь, что внѣшніе признаки древности (избитый переплетъ, пятна отъ воска и т. д.), на которые ссылался Ганкенштейнъ, вовсе не указываютъ на VIII в.; «недостаточны» для доказательства: «Такой же почти почеркъ и ортографію, сліяніе словъ, опущеніе препинательныхъ и переносныхъ знаковъ видимъ въ рукописяхъ XIV и XV вв. и даже въ старопечатныхъ книгахъ». Ганкенштейнъ между прочимъ доказывалъ, что слав. азбука, вмѣстѣ съ «Древнееврейской, Египетской, Финикійской, Кадмовой, Готической (т. е. готской), Армянской, Иллирической, Сербской», происходитъ прямо отъ финикійской азбуки. Однимъ изъ аргументовъ Ганкенштейна служило имя рѣки Эриданъ, изъ которой финикіяне добывали янтарь. Ганкенштейнъ сравнивалъ его съ «моравскимъ Ржидло, Гржидло» (очевидно, чеш. hřídlo) = теплица, «ибо по его мнѣнію рѣкѣ, гдѣ янтарь родится, должно быть теплой». Такимъ образомъ Эриданъ есть греческая передѣлка формъ «Гржиданъ, Ржиданъ, Гржеданъ». Евгеній совершенно резонно заключалъ свою рецензію словами: «такія догадочныя доказательства и мечтательныя умозаключенія не требуютъ никакого критическаго замѣчанія».

вниманіе и доставила ему званіе члена-соревнователя названнаго общества [1]). Съ этихъ поръ начинается его неутомимая и богатая результатами дѣятельность развѣдчика, собирателя и издателя древнихъ рукописей, принесшая нашей молодой наукѣ великую пользу. Къ 1812 году у него самого уже скопилась порядочная библіотека старыхъ книгъ и рукописей, погибшая въ пожарѣ Москвы, подобно коллекціямъ гр. Мусина-Пушкина, гр. Бутурлина, П. Г. Демидова, Общ. Ист. и Древн., профессоровъ Баузе и Тимковскаго и др.[2]). Въ большинствѣ случаевъ найденныя рукописи онъ приносилъ въ даръ или направлялъ ихъ для пріобрѣтенія въ разныя казенныя, общественныя или частныя собранія, сначала Общества Исторіи и Древн. Росс. [3]), впослѣдствіи особенно гр. Румянцова, такъ что значительная доля рукописнаго собранія Румянцовскаго музея составилась при непосредственномъ участіи Калайдовича [4]). Впрочемъ, главная дѣятельность его въ этомъ направленіи относится уже къ болѣе позднему времени (послѣ 1816 года): начавшись въ 1810—1811 гг., она прервалась въ 1812 г., когда онъ вступилъ въ военную службу и участвовалъ въ дѣйствіяхъ противъ французской арміи. Возобновить ее онъ могъ только черезъ годъ, по выходѣ своемъ въ отставку (лѣтомъ 1813 г.). Въ концѣ 1814 года, во время ученой поѣздки Калайдовича во Владиміръ и Суздаль съ нимъ произошелъ какой то неясный особенный случай, грозившій ему судебнымъ преслѣдованіемъ и наказаніемъ и повлекшій за собой объявленіе его сумасшедшимъ и заключеніе въ домѣ умалишенныхъ (въ теченіе полугода), а затѣмъ пребываніе на исправленіи въ одномъ изъ монастырей Моск. губ. Эти событія вызвали второй, еще болѣе продолжительный полуторагодовой перерывъ въ научной дѣятельности Калайдовича [5]). Только по выходѣ изъ монастыря (лѣтомъ 1816 г.) онъ могъ снова вполнѣ вернуться къ своимъ научнымъ занятіямъ, продолжавшимся до его послѣдней

---

[1]) См. «Записки и труды Общ. Ист. и Древн. Росс.», ч. I, 1815, стр. LIX.

[2]) См. «Сынъ Отечества» 1813 г., № 48, стр. 124 и Безсонова, «К. Ѳ. Калайдовичъ. Біографич. очеркъ» въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Росс.» 1862 г. кн. 3-я, стр. 31, примѣч.

[3]) Такъ въ 1811 г. онъ подарилъ обществу рядъ старопечатныхъ книгъ, въ томъ числѣ словарь Памвы Берынды и Букварь на греч., лат. и слав. яз. Поликарпова, а изъ рукописей — двѣ лѣтописи: Суздальскую и временъ царя Алексѣя Михайловича (см. «Записки и труды Общ. Ист. и Древн. Росс.» Ч. I. Москва, 1815, стр. LXIX, LXXXIII, CV).

[4]) См. цитиров. выше статью Безсонова въ «Чтен. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1862 г. III, стр. 63.

[5]) См. цитиров. выше статью Безсонова въ «Чтен. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1862 г. кн. III, стр. 42 и слѣд.

болѣзни [1]). О результатахъ ихъ въ разсматриваемой научной области мы скажемъ ниже въ своемъ мѣстѣ.

Кромѣ своей статьи объ И. Ѳ. Ѳерапонтовѣ, Калайдовичъ въ 1811 г. напечаталъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (ч. XIV, № 4, стр. 103—108) „Историческія Замѣчанія о древности Звенигорода и надписи, находящейся въ Саввинскомъ Сторожевскомъ монастырѣ“. Здѣсь описывалась криптографическая надпись на монастырскомъ колоколѣ, когда то интересовавшая еще Миллера и Бакмейстера. Изъ нихъ послѣдній снялъ и копію (не совсѣмъ точную). Калайдовичъ относилъ надпись къ числу „тайныхъ писаній“, но прочесть не брался. Статья была снабжена примѣчаніями Саларева (стр. 119—128), который между прочимъ сомнѣвался вообще, чтобы надпись эта что либо означала, и высказывалъ предположеніе, что она отлита только „для заполненія пустого мѣста“.

Какія представленія имѣлись у насъ еще въ 1811 году, относительно древней русской письменности и палеографіи, ярко свидѣтельствуетъ письмо преосв. Евгенія Болховитинова къ казанскому профессору Городчанинову (отъ 15 янв. 1811 г.). Евгеній писалъ: „Сообщаю при семъ Петербургскую литературную новость: Тамошніе палеофилы или древностелюбцы отыскали гдѣ-то цѣлую пѣснь древняго Славенорусскаго пѣснопѣвца Бояна, упоминаемаго въ пѣсни полку Игореву, и еще оракулы древнихъ Новгородскихъ жрецовъ. Всѣ сіи памятники писаны на пергаменѣ древними Славянорунническими буквами, задолго яко бы до Христіанства Славеноруссовъ. Есть ли это не подлогъ какихъ-нибудь древностелюбивыхъ проказниковъ, и есть ли не ими выдумана сія Славянорунническая азбука и не составлена изъ разныхъ сѣверныхъ руническихъ письменъ, кои описываетъ Далинъ въ своей Шведской исторіи, часть I, гл. VIII; то открытіе сіе испровергаетъ общепринятое мнѣніе, что Славяне до IX вѣка не имѣли письмянъ. Въ Петербургѣ еще идутъ споры о семъ. Что то скажутъ о семъ ваши Казанскіе ученые? (!) Увѣдомьте меня. Замѣчательно, что въ рунахъ сихъ есть и буква ъ, коей происхожденіе въ нашей азбукѣ мы доселѣ отыскать не могли“.

6 мая 1812 г. онъ извѣщалъ Городчанинова: „О Бояновомъ гимнѣ и оракулахъ Новогородскихъ (кои всѣ сполна у меня уже есть) хотя спорятъ въ Петербургѣ, но большая часть вѣритъ непод-

[1]) Калайдовичъ сошелъ съ ума въ 1828 г. и, хотя поправился нѣсколько, но не могъ уже работать вплоть до самой своей смерти съ 1832 г. Тамъ же, стр. 85 и слѣд.

ложности ихъ. Дожидаются изданія. Тогда въ публикѣ больше будетъ шуму о нихъ“ [1]).

Если знающій, осторожный и иногда черезчуръ скептическій Евгеній могъ тогда такъ нерѣшительно относиться къ подобнымъ грубымъ поддѣлкамъ, то чего же было ожидать отъ другихъ его современниковъ, меньше знакомыхъ съ древней письменностью и болѣе довѣрчивыхъ?

Гимнъ Бояну и оракулы, о которыхъ писалъ Евгеній, дѣйствительно вскорѣ были напечатаны Державинымъ въ его разсужденіи „О лирической поэзіи“, явившемся въ „Чтеніи любителей русскаго слова“ (кн. 6-я, 1812 г., стр. 5—6). Державинъ называлъ рукопись гимна „Славенорунымъ стихотворнымъ свиткомъ I вѣка“ и приводилъ начало его и одно „произреченіе“ Новгородскихъ жрецовъ, прибавляя: „за подлинность ихъ не могу ручаться, хотя кажется буквы и слогъ удостовѣряютъ о ихъ глубокой древности. Пусть знатоки о семъ разсудятъ“. Въ примѣчаніи сообщалось, что „подлинники на паргаминѣ, находятся въ числѣ собраній (!) древностей у Г-на Селакадзева“, извѣстнаго и впослѣдствіи за грубаго фальсификатора рукописей [2]). Пресловутыя „руны“ представляли собой просто исковерканныя на подобіе рунъ славянскія буквы, а о „древнемъ ихъ слогѣ“ могутъ дать понятіе слѣдующіе образчики:

„Гмъ послухси Бояна (заглавіе): Умочи Боянъ сновъ удычь А комъ плъ блгъ тому Суди Велеси не убѣгти Слвы Словенси не умлети“ и т. д., что̀ должно было значить: „Не умолчи Боянъ, снова воспой, о комъ пѣлъ, благо тому. Суда Велесова не убѣжать; славы Славяновъ не умалить“ и т. д. Въ такомъ же родѣ и новгородскій „оракулъ“: „Угли. Жрцу говоръ Еролку (заглавіе): Пакоща свада Дюжу убой Тяжа нагата Тощь перелой“, т. е.. „По злобѣ свара, сильному смерть: тяжба съ богатствомъ, худъ передѣлъ“ [3]).

Названными „рунами“ интересовался также и Карамзинъ, получившій списокъ ихъ отъ Евгенія и супруговъ кн. Вяземскихъ. Въ письмѣ къ послѣднимъ отъ 16 окт. 1812 г. онъ благодарилъ за присылку гимна и спрашивалъ, кто его нашелъ и перевелъ, у кого находится оригиналъ и т. д. Въ другомъ письмѣ, отъ 14

---

[1]) См. Сборникъ статей, чит. въ отд. русск. яз. и слов., т. V, вып. I, стр. 56—57.

[2]) См. Сборникъ статей, чит. въ отд. русск. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 49, 391, 412.

[3]) См. также «Сочиненія Державина», акад. изданіе, т. VII, стр. 594—96.

ноября, Карамзинъ высказывалъ впередъ благодарность Евгенію, если онъ пришлетъ ему „вѣрную копію съ гимна, дѣйствительнаго или мнимаго“ [1]). Державинъ дорожилъ этимъ гимномъ и послѣ, какъ это видно изъ его письма къ С. В. Капнисту отъ 8 іюля 1816 г. (Сочиненія, т. VI, стр. 381), и даже вдохновился имъ для своей баллады о „Новгородскомъ волхвѣ Злогорѣ“ (Сочин., т. III, стр. 134).

Даже черезъ 9 лѣтъ, въ 1821 г., въ одной статьѣ „Сына Отечества“ (1821 г., ч. 70, № 24, стр. 174—5) упоминалась эта грубѣйшая поддѣлка, какъ „недавно найденный древле-Славянскій гимнъ Бояновъ князю Летиславу, писанный на пергаминномъ свиткѣ красными чернилами, буквами руническими, донынѣ неизвѣстными“. Впрочемъ, авторъ статьи стѣснялся приводить его, въ качествѣ историческаго свидѣтельства о существованіи Бояна, ибо „гимнъ сей въ свѣтъ еще не изданъ и Критикою не удостовѣренъ“.

Въ 1811-мъ году, одновременно съ началомъ работъ по изданію Румянцовскаго „Собранія“, является первая попытка изданія и изслѣдованія двухъ новгородскихъ грамотъ XIV в. со стороны палеографической, лингвистической и исторической, принадлежащая Шлецеру-сыну [2]) и также краснорѣчиво говорящая о младенчествѣ нашей тогдашней палеографіи. Авторъ упоминаетъ здѣсь о разныхъ древнихъ русскихъ грамотахъ, въ томъ числѣ о договорѣ между Ригой и Полоцкомъ (1405 г.) и др., видѣнныхъ имъ въ Ригѣ, у проф. Броге, въ Кенигсбергскомъ, Любекскомъ и Готскомъ архивахъ (стр. 191, прим.); разсказываетъ, какъ долго разыскивалъ издаваемыя имъ грамоты между бумагами отца (стр. 192—195); даетъ внѣшнее описаніе самихъ грамотъ, ихъ почерка, чернилъ (стр. 195—97), приводитъ самый текстъ первой грамоты (стр. 197—198) съ толкованіемъ и переводомъ (стр. 198—199), опредѣляя далѣе содержаніе, мѣсто и время написанія ея (стр. 199—208). Къ этому присовокупляются замѣчанія на нѣкоторыя отдѣльныя слова (стр. 208—214), причемъ, напр., род. п. *Смена* толкуется, какъ сокращеніе *Семена*, а *Машка*, какъ уменьшительное отъ *Матвѣй*. Плохое знакомство автора съ русскимъ древнимъ и живымъ языкомъ даетъ, конечно,

---

[1]) «Русскій Архивъ» 1866 г., стлб. 231, 234.

[2]) «Изъясненіе двухъ совсѣмъ еще неизвѣстныхъ и весьма достопамятныхъ памятниковъ на Славянскомъ языкѣ писанныхъ и относящихся до связи между Новгородскою республикою и Ганзою» («Вѣстникъ Европы» 1811 г., ч. 60, стр. 188—214, 275—299 и дополненіе, стр. 331—334). Факсимиле первой грамоты приложено къ № 23 (декабрь) этой части, а второй—къ № 24.

себя чувствовать въ этихъ объясненіяхъ. Такъ, напримѣръ, выраженіе *не чистъ* въ фразѣ: *оже будетъ не чистъ путь въ рѣчкахъ* толкуется имъ „будетъ *не глубокъ*“ (стр. 199 и 214) и т. д.

Подобнымъ же образомъ описывается вторая грамота (стр. 275—76), дается ея „списокъ“ (стр. 276) и „изъясненіе“ (стр. 277—78), причемъ языкъ грамоты характеризуется, какъ гораздо болѣе близкій „къ новому Россійскому“. Затѣмъ слѣдуетъ опредѣленіе содержанія и „намѣренія“ грамоты (стр. 278 и слѣд.). Ошибокъ и неточностей не мало и въ этой части работы Шлецера-сына. Такъ форму *есмя* онъ принималъ за частицу и только „отъ природныхъ Россіянъ... получилъ увѣреніе“, что это 1 л. множ. ч. (стр. 280). Подобныя же ошибки находимъ въ замѣчаніяхъ на отдѣльныя слова (стр. 291—294). О фразѣ: „*съ тыхъ есмя спустилъ назень что*“ Шлецеръ говоритъ: „сіи слова для меня невразумительны и потому я принужденъ былъ отгадывать ихъ значеніе“ (стр. 294). О „словѣ“ *протый (товаръ)*, которое въ „спискѣ“ грамоты, однако, пишется вѣрно: „*про тый*“ (стр. 276), авторъ замѣчаетъ: „и етого слова я не понимаю. Не значитъ ли оно *въ бытность, въ разсужденіи?*“ (стр. 294). Несмотря на эти и другія подобныя погрѣшности, статья Шлецера-сына всетаки интересна, какъ первый опытъ палеографико-лингвистическаго изслѣдованія древнерусскихъ грамотъ, сопровождавшагося и снимками facsimile.

Нѣсколько раньше ея явилась статья К. (Каченовскаго): „Несторъ. Русскія лѣтописи на Древле-Славенскомъ языкѣ“ [1]), написанная по поводу изданія русскаго перевода лѣтописи Д. Языкова (Спб. 1810). Авторъ, впрочемъ, разсматриваетъ лѣтопись исключительно какъ историческій памятникъ и, кромѣ очень немногихъ незначительныхъ замѣчаній, не говоритъ совсѣмъ о ея языкѣ.

Только что упомянутая статья Шлецера-сына вызвала цѣнную работу К. Калайдовича, свидѣтельствующую, насколько онъ, несмотря на свою молодость, превосходилъ нѣмецкаго ученаго знаніемъ древнерусскаго и славянскихъ языковъ и научнымъ чутьемъ [2]).

Въ началѣ своего возраженія Калайдовичъ скромно оправдываетъ его появленіе: „Читая объясненія двухъ граматъ... съ превосходными вашими примѣчаніями... я былъ весьма обрадованъ

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1811 г., ч. 59, стр. 127—149, 211—231.

[2]) «Замѣчанія на объясненія двухъ грамотъ Новгородскихъ (Письмо къ Х. А. Шлецеру)» въ «Вѣстникѣ Европы» 1812 г., ч. 61, февраль, № 3, стр. 204—32).

открытіемъ сихъ драгоцѣнностей тѣмъ болѣе, что до сего времени не было извѣстно ни объ одномъ подлинникѣ, касающемся до связи Новагорода съ Ганзою...". Несмотря на эти похвалы труду Шлецера младшаго, Калайдовичъ всетаки „осмѣлился сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія", большею частью вполнѣ вѣскія и вѣрныя (мы ограничиваемся лишь тѣми, которыя имѣютъ лингвистическій характеръ, оставляя совершенно въ сторонѣ всѣ чисто историческія соображенія и доводы). Такъ онъ исправляетъ ошибочное чтеніе Шлецера Иванъ *Бѣлынъ* на И. *Бѣлый*, указывая, что Шлецеръ принялъ древнее написаніе буквы *и* (н) за *н*, писавшееся тогда подобно греч. N (стр. 213); рядомъ, однако, форму *творили (той товаръ творили есмя)* считаетъ одного происхожденія съ *товаръ* (!) и толкуетъ какъ *покупали* (стр. 217), хотя и оговаривается, что такое значеніе ему встрѣчается впервые; относительно *есмя* указываетъ, что это — прошедшее время (!) вспомогат. глагола *быти*, но вѣрно сравниваетъ ее съ польск. „musilismo, postanowilismo" (стр. 218); фразы: *то есмя спустилъ на зень что ни* онъ, однако, и самъ не понимаетъ (218—19); тутъ же вѣрно отмѣчено, что форма *веремя* такъ же относится къ *время*, какъ *беремя* къ *бремя*, *беревно* къ *бревно*, *мороморяный* къ *мраморный* (стр. 219). Такъ же правильно Калайдовичъ толкуетъ Шлецерово *протый*, какъ *про тый*, т. е. *про тотъ*, и вообще не находитъ въ данныхъ грамотахъ „ни двусмыслія, ни ошибокъ писца", на которыя ссылался нѣмецкій ученый. Свои историческія объясненія грамотъ Калайдовичъ подкрѣпляетъ ссылками на мѣста изъ Новгородской лѣтописи. Впервые указываетъ онъ и на извѣстныя діалектическія черты, сказавшіяся въ данныхъ грамотахъ, а именно на новгородское „смѣшеніе" *ѣ* съ *и* (*былѣ*=были) и *ц* съ *ч*, „подобно выговору нашихъ простолюдиновъ" (стр. 229). Дальше дается палеографическая характеристика грамотъ: обращается вниманіе на „теперь неизвѣстную букву ѥ, которой употребленіе въ XV в. прекратилось (стр. 229—30)", постановку точекъ вмѣсто прочихъ знаковъ препинанія, отсутствіе удареній и употребленіе изъ другихъ надстрочныхъ знаковъ только титлъ и точекъ надъ нѣкоторыми гласными буквами (стр. 230). Въ заключеніе Калайдовичъ отказывается отъ своего прежняго мнѣнія, будто „Славянскія рукописи до насъ дошедшія не старѣе XIII в.", ссылаясь при этомъ на извѣстное уже намъ (см. выше, стр. 711 и сл.) письмо Оленина къ гр. Мусину-Пушкину о Тмутороканской надписи, гдѣ описанъ Сборникъ Святослава 1076 г. (принадлежавшій кн. Щербатову), а также на евангеліе 1152 года, хранящееся въ Московской синодальной библіотекѣ (стр. 231).

Шлецеръ-сынъ не остался въ долгу у своего критика и отвѣчалъ ему немедленно [1]), обнаруживъ въ своемъ отвѣтѣ всю слабость своихъ научныхъ знаній. Такъ онъ продолжаетъ отстаивать свое толкованіе выраженія „*путь нечистъ*“ (мели въ рѣкахъ), которое считаетъ „непринужденнымъ и простымъ“, называя въ то же время объясненіе Калайдовича, думавшаго, что здѣсь идетъ рѣчь о разбояхъ на пути,—„натянутымъ“ (стр. 294—300). По мнѣнію Шлецера, „мужи“, которые должны были провожать пословъ, въ случаѣ если путь окажется „нечистымъ“, были лоцмана (!) [2]). Съ замѣчаніемъ, что надо читать Ив. Бѣл*ый*, а не Бѣл*ынъ*, онъ соглашается (стр. 306—310), но продолжаетъ стоять на своемъ, что *товаръ* произошло отъ *творить* (! ч. 63, стр. 24—26). Выраженіе *спустилъ на зень* Шлецеръ толкуетъ теперь: „спустили за ничто“, хотя и признается, что не понимаетъ слова *зень* (стр. 26). Характерны для того времени и для самого Шлецера его мнѣнія о древности указанныхъ Калайдовичемъ рукописей XI—XII в. (Сборника Святослава 1076 г. и евангелія Синод. библіотеки 1152 г.). Шлецеръ не вѣритъ въ ихъ древность и не придаетъ никакого значенія выставленнымъ на нихъ датамъ, считая даже указаніе Калайдовича на нихъ шуткой (!) (стр. 40—42). Въ заключеніе онъ отрицаетъ не только существованіе русской палеографіи, но и самую возможность ея возникновенія: „судя по недостаточному числу такихъ рукописей и памятниковъ, коихъ бы отдаленная древность не подлежала сомнѣнію, опасаться даже надобно, что и никогда не будетъ составлена такая наука, на твердыхъ правилахъ основанная“ (стр. 44). Святославовъ сборникъ 1076 г. онъ считаетъ „едва ли не XIV в.“ (стр. 46). Тѣмъ не менѣе Шлецеръ въ концѣ своей отвѣтной статьи признавался, что въ толкованіи изданныхъ имъ грамотъ надѣлалъ много „непростительныхъ ошибокъ и пропусковъ“, и выражалъ сожалѣніе, что онѣ не попали въ руки болѣе опытнаго и знающаго издателя. Послѣдующее развитіе русской науки не преминуло показать оши-

---

[1]) «Отвѣтъ на замѣчанія касательно двухъ граматъ Новгородскихъ» въ «Вѣстникѣ Европы» 1812 г., ч. 62, апрѣль, № 8, стр. 281—310 и ч. 63, май, № 9, стр. 27—49.

[2]) Съ этимъ мнѣніемъ Шлецера никакъ не хотѣлъ также согласиться и Шишковъ (въ письмѣ своемъ къ Я. І. Бардовскому отъ 27 дек. 1811 г., см. Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова. Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина. Берлинъ. 1870. Т. II, стр. 323), выставлявшій, впрочемъ, соображенія общаго характера, а не лингвистическаго, и пользовавшійся также и своей морской опытностью (лоцмана не увѣдомляютъ «корабельщиковъ, гдѣ мелко и гдѣ глубоко», а сами ведутъ корабль «на своемъ отчетѣ»).

бочность взглядовъ Шлецера младшаго и неосновательность его пророчествъ.

Полемика между Шлецеромъ и Калайдовичемъ вызвала также „Замѣчанія на Новгородскія грамоты и толкованіе ихъ“ Евгенія Болховитинова, тогда уже епископа Вологодскаго, напечатанныя въ „Вѣстникѣ Европы“ (1812 г., ч. 64, іюнь, стр. 228 – 230) при препроводительномъ письмѣ Калайдовича къ издателю журнала. Евгеній, уже раньше занимавшійся розысками и изученіемъ древнихъ грамотъ [1]), даетъ здѣсь толкованіе нѣкоторыхъ выраженій, встрѣчающихся въ грамотахъ Шлецера, и между прочимъ впервые объясняетъ непонятное для Калайдовича и Шлецера: *спустили на земь чисто*, вм. невѣрнаго (по его мнѣнію) чтенія своихъ предшественниковъ: *спустили на зень что*. Евгеній указываетъ, что выраженіе это часто встрѣчается въ грамотахъ, издаваемыхъ Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ по порученію гр. Румянцова, т. е. въ „Собраніи госуд. грам. и договоровъ“, и значитъ: „уничтожили, бросили“, или „отмѣнили прежнія постановленія“. Такимъ образомъ Румянцовское „Собраніе“ еще до выхода своего въ свѣтъ уже успѣло сослужить службу дѣлу изученія древняго русскаго языка [2]). О занятіяхъ Евгенія грамотами свидѣтельствуетъ и другая его статья: „Замѣчанія объ уставныхъ и губныхъ грамотахъ“, подписанная Е. и явившаяся въ 1813 г. тоже въ „Вѣстникѣ Европы“ (ч. 72, № 21, стр. 44—51). Между прочимъ находимъ здѣсь толкованіе терминовъ: *уставъ*, *грамота*, *губная* грамота (главнымъ образомъ на основаніи Татищева).

Тогда же Евгеній занимался изслѣдованіемъ знаменитой, древнѣйшей русской грамоты Вел. Кн. Мстислава Владимировича, отысканной имъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Новгородскую епархію въ кучѣ гнилыхъ архивныхъ бумагъ Юрьева монастыря [3]) и впослѣдствіи

---

[1]) Такъ въ девятомъ засѣданіи Моск. общества ист. и древн. россійскихъ 5 февр. 1812 г. читалось письмо Евгенія, «при коемъ приложены списки одной *губной грамоты* и двухъ *уставныхъ*; списки положено отдать разсмотрѣть члену *К. Ѳ. Калайдовичу*, а Его Преосвященству изъявить благодарность». См. «Записки и труды» общества, ч. I, 1815 г., стр. CXXVIII—IX. Еще въ бытность свою викаріемъ Новгородскимъ Евгеній спасъ отъ гибели драгоцѣнную грамоту вел. князя Мстислава и его сына Всеволода, 1130 г.—древнѣйшій памятникъ этого рода у насъ. Въ Вологдѣ онъ также разыскивалъ по монастырямъ грамоты и собиралъ ихъ.

[2]) Евгеній, въ числѣ немногихъ другихъ нашихъ ученыхъ, получалъ «Собраніе» въ листахъ, по мѣрѣ ихъ печатанія.

[3]) См. письмо Евгенія къ Румянцову въ январѣ 1816 г. въ «Перепискѣ митроп. Кіевскаго Евгенія съ госуд. канцлеромъ гр. Н. П. Румянцовымъ и т. д.» Вып. I. Воронежъ. (Изданіе Ворон. Губ. Статист. Комитета), 1868, стр. 4.

(въ 1818) изданной съ факсимиле и примѣчаніями (см. ниже). Объ этихъ занятіяхъ и ихъ результатахъ онъ писалъ гр. Румянцову еще 20 февр. 1813 г. [1]), прилагая къ письму и самый подлинникъ грамоты. Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ (отъ 13 марта того же года) гр. Румянцовъ называетъ примѣчанія и объясненія Евгенія „наизанимательнѣйшими", самую грамоту „безцѣннымъ отрывкомъ нашей древности" и обѣщаетъ „сообщить сей драгоцѣнный трудъ... ко всеобщему свѣдѣнію просвѣщенной публики", надѣясь въ непродолжительномъ времени доставить его Евгенію „отпечатанный самымъ рачительнѣйшимъ образомъ". По словамъ канцлера, „наидѣятельнѣйшее соучастіе въ исполненіи" его намѣренія принялъ А. Н. Оленинъ [2]), который, какъ видно изъ его отношенія къ Румянцову отъ 11-го марта 1813 г. [3]), вмѣстѣ съ А. И. Ермолаевымъ и П. К. Фроловымъ изучалъ грамоту съ палеографической стороны. При этомъ ему и его сотрудникамъ съ помощью увеличительныхъ стеколъ удалось прочитать извѣстную приписку въ грамотѣ *и вено вотское*, о чемъ онъ и сообщилъ графу. Отношеніе Оленина было тогда же отослано канцлеромъ Евгенію [4]).

О томъ, что Румянцовъ отдалъ грамоту на разсмотрѣніе Оленину, который вмѣстѣ со своими пріятелями нашелъ „нѣкоторую неправильность въ ней", писалъ Евгенію 14 марта 1813 г. и Державинъ, считавшій своимъ долгомъ предостеречь своего друга, „ибо нерѣдко зависть потемняетъ и прекраснѣйшее" [5]). Евгеній, тѣмъ временемъ получившій вышеупомянутыя письмо гр. Румянцова и отношеніе Оленина, въ отвѣтномъ письмѣ своемъ отъ 4 апрѣля 1813 г. передавалъ ихъ содержаніе Державину и видимо былъ недоволенъ вмѣшательствомъ Оленина, замѣчая: „Впрочемъ я охотно удѣляю ему честь въ толкованіи сей грамматы, но и у меня отнять чести неможно. Ибо онъ растолковалъ только три слова, а я всю граммату, и при томъ это моя собственно находка и ученый свѣтъ мнѣ первоначально будетъ тѣмъ обязанъ. Что касается до того, что будто вся сія граммата писана была золотомъ, то пусть судятъ о семъ другіе (Оленинъ съ Ермолаевымъ и Фроловымъ нашли слѣды стершагося золота). А я не нашелъ сему примѣра... Впрочемъ всякому вольно думать какъ угодно. А во всѣхъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 1, въ письмѣ Румянцова къ Евгенію отъ 13 марта (самое письмо послѣдняго, отъ 20 февр., утрачено).

[2]) Тамъ же, стр. 1—2.

[3]) Тамъ же, стр. 2.

[4]) Тамъ же, стр. 1—2.

[5]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов. Т. V, вып. I, стр. 77.

изслѣдованіяхъ чѣмъ больше бываетъ мнѣній, тѣмъ больше объясненій. Между учеными другъ друга поправлять есть дѣло обыкновенное и нужное и сердиться на то не должно. Никто одинъ совершенно всего не обдумалъ“ [1]).

Изъ болѣе позднихъ писемъ Евгенія къ Румянцову мы узнаемъ, что въ 1812 и 1813 гг. во время работы надъ грамотой Мстислава, онъ питалъ намѣреніе „составить хотя краткое начертаніе русской Дипломатики, примѣняясь къ общей Гаттереровой“, хотя и не имѣлъ никакихъ для этого пособій, кромѣ названной книги Гаттерера, „нѣсколькихъ отысканныхъ по Вологодскимъ монастырскимъ архивамъ грамматъ и справокъ съ московскимъ иностраннымъ архивомъ, доставленныхъ... покойнымъ Бантышемъ-Каменскимъ“. Тутъ же Евгеній высказывалъ надежду, что, при помощи отъ гр. Румянцова, обладающаго „обширными свѣдѣніями въ древностяхъ“ и „многими подручными къ тому способами“, ему удастся „усовершить“ свое сочиненіе [2]).

Объ изученіи Евгеніемъ въ Вологдѣ разныхъ древнихъ рукописей свидѣтельствуютъ сохранившіяся въ его бумагахъ описанія разныхъ Вологодскихъ и другихъ рукописей: Вологодскаго бумажнаго Евангелія XV в. (по опредѣленію Евгенія), харатейнаго Евангелія Моисеева (XIV или XIII в.), Харатейной Псалтири (1296 г.), Вологодскаго харатейнаго Апостола (XIII в.), харатейнаго Евангелія Вологодскаго (XII—XIII в.), рукописной Іоакимовской библіи 1558 г. (въ Синод. библ. въ Москвѣ), сборника, писаннаго при „Святославѣ князи Руськы земле“ и т. д. [3]).

Тѣмъ временемъ печатаніе первой части Румянцовскаго „Собранія“ продолжало двигаться впередъ, и къ концу 1813 г. она была совсѣмъ готова, такъ что Бантышъ-Каменскій 16 декабря могъ уже отправить канцлеру первые 25 экземпляровъ изданія [4]). Канцлеръ предполагалъ было приложить къ нему нѣсколько палеографическихъ снимковъ съ древнѣйшихъ грамотъ, „съ наблюденіемъ почерка и величины ихъ“, думая сначала помѣстить ихъ въ осо-

---

[1]) Тамъ же, стр. 78—79.

[2]) Переписка митр. Евгенія съ гр. Румянцовымъ, вып. I. Воронежъ, 1868. стр. 4.

[3]) Описанія эти напечатаны въ книжкѣ О. Новицкаго: «О первоначальномъ переводѣ Свящ. Писанія на славянскій языкъ» (Кіевъ, 1837). См. Сборникъ, статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. I, стр. 26, 96—97.

[4]) См. А. А. Кочубинскій, «Адмиралъ Шишковъ и Канцлеръ гр. Румянцовъ. Нач. годы русскаго славяновѣдѣнія». Одесса. 1888. Приложеніе I, стр. XXXIV. Книга была готова уже въ іюлѣ мѣсяцѣ 1813 г. (см. стр. XXIV), но выпускъ ея въ свѣтъ замедлился изъ за того, что заглавный листъ и предисловіе къ ней были не готовы.

бой тетради, по окончаніи всего изданія [1]), а потомъ—и въ самомъ текстѣ „Собранія“. Такъ 5 авг. 1813 г. онъ писалъ Н. Н. Бантышу-Каменскому: „желалъ бы я для вящшей пользы и украшенія сего изданія, чтобъ къ оному присовокуплены были точные рисунки или списки почерковъ рукописей, съ четырехъ или пяти древнѣйшихъ грамотъ разныхъ поръ по вашему выбору“. При этомъ Румянцовъ просилъ своего помощника приказать кому нибудь срисовать точную копію „съ одной таковой грамоты“ и доставить ему на разсмотрѣніе [2]). Бантышъ-Каменскій черезъ двѣ недѣли (19 авг. 1813 г.) отвѣчалъ, что уже далъ для образца срисовывать грамоты двумъ художникамъ и даже сообщилъ оцѣнку работы обоихъ [3]). Скоро, однако, канцлеръ передумалъ и, торопясь скорѣе выпустить въ свѣтъ изданіе, уже 4 дек. 1813 г. писалъ Бантышу-Каменскому: „прошу васъ кончить первую часть, отлагая уже вовсе прежнее намѣреніе мое, издать вмѣстѣ нѣсколько тѣхъ грамотъ по паллиграфіи“ (!) [4]). Въ отвѣтъ на это Бантышъ-Каменскій такъ утѣшалъ канцлера (18 дек.): „Не тужите, что не исполнили намѣренія своего въ изданіи нѣсколькихъ грамотъ по Поліографіи (такъ!)—это совсѣмъ другая часть, и не изъ однихъ только грамотъ нашихъ должна состоять, но и изъ разныхъ другихъ рукописей“ [5]).

Вышедшая въ концѣ 1813 г. первая часть „Собранія“ заключала въ себѣ рядъ весьма цѣнныхъ памятниковъ древняго русскаго языка, прежде всего большое число новгородскихъ грамотъ 1265, 1270, 1295, 1305, 1307, 1317, 1318, 1327, 1375, 1426, 1431, 1471 гг.; духовныя грамоты Іоанна Калиты 1328 г.; духовную и договорную грамоты Симеона Гордаго 1341 и 1353 гг.; духовныя Іоанна Іоанновича II, 1356 г.; рядъ грамотъ Димитрія Донского 1362, 1368, 1371, 1381, 1388, 1389 гг., сына его Василія Дм. 1389 и 1402 гг., и большое число разныхъ другихъ грамотъ, преимущественно Московскихъ XV—XVI вв. (XVII в. только одна—объ избраніи Михаила Θеодоровича Романова на царство). При многихъ грамотахъ были приложены снимки съ ихъ печатей, представляющіе часто довольно точныя факсимиле надписей на нихъ и потому имѣющіе извѣстную палеографическую цѣнность (древнѣйшая печать—

---

[1]) См. тамъ же, стр. XV, письмо канцлера къ Бантышу-Каменскому отъ 26 февр. 1812 г.

[2]) Тамъ же, стр. XXV.

[3]) Тамъ же, стр. XXVI.

[4]) Тамъ же, стр. XXXIII.

[5]) Тамъ же, стр. XXXIV.

при новгородской грамотѣ 1305 г. № 6) [1]. Изданіе грамотъ, хотя и не безукоризненное въ смыслѣ вѣрности подлинникамъ (издатели позволяли себѣ дѣлать отступленія отъ подлинниковъ и поправки), было всетаки выполнено по тому времени съ достаточной точностью и до сихъ поръ еще представляетъ извѣстную научную цѣну.

Въ томъ же 1813 году занимался изученіемъ древнихъ рукописей (между прочимъ и разныхъ грамотъ) К. Ѳ. Калайдовичъ, получившій въ ноябрѣ этого года, при содѣйствіи предсѣдателя Общества ист. и др. росс., разрѣшеніе „разсматривать древнія грамоты, рукописи и печатныя книги" въ обѣихъ библіотекахъ государственнаго архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Тогда же онъ получилъ доступъ и въ разныя другія московскія библіотеки: семинарскую, лаврскую, Чудова монастыря, Архангельскаго собора и т. д. Поиски въ этихъ библіотекахъ скоро принесли рядъ открытій. Такъ 19 сентября 1813 г. Калайдовичъ въ Синодальной библіотекѣ открылъ изданныя имъ впослѣдствіи переводныя произведенія Іоанна Экзарха болгарскаго, о небесной іерархіи и Шестодневъ Василія Великаго [2]), затѣмъ—приписку въ апостолѣ 1307 г. изъ Слова о полку Игоревѣ [3]), сочиненія Кирилла Туровскаго, также имъ впослѣдствіи изданныя, Галицкое евангеліе 1144 г. [4]) и т. д.

Въ томъ же 1813 году Калайдовичъ вступилъ въ письменныя сношенія съ Кеппеномъ. Поводомъ были не только археологическіе, но отчасти и палеографическіе вопросы. Дѣло шло о чтеніи надписи на серебряной иконѣ, имѣвшей сходство съ надписями на византійскихъ монетахъ, и Калайдовичъ обратился къ Кеппену, какъ нумизмату, за разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній [5]).

---

[1]) Какъ видно изъ письма гр. Румянцова къ Бантышъ-Каменскому (отъ 30 апр. 1812 г.), изъ печатей положено было «вырѣзывать токмо *древнѣйшія* и *любопытнѣйшія*, а остальныя означать просто *мѣстомъ печати*». См. переписку Румянцова въ «Чтеніяхъ общ. ист. и древн. росс.» 1882 г. кн. I, стр. 4. Румянцовское собраніе рисунковъ печатей Срезневскій уже въ наши времена называлъ «драгоцѣннымъ». (См. его «Обзоръ матеріаловъ для изученія славяно-русской палеографіи» въ журн. М. Нар. Просв. ч. 133).

[2]) См. Безсоновъ, «Матеріалы для жизнеописанія К. Ѳ. Калайдовича» въ «Чтеніяхъ общ. ист. и др. росс.», 1862, кн. 3, стр. 39; «Записки» Калайдовича въ «Лѣтописяхъ» Тихонравова, 1859—60 г., кн. 6-я, стр. 83; «Іоаннъ, Ексархъ Болгарскій». Изсл. Калайдовича. М. 1824, стр. 17 и 101, прим. 48.

[3]) Безсоновъ, «Матеріалы для жизнеописанія Калайдовича», письмо Калайдовича къ гр. А. И. Мусину-Пушкину отъ 13 дек. 1813 г. (см. стр. 97).

[4]) Тамъ же, стр. 39, и «Записки» Калайдовича, стр. 83.

[5]) Чтенія общ. ист. и др., 1862 г., кн. 3, стр. 124—25.

Кеппенъ не замедлилъ отвѣтомъ, и изъ второго письма Калайдовича къ нему, отъ 15 января 1814 г. [1]), видно, что Кеппенъ уже раньше имѣлъ дѣло съ древними рукописями, обращая вниманіе на ихъ палеографическія особенности. Въ свою очередь Калайдовичъ дѣлился съ нимъ своими палеографическими наблюденіями надъ Синодальнымъ евангеліемъ 1144 г., Новгородской лѣтописью и архивской грамотой XIV в., и сообщалъ ему о хранящемся въ Академіи наукъ „сокровищѣ" — Лѣтописи Волынской, „зарытой между дефектами и не вписанной въ каталогъ, которую извлекъ изъ праха Н. М. Карамзинъ".

О живой дѣятельности Калайдовича въ области палеографіи и археографіи въ слѣдующемъ 1814 г. свидѣтельствуютъ его собственныя записки за этотъ годъ (съ половины января до половины декабря), напечатанныя Тихонравовымъ („Лѣтописи русской литературы и древности" 1859—1860, кн. 6, стр. 83—116). Изъ нихъ мы видимъ, что Калайдовичъ постоянно роется въ библіотекахъ, отбирая изъ нихъ разныя древнія рукописи, то для проф. Тимковскаго (Хожденіе Даніила), то для гр. С. П. Румянцова (брата Канцлера), то для Карамзина; доказываетъ послѣднему подложность одного памятника, хлопочетъ объ обогащеніи библіотеки госуд. архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ, склоняя владѣльцевъ рукописей (напр., А. А. Волкова) пожертвовать ихъ въ названную библіотеку, ведетъ переписку и научныя бесѣды съ разными учеными и любителями о любимомъ предметѣ и т. д.

Въ томъ же 1814 г. проф. Моск. университета Р. Ѳ. Тимковскій находитъ въ одной рукописи XVII в. извѣстную „Задонщину", или „Сказаніе о Мамаевомъ Побоищѣ" [2]). Объ этомъ открытіи писалъ Евгеній В. Г. Анастасевичу 11 ноября 1814 г.: „Недавно найдено въ рукописяхъ подобное Игоревой пѣсни сочиненіе. Многія слова, выраженія и мысли взяты изъ Слова о Полку Игоревѣ" [3]). Калайдовичъ въ своихъ запискахъ также отмѣчаетъ лексическія совпаденія „Задонщины" со „Словомъ" [4]). Находка пришлась Тимковскому очень кстати, ибо какъ разъ въ это время онъ былъ занятъ переводомъ и изъясненіемъ „Слова о полку Игоревѣ" [5]). Не умѣя объяснить нѣкоторыхъ словъ *(зегзица, ортьма,*

---

[1]) Тамъ же. стр. 125—26.

[2]) См. Записки Калайдовича въ «Лѣтописяхъ» Тихонравова, 1859—60 г., кн. 6-я, стр. 108—109.

[3]) См. «Письма митрополита Евгенія къ В. Г. Анастасевичу изъ Калуги и Пскова» въ «Древней и Нов. Россіи» 1880 г. октябрь, стр. 359.

[4]) См. «Лѣтописи» Тихонравова, 1859—60 г., кн. 6-я, стр. 108.

[5]) См. письмо Евгенія къ Анастасевичу отъ 11 ноября 1814 г. въ «Древ-

папорози, *стрикусы*, *тлековица*, *харалужный* и *шерешира*), и географическихъ названій (Плѣнскъ, дебрь Кисана, Дудутки около Новгорода), онъ обратился за помощью къ Калайдовичу [1]), а тотъ къ Евгенію [2]), послѣдній же къ Анастасевичу, прося его поискать „по Линдову словарю или по другимъ славянскихъ діалектовъ словарямъ", что эти слова значатъ [3]). Разгадать эти слова, однако, названнымъ ученымъ не удалось, и Евгеній отвѣтилъ Калайдовичу, что не можетъ удовлетворить его просьбу [4]). Карамзинъ также въ это время занимался изученіемъ „Слова" и отмѣчалъ многія слова, встрѣчающіяся въ немъ, въ найденной имъ Волынской лѣтописи [5]).

Кромѣ изученія „Слова о полку Игоревѣ", которое все еще возбуждало пытливость изслѣдователей, умы нашихъ филологовъ этого времени занимала мысль о необходимости описанія рукописныхъ собраній разныхъ нашихъ библіотекъ, преимущественно московскихъ, и составленія русской палеографіи. Евгеній, самъ занимавшійся опытами въ этомъ направленіи (см. выше, стр. 816), 11-го ноября 1814 г. писалъ Анастасевичу: „Маттей прекрасно описалъ греческія московскія рукописи; по его примѣру надобно описать русскія, но надобно родиться еще русскимъ Маттеямъ" [6]). Мѣсяцъ съ небольшимъ спустя, въ письмѣ къ Анастасевичу же (отъ 20 дек. 1814 г.), благодаря его за присылку разныхъ азбукъ, Евгеній писалъ: „сербская и иллирическая, санскритская и коптическая давно мнѣ извѣстны. Но славянская подъ № 4 и болгарская подъ № 5 для меня новость. Неужели нашъ славянскій почеркъ не древній? и неужели болгары, получившіе азбуку отъ Меѳодія, брата Кириллова, получили особую отъ славянской? Гдѣ же книги, писанныя сими буквами?.. Вы правду говорите, что по почеркамъ буквъ можно различить вѣкъ рукописей. Гаттереръ въ своей дипломатикѣ (de arte diplomatica), которая у меня есть, именно различилъ буквы на нѣсколько классовъ и опредѣлилъ имъ вѣкъ. Но у насъ ничего еще подобнаго и не думано" [7]). Ка-

ней и Новой Россіи» 1880 г., окт., стр. 359: «Тимковскій занимается новымъ переводомъ и толкованіемъ пѣсни Игоревой, и многое новое открылъ».

[1]) См. Записки Калайдовича въ «Лѣтописяхъ» Тихомирова, 1859—60 г., кн. 6, стр. 110.

[2]) Тамъ же, стр. 111.

[3]) См. Письмо Евгенія отъ 4 ноября 1814 г. въ «Древней и Нов. Россіи» 1880 г., октябрь, стр. 358.

[4]) Записки Калайдовича въ «Лѣтописяхъ» Тихонравова, кн. 6-я, стр. 114.

[5]) Тамъ же, стр. 110.

[6]) См. «Древняя и Новая Россія» 1880 г., октябрь, стр. 359.

[7]) Тамъ же, стр. 362—63.

лайдовичъ въ посѣщеніе свое Карамзина 3 ноября 1814 г. просматривалъ у послѣдняго „каталоги Софійской Новгородской и Кирилова монастыря библіотеки, присланные ему отъ Евгенія. Епископа Калужскаго. Первый сдѣланъ весьма нерадиво, а второй нѣсколько лучше“. Въ послѣднемъ Калайдовичъ „замѣтилъ въ числѣ важнѣйшихъ книгъ *Патерикъ Печерскій на пергаминѣ*“ [1]). Тогда же Калайдовичъ сообщилъ Карамзину о своемъ „желаніи издать Каталогъ Синодальной библіотеки и потому просилъ доставить“ ему для просмотра одну изъ рукописей названной библіотеки, находившуюся у нашего исторіографа. Намѣреніе и просьба Калайдовича были встрѣчены Карамзинымъ сочувственно [2]).

Но пока замыслы эти оставались только замыслами. Объ описаніи тѣхъ или другихъ рукописныхъ собраній можно было лишь мечтать, и другія работы отвлекали къ себѣ немногочисленныя наши тогдашнія ученыя силы. Калайдовичъ въ это время былъ уже занятъ изданіемъ извѣстнаго сборника „Русскія Достопамятности“. Изданіе это тянулось еще съ 1810 года, когда къ нему было приступлено [3]), но на время прекратилось вслѣдствіе нашествія французовъ и поступленія издателя въ военную службу. Только по выходѣ своемъ въ отставку и возвращеніи въ Москву, Калайдовичъ приступилъ снова къ работѣ надъ нимъ. Но дѣло шло туго, что́ вызвало неудовольствіе тогдашняго московскаго попечителя Кутузова, разбранившаго издателя за медленность (осенью 1814 г.) [4]).

Наконецъ книга явилась въ свѣтъ [5]), составивъ своимъ выходомъ событіе, хотя и не столь значительное, какъ Румянцовское „Собраніе“, но все же не маловажное. Сборникъ этотъ, посвященный императору Александру I, заключалъ въ себѣ рядъ памятниковъ, цѣнныхъ не только въ историческомъ и литературномъ отношеніи, но и въ лингвистическомъ [6]).

---

[1]) Записки Калайдовича въ «Лѣтописяхъ» Тихонравова, кн. 6-я, 1859—60, стр. 113.

[2]) Тамъ же, стр. 114.

[3]) Безсоновъ, «Матеріалы для жизнеописанія К. Ѳ. Калайдовича», въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Россійскихъ» 1862 г., кн. III, стр. 12.

[4]) Записки Калайдовича въ «Лѣтописяхъ» Тихонравова, кн. 6-я, стр. 112.

[5]) «Русскія достопамятности, издаваемыя Обществомъ Ист. и Древн. Росс., учрежденнымъ при Императ. Моск. Университетѣ. Часть I. Москва. Въ Университ. Типографіи 1815». (8°, 2 ненум.+192+2 ненум.).

[6]) 1) Поученіе Архіепископа Луки къ братіи (съ введеніемъ и примѣчаніями, нерѣдко лингвистич. характера, Р. Ѳ. Тимковскаго, стр. 3—16; 2) Русская Правда (со списка Синод. библіотеки XIII в.), съ введеніемъ и примѣчаніями К. Ѳ. Калайдовича (стр. 17—58); 3) Посланіе Никифора Митрополита

Въ то время, какъ въ Москвѣ работалъ Калайдовичъ и вообще кружокъ Румянцова, въ Петербургѣ палеографія имѣла очень немногихъ представителей. Занимались ею: большой (по тогдашнему) ея знатокъ, но мало продуктивный А. И. Ермолаевъ и А. Х. Востоковъ, несомнѣнно уже работавшій надъ изученіемъ Остромирова евангелія въ 1814 году, какъ это видно изъ письма къ нему Ермолаева отъ 26 сент. 1814 г. Съ декабря 1815 г. Востоковъ поступилъ въ Импер. публ. библіотеку помощникомъ хранителя рукописей и съ этихъ поръ получилъ возможность заниматься изученіемъ памятниковъ еще съ большимъ удобствомъ (см. Срезневскій „Филологическія наблюденія Востокова" 1865, стр. XXI).

А. Н. Оленинъ въ это время былъ занятъ изготовленіемъ факсимиле для грамоты В. кн. Мстислава около 1130 г., найденной Евгеніемъ (см. выше, стр. 814), причемъ, за неимѣніемъ подходящаго гравера, приставилъ къ этому дѣлу „собственнаго своего человѣка", служителя Михайлу Богучарова, который подъ руководствомъ своего барина къ началу 1816 г. дѣйствительно настолько успѣшно выполнилъ возложенное на него порученіе, что вполнѣ угодилъ и Евгенію, писавшему къ гр. Румянцову въ январѣ 1816 г.: „нельзя лучше и точнѣе снять списка сего, какъ снятъ оный подъ руководствомъ Алексѣя Николаевича" (Оленина) [1]). Свою благодарность Оленину Евгеній выразилъ въ письмѣ къ нему (въ январѣ 1816), восхваляя его трудъ: „встрѣчаемыя вами затрудненія въ сысканіи вѣрныхъ граверовъ; рѣшимость ваша нарочно даже для сего дѣла выучить и усовершить своего искусника; внимательное надзираніе и за его рѣзцомъ надъ сею работою; строгое соблюденіе всѣхъ и мельчайшихъ признаковъ подлинника въ спискѣ; выраженіе всѣхъ чертъ, точекъ, пятенъ и самаго цвѣта древности,—есть такой терпѣливый подвигъ, какого никто еще изъ любителей отечественной старины въ Россіи не

Кіевскаго къ Велик. Князю Володимиру Всеволодовичу (стр. 59—75); 4) Грамота Новгор. князя Всеволода, XII в., изъ сборника XVI в. (стр. 77—81); 5) Уставъ Новгород. князя Святослава (XII в.), изъ Синод. сборника, изъ котораго взята была Русская Правда (стр. 82—85); 6) «Посланіе отъ митроп. русскаго... Іякову черноризцу» (стр. 89—103); 7) Правило Кирилла, митрополита Русскаго (стр. 106—118); 8) Списокъ уставныхъ грамотъ Іоанна Грознаго, доставленныхъ отъ Евгенія, епископа Вологодскаго (125—136), и самыя грамоты съ примѣчаніями, въ которыхъ толкуются непонятныя и областныя слова (*обжа, зобня, станъ, паробокъ, чеклый тать, пузъ, разрубъ* и т. д., стр. 136—39); 9) и 10) двѣ другихъ грамоты Іоанна Гр. и нѣкот. другіе историческіе памятники болѣе поздняго времени.

[1]) См. Переписку Евгенія съ гр. Румянцовымъ, вып. I. Воронежъ, 1868, стр. 3—4.

предпринималъ, и коего честь и первоначальный примѣръ принадлежитъ Вашему Высокопревосходительству. А разобраніе тѣхъ рѣченій, коихъ я разобрать не умѣлъ, обращается мнѣ въ вину и въ стыдъ, если только можно почитать виною и стыдомъ невозможность равняться съ опытнѣйшими и искуснѣйшими себя знатоками. Я въ этомъ утѣшаюсь по крайней мѣрѣ тѣмъ, что найденною мной сею грамматою доставляю соотчичамъ своимъ случай благодарить Вашему Высокопревосходительству за воскрешеніе сей почти полумертвой, такъ сказать, древности въ полномъ и точномъ ея изображеніи..." [1]).

Самъ Евгеній, въ это время уже переѣхавшій въ Калугу (съ сентября 1813 года) и очень занятый своими архипастырскими обязанностями, не переставалъ, однако, въ часы досуга заниматься собираніемъ разныхъ древностей, въ томъ числѣ и имѣющихъ отношеніе къ палеографіи. Съ начала 1815 г., съ возобновленіемъ дѣятельности Общества исторіи и древностей, Евгеній сталъ доставлять въ него разные свои вклады, въ родѣ древнихъ и старыхъ русскихъ монетъ съ ихъ описаніемъ [2]), списки со старинныхъ грамотъ (наказной грамоты митр. Макарія по Стоглавому собору, списокъ съ грамоты В. кн. Мстислава Владимировича) [3]), разныя рукописи (въ томъ числѣ пергаменный Октоихъ, писанный уставомъ, и Шестодневъ XIV в., принадлеж. теперь библіотекѣ общества: № 290) [4]) и т. д. Въ то же время Евгеній занимался Хожденіемъ игумена Даніила и, на основаніи собранныхъ шести списковъ, обработалъ сводный текстъ, который и послалъ въ Общество исторіи и древностей. Это послѣднее заслушало о полученіи названнаго труда въ засѣданіи 1-го апр. 1816 г. [5]), но не сдѣлало изъ него никакого употребленія. Только въ 1834 г., черезъ 18 лѣтъ, вспомнили о немъ, когда снова зашла рѣчь объ изданіи даннаго памятника древней русской литературы [6]).

Весною 1816 года Евгеній переѣхалъ во Псковъ, гдѣ занялся разными псковскими древностями, не оставляя прежде собранныхъ. Здѣсь онъ подготовлялъ и свое изданіе Мстиславовой грамоты съ примѣчаніями, которая появилась черезъ два года въ „Вѣстникѣ Европы" (см. ниже).

---

[1]) Тамъ же, стр. 4.

[2]) Записки и труды Общ. Ист. и древн. Росс., ч. II, 1824, стр. 8—9.

[3]) Тамъ же, стр. 12—13, 63.

[4]) Тамъ же, стр. 27, 51—52, и Строева «Библіотека Имп. общ. ист. и др. росс.» М. 1845, стр. 130.

[5]) Записки и труды Общ. ист. и др., ч. II, стр. 63.

[6]) «Труды и лѣтописи Общ. ист. и древн.», т. VIII, 295.

Занятія Евгенія, Шлецера и Калайдовича древними русскими грамотами и обнародованные ими результаты этихъ занятій нашли себѣ отголосокъ и у перваго оффиціальнаго представителя славистики въ Москвѣ, профессора эстетики и славянскаго языка М. Г. Гаврилова. Изъ протоколовъ Моск. Общества ист. и древностей мы узнаемъ, что въ засѣданіи 2 окт. 1816 г. Гавриловъ „читалъ сочиненное имъ вступленіе къ древней Грамотѣ Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича, самую Грамоту и сдѣланный имъ же переводъ съ оной, съ присовокупленіемъ нужныхъ примѣчаній“. Опредѣлено: напечатать его трудъ въ Русскихъ Достопамятностяхъ. Въ засѣданіи 17 февр. 1817 г. Гавриловъ опять читалъ „переводъ Договора кн. Мстислава Давыдовича съ Ригою“ [1]).

Палеографическое содержаніе имѣли и нѣкоторыя отдѣльныя мѣста и примѣчанія къ нимъ въ „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина, первые три тома которой явились въ 1816 г. Такъ примѣчаніе 267-е т. I содержитъ изложеніе вопроса о сравнительной древности и происхожденіи обѣихъ славянскихъ азбукъ, основанное главнымъ образомъ на работѣ Добнера. Карамзинъ, однако, въ разрѣзъ съ Добнеромъ, считаетъ кирилицу болѣе древней, чѣмъ глаголицу, противопоставляя возгласу Добнера: „Пусть покажутъ намъ Кирилловское письмо девятаго столѣтія“ (!) аналогичный вызовъ: „пусть покажутъ намъ Глагольское письмо ранѣе XIII в.“ Въ пользу своего мнѣнія Карамзинъ приводитъ надпись на камнѣ въ стѣнѣ Десятинной церкви, достроенной въ 996 году, полагая, что слѣдовательно и надпись эта относится къ X в. Древнѣйшей глаголической рукописью, извѣстной ему, онъ называетъ „харатейную Псалтирь XIII в. (1222 года; см. стр. 111 и прим. 265), тогда какъ изъ кириллическихъ указываетъ на Сборникъ князя Щербатова (Изборникъ 1076 г.) и Софійское (т. е. Остромирово) евангеліе 1056 г. (стр. 111 и примѣч. 266) [2]).

Въ примѣчаніи 529 (стр. 494—501) содержится первое у насъ печатное описаніе (очень бѣглое) „харатейнаго“ Синодальнаго евангелія 1144 г., которое Карамзинъ называетъ „однимъ изъ древнѣйшихъ въ Россіи“, приводя изъ него довольно большую выписку (изъ Евангелія отъ Іоанна), параллельно съ новымъ церковнославянскимъ печатнымъ текстомъ. Здѣсь же приводятся варіанты изъ синодальнаго „харатейнаго“ евангелія 1307 г.

---

[1]) См. «Записки и Труды Общ. Ист. и древн.», т. II, 1824, стр. 67, 70—71.

[2]) Объ Остромировомъ евангеліи упоминается и во II томѣ Исторіи (прим. 114, стр. 376—77), какъ источникѣ для біографіи Остромира, при чемъ цитируется послѣсловіе евангелія.

(нынѣ такъ назыв. Поликарпово ев.), свидѣтельствующіе уже о большей близости его текста къ Острожской библіи, и указывается на отношеніе этой послѣдней къ Московской Первопечатной и Елизаветинской, которая „уже гораздо болѣе исправлена“ (стр. 496—497). Въ доказательство того, что „не только Библія, но и другія церковныя книги въ Россіи XII в. были одного перевода съ нынѣшними“, приводится мѣсто изъ синодальнаго харатейнаго Стихираря 1153 г. и новой печатной Минеи. Обѣ цитиров. рукописи (евангеліе 1144 г. и стихирарь 1153 г.), по словамъ Карамзина, „уступаютъ только Сборнику (Святославову Изборнику 1076 г.) и Евангелію (Остромирову), находящимся въ С.-Петерб. Имп. библіотекѣ и писаннымъ въ XI в.“ Карамзинъ упоминаетъ и о славянской рукописи VIII в. Ганкенштейна, причемъ указываетъ, что, очевидно, этотъ послѣдній никогда „не видалъ нашихъ древнихъ харатейныхъ книгъ“, иначе замѣтилъ бы, что „его рукопись имѣетъ всѣ признаки XIII в.“ Въ заключеніе приводится отрывокъ изъ библіи Скорины, сравнительно съ Елизаветинскимъ текстомъ, и цитируется заглавіе его же Апостола (стр. 498—500). Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь интересную для того времени попытку представить въ главныхъ чертахъ исторію церковно-славянскаго языка и текста Св. Писанія у насъ въ Россіи, основанную на рукописномъ матеріалѣ. Едва ли мы ошибемся, предположивъ, что Карамзинъ могъ здѣсь пользоваться помощью Калайдовича, сношенія съ которымъ у нашего исторіографа были особенно живы какъ разъ въ то время, когда онъ жилъ въ Москвѣ и работалъ надъ своей Исторіей Госуд. Россійскаго [1]).

Во II томѣ (примѣч. 380) приводятся выдержки изъ „*Вопрашанія Кирикова, еже впраша Епископа Ноугородьского Нифонта и инѣхъ*“, извлеченныя изъ харатейной Синодальной Кормчей, а въ III-мъ (прим. 258 на стр. 529—33) — договоръ смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригою, Готландіей и Приморскимъ берегомъ 1228 г.

Въ этомъ же томѣ (прим. 258, на стр. 534) встрѣчаемъ свидѣтельства о безвозвратно погибшихъ памятникахъ древней письменности: о Псалтири XII в., видѣнной Карамзинымъ въ сгорѣвшей въ 1812 г. библіотекѣ проф. Баузе, и также о весьма древнемъ евангеліи изъ библіотеки гр. Мусина-Пушкина, подверг-

---

[1]) См. Письмо Калайдовича къ С. Н. Глинкѣ, собиравшему воспоминанія и матеріалы о 1812 г., въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и древн.» 1862, кн. 3, стр. 23—24.

шейся той же участи. Оба памятника упоминаются, какъ образчики древняго мастерства въ расписываніи рукописей красками, о которомъ идетъ рѣчь на стр. 211. Въ примѣчаніи 272 (стр. 537—38) цитируются отрывки изъ повѣсти о Синагриппѣ, Девгеніева дѣянія и Сказанія объ Индіи богатой, заключавшихся также въ безвозвратно погибшемъ сборникѣ, изъ котораго извлечено было Слово о П. Игоревѣ. Карамзинъ обращаетъ вниманіе на древнія и непривычныя слова, встрѣчающіяся въ этихъ повѣстяхъ: *дъхорь*=хорекъ, *рогвица*—рогатина, *вътнѣе*—толще, *кнея*—кувшинъ, *кмети*—слуги, *жуковина*—перстень, *потамы*—полулюди-полупсы, *урши*—медвѣди и т. д.

Кромѣ того, въ первыхъ томахъ исторіи вообще приводится много отрывковъ изъ лѣтописей или грамотъ, нерѣдко впервые напечатанныхъ здѣсь, хотя и безъ особыхъ претензій на точность, причемъ объясняются разныя древнія или рѣдкія слова, сравниваемыя часто съ областными русскими или инославянскими. Такимъ образомъ, при бѣдности тогдашней нашей филологической литературы, исторія Карамзина пополняла замѣтный въ ней пробѣлъ и сыграла извѣстную роль и въ развитіи разсматриваемой нами научной области.

О томъ, что понемногу наша палеографія начинала крѣпнуть и развиваться, свидѣтельствуетъ случай съ открытіемъ новаго „древнѣйшаго" списка Слова о полку Игоревѣ, поддѣльность котораго сразу была разоблачена. Страсть гр. Румянцова къ древнимъ рукописямъ навела московскихъ промышленниковъ-археологовъ на мысль поддѣлать рукопись „Слова" и поймать на эту лакомую приманку богатаго любителя-канцлера. Повидимому поддѣлка эта была удачнѣе, чѣмъ знакомые уже намъ Бояновъ гимнъ и Новогородскій оракулъ. По крайней мѣрѣ на нее поймался и А. Ѳ. Малиновскій, перевидавшій на своемъ вѣку не мало рукописей, и самъ гр. Румянцовъ, у котораго несомнѣнно уже выработалось извѣстное палеографическое чутье, хотя бы и чисто-любительское. Въ этомъ отношеніи онъ безусловно стоялъ гораздо выше другого современнаго собирателя рукописей гр. Ѳ. А. Толстого, откровенно сознававшагося, что очень мало понимаетъ въ этомъ дѣлѣ [1]).

Лѣтомъ 1815 г. (2-го іюня) Малиновскій съ торжествомъ

---

[1]) См., напр., письмо его къ Строеву въ 1825 г. по поводу критическихъ замѣчаній Полевого на «Описаніе рукописей», сост. Калайдовичемъ и Строевымъ: «я не могу судить, справедливо это, или нѣтъ, ваше дѣло, или признаться, или сдѣлать возраженіе». См. Барсукова «Жизнь и труды И. М. Строева». Спб. 1878, стр. 121—22.

извѣщалъ канцлера: „Имѣю честь представить В. С-ву извѣстіе объ *открытіи мною* (курс. нашъ) другого древнѣйшаго списка рукописи подъ названіемъ: Слово о полку Игоревѣ“ [1]). Въ отвѣтномъ письмѣ отъ 16-го іюля графъ благодарилъ за присланное ему „подробное описаніе“ этого списка и изъявлялъ свое удовольствіе [2]). Радость его была, однако, не продолжительна, потому что А. И. Ермолаевъ сразу призналъ рукопись поддѣлкой, о чемъ уже 23 іюля было сообщено графу Нестеровичемъ [3]).

Въ дѣятельности Калайдовича между тѣмъ наступилъ извѣстный уже намъ насильственный полуторагодовой перерывъ, вслѣдствіе пребыванія въ домѣ сумасшедшихъ и монастырѣ. Только лѣтомъ 1816 г. получилъ онъ возможность снова вернуться къ своимъ любимымъ занятіямъ (см. выше, стр. 807). Какъ только Калайдовичъ очутился снова въ Москвѣ, ему сейчасъ же пришлось заняться осмотромъ и описью рукописей Новоспасскаго и Даниловскаго монастырей. Дѣло это было поручено гр. Румянцовымъ Симоновскому архимандриту Герасиму, а тотъ, не надѣясь на свои знанія, обратился къ Калайдовичу, который уже 10 дек. 1816 г. писалъ графу, что среди названныхъ рукописей „не нашелъ ни одной особенно достойной вниманія“, но тѣмъ не менѣе обѣщалъ доставить ему въ непродолжительномъ времени „обстоятельныя росписи“ ихъ. При этомъ Калайдовичъ прибавлялъ, что находитъ весьма важнымъ для нашей исторіи и словесности „описаніе рукописей Московской Библіотеки Синодальной и Патріаршей“. По его словамъ, „сіе описаніе откроетъ новый свѣтъ въ древней нашей литературѣ, покажетъ безпрерывный рядъ памятниковъ Славенскихъ съ самаго IX вѣка (это есть найденный мною переводъ Іоанна Экзарха Болгарскаго книги Іоанна Дамаскина Небеса) до XVIII-го. Греческія рукописи описаны уже Аѳанасіемъ Схіадою и Профессоромъ Маттеемъ: не ужели нашимъ отечественнымъ памятникамъ суждено скрываться такъ долго во прахѣ?“ [4]). Осуществленіе этого плана было поручено гр. Румянцовымъ Калайдовичу лишь 8 лѣтъ спустя, въ 1824 г., по выходѣ въ свѣтъ главнаго труда Калайдовича объ Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ (см. ниже).

Въ началѣ 1817 г. (16 февр.) Калайдовичъ уже отправилъ

---

[1]) См. Кочубинскій „Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ гр. Румянцовъ и т. д.“, прилож. II, № 17, стр. LVIII.

[2]) См. Чтенія въ Общ. ист. и древн. 1882, кн. 1, стр. 17.

[3]) Тамъ же, стр. 19.

[4]) Безсоновъ, „Матеріалы для жизнеописанія К. Ѳ. Калайдовича“ въ „Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и др. Росс.“, 1862 г., кн. III, 145.

канцлеру черезъ А. Ѳ. Малиновскаго краткое описаніе рукописей вышеупомянутыхъ монастырей и извѣстіе о найденной харатейной рукописи перевода „Небесъ“ Іоанна Экзарха, котораго онъ считалъ современникомъ славянскихъ первоучителей. Извѣщая Малиновскаго о полученіи всего этого, Румянцовъ писалъ ему: „Отдавая должную справедливость похвальному рвенію и трудамъ г. Калайдовича въ изысканіи отечественныхъ древностей, прошу Васъ покорнѣйше, при изъявленіи истинной моей ему за сіе признательности, повторить убѣжденіе о неослабѣваніи въ занятіяхъ сего рода, дѣлающихъ столько же ему чести, сколько и приносящихъ другимъ удовольствія“ [1]).

Если поиски въ упомянутыхъ московскихъ монастыряхъ не принесли никакихъ особыхъ открытій, то зато счастливѣе оказалась поѣздка, предпринятая лѣтомъ 1817 г., по желанію гр. Румянцова, Строевымъ и сопровождавшимъ его Калайдовичемъ [2]). Предполагалось начать осмотръ съ библіотеки Іосифова Волоколамскаго монастыря. Передъ отъѣздомъ Строевъ получилъ отъ Малиновскаго слѣдующую инструкцію: „1) Всѣ находящіяся въ тамошней библіотекѣ старинныя рукописи разобрать и приведя ихъ въ порядокъ по долямъ листа наклеить печатные номера. 2) Сдѣлать подробную опись всѣхъ рукописей, взявъ въ образецъ Маттеевъ каталогъ греческихъ манускриптовъ, хранящихся въ Синодальномъ и Типографскомъ книгохранилищахъ. 3) Изъ всѣхъ оныхъ рукописей дѣлать извлеченія. 4) Осмотрѣть монастырскій архивъ и со всего, что найдется любопытнаго, снять вѣрныя копіи. Впрочемъ, предоставляя на собственное ваше замѣчаніе и смѣтливость все то, чего напередъ предвидѣть невозможно [3])“.

Въ первомъ же посѣщенномъ нашими археологами Новоіерусалимскомъ Воскресенскомъ монастырѣ, гдѣ они и не думали найти что нибудь выдающееся [4]), Калайдовичъ „въ кучѣ книгъ неважныхъ и покрытыхъ пылью въ углу монастырскомъ“ нашелъ рукопись XI вѣка, оказавшуюся „сборникомъ, извлеченнымъ изъ разныхъ духовныхъ книгъ и написаннымъ въ 1073 г. повелѣніемъ

---

[1]) Тамъ же и „Чтенія“ 1882, кн. I, стр. 37.

[2]) См. письмо гр. Румянцова къ Евгенію отъ 30-го іюля 1817 г. въ „Перепискѣ Митроп. Кіевскаго Евгенія съ Госуд. канцл. гр. Н. П. Румянцовымъ“ и т. д. Вып. I. Воронежъ, 1868, стр. 7.

[3]) См. Н. Барсукова, „Жизнь и труды П. М. Строева. Спб. 1878“, стр. 24.

[4]) Какъ писалъ самъ Калайдовичъ графу Румянцову 25 іюня 1817 г., рукописи этого монастыря, собранныя Никономъ, давно уже были переданы въ Синодальную и Типографскую библіотеки. См. „Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс.“ 1882 г., I, стр. 45.

великаго князя Святослава Ярославича, дьякономъ (?) Іоанномъ". Калайдовичъ находилъ, что „языкъ сего сочиненія, нѣсколько словъ о библіотекѣ княжеской и почеркъ рукописи должны привлечь вниманіе любителя древностей". Кромѣ сборника, здѣсь нашлось и еще „нѣсколько достойныхъ уваженія" рукописей [1]). Тогда же Калайдовичъ составилъ полное описаніе драгоцѣнной находки для представленія гр. Румянцову [2]). Изъ Воскресенска наша экспедиція отправилась въ Саввинъ Сторожевскій монастырь, гдѣ имъ, однако, видѣть ничего не удалось, такъ какъ ключи отъ ризницы и библіотеки были увезены намѣстникомъ въ Москву [3]). Счастливѣе оказалось посѣщеніе Іосифова Волоколамскаго монастыря. Здѣсь былъ найденъ цѣлый рядъ цѣнныхъ, хотя и не столь древнихъ рукописей, какъ, напр., дотолѣ неизвѣстный Судебникъ вел. князя Іоанна Васильевича 1497 г., списокъ 1543 г. перевода „Небесъ" Іоанна Экзарха Болгарскаго, съ болѣе обширнымъ предисловіемъ, чѣмъ въ экземплярѣ Синодальной библіотеки, другое сочиненіе якобы Іоанна Дамаскина о восьми частяхъ слова (см. выше, стр. 149—150), переведенное тѣмъ же Іоанномъ Экзархомъ и до тѣхъ поръ Калайдовичу еще не попадавшееся, сборникъ разныхъ грамотъ, четыре слова „на аріаны", переведенныя въ X в. и списанныя въ 1489 г. Тимоѳеемъ Веніаминовымъ въ Новгородѣ, при архіепископѣ Геннадіи и т. д. [4]).

Калайдовичъ отсюда вернулся въ Москву, а Строевъ, оставшись одинъ, продолжалъ успѣшно поиски. Здѣсь онъ нашелъ пергаменное евангеліе, которое относилъ „къ числу самыхъ древнѣйшихъ евангелій, какіе только намъ извѣстны" (на дѣлѣ не старше XII в.), *Похвалу Кагану Владиміру*, „коей единственный экземпляръ находится въ той самой рукописи, откуда взята была пѣснь Игорева, *поученіе*, доселѣ неизвѣстное, Туровскаго епископа Кирила, жившаго въ началѣ XII в. и еще нѣсколько отрывковъ любопытства достойныхъ". Описаніе евангелія и перечень своихъ находокъ Строевъ сообщилъ Малиновскому въ письмѣ отъ 16-го іюня [5]). Въ помощь Строеву, жаловавшемуся на отсутствіе помощника, былъ отправленъ чиновникъ Московскаго архива Иностр. Коллегіи Горлицынъ, съ которымъ и была составлена опись ру-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) См. письмо Строева къ Малиновскому отъ 12 іюня 1817 г. Тамъ же, стр. 42.

[3]) Тамъ же, стр. 42—43.

[4]) См. письма: Строева къ Малиновскому отъ 12-го и Калайдовича къ гр. Румянцову отъ 25-го іюня. Тамъ же, стр. 42—43 и 45—47.

[5]) Тамъ же, стр. 43—45.

кописей Іосифова монастыря. Объ этомъ 15 іюля Строевъ писалъ Малиновскому: „Я обще съ Г. Горлицынымъ... окончили описью болѣе 130 рукописей; а какъ всѣ онѣ суть книги церковныя: евангелія, апостолы, псалтыри, минеи, часословы и т. п., то, къ сожалѣнію, ничего важнаго, ниже любопытнаго не открылось. Сіе крайне безплодное (!) поле на слѣдующей недѣлѣ будетъ нами пройдено и потомъ откроется богатая нива—106 толстыхъ сборниковъ, обѣщающая богатую историческую жатву“ (Румянцову все хотѣлось, чтобы Строевъ отыскалъ „древній харатейный списокъ“ Несторовой или Новгородской лѣтописи) [1]).

Составленное Строевымъ и Горлицынымъ „Подробное описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Волоколамскаго монастыря“, было представлено Малиновскимъ гр. Румянцову, который остался имъ очень доволенъ и писалъ Малиновскому 3 сент.: „Я премного одолженъ г. Строевымъ. Пожалуйста поблагодарите его отъ имени моего за весь трудъ, который онъ для меня несетъ. Трудъ сей окончательно обратится на пользу общую и честь ему принесетъ“ [2]). Извѣстный нашъ библіографъ В. М. Ундольскій называлъ описаніе Строева „*первымъ* ученымъ описаніемъ, по современнымъ требованіямъ библіографіи“ [3]). Извлеченія изъ него были напечатаны Анастасевичемъ только въ 1823 г. въ „Отечественныхъ Запискахъ“ [4]), а черновикъ рукописи хранится въ библіотекѣ гр. А. С. Уварова, въ селѣ Порѣчьѣ [5]). Оригиналъ описанія вмѣстѣ съ другими изданъ архим. Леонидомъ съ предисловіемъ и указателемъ Н. Барсукова въ изданіяхъ общества любителей древней письменности (XCVIII) [6]).

Еще болѣе обрадовался Румянцовъ находкѣ Святославова сборника 1073 г. и сейчасъ же заявилъ Малиновскому (въ письмѣ отъ 7 іюля) о своемъ желаніи издать новонайденный памятникъ подъ редакціей Калайдовича, давая тутъ же указанія относительно фор-

---

[1]) Тамъ же, стр. 48—50.

[2]) Тамъ же, стр. 56.

[3]) „Библіографическія разъисканія. Очеркъ библіографическихъ трудовъ въ Россіи“. М. 1846. (Изъ „Москвитянина“, 1846 г., № 2), стр. 14.

[4]) Списокъ рукописямъ, хранящимся въ Волоколамскомъ Іосифовомъ Монастырѣ, извлеченный изъ подробнаго описанія оныхъ, составленнаго П. С. въ декабрѣ 1817 г.: кн. 33, стр. 123—139, кн. 35, стр. 400—413, кн. 39, стр. 102—114.

[5]) Н. Барсуковъ, „Жизнь и труды П. М. Строева“. Спб. 1878, стр. 35.

[6]) Пав. Строевъ. Описаніе рукописей монастырей Волоколамскаго, Новый Іерусалимъ, Саввина-Сторожевскаго и Пафнутіева-Боровскаго. Сообщилъ Архим. *Леонидъ* съ предисл. и указателемъ Ник. Барсукова. Спб. 1891. 4°, XVIII+343.

мата и внѣшняго вида будущаго „отличнаго“ изданія, на которое просилъ даже составить смѣту [1]). Осуществить это желаніе, однако, не удалось ни графу, ни Калайдовичу, и только въ 1880 г. оно было выполнено Общ. любит. др. письменности. Объ открытіи Сборника графъ такъ писалъ Евгенію Болховитинову (30 іюля 1817 г.): „позвольте мнѣ похвалиться передъ вами драгоцѣнною находкою для любителей россійскихъ древностей“. При этомъ Румянцовъ сообщалъ и краткое описаніе рукописи, указывая между прочимъ на употребленіе въ ней въ огромномъ большинствѣ случаевъ сочетанія шт вм. лигатуры щ [2]). Въ отвѣтномъ письмѣ 17 авг. Евгеній называлъ сдѣланное открытіе „любопытнѣйшимъ“ и отводилъ сборнику третье мѣсто въ ряду памятниковъ XI в. (послѣ Остромирова Евангелія 1056 г. и сборника 1076 г.), указывая при этомъ, что „употребленіе въ старинныхъ рукописяхъ буквъ *шт* вмѣсто *щ* не есть новое открытіе, а давно извѣстное. Въ Новогородской и Патріаршей библіотекахъ есть такія рукописи и позднѣйшихъ вѣковъ“. Употребленіе *шт* въ сборникѣ приводило Евгенія къ выводу, что онъ „писанъ кѣмъ нибудь изъ Задунайскихъ Славянъ, какъ и многія наши старинныя рукописи пергаменныя и бумажныя ими же или у нихъ краскописанію учившимися писаны. Особливо наши всероссійскіе митрополиты Кипріанъ и Макарій, пріѣхавшіе къ намъ изъ Сербіи, много привезли къ намъ такихъ книгъ и писцовъ“ [3]).

Въ 1817 году Импер. публичной библіотекой было сдѣлано второе крупное пріобрѣтеніе славянскихъ и русскихъ рукописей, а именно куплена извѣстная въ то время коллекція рукописей и печатныхъ книгъ, собранная Оберъ-Берггауптманомъ Петромъ Кузьмичемъ Фроловымъ и положившая начало, вмѣстѣ съ раньше поступившимъ собраніемъ Дубровскаго (см. выше, стр. 706—707), теперешнему богатому собранію рукописей слав. и древнерусскаго письма назв. библіотеки. Какъ писалъ Востоковъ Калайдовичу (послѣ 14 авг. 1823), Фроловъ былъ „страстный охотникъ до древностей“ и „скупалъ вездѣ рѣдкіе манускрипты и книги“ [4]).

Въ томъ же 1817 г. Калайдовичъ выработалъ планъ для вторичнаго изданія лѣтописцевъ Новгородскаго и Архангелогородскаго, которое предполагалось Московскою Синодальною Типографіею. Въ своемъ проектѣ, поданномъ 1-го ноября 1817 г., Калай-

[1]) Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1882, кн. I, стр. 48.

[2]) Переписка Евгенія съ гр. Румянцовымъ и т. д. Вып. I. Воронежъ, 1868, стр. 6—7.

[3]) Тамъ же, стр. 7.

[4]) См. Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 71.

довичъ указывалъ, что уже прежде приготовилъ матеріалы (для изданія) на половину Новгородской лѣтописи, съ которой, по его словамъ, „едва-ли можетъ равняться древностію и самая Лаврентьевская лѣтопись“. Новгородскую лѣтопись онъ предлагалъ издать церковными буквами, съ сохраненіемъ сокращеній и интерпункціи подлинника и съ параллельнымъ вѣрнымъ переводомъ texte en regard; приложить примѣчанія и объясненія древнихъ словъ и рѣченій, а также указатель историческихъ лицъ, происшествій и географическихъ мѣстъ, съ обозначеніемъ страницъ; въ предисловіи же помѣстить изслѣдованіе о сочинителѣ, языкѣ и правописаніи лѣтописи. Лѣтопись Архангелогородскую, какъ не столь древнюю, онъ предполагалъ издать обыкновенными гражданскими буквами, съ сохраненіемъ, однако, правописанія подлинника и съ прибавленіемъ предисловія и примѣчаній [1]). Изданіе не было осуществлено, но проектъ Калайдовича дошелъ до насъ, свидѣтельствуя еще разъ о серьезномъ и вѣрномъ взглядѣ своего автора на изданіе древнихъ текстовъ.

Въ то же время подготовлялась къ изданію II-я часть „Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ“, на этотъ разъ уже при дѣятельномъ участіи Калайдовича, приглашеннаго канцлеромъ въ 1817 году, въ качествѣ сторонняго контръ-корректора, въ „Коммиссію печатанія госуд. грамотъ и договоровъ“ при Московскомъ архивѣ Госуд. коллегіи Иностр. дѣлъ [2]). Въ трудахъ по изданію этой части принималъ участіе и Строевъ. Письма гр. Румянцова за 1817 годъ нерѣдко содержатъ указанія на ходъ изданія и печатанія названной части.

Кромѣ подготовительныхъ работъ по изданію только что упомянутаго „Собранія“, гр. Румянцовъ продолжалъ усердное собираніе историческихъ письменныхъ памятниковъ, многіе изъ которыхъ имѣютъ значеніе и для лингвиста, и для палеографа. 24 марта 1817 г. онъ писалъ преосв. Евгенію, переведенному въ Псковскую епархію, прося его между прочимъ „оказать одолженіе“ и снять точные списки „съ надписей, высѣченныхъ на камняхъ, что лежатъ въ Изборскѣ“, принимая при этомъ на себя всѣ издержки [3]). Въ письмахъ графа отъ 17 апрѣля, 1-го мая и 30 іюня идетъ рѣчь о тѣхъ же надписяхъ, которыя по розыскамъ Евгенія, однако, оказались несуществующими [4]). При письмѣ отъ 30-го іюля, въ

[1]) Безсоновъ. «Матер. для жизнеоп. Калайдовича» въ «Чтеніяхъ общ. ист. и др. росс.» 1862, III, стр. 56—57.

[2]) Тамъ же, стр. 55.

[3]) Переписка Евгенія, вып. I. Воронежъ 1868, стр. 5.

[4]) Тамъ-же, стр. 6—7.

которомъ канцлеръ между прочимъ хвалился находкой Изборника, онъ послалъ Евгенію „списокъ съ грамматы, писанной на пергаминтѣ и имѣющей при себѣ вислую свою печать, которая хранится въ одномъ изъ Полоцкихъ монастырей, и также копію съ надписи, существующей на камнѣ на берегу Двины“ [1]). Къ этимъ копіямъ онъ присоединяетъ при слѣдующемъ своемъ письмѣ отъ 13-го сент. еще „списки съ двухъ древнихъ надписей, существующихъ на богатыхъ крестахъ, которые нынѣ въ двухъ женскихъ монастыряхъ въ Полоцкѣ хранятся“ и были пожертвованы княжнами Евфросиніей Георгіевной († 1161) и Прасковьею Рогвольдовной († 1239). Въ этомъ же письмѣ сообщаетъ онъ, что недавно пріобрѣлъ извѣстный Тактиконъ Никона Черногорца (новгор. списокъ 1397 г., нынѣ въ Имп. публ. библ.) [2]). Тутъ же графъ разсказываетъ о своихъ усиліяхъ разыскать вблизи Орши надгробную надпись, упоминаемую Мальгинымъ въ его сочиненіи („Зерцало россійскихъ государей и т. д.“. Изд. 3. 1794 г., стр. 168), а также о завѣтномъ своемъ „желаніи видѣть россійскую палеографію“, раздѣляемомъ имъ съ Евгеніемъ. Графъ сообщалъ, что онъ уже „заготовилъ нѣсколько матеріаловъ для сочинителей оной“, и спрашивалъ: „но гдѣ сіи сочинители? Укажите мнѣ... Владыко, особъ на то способныхъ и притомъ готовыхъ *трудъ* понести. Въ подобныхъ отысканіяхъ по сю пору я неслишкомъ удачно дѣйствую“. Евгеній отвѣчалъ графу на послѣднія его сѣтованія: „Ваше Сіятельство, извѣщая меня о заготовленныхъ Вами матеріалахъ для русской палеографіи, изволите такъ же спрашивать: *гдѣ сочинители палеографіи*? Отвѣтствую и на сіе, что нужны матеріалы, которые когда появятся, то появятся и у насъ мастера Монфоконы. Такимъ путемъ шли иностранцы и къ своей Дипломатикѣ, коей до исхода XVII в. на свѣтѣ не было. Какъ скоро много вездѣ уже издано было дипломовъ, то явился Папеброкъ, отецъ сей науки, за нимъ Мабильіонъ, за нимъ Бенедиктинцы Тустейнъ и Тассинъ и потомъ многіе“ [3]). Въ концѣ 1817 года канцлеръ имѣлъ уже возможность извѣстить своего корреспондента, что ему, наконецъ,

---

[1]) Тамъ-же, стр. 7. Грамоту, о которой здѣсь говорится (Полоцкаго князя Ярослава Изяславича), Евгеній въ отвѣтномъ письмѣ своемъ Румянцову (отъ 17 авг. 1817 г.) называетъ „первымъ для насъ пергаменнымъ памятникомъ на Бѣлорусскомъ языкѣ“. Надо думать, что эта та грамота, списокъ съ которой доставилъ Калайдовичу въ самомъ концѣ 1816 года его былой пріятель, ксендзъ І. Мореловскій (см. „Чтенія въ имп. общ. ист. и др.» 1862, III, стр. 59).

[2]) Тамъ-же, стр. 8. Впослѣдствіи рукопись Тактикона графъ долженъ былъ возвратить ея хозяину, отказавшемуся продать ее (тамъ-же, стр. 9—10).

[3]) Тамъ-же, стр. 9.

„удалось по многолѣтнемъ часто повторительномъ домогательствѣ“ отыскать Оршинскую надпись (на Борисовомъ камнѣ) [1]). Болѣе подробное описаніе этой надписи Румянцовъ даетъ въ письмѣ своемъ къ Евгенію уже отъ 26 іюня 1818 г., сожалѣя при этомъ, что ему „такъ мало помогаютъ соотчичи наши“. Въ подтвержденіе этого сужденія онъ разсказываетъ, что, прибывъ въ Оршу, „единственно для отысканія сего камня и бесѣдуя объ немъ безъ всякаго успѣха съ городничимъ и съ отцемъ протопопомъ, который однакожъ человѣкъ отличныхъ достоинствъ, рѣшился итти съ ними къ начальнику Езуитскаго въ Оршѣ училища и ему поручить отыскать сей камень“. Этотъ въ самомъ дѣлѣ „скоро потомъ, объѣзжая мѣста около Орши, камень нашелъ и доставилъ о немъ“ графу „полное свѣдѣніе и рисунокъ“. „Больно, что мы такъ нерадивы“, прибавляетъ съ сокрушеніемъ канцлеръ [2]).

Самъ Евгеній, переѣхавшій во Псковъ, сейчасъ же по пріѣздѣ „занялся собираніемъ монастырскихъ грамматъ и другихъ извѣстій, сверхъ собранныхъ уже изъ печатныхъ лѣтописей и надписей“ и изданныхъ Н. Ильинскимъ въ его „Историческомъ описаніи города Пскова“ (1790—94). Но грамотъ древнѣе XVI в. найти ему не удалось, какъ пишетъ онъ Румянцову 9-го апр. 1817 г. [3]). Какъ разъ въ это же время онъ снова интересуется Остромировымъ евангеліемъ и въ письмѣ къ Анастасевичу (9 апр. 1817) проситъ выписать для него поточнѣе первое зачало евангелія отъ Іоанна, а мѣсяцъ съ небольшимъ спустя (11 мая)—сдѣлать „подробнѣе описаніе“ всего памятника, какъ это водится у библіографовъ [4]).

Отъ другихъ нашихъ палеографовъ этого времени ожидать

---

[1]) Тамъ-же, стр. 10.

[2]) Тамъ-же, стр. 12—13, и въ письмѣ Румянцова Малиновскому отъ 2 авг. 1818 г. („Чтенія въ Имп. Общ. ист. и др. росс.“ 1882. I, стр. 85—86). Объ этой же надписи хлопоталъ и Калайдовичъ, писавшій еще въ 1813 году Оршинскому ксендзу І. Мореловскому: „Не извѣстенъ ли Вамъ камень, находящійся въ окрестности Орши, съ изображеніемъ на немъ Русской надписи, поставленный въ XI вѣкѣ надъ дѣтьми Борисовыми, подъ нимъ погребенными? Приложите, любезнѣйшій другъ, всѣ старанія Ваши отыскать его по волѣ Импер. Общ. Ист. и Древн. Росс., которое поручило мнѣ о семъ написать къ Вамъ“ (см. Безсоновъ, „Матеріалы для жизнеописанія К. Ѳ. Калайдовича въ „Чтеніяхъ“ только что назв. общества, 1862, III, стр. 39—40). Патеръ іезуитъ, нашедшій во второй разъ данную надпись, былъ Десидерій Ришардотъ, какъ сообщаетъ Кеппенъ въ своемъ „Спискѣ русскимъ памятникамъ“ М. 1822, стр. 46.

[3]) Переписка Евгенія съ гр. Румянцовымъ, вып. I. Воронежъ, 1868, стр. 5.

[4]) Письма Евгенія къ Анастасевичу, „Древняя и Новая Россія“ 1880 г. декабрь, стр. 628—29 и 633.

особыхъ и новыхъ трудовъ было бы напрасно. Такъ объ А. И. Ермолаевѣ Евгеній Болховитиновъ писалъ Анастасевичу 11 мая 1817 г.: „что изданія Лаврентьевской лѣтописи не дождемся мы конца отъ Ермолаева [1]), это почти очевидно. Гр. Румянцовъ, между прочимъ, пишетъ ко мнѣ: „у меня накопилось разныхъ грамотъ довольное число, и Ермолаевъ обѣщалъ мнѣ, по пересмотру ихъ, быть оныхъ издателемъ. Но трудно надѣяться скораго ихъ явленія, потому что онъ по службѣ всегда многимъ трудомъ обремененъ“. Это обыкновенный порокъ полипрагматиковъ, все начинающихъ и обѣщающихъ, но ничего не оканчивающихъ“ [2]). Строгій судъ Евгенія впослѣдствіи оправдался, и Ермолаевъ дѣйствительно для палеографіи далъ очень мало, почти ничего, въ сравненіи со своими знаніями и надеждами, на него возлагавшимися.

Зато К. Калайдовичъ продолжалъ неутомимо работать надъ собираніемъ, описаніемъ и изданіемъ разныхъ текстовъ, древнихъ и болѣе позднихъ, пріобрѣтая тѣмъ уваженіе и расположеніе своего покровителя гр. Румянцова, высоко цѣнившаго его дѣятельность, какъ это видно изъ переписки графа съ самимъ Калайдовичемъ и другими лицами. Такъ Румянцовъ писалъ 27 февр. 1817 г. Малиновскому: „Отдавая должную справедливость похвальному рвенію и трудамъ г-на Калайдовича въ изысканіи отечественныхъ древностей, прошу Васъ покорнѣйше, при изъявленіи истинной моей ему за сіе признательности, повторить убѣжденіе о неослабѣваніи въ занятіяхъ сего рода, дѣлающихъ столько же ему чести, сколько и приносящихъ другимъ удовольствія“. Въ концѣ 1817 г. (7 декабря) канцлеръ писалъ опять Малиновскому, что Калайдовичъ „отличается неусыпными и щастливыми трудами“ [3]), и тогда же—самому Калайдовичу: „Вы къ изысканіямъ и даръ и щастіе имѣете особое, не оставьте такихъ отличныхъ выгодъ безъ употребленія“ [4]). Еще осенью 1817 года Калайдовичъ изъявляетъ графу согласіе издать Изборникъ 1073 г., какъ

---

[1]) Планъ изданія лѣтописей съ палеографической точностью буква въ букву былъ предложенъ Оленинымъ и Ермолаевымъ еще въ 1814 г. (Сынъ Отечества, ч. 12, стр. 3—19). Объ изданіи Лавр. лѣтописи оба думали еще раньше (въ 1811 г.). См. Записки Калайдовича, въ „Лѣтописяхъ“ Тихонравова, 1859—60, кн. 6-я, стр. 94—96.

[2]) См. „Древняя и Новая Россія“ 1880, декабрь, стр. 633—34.

[3]) См. Переписку гр. Румянцова въ „Чтеніяхъ общ. ист. и др. росс.“ 1882, I, стр. 37 и 62.

[4]) См. „Матеріалы для жизнеописанія К. Ѳ. Калайдовича“, въ „Чтеніяхъ“ 1862 г. III. 148.

это хотѣлъ поручить ему гр. Румянцовъ [1]). Въ то же время онъ по порученію графа занимается изданіемъ „Древнихъ Россійскихъ Стихотвореній“ Кирши Данилова (еще съ 1816 года), которыя и вышли въ концѣ 1818 г. [2]). Весной 1818 года онъ уже приступаетъ къ описанію рукописей гр. Ѳ. А. Толстого (см. ниже) и кромѣ того работаетъ надъ „подробнѣйшимъ описаніемъ“ рукописи Изборника [3]), а осенью получаетъ отъ графа (въ письмѣ отъ 6 окт.) предложеніе приступить къ изданію еще ранѣе отысканныхъ переводовъ Іоанна Экзарха Болгарскаго, въ древности которыхъ Румянцовъ долго-было сомнѣвался. Канцлеръ пользуется этимъ случаемъ, чтобы снова увѣрить Калайдовича въ своемъ расположеніи: „Я всегда письма Ваши получаю и читаю съ удовольствіемъ. Они всякой разъ утверждаютъ мое особенное уваженіе къ талантамъ Вашимъ и къ тому искуству, съ которымъ Вы особенный имѣете даръ отыскивать древніе памятники Словесности нашей и объяснять ихъ“ [4]). Изъ этого же письма мы узнаемъ, что Калайдовичъ къ этому времени отыскалъ два новыхъ списка „Русской Правды“, и книгу „Адонатусъ“ (т. е. Donatus, см. выше, стр. 157—56), которая „содержитъ въ себѣ любопытныя замѣчанія о Словенской грамматикѣ“ и достойна „большого вниманія“. Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ отъ 17-го октября Калайдовичъ уже представлялъ графу планъ изданія твореній Іоанна Экзарха. Тутъ же онъ подробно говоритъ о посланіи Никифора митрополита къ Владиміру Мономаху, прилагая копію съ него [5]). Въ томъ же 1818 году Калайдовичъ, вмѣстѣ со Строевымъ, продолжаетъ работать надъ изданіемъ „Законовъ В. Кн. Іоанна Васильевича и Судебника Царя и В. Кн. Іоанна Васильевича“, законченнымъ въ слѣдующемъ 1819 г., и тогда же, тоже вмѣстѣ со Строевымъ, приступаетъ къ описанію богатаго рукописнаго собранія гр. Ѳ. Толстого, вышедшему изъ печати лишь черезъ 7 лѣтъ (1825 г.) [6]). Объ этомъ Калайдовичъ писалъ гр. Румянцову 4 марта 1818 г.: «На сихъ дняхъ съ помощію г. Строева началъ описаніе славной библіотеки гр. Ѳ. А. Толстого, которая много обѣщаетъ важнаго [7]).

---

[1]) Тамъ-же, стр. 146.

[2]) Тамъ-же, стр. 57—58.

[3]) Тамъ-же, стр. 82 и 148, письмо къ гр. Румянцову отъ 4 марта.

[4]) Тамъ-же, стр. 149.

[5]) Тамъ-же, стр. 150.

[6]) См. „Библіографическія поправки (письмо къ Редактору)“ К. Калайдовича въ „Вѣстникѣ Европы“, 1820 г., ч. 111, стр. 195—204.

[7]) См. „Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. Росс.“ 1862 г., кн. III, стр. 82.

Товарищъ Калайдовича по занятіямъ, П. М. Строевъ, въ началѣ 1818 г., согласно инструкціи А. Ѳ. Малиновскаго [1]), занимался разборомъ библіотеки и архива Звенигородскаго Саввы-Сторожевскаго монастыря, но „при всемъ своемъ стараніи не могъ найти ничего дѣльнаго“ для гр. Румянцова, такъ какъ рукописи этой обители (приходо-расходныя книги, судебныя дѣла по вотчинамъ монастыря и т. п.) не восходили далѣе 60-хъ гг. XVII в., въ большинствѣ же случаевъ относились къ XVIII. Въ концѣ января онъ переѣхалъ въ Воскресенскъ и въ тамошнемъ Ново-Іерусалимскомъ монастырѣ „нашелъ для своихъ занятій обильнѣйшіе матеріалы“, въ видѣ пергаменныхъ рукописей, старѣе XIV в., уцѣлѣвшихъ какъ отъ набѣговъ любителей старины (тогда еще немногочисленныхъ), такъ и отъ попеченій невѣжественныхъ хранителей монастырской библіотеки. По словамъ Строева, о. намѣстникъ сообщилъ ему, что библіотека ихъ, „лѣтъ за сорокъ прежде сего (т. е. въ концѣ 70-хъ гг. XVIII в.) была гораздо обильнѣе книгами; нѣкоторыя изъ нихъ взяты въ Синодъ и остались у Гр. А. И. Мусина-Пушкина (стало быть, сгорѣли съ его библіотекой въ 1812 г.) — между сими вспоминаетъ онъ одно евангеліе, нѣсколько хронографовъ и лѣтописей; другія нарочно сожжены Епископомъ Селивестромъ (1785—1788 г.), который почиталъ ихъ совсѣмъ ненужною дрянью. Если-бы Архимандритъ Аполлосъ не остановилъ сего варварскаго всесожженія, то, по словамъ намѣстника, вся библіотека подверглась бы одинаковой участи“ [2]).

Составленные Строевымъ каталоги рукописей Волоколамскаго и Саввы Сторожевскаго монастырей заслужили большую благодарность со стороны гр. Румянцова, который писалъ молодому археографу 3 марта 1818 г.: „Вы въ полной мѣрѣ... оправдать изволили ту довѣренность, съ каковою я къ вамъ обратился... Вы сіи каталоги составили такъ искусно, что я желаю привесть ихъ изданіемъ въ печать всѣмъ въ извѣстность, о чемъ къ вамъ впредь писать буду... Продолжайте меня одолжать; вы самимъ этимъ ознаменуете себя, какъ особу съ отличными свѣдѣніями и способностью къ изысканію Росс. древностей и будьте увѣрены, что я съ удовольствіемъ искать буду случая служить вамъ и т. д.“ [3]).

---

[1]) См. Барсукова, «Жизнь и труды П. М. Строева», Спб. 1878, стр. 35—36.

[2]) См. письмо Строева Малиновскому отъ 29 янв. 1818 г. въ «Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и др. росс.» 1882, кн. 1, стр. 64—65, и цитир. соч. Барсукова стр. 37—38.

[3]) Барсуковъ, «Жизнь и труды Строева», стр. 37.

Въ началѣ 1818 г. Строевъ предложилъ гр. Румянцеву съѣздить также и въ Троицкую лавру для осмотра тамошнихъ рукописей, на что графъ немедленно и съ радостью изъявилъ свое согласіе [1]). Эта поѣздка, однако, покуда не осуществилась, и много спустя графъ еще жаловался, что отсутствіе описанія рукописей Троицкой лавры мѣшаетъ ему издать въ свѣтъ описанія другихъ монастырскихъ библіотекъ, составленныя Строевымъ и Калайдовичемъ [2]).

Вскорѣ послѣ этого (въ апрѣлѣ 1818 г.) Строевъ окончилъ свои занятія въ Воскресенскомъ монастырѣ и прислалъ гр. Румянцеву составленный имъ каталогъ рукописей назв. монастыря (всего 140 числомъ, съ XIII по XVIII вв.) [3]).

И этимъ описаніемъ канцлеръ остался очень доволенъ, о чемъ и писалъ Строеву 21-го апрѣля: „Я уже свидѣтельствовалъ вамъ то удовольствіе, съ каковымъ получилъ прелюбопытные каталоги, составленные вами тѣмъ рукописямъ, которыя хранятся въ Волоколамскомъ, Звенигородскомъ и Воскресенскомъ монастыряхъ, и пребываю въ надеждѣ получить столь же совершенный каталогъ рукописямъ Троицкой лавры". При письмѣ прилагалась золотая табакерка въ память удовольствія, доставленнаго графу „составленіемъ сихъ каталоговъ", и какъ залогъ почтенія, питаемаго графомъ къ ихъ составителю [4]).

Въ Воскресенскомъ монастырѣ Строевъ открылъ важную рукопись, приведшую его къ изданію „Софійскаго Временника". Это былъ такъ называемый „Всемірный Хронографъ", съ присоединеннымъ къ нему сборникомъ изъ лѣтописи Нестора и его продолжателей, доведенной до 1534 г. [5]), Въ концѣ мая 1818 г. Строевъ былъ уже занятъ „подробнѣйшимъ разсмотрѣніемъ" этого хронографа и сличеніемъ его со всѣми дотолѣ изданными лѣтописями, причемъ нашелъ, что „новонайденная лѣтопись есть

---

[1]) См. письмо гр. Румянцова Малиновскому отъ 7 марта 1818 г.: Чтенія въ общ. ист. и др. 1882 г., кн. 1, стр. 73.

[2]) См. письмо гр. Румянцова къ митроп. Евгенію отъ 23 февр. 1824 г., въ перепискѣ послѣдняго, вып. III, Воронежъ, 1872, стр. 100—101.

[3]) При письмѣ отъ 4 марта 1818 г., см. «Чтенія въ общ. ист. и др.» 1882 г., кн. 1, стр. 74, и Барсукова, «Жизнь и труды Строева», стр. 38. Каталогъ этотъ, безъ указанія имени составителя, былъ впослѣдствіи изданъ Сахаровымъ въ его «Русскихъ Древнихъ Памятникахъ». Вып. I. Спб. 1842. См. цит. соч. Барсукова, стр. 38.

[4]) Барсуковъ, «Жизнь и труды Строева», стр. 39.

[5]) Тамъ же.

тщательнѣйшій списокъ такъ называемой *Софійской* Новгородской лѣтописи“ [1]).

Къ 1818 году относится и замѣчательное для своего времени палеографическое изслѣдованіе Евгенія Болховитинова: „Примѣчанія на Граммату Великаго Князя Мстислава Володиміровича, и сына его Всеволода Мстиславича, удѣльнаго князя Новогородскаго, пожалованную Новогородскому Юрьевскому монастырю“ [2]). Мы находимъ здѣсь тщательный разборъ одного изъ драгоцѣнныхъ памятниковъ древнерусскаго языка, спасеннаго отъ гибели самимъ же Евгеніемъ. И. И. Срезневскій уже въ 1867 г. характеризовалъ этотъ трудъ Евгенія, „сдѣланный... тогда, когда у насъ еще почти не было попытокъ этого рода“, какъ „явленіе очень замѣчательное и по внимательности къ разнымъ вопросамъ, возбуждаемымъ грамотою, и по тщательности отвѣтовъ на нихъ. Онъ не утратилъ своего значенія и теперь (писано въ 1867 г.), какъ образецъ трудовъ этого рода—между прочимъ и въ палеографическомъ отношеніи, указывая какъ надобно издавать памятники древняго письма и вглядываться въ особенности ихъ написанія“ [3]).

Въ началѣ своей статьи Евгеній, опредѣляя научное значеніе данной грамоты, перечисляетъ древнѣйшіе извѣстные тогда памятники славянскаго и древнерусскаго языковъ: Остромирово евангеліе, Сборникъ кн. Щербатова 1046 г. (т. е. Изборникъ Святослава 1076 г.), Мстиславово и Синодальное евангелія XII в. и т. д., затѣмъ объясняетъ неясныя и непонятныя выраженія и древнія слова, встрѣчающіяся въ грамотѣ (между прочимъ слово *вира*, сравниваемое съ финнскими, германскими и славянскими формами), даетъ палеографическое ея описаніе, говоритъ о бумагѣ и др. письменныхъ матеріалахъ, на которыхъ тогда писали, о правописаніи, почеркѣ, надстрочныхъ и другихъ знакахъ, разныхъ видахъ печатей при грамотахъ и т. д. Въ прибавленіи на стр. 250—52 приводится приписка изъ Остромирова евангелія, вслѣдъ за которой упоминается о недавно найденномъ (Калайдовичемъ) сборникѣ Вел. кн. Святослава 1073 г. Факсимиле грамоты, гравированное крѣпостнымъ человѣкомъ Оленина (см. выше, стр. 822), было приложено въ слѣдующей (101-й) части „Вѣстника Европы“.

---

[1]) Письмо Строева къ Малиновскому отъ 9 авг. 1818 г.: «Чтенія» 1882 г. кн. 1, стр. 86.

[2]) «Вѣстникъ Европы» 1818, ч. 100, № 15, стр. 201—255.

[3]) См. И. Срезневскій, «Воспоминаніе о научной дѣятельности Евгенія, митрополита Кіевскаго» въ «Сборникѣ статей, чит. въ отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ», т. V, вып. I. 1868 г., стр. 29.

Весною 1819 года (въ апрѣлѣ) вышла въ свѣтъ вторая часть Румянцовскаго „Собранія госуд. грамотъ и договоровъ“, содержавшая, какъ и первая, рядъ весьма цѣнныхъ памятниковъ древнерусскаго языка XIII—XVII вв. (въ томъ числѣ смоленскую грамоту 1229 г., ярлыкъ Менгу Тимура 1270—76 гг., смол. грамоту 1284 г., двѣ духовныхъ грамоты Владимирскаго (на Волыни) князя Владимира Васильевича около 1286 г., Мстислава Даниловича 1289 г. и рядъ другихъ грамотъ XIV, XV, XVI вв. (Вас. Іоанновича, Іоанна Васильевича, Ѳеодора Іоанновича и Бориса Годунова), XVII в. (Бориса Годунова, сына его Ѳеодора, Лжедимитрія I, Василія Шуйскаго и временъ Междуцарствія, кончая 1612 г.).

Еще до выхода въ свѣтъ этой части, увѣрившись лишь въ томъ, что она вполнѣ уже закончена печатаніемъ, гр. Румянцовъ въ своемъ письмѣ къ Малиновскому отъ 31 марта 1819 г. заводитъ рѣчь о предполагаемомъ содержаніи III части „Собранія“ [1]).

О томъ, что сознаніе важности древнихъ письменныхъ памятниковъ русской исторіи понемногу распространялось у насъ, свидѣтельствуетъ „Приглашеніе Смоленскаго Гражданскаго Губернатора“, барона Аша, обнародованное имъ въ февралѣ 1819 г. Въ своемъ воззваніи баронъ Ашъ обращался прежде всего къ духовенству, приглашая его собирать разные памятники старины. Въ первомъ же пунктѣ „Приглашенія“ предлагалось „развѣдать, нѣтъ ли гдѣ-либо и у кого-нибудь историческихъ рукописей, граммать, рескриптовъ, подлинныхъ или въ копіяхъ, древнихъ записокъ, книгъ, повѣстей церковныхъ, гражданскихъ и другихъ свѣдѣній. Со всего, что найдется, доставить точные и вѣрнѣйшіе списки, а всего лучше прислать въ подлинникѣ“ и т. д. Во второмъ пунктѣ обращалось вниманіе на камни надробные, надписи и т. п., а въ примѣчаніи къ пункту 4-му—на древніе фамильные документы и т. д. [2]).

Едва ли, однако, воззваніе это имѣло какой-нибудь успѣхъ, (по крайней мѣрѣ мы объ этомъ не имѣемъ свѣдѣній), но во всякомъ случаѣ оно свидѣтельствовало о постепенномъ пробужденіи у насъ историческаго интереса, которое должно было сослужить службу и развитію языкознанія. Евгеній въ письмѣ своемъ гр. Румянцову отъ 21 марта 1819 г. выражалъ пожеланія успѣха просвѣщенному смоленскому губернатору, но въ то же время присо-

---

1) См. «Чтенія Общ. Ист. и Др. Росс.» 1882 г., кн. 1, стр. 110.

2) См. переписку Евгенія съ гр. Румянцовымъ и нѣкот. друг. современниками, Воронежъ, 1868, вып. I, стр. 17.

вокуплялъ: „А въ Псковской губерніи я не нахожу, къ кому бы можно было обратиться съ таковымъ же воззваніемъ. Я и по церковнымъ древностямъ здѣсь не могъ ничего во многихъ мѣстахъ доискаться“ [1]). Слова Евгенія получаютъ подтвержденіе въ сообщеніи ему гр. Румянцова объ вторично имъ открытомъ Рогвольдовѣ камнѣ. По словамъ графа, онъ лежитъ въ полуверстѣ „отъ почтовой дороги на открытомъ и ровномъ мѣстѣ, надъ нимъ сооружена маленькая деревянная церковь“, куда народъ приходитъ пѣть молебны. „Послѣ этого, какъ не подивиться“, пишетъ Румянцовъ, что все наше духовенство въ Оршѣ нѣсколько лѣтъ сряду отъ него отпиралось, оправдывая тѣхъ, которые увѣряли, что таковаго камня нѣтъ и не бывало“ [2]). Въ другомъ письмѣ своемъ къ Евгенію (отъ 12 авг. 1819 г.) графъ, говоря о русскихъ историческихъ письменныхъ памятникахъ Императорской Вѣнской библіотеки, которые онъ надѣется обслѣдовать, несмотря на трудность доступа къ нимъ, прибавляетъ: „мнѣ легче домогаться по таковой статьѣ въ чужихъ государствахъ, нежели въ отечественныхъ предѣлахъ“ [3]).

Вѣрнымъ сотрудникомъ графа въ его „домогательствахъ“ продолжалъ оставаться К. Калайдовичъ. Изъ писемъ его видно, какъ ревностно разыскивалъ онъ для своего покровителя древніе памятники нашей письменности. Такъ въ письмахъ отъ 27 февр. и 15 марта 1819 г. Калайдовичъ сообщаетъ графу довольно подробное описаніе видѣннаго имъ древняго пергаменнаго пролога, продаваемаго купцомъ Шульгинымъ и писаннаго „не позже XIII в.“. Отмѣтивъ въ рукописи рядъ сербизмовъ (имъ, впрочемъ, такъ не называемыхъ), Калайдовичъ приходитъ къ заключенію, что она писана „какимъ либо южнымъ Славяниномъ“; изъ разныхъ замѣчаній о ней слѣдуетъ отмѣтить перечень нѣсколькихъ „древнихъ словъ“, встрѣчающихся въ рукописи (*вельмужь*, *насочить*, *дрехль*, т. е. *дряхлъ*, *дилма*, *сьмилать*—смалывать, *сьмилаху*, *сьмилаше*, *клепець* и т. д.), и указаніе на нѣкоторыя особенности графики („двѣ точки надъ буквами, въ коихъ полагается твердый выговоръ и гдѣ въ старину писывали иногда литеру ъ, напр. *огнь*, *островъ*, *страна* и т. д. Сіи же точки иногда отвѣчали за титлу“).

Въ письмѣ 15-го марта, кромѣ разныхъ замѣчаній о составѣ „Діоптры“ философа Филиппа, которой интересовался гр. Румян-

---

[1]) Тамъ же, стр. 18.
[2]) Тамъ же, стр. 20.
[3]) Тамъ же, стр. 21.

цовъ [1]), находится также описаніе рукописнаго Алфавита второй половины XVII в., первое вѣроятно, въ своемъ родѣ [2]). По рекомендаціи Калайдовича, Алфавитъ былъ пріобрѣтенъ графомъ [3]).

Весною 1819 г. (при письмѣ отъ 3 апрѣля) Калайдовичъ поднесъ графу „въ рукописи XVII в. знаменитое стоглавное положеніе бывшаго въ Москвѣ въ 1551 г. Собора" [4]), а въ ноябрѣ того же года найденное имъ слово о Даніилѣ Заточникѣ [5]), списокъ котораго, впрочемъ, имѣлся уже раньше у графа [6]). Кромѣ того, вѣроятно, еще въ сентябрѣ 1819 года „трудолюбивый", по выраженію графа, Калайдовичъ препроводилъ ему „прелюбопытное изслѣдованіе Діоптры" [7]).

Въ 1819 г. вышло также давно подготовлявшееся изданіе Калайдовича и Строева: „Законы В. Кн. Іоанна Васильевича и Судебникъ Царя и В. Кн. Іоанна Васильевича, съ дополнительными указами" (Москва, въ тип. Селивановскаго, 4°). Евгеній Болховитиновъ, благодаря графа Румянцова за присылку этого и другихъ его изданій писалъ ему, что оно „несравненно" съ болѣе ранними Башилова (1768 г.) и Миллера „и по изданію, и по прибавкамъ" [8]). При этомъ изданіи приложены были и палеографическіе снимки, изображающіе почеркъ обоихъ судебниковъ и водяной знакъ въ бумагѣ болѣе ранняго изъ нихъ (гравированные А. Флоровымъ).

Изданіе было сдѣлано съ возможною въ тѣ времена тщательностью. Въ предисловіи своемъ издатели ручались, „что не только одно слово или рѣченіе, но ниже самая буква, не проронены противъ подлинниковъ" (стр. XXIX). Срезневскій уже много лѣтъ спустя говорилъ о немъ: „Это первое изъ хорошихъ и одно изъ лучшихъ изданій памятниковъ Русскаго законодательства. Не утратило оно и теперь цѣны" („Труды П. М. Строева" въ Зап. Имп. Акад. наукъ, т. VI. Спб. 1864, стр. 114). Только съ 1840 г.

---

[1]) См. письмо его отъ 11 марта 1819 г. („Чтенія Общ. Ист. и Др. Росс." 1862 г., кн. 3, стр. 152).

[2]) См. тамъ же, стр. 150—154.

[3]) Тамъ же, стр. 155.

[4]) Тамъ же, стр. 154—155. Извѣстіе о полученіи этой рукописи находимъ въ письмѣ графа Малиновскому отъ 15 апрѣля, въ которомъ графъ проситъ благодарить за нее Калайдовича (тамъ же, 1882 г. кн. 1, стр. 112—13).

[5]) Тамъ же, 1862 г., кн. 3, стр. 157.

[6]) См. письмо графа отъ 7 дек. 1819 г., тамъ же, стр. 158.

[7]) См. тамъ же, 1882 г., кн. 1, стр. 128, письмо гр. Румянцова къ Малиновскому, отъ 12 сент. 1819 г.

[8]) См. письмо Евгенія отъ 21 марта 1819 г. въ „Перепискѣ" его (Воронежъ, вып. 1, 1868), стр. 18.

явилась возможность замѣнять его другимъ, болѣе удовлетворительнымъ, вышедшимъ въ „Актахъ Историческихъ", т. I, изд. Археографической коммиссіей (ср. И. Срезневскій, „Воспоминаніе о П. М. Строевѣ" въ Зап. Имп. Акад. наукъ, т. XXIX, 1877 г., стр. 73—74).

Въ 1819 г., въ „Вѣстникѣ Европы" явилась еще замѣтка Калайдовича: „Дополнительныя свѣдѣнія о трудахъ Швайпольта Феоля, древнѣйшаго славянскаго типографщика" [1]), которая была вызвана статьей аналогичнаго содержанія „О Святополкѣ Фіолѣ, Краковскомъ типографщикѣ, первомъ издателѣ книгъ Церковно-Славянскихъ" [2]), подписанной буквой К. и принадлежавшей самому издателю „Вѣстника Европы", М. Т. Каченовскому. Обѣ статьи, опиравшіяся на книгѣ Бандке о Краковскихъ типографіяхъ (1815), кромѣ біографическихъ свѣдѣній, давали также перечень цѣлаго ряда старопечатныхъ книгъ, вышедшихъ изъ типографіи Фіоля, вмѣстѣ съ описаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Статейка Калайдовича давала рядъ дополненій къ замѣткѣ Каченовскаго, свидѣтельствующихъ о непосредственномъ близкомъ знакомствѣ автора съ описываемыми книгами, и упоминала также и о никому неизвѣстныхъ изданіяхъ Фіоля, какъ, напр., о „Цвѣтной Тріоди" изъ собранія гр. Н. П. Румянцова.

Кромѣ упомянутыхъ статей, „Вѣстникъ Европы" далъ еще по археографіи: 1) статью С. Г. Саларева (вскорѣ умершаго): „Описаніе разнаго рода Россійскихъ грамотъ" [3]), содержавшую описаніе и классификацію грамотъ (государственныя, обрядныя и смѣшанныя, причемъ первыя дѣлились на договорныя, распадавшіяся въ свою очередь на докончальныя, крестныя, вѣрующія и т. д.). Замѣчаній палеографическаго характера здѣсь было, впрочемъ, немного, а о языкѣ совсѣмъ не говорилось. 2) Замѣтку „О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ, находящихся въ книгохранилищѣ королевской Вестеръ-Оской гимназіи въ Швеціи" [4]), представляющую переводъ статьи І. Г. Шредера изъ Шведскихъ ученыхъ вѣдомостей (Svensk Literatur Tidring") 1813 г. (№ 35) и снабженную примѣчаніями какого то А. Здѣсь идетъ рѣчь о нѣ-

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1819 г., ч. 107, № 18, стр. 101—108.

[2]) Тамъ же, ч. 106, № 14, стр. 121—138.

[3]) Тамъ же, ч. 103, № 4, стр. 272—289; ч. 104, № 5, стр. 25—44 и 80 („дополнительныя замѣчанія"). Статья эта заинтересовала гр. Румянцова, спрашивавшаго въ письмѣ отъ 21 апр. 1819 г. Малиновскаго, кто такой авторъ этой „любопытной" статьи (см. „Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Рус." 1882 г., кн. 1, стр. 115).

[4]) См. „Вѣстникъ Европы" 1819 г., ч. 105, стр. 121—29.

которыхъ рукописяхъ, большею частью богословскаго, рѣже историческаго содержанія и позднихъ по времени (XVII в.), подаренныхъ библіотекѣ въ 1774 г. Спарвенфельдомъ.

Къ разнымъ выше упомянутымъ попыткамъ изученія и толкованія древнихъ памятниковъ языка въ 1819 году примкнуло новое переложеніе (прозаическое) „Слова о полку Игоревѣ" Я. О. Пожарскаго, снабженное довольно для того времени удачными примѣчаніями и посвященное гр. Н. П. Румянцову [1]). Въ нихъ авторъ особенно часто прибѣгаетъ къ сравненіямъ съ польскимъ языкомъ, приводя иногда удачныя параллели, вродѣ: польск. trudny, pociąć, komonny, komonik, czyli, dziw, czółka, chęć, krzesić, smażyć, tu, żywy, błogo, rzadzić, *гзегзолка* (т. е. żegżółka), prysnąc и т. д. для выраженій Слова: *трудныхъ повѣстій*, *потяту быти*, *комони*, *чили*, *дивъ*, *чолка*, *хоть*, *кресити*, *смага*, *ту*, *живые шереширы*, *бологo*, *рядить*, *зегзица*, *прыску море полунощи* и т. д. Обращаютъ на себя вниманіе также сравненія съ бѣлорусскимъ, только что вышедшей Краледворской рукописью (сообщенною автору гр. Румянцовымъ), изрѣдка указанія на „Сорабскія", „Богемскія", „Виндійскія" (очевидно, лужицкія) „Далматскія" и „Кроатскія" родственныя формы. Часто приводятся цѣлыя цитаты изъ разныхъ польскихъ писателей, Краледворской рукописи и т. д. Во всякомъ случаѣ объясненія Пожарскаго стояли неизмѣримо выше Шишковскихъ.

Книжка Пожарскаго не прошла незамѣченной въ нашей тогдашней литературѣ, вызвавъ рецензію, подписанную псевдонимомъ Dixi и напечатанную въ „Журналѣ Древней и Новой Словесности" Олина (ч. VI, 1819 г., стр. 34—40, 79—92, 112—128). Авторъ этой рецензіи сравнивалъ трудъ Пожарскаго съ аналогичнымъ трудомъ Шишкова (см. выше, стр. 709—710), замѣчанія котораго онъ подвергалъ нерѣдко вполнѣ основательной критикѣ, отдавая при этомъ преимущество объясненіямъ Пожарскаго.

Въ томъ же 1819 г., лѣтомъ приступлено было Строевымъ къ изданію Новгородской лѣтописи (по такъ назыв. Софійскому списку), согласно желанію гр. Румянцова, выраженному имъ въ письмѣ къ Малиновскому отъ 22 іюня [2]). Въ сентябрѣ мѣсяцѣ графъ уже получилъ извѣстіе отъ Малиновскаго, что къ печата-

[1]) „Слово о полку Игоря Святославича, Удѣльнаго Князя Новагорода-Сѣверскаго, вновь переложенное Як. Пожарскимъ съ присовокупленіемъ примѣчаній". Спб. 1819 г. Въ тип. Деп. Нар. Просв. 4°. 88. Самый текстъ занимаетъ стр. 7—25, а остальное—„примѣчанія" на переложеніе, изд. гр. Мусинымъ-Пушкинымъ, и на примѣчанія Шишкова.

[2]) См. „Чтенія Имп. Общ. Ист. и Др. Росс." 1882 г., кн. 1, стр. 123.

нію лѣтописи будетъ приступлено немедленно, а въ концѣ октября уже могъ написать ему, что „много утѣшается“ присланными двумя листами изданія [1]). Съ этихъ поръ печатаніе шло непрерывно.

Подготовлялся къ изданію гр. Румянцовымъ и Святославовъ Изборникъ 1073 года. Еще въ августѣ мѣсяцѣ 1818 г. Малиновскій, по желанію графа, поручилъ художнику Ратшину „снять точную копію съ древняго харатейнаго Сборника и срисовать находящіяся при немъ картины“. При этомъ художнику вмѣнено было въ обязанность „не отступать ни въ чемъ отъ подлинныхъ картинъ,... избрать и принаровить колера красокъ и дать имъ видъ древнихъ“, а также обозначить „каждую мѣлочь, едва примѣтныя точки и различныя пятна“; въ самой копіи текста художникъ „долженъ былъ не только рѣчь, но каждую литтеру скопировать въ точномъ ея видѣ, не осмѣливаясь прибавить или убавить ни надстрочнаго ударенія, ни знака препинанія“. Осенью 1819 г. трудъ Ратшина былъ законченъ послѣ неустанной работы въ теченіе цѣлаго года, вмѣсто предполагавшихся первично 6 мѣсяцевъ [2]). Румянцовъ остался доволенъ „прекраснымъ“, по его словамъ, спискомъ Ратшина и совѣтовался въ письмѣ отъ 31-го октября съ Малиновскимъ, сколько рисунковъ слѣдуетъ гравировать для печати, и во что можетъ обойтись изданіе Сборника [3]). Въ декабрѣ мѣсяцѣ уже заходила рѣчь о выборѣ бумаги для изданія и о заключеніи условія съ типографщикомъ Селивановскимъ [4]), но тѣмъ не менѣе проектъ изданія такъ и остался неосуществленнымъ.

Не переставалъ графъ заботиться и объ изданіи найденныхъ Калайдовичемъ переводовъ Іоанна, Экзарха Болгарскаго, постоянно напоминая ему о предпринятомъ имъ трудѣ и нетерпѣливо ожидая его окончанія. Такъ 20 ноября 1819 г. онъ писалъ Малиновскому: „попросите г. Калайдовича, чтобы онъ мнѣ представилъ доказательства, что не пренебрегаетъ просьбами моими и трудится надъ опытомъ изданія Іоанна Экзарха; я старъ, мнѣ ничего въ долгій ящикъ откладывать нельзя“ [5]).

Въ 1819 году вошелъ въ сношенія съ преосв. Евгеніемъ мо-

---

[1]) См. письма графа Малиновскому отъ 12 сент. и 31 окт. 1819 г. въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Росс., 1882 г., кн. 1, стр. 128 и 133.

[2]) См. письмо Ратшина къ Малиновскому отъ 4 окт. 1819 г. Тамъ же, стр. 130—131.

[3]) Тамъ же, стр. 133.

[4]) Тамъ же, письмо гр. Румянцова Малиновскому отъ 4 дек. 1819 г., стр. 137.

[5]) Тамъ же, стр. 136.

лодой Кеппенъ, интересовавшійся еще раньше древними рукописями (см. выше, стр. 819). 2-го мая Румянцовъ рекомендовалъ его Евгенію, жившему тогда во Псковѣ, какъ молодого человѣка, отличающагося „просвѣщеніемъ и нравственностью, но, къ сожалѣнію, имѣющаго здоровье слабое и несогласное съ ревеніемъ учености“ [1]). При этомъ знакомствѣ Кеппенъ, котораго Евгеній также оцѣнилъ „за страстную охоту, къ русской словесности и исторіи“ [2]), получилъ отъ преосвященнаго въ подарокъ листокъ найденной имъ пергаменной псалтири XI в., послужившій впослѣдствіи поводомъ къ возникновенію сношеній Востокова съ Евгеніемъ, а затѣмъ и съ гр. Румянцовымъ (см. ниже). Тогда же Кеппенъ съ И. А. Гарижскимъ снялъ копію съ надписи на Оршинскомъ „Рогволодовомъ“ или „Борисовомъ“ камнѣ, а также срисовалъ и самую часовню надъ нимъ (см. его „Списокъ русскимъ памятникамъ“, М. 1822, стр. 46).

Къ тому же году относится попытка г. Румянцова воспользоваться пріѣхавшимъ тогда въ Москву знаменитымъ впослѣдствіи сербскимъ патріотомъ-ученымъ и культурнымъ дѣятелемъ Вукомъ Караджичемъ для цѣлей уже не русской, а славянской археографіи. 22 іюня 1819 года канцлеръ сообщилъ Малиновскому, что Караджичъ принялъ на себя обязательство объѣхать на его, канцлера, счетъ „всѣ области Славянскаго поколѣнія, отыскивая въ каждой древніе сихъ народовъ документы и лѣтописи“. Графъ полагалъ, „взявъ въ уваженіе всю способность“ Караджича къ такому предпріятію, что онъ „въ правѣ ожидать отъ таковаго предпріятія важныхъ послѣдствій“ [3]). Надежды эти, однако, не сбылись, и спустя 16 лѣтъ Вукъ писалъ Шишкову, что „разныя обстоятельства, отъ него не зависѣвшія, не позволили ему воспользоваться тогда симъ счастливымъ случаемъ“ [4]). Какъ бы то ни было, въ этомъ неудавшемся предпріятіи снова сказалась безкорыстная и энергичная забота знаменитаго канцлера о развитіи у насъ просвѣщенія и науки, и едва ли можно винить его за неудачу, какъ это дѣлалъ Копитаръ въ письмѣ своемъ къ Добровскому отъ 14 февр. 1826 г. [5]).

Слѣдующій 1820 годъ былъ менѣе богатъ открытіями и ра-

---

[1]) Переписка Евгенія съ гр. Румянцовымъ. Вып. I. Воронежъ, 1868 г., стр. 19.

[2]) Тамъ же, стр. 20.

[3]) Чтенія въ Общ. ист. и др. 1882 г., кн. 1, стр. 123.

[4]) Сухомлиновъ, Исторія Росс. Академіи, т. VII, стр. 587.

[5]) Сборникъ отд. р. яз. и слов. И. А. Н. т. 39, 1885 г., стр. 691. Переписка Добровскаго и Копитара.

ботами въ разсматриваемой области. Неутомимый Калайдовичъ продолжалъ, правда, для гр. Румянцова свои поиски рукописей (преимущественно у разныхъ торговцевъ ими), сообщая постоянно о своихъ находкахъ графу (нерѣдко съ довольно подробными описаніями и выдержками), но среди нихъ не попадалось ни особенно древнихъ, ни цѣнныхъ въ лингвистическомъ отношеніи. Такъ въ письмѣ отъ 8 марта 1820 г. онъ пишетъ графу о видѣнной имъ у купца Шульгина рукописи 56 обличительныхъ бесѣдъ Зиновія Отенскаго о ереси Θеодосія Косого, давая ея описаніе и довольно длинную выдержку [1]). Около этого же времени онъ изготовилъ для Румянцова „подробное и любопытное изслѣдованіе“ о купленной послѣднимъ рукописной библіи, оказавшейся, однако, „довольно раннимъ спискомъ“ съ библіи Скорины [2]), а въ концѣ марта мѣсяца послалъ свѣдѣнія о найденныхъ имъ сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго [3]).

Гр. Румянцовъ по этому поводу писалъ 5 апр. 1820 г. А. Ф. Малиновскому: „г. Калайдовичъ, сдѣлавъ мнѣ пространное и прелюбопытное объясненіе найденныхъ имъ разныхъ поученій Кирилла, Туровскаго епископа, почитаетъ, что полезно бы было издать сей трудъ древняго и краснорѣчиваго писателя“. Тутъ же говорилось о форматѣ предполагаемаго изданія (4°), о его дополненіи, въ случаѣ надобности, „сочиненіями Словесности того же вѣка“, и заглавіи („Древняя Русская Словесность XII вѣка“). Въ заключеніе Румянцовъ высказываетъ надежду, что появленіе названнаго изданія сдѣлаетъ „большое воззрѣніе“ и будетъ его достойно.

О томъ же графъ сообщалъ 6 апр. 1820 г. Евгенію Болховитинову: „я не письмо, а тетрадь въ видѣ письма получилъ отъ г. Калайдовича; оно содержитъ прелюбопытное извѣстіе о найденныхъ имъ нѣсколькихъ духовныхъ и краснорѣчивыхъ сочиненіяхъ Кирилла Епископа Туровскаго. Сей памятникъ словесности нашей XII вѣка безъ сумнѣнія заслуживаетъ особенное уваженіе, и я, не медля ни мало поручилъ ему подъ надзоромъ Алексѣя Федоровича (Малиновскаго) приступить къ напечатанію сего любопытнаго творенія. Письмо г. Калайдовича дѣлаетъ ему большую честь, обозначая способности и особенныя познанія древ-

---

[1]) «Чтенія въ общ. ист. и др. росс.», 1862, кн. 3, стр. 159—161.

[2]) См. письмо Румянцова къ Калайдовичу отъ 31 марта 1820 г., тамъ же, стр. 161—62.

[3]) Тамъ же, стр. 162.

ностей нашихъ и т. д.“ [1]). Тогда же графъ высказалъ Калайдовичу свое желаніе, чтобы вновь найденные памятники XII вѣка были изданы на его, графа, счетъ, прибавляя: „Довольно сказать Вамъ не могу, сколь много утѣшаюсь надеждою скоро сдѣлать таковой важный подарокъ всѣмъ любителямъ отечественныхъ древностей и того, что ему въ отличіе“ [2]).

Вскорѣ послѣ этого, въ письмѣ отъ 26-го апрѣля Румянцовъ подтвердилъ А. Ѳ. Малиновскому свое согласіе, чтобы „сходно съ запискою своею г. Калайдовичъ приступилъ къ изданію“ твореній Кирилла Туровскаго, присовокупя къ нимъ „преложеніе на нынѣшній языкъ“. При этомъ графъ просилъ также передать Калайдовичу „списокъ съ нѣкоторой главы Остромирова Евангелія, который онъ желалъ имѣть“ и сообщить, что письмо его (очевидно, о Кириллѣ Туровскомъ), согласно его желанію, было доведено до свѣдѣнія Востокова [3]). Занятый новымъ порученіемъ, Калайдовичъ тѣмъ не менѣе продолжалъ и ранѣе начатыя работы и уже 3-го мая выслалъ графу обработанныя двѣ первыя главы своего труда объ Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ [4]). Планъ этого изданія графъ одобрилъ въ письмѣ къ А. Ѳ. Малиновскому отъ 16-го мая, находя, что онъ „хвалы достоинъ и многую способность обозначаетъ: но долженъ быть обработанъ съ большою предусмотрительностію и не торопясь“, уже послѣ изданія Кирилла Туровскаго [5]).

6 іюня 1820 г. Калайдовичъ имѣлъ уже возможность отправить графу III главу своего труда объ Іоаннѣ Экзархѣ; въ письмѣ своемъ отъ названнаго числа онъ, кромѣ того, писалъ о планѣ изданія сочиненій Кирилла Туровскаго и указывалъ палеографическіе снимки, которые, по его мнѣнію, слѣдовало бы приложить къ изслѣдованію объ Іоаннѣ Экзархѣ [6]). 10-го іюля онъ сообщалъ графу краткое описаніе видѣннаго имъ въ Покровскомъ монастырѣ пергаменнаго евангелія отъ Матѳея съ толкованіемъ Іоанна Златоуста, „судя по почерку“, XV в., а также рукописнаго Апостола съ толкованіемъ XVI в. и старопечатнаго „Евангелія учительнаго“, напечат. по повелѣнію Гедеона Балабана въ Крилос-

---

[1]) См. Переписку Евгенія съ гр. Румянцовымъ. Вып. I. Воронежъ, 1868, стр. 31.

[2]) См. „Чтенія Общ. Ист. и Др. Росс.“ 1862 г., кн. 3, стр. 162.

[3]) Тамъ же, 1882 г., кн. 1, стр. 153.

[4]) Тамъ же, 1862, кн. 3, стр. 162.

[5]) Тамъ же, 1882 г., кн. 1, стр. 157.

[6]) Тамъ же, стр. 159—161.

ской типографіи (въ Галиціи) въ 1606 г. [1]). Въ письмѣ отъ 30 сент. къ Богацкому (служащему при графѣ) Калайдовичъ говорилъ о малорусской „Кроникѣ зъ лѣтописцовъ стародавныхъ" и т. д. кіевскаго игумена Ѳеодосія Сафоновича, языкъ которой, по его словамъ, „весьма замѣчателенъ, какъ древнѣйшій образецъ народнаго Малороссійскаго нарѣчія" [2]). 5-го декабря отправлена была графу 4-я глава изслѣдованія о Шестодневѣ [3]), а 19 декабря Румянцовъ уже изъявлялъ Малиновскому свое удовольствіе по поводу того, что Калайдовичъ привелъ къ окончанію свой трудъ о рукописномъ Шестодневѣ Іоанна, экзарха Болгарскаго [4]). Вскорѣ послѣ этого, при письмѣ 22-го декабря, Калайдовичемъ была представлена графу „обстоятельная роспись" 8-ми книгамъ, пріобрѣтеннымъ графомъ на Макарьевской ярмаркѣ. По словамъ Калайдовича, „въ числѣ оныхъ находятся довольно рѣдкія, но вообще не составляютъ особеннаго достоинства" [5]). Письма Калайдовича къ графу за этотъ годъ богаты бѣглыми упоминаніями и о разныхъ другихъ рукописныхъ памятникахъ, содержаніе которыхъ, впрочемъ, не поддается опредѣленію, за отсутствіемъ указаній на него въ письмахъ. Графъ Румянцовъ въ свою очередь сообщалъ Калайдовичу о своихъ пріобрѣтеніяхъ, напр., о „пергаминномъ евангеліи", которое А. И. Ермолаевъ считалъ относящимся къ XIV в. Недовѣряя, очевидно, этому опредѣленію, графъ 16 мая просилъ своего московскаго помощника „стараться, коли возможно, опредѣлить, къ какому вѣку принадлежитъ", къ чему, по его мнѣнію, должны были „проложить путь" святцы, приложенные къ евангелію [6]).

Въ томъ же году Калайдовичъ напечаталъ въ „Вѣстникѣ Европы" двѣ статьи палеографическаго содержанія:

1) „Нѣчто о Славянскомъ переводѣ Кормчей и древнѣйшемъ оной спискѣ" (ч. 110, № 5, стр. 22—32), гдѣ находимъ описаніе новонайденнаго древняго списка Рязанской Кормчей конца XIII в. (1284 г.), принадлежавшаго моск. купцу А. С. Шульгину, выдержки изъ него, нѣкоторыя общія палеографическія данныя (о матеріалѣ, почеркахъ, правописаніи и т. д.). Обращая между прочимъ вниманіе на древнія слова, встрѣчающіяся въ московскомъ печатномъ изданіи 1652—53 г. (*близоцы, дщермина (?)*=дочь, *кмотръ, не-*

---

[1]) Тамъ же, 1862 г., кн. 3-я, стр. 163—164.
[2]) Тамъ же, стр. 165.
[3]) Тамъ же, стр. 166.
[4]) Тамъ же, 1882 г., кн. 1-я, стр. 170.
[5]) Тамъ же, 1862 г., кн. 3-я, стр. 166.
[6]) Тамъ же, 1862 г., кн. 3-я, стр. 162.

тій, пасербъ, свѣсть, стрый, ятровица), Калайдовичъ приходилъ здѣсь къ заключенію, что памятникъ этотъ очень древній и переведенъ „въ землѣ южныхъ Славянъ". Главнымъ доказательствомъ въ пользу этого мнѣнія Калайдовичъ считалъ употребленіе въ данномъ спискѣ слова *кметъ*, разсмотрѣнію котораго онъ посвящаетъ довольно много мѣста, прибѣгая къ сравненіямъ съ чешскимъ (по Краледворской рукописи) и сербскимъ. Въ этой же статьѣ упоминалась впервые „Славянская грамматика (подлинникъ въ Духовной типографской библіотекѣ), сличенная съ разными нарѣчіями языка сего и сочиненная въ Сибири" Юрьемъ Бѣлинымъ, т. е. „Граматично исказаніе" Крижанича. Въ заключеніе Калайдовичъ указывалъ другой равный по древности списокъ Кормчей, хранящійся въ Моск. Синод. библіотекѣ и писанный въ Новгородѣ около 1282 года.

2) „Библіографическія поправки (письмо къ Редактору)" (ч. 111, № 11, стр. 195—204), вызванныя письмомъ П. Свиньина въ № 1 „Отечественныхъ Записокъ" за 1820 г. [1]). Здѣсь Калайдовичъ исправлялъ неточности отзывовъ Свиньина о нѣкоторыхъ рукописяхъ библіотеки гр. Ѳ. А. Толстого (Евангеліи XIII в. съ поддѣльной припиской, якобы 1072 г., спискѣ „Діоптры" XV в., а не XIII-го. какъ писалъ Свиньинъ, „Поучительныхъ словахъ" Кирилла Туровскаго въ пергаменномъ спискѣ XIII в., спискѣ нѣсколькихъ книгъ изъ библіи Скорины, приписанномъ себѣ нѣкіимъ Жугаевичемъ, котораго Свиньинъ наивно принялъ за подлиннаго автора рукописи, и т. д.).

Въ концѣ 1820 г. гр. Румянцовъ задумалъ возложить новое порученіе на Калайдовича. По поводу поѣздки Строева на счетъ графа въ Троицкую лавру „для свода и повѣрки тамъ находящагося манускрипта, о путешествіи въ Индію Афанасія Тверитянина", которое должно было войти въ предполагавшееся изданіе древнихъ русскихъ путешествій [2]), графъ писалъ А. Ѳ. Малиновскому 24 декабря 1820 г. о своемъ желаніи, „чтобы не одинъ г. Строевъ отправился, и не за однимъ только дѣломъ, а вмѣстѣ бы съ нимъ г. Калайдовичъ, дабы порядочно и по примѣру мною уже отъ нихъ полученныхъ каталоговъ, сдѣлали опись всѣмъ древнимъ рукописямъ, хранящимся въ библіотекѣ Троицкой Лавры". Графъ прибавлялъ, что только и ждетъ этого Лаврскаго

---

[1]) „Первое письмо изъ Москвы. Частныя Библіотеки, Галлереи, разныя собранія и т. д.", № 1. Май, стр. 59—83. О библіотекѣ гр. Толстого говорится на стр. 64—70.

[2]) Чтенія въ Общ. ист. и древн., 1882, кн. 1-я, стр. 171.

каталога, „чтобы пріобща къ прочимъ монастырскимъ, издать въ печать“, но настаивалъ, чтобы составленіе описи не поручалось одному Строеву, ибо „трудъ тогда только совершенъ будетъ, когда въ немъ участіе возьметъ г. Калайдовичъ“ [1]).

Строевъ въ этомъ году продолжалъ издавать Софійскую лѣтопись (по рукописи изъ собранія гр. Толстого, не позже начала XVI в.); 5 февраля 1820, препровождая А. Ѳ. Малиновскому вновь отпечатанные листы этого изданія (30—33), онъ спрашивалъ его, не прикажетъ ли гр. Румянцовъ, „для пользы палеографовъ нашихъ, приложить вѣрныя fac-simile со всѣхъ трехъ рукописей“, служившихъ при изданіи (Софійской, Воскресенской и Архивской), съ изображеніемъ и водяныхъ знаковъ въ ихъ бумагѣ [2]). Отвѣтъ графа не замедлилъ, и уже 29 февраля онъ просилъ Малиновскаго предписать Строеву, чтобы тотъ, „согласно съ собственною его мыслію снялъ и приложилъ къ изданію Софійскаго лѣтописца разныя Fac-simile, такъ и изображенія находящихся въ бумагѣ знаковъ“ [3]). Первая часть изданія Строева вышла изъ печати еще въ 1820 году подъ заглавіемъ „Софійскій Временникъ или Русская Лѣтопись съ 862 по 1534 годъ. Издалъ П. Строевъ. Часть I, съ 862 по 1425 г. Москва, въ тип. Семена Селивановскаго, 1820“, 4°. 2 ненум. + XXVII + 456 + 2 ненум. При ней приложены были три таблицы, содержавшія снимки съ трехъ вышеназванныхъ рукописей, легшихъ въ основу изданія, и изображенія водяныхъ знаковъ. Страницы XXV—XXVII предисловія содержали „Описаніе рукописей, употребленныхъ при печатаніи Временника Софійскаго“.

Сверхъ работъ по изданію Софійскаго Временника, Строевъ лѣтомъ 1820 г. возобновилъ свою археографическія занятія. Въ этомъ году гр. Румянцовъ предпринялъ поѣздку по своимъ имѣніямъ Калужской, Рязанской и Тамбовской губ. и черезъ Малиновскаго вызвалъ себѣ на встрѣчу въ Тверь и Строева. 9-го іюня Строевъ получилъ отъ Малиновскаго предписаніе отправиться въ Боровскій Пафнутіевъ монастырь, составить „подробную роспись тамошняго хранилища манускриптовъ“ и разобрать монастырскій архивъ. Изъ Боровска Строевъ имѣлъ отправиться въ Серпуховъ для занятій „разборомъ и подробною описью библіотекъ и архивовъ тамошнихъ монастырей Высоцкаго и Владычняго“. При этомъ ему рекомендовалось по дорогѣ и въ означенныхъ городахъ „на-

---

[1]) Тамъ же, стр. 171—172.
[2]) Тамъ же, стр. 140.
[3]) Тамъ же, стр. 141.

вѣдываться": „не имѣется ли у кого въ *частныхъ рукахъ* какихъ либо рукописей или древностей". Въ Боровскъ Строевъ прибылъ вмѣстѣ съ канцлеромъ и, проживъ въ монастырѣ около трехъ недѣль, составилъ подробную роспись тамошнимъ рукописямъ, среди которыхъ нашлись только книги церковнаго обихода и сборники духовнаго содержанія, но ни лѣтописцевъ, ни хронографовъ не оказалось. Монастырскій архивъ содержалъ лишь вотчинныя дѣла не древнѣе конца XVII в. [1]). Роспись Боровскаго монастыря, вмѣстѣ съ другими описаніями Строева, увидѣла свѣтъ лишь въ 1893 г., напечатанная архим. Леонидомъ въ изданіяхъ Общества Любит. Др. Письм. (№ XCVIII), черновая же рукопись ея хранится въ библіотекѣ покойнаго гр. А. С. Уварова, въ селѣ Порѣчьѣ.

Въ библіотекѣ Серпуховскаго Высоцкаго монастыря оказалось только четыре рукописныхъ книги, но всѣ позднія (напрестольное евангеліе XVI в., отрывокъ воскреснаго толковаго ев. XV в. и др. еще менѣе замѣчательныя), а въ женскомъ Владычнемъ монастырѣ не нашлось никакихъ рукописей [2]).

Палеографическія замѣчанія находимъ также въ разсмотрѣнномъ уже выше (стр. 778 и слѣд.) знаменитомъ „Разсужденіи о славянскомъ языкѣ" Востокова, появившемся въ 1820-мъ году. Изъ него видно, что уже раньше Востоковъ занимался сличеніемъ Остромирова евангелія съ разными другими древними рукописями, которыя ему приходилось читать „либо въ подлинникѣ, либо въ вѣрныхъ копіяхъ" (въ томъ числѣ, повидимому, и съ двумя Изборниками Святослава). Сличеніе это привело Востокова къ убѣжденію, что правописаніе Остромирова Евангелія „принадлежитъ не XI вѣку и не Русскимъ Славянамъ", а древнему церковнославянскому языку чуть не IX вѣка. Рядомъ Востоковъ характеризуетъ правописаніе предисловія Іоанна Экзарха Болгарскаго къ переведенной имъ книгѣ Іоанна Дамаскина. „Вѣрный списокъ" этого предисловія, присланный Калайдовичемъ гр. Румянцову, изъ котораго Востоковъ приводитъ небольшую выписку, далъ ему возможность совершенно вѣрно опредѣлить русскій характеръ рукописи. Рядъ замѣчаній объ употребленіи юсовъ въ правописаніи разныхъ памятниковъ (въ рукописныхъ евангеліяхъ Публ. библіотеки, отрывкѣ Мѣсячной Минеи, Судебникѣ Казимира, короля Польскаго, принадлежавшемъ гр. Румянцову, сербскомъ харатейномъ Тυпикѣ или Служебникѣ XIV—XV в. и Краковскомъ Часословѣ 1491 г.), *ь* и *ы*—въ болгарскихъ и сербскихъ памят-

---

[1]) Барсуковъ, «Жизнь и труды Строева», Спб. 1878, стр. 39—40.

[2]) Тамъ же, стр. 41.

никахъ, Святославовомъ Сборникѣ 1076 г., евангеліи Имп. Публ. библіотеки 1393 г. и т. д., свидѣтельствуютъ о продолжительныхъ и глубокихъ занятіяхъ Востокова славянской палеографіей еще до начала 1820 г. („Разсужденіе" было уже вполнѣ закончено въ январѣ этого года).

1821 годъ принесъ съ собой окончаніе нѣкоторыхъ изданій и работъ, начатыхъ раньше и упомянутыхъ нами выше. Такъ, 2-го января 1821 г. Калайдовичъ извѣстилъ графа Румянцова, что скоро приступитъ къ печатанію „Памятниковъ русской словесности XII в." [1]); 21 января графъ писалъ Малиновскому, что утверждаетъ смѣту Калайдовича „на изданіе твореній Кирилла, епископа Туровскаго" [2]), а 27-го января Румянцовъ уже просилъ Малиновскаго благодарить Калайдовича за присланные два отпечатанные листа изданія [3]). Съ этого времени печатаніе шло безостановочно до выхода въ свѣтъ книги. Занятый этой и другими работами, Калайдовичъ не могъ принять на себя составленіе описи рукописямъ Троицкой Лавры, какъ этого желалъ графъ (см. выше, стр. 850). Послѣдній высказалъ свое сожалѣніе объ этомъ въ письмѣ къ Малиновскому отъ 27-го февраля 1821 г.: „Признаюсь Вамъ, что жалѣть буду, ежели безъ содѣйствія г. Калайдовича будетъ составляться опись Троицкой Лавры манускриптамъ. Опись манускриптовъ—не реестръ имъ, которой требуетъ одной только точности; для описи нужны пространныя познанія, навыкъ, и особенная догадка, простымъ словомъ и не очень благороднымъ можно бы это обозначить—особеннымъ чутьемъ; и такъ ежели г. Строевъ не предпринялъ путешествія, кажется, лучше его отложить до того времени, когда ничто не помѣшаетъ присоединить къ нему г. Калайдовича" [4]).

24 марта 1821 г. графъ писалъ Малиновскому, благодаря его за присылку отпечатанныхъ листовъ III тома „Собранія Госуд. Грамотъ", сочиненій Кирилла Туровскаго и каталога рукописей гр. Толстого, составлявшагося съ 1817 г. Строевымъ и Калайдовичемъ. Въ этомъ же письмѣ онъ проситъ своего помощника разрѣшить Калайдовичу прибавить къ изданію сочиненій Кирилла Туровскаго посланіе Митрополита Никифора, вопросы Кирика Нифонту, посланіе Митрополита Никифора къ Папѣ Римскому, и выражаетъ желаніе, „дать этой коллекціи наименованіе: *Памят-*

---

[1]) „Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс.", 1862 г., кн. 3-я, стр. 167.

[2]) Тамъ же, 1882 г., кн. 1-я, стр. 173.

[3]) Тамъ же, стр. 174—75.

[4]) Тамъ же, стр. 176—77.

никъ Россійской Словесности XII вѣка“, предоставляя уже Малиновскому рѣшить, можно ли будетъ включить въ изданіе и слово о Даніилѣ Заточникѣ [1]). Въ письмѣ же отъ 5-го мая графъ уже находилъ, что слово о Даніилѣ Заточникѣ „не токмо прилично, но даже должно помѣстить“ въ издаваемомъ сборникѣ, какъ памятникъ XII в. [2]).

18-го іюля графъ извѣщалъ Малиновскаго, что получилъ отъ Калайдовича „заготовленную имъ пятую главу изслѣдованія сочиненій и перевода Іоанна Экзарха Болгарскаго“ [3]), которое такимъ образомъ къ этому времени было закончено въ рукописи. Несмотря на очевидныя доказательства трудолюбія своихъ сотрудниковъ, канцлеръ все былъ недоволенъ ихъ кажущейся медлительностью. Такъ, 31-го іюля онъ писалъ Малиновскому: „Вы меня одолжите, коли приложить изволите стараніе о появленіи изданія Памятника Россійской словесности XII в. и Софійской лѣтописи“ [4]), а 23 сентября опять повторялъ ему: „Между нами буди сказано, мнѣ кажется, изданіе Памятника словесности XII вѣка равно и Софійской лѣтописи тихо идутъ; поощряйте, пожалуйте, молодежь нашу къ любленію труда; но безъ попрека“ [5]). Тѣмъ не менѣе 29 сентября черезъ Малиновскаго онъ далъ Калайдовичу новое порученіе пересмотрѣть рукописный сборникъ Очи Палейныя Киръ Ѳеодора (съ путешествіемъ Даніила Паломника и статьей о Стефанѣ Пермскомъ) и обозначить ея „достоинство и вѣкъ“ [6]). Впрочемъ, изъ письма Румянцова къ Малиновскому отъ 2 октября уже видно, что онъ получилъ увѣренность въ скоромъ окончаніи „Памятника древней Россійской Словесности XII вѣка“; графъ выражаетъ по этому поводу особенное довольство трудами Калайдовича и высказываетъ намѣреніе подарить его табакеркою рублей въ 250—300 [7]). Въ концѣ ноября печатаніе „Памятника“ было уже закончено, какъ писалъ объ этомъ Калайдовичъ Малиновскому 23-го числа, представляя и счетъ типографіи [8]), а 19 декабря могъ уже увѣдомить Малиновскаго о полученіи 15 экземпляровъ изданія, причемъ просилъ его „приготовить г. Калайдовича къ новымъ трудамъ, и заняться именно изданіемъ изслѣдованія его

---

[1]) Тамъ же, стр. 178—179.
[2]) Тамъ же, стр. 182.
[3]) Тамъ же, стр. 188 и 1862 г. кн. 3-я, стр. 167.
[4]) Тамъ же, 1882 г., кн. 1-я, стр. 190.
[5]) Тамъ же, стр. 193.
[6]) Тамъ же, стр. 194.
[7]) Тамъ же, стр. 195.
[8]) Тамъ же, стр. 198.

о древнемъ переводѣ экзарха Болгарскаго, и напечатаніемъ имъ же найденнаго очень древняго Сборника" (т. е. Святославова Изборника 1073 г.) [1]).

Вышедшій новый трудъ К. Ѳ. Калайдовича [2]), кромѣ древнихъ текстовъ, содержалъ также историко-литературное предисловіе, примѣчанія издателя (большею частію указанія варіантовъ и поправки) и два палеографическихъ снимка съ рукописи синодальной Кормчей XIII в. и списка слова на Вознесеніе Кирилла Туровскаго, принадлежавшаго гр. Толстому (гравиров. А. Флоровымъ). Кромѣ XV словъ Кирилла Туровскаго, здѣсь были изданы: Посланіе митроп. Никифора къ Владиміру Мономаху (по списку нач. XVI в.), Вопросы черноризца Кирика новгородскому епископу Нифонту (по списку тоже XVI в.), въ которыхъ Калайдовичъ отмѣчаетъ „слогъ вопросовъ и отвѣтовъ народный, разговорный, далеко уклонившійся отъ языка церковнаго" (стр. 171), Посланіе митроп. Іоанну къ папѣ Александру III (по тремъ спискамъ: XIV—XV и XVI вв.), Прибавленіе къ церковному уставу Новгородскаго и Бѣлогородскаго святителей (по спискамъ Новг. Кормчей XIII в. и гр. Толстого XVI в.), Посланіе заточника Даніила (по списку XVI—XVII в.) и Посланіе владимірскаго епископа Симона къ черноризцу Печерскому Поликарпу (по списку нач. XVI в.).

Появленіе этого труда не могло пройти незамѣченнымъ даже въ нашей скромной тогдашней литературѣ, которая отозвалась на него рецензіями въ „Вѣстникѣ Европы" 1822 г. (ч. 122, стр. 44—57, 130—138) и въ „Сынѣ Отечества" также 1822 г. (ч. 75, стр. 86—88). Первая, самая обширная, подписанная буквою М., содержала главнымъ образомъ изложеніе содержанія книги и нѣкоторыя замѣчанія относительно того, былъ ли Кириллъ Тур. авторомъ приписываемыхъ ему произведеній. Рецензентъ удивлялся, „сколько пищи для благонамѣреннаго любопытства" скрываютъ „древнія рукописи наши, тлѣющія въ казенныхъ и частныхъ библіотекахъ" (стр. 44), и заканчивалъ свою рецензію указаніемъ, что кромѣ текстовъ въ книгѣ „находятся историческія и критическія замѣчанія, весьма любопытныя и поучительныя". По его словамъ, „Г. Калайдовичъ съ отличнымъ успѣхомъ занимается изданіемъ древнихъ рукописей; знаетъ, какъ съ ними обходиться и любитъ свое дѣло. Свѣдущимъ охотникамъ до старины извѣстно,

[1]) Тамъ же, стр. 201—202.

[2]) „Памятники Россійской Словесности XII в., изданные съ объясненіемъ, варіантами и образцами почерковъ К. Калайдовичемъ. Москва. 1820 г., въ типогр. С. Селивановскаго (4°, XLI, 258).

какого труда стоитъ вѣрно, съ дипломатическою точностію, передать публикѣ текстъ древней рукописи. Къ счастію, Россія имѣетъ знаменитаго Мецената, умѣющаго цѣнить труды не блестящіе, но за то полезные и прочные" (стр. 138). Въ отвѣтъ Калайдовичъ напечаталъ статью „Въ защиту твореній Кирилла, Епископа Туровскаго" (мартъ, № 6, стр. 81—100), въ которой находимъ ссылки на рядъ знакомыхъ ему древнихъ рукописей.

Вторая рецензія (въ „Сынѣ Отечества") имѣла исключительно хвалебный характеръ. Изданіе Калайдовича здѣсь признавалось „книгой драгоцѣнной для любителей древней отечественной литературы". Рецензентъ указывалъ, что она „напечатана съ великимъ тщаніемъ"... и къ сочиненіямъ Кирилла Туровскаго „присовокуплены еще другіе не менѣе любопытные памятники словесности того же вѣка".

Отозвался на новое изданіе въ своей перепискѣ съ гр. Румянцовымъ и Евгеній, въ сужденіи котораго, однако, говорило несомнѣнное пристрастіе, быть можетъ, вызванное критическими замѣчаніями Калайдовича на біографическій Словарь Евгенія, въ которомъ онъ указалъ рядъ пропусковъ. Евгеній сообщилъ графу 13 янв. 1822 г., что получилъ „любопытную книгу" Калайдовича и „*наскоро* (курсивъ нашъ) посмотрѣлъ ее". Несмотря на это, онъ успѣлъ отмѣтить рядъ ошибокъ и произнесъ очень строгій приговоръ новому изданію. По словамъ суроваго критика, „Нифонтовы отвѣты хотя и съ древнѣйшихъ списковъ изданы, но очень неисправны, и ошибками замѣтны": издатель упустилъ извѣстное замѣчаніе филологической критики, „что не всегда древнѣйшіе списки лучше новѣйшихъ", и „часто догадками своими еще болѣе портилъ". Изъ имѣвшагося у него списка Евгеній дѣйствительно привелъ нѣсколько поправокъ къ текстамъ и чтеніямъ Калайдовича, но при этомъ не постѣснился даже утверждать, что Калайдовичъ сознательно лгалъ въ своихъ примѣчаніяхъ, изъ желанія противорѣчить ему, Евгенію, или „изъ охоты поправлять Исторіографа", и т. д. Въ концѣ письма утверждалось, будто „хвастливость, догадливость и часто невѣрность сего любителя нашихъ древностей (т. е. Калайдовича) давно всѣмъ извѣстна", и давалось обѣщаніе прочесть внимательнѣе всю книгу на досугѣ и, быть можетъ, сдѣлать еще какія нибудь замѣчанія [1]). Румянцовъ былъ опечаленъ этимъ письмомъ и писалъ Евгенію 26 января 1822 г.: „къ крайнему своему сожалѣнію вижу, сколько вы

---

[1]) Переписка митр. Евгенія съ гр. Румянцовымъ. Вып. II. Воронежъ, 1885, стр. 53.

изволили при первомъ вашемъ обозрѣніи въ изданіи *Памятниковъ росс. словесности XII вѣка* замѣтить ошибокъ г. Калайдовича" [1]).

Экземпляръ своего изданія Калайдовичъ послалъ А. С. Шишкову, какъ „слабый знакъ глубочайшаго уваженія къ трудамъ вельможи, распространителя отечественнаго слова, которые часто служили руководствомъ" издателю [2]). Шишковъ отвѣчалъ пространнымъ письмомъ отъ 9 января 1822 г., въ которомъ благодарилъ Калайдовича за его „похвальные труды", сохранившіе „въ рѣчахъ Туровскаго" образцы такого краснорѣчія, какого было не найти въ XII в. во всей Европѣ. Шишковъ высказывалъ пожеланіе, чтобы Калайдовичъ, „отыскивая таковыя сокровенности, принесъ великую пользу нашему нынѣшнему языку и словесности удержаніемъ ихъ въ духѣ прямо русскомъ", и далѣе переходилъ къ изложенію своихъ обычныхъ мыслей о вредѣ чужихъ примѣровъ въ словесности, французскаго вліянія и т. д. „Удержите, естьли можно, вашими трудами сію заразу", взывалъ далѣе Шишковъ: „Отыщите побольше такихъ древнихъ сочиненій, которыя, хотя не скоро, но со временемъ показали бы намъ, что мы не отъ бѣдности языка пишемъ: *натура*, *порфира*, *философія*..., но отъ навыка, и что не возможно статься, чтобы мы сказать сего не умѣли, когда бы хотѣли" [3]). Такимъ образомъ значеніе труда Калайдовича не было и не могло быть понято Шишковымъ, узрѣвшимъ въ издателѣ его если не единомышленника, то по крайней мѣрѣ союзника и посмотрѣвшимъ на него лишь со своей очень узкой и личной точки зрѣнія.

Трудъ Калайдовича доставилъ ему отъ Россійской Академіи серебряную медаль. Предложеніе Шишкова, внесенное въ засѣданіе академіи 6 мая, гласило, что Калайдовичу за полезный трудъ его долженъ быть изъявленъ со стороны Росс. академіи „знакъ вниманія и признательности", въ видѣ серебряной медали. За отсутствіемъ тогда надлежащаго числа членовъ, предложеніе Шишкова получило законную силу лишь 29 августа, когда медаль и была отправлена въ Москву по назначенію [4]).

Изъ рукописныхъ находокъ или пріобрѣтеній, сдѣланныхъ гр. Румянцовымъ въ этомъ году, необходимо указать на покупку

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова. Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина, ч. II. Берлинъ 1870, стр. 418.

[3]) Тамъ же, стр. 418—420.

[4]) „Извѣстія Россійской академіи", кн. XI. Спб. 1823, стр. 1—2.

имъ въ Одессѣ извѣстнаго пергаменнаго Холмскаго евангелія, о которой графъ сообщалъ Малиновскому 24 ноября 1821 г., и пергаменнаго же Апокалипсиса (XIII—XIV в.) [1]). По словамъ графа, „въ немъ стоитъ, какъ въ древнихъ Евангеліяхъ „куръ“ и „мудящу жениху“ гдѣ стоять слѣдовало; точной его древности опредѣлить нечѣмъ; но ясно, что уже въ концѣ XIV вѣка оно принадлежало Холмской Церкви потому, что на поляхъ самаго Евангелія находится данная отъ князя Юрія Даниловича Холмскаго церкви сей“ [2]). Копію съ этой приписки графъ послалъ черезъ Малиновскаго Калайдовичу, который, возвращая ее Малиновскому, писалъ послѣднему 11-го декабря, что „самая рукопись должна быть весьма любопытна“, и вызывался опредѣлить время ея написанія, если бы графъ прислалъ ее въ Москву. При этомъ Калайдовичъ обращалъ вниманіе Малиновскаго на „возможность пріобрѣсть много славянскихъ рукописей въ Галиціи, Молдавіи и Болгаріи“, о чемъ „не мѣшало бы передать Канцлеру“ [3]). Кромѣ того, благодаря Калайдовичу, графъ сдѣлался обладателемъ вышеупомянутой (стр. 843), никому еще не извѣстной „Тріоди постной“, изданной Шв. Фіолемъ въ 1491 г. въ Краковѣ, за что и благодарилъ своего пособника въ письмѣ отъ 10 ноября [4]). При помощи Калайдовича совершались и другіе мелкіе покупки и розыски, обогащавшіе библіотеку графа, хотя и не представлявшіе ничего выдающагося въ отношеніи научной цѣнности.

Криптографической надписью на колоколѣ Саввино-Сторожевскаго монастыря и ея дешифровкой занимались М. С. Скуридинъ, кн. П. П. Лопухинъ и А. И. Ермолаевъ, которые и разобрали ее успѣшно [5]).

Въ концѣ 1821 года вышла изъ печати и вторая часть „Софійскаго временника“, издававшагося Строевымъ [6]). Изъ жур-

---

[1]) См. Письмо митр. Евгенія Востокову отъ 19 дек. 1821 г., въ Сборникѣ отд. русск. яз. и слов. т. V, вып. II, стр. 23—24. Апокалипсисъ этотъ впослѣдствіи описанъ Востоковымъ въ «Описаніи рукописей Румянц. музея» подъ № VIII (стр. 11). Ср. примѣчанія Срезневскаго къ вышеознач. письму: Сборникъ, т. V, вып. II, стр. 405.

[2]) «Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1882 г., кн. 1-я, стр. 199.

[3]) Тамъ же, стр. 200.

[4]) Тамъ же, 1862 г., кн. 3-я, стр. 168.

[5]) См. письмо Ермолаева Востокову отъ 22 янв. 1822 г. въ «Сборникѣ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов.», т. V, вып. II, стр. 25.

[6]) «Софійскій Временникъ» и т. д. Часть вторая съ 1425 по 1534 г. 4°. Москва, въ тип. С. Селивановскаго. 1821. 4°. VII + 495 + 1 ненум. (дополненія и поправки). Къ ней были приложены и указатели: собственныхъ именъ (427—479 стр.) и геогр. именъ (стр. 471—489).

нальныхъ статей этого года къ палеографіи относится лишь небольшая замѣтка „О славянскомъ Евангеліи, бывшемъ въ Реймсѣ“, напечатанная въ „Сынѣ Отечества“ (1821 г., ч. 68, стр. 165—169) и представлявшая собой простой переводъ съ нѣмецкаго изъ извѣстной книги Добровскаго „Slavin“ (стр.275—79). Оригинально, но не ново было въ этой статьѣ лишь примѣчаніе Д. Языкова, указывавшее на Остромирово евангеліе, какъ на древнѣйшую русскую рукопись. Къ работамъ по изученію древнерусскаго языка въ отдѣльныхъ памятникахъ прибавилась статья Б. (Петра Буткова): „Нѣчто къ Слову о Полку Игоря“, явившаяся въ „Вѣстникѣ Европы“ (1821 г., ч. 121, стр. 34—63, 100—122). Статья эта снабжена была многочисленными примѣчаніями, подчасъ лингвистическаго характера, и содержала объясненія разныхъ темныхъ и древнихъ словъ и именъ, встрѣчающихся въ „Словѣ“ (лада, хоть, чага, Даждь-богъ, Стрибогъ, клюка, стружіе, Тмуторокань, Хрьсъ, шеломя и т. д.).

Въ 1821 году въ кружокъ Румянцова вошелъ и А. Х. Востоковъ, благодаря завязавшимся сношеніямъ его съ Евгеніемъ Болховитиновымъ. 23 августа этого года онъ обратился къ Евгенію съ письмомъ, прося прислать ему снимки съ нѣкоторыхъ рукописей, въ которыхъ онъ надѣялся найти матеріалъ для рѣшенія занимавшаго его тогда (еще въ „Разсужденіи“) вопроса о первоначальномъ употребленіи „юсовъ“ въ древней церковно-славянской письменности. На мысль обратиться къ Евгенію навелъ его П. И. Кеппенъ, собиравшій тогда матеріалы по славянской палеографіи и получившій отъ Евгенія въ подарокъ листъ древней рукописи XI-го вѣка (т. наз. Евгеніевской псалтири), представлявшей очевидное смѣшеніе носовыхъ гласныхъ съ „чистыми“ [1]). Евгеній отвѣчалъ Востокову 2-го сентября. Письмо начиналось комплиментами относительно „весьма любопытнаго“ разсужденія Востокова о славянскомъ языкѣ, которое „внимательными и глубокими замѣчаніями“ своими заставляетъ ожидать отъ автора его „такой Славянской грамматики, какой ни одно еще Славянское племя доселѣ не издавало“. Вмѣсто списковъ, Евгеній отправилъ Востокову самые листы Псалтири, „отысканные въ Новгородской архивѣ гніющихъ дѣлъ“, и другія свои рукописи, прося его пользоваться „всею сею посылкою, списывать съ нее fac-simile сколько угодно“ и возвратить со временемъ подлинники, „кои можетъ быть и еще кому-нибудь годятся изъ любителей старины“.

---

[1]) См. «Сборникъ статей, чит. въ отд. русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ», т. V, вып. II. 1873, стр. 1—3.

Письмо свое Евгеній заключалъ просьбой „подарить насъ изданіемъ разныхъ азбукъ и строкъ изъ древнѣйшихъ рукописей разныхъ вѣковъ. Можетъ быть кто-нибудь разсматривая ихъ дастъ нелишній совѣтъ и для грамматики" [1]).

Отвѣтъ Востокова (отъ 21 ноября) былъ кратокъ; онъ благодарилъ Евгенія за его „отмѣнную благосклонность" и извѣщалъ, что, получивъ рукописи отъ Анастасевича, „немедленно занялся выпискою изъ нихъ всего, что ему казалось нужнымъ, а также... *снятіемъ начертанія буквъ*". Но къ письму было приложено цѣлое обстоятельное палеографическое изслѣдованіе полученныхъ рукописей, занимающее въ академическомъ изданіи переписки Востокова 15 страницъ съ лишнимъ [2]).

Востоковъ распредѣлилъ полученныя имъ рукописи въ хронологическомъ порядкѣ, „основываясь на почеркѣ и на другихъ примѣтахъ", при чемъ поставилъ во главѣ своего обзора отрывокъ изъ толковой псалтири XI в. („Евгеніевской"), за которымъ слѣдовали отрывки: изъ житія св. Өеклы (тоже XI в.), изъ житія св. Кодрата (XI—XIII в.), изъ Псалтири XII—XIII в., изъ службы въ страстную седмицу XIII—XIV в., изъ Минеи праздничной XIV в., изъ службы великопостной XIV—XV в., изъ Минеи мѣсячной XIV—XV в., изъ Минеи XV в. и изъ Псалтири XVI в. По обстоятельности и тщательности наблюденій, начитанности въ доступныхъ автору рукописяхъ и новости пріемовъ, это рукописное изслѣдованіе Востокова не имѣло ничего себѣ подобнаго во всей прежней нашей научной литературѣ и, можно сказать, сразу создавало у насъ цѣлую школу, цѣлую новую область научнаго знанія. Самъ Востоковъ въ послѣсловіи своего письма называлъ его „безконечнымъ" и „содержащимъ цѣлый трактатъ палеографіи", и, дѣйствительно, это былъ настоящій трактатъ, притомъ не имѣющій себѣ предшественниковъ. Но скромный Востоковъ не гордился своей работой. Напротивъ онъ проситъ Евгенія не отказать „въ нѣкоторыхъ наставленіяхъ и поправкахъ ошибокъ", которыя онъ могъ сдѣлать „по малой опытности въ таковыхъ разысканіяхъ". Точно такъ же онъ отклоняетъ здѣсь предложеніе Евгенія написать русскую палеографію, указывая на П. И. Кеппена, который „съ большимъ противъ другого успѣхомъ" могъ бы предпринять подобный трудъ, „по неутомимому рвенію и прилежанію своему къ таковымъ занятіямъ", и „по изобилію матеріаловъ, какіе онъ уже на сей предметъ собралъ

[1]) Тамъ же, стр. 3—5.
[2]) Тамъ же, стр. 6—22.

и еще собрать можетъ въ своихъ путешествіяхъ". По мнѣнію Востокова, „всѣхъ способнѣе" къ такому труду былъ бы его товарищъ по службѣ въ публичной библіотекѣ—А. И. Ермолаевъ, отвлекаемый, однако, служебными обязанностями отъ ученыхъ занятій. Да и самъ Востоковъ въ данномъ письмѣ жаловался на отсутствіе досуга, потребнаго „для скорѣйшаго завершенія" заданнаго имъ себѣ труда, „т. е. Славенской Грамматики", за которую онъ въ послѣдніе три года почти не принимался, „безпрестанно отвлекаемый казенною должностію".

Отвѣтное письмо Евгенія отъ 19 дек. 1821 г. свидѣтельствуетъ о глубокомъ впечатлѣніи, произведенномъ на него изслѣдованіемъ Востокова. По его словамъ, „такихъ замѣчаній вообще о нашей Палеографіи" онъ еще „ни отъ кого не слыхивалъ". Евгеній отмѣчаетъ „глубокія свѣдѣнія" Востокова „въ древней нашей письменности" и его скромность, предоставляющую честь изданія „первой для насъ Палеографіи П. И. Кеппену, у котораго больше охоты, нежели терпѣнія и свѣдѣній на сіе дѣло... притомъ онъ уѣхалъ можетъ быть надолго изъ отечества нашего; собраніе-жъ своихъ fac simile поручилъ такимъ, которые не подорожатъ онымъ. Сверхъ сего... сбиралъ онъ только fac simile, а не разбиралъ ихъ критически". Ермолаевъ, по мнѣнію Евгенія, конечно, способнѣе Кеппена къ палеографіи, „но сего знатока у нашей словесности можетъ быть навсегда отняли его должности". Поэтому Евгеній снова повторялъ Востокову просьбу „издать намъ Палеографическую азбуку, не дожидаясь неизвѣстнаго исполненія чужихъ обѣщаній". Совершенно вѣрно замѣчалъ Евгеній въ концѣ письма, что если бы Востоковъ напечаталъ хотя бы только „тѣ любопытныя замѣчанія", которыя онъ сообщилъ ему въ письмѣ, то и они составили бы „доселѣ неизвѣстное у насъ руководство", въ сравненіи съ которымъ палеографическія примѣчанія Востоковскаго „Разсужденія" давали еще очень мало [1]).

Вскорѣ послѣ этого (23-го декабря), Евгеній писалъ гр. Румянцову: „Не знаю, извѣстенъ ли Вашему Сіятельству одинъ и можетъ быть у насъ единственный, скромный знатокъ русской палеографіи, занимающійся ею не такъ, какъ хвастуны, только проповѣдующіе себя знатоками, а ничего не дѣлающіе (Ермолаевъ и Кеппенъ?). Это Востоковъ, служащій въ Имп. публ. библ. По скромности его я недавно узналъ въ немъ сіи глубокія свѣдѣнія, по случаю сообщенныхъ мною ему нѣсколькихъ харатейныхъ тет-

---

[1]) Тамъ же, стр. 23. Отзывъ Евгенія о Кеппенѣ былъ не совсѣмъ справедливъ. Ср. примѣч. Срезневскаго, тамъ же, стр. 404—405.

радей. Я осмѣливаюсь приложить при семъ его письма ко мнѣ, доказывающія сіи его свѣдѣнія" [1]).

Въ отвѣтѣ своемъ отъ 19-го января 1822 г. гр. Румянцовъ называетъ письма Востокова къ Евгенію „прелюбопытными и преучеными", сообщая, что „прельщался ими до крайности" и снялъ съ нихъ списокъ. Графъ прибавлялъ: „давно я уже стараюсь, но безъ успѣха, сблизиться короткимъ знакомствомъ съ г. Востоковымъ; онъ отъ того отказывался всегда тѣмъ, что будучи страшный заика, очень страждетъ съ незнакомыми людьми... Я въ самой большой цѣнѣ держу давно г. Востокова. А. И. Ермолаевъ и онъ конечно бы могли составить съ большимъ успѣхомъ *россійскую палеографію*, а силы преусерднаго къ просвѣщенію г. Кеппена отнюдь къ тому недостаточны" [2]). Въ тотъ же день онъ писалъ самому Востокову, очевидно, съ цѣлью завязать съ нимъ болѣе близкія отношенія. Въ самомъ началѣ письма графъ сообщаетъ Востокову, что узналъ изъ „нѣкоторыхъ отрывковъ" его сочиненій (разумѣется, очевидно, палеографическое посланіе къ Евгенію), „какимъ глубокимъ познаніемъ древняго Россійскаго языка" онъ обладаетъ, и завѣрялъ его въ особенномъ своемъ уваженіи. Свѣдавъ, что Востоковъ занимается „сочиненіемъ древней Славянской Грамматики", графъ выписалъ изъ Вѣны все, что только тогда имѣлось печатнаго по славянскому языкознанію, и послалъ ему списокъ всѣхъ выписанныхъ книгъ, прося пользоваться ими, сколько захочетъ, а также указать еще какой-нибудь способъ „споспѣшествовать его трудамъ" [3]).

Отвѣтъ Востокова отъ 1-го мая 1822 г. былъ полонъ благодарностей за присланныя ему графомъ въ подарокъ разныя книги и реестръ выписанныхъ изъ Вѣны slavica. Онъ сообщалъ здѣсь и о своихъ занятіяхъ надъ двумя рукописями графа: Номоканономъ XVI в. и „прекраснѣйшимъ" спискомъ со Святославова сборника 1073 г. Первый онъ сличалъ съ двумя списками публ. библіотеки, а изъ второго извлекалъ матеріалы для слав. грамматики и словаря [4]).

Первое увлеченіе Востоковымъ у холоднаго и нѣсколько скептическаго Евгенія, однако, скоро простыло, и 30 мая 1822 г. онъ писалъ графу Румянцову уже въ иномъ тонѣ: „Востокова обѣща-

---

[1]) Переписка Евгенія съ гр. Румянцовымъ и т. д. Вып. II. Воронежъ, 1885, стр. 52.

[2]) Тамъ же, стр. 55.

[3]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. наукъ, т. V, вып. II, стр. 24.

[4]) Тамъ же, стр. 26—29.

нія [1]) Вашему Сіятельству велики; но онъ такъ занятъ или лучше сказать развлеченъ многими должностями, что ничѣмъ пристально (!) не занимается и сверхъ того въ трудахъ медленъ и лѣнивъ" [2]).

Вскорѣ послѣ этого у Востокова завязались письменныя отношенія и съ К. Калайдовичемъ, и какъ разъ по поводу палеографическихъ интересовъ. П. И. Кеппенъ, находившійся тогда въ Вѣнѣ, просилъ Востокова доставить Калайдовичу „fac simile съ азбуки Остромирова евангелія крупнаго и мелкаго письма для Палеографической таблицы", которая имѣла быть приложенной къ „Списку русскимъ памятникамъ" Кеппена, печатавшемуся тогда въ Москвѣ. Востоковъ „съ пребольшимъ удовольствіемъ" поспѣшилъ исполнить просьбу Кеппена, дававшую ему случай вступить „въ пріятную и поучительную переписку" съ Калайдовичемъ. Къ снимку съ азбуки Востоковъ присовокупилъ въ своемъ письмѣ довольно обстоятельныя палеографическія объясненія относительно употребленія тѣхъ или другихъ ея буквъ, являющіяся первой по времени болѣе подробной характеристикой правописанія Остромирова евангелія [3]). Характеристика эта дополняла то, что было сказано уже объ этомъ памятникѣ въ „Разсужденіи" Востокова.

Отвѣтъ Калайдовича отъ 30 іюня 1822 г. сообщалъ, что „начертанія письменъ Остромирова Евангелія, къ сожалѣнію, пришли поздно", такъ какъ „Списокъ" Кеппена уже былъ отпечатанъ. По той же причинѣ нельзя было уже ничего сдѣлать и съ палеографической таблицей Кеппена. По поводу мнѣнія Востокова, что шт Остромирова евангелія вм. щ есть признакъ болгарскаго или сербскаго (!) нарѣчія (въ письмѣ отъ 17 іюня), Калайдовичъ замѣчалъ, что шт встрѣчается и въ Сборникѣ Святослава 1073 г., а также въ народномъ русскомъ языкѣ (*шти* вм. *щи*, *ешто* вм. *еще!)*, и затруднялся отнести его къ какому либо изъ слав. языковъ. Здѣсь же онъ высказывалъ догадку, встрѣчающуюся уже у Тредьяковскаго (въ „Разговорѣ объ ороографіи", см. выше, стр. 204), что щ есть простая лигатура изъ ш и т. Кромѣ того, Калайдовичъ дѣлился со своимъ корреспондентомъ и наблюденіями надъ употребленіемъ въ Святославовомъ сборникѣ буквъ з и ѕ, а также сообщалъ о ходѣ своего изслѣдованія трудовъ Іоанна

---

[1]) Повидимому, здѣсь идетъ рѣчь объ обѣщаніи Востокова Румянцову извлечь изъ рукописей бывшей библіотеки Залусскаго грамоты нашихъ великихъ князей, о которомъ писалъ графъ Евгенію 19 янв. 1822 г. (См. переписку Евгенія съ гр. Н. П. Румянцовымъ и т. д., вып. II. Воронежъ, 1885, стр. 55).

[2]) Переписка Евгенія съ гр. Румянцовымъ, вып. II, стр. 57.

[3]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 30—32.

Экзарха Болгарскаго, перечисляя рукописи, служившія ему матеріалами [1]). Востоковъ отвѣтилъ ему только мѣсяца черезъ три спустя, уже послѣ второго письма Калайдовича, о которомъ см. ниже.

Евгеній, несмотря на свой нѣсколько скептическій взглядъ относительно ожиданій, возлагаемыхъ на Востокова, все же продолжалъ заботиться о снабженіи его матеріалами. Такъ, 16-го іюля 1822 г. онъ писалъ Румянцову, что совѣтовалъ проф. Виленскаго университета Лобойку послать Востокову нѣсколько листовъ fac simile изъ Виленской пергаменной псалтири 1397, привезенной Лобойкомъ къ Евгенію. „Надобно побольше снабжать сего нашего палеографа такими документами", прибавляетъ онъ [2]).

Лѣтомъ 1822 г. произошло, наконецъ, давно желанное личное сближеніе графа Румянцова съ застѣнчивымъ Востоковымъ, и 30-го іюля графъ писалъ Евгенію: „Наконецъ мнѣ удалось побѣдить то отвращеніе, которое г. Востоковъ имѣлъ со мною лично познакомиться единственно какъ страшный заика и не однажды уже съ нимъ и съ г. Ермолаевымъ я у себя обѣдалъ" [3]). И Евгеній, и графъ Румянцовъ все лелѣяли надежду побудить Востокова къ составленію русской палеографіи и были имъ недовольны за то, что онъ обнаруживалъ мало склонности исполнить ихъ завѣтное желаніе. Такъ первый писалъ второму 10 сент. 1822 г.: „Умнаго Востокова надобно чаще побуждать къ скорѣйшему изданію *русской палеографіи*. Кеппенъ хочетъ упредить его и изъ Вѣны пишетъ къ петербургскому обществу соревнователей объ изданіи собранныхъ имъ азбукъ. Но Кеппенъ не имѣетъ столь основательныхъ свѣдѣній о семъ предметѣ" [4]). Графъ отвѣчалъ на это 20 сентября: „Я сужу какъ вы, Милостивый Государь, что доброму Кеппену не по силамъ составлять *россійскую палеографію*; къ тому конечно его способнѣе гг. Ермолаевъ и Востоковъ, да по несчастію они оба принадлежатъ къ тому составу, который я уже давно называю *лѣнивое гнѣздо*" [5]). Этотъ отзывъ, особенно въ примѣненіи къ Востокову, конечно, долженъ быть признанъ несправедливымъ. Старчески-нетерпѣливый, свободный отъ заботъ о кускѣ хлѣба и самъ научно не работавшій, графъ не хотѣлъ и не могъ понимать условій научной работы. Вѣчное понуканіе заваленнаго

---

[1]) Тамъ же, стр. 32—34.

[2]) Переписка Евгенія съ гр. Н. П. Румянцовымъ и т. д. Вып. II. Воронежъ, 1885, стр. 57—58.

[3]) Тамъ же, стр. 58.

[4]) Тамъ же, стр. 59.

[5]) Тамъ же, стр. 60.

работой Калайдовича, которое находимъ въ письмахъ Румянцова къ Малиновскому, было теперь перенесено и на Востокова, хотя бы только въ перепискѣ съ Евгеніемъ. Оба, Румянцовъ и Евгеній, точно забывали, что досуга для работы у Востокова, занятаго казенной службой въ нѣсколькихъ мѣстахъ, оставалось мало, и упрекали его въ медлительности и лѣни. Только впослѣдствіи графъ понялъ ошибочность подобнаго отношенія къ научной силѣ калибра Востокова и постарался поставить его въ лучшія условія для научной работы.

Въ концѣ августа 1822 г. графъ выѣхалъ изъ Москвы въ свое Гомельское имѣніе въ сопровожденіи Калайдовича, чтобы по пути вмѣстѣ съ нимъ осмотрѣть разныя древности и поискать рукописей. Калайдовичъ проводилъ графа только до Ржева [1]), гдѣ они и разстались 3 сентября: графъ продолжалъ свое путешествіе въ Гомель, а Калайдовичъ вернулся въ Москву. По дорогѣ путники посѣтили Воскресенскъ и Новоіерусалимскій монастырь, гдѣ осматривали рукописи монастырской библіотеки. Въ числѣ ихъ оказались три пергаменныхъ евангелія XIV в. (по показанію Калайдовича) и новый, драгоцѣнный памятникъ древне-русскаго письма XI в.—Пандекты черноризца Антіоха, занявшіе четвертое мѣсто въ ряду извѣстныхъ до того времени памятниковъ названной эпохи, послѣ Остромирова евангелія и двухъ сборниковъ Святослава. Въ пространномъ письмѣ къ Малиновскому отъ 7-го сентября Калайдовичъ описывалъ свое путешествіе и найденный новый памятникъ, въ почеркѣ котораго находилъ большое сходство съ открытымъ имъ же Святославовымъ сборникомъ 1073 г. Путешественники посѣтили еще города Волоколамскъ и Старицу, но не нашли тамъ ничего примѣчательнаго. Только во Ржевѣ имъ удалось пріобрѣсти семь цѣлыхъ рукописей (шесть—XVII вѣка, въ томъ числѣ толковое евангеліе „на бѣлорусскомъ нарѣчіи" 1666 г., и одну—XVI-го: Просвѣтитель Іосифа Волоколамскаго) и три пергаменныхъ листа, вырванныхъ изъ служебной Минеи [2]).

18 сент. Калайдовичъ сообщилъ о своей новой находкѣ и Востокову, препровождая вмѣстѣ съ тѣмъ къ нему, согласно желанію гр. Румянцова, пергаменный нотный Стихирарь (по опредѣленію Калайдовича XIII или XIV в.). Пандекты Антіоха онъ ставилъ здѣсь уже на пятое мѣсто, ошибочно относя къ памятникамъ XI в. (на дѣлѣ XII—XIII) и Стихирарь библіотеки гр. Тол-

---

[1]) См. письмо графа къ Евгенію отъ 20 сентября: «Переписка Евгенія съ гр. Н. П. Румянцовымъ и т. д.», вып. 2-й, Воронежъ, 1885, стр. 60.

[2]) Чтенія въ Общ. ист. и др. Росс. 1882 г., кн. I, стр. 232—37.

стого, которому отводилъ четвертое мѣсто [1]). Востоковъ отвѣчалъ ему пространнымъ письмомъ (неизвѣстной даты), въ которомъ, на основаніи палеографическаго изслѣдованія, относилъ присланный ему Стихирарь къ концу XIV и даже началу XV в. Попутно онъ также характеризовалъ правописаніе даннаго Стихираря и вообще нотныхъ книгъ, указывая на постановку въ нихъ нотъ даже и надъ „полугласными" ъ и ь, свидѣтельствующую по его мнѣнію о ихъ произношеніи, въ качествѣ гласныхъ. Такимъ образомъ Востоковъ высказывалъ здѣсь взглядъ, повторяемый въ наши дни, но уже съ весьма сомнительными преувеличеніями, А. И. Соболевскимъ. Къ находкѣ Пандектовъ Антіоха Востоковъ отнесся съ „живѣйшимъ участіемъ", выражая желаніе имѣть о ней „обстоятельнѣйшее свѣдѣніе". При этомъ Востоковъ сообщалъ, что по совѣту преосв. Евгенія ударился также, какъ и общій ихъ пріятель Кеппенъ, въ палеографію и составляетъ себѣ таблицу почерковъ слав. письма разныхъ вѣковъ и разныхъ странъ, причемъ успѣлъ уже замѣтить изъ собранныхъ матеріаловъ „несходство почерка одного и того же времени, но разныхъ странъ". Въ доказательство онъ приводилъ разницу въ написаніи буквъ ѩ, ѥ, н, ю у великорусскихъ и червонорусскихъ писцовъ (XIV—XVII вв.). Къ перечисленнымъ Калайдовичемъ памятникамъ XI в. Востоковъ прибавлялъ здѣсь отрывки Евгеніевской псалтири и (ошибочно) пергаменную рукопись Іоанна Лѣствичника, принадлежавшую гр. Румянцову (на дѣлѣ XIII в., нынѣ въ Румянц. музеѣ). Предположеніе Калайдовича о томъ, что щ есть лигатура изъ ш и т, Востоковъ нашелъ „весьма вѣроятнымъ", но областныя формы *шти* и *ешто*, вм. *еще*, правильно называетъ „областною отмѣною произношенія", отдѣляя ихъ совершенно отъ вопроса объ употребленіи шт и щ въ славянскихъ рукописяхъ. Точно также онъ согласился и съ высказаннымъ у Калайдовича мнѣніемъ, что присутствіе ѫ не служитъ еще доказательствомъ глубокой древности рукописи, какъ было раньше думалъ самъ въ своемъ „Разсужденіи". Въ заключеніе Востоковъ заявлялъ о нетерпѣніи, съ которымъ ожидалъ разысканій Калайдовича о древней болгарской письменности, прося его продолжать отыскивать и приводить въ извѣстность наши рукописныя сокровища—„трудъ столько же интересный и многообѣщающій для Русскаго Филолога, сколько для Эллиниста и Латиниста развертываніе Геркуланскихъ свитковъ" [2]).

[1]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. я. и слов., т. V; вып. II, стр. 36—37.
[2]) Тамъ же, стр. 37—41.

28 ноября 1822 г. Калайдовичъ снова писалъ Востокову, отправляя къ нему по порученію гр. Румянцова рукопись „Алфавита или толкованія иностранныхъ рѣчей и т. д.“. Изъ письма видно, что сочиненіе это давно уже было знакомо Калайдовичу, указывающему 6 списковъ его въ библіотекѣ гр. Толстого и одинъ въ Имп. публичной. Калайдовичъ признавался только, что „нигдѣ не встрѣчалъ имени собирателя“, и просилъ Востокова отъ имени графа обратить вниманіе на рукопись [1]).

Отвѣтъ Востокова отъ 12 дек. содержалъ цѣлое маленькое изслѣдованіе о составѣ Алфавита, на основаніи сличенія присланной рукописи съ двумя списками публ. библіотеки, съ указаніемъ источниковъ, изъ которыхъ анонимные составители Алфавита черпали содержаніе (словари Берынды и Зизанія, Іоаннъ Экзархъ Болгарскій). Кромѣ того Востоковъ снова возвращается здѣсь къ занимавшему его вопросу объ употребленіи юсовъ (въ Шестодневѣ 1263 г., у Іоанна Экзарха и т. д.). Въ заключеніе онъ проситъ разрѣшить его недоумѣнія относительно точности и подлинности правописанія въ выпискѣ изъ заподозрѣннаго имъ синод. евангелія 1144 г., напечатанной въ I томѣ исторіи Карамзина (примѣч. 529), и желаетъ знать судьбу палеографической таблицы Кеппена, которую тотъ предполагалъ приложить къ своему списку русскихъ памятниковъ. „Безъ нея, писалъ Востоковъ, списокъ Р. памятникамъ весьма неудовлетворителенъ. Если бы я, напримѣръ, видѣлъ образцы почерка и правописанія разныхъ изчисленныхъ имъ памятниковъ, то это много подвинуло бы мои познанія въ Палеографіи Русской“ [2]).

Разъясненія Калайдовича (въ письмѣ отъ 29 янв. 1823 г.) устранили всякія сомнѣнія Востокова въ подлинности даты синод. евангелія 1144 г., возникшія на основаніи подновленнаго правописанія въ выпискѣ изъ названнаго евангелія, напечатанной Карамзинымъ („Ист. Гос. Росс.“, т. I, прим. 529). Сообщенная Калайдовичемъ точная копія приписки доказала Востокову безспорную принадлежность рукописи къ XII вѣку [3]).

Въ поискахъ рукописей въ 1822 г. гр. Румянцовъ былъ не особенно счастливъ. Кромѣ вышеупомянутыхъ рукописей, главнымъ образомъ XVII в., купленныхъ во Ржевѣ осенью 1822 г. (см. выше, стр. 865), графъ продолжалъ собирать списки разныхъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 41.
[2]) Тамъ же, стр. 42—45.
[3]) Тамъ же, стр. 45—47.

Кормчихъ, которыми интересовался и Евгеній [1]). 10-го ноября графъ писалъ своему другу митрополиту: „Лишь мнѣ покажутъ списокъ съ Кормчей, я на него съ жадностію кидаюсь, считая, что мнѣ прокладываютъ дорогу вамъ угодить“ [2]). Интересовался Румянцовъ и списками Ветхаго Завѣта. О пріобрѣтеніи одного такого списка, на 50 лѣтъ болѣе ранняго, чѣмъ Острожская библія, онъ извѣщалъ Евгенія 19 янв. [3]). Еще раньше, весною 1822 г., онъ пріобрѣлъ пергаменное евангеліе, писанное „большимъ уставомъ, и, кажется, очень древнее“, но безъ юсовъ, хотя и съ „древнѣйшими вышедшими изъ употребленія литерами“, происходящее, по мнѣнію графа, изъ Новгорода („есть признаки, что нарѣчія новогородскаго“) [4]). 26 іюня графъ получилъ отъ Малиновскаго криптографическую надпись съ колокола Саввина монастыря, которая тогда интересовала многихъ, двѣ „стенографическія“ азбуки (очевидно, „тайнописи“) и списки своеручныхъ писемъ царя Алексѣя Михайловича. Въ письмѣ отъ 1-го іюля графъ благодарилъ Малиновскаго за эту посылку и въ свою очередь сообщалъ ему извѣстіе, что „въ Любскомъ архивѣ отысканы древнія бумаги на пергаминѣ всѣ и относящіяся къ Новугороду; изъ нихъ одна русская“. Копію съ этой послѣдней Румянцовъ посылалъ Малиновскому для повѣрки ея точности (безъ помощи оригинала!) [5]).

8 декабря 1822 г. графъ извѣщалъ Малиновскаго: „сегодня пріобрѣлъ рукопись любопытную, потому что писана въ 1370 г. на пергаминѣ, и содержитъ въ себѣ собраніе паремей, выбранныхъ изъ ветхаго завѣта“. Графъ прибавлялъ, что ему извѣстна рѣдкость древнихъ харатейныхъ списковъ Ветхаго Завѣта и просилъ своего корреспондента „сказать ему искренно“, не ошибается ли онъ, считая свое пріобрѣтеніе важнымъ, а также передать о немъ Калайдовичу [6]).

Гомельскій протоіерей І. Григоровичъ, еще раньше вошедшій въ составъ Румянцовскаго кружка, научныя сношенія съ которымъ завязались у него еще въ бытность студентомъ Спб. Дух. Академіи (въ 1815—19 гг.), собиралъ старинныя западно-русскія (бѣлорусскія) грамоты, изданіе которыхъ было поручено ему гр. Ру-

---

[1]) См. Переписку Евгенія съ гр. Румянцовымъ вып. II. Воронежъ, 1885; письмо графа къ Евгенію отъ 19 янв. 1822 г. (стр. 54—55).

[2]) Тамъ же. стр. 63.

[3]) Тамъ же, стр. 54—55.

[4]) Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и др. Росс. 1882 г., кн. 1, стр. 221, и 1862 г., кн. 3-я, стр. 171.

[5]) Тамъ же, 1882 г. кн. 1, стр. 225—26.

[6]) Тамъ же, стр. 248.

мянцовымъ. 10 сентября Евгеній извѣщалъ графа о „драгоцѣннѣйшей находкѣ старинныхъ русскихъ и бѣлорусскихъ грамотъ“, сдѣланной Григоровичемъ въ Могилевѣ. Евгеній получилъ „и реестръ симъ находкамъ“, среди которыхъ нашелъ много любопытнаго. По его словамъ, „надобно еще поискать такихъ-же рѣдностей въ Витебскѣ, Мстиславѣ и Оршѣ, и во всей Бѣлоруссіи“ [1]).

Кромѣ того Григоровичъ описывалъ для гр. Румянцова древнія рукописи, въ томъ числѣ пергаменную Лѣствицу, пріобрѣтенную канцлеромъ въ Гомелѣ и бывшую въ рукахъ нашего палеографа всего три дня. Несмотря на такой короткій срокъ, Григоровичъ прислалъ въ своемъ письмѣ къ графу отъ 5 іюня 1822 г. довольно обстоятельное палеографическое описаніе рукописи, хотя и „не осмѣлился дать рѣшительное сужденіе о древности манускрипта“, охотно принимая „въ семъ случаѣ приговоръ славныхъ нашихъ антикваріевъ, къ коимъ питалъ въ своей душѣ отличное уваженіе“ [2]).

Въ отвѣтномъ письмѣ отъ 19 іюня канцлеръ извѣщалъ „гомельскаго протоіерея“: „Всѣ Ваши замѣчанія на счетъ харатейной книги важны и свидѣтельствуютъ отличное познаніе Ваше, и о томъ, читая у меня письмо Вашего Высокопреподобія, А. И. Ермолаевъ и Г. Востоковъ, судили также“ [3]). Востоковъ возводилъ было эту рукопись даже къ XI в., но позже перемѣнилъ свое мнѣніе и отнесъ ее къ XIII в. [4]).

Въ концѣ 1822 года гр. Румянцовъ пріобрѣлъ также пергаменный Октоихъ „въ двухъ претолстыхъ томахъ“, который хотя и не принадлежалъ „къ самымъ древнимъ рукописямъ“, но, по мнѣнію графа, „во многомъ отношеніи имѣлъ свое отличіе“ и внушалъ ему увѣренность, „что г. Востоковъ съ любопытствомъ ее разсматривать будетъ“ [5]).

Калайдовичъ, кромѣ текущихъ работъ по изданію памятниковъ, получилъ еще новое порученіе отъ графа: свѣрить текстъ Молитвы Господней, въ пергаменномъ Апокалипсисѣ, пріобрѣтенномъ графомъ черезъ Калайдовича же (см. выше, стр. 858), съ текстами ея „въ древнихъ харатейныхъ Евангеліяхъ Патріаршей Библіо-

---

[1]) Переписка Евгенія съ гр. Румянцовымъ. Вып. II. Воронежъ. 1885, стр. 59—60.

[2]) «Чтенія въ Общ. ист. и др.», 1864 г., кн. 2-я, стр. 70—74.

[3]) Тамъ же, стр. 74.

[4]) См. письма его къ Калайдовичу послѣ 18 сент. 1822 г. и 19 дек. 1824 г. въ Сборникѣ отд. р. я. и слов., т. V, вып. II, стр. 39 и 157, 410, ср. также «Опис. рукоп. Румянц. музея». стр. 253, № CXCIX.

[5]) Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и др. Росс. 1862 г., кн. 3-я, стр. 173.

теки, и въ тѣхъ, коими хвалится Московскій Соборъ и многіе наши монастыри и даже отличная библіотека графа Толстого", и показать „рѣшительно, преходя разные вѣка сихъ древнихъ Евангелій, до котораго вѣка продолжали писать во Св. Евангеліи Господню Молитву столь перемѣнно отъ нынѣшняго, и къ какому вѣку принадлежитъ введеніе въ рукописныя Евангелія по нынѣшнему образцу сей Молитвы Господней". Подобное изысканіе Румянцовъ намѣревался поручить сдѣлать въ Петербургѣ (А. И. Ермолаеву), въ Новгородской Софійской библіотекѣ и въ Кіевѣ [1]). Вопросъ о текстѣ Молитвы Господней, по мнѣнію графа, долженъ былъ „имѣть большое вліяніе на опредѣленіе временъ Евангелія *харатейныхъ* списковъ", и потому онъ считалъ весьма полезнымъ „пересмотрѣть и списывать Молитву Господню изъ всѣхъ харатейныхъ Евангелій съ обозначеніемъ по возможности сихъ рукописей вѣка". Съ такимъ порученіемъ графъ обратился и къ Евгенію, прося его приказать въ соборахъ самого Пскова и уѣздныхъ городовъ его епархіи, а „также и въ монастыряхъ, гдѣ только находятся харатейныя рукописныя Евангелія, выписать изъ нихъ Молитву Господню". Списки эти должны были быть препровождены къ Евгенію, и графъ надѣялся, что тотъ не откажется подарить ихъ ему, „присовокупя къ нимъ свое ученое замѣчаніе". Въ Новгородѣ съ такой же просьбой графъ „обратился къ своему корреспонденту отцу протоіерею, Захарію Скородумову", рвеніемъ котораго былъ „безъ сомнѣнія доволенъ", прося, однако, и Евгенія подкрѣпить эту просьбу своимъ предстательствомъ. Графъ предполагалъ, что однообразный новѣйшій текстъ Молитвы Господней установился только со времени „начатія въ Острогѣ печатанія книгъ" До этого же времени она имѣла иной видъ „въ нѣкоторыхъ ея членахъ, въ изрѣченіяхъ и даже въ смыслѣ прошенія" [2]). Кромѣ этого порученія графа, Калайдовичъ продолжалъ исполнять и другія. Такъ 2-го іюля графъ благодарилъ его за различныя доставленныя ему „прелюбопытныя и преполезныя нѣкоторыхъ нашихъ древностей или рукописей объясненія" [3]), а 13-го октября—за описаніе всѣхъ рукописей, пріобрѣтенныхъ во Ржевѣ и т. д. [4]).

Сверхъ порученій графа Румянцова, на Калайдовичѣ лежали

---

[1]) «Чтенія въ Имп. Общ. ист. и древн. Росс.» 1862 г., кн. 3-я, стр. 169 и «Переписка Евгенія съ гр. Н. П. Румянцовымъ» вып. II, Воронежъ 1885, стр. 54.

[2]) Переписка Евгенія, вып. II. Воронежъ, 1885, стр. 53—54.

[3]) «Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1862, кн. 3, стр. 170.

[4]) Тамъ же, стр. 171.

въ это время и другія работы. Такъ подъ его надзоромъ печатался „Списокъ русскимъ памятникамъ“ Кеппена, о которомъ см. ниже [1]). Дѣятельное участіе (вмѣстѣ со Строевымъ) продолжалъ принимать онъ въ составленіи и изданіи каталога рукописей гр. Ѳ. А. Толстого, которому писалъ 22 апрѣля 1822 г.: ...„Нашимъ руководствомъ служитъ извѣстнѣйшій каталогъ Маттея Греческимъ рукописямъ Синод. библ., отъ котораго мы ни мало не уклоняемся... при составленіи Каталога мы пользуемся прочными правилами, которыя удержавъ до конца изданія, можемъ быть увѣрены въ безсиліи нареканій. Въ предисловіи... будутъ поставлены на видъ важнѣйшія рукописи по всѣмъ частямъ наукъ“... Черезъ полгода, 21-го октября, онъ извѣщалъ графа: ...„Каталогъ... приходитъ къ совершенному окончанію. Вчера исправленъ 45 листъ; остается послѣдній 46-й, которымъ заключатся дополненія. Къ сожалѣнію, мы не можемъ присоединить рукописей, находящихся у Исторіографа и Лѣтописи съ рисунками, пріобрѣтенной Вами въ Петербургѣ. По отпечатаніи послѣдняго листа, будетъ приступлено къ индексу или указателю писателей, переводчиковъ и владѣльцевъ книгъ: безъ сего пособія трудно приняться за предисловіе... Въ семъ видѣ появится Каталогъ рукописей въ публику, совершенно отдѣльный отъ печатныхъ книгъ, которыя составятъ особенное изданіе. Къ нему присоединится портретъ Вашего Сіятельства... и образецъ древнѣйшей рукописи Стихираря XI в., уже награвированный. Къ Новому Году или февралю Каталогъ рукописей надѣемся... совершенно кончить“. Въ заключеніе прибавлялось, что многіе нѣмецкіе ученые, по сообщенію Кеппена, ждутъ съ нетерпѣніемъ выхода каталога, а Копитаръ и Бандке уже просили о присылкѣ экземпляровъ. Митрополитъ Евгеній, которому посылались листы каталога, также писалъ, что каталогъ во многихъ отношеніяхъ былъ ему полезенъ при составленіи его Словаря русск. писателей [2]).

Лѣтомъ 1822 г. вышла въ свѣтъ III-я часть Собранія Гос. Грам. и Договоровъ, содержавшая грамоты царствованія Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михаиловича. Печатаніе ея было закончено въ іюнѣ мѣсяцѣ [3]), а въ іюлѣ она уже была поднесена императору, который благодарилъ графа особымъ рескриптомъ отъ 2-го августа 1822 г. [4]). Въ самомъ концѣ 1822 года гр. Румян-

[1]) Тамъ же, стр. 122.

[2]) Тамъ же, стр. 130—131.

[3]) Тамъ же, 1882 г. кн. 1-я, стр. 224.

[4]) Тамъ же, 1862, кн. 3-я, стр. 170.

цовъ уже предпринялъ новое изданіе подобнаго рода, а именно собраніе Бѣлорусскихъ грамотъ, составленное о. І. Григоровичемъ. 26 дек. графъ писалъ Малиновскому: „Вашему П-ву уже извѣстно, что я собираюсь печатать въ Москвѣ и подъ надзоромъ Вашимъ древнія Бѣлорусскія грамоты особымъ изданіемъ. Между ими находятся, опричь русскихъ, латинскія и польскія и т. д.“ [1]). Въ началѣ слѣдующаго года уже началось и печатаніе этого изданія (см. ниже).

Въ 1822 г. отпечатана была и вторая часть „Софійскаго Временника“, изд. Строевымъ, выходъ которой въ свѣтъ, однако, послѣдовалъ не раньше 1823 г.

Кромѣ того, въ 1822 году явился „Списокъ рускимъ памятникамъ, служащимъ къ составленію исторіи художествъ и отечественной палеографіи, собраннымъ и объясненнымъ Петромъ Кеппеномъ“, напечатанный на средства гр. Ѳ. А. Толстого (Москва. Въ типогр. С. Селивановскаго. 1822. 8°. 12 ненум. стр. + VIII + 119). Списокъ этотъ имѣетъ почти исключительно библіографическій характеръ и лишенъ необходимой наглядности, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было снимковъ. Авторъ составилъ было палеографическую таблицу, но, какъ мы видѣли выше (стр. 863), она запоздала, и книжка вышла безъ нея. Отзывъ Востокова о ней мы уже знаемъ (см. выше, стр. 867), а также и сужденія Евгенія и гр. Румянцова о палеографическихъ свѣдѣніяхъ Кеппена. Калайдовичъ тоже былъ невысокаго мнѣнія о нихъ. Извѣщая Востокова (29-го янв. 1823 г.), что Кеппенъ прислалъ ему „Палеографическую таблицу, къ сожалѣнію, очень поздно, когда уже списокъ былъ выпущенъ въ публику“, Калайдовичъ прибавлялъ: „впрочемъ, я имѣю причины не довѣрять и его таблицѣ: нашъ почтенный Петръ Ивановичъ, бывши въ Москвѣ, очень спѣшилъ и хотѣлъ сдѣлать однимъ часомъ то, что совершается мѣсяцами и годами“ [2]). Въ списокъ Кеппена, кромѣ извѣстныхъ въ то время рукописей, вошли не только надписи на монетахъ, образахъ и крестахъ, но даже и образцы мусіи (нѣкоторые безъ всякихъ надписей); чертежи разныхъ церквей, Изборская крѣпость, ея планъ и фасады; лампада Новгор. Собора, слывущая за лампаду св. Владиміра, сибирскія письмена на скалахъ и даже „изображеніе“ (?) сосуда съ куфическою надписью (!), и т. д. Послѣднія мѣста въ ряду перечисленныхъ въ книгѣ „памятниковъ“ (№ 173 и 174) занимаютъ, наконецъ, „двѣ Палеогра-

---

[1]) Тамъ же, 1882, кн. 1-я, стр. 253.

[2]) Сборникъ статей, чит. въ отд. русск. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 45.

фическія таблицы буквъ, расположенныхъ по вѣкамъ, съ означеніемъ документовъ, изъ коихъ оныя взяты" (1-я отъ XI до конца XIV в., 2-я отъ начала XV в. до XVIII, или до изобрѣтенія гражд. азбуки. См. цит. сочин., стр. 117). Такимъ образомъ „Списокъ" Кеппена давалъ пеструю смѣсь археологическихъ памятниковъ съ письменными, притомъ также совершенно разнородными, и представлялъ собой просто родъ пространнаго оглавленія или текста къ задуманному, но не выполненному атласу археологическихъ рисунковъ и палеографическихъ снимковъ. Только этимъ можно объяснить присутствіе въ спискѣ „*памятниковъ*"— разныхъ „чертежей", „плановъ", „изображеній" и „таблицъ", притомъ не подлинныхъ, а составленныхъ, очевидно, для предполагавшагося изданія. Самыя описанія письменныхъ памятниковъ, въ родѣ Остромирова евангелія, Святославовыхъ сборниковъ 1073 и 1076 г. и т. д., довольно бѣглы и ограничиваются большею частью лишь внѣшностью рукописей, не входя въ характеристику ихъ графическихъ особенностей. Такимъ образомъ Кеппеновскій опытъ обзора русскихъ письменныхъ памятниковъ, служащій предшественникомъ подобнаго же обзора И. И. Средневскаго, появившагося 40 лѣтъ спустя („Древніе памятники русскаго письма и языка" въ „Извѣстіяхъ" 2-го отд. т. X. 1861—63 г. и отдѣльно. Спб. 1866 г.), долженъ быть признанъ не особенно удачнымъ какъ по замыслу, такъ и по выполненію. Тѣмъ не менѣе всетаки онъ не могъ не отразить на себѣ успѣховъ нашей палеографіи и археологіи и давалъ перечень всѣхъ тогда извѣстныхъ памятниковъ, въ томъ числѣ нерѣдко только что открытыхъ и опредѣленныхъ. Такъ въ ряду памятниковъ XI в. находимъ Остромирово евангеліе, листокъ изъ Евгеніевской псалтири, подаренный Кеппену Евгеніемъ (см. выше, стр. 846), листокъ изъ житія св. Кондрата, также найденный Евгеніемъ, Тмутороканскую надпись и оба сборника Святослава [1]); изъ памятниковъ XII в. упомянуты: Мстиславово евангеліе, грамота вел. кн. Мстислава Володимировича и сына его Всеволода (1128—1132 г.), синод. ев. 1144 г., надпись на крестѣ Св. Евфросиніи, надпись на Рогволодовомъ или Оршинскомъ камнѣ, и т. д. Какъ библіографическое пособіе, книжка Кеппена, конечно, имѣла свою цѣну и могла оказать несомнѣнную помощь занимающимся языкомъ и палеографіей. Самъ Кеп-

[1]) О пандектахъ Антіоха, найденныхъ осенью этого же года Калайдовичемъ, Кеппенъ не могъ ничего сказать, такъ какъ книга его была отпечатана еще лѣтомъ, т. е. до находки названнаго памятника (см. письмо Калайдовича къ Востокову отъ 30 іюня 1822 г. въ «Сборникѣ» отд. р. яз. и слов. т. V, вып. II, стр. 32).

пенъ во время печатанія его „Списка“ уже былъ за границей, куда уѣхалъ въ самомъ началѣ 1822 г. въ научное путешествіе по славянскимъ землямъ и Европѣ, между прочимъ и съ палеографическими цѣлями [1]).

Въ 1822 г. изъ состава Румянцовскаго „кружка“ вышелъ Строевъ, подавшій въ августѣ этого года просьбу объ увольненіи его по разстроенному здоровью отъ должности главнаго смотрителя „Главной коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ“. Дѣло въ томъ, что отношеніе гр. Румянцова къ Строеву, прежде весьма благожелательное (см. выше, стр. 830 и 837—38), съ нѣкотораго времени измѣнилось. Вмѣсто благоволенія явились холодность и недовѣріе. Чѣмъ эта перемѣна была вызвана, сказать трудно, но, повидимому, произошла она не безъ вины со стороны Строева. Какъ бы то ни было, она несомнѣнно была скрытымъ, но въ то же время главнымъ мотивомъ ухода Строева изъ Коммиссіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изъ круга ближайшихъ сотрудниковъ гр. Румянцова.

Изъ журнальныхъ статей 1822 г. къ разсматриваемой области знанія относились: 1) замѣтка Василія Берха: „Извѣстіе о Евангеліи, напечатанномъ въ Вильнѣ въ 1575 г.“ (Иваномъ Ѳедоровымъ), имѣвшая чисто библіографическій характеръ и языка памятника совсѣмъ не касавшаяся [2]), и 2) „Критическое разсужденіе о „Словѣ о Полку Игоревѣ“ Н. Ѳ. Грамматина (р. 1786 г., † 1827 г.), служившее введеніемъ къ новому переводу „Слова“ (изд. въ слѣдующемъ году) и примыкавшее къ разнымъ другимъ монографіямъ этого рода, разсмотрѣннымъ выше [3]). О языкѣ памятника здѣсь почти не говорилось, если не считать общей его характеристики, какъ „неправильной и не совсѣмъ вразумительной смѣси славянскаго съ русскимъ“. Смѣсь эта произошла будто бы вслѣдствіе того, что авторъ Слова „пѣлъ на языкѣ полуобразованномъ, отчасти мертвомъ (!), и потому не могъ не сбиваться на живое нарѣчіе, которое было совершенно варварское“ (стр. 118).

Нѣкоторыя свѣдѣнія о древнерусской письменности давалъ Гречъ въ своемъ „Опытѣ краткой исторіи русской литературы“ (Спб. 1822). Какъ древнѣйшій памятникъ, здѣсь упоминалось Остром. евангеліе, рядомъ съ которымъ ставилось Синодальное 1144 г.; при этомъ указывалось, что „въ спискахъ свящ. книгъ

---

[1]) См. автобіографію Кеппена въ изданіи «Юбилей П. И. Кеппена». Спб. 1860, folio, стр. 6.

[2]) См. «Сѣверный Архивъ» 1822 г, ч. II, стр. 101—107.

[3]) «Вѣстникъ Европы» 1822 г., сентябрь, № 18, стр. 113—39.

разныхъ вѣковъ примѣчаются нѣкоторыя перемѣны, сдѣланныя учеными (!) переписчиками", а также упоминались печатныя Острожскія изданія Новаго Завѣта съ Псалтирью 1580 г. и Библіи 1581 г. Къ памятникамъ XI в. Гречъ относилъ еще „Сборникъ 1046 или 1076 г., принадлежавшій Князю Щербатову", а къ XII в.—Мстиславово евангеліе, писанное до 1125 г., и Синодальное, 1144 г. Изъ грамотъ древнѣйшей онъ считаетъ грамоту Мстислава Владим. и его сына Всеволода, относя ее почему-то къ 1262 г. (!) и указывая на изданіе ея въ Вѣстникѣ Европы 1818 г. Къ этому присовокуплялись самыя общія свѣдѣнія о разныхъ типахъ почерка (уставъ, полууставъ, скоропись), съ указаніемъ времени ихъ употребленія (стр. 19—20). При біографическихъ свѣдѣніяхъ о разныхъ древнихъ писателяхъ указывалось и мѣсто нахожденія ихъ сочиненій въ разныхъ библіотекахъ (Луки Жидяты, лѣтоп. Нестора, митр. Никифора, паломника Даніила, Слова о Полку Игоревѣ, митроп. Фотія и др.).

Къ книгѣ были приложены „Образцы Слав. и Рускаго языковъ разныхъ временъ" (изъ Остром. ев., печатной библіи, лѣтописи Нестора, поуч. Влад. Мономаха, Слова о П. Игоря, „изъ Софронія", изъ путеш. Аѳанасія Никитина, библіи Скорины, сказки о Дракулѣ, Степенной книги и т. д., а также примѣры „Руськаго языка" изъ напеч. въ Острогѣ 1607 г. книги „Лекарство на оспалый умыслъ человѣчій" и изъ „Вѣнца Христова" Антонія Радивиловскаго", Кіевъ, 1688), не говоря уже объ образчикахъ русскаго языка XVII и XVIII в. (изъ сочиненій Кантемира, Тредьяковскаго, Сумарокова и т. д.). Такимъ образомъ научныя завоеванія наши первыхъ двухъ десятилѣтій XIX в., хотя въ неполномъ и неточномъ видѣ, всетаки отразились и въ учебной литературѣ этого времени (книга Греча, конечно, не можетъ быть отнесена къ произведеніямъ научной литературы).

1823 годъ былъ еще обильнѣе предыдущаго, если не появленіемъ новыхъ изданій, то неустанной скрытой, кабинетной работой ученыхъ дѣятелей этого времени, подготовлявшей будущіе ихъ труды и отразившейся въ ихъ перепискѣ. Востоковъ переписывался съ Калайдовичемъ объ интересовавшемъ его синод. евангеліи 1144 г., въ подлинности даты котораго было усомнился (см. выше, стр. 867), сличалъ два списка Алфавита, принадлежавшіе гр. Румянцову, съ такими же тремя списками Имп. публ. библ. и словарями Памвы Берынды, Л. Зизанія и Петра Алексѣева, послѣ чего намѣревался приступить къ сравнительному изученію двухъ Паремейниковъ (Имп. публ. библ., пис. въ 1271 г.,

и гр. Румянцова, 1370 г.) [1]); изучалъ такъ назыв. Милятин евангеліе XIII в. и далъ его описаніе въ письмѣ къ Калайдовичу [2]), который обратился къ Востокову (10 мая), прося указать ему какое-нибудь евангеліе этого вѣка для сличенія разныхъ редакцій Молитвы Господней [3]), предпринятаго по желанію гр. Румянцова (см. выше, стр. 869—70); открылъ среди рукописей графа Румянцова извѣстное Добрилово евангеліе 1164 г., возстановилъ слинявшее послѣсловіе его и далъ описаніе и краткую характеристику памятника въ письмѣ къ Калайдовичу послѣ 15-го іюня [4]); занимался вопросомъ „о древнѣйшемъ начертаніи числительнаго знака 900“ въ древнерусскихъ рукописяхъ (Новгородской и Лавр. лѣтописяхъ, Сборникѣ 1073 г. и т. д.) и переписывался о немъ съ Калайдовичемъ [5]); изучалъ „Сказаніе о письменехъ“ черноризца Храбра для полученія свѣдѣній „о составленіи азбуки Словенской“ [6]); занимался изученіемъ Паремейника 1271 г. Имп. публ. библ., новаго списка Алфавита изъ библіотеки гр. Румянцова, харатейнаго Апокалипсиса нач. XIV в. (изъ той же библіотеки) [7]), сербскаго служебника XIV—XV в., котораго описаніе далъ въ письмѣ къ гр. Румянцову отъ 18 окт. 1823 г. [8]); другого служебника русскаго письма XIV в., найденнаго въ Полоцкѣ, и стараго списка нѣкоторыхъ частей Ветхаго Завѣта, который сличалъ съ печатными библіями (Первопечатною 1663 г. и Елизаветинскою) [9]).

Въ концѣ 1823 г. Востоковъ предложилъ гр. Румянцеву составить „толковую опись (catalogue raisonné)“ рукописямъ его библіотеки. Онъ не скрывалъ отъ графа, что дѣло пойдетъ медленно, такъ какъ имѣлъ возможность отдавать осмотру рукописей лишь по полчаса три раза въ недѣлю, хотя „усердно желалъ бы посвятить половину своего времени“ на описаніе рукописей Румянцова, „оставляя другую половину для таковаго же труда по

---

[1]) См. письма Востокова отъ 8 мая 1823 г.: гр. Румянцову и Калайдовичу въ «Сборникѣ статей» 2-го отд., т. V, вып. 2, стр. 48—51.

[2]) См. письмо Востокова къ Калайдовичу отъ 17-го мая, тамъ же, стр. 54—55.

[3]) См. письмо Калайдовича къ Востокову отъ 10-го мая, тамъ же, стр. 51.

[4]) Тамъ же, стр. 56—59.

[5]) См. письма Востокова къ Калайдовичу отъ 19 іюля и послѣ 14 августа, тамъ же, стр. 63—65 и 70—73.

[6]) Тамъ же.

[7]) См. письмо Востокова къ Калайдовичу отъ 9 окт., тамъ же, стр. 74—75.

[8]) Тамъ же, стр. 76—77.

[9]) См. письмо Востокова къ Румянцову отъ 17 декабря, тамъ же, стр. 81—82.

Имп. публ. библ." [1]). Предложеніе Востокова было желаннымъ для графа, который только и ждалъ этого случая. Мы видѣли уже выше, какія надежды возлагались на Востокова Румянцовымъ и его совѣтникомъ Евгеніемъ. Послѣдній освѣжилъ эти надежды письмомъ своимъ къ графу отъ 14 ноября, гдѣ писалъ: „Возвращаю и письмо Востокова [2]). Сей трудолюбивый и единственный для нашей палеографіи надежный знатокъ можетъ насъ просвѣтить въ сей наукѣ. Побудите его, Ваше С—во, скорѣе издать какія-нибудь правила для сей науки. У него ихъ много уже на примѣтѣ, и никто больше Вашего С—ва не ободритъ его и не поможетъ ему въ изданіи, а жизнь его болѣзненна" [3]).

Не удивительно, если Румянцовъ поспѣшилъ отвѣтить Востокову полнымъ согласіемъ. Въ письмѣ отъ 28 декабря онъ писалъ скромному ученому: „съ благодарностію получа письмо... усмотрѣлъ я изъ онаго съ большимъ удовольствіемъ, чего давно желаю, чтобы Вы сложа часть Вашей казенной службы имѣли бы время сдѣлать описаніе рукописей, мнѣ принадлежащихъ, и вмѣстѣ посвятить Ваше время на пользу общаго просвѣщенія, по которому Вы бы могли оставить по себѣ вѣчный памятникъ. Въ началѣ февраля я собираюсь отсюда выѣхать въ Петербургъ, и тогда не трудно мнѣ будетъ съ Вами окончательно поставить, какое мнѣ должно будетъ воздать Вамъ приличное возмездіе за то жалованье, которое Вы могли бы лишиться, оставивъ одно изъ занимаемыхъ Вами казенныхъ мѣстъ". При этомъ графъ препровождалъ къ Востокову новую покупку свою—„древній рукописной Псалтырь, съ замѣчаніями объ немъ Г. Калайдовича и... протоіерея Григоровича" [4]).

Калайдовичъ, сверхъ раньше еще предпринятыхъ трудовъ по изданію и описанію памятниковъ, велъ научную переписку съ разными лицами, въ которой дѣлился результатами своихъ работъ и наблюденій. Востокову онъ далъ интересовавшія его свѣдѣнія о синод. евангеліи 1144 г., вмѣстѣ съ точной выпиской начала евангелія отъ Іоанна, которыя разсѣяли всѣ сомнѣнія петербургскаго палеографа въ подлинности памятника [5]);

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Письмо отъ 18 окт. о сербскомъ служебникѣ XIV—XV в., см. выше, стр. 876.

[3]) См. переписку Евгенія съ гр. Румянцовымъ, вып. II (Воронежъ, 1885), стр. 82.

[4]) См. «Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов.» т. V, вып. II, стр. 82—83.

[5]) Тамъ же, стр. 45—46, письмо отъ 29 янв. 1823 г.

сообщалъ ему о своихъ опытахъ возстановленія смытыхъ строкъ (въ договорѣ Мстислава съ Ригою) [1]) и наблюденіяхъ надъ обозначеніемъ числа 900 въ разныхъ памятникахъ, перечисленныхъ имъ въ письмѣ (отъ 1 авг.) [2]) и т. д.

Для гр. Румянцова онъ продолжалъ составлять реестры его книжнымъ и рукописнымъ пріобрѣтеніямъ [3]); сообщалъ требовавшіяся имъ свѣдѣнія о разныхъ памятникахъ, присоединивъ, напр., къ письму отъ 5-го февраля „богатыя приложенія", заключавшіяся въ свѣдѣніяхъ о Діоптрѣ и трехъ рукописныхъ библіяхъ „Патріаршей библіотеки" [4]); получилъ порученіе снять facsimile съ листа харатейной псалтири, предлагаемой къ продажѣ купцомъ Пискаревымъ, и послать его Востокову, съ просьбой, чтобы тотъ по почерку и правописанію опредѣлилъ ея время [5]) и т. д.

Продолжая работать, кромѣ того, надъ каталогомъ рукописнаго собранія гр. Ѳ. А. Толстаго, онъ обратился къ владѣльцу собранія съ предложеніемъ (въ письмѣ отъ 22 марта), служащимъ, по его словамъ, къ украшенію каталога „и даже къ необходимому удостовѣренію въ означеніи столѣтій, въ которыхъ писаны рукописи. Сіе пособіе состоитъ въ приложеніи къ каталогу образцовъ почерка разныхъ вѣковъ, но только тѣхъ, въ которыхъ находятся ясныя примѣты, т. е. годы". Въ виду того, что образчикъ почерка XI в. уже былъ награвированъ (снимокъ со Стихираря, якобы XI в.), Калайдовичъ находилъ, что слѣдуетъ дать образцы почерка XIII в. (въ собраніи графа Толстого рукописей XII в. не было), XIV, XV, XVI и XVII вв. По мнѣнію Калайдовича, всѣ эти образчики можно было расположить всего на четырехъ доскахъ, и издержки гравированія и печатанія не должны были превысить 1.000 р. „Не могу представить Вашему С—ву, прибавлялъ Калайдовичъ, сколь сіе пособіе будетъ драгоцѣнно для занимающихся отечественной Палеографіею; оно же составитъ и первое въ семъ родѣ изданіе" [6]). Объ этомъ планѣ писалъ Калайдовичъ въ апрѣлѣ того же года П. И. Кеппену: „Теперь жду разрѣшенія Графа Ѳ. А. о награвированіи образцовъ почерка всѣхъ столѣтій (XI—XVII, только безъ XII), съ тѣхъ рукописей,

---

[1]) Тамъ же, стр. 60—62, письмо отъ 9 іюля.

[2]) Тамъ же, стр. 65—67.

[3]) Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1862 г., кн. 3-я, стр. 173. Письма гр. Румянцова къ Калайдовичу отъ 19-го янв. и 23 марта 1823 г.

[4]) Тамъ же, письмо гр. Румянцова къ Калайдовичу отъ 23 марта.

[5]) См. письмо графа къ Малиновскому отъ 26 окт. 1823 г., тамъ же 1882 г., кн. 1-я, стр. 270.

[6]) Тамъ же, 1862 г., кн. 3-я стр. 131—32.

на которыхъ годы служатъ явственными примѣтами времени письма“. Въ это время печатаніе каталога было уже закончено (45-мъ листомъ), и предстояло лишь напечатать указатель, который, какъ предполагалъ Калайдовичъ, долженъ былъ занять отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ. Совершенное окончаніе изданія должно было послѣдовать не ближе 3—4 мѣсяцевъ, но въ дѣйствительности каталогъ вышелъ только черезъ два года, весною 1825 года [1]). Кромѣ того, Калайдовичъ продолжалъ письменныя сношенія и съ Карамзинымъ, которому доставлялъ разные рукописные историческіе матеріалы [2]).

Къ началу 1823 г. вышли уже изъ печати первые три листа труда Калайдовича объ Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ, появленіе котораго давно съ нетерпѣніемъ ожидалось гр. Румянцовымъ. 4 янв. 1823 г. онъ писалъ Малиновскому: „Но сколько я былъ порадованъ присылкою трехъ уже отпечатанныхъ листовъ изслѣдованія о Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ, что не въ силахъ сіе изобразить“. Хотя содержаніе ихъ было уже извѣстно графу изъ рукописи, посылавшейся ему авторомъ по мѣрѣ ея изготовленія, графъ тѣмъ не менѣе восхищался напечатанными листами, „какъ новымъ неожиданнымъ появленіемъ. Сей трудъ, прибавлялъ онъ, увѣковѣчитъ имя Калайдовича. Я также непремѣнно желаю, чтобы гербъ мой ручался за то пламенное желаніе, которое я имѣлъ, довести до свѣдѣнія ученыхъ сіе важное сочиненіе“ [3]). 5-го апрѣля графъ снова писалъ Малиновскому: „Вы много меня порадовали, давъ мнѣ знать, что предпочтительнѣе всему Константинъ Ѳедоровичъ занимается теперь Экзархомъ Іоанномъ. Я его собираюсь подарить, когда онъ окончитъ сей трудъ“ [4]). 17 мая Калайдовичъ извѣщалъ Востокова: „...я привелъ къ концу мое долговременное разысканіе. Рукопись поднесена Канцлеру и принята съ восхитительнымъ для меня вниманіемъ. Чрезъ полгода, если Провидѣніе подкрѣпитъ мои силы, книга явится Вамъ на судъ...“ [5]). Наканунѣ этого дня, 16-го мая, о томъ же писалъ Востокову самъ канцлеръ: „г. Калайдовичъ вѣроятно вамъ дастъ отчетъ о прелюбопытномъ его трудѣ, относительно одной древней рукописи, перевода Экзарха Болгарскаго. Кажется нѣтъ сомнѣнія, что его изслѣдованіе принесетъ ему большую честь“ [6]). Въ тотъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 126—27.
[2]) Тамъ же, стр. 118—119.
[3]) Тамъ же, 1882 г., кн. 1-я, стр. 254.
[4]) Тамъ же, стр. 261.
[5]) «Сборникъ статей, чит. въ отд. русск. яз. и слов.». Т. V, вып. II, стр. 53.
[6]) Тамъ же, стр. 52.

же день Румянцовъ дѣлился своею радостію съ Евгеніемъ: „Я чрезвычайно доволенъ трудами г. Калайдовича, который даетъ понятіе о древнемъ славянскомъ переводѣ Іоанна Экзарха Болгарскаго, Меѳодія современника. Надобно думать, что чрезъ мѣсяцъ приступлено будетъ къ изданію сего преважнаго памятника древней Славянской Литературы“ [1]).

Несмотря на начавшееся печатаніе и извѣщенія друзей, что трудъ объ Экзархѣ Болгарскомъ уже законченъ, Калайдовичъ все еще продолжалъ работать надъ нимъ. Такъ даже 26 окт. онъ сообщалъ Востокову, что его „безпрестанно занимаетъ окончаніе изслѣдованія объ Ексархѣ Болгарскомъ“ [2]), а 11 декабря канцлеръ писалъ Малиновскому: „Вы мнѣ подали душевное услажденіе, сказавъ мнѣ столь много хорошаго относительно изслѣдованія объ Іоаннѣ Экзархѣ, которое, *кажется* (курсивъ нашъ), довершилъ г. Калайдовичъ. Вы изволите увидѣть, что по появленіи сего сочиненія онъ займетъ между литераторами мѣсто новое и отличное. Свидѣтельствуйте ему мое почтеніе...“ [3]).

Весною 1823 г. Калайдовичъ былъ занятъ еще печатаніемъ описанія своего путешествія въ Старую Рязань, совершеннаго въ іюлѣ 1822 г. для осмотра найденныхъ тамъ древностей. Книжка его, вышедшая подъ загл.: „Письма къ А. Ѳ. Малиновскому объ археологич. изслѣдованіяхъ въ Рязанской губерніи, съ рисунками найденныхъ тамъ въ 1822 г. древностей“ (М. 1823 г. 8°), содержала также нѣсколько словъ о надписяхъ (XVII в.) и рукописяхъ, видѣнныхъ Калайдовичемъ въ нѣкоторыхъ церквахъ и монастыряхъ Рязанской епархіи и у частныхъ лицъ [4]). Печатаніе „Писемъ“ на время отвлекло Калайдовича отъ работы надъ Іоанномъ Экзархомъ, какъ писалъ онъ Румянцову 2-го апрѣля: „съ отпечатаніемъ моихъ Археологическихъ писемъ... я приступилъ къ немедленному окончанію изслѣдованій объ І. Экзархѣ“ [5]).

Кромѣ того, Калайдовичъ наблюдалъ и за печатаніемъ „Бѣлорусскаго архива“, собраннаго Григоровичемъ и издававшагося

---

[1]) Переписка Евгенія съ Румянцовымъ и др. Вып. II. Воронежъ. 1885 г., стр. 76.

[2]) «Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов.». Т. V, вып. II, стр. 78.

[3]) «Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1882 г., кн. 1-я, стр. 275.

[4]) Напр., Мѣсячный Стихирарь нотный конца XIV в., видѣнный у купца Аверина, который поднесъ его гр. Румянцову, евангеліе, писанное въ 1467 г. въ Галичѣ (вид. у купца Шолохова), «Словеса постничьска» Исаака Сирина XV в. (поднес. владѣтелемъ, купцомъ Крупениковымъ, гр. Румянцову), копіи съ жалов. грамотъ и подлинныя грамоты XVII в. въ монастыряхъ Солотчинскомъ и Богословскомъ и т. д.

[5]) «Чтенія», 1862 г., кн. 3-я, стр. 174.

также на счетъ гр. Румянцова. Въ январѣ 1823 года, вмѣстѣ съ первыми листами Экзарха, графъ получилъ и заглавный листъ этого изданія, за присылку котораго благодарилъ Малиновскаго въ письмѣ отъ 4 января [1]). Изданіе „Архива", однако, затянулось, и только 23 сентября Румянцовъ, сообщая Малиновскому, что посылаетъ ему „прелюбопытный списокъ Бѣлорусскихъ грамотъ, которыя собраны и составлены трудами Гомельскаго протоіерея Григоровича", просилъ его сдѣлать распоряженіе объ ихъ напечатаніи и давалъ извѣстныя указанія на этотъ счетъ, между прочимъ высказывая желаніе, чтобы и „Fac-simile подписей, приложенные къ нѣкоторымъ грамотамъ, были помѣщены въ изданіи семъ, гдѣ слѣдуетъ" [2]). За этой задержкой послѣдовала вторая, на этотъ разъ со стороны Цензурнаго комитета и его члена Каченовскаго, который не пропустилъ нѣкоторыхъ документовъ (двѣ папскія буллы и постановленіе Брестскаго собора), гдѣ излагались и опровергались съ точки зрѣнія католицизма ереси и заблужденія православной церкви [3]).

Кромѣ того, въ теченіе 1823 года Калайдовичемъ было напечатано въ „Сѣверномъ Архивѣ" нѣсколько статей частью библіографическаго, частью палеографическаго содержанія: 1) „Описаніе Славянскихъ древностей въ Сирміи (изъ писемъ П. И. Кеппена къ К. Ѳ. Калайдовичу)" (ч. V. № 1, стр. 18—33), содержащее рядъ извѣстій о слав. рукописяхъ XV—XVI вѣковъ, старопечатныхъ книгахъ (Зетскомъ Октоихѣ 1493 г., евангеліяхъ 1512 и 1552 гг. и т. д.), сербскихъ грамотахъ XIV и XV вв., Молдавскихъ—XVII в., Шишатовацкомъ апостолѣ и т. д.

2) „Библіографическое извѣстіе о Евангеліи учительномъ, напечатанномъ въ Заблудовѣ 1569 г. первыми Московскими типографщиками" (ч. V. № 4, стр. 318—26), содержавшее одно внѣшнее описаніе книги и лишь мимоходомъ отмѣчавшее намѣреніе гетмана Ходкевича перевести евангеліе на „простую молву", т. е. на бѣлорусское нарѣчіе.

3) „Азбука, составленная Вас. Ѳедор. Бурцевымъ" (ч. VI, № 11, стр. 314—327). Статья эта давала подробное описаніе книги и представляла поправку къ замѣткѣ В. Н. Берха: „Извѣстіе о букварѣ Василія Бурцова, напечатанномъ въ Москвѣ 1679 г.", которая явилась въ „Сѣверномъ же Архивѣ" (ч. V, № 6, стр. 480—493) и описывала по ошибкѣ совсѣмъ другой букварь.

[1]) Тамъ же, 1882, кн. 1, стр. 254.

[2]) Тамъ же, стр. 266.

[3]) Тамъ же, стр. 267 (выписка изъ журнала Ценз. Комитета отъ 18 окт. 1823 г.).

Въ томъ же „Сѣв. Архивѣ“ за 1823 г. были напечатаны: 1) безъимянное „Историческое изслѣдованіе Духовной Грамоты В. Кн. Дмитрія Ивановича“ (ч. VI, іюнь, № 12, стр. 400—412), не содержавшее, впрочемъ, никакихъ лингвистико-палеографическихъ замѣчаній; 2) тоже анонимная статья: „Союзный договоръ между В. Кн. Тверскимъ Борисомъ Александровичемъ и В. Кн. Витовтомъ“ (янв., № 1, стр. 1—17; первыя 14 страницъ здѣсь посвящены историческому анализу грамоты, а послѣднія три занимаетъ сама грамота 1427 г.). Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ есть и лингвистическія: предлогъ *ку* называется здѣсь польскимъ, и форма *ойчина* въ фразѣ *онъ одъ ойчины лишонъ* опредѣляется, какъ „совсѣмъ польское слово“; 3) снимокъ съ „Криптографической надписи, изображенной на Колоколѣ, находящемся въ Звенигородскомъ Савинѣ Сторожевскомъ монастырѣ“ (тамъ же, въ концѣ №).

Кромѣ Востокова и Калайдовича, описанія рукописей для гр. Румянцова составлялъ и Гомельскій протоіерей І. Григоровичъ, описавшій мѣсячную Минею 1539 года, доставленную изъ Лаврентіева монастыря. Описаніе это было послано Калайдовичемъ Востокову при письмѣ отъ 9 авг. 1823 г. [1]). Григоровичъ находилъ въ памятникѣ сербизмы, осложненные вліяніемъ бѣлорусскаго діалекта, къ которому принадлежалъ переписчикъ.

Сверхъ описанія Минеи, Григоровичъ занимался изученіемъ харатейнаго служебника русскаго письма, полученнаго гр. Румянцовымъ изъ Полоцка и казавшагося ему очень древнимъ. Сдѣланное имъ описаніе, относившее памятникъ къ XIV в., вмѣстѣ съ самой рукописью, было переслано на заключеніе Востокова [2]). Послѣдній, разсмотрѣвъ рукопись, отвѣтилъ 17 дек. 1823 г. графу, что не имѣетъ „ничего прибавить къ основательнымъ замѣчаніямъ отца протоіерея Гомельскаго, опредѣлившаго весьма вѣрно всѣ признаки, по коимъ рукопись сія можетъ отнесена быть къ XIV вѣку“ [3]).

Кеппенъ, все еще находившійся въ это время за границей, продолжалъ и тамъ интересоваться русской палеографіей, хотя не проявлялъ особой самодѣятельности. 1/13 окт. 1823 г. онъ писалъ изъ Вѣны Востокову: „Не знаю долго ль я еще пробуду въ чужихъ краяхъ; между тѣмъ не хотѣлось бы жить въ *совершенномъ*

---

[1]) См. Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 67—70.

[2]) Тамъ же, стр. 79—81.

[3]) Тамъ же, стр. 81.

бездѣйствіи (курсивъ нашъ), почему я осмѣливаюсь еще разъ покорнѣйше просить о списаніи для меня Азбуки Остромирова Евангелія. Та, которую здѣсь имѣю, не совсѣмъ полна, и вотъ по какой причинѣ я прибѣгаю къ Вашей добродѣтельной десницѣ, которая уже разъ по моей просьбѣ занималась дѣланіемъ таковаго же Fac Simile. Здѣшніе Славяне настаиваютъ, чтобы я издалъ Палеографическія таблицы; не знаю успѣю ли я это сдѣлать, а при свободномъ времени думаю не худо бы заняться, наконецъ, симъ предметомъ. Я увѣренъ, что Вы охотно станете мнѣ содѣйствовать въ семъ предпріятіи, и для того на всякій случай соблаговолите снабдить меня точнымъ снимкомъ Остромировой азбуки" [1]).

Изъ этой затѣи Кеппена, однако, и теперь ничего пока не вышло, и палеографическая таблица его увидѣла свѣтъ впервые лишь въ 1847 г. въ Bulletin hist. de l'Académie (V, стр. 33—42). Къ зимѣ 1823—24 г. Кеппенъ переѣхалъ изъ Вѣны въ Мюнхенъ (какъ это видно изъ письма къ Ганкѣ отъ 17 окт. 1823 г.) и здѣсь въ королевской библіотекѣ списалъ знаменитые Фрейзингенскіе отрывки, или „статьи" (какъ ихъ тогда называли), считавшіеся „древнѣйшими памятниками словенской письменности" [2]). Этотъ списокъ впослѣдствіи, съ замѣчательными примѣчаніями Востокова, былъ изданъ на счетъ гр. Румянцова (уже въ 1827 г.) и оказалъ такимъ образомъ большую услугу нашей молодой наукѣ.

О томъ, какіе взгляды были еще возможны въ области палеографіи въ 1823 г., свидѣтельствуетъ рукописная статья майора П. Ѳ. Горенкина „О древности письма Славянскаго", присланная авторомъ въ Общество ист. и древностей. Послѣднее, въ засѣданіи 30 окт. 1823 г., постановило отдать статью для просмотра и сужденія о ней К. Ѳ. Калайдовичу. Въ засѣданіи 28 ноября послѣдній читалъ о ней свой отзывъ, интересный и для характеристики взглядовъ самого Калайдовича. По словамъ референта, въ статьѣ Горенкина „собраны извѣстія, никѣмъ неподкрѣпленныя и совершенно несогласныя съ достовѣрными историческими показаніями". Такъ Горенкинъ вѣрилъ въ существованіе у русскихъ „грамоты задолго до Р. Хр."; утверждалъ, „что Норманы принесли въ Русь готическое письмо; что слѣды древнихъ нашихъ законовъ... въ договорахъ Олега и Игоря, суть коренные Словянскіе; что слово

---

[1]) Тамъ же, стр. 73—74.

[2]) См. Кочубинскій, «Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ гр. Румянцовъ. Начальные годы русск. славяновѣдѣнія». Одесса. 1887—88. Приложенія: IV, № 2, стр. CXXII и автобіографію Кеппена въ изданіи «Юбилей П. И. Кеппена». Спб. 1860. folio, стр. 6.

гривна значитъ лошадь, что Венды писали древними Слав. буквами; *что Кириллъ и Меѳодій не сочинили алфавита, а только исправили бывшій у Славянъ въ употребленіи; что нынѣшній Булгарскій языкъ близко подходитъ къ Славянскому церковному; что Глаголическая азбука несравненно древнѣе Кирилловой* (курсивъ нашъ); находитъ въ нашемъ алфавитѣ, подобно Тредіаковскому, какое то знаменованіе, и даже народную пословицу: *нашъ онъ покой, рцы слово твердо* (курсивъ автора); не сомнѣвается, что Славяне", придя изъ Сибири задолго до Р. Х., умѣли уже ковать металлы и т. д. Калайдовичъ находилъ, однако, что изъ статьи Горенкина можно извлечь „для помѣщенія въ лѣтописяхъ общества два любопытныхъ отрывка: 1) *о мѣткахъ или нарѣзкахъ, употребляемыхъ крестьянами*, и 2) *объясненіе надписей, неизвѣстными письменами начертанныхъ*, которыя г. Горенкинъ признаетъ Славянскими, находящихся въ Сибири на скалахъ рѣчныхъ береговъ и на курганахъ, вообще именуемыхъ *Чудскими*. Азбука, извлеченная сочинителемъ изъ сихъ надписей, любопытна. Но и здѣсь онъ предается влеченію собственнаго воображенія", читая, напр. одно мѣсто такъ: *лихо, узру узру сулехилееу; я уж удал лиху иных слуху удах умру, узру еу*, что̀ будто бы значитъ: *тоска, увижу увижу Сулехилею; я предался совершенному отчаянію, вдался печали, умру и соединюся съ нею (!!!)*. На одной надписи въ Бухтарминской пещерѣ авторъ прочелъ даже слово *нимфа*, начертанное въ честь нимфы той пещеры или чьей нибудь возлюбленной. По мнѣнію Калайдовича, все же „азбука, извлеченная Г. Горенкинымъ", была „любопытна", и онъ сообщаетъ, что „еще прежде Г. Спасскій, при изданіи Сибирскихъ надписей, примѣтилъ одну Славянскую букву, а Г. Кеппенъ прочелъ нѣсколько строкъ на камнѣ при рѣкѣ Пышмѣ, которыя однакожь относитъ только къ XVI или XVII вѣку" [1]). Такимъ образомъ Калайдовичъ самъ, очевидно, былъ склоненъ вѣрить въ славянское происхожденіе сибирскихъ „рунъ".

Издательское меценатство гр. Румянцова, привлекавшее вообще много желающихъ воспользоваться его поддержкой, побудило и Московское Общество Ист. и Др. Россійскихъ разсчитывать на помощь графа при затѣянномъ Обществомъ изданіи Лаврентьев-

---

[1]) Труды и Лѣтописи Общ. ист. и др. росс. Часть III, кн. II. М. 1827. Лѣтописи, стр. 32, 42 и 47—48. Самая замѣтка Горенкина «о мѣткахъ или нарѣзкахъ» напечатана тутъ же, стр. 49—50. Чтеніе Кеппена находится въ его «Спискѣ рускимъ памятникамъ» (М. 1822, стр. 102—103). По словамъ Кеппена, «кому случалось заниматься чтеніемъ надписей, писанныхъ слитыми

ской лѣтописи. 22 іюля 1823 г. Малиновскій писалъ Румянцову, что названное общество, „положивъ... стараться по возможности о продолженіи и окончаніи древнѣйшей Несторовой лѣтописи по Лаврентьевскому списку“, уполномочило его отъ лица всѣхъ членовъ испросить у графа „дозволенія и содѣйствія въ порученіи окончанія труда сего Обществу“ и препроводить къ нему 13 листовъ изданія названной лѣтописи, отпечатанныхъ еще до 1812 г. проф. Тимковскимъ [1]).

Графъ, однако, отклонилъ это ходатайство, указавъ Малиновскому (въ письмѣ отъ 18 сент.), что самъ предпринялъ такое изданіе въ Петербургѣ, (при содѣйствіи Оленина и Анастасевича), „хотя сіе до сихъ поръ идетъ безуспѣшно“. Изъ этого же письма видно, что матеріалы для четвертой части „Собранія Госуд. Грамотъ и Догов.“ были уже собраны къ этому времени и приготовлены къ печати [2]).

Въ 1823 г. явилась также новая монографія по изученію и истолкованію „Слова о полку Игоревѣ“, вышедшая въ свѣтъ въ началѣ года и принадлежавшая Н. Ѳ. Грамматину [3]). Въ предисловіи авторъ объяснялъ появленіе своего перевода тѣмъ, что оригиналъ его писанъ „Славенскимъ языкомъ съ смѣсью стариннаго Русскаго, которыхъ самая большая часть читателей не въ состояніи понимать“ (стр. 3). Въ началѣ книги (стр. 11—32) находимъ знакомое уже намъ „Критическое разсужденіе о Словѣ о п. Игоревѣ“ (см. выше, ст. 874). Далѣе слѣдуетъ оригинальный текстъ Слова съ параллельнымъ русскимъ прозаическимъ переводомъ (стр. 34—63), а затѣмъ стихотворный переводъ (стр. 65—79), къ которому примыкаютъ обширныя примѣчанія (стр. 83—196). Эти послѣднія не представляютъ никакого шага впередъ, сравнительно съ по-

---

или связанными вмѣстѣ буквами; тотъ не станетъ сомнѣваться въ томъ, что и сіи надписи суть Русскія, не взирая на то, что оныя не всѣ еще прочитать можно». Читалъ Кеппенъ эти надписи по снимкамъ Штраленберга (въ его Nord-und östliche Theil von Europa und Asia), но находилъ все же, что основательно судить о нихъ можно будетъ только тогда, «когда сіи надписи вновь будутъ сняты съ наибольшею точностію».

[1]) Чтенія въ Общ. ист. и др. Росс. 1882, кн. I, стр. 264—65.

[2]) Тамъ же, стр. 265.

[3]) «Слово о полку Игоревомъ, историческая поэма, писанная въ началѣ XIII вѣка на славенскомъ языкѣ прозою, и съ оной преложенная стихами древнѣйшаго Русскаго размѣра, съ присовокупленіемъ другаго буквальнаго преложенія, съ историческими и критическими примѣчаніями, критическимъ же разсужденіемъ и родословною. Иждивеніемъ Издателя. М. Въ Типогр. С. Селивановскаго. 1823» (8°. 6 ненум. + 200), вмѣстѣ съ подобнымъ же переложеніемъ «Суда Любуши».

добными же опытами, появившимися прежде. Рѣшая старый вопросъ, на какомъ языкѣ писано Слово, на древнемъ славянскомъ или на какомъ-нибудь областномъ нарѣчіи, Грамматинъ отрицаетъ и ту и другую возможность, при чемъ разсуждаетъ такъ: областныхъ нарѣчій въ старину не было, да и теперь нѣтъ, „кромѣ Малороссійскаго или Украинскаго, и развѣ Бѣлорусскаго, составившихся, когда сіи области отторгнуты были отъ Россіи“... Прежде же „отъ Ильменя до Днѣпра, также какъ нынѣ отъ Невы до Камчатки, говорили однимъ языкомъ. Разница въ выговорѣ и нѣсколько словъ, принадлежащихъ одной какой-либо губерніи, не составляютъ еще особаго нарѣчія“ (стр. 84—85). Въ примѣчаніи на стр. 85 эта мысль иллюстрируется такъ: „Даже нѣкоторыя окончанія какой-нибудь части рѣчи, несходныя съ общимъ употребленіемъ, не суть еще особое нарѣчіе“. Напр., въ Костромской губерніи употребляется дательный вм. творит. множ. (*рукамъ*, *ногамъ* вм. *руками*, *ногами*), „но ктожъ употребляетъ? невѣжество; слѣдуетъ ли изъ сего, чтобъ было Костромское нарѣчіе?“ Не менѣе наивны этимологическіе пріемы Грамматина, являющагося въ нихъ доблестнымъ соперникомъ Шишкова. Возражая Буткову, который производилъ *харалугъ* изъ Ногайскаго яз., Грамматинъ утверждаетъ, что это слово славянское и происходитъ отъ *харя*, *харь*, т. е. *гарь* + *лугъ*, отсюда *харьлугъ* = луговое желѣзо, которымъ косятъ лугъ, т. е. коса (стр. 143—44). Но въ дополненіяхъ онъ беретъ это объясненіе назадъ и замѣняетъ его лучшимъ: *харалугъ* = *гаралъ*, *гараю* (учащат. глаголъ отъ *горю*) + „окончаніе“ *угъ*, т. е. *желѣзо*, которое *угорало* (стр. 200). Это блестящее сопоставленіе даетъ ему возможность производить и слово *харя* тоже отъ *горю*, потому что лицо *загараетъ* отъ солнца. Такимъ же образомъ *женчюгъ* производится отъ *женщина*, потому что его носятъ женщины, а буквы *ч* и *щ* первоначально представляютъ одинъ звукъ (*нощь* || *ночь*, стр. 161); *князь* — отъ *конь* : *кънь*, *кънѣсъ*, *кънезъ*, *кънязь* (стр. 161—62); *бояринъ*—отъ *бой*+*яръ*. При объясненіи слова *отецъ* повторяются знакомыя уже намъ разсужденія Шишкова (см. выше, стр. 586), о томъ что буквы *т*, *б*, *п*, *ф* и слоги *ап*, *па*, *иръ*, *еръ*, *ецъ*, встрѣчающіеся въ разныхъ языкахъ въ соотв. словѣ, „суть етимологическіе наросты, коихъ корень *атъ* или *ать*: такъ сходствовали языки въ самомъ началѣ между собою“ (стр. 164—65); *чага* и *кощей* признаются коренными русскими словами: первое, напр., имѣется въ русскомъ (!) *очагъ* (*о* = предлогъ), *корчага* = *коръ*, *корецъ* (по малорусски ковшъ) + *чага* = вѣроятно *хозяйка* (стр. 173—174); *кикать* есть испорченное *кликати* (стр. 6) и т. д.

Не менѣе успѣшно объясняются географическія имена: Русь отъ *русыхъ* волосъ ея жителей (стр. 110—11, прим.); *Днѣпръ* оттого, что вода *претъ* въ камни на *днѣ*, а *Днѣстръ*, потому что она ихъ *стираетъ* со *дна* (стр. 111, примѣч.); *Ильмеръ* (=Ильмень)—отъ *илъ*+*мѣрять* (стр. 114, примѣч.); *Велесъ* есть тоже „чистое Славенское имя отъ слова *велій* (такъ *кѣнесъ* отъ *кѣнь*—*конь*), *есъ* же (вѣроятно въ самой глубокой древности), или *ецъ* есть грамматическое окончаніе (напр. *молодецъ*, *удалецъ*) (стр. 124) и т. д. Изъ болѣе удачныхъ сопоставленій можно отмѣтить, что Грамматинъ считаетъ *богатырь*—татарскимъ словомъ (стр. 127), *шоломя* переводитъ *возвышеніе* (стр. 140—41), *убуди*—пробудилъ (134), а *смагу* сближаетъ съ глаголомъ *смягнуть* (стр. 154). Но эти крупицы здраваго смысла тонутъ въ морѣ дикихъ и совершенно произвольныхъ „словопроизводствъ“ во вкусѣ Тредьяковскаго, Сумарокова, Шишкова и др. Особенно яростно вооружается Грамматинъ противъ польскихъ сравненій своего предшественника Пожарскаго, среди которыхъ указываетъ дѣйствительно двѣ-три ошибки (Пожарскій, напр., сближалъ форму изъ Слова *нѣгують* съ польскимъ nieguję, niegować отъ лат. *negare*), хотя и признается въ томъ, что не знаетъ совсѣмъ польскаго языка.

17 февр. 1823 г. гр. Румянцовъ, препровождая книжку Грамматина Евгенію, писалъ послѣднему: „...препровождаю къ Вашему Высокопреосвященству... новое изслѣдованіе Игоревой пѣсни, которая мнѣ показалась быть достойнымъ вниманія вашего“ [1]). Евгеній отвѣчалъ на это (21-го марта), что видѣлъ уже „новое толкованіе Грамматина“ и нашелъ въ немъ „много новаго и стараго, существеннаго (?) и лишняго, догадливаго и правдоподобнаго. Но пусть побольше такъ пишутъ. Критика современемъ очиститъ истинное отъ ложнаго“ [2]). Графъ согласился съ этимъ отзывомъ Евгенія, сообщивъ ему 11 апр., что „такого же мнѣнія о сей книгѣ, какъ и Его Высокопреосвященство“, и сожалѣя, что по слухамъ авторъ ея сошелъ съ ума [3]).

Въ томъ же духѣ, какъ и гр. Румянцову, Евгеній писалъ гр. Хвостову (тоже 21 марта 1823 г.): „Новый толкъ Игоревой пѣсни Грамматина, индѣ и безтолковый, я читалъ. Ему уже кто-то отвѣчалъ въ Сынѣ Отечества [4]); но вѣрно будутъ и еще отвѣты. Кто идетъ противу всѣхъ, на того и всѣ...“.

---

[1]) Переписка Евгенія съ гр. Румянцовымъ и др. Вып. II. Воронежъ, 1885 г., стр. 72.

[2]) Тамъ же, стр. 73.

[3]) Тамъ же.

[4]) Рецензія явилась въ VII № Сына Отечества (Библіографія, стр. 329).

Хотя книжка Грамматина носила посвященіе гр. Румянцову, но, повидимому, она не имѣла отношенія къ его кружку. По крайней мѣрѣ канцлеръ самъ писалъ Добровскому 28 апр. 1823 г. „Со временемъ пришлю также къ Вамъ новое поясненіе Игоревой пѣсни, которому я хотя совершенно чуждъ, но для того, что оно кажется мнѣ по нѣкоторымъ своимъ частямъ заслужить можетъ Ваше вниманіе“ [1]).

Къ 1823 году относится и замѣчательная рѣчь Строева въ засѣданіи 14-го іюня Московскаго Общества ист. и древностей, членомъ котораго онъ за два мѣсяца передъ тѣмъ былъ избранъ. Ознакомившись лично съ монастырскими библіотеками, въ которыхъ онъ до своихъ поѣздокъ не думалъ встрѣтить столько неизвѣстнаго въ наукѣ матеріала, Строевъ пришелъ къ мысли о необходимости изслѣдованія названныхъ библіотекъ и приведенія въ извѣстность ихъ сокровищъ. Эту мысль онъ положилъ въ основаніе вышеупомянутой рѣчи „О средствахъ удобнѣйшихъ и скорѣйшихъ къ открытію памятниковъ нашей Исторіи и объ успѣшнѣйшемъ способѣ обработывать оные“, напечатанной въ „Сѣверномъ Архивѣ“ за 1823 г. (№ 19, стр. 1—27) [2]). Хотя Строевъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ интересы отечественной исторіи, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что проектъ, предложенный имъ, одинаковымъ образомъ долженъ былъ бы принести великую пользу и русской палеографіи. Строевъ призывалъ Общество „*извлечь, сохранить, привести въ извѣстность, и естьли не обработать само, то по крайней мѣрѣ доставить случай другимъ обработывать, всѣ письменные памятники нашей Исторіи и древней Словесности*, разсѣянные на обширномъ пространствѣ отъ береговъ Бѣлаго моря до степей Украинскихъ и отъ границъ Литвы и Польши до хребта горъ Уральскихъ“, памятники, погребенные въ безчисленномъ множествѣ „въ соборахъ и монастырскихъ хранилищахъ, никѣмъ непосѣщаемыхъ, никѣмъ не хранимыхъ и никѣмъ не описанныхъ; въ Архивахъ, кои нещадно опустошаетъ всеразрушающее время и нерадивое невѣжество; въ сырыхъ кладовыхъ и подвалахъ, неосвѣщаемыхъ лучами солнца, куда груды рукописей и свитковъ снесены, кажется, единственно для того, чтобы грызущія животныя, черви,

Анонимный авторъ ея вообще хвалилъ примѣчанія Грамматина, но выражалъ сожалѣніе по поводу того, что авторъ ихъ не справедливъ къ Пожарскому. Письмо Евгенія см. въ Сборникѣ отд. р. яз. и слов. Т. V, вып. I, стр. 200.

[1]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, в. II, стр. 426.

[2]) Напечатана также у Барсукова «Жизнь и труды Строева» Спб. 1878, стр. 65—74 (въ нѣсколько иной редакціи, основанной на изданіи въ IV части Трудовъ Общ. ист. и др. Росс. 1828 г.).

тля и ржа могли истреблять ихъ удобнѣе и скорѣе“ (стр. 7—8). Для спасенія этихъ памятниковъ Строевъ предлагалъ снарядить экспедицію, „которая обозрѣла бы, разобрала и съ возможною точностію описала всѣ монастырскія, соборныя и вообще казенныя собранія рукописей, на пространствѣ, прежде сего означенномъ. И частныя книгохранилища войдутъ въ составъ ея изысканій, если владѣтели пожелаютъ отворить ихъ“ (стр. 9). Въ виду громадности матеріала, Строевъ проектировалъ „три поѣздки“: по сѣвернымъ губерніямъ (Новгородской, С.-Петербургской, Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Вятской, части Пермской, Костромской, Ярославской и Тверской), среднерусскимъ (Московской, Владимірской, Нижегородской, части Казанской и Симбирской, по сѣвернымъ уѣздамъ Пензенской и Тамбовской, по Рязанской, Тульской, Калужской, Смоленской и Псковской) и западнымъ (Витебской, Могилевской, Минской, Волынской, тремъ Малороссійскимъ, Курской и Орловской). *Пробнымъ* или первымъ предметомъ изслѣдованія могла бы быть библіотека Софійскаго собора въ Новгородѣ, заключающая въ себѣ болѣе тысячи рукописей и никѣмъ еще не обслѣдованная (стр. 10—11). На первую поѣздку Строевъ отводилъ болѣе двухъ лѣтъ, на вторую два года и на третью—одинъ. Отдѣльныя описанія книгохранилищъ, по мнѣнію Строева, можно было бы „слить въ одну *общую роспись, систематически расположенную*, которая, при возможной *краткости*, представляла бы самое *полное и вѣрнѣйшее исчисленіе* всѣхъ, гдѣ либо существующихъ памятниковъ нашей Исторіи и Литературы отъ временъ древнѣйшихъ, до начала XVIII в.“ (стр. 15).

Рѣчь молодого археографа не произвела, однако, надлежащаго впечатлѣнія: многихъ испугала грандіозность плана, требовавшаго большихъ средствъ для своего осуществленія, другіе находили его фантастичнымъ, а самого Строева — самонадѣяннымъ молодымъ человѣкомъ, слишкомъ рано принявшимъ на себя роль учителя. Даже въ протоколѣ засѣданія Общества о проектѣ Строева было сказано очень глухо, и авторъ принужденъ былъ напечатать свою рѣчь не въ Трудахъ Общества (гдѣ она явилась лишь въ 1828 г., въ IV части, стр. 277—301, когда уже академія наукъ рѣшила отправить археографическую экспедицію подъ начальствомъ Строева), а въ „Сѣверномъ Архивѣ“ Греча и Булгарина. Впрочемъ, не было недостатка и въ сторонникахъ проекта, во главѣ которыхъ находился и самъ предсѣдатель Общества, генералъ А. А. Писаревъ [1]) Благодаря ихъ поддержкѣ, Строевъ могъ

[1]) См. Барсуковъ, «Жизнь и труды П. М. Строева», Спб. 1878, стр. 74.

осуществить пробную поѣздку въ Новгородъ для осмотра Софійской библіотеки.

Пріѣхавъ въ Новгородъ осенью и пробывъ тамъ очень недолго (съ 29 авг. по 5 сент.), Строевъ не могъ осмотрѣть какъ слѣдуетъ библіотеку, помѣщавшуюся въ главѣ (!) собора, но все же въ своей запискѣ Обществу далъ общій ея обзоръ, впервые познакомившій съ нею хотя часть русскихъ ученыхъ. По словамъ записки, Софійская библіотека заключала въ себѣ 1189 рукописныхъ книгъ, собственно принадлежавшихъ собору и доставленныхъ туда въ 1780 г. изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, изъ Череповецкаго и др., и до 3000 разнаго рода печатныхъ книгъ. Большая часть рукописей представляла книги богослужебныя, св. Писанія и переводы св. Отцовъ. „Древнѣйшія изъ нихъ относятся къ XII вѣку, позднѣйшія писаны въ концѣ XVI; есть много харатейныхъ или пергаминныхъ съ годами и съ любопытными послѣсловіями“. Дальше Строевъ указывалъ на значеніе подобныхъ древнихъ рукописей для исторіи „славянорусскаго нарѣчія“: „не знаю по какой причинѣ древніе и старинные списки богослужебныхъ, священныхъ и каноническихъ книгъ доселѣ мало у насъ уважаются; въ отношеніи литтературномъ ихъ даже за ничто почитаютъ (въ этомъ грѣхѣ когда то виноватъ былъ и самъ Строевъ, ср. выше, стр. 830). Ни одинъ изъ нашихъ литтераторовъ и писателей *исторіи языка нашего* (такихъ, впрочемъ, еще не было!) не обращалъ на нихъ и малѣйшаго вниманія, никто не сличалъ ихъ между собою и не вникалъ въ тѣ многочисленныя измѣненія, какимъ въ теченіи семи сотъ лѣтъ (отъ XI до XVIII в.) подверглось славенорусское наше нарѣчіе: въ перемѣнѣ значеній словъ, въ грамматическихъ формахъ и самой фразеологіи. Мы имѣемъ нѣсколько исторій нашей литтературы отъ временъ древнѣйшихъ до нынѣшнихъ; въ книжныхъ лавкахъ продаются славянскія грамматики; между тѣмъ, къ сожалѣнію, мы не можемъ скрыть нашего невѣжества въ разсужденіи коренныхъ правилъ сего богатаго и многовѣтвистаго языка; не знаемъ когда переведена Библія, богослужебныя книги, установленія церкви и многочисленныя творенія Св. Отцевъ, коими преисполнены наши рукописи; не знаемъ, чѣмъ рознятся книги XI и XII столѣтій отъ XIII и XIV и послѣдующихъ и имѣя печатную Библію въ прошедшемъ столѣтіи вновь исправленную, съ гордостію воображаемъ себѣ, что языкъ оной есть точно книжный языкъ временъ Владиміра и Ярослава! Списки богослужебныхъ книгъ и твореній Св. Отцевъ суть единственные источники для настоящихъ правилъ славяно-русскаго нарѣчія и исторіи литте-

ратуры онаго, по крайней мѣрѣ временъ древнѣйшихъ. *Безъ внимательнаго ихъ изслѣдованія, мы никогда не выдемъ изъ неопредѣленнаго круга догадокъ или ученаго теоретическаго химеризма*" (курсивъ нашъ) [1]).

Такимъ образомъ Строевъ освѣтилъ значеніе археографическихъ изысканій и для исторіи русскаго и славянскаго языковъ. Но и эта замѣчательная записка его, оставшаяся въ рукописи, не могла имѣть широкаго распространенія и едва ли произвела особое впечатлѣніе и въ Обществѣ ист. и древн., для котораго предназначалась. По крайнѣй мѣрѣ въ печатныхъ протоколахъ общества за это время („Лѣтописи" общества) не осталось отъ нея никакого слѣда, и мы узнаемъ о ней лишь изъ труда біографа Строева.

Наступившій 1824 годъ принесъ нашей наукѣ освобожденіе Востокова отъ цѣпей подневольной службы, позволившее ему, если не безраздѣльно, то въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ прежде, отдаваться научнымъ занятіямъ. Румянцовъ въ письмѣ отъ 8 янв. 1824 г. дѣлился этой радостью съ Евгеніемъ, держа ее покуда еще въ тайнѣ („единственно для насъ двухъ"): „Востоковъ будетъ просить, чтобы его уволили отъ той должности, которую онъ имѣетъ по Департаменту Духовныхъ Дѣлъ. Онъ потеряетъ довольно значительное жалованье, но я сіе замѣнить готовъ, въ надеждѣ, что онъ тотчасъ приступитъ къ ученому разбору мнѣ принадлежащихъ древнихъ рукописей и составитъ имъ реэстръ. Дѣло сіе не можетъ его занять очень долго и я собираюсь потомъ просить его заняться сочиненіемъ Россійской Палеографіи.—О коль я счастливъ буду, ежели прежде смерти своей увижу появленіе хотя перваго тома сего сочиненія и свой успѣхъ къ достиженію той цѣли, о которой неусыпно домогался нѣсколько уже лѣтъ" [2]). Евгеній отвѣчалъ графу 20 января: „Востоковъ дѣйствительно достоинъ быть пенсіонеромъ В. С—ва. Есть-ли онъ не замедлитъ составить ученое описаніе рукописей библіотеки Вашей и издастъ рускую Палеографію, то сдѣлаетъ намъ пользы больше, нежели своею службою въ департаментѣ. Графа Толстова каталогъ уже конченъ и прославитъ нашу древнюю словесность какъ и сочинителя и хозяина библіотеки. *Иностранцы давно имѣютъ у себя такіе каталоги* (курсивъ нашъ)" [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 75.

[2]) Переписка Евгенія съ гр. Румянцовымъ, вып. III. Воронежъ, 1872: стр. 93—94.

[3]) Тамъ же, стр. 95.

Между тѣмъ Востоковъ, не дожидаясь своего выхода въ отставку, уже принялся за описаніе Румянцовскихъ рукописей. Въ январѣ 1824 г. онъ писалъ канцлеру: „теперь занимаюсь разсмотрѣніемъ и описаніемъ... рукописей Вашей библіотеки. Къ ожидаемому въ февралѣ мѣсяцѣ прибытію Вашего С-ва въ Петербургъ надѣюсь изготовить до 30-ти и болѣе Библіографическихъ описаній для Каталога рукописей Вашихъ, которыя буду имѣть честь представить... вмѣстѣ съ правилами, какими я думаю руководствоваться при составленіи сего каталога... Я дѣлаю описанія сіи предварительно на карточкахъ, какъ заведено въ Имп. публ. библ. Когда всѣ книги так. образомъ переписаны будутъ, тогда можно карточки сіи привести въ какой угодно порядокъ для внесенія въ Каталогъ"... Далѣе Востоковъ благодарилъ графа за „милостивое обѣщаніе замѣнить... потерю жалованья по казенному мѣсту, которое" намѣревался оставить и полагался въ этомъ вполнѣ на великодушіе графа. Письмо свое Востоковъ заключалъ признаніемъ, что лестный отзывъ о немъ митрополита Евгенія [1]) приводитъ его въ смущеніе: „я чувствую, что мнѣ еще много остается работать по части Палеографіи, чтобъ заслужить названіе надежнаго знатока оной, какимъ столь снисходительно почтилъ меня..., ученнѣйшій оный Архипастырь. Усердно занимаясь разысканіями по сей части, я надѣюсь достигнуть въ оной познаній болѣе рѣшительныхъ, когда разработаю два богатѣйшія рудника древней Р. словесности, открытые мнѣ въ собраніяхъ рукописей Имп. публ. библ. и библ. Вашего С-ва" [2]).

Намѣреніе Востокова отвѣчало давнишнимъ желаніямъ, какъ самого Румянцова, такъ и митрополита Евгенія. Послѣдній писалъ канцлеру 6 февраля: „Востокова, несмотря на его отговорки, нужно побуждать къ скорѣйшему изданію хотя какихъ-нибудь правилъ Славенорусской Палеографіи и къ описанію рукописей Ваш. С-ва. Примѣръ гр. Толстова достоинъ подраженія". Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ, 23 февр. Румянцовъ извѣщалъ уже Евгенія: „Г. Востоковъ составляетъ описаніе моихъ рукописей. Онъ уже находитъ, что я богаче рукописями на пергаментѣ, нежели Гр. Толстой. Каталогъ же его трудовъ будетъ лучше обработанъ, нежели каталогъ Гр. Толстого; при томъ надобно Вамъ сказать, что онъ ничто иное, какъ подражаніе, нѣсколько лѣтъ уже составленному по моему приказанію и плану каталогу рукописей, хранящихся по Монастырямъ около Москвы. Напечатаніе же сего Каталога

---

[1]) Въ письмѣ отъ 14 ноября 1823 г. См. выше, стр. 877.

[2]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. я. и сл. т. V, вып. II, стр. 83—84.

за тѣмъ я пріостановилъ, что до сихъ поръ не могу добиться, чтобы для пополненія его г. Калайдовичъ съѣздилъ въ Троицкую Лавру и описалъ тамошнія рукописи“ [1]).

Евгеній отвѣчалъ канцлеру 12-го марта: „Если Востоковъ кончитъ описаніе рукописей библіотеки Ваш. С—ва, то великую услугу окажетъ нашей древней словесности, а онъ и самъ до ней охотникъ и рѣдкій знатокъ“ [2]). Вскорѣ послѣ этого (19 марта) онъ сообщалъ Анастасевичу: „Румянцовъ... хвалится, что Востоковъ уже описываетъ его рукописи и находитъ, что у него пергаменныхъ больше и любопытнѣе, нежели у Толстова, и что описаніе Востокова будетъ лучше Строева“ [3]).

Работая надъ рукописями гр. Румянцова, Востоковъ не упускалъ случая знакомиться и съ другими рукописями, изучая ихъ не только для своихъ изслѣдованій, но и по просьбѣ другихъ. Такъ 18 марта онъ послалъ Калайдовичу по его просьбѣ пространное описаніе рукописи Лаврентьевскаго списка [4]) и копію съ послѣсловія, сообщая при этомъ, что занимается составленіемъ каталога Румянцовскихъ рукописей. Трудъ этотъ, по его словамъ, долженъ былъ многому научить его и облегчить составленіе грамматики. По мнѣнію Востокова, его каталогъ, „конечно, уступитъ количествомъ рукописей каталогу гр. Толстова, но едва ли не поспоритъ съ нимъ древностью и важностью рукописей“ [5]). Калайдовичъ отвѣчалъ 10 апр.: „сердечно радуюсь, что Вы приняли на себя составленіе каталога рукописей принадлежащихъ Канцлеру: это будетъ отличный подарокъ для библіографовъ и филологовъ. Библіотека Его С-ва безспорно превзойдетъ древностью и важностью собраніе гр. Толстова: одна составилась настоящимъ знатокомъ, другая отъ случая... и я не почелъ бы за грѣхъ сотни двѣ рукописей совершенно изъ послѣдней выкинуть“ [6]).

Въ апрѣлѣ состоялось окончательное соглашеніе между гр. Румянцовымъ и Востоковымъ, по которому послѣдній выходилъ въ отставку и получалъ отъ графа опредѣленное годовое жалованье (3000 р. асс.) не какъ „опредѣленный пансіонъ, а единственно какъ воздаяніе“ за труды, которые долженъ былъ принести „об-

---

[1]) См. Переписку Евгенія съ гр. Румянцовымъ и др. Вып. III. Воронежъ, 1872, стр. 99—101.

[2]) Тамъ же, стр. 101.

[3]) «Древняя и Новая Россія», 1881 г., февраль, стр. 310.

[4]) Напечатано въ предисловіи къ изданію Лавр. лѣтописи, выпущ. въ 1824 г. Общ. ист. и др. росс. подъ ред. Калайдовича.

[5]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 85—88.

[6]) Тамъ же, стр. 89.

щему благу по части словесности нашей". Графъ по собственному почину предложилъ Востокову это вознагражденіе, указывая, что самъ неоднократно побуждалъ его оставить службу въ двухъ казенныхъ должностяхъ, и потому считаетъ своей обязанностью возмѣстить ему утрачиваемое казенное жалованье. Условія, поставленныя графомъ, были слѣдующія: „по окончаніи каталога моей библіотеки приступите къ составленію ученой Славено-Русской Палеографіи, а доколѣ станете собирать такого преважнаго сочиненія новыя матеріалы, въ древностяхъ нашихъ почерпнутыя, я бы осмѣлился Васъ просить издать древній Вамъ извѣстный Сборникъ, писанной для Великаго Князя Святослава. О планѣ таковаго изданія я условлюсь съ Вами на дняхъ". Канцлеръ предоставлялъ себѣ право по окончаніи трехъ лѣтъ „судить, слѣдуетъ ли ему продолжать" условленную плату, но до истеченія этого срока обязывался не дѣлать „никакой отмѣны въ семъ положеніи" [1]). Разумѣется, Востоковъ отвѣтилъ на это предложеніе полнымъ согласіемъ (въ письмѣ отъ 13 апр.) [2]). Того же числа онъ писалъ Калайдовичу въ отвѣтъ на письмо послѣдняго отъ 26 окт. 1823 г., дошедшее по назначенію съ большимъ замедленіемъ, и сообщалъ ему примѣры особаго обозначенія чиселъ (съ единицами, предшествующими десяткамъ), почерпнутые изъ разныхъ рукописей (списка нѣкот. книгъ Ветхаго Завѣта XVI в., принадлежавшаго гр. Румянцову, подобнаго же списка XV в. Имп. публ. библ. и др.), а также и нѣкоторыя справки изъ послѣдняго списка Алфавита, отысканнаго имъ самимъ въ публ. библ., въ которомъ встрѣчались разныя ссылки на труды Іоанна Экзарха [3]). 16 апр. 1824 г. гр. Румянцовъ далъ Востокову формерное обязательство за себя и своихъ наслѣдниковъ, относительно выдачи обѣщаннаго годового вознагражденія въ теченіе 3 лѣтъ, обязывая только Востокова, въ случаѣ его, Румянцова, смерти, „докончить Каталогъ... и Сборникъ Святослава и вручить... наслѣдникамъ для напечатанія" [4]).

О состоявшемся договорѣ Румянцовъ сообщилъ 10 мая митрополиту Евгенію: „Я кончилъ мои условія съ г. Востоковымъ. Онъ покинулъ два казенныя мѣста, лишился 3000 р. жалованья, что мною замѣнено, и будетъ теперь заниматься Славянскою Палеографіею мнѣ въ одолженіе" [5]). Евгеній отвѣчалъ 28 мая: „По-

[1]) Тамъ же, стр. 90.
[2]) Тамъ же, стр. 91.
[3]) Тамъ же, стр. 92—93.
[4]) Тамъ же, стр. 94.
[5]) Переписка Евгенія съ гр. Румянцовымъ и т. д. Вып. III. Воронежъ, 1872, стр. 105.

здравляю В. С. съ пріобрѣтеніемъ Востокова. Въ службѣ при Васъ онъ больше пользы принесетъ нашей Словесности. Но сверхъ обязательства о составленіи руской Палеографіи, я бы желалъ, чтобы онъ прежде описалъ всѣ рукописи вашей библіотеки. Описывая ихъ, онъ еще болѣе сдѣлаетъ замѣчаній и для Палеографіи" [1]).

Тѣмъ временемъ Востоковъ продолжалъ свои занятія рукописями, безпрестанно расширяя свои знанія, которыми дѣлился и съ другими учеными. Такъ, напримѣръ, письма его къ Калайдовичу до и послѣ 28 апр. [2]) содержали опять новыя дополненія къ вопросамъ, интересовавшимъ московскаго его собрата по наукѣ, (относительно Лавр. списка, ссылокъ въ Алфавитѣ на труды Іоанна Экзарха, употребленія юсовъ въ рукописяхъ XIV и XV вв. и т. д.).

Наконецъ, въ концѣ мая 1824 г. Востоковъ получилъ отставку, какъ это видно изъ письма его къ своему бывшему начальнику, кн. А. И. Голицыну [3]). Тогда же, въ концѣ мая, онъ отправилъ обширное и замѣчательное письмо свое І. Добровскому, желавшему получить отъ него „вѣрные списки нѣкоторыхъ мѣстъ Остромирова евангелія и въ томъ числѣ нѣсколько снимковъ съ начертанія буквъ (fac-simile)". Востоковъ поспѣшилъ исполнить это желаніе, радуясь сдѣлать этимъ угодное графу и Добровскому, котораго величаетъ „почтеннѣйшимъ мужемъ". По словамъ Востокова, онъ былъ бы счастливъ, если бы въ награду за свои труды удостоился „драгоцѣнной переписки" съ Добровскимъ, котораго давно уже любитъ и уважаетъ, „какъ учителя и вождя своего на стезѣ грамматическихъ изслѣдованій". Письмо содержало подробное описаніе рукописей Остромирова евангелія и характеристику ея со стороны палеографической и языковой, являясь какъ бы зерномъ будущихъ болѣе обширныхъ работъ нашего ученаго надъ названнымъ евангеліемъ, которое онъ, согласно тогдашнему взгляду, считалъ древнѣйшимъ памятникомъ церковнослав. языка [4]). Кромѣ тѣхъ мѣстъ, снимки съ которыхъ желалъ получить Добровскій, Востоковъ скопировалъ и рядъ другихъ, показавшихся „ему почему либо замѣчательными". Въ своей характеристикѣ языка Остромирова евангелія онъ, какъ и слѣдовало ожидать, обращалъ особое вниманіе на

[1]) Тамъ же, стр. 106.

[2]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и сл. Т. V, вып. 2, стр. 95—96 и 97—99.

[3]) Тамъ же, стр. 99—100.

[4]) Тамъ же, стр. 100—116.

носовые гласные, доказывая отсутствіе ихъ въ русскомъ языкѣ. Смѣшеніе юсовъ съ „чистыми“ гласными въ графикѣ даннаго памятника свидѣтельствуетъ для него, что писецъ его былъ *русскій*, а не полякъ, какъ думалъ Копитаръ (въ рецензіи на „Разсужденіе“ Востокова, см. выше, стр. 782): „русскіе не имѣли носоваго изглашенія (Rhinesmus), такъ какъ, вѣроятно, и Чехи и Сербы. Еслибъ таковый Ринезмъ существовалъ у Русскихъ въ XI вѣкѣ, то невозможно чтобъ оный въ XII в. вдругъ прекратился“ [1]). Въ доказательство отсутствія носовыхъ гласныхъ въ древнерусскомъ языкѣ Востоковъ ссылался на грамоту в. кн. Мстислава и сына его Всеволода 1128—1132 г., Изборники Святослава 1073 и 1076 гг. и заключалъ, что „носовые звуки ѫ, ѧ, принадлежали языку тѣхъ Словянъ, для которыхъ изобрѣтена азбука и переложены церковныя книги. Сіи Словяне были конечно Болгаре, въ языкѣ коихъ сохранились и по днесь многіе слѣды Ринезма, какъ замѣтилъ и Г. Копитаръ въ своей Рецензіи“ [2]). Подходящее къ Остромирову евангелію употребленіе юсовъ Востоковъ отмѣчалъ только въ отрывкѣ Евгеніевской псалтири XI в. и въ выпискѣ изъ Шестоднева 1263 г., сообщенной ему Калайдовичемъ, предполагая, впрочемъ, что въ разныхъ монастырскихъ библіотекахъ вѣроятно отыщется „еще сколько нибудь таковыхъ памятниковъ юсоваго произношенія“. Далѣе онъ даетъ характеристику графическихъ, фонетическихъ и морфологическихъ особенностей языка Остромирова евангелія, говоря о написаніи іотированныхъ буквъ, употребленіи паерковъ, ъ, ꙇѣ, шт, жи вм. жіи, знака ˘ вм. оу, о формѣ *ака* вм. *яка*, причемъ прибѣгаетъ къ сравненію съ Лавр. лѣтописью, о словѣ *царь*, которое выводитъ изъ *цьсарь*, объ окончаніи 1 л. дв. ч. *вѣ* вм. *ва*, употребленіи буквы є вм. іотированнаго ѥ, буквы ѡ, формахъ дв. ч. impf. на *шета*, *шете* и *ста*, *сте*, объ особенностяхъ послѣсловія, въ которомъ отмѣчалъ уклоненія отъ правописанія и языка самого текста (болѣе частое употребленіе „чистыхъ“ гласныхъ, вм. юсовъ, *ii* вм. *i*, „стяженіе“ гласныхъ въ имперфектѣ и склоненіи сложныхъ прилагательныхъ) и т. д.

Письмо заканчивалось скромной оцѣнкой предложеннаго въ немъ богатаго по тогдашнему содержанія: „замѣчанія сіи заключаютъ въ себѣ, можетъ быть, не много дѣльнаго, и то, безъ сомнѣнія, вещи уже вамъ извѣстныя; но такъ какъ истинная ученость всегда снизходительна и не пренебрегаетъ ничьими совѣтами, то я увѣренъ, что Вы простите недостатокъ познаній, взирая токмо

[1]) Тамъ же, стр. 106.
[2]) Тамъ же, стр. 107.

на усердіе, съ какимъ я весь свой небольшой запасъ оныхъ Вамъ предлагаю“. Наградой за свой трудъ Востоковъ желалъ себѣ нѣсколько строкъ Добровскаго для увѣдомленія, что fac-simile имъ получены [1]). Этихъ строкъ, однако, онъ, повидимому, не дождался, по крайней мѣрѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ ихъ еще не было [2]), и вообще въ корреспонденціи Востокова отвѣта Добровскаго нѣтъ; имѣется лишь небольшая записка къ Румянцову, въ которой Добровскій извѣщаетъ послѣдняго о полученіи „прекраснаго“ факсимиле и своей готовности отблагодарить Востокова за его трудъ [3]), которая, однако, ни въ чемъ не выразилась.

Все это время Востоковъ продолжалъ трудиться надъ описаніемъ рукописей Румянцова, который писалъ Евгенію 24-го іюня: „г. Востоковъ точно занятъ описаніемъ рукописей моей библіотеки: оно давно начато, скоро довершится, напечатано будетъ и первый экземпляръ къ Вамъ отправится“ [4]). Надежды графа, однако, шли слишкомъ далеко. Описаніе его рукописей не могло поспѣть такъ скоро, и самъ онъ постоянно давалъ Востокову новыя и новыя порученія, отвлекавшія его отъ начатаго дѣла.

Такъ въ іюнѣ графъ просилъ Востокова осмотрѣть и пріобрѣсти 6 литовскихъ грамотъ, предлагавшихся ему Анастасевичемъ. 30 іюня Востоковъ сообщилъ канцлеру, что покупка ихъ желательна, препровождая при этомъ письмѣ еще составленную имъ роспись книгамъ церковной печати, принадлежавшимъ графу [5]), а 16 іюля уже извѣстилъ послѣдняго, что грамоты куплены. Среди нихъ особенно любопытной онъ считалъ духовную Кн. Андрея Володимировича, внука Ольгердова, 1446 г. [6]).

Между тѣмъ вѣсть о томъ, что Румянцовъ просилъ Востокова издать описаніе найденнаго Калайдовичемъ Сборника 1073 г., дошла и до Калайдовича. Скрѣпя сердце, послѣдній, въ письмѣ отъ 14 іюля, поздравлялъ Востокова: „сердечно радуюсь, что сей подвигъ принадлежитъ вамъ, почтеннѣйшій А. Х. Это настоящій подарокъ для ученаго Словенскаго свѣта“. Отложивъ всякое самолюбіе, вполнѣ понятное въ данномъ случаѣ, и ставя на первомъ мѣстѣ научные интересы, Калайдовичъ предостерегалъ Востокова не довѣряться вполнѣ копіи Ратшина: „я имѣю основательныя причины заклю-

[1]) Тамъ же, стр. 116.

[2]) См. письмо отъ 5-го сент., тамъ же, стр. 134.

[3]) Тамъ же, стр. 138.

[4]) См. Переписку Евгенія съ Румянцовымъ, вып. III, Воронежъ 1872 стр. 107.

[5]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 118

[6]) Тамъ же, стр. 124.

чать, что копія, находящаяся въ рукахъ вашихъ, не вездѣ согласна съ оригиналомъ, конечно не въ пропускахъ, но въ буквахъ и знакахъ. Мнѣ кажется должно бы для большей точности вытребовать вамъ рукопись въ С.-Петербургъ“ [1]). Пока, однако, Востоковъ, какъ извѣщалъ онъ графа въ письмѣ послѣ 22 іюля, былъ еще занятъ составленіемъ каталога печатныхъ книгъ графской библіотеки (гражд. печати), и ему предстояло еще привести въ порядокъ „многочисленное собраніе разныхъ записокъ, копій, выписокъ, дѣланныхъ для“ Румянцова и „заключающихъ въ себѣ многія драгоцѣнныя свѣдѣнія“ для составленія каталога. „Когда справлюсь со всѣмъ этимъ, тогда уже гораздо успѣшнѣе пойдетъ описаніе рукописей, надъ коимъ трудиться продолжаю. По изготовленіи вчернѣ всего каталога примусь за изданіе Сборника Святослава“ [2]). О томъ же писалъ онъ и Калайдовичу послѣ 22 іюля, благодаря его за указаніе неточностей въ копіи Сборника 1073 г. Тутъ же онъ сообщалъ разныя дополнительныя свѣдѣнія о счисленіи въ славянскихъ рукописяхъ—вопросѣ, давно занимавшемъ обоихъ нашихъ ученыхъ [3]). Въ письмѣ послѣ 6 авг. къ Калайдовичу снова шла рѣчь о Лавр. лѣтописи, въ послѣсловіи которой Востоковъ отмѣтилъ рядъ мѣстъ, плохо прочитанныхъ прежнимъ издателемъ лѣтописи, графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ [4]).

Тѣмъ временемъ продолжалась работа надъ приведеніемъ въ порядокъ библіотеки гр. Румянцова и выписокъ и списковъ съ разныхъ памятниковъ, хранившихся въ ней. Въ концѣ августа (29-го) Востоковъ писалъ объ этомъ Калайдовичу [5]). Въ сентябрѣ онъ разсматривалъ новыя рукописи, пріобрѣтенныя графомъ, между прочимъ Минею праздничную или Трефолой конца XIV, начала XV в. (письмо отъ 5 сент.) [6]); послѣ 8-го сентября сообщилъ Калайдовичу описаніе Псалтыря, напечатаннаго въ Александровской слободѣ въ 1577, приложивъ и списокъ послѣсловія [7]); 22 же октября писалъ гр. Румянцову: „составляемый мною каталогъ рукописей Библіотеки Ваш. С-ва понемногу подвигается“. Кромѣ того, Востоковъ извѣщалъ графа, что занятъ „сочиненіемъ примѣчаній къ памятникамъ Краинскаго языка X вѣка, сохра-

[1]) Тамъ же, стр. 123.
[2]) Тамъ же, стр. 126—27.
[3]) Тамъ же, 127—28.
[4]) Тамъ же, стр. 130.
[5]) Тамъ же, стр. 132.
[6]) Тамъ же, стр. 133.
[7]) Тамъ же, стр. 136.

нившимся въ Фрейзингенской рукописи, коей снимки издаетъ Г. Кеппенъ". Такъ какъ книга эта издавалась на счетъ графа, то Востоковъ полагалъ, что исполняетъ только свой долгъ по отношенію къ графу, содѣйствуя достоинству изданія. По окончаніи этой работы онъ собирался приступить къ изданію Сборника 1073 г. „Драгоцѣннымъ пособіемъ" для него долженъ былъ послужить „пергаменный XI вѣка Григорій Богословъ Имп. публ. библ.; ибо въ Сборникѣ помѣщены многія мѣста изъ словъ Григоріевыхъ, и переводъ кажется одинъ и тотъ же. Любопытно будетъ сличеніе сихъ двухъ рукописей XI в." [1]). Канцлеръ былъ очень доволенъ этимъ письмомъ Востокова и 7 ноября писалъ ему, что онъ его „безъ сомнѣнія" одолжилъ составленіемъ примѣчаній къ Фрейзингенскимъ отрывкамъ и много порадовалъ извѣстіемъ, что скоро займется изданіемъ Сборника Святослава [2]).

Но отъ этого дѣла Востокова постоянно отвлекали разныя мелкія работы по описанію отдѣльныхъ рукописей и предпринятый каталогъ всѣхъ Румянцовскихъ рукописей. Такъ письмо Востокова отъ 22 ноября наполнено описаніемъ пергаменной рукописи Іоанна Лѣствичника XII в. (въ дѣйствительности XIII в.), купленной для графа Калайдовичемъ, которую нашъ палеографъ называетъ здѣсь „драгоцѣнной", поздравляя графа съ пріобрѣтеніемъ „такой рѣдкости" и обѣщая теперь же заняться сличеніемъ и разсмотрѣніемъ ея и другихъ пяти списковъ Іоанна Лѣствичника, имѣвшихся уже раньше въ библіотекѣ канцлера [3]). Въ отвѣтномъ письмѣ отъ 5 декабря Румянцовъ извѣщалъ Востокова, что „съ жаднымъ любопытствомъ дважды уже прочелъ его ученыя и весьма основательныя замѣчанія насчетъ древней рукописи, пріобрѣтенной Калайдовичемъ", т. е. Іоанна Лѣствичника. „Я неусыпно стараюсь о накопленіи древнихъ документовъ и рукописей—прибавлялъ онъ. Подаютъ мнѣ часто надежду, но вскорѣ опять все забываютъ и донынѣ существующая лѣнь и нерадѣніе беретъ верхъ по прежнему" [4]).

Востоковъ между тѣмъ продолжалъ изучать списокъ І. Лѣствичника XII (XIII) в., сличая его съ другими списками и „весьма многому научаясь изъ этой любопытной древней рукописи", какъ писалъ онъ Калайдовичу 19-го декабря. Во время этой работы онъ убѣдился въ значеніи почерка рукописи, какъ важнѣйшаго

---

[1]) Тамъ же, стр. 142.
[2]) Тамъ же, стр. 144.
[3]) Тамъ же, стр. 148—150.
[4]) Тамъ же, стр. 152.

критерія для сужденія о времени ея возникновенія и дѣлился своими наблюденіями съ Калайдовичемъ, признаваясь, что раньше считалъ одинъ изъ списковъ Лѣствицы очень древнимъ и восходящимъ къ XI в. Въ этомъ предположеніи Востоковъ опирался на архаичности правописанія и языка, весьма сходныхъ съ Изборникомъ 1073 г. Но при этомъ онъ „не обратилъ надлежащаго вниманія на почеркъ ея, указывавшій на XIII столѣтіе—или лучше сказать, не уважилъ примѣчаемаго въономъ несходства съ почеркомъ XI вѣка, полагая правописаніе и языкъ достаточными признаками къ опредѣленію древности письма“. Теперь же пришлось сознаться въ ошибкѣ и признать, „что не правописаніе, а почеркъ составляетъ вѣрнѣйшую примѣту для палеографа“ [1]). О томъ же писалъ Востоковъ и канцлеру отъ 20 декабря, прилагая выписку изъ сербскаго пролога о Кн. Мстиславѣ [2]). Замѣчанія Востокова, относительно Іоанна Лѣствичника, понравились канцлеру, который и благодарилъ его за нихъ въ письмѣ своемъ отъ 28 декабря [3]). Въ такомъ видѣ предстаетъ предъ нами научная дѣятельность Востокова въ разсматриваемой нами области въ теченіе 1824 года.

Калайдовичъ въ теченіе этого года былъ преимущественно занятъ своими изданіями и особенно печатаніемъ главнаго труда своей жизни объ Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ. 6 марта 1824 г. онъ писалъ Востокову: „теперь одно только мое занятіе скорѣе исполнить волю Государственнаго Канцлера: печатаю Ексарха Болгарскаго, 22 листа уже оттиснуты, но столько же еще остается“ [4]). 10 апрѣля онъ снова сообщалъ своему собрату по занятіямъ: „Ексархъ Болгарскій безпрерывно меня занимаетъ, не смотря ни на слабость силъ послѣ жестокой жабы, ни на свѣтлый праздникъ... послѣ Пасхи останется отпечатать листовъ 18 приложеній“ [5]). Изъ письма Калайдовича къ Востокову отъ 28 апрѣля видно, что онъ все еще продолжалъ трудиться надъ печатаніемъ Экзарха, для котораго приходилось отливать древнія буквы [6]). 3-го іюня Калайдовичъ снова писалъ Востокову: „Мой Ексархъ идетъ теперь не такъ-то успѣшно, сколько бы я желалъ: типографія должна отлить болѣе 150 неупотребительныхъ буквъ и знаковъ, и я совершенно мучусь надъ корректурами, желая въ

[1]) Тамъ же, стр. 156—157.
[2]) Тамъ же, стр. 158—159.
[3]) Тамъ же, стр. 161.
[4]) Тамъ же, стр. 84—85.
[5]) Тамъ же, стр. 89.
[6]) Тамъ же, стр. 96.

точнѣйшемъ видѣ передать нѣкоторыя изъ приложеній"[1]). Лестный отзывъ о своемъ трудѣ, еще до выхода въ свѣтъ книги, Калайдовичъ получилъ отъ Востокова, писавшаго ему 18-го марта: „На сихъ дняхъ видѣлъ я мелькомъ у Канцлера отпечатанные листы вашего Ексарха, и порадовался между прочимъ и тому, что вы не оставили безъ вниманія мое разсужденіе о Сл. языкѣ, удостоивая оное во многихъ мѣстахъ повѣрять, дополнять и поправлять Вашими замѣчаніями"[2]).

Отъ „Экзарха" Калайдовича постоянно отвлекали разныя другія текущія дѣла. Такъ весною 1824 года ему пришлось работать еще надъ составленіемъ „объяснительнаго предъувѣдомленія" къ изданію первыхъ 13 листовъ Лавр. лѣтописи, отпечатанныхъ еще до 1812 г. проф. Тимковскимъ на средства, пожертвованныя въ 1811 г. Зоемъ Павловичемъ Зосимой (въ размѣрѣ 3.600 р.). Общество Исторіи и Древн. Росс. поручило Калайдовичу выпустить въ свѣтъ эти давно лежавшіе листы и написать къ нимъ предисловіе, какъ одному изъ своихъ членовъ, наиболѣе способному къ такому дѣлу. Для этой работы Калайдовичу и понадобились разныя свѣдѣнія о Лавр. лѣтописи, за которыми онъ обращался къ Востокову въ письмахъ отъ 6 марта и 10 апр. 1824 г.[3]). Въ маѣ мѣсяцѣ изданіе[4]) было совсѣмъ готово, такъ что 3 іюня экземпляръ его могъ быть уже отправленъ къ Востокову[5]). Свѣдѣнія, доставленныя послѣднимъ, и особенно описаніе самой рукописи Лавр. списка (см. выше, стр. 893), цѣликомъ вошли въ предисловіе Калайдовича (съ указаніемъ ихъ принадлежности Востокову).

Вышедшее новое изданіе вызвало рѣзкую критику Н. Полевого, напечатанную въ „Сѣверномъ Архивѣ" (1824 г., ч. XI, стр. 65—73). Рецензентъ указывалъ здѣсь нѣсколько ошибокъ, сдѣланныхъ Тимковскимъ и не оговоренныхъ Калайдовичемъ, котораго, сверхъ того, упрекаетъ въ рядѣ умолчаній (о Шлецерѣ, какъ первомъ издателѣ лѣтописи, о томъ, что Троицкій списокъ лѣтописи сгорѣлъ въ библіотекѣ Общ. Ист. и Древн. и т. д.), въ переиначиваніи словъ Шлецера, а также и въ томъ, что онъ не дополнилъ крупныхъ пропусковъ, сдѣланныхъ Тимковскимъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 117.

[2]) Тамъ же, стр. 88.

[3]) Тамъ же, стр. 84 и 88.

[4]) „Лѣтопись Несторова по древнѣйшему списку Мниха Лаврентія. Изд. проф. Тимковскаго, прерывающееся 1019 годомъ, напечатано при Общ. Истор. и Др. Росс. Съ предисл. К. Калайдовича. М. 1824. 4⁰. VIII + 105 стр.

[5]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 116.

Весною 1824 г. началось и печатаніе „Бѣлорусскаго архива“ о. Григоровича, первый листъ котораго вышелъ къ апрѣлю мѣсяцу [1]).

Кромѣ того, еще раньше, въ засѣданіи Общества ист. и древностей 29 февр., Калайдовичъ представилъ XI статей, приготовленныхъ имъ исподволь для второй части Русскихъ Достопамятностей. Общество опредѣлило печатать ихъ съ тѣмъ, чтобы каждый отпечатанный листъ прочитывался, какъ цензорами, председателемъ Общества и дѣйств. членомъ М. Г. Гавриловымъ, профессоромъ эстетики и славянскаго языка [2]). Статьи эти, однако, такъ и остались ненапечатанными.

Несмотря на подобныя задержки, печатаніе „Экзарха“ всетаки подвигалось, и 6 авг. Калайдовичъ снова писалъ Востокову: „Мы ожидаемъ возвращенія Канцлера къ 20-му числу, и я сердечно порадуюсь, если къ сему времени окончу моего Ексарха; но трудности въ корректурахъ непомѣрны: ручаюсь, что не только буква, ниже какой-либо знакъ у меня проронен въ приложеніяхъ, которыя теперь идутъ къ концу, за то чего стоитъ? Я никогда не рѣшился бы сохранять такой точности, или, что все равно, гравировать подвижными литерами, если бы предметъ самаго сочиненія того не требовалъ“ [3]). 23 авг. Калайдовичъ уже могъ сообщить Востокову радостное извѣстіе: „Сего дня подписываю къ печати послѣдній 58 листъ моего изслѣдованія, которое недѣли черезъ двѣ явится на вашъ просвѣщенный судъ... Отъ имени Канцлера я вамъ препровожу, по назначенію Его С-ва, экземпляръ на обыкновенной бумагѣ; другой веленевый, съ раскрашенными рисунками, предварительно прошу принять отъ меня съ благосклонностью, въ знакъ памяти и благодарности за ваше лестное участіе въ трудѣ моемъ. Таковой же экземпляръ представлю Имп. Росс. Академіи. Признаюсь, вниманіе сего первенствующаго сословія знаменитыхъ въ россійскомъ словѣ мужей (!) подкрѣпитъ меня въ занятіяхъ трудныхъ, гдѣ нужна помощь и одобреніе“ [4]). 8 же сентября Калайдовичъ могъ отправить по на-

---

[1]) См. письмо гр. Румянцова къ Малиновскому отъ 4-го апр. въ «Чтеніяхъ въ Имп. Общ. И. и Др. Р.» 1882 г., кн. 1, стр. 284.

[2]). Труды и лѣтописи Общества Ист. и Древн. Росс. 1827 г., ч. III, кн. II, стр. 55—56. Среди этихъ статей были: Хожденіе игум. Даніила, Русскій лѣтописецъ патр. Никифора, Уставъ Владимира, Посланіе къ кн. Дм. Юр. Шемякѣ, Паремьи о убіеніи Бориса и Глѣба, Духовная Климента конца XIII в. и др. болѣе поздніе уже историческіе документы и матеріалы. См. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1862 г., кн. 3, стр. 16.

[3]) Тамъ же, стр. 129.

[4]) Тамъ же, стр. 131.

значенію обѣщанный Востокову экземпляръ [1]). Въ отвѣтѣ своемъ (послѣ 8-го сент.) Востоковъ писалъ: „Съ жадностью пробѣжалъ я вашу книгу, въ которую мнѣ придется не однажды заглядывать и ею руководствоваться. Не премину сообщить вамъ по времени замѣчанія и догадки, внушаемыя мнѣ чтеніемъ ученыхъ вашихъ изслѣдованій и любопытныхъ приложеній, сей богатой сокровищницы древности Славеноболгарскаго языка!“ [2]).

Отзывы о новой книгѣ были противорѣчивы. Самъ канцлеръ былъ въ восторгѣ еще отъ первыхъ листовъ Экзарха и, посылая ихъ Евгенію, писалъ 25 января: „я горжусь той степенью отличія, которую онъ (Калайдовичъ) симъ сочиненіемъ достигаетъ. Г. Калайдовича я засталъ въ загонѣ и въ числѣ дюжинныхъ трудниковъ, а теперь судите, въ какомъ онъ предстанетъ видѣ и за границею“ [3]). Евгеній, съ нѣкоторыхъ поръ нерасположенный къ Калайдовичу (см. выше, стр. 856), отвѣчалъ сдержанно и уклончиво, хотя все же признавалъ важность открытій, сдѣланныхъ нашимъ археологомъ-палеографомъ. Въ письмѣ своемъ отъ 6 февр. онъ писалъ: „чувствительнѣйше благодарю за сообщеніе первыхъ листовъ Калайдовича объ І. Екз. Болг.; покорнѣйше прошу и продолженія. Давно уже упоминаютъ о семъ Екзархѣ, но теперь только появляется обстоятельное свѣдѣніе о немъ. Это важное открытіе въ Славянской Словесности IX вѣка [4]), но пока не увижу окончанія всего изысканія Калайдовича, не смѣю еще сказать моего мнѣнія“. Впрочемъ, въ письмѣ отъ 13-го апрѣля, Евгеній, возвращая графу прочитанные листы труда Калайдовича, находилъ, что онъ „преисполненъ многихъ умныхъ замѣчаній“. Въ мѣстахъ, съ которыми Евгеній не соглашался, онъ дѣлалъ карандашемъ отмѣтки, намѣреваясь представить свои мнѣнія

---

[1]) Тамъ же, стр. 134. Книга носила слѣдующее заглавіе: «Іоаннъ, Екзархъ Болгарскій. Изслѣдованіе, объясняющее исторію Словенскаго языка и литтературы IX и X столѣтій. Написано Константиномъ Калайдовичемъ, Главнымъ Смотрителемъ Коммиссіи печатанія Госуд. Грамотъ и Договоровъ, Московскихъ Обществъ: Ист. и Древн. Россійскихъ, Люб. Росс. Слов., Имп. Испытателей Природы и С.-Петерб. Вольнаго Люб. Росс. Слов. Членомъ и Кавалеромъ. Съ шестьнадцатью гравир. изображеніями. Москва. Въ Типогр. Семена Селивановскаго. 1824». (folio, загл. листъ съ гербомъ гр. Румянцева + VI + 2 ненум. + 218 + 4 ненум. + 7 таблицъ снимковъ + 2 ненум.).

[2]) Тамъ же, стр. 135.

[3]) Переписка Евгенія съ гр. Румянцовымъ, вып. III. Воронежъ, 1872 г., стр. 97—98.

[4]) Дальше въ черновикѣ письма зачеркнуто: «въ доказательствѣ о всей Слав. библіи, переведенной Меѳодіемъ, основанномъ на сказаніи Екзарха, по слуху, по моему мнѣнію, нужно бы что-нибудь прибавить важнѣйшее (посильнѣе)». Тамъ же, стр. 99.

графу, по прочтеніи уже всего сочиненія. Намѣреніе свое онъ отложилъ, однако, до полученія полнаго экземпляра. „Ибо не видя еще авторовыхъ примѣчаній на его книгу, нельзя судить о его основаніяхъ“ [1]). Ни Калайдовичъ, ни графъ этихъ мнѣній Евгенія, впрочемъ, не дождались. Въ письмѣ отъ 14 сентября, Евгеній нашелъ сказать о полученныхъ листахъ лишь то, что „Екзарховы переводы для слога любопытны“ [2]). По полученіи вышедшей книги, Евгеній замѣтилъ только (въ письмѣ отъ 24 сент.): „Книги сіи (трудъ Калайдовича и 1-я ч. Бѣлорусскаго архива) пребудутъ памятникомъ меценатскаго попеченія Вашего С-ва о нашей словесности. Я ихъ въ листахъ еще читалъ: а теперь еще прочту съ отмѣтками“ [3]).

Отношеніе къ труду Калайдовича со стороны Евгенія было, какъ мы увидимъ, не единственнымъ диссонансомъ въ хорѣ хвалебныхъ и лестныхъ отзывовъ, въ которыхъ не было недостатка. Самъ канцлеръ изъявилъ свое восхищеніе письмомъ къ Калайдовичу отъ 10 сентября: „Я желалъ бы, чтобы Вы были свидѣтелемъ той радости, которую почувствовалъ я, получа первый экземпляръ ученаго изслѣдованія Вашего..., при письмѣ, коимъ Вы меня удостоить изволили отъ 2-го Сентября. Сей трудъ, за который я Вамъ премного благодаренъ, сдѣлаетъ Васъ извѣстнымъ вездѣ и навсегда, опредѣлитъ Вамъ отличное мѣсто между всѣми вообще писателями нашего вѣка. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать другихъ экземпляровъ Экзарха, дабы первый изъ нихъ отправить къ Митрополиту Евгенію и ученому Добровскому“ [4]).

Проф. Виленскаго университета И. Н. Лобойко прислалъ гр. Румянцову также длинное хвалебное письмо (отъ 3 ноября), въ которомъ называетъ книгу Калайдовича „важнымъ трудомъ“ и „достопамятнымъ изданіемъ“, долженствующимъ подать поводъ „къ безчисленнымъ изысканіямъ и соображеніямъ, а особливо для Богемскихъ Славенослововъ“. Лобойко полагалъ, что они теперь воспользуются трудами Калайдовича лучше, нежели мы, такъ какъ больше работаютъ и лучше знакомы съ историч. памятниками разсматриваемой у Калайдовича эпохи. По словамъ Лобойка, „изданіемъ Іоанна Екзарха положенъ краеугольный камень въ основаніе Славенской Палеографіи, которая должна пролить жизнь и свѣтъ на мрачную древность“. Изданіе должно принести „важную подпору и поощреніе“ и другимъ ученымъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 103.

[2]) Тамъ же, стр. 109.

[3]) Тамъ же, стр. 110.

[4]) Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1862 г., кн. 3-я, стр. 180.

занимающимся даннымъ предметомъ, напр. Кеппену. „Г-ну Калайдовичу принадлежитъ честь не только какъ ревностнаго и счастливаго изыскателя Славенскихъ древностей, но и какъ перваго основательнаго Комментатора изъ Россійскихъ ученыхъ“, обогатившаго „изданные имъ памятники многими новыми открытіями и важными объясненіями въ пользу Славенской Филологіи“ и др. наукъ. Изъ разбираемаго труда Лобойко усматривалъ, что авторъ его имѣетъ въ рукахъ „много другихъ достопамятныхъ матеріаловъ“ и особенно Изборникъ Святославовъ. Авторъ письма полагалъ, что Калайдовичъ „послѣ Екзарха ничего не найдетъ достойнѣе нашихъ ожиданій, его талантовъ и покровительства“ гр. Румянцова, какъ изданіе Изборника. По его мнѣнію, наиболѣе крупнымъ недостаткомъ новаго труда являлось лишь незнакомство съ „Славенской Грамматикой“ Добровскаго („Institutiones etc.“), полученной Калайдовичемъ слишкомъ поздно. Лобойко находилъ, что безъ нея „невозможно успѣшно совершить никакого филологическаго труда“, и авторъ „Экзарха“ нашелъ бы въ ней „много разрѣшеній“ на свои „недоумѣнія“, обнаруженныя въ его трудѣ. Какъ примѣръ, Лобойко указывалъ, что Калайдовичъ, вмѣстѣ съ Востоковымъ [1]), считалъ „особенной формой неопредѣленнаго наклоненія“ то, что Добровскій „давно“ уже назвалъ „Славенскимъ супиномъ“, сравнивая лат. оборотъ ibo dormitum со слав. *приде Марія видѣтъ гробъ* [2]).

Впрочемъ, хвалебный отзывъ Лобойка, не обладавшаго ни выдающимися способностями и знаніями, ни глубокимъ умомъ [3]), не

---

[1]) Относительно Востокова это не совсѣмъ вѣрно. Правда, онъ не называлъ эти формы супиномъ, а «достигательнымъ наклоненіемъ», и считалъ ихъ особой формой неопред. накл., но связь ихъ съ лат. супиномъ была ему ясна, какъ это видно изъ его «Разсужденія».

[2]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, в. II. стр. 146—48.

[3]) Евгеній давалъ ему такую ядовитую характеристику (въ письмѣ къ Анастасевичу отъ 27 янв. 1822 г.): Естьли вы отгадывали мое мнѣніе о Лобойкѣ, то для чего же вы нѣкогда за тетрадку его о скандинавщинѣ возвеличивали его ентузіастически, какъ ученика безподобнаго Раска? Вы часто любите фигуру exaggeratio. Но думаю, что Вильна въ своемъ профессорѣ найдетъ фигуру extenuatio и удивится, что въ Петербургѣ жалуютъ не только чинами и мѣстами, но и умомъ» («Древняя и Новая Россія» 1881 г., февр., стр. 307—308). Востоковъ, впрочемъ, въ общемъ остался доволенъ отзывомъ Лобойка. 10 дек. 1824 г. онъ писалъ гр. Румянцову: «Я съ удовольствіемъ прочелъ сообщенную мнѣ выписку изъ письма къ Вамъ профессора Лобойки объ Іоаннѣ Екзархѣ. Замѣчанія Г. Лобойки нахожу вообще справедливыми, хотя и не во всемъ могу съ нимъ согласиться. Надѣюсь при случаѣ дружески побесѣдовать съ нимъ о предметахъ нашего разногласія». (Сборникъ стат., чит. въ отд. р. яз. и слов. Т. V, вып. II, стр. 154).

имѣлъ большого вѣса такъ же, какъ и восторженное привѣтствіе Н. Полеваго, находившаго, что „изданіе книги великолѣпно; приложенные *снимки* съ рукописей удивляютъ совершенствомъ [1]); но всего любопытнѣе примѣчанія г. Калайдовича, богатаго палеографическимъ познаніемъ Русской старины". Съ историческими выводами книги Полевой не вполнѣ соглашался и хотѣлъ посвятить имъ особую статью [2]).

Отзывъ Карамзина звучитъ покровительственно, но въ общемъ вполнѣ благопріятенъ, хотя, конечно, также не достаточно компетентенъ. 16-го сентября 1824 г. онъ писалъ автору труда, благодаря его за присылку изданной имъ „важной книги" и сообщая, что „съ любопытствомъ занимается ея чтеніемъ". Карамзинъ не сомнѣвался, что „Россійская Академія оцѣнитъ, какъ должно, трудъ" Калайдовича [3]). Этого въ дѣйствительности, однако, не случилось, и Калайдовичъ не получилъ съ ея стороны никакого поощренія, кромѣ простой „благодарности именемъ Академіи" [4]). Очевидно Россійская Академія была безсильна оцѣнить научное значеніе новаго труда, не имѣвшаго ближайшаго отношенія ни къ словопроизводствамъ Шишкова, ни къ излюбленному имъ вопросу о введеніи славянщины въ литерат. языкъ. Зато Академія Наукъ избрала автора „Ексарха" своимъ членомъ-корреспондентомъ (въ засѣд. 27 апр. 1825 г.) [5]).

Незначительны, мелочно придирчивы и неудачны были и „легкія" замѣчанія нашего академика Круга, писавшаго Румянцову 3 ноября 1824, что трудъ Калайдовича внушилъ ему большой интересъ. Само изданіе, по словамъ Круга, дѣлаетъ честь Калайдовичу и пробудило въ критикѣ желаніе видѣть, наконецъ, и Остромирово евангеліе напечатаннымъ съ такою же тщательностью. Характерно, однако, что сейчасъ же вслѣдъ за этимъ сужденіемъ, заявляя о своей готовности пожертвовать сотню рублей на подобное изданіе, Кругъ называетъ, въ качествѣ примѣрнаго издателя Остромирова евангелія, Востокова („quelqu'un comme p. e. M. Vostokov"), а не Калайдовича [6]).

Рядъ подобныхъ же замѣчаній заключается и во второмъ

---

[1]) Снимки дѣйствительно были «прекрасные», какъ называлъ ихъ самъ Румянцовъ въ письмѣ къ Малиновскому отъ 15 апр. 1824 г. (Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс. 1882 г., кн. I, стр. 286).

[2]) «Московскій Телеграфъ», 1825 г., ч. I, стр. 80—81.

[3]) Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс. 1862 г., кн. 3-я, стр. 120.

[4]) См. Извѣстія Росс. академіи. Кн. 12. 1828, стр. 34—35.

[5]) Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс. 1862 г., кн. 3, стр. 82.

[6]) Тамъ же, стр. 75—77.

письмѣ Круга къ Румянцову отъ 6 февр. 1825 г. [1]). Если вѣрить Румянцову [2]), Кругъ „сохранялъ“ трудъ Калайдовича „въ отличной цѣнѣ“, чему должно было служить доказательствомъ приношеніе Кругомъ экземпляра Экзарха отъ имени Румянцова одному „славному собранію въ Каринтіи, извѣстному подъ именемъ Іоаннеума“, причемъ Кругъ будто бы „объяснялъ все достоинство“ труда Калайдовича. Извѣстныя, однако, намъ письма Круга не подтверждаютъ этихъ словъ графа. Сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній на „Ексарха“ и протоіерей о. Григоровичъ, приславшій графу свои возраженія 20 февр. 1825 г. Онъ, впрочемъ, не согласился и съ рядомъ замѣчаній Круга [3]).

Добровскій въ письмѣ своемъ къ Копитару отъ 22 марта 1825 г. [4]) отнесся къ „Ексарху“ скептически. Не безъ вѣроятія можно думать, что это отношеніе не было вполнѣ безпристрастнымъ, такъ какъ первая же глава „Экзарха“, основныя положенія которой уже раньше явились въ печати (см. выше, стр. 785) разбивала гипотезу Добровскаго о сербскомъ происхожденіи церковнослав. языка. Какъ бы то ни было, по словамъ Добровскаго, Калайдовичъ слишкомъ много довѣрялъ „сомнительнымъ подписямъ и надписямъ“. Вообще для патріарха славистики все въ книгѣ Калайдовича являлось „въ высшей степени сомнительнымъ. Во времена царя Симеона никакого Экзарха и не было, а позднѣйшіе архіепископы Іоанны, всѣ греки родомъ, не подходятъ. Впрочемъ, цѣнны приведенныя изъ древнѣйшихъ рукописей Отче нашъ и притча изъ евангелія отъ Матѳея... Мои замѣчанія заставятъ господъ сморщить носъ. Приводится также еще и архіепископъ Константинъ, ученикъ Меѳодія и т. д. Было бы хорошо указать на подобныя вещицы въ какомъ нибудь журналѣ. Жаль что этого нельзя уже сдѣлать въ вашихъ (Копитара) лѣтописяхъ“. Копитаръ въ отвѣтномъ письмѣ отъ 29 окт. 1825 г. изъявилъ готовность тоже присоединиться къ походу противъ Калайдовича: „Licebitne et mihi addere mea aliqua?—Нельзя ли и мнѣ прибавить кое-что“—спрашивалъ онъ и увѣрялъ, что онъ лучше Добровскаго можетъ ихъ отдѣлать: „et ego, melius Te, possem illos arguere“ [5]).

Впрочемъ, замѣчанія Добровскаго, присланныя Калайдовичу лишь весной 1826 г., касались лишь незначительныхъ, чисто

[1]) Тамъ же, стр. 77.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, стр. 78.
[4]) Сборникъ отд. р. яз. и слов. 1885 г., т. 39, стр. 513.
[5]) Тамъ же, стр. 526.

внѣшнихъ погрѣшностей изданія и состояли изъ далеко не всегда удачныхъ корректуръ и конъектуръ къ текстамъ, изданнымъ Калайдовичемъ. П. И. Кеппенъ, препровождавшій замѣчанія Добровскаго Калайдовичу, писалъ послѣднему 15 апр. 1826 г.: „Прилагаю при семъ нѣкоторыя собственноручныя замѣчанія почтеннаго Добровскаго. Вообще въ отношеніи къ самому Эксарху онъ не совсѣмъ съ Вами согласенъ, но не взирая на это говоритъ, что трудъ Вашъ послѣ библіи занимаетъ у него первое мѣсто. Нельзя сердиться на почтеннаго старца даже въ случаѣ слишкомъ строгихъ иногда сужденій“ [1]).

Отрицательную критику далъ и скептикъ Каченовскій, утверждавшій, что ни самого Іоанна, ни его титула „Экзархъ“ въ X в. не существовало, а потому нападки Добровскаго вполнѣ справедливы. По мнѣнію Каченовскаго, Іоаннъ Ексархъ жилъ въ XII в. и родомъ былъ сербъ, постригшійся въ монахи въ Хиландарской обители на Аѳонѣ (на дѣлѣ основанной лишь въ XIII в.) [2]).

Такимъ образомъ, большинство нападокъ на Калайдовича касалось или мелочей, или исторической стороны его труда; значеніе же его для палеографіи и филологіи никѣмъ не оспаривалось. Изъ всѣхъ сужденій, конечно, самымъ компетентнымъ и безпристрастнымъ было мнѣніе А. Х. Востокова, а оно, какъ мы видѣли, несомнѣнно говорило о высокихъ достоинствахъ „Экзарха“ (см. выше, стр. 903), признанныхъ въ еще большей мѣрѣ и позднѣйшей научной оцѣнкой [3]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что трудъ Калайдовича по новизнѣ и богатству содержанія не имѣлъ себѣ предшественниковъ въ нашей научной литературѣ, если не считать его же собственныхъ изданій, въ родѣ „Россійскихъ Достопамятностей“, „Памятниковъ древней Россійской словесности“ и т. д., на которыхъ онъ только учился трудному дѣлу изданія памятниковъ, или Строевскаго „Софійскаго временника“. Это было первое широко задуманное и, принимая во вниманіе тогдашнія условія, блестяще выполненное, вполнѣ научное критическое изданіе важныхъ литературныхъ и языковыхъ памятниковъ цѣлой исторической эпохи, открывавшее ее для научнаго изученія и, вмѣсто коммента-

[1]) Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1862 г., кн. 3-я, стр. 78. Сами замѣчанія Добровскаго—на стр. 78—80.

[2]) Вѣстникъ Европы 1826 г., «Историческія справки объ Іоаннѣ, Екзархѣ Болгарскомъ» №№ 15 (стр. 197—204), 17 (стр. 38—48), 18 (стр. 108—115) 19 и 20, стр. 246—255; 21 и 22 (98—105) и 23 (238—56).

[3]) См. А. А. Кочубинскаго, «Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ гр. Румянцовъ» и т. д. Одесса 1887—1888, стр. 132—133.

рія, снабженное настоящимъ научнымъ изслѣдованіемъ. Попутно задѣвался рядъ разнообразнѣйшихъ вопросовъ историко-литературныхъ, палеографическихъ и грамматическихъ, а въ многочисленныхъ примѣчаніяхъ сообщалась масса совершенно новыхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ прямо изъ рукописей, нерѣдко впервые обслѣдованныхъ и открытыхъ самимъ же Калайдовичемъ. Книга начинается съ изслѣдованія, распадающагося на пять главъ: „I. Начало Словенскихъ письменъ.—Константинъ и Меѳодій.—Ихъ труды.—Книжный языкъ Словенскій. II. Іоаннъ, Ексархъ Болгарскій. III. Переводъ Богословіи Дамаскина. IV. Сочиненіе Шестоднева. V. Греко-Словенская Грамматика.—Переводъ Философіи Дамаскина.—Слово на Вознесеніе Господне. VI. Заключеніе“, за которыми слѣдуютъ „Примѣчанія (стр. 85—124), Приложенія (древніе тексты, стр. 129—212), Дополненія и Поправки, Рисунки“.

Основныя мысли первой главы не представляли уже ничего новаго, такъ какъ она была напечатана еще въ 1822 г. въ „Трудахъ“ Моск. общ. люб. росс. слов. подъ заглавіемъ „О древнемъ церковномъ языкѣ славянскомъ“ (см. выше, стр. 785). Теперь она подвергалась лишь нѣкоторымъ стилистическимъ поправкамъ, не коснувшимся содержанія. Вторая глава имѣетъ главнымъ образомъ историко-литературное содержаніе, выясняя личность и дѣятельность Іоанна Экзарха. Третья посвящена подробному палеографическому описанію рукописи, содержащей переводъ „Богословіи“ І. Дамаскина, сдѣланный І. Экзархомъ, и указываетъ другіе списки и тексты (между прочимъ греческій XII в.), которые были использованы для изданія. Кромѣ чисто палеографической характеристики, находимъ здѣсь и перечень фонетическихъ (въ связи съ графикой) и морфологическихъ особенностей языка рукописи. Указывается на употребленіе *ъ* и *ь*, *ы* послѣ *г*, *к*, *х*; *ь* послѣ *ж*, *ш*, *ч*, *ц*, *щ*; именное склоненіе простыхъ прилагательныхъ, которое Калайдовичъ называетъ страннымъ; „двоякое окончаніе“ неопред. наклоненія (т. е. формы супина, рядомъ съ неопред. накл.), причемъ дѣлается неудачное предположеніе: „не скрывается ли здѣсь неопредѣленное употребленіе древнихъ полугласныхъ *ъ* и *ь*, и не должно ли читать: *послушати*, *исцѣлитися*, *облещи*, и т. д.“. Калайдовичъ ставитъ здѣсь рядъ недоумѣвающихъ вопросовъ, въ тѣ времена вполнѣ понятныхъ: какъ объясняется шт вм. щ въ Изборникѣ 1073 г. (стр. 23), отчего въ сербскихъ памятникахъ пишется *ь* вм. *ъ*, а въ Синод. евангеліи 1144 г. и Новгор. лѣтописи—*і* вм. *и* (стр. 23—24) и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ недоумѣній кажутся намъ теперь наивными (напр. относительно „разно-

образнаго употребленія гласныхъ, сходныхъ въ выговорѣ“: ѹ и ꙋ, ѥ и є, ꙗ и ѧ, ѡ и о и т. д. стр. 24), но въ то время, конечно, они могли и должны были возникать. Далѣе говорится подробно объ употребленіи надстрочныхъ знаковъ: титлъ, точекъ, ковыкъ, внѣшней формѣ разныхъ буквъ (ъ и ы) и т. д.

Успѣхи въ изученіи древнихъ памятниковъ, достигнутые Калайдовичемъ къ тому времени, сказываются въ отказѣ его отъ прежняго собственнаго взгляда на древность данной рукописи, которую онъ считалъ въ своемъ „Опытѣ рѣшенія вопроса о томъ: на какомъ языкѣ писана Пѣснь о полку Игоря и т. д.“ (см. выше, стр. 776 и сл.) собственноручнымъ спискомъ переводчика изъ IX в. Теперь онъ называетъ это мнѣніе „ложнымъ и противорѣчащимъ исторической истинѣ“ (стр. 26). Время написанія рукописи Калайдовичъ, вслѣдъ за Востоковымъ, опредѣляетъ XI или XII вѣкомъ (на дѣлѣ она, вѣроятно, значительно позднѣе и относится къ XII—XIII в.). Вопросъ о древности даннаго текста приводитъ Калайдовича къ критикѣ хронологическихъ опредѣленій, сдѣланныхъ Скіадой на слав. рукописяхъ Патріаршей и Духовной Типографской библіотекъ, ошибочность которыхъ онъ устанавливаетъ.

Интересна для того времени попытка сличенія одного и того же мѣста изъ ев. отъ Матѳея (XXV. 14—30), проведенная по евангеліямъ: Остромирову, Мстиславову (1125—32 г.), Синодальному (1144 г), Добрилову („Канцлерскому“, 1164 г.), Милятину (около 1230 г.), Новгородскому (1270 г.), Поликарпову (1307 г.), Ѳедорову (1358), Зарайскому (1401), Лукинскому (1409), и по печатнымъ текстамъ „Угровлахійскому“ (1512), Острожской библіи (1581), Московской первопечатной библіи (1663 г.), „нынѣшнему исправленному“ и русскому переводу Библейскаго общества (стр. 29—37). Въ примѣчаніяхъ къ этому сличенію (№ 66—75) находимъ описанія перечисленныхъ памятниковъ и изданій, большею частью первыя по времени въ нашей литературѣ. Приводится также сличеніе трехъ извѣстныхъ Калайдовичу переводовъ „Богословіи“ Дамаскина (стр. 38—55).

Четвертая глава содержитъ аналогичное изслѣдованіе „Шестоднева“, въ основу котораго положенъ Синодальный списокъ 1263 г. Описаніе этого списка мы находимъ на стр. 61—62. Здѣсь подробно говорится о его сербскомъ происхожденіи, причемъ впервые въ нашей литературѣ такъ точно и полно устанавливаются главнѣйшіе признаки сербскихъ памятниковъ (стр. 62). Палеографическія особенности текста описываются съ большей подробностью на стр. 68—73.

Въ пятой главѣ находимъ совершенно новый въ то время и

интересный матеріалъ для исторіи византійско-славянской грамматической теоріи, заключающійся въ изслѣдованіи разсужденія *о осьми частехъ слова,* приписываемаго І. Дамаскину (см. выше, стр. 149—50). Здѣсь встрѣчаемъ впервые указанія на древность славянскихъ словарей, опыты которыхъ „углубляются во времена отдаленнѣйшія" (стр. 74). Калайдовичъ разумѣетъ здѣсь глоссаріи: „*Рѣчь жидовьскаго языка*", находящійся въ Новгородской Кормчей 1282 г., и „*Тлъкованіе неудобь познаваемомъ въ писаныхъ рѣчемь*" въ новгородскомъ же спискѣ Іоанна Лѣствичника 1431 г., изданные имъ впервые въ приложеніяхъ къ „Экзарху" (стр. 193—197) и охарактеризованные у насъ выше (стр. 162—163). Далѣе авторъ указываетъ извѣстные ему списки сочиненія о восьми частяхъ слова (древнѣйшій—первой половины XVI в.) и приводитъ содержаніе разсужденія, перечисляя особенно подробно древніе славянскіе грамматическіе термины (стр. 76—79) и выясняя между прочимъ происхожденіе понятія о *различіи* или *членѣ* (79—80). Впервые здѣсь сообщается рукописное извѣстіе объ очень рѣдкомъ печатномъ изданіи разсужденія о восьми частяхъ слова, упомянутомъ у насъ выше на стр. 150, причемъ Калайдовичъ сомнѣвается въ его существованіи: „сіе рѣдкое изданіе (если оно дѣйствительно существовало) совершенно намъ неизвѣстно. Можетъ быть, сія Грамматика заготовлена была токмо въ печать, но въ свѣтъ не появилась" (стр. 81). Въ заключеніи главы говорится о приписываемомъ Іоанну Экзарху „*Словѣ на Вшествіе Господа нашего Ісуса Хріста*" и еще двухъ словахъ: *на Преображеніе* и *отъ сказанія Евангельскаго,* которыя Калайдовичъ не отваживался приписать Экзарху.

Послѣдняя глава—заключеніе—представляетъ нѣсколько словъ pro domo sua. „Все доселѣ мною сказанное,—пишетъ Калайдовичъ,—нѣкоторые почтутъ невѣроятнымъ". Никто и не подозрѣвалъ существованія литературы у славянъ въ IX и X вв. и такихъ писателей, какъ Экзархъ Іоаннъ. „Конечно, такія открытія могутъ произвести удивленіе, соединенное съ недовѣріемъ (и дѣйствительно произвели!). Но мои памятники, долго таившіеся въ книгохранилищахъ, теперь обнаружены: пусть всякой читаетъ, повѣряетъ и судитъ... Но какъ доселѣ могли утаиться такіе подвиги? Неудивительно", потому что только недавно русская исторія и древняя словесность „получили новое, счастливѣйшее направленіе". Авторъ высказывалъ въ концѣ надежду, что будутъ совершены и новыя открытія, „когда многочисленныя книгохранилища, на пространствѣ нашей Имперіи разсѣянныя, будутъ ученымъ образомъ изслѣдованы и описаны".

Многочисленныя примѣчанія къ изслѣдованію содержали рядъ частныхъ экскурсовъ и небольшихъ самостоятельныхъ этюдовъ: о составѣ и происхожденіи слав. азбуки (прим. 6), сравненіе притчи о милосердномъ самарянинѣ въ слав., сербск., болгарск. и русскомъ переводахъ (пр. 15), описаніе открытыхъ Калайдовичемъ Пандектовъ Антіоха XI в. (пр. 31), древнѣйшихъ русскихъ списковъ слав. библіи—Геннадіевскаго 1499 г. и 1559 г. (пр. 34), списка словъ на Аріанъ св. Аѳанасія (пр. 40), сборника XV в. съ переводомъ Григорія о взятіи Трои и подвигахъ Александра Македонскаго (пр. 42), Изборника 1073 г. (пр. 54), синод. евангелія 1144 г. (пр. 57), сравненіе текста Молитвы Господней въ перечисленныхъ выше текстахъ (стр. 910), предпринятое по желанію гр. Румянцова (пр. 65, ср. выше, стр. 869), описаніе нѣсколькихъ старопечатныхъ сербскихъ книгъ (пр. 97), четырехъ списковъ Шестоднева XV—XVII вв. (пр. 100), старопечатныхъ слав. грамматикъ, съ пространнымъ дополненіемъ о знаменитомъ „Граматичномъ исказаньѣ“ Юрія Крижанича [1]), въ которомъ впервые сообщались болѣе подробныя свѣдѣнія о его дѣятельности, приводились большія выдержки изъ его труда, и характеризовались его смѣлые и новые взгляды, являющіеся предтечами позднѣйшихъ общепризнанныхъ ученій (о видахъ глагола, простыхъ и сложныхъ прилагательныхъ и т. д., пр. 107).

Наконецъ, въ „приложеніяхъ“ къ книгѣ, кромѣ трудовъ Іоанна Экзарха и приписываемыхъ ему сочиненій, упомянутыхъ уже выше, былъ напечатанъ рядъ памятниковъ древней нашей и славянской письменности: сказаніе о письменехъ черноризца Храбра (съ болгарскаго списка 1348 г., сличеннаго съ печатными изданіями Бурцова 1637 г. и Новикова 1791 г.), вышеупомянутые опыты словарей непонятныхъ и иностранныхъ словъ, встрѣчающихся въ Священномъ Писаніи, Альфавитъ, како которая рѣчь говорити, или писати (первое изданіе у насъ вообще, сдѣланное на основаніи списка XVII в. изъ библіотеки гр. Толстого), о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, и о суевѣріяхъ (тоже), а также семь таблицъ прекрасныхъ палеографическихъ снимковъ, сдѣланныхъ по рисункамъ художника А. М. Ратшина и гравированныхъ А. А. Флоровымъ.

Книга Калайдовича—лучшій и наиболѣе зрѣлый плодъ его

---

[1]) О внимательномъ изученіи Калайдовичемъ сочиненій Юрія Крижанича свидѣтельствуетъ и дополнит. примѣчаніе на стр. 218, гдѣ приводится мнѣніе «одного ученаго Серба, жившаго въ XVII в.», относительно безполезности буквы з.

научной дѣятельности, матеріалы для котораго „приготовлялись“ еще съ 1813 г. (см. Введеніе къ книгѣ, стр. III), явилась такимъ образомъ настоящимъ событіемъ въ нашей научной литературѣ, вполнѣ самостоятельнымъ по содержанію и методу и свидѣтельствовавшимъ о безспорномъ и неожиданномъ ростѣ русской науки. Авторъ былъ безусловно правъ, говоря во введеніи къ своему труду (стр. III): „знатоки языка Словенскаго конечно согласятся, что предлагаемое Изслѣдованіе прольетъ новый свѣтъ на древнѣйшую нашу письменность“. Самое то обстоятельство, что современники, даже такого калибра, какъ Добровскій, Копитаръ и др., не съумѣли оцѣнить всей важности труда Калайдовича, а цѣплялись болѣе или менѣе неудачно за разныя мелочи, показываетъ, насколько содержаніе его было ново для своего времени. „Іоаннъ Ексархъ Болгарскій“ былъ настоящимъ bahnbrechendes Werk не только въ области исторіи литературы, но и въ области палеографіи и языкознанія, намѣчавшимъ новые пути и цѣли изслѣдованія.

Кромѣ Экзарха, Калайдовичъ, почти одновременно съ нимъ [1]), выпустилъ первую часть „Бѣлорусскаго архива“, собраннаго и приготовленнаго къ печати о. І. Григоровичемъ [2]). Изданіе это, посвященное гр. Н. П. Румянцову, содержало рядъ грамотъ, на русскомъ, латинскомъ и польскомъ языкахъ, служащихъ источниками для исторіи Бѣлоруссіи и Литвы. Къ латинскимъ и польскимъ текстамъ здѣсь приложены переводы, въ русскихъ же оригинальныхъ грамотахъ „сохраненъ, по возможности, образъ тогдашняго правописанія, исключая знаки препинанія, которые для

---

[1]) Экземпляры І-й ч. «Архива» разсылались гр. Румянцовымъ одновременно съ «Экзархомъ». См. письмо графа къ Евгенію отъ 18 сент. въ Перепискѣ митроп. Евгенія съ гр. Румянцовымъ». Вып. III, стр. 110.

[2]) «Бѣлорусскій Архивъ древнихъ грамотъ (съ эпиграфомъ изъ договора Мстислава, кн. Смоленскаго, 1229 г.: *Что ся дѣетъ по вѣремьнемь, то отъиде то по вѣрьмьнемь* и т. д.). Часть первая. Москва. Въ Тип. С. Селивановскаго. 1824». (4°. XVI + 2 ненум. + 148). Извѣстное участіе въ собираніи матеріаловъ для этого изданіи принималъ и виленскій проф. И. Н. Лобойко. См. Чтенія въ Общ. ист. и древн. 1864 г., кн. 2, стр. 38—39. Интересенъ его взглядъ на научное значеніе этихъ матеріаловъ, выраженный имъ въ письмѣ къ гр. Румянцову отъ 30 марта 1824 г. Говоря о томъ, что бѣлорусскими грамотами полны «общественные и частные Архивы во всѣхъ Губерніяхъ отъ Польши присоединенныхъ», онъ замѣчаетъ: «невозможно, чтобы Исторія и Филологія не извлекли изъ сего, донынѣ неприкосновеннаго, но богатаго, источника ощутительной пользы. Съ перваго взгляда можно видѣть, что исторія Россійскаго языка, о которой мы только еще начинаемъ думать, найдетъ въ семъ источникѣ весьма важную подпору» (Чтенія въ Общ. ист. и др. 1864, кн. 2, стр. 40, прим.).

ясности смысла, надлежало разставить по принятымъ правиламъ“ (введеніе, стр. VIII—IX). Тотъ же принципъ проведенъ здѣсь и при изданіи латинскихъ и польскихъ грамотъ. Древнѣйшія русскія грамоты, напечатанныя въ этомъ собраніи, относятся къ XV в. (не раньше конца 40 гг. его) и напечатаны большею частью не съ оригиналовъ, а съ позднѣйшихъ списковъ (XVII в., а то такъ и еще новѣе). Самая старая грамота относится къ царствованію короля Казимира (1449—1492), но сохранилась лишь въ спискѣ XVII в. Кромѣ нея, къ XV в. принадлежатъ еще: грамота князя Мстиславскаго Ивана Юрьевича 1463 г. (по списку новаго письма) и грамота Александра Кіевскому митрополиту Іосифу 1499 г.; XVI-го в. имѣется 20 грамотъ (нѣкоторыя съ болѣе позднихъ списковъ). Палеографическихъ снимковъ при этомъ изданіи не было (если не считать facsimile съ подписей Сигизмунда и Льва Сапѣги подъ грамотой 1588 г., стр. 59).

Довольно много грамотъ, собранныхъ Григоровичемъ, осталось и должно было войти во вторую часть Архива, которая подготовлялась къ печати, но такъ и не увидѣла свѣта. Впослѣдствіи эти грамоты, вмѣстѣ съ грамотами первой части, вошли въ собраніе Актовъ Зап. Руси, изд. Археограф. Коммиссіей.

По окончаніи Экзарха, Калайдовичъ, по желанію гр. Румянцова, долженъ былъ приступить къ исполненію имъ же самимъ давно (въ 1814 году, см. выше, стр. 821) задуманнаго и предложеннаго графу (въ 1816 г., см. выше, стр. 827) предпріятія, а именно къ описанію рукописей Синодальной библіотеки. Указомъ Синода отъ 18 окт. 1824 г. онъ былъ допущенъ къ произведенію названной описи [1]), а 7 ноября канцлеръ писалъ по этому поводу Востокову: „...Синодъ, снисходя на мое прошеніе, велѣлъ допустить г. Калайдовича составить въ Москвѣ ученый Каталогъ всѣмъ рукописямъ Патріаршей Синодальной Библіотеки. Когда каталогъ сей готовъ будетъ, когда особливо окончится тотъ, въ которомъ Вы описываете мнѣ принадлежащія рукописи, тогда кажется будетъ принесена мною любителямъ нашихъ древностей достаточная услуга“ [2]).

Свою радость по этому поводу графъ выразилъ и въ письмѣ своемъ къ митрополиту Евгенію (въ ноябрѣ 1824 г.). Сообщая ему о дозволеніи Синода, канцлеръ писалъ: „Нельзя предвидѣть, какія въ семъ важномъ источникѣ найдутся самыя древнія рукописи... Взявъ во вниманіе, что Каталогъ рукописей... гр. Толстова уже довершенъ, что г. Востоковъ занятъ описаніемъ мнѣ при-

---

[1]) Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1862, кн III, стр. 80.

[2]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов. Т. V, вып. II, стр. 145.

надлежащихъ древнихъ рукописей, и что теперь г. Калайдовичъ готовить будетъ полное и ученое описаніе русскихъ манускриптовъ, находящихся въ Московской Синодальной Библіотекѣ, кажется, можно порадоваться сему совсѣмъ новому въ Россіи появленію" [1]).

5 декабря канцлеръ переписывался о томъ же съ Малиновскимъ, благодаря его за то, что онъ собирается приступить „къ исполненію давняго и большого его желанія видѣть составленный г. Калайдовичемъ и въ печати изданный ученый каталогъ Словенскихъ рукописей Патріаршей Синодальной библіотеки" [2]).

Калайдовичъ съ своей стороны писалъ объ этомъ Востокову 2 декабря: „Изъ письма П. И. Кеппена я усмотрѣлъ, что Вы уже изволите знать о новомъ порученномъ мнѣ трудѣ. Открытіе таинствъ Синодальной Библіотеки есть одно изъ достославныхъ предпріятій нашего Мецената" [3]).

Востоковъ отвѣчалъ ему 19 дек.: „я сердечно радуюсь исходатайствованному вамъ... дозволенію описывать Синодальную Библіотеку... Желаю успѣшнаго совершенія... труда, коимъ вы стяжаете новое право на благодарность публики" [4]).

Изъ болѣе мелкихъ работъ Калайдовича за это время укажемъ на описаніе пергаменной Лѣствицы Іоанна Схоластика, купленной у одного московскаго старовѣра для гр. Румянцова осенью 1824 г. и принадлежащей, по мнѣнію Калайдовича, XII в. Описаніе это находится въ письмѣ къ графу Румянцову отъ 14 окт. 1824 г. [5]). Купленная рукопись была отправлена съ письмомъ Калайдовича къ Востокову, который въ письмѣ своемъ къ гр. Румянцову отъ 22 ноября тоже отнесъ ее къ XII в., кромѣ болѣе поздняго послѣдняго листа XIII—XIV в. [6]). Графъ, какъ всегда, былъ очень радъ этому пріобрѣтенію и писалъ 28 окт. Востокову: „Меня многою радостію порадовалъ г. Калайдовичь, купивъ для меня весьма древнюю рукопись" [7]). Вообще же въ 1824 году Румянцовъ не былъ особенно счастливъ въ своихъ поискахъ за древними рукописями, которыя

---

[1]) Переписка Евгенія съ гр. Румянцовымъ. Вып. III. Воронежъ, 1872, стр. 116.

[2]) «Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс.» 1882, кн. 1, стр. 298.

[3]) Сборникъ, Т. V, вып. II, стр. 153.

[4]) Тамъ же, стр. 157.

[5]) Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1882, кн. 1, стр. 341—343 и Переписка Евгенія съ Румянцовымъ. Вып. III. Воронежъ 1872, стр. 113.

[6]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов. Т. V, вып. II, стр. 148—149.

[7]) «Чтенія» 1882 г., кн. 1, стр. 291.

становились все рѣже и рѣже, такъ что и торговля ими въ Москвѣ стала падать. 25 ноября онъ писалъ Малиновскому: „Какъ не сожалѣть..., что въ Москвѣ ослабѣваетъ торгъ древними русскими рукописями! Но для того-то и должно его поддержать новыми и частыми требованіями. Если умерли лучшіе продавцы, то ихъ мѣсто заступятъ, безъ сомнѣнія, люди новые". И тутъ же графъ давалъ порученіе Малиновскому познакомиться „съ одною торговкою книгъ и монетъ, которую" часто у него видалъ Калайдовичъ, и дать ей отъ имени графа порученіе „отыскивать рукописи самыя древнія" [1]). Такъ просты и первобытны были въ тѣ времена и отношенія, и условія ученаго коллекціонерства!

Изъ изданій графа въ 1824 году уже было приступлено къ печатанію IV части Собранія госуд. грамотъ и договоровъ и къ изготовленію для нея палеографическихъ снимковъ, о приложеніи которыхъ графъ и его сотрудникъ А. Ѳ. Малиновскій думали еще съ самаго начала изданія (см. выше, стр. 816—17) [2]). Но канцлеру не было суждено увидѣть этой части, и она вышла лишь послѣ его смерти.

Изъ другихъ членовъ Румянцовскаго кружка продолжалъ заниматься палеографіей и о. І. Григоровичъ, доставившій канцлеру весною 1824 г. свои „замѣчанія на харатейное Евангеліе", хранящееся въ Пулавахъ. Румянцовъ писалъ ему изъ Петербурга 31 мая, что будетъ „хвалиться" ими передъ Востоковымъ и Ермолаевымъ, прибавляя: „кажется мнѣ, что не худо было бы передать сіи замѣчанія Кіевскому Митрополиту, сказавъ, что сіе дѣлаете по моему желанію" [3]). Замѣчанія Григоровича понравились и приближеннымъ палеографамъ канцлера. 5-го іюня Румянцовъ сообщалъ Григоровичу, что ими „восхищался" Калайдовичъ [4]), а 31-го, что Кеппенъ „много ими прельщался и просилъ позволенія внесть ихъ въ одно изъ своихъ новыхъ сочиненій", на что графъ и согласился, съ условіемъ, чтобы принадлежность ихъ Григоровичу была обозначена [5]).

Какъ и другимъ своимъ сотрудникамъ, канцлеръ поручалъ Григоровичу „развѣдывать о всѣхъ продажныхъ, очень древнихъ, рукописяхъ на пергаминѣ" (письмо отъ 9 сент. 1825) и увѣдом-

---

[1]) Тамъ же, стр. 297.

[2]) См. письма Румянцова Малиновскому отъ 5 и 8 декабря 1824 г. Тамъ же, стр. 297—98.

[3]) Чтенія въ Общ. ист. и древн. 1864, кн. 2, стр. 53.

[4]) Тамъ же, стр. 55.

[5]) Тамъ же, стр. 57.

лять его о томъ [1]). Григоровичъ исполнялъ эти порученія, давая въ своихъ письмахъ и описанія осмотрѣнныхъ имъ рукописей. Такъ 11-го сентября 1824 г. онъ сообщалъ Румянцову свои замѣчанія о составѣ рукописной Кормчей Воскресенскаго монастыря, которыя „много порадовали" престарѣлаго графа [2]). Къ 1824 году относится и его разборъ „харатейнаго уставнаго Псалтыря XIV в." русскаго письма, найденный въ бумагахъ отца Іоанна его сыномъ и напечатанный имъ въ „Чтеніяхъ Общ. ист. и древн. росс." (1864, кн. 2, стр. 79—81).

Весной 1824 г. вернулся изъ заграничнаго своего путешествія по славянскимъ землямъ, предпринятаго съ научной цѣлью, П. И. Кеппенъ. Объ этомъ Румянцовъ писалъ Евгенію 7-го мая: „извѣстный Вамъ г. Кеппенъ, возвратился сюда и привезъ довольно богатый запасъ разныхъ преполезныхъ снимковъ для составленія Славянской Палеографіи" [3]). Матеріалы эти графъ предполагалъ издать и 24-го іюня снова писалъ Евгенію: „Кеппенъ приступаетъ къ напечатанію на моемъ иждивеніи всѣхъ собранныхъ имъ за Дунаемъ для Слав. Палеографіи матеріаловъ" [4]). Евгеній привѣтствовалъ это начинаніе въ письмѣ отъ 20-го іюля: „Ваше С-во обѣщаете намъ еще любопытныя изданія Востокова Каталога и Кеппеновыхъ Задунайскихъ находокъ. Оба сіи сочинители достойны покровительства Вашего" [5]).

Впрочемъ, изъ предпріятія Кеппена пока ничего не вышло. Повидимому, виновато въ этомъ отчасти было и знаменитое Петербургское наводненіе 1824 года. По крайней мѣрѣ 4 января 1825 г. Евгеній писалъ канцлеру: „Предпріятіе Кеппена обширно и требуетъ многаго иждивенія, а о потерянныхъ имъ при наводненіи спискахъ надобно жалѣть. Въ другой разъ поскупятся и списывать" [6]).

Въ связи съ развитіемъ русской палеографіи и разработкой нашихъ рукописныхъ сокровищъ находится не лишенный интереса по личности автора и времени появленія „Опытъ въ старинной русской дипломатикѣ, или способъ узнавать на бумагѣ время, въ которое писаны старинныя рукописи, съ приложеніемъ рисунковъ. Вологодскаго купца Ивана Лаптева (Посв. Арханг., Вологодск. и

---

[1]) Тамъ же, стр. 61.

[2]) Тамъ же, стр. 78—79.

[3]) Переписка митр. Евгенія съ гр. Румянцовымъ. Вып. III. Воронежъ, 1872, стр. 105.

[4]) Тамъ же, стр. 107.

[5]) Тамъ же.

[6]) Тамъ же, стр. 120.

Олонецкому Ген.-Губернатору С. И. Миницкому). Санктпетербургъ. Въ типогр. Департамента Нар. Просвѣщенія. 1824": 40, 11 стр. (подъ текстомъ всего пять)+28 таблицъ съ рисунками водяныхъ знаковъ въ бумагѣ рукописей (150). Эта небольшая книжка, носившая такое претенціозное заглавіе (вспомнимъ Евгенія, мечтавшаго еще въ 1812—13 гг. о „краткомъ начертаніи русской дипломатики", см. выше, стр. 816), въ сущности представляла собою небольшой альбомъ однихъ водяныхъ знаковъ съ 1439 г. по 1700, снабженный краткимъ вступительнымъ текстомъ (большею частью перечень знаковъ съ обозначеніемъ ихъ годовъ). Единичныя изображенія водяныхъ знаковъ встрѣчались и раньше на палеографическихъ снимкахъ, прилагавшихся къ тѣмъ или другимъ изданіямъ древнихъ памятниковъ, но у Лаптева находимъ впервые довольно большую ихъ коллекцію (22 изъ XV в., 62—XVI-го и 96—XVII-го). Самыхъ рѣдкихъ знаковъ (числомъ 20) Лаптевъ въ своемъ альбомѣ не помѣстилъ.

Румянцовъ, прося Востокова купить экземпляръ этой книжки для своей петербургской библіотеки, писалъ ему 9 янв. 1825 г.: „сочиненіе вовсе не созрѣлое; но въ вашихъ искусныхъ рукахъ оно можетъ принести плодъ зрѣлый и полезный. Пересмотрите пожалуйте, нѣтъ ли... ошибокъ въ опредѣленіи періодовъ тѣхъ годовъ, къ коимъ онъ относитъ бумаги по ихъ гербамъ; всѣ ли гербы тѣхъ періодовъ ему извѣстны были и мое по этой матеріи полное незнаніе исправьте пожалуйте, сказавъ мнѣ между трудолюбивыми Нѣмцами, не существуетъ ли кто нибудь, который бы въ одномъ и полномъ сочиненіи передалъ намъ особую исторію о писчей бумагѣ и о всѣхъ ея гербахъ съ означеніемъ, гдѣ фабрики существовали; нѣтъ ли о семъ достаточныхъ извѣстій въ важномъ Французскомъ и Нѣмецкомъ сочиненіи о Палеографіи" [1]).

Востоковъ отвѣчалъ 31-го янв.: „сочиненіе сіе безъ сомнѣнія неполно и недостаточно, однакожъ какъ первый у насъ опытъ въ этомъ родѣ, заслуживаетъ всякой благодарности. Многія заводскія клейма не были извѣстны издателю, имѣвшему въ рукахъ небольшое только число рукописей; при томъ же извинительно, что онъ не показалъ, къ какимъ городамъ или фабрикамъ принадлежалъ какой гербъ: къ опредѣленію этого потребна большая начитанность. Но онъ могъ и долженъ бы былъ для большей достовѣрности, показать, изъ какихъ именно рукописей сняты клейма и изображенія знаковъ у него помѣщенныхъ, и гдѣ находятся сіи рукописи. Открывъ такимъ образомъ для охотниковъ до древно-

---

[1]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 164.

стей существованіе сихъ рукописей, придалъ бы двойную цѣну своей книгѣ, которая можетъ быть послужила бы тогда любопытнымъ охотникамъ, Библіографамъ и собирателямъ полезнымъ руководствомъ къ отысканію таковыхъ. Я съ моей стороны также занимаясь собираніемъ знаковъ на бумагѣ, давно уже доискиваюсь, нѣтъ ли какого нибудь полнаго сочиненія о семъ предметѣ; но доселѣ ничего такого не нашелъ. Мнѣ извѣстно только, что при каталогѣ Библіотеки Сантандера приложены изображенія знаковъ на бумагѣ первопечатныхъ XV в. книгъ, съ означеніемъ, гдѣ находились фабрики бумажныя. Слѣдовательно таблицы сіи заключаютъ въ себѣ только фабрики послѣдней половины XV столѣтія. Я продолжаю разысканія мои о семъ, и коль скоро что отыщу, не премину довести до свѣдѣнія В. С-ва" [1]).

Графъ (въ письмѣ отъ 17 февр. 1817) совершенно согласился съ этимъ мнѣніемъ Востокова [2]). Писалъ о книгѣ Лаптева и Калайдовичъ, вызванный на то графомъ Румянцовымъ, который въ письмѣ отъ 6 янв. 1825 г. поручилъ Малиновскому: „Попросите отъ меня г. Калайдовича, чтобы онъ мнѣ сдѣлалъ на сіе сочиненіе свое замѣчаніе, правильно ли сочинитель приписывалъ разнымъ періодамъ знаки, существующіе въ бумагахъ, всѣ ли онъ ихъ описалъ и нѣтъ ли Константину Ѳедоровичу извѣстныхъ знаковъ, о коихъ умолчалъ г. Лаптевъ" [3]). Замѣчанія эти были написаны и доставлены графу, который нашелъ ихъ (въ письмѣ отъ 10 марта 1825) „весьма справедливыми и любопытными" [4]). До насъ они, однако, не дошли.

Печатная рецензія на книгу Лаптева явилась въ „Библіограф. листахъ" П. И. Кеппена (1825 г., № 10, стлб. 133—136). Авторомъ ея былъ Востоковъ, скрывшій, однако, свое имя подъ звѣздочкой [5]). Въ рецензіи высказывалась увѣренность, что книжка Лаптева будетъ принята библіографами и книжными торговцами „не только снисходительно, но и съ благодарностью", тѣмъ болѣе, что и въ Европѣ, сколько извѣстно рецензенту, еще не было „полнаго какого либо сочиненія по сему предмету, т. е. въ коемъ собраны и описаны бы были всѣ *заводскіе знаки* (Фр. filigrane, Нѣм. Wasserzeichen)". Указавъ на книгу Янсена („Essai sur l'origine de la gravure en bois et en tailledouce etc." Парижъ, 1808),

---

[1]) Тамъ же, стр. 169.
[2]) Тамъ же, стр. 174.
[3]) Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1882 г., кн. 1, стр. 305.
[4]) Тамъ же, 1862 г., кн. 3, стр. 184.
[5]) См. Филологическія Наблюденія А. Х. Востокова. Изд. И. И. Срезневскій. Спб. 1865, стр. LXV.

гдѣ сообщаются свѣдѣнія и о водяныхъ знакахъ XIV—XVI в., Востоковъ описывалъ содержаніе Лаптевскаго „Опыта" и указывалъ тотъ же недостатокъ, что и въ письмѣ къ Румянцову, выражая желаніе, чтобы „трудолюбивый собиратель" при новомъ изданіи своей книги указалъ, изъ какихъ рукописей или книгъ почерпнуты имъ его знаки, и гдѣ тѣ рукописи или книги находятся.

Тотъ же упрекъ Лаптеву сдѣлалъ и анонимный авторъ рецензіи въ „Московскомъ Телеграфѣ" Полеваго (1825 г., ч. VI, 391): „Жаль, что не сказалъ, съ какихъ именно книгъ" взяты собранные имъ знаки, „а въ Палеографіи точность главное условіе".

Такимъ образомъ, какъ видно изъ выше изложеннаго, „Опытъ" Лаптева, являющійся первымъ предтечей современнаго намъ аналогичнаго труда Н. П. Лихачева, нашелъ себѣ компетентную оцѣнку при самомъ своемъ появленіи.

Въ 1824 г. вышла въ свѣтъ и вторая часть „Записокъ и Трудовъ" Московскаго Общества ист. и древн. россійскихъ, содержавшая лишь очень мало матеріаловъ для палеографіи (нѣсколько надписей на монетахъ въ „Описаніи русскихъ монетъ" Брусилова, въ добавокъ переданныхъ обыкновенными печатными буквами, надпись Десятинной церкви въ Кіевѣ, на крестѣ В. кн. Святослава II Всеволодовича, XIII в. и т. д.). Почти всѣ статьи этой части имѣли чисто археологическій характеръ.

Изъ журнальныхъ статей этого года къ разсматриваемой нами научной области относились: 1) „Древнія грамоты В. Кн. Витовта", сообщенныя З. Я. Доленго-Ходаковскимъ (текстъ и краткое описаніе двухъ грамотъ XV вѣка: 1424 и 1426 гг.) въ „Сѣверномъ Архивѣ" (т. IX, стр. 14—17); 2) М. Бобровскаго „О старинной Славянской рукописи Хроники Далматской" (переводъ съ польскаго изъ журнала Dziennik Wilen'ski 1823 г.): подробное описаніе одной изъ славянскихъ рукописей Ватиканской библіотеки XVI в., составленіе которой ученый каноникъ относилъ къ XI—XII в., съ выдержкой изъ нея и примѣчаніями, указывающими особенности „далматинскаго нарѣчія. („Вѣстникъ Европы", ч. 138, № 24, стр. 258—274); 3) М. П. Погодина: „Нѣчто о толкованіи одного мѣста въ Несторѣ" (тамъ же, ч. 133, № 4, стр. 260—264), „Еще объ одномъ мѣстѣ изъ Нестора" (тамъ же, стр. 283—287), „Замѣчанія на нѣкоторыя мѣста въ Несторѣ" (тамъ же, ч. 134, № 6, стр. 127—130, № 9, стр. 20—28, № 10, стр. 102—114, № 11, стр. 188—198)—рядъ толкованій отдѣльныхъ мѣстъ, выраженій, географическихъ и этнографическихъ именъ

(море Варяжьское, Волошьская земля, волохи, Варязи, Волъхва, Фряги и т. д.).

1825 годъ не принесъ нашей наукѣ такого крупнаго вклада, какимъ являлся „Экзархъ" Калайдовича, вышедшій въ предшествующемъ году, зато былъ ознаменованъ появленіемъ въ свѣтъ „Описанія рукописей графа Толстова" (перваго обстоятельнаго труда этого рода) и не менѣе обиленъ постоянной скрытой научной работой въ намѣтившемся уже раньше направленіи. Востоковъ продолжалъ трудиться надъ составленіемъ каталога Румянцовскаго собранія рукописей. Въ январѣ 1825 г. онъ писалъ Калайдовичу: „Дѣло это идетъ не такъ скоро, какъ бы мнѣ хотѣлось. Большая половина рукописей еще не описана, а ихъ и всѣхъ не болѣе 400; за то Каталогъ будетъ весьма обстоятеленъ и займетъ порядочный томъ. Дай Богъ только его кончить успѣшно, чтобы порадовать почтеннаго хозяина сихъ рукописей, и принести нѣкоторую пользу ученому свѣту" [1]) Въ февралѣ Востоковъ послалъ для образца нѣсколько статей изъ своего каталога Калайдовичу, который просилъ его объ этомъ, въ виду аналогичныхъ своихъ занятій по описанію рукописей Синодальной библіотеки. Этимъ случаемъ Востоковъ съ радостью воспользовался, чтобы „спросить совѣта и мнѣнія" Калайдовича „о удобствахъ или невыгодахъ" предначертаннаго имъ для себя плана, который онъ также послалъ Калайдовичу въ томъ же видѣ, въ какомъ и канцлеру. „Ежели вы найдете что нибудь въ немъ требующаго перемѣны— прибавлялъ Востоковъ, то крайне меня обяжете, преподавъ мнѣ ваши по сему предмету наставленія. Весьма бы хорошо было, если бы мы съ вами трудились по *одному плану*, какой съ общаго согласія признаемъ удобнѣйшимъ. Теперь еще есть время и мнѣ и вамъ сдѣлать всѣ нужныя на сей конецъ перемѣны въ расположеніи нашихъ каталоговъ". Тутъ же Востоковъ просилъ Калайдовича сообщить ему, какое расположеніе имѣетъ Синодальное евангеліе 1144 г.—четвероевангеліе или апракосъ? [2]).

Калайдовичъ отвѣтилъ на это письмо 2-го марта. Востоковскій планъ описанія онъ находилъ „составленнымъ съ особенною осмотрительностію и искусствомъ", но не могъ согласиться съ предлагаемымъ имъ расположеніемъ рукописей въ азбучномъ порядкѣ. Востоковъ полагалъ, что форматное распредѣленіе было бы сбивчиво и неудобно: чтобы отыскать книгу какого нибудь автора, пришлось бы искать ее въ разныхъ отдѣленіяхъ: фоліантовъ, квар-

---

[1]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 168.
[2]) Тамъ же, стр. 171—172.

тантовъ и т. д., т. е. по всему каталогу. По мнѣнію же Калайдовича, азбучный порядокъ трудно примѣнимъ къ сборникамъ, а неудобства форматнаго распредѣленія могли бы быть устранены помощью особаго алфавитнаго указателя. Зато замѣчаніе Востокова о необходимости „сбереженія приписокъ самого писца рукописи и другихъ важнѣйшихъ" Калайдовичъ принималъ полностью и выражалъ сожалѣніе, что мысль объ этомъ не пришла ему въ голову при составленіи каталога рукописей гр. Ѳ. А. Толстого. Относительно же „опредѣленія правописанія рукописей", онъ полагаетъ: „не рано ли назначать правила, основываясь на признакахъ иногда случайныхъ?" Равнымъ образомъ онъ думалъ, что „въ заглавіяхъ рукописей и въ припискахъ... нѣтъ нужды удерживать правописаніе подлинниковъ, исключая числительныхъ знаковъ". Вообще же Калайдовичъ принималъ совѣты Востокова съ готовностью и просилъ не оставлять его ими, указывая, что труды такого рода, по новости ихъ въ нашемъ отечествѣ, требуютъ взаимнаго подкрѣпленія. На вопросъ Востокова о расположеніи Синод. евангелія 1144 г. Калайдовичъ отвѣчалъ, что оно дѣйствительно расположено по евангелистамъ, а не по чтеніямъ, и давалъ другія желаемыя свѣдѣнія о немъ [1]).

Обмѣнъ мнѣній о преимуществахъ того или другого распорядка въ описаніяхъ рукописей на этомъ не остановился. Востоковъ отвѣчалъ своему сотоварищу пространнымъ письмомъ 17-го марта, гдѣ писалъ, что „премного ему обязанъ" за его „наставительныя замѣчанія", и признаетъ нѣкоторыя неудобства своего плана, но думаетъ, что ихъ можно устранить, соблюдая такія правила: *сборниками* называть только такія рукописи, въ которыхъ „содержатся не два или три только сочиненія разныхъ авторовъ, но множество мѣлкихъ статей разнаго содержанія между собою перемѣшанныхъ"; такія же рукописи, въ которыхъ имѣется два-три разныхъ сочиненія, вносить въ алфавитъ по первому заглавію или автору; если же сборникъ начинается одной или нѣсколькими мелкими статьями, послѣ которыхъ слѣдуетъ большое сочиненіе другого автора или содержанія, то въ каталогѣ отдавать предпочтеніе послѣднему заглавію, указывая, что послѣднему сочиненію предшествуютъ такія то статьи. Трудности пріисканія желаемой статьи при большомъ количествѣ сборниковъ, по мнѣнію Востокова, не превышаютъ трудности отысканія „подъ разными формами книгъ одного автора или одного содержанія. Въ обоихъ случаяхъ помогаетъ Алфавитный указатель". Относительно

[1]) Тамъ же, стр. 178—181.

сохраненія особенностей правописанія, Востоковъ несомнѣнно стоялъ на болѣе научной точкѣ зрѣнія, чѣмъ Калайдовичъ: „считаю полезнымъ для Исторіи языка—писалъ онъ,—показывать различіе въ правописаніи рукописей, а потому удерживаю всѣ особенности и ошибки старинныхъ писцовъ. Сочинитель каталога такой Библіотеки, какова, напр., Канцлерская или Синодальная, пишетъ для ученыхъ, которые должны умѣть читать старинныя рукописи безъ нашихъ поправокъ. И почему знать, можетъ быть другой найдетъ правильнымъ, по свойству древняго языка или по свойству особеннаго нарѣчія—то, что я считалъ ошибкою?

„Въ опредѣленіи, какому народу принадлежитъ какое правописаніе, стараюсь по возможности приблизиться къ истинѣ, утверждаясь на такихъ признакахъ, которые по сличеніи многихъ примѣровъ покажутся мнѣ не случайными только, а постоянными. Впрочемъ, представляю о томъ мои догадки; онѣ не помѣшаютъ читателю дѣлать собственныя свои заключенія о семъ предметѣ".

Несмотря на несогласіе съ Калайдовичемъ, Востоковъ просилъ его прислать нѣсколько описаній рукописямъ Синод. библіотеки, по плану, которымъ онъ руководствовался, составляя свой каталогъ. „Ежели и нельзя будетъ намъ, прибавлялъ онъ, по разности мнѣній, а отчасти и по мѣстнымъ препятствіямъ, согласить во всемъ нашихъ плановъ, то по крайней мѣрѣ не худо знать объ оныхъ въ подробности, и заимствовать одному у другого все, что можно". Въ заключеніе Востоковъ снова задавалъ Калайдовичу два вопроса, возбужденныхъ, очевидно, занимавшимъ его описаніемъ рукописей гр. Румянцова: какое предисловіе въ четвероевангеліи гр. Толстого передъ каждымъ евангелистомъ—Евсевіево или Ѳеофилактово, и съ какого времени явились въ Россіи списки четырехъ евангелій съ Ѳеофилактовыми предисловіями [1]).

Калайдовичъ отвѣтилъ на это письмо 2 апрѣля, препровождая къ Востокову вышедшій тѣмъ временемъ составленный имъ и Строевымъ Каталогъ рукописей гр. Толстого, какъ образчикъ плана, которымъ онъ руководствуется при описаніи рукописей: „не отступая и теперь отъ онаго, пополняю только сохраненіемъ современныхъ приписокъ писца и другихъ важнѣйшихъ;—въ тѣхъ сочиненіяхъ, въ коихъ нѣтъ опредѣленнаго заглавія... и... имени автора, выписываю первыя строки, дабы не смѣшать съ другими;—присоединяю... объяснительныя примѣчанія...; не отрекаюсь и отъ опредѣленія, какому народу принадлежитъ правописаніе и

[1]) Тамъ же, стр. 183—186.

даже почеркъ, если могу сказать объ этомъ что-либо утвердительное, основываясь на показаніяхъ писцовъ или сравнивая съ другими рукописями (но какъ опредѣлить правописаніе Изборника 1073 г., не смотря, что оный писанъ въ Россіи,—Евангелія 1144 г. и мн. друг.?)".

Такимъ образомъ, по собственному признанію, Калайдовичъ не сходился съ Востоковымъ лишь „въ двухъ обстоятельствахъ": 1) „въ распредѣленіи рукописей по алфавитному порядку, находя оное сбивчивымъ и неудобнымъ...: ибо можно ли въ рукописяхъ, содержащихъ два или три сочиненія, давать преимущество первому только потому, что онымъ начинается манускриптъ. Какъ же отыщетъ читатель слѣдующія за тѣмъ статьи?" 2) въ опущеніи „всѣхъ особенностей и ошибокъ (!) старинныхъ писцовъ (которыя Востоковъ удерживалъ)... ибо разнообразность правописанія даже и въ тѣхъ рукописяхъ, кои написаны однимъ писцомъ, ставитъ неодолимыя препоны къ составленію изъ такихъ выписокъ чего-либо опредѣленнаго". Поэтому „въ заглавіяхъ и припискахъ... исключая буквъ числительныхъ", Калайдовичъ проводилъ обычное современное ему правописаніе. Въ заключеніе письма Калайдовичъ писалъ: „Дай Богъ и въ такомъ видѣ оправдать съ честію ожиданія Канцлера при описаніи 954 рукописей и многихъ грамотъ въ теченіи трехъ, для меня опредѣленныхъ лѣтъ! (Калайдовичъ, какъ увидимъ ниже, договорился съ гр. Румянцовымъ исполнить свой трудъ въ три года). Иное дѣло составить подробный и ученый каталогъ рукописямъ, который долженъ освѣщать неприкосновенныя доселѣ книгохранилища вѣрнымъ указаніемъ всего въ нихъ содержащагося; совсѣмъ другое дать душу симъ тлѣющимъ памятникамъ и оживить ихъ, подобно какъ оживленъ Вами древнѣйшій переводъ творенія св. Григорія Богослова" [1]). Послѣднее слово въ этомъ обмѣнѣ мнѣній, въ которомъ Калайдовичъ обнаружилъ несомнѣнную самостоятельность взгляда, но въ то же время въ нѣкоторыхъ пунктахъ меньшую дальновидность и научность, чѣмъ Востоковъ, осталось за послѣднимъ. Въ письмѣ своемъ отъ 10 апр. Востоковъ писалъ Калайдовичу: „Тѣ два пункта, въ коихъ мы съ вами согласиться не можемъ, и именно: распредѣленіе каталога по азбучному порядку и сохраненіе ошибокъ писцовыхъ,—не сдѣлаютъ существенной разницы въ достоинствѣ каталоговъ, а потому будемъ уже продолжать такъ какъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 188—190. Калайдовичъ, очевидно, имѣлъ здѣсь въ виду Востоковское описаніе извѣстной рукописи XIII словъ Григорія Богослова XI в., напечатанное въ «Библіограф. листахъ» Кеппена за 1825 г. (см. ниже).

мы начали“ [1]). Повидимому, Востоковъ, по природѣ своей совсѣмъ не бывшій бойцомъ за свои убѣжденія, замѣтилъ невозможность соглашенія съ Калайдовичемъ и уклонился отъ дальнѣйшаго спора, оставивъ за недосугомъ „подробнѣйшія разсужденія о семъ предметѣ“ до другого, болѣе удобнаго времени. Такъ какъ въ позднѣйшей перепискѣ этихъ „подробнѣйшихъ разсужденій“ мы не встрѣчаемъ, то едва ли ошибемся, предположивъ, что Востоковъ и не хотѣлъ болѣе къ нимъ возвращаться.

За изученіе Сборника 1073 г. Востоковъ все еще не могъ приняться, хотя мысль о немъ постоянно занимала его. 18 февр. онъ писалъ гр. Румянцову, что среди его рукописей нашелъ рукопись XV в., очень полезную для изданія названнаго Сборника, такъ назыв. „Анастасіевы отвѣты“, содержащіе тѣ же отвѣты, что и въ большей части Сборника. Востоковъ доискался, что существуетъ и печатное изданіе греческаго подлинника этой статьи съ латинскимъ переводомъ, но не могъ еще добыть его себѣ, хотя и считалъ названную статью „необходимо нужной для сличенія древняго Славянскаго перевода при изданіи Сборника“. Въ ожиданіи онъ пользовался латинскимъ переводомъ статьи Анастасія, помѣщеннымъ въ Bibliotheca patrum, и намѣревался приняться за работу надъ Сборникомъ „между временемъ составленія каталога“ [2]). Графъ въ письмѣ отъ 3 марта, высказывая свою радость по поводу того, что Востоковъ началъ работать надъ Сборникомъ, обѣщалъ ему добыть вышеупомянутое очень рѣдкое изданіе Анастасія Синаита (напечат. въ 1617 г. въ Ингольштадтѣ) и написалъ заграницу, чтобы ему купили названную книгу и выслали въ Петербургъ [3]).

Поиски, однако, оказались безуспѣшными [4]), и тогда для Востокова, по его просьбѣ къ Малиновскому, была снята копія съ греческаго рукописнаго списка сочиненія Анастасія Синаита X в., отысканнаго тѣмъ временемъ въ Синодальной библіотекѣ [5]).

Къ октябрю мѣсяцу копія съ греч. текста, вмѣстѣ съ facsimile первой его страницы, сдѣланная нарочно для того пріисканнымъ ученымъ грекомъ, были уже въ рукахъ Востокова, который въ

---

[1]) Сборникъ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. 2, стр. 194—195.

[2]) Тамъ же, стр. 177.

[3]) Тамъ же, стр. 181.

[4]) См. письма Востокова: къ Румянцову отъ 25 марта (тамъ же, стр. 187—88), Малиновскому отъ 27 апр. (тамъ же, стр. 199—200) и Калайдовичу отъ 5 мая (тамъ же, стр. 204).

[5]) См. письма къ Востокову: Калайдовича отъ 14 мая (тамъ же, стр. 209), 5 іюня (стр. 223), 15 іюля (стр. 232) и 28 сент. (237—38) и Малиновскаго отъ 15 мая (стр 210); Востокова—Калайдовичу отъ 11-го іюня (стр. 224—225).

этомъ мѣсяцѣ писалъ Калайдовичу: „какъ fac simile, такъ и весь списокъ сдѣланы со всею исправностью, какую только желать можно“. Впрочемъ, текстъ Анастасія Синаита Синод. библіотеки оказался не полнымъ, сравнительно съ тѣмъ, что попало въ Изборникъ и въ „Гретсерово изданіе“ Анастасія (не хватало 56 отвѣтовъ, да и расположеніе ихъ было совсѣмъ въ другомъ порядкѣ, чѣмъ въ Изборникѣ и у Гретсера [1]). Всѣ эти неудачи задерживали работу надъ приготовленіемъ Сборника къ печати. По справедливой догадкѣ И. И. Срезневскаго, виноватъ былъ отчасти и характеръ Востокова: „занятый однимъ большимъ дѣломъ, онъ не могъ въ то же время съ такимъ же усердіемъ приняться и за другое подобное, требовавшее сосредоточеннаго вниманія. Его увлекали новыя находки и изслѣдованія ихъ вызывавшія, а всего болѣе описаніе Румянцовскихъ рукописей, которымъ онъ былъ занятъ какъ главнымъ дѣломъ“ [2]).

Надъ этимъ послѣднимъ трудомъ онъ продолжалъ все работать, и графъ 4 авг. писалъ къ нему: „Примите искреннюю мою признательность, что съ такимъ неутомимымъ трудомъ занимаетесь ученымъ описаніемъ мнѣ принадлежащихъ Славено-русскихъ рукописей“ [3]).

Рядомъ съ этимъ главнымъ занятіемъ, Востокову приходилось постоянно разсматривать и оцѣнивать пріобрѣтавшіяся Румянцовымъ рукописи, которыя направлялись къ нему для окончательнаго заключенія. Такъ 17 марта графъ послалъ Востокову нѣсколько кормчихъ, въ томъ числѣ одну пергаменную, якобы XII вѣка (на дѣлѣ XIII), и „Просвѣтителя“ временъ В. Кн. Ивана Васильевича [4]). Въ отвѣтномъ письмѣ отъ 15 апр. Востоковъ уже даетъ опредѣленіе пергаменной кормчей: „по языку, исполненному архаизмами, можно бы дѣйствительно отнести ее къ XII в., но почеркъ не старѣе XIII или даже начала XIV в.; за всѣмъ тѣмъ кормчая сія есть драгоцѣнность между рукописями Словенскими, потому что доселѣ извѣстны только двѣ кромѣ ея пергаменныя кормчія, одна въ Синодальной Б-кѣ, а другая 1284 г. гр. Толстова“ (теперь въ Имп. публ. библ.). Тутъ же онъ сообщаетъ описаніе креста съ надписями, отрытаго въ Гомелѣ [5]). Румянцовъ былъ очень радъ, что его пріобрѣтеніе было высоко оцѣнено Востоковымъ, и писалъ ему 1-го мая: „Письма мною отъ

[1]) Тамъ же, стр. 238.

[2]) Филологическія Наблюденія А. Х. Востокова. Спб. 1865, XXXIV.

[3]) Сборникъ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 236.

[4]) Тамъ же, стр. 183.

[5]) Тамъ же, стр. 195—196.

васъ полученныя, всегда приносятъ мнѣ душевное услажденіе... Я чрезвычайно порадованъ былъ, что тотъ древній манускриптъ Кормчей на пергаментѣ, которымъ я давно дорожилъ, заслужилъ особое ваше вниманіе". Тутъ же, однако, онъ прибавлялъ: „пріобрѣтеніе древнихъ на пергаменѣ книгъ къ сожалѣнію моему новыхъ успѣховъ не имѣетъ". Въ этомъ же письмѣ графъ благодарилъ Востокова за доставленныя имъ для Погодина выписки изъ старопечатныхъ и рукописныхъ книгъ о Кириллѣ и Меѳодіи [1]), а въ письмѣ отъ 8 мая снова просилъ поручить Кеппену или кому другому навѣдаться у ксендза Бобровскаго, открывшаго только что передъ тѣмъ Супрасльскую рукопись, нельзя ли пріобрѣсти эту новую находку, а также посылалъ для прочтенія снимокъ надписей съ двухъ надгробныхъ камней, найденныхъ въ Лепельскомъ уѣздѣ [2]). Въ письмѣ 2-го іюня графъ опять давалъ Востокову порученіе познакомиться съ Супрасльскою рукописью, если она дойдетъ до Петербурга, и сообщить ему, „не имѣетъ ли она какихъ особыхъ достоинствъ", за которыя ее слѣдовало бы издать [3]).

9 іюня графъ шлетъ Востокову новое порученіе—опредѣлить по надписямъ время изготовленія трехъ старыхъ деревянныхъ крестовъ, принадлежащихъ ему [4]), а въ концѣ этого мѣсяца Востоковъ снова возвращается къ вопросу о древности пергаменной кормчей XIII—XIV в., которую онъ здѣсь считаетъ „копіей съ древнѣйшей Болгарской рукописи, такъ какъ въ ней сохранены многіе архаизмы" [5]). Не говоримъ уже о множествѣ разныхъ другихъ ученыхъ порученій по книжной части, справокъ въ рукописяхъ и книгахъ и т. п., которыми канцлеръ не переставалъ забрасывать Востокова.

Несмотря на это, въ 1825 году Востоковъ опять выступилъ въ печати съ рядомъ работъ по палеографіи, до сихъ поръ еще не утратившихъ своей научной цѣны. Первой изъ нихъ было описаніе пріобрѣтенной въ 1824 г. Императ. публ. библіотекой рукописи XI в., содержавшей XIII словъ Св. Григорія Назіанзина [6]). Востоковъ установилъ принадлежность этой рукописи

[1]) Тамъ же, стр. 202—203.
[2]) Тамъ же, стр. 207—208.
[3]) Тамъ же, стр. 219.
[4]) Тамъ же, стр. 223—24.
[5]) Тамъ же, стр. 227.
[6]) «О Словенской рукописи XI вѣка, содержащей переводъ твореній Св. Григорія Богослова» въ «Библіографическихъ Листахъ» П. И. Кеппена, 1825 г. № 7, стлб. 85—91. Перепечатано въ «Учен. Зап. 2-го отд. Ак. Наукъ». Кн. II, вып. II, стр. 75—80.

XI в., указалъ на сходство ея по почерку со Сборникомъ 1076 г., а по правописанію —съ Остромир. евангеліемъ, и опредѣлилъ ее, какъ русскій списокъ съ южнославянской (староболгарской) рукописи. Въ статьѣ устанавливался также составъ рукописи и ея отношеніе къ позднѣйшимъ спискамъ словъ Григорія Богослова (XV в.), и печатному ихъ изданію 1656 г. въ переводѣ Епифанія Славинецкаго. Приведены были также и интересныя приписки. Въ заключеніе статьи указывалось, что въ описанной рукописи, несомнѣнно „во многихъ отношеніяхъ заслуживающей вниманіе филологовъ", „изслѣдователю языка Словенскаго представляются... новые, богатые матеріалы".

За этой статьей послѣдовало „Извѣстіе о вновь открытыхъ древнихъ Словенскихъ рукописяхъ" [1], гдѣ находимъ первое описаніе и палеографическую характеристику Супрасльской рукописи, незадолго передъ тѣмъ открытой ксендзомъ Мих. Бобровскимъ, и замѣтку о Барберинскомъ палимпсестѣ. Самой Супрасльской рукописи Востоковъ не видалъ и основывался лишь на присланныхъ въ редакцію „Библіографическихъ Листовъ" описаніи Бобровскаго и его же снимкѣ 16-ти строкъ памятника.

Но уже на основаніи этого скуднаго матеріала Востоковъ безошибочно опредѣлилъ принадлежность рукописи XI вѣку (Бобровскій относилъ ее къ XIII-му!), указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ „замѣчательнѣйшія особенности ея діалекта и правописанія", отличающіе ее отъ знакомаго уже Востокову правописанія древнѣйшихъ памятниковъ русской рецензіи. Не со всѣми замѣчаніями, сдѣланными имъ, можно теперь согласиться (напр., Востоковъ считаетъ совершенно однородными уклоненіями отъ нормы написанія *погыбѣлъ* и *сдѣлаетъ*, вм. обычныхъ др. русск. *погыбѣль* и *съдѣлаеть*), но нельзя не признать, что, по точности, наблюдательности и внимательности изученія графическихъ особенностей рукописей, Востоковъ тогда не имѣлъ у насъ соперниковъ, превосходя въ этомъ отношеніи и Калайдовича.

Поэтому гр. Румянцовъ былъ вполнѣ правъ, когда писалъ Востокову (2-го іюня): „къ крайнему своему удовольствію прочелъ ученую и прелюбопытную рецензію Супрасльскаго манускрипта. Донынѣ у насъ древностямъ языка нашего подобныхъ поясненій не давали и дать было до васъ не кому" [2].

Впослѣдствіи, уже въ 1826 г., Востоковъ напечаталъ „Допол-

---

[1] «Библіограф. Листы», 1825 г., № 14, стлб. 189—200, перепеч. въ Ученыхъ Зап. 2-го отд. Акад. наукъ. Кн. II, вып. 2, стр. 80—88.

[2] Сборникъ статей, чит. въ отд. р. я. и слов., т. V, вып. II, стр. 220.

ненія и поправки“ къ этой статьѣ (также въ „Библіографич. Листахъ“, № 36, стлб. 533—37).

Характеристикѣ Барберинской рукописи посвящена была новая статья: „Ближайшія свѣдѣнія о Словенскомъ палимпсестѣ, въ Римѣ“ [1]), которая основывалась также на „обстоятельнѣйшемъ описаніи“ польскаго ученаго палеографа кс. М. Бобровскаго, видѣвшаго эту рукопись въ Римѣ. Здѣсь Востоковъ пришелъ къ инымъ выводамъ относительно даннаго памятника, чѣмъ въ предыдущей своей статьѣ. Основываясь со словъ Бобровскаго на томъ обстоятельствѣ, что въ Барберинскомъ палимпсестѣ сверхъ смытаго славянскаго письма написанъ греческій текстъ почеркомъ XII в., Востоковъ полагалъ раньше, что сама славянская рукопись могла относиться къ XI и даже X в. Теперь же оказалось, что написанное сверху греч. письмо *„не моложе XIII вѣка“*, а выписки изъ памятника, присланныя Бобровскимъ, засвидѣтельствовали вполнѣ поздній характеръ правописанія славянскаго текста, представлявшаго случаи среднеболгарскаго „смѣшенія юсовъ“ (ѫ съ ѧ) и сербской замѣны ѧ посредствомъ *е*, а ъ поср. ь. На основаніи этихъ данныхъ, Востоковъ относилъ слав. текстъ памятника къ XIII, много XII вѣку, и опредѣлялъ его правописаніе, какъ „смѣсь Болгарскаго и Сербскаго“, сравнивая его въ этомъ отношеніи съ Шестодневомъ 1263 г., изданнымъ Калайдовичемъ въ его изслѣдованіи объ Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ. Такъ шли въ этомъ году палеографическія занятія Востокова, изъ скромнаго чиновника-любителя выросшаго къ этому времени въ настоящаго первокласснаго знатока своего дѣла, крупнаго и вполнѣ самостоятельнаго ученаго, съ которымъ у насъ тогда могъ сколько нибудь мѣряться развѣ только одинъ Калайдовичъ, несомнѣнно, впрочемъ, уступавшій ему въ глубинѣ лингвистическихъ свѣдѣній и точности, проницательности и обстоятельности палеографическаго изученія.

Превосходство Востокова признавали и современники, въ родѣ митрополита Евгенія, писавшаго Румянцову 4 янв. 1825 г.: „Замѣчанія Востокова (въ одномъ изъ его писемъ къ графу, посланномъ послѣднимъ по обыкновенію къ Евгенію) весьма тонки и этотъ Археологъ у насъ первый по разборчивому своему вниманію“ [2]).

---

[1]) «Библ. листы» 1825, № 17, стлб. 229—232, переп. въ Уч. Зап. 2-го отд. А. н., т. II, вып. 2, стр. 91—94. Гр. Румянцовъ «съ нетерпѣніемъ» ожидалъ появленія этой статьи въ журналѣ Кеппена. См. письмо графа къ Востокову отъ 2 іюня въ Сборн. статей, чит. въ отд. р. я. и слов. Т. V, вып. 2, стр. 219.

[2]) Переписка Евгенія съ Румянцовымъ. Вып. III. Воронежъ, 1872, стр. 120.

Главнымъ трудомъ Калайдовича въ этомъ году было составленіе каталога рукописей Синодальной библіотеки. 9-го января 1825 г. гр. Румянцовъ писалъ ему: „Алексѣй Ѳедоровичъ (Малиновскій) съ Вами условится о желаемомъ мною сочиненіи ученаго и подробнаго Каталога Патріаршихъ и Синодальныхъ рукописей. Приступите, пожалуйте, къ сему труду, коль скоро возможно. Искренно желаю и надѣюсь, что Вы преученымъ обработаніемъ сего каталога пріобрѣтете себѣ новую честь и оправдаете ту важную издержку, которую я понесу для составленія и изданія его“ [1]). 20 января 1825 г. было заключено формальное условіе съ Калайдовичемъ, который обязывался въ три года приготовить „ученый обстоятельный и надлежаще, по направленію Его С—ва обработанный каталогъ“ рукописей Синод. библіотеки, за что долженъ былъ получить 6000 рублей ассигнаціями и 1000 р. на наемъ писца и помѣщенія при библіотекѣ „для удобнаго занятія“ [2]). 31-го янв. 1825 г. онъ писалъ Востокову: „сверхъ обязанности службы, состоящей на сей разъ въ изданіи IV части Государственныхъ Грамотъ, кромѣ приготовляемой мною 2-й части Русскихъ достопамятностей, я приступилъ уже и къ описанію сокровищъ Синодальной Библіотеки. Обиліе рукописей, которыхъ считается 954, за исключеніемъ значущагося количества грамотъ, поставляетъ меня въ такое положеніе, что я долженъ посвятить большую часть времени сему столь для меня лестному занятію“. При этомъ Калайдовичъ, „стараясь придать возможное совершенство“ своему труду и желая сообразоваться съ Востоковскимъ описаніемъ Румянцовскихъ рукописей, просилъ Востокова прислать ему „опись двумъ или тремъ рукописямъ“ канцлерской библіотеки „въ томъ видѣ, въ какомъ ее Востоковъ „приготовлялъ“ [3]). Письмо это послужило началомъ того обмѣна мнѣній двухъ нашихъ первыхъ палеографовъ этого времени, относительно правилъ для описанія рукописей, который представленъ нами выше (стр. 921—25).

Лестное довѣріе, оказанное графомъ Калайдовичу, въ видѣ порученія составить описаніе Синодальной библіотеки, пытался поколебать академикъ Кругъ, писавшій Румянцову 6 февр. 1825 г.: „Толковый каталогъ славянскихъ рукописей Патріаршей и Синодальной библіотекъ, изготовленіе котораго В. С—во хотите поручить Калайдовичу, безъ сомнѣнія, есть трудъ, который можетъ

---

[1]) «Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1862 г., кн. 3, стр. 81 и 183.

[2]) Тамъ же, 1882, кн. 1, стр. 308—309.

[3]) Сборникъ стат., чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 170—71.

оказать ему самую великую честь, если онъ его выполнитъ какъ слѣдуетъ. Но задача эта, конечно, очень трудна. Многія изъ этихъ рукописей переведены съ греческаго: какъ г. Калайдовичъ справится съ этимъ дѣломъ?“ Сомнѣнія Круга были вызваны ошибками въ греческихъ словахъ, напечатанныхъ Калайдовичемъ во II ч. Записокъ и Трудовъ Общ. Ист. и Древн. (стр. 9): въ 12 словахъ было сдѣлано 12 опечатокъ, а въ перечнѣ опечатокъ исправлена только одна. Отсюда Кругъ заключалъ, что Калайдовичъ не знаетъ по-гречески, и просилъ графа особенно рекомендовать Калайдовичу „не довѣряться вполнѣ собственному знанію и не брезгать помощью людей, которые во многихъ отношеніяхъ необходимо должны быть ученѣе его, что вовсе не трудно въ такомъ городѣ, какъ Москва. Пусть Г. Калайдовичъ воздержится также отъ печатанья всего, что приходитъ ему въ голову, безъ совѣта съ кѣмъ-нибудь“. Въ примѣръ нелѣпостей, на которыя способенъ Калайдовичъ, Кругъ приводилъ одно изъ объясненій его въ „Экзархѣ“, принятое и послѣдующей наукой, но не понравившееся Кругу, предложившему вмѣсто него собственное, совсѣмъ уже несостоятельное.

Письмо это не произвело на графа желаемаго впечатлѣнія и было отослано имъ Калайдовичу. 25 марта Калайдовичъ уже сообщалъ графу, что „описалъ съ совершенною осмотрительностію 46 рукописей Синодальныхъ“, среди которыхъ „однако“ особенно важныхъ не оказалось [1]). 7 апрѣля графъ писалъ къ нему: „Я съ душевнымъ порадованіемъ получилъ отъ Васъ свѣдѣнія, доказывающія, что Вы уже приступили къ нѣкоторому разбору манускриптовъ Патріаршей и Синодальной библіотеки. Конечно, первая встрѣча отмѣннаго не представляетъ; но я въ полной надеждѣ пребываю, что со временемъ внезапно нападете на такой древній манускриптъ, который станетъ оспаривать старшинство у Остромирова Евангелія.—Разсматривайте пожалуйте все съ большимъ тщаніемъ и осторожностію. Предъ Вами путь открытъ къ достиженію имени знаменитаго: не теряйте сей цѣли изъ виду!“ [2]).

4 мая Калайдовичъ извѣщалъ снова графа: „Въ Синодальной Библіотекѣ я описалъ 58 рукописей. Мой трудъ идетъ теперь не такъ успѣшно, по причинѣ здачи сокровищъ Патріаршихъ отъ прежняго Ризничаго новому“ [3]).

Довести до конца свой трудъ Калайдовичу, однако, не дове-

---

[1]) „Чтенія въ Общ. Ист. и Др.“ 1862 г., кн. 3, стр. 185.
[2]) Тамъ же, стр. 81 и 186.
[3]) Тамъ же, стр. 187.

лось. Скоро за тѣмъ послѣдовавшая смерть его покровителя, гр. Румянцова, собственный выходъ его изъ службы въ Коммиссіи по изданію Собранія госуд. грамотъ, связанный также съ этой смертью, и вытекавшая отсюда необходимость искать средствъ пропитанія, не позволили ему довершить начатое дѣло. Черезъ три года и самъ Калайдовичъ былъ вычеркнутъ душевной болѣзнью изъ ряда нашихъ научныхъ дѣятелей.

Кромѣ занятій надъ описаніемъ Синод. библіотеки, Калайдовичъ, какъ и Востоковъ, долженъ былъ исполнять разныя порученія графа Румянцова по части покупки рукописей и т. д., а также и слѣдить за печатаніемъ своихъ и чужихъ работъ. Такъ 12 февр. онъ посылалъ Востокову купленную для гр. Румянцова рукопись XV в. и извѣщалъ его также о своей новой покупкѣ (для графа же),—пергаменнаго Новгородскаго евангелія 1270 г. (нынѣ въ Румянц. музеѣ) [1]).

10 марта графъ снова давалъ Калайдовичу порученіе этого рода: „Не доходятъ ли до Васъ какія-либо вѣсти о продажѣ древнихъ очень рукописей на пергаминѣ, и въ такомъ случаѣ, пожалуйте, не теряя времени, меня о томъ увѣдомляйте. Я слышу, что Г. Власовъ скончался и оставилъ дѣла свои довольно разстроенными. Мнѣ кажется, библіотека его славилась, какъ содержащая многія любопытныя рукописи. Въ числѣ таковыхъ есть ли Русскія, поступятъ ли въ продажу, можно ли будетъ мнѣ получить о нихъ записку и т. д.“ [2]).

24 марта, въ письмѣ къ Малиновскому графъ намекаетъ: „для чего бы г. Калайдовичу не помѣстить когда-либо въ своей перепискѣ (съ гр. Ѳ. А. Толстымъ), что графъ Толстой, будучи богатъ, въ деньгахъ надобности имѣть не можетъ, а лучше бы ему стараться промѣнять библіотеку свою мнѣ, на двѣ ему извѣстныя, главныя части моей дачи въ Петербургѣ... Если Конст. Ѳедоровичъ (Калайдовичъ) имѣетъ случай подать Гр. Толстому таковый совѣтъ, онъ подавъ его меня премного одолжитъ...“ [3]).

25 марта Калайдовичъ сообщалъ канцлеру, что купилъ для него духовный сборникъ XVI в., оканчивающійся извѣстіемъ о Серпуховскомъ игуменѣ Аѳанасіи [4]), а 4 мая, что купецъ Царскій, покупавшій у Румянцова лѣсъ на срубку, обѣщаетъ въ случаѣ, если торгъ состоится, поднести канцлеру имѣющіяся у

---

[1]) Тамъ же, стр. 173.
[2]) Тамъ же, стр. 184.
[3]) Тамъ же, 1882 г., кн. 1, стр. 315—16.
[4]) Тамъ же, 1862 г., кн. 3, стр. 185.

него древнія рукописи [1]). 26 мая самъ графъ признавался Евгенію: „продолжаю съ жаромъ неутомимымъ рыться вездѣ, отыскивая древніе Манускрипты, но что получилъ на дняхъ, то мало оправдало таковое рвеніе“ [2]). 11 іюня Калайдовичъ снова писалъ гр. Румянцову, что ему принесли для продажи „рукописное Евангеліе по днямъ расположенное, написанное на бумагѣ въ 1544 г., не весьма чистымъ полууставомъ, въ листъ“, и приводилъ изъ него послѣсловіе [3]). 18 іюня графъ разрѣшилъ пріобрѣсти эту рукопись и отправить Востокову [4]), о чемъ и самъ сообщилъ послѣднему 26 іюня [5]), а 10 іюля далъ снова порученіе войти въ переговоры со Свиньинымъ, не продастъ ли тотъ свои рукописи, если ихъ еще не купилъ гр. Толстой [6]).

Лѣтомъ Калайдовичъ захворалъ отъ усиленныхъ трудовъ и для поправленія здоровья пустился путешествовать по разнымъ селамъ и городамъ (Зарайскъ, Коломна, Кашира, Веневъ), не упуская при этомъ случая развѣдать что-либо о древнихъ рукописяхъ. Болѣзнь Калайдовича вызвала сочувствіе знавшихъ его, свидѣтельствующее о томъ, что его цѣнили. Гр. Румянцовъ писалъ 25 сент. Малиновскому: „Сожалѣю... о томъ, что г. Калайдовичъ, который мнѣ столь полезенъ, страждетъ нервами. Желаю скораго и полнаго его выздоровленія“. 16 окт. онъ снова писалъ тому же: „желать я долженъ и желаю, чтобы г. Калайдовичъ выздоровѣлъ совершенно, такъ, чтобы по прежнимъ примѣрамъ могъ заняться съ успѣхомъ возложеннымъ на него дѣломъ“ [7]). Востоковъ также писалъ Калайдовичу 25 іюля: „Съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ узналъ я изъ письма Вашего,... что тяжкая болѣзнь... едва вамъ позволила приняться за него. Здоровье ваше, почтеннѣйшій К. Ѳ., драгоцѣнно для всякаго Русскаго Патріота и Литератора“ [8]).

Поѣздка Калайдовича не только поправила его нервы, но принесла нѣкоторые плоды и для палеографіи.

Въ селѣ Дѣдновѣ онъ нашелъ два пергаменныхъ евангелія, одно XIII в., въ Зарайскѣ еще одно пергаменное евангеліе XIV в.,

---

[1]) Тамъ же, стр. 187.

[2]) Переписка митр. Евгенія съ гр. Румянцовымъ, вып. III, Воронежъ, 1872 г., стр. 124.

[3]) „Чтенія въ Общ. Ист. и Древн.“ 1862 г., кн. 3, стр. 189—90.

[4]) Тамъ же, стр. 190.

[5]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 228.

[6]) Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1862 г., кн. 3, стр. 192.

[7]) Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1882 г, кн. 1, стр. 331.

[8]) Сборникъ стат., чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 234.

которое, вмѣстѣ съ бумажнымъ евангеліемъ того же вѣка и спискомъ Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ XVI в., сторговалъ для графа. Четвертую пергаменную рукопись, Номоканонъ 1305 г., онъ открылъ въ Коломнѣ у одного раскольника, который, однако, не соглашался ее продать [1]).

Эти извѣстія очень затронули графа, который 8 сентября просилъ Калайдовича приложить „всевозможное стараніе купить, или промѣнять на какой-либо старинный серебряный ковшъ у Дѣдновскаго старообрядца Евангеліе на перг. XIII в., и постараться получить свѣдѣніе или facsimile и другого Евангелія Дѣдновскаго", котораго онъ не видалъ. Продающіяся же рукописи канцлеръ просилъ купить [2]).

21 сентября Калайдовичъ сообщалъ графу, что уже написалъ въ Коломну, Зарайскъ и село Дѣдново о желаемыхъ рукописяхъ [3]), а 25-го,—что ему принесли на продажу пергаменный сборникъ XIV в., писанный въ листъ, „сплошнымъ письмомъ, чистымъ полууставомъ" и содержащій въ себѣ „Измарагдъ или собраніе отборныхъ поученій и словъ, преимущественно Златоустовыхъ", въ томъ числѣ два слова Кирилла Туровскаго и Слово св. Нифонта о русальяхъ [4]). Графъ сейчасъ же отвѣчалъ (30 сент.), прося купить эти рукописи [5]).

27 сентября и 1 октября Калайдовичъ снова сообщалъ о продающихъ пяти и семи рукописяхъ, прилагая ихъ реестръ и „обстоятельное описаніе" [6]), въ отвѣтъ на что́ получилъ согласіе графа на покупку [7]). 7 октября онъ извѣщалъ Румянцова о покупкѣ пергаменнаго Измарагда и о неудачѣ обращенія къ владѣльцамъ рукописей въ Коломнѣ и Зарайскѣ, которые или отказывались продавать ихъ, или запрашивали слишкомъ дорого. Калайдовичъ прибавлялъ: „съ однимъ только равнодушіемъ можно будетъ исторгнуть рукописи изъ рукъ такихъ упрямыхъ невѣждъ" [8]). Въ концѣ концовъ евангеліе Зарайскаго купца Аверина было куплено, какъ видно изъ письма графа къ Калайдовичу отъ 3-го ноября; графъ поручалъ въ немъ купить и Дѣдновское еван-

---

[1]) „Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1862 г., кн. 3, стр. 193—194.
[2]) Тамъ же, стр. 194.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же, стр. 196.
[5]) Тамъ же.
[6]) Тамъ же.
[7]) Тамъ же, стр. 196—97.
[8]) Тамъ же, стр. 197—98.

геліе, и рукописи купца Мельникова въ Торжкѣ, прибавляя, что „богатѣетъ рукописями“ [1]).

Въ то же время Калайдовичъ слѣдилъ за печатаніемъ предисловія къ давно уже готовому каталогу рукописей гр. Толстаго. 2 марта онъ писалъ Востокову: „скоро буду имѣть честь представить на Вашъ снисходительный судъ давно ожидаемый Каталогъ библіотеки Гр. Толстова: допечатывается предисловіе“ [2]). Черезъ мѣсяцъ каталогъ былъ готовъ и препровожденъ Востокову [3]). Получивъ его 9 апр., Востоковъ писалъ на другой день Калайдовичу, благодаря его за „драгоцѣнный“ подарокъ: „Съ большою для себя пользою прочелъ я любопытное и ученое предисловіе ваше къ Каталогу, пробѣжалъ азбучную роспись и самый каталогъ: сколько помощи и облегченія тутъ для меня къ составленію Канцлерскаго каталога“ [4]).

По поводу выхода въ свѣтъ каталога рукописей гр. Толстого писалъ Калайдовичу и Виленскій проф. Лобойко (25 апр. 1825): „при всемъ благоговѣніи къ сему и подобнымъ трудамъ Вашимъ, не могъ Васъ въ то же время благодарить (по случаю болѣзни)... Каталогъ сей, къ совершенству котораго затѣйливыя мои желанія ничего придумать не могутъ, почитаю я камнемъ краеугольнымъ въ основаніе полной Исторіи Славено-Россійской Литературы. При семъ пособіи мы не станемъ болѣе предлагать ее въ видѣ вступленія въ Россійскую, но по ея обширности должны заниматься ею отдѣльно. За роспись, въ концѣ приложенную, ученые будутъ Вамъ крайне благодарны. Графа Толстова Университетъ нашъ намѣренъ по поводу Каталога Вашего избрать Почетнымъ Членомъ. П. М. Строевъ обѣщаетъ публикѣ доставить извлеченія изъ рукописей (гр. Толстого). До сихъ поръ Вы и онъ (а Востоковъ?) поддерживаете все зданіе нашей Славено-Филологіи и... обогатите словесность нашу многими важными памятниками. Я убѣждаю Васъ имѣть въ послѣдствіе при сихъ трудахъ вниманіе къ нашему невѣжеству (!) и облегчить намъ средства пользоваться сими па-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 199.

[2]) Сборникъ статей, чит. въ отд. русск. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 180.

[3]) Письмо Калайдовича къ Востокову отъ 2-го апр., тамъ же, стр. 188. Каталогъ носилъ слѣд. заглавіе: «Обстоятельное описаніе Славено-Росс. рукописей, хранящихся въ Москвѣ въ библіотекѣ Тайн. Сов., Сенатора, Дѣйств. Каммергера и Кавалера, Графа Ѳ. А. Толстова. Издали К. Калайдовичъ и П. Строевъ. Москва. 1825. Въ Тип. С. Селивановскаго. 8°. LXVII + 811 + 4 ненум. Сюда же «Палеографич. таблицы почерковъ съ XI по XVIII в.» (12 табл.) 4°. IV + V стр. М. 1825.

[4]) Письмо Востокова къ Калайдовичу отъ 10 апр., «Сборникъ» 2-го отд. т. V, вып. II, стр. 194—95.

мятниками. Непремѣнно нужно пріобщать (къ описаніямъ?) Словарь обветшалыхъ и невразумительныхъ реченій (приводитъ примѣры словъ изъ Русской Правды, родственныхъ или тожественныхъ съ польскими и областными великорусскими)... Собраніе таковыхъ словъ до напечатанія издаваемаго сочиненія (описанія Синод. рукописей?), можно бы публиковать въ Вѣстникѣ Европы. Впрочемъ, ...Вы съ г. Строевымъ и сами въ состояніи объяснить множество словъ, кои для насъ *непосвященныхъ* (и это писалъ профессоръ!) безъ того останутся непонятными и т. д." [1]).

Калайдовичъ благодарилъ (28 мая) „за наставительныя замѣчанія" и обѣщалъ „имѣть ихъ въ виду при описаніи первѣйшей въ Россіи библіотеки, Синодальной" [2]).

Не столь восторженъ былъ отзывъ канцлера гр. Румянцова, писавшаго 1 мая Востокову: „Окончивъ чтеніе изданнаго каталога манускриптовъ, принадлежащихъ Гр. Толстому, я сознаю охотно, что сей трудъ Г. Строева (и Калайдовича тоже!) принесетъ пользу. Но трудъ сей, не думаю, чтобы въ полной мѣрѣ удовлетворилъ то нетерпѣніе приличное, съ каковымъ его ожидали знатоки въ древностяхъ нашихъ. Начертанія почти всѣ поверхностны и настоящихъ замѣчаній не содержатъ" [3]). Этотъ приговоръ Румянцова о недостаточности описаній назв. каталога нельзя не признать справедливымъ. Избалованный пространными и подробными описаніями Востокова, Калайдовича и Григоровича, которыя тѣ присылали ему въ письмахъ, и не найдя ничего подобнаго въ „Обстоятельномъ описаніи" рукописей гр. Толстого, Румянцовъ естественно долженъ былъ обмануться въ ожиданіяхъ и выразилъ свое разочарованіе въ цитир. письмѣ. Въ самомъ дѣлѣ, описанія разсматриваемаго каталога ограничиваются лишь самыми общими указаніями на число страницъ, форматъ, почеркъ и т. д. и никакихъ характеристикъ содержанія рукописей, ихъ правописанія и языка не даютъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Румянцовъ больше бы остался доволенъ Востоковскимъ описаніемъ своихъ рукописей, если бы дожилъ до его появленія въ свѣтъ.

Въ другомъ своемъ письмѣ къ Востокову, отъ 26 іюня, канцлеръ, благодаря за разрѣшеніе своихъ недоумѣній (въ общемъ совсѣмъ незначительныхъ), въ которыя онъ былъ введенъ „сочинителями каталога рукописей гр. Толстова", замѣчаетъ: „Г. Строевъ, мнѣ кажется, часто обличаетъ больше самонадѣянность на себя,

---

1) Чтенія въ Общ. ист. и древн. росс. 1862 г., кн. 3, стр. 123—24.
2) Тамъ же, стр. 124.
3) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. 2, стр. 203.

нежели какія-либо нужныя ученыя свѣдѣнія“ [1]). Повидимому, нерасположеніе графа къ Строеву, довольно давно уже возникшее, заставляло его забывать, что въ составленіи каталога участвовалъ и Калайдовичъ, о которомъ графъ до своего конца былъ высокаго мнѣнія.

Подробная печатная рецензія каталога явилась въ „Моск. Телеграфѣ“ Полевого (1825 г., ч. III, № IX, май, стр. 73—83). Авторъ ея (самъ Полевой?) обращалъ вниманіе на особыя условія, въ которыхъ находилась тогда наша археографія: „въ другихъ земляхъ Археографич. работы почти кончены, или по крайней мѣрѣ представляютъ уже полноту, и тамъ больше уже работаютъ нынѣ Археологи, т. е. не просто описатели, но критики древностей; у насъ еще не настало время настоящей Археологіи—намъ нужнѣе теперь Палеографія и Археографія, т. е. познаваніе и исчисленіе древностей“ (стр. 74).

Иниціаторомъ археографіи у насъ авторъ рецензіи считалъ гр. Румянцова: „его попеченіями положено первое начало къ правильному, настоящему занятію древностями: опыты до него были и слабы, и неудачны“. Собираніе древнихъ рукописей, правда, началось съ послѣдней половины XVIII в., „но тогда не думали объ ученыхъ описаніяхъ“ собраній, и „оттого навсегда безвозвратно погибли для насъ библіотеки Графа А. И. Мусина-Пушкина, проф. Баузе и, можетъ быть, многія другія“ (стр. 75). Признавая заслуги Румянцова и его сотрудниковъ, авторъ рецензіи указывалъ, однако, что „начало обнародованія описаній Русскихъ рукописей“ положилъ гр. Толстой, что описаніе его рукописей—„первое Археографическое сочиненіе у насъ изданное“, тогда какъ каталоги рукописей Имп. публ. библіотеки и монастырскихъ книгохранилищъ, составленные Калайдовичемъ и Строевымъ, все еще находятся въ рукописи (стр. 76—77). Издатели должны были преодолѣвать величайшія трудности, создавать правила, „какъ узнавать и обозрѣвать Русскія рукописи“. По словамъ рецензента, „на важный вопросъ: какимъ образомъ опредѣляемо было время рукописей, отвѣчаютъ ученая точность Издателей и превосходно сдѣланные снимки“ (при этомъ цитируется то, что говорятъ издатели о своихъ Палеографическихъ таблицахъ, см. ниже) и высказывается надежда, „что со временемъ Г. Калайдовичъ (безспорно опытнѣйшій Палеографъ нашъ) представитъ ученому свѣту правила Русской Палеографіи: теперь еще этого невозможно требовать“ (стр. 78—70). За этими вводными замѣчаніями слѣдуетъ

---

[1]) Тамъ-же, стр. 228.

изложеніе содержанія каталога и дѣлаются нѣкоторыя критическія указанія относительно болѣе удобнаго его расположенія, причемъ основной пріемъ составителей—распредѣленіе по форматамъ—авторомъ рецензіи одобряется безусловно (стр. 80—83).

Другая пространная рецензія явилась въ Библіограф. листахъ Кеппена (1825 г., № 19, стлб. 261—276). Авторъ ея, самъ Кеппенъ, начиналъ свою статью исторической справкой о призывѣ въ 1512 г. въ Россію Максима Грека для разбора греч. рукописныхъ книгъ, описанныхъ де впослѣдствіи Скіадою, а еще позже Маттеи. Такимъ образомъ о греч. рукописяхъ, по словамъ Кеппена, у насъ заботились, зато славянскія „оставались неприкосновенными", и только благодаря Калайдовичу и Строеву, мракъ, окутывавшій „произведенія пера древнихъ Словено-Русскихъ писателей, началъ разсѣиваться" .Рецензентъ говорилъ объ описаніи названными учеными разныхъ монастырскихъ библіотекъ, о предпринятомъ „составленіи списка рукописямъ Патріаршей библ.", порученномъ гр. Румянцовымъ Калайдовичу, и о намѣреніи Строева издать обѣщанныя публикѣ выписки изъ рукописей гр. Толстого.

Самое описаніе этихъ послѣднихъ Кеппенъ называлъ „пріятнѣйшимъ подаркомъ для любителей отечественной литературы", на который онъ еще въ 1822 г. обращалъ вниманіе иностранныхъ ученыхъ. Изъ критическихъ замѣчаній, сдѣланныхъ имъ составителямъ, большинство вполнѣ основательно и высказывалось и другими въ то время. Кеппенъ признавалъ уважительными причины, заставившія составителей распредѣлить рукописи по форматамъ, но находилъ, что сборники лучше было бы выдѣлить въ особый классъ, причемъ остальныя рукописи тогда можно было бы описать въ болѣе систематичномъ порядкѣ. Какъ и гр. Румянцовъ, Кеппенъ нашелъ описанія отдѣльныхъ рукописей не достаточно обстоятельными (особенно, напр., Кормчей 1284 г.) и желалъ, чтобы при евангеліяхъ обозначалось, полныя это евангелія или одни чтенія по днямъ и т. д. Тѣмъ не менѣе въ рецензіи отмѣчалась точность и чистота изданія. По словамъ рецензента, „издатели при первомъ семъ у насъ опытѣ, конечно сдѣлали все, что только было для нихъ возможно". Послѣ приведенной оцѣнки труда слѣдовало перечисленіе важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ рукописей собранія по отдѣламъ: богословіе, языкознаніе, исторія, географія и исторія искусствъ (въ томъ числѣ и музыки), причемъ попутно указывались тѣ или другія неточности или неясности каталога. Что касается до хронологическихъ опредѣленій рукописей, то Кеппенъ не подвергалъ ихъ критикѣ и высказывалъ мнѣніе, что „опытность Гг. Издателей по части Славено-Русской

Палеографіи дозволяетъ смѣло полагаться на точность сдѣланныхъ ими показаній". Палеографическія таблицы, приложенныя къ описанію, Кеппенъ называлъ «превосходными", но жалѣлъ, что въ нихъ вошли не всѣ тѣ виды почерковъ, о которыхъ въ каталогѣ упоминается. Рецензія заключалась выраженіемъ „отличной признательности", какъ собирателю рукописей (гр. Ѳ. А. Толстому), „такъ въ особенности и трудившимся надъ разсмотрѣніемъ и описаніемъ оныхъ", причемъ рецензентъ прибавлялъ, что „собраніе Графа Ѳ. А. Толстого во всѣхъ отношеніяхъ почитаться можетъ общеполезнымъ имуществомъ" и „что самъ Графъ Ѳ. А. смотритъ на свою драгоцѣнную Библіотеку не иначе какъ на сокровище ввѣренное ему отъ Провидѣнія къ общей пользѣ".

Митрополитъ Евгеній также былъ высокаго мнѣнія о каталогѣ рукописей гр. Толстого. Еще до выхода его въ свѣтъ, 20 янв. 1824 г. онъ писалъ гр. Румянцову: „Графа Толстова каталогъ уже конченъ и прославитъ нашу древнюю словесность какъ и сочинителя и хозяина библіотеки. Иностранцы давно имѣютъ у себя такіе каталоги" [1]). 6-го февраля 1824 года Евгеній снова, говоря о томъ, что Востокова надо побуждать къ описанію рукописей канцлера, писалъ послѣднему: „Примѣръ графа Толстова достоинъ подражанія" [2]). Въ письмѣ отъ 26 марта 1825 г. къ о. І. Григоровичу онъ снова возвращается къ каталогу въ связи съ собраніемъ гр. Румянцова: „Библіотека Канцлера безпрестанно богатѣетъ древними рукописями. Между тѣмъ, графъ Толстой совершенно уже отпечаталъ свой каталогъ. Полюбопытствуйте и Вы прочитать замѣчательное предисловіе Строева" [3]).

Отозвался нѣкоторыми критическими замѣчаніями, также еще до выхода въ свѣтъ всего каталога, и Добровскій, приславшій ихъ Кеппену. Румянцовъ писалъ объ этомъ Востокову въ іюлѣ 1824: „Г. Кеппенъ передалъ Г. Калайдовичу нѣкоторыя замѣчанія Г. Добровскаго на счетъ печатающагося каталога Графа Толстого. Я съ сихъ замѣчаній препровождаю къ Вамъ списокъ. Вы конечно уважите многія замѣчанія сего ученаго человѣка" [4]).

Замѣчанія Добровскаго, впрочемъ, частью не относились совсѣмъ къ составителямъ каталога, а выражали общія пожеланія и сожалѣнія (мало древнихъ рукописей, рѣдко встрѣчается лѣтопись Нестора и, напротивъ, часты списки съ печатнаго Синопсиса

---

[1]) Переписка Евгенія съ Румянцовымъ, вып. III, стр. 95.

[2]) Тамъ же, стр. 99.

[3]) Чтенія въ общ. ист. и древн. росс. 1864 г., кн. 2, стр. 91.

[4]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 119. Самыя замѣчанія Добровскаго: стр. 120—22.

Гизеля и т. п.), частью были основаны на недоразумѣніи (сожалѣнія о рѣдкости указаній, было ли данное сочиненіе когда-нибудь напечатано, или нѣтъ). Собственно недостатковъ въ расположеніи Добровскій указывалъ немного. По его мнѣнію, ощутительнымъ неудобствомъ является непринятіе содержанія рукописей въ основу расположенія. Лучше было бы, если бы, напр., всѣ евангелія стояли вмѣстѣ. У нѣкоторыхъ евангелій не указано, содержатъ ли они цѣлыхъ четыре евангелія, или только чтенія по днямъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ желательны были бы выдержки изъ рукописей. О значеніи, которое Добровскій придавалъ каталогу, во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ то, что онъ переписалъ его почти весь собственноручно.

Такимъ образомъ каталогъ рукописей гр. Толстого несомнѣнно являлся крупнымъ событіемъ въ данной области. Еще до выхода всей книги въ свѣтъ, листы ея, посылавшіеся нѣкоторымъ избраннымъ лицамъ, служили пособіемъ для нашихъ палеографовъ и ученыхъ въ ихъ занятіяхъ [1]). Само собраніе гр. Толстого являлось въ тѣ времена однимъ изъ богатѣйшихъ. Еще до 1812 года библіотека его достигла значительныхъ размѣровъ (см. выше, стр. 805). Женатый на богатой купчихѣ-старовѣркѣ и обладавшій большими средствами, гр. Толстой „въ теченіи многихъ лѣтъ, отъ избытковъ достоянія, пріобрѣталъ письменные памятники Славяно-Русской литературы. Благопріятство случая и щедрость Собирателя наиболѣе содѣйствовали ея умноженію“. Какимъ-то чудомъ она уцѣлѣла отъ страшнаго московскаго пожара 1812 г., а послѣ него получила „значительное приращеніе покупкою около 200 книгъ, находившихся въ многочисленной нѣкогда библіотекѣ Князя Д. М. Голицына (въ его подмосковномъ селѣ Архангельскомъ)“; потомъ въ нее поступили еще рукописи П. П. Бекетова. „Но всего болѣе содѣйствовали ея умноженію предпріимчивые торговцы; подстрекаемые желаніемъ выгоды, они привозили письменные памятники отъ всѣхъ краевъ Россіи“ [2]). Къ изданію каталога въ библіотекѣ имѣлось 1,093 рукописи, изъ коихъ 1—XI в. (въ сущности XII—стихирарь), 8—къ XIII (изъ нихъ особенно цѣнна—Кормчая 1284 г.), 19—къ XIV и 76 къ XV. Такимъ образомъ

---

[1]) См., напр., письма о. І. Григоровича гр. Румянцеву отъ 5 іюня 1824 г., въ Чтеніяхъ Общ. ист. и древн. 1864 г. кн. 2, стр. 71. Евгеній, митроп. кіевскій, признавался Калайдовичу въ 1822 г., что листы его каталога «во многихъ отношеніяхъ служатъ ему службу» при составленіи его біографич. Словаря. См. Чтенія въ Общ. ист. и др. 1862, кн. 3, стр. 131.

[2]) См. Предисловіе къ «Обстоятельному описанію» рукописей гр. Толстого, стр. V—VI.

огромное большинство рукописей принадлежало къ XVI (227), XVII (413) и XVIII вв. (къ послѣднему—353) [1]. Распредѣлены онѣ были въ каталогѣ, по примѣру Монфокона и Маттеи, по форматамъ [2]). Въ предисловіи издатели давали общія свѣдѣнія о происхожденіи и составѣ библіотеки, указывали основанія, которыми они руководились при составленіи описанія и обращали вниманіе на важнѣйшія и наиболѣе интересныя рукописи коллекціи. Интересны замѣчанія издателей о приложенныхъ ими къ каталогу палеографическихъ таблицахъ, „первыхъ въ своемъ родѣ". Издатели надѣялись, что эти таблицы оградятъ ихъ „отъ нареканій тѣхъ излишне-недовѣрчивыхъ судей, коимъ способъ опредѣленія древности рукописей по ихъ *почерку* можетъ показаться сомнительнымъ. Прилежное вниманіе къ мѣлкимъ отличіямъ, незамѣтнымъ для неопытныхъ, строгая критика и нѣкотораго рода навыкъ, пріобрѣтаемый долговременнымъ обращеніемъ съ письменными памятниками: вотъ надежныя къ тому средства... Въ другихъ земляхъ просвѣщенной Европы все ето не диво; но у насъ слишкомъ возможное почитается иногда невѣроятнымъ" [3]). Нужно замѣтить, что опредѣленія эти были, однако, еще очень гадательны и выражены также въ очень нерѣшительной формѣ: „вѣроятно въ XV, а можетъ быть въ XIV", „кажется, въ XIV", „повидимому въ XIII" и т. д. Неудивительно, если Румянцовъ былъ неудовлетворенъ.

Въ 1825 г. явилось и „Первое прибавленіе къ описанію Славяно-Россійскихъ рукописей, хранящихся въ библ. и т. д. Изд. Пав. Строевъ (Спб. 1825. 8°. 18 стр.)", содержавшее описаніе 15 рукописей, пріобрѣтенныхъ было у Свиньина уже послѣ изданія каталога. Законченъ былъ весь каталогъ лишь въ 1827 г. выпускомъ послѣдняго прибавленія. Научное значеніе его опредѣлилъ еще Срезневскій, который черезъ 40 почти лѣтъ спустя говорилъ объ описаніи Строева и Калайдовича, что оно „достойно уваженія, какъ первое въ своемъ родѣ въ Русской литературѣ, и для этихъ рукописей не замѣнено доселѣ другимъ болѣе подробнымъ" [4]).

Выходъ въ свѣтъ каталога рукописей гр. Толстого былъ сопряженъ съ рядомъ непріятностей для Калайдовича. Самое печатаніе его сопровождалось уже разными затрудненіями, по причинѣ неаккуратности и скупости графа, дававшей себя знать и въ позд-

[1]) Тамъ же, стр. VI.
[2]) Тамъ же, стр. VII—VIII.
[3]) Тамъ же, стр. LXI—LXII.
[4]) См. Срезневскій, «Труды П. М. Строева" въ Зап. Имп. акад. наукъ, т. VI. 1864, стр. 117.

нѣйшихъ отношеніяхъ къ Строеву (примѣры см. у Барсукова, „Жизнь и труды Строева"). Даже деньги, которыя должно было выдавать составителямъ по мѣрѣ печатанія, задерживались. Повидимому, нѣкоторую роль въ непріятностяхъ, испытывавшихся Калайдовичемъ, играло и вліяніе Строева на гр. Толстого. 4 мая 1825 г. Калайдовичъ писалъ гр. Румянцову: „Дѣло съ гр. Толстымъ о библіотекѣ ни мало не клеится, какъ изволите усмотрѣть изъ послѣдняго его ко мнѣ письма. Оно противорѣчитъ прежнимъ его словамъ и ясно обнаруживаетъ того, кто разстраиваетъ доброе дѣло" [1]). Весною же 1825 г. (послѣ 25 апрѣля) Калайдовичъ писалъ къ графу Толстому, указывая на свои заслуги по приведенію его библіотеки въ порядокъ и жалуясь на то, что графъ допустилъ кого-то (очевидно, Строева) „насильственно завладѣть его трудами". Калайдовичъ обращался къ графу „съ послѣдней просьбой" дозволить ему брать по прежнему книги изъ графской библіотеки „подъ росписки, оставляемыя въ конторѣ, не относясь къ теперешнему Смотрителю" (т. е. Строеву). Въ P.S. находимъ еще одно характерное заявленіе Калайдовича: „я не получилъ должныхъ денегъ за окончаніе Каталога рукописей, и не знаю количества, какое В. С. выдали моему бывшему товарищу" [2]).

Наблюдалъ Калайдовичъ также и за печатаніемъ палеографическихъ таблицъ, предназначавшихся для IV тома Собранія Госуд. грамотъ. 27 апр. онъ препровождалъ Востокову отпечатанную первую изъ этихъ таблицъ съ образцами почерковъ XIII в. [3]), а 1-го декабря—снимки съ таблицъ II-й и III-й [4]). Самъ онъ въ 1825 году не напечаталъ ни одной работы по занимающей насъ научной отрасли.

Изъ другихъ нашихъ ученыхъ слѣдуетъ указать на П. И. Кеппена, за годъ передъ тѣмъ вернувшагося изъ заграничнаго путешествія (см. выше, стр. 917) и привезшаго съ собою довольно богатый запасъ снимковъ по слав. палеографіи. Съ начала 1825 г. онъ предпринялъ изданіе журнала „Библіографическіе Листы", просуществовавшаго всего годъ и $4^1/_2$ мѣсяца, но успѣвшаго оказать большую пользу нашей наукѣ, въ томъ числѣ и языкознанію. Довольно видное мѣсто въ немъ было отведено палеографіи, которой Кеппенъ не только интересовался, но и дѣйствительно за-

---

[1]) Чтенія въ Общ. ист. и древн. росс. 1862 г., кн. 3, стр. 82.
[2]) Тамъ же, стр. 132—133.
[3]) Сборникъ статей, чит. въ отд. русск. яз. и слов., т. V, вып. 2, стр. 200—201.
[4]) Тамъ же, стр. 239.

нимался, и старопечатной библіографіи. Изъ нашихъ палеографовъ и археологовъ въ журналѣ принимали участіе П. Г. Бутковъ, Востоковъ, митроп. Евгеній, А. И. Ермолаевъ, К. Ѳ. Калайдовичъ, П. М. Строевъ и др., а изъ славянскихъ—Бандтке, ксендзъ Бобровскій, Добровскій, Ганка, В. Караджичъ, Колларъ, Линде, Шафарикъ и др. Съ перваго же № началось печатаніе „Хронологической росписи первопечатнымъ словенскимъ книгамъ" (№ 1, стр. 9—12, № 6, стр. 77—84, № 11, стр. 149—156, № 16, стр. 221—228, № 21, стр. 293—300, № 26, столб. 365—380). О томъ же предметѣ шла рѣчь въ рецензіи на „Опытъ Россійской Библіографіи" Сопикова (№ 3, столб. 33—40), въ выпискѣ изъ составленной Строевымъ описи печатныхъ книгъ библіотеки гр. Толстого (№ 31, столб. 448—452) и слѣдовавшей за ней замѣткѣ о первопечатныхъ книгахъ, пропущенныхъ у Сопикова (тамъ же, столб. 452—453).

Вопросамъ палеографіи были посвящены вышеразсмотрѣнныя три статьи Востокова (см. выше, стр. 927—29), его же рецензія на „Опытъ" Лаптева и рядъ другихъ статей, въ томъ числѣ и самаго Кеппена, какъ напр.: 1) рецензія на изслѣдованіе Добровскаго о Кириллѣ и Меѳодіи (№ 8, стлб. 101—116), гдѣ идетъ рѣчь о возникновеніи письменности у славянъ, началѣ азбуки и т. д.; 2) выписка послѣсловія изъ Синодальнаго четвероевангелія 1144 г. (№ 9, стлб. 129); 3) статья „О новгородскомъ евангеліи 1270-го года", открытомъ Калайдовичемъ (№ 13, стлб. 173—179), содержавшая исторію пріобрѣтенія рукописи, краткое описаніе ея и двѣ небольшихъ выдержки (начало и послѣсловіе). Въ статьѣ цитировалось также пространное письмо академика Круга, опредѣлявшаго годъ написанія памятника, на основаніи упоминанія о солнечномъ затменіи, бывшемъ въ тотъ день, когда писецъ евангелія закончилъ свой трудъ; 4) подробная рецензія на описаніе рукописей библіотеки гр. Ѳ. А. Толстого (№ 19, стлб. 261—276) и 5) статейка „О загадочныхъ припискахъ" (№ 20, стлб. 292), въ которой находимъ выписку изъ Алфавита Имп. публ. библіотеки, сообщенную А. И. Ермолаевымъ (о томъ, почему буквы въ старыхъ граммат. трактатахъ называются *столпами*, *плотями*, *душами*, *прикладами* и т. д.). Указанія на существующія заграничныя собранія славянскихъ рукописей и архивы, иногда съ прямымъ упоминаніемъ тѣхъ или другихъ памятниковъ (Болонской псалтири, Фрейзингенскихъ отрывковъ, Реймскаго еванг. [1])

[1]) „Въ Реймсѣ можетъ быть найдутся еще люди, видавшіе Словенское, какъ говорятъ, Евангеліе, на коемъ при Коронаціи присягали Франц. короли" (Библіограф. листы, № 34, стлб. 492).

дѣлались также въ статьѣ Кеппена: „Записка о путешествіи по Словенскимъ землямъ и Архивамъ“ (№ 33, стлб. 474—489 и № 34, стлб. 490—495), представляющей родъ инструкціи для слависта-археолога и филолога, который вздумалъ бы предпринять научное путешествіе по славянскимъ землямъ и зап. Европѣ вообще.

Кромѣ того, Кеппенъ предпринялъ изданіе своихъ палеографическихъ снимковъ, какъ привезенныхъ изъ-за границы, такъ и собиравшихся въ Россіи. Печатаніе ихъ началось уже въ концѣ 1824 г., и 3 января 1825 года Востоковъ писалъ гр. Румянцеву: „Препровожденные ко мнѣ В. С. для врученія Г. Кеппену оттиски издаваемыхъ имъ снимковъ Словенскихъ письменныхъ памятниковъ возвращены мною ему отъ имени В. С—ва“ [1]). Къ этому изданію относится и замѣчаніе митроп. Евгенія въ письмѣ его къ гр. Румянцову отъ 4 янв. 1825 г.: „Предпріятіе Кеппена обширно и требуетъ многаго иждивенія, а о потерянныхъ имъ при наводненіи спискахъ надобно жалѣть“ [2]). Въ изданіи Кеппена принялъ участіе и Востоковъ своими примѣчаніями на Фрейзингенскіе отрывки. Не обошлось оно и безъ матеріальной поддержки со стороны гр. Румянцова, который предоставилъ Кеппену отлитыя особо для „Іоанна Экзарха“ литеры (310), причемъ пришлось даже нарочно отливать ихъ вновь [3]). Появленіе Кеппеновскаго изданія въ свѣтъ относится, однако, къ болѣе позднему времени (1827 г.). Въ теченіе же 1825 г. оно только подготовлялось.

Изъ статей, явившихся въ 1825 г. въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, къ разсматриваемой области знанія относились: 1) М. Погодина „Нѣсколько словъ о договорахъ Олеговомъ и Игоревомъ съ Греками“ въ „Московскомъ Телеграфѣ“ (ч. V, стр. 340—42). Авторъ высказалъ здѣсь рядъ довольно наивныхъ историческихъ „догадокъ“, основываясь на лингвистическомъ толкованіи памятниковъ. Между прочимъ изъ присутствія собств. именъ на *-овъ* въ Игоревомъ Договорѣ дѣлался выводъ, что эти имена принадлежали не посламъ, какъ думали Шлецеръ, Карамзинъ и др., но князьямъ (на томъ основаніи, что скандинавскія имена на-*овъ* не оканчиваются). Обиліе въ договорахъ собственныхъ именъ вообще доказывало, по мнѣнію Погодина, подлинность этихъ памятниковъ, ибо никому не пришло бы въ голову выдумывать столько именъ и т. д.

---

[1]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 162.

[2]) Переписка Евгенія съ гр. Румянцовымъ. Вып. III. Воронежъ, 1872 г., стр. 120.

[3]) Чтенія въ Общ. ист. и др. 1882 г., кн. 1, стр. 310—11.

2) Современная копія съ грамоты царя Михаила Өеодоровича, данной по дѣламъ лопарей 1 окт. 1620, найденная въ Архивѣ Земской канцеляріи Улеоборгской губерніи: „Списокъ З Государевы Грамоты, слово въ слово“ („Сѣв. Архивъ“, ч. XVIII. 136—141, одинъ текстъ, безъ комментаріи).

3) Разсужденіе объ изданіи Русскихъ лѣтописей“ (Московскій Телеграфъ“ 1825 г., ч. I, стр. 67—76, 132—141, 228—248), гдѣ предлагалось разыскать побольше лѣтописей, обращая особое вниманіе на временники и, положивъ въ основу Лаврентьевскій списокъ, составить полный критическій сводъ, соблюдая старинную орөографію только въ именахъ собственныхъ и нарицательныхъ. По мнѣнію автора статьи, совсѣмъ не важно, „написано ли—*поставяху* или *поставляху*, *оумершу*, *умершю* или *умершу*, *пришедъшима* или *пришедъшеми*?“ (стр. 245, прим.), Авторъ находитъ, что „въ такомъ расположеніи удобнѣе дѣлать и филологическія наблюденія (!)“, тогда какъ „сплошное употребленіе старинной орөографіи безобразитъ только текстъ и развлекаетъ вниманіе“. Такимъ образомъ въ лингвистическомъ отношеніи авторъ этого проекта (Полевой) обнаружилъ неожиданное (ср. выше, стр. 802) непониманіе и невѣжество.

1825 годъ былъ послѣднимъ въ славной дѣятельности Румянцовскаго кружка. Уже въ декабрѣ этого года силы стали покидать престарѣлаго канцлера [1]), а 3 января 1826 г. онъ скончался. Душа кружка отлетѣла, онъ скоро распался, и члены его пошли каждый своей дорогой, продолжая работать въ избранномъ ими направленіи. Не всѣмъ, однако, оставшимся посчастливилось сразу найти свое мѣсто въ жизни. Особенно же дорого обошелся этотъ переломъ нервному и уже надорванному неутомимымъ трудомъ и житейской борьбой Калайдовичу, который послѣ смерти своего покровителя-канцлера впалъ въ „глубокую скорбь“ [2]), перешедшую черезъ два года въ душевную болѣзнь.

Смерть гр. Румянцова и распаденіе его кружка оборвали или надолго задержали рядъ задуманныхъ научныхъ предпріятій первостепенной важности. Замедлилось составленіе описанія рукописей покойнаго канцлера, прервалось начатое было описаніе рукописей Синодальной библіотеки, отложено было въ долгій ящикъ и такъ и не осуществилось изданіе Востоковымъ Святославова Изборника

[1]) Тамъ же, стр. 334—35.

[2]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 250; письмо Калайдовича къ Востокову отъ 17 окт. 1827 г. См. также «Чтенія въ общ. ист. и др.» 1862 г., кн. III, стр. 83.

1073, за которымъ предполагалось приступить къ изданію Остромирова Ев., осуществленному лишь много лѣтъ спустя. Тѣмъ не менѣе дѣло, начатое гр. Румянцовымъ и его сподвижниками, не умерло и пустило крѣпкіе корни. Завѣтная мечта канцлера „видѣть русскую палеографію“, если и не осуществилась въ полномъ объемѣ, все же нашла себѣ воплощеніе въ трудахъ Востокова, Калайдовича, Строева и Кеппена, положившихъ твердое основаніе этой отрасли знанія, столь тѣсно соприкасающейся съ языкознаніемъ. Къ концу 1825 года стали уже невозможными мнѣнія, въ родѣ высказанныхъ въ 1812 г. Шлецеромъ-сыномъ (см. выше, стр. 813), утверждавшимъ, что русской палеографіи нѣтъ и *быть не можетъ*, а древнѣйшіе памятники русской письменности, въ родѣ Сборника 1076 г. и др., не старше XIV в. Всего 13 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но въ этотъ короткій срокъ, усиліями немногихъ лицъ, среди лѣниваго и невѣжественнаго общества, была создана новая и самостоятельная, а не пересаженная съ Запада, отрасль научнаго знанія, и отрицать существованіе „русской палеографіи“ теперь уже никто бы не отважился. Пріобрѣтеніями рукописныхъ коллекцій П. К. Фролова и др., а также отдѣльными покупками (въ родѣ XIII словъ Григорія Богослова и т. д.), было положено прочное основаніе богатѣйшему собранію русскихъ и славянскихъ рукописей Имп. публ. библіотеки. Трудами и матеріальными жертвами со стороны частныхъ лицъ, въ родѣ гр. Румянцева и гр. Ѳ. А. Толстого, собраны были, и отчасти уже и описаны, превосходныя частныя коллекціи рукописей, ставшія впослѣдствіи также общественнымъ достояніемъ. По иниціативѣ гр. Румянцова, положено было прочное начало обслѣдованію и описанію разныхъ книгохранилищъ, принадлежащихъ монастырямъ и духовному вѣдомству вообще, причемъ открытъ рядъ памятниковъ первостепенной важности. Благодаря его же почину, было приступлено къ изданію многихъ цѣннѣйшихъ памятниковъ языка, въ родѣ древнихъ грамотъ, трудовъ Іоанна Экзарха и т. п. Явился рядъ отдѣльныхъ печатныхъ описаній и палеографическихъ изслѣдованій, въ родѣ статей Шлецера, Евгенія, Калайдовича, Востокова, Кеппена и др., а также и рукописныхъ матеріаловъ, каковы писанные каталоги (напр. Строева), описанія памятниковъ въ письмахъ и вообще въ перепискѣ, которыя въ свое время играли важную роль въ развитіи науки, уяснившуюся лишь впослѣдствіи съ изданіемъ этихъ матеріаловъ. Нѣтъ сомнѣнія, что главная заслуга и здѣсь принадлежала гр. Румянцову и его сотрудникамъ: Калайдовичу, Востокову, Строеву, Кеппену и Григоровичу, всего же болѣе первымъ двумъ изъ названныхъ сподвижниковъ канц-

лера. Благодаря ихъ неустанной работѣ, будущее развитіе данной научной отрасли въ концѣ первой четверти XIX являлось уже вполнѣ обезпеченнымъ.

Не столь успѣшно за это время развивались другія отрасли научной разработки громаднаго матеріала, представлявшагося нашимъ изслѣдователямъ въ разсматриваемой области знанія. Настоятельными нуждами въ ней по прежнему продолжали оставаться словарь и грамматика русскаго и церковно-славянскаго языковъ, особенно перваго изъ нихъ. Нельзя сказать, чтобы у насъ ничего не было сдѣлано для ихъ удовлетворенія въ разсматриваемый промежутокъ времени: недостатка въ попыткахъ отвѣтить на нихъ не было, но попытки эти были слишкомъ разрозненны, недостаточны и несовершенны, сравнительно съ громадностью и трудностью задачи. Причины этого явленія, конечно, совершенно ясны: прежде всего для успѣшнаго выполненія обѣихъ задачъ не хватало матеріала, какъ словарнаго, такъ и грамматическаго. Русская діалектологія только что начинала привлекать къ себѣ вниманіе ученыхъ и то преимущественно въ лексическомъ отношеніи. Самое понятіе о томъ, что считать древнерусскимъ языкомъ, какъ мы видѣли неоднократно выше, отличалось крайней сбивчивостью и неопредѣленностью, не позволявшей еще помышлять объ историческомъ изслѣдованіи русскаго языка. Изученіе церковнославянскаго языка могло стать у насъ на твердую почву въ отношеніи метода и цѣлей изслѣдованія лишь съ появленіемъ знаменитаго „Разсужденія“ Востокова, значеніе котораго было ясно лишь немногимъ изъ его современниковъ, да и то не вполнѣ [1]). Пособій для ознакомленія съ церковнославянскимъ языкомъ, если не считать названнаго „Разсужденія“ и мало доступныхъ для русскаго читателя „Institutiones“ Добровскаго, явившихся лишь къ концу разсматриваемаго промежутка времени (въ 1822 г.), также не было. Знакомство съ другими славянскими языками находилось въ еще худшемъ положеніи (см. ниже) и было крайне поверхностно и недостаточно, что являлось вполнѣ естественнымъ при отсутствіи славянскихъ каѳедръ въ нашихъ университетахъ. Не говоримъ уже о почти полной tabula rasa по части общаго и сравнительнаго языкознанія, обрекавшей нашихъ ученыхъ на неизбѣжную узость взгляда и сферы изслѣдованія. Самое отношеніе къ языку, преимущественно какъ орудію „словесности“, налагало также свой отпечатокъ на наши словарныя и грамматическія ра-

[1]) Мы видѣли выше (стр. 796), что даже Калайдовичу не все было понятно въ «Разсужденіи» Востокова.

боты, придавая имъ узкій, мало научный, а иногда и совсѣмъ не научный характеръ.

Важно было, конечно, уже самое сознаніе неотложности указанныхъ нуждъ нашей науки, а оно не ослабѣвало какъ въ узкомъ кругу немногочисленныхъ ея активныхъ работниковъ, такъ и среди болѣе или менѣе образованныхъ людей того времени, способныхъ цѣнить интересы просвѣщенія и группировавшихся уже около извѣстныхъ научныхъ обществъ.

Главнымъ изъ нашихъ лексикографическихъ трудовъ по русскому языку за это время продолжало оставаться второе изданіе словаря Россійской академіи, первая и вторая части котораго (буквы А—Г и Д—I) вышли еще въ 1806 и 1809 гг. (см. выше, стр. 716—718). Третья часть (буквы К—Н: 1144 столб.) явилась въ 1814, послѣднія же части: четвертая (буквы О—П: 1536 стлб.), пятая (П—С: 1142 стлб.) и шестая (С до конца: 1478 стлб).—лишь въ 1822 году. Все прогрессировавшая медленность изданія (между выходомъ первой части и второй прошло *три* года, между второй и третьей—*пять*, а между третьей и окончаніемъ—*восемь*) объяснялась не столько трудностью дѣла, сводившагося преимущественно къ почти механическому „приведенію въ буквенный порядокъ“ перваго изданія, сколько вообще слабой работоспособностью самой Росс. академіи. По свидѣтельству М. И. Сухомлинова [1]), „въ обоихъ словаряхъ и опредѣленія словъ, и примѣры—однѣ и тѣже; сходство во многихъ случаяхъ дословное; все отличіе заключается весьма часто въ самомъ легкомъ измѣненіи редакціи, въ замѣнѣ одного слова другимъ, въ сокращеніи числа примѣровъ и т. п.“. Впрочемъ, второе изданіе было все-таки дополнено изряднымъ количествомъ новыхъ словъ, такъ что общее число словъ въ немъ съ 43257 перваго изданія возросло до 51388, т. е. увеличилось на 8131 слово. Дополненія иногда состояли изъ „простонародныхъ“ словъ и вообще употребляющихся въ „просторѣчіи“, въ родѣ *бабикъ*, *пригожайка* и т. д. Зато были пропущены нѣкоторыя неупотребительныя и, очевидно, сфабрикованныя ad hoc слова, въ родѣ *разнодумье, чистодушіе* и т. п., которыя значились въ первомъ, словопроизводномъ изданіи [2]).

Второе изданіе словаря вызвало вѣскій критическій разборъ Добровскаго [3]), въ которомъ одновременно шла рѣчь и о первомъ

[1]) „Исторія Росс. Академіи“, вып. VIII, Спб. 1888, стр. 186.

[2]) Тамъ же.

[3]) „Jahrbücher der literatur“. Wien 1825; т. 29: „Slovar akademii rossijskoj“, стр. 53—70.

изданіи. Патріархъ славистики признавалъ академическій трудъ „важнымъ" и потому находилъ необходимымъ дать читателю точное представленіе о его содержаніи, разсматривая его по буквамъ, причемъ указывалъ число страницъ, отведенныхъ на каждую, и даже число строкъ въ извѣстныхъ отдѣльныхъ статьяхъ.

По мнѣнію Добровскаго, на словарь можно было вполнѣ положиться въ его опредѣленіяхъ извѣстныхъ словъ общеупотребительными или устарѣлыми и вышедшими изъ употребленія. Порукою ихъ вѣрности служило то, что словарь долженъ былъ разсматриваться многими академиками, отъ вниманія которыхъ не могли ускользнуть данныя особенности. Добровскій одобрялъ помѣщеніе уменьшительныхъ и увеличительныхъ при ихъ первообразныхъ, а также женскихъ словъ при мужскихъ, но отмѣчалъ отсутствіе послѣдовательности въ этомъ отношеніи. Такъ при словѣ *котъ* приведены только *котикъ* и *котище*, а *котенокъ* и *кошка* поставлены отдѣльно: женскія слова *калкунка* (индюшка) и *жница* стоятъ при своихъ мужскихъ *калкунъ* (индюкъ) и *жнецъ*, а *жрица* и *жрецъ* отдѣлены другъ отъ друга. Точно такъ же разбиты порознь слова: *Овенъ*, *Овца* и *Овча*.

Критикъ не могъ также согласиться съ отсутствіемъ въ словарѣ древнихъ славянскихъ названій странъ, городовъ и народовъ, въ родѣ *Нѣмецъ*, *Чехъ*, *Ляхъ*, *Царьградъ* и т. д. Такъ въ словарѣ имѣются выраженія и слова: *Нѣмецкій инбирь*, *Жидовскія вишни*, *Жидоморъ*, *Жидовникъ*, и совсѣмъ нѣтъ ни прилагательныхъ *Нѣмецкій*, *Жидовскій*, ни существительныхъ *Нѣмецъ*, *Жидъ*. Добровскій спрашивалъ также, почему объяснено слово *Ареопагъ*, а названіе *Китай* осталось необъясненнымъ, хотя и упоминается въ объясненіи производнаго слова *Китайка*?

По мнѣнію критика, составители словаря хорошо сдѣлали, отбросивъ нѣкоторыя опредѣленія перваго изданія, въ которомъ *Бокалъ* названо кельтскимъ словомъ, а *Глыба*—латинскимъ (!), но въ то же время ему казалось страннымъ, почему не указано несомнѣнно иностранное происхожденіе словъ *Алый* и *Карій*, изъ которыхъ первое уже въ первомъ изданіи словаря правильно производилось отъ турецкаго (точнѣе было бы—татарскаго *ал*), тѣмъ болѣе, что происхожденіе другихъ словъ отмѣчалось (напр., слово *Кентавръ* правильно показано греческимъ).

Существеннымъ недостаткомъ второго изданія Добровскій находилъ отсутствіе въ немъ словъ изъ древне-русскихъ памятниковъ: лѣтописи Нестора, произведеній Кирилла Туровскаго и т. д., а также тѣхъ словъ, которыя объяснены были Кaромзинымъ въ его „Исторіи государства россійскаго". Пропущены въ словарѣ

были такія слова, какъ *Тезъ (Тезка)*, *Темникъ*, *Паломникъ*, *Комонь* и др.

Опредѣленіями значеній Добровскій также не всегда оставался доволенъ. Такъ онъ правильно указываетъ, что нельзя отдѣлять другъ отъ друга слова: *Велбудъ*—толстый канатъ и *Верблюдъ* (ч. I, 423—424), представляющія собой не два разныя слова, а только двѣ формы (древнюю и позднѣйшую) одного и того же слова, означающаго животное верблюдъ (camelus). Точно такъ же слово *Полъ* приведено четыре раза, въ качествѣ самостоятельнаго слова со значеніями: 1) помостъ, 1) sexus, 3) берегъ, сторона, 4) половина (ч. IV, 1461), хотя здѣсь второе и третье значенія являются простыми оттѣнками четвертаго, и лишь первое можетъ быть признано самостоятельнымъ.

Неудачной признавалась также система объясненія словъ посредствомъ нанизыванія синонимовъ, въ результатѣ чего нерѣдко терялись тонкія оттѣнки значенія, и отожествлялись слова, равнозначащія только повидимому. Такъ слово *Чортъ* опредѣлялось синонимами *Демонъ*, *Діаволъ*, *Бѣсъ*, *Злый духъ* (ч. VI, 1278); слово *Демонъ*—синонимами *Діаволъ*, *Бѣсъ*, *Злый духъ* (ч. II, 49), а *Діаволъ*—опять тѣми же синонимами: *Бѣсъ*, *Демонъ; Злый*, *Нечистый духъ* (ч. II, 86).

Добровскій приводилъ также образчики неудачныхъ и прямо смѣхотворныхъ объясненій, въ родѣ: „*Идти*—ступая, или двигаясь, перемѣнять мѣсто (ч. II, 954); *Стоять*—быть на ногахъ; противополагается въ семъ смыслѣ глаголамъ: *Лежать* и *Сидѣть* (ч. VI, 524)", или: „*Ротъ*—отверстіе подъ носомъ на лицѣ человѣческомъ и у нѣкоторыхъ (?!) животныхъ, растворяемое и затворяемое губами, чрезъ которое издается голосъ и пріемлется пища и питіе (ч. V, 1080); *Третій*—слѣдующій по второмъ (ч. VI, 776); *Девять*—число, состоящее изъ осьми единицъ съ единицею" (ч. II, 47) и т. д.

Нѣкоторыя изъ замѣчаній Добровскаго, впрочемъ, были незначительны, а то такъ и прямо ошибочны. Такъ онъ находилъ, что составители словаря придали слишкомъ большое значеніе буквамъ *ъ* и *ь* и, введя ихъ въ алфавитный порядокъ, повредили естественному распредѣленію словъ, вслѣдствіе чего, напримѣръ, предлоги *къ* и *съ* поставлены въ самомъ концѣ словъ, начинающихся на *К* и *С*, вмѣсто того, чтобы стоять въ самомъ началѣ. Точно такъ же по его мнѣнію неудобно, что первообразное *Полъ* стоитъ ниже производнаго *Половина*, а производное *Полковникъ*— выше, чѣмъ *Полкъ* и т. д. Бѣда здѣсь, конечно, была не велика

и могла быть устранена (въ случаѣ надобности) простыми ссылками на соотвѣтствующія слова.

Совсѣмъ неправъ былъ Добровскій, порицая составителей словаря за то, что они не указали, будто *Тре*-въ *Треблаженный* и т. п. образовалось путемъ сокращенія слова *Трое*, а *Инокъ*— такимъ же путемъ изъ небывалаго *Единокъ (!)*. Незнакомство Добровскаго съ народной русской зоологической терминологіей сказалось въ упрекѣ составителямъ, опредѣлившимъ *Неясыть*— „птица та же, что *Филинъ*, *Сова*" (ч. III, 1384). Добровскій находилъ, что *Неясыть* имѣетъ только одно значеніе *Пеликанъ*, которое де и указано правильно уже Поликарповымъ.

Какъ бы то ни было, отмѣченные Добровскимъ недостатки словаря были довольно существенны, и изъ его разбора ясно было, что новое изданіе мало сдѣлало для исправленія ошибокъ перваго, нерѣдко перешедшихъ въ него цѣликомъ. Отрицательный характеръ отзыва возбудилъ въ его авторѣ опасеніе неудовольствія со стороны Россійской академіи, во главѣ которой стоялъ Шишковъ, какъ разъ не задолго передъ этимъ вступившій съ Добровскимъ въ письменныя сношенія [1]).

Предупредить это неудовольствіе или смягчить его постарался П. И. Кеппенъ, напечатавшій въ своихъ „Библіографическихъ Листахъ" замѣтку о данной рецензіи. По словамъ Кеппена, „рецензентъ, наторѣвшій въ трудахъ сего рода", имѣлъ въ виду „возможное усовершенствованіе" академическаго труда, и „свойственная ему скромность въ изложеніи сужденій служитъ наилучшимъ доказательствомъ, что одно только усердіе къ наукамъ побудило его приняться за перо". Кеппенъ полагалъ, что „ревнителямъ Россійской литературы въ такомъ случаѣ нельзя не благодарить почтеннаго Ветерана за напечатаніе статьи, заслуживающей вниманіе каждаго отечественнаго Филолога". Въ заключеніе въ замѣткѣ сообщалось, что желанія Добровскаго „отчасти приводятся въ исполненіе почтеннѣйшимъ А. Х. Востоковымъ въ Лексикографическомъ (неизданномъ и еще недовершенномъ) трудѣ его, о коемъ упомянулъ уже Н. И. Гречь, въ своемъ Опытѣ краткой Исторіи Русской Литературы" (Спб. 1822, 8°, на с. 255-й) [2]).

По поводу этой замѣтки Добровскій писалъ Кеппену 15 дек.

---

[1]) См. переписку Шишкова съ Добровскимъ въ „Запискахъ, мнѣніяхъ и перепискѣ адмирала А. С. Шишкова", т. II (Берлинъ, 1870), стр. 370—381.

[2]) „Библіографическіе Листы" 1825 г., № 32, 24-го декабря, стлб. 470. „Лексикографическій" трудъ Востокова, упоминаемый здѣсь, очевидно былъ его рукописный „Славяно-Русскій этимологическій словарь", о которомъ мы скажемъ ниже.

1826 г., сообщая ему, что Шишковъ повидимому недоволенъ имъ: „Auf mich scheint er etwa ungehalten zu seyn. Es war gut, dass Sie in Ihren Blättern. wo Sie von meiner Recension des Wörterbuchs der russ. Akademie sprechen, mich gleichsam entschuldigten und meine Absicht rechtfertigten“ [1]).

Другой отзывъ о словарѣ Россійской академіи былъ данъ абосскимъ ученымъ Э. Г. Эрстрӧмомъ еще въ 1820 г., когда на лицо имѣлись лишь первыя три части, въ письмѣ его къ Шишкову отъ 5-го мая [2]). Авторъ письма, составившій нѣсколько пособій для изученія русскаго языка шведами и финнами [3]), разумѣется, уступалъ Добровскому въ компетентности сужденія, да и отзывъ его имѣлъ чисто частный характеръ, предназначаясь лишь для самого Шишкова. Отсюда, быть можетъ, главнымъ образомъ и происходилъ панегирическій тонъ всего отзыва. Эрстрӧмъ находилъ, что новое изданіе словаря „есть весьма пріятное появленіе для всякаго знатока и любителя россійской словесности“ и превосходитъ первое большимъ числомъ словъ и примѣровъ, а также и болѣе полнымъ (?) объясненіемъ многихъ рѣченій. Къ достоинствамъ словаря Эрстрӧмъ относилъ постановку глаголовъ въ неопред. наклоненіи, а не въ 1 л. настоящ. времени, какъ въ прежнихъ русскихъ словаряхъ, и „богатую, изъ Библіи и прочихъ церковныхъ книгъ собранную фразеологію“. Критическія замѣчанія Эрстрӧма не имѣли большого значенія и были немночислены. Такъ онъ находилъ, что для иностранцевъ обозрѣніе временъ у глаголовъ было бы гораздо легче, „когда бы неопредѣленныя и совершенныя времена отдѣлены были одно отъ другаго такъ, чтобъ напримѣръ вмѣсто *взглядывать*, *взглянуть*, *взглядываю*, *взглядываешь*, *взглянулъ*, *взглянешь*, поставлено было: *взглядывать*, *взглядываю*, *взглядываешь*; *взглянуть*, *взгляну*, *взглянешь*“. По мнѣнію Эрстрӧма, „таковое расположеніе болѣе сходно съ свойствомъ россійскихъ глаголовъ; ибо прошедшее совершенное время всегда ставится прежде будущаго (т. е. между неокончательнымъ и будущимъ)“ и т. д. Азбучный порядокъ новаго изданія Эрстрӧмъ находилъ „выгоднѣйшимъ“ для прінсканія словъ и допускалъ его, если цѣлью словаря было „доставить полное

---

[1]) „Письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ“. Изд. Ягича=„Сборникъ отдѣленія русс. языка и слов. Имп. ак. наукъ“, т. XXXIX, 1885 г., стр. 679.

[2]) См. „Записки“ Шишкова, Берлинское изданіе, т. II, стр. 381—85.

[3]) Русско-шведскій словарь; русская грамматика: „Rysk Språklära för begynnare etc.“ (вмѣстѣ съ Оттелиномъ, 2 изд. Спб. 1814); русская христоматія и т. д. (см. тамъ же).

собраніе всѣхъ словъ, какъ въ нынѣшнемъ языкѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ старыхъ книгахъ встрѣчающихся, съ ихъ значеніями". Напротивъ, онъ считалъ болѣе подходящимъ этимологическій порядокъ, если словарь имѣлъ „представить расположеніе всѣхъ въ россійскомъ языкѣ находящихся словъ ученымъ и филологическимъ образомъ" и предназначался не для начинающихъ, но „для желающихъ пріобрѣсти основательное, полное и ученое свѣденіе въ семъ богатомъ и благозвучномъ языкѣ". „Еще болѣе желательно бъ было", по мнѣнію Эрстрöма, „чтобы къ производнымъ словамъ нынѣшняго россійскаго языка прилагаемо было также краткое историческо-филологическое замѣченіе, какъ объ образованіи производныхъ и составныхъ словъ, такъ и о происхожденіи и многоразличномъ распространеніи значеніи". Эрстрöмъ находилъ также, что словарь еще болѣе бы выигралъ, если бы въ него „въ тѣхъ случаяхъ, кои требуютъ совершеннѣйшаго объясненія значеній словъ", было введено „и сравненіе съ сходственными нарѣчіями или діалектами". Какъ и Добровскій, Эрстрöмъ полагалъ, что „справедливыя права (составителей) на признательность еще болѣе бы умножились, ежели бы въ словарѣ помѣщены были въ бóльшемъ количествѣ слова, выраженія и рѣченія, изъ самыхъ древнихъ лѣтописей, стихотвореній и повѣстей почерпнутыя".

Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ отъ 25 іюня 1820 г. [1]), Шишковъ соглашался съ мнѣніями Эрстрöма о словарѣ и находилъ въ нихъ „неоспоримую истину". Какъ и абосскій ученый, Шишковъ думалъ, что алфавитный порядокъ „можетъ нѣкоторымъ образомъ быть полезенъ для справокъ о словахъ; но словарь для учоныхъ людей, для философическаго познанія языка, долженъ быть словопроизводной ((étimologique)". Поэтому „прежній Академическій Словарь, въ семъ намѣреніи составленный, дѣлаетъ великую честь нашей Академіи. Но онъ былъ первою ея работою, и потому нельзя отъ него требовать совершенства, котораго и нигдѣ нѣтъ". Высказанное здѣсь сужденіе мотивируется недостаточностью всѣхъ существующихъ словопроизводныхъ словарей, составители которыхъ не приняли во вниманіе, какъ слѣдуетъ, *корней* языка. Попавъ на свое любимое „корнесловіе", Шишковъ пускается въ изложеніе его основаній. По его словамъ, напрасно отдѣляютъ другъ отъ друга такія близко родственныя (!) слова, какъ *древо* и *трава*, происходящія де отъ одного корня *дрв*, подъ которымъ человѣкъ нѣкогда, „не замѣчая разности между травою и дере-

[1]) Тамъ же, стр. 385—388

вомъ, когда онѣ были равны высотою“, разумѣлъ и то и другое; когда же „дерево вознеслось высоко надъ травою, и разность ихъ сдѣлалась“ человѣку явной, „тогда онъ не перемѣнилъ имъ названій, а только для различенія сталъ одно передъ другимъ мягче произносить, измѣня букву *д* въ *т*; послѣ того смѣшеніемъ съ гласными буквами и нѣкоторою отмѣною въ окончаніи увеличилъ еще болѣе сіе различіе, сдѣлавъ изъ того же *дрв* для одного предмета *дерево* или *древо*, а для другаго *трава*“.

Иллюстрировавъ на этотъ примѣрѣ важность своего этимологическаго метода, Шишковъ сообщаетъ, что „на подобныхъ опытахъ и осужденіяхъ основалъ... планъ свой для составленія вновь словопроизводнаго словаря“. Планъ этотъ, по словамъ адмирала-корнеслова, „конечно обширенъ, труденъ, требуетъ великихъ упражненій, строгихъ изслѣдованій и доказательствъ; но зато... онъ есть единственный, который вѣрно и безошибочно ведетъ къ исполненію намѣренія; единственный, который можетъ положить твердое основаніе языку толь обширному, каковъ славенскій или рускій языкъ“. Для вящшаго назиданія Эрстрёма были отправлены 8 книжекъ Академическихъ Извѣстій, вышедшія до тѣхъ поръ, и таблица съ пресловутыми Шишковскими „деревьями словъ“. Упомянутый проектъ словопроизводнаго словаря (см. о немъ ниже) такъ и остался неосуществленнымъ, отъ чего, конечно, русская наука ничего не потеряла, и единственнымъ лексикографическимъ трудомъ Россійской академіи въ первой четверти XIX в. остался азбучный словарь русскаго языка.

Черезъ 25 лѣтъ послѣ его завершенія, онъ все еще не могъ быть замѣненъ никакимъ болѣе совершеннымъ трудомъ, о чемъ такъ писалъ И. И. Срезневскій: „Въ составъ этого словаря вошло до 52000 словъ языка книжнаго стараго и новаго, языка народнаго, равно и термины Наукъ, Художествъ и т. д. На каждомъ словѣ обозначено удареніе. При каждомъ словѣ отмѣчено его грамматическое значеніе, и въ слѣдъ за тѣмъ объясненъ смыслъ слова. Замѣчательно, что всѣ слова безъ исключенія, какія бы то ни были, истолкованы одинаково *объясненіемъ* самыхъ понятій, заключающихся подъ ними, такъ что въ нѣкоторомъ отношеніи этотъ Словарь есть вмѣстѣ и краткая энциклопедія. При словахъ менѣе обыкновенныхъ есть свидѣтельства и ссылки на книги, при словахъ обыкновеннаго разговорнаго языка—выраженія поговорочныя. Словарь не полонъ ни по количеству словъ, ни по свидѣтельствамъ объяснительнымъ, ни тѣмъ болѣе по фактамъ для исторіи языка; въ немъ немало и странностей, и ошибокъ; но мысль, руководившая составителей, выкупаетъ ошибки; время

составленія ихъ извиняетъ, а то, что онъ до сихъ поръ въ продолженіе 25 лѣтъ послѣ его окончанія, не замѣненъ вполнѣ ничѣмъ лучшимъ, служитъ достаточнымъ доказательствомъ, какъ трудно у насъ удаются подобныя предпріятія, какъ еще не время у насъ требовать совершенства въ твореніяхъ филологическихъ, и какъ много достоинства (?) можетъ иногда остаться безъ должной оцѣнки тамъ, гдѣ легче увидать недостатки, чѣмъ ихъ непреодолимость. Азбучный Словарь академіи останется навсегда однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ свидѣтельствъ первыхъ успѣховъ русской науки и лучшимъ памятникомъ усилій россійской академіи. Издавши этотъ Словарь, она уже могла сказать, что не даромъ существовала“ [1]).

Если азбучный словарь Россійской академіи удовлетворялъ въ извѣстной мѣрѣ настоятельную нужду въ словарѣ русскаго языка, то другой не менѣе ощутительный пробѣлъ въ нашей научной литературѣ—отсутствіе словаря церковнославянскаго языка—давало себя знать по прежнему. Въ своихъ примѣчаніяхъ къ изданію поученія архіепископа Луки Жидяты къ братіи, носящихъ часто лингвистическій характеръ [2]), проф. моск. университета Р. Ѳ. Тимковскій еще въ 1815 г., ссылаясь на словарь Памвы Берынды, высказывалъ сожалѣніе, что „сія прекрасная книга такъ рано уже забыта у насъ. При всѣхъ своихъ недостаткахъ она драгоцѣнна для любителя Славянскаго языка и во многихъ случаяхъ подаетъ ему единственную помощь“. Тимковскій выражалъ тутъ же желаніе, „чтобъ кто-нибудь изъ нашихъ соотечественниковъ принялся за сочиненіе новаго Славянскаго Словаря, расположеннаго по образцу иностранныхъ; или бы по крайней мѣрѣ дополнилъ и издалъ вновь лексиконъ Берынды. Мы теперь уже нѣкоторыя Славянскія слова и выраженія весьма мало понимаемъ, и часто прибѣгаемъ къ соображеніямъ и догадкамъ; чтожъ будетъ наконецъ съ нашими потомками спустя нѣсколько сотъ лѣтъ, когда можетъ быть и нынѣшній нашъ языкъ сдѣлается для нихъ труднымъ и невразумительнымъ? Надобно думать, что они многаго вовся не будутъ понимать, и тогда вся вина падетъ на нашу безпечность“.

Тимковскій понималъ неосуществимость сколько нибудь пол-

---

[1]) См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1848 г., ч. 58, отдѣлъ VI: И. И. Срезневскій, „Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, составленный II Отд. Имп. Ак. Наукъ“, статья вторая, стр. 224—225.

[2]) «Русскія достопамятности, издаваемыя Обществомъ Ист. и Древн. Росс., учрежденнымъ при Императ. Моск. Университетѣ. Часть I. Москва. Въ Университ. Типографіи 1815 г. 8°, стр. 3—16.

наго словаря этого рода въ то время, но приглашалъ своихъ современниковъ къ подготовительной для него работѣ: „пока не изданы еще всѣ древнія Славянскія сочиненія критически, безъ всякихъ умышленныхъ и неумышленныхъ поновленій, подобно изданіямъ Греческихъ и Римскихъ классиковъ; до тѣхъ поръ нельзя и ожидать полнаго Славянскаго словаря: но станемъ мало по малу прокладывать дорогу. Есть ли бы Буддей Меурсій и Фаберъ не принимались за перо; то безъ сомнѣнія мы не имѣли бы превосходныхъ лексиконовъ Генриха Стефана, Дюканжа, Шнейдера, Шеллера и Геснера“ [1]).

Въ ожиданіи приходилось довольствоваться уже имѣющимися пособіями, въ родѣ „Церковнаго словаря“ П. А. Алексѣева (см. выше, стр. 238 — 39), вышедшаго первымъ изданіемъ еще въ 1773—76 гг., а вторымъ въ 1794 г., и другихъ подобныхъ ему трудовъ (см. тамъ же). Спросъ на нихъ былъ настолько великъ, что въ теченіе второго десятилѣтія XIX в., понадобились два новыхъ одно за другимъ слѣдовавшихъ изданія словаря Алексѣева: третье, значительно умноженное (Москва. Синод. Типогр., 4 части, 8°, 1815 — 1816 г., и 5-я: „Новое прибавленіе“ къ нему, Спб. 1818, 8°) и четвертое, „вновь пересмотрѣнное, исправленное и противу прежнихъ трехъ изданій весьма знатнымъ количествомъ словъ и рѣченій пріумноженное“ (Д. и П. Соколовыми: 5 частей, 8°, 8 ненум.+XV+279, 235, 368, 208, 173+17 стр., Спб. Тип. Ив. Глазунова, 1817—1819). Изданія эти не представляли существенныхъ улучшеній, сравнительно съ оригинальнымъ изданіемъ 1773—76 гг., и страдали тѣми же недостатками. Передѣлка Соколовыхъ была, правда, „пріумножена новымъ дополненіемъ разныхъ словъ и рѣченій, до 6000 простирающихся, собранныхъ чрезъ прочтеніе изъ Библіи и изъ многихъ другихъ церковныхъ книгъ и духовныхъ отеческихъ твореній, которые они имѣли случай пріобрѣсть частію отъ самаго сочинителя еще при жизни его, частію же отъ другихъ любителей Славенскаго языка“, но въ общемъ имѣла тотъ же характеръ, что и первое изданіе, не только сохранивъ всѣ его объясненія, но и слѣдуя имъ въ дополненіяхъ. Исправленія преимущественно заключались въ болѣе точномъ соблюденіи азбучнаго порядка и устраненіи нѣкоторыхъ мелкихъ ошибокъ.

Одновременно съ третьимъ изданіемъ церковнаго словаря Алексѣева, началъ выходить въ „Извѣстіяхъ Россійской академіи“ „Опытъ Славенскаго словаря, или объясненіе силы и знаменова-

[1]) См. цитир. изданіе, стр. 15—96.

нія коренныхъ и производныхъ Рускихъ словъ, по недовольному истолкованію оныхъ мало извѣстныхъ и потому мало употребительныхъ", принадлежащій самому президенту академіи, А. С. Шишкову [1]). Составитель самъ называлъ его „малымъ опытомъ, а не Словаремъ", потому что „хотя слова собраны въ немъ по азбучному порядку, но сіе собраніе ихъ есть весьма неполное". Не имѣя въ своемъ распоряженіи „книгохранительницы, въ которой бы находились всѣ священныя наши творенія, древніе лѣтописцы, рукописи, и даже многія книги, писанныя на тѣхъ языкахъ, которые происходятъ отъ Славенскаго", Шишковъ „принужденъ былъ довольствоваться помѣщеніемъ въ своемъ *опытѣ* только тѣхъ словъ, которыя онъ могъ, не изъ одного, но изъ многихъ съ трудомъ находимыхъ примѣровъ, хорошенько выразумѣть, оставляя прочія для будущаго онымъ отысканія и разсмотрѣнія" („Извѣстія", кн. I., стр. 41). Такимъ образомъ „Опытъ" Шишкова даже и не заслуживаетъ названія „словаря" и не могъ претендовать заполнить собою указанный выше крупный пробѣлъ въ научной литературѣ. Самая цѣль его, отчасти намѣченная уже въ заглавіи, не имѣла научнаго характера. Авторъ его несомнѣнно имѣлъ въ виду лишь иллюстрировать свои излюбленныя идеи о силѣ, красотѣ и великолѣпіи „Славенскаго" языка, какъ неисчерпаемаго источника русскаго литературнаго языка. Во вступленіи къ своему „Опыту Славенскаго словаря" Шишковъ самъ выясняетъ его назначеніе. Указавъ на существованіе „Академическаго и церковнаго Словарей, въ которыхъ почти всѣ извѣстныя въ нашемъ языкѣ слова собраны и объяснены", Шишковъ отмѣчаетъ, однако, что „много еще въ пространномъ морѣ семъ остается сокровеннаго: не вся глубина онаго изслѣдована". Въ общихъ словаряхъ нельзя „распространяться въ описаніи каждаго слова порознь. Между тѣмъ весьма часто бываетъ, что необыкновенное, или мало извѣстное слово, для точнаго познанія заключающейся въ немъ силы и разума, требуетъ отысканія далеко закрывавшагося (такъ!) иногда корня его, и приложенія многихъ въ маломъ числѣ книгъ случайно попадающихся примѣровъ, безъ которыхъ ясность онаго отъ очей нашихъ нерѣдко скрывается. Надлежитъ слова сіи подвергнуть глубокому изслѣдованію и разбору"; показать, что нѣкоторыя изъ нихъ „заключаютъ въ себѣ богатую мысль, и слѣдовательно къ ущербу словесности забыты";

[1]) Извѣстія Росс. акад. 1815 г. Кн. 1, [стр. 37 — 92; кн. 2, 1816 г., стр. 33—87; кн. 3, 1817 г., стр. 62—88; кн. 4, 1817 г., стр. 66—112; кн. 7, 1819 г., стр. 51—112.

тогда какъ другія „выдуманы и употребляются незнающими языка своего писателями, и потому больше служатъ къ порчѣ, нежели къ обогащенію онаго“ („Извѣстія“, кн. 1, стр. 39). Если бы даже подобныя слова и были объяснены въ полномъ словарѣ „со всѣми желаемыми подробностями и примѣчаніями“, то эти объясненія „остались бы непримѣтны, потому что таковый Словарь сочиняется больше для справокъ попадающихся намъ неизвѣстныхъ или сомнительныхъ названій, нежели для того, чтобъ чрезъ чтеніе онаго научиться разуму и силѣ высокихъ рѣдко употребляемыхъ словъ“. Съ этой послѣдней цѣлью, по мнѣнію Шишкова, былъ изданъ „Церковный словарь“ Алексѣева, далеко, однако, не достигшій ея, вслѣдствіе неполноты матеріала („выбранъ не изъ всѣхъ древнихъ книгъ, но токмо изъ священныхъ писаній“), привлеченія греческихъ словъ въ одинаковой мѣрѣ со славянскими, краткости объясненій („безъ всякаго разсмотрѣнія корня, и вывода силы какъ прямаго, такъ и иносказательнаго ихъ знаменованія“), а также отсутствія примѣровъ, вмѣсто которыхъ лишь „показаны имена и главы тѣхъ книгъ“, гдѣ они находятся. Вслѣдствіе этого читателю, который бы полюбопытствовалъ „узнать силу слова“, пришлось бы „имѣть предъ собою всѣ сіи книги“. По мнѣнію Шишкова, „подобный Словарь можетъ нѣсколько быть полезенъ для чтенія священныхъ книгъ, но онъ не вводитъ въ сокровенности слова, не даетъ чувствовать силы языка, не присовокупляетъ ничего къ познанію онаго“. Удовлетворить этимъ послѣднимъ требованіямъ и долженъ былъ разсматриваемый „Опытъ“ Шишкова. О характерѣ его и степени полноты можно судить изъ голаго перечня первыхъ словъ его на буквы А и Б: *абіе*, *абы*, *аже*, *ажно*, *аки*, *амо*, *аркучи*, *атъ*, *аще*; *бабръ*, *бабы* (плеяды), *бавить*, *багръ*, *багрецъ*, *баручь* (у Нестора: *Ольговичи съ Половцы взяша городокъ Нежатинъ, и села и Баручь пожгоша)*, толкуемое, какъ нарѣчіе *оборучь*, т. е. по обѣимъ рукамъ или сторонамъ (!), *безквасіе*, *безмездіе*, *безмѣстіе*, *безнадеждіе*, *безнапастіе*, *безпенежно*, *безпенно*, *безсердечіе* или *безсердіе*, *безсловесіе*, *бервно*, *березозоль*, *бесѣда*, *биричь*, *благовзорный*, *благоводный*, *благовоздушіе*, *благоволить*, *благовонство*, *благовонствовать*, *благовѣріе*, *благовѣтвенъ*, *благовѣтріе*, *благодать*, *благоличность*, *благолюбіе*, *благомощіе*, *благоплеменство*, *благоприступенъ*, *благосердіе*, *благословіе* и *благословеніе*, *благостройно*, *благостыня*, *благоувѣтливость*, *благоуханіе*, *благоязычіе*, *блажить*, *блазнь*, *ближникъ*, *богатѣть*, *богодухновенное*, *боголѣпно*, *богомужный*, *богочтецъ*, *бодренный*, *болонье*, *больма* и *больми*, *болѣзнь*, *боляринъ*, *боронить*, *боронь* или *бороненіе*, *босуви* (изъ Сл. о П. Игор.), *боязнь*, *бра-*

таничъ, *братанъ*, *братанка*, *братися*, *бреженіе*, *брашно*, *буесть*, *буй*, *былина* и т, д. Ниже находимъ такую же смѣсь словъ церковнославянскихъ и россихъ (въ родѣ *веречи*, *володѣть*, *волосъ*, *воробъ*, *воропъ*, „карпато-росскаго" *винобраніе* и т. д.), такой же случайный и не критичный подборъ словъ дѣйствительно существующихъ и искусственныхъ и такую же неполноту матеріала, доходящую до того, что буква Т представлена всего двумя словами *твердосердіе* и *тяжкосердіе*, буква У — тремя: *угобженіе*, *угобзить*, *уступокъ*, а послѣдняя буква Ч—однимъ *чревоболѣніе!*

Какъ видно, „Опытъ" Шишкова не могъ мѣряться полнотою матеріала не только со словаремъ Алексѣева, но и съ словарями игумена Евгенія (см. выше, стр. 239) и Памвы Берынды (см. выше, стр. 165). Единственнымъ его достоинствомъ являлось обиліе цитатъ изъ разныхъ, преимущественно печатныхъ памятниковъ церковнославянскаго и древнерусскаго языковъ, также и новыхъ писателей XVIII и начала XIX в. (Четьи-Минеи, Библія, „Старинн. Библія", Библія Скорины, Алфавитъ духовный, Патерикъ, „Ифика", Прологъ, Минея Общая, Требникъ, Служебникъ, Мѣсяцесловъ, Ирмологій, Кормчая, Октоихъ, Синаксарій, Изъясненіе на литургію, Царственный Лѣтописецъ, Никоновская лѣтоп., Несторъ, Древн. лѣтописи, „Предисловіе къ грамматикѣ Максима Грека", т. е. къ московскому изданію грамм. Мелетія Смотрицкаго 1648 г., Русская Правда, Слово о Полку Игоревѣ, Уложеніе Царя Алексѣя Мих., „О ратномъ дѣлѣ" 1649, Троянская исторія, Словарь Памвы Берынды, избр. сочиненія Кипріяна, Слово Архим. Сѣченаго, Слова Ѳеофана Прокоповича, Сочиненія митроп. Платона, Исторіогеографія Мавроурбина, Исторія Іерусалима, какой-то „Старинн. словарь", Академич. словарь, Древнерусск. стихотворенія Кирши Данилова, Сочиненія Кострова, Ломоносова, Сумарокова, Державина, кн. Шихматова и т. д.). Приведеніе этихъ цитатъ цѣликомъ составляло его преимущество передъ словаремъ Алексѣева, въ которомъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ имѣлись голыя ссылки на соотвѣтствующія мѣста источниковъ. Только въ этомъ одномъ отношеніи „Опытъ Славенскаго словаря" Шишкова могъ оказать въ свое время извѣстную услугу тому, кто вздумалъ бы прибѣгнуть къ его помощи.

Къ недостаткамъ „Опыта" необходимо отнести еще обычное Шишковское „корнесловіе", правда проведенное не систематически, но всетаки довольно часто. *Свадьба* производится здѣсь отъ *святить (святьба)*; датское *vel* и нѣм. *wohl* отъ слав. *велій*; *влаятися* изъ *вла*=сокращенное *валъ*, *волна*+глаголъ *ятися* (отсюда же *валять*, *валяться*); *возгнѣщать* изъ *возогнѣщать*, отъ

огонь; *володѣть* изъ *воля*+*дѣять*; *лѣчить* отъ *легчить*, *улизнуть* изъ **улъзнуть*; *мечка* (медвѣдица) отъ *метаться* (на людей) или *метать* (щенятъ); *мнихъ* отъ *мнiй*, *тихомолка* отъ **тихомолвка* и т. д. [1]). При этомъ Шишковъ по обыкновенiю пускается въ наивныя и невѣжественныя разсужденiя, въ родѣ объясненiя этимологической связи *скора, шкура* и *скорнякъ*. По словамъ его, „порча произношенiя словъ часто заводитъ насъ въ несообразное употребленiе оныхъ: мы не говоримъ нынѣ *скора*, а говоримъ *шкура*; напротивъ того, не говоримъ *шкурнякъ*, а говоримъ *скорнякъ*. Причиною сей несообразности есть невниканiе въ коренное происхожденiе словъ. Мы бы никогда не сказали *шкура*, естьлибъ знали, что имя сiе происходитъ отъ имени *кора*“ и т. д. [2]).

Въ томъ же 1815 году, когда началось печатанiе разсмотрѣннаго „Опыта славенскаго словаря“, Шишковъ въ первой же книжкѣ „Извѣстiй Росс. Академiи“ напечаталъ „Нѣкоторыя замѣчанiя на предполагаемое вновь сочиненiе Россiйскаго Словаря“ (стр. 8—35). Здѣсь онъ высказывалъ свое недовольство обоими словарями Россiйской академiи, словопроизводнымъ (давно уже ставшимъ библiографической рѣдкостью, см. выше, стр. 725) и алфавитнымъ, и предлагалъ свой собственный планъ этимологическаго словаря, очевидно, тотъ самый, о которомъ онъ писалъ пять лѣтъ спустя Эрстрöму (см. выше, стр. 954).

По словамъ Шишкова, словопроизводный словарь Россiйской академiи „достоинъ всякаго уваженiя и признательности“, но во-первыхъ это былъ „первоначальный трудъ Академiи, помышлявшей тогда (какъ и должно было) болѣе о надобности Словаря, нежели о совершенствѣ онаго“. Во-вторыхъ „онъ составленъ въ краткое время, и.., съ немалымъ поспѣшенiемъ. Въ третьихъ“, съ тѣхъ поръ прошло уже около 30 лѣтъ, и сдѣланы „новыя открытiя въ языкѣ“. Поэтому въ словопроизв. словарѣ нужно сдѣлать „многiя перемѣны“, сократить „излишества, недостатки дополнить, погрѣшности исправить, и словомъ по образцу онаго сочинить новый Словарь“ (стр. 8).

Шишковъ не доволенъ и алфавитнымъ словаремъ: „вновь составляемый потомъ (еще не совсѣмъ оконченный) Словарь Россiйской Академiи по буквенному порядку, есть не иное что, какъ

---

[1]) „Извѣстiя Россiйской Академiи“, кн. II, стр. 37, 41—42, 54, 60—61, 65, кн. IV, стр. 105, 112; кн. VII, стр. 51—52, 53, 59. *Лѣчить* отъ *легчить* производилъ и Карамзинъ, утверждавшiй, что видѣлъ это правописанiе въ старыхъ памятникахъ. См. Записки К. С. Сербиновича (Русская Старина, 1874, т. XI. 66).

[2]) „Извѣстiя Русс. Акад.“ кн. VII, стр. 90—91.

тотъ же самый Словарь, передѣланный изъ словопроизводнагѡ въ букварный и потому столько же, какъ и тотъ неудовлетворителенъ“ (стр. 9). Изъ неудовлетворительности обоихъ изданій академическаго словаря явствуетъ, что надо составить новый словопроизводный словарь, на „иномъ основаніи, гораздо обширнѣйшемъ прежняго“, а именно слѣдуетъ имѣть въ виду: повѣрку „опредѣленія словъ для того, чтобъ сомнительныя и темныя привесть въ точность и ясность; избраніе лучшихъ примѣровъ и съ лучшимъ разборомъ; разсмотрѣніе корней словъ съ вящшими и надежнѣйшими способами, то есть съ помощію всѣхъ Славенскихъ нарѣчій“. Необходимость привлеченія послѣднихъ удачно иллюстрируется нѣсколькими примѣрами (стр. 9—16). Плохо только то, что славянскіе языки предполагалось привлекать не столько для объясненія происхожденія русскихъ словъ, сколько „для утвержденія и обогащенія собственнаго нарѣчія нашего“, т. е. для того же, для чего Шишковъ рекомендовалъ прибѣгать къ церковнославянскому языку.

По мнѣнію Шишкова, новый словарь долженъ быть словопроизводнымъ, „ибо симъ средствомъ показывается языкъ во всемъ своемъ началѣ и происхожденіи“; для скорѣйшаго же пріискиванія словъ къ нему можно было бы приложить алфавитный списокъ „всѣмъ находящимся въ немъ словамъ, съ показаніемъ части и страницы, на которой слово объяснено“ (стр. 16—17).

„Всѣ иностранныя слова должно исключить изъ Словаря“, ибо, если они „не наши“, то и не должны „имѣть мѣста въ Славенскомъ или Россійскомъ собраніи словъ“. Ниже, впрочемъ, Шишковъ смягчается и допускаетъ въ словарь „однѣ самыя укоренѣлыя, и уже сдѣлавшіяся нѣкоторою красотою нашего стихотворства“. Всѣ прочія иностранныя слова и то „только весьма употребительныя“, какъ напр., художественные и научные термины, названія чиновъ, мѣстъ и проч., Шишковъ предлагаетъ „собрать и помѣстить при концѣ Словаря, подъ названіемъ: *словарь иностранныхъ словъ, употребительныхъ въ нашемъ языкѣ*“ (стр. 17—18).

Необходимо, однако, замѣтить, что понятія Шишкова о томъ, что считать иностраннымъ словомъ, были очень своеобразны. Нѣкоторыя такія слова, по его мнѣнію, мы только „почитаемъ иностранными“, а на самомъ дѣлѣ они „суть наши Славенскія, или по крайней мѣрѣ общи намъ съ тѣми языками, къ коимъ мы ихъ причисляемъ по тому только, что по свойству ихъ произносимъ оныя: *скинія* (Греческое), *сцена* (Латинское) и *сѣнь* (Славенское), есть одно и тоже слово, точно также, какъ Славенское *солнце*, Польское *słońce*,

Нѣмецкое *sonne,* Англійское *sun,* и проч., и Славенское *соль*, Французское *sel*, Нѣмецкое *salz* и проч." Такое же въ сущности славянское слово—латинское globus=нашему *клубъ*, откуда *клобъ, глобъ, глобусъ;* франц. *планъ* есть не что иное, какъ „Славенское *полянина*, сокращенно *планина*" и т. д. (стр. 18—19). Впрочемъ, Шишковъ оставляетъ неяснымъ, слѣдуетъ ли ввести такія слова въ словарь, рекомендуя, однако, „если сила навыка не позволитъ ихъ исправить", показывать „при испорченномъ словѣ... коренное его произношеніе и значеніе" (стр. 20).

„Собственныя имена земель, городовъ, селъ, морей, озеръ, рѣкъ, людей, и проч.". Шишковъ исключаетъ, но находитъ, что собственныя славянскія имена (Святославъ, Вячеславъ, Владиміръ, Добрыня, Горислава, Запава, Людмила) „не худо бы собрать и особо при концѣ Словаря припечатать". Имена звѣрей, птицъ, рыбъ, травъ и проч. входятъ только „съ краткимъ означеніемъ", а не съ пространными описаніями, а равнымъ образомъ и термины „наукъ, художествъ,ремеселъ и пр." (стр. 21).

„Всѣ находимыя въ священныхъ писаніяхъ, въ лѣтописяхъ, въ законахъ, въ преданіяхъ, въ народныхъ сказкахъ и пѣсняхъ, самыя старинныя, хотя бы неупотребительныя, но чистыя Славенскія слова, должно внесть въ Словарь, съ слѣдующимъ только раздѣленіемъ": слова, значеніе которыхъ ясно и опредѣляется избранными примѣрами,—помѣстить въ самомъ словарѣ, слова же, значеніе коихъ забылось, „отбирать и заблаговременно печатать въ вѣдомостяхъ съ вызовомъ, не пришлетъ ли кто въ Академію удовлетворительнаго истолкованія онымъ (!). Истолкованныя и разрѣшенныя вносить въ Словарь съ именемъ истолкователя. Не разрѣшенныя же при окончаніи Словаря съ тѣмъ же вызовомъ припечатать въ концѣ онаго". Смущаться тѣмъ, что словарь наполнится „многими старинными, вѣтхими и неупотребительными словами", нечего, потому что онъ сочиняется не „для забавнаго чтенія", но въ качествѣ пособія „при чтеніи или сочиненіи другихъ книгъ" (стр. 21—22).

Шишковъ предполагалъ ввести въ словарь и такія инославянскія слова, вмѣсто которыхъ у насъ употребляются иностранныя слова, напр., замѣнить чешскимъ *пѣшникъ* наше *тротуаръ*, взятое изъ французскаго, а также ставить слова изъ другихъ славянскихъ языковъ при такихъ нашихъ словахъ, которыя нѣсколько уклонились отъ корня, напр., при *куча* ставить „богемское *купча*" (!), чтобы показать, „что оное происходитъ отъ *купа* (!)". При *сноха* рекомендуется привести Краинское *synaha*, „для показанія, что происходитъ отъ *сынъ*" (стр. 24—25).

Замѣчаній относительно внѣшней формы словаря въ планѣ Шишкова было немного, и они не представляли ничего особеннаго. Предполагалось давать латинскія значенія при каждомъ словѣ для удобства иностранцевъ, переводящихъ русскія книги, что было не очень практично, въ виду отсутствія многихъ „соотвѣтствующихъ Латинскихъ словъ“. Въ случаѣ осуществленія этого требованія, пришлось бы нерѣдко давать длинныя латинскія описанія, а не единичныя слова, какъ хотѣлъ Шишковъ.

При алфавитномъ размѣщеніи словъ, предполагалось не считать *ъ* и *ь*, чтобы „корни словъ не стояли позади своихъ вѣтвей. Сперва *столъ*, а потомъ *столикъ, стольникъ* и проч.“ (стр. 25).

Во главѣ каждаго этимологическаго семейства предполагалось ставить основной для него корень, чему и приводится примѣръ. Сравнивая родственныя слова: *опона, запонъ, перепонка, попона, запонка, супонь*, Шишковъ открываетъ „одну и ту же господствующую мысль, изъявляемую корнемъ ихъ, словомъ *понъ*, означающимъ *преграду, препятствіе, сопротивленіе* (!)“. Но этотъ корень еще не основной: „измѣняя гласную букву, превращается онъ въ *пин, пен*, и даже совсѣмъ выпуская оную остается только въ согласныхъ буквахъ *пн*, которыя несравненно постояннѣе гласныхъ и токмо однѣ могутъ почитаться коренными“ (стр. 26—27). Такимъ образомъ во главѣ даннаго этимологическаго семейства долженъ быть поставленъ добытый вышеуказаннымъ путемъ корень *пн*.

Къ этимъ положеніямъ присоединено еще нѣсколько замѣчаній, относительно употребительности тѣхъ или другихъ формъ, съ точки зрѣнія грамматической теоріи вполнѣ правильныхъ. Шишковъ указываетъ, что не всѣ, напр., существительныя на *-ніе* одинаково употребительны. „Хорошими“ онъ считаетъ слова *спасеніе, сужденіе, волненіе, облеченіе, треніе, уничиженіе* и пр.; „сомнительными“ — *гремѣніе, горѣніе* (?), *бѣленіе* (?), *черненіе* и пр.; „худыми“ — *желтеніе, зелененіе, твердѣніе, слащеніе* и пр. Только хорошіе и заслуживающіе довѣрія примѣры могутъ рѣшить вопросъ объ употребительности той или другой формы и допущеніи ея въ словарь. Сказанное относительно словъ съ суффиксомъ *-ніе* примѣняется и къ словамъ съ другими „окончаніями“: на *-ба, -та, -ина* и *-ость*, которыя должны быть также подвергнуты „строгому разсмотрѣнію“ (стр. 28—33).

Въ концѣ концовъ „словопроизводный Словарь (вмѣстилище языка)“ представляется Шишкову, какъ „собраніе разныхъ корней, отъ которыхъ произошли деревья съ вѣтвями“, т. е. разныя слова. Главный трудъ, отъ котораго зависитъ достоинство и со-

вершенство словаря, долженъ заключаться: 1) въ „тщательномъ отысканіи корней", и 2) „въ произведеніи отъ нихъ деревьевъ и вѣтвей" (стр. 33—34).

Составляться словарь, по проекту Шишкова, долженъ былъ „стараніемъ опредѣленныхъ на то трехъ или четырехъ Членовъ, которые бы по предначертанному плану безпрестанно тѣмъ занимались". Они должны были „собрать, приготовить, опредѣлить, утвердить слова̀, обогатить примѣрами, и потомъ прочитывать ихъ въ собраніи, для нѣкоторыхъ токмо замѣчаній. Главный трудъ и работа" должны были лежать на нихъ. „Безъ сего Словарь не составится, и даже полнота̀ и достоинство его къ нимъ должны относиться; ибо никакой трудъ иначе не совершается, какъ уединеннымъ и безпрепятственнымъ размышленіемъ" [1]).

Къ вопросу о словопроизводномъ словарѣ Шишковъ возвратился еще въ своемъ предложеніи, внесенномъ въ Россійскую академію въ засѣданіи 21 янв. 1822. По его словамъ, „словарь сей нужнѣйшій и единственный, могущій положить твердое основаніе нашему отечественному языку и подать свѣдѣніе о составѣ и началахъ всѣхъ вообще языковъ, требуетъ конечно великихъ трудовъ и соображеній; но въ Академическихъ Извѣстіяхъ отчасти проложенъ ужѐ къ тому путь, такъ что современемъ можно ожидать плода отъ многихъ сдѣланныхъ тамъ изслѣдованій и объясненій, естьли оныя обратятъ на себя вниманіе людей дѣйствительно ученыхъ и помышляющихъ о прочной пользѣ и славѣ отечественнаго языка своего" [2]). „Сочиненіе" этого словаря предоставлялось теперь уже „каждому Члену, на основаніяхъ, объясненныхъ въ Академич. Извѣстіяхъ... а именно: а) разсмотрѣніе корня, сколько пустилъ онъ отъ себя колѣнъ и сколько при каждомъ колѣнѣ вѣтвей, b) подробное сихъ вѣтвей исчисленіе съ опредѣленіемъ значенія каждой изъ нихъ и съ присовокупленіемъ къ каждой отысканнаго въ книгахъ, или нарочно сочиненнаго, хорошаго примѣра, одного или нѣсколькихъ. Когда отъ кого такимъ образомъ представленъ будетъ одинъ или многіе описанные и въ порядокъ приведенные корни со всѣми произшедшими отъ нихъ колѣнами и вѣтьвями, и когда Академія сей трудъ приметъ и одобритъ, тогда сочинителю дается по расчисленію за каждый печатный листъ такая награда, какая полагается за всякое другое одобренное сочиненіе. Академія, выдавъ награжденіе, хранитъ

[1]) См. предложеніе, внесенное Шишковымъ въ Россійскую академію, въ засѣданіе 18 сент. 1820 г. („Извѣстія Росс. академіи", кн. 9, 1821 г., стр. 19, а также „Сынъ Отечества" 1820 г., ч. 64, стр. 278—80).

[2]) „Извѣстія Росс. акад.", кн. 10, 1822 г., стр. 39—40.

сіе сочиненіе въ рукописи, доколѣ не соберетъ столько, что можетъ приступить къ изданію всего Словаря" [1]).

Но и денежная награда (отъ 60 до 100 р. за печатный листъ) оказалась безсильной заставить „членовъ-трутней" принять участіе въ осуществленіи замысловъ ихъ президента.

Таковы были главныя основанія предлагавшагося Шишковымъ плана для изданія новаго словопроизводнаго словаря. Какъ видно, научнаго характера и цѣли онъ не имѣлъ и не могъ имѣть, ибо былъ задуманъ въ тѣсной связи съ излюбленными идеями его автора, развитыми имъ въ цѣломъ рядѣ разсужденій и полемическихъ статей, уже разсмотрѣнныхъ нами выше. Осуществленіе этого плана, детально совсѣмъ и не выработаннаго и ограничивавшагося немногими наивными положеніями, да пустой шумихой реторическихъ фразъ, конечно, не внесло бы ничего существеннаго въ исторію нашей науки, ни въ смыслѣ собранія новаго матеріала, ни въ методологическомъ отношеніи. Шишковъ былъ одинаково безсиленъ и какъ научный работникъ, и какъ организаторъ научныхъ учрежденій и предпріятій, яркимъ доказательствомъ чего служатъ какъ его собственныя писанія, такъ и безплодная дѣятельность Россійской академіи подъ его предсѣдательствомъ. Едва ли можно думать, чтобы ему удалось хотя бы собрать нѣсколько болѣе сырого матеріала, чѣмъ было собрано его предшественниками въ данной области. Характерно во всякомъ случаѣ, что планъ остался неосуществленнымъ, да, повидимому, и попытокъ осуществить его не предпринималось, если не считать небольшого отрывка на корень *мр*, явившагося уже въ 1828 г., въ 12-й книжкѣ „Извѣстій Росс. академіи" подъ заглавіемъ: „Опытъ словаря по корнямъ, иначе называемаго словопроизводнымъ".

Между тѣмъ за осуществленіе, если не плана Шишкова, то его мысли о необходимости новаго словопроизводнаго словаря русскаго языка, взялось энергичное и дѣятельное московское „Общество Любителей Россійской Словесности". Нѣтъ сомнѣнія, что нужда въ такомъ словарѣ ощущалась у насъ всѣми, кто только интересовался вопросами литературы и отечественной филологіи, но едва ли мы ошибемся, предположивъ, что появленіе вышеразсмотрѣннаго Шишковскаго плана въ Извѣстіяхъ Россійской Академіи окончательно побудило московское общество выступить съ своимъ собственнымъ предпріятіемъ этого рода, прежде чѣмъ соберется это сдѣлать Россійская Академія, съ которой названное общество несомнѣнно не прочь было посоперничать.

---

[1]) Тамъ же, стр. 48–49.

Какъ бы то ни было, въ засѣданіи 20 мая 1816 г. Общество поручило дѣйств. членамъ своимъ, А. В. Болдыреву и И. И. Давыдову, „сочинить планъ новаго Россійскаго Словаря, расположеннаго въ этимологическомъ порядкѣ, и представить съ примѣрами нѣсколько первообразныхъ словъ съ ихъ производными“ [1]. Черезъ полгода съ небольшимъ, въ засѣданіи 16 декабря 1816 г., Давыдовъ и Болдыревъ прочли изготовленные ими планы. Собраніе рѣшило напечатать ихъ и съ этой цѣлью поручило авторамъ свести ихъ въ одно цѣлое, ассигновавъ кромѣ того 300 р. „на покупку лексиконовъ“, потребныхъ при составленіи словаря [2].

Въ слѣдующемъ же 1817 году обѣ записки явились въ свѣтъ въ одной и той же VIII части „Трудовъ“ общества (Давыдова: стр. 114—122, Болдырева: стр. 123—134).

Записка Давыдова, озаглавленная „Объ изданіи Русскаго словопроизводнаго Словаря“, обнаруживаетъ очевидное вліяніе идей Шишкова вообще и его вышеразсмотрѣннаго плана въ частности. Подобно Шишкову, Давыдовъ находитъ, что въ словарь должны войти только „коренныя Русскія слова“. Впрочемъ, понятіе „коренныя“ разумѣлось имъ довольно своеобразно, такъ какъ всѣ областныя слова, среди которыхъ, конечно, не мало именно „коренныхъ“ русскихъ словъ, изъ проектируемаго словаря исключались, и предлагалось для каждой области составлять особый словарь. Вообще исключались: a) собственныя и географическія имена, b) художественные и научные термины, а также обветшалыя слова (послѣднія несогласно съ Шишковымъ, настаивавшимъ на ихъ возвращеніи въ словарь), которыя Давыдовъ, впрочемъ, всетаки предполагалъ ставить при производныхъ, напр. *зидъ* при *зижду;* c) областныя, d) еврейскія и греческія, кромѣ общепринятыхъ, въ родѣ *аллилуя*, *скинія* (Шишковъ тоже приводилъ послѣднее слово въ качествѣ примѣра); e) названія чиновъ и достоинствъ, „введенныхъ въ новѣйшія времена“ (Шишковъ допускалъ ихъ только въ приложеніи), и f) „названія произведеній природы и искусства, привозимыхъ изъ чужихъ земель“.

По мнѣнію Давыдова, „если мы хотимъ отыскать корни одного только древа, языка Русскаго: то всѣ означенныя реченія“ надо исключить, иначе „мы не очистимъ золота своего отъ всѣхъ примѣсей“ (стр. 115). Между тѣмъ въ прежнемъ словопроизводномъ словарѣ Росс. академіи встрѣчаются арабскія, турецкія, бразильскія, голландскія, шведскія, татарскія, нѣмецкія и французскія

---

[1]) «Труды Общ. Любит. Росс. Слов.“, ч. VIII, 1817, стр. 77.

[2]) Тамъ же, стр. 113—114.

слова; въ одной буквѣ А ихъ 350, тогда какъ настоящихъ русскихъ не болѣе 9. На иныя буквы совсѣмъ нѣтъ словъ: *ф*—звукъ „столь же чуждый намъ, какъ *р*—для Китайцевъ“. Всѣ слова, начинающіяся съ него,—татарскія или нѣмецкія, съ Ѳ—греческія (стр. 116).

Сложныя слова Давыдовъ предлагалъ поставить при первообразныхъ; *водопроводъ* ставить подъ *вода*, *воевода*—при *вой*. Объясненія словъ, по его мнѣнію, должны были даваться только при помощи синонимовъ (какъ въ словарѣ Росс. академіи, противъ чего впослѣдствіи писалъ Добровскій, см. выше, стр. 950). Въ качествѣ иллюстраціи Давыдовъ пользуется примѣромъ, взятымъ изъ Шишковскаго „Разсужденія о краснорѣчіи Свящ. Писанія“ (Спб. 1811 г., см. выше, стр. 749 и слѣд.): „*лукъ* или *лука*, *лучица*, *дуга*. Отъ него производныя: *лукошко*, *излучина*, *излучистый*, *облукъ*, *облучокъ;* глаголы: *лукнуть*, *налякать* или наляцать, *слякать* или сляцать, *улучить*, *залучить*, *прилучить*: прилучиться, прилученіе, прилука; *отлучить*, отлучиться, отлученіе, отлучка; *разлучить*: разлучиться, разлученіе, разлука; *случить*: случиться, случка, слученіе, случай, случайность; *получить*: полученіе, благополучіе, злополучіе. Въ переносномъ смыслѣ *кривить душой*, не прямо поступать называется *лукавить*: лукавой, лукавецъ, лукавство“ (стр. 117—118, ср. выше, стр. 750).

Глаголы Давыдовъ полагалъ ставить не въ неопредѣленномъ наклоненіи (какъ это было сдѣлано во второмъ изданіи Словаря Росс. академіи), а въ изъявительномъ, „потому что у насъ, какъ въ Греч. и Лат. языкахъ многія времена составляются изъ настоящаго“ (стр. 118). Такимъ образомъ онъ возвращался къ осужденному уже пріему перваго изданія академическаго словаря. Система спряженія, которой Давыдовъ предполагалъ слѣдовать въ словарѣ, представляетъ у него компромиссъ между старой (съ обиліемъ временъ) и новой (принимающей виды), а дѣепричастія считаются „усѣченными причастіями“.

Записка А. В. Болдырева: „Объ изданіи Словаря“ представляетъ нѣсколько большую самостоятельность взгляда, но все же свидѣтельствуетъ о безсиліи автора выбиться изъ ходячихъ представленій того времени. Она начинается разъясненіемъ вопроса, для чего долженъ служить новый словопроизводный словарь, когда уже есть одинъ такой, изданный академіей. По словамъ Болдырева, новый словарь нуженъ для того, „чтобы... заключалъ въ себѣ сокровища *одного* только Русскаго языка, былъ короче Академическаго, представлялъ расположеніе словъ по самому точному и правильному производству и между прочимъ служилъ къ усо-

вершенствованію правилъ Грамматики" (стр. 123). Отношеніе къ матеріалу у Болдырева почти такое же, какъ и у Давыдова. Онъ находитъ также, что въ словарь должны войти „одни только настоящія русскія слова", и проявляетъ даже еще болѣе пуризма, чѣмъ его сотоварищъ, исключая изъ словаря: „всѣ иностранныя слова изъ какого бы языка они взяты ни были" (даже такія, какъ *офицеръ*, *скинія* и т. д.), всѣ славянскія, кромѣ усвоенныхъ (въ родѣ *благо*, отъ котораго происходятъ *благополучіе*, *благодарность*, *вина* и пр.), всѣ собственныя и географическія имена, всѣ научные и художественные термины, всѣ названія произведеній природы, всѣ вышедшія изъ употребленія, кромѣ служащихъ къ образованію другихъ словъ, и всѣ областныя. Иностранныя слова, принятыя въ языкъ, но еще не замѣненныя природными, Болдыревъ, какъ и Шишковъ, предполагалъ помѣстить въ концѣ словаря, въ видѣ особаго приложенія. Глаголы онъ болѣе резонно, чѣмъ Давыдовъ, полагалъ ставить въ неопредѣленномъ наклоненіи, находя, что оно изображаетъ дѣйствіе или состояніе „безъ всякаго отношенія къ лицу и времени", является „настоящимъ корнемъ, отъ котораго производятся времена въ изъявит. наклоненіи", а также и потому, что многіе глаголы не имѣютъ настоящаго времени изъявит. наклоненія. Въ заключеніе Болдыревъ критиковалъ систему спряженій Давыдова, основательно указывая на ея компромиссный характеръ и недостатки и отстаивая свою новую. Какая бы система ни была принята для словаря, Болдыревъ полагалъ, всетаки, что при глаголахъ надо ставить „всѣ тѣ времена, которыя онъ можетъ имѣть" (стр. 133).

Въ выработкѣ плана словаря принялъ участіе и членъ-сотрудникъ общества, С. Г. Саларевъ. Его замѣчанія о предполагавшемся изданіи были читаны въ засѣданіи общества 10 апр. 1817 г. и затѣмъ отданы дѣйствительному члену А. В. Болдыреву „для соображенія и извлеченія изъ нихъ полезнѣйшаго"[1]). Тогда же были утверждены и „Правила для изданія Словопроизводнаго Словаря", напечатанныя въ томъ же году въ VIII ч. „Трудовъ" общества (стр. 188—191).

Согласно этимъ правиламъ, въ словарѣ предполагалось:

1) Помѣщать общеупотребительныя слова, кромѣ а) собственныхъ и географическихъ именъ, б) областныхъ, или мѣстныхъ.

2) Слова-корни употребительныхъ словъ, хотя бы сами они и вышли изъ употребленія.

3) Церковнославянскія слова, употребительныя въ граждан-

---

[1]) См. «Труды» общества, ч. VIII, 1817 г., стр. 180—181.

скихъ сочиненіяхъ, или служащія къ составленію русскихъ словъ.

4) Усвоенныя издавна иностранныя слова, съ означеніемъ, изъ какого языка они взяты.

5) За коренныя слова принимать означающія первоначальное понятіе, „какую бы часть рѣчи онѣ ни составляли“;

6) въ распоряженіи „производныхъ словъ соблюдать самой точной порядокъ и ближайшую связь“;

7) отрицательныя реченія ставить непосредственно при главныхъ словахъ, напр. *лицемѣрный, нелицемѣрный;*

8) слова, сложныя изъ двухъ и болѣе, ставить при обозначающихъ главное понятіе: злодѣй при *зло*, благодѣтель при *благо*;

9) при именахъ существительныхъ ставить родъ и падежи: род. ед. и имен. мн. и непосредственно за ними употребительнѣйшія увеличительныя и уменьшительныя имена;

10) при именахъ прилагательныхъ обозначать также „усѣченное окончаніе и уравнительныя степени“ (т. е. степени сравненія);

11) глаголы ставить въ неопредѣленномъ наклоненіи, означая залогъ и показывая 1 и 2 лицо той формы, которая кончится на *у* или *ю*, и прошедшее время: „дѣлать, аю, аешь, алъ, гл. д. и т. д.“;

12) въ сложныхъ глаголахъ этихъ временъ не показывать, исключая глаголы, не имѣющіе простыхъ, въ родѣ *обременять, нагуляться*;

13) „послѣ глаголовъ дѣйствительныхъ ставить причастія страдательныя настоящаго и прошедшаго времени“;

14) значеніе опредѣлять синонимами и другими словами, „напр. *лукъ* растѣніе и *лукъ* орудіе“.

Какъ видно, правила эти представляютъ въ общемъ сводку проектовъ Давыдова и Болдырева, съ добавкой нѣкоторыхъ новыхъ пунктовъ (№№ 5, 7, 8, 9, 10, 12, 13). Но и въ этомъ своемъ видѣ, конечно, проектъ словопроизводнаго словаря московскаго общества любителей русской словесности не имѣлъ научнаго значенія, и наша наука ничего не потеряла отъ того, что онъ, какъ мы увидимъ ниже, не пошелъ дальше черновыхъ и очень несовершенныхъ отрывковъ на нѣкоторыя отдѣльныя буквы.

Недостатки означеннаго плана были видны уже и современникамъ. Въ той же VIII части трудовъ общества (1817 г., стр. 239—245) явились замѣчанія на него нѣкоего Ѳ. (родомъ „изъ Украйны“, по собственному заявленію автора), читанныя въ засѣданіи общества 15 іюня 1817 г. Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ [1]). Критикъ,

[1]) «Труды» общества, ч. VIII, стр. 207. Сходство иниціаловъ Кокошкина и неизвѣстнаго автора замѣчаній (Ѳ.) заставляетъ думать о ихъ тожествѣ.

заявляющій о своемъ сочувствіи къ „великому и славному предпріятію“ общества, прежде всего находилъ недостаточно опредѣленнымъ выраженіе плана: „общеупотребительныя слова“ (пунктъ 1) и спрашивалъ, неужели подъ нимъ надо разумѣть всѣ слова, употребляющіяся у земледѣльцевъ, кузнецовъ, плотниковъ и другихъ ремесленниковъ, или, можетъ быть, только извѣстныя въ книжномъ языкѣ? Не хотѣлъ онъ помириться и съ исключеніемъ собственныхъ именъ (пунктъ 2-й), замѣчая: „нельзя не вступиться за свое семейство: Ольгу, Владиміра и Вѣру“. Среди географическихъ именъ, по его мнѣнію, найдутся и бывшія нарицательныя, такъ что и ихъ огульное исключеніе ему представлялось нежелательнымъ.

На пунктъ 3-й онъ резонно возражалъ: „выключеніе *областныхъ* или *мѣстныхъ словъ* не слишкомъ ли рѣшительно?.. Въ нашихъ лѣтописяхъ, грамотахъ, старинныхъ пѣсняхъ и разныхъ преданіяхъ встрѣчаются“ слова, употребляющіяся и теперь въ нѣкоторыхъ областяхъ, напр. *болонье;* равнымъ образомъ отъ малорусскаго *кресити* происходитъ *воскреснуть.* Многія иностранныя слова съ русскими окончаніями, какъ *адмиралтейство, мануфактурный*, *генеральной*, „какъ дѣти иностранцевъ, родившіяся въ землѣ Русской, должны находиться между Русскими. Къ удивленію въ планѣ церковный Славянскій языкъ отдѣленъ отъ Русскаго, или языка Гражданскихъ сочиненій“. Между тѣмъ изъ Разсужденія о Славянскомъ языкѣ (въ Вѣстникѣ Европы) [1]) видно, „что не только Славянскій языкъ церковныхъ книгъ, грамотъ и Лѣтописей, но и Славянскій языкъ Поляковъ, Сербовъ, Моравцовъ, и равно Русскихъ есть одинъ и тотъ же, что это нарѣчіе одного языка“ (!). Авторъ, очевидно, не понялъ мысли Каченовскаго (ср. выше, стр. 774) и патетически восклицалъ: „гдѣ же отыскивать корни, естьли не станемъ держаться церковныхъ книгъ, какъ первоначальнаго просвѣщенія Русскихъ“. Далѣе онъ обращаетъ вниманіе на то, что многія славянскія реченія вошли уже совсѣмъ въ употребленіе, вмѣсто простонародныхъ: *нравъ* (вм. *норовъ*), *оборона* (!) вм. *боронь* или *обороненіе*, *станъ* (!) вм. *вежа*, *быстрота* (!) вм. *борзость*, *врагъ* вм. *ворожбитъ*, *хищникъ* вм. *воропъ*, *приглашать* вм. *вабить*“ и т. д. При этомъ критикъ ссылался на авторитетъ Шишкова. По его словамъ, „почтенный сочинитель Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ, въ новомъ опытѣ

---

[1]) Здѣсь, очевидно, разумѣлось разсужденіе Каченовскаго «О славянскомъ языкѣ вообще и т. д.», (въ «Вѣстникѣ Европы» 1816 г. № 19), разсмотрѣнное выше, стр. 773 и слѣд.

Словаря показалъ, что для знанія отечественнаго языка необходимо вникать во всѣ съ нимъ сродныя нарѣчія и не гнушаться областными реченіями". Кромѣ того критикъ находилъ, что при отрицательныхъ словахъ слѣдовало бы указывать, кромѣ словъ съ *не*, и на образованія съ предлогомъ *безъ*. Резонно замѣчалъ онъ также, что грамматическія формы лучше помѣщать не въ словарѣ, а въ этимологическихъ таблицахъ при немъ, и высказывался противъ опредѣленій значенія посредствомъ синонимовъ, находя, что само „словопроизводство" уже служитъ достаточнымъ объясненіемъ.

Несмотря на возраженія, дѣло продолжало двигаться въ порѣшенномъ направленіи; въ засѣданіи 10 апр. 1817 г. установлено было, что Болдыревъ и Давыдовъ примутъ на себя трудъ собирать слова для словаря [1]) съ тѣмъ, чтобъ каждая изготовленная ими буква представлялась собранію членовъ для замѣчаній, а безъ малаго годъ спустя, въ засѣданіи 30 марта 1818 г. читался уже „Опытъ Производнаго Словаря, составляемый А. В. Болдыревымъ" (слова на букву И) [2]).

Тогда же „Вѣстникъ Европы" [3]), сообщая, что въ засѣданіи Общества Любит. Росс. Словесности 4 мая 1818 г. „розданы были пробные листки вновь составляемаго Производнаго Словаря Россійскаго языка", а именно собранныя на первый случай А. В. Болдыревымъ первообразныя слова на И-, писалъ: „Ежели сіе предпріятіе увѣнчается желаемымъ успѣхомъ; то Публика увидитъ весь языкъ Русскій раздѣленнымъ на тѣ группы, или семейства, изъ которыхъ составила его Натура, просвѣщеніе, обстоятельства мѣста и времени. Еслибъ и другіе народы Славянскіе сдѣлали то же для своего языка, тогда какому-нибудь труженику — облеченному въ броню нѣмецкаго терпѣнія — предстоялъ бы важный подвигъ: оставалось бы выбрать коренныя слова изъ всѣхъ нарѣчій Славянскихъ. Тогда увидѣли бы мы, гдѣ скрываются тѣ начала многихъ словъ нашихъ, которыя давно уже потеряны. Намъ извѣстны сложныя *во-нзить*, *по-коить:* но гдѣ ихъ начала *нзить*, *коить*? Въ ожиданіи сихъ открытій пожелаемъ напередъ, чтобы начатое дѣло продолжалось благоуспѣшно".

Оно и продолжалось, если не „благоуспѣшно", то во всякомъ случаѣ довольно энергично. Въ засѣданіи 18-го мая 1818 г., въ помощники Болдыреву и Давыдову для составленія словаря назначены

---

[1]) «Труды Моск. Общ. Любит. Росс. Слов.», т. VIII, 1817, стр. 182.
[2]) Тамъ же, т. XII, 1818 г., стр. 38.
[3]) 1818 г., ч. 97, стр. 307—308 («Московскія записки»).

были: Вельяшевъ-Волынцевъ и Побѣдоносцевъ, а въ сотрудники: Калайдовичъ, Саларевъ, Глаголевъ, Чюриковъ. Въ этомъ же засѣданіи члены читали свои замѣчанія на пробные листки словаря (буква И-), составленные Болдыревымъ, который взялъ эти замѣчанія къ себѣ, чтобы „сдѣлать изъ нихъ приличное употребленіе“. Тогда же Болдыревъ совѣтовался съ прочими членами „объ употребленіи, знаменованіи и производствѣ нѣкоторыхъ словъ, начинающихся съ буквы Х“ [1]). Вскорѣ, однако, одинъ изъ помощниковъ редакторовъ словаря, Д. И. Вельяшевъ-Волынцевъ умеръ, и въ засѣданіи 22 іюня 1818 г. на его мѣсто для составленія словаря былъ назначенъ А. Ѳ. Мерзляковъ. Въ этомъ же засѣданіи Болдыревъ читалъ собранныя имъ слова на букву Х-, на которыя члены дѣлали замѣчанія. Рѣшено было оттиснуть эти слова и раздать членамъ для письменныхъ замѣчаній [2]). Осенью 1818 г., въ засѣданіи 26-го октября окончательно разсматривались пробныя буквы Производнаго Словаря И и Х, на которыя члены снова дѣлали замѣчанія. Изготовленныя буквы постановлено было напечатать для полученія на нихъ отзывовъ, и работа надъ будущимъ словаремъ распредѣлена была по буквамъ между членами общества. Буквы А-Б получилъ самъ предсѣдатель Прокоповичъ-Антонскій; дѣйствительные члены: Мерзляковъ — буквы В-Г, Каченовскій—Д, Давыдовъ—Е, Цвѣтаевъ—Ж, Болдыревъ—С-Т, Побѣдоносцевъ—З-К, Калайдовичъ—Л-М, Саларевъ—Н-О; изъ сотрудниковъ взяли: Снѣгиревъ—буквы П-Р, Гавриловъ—У-Ф, Чюриковъ—Ц-Ч, Амфитеатровъ—Ш-Щ, Мансуровъ—Я-Ю [3]).

Первыя буквы новаго словаря, увидѣвшія свѣтъ (только въ черновомъ видѣ), были такимъ образомъ буквы И и Х, составленныя А. В. Болдыревымъ и напечатанныя въ 1818 г., въ XII ч. „Трудовъ“ общества (стр. 161—169 и 170—192). Нечего и говорить, что опытъ этотъ былъ еще очень несовершененъ. Такъ здѣсь *иверень* сближалось съ *вертѣть*, а слова *изба*, *известь* оставлены безъ указанія на иностранное происхожденіе, хотя въ тоже время *изумрудъ* обозначено персидскимъ, а *изюмъ*—турецкимъ, *игуменъ, идея, идолъ, икона*—греческими, *имперія*—латинскимъ, *инбирь*—„иностраннымъ“ (!?), *инженеръ*—французскимъ. Такимъ образомъ иностранныя слова всетаки были введены въ пробныя буквы. При *Истый* находимъ замѣчаніе, что это слово, „кажется, отъ *есмь*“ (!). Не лучше и буква Х: *хазъ* здѣсь опредѣлено „араб-

[1]) «Труды Моск. Общ. Любит. Росс. Слов.», ч. XII, 1818 г., стр. 57 и 59.
[2]) Тамъ же, стр. 67—68 и 70.
[3]) Тамъ же, стр. 132—133.

скимъ" словомъ, *хабить* названо „стариннымъ", при *халуга* находимъ ссылку на якобы родственное слово *захолустье*; *хоръ* названо „арабскимъ", но за то слова *хижа*, *хозяинъ*, *хорунжій* оставлены безъ указанія на ихъ чуждое происхожденіе. Не мало было и пропусковъ, впослѣдствіи указанныхъ Ив. Ѳ. Калайдовичемъ въ приложеніяхъ къ его „Опыту правилъ для составленія русскаго производнаго словаря" (см. ниже).

Вслѣдъ за буквами И и Х явились и первыя буквы словаря А и Б, напечатанныя въ XVI части „Трудовъ" общества (1819 г., буква А: стр. 103—109, буква Б: стр. 171—233). Составителемъ ихъ былъ самъ предсѣдатель общества, А. А. Прокоповичъ-Антонскій, подписавшійся одними иниціалами А. А. Сравнительно съ буквами, составленными Болдыревымъ, онѣ не представляли ничего особеннаго и страдали тѣми же недостатками.

Объ интересѣ, возбужденномъ на первыхъ порахъ предпріятіемъ общества въ его членахъ, свидѣтельствуетъ еще одна статья въ „Вѣстникѣ Европы" 1819 г. (ч. 107, № 20, стр. 274—77), подписанная М—въ (очевидно, М. Н. Макаровъ, членъ общества, любитель-археологъ и филологъ): „Нѣкоторыя мысли по поводу занятій Московскаго общества Любителей Россійск. Словесности", или „Нѣсколько словъ объ опредѣленіи порядка и формы Русскаго словаря".

По словамъ автора статьи, „всякой согласится, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ означать, сравнивать и приводить въ правильную и, сколько можно, простѣйшую систему начала или стихіи слова. Природа столь же таинственна въ составѣ языковъ, какъ и въ другихъ своихъ вещественныхъ твореніяхъ. Хорошій Словарь — въ глазахъ истиннаго философа... есть дѣло великое, требующее предварительныхъ глубокихъ познаній во всѣхъ наукахъ; ибо разбирать слова по ихъ началамъ, производству, измѣненіямъ и взаимному отношенію, есть то же, что разсматривать всю Природу въ ея частяхъ, связяхъ и дѣйствіяхъ, непостижимо безчисленныхъ. Языкъ есть изображеніе всего, что существовало, существуетъ и будетъ существовать... Потому-то хорошій Словарь всегда бываетъ только плодомъ наукъ позднѣйшихъ въ ходѣ образованности народной, плодомъ усовершенствованной уже Грамматики и здравой Логики. Въ самомъ дѣлѣ, какъ опредѣлить вѣрно корни и порядокъ производства въ такомъ языкѣ, каковъ Россійской, столько сложной и столь много имѣющій сродства съ другими языками Европейскими, происходящими отъ общаго Славянскаго? Какимъ образомъ опредѣлить порядокъ глаголовъ, которые у насъ не имѣютъ еще вѣрной системы, которыхъ формы во вре-

менахъ и наклоненіяхъ еще не всѣми приняты и утверждены? Гдѣ положить предѣлы употребленію словъ древнихъ Славянскихъ?— Помѣщать ли слова, вошедшія изъ другихъ языковъ, напр. Нѣмецкія, Французскія, Татарскія, нынѣ вообще употребляемыя, но неимѣющія отъ себя никакихъ словъ производныхъ, и слѣдственно не получившія надлежащаго права гражданства въ настоящемъ Русскомъ Словарѣ?—До какой степени допускаемы могутъ быть слова простонародныя и низкія, которыхъ хотя начало сыскать и трудно, но коихъ употребленіе почти повсемственное?—Вотъ вопросы неудоборѣшимые, требующіе тщательнаго и многаго размышленія. Наконецъ самое правописаніе наше не подведено еще точно подъ законы опредѣленные. Достоинство Словаря... не въ его обширности, не въ обиліи словъ (?), но въ выборѣ, порядкѣ и правильномъ расположеніи оныхъ... въ немъ должно быть только то, что можетъ свидѣтельствовать о духѣ народа, пространствѣ его познаній, объ его высокой промышленности, о силѣ и благородствѣ его мыслей, о высшей его образованности.—Сколько потребно наблюденій, изысканій, разборчивости и трудовъ, дабы представить въ такомъ почтенномъ видѣ языкъ — знаменіе величія народнаго! Между всѣми просвѣщенными націями сіе важное дѣло доведено до надлежащей степени совершенства"... У поляковъ уже есть превосходный словарь (Линде) и грамматика.

„Желательно, чтобы всѣ истинные ревнители о славѣ отечественной обратили на сей предметъ тщательное и постоянное вниманіе и, сколько можно, споспѣшествовали бы своими совѣтами и замѣчаніями Любителямъ Россійской Словесности къ достиженію предположенной ими цѣли..."

Недоумѣнія и вопросы автора краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ отсутствіи у него опредѣленнаго яснаго представленія о составѣ и цѣляхъ словаря, несмотря на существованіе уже выработанныхъ обществомъ правилъ для его изданія. Очевидно, взгляды, выраженные въ этихъ правилахъ, не были достаточно убѣдительны въ глазахъ автора статьи; своихъ же у него не было, да и составить ихъ было ему трудно, по неимѣнію научной подготовки. Неразработанность языковаго матеріала и неясность цѣлаго ряда грамматическихъ вопросовъ, важныхъ при составленіи словаря, еще болѣе увеличивали затрудненія, возникавшія въ самомъ началѣ дѣла передъ составителями и ихъ товарищами, о чемъ и свидѣтельствуетъ статья М—ва, отразившая колебанія и сомнѣнія вѣроятно не только его одного, но и нѣкоторыхъ товарищей его по обществу.

Сами составители словаря, раздѣлившіе работу между собою

по буквамъ, повидимому встрѣтили большія затрудненія при ея осуществленіи. По крайней мѣрѣ изготовлявшіяся ими вчернѣ части словаря поступали въ печать очень туго. Послѣ первыхъ буквъ И и Х, А и Б, составленныхъ Болдыревымъ и Прокоповичемъ-Антонскимъ и напечатанныхъ въ 1818—1819 г., прошло цѣлыхъ три-четыре года, пока снова въ „Трудахъ" общества явилась новая доля „производнаго" словаря, а именно буквы У и Ф, собранныя А. Гавриловымъ (ч. XXI, 1822 г., стр. 299—312). Въ томъ же 1822 году напечатаны были буквы: Ж, составленная Л. Цвѣтаевымъ (ч. XXII, стр. 289—302), и В, приготовленная А. Ѳ. Мерзляковымъ (тамъ же, стр. 302—362). Черезъ два года вышли еще буквы: Г, составленная Мерзляковымъ же („Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Труды Моск. Общ. Любит. Росс. Слов. [Лѣтописи Общества], ч. IѴ=24 отъ начала, 1824, стр. 309—348) и Е, доставшаяся Давыдову, но вышедшая безъ его подписи (тамъ же, ч. Ѵ=25 отъ начала, стр. 391—399). Буква Д, доставшаяся было Каченовскому, была передана имъ за недосугомъ Н. А. Бекетову (тамъ же, ч. XX. 89). Этими буквами (АБВГ—ЕЖ—И—УФХ) исчерпывалось все вышедшее въ „Трудахъ" общества по 1825 г. включительно. Послѣ явились еще буквы Д и З.

Такимъ образомъ этимологическій словарь Московскаго общества Любителей Росс. Слов. остался недоконченнымъ и дальше черновыхъ набросковъ не пошелъ. Вопросъ о его составѣ и системѣ, повидимому, все еще не былъ окончательно рѣшенъ даже въ 1824 году. По крайней мѣрѣ еще въ этомъ году въ Трудахъ общества [1]) явился новый „Опытъ правилъ для составленія русскаго производнаго словаря, съ нѣкоторыми замѣчаніями на правила, принятыя Обществомъ", составленный членомъ общества Ив. Ѳ. Калайдовичемъ, братомъ извѣстнаго археолога-палеографа К. Ѳ.

Авторъ этого проекта полагалъ, что имена собств. и географическія должны быть выдѣлены въ особый „производный Словарь именъ собственныхъ" (стр. 332), такъ какъ нѣкоторыя производныя имена (въ родѣ *Дуняша* или *Лёкса*) далеко уклонились отъ своихъ первообразныхъ, и прилагалъ опытъ такого словаря (стр. 371—72). Техническіе термины также, по его мнѣнію, должны войти въ отдѣльный „Производный Словарь терминовъ техническихъ" (стр. 333). Простонародныя слова, имѣющія „силу и мно-

[1]) «Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Слов., ч. Ѵ (отъ начала 25-я), 1824, стр. 330—390 (Стр. 371—390 заняты «приложеніями», содержащими указаніе пропусковъ и т. д.).

гозначительность", Калайдовичъ предполагалъ ввести въ словарь и думалъ, что „весьма бы не худо было собрать Словарь языка простого народа, и показать Грамматическія отличія онаго отъ чистаго, общеупотребительнаго нарѣчія" (стр. 334). По его мнѣнію, невозможно исключать такія слова, какъ областныя сибирскія *тундра*, *золотарникъ* или церковныя *тончица* (тонкое тканье) и *винница* (стр. 335—36). Иностранныя слова, усвоенныя языкомъ, въ родѣ *адъ*, *агнецъ*, *алтарь*, *харчь*, *лошадь*, безъ сомнѣнія также невозможно исключать изъ русскаго словаря, причемъ слѣдовало бы показывать, какому языку они принадлежатъ и изъ какого языка заимствованы, потому что нѣкоторыя изъ нихъ попадали къ намъ не прямо, а при посредствѣ другихъ языковъ (въ родѣ греч. *театръ*, попавшаго къ намъ при посредствѣ франц. или нѣм. языковъ).

И. Калайдовичъ указывалъ также, что извѣстныя собственныя имена, въ родѣ Цыганъ, Индія, Русь, Турокъ не могутъ быть исключены изъ словаря, потому что отъ нихъ происходятъ слова *цыганить*, *индѣйка*, *обрусѣть*, *отурчить* и т. д. (стр. 339). Относительно порядка словъ, обращалось вниманіе на трудности, сопряженныя съ обозначеніемъ „коренныхъ" словъ. По словамъ Калайдовича ясно, что сущ. *дѣло* происходитъ отъ глагола *дѣлать* (слѣдовало бы наоборотъ!), но „нельзя рѣшительно сказать", что̀ древнѣе—*злато* или *золото*, *плѣнъ* или *полонъ* [1]) (стр. 341).

Такимъ образомъ шаткость и неразработанность тогдашней грамматики являлась большимъ затрудненіемъ для проведенія словопроизводнаго порядка. Не меньшей помѣхой являлась и шаткость тогдашней этимологіи, примѣры которой Калайдовичъ приводитъ, указывая, что въ напечатанныхъ уже буквахъ словаря производятся, напр. *глаголать* отъ *глава* (ч. IV Сочин. общества, стр. 314), а *голова* отъ *жгу* (ч. XIII „Трудовъ", стр. 97) и т. д. Правильно указывается также, на основаніи Востоковскаго „Разсужденія о Слав. языкѣ", что такъ называемыя „усѣченныя прилагательныя суть коренныя, а полныя—сложныя", и потому въ словарѣ „усѣченному окончанію должно отдать преимущество въ *первородствѣ*" (стр. 356) и т. д. Въ заключеніе Калайдовичъ обращалъ вниманіе на необходимость обозначать удареніе и полагалъ, что въ концѣ словаря „не худо бы присовокупить *итогъ*

---

[1]) Любопытно подстрочное примѣчаніе къ этому мѣсту: «Я слышалъ (!), что кажется въ Остроміровомъ Евангеліи, не упомню точно, вездѣ вмѣсто *злато*, *сребро*, *древо* и т. п. стоитъ: *золото*, *серебро*, *дерево*».

всего Словаря, т. е. исчислить, сколько въ Русскомъ языкѣ коренныхъ Русскихъ словъ и сколько отъ нихъ произведенныхъ, сколько чужеязычныхъ коренныхъ и отъ нихъ произведенныхъ, и сколько изъ каждаго языка именно". Вообще обширныя замѣчанія его свидѣтельствовали о внимательномъ и вдумчивомъ отношеніи къ предпріятію общества, которое нельзя не признать неудачнымъ и по замыслу, и по выполненію. О небрежности, съ которой составлялись пробныя отдѣльныя буквы словаря, свидѣтельствуетъ длинный списокъ пропусковъ (и то не всѣхъ), приводимый Калайдовичемъ въ приложеніи къ замѣчаніямъ. Разумѣется, и самъ онъ впадалъ при этомъ въ ошибки, полагая, напр., что „*боронить* вѣроятно одно слово съ *бранить*: ибо *возбранить* значитъ воспретить, воспрепятствовать" (стр. 277), удивляясь производству *бремя* отъ *брать* (тамъ же), или производя *бугоръ* изъ *буй* + *гора* (стр. 382), *корчма* отъ *харчь* (*харчма*) (стр. 388) и т. д.

Если предпринятое Обществомъ Люб. Росс. Слов. составленіе этимологическаго словаря не увѣнчалось успѣхомъ и не дало никакихъ положительныхъ результатовъ, хотя бы имѣвшихъ лишь извѣстное историческое значеніе для своего времени, зато другое начатое обществомъ важное дѣло, находившееся въ связи съ задуманнымъ имъ словаремъ, принесло обильные и весьма цѣнные плоды, до сихъ поръ не утратившіе своей научной цѣнности. Мы разумѣемъ здѣсь собираніе лексическихъ матеріаловъ по нарѣчіямъ и говорамъ русскаго народнаго языка, начатое обществомъ въ небывалыхъ до того широкихъ размѣрахъ и съ небывалымъ же успѣхомъ.

Нѣкоторый интересъ къ подобному собиранію наблюдался уже въ послѣдней четверти XVIII в. Выше уже была отмѣчена первая попытка въ этомъ родѣ, а именно „Роспись словъ и реченій" изъ Двинской области А. И. Ѳомина, явившаяся въ 1787 г. (см. выше, стр. 296 и сл.). Въ 1789 г., въ „Положеніе Собранія университетскихъ питомцевъ (моск. унив.), сдѣланное въ полномъ засѣданіи Января 27-го дня 1789 года для Г. Почетныхъ, Ординарныхъ и Экстраординарныхъ иногородныхъ Членовъ", было внесено обращеніе къ иногороднимъ членамъ, приглашавшее ихъ присылать въ собраніе разныя „нужныя и любопытныя свѣдѣнія о тѣхъ городахъ и мѣстахъ, въ которыхъ они или живутъ, или чрезъ которыя имъ проѣзжать случилось, либо случится, и именно относительно къ тремъ пунктамъ: 1) къ натурѣ, 2) къ гражданству и 3) къ отечественному языку нашему". При этомъ пояснялось, что третій пунктъ имѣетъ въ виду „языкъ нашъ, разнообраз-

ныя его нарѣчія, корни словъ, *особенныя изреченія и обороты*, пословицы, поговорки, прибаски и прочее“ [1]). Областныя слова въ довольно большомъ числѣ были введены и въ „Словарь Академіи Россійской“ (1789—1794), причемъ нѣкоторыя изъ нихъ сообщались по памяти членами академіи (см. Сухомлиновъ, „Исторія Росс. Академіи“, passim). Разныя областныя имена и названія (преимущественно растеній) находимъ въ описаніи путешествія по Россіи академика Лепехина (1768—1772, изд. 1771—1805). Записывалъ поморскія областныя слова, во время своего путешествія по сѣверу Россіи (въ 1771 г.) и П. И. Челищевъ, представившій въ 1793 г. въ Россійскую академію записку съ объясненіемъ „нѣкоторыхъ нарѣчій, которыхъ до того никогда не слыхивалъ“ (*луда, ланы, корга, кузовъ, губа, отокъ, наволокъ, прогалокъ, проливъ, просушь, салма, гожій* и т. д.) [2]). Подобныя же записи при случаѣ дѣлалъ и академикъ Н. Я. Озерецковскій, путешествовавшій по Россіи съ экспедиціей Лепехина (въ 1768—73 гг.) и самостоятельно (въ 1782 и 1785 по озерамъ Ладожскому и Онежскому, а въ 1805—къ верховьямъ Волги и озеру Селигеру и т. д.). Въ описаніяхъ своихъ путешествій онъ сообщаетъ рядъ мѣстныхъ названій (вѣтровъ, рыбъ, растеній, разной хозяйственной утвари), а иногда и формальныя особенности говоровъ. Въ 1793 году явился первый у насъ малороссійскій глоссарій (въ „Россійскомъ Магазинѣ“ Туманскаго, см. выше, стр. 305), а черезъ пять лѣтъ, въ приложеніи къ третьей части „Енеиды“ Котляревскаго,—второй такой же словарикъ, содержавшій уже безъ малаго 1000 словъ [3]). Но всѣ эти проявленія интереса къ народной лексикѣ имѣли случайный и разрозненный характеръ.

Начало XIX вѣка не измѣнило такого положенія дѣла. За первыя 10—15 лѣтъ истекшаго вѣка можно указать лишь очень немного попытокъ этого рода. Нѣсколько случайныхъ и скудныхъ

---

[1]) См. Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Сл., ч. XX, 1822 г., стр. 102—103. Перепечатано въ «Извѣстіяхъ отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. н.», т. I, 1896, кн. 2, стр. 400—401.

[2]) См. М. Сухомлиновъ, «Исторія Росс. Академіи», т. VII, 1885, стр. 401—415; а также «Путешествіе по Сѣверу Россіи въ 1791 г. Дневникъ П. И. Челищева, изд. подъ наблюденіемъ Л. Н. Майкова» (Спб. 1886).

[3]) «Енеида на малороссійскій языкъ перелицованная И. Котляревскимъ. Часть I—III. Съ дозволенія Санктпетербургской Цензуры. Иждивеніемъ М. Парпуры. Въ Санктпетербургѣ. 1798». 8°. Самый словарикъ озаглавленъ: «Собраніе Малороссійскихъ словъ содержащихся въ Энеидѣ, и сверхъ того еще весьма многихъ иныхъ, издревле вошедшихъ въ Малороссійское нарѣчіе съ другихъ языковъ, или и коренныхъ Россійскихъ, но не употребительныхъ» (безъ малаго 22 стр. in 8°, болѣе 970 словъ).

замѣчаній о народномъ языкѣ находимъ въ „Ручномъ дорожникѣ для употребленія на пути между Императорскими Всероссійскими столицами и т. д.“ Ив. Глушкова (1 изд. Спб. 1801, 2 изд. тамъ же, 1802), гдѣ лексическія особенности отмѣчаются лишь невзначай, вмѣстѣ съ общими отличіями говоровъ. Въ 1808 году явилось второе изданіе „Энеиды“ Котляревскаго (Спб. Въ типографіи Ив. Глазунова, 1808. Всѣ три части въ одной книгѣ, 8°, 148 стр.), съ малороссійскимъ словарикомъ въ концѣ (стр. 3—26), перепечатаннымъ безъ всякихъ измѣненій, а въ 1809 году—третье изданіе, уже въ четырехъ частяхъ [1]), въ которомъ словарь получилъ дополненіе изъ 153 словъ и нѣкоторыя незначительныя поправки [2]). Если прибавимъ сюда еще рядъ словъ (въ томъ числѣ и областныхъ, но безъ обозначенія мѣстности), записанныхъ „въ общежитіи“ И. И. Татищевымъ около 1809 г. (см. выше, стр. 722), то этимъ и ограничится все, что можно указать въ данной области знанія за первыя 10—15 лѣтъ XIX вѣка.

Съ половины второго десятилѣтія XIX в. интересъ къ лексическимъ особенностямъ народнаго языка начинаетъ оживляться. Одно изъ первыхъ его проявленій за это время представляютъ стр. 9—14 II-й части „Писемъ къ другу“, извѣстнаго автора Писемъ Русскаго Офицера, Ѳ. Глинки (Спб. 1816, 3 части, мал. 8°). Мы находимъ здѣсь рядъ замѣчаній о Галичскомъ искусственномъ нарѣчіи, называемомъ имъ „Галивонскія Алеманы“, т. е. объ офенскомъ языкѣ, съ которымъ Глинка познакомился отъ сослуживца своего, И. А. Жадовскаго. Кромѣ общихъ замѣчаній объ этомъ нарѣчіи, здѣсь помѣщенъ и небольшой списокъ его словъ (всего 51), представляющихъ рядъ любопытныхъ варіантовъ къ извѣстнымъ офенскимъ словамъ [3]).

Нѣкоторое количество областныхъ словъ Осташковскаго и

[1]) «Виргиліева Энеида на Малороссійскій языкъ преложенная И. Котляревскимъ. Вновь исправленная и дополненная противу прежнихъ изданій. Въ 4 частяхъ. Спб., въ медицинской типографіи. 1809 г.» 8°.

[2]) Въ этомъ изданіи словарь приложенъ въ концѣ 4-й части (стр. 3—18) и носитъ другое заглавіе: «Словарь Малороссійскихъ словъ содержащихся въ Энеидѣ и многихъ иныхъ въ Малороссіи употребительныхъ, исправленный (,) умноженный и дополненный словами для четвертой части». Исправленія сводились къ поправкѣ *Ласощохлистъ* вмѣсто Пасоцохлистъ, исключенію слова *Лыгомынки* и перенесенію 3 словъ въ дополненія (Ласощохлистъ, Фиги миги, Шулики), гдѣ имъ дано нѣсколько иное толкованіе.

[3]) Замѣчанія и самый списокъ словъ Ѳ. Глинки перепечатаны П. К. Симони въ его къ сожалѣнію не конченномъ библіографическомъ обзорѣ трудовъ по русскому языку и его нарѣчіямъ въ „Изв. отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Н.“ т. I. 1896, кн. 2, стр. 427—28.

Старорусскаго уѣздовъ содержитъ также „Путешествіе на озеро Селигеръ“ академика Н. Я. Озерецковскаго (Спб. 1817 г., особенно стр. 70—72, 180—81).

Затѣмъ, въ январѣ 1817 г. нѣкій „майоръ и кавалеръ“, Пав. Ѳед. Горенкинъ (см. о немъ также выше, стр. 800) препроводилъ въ Московское Общество Ист. и Др. Росс. свое „Собраніе особенныхъ словъ, употребляемыхъ Владимірской губ. въ Покровскомъ уѣздѣ между крестьянами“. Общество нашло это собраніе „весьма любопытнымъ“, но не имѣющимъ ближайшаго отношенія къ своимъ прямымъ задачамъ, и рѣшило переслать его въ Общество Любит. Росс. Словесности [1]). Послѣднее же (въ засѣданіи 27 янв. 1817 г.) съ готовностью приняло работу Горенкина, заключавшую въ себѣ нѣсколько рѣдкихъ и интересныхъ словъ съ обозначеніемъ ударенія (всего 75), и въ томъ же году напечатало ее (не безъ опечатокъ) на страницахъ своего изданія [2]).

Собраніе Горенкина открыло собой длинный рядъ другихъ подобныхъ же лексическихъ матеріаловъ, печатавшихся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ „Трудахъ“ общества. Въ томъ же 1817 году, въ засѣданіи 27 окт. 1817 г. [3]) представлено было второе подобное собраніе, а именно: „Записка о нарѣчіяхъ между крестьянъ Рязанской и Калужской Губерній въ селеніяхъ Спасскаго, Серпейскаго и Жиздринскаго уѣздовъ“ кол. регистратора Иларіона Лякова, напечатанная въ слѣдующемъ году въ Трудахъ общества [4]). Записка содержала 34 слова, среди которыхъ было нѣсколько цѣнныхъ и интересныхъ.

Любопытно замѣчаніе „Вѣстника Европы“, дававшаго отчетъ о засѣданіи общества, въ которомъ докладывалась записка Лялкова: „Нельзя не замѣтить..., что во многихъ словахъ, совершенно забытыхъ въ языкѣ стараго общества, но сохраненныхъ гдѣ нибудь между крестьянами, скрываются объясненія на Исторію нашего отечества“, напр. въ Спасскомъ округѣ „земскихъ“ называютъ „дьяками“ (В. Евр. 1817 г., ч. 95, стр. 308). Для референта, очевидно, было настоящимъ откровеніемъ, что народный языкъ сохранилъ въ своемъ словарѣ рядъ древнихъ словъ, забытыхъ въ образованномъ кругу, и что эти слова могутъ представлять извѣстный научный интересъ.

---

[1]) „См. Вѣстникъ Европы“ 1817 г., ч. 91, стр. 73, 149—50 и „Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Слов.“, ч. VIII, стр. 147.

[2]) „Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Слов.“ 1817 г., ч. VIII, стр. 148—151. Ср. также стр. 137.

[3]) См. „Вѣстникъ Европы“ 1817 г., ч. 95, стр. 307—308, и Труды Общ. Люб. Росс. Сл., ч. XII, 1818, стр. 4.

[4]) Ч. XII, 1818 г., стр. 10—11.

Къ 1817 г. относится также „Алфавитный список Областнымъ простонароднымъ словамъ, употребляемымъ въ Иркутскѣ“, содержащій болѣе 190 словъ и напечатанный въ примѣчаніяхъ (№ 10, стр. 15--26) къ извѣстной книгѣ Семивскаго „Новѣйшія повѣствованія о Восточной Сибири“ (Спб. 1817 г.). Въ самомъ текстѣ названной книги также приводится не мало сибирскихъ областныхъ словъ, какъ, напримѣръ, названія вѣтровъ на Байкалѣ (стр. 84—85), разныхъ животныхъ, растеній, разные мѣстные техническіе термины и т. д.

Тогда же появились (въ „Періодическомъ сочиненіи о успѣхахъ Народнаго просвѣщенія“ 1817 г., № 42, стр. 64—94). „Записки по части сельскаго домоводства въ Вологодскомъ уѣздѣ“, собранныя учителемъ Вологодской гимназіи Алексѣемъ Фортунатовымъ, впослѣдствіи доставлявшимъ лексическіе матеріалы Московскому Обществу Люб. Росс. Слов. (см. ниже, стр. 983, прим. 2). Здѣсь находимъ довольно много мѣстныхъ названій (областныхъ словъ), объясняемыхъ авторомъ, въ родѣ: *село, сельцо, усадьба, приселокъ, погостъ, деревня, подполье, напыльникъ, скутать* (печь), *воронецъ, кутъ, сарай, сѣни, въѣздъ, сѣнникъ, клѣтка, повѣть, наворотникъ, анбаръ, житница, перечиничье, заколотка, баня, овинъ, пазушина, подъ, колосники, металка, теплина, подъовинники, гумно, мякинницы, перегороды, отводы, наземъ, черкуша, кичига, одрецъ, гнетокъ, подсѣка, новизна, пущага, повытокъ, пудокъ, маленка, загонъ, суслонъ, орать, груда, однорядокъ, двурядокъ, посадъ, молотить на отдачу, очинивать, ворохъ, головка, чело, охвостье, пелёвка, розвязью, брунистый, брунъ* и т. д.

О наивномъ интересѣ къ лексическимъ особенностямъ мѣстныхъ говоровъ въ средѣ нашего образованнаго общества говоритъ любопытное письмо лицейскаго товарища Пушкина — А. Илличевскаго къ В. К. Кюхельбекеру отъ 4 апр. 1818 г., сохранившееся въ принадлежащемъ Академіи Наукъ рукописномъ собраніи Кеппена „Свѣдѣнія о русскихъ нарѣчіяхъ“ (I, 241—42). Илличевскій писалъ своему товарищу: „Я знаю, что вы охотникъ были заниматься языками и особливо отечественнымъ. Послать ли вамъ нѣсколько Сибирскихъ словъ — для шутки! Что значитъ: 1) урусить, 2) ланись, 3) ланской годъ, 4) предобижденіе, 5) плящій морозъ, 6) дошлай, 7) дивно, 8) зареви, 9) огаркай и т. п.? Не отгадаете, такъ вотъ что: 1) капризничать, 2) прошлаго года, 3) прошедшій годъ, 4) оскорбленіе, обида, 5) трескучій морозъ, 6) хитрый, пролазъ, 7) далеко и много, 8) ...закричи... 9) позови. У насъ же говорятъ *ну!* вмѣсто *да; пошто, слава Богу!*, какъ

pourquoi non! и зовутъ вмѣсто Толстой, Пушкинъ, Илличевскій etc.— Толстыхъ, Пушкиныхъ, Илличевскихъ. Ужъ подлинно въ Россіи что городъ, то норовъ, — и Кошанскій правъ, что въ числѣ нарѣчій Рускаго языка помѣстилъ Сибирское!“.

Лексическія (и другія) особенности, тожественныя съ сибирскими, отмѣчаетъ Калайдовичъ въ языкѣ изданныхъ имъ въ 1818 г. „Древнихъ Россійскихъ Стихотвореній“ (см. выше, стр. 836). Источникомъ ему при этомъ служитъ вышеупомянутый словарикъ Иркутскихъ областныхъ словъ, помѣщенный въ названной книгѣ Семивскаго. „Сибирскими“ словами Калайдовичъ считалъ: *облава*, *сохатый*, *щепетко*, *щепеткой*, *сопка* и т. д. Какъ вышедшія изъ употребленія и рѣдкія слова, отмѣчаются: *вражба*, *залѣзаю* = нахожу, *изголова* = верховье рѣки (!), *настъ*, откуда *ненастье*, *полоть*, *полтеи*, *повалешное*, *повалуша*, *уразъ*, *хоботъ* = земля (вм. хвостъ!), съ которымъ сближается *ухоботье*, *взять за щитомъ* и т. д. (предисловіе, стр. V—VII, примѣч., XXV).

Въ томъ же 1818 г. явился новый малорусскій словарикъ, составлявшій большую часть I главы второй части „Грамматики Малороссійскаго нарѣчія“ А. Павловскаго (Спб. 1818) и объемомъ превышавшій всѣ предшествовавшіе опыты этого рода (1130 словъ и собственныхъ именъ, стр. 24—77).

О томъ, что научная важность изученія народной лексики начинала у насъ въ это время сознаваться все яснѣе и яснѣе, свидѣтельствуетъ и рецензія „Сына Отечества“ 1820 г. (ч. 61, 1820, стр. 269 — 271) на знакомую уже намъ книгу Ѳ. П. Аделунга, „Uebersicht aller bekannten Sprachen und ihrer Dialekte“ (Спб. 1820. См. выше, стр. 592 и сл.). О самой книгѣ тутъ не говорится ничего особеннаго, но интересны за то слѣдующія pia desideria рецензента (вѣроятно, самого Греча): „У насъ нѣтъ еще не только надлежащаго обозрѣнія и толкованія нашихъ нарѣчій, но и вовсе не имѣется къ тому матеріаловъ. Желательно было бы, чтобъ почтенные обитатели провинцій, особенно же сельское духовенство и удалившіеся отъ шуму свѣта и службы въ помѣстья свои дворяне, стали замѣчать и собирать областныя нарѣчія, особыя выраженія, необыкновенныя грамматическія формы, присловицы и другія особенныя свойства языка въ разныхъ странахъ неизмѣримой Россіи, и тѣмъ способствовали составленію сначала обозрѣнія, а потомъ Словаря и сравнит. Грамматики Русскихъ провинціялизмовъ“. Любопытно, что въ томъ же году и по тому же поводу высказывалъ аналогичное желаніе П. И. Кеппенъ: „чтобы со временемъ какое либо ученое заведеніе познакомило Публику

со всѣми нарѣчіями отечественнаго нашего языка, съ приложеніемъ и списковъ словъ оныхъ“ (см. выше, стр. 598).

Навстрѣчу этимъ желаніямъ и пошло Общество Люб. Росс. Слов., постановившее въ засѣданіи 25 окт. 1819 г., что „полезно было бы собрать провинціальныя слова на первый разъ по крайней мѣрѣ Московскаго учебнаго округа“, и поручившее съ этой цѣлью своему предсѣдателю „отнестись о томъ къ Господамъ Директорамъ Гимназій Московскаго округа“ [1]). Кромѣ того, о желаніи общества собирать „провинціальныя слова“ было напечатано и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, въ отчетѣ о засѣданіи (№ 89, 5 ноября 1819 г., стр. 2295). Попытка оказалась удачной. Сначала откликнулись учрежденія Моск. учебнаго округа, а потомъ стали поступать матеріалы и изъ другихъ мѣстъ. Благодаря этому опыту, „Труды“ общества, начиная съ 1822 г., содержатъ длинный рядъ областныхъ глоссаріевъ, собранныхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, преимущественно въ центральныхъ ея губерніяхъ, разными добровольцами: учителями гимназій и городскихъ училищъ, директорами и смотрителями училищъ, чиновниками, помѣщиками и т. д. Особенно много этихъ матеріаловъ помѣщено въ XX части „Трудовъ“ общества, вышедшей въ 1822 г. и содержащей собранія областныхъ словъ Вологодской [2]), Ярославской [3]), Костромской [4]), Твер-

[1]) «Труды» Общества, ч. XX, 1822 г. (напечатано 1820), стр. 7.

[2]) Алексѣй Фортунатовъ, старшій учитель Вологодской гимназіи: «Вологодскій провинціальный словарь» и препроводительное письмо при немъ (стр. 36—42). Дополненіе (также съ письмомъ) явилось въ ч. XXI, 1822 г., стр. 193—213.

[3]) Ник. Клементъ, директоръ училищъ Ярославской губерніи (ср. его письмо, изъявляющее желаніе собирать областныя слова, по приглашенію общества: стр. 62—63): 1) «Провинціальныя слова Ярославской губ.» (стр. 104—115); 2) «Слова употребляемыя въ Угличѣ» (вѣроятно, отъ него же, стр. 115—17).

[4]) Собраніе провинціальныхъ словъ, употребляемыхъ въ Костромской губерніи: a) Слова, употребляемыя жителями г. Кинешмы и его уѣзда, собранныя Учителемъ тамошняго Малаго народнаго Училища Васильемъ Архаицкимъ (стр. 135—36); b) Слова, употребляемыя жителями г. Нерехты и его уѣзда, собранныя Смотрителемъ тамошняго Училища Яковомъ Шульгинымъ (стр. 136—37); c) Слова неизвѣстнаго языка (офенскія: стр. 137—38); d) Слова, употребляемыя жителями г. Галича и его уѣзда, собранныя Учителями тамошняго уѣзднаго Училища Дмитріемъ Ржевскимъ и Яковомъ Аквилевымъ (тоже офенскія, стр. 139—41); e) Слова, употребляемыя въ разныхъ мѣстахъ Костромской губ. и нарѣчія противу правилъ Грамматики, собранныя Учителемъ гимназіи Васильемъ Чижевымъ (есть замѣчанія и о произношеніи, стр. 142—44); f) Слова, употребляемыя жителями г. Чухломы и его уѣзда, собранныя Учителемъ Гимназіи Николаемъ Нерехотскимъ (стр. 144—50); g) Провинціальныя слова, въ Костр. губ. употребляемыя, собранныя Учителемъ Гимназіи Александромъ Свѣтогорскимъ: 1) Слова всеобщія; 2) Слова Волжеходцевъ (стр. 150—52).

ской [1]), Владимірской [2]) Рязанской [3]), Тульской [4]) и Калужской [5]) губерній.

XXI часть „Трудовъ" общества (1822 г.=Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Часть I) содержала также нѣсколько аналогичныхъ собраній областныхъ словъ изъ губерній: Вологодской [6]), Вла-

[1]) Собраніе особливыхъ и отличающихся произношеніемъ словъ, употребляемыхъ между жителями Тверской губ.: a) въ Вышневолоцкомъ у. (стр. 153—64); b) въ г. Кашинѣ и его уѣздѣ (стр. 165—66); c) скрытыя отъ прочихъ и между одними торговцами того же города и уѣзда употребляемыя названія денегъ, счетовъ и др. вещей (офенскія, стр. 167 — 68); d) Отличныя выраженія, употребляемыя Бѣжецкими гражданами въ торговлѣ (тоже офенскія: стр. 168—73).

Областныя слова Тверской губ.: a) Осташковскаго у., собранныя Суворовымъ (стр. 216—20); b) Слова и выраженія въ Торжкѣ (стр. 220—22); c) Слова, употребительныя въ городѣ Осташковѣ (стр. 222—26). Тверскія слова были доставлены отъ мѣстнаго директора училищъ (см. ч. XX «Трудовъ», стр. 87).

[2]) А) Собраніе провинціальныхъ простонародныхъ нарѣчій, употребляемыхъ въ разныхъ округахъ Владимірской губ. (вѣроятно, отъ Директора Владимірскихъ училищъ Д. И. Дмитревскаго, ср. его письмо, изъявляющее желаніе, по приглашенію Общества, собирать областныя слова, стр. 35—36); a) во Владимірской округѣ (стр. 197—208); b) по Муромской округѣ (стр. 208—209); c) по Переславской округѣ (есть офенскія слова, стр. 209 — 210); d) по Суздальской окр. (стр. 210); e) по Судогодской окр. (стр. 211); f) по Гороховской окр. (стр. 211—12); g) по Покровской окр. (стр. 212); h) по Меленковской окр. (стр. 213—14); i) по Вязниковской окр. (есть офенскія слова, стр. 214—15); k) по Ковровской окр. (стр. 215—16).

«Реестръ словамъ Офенскаго нарѣчія» (съ фразами; доставленъ отъ стряпчаго Владимирской удѣльной конторы А. А. Успенскаго, стр. 237, 239—243. Продолженіе—въ части XXI).

[3]) А) Михайло Макаровъ, „Краткая записка о нѣкоторыхъ простонародныхъ словахъ Рязанскаго, Пронскаго, Скопинскаго, Михайловскаго, Ряжскаго и Спасскаго уѣздовъ Рязанской губ., съ объясненіемъ ихъ значенія и съ нѣкоторыми замѣчаніями объ ихъ обрядахъ, одеждѣ и прочее» (имѣются и замѣчанія о діалектическихъ особенностяхъ произношенія, стр. 12—26); Б) Собраніе провинціальныхъ словъ, употребительныхъ Рязанской губерніи въ Скопинскомъ (стр. 128—32) и Михайловскомъ (стр. 132) уѣздахъ; В) Провинціальныя слова, употребляемыя Рязанской губ. въ Касимовскомъ у. (стр. 133—35); Г) Собраніе провинціальныхъ словъ, употребительныхъ въ Зарайскомъ уѣздѣ Рязанской губ. (стр. 194—95). Послѣдніе матеріалы (съ литеры Б) доставлены были Рязанскимъ директоромъ училищъ (стр. 87).

[4]) Собраніе провинціальныхъ словъ Тульской губ. (стр. 117 — 127) отъ Тульскаго директора училищъ (см. стр. 87).

[5]) А) Слова употребляемыя жителями города Жиздры (стр. 227—29); Б) Слова употребляемыя вмѣсто брани мужскимъ и женскимъ поломъ (стр. 229—30).

[6]) А) Алексѣй Фортунатовъ, старш. учитель Вологодской Гимназіи: «Дополненіе къ Вологодскому провинціальному Словарю» (съ препроводительнымъ письмомъ, стр. 193—213; ср. выше, стр. 983, прим. 2); Б) Списокъ словъ особ-

димирской [1]), Саратовской [2]), Рязанской [3]), и кромѣ того, разсужденіе члена общества М. Н. Макарова: „Къ сочленамъ“, трактовавшее „о пользѣ для Россійской Словесности дѣлаемыхъ собраній провинціальныхъ реченій и о необходимости составить изъ нихъ Словарь для удобнѣйшаго обозрѣнія словъ“ (Протоколы, стр. 287—298).

Авторъ заявлялъ прежде всего, что XX-я часть „Трудовъ“ общества принесла ему „особенное удовольствіе“ своими „собраніями провинціальныхъ словъ“, которыя онъ читалъ „съ жадностію“. „Цѣль прекрасная и самая важная!“, восклицаетъ онъ. По его словамъ, „каждый любитель Словесности навѣрное согласится въ томъ, что польза *таковыхъ* Словарей очевидна: они только могутъ разрѣшить многія недоумѣнія о *происхожденіи* словъ Русскихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ исправить и обогатить языкъ отечественный, языкъ долженствующій, можетъ быть, скоро поступить на степень языковъ *необходимыхъ* (,) языковъ общественныхъ“ (стр. 287—88). Слѣдующія строки указываютъ, повидимому, на то, что не всѣ смотрѣли на предпріятіе общества глазами автора: „не спорю, говоритъ онъ, что и въ наше время найдутся еще люди непонимающіе всей цѣли Собраній нашихъ; найдутся люди, которые—не постигая настоящей пользы въ образованіи слова, не уважатъ трудомъ нашимъ“. Авторъ совѣтуетъ сочленамъ не замѣчать этого „дѣтскаго лепетанья“, плода „невѣжества“, и указываетъ на примѣръ французовъ и нѣмцевъ, которые „выборомъ и разборомъ словъ... образовали языки свои“, причемъ повторяетъ: „*всѣ собранія словъ* нашихъ полезны; будемъ дорожить ими и пожелаемъ только одной *вѣрной* точности въ печатаніи оныхъ“. Послѣднее желаніе имѣло свои основанія: въ примѣчаніи (стр. 290) Макаровъ приводитъ примѣры опечатокъ въ собранныхъ имъ словахъ, въ родѣ *кампошка*, *пмогавить*, *пмогавый*, вмѣсто *каплюшка*, *плю-*

ливыхъ Вологодской губ., составленный Николаемъ Суровцовымъ (учителемъ 10 класса, стр. 229—245 и 261—287, съ двумя препроводительными письмами).

[1]) А. А. Успенскій (стряпчій Владимирской удѣльной конторы), продолженіе «Реестра словамъ Офенскаго нарѣчія» (стр. 322—24; ср. выше, стр. 984, прим. 2).

[2]) О нѣкоторыхъ словахъ, употребляемыхъ крестьянами Саратовской Губ. въ Балашевскомъ уѣздѣ (стр. 213—17; собраны помѣщикомъ П. Н. Колычевымъ, доставлены М. Макаровымъ).

[3]) А) Провинціальныя слова Касимовскаго уѣзда (доставленныя директоромъ Рязанскихъ училищъ, полковникомъ Татариновымъ, при препроводительной бумагѣ, напечатанной тутъ же; стр. 255—60); Б) Собраніе словъ, употребляемыхъ между крестьянами Рязанской губерніи (доставлено М. Макаровымъ; стр. 313—20).

гавить, *плюгавый*. Далѣе авторъ обращаетъ вниманіе на многія „мудреныя, неслыханныя, странныя—и потому любопытныя“ слова, замѣченныя имъ въ нѣкоторыхъ собраніяхъ и представляющія „богатую пищу для ученаго“. Подобныя слова, въ родѣ приводимыхъ имъ *жерлика*, *клыга*, *ловакъ*, *хирья*, *кодманъ* (нѣкоторыя—офенскія), онъ находитъ необходимымъ „различить отъ прочихъ и напечатать хотя съ догадочнымъ, но критическимъ разборомъ ихъ производства“, надѣясь, что „онѣ покажутъ драгоцѣнные остатки языковъ первобытныхъ потонувшихъ въ силѣ славянъ“ и русскихъ. Собирать такіе остатки нужно торопиться: „мы легко можемъ растерять послѣдніе *остатки первобытные* и загадки въ происхожденіи; связи словъ въ ихъ перемѣнахъ и въ теченіи самаго языка Русскаго тогда уже затруднятъ насъ совершенно; мы потеряемъ корень и отрасли родимаго слова. Потеря невозвратная, и въ особенности для того времени, когда для насъ еще драгоцѣннѣе будетъ занятіе языкомъ отечественнымъ, когда мы позабудемъ чужое совсѣмъ... и найдемъ лучшимъ одно свое“. Вниманіе автора привлекли своею странностью и „слова, употребляемыя разными торговцами“. По его мнѣнію, „критическій разборъ“ ихъ „разрѣшилъ бы сомнѣніе о происхожденіи Офенскаго нарѣчія и доставилъ бы цѣну языку *настоящему*, а не выдуманному, по мнѣнію нѣкоторыхъ, для секретныхъ щетовъ по торговлѣ“. Впрочемъ, онъ и самъ высказываетъ сомнѣніе въ принадлежности словъ Бѣжецкихъ портныхъ „къ языку особенному, къ языку коренному“, указывая на рядъ словъ въ родѣ *скуріобро* (серебро) или *снуракъ* (дуракъ), представляющихъ явно „перековерканныя слова Русскія“ (стр. 290 — 92). Въ виду наличности нѣсколькихъ „собраній провинціальныхъ реченій“, Макаровъ дѣлаетъ предложеніе обществу поручить ему, „или кому другому изъ почтеннѣйшихъ Сочленовъ составить *общій* краткій Словарь изъ оныхъ“, соблюдая слѣдующія правила: 1) „отличить слова иностранныя отъ словъ Славянорусскихъ; 2) отмѣтить слова, извѣстныя по ихъ всеобщему употребленію; 3) сравнить между собою *однѣ* и *тѣ же* слова, употребляемыя въ разныхъ нашихъ провинціяхъ, съ замѣчаніемъ: въ одномъ, или въ разныхъ смыслахъ онѣ употребляются; и, наконецъ, 4) дѣлая рачительное наблюденіе *корнямъ* сихъ словъ, разсмотрѣть: есть ли, или нѣтъ отъ *оныхъ* производныя“.

Авторъ находилъ, что первое отдѣленіе проектируемаго имъ словаря должно содержать иностранныя слова, въ родѣ *абатуръ* (?), *азямъ*, *амбаръ*, *базаръ*, *бажить* (!) *батракъ*, *бахилы*, *божатъ* (!), *валандать* (!) и т. д. Какъ видно, Макаровъ считалъ „ино-

странными" даже такія древнія слова, какъ *бажить*, *лони* и т. д. Второе отдѣленіе должно было состоять изъ словъ старыхъ или „*обветшалыхъ* Славянорусскихъ", образчиками которыхъ у него служатъ: *абапалъ* (т. е. обаполъ), *асметки* (осметки), *атымалка* (от-), *всполохъ*, *выкосокъ*, *высѣвки*, *варево*, *хрепота* (т. е. хрипота), *упокой*, *руда*, *платъ*, *прорва*, *разварка*, *парень*, *образоваться*, *баять* и т. д. (стр. 293—294). Какъ видно изъ примѣровъ, представленія Макарова объ „обветшалости" словъ были довольно своеобразны. Авторъ полагалъ, что „таковый предуготовительный Словарь несомнительно будетъ полезнымъ, а въ особенности *онъ много вспомоществуетъ намъ, или другимъ послѣдователямъ нашимъ при сочиненіи большихъ или полныхъ Словарей* (курсивъ нашъ), необходимыхъ къ обогащенію языка Русскаго" (стр. 294). Авторъ заканчивалъ свое обращеніе къ сочленамъ „нѣкоторыми примѣрами, доказывающими почти всю сущность и пользу составленія" предлагаемаго имъ словаря. Такъ онъ надѣялся встрѣтить среди областныхъ словъ „слова Аваровъ, Гунновъ, Татаръ разныхъ племенъ", которыя „доставятъ намъ безсмертные признаки о бывшихъ между нами народахъ", но находилъ ихъ разборъ труднымъ. По его мнѣнію, легче разбирать „старыя, или *ветхія* реченія Славянскія", болѣе близкія къ нашимъ понятіямъ, что́ онъ и дѣлаетъ относительно словъ *всполохъ*, *варево*, *хоромы* (вм. *хороны* отъ *хоронюсь*!), *руда*, *образоваться*. Отбросивъ разныя мелкія погрѣшности, вытекавшія изъ условій времени и отсутствія научнаго образованія у автора, а также его преувеличенныя мечты о возможности найти въ областныхъ словахъ слѣды гунновъ и аваровъ, нельзя не признать, что сужденія Макарова о пользѣ собиранія областныхъ словъ и самый его проектъ областного словаря являются любопытными признаками времени, предвозвѣстниками будущихъ болѣе широкихъ, болѣе глубокихъ и болѣе научныхъ работъ въ томъ же направленіи. Первую попытку составить такой сравнительный областной словарь предпринялъ впослѣдствіи самъ авторъ разсмотрѣннаго проекта, о чемъ см. въ своемъ мѣстѣ.

Въ этой же XXI части „Трудовъ" Общества Люб. Росс. Слов. явилась первая у насъ статья „О Бѣлорусскомъ нарѣчіи", принадлежавшая перу К. Ѳ. Калайдовича (стр. 67—80) и заключавшая въ себѣ, кромѣ общихъ свѣдѣній о названномъ нарѣчіи и писателяхъ на немъ, также и „Краткій словарь Бѣлорусскаго нарѣчія" (стр. 73—80). Матеріалы для этого глоссарія, содержащаго всего 67 словъ, были собраны по собственнымъ словамъ составителя на мѣстѣ, въ Бѣлоруссіи, еще въ 1813 году (во время

кратковременнаго пребыванія Калайдовича въ военной службѣ, въ дѣйствующей арміи). Составитель находилъ, что въ его глоссаріи „скрываются драгоцѣнные остатки древняго языка Славянскаго“ и приводилъ къ записаннымъ имъ словамъ параллели изъ древнихъ русскихъ памятниковъ (лѣтописи Нестора, по Лаврентьевскому, Воскресенскому и Кенигсбергскому спискамъ, Русской Правды, церковнаго Устава Синод. библіотеки, Новгор. лѣтописи, Библіи Скорины, Свящ. Писанія и т. д.).

Слѣдующія части Трудовъ общества были уже гораздо бѣднѣе лексическими матеріалами. Очевидно, всѣ, кто способенъ былъ откликнуться на приглашеніе общества, отозвались на первыхъ же порахъ, и остались только немногочисленные, почему либо запоздавшіе собиратели, доставившіе сравнительно очень немного матеріала. Такъ въ XXII части Трудовъ (1822 г.=Сочиненія въ Прозѣ и Стихахъ, часть II) явилось только два подобныхъ собранія, доставленныхъ княземъ А. Шаховскимъ изъ Курской губ. и сѣв. вост. Сибири [1]), а въ XXIII-й (1823 г.=Сочиненія въ прозѣ и стихахъ, часть III) — всего одно, но довольно обширное „Собраніе словъ Малороссійскаго нарѣчія“ (стр. 284 — 326), составленное нѣкіимъ И. Войцеховичемъ и содержавшее 1173 слова, т. е. больше, чѣмъ словарь Павловскаго въ его малорусской грамматикѣ (см. выше, стр. 982). Самъ авторъ называлъ его „полнѣйшимъ и исправнѣйшимъ“, сравнительно съ предшествовавшими ему словарями (Павловскаго и при Энеидѣ Котляревскаго). По словамъ Войцеховича, въ прежнихъ словаряхъ было много словъ такъ называемыхъ „*Степовыхъ* — употребляемыхъ только въ одномъ краю Малороссіи и словъ заимствованныхъ изъ Великороссійскаго нарѣчія“. Въ свое же собраніе составитель ввелъ только слова, „совсѣмъ не похожія на Великороссійскія“, затѣмъ слова славянскія, „но неупотребительныя въ Россійскомъ, или заимствованныя изъ Латинскаго, Нѣмецкаго, Польскаго, Французскаго и Татарскаго“ и, наконецъ, „слова собственно малороссійскія коренныя“. Дѣйствительно глоссарій Войцеховича можетъ быть названъ самымъ удачнымъ изъ всѣхъ аналогичныхъ опытовъ, ему предшествовавшихъ.

XXIV ч. „Трудовъ“ не содержала уже никакихъ матеріаловъ этого рода, а XXV-я (=V ч. Сочиненій въ прозѣ и стихахъ, 1824 г.) — всего три собранія областныхъ словъ: Калужской [2]),

---

[1]) А) Слова, употребляемыя крестьянами Курской губ. въ Дмитре-сванскомъ уѣздѣ (стр. 282 — 85); Б) Слова, употребляемыя въ Сѣверо-Восточной Сибири (стр. 285—88).

[2]) Г. Зельницкій: «Слова и выраженія, употребляемыя въ городѣ Калугѣ»,

Пензенской, Саратовской [1]) и Рязанской губерній [2]). Немногочисленныя послѣдующія части „Трудовъ“ общества, относящіяся уже ко второй четверти XIX в., также не были богаче содержаніемъ въ этомъ отношеніи.

Какъ бы то ни было, уже того, что явилось въ изданіяхъ Общества, было достаточно, чтобы помянуть добромъ его дѣятельность въ данномъ направленіи. Ни одно изъ нашихъ ученыхъ учрежденій того времени, располагавшихъ гораздо большими средствами, не сдѣлало ничего подобнаго.

Впервые наша наука получала такое количество совершенно новаго, большею частью достовѣрнаго [3]) лексическаго матеріала, собраннаго на мѣстахъ изъ первыхъ рукъ и сохранившаго до сихъ поръ значительную научную цѣнность. Достаточно сказать, что матеріалъ этотъ служитъ такимъ необходимымъ ингредіентомъ для всякаго научнаго словаря русскаго языка, современнаго или будущаго, миновать который нельзя безъ ущерба для полноты изданія. Въ дѣлѣ изученія лексическаго богатства русскаго народнаго языка предпріятіе московскаго общества явилось первымъ крупнымъ шагомъ впередъ, первымъ этапомъ того пути, на которомъ впослѣдствіи мы встрѣтимся съ „Областными словарями“ Академіи наукъ и „Толковымъ Словаремъ“ Даля.

Въ сравненіи съ результатами, достигнутыми Обществомъ Люб. Росс. Слов., совершенно ничтожнымъ является сдѣланное въ томъ же направленіи богатой вліятельными членами и денежными средствами Россійской академіей. Занятая „изслѣдованіемъ корней“ и составленіемъ „деревьевъ словъ“, а также полу-механическимъ переизданіемъ Россійскаго словаря по азбучному порядку, академія все приготовлялась „къ составленію плана, по которому бы можно было вновь съ лучшимъ расположеніемъ и болѣе точнымъ наблюденіемъ въ естественномъ раздѣленіи понятій и опредѣленіи словъ, приступить къ изданію Словопроизводнаго Словаря, единственнаго, въ которомъ открывается весь составъ языка и слѣдъ созидавшаго оный ума человѣческаго“. Она не торопилась

съ препроводительнымъ письмомъ къ предсѣдателю общества, гдѣ есть и замѣчанія о Калужскомъ говорѣ вообще (стр. 304—307).

[1]) Иванъ Лажечниковъ (извѣстный романистъ): «Нѣсколько провинціальныхъ словъ, употребительныхъ по Саратовской и Пензенской Губерніи» (есть рѣдкія и интересныя слова), съ препровод. письмомъ къ предсѣдателю общества (стр. 308—11).

[2]) Александръ Дмитревскій (исправляющій должность Смотрителя училища): «Нѣсколько провинціальныхъ словъ, употребительныхъ въ Касимовскомъ уѣздѣ» (стр. 327—29).

[3]) Исключая довольно подозрительные подчасъ матеріалы М. Н. Макарова.

въ этихъ занятіяхъ, ибо „трудъ сей не терпитъ поспѣшности и требуетъ въ изслѣдованіяхъ великой осторожности и основательности“. Шишкову, начиненному „славенщиной“ и полупрезрительно относившемуся къ мужицкому просторѣчію (ср., напр., выше, стр. 752), несмотря на всю его любовь къ народности, не приходило въ голову, что народная рѣчь богата драгоцѣннымъ матеріаломъ, безъ пользованія которымъ невозможенъ никакой „словопроизводный словарь“ русскаго языка. Еще менѣе способны были къ подобнаго рода идеямъ чиновные члены-трутни (по выраженію митрополита Евгенія), наполнявшіе академію.

Впрочемъ, „помышляя также и о Словаряхъ Славенскихъ нарѣчій, служащихъ иногда къ объясненію употребительныхъ въ нашемъ языкѣ вѣтвей, коихъ корни затмились или исчезли“, академія пріобрѣла представленный ей рукописный словарь „Малороссійскій съ Рускимъ“ не названнаго составителя [1]). Изданіе этого словаря въ засѣданіи 7 сент. 1818 г. было поручено члену академіи Н. И. Гнѣдичу, „и при немъ двумъ любителямъ Словесности, знающимъ Малороссійское нарѣчіе, и согласившимся изъ усердія къ общей пользѣ содѣйствовать въ семъ предпріемлемомъ трудѣ, а именно Господину Капнисту и Князю Цертелеву“ [2]). Что и какъ дѣлали издатели—неизвѣстно, только словарь напрасно заставилъ ждать своего появленія въ свѣтъ, хотя въ отчетѣ о дѣятельности академіи за 1819 годъ и шла рѣчь о томъ, что академія „о изданіи Словарей Словенскихъ нарѣчій“, въ томъ числѣ и малороссійскаго, „помышлять не престаетъ“ [3]).

Въ слѣдующихъ „Извѣстіяхъ объ упражненіяхъ Росс. академіи“ о предпринятомъ изданіи уже не упоминается. Очевидно, оно совсѣмъ заглохло. Дальнѣйшая судьба его была вполнѣ плачевна. О немъ зашла снова рѣчь только 15 лѣтъ спустя послѣ постановленія объ изданіи, а именно въ засѣданіи 18-го марта 1833 года, когда членъ академіи Лобановъ представилъ собранію пѣсни и псалмы на малорусскомъ языкѣ, взятыя Гнѣдичемъ изъ академіи еще въ 1818 г., а также *„нѣсколько листовъ малорос-*

---

[1]) По словамъ Кеппена (см. его рукописныя «Свѣдѣнія о россійскихъ нарѣчіяхъ», принадлежащія I отдѣленію библіотеки академіи наукъ, т. I, 325), словарь этотъ былъ составленъ бывшимъ Сенатскимъ Оберъ-Секретаремъ Новацкимъ († 1813 г. въ Спб.). Кеппенъ замѣчаетъ: «Этотъ словарь поступилъ въ рукописи въ Имп. Росс. Акад., гдѣ онъ, сколько мнѣ извѣстно, былъ раздѣленъ на двѣ половины и въ такомъ видѣ отданъ на разсмотрѣніе двумъ лицамъ (въ томъ числѣ кажется князю Цертелеву)—и былъ ими затерянъ».

[2]) См. «Извѣстія Россійской Академіи», кн. 7, 1819 г., стр. 120—22.

[3]) Тамъ же, кн. 8, 1820 г., стр. 21.

сійскаго словаря, писанныхъ рукою Гнѣдича". Такъ какъ другая часть словаря была взята на разсмотрѣніе Капнистомъ, умершимъ за цѣлыхъ 10 лѣтъ до этого времени—въ 1823 г.), то было опредѣлено: просить наслѣдниковъ покойнаго Капниста о возвращеніи рукописи [1]). Что сталось дальше съ злополучнымъ словаремъ, остается неизвѣстнымъ. Повидимому, онъ погибъ окончательно.

Хотя Россійская академія и не помышляла о собираніи лексическихъ матеріаловъ, тѣмъ не менѣе, очевидно, предполагалось, что она должна ими интересоваться. Этимъ объясняется, что безъ всякаго приглашенія съ своей стороны, она всетаки получила кое-что, хотя и крайне мало, сравнительно съ Обществомъ Люб. Росс. Слов. Такъ въ 1820 г. С. Н. Суворовъ, смотритель Осташковскихъ училищъ, доставилъ академіи небольшую записку объ особенностяхъ говора г. Осташкова, съ приложеніемъ 103 словъ, употребительныхъ въ самомъ городѣ и уѣздѣ. Слова, присланныя Суворовымъ, читались въ академіи, члены которой нашли, что нѣкоторыя изъ нихъ употребляются и въ другихъ мѣстахъ Россіи (напр., *баить*, *балагурить*, *корецъ*, *куръ*, *лынять*, *тынъ* и пр.), а также, что къ словамъ малоизвѣстнымъ, или совсѣмъ неупотребительнымъ въ другихъ мѣстахъ, слѣдовало бы приложить объясненія и привести достаточное число примѣровъ [2]). Впрочемъ, записка Суворова ничего новаго не представляла, ибо тожественна съ напечатанной въ XX ч. Трудовъ Моск. Общ. Люб. Росс. Слов. запиской объ особенностяхъ Осташковскаго говора (стр. 216—20), очевидно тоже принадлежащей Суворову.

Изъ отчета „О нѣкоторыхъ произшествіяхъ въ Россійской академіи" за 1823 г. [3]) видно также, что нѣкій „Валеріанъ Никоновъ, возвратившійся изъ путешествія своего по Сѣверу Европейской Россіи сего года, сообщилъ въ Россійскую Академію при письмѣ своемъ изъ Архангельска отъ 5-го сентября: 1) Собраніе *нѣсколькихъ словъ*, пословицъ и проч., извлеченныхъ изъ его дневника, принадлежащихъ къ нарѣчіямъ Вологодской Губерніи", а также нѣсколько собранныхъ имъ рукописей (букварь съ крюковыми нотами, Двинскую рукописную лѣтопись, берестяную книжку, три пергаменныхъ грамоты и т. д.).

---

[1]) См. Сухомлиновъ, «Исторія Росс. Академіи», вып. VII, стр. 83. Собственноручная записка Кеппена, помѣченная ноябремъ 1821 г. (см. его рукописныя «Свѣдѣнія о росс. нарѣчіяхъ», I, 102), свидѣтельствуетъ со словъ самого президента Росс. Академіи А. С. Шишкова, что словарь Новацкаго былъ затерянъ уже во время составленія записки.

[2]) См. Сухомлиновъ, «Исторія Росс. Академіи», вып. VII, стр. 436—440.

[3]) «Извѣстія Россійской Академіи», кн. 12, 1828, стр. 11.

Были ли еще какія нибудь другія присылки этого рода, изъ печатныхъ источниковъ для исторіи Росс. академіи не видно. Во всякомъ случаѣ ихъ не могло быть много, и никакого употребленія онѣ, какъ и матеріалы Суворова и Никонова, не получили. Указанными собраніями ограничивается, повидимому, все, что могла Россійская академія противопоставить богатой коллекціи областныхъ словъ Московскаго общества Люб. Росс. Слов., представляющей по существу самое крупное научное пріобрѣтеніе въ области русской лексикографіи за разсматриваемый промежутокъ времени.

Изъ другихъ русскихъ лексикографическихъ затѣй Россійской академіи, точнѣе ея президента Шишкова, не пошедшихъ дальше пустыхъ словоизверженій, необходимо указать на „Словарь Техническій, или собраніе словъ, употребляемыхъ въ наукахъ, художествахъ, ремеслахъ и рукодѣліяхъ" и „Словарь Словесныхъ наукъ, или собраніе словъ, употребляемыхъ въ Логикѣ, стихотворствѣ, исторіи, Риторикѣ и Грамматикѣ", о которыхъ идетъ рѣчь въ упоминавшемся уже выше предложеніи Шишкова отъ 21 янв. 1822 г. (о „Словарѣ сравнительномъ всѣхъ Славенскихъ нарѣчій" будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ ниже). Первый словарь, по мнѣнію Шишкова, „можетъ сочиняемъ быть разными лицами, кто какую часть охотнѣе возмется описывать. Желательно, чтобъ любовь къ своему языку торжествовала въ семъ Словарѣ надъ слѣпою привязанностію къ навыку употреблять иностранныя слова, и чтобъ вмѣсто: Миѳологія, Астрономія, Географія, Перпендикуляръ, Экваторъ, Металлъ, Метафора и проч. читали мы опредѣленія оныхъ подъ словами: Баснословіе, Звѣздословіе, Землеописаніе, Отвѣсъ, Равноденственникъ, Крушецъ, Иносказаніе, и проч. въ подобномъ случаѣ надлежитъ руководствоваться разсудкомъ, а не глумленіями тѣхъ, которые знаніе свое основываютъ не на силѣ языка и чтеніи книгъ, но только на одной наслышкѣ".

Второй словарь долженъ былъ сочиняться „на такихъ же правилахъ, какъ и предыдущій. Надлежитъ при точныхъ опредѣленіяхъ и объясненіяхъ обогатить его избранными изъ отличныхъ писателей примѣрами, точно соотвѣтствующими тому правилу, какое выше объясняется. Избраніе примѣровъ составляетъ существенное достоинство сего Словаря" [1]).

Какъ видно, словари эти, по замыслу Шишкова, должны были имѣть скорѣе характеръ справочныхъ или энциклопедическихъ пособій, чѣмъ настоящихъ словарей, и проводить все тѣ же из-

---

[1]) «Извѣстія Росс. Академіи», кн. 10, 1822, стр. 41—42.

любленныя идеи маститаго „славенофила“. Изъ рукописныхъ „Записокъ засѣданій Имп. Росс. акад.“ за 1822 г. видно, что намѣчены были уже и составители задуманныхъ академіей словарей: для словаря ремеслъ и рукодѣлій—Я. Д. Захаровъ, а для словаря словесныхъ наукъ—П. М. Карабановъ и А. С. Никольскій. Этимъ, однако, дѣло, повидимому, ограничилось, и къ составленію словарей едвали было приступлено. Конечно, осуществленіе ихъ дало бы нашей наукѣ столь же мало, какъ и почти всѣ quasi-научные проекты Шишкова.

Изъ явленій въ области лексикографіи русскаго языка, которыя бы принадлежали отдѣльнымъ лицамъ и не имѣли отношенія къ тому или другому изъ упомянутыхъ выше учрежденій, за разсматриваемый промежутокъ времени можно указать лишь небольшой словарь иностранныхъ словъ Федора Кравчуновскаго, вышедшій въ 1817 г. въ Харьковѣ и посвященный авторомъ Харьковскому гражд. губернатору и почетному члену мѣстнаго университета Вас. Гавр. Муратову [1]). Научнаго характера, конечно, онъ не имѣлъ и не претендовалъ на него. Сравненіе со „Словотолкователемъ“ Н. Яновскаго, вышедшимъ за 14 лѣтъ до него (см. выше, стр. 699), показываетъ, что Кравчуновскій воспользовался между прочимъ и трудомъ своего предшественника, выбросивъ всѣ мало употребительныя или совсѣмъ неупотребительныя слова, которыми богатъ былъ словарь Яновскаго, и добавивъ нѣсколько новыхъ изъ другихъ источниковъ, а также изрядное количество церковно-славянскихъ словъ и даже отдѣльныхъ формъ (въ родѣ *юже*—которую, *яша*—взяли, *яхъ*—взялъ). Объясненія здѣсь вездѣ очень краткія, хотя и не всегда удачныя (*Вензель*—начальная буква чьего имени, *діеза*—половина голоса); встрѣчаются иногда и ошибки, въ родѣ *Валкала*—богиня рая воиновъ (очевидно, вм. Валгалла), или совсѣмъ мало употребительныя слова, въ родѣ *рефреширъ*—„речен. воин. и знач. освѣженіе людей“ и т. д.

Кромѣ того, въ 1818 году явился „Опытъ словаря русскихъ синонимовъ“ П. Калайдовича (Москва, 12°. Часть I), о которомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ ниже.

Къ 1823 году относится появленіе въ печати (въ „Журн. Деп. Нар. Просвѣщ.“ 1823 г., ч. VII, стр. 30—51) „Словаря Сольвычегодскихъ Провинціальныхъ и простонародныхъ словъ

---

[1]) «Новой и полной толкователь словъ Славянскихъ, Греческихъ, Латинскихъ, Нѣмецкихъ, Италіанскихъ, Французскихъ, Жидовскихъ, Турецкихъ и другихъ, употребляемыхъ въ Россійскомъ языкѣ. Харьковъ. Въ Универс. Типографіи, 1817 года». Мал. 8. 4 ненум. + 121 стр.

въ городѣ и отчасти въ округѣ употребляемыхъ, собраннаго по алфавиту и поясненнаго тамошняго Уѣзднаго училища Смотрителемъ Алексѣемъ Мудровымъ". Собраніе это заключало всего 187 словъ (нѣкоторыя любопытныя и цѣнныя).

Къ разсматриваемому промежутку времени (1810—1825 г.) относится и обширный рукописный „Славено-русскій этимологическій словарь" Востокова, отрывки котораго были найдены въ бумагахъ знаменитаго ученаго и хранятся въ настоящее время въ рукописномъ отдѣлѣ I-го (русскаго) отдѣленія библіотеки академіи наукъ (Бумаги Востокова, связки 1 и 2). Трудъ этотъ представляетъ собой загадку въ біографіи нашего ученаго. Даже заглавіе его чуть ли не принадлежитъ И. И. Срезневскому (см. Филолог. Наблюденія Востокова, стр. XLIII), а не самому автору словаря. Въ автобіографическихъ замѣткахъ Востокова о немъ нѣтъ рѣчи, хотя обстоятельно говорится о другомъ лексикографическомъ трудѣ его, разсмотрѣнномъ нами выше (стр. 653—666): „Этимологическомъ словорасписаніи" или „Сравнительно-этимологическомъ словарѣ". Судя по этому обстоятельству, надо думать, что Востоковъ приступилъ къ разсматриваемому труду своему уже послѣ того времени, на которомъ обрывается его дневникъ, т. е. послѣ апрѣля 1811 года. Бумага, на которой писанъ словарь, въ большинствѣ случаевъ принадлежитъ 1810 г. Такимъ образомъ, очевидно словарь получилъ свое начало не раньше этого времени, а скорѣе всего или въ этомъ году, или въ ближайшіе слѣдующіе послѣ него.

Между тѣмъ въ извѣстномъ письмѣ Востокова къ предсѣдателю Московскаго Общ. Любит. Росс. Слов. А. А. Прокоповичу-Антонскому, писанномъ уже въ 1818 г. (20 мая), гдѣ нашъ ученый какъ разъ говоритъ о своихъ словарныхъ занятіяхъ [1]), нѣтъ ни одного указанія, которое хоть сколько нибудь могло относиться къ „Славено-русскому этимологическому словарю". Во всякомъ

[1]) По словамъ этого письма, главнымъ предметомъ занятій Востокова служила славянская лексикографія и грамматика. Сначала онъ занимался этимологическимъ «Словопроизводнымъ Словаремъ Славенскихъ нарѣчій, по предначертанію Шлецера (въ его «Nordische Geschichte»), а также въ *Славинѣ* Добровскаго (стр. 387)». Пособіями при этомъ ему служили словари: Россійской академіи и Линде; «Лексическій запасъ мой пополнялъ я всѣми читанными или слышанными мною словами, которыхъ не находилъ въ Словаряхъ». Познакомившись съ рукописями, Востоковъ, по его словамъ, увидѣлъ необходимость заняться сперва грамматикою и «оставилъ до времени составленіе самаго Словаря, для коего между тѣмъ не переставалъ собирать матеріалы, въ надеждѣ когда нибудь возвратиться къ обработанію оныхъ» (Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Слов.», ч. XII, 1818 г., стр. 71—74).

случаѣ характеръ работы, почеркъ, чернила и бумага указываютъ на время очень недалекое отъ той поры, когда Востоковъ трудился надъ своимъ „Этимологическимъ Словорасписаніемъ“ (1808—1811). Срезневскій полагаетъ, что словарь этотъ былъ начатъ „задолго до того времени, когда Востоковъ сталъ заниматься памятниками“ (т. е. задолго до 1810—15 г.), что̀, впрочемъ, мало правдоподобно, хотя бы въ виду совершенно опредѣленнаго указанія post quem, даваемаго бумагой. „Есть поводы думать, продолжаетъ онъ, что Востоковъ занимался имъ особенно съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался членомъ Россійской Академіи (1820 г.), и отложилъ его въ сторону не позже сліянія Россійской Академіи съ Академіей Наукъ (1841)“ [1].

Въ связи съ этими предположеніями Срезневскій различаетъ въ данномъ словарѣ три разновременныхъ слоя: „въ первоначальномъ видѣ онъ былъ довольно кратокъ: при многихъ словахъ нѣтъ опредѣленій; объяснительныхъ свидѣтельствъ очень мало. Въ тетради этого первоначальнаго труда позже вставлены листы дополненій и передѣлокъ (на одинаковой бумагѣ и одинаковымъ почеркомъ); здѣсь много словъ, прежде не отмѣченныхъ, много и выписокъ изъ Библіи, Номоканона, церковныхъ книгъ, лѣтописей (печатныхъ), пословицъ, пѣсенъ, былинъ (древнихъ Русскихъ стихотвореній), Исторіи Карамзина, Путешествія Лепехина, и т. д. На этихъ же вставныхъ листахъ и отчасти на листахъ первоначальныхъ тетрадей, другимъ не столь тщательнымъ почеркомъ вписаны были, кажется, въ разное время, свидѣтельства изъ памятниковъ по рукописямъ; это большею частію матеріалъ, внесенный въ“ сборникъ Востокова, озаглавленный „Для Словаря“ (относится ко времени 1825—32 г. и не позже 1836 г.).

Съ внѣшней стороны словарь представляется просто собраніемъ черновыхъ матеріаловъ, которые должны были подвергнуться еще коренной переработкѣ для печати. Велся онъ почти также непрактично, какъ и знакомое уже намъ „Этимологическое словорасписаніе“ (см. выше, стр. 657—658), не на карточкахъ или отдѣльныхъ листкахъ, а подрядъ съ предварительной выпиской заглавныхъ словъ и оставленіемъ пустого мѣста для будущихъ вставокъ, мѣстами сдѣланныхъ, а мѣстами отсутствующихъ. Старыя объясненія или сопоставленія, хотя бы и неудачныя, не вычеркивались, и вслѣдствіе этого содержаніе словаря является очень пестрымъ и неровнымъ, такъ что, рядомъ съ цѣннымъ до

[1]) И. Срезневскій, «Филологическія наблюденія А. Х. Востокова» (Спб., 1865, стр. XLIII).

сихъ поръ, встрѣчается и масса нелѣпостей, подчасъ достойныхъ Шишкова. Задуманъ былъ словарь, очевидно, очень широко и долженъ былъ заключать слова не только русскія, въ томъ числѣ обще-литературныя, техническія и народныя, областныя, но и церковнославянскія; каждое слово предполагалось объяснять подробно во всѣхъ оттѣнкахъ его значенія, съ приведеніемъ подлинныхъ примѣровъ и ссылокъ на источники (ср., напримѣръ, образчикъ, напечатанный Срезневскимъ въ „Филологич. Наблюденіяхъ" Востокова, стр. XLIV—XLV).

Трудъ Востокова дошелъ до насъ не въ полномъ своемъ видѣ, и нѣкоторыя части его, очевидно, утрачены. Сохранились только слова на буквы А (и Я), Г, Е (и Э, Ѣ), Ж, З, И (и І), К, Н, О, С, Х, Ц, Ч, Ш-Щ, У(-Ю). Остальныя буквы отсутствуютъ, хотя общій видъ словаря говоритъ въ пользу предположенія, что въ свое время они были на лицо. Слова выписаны въ параллельныхъ вертикальныхъ столбцахъ на листахъ писчей бумаги (форматъ in folio): налѣво природныя слова, направо—заимствованныя, съ указаніемъ источника заимствованія, но почти вездѣ безъ приведенія иноязычныхъ прототиповъ. Для примѣра приведемъ нѣсколько заимствованныхъ словъ на букву А: *агатъ* (греч.), *адмиралъ* (нѣм.), *адъ* (греч.), *адъютантъ* (безъ обознач.), *азямъ* (тат.), *айва* (турецк.), *аистъ*, *аиръ* (безъ обознач.), *академія* (греколат.), *áкула* (названіе отъ Исландск. или Норвежск. *гакколъ* нашими поморянами принятое), *аллилуія* (евр.), *алмазъ* (араб.), *алой*, *алтабасъ*, *алтынъ* (безъ обознач.), *алый* (тур. *алъ*) и т. д.

Какъ образчикъ цѣлаго природнаго этимологическаго гнѣзда, приведемъ глаголъ *гасить* [1]): „Гашу, *сить* гл. д. Тушу, не даю больше горѣть, гасить свѣчи, огонь, пожаръ. *Угашу*,*-силъ*,*-ти*, *-ть*;*-аю*,*-еши*,*-ти*,*-ть*=утушаю. *Погашу*,*-силъ*,*-ть*;*-аю*,*-ть*,*-шеніе* с. ср. р. (погашеніе долговъ)=*потушу*,*-аю*. *Загашу*,*-силъ*,*-шь*;*-аю*, *-ть*=затушу,-аю. *Гашéніе* с. ср.=тушеніе. *Гáшеный*,*-ая*,*--ое* прилаг., напр. известь. *Неугасимый*,*ая*,*-ое* прил. непрестанно горящій, напр. огонь Весты, иначе *неугасáемый* (но неправильно). Орудіе коимъ гасятъ свѣчи высоко поставляемыя—*гасило*. Опредѣленный для гашенія свѣчь высоко поставляемыхъ—*гасильщикъ* сущ. м. Тухну, померкаю, перестаю горѣть; употребл. въ 3 л. собств. а также и въ другихъ лицахъ: *гáсну*,*-ешь*,*-уть* гл. ср.,

---

[1]) Въ цѣляхъ типографскаго удобства мы нѣсколько уклоняемся отъ оригинальнаго размѣщенія словъ и выписываемъ параллельныя слова и формы, стоящія у Востокова другъ надъ другомъ, въ одну строку, замѣняя скобки знакомъ = и добавляя знаки препинанія.

гась, гасла,-о. Угасну,-гаслъ, гаснути... гась,-снулъ,-ть; угасаю, -еши, -ти... -ешь,-ть соверш. д. глагола *гасну*, въ собств. и * смыслѣ [1]). Тоже что и угасну, потухну, потухаю: *погасну,-гась, -нуть,-гасаю,-ть*" и т. д.

Во главѣ отдѣльныхъ гнѣздъ стоятъ корни во вкусѣ Шишковскихъ, состоящіе нерѣдко изъ единичныхъ звуковъ. Такъ объ корнѣ А говорится: „гласъ А имѣетъ значеніе общее, примѣнительное ко всѣмъ четыремъ дѣйствіямъ (?), но наиболѣе къ двумъ. Корни: гласъ дѣятельности,—созерцанія внѣшняго,—общій, чувств. (?) (а?. *а* насмѣятельное, *аа̀* мстительное, уличительное, *а̂* знакъ догадки, *а!* удивленія или ужаса)." Изъ этого корня *А* выводится личное мѣстоименіе *азъ*, представляющее собой „гласъ созерцанія внутр. съ согласною прикосновенія" (очевидно—*з!*).

Въ этомъ же родѣ разсужденіе о корнѣ І, который „съ перемѣнами своими *ѣ, у, о, а, й* (!) значитъ собственно *движеніе, итіе* (такъ какъ *а, я* и пр. приняло оно въ помощь согласныя *л*ить, *л*ію, *в*ить, *в*ію, *в*ѣять, м*а*ю, мгну и т. д., которыя см. подъ согласными)" и т. д.

Согласные у Востокова также имѣютъ особое значеніе. Например̆ъ, „Г, К, Х, съ перемѣнами своими *ж, ч, ш* и пр., въ именит. пад. (?) означаетъ вообще качество предметовъ (а въ другихъ падежахъ?). Однако, мягкія *г, х* не такъ употребительны у славянъ въ семъ значеніи, какъ твердое *к* (съ перемѣнами своими *ч, ц*). Ежели когда уступаетъ оно мѣсто свое прочимъ двумъ *г, х*, то развѣ для благогласія и удобнѣйшаго выговора, смотря по случающимся впереди буквамъ. Итакъ начнемъ съ К.

К есть первоначально *нарѣчіе прикосновенія*, а потому и *познанія качествъ*, или *сказанія о качествахъ*, и сохраняетъ сіе знаменованіе въ слѣдующихъ корняхъ: *аки яко* (съ вспомогательными впереди и назади гласными), *акъ,-а,-о* и т. д." Въ связи съ этими положеніями *како* толкуется, какъ „усугубленіе осязательнаго нарѣчія, т. е. *яко* съ предложнымъ *к*, значитъ вопрошеніе, а не употребленіе какъ въ русскомъ, гдѣ оно заступило мѣсто славянскаго *аки, яко*" и т. д.

Приведенные примѣры достаточно свидѣтельствуютъ, что Востоковъ, во время работы надъ разсматриваемымъ словаремъ, во многомъ стоялъ на уровнѣ идей своего времени. Такіе же, или почти такіе же взгляды мы видѣли уже у Гонорскаго, Шишкова и

[1]) Что̀ обозначаетъ звѣздочка у Востокова, не сказано. Очевидно, это какой-то условный знакъ сокращенія, вмѣсто часто встрѣчающагося слова (вѣроятно: *переносный*).

другихъ. Авторъ приведенныхъ разсужденій, пожалуй, совершенно искренно могъ находить „очень удовлетворительнымъ“ Шишковское „производство слова *настъ* отъ *стыть*, а сего послѣдняго отъ *стоять*“, „съ пользою и удовольствіемъ для себя“ читать въ „Извѣстіяхъ Росс. Академіи“ „глубокія изслѣдованія“ адмирала-корнеслова по части словопроизводства и съ нетерпѣніемъ ожидать того времени, когда ему „позволено будетъ въ засѣданіяхъ Академіи наслаждаться слушаніемъ бесѣды почтенныхъ... сочленовъ о семъ любимомъ... предметѣ“ [1]). Впослѣдствіи, очевидно, Востоковъ созналъ слабыя стороны своего словаря, требовавшаго коренной передѣлки, и оставилъ его въ рукописи. Недовольство автора своимъ трудомъ, можетъ быть, объясняетъ и плохую сохранность рукописи, которая могла утратить цѣнность въ его глазахъ. Указанныя слабыя стороны „Славенорусскаго этимологическаго словаря“ говорятъ въ пользу того предположенія, что онъ относится къ болѣе раннему періоду научной дѣятельности Востокова.

Слабое указаніе на существованіе разсматриваемаго словаря въ 1825 г. даетъ Кеппенъ въ замѣткѣ о рецензіи Добровскаго на словарь русскаго языка Россійской академіи [2]). Въ замѣткѣ этой говорится о „неизданномъ еще и недовершенномъ Лексикографическомъ трудѣ“ Востокова, имѣющемъ удовлетворить pia desideria Добровскаго, высказанныя имъ въ его рецензіи. Едва ли можно сомнѣваться, что рѣчь идетъ здѣсь именно о „Славенорусскомъ этимологическомъ Словарѣ“ Востокова, очевидно уже существовавшемъ въ серединѣ 20-хъ гг. XIX в. Близкія отношенія Кеппена къ Востокову во время изданія первымъ „Библіографическихъ листовъ“ позволяютъ думать, что трудъ Востокова могъ быть извѣстенъ Кеппену.

Къ этому же приблизительно времени относится вѣроятно и начало лексическихъ коллекцій П. И. Кеппена, уже послужившихъ и продолжающихъ служить матеріаломъ для разныхъ лексикографическихъ изданій II-го отдѣленія Имп. Акад. наукъ, но до насъ, кажется, вполнѣ не сохранившихся. И. И. Срезневскій въ своей рѣчи на юбилеѣ Кеппена отмѣчаетъ, что Кеппенъ уже „съ юности... сталъ собирать матеріалы для Словаря Русскаго общаго и областного“, причемъ „одни добавленія его къ

---

[1]) См. Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов. Имп. ак. н., т. V, вып. II, стр. XXXVIII. Письмо Востокова къ Шишкову отъ 11 іюня 1820 г.

[2]) „Библіографическіе листы“ Кеппена, 1825 г., № 32, 24 дек., стлб. 470. Ср. выше, стр. 948—51.

Общему Словарю составили два тома“ [1]). Самъ Кеппенъ писалъ А. А. Кунику 17 февр. 1861 г. [2]), что уже давно (съ 1818 г.) интересовался діалектологіей, хотя и не указываетъ опредѣленно, когда положилъ начало своему собранію лексическихъ матеріаловъ. Собственноручная записка Кеппена, найденная въ его бумагахъ и содержащая перечень разныхъ его письменныхъ матеріаловъ, съ обозначеніемъ времени, съ которыхъ поръ они собирались [3]), тоже не упоминаетъ ничего о его словарныхъ записяхъ. Судя, однако, по тому, что Кеппенъ, какъ видно изъ помянутой записки, началъ собирать названія рѣкъ съ 1815 г., а собственныя и прочія имена, народныя преданія, обычаи и нравы съ 1819 г., надо думать, что и лексическіе его интересы ведутъ свое начало приблизительно съ этого времени и во всякомъ случаѣ не позже самаго начала 20-хъ годовъ, когда онъ переписывался съ Евгеніемъ Болховитиновымъ о русской діалектологіи [4]) и обращалъ вниманіе на важность собиранія областныхъ словъ и вообще діалектологическихъ матеріаловъ въ своей рецензіи на книгу Ѳ. П. Аделунга: „Übersicht aller bekannten Sprachen etc.“ [5]).

Изъ лексическихъ матеріаловъ, собранныхъ Кеппеномъ, сохранились лишь тѣ, которые вошли въ составъ его „Свѣдѣній о русскихъ нарѣчіяхъ“, принадлежащихъ II отд. акад. наукъ. Къ первой четверти XIX в. относятся: 1) Собраніе 595 малороссійскихъ словъ, сообщенное собирателю 18 дек. 1821 г., въ Кіевѣ, преподавателемъ тамошней гимназіи Макс. Ѳедор. Берлинскимъ (р. 1764, ум. 1848 г.) [6]) и писанное на 7 стр. in folio („Свѣдѣнія“, т. I, 284—292); 2) собраніе замѣчаній на первыя 45 словъ вышеупомянутаго (стр. 987) бѣлорусскаго глоссарія, составленнаго К. Ѳ. Калайдовичемъ (2 стр. in folio, тамъ же, 467—68). Замѣчанія эти (на нѣмецкомъ языкѣ) были доставлены Кеппену нѣкіимъ Хлендовскимъ изъ Варшавы въ 1823 и представляютъ рядъ сравненій и параллелей бѣлорусскихъ словъ и выраженій съ соотвѣтствую-

---

[1]) См. „Юбилей Петра Ив. Кеппена, 29-го дек. 1859 г. Спб. 1860“, стр. 3.

[2]) См. это письмо въ „Bulletin de l'Académie Imp. de S. Petersbourg“, т. III, стлб. 506—511 = Mélanges Russes, т. IV, Livr. 2, pp. 210—217.

[3]) См. эту записку въ статьѣ А. А. Куника: „Литературные труды П. И. Кеппена“ въ „Сборникѣ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов. Имп. ак. н.“ т. II. 1868, № 6, стр. 36.

[4]) См. цит. выше письмо Кеппена Кунику («Bulletin de l'Académie», т. III, стлб. 506—511).

[5]) Тамъ же, и у насъ выше, стр. 598.

[6]) См. о немъ Венгерова «Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ», т. III, стр. 87—88.

щими польскими, отмѣчающихъ совпаденіе или разницу названныхъ языковъ въ томъ или другомъ случаѣ. Вѣроятно къ этому же времени принадлежатъ: 1) Листокъ съ нѣсколькими бѣлорусскими словами (около 30), писанный, по указанію Кеппена, Ив. Ник. Лобойкомъ (тамъ же, 495—96); 2) собраніе нѣсколькихъ словъ „смоленскаго" нарѣчія (тамъ же, 490—493; около 140 словъ на 4 стр. in folio).

Въ 1824 г., по иниціативѣ проф. Лобойка, въ Румянцовскомъ кружкѣ возникъ было проектъ о составленіи бѣлорусскаго глоссарія къ издаваемому протоіереемъ Григоровичемъ Бѣлорусскому Архиву. 30 марта 1824 г. Лобойко, говоря объ изданіи Строевымъ Софійскаго временника, писалъ гр. Румянцову: „Впрочемъ ничто бы ему (Строеву) не мѣшало присовокупить словарь невразумительныхъ реченій, по кр. мѣрѣ, въ видѣ опыта: часто самыя трудныя слова можно объяснить, нашедши ихъ повторенными въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; тѣ, до знаменованія коихъ съ точностью дойти нельзя, можно оставить въ словарѣ безъ объясненія, означая всѣ страницы, гдѣ онѣ встрѣчаются; но самая большая часть словъ, по моему собственному удостовѣренію, объясняется изъ Польскаго и Бѣлорусскаго нарѣчія. Почему, при настоящемъ изданіи нашемъ Бѣлорусскихъ грамотъ, я не могу скрыть предъ В. С—вомъ чрезмѣрнаго моего желанія, чтобы къ оному присовокупленъ былъ словарь, объясняющій невразумительныя для Россіянъ реченія". По словамъ Лобойка, это тѣмъ легче сдѣлать, что означенные „памятники восходятъ не далѣе XV стол... Бѣлорусскій языкъ еще не истребился; на немъ говорятъ еще и по нынѣ проповѣди по сельскимъ церквамъ. Могилевъ почитается средоточіемъ Бѣлоруссіи, гдѣ подгородные мѣщане по ту сторону Днѣпра и теперь еще весьма хорошо говорятъ симъ нарѣчіемъ. Гомель въ Бѣлоруссіи, а... о. Григоровичъ... въ Гомелѣ. При сихъ, столь живыхъ и вѣрныхъ пособіяхъ, объясненіе словъ можно произвести съ совершенною точностью. Тогда сей словарь можетъ оказать важную услугу не только при чтеніи Бѣлорусскихъ грамотъ, но и при чтеніи Госуд. грамотъ, В. С—вомъ въ Москвѣ изданныхъ". Въ подтвержденіе своихъ словъ Лобойко разсказываетъ, какъ онъ въ Обществѣ Соревнователей читалъ списки Бѣлорусскихъ грамотъ, желая показать, „что сей языкъ столь близко подходитъ къ Польскому, что между ними нѣтъ другихъ предѣловъ, кромѣ граммат. формъ Русскаго языка и Русскихъ буквъ", причемъ Рылѣевъ (издатель Полярной Звѣзды), какъ новгородецъ, указывалъ, что всѣ слова, которыя Лобойко называлъ польскими, имѣются и въ народномъ новгор. нарѣчіи. Съ Рылѣевымъ были согласны и дру-

гіе члены. По словамъ Лобойка, „въ исторіи Карамзина, тамъ. гдѣ онъ пользуется настоящими Русскими лѣтописями и актами, введены въ текстъ многія слова, нынѣ намъ непонятныя“, и которыя въ другомъ случаѣ можно „объявить Бѣлорусскими или Польскими. Г. Ходаковскій, опредѣляя округъ Кривицкаго діалекта, одной натуры съ Бѣлорусскимъ, включаетъ въ сіи предѣлы Псковскую, Новгородскую и Тверскую Губерніи. Все сіе приводитъ къ дальней филологической аксіомѣ, что діалекты одного какого либо языка, чѣмъ они ближе къ своему происхожденію, тѣмъ менѣе между ними разности и тѣмъ болѣе общихъ словъ“ [1]).

Гр. Румянцовъ, по полученіи письма Лобойки, которое онъ называетъ „прелюбопытнымъ“, послалъ съ него копію о. Григоровичу, причемъ писалъ (12 апр. 1824 г.): „Чрезвычайно какъ желаю вмѣстѣ съ нимъ (Лобойкомъ), чтобы Вы къ Бѣлорусскимъ грамотамъ присоединили словарь Бѣлорусскихъ словъ, неудобопонятныхъ для насъ, и старались бы ихъ объяснить. Нѣтъ сомнѣнія, что сей словарь придалъ бы большой цѣны тому изданію, надъ которымъ теперь занимаетесь, и поставилъ бы имя Ваше въ большое уваженіе въ кругу тѣхъ, кои истиннымъ просвѣщеніемъ занимаются“ [2]).

14 мая графъ опять писалъ о. Григоровичу; „Радуюсь тому, что Вы согласны дополнить и усовершенствовать изданіе Архива Бѣлорусскихъ грамотъ опытомъ словаря коренныхъ Бѣлорусскихъ словъ. Конечно, сему словарю не иное мѣсто можно опредѣлить, какъ Index. Ежели Вамъ на точное опредѣленіе нѣкоторыхъ словъ надобна будетъ помощь г. Лобойка, то снеситесь съ нимъ, ссылаясь на то, что Вы отъ меня къ тому уполномочены“ [3]).

Смерть графа, послѣдовавшая черезъ полтора года послѣ этого письма, помѣшала осуществленію его плана, который, однако, повидимому не остался безъ послѣдствій и, вѣроятно, побудилъ Григоровича заняться составленіемъ бѣлорусскаго словаря, часть котораго увидѣла свѣтъ уже много лѣтъ спустя послѣ приведенной переписки (въ 1851 г.).

Собираніемъ матеріаловъ для словаря древнерусскаго языка, потребность въ которомъ живо ощущалась немногочисленными нашими тогдашними учеными [4]), занимался въ 20-хъ годахъ

[1]) «Чтенія въ Общ. Ист. и др. Росс.». 1864 г., кн. II, стр. 39—41.

[2]) Тамъ же, стр. 50.

[3]) Тамъ же, стр. 51.

[4]) См. напр., письмо Лобойка къ гр. Румянцову отъ 30 марта 1824 г. (выше, стр. 1000), и его же письмо къ Калайдовичу отъ 25 апр. 1825 г. (выше, стр. 935—36).

Строевъ. Въ 1825 г., 4 января, онъ обратился къ гр. Румянцову съ предложеніемъ составить три словаря: историческій (съ подробными извѣстіями о всѣхъ Великихъ и удѣльныхъ князьяхъ, царяхъ, іерархахъ и т. д.), географическо-топографическій („подробное указаніе всѣхъ удѣловъ, на кои нѣкогда раздѣлялась Россія“) и 3) „*Словарь Толковый*, для уразумѣнія языка лѣтописей и другихъ письменныхъ памятниковъ древней нашей Словесности, по образцу славнаго Дюканжева Glossarium mediae et infimae Latinitatis“. Строевъ прибавлялъ: „въ семъ словарѣ объяснены будутъ всѣ слова и выраженія, нынѣ вышедшія изъ употребленія, забытыя или пріемлемыя въ иномъ знаменованіи; названія древняго чиноначалія и государственнаго управленія въ отношеніяхъ политическомъ, военномъ и гражданскомъ; терминологія: церковная, судебная и дипломатическая; техническія реченія древняго хозяйства, ремеслъ, знаній, наукъ и искусствъ; однимъ словомъ, все, что для читателей памятниковъ древней нашей письменности можетъ быть невразумительно, сбивчиво или неопредѣленно. Множество матеріаловъ къ сему Словарю накопилось у меня въ нѣсколько лѣтъ, когда я, занимаясь изданіемъ разныхъ рукописей или прочитывая историческо-археологическія сочиненія, записывалъ попадавшіяся въ нихъ примѣчательныя слова и выраженія. Сей Толковый Словарь, требующій многаго чтенія, пересмотра и справокъ, слѣдственно и времени, можетъ быть изготовленъ не прежде исхода 1829 г.“ [1]).

Графъ, однако, отклонилъ это предложеніе (письмомъ отъ 25 янв. 1825 г.), „воздавая справедливость ревнію и усердію“ Строева, но ссылаясь на предпринятое имъ составленіе и изданіе каталога Синодальной библіотеки, требующее большихъ издержекъ. Отъ неудавшагося труда Строева уцѣлѣло лишь нѣсколько тетрадокъ, которыя онъ черезъ князя Ширинскаго-Шихматова пожертвовалъ академіи наукъ [2]).

Нѣтъ сомнѣнія, однако, что знанія и способности Строева врядъ ли подходили къ задуманному имъ предпріятію, и, въ случаѣ его осуществленія, русская наука не получила бы особо цѣннаго приращенія. Во всякомъ случаѣ и при согласіи гр. Румянцова (давно уже разочаровавшагося въ творческихъ научныхъ способностяхъ Строева, какъ мы видѣли выше, стр. 853 и 874), древнерусскій словарь нашего археографа, навѣрное, постигла бы та же участь, какъ и рядъ другихъ научныхъ предпріятій мецената-канцлера, пріостановленныхъ или совсѣмъ не состоявшихся

¹) Барсуковъ, «Жизнь и труды П. М. Строева». Спб. 1878, стр. 99, 101—102.
²) Тамъ же, стр. 103.

вслѣдствіе его смерти, послѣдовавшей черезъ годъ послѣ предложенія Строева.

Разсмотрѣнными изданіями и проектами исчерпывается все, что было у насъ сдѣлано или предполагалось сдѣлать въ области лексикографіи русскаго языка по 1825 г. включительно. Наиболѣе крупными явленіями въ ней, какъ мы видѣли, могутъ быть признаны лишь второе изданіе словаря Росс. академіи и собраніе областныхъ словъ, предпринятое московскимъ Обществомъ Люб. Росс. Слов. Остальное представляетъ собой частью лишь „плѣнной мысли раздраженье", въ родѣ проектовъ Шишкова, частью не состоявшіяся или не доведенныя до сколько нибудь прочнаго результата предположенія и начинанія.

Не больше сдѣлано было у насъ за разсматриваемое время (1810—1825) для грамматики русскаго языка. Правда, недостатка въ отдѣльныхъ работахъ и общихъ руководствахъ въ этой области не было, но почти все здѣсь явившееся имѣло мало научный характеръ, а то такъ и совсѣмъ было лишено его. Среди школьныхъ руководствъ по русской и церковнославянской грамматикѣ, вышедшихъ за это время [1]), лишь очень немногія заслу-

---

[1]) 1) «Дѣтское словеснословіе и пѣснопѣніе, грамматика, логика, риторика и поэзія съ нотнымъ пѣніемъ, въ краткихъ правилахъ и примѣрахъ. 2-е изд. Харьковъ. Въ Унив. типогр. 1811». 8°. 8 ненум. + 131 + 1 ненум.

2) И. Тимковскій, «Опытный способъ къ философическому познанію россійскаго языка, изд. Харьковскимъ университетомъ. Харьковъ. 1811».

3) S. F. Friederici, «Kurzgefasste Grammatik der russischen Sprache für die deutschen Provinzen Russlands. Cursus I. Mitau. 1811».

4) Jacques Languen, «Manuel de la langue russe, à l'usage des étrangers; suivi d'un précis historique sur la Littérature russe. Mitau. 1811», (переводъ курса Словесности и грамматики Борна).

5) Петръ Виноградовъ, уѣзднаго училища учитель, «Краткая славянская грамматика, составленная при Александро-Невской Семинаріи». Спб. 1813, 1815, 1818, 1822, 1832, 1852 (Образцомъ служило извѣстное уже намъ «Сокращеніе слав. этимологіи» Ѳ. Розанова: М. 1810. См. выше, стр. 732).

6) Андрей Вербицкій, «Краткая россійская грамматика, содержащая въ себѣ правила, руководствующія къ познанію россійскаго языка, въ вопросахъ и отвѣтахъ. Харьковъ. 1813, 1816.

7) Сокращенная россійская грамматика для малолѣтняго юношества. Полоцкъ. 1813.

8) Алексѣй Померанцовъ, «Начальныя основанія россійской грамматики въ пользу юношества и особенно воспитывающагося въ Московской практической коммерческой Академіи, изданныя россійской и латинской словесности, коммерческихъ наукъ и естественнаго права учителемъ, оной же Академіи Совѣта и Общества любителей коммерч. знаній секретаремъ А... П...» М. 1813, 1819.

9) Яковъ Пожарскій, «Краткая россійская грамматика, изданная для пре-

живаютъ болѣе близкаго разсмотрѣнія. Тотъ же школьный характеръ въ общемъ имѣли и отдѣльныя монографіи и статьи по частнымъ вопросамъ русской грамматики, въ которыхъ тѣмъ не менѣе замѣчается больше движенія и иниціативы, чѣмъ въ руководствахъ, прямо назначенныхъ для школы.

Изъ школьныхъ учебниковъ заслуживаетъ вниманія знакомый уже намъ съ другой стороны (см. выше, стр. 559—561) „Опытный способъ къ философическому познанію русс. языка" И. Тим-

---

подаванія въ полковыхъ и баталіонныхъ школахъ». Спб. 1813, 1814, 1815, 1821. 1833. Изданія 1830, 1838, 1842, 1845 и 1848 имѣютъ иное заглавіе.

10) С. П. Орловскій, «Краткая россійская грамматика. Съ присовокупленіемъ начальныхъ правилъ правописанія, сочиненія словъ и сочиненія періодовъ. Изданная въ пользу малолѣтнихъ дѣтей. Спб. 1814».

11) Иванъ Левитскій, «Краткая росс. грамматика. Соч. Училища ордена св. Екатерины учителемъ россійской словесности. Спб. 1814».

12) E. Gust. Ehrström och Carl G. Ottelin, «Rysk Språklära för begynnare utgifven af...» 2 перераб. изд. Спб. 1814; Борго, 1830; Гельсингфорсъ 1836.

13) «Россійская грамматика, въ пользу и употребленіе юношества, расположенная для легчайшаго изученія по вопросамъ и отвѣтамъ. Спб. 1816».

14) Gust. Völkersahm, «Hülfstabellen für die russische Sprache zunächst dem Selbst. Unterrichte. Riga. 1816» (Кишитъ грубыми ошибками, свидѣтельствующими о незнаніи авторомъ русскаго языка).

15) Константинъ Поппадопуло: «ΓΡΑΜΜΑΤΙΚΗ ΡΩΣΣΙΚΟ-ΓΡΑΙΚΙΚΗ ΗΤΟΙ ΜΕΘΟΔΟΣ ΔΙΑ ΝΑ ΣΠΟΥΔΑΣΗ ΤΙΣ ΕΥΚΟΛΩΣ ΤΗΝ ΡΩΣΣΙΚΗΝ ΔΙΑΛΕΚΤΟΝ и др. Москва 1816.

16) W. A. Joukowsky, «Esquisse de grammaire russe composée pour l'usage de la Grande-Duchesse Alexandra Téodorowna, l'Impératrice actuelle, et imprimée en très peu d'exemplaires par...» (безъ года и мѣста напечатанія, вышла въ Спб. въ 1818 г.).

17) Philem. Swaetnoy, «Orthographie der russ. Sprache». Riga, 1819. 8°. 36.

18) «Краткая Россійская грамматика съ переводомъ на Молдавскій языкъ, для учениковъ Кишиневскія Семинаріи, и другихъ въ Бессарабіи школъ съ присовокупленіемъ употребительнѣйшихъ на Россійскомъ и Молдавскомъ языкѣ словъ и разговоровъ. Кишиневъ, 1819 г.» (церковной печати, разговоры и вокабулы на русскомъ языкѣ, а грамматика основана на новомъ церковнославянскомъ. Авторъ—архимандритъ Ириней Нестеровичъ).

19) Н. М., «Россійская грамм. въ вопросахъ и отвѣтахъ, издана для легчайшаго обученія юношества. Москва, 1820».

20) «Краткая россійская грамматика въ пользу воспитывающихся въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Спб. 1820. 8°. 66. 2 изд. съ измѣненнымъ заглавіемъ, 1834 г., 3-е—1849.

21) «Учебная книга русск. языка, содержащая этимологію, ореографію, синтаксисъ, просодію и краткія правила риторики для благородныхъ воспитанниковъ университетскаго пансіона». М. 1820, 1823, 1829.

22) Ch. Ph. Reiff, «Grammaire russe à l'usage des étrangers qui désirent connaître à fond les principes de cette langue, précédée d'une introduction sur la langue Slavonne par...». Спб. 1821, 1851. Польскій переводъ съ прибавленіями для поляковъ изд. А. В. Глебовичъ: Вильно, 1823.

ковскаго (Харьковъ, 1811 г.) [1]), VIII глава котораго: „Древности языка Славено-Россiйскаго и отношенiя его къ другимъ языкамъ“ представляетъ краткiй конспективный очеркъ исторiи русскаго языка [2]), любопытный для своего времени по замыслу, хотя по выполненiю, разумѣется, отразившiй на себѣ всѣ недочеты положительнаго знанiя, свойственные времени. Авторъ исходитъ изъ общаго положенiя, что „исторiя народа содержитъ въ себѣ и исторiю языка его“ (см. выше, стр. 561), и разсматриваетъ съ начала „внѣшнiя обстоятельства въ произхожденiи: а) *Въ глубочайшей древности языка Славенскаго обрѣтается нѣкоторое сходство его съ ученымъ, народу невѣдомымъ языкомъ въ Индiи,*

---

23) «Руководство къ предварительнымъ упражненiямъ въ россiйской грамматикѣ для школъ военныхъ поселенiй. Спб. 1822».

24. W. H. M., «A manual of an english and russian grammar by... St.-Petersburg. 1822». 8° (151 стр.).

25) В. К., «Краткая россiйская грамматика, изданная... Москва, 1823, 1828, 1834».

26) Константинъ Меморскiй, «Полная россiйская грамматика, съ присовокупленiемъ краткой исторiи славяно-русскаго языка, составленная въ пользу юношества...» Москва, 1823.

27) P. O., «Wypisy rossyyskie, wydanie trzecie, poprawne, pomnożane prawidłami grammatycznemi, pisownią i loczasem, prozodyą wierszów rossyyskich i wiadomoscią o rangach i tytułach urzędników Państwa, oraz miarach, wagach; monecie w Rossyi używanych. Na końcu słownik rossyysko-polski wyrazów w tey xiążce znayduiacych się przez... Wilno. 1823. 8°, 208 стр.

28) Михайла Меморскiй, «Краткая рос. грамматика, въ вопросахъ и отвѣтахъ, составленная...». Москва, 1825, 1829 (bis), 1849, 1857.

29) Иванъ Пенинскiй, «Славянская грамматика, заимствованная преимущественно изъ грамматики Г. Добровскаго старшимъ учителемъ С.-Петерб. гимназiи И... П..., составленная по порученiю начальства. Спб. 1825, 1826, 1827, 1831, 1837, 1842, 1847, 1850, 1852, 1856.

30) Philem. Swaetnoy, «Kurzgefasste Flexions-Lehre der russischen Sprache. Riga», 1825. 8°, 70 стр., 2 изд. съ др. загл. 1830.

31) Carl. Schlyter, «Опытъ россiйско-теоретическо-практической грамматики съ примѣрами для перевода съ нѣмецкаго на русскiй языкъ, по правиламъ, помѣщеннымъ въ началѣ каждаго параграфа. Versuch einer theoretisch-praktischen russischen Sprachlehre etc. von C. S.». Спб. 1825.

[1]) Первоначально книга Тимковскаго, повидимому, носила другое заглавiе. По крайней мѣрѣ въ перечнѣ книгъ, одобренныхъ въ Харьковѣ къ напечатанiю въ 1810 г., который мы находимъ въ „Опытѣ Исторiи Харьк. университета“ проф. Багалѣя, значится трудъ проф. Тимковскаго: „О граммат. разборѣ словъ россiйскаго языка“ (см. Учен. Записки Харьк. Унив.“, 1895, кн. 2. Лѣтопись, стр. 36).

[2]) Подобныхъ очерковъ, повидимому, съ легкой руки Фатера („Praktische Grammatik der Russischen Sprache“, Лейпцигъ 1808), около этого времени явилось еще два: въ грамматикахъ Таппе (см. выше, стр. 733 и сл.) и Орнатовскаго (см. выше, стр. 727 и слѣд.).

Самскретъ или Самскрытъ, которымъ одни Брамины говорятъ и пишутъ (курсивъ нашъ). Большее сходство (?) явствуетъ съ Кельтскимъ, а потому и съ языками ближайшихъ народовъ Кельтскаго поколѣнія. Судя же по произведенію Славянъ, какъ и однородныхъ имъ Венетовъ или Вендовъ, отъ Сарматовъ, или Савромидовъ, корнемъ языка ихъ Мидскій принимаемъ. б) Когда Славяне при Дунаѣ и на Сѣверѣ сложились въ отдѣльные и сильные народы: въ то время и языкъ ихъ большую получилъ полноту и силу. Разсѣяніе Славянъ преселеніемъ въ дальныя страны языкъ ихъ на многія отрасли и нарѣчія раздѣлило“ (стр. 43—44).

Затѣмъ слѣдуетъ обзоръ вліянія на славянъ разныхъ другихъ народовъ, смѣшеніе и сосѣдство съ которыми внесло въ славянскій языкъ многія иностранныя слова. „Замѣтнѣйшія изъ сихъ отношеній: а) Гоѳовъ, которые отъ моря Балтійскаго сходя по Вислѣ и Днѣпру къ Черному морю и за Дунаемъ со Славянами въ связи были“ (а также и воевали); б) Чуди („Ливоны, Эстоны, Финны и другіе Чудскіе народы“); в) „Руссовъ. Роксолане или Россалане“, иногда разумѣвшіеся подъ именемъ Гоѳовъ, „собственно же Россянами, Ругіями и Руссами именованы. Древніе Поруссы или Пруссы одноплеменными имъ почитаются; Литва, Жмудь и Подляхія Русью назывались“. Тѣмъ не менѣе, касаясь вопроса о языкѣ Руссовъ, германскаго онъ происхожденія, или славянскаго (какъ и литовскіе языки), Тимковскій замѣчаетъ, что по его мнѣнію, „оставшіеся признаки едва сходство въ нихъ показываютъ“, и высказываетъ мнѣніе, что сосѣдство литовцевъ съ чудью и нѣмцами могло вызвать „великое удаленіе отъ первообразнаго сходства“. Далѣе отмѣчается вліяніе: г) Татаръ (отъ которыхъ заимствованы „нѣкоторые обычаи и многія слова“); д) Европейскихъ народовъ. Хотя сношенія съ Европой начались со временъ Вел. Кн. Ивана Вас., „но дѣйствія сего сообщенія въ языкѣ, а особливо въ словахъ техническихъ, принадлежатъ XVIII вѣку“ (стр. 44—46).

Покончивъ съ внѣшними обстоятельствами исторіи „Славенороссійскаго“ языка, авторъ переходитъ къ внутреннимъ событіямъ этой исторіи, выразившимся во „внутреннихъ образованіяхъ“: а) господствующія области русской земли дали начало главнымъ нарѣчіямъ (Новгородскому, Кіевскому и Московскому). Сліяніемъ этихъ нарѣчій „составился очищенный писменный нашъ языкъ, который общимъ употребленіемъ при возрастѣ и перемѣнахъ гражданскаго состоянія образовался въ своихъ видахъ“; б) языкъ этотъ „сверхъ того имѣлъ издревле образцемъ своимъ переводы книгъ Св. Писанія и другихъ церковныхъ, переведенныхъ въ

Моравіи, Кіевѣ, при вел. князѣ Ярославѣ, и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Чтеніе ихъ и „писмоводство“ было въ рукахъ почти одного духовенства, передававшаго изъ вѣка въ вѣкъ первообразную чистоту языка. Изъ этихъ книгъ познается „избранная часть языка Славенскаго“. Другая же его часть, остававшаяся въ просторѣчіи, не вошла въ эти книги и потому остается неизвѣстной, „кромѣ нѣкоторыхъ словъ, позднѣе явившихся“ (?). Далѣе идетъ рѣчь о попеченіяхъ вел. князей Ярослава и Владиміра Мономаха относительно развитія просвѣщенія, результатомъ которыхъ явилось у многихъ знакомство съ греч. и лат. языками. „Любословіе“ особенно развилось, благодаря основанію ученыхъ заведеній въ XVIII в. и академіямъ въ Кіевѣ и Москвѣ. Но, вмѣстѣ съ распространеніемъ просвѣщенія, въ языкъ и грамматику вошли „безполезныя или уродливыя рѣченія, иностранными языками нанесенныя, изъ коихъ многія прилѣжнѣйшимъ раченіемъ истреблены“ (стр. 46—47).

Въ „Словесности Славено-Россійской“, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ исторіи языка „Славено-Россійскаго“, Тимковскій различаетъ слѣдующіе пять періодовъ: а) I: начальные переводы книгъ Церковныхъ; б) II: Русская Правда, Повѣсть временныхъ лѣтъ, Слово о П. Игоревѣ, Поученіе Влад. Мономаха; в) III. Продолжатели Несторовой лѣтописи (Симонъ Суздальскій, Іоаннъ Новгородскій и другіе хронисты XIII—XVI вв.). Договорныя и другія грамоты князей съ XIII в., изданныя въ древней Росс. Вивліоѳикѣ. Судебникъ Іоанна Грознаго. Уложеніе царя Алексѣя Мих. „Приказныя и другія сочиненія тѣхъ временъ“; г) IV: вторая половина XVII и начало XVIII в.: 1) Уставы, указы и слогъ судебныхъ дѣлъ; 2) богословскія, философскія, риторскія и піитическія сочиненія духовныхъ, особенно Симеона Полоцкаго и Ѳеофана Прокоповича; 3) сатиры и другія сочиненія кн. Кантемира; 4) другія научныя сочиненія и переводы. Избранныя историческія и другія народныя пѣсни того времени; д) V: Тредьяковскій, Ломоносовъ и Сумароковъ—„основатели нынѣшняго чистаго слога, Филологіей и Критикою обработаннаго“ (стр. 47—49).

Въ 6-мъ отдѣлѣ VIII главы идетъ рѣчь о различіяхъ русскаго языка отъ славянскаго. Авторъ видитъ ихъ: а) „въ выговорѣ буквъ, а паче гласныхъ и въ удареніи словъ; б) въ прибавкѣ или выпущеніи нѣкоторыхъ буквъ и слоговъ и въ Грамматическихъ перемѣнахъ словъ, въ чемъ также двойств. число и многія вспоможенія глагола существительнаго въ настоящемъ, прош. и будущ. времени оставлены: градъ, городъ; древа, древеса, дерева, деревья; нощію, ночью; князи, князья; врази, враги; чту, читаю;

предѣлъ, предѣловъ; предѣлы, предѣлами; на чадѣхъ, на чадахъ; мя, меня; ся, себя; идоста, идоша, шли; ходихомъ, мы ходили; явитимися, явиться мнѣ; краснѣе, краше; позднѣе, позже; в) въ произведенiи, сложенiи и значенiи словъ. Многiя слова оставлены, произведены новыя, введены новыя окончанiя, измѣнилось значенiе; г) въ „Словосопряженiи и управленiи" (*солнце сiяетъ свѣтъ свой*, *радоватися о Господѣ*; идущимъ 'имъ, очистишася; оже ся буду гдѣ описалъ); д) въ слогѣ (возвышенная рѣчь или такъ называемый высокiй слогъ придерживается славянскаго языка). Такимъ образомъ, признавая разницу между слав. и русскимъ языками, авторъ въ сущности самъ же подрывалъ всякiй смыслъ устанавливаемаго имъ Славено-Россiйскаго языка, фикцiи, навязанной ему, очевидно, общими условiями времени, которымъ онъ здѣсь платитъ дань.

Въ заключенiе главы Тимковскiй производитъ „сличенiе Славено-Россiйскаго языка съ другими въ словахъ", приводя прежде всего (стр. 51): а) Славено-Россiйскiя слова, схожiя звукомъ и значенiемъ съ иностранными „по звукоподражанiю и по древнѣйшему сходству": Примѣчанiе къ этому мѣсту содержитъ сопоставленiе 36 русскихъ и слав. словъ съ греческими, латинскими, нѣмецкими и „кельтскими".

Въ видѣ образчика приводимъ нѣсколько такихъ сопоставленiй:

слав.	греч.	лат.	нѣм.	кельт.
два	δύο, δύω	duo	zwey	doo
десять	δέκα	decem	—	dek
я	ἐγώ	ego	ich	—
свой	—	suus	sein	—
братъ	φράτηρ	frater	Bruder	bra
солнце	ἥλιος	sol	Sonne	saul
стою	—	sto	stehe	stu

Для характеристики представленiй автора о родствѣ индоевр. языковъ и его знанiй, любопытны пропуски нѣмецкой параллели для числительнаго *десять* и греческихъ для *свой* и *стою*, не говоря уже о недочетахъ по части „кельтскаго". Далѣе приводятся: b) Древнiя Россiйскiя слова, вышедшiя изъ употребленiя или получившiя иное значенiе: Игорь, Ярополкъ, Ярославъ, Всеволодъ, Горислава, Свѣтовидъ, Свѣтославъ; бояринъ, окольничiй, волостель, дворянинъ, печатникъ, стряпчiй, цѣловальникъ; головникъ, куна, рѣзань, продажа, комонь, рокотать; с) Татарскiя слова: алтынъ, аршинъ, баранъ, барышъ, лошадь, кушакъ, хозяинъ (финнское!),

шалашъ; d) слова обыкновенныя греческія и латинскія: исторія, экономъ, градусъ, грамота, матерія, махина, минута, музыка, тетрадь, монета, титло и т. д.; е) „слова, взятыя изъ нынѣшнихъ Европ. языковъ, какъ собственныя ихъ, такъ и заимствованныя изъ древнихъ“: интересъ, оригиналъ, бассейнъ, галлерея, залъ, каналъ, капиталъ, компанія, коштъ, квартира, литтература и т. д.; f) „слова Еврейскія и Греческія, принятыя церковью“: апокалипсисъ, апостолъ, Епископъ, Іоаннъ, Варѳоломей, Викторъ (латинское!), канонъ, литургія, Пасха, Петръ, Псалтырь, Сумволъ; g) „слова иностранныя, употребленіе которыхъ опредѣлено правительствомъ“ (!): адмиралъ, академія, ассигнація, экспедиція, имперія, офицеръ, генералъ, гербъ, гофмаршалъ, губернія, квитанція, лейтенантъ, манифестъ, почта, солдатъ, статутъ, флотъ, штатъ и т. д.

Въ качествѣ иллюстрацій, авторъ приводитъ постоянно примѣры изъ Русской Правды, Лѣтописи Нестора, Слова о П. Игоревѣ, Поученія Владимира Мономаха. Какъ образчики древняго языка, перепечатаны также грамоты: 1) Новгородцевъ къ вел. кн. Ярославу Ярославичу Тферскому 1263 г.; 2) Договорная грамота вел. князя Василья Дмитріевича съ велик. княземъ Рѣзанскимъ Ѳедоромъ Ольговичемъ 1402 г. и 3) Договорная грамота велик. князя Василія Васильевича съ Можайскимъ княземъ Иваномъ Андреевичемъ 1448 г. Примѣрами юридическаго языка служатъ отрывки изъ Судебника Іоанна Грознаго и дополненій къ нему. Приводятся также образцы позднѣйшаго литературнаго языка изъ авторовъ XVIII в. (см. выше, стр. 561).

Приведенному конспективному очерку нельзя отказать въ извѣстной широтѣ замысла, рѣдкой въ тѣ времена. Авторъ затронулъ въ немъ разныя стороны языка: фонетику, морфологію, синтаксисъ, лексику, даже семасіологію (говоря о словахъ, получившихъ иное значеніе) и обнаруживаетъ безспорно больше историческаго чутья, чѣмъ его современники (напр., Фатеръ, Орнатовскій и Таппе, у которыхъ находимъ также очерки исторіи русскаго языка, имѣющіе, однако, гораздо болѣе внѣшній и формальный характеръ, см. выше, стр. 728). Обиліе примѣровъ изъ древнихъ памятниковъ дѣлало руководство Тимковскаго своего рода исторической хрестоматіей, которая, вѣроятно, давала матеріалъ для подробнаго анализа текстовъ на лекціяхъ автора въ Харьковскомъ университетѣ. Во всякомъ случаѣ ни у одного изъ предшественниковъ, или современниковъ Тимковскаго, не замѣчалось такой опредѣленной наклонности къ историческому пониманію и представленію грамматики русскаго языка, позволяющей

считать его въ извѣстномъ смыслѣ предшественникомъ нашихъ историковъ языка: Срезневскаго, Буслаева, Колосова, Соболевскаго, Шахматова и др. Появленіе его очерка, вслѣдъ за подобными же попытками Фатера, Орнатовскаго и Таппе (см. выше, стр. 1005, пр. 2), относящимися къ 1808—1810 гг., свидѣтельствуетъ о ростѣ историческаго пониманія языка, сравнительно съ XVIII в., въ которомъ ничего подобнаго не наблюдается.

Однимъ изъ очередныхъ вопросовъ того времени являлась систематизація формъ русскаго глагола, которой занимались уже раньше на западѣ Фатеръ (см. выше, стр. 733—36), а у насъ А. В. Болдыревъ (см. выше, стр. 734), не выступавшій, однако, еще въ печати со своими взглядами, Ив. М. Борнъ, учитель Главнаго нѣмецкаго училища Св. Петра въ Петербургѣ, авторъ „Краткаго руководства къ Росс. словесности“ (Спб. 1808, см. выше, стр. 718), и учитель Выборгской гимназіи Таппе (см. выше, 733, 736 и сл.). Этому же вопросу посвящена небольшая брошюра Н. И. Греча: „Опытъ о русскихъ спряженіяхъ съ таблицею. Съ дозволенія С.П.Б. Цензурнаго Комитета. Спб., въ типографіи Ф. Дрекслера, 1811 года“ (мал. 8°, 36 стр.), представляющая главнымъ образомъ дальнѣйшее развитіе идей Борна, какъ заявляетъ объ этомъ въ предисловіи самъ авторъ. Брошюра эта представляетъ интересъ и по помѣщенному въ ней отзыву о системѣ Греча, составленному Востоковымъ для Спб. общества любителей словесности, наукъ и художествъ (стр. 24—36). Въ первой главѣ: „Свойства русскихъ глаголовъ“ Гречъ дѣлилъ всѣ глаголы, дѣйствительные и средніе, на четыре разряда: 1) простые или неопредѣленные, 2) однократные или полные, 3) учащательные, 4) сложные или совершенные (стр. 5). *Простыми* онъ называлъ глаголы, не составленные съ предлогами и не имѣющіе „однократнаго окончанія на *нуть*“ (стр. 6), *полными* тѣ, которые имѣютъ и однократныя формы (стр. 8), *учащательными* — означающіе „какое нибудь движеніе съ мѣста“ и отсутствующіе въ другихъ языкахъ (?) (съ двумя видами: *учащательнымъ*, напр. *хожу*, и *ограниченнымъ*, напр. *иду*, стр. 11—12), а *сложными* или *совершенными* — состоящіе изъ простого глагола и предлога, нерѣдко измѣняющаго смыслъ кореннаго глагола. Дѣленіе это, вмѣстѣ съ терминологіей. цѣликомъ взято у Таппе (см. выше, стр. 737), котораго Гречъ, однако, совсѣмъ не упоминаетъ. Заимствовавъ его, Гречъ не съумѣлъ, однако, воспользоваться имъ какъ слѣдуетъ. А именно, онъ совершенно упускалъ изъ виду, что разные „виды“ русскаго глагола представляютъ собой различныя по морфологическому строенію основы, и соединялъ ихъ въ одно спряженіе, вслѣдствіе

чего, напр., простые глаголы у него имѣютъ два „неокончательныхъ“ наклоненія (неопредѣленное и многократное), четыре времени (настоящее, прошедшее и будущее неопредѣленныя и прошедшее многократное), по три причастія и дѣепричастія (настоящее и прошедшія неопредѣленное и многократное, стр. 6—7); у глаголовъ полныхъ получалось еще больше формъ: 3 *неокончательныхъ* наклоненія (неопредѣленное, многократное, однократное), 6 временъ (настоящее, три прошедшихъ: неопредѣленное, многократное и однократное, два будущихъ: неопредѣленное и однократное), два повелит. наклоненія и по четыре причастій и дѣепричастій все въ томъ же духѣ (стр. 9—10). Такимъ же образомъ, напр., два совершенно разныхъ этимологическихъ глагола, какъ *иду* и *хожу*, признаются у Греча двумя формами *учащательной* и *ограниченной* одного глагола (стр. 12) и т. д. Въ этомъ же родѣ представлено дѣленіе и двухъ прочихъ классовъ глагола. Вторая глава „Опыта“ содержитъ рядъ правилъ въ обычномъ рутинномъ школьномъ вкусѣ, опредѣляющихъ „образованіе наклоненій и временъ“. Читатель поучается отсюда, что „корень каждаго глагола есть *неокончательное* неопредѣленное его наклоненіе“ (§ 15, стр. 17), что „повелит. наклоненіе производится отъ 2 л. ед. ч. врем. наст., перемѣною слога *ешь* или *ишь* на *и;* когда же удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, то вмѣсто *и* полагается *ь*“ (§ 17), что „наст. время причастія производится отъ 3 л. множ. ч. наст. времени“ и т. д. Такимъ образомъ брошюра Греча не представляла ничего самостоятельнаго и являлась смѣсью взятыхъ сырьемъ чужихъ идей съ обычной школьной рутиной.

Отзывъ Востокова тѣмъ не менѣе имѣлъ вполнѣ одобрительный характеръ. Новое раздѣленіе глаголовъ Греча, по словамъ отзыва [1]), „сколько облегчительно для учащихся, столько и вообще для Грамматики Русской пояснительно“ и „открываетъ съ большею противъ прежнихъ Грамматикъ точностью достопримѣчательное и въ Русскомъ только языкѣ обрѣтающееся различіе глаголовъ“ (стр. 24). Востоковъ признаетъ первичными только два класса *неопредѣленныхъ* и *полныхъ* глаголовъ, отъ которыхъ происходятъ уже *учащательные* и *сложные*. Свое мнѣніе онъ пытается оправдать философскими соображеніями, характерными для того времени съ его господствомъ „всеобщей грамматики“. По словамъ Востокова, „первый разрядъ служитъ вообще для наименованія дѣйствій или состоянія вещей въ природѣ, физическихъ и нрав-

[1]) О принадлежности этого дѣленія Таппе Востоковъ, очевидно, и не подозрѣвалъ, хотя книга Таппе вышла въ Петербургѣ.

ственныхъ“; второй же означаетъ только физическія дѣйствія и притомъ такія, „въ коихъ нужно усиліе человѣческое, либо усиліе другаго какого живаго или неодушевленнаго въ природѣ тѣла: словомъ сказать, дѣйствія, которые непосредственно поражаютъ наши пять чувствъ“. Отсюда понятно, почему „глаголы послѣдняго разряда суть полные и изобилующіе всѣми наклоненіями и временами, а перваго разряда глаголы вообще недостаточны: человѣку нужны были большія отмѣны словъ къ выраженію дѣйствія, самимъ имъ производимаго или до него собственно касающагося, коего онъ чувствуетъ всѣ оттѣнки. До постороннихъ же дѣйствій ему менѣе нужды, и потому означаетъ онъ ихъ словами не столь опредѣленными. Въ послѣдствіи однакожъ, по мѣрѣ образованія языка, съ умноженіемъ нуждъ своихъ и расширеніемъ круга понятій — вознаграждаетъ онъ сей недостатокъ неопредѣленныхъ глаголовъ приложеніемъ къ нимъ вспомогательныхъ частицъ или предлоговъ, сперва только въ такъ называемыхъ *совершенныхъ* (будущихъ и прошедшихъ) временахъ, кои суть равносильны временамъ однократнымъ полныхъ глаголовъ; потомъ уже и въ настоящемъ времени, отъ чего и раждаются глаголы *сложные-совершенные*. Сими-то глаголами достигаетъ языкъ наибольшаго своего развитія. Они введены для означенія безчисленныхъ житейскихъ отношеній физическихъ и моральныхъ, способны особливо къ выраженію отвлеченныхъ умственныхъ понятій (?), и вообще служатъ обильнѣйшимъ источникомъ словообогащенія; а все сіе съ помощію того либо другаго предлога, который даетъ имъ опредѣлительное значеніе, и который нерѣдко совсѣмъ перемѣняетъ смыслъ кореннаго глагола“ и т. д. (стр. 24—27). Востоковъ находилъ также, что до Греча „никто еще у насъ не обозначилъ съ такою точностію принадлежности учащательныхъ глаголовъ“, съ которыми „не надобно смѣшивать многократнаго окончанія $\frac{ы}{и}$ *вать*“, имѣющагося у всѣхъ четырехъ глагольныхъ классовъ и означающаго продолженіе или учащеніе дѣйствія (*важивать, ѣзжать, плывать*), тогда какъ „учащательные“ глаголы Греча показываютъ „только обыкновеніе или способъ къ дѣйствію: *водить, ѣздить, плавать*“ (стр. 30). Прежніе же грамматики оба оттѣнка называли „учащательнымъ или многократнымъ“, хотя „очевидно, что оба сіи названія приличествуютъ“ только глаголамъ на *-ивать, -ывать*. Таблицу спряженій Греча Востоковъ также одобрилъ, находя, что „расположеніе ея не сбивчиво. Оно благопріятствуетъ столько же частному, сколько главному обозрѣнію всей системы глаголовъ и не оставляетъ учащемуся никакихъ

почти вопросовъ нерѣшеными", дѣлая въ то же время „ненужными прежніе, болѣе или менѣе запутанные, раздѣленія спряженій" (стр. 30—32).

Рядъ отдѣльныхъ грамматическихъ этюдовъ находимъ въ „Трудахъ" Моск. Общ. Люб. Росс. Слов., отразившихъ подъемъ грамматическихъ интересовъ въ нашемъ образованномъ обществѣ первыхъ десятилѣтій XIX в. Во главѣ его стоитъ „Разсужденіе о глаголахъ" А. В. Болдырева [1]), посвященное тому же очередному грамматическому вопросу, какъ и только что разсмотрѣнная брошюра Греча. По словамъ автора, русская грамматика „весьма далека еще отъ того совершенства, котораго достигли Грамматики языковъ новѣйшихъ. Въ ней очень много еще темнаго, непонятнаго; много неправильностей, ошибокъ. Она требуетъ еще строгихъ изысканій критики, тонкихъ наблюденій ума философскаго, и... наше Общество (Люб. Росс. Сл.) сдѣлаетъ очень важную услугу отечественной Словесности, если приметъ на себя трудъ разсмотрѣть Грамматику со всею строгостью, и замѣтивъ ея недостатки, постарается исправить ихъ". Въ своихъ наблюденіяхъ надъ формами русскаго глагола Болдыревъ ставитъ себя „на мѣсто иностранца", знакомаго со многими языками и правилами всеобщей грамматики, который желалъ бы изучить русскій языкъ, и исходитъ изъ слѣдующихъ положеній: 1) „во всѣхъ языкахъ всякой правильной глаголъ имѣетъ столько временъ, сколько Грамматика назначаетъ вообще для глагола"; у насъ же очень мало глаголовъ, „которые имѣли бы всѣ 8 временъ, назначенныхъ Академическою Грамматикою", и, напротивъ, множество „недостаточныхъ"; 2) наша грамматика не говоритъ ни слова о недостаточныхъ глаголахъ, о которыхъ говорятъ грамматики всѣхъ языковъ; 3) ни въ одномъ языкѣ глаголъ не имѣетъ четырехъ неопредѣленныхъ наклоненій, которыя не показывали бы различнаго времени, и столькихъ же повелительныхъ, дѣепричастій и причастій, какъ это признаетъ русская грамматика; 4) въ другихъ языкахъ въ спряженіе не входятъ сложные глаголы, какъ дѣлается въ нашей грамматикѣ и т. д. (стр. 66—69).

Принимая въ соображеніе эти основанія, Болдыревъ дѣлитъ глаголы „по наружному ихъ виду", т. е. по формѣ, на *первоначальные* и *производные*, а „въ отношеніи состоянія или дѣйствія, ими изображаемаго", на пять классовъ: *начинательные*, показывающіе начало дѣйствія (*сѣдѣть, бѣлѣть, грубѣть*), *неопредѣленные*, вы-

[1]) Труды Общ. Любит. Росс. Слов. при Имп. Моск. унив., ч. II, 1812 г., стр. 65—84.

ражающіе нѣкоторое продолженіе состоянія или дѣйствія *(дѣлать, любить, терпѣть, бѣгать)*, *учащательные* (указывающіе повтореніе дѣйствія нѣсколько разъ и въ разное время: *дѣлывать, двигивать, калывать, хаживать)*, *однократные* (дѣйствіе, случившееся одинъ разъ: *дернуть, свиснуть, толкнуть, хлопнуть)*; *совершенные* (дѣйствіе, которое должно быть произведено вдругъ: *срубить, придѣлать, разбить, вырвать, запереть)*. Всѣ эти глаголы могутъ быть простыми или сложными (стр. 70—71). Далѣе Болдыревъ анализируетъ принятое въ то время дѣленіе глагола на спряженія и указываетъ его слабыя стороны, обращая впервые вниманіе на совершенно неправильное смѣшеніе въ одномъ спряженіи совсѣмъ разныхъ морфологическихъ образованій, въ родѣ *дуть, дунуть, сдуть, дувать* (стр. 72—77). Показавъ ошибочность этого пріема, Болдыревъ ставитъ вопросъ (стр. 77), „отчего же Ломоносовъ не примѣтилъ сихъ ошибокъ, и отчего другіе послѣдовавшіе за нимъ Грамматики не исправили ихъ?“ Отвѣтъ простъ: всѣ они руководились примѣромъ иностранныхъ грамматикъ для европейскихъ языковъ и усиливались втиснуть формы русскаго глагола въ заимствованныя, чуждыя ему рамки. Этой ошибки старалось избѣжать разсужденіе Болдырева, которое можно считать несомнѣннымъ шагомъ впередъ въ систематизаціи формъ русскаго, а затѣмъ и вообще славянскаго глагола.

Оно окончательно порывало съ прежнимъ насильственнымъ отношеніемъ къ предмету и пыталось основываться на признакахъ, свойственныхъ этому послѣднему, а не на мертвыхъ схемахъ чужой грамматической теоріи. Отъ системы Таппе, которую Болдыревъ вѣроятно зналъ, его дѣленіе отличалось лишнимъ пятымъ (по его порядку первымъ) классомъ глаголовъ „начинательныхъ“, а также нѣсколько инымъ порядкомъ, въ которомъ перечисляются глагольные классы. Такимъ образомъ существенно новаго послѣ Таппе Болдыревъ давалъ немного, хотя, конечно, его очень ясное и обстоятельно аргументированное разсужденіе должно было имѣть въ нашей научной литературѣ гораздо больше вліянія, чѣмъ грамматика нѣмецкаго ученаго, писанная по-нѣмецки. Выше мы видѣли, что даже Востоковъ, очевидно, не зналъ книги Таппе. Разсужденіе же Болдырева по языку было доступно самому широкому кругу читателей и, конечно, много способствовало воцаренію новаго взгляда на систему русскаго глагола.

Значеніе его было отмѣчено и современной ему печатью. „Вѣстникъ Европы“, въ которомъ былъ данъ отчетъ о чтеніи Болдыревымъ своего разсужденія въ Обществѣ Люб. Росс. Слов. [1]),

[1]) Часть 62, 1812 г., № 5, мартъ, стр. 59—61.

замѣчалъ, что идеи его „дадутъ поводъ къ важнымъ перемѣнамъ въ системѣ спряженій Русскихъ глаголовъ".

За разсмотрѣннымъ этюдомъ Болдырева явилось его новое, родственное по содержанію „Разсужденіе о средствахъ исправить ошибки въ глаголѣ" [1]). Подобно болѣе раннему изслѣдованію Болдырева, и это имѣетъ вполнѣ опредѣленный эмпирическій характеръ. Въ первомъ разсужденіи авторъ болѣе занимался указаніемъ недостатковъ дотолѣ принятаго дѣленія на классы, а здѣсь предлагаетъ „средства исправить" ихъ. По его мнѣнію, для ихъ устраненія необходимо „правильно отдѣлить одинъ глаголъ отъ другаго, сыскать подлинное число временъ, и составить изъ нихъ спряженіе, которое было бы всеобщимъ" (стр. 32). Такъ и поступаетъ дальше Болдыревъ, устанавливая четыре отдѣльныхъ спряженія для четырехъ отдѣльныхъ видовъ глагола *дуть* (неопредѣл.), *дунуть* (однократн.), *сдуть* (соверш.) и *дувать* (учащат.) и указывая тожество спряженія между *дуть* и *дувать* съ одной стороны и *дунуть* и *сдуть*—съ другой. Положивъ въ основу своего дѣленія морфологическій принципъ, тогда какъ прежнее дѣленіе смѣшивало признаки формальные съ семасіологическими, Болдыревъ подвергаетъ обстоятельному морфологическому анализу формы изъявительнаго наклоненія, имѣющія одинаковыя окончанія, но у нѣкоторыхъ глаголовъ обладающія значеніемъ настоящаго времени, а у другихъ—будущаго. Анализъ этотъ показываетъ, что „сія форма, хотя и выражаетъ два различныя времена, но всегда остается одною и тою же по наружному своему виду" (стр. 37). На вопросъ, „какою же формою *преимущественно* должно почитать ее?", Болдыревъ убѣдительно отвѣчаетъ „*формою настоящаго времени*", ссылаясь при этомъ, что въ прочихъ языкахъ прибавленіе префиксовъ къ глаголу не измѣняетъ времени, и формы, въ родѣ греческаго συλλέγω || λέγω; лат. advoco, convoco, confido || voco, fido; франц. je refais || je fais; нѣм. ich entgehe || ich gehe; англ. i remove || i move остаются все же формами настоящаго времени. Значеніе будущаго времени, присущее нѣкоторымъ формамъ наст. времени, Болдыревъ пытается объяснить такъ: „Какъ глаголы имѣли только двѣ простыя формы, изъ которыхъ одна опредѣлена была выражать всегда прошедшее время, а другая настоящее, и какъ не было особенной формы для будущаго, то мы принуждены были очень натурально употреблять форму настоящаго времени для изображенія будущаго дѣйствія. И въ самомъ дѣлѣ предѣлы, отдѣляющіе настоящее отъ

[1]) Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Слов., ч. III, 1812 г., стр. 30—50.

будущаго, такъ смѣжны между собою; переходъ отъ настоящей минуты къ будущей такъ близокъ, что мы не усомнились употреблять форму, долженствующую изображать дѣйствіе, происходящее передъ нашими глазами, для выраженія такого дѣйствія, которое должно случиться вскорѣ и притомъ неотмѣнно. По сему-то мы говорили и говоримъ теперь: «завтра *иду* я въ поле и *гуляю* до самаго обѣда. Знаешь ли, что я *ѣду* въ деревню?». Слова: *иду, гуляю, ѣду,* показываютъ здѣсь будущее дѣйствіе" (стр. 38—39). Далѣе указываются примѣры глагольныхъ формъ, имѣющихъ разное значеніе въ зависимости отъ контекста: *провожу, проношу, прохожу, велю, женю, похожу* и т. д.; *онъ велитъ мнѣ молчать*; *вы жените своего сына; ты проводишь его въ этомъ дѣлѣ*, и приводятся примѣры, въ которыхъ онѣ имѣютъ значеніе настоящаго и будущаго временъ (стр. 39—41). Установивъ „всеобщій образецъ спряженія", только съ двумя формами времени (настоящимъ и прошедшимъ, безъ будущаго), Болдыревъ отклоняетъ возраженія тѣхъ своихъ соотечественниковъ, которые могли бы увидать въ его предложеніи покушеніе уменьшить богатство русскаго языка. По его словамъ „мы весьма бы ошиблись, еслибъ захотѣли судить о богатствѣ или бѣдности языка по количеству временъ глагола. Извѣстно, что Арабской языкъ имѣетъ также двѣ формы времени для глаголовъ:—но какой языкъ можетъ равняться съ нимъ въ богатствѣ? Если принятыя нами правила уменьшаютъ число формъ, то они въ то же время умножаютъ количество самыхъ глаголовъ; ибо они возвращаютъ намъ глаголы учащательные, однократные и множество сложныхъ, которые прежде были, такъ сказать, отняты у насъ Грамматикою. Такимъ образомъ то, что языкъ теряетъ въ формахъ, вознаграждается глаголами" (стр. 48—49). Вообще тонкій и вдумчивый семасіологическій анализъ Болдырева, строгое и послѣдовательное разграниченіе морфологіи отъ семасіологіи, формы отъ значенія, являются совсѣмъ новыми въ нашей научной литературѣ и дѣлаютъ его оба разсужденія небезъинтересными и для современнаго читателя-лингвиста, хотя идеи ихъ автора давно уже вошли въ общее употребленіе.

Слѣдующая грамматическая статья въ „Трудахъ Моск. Общ. Люб. Русс. Слов." была уже посвящена не морфологіи, а фонетикѣ. Это были „Замѣчанія о русскомъ удареніи" самаго предсѣдателя общества, А. Прокоповича-Антонскаго [1]), интересныя, какъ первый у насъ отдѣльный этюдъ, посвященный русской

[1]) Тамъ же, часть IV, 1812 г., стр. 71—77.

акцентологіи, и обращавшій вниманіе на діалектологическія ея особенности. По объему (6 страницъ всего) и по содержанію, статья эта, впрочемъ, имѣла очень скромный характеръ, отнюдь не претендуя на рѣшеніе какихъ-нибудь основныхъ вопросовъ акцентологіи и ограничиваясь лишь указаніемъ на важность ея изученія. Въ началѣ ея находимъ нѣсколько замѣчаній о неопредѣленности ударенія въ русскомъ языкѣ. Авторъ обращаетъ вниманіе на разногласіе акцентуаціи: *вы́года* || *выго́да*, *до́бы́ча* || *добы́ча*, *сро́дство* || *сродство́*, *ста́рье* || *старье́*, *про́клятъ* || *прокля́тъ*, *про́гналъ* || *прогна́лъ* и т. д. и ставитъ вопросъ, отчего разницы эти зависятъ: отъ того ли, что уклоняемся отъ Славенскаго языка, отъ вольности ли стихотворцевъ, отъ польскаго ли вліянія или отъ смѣшенія русскихъ съ инородцами. Отмѣчается, что „самые жители Россіи, въ разныхъ странахъ ея, имѣютъ разное нарѣчіе и разное удареніе словъ. Суздальцы, Новгородцы, Архангелогородцы и жители Пермской и Тобольской губерній совершенно отличаются отъ Москвитянъ въ выговорѣ и удареніи словъ; даже въ самомъ центрѣ Россіи произносятъ многія слова съ разнымъ удареніемъ“. За этими вводными замѣчаніями слѣдуетъ списокъ „однозначущихъ словъ съ разнымъ удареніемъ по выговору церковному и гражданскому“, въ родѣ: церк. *ви́сящь*, гражд. *вися́щь*, *возду́хъ*—*во́здухъ*, *высо́ко*—*высоко́*, *гла́внѣйшій*—*главнѣ́йшій*, *гласо́въ*—*гла́совъ*, *да́ры*—*дары́*, *добро́та*—*доброта́* и т. д. Авторъ полагалъ, что „если къ такому Словарю прибавить Грамматическія замѣчанія, въ какихъ словахъ правильно, и въ какихъ неправильно мы отступаемъ отъ Славенскаго, почему въ измѣненіяхъ именъ и глаголовъ переходитъ удареніе съ одного слога на другой; то это могло бы послужить самымъ легкимъ средствомъ къ тому, чтобъ исправить удареніе нѣкоторыхъ словъ и извлечь правила для нашей Прозодіи“. Въ заключеніе предлагалось Обществу „обратить на сію часть Словесности особенное свое вниманіе“, ибо „безъ правильнаго и однообразнаго ударенія въ словахъ однознаменательныхъ, не можетъ быть ни согласія въ языкѣ, ни гармоніи въ поэзіи“. Въ засѣданіи 28 окт. 1812 г., когда читалась эта записка, поручено было членамъ М. Г. Гаврилову и П. В. Побѣдоносцеву составить замѣчанія, первому относительно отступленія отъ Слав. языка, а второму объ удареніяхъ въ измѣненіи именъ и глаголовъ [1]). Замѣчанія эти, впрочемъ, повидимому, никогда и не были составлены.

Къ 1813 году относится первая у насъ печатная работа „О

---

[1]) Тамъ же, стр. 199.

личныхъ собственныхъ именахъ у Славянoруссовъ", принадлежавшая архіепископу вологодскому Евгенію Болховитинову [1]. Лингвистическимъ содержаніемъ, впрочемъ, она не богата, и большую ея часть составляетъ описаніе разныхъ обычаевъ при нареченіи имени и употребленія тѣхъ или другихъ именъ на разныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы у насъ въ старину. Авторъ устанавливаетъ существеннымъ признакомъ „коренныхъ, несмѣшавшихся еще съ другими народовъ" — „собственныя имена личныя, заимствованныя изъ своего природнаго языка". Подобныя имена имѣются у всѣхъ „первобытныхъ" народовъ, въ томъ числѣ и у славянъ. Какъ образчики такихъ коренныхъ славянскихъ именъ, приводятся (изъ Штриттера „Memoriae populorum", т. II, стр. 5, 126) имена *Пирогостя*, *Межемира*, *Борислава*, *Родислава*, *Властемира*, *Прибыслава*, *Примыслава*, упоминаемыя византійскими и другими писателями. „Чужеязычныя именованія" появились у Славянъ только тогда, когда они стали „мѣшаться съ другими народами". Такъ, „по соединеніи Руссовъ съ Новогородскими Славянами, вошли къ нимъ Варяго-Русскія имена *Рюрика*, *Игоря*, *Олега*, *Осколда* и пр.". Евгеній соглашается съ тѣми, кто считаетъ германскими и имена *Владиміра* (изъ *Валдемаръ*), *Ярополка* и *Ярослава* (отъ скандин. *Ярлъ*, т. е. *старшина, правитель, предводитель, намѣстникъ* + слав. *полкъ* и *слава*), и приводитъ изъ лѣтописей (по Татищеву, Росс. Исторія, ч. I, 581) „примѣры, что Славяне и христіанскія имена слагали со Славянскими, напр. *Петромiръ*, *Павлославъ*, *Андреесвятъ*, *Любомарья* и пр.". Далѣе отмѣчается вліяніе христіанства, вызвавшее замѣну природныхъ именъ чужими, христіанскими, но, у сѣверныхъ народовъ, однако, особой силы не имѣвшее. Скандинавы долго сохраняли свои древнія имена, а наши князья до XV в. часто еще назывались *Рюриками*, *Олегами*, *Владимирами*, *Ярославами*, тогда какъ бояры и знатные люди почти до XVIII в. носили славянскія имена, въ родѣ *Ждана*, *Богдана*, *Истомы*, *Невѣжи*, *Замятни* — (придворные царя Алексѣя Михайловича). Евгеній устанавливаетъ у древнихъ славянъ употребленіе только одного личнаго имени, къ которому „иногда прибавляли отеческое съ окончаніемъ на *ичь*, такъ какъ Греки на idis" [2]. Съ приня-

[1] Вѣстникъ Европы, 1813 г., ч. 70, № 13, іюль, стр. 16—28. Черезъ 13 лѣтъ статья эта почти буквально (съ однимъ стилистическихъ исправленіемъ, но въ тоже время съ новыми опечатками) была перепечатана авторомъ въ «Трудахъ и Запискахъ Общества Ист. и Древн. Росс», ч. III, 1826 г., стр. 65—70.

[2] Такое отеческое имя *Василичь* Евгеній цитируетъ изъ Кедрина подъ

тіемъ христіанства явилось три имени: первое—славянское или варяго-русское, данное при рожденіи родителями, второе—христіанское, полученное при крещеніи, и третье—отеческое: *Владимиръ, Василій Святославовичъ.* Иногда прибавлялось и четвертое имя—народное прозвище: *Владимиръ-Өеодоръ Всеволодовичъ Мономахъ.* Нѣсколько именъ имѣли только князья, бояре, посадники и другіе знатные люди, простолюдины же довольствовались однимъ—христіанскимъ, или прозвищемъ. „Для прочихъ нижнихъ чиновъ и для черни употреблялись изъ собственныхъ ихъ именъ уменьшительныя, или такъ называвшіяся полуименья, наприм. *Петряй, Ивашко, Инюта, Степанко,* и тому подобныя. Многія изъ такихъ именъ столько перепорчены, что иногда трудно отгадать ихъ начало. А отеческія имена придавались имъ окончаніемъ не на *вичь*, а на *въ*". Прочая часть статьи занята обзоромъ разныхъ употребленій именъ, а также обычаевъ при ихъ нареченіи, и мало имѣетъ отношенія къ языку. Отмѣчаются обычаи (въ XIV—XVII вв.) давать два христіанскихъ имени: одно при рожденіи, другое при крещеніи, причемъ послѣднее тщательно скрывалось, а также—мѣнять имена уже въ зрѣломъ возрастѣ, чему приводятся примѣры и т. д. Статья Евгенія долго оставалась у насъ единственной работой, посвященной вопросу о личныхъ именахъ.

Провинціальныя ученыя и литературныя общества, возникшія незадолго передъ этимъ (см. выше, стр. 740—746) тоже интересовались грамматическими вопросами. Такъ есть извѣстіе, что въ „Общество наукъ" при Харьковскомъ университетѣ, учрежденное въ 1812 г., въ 1814 г. поступило на разсмотрѣніе сочиненіе учителя Харьковской гимназіи Любовскаго: „О правилахъ правописанія буквъ *ѣ* и *и*, съ присовокупленіемъ таблицы первообразныхъ словъ, въ которыхъ буква *ѣ* всегда употребляется" [1]. Работа эта, лишенная, конечно, какого бы то ни было научнаго характера, повидимому, не была одобрена, потому что въ „Трудахъ" общества ея не появлялось.

Казанское общество любителей отечественной словесности, кромѣ нѣсколькихъ докладовъ по модной тогда синонимикѣ русскаго языка (о нихъ скажемъ ниже въ своемъ мѣстѣ), заслушало докладъ инспектора и учителя Казанской гимназіи Н. Ибраги-

---

911 г. (по Штриттеру, «Memoria populorum», т. II, 102), недоумѣвая при этомъ, ка́къ подобное окончаніе на *ичъ* «зашло и къ Португальцамъ (!), у коихъ въ Исторіи упоминается *Генриквичъ* (!?) и тому подобн.».

[1]) «Труды» назв. общества, т. I (и единств.), 1817 г., стр. XV.

мова „О многознаменательности и общемъ измѣненіи словъ“, который и былъ напечатанъ въ „Трудахъ“ общества [1]). О семасіологической сторонѣ этого доклада мы скажемъ ниже при обзорѣ трудовъ по синонимикѣ, здѣсь же коснемся только фонетическихъ и морфологическихъ представленій автора доклада, учителя старшихъ классовъ по русскому языку и математикѣ [2]). На измѣненія внѣшней формы слова, происходящія „по продолженію поколѣній, по размноженію племенъ, и по степени образованности“ народа, авторъ смотритъ такъ: „а) реченія измѣняются въ составѣ буквъ: богъ, бигъ (очевидно, малорусск.), бугъ (очевидно, польск.) бусацъ (?); носдри, низдры (малор. ?), носове джеры (? польск. ?), дирки до носу; азъ, язъ, я; кійждо, каждый (очевидно, авторъ полагаетъ, что здѣсь *і* перешло въ *а* !); студъ, стыдъ; усерѣзь, серга; яремъ, ярмо; здо, зидъ. Вообще вводятся новыя буквы (наприм. ё), по крайней мѣрѣ слоги (хоро*шо*, у*жо*), или напротивъ выходятъ изъ употребленія прежнія. б) Реченія замѣняются другими: око, глазъ; котва, якорь; десный, правый; куръ, пѣтухъ, кочетъ. Особливо вводятся новыя реченія для новыхъ понятій, или напротивъ выходятъ изъ употребленія и совершенно забываются прежнія: седмица, кресити, бавлю, изу, стру... г) Реченія измѣняются и въ составѣ, и въ знаменованіи: теперво, топрвіе (?), *(только лишь)*, въ нашемъ языкѣ теперь *(нынѣ, въ настоящее время)*“ (стр. 123—24, примѣч.). Фонетическія измѣненія и чередованія представляются автору въ слѣдующемъ видѣ: „Перемѣна буквъ и складовъ для произведенія и сложенія реченій обыкновенно бываетъ въ концѣ (иногда въ началѣ) первообразныхъ и простыхъ словъ, и состоитъ большею частію въ приращеніи складовъ; слѣдовательно характеръ корня надлежитъ узнавать всегда въ предконечныхъ согласныхъ заимственныхъ (такъ!) отъ него словъ, наприм. коренного слова *мру* согласныя *м-р* находятся во всѣхъ заимствованныхъ отъ него словахъ: *мор*ю, у*мир*аю, *смер*ть, безс*мер*тный, у*мер*твить“ (стр. 126). Въ примѣчаніи къ этому мѣсту авторъ говоритъ о свойственной „Славено-Россійскому“ языку и „другимъ сроднымъ ему нарѣчіямъ“ „перестановкѣ коренныхъ согласныхъ“, которую видитъ въ слѣдующихъ случаяхъ: „*два* (дворый, творый) *вторый*,

---

[1]) „Труды Каз. общества любителей отечественной словесности“. Книга первая. Казань, въ Университ. типографіи, 1815, стр. 120—130 (выпущена въ концѣ 1817 г.).

[2]) См. Списокъ членовъ общества въ началѣ 1817 г. «Труды» общества, ч. I, «Торжество общества», стр. 109 и т. д.

длань ладонь, цѣлю (чѣлю) лѣчу, цѣлебный лѣчебный, печаль плачь, вѣно невѣста, холмъ (holm) *могила, творогъ ватружка, мракъ хмара* (малорос. *туча), постилаю полсть, валяю войлокъ, зябну зноблю* (ср. выше, стр. 655 и прим.), *медвѣдь* малорос. *вѣдмедь, медлю меледа, снадобье снабдѣваю, прощеголять прощелыга, жеребая бережая, трезвый тверезый.* Но здѣсь особенно надлежитъ строго держаться близости смысла, и мало уважать наружное сходство въ составѣ буквъ, которыхъ какъ стихій или частей слова нераздѣльныхъ во всѣхъ языкахъ не много; равно и коренныя согласныя, наприм. упомянутыя *м-р* могутъ находиться въ разныхъ коренныхъ словахъ *міръ, море, мѣра*" (стр. 126—27, прим.).

Ибрагимовъ не прочь и отъ этимологизацій въ обычномъ вкусѣ того времени; *нетопырь* онъ производитъ отъ *нѣтъ* и *перо, пращуръ*—отъ *про* и *чуръ; законъ, искони, князь* (съ ?, впрочемъ)—отъ *конь; струя, стрѣла, стремя* (strom), *быстрый, острый, островъ*—отъ *стру;* богъ, гр. θεός, нѣм. Gott отъ бѣгу, θεῖν, gehen (вслѣдъ за Ломоносовымъ: „Риторика"), *медвѣдь* и *человѣкъ* дѣлитъ: *мед-вѣдъ, чело-вѣкъ* (понимая, вѣроятно, *чело*=лобъ, *вѣкъ*=промежутокъ времени, жизнь) и т. д.

Въ вопросѣ о слогѣ, неологизмахъ и варваризмахъ онъ является представителемъ умѣренныхъ взглядовъ и находитъ, что новизны, въ родѣ *промышленность*—industrie, *уставъ*—systema, *на обумъ* ex promtu (!), „вводятся въ употребленіе общимъ согласіемъ, иначе останутся примѣрами неудачныхъ порывовъ любви къ отечественному языку и смѣшнаго умничанья: *egoïste—соба, horizon—глазоемъ;* по крайней мѣрѣ не должно при семъ рабо-лѣпствовать чуждымъ особенностямъ; *revolution переворотъ, anti-revolution противопереворотъ, civilisation гражданственность, literature письменность, analogia возсловіе!*" (стр. 129).

Въ 1815 году явились также „Правила о употребленіи въ письмѣ буквы *ѣ*, съ присовокупленіемъ полной, азбучнымъ порядкомъ расположенной, росписи всѣмъ словамъ, съ сею буквою пишемымъ въ слогахъ, никакимъ перемѣнамъ неподверженныхъ, также всѣмъ глаголамъ, кончащимся въ неокончательномъ наклоненіи на *ть* съ предыдущею буквою *ѣ*, собранныя П. С. (Соколовымъ). Санктпетербургъ. При Имп. акад. н. 1815. Печатано по опредѣленію Имп. Росс. академіи". Правила эти, обычнаго школьно-грамматическаго типа, представляли немало ошибокъ и непослѣдовательностей, которыя вызвали замѣчанія на нихъ члена Росс. академіи И. И. Мартынова, присланныя имъ президенту академіи Шишкову 20 янв. 1816 г. Замѣчанія Мартынова, напи-

санныя въ общемъ очень сдержанно, по доводамъ и общему характеру тоже не имѣли научнаго значенія и прибѣгали больше къ свидѣтельствамъ здраваго смысла и общей логики, чѣмъ къ научнымъ фактамъ и доказательствамъ. Упрекая составителя правилъ, что онъ „несовсѣмъ удачно выполнилъ" свое „похвальное намѣреніе", Мартыновъ по временамъ самъ впадалъ въ такія же ошибки, свидѣтельствовавшія объ отсутствіи у него не только солидныхъ научныхъ знаній, но подчасъ даже обыкновеннаго знанія родного языка. Такъ онъ упрекалъ составителя правилъ, за то что тотъ совѣтовалъ писать *предметъ* вм. *предмѣтъ*, *шалѣть* (Мартыновъ смѣшалъ это съ *шалить*), *вѣкша*, вм. *векша*, за приведеніе въ спискѣ формы *звѣрокъ*, вм. *звѣрекъ* и т. д. Рядомъ, впрочемъ, Мартыновъ отмѣтилъ рядъ несомнѣнно грубыхъ ошибокъ составителя, рекомендовавшаго писать *бѣлена*, *вовсѣ* (вм. вовсе), *втунѣ*, *дебѣлѣть*, *золотошвѣйка*, *лѣстный* (отъ *лесть*), *мелѣть*, рядомъ съ *мѣлкій*, *неизрѣченный*, *орудѣнить*, *остолбѣнѣть*, *отбѣздѣловать*, *прерѣканіе* и т. д. [1]). Замѣчанія Мартынова подняли цѣлую бурю въ академіи, съ Шишковымъ во главѣ. Выраженіе его, что похвальное намѣреніе академіи „выполнено не совсѣмъ удачно", было признано въ высшей степени оскорбительнымъ и непристойнымъ. Шишковъ написалъ рѣзкое возраженіе, которое, вмѣстѣ съ самими замѣчаніями Мартынова, было препровождено къ министру народнаго просвѣщенія. Въ возраженіи говорилось: „членъ академіи, потому что онъ служитъ въ канцеляріи министра просвѣщенія считаетъ себя *обязаннымъ по службѣ* [2]) воспретить академіи въ словахъ *бѣлена*, *апрѣль* и пр. писать букву *ѣ*! Но почему же ни министра своего, ни президента академіи, ни членовъ ея, между коими многіе находятся, и службою, и саномъ, и познаніями несравненно превосходнѣйшіе его, не почитаетъ онъ *обязанными по службѣ*"... Дальше говорилось, что академія съ удовольствіемъ принимаетъ отъ членовъ своихъ и даже постороннихъ „всякаго рода разсужденія о языкѣ и словесности", но не желаетъ выслушивать одобрительныхъ или неодобрительныхъ сужденій о ея дѣйствіяхъ и изданіяхъ. „Таковыя изреченія отъ члена своего: *намѣреніе похвально*, *но по мнѣнію*

---

[1]) Замѣчанія Мартынова напечатаны у Сухомлинова: „Исторія Росс. Академіи", вып. VII. 1885, стр. 291—300.

[2]) Въ своихъ замѣчаніяхъ Мартыновъ говорилъ, что «какъ членъ академіи, и какъ обязанный по службѣ предварять распространеніе въ публикѣ сочиненій, могущихъ быть руководствомъ къ заблужденію», считаетъ себя въ правѣ высказать свое мнѣніе о книгѣ и послѣ ея напечатанія, тѣмъ болѣе, что не участвовалъ въ собраніи, рѣшившемъ издать ее. Тамъ же. стр. 291.

моему не совсѣмъ удачно выполнено почитаетъ она преступающими предѣлы должной вѣжливости и пристойности“ [1]). Имѣлъ ли этотъ случай какія нибудь послѣдствія для Мартынова, мы не знаемъ, но онъ не лишенъ интереса, свидѣтельствуя краснорѣчиво, къ какимъ послѣдствіямъ могла въ тѣ времена приводить у насъ ученая критика даже въ области грамматики.

Между тѣмъ разсужденія Болдырева о формахъ русскаго глагола, казавшіяся нашимъ тогдашнимъ читателямъ ихъ совершенной новизной, вызвали анонимныя „Замѣчанія на новую Теорію Русскихъ глаголовъ“, присланныя изъ Петербурга въ Общество Люб. Росс. Слов. въ концѣ 1815 г. и читанныя въ засѣданіи его 3 дек. Возраженіе это было отдано Болдыреву для „соображеній и замѣчаній“, а 29 января 1816 г. въ засѣданіи общества онъ уже читалъ свой отвѣтъ на него [2]). Въ томъ же 1816 г. и „Замѣчанія“, и отвѣтъ Болдырева были напечатаны рядомъ въ „Трудахъ“ общества [3]).

Возраженія неизвѣстнаго автора противъ теоріи Болдырева не были серьезны. Самъ авторъ ихъ относилъ Болдыревское „Разсужденіе о Русскихъ глаголахъ“ къ числу „многихъ прекрасныхъ сочиненій и переводовъ“ Общества и признавалъ „неимовѣрную“ трудность грамматическихъ изслѣдованій, требующихъ многихъ наблюденій и размышленій. Имъ руководило только „благородное желаніе достигнуть истины“ и получить „поясненія на новую теорію глаголовъ“. Прежде всего оппонентъ Болдырева обращалъ вниманіе на то, что „подобную же мысль имѣлъ нѣмецкій ученый Фатеръ, издатель Русской грамматики“, и, стало быть, идеи Болдырева не принадлежатъ ему вполнѣ. О степени серьезности самихъ возраженій свидѣтельствуетъ, напр., признаніе анонимнымъ ихъ авторомъ четырехъ временъ въ неопред. наклоненіяхъ: *дуть*—настоящее, *сдуть*—прошедшее, *дунуть*—будущее, *дувать*—греч. аористъ (!!). Времена изъявительнаго наклоненія онъ производитъ отъ неопредѣленнаго наклоненія (стр. 104) и возражаетъ противъ опредѣленія Болдырева, что *колоть* есть глаголъ первоначальный, а *кольнуть* — производный. Нашъ критикъ думаетъ, что скорѣе слѣдуетъ сказать наоборотъ („чтобъ колоть нѣсколько разъ, должно кольнуть одинъ разъ“), и между данными глаголами

[1]) Тамъ же, стр. 300.

[2]) См. Труды Общ. Люб. Росс. Слов. часть VIII. 1817 г. Лѣтописи, стр. 7 и 21. Препроводительное письмо автора «Замѣчаній» помѣчено 6 ноября. См. Труды, ч. VI, 1816 г., стр. 102.

[3]) Часть VI, 1816 г., стр. 101—111 и 112—130.

такая же разница, какъ между лат. pungere и puncturum esse, которое, однако, никто не производитъ отъ puncturare. Раздѣленіе глаголовъ на пять классовъ ему кажется сомнительнымъ, и въ глаголахъ *хлопать—хлопнуть, дерзать—дерзнуть, рубить—срубить* онъ видитъ „такую же постепенность дѣйствія", какъ въ степеняхъ „уравненія": *бѣлъ, бѣленекъ, бѣлехонекъ*. Далѣе отстаивается Ломоносовское изобиліе временъ, имѣющееся еще только въ греческомъ; глаголы *ложиться* и *становиться* называются не возвратными, а общими, потому что нѣтъ будто бы дѣйствит. глаголовъ *ложить* и *становить*; обращается вниманіе, что Ломоносовъ „не слегка написалъ правила для языка своего, какъ Фатеръ или Модрю", а трудился надъ ними всю свою жизнь; нашъ критикъ не хочетъ также согласиться съ Болдыревымъ, что формы *толкну, построю, поднесу* суть формы настоящ. времени. По его словамъ *провожу дни* (наст.) и *провожу тебя въ городъ* — два разные глагола: первый происходитъ отъ *веду* или *провожу*, а другой отъ *провожаю*. Замѣчаніе Болдырева, что *есмь* по корню ничего общаго не имѣетъ съ *быть*, прямо не понятно его оппонентомъ, который упрекаетъ его въ томъ, что онъ производитъ *есмь* отъ малорусск. „*будть*".

Разумѣется, отразить подобныя возраженія не составило ни малѣйшаго труда Болдыреву, разбивающему своего противника и освѣщающему его недомысліе по пунктамъ. Наиболѣе интереснымъ въ отвѣтѣ Болдырева является указаніе на отношеніе его теоріи къ идеямъ Фатера. Болдыревъ устанавливаетъ свою независимость отъ нѣмецкаго ученаго: „въ бытность мою въ Германіи, Г. Фатеръ, трудясь надъ сочиненіемъ Русской Грамматики, очень часто относился ко мнѣ письменно и просилъ меня разрѣшить многія трудности, которыя встрѣчались ему вообще въ нашей Грамматикѣ, и особливо въ разсужденіи глаголовъ. Я предлагалъ ему свои мнѣнія; и признаюсь, что переписка моя съ нимъ заставила меня обратить особенное вниманіе мое на глаголы. Я тогда же написалъ разсужденіе объ этомъ, и прежде нежели появилась Фатерова грамматика (1808 г.), имѣлъ щастіе представить оное Ея Имп. Высочеству Вел. Княгинѣ Маріи Павловнѣ въ Веймарѣ [1]). И такъ, есть ли находится какое нибудь сходство въ моей теоріи глаголовъ съ Грамматикою Г. Фатера, то это могло произойти или отъ моей переписки съ нимъ, или еще болѣе отъ того, что мы оба, стараясь открыть истину, открыли ее въ одно время". По словамъ Болдырева, онъ не видалъ грамматики Фатера. Мы не имѣемъ

[1]) Разсужденіе это, конечно, врядъ ли сохранилось.

никакого основанія не довѣрять правдивости этихъ словъ и во всякомъ случаѣ должны признать, что новая теорія русскаго глагола столько же принадлежитъ Болдыреву, вполнѣ самостоятельно и прекрасно доказавшему ея вѣрность и преимущество передъ старой въ своихъ двухъ разсужденіяхъ, сколько и его предшественникамъ Фатеру и Таппе, у которыхъ мы несомнѣнно не найдемъ такого тонкаго и блестящаго по тогдашнему анализа русскихъ глагольныхъ формъ съ морфологической и семасіологической стороны, какой даетъ Болдыревъ въ своихъ статьяхъ.

Споръ Болдырева съ неизвѣстнымъ критикомъ его теоріи интересовалъ не только самихъ спорящихъ. „Вѣстникъ Европы", сообщая о чтеніи Болдыревскаго отвѣта „на письмо неизвѣстной особы, предложившей свои возраженія на его новую систему спряженія", писалъ: „послѣ прилежныхъ соображеній, мысль господина Болдырева покажется гораздо важнѣе, нежели какою иные себѣ ее представляютъ. Правда, что новая система его требуетъ еще долговременныхъ изысканій, чтобы явиться совсѣмъ оконченною; но по крайней мѣрѣ г. Болдыревъ открылъ, что наши сочинители Грамматикъ ошибались, принимая многія времена и смѣшивая разные глаголы въ спряженіи одного и того же примѣра" [1]).

Престарѣлый Капнистъ выразилъ свое сочувствіе системѣ Болдырева особымъ письмомъ, читаннымъ въ засѣданіи Общества Люб. Росс. Слов. 10 апр. 1817. Онъ писалъ: „Мнѣніе почтеннаго Г-на Болдырева о глаголахъ, неосновательно оспариваемое защитникомъ весьма неисправной Академической Грамматики, почти совершенно согласно съ моими мыслями, уже болѣе 20 лѣтъ бродящими въ головѣ моей. Пріятно было мнѣ остепенить оныя благоразсудительными умозаключеніями почтеннаго Г-на Болдырева. Нужно, кажется, составить Русскую Грамматику на собственныхъ нашего языка, а не какого либо чужеземнаго, правилахъ основанную" [2]).

Такимъ образомъ сочувствіе по крайней мѣрѣ извѣстной части нашего образованнаго общества, въ тѣ времена больше интересовавшагося грамматическими вопросами, чѣмъ нынѣ, было на сторонѣ Болдырева, и побѣда его взглядовъ являлась только вопросомъ времени.

Въ 1816 же году Россійская академія, „обращаясь ко всѣмъ любителямъ языка своего и Словесности", предложила „къ разрѣшенію слѣдующія заданія или вопросы: „Заданіе I. О предло-

---

[1]) Часть 85, 1816 г., стр. 149.

[2]) «Труды» Общества, ч. VIII, стр. 184.

гахъ. II. Общія свойства предлоговъ. О силѣ и значеніи предлоговъ (безъ, вы, изъ)". Въ той же книжкѣ академическихъ „Извѣстій", въ которой эти „заданія" были объявлены, непосредственно за ними напечатаны были статьи Шишкова, служившія не то образчиками, какъ надо „разрѣшать" „заданія", не то прямо уже отвѣтами на нихъ [1]). Мы встрѣчаемъ здѣсь обычныя для Шишкова разсужденія о корняхъ словъ и ихъ вѣтвяхъ, образуемыхъ при помощи окончаній, предлоговъ и измѣненій самого корня. Такъ отъ „корня" *бит* при помощи окончаній *ь, ый, ъ, ва* получаются формы *бить, битый, битъ, битва,* а при помощи предлоговъ — *вбить, прибить, отбить, разбить, убить* и пр.; *вбитый, прибитый, отбитый* и т. д.; *вбитъ, забитъ, набитъ,* и т. п. Отбросивъ отъ корня *бит* „букву *т*, и употребляя тѣжъ средства, т. е. перемѣняя окончанія и приставляя предлоги", умъ человѣческій „сдѣлалъ слова": *билъ, били, убилъ, убили, біеніе, убійство, убійца* и т. д., гдѣ вездѣ имѣется только корень *би*. „Но и сего примѣненія" уму человѣческому показалось „мало: для того измѣняя еще болѣе корень, т. е. отнявъ отъ него и другую букву *и*, и оставя только начальную *б*, произвелъ онъ слова: *бью, бьешь, бьетъ, бьемъ, бьете, бьютъ*; *прибью, прибьешь, убью, убьешь*, а также: *бой, прибой, пробой, отбой, убой, подбой* и пр." (стр. 2—4). Относительно предлоговъ находимъ безсодержательныя и наивныя выраженія удивленія тому, „что человѣкъ изобрѣтеніемъ толь малочисленныхъ и краткихъ частицъ... могъ получить такую удобность объяснять и разнообразить свои мысли! Сколько новыхъ понятій произвелъ онъ помощію предлоговъ! Какъ обогатилъ слово!" Если отнять ихъ, весь языкъ „оскудѣетъ, разрушится". Безъ нихъ, наивно утверждаетъ Шишковъ, были бы только простые глаголы *ять* или *стать*, и не было бы сложныхъ: *взять, занять, нанять, отнять* и т. д., или *достать, застать, настать, отстать* и т. п. Сами предлоги опредѣляются, какъ части рѣчи, „которыя сами по себѣ, отдѣльно отъ имени, не имѣютъ существеннаго значенія, т. е. не показываютъ никакого опредѣленнаго предмета", но зато у нихъ есть „нѣкоторое, свое собственное значеніе, независимое отъ имени, къ которому прилагаются", а именно они „означаютъ обстоятельство многимъ вещамъ общее". Такъ предлогъ *на* „означаетъ верхъ... вещи, какая-бъ она ни была. Равнымъ образомъ предлоги: *въ, за, подъ,* означаютъ: одинъ *внутренность*, другой *сторону* или *бокъ*, третій *низъ* всякой вещи". Значеніе это Шишковъ называетъ *отно-*

---

[1]) «Извѣстія Росс. академіи», кн. 2, 1816 г., стр. 1—29.

сительнымъ, „поелику оно относится къ нѣкоторому обстоятельству той вещи, о которой упомянется“. У всѣхъ словъ предлогъ „непремѣнно показываетъ тожъ самое значеніе, какое и при другихъ словахъ, хотя бы сіе и сокрывалось отъ нашего понятія“, ибо умъ человѣческій „не могъ составлять слова такъ, чтобъ одинъ и тотъ же предлогъ имѣлъ при одномъ словѣ такое относительное значеніе, а при другомъ другое“ (стр. 5—8). Въ заключеніе первой статьи Шишковъ высказываетъ увѣренность, что „изслѣдованіе и объясненіе предлоговъ“ должно принести „новыя и полезныя откровенія, могущія послужить къ основанію грамматическихъ правилъ“. Поэтому и Россійская академія „желаетъ, чтобъ предлоги, яко важныя въ составѣ языка орудія, разсмотрѣны и разобраны были, дабы въ каждомъ изъ нихъ видѣть, какое общее понятіе предназначенъ онъ изъявлять, и какую согласно съ симъ понятіемъ, отдѣльно и въ соединеніи съ именами и глаголами, сообщаетъ онъ имъ перемѣну, значеніе, силу и важность. Для образца тому“ прилагались опыты разсужденія о предлогахъ *безъ, вы, изъ*. Желающіе „потрудиться надъ разсмотрѣніемъ прочихъ предлоговъ, или же и о сихъ самыхъ (т. е. *безъ, вы, изъ*) распространить примѣчанія свои“, приглашались „сообщать труды свои въ Академію для помѣщенія въ ея Извѣстіяхъ“ (стр. 8—9).

„Общія свойства предлоговъ“ Шишковъ видѣлъ въ томъ, что присоединеніе ихъ къ глаголамъ, означающимъ „единократное“ и „неокончательное“ дѣйствіе, превращаетъ это послѣднее въ „окончательное“ или „совершившееся“: *пить*, но *выпить*, *запить*, *пропить* и т. д., *просить*, но *выпросить*, *упросить* и т. п. Другое общее свойство предлоговъ заключается, по мнѣнію нашего корнеслова, въ томъ, что они „позволяютъ (!) иногда приставляемымъ къ нимъ словамъ такъ сокращаться (!), что безъ нихъ не могутъ онѣ оставаться въ томъ видѣ, въ какомъ бываютъ соединенныя съ ними“. Такъ, отъ глаголовъ *несу*, *жгу*, *сосу* невозможны имена существ. *носъ*, *жига*, *сосъ*, тогда какъ эти же имена съ предлогами „получаютъ опредѣленный смыслъ и становятся употребительными: *выносъ*, *вижига*, *насосъ*“ и т. д. (стр. 10—11).

Разумѣется, наука ничего не выигрывала отъ такой доморощенной грамматики, разсуждавшей не на основаніи точныхъ фактовъ и законовъ, а „отъ ума своего“. Такъ же безплодны были и присоединенныя разсужденія „о силѣ и значеніи предлоговъ“ *безъ*, *вы*, *изъ*, въ которыхъ мѣстами чувствуется даже тупость природнаго, естественнаго чутья языка. Такъ Шишковъ совершенно приравниваетъ другъ другу формы *неденежный* и *безде-*

нежный, *неснѣжный* и *безснѣжный*, утверждая, что между выраженіями: *человѣкъ неденежный* и *человѣкъ безденежный, зима неснѣжная* и *безснѣжная* нѣтъ разницы (стр. 15). Для подобныхъ разсужденій, очевидно, не требовалось никакихъ особыхъ научныхъ знаній или запаса фактовъ. Добрая воля, ходячій „здравый смыслъ" и нѣкоторый досугъ—замѣняли все и, разумѣется, оказывались безсильными и безплодными...

Ничего замѣчательнаго по содержанію не представлялъ собой довольно обширный „Опытъ о порядкѣ словъ" И. И. Давыдова, читавшійся въ засѣданіяхъ Московскаго Общества Люб. Росс. Сл. (29 апрѣля, 25 ноября 1816 г. и 24 февр. 1817) [1]), и печатавшійся въ теченіе ряда лѣтъ въ „Трудахъ" общества [2]). Авторъ, конечно, не могъ да и не хотѣлъ выбиться изъ условныхъ рамокъ тогдашняго школьнаго синтаксиса, отдавая въ тоже время щедрую дань риторической шумихѣ въ отношеніи внѣшней формы своего разсужденія. Историческій интересъ имѣетъ только сама тема разсужденія, являющагося первымъ у насъ образчикомъ отдѣльной монографіи по одному изъ синтактическихъ вопросовъ, притомъ дотолѣ ни разу не подымавшемуся. Если отбросить безсодержательныя риторическія фразы, которыми уснащено все разсужденіе Давыдова, то основныя положенія его окажутся весьма элементарными и немногочисленными. „Всякой языкъ долженъ имѣть свой порядокъ словъ", правила котораго надо извлекать изъ „употребленія и лучшихъ Писателей". Нѣкоторыя изъ этихъ правилъ: „1) ставить лицо прежде дѣйствія и предмета; 2) слова не столько опредѣлительныя впереди словъ опредѣлительныхъ; 3) въ сложныхъ предложеніяхъ слова и члены управляемые возлѣ управляющихъ (ч. V, ст. 114—115); 4) въ вопросахъ и въ повелительномъ наклоненіи именительный или звательный падежъ слѣдуетъ за глаголомъ; также иногда въ предложеніяхъ, которые начинаются союзами: *когда*, *если*; 5) при глаголѣ, управляющемъ двумя падежами, позади ставится тотъ, который показываетъ предметъ дѣйствія глагола, будетъ ли предъ нимъ дательный, или другой какой либо... 6) предметъ лица или сказуемое тогда только ставится прежде, когда подлежащее имѣетъ вставочное предложеніе" (стр. 121) и т. д. Въ этомъ родѣ и остальныя „правила" Давыдова, изложенныя столь же догматично и голословно. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ тотъ или другой порядокъ

---

[1]) См. „Труды" Общества, ч. VIII, 1817 г., стр. 68, 109 и 168.

[2]) Часть V, 1816 г., стр. 113—127; ч. VII, 1817 г., стр. 80—93; ч. IX 1817 г., стр. 47—61; ч. XIV, 1819 г., стр. 5—27.

словъ объясняется требованіями логики: „мысли зависятъ и рождаются одна за другой: также и слова должны находиться въ связи одно съ другимъ. И такъ хотя наставленія Логики и непріятны для иныхъ; однако послѣдуемъ за ними для пользы языка своего“ (стр. 120), или, въ другомъ мѣстѣ: „Всякое предложеніе, какъ и цѣлое сочиненіе, имѣетъ начало, средину и конецъ, или предметъ, дѣйствіе его и намѣреніе. Надо прежде существовать, чтобъ дѣйствовать; разумъ постепенно переходитъ отъ одного понятія къ другому. Отсюда правило: ставить прежде всего лице, или вещь, потомъ дѣйствія ихъ, и наконецъ предметъ дѣйствія“ (ч. VII, стр. 81) и т. д. Изложивъ въ этомъ вкусѣ въ первыхъ двухъ статьяхъ (Части V и VII) „замѣчанія о порядкѣ словъ *простомъ*, который предписывается самимъ разсудкомъ“ (ч. VII, стр. 93), Давыдовъ посвящаетъ предпослѣднюю главу (ч. IX) „порядку *украшенному*“, который основывается „на пламенномъ воображеніи“ и „движеніяхъ сердца“ (ч. IX, стр. 47 и 60), а послѣднюю (ч. XIV) „порядку естественному и самому простому, сходному съ первыми движеніями души человѣческой“ (стр. 5). Историческаго освѣщенія разсматриваемыхъ отношеній, конечно, нѣтъ и въ поминѣ. Сравненіе съ другими языками очень рѣдко и ограничивается лишь латинскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ („языкъ нашъ въ порядкѣ словъ сходенъ съ языкомъ философскимъ—Англійскимъ“, ч. V, стр. 116). Отмѣчается также сходство славянскаго порядка словъ съ греческимъ въ церковныхъ книгахъ, перевед. съ греческаго (тамъ же, стр. 117): „сіи книги всегда составляли главное чтеніе предковъ нашихъ, и отъ того вѣроятно свойство Греческаго языка стало свойствомъ Рускаго“. Изъ грамматическихъ и риторическихъ авторитетовъ цитируются: Діонисій Галикарнасскій, Квинтиліанъ, Цицеронъ, Блеръ, Вольтеръ. Заслуживаетъ вниманія довольно рѣзкая выходка противъ „ложныхъ и суевѣрныхъ почитателей всякой старины“, которые могутъ счесть святотатствомъ ссылки автора на новѣйшихъ писателей“ и полагаютъ древній „Славянской языкъ“ корнемъ и началомъ „Россійскаго языка“ (авторъ очевидно мѣтитъ въ Шишкова съ братіей). По словамъ Давыдова, сами защитники и поборники этого языка и искореняютъ „сей корень“: „Будто разбрасывать кой-гдѣ Славянскія слова значитъ любить Славянскій языкъ! Напротивъ — это показываетъ страшную ненависть къ нему“ (ч. V, стр, 125). „Естественный порядокъ“ словъ авторъ ищетъ въ „*законахъ мыслей нашихъ, въ законахъ наблюденій разума и движеній сердца*; потому что языкъ есть выраженіе ума, образъ души“ (ч. XIV, стр. 7). По его словамъ, „естествен-

ное расположеніе понятій не согласно съ ораторскимъ и совершенно противно порядку логическому", какъ это и „должно быть по ходу и развитію человѣческихъ способностей". Первые ораторы и поэты „не любили правильнаго расположенія словъ; потому что оно производитъ ясность", а имъ нужно было прежде всего „произвести удовольствіе и удивленіе... *Первое понятіе, а съ нимъ и слово должно быть то, которое въ порядкѣ понятій прежде другихъ представляется въ умѣ, понятіе начальное, отъ котораго всѣ прочія происходятъ*" (стр. 7—8). Такимъ словомъ должно быть подлежащее: „*первый предметъ, опредѣляемый дѣйствіемъ, будетъ первымъ понятіемъ—съ него начинается Естественный порядокъ словъ; за нимъ слѣдуетъ дѣйствіе и потомъ уже предметъ дѣйствующій*" и т. д. (стр. 17). Разсужденіе заключается доказательствомъ положенія, что опредѣленный порядокъ словъ долженъ имѣть благотворное вліяніе „на развитіе способностей ума человѣческаго" (стр. 18), пріучая его къ порядку мыслей, отъ расположенія которыхъ „зависитъ и расположеніе воли и нравственныхъ поступковъ" (стр. 28).

Извѣстное отношеніе къ языку имѣетъ „Отвѣтъ на Греческую и Рускую Просодію" того же автора (тамъ же, ч. XI, 1818 г., стр. 71—86), въ которомъ онъ исходитъ изъ положенія, что „буквы наши и звуки языка, какъ извѣстно, почти всѣ Греческія, столько пріятныя, какъ утверждаютъ ученые" (стр. 72). По словамъ Давыдова, „произношеніе сихъ буквъ подобно произношенію Греческому: звукъ *а* требуетъ самаго большого отверстія—и потому (!) онъ самой долгой. За нимъ постепенное уменьшеніе отверстія слѣдуетъ въ такомъ порядкѣ: *ы, о, у, и* и *е* (?!), самой короткой звукъ" (стр. 73). Въ связи съ этими основными положеніями доказывается, что и русскій языкъ, подобно греческому, имѣетъ долгіе и краткіе слоги, причемъ первые „большею частію состоятъ изъ гласныхъ *а, ы, о,* и дифтонговъ *я* (ia), io", а вторые „изъ *у, и, е,* и дифтонговъ *ю* (iy), *ѣ* (ie), изъ нихъ *о* и *и*, чаще другихъ перемѣняютъ свойство свое и бываютъ то долгими, то короткими" и т. д. (стр. 76). Отсюда слѣдуетъ выводъ, что русскому языку должны быть свойственны всѣ особенности древней просодіи, въ томъ числѣ и стопы изъ однихъ долгихъ слоговъ, спондей и молоссъ.

Грамматическіе вопросы интересовали у насъ въ то время даже такихъ далекихъ отъ научныхъ занятій лицъ, какъ кн. П. И. Шаликовъ, читавшій въ Обществѣ Люб. Росс. Слов. (30 марта 1818 г.) докладъ „Объ уравнительныхъ степеняхъ въ Рускомъ языкѣ" (ч. XII,

1818 г., стр. 39, 42—46). Русская грамматика представляется автору богиней Изидой, съ которой никто не могъ снять покрывала. Какъ объяснить, напримѣръ, употребленіе ед. числа въ выраженіяхъ, въ родѣ *два корабля, два человѣка*, въ которыхъ имени существительному слѣдовало бы стоять во множ. числѣ. Какъ объяснить „иностранцу различіе въ выраженіяхъ: *послать, прислать* и т. д.". Въ своей статьѣ Шаликовъ обращаетъ вниманіе на неправильное, по его мнѣнію, употребленіе сравнит. степени нарѣчій, вмѣсто сравнит. степени прилагательныхъ, въ выраженіяхъ въ родѣ: „я не видалъ мѣстъ красивѣе", вмѣсто болѣе де правильнаго: „я не видалъ мѣстъ красивѣйшихъ" и т. д. Статейка Шаликова кончается жалобой: „въ то время, когда всѣ Европейскіе языки очищены, обработаны, установлены,—мы не имѣемъ вовсе философической Грамматики, не сладимъ до сихъ поръ съ своими глаголами, начинаемъ Грамматическіе термины свои находить, по всей справедливости, варварскими, безсмысленными, и даже говоримъ—и можетъ быть столь же справедливо — что у насъ нѣтъ еще и азбуки совершенной" (стр. 45). Авторъ полагаетъ, что успѣхи нашихъ писателей, въ произведеніяхъ которыхъ указанные „недостатки" почти или совсѣмъ не примѣтны, были бы неимовѣрны, если бы они писали на языкѣ, уже вполнѣ готовомъ, не возбуждающемъ никакихъ сомнѣній (стр. 46).

Разсмотрѣнію значенія предлоговъ посвященъ докладъ С. Г. Саларева „О силѣ предлоговъ въ значеніи словъ", читанный въ засѣданіи того же общества 26-го янв. 1818 г. [1]) и напечатанный въ томъ же году въ „Трудахъ" общества [2]). Содержаніе его, конечно, весьма элементарно и сводится къ опредѣленіямъ, въ родѣ „*подъ* означаетъ дѣйствіе *внизу*, подъ какою-нибудь вещію, *надъ*—*вверху*, *предъ*—*впереди*. *Надпись*, *надрѣзать*, *подписать*, *предводить*, *предтеча*, и т. п." (стр. 27). Наивны заключительныя разсужденія автора о невозможности соединенія нѣкоторыхъ предлоговъ съ извѣстными глаголами. Напр., нельзя образовать глаголовъ *разузить* и *сширить*, „ибо тѣло, дѣлаясь у́же, уменьшается, а предлогъ *разъ* показываетъ *расширеніе;* такъ равно и расширяемая вещь увеличивается, а предлогъ *съ* означаетъ уменьшеніе въ окружности или дѣйствіе отъ поверхности къ средоточію" (стр. 33).

Несмотря на свою наивность и элементарность, подобныя разсужденія свидѣтельствовали о наличности грамматическихъ инте-

---

[1]) См. «Труды» общества, ч. XII, 1818 г., стр. 20.

[2]) Тамъ же, стр. 24—33.

ресовъ въ нашемъ образованномъ обществѣ, объ извѣстныхъ запросахъ его, которымъ они отвѣчали и которыхъ школьныя грамматики наши, охарактеризованныя выше, совсѣмъ не удовлетворяли. Востоковъ, занимавшійся въ это время грамматическими изысканіями и обѣщавшій въ благодарственномъ письмѣ своемъ къ Предсѣдателю Московскаго Общ. Люб. Росс. Сл. [1]) выпустить въ скоромъ времени грамматику церковно-славянскаго и русскаго языковъ по древнѣйшимъ письменнымъ памятникамъ, могъ осуществить это обѣщаніе лишь много лѣтъ спустя. Понятно, что за неимѣніемъ лучшаго, приходилось довольствоваться и грамматическими упражненіями „Любителей Росс. Словесности", которыя все же поддерживали интересъ къ извѣстнымъ вопросамъ грамматики и стилистики и давали на нихъ посильные отвѣты.

Къ разсмотрѣннымъ выше статьямъ этого рода въ 1819 г. прибавилось пространное письмо Николая Кошанскаго къ предсѣдателю общества, озаглавленное „О рускомъ синтаксисѣ" и содержавшее въ себѣ критическій разборъ отдѣла о синтаксисѣ въ третьемъ изданіи грамматики Россійской Академіи, вышедшемъ какъ разъ въ этомъ же году [2]). Авторъ сначала намѣревался представить свои собственныя мысли о русскомъ синтаксисѣ, но выходъ въ свѣтъ новаго изданія академической грамматики заставилъ его видоизмѣнить характеръ своей работы и придать ей критическій оттѣнокъ. Разборъ Кошанскаго не безъ остроумія и язвительности отмѣчаетъ рядъ ошибокъ, неточностей и промаховъ академическаго изданія. Не выходя изъ рамокъ школьной грамматики, авторъ разбора обнаруживаетъ, однако, значительное превосходство свое надъ противникомъ, въ отношеніи логической послѣдовательности, обдуманности и точности предлагаемыхъ имъ правилъ и поправокъ. Нѣкоторыя синтактическія замѣчанія Кошанскаго, напр. объ одинаковомъ управленіи падежами у разныхъ частей рѣчи одного этимологическаго происхожденія, являются въ нашей грамматической литературѣ впервые. Письмо его заключалось обѣщаніемъ представить обществу собственный планъ русскаго синтаксиса въ сравненіи съ расположеніемъ академическаго, обѣщаніемъ, которое такъ и осталось невыполненнымъ.

Кромѣ статьи Кошанскаго, XV часть „Трудовъ Моск. Общ.

---

[1]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. XXX.

[2]) «Труды Общ. Люб. Росс. Сл. при Моск. унив.», ч. XV, 1819, стр. 86—118. Сатья эта была перепечатана Кошанскимъ (съ незначительными чисто стилистическими измѣненіями) въ «Сынѣ Отечества» 1820 г., ч. 59, стр. 115—28, 145—59.

Люб. Росс. Сл.“ содержала еще двѣ грамматическихъ статьи: 1) А. М. Б., „Примѣчанія на нѣкоторыя статьи о глаголахъ, помѣщенныя во 2-й, въ 3-й и 6-й книгѣ Трудовъ О. Л. Р. Сл., при Имп. Моск. Унив.“ (стр. 119—141) и 2) А. Болдырева, „Нѣчто о сравнительной степени“ (стр. 150—58). Первая изъ нихъ представляетъ возраженія противъ новой системы русскаго глагола, предложенной Болдыревымъ (см. выше, стр. 1013—16). Неизвѣстный критикъ (изъ Петербурга), подписавшійся буквами А. М. Б., стоитъ здѣсь въ значительной мѣрѣ на почвѣ старой теоріи и не можетъ примириться съ новшествами Болдырева, который, по его словамъ, „желая разпутать глаголы, не раздѣляетъ ихъ, но раздробляетъ: раздробляетъ и дѣйствія“, причемъ „неправильно отнимаетъ у однихъ глаголовъ настоящее, а у другихъ прошедшее и будущее время“ (стр. 121). Соглашаясь съ Болдыревымъ, что глаголы *дуть* и *сдуть*—два разныхъ глагола, а не одинъ, какъ прежде думали, нашъ критикъ всетаки полагаетъ, что Болдыревъ „впадаетъ въ заблужденіе, раздѣляя между собою *дуть* и *дунуть*, которые служатъ къ изображенію одного дѣйствія и составляютъ одинъ глаголъ“ (стр. 120). Предлагаемая имъ система русскаго спряженія является шагомъ назадъ, возвращеніемъ къ старинѣ, и составлена подъ очевиднымъ вліяніемъ французскихъ схемъ спряженія. Мы находимъ въ ней два неопред. наклоненія (настоящее, прошедшее), два повелительныхъ (настоящее и будущее), по два прошедшихъ и будущихъ временъ (прошедшее несовершенное и просто прошедшее; будущія настоящее и прошедшее) и т. д. Времена дѣлятся на совершенныя и несовершенныя и т. д.

Цѣннѣе была статья самого Болдырева о сравнительной степени, устанавливающая правильную точку зрѣнія на формы съ суффиксами *-ѣйшій -айшій*, которыя онъ называлъ сравнительной степенью, а не превосходной, какъ это было принято въ тогдашнихъ грамматикахъ. Въ своей статьѣ Болдыревъ отправлялся изъ сравненія русскаго языка съ „иностранными“ языками, въ которыхъ имѣются настоящія сравнительныя степени прилагательныхъ, „перемѣняющіяся въ родѣ, числѣ и падежахъ“, тогда какъ по нашимъ грамматикамъ сравн. степень кончится на *ѣе*, а превосходная на *ѣйшій* или *айшій*. Не выходя изъ рамокъ школьной и описательной грамматики, Болдыревъ тѣмъ не менѣе обнаруживаетъ здѣсь большую по тому времени научную точность и строгость взгляда и несомнѣнно ближе къ истинѣ, чѣмъ его современники. И тутъ онъ проявляетъ ту же логическую точность въ разграниченіи формальной стороны рѣчи отъ семасіологической, которой выгодно отличаются его разсужденія о системѣ

русскаго глагола. Употребленіе сравнит. степени нарѣчія, вмѣсто сравнит. степени прилагательныхъ (въ родѣ „люди *знатнѣе* тебя“ и т. п.), которое ставило въ тупикъ Шаликова (см. выше, стр. 1031), онъ объясняетъ эллипсомъ: „также правильныя, но составляютъ неполныя выраженія; надобно было бы сказать...: люди, *которые* знатнѣе тебя“ и т. д. Употребленіе формъ на *-ѣйшій* и *-айшій* въ значеніи превосходной степени даетъ ему поводъ къ небольшому семасіологическому анализу подобныхъ случаевъ, которому нельзя отказать въ тонкости и остроуміи, рѣдкихъ у насъ въ то время въ данной области.

Въ томъ же 1819 году въ „Сынѣ Отечества“ явился пространный и строгій критическій разборъ третьяго изданія грамматики Россійской Академіи [1]), вызвавшій горячій отпоръ со стороны академіи. Критикъ (самъ Гречъ, подписавшійся буквою Г.) заявлялъ, что приступилъ къ чтенію новаго изданія съ большими ожиданіями, разсчитывая найти въ немъ много измѣненій, сравнительно съ прежними изданіями, но обманулся въ нихъ. Оказалось, что измѣненій почти не было сдѣлано, кромѣ двухъ-трехъ мѣстъ, передѣланныхъ не къ лучшему. Это изумило критика, спрашивавшаго, „неужели въ продолженіе *семнадцати лѣтъ* нельзя было пріискать ничего новаго, хорошаго для исправленія и пополненія столь важной книги, какова Грамматика? Неужели въ сіи 17 лѣтъ Рускій языкъ, ни въ теоріи своей, ни въ практикѣ, не сдѣлалъ ни малѣйшаго шагу“ (стр. 210). Далѣе критикъ находилъ, что академическая грамматика совсѣмъ не содержитъ въ себѣ „полнаго и подробнаго систематическаго изложенія всѣхъ законовъ и правилъ“ русскаго языка „съ показаніемъ источниковъ и причинъ симъ законамъ и правиламъ и съ критическими о нихъ сужденіями“ (стр. 212), а является простымъ учебникомъ, вдобавокъ довольно плохимъ. Онъ не встрѣтилъ въ ней ни систематичности, ни ясности и точности изложенія, ни вѣрнаго пониманія излагаемаго предмета, и не безъ язвительности отмѣчалъ неопредѣленность, ошибочность и сбивчивость предлагаемыхъ ею правилъ, а также и устарѣлость примѣровъ, выдававшихся за образцы употребленія языка. Чуть не каждое правило академической грамматики подвергалось имъ справедливому осмѣянію. Приводимъ нѣсколько примѣровъ. О предлогѣ вообще грамматика утверждала, что онъ „есть часть рѣчи *несклоняемая* и *напереди предъ* другими частями рѣчи раздѣльно или слитно поставляемая“

---

[1]) „Сынъ Отечества“, ч. 55, № XXIX, стр. 132; № XXXI, стр. 209—228; № XXXII, стр. 241—256; № XXXIII, стр. 306—325.

(стр. 215). Критикъ „Сына Отечества“ замѣчалъ на это: „надлежало бы прибавить: *и неспрягаемая*, ибо если опасаются, что кому-нибудь вздумается склонять: *изъ, иза, изу*, то также можно бояться и спряженія: *между, междишь, междитъ*. Слово *напереди* совсѣмъ лишнее: можно ли что-либо поставить *предъ* вещію *назади* оной?“ (стр. 218). Букву *і* академическая грамматика относила къ гласнымъ, а *и* къ двугласнымъ, потому что начертаніе ея составлено изъ двухъ *і* вмѣстѣ соединенныхъ. Критикъ находилъ, что тогда и *н* надо считать двугласной буквой, а *т* и *ш* даже тригласными (стр. 219). Къ двугласнымъ буквамъ причислялись и слоги *ай, ей, ій* и т. д. (стр. 219). Утверждалось, что послѣ согласныхъ *ж, ч, ш, щ въ нѣкоторыхъ словахъ* гласныя *е, и, і, ѣ, ю, я* получаютъ „произношеніе дебелое“, съ чѣмъ критикъ правильно не соглашался, указывая, что, несмотря на „волю академіи“, грубые органы его слуха „никакъ не слышатъ разницы въ буквахъ *е, ѣ, и*, послѣ какихъ бы согласныхъ онѣ ни стояли: *елень, сердце, синій, чинъ, свѣтло, чѣмъ*: вездѣ (не совсѣмъ то!) слышимъ одно и то же *е* или *и*!“ (стр. 222).

Критикъ указывалъ также (стр. 223), что новое изданіе, говоря о выговорѣ буквы *е* какъ *ё*, не приняло совсѣмъ во вниманіе новыхъ „истинныхъ правилъ“ этого выговора, установленныхъ Востоковымъ въ 1808 г., въ „Краткомъ Руководствѣ къ Росс. Словесности“ Борна (см. выше, стр. 718).

Не лучше были и другія части грамматики. Такіе же недостатки („сбивчивость, неосновательность и излишнюю подробность“, стр. 250) критикъ отмѣчалъ и въ отдѣлѣ о словопроизведеніи, не пропуская случая посмѣяться надъ неудачными правилами академическаго труда.

На правило: „неокончательное однократное наклоненіе имѣютъ *только* глаголы, кончащіеся на *бать, гать, кать, пать, хать*“, критикъ замѣчалъ: „слѣдовательно можно сказать: *Колебнуть, Искнуть, Спнуть, Лгнуть*?“ (стр, 313).

Согласно академической грамматикѣ, дѣйствит. глаголы означаютъ дѣйствіе одной *вещи* на другую, и требуютъ падежа винительнаго, напримѣръ: *Читать книгу; Писать письмо; Почитать родителей*“. По поводу этого правила критикъ ядовито спрашивалъ, „можетъ ли вещь читать книгу, писать письмо, почитать родителей“ (стр. 306) и т. д. Критикъ отмѣчалъ также крайнюю устарѣлость представленій объ употребительности тѣхъ или другихъ словъ и выраженій, рекомендуемыхъ въ грамматикѣ за современныя, въ родѣ *первыйнадесять* и *вторыйнадесять* и т. д. вмѣсто *одиннадцатый* и *двѣнадцатый*, *для того что* вм.

потому что и т. д. (стр. 253—54 и 215—216). О нѣкоторыхъ примѣрахъ критикъ высказался, что они „гораздо старѣе и перваго изданія сей грамматики“ (стр. 228), находя также, что слогъ грамматики „тяжелъ, во многихъ мѣстахъ теменъ и даже неправиленъ“ (стр. 320).

Рецензія „Сына Отечества“ задѣла за живое членовъ Росс. Академіи, очутившихся въ затруднительномъ положеніи. Возражать дерзкому зоилу они не отваживались, опасаясь новыхъ его нападокъ, а промолчать—значило признать, что онъ правъ. Вопросу о томъ, какъ быть, посвящены были цѣлыхъ два засѣданія (16 и 23 авг. 1819 г.), причемъ академики пришли къ заключенію, что „Россійская Императорская Академія, учрежденная Великою Екатериною, и облагодѣтельствованная Александромъ Первымъ... изъ 60 избранныхъ членовъ состоящая, не можетъ безъ униженія достоинства своего входить въ состязаніе съ издателемъ журнала“, имѣющимъ „при недостаткахъ знанія въ языкѣ, дерзновеніе судить академію и говорить о ней презрительно“. Молчать также не представлялось возможнымъ академіи, ибо „естьли подобные о ней толки и укоризны отъ всякаго, кто захочетъ ихъ писать, будутъ публиковаться,—то едва ли можетъ она имя свое носить съ честію: положеніе ея будетъ весьма затруднительно; ибо и отвѣтами своими и молчаніемъ она равному подвергнется уничиженію“.

Но достойный выходъ былъ всетаки найденъ. Собраніе рѣшило, что „цѣлая академія не можетъ быть безграмотною; журналистъ же легко можетъ быть безграмотенъ; ибо всякой можетъ быть журналистомъ. Въ цѣлой академіи предполагается больше знанія, нежели въ одномъ журналистѣ. Академія можетъ погрѣшать, но журналистъ еще больше“. Исходя изъ этихъ соображеній, академія пришла къ заключенію, что „по здравому разсудку нѣтъ никакой пользы ни для нравовъ, ни для просвѣщенія и словесности, чтобъ изданныя отъ академіи и слѣдовательно оцѣненныя уже ею сочиненія были вновь переоцѣниваемы журналистами“, тѣмъ болѣе, что въ „государственныхъ постановленіяхъ также нигдѣ не сказано“ о правѣ журналистовъ „публиковать и оцѣнивать академическія книги, какъ имъ угодно“. Отсюда академія заключала, что издатель *Сына Отечества* „присвоилъ самъ себѣ сіе право“, и „поступокъ его подлежитъ не суду академіи, но суду правительства“. Собраніе поэтому постановило просить своего президента записать происходившія въ засѣданіяхъ сужденія въ академическія записки и копію протокола препроводить къ министру духовныхъ дѣлъ и нар. просвѣщенія.

Министръ въ свою очередь поручилъ разсмотрѣть это дѣло Главному Правленію Училищъ, которое нашло, что „дѣланіе примѣчаній на всякую издаваемую въ свѣтъ книгу, а тѣмъ паче на грамматику, никакими узаконеніями не воспрещается; а потому не можетъ вообще никому быть возбранено“; въ случаѣ же „неосновательности таковыхъ примѣчаній, критикъ подвергается самъ стыду передъ публикою и удобному на нихъ опроверженію тѣмъ же способомъ, какимъ и его примѣчанія доведены до всеобщаго свѣдѣнія“. Министръ съ своей стороны, находя, что оскорбительныя для академіи выраженія и отзывы статьи противны уставу о цензурѣ, „приказалъ учинить... надлежащій выговоръ цензору, дозволившему напечатать тѣ замѣчанія, и поставилъ несовмѣстность сего поступка на видъ и автору, который осмѣлился употребить столь неприличные отзывы на счетъ Академіи; а притомъ предписалъ цензурѣ, чтобы впредь никакихъ подобно сему оскорбительныхъ отзывовъ ни на чей счетъ въ печать не было издаваемо“.

Рѣшеніемъ этимъ академія осталась недовольна. Въ отвѣтъ на бумагу министра было занесено въ академическія записки, что академія и не думала воспрещать „дѣлать разсмотрѣнія или критики на издаваемыя ею книги“, но даже сама неоднократно „приглашала просвѣщенныхъ любителей россійскаго языка и словесности сообщать“ ей свои замѣчанія, что не помѣшало ей, однако, жаловаться, когда такія замѣчанія задѣли ее за живое. Что касается „журналиста Греча“, то „общимъ согласіемъ положено и записано было“ его во время публичныхъ академическихъ собраній „въ академію не приглашать, и ежели кѣмъ изъ членовъ приглашенъ будетъ, то не впускать, и члену тому, отъ кого онъ получитъ билетъ, впредь для приглашенія билетовъ не давать“.

Шишковъ занесъ всю эту исторію въ свои записки [1]), присовокупивъ отъ себя заключеніе, гдѣ сѣтовалъ на поведеніе министра, подвергшаго академію неприличному для нея суду Правленія училищъ и не съумѣвшаго обуздать дерзкаго журналиста, который вскорѣ послѣ преподаннаго ему внушенія снова выступилъ съ „дерзкими и невѣжественными бранями“ противъ Россійской академіи, хотя ему грозили даже закрытіемъ журнала за напечатаніе новыхъ нападокъ.

Таковы были послѣдствія, которыя имѣла неосторожная кри-

---

[1]) „Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова. Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина“, т. II (Берлинъ, 1870), стр. 102—109. См. объ этомъ же Сухомлинова, „Ист. Росс. Академіи“, вып. VIII (Спб. 1887), стр. 200—205.

тика, отнесшаяся безъ должнаго решпекта къ грамматическимъ упражненіямъ Россійской академіи.

„Сынъ Отечества“, однако, не угомонился и послѣ этой исторіи и снова выступилъ въ походъ противъ Россійской академіи, помѣстивъ на своихъ страницахъ (часть 58, 1819 г., стр. 65—80 и 117—125) статью: „Мои сомнѣнія при чтеніи шестой книжки Академическихъ Извѣстій“, заключавшую въ себѣ разборъ одного изъ знакомыхъ уже намъ (см. выше, стр. 675—77) экскурсовъ Шишкова въ область корнесловія, а именно о корнѣ *пин*. Серьезныхъ возраженій разборъ этотъ не выставлялъ, напротивъ, авторъ его по методу и знаніямъ стоялъ вполнѣ на уровнѣ своего противника, утверждая, напримѣръ, что *звено* происходитъ отъ корня *вью*, сложеннаго съ предлогомъ *со*, и такимъ образомъ = *совено*, т. е. „предметъ, который одинъ совокупно съ другимъ сливается“; что въ корнѣ *пин* скрывается предлогъ *по*, явственно обнаруживающійся въ словахъ *опона*, *попона*, *запона*, *перепона;* что слово *пона*, входящее въ составъ только что приведенныхъ сложныхъ словъ, само состоитъ изъ предлоговъ *по* + *на*, подобно тому, какъ и другія многія слова состоятъ изъ предлоговъ, въ родѣ: пе-ре-до = *передъ*, за-до = *задъ*, по-до = *подъ*, до-на = *дно* и т. д. Разумѣется, такими аргументами нельзя было побѣдить даже Шишкова, хотя авторъ ихъ и утверждалъ, что они разрушаютъ все громадное зданіе, возведенное адмираломъ-корнесловомъ. Повидимому и Шишковъ не былъ особенно задѣтъ этой новой вылазкой противъ него, потому что молчалъ цѣлыхъ четыре года и лишь въ 1823 г. отвѣтилъ своему критику, отстаивая вѣрность своихъ этимологій, тѣмъ заподозрѣнныхъ [1]). Чего нибудь новаго отвѣтъ его не даетъ, велерѣчиво повторяя знакомыя уже намъ мысли и положенія. Интересно лишь непроизвольное признаніе безплодности всѣхъ усилій Росс. академіи насадить у насъ излюбленное ею корнесловіе. По словамъ Шишкова, „Росс. Академія, прилагая попеченіе о пользѣ не только своего, но и всѣхъ вообще языковъ, по справедливости, и согласно со всѣми разсуждавшими о семъ учеными людьми, почитаетъ главнѣйшимъ руководствующимъ къ тому средствомъ отысканіе корней словъ, яко начала, отъ котораго всѣ языки проистекаютъ. Упражняясь въ сихъ трудныхъ изслѣдованіяхъ, часто требующихъ не малаго вниманія, проницанія, осторожности и здраваго разсудка, неоднократно

---

[1]) «Замѣчанія на статью, напечатанную въ журналѣ, называющемся *Сынъ Отечества* (часть 58, годъ 1819), подъ заглавіемъ: *Мои сомнѣнія при чтеніи шестой книжки Академическихъ Извѣстій*»: «Извѣстія Росс. Академіи», кн. XI, 1823 г., стр. 77—121.

приглашала она любителей словесности соучаствовать въ сихъ общеполезныхъ трудахъ, присылкою въ нее своихъ открытій или замѣчаній, изъ коихъ основательными и дѣльными могла бы она съ благодарностію воспользоваться. Десять книжекъ подъ названіемъ *Академическихъ Извѣстій* издано ею въ ожиданіи сего пособія; но по сіе время *никто не сообщилъ въ нее никакихъ своихъ примѣчаній; ни кого изъ множества писателей и любителей языка своего не привлекла она къ соучаствованію* (курсивъ нашъ), выключая одного безъимяннаго [1]), которой не въ Академію прислалъ, не къ ней, какъ она приглашала, отнесся; но напечаталъ сомнѣнія свои въ вышеупомянутомъ Журналѣ" [2]). Бѣдный Шишковъ повидимому и не подозрѣвалъ, кто́ былъ виною этой холодности „множества писателей и любителей языка своего" къ усиліямъ Россійской академіи!..

Впрочемъ академія, рядомъ со своими заботами о насажденіи у насъ настоящаго (по ея понятіямъ) корнесловія и составленіи словопроизводнаго словаря (см. выше, стр. 960—965 и 989—990), помышляла и о составленіи „основательной грамматики", какъ говорилъ объ этомъ Шишковъ въ своемъ предложеніи, внесенномъ въ засѣданіи 18 сентября 1820 г. [2]). Характеризуя трудность подобныхъ трудовъ [3]), Шишковъ находилъ, что „сочиненіе Грамматики есть дѣло, не меньше трудное, какъ и Словопроизводный Словарь. Академія въ собраніяхъ своихъ никогда не можетъ ее сочинить. Грамматику долженъ составить одинъ кто-нибудь, имѣющій глубокое въ языкѣ знаніе. Академія токмо прослушиваетъ его, разсуждаетъ, взвѣшиваетъ доказательства, подаетъ ему совѣты, но дѣло совершаетъ онъ" [4]). Впрочемъ, пока дѣло не шло дальше платоническихъ мечтаній, и знатоки и любители отечественнаго языка продолжали игнорировать Россійскую академію, въ собственной же ея средѣ не находилось ни одного желающаго послѣдовать указаніямъ Шишкова, относительно составленія „основательной Грамматики".

---

[1]) Этимъ «безъимяннымъ» авторомъ былъ проф. Петербургскаго университета Я. В. Толмачевъ (см. выше, стр. 748), раскрывшій свое инкогнито лишь много лѣтъ спустя въ своей «Аналитической филологіи о составѣ и образованіи русскаго языка» (Спб. 1859, стр. 378).

[2]) См. Извѣстія Росс. Академіи, кн. 9, 1821 г., стр. 15—26, или «Сынъ Отечества», 1820 г., ч. 64, стр. 278—280.

[3]) По словамъ Шишкова такіе труды «требуютъ долговременныхъ упражненій, многихъ размышленій, трудолюбиваго, строгаго и осмотрительнаго ума, такожъ и выслушиванія совѣтовъ съ выборомъ однакожъ оныхъ, и словомъ крайняго раченія»: «Изв. Росс. Акад.», кн. 9, стр. 18—19.

[4]) См. цитир. книжку «Изв. Росс. Акад.», стр. 18—19.

Зато Московское Общество Люб. Росс. Слов. продолжало попрежнему свою посильную разработку грамматическихъ вопросовъ. Такъ въ засѣданіи его 31 янв. 1820 г. читались „замѣчанія о нарѣчіяхъ" кн. Шаликова, въ томъ же году и напечатанныя [1]). Замѣчанія эти одного достоинства съ другимъ его грамматическими этюдомъ, разсмотрѣннымъ выше (стр. 1036). Заявивъ, въ началѣ своей статейки, что въ русской научной литературѣ все еще нѣтъ „Грамматики, во всѣхъ частяхъ совершенной,—... Грамматики философической (Grammaire raisonnée)", а есть только „Грамматика, объясняющая по крайней мѣрѣ свойство главныхъ частей рѣчи", кн. Шаликовъ предлагаетъ „нѣчто о *нарѣчіи*, или, справедливѣе, объ орѳографіи сего слова". Его удивляетъ, что многіе наши авторы пишутъ сложныя съ предлогами нарѣчія: „*вразсужденіи, вслухъ, вмигъ, втайнѣ, вдалекѣ, отнынѣ, наконецъ, подконецъ, вконецъ, напримѣръ, навсегда, навѣкъ, навѣрное, начасъ, тотчасъ, подчасъ, кстати, поутру, порусски, пофранцузски* и пр." не вмѣстѣ, а раздѣльно, превращая такимъ образомъ несклоняемое нарѣчіе „въ имя существительное съ предлогомъ", причемъ „въ такомъ случаѣ по одному только смыслу можно знать, та ли должна быть часть рѣчи, или другая". По мнѣнію Шаликова, отъ этого происходитъ „и неправильное произношеніе нѣкоторыхъ нарѣчій", подъ которымъ онъ разумѣетъ разницы въ акцентуаціи *тóтчасъ* и *тотчáсъ*, *поутрý* и *поýтру*, возникающія будто бы отъ того, что „пишемъ безъ разбору *тотчасъ* и *тотъ часъ*, *поутру* и *по утру*, когда имѣемъ въ мысляхъ нарѣчіе". Въ заключеніе высказывается надежда, что „будущій сочинитель Грамматики Русской безъ сомнѣнія воспользуется тѣми замѣчаніями по части грамматической, которыя отъ времени до времени являются въ Трудахъ Общ. Люб. Росс. Слов.".

Не менѣе, если не болѣе наивно читанное въ засѣданіи 28 февр. 1820 г. и напечатанное рядомъ [2]) письмо къ членамъ общества отъ неизвѣстнаго автора, скрывшаго свое имя подъ шифромъ 2.90 (В. Ч.?). Письмо это датировано 20 февр. 1820 г. и писано изъ села Архангельскаго Воронежской губ., очевидно, какимъ-то захолустнымъ обывателемъ, размышлявшимъ въ часы досуга надъ разными грамматическими вопросами. Восхваляя въ началѣ своего письма дѣятельность общества, авторъ проситъ послѣднее разрѣшить ему нѣсколько грамматическихъ недоумѣній,

---

[1]) «Замѣчанія о нарѣчіи»: «Труды Общ. Люб. Росс. Слов. при Имп. Моск. Унив.», ч. XVII, 1820 г., стр. 145—147, и ч. XX, стр. 61.

[2]) Тамъ же, ч. XVII, 1820 г., стр. 148—154, и ч. XX, стр. 82.

объясненія которымъ онъ не могъ найти ни у кого; 1) „почему при числахъ *два*, *три* и *четыре*, имена существительныя ставятся въ единственномъ (три человѣка, четыре корабля), а не во множественномъ числѣ, какъ во всѣхъ языкахъ иностранныхъ“... 2) „Почему въ разговорахъ часто вмѣсто прошедшихъ временъ употребляется наклоненіе повелительное? напр. „Я отдаю ему трость, а онъ *возьми и урони ее*“. Авторъ находитъ, что эта черта принадлежитъ „къ достоинствамъ языка Русскаго“, ибо „придаетъ разсказу болѣе силы и быстроты“; 3) авторъ не доволенъ („ибо не знаетъ причины“) тѣмъ, что „сослагат. наклоненіе въ нашемъ языкѣ всегда ставится въ прошедшемъ, въ какомъ бы наклоненіи и времени управляющій имъ глаголъ поставленъ ни былъ“, напр. *я хочу, хотѣлъ, захочу, хотѣлъ бы, чтобы онъ шелъ;* 4) автора удивляетъ, что вмѣсто *добродѣяніе* употребляютъ *добродѣтель*, хотя слова съ подобнымъ окончаніемъ „обыкновенно означаютъ не самое дѣйствіе, но дѣйствующее лице; напр. *благодѣтель, владѣтель*“; 5) не менѣе странно въ глазахъ автора, что имена прилагательныя ср. рода въ единств. числѣ слѣдуютъ мужскому склоненію: „*прекраснаго* платья, *прекрасному* платью“, а во множественномъ—женскому: „*прекрасныя* платья“. Отчего бы „не сказать (слѣдовало бы „написать“): *прекрасные* платья? произношеніе все то же“. Въ пунктахъ 6, 7 и 8 авторъ недоумѣваетъ, почему всѣ имена существительныя pluralia tantum только женскаго рода (*острыя* ножницы, *легкія* сани); въ какомъ падежѣ стоятъ титулы *Ваше Сіятельство* или *Превосходительство*, находясь въ началѣ рѣчи „и безъ всякой связи съ другими словами“, а также, откуда происходитъ выраженіе *обходиться на короткой ногѣ*. Въ заключеніе неизвѣстный корреспондентъ указываетъ, что „подобныхъ случаевъ въ нашемъ языкѣ встрѣчается множество;—но мы такъ уже къ нимъ привыкли, что и не примѣчаемъ ихъ странности“. По мнѣнію его, „весьма было бы полезно, если бы кто-нибудь изъ ученыхъ и образованныхъ людей собралъ и объяснилъ ихъ“. Съ перваго взгляда можетъ быть и нельзя „предвидѣть всей важности“ послѣдствій такого занятія, „но онѣ раскрываются, когда съ большимъ вниманіемъ его разсмотримъ. Изслѣдовать геній языка не значитъ ли изслѣдовать геній народа?—ибо языкъ есть ничто иное, какъ вѣрный отпечатокъ и его мыслей, и его чувствъ. Подвигъ, по истинѣ, трудный: но онъ не можетъ быть для васъ (членовъ общества) чуждымъ по своей прекрасной цѣли“.

Какъ бы наивны ни казались намъ недоумѣнія автора письма, но они всетаки свидѣтельствуютъ о томъ, что и въ глухихъ

уголкахъ Россіи въ это время начиналъ все болѣе и болѣе пробуждаться интересъ къ вопросамъ языка; мысль, хотя бы и неподготовленная, останавливалась на тѣхъ или другихъ особенностяхъ рѣчи и искала имъ объясненія. Нѣкоторые вопросы (напр., первый) рисуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ состояніе грамматическаго знанія въ то время. Не лишена нѣкоторой трогательности и вѣра писавшаго въ то, что среди членовъ общества найдется кто-нибудь, кто разъяснитъ ему его недоумѣнія, а прекрасныя заключительныя слова письма свидѣтельствуютъ, что, несмотря на отсутствіе научныхъ знаній, нашъ провинціальный любитель грамматическихъ вопросовъ имѣлъ ясный и вѣрный взглядъ на значеніе научныхъ изслѣдованій въ области языка.

Рѣдкимъ, особенно въ то время, образчикомъ семасіологическаго этюда является статья П. Ѳ. Калайдовича: „О словахъ измѣнившихъ свое значеніе“, читанная въ засѣданіи Общ. Люб. Росс. Слов. 5 іюня 1820 г. [1]) и напечатанная въ томъ же году въ XVIII части „Трудовъ“ названнаго общества (стр. 83—93). Въ началѣ статьи высказывается нѣсколько общихъ мыслей, служащихъ маленькимъ введеніемъ къ самому перечню словъ. По словамъ автора, „наблюденіе хода и измѣненія языка представляютъ любопытныя явленія. Одни слова выходятъ изъ употребленія, другія заступаютъ ихъ мѣсто: такимъ образомъ языкъ безпрестанно старѣетъ и безпрестанно обновляется, такъ какъ и родъ человѣческій... Исторія словъ есть предметъ, достойный вниманія Филологовъ. Одни слова неизмѣнно проходятъ чрезъ многіе вѣки, и въ живомъ языкѣ удерживаютъ древнее свое знаменованіе: онѣ, кажется, никогда не старѣютъ; другія, не принадлежа уже къ языку народному, составляютъ богатѣйшій запасъ языка книжнаго; третьи, перешедъ чрезъ многіе вѣки, болѣе или менѣе измѣнили древнее свое значеніе“. Въ качествѣ образчиковъ послѣднихъ, приводятся слова: горница (прежде—*кровля*), гривна (прежде—*ожерелье*), дряхлый (прежде—*печальный*), изрядный, измѣна, истощить, наказаніе, напрасно, недѣля, область, опасный, пиво, праздолюбіе, прелесть, столъ, странный, страсть, строго, трудъ, хитрость. Въ концѣ авторъ обѣщалъ, въ случаѣ благосклоннаго пріема этой своей статьи, представить обществу еще „подобный словарь словъ, измѣнившихъ древнее свое знаменованіе“.

Къ 1820 г. относится также рѣчь о „словорасположеніи“, читанная В. О—нымъ (Олинымъ) въ Собраніи Спб. Вольнаго обще-

---

[1]) См. «Труды» Общества, ч. XX, 1820 г., стр. 181.

ства Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ 18 ноября 1820 г. и напечатанная въ „Сынѣ Отечества“ того же года (ч. LXVI, 175—182). Въ сравненіи съ конкретнымъ характеромъ подобныхъ докладовъ въ Моск. Общ. Люб. Росс. Сл., рѣчь Олина кишитъ риторическими фразами. По его словамъ, цѣль петербургскаго общества—„утвердить и передать потомкамъ въ состояніи превосходномъ и цвѣтущемъ языкъ, сіе общее и драгоцѣнное достояніе, полученное нами отъ нашихъ предковъ... Богатства языка Россійскаго неисчерпаемы“... онъ—„исполинъ между языками новѣйшими, чудесный Протей, способный принимать безчисленныя измѣненія видовъ... не связанъ узами рабскими, подобно нарѣчіямъ новѣйшимъ, онъ свободенъ“ и т. д. Размышляя „о преимуществахъ“ русскаго языка, нашъ ораторъ остановился на его „словорасположеніи“, т. е. выбралъ тему, уже раньше трактованную въ Моск. Общ. Люб. Росс. Сл. И. И. Давыдовымъ. Какъ ни слаба была работа послѣдняго, но она безусловно много выше разсматриваемой рѣчи. По словамъ Олина, словорасположеніе „бываетъ двоякое—...*механическое* и *свободное*“. Языкъ, обладающій словорасположеніемъ перваго рода, „хотя неспособенъ къ выраженію мыслей въ томъ же самомъ порядкѣ“, какъ онѣ рождаются въ умѣ, „однако для изученія и легкости сочиненія имѣетъ великія удобности“ (а именно, „составъ рѣчи и мѣсто, на которомъ такая-то идея неусловно должна находиться, неизмѣнны и опредѣлительны“). Но зато въ такомъ языкѣ не можетъ быть превосходныхъ и вѣрныхъ переводовъ древнихъ классическихъ писателей. Поэтому французскіе филологи жалуются на механизмъ своего языка. Русскій же языкъ обладаетъ словорасположеніемъ свободнымъ, имѣющимъ столько же преимуществъ передъ механическимъ, „сколько исполинъ передъ пигмеемъ“. Отъ этого по-русски можно передавать мысли въ томъ порядкѣ, какъ онѣ рождаются въ умѣ, „разнообразить слогъ очаровательной прелестью гармоніи“, „посредствомъ періодицизма доставлять... правильность логическую“, а также переводить буквально классическихъ писателей. Исходя изъ этихъ соображеній, ораторъ обратился къ сочленамъ, прося ихъ „устремить... вниманіе, сверхъ занятій филологическихъ, которыя существенно необходимы, по причинѣ почти совершеннаго недостатка ясной и основательной грамматической системы“, также и „на прозаическіе переводы древнихъ и новѣйшихъ Классиковъ“.

Какъ смотрѣлъ Шишковъ около этого же времени на цѣли русской грамматики, видно изъ его предложенія, внесеннаго въ Россійскую Академію въ засѣданіи 21 янв. 1822 г. Перечисляя задачи

академіи, Шишковъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе къ пункту VIII своего предложенія („Грамматика“): „Всѣ наши Грамматики, начиная отъ первой до послѣдней, суть списки, или подражанія Грамматикамъ чужихъ языковъ, и слѣдственно должны заключать въ себѣ многія недостатки, а можетъ быть и погрѣшности; ибо, какъ уже выше замѣчено, всякой языкъ имѣетъ свои свойства и свои правила, различныя съ другимъ. По сей причинѣ нужно бы было, не увлекаясь чужими Грамматиками, заняться подробными изслѣдованіями языка своего, дабы на нихъ основать и составить тотъ вѣрный чертежъ онаго, какой Грамматика представлять долженствуетъ. Сравнимъ нашъ языкъ, напримѣръ, съ Французскимъ: въ нашемъ находимъ многіе корни, пустившіе отъ себя до двухъ тысячъ вѣтвей и болѣе, тогда такъ во Французскомъ едвали найдется корень съ пятьюдесятью вѣтвями; въ составленіи нашего языка предлоги имѣютъ великое, во Французскомъ напротивъ малое участіе; нашъ языкъ управляется падежами, а ихъ Членами; нашъ въ расположеніи словъ свободенъ, а ихъ связанъ; нашъ изобилуетъ увеличительными, уменьшительными, усѣченными именами, а Французской почти совсѣмъ ихъ не имѣетъ. Однимъ словомъ, составы сихъ двухъ языковъ во многомъ весьма различны: какимъ же образомъ чертежи ихъ (т. е. Грамматики) могутъ быть сходны и снимаемы одинъ съ другаго“ [1]). Нельзя не согласиться съ вѣрностью общей мысли, проводимой здѣсь Шишковымъ. Другое дѣло, однако, былъ ли бы онъ въ силахъ осуществить свой идеалъ русской грамматики, который, конечно, имъ только смутно чувствовался, но не сознавался отчетливо.

Въ томъ же 1822 году въ Россійскую академію поступило рукописное разсужденіе „московскаго купца Николая Полеваго подъ названіемъ „Новый способъ спряженія Рускихъ глаголовъ“ [2]), вызванное, очевидно, тѣмъ интересомъ къ данному вопросу, который былъ пробужденъ у насъ статьями Болдырева. Академія поручила разсмотрѣніе его своему члену И. И. Мартынову. Отзывъ послѣдняго (отъ 26 мая 1822 г.) былъ доложенъ въ засѣданіи академіи 9-го сент. 1822 г. и сохранился въ ея архивѣ [3]). По словамъ Мартынова, „Способъ“ Полевого „содержитъ въ себѣ предположенія о приведеніи въ лучшую систему спряженій, въ нынѣшнемъ состояніи россійскаго языка. Предположенія сіи осно-

---

[1]) «Извѣстія Росс. Академіи», кн. X, 1822 г., стр. 45—46.

[2]) См. Предложеніе Президента академіи А. С. Шишкова, внесенное имъ въ засѣданіе 9 сент. 1822 г. въ рукописныхъ «Запискахъ засѣданій» академіи за 1822 г. № 60 и въ «Извѣстіяхъ Росс. Академіи», кн. 11, 1823 г., стр. 7.

[3]) См. «Записки засѣданій Имп. Росс. Ак. за 1822 г.», № 61.

ваны на изслѣдованіяхъ и наблюденіяхъ предшественниковъ и собственныхъ сочинителя, извѣстныхъ уже и новыхъ. Умозрѣнія, уклоняющія автора отъ обыкновеннаго плана въ расположеніи глаголовъ и ихъ измѣненій, весьма уважительны, доказываютъ не поверхное (такъ!) познаніе свойства русскаго языка, въ особенности же, глаголовъ, столь важное мѣсто въ ономъ занимающихъ, и подаютъ надежду, что и прочія части рѣчи, а, можетъ быть, и всю грамматическую науку представилъ бы онъ въ новомъ видѣ съ успѣхомъ и пользою очевидною". Критикъ находилъ, что работу Полевого слѣдовало бы напечатать, такъ какъ она, „можетъ быть, подастъ случай и другимъ заняться симъ предметомъ", самого же автора—принять въ покровительство академіи и поощрить какой нибудь наградой. Согласно отзыву Мартынова, Шишковъ нашелъ, „что подобное упражненіе" Полевого, „показывающее особенную склонность и способность въ человѣкѣ обязанномъ должностями торговли, заслуживаетъ, къ вящшему его поощренію быть одобрено Академіею", и предложилъ наградить его серебряною медалью [1]). Разсужденіе Полевого, однако, напечатано не было и до насъ не дошло.

Къ этой же серіи работъ о глаголѣ относится разсужденіе „О раздѣленіи глаголовъ" А. Чаплина, напечатанное въ первой части „Сочиненій въ прозѣ и стихахъ" Общества Любителей Росс. Слов. (=Труды, ч. XXI, 1822, стр. 37—44). По мнѣнію автора, „особенной принадлежностью" русскаго глагола являются „три неокончательныя наклоненія", изображающія „различные образы самаго дѣйствія, чего не льзя выразить глаголами другихъ языковъ". Эта особенность „нѣкоторымъ образомъ замѣняетъ недостатокъ во временахъ", свойственныхъ глаголамъ „другихъ извѣстныхъ намъ языковъ". Другая черта русскаго глагола, что въ немъ „отъ одного глагола происходитъ множество другихъ, выражающихъ главное понятіе въ различныхъ измѣненіяхъ; въ иностранныхъ же языкахъ гораздо менѣе производныхъ". Указавъ на сбивчивость системы спряженія въ грамматикѣ Росс. Академіи, въ основу которой положены три формы неопред. наклоненія (одна изъ нихъ неупотребительная), и на работы Болдырева, Фатера и др., раздѣляющія глаголъ на общіе виды и опредѣляющія формы спряженія каждаго вида порознь, Чаплинъ предлагаетъ свою систему дѣленія глагола, представляющую попытку примирить дѣленіе академической грамматики и Ломоносовскую систему

[1]) См. цитированное выше предложеніе Шишкова въ «Запискахъ» засѣданій Росс. Акад. 1822 г. и „Извѣстія Росс. Академіи", кн. XI, 1823 г., стр. 8.

временъ съ новымъ ученіемъ о видахъ. По словамъ автора, „если принять неокончательное наклоненіе за корень глагола: то можно утвердительно сказать, что въ Русскомъ языкѣ число глаголовъ опредѣляется числомъ неокончательныхъ наклоненій“. А такъ такъ какъ эти послѣднія „выражаютъ разныя понятія о самомъ дѣйствіи“, то, сообразно съ ихъ видами, можно раздѣлить и глаголы. Видовъ глагола Чаплинъ признаетъ столько же, сколько и „неокончательныхъ наклоненій“, т. е. только три: 1) неопредѣленные, 2) многократные или учащательные и 3) однократные, или вообще совершенные, которые всѣ вмѣстѣ являются „въ общемъ смыслѣ опредѣленными (?)“, Въ системѣ нашего автора видное мѣсто отводится еще „давнопрошедшему“ „многократному“ времени, служащему „къ составленію разновидныхъ учащательныхъ глаголовъ черезъ перемѣну своего окончанія и прибавленіе частицы (т. е. предлога), безъ которой, кажется (!), нѣтъ у насъ глаголовъ многократныхъ, выключая (!) *бывать*, *видѣть* и очень немногихъ“. Въ качествѣ примѣровъ такого производства, приводятся формы, въ родѣ сиживалъ—подсиживать, писывалъ—подписывать, говаривалъ—разговаривалъ и т. д. По словамъ автора, всѣ подобные глаголы, произведенные отъ „давнопрошедшаго“, „уже не имѣютъ онаго“. Это же свойство имѣютъ глаголы, сложные съ предлогами, происшедшіе тоже отъ давнопрошедшихъ временъ, самихъ по себѣ не употребительныхъ, въ родѣ *превышать*, *полагать*, *раздроблять*, *размышлять*—отъ *вышалъ*, *лагалъ*, *дроблялъ*, *мышлялъ* (!). Прочія времена одинаковы для неопредѣленныхъ и учащательныхъ глаголовъ. На этихъ основаніяхъ предлагается дѣленіе всѣхъ глаголовъ на два главныхъ класса: I. Глаголы, имѣющіе *настоящее*, *прошедшее*, *давнопрошедшее* (!), *будущее* со вспомогательными *быть* или *стать*, повелительное наклоненіе, два причастія и два дѣепричастія, напр. *быть*, *забывать*; *вить*, *обвивать*; *говорить*, *разговаривать* и т. д. II. Глаголы совершенные, имѣющіе прошедшее, будущее, повелительное наклоненіе (котораго будто бы иностраннымъ языкамъ недостаетъ), и по одному причастію и дѣепричастію, напр. *забыть*, *обуть*, *слетѣть*, *раскрыть* и т. д. Въ концѣ статьи авторъ самъ даетъ вѣрную оцѣнку своей системы, называя ее „незрѣлыми и безъ порядка представленными размышленіями“. Желая угодить всѣмъ, онъ, конечно, не угодилъ никому и несомнѣнно пошелъ назадъ, сравнительно съ Болдыревымъ. Статья Чаплина была послѣднимъ признакомъ жизни старой теоріи глагола, послѣднимъ слабымъ голосомъ изъ лагеря ея сторонниковъ.

О томъ, что Н. И. Гречъ работалъ уже въ это время надъ

своей русской грамматикой, узнаемъ изъ „Соревнователя просвѣщенія и благотворенія" (ч. XVII, 1822 г., стр. 239—40), сообщающаго, что дѣйств. членъ Гречъ изъявилъ Вольному Обществу Любителей Росс. Словесности „желаніе представлять въ оное на разсмотрѣніе, по частямъ, *Россійскую Грамматику*, надъ составленіемъ коей трудится онъ постоянно въ теченіе 17 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы сіе сочиненіе Обществомъ разсмотрѣнное, посвятить сему же сословію и сверхъ того, по напечатаніи, отдѣлить въ пользу благотворной цѣли онаго 300 экземпляровъ". Общество, конечно, съ готовностью приняло сдѣланное ему предложеніе.

Въ томъ же 1822 г. во II части „Сочиненій" Общества Люб. Росс. Слов. (=„Труды", ч. XXII, стр. 72—134) явилось пространное разсужденіе издателя „Украинскаго Вѣстника" Евграфа Филомаѳитскаго: «О знакахъ препинанія вообще и въ особенности для россійской словесности". Изложивъ исторію знаковъ препинанія, начало которыхъ онъ относитъ къ ср. вв., особенно же къ концу „1-го тысящелѣтія по Р. Х." (?!), и опредѣливъ приносимую ими пользу (болѣе легкое чтеніе чужихъ сочиненій и точное пониманіе ихъ смысла), авторъ говоритъ объ ихъ употребленіи и даетъ рядъ правилъ въ обычномъ школьномъ догматическомъ духѣ, приводя рядъ примѣровъ изъ нашихъ писателей.

Вопросы правописанія служили у насъ въ это время предметомъ заботъ не только со стороны педагоговъ и ученыхъ, но и администраціи. Въ томъ же 1822 году, по случаю изданія въ Вильнѣ нѣкіимъ Згерскимъ оды „Богъ", напечатанной безъ буквы ъ, предписано было цензорамъ наблюдать строго, чтобы впредь подобнаго уклоненія отъ общепринятаго правописанія никоимъ образомъ не допускалось [1]).

Къ слѣдующему 1823 г. относится статья Ив. Ѳ. Калайдовича: „О степеняхъ прилагательныхъ и нарѣчій качественныхъ" [2]). Авторъ начинаетъ свою статью заявленіемъ, что „позволительно заимствовать у иностранцевъ полезное". Къ числу такихъ предметовъ, которыми можно воспользоваться, „принадлежитъ и Французская Грамматика, обработанная ученѣйшими мужами Франціи". Поэтому авторъ и осмѣливается предложить „правила о степеняхъ Русскихъ прилагательныхъ, по образцамъ Французскихъ Грамматиковъ", прилагая „правила языка Русскаго къ правиламъ Все-

---

[1]) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I». Спб. 1866, стр. 47 и 95.

[2]) „Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Слов.", ч. III (отъ начала 23-я), 1823 г., стр. 107—132.

общей Грамматики". По словамъ автора, изъ его правилъ „можно будетъ усмотрѣть, что языкъ нашъ точно имѣетъ всю полноту и чрезвычайную разнообразность выраженій, которыми онъ превосходитъ многіе новѣйшіе языки, и которыя, ежели смѣю такъ сказать, несправедливо у него похищаются скудными правилами, предлагаемыми въ нашихъ Грамматикахъ". Говоря о различеніи въ обычныхъ грамматикахъ трехъ степеней сравненія, И. Калайдовичъ замѣчаетъ, что оно смѣшиваетъ „два вида степеней, совершенно между собою различные, именно: *степени значенія* и *степени сравненія*". Понятія эти и термины почерпнуты нашимъ авторомъ изъ французской литературы, и именно изъ указываемыхъ имъ „Eléments de grammaire générale appliquée à la langue Françoise par R. A. Sicard" (1799—1808, 2 т.), передѣланныхъ для русскихъ учениковъ Блемеромъ. Далѣе выясняются эти понятія, со ссылками на французскую грамматическую литературу. Цитируются: Левизака († 1813 г.), „L'art de parler et d'écrire correctement la langue Françoise" (7-е Парижск. изданіе), „Grammaire des grammaires etc. par Girault Duvivier" (Парижъ, 4 изд.), грамматики Dumarsais (р. 1676, † 1756), Шапсаля (р. 1788, † 1858) [1]) и др.

Сообразно своимъ пособіямъ, Калайдовичъ устанавливаетъ три главныхъ степени значенія: *низкую*, *положительную*, или *обыкновенную*, и *превосходную*, или *высокую*, и столько же степеней *сравненія*: *высшую*, *низшую* и *равенства*, или *равную*. У самихъ прилагательныхъ Калайдовичъ различаетъ двѣ формы: *соименную* (т. е. сложную, напр. *прекрасный* цвѣтокъ) и *соглагольную* (т. е. простую: цвѣтокъ *прекрасенъ*). Ниже описывается образованіе разныхъ степеней *значенія* и *сравненія*, причемъ авторъ нигдѣ не выходитъ изъ рамокъ обычной практической, школьной грамматики. Превосходная степень значенія, по его словамъ, образуется „или чрезъ сложеніе прилагательнаго и нарѣчія съ частицами *пре*, *все*, или чрезъ прибавленіе нарѣчій *очень*, *весьма*; низкая же степень—при помощи суффикса *атый* (напр., *синеватый*) и т. д. Подъ *равной* степенью сравненія Калайдовичъ разумѣетъ обороты, при помощи выраженій *равно какъ*, *также какъ*, *столько сколько* и т. д. Положенія статьи иллюстрируются примѣрами изъ современныхъ и болѣе раннихъ писателей (Мерзлякова, Дмитріева, Жуковскаго, Карамзина, кн. Долгорукова,

---

[1]) Здѣсь очевидно имѣются въ виду: du Marsais, „Principes de Grammaire, ou des causes de la parole" (см. полное собраніе сочиненій, 1797 г., 7 т.) и Chapsal, „Nouvelle grammaire française" (2 т., 1823).

Державина, Хераскова, Ломоносова) и даже изъ народныхъ пѣсней (всего одна цитата). Болдыревскія замѣчанія относительно сравнительной степени (см. выше, стр. 1033) принимаются и Калайдовичемъ, называющимъ статью своего предшественника „прекрасной". Въ общемъ этюдъ Калайдовича долженъ быть признанъ неудачной попыткой рабскаго перенесенія къ намъ схемъ, выработанныхъ французской школьной и всеобщей грамматикой, однимъ изъ плодовъ того подражательнаго направленія нашей грамматики, которое справедливо осуждалъ Шишковъ за годъ передъ этимъ, въ своемъ планѣ ученыхъ работъ Росс. Академіи (см. выше, стр. 1044).

Двѣ грамматическихъ статьи въ этомъ же году помѣстилъ и „Вѣстникъ Европы". Первая изъ нихъ, „Начальныя правила Грамматики" [1]), принадлежала самому издателю журнала М. Т. Каченовскому (подпись: М. К—ій) и представляла собой извлеченіе изъ грамматики извѣстнаго польскаго грамматика Копчинскаго, принаровленной къ русскому и латинскому языкамъ. Составитель „видѣлъ съ удивленіемъ, какъ охотно и легко дитя малолѣтное посредствомъ сей методы пріобрѣтало основныя свѣдѣнія о двухъ языкахъ въ одно время, и даже, можно сказать, получало понятіе о составѣ слова человѣческаго". Убѣдившись въ пользѣ „своей тетрадки", онъ рѣшился напечатать ее „почти въ такомъ видѣ, какъ была она писана для одного, любезнаго ему, дитяти", тѣмъ болѣе, что „нѣкоторые наставники послѣ брали ее" у него „и переписывали для своего употребленія". Каченовскій полагалъ, что напечатаніе методы Копчинскаго расширитъ кругъ ея дѣйствія и доставитъ удовольствіе многимъ читателямъ „какъ новостію своею, такъ и обдуманнымъ изложеніемъ". Извлеченіе его содержало сжатый очеркъ обычной школьной „этимологіи" русскаго и латинскаго языковъ, изложенный параллельно и начинающійся прямо съ опредѣленія восьми частей рѣчи. Научнаго характера оно совершенно не имѣло.

Вторая статья касалась излюбленнаго тогда вопроса о русскомъ и славянскомъ глаголѣ и принадлежала знакомому уже намъ Ив. Ѳ. Калайдовичу. Она озаглавлена: „Нѣчто о прошедшихъ временахъ глаголовъ и вообще о формахъ временъ въ языкахъ Церковно-Славянскомъ и Русскомъ" [2]) и не лишена интереса въ историческомъ отношеніи. Калайдовичъ отправляется отъ одного изъ положеній Болдыревскаго „Разсужденія о средствахъ

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1823 г. (ч. 129), № 11, стр. 178—206.

[2]) Тамъ же (ч. 130), № 13—14, стр. 65—73.

исправить ошибки въ глаголахъ Русскихъ“ (см. выше, стр. 1015—1016), согласно которому русскій языкъ имѣетъ двѣ особенныхъ формы временныхъ окончаній, а церковнославянскій—три (настоящее или будущее, „прошедшее на *хъ*“ и „прошедшее на *лъ*“). Къ этимъ положеніямъ нашъ авторъ присоединяетъ свои замѣчанія, интересныя для того времени. „Первыя двѣ формы“ (очевидно, настоящаго и „прошедшаго на *хъ*“) онъ считаетъ „составными изъ *корня* глагола и изъ глагола *есмь*“. Остатки этого глагола Калайдовичъ видитъ въ окончаніяхъ перваго лица наст. вр. въ польскомъ (iem, am, ę) и сербскомъ (*ам, ем, им*) языкахъ, сближая ихъ съ польск. jestem и серб. *iесам, сам*. Окончанія прочихъ лицъ также, по его мнѣнію, „явно происходятъ отъ соотвѣтствующихъ окончаній существительнаго глагола (еши—еси, етъ—есть, емъ—есмы, ете—есте, уть—суть)“. Идея эта является у насъ здѣсь впервые. На западѣ она не была новостью въ это время и излагалась Боппомъ еще въ 1816 г., въ его „Conjugationssystem“ (см. выше, стр. 6—9). Авторъ почерпнулъ ее, впрочемъ, изъ другого источника, а именно изъ книги Сикара „Élémens de grammaire générale etc.“, имъ и указываемой. Не столь очевидно, по его словамъ, присутствіе глагола *есмь* во второй формѣ (т. е. аористѣ или имперфектѣ), но и тутъ онъ открываетъ его: 3 лицо ед. ч. на *е* сходно съ сербск. *je* (есть), а формы изъ Слова о П. Игоревѣ, въ родѣ *растекашеться*, *растяшеть*, *погибашеть* и т. д., сходны съ *есть*; кромѣ того 1 л. множ. ч. оканчивается на *ы* (!), какъ и *есмы*, 2 л. множ. ч. на *сте* весьма сходно съ *есте*, а третье на *уть* (напр. въ Кенигсбергской лѣтописи: *носяхуть* и въ Словѣ о П. Игор. *говоряхуть*, *граяхуть*) сходно съ *суть*. Сербское *смо* въ 1 л. мн. ч. отожествляется имъ съ *jесмо*=нашему *есмы*. Третью форму прош. времени на *лъ* Калайдовичъ рѣшительно отдѣляетъ отъ прочихъ временъ и называетъ ее (ссылаясь на „Разсужденіе“ Востокова) *усѣченнымъ* или *простымъ*, *несложнымъ* причастіемъ. Въ пользу этого говоритъ измѣненіе данной формы по родамъ, употребленіе ея, наряду съ другими причастіями, въ описательныхъ формахъ съ вспомогат. глаголомъ *есмь*, затѣмъ—въ церковнославянскомъ сослагат. наклоненіи (*да быхъ хранилъ*) и въ польскомъ сложномъ будущемъ (będę umiał), а также присутствіе въ русскомъ *полныхъ* или *сложныхъ* формъ этого причастія, превратившихся уже въ прилагательныя, въ родѣ *горѣлый*, *погорѣлый*, *стоялый*, *постоялый* и т. д.

Въ заключеніе Калайдовичъ указываетъ, что послѣднее его мнѣніе (о причастномъ происхожденіи нашего такъ называемаго прош. времени) принадлежитъ покойному г. Сампсонову (?), ссы-

лавшемуся въ подтвержденіе его также на перифрастическія формы и прилагательныя въ родѣ *горѣлый*. Кромѣ того, это же мнѣніе Калайдовичъ нашелъ и у Крижанича, котораго называетъ „ученымъ Кроатомъ", жившимъ „болѣе нежели за 150 лѣтъ предъ симъ" и составившимъ „у насъ въ Россіи сводную Грамматику Славянскихъ нарѣчій, о которой подробныя свѣдѣнія сообщены будутъ публикѣ при другомъ случаѣ" [1]). Въ пространныхъ примѣчаніяхъ къ статьѣ подробнѣе выясняются извѣстныя уже намъ положенія автора. Такъ во 2-мъ примѣчаніи обращается вниманіе на свойственную новому церковнославянскому языку замѣну 2-го л. ед. ч. аориста посредствомъ сложнаго прошедшаго (съ причастіемъ на *лъ*), примѣръ которой авторъ видѣлъ въ лѣтописи Нестора, Словѣ о П. Игоря и въ небольшомъ извѣстномъ ему отрывкѣ Остромирова евангелія. Сербскій языкъ, по словамъ Калайдовича, не знаетъ этой замѣны, и въ немъ „лице сіе кончится всегда сходно съ третьимъ (на *ше*, или *а*, или *ао*: играше, игра, играо)" [2]). Объясненіе этой замѣны уже почти тожественно съ современнымъ взглядомъ на нее: „первые переводчики церковныхъ книгъ нашихъ не были природные Славяне: одинакое окончаніе двухъ лицъ могло показаться имъ сбивчивымъ, и для того они разсудили употребить другую форму (на *лъ*), уже существовавшую... которая совершенно замѣняла первую; послѣдующіе же писатели, сообразуясь съ языкомъ Библіи, навсегда утвердили ея употребленіе". Здѣсь неправильно только отнесеніе данной замѣны въ эпохѣ первоучителей, которымъ она и приписывается; самая же замѣна объяснена вѣрно.

Въ примѣчаніи 5-мъ Калайдовичъ находитъ глаголъ *есмь* въ формахъ 3 л. аориста и настоящаго времени, въ родѣ *бысть, дасть, дастъ*, а въ 6-мъ указываетъ на дѣйствительно сложный составъ польскаго прош. вр., въ родѣ umiałem, umiałam-łom: łeś, łaś, łoś... umieliśmy,—iście и т. д. Въ 7 примѣчаніи приводятся изъ Русской Правды русскія образованія, параллельныя польскому сложному прошедшему, въ родѣ będę umiał: *а кто ли будетъ началъ, зане не знаетъ у кого будетъ купилъ* и т. д. Разумѣется, рядомъ съ удачными и новыми по тогдашнему объясненіями и взглядами, мы встрѣчаемъ у Калайдовича и грубыя ошибки, не лишенныя

---

[1]) Ив. Ѳ. Калайдовичъ разумѣлъ здѣсь, повидимому, извѣстную книгу своего старшаго брата К. Ѳ.: «Іоаннъ Ексархъ Болгарскій» и т. д. (М. 1824), въ одномъ изъ примѣчаній которой дѣйствительно были потомъ сообщены болѣе подробныя свѣдѣнія о Крижаничѣ (см. выше, стр. 912).

[2]) Калайдовичъ, очевидно, и не подозрѣвалъ, что сербское *играо* тожественно съ русск. *игралъ*!

историческаго интереса. Таково, напр., смѣшеніе имъ сербск. формы сложнаго прошедшаго *играо* съ аористомъ *игра* и имперфектомъ *играше*, отмѣченное нами выше, или пониманіе причастія прош. вр. *расточивъ*, какъ сложнаго прошедшаго (одинаковаго съ малорусскими формами *бувъ*, *була*, *ло*, *лы!*), въ такой фразѣ, какъ *и сбираеши*, *яже не расточивъ* (Остром. Ев. Матѳ. гл. 25) и т. д.

Несмотря на подобные промахи, статья Ив. Ѳ. Калайдовича представляетъ историческій интересъ, какъ одна изъ первыхъ у насъ попытокъ основать объясненія русскихъ грамматическихъ формъ на сравненіи ихъ съ формами другихъ славянскихъ языковъ. Ссылки на древніе памятники языка (лѣтопись Нестора, Слово о Полку Игоря, Остромирово еванг., Русская Правда) придаютъ работѣ историческій характеръ. Заслуживаетъ упоминанія и знакомство автора съ трудами его предшественниковъ и современниковъ (статьи Болдырева, Разсужденіе Востокова, на которое онъ ссылается нѣсколько разъ, статья проф. Фатера и т. д.).

Востоковъ тѣмъ временемъ все продолжалъ трудиться надъ своей славянской грамматикой. 19-го іюля 1823 г. онъ писалъ К. Ѳ. Калайдовичу: „Я теперь принялся за отработку начисто собираемыхъ мною давно уже матеріаловъ къ Словенской Грамматикѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю я появленія въ свѣтъ вашего Ексарха, изъ коего почерпну важныя пособія въ предстоящемъ мнѣ трудѣ, такъ какъ уже и прежнія изслѣдованія и открытія ваши по археологіи служатъ мнѣ большою помощью... Вы мнѣ позволите... прибѣгать къ вамъ и особенно для разрѣшенія сомнѣній, какія мнѣ въ продолженіи труда моего встрѣчаться могутъ. Я уже и теперь, при обработываніи 1-хъ §§ моей Грамматики, имѣю до васъ двѣ таковыя просьбицы“ (проситъ списать начало и конецъ сказанія *о писменехъ* Черноризца Храбра, нужнаго „для нѣкоторыхъ соображеній при составленіи... Грамматики“, и сообщить свѣдѣнія относительно письменнаго знака для 900) [1]). Составленіе этой грамматики, однако, затянулось у Востокова на многіе годы.

Въ этомъ же году явилась „Полная россійская грамматика съ присовокупленіемъ краткой исторіи славянороссійскаго языка, составленная въ пользу юношества Константиномъ Меморскимъ“ (Москва. Въ типогр. Августа Семена, при Имп. Медико-Хирург. акад. 1823. 8°, 180 + III стр.). Грамматика эта, однако, не даетъ ничего новаго, представляя обыкновенное школьное руководство,

[1]) Сборникъ статей, чит. въ отд. рус. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 63—64.

скомпилированное изъ другихъ ходячихъ учебниковъ. Можно лишь отмѣтить въ ней довольно обширный отдѣлъ „о слогоударенiи или произношенiи словъ“ (стр. 114—134), трактованный, однако, въ томъ же родѣ, какъ, напр., у Орнатовскаго (см. выше, стр. 731) и другихъ предшественниковъ автора. Такъ же мало самостоятельна и приложенная къ грамматикѣ „Краткая исторiя Славяно-Россiйскаго языка“ (стр. 167—80), представляющая компиляцiю изъ аналогичныхъ очерковъ Фатера, Орнатовскаго, Тимковскаго и др. Конкретныхъ фактовъ искать здѣсь было бы напрасно; внутренняя исторiя самого языка не затрогивается, и все содержанiе сводится къ чисто внѣшнему очерку общихъ историческихъ условiй, въ которыхъ приходилось развиваться русскому языку (христiанство, монгольское иго, западное влiянiе и т. д.).

Къ 1824 г. относится новая статья Ив. Ѳ. Калайдовича, обнаруживавшаго въ это время довольно оживленную дѣятельность въ области грамматическихъ вопросовъ: „О залогахъ глаголовъ русскихъ“ („Сочиненiя въ прозѣ и стихахъ. Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Слов.“ 1824 г., ч. IV [24], стр. 70—101). Появленiе своей статьи онъ оправдываетъ слѣдующимъ образомъ: „въ наше время много занимаются Грамматикою языка Русскаго: предметъ поистинѣ достойный занятiя, хотя, для нѣкоторыхъ, можетъ онъ казаться сухимъ, безплоднымъ, или даже дѣтскимъ“. Важность грамматическихъ занятiй Калайдовичъ доказываетъ цитатой изъ Квинтилiана (по „Cours de Rhétorique et des belles lettres“ Блера) и указанiемъ на то, что русскiй языкъ „богатъ и силенъ, какъ народъ, который говоритъ имъ; а Грамматика еще во младенчествѣ“. Поэтому непростительно было бы намъ, „имѣя алмазъ въ корѣ, оставить его въ натуральной дикости“, ибо „языкъ есть собственность народа..., которая должна... постоянно обработываться..., улучшаться и приносить отчасу большiй доходъ“. Относительно залоговъ русскаго глагола нашъ авторъ ставитъ слѣдущiе три вопроса, которые и пытается разрѣшить въ своей статьѣ: 1) „*способствуютъ ли залоги наши къ познанiю знаменованiя глаголовъ?* 2) *нужно ли раздѣленiе глаголовъ Русскихъ на залоги, для показанiя различiй ихъ въ спряженiи?* и 3) *способствуетъ ли раздѣленiе наше на залоги къ познанiю правилъ сочиненiя глаголовъ?*

Отвѣты на эти вопросы даются отрицательные. Такъ по первому пункту устанавливается, что дѣленiе на „залоги мало полезно для познанiя знаменованiя самихъ глаголовъ“; по второму, что „оно вовсе безполезно для изученiя спряженiй“, и по третьему, что оно „мало способствуетъ познанiю правилъ сочиненiя глаго-

ловъ". Анализъ самихъ фактовъ, изъ котораго дѣлаются эти выводы, не выходитъ, впрочемъ, почти изъ рамокъ школьной грамматики, имѣетъ вообще элементарный характеръ и не вездѣ свободенъ отъ ошибокъ. Такъ авторъ считаетъ глаголы *трудиться* и *стараться* дѣйствительными (по смыслу), а не общими, „ибо *трудиться надъ чѣмъ нибудь* не означаетъ ли дѣйствія переходящаго?" Къ сравненію съ другими языками (французскимъ, латинскимъ и церковнославянскимъ) Калайдовичъ прибѣгаетъ рѣдко, а о его знаніяхъ въ области церковнославянскаго языка краснорѣчиво говоритъ примѣчаніе на стр. 89, въ которомъ библейскіе случаи, въ родѣ „всади мужа *на конь*" (4 Цар. IX, 17) и „приведоша къ нему *дѣти*" (Матѳ. XIX, 13), приравниваются народнымъ оборотамъ: *труба* закрыть, *квашня* замѣсить и т. д. И тутъ, и тамъ Калайдовичъ видитъ употребленіе именит. падежа, вмѣсто винительнаго. Относясь отрицательно къ теоріи залоговъ русскаго глагола, которую онъ характеризуетъ какъ „хаосъ", нашъ авторъ все же не находитъ возможнымъ выбросить залоги изъ грамматики, утверждая, что „знаменованіе глаголовъ, или раздѣленіе на залоги, проистекаетъ изъ натуры глагола".

Несмотря на свою элементарность и незначительность результатовъ, достигнутыхъ анализомъ залоговъ русскаго глагола, статья И. Калайдовича (первая по этому вопросу) всетаки свидѣтельствовала о нарожденіи у насъ критическаго отношенія къ истинамъ традиціонной грамматики, стремленія къ ихъ пересмотру и установленію болѣе правильныхъ и вѣрныхъ взглядовъ на тѣ или другія особенности языка. Нѣтъ сомнѣнія, что такое стремленіе являлось залогомъ будущаго уже чисто научнаго развитія въ данной области знанія.

За этой статьей явилась другая, того же автора: „Замѣчанія о родахъ Грамматическихъ въ языкѣ Русскомъ" („Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Сл., ч. V = XXV, 1824, стр. 171—205). Вопросъ, разсматривавшійся въ ней, также впервые поднимался въ нашей литературѣ. На происхожденіе категоріи рода И. Калайдовичъ смотритъ согласно съ тогдашними взглядами европейской „всеобщей грамматики", ссылаясь на книги Блера (Cours de rhétorique et de belles-lettres par Blair, leç. VIII) и Дювивье („Grammaire des Grammaires", стр. 872): „различіе половъ въ животныхъ и очевидное несходство ихъ съ неодушевленными вещами произвело различіе въ наименованіяхъ ихъ; отсюда произошли правильные Грамматическіе роды: для именъ животныхъ мужескій и женскій, для бездушныхъ вещей средній. Но когда произвольное употребленіе, или другія неизвѣстныя

причины нарушили сіе коренное правило, такъ что по роду имени не только нельзя узнать пола, имъ означаемаго (напр. въ словахъ: *соловей, лошадь*), но и самыя названія не имѣющихъ пола вещей стали причислять къ тому или другому роду, смотря по сходству ихъ окончанія и склоненія съ именами половъ; то теперь *Грамматическіе роды служатъ только къ различенію трехъ способовъ согласовать прилагательное съ существительнымъ,* принимая первое слово въ обширномъ его значеніи" (стр. 171—72). Въ связи съ этимъ общимъ взглядомъ на современное значеніе граммат. родовъ, Калайдовичъ дѣлитъ всѣ части рѣчи на „родовыя, или имѣющія роды частію по натурѣ означаемыхъ ими понятій, частію по этимологическому сходству съ первыми, каковы имена; не согласующіяся, или имѣющія роды по отношенію къ первымъ, таковы прилагательныя, числительныя, мѣстоименія и глаголы; и на безродныя, не имѣющія родовъ и несогласующіяся съ именами, таковы нарѣчія, предлоги и междуметія„ (стр. 172). Далѣе даются правила (въ обычномъ школьно-грамматическомъ вкусѣ) для опредѣленія рода по окончаніямъ и т. д. Въ приложеніяхъ (ст. 191—205) приводятся цѣлые списки именъ всѣхъ граммат. родовъ, а также рядъ орѳографическихъ и грамматическихъ „правилъ" и предложеній, которыя, по мнѣнію автора, оказывались слишкомъ подробными для помѣщенія ихъ въ основномъ текстѣ или требовали еще обсужденія и ближайшаго разсмотрѣнія.

Статья Калайдовича вызвала обстоятельный разборъ ея, появившійся въ „Сынѣ Отечества" 1825 г. (ч. 100, № 5, стр. 36—56). Критикъ прежде всего не соглашается съ общимъ положеніемъ Калайдовича, что въ современномъ языкѣ грамматическій родъ является лишь средствомъ „къ различенію трехъ способовъ согласовать прилагательное съ существительнымъ". Для нашего критика это положеніе „не слишкомъ понятно". По его мнѣнію, „существительныя имена произошли гораздо ранѣе прилагательныхъ, слѣдственно, придавая первымъ значеніе пола, человѣкъ не могъ думать о способѣ совокупленія съ ними послѣднихъ". Значеніе родовъ кажется критику не столь случайнымъ, какъ Калайдовичу: „младенчествующій человѣкъ, составляя языкъ, одушевлялъ всю природу; находя въ предметахъ одушевленныхъ различіе половъ, онъ переносилъ сіе свойство и на неодушевленные; большіе, сильные, грозные предметы получали значеніе рода мужескаго; малые, слабые, пріятные женскаго". Какъ примѣръ, приводятся звукоподражательныя слова муж. рода: *крикъ, вопль, вой, свистъ, визгъ, бой;* отвлеченныя имена женскаго: *жизнь,*

сладость, горечь, печаль; отглагольныя—средняго: *дѣяніе, уныніе, бытіе* и т. д. Критикъ не можетъ согласиться и съ рутиннымъ, школьно-грамматическимъ отношеніемъ Калайдовича къ предмету его статьи. Смотрѣть на грамматику „только какъ на собраніе правилъ употребленія языка, приведенныхъ въ извѣстный порядокъ", значитъ „ограничивать и даже унижать сію благородную Науку". Несомнѣнно нашъ критикъ смотрѣлъ шире на задачи грамматики, устанавливая слѣдующія „три главныя отрасли" ея: „1) *Изслѣдованіе законовъ мыслящей силы* и средствъ, употребляемыхъ ею для изображенія своихъ представленій произвольными знаками, голосомъ, письмомъ, тѣлодвиженіями и пр. 2) *Изслѣдованіе строенія и дѣйствій органовъ голоса человѣческаго, какъ главнѣйшихъ орудій къ выраженію словъ, знаковъ мыслей* (курсивъ нашъ), и 3) Изслѣдованіе, какимъ образомъ отдѣльный народъ (языкъ) совокупляетъ первыя двѣ отрасли". По мнѣнію критика, „если мы ограничимся одною только послѣднею отраслію, то всѣ наши знанія и уроки будутъ неосновательны, сбивчивы, темны, и *Наука* языка превратится въ *сборъ правилъ*, болѣе или менѣе основательныхъ. Между первою и послѣднимъ такая же разница, какъ, напримѣръ, между Естественною Исторіею и Технологіею...". Далѣе указываются разныя неточности и пропуски въ правилахъ Калайдовича, которыя критикъ находитъ неосновательными, недостаточными, основанными на случайныхъ признакахъ и т. д., упрекая автора въ томъ, что онъ нерѣдко смѣшиваетъ чисто семасіологическій вопросъ о родѣ съ вопросами морфологическими (образованіе словъ, склоненіе и т. д.). Большая часть замѣчаній критика должна быть признана вполнѣ основательной, хотя и онъ не выходилъ изъ предѣловъ обыкновенной практической или школьной грамматики.

Калайдовичъ не остался въ долгу и отвѣчалъ пространнымъ и многорѣчивымъ возраженіемъ (также въ „Сынѣ Отечества" 1825 г. 101, стр. 51—66, 155—77, 267—76), которое, однако, не устраняло большинства возраженій его критика [1]). Впослѣдствіи, очевидно, подъ вліяніемъ указанной полемики, онъ снова вернулся къ своимъ „Замѣчаніямъ о родахъ Грамматическихъ", напечатавъ рядъ поправокъ къ нимъ (въ XXVI ч. Трудовъ Моск. Общ. Люб.

[1]) Нѣкоторыя мѣста антикритики Калайдовича зато любопытны въ другихъ отношеніяхъ и до сихъ поръ еще могутъ представлять научный интересъ въ глазахъ современнаго фонетика. Таковы, напр., его разсужденія о произношеніи звука *е* (стр. 159—164), или о неясности неударенныхъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ (стр. 162—63, примѣч.) и т. д.

Росс. Сл. = Сочиненія въ прозѣ и стихахъ, т. VI, 1826 г. стр. 351—359).

Разсмотрѣнныя статьи и монографіи по разнымъ вопросамъ русской грамматики, появлявшіяся главнымъ образомъ въ „Трудахъ“ Моск. Общ. Люб. Росс. Сл. за время отъ 1810 по 1825 г., несомнѣнно свидѣтельствуютъ о нарожденіи въ русскомъ обществѣ грамматической любознательности и, конечно, съиграли извѣстную историческую роль въ развитіи нашего языкознанія. Вытекая изъ безкорыстнаго научнаго интереса, хотя бы покуда еще очень наивнаго и неглубокаго, онѣ въ свою очередь пробуждали этотъ интересъ въ болѣе широкихъ кругахъ общества и подготовляли почву для появленія болѣе серьезныхъ научныхъ работъ. Имѣя большею частью вполнѣ эмпирическій характеръ, онѣ несомнѣнно оказали извѣстную пользу систематизаціи, критикѣ и разработкѣ грамматическаго матеріала, хотя бы уже тѣмъ, что впервые ставили рядъ спеціальныхъ вопросовъ и возбуждали ихъ обсужденіе, какъ, напримѣръ, въ только что описанной полемикѣ о грамматическомъ родѣ.

Изъ другихъ проявленій грамматическаго интереса у насъ въ концѣ первой четверти XIX в. отмѣтимъ любопытное мѣсто въ письмѣ гр. Румянцова Востокову отъ 28 окт. 1824 г., въ которомъ канцлеръ, препровождая своему петербургскому сотруднику рукопись Лѣствичника XII в., просилъ сличить ее съ другимъ спискомъ своей библіотеки (писаннымъ на цѣлый вѣкъ позже), „дабы опредѣлить ту перемѣну Славано-русскаго языка, которой онъ подвергнулся въ теченіи 100 лѣтъ“ [1]).

Не лишено историческаго интереса и предпріятіе митрополита Евгенія Болховитинова, который въ 1825 г. сообщилъ Имп. Росс. Академіи свой „письменный переводъ нѣкоторыхъ статей изъ Шлецеровой грамматики Россійской“ [2]). Евгеній давно уже былъ знакомъ съ этой грамматикой и еще въ 1815 году находилъ, что въ ней собранъ „довольно достаточный этимологическій словарь для сличенія нашего языка съ другими“ [3]). Академія охотно приняла трудъ Евгенія и посвятила его чтенію рядъ засѣданій. Въ первомъ же изъ нихъ, 4-го іюля 1825 года, было прочтено „нѣсколько статей, выписанныхъ изъ вступленія въ Грамматику, въ

[1]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 144.

[2]) См. подлинныя «Записки засѣданій Импер. Росс. Акад.» за 1825 г., хранящіяся въ рукописномъ отдѣлѣ I отдѣленія библіотеки Имп. академіи наукъ, протоколъ № 22, 4-го іюля 1825 г.

[3]) См. письмо Евгенія къ казанск. проф. Городчанинову отъ 29 сент. 1815 г., въ Сборн. статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. I, стр. 53.

коихъ между прочимъ доказывается многими примѣрами сходство языковъ Греческаго, Латинскаго, Нѣмецкаго и Славянскаго“ [1]). Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ (11-го, 18-го и 25-го іюля; 1-го. 8-го и 22-го авг., 12-го и 19-го сентября, 3-го, 24-го и 31 окт., 7-го, 14-го и 28-го ноября, 5-го и 12-го декабря) читалось по нѣскольку словъ изъ этимологическаго перечня Шлецера, „съ приложенными къ нимъ разными созвучными и единозначущими иностранными словами“ [2]). Переводъ Евгенія, впрочемъ, остался въ рукописи и въ архивѣ Россійской Академіи не сохранился.

Въ 1825 году явилась у насъ новая грамматика старославянскаго языка, составленная, какъ гласило заглавіе (см. выше, стр. 1005, примѣч.), по порученію начальства старшимъ учителемъ С.-Петербургской гимназіи Иваномъ Пенинскимъ и „заимствованная преимущественно изъ Грамматики г. Добровскаго“ („Спб. Въ типографіи департамента народнаго просвѣщенія 1825 г.“ 8°, 2 ненум. + XXI + 2 ненум. + 219 стр.). Грамматика эта надолго стала общепринятымъ руководствомъ въ нашей школѣ и продолжала выходить повторными изданіями вплоть до 1856 г. включительно. Несомнѣнно она стояла выше предшествующихъ аналогичныхъ грамматикъ М. Смотрицкаго и передѣлокъ ея Ѳедорова (1721 г.) и Максимова (1723 г.) (вышедшихъ въ XVII—XVIII вв.) и основанныхъ на нихъ же учебника Розанова (см. выше, стр. 732) и передѣлки послѣдняго, изданной П. Виноградовымъ (см. выше, стр. 1003, прим.), постольку, поскольку основывалась на „Institutiones“ Добровскаго. Своего составитель вложилъ въ нее немного, и это свое никоимъ образомъ не содѣйствовало ея украшенію. Въ „Предувѣдомленіи“ (стр. 1—XXI) Пенинскій такъ опредѣляетъ отношеніе своей книги къ труду Добровскаго: „въ ней почти все заимствовано изъ Грамматики г. Добровскаго, исключая обыкновенныхъ связей, состоящихъ въ опредѣленіяхъ, и тому подобномъ, и нѣкоторыхъ правилъ Орѳографіи и Синтаксиса, взятыхъ... изъ Грамматики Мелетія Смотрицкаго. Принявъ, подобно г. Добровскому, основаніемъ Славянскаго языка древнее его нарѣчіе, или языкъ Священныхъ писаній“, составитель „не упускалъ нигдѣ случая показывать въ примѣчаніяхъ ходъ и употребленіе его у насъ въ связи съ общенароднымъ языкомъ; прочихъ же діалектовъ его (т. е., очевидно, прочихъ славянскихъ языковъ) касался тогда только, когда чрезъ сіе лучше объяснялось главное правило“. Орѳографію Пенинскій старался „представить въ такомъ

[1]) См. цитир. «Записки» Имп. Рос. Ак. 1825 г. протоколъ № 22.
[2]) См. тамъ-же, соотвѣтствующіе протоколы.

видѣ, дабы съ помощію оной можно было бы читать не одни священныя книги новѣйшихъ изданій, но и всякую древнюю Славянскую книгу и рукопись. Въ ней должно было помѣстить многое, кажущееся при первомъ взглядѣ излишнимъ, но безъ чего трудно уразумѣть надлежащимъ образомъ самыя Склоненія и Спряженія“. Необходимо это было еще потому, „что Славянскій языкъ и въ наружномъ устроеніи словъ и измѣненіи ихъ весьма сходенъ съ Греческимъ (?!)“. Въ этимологіи составитель „расположилъ предметы ближайшимъ къ понятію воспитанниковъ образомъ, и умножилъ число таблицъ, оставивъ, впрочемъ, раздѣленіе частей рѣчи и изложеніе ихъ въ томъ же видѣ“, какъ у Добровскаго, а изъ синтаксиса „ничего не выпустилъ, но еще пополнилъ оный“. Главной цѣлью при этомъ было „составить Грамматику, могущую служить руководствомъ къ преподаванію правилъ Славянскаго языка въ среднихъ и даже высшихъ учебныхъ заведеніяхъ“. Съ пропусками же она могла служить для преподаванія и въ уѣздныхъ училищахъ и пансіонахъ. Составитель счелъ долгомъ указать также „что въ примѣрахъ, заимствованныхъ изъ старинныхъ книгъ и рукописей, удержана съ намѣреніемъ самая Орѳографія оныхъ“ (стр. XVIII—XXI).

Разумѣется, грамматика Пенинскаго представляла рядъ устарѣлыхъ и ошибочныхъ взглядовъ, хотя бы и почерпнутыхъ у Добровскаго, но тѣмъ не менѣе продержалась въ употребленіи болѣе 30 лѣтъ. Изобрѣтеніе глаголицы въ ней относится къ началу XIII в. и приписывается „одному изъ служителей Римско-Католической Далматской церкви“, который сократилъ азбуку Кирилла, „измѣнивъ образъ начертанія“ ея буквъ по своему произволу (стр. 5); ѧ и ꙗ, ѧ считаются тожественными, и этимъ смѣшеніемъ объясняется сербское *вса* вм. вьсѧ (стр. 9 и 22); *язъ* считается болѣе древнимъ, чѣмъ *азъ* (стр. 9—10); ѫ приравнивается оу или ѹ (стр. 12 и 21); ъ и ь считаются знаками, служащими „для умѣренія звука согласныхъ, оканчивающихъ складъ (т. е. слогъ) или слово“ (стр. 14—15); изъ написаній *съмьрть, испълнь, плъть, кръвь, дълго* и т. д. дѣлается выводъ, что „ъ дебелое не рѣдко замѣняло встарину гласную *о*, а мягкое *ь*—*е* или *и*“ (стр. 17—18); „помощію ъ различали встарину слова сложныя отъ простыхъ; какъ напр., *свѣтъ* и *съвѣтъ* (совѣтъ)“ (стр. 18); „щ замѣнялось иногда въ рукописяхъ буквами шт“ (стр. 28); формы *волна, плоть, желчь, слеза, вергу, торгъ* и имъ подобныя считаются за древнія и выводятся изъ *влна, плть, жлчь, слза, вргу, тргъ* и т. д. (стр. 38—38) и т. д. Въ склоненіяхъ также постоянно встрѣчаются но-

выя формы, рядомъ съ древними, въ родѣ род. ед. *сына*, предл. *сынѣ*, зват. *сыне*, винит. множ. *сынове*, предл. *сыновѣхъ*, творит. *сыны* и *сыновы* и т. п. Тоже наблюдается и въ области глагола и т. д. Открытія Востокова въ его „Разсужденіи" (1820 г.) прошли такимъ образомъ для Пенинскаго безслѣдно и, повидимому, остались ему совсѣмъ неизвѣстны. Тѣмъ не менѣе, всетаки грамматика его представляла нѣкоторый шагъ впередъ, хотя бы по обилію матеріала, почерпнутаго Добровскимъ изъ подлинныхъ памятниковъ.

Перечисленными работами ограничивается все сдѣланное у насъ въ области собственной грамматики русскаго и старославянскаго языка по 1825 г. включительно. Огромное большинство разсмотрѣнныхъ трудовъ не выходило изъ рамокъ школьной грамматики, но несмотря на это все же имѣло извѣстное подготовительное значеніе, хотя бы въ смыслѣ внѣшней систематизаціи матеріала.

Рядомъ съ чисто грамматическими работами, широкое мѣсто у насъ за это время отводилось синонимикѣ русскаго языка. Невыработанность литературнаго языка и шаткость его употребленія, вмѣстѣ съ примѣромъ западныхъ болѣе культурныхъ народовъ (особенно французовъ), невольно вызывали попытки „твердо установить" или „опредѣлить" значеніе тѣхъ или другихъ словъ, къ чему у насъ стремились еще въ XVIII в. (см. выше, стр. 284, 295, 302, 308). Стремленіе это еще въ послѣдней четверти XVIII в. привело къ первымъ опытамъ этого рода, каковы, напримѣръ, статьи фонъ Визина въ „Собесѣдникѣ Росс. Слова" за 1783 г. (Ч. I, 126—34; ч. II, 113—14; ч. III, 121—26; ч. IV, 143—157; ч. X, 137—144) [1]). Довольно много статей по синонимикѣ явилось въ

---

[1]) Здѣсь разсматривались синонимы: 1) старый, давный, старинный, ветхій, древній, заматерѣлый; 2) чувство, чувствованіе, чувственность, чувствительность, ощущеніе; 3) робкій, трусливый; 4) основать, учредить, установить, устроить; 5) понятіе, мысль, мнѣніе; 6) обида, притѣсненіе; 7) сумасбродъ, шаль, невѣжда, глупецъ, дуракъ; 8) несчастіе, напасть, бѣда, бѣдствіе; 9) полно, довольно; 10) проступокъ, вина, преступленіе, злодѣяніе, грѣхъ; 11) низкій, подлый; 12) пособлять, помогать, вспомоществовать, давать помощь; 13) безпорочность, добродѣтель, честь; 14) лѣнивый, праздный; 15) запамятовать, забыть, предать забвенію; 16) совершить, окончить, прекратить; 17) званіе, чинъ, санъ; 18) правота, правосудіе; 19) суевѣръ, ханжа, пустосвятъ, святоша, лицемѣръ; 20) въ, во, на; 21) умъ, разумъ, разумѣніе, смыслъ, разсудокъ, разсужденіе, дарованіе, понятіе, воображеніе, толкъ; 22) всегда, непрестанно; 23) писецъ, писатель, сочинитель, творецъ; 24) намѣреніе, предпріятіе; 25) замыселъ, умыселъ; 26) письмо, грамота, посланіе; 27) влюбленный, любитель; 28) животное, скотъ; 29) милый, любезный; 30) ревность, ревнованіе; 81) домъ, дворъ; 32) миръ, тишина, покой.

началѣ XIX в. Таковы: переводныя съ франц. статьи изъ „Энциклопедіи“ въ IX части журнала „Иппокрена или утѣхи любословія“ (Москва, 1801 г., стр. 305—312, № 39: горесть, печаль, непріятность, и стр. 379—380, № 49: чистосердечіе, откровенность, искренность, простосердечіе. Переводчицами были, очевидно, родственницы: Ел...а Н.... и К... Н...ва, обитавшія въ селѣ Желень), цитированныя уже нами статьи Анастасевича въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1804—1805 (см. выше, стр. 701—702), анонимная статейка въ „Журналѣ Россійской Словесности“ Брусилова за 1805 годъ. (Ч. II, 53—55; синонимы: чувство, чувствованіе), упоминавшаяся уже статья Шишкова „О сословахъ“ („Сочиненія и переводы Имп. Росс. Акад.“ 1806 г., ч. II, см. выше, стр. 710), переводная съ франц. яз. статейка въ „Цвѣтникѣ“ 1810 г. (ч. VII, стр. 215—226; см. выше, стр. 739) и статья „О синонимахъ“ въ сборникѣ трудовъ воспитанниковъ Московскаго Университ. Благороднаго пансіона „Въ удовольствіе и пользу“ (Москва, ч. II, 1811 г., стр. 264—275). Въ этой послѣдней находимъ краткое опредѣленіе синонимовъ или „соименныхъ“ словъ, за которымъ слѣдуетъ рядъ примѣровъ, въ родѣ *колебаться—нерѣшаться*, *постоянный—твердый*, *цѣль—видъ—намѣреніе* и т. д. Авторъ статьи утверждаетъ, что синонимы показываютъ „главное качество или принадлежность какой-нибудь вещи, но не частное ея свойство“, вслѣдствіе чего „какъ бы сходство ни было велико, но никогда одно слово не можетъ обнять значенія другаго во всей его силѣ и полнотѣ“. Мнѣніе это подкрѣпляется рядомъ примѣровъ и ссылкой на аналогичный взглядъ французскаго грамматика Дюмарсе. Въ заключеніе статьи выясняется значеніе синонимовъ. По словамъ автора, они доставляютъ языку „надлежащую и точную опредѣленность,... ясность и правильность“. Вполнѣ понятно поэтому, что уже въ древности занимались синонимикой Гезихій, Цицеронъ, Квинтиліанъ, Варронъ, Фестій, Авлъ Геллій, оставившіе рядъ трудовъ въ этой области. Изъ европейскихъ спеціалистовъ по синонимикѣ первое мѣсто отводится французамъ (Жирардъ [1]), Дидеротъ, д'Аламбертъ, Дюмарсе [2]), Жокуръ [3]) и др.). Англія и Германія также давно уже имѣютъ словари синонимовъ. Россія же „которой языкъ столь обиленъ и богатъ, оставляетъ въ небреженіи свои сокровища, которыя до тѣхъ поръ не получатъ цѣны своей, пока будутъ“ чужды обработки.

---

[1]) См. выше, стр. 701, примѣч. 1.

[2]) См. выше, стр. 1048.

[3]) Louis Jaucourt (1704—1779), французскій литераторъ.

Кромѣ того, о „сословахъ“ было прочтено нѣсколько докладовъ въ Казанскомъ обществѣ любителей отечественной словесности. Такъ въ 1809 и 1810 гг. въ немъ читалъ доклады подобнаго содержанія Д. М. Княжевичъ (1788—1844), а въ 1811 г. прислалъ свои „сословы“ (на букву Б) директоръ оренбургскихъ училищъ, впослѣдствіи (съ 1815 г.) профессоръ философіи въ Казани, А. С. Лубкинъ († 1816). Доклады Княжевича, впрочемъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими статьями и литературными опытами, читавшимися въ обществѣ, не были одобрены къ напечатанію Казанскимъ попечителемъ Румовскимъ „по не русскому слогу и натянутому толкованію“ [1]). Тѣмъ не менѣе, надо думать, что они все-таки увидѣли свѣтъ, войдя въ составъ статей Княжевича: „Опытъ разбора русскихъ синонимъ“, напечатанныхъ имъ (за подписью К.) въ журналѣ „Санктпетербургскій Вѣстникъ“, издававшемся Обществомъ Любителей наукъ, Словесности и Художествъ (1812 г., ч. I, янв. № 1, стр. 84—88: „щастіе—благополучіе“; февр. № 2, стр. 150—158: „надменный, гордый, спесивый; полно, довольно“; мартъ, № 3, стр. 277—80: „подавать помощь, помогать, вспомоществовать; тщетно, напрасно, вотще“. Статьямъ этимъ были предпосланы вводныя „Замѣчанія о значеніи словъ и о синонимахъ“, подписанныя иниціалами К. Ф. [2]) (тамъ же, ч. I, янв. № 1, стр. 65—83). Авторъ этой статьи въ началѣ выясняетъ значеніе дара слова для человѣка, указывая на причины, подрывающія это значеніе: 1) плохое знаніе языка и 2) „невниканіе въ истинныя и точныя значенія словъ“. Знаніе „вѣса и силы каждаго слова“, умѣнье изъ тысячи словъ выбрать „приличнѣйшее“ выраженіе для извѣстной мысли есть, по словамъ автора, „наука, труднѣйшая многихъ другихъ“. Желая содѣйствовать ея успѣху и „оказать неоцѣненную услугу нашему языку“, авторъ и предлагаетъ свои замѣчанія. „Чтобы знать совершенно истинное знаменованіе каждаго слова, нужно умѣть различать въ немъ главное его значеніе отъ постороннихъ“. При этомъ возможно, что „одно и то же слово можетъ имѣть нѣсколько главныхъ значеній“, напр. *ревность*=*усердіе* и *ревнивость*. На вопросъ, нѣтъ ли словъ, „которыя, имѣя одно главное или общее имъ знаменованіе, не имѣютъ никакихъ

---

[1]) См. Н. Буличъ, «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета». Ч. I. Казань, 1887, стр. 604, 609, 612 и 617—618.

[2]) Казанскій профессоръ П. Кондыревъ въ своихъ «Замѣчаніяхъ о разборѣ сослововъ» («Труды Казанскаго Общества Любителей Отечественной Словесности», книга первая, стр. 142) приписываетъ эту статью также, какъ и «разборъ сословъ», напечатанный рядомъ съ нею и въ слѣдующихъ книжкахъ журнала,—Д. М. Княжевичу.

посторонних?", или „нѣтъ ли словъ совершенно между собою однозначущихъ", рѣшаемый отрицательно Цицерономъ, Жираромъ и Дюмарсе, авторъ смотритъ иначе. По его мнѣнію, въ языкахъ уже „образованныхъ" такихъ словъ нѣтъ, но въ первобытныхъ языкахъ они были, какъ это утверждалъ еще Тьебо [1]). Различіе между значеніями словъ, хотя бы и весьма сходныхъ между собою, развивается лишь впослѣдствіи. Авторъ находитъ, что однозначущими могутъ быть лишь названія предметовъ, въ родѣ *окно—окошко* (въ сущности это лишь разныя формы одного слова, что́ авторъ упускаетъ изъ виду), тогда какъ названія отвлеченныхъ понятій всегда имѣютъ различные оттѣнки (въ родѣ *страхъ, боязнь, ужасъ)*. Впрочемъ, и названія конкретныхъ предметовъ различаются между собою употребленіемъ: 1) „въ разныхъ слогахъ (т. е. „штиляхъ") и между разными классами народа" *(очи—глаза—буркалы; кровь—руда)*; 2) „въ разныхъ нарѣчіяхъ одного и того же языка" *(заборъ—заплотъ; чердакъ—вышка)*; 3) происхожденіемъ (одни „взяты изъ чужихъ языковъ, а другія собственныя наши", напр. *базаръ—рынокъ* [2]); *лошадь—конь*; *шандалъ—подсвѣчникъ)*; 4) тѣмъ, что одни уже устарѣли и вышли изъ употребленія, а другія введены вновь *(желуди—кресты)*; 5) обозначеніемъ разныхъ степеней одного свойства или качества *(мракъ, тьма, темнота, потемки)*.

Подобныя слова, „различающіяся между собою посторонними значеніями и имѣющія одно главное", авторъ называетъ *синонимами*, высказываясь при этомъ противъ Фонъ-Визинскаго и Шишковскаго неологизма *сословъ*, который находитъ не русскимъ. По его словамъ, „великую выгоду имѣетъ тотъ, кто научился усматривать самыя непримѣтныя отличія въ весьма близкихъ другъ къ другу по значеніямъ своимъ синонимахъ", а сочиненіе, „въ которомъ бы находился полный и подробный разборъ всѣхъ синонимъ, съ яснымъ показаніемъ самомалѣйшихъ между ними различій," можетъ принести языку „великую пользу".

Статья заключается перечисленіемъ и краткой оцѣнкой раз-

---

[1]) Dieudonné Thiébault (1733—1807), авторъ нѣсколькихъ сочиненій по общей грамматикѣ: «Essai synthétique sur l'origine et la formation des langues» (1771); «Traité du style»=«Essai sur le style» (1774); «Grammaire philosophique» (1802, 2 т.); «Principes de lecture et de prononciation» (1802). Въ 1765 получилъ каѳедру всеобщей грамматики въ военной школѣ въ Берлинѣ, гдѣ прожилъ до 1784 г., помогая Фридриху Великому въ его литературныхъ трудахъ. Въ Парижѣ также преподавалъ всеобщую грамматику (въ Центральной школѣ улицы Сентъ-Антуанъ, директоромъ которой сдѣлался въ 1799 г.).

[2]) Авторъ, очевидно, считаетъ *рынокъ* природнымъ русскимъ словомъ!

ныхъ древнихъ и новыхъ писателей, признававшихъ „необходимость подобнаго собиранія синонимъ". Изъ древнихъ авторовъ упоминаются: „Продимъ Цеосскій" (т. е., очевидно, Продикъ Кеосскій), Цицеронъ, Варронъ, Квинтиліанъ и Сенека; изъ новыхъ — французы Бугуръ [1]), Менажъ [2]), Андри (?), Буарегаръ (?), Ла-Брюйеръ (знаменитый моралистъ?), опыты которыхъ были еще весьма несовершенны; аббатъ Жираръ [3]), Дидеротъ, Даламберъ, Мармонтель [4]), Дюмарсе, Жокуръ [5]), Дюкло [6]), оставившіе „многіе драгоцѣнные для Французовъ отрывки", и, наконецъ, Бозе [7]) и Рубо [8]), составившіе обширныя и образцовыя собранія синонимовъ.

Изъ прочихъ европейскихъ ученыхъ, занимавшихся синонимикой, указываются: англичанинъ Блеръ, нѣмецъ Ебергардъ, датчанинъ Спoронъ. Авторъ посвящаетъ нѣсколько словъ и русскимъ опытамъ этого рода (въ „Собесѣдникѣ любит. Росс. слова", „Журналѣ Росс. словесности" и „Сѣверномъ Вѣстникѣ", см. выше), которые онъ называетъ „весьма краткими, недостаточными и большею частію переведенными съ иностранныхъ языковъ".

Слѣдующій за статьею К. Ф. „Опытъ разбора Русскихъ синонимъ" не имѣетъ научнаго характера и сводится къ разсужденіямъ въ родѣ слѣдующихъ: подъ словами *счастіе* и *благополучіе* „разумѣется соединеніе обстоятельствъ, которыя дѣлаютъ человѣка довольнымъ своимъ положеніемъ. Но смыслъ слова *щастіе* заключаетъ въ себѣ соединеніе тѣхъ изъ сихъ обстоятельствъ, которыя

---

[1]) Dominique Bouhours (1628—1702), ученый и литераторъ, авторъ «Doutes sur la langue françoise proposés à M. M. de l'Académie» (1674), «Nouvelles remarques sur la langue françoise» (1675) и разныхъ другихъ трудовъ.

[2]) См. выше, стр. 642, примѣч.

[3]) См. выше, стр. 701, примѣч. 1.

[4]) Извѣстный энциклопедистъ, Жанъ Франсуа Мармонтель (1723—1799), кромѣ ряда статей въ Энциклопедіи, переизданныхъ впослѣдствіи въ его «Poétique française», былъ авторомъ грамматическаго труда «Leçons d'un père à ses enfants sur la langue française» (1806, 4 т. 8°).

[5]) См. выше, стр. 1061, прим. 3.

[6]) Charles Pineau Duclos (1704—1772), писатель и моралистъ, принимавшій большое участіе въ подготовительныхъ работахъ къ «Dictionnaire de l'Académie française» (1762), авторъ «Remarques sur la grammaire générale et raisonnée de Port-Royal» и ряда работъ о кельтскомъ языкѣ, происхожденіи франц. языка и т. д.

[7]) Nicolas Beauzée (1717—1789), извѣстный «всеобщій грамматикъ», авторъ «Grammaire générale ou exposition raisonnée des élements necessaires du langage pour servir de fondement à l'étude de toutes les langues» (2 т. 1767), издалъ съ дополненіями франц. синонимы аббата Жирара (Парижъ, 1780, 2 т.) и рядъ статей изъ Энциклопедіи (вмѣстѣ съ Мармонтелемъ) подъ заглавіемъ «Dictionnaire de grammaire et de littérature» (Льежъ, 1789, 3 т.).

[8]) См. выше, стр. 701, примѣч. 1.

зависятъ единственно отъ случая, между тѣмъ какъ *благополучіе*, совокупляя въ значеніи своемъ всѣ прочія обстоятельства, дѣлающія человѣка довольнымъ своимъ жребіемъ, совершенно исключаетъ тѣ, которыя происходятъ отъ одного случая. *Благополучіе* зависитъ отъ насъ самихъ; мы можемъ споспѣшествовать или вредить ему. *Щастіе* внѣ нашей воли и силъ; *щастливы* или нѣтъ мы бываемъ. *Благополучіемъ* наслаждаются; *щастіемъ* пользуются" и т. д.

Въ этомъ же родѣ разсматриваются и прочіе синонимы. Такой же характеръ имѣетъ и статья о синонимахъ (слѣдовать, подражать, со всѣхъ сторонъ, отвсюду), подписанная буквой С. [1]) и напечатанная также въ „Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ" (1812 г., ч. II, апрѣль, № 4, стр. 28—31). Примѣчаніе къ статьѣ гласитъ: „Разборъ сихъ синонимъ взятъ съ Французскаго".

Въ томъ же году явилось „Разсужденіе о синонимахъ" П. Ѳ. Калайдовича („Труды Общ. Люб. Росс. Слов.", ч. II, 1812 г., 3—32), содержащее, по словамъ Кондырева (ср. выше, стр. 1062 прим. 2), „много мыслей французскихъ писателей, но между тѣмъ и собственныя хорошія замѣчанія", и соприкасающееся часто съ разсмотрѣннымъ выше „разсужденіемъ" К. Ф. (см. стр. 1062). Въ началѣ разсужденія выясняется самое понятіе синонима. Калайдовичъ утверждаетъ, что всякую вещь „можно разсматривать со всѣхъ сторонъ въ отношеніи и связи ея съ другими вещами", отсюда „и понятія о ней могутъ имѣть разные образы выраженія, а выраженія сіи разныя степени знаменованія, равно какъ одинъ и тотъ же цвѣтъ можетъ имѣть многоразличные оттѣнки. Отъ сего разсматриванія вещей произошли въ каждомъ языкѣ *синонимы*", опредѣляемые далѣе, какъ „слова, которыя, различествуя только своимъ выговоромъ и наружнымъ сложеніемъ, сходствуютъ, или, какъ говоритъ Г. Шишковъ, *сословятъ* въ понятіи", выражаемомъ ими. Какъ и въ статьѣ К. Ф., ставится вопросъ, существуютъ ли дѣйствительно вполнѣ однозначащія слова, рѣшаемый Калайдовичемъ отрицательно, со ссылками на Цицерона (та же цитата, что и у К. Ф.), Квинтиліана, Дюмарсе (одна изъ цитатъ изъ послѣдняго автора приводится уже у К. Ф.). По словамъ Калайдовича, синонимы похожи на людей, „подобныхъ другъ другу въ своихъ характерахъ", но въ то же время имѣющихъ „какую нибудь собственную принадлежность, которой нѣтъ у другаго". Такъ и синонимы, „заключая въ себѣ общее знаменованіе,

[1]) Кондыревъ въ цитиров. уже статьѣ (см. выше, стр. 1062, примѣч. 2) приписываетъ и эту статью Д. М. Княжевичу.

имѣютъ частное, которое отличаетъ ихъ отъ прочихъ словъ соименныхъ“.

Къ аргументамъ Дюмарсе Калайдовичъ прибавляетъ и два собственныхъ: a) „если бы существовали синонимы однозначащіе, тогда бы языкъ, первое средство сообщать мысли другому, былъ затруднителенъ для памяти; ибо одинъ только слухъ чувствовалъ бы разность въ словахъ соименныхъ, а разумъ не могъ бы видѣть ни силы выраженія, ни связи многихъ знаменованій, ни разнообразныхъ степеней одного и того же понятія“; b) синонимы вполнѣ однозначащіе должны были бы скоро выйти изъ употребленія, но тѣмъ не менѣе употребляются. Если и встрѣчаются однозначащія слова, въ родѣ *око—глазъ, глаголю—говорю, сѣкира—топоръ,* то они все-таки „различествуютъ мѣстами, которыя они въ рѣчи занимаютъ“ (въ высокомъ стилѣ—*око*, *глаголю*, *сѣкира*, въ простомъ же и среднемъ—*глазъ*, *говорю*, *топоръ* и т. д.). Слова, взятыя изъ чужихъ языковъ и равносильныя отечественнымъ, „также не могутъ назваться синонимами *(натура—природа, матерія—вещество, руины—развалины)*“; c) „одно и то же понятіе въ разныхъ языкахъ нерѣдко выражается разнымъ образомъ, смотря по тому, съ какой стороны глазамъ одного народа представляется вещь, и съ какой точки зрѣнія другой смотритъ на оную“ (напр., русск. *острый* [о человѣкѣ]—лат. salsus, русск. *вѣжливость*—лат. urbanitas).

Синонимы такимъ образомъ „изображаютъ одну вещь и заключаютъ въ себѣ одно и то же понятіе, почему имѣютъ *общее* значеніе,... но они представляютъ намъ вещь въ нѣкоторыхъ ея измѣненіяхъ и показываютъ ее съ разныхъ сторонъ, почему имѣютъ *частное* значеніе, по которому и различаются“. Пользу синонимовъ Калайдовичъ видитъ въ томъ, „что въ нихъ заключается богатство языка, изобиліе мыслей въ словахъ и разнообразіе выраженій“, причемъ они „или обширнѣе представляютъ намъ понятіе о какой-нибудь вещи, или показываютъ ее съ другой точки, или, наконецъ, одно понятіе соединяютъ съ другимъ постороннимъ“. Критическій разборъ синонимовъ предохраняетъ отъ заблужденія, „когда мы одно слово принимаемъ вмѣсто другаго“, и показываетъ „намъ частное ихъ знаменованіе“. „Другая польза синонимовъ та, что правильное употребленіе словъ соименныхъ, при хорошемъ познаніи языка иностраннаго, научаетъ... точнѣе и ближе въ переводахъ (особенно древнихъ авторовъ) выражать авторскія мысли“. Подобно К. Ф., Калайдовичъ даетъ также очеркъ литературы по синонимикѣ, упоминая изъ древнихъ авторовъ Гезихія, Баррона, Авла Геллія, Феста („De verborum significatione“) и Нонія Мар-

целла („De varia significatione sermonum"), а изъ новыхъ—іезуита П. Вавассера [1]) („Remarques sur la langue Latine"), Сціопія [2]), Генриха Этьена, т. е. Стефана [3]) („De Latinitate falso suspecta"), авторовъ словарей синонимовъ: греческихъ—Аммонія [4]) и латинскихъ—Попма [5]). При этомъ въ качествѣ образчика приводится изъ Цицерона разсужденіе о синонимахъ dolor и labor, которымъ противопоставляются русскія параллели *трудъ* и *страда*. Изъ новѣйшихъ писателей идетъ рѣчь объ аббатѣ „Жирардѣ", его собраніи французскихъ синонимовъ и его продолжателяхъ: „Дидротѣ, д'Аламбертѣ, Дюмарсе, Жокурѣ", а также о Бозе и аббатѣ Рубо (см. выше), нѣмцахъ Аделунгѣ и Эшенбургѣ [6]) и англичанинѣ Джонсонѣ (изв. англійскомъ романистѣ и лексикографѣ, 1709—1784). Изъ русскихъ опытовъ упоминаются статьи: Фонъ-Визина, „Сѣвернаго Вѣстника", сборника „Въ удовольствіе и пользу", и Шишкова въ „Сочиненіяхъ и переводахъ Росс. Академіи" (по словамъ Калайдовича, „прекрасное и удовлетворительное разсужденіе"). Авторъ думаетъ, что „пока не будутъ у насъ критически разобраны Рускіе синонимы, пока ученые Грамматики не покажутъ существенной въ нихъ разности и не опредѣлятъ собственнаго ихъ знаменованія общаго и частнаго, и пока не предпишутъ намъ вѣрныхъ правилъ расположенія синонимовъ въ приличныхъ мѣстахъ; до тѣхъ поръ мы не можемъ сравниться съ древними въ точности выраженій каждой мысли".

Далѣе слѣдуетъ „краткій опытъ критическаго разбора нѣко-

---

[1]) Франсуа Вавассёръ или Вавассоръ, богословъ и филологъ (1605—1681), отлично владѣвшій лат. языкомъ, авторъ «Antibarbarum» (Лпц. 1722 г. 8°) и друг. трудовъ. Полное собраніе ихъ вышло въ Амстердамѣ въ 1709 г.: «Franc. Vavassoris Opera omnia ante hac edita, Theologica et Philologica».

[2]) Сціоппій ((Scioppius, Каспаръ Шоппъ), знаменитый нѣмецкій филологъ и грамматикъ (1576—1649), превосходный знатокъ лат. языка, авторъ многочисленныхъ трудовъ (всего 104), въ томъ числѣ «Grammatica philosophica» (1628).

[3]) Генрихъ Стефанъ или Стефани, знаменитый ученый филологъ-классикъ и издатель (1528—1598), составитель знаменитаго словаря: «Thesaurum linguae Graecae» (1572) и авторъ многихъ филологическихъ трактатовъ (главнымъ образомъ о греч. и лат. языкахъ и литературахъ).

[4]) Аммоній, греч. грамматикъ, родомъ изъ Египта, жившій во второй половинѣ IV в. по Р. Х.

[5]) Авзоній Попма. голл. юристъ и филологъ (1563—1613), авторъ разныхъ юридическихъ и филологическихъ трудовъ, въ томъ числѣ и о лат. синонимахъ: «De differentiis verborum» (Марбургъ, 1635) и «De usu antiquae locutionis» (Лейденъ, 1606).

[6]) Іоганнъ-Іоахимъ Эшенбургъ (1743—1820), извѣстный нѣмецкій писатель-критикъ, библіографъ, переводчикъ Шекспира и друг. англійскихъ писателей.

торыхъ Рускихъ словъ соименныхъ" [1]), причемъ указываются правила, могущія „служить надежнымъ руководствомъ въ разсматриваніи синонимовъ": 1) надо „собрать всѣ возможные примѣры, основанные на древнемъ въ церковныхъ книгахъ употребленіи и настоящемъ въ разговорахъ и лучшихъ Писателяхъ, въ которыхъ примѣрахъ синонимы, имѣющіе общее знаменованіе, заключаютъ въ себѣ частное ближайшее къ главному и первоначальному понятію—и тогда разность синонимовъ окажется яснымъ образомъ". 2) ...„нужно и должно обращать вниманіе на коренныя или первообразныя слова, отъ которыхъ" синонимы происходятъ. „Знаменованіе корня согласивши съ общимъ ихъ смысломъ по всѣми принятому употребленію, можно легко усмотрѣть частное значеніе синонимовъ". Впрочемъ, Калайдовичъ находитъ, что при разборѣ синонимовъ „этимологія полезна только въ такихъ словахъ, гдѣ она возможна, что и тутъ должно поступать съ великою осторожностію, основываясь не на предположеніи, а на достовѣрныхъ доказательствахъ".

Самый „разборъ" синонимовъ у Калайдовича ничѣмъ не отличается отъ другихъ подобныхъ же современныхъ опытовъ, образчикъ которыхъ приведенъ выше (стр. 1064—65).

Подобный же общій характеръ имѣетъ статья „О синонимахъ" учителя Казанской гимназіи Н. Ибр.(агимова), напечатанная въ „Сынѣ Отечества" за 1814 г. (ч. XI, № IV, стр. 137—143). Она, очевидно, отвѣчала потребностямъ времени, о чемъ свидѣтельствуетъ и примѣчаніе къ ней редакціи: „Предполагая впредь помѣщать въ нашемъ Журналѣ разборъ *Синонимъ* или подобозначащихъ словъ, неизлишнимъ щитаемъ сообщить сначала сіе общее о нихъ мнѣніе". Авторъ опредѣляетъ синонимы, какъ „названія одной и той же вещи въ различныхъ ея отношеніяхъ, ...слова, имѣющія значеніе между собою общее и собственное каждому порознь". По его словамъ, исторія какого-нибудь языка имѣетъ три періода, „не включая поврежденія его и такъ называемаго мертваго состоянія". Сначала языкъ „составился по глухому чувству внутреннему". Внушенія этого чувства потомъ разбирались и приводились въ ясность: „во многомъ данъ вѣрный отчетъ, многое выведено изъ предположенія и почти все приписано употребленію".

---

[1]) Мы находимъ здѣсь слѣдующіе синонимы: 1) Образецъ—примѣръ, 2) Дарованіе—способность, 3) Горе! бѣда! увы! 4) Средство—способъ, 5) Надобно—должно—надлежитъ, 6) Свойство—качество, 7) Неустройство—безпорядокъ—разстройка, 8) Смѣлость—дерзость, 9) Конецъ—окончаніе, 10) Польза—выгода.

Затѣмъ выступили „ученая разборчивость, и точность", которыя „хитро примѣняясь къ своенравію сего употребленія, извлекали изъ него новыя, нужныя слова и обороты, исправляли прежнія, или давали имъ новый смыслъ" и такимъ образомъ образовали „искусственный языкъ, не совсѣмъ или мало понятный простому народу". Такъ же возникло и различеніе синонимовъ. Въ первобытномъ состояніи языка ихъ не могло „быть, ибо не хватало выраженій для вещей самонужнѣйшихъ", а оттѣнки значеній были слишкомъ тонки для полудикихъ тогдашнихъ людей. Употребленіе однозначащихъ словъ встрѣчалось, но это не были настоящіе синонимы: „новѣйшія изъ нихъ были перешедшія изъ нарѣчія въ нарѣчія, напр. *зижду—строю, око—глазъ*, и даже изъ языка въ языкъ, напр. *конь—лошадь, попасть—потрафить*, по смѣшенію или какой-нибудь связи народовъ". Позже употребленіе „подобозначащихъ рѣченій", въ родѣ *смѣлый—отважный, разборчивый—разсмотрительный—разсудительный* и т. д. дѣлалось безъ различія для разнообразія слога. Только во времена „послѣдней зрѣлости и совершенства языка" стали употреблять синонимы какъ слѣдуетъ. Усматривая въ наружномъ, грубомъ сходствѣ вещей внутреннее существенное ихъ различіе", люди „представили" синонимы знаками этого различія. „Распредѣленіе синонимъ было изыскиваемо и характеръ каждой заимствованъ: или отъ кореннаго ея слова (*свобода* отъ *свой буду* [!], *вольность* отъ *воля*), или отъ древняго ея значенія (*напрасно* прежде значило *внезапно)*, или отъ связи другихъ словъ", съ которыми соединяется, и, наконецъ, „отъ различія слога высокаго и даже подлаго" (*гортань, горло, глотка)*. Только тамъ, гдѣ не было „сихъ источниковъ философическаго правдоподобія", было „дано словамъ различіе произвольное, но безъ явнаго насилія употребленію". Мало по малу общее значеніе синонимъ исчезало, а различіе ихъ становилось болѣе и болѣе ощутительнымъ, пока, наконецъ, „сравненіе ихъ остается только для сильнѣйшаго противоположенія". Въ заключеніе Ибрагимовъ говоритъ о разныхъ трудахъ по синонимикѣ, перечисляя почти тѣхъ же древнихъ и новыхъ писателей по этому предмету, которыхъ называли Калайдовичъ и К. Ф. Указавъ, что Англія и Германія также давно имѣютъ словари синонимовъ, Ибрагимовъ замѣчаетъ о скудности нашей литературы по этой части: „Россія... которой языкъ столь обиленъ и богатъ, оставляетъ въ небреженіи свои сокровища, которыя до тѣхъ поръ не получатъ цѣны своей, пока будутъ" свободны отъ обработки.

Вслѣдъ за этой статьей явилась замѣтка К. (Княжевича?):

„Синонимы“, выяснявшая въ знакомомъ уже намъ духѣ разницу значенія у словъ *способъ-средство* [1]).

Общимъ вопросамъ семасіологіи отчасти посвящена знакомая уже намъ статья Николая Ибрагимова „О многознаменательности и общемъ измѣненіи словъ“, напечатанная въ „Трудахъ Казанскаго Общества Любителей Отечественной Словесности“ (1815 г. [на дѣлѣ 1817], кн. I. стр. 120—129). И здѣсь въ самомъ же началѣ статьи идетъ рѣчь о синонимахъ и многозначащихъ словахъ. Говоря объ обогащеніи языка „новыми реченіями“, Ибрагимовъ устанавливаетъ два источника таковаго обогащенія: 1) „Соображаемы были новыя понятія съ понятіями уже извѣстными, и симъ словамъ для нареченія оныхъ даваемо было множайшее знаменованіе“. Въ примѣръ приводится слово *рука*, обозначающее часть тѣла, сторону, помощь, защиту, власть, управу, почеркъ, величину и т. д. „Многознаменательность словъ, по явной и близкой между значеніями связи, принадлежитъ ко внутреннему достоинству языка“ и „въ каждомъ языкѣ имѣетъ свои особенности, какъ въ разсужденіи числа образуемыхъ понятій, такъ и въ разсужденіи самыхъ понятій, наипаче въ пословицахъ и поговоркахъ“. Каждый „живой языкъ, по продолженію поколѣній, по размноженію племенъ, и по степени образованности говорящаго имъ народа, подлежитъ между прочимъ также измѣненію въ распространеніи или стѣсненіи круга словознаменательности“, являющемуся однимъ изъ средствъ ко „взаимному уклоненію отродныхъ отъ него языковъ и нарѣчій“. Образуемыя значенія и объясняющія ихъ собственныя: *рука*, *сторона*; *языкъ, оговорщикъ; тѣнь*, *мечта*; *зеленый*, *незрѣлый; бѣлый, чистый*, обогатили языкъ многими *сословами* (*синонимами*), различіе которыхъ состоитъ въ томъ, что послѣднія вмѣсто первыхъ всегда, а первыя вмѣсто послѣднихъ только въ опредѣленной связи съ другими словами, употреблены быть могутъ“. 2) „Другимъ источникомъ обогащенія языковъ служило опредѣленіе или описаніе новыхъ понятій чрезъ признаки понятій извѣстныхъ, и отъ названія сихъ, съ нѣкоторою перемѣною буквъ и складовъ, заимствовались названія для оныхъ: *черная жидкость* (*употребляемая на писаніе или печатаніе книгъ*)—Чернило. Земле-дѣлецъ—*кто землю воздѣлываетъ*“. По словамъ автора, только „грубая нужда и слѣпое невѣжество употребляютъ такія слова одно вмѣсто другаго безъ разбору“, напротивъ „тонкой вкусъ и наблюдательный разумъ, отвергая столь безполезное изобиліе языка, простираются къ началу, гдѣ

[1]) „Сынъ Отечества“ 1814 г., ч. XII, стр. 58—62.

и когда какой cословъ составился: *пустой*, *порожній*; *иной—другой*, по достоинству источника ощущаютъ степень силы и благородства знаменованія: *дерзаю, смѣю*, *отваживаюсь; влеку*, *тащу*, и предписываютъ законы употребленію".

Другой Казанскій ученый, профессоръ П. Кондыревъ, выступилъ также со своими „Замѣчаніями о разборѣ сослововъ" („Труды Каз. Общ. Люб. Отеч. Слов.", ч. I, стр. 130—144), служащими введеніемъ къ собранію синонимовъ его покойнаго товарища, проф. А. Лубкина. Возражая противъ тѣхъ, кто полагаетъ, что для разбора русскихъ синонимовъ еще не пришло время, ибо русская словесность еще очень бѣдна, какъ оригинальными, такъ и переводными сочиненіями, Кондыревъ полагаетъ, что именно такое „состояніе нашей словесности требуетъ разбора сослововъ". Разборъ этотъ облегчается де рядомъ лексикографическихъ трудовъ, въ родѣ словаря Академіи Россійской, Церковнаго словаря Алексѣева, Словотолкователя Яновскаго и статей Шишкова. Употребленіе синонимовъ „безъ точнѣйшаго опредѣленія можетъ быть весьма збивчиво и разнообразно. Сихъ то словъ преимущественно надлежитъ опредѣлить вѣсъ и силу, представить выражаемыя ими разные оттѣнки понятій въ разныхъ отношеніяхъ, вещи и свойства ихъ съ разныхъ сторонъ, дѣйствія предметовъ и на предметы въ различныхъ степеняхъ силы; показать, когда разныя слова, выражая одно главное понятіе, не выражаютъ при томъ разныхъ оттѣнковъ онаго, а только одинъ имъ собственной". По мнѣнію Кондырева, особыя услуги объясненію сослововъ должно оказать „употребленіе низшаго класса народа", который „часто менѣе самопроизволенъ въ перемѣнѣ значенія словъ; иногда и чрезъ тысячу лѣтъ слова простого народа употребляются въ одномъ значеніи, между тѣмъ коликимъ превратностямъ подвергаются онѣ и отъ высшаго класса и отъ писателей". Предлагается пользоваться также и пословицами, священными книгами и лучшими прозаическими сочиненіями. Если подобное разсмотрѣніе сослововъ и „не будетъ имѣть надлежащей полноты, подвергнется критикѣ, тѣмъ лучше для успѣховъ языка". Послѣ еще нѣсколькихъ общихъ замѣчаній, въ значительной степени повторяющихъ мысли его предшественниковъ, Кондыревъ даетъ довольно обстоятельное „историческое обозрѣніе разбора Россійскихъ сослововъ", упоминая сначала знакомыя уже намъ имена древнихъ и новыхъ писателей по синонимикѣ, а затѣмъ подробно указывая почти всѣ статьи о синонимахъ, явившіяся въ разныхъ нашихъ журналахъ до 1815 года. Изъ этого очерка дѣлается справедливый выводъ, „что разбору Россійскихъ сослововъ доселѣ

у насъ положено одно только начало, нѣкоторыя немногія черты. Но трудъ сей еще предлежитъ истиннымъ знатокамъ отечественнаго языка. Дѣло сіе не легко и не всякой съ хорошимъ успѣхомъ въ состояніи симъ заняться, потребно глубокое, а при томъ и опытомъ пріобрѣтенное знаніе языка, что бы должнымъ образомъ объяснять слова онаго. *Знаніе Славянскаго языка при семъ необходимо* (курсивъ нашъ)... Разбирая сословъ, надлежитъ во-первыхъ объяснить самое слово, значеніе его въ разныхъ случаяхъ разное, а не только въ отношеніи къ другому его сослову. При чемъ необходимо смотрѣть на значеніе и употребленіе слова въ древнія, среднія и новѣйшія времена языка нашего, употребленіе его людьми разнаго состоянія, въ книгахъ церковныхъ и свѣтскихъ, въ нарѣчіяхъ не только русскихъ, но и славянскихъ. Въ послѣднемъ случаѣ весьма полезно употреблять въ помощь словарь славянскихъ нарѣчій Г. Линде. Такимъ образомъ каждаго слова будетъ исторія, а вмѣстѣ и точнѣйшее разсмотрѣніе онаго".

Дальше этихъ платоническихъ разсужденій Кондыревъ, однако, не пошелъ и своего образчика разбора синонимовъ не далъ. Требованіямъ его не отвѣчалъ, впрочемъ, и тотъ „Опытъ разбора россійскихъ сослововъ" А. Лубкина [1]), введеніемъ къ которому имѣли служить „Замѣчанія" Кондырева. По словамъ послѣдняго („Труды Каз. общества любит. отечеств. словесности", ч. I, кн. 1, стр. 130), Лубкинъ „имѣлъ намѣреніе составить полный сословникъ. Въ семъ намѣреніи и разобралъ довольное количество встрѣтившихся подобозначущихъ словъ". Окончить свой трудъ и исправить написанное Лубкину помѣшала внезапная смерть, и отъ его труда сохранилось лишь собраніе нѣсколькихъ синонимовъ на букву Б [2]), очевидно то самое, которое онъ прислалъ обществу въ 1811 г. (см. выше, стр. 1062). По словамъ Кондырева, собраніе это „надобно принять за отрывокъ, уцѣлѣвшій изъ прочихъ отъ пожара 3-го сентября 1815 года въ Казани". По своему содержанію „сословы" Лубкина не отличаются отъ дру-

[1]) „Труды Каз. Общ. Люб. отеч. Слов." ч. I. 1815. Кн. 1, стр. 144—166.

[2]) Здѣсь были напечатаны синонимы: 1) *Баловать—потакать—потворствовать* или *потворить;* 2) *Барышъ—прибытокъ—прибыль;* 3) *Барышникъ—лихоимецъ;* 4) *Басня—сказка—повѣсть;* 5) *Бдѣть—не спать—бодрствовать;* 6) *Бездна—пропасть;* 7) *Безвременно—не благовременно—не въ пору—не во время;* 8) *Беззаконіе—порокъ—законопреступленіе—грѣхъ;* 9) *Безмѣрный—безпредѣльный—неизмѣримый;* 10) *Беззаботный—безпечный;* 11) *Безмолвіе—молчаніе;* 12) *Безобразный—неуклюжій;* 13) *Безпокойство—забота;* 14) *Безпрестанно—непрерывно—всегда;* 15) *Безпримѣрный—единственный;* 16) *Безразсудный—неразсудительный—неосторожный—опрометчивый;* 17) *Безславіе—безчестіе;* 18) *Без-*

гихъ современныхъ имъ опытовъ этого рода и научнаго значенія также не имѣютъ. О степени филологической компетентности автора свидѣтельствуетъ, напримѣръ, производство *лихоимецъ* отъ *лихва* и *емлю*, хотя вообще онъ благоразумно въ этимологическіе экскурсы не пускается.

Довольно широкое мѣсто было отведено одно время русской синонимикѣ въ „Трудахъ Моск. Общ. Люб. Росс. Слов.". Такъ въ 1816 г. (ч. IX, стр. 112—134) здѣсь было напечатано собраніе синонимовъ, составленное П. Ѳ. Калайдовичемъ [1]). Продолженіе его читалось въ засѣданіяхъ общества 27-го окт. 1817 г. и 28-го февр. 1820 [2]) и появилось въ частяхъ XVII (1819 г., стр. 134—144) и XXIII (1823 г., стр. 43—50) „Трудовъ" общества [3]). За нимъ послѣдовало аналогичное собраніе синонимовъ С. Г. Саларева, читанное въ засѣданіяхъ общества 27 янв., 30 ноября 1817 г. и 5 іюня 1820 г. [4]). Напечатано оно было въ частяхъ VII (1817 г., стр. 124—134), X (1818 г., стр. 54—61), XIV (1819 г., стр. 29—35) и XVIII (1820 г., стр. 54—63) „Трудовъ" общества [5]).

страшіе—необузданность; 19) *Безстрашіе—неустрашимость;* 20) *Безстудный — безстыдный;* 21) *Безумный — сумазбродный — безразсудный;* 22) *Безтолковый—непонятливый* или *безпонятный—тупый;* 23) *Бережливо—расчетливо—хозяйственно;* 24) *Блаженство — благополучіе—щастіе—благоденствіе;* 25) *Благонравіе—добронравіе;* 26) *Благообразіе—красота—лѣпота;* 27) *Благолѣпіе—убранство—великолѣпіе.*

[1]) Оно содержало синонимы: 1) Храбрость, неустрашимость, мужество; 2) Умъ, разумъ, разсудокъ; 3) Пропадать, изчезать; 4) Произшествіе, приключеніе; 5) Удивленіе, изумленіе; 6) Восторгъ, восхищеніе, изступленіе; 7) Ближній, искренній; 8) Правда, истина; 9) Взглядъ, взоръ.

[2]) См. „Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Слов.", ч. XII, стр. 7; ч. XX, стр. 82.

[3]) Оно заключало въ себѣ синонимы: 1) Единственный, чрезвычайный; 2) Хочу, желаю; 3) Жизнь, животъ, житіе, вѣкъ; 4) Слабость, безсиліе 5) Похвала, хвала (ч. XVII) и 1) Учтивость, вѣжливость; 2) Благополучіе, счастіе, блаженство; 3) Невинность, непорочность; 4) Перемѣна, измѣненіе (ч. XXIII).

[4]) См. „Труды Общества", ч. VIII, стр. 138; XII, стр. 14 и XX, стр. 182.

[5]) Здѣсь явились синонимы: ч. VII: 1) Выговоръ, произношеніе; 2) Проницательность, прозорливость; 3) Положеніе, состояніе; 4) Возстановить, возобновить, исправить; 5) Робость, боязнь, страхъ, испугъ, ужасъ, изступленіе, оцѣпенѣніе; 6) Способность, дарованіе; 7) Счастіе, благополучіе; 8) Покорить, подчинить, овладѣть; 9) Признательность, благодарность; ч. X: 1) Искренность, откровенность; 2) Вянуть, блекнуть; 3) Найти, сыскать; 4) Скромность, стыдливость, застѣнчивость; 5) Древній, старинный, старый, ветхій, давнишній; 6) Привязанность, приверженность, пристрастіе; 7) Увеселеніе, забава; 8) Вѣрный, постоянный; ч. XIV: 1) Спокойствіе, миръ, тишина; 2) Избавить, освободить; 3) Послушный, покорный; 4) Скрывать, таить; 5) Защищаться; обороняться; 6) Перестать, кончить; 7) Сносить, терпѣть; 8) Принудить, прине-

Въ 1817 г. П. Θ. Калайдовичъ началъ собирать „разсѣянные по разнымъ Журналамъ, до сихъ поръ объясненные Руские синонимы“, съ тѣмъ, чтобы издать ихъ въ особой книгѣ [1]), которая и явилась въ слѣдующемъ году подъ заглавіемъ: „Опытъ словаря русскихъ синонимовъ, изданъ Московскихъ Обществъ: Исторіи и Древностей Россійскихъ Соревнователемъ и Любителей Россійской Словесности Сотрудникомъ Петромъ Калайдовичемъ. Часть I. Москва, 1818. Въ Унив. Типографіи“ (12°, 157 стр.). Книжка эта, посвященная тогдашнему министру народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицыну, не заслуживала громкаго имени „словаря“, ни по количеству матеріала (всего 77 отдѣльныхъ синонимическихъ группъ), ни по его расположенію. Въ началѣ (стр. 7—26) находимъ „введеніе“, представляющее собой перепечатку (съ незначительными пропусками) упомянутаго уже выше (стр. 1065) разсужденія П. Θ. Калайдовича „О синонимахъ“, а затѣмъ слѣдуютъ въ хронологическомъ порядкѣ статьи о синонимахъ изъ нашихъ журналовъ и сборниковъ до 1815 г. („Собесѣдника Люб. Росс. Слова“, 1783, „Иппокрены“ 1801 г., „Сѣвернаго Вѣстника“ 1804—1805, „Сочиненій и переводовъ Росс. Академіи“ 1806 г., „Любителя Россійскаго слова“, сборника „Въ удовольствіе и пользу“ 1811 г. и „Сына Отечества“ 1814 г.). Съ 62 № начинаются новые синонимы Саларева (С—в), дотолѣ въ печати не появлявшіеся [2]), а далѣе рядъ передѣлокъ съ французскаго, принадлежащихъ самому составителю [3]).

Книжка Калайдовича вызвала краткую критическую оцѣнку неизвѣстнаго автора (Греча?), появившуюся въ „Сынѣ Отечества“ 1819 г., ч. 53, стр. 324—25. Критикъ въ общемъ остался очень

волить; 9) Бѣдность, убожество, скудность, недостатокъ, нищета; 10) Границы, предѣлы; 11) Тьма, мракъ; ч. XVIII: 1) Путь, дорога; 2) Робкій, застѣнчивый; 3) Возвратить, отдать; 4) Внушить, возбудить, подвигнуть, поощрить, ободрить; 5) Лишеніе, утрата, потеря, уронъ; 6) Наружность, внѣшность; 7) Кидать, бросать; 8) Праздность, лѣность, досугъ.

[1]) См. «Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Слов.», т. IX, 134 и «Вѣстникъ Европы» 1817 г., ч. 95, стр. 309 («Московскія Замѣтки»).

[2]) 62) Находка, обрѣтеніе, открытіе, изобрѣтеніе; 63) Глупость, дурачество, шалость; 64) Вина, причина; 65) Возмущеніе, смятеніе, мятежъ, бунтъ; 66) Смерть, кончина, конецъ, издыханіе, преставленіе, успеніе; 67) Потребность, надобность, нужда, необходимость, треба; 68) Добрый, добродѣтельный.

[3]) 69) Красть, похищать, воровать; 70) Должность, обязанность; 71) Предшествовать, предварять, предупреждать, предускорять; 72) Постоянство, вѣрность (д'Аламберта изъ «Nouveau dictionnaire universel des synonimes» Гизо); 73) Постоянный, твердый, непоколебимый, непреклонный; 74) Заключеніе, слѣдствіе (передѣлки синонимовъ Бозе); 75) Рана, язва; 76) Ругать, бранить, журить; 77) Прекрасный, прелестный.

доволенъ трудомъ Калайдовича („Преполезное предпріятіе, которому желаемъ хорошаго успѣха!"), но въ то же время сдѣлалъ и нѣсколько основательныхъ замѣчаній. По его словамъ, въ этомъ словарѣ собраны „почти *всѣ* опредѣленія и разборы Синонимовъ, напечатанные донынѣ на Рускомъ языкѣ и разсѣянные по разнымъ Журналамъ—отъ древняго *Собесѣдника* до юнаго *Сына Отечества*", къ которымъ прибавлены „и новые своего сочиненія". Составителю, однако, ставится на видъ пропускъ синонимовъ изъ Санктпетерб. Вѣстника, которыя, по словамъ критика, „достойны особеннаго уваженія". Кромѣ того, критикъ осуждаетъ „весьма нехорошій обычай" Калайдовича и нѣкоторыхъ его предшественниковъ—переводить синонимы съ французскаго языка: „это вовсе безполезно и даже можетъ быть вредно". Надо замѣчать, „какія средства употребляли ихъ авторы, чтобы различить и обозначить смыслъ схожихъ между собою словъ; но отнюдь не должно переводить ихъ и примѣнять къ Рускому языку; ибо съ трудомъ можно найти слово, означающее предметъ отвлеченный", для котораго имѣлась бы полная параллель на другомъ языкѣ. „Отъ этого происходятъ натяжки и темноты въ разборѣ". „Синонимы должно *сочинять* для каждаго языка особые"; отличать, „въ употребленіи какихъ словъ у насъ чаще ошибаются, въ какомъ значеніи должно принимать сіи слова по ихъ происхожденію и какимъ образомъ принимаются они лучшими писателями". Заключенія, выведенныя отсюда, „будутъ самыми ясными, самыми Рускими и самыми полезными толкованіями синонимовъ".

Толкованія синонимовъ продолжаютъ встрѣчаться въ нашихъ журналахъ до самаго конца первой четверти XIX в. Такъ въ „Трудахъ вольнаго Общества Любителей Росс. Словесности" (=„Соревнователь просвѣщенія и благотворенія") 1821 г. (ч. XV, стр. 65—70) явился „Опытъ разбора Рускихъ синонимъ" (ждать, ожидать, дожидаться, выжидать), подписанный буквою К. [1]) и представлявшій собою отрывокъ „изъ вновь составляемаго Словаря синонимъ". Другой такой же „Опытъ разбора Рускихъ синонимъ" (признательность, благодарность), подписанный также букною К., былъ напечатанъ въ „Сынѣ Отечества" 1822 г. (ч. 82, стр. 169—72). Въ томъ же году, въ „Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія" (ч. 17, 1822 г., стр. 55—61 и 184—194) вышли двѣ статьи этого рода: „Разборъ синонимъ (въ памятную

[1]) Подъ нею во всякомъ случаѣ не скрывались ни Княжевичъ, ни одинъ изъ Калайдовичей, а очевидно какой то начинающій авторъ, говорящій о своей статьѣ, какъ о первомъ небольшомъ опытѣ въ данномъ направленіи.

книгу А. Е. Измайлова)", принадлежавшій несомнѣнно Княжевичу (подпись К—ж—ь), и „Опытъ разбора русскихъ синонимъ", подписанный буквою К. [1]).

Въ этой, пока еще вполнѣ примитивной, разработкѣ русской синонимики принялъ участіе и третій изъ братьевъ Калайдовичей, Иванъ Ѳедоровичъ, помѣстившій свои „Синонимы" въ 24-й части „Трудовъ Моск. Общ. Люб. Росс. Слов." (=„Сочиненія въ прозѣ и стихахъ", ч. IV, 1824 г., стр. 149—163) [2]). Въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ними напечатаны были и „Синонимы" Н. Коха [3]). Вся эта литература не обнаруживала почти никакого шага впередъ, сравнительно съ первыми опытами этого рода конца XVIII или начала XIX в., и сводилась къ самымъ обыкновеннымъ и въ значительной степени наивнымъ, лишеннымъ какого-то бы ни было научнаго значенія выясненіямъ разныхъ оттѣнковъ значенія, свойственныхъ тѣмъ или другимъ синонимамъ. Насколько были шатки основанія этой синонимики, имѣвшей служить прежде всего пособіемъ при сочиненіи, можно видѣть изъ толкованій слова *признательность* въ вышеупомянутыхъ: „Опытѣ словаря синонимовъ" Калайдовича (стр. 111—12) и „Опытѣ разбора Рускихъ синонимовъ" въ „Сынѣ Отечества" 1822 г. По мнѣнію Калайдовича, „*Признательность*, однажды оказанная, не повторяется болѣе; но чувство *благодарности* имѣетъ человѣкъ иногда до самой смерти. Напримѣръ: за спасеніе жизни моей я обязанъ ему вѣчною *благодарностію*; онъ оказалъ мнѣ *признательность* за одолженіе, которое я ему сдѣлалъ!" Напротивъ, по словамъ статьи въ „Сынѣ Отечества", „маловажныя услуги заслуживаютъ небольшую *благодарность*, послѣ чего ихъ забываютъ; слѣдовательно *благодарность* можетъ и отблагодарить. *Признательность*, таясь всегда во глубинѣ сердца, платитъ однимъ только безпрерывнымъ воспоминаніемъ о сдѣланной услугѣ. Она, какъ сказалъ прекрасно Дюкло, есть память сердца. — *Благодарность*, если позволятъ мнѣ употребить это слово, расквитывается, *признательность* всегда въ долгу".

Какъ видно, оба толкователя смотрѣли на значеніе данныхъ

---

[1]) Въ первой статьѣ шла рѣчь о синонимахъ: хотѣть—желать, а во второй разсматривались параллели: 1) Правда, истина и 2) Общество, сословіе.

[2]) У Ив. Ѳ. Калайдовича приводились синонимы: 1) Усмѣшка, улыбка; 2) Радость, веселіе; 3) Изъяснять, объяснять, пояснять; 4) Предпріятіе, намѣреніе; 5) Свобода, вольность; 6) Ровный, равный; 7) Одинакій, одинокій; 8) Приличный, пристойный.

[3]) 9) Тайный, таинственный, скрытный; тайна, таинство, таинственность, скрытность; 10) Изысканіе, изслѣдованіе, испытаніе.

синонимовъ совершенно различно. Немудрено, что подобныя упражненія въ синонимикѣ, послѣ недолгаго расцвѣта въ первой четверти XIX в., мало-по-малу потеряли всякій кредитъ, стали появляться рѣже и рѣже и, наконецъ, вполнѣ у насъ вывелись.

О состояніи грамматическихъ знаній въ Россіи въ теченіе первой четверти XIX в. краснорѣчиво свидѣтельствуютъ и этимологическіе экскурсы нашихъ историковъ, археологовъ и филологовъ, частью уже разсмотрѣнные выше. Мы видѣли уже образчики подобныхъ упражненій: Шишкова—въ его „Разсужденіи о старомъ и новомъ слогѣ" (1803 г., см. выше, стр. 695), Примѣчаніяхъ къ Слову о п. Игоревѣ (1805 г., см. выше, стр. 709—10), „Разсужденіи о краснорѣчіи Св. Писанія" (1811 г., см. выше, стр. 749—50), „Прибавленіи къ разговорамъ о словесности" (1812 г., см. выше, стр. 762), „Нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ на предлагаемое вновь сочиненіе Росс. словаря" (1815 г., см. выше, стр. 674), „Опытѣ разсужденія о первоначаліи, единствѣ и разности языковъ" (1817 г., см. выше, стр. 585—87 и 675—78) и письмѣ къ Востокову (5 іюня 1820 г., см. выше, стр. 784); Востокова—въ его первоначальномъ опытѣ этимологическаго словаря (1802—1808, см. выше, стр. 654—57), примѣчаніяхъ къ „Пѣвисладу и Зорѣ" (1804, см. выше, стр. 705), второй редакціи этимологическаго словаря (1808—1811 г., см. выше, стр. 662, 664—65), рукописныхъ примѣчаніяхъ къ брошюрѣ Аделунга „О сходствѣ санскр. языка съ русскимъ" (1811 г., см. выше, стр. 666), въ статьѣ „Задача любителямъ этимологіи" (1812 г., см. выше, стр. 668); дерптскихъ профессоровъ Глинки и Кайсарова—въ ихъ трактатахъ по славянской миѳологіи (1804 г., выше, стр. 706 и 739); Г. С. Лебедева—въ его „Безпристрастномъ созерцаніи системъ восточной Индіи брамгеновъ" (1805 г., см. выше, стр. 623); анонимныхъ авторовъ статей: въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" 1804 г. (см. выше, стр. 704) и „Вѣстникѣ Европы" 1805 и 1807 гг. (см. выше, стр. 707 и 713); Оленина—въ его „Письмѣ о камнѣ Тмутороканскомъ" (1806 г., см. выше, стр. 711); И. И. Татищева—въ его рукописныхъ этимологическихъ упражненіяхъ (1808 г., см. выше, стр. 721—22); генерала Ахвердова—въ его рукописныхъ санскрито-русскихъ этимологіяхъ (1809 г., см. выше, стр. 626—29); анонимнаго автора (Головкина?)—въ аналогичной статьѣ въ „Fundgruben des Orients" 1809 г. (см. выше, стр. 630—32); Орнатовскаго—въ его русской грамматикѣ (1810 г., см. выше, стр. 554—55); Ѳ. П. Аделунга и анонимнаго автора примѣчаній—въ брошюрѣ „О сходствѣ санскр. яз. съ русскимъ" (Спб. 1811 г., см. выше, стр. 637—40); члена Росс. академіи Леванды—въ его „Разсужденіи" о брошюрѣ Аделунга (1812 г., см.

выше, стр. 643—44); харьковскаго проф. Рейта—въ его актовой рѣчи (1812 г., см. выше, стр. 646—47); Сестренцевича-Богуша—въ его „Recherches historiques" (1812 г., см. выше, стр. 679); Н. М. Карамзина—въ первыхъ томахъ его „Исторіи Государства Россійскаго" (1816 г., см. выше, стр. 670—74) [1]); NN—въ его „Разсужденіи объ опасности и вредѣ, пользѣ и выгодахъ франц. языка" (1817 г., см. выше, стр. 581—82); „Любослова"—въ его статьѣ „Корни и измѣненія словъ" (1819 г., см. выше, стр. 682—86); Я. О. Пожарскаго—въ его примѣчаніяхъ къ „Слову о П. Игоревѣ" (1819 г., см. выше, стр. 844); П. И. Кеппена—въ рецензіи на „Übersicht aller bekannten Sprachen" Ѳ. Аделунга (1820 г., см. выше, стр. 597—98); виленскаго профессора И. Н. Лобойка—въ его скандинаво-русскихъ сближеніяхъ (1821 г., см. выше, стр. 687—88); П. Буткова—въ его примѣчаніяхъ къ Слову о П. Игоревѣ (1821 г., см. выше, стр. 859); А. Р.—въ его скандинаво-русскихъ сопоставленіяхъ (1822 г., см. выше, стр. 688); Н. Ѳ. Грамматина—въ его примѣчаніяхъ къ Сл. о П. Игоревѣ (1823 г., см. выше, стр. 885—86) и въ словопроизводномъ словарѣ Моск. Общ. Люб. Росс. Слов. (начала 20-хъ гг. XIX в., см. выше, стр. 976).

Кромѣ этихъ работъ, большею частію имѣющихъ характеръ сравнительно-этимологическій, можно указать еще нѣсколько экскурсовъ въ область этимологіи русскаго языка, или характерныхъ мнѣній по ея вопросамъ, рисующихъ состояніе этой отрасли знанія у насъ за это время. Пристрастіе къ фантастическимъ этимологіямъ, унаслѣдованное изъ XVIII вѣка, продолжало долго держаться среди нашихъ доморощенныхъ филологовъ и историковъ, хотя еще Шлецеръ возставалъ противъ этой маніи въ своемъ „Несторѣ". Въ русскомъ переводѣ этого труда, изданномъ Д. Языковымъ (т. I. Спб. 1809, стр. 428—29) и, конечно, получившемъ у насъ широкое распространеніе, сравнительно съ нѣмецкимъ оригиналомъ, находимъ такое обращеніе къ „нѣкоторымъ" историкамъ: „Пусть отстанутъ они отъ *словопроизводства*, какъ они еще и по сію пору почти всѣ безъ изключенія пристращены къ оному: оно слишкомъ презрительно для нашихъ ясныхъ историческихъ дней! Пусть не потѣютъ болѣе надъ тѣмъ, что значитъ *Славенинъ*, *Русъ*, взятое за имя нарицательное, а и того менѣе

[1]) Къ разсмотрѣннымъ уже выше этимологіямъ можно прибавить: производство имени «славянъ» отъ *славы* (т. I, стр. 19); «слово князь едва ли не отъ *коня*, хотя многіе ученые производятъ его отъ вост. имени *Казанъ*» (тамъ же, стр. 75); *крали* или *короли* по мнѣнію нѣкоторыхъ—*наказатели* преступниковъ, отъ *кара* или наказаніе (тамъ же, стр. 76—77); фантастическая богиня *Сива*=«можетъ быть» Жива (тамъ же, стр. 85) и т. д.

пусть отъискивають при Рускихъ имянахъ равнозвучные слова въ Венгерскомъ, Персидскомъ, Арабскомъ и пр. языкахъ, и выводятъ изъ нихъ слѣдствія, отъ которыхъ можно испугаться, какъ напр.,... при имени *Лыбедь* (Шлецеръ имѣетъ здѣсь въ виду этимологіи кн. Щербатова, см. выше, стр. 268). Если дадутъ мнѣ сотню Рускихъ именъ и словъ, то съ помощію извѣстнаго Рудбековскаго искуства, возьмусь я отъискать столько же подобныхъ звуковъ въ Малайскомъ, Перуанскомъ и Японскомъ языкахъ. Но къ чему ето? *Делiусъ* говоритъ, что ни какая исторія не можетъ представить такого бреда *ученой* фантазіи, какъ Шведская; но въ Руской царствуетъ еще *неученая* фантазія, которая естественно бредитъ еще смѣшнѣе". Предостереженіе Шлецера, однако, не имѣло дѣйствія, да и самъ онъ не всегда былъ свободенъ отъ увлеченій „этимологическими бреднями", производя, напр., имя *Пермь* отъ финнскаго Vuorima=гористая земля (т. I, стр. 74), *Дорогобужъ* отъ Дреговичей (тамъ же, стр. 188), имя *Радимъ* отъ города Радома (стр. 214) и т. д.

Нѣсколько этимологій въ обычномъ вкусѣ XVIII в. находимъ въ книгѣ харьк. проф. Успенскаго, „Опытъ повѣствованія о древностяхъ рускихъ" (1811—12 г., стр. 765 и слѣд.). Авторъ отвергаетъ, какъ нелѣпое, мнѣніе, будто названія *Словаки, Словяне* происходятъ отъ *слово*, или отъ имени князя Словена (жившаго за 2415 л. до Р. Х.), а *Нѣмцы* отъ *нѣмые* (стр. 5). Онъ слѣдуетъ Сестренцевичу-Богушу, производившему имя словенъ отъ греч. слова „*Склавой*". По мнѣнію Успенскаго, монахи (?!) выбросили отсюда „букву *К*" и такимъ образомъ произвели имя *славянъ* (стр. 6). Имя *Норици*, по его мнѣнію, испорчено изъ *Нагорцы* или *Нагорные*, ибо морскіе берега, на которыхъ они жили, были весьма гористы (стр. 7). Въ толкованіи имени *Русь* Успенскій слѣдуетъ Струбе де Пирмонту, производившему имя *Руси* и *Руссовъ* отъ „сѣверныхъ Готескихъ названій Risar, Ryssen, ед. ч. Risi, Ryss", страна же, гдѣ они жили, называлась Рисаландіей (стр. 12—13). Въ примѣчаніи на стр. 13 объясняются эти слова „Рисъ" и „Росъ". По словамъ Успенскаго, они „не только на нарѣчіяхъ Цельтовъ, Тудесковъ и Скандинавлянъ, но еще и на нѣкоторыхъ восточныхъ языкахъ означали высоту, возвышеніе, гору, человѣка высокаго роста: а потому вѣроятно, что и глаголы *ризенъ* рости, расти, возвышаться въ Тудескомъ и Славенскомъ языкахъ произходили отъ упомянутыхъ словъ. Итакъ слово *Ризи* или *Риссъ* могло означать равно и горнаго жителя", и великана.

Имена Рисаландія и Роксаланы приводятся въ связь на стр. 17: „*ланъ* здѣсь окончаніе, какъ въ словахъ Catalan, Alanus, Alain и

значитъ *гору* отъ слова *al* высокій, возвышенный по Целтскому нарѣчію и отъ слова lan и land—земля, а Ryss, Roos или Rousa похожи на имена Roxen, Roxalan" и т. д. Какъ видно изъ этихъ образчиковъ, этимологизаторскіе пріемы Успенскаго находятся въ ближайшемъ родствѣ съ методомъ нашихъ этимологизаторовъ XVIII в.—Тредьяковскаго, Сумарокова, кн. Щербатова и др. Какого-нибудь прогресса, сравнительно съ ними, Успенскій не обнаруживаетъ.

Шишковъ, кромѣ упомянутыхъ выше (стр. 1077), печатныхъ трудовъ, посвятилъ и рядъ своихъ частныхъ писемъ выясненію основаній излюбленнаго имъ „словопроизводства". Такъ письмо къ Я. І. Бардовскому отъ 20 іюня 1811 г. занято почти все этимологіей слова *имство*. Шишковъ въ началѣ признается, что „очень любитъ толкованіе словъ — науку самую важную, необходимую для процвѣтанія языка и словесности, но, по нещастію, такъ мало намъ извѣстную, что по сіе время никто о ней не думалъ и не думаетъ". Далѣе слѣдуетъ толкованіе слова *имство*, которое авторъ выписываетъ изъ своего тогда еще ненапечатаннаго „Славенскаго словаря", явившагося позже въ „Извѣстіяхъ Росс. Академіи" (1817 г., кн. 4). При этомъ данное слово сближается со словами *имѣть, имѣнье, имущество* и т. д., и предлагается какъ замѣна иностраннаго слова *характеръ* [1]). Въ другомъ письмѣ къ Бардовскому отъ 19-го іюля 1811 г. Шишковъ, говоря о возраженіяхъ Каченовскаго на его „Разговоры о словесности", отстаиваетъ свои пресловутыя этимологіи: *широко = ширь-око* и *высоко = высь-око* [2]).

Этимологизированіемъ занимался и гр. С. П. Румянцовъ, братъ государственнаго канцлера, производившій въ 1814 г. въ бесѣдахъ съ Калайдовичемъ *сѣверянъ* и *древлянъ* отъ рѣкъ Сѣверы и Дравы, *русскихъ* отъ рѣки Русы въ Швейцаріи, древне-русск. *куна* отъ лат. pecunia, *вевѣрица* отъ какого-то неназваннаго латинскаго слова, а припѣвъ *ой дидъ ладо* отъ древне-греч. (?!) *ой ти тидлло* и т. д. [3]). Не лучше были и этимологіи Р. Ѳ. Тимковскаго, ко-

[1]) См. Записки Шишкова, Берл. изд., ч. II, стр. 312—318.

[2]) Тамъ же, стр. 319.

[3]) См. «Записки» Калайдовича въ «Лѣтописяхъ» Тихонравова, 1859—60 г., отд. I, кн. 6, стр. 81—82. Лингвистическія познанія графа изображаетъ и К. С. Сербиновичъ въ своихъ воспоминаніяхъ («Русск. Старина», т. XI, стр. 60). Въ бесѣдѣ съ нимъ графъ «сообщалъ любопытныя свѣдѣнія о нашемъ, или лучше сказать, греческомъ писателѣ Гульяновѣ, правильнѣе Гульяносѣ, который препирается съ Шамполіономъ о египетскихъ іероглифахъ. Отсюда перешли къ разсужденію о всеобщей грамматикѣ и о происхожденіи языковъ.

торый также въ 1814 г. и въ бесѣдахъ съ Калайдовичемъ выводилъ *паломникъ* изъ *по* или *па*—|—*ломоть*, толкуя это слово, какъ „человѣкъ, питающійся мірскимъ подаяніемъ, ломтями". Въ томъ же родѣ объяснялъ Тимковскій и названія рѣкъ: *Днѣпръ*=„прющее дно", *Двина*—отъ „двинуть", *Десна* вм. „десная", т. е. лежащая *вправо* отъ Кіева и т. д. [1]). Нѣкоторыя изъ этихъ этимологій повторялись послѣ и другими, напр. Грамматинымъ—объясненіе имени Днѣпръ (см. выше, стр. 887).

Въ этомъ же вкусѣ, вѣроятно, этимологизировалъ Капнистъ, доказывавшій въ своемъ чтеніи 8-го декабря 1814 г. въ Бесѣдѣ любителей Россійскаго слова: „Изысканіе о Гипербореанахъ и о коренномъ Рускомъ стихотвореніи", что гипербореи были славяне, отъ которыхъ греки взяли свой языкъ и стихотворство [2]). По этому поводу въ „Сынѣ Отечества" была напечатана замѣтка съ письмомъ С. Р. (Степана Руссова?) о томъ же. Въ письмѣ этомъ говорилось: „греческій языкъ есть не иное что, какъ испорченный древній Славянскій... слова *поэзія*, *поэтъ*, *поэма* очевидно происходятъ отъ Славянскаго глагола *пѣть*, *пою*, *поетъ; эпопея* отъ сложнаго глагола *попѣть*", а *ода* отъ восклицанія „восхищенныхъ" слушателей: *о да! Омиръ* отъ *о миръ*, а Пиндаръ отъ горы *Пиндъ* —|— суффиксъ *аръ* въ словахъ *столяръ*, *гончаръ*, *бочаръ*. Отсюда слѣдовалъ выводъ, что Омиръ „получилъ воспитаніе въ нынѣшней Малороссіи" и т. д. [3]). Замѣтка эта вызвала слѣдующее сужденіе Евгенія Болховитинова, писавшаго гр. Хвостову въ янв. 1815 г.: „Въ журналѣ *Сынъ Отечества* читалъ я критическое замѣчаніе объ Иперборейцахъ. Дѣйствительно, это феноменъ въ нашей словесности. Но онъ не новой. Ибо еще Тредьяковскій въ книгѣ своей о *трехъ Рускихъ древностяхъ* доказывалъ происхожденіе Греческаго языка отъ Славянскаго. Тогда почли это *славеноманіею*, а теперь какъ почтутъ, не знаю" [4]). Редакція „Сына Отечества" была, однако, другого мнѣнія и находила доводы С. Р. „сильными и основательными".

Графъ, между прочимъ, утверждалъ, что нашъ вспомогат. глаголъ *есмь* участвуетъ не только въ страдат. залогѣ другихъ глаголовъ, но и въ дѣйствит. и въ среднемъ; напр. двигаяй есмь = двигаю (*яй* перемѣняется на *ю*, а *есмь* опускается), двигаяй еси=двигаеши, двигаяй есть = двигаетъ; двигаяй есмы= двигаемъ, двигаяй есте=двигаете, двигаяй суть=двигаютъ» и т. д.

[1]) Тамъ же, стр. 89 и 108.

[2]) См. «Вѣстникъ Европы» 1815 г., ч. 79, № 2, стр. 103.

[3]) «Сынъ Отечества» 1814 г., № LI, стр. 229—232.

[4]) См. «Сборникъ статей, чит. въ отд. русск. яз. и слов.», т. V, вып. I. стр. 159.

Трезвый отзывъ скептика-Евгенія свидѣтельствуетъ, что не всѣ у насъ въ это время увлекались подобными этимологическими фантазіями. Евгенія можно, впрочемъ, упрекнуть въ томъ, что скептицизмъ его заходилъ уже слишкомъ далеко, распространяясь и на первыя попытки сближеній русскихъ формъ съ санскритомъ. Признавая справедливымъ рѣзкій отзывъ Евгенія о знакомой уже намъ книжечкѣ Леванды (см. выше, стр. 641—45), которую онъ называлъ „анатоло-галиматьей“ и „испанскими замками“ [1]), мы не можемъ, однако, слѣдовать за нимъ, когда онъ пишетъ Анастасевичу 16 марта 1817 г.: „изъ вывезенныхъ Англичанами въ Европу остъ-индскихъ книгъ Санскритскихъ, слишкомъ ентузіастически Европейцами величаемыхъ, видно, что въ самой Индіи много различныхъ сектъ... Подлинныхъ книгъ Браминыхъ нѣтъ уже и у Индѣйцевъ, а только разныя толкованія на нихъ... Все чему осталось Европейцамъ учиться у восточныхъ заключается только въ лингвистикѣ и геологіи. Первая ничего болѣе не представитъ кромѣ этимологическихъ доказательствъ, въ коихъ и умъ можетъ потеряться“ [2]). Это недовѣріе къ санскриту и этимологіи Евгеній сохранялъ и гораздо позже, въ то время, когда западное языкознаніе уже намѣтило себѣ вполнѣ опредѣленный и правильный путь, приведшій его впослѣдствіи къ блестящимъ результатамъ. Даже въ 1824 г., говоря объ одной этимологіи Френа, которую онъ называетъ смѣшною, Евгеній писалъ Анастасевичу (16-го марта): „Толкуйте жъ вы теперь какъ хотите съ нѣмецкаго или арабскаго, и не лучше ли съ санскритскаго, помутившаго нынѣ всѣмъ чудакамъ головы! Во всѣхъ языкахъ можно найти сходство: mais la comparaison n'est pas raison“ [3]).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и скептицизмъ Евгенія, и этимологическія увлеченія его современниковъ вытекали изъ одного источника, а именно—отсутствія научнаго метода и необходимыхъ знаній. Ни Леванда, ни Евгеній не знали санскрита и судили о немъ по наслышкѣ. То или другое отношеніе къ названному языку диктовалось такимъ образомъ просто личными вкусами и общимъ умственнымъ складомъ того или другого лица. Если скептицизмъ

[1]) См. письмо Евгенія къ Анастасевичу (15 іюля 1814 г.) въ «Древней и Нов. Россіи» 1880 г., т. 18, стр. 349. Въ этомъ письмѣ Евгеній также относилъ теорію давно уже проповѣдуемаго «первороднаго языка» къ такому же роду шарлатанства, какъ «неугасимую лампаду и горючіе газы для освѣщенія улицъ». По его словамъ, «изобрѣтатели ихъ имѣютъ свою выгоду, а слушатели ихъ тратятъ и умъ и деньги за легковѣріе имъ».

[2]) Тамъ же, стр. 624.

[3]) Тамъ же, 1881 г., февраль, стр. 311.

Евгенія и гарантировалъ его отъ грубыхъ ошибокъ, то все же онъ оставался безплоднымъ въ научномъ отношеніи, вытекая не изъ сознательной критики научныхъ построеній, а изъ недовѣрчивости ума, все равно врожденной или благопріобрѣтенной (въ другой области знанія, разумѣется).

Выше только что упомянутыхъ упражненій гр. Румянцова, проф. Р. Ѳ. Тимковскаго, Капниста и С. Р. стояла явившаяся въ 1815 г. брошюра нашего знаменитаго оріенталиста, казанскаго профессора К. М. Френа, трактовавшая о происхожденіи русскаго слова *деньги* [1]). Френъ предлагаетъ здѣсь двѣ этимологіи даннаго слова, возводя его или 1) къ татарскому *танга*, *тенга* = болѣе древнему *тамга*, или 2) къ тат. *данг*, *денг*, заимствованному изъ перс. *dang*. Первая этимологія, конечно, должна быть отброшена, хотя повторяется и въ наши времена [2]), зато вторая безусловно заслуживаетъ вниманія и является единственно допустимой при современномъ состояніи науки. По своимъ научнымъ пріемамъ разсужденіе Френа, конечно, стояло вполнѣ на уровнѣ тогдашней европейской науки, плодомъ которой оно въ сущности и было.

Этимологіи другихъ древнерусскихъ названій монетъ находимъ въ относящейся къ 1817 г. статьѣ К. (Каченовскаго): „Нѣчто для древней Русской нумизматики“ [3]). Здѣсь идетъ рѣчь о терминахъ *скотъ*, *куны*, *шелеги*, *скотница* и т. д., причемъ нѣкоторые объясняются. *Скотъ* Каченовскій сравниваетъ съ лат. scoti, scotus= 1/24 часть гривны, и въ подтвержденіе германскаго происхожденія лат. слова ссылается на словарь Дюканжа. Слово *шелеги* правильно сближается имъ съ польск. szelagi и нѣм. Schilling.

Однимъ изъ первыхъ трудовъ, посвященныхъ восточнымъ лексическимъ элементамъ въ составѣ русскаго языка, былъ рукописный „Опытъ собранія и объясненія словъ Арабскихъ, Турецкихъ, Персидскихъ и Татарскихъ, употребляемыхъ въ Россійскомъ языкѣ“, составленный казанскимъ профессоромъ И. Яковкинымъ и доставленный имъ члену Росс. Академіи гр. Д. И. Хвостову. Послѣдній, въ засѣданіи 20 янв. 1817 г., сообщилъ этотъ трудъ собранію своихъ сочленовъ, принявшихъ его съ

---

1) «De origine vocabuli rossici Деньги scripsit C. M. Fraehn Rostochiensis. Casani. Ex Universitatis officina typographica factore Fr. Bockelmann prostat Rostochii apud C. Chr. Stiller bibliopolam». 1815. 4°, 42 стр.

2) Напр. у Миклошича въ его «Etymologisches Wörterbuch der slav. Sprachen» (Вѣна, 1886) и у Горяева въ «Сравнительномъ этимологическомъ словарѣ русскаго языка», изд. 2 (Тифлисъ, 1896).

3) «Вѣстникъ Европы», 1817 г., ч. 91, № 1, стр. 44—51.

благодарностью [1]). Въ письмѣ Яковкина къ Хвостову (отъ 18 дек. 1816 г.), сохранившемся въ архивѣ Росс. Академіи (1817 г., № 1), авторъ такъ говорилъ о своей работѣ: „Удостойте простить великодушно медлѣнность труда сего, хотя и небольшаго: соображеніе и обрабатываніе требовало немалаго времени. Да даруетъ Господь, чтобы начало сіе возбудило въ любящихъ Отечественный языкъ бо́льшее рвеніе къ изслѣдованію того, какъ мы объясняемъ свои мысли: principia sunt ardua“. Гдѣ находится рукопись Яковкина, неизвѣстно. По крайней мѣрѣ въ архивѣ Росс. Академіи ея нѣтъ. Въ томъ же году, въ засѣданіи Росс. Академіи 19 дек. Н. Я. Озерецковскій читалъ записку „о происхожденіи имени Самоѣдъ, даннаго Россіянами многочисленному Сѣверному народу“, до насъ, однако не дошедшую [2]).

Этимологіей имени „славяне“ занимался въ 1818 г. извѣстный В. Н. Каразинъ, доказывавшій въ своей статьѣ „О имени славянъ“ [3]) одно изъ мнѣній Карамзина, согласно которому имя Славянъ должно производить отъ *слово*, такъ какъ Несторъ вездѣ пишетъ *словене*. Напротивъ, имена Святославъ, Изьяславъ, Гремыслава (такъ!) происходятъ отъ *слава*. Каразинъ повторяетъ при этомъ старинное объясненіе имени *словенъ*, означающаго де людей, обладающихъ словомъ или рѣчью, въ противоположность нѣмымъ *нѣмцамъ*. Производство слова *нѣмецъ* отъ имени народа *неметовъ* (ср. выше, стр. 707) Каразинъ называетъ неосновательнымъ, указывая, что имя *нѣмецъ* не могло явиться въ первоначальномъ языкѣ безъ противоположнаго ему по смыслу имени *словенинъ*.

Миѳологическія этимологіи фантастическаго свойства во вкусѣ XVII—XVIII вв. содержитъ статья Волкова „Нѣчто о Велесѣ“, явившаяся въ 1819 г. [4]). Авторъ приводитъ имя Велеса, Волоса, Власія въ связь съ герм. Беленусомъ или Веленосомъ (солнце)= Веелъ+Еносъ (т. е. древній Еносъ), вавилонскимъ Веломъ или Вееломъ, финикійскимъ Вааломъ, Белусомъ, Велосомъ и т. д. Изъ этихъ сближеній вытекаетъ, что Велесъ, Белъ, Велъ, Белусъ, Велосъ, Беленусъ, Веленосъ или Виленосъ, въ сущности является русскимъ Аполлономъ, или богомъ солнца. Скотьимъ богомъ онъ сталъ по волѣ переписчиковъ, измѣнившихъ Велоса въ Велеса,

---

[1]) См. Записки о засѣданіяхъ Имп. Росс. Акад. за 1817 г., № 1, 20 янв.

[2]) Тамъ же, № 46, 19 дек.

[3]) «Труды Моск. Общ. Любит. Росс. Словесности», 1818 г., ч. XII, стр. 79—86.

[4]) «Вѣстникъ Европы» 1819 г., ч. 107, № 19, стр. 174—183.

а затѣмъ въ Волоса [1]). Вслѣдствіе сходства этой послѣдней формы съ словомъ *волосъ* (шерсть), богъ Велесъ сдѣлался у славянъ *скотьимъ* богомъ. Въ числѣ цитируемыхъ сочиненій Волковъ ссылается на Воссія (Vossius), „De Origine Idolatr.", т. е. очевидно на сочиненіе подъ заглавіемъ „De Theologia gentili et physiologia christiana LL. IX sive de origine ac progressu idololatriae" (Амстердамъ, 1641, въ 2 т., изд. 2, 1668 въ 3 том.); Moreri, „Le Grand Dictionnaire Historique" (18-е изд., Амстердамъ, 1740, 1-е изд. вышло въ Ліонѣ, въ 1674 г.) и Elias Schedii „Quatuor de Diis Germanis, sive veteri Germanorum, Gallorum, Britannorum et Vandalorum Religione syngrammatum postumorum" (Амстерд. 1648) и обнаруживаетъ такимъ образомъ настоящій источникъ своей миѳолого-этимологической учености, далеко не первой свѣжести.

Статья Волкова вызвала „Замѣчанія на статью: Нѣчто о Велесѣ" [2]), подписанную инициалами Н. П—й (Полевой?). Авторъ ея возражалъ противъ положеній Волкова, резонно указывая, что миѳологіи германская и славянская оригинальны, а потому и названія ихъ божествъ вовсе не должны быть греческаго происхожденія. Превращеніе Велоса въ Волоса и сближеніе послѣдней формы съ им. существ. *волосъ* = шерсть Н. П—й считаетъ невѣроятнымъ. По его мнѣнію, Велесовъ внукъ Слова о Полку Игоревѣ вовсе не сынъ Аполлона, какъ это думалъ Волковъ, а скорѣе представляетъ указаніе на какого-нибудь знаменитаго родственника. Въ заключеніе замѣтки правдоподобно указывается, что происшедшая при введеніи христіанства замѣна скотьяго бога Волоса св. Власіемъ дѣйствительно основана на сходствѣ данныхъ именъ, причемъ изъ современныхъ функцій Св. Власія слѣдуетъ, что Волосъ былъ скотьимъ богомъ.

Къ 1819 г. относится и критическая статья знакомаго уже намъ профессора С.-Петербургскаго университета Я. В. Толмачева (см. выше, стр. 748), содержащая разборъ разсмотрѣнныхъ выше (стр. 675—78) этимологій Шишкова по корнямъ *мал* и *пин* и озаглавленная „Мои сомнѣнія при чтеніи шестой книжки Академическихъ Извѣстій". Статья эта явилась въ „Сынѣ Отечества" (ч. 58, 1819 г.) безъ подписи Толмачева, который раскрылъ свое авторство лишь много лѣтъ спустя въ своей „Аналитической фи-

---

[1]) Каченовскій снабдилъ, однако, это мѣсто примѣчаніемъ, въ которомъ указывалъ, что переписчики не виноваты въ данныхъ измѣненіяхъ, и ссылался на примѣръ «богемцевъ», т. е. чеховъ, знавшихъ нѣкогда Велеса даже въ XVI в., но теперь его совсѣмъ забывшихъ (на основаніи Добровскаго Slavin, стр. 415). См. тамъ же, стр. 183.

[2]) Тамъ же, ч. 108, стр. 38—48.

логіи о составѣ и образованіи русскаго языка" (Спб. 1859, стр. 378). По своему методу и знаніямъ нашъ критикъ стоялъ не выше Шишкова, и образчики его дикихъ этимологій, соперничающихъ въ нелѣпости съ словопроизводствами послѣдняго, а подчасъ и превосходящихъ ихъ, мы уже видѣли выше (стр. 1038). Толмачевъ до конца дней своихъ былъ убѣжденъ въ вѣрности своихъ возраженій и, сообщая въ цитированной нами книгѣ о своей статьѣ, прибавлялъ, что Росс. Академія отвѣчала на нее, но не опровергла.

Разныя этнографическія этимологіи содержитъ статья польскаго антикварія и этнографа Зоріана Доленги-Ходаковскаго (Адама Чарноцкаго): „Разысканія касательно Русской Исторіи", явившаяся также въ 1819 г. [1]). Большинство названій древнихъ русскихъ и славянскихъ племенъ Ходаковскій выводитъ изъ именъ рѣкъ, на которыхъ они поселились. По его мнѣнію, чехи назвались Цѣхами — „именемъ, близкимъ къ *утѣха*"; имя кривичей выводится изъ латышскаго названія русскихъ *кревы*; древляне получили свое имя не отъ лѣсовъ, а отъ рѣки Древли (нынѣ Сдривли), радимичи отъ Радомли, суличи отъ р. Сулы, сѣверяне отъ р. Сѣверецъ, тиверцы, однако, не отъ Тиравы, а отъ мѣстечка Тиврова, Русь отъ *русаго* цвѣта волосъ и т. д. Послѣдняя наивная этимологія повторялась и впослѣдствіи не только Грамматинымъ въ 1823 г. (см. выше, стр. 887), но даже въ наши дни—А. И. Соболевскимъ [2]). Пріемы Доленги-Ходаковскаго воскресли въ наши времена въ потамологическихъ и прочихъ географическихъ этимологіяхъ гг. Филевича и Погодина.

Евгеній Болховитиновъ, не смотря на свое нерасположеніе къ этимологіи, всетаки принужденъ былъ по временамъ имѣть съ ней дѣло. Такъ 31 марта 1819 г. онъ писалъ гр. Хвостову: „Корня слова *говѣніе* и я не знаю: но не вѣрю, чтобъ отъ говядины. Коренное значеніе *говѣнія* vénération, révérence, а переносное уже abstinence, jeûne" [3]).

Этимологіи географическихъ именъ встрѣчаемъ также въ другой статьѣ З. Доленги-Ходаковскаго (Адама Чарноцкаго): „Проэктъ ученаго Путешествія по Россіи, для объясненія древней Славянской Исторіи", вышедшей въ 1820 г. [4]). Мы находимъ

---

[1]) См. «Вѣстникъ Европы», 1819 г., ч. 107, № 20, стр. 277—302.

[2]) См. его «Археологическія замѣтки». I. Русь, въ VI книгѣ «Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца».

[3]) См. «Сборникъ статей, чит. въ отд. русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ», т. V, вып. I, стр. 175.

[4]) «Сынъ Отечества», 1820 г., ч. 63, стр. 289—312, ч. 64, стр. 3—11, 49—66, 115—125, 193—205, 241—254 и 289—299.

здѣсь русскую терминологію растеній (ч. 63, стр. 295), созвѣздій (стр. 295—96), именъ разныхъ урочищъ (стр. 311—312), причемъ приводится списокъ коренныхъ словъ, лежащихъ въ ихъ основѣ (стр. 297—310); списокъ русскихъ и славянскихъ географическихъ именъ, происходящихъ отъ имени существ. *слава* (ч. 64, стр. 50—63), такой же списокъ именъ отъ слова *Русь* (стр. 119—123), списокъ географич. именъ, произведенныхъ отъ *Голядь*, *Даждьбогъ*, *Лель*, *Радгостъ* (стр. 193—205), отъ слова *туръ* (стр. 241—246) и т. д.

Статья Ходаковскаго явилась извѣстнаго рода событіемъ въ нашей тогдашней научной литературѣ. Извлеченіе изъ нея было напечатано въ томъ же году и въ „Вѣстникѣ Европы“ [1]), помѣстившемъ вслѣдъ за симъ и вызванное ею „Письмо къ Редактору“ извѣстнаго уже намъ Мих. Макарова, трактовавшее о географическихъ именахъ Рязанской губерніи [2]). Наблюденія Ходаковскаго въ самомъ дѣлѣ были новинкою въ нашей наукѣ. Такого полнаго и систематическаго обзора народной, главнымъ образомъ географической, терминологіи не предпринималъ еще никто до него, и потому успѣхъ его былъ вполнѣ заслуженъ, несмотря на отсутствіе строгаго научнаго метода и лингвистическаго образованія. Ограничиваясь преимущественно перечнями извѣстныхъ именъ, вполнѣ ясныхъ по этимологическому составу, Ходаковскій, впрочемъ, мало пускался здѣсь въ фантастическое этимологизированіе своего времени и потому не дѣлалъ такихъ грубыхъ ошибокъ, какъ многіе его современники. Въ другихъ своихъ работахъ, какъ увидимъ ниже, онъ былъ, къ сожалѣнію, менѣе осторожен.

Упомянутое только что письмо Макарова содержало перечень географическихъ названій Рязанской губерніи, аналогичныхъ терминамъ Ходаковскаго, съ наивными этимологіями, въ родѣ произведенія названій деревень Переколъ и Недостоева отъ *переколоть* и *недостоять* (указаніе на битвы, когда-то будто бы происходившія около этихъ деревень).

Фантастическія этимологіи даетъ П. Бутковъ въ своей статейкѣ „О Спорахъ и Норикахъ, древнихъ именахъ Славянъ“, явившейся также въ 1820 г. [3]). Авторъ доказываетъ, что имена Споры и Соспиры тожественны и происходятъ отъ армянскаго

---

[1]) «Извлеченіе изъ плана путешествія по Россіи для отысканія древностей Славянскихъ»: «Вѣстникъ Европы», 1820 г., ч. 113, стр. 30—56, 99—118.

[2]) Тамъ же, ч. 113, стр. 306—310.

[3]) «Вѣстникъ Европы», 1820 г., ч. 110, № 8, стр. 275—295.

поръ=брюхо (phor), *пири*=ротъ (груз.!) и т. д., которыми были названы „различные виды кавказскихъ горныхъ ущелій“; имя же Норики дано славянамъ потому, что они жили въ *норахъ* (!). Здѣсь же *хоромы* и глаголъ *хоронить* приводятся въ связь съ арм. *хоръ* (яма); сербское *кутя*, (такъ!) луж. и малорусс. *хата* и русское *кутъ* съ перс. *хяули* (дворъ) (?), *хаутъ* (глубина), курдск. *кута* (низко) [1]) и т. д. Въ связь съ этими словами приводятся и глаголы *ховать*, *кутать*. *Алтарь* возводится къ ассирійск. (?!) *ала* (Богъ)+*тоира* (гора) и т. д.

Въ томъ же 1820 г. „Сынъ Отечества“ (ч. 59, стр. 141) обращалъ вниманіе своихъ читателей на рефератъ директора Спб. Императорскаго Минералогическаго Общества, проф. Л. И. Пансцера, приводя изъ него списокъ названій драгоцѣнныхъ камней и минераловъ, заимствованныхъ изъ восточныхъ языковъ. Въ этотъ перечень вошли слѣдующія названія: алмазъ, яхонтъ, лалъ, вениса, бирюза, сердоликъ, сурьма, изумрудъ, аметистъ, яшма, лазурикъ, талькъ, сандаракъ и даже греч. киноварь, известь=ἄσβηϛος (такъ!).

Гр. Румянцова также интересовали слова, заимствованныя изъ восточныхъ языковъ. 23 дек. 1820 г. онъ писалъ своему сотруднику Малиновскому: „О словахъ, которыя находятся въ Софійскомъ лѣтописцѣ и которыя судите, что принадлежатъ восточнымъ языкамъ, я точно писать буду къ г. Френу и В—му Пр--ву его отвѣтъ доставлю“ [2]). Осуществилъ ли свое намѣреніе графъ, или нѣтъ, изъ изданной переписки его съ Малиновскимъ нельзя судить.

Богатое собраніе русскихъ этимологій содержало явившееся въ томъ же 1820 г. [3]) „Продолженіе изслѣдованія корней“ А. С. Шишкова. Въ то время, какъ прежнія статьи Шишкова, носившія это заглавіе (см. выше, стр. 675 и сл.), заключали въ себѣ рядъ сравненій съ другими (европейскими) языками, названное продолженіе ихъ не выходило изъ предѣловъ одного русскаго языка. Кромѣ небольшого вступленія, содержавшаго выписку изъ академическаго изданія „Деревья словъ“ о цѣли такихъ „деревьевъ“, о составѣ корней и т. д., мы находимъ здѣсь нѣсколько этимологическихъ семействъ, или, по терминологіи Шишкова, „колѣнъ дерева“. Сначала идетъ „Объясненіе колѣнъ дерева, коего корень есть МР“ (стр. 87—95), затѣмъ аналогичное „Объясненіе колѣнъ

[1]) Восточныя слова приводятся нами въ неточномъ и подчасъ ошибочномъ написаніи Буткова, бравшаго ихъ изъ сравнит. словарей Екатерины II и Палласа, которымъ онъ вполнѣ довѣрялъ.

[2]) Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. 1882, т. I, стр. 171.

[3]) «Извѣстія Росс. Акад.» 1821, кн. IX, стр. 83—176.

дерева, коего корень есть КР, ГР, ХР“ (стр. 95—139) и, наконецъ, такое же „объясненіе“ корня ТР (стр. 140—176). Къ корню МР Шишковымъ относятся: мру, мерлуха, мерлушичій (потому что „мѣхи сіи составляются изъ умершихъ или уморенныхъ ягнятъ, прежде нежели они родятся“), смрадъ, смородина, смердъ, мерзость, мракъ, смерчіе, морщу, морошка („потому что ягода сія выпуклыми частицами своими показываетъ нѣкоторое сходство съ морщинами“!), смурый, хмурю, мравій или муравей (по темному цвѣту), мурава, мурлычу или мурнычу („всѣ вѣтви сего колѣна показываютъ нѣкое суровое или непріятное ворчанье“, а потому „должны проистекать отъ того же корня *мр*“, означающаго мрачность), маргаю, мараю, морковь („багряный сокъ“, который „можетъ, особливо на одеждѣ бѣлаго цвѣта, дѣлать красныя пятна, *марать* оное“), мразъ, море, моржъ („можетъ быть сперва *морежъ*“, т. е. морской звѣрь), мрежа или мережа (бросается въ *море*), міръ, миръ. Въ этомъ же вкусѣ и прочія этимологическія семейства. Такъ къ корню *кр* относятся: крякаю, кряква, каркаю, кряхчу, кречетъ, курлычу или курлыкаю, кропочу или кропчу, кричу, скребу, скрежещу, скрыплю, кора (сухая кора трещитъ), скора, скорлупа (отъ *скора* и *лупить*), кожа (вм. *коржа*), корь, короста, корысть (послѣ битвы снимаютъ все съ убитыхъ, какъ съ дерева *кору*), корень, кряжъ (вм. *коряжъ*), крыжъ (вм. *корыжъ*), крестъ (вм. *корестъ*), кругъ,... кружево (отъ *круговъ*, дѣлаемыхъ при плетеніи), кружка (всегда бываетъ *круглая*),... кротость, кротъ, край, крою, кайма (вм. *крайма*),... кудри,... скромный,... гремлю... грошъ (брошенный *грохочетъ*, *гремитъ*)... жиръ, жерновъ, зерно, гора, городъ... хребетъ... грубый и т. д. все въ томъ же вкусѣ. Доводы, приводимые въ пользу той или другой этимологіи, почерпаются, конечно, „отъ ума своего“. Такъ, напр., связь *море* съ корнемъ *мр* (мру) устанавливается при помощи слѣдующаго разсужденія: „человѣкъ не однимъ сопряженнымъ съ отвращеніемъ ужасомъ поражается. Его изумляютъ и смущаютъ также великія разстоянія, неизмѣримыя пространства. Видъ смерти ужаснулъ и потрясъ чувство его; но видъ необъятнаго взорами разліянія водъ привелъ въ толикое же душу его удивленіе. Итакъ, взирая на морскія бездны, на сію безпредѣльную пучину, по тому ли, что столько удивленъ былъ ею, сколько и образомъ смерти, или по тому, что не полагалъ на семъ пространствѣ водъ никакого обитанія и жизни, назвалъ оное, *моремъ*, отъ понятія, заключающагося въ корнѣ *моръ*, *мру*, *умираю*“ (стр. 94). Подобнымъ же образомъ доказывается родство *торока́*, *тро́ки* со *стро́ка*: „вѣроятно изъ *острочить*, сперва прибавле-

ніемъ буквы *о* растянули въ *осторочить*, а потомъ выпускомъ буквы *с* сократили въ *оторочить*, откуда пошли уже *торока́*, *тро́ки* и пр.“... Кромѣ того, „подъ словами *торока́* и *тро́ки* разумѣются ремни и тесьмы, т. е. такія вещи, которыя *простираются* или *струтся*, и слѣдовательно суть *строки*“ (стр. 165—66). Въ такомъ, обычномъ для Шишкова, духѣ и большинство этимологій разсматриваемой статьи, не обнаруживающихъ никакого успѣха, сравнительно съ болѣе ранними его опытами этого рода.

Рядъ этимологій мѣстныхъ названій находимъ у Ходаковскаго и въ его оффиціальныхъ отчетахъ о путешествіи 1821 и 1822 г., напечатанныхъ уже много лѣтъ спустя М. П. Погодинымъ въ „Русскомъ Историческомъ Сборникѣ, издав. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс.“. Въ отчетѣ 1821 г. (см. цит. изд., т. III, кн. 2, 1839) онъ производитъ нѣмецкое названіе Медвѣдки—Берко отъ „beer“ (Bär =медвѣдь? стр. 133), сближаетъ имя озера Ладога съ фамиліей Ладыгиныхъ (!), и др. именами (Ладевы, Ладыманы, Ладомеры, Ладеревы, Ладоховы и т. д.), а также съ названіями рѣкъ и урочищъ, въ родѣ Вадога, Надога, Ондога, Вардуга, Радога, Рандуга и т. д., которыя, по его словамъ, показываютъ „древнее свойство нашего языка“, хотя „сей сложности, сихъ окончаній, не замѣтилъ ни одинъ нашъ граматикъ, и ни одинъ издатель Славянскихъ Лексиконовъ; потому неудивительно, что мы, не имѣя на чемъ утвердиться, вѣрили даже ошибкамъ иностранцевъ и отрекались собственныхъ достояній“ (стр. 141—42); имя Вадимъ производится отъ глагола *вадити* (стр. 151), *жальникъ*—отъ *жаль, жалѣю* (стр. 154); названія: Грузино, оз. Грузинецъ, Гружа въ Сербіи, Грузька во Владим. повѣтѣ, Grazka въ Галиціи и т. д. отъ *грузить*, польск. „grążyć, pogrążyć“ (стр. 156—57), названія: Волотово, Волотъ, Волотья, Волотково и т. д., Велетья, Велетиха, Велетово, и т. д. сближаются съ употребительнымъ „въ Ятвезской землѣ, около Бѣлостока“ названіемъ „рослаго плечистаго человѣка“—*Велетъ*, *велетный*, которыя, по мнѣнію Ходаковскаго, „одно и то же, какъ Волосъ и Велесъ“ (стр. 174—175); имя урочища *Перино* или *Перынь*, однако, признается не имѣющимъ связи съ *Перунъ* (стр. 175—176) и т. д.

Подобныя же этимологіи встрѣчаемъ въ антикритикѣ Ходаковскаго на отзывъ Калайдовича о его теоріи городищъ. Антикритика эта, относящаяся къ 1822 г., была напечатана впослѣдствіи также Погодинымъ („Русскій Историч. Сборникъ“, т. I, кн. 3, 1838, стр. 3—109) подъ заглавіемъ „Историческая система Ходаковскаго“.

Знаменитый въ свое время археологъ-этнографъ утверждаетъ

здѣсь (стр. 14—16), что, „разсматривая всю нашу номенклатуру, найдемъ однѣ слова, безъ всякой сложности съ другими, съ ихъ родами, числомъ, со всѣми предлогами, въ увеличенномъ и уменьшенномъ видѣ, вовсе не по теперешнимъ формамъ. Иныя слова удиѵятъ насъ безконечною сложностію однѣхъ съ другими и перестановкою тѣхъ же самыхъ на оборотъ, такъ же удвоеніемъ одного и того же слова“ (слѣдуютъ примѣры на „безконечную сложность“: Бѣлые-боги, Бѣлые-гости, Бѣлоголовы, Бѣлославы и т. д, Черные боги, Черные гости, Черныя головы и т. д.; на „перестановку“: Бысть-гость—Гости-бычи, Бѣло-миръ—Миробѣлы, Радъ-гость—Гостерады и т. д.; на „удвоеніе“: Бѣлобѣлъ, Черночернь, Холохоль, Хорохорь и т. д.). Далѣе приводятся имена „*великія* въ уменьшительномъ, и *малыя* въ увеличительномъ видѣ, напр. Грубица“ и т. д.

„У однихъ племенъ—продолжаетъ Ходаковскій—найдемъ сей словарь въ первобытной простотѣ, являющій болѣе гласныхъ буквъ; у другихъ сокращеннымъ образомъ, т. е. съ промолчаніемъ нѣкоторыхъ, въ особенности однозвучныхъ. Увидимъ, какъ гласныя и полугласныя замѣняются однѣ другими, что составляетъ разницу діалектовъ. — По свойству же всѣхъ нарѣчій увидимъ, что нѣтъ вовсе словъ, которыя начинались бы съ буквы а, е (э), ф, (ѳ). Послѣдняя даже не находится внутри словъ, развѣ по незнанію употреблена вмѣсто хв (chw). Наконецъ увѣримся, что три Русскія нарѣчія, (за исключеніемъ примѣси церковнаго языка, или подражанія оному), суть памятникъ первобытнаго, древнѣйшаго языка Словенъ [1]). Сія словесная Кабалистика на землѣ нашей есть одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ для Историка и Филолога, ибо въ ней скрывается первое учрежденіе нашихъ предковъ и первое начало нашей Лингвистики“.

Ниже Ходаковскій усердно прибѣгаетъ къ своей „словесной Кабалистикѣ“, доказывая, напримѣръ, что *гора*, *родъ*, *горь* (?), *гарь*, *горѣть* и *городъ* родня между собою, и *городъ* въ сущности означаетъ „горѣніе, сожиганіе, *народомъ* производимое“ (стр. 66). Въ связь съ этими словами приводятся: *гораздъ*, малор. *гарный*, *гарнуться*, *надгорный* (у чеховъ—splendidus), *игра*, польск. gra и контрасты: *горе*, *горевать*, *горькій*, *грѣхъ* (тамъ же, примѣч.). По словамъ Ходаковскаго, „этимологическія замѣчанія гг. Линде и Шишкова открываютъ пространныя идеи о нашемъ языкѣ; но

[1]) Въ подстрочной выноскѣ находимъ такое примѣчаніе редактора (Погодина): «Великое замѣчаніе! Жаль, что Ходаковскій не успѣлъ нигдѣ развить и доказать оное подробно. *Ред.*».

если увидимъ сіи дерева, съ корнями, колѣнами и вѣтвями, сіи *źródła* словъ, происходящими отъ Словянской эпохи, если утвердимъ оныя историческимъ образомъ на понятіяхъ и обычаяхъ предковъ, тогда будетъ сей трудъ дѣйствительнымъ и опредѣляющимъ вѣсъ каждаго слова". Какъ образчики такихъ „деревъ", приводятся группы словъ, сродство которыхъ нельзя де отгадать, „не имѣя въ мысляхъ первой эпохи": рѣка, реку, изрѣченіе, рекъ, пророкъ; вода, водить, вождь; гадъ, гадать; гусли, гуслярь; вѣсть, вѣщать, вѣщба, вѣщунъ, откуда звѣзда (польск. gwiazda, zwiastować); волъ, волхвъ; богъ, божить, забаглося; судъ, судно, суда, посуда; пчи, тци (?), обчій, общій, wobec, пчела (стр. 67 прим.). Далѣе находимъ этимологическія соображенія о словахъ князь, ksiądz, ksieni, ksze и т. д. (стр. 81—89), о которыхъ Ходаковскій позже напечаталъ особую статью въ „Сѣв. Архивѣ" (см. ниже); *попъ*, иллир. (сербск.) *попейка*=пѣвецъ, пѣвица (?!), не имѣющихъ де ничего общаго съ римск. papa, παπας (слѣдовало бы πάππας), Pabst и т. д. (стр. 89--90) [1]).

Въ 1822 г. П. Бутковъ снова выступилъ съ этимологіей имени Козакъ [2]), не обнаруживъ при этомъ никакого успѣха, сравнительно со своей болѣе ранней статьей „О Спорахъ и Норикахъ". По мнѣнію Буткова, слово *козакъ* происходитъ отъ имени народа *Касахи*=*Касоги*=*Казахи* и значитъ *сторожъ*. Доказывается это путемъ разложенія слова на двѣ части, указываемыя въ общемъ языкѣ „Моголовъ и Калмыковъ" (!): *ко-* (латы, броня)+*сакуль*, *закикчи*, *кицаучи* (сторожъ), или *заха*, *захъ* (межа, рубежъ). Такимъ образомъ *козакъ*=*ко-закички* или *ко-захъ*, т. е. крѣпкій охранитель границы, военный сторожъ... [3]).

Не лишено историческаго интереса мнѣніе осторожнаго и скептическаго Евгенія Болховитинова, которымъ онъ, при всемъ своемъ недовѣріи къ воздушнымъ замкамъ современныхъ этимологовъ, обмолвился случайно въ перепискѣ съ гр. Хвостовымъ. 7 мая 1822 г. нашъ ученый іерархъ писалъ названному піиту: „Какъ ни судите вы о корнесловахъ; но я думаю, что какъ Грамматики основою есть словопроизведеніе, такъ и вообще словесности. Не можно дождаться очищенія и усовершенія языка безъ остепененія значенія словъ (?). А сего то мы еще и не имѣемъ

---

[1]) Ходаковскій очевидно имѣетъ здѣсь въ виду сербск. *попевка* или *попиjевка* (не *попейка!*), значащее просто «пѣсня» (р. *попѣвка*).

[2]) «Вѣстникъ Европы», 1822 г., ч. 126, № 23, стр. 182—204: «О имени Козакъ».

[3]) И здѣсь Бутковъ черпалъ изъ сравнит. словаря Екатерины II, относясь къ нему съ полнымъ довѣріемъ.

и потому то всякой по своему толку пишетъ. Тредьяковскій правильно началъ съ этимологіи, но не дошелъ до реторики. Сумароковъ началъ витійствовать, не научась этимологіи. Ломоносовъ зналъ этимологію, но не оставилъ намъ руководства къ оной въ грамматикѣ своей, ни въ реторикѣ. Итакъ правильно нынѣ начали съ Тредьяковскаго начала“ [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что этимологическіе опыты этого времени вытекали изъ ощущавшейся уже потребности объяснить факты языка, являлись симптомами этой потребности. Подвизавшимся на этомъ поприщѣ въ большинствѣ случаевъ не хватало знаній и метода, но ихъ у насъ и негдѣ было получить въ то время. Евгеній, очевидно, сознавалъ историческую законность помянутыхъ опытовъ и въ концѣ концовъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, и самъ раздѣлилъ всеобщее увлеченіе этимологизированіемъ, хотя и продолжалъ по прежнему относиться недовѣрчиво къ прославленному на западѣ и у насъ санскриту (ср. выше, стр. 1082). Въ письмѣ своемъ къ гр. Румянцову, отъ 6 февр. 1824 г., говоря о предпринятомъ канцлеромъ изданіи „Финляндскаго Словаря“, Евгеній писалъ, что словарь этотъ „безъ сомнѣнія откроетъ намъ много русскихъ словъ такихъ, какъ *Бармы*. Нужно бы выписку сдѣлать сходныхъ съ нашими словъ и изъ Свеоготскаго словаря, который ближе къ Рюриковымъ временамъ [2]). Нѣкогда читавши Шведскую исторію Локцена и Далина, я выписалъ нѣсколько такихъ Шведскихъ словъ, коихъ представляю при семъ небольшой образчикъ“ [3]). Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ отъ 23 февр. 1824 г. канцлеръ благодарилъ Евгенія за „выписку Шведскихъ словъ, сходныхъ съ нашими“, которую прочелъ „съ большимъ любопытствомъ“, а 29-го марта 1824 г. препроводилъ ему первый томъ „Финляндскаго Словаря“. Евгеній отвѣчалъ графу 13 апр., благодаря за присылку названной книги и извѣщая, что собирается читать ее „для замѣчанія сходныхъ словъ съ русскими“ [4]).

Очевидно, недовѣріе Евгенія къ санскриту не распространялось на финскіе языки, въ которыхъ онъ хотѣлъ даже самъ искать ключа къ русскому словопроизводству.

---

[1]) См. «Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. ак. н.», т. V, вып. I, стр. 195.

[2]) Евгеній, очевидно, имѣетъ здѣсь въ виду извѣстную въ свое время книгу Ире (1707—1780): «Glossarium Suiogothicum» (1769 г.).

[3]) См. Переписку митрополита Евгенія съ канцлеромъ Гр. Румянцовымъ, вып. III (Воронежъ, 1872 г.), стр. 99. Выписка эта, повидимому, окончательно утрачена.

[4]) Тамъ же, стр. 100, 102, 103.

Каковы оказались бы собственныя этимологіи Евгенія, трудно сказать, но къ чужимъ въ это время онъ относился критически и не безъ основаній. Такъ 19 марта 1824 г. онъ писалъ Анастасевичу: „Смѣшно толкованіе Френово названія Кіева Σαγβαταχ; сама мать и производство веси отъ weiss. А въ славянскомъ переводѣ Нов. Завѣта Кирилла и Меѳодія еще прежде Рюрика, есть уже слово *весь* въ нарицательномъ общемъ смыслѣ. Толкуйте же вы теперь какъ хотите и т. д.“ [1]).

Собраніе дикихъ этимологій во вкусѣ XVIII в. содержитъ небольшая книжечка Степана Руссова: „Опытъ о идолахъ, Владиміромъ въ Кіевѣ поставленныхъ во время язычества и т. д.“ (Спб., въ тип. Н. Греча, 1824, 8°, 17 стр.). Авторъ объясняетъ здѣсь имена слав. божествъ, среди которыхъ фигурируетъ и Зимцерла. Имя этой послѣдней выводится изъ словъ *зіяю* и *мерцаю*, которыя, по мнѣнію Руссова, „какъ то гораздо сильнѣе выражаютъ Зимцерлу“, чѣмъ болѣе похожія *зима* и *стираю* (стр. 3); названія Перкуна и Перуна производятся отъ perdo, percutio и пру (стр. 2, прим.); настоящее начало имени *Стрибогъ* есть *Стрибъ* или *Стребъ* римской миѳологіи (стр. 6); римская Семела, или „Семелія“, въ сущности есть взятая римлянами у славянъ и испорченная Зимцерла (стр. 8). Источникомъ Корса или Хорса, а также и слова *харчь*, является эпитетъ Вакха Corimbifer (стр. 9), а настоящая форма имени *Дажьбогъ—Дажва* или *Дашуба*, которая “есть не что иное, какъ Эллино-Римская Тетисъ“ (стр. 10). Мокошь=Макоша, т.-е. уменьшительное отъ Макарій, подобно тому, какъ Микоша=Никифоръ (стр. 12—13). Вообще же въ римской миѳологіи много славянскихъ именъ, въ родѣ: *Таумасъ, Матута, Телесто* (!) и пр.

Къ числу этимологическихъ статей этого времени относится и „Опытъ объясненія слова: князь, ksiadz“ Зоріана Долуги-Ходаковскаго (Адама Чарноцкаго), явившійся въ томъ же 1824 году [2]). Авторъ ведетъ слова *князь, княгиня* отъ русскаго *конъ*, т. е. отъ „начала, основанія“, какъ Princeps отъ principium, Fürst отъ англосакс. first. Въ связь съ этими словами онъ приводитъ и польское księga, ksiażka, книжка, которую князья держали „въ другой рукѣ“. Польскія формы *ксендзъ* (ksiadz), *ксіонжъ* (очевидно ksiaże), *кше* (voc. sing. ksze) и *ксени* (ksieni) онъ, однако, не берется объяснять и предоставляетъ эту задачу „Варшавскимъ филологамъ“.

[1]) См. «Древняя и Нов. Россія», 1881 г., февр., стр. 311.

[2]) См. «Сѣверный Архивъ», 1824 г., т. X, стр. 219—249 (стр. 241—249: примѣчанія).

Заимствованія изъ тюркскихъ языковъ въ русскій перечисляются въ статьѣ А. Р. „Изслѣдованія о вліяніи Монголо-Татаръ на Россію“, напечатанной въ 1825 г. [1]). Здѣсь указываются слѣдующія слова тюркскаго и якобы тюркскаго происхожденія: кабакъ (стр. 346), калачъ (? стр. 347), сакма, казанъ, майданъ, ендова (!), ясырка (стр. 350—51, прим.), козакъ (стр. 351), тараханныя грамоты (стр. 367), танга=деньга, пула=полушка, алтынъ, атаманъ (!), аманатъ, артель, алый, армякъ, базаръ, багоръ (?), бирючъ (?), баранта, башня (?), булатъ, бунчугъ, балахонъ, барышъ, башка, башмакъ, бобыль (?), буза, бузунъ, бурда, ватага, гетманъ (?!), епанча, есаулъ, ерлыкъ, изюмъ, караулъ, кинжалъ, кушакъ, колпакъ, карій, кибитка, кошевой, коши, кремень (?!), кутасы, кафтанъ, караванъ, каланча, кокошникъ (?), лошадь, мечеть, маякъ, орда, орканъ, паекъ, сапоги, сарай, сайдакъ, табунъ, толмачъ, улусъ, уланъ, ура, ханжа, халатъ, чемоданъ, шатеръ, шашка, шишакъ, шляпа (?), юрта, ясакъ, ямъ. Кромѣ того, приводятся названія драгоцѣнныхъ камней, напечатанныя еще раньше въ „Сынѣ Отечества“ за 1820 г. (см. выше, стр. 1088).

Къ лингвистическимъ доказательствамъ скандинавскаго происхожденія древнихъ руссовъ прибѣгаетъ молодой московскій историкъ М. П. Погодинъ въ своей магистерской диссертаціи „О происхожденіи Руси“ (Москва. Въ Университетской Типографіи. 1825. 8°, 176 стр.+1 ненум.). Въ своихъ пріемахъ онъ несомнѣнно стоитъ уже на гораздо болѣе высокой научной ступени, чѣмъ всѣ его предшественники, прибѣгавшіе въ своихъ трудахъ къ филологическимъ доводамъ. Въ фактахъ языка Погодинъ видитъ „сильнѣйшія доказательства“ того, что варяги были скандинавами (стр. 50), и подвергаетъ разбору во-первыхъ имена варяжскихъ князей и ихъ пословъ (стр. 51—55), а во-вторыхъ—„русскія“, т. е. варяжскія названія семи днѣпровскихъ пороговъ, сообщенныя Константиномъ Багрянороднымъ въ его трудѣ объ управленіи Византійской имперіей (стр. 56—69), т. е. повторяетъ отчасти работу, сдѣланную за 33 года до него кн. Щербатовымъ (см. выше, стр. 269—71). Какъ и Щербатовъ, Погодинъ съ еще большой увѣренностью и доказательностью устанавливаетъ чисто скандинавскій характеръ варяжскихъ именъ и названій днѣпровскихъ пороговъ, опираясь при этомъ на труды Байера, Шлецера, Струбе де Пир-

---

[1]) См. «Отечественныя Записки», 1825 г., ч. XXII, стр. 334—371. Самый списокъ словъ и разсужденіе о нихъ см. стр. 361—366. Авторомъ этой статьи былъ А. Рихтеръ, какъ свидѣтельствуетъ отдѣльный ея оттискъ (Спб. 1825, 8°, 93 стр.), рецензированный въ «Библіографическихъ листахъ» Кеппена (1825, № 23, столб. 329—30).

монта, Эверса, Тунмана, Лерберга и др. Но методъ его безусловно много совершеннѣе и научнѣе, чѣмъ у его предшественника, формы, приводимыя для сравненія изъ разныхъ германскихъ языковъ (хотя бы и изъ вторыхъ рукъ), точнѣе и удачнѣе выбраны, самый кругъ языковъ шире (цитируются англо-саксонскія и англійскія, исландскія, древне-и ново-шведскія, датскія, аллеманскія, верхне-нѣмецкія, голландскія и нижне-саксонскія формы); въ разнорѣчивыхъ и разнообразныхъ мнѣніяхъ своихъ прочихъ предшественниковъ онъ разбирается довольно удачно, отдавая предпочтеніе болѣе правдоподобнымъ конъектурамъ и вообще значительно уже приближаясь къ толкованіямъ, установленнымъ современными германистами, въ частности Томсеномъ, въ его извѣстномъ трудѣ о русско-скандинавскихъ отношеніяхъ и происхожденіи русскаго государства [1]).

Кромѣ указанныхъ географическихъ и собственныхъ именъ, по словамъ Погодина, не сохранилось „никакихъ важныхъ остатковъ древняго языка Русскаго, который исчезъ въ Славянскомъ точно также, какъ Франкскій (Нѣмецкой) въ нынѣ такъ называемомъ Французскомъ, и Булгарской между Дунайскими Славянами. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло также никакихъ памятниковъ гражданскаго языка Славянскаго изъ того періода, въ продолженіи коего вліяніе Русскаго языка могло быть ощутительнымъ, отъ девятаго до двѣнадцатаго столѣтія, отъ пришествія Рюрика до Нестора“ (цит. сочиненіе, стр. 72—73). Тѣмъ не менѣе Погодинъ указываетъ рядъ „скандинавскихъ“ словъ въ Русской Правдѣ и у Нестора: *тіунъ* („Thaegn, Thiangn, Diakn“), *вира* (Wehrgeld, шв. *ора*), *вервь* (норм. или швед. hwarf), *суда*=нѣм. *зундъ*, *нетии* (=нѣм. Neffe!), *пудъ*=„герм. Pund“, *грузъ, безменъ*, *цѣжь* изъ отрубей, пшеницы и овса=„герм. Zähe“ (!). Большинство этихъ сопоставленій уже имѣется у Карамзина, Круга и другихъ историковъ, но этимологія *нетии* повидимому принадлежитъ самому Погодину. Повторяется у него и Карамзинская этимологія слова *корабль*, происходящаго-де отъ *коробить, коробъ*, а не изъ греч. языка. Какъ бы то ни было, широкое мѣсто, отведенное у Погодина этимологическимъ доводамъ, въ общемъ довольно удачнымъ (особенно для того времени), свидѣтельствуетъ о важномъ значеніи, которое онъ придавалъ этому научному пріему, выра-

---

[1]) «The relations between ancient Russia and Scandinavia, and the origin of the russian state. Three lectures delivered at the Taylor institution, Oxford, in May, 1876, in accordance with the terms of lord Ilchester's request to the university. Oxford and London. 1877». Имѣются болѣе позднія обработки: нѣмецкая (Гота, 1879) и шведская (Стокгольмъ, 1882).

зивъ свой взглядъ въ слѣдующихъ любопытныхъ словахъ: „Для Филологіи просіяваетъ нынѣ новый свѣтъ, и словопроизводство по кореннымъ звукамъ представляетъ новое и высоковажное пособіе для Исторической критики“ (стр. 74, прим. 171).

Современная критика, впрочемъ, осталась недовольна этимологическими доводами Погодина, и рецензентъ его труда (Ѳ. Б.!) въ „Сѣверной Пчелѣ“ (1825, № 87) писалъ: „Намъ кажется еще, что Г. Погодинъ излишне распространился въ этимологическихъ доказательствахъ, ибо кто намъ поручится, чтобы слова, дошедшія до насъ чрезъ посредство множества невѣжественныхъ переписщиковъ, сохранились въ первобытномъ своемъ видѣ? Не взирая на все это, результатъ его Разсужденія справедливъ... *Руссы были племя Норманское.* Въ этомъ мы не сомнѣваемся“.

Болѣе скептически къ этимологіи, какъ вспомогательному методу исторіи, относился дерптскій проф. русск. исторіи Іоганнъ Филиппъ Густавъ Эверсъ [1]), русскій переводъ книги котораго [2]) вышелъ въ томъ же 1825 г. Говоря о происхожденіи варяговъ (стр. 18—19), онъ называетъ его „покрытымъ густымъ мракомъ“, который не могъ быть разсѣянъ „свѣтомъ произвольной этимологіи“. Скандинавское происхожденіе ихъ, основанное на этимологіи ихъ именъ и географич. названій, кажется ему, именно въ силу этимологическаго обоснованія, имѣющимъ не болѣе доказательной силы, чѣмъ разныя другія гипотезы о ихъ началѣ. На стр. 71 Эверсъ смѣется надъ сопоставленіями извѣстныхъ оріенталистовъ XVIII в. Михаелиса, Бютнера и Форстера, которые видѣли въ „обыкновенномъ окончаніи Халдейскихъ именъ на *Царь*“ славянское слово и объясняли имя Nebucadnezar, какъ Nebje-cadzenni-tzar (?) = „небомъ поставленный Царь“ (Бютнеръ), или Nebu-godne-zar=„небу годный Царь“ (Форстеръ). По его словамъ, „Шлецеръ настоящимъ Историческимъ изслѣдованіемъ кончилъ сіи Этимологическія забавы“ (здѣсь разумѣется мнѣніе Шлецера, что „Nomina proрria для такого сравненія [языковъ] не годятся. Ибо часто бываютъ онѣ даже чужія...“ См. Repertorium Шлецера для Библейской и Восточной Литературы, VIII, 168). Эверсъ рѣшительно возстаетъ противъ сближеній, основанныхъ

---

[1]) Род. 1781 † 1830, учился въ Геттингенскомъ унив., съ 1810 профессоръ русской исторіи въ Дерптѣ.

[2]) «Предварительныя критическія изслѣдованія Густава Еверса для россійской исторіи. Переводъ съ Нѣмецкаго. Издано Московскимъ Обществомъ Любителей Исторіи и Древностей Россійскихъ. Москва. Въ Универс. Типографіи». Двѣ части, 1825—1826 г. (8°, 356). Нѣмецкій оригиналъ ея: «Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen», вышелъ въ Дерптѣ еще въ 1814 г.

на звуковомъ сходствѣ: „Мы видимъ только сходство звука, но самое величайшее сходство не предохраняетъ отъ заблужденія. Въ самыхъ далекихъ между собою странахъ звуки по одному случаю часто бываютъ разительно сходны:—кто не почелъ бы именъ Лохмана и Свенванга за Германскія и Скандинавскія, если бы сіи имена не были ему извѣстны прежде? И между тѣмъ то принадлежитъ Арабу, а сіе Китайцу. Черкесской Князь Иналъ и Скандинавъ Иніальдъ, Ингіальдъ, сходствуютъ именами много.—Русскій Игорь у Константина Багрянороднаго называется, извѣстно, Ἴγγωρ (Ингоръ), и никакъ не сомнѣваются, чтобъ сіе имя не было одно съ Скандинавскимъ именемъ Ингварь. Ето кажется очень вѣроятнымъ; но бабку сего вѣнчаннаго писателя, супругу Василія Македонянина, Евдокію, всѣ Византійцы называютъ дочерью благороднаго Ингера (Ἴγγερος). Не ужели етотъ Ингеръ, которой, по сказанію Кедрина, происходилъ изъ Мартинакскаго рода, былъ также Скандинавъ? По такому праву можно бы и Римскаго Полководца Руриція Помпейяна, которой въ 312 г. сражался съ Константиномъ за Максентія, завербовать въ Норманны! Еще менѣе рѣшаютъ имена Русскихъ Посланниковъ, которые при Игорѣ и Олегѣ заключили миръ съ Греками. По причинѣ великихъ разнорѣчій, не рѣшено еще, какъ они назывались собственно; ибо кто знаетъ, какое чтеніе правильнѣе: Каларъ или Карла, Фарлофа или Вархова, Велмудръ или Велмида, Фуевастъ или Ибуехатъ? Если бы Скандинавское происхожденіе Руссовъ было доказано другими доказательствами, то слѣдовало бы признать правильнѣйшими тѣ, кои звучатъ наияснѣе по Скандинавски. Если же станемъ разсматривать сіи имена въ самихъ себѣ, независимо отъ всего прочаго, то намъ покажется вѣроятнымъ, что иной Скандинавской звукъ произошелъ отъ описки или недоразумѣнія, отъ коихъ дѣйствительно происходитъ иногда очень странное и т. д.“ (стр. 71—72).

Методологическому вопросу о роли этимологіи при историческомъ изслѣдованіи Эверсъ посвятилъ цѣлую XIII главу („Этимологія“, стр. 133—147), въ которой исходитъ изъ давно, по его словамъ, признаннаго правила, „что этимологія нѣкоторыхъ словъ порознь можетъ служить только къ подтвержденію доказаннаго положенія, а основанія истины должны быть гораздо прочнѣе“. Подвергая критикѣ толкованія названій днѣпровскихъ пороговъ, данныя предшествующими историками, особенно Тунманомъ, Эверсъ приходитъ къ отрицательному заключенію относительно ихъ скандинавскаго начала. По его мнѣнію, если бы древніе Руссы были Норманны, „то сіе должно бы быть видно не изъ семи названій

пороговъ, но изъ всего языка подвластнаго народа. Именно этого нельзя сказать о Словенахъ. Германскихъ словъ очень мало въ Русскомъ языкѣ, и сіи немногія столько же обнаруживаютъ верхне-Нѣмецкое происхожденіе, какъ и Скандинавское". Отъ норманновъ „Словены" должны бы заимствовать морскіе термины, между тѣмъ „древніе Руссы заимствовали сіи имена у Грековъ, какъ: дромонъ, корабль, кувара, схедія, δρόμων, καραβος, κουρβαριον, σχεδία, исключая *ладьи*" (138—139). Въ заключительномъ примѣчаніи Эверсъ приводитъ въ подкрѣпленіе своего скептическаго отношенія къ этимологіямъ, основаннымъ на внѣшнемъ звуковомъ сходствѣ, соотвѣтствующую цитату изъ Аделунгова Митридата (т. I, XIII), согласно которой „только изъ сравненія коренныхъ слоговъ можно судить о родствѣ и различіи языковъ. Изслѣдователи, судя, какъ обыкновенно случается, только по наружности, подвергаются безпрестанно опасности придти въ заблужденіе, и заблуждаются безпрестанно. Самая Этимологія есть подозрительное мороченіе, если не имѣетъ начала въ семъ основаніи языковъ и т. д." (стр. 146 и сл.).

Такое скептическое отношеніе къ этимологіи и филологическимъ доводамъ въ пользу скандинавизма древнихъ руссовъ нисколько не мѣшаетъ, однако, Эверсу производить имя народа волоховъ или влаховъ отъ русск. *влеку*, *волоку* и т. д. (стр. 5—6), считать имя *варяговъ* (Βαραγγοι, Vaeringiar) переводомъ греческаго φοιδερατοι (отъ англосакс. Waere=договоръ, мирное условіе, стр. 26—27), видѣть древнѣйшіе слѣды имени руссовъ въ библейскомъ народѣ Росъ и роксоланахъ (194—95), въ названіи Волги—Ρως (стр. 196), въ имени притока Днѣпра—Рось, Росса (стр. 212) и ждать „рѣшительнаго объясненія" вопроса о происхожденіи руссовъ отъ „Этимологическаго Словаря Русскаго и Турецкаго языковъ, сочиняемаго, говорятъ, великимъ знатокомъ Востока, Г. Италинскимъ, которой, въ продолженіи многихъ лѣтъ, былъ посланникомъ Русскимъ при Портѣ". При семъ Эверсъ выражаетъ желаніе, чтобы словарь этотъ „былъ напечатанъ поскорѣе, дабы мы могли сдѣлать шагъ впередъ въ основательномъ познаніи Русскаго языка"... почитаемаго „самымъ нечистымъ изъ всѣхъ Словенскихъ нарѣчій". О попыткахъ сравненія русскаго языка съ санскритомъ (Ѳ. Аделунга и Виттенбергскаго проф. Антона) Эверсъ отзывался безъ особаго уваженія. Первая, изъ нихъ, по его мнѣнію, принесла пользу болѣе „Словенскому языку", а второй онъ и не читалъ (стр. 293). Ясно, что и скептицизмъ Эверса, и его легковѣріе вытекали изъ одного источника—отсутствія настоящаго знанія и метода. Погодинъ, конечно, былъ ближе къ

истинѣ, чѣмъ его нѣмецкій собратъ по наукѣ, находящій, однако, себѣ оправданіе въ томъ, что книга его въ сущности на 11 лѣтъ старше книги Погодина, хотя и стала достояніемъ русской научной литературы одновременно съ послѣднею.

Какъ видно изъ этого обзора, для этимологіи русскаго языка въ теченіи первой четверти XIX в. было сдѣлано очень немного. Правда, этимологизировали всѣ, кому только было не лѣнь, но отсутствіе знаній и метода даже въ лучшихъ случаяхъ (у Востокова, напр.) парализовали самыя добрыя намѣренія и дѣлали почти безплодными нерѣдко очень долгіе и напряженные труды. Только развитіе сравнительнаго языкознанія и знакомство съ санскритомъ могли бы помочь дѣлу, но объ этихъ необходимыхъ условіяхъ плодотворной работы въ данномъ направленіи пока еще нечего было у насъ и думать, и русскимъ университетамъ долго еще пришлось дожидаться каѳедры санскрита и сравнит. языкознанія, учрежденныхъ во Франціи въ 1814, а въ Пруссіи въ 1819 гг.

Немного больше было сдѣлано у насъ для діалектологіи русскаго языка, зародыши которой относятся еще къ XVIII и даже XVII в. [1]). Первыя замѣчанія о различіи произношенія тѣхъ или другихъ звуковъ въ разныхъ русскихъ нарѣчіяхъ и говорахъ находимъ у Тредьяковскаго въ его „Разговорѣ... объ ортографіі старінной і новой“ (1748 г., см. выше, стр. 204). Здѣсь идетъ рѣчь о произношеніи *ф* и *ѣ* въ великорусскомъ и малорусскомъ нарѣчіяхъ, о переходѣ неударениаго *о* въ *а* въ великорусскихъ акающихъ говорахъ, напр. въ московскомъ, о переходѣ ударениаго *е* въ *о* (въ *везетъ* и т. д.), неударениаго *а* послѣ небныхъ согласныхъ въ *е* (въ родѣ *чесы*—часы), о новгородскомъ смѣшеніи *ц* съ *ч*, народныхъ звуковыхъ измѣненіяхъ, въ родѣ *Микита*, *секлетарь*, *мтица*, новгородскихъ падежныхъ формахъ, въ родѣ *въ избы, въ старой Русы* и т. д. [2]).

Въ „Россійской грамматикѣ Ломоносова (1755 г.) также обращается вниманіе на „главные Россійскіе діалекты“, которыхъ устанавливается три: „Московской, Сѣверной, Украинской“ (Наставл. II, Гл. 5, § 112); дается извѣстная характеристика московскому нарѣчію, которое, по словамъ Ломоносова, „не токмо для важности

---

[1]) Ср. напр. приведенныя у П. К. Симони (Извѣстія отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, т. I. 1896 г., стр. 121 прим.) выдержки изъ евангелія 1506 г., алфавита XVII в., Соловецкаго житія Зосимы и Савватія и т. д.

[2]) См. выдержки изъ книги Тредьяковскаго, напечатанныя П. К. Симони въ только что цитированномъ академическомъ изданіи (стр. 120—123).

столичнаго города, но и для своей отмѣнной красоты протчимъ справедливо предпочитается; а особливо выговоръ буквы О безъ ударенія, какъ А, много пріятнѣе; но отъ того Московскіе уроженцы, а больше тѣ, которые не много и невнимательно по церьковнымъ книгамъ читать учились, въ правописаніи часто погрѣшаютъ, пишучи А имѣсто О: *хачу*, вмѣсто *хочу*, *гавари* вмѣсто *говори*. Но ежели положить, чтобы по сему выговору всѣмъ писать и печатать; то должно большую часть Россіи говорить и читать снова переучить насильно" (Наставленіе II, Глава 5, § 115). Въ § 118 указывается, что малороссы „и въ просторѣчіи Е отъ Ѣ явственно различаютъ". Характеристику малорусскаго нарѣчія Ломоносовъ далъ въ своихъ „Примѣчаніяхъ на предложеніе „О множественномъ окончeніи прилагательныхъ именъ" [1]). По его словамъ, „сей діалектъ съ нашимъ очень сходенъ, однако, его удареніе, произношеніе и окончeнія реченій отъ сосѣдства съ Поляками и отъ долговременной бытности подъ ихъ властію много отмѣнились или прямо сказать попортились". Поэтому Ломоносовъ думалъ, что отъ малороссійскаго „діалекта для установленія Великороссійскихъ окончeній ничего жъ не слѣдуетъ". Напротивъ, если слѣдовать малорусскому, „то Великороссійской языкъ тѣмъ больше испортится, нежели исправится". Въ его же черновыхъ „Филологическихъ изслѣдованіяхъ и показаніяхъ къ дополненію Грамматики надлежащихъ" [2]) подъ 2 и 4-мъ пунктами значились рубрики: „О сродныхъ языкахъ Россійскому и о нынѣшнихъ діалектахъ" и „О простонародныхъ словахъ", матеріалы которыхъ до насъ, однако, не дошли. Въ другихъ рукописныхъ замѣткахъ Ломоносова, перечислявшихъ разные предметы изученія, имѣвшіеся имъ въ виду, находимъ отмѣтки: „Діалектъ Сѣверной" [3]), „О діалектахъ Россійскихъ... Въ общемъ разсужденіи о перемѣнѣ языковъ и оныхъ раздѣленіи [существовавшемъ, но до насъ не дошедшемъ], или въ присовокупленіи о перемѣнахъ и діалектахъ Россійскаго языка..." [4]). О самомъ себѣ Ломоносовъ писалъ, что „довольно знаетъ всѣ провинціальные діалекты здѣшней имперіи" [5]) и т. д.

Шлецеръ въ своей неконченной „Russische Sprachlehre" обращалъ также вниманіе и на діалектическія черты произношенія:

---

[1]) См. Полное собраніе сочиненій Ломоносова, академич. изданіе подъ редакціей М. И. Сухомлинова, т. IV, стр. 1—2.

[2]) Тамъ же, стр. 233.

[3]) Тамъ же, приложенія, стр. 250.

[4]) Тамъ же, приложенія, стр. 254.

[5]) Билярскій, „Матеріалы для біографіи Ломоносова", стр. 703.

на „провинціальное" произношеніе *щ* какъ „двойного *ш*" (§ 4); особое (?) произношеніе *ѳ* у украинцевъ, отличное отъ *ф* и подобное греческому ϑ (?, § 6); на переходы неударённаго *о* въ *а* „въ московскомъ нарѣчіи, господствующемъ и въ Петербургѣ" (§ 21); на разницу между *е* и *ѣ* въ украинскомъ нарѣчіи (§ 23: первое шире, второе у́же); указывалъ на важность областныхъ словъ для этимологическихъ изслѣдованій, высказывая при этомъ увѣренность, что ихъ „должно быть немало отъ Невы до Анадырки и отъ Ледовитаго моря до Чернаго и до Байкала" (§ 44, прим. 19), и устанавливалъ вслѣдъ за Ломоносовымъ три „довольно различныхъ нарѣчія" „славянскаго" языка въ самой Россіи, а именно: „Московское, Архангельское и Украинское" (тамъ же) [1]).

О различіяхъ между русскими говорами говоритъ и Татищевъ въ своей „Исторіи Россійской съ древнѣйшихъ временъ" (т. I. Москва, 1768—69), обращающій вниманіе не только на фонетическія и морфологическія, но и на лексическія ихъ особенности (см. выше, стр. 265).

Сумароковъ въ своихъ писаніяхъ также нерѣдко касается діалектологическихъ вопросовъ. Въ статьѣ „О правописаніи" (см. выше, стр. 209 — 210) онъ указывалъ на ошибки Ломоносова, вызванныя незнакомствомъ съ московскимъ произношеніемъ, въ которомъ *і* „во окончаніяхъ... нѣсколько въ Е претворяется, какъ еще больше литера О въ литеру А; ибо вездѣ гдѣ надъ литерою О нѣтъ силы: то есть ударенія, претворяется она во произношеніи, между О и А, *Вода̀*, *во̀ды*; *гора̀*, *го̀ры* и проч.". Вліяніе родного говора Ломоносова Сумароковъ видѣлъ въ неправильныхъ „провинціяльныхъ" акцентуаціяхъ: *лѣта̀*, *градо̀въ*, вм. *лѣ̀та*, *гра̀довъ*. По его словамъ, „многія не размышляя, таковыя ево (Ломоносова) ошибки приняли украшеньемъ піитическимъ и употребляютъ оныя къ безобразію нашего языка, что г. Ломоносову яко провинціяльному уроженцу простительно, какъ рожденному еще и не въ городѣ, и отъ поселянъ; но протчимъ, которыя рождены не во провинціяхъ и не отъ поселянъ, сіе извинено быть не можетъ". Тредьяковскому дѣлается также упрекъ, что онъ „въ молодости своей, старался наше правописаніе попортити простонароднымъ нарѣчіемъ", по которому „располагалъ" и свое правописаніе (разумѣется, очевидно, правописаніе Тредьяковскаго „по звонамъ", т. е. фонетическое). Сумароковъ указываетъ также на малорусское вліяніе въ великорусскомъ нарѣчіи, объясняя его тѣмъ,

---

[1]) См. академич. изданіе грамматики Шлецера покойнаго А. А. Куника, законченное пишущимъ эти строки (Спб. 1904), стр. 5, 16, 64—65.

что всѣ наши школы были нѣкогда наполнены малороссами: „такъ сіе провинціяльное произношеніе (Ломоносовское *лѣта* вм. *лѣта*) и вкоренилося, яко *Всигды*, *Теби*, *Мья*, и протчія Малороссійскія испорченныя выговоры: а особливо пѣвчія многое преобразили: какъ многое преображаютъ и Великороссійскія дьячки, подьячія и бабы. Малороссіянцы вмѣсто *Тебѣ господи*: *теби господы* и вмѣсто *Господи помилуй*, поютъ иногда *Господы помилуй*: и такъ далѣе. Но есть-ли намъ писать по выговору Малороссійскому; такъ должны мы вмѣсто *лѣта*, говорить *лита*, а вмѣсто *Только*, *тилько* и протч. или вмѣсто *однако*, *однакъ*, и протч. изъ чево многое уже и воспріято". Сумароковъ отмѣчаетъ и другія особенности простонароднаго языка: „Многія слова превращаемъ мы совсѣмъ во противное: *Киріе*, *Елейсонъ* и *Аллилуйа*: претворила невѣжественная чернь въ *Куралесу* и въ *Алелую*, чему и благородныя слѣдуютъ... такъ претворили мы прекрасныя и слуху пріятныя многія имена собственныя въ дурныя и слуху противныя: *Флоръ*, *Лавръ*, *Юліяна*, *Меланія*, *Харитина* и протч. стали *Фролъ*, *Лавьоръ*, *Ульяна*, *Маланья*, *Харитонья*". Какъ образчикъ неграмотнаго женскаго правописанья, „какъ ни попало", отражающаго живое произношеніе, приводится такая фраза: „*Матушка мая галубушка пожалуй атпиши камне душа мая где ты купила вчерашнай градитуръ*: а иногда и *гарнитулъ*" и т. д. [1]).

Въ „Примѣчаніи о Правописаніи" найдемъ также нѣсколько относящихся сюда замѣчаній. Опять дѣлается упрекъ Ломоносову въ провинціализмѣ рѣчи: „Грамматика г. Ломоносова ни какимъ Ученымъ Собраніемъ не утверждена, и по причинѣ, что онъ Московское нарѣчіе въ Колмогорское превратилъ, вошло въ нее множество порчи языка. На прим. вмѣсто *лутчій*, *лутчей*"... Сумароковъ отмѣчаетъ также, что ему „трудняе многихъ научиться было отличать Ѣ отъ Е; ибо въ прекрасномъ произношеніи Московскомъ, которое почти одни только приближенныя къ Москвѣ крестьяня употребляютъ, не шпикуя языка своего чужими словами, и не премѣняя древняго произношенія, мы находимъ то, что благородныя люди, наши предки, многія тупыя слова въ острыя премѣнили" [2]).

Въ „Наставленіи ученикамъ" обращается вниманіе на разницу въ произношеніи *г* въ книжномъ и простонародномъ языкахъ: „Г. во Славенскихъ реченіяхъ произносится какъ Латинское Н, а во

---

[1]) Полное собраніе сочиненій Сумарокова, изд. Н. И. Новикова. Ч. X. Москва, 1782 г., стр. 5, 14, 16, 24, 26, 29, 31.

[2]) Тамъ же, стр. 40, § 2, стр. 44, § 16.

простонародныхъ какъ Латинское G." Познать эту разницу произношенія легко, „слыша и церковное служеніе и простонародныя рѣчи" [1]).

Довольно много мѣста отведено особенностямъ народной рѣчи въ рукописной „Обстоятельной россійской грамматикѣ" Московскаго профессора А. А. Барсова, составлявшейся въ промежуткѣ времени между 1784 и 1788 гг. (см. выше, стр. 232 и слѣд., особенно 236).

На важность изученія народнаго языка обращалъ въ 1787 г. вниманіе и архангельскій купецъ А. И. Ѳоминъ въ своемъ письмѣ „Къ любителямъ Россійскаго языка" („Новыя Ежемѣс. Сочиненія", ч. XI. 1787 г. стр. 74 — 82), къ которому примыкала извѣстная его „Роспись словъ и реченій, изъ остатковъ древняго Россійскаго языка въ Двинской странѣ собранныхъ и т. д." (см. выше, стр. 296—298).

Первое по времени описаніе особенностей бѣлорусскаго нарѣчія находимъ въ „Описаніи Кричевскаго графства" Могилевской губ., составленномъ въ 1786 г. Андреемъ Мейеромъ и изд. Е. Романовымъ въ „Могилевск. Губ. Вѣд." и сборникѣ „Могилевская Старина" (вып. II, 1901 г., стр. 88—137). О языкѣ Кричевскихъ и Хотимскихъ жителей Мейеръ говорилъ такъ: „великороссійскій языкъ между ими столь мало преобразенъ, что исключая нѣкоторыхъ занятыхъ отъ поляковъ нарѣчій, произношенія *а* и *о* на *е* и на *я*, прибавленія при вопрошеніяхъ частицы *чи* и перемѣны *с* на *з*, другихъ существительныхъ перемѣнъ въ немъ кажется и не примѣтно" (см. Е. Ѳ. Карскій, „Бѣлоруссы», т. I, Варшава, 1903, стр. 202—203).

„Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею Всевысочайшей особы" и изданные подъ редакціей Палласа въ 1787 и 1789 гг. (см. выше, стр. 226 и сл.) содержали въ себѣ въ небольшомъ количествѣ и областныя слова. Въ предисловіи къ I части находимъ такую характеристику малорусскаго и „суздальскаго" (офенскаго) нарѣчій: „Между *Славянскими нарѣчіями*, изъ коихъ Россійское первое занимаетъ мѣсто, оба послѣднія (11 и 12) требуютъ объясненія. *Малороссійское* нарѣчіе мало отлично и само по себѣ часто есть не что иное, какъ Россійское на Польскій образецъ премѣненное, которое и въ употребленіи токмо въ Украйнѣ и Малой Россіи. Въ прочихъ странахъ Россійскаго государства случаются мѣстами нѣкоторымъ только провинціямъ собственныя названія и небольшія въ выговорѣ от-

[1]) Тамъ же, стр. 52—53.

личія, но сіе въ самомъ существѣ Россійскаго языка, коимъ столько миліоновъ людей въ отдаленнѣйшихъ странахъ по городамъ и деревнямъ говорятъ, ничего не значитъ.

Что касается до Суздальскаго нарѣчія, то оное есть смѣшанное частію изъ произвольныхъ словъ, частію изъ Греческихъ въ Россійскія обращенныхъ, такъ какъ Нѣмецкой языкъ, жидами употребляемый, Еврейскими словами изкаженный. Торги, кои отъ Суздаля производятся даже въ Греціи, могутъ измѣненію сему быть причиною".

Приглашеніе къ собиранію областныхъ особенностей народной рѣчи (преимущественно лексическихъ) содержало между прочимъ „Положеніе Собранія университетскихъ питомцевъ (моск. унив.)" 1789 г. (см. выше, стр. 977—78). О попыткахъ собиранія областныхъ лексическихъ матеріаловъ въ XVIII в. мы уже говорили выше (стр. 977—978).

Нѣкоторыя замѣчанія о формальныхъ особенностяхъ мѣстныхъ говоровъ содержатъ описанія путешествій академика Н. Я. Озерецковскаго (см. выше, стр. 978), отмѣчающаго, напр., олонецкія формы 3-го л. ед. ч. безъ окончанія *-тъ: буде, несе* („Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому". Спб. 1792, стр. 150, 2 изд. тамъ же, ч. I, стр. 168).

Съ начала XIX в. интересъ къ народнымъ говорамъ оживляется. Первое проявленіе этого интереса въ названномъ вѣкѣ представляетъ „Ручной дорожникъ для употребленія на пути между Императорскими Всероссійскими столицами, дающій о городахъ по оному лежащихъ извѣстія Историческія, Географическія и Политическія; съ описаніемъ обывательскихъ обрядовъ, одеждъ, нарѣчій и видовъ лучшихъ. Patriae suae et fumus est dulcis. Спб. при Имп. Акад. Наукъ, 1801 г. (стран. 6 ненум. + 111, 16°, 2 изд. исправленное и умноженное. Спб. 1802 въ Имп. Тип. съ указнаго дозволенія, 188 стр. + 1 табл. 16° съ эпиграфомъ изъ Державина: „Мила намъ добра вѣсть объ нашей сторонѣ; Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ!" Дополненія состояли въ прибавленіи „О разныхъ способахъ ѣзды и т. д.", таблицѣ прогоновъ и большемъ числѣ рисунковъ). Мы находимъ здѣсь довольно неожиданно рядъ характеристикъ мѣстныхъ нарѣчій, хотя и очень общихъ, но иллюстрированныхъ примѣрами въ очень тщательной по тогдашнему транскрипціи: 1) „Нарѣчіе Новогородское по особливому произношенію, а болѣе по твердому выговору на *О*, отличительно отъ всѣхъ другихъ, какія есть въ Россіи (?) и простирается по всему древнему владѣнію Новогородскаго Княжества. Новогородецъ скажетъ (о должно выговаривать весьма твердо, чтобъ получить изъ того

Новогородское нарѣчіе): *Наша Нóвóгóрóцкая стóрóна бóгата чюдными мóнастырями, не хóтитіó ли и вы сударыня пóжалóвать пóсѣтить ихъ, кóіó Сыркóвъ, кóіó Юрьіóвскóй. Мóсквичъ слишкóмъ баскó гóвóритъ, пó іóвóбы надó сказать харашо*“ (изд. 1, стр. 43—44; изд. 2, стр. 76—77); 2) Валдайскія крестьянки, по словамъ путеводителя, продавая баранки, поютъ: „*Милинькой, чернобровинькой, баринъ! да купижь у меня, хоть связочку, голубчикъ, красавчикъ мой! вотъ эту, што сахаръ бѣлую*“ (изд. 1, стр. 55; изд. 2, стр. 93); 3) Вышневолоцкое „нарѣчіе совсѣмъ отмѣнно отъ Новогородскаго и по выговору на А ближе подходитъ къ Московскому, имѣя въ отмѣну странные недостатки въ удареніи. Вышневолоцкія женщины почти поютъ сіи слова: *жадная, жадобная, нявистушка, да покушайжа.—Дядя Пантялій нынѣшная лита три путины схадилъ—ахти кармилица, смяріótушка мая! Дивки! пайдіóти ли вы на бясиду?* (1 изд., стр. 68, 2 изд., стр. 112—113); 4) Новоторжское нарѣчіе характеризуется, какъ „далеко отличное отъ правильнаго“, хотя торжковскія женщины и увѣряютъ: „*нашей рицы, цыщи въ свици нитъ*“. Въ качествѣ образчика приводится довольно длинный разговоръ двухъ дѣвушекъ, Елеши и Паши: *Е. Здорова, здорова Паша! гди ты была? П. На дивишники недили дви какъ гощу. Е. Какова невиста? П. И!! хороша матка! Е. Ходютъ ли робяты къ вамъ? П. Ходютъ, ходютъ — вчорась всю ночь Яшка да Ванька проиграли въ балалайку, а мы пили писни, да я видила и твово Василья—онъ мника говорилъ, что тебя давно не видалъ, думаитъ не наговорилъ ли на ніóво кто теби. Е. Нитъ, нитъ! кому наговорить, да онъ хочитъ мене обмануть — говоритъ полюби мене—я тебя люблю говорю я—да онъ проситцы въ гости ха! ха! ха! висна дила за чымъ—я говорю: инъ женись на мника, такъ ни въ гостинку будитъ гось—нитъ, нитъ, мене ни обманитъ! П. Ну—прощай мника! пудра итти—да ириди—такъ еще поговоримъ*“ (1 изд. стр. 78 — 79, 2 изд. стр. 128 — 130); 5) „Тверское *нарѣчіе* чисто и особенно отъ другихъ примѣтно по своей учтивой присловицѣ *ста*. Тверянки разговариваютъ: *Л. Красная дѣвица! домали ста матушка твоя? Д. Нѣту—ста—ана ста ушла въ рядъ съ подсадою—Л. Чай вы ста взбогатѣли отъ расады да огурцовъ, вить кажитца у васъ ста большой огородъ? Д. Недрянна ста великъ — аднака ста Богъ послалъ ноничa рублей на сорокови ну ста, кой расады, кой ботвинья ста. Л. Да сколька ста васъ у матушки та? Д. Троичка ста. Л. Ну прости ста—скажи ста матушки та, што Лукишна кокошница приходила. Д. Нештоста*“ и т. д. (1 изд., стр. 100—101, 2 изд., стр. 162—163).

Авторомъ этого путеводителя былъ тверской чиновникъ Иванъ Ѳомичъ Глушковъ [1]), какъ видно изъ посвященія императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, подписаннаго его именемъ.

Къ первымъ же годамъ XIX вѣка относятся: первоначальная редакція малорусской грамматики Павловскаго, переданная имъ въ рукописи весною 1805 г. въ Россійскую академію (см. выше, стр. 716); „Ода, сочиненная на Малороссійскомъ нарѣчіи, по случаю временнаго ополченія (1806 г.)" въ Духовщинѣ, въ 1807 г. штабъ-лѣкаремъ Григоріемъ Кошицъ-Квитницкимъ („Вѣстникъ Европы", 1807 г., ч. XXXIII, 39—44) [2]) и второе и третье изданія (1808 и 1809 гг.) „Энеиды" Котляревскаго съ приложеніемъ малорусскихъ глоссаріевъ (см. выше, стр. 979).

Къ 1805 году относится и начало собиранія образцовъ бѣлорусскаго нарѣчія, если дѣйствительно сборникъ бѣлорусскихъ заговоровъ, записанныхъ въ Мстиславскомъ уѣздѣ помѣщикомъ Далецкимъ, относится къ 1805—1819 гг., какъ это утверждаетъ издавшій его г. Романовъ [3]).

Какъ смотрѣли на возникновеніе и дѣленіе русскихъ нарѣчій авторы нашихъ грамматикъ русскаго языка—Орнатовскій (1810) и Тимковскій (1811), мы видѣли уже выше (стр. 729 и 1006). Послѣдній ученый совсѣмъ даже игнорировалъ существованіе бѣлорусскаго нарѣчія.

О раннемъ знакомствѣ Калайдовича съ особенностями новгородскаго нарѣчія свидѣтельствуетъ его статья въ „Вѣстникѣ Европы" 1812 г. по поводу изданія и объясненія Шлецеромъ-сыномъ двухъ древнихъ новогородскихъ грамотъ (см. выше, стр. 811—12).

Вопросы объ отношеніи малорусскаго нарѣчія къ великорусскому, о времени его возникновенія, о связи съ польскимъ языкомъ и т. д. дебатировались въ рядѣ статей „Вѣстника Европы" 1810—1812 гг., вызванныхъ появленіемъ анонимнаго „Изслѣдованія баннаго строенія, о которомъ повѣствуетъ лѣтописецъ Не-

---

[1]) Умеръ въ родномъ своемъ городѣ Твери 12 іюня 1848 г., на 74 году отъ рожденія, см. о немъ Н. Коншинъ, „Московскія Вѣдомости" 1848 г., № 83.

[2]) «Ода» эта была снабжена любопытнымъ подстрочнымъ примѣчаніемъ редакціи, извинявшейся предъ «нѣкоторыми читателями» въ томъ, что, «желая угодить Малороссіянамъ», изъ которыхъ многіе охотно читаютъ «Вѣстникъ Европы», отнимаетъ у нихъ 5 страницъ для означенной оды. Редакція прибавляла, что правописаніе «оды» «наблюдено въ точности по выговору». Объ этомъ правописаніи могутъ дать понятіе слѣдующіе образчики: зваты, дитей, совиту, всихъ, волокыту, вивкъ, іого, іому, злэ, тэе деревцэ и т. п.

[3]) См. «Могилевскія Губ. Вѣд.» 1900 г., №№ 19, 20, 22, 29, 30 и Е. Ѳ. Карскаго, «Бѣлоруссы», т. I, Варшава, 1903, стр. 204 и 315—16.

сторъ" (Спб., въ типографіи И. Глазунова, 1809, 8°, 35 стр.). Авторъ этого труда, опираясь на лексическихъ данныхъ малорусскаго нарѣчія [1]), доказываетъ, что подъ „баннымъ строеніемъ" Нестора (въ Кенигсбергскомъ спискѣ, подъ 1089 г.), надо разумѣть каменные церковные куполы, которыхъ раньше въ Россіи никто не строилъ.

Мнѣніе это встрѣтило отпоръ со стороны издателя и редактора „Вѣстника Европы" М. Каченовскаго, напечатавшаго свою рецензію въ ч. 49 журнала (1810 г., № 1, стр. 60—70). Здѣсь говорилось между прочимъ (стр. 65—66): „извѣстно, что Малороссійское нарѣчіе занимаетъ средину между нашимъ Русскимъ языкомъ и Польскимъ, изъ послѣдняго вошло въ него множество словъ и оборотовъ въ продолженіе того времени, когда Малороссія находилась подъ польскимъ господствомъ". Опираясь на значеніи польск. слова bania = тыква, пузырь (водяной, стеклянный) и малор. слова *баньки* = стеклянные шарики, употребляемые для игрушекъ, пузыри водяные и мыльные, Каченовскій находилъ возможнымъ, что подъ *баней* разумѣлись только церковныя главы, но не куполы, и толковалъ *банное строеніе* въ смыслѣ мѣста для омовенія или купели для крещенія, какъ это раньше утверждалъ и Болтинъ, мнѣніе котораго Каченовскій называетъ „благовиднымъ".

Отвѣтомъ на рецензію Каченовскаго послужило новое анонимное „Изложеніе споровъ о банномъ строеніи, о которомъ повѣствуетъ Лѣтописецъ Несторъ" въ „Вѣстникѣ Европы" 1811 (ч. 60, стр. 116—139) и 1812 гг. (ч. 61, стр. 25—52). Авторъ этой статьи отстаивалъ свой взглядъ, согласно которому подъ „баннымъ строеніемъ" надо разумѣть церковный куполъ, такъ какъ въ „народномъ нарѣчіи Кіевскаго округа, или Малороссіи, слово *баня* въ просторѣчіи употребляется въ смыслѣ церковной главы или купола, откуда" и прилагательное *банный*. По его словамъ, критикъ „Вѣстника Европы", сличая польск. bania съ малорусск. *банька* и заключая отсюда, что *баня* у Нестора *могло* означать церковную главу, даетъ самъ прекрасное подтвержденіе той мысли, что въ данномъ случаѣ *баня* значитъ „куполъ". При этомъ авторъ высказываетъ мнѣніе, что данныя слова, „немогли получить знаменованій таковыхъ отъ Поляковъ (такъ какъ польскаго языка во времена Нестора и вообще до XIV в. и не существовало, см.

[1]) Малорусское *баня* = «высокой сводъ надъ церковнымъ зданіемъ» (въ просторѣчіи), *банька* = стеклянный сосудъ, водяной пузырь. (См. цит. «Изслѣдованіе», стр. 15—16).

ч. 60, стр. 134—138), но Поляки присвоили оныя въ числѣ прочихъ Русскихъ словъ и выраженій" (ч. 61, стр. 28). То обстоятельство, подчеркиваемое Каченовскимъ, что *баня* употребляется въ значеніи „купола, главы" только „въ просторѣчіи", по словамъ анонимнаго автора, не можетъ служить доводомъ противъ его толкованія. Многія слова, употребляемыя теперь въ просторѣчіи, нѣкогда могли быть „благороднѣйшими выраженіями". Несторъ не пренебрегалъ народными словами, въ родѣ *охабивъ*, „коего не всякой теперь и понять можетъ,... самые знаменитые писатели не пренебрегали просторѣчіемъ, или нарѣчіемъ народнымъ... и прибѣгали къ симъ... запаснымъ хранилищамъ, гдѣ находить можно самые корни великолѣпныхъ словъ и громкихъ выраженій. Народныя нарѣчія составляютъ богатство языковъ и словарей" (тамъ же, стр. 28—30). Основываясь на всѣхъ этихъ соображеніяхъ, авторъ антикритики продолжалъ настаивать на своемъ толкованіи (банное строеніе = куполъ).

Каченовскій не остался въ долгу у своего противника и помѣстилъ въ 65 ч. „Вѣстника Европы" (1812 г., № 17, стр. 38—56) „Еще нѣсколько словъ о банномъ строеніи", въ которыхъ вполнѣ резонно возражалъ противъ мнѣнія, будто *баня* (= куполъ, глава) „перешло не изъ Польскаго языка въ Малорусское нарѣчіе, но изъ Русскаго въ языкъ Польскій, котораго будто бы совсѣмъ не было до XIV ст., которой будто бы только въ семъ вѣкѣ началъ образоваться, и въ составъ коего вошли будто бы всѣ слова Русскія". По словамъ Каченовскаго, „Польскіе литераторы подивятся такой новости" (стр. 43).

Вопроса о возникновеніи малорусскаго нарѣчія Каченовскій коснулся и въ статьѣ своей „Взгляды на успѣхи россійскаго витійства въ первой половинѣ истекшаго столѣтія", явившейся въ I ч. „Трудовъ Моск. Общ. Люб. Росс. Слов." 1812 г. (см. выше, стр. 767—68).

Полемика эта, рисующая тогдашнія представленія о взаимныхъ отношеніяхъ малорусскаго нарѣчія и польскаго языка и вообще о происхожденіи славянскихъ языковъ, отразилась и въ перепискѣ Евгенія Болховитинова, тогда архіепископа Калужскаго, съ В. Г. Анастасевичемъ. Ученый іерархъ писалъ своему корреспонденту 11 окт. 1814 г.: „Во время Несторово не было еще ни малороссійскаго, ни польскаго языка", и потому нельзя согласиться „съ толкомъ Несторовыхъ бань на церквахъ" [1]). Въ письмѣ 24 ноября 1814 г. онъ снова возвращался къ этому вопросу: „мнѣніе о пар-

[1]) См. «Древняя и Новая Россія», 1880 г., октябрь, стр. 355.

ныхъ баняхъ основываю на древнѣйшемъ употребленіи бань въ монастыряхъ греческихъ и русскихъ, а не на Несторовѣ словѣ *Главница*. Не вѣрю, чтобы Несторъ писалъ на малороссійскомъ языкѣ, котораго при немъ не было, а что у малороссіянъ осталось больше нежели у насъ словъ его, это не доказательство" (въ подтвержденіе дѣлается ссылка на употребленіе у Нестора областныхъ словъ, существующихъ и нынѣ у великоруссовъ: *ольно*, *нольно*, у бѣлозерцевъ, *огнище*, *огнищане* — въ Вологдѣ, *одерень* —въ Воронежѣ и т. д.) [1]).

Діалектическія особенности русскаго ударенія, хотя и въ самыхъ общихъ чертахъ, были затронуты предсѣдателемъ Московскаго Общ. Люб. Рос. Слов. А. А. Прокоповичемъ-Антонскимъ въ его „Замѣчаніяхъ о русскомъ удареніи" (1812 г., см. выше, стр. 1016—17).

Свои взгляды на малорусское нарѣчіе Каченовскій высказалъ также въ примѣчаніяхъ къ переводу статьи польскаго ученаго Бандтке: „Замѣчанія о языкахъ Богемскомъ, Польскомъ и нынѣшнемъ Россійскомъ", напечатанному въ „Вѣстникѣ Европы" 1815 г. (ч. 84, стр. 23—35, 118—124). Въ началѣ статьи Бандтке опровергалъ общепринятое въ Германіи и Франціи мнѣніе, „что нынѣшній Росс. языкъ собственно принадлежитъ почти всѣмъ Славянскимъ жителямъ Россіи, или лучше всей Россіи Великой, Бѣлой, Чермной и Черной", на которомъ „основаны смѣшныя заключенія о первенствѣ упомянутаго языка передъ Богемскимъ и Польскимъ". Другой основой этихъ заключеній, по словамъ Бандтке, служила увѣренность въ чистотѣ русскаго языка, который „происходя отъ древняго языка Славянскаго, не имѣлъ въ себѣ словъ чужеязычныхъ, кромѣ принятыхъ изъ Греческаго, изъ котораго Славянскій изстари заимствовалъ новыя выраженія". Поэтому рецензентъ Энеиды Котляревскаго въ „Геттингенскихъ Вѣдомостяхъ" не могъ надивиться несходству малорусскихъ словъ съ великорусскими и „не могъ себѣ представить, чтобы нарѣчіе до такой степени было отличнымъ отъ своего языка". По мнѣнію Бандтке, „языкъ Малороссійскій (котораго столица есть Кіевъ), какъ не уступающій въ старшинствѣ Великороссійскому, не можетъ быть нарѣчіемъ сего послѣдняго". Удостовѣриться же въ этомъ можно, „обративши вниманіе на происшествія временъ прежнихъ; и хотя нѣмцы увѣряютъ, яко бы Малороссійское нарѣчіе есть нечто иное какъ Русской языкъ, испорченный примѣсью къ нему Польскаго; не смотря на то, Малоросс. нарѣчіе старѣе многихъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 361.

другихъ: ибо Кіевъ процвѣталъ уже въ то время, когда Москва не существовала, а Словянскіе *Поляне* еще прежде Рурика говорили не иначе какъ своимъ Славянскимъ языкомъ" (стр. 23—25). Каченовскій не соглашается съ этимъ взглядомъ Бандтке, утверждая, что „ни Славянскіе Поляне, при Днѣпрѣ обитавшіе, ни жители Княжества Кіевскаго и другихъ до присоединенія ихъ сперва къ Литвѣ 1320 г., а потомъ къ Польшѣ 1569-го, не могли говорить нынѣшнимъ Малороссійскимъ нарѣчіемъ (?!), потому что и самое названіе Малороссіи тогда не существовало (!!). А что, во вторыхъ, Польской языкъ имѣлъ весьма сильное вліяніе въ составъ Малороссійскаго нарѣчія, въ томъ никто изъ свѣдущихъ не сомнѣвается". Въ видѣ образчика такого вліянія Каченовскій приводитъ начало грамоты архіепископа Лазаря Барановича на Архимандрію Черниговскаго Елецкаго монастыря, отмѣчая въ ней рядъ полонизмовъ, въ родѣ *въ обецъ, зъ особна*, свѣцкаго *стану* на *преложенствахъ вшелякихъ* и *посполитости зостаючимъ*" и т. д. (стр. 25—26). Такимъ образомъ былъ поставленъ вопросъ объ относительной древности обоихъ главныхъ русскихъ нарѣчій— великорусскаго и малорусскаго, вопросъ, волнующій столькихъ и въ наше время. Поставивъ этотъ чисто научный вопросъ, Каченовскій рѣшаетъ и другой вопросъ болѣе практическаго характера, но не менѣе перваго до сихъ поръ животрепещущій а именно— о литературномъ употребленіи малорусскаго нарѣчія. Пожеланіе Бандтке: „дай Боже, чтобы и *Малороссійскій языкъ сталъ въ ряду ученыхъ Славянскихъ языковъ!*" Каченовскій снабжаетъ такимъ подстрочнымъ примѣчаніемъ (стр. 123): „Г. Бандтке предполагаетъ въ Малороссійскомъ языкѣ, повидимому, богатую литературу; между тѣмъ какъ онъ никогда не былъ подведенъ подъ грамматическія правила, и при нынѣшнемъ своемъ состояніи способенъ только къ шуточнымъ сочиненіямъ, какова *Енеида* и двѣ или три извѣстныя оды. Великороссійскій языкъ... еще далекъ отъ совершенства; когда же догонитъ его Малороссійской почти съ одною своею *Енеидою*, и къ чему бы послужило его возвышеніе на степень ученаго языка, сопряженное съ непреодолимыми трудами?" Какъ видно, Каченовскій долженъ быть признанъ первымъ въ ряду нашихъ ученыхъ и публицистовъ, отрицавшихъ возможность и резонность самостоятельной литературы на малорусскомъ нарѣчіи.

На офенское „нарѣчіе" обратилъ свое вниманіе Ѳ. Глинка, извѣстный авторъ „Писемъ русскаго офицера". Въ цитированной уже выше (стр. 979) книгѣ „Письма къ другу" (Спб. 1816 г.) [1]

[1]) Книжка эта не лишена историческаго интереса и въ другихъ отноше-

Глинка указываетъ, что, „вслушиваясь въ старинныя Русскія пѣсни и разбирая разныя *мѣстныя нарѣчія* можно найти много любопытнаго и для насъ теперь еще новаго". Такъ въ г. Галичѣ Костромской губ. „существуетъ и по нынѣ совсемъ особенное *нарѣчіе*, которое, вѣроятно, въ смутныя для Россіи времена, служило нѣкоторымъ изъ тамошнихъ гражданъ для тайнаго разговора и переписки. Сохраненное и по нынѣ въ нѣкоторыхъ *купеческихъ обществахъ*, оно доставляетъ имъ способъ, особливо тѣмъ, которые разъѣзжаютъ по ярмаркамъ, объяснятся другъ съ другомъ о цѣнѣ товаровъ и о прочемъ такъ что никто изъ предстоящихъ разумѣть ихъ не можетъ.—Сіе *Галичское* нарѣчіе называютъ *Галивонскія Алеманы*... Удивительно, что нарѣчіе Галичское имѣетъ многіе оттѣнки полнаго языка, котораго грамматическія правила во всемъ, однакожъ, сходны съ нашими" (ч. II, стр. 9—10). Далѣе, авторъ, опиравшійся на свѣдѣнія, доставленныя ему его сослуживцемъ Ив. Аѳ. Жадовскимъ, сообщалъ рядъ словъ даннаго нарѣчія, предоставляя вопросъ о томъ, „какъ и когда оно составилось", рѣшенію „любителей и знатоковъ древности" (стр. 13).

Въ III части „Писемъ" (стр. 73—74) обращается вниманіе на народный языкъ вообще: „въ простонародномъ нарѣчіи, сколько въ протчемъ не пренебрегаютъ онымъ, встрѣчаются необыкновенныя выраженія.—Простодушные поселяне безъ всякаго намѣренія блистать умомъ, не рѣдко изъясняютъ чувства и мысли свои весьма замысловато". Приводятся примѣры: „нынѣ въ народѣ не стало *склѣю*; у всякаго душа *грудью закрыта*; онъ (бѣглецъ) вездѣ чужой и вездѣ *страхомъ обгороженъ*".

Малорусскому нарѣчію посвящено нѣсколько словъ въ аналогичномъ литературномъ произведеніи: „Письма изъ Малороссіи, писанныя Алексѣемъ Левшинымъ [1]). Харьковъ, въ университетской типографіи 1816". (8°, 4 ненум. + 206 стр.). По словамъ юнаго автора (ему тогда было всего 17 лѣтъ), малорусскій языкъ „происходитъ отъ древняго Славянскаго, но смѣшанъ съ Нѣмецкими, Латинскими, Польскими, перековерканными словами; отъ чего дѣлается почти не понятнымъ Великороссіянину. По множеству иностранныхъ выраженій и особенныхъ оборотовъ составляетъ самое отдаленнѣйшее нарѣчіе языка Россійскаго. Онъ хотя и не

ніяхъ. Такъ въ I части ея (стр. 167—175) идетъ рѣчь о видѣнныхъ Глинкою въ Ригѣ древнихъ грамотахъ.

[1]) Алексѣй Ираклієвичъ Левшинъ (1799—1879), воспитанникъ Харьковскаго университета, впослѣдствіи товарищъ министра внутр. дѣлъ (1854—59) и одинъ изъ дѣятелей по освобожденію крестьянъ, смѣненный на своемъ посту Н. А. Милютинымъ, въ послѣдніе годы жизни—членъ государственнаго совѣта.

имѣетъ правилъ, однакожъ немногіе ученые Малороссіяне употребляютъ его въ сочиненіяхъ. Перелицованная Энеида, — прекраснѣйшее въ своемъ родѣ произведеніе, служитъ тому доказательствомъ.

При всемъ томъ, до сего времени онъ составляетъ языкъ народа. Но ежели геніи здѣшней страны обратятъ на него вниманіе свое и образуютъ оный, ограничивъ положительными правилами грамматики; тогда Малороссіяне въ славѣ ученыхъ произведеній своихъ, можетъ быть, будутъ состязаться съ просвѣщеннѣйшими народами Европы!" Авторъ находитъ, однако, что „тщетна надежда сія; ибо нѣтъ побудительныхъ причинъ, и самая малая возможность къ составленію языка изъ нарѣчія, оставленнаго почти всѣми образованными жителями здѣшней страны" (стр. 77—78).

Далѣе этихъ немногихъ общихъ фразъ Левшинъ не шелъ, дѣлая исключеніе лишь для черниговскаго нарѣчія, отличительной чертой котораго считаетъ твердость, ощутительную „и у тѣхъ, которые отвыкли отъ языка Малороссійскаго, но немогли измѣнить произношенія". По словамъ Левшина, „большая часть жителей здѣшнихъ смѣшана съ Литовцами, а потому ихъ и называютъ прочіе Малороссіяне *Литвинами*". Очевидно, Левшинъ имѣетъ здѣсь въ виду городнянскихъ бѣлоруссовъ (письмо это писано въ Городнѣ), которыхъ относитъ безъ дальнѣйшихъ околичностей къ малороссамъ (стр. 147—48).

Касается вопроса о русскихъ нарѣчіяхъ и Карамзинъ въ I т. своей „Исторіи Государства Россійскаго" (1815—1816). По его словамъ (стр. 104), славянскія племена, „разсѣянныя по Европѣ, окруженныя другими народами, и нерѣдко ими покоряемыя,... утратили единство языка, и въ теченіе временъ произошли разныя его нарѣчія, изъ коихъ главныя: 1) *Русское*, болѣе всѣхъ образованное, и менѣе всѣхъ другихъ смѣшенное съ чужеземными словами (240)". Въ примѣчаніи же 240 (стр. 353—4) значится: „Въ чемъ всякой, развернувъ лексиконы языка нашего, Польскаго, Богемскаго, Иллирическаго, можетъ легко увѣриться. — Кромѣ общаго, мы имѣемъ нѣсколько особенныхъ нарѣчій: Украинское, Суздальское, Новгородское. Въ Суздальскомъ много чуждыхъ, неизвѣстныхъ словъ" (приводится пять словъ, равносильныхъ русскимъ Богъ, отецъ, сестра, жена, дѣва, изъ „Сравнительныхъ Словарей всѣхъ языковъ" Екатерины II и Палласа).

О нарѣчіяхъ русскаго языка говорилось между прочимъ и въ рецензіи М. Т. Каченовскаго (К.): „О Россійской литературѣ, статья Самуила Богумила Линде, Ректора Варшавскаго Лицея", явившейся въ „Вѣстникѣ Европы" 1816 г. (ч. XC, стр. 110—136, 230—44).

Статья Линде, въ свою очередь, представляла собой тоже рецензію на „Опытъ россійской библіографіи“ Сопикова и была напечатана въ польскомъ журналѣ „Pamiętnik Warszawski“. Каченовскій перепечаталъ ее въ своемъ журналѣ въ сокращеніи, снабдивъ рядомъ критическихъ замѣчаній. Между прочимъ отмѣчается опредѣленіе Линде бѣлорусскаго нарѣчія (стр. 121), которое повторяется впослѣдствіи и въ статьѣ К. Ѳ. Калайдовича о томъ же нарѣчіи (см. ниже). По словамъ Линде, „подъ именемъ Бѣлорусскаго языка разумѣется нарѣчіе жившихъ въ Бѣлороссіи и въ Польшѣ благочестивыхъ Греческаго исповѣданія людей. Монахи, въ тѣхъ странахъ жившіе до исхода XVII ст., почти всѣ свои богословскія и поучительныя сочиненія писали симъ языкомъ. Онъ есть смѣсь, составленная изъ языковъ: Славенскаго, Русскаго, Польскаго, а частію и Латинскаго“.

Самъ Каченовскій (стр. 122, примѣч.), слѣдуя Линде и вообще полякамъ, различаетъ „Руськой“ языкъ (język ruski), на которомъ говорятъ въ Минской, Кіевской, Волынской и Подольской губерніяхъ, т. е. малорусское и бѣлорусское нарѣчіе, отъ „Русскаго“ въ собственномъ смыслѣ слова, или великорусскаго (język rossyjski). Такъ Литовскіе статуты 1-й и 3-й, по словамъ Линде и Каченовскаго, вышли „на Руськомъ языкѣ“.

Сибирское „нарѣчіе“ характеризуется въ извѣстной книгѣ Семивскаго: „Новѣйшія повѣствованія о Восточной Сибири“ (Спб. 1817 г. 8°), по словамъ которой въ Сибири, „съ присовокупленіемъ очень не многихъ простонародныхъ словъ, употребляемыхъ въ нѣкоторыхъ *Сѣверныхъ Губерніяхъ*, особенно въ бывшей *Велико-Устюжской Провинціи*, говорятъ чистымъ Россійскимъ языкомъ, имѣя произношеніе, или выговоръ всѣхъ рѣчей, близко подходящій къ Московскому“ (стр. 36). Въ примѣчаніи къ этому мѣсту (№ 10) сообщается довольно обширный списокъ областныхъ сибирскихъ словъ, которыя попадаются въ разныхъ мѣстахъ и въ текстѣ книги (ср. выше, стр. 981).

Нѣсколько незначительныхъ замѣчаній о мѣстныхъ говорахъ Осташковскаго уѣзда (объ употребленіи дат. п. вмѣсто родительнаго, какъ *поѣсть кашкѣ*, и третьемъ лицѣ ед. числа безъ окончанія *-тъ*, въ родѣ *читае, хвали, сиди, спи, кольне, выпье)* содержало „Путешествіе на озеро Селигеръ“ академика Н. Я. Озерецковскаго (Спб. 1817 г., стр. 180, ср. выше, стр. 979—80).

Какъ особенность „сибирскаго нарѣчія“, К. Ѳ. Калайдовичъ указываетъ въ языкѣ изданныхъ имъ „Древнихъ Россійскихъ Стихотвореній“ (1818 г., см. стр. 836) „преимущественное употребленіе имени существительнаго въ ед. ч. и падежѣ именитель-

номъ", напр. въ выраженіяхъ: „*стѣна* пройти, *нога* изломить, *зима* зимовать, въ Екатеринбургѣ говорятъ *труба* закрыть, *квашня* замѣсить" и т. д. (стр. V—VII предисловія, примѣчаніе). Самый языкъ стихотвореній характеризуется (стр. XXV), какъ: „народной, сказочной, съ частыми повтореніями однихъ и тѣхъ же выраженій, съ многосоюзіями. Въ немъ встрѣчаются кое-гдѣ слова, вышедшія изъ употребленія" (ср. выше, стр. 982).

Слѣды малорусскаго нарѣчія въ „Словѣ о полку Игоревѣ" отыскивалъ въ 1818 году тотъ же К. Ѳ. Калайдовичъ, отмѣчавшій, впрочемъ, въ языкѣ названнаго памятника еще польскіе (!) и сербскіе (!) элементы (см. выше, стр. 776—778).

Образчики языка галицкихъ малоруссовъ, или русиновъ, и бѣлоруссовъ (послѣднихъ впервые) находимъ въ статьяхъ „Вѣстника Европы" 1818 г., заимствованныхъ изъ польскаго журнала „Dziennik Wileńsky": „Двѣ народныя пѣсни Славянъ Чермной Руси" (ч. 102, стр. 47—53, подпись: К., т. е., вѣроятно, Каченовскій) и „Остатки славянскаго баснословія въ Бѣлоруссіи" (тамъ же, стр. 53—56, 111—119. Подпись: М.).

Къ 1818 году относится и первая у насъ печатная малорусская грамматика, составленная А. П. Павловскимъ [1]) и представленная имъ въ рукописи Росс. академіи еще въ 1805 г. (см. выше, стр. 716). Небольшая книжка эта, посвященная авторомъ „Любителямъ соотечественниковъ и словесности", распадается на двѣ части. Въ первой, „О буквахъ и о произведеніи словъ" (стр. 1—21), содержится сама грамматика (очень бѣглая и поверхностная), вторая же, озаглавленная „О сочиненіи и о стихотворствѣ Малороссійскомъ", въ сущности содержитъ: Глава I. „Краткій малороссійскій словарь", распадающійся на: *а) Простыя слова* (стр. 24—68); *б) Слова принадлежащія къ Натуральной Исторіи* (стр. 68—74); *в) Имена даемыя при крещеніи* (стр. 75—78); *г) Фразы, пословицы и приговорки Малороссійскія* (стр. 78—86). Глава II: Примѣры на малороссійское сочиненіе: а) *Простые примѣры*, б) *Разговоръ*, в) *Пісня* (гомінъ, гомінъ по дуброві), г) *Отрывокъ изъ исторіи нѣкотораго Малороссіянина*, д) Вакула Чмыръ. Общія замѣчанія.

---

[1]) Грамматика малороссійскаго нарѣчія, или Грамматическое показаніе существеннѣйшихъ отличій, отдаливших Малороссійское нарѣчіе отъ чистаго Россійскаго языка, сопровождаемое разными по сему предмѣту замѣчаніями и сочиненіями. *Сочин. Ал. Павловскій.* [Эпиграфъ:] Ego pro sententia mea hoc censeo. — Pedibus in hanc sententiam itum sit! *Senec. Apokolokint.* Въ Санктпетербургѣ. Въ типографіи В. Плавильщикова, 1818 г. 8°, 4 ненум. + VI + 2 ненум. + 114 + 1 ненум. стр.

Въ предисловіи, говоря о множествѣ любопытныхъ сторонъ „Малой Россіи", достойныхъ описанія, авторъ замѣчаетъ, что подобное описаніе составило бы „превеликую книгу" и вообще потребовало бы много лѣтъ для своего осуществленія. Поэтому онъ находитъ, что для него „довольно будетъ положить на бумагу одну слабую тѣнь исчезающаго нарѣчія сего близкаго по сосѣдству съ нимъ народа, сихъ любезныхъ его соотчичей", происходящихъ отъ единой съ нимъ отрасли.

Появленіе своей книжки онъ оправдываетъ такъ: „Ежели разбираніе *Архангельскаго*, *Новгородскаго*, *Полотскаго*, *Стародубскаго*, *Муромскаго* и другихъ нарѣчій (неговорю *Финскихъ*, *Ордынскихъ*, *Югорскихъ*, *Сибирскихъ*, *Камчатскихъ* языковъ), которыя отличаются только нѣсколькими или нечистыми, или смѣшными, или весьма странными словами, занимаетъ иногда любомудріе и время многихъ знающихъ справедливую цѣну вещи людей, и даже тѣхъ самыхъ, которые поставили себѣ за предметъ обогатить и вычистить *Россійскій Лексиконъ;* то для чего жъ не заняться сколько нибудь и такимъ нарѣчіемъ, которое составляетъ почти настоящій языкъ?"

Въ концѣ предисловія авторъ заявляетъ, что будетъ „неизъяснимо" утѣшенъ и польщенъ, если „благомыслящіе любители своихъ Соотечественниковъ и Словесности" признаютъ его трудъ „несовсѣмъ безполезнымъ" и способнымъ рано или поздно вдохнуть „усерднымъ сынамъ Россіи желаніе къ сохраненію подобныхъ памятниковъ и протчимъ разсѣяннымъ по пространству толь обширныя Имперіи народамъ и языкамъ".

Сама грамматика очень поверхностна, но тѣмъ не менѣе впервые у насъ отмѣчаетъ рядъ звуковыхъ особенностей малороссійскаго нарѣчія и даетъ его краткую морфологію. Изъ фонетическихъ чертъ отмѣчены: мягкость *ц* („буква А послѣ Ц въ концѣ рѣченій произносится какъ Я": *царыця)*: двоякое произношеніе *г* (какъ спирантъ и какъ смычный : *г* || *кг*); сложные звуки *дж* и *дз;* переходъ *и* въ „*ы*" (*сыній* и т. д.); *л* въ „*в*" *(вовкъ); о* въ *і (піпъ)* въ однихъ говорахъ, и въ *у*, или „*ю*", у „ближайшихъ къ Литвѣ малороссіянъ" *(пуіпъ*, *буігъ* = великорус. попъ, богъ); *ф* въ *хв* : *Хвенна* (Феня), *хворый* (!), *хварба, хвыкга; ѣ* въ *і (літо);* произношеніе *я* внутри и въ концѣ слова, какъ „*ья*" *(мьясо);* произношеніе *ѳ* какъ *хвт* (? ср., впрочемъ, ученіе Шлецера, выше, стр. 1102): *Хвтеологія* (!) и т. д. Указанными замѣчаніями ограничивается вся фонетическая часть грамматики. Нѣкоторый историческій интересъ представляетъ только примѣчаніе общаго характера на стр. 3—4. Авторъ утверждаетъ, что „различные *тоны* звуковъ (рѣчи)

происходятъ отъ различнаго возвышенія и пониженія *голоса*", число которыхъ въ свою очередь зависитъ отъ „строенія голосовыхъ орудій". „Но всякая нація имѣетъ опредѣленное число звуковъ, сколь бы въ протчемъ ни многоразлично было у каждаго члена оныя строеніе горла, неба, языка, зубовъ и проч. Чѣмъ сосѣдственнѣе между собою народы, тѣмъ меньше они имѣютъ таковыхъ между собою отличій. Отъ сего и въ Малороссіи весьма мало существеннаго отличія въ произношеніи отъ чистаго Россійскаго языка, и главнѣйшее есть — ощущаемая ухомъ *грубость*" и т. д.

Морфологическая часть книги (глава II) начинается очеркомъ именного склоненія. Авторъ устанавливаетъ пять склоненій: 1) на *а, я* ж. р.; 2) на *ъ, й, ь* муж. р., *е, о, ѣ* ср. р.; 3) на *я* ср. р.; 4) на *ь* ж. р. и 5) на *ї* ж. р.; далѣе разсматриваются прилагательныя и ихъ степени „уравненія" (сравненія), увеличительныя и уменьшительныя имена, числительныя, мѣстоименія (существительныя, прилагательныя), глаголъ (два спряженія: 1) *спiвать, спiвáты,* 2) *ворýшыть),* причастія и „прочія части рѣчи", т. е. нарѣчія, предлоги, союзы и междометія, которыя, по словамъ грамматики, „суть тѣже, что въ настоящемъ Россійскомъ языкѣ" (стр. 21). Всѣ эти отдѣлы такъ же поверхностны, какъ и фонетика, иногда несвободны и отъ ошибокъ.

Заканчивается книжка довольно курьезными подчасъ „Общими замѣчаніями" (стр. 106—114). По словамъ автора, „превеликая... часть Малоросс. словъ, и наипаче крестныя и художественныя названія, суть не что иное, какъ длинные отпрыски отъ первоначальнаго своего корня, но которыхъ первообразіе отдаленность передѣлала въ настоящіе выродки. Нѣкоторые изъ нихъ тонкому Этимологу чванятся Татарскимъ, Турецкимъ, Польскимъ, Нѣмецкимъ и Французскимъ своимъ происхожденіемъ; и наука дѣяній человѣческихъ не ложными доказательствами подтверждаетъ ихъ справедливость". Авторъ оставляетъ въ сторонѣ „слова мѣстныя, случайныя, несобственныя (имѣющіяся въ небольшомъ числѣ и въ его словарѣ); которыя составляетъ то невѣденіе, то особенное какое нибудь обстоятельство; которыя многолюднымъ городамъ почти несвойственны; и которыхъ во всякомъ языкѣ находится безчисленное множество". Онъ находитъ, что и безъ этихъ словъ богатство малоросс. нарѣчія позволяетъ „легко изъяснять... простоту и невѣжество..., естественно изображать страсти" и „пріятно шутить" (стр. 106—107).

По его словамъ, въ малорусскомъ нарѣчіи много словъ, которыя могли бы и великорусской „риторикѣ" придать „немало важ-

ности, силы и хорошаго изображенія вещи". Въ примѣръ приводятся слова: *недо́гарокъ*, *осло́нъ*, *креса́ть*, *погоны́чъ*, которыя „лучше и короче именуютъ вещь, нежели" соотвѣтствующія великорусскія *огарокъ*, *скамья*, *огонь*, *вырубать*, *кучеръ*. Малорусское „*весільлѣ*" = свадьба тоже „съ перваго раза даетъ понятіе, что свадьба есть такая минута въ человѣческой жизни, которая всеконечно должна быть сопровождаема *веселіемъ*". Отсюда дѣлается заключеніе, что подобныя слова „стоило бы только обработать и ввесть въ употребленіе" (стр. 107—108).

Впрочемъ, авторъ находитъ, что рядомъ въ малорусскомъ, какъ и во всякомъ другомъ языкѣ, „много и такихъ словъ, которыя составляютъ однѣ только погрѣшности человѣческаго разума". Таковы: *упы́ръ*, „означающее хвостатаго человѣка", который по ночамъ возитъ на себѣ вѣдьмъ, и представляющее „грубую и смѣшную идею"; таинственное *зъ уздромъ* [1]), которое „въ магическомъ значеніи (?) представляетъ идею страшную и для человѣчества весьма обидную" (!?); всѣ бранныя слова, свидѣтельствующія о „твердомъ характерѣ" малороссовъ и на столько сильныя, „что не только естеству, но даже слуху нетерпимы. Таковыя слова и рѣчи щастливъ бы человѣкъ былъ, еслибы Провидѣніе со всѣмъ изгладило въ Словарѣ душевныхъ понятій" (стр. 108). Образчики такихъ „браней, ужасное понятіе" дающихъ о характерѣ малоросса, приводятся ниже, на стр. 109 (*„Ніжъ твойму батькові въ сердце*; *стонадцять чортывъ твоій матері")*. Рядомъ имѣются и нѣжныя выраженія, но преимущественно у людей, „живущихъ въ городахъ, имѣющихъ благородное обращеніе со своими начальниками, угощающихъ своихъ друзей и ведущихъ съ другими народами тѣсныя связи"; напротивъ, рѣчь деревенскихъ жителей, обитающихъ въ глуши, „гдѣ, можно сказать, кромѣ управляющаго Скиптра, никто не имѣетъ съ ними дѣла", преизобилуетъ „грубѣйшими, не только словами, но даже цѣлыми фразами" [2]). Въ примѣръ таковой грубости приводится говоръ деревни Вы́рей въ Слободской-Украинской губерніи, въ которомъ, „кромѣ премногихъ грубыхъ коренныхъ словъ вмѣсто *чего*, *нельзя*, *можемъ*, говорятъ чаго́, нільга̀, мо́гомъ". Поэтому авторъ предлагаетъ прежде всего очистить „языкъ Малороссіянъ отъ всѣхъ противныхъ, или несродныхъ ему, звуковъ" и дать ему „существенный его видъ", послѣ чего явится возможность судить объ немъ безошибочно (стр. 109—110).

---

[1]) Въ глоссаріи переведено просто: *со всѣмъ приборомъ*.

[2]) Какъ чувствуется здѣсь духовное родство автора съ Гоголевскими героями, очевидно выхваченными изъ жизни!

Несмотря на подобные курьезы, Павловскій имѣлъ уже довольно ясное понятіе о научномъ значеніи народныхъ діалектовъ. Вопросъ, „къ чему пригодна можетъ быть предлагаемая“ имъ малорусская грамматика, онъ находитъ „тягостнымъ“. По его словамъ, „Филологъ, измѣряющій великое поле Словесности, безъ сомнѣнія можетъ найти въ ней что нибудь такое, что займетъ его душу; даже если онъ захочетъ въ нужномъ случаѣ употребить Малороссійское нарѣчіе къ разысканію нѣкоторыхъ историческихъ истинъ, то оное послужитъ ему, по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ къ тому пособіемъ“. Для пониманія многихъ мѣстъ лѣтописи Нестора „надобно бы знать языкъ Малороссіянъ. Исторія древнихъ народовъ между прочимъ отъ того намъ кажется неясною, что мы не имѣемъ подобныхъ грамматикъ, писанныхъ въ ихъ времена.—Самое обстоятельное познаніе урочищъ, упражненій (?), обрядовъ, нравовъ, какого бы то ни было народа, объясняется найлучше познаніемъ его языка“. Истинный образъ нашихъ предковъ будетъ намъ не ясенъ, „если мы не сохранимъ настоящаго образа ихъ мыслей и нарѣчія“. Поэтому на вопросъ, *„нужно ли сохранять различныя нарѣчія, которыхъ во всякомъ языкѣ находится немалое количество? или предать всѣ оныя забвенію?“*, Павловскій „рѣшительно“ отвѣчаетъ: *„нужно сохранять всѣ нарѣчія, сколько бы ихъ ни нашлось, въ какомъ бы то ни было, а тѣмъ болѣе въ нашемъ отечественномъ языкѣ“* (стр. 112—114).

Не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что подобный вполнѣ опредѣленный взглядъ на важность діалектологическихъ изысканій можетъ быть поставленъ Павловскому въ несомнѣнную заслугу и конечно искупаетъ недочеты его научныхъ знаній и метода, породившіе выше указанные курьезы его книжки. Слишкомъ строгимъ судьямъ ея не слѣдуетъ забывать, что въ то время уже самое появленіе *первой* малорусской грамматики было важнымъ событіемъ, каковы бы ни были ея недостатки, столь естественные при полномъ отсутствіи у насъ какой бы то ни было возможности получить научную подготовку въ данномъ направленіи.

Въ томъ же году явилась рецензія книжки Павловскаго, принадлежавшая кн. Цертелеву („Сынъ Отечества“ 1818 г., ч. 46, № 23, стр. 147—151). Критикъ заявлялъ, что прочелъ грамматику Павловскаго „безостановочно и съ удовольствіемъ“. Ему кажется, „что она дѣйствительно заслуживаетъ вниманіе любителей отечественной Словесности: чѣмъ болѣе будемъ мы знать нарѣчій языка Славянскаго, тѣмъ удобнѣе усовершенствовать языкъ Руской... Малороссійское же нарѣчіе есть одна изъ ближайшихъ отраслей перваго“. Цертелевъ думаетъ даже, „что если бы возможно было

очистить Малороссійское нарѣчіе отъ словъ Татарскихъ, Латинскихъ, Нѣмецкихъ и небольшаго числа такихъ, коихъ происхожденіе отгадать весьма трудно, наприм. *стревай* (подожди, постой), *мерщій* (скорѣе), *силькось* (нѣтъ нужды) и проч., то мы увидѣли бы одно изъ чистѣйшихъ нарѣчій языка Славянскаго, и можетъ быть то самое, которое было господствующимъ языкомъ предковъ нашихъ во времена Владиміра". По словамъ критика, „въ нарѣчіи семъ находится много словъ, помогающихъ объясненію Этимологіи словъ Рускихъ (въ родѣ *роска* = розга, доказывающаго, что *розга* есть сокращеніе изъ *ростка!)*, много такихъ, которыя выражаютъ мысль яснѣе нежели нынѣ нами употребляемыя (напр. *пугачь*, *вечеря*, *недогарокъ*, *ятки*, болѣе близкія къ понятіямъ, ими означаемымъ, чѣмъ великорусск. *филинъ*, *ужинъ*, *огарокъ*, *лабазы*), есть даже такія, которыя, будучи введены въ языкъ Россійскій, по выразительности своей, могли бы служить къ обогащенію онаго" *(досвѣтокъ* = время передъ разсвѣтомъ, *жениxаться*, *майка* = шпанская муха, *цокотать* = стучать зубами или чѣмъ нибудь звенящимъ и проч.).

Кромѣ этихъ замѣчаній лексическаго свойства, Цертелевъ выставилъ еще нѣсколько возраженій, направленныхъ противъ тѣхъ или другихъ положеній грамматики Павловскаго. Возраженія эти, однако, большею частью основаны на недоразумѣніи, а то такъ и на недосмотрѣ или невѣжествѣ самого критика, какъ это довольно удачно и показалъ самъ авторъ въ своей антикритикѣ, вышедшей четыре года спустя, въ 1822 г. (см. ниже).

Такъ кн. Цертелевъ находилъ совсѣмъ невѣрнымъ правило Павловскаго объ образованіи превосходной степени прилагательныхъ помощью прибавленія къ положительной степени „слога *пре*, а иногда и слога *наи*", что́, по мнѣнію критика, „бываетъ совершенно наоборотъ" (?). По поводу наивнаго замѣчанія Павловскаго, что превосходная степень получается также, „прибавляя къ положительной слова *изъ чорта* или *изъ чортоваго*, *изъ бисового сына*", Цертелевъ резонно и не безъ язвительности сомнѣвался, „есть ли хотя одинъ языкъ, въ которомъ бы превосходство одной вещи предъ другою означалось прибавленіемъ слова *чортъ* или *чортовъ сынъ*", и приводилъ параллельныя, хотя и не тожественныя великорусскія выраженія *чортъ знаетъ какъ силенъ*, *чудо какъ хороша*. На стр. 14 грамматики Павловскаго Цертелевъ ошибочно принялъ „стяженную" форму притяжательнаго мѣстоименія ж. р. *ма* за 3 л. ед. ч. глагола *маю* и упрекалъ Павловскаго въ незнаніи этой формы. На стр. 16 и 19 его осужденію подверглись многократныя глагольныя формы *спивувавъ*, *ворошувавъ*, а на стр. 21—

замѣчаніе, что въ малорусскомъ не употребительны причастія прошедшаго и настоящаго времени, вмѣсто которыхъ употребляются цѣлыя предложенія. Цертелевъ возражалъ на это, что „Малороссіяне имѣютъ слова: *писаный*, *украденый*, *стоячій*, *лежачій*“. Кромѣ этихъ и немногихъ другихъ погрѣшностей, частью мнимыхъ, частью сводившихся къ неудачнымъ выраженіямъ критикуемаго автора, Цертелевъ осуждалъ нѣкоторыя, по его мнѣнію, неправильныя написанія, въ родѣ *вечера, паймашка*, *ныдить*, *хвостыкъ*, *Бисъ-дерево* вмѣсто *вечеря*, *панимашка*, *нудыть*, *хвастыкъ*, *Божь-дерево* или *Боже дерево*, а также и невѣрное толкованіе нѣкоторыхъ словъ (всего 5), неправильно де переведенныхъ Павловскимъ. Не понравилось критику и замѣчаніе Павловскаго о произношеніи *и* „по большей части“ какъ *ы*: по его мнѣнію, нужно было указать „главные случаи“ такого произношенія, напр. „въ концѣ глаголовъ“ и „въ творительныхъ падежахъ именъ“ (слѣдовало бы прибавить множ. числа) [1]). Недоволенъ остался Цертелевъ и правописаніемъ Павловскаго, „безъ нужды“ затрудняющимъ читателя употребленіемъ *кг* вмѣсто *г* = лат. g, и *ї* вм. *ѣ* = *и*. Въ концѣ концовъ критикъ все же признавалъ, что „книга сія, какъ первая въ своемъ родѣ, заслуживаетъ всякое уваженіе“, и остался доволенъ „общими замѣчаніями въ концѣ книги“, показывающими будто бы, „что Сочинитель смотрѣлъ на предметы, его окружавшіе, со вниманіемъ и съ надлежащей точки“. Какъ видно, критикъ оказался не сильнѣе разбираемаго имъ автора, предъявляя иной разъ совсѣмъ ошибочные или просто пустые упреки, и въ то же время одобряя тѣ стороны книги, которыя этого мало заслуживали.

Малая компетентность кн. Цертелева въ данныхъ вопросахъ вполнѣ обнаруживается и въ его собственныхъ замѣчаніяхъ о малорусскомъ нарѣчіи, находящихся въ его „Опытѣ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней“ (Спб., въ типогр. Карла Крайя. 1819, 8°, 8 ненум. + 64 стр.). Въ разсужденіи „о старинныхъ малороссійскихъ пѣсняхъ“ [2]), открывающемъ книжку, встрѣчаемъ слѣдующую общую характеристику малорусскаго нарѣчія: „Языкъ старинныхъ Малоросс. пѣсней конечно далеко отошелъ отъ своего корня и еще далѣе отъ языка Россійскаго, но слово есть одежда мыслей; оно измѣняется и временемъ и политическими переворо-

---

[1]) Въ своихъ собственныхъ замѣчаніяхъ объ особенностяхъ малорусскаго нарѣчія, въ упоминаемомъ ниже „Опытѣ собранія старинныхъ малоросс. пѣсней“ Цертелевъ такъ и формулировалъ данное правило.

[2]) Разсужденіе это было уже напечатано раньше въ «Сынѣ Отечества» 1818 г., ч. 45, № 16, стр. 122—36.

тами и самымъ образованіемъ народа... Нарѣчіе упомянутыхъ стихотвореній для большей части Рускихъ покажется можетъ быть страннымъ и непріятнымъ (оно устарѣло для самыхъ Малороссіянъ); но изъ того не слѣдуетъ, что и самыя стихотворенія „странны и никуда не годны". По словамъ собирателя, „нарѣчіе Малороссійское, бывшее нѣкогда такъ сказать языкомъ отдѣльнымъ и господствующимъ въ южныхъ странахъ отечества нашего, не менѣе другихъ языковъ способно къ поэзіи. Выпущеніе и прибавленіе въ реченіяхъ нѣкоторыхъ слоговъ, соразмѣрное смѣшеніе согласныхъ буквъ съ гласными весьма облегчаютъ стихосложеніе Малороссійское и способствуютъ гармоніи онаго" (стр. 3—4).

Слѣдующія за тѣмъ „Предварительныя замѣчанія" содержатъ главныя особенности малорусскаго нарѣчія, которыя „читатель не знающій его долженъ замѣтить" (стр. 19—20). Замѣчанія эти формулированы нисколько не лучше, а иногда и хуже, чѣмъ соотвѣтствующія правила Павловскаго. Вмѣсто правила Павловскаго, что „*и* по большей части произносится какъ *ы*", у Цертелева находимъ quasi-ученый § 1, гласящій, что „Малороссіяне во всѣхъ глаголахъ наконцѣ, также въ творительномъ падежѣ, а часто и въ другихъ случаяхъ, употребляютъ *ы* вмѣсто *и*". Въ числѣ другихъ особенностей отмѣчены: 2) переходъ *ѣ* въ *и*; 3) окончаніе 3 л. наст. вр. „на *іе*, *ае*, *яе*, а въ усѣченномъ на *а*, *я* (*богатіе*, *аліе*, *гуля*, *гуляе*, *чита*, *читае*); 4) прош. время на *въ* (*ходывъ*, будто бы только въ 3 л. ед. ч.); 5) окончаніе неопред. наклоненія возвратныхъ, взаимныхъ и общихъ глаголовъ на *тыця* (*бытыця*); 6) дѣйств. и среднихъ на *ты* (*читаты*); 7) „въ мѣстоименіяхъ личныхъ и возвратныхъ наконцѣ вмѣсто буквы *я* употребляютъ *е*" (*тебе*, *мене* вм. тебя, меня); 8) предлогъ *зъ* вм. *изъ* и *съ*; 9) *зо* вм. *со* и *одъ* вм. *отъ*; 10) *у* вм. *въ* и наоборотъ (*у городѣ*, *въ насъ*); 11) *до* вм. *къ* (*до васъ*, *до рички*).

Къ книжкѣ приложенъ былъ глоссарій словъ, встрѣчающихся въ пѣсняхъ (немного болѣе 200), большею частью новыхъ и въ глоссаріи Павловскаго отсутствующихъ. Впрочемъ, въ текстахъ найдутся и слова, въ словарикъ не попавшія (въ родѣ *прикмитъ*, *квилыты*, *проквиляты*, *припола*, *волочай*, *ячаты* и т. д.).

Трудъ кн. Цертелева былъ замѣченъ въ нашей періодической литературѣ. Такъ „Сынъ Отечества" 1820 г. посвятилъ ему небольшую рецензію (ч. 60, стр. 218—19). Неизвѣстный авторъ послѣдней (подпись: Е. Т—ій) прочиталъ книгу Цертелева „съ удовольствіемъ", но порицаетъ издателя за то, что въ малорусскомъ правописаніи онъ слѣдовалъ „произношенію, а не Этимологіи" и,

вмѣсто „Изъ низу Днѣпра тихій вѣтеръ вѣе повѣвае“, писалъ: „Изъ низу Днипра тихій витеръ віе повивае“. По мнѣнію рецензента, издатель, конечно, этимъ даетъ понятіе великороссамъ о малорусскомъ произношеніи, „но за то приводитъ въ затрудненіе самихъ Малороссіянъ, которые, выговаривая обыкновенно букву И гораздо тверже, нежели Великороссіяне, при чтеніи невольно останавливаются“. Поэтому критикъ предлагаетъ лучше слѣдовать противописанію „Малороссійской Енеиды“ (съ сохраненіемъ ѣ, напр. въ изданіи 1809 г.), тѣмъ болѣе, что „въ самыхъ старинныхъ Малороссійскихъ бумагахъ не употреблялось *И* вм. *Ѣ*, хотя сія послѣдняя въ произношеніи всегда выговаривалась какъ *И*“. Замѣчаніе издателя, будто малороссы произносятъ *и*, какъ *ы*, критикъ находитъ „несовсѣмъ справедливымъ“ и даетъ болѣе правильное опредѣленіе этого звука, свидѣтельствующее о его тонкой фонетической наблюдательности: „Звукъ Малороссійскаго *И* есть средній между Россійскимъ *Ы* и *И*, и точно такой, какъ Нѣмецкаго *i* въ словахъ Hirten, Dienstag, Himmel“.

О нѣкоторыхъ лексическихъ особенностяхъ рязанскихъ мѣстныхъ говоровъ говорилъ Мих. Макаровъ въ своей „Краткой запискѣ о нѣкоторыхъ достопамятностяхъ Рязанскихъ и Пронскихъ“ („Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Слов.“, ч. XVI, 1819, стр. 121—38), обращая вниманіе, напр., на „слова, для насъ Рускихъ почти непонятныя“, имѣющіяся въ языкѣ „Мещоряковъ“, въ родѣ *гунуть* (ударить); *овванало* (?)=подлѣ, близко, въ окружности, *шеберъ* (сосѣдъ), *восей* и проч. (стр. 131).

На важности діалектологическихъ изысканій настаивалъ и извѣстный антикварій - этнографъ Зоріанъ Доленга-Ходаковскій (Адамъ Чарноцкій), въ „Проектѣ ученаго путешествія по Россіи“ [1]) котораго находимъ слѣдующее предположеніе: „3) Обратить вниманіе на главныя нарѣчія провинціяльныя, какъ далече простираются, въ чемъ состоитъ ихъ разница, и что́ могло въ оныхъ уцѣлѣть изъ древнѣйшаго Славянскаго, чего письменный свѣтъ могъ еще не получить подобнымъ образомъ... 4) какія найдутся наименованія разнымъ звѣздамъ и произведеніямъ Природы, то-есть пресмыкающимся, насѣкомымъ, грибамъ и зельямъ“ [2]).

Въ этомъ же проектѣ онъ приводилъ малорусскія пѣсни — одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ, когда на страницахъ нашихъ журналовъ являлись образчики малорусскаго нарѣчія [3]).

---

[1]) См. о немъ выше, стр. 1086—1087.

[2]) «Сынъ Отечества», 1820 г., ч. 64, № 40, стр. 298.

[3]) Тамъ же, ч. 64, стр. 64—65, 242—44, и «Вѣстникъ Европы», 1820, ч. 113, стр. 104—105.

Къ 1818—1820 гг. относится начало діалектологическихъ занятій П. И. Кеппена, который, по собственному признанію [1]), началъ очень рано интересоваться діалектологіей. Еще въ 1818 г., въ своемъ извлеченіи изъ книги Аделунга „Catherinens der Grossen Verdienste um die vergl. Sprachenkunde" („Труды Высочайше утвержд. Общ. Люб. Росс. Слов."=„Соревнователь просвѣщенія и благотворенія". Ч. I, стр. 279, прим.) онъ напечаталъ переводъ Аделунгова примѣчанія къ письму Лейбница къ Петру Великому о желаніи нѣмецкаго философа издать лингвистическій атласъ Россійской имперіи. Въ 1820 г., въ рецензіи на Аделунговъ же „Übersicht aller bekannten Sprachen" (см. выше, стр. 592 и слѣд. и 596—599) онъ указывалъ на важность изученія мѣстныхъ нарѣчій и говоровъ и тогда же переписывался съ Евгеніемъ Болховитиновымъ, въ то время архіепископомъ Псковскимъ, о томъ, „какъ бы опредѣлить число разныхъ россійскихъ нарѣчій" [2]).

Евгеній отвѣтилъ Кеппену пространнымъ письмомъ отъ 1-го октября 1820 г., сохранившимся (подъ № 22—24) въ I томѣ „Свѣдѣній о русскихъ нарѣчіяхъ" Кеппена (собственность Имп. Акад. наукъ) [3]). Изложенію своихъ взглядовъ ученый іерархъ предпослалъ замѣчаніе, что „никогда не занимался симъ изслѣдованіемъ и потому на вѣрно ничего отвѣчать" не можетъ. Тѣмъ не менѣе отвѣтъ Евгенія для своего времени является замѣчательнымъ. Впервые здѣсь устанавливаются извѣстныя группы говоровъ, принимаемыя и послѣдующими нашими учеными діалектологами. Самымъ древнимъ діалектомъ Евгеній считаетъ:

„1) *Новогородскій*, оставшійся въ Русской Правдѣ, Новогородской Лѣтописи и въ Новогородскихъ грамматахъ. Онъ былъ общій по всей сѣверной полосѣ отъ Пскова до Устюга и даже нынѣ сходенъ. Новогородскія колоніи занесли его и въ Ярославль, и въ Кострому, и на Вятку, и въ Нижегородъ, и въ Казань, и въ Симбирскъ и въ Тобольскъ и въ нѣкоторые сѣверные Сибирскіе уѣзды. Тамъ до сего времени вездѣ отзываются новогородское *О* и многія собственно новогородскія слова.

2) Діалектъ *Кіевскій*, коимъ писалъ Несторъ, не похожій уже

---

[1]) См. его письмо къ А. А. Кунику отъ 17 февр. 1861 г. въ «Bulletin» Академіи наукъ, т. III, стлб. 506—511=Mélanges Russes, т. IV, вып. 2, стр. 210—217.

[2]) Письмо Евгенія къ Кеппену отъ 1 окт. 1820 г., см. «Извѣстія отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ», 1896, стр. 397.

[3]) Напечатано П. К. Симони въ «Извѣстіяхъ отд. русск. яз. и слов. Имп. акад. н.», 1896, стр. 396—399.

ни на Рускую Правду, ни на Новгородскія Лѣтописи ни на собственно-церковный языкъ.

3) *Владиміро-Суздальскій*, съ перенесеніемъ столицы во Владиміръ измѣнившійся и произведшій нынѣшній языкъ Московскій, Рязанскій, Тульскій, Калужскій и всей средней полосы Россійской имперіи. Отличительной чертою сего діалекта то, что онъ новогородское *о* превратилъ въ *а*.

4) *Бѣлорусскій*, съ XIV в. образовавшійся въ Полотскѣ и въ Смоленскѣ изъ смѣшенія славено-русскаго языка съ польскимъ и литовскимъ (!), по причинѣ завладѣнія Смоленска и Полотска Литовскими великими князьями. Но начало сего языка старѣе въ Литвѣ у поселившихся тамъ словенорусcовъ.

5) *Кіево-малороссійскій* со времени завладѣнія Польскихъ королей по обѣ стороны Днепра изъ смѣси польскаго языка съ рускимъ образовавшійся (обычное объясненіе этого времени) и съ выходцами оттуда распространившійся по Губерніямъ: Курской, Орловской, Харьковской и Воронежской. Но Донскіе козаки говорятъ Московскимъ или Владиміро-Суздальскимъ языкомъ съ малою примѣсью малороссійскихъ словъ".

Въ томъ же письмѣ Евгеній говоритъ о „*Кривическомъ* діалектѣ", который „долженъ быть не особенной какой, а *Новогородской*. Ибо по всей вѣроятности и новогородцы потомки кривичей, изъ Пруссіи и Литвы пришедшихъ къ Полотску, Смоленску и Пскову и отсюда уже далѣе простершихся къ озеру Ильменю. Сходство Псковскаго діалекта съ Новогородскимъ сіе подтверждаетъ донынѣ. Смольяне же частію склонилися къ Московскому, а Полочане больше къ Польско-Литовскому".

Кеппенъ былъ восхищенъ этимъ мнѣніемъ Евгенія, дѣйствительно для своего времени любопытнымъ, новымъ и единственнымъ по полнотѣ и обстоятельности, и просилъ автора письма дозволить ему напечатать это послѣднее, или по крайней мѣрѣ дать своимъ друзьямъ копіи съ него. Но осторожный Евгеній отвѣтилъ на эту просьбу рѣшительнымъ отказомъ, ссылаясь на то, что „никогда не занимался симъ розысканіемъ и написалъ... только первую встрѣтившуюся... мысль, въ которой и самъ не увѣренъ. А на необдуманныя мнѣнія легко могутъ появиться обдуманныя возраженія. Совсѣмъ другое дѣло писать для друзей нежели писать для публики" [1]).

На важность изученія народныхъ говоровъ обращалъ вниманіе въ 1820 и „Сынъ Отечества" (какъ и Кеппенъ—въ рецензіи на

---

[1]) Тамъ же, стр. 399.

книгу „Übersicht aller bekannten Sprachen und ihrer Dialekte“, см. выше, стр. 982).

Нѣсколько незначительныхъ замѣчаній о нарѣчіи Слободско-Украинской губерніи содержалъ статистическій очеркъ этой губерніи, напечатанный въ „Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія“ за 1820 г. (ч. IX, стр. 137, 138—9). Мы узнаемъ отсюда, что „народъ Слободско-Украинской губерніи, хотя издревле принадлежалъ къ Малороссіянамъ и имѣлъ съ ними одинъ языкъ и одни обычаи, но со времени поселенія своего“ въ ней, „болѣе сліялся съ общею массою Россійскаго народа, нежели Малороссіяне“, долго имѣвшіе своего Гетмана и теперь еще (въ 1820) имѣющіе „особенное судное право“. Народъ и дворянство губерніи болѣе „*обрусѣли*, нежели ихъ сосѣди. Это сказывается въ самомъ языкѣ. Житель Московской, Тульской или Орловской Губерніи на примѣръ, и Украинецъ. будутъ разумѣть другъ друга не только на проѣзжихъ дорогахъ, но и въ удаленныхъ отъ нихъ деревняхъ; чего объ истинномъ *Малороссіянинѣ* не можно сказать“.

Къ 1820 г. относится и упоминавшаяся уже выше (стр. 991) записка смотрителя Осташковскихъ училищъ С. Н. Суворова объ особенностяхъ мѣстнаго Осташковскаго говора. Какъ наивны были научныя представленія ея автора, можно видѣть изъ слѣдующей характеристики: „Въ городѣ Осташковѣ, съ самаго начала его существованія (?), большая часть жителей говорили во многихъ случаяхъ противъ правилъ грамматическихъ; со введеніемъ во ономъ учебныхъ заведеній ошибки въ разговорѣ начали нарочито уменшаться, и остались только примѣтны въ сословіи такихъ людей, которые не имѣли случая насчетъ сей неисправности принять наставленія. Надобно думать, что со-временемъ оныя еще менѣе слышны будутъ, когда родители не станутъ считать за излишнюю для дѣтей своихъ надобность обучаться въ училищѣ грамматическимъ правиламъ, и тогда отвыкнутъ говорить и писать: *купилъ рыбѣ* вмѣсто: *купилъ рыбы;* отдать письмо *въ Москвы*, вмѣсто: (въ) *Москвѣ*; плыть *по воды*, вмѣсто *по водѣ; взять рукамъ*, вмѣсто *руками*; а въ глаголахъ дѣйствительныхъ и среднихъ настоящаго и будущаго временъ обоихъ числъ не договаривать *тъ*, напримѣръ: *онъ меня люби*, вмѣсто: *любитъ*; *не возьме* съ собой въ Петербургъ, вмѣсто: *не возьметъ* и пр.“. За этими скудными замѣчаніями слѣдовалъ списокъ областныхъ словъ (см. о немъ выше, стр. 991).

Въ 1821 г., передъ отъѣздомъ своимъ за границу П. И. Кеппенъ сдѣлалъ довольно большую поѣздку по Россіи. Сначала (въ іюнѣ) онъ посѣтилъ Псковъ, гдѣ видѣлъ архіепископа Евгенія Болхо-

витинова, сообщившаго ему свое словесное мнѣніе о бѣлорусскомъ нарѣчіи, съ дозволеніемъ напечатать его. По словамъ Евгенія, „*Бѣлорусской* былъ языкъ двоякой, книжной и народной. Книжной перешелъ и въ Кіевъ, для книгъ же; но тамъ народной языкъ и донынѣ Польско-славянской. Но бѣлорусской (т. е. начиная отъ Смоленска, къ Минску, и вообще въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ—Витебской и Могилевской)—народной языкъ былъ и есть Московско-Польскій съ выговоромъ Литовскимъ“ [1]).

Изъ Пскова Кеппенъ проѣхалъ въ Кіевъ. Во время этого путешествія онъ дѣлалъ наблюденія надъ малорусскими говорами и нашелъ, что около Нѣжина и Чернигова господствуетъ совсѣмъ другой выговоръ, чѣмъ около Гадяча, Ахтырки и Харькова. Кромѣ того къ онъ востоку встрѣтилъ больше татарскихъ или ногайскихъ словъ, чѣмъ около Кіева [2]). Въ бытность свою въ Кіевѣ, обозрѣвая мѣстныя рукописи, Кеппенъ обратилъ вниманіе на одну рукопись Золотоверхо-Михайловскаго монастыря, значившуюся въ описи подъ именемъ „Новаго Завѣта на Славено-Польскомъ языкѣ“, т. е. на книжномъ бѣлорусскомъ, и сдѣлалъ оттуда выписку первыхъ 3 стиховъ изъ первой главы „Евангелия водле Яна“, помѣченную 19 дек. 1821 г. [3]). Къ этому же времени, вѣроятно, относится первая попытка Кеппена опредѣлить „границы русскаго нарѣчія“, въ которой онъ покуда ограничился лишь перечисленіемъ сосѣднихъ съ русскимъ племенемъ народовъ съ самымъ общимъ указаніемъ ихъ мѣста жительства. Перечислены здѣсь у него: *Чудь, Латыши* („въ Витебск. Губ., въ уѣздахъ Люцинскомъ, Рѣжицкомъ и Дюнабургскомъ. Жмуди въ Виленск. Губ.“), *Поляки* („Отъ Зап. Двины и Днѣпра къ З.“), *Татары* („Въ Крыму, Кавказѣ, за Кубанью“ и т. д.), *Монголы*-Башкиры между Дономъ и Волгою—въ степяхъ. *Чуваши*, *Черемиссы*, *Мордва*, *Пермь*, *Зыряне* и пр. По Низовымъ Губерніямъ надъ Волгою“ [4]). Рядомъ въ замѣткахъ Кеппена находимъ небольшое собраніе выписокъ изъ различныхъ русскихъ и иностранныхъ книгъ и частныхъ писемъ, относящихся къ общимъ вопросамъ русской діалектологіи о числѣ и дѣленіи русскихъ нарѣчіи, переселеніяхъ и т. п. (№ 101—108). Неизданныя до сихъ поръ путевыя записки Кеппена [5]), возникшія около этого времени или нѣсколько раньше, съ этихъ поръ, повидимому, не прерыва-

[1]) Тамъ же.

[2]) «Свѣдѣнія о русскихъ нарѣчіяхъ», т. I, № 401. (Изъ писемъ Кеппена къ Ѳ. П. Аделунгу, напечатанныхъ въ «St. Petersburger Zeitung»).

[3]) См. «Свѣдѣнія о русскихъ нарѣчіяхъ» Кеппена, т. I, № 103.

[4]) Тамъ же, № 105.

[5]) Принадлежатъ сыну П. И.—Ѳ. П. Кеппену.

лись и должны содержать не мало діалектологическихъ замѣтокъ и наблюденій, насколько можно судить по указаніямъ на нихъ, встрѣчающимся въ упомянутыхъ уже не разъ рукописныхъ „Свѣдѣніяхъ о русскихъ нарѣчіяхъ“ Кеппена. Въ 1821 г. онъ сдѣлалъ первую попытку составить этнографическую карту Русской имперіи, обозначивъ на „Сборномъ листѣ“ подробной карты Опермана границы эстовъ, латышей, литовцевъ, а также области „Литовско-Русскаго или Черно-Русскаго“ и „Чермно-Русскаго = Карпато-Русскаго“. Границы бѣлорусскаго нарѣчія, разумѣется, могли быть отмѣчены лишь очень приблизительно и съ большими пробѣлами. Эту карту Кеппенъ взялъ съ собой за границу (1822—24), гдѣ продолжалъ дополнять ее, отмѣтивъ, напримѣръ, западную границу русиновъ въ Галиціи, разселеніе литовцевъ въ Пруссіи и т. д. Карта эта, очевидно, послужила зародышемъ составленнаго впослѣдствіи Кеппеномъ рукописнаго этнографическаго атласа Россіи, экземпляры котораго имѣются въ библіотекахъ: собственной Е. И. Величества, Академіи наукъ и Имп. Географич. общества [1]).

Нѣкоторыя діалектологическія свѣдѣнія и замѣчанія заключались также въ оффиціальномъ дѣлѣ о путешествіи З. Доленги-Ходаковскаго (Адама Чарноцкаго), хранившемся прежде въ архивѣ Главнаго Правленія училищъ, на которое указываетъ Кеппенъ въ своихъ „Свѣдѣніяхъ о русскихъ нарѣчіяхъ“ (т. I, № 176, 177—79, 184). Здѣсь была цѣлая статья о новгородскомъ нарѣчіи, заключавшая 12 стр. въ листъ и содержавшая собраніе словъ новгородскаго нарѣчія, вмѣстѣ съ разными замѣчаніями о немъ. Въ „Свѣдѣніяхъ“ Кеппена (№ 177—78) находимъ одну выдержку изъ оффиціальнаго донесенія Ходаковскаго отъ 14 марта 1821 г. о предпринятомъ имъ съ помощью казны путешествіи, въ которой характеризуется новгородское нарѣчіе, наблюдаемое въ Ладожскомъ (нынѣ Новоладожскомъ) уѣздѣ Петербургской губерніи. Названное донесеніе было впослѣдствіи напечатано М. П. Погодинымъ подъ заглавіемъ „Отрывокъ изъ путешествія Ходаковскаго по Россіи. Ладога, Новгородъ“ („Русскій Историческій Сборникъ, издав. общ. ист. и древн. росс.“ т. III, кн. 2, 1839 г., стр. 131—200). Ходаковскій описываетъ здѣсь свое научное путешествіе, начатое 17 авг. 1820 г., и сообщаетъ, что разспрашивалъ жителей между прочимъ „о сельскомъ нарѣчіи и прочихъ замѣчательныхъ вещахъ“ (стр. 134—135). Выдержку Кеппена мы находимъ здѣсь на стр. 155: „Нарѣчіе въ Ладожскомъ уѣздѣ нѣкоторыми словами уподоблялось Кривицкому, то есть Бѣлорусскому, а перемѣною во многихъ случаяхъ буквы

[1]) См. письмо Кеппена къ А. А. Кунику отъ 17 февр. 1861 г.

Ѣ на И, сходствовало съ южнымъ Русскимъ. Но отъ рѣки Тигоды обнаруживается гораздо внятнѣе и свойственнѣе Кривицкой діалектъ: тутъ (такъ сказать по бѣлорусски) *соусѣмъ* (у Кеппена *суйсѣмъ*) *дзѣйкаюць*, т. е. говорятъ: дзѣвка, дзивка (дѣвка), дзѣвѣрь, дзвѣри (дѣвѣрь, двѣри), цебѣ, замѣцице хату (тебя, замѣтите избу), и пр.; *говоряць такъ до самаго Ноугорода!* Однакожъ по большой дорогѣ С. Петербургской не слышно такого нарѣчія; по сторонамъ оной вездѣ по прежнему. Часто попадавшіеся Бѣлорусцы, въ обратномъ пути отъ Вытегры, служили мнѣ сличеніемъ и повѣркою нарѣчія Полоцкаго и Новгородскаго; объ чемъ нѣсколько пространнѣе скажу послѣ".

Въ концѣ донесенія (стр. 192—200) находится цѣлая отдѣльная статья, озаглавленная: „О здѣшнемъ нарѣчіи". Надо думать, что ее то и имѣлъ въ виду Кеппенъ въ своихъ „Свѣдѣніяхъ о русскихъ нарѣчіяхъ" (см. выше, стр. 1128). По словамъ Ходаковскаго, онъ слышалъ „язычное нарѣчіе здѣшнихъ Кривичей"... уже на берегахъ притока Волги, Тигоды, и встрѣчалъ его „по разнымъ селеніямъ" въ сторонѣ отъ „большой столичной дороги". Тотъ же діалектъ онъ нашелъ, „разговаривая съ Ильменскими поселянами отъ Шелона(и?), Русы и Холма". „Бывши въ Псковѣ въ 1819 г.", нашъ этнографъ „удивлялся сходству тамошняго нарѣчія съ Бѣлорусскимъ". По его мнѣнію, „вставка Малоросс. *и* произносимаго вмѣсто *ѣ*, вѣроятно послѣдовала еще въ тѣхъ временахъ, когда Новгородцы съ Кіевлянами играли ролю первѣйшихъ областей Русскихъ, имѣли частыя сношенія и братство; въ Полоцкѣ и Смоленскѣ не слышно сего измѣненія. Столь давнее переселеніе *и* на Волховъ (!), должно быть свидѣтельствомъ древности онаго въ южной Руси, и за Карпатскими горами, гдѣ обыкновенно является оно въ первыхъ падежахъ, вмѣсто *ѣ* и *о*. Здѣсь выговариваютъ *г* не гаммою Греческою, но Латинскою h, (mohila, а не mogila), ибо гамма употребляется въ Славянскихъ нарѣчіяхъ, исключительно только въ Мѣрскомъ, (т. е. Суздальскомъ), и Польскомъ діалектѣ. Въ Новгородскомъ краѣ рѣдко перемѣняютъ *о* на *а*, какъ у Москвитянъ, а чаще *т* на *ц*, и послѣ *д* прибавляютъ *з*, чѣмъ совершенно обнаруживается Кривицкое нарѣчіе, и нѣкоторое сходство съ Польскимъ. Здѣсь періоды кончатся также Кривицкимъ образомъ, на *вши*, напр.: онъ былъ тогда пришедши, ушолъ неѣвши, и т. д. Во всѣхъ словахъ есть протяженіе подобное напѣву, которое изображаетъ сердечную простоту. Здѣшнее нарѣчіе имѣетъ ту честь, что въ ономъ нѣтъ Татарскихъ словъ: *конь*, никогда лошадь; *рынокъ* (нѣм. Ring!) а не базаръ; *голова*, никогда башка; *сопка*, могила, и никогда курганъ; *поясъ* чаще нежели кушакъ". За этой

характеристикой слѣдуетъ собраніе словъ, „которыя могутъ называться провинціализмами, но употребленіемъ единообразнымъ на Волховѣ, въ окрестностяхъ Полоцка, Смоленска, Новгорода Сѣверскаго и Гродка, достойны примѣчанія“ (стр. 192—93). Всѣхъ словъ здѣсь около 120, въ томъ числѣ и нѣсколько рѣдкихъ. Разумѣется, теорія Ходаковскаго о тожественности нарѣчій новгородскаго, бѣлорусскаго и сѣвернаго малорусскаго, объединяемыхъ имъ подъ именемъ „Кривицкаго“, не можетъ быть принята современной наукой, но тѣмъ не менѣе діалектологическія наблюденія его обращаютъ на себя вниманіе. Уступая въ обиліи лексическаго матеріала разсмотрѣннымъ выше (стр. 983 и слѣд.) коллекціямъ, сдѣланнымъ по приглашенію Моск. Общ. Люб. Росс. Слов., записи Ходаковскаго во всякомъ случаѣ выдаются среди прочихъ опытовъ этого рода, производившихся у насъ въ теченіе первой четверти XIX в., по обширности района наблюденія, несомнѣнной подлинности матеріала, добытаго изъ первыхъ рукъ на мѣстѣ, и сравнительному разнообразію особенностей рѣчи, на которыя онъ обращалъ вниманіе.

Къ 1822 году относится появленіе въ печати первой работы, посвященной бѣлорусскому нарѣчію. Это былъ докладъ К. Ѳ. Калайдовича „О бѣлорусскомъ нарѣчіи», читанный его братомъ П. Ѳ. въ засѣданіи Моск. Общ. Люб. Слов. 29 ноября 1821 г. [1]) и напечатанный въ „Трудахъ“ Общества (ч. XXI, 1822 г., стр. 67—80). Матеріалы для этой работы собраны были авторомъ еще въ 1813, во время его пребыванія въ Бѣлоруссіи (см. выше, стр. 987—88). По словамъ Калайдовича, „изъ всѣхъ нарѣчій языка Славянскаго, далеко уклонившихся отъ общеупотребляемаго въ Россіи, и извѣстныхъ въ одной части нашей пространнѣйшей Имперіи, достойны вниманія Филолога Малороссійское и Бѣлорусское“. Такимъ образомъ Калайдовичъ смотрѣлъ еще на поименованныя нарѣчія, какъ на „нарѣчія славянскія“, а не „русскія“, давая бѣлорусскому слѣдующее опредѣленіе, зависящее несомнѣнно отъ приведеннаго выше (стр. 1114) опредѣленія Линде: „Подъ именемъ Бѣлорусскаго нарѣчія разумѣемъ мы слогъ жившихъ въ Бѣлоруссіи, Малороссіи, Литвѣ и Польшѣ, Благочестивыхъ Католиковъ и Уніатовъ. Это нарѣчіе есть смѣсь изъ языковъ Славяно-Русскаго, Польскаго, Нѣмецкаго и частью Латинскаго, составившаяся въ то время, когда отъ вліянія Польской словесности забывали чистый языкъ Славянскій“. Важно уже то во всякомъ случаѣ, что Калайдовичъ первый печатно призналъ бѣлорусское нарѣчіе самостоятельной

[1]) См. «Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Слов.», ч. XXI, стр. 221.

языковой единицей, хотя бы и смѣшаннаго происхожденія, тогда какъ въ это же время, напр., М. Т. Каченовскій и Ходаковскій „не принимали“ бѣлорусскаго нарѣчія, „говоря, что это только смѣсь разныхъ другихъ славянскихъ нарѣчій – съ примѣсью литовскаго“ [1]). Предшественникомъ Калайдовича былъ Евгеній Болховитиновъ, но въ частномъ письмѣ къ Кеппену (см. выше).

По словамъ Калайдовича, на этомъ нарѣчіи въ XVI—XVII вв. писалъ рядъ духовныхъ и свѣтскихъ авторовъ, называвшихъ его „языкомъ Русьскимъ“, но употреблявшихъ „въ письмѣ и печати извѣстныя начертанія церковной Славянской азбуки“. „Древнѣйшій примѣръ измѣненія чистаго языка Славянскаго, принявшаго чуждыя слова и реченія, составившія въ послѣдствіи нарѣчіе Бѣлорусское“, Калайдовичъ находилъ „въ переводахъ Доктора Франциска Скорины нѣкоторыхъ книгъ Ветхаго Завѣта (Прага 1517—1519)“ и приводилъ оттуда рядъ полонизмовъ и бѣлоруссизмовъ, какъ напр. *праца*, *выкладъ*, *посполитый*, *утопить*, *зуполне*, *посполу*, *пильне* и пр. Впрочемъ, „языкъ Скорины, кромѣ нѣкоторыхъ словъ Польскихъ, еще недалеко уклонился отъ своего источника“, но „къ концу XVI в. примѣтно существенное различіе“. Изъ многихъ писателей, „сдѣлавшихъ Бѣлорусское нарѣчіе книжнымъ“, Калайдовичъ называетъ: Кавечинскаго, Буднаго и Кришковскаго (издателей Несвижскаго катехизиса 1562 г.), Лаврентія Зизанія, священника Даміана, Мелетія Смотрицкаго, Іеромонаха Азарію, Памву Берынду, Кирилла Транквилліона, Андрея Мужиловскаго, Захарія Копи(ы)стенскаго, Петра Могилу, Игнатія Оксеновича-Старушича, Сильвестра Коссова, Іоанникія Галятовскаго, Иннокентія Гизіеля (Гизеля), рядъ силлабическихъ стихотворцевъ и т. д. Несмотря на такое обиліе литературныхъ дѣятелей, нарѣчіе бѣлорусское „не весьма пріятное для слуха Великоросіянина, никогда постоянныхъ правилъ не имѣвшее, противилось ихъ усиліямъ. Ударенія, болѣе всего страдавшія отъ сего безплоднаго напряженія, очень часто должны были покорствовать всемогущей риѳмѣ“. Калайдовичъ предоставляетъ „искуснѣйшему Филологу показать различіе между двумя сходными нарѣчіями Бѣлорусскимъ и Малороссійскимъ“ и ограничивается сличеніемъ образчиковъ „чистаго славянскаго“ и параллельнаго книжнаго „бѣлорусскаго“ (изъ Тестамента визант. императора Василія сыну своему Льву Философу, переведеннаго съ греч. и изданнаго свящ. Даміаномъ въ Острогѣ, 1607. 4°). По словамъ Калайдовича, „теперь уже не существуетъ книжное на-

---

[1]) См. рукописную замѣтку Кеппена, относящуюся къ 1821 г., въ его «Свѣдѣніяхъ о русск. нарѣчіяхъ», т. I, № 102.

рѣчіе Бѣлорусское. Поляки пишутъ на собственномъ языкѣ; Малороссіяне и Бѣлорусцы не отличаются отъ общаго языка со всею Россіею, исключая сказокъ и заунывныхъ пѣсенъ. Въ семъ видѣ, и въ народномъ употребленіи, уцѣлѣвшее нарѣчіе сохраняется еще въ двухъ Бѣлорусскихъ губерніяхъ, Могилевской и Витебской, частію въ сопредѣльной Смоленской, а нѣкоторыя слова извѣстны и въ Малороссіи (!). Отличительною примѣтою Бѣлорусскаго выговора есть какое-то *дзеканье* и мягкость въ произношеніи, болѣе замѣтная въ частомъ употребленіи полугласной *ь*, вмѣсто твердаго выговора". За этой характеристикой слѣдовалъ небольшой глоссарій, о которомъ уже говорилось выше (стр. 987—88). Цѣль статьи, по заявленію автора ея, была: „обратить на столь важный предметъ вниманіе самихъ Бѣлорусцевъ, которые вѣрнѣе и лучше могутъ изслѣдовать свое нарѣчіе и помощію онаго объяснить древній языкъ нашихъ памятниковъ".

Какъ на образчики малорусскаго нарѣчія, свидѣтельствующіе о наличности извѣстнаго интереса къ нему, можно указать на Малорусскіе анекдоты, явившіеся въ „Вѣстникѣ Европы" 1822 г. (ноябрь—декабрь, стр. 61—68, 157—162).

Какъ скудны и превратны были представленія о русской діалектологіи въ это время даже у лицъ, въ извѣстной степени интересовавшихся языкомъ, свидѣтельствуетъ „Опытъ краткой Исторіи Русской литературы" Н. Греча (Спб. 1822), соотвѣтствующія выдержки изъ котораго приведены уже выше (стр, 788).

З. Доленга-Ходаковскій, получившій ненадолго правительственную субсидію, которую ему дали для осуществленія его широкихъ плановъ [1]), продолжалъ въ это время странствовать по Тверской и Псковской губерніямъ, дѣлая наблюденія надъ мѣстными говорами. 8-го „Травня" (мая) 1822 г. онъ послалъ изъ Москвы издателю „Сѣвернаго Архива" довольно длинное письмо о своихъ занятіяхъ, сообщая между прочимъ слѣдующее: „При устьѣ Медвѣдицы, впадающей въ Волгу, кончилось Кривицкое нарѣчіе, которое различествуетъ въ Тверской губерніи отъ нарѣчія Псковскаго, Новгородскаго и Смоленскаго. Въ послѣднихъ трехъ (?) губерніяхъ передъ *з*, прибавляется *д*, и вмѣсто *т*, произносится *ц*, во многихъ выраженіяхъ, напр. *дзѣци* вм. *дѣти*, *ходзице* вм. *ходите*, *цебѣ* вм. *тебѣ*, *пяцеро* вм. *пятеро*, *шесцеро* и пр. Въ Тверской губ. *ц* замѣняется буквою *ч*, и обратно, напр.: *Чарь огонь* вм. *Царь—огонь*, *Чарица—водица*, или *луцсе* вм. *лучше*. Такимъ образомъ говорятъ и въ Торопцѣ, напр.: *стоялъ на уличи*

---

[1]) См. А. Н. Пыпинъ, «Исторія русской этнографіи», т. III, стр. 53.

и продавалъ рукавичи въ Торопечкѣ. Въ Бѣлгородкѣ, на правой сторонѣ Волги, домосѣды и даже бабы говорятъ языкомъ весьма близкимъ къ книжному. Слѣдовательно сіе книжное нарѣчіе не есть общее, но только принадлежитъ *Мери* (или Миру) [!] и на западѣ оканчивается въ Вязьмѣ, гдѣ соединяется съ Кривицкимъ или Смоленскимъ и простирается къ Волоку Ламскому, принадлежавшему въ древнѣйшія времена къ Новугороду. Однимъ словомъ, прислушиваясь къ различнымъ нарѣчіямъ и соображая оныя съ Исторіею, можно почти утвердительно сказать, что границы бывшаго Новгородскаго владѣнія и вліяніе Тверскихъ княжествъ на правленіе сей республики измѣриваются подобіями нарѣчій и близкаго ихъ между собою сходства" („Сѣв. Архивъ" 1822, ч. II, 465—81). Нельзя не замѣтить, что при всей своей поверхностности и бѣглости, а иногда и ошибочности, сообщаемыя Ходаковскимъ наблюденія были все же почти совершенно новыми въ нашей литературѣ.

Къ 1822 году относится и второе дошедшее до насъ оффиціальное „Донесеніе о первыхъ успѣхахъ путешествія въ Россіи Зоріяна Долуга-Ходаковскаго. Изъ Москвы 13-го Липца [іюля] 1822", напечатанное лишь 22 года спустя М. П. Погодинымъ въ „Русскомъ Историч. Вѣстникѣ, изд. Имп. Общ. Ист. и Др. Росс." (т. VII, 1844, стр. 1—37), съ приложеніемъ „Сравнительнаго словаря" славянской географической номенклатуры того же автора (тамъ же, стр. 38—367) и двухъ замѣтокъ о „Сопкахъ" и „Жальникахъ" (стр. 368—78). Изъ этого донесенія видно, что собираніе діалектологическаго матеріала стояло у Ходаковскаго на видномъ мѣстѣ, хотя и играло служебную роль, а именно, вмѣстѣ съ разными другими данными, должно было показывать „единообразіе всѣхъ Славянъ на каждомъ шагу ихъ" (стр. 1). Для этой цѣли у Ходаковскаго были „заведены издавна... Словари по части Географіи, *провинціяльныхъ нарѣчій, Естественной народной терминологіи* (курсивъ нашъ), и проч." (тамъ же). Самое обозрѣніе древней Руси онъ намѣревался вести „по частямъ, согласно съ діалектами провинціальными, сообразнѣе съ исторіею" (стр. 2). Въ донесеніи находимъ также рядъ діалектологическихъ наблюденій: „вокругъ Нова-города, и въ цѣломъ краю онаго діалектъ не имѣетъ ничего особеннаго, и есть одинъ съ Кривичами. Заглянемъ въ сторону отъ столбовыхъ дорогъ, отъ городовъ, и услышимъ домосѣдовъ, женскій полъ и дѣтей разговоръ, съ малою разницею противъ окрестныхъ жителей Изборска, Полоцка, Вильны, Гродна, Минска, Пинска, Чернигова, Смоленска, и озера Селигѣра. Розница сего діалекта въ сравненіи съ Мѣрицкимъ (т. е.

Суждальскимъ, ближайшимъ къ писменному состоитъ) въ прибавленіи з. послѣ д., измѣненіи т. на ц. выговаривая г не греческою гаммою, но латинскимъ h—иногда употребляя у. вмѣсто в., и. вмѣсто ѣ. Въ Тверскомъ же и Весьскомъ нарѣчіи произносится еще с. за ш—ц за ч—и наоборотъ, гдѣ слѣдуетъ говорить ш то произносятъ с, и ч вмѣсто ц. Сіи измѣненія около Твери слышны также и въ Торопцѣ. Въ цѣломъ пространствѣ Кривичей прошедшее дѣепричастіе или окончаніе глаголовъ слогомъ ши, и вши, употребляютъ чаще, нежели всѣ другіе Славяне, и обыкновенно симъ кончатся рѣчи ихъ. Поляки со временъ *Уніи* съ Литвою, водворившись межъ юго-западныхъ Кривичей, приняли противъ воли къ своему нарѣчію тоже окончаніе рѣчей“ (стр. 27). Въ подтвержденіе сказаннаго приводится рядъ примѣровъ въ довольно тщательной транскрипціи (прим. на стр. 27—28), но безъ обозначенія мѣста, гдѣ они записаны: „этая дзѣвка изъ Людзяцина въ Луhскомъ уѣздѣ, везу ея у Ноуhородъ. А мы староруские продаемъ сино. У насъ есць hарадзище на ричкѣ Севирѣ, больше ниту. Наши бабы по старому баюць: *царь оhонь, царица водзица.* Я Торопечкій, да хлопоцу, украли мои рукавичи, да вотъ тутъ на уличи. Мы Новоторсцы Цвѣрьской hуберніи, насъ городъ Цвѣрь куды какъ хоросый, и противъ насой рицы ниту въ свици луцсэ. hуторацъ и у насъ старухи: *чарь оhонь, чарица водзица.* Рыба чапля сапка (на головѣ) (?) купивъ въ hородзи бывсы, 5 рублей давсы. Иду домой вологи купивши, а купилъ у Ноугородзи“ и т. д. Какъ видно, наблюденія Ходаковскаго для того времени были довольно обстоятельны, по крайней мѣрѣ никто изъ нашихъ тогдашнихъ филологовъ не могъ противопоставить имъ ничего равносильнаго.

Нѣсколько замѣчаній о фонетическихъ и формальныхъ особенностяхъ областныхъ говоровъ содержали діалектологическіе матеріалы, собранные Моск. Общ. Люб. Росс. Слов. и разсмотрѣнные уже выше (стр. 983 и слѣд.) въ лексическомъ отношеніи. Такъ въ XX части „Трудовъ“ общества, вышедшей въ 1822 г. (напечатано 1820), находимъ характеристики рязанскаго, костромскаго, чухломскаго, вышневолоцкаго, муромскаго и торжковскаго говоровъ.

Первая сдѣлана извѣстнымъ уже намъ М. Макаровымъ въ его „Краткой запискѣ“ о простонародныхъ словахъ Рязанской губ. (см. выше, стр. 984, прим. 3). По его словамъ (ч. XX, стр. 20), „литера *е* употребляется вездѣ съ особенною твердостію или явственностію: *г* нигдѣ не замѣняетъ *в*; но литера *ч* почти не въ употребленіи, а мѣняютъ нѣкоторые на *ц*, а другіе на *щ* (!), какъ напр.: вмѣсто *чего?—цего?*, вм. *что—що, цо,* вм. *чудеса—цудеса,*

вм. *щепка—сцѣпка*, вм. *чека—щока*; вм. *Ево—Его*, вм. *Таво—Таго*, вм. *Ничево—Ницего* или *ничего*, вм. *отъ тово—отъ того*, вм. *Всево—Всего*".

Костромской говоръ охарактеризованъ (ч. XX, стр. 144) учителемъ гимназіи В. Чижовымъ (см. выше, стр. 983, прим. 4, е) въ слѣдующихъ чертахъ: въ повелит. наклоненіи прибавляется частица *ко, ка;* вмѣсто творит. и предложнаго (?) множ. ч. употребляется дательный, а вм. дат.—творительный (*съ вамъ, съ намъ, что вами угодно*, вм. *людямъ—людьми*, вмѣсто *дѣтямъ—дѣтьми*; 2 л. множ. ч. оканчивается на *іо (ё)* : *идитіо, говоритіо, вритіо, поитіо*. Костромичи „вообще протяжно произносятъ *о*, иногда же употребляютъ его и вм. *а*"; вм. *палата—полата*, вм. *мастерица—мостерица*, вм. *алтынъ—олтынъ*.

Чухломскимъ говоромъ занялся тоже учитель гимназіи Николай Нерехотскій (см. выше, стр. 983, прим. 4, f), который „не излишнимъ считаетъ замѣтить и то, что тамъ говорятъ высокимъ нарѣчіемъ, т. е. Московскимъ, или такъ называемымъ просто: съ высока, даже самые крестьяне и крестьянки; женщины особливо отличаются протяжнымъ произношеніемъ долгихъ слоговъ; напр. слово: *матушка* по ихъ протяженію не иначе написать можно, какъ *ма-а-атушка* и проч." („Труды" общества, ч. XX, стр. 150).

У Вышневолоцкаго говора (см. выше, стр. 984, прим. 1, а) отмѣчены слѣдующія черты: 1) переходъ *ѣ* въ *и (хлибъ, вси, дило* и т. д.), 2) дат. мн. вмѣсто творит. (твор. *рукамъ, ногамъ, съ вамъ, съ намъ*), 3) измѣненіе окончаній прилагательныхъ *ый, ій*, въ *ай, яй* (добрай, умнай, *прежняй, нынишняй*). 4) „всѣ глаголы, кончающіеся на *ся*, оканчиваютъ здѣсь на *цы*; напр. *двигатцы, запісатцы* и пр." (ч. XX, стр. 164).

Муромское нарѣчіе отличается употребленіемъ частицы *ста*: „особенно слогъ *ста* весьма часто и къ окончанію почти всякаго рѣченія прибавляется; если ведутъ между собою разговоръ, то упомянутый слогъ помѣщаютъ въ знакъ вѣжливости и почтенія" (ч. XX, стр. 209).

Въ Торжковскомъ нарѣчіи отмѣчается (см. выше, стр. 984, прим. 1, областныя слова Тверской губ., в) переходъ *ѣ* въ *и*, род. пад. ед. ч. на *-и* у словъ ж. р. на *а* : *рыби, малини;* род. на *ю* у нѣкоторыхъ именъ на *ъ* : *сахарю, хриню;* дат. и предл. на *ы* или *и* у словъ на *а*, а въ родит. п.—*ѣ* : *по воды, по горы—съ рѣкѣ, съ горѣ*. Предлогъ *на*—всегда съ удареніемъ: *на колокольню, ná рику, ná небо* и пр. (ч. XX, стр. 222).

Подобныя же характеристики находимъ въ XXI части „Трудовъ" общества. Учитель 10 класса Н. Суровцовъ характеризуетъ

говоръ Вологодской губерніи, отмѣчая его главныя особенности: народъ „уродуетъ“ имена собственныя и вообще иностранныя слова, „прибавляя, убавляя, или перемѣняя нѣкоторыя буквы“, напр. *Митрей* вм. Дмитрій, *Болистратъ* вм. Магистратъ, *Губернатиръ* вм. губернаторъ и т. д.; въ уѣздахъ, сопредѣльныхъ Ярославской и Костромской губерніямъ, употребляется дат. вм. творит. множ. и обратно; къ повелительному накл. и къ мѣстоименіямъ прибавляютъ частицу *ка, ко*: *поди-ко, мнѣ-ка*, а также и другія частицы, какъ то: *бешь, бишь, вить, вѣть, на, ну, ста, су, те,—боло* (?), *молъ*; „въ глаголахъ *е* перемѣняютъ на *и* и *іо*, а *ся* на *со* и *цо*“: *Посылаитіо*—посылаете; *прогуливадцо*—прогуливаться: *забавляютцо, смѣютцо*—*забавляются, смѣются*; „всѣ вообще слова произносятъ тѣмъ протяжнѣе, чѣмъ далѣе къ Сѣверу, выговаривая одну букву вмѣсто другой: *г* вм. лат. g, *е—ё* или *іо* весьма явственно; *ш, ч—щ* и *ц* и на оборотъ; *ѣ—и*, и проч., *яли* вмѣсто *или*; *радось*—радость; *мтаха, мтица*—птица; человѣкъ—*цѣловѣкъ;* что—*що*, свѣча—*свича*“ и проч.

Этими бѣглыми и весьма поверхностными замѣчаніями исчерпывается почти все, что было отмѣчено собирателями Общ. Люб. Росс. Слов. въ фонетическомъ и формальномъ строѣ наблюдавшихся ими говоровъ. При другихъ собраніяхъ областныхъ словъ, явившихся въ „Трудахъ“ общества, не было даже и такихъ общихъ замѣчаній. Только въ XXV части „Трудовъ“ (=V часть „Сочиненій въ прозѣ и стихахъ“, 1824 г.) находимъ снова кое-что въ этомъ родѣ (см. ниже).

Въ 1822 г. явилось также „Прибавленіе къ грамматикѣ Малороссійскаго нарѣчія. Или, отвѣтъ на рецензію, здѣланную на оную грамматику. Соч. А. Павловскій“ (Спб. Печатано въ Типографіи *И. Байкова*, 1822 г. 8°, 34 стр.). Большая часть антикритическихъ замѣчаній автора, вызванныхъ рецензіей кн. Цертелева на его малорусскую грамматику (см. выше, стр. 1119—1121), должна быть признана основательной. Такъ Павловскій исправляетъ нелѣпое замѣчаніе Цертелева, будто малорусское „*роска*, т. е. розга, ясно показываетъ, что“ *розга* „есть сокращеніе слова *ростка*, т. е. отростокъ, лѣторасль“. Онъ правильно указываетъ, что форма *роска* не возможна въ малорусскомъ, гдѣ говорятъ *різка*, а у „грубѣйшихъ, ближайшихъ къ Литвѣ и къ Галиціи“—*руізка* (интересное указаніе на сѣверно-малорусскіе дифтонги, встрѣчаемое уже и въ самой грамматикѣ Павловскаго), причемъ слово это никогда не означаетъ *отростокъ, лѣторасль.* Точно такъ же разъясняются и другія недоумѣнія Цертелева, въ родѣ мѣстоименія притяжательнаго перваго лица ж. р. ед. ч. *ма*, принятаго за 3 л. ед. ч.; отстаивается суще-

ствованіе формъ *співувавъ* и *ворушувавъ*; указывается невозможность употребленія въ малорусскомъ прилагательныхъ *писаный, украденый, стоячій, лежачій* въ роли причастій въ сокращенныхъ придаточныхъ предложеніяхъ; удовлетворительно защищаются осужденныя Цертелевымъ формы словъ и нѣкоторыя написанія, а также и толкованія словъ, отмѣченныхъ Цертелевымъ. Авторъ находитъ возможнымъ согласиться лишь съ немногими поправками своего критика, признавая напр. вѣрнымъ его указаніе на ошибочный переводъ *медeлянъ*—борзая собака (вмѣсто вѣрнаго: большая собака), сводящійся по его объясненію къ простому недосмотру въ рукописи. Отстаиваетъ Павловскій и свое правописаніе, парируя возраженія критика указаніемъ на то, что послѣдній самъ въ своемъ „Опытѣ собранія старинныхъ Малоросс. пѣсенъ" писалъ „безъ соблюденія на бумагѣ двухъ необходимо Малороссійскому нарѣчію потребныхъ качествъ", а именно „незная во 1-хъ ударенія онаго, во 2-хъ существующей въ словахъ его, и, такъ сказать душу его составляющей, *нѣжности*, или *грубости*, то есть произнося слова его не тѣми самыми буквами, какими они произносятся въ Малороссіи" (стр. 31—32).

Основной вопросъ русской діалектологіи—дѣленіе на нарѣчія—затрогивается въ библіографической замѣткѣ „Сѣвернаго Архива" 1823 г. (ч. VII, № 18, стр. 401—416), вызванной польскимъ переводомъ краткой исторіи русской литературы Греча въ изданіи Линде: „Rys historiczny literatury narodów Słowiańskich" I (Варшава, 1823). Въ примѣчаніяхъ къ переводу Линде находилъ, что „пора назначить границу" между языками славянскимъ, церковнымъ и русскимъ „и узнать опредѣлительно различіе, находящееся между языкомъ *Славянскимъ*, общимъ всѣмъ нарѣчіямъ отъ одного корня (т. е. Рускому, Польскому, Сербскому, Чехскому [Богемскому], Кроатскому, Далматскому, Рагузскому и Сорабскому), языкомъ *Церковнымъ*, находящимся въ древнихъ переводахъ Библіи, и въ подражаніи оному въ разныхъ духовныхъ сочиненіяхъ: языкомъ *Рускимъ*, который былъ въ употребленіи въ Москвѣ и въ окрестныхъ странахъ до Петра Великаго и нѣсколько позже; языкомъ *Малороссійскимъ*, или областнымъ Польскимъ, находящимся въ духовныхъ сочиненіяхъ изданныхъ въ Кіевѣ, и въ подражаніяхъ онымъ; языкомъ *Бѣлорусскимъ*, которымъ говоритъ простой народъ въ Литвѣ и въ части Польши, и *нынѣшнимъ языкомъ Россійскимъ*, образовавшимся послѣ Петра Великаго, а особенно вліяніемъ на оный нововведенныхъ гражданскихъ письменъ (!). Сей языкъ сперва появился въ книгахъ, а послѣ вошелъ въ общее употребленіе" (стр. 405). Такимъ образомъ Линде раз-

личалъ языкъ „русскій“ отъ „россійскаго“. Авторъ рецензіи, Ѳ. В. Булгаринъ, исправляетъ эту ошибку, „общую всѣмъ Полякамъ, которые учились Россійскому языку не на мѣстѣ и не съ младенчества, но ученымъ образомъ изъ книгъ“, и указываетъ, что для природныхъ русскихъ разницы между языками ruskim и rossyjskim не существуетъ.

Столь же незначительны и другія проявленія интереса къ русской діалектологіи, встрѣчаемыя нами въ нашей литературѣ и наукѣ въ послѣдующіе два года. Такъ въ засѣданіи „Моск. Общества Ист. и Др. Росс.“ 29 ф. 1824 г. читалось письмо дѣйств. члена И. С. Орлая съ „любопытными“ свѣдѣніями „о нашихъ однородцахъ *Карпато-россахъ*, говорящихъ Кіевскимъ Рускимъ нарѣчіемъ“, причемъ къ письму этому былъ приложенъ „Образчикъ Чермнорускаго Галичскаго нарѣчія“, оказывающійся, впрочемъ, письмомъ „З. Долуги-Ходаковскаго“, писаннымъ по малорусски [1]).

Около этого же времени, 6-го февр. 1824 г., митрополитъ Евгеній писалъ гр. Н. П. Румянцову: „въ Виленскомъ Денникѣ увидѣлъ, что въ Кіевскомъ Николаевскомъ Монастырѣ есть Евангеліе письменное на бѣлорусскомъ языкѣ, а здѣсь меня никто о немъ и увѣдомить не умѣлъ. Такъ то мало у насъ любопытства!“ [2]). Лѣтомъ того же года, 29-го іюня, Евгеній сообщалъ о. І. Григоровичу, что „при чтеніи Литво-Русскихъ грамотъ часто встрѣчаются неудобопонятныя слова. Но только ихъ надобно искать по большей части въ Польскомъ языкѣ. Такимъ образомъ въ Луцкой грамотѣ слово *громница* у Поляковъ значитъ праздникъ Срѣтенія Господня, а въ Свидригайловой *зеремяны*—гнѣзда или логовища, гдѣ водятся бобры“ [3]).

Кое-какія замѣчанія относительно областныхъ говоровъ находимъ въ XXV части „Трудовъ“ Моск. Общ. Люб. Росс. Слов. (= V часть „Сочин. въ прозѣ и стихахъ“). Такъ при собраніи областныхъ словъ Калужской губ., доставленномъ въ общество Г. Зельницкимъ (см. выше, стр. 988, прим. 2), имѣлось и нѣсколько общихъ замѣчаній о самомъ говорѣ Калужской губ. По словамъ автора, Калужане „низшаго класса нѣсколько сходствуютъ въ произношеніи съ Малороссіянами и въ выговорѣ отличны отъ жителей другихъ Россійскихъ городовъ. Слова и выраженія

---

[1]) «Труды и Лѣтописи» Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. 1827 г., ч. III, кн. II, стр. 55. Письмо напечатано на стр. 60—62.

[2]) Переписка митроп. Евгенія съ гр. Румянцовымъ, вып. III, Воронежъ, 1872, стр. 99—100.

[3]) Чтенія въ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1864 г., кн. II, 88. Дѣло идетъ здѣсь, очевидно, о польск. żeremię, род. żeremienia.

произносятъ мягче и протяжнѣе. Предлогъ *у* употребляютъ вмѣсто *въ* и обратно; собственныя имена весьма различно измѣняютъ. Имя *Иванъ* имѣетъ до 20 перемѣнъ" (стр. 304—305).

Еще скуднѣе наблюденія, сдѣланныя надъ Пензенскимъ говоромъ Лажечниковымъ, впослѣдствіи извѣстнымъ романистомъ, тогда же директоромъ Пензенскихъ училищъ. Къ собраннымъ имъ областнымъ словамъ Саратовской и Пензенской губ. (см. выше, стр. 989, прим. 1) онъ присовокупилъ лишь одно замѣчаніе, отмѣчавшее, что во всей Пензенской губ. „даже въ среднемъ состояніи между приказчиками и нѣкоторыми дворянами" принято говорить *больно*, вм. *очень* (ч. XXV, стр. 311).

Объ интересѣ гр. Румянцова къ бѣлорусскому нарѣчію, пробужденномъ въ нѣмъ письмомъ проф. Лобойка отъ 30-го марта 1824 г. (въ которомъ есть замѣчанія о данномъ нарѣчіи), и о проектѣ бѣлорусскаго словаря, обсуждавшемся въ кругу сотрудниковъ Румянцова, говорилось уже выше (стр. 1000—1001). Интересъ этотъ проявился и при изданіи „Бѣлорусскаго Архива", вызвавшемъ помянутое письмо Лобойка (см. выше, стр. 913—14).

Наблюденіями подъ рязанскими говорами занимался извѣстный уже намъ Мих. Макаровъ. Въ 1825 г. онъ писалъ въ общемъ заключеніи своихъ „Замѣтокъ о земляхъ рязанскихъ": „можно и должно заключить, что самые первые обладатели земель Рязанскихъ точно дѣлились на два племени, изъ коихъ одно въ своемъ языкѣ вмѣсто *ч* имѣло литеру *ц*, другое замѣняло ее буквой *щ* (!?) и сильно ударяло на *е*, которое въ устахъ этого племени почти подходило къ *я*. Такъ напр., какъ мы видѣли: *Що*, *яго*.

Женщины, выговаривающія вмѣсто *ч* литеру *ц*, большею частію употребляютъ сарафаны (!), и уборы ихъ близко къ Замосковнымъ; но женщины, у которыхъ въ дѣйствіи *щ*, не разнятся одеждою отъ Мордовокъ... (слѣдуетъ описаніе разныхъ формъ *кичекъ*).

Урочища, гдѣ есть *ц*, напр. *Цна*, *Почевна*, *Солотца* (Солотча), *Шаца* и проч., очевидно родовыя мѣста того люда, у котораго и теперь эта литера имѣетъ разгулы. А что это за народъ?

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ языкъ Рязанскихъ простолюдиновъ слился почти въ одинъ какой-то характеръ; такъ, наприм., подобную слѣдующей рѣчи слышишь почти вездѣ: „*А що-то ты баба зачумарзилась несусвѣтимо*,—говоритъ крестьянинъ,—*а що образа Божья на тобѣ не стало, сорока съ кычки у тѣ свалилась, чупрунъ на башкѣ огалился, льнешъ ты ко мнѣ, какъ Татаринъ* (мелкій рѣпейникъ), *мелишь Сумбуль беззазорно? Кликну я хозяинъ — и ты шамшишь, да тараторишь? А що ты ховряжничать що ли стала*; *аль ты ховрячиха* (барыня)?"

и проч. Далѣе приводятся аналогичные образчики рѣчи изъ Скопина и Касимова. Скопинецъ говоритъ: „*Обаполъ тобѣ дурить дядя Ахремъ! Играй на жилейкѣ* (свирѣлкѣ), *а на жерлику* (уду) *проглазѣешь жерлику—рыба съѣстъ; а безъ жерлики завойками рыбѣ неловъ! Нетрошь дѣвку, поберетъ пазубайку* (землянику), *а той-да ягодою рукъ не намулитъ* (не натретъ). *Всяку свое: тобѣ сивуха, а бабѣ татарка* (плетка)!“ и проч. Касимовецъ-мещерякъ: „*Абизорить тибѣ мене не абизорить. Гать собѣ подъ носъ, хвастуномъ мини не взбулгацисъ. Пивикъ мтаха играе: цейвы, а тиби насъ твоимъ словомъ не ѝмулить!*“ и проч.

Свое сообщеніе Макаровъ заключалъ словами: „можно изъ рѣчей и другихъ уѣздовъ составить такіе же примѣры; но въ моихъ Рязанскихъ замѣткахъ, по краткости ихъ должны быть недостатки“ и т. д. [1]).

Выше Макаровъ приводилъ въ связь съ прежнимъ Мерскимъ населеніемъ рядъ географич. названій Егорьевскаго округа, въ виду „предпочтительнаго употребленія въ нихъ литеры ц“ (стр. 4); эту же связь онъ усматривалъ въ рѣчи Мещеряковъ, которые „никогда не скажутъ *чего, человѣкъ, чудо, чулокъ* и пр.“, а только *цего, целовѣкъ* и т. д. „И точно также, на оборотъ, иногда литера *ц* мѣняется на литеру *ч*, напр., *чѣлый* (цѣлый), *чыновка* (цыновка)“ и т. д. „При вопросѣ *Что?* обѣ литеры, *ч* и *т*, превращены, у многихъ, въ одну литеру *щ*, на прим. Мещерячка не говоритъ: *Что* тебѣ; а *Що* тобѣ? и проч.“ (стр. 5—6). На стр. 22 характеризовался языкъ Прончанъ, въ которомъ будто бы „особенно сильна литера *щ* и самое сильное удареніе на слогъ *го* (въ окончаніяхъ). Впрочемъ, и *ч* также неизгнанъ, напримѣръ: въ словѣ *человѣкъ*, *чему*, *чего*. За то, вмѣсто *что* вездѣ употребляются *що* и *ще*. Спросите о чемъ нибудь Прончанку и первый отвѣтъ ея будетъ къ вамъ въ вопросѣ: *Що тибѣ голубчикъ?*—Проѣхалъ ли *такой-то?* А кто *его знае*. Да ты видѣла, вотъ онъ *то-то*. Быть видѣла, да не въ память: *що его намъ не въ догадъ*, и проч. И всѣ эти отвѣты почти на распѣвъ“.

Какъ скудны были подчасъ діалектологическія свѣдѣнія, имѣвшіяся въ тогдашней нашей литературѣ, свидѣтельствуютъ первыя печатныя извѣстія о языкѣ „задунайскихъ малороссовъ“ (т. е. некрасовцевъ и липованъ) и о нарѣчіи „Низовыхъ казаковъ“ на Дону, старательно отмѣченныя однимъ изъ первыхъ нашихъ діалектологовъ, Кеппеномъ, въ его „Свѣдѣніяхъ о русскихъ нарѣчіяхъ“ (т. I, № 376 и 215). Оба извѣстія явились въ 1825 г.

[1]) Тамъ же, 1846 г. № 1. «Замѣтки о земляхъ Рязанскихъ», стр. 28—29.

въ Булгаринскомъ „Сѣверномъ Архивѣ“: первое (ч. XVI, № 15, стр. 193 и 203) гласило, что некрасовцы и липоване „говорятъ языкомъ Русскимъ или Малороссійскимъ“, а второе (ч. XVII, стр. 38), нѣсколько болѣе подробное, устанавливало, что у казаковъ, живущихъ на Дону отъ Качалинской станицы до низовыхъ казаковъ, употребляется „нарѣчіе, имѣющее собственно свои и произношеніе и обороты“; низовые же казаки говорятъ „совсѣмъ другимъ нарѣчіемъ — смѣсью Великороссійскаго, Малороссійскаго и Татарскаго“.

За неимѣніемъ лучшаго, какъ видно, наукѣ приходилось считаться и съ такого рода діалектологическими свѣдѣніями и подбирать крупицы знанія, гдѣ только онѣ случайно ни попадались. Какъ бы скудна, однако, ни была наша діалектологическая литература первой четверти XIX в., все-таки она свидѣтельствовала о нарожденіи несомнѣннаго научнаго интереса къ русскимъ областнымъ нарѣчіямъ и говорамъ, совершенно опредѣленно поставила вопросъ о необходимости ихъ изученія (см. выше, стр. 598 и 982, мнѣнія Кеппена и „Сына Отечества“) и занесла на свои страницы первые, хотя бы и очень несовершенные, но уже довольно многочисленные опыты діалектологическихъ наблюденій (Павловскаго, кн. Цертелева, Калайдовича, Ходаковскаго, Кеппена, корреспондентовъ Моск. Общ. Любит. Росс. Слов. и т. д.).

Изученіе славянскихъ языковъ въ теченіе этого промежутка времени также не могло у насъ подняться до сколько нибудь значительной высоты. Практическія побужденія, принуждавшія наше общество учиться иностраннымъ языкамъ, по отношенію къ славянскимъ совсѣмъ отсутствовали, какъ это мы видимъ въ значительной степени даже и въ наше время, а научныя соображенія могли имѣть силу лишь для очень немногихъ и въ административныя сферы почти совсѣмъ не проникали. Не удивительно поэтому, что о научномъ преподаваніи славянскихъ языковъ въ нашихъ университетахъ, кромѣ случайныхъ и разрозненныхъ попытокъ, по отношенію къ тому или другому отдѣльному языку, не могло быть и рѣчи.

Тѣмъ не менѣе отдѣльныя проявленія научнаго интереса къ славянскимъ языкамъ, замѣчавшіяся у насъ еще въ XVIII в. [1]),

[1]) У Тредьяковскаго (см. выше, стр. 205), Сумарокова (стр. 212), Ломоносова (стр. 218), А. Л. Шлецера (см. дополненія), въ «Исторіи Россійской» Татищева (стр. 263—267), А. Б. (стр. 291—294), въ «Новой и полной французской азбукѣ» Ѳ. Каржавина (стр. 349). Въ сравнит. словарѣ Екатерины II фигурировали слѣдующіе слав. языки: «Славянскій, Славяно-венгерскій (словацкій), Иллирійскій, Богемскій, Сербскій, Вендскій, Сорабскій, Полабскій,

съ начала XIX в., и особенно со втораго его десятилѣтія, становятся все чаще и чаще и мало по малу захватываютъ все болѣе и болѣе широкія области предмета.

Какъ смутны были у нашихъ ученыхъ самаго начала XIX в. представленія о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ языковъ другъ къ другу, въ частности русскаго къ старославянскому, свидѣтельствуетъ полемика между Шишковымъ и его противниками, Макаровымъ и Каченовскимъ, вызванная въ 1803—1804 гг. пресловутымъ „Разсужденіемъ о старомъ и новомъ слогѣ“ перваго изъ названныхъ авторовъ (см. выше, стр. 691—99). Ни Шишковъ, ни его противники не умѣли ясно формулировать генетическія отношенія русскаго языка къ старославянскому, называя послѣдній то „древнимъ нашимъ нарѣчіемъ“ (Каченовскій), то „древнимъ Славянскимъ нарѣчіемъ“ (Макаровъ), то совершенно отожествляя оба языка („Руской языкъ подъ именемъ Славянскаго“—Шишковъ) и т. д.

Своихъ славистовъ у насъ въ это время почти не было, и статьи по славянской филологіи, появлявшіяся въ журналахъ этого времени, зачастую представляли собой простые переводы съ иностранныхъ языковъ или извлеченія изъ иностранныхъ трудовъ. Таковы были статьи „Сѣвернаго Вѣстника“ 1804 г.: о „Bibliotheca Slavica“ Дуриха и переведенная съ польскаго о „Польской словесности“ (въ сущности о польской лексикографіи, см. выше, стр. 704—705). Этимологіи именъ славянскихъ божествъ (большею частію фантастическихъ) давалъ А. С. Кайсаровъ въ своемъ „Versuch einer Slavischen Mythologie“ (1804 г. см. выше, стр. 706 и 739) [1]).

Кашубскій, Польскій», къ которымъ примыкали «Малороссійскій и Суздальскій». О степени достовѣрности приводившихся словъ можетъ дать понятіе хотя бы слово *ночь*, которое въ слав., славяно-венг., богемск., сербск., сорабск., и малоросс. показано въ видѣ *ночь* (!), въ иллирійскомъ *Ноохъ* (!?), въ сербск., кромѣ *ночь*, еще *Нотъ* (!), въ вендскомъ (?)—*Ножь* (!), въ полабскомъ *Науксъ* (!?), и въ кашубскомъ и польскомъ *Ноцъ* (!). Однимъ изъ первыхъ русскихъ, занимавшихся изученіемъ чешскаго языка въ концѣ XVIII в., а, можетъ быть, и въ началѣ XIX в., былъ князь Бѣлосельскій (—Бѣлозерскій), о которомъ говоритъ І. Добровскій въ письмѣ своемъ къ Копитару отъ 22 февр. 1812 г. По словамъ Добровскаго, кн. Бѣлосельскій, въ бытность свою въ Прагѣ, перевелъ для своего развлеченія на русскій языкъ нѣсколько чешскихъ пословицъ, которыя и были приложены къ сборнику Добровскаго „Slavin“ (Переписка Добровскаго и Копитара: Сборникъ отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ, т. XXXIX, 1885 г., стр. 245). Очевидно дѣло здѣсь идетъ о князѣ А. М. Бѣлосельскомъ-Бѣлозерскомъ, русскомъ посланникѣ въ Дрезденѣ и Туринѣ, членѣ многихъ ученыхъ обществъ русскихъ и заграничныхъ (р. 1752+1809): Добровскій говоритъ о немъ въ 1812 г., какъ уже о покойномъ.

[1]) Полное заглавіе: «Versuch einer Slavischen Mythologie in alphabetischer

Въ русскомъ переводѣ этой книги, вышедшемъ въ 1807 г. (2-е изд. 1810, по которому мы здѣсь и цитируемъ) и принадлежащемъ нѣмцу Аллеру, мы находимъ сопоставленія: 1) „на Русскомъ, Польскомъ, Верхне-Лаузицскомъ, Кассубійскомъ [1]), Кроатскомъ, Силезскомъ *Богъ*, Нижне-Лаузицскомъ *Богъ* (Bohg), Краинскомъ *Бугъ*, Богемскомъ *Бегъ* (Böh)" [!] (стр. 57 = 34 оригин. нѣм. изданія, гдѣ читаемъ вѣрную форму Bůh); 2) Дажбогъ — „по Руски *дать* (въ оригин. нѣм. изданіи *dat'*), и по Богемски *дати* (нѣм. изд. *Dati*, стр. 46 = 73 2-го русск. изд.); 3) богъ Кродо (!) производится отъ глагола *краду* (!), который „у Рускихъ, Богемцовъ и Сербовъ значитъ одно и то же" (стр. 107); 4) *Погода* и *Похвистъ* „въ одно время были у Поляковъ и еще нынѣ Масовяне (въ оригиналѣ Masovier) называютъ большой вѣтръ *Похвисціемъ*" (въ оригиналѣ Pochwisciel, стр. 84—85 = 147—148 2-го русск. изданія); 5) „Поляки называли Сиву — *Зизіе* (въ оригиналѣ Zywie) [?!] и почитали богинею жизни" (стр. 182 = 96 оригинальнаго нѣм. изданія).

А. С. Кайсаровъ вообще можетъ быть названъ однимъ изъ самыхъ первыхъ нашихъ славистовъ языковѣдовъ XIX в. Ученіе въ Геттингенѣ, гдѣ тогда еще профессорствовалъ старикъ А. Л. Шлецеръ, сблизило его съ научными методами европейской науки и несомнѣнно отразилось благотворно на его научномъ развитіи. Переписка его съ нѣкоторыми сербскими дѣятелями (протодіакономъ Л. Мушицкимъ и митрополитомъ Стратимировичемъ), изданная Ягичемъ („Сборникъ отдѣленія русск. яз. и слов." т. LXII, 1897), свидѣтельствуетъ о его знаніяхъ, живомъ интересѣ къ славянскимъ языкамъ и задуманныхъ имъ научныхъ планахъ, не лишенныхъ историческаго значенія. Такъ въ письмѣ къ Мушицкому отъ 1 янв. 1805 г. Кайсаровъ выражаетъ надежду, что тотъ скоро завершитъ свою сербскую грамматику: „чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше", и пришлетъ ему „экземпляра два своего произведенія". „О любезнѣйшіе Сербы! — восклицаетъ нашъ 23-лѣтній славистъ: — пишите скорѣе и больше... пишите свои грамматики и словари, чтобъ заставить не только сѣверныхъ братьевъ своихъ, но и всю Европу узнать васъ" [2]).

Въ письмѣ 30 марта 1805 г. къ тому же Кайсаровъ вставляетъ нѣсколько строкъ по сербски (не безъ ошибокъ) и продол-

---

Ordnung, entworfen von Andrey von Kayssarow Russisch-Kayserlichen Stabs-Capitain. Göttingen, 1804", 16°, 8 ненум. + 117 + 2 ненум. стр. (книга посвящена учителю автора, А. Л. Шлецеру).

[1]) Вѣроятно, первое въ нашей литературѣ упоминаніе о кашубскомъ языкѣ послѣ „Сравнит. словарей" Екатерины II.

[2]) Сборникъ отд. р. яз. и слов., т. LXII, стр. 695.

жаетъ: „меня принуждаютъ (ниже увидимъ, что здѣсь идетъ рѣчь о Шлецерѣ) издать *сравнительный словарь славянскихъ нарѣчій* (курсивъ нашъ). Я уже просилъ его в. превосходительство [1]) о помощи, теперь прошу и васъ не оставить меня. Въ библіотекѣ вашей есть такъ называемый леѯиконъ треязычный, т. е. славянскій, греческій и латинскій. Естьли бы вы приняли на себя трудъ отъ буквы *а* до *z* находящіеся въ немъ слова написать мнѣ простымъ сербскимъ языкомъ, вы бы одолжили меня чрезвычайно". Рядъ строкъ по сербски находимъ и въ письмѣ Кайсарова отъ $^{5}/_{17}$ іюля 1805 г., въ которомъ онъ между прочимъ просилъ Мушицкаго объяснить ему значеніе слова *перпера*, встрѣтившагося въ исторіи сербовъ Раича [2]).

О составленіи сравнительнаго словаря слав. нарѣчій Кайсаровъ писалъ также митрополиту Стратимировичу (изъ Гамбурга $^{15}/_{27}$ мая 1806 г.), сообщая между прочимъ, что „старой Шлецеръ" „поощтрилъ" его при отъѣздѣ изъ Геттингена и при докторскомъ экзаменѣ, совѣтуя „заняться обработываніемъ словенскаго Глоссарія". Кайсаровъ открыто признавалъ огромныя трудности такого предпріятія: „Но какъ это трудно, извѣстно Вашему Высокопревосходительству, особливо не имѣя всѣхъ нужныхъ способовъ. Естьлибъ я былъ такъ дерзокъ, чтобъ взялся за это великое дѣло, смѣлъ ли бы я надѣяться наставленій и помощи изъ Карловца? Отвѣтъ благопріятный на сей вопросъ можетъ ободрить меня къ испытанію еще весьма слабыхъ силъ моихъ. Я думаю, что естьли никто не проложитъ пути въ семъ полѣ, то оно всегда, или еще очень долго останется пустынею—и такъ кому нибудь надобно послѣдовать латинской пословицѣ: tentanda via" [3]).

Изъ плановъ Кайсарова ничего не вышло. Отчасти, вѣроятно, виновата въ этомъ несомнѣнная страстность и пылкость его характера, заставлявшая его увлекаться самыми разнородными цѣлями и предметами: то славянскими языками, то вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ, то ратными подвигами и т. п.; отчасти и самыя трудности предпріятія являлись почти непреодолимыми при отсутствіи необходимыхъ пособій и какихъ бы то ни было подготовительныхъ работъ въ данномъ направленіи. Тѣмъ не менѣе нельзя отнимать у этихъ плановъ историческое значеніе первыхъ провозвѣстниковъ въ XIX в. того научнаго движенія, которое впослѣдствіи привело къ возникновенію самостоятельной русской школы славистовъ-языковѣдовъ.

---

[1]) Митрополита Стратимировича.

[2]) Сборникъ отд. р. яз. и слов., т. LXII, стр. 698.

[3]) Тамъ же, стр. XCI—XCII, примѣч.

Прочія явленія въ занимающей насъ области знанія за это время не подымаются выше уровня случайныхъ и большею частью не самостоятельныхъ журнальныхъ статеекъ или разрозненныхъ замѣчаній и упоминаній въ разныхъ неспеціальныхъ статьяхъ и книгахъ.

Въ 1805 году вышло „Путешествіе по Саксоніи, Австріи и Италіи въ 1800—1802 гг.“ Ѳ. П. Лубяновскаго (Спб. 1805, 3 ч.), который нашелъ, что нарѣчіе чеховъ, слышанное имъ въ Австріи, „сходно съ малороссійскимъ“ (ч. I, 107—108).

О томъ, что черногорцы „говорятъ Славено-Иллирійскимъ нарѣчіемъ, весьма сходнымъ съ языкомъ, употребляемымъ въ Австрійской Албаніи около устья Каттаро“, сообщалось въ статьѣ „Вѣстника Европы“ 1805 г.: „Жители области Монтенегро или Черногорцы“ (№ 7, стр. 242). Сходство лужицкаго языка со славянскимъ демонстрировалось въ переводной съ французскаго статьѣ того же журнала (1806 г., см. выше, стр. 713), вообще очень охотно помѣщавшаго на своихъ страницахъ статьи по славяновѣдѣнію. Одна изъ такихъ статей была посвящена „славяно-сербской“ трагедіи „Смерть Уроша“, изъ которой приводились и отрывки на книжномъ славяносербскомъ языкѣ („Вѣст. Евр.“ 1807 г., № 11, стр. 196—203). Въ началѣ ея давалось общее понятіе о современномъ положеніи славянскихъ языковъ: „различныя нарѣчія древняго Словенскаго языка часъ отъ часу болѣе измѣняются, и становятся несходными между собою. Поляки, Богемцы, Далматы и прочіе народы по нуждѣ исказили языкъ свой, будучи въ зависимости отъ Римскаго первосвященника, и принявъ съ азбукою множество словъ Латинскихъ. У Россіянъ, Сербовъ, Иллирійцевъ и другихъ, держащихъ вѣру Греческаго исповѣданія, нарѣчія отъ времени и обстоятельствъ сдѣлались между собою несходными; но языкъ общій одинъ и тотъ же. Житель города Архангельска, научившись читать по Азбукѣ, Часослову и Псалтырѣ, можетъ обо всемъ разговаривать и переписываться съ Черногорцемъ, обитающимъ на берегу Адріатическаго залива. Такова польза отъ языка книжнаго! Всѣ прочія племена Славянскія живутъ подъ чуждымъ игомъ; они по неволѣ должны учиться языку повелителей, и мало по малу забывать свой собственный... мы одни имѣемъ всѣ способы распространять языкъ нашихъ праотцовъ, и съ благоговѣніемъ хранить чистоту его“ (стр. 196—97). По мнѣнію автора статьи (подписавшагося буквой N.), трагедія „О паденіи Сербскаго царства“ драгоцѣнна „для любителя языка отечественнаго“, который „сердечно порадуется“, видя, что „отдаленные народы, при всѣхъ невыгодахъ своего положенія, блюдутъ древній языкъ“ Кирилла и Меѳодія.

Самъ издатель „Вѣстника Европы“, проф. Каченовскій, вообще живо интересовавшійся славянскимъ міромъ, посвятилъ нѣсколько страницъ знакомой уже намъ статьи своей объ источникахъ русской исторіи („Вѣстникъ Европы“, 1809) вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ старославянскаго языка къ отдѣльнымъ славянскимъ языкамъ (см. выше, стр. 724—25), причемъ отожествлялъ старославянскій съ праславянскимъ, какъ это дѣлалъ еще раньше и Шлецеръ [1]). Несмотря на это, статья Каченовскаго несомнѣнно свидѣтельствовала объ извѣстномъ шагѣ впередъ во взглядахъ его на славянскій языкъ, сравнительно, напр., съ его болѣе ранними возраженіями Шишкову, въ которыхъ онъ называлъ „славянскій“ языкъ „древнимъ нашимъ нарѣчіемъ“ (см. выше, стр. 1142).

Въ томъ же 1809 году вышла первая часть русскаго перевода извѣстнаго труда Шлёцера „Russische Annalen“ (1-я часть, 1802 г.): „Несторъ. Рускія Лѣтописи на Древле-Славенскомъ языкѣ Сличенныя, переведенныя и объясненныя Августомъ Лудвикомъ Шлёцеромъ и т. д. Ч. I. Перев. съ нѣм. Дм. Языковъ и т. д.“ (Спб. 1809). Сличеніе ея съ только что упомянутой статьей Каченовскаго свидѣтельствуетъ, что московскій профессоръ-журналистъ пользовался очень усердно книгой Шлецера, не называя однако, своего источника. Шлецеръ говоритъ здѣсь (Введеніе, § 18. Языкъ) о славянскомъ письмѣ (уставѣ, полууставѣ, скорописи), кириллицѣ, звенигородской криптографической надписи на колоколѣ и т. д. Какъ и Каченовскій, Шлецеръ спрашиваетъ: „Когда же придетъ время, въ которое Русскіе вздумаютъ составить *Славенскую дипломатику*, *Славенскую палеографію*, будутъ учиться у *Гаттерера* и *Шёнемана*, соберутъ хронологическимъ порядкомъ Славенскія азбуки и выгравируютъ азбучную таблицу для каждаго столѣтія особенно? Ето давно уже сдѣлали Нѣмцы, Французы, Британцы, и Италіянцы: для чего и не Руссы?“ (стр. ӡг҃—ӡд҃, ср. соотвѣтствующее мѣсто въ статьѣ Каченовскаго, выше, стр. 724). Далѣе идетъ рѣчь о рукописяхъ, легшихъ въ основу Острожской библіи, о Реймскомъ евангеліи („славенское *евангеліе*, на которомъ присягали французскіе короли, должно быть очень древно: къ несчастію истреблено оно Каннибалами въ началѣ революціи“, стр. ӡе҃), о сборникѣ кн. Щербатова „1046 г.“ (т. е. Святославовомъ Изборникѣ 1076 г.), стихирарѣ Московской типографской библіотеки 1157 г. и т. д. Обзоръ этихъ рукописей приводитъ къ слѣдующему выводу: ...„Но кажется надлежало бы доставить намъ *образчики*

[1]) Напримѣръ, въ его «Russische Annalen» (Göttingen, ч. I. 1802, § 18, стр. 46 и сл.

письма со всего, что *дѣйствительно* существуетъ, не смотря на то, справедливо ли оно, или нѣтъ. Таковые образчики письма очень много послужили бы къ отъисканію древности и мѣста гдѣ писаны времянники, грамоты и надписи, также и для открытія грубыхъ обмановъ. Я ожидалъ найти ето у Альтера въ „Beiträge zur prakt. Slawon. Diplomatik“ (Вѣна, 1801); однакоже не нашелъ ничего“ (стр. ѯе—ѯѕ). Далѣе характеризуются съ палеографической стороны (въ извѣстныхъ отношеніяхъ болѣе подробно, чѣмъ въ „Предувѣдомленіи“, стр. I—VII) списки лѣтописей, положенные въ основу изданія (стр. ѯѕ—оа).

Характеристика языка лѣтописей (§ 18) приводитъ Шлецера къ общему представленію славянской семьи языковъ: „извѣстно, что между 60-ю Славенскими народами (до такого числа полагаетъ ихъ уже Конрадъ *Геснеръ)*, есть множество *нарѣчій:* Руское, Польское, Богемское, Краинское, Кроатское, Боснійское, Илирійское или Далматское, Лаузицкое или Вендское и пр. и пр. *Корень* всѣхъ оныхъ есть преимущественно такъ называемый *Славенскій* языкъ, съ которымъ всѣ они имѣютъ ближайшее сходство, нежели одинъ съ другимъ. Какъ нѣкогда должно было быть время, въ которое былъ одинъ только языкъ, называемый *Германскимъ*, превратившійся въ теченіе вѣковъ въ Саксонскій, Франкскій, Исландскій, Шведскій, Датскій, Голландскій и пр. и пр.; то вѣрно было также время, въ которое говорили только одинакимъ *Славенскимъ* языкомъ. Но кто можетъ хронологически показать, *когда* и *какъ* теперешніе столь различныя нарѣчія мало по малу изъ онаго образовались? Когда изъ древняго Славенскаго сдѣлался новый Рускій языкъ и пр.? Есть еще слѣды, что Рускій и Польскій языки *(Добнеръ* въ прим. на *Гайека*, III, стр. 325. — *Acta Boruss.* II, стр. 74) нѣкогда были гораздо сходнѣе между собою, нежели теперь (ср. мнѣніе Каченовскаго, выше, стр. 725); даже будто въ Богеміи нашлись древніе книги, писанныя по Славенски (Гарткнохъ *de lingua Prussica*, Diss. V.); но еще никто этого не изъискивалъ“ (стр. оа—ог).

Далѣе рѣшается вопросъ о происхожденіи старославянскаго языка, опредѣляемаго, какъ „общій *народный* языкъ въ Моравіи и Булгаріи“, устанавливается невозможность доказать тожество перваго Кириллова перевода и теперешней библіи и характеризуется славянскій языкъ, какъ мертвый и книжный, подобный еврейскому, греческому и латинскому и сохраненный только рускими, которые „*первые* начали обработывать языкъ свой: а изъ Славянъ... только *одни* писали временники на своемъ языкѣ“ (стр. ое).

По словамъ Шлецера, „кто ученымъ образомъ разумѣетъ хотя одно изъ нынѣшнихъ Славенскихъ нарѣчій, тотъ очень легко можетъ научиться древнему Славенскому языку; не смотря однакоже на ето, должно сначала *учиться* мѣсяца два. Въ древнемъ Славенскомъ языкѣ, склоненія и спряженія примѣтно отличаются отъ всѣхъ новѣйшихъ нарѣчій; къ тому же, есть множество такихъ словъ и составленій, которые ему только одному свойственны" (стр. ѻ҃н и ѻ҃е). Ниже указываются главнѣйшія пособія для изученія старославянскаго: грамматика Ѳ. Поликарпова 1721 г. (см. выше, стр. 178), словари Алексѣева (см. выше, стр. 238), игумена Евгенія (тамъ же, стр. 239), къ которому присоединена „хотя краткая, но хорошая Славенская грамматика", и академическій, въ которомъ помѣщено также „множество древнихъ Славенскихъ словъ".

Замѣчательны слѣдующія слова, набрасывающія планъ сравнительно-грамматическаго изученія славянскихъ языковъ: „когда же Славянская словесность будетъ имѣть человѣка, подобнаго Вахтеру [1]) или Ире [2]), который сравнилъ бы всѣ Славенскіе нарѣчія между собою и съ общимъ ихъ корнемъ? Въ иномъ нарѣчіи нашелъ бы онъ употребительными такіе слова, которые въ другихъ бываютъ непонятными странностями; въ иномъ нашелъ бы онъ правиломъ то, что въ другихъ бываетъ только исключеніемъ. За етотъ важный трудъ и теперь бы (т. е. въ 1802 г.) уже можно было приняться; ибо у насъ есть очень хорошія грамматики и словари всѣхъ Славенскихъ нарѣчій, выключая *Булгарскаго*" (стр. ѻ҃е — п҃і).

Говоря о печатныхъ изданіяхъ древнихъ русскихъ грамотъ, имѣвшихся въ то время („Древняя Росс. Вивліоѳика" Новикова, продолженіе ея и при послѣднихъ трехъ книгахъ исторіи кн. Щербатова), которыя Шлецеръ находилъ хотя и „не совершенными въ содѣйствіи и образѣ", но все же заслуживающими благодарности, онъ ссылался на слова Миллера, утверждавшаго, что древнѣйшая грамота, извѣстная ему, не восходитъ далѣе Вел. Князя Андрея Боголюбскаго († 1158). Стриттеръ же сообщалъ Шлецеру, что древнѣйшая видѣнная имъ грамота относилась къ 1262 г. (стр. р҃і). Оба названныхъ ученыхъ, по словамъ Шлецера, „не были

---

[1]) Іоганнъ Георгъ Вахтеръ, германистъ (1673—1757), авторъ «Glossarium Germanicum» (Лейпцигъ 1737), имѣющаго сравнительно-этимологическій характеръ и привлекающаго всѣ германскіе языки.

[2]) Іоганнъ Ире (1707—1780), знаменитый шведскій филологъ, проф. Упсальскаго университета, авторъ историческаго шведскаго словаря «Glossarium Suoigothicum» (1769).

ученые дипломатики: но Рускія грамоты не Меровейскія; ученый человѣкъ разберетъ ихъ скорѣе, нежели послѣднія"; ни одному изъ нихъ „недостался жребій быть творцемъ *собранія Рускія дипломатики*: кому же предоставлена ета завѣтная часть?..." (стр. ҏгі—ҏді).

Съ начала второго десятилѣтія XIX в. интересъ къ славянскимъ языкамъ усиливается. Ссылки на нихъ и работы, посвященныя тѣмъ или другимъ вопросамъ славянскаго языкознанія, начинаютъ появляться все чаще и чаще.

Нѣсколько упоминаній о сербскомъ языкѣ и образчиковъ его находимъ въ „Путешествіи въ Молдавію, Валахію и Сербію. Д. Б. К. [Д. Бантыша-Каменскаго]. Москва. Въ Губ. Типогр. у А. Рѣшетникова 1810." (8^{0}, 192 стр.). Авторъ приводитъ коротенькія фразы, въ родѣ „*Добро дошли, господинъ Майоръ?*" съ отвѣтомъ „*хвала Богу*" (стр. 110), „*Добро дошли? — како сте? — и хвала Богу*" (стр. 116), отдѣльныя слова, какъ напр. названіе старостъ — *кнезь* (!), обращеніе сербовъ къ автору со словомъ *братико* и т. д. (стр. 136). На стр. 137 дается такая характеристика сербскаго языка: „Языкъ Сербскій, происходя отъ одного корня съ Россійскимъ, совершенно походитъ на него. Прилагаю тебѣ, любезный другъ, нѣсколько словъ Сербскихъ, дабы ты могъ судить о различіи обоихъ языковъ. Господарь (!) — Господинъ. Како сте? — Каковы вы? (!). Хвала Богу.—Слава Богу. Помози Богъ.—Богъ въ помощь. Добро ютро.—Доброе утро. Добро вече.—Добрый вечеръ. Благодарствую вамъ.—Благодарю васъ. По словамъ автора, старшій сынъ Карагеоргія, десятилѣтній Алексѣй, при отъѣздѣ его изъ Бѣлграда подарилъ ему „нѣсколько Сербскихъ пѣсней". Одну изъ нихъ авторъ приводитъ на стр. 138:

Нáсъ покрíва востóчная звѣздá,
Отъ Благотвóрца бýди ёй мздá.
Глáси нáши гóрѣ да слышутся:
Алексáндръ всýду нéкъ слáвися;
Родофйникъ [1]) долголѣтанъ да бýде,
За Сéрбовъ дѣлать не забуде.

Вопросъ о взаимномъ отношеніи малороссійскаго нарѣчія къ польскому языку затрогивался въ упоминавшейся уже выше критической статьѣ Каченовскаго объ „Изслѣдованіи баннаго строенія" („Вѣстникъ Европы" 1810 г., ч. 49, см. выше, стр. 1108), причемъ

[1]) Д. Ст. Сов. К. К. Родофиникинъ, тогдашній русскій дипломат. агентъ въ Бѣлградѣ, у котораго останавливался нашъ путешественникъ.

авторъ ссылался на „Nowy słownik kieżonkowy (такъ! вм. kieszonkowy) Polsko Niemecko Francuzky. w Wroclaviu 1805“. Въ открытой этою статьею полемикѣ (см. выше) однимъ изъ главныхъ спорныхъ пунктовъ былъ вопросъ о самомъ существованіи польскаго языка до XIV в. Анонимный авторъ „Изслѣдованія о банномъ строеніи“ (Спб. 1809 г.) и статьи въ „Вѣстникѣ Европы“ 1811—1812 гг., „Изложеніе споровъ о банномъ строеніи“, подвергалъ это существованіе сомнѣнію. По его словамъ, „извѣстный свѣту своею ученостію, своею любовію къ древностямъ и рѣдкою памятію Графъ Чацкій, въ книгѣ своей, печатанной въ Варшавѣ въ 1800 г. о Литовскихъ и Польскихъ правахъ, даетъ разумѣть, что онъ перерывши всѣ, можно сказать, архивы, ненашелъ никакихъ слѣдовъ къ тому, чтобъ изъяснить, въ какомъ состояніи былъ Польской языкъ предъ XIV вѣкомъ, а предъ X в. и самое имя Польши не было извѣстно. Богослуженіе отправлялось у нихъ Славянское, прежде нежели начали отправлять Латинское. Гр. Чацкій признаетъ самымъ древнѣйшимъ памятникомъ своего языка переводъ Библіи, въ 1390 г. конченный, исключая пѣсни Богородицѣ. Напротивъ того мы имѣли переводъ Библіи еще при Владимірѣ Великомъ“ и т. д. („Вѣстникъ Европы“ 1811 г., ч. 60, № 22, стр. 136—37). Указавъ, что русскій языкъ употреблялся въ канцеляріи Стефана Баторія (1575—1587 г.) и въ Литвѣ до конца XVI в., авторъ приходитъ къ заключенію, что Польша никогда бы не преклонилась „къ западной церкви и никогда не возникалъ бы языкъ Польскій, еслибъ наше древнее духовенство столько же рачительно было въ снисканіи поверхности надъ умами, сколько пеклось о томъ духовенство Римское“ (тамъ же, стр. 139).

Это мнѣніе вызвало рѣшительный и компетентный отпоръ въ статьѣ проф. Каченовскаго: „Еще нѣсколько словъ о банномъ строеніи“ („Вѣстникъ Европы“, 1812 г., ч. 65, особенно стр. 43—46). Каченовскій выражалъ увѣренность, что „польскіе литтераторы подивятся такой новости“ (будто польскій языкъ не существовалъ до XIV в. и почерпнулъ много словъ изъ русскаго яз.). Литераторы эти „знаютъ конечно, что въ Польшѣ не было письменныхъ памятниковъ старѣе XIV вѣка; знаютъ однакожъ и то, что языкъ Польскій съ первыхъ временъ послѣ введенія Христіанства обогащался по ближайшей связи отъ Богемскаго, а не отъ Русскаго. Богемцы приняли крещеніе и письмо за сто лѣтъ прежде Поляковъ. Древнѣйшая пѣснь сихъ послѣднихъ (Boga rodzicau dziewca [такъ!]) около 1000 года при Болеславѣ Храбромъ сочиненная Гнѣзненскимъ Архіепископомъ Войцехомъ, болѣе принадлежитъ Богемско-Славянскому языку нежели Польскому. Въ сочиненіи

Красицкаго о стихотворствѣ приведены немногіе отрывки старинныхъ пѣсень, въ которыхъ замѣчается весьма значительная разность между нашимъ языкомъ Славянскимъ и Польскимъ. Въ шестьнадцатомъ столѣтіи языкъ сей находился уже въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Въ слогѣ знаменитыхъ писателей того времени, прозаиковъ и стихотворцовъ, совсѣмъ непримѣтно, чтобы они заимствовали слова изъ Русскаго; напротивъ того, не льзя не видѣть, что великою разностью между обоими языками и тогда уже доказывать было бы можно весьма давнее ихъ уклоненіе одинъ отъ другаго, и то что они, такъ сказать, излившись изъ Славянскаго за нѣсколько столѣтій передъ тѣмъ, потекли различными путями“. Въ подтвержденіе своей мысли Каченовскій ссылается на польскаго писателя XVI в. Громницкаго, который „въ книгѣ своей Dworzanin даетъ разумѣть весьма ясно, что многіе одноземцы его щеголяли Богемскими словами, употребляя оныя въ разговорѣ и въ сочиненіяхъ“. Въ видѣ иллюстраціи изъ книги Громницкаго приводится діалогъ между панами Любельскимъ и Крыскимъ, относительно того, „изъ какого языка выгоднѣе въ случаѣ надобности заимствовать слова, изъ Богемскаго, Русскаго, Хорватскаго, Словянскаго? или не льзя ли воскрешать старинныя слова Польскія, давно уже вышедшія изъ употребленія?“ Панъ Крыскій отвѣчаетъ на это, что польскій языкъ „не есть древній самъ по себѣ“, хотя и давно употребляется поляками, но произошелъ отъ славянскаго, подобно языкамъ „Богемскому, Русскому, Хорватскому, Боснянскому, Сербскому, Рацскому, Булгарскому и др.“. Поэтому панъ Крыскій полагаетъ, что „въ случаѣ нужды лучше занимать слова изъ Богемскаго нежели изъ прочихъ, потому что онъ почитается у насъ старшимъ“. Только въ томъ случаѣ, если чешское слово „покажется нѣсколько труднымъ“, можно брать изъ другихъ славянскихъ языковъ, соблюдая, однако, при этомъ „разборчивость“. Изъ всѣхъ приведенныхъ доводовъ Каченовскій резонно заключаетъ, что польскій языкъ „не составился изъ Русскаго, а произошелъ отъ Славянскаго, равно какъ и самъ Русскій, и можетъ быть еще въ одно съ нимъ время; но онъ обогатился и усовершенствовался гораздо прежде“. Малорусскія слова, аналогичныя польскимъ, въ родѣ *баня* (пузырь, шаръ), *шукать*, *ставокъ*, *млынъ*, *жартовать*, *весѣлье* (такъ!), *крейда*, *папиръ*, *барыло*, Каченовскій считаетъ заимствованными изъ польскаго.

Ссылки на „богемскія“ и „рагузскія“ формы, соотвѣтствующія русскому нарѣчію *теперь* (по словарю Линде), находимъ въ извѣстной брошюрѣ Дашкова „О легчайшемъ способѣ возражать на критики“ (Спб. 1811 г., см. выше, стр. 758).

Въ томъ же 1811 г., въ статьѣ „Вѣстника Европы" (ч. 55, стр. 134—35): „Славянская старина" находимъ объясненіе слова *жупа*, которое на „Кроатскомъ нарѣчіи" означаетъ „собраніе людей". Отсюда слѣдуетъ, что „подъ словомъ *жупанъ* разумѣть должно начальника многолюдства". Авторъ статьи ссылается на тѣ же слова, имѣющіяся и „у Богемцовъ", и утверждаетъ, что отъ слова *жупанъ* и „Поляки производятъ слово свое *панъ*, которымъ сперва назывались одни только каштеляны или судьи". Въ концѣ статьи перечисляются славянскія книги, изданныя въ Польшѣ: Краковскій Псалтырь 1431 г., Краковскій же Октоихъ 1491 г., Острожская библія 1581 г., первая славянская грамматика, изд. во Львовѣ, въ 1591 г. (такъ наз. Адельфотисъ) и т. д.

Неясное извѣстіе о какомъ то славянскомъ сравнительномъ словарѣ, интересовавшемъ въ 1811 г. президента нашей академіи наукъ графа Н. Н. Новосильцова, находившагося въ то время для поправленія здоровья въ Вѣнѣ, встрѣчаемъ въ письмѣ Копитара къ Добровскому отъ 27 окт. (н. с.) 1811 г. Копитаръ сообщалъ, что слышалъ о поискахъ Новосильцова, которому требовался человѣкъ, могущій не то написать, не то списать вышеозначенный словарь. При этомъ авторъ письма выражалъ намѣреніе предложить себя, чтобы узнать, въ чемъ дѣло [1]. Повидимому, дѣло шло о перепискѣ словаря одного изъ отдѣльныхъ слав. языковъ. Какъ видно изъ письма Копитара (въ Страстную субботу 1812), Новосильцовъ выписывалъ себѣ изъ Рагузы не названныя книги Аппендини (вѣроятно, его „Grammatica della lingua illirica" Рагуза. 1808) и Стулли („Vocabolario Italiano-Illyrico Latino", Рагуза. 1810?) [2]) и, судя по другимъ письмамъ, вообще интересовался славянскими книгами. Такимъ образомъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго, что онъ могъ искать себѣ переписчика для какого нибудь рѣдкаго и непродажнаго словаря. Во всякомъ случаѣ, еслибы первоначальный слухъ оказался вѣренъ, то Копитаръ, успѣвшій съ тѣхъ поръ познакомиться съ Новосильцовымъ, вѣроятно коснулся бы его при случаѣ въ своей перепискѣ съ Добровскимъ, въ которой, однако, о немъ больше нѣтъ рѣчи, хотя Новосильцовъ упоминается въ ней неоднократно.

Къ 1812 г. относится переводная статья „О этимологіи, или словопроизведеніи извлеченіе; изъ статьи помѣщенной въ Поль-

---

[1]) «Comitem Novosilzof audio *hic* quaerere hominem, qui illi lexicon *comparativum* slav. *con*scribat an *de*scribat nescio: ego me offeram, ut saltem videam quid velit»: «Письма Добровскаго и Копитара», изд. Ягичемъ: «Сборникъ отд. русск. яз. и слов. Имп. ак. н.», т. XXXIX, 1885, стр. 222.

[2]) Тамъ же, стр. 252.

скомъ словарѣ Г. Линде. Съ нѣкоторымъ примѣненіемъ отъ Польскаго къ Россійскому языку и съ примѣчаніями", напечатанная въ журналѣ В. Г. Анастасевича „Улей" (ч. III, май, № XVII, стр. 337—63 и № XVIII, стр. 419—45) [1]). Здѣсь находимъ цѣлый рядъ данныхъ и сопоставленій изъ области сравнительной грамматики славянскихъ языковъ; напр. о „богемскихъ" и „босняцкихъ" формахъ въ родѣ *смрт*, которыя пишутся „безъ всякой гласной (стр. 339), о невозможности для „Богемца... *нѣжно* по польски произнести слова: *сьмѣрць* (śmierć), *кгарбъ* (garb), *пѣрсь* (pierś), *кгарсць* (garść)" (стр. 342) и т. д. „Примѣненій къ россійскому" немного, и лишь нѣкоторыя изъ нихъ удачны (въ родѣ сопоставленія русскаго областного *врютить*, „которое Г-ну Линде могло быть неизвѣстно", съ польск. rzucić, производимымъ Линде отъ *рука*, ręka, стр. 352). Зато *нищій* толкуется какъ *низшій*, „или, можетъ быть, ни чій, ни чей, неимѣющій постояннаго пребыванія" (стр. 346); русское *мало* производится отъ лат. malo, malle = magis volo, и толкуется „больше хочу" (стр. 361, прим.); слово *цѣловальникъ* „въ древнемъ смыслѣ собирателя пошлинъ" производится отъ польск. cło = пошлина и потому должно бы правильнѣе писаться *цловальникъ* (стр. 422) и т. д.

Въ томъ же журналѣ, вообще проявлявшемъ свои симпатіи къ славянскому міру и особенно къ польской литературѣ и наукѣ усердными переводами и извлеченіями изъ польскихъ журналовъ и книгъ, явилась другая переводная статья изъ словаря Линде, а именно „Изъясненіе діалектовъ и языковъ, приведенныхъ въ словарѣ Г. Линде, съ показаніемъ его къ тому пособій" (ч. IV, 1812 г., стр. 1—9). Статья эта представляла въ сущности раскрытіе сокращеній, употребленныхъ въ Словарѣ, которое предназначалось для его обладателей, не знавшихъ по польски. Издатель снабдилъ ее поэтому примѣчаніемъ, гласившимъ, что она „болѣе относится къ имѣющимъ оный словарь (Линде), который для неразумѣвающихъ главнаго въ немъ Польскаго языка затруднителенъ". Здѣсь находимъ библіографію главныхъ славянскихъ языковъ: „Богемскаго или Ческаго, Боснійскаго, Церковнаго, Карніольскаго или Краинскаго, Кроатскаго, Далматскаго, Рагужскаго, Россійскаго, Славянскаго, Словацкаго, Сорабскаго вышшаго и низшаго, и Виндійскаго въ Штиріи", который „близокъ къ Краинскому и часто съ нимъ сливается".

---

[1]) Отрывокъ изъ этой статьи Линде 5 лѣтъ спустя былъ напечатанъ также Шишковымъ въ примѣчаніи къ его статьѣ: „Разсмотрѣніе корня въ произведенныхъ отъ него вѣтвяхъ" („Извѣстія Росс. Академіи", кн. 5. 1817 г., стр. 94—99).

Статьи эти еще разъ указываютъ, какую важную роль въ ту пору игралъ у насъ словарь Линде, служившій какъ разъ около этого времени предметомъ пылкихъ мечтаній молодого еще Востокова (см. выше, стр. 659) и являвшійся чуть ли не универсальнымъ пособіемъ и источникомъ учености для нашихъ славистовъ.

Вопросовъ о происхожденіи и судьбахъ церковнославянскаго языка, вліяніи польскаго на малорусское нарѣчіе и др. касался Каченовскій въ знакомомъ уже намъ разсужденіи „Взгляды на успѣхи россійскаго витійства въ первой половинѣ истекшаго столѣтія“ (см. выше, стр. 767—68).

Объ интересѣ К. Ѳ. Калайдовича къ знаменитому памятнику древне-польскихъ литературы и языка, пѣснѣ „Bogarodzica Dziewica“, говорятъ его письма къ его Оршинскому пріятелю, ксендзу I. Мореловскому 1813 и 1 янв. 1814 гг. Въ первомъ онъ писалъ: „Увѣдомьте меня о всѣхъ изданіяхъ, какія Вамъ только извѣстны пѣсни Bogarodzica Dziewica, и означьте, съ какой и по которую страницу напечатана она въ kazaniach“. Во второмъ дается аналогичное порученіе: „попросите Вашихъ питомцевъ выписать для меня пѣснь Bogarodzica Dziewica изъ двухъ книгъ, у Васъ хранящихся“ [1]).

Къ переводнымъ статьямъ, являвшимся въ нашихъ журналахъ, за отсутствіемъ оригинальныхъ, принадлежало „Начертаніе Славенской исторіи“ (переводъ Д. Языкова соотвѣтствующихъ главъ изъ Шлецеровой „Allgemeine Nordische Geschichte etc. Halle, 1771“, 4° : „Сынъ Отечества“ 1814 г. № 17, стр. 160—176, № 18, стр. 208—219, № 19, стр. 248—55, № 20, стр. 20—30). Здѣсь сообщались между прочимъ общія свѣдѣнія о дѣленіи славянскихъ племенъ и языковъ, въ которыхъ Шлецеръ основывался главнымъ образомъ на книгѣ Поповича „Untersuchungen vom Meere“ (Франкфуртъ и Лейпцигъ, 1750, 4°), комментируя его мнѣнія и нерѣдко подвергая ихъ основательной критикѣ. Переведены были, впрочемъ, только тѣ главы „Nordische Geschichte“ Шлецера, которыя имѣли преимущественно историческій характеръ (глава I, §§ 10—18, стр. 221—41 оригинала). Обозрѣніе славянскихъ „діалектовъ“ и главной литературы для ихъ изученія, имѣющееся въ оригинальномъ сочиненіи Шлецера (глава II, § 18, стр. 323 и сл.), въ переводъ Языкова не вошло. Въ томъ, что было переведено, находимъ всетаки нѣсколько замѣчаній, относящихся къ языку. Такъ здѣсь сообщалось, что въ Силезіи „издревле“ говорили по польски, впослѣдствіи же „древній тамошній языкъ сдѣлался особеннымъ Славенскимъ нарѣчіемъ“, теперь уступившимъ мѣсто

---

[1]) См. «Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Др. Росс.» 1862 г., кн. 3, стр. 40.

чешскому и польскому языкамъ (стр. 170—71); что „Моравскій языкъ мало отличается отъ Богемскаго" (стр. 176); что въ Крайнѣ говорятъ на „Виндскомъ" языкѣ (стр. 211), который лишь нѣсколько отличается отъ кроатскаго (стр. 213); что истрійцы говорятъ „обыкновеннымъ истрійскимъ или Далматскимъ языкомъ" (стр. 214); что „лузатцы", которыхъ Шлецеръ отдѣляетъ отъ „сорбовъ" (стр. 251), говорятъ „по Вендски", „языкъ же ихъ не только отличается отъ славенскихъ нарѣчій, но въ верхней Лузаціи говорятъ иначе, чѣмъ въ Нижней"; что языкъ „Кассубовъ" „походитъ на Польскій такъ, какъ низкій Нѣмецкій на высокій" (стр. 252—53); что языкъ хорватовъ „болѣе всѣхъ прочихъ Иллирійскихъ народовъ походитъ на Польскій" (! № 20, стр. 23), а болгары „говорятъ Славенскимъ нарѣчіемъ, которое отъ Сербскаго будто разнится только выговоромъ" (стр. 27). О языкѣ „венгерскихъ Славенъ" (т. е. словаковъ) Шлецеръ не могъ ничего сказать, за отсутствіемъ о немъ свѣдѣній (стр. 25—26). Всѣ эти данныя, конечно, устарѣли уже для того времени, были очень скудны, неточны и часто невѣрны, но, за неимѣніемъ лучшаго, все же являлись не лишними въ нашей тогдашней литературѣ.

Въ 1815 г. въ „Вѣстникѣ Европы" явились двѣ новыхъ переводныхъ статьи о славянскихъ языкахъ. Первая трактовала „О Польскомъ языкѣ" и принадлежала извѣстному проф. Виленскаго университета Яну Снядецкому („В. Евр.", 1815 г., ч. 82, № 15, стр. 175—205). Переводчикъ статьи пропустилъ только десятка три строкъ о выговорѣ и правописаніи, находя ихъ болѣе любопытными „для Польскихъ, нежели для Русскихъ читателей". О самомъ языкѣ здѣсь говорится мало. Авторъ задался главной цѣлью доказать, что польскій языкъ, имѣвшій много писателей, не можетъ считаться дикимъ и необработаннымъ. Поэтому онъ не видитъ надобности создавать новыя польскія слова или безъ разбора заимствовать изъ иностранныхъ языковъ. Что пользы тогда въ грамматикѣ Копчинскаго или словарѣ Линде? спрашиваетъ онъ. Далѣе польскій языкъ берется въ защиту отъ иностранцевъ, находившихъ его неблагозвучнымъ, и опредѣляется, въ качествѣ вѣтви славянскаго языка, какъ языкъ „простой и первообразный", въ отличіе отъ языковъ составныхъ, въ родѣ латинскаго (составленнаго изъ этрусскаго и греческаго!), итальянскаго (изъ латинскаго и „Ломбардскаго"), французскаго (изъ языка франковъ и латинскаго), англійскаго (изъ норманскаго и „стариннаго Саксонскаго"). Статья содержитъ также общія замѣчанія о томъ, что̀ даетъ языку *ясность*, *простоту* и *достаточность*, и заканчивается предложеніемъ „хранить цѣлость отечественнаго нашего слова и часъ отъ часу

болѣе углубляться въ его свойства". Такимъ образомъ о самомъ польскомъ языкѣ отсюда можно было узнать немного, и переведена была статья повидимому главнымъ образомъ въ виду ея общаго характера, близко соприкасавшагося съ разными общими вопросами, интересовавшими тогда и русское образованное общество.

Вторая статья—„Замѣчанія о языкахъ Богемскомъ, Польскомъ и нынѣшнемъ Россійскомъ" („Вѣстн. Евр." 1815 г., ч. 84, № 21, стр. 23—35 и № 22, стр. 118—124) была также переведена съ польскаго и принадлежала другому польскому ученому—профессору Краковскаго университета Г. Бандтке. О перечисленныхъ въ заглавіи языкахъ въ ней говорилось тоже немного. Мы находимъ здѣсь лишь самыя общія замѣчанія о томъ, что „богемскій" языкъ началъ процвѣтать еще въ XIV в. и потому имѣетъ старинную литературу, а также сохранилъ баснословную славянскую древность. Польскій, напротивъ, образовался позже и только при Сигизмундахъ I и II могъ блескомъ своимъ равняться съ „Богемскимъ". Процвѣтаніе это длилось, однако, недолго, и при Сигизмундѣ III наступилъ уже упадокъ языка, особенно вслѣдствіе принятыхъ въ него макаронизмовъ. Русскій же языкъ не могъ образоваться раньше 1147 г. (основаніе Москвы). Его развитію мѣшали: нашествіе татаръ, удѣльная система, самозванцы, нововведенія Петра I и т. д. Статья Бандтке была снабжена примѣчаніемъ редактора, указывавшимъ источникъ, изъ котораго она была взята („Варшавскій журналъ"), и высказывавшимъ увѣренность, что „читателямъ по крайней мѣрѣ пріятно будетъ узнать, какъ за границею думаютъ о нашемъ языкѣ". Нѣкоторыя замѣчанія Бандтке Каченовскій находилъ „справедливыми и любопытными", другія же снабдилъ собственными критическими примѣчаніями, въ которыхъ полемизировалъ съ Краковскимъ ученымъ (главнымъ образомъ по поводу его сужденій о малорусскомъ, см. выше, стр. 1110—1111, а также по вопросу о предложеніи Бандтке писать славянскія и русскія имена латинскими буквами и чешскимъ правописаніемъ Добровскаго, съ чѣмъ Каченовскій никакъ не хотѣлъ согласиться).

Въ 1815 г. заявила о своемъ интересѣ къ славянскимъ языкамъ и Россійская Академія. Еще въ засѣданіи 19 іюня рѣшено было напечатать въ 1-й книжкѣ предпринятаго академическаго изданія „Извѣстія Росс. Академіи" „стихи на Моравскомъ языкѣ съ Росс. переводомъ" [1]). Намѣреніе это, однако, почему то не было приведено въ исполненіе, и книжка вышла безъ помянутыхъ стиховъ

[1]) См. Записки о засѣданіяхъ Росс. Академіи 1815 г., № 23, 19 іюня.

(1815 г.). Зато въ ней не было недостатка въ другихъ проявленіяхъ сказаннаго интереса, исходившихъ отъ самого президента академіи Шишкова. Такъ во вступленіи къ 1-й книжкѣ „Извѣстій“, гдѣ шла рѣчь о задачахъ, составляющихъ обязанность Россійской Академіи („изслѣдованіе состава и разума словъ, опредѣленіе правилъ и свойствъ языка, установленіе и огражденіе его отъ порчи писателей, незнающихъ силы онаго“, стр. 3), и объ изданіи „Извѣстій“, долженствовавшихъ служить этимъ задачамъ, говорилось между прочимъ, что „Извѣстія“ охотно будутъ давать мѣсто на своихъ страницахъ также и „переводамъ или выпискамъ изъ иностранныхъ писателей, но токмо такимъ, въ которыхъ разсуждается или вообще о происхожденіи языковъ, или особенно о Славенскомъ языкѣ и народѣ. Таковы, напримѣръ, суть сочиненія на Нѣмецкомъ языкѣ Господина Добровскаго подъ названіемъ *Словянки*, и тому подобныя“ (стр. 6).

Въ слѣдующихъ затѣмъ „Нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ на предполагаемое вновь сочиненіе Россійскаго Словаря“ (стр. 8—слѣд.) Шишковъ нерѣдко касается славянскихъ языковъ. Проектируемый имъ новый словопроизводный словарь долженъ былъ содержать въ себѣ между прочимъ „разсмотрѣніе корней словъ съ вящшими и надежнѣйшими способами, *то есть съ помощію всѣхъ Славенскихъ нарѣчій*“ (стр. 9, курсивъ нашъ). Выясняя далѣе понятіе „Славенскаго“ языка, подъ которымъ Шишковъ разумѣлъ и праславянскій, и церковнославянскій, и совокупность всѣхъ живыхъ слав. языковъ, нашъ „славенофилъ“ писалъ: „Славенскимъ языкомъ говорятъ многіе народы внѣ Россіи по лицу земли разсѣянные: Иллирійцы, Моравцы, Сербы, Поляки, Богемцы, Краинцы, Венды и проч. Хотя нарѣчія ихъ различны съ нашимъ, но языкъ у насъ одинъ. Скажутъ: не ужъ ли и ихъ всѣ слова включить въ предѣлы языка?—безъ сомнѣнія. Да мы ихъ не разумѣемъ? Это не мѣшаетъ. Мы и своихъ многихъ словъ не разумѣемъ; но я уже выше говорилъ, что нельзя слово *языкъ* опредѣлять только тѣми словами, которыя мы разумѣемъ. Напримѣръ—никто изъ насъ не говоритъ нынѣ *веверка*, а потому никто и не знаетъ сего слова, вмѣсто котораго употребляемъ мы слово *бѣлка* или *вѣкша*; но Полякъ и по сіе время говоритъ *веверка* [1]). Скажутъ: что намъ нужды до Поляка?—Нѣтъ! есть нужды. Мы находимъ слово сіе въ Несторѣ. Не ужъ ли и до Нестора нужды нѣтъ? Но такимъ образомъ и ни до чего, кромѣ устнаго употребленія языка, т. е. однихъ пріятельскихъ разговоровъ, нужды не будетъ“ (стр. 11). Немного далѣе:

[1]) Не совсѣмъ такъ (wiewiorka)!

„Скажутъ: да въ другихъ нарѣчіяхъ совсѣмъ не тѣ слова, а ежели и тѣ, такъ иначе произносятся?—Правда; но и это не мѣшаетъ: мужики наши многія слова различно съ нами произносятъ, однако нельзя же сказать, что они говорятъ не по Русски или не по Славенски: по Славенски, но по мужицки. Такъ и тутъ: по Славенски, но по Сербски, Польски, Вендски, и проч.; ибо различіе въ нарѣчіи, а не въ языкѣ. Богемецъ дорожку или стезю, по которой ходятъ пѣшкомъ, называетъ *пѣшникомъ* (pesnik), жаркое *печениною* (pezhenina), деревенскаго жителя *весникомъ* (wesnik), молнію *блискомъ* (blisk). Мы не употребляемъ сихъ словъ, и для того въ разговорахъ не скоро ихъ поймемъ; но вникая и разсуждая можемъ ли отъ нихъ отречься и назвать ихъ не Славенскими, или не принадлежащими къ нашему языку? Какъ? развѣ мы не имѣемъ словъ *пѣшъ*, *печь*, *весь*, *блескъ*?... Почемужъ *пустынникъ* (отъ пустыня) Славенское, а *весьникъ* (отъ весь) не Славенское? почему *жаркое* (отъ жарить) Славенское; а *печенина* (отъ печь) не Славенское? навыкъ мой и слухъ могутъ противъ сего спорить, но умъ и разсудокъ никогда. Итакъ слово *Славенскій языкъ* я смѣло простираю на всѣ его нарѣчія, и сіе необходимо нужно мнѣ для опредѣленія словъ, для отысканія корней ихъ и обогащенія собственнаго моего нарѣчія, т. е. Русскому Русскаго, Поляку Польскаго, и такъ далѣе. Ибо, напримѣръ, Богемецъ скажетъ пословицу: *cim hrnek nawre, tim zapacha*. Я сперва сихъ словъ не разумѣю; но вникая нахожу, что онѣ всѣ Славенскія: *cim* (чѣмъ) *hrnek* (горшокъ) *nawre* (накипѣлъ), *tim* (тѣмъ) *zapacha* (пахнетъ). Затрудняетъ меня одно только слово *nawre*. Но развѣ не имѣемъ мы предлога *на* и глагола *врѣть* (море врѣетъ, т. е. кипитъ)? Трудно ли же мнѣ узнать, что значитъ *навре* или *наврелъ*, какъ скоро я знаю свой языкъ? Положимъ, что слово сіе ненужно мнѣ для употребленія въ моемъ нарѣчіи; но отличное отъ моего составленіе словъ въ другихъ нарѣчіяхъ нужно мнѣ для того, чтобъ зналъ я родство и производство словъ. Я тогда яснѣе увижу, что отъ *врѣю* или *варѣю* (!) произошли *варю*, *варъ*: отъ *врѣти*, варити; отъ *врѣніе*, вареніе, и проч. Сіе открываетъ мнѣ языкъ мой и научаетъ познавать разумъ словъ, мною употребляемыхъ. Я говорю *куча* (и не знаю откуда сіе слово), Богемецъ говоритъ *купча* (kupca). Отсюда вижу я, что въ моемъ словѣ буква *п* утратилась, и отъ того производство онаго отъ слова *купа* (!) закрылось; равнымъ образомъ и въ уменшительномъ изъ *купочка* сократилось оно въ *кучка*. Я не стану перемѣнять освященныхъ употребленіемъ словъ моихъ *куча* и *кучка*; но довольно для меня, что узнаю смыслъ ихъ; увижу начало, отколѣ онѣ про-

исходятъ. Не ужъ ли сіе ненужно? такъ и ни какія науки не нужны, ибо всѣ онѣ основаны на причинахъ и доказательствахъ" (стр. 12—13). Ниже, отыскивая корень слова *ратовище*, Шишковъ ссылается на „Словарь Иллирійскаго нарѣчія съ Латинскимъ", гдѣ стоитъ: Рат, acumen, cuspis, spiculum". „Но Иллирійскій языкъ есть нашъ Славенскій. И такъ ясное доказательство, что оно и въ нашемъ нарѣчіи быть долженствовало; но когда слово *копіе* заступило мѣсто онаго, тогда оно въ корнѣ утратилось, а въ вѣтвяхъ сохранилось. Итакъ возвращеніе его въ языкъ есть совершенное возвращеніе отца къ дѣтямъ" (стр. 15—16). Примѣры эти должны показывать, по мнѣнію Шишкова, „сколь, для утвержденія и обогащенія собственнаго нарѣчія нашего, или того, что называемъ мы Рускимъ языкомъ, нужно намъ призывать въ помощь всѣ другія Славенскаго языка нарѣчія" (стр. 16). Такимъ образомъ славянское языкознаніе у Шишкова играло чисто служебную роль, и сравненіе со слав. языками должно было служить просто практической цѣли: обогащенію русскаго языка.

Въ 1816 г. „Вѣстникъ Европы" продолжалъ оставаться вѣрнымъ разъ принятой на себя задачѣ знакомить русское общество со славянскимъ міромъ вообще и славянскими языками въ частности. Извѣщая о выходѣ въ свѣтъ извѣстныхъ сборниковъ Добровскаго „Slavin" и „Slovanka", Каченовскій писалъ (ч. 85, 1816 г., стр. 47—49", статья „Славянинъ и Славянка"), что названные сборники „драгоцѣнны для любителей Славянскаго языка во всѣхъ его нарѣчіяхъ. У насъ до сихъ поръ еще мало думали о томъ, сколь близкое имѣютъ родство съ нашимъ Россійскимъ языкомъ многіе другіе, употребляемые какъ внутри Отечества, такъ и внѣ предѣловъ онаго... и сколь великую пользу приобрѣло бы отечественное наше слово, когда бы мы обратили вниманіе свое на *составъ разныхъ Славянскихъ нарѣчій, на образованіе ихъ и взаимныя отношенія между ними* (курсивъ нашъ). Можно утвердительно сказать, что труднѣйшая часть нашей Грамматики, приведеніе глаголовъ къ простымъ и точнымъ правиламъ, не можетъ быть обработана безъ предварительнаго упражненія въ разныхъ нарѣчіяхъ общаго Славянскаго языка" (ниже упоминаются: грамматика ксендза Копчинскаго, „почитаемая между Поляками *безсмертнымъ твореніемъ*", и словарь Линде, „вмѣщающій въ себѣ слова *всѣхъ нарѣчій* Славянскихъ", какъ пособія для ознакомленія съ славянскими языками).

Образчики двухъ словацкихъ пѣсенъ съ русскимъ переводомъ приводятся въ переводной съ нѣм. статьѣ (изъ какого-то „Нѣмецкаго журнала"): „О пѣсняхъ Славянъ при собираніи Токайскаго

винограда“, напечатанной въ 87 части „Вѣстника Европы“ (№ 7, стр. 205—211). Послѣ описанія праздника, въ которомъ принимаютъ участіе нѣмцы и мадьяры (приводится одна венгерская пѣсня), идетъ рѣчь и о словакахъ, въ пѣсняхъ которыхъ „господствуетъ самая живая веселость“. Пѣсни эти, по словамъ статьи, „чрезвычайно занимательны“ не только по напѣву, но и „по гибкости ихъ нарѣчія“, не говоря уже о содержаніи. О передачѣ особенностей языка можетъ дать понятіе начало первой изъ приведенныхъ пѣсенъ, вообще коротенькихъ:

Proti Fare mostek
Kolemba se,
Na nem jetelinka
Zelena se.

Jetelinka krasna
Nekosena —
Tady moja mila
Odwezena! и т. д.

Редакторъ „Вѣстн. Евр.“ въ подстрочномъ примѣчаніи сообщалъ, что приводитъ пѣсни въ томъ правописаніи, въ какомъ нашелъ ихъ въ „Нѣмецкомъ журналѣ“, и высказывалъ пожеланіе, чтобы кто-нибудь собралъ пѣсни разныхъ славянскихъ племенъ, „разсѣянныхъ по обширной части Европы“, чѣмъ оказалъ бы великую услугу „любителямъ исторіи Славянскаго народа“.

Желая содѣйствовать ознакомленію нашего общества со славянскими „нарѣчіями“, Каченовскій собирался также извлечь изъ „огромнаго Словаря Польскаго языка г-на Линде“ для читателей „Вѣстника Европы“ „весьма любопытныя свѣдѣнія касательно нарѣчій Славенскихъ“, о чемъ и сообщилъ печатно въ одномъ изъ примѣчаній своихъ къ статьѣ Линде „О Россійской литературѣ“ („Вѣстникъ Европы“, 1816 г., ч. 90, стр. 111) [1]).

Нѣсколько раньше этой статьи Каченовскій напечаталъ (также на страницахъ „Вѣстника Европы“) знакомое уже намъ разсужденіе свое „О славянскомъ языкѣ вообще и въ особенности о Церковномъ“ (см. выше, стр. 773—75). Затронутыхъ въ немъ вопросовъ славянскаго языкознанія касался и Карамзинъ въ I т. своей „Исторіи Государства Россійскаго“ (см. выше, стр. 775).

Продолжалъ интересоваться славянщиной и К. Ѳ. Калайдовичъ, высказывавшій желаніе пріобрѣсти себѣ Словарь Линде, разные польскіе журналы, „Bibliotheca Slavica“ Дуриха и разсужденіе епископа Коссаковскаго о „богемскомъ“ языкѣ и словесности, какъ

---

[1]) Намѣреніе это, впрочемъ, было выполнено въ иномъ видѣ. Вмѣсто извлеченій изъ Линде, Каченовскій въ слѣдующемъ 1817 г. напечаталъ самостоятельную статью: «Историческій взглядъ на грамматику слав. нарѣчій», о кот. см. ниже.

это видно изъ письма къ нему его пріятеля, ксендза I. Мореловскаго отъ 31 дек. 1816 г. [1]).

Собираніемъ образцовъ разныхъ славянскихъ языковъ занимался въ это время извѣстный уже намъ Ѳ. П. Аделунгъ, коллекціи котораго хранятся въ Имп. публ. библіотекѣ. Какъ разъ въ 1816 г. онъ пріобрѣлъ несомнѣнно цѣнный, но до сихъ поръ остававшійся неизвѣстнымъ нашимъ славистамъ, довольно объемистый верхнелужицко-нѣмецкій словарь, озаглавленный: „Wendisches Wörterbuch" (помѣта на заглавномъ листкѣ рукою Аделунга: „Mitgetheilt von Hrn. Bibliothekar Posselt in Prag 1816. F. Adelung). Словарь этотъ содержитъ приблизительно около 5¹/₂ тысячъ лужицкихъ словъ и занимаетъ 168 страницъ въ 8° долю листа писчей бумаги, исписанныхъ очень четко и убористо [2]).

Къ этому же времени относится пріобрѣтеніе Аделунгомъ нѣмецко-латышско-литовско-польскаго глоссарія, озаглавленнаго: „Vokabular der Lettischen, Lithuanischen und Polnischen Sprache" (помѣта рукой Аделунга: „erhalten durch Hrn. Hofrath von Recke in Mitau am 10 oct. 1816. F. Adelung"). Всего здѣсь заключается 360 нѣм. словъ съ переводомъ на латышскій, литовскій и польскій (21 стр. 4°).

Кромѣ того, въ коллекціи Аделунга (картонъ: „Европ. языки"), вмѣстѣ съ только что названными датированными рукописями, имѣется одинъ сербскій словарикъ начала XIX в., но безъ даты, содержащій этимологическія сближенія съ чешскими, польскими, кельтскими и разными германскими формами (4°, 20 стр.), озаглавленный: „Etatsraad Chr. Fridr. Temler om Overeenostemmelse mellem det Illyriske og Celtiske Sprog, i de Nordiske og övrige Mundarter, som komme af dem Oegge".

1817 годъ принесъ съ собой учрежденіе каѳедры славянскихъ нарѣчій въ Варшавскомъ университетѣ, отмѣченное Каченовскимъ въ „Вѣстникѣ Европы" (см. выше, стр. 747), но прошедшее безслѣдно для исторіи русской науки.

Аналогичный опытъ былъ сдѣланъ въ Харьковскомъ университетѣ, гдѣ, благодаря вліянію тамошняго попечителя, польскаго магната гр. Потоцкаго, въ 1817 (или 1818 г.) открытъ былъ курсъ польскаго языка и литературы, порученный молодому П. П. Артемовскому-Гулаку, только что вступившему въ число вольнослуша-

---

[1]) См. „Чтенія въ М. Общ. Ист. и Др. Росс." 1862, кн. 3, стр. 59.

[2]) Всѣхъ листовъ въ рукописи, переплетенной въ темно-синюю папку,—88, изъ нихъ въ началѣ одинъ чистый и другой заглавный, и въ концѣ — три чистыхъ.

телей университета по словесному отдѣленію. Открытіе новаго курса, или „каѳедры польскаго языка", было ознаменовано довольно любопытной вступительной рѣчью молодого лектора, утвержденнаго въ этомъ званіи въ 1819 году [1]). Послѣ обычныхъ риторическихъ прославленій мудрости и щедрости „попечительнаго правительства" и Благословеннаго Александра, ораторъ выяснялъ значеніе открываемой каѳедры. „Не взирая на то, что учрежденіе Польской каѳедры вообще" въ русскомъ университетѣ являлось „установленіемъ совершенно первымъ и новымъ", ораторъ увѣрялъ, что далекъ отъ тщеславной мысли, „будто заведеніе сіе составитъ важную какую-нибудь эпоху въ ученыхъ лѣтописяхъ сего святилища наукъ". Ораторъ восклицалъ: „Это учрежденіе—есть важное событіе собственно для меня (!): ибо одна мысль — что мудрое Начальство открыло мнѣ способы служенія ему по мѣрѣ силъ моихъ, что я первый ознакомлю II. моихъ Слушателей съ благороднѣйшею и обработаннѣйшею отраслью Славянскаго слова—одна, говорю, мысль сія надѣляетъ сердце мое новыми силами и ревности и благодарности" (стр. 132—133). Ораторъ не выставлялъ себя „за оракула великихъ пользъ, могущихъ произойти для отечественной Словесности" отъ новаго предмета. „Время, занимательность и слѣдствія" должны были, по его словамъ, показать, „достойна ли вниманія Правительства и ученыхъ Россійскихъ сословій сія существенная часть филологическихъ занятій". Успѣхи слушателей также имѣли доказать, „что забвеніе сей важной вѣтьви въ юношескомъ воспитаніи оставило ощутительный промежутокъ въ нашей Словесности; и что она одна сильна была ускорить ходъ языка нашего къ его очищенности и усовершенію". Ораторъ не брался „изрекать своего приговора въ семъ дѣлѣ" и очевидно не рѣшался прямо высказать свои взгляды, лавируя между двумя взаимно исключающими другъ друга отношеніями къ новому предмету. „Ежели изученіе Польскаго языка важно для Русской Литтературы, продолжаетъ онъ, то Начальство наше имѣетъ тѣмъ неоспоримѣйшія права на нашу признательность,— что оно первое простерло попеченія свои на сію полезную отрасль учености, объ ознакомленіи съ которою тщетно досел̀ѣ напоминали

[1]) См. Некрологъ Артемовскаго въ „Русск. Архивѣ" 1867 г., стр. 956; „Украинскій Вѣстникъ" 1819 г., кн. 2, мѣсяцъ февраль, стр. 129—161: „Рѣчь, въ день открытія Каѳедры Польскаго языка при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ, произнесенная Лекторомъ онаго Петромъ Артемовскимъ-Гулакомъ". Ср. также „Истор. Вѣстникъ" 1890 г., апрѣль, стр. 127, Воспоминанія Неслуховскаго, и Приложеніе I къ „Извлеченію изъ отчета о состояніи и дѣят. Харьк. универс. за 1865 г." (Харьковъ, 1866, стр. 2—3).

въ нѣкоторыхъ Журналахъ ревнители Славянскаго слова. Ежели же оно и маловажно; то сіе тѣмъ не менѣе священный возлагаетъ на насъ долгъ благодарности къ попечительному Правительству, которое не забыло и самую малую частицу знаній присовокупить къ цѣлости Университетскаго образованія" (стр. 133—134). По мнѣнію автора, если „изученіе нѣкоторыхъ мертвыхъ возточныхъ языковъ въ извѣстныхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ" было „сочтено Правительствомъ за нужное, то не ужели изключенъ будетъ изъ сего правила языкъ живой, богатой, сильный, обработанный... и что важнѣе всего—языкъ единобратній, умѣвшій возпользоваться всѣми сокровищами древней учености и нашего собственнаго языка (?) и въ благодарную замѣну сего отверзающій богатства свои нашему, — который доселѣ былъ къ тому равнодушнымъ, предпочелъ лучше носить яремъ нѣкоторыхъ словъ Татарскихъ напоминающихъ ему плачевную эпоху стыда и рабства, нежели замѣнить недостатокъ сей словами соприродными ему?" Лекторъ находилъ, что какъ разъ въ царствованіе Александра, воскресившаго Польшу, наступило самое благодарное время для примиренія и сближенія двухъ долго враждовавшихъ славянскихъ народностей и для взаимнаго ихъ ознакомленія съ ихъ языками (стр. 134—137). Въ числѣ разныхъ аргументовъ въ пользу изученія польскаго языка приводилось, наконецъ, и то, что „языкъ Польскій процвѣтаетъ издревле въ ученомъ свѣтѣ" (?) и „есть столь новый и столь обильный для Россійской Словесности источникъ, — котораго выразительность и сходство съ нашимъ Россійскимъ языкомъ ни какими другими языками замѣнена быть не можетъ" (стр. 138—139).

Изобразивъ далѣе въ витіеватомъ очеркѣ судьбы польской литературы (стр. 139—158), лекторъ „заключилъ въ нѣсколькихъ словахъ планъ будущихъ своихъ упражненій" со слушателями (стр. 158—161). Изъ этого плана видно, что онъ смотрѣлъ довольно широко на свою задачу и намѣревался превратить новую каѳедру въ каѳедру сравнительной грамматики славянскихъ языковъ. По его словамъ, „ни кругъ понятій" его слушателей, ни мѣсто, гдѣ онъ съ ними находился, ни „собственная польза" ихъ, не позволяли ограничить занятія однимъ польскимъ языкомъ и еще менѣе—заключиться „въ тѣсныхъ предѣлахъ правилъ, предписанныхъ классамъ нижнихъ училищъ". „Имѣя въ безпрестанномъ вниманіи пользу отечественной нашей Литтературы, которой Польскій языкъ съ прочими единобратними можетъ содѣйствовать болѣе — нежели какой-либо иностранный", ораторъ обѣщалъ не упускать „изъ виду аналогіи и прочихъ Славянскихъ

нарѣчій—обращаясь при всякомъ случаѣ къ главному и освященному вѣками источнику, къ языку Славенскому". Въ немъ хотѣлъ онъ „почерпать объясненія сомнѣній, могущихъ встрѣтиться... на необозримомъ пространствѣ Польскаго слова; къ нему... примѣнять грамматическія правила, съ нимъ... сравнивать слова и ихъ значенія", и въ немъ „искать корней словъ живущихъвъ устахъ другихъ Славянскихъ народовъ". „На сей конецъ" ораторъ намѣревался изложить своимъ слушателемъ „начала несравненной Этимологіи незабвеннаго Линде [1]), которую по справедливости можно назвать глубокою Метафизикою Славянскаго слова". Такимъ образомъ въ кругъ занятій по новой каѳедрѣ, „а особенно при разборѣ Польскихъ сочиненій" имѣли войти „діалекты и языки: Польскій, Россійскій, Славянскій церьковный, Богемскій или Ческій, Боснійскій, Карніольскій или Краинскій, Далмацкій, Рагузскій, Славонскій, Словацкій, Сорабскій верьхней и нижней Лузаціи, Венгерскій (?!), Виндійскій, такъ же многія нарѣчія Моравскія и Силезскія; нѣкоторыя даже изъ иноплеменныхъ древнихъ и новѣйшихъ языковъ, а наконецъ по необходимости и самый Малороссійскій". Лекторъ, впрочемъ, заявлялъ, что вовсе не намѣренъ „чрезъ сіе изчисленіе языковъ и нарѣчій выставлять себя за знатока всѣхъ оныхъ", но увѣрялъ всетаки, „что при знаніи нѣкоторыхъ изъ нихъ... не трудно будетъ возъимѣть понятіе и о прочихъ, —по крайней мѣрѣ сколько сіе нужно будетъ для пользы нашего отечественнаго языка, при помощи безцѣннаго Словаря Линдева, присланнаго" Харьковскому университету Императоромъ Александромъ I. Въ заключеніи своей рѣчи Артемовскій-Гулакъ указывалъ, что, предлагая этотъ планъ будущихъ занятій, онъ только, согласно съ собственнымъ своимъ желаніемъ, исполнялъ „желаніе и совѣты нѣкоторыхъ изъ достойнѣйшихъ наставниковъ" Харьковскаго университета, „которые отъ такого только способа изученія Польскому языку ожидаютъ существенной пользы для нашей отечественной Словесности". Какъ и долго ли шло преподаваніе по новой каѳедрѣ, точно мы не знаемъ. Повидимому, новый предметъ не имѣлъ большого успѣха, потому что уже въ сентябрѣ 1820 года Артемовскій-Гулакъ (по смерти проф. Успенскаго) перешелъ на каѳедру русской исторіи, географіи и статистики.

1817 г. былъ богаче предшествующихъ лѣтъ и по числу работъ (все журнальныя статьи), какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ (послѣднія, конечно, преобладали), посвященныхъ славян-

[1]) Ораторъ чуть ли не считалъ Линде уже умершимъ, тогда какъ на дѣлѣ онъ скончался лишь въ 1847 г.

скому языкознанію. Во главѣ ихъ долженъ быть поставленъ докладъ М. Т. Каченовскаго: „Историческій взглядъ на Грамматику Славянскихъ нарѣчій“, читанный имъ 15 іюля 1817 г. въ Моск. Общ. Люб. Росс. Слов. [1]) и напечатанный въ томъ же году въ „Трудахъ“ названнаго общества (ч. IX, стр. 17—46). Докладчикъ въ началѣ опровергалъ общераспространенный взглядъ поверхностно разсуждающихъ людей на грамматику, какъ на пустое занятіе, пригодное только для дѣтей. Напротивъ, „люди, основательно мыслящіе, вникающіе въ самую сущность дѣла“, считаютъ ее „краеугольнымъ камнемъ наукъ и знаній человѣческихъ“, такъ какъ отечественный языкъ каждаго народа, истолкователь наукъ, не можетъ быть точнымъ и вразумительнымъ, „если Грамматика не предпишетъ ему твердыхъ правилъ“. Только тамъ науки могутъ процвѣтать, гдѣ за главное основаніе при обученіи юношества „пріемлется языкъ отечественный“. Далѣе слѣдовалъ краткій очеркъ развитія грамматическихъ ученій (упомянуты: Аристотель, Маркъ Теренцій Варронъ, Цицеронъ, византійскіе грамматики эпохи Возрожденія: Мосхопулъ, Хризолорасъ, Ласкарисъ, Θеодоръ Гази). Съ XVI в. „начали появляться законодатели въ языкахъ Европы: оба Буксторфы, Турнебіи, Стефаны (les Etienne), Еразмы, Будеи, Санкціи, Линацеры, Скалигеры, Исааки Казаубоны, Герарды Воссіи, Вожеласы — сіи глубокомысленные Грамматики и превосходные Критики“, писавшіе „правила для языковъ Еврейскаго, Греческаго, Латинскаго, Французскаго и проч.“ Какъ „новая отрасль человѣческихъ познаній“, отмѣчается „Всеобщая грамматика отшельниковъ Портъ-Рояля“, явившаяся де въ половинѣ XVIII в. (въ дѣйствительности въ 1660 г., второе же изданіе въ 1766 г.).

Послѣ этого общаго вступленія даются общія свѣдѣнія о наличныхъ славянскихъ „діалектахъ или нарѣчіяхъ“. Во главѣ этихъ послѣднихъ Каченовскій ставилъ: 1) Церковный или богослужебный языкъ, „*Славянскій κατ᾽ ἐξοχήν*“, въ сущности древне-сербскій (теорія Добровскаго, ср. выше, стр. 774); за нимъ слѣдовали: 2) Россійскій, 3) Польскій, 4) Сербскій съ Болгарскимъ (!), Боснійскимъ, Славонскимъ (!), Далматскимъ и Рагузинскимъ; 5) Кроатскій съ „Виндическимъ, состоящимъ въ нарѣчіяхъ Стиріїскомъ, Крайнскомъ и Каринтскомъ“ (!) и 6) Богемскій съ нарѣчіями Моравскимъ и „Словакскимъ“. Сюда же, по словамъ Каченовскаго, можно причислить и языкъ „Вендскій“ съ двумя нарѣчіями „Верхне- и

[1]) См. „Труды“ Общества, ч. VIII, 1817, стр. 208, а также „Вѣстникъ Европы“ 1817 г., ч. 93, стр. 186—208 (напечатано безъ вступленія).

Нижне-Сорабскимъ“ [1]). Далѣе идетъ рѣчь о томъ, какія славянскія нарѣчія имѣютъ свою грамматику и когда ее получили. Обращается вниманіе на то, что только русскій, польскій и „богемскій“ языки „подведены подъ правила грамматики“, и даются свѣдѣнія о древнѣйшихъ памятникахъ письменности и первыхъ грамматикахъ „богемскаго“ языка: книги XV в., чешская библія, первые латино-„богемскіе“ словари, лѣтописи, переводы юридическаго и богословскаго содержанія, первая грамматика „Бенесса“ Оптата и Петра Гзеля 1533 г., „Grammatica Bohemica“ Матвѣя „Бенешава“ 1577 г., грамматика Лаврентія Рудожерина, проф. Пражскаго университета (1603) и т. д. Указавъ на процвѣтаніе польской грамматики въ золотой вѣкъ послѣднихъ Ягеллоновъ въ трудахъ Заборовскаго (грамматика 1519 г.), Секлуціана, Янушовскаго, и на работы XVIII в. Авраама Троца (при словарѣ 1740 г., теорія Польскихъ спряженій) и Копчинскаго, Каченовскій переходитъ къ характеристикѣ первыхъ печатныхъ славянскихъ грамматикъ. По его словамъ, „первая грамматика нашего церковнаго языка была плодомъ той благородной дѣятельности умовъ, которою ознаменовано славное царствованіе послѣднихъ Ягеллоновъ, и которая ослабѣла уже при Сигизмундѣ III, когда могущественные Іезуиты начали сожигать противныя имъ книги“, овладѣли воспитаніемъ юношества и стали распространять въ народѣ нетерпимость. Объ „Адельфотисѣ“ Каченовскій говоритъ, что авторы этой грамматики, „студенты Львовской академіи“, были „вѣроятно изобрѣтателями большей части грамматической терминологіи, которая донынѣ безобразитъ и нашу Русскую грамматику“. „Есть ли внутренній смыслъ въ такихъ словахъ, каковы на примѣръ *падежъ, нарѣчіе* или принятое послѣ *междуметіе?*“ спрашиваетъ нашъ авторъ. Впрочемъ, объ „Адельфотисѣ“ онъ говоритъ по наслышкѣ, признаваясь, что никогда не видалъ этой книги, составленной „для пользы обучавшихся Греческому языку, а не Славянскому (церковному)“. Далѣе характеризуются грамматики Лаврентія Зизанія (подробно перечисляются его грамматическіе термины) и Мелетія Смотрицкаго (по Московскому изданію 1648 г.) и отношеніе къ нимъ Ломоносова, который „занялъ“ отсюда „все, что только могъ при-

[1]) У Линде (Słownik języka polskiego. Tom I, część I. Варшава. 1807, стр. XIII), которымъ Каченовскій несомнѣнно пользовался при написаніи своей статьи, находимъ другую классификацію славянскихъ языковъ, несомнѣнно менѣе насильственную, хотя тоже неудовлетворительную: 1) Чешскій, 2) Моравскій, 3) Словацкій, 4) Кроатскій, 5) Далмацкій, 6) Боснійскій, 7) Виндійскій въ Штиріи, 8) Краинскій въ Карніоліи, 9) Славонскій въ Славоніи, 10—11) Нижне- и Верхне-Лужицкій, 12) Русскій.

наровить къ Русскому языку", отступивъ отъ Смотрицкаго лишь въ изложенiи спряженiй. Упоминаются и послѣдующiя передѣлки грамматики Смотрицкаго, съ указанiемъ, что Ѳ. Максимовъ (1723) не признаетъ уже члена, нарѣчiе называетъ *надглаголiемъ* и взялъ свой терминъ *междометiе* вѣроятно изъ Латино-Славенской грамматики Ильи Копiевича, 1700 г. Характеризуется и грамматика Лудольфа, который, по словамъ Каченовскаго, „очень мало зналъ языкъ нашъ", выписывалъ усердно изъ Смотрицкаго и напечаталъ свою грамматику, „кажется, единственно для пробы новыхъ Славянскихъ буквъ, сдѣланныхъ въ Оксфордѣ". Въ заключенiе вкратцѣ (безъ какихъ бы то ни было библiографическихъ данныхъ) перечисляются печатныя грамматики другихъ славянскихъ языковъ со ссылкой на словарь Линде. Цѣлью своей статьи Каченовскiй выставлялъ желанiе *„показать, что законодатели языка появляются въ народѣ, уже обогатившемся многими идеями, уже знакомомъ съ выгодами просвѣщенiя"*. Попутно онъ намѣревался разсмотрѣть „правила отечественнаго слова" и показать „недостатки нашей Грамматики, а можетъ быть и нѣкоторые способы отвратить ихъ, или исправить". Выполнить это намѣренiе онъ предоставлялъ себѣ уже въ другой разъ.

Статья Каченовскаго несомнѣнно представляла много новаго для русскихъ читателей. Не только подобный сводъ и группировка разныхъ свѣдѣнiй о славянскихъ языкахъ и ихъ грамматикѣ были новинкой въ нашей литературѣ того времени, но и многiе факты, приводимые имъ, появлялись впервые на страницахъ русскихъ изданiй.

Какъ сжатый обзоръ грамматической литературы, хотя бы по главнѣйшимъ славянскимъ языкамъ, она несомнѣнно могла служить полезнымъ библiографическимъ пособiемъ для начинающихъ славистовъ. Евгенiй Болховитиновъ, впрочемъ, отнесся къ ней довольно холодно, какъ это видно изъ письма его къ Анастасевичу (6 iюля 1817 г.): „Прочтите въ Вѣстникѣ Европы нынѣшняго года № 11 Каченовскаго Истор. взглядъ на грамматику слав. нарѣчiй; вы бы больше объ этомъ написать могли (?), да и я бы иное могъ прибавить и поправить. Но къ готовому легче придумывать. Похвально по крайней мѣрѣ, что онъ исполняетъ давнее ваше желанiе пользоваться намъ замѣчанiями Заднѣпровскихъ и Задунайскихъ славянъ" [1]).

Кромѣ статьи Каченовскаго, „Вѣстникъ Европы" помѣстилъ въ 1817 г. еще нѣсколько статей, посвященныхъ славянскому языко-

[1]) „Древняя и Новая Россiя" 1880 г., т. XVIII, стр. 638.

знанію. Такъ по случаю смерти извѣстнаго польскаго грамматика Копчинскаго въ журналѣ Каченовскаго явился некрологъ покойнаго ученаго, указывавшій на его заслуги въ языкознаніи (ч. 92, стр. 150—51). Затѣмъ появилась переводная статья съ нѣмецкаго, подписанная буквою К.(аченовскій): „Изъясненіе названій Нѣмецкихъ городовъ, которые прежде были Славянскими“ (ч. 96, № 21, стр. 36—41). Здѣсь приводился рядъ славянскихъ этимологій (большею частію удачныхъ) для нѣмецкихъ именъ городовъ, въ родѣ: Бауценъ = польск. Buczyna (буковая роща), Брандебургъ = Бреннаборъ, Бранибóръ = польск. Bronibor (лѣсная защита), Бригъ = брегъ, Хемницъ = польск. Kamienica, Дрезденъ = крѣпость, построенная на страхъ другимъ (! польск. drżę, drżec, Drezno), Глогау = Glogowa, отъ дикихъ розовыхъ кустовъ (польск. „glog“) на берегахъ Одера, Грецъ = городецъ, Яуеръ = Яворъ, Лаузицъ отъ Лужица, Лейпцигъ = польск. Lipsk отъ Липа и т. д.

Самому Каченовскому принадлежало „Извѣстіе о словарѣ Нѣмецко-Сербскомъ“ (ч. 96, № 21, стр. 42—49 и № 22, стр. 125—28). Статья эта служила какъ бы дополненіемъ къ его же разсужденію о происхожденіи церковнаго языка (см. выше, стр. 773 и слѣд.). Въ началѣ обращается вниманіе на различіе, полагаемое Добровскимъ въ перепискѣ съ Энгелемъ, „между нарѣчіями *древнимъ* Сербскимъ неиспорченнымъ и *нынѣшнимъ* С. испорченнымъ. Древнее нарѣчіе можно видѣть въ разныхъ книгахъ, написанныхъ Сербами, для которыхъ церковный языкъ, какъ и имъ общій, служитъ вмѣстѣ и письменнымъ языкомъ, и которые торжественно называютъ его стариннымъ своимъ достояніемъ. Чтожъ касается до нынѣшняго ихъ нарѣчія, неимѣющаго, по свидѣтельству Рукислава, никакихъ писаныхъ правилъ, испещреннаго, какъ онъ же говоритъ, Нѣмецкими, Венгерскими и Турецкими словами; то объ немъ ничего нельзя было бы сказать достовѣрно безъ помощи Словаря“, о которомъ Каченовскій и намѣренъ „предложить Славянскимъ филологамъ“ (стр. 42). Трудъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, былъ „Нѣмецкій и Сербскій словарь на потребу Сербскаго народа въ Крал. Державахъ и т. д. изданный въ 1790 г., въ Вѣнѣ Іосифомъ Благороднымъ отъ Курцбекъ“. По словамъ Каченовскаго, „самъ Линде, въ превосходномъ своемъ Словарѣ Польскаго языка, сравнивая и объясняя слова всѣхъ нарѣчій Славянскихъ, о нынѣшнемъ Сербскомъ, широко простирающемся въ Турецкихъ и Австрійскихъ владѣніяхъ, ничего не упоминаетъ. Видя ближайшее сходство между нарѣчіями, церковнымъ и книжнымъ Сербскимъ, онъ не счелъ за нужное особо приводить слова сего послѣдняго, и руководствовался только

словаремъ покойнаго протоіерея Алексѣева“. Но Каченовскій рядомъ выдержекъ изъ словаря Курцбека доказываетъ, что „авторъ его не можетъ обойтись безъ просторѣчія (сербскаго) и потому весьма часто принужденъ бываетъ отступать отъ *стариннаго* нарѣчія Сербскаго, которое Добровскій называетъ неиспорченнымъ“. Какъ примѣры „просторѣчія“ приводятся: *да* вм. *что*, *могао*, *воздвигао* вм. *моглъ*, *воздвиглъ* и т. д. Названіе сербскаго языка „Иллирическимъ“ или „Иллирійскимъ“ Каченовскій отвергаетъ, указывая на многозначительность этого термина, примѣнявшагося то ко всѣмъ славянамъ, то только къ южнымъ. На стр. 125 и слѣд. приводится рядъ выдержекъ изъ словаря Курцбека, имѣющихъ цѣлью показать, „сколь велика разность между древнимъ нарѣчіемъ Сербскимъ и нынѣшнимъ“ и доказать его совершенное сходство нетолько съ церковнымъ нашимъ языкомъ, но въ нѣкоторыхъ фразахъ даже и съ Русскимъ нынѣшняго вѣка“. Эти выдержки приводятъ Каченовскаго къ выводу, что языкъ словаря „для насъ малопонятный, или даже и совсѣмъ не вразумительный, есть *нынѣшній* простонародный Сербскій. Онъ неочищенъ, необработанъ, не имѣетъ своей литературы. Между нимъ и Церковнымъ языкомъ такое точно теперь отношеніе, какое до 18 вѣка было между общенароднымъ Русскимъ и упомянутымъ Церковнымъ же“ (стр. 126). Отсутствіе въ русскомъ нѣкоторыхъ словъ, имѣющихся въ другихъ славянскихъ языкахъ (*новцы, халина*), даетъ Каченовскому поводъ высказать такое заключительное сужденіе: „Сколько же есть Славянскихъ словъ, намъ неизвѣстныхъ ни по знаменованію своему, ни по происхожденію, и сколь глубокихъ, долговременныхъ и неусыпныхъ требуется изысканій, чтобы изъ всѣхъ нарѣчій Славянскаго языка извлечь несомнительные признаки переселенія племенъ, ихъ сосѣдства съ прочими народами и разныхъ происшествій, предварившихъ разсвѣтъ Исторіи!“ (стр. 127—28).

Ссылки на формы разныхъ славянскихъ языковъ (не названныхъ), часто сомнительныя или перевранныя, находимъ въ знакомой уже намъ статьѣ казанскаго учителя гимназіи Ибрагимова (см. выше, стр. 1020).

Россійская академія въ этомъ году проявила свой интересъ къ славянскому языкознанію двумя работами, напечатанными на страницахъ академическихъ „Извѣстій“. Первая изъ нихъ представляла переводъ съ нѣмецкаго и носила заглавіе: „Рѣчь Іоганна Негедли, Профессора Богемской словесности, говоренная имъ въ Академіи въ 1801 г.“ („Извѣстія Россійской Академіи“ 1817 г., кн. 3, стр. 1—61). Переводъ этой рѣчи, спустя 16 лѣтъ по ея

произнесеніи, былъ „найденъ полезнымъ по тому что въ ней весьма основательно разсуждается о Богемскомъ или Чехскомъ языкѣ; а какъ оный есть отрасль или нарѣчіе Славенскаго, то и до насъ сіе столько же (естьли не болѣе) принадлежитъ, сколько и до Богемцовъ. Мы увидимъ объясненныя и доказанныя въ ней преимущества сего древняго, богатаго языка (Славенскаго), на великомъ пространствѣ земель господствующаго, и на многія нарѣчія раздѣлившагося, пребывая въ корнѣ своемъ одинъ и тотъ же. Тако многовѣчный, гордый дубъ, стоя на единомъ корени, высоко вершину свою возноситъ, и широко во вся страны вѣтвія свои распространяетъ! Подобныя разсужденія и доводы показываютъ основательность ума, утвержденную многими размышленіями и познаніями. Свѣдѣнія сіи пріобрѣтаются ученіемъ и трудолюбіемъ, а потому и весьма различны отъ тѣхъ объ языкѣ легкомысленныхъ, пустыхъ и ни на чемъ неоснованныхъ сужденій, которыя пишутся иногда людьми, пріемлющими на себя самозванство говорить о томъ, о чемъ они весьма недостаточныя и ложныя имѣютъ понятія" (примѣчаніе переводчика, стр. 1—2). Разсужденіе проф. Неѣдлаго, благодаря извѣстнымъ чертамъ духовнаго родства съ писаніями нашего патріота-корнеслова, очевидно очень ему понравилось и было имъ снабжено многочисленными и пространными примѣчаніями. Неѣдлый задавался цѣлью доказать „*надобность и полезность Богемскаго языка, его совершенство и преимущество* надъ многими другими" (стр. 2), какъ это дѣлалъ самъ Шишковъ по отношенію къ русскому языку. Какъ и Шишковъ, Неѣдлый считалъ достоинствомъ языка *богатство* (внѣшнее и внутреннее), доказываемое имъ рядомъ чешскихъ этимологій во вкусѣ Шишкова и потому послѣднимъ одобренныхъ [1]), силу языка (различаетъ *словособирательную* и *словоустроительную*), ясность и точность, благогласіе и т. д. Представленія автора о происхожденіи славянъ восходили къ книгѣ Мейнерса „Grundriss der Geschichte der Menschheit" (Франкфуртъ и Лейпцигъ, 1786). По словамъ послѣдняго ученаго, родъ человѣческій имѣлъ два родоначальства „Кавказское и Татарское". Первое изъ нихъ „изъ самыхъ исконныхъ временъ раздѣлялось на два колѣна: а) на Готское или Кельтское, в) на Сарматское, Славенское или Вендское. Славенское колѣно населяло Арменію, Сирію, Аравію, Египетъ, Персію, Гиндостанъ, Бухарію съ сопредѣльными къ ней землями, великую часть Си-

---

[1]) Ср. на стр. 6—9, гдѣ къ глаголу djti, dêge se, т.-е. (díti, děje se) относятся между прочимъ и zdjti (zdíti), zed (zeď), djl (díl) déliti (dělíti) и т. д.

біри, Россію, Польшу, Славонію, а въ новѣйшія времена Иллирію и великую часть Нѣмецкой земли“ (стр. 34 прим.). Настоящимъ богатствомъ языка Неѣдлый считаетъ не *внѣшнее*, относящееся „единственно ко множеству словъ“ и служащее къ „непосредственному означенію чувственныхъ предметовъ“ (стр. 3), а *внутреннее*, состоящее „въ умственныхъ созерцаніяхъ и разсудительныхъ или такъ называемыхъ отвлеченныхъ понятіяхъ“ (5—6). При ближайшемъ разсмотрѣніи богатство языка устанавливается: „А) Во многихъ измѣненіяхъ окончательныхъ и начальныхъ буквъ слова, или также В) Въ составленіи цѣлыхъ словъ“ (стр. 6). Пунктъ А) иллюстрируется этимологическимъ семействомъ глагола díti, 3 л. děje se, причемъ соединеніе его и мнимыхъ родичей его съ тѣми или другими предлогами и суффиксами, очевидно, разсматривается, какъ „измѣненіе окончательныхъ и начальныхъ буквъ слова“ (z въ формахъ въ родѣ zeď, род. zdi ставится здѣсь на одну доску съ z въ zdíti и т. д.). Къ приведеннымъ примѣрамъ Неѣдлый причисляетъ еще учащательные глаголы, существительныя и прилагательныя отглагольныя и проч., которыхъ цѣликомъ не приводитъ, отсылая за образчиками „еще плодовитѣйшихъ корней слова“ къ предисловію Добровскаго къ „Томсасову (!) Богемско-Нѣмецко-Латинскому Словарю“ (Tomsa, 1791 г.). Предлагая сравнить приведенный имъ „Богемскій глаголъ съ соотвѣтствующимъ ему въ другомъ языкѣ“, Неѣдлый выражаетъ увѣренность, что всѣ „конечно удивятся множеству измѣненій и уклоненій, какими Чехской языкъ предъ другими превозносится“. Изобилію языка „не мало способствуютъ многоразличныя склоненія, разныя времена и причастія. Здѣсь Богемецъ возноситъ какъ исполинъ главу свою и низводитъ съ гордостью взоръ свой на всѣ новѣйшіе народы (исключая Славянъ)“ (стр. 12). „Немаловажное преимущество“ чешскаго языка авторъ видитъ и въ „*совокупленіи цѣльныхъ словъ*“ (т. е. сложныхъ словахъ въ родѣ samowládce, kolomaz и т. д.: стр. 13), въ уменьшительныхъ именахъ, которыхъ „величайшее разнообразіе“ означаетъ „не одну только малость, но купно и пріятность или любезность предметовъ“ (стр. 15), а также въ разныхъ мнимыхъ и настоящихъ идіотизмахъ чешскаго языка, въ родѣ „замысловатаго и краткаго означенія совершившагося дѣйствія“, какъ напр. dopsati=дописать, „глаголовъ, показующихъ прибавленіе въ количествѣ, какъ-то: břichateti“ (břichatěti=брюхатѣть), „краткихъ выраженій, когда Богемецъ что-нибудь часто называетъ“, въ родѣ macechovati se, т. е. „часто упоминать имя мачехи“ и т. д. (стр. 15—16). Неис-

черпаемый источникъ „внѣшняго“ богатства чешскій языкъ имѣетъ „во множествѣ нарѣчій“, подъ которыми авторъ разумѣетъ прочіе славянскіе языки. По словамъ Неѣдлаго, „Руские. Поляки, Славонцы, Словаки, Кроаты, Болгары, Сербы, Босняки, Далматы, Рагузинцы, Лузитанцы (! очевидно, лужичане), Венды и проч.“ говорятъ „Славенскимъ“ языкомъ, откуда произошли главныя славянскія нарѣчія: „Руское, Польское, Иллирійское, Кроатское (!), Богемское“ (стр. 14).

Внутреннее богатство „Чехскаго“ языка заключается въ томъ, что онъ „процвѣталъ въ писаніяхъ“ прежде, чѣмъ многіе новѣйшіе европейскіе языки (?), и доведенъ былъ „до высочайшей степени совершенства въ тѣ времена, когда языки большей части Европейскихъ Державъ были грубы и невоздѣланы“ (стр. 16—18). Въ подтвержденіе своихъ словъ Неѣдлый перечисляетъ рядъ чешскихъ писателей, начиная съ XIV в. и съ особой похвалой и подробностью останавливаясь на дѣятельности „Коменіуса“. Въ этомъ же родѣ изображается и „сила языка“: „*словособирательная*, состоящая въ коренномъ значеніи словъ, и въ опредѣленномъ употребленіи сего значенія“, и „*словоустроительная* (grammaticalische), состоящая въ Грамматическомъ устроеніи языковъ“ (стр. 21 и сл.), которое, впрочемъ, уже было разсмотрѣно Неѣдлымъ въ отдѣлѣ о „внѣшнемъ богатствѣ языка“. Превосходство „Чехскаго“ языка иллюстрируется здѣсь примѣрами, въ родѣ secenjm mece hlawu mu stal [1]) || нѣм. mit einem schwerthiebe hat er ihm den kopf herunter gehauen, и цѣлымъ отрывкомъ изъ „Лабиринта Коменіусова“, сопоставленнымъ тоже съ нѣмецкимъ переводомъ (стр. 21—28). Въ подтвержденіе приводится мнѣніе „Нѣмецкаго остроумнаго и глубокомысленнаго любителя мудрости Г. Eниша“, который въ своемъ сочиненіи „Vergleichung und Würdigung von vierzehn Sprachen Europens“ (Берлинъ, 1796, стр. 346), увѣнчанномъ прусской академіей, писалъ: „Вразсужденіи Грамматической силы можемъ мы о Славенскомъ языкѣ сказать, что оный зависти достойнымъ склоненіемъ и спряженіемъ своимъ помощію окончаній — въ чемъ ни какой другой Европейской языкъ предъ нимъ не похвалится—безъ всѣхъ въ склоненіи членовъ, и безъ всѣхъ въ спряженіи лицъ, обходиться, и симъ образомъ съ сильнѣйшимъ изъ всѣхъ языковъ, Латинскимъ, съ гордостію равняться можетъ. Отсюду происходитъ, что оный, какъ по причинѣ сего драгоцѣннаго преимущества, такъ и по удобности своей къ многоразличнымъ посредствомъ причастій

---

[1]) Мы сохраняемъ почти вездѣ правописаніе „Извѣстій“, отражающее между прочимъ и состояніе академической типографіи.

творимымъ изворотамъ рѣчей, способнѣе всѣхъ другихъ Европейскихъ языковъ къ преложенію на него древнихъ Римскихъ подлинниковъ во всей ихъ силѣ и точности". Въ другомъ мѣстѣ своей книги (стр. 494) Іенишъ утверждалъ, что „Славенскія нарѣчія силою и краткостію возносятся выше Германскихъ и Латинскихъ нарѣчій, и стоятъ наряду съ Римскимъ языкомъ" (стр. 28—30). Превосходство чешскаго языка надъ нѣмецкимъ въ ясности и точности, достигаемыхъ, „когда каждое понятіе особымъ словомъ изъявляется", доказывается сопоставленіемъ чешск. глаголовъ źjti (žíti), strjhati (střihati), krageti (krájeti), rezati (řezati) = жать, стричь, кроить, рѣзать, съ единственнымъ нѣмецкимъ schneiden, обозначающимъ всѣ эти понятія, и сравненіемъ чешскихъ словъ, въ родѣ prozretedlnost, zlorecíti, wssemohauch [1]) (якобы отысканныхъ въ „первоначальномъ словохранилищѣ народнаго языка"!), съ соотвѣтствующими латинскими providentia, maledicere, omnipotens и пр. Неѣдлый утверждаетъ, что нѣтъ такого латинскаго или греческаго сочиненія, котораго бы нельзя было перевести на чешскій „съ равнымъ благолѣпіемъ и силою" (стр. 30—31).

„Тонкостью Грамматическаго состава языка... Богемецъ равенъ Греку, и предъ Латинскимъ, а потому и предъ всѣми другими языками имѣетъ неоспоримое преимущество", ибо 1) употребляетъ двойственное число, 2) настоящимъ временемъ, „подобно Греческому неопредѣленному, выражаетъ неопредѣленное прошедшее время", какъ напр.: kupowal dum, ale ne kaupil ho (покупалъ домъ, но не купилъ его) и т. д. 3) имѣетъ „многія прошедшія времена, съ великою тонкостію между собою различаемыя" (прошедшее однократное или совершенное, давно прошедшія первое, второе и третье, будущія простое, продолжительное, многократное и повторительное), нѣсколько дѣепричастій (прош. вр., дѣйств. зал., м. и ж. р., однократное или совершенное дѣйств. з., м. и ср. р., давнопрошедшее м. и ср. р. первое, второе и третье, будущія дѣйств. з. наст. вр., страд. з., м. р., страд. зал. однократ. или совершен. врем. и т. д.), множество „союзныхъ" частицъ, которыя „могутъ назваться удареніями мыслей" (стр. 32—38) и т. д. Указавъ на „вольную, непринужденную разстановку словъ", въ которой чешскій языкъ „имѣетъ равное съ Латинскимъ завидное преимущество", Неѣдлый переходитъ къ „послѣднему совершенству языка"— „благогласію", первоначальнымъ источникомъ котораго являются, по его словамъ, „щастливое смѣшеніе гласныхъ съ согласными,

[1]) Т. е. prozřetelnosť, zlořečiti, všemohoucí.

и благопріятствующее удобному выговору сочетаніе послѣднихъ между собою". Здѣсь находимъ взгляды, родственные отмѣченнымъ уже нами выше у Шишкова (стр. 524—25), Рижскаго (стр. 528), Гонорскаго (стр. 572—576), Морелле (стр. 589—91) и др. Авторъ отмѣчаетъ соотвѣтствіе между грубостью или нѣжностью внѣшней формы словъ и грубостью или нѣжностью понятій, ими обозначаемыхъ, благозвучность и удобопроизносимость окончаній именного и мѣстоименнаго склоненія, многихъ глагольныхъ формъ, „естественное сладкозвучіе въ мѣрныхъ удареніяхъ" чешскаго языка, обладающаго, подобно греческому, долготою гласныхъ, полноту и ясность произношенія „всѣхъ находящихся въ словѣ буквъ", въ отличіе отъ англійскаго и французскаго языковъ, „многія буквы свои снѣдающихъ" и т. д. Въ заключеніе приводится рядъ практическихъ соображеній въ пользу изученія чешскаго языка: широкое географическое распространеніе славянъ и обиліе славянскихъ народностей въ предѣлахъ австрійской имперіи, и потому важность его знанія для австрійскихъ духовныхъ лицъ, юристовъ, чиновниковъ, врачей, военныхъ и т. д. (стр. 45—57). Авторъ утверждаетъ даже, что говорящіе на музыкальномъ чешскомъ языкѣ и музыкѣ обучаются легче и лучше, ибо въ „Чехскомъ языкѣ мѣра слоговъ съ точностью наблюдается, и Богемецъ всегда говоритъ въ такту". Съ музыкальностью чешскаго языка приводится такимъ образомъ въ связь и пресловутая способность чеховъ къ музыкѣ (стр. 53—54).

Однимъ словомъ Неѣдлый стоитъ на томъ же почти уровнѣ научнаго пониманія своего родного языка, какой обнаруживалъ въ своихъ многочисленныхъ писаніяхъ нашъ адмиралъ-корнесловъ. Оба были одушевлены одинаковой любовью къ родной рѣчи, оба больше апеллировали къ чувству, чѣмъ къ строгому и безстрастному разуму, и оба усиливались подогнать рядъ quasi-научныхъ аргументовъ къ тому заранѣе сложившемуся выводу, который былъ продиктованъ имъ инстинктивной и слѣпой любовью къ родному языку. Неудивительно, если выборъ Шишкова остановился на рѣчи Неѣдлаго, имѣвшей не столько познакомить русскихъ читателей съ чешскимъ языкомъ, сколько подкрѣпить аналогичными доводами излюбленныя идеи самого Шишкова. Послѣдній съ этой цѣлью обильно снабдилъ переведенную имъ рѣчь своими примѣчаніями, въ которыхъ частью приводилъ собственныя этимологіи въ параллель къ сближеніямъ своего автора (ср. напр. производство слова *стѣна* отъ *зидъ* черезъ посредствующія ступени *зидина, здина, стина*, прим. на стр. 7, *топоръ* изъ *тяпать*, чѣмъ *тяпаютъ*, стр. 25, прим., и т. д.), частью давалъ русскія параллели къ осо-

бенностямъ чешскаго языка (прим. на стр. 16, 41 и т. д.), частью распространялъ мысли самого автора или пускался въ полемику со своими литературными противниками (прим. на стр. 15, 20—21, 23, 29—30, 31, 54) и т. д. Къ чешскому языку относится только одно примѣчаніе (на стр. 39) о произношеніи r. По словамъ Шишкова, „Богемцы букву r (или наши р) произносятъ двоякимъ образомъ: одну безъ ударенія выговариваютъ простѣе, а другую съ удареніемъ (ṙ), какъ бы повторяя, дѣлаютъ больше дребежжущею". Очевидно, дѣло идетъ о произношеніи чешскаго ř, которое, конечно, не имѣетъ никакого отношенія къ „ударенію".

Вторая статья „Извѣстій Россійской Академіи" за 1817 г. принадлежала уже самому Шишкову и была озаглавлена: „Сравненіе Краинскаго нарѣчія съ Россійскимъ, взятымъ собственно за Славенскій языкъ" (Кн. 5, стр. 23—59). Сравненіе это предпринято было для доказательства того, „какимъ образомъ языкъ, измѣняясь, становится нарѣчіемъ, больше или меньше отдаленнымъ отъ прежняго своего состоянія". „Почувствовать" это, по словамъ Шишкова, можно „изъ сравненія двухъ нарѣчій, изъ которыхъ одно возмемъ за самый языкъ (!)". Выраженіе „возмемъ" Шишковъ мотивируетъ неясностью термина *языкъ*: „собственно слово *языкъ* есть едва ли не мнимое существо; ибо хотя мы и говоримъ опредѣлительно: *Славенскій языкъ!* но что такое онъ? сего мы никакъ опредѣлить не можемъ. Возмемъ ли одного и того же языка разныхъ вѣковъ книги, мы ихъ почти не понимаемъ; возмемъ ли одного и того же языка разныя нарѣчія, какъ то: руское, польское, богемское, сербское, краинское, и другихъ многихъ народовъ: всѣ оныя суть нарѣчія Славенскаго языка, но столь различныя между собою, что говорящіе ими народы съ трудностію или вовсе другъ друга не разумѣютъ. Чтожъ такое собственно *языкъ Славенскій*? не иное что, какъ совокупность всѣхъ сихъ нарѣчій" (стр. 21—22).

Самое „сравненіе" двухъ названныхъ выше языковъ распадается на нѣсколько §§. Въ § 1 приводится длинный рядъ словинскихъ и русскихъ параллельныхъ словъ, „не имѣющихъ ни какой (?) разности ни въ буквахъ, ни въ знаменованіи, въ родѣ: „baba—баба, beseda—бесѣда, brat—братъ, Bratez—Братецъ, Braſda—Бразда, Val—Валъ, Vash—Вашъ и т. д. (стр. 23—29)". Изъ этихъ параллелей выводится „совершенное единство нарѣчія съ языкомъ" (стр. 29—30). Въ слѣдующихъ §§ указываются различныя отличія „краинскаго" отъ русскаго, большею частью фонетическія (рѣже формальныя и семасіологическія). Такъ въ § 2 отмѣчается пере-

ходъ *ы*, свойственнаго „Славенскому языку и его нарѣчіямъ“ въ гласный *i*, наблюдаемый будто бы въ языкахъ, принявшихъ латинскую азбуку (?), въ родѣ „Bik—Быкъ, Bistr—Быстръ“ и т. д. Согласно § 3, въ словинскомъ „часто Латинское *и* въ окончаніи ставится на мѣсто Славенскаго *о*“: Blagu—Благо, Bedru—Бедро, Davnu—Давно и т. д. (стр. 30—31). Въ § 4 констатируется, что „гласныя буквы всегда подвержены бываютъ измѣненію и часто произносятся одна вмѣсто другой“: Pet—Пять, Peta—Пята, Bogina—Богиня, Lash—ложь, Okoli, okuli—Около, Pajk—Паукъ, Pogineti—Погибнуть, Poldan—Полдень, Reſglas—Разгласъ, Kerzh—Корча. Tèrg—Торгъ, Topl—Теплъ, Veruga—Верига и т. д. (стр. 31—32). По словамъ Шишкова, „иногда (?) въ измѣненіи сихъ буквъ примѣчается нѣкоторая правильность, какъ напримѣръ: *о* вмѣсто *у*: Ogl—Угль, Sob—Зубъ, Stol—Стулъ“ и т. д. (стр. 32). Въ слѣдующемъ § 5 идетъ рѣчь о смѣшеніи гласныхъ „буквъ“ съ согласными: *у* съ *в* (Uhod—Входъ, Ulaga—Влага и т. д.), *в* съ *у* (Vosk—Узокъ, Votl—Утлый и т. д.), *в* съ *б* (Wogat—Богатъ, Woj—Бой, Wreg—Брегъ, Wizhek—Бычекъ, Werizh—Бирючь, Zhevl—Чоботъ и т. д.), *в* съ *л* (Vovk—Волкъ, Vovna—Волна, Treslost—трезвость и т. д.) (стр. 32—34). Въ § 6 разсматриваются сокращенія словъ „чрезъ потеряніе иногда въ началѣ, иногда въ срединѣ, иногда въ концѣ, одной изъ буквъ своихъ, и часто съ измѣненіемъ другой“. Въ началѣ: Tiza—Птица, Spod—Исподъ, Sped—Вспять, Las—Власъ, She—Уже, и т. д. Въ срединѣ: Sulza—Сулица, Brana—Борона (!), Kesn—Косенъ, Pôpk—Пупокъ и т. д. Въ концѣ: Nauk—Наука (!), Stran—Страна, Zhesn—Чеснокъ, Ples—Пляска, Vedr—Ведро, Porok—Порука (стр. 34). § 7 посвященъ различію между словинскимъ и русскимъ въ отношеніи окончанія 1 л. ед. ч., которое, по словамъ Шишкова, оканчивается, „какъ у насъ глаголы перваго лица множ. числа“: Dam—Даю, Imam—Имѣю, Delim—Дѣлю, Gasim—Гашу и т. д. При этомъ словинскія формы 1 л. ед. на -m приравниваются такимъ русскимъ оборотамъ, какъ *посмотримъ, увидимъ* вм. *посмотрю, увижу* (!) (стр. 35—36). Въ § 8 разсматриваются отличія словинскихъ предлоговъ, которые, „получая измѣненіе, сообщаютъ оное и всѣмъ другимъ составленнымъ изъ нихъ словамъ“: *од* вм. *отъ* (Odvaditj—Отводить, Odkop—Откупъ и т. д.), *да* вм. *до* (Da dna—До дна, Daklej—Доколе и т. д.), *per* вм. *при* и *пре* (Pergodnost—Пригодность, Perjatl—Пріятель, Persega—Присяга и т. д.), *res* вм. *раз* (Resdir—Раздоръ, Reswoj—Разбой и т. д.) (стр. 36—37). § 9 отмѣчаетъ отличіе предлога *о*, который „въ нашемъ нарѣчіи“ принимаетъ иногда букву *б* (напр. *омыть* || *обмыть*), а въ „краинскомъ“ „теряетъ оную, и вмѣсто ее повто-

ряетъ ту букву, съ какой сопряженное съ нимъ имя или глаголъ начинается": Ommetam—Обметаю, Okkovati—Оковать, Ollupiti—Облупить, Oggledam—Оглядываю и т. д. (стр. 37). Въ § 10 указывается, что „нѣкоторыя слова въ иномъ нарѣчіи сочиняются съ однимъ, а въ другомъ съ другимъ предлогомъ": Podglavje—Возглавіе, изголовье, Nakluzhenje—Приключеніе, Pokûs—Вкусъ... Predded—Прадѣдъ (отсюда дѣлается выводъ, что нашъ предлогъ *пра* „есть испорченный изъ *предъ* для плавнѣйшаго выговора", стр. 37—38). Въ § 11 приводятся нѣкоторыя слова, употребляемыя „въ одномъ нарѣчіи" съ предлогомъ, а въ другомъ безъ него: Pokladam—Кладу, Vodnik—Проводникъ, Topir—Нетопырь, Vest—Совѣсть и т. д. (стр. 38). § 12 содержитъ примѣры словъ одного корня, отличающихся въ названныхъ языкахъ „окончаніями": Babeza—Бабушка, Pravopisnost—Правописаніе, Bled—Блѣдность, Solniza—Солонка, Kolar—Колесникъ, Gnusoba—Гнусность и т. д. (стр. 38—39). § 13 посвященъ примѣрамъ метатезиса въ словинскомъ: „въ однихъ и тѣхъ же словахъ буквы перемѣшиваются или переставливаются задняя напередъ, какъ то даже въ одномъ и томъ же нарѣчіи случается; напримѣръ мы говоримъ *мраморъ* и *марморъ, бревно* и *берeно* и проч.". Примѣры такой „перестановки" въ краинскомъ: Sliza—Лжица, Derva—Дрова, Kerstiti—Крестить, Kert—Кротъ, Kerpke—Крѣпко, Jermen—Ремень, Srebern—Сребрянъ, Solfa—Слеза, Puksha—Пушка и т. д. (стр. 39—41). Въ § 14 находимъ длинный списокъ „сложныхъ словъ", означающихъ одни и тѣ же понятія, но имѣющихъ разный этимологическій составъ, въ родѣ Terdoglavnost—своенравіе, Svejtavednost—Любомудріе, Takrat—Тотъ разъ, тогда, Trenutje ozhes—мгновеніе, Pisana mate—Мачиха и т. д. (стр. 41—42). § 15 представляетъ списокъ словъ одного корня, имѣющихъ разное значеніе въ словинскомъ и русскомъ: Smetena (сметана)—Сливки, Gorniza (горница)—Горное право (Bergrecht), Slat (златъ)—Червонецъ, Sukna (сукно)—Кафтанъ и т. д. (стр. 42—50). По обыкновенію Шишковъ пускается здѣсь въ обычное свое этимологизированіе, большею частью неудачное (*блюдо* оттого, что „края его *блюдутъ*" пищу, *нетопырь*—отъ сокращенія словъ *нѣту перьевъ*, стр. 45, *свободный* отъ *слабый*, черезъ *слабада, ослабодить, слобода* и т. д., стр. 49—50). Какъ правильное сближеніе, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ Tasheti || утишать и утѣшать (стр. 48). Въ § 16 приводятся примѣры особо далекихъ уклоненій значенія нарѣчія отъ языка, „когда вмѣстѣ съ измѣненіемъ предлога и сочиненное съ нимъ слово въ смыслѣ своемъ измѣняется": Perdevk (придавокъ)—Прозвище, Perjasn (прiясенъ)—ласковъ, Perludn (прилюденъ)—учтивъ, вѣжливъ и т. д.

(стр. 50—51). § 17 даетъ списокъ словинскихъ словъ, заимствованныхъ изъ нѣмецкаго, въ родѣ Aifr—Eifer, Ak—Hacken, Andoht—Andacht, Antverh—Handwerk и т. д. По словамъ нашего патріота, „близость народа къ державѣ говорящей инымъ языкомъ, особливо же когда народъ сей состоитъ подъ областію той державы, принуждаетъ или соблазняетъ его употреблять чужія слова, и чрезъ то дѣлать собственный языкъ свой испорченнымъ и скуднымъ, мѣняя славу изобрѣтенія на безславіе заимствованія у другого“. Наконецъ, послѣдній § 18 содержитъ нѣкоторыя слова, которыя „кажутся быть не Славенскими, но какъ корня ихъ и въ другихъ языкахъ не примѣтно, то можетъ быть онъ Славенскій, но утраченный“. Въ числѣ этихъ словъ имѣются, впрочемъ, несомнѣнно общеславянскія слова, въ родѣ Smuga—черта (которое Шишковъ не рѣшается сопоставлять со *смуглъ*, не видя „между сими двумя понятіями никакой смежности“), streha—стрѣха и т. д. (стр. 52—54).

Въ „заключеніи“ статьи (стр. 54—59) Шишковъ развивалъ свои любимыя идеи объ отношеніи между „языкомъ“ и „нарѣчіемъ“ (см. выше, стр. 587—88). Въ связи съ этими идеями находится и утвержденіе, что приведенный въ началѣ статьи словарь словъ, одинаковыхъ въ обоихъ сравнивавшихся языкахъ, „показываетъ совершенное единство Краинскаго *нарѣчія* (курсивъ нашъ) съ Рускимъ *языкомъ* (тоже), поелику всякое Краинское слово есть чистое Руское, и есть ли бы весь языкъ состоялъ только въ сихъ словахъ, то между языкомъ и нарѣчіемъ не было бы никакой разности“ и т. д. (стр. 54). Сходство славянскихъ нарѣчій между собою и нѣкоторое различіе ихъ другъ отъ друга иллюстрируется разницей русскаго, польскаго и босняцкаго словъ, означающихъ *утку* (польск. kaczka, босн. plovka, родств. русск. *качаться, плавать*), и образчиками чешской, сербской и польской пословицъ, въ которыхъ виденъ „точный нашъ больше или меньше измѣнившійся и нѣсколько иначе употребляемый языкъ“, и замѣтно „единство языка“, „при всей разницѣ нарѣчій“. Сходство между „Славенскимъ языкомъ и его нарѣчіями (Польскимъ, Богемскимъ, Сербскимъ, Вендскимъ и проч.)“ Шишковъ приравниваетъ сходству „между Латинскимъ и его нарѣчіями (Италіянскимъ, Гишпанскимъ, Французскимъ, Англинскимъ, и пр.)“, или „между Нѣмецкимъ и его нарѣчіями (Голландскимъ, Шведскимъ, Датскимъ, и проч.)“ (стр. 57—58).

Какъ бы то ни было, при всей наивности и примитивности пріемовъ сравненія и некритичности въ выборѣ матеріала (подчасъ сомнительнаго), разсмотрѣнная статья Шишкова заслуживаетъ

вниманія историка, какъ первый опытъ сравненія словинскаго языка съ русскимъ, проведенный въ небывало до тѣхъ поръ широкомъ масштабѣ и основанный на обильномъ и совершенно новомъ въ нашей научной литературѣ матеріалѣ [1]).

Новый уставъ „Россійской Академіи", утвержденный Александромъ I 29 мая 1818 г. [2]), ставилъ разработку славянскихъ языковъ въ число постоянныхъ научныхъ цѣлей академіи. Среди намѣченныхъ уставомъ (Глава II, § 1) академическихъ изданій, „служащихъ къ распространенію знанія въ языкѣ" и сочиняемыхъ „съ отличнымъ тщаніемъ, трудолюбіемъ и разсмотрительностію", значились: „d) сводъ славенскихъ нарѣчій", т. е., очевидно, сравнительный словарь славянскихъ языковъ, и h) „Грамматика славенская" [3]). „Избранная библіотека" академіи, въ числѣ „книгъ, наиболѣе относящихся къ языку и словесности", имѣла, согласно уставу (Гл. II, § 8), „собирать всякаго рода азбуки, словари, грамматики, а особливо всѣхъ славенскихъ нарѣчій, тако жъ на всѣхъ языкахъ Библіи и всякія древнія рукописи" [4]). Въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, приложенномъ къ проекту академическаго устава, Шишковъ мотивировалъ введеніе въ уставъ новаго званія почетныхъ членовъ необходимостью вознаграждать заграничныхъ ученыхъ, оказывающихъ ученыя услуги академіи. По словамъ доклада, академіи придется сноситься „со многими славенскихъ нарѣчій профессорами, книгохранителями и другими учеными людьми", которые станутъ доставлять ей „новыя, достойныя любопытства открытія и свѣдѣнія" „изслѣдованіями и трудами своими о славенскихъ народахъ и языкѣ ихъ, или выписками изъ древнихъ рѣдко встрѣчающихся книгъ" [5]). Въ связи съ этими соображеніями находится и § 8 Главы IX устава, гдѣ устанавливаются награды, сопряженныя со званіемъ почетнаго члена, для иноземныхъ ученыхъ, сообщающихъ академіи „нужныя для ея свѣдѣнія, выписки изъ славенскихъ нарѣчій или изъ древнихъ на иныхъ языкахъ писателей, о славенскихъ народахъ повѣствовавшихъ, или же и свои о томъ разсужденія" и т. д. [6]).

---

[1]) Источникомъ, изъ котораго Шишковъ черпалъ матеріалъ для своихъ сопоставленій, былъ повидимому „Deutsch—windisches Wörterbuch" Гутсманна (Клагенфуртъ, 1789, 4°), Слова, приводимыя Шишковымъ, однако, не всегда переданы имъ точно, а также иногда взяты и изъ какихъ то другихъ источниковъ, имъ тоже не указанныхъ.

[2]) См. Сухомлиновъ, „Исторія Росс. Академіи", вып. VIII, 1887 г., стр. 453

[3]) Тамъ же, стр. 455—456.

[4]) Тамъ же, стр 458.

[5]) Тамъ же, стр. 452.

[6]) Тамъ же, стр. 474—75.

Первымъ изъ славянскихъ ученыхъ, удостоившихся званія почетнаго члена, былъ знаменитый польскій лексикографъ С. Б. Линде, избранный академіею 21 дек. 1818 г. за его „усердіе и трудолюбіе къ распространенію пользъ обширнаго славенскаго языка“ [1]). По словамъ оффиціальнаго предложенія Шишкова, въ словарѣ Линде „собраны названія почти всѣхъ Славенскихъ нарѣчій; а потому онъ не только одному Польскому, но и нашему Россійскому языку весьма полезенъ; ибо изъ сличенія многихъ нарѣчій часто открывается корень слова, въ языкѣ нашемъ употребительнаго, тотъ корень, который безъ сего нерѣдко покрытъ бываетъ непроницаемымъ мракомъ, и слѣдственно дѣлаетъ слово сіе пустозвучнымъ, т. е. лишеннымъ первоначальной произведшей оное мысли. Словарь сей полезенъ еще и потому, что показываетъ, какимъ образомъ раздѣленные народы, имѣвшіе одинъ и тотъ же языкъ, почерпали изъ онаго разныя слова для названія одинакихъ предметовъ, каждый по примѣченному имъ особо отъ другаго, въ семъ предметѣ, качеству или свойству. Таковыя разнообразія ума въ названіи вещей могутъ послужить къ обогащенію и лучшему опредѣленію каждаго изъ сихъ нарѣчій, отъ общаго языка происходящихъ, какъ скоро одно изъ нихъ, наполняя свои недостатки, или поправляя свои ошибки, благоразумно воспользуется другими нарѣчіями“ [2]).

Какъ видно, Шишковъ смотрѣлъ на заслуги Линде съ своей личной точки зрѣнія, придавая его дѣятельности узкое служебное значеніе на пользу своихъ излюбленныхъ идей.

Дѣятельность Россійской академіи въ направленіи, предначертанномъ пунктомъ d, §§ 1 и 8 главы II новаго ея устава, въ 1818 году не отличалась особой плодотворностью, да ея и напрасно было бы ожидать въ виду личнаго состава этого „ученаго“ учрежденія, руководимаго Шишковымъ. Главный предметъ занятій академіи составляло изданіе русскаго словаря въ азбучномъ порядкѣ и излюбленное корнесловіе (см. выше, стр. 989), на практикѣ сводившееся, впрочемъ, къ единоличнымъ усиліямъ ея президента. Впрочемъ, „помышляя также и о Словаряхъ Славенскихъ нарѣчій, служащихъ иногда къ объясненію употребительныхъ въ нашемъ языкѣ вѣтвей, коихъ корни затмились или исчезли, Академія положила купить два представленныхъ ей рукописные Словаря: одинъ Иллирійскій съ Латинскимъ языкомъ, другой Малороссій-

---

[1]) См. письмо Шишкова къ Линде отъ 26 дек. 1818 г. (Записки Шишкова. Берл. изданіе Киселева и Самарина, т. II, 1870, стр. 361).

[2]) „Извѣстія Росс. Академіи“, кн. 7, 1819 г., стр. 136.

скій съ Рускимъ (о судьбѣ послѣдняго см. выше, стр. 990—91). Первый, дабы издать оный съ лучшею исправностію и тщаніемъ, поручила она (въ засѣданіи 7 сент. 1818 г.) попеченію господъ членовъ Александра Семеновича Хвостова и Николая Яковлевича Озерецковскаго, съ тѣмъ, чтобъ они къ Латинскому языку присовокупили Руской и помѣстили, гдѣ можно будетъ отыскать, слова другихъ Славенскихъ нарѣчій, и даже языковъ, когда найдется въ нихъ, что они тожъ самое или близкое къ тому названіе употребляютъ“ [1]).

„Иллирійскій“ словарь, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, былъ купленъ въ Прагѣ для академіи за 300 р. [2]) и нынѣ принадлежитъ I отдѣленію библіотеки Имп. академіи наукъ (шифръ 16. 18. 11, Росс. Акад. № 85). Онъ озаглавленъ „Glossarium Illiricum“ и былъ составленъ въ 1766—1769 г., какъ это видно изъ помѣты на рукописи: Coept. m. Augusto 1766. Finit. d. 11 Julii 1769. Кромѣ этой помѣты, рукопись носитъ два эпиграфа, одинъ латинскій стихотворный изъ Скалигера, другой на сербскомъ языкѣ: *Богу хвала. Сваки иезик хвалио господина*“. Словарь содержитъ нѣсколько чистыхъ листовъ и 664 стр. in 4°, исписанныхъ очень мелкимъ и убористымъ, очевидно, европейскимъ почеркомъ. Составителемъ или владѣльцемъ его повидимому былъ нѣкій Нибуръ, какъ это можно заключать изъ заглавія приложенія къ словарю: „Alphabetum Illyricum, charactere Cyrulico, Alphabetum Servianum, Alph. Slavonicum, charactere Slavonico, charactere Glagolitico, falso dictum Hieronymianum; compendia scripturae Glagoliticae, Scripturae compendia Slavonica, Alphabetum Bulgaricum, rogatu D-ni Niebuhr à Sacerdote Bulgaro Scriptum a° D. 1767. Quaedam de pronunciatione literarum Slavonicarum“. На иностранное происхожденіе составителя, кромѣ почерка, указываютъ частыя цитаты изъ нѣмецкихъ и англійскихъ книгъ, латинскій переводъ сербскихъ словъ и ошибки въ русскихъ словахъ, въ родѣ: море *Гваленской* вм. Хвалынское. Словарь имѣетъ отчасти этимологическій характеръ. При многихъ словахъ приводятся для сравненія еврейскія, халдейскія, сирійскія, арабскія, эпиротскія, гибернійскія, кантабрскія, аремирійскія, греческія эолійскія и дорическія, армянскія, нѣмецкія, датскія, шведскія, исландскія, испанскія, польскія, русскія, полабскія, болгарскія, сербскія, финскія, эстонскія, венгерскія, турецкія, татарскія, коптскія и т. д. слова. Нѣкоторыя изъ этимологій (вообще

[1]) Тамъ же, стр. 120—121.

[2]) См. рукописныя „Записки засѣданій Имп. Росс. Акад.“ (Библ. Имп. Ак. наукъ) за 1818 г., № 29, 31 авг. 1818 г.

въ духѣ XVIII в.) не лишены интереса въ историческомъ отношеніи. Кромѣ этого словаря, въ распоряженіе Озерецковскаго и Хвостова былъ данъ находившійся въ библіотекѣ Росс. Академіи печатный сербскій словарь, озаглавленный: „Gazophylacium, seu Latino-Illiricorum onomatum aerarium, selectioribus Synonimis, phraseologiis, verborum constructionibus etc. illustratum. Zagrabiae. 1790“ [1]).

Академія не только сама собиралась составлять словари славянскихъ языковъ, но поощряла и чужіе труды этого рода. Такъ въ засѣданіи ея 30 ноября [2]) читалось письмо учителя Любарскаго повѣтоваго училища Лѣневича отъ 28-го октября, гдѣ тотъ, извѣщая академію о своемъ намѣреніи издать „Россійско-Польскій словарь, къ чему шагъ уже сдѣланъ“, просилъ прислать ему вышедшіе томы азбучнаго словаря академіи, прилагая какъ уплату за нихъ 30 рублей. Собраніе постановило отослать Лѣневичу деньги обратно и отправить ему словарь даромъ, въ виду того, что 1) предпринятый Лѣневичемъ трудъ можетъ быть весьма полезенъ для русскаго языка и 2), что академія считаетъ своимъ долгомъ „поощрять упражняющихся въ сочиненіяхъ на пользу отечественнаго языка и словесности“.

О трудахъ Востокова по славянскому языкознанію до весны 1818 г. мы узнаемъ изъ его письма отъ 18 мая 1818 г. къ председателю Моск. Общ. Люб. Росс. Слов., въ которомъ онъ благодарилъ за свое избраніе въ члены общества. Считая долгомъ дать обществу отчетъ о своихъ научныхъ занятіяхъ, Востоковъ сообщалъ, что главнымъ трудомъ, занимавшимъ его уже нѣсколько лѣтъ, „есть *Словенская Лексикографія и Грамматика*“. Сперва онъ „принялся было за составленіе словопроизводнаго Словаря Словенскихъ нарѣчій (см. о немъ выше, стр. 653—67), по предначертанію Шлецера (въ его: Nordische Geschichte [3]), а также въ *Славинѣ* Добровскаго)“. „Для Церковно-Словенскаго и Русскаго языка почерпалъ“ онъ „матеріалы изъ Словаря Росс. Академіи, для прочихъ языковъ изъ Линдеева *Словника*“, слова котораго привелъ „въ словопроизводный порядокъ, прибирая къ первообразнымъ словамъ Церковно-Словенскаго и Русскаго языка изъ всѣхъ прочихъ діалектовъ первообразныя того же корня, а подъ ними производныя, такимъ же образомъ сравниваемыя по ихъ составу и значенію. Лексикальный запасъ“ свой Востоковъ пополь-

---

[1]) См. „Записки засѣданій Имп. Росс. Акад.“ за 1818 г., № 29, 31 авг. 1818 г.

[2]) Тамъ же, записка о засѣданіи 30 ноября 1818 г., № 41.

[3]) Дѣло идетъ, вѣроятно, о примѣчаніи X на стр. 330 названнаго труда Шлецера (Allgemeine Nordische Geschichte. Halle, 1771).

нилъ всѣми читанными или слышанными имъ словами, которыхъ не находилъ въ словаряхъ. „Пока источники мои, продолжаетъ Востоковъ, ограничивались печатными книгами и наслышкою живаго языка, ревностно занимался я своею лексикографіею, увлеченный заманчивостью сего неголоволомнаго, но изобильнаго открытіями труда, и не обращалъ должнаго вниманія на совѣтъ Шлецера (въ Славинѣ Добровскаго, стр. 386), чтобъ прежде составить *общую сравнительную Грамматику* Словенскихъ нарѣчій, а потомъ уже Словарь. Но когда случай привелъ меня увидѣть старинныя рукописи Словенскія, а также и нѣкоторыя старопечатныя книги, и въ нихъ правописаніе, словоокончанія и обороты во многомъ отличные отъ употребительныхъ въ позднѣйшемъ языкѣ; тогда я убѣдился въ необходимости заняться сперва *Грамматикою*, т. е. изслѣдованіемъ и показаніемъ свойствъ языка и различныхъ его формъ, съ измѣненіями, какимъ подвергались формы сіи въ продолженіи столѣтій, въ Россіи и въ другихъ земляхъ Словенскихъ". Поэтому Востоковъ „оставилъ до времени составленіе самаго Словаря", для котораго, однако, не переставалъ „собирать матеріалы въ надеждѣ когда нибудь возвратиться къ обработанію оныхъ". Напротивъ, „прилѣжно продолжаемое" составленіе „Грамматики Словенской (на первый случай только Церковно-Словенскаго и Русскаго языка, по древнѣйшимъ письменнымъ памятникамъ)" Востоковъ надѣялся „кончить не въ продолжительномъ времени", если только будетъ имѣть потребный для того досугъ, зная, что ему необходимо „перечитать и сличить еще множество печатныхъ и рукописныхъ книгъ", прежде чѣмъ станетъ возможно представить публикѣ свои изслѣдованія „въ надлежащей полнотѣ и опредѣлительности" [1]).

Изъ журнальныхъ статей, явившихся въ 1818 г., къ славянскому языкознанію имѣла отношеніе лишь переводная съ нѣмецкаго (изъ „Славянки" Добровскаго): „О древнихъ Славянскихъ названіяхъ 12 мѣсяцевъ", снабженная примѣчаніями Каченовскаго („Вѣстн. Европы" 1818 г., ч. 97, № 4, стр. 283—95). Статья эта содержала рядъ названій мѣсяцевъ не только на старославянскомъ, но и на другихъ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ.

Слѣды польскаго языка въ „Словѣ о Полку Игоревѣ" отыскивалъ К. Ѳ. Калайдовичъ въ своемъ разсужденіи о языкѣ названнаго памятника, приходя при этомъ къ заключенію, что его

---

[1])) Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Слов., ч. XII, 1818 г., стр. 71—74, а также «Переписка А. Х. Востокова» = «Сборникъ статей, чит. въ отд. русск. яз. и слов.», т. V, вып. II, стр. XXIX—XXX.

„нарѣчіе изъ всѣхъ Славянскихъ, судя по нѣкоторымъ словамъ и реченіямъ, болѣе подходитъ къ языку Польскому“(!), будучи въ то же время „чистымъ... Славяно-Русскимъ...“ (см. выше, стр. 776—778).

О томъ, какъ смутны были представленія о польскомъ языкѣ въ это время не только у Калайдовича, но даже у В. Г. Анастасевича и И. Н. Лобойка, имѣвшихъ близкія связи и сношенія съ польскимъ обществомъ и, вѣроятно, недурно владѣвшихъ польскимъ языкомъ, видно изъ поднятой послѣдними двумя учеными фальшивой тревоги по поводу замѣченныхъ ими якобы неисправностей въ польскомъ текстѣ Лжедимитріевыхъ актовъ, напечатанныхъ во II части „Собранія Государств. грамотъ и договоровъ“. 11 февр. 1818 г. служившій у гр. Румянцова Нестеровичъ писалъ Малиновскому изъ Петербурга, что нѣкоторые изъ тамошнихъ знатоковъ польскаго языка, „какъ то: Анастасевичъ, Лабойковъ и проч., при разсмотрѣніи присылаемыхъ къ Его С—ву бѣлыхъ листовъ II-й части Собр. Госуд. грамотъ, обнаружили сомнѣніе свое на щетъ исправности изданія, или напечатанія Польскаго текста въ Лже-Димитріевыхъ актахъ, и не выгодное о томъ мнѣніе свое внушили и Графу; что, по видимому, не мало смутило Гр., который въ одно время изволилъ даже спросить у меня: „что есть ли замѣчаніе Анаст. и Лаб. справедливо; то можно ли будетъ пособить тому какимъ-либо образомъ?“ Нестеровичъ, впрочемъ, „долгомъ почелъ представить Его С—ву невѣроятность справедливости таковаго замѣчанія, присовокупивъ къ тому, что есть ли и упущены въ словахъ ударенія и знаки свойственныя Польскому языку, то, вѣроятно, по строгому соблюденію точности оригинала“ [1]).

Вскорѣ послѣ этого, 26 февр., Румянцовъ, „по несчастію своему“ не знавшій польскаго языка [2]), писалъ съ своей стороны Малиновскому о мнѣніи Анастасевича, „что въ польскомъ текстѣ при печатаніи множество вкралося неисправностей“, которыя Анастасевичъ „карандашомъ на листахъ, ему переданныхъ, отмѣчалъ“. Графъ препроводилъ эти листы Малиновскому, прося его „велѣть сіе обстоятельство повѣрить, и ежели еще можно таковую неудачю поправить“ [3]). Малиновскій не замедлилъ представить графу „объясненія на счетъ того, что показалося ошибками въ печатаніи польскихъ грамотъ“, которыя графа „довольно“ успокоили [4]). Оказалось, что и Анастасевичъ, и Лобойко въ боль-

[1]) Переписка гр. Румянцова въ „Чтеніяхъ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ 1882, кн. 1, стр. 69.

[2]) См. письмо его къ Малиновскому отъ 21 марта 1820 г., тамъ же, стр. 143.

[3]) Тамъ же, стр. 71.

[4]) Тамъ же, стр. 72, письмо Румянцова Малиновскому отъ 7 марта 1818 г.

шинствѣ случаевъ приняли за „неисправности“ разныя особенности старинной польской орѳографіи... Предположеніе Нестеровича (см. немного выше) такимъ образомъ оправдалось.

Нѣсколько весьма поверхностныхъ и наивныхъ замѣчаній о славянскихъ языкахъ содержатъ изданныя въ 1818 г. на средства Россійской Академіи и Адмиралтейскаго Департамента [1]) „Записки морского офицера (В. Броневскаго) въ продолженіи кампаніи на Средиземномъ морѣ подъ начальствомъ Вице-Адмирала Д. Н. Сенявина отъ 1805 по 1810 годъ“ (4 ч. Спб. 1818 г., 2 изд. 1836). Академія нашла въ рукописи Броневскаго „любопытныя замѣчанія“, касающіяся между прочимъ „и разныхъ народовъ Славенскаго происхожденія“, и нашла возможнымъ выдать средства на ея печатаніе. Въ первой части книги Броневскаго находятся между прочимъ слѣдующіе образчики и характеристики разныхъ живыхъ славянскихъ языковъ и діалектовъ, слышанныхъ ея авторомъ. На стр. 165 приводится образчикъ Бокезской рѣчи: „*Не страшитеся* (такъ!) *братико то су наши мошкови* [русскіе]“. Ниже находимъ характеристику самого Бокезскаго нарѣчія: „Бокезцы говорятъ Словянскимъ языкомъ, смѣшаннымъ съ италіянскими словами“ (стр. 229). Черногорцы, по словамъ автора, „сохранили въ полной чистотѣ (?) коренной Словянскій языкъ. Выговоръ ихъ мягче и пріятнѣе нежели Сербовъ, Кроатовъ и Далматовъ, ибо первые мѣшаютъ Словянскія слова съ Турецкими, вторые съ Нѣмецкими, а послѣдніе съ Италіянскими. Пишутъ они церковными буквами“ (тамъ же, стр. 249—50). На стр. 265, 283 и 329 приводятся также образчики и рѣчи черногорцевъ: „*Тако Владыка заповѣда*“; „*скачи горѣ! скачи коло!*, то-есть скачи выше“, и „*копситъ* (?) *поганыхъ Дубровниковъ*, *удритъ главы пасьей виры*“, то-есть бить Рагузинцевъ и Французовъ“. Какъ видно, всѣ эти образчики по точности немногимъ выше примѣровъ изъ разныхъ языковъ, приводимыхъ въ нашихъ азбуковникахъ и алфавитахъ XVII в. (см. выше, стр. 169).

Тому же Броневскому принадлежитъ „Путешествіе отъ Тріэста до С.-Петербурга, въ 1810 году“, изданное лишь въ 1828 г. (Москва, 2 ч. 8°) по Высочайшему повелѣнію Императора Александра I. Авторъ и здѣсь по временамъ касается слышанныхъ имъ славянскихъ языковъ. Такъ, по его словамъ, „Краинцы [т.-е. словинцы] говорятъ Словянскимъ языкомъ, испорченнымъ Нѣмецкими и Италіянскими словами, смотря по тому, къ которой границѣ они живутъ ближе; однако же наши люди понимали ихъ

---

[1]) См. «Извѣстія Росс. Академіи», кн. 7, 1819 г., стр. 130—131.

безъ затрудненія" (ч. I, стр. 28). Одинъ изъ этихъ „краинцевъ" отвѣчалъ нашему путешественнику такимъ „испорченнымъ Славянскимъ языкомъ, что нужно было съ великимъ вниманіемъ прислушиваться и ловить слова", лишь „изрѣдка внятныя". Въ концѣ концовъ авторъ разсердился на „безтолковаго", отъ котораго нельзя было „добиться смысла", и рѣшился „послѣдовать строгимъ правиламъ монаховъ Святаго Бруно—молчать и терпѣть" (стр. 222—23). Своей вины въ этомъ лингвистическомъ недоразумѣніи онъ, очевидно, не сознавалъ...

Довольно значительное впечатлѣніе сдѣлало у насъ извѣстное „открытіе" въ 1817 г. „Краледворской рукописи", изданной въ 1819 г. Ганкой. Румянцевъ, посылая ея изданіе Малиновскому въ Москву, писалъ ему 24 янв. 1819 г.: „Недавно въ Богеміи отысканные остатки древнихъ ихъ стихотвореній, которыя г. Думбровскій (!), то есть, рукопись ихъ полагаетъ быть конца XIII, или самаго начала XIV вѣка; мнѣ сіе открытіе кажется важнымъ, и надѣюсь, что васъ займетъ пріятнымъ образомъ; оно не чуждо намъ русскимъ не по одному сходству языковъ; пожалуйте, допустите г. Калайдовича сію книжку прочесть" [1]). Экземпляры изданія канцлеръ послалъ и нѣкоторымъ другимъ своимъ друзьямъ и знакомымъ, въ томъ числѣ Евгенію Болховитинову. Въ своемъ письмѣ къ послѣднему (отъ 8-го марта 1819 г.) Румянцевъ называлъ данный памятникъ „лирическими сочиненіями на Славенскомъ языкѣ, недавно отысканными при церкви Кениггофской". По его словамъ, „время ихъ ученый Добровскій не опредѣляетъ, а почитаетъ, что сама рукопись, въ которой онѣ внесены, не позже писана, какъ между 1290 и 1310 годами. Сіе собраніе не только какъ древнѣйшій памятникъ словесности и какъ любопытное и искусное піитическое твореніе большого вниманія достойно; но мнѣ кажется, что одна изъ важныхъ его для насъ будетъ польза та, что можно будетъ возстановить настоящій смыслъ многихъ древнихъ русско-славенскихъ словъ" [2]).

Евгеній, благодаря графа за этотъ подарокъ, присланный въ числѣ другихъ „прекрасныхъ изданій", такъ отвѣчалъ ему 21 марта 1819 г.: „Чешскія стихотворенія, есть-ли только справедливо о времени списка ихъ замѣчаніе Добровскаго, также драгоцѣнная древность для Славянъ. Они очень понятны и для

---

[1]) „Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1882 г., кн. I, стр. 101.

[2]) «Переписка митрополита Кіевскаго Евгенія и т. д.». Выпускъ I. Воронежъ, 1868, стр. 16.

для насъ по близости, бывшей еще въ древнихъ славянскихъ нарѣчіяхъ“ [1]).

Другой протеже графа—Я. О. Пожарскій, получивъ отъ него „для сличенія съ Россійскими древними сочиненіями“ только что изданную „Царедворскую“ рукопись и желая „показать сходство двухъ древнихъ (?) языковъ“ („богемскаго“ и русскаго), напечаталъ въ „Трудахъ Высоч. утвержд. вольнаго Общества Люб. Росс. Слов.“ (1819 г., ч. VI, стр. 223—25) „Примѣръ сходства древняго богемскаго нарѣчія съ древнимъ русскимъ нарѣчіемъ“. „Примѣръ“ этотъ сводился къ тому, что авторъ, не мудрствуя лукаво, переписалъ „не Богемскими, но Русскими буквами“ два отрывка изъ произведенія Ганки, рядомъ съ русскимъ переводомъ. Для образчика приводимъ начало обоихъ:

Роже.	Роза.
Ахти роже красна роже	Ахъ ты, роза, красна роза!
Цѣ зранѣ розкветла	За чѣмъ рано разцвѣла,
Розкветавши помрзла	Разцвѣтши, померзла,
Помрзавши усвѣдла	Померзши, увяла,
Усвѣдевши опадла	Увядши, опала.
Вецѣръ сѣдѣхъ длуго сѣдѣхъ	Вечеръ сидѣла, долго сидѣла,
До куропѣнія сѣдѣхъ.	До пѣтуховъ сидѣла,
Нацъ [2]) дождати неможехъ	Дождать не могла,
Всѣ дрсѣсги (!) лучки сежегъ и т. д.	Всю лучину сожгла и т. д.

Второй отрывокъ (Зезгулице—Кукушка) транскрибированъ въ этомъ же вкусѣ:

Всырѣ поли дубецстои (такъ!)	Въ широкомъ полѣ дубочикъ стоитъ и т. д.

Какъ видно изъ этихъ транскрипцій, Пожарскій не имѣлъ понятія о чешскомъ произношеніи и въ большинствѣ случаевъ просто ставилъ на мѣсто латинскихъ буквъ соотвѣтствующія русскія.

Ссылки на Краледворскую рукопись, сравненія съ польскимъ (довольно удачныя) и другими славянскими языками находимъ у того же Пожарскаго въ примѣчаніяхъ къ знакомому уже намъ его переложенію Слова о П. Игоревѣ (см. выше, стр. 344).

Другое выдающееся явленіе въ тогдашней скудной литературѣ славянскаго языкознанія—появленіе сербскаго словаря Вука Караджича (1818 г.)—также отразилось въ нашихъ ученыхъ

[1]) Тамъ же, стр. 18.

[2]) Такъ! Въ оригиналѣ піс.

кружкахъ. Румянцовъ, посылая экземпляръ его Малиновскому, писалъ своему сотруднику 24 февр. 1819 г.: „Позвольте мнѣ, Милостивый Государь мой, взнесть въ библіотеку Вашу *новоизданный Сербскій Словарь*; сочинитель его самъ здѣсь (въ Петербургѣ), и среди своего народа мѣсто отличное, какъ ученый, занимаетъ“ [1]). Экземпляръ словаря былъ посланъ графомъ также Евгенію Болховитинову, который, благодаря Румянцова за присылку этого „прекраснаго изданія“, такъ писалъ нашему меценату 19 марта 1819 г.: „Сербскій Словарь, въ проѣздъ автора чрезъ Псковъ, я самъ купилъ у него и теперь свой экземпляръ отдамъ въ Семинарскую библіотеку, а пожалованный Вашимъ Сіятельствомъ оставлю въ своей. Это прекрасное руководство къ Сербскому языку, сроднику нашему, но временемъ далеко уже отчужденному“ [2]).

Журналы наши также отмѣтили появленіе знаменитаго лексическаго труда Караджича, а попутно и другихъ его болѣе раннихъ научныхъ работъ по сербскому языку. Такъ „Вѣстникъ Европы“ (1819 г., ч. 105, стр. 238—39) помѣстилъ коротенькое извѣстіе о томъ, что Вукъ Стефановичъ въ 1814 г. издалъ *первую* сербскую грамматику и собраніе сербскихъ народныхъ пѣсенъ и, кромѣ того, „недавно“ напечаталъ словарь того же языка съ лат. и нѣм. переводомъ. Авторъ замѣтки (вѣроятно самъ Каченовскій) прибавлялъ: „Надѣемся въ скоромъ времени дать свѣдѣніе о Словарѣ *Вука Стефановича*, и сообщить нѣкоторыя любопытныя выписки касательно обычаевъ Сербскаго народа“.

Подобное же извѣстіе о сербской грамматикѣ, пѣсняхъ и „Рѣчникѣ“ знаменитаго сербскаго патріота-ученаго явилось въ „Трудахъ Высочайше утвержд. вольнаго Общества Люб. Росс. Слов.“ (1819 г., ч. VI, стр. 226—28). Въ примѣчаніи на стр. 228—29 сообщалось, что авторъ трудовъ находится какъ разъ въ это время въ Петербургѣ, занятый переводомъ Библіи на сербскій языкъ, а въ замѣткѣ указывалось, что работы Караджича отвѣчаютъ на одно изъ завѣтнѣйшихъ желаній покойнаго А. Л. Шлецера. По словамъ анонимнаго автора замѣтки, Шлецеръ имѣлъ „весьма глубокія познанія“ въ исторіи и литературѣ славянскихъ народовъ и много для нихъ сдѣлалъ. Его дѣятельность, однако, была бы еще плодотворнѣе, если бы онъ имѣлъ сотрудниковъ. „Какъ усердно умолялъ Шлецеръ въ своемъ Несторѣ о сочиненіи

---

[1]) «Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.» 1882 г., кн. 1, стр. 104.

[2]) «Переписка митроп. Кіевскаго Евгенія и т. д.». Вып. I, Воронежъ. 1868, стр. 18.

Грамматики и Словаря на Сербскомъ народномъ языкѣ!" Но ему не суждено было видѣть первой сербской грамматики, которая вышла лишь пять лѣтъ спустя послѣ его смерти († 1809 г.). Вмѣстѣ съ грамматикой (1814 г.) явилась и первая часть „Сербскихъ пѣсенъ", черезъ годъ—вторая, а затѣмъ и Сербскій Рѣчникъ. О содержаніи словаря давалось нѣкоторое представленіе, и въ заключеніе высказывалось пожеланіе, чтобы „сочиненіе сего Сербскаго литератора подвержено было здравой критикѣ и послужило многимъ какъ къ изученію сего языка, такъ и къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ письменныхъ памятниковъ Сербскаго народа, сохранившихся до нашихъ временъ" (нужно помнить, что теорія Добровскаго и Каченовскаго о сербскомъ происхожденіи церковно-славянскаго языка еще держалась въ это время).

Конечно, интересъ къ трудамъ Караджича поддерживался его личнымъ пребываніемъ въ это время въ Россіи. Лѣтомъ 1819 г. (въ іюнѣ) съ нимъ завязалъ особо тѣсныя сношенія К. Ѳ. Калайдовичъ, сблизившійся и подружившійся съ сербскимъ ученымъ, который подарилъ нашему филологу списокъ трехъ народныхъ сербскихъ пѣсенъ и бесѣдовалъ съ нимъ о разныхъ вопросахъ лингвистическаго характера [1]).

Въ томъ же году возобновились сношенія Шишкова (на этотъ разъ письменныя) съ знаменитымъ Добровскимъ [2]). 21 іюля 1819 г. нашъ „славенофилъ" отвѣчалъ чешскому славису на его „пріятное писаніе", извѣщая его о полученіи чрезъ гр. Румянцова „любопытной книги *Rukopis Kralodworský*" и благодаря за обѣщаніе прислать и ему экземпляръ ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шишковъ извѣщалъ Добровскаго, что „Россійская Академія, для пользы языка своего, старается издать словари всѣхъ славенскихъ нарѣчій" и за научныя заслуги „сдѣлала господина Линде своимъ почетнымъ членомъ". Письмо выражало надежду, что въ виду немалыхъ трудовъ Добровскаго „по сей части", и онъ будетъ также почтенъ тѣмъ же званіемъ, первый шагъ для чего долженъ былъ сдѣлать самъ Добровскій, прославъ академіи какія нибудь книги или „рукописныя примѣчанія". Сообщая о своемъ

---

[1]) См. «Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1862 г., кн. III, стр. 60, и статью самого Калайдовича о «Слав. переводѣ Кормчей» («Вѣстникъ Европы», 1820 г., ч. 110, стр. 30).

[2]) Личныя сношенія Шишкова съ Добровскимъ, во время которыхъ оба «проводили время въ разговорахъ о славенскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ», завязались еще въ сентябрѣ и октябрѣ 1813 г. во время пребыванія Шишкова въ Прагѣ (см. Записки Шишкова. Берл. изданіе Киселева и Самарина, ч. I. 1870, стр. 220—21 и 360).

переводѣ рѣчи проф. „Негедли“ (Неѣдлаго), уже напечатанномъ въ „Извѣстіяхъ“ Росс. акад., Шишковъ указывалъ на этотъ фактъ, свидѣтельствовавшій, „что Росс. Академія охотно пріемлетъ труды и сочиненія на другихъ славенскихъ нарѣчіяхъ, и почитаетъ ихъ какъ бы своими“. Тутъ же сообщалъ онъ о своемъ желаніи прислать начальникамъ „богемскихъ училищъ“ вышедшіе выпуски академическихъ „Извѣстій“, „въ которыхъ о всѣхъ славенскаго языка корняхъ и нарѣчіяхъ разсуждается, и которыя не только богемскому нарѣчію, но можетъ быть и нѣмецкому языку могли бы быть полезны“. Характерно правописаніе имени Караджича, о которомъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ Шишковъ, называющій его почему то здѣсь и въ другихъ письмахъ *Вугъ* (!) Стефановичъ [1]). Добровскій отвѣчалъ на это письмо уже въ 1820 г.

Изданіе „словарей всѣхъ славенскихъ нарѣчій“, о которомъ говоритъ здѣсь Шишковъ, подвигалось, однако, туго. Въ отчетѣ о дѣятельности Россійской Академіи за 1819 г. встрѣчается лишь краткое упоминаніе (пунктъ 6), что академія „о изданіи Словарей Славенскихъ нарѣчій, какъ-то: Иллирійскаго, Малороссійскаго и другихъ... помышлять не престаетъ“ [2]). Въ рукописныхъ запискахъ о засѣданіяхъ Росс. академіи (Библ. Имп. акад. наукъ) находимъ еще нѣсколько данныхъ о работахъ ея въ этомъ направленіи. Такъ въ протоколѣ № 4 о засѣданіи 25 января 1819 г. значится, что Озерецковскій 11 января 1819 г. представилъ въ академію первую половину переработаннаго имъ „Иллирійскаго“ словаря (буквы А—О). По представленію товарища Озерецковскаго по изданію, А. С. Хвостова, и съ согласія Президента академіи А. С. Шишкова, рѣшено было, „для соблюденія единообразія“ при обработкѣ словаря, поручить Озерецковскому изданіе и остальной половины ея, которая и была представлена имъ въ засѣданіи академіи 22 марта 1819 г. (см. протоколъ этого засѣданія въ „Запискахъ засѣданій Росс. Академіи“ за этотъ годъ, № 11). Рукопись словаря была взята Шишковымъ „для просмотрѣнія“, но такъ и не увидѣла свѣта въ печати. Она находится теперь въ рукописномъ отдѣлѣ перваго отдѣленія библіотеки Имп. академіи наукъ (шифръ 1, 3, 41) и носитъ заглавіе „Словарь Иллирійскаго языка, съ Латинскимъ и Россійскимъ, принадлежащій Росс. Академіи“ (см. Каталогъ 1840 г., № 102). Всего въ ней 396 листовъ въ листъ, писанныхъ по свидѣтельству Сухомлинова [3]), почти сплошь рукою

---

[1]) Записки Шишкова. Берл. изданіе. Часть II, стр. 371.
[2]) «Извѣстія Росс. Академіи», кн. 8, 1820 г., стр. 21.
[3]) «Исторія Россійской Академіи», вып. II, стр. 383—384.

Озерецковскаго, который вписалъ также русскія слова и сдѣлалъ исправленія въ немногихъ листахъ, писанныхъ не его рукою. Нѣсколько примѣровъ изъ этого словаря приведено Сухомлиновымъ въ его „Исторіи Росс. Академіи“ (т. II, 384). Передѣлка Озерецковскаго основана главнымъ образомъ на вышеупомянутомъ (стр. 1181) рукописномъ словарѣ, купленномъ Росс. академіей въ Прагѣ, и представляетъ его сокращеніе съ опущеніемъ всѣхъ этимологическихъ сближеній подлинника.

Востоковъ въ 1819 г. работалъ надъ своимъ знаменитымъ „Разсужденіемъ о славянскомъ языкѣ“, которое къ началу 1820 г. было совсѣмъ готово (см. выше, стр. 778 и слѣд., 782). Совершенной новизной являлось здѣсь подробное и небывалое по точности и тщательности сравненіе звуковъ церковнославянскаго языка со звуками другихъ славянскихъ языковъ, давшее такіе блестящіе результаты въ отношеніи „юсовъ“. Особенно подробное сличеніе находимъ здѣсь по отношенію къ польскому языку, но имѣются также указанія и на полабскій, болгарское смѣшеніе „юсовъ“, близость „крайнскаго“, (т. е. словинскаго) языка X в. къ церковнославянскому, иллюстрированную цитатами изъ Фрейзингенскихъ отрывковъ, сходство древнечешскаго (по „Краледворской“ рукописи) съ древнерусскимъ, близость другъ къ другу сѣверо-западныхъ славянскихъ языковъ „Богемскаго, Польскаго и Лузатскаго“, сравнительно съ бóльшими взаимными отличіями „діалектовъ Русскаго, Сербскаго, Хорватскаго“. Приводится и подвергается нѣкоторой критикѣ классификація славянскихъ языковъ Добровскаго; затрогивается исторія ъ и ь у разныхъ славянъ: „Богемцевъ, Сербовъ, Далматинцевъ, Болгаръ“; при разсмотрѣніи формальнаго строя церковнослав. языка дѣлаются нерѣдко ссылки на слав. языки (напр., относительно причастныхъ формъ и супина), разсматривается и, на основаніи языковыхъ данныхъ, отвергается теорія о сербскомъ источникѣ церковнослав. языка и т. д.,—однимъ словомъ затрогивается цѣлый рядъ важнѣйшихъ вопросовъ сравнительной грамматики славянскихъ языковъ, съ небывалой до сихъ поръ у насъ самостоятельностью, глубиной и оригинальностью пріемовъ. Такимъ образомъ появленіе Востоковскаго разсужденія должно быть отмѣчено и въ области славянскаго языкознанія у насъ, какъ событіе первостепенной исторической важности. Передъ нимъ блѣднѣетъ все немногое остальное, что было сдѣлано у насъ въ данной области въ 1820 г.

Шишковъ въ 1820 г. продолжалъ свои письменныя сношенія съ Добровскимъ и завязалъ ихъ съ Ганкой. Добровскій отвѣчалъ Шишкову (11 февр. 1820 г.) на упомянутое уже выше (стр. 1189)

письмо послѣдняго отъ 21-го іюля 1819 г. Знаменитый чешскій ученый обѣщаетъ прислать всѣ свои сочиненія по славянской филологіи „въ Имп. Россійскую Академію, или прямо къ ея достойному президенту“. Академію онъ величаетъ „знаменитой“ и усматриваетъ изъ ея „Извѣстій“, что она „ежедневно пріобрѣтаетъ большій блескъ“. Тѣмъ не менѣе Добровскій предоставляетъ себѣ „впредь написать нѣкоторыя замѣчанія“ на критическія статьи „Извѣстій“, „дабы по крайней мѣрѣ подать поводъ къ строжайшему разобранію нѣкоторыхъ пунктовъ“. Большую часть письма Добровскій посвящаетъ строгой, но справедливой критикѣ разныхъ лингвистическихъ комментарій Я. О. Пожарскаго къ его переложенію Слова о П. Игоревѣ (см. о немъ выше, стр. 844). Въ заключеніе Добровскій сообщаетъ о ходѣ печатанія русской грамматики Пухмайера, расположенной по образцу его „богемской грамматики“, и обѣщаетъ прислать экземпляръ ея академіи, „ибо сочинитель самъ ничего столько не желаетъ, какъ видѣть, чтобы трудъ его былъ разобранъ и подвергнутъ сужденію столь просвѣщеннаго общества, дабы со временемъ можно было согласиться въ образцѣ, по коему должны быть расположены всѣ грамматики прочихъ славенскихъ нарѣчій“ [1]).

Немного спустя, въ засѣданіи Росс. академіи 6 марта 1820 г. Добровскій и Неѣдлый были избраны въ почетные члены академіи [2]). Извѣщая объ этомъ Добровскаго, Шишковъ писалъ ему между прочимъ (18 марта 1820): „Академія, признавая дарованія ваши и труды къ обогащенію славенскаго языка, надѣется пріобрѣсти въ васъ полезныхъ себѣ сотоварищей и сотрудниковъ. Знаніе славенскаго языка нужно для ученыхъ людей всѣхъ народовъ. Они найдутъ въ немъ многіе корни и начала своихъ языковъ“. Обѣщаніе Добровскаго прислать замѣчанія на корни словъ, объясняемые въ академическихъ извѣстіяхъ, наполняетъ Шишкова „величайшимъ удовольствіемъ“, и онъ выражаетъ желаніе, „чтобъ и другіе господа Богемцы, знающіе славенскія нарѣчія, потрудились надъ симъ достойнымъ вниманія предметомъ. Дѣло сіе сколько ново и трудно, столько же и полезно“. Далѣе Шишковъ пускается въ изложеніе своего словопроизводственнаго метода, на которомъ „долженъ основываться словопроизводный или *этимологическій* словарь“, извѣщая, кромѣ того, что посылаетъ Добров-

---

[1]) См. Записки Шишкова, Берлинское изданіе Киселева и Самарина, ч. II. 1870 г., стр. 372—76.

[2]) См. «Извѣстія Росс. Академіи», кн. 9, 1821 г., стр. 2—3 и Записки засѣданій Росс. Акад. за 1820 г., № 9.

скому опытъ такого словаря: „*Деревья словъ или корни языка съ извлеченными изъ нихъ колѣнами и вѣтвами*". По словамъ Шишкова, „въ семъ сочиненіи", напечатанномъ „единственно для опыта и такъ сказать собственно для Академіи (въ продажу оно не поступало), разсмотрѣно только три корня, изъ которыхъ послѣдній *кр* произвелъ 132 колѣна и 2363 вѣтви". Въ заключеніе письма Шишковъ говоритъ: „Я бы очень желалъ, чтобъ господа ученые Богемцы и Нѣмцы вошли въ разсмотрѣніе сего предлагаемаго мною плана словаря, нужнаго для всѣхъ языковъ, и удостоили меня своими замѣчаніями" [1]). Такимъ образомъ Шишковъ хотѣлъ заставить служить своему корнесловію славянскихъ и другихъ европейскихъ ученыхъ. Надежды эти, конечно, не оправдались. Шишковъ не выносилъ критики и иного образа мысли, чѣмъ его собственный, а заграничные ученые, при всемъ младенчествѣ тогдашней науки, не могли стать его единомышленниками.

Слѣдующее письмо Шишкова къ Добровскому, писанное черезъ полгода слишкомъ (9 окт. 1820 г.), очень сухо и свидѣтельствуетъ объ извѣстномъ охлажденіи нашего пылкаго „славенофила" къ знаменитому чешскому слависту. Извѣщая Добровскаго о полученіи посланныхъ имъ книгъ и его письма, „на которое, по причинѣ разныхъ обстоятельствъ, не могъ скоро отвѣчать", Шишковъ пишетъ: „За примѣчанія ваши на нѣкоторыя слова въ Академическихъ Извѣстіяхъ я также вамъ благодаренъ, хотя во многомъ различно съ вами думаю. Въ словопроизводствѣ не такъ легко доискиваться до истины, и потому-то мнѣнія не могутъ быть одинаковы" [2]).

Ганка первый вступилъ въ переписку съ Шишковымъ. Прослышавъ, что его Краледворская рукопись будетъ помѣщена въ „Извѣстіяхъ Росс. Академіи", Ганка писалъ ея президенту 8 (20) мая 1820 г.: „вѣсть та наполнила духа моего радостію и восхищеніемъ, особливо когда помню, что Славянскіе Народы начинаютъ уже языки свои между собою уважать. Имѣю же крѣпкое довѣреніе, что упомянутая Рукопись щастливѣе понята и истолкована будетъ, нежели оныхъ немножко мѣстъ, которыя г. Пожарскимъ въ его изданіи Слову о полку Игоревѣ наведены были. Не понимаю какъ ему на умъ спасть могло, чтобъ росс. буквами староческія слова писать, не зная ихъ настоящаго изговора... Но когда бы г. Пожарскій на мое противустоящее возобновленіе свои глаза обратилъ, никакбы возможно не было тако погрѣшить"... [3]). Кромѣ

[1]) См. Записки Шишкова. Берл. изданіе. Ч. II. 1870 г., стр. 376—79.

[2]) Тамъ же, стр. 379—80.

[3]) Тамъ же, стр. 388—89.

того, Ганка прислалъ Академіи четыре книжки своихъ „Starobyla skladanie“, причемъ былъ награжденъ серебр. медалью „за трудолюбивое попеченіе о собираніи всего древняго по Чехской словесности, толь близкой съ Славенскимъ языкомъ“ [1]).

Перепечатка Краледворской рукописи, которая такъ обрадовала Ганку, явилась въ 8-й книжкѣ „Извѣстій Росс. Академіи“ (1820 г., стр. 47—215). И тутъ, какъ у Пожарскаго, не обошлось безъ нѣкоторыхъ фатальныхъ недоразумѣній, дающихъ себя знать уже на заглавномъ листѣ (стр. 47), гдѣ читаемъ не только по чешски: wydan od Wakláwa Hanky wpraze, но и по русски: *издана Вакла-вомъ Ганкою* (!). Параллельно съ текстомъ былъ напечатанъ русскій переводъ самого Шишкова [2]). Изданію предпослано „Предувѣдомленіе“, изъ котораго узнаемъ, что оригинальное изданіе даннаго „памятника“ было „сообщено“ въ Росс. Академіи гр. Н. П. Румянцовымъ. Кромѣ длинной цитаты изъ „Повѣствованія о Богемскомъ языкѣ и словесности“ Добровскаго и исторіи „открытія“ рукописи (со словъ Ганки), мы находимъ здѣсь слѣдующія указанія на значеніе ея: „Сіе открытіе Г. Ганки столько-же и для нашей словесности полезно, сколько и для Чехской или Богемской, по той причинѣ, что языкъ въ сей старинной рукописи есть почти чистый нашъ языкъ. Затрудненіе понимать оный наводитъ токмо слитность Латинскихъ буквъ различно произносимыхъ и ни какими строчными знаками не раздѣленныхъ: но совсѣмъ тѣмъ слово о полку Игоревѣ темнѣе для насъ, нежели сія Богемская рукопись“ (стр. 50—51). О своемъ переводѣ издатель говоритъ, что, работая надъ нимъ, не старался „дать плавность и чистоту слогу“; но стремился болѣе „показать близость сего старипнаго Богемскаго языка съ общимъ у насъ съ ними языкомъ Славенскимъ, отколѣ усмотримъ, что естьли бы всѣ происходящія отъ онаго нарѣчія имѣли, какъ мы, Славенскія буквы, то въ произношеніи словъ, и даже въ самыхъ Грамматическихъ правилахъ не было бы почти никакой разности, а была бы оная токмо въ словахъ общихъ языку, но подъ которыми часто въ одномъ нарѣчіи разумѣется, хотя и смежное нѣчто, однако жъ различное отъ другаго, какъ мы то въ прилагаемыхъ при сихъ повѣстяхъ подъ каждымъ необыкновеннымъ намъ словомъ примѣчаніяхъ яснѣе увидимъ“ (стр. 51—52). Какъ видно, Шишковъ и тутъ остался вѣренъ и самому себѣ, и своей

---

[1]) «Записки засѣданій Росс. Академіи» за 1820 г., № 38, 16 октября.

[2]) См. Записки засѣданій Росс. Академіи 1820 г., № 5, 31-го января, № 8, 28-го февраля, № 11, 20-го марта и № 13, 17 апрѣля, въ которыхъ Шишковъ читалъ свой переводъ.

idée fixe о тожествѣ отдѣльныхъ слав. „нарѣчій“ со „Славенскимъ языкомъ“. Къ каждой отдѣльной пѣснѣ приложены лингвистическія объясненія отдѣльныхъ словъ и выраженій чешскаго текста, въ общемъ довольно удачныя для того времени вообще и для Шишкова въ частности.

Сближенія дѣлаются главнымъ образомъ съ русскимъ языкомъ, гораздо рѣже встрѣчаются ссылки на польскія формы, а еще рѣже на „многія Славенскія нарѣчія“. Другіе отдѣльные славянскіе языки не привлекаются совсѣмъ къ сравненію, если не считать одной ссылки на „босняцкій“ (стр. 70). Характерно то обстоятельство, что и примѣчанія, и переводъ были сдѣланы Шишковымъ на основаніи нѣмецкаго стихотворнаго перевода и созвучія чешскихъ словъ съ русскими, безъ помощи какого либо „Богемскаго словаря“, за отсутствіемъ котораго онъ нѣкоторыхъ словъ не могъ „выразумѣть“ (см. напр. стр. 106 и 183), въ томъ числѣ такихъ, какъ drbiti = musiti (стр. 183). Сопоставленія довольно удачны тамъ, гдѣ дѣло было просто, какъ напр.: kam || камо, куда, sie sniechu || снялися, съемъ, суемъ, сеймъ; chuata || хватать (стр. 58), kolem || коло, колесо (стр. 60), pokrocise || krok, польск. kroczak (стр. 60), korzni || корзны (стр. 61), uitrze || выторгнетъ (стр. 69), wstaua || встаетъ (стр. 70), litku || лытки (стр. 72), hemzechu || „гомозиху“ (стр. 101), smahse || смага, осмягли губы (стр, 102) и т. д. Рядомъ, разумѣется, найдется немало наивностей и нелѣпыхъ этимологій въ обычномъ Шишковскомъ родѣ: se wsiu chasu suoiu толкуется—„со всею *хазою* своею“. „*Se* есть наше *со* или *съ*; буква *e* часто замѣняетъ у нихъ нашу *o*, а буква *u* выговаривается иногда какъ наше *у*, иногда же какъ наше *в*. Chasa собственно значитъ домъ, изба, откуда... *хозяинъ*, *хозяйство*, *хижина* (!). Отсюду же Нѣмецкое *haus*, Латинское *casa* и пр.“ (стр. 59). На дѣлѣ чешск. chasa = чернь, челядь и не имѣетъ ничего общаго ни съ *хозяинъ*, ни съ нѣм. Haus, лат. casa. Чешское ř, изображаемое въ Краледв. „рукописи“ посредствомъ rs, вызываетъ у Шишкова такое разсужденіе: „Замѣтимъ здѣсь... что буква *s*, вмѣшиваемая толь часто въ Польскихъ словахъ, и въ семъ Старобогемскомъ языкѣ употребляемая, въ Новобогемскомъ правописаніи выбрасывается, и чрезъ то нарѣчіе возвращается къ чистотѣ источника своего Славенскаго языка“ (стр. 59). Соотвѣтствіе чешск. kuetow русскому *цвѣтовъ* объясняется такъ: „Во многихъ Славенскихъ нарѣчіяхъ слово *цвѣтъ* говорятъ и пишутъ *квѣтъ*, вѣроятно по той причинѣ, что иностранная (?) буква *c* выговаривается иногда какъ *ц*, иногда какъ *к*“ (стр. 70). Какъ хаотичны были „знанія“ Шишкова, свидѣтельствуетъ замѣчаніе, вызванное стихомъ: Wstase

dcersiedle taterska chama (стр. 94): „Иностранныя буквы различно произносимыя, какъ то: *u* иногда за *у*, иногда за *в*; *s* иногда какъ *ш*; *z* иногда какъ *з*, иногда какъ *ж*; *c* иногда какъ *ц*, иногда какъ *ч*, или какъ *щ* (?); *ie* иногда за *іе*, иногда за *е*, иногда за *ѣ*; *iu* за *ю*, и проч.—также и слитность вмѣстѣ разныхъ словъ безъ наблюденія строчныхъ знаковъ, мѣшаютъ разбирать смыслъ; но впрочемъ при нѣкоторомъ вниканіи тотчасъ можно видѣть близость нарѣчія къ истому Славенскому языку". По поводу слова *звѣзда* говорится (стр. 96): „Трудно добраться, почему наше слово *звѣзда*, во многихъ (?) Славенскихъ нарѣчіяхъ пишется и произносится *hwezda*. Измѣненіе буквы *з* въ *г*, или *г* въ *з*, весьма необыкновенно. Одно (звѣзда) приближаетъ слово сіе къ словамъ *свѣтъ зда*, т. е. неба (ибо *здо* значило кровлю дома, и потому легко могло быть отнесено къ небу, яко общему всего покрову). Другое *hwezda* въ множ. *hwezdi* подходитъ къ слову *гвозди*, которое также могло подать мысль къ уподобленію сихъ небесныхъ свѣтилъ гвоздямъ; ибо оныя дѣйствительно не иначе кажутся намъ, какъ свѣтлыми воткнутыми въ небо гвоздями. Первое названіе могъ дать ученый человѣкъ, другое простолюдинъ". На стр. 97 Шишковъ находитъ, что „кажется въ составѣ Богемскаго слова *kuzelnik* участвуетъ слово *зеліе*, т. е. злакъ, трава; а въ нашемъ *кудесникъ* можетъ быть буква *ч* измѣнилось въ *к*". Тамъ же Краледворское *Swieczise* побѣдила объявляется „единокорненнымъ" не только съ нашимъ *витязь*, но и съ лат. vinco, vici, итал. vincere, victoria, фр. vaincre, vainqueur, нѣм. überwinden и проч. (!). Относительно чеш. helmice Шишковъ замѣчаетъ (стр. 98—99): „Слово *helm* (уменьшительно *helmice*) кажется быть Нѣмецкое *helm*: но въ подобныхъ случаяхъ не надлежитъ смотрѣть на единство буквъ, а на первоначальное понятіе, симъ словомъ выражаемое. На многихъ языкахъ (?) имѣетъ оно одинакое названіе, и едва ли не всѣ оныя происходятъ отъ Славенскаго слова *холмъ*, по уподобленію сего носимаго воинами на головѣ покрова съ видимыми на поляхъ или на вершинахъ горъ холмами (!?) или холками".

Удачно зато сближено sorse = чеш. s oře (oř конь) съ нѣм. ross, англ. horse, хотя Шишковъ повидимому считаетъ чешское слово природнымъ („Названіе *or* или *ors* весьма рѣдко въ Славенскихъ нарѣчіяхъ, но примѣчаемъ оное въ Англинскомъ... и въ Нѣмецкомъ"...) и видитъ въ нѣм. ross „часто бывающую перестановку буквъ *or* въ *ro*" (стр. 105). Глаголъ *čekati* или *czekati*, „употребительный во многихъ Славенскихъ нарѣчіяхъ", Шишковъ отожествляетъ съ *чаяти*, „поелику чаяніе и ожиданіе суть смежныя понятія" (стр. 132). Древнее *навье* || чеш. vnaueпа производится

„вѣроятно отъ *навиваю,* поелику мертвыхъ обыкновенно обертывали холстомъ, или чѣмъ инымъ“ (стр. 149). Напротивъ, объявляется, что др. русское *зегзица* (въ Словѣ о п. Игоревѣ) и чеш. žežhulice „ни по звуку, ни по описанію (полечу я зегзицею по Дунаеви) не сходно“ (стр. 210) и т. д. Отсутствіе знакомства съ чешскимъ произношеніемъ сказывается въ написаніяхъ въ родѣ *Ваклавъ*, вм. Вацлавъ, *Бенесъ* вм. Бенешъ и т. д. Встрѣчаются и другія ошибки этого рода, какъ напр. daleco вм. daleko (стр. 67), zrake вм. zraki (стр. 66), whom вм. whow (стр. 80 и т. д.). Тѣмъ не менѣе, перепечатка „Краледворской рукописи“ съ русскимъ переводомъ и объяснительными примѣчаніями, каковы бы ни были ихъ недостатки, могла содѣйствовать распространенію у насъ знакомства съ чешскимъ языкомъ.

Свой взглядъ на значеніе Краледворской рукописи Шишковъ выразилъ въ письмѣ отъ 3 августа 1820 г. къ извѣстному польскому археологу того времени І. Раковецкому, пославшему нашему любителю филологіи свое изданіе „Русской Правды“ на польскомъ языкѣ, съ приложеніемъ письма также на польскомъ языкѣ (отъ 1-го іюля 1820 г.). Раковецкій указывалъ при этомъ, что Шишковъ „пріобрѣлъ глубокія свѣдѣнія во всѣхъ славенскихъ нарѣчіяхъ“, болѣе ему дорогихъ и пріятныхъ, чѣмъ „нарѣчія чуждыхъ народовъ“, а потому проститъ пишущему смѣлость, съ какою онъ обратился къ нему по польски. Шишковъ, отвѣчая, выражалъ мнѣніе, что „всѣ славенскія нарѣчія суть одного отца дѣти“, и обращалъ вниманіе Раковецкаго на 8-ю часть „Извѣстій“ академіи съ переводомъ „Кралодворской рукописи“. По словамъ Шишкова, такія древнія рукописи весьма полезны, „какъ для нѣкоторыхъ историческихъ открытій, такъ равно и для замѣчанія коренныхъ въ языкѣ словъ и свойственныхъ оному рѣченій“ [1]).

Въ томъ же году Россійская академія поощрила Караджича, подарившаго ей свой сербскій словарь во время пребыванія своего въ Петербургѣ и потомъ приславшаго изъ Вѣны „многія нужныя для Академіи Славенскихъ нарѣчій книги“. По предложенію Шишкова, рѣшено было, „по усердію Караджича къ Россійской Академіи и по упражненіямъ его въ Славенскихъ нарѣчіяхъ“, послать ему 300 рублей за купленныя имъ книги и „для покупокъ впредь“, за словарь же „и въ поощреніе впредь трудиться, дать ему серебряную медаль“ [2]). Если сравнить это „награжденіе“ бѣдняка Караджича съ тѣмъ, что обезпеченный Озерецковскій за

---

[1]) См. Записки Шишкова, Берл. изданіе, ч. II, стр. 393—95.

[2]) «Записки засѣданій Росс. Академіи за 1820 г.» Записка № 37, 31 іюля.

свою чисто механическую передѣлку „Иллирійскаго“ словаря получилъ отъ академіи вдвое больше, т. е. 600 р. [1]), то нельзя не прійти къ заключенію, что у Росс. Академіи была довольно растяжимая и едва ли вѣрная мѣра для оцѣнки научныхъ заслугъ.

Пользу отъ литературнаго и лингвистическаго общенія русскихъ и поляковъ усматривалъ въ 1820 г. извѣстный Ѳ. В. Булгаринъ въ своей статьѣ „Краткое обозрѣніе Польской словесности“ („Сынъ Отечества“, 1820 г., ч. 63, No XXXI, 193—218 и XXXII, 241—254). Въ началѣ авторъ выражаетъ сожалѣніе, что политическія несогласія, раздѣлявшія русскихъ и поляковъ, „препятствовали взаимному сообщенію успѣховъ ихъ въ Наукахъ и Словесности. Потеря весьма важная для Исторіи и Филологіи, не говоря о другихъ наукахъ“. Авторъ думаетъ, что и самые языки этихъ народовъ, „имѣющіе одинакую этимологію, получатъ новую силу, красоту и гибкость, если Писатели, вмѣсто заимствованія чужестранныхъ словъ и выраженій, вовсе несогласныхъ съ духомъ Славянскихъ нарѣчій, обратятся къ неисчерпаемому доселѣ, общему источнику“ (стр. 193—94). Такимъ образомъ Шишковъ получилъ неожиданнаго союзника...

Нѣсколько замѣчаній лингвистическаго характера, съ привлеченіемъ къ сравненію и славянскихъ языковъ, находимъ въ статьѣ К. Ѳ. Калайдовича: „Нѣчто о Славянскомъ переводѣ Кормчей и древнѣйшемъ оной спискѣ“ („Вѣстн. Европы“, 1820, ч. 110, стр. 22—32). Авторъ касается здѣсь этимологіи словъ *жупанъ* и *къметь*, сравнивая первое съ *жупа* и польско-малорусск. *панъ* (вслѣдъ за анонимнымъ авторомъ статьи въ „Вѣстникѣ Евр.“ 1811 г. см. выше, стр. 1152), а второе—съ чешск. kmet (по Краледворской рукописи и объясненіямъ къ ней Ганки), прилагат. *кметскій* (изъ „Исказанья“ Крижанича) и сербск. *кмет*—уважаемый крестьянинъ, причемъ приводитъ также устное свидѣтельство В. Ст. Караджича объ употребленіи слова *кмет* въ привѣтствіяхъ сербовъ турками, когда послѣдніе желаютъ выразить свое уваженіе. Въ противуположность Шишкову, читавшему имя Ганки (Vaclav)—*Ваклавъ* (см. выше, стр. 1194), Калайдовичъ называетъ его вѣрно—Вацлавомъ...

Довольно много образчиковъ сербскаго языка (изъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ Караджичемъ) приведено въ статьѣ Каченовскаго (подпись К.): „О Сербскихъ народныхъ пѣсняхъ“ („Вѣстникъ Европы“, 1820, стр. 112—129, 208—216). Кромѣ пѣсенъ, приводится и посвятительное письмо Караджича „Маріи Стани-

[1]) Тамъ же, записка № 9, засѣданіе 6 марта.

савльевичевой", оказавшей ему помощь. Напечатано все это было не особенно точно „за недостаткомъ въ типографіи потребныхъ къ тому знаковъ" (стр. 216). Попутно Каченовскій даетъ статистическія свѣдѣнія о числѣ говорящихъ по сербски и характеристику самого языка: „языкъ у нихъ одинъ, съ нѣкоторыми однакожъ маловажными отмѣнами. Самымъ средоточіемъ Сербской національности и языка *Вукъ Стефановичъ* полагаетъ пространство между рѣками Дриною и Моравою почти до предѣловъ Герцеговины; за Дриною же, въ Босніи, многіе Сербы съ Магометанскою вѣрой вмѣстѣ приняли и разныя слова Турецкія: съ другой стороны за Моравою, къ границѣ Валахіи, народъ употребляетъ нѣкоторыя слова Волошскія" (стр. 114). Въ слѣдующемъ далѣе краткомъ очеркѣ сербской письменности и литературы Каченовскій указываетъ, что „Сербскіе грамотѣи черезъ все продолженіе среднихъ вѣковъ и до нашего времени почти исключительно читали и писали на богослужебномъ языкѣ, между тѣмъ какъ языкъ общенародный, по естественному ходу вещей, отчасу болѣе измѣнялся. Появлялись буквари, въ минувшемъ столѣтіи [XVIII] начали выходить и другія книги... даже явилась и Грамматика: всѣхъ сихъ книгъ заглавія показывали, что онѣ суть *Сербскія*, или же по крайней мѣрѣ *Славено-Сербскія*. Имѣя случай видѣть сіи *Сербскія* книги, мы удивлялись весьма близкому сходству языка ихъ съ нашимъ Церковно-Славенскимъ.

Чтожъ оказывается? Граматные и ученые Сербы, познакомившись посредствомъ Часослова и Псалтыри съ языкомъ Славенскимъ и неимѣя никакой литературы національной, изъявляли презрѣніе къ тому нарѣчію на которомъ сами же говорили! Они усиливались выказывать свои знанія на языкѣ понятномъ для немногихъ, еще менѣе удобномъ (для насъ, по крайней мѣрѣ) къ выраженію тонкостей и оттѣнокъ (такъ!) мыслей, нежели другіе языки, давно вышедшіе изъ всеобщаго употребленія! Говорили и доказывали, что настоящій Сербскій языкъ есть Церковный, и что напротивъ тотъ, который употребляется всѣми Сербами, не есть подлинно Сербскій, но *простонародный, мужицкій*. Въ такомъ заблужденіи находятся еще и теперь многіе грамотные Сербы; въ подобномъ заблужденіи находятся нѣкоторые изъ Грековъ, которые, вмѣсто того чтобы прислушиваться къ языку, *нынѣ употребляемому народомъ*, подводить его подъ правила, назначать ему границы, самовольно даютъ словамъ старинныя окончанія, склоняютъ ихъ и спрягаютъ по книжному; въ такомъ заблужденіи долго были и мы, Рускіе" (стр. 114—115). Только Досиѳей Обрадовичъ „первый началъ утверждать, что на какомъ Серб-

скомъ языкѣ говоритъ народъ, на томъ и писать должно. Самъ онъ старался по возможности употреблять въ своихъ сочиненіяхъ и переводахъ языкъ общежительный". Особыя же услуги своимъ одноземцамъ оказалъ В. Ст. Караджичъ, издавшій двѣ части „Сербскихъ простонародныхъ пѣсенъ", составившій „Грамматику и Словарь Сербскаго языка (истиннаго, а не мнимаго)" и занятый переводомъ Новаго Завѣта на свой родной языкъ. Его „ученый свѣтъ вообще и въ особенности Славянскіе наши однородцы должны благодарить за то удовольствіе, которое онъ доставляетъ намъ вмѣстѣ съ возможностію узнать языкъ, совершенно для насъ новый, открывающій любопытные случаи къ разнымъ филологическимъ и даже историческимъ объясненіямъ" (стр. 116). Лексическую сторону пѣсеннаго языка Каченовскій характеризуетъ сохраненіемъ многихъ словъ, въ родѣ *мома* (дѣвушка), *купа* (стаканъ), *пегаръ* (тоже), *ризница* (гардеробъ), *утва* (утка златокрылая) и т. д., утраченныхъ разговорною рѣчью; „напротивъ того многія слова, донынѣ употребляемыя въ другихъ нарѣчіяхъ, въ Сербскомъ вовсе неизвѣстны" (стр. 117—118). Въ текстѣ статьи объясняются нѣкоторыя слова и выраженія, но не всегда вѣрно, (напр. *уз гусле*=подъ гудокъ: стр. 119), приводятся примѣры національныхъ именъ (Милица, Ягода, Божко, Милошъ. Голубанъ, Войно, Вукъ, т. е. волкъ, Радиша „и многія другія": стр. 212). Въ заключеніе авторъ статьи увѣдомляетъ читателя, что еще будетъ имѣть случай „говорить о Грамматикѣ и Новой Словесности Сербской" (стр. 216).

1821 годъ былъ бѣденъ событіями въ разсматриваемой области. Россійская академія, взявшаяся ex officio за разработку славянскаго языкознанія, сдѣлала въ этомъ направленіи очень немного. Востоковъ, избранный въ 1820 г. въ ея члены, читалъ въ ней 19 марта 1821 года не дошедшій до насъ докладъ „Мысли о словопроизводствѣ, основанномъ на знаменованіи буквъ" [1]), имѣвшій, вѣроятно, лишь косвенное отношеніе къ славянскимъ языкамъ, а Шишковъ 11-го іюля прочелъ „сдѣланный имъ разборъ нѣсколькихъ иностранныхъ словъ, изъ коего явствуетъ, что обыкновенное мнѣніе, будто бы онѣ заимствованы въ языкъ нашъ изъ языковъ чуждыхъ, подвержено великому сомнѣнію, и что напротивъ того иностранцы, судя по составу и разуму ихъ словъ, взяли оныя изъ древнѣйшаго языка Славенскаго" [2]).

Кромѣ того, въ „Извѣстіяхъ Россійской Академіи" (кн. 9,

---

[1]) См. Записки о засѣданіяхъ Росс. Академіи за 1821 г., № 8.
[2]) Тамъ же, № 17.

1821 г., стр. 47—63) явилась новая перепечатка одного изъ „древнечешскихъ“ памятниковъ Ганки, „Суда Любуши“, снабженнаго такими же примѣчаніями Шишкова, какъ у Краледворской рукописи, русскимъ переводомъ и введеніемъ „О нѣкоторой древней рукописи“. Въ послѣднемъ приводились отрывки изъ письма Юнгмана къ Раковецкому, въ которомъ писавшій обращалъ вниманіе на „величайшее сродство Чехскаго языка съ Польскимъ“ (Шишковъ прибавляетъ: „а еще болѣе съ нашимъ Рускимъ“). Изъ отрывка „Судъ Любуши“ Юнгманъ усматривалъ также, что „древніе Славяне пришли въ Европу изъ отечества своего Индіи“ совсѣмъ не такими грубыми дикарями, какъ ихъ описывали нѣкоторые историки; они даже несомнѣнно „принесли съ собою собственное свое письмо (!), которое Христіянскіе священники, введеніемъ по тогдашнему обыкновенію Латинскихъ письменъ, и новою вѣрою совсѣмъ истребили“. Кромѣ того, читая описанія Индіи, Юнгманъ увидѣлъ, „что языкъ Славенскій имѣетъ весьма близкое сходство съ Индейскимъ“, въ каковомъ убѣжденіи особенно его утвердило описаніе путешествія нѣкоего чеха Брезовскаго. Этотъ послѣдній „даже въ провинціи Кантонѣ (?) разумѣлъ разговаривавшихъ съ нимъ Индейцевъ, которые также и его удобно (!) понимали“. Юнгманъ увѣряетъ со своей стороны, что все читанное имъ „на языкѣ Самскритскомъ совершенно подтверждаетъ“ показанія Брезовскаго (!), и заявляетъ, что ждетъ „христоматіи Самскритской, изданной Франкомъ [1]), также Словаря Вильсонова, и другихъ книгъ“. При этомъ онъ высказываетъ желаніе, чтобы словарь Вильсона былъ „пополненъ и исправленъ Англичаниномъ Колленбрукомъ (такъ! вм. *Кольбрукомъ*), который Калькутскому обществу подарилъ рукописный Словарь въ четырехъ книгахъ въ листъ“ и т. д. Приведенные отрывки изъ письма Юнгмана, нашедшіе себѣ пристанище на страницахъ изданія Росс. Академіи и, очевидно, ей одобренные, представляютъ собой единственный случай, когда названное учрежденіе немного вышло изъ заколдованнаго круга представленій XVIII в. и, хотя бы въ искаженномъ видѣ, отразило новыя научныя теченія XIX в.

Что касается примѣчаній и перевода Шишкова, то они имѣютъ совершенно такой же характеръ, какъ и въ разсмотрѣнной

[1]) «Chrestomathia Sanscrita, quam ex codicibus manuscriptis adhuc ineditis Londini exscripsit atque in usum tironum versione, expositione, tabulis grammaticis etc. illustratam edidit O. Frank. Monachii, typographice ac lithographice opera et sumptibus propriis. 1820. Pars altera. 1821. 4°. Очень неудачное пособіе, осужденное научной критикой еще при первомъ своемъ появленіи въ свѣтъ.

выше перепечаткѣ Краледворской рукописи. Стихъ Ideże Trut pogubi san lutu переведенъ у него, очевидно, опять за отсутствіемъ „Богемскаго словаря“: *Идѣже Трутъ погуби Санъ люто* (!); оставлены безъ перевода и нѣкоторыя другія выраженія, въ родѣ: сѣла на окошечко *рожлезилое,* по Ярожира (!) отъ *бродъ влѣторѣчныхъ*, по Самарода *со мжи среброносной* и т. д. *Хрудошъ* является вездѣ въ видѣ *Хрудоса* и т. д.

Востоковъ въ это время работалъ надъ изученіемъ славянскихъ рукописей (см. выше, стр. 859—861) и мечталъ о недоступномъ тогда для него досугѣ, необходимомъ для работы надъ „Славенской грамматикой“. 21 ноября 1821 г. онъ писалъ Евгенію Болховитинову: „я не могу хвалиться досугомъ, потребнымъ для скорѣйшаго совершенія труда, какой я себѣ задалъ, т. е. Славенской Грамматики. Послѣдніе три года я почти не принимался за оную, безпрестанно отвлекаемый казенною должностію. Однако я не отчаеваюсь улучить опять *божественный досугъ*... и предаться совершенно ученымъ занятіямъ“ [1]).

Въ 1822 году интересъ къ славянскимъ языкамъ значительно оживляется. Даже Россійская Академія вышла изъ своего спокойнаго ожиданія чужихъ работъ, которыя бы въ нее поступили, и попыталась сдѣлать что нибудь для осуществленія задачъ, намѣченныхъ въ ея уставѣ (см. выше, стр. 1179). Немалую роль въ этомъ сыграли журнальныя нападки, обвинявшія академію въ бездѣйствіи и вызвавшія въ свое время рѣчь Шишкова [2]), въ которой онъ оправдывалъ своихъ сотоварищей довольно странными аргументами, а впослѣдствіи—обширное, частью уже знакомое намъ (см. выше, стр. 964 и 992) предложеніе о предлежащихъ академіи „твореніяхъ“, внесенное въ собраніи 21 января 1822 г. [3]). Второе мѣсто въ этомъ предложеніи (вслѣдъ за „Словаремъ по корнямъ или словопроизводнымъ“) занималъ проектъ „Словаря сравнительнаго всѣхъ славенскихъ нарѣчій“. Согласно проекту, „сей Словарь долженъ быть составленъ по Азбучному порядку, начиная съ Россійскаго языка, и присовокупляя ко всякому слову онаго всѣ соотвѣтствующія ему слова всѣхъ Славенскихъ нарѣчій, тѣми письменами, какія у нихъ употребительны. Для сего надле-

---

[1]) См. Переписку Востокова, «Сборникъ статей чит. въ отд. русск. яз. и слов. Имп. ак. наукъ», т. V, вып. II, стр. 22.

[2]) Въ засѣданіи 18 сент. 1820 г. См. «Записки о засѣданіяхъ Росс. Акад.» 1820 г. № 34, 18 сент.

[3]) См. Записки Росс. Академіи за 1822 г., № 3, 21 янв., а также «Извѣстія Росс. Акад.», кн. 10; 1822 г., стр. 40—41, или Сухомлиновъ, «Исторія Росс. Акад.», вып. VIII, 1887 г., стр. 216—217.

жить сперва исчислить всѣ нарѣчія, дабы ставить ихъ всегда одно за другимъ въ одинакомъ порядкѣ, и тѣмъ буквамъ, которыхъ нѣтъ въ Латинской азбукѣ, какъ-то: *ч. ш. щ. я.* и проч., сдѣлать особливую табличку, показующую какъ оныя пишутся. Иностранные языки не должны въ Словарь сей входить; однакожъ не безполезно было бы помѣщать въ скобкахъ тѣ изъ словъ ихъ, которыя очевидно имѣютъ одинъ корень и одинакое значеніе съ Славенскими. Главный, но весьма полезный трудъ при сочиненіи сего Словаря долженъ состоять въ томъ, чтобъ обогатить оный примѣчаніями на тѣ названія, которыя почерпнуты изъ общаго языка, но отъ иныхъ источниковъ. Нѣкоторыя изъ сихъ словъ, хотя и различны съ нашими, напр. наше *предпріятіе* и Богемское *Predsewzetie* (такъ!), или наше *бабка повивальная* и кроатское *Puporezka*, однакожъ мы легко понимать ихъ можемъ, и потому кажется излишно дѣлать на нихъ замѣчанія; но другія не скоро могутъ приходить на память, какъ на пр. наше *вредъ* и Богемское *kaž* [1]) (отъ исказить, искажаю), или Польскія *chuc* [2]) склонность; *chustka*, платокъ, (*первое* отъ *хоть*, *хотѣніе;* а второе отъ *холстъ, холстина)*, и имъ подобныя. Таковыя слова надлежитъ хотя кратко объяснять, или подводить ихъ подъ тѣ наши слова, которыя происхожденіе ихъ довольно ясно показываютъ, какъ то: Богемское *kaž* (такъ!) ставить не подъ словомъ *вредъ*, но подъ словомъ *искаженіе;* Польскія *Chuc* (такъ!), *chustka*, не подъ словами *склонность*, *платокъ;* но подъ словами *хотѣніе*, *холстъ*. Также не худо замѣчать и тѣ употребительныя у насъ иностранныя названія, которыя замѣняютъ они Славенскими словами: такъ напр. Аллею въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ называютъ *древорядъ;* театръ по Богемски *diwadlo* (отъ глагола *дивлюсь*); актеръ по Богемски *hracz* (отъ глагола *играю*), по Далматски *hlumacz* (отъ глагола *глумлюсь*), и такъ далѣе". Сочиненіе этого словаря предоставлялось каждому члену, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и сочиненіе „Словаря по корнямъ" (см. выше, стр. 964—65).

Какъ видно отсюда, „Словарь сравнительный всѣхъ Славенскихъ нарѣчій" долженъ былъ имѣть этимологическій характеръ и несомнѣнно, выполненный даже по приведенному, мало разработанному плану, оказалъ бы извѣстную пользу тогдашней нашей наукѣ. На первыхъ порахъ, казалось, можно было ожидать его осуществленія. Составленіе его приняли на себя члены академіи П. И. Соколовъ и А. Х. Востоковъ, изъ которыхъ послѣднему, повидимому,

[1]) Ошибочно вм. kaz.

[2]) Т. е. chuć.

должна была принадлежать главная роль въ предстоявшемъ трудѣ [1]). Несомнѣнно Востоковъ былъ лучше подготовленъ къ подобному труду, чѣмъ кто-либо другой изъ нашихъ любителей филологіи того времени. Долголѣтняя работа надъ „Этимологическимъ словорасписаніемъ“, или „Словопроизводнымъ словаремъ Словенскихъ нарѣчій“, какъ онъ его самъ иногда называлъ (напр. въ письмѣ къ Прокоповичу-Антонскому, см. выше, стр. 1182), при всѣхъ недостаткахъ этого юношескаго труда нашего знаменитаго ученаго (см. о немъ выше, стр. 663—667), дала ему массу необходимыхъ свѣдѣній, а также и обильный черновой матеріалъ, нуждавшійся лишь въ систематизаціи и критической обработкѣ. Что Востоковъ не прочь былъ отъ этой работы и намѣревался дѣйствительно играть въ ней активную роль, доказываетъ его письмо къ П. И. Соколову отъ 14 февр. 1822 г., сохранившееся въ архивѣ Росс. Академіи (1822 г., № 2) и, насколько мнѣ извѣстно, еще нигдѣ не напечатанное. Вотъ оно:

„М. Г. Петръ Ивановичь! Сообщая Вамъ при семъ предположенія мои о составленіи Словаря [2]), покорнѣйше прошу Васъ разсмотрѣть оныя, пополнить или выкинуть, что вамъ разсудится, и возвратить мнѣ съ замѣчаніями Вашими, дабы я могъ согласно съ оными передѣлать начертаніе сіе; или же найдете вы удобнѣйшимъ для сбереженія времени, непереписывая тетради моей, внести только въ оную на поляхъ ваши замѣчанія и поправки, съ которыми и прочесть ее напередъ Г. Президенту, а потомъ въ Академіи?

Что касается до раздѣленія труда между нами, то я полагалъ бы устроить сіе такимъ образомъ, чтобъ каждую статью словаря напередъ изготовить мнѣ начерно, и потомъ вамъ обработать ее окончательно для прочтенія въ Академіи.

Наполненіе статьи соотвѣтствующими словами другихъ Словенскихъ діалектовъ можетъ предоставлено быть мнѣ, какъ *занимающемуся особенно сими діалектами* (курсивъ нашъ); полнота же и вѣрность статьи по части Словенорусскихъ и Малороссійскихъ словъ будетъ преимущественно на вашемъ попеченіи. Корректуру печатныхъ листовъ будемъ мы держать оба.

Я надѣюсь, что симъ порядкомъ трудъ нашъ пойдетъ успѣшно и совершится къ чести Академіи.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью и т. д.“.

Что отвѣчалъ и отвѣчалъ ли Соколовъ на это письмо, остается

[1]) См. Записки засѣданій Росс. акад. 1826 г., № 3, января 26-го, листъ 16.
[2]) Предположенія эти, къ сожалѣнію, не дошли до насъ.

неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ словарь, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, дальше предположеній не пошелъ. Главной помѣхой къ его осуществленію являлось вѣроятно то отсутствіе досуга, на которое жаловался, какъ мы видѣли выше (стр. 1202), Востоковъ. Освободившись, благодаря поддержкѣ гр. Румянцова, отъ своихъ чиновническихъ обязанностей, Востоковъ взялъ на себя новыя обязательства, которыя, пожалуй, въ это время были ему уже болѣе по душѣ, чѣмъ работа надъ словаремъ, и не оставляли времени для другихъ трудовъ. Сами условія совмѣстной работы съ такимъ сотрудникомъ, какъ

„Петръ Иванычъ осударь,
Академіи Россійской
Непремѣнный секретарь“,

едва ли особенно улыбались скромному и деликатному Востокову.

Слова Востокова въ письмѣ къ Соколову объ особенныхъ занятіяхъ славянскими діалектами, однако, не были фразой. Востоковъ дѣйствительно въ это время сильно интересовался славянскими языками, какъ это неразъ свидѣтельствуетъ его переписка. Гр. Румянцовъ очевидно не спроста завязалъ свои отношенія къ Востокову (съ которымъ ему давно очень хотѣлось сблизиться, см. выше, стр. 862) тѣмъ, что выписалъ для него „изъ Вѣны все, что тамъ напечатано было на пользу разныхъ колѣнъ Славянскаго племени дома Австрійскаго подданныхъ“ и, получивъ „восемдесятъ девять номеровъ большею частію печатныхъ тетрадокъ, а не книгъ“, 19 января 1822 г. послалъ къ нему ихъ реестръ, прося пользоваться этими книжками для задуманной Востоковымъ „древней Славянской Грамматики“ и держать ихъ у себя „годъ и болѣе“ [1]).

Благодаря графа за „великодушное вниманіе“ къ слабымъ своимъ „опытамъ на поприщѣ языкознанія Славенскаго“, Востоковъ въ отвѣтномъ письмѣ (отъ 1 мая 1822 г.) указалъ 12 сочиненій, „особенно нужныхъ“ для него. Мы находимъ здѣсь рядъ пособій для изученія нѣкоторыхъ славянскихъ языковъ, въ томъ числѣ: „Deutsch-windisches Wörterbuch“ Освальда Гутсманна (1789 г.), „Theoretisch-praktische Windische Sprachlehre“ Іог. Леоп. Шмигоца (1812 г.), „Slovenska Grammatika“ или „Wendische Sprachlehre“ Георга Зеленко (Sellenko, 1791), Водника, „Pismenost ali gramatika sa perve shole“ (1811), „Nemska grammatika“ или „Anfangsgründe der deutschen Sprachkunst zum Gebrauch der Croatischen

[1]) Переписка Востокова: „Сборникъ статей, чит. въ отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. н.“, т. V, вып. 2, стр. 24.

Jugend" (на хорватскомъ яз. 1772), хорватскій календарь 1819 г., двѣ первыхъ части сборника сербскихъ пѣсенъ Вука Стефановича Караджича (1814 и 1815 г.), пѣсни на „Краинскомъ" языкѣ (1806), одну народную „Краинскую" пѣсню съ нѣмецкимъ переводомъ и т. д. Въ письмѣ своемъ Востоковъ сообщалъ о возложенномъ на него Россійской Академіей порученіи „составлять вмѣстѣ съ П. И. Соколовымъ *Сравнительный словарь всѣхъ Славенскихъ нарѣчій* на подобіе Линдева словаря", которое заставило его особенно обрадоваться ученымъ пособіямъ, выписаннымъ графомъ изъ Вѣны. По словамъ Востокова, „Росс. Академія бѣдна матеріалами къ таковому обширному труду", и онъ надѣется „недостатки оныхъ частію пополнить" изъ библіотеки Румянцова, „столь щедро отверстой для всѣхъ ученыхъ". Порученный ему академіей трудъ Востоковъ считаетъ, однако, для себя лишь „побочною работою", пока не кончитъ свою славянскую грамматику. Заняться исключительно послѣднею особливо вынуждаетъ его появленіе „Institutiones" Добровскаго, въ которыхъ онъ нашелъ „множество прекрасныхъ вещей; полноту и основательность, какой только можно ожидать отъ столь ревностнаго и опытнаго разыскателя, каковъ Добровскій". Тѣмъ не менѣе Востоковъ категорически указываетъ, что, не имѣя у себя многихъ матеріаловъ, доступныхъ только русскимъ ученымъ (напр. „древнѣйшихъ словесныхъ памятниковъ XI в., каковы Остромирово Евангеліе и проч."), Добровскій „не могъ всего опредѣлить удовлетворительнымъ образомъ. Будущему сочинителю Славенской Грамматики, живущему въ Россіи, остается съ помощью сихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ пополнить, объяснить и поправить многія недостаточныя, сомнительныя или ошибочныя мѣста въ Грамматикѣ Добровскаго", которой, впрочемъ, отдается „преимущество передъ всѣми изданными". Другимъ „новымъ и важнымъ пособіемъ, какъ для Грамматики, такъ и для Словаря Славенскаго", Востоковъ называетъ извѣстный „Додатак" Вука Ст. Караджича къ сравнительнымъ словарямъ Екатерины II (1822), содержащій „въ себѣ поправленныя Вукомъ Сербскія и Иллирійскія слова означенныхъ словарей, а также вновь присовокупленныя къ этому слова *Болгарскаго діалекта*, доселѣ никѣмъ еще неописаннаго, и—что еще важнѣе, небольшую Грамматику сего послѣдняго діалекта, который довольно отличаясь отъ Сербскаго, сохранилъ большія сходства съ Церковнославенскимъ"... Въ этихъ чертахъ болгарскаго языка, отмѣченныхъ впервые у насъ (прежде болгарскій считали нарѣчіемъ сербскаго или иллирійскаго языка, ср. напр. выше, стр. 1165), Востоковъ видитъ подтвержденіе своей геніальной по условіямъ

того времени догадки *„о тождествѣ Церковнославенскаго языка съ древнимъ Славеноболгарскимъ“* (курсивъ нашъ). Къ сожалѣнію, ни „Додаткомъ“ Караджича, видѣннымъ у Шишкова, ни грамматикой Добровскаго Востоковъ не могъ пользоваться по недостатку времени [1]).

Приведенное письмо даетъ представленіе о широтѣ и глубинѣ научныхъ интересовъ Востокова, которыя позволяютъ назвать его и первымъ нашимъ настоящимъ славистомъ-языковѣдомъ. Ни у одного изъ его современниковъ, интересовавшихся слав. языками (Каченовскаго, Калайдовича, не говоря уже о прочихъ), мы не найдемъ такого яснаго и глубокаго взгляда на основные вопросы и нужды данной научной области, такой свѣтлой интуиціи, тѣмъ болѣе замѣчательной, что занятому чиновничьей службой Востокову въ то время еще не дано было посвятить себя любимому дѣлу какъ слѣдуетъ и приходилось лишь мимоходомъ и случайно ловить крупицы знанія, падавшія со стола болѣе счастливыхъ, но не отмѣченныхъ Божіей искрой таланта современниковъ.

Подтвержденіе сказаннаго о широтѣ лингвистическихъ интересовъ Востокова найдемъ и въ другихъ мѣстахъ его переписки. Такъ Ермолаевъ въ письмѣ своемъ къ Востокову отъ 26 января 1822 г. (какъ разъ вслѣдъ за возложеніемъ на Востокова порученія составить сравнит. словарь слав. языковъ) сообщалъ ему (по его желанію) полное заглавіе извѣстнаго рукописнаго словаря полабскаго языка, составленнаго докторомъ Юглеромъ (Jugler) и видѣннаго Востоковымъ у Ермолаева [2]).

Немного позже вышеприведеннаго письма къ гр. Румянцову Востоковъ писалъ Кеппену (7-го іюня 1822), благодаря его за подаренныя имъ книги: „Сербскій Словарь“, „Додатак к санктепетербургским сравнительным рјечницима“ и „Народне приповјетке“ Караджича: „Всѣ эти книги для меня весьма интересны. Словаремъ Вука Стефановича пользовался я доселѣ изъ Библіотекя А. П. Тургенева, а теперь у меня будетъ свой. Въ *додаткѣ* своемъ В. Стефановичь подаетъ намъ первый свѣденіе о Булгарскомъ нынѣшнемъ нарѣчіи, которое я давно хотѣлъ узнать. Вы обѣщаете мнѣ еще прислать Копитарову рецензію на Грамматику Добровскаго. Симъ меня крайне обяжете“ [3]).

Разумѣется, условія времени отражались и на Востоковѣ. Несмотря на довольно, казалось бы, ясное представленіе о само-

---

[1]) Тамъ же, стр. 26—29.
[2]) Тамъ же, стр. 25.
[3]) Тамъ же, стр. 408.

стоятельности болгарскаго языка, выраженное въ письмѣ къ гр. Румянцову (см. выше, стр. 1206), Востоковъ все еще, въ письмѣ къ Калайдовичу 17 іюня 1822 г., вслѣдъ за Караджичемъ, [1]) считаетъ шт вм. щ въ Остромировомъ Евангеліи „признакомъ Болгарскаго *или Сербскаго* нарѣчія“ [2]), а смѣшеніе ѧ съ ѫ въ болгарскомъ Шестодневѣ 1263 г., вмѣстѣ съ Добровскимъ,—принадлежностью книгъ, писанныхъ въ Молдавіи (слѣдовало бы прежде всего — Болгаріи) [3]). Первое изъ приведенныхъ мнѣній тѣмъ страннѣе, что въ своемъ „Разсужденіи“ Востоковъ вполнѣ опредѣленно указываетъ на настоящее сербское соотвѣтствіе церковнославянскому щ (=общеслав. tj).

Если сравнить, однако, указанные недочеты Востокова съ шаткостью взглядовъ Калайдовича въ его разсужденіи „О древнемъ церковномъ языкѣ славянскомъ“ (тоже 1822 г.), отмѣченной выше на стр. 787 и сказавшейся и въ его письмѣ къ Востокову отъ 30 іюня 1822 г., гдѣ онъ тоже касался вопроса о щ или шт въ древнихъ церковнославянскихъ памятникахъ, усматривая при этомъ шт и въ русскомъ языкѣ (въ народныхъ формахъ *шти* и *ешто*), то все же придется признать безусловное превосходство Востокова надъ Калайдовичемъ и въ вопросахъ сравнительной грамматики славянскихъ языковъ, сказавшееся въ отвѣтѣ петербургскаго ученаго московскому отъ 18 сент. 1822 г. (см. выше, стр. 866).

Вѣсть о предпріятіи Россійской Академіи, выполненіе котораго было поручено ею Востокову, дошла и до славянскихъ ученыхъ. 3-го мая 1822 г. Ганка писалъ Шишкову: „Въ прошедшіе дни прочиталъ я 6 томовъ сочиненій и переводовъ Россійской Академіи, и читая засѣданія, на умъ мнѣ пало, чтобъ не токмо весьма пристойно, но и несравненно полезно было, когда бъ въ засѣданіяхъ оныхъ тоже одинъ искусный національный членъ изъ каждаго нарѣчія присутствовалъ, особливо когда Академія словари всѣхъ Славенскихъ нарѣчій издавать намѣревается; ибо таковое преславное дѣло никтоже во всѣмъ мірѣ кромѣ Академіи Россійской способствовать не можетъ [4])“. Мысль Ганки, однако, не нашла себѣ отзыва въ Россійской Академіи.

Шишковъ отвѣтилъ на это письмо Ганки лишь 28 апр. 1823 г.

---

[1]) См. его „Писмо“ Дмитрію Фрушичу (Вѣна, стр. 9). Ср. „Сборн. статей чит. въ отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. наукъ“, т. V, вып. II, стр. 32.

[2]) „Сборникъ статей“, т. V, вып. II, стр. 31.

[3]) Тамъ же, стр. 43.

[4]) Записки Шишкова, Берлинское изданіе, ч. II, стр. 390.

Не говоря ни слова о выраженномъ чешскими учеными желанiи видѣть „искусныхъ нацiональныхъ членовъ“ въ составѣ Росс. Академiи, Шишковъ большую часть отвѣтнаго письма посвятилъ изложенiю своихъ взглядовъ на словопроизводство. Перечисляя статьи 9-ой книжки академическихъ „Извѣстiй“, онъ обращаетъ вниманiе Ганки на свою статью: „Продолженiе изслѣдованiя корней“, содержащую „малый токмо опытъ надъ нѣкоторыми корнями“, но заслуживающую, по его мнѣнiю, „вниманiя ученыхъ, разсуждающихъ о славенскомъ языкѣ“. По словамъ Шишкова, „многiе твердятъ о *словопроизводствѣ*, какъ о первѣйшей части грамматики, но никто не вникалъ въ оное до той глубины, до которой спуститься должно, когда хотимъ узнать составъ языка и его нарѣчiй, близкихъ и отдаленныхъ“. Мало признанiя, что *рукавица, рукоятка, рукоплесканiе* происходятъ отъ слова *рука*; „надобно дойти до первоначальной мысли, какую умъ человѣческiй привязалъ къ корню, и отъ ней, какъ отъ источника, переходя послѣдственно изъ одного понятiя въ другое, смежное съ нимъ, сталъ извлекать, составлять и плодить слова“. Въ указанной же статьѣ изображается, какъ этотъ умъ „отъ услышаннаго имъ въ природѣ звука *гр...* пошелъ производить и *громъ*, и *гора*, и *городъ*, и *грызу*, и *грущю*, и *гребу*, и проч. и проч. Въ указанiи на „понятiя совершенно между собою различныя, но не меньше того имѣющiя началомъ своимъ одинъ и тотъ же корень, одну и ту же мысль, которая всѣхъ ихъ породила“, Шишковъ и видитъ задачу „истиннаго словопроизводства, показующаго составъ языка“, утверждая, что „можетъ быть въ одномъ токмо славенскомъ языкѣ цѣпь сiя сохраняется столь неразрывною, что по ней отъ послѣдняго до первоначальнаго звѣна ея доходить можно“.

Еще любопытнѣе должна была показаться Ганкѣ, по мнѣнiю Шишкова, 10-я книжка „Извѣстiй“, заключающая „изслѣдованiе, въ чемъ всѣ языки разнятся и въ чемъ сходствуютъ между собою. Какимъ образомъ каждый изъ нихъ измѣнялся, отходилъ отъ первобытнаго и, сдѣлавшись совсѣмъ инымъ, сохраняетъ однакожъ въ себѣ признаки своего происхожденiя. Славенскiй языкъ является въ нихъ древнѣйшимъ и первѣйшимъ“. Въ этомъ Шишковъ былъ увѣренъ не потому, что самъ былъ „Славенинъ или Руской“, но потому, что его убѣждалъ въ этомъ разумъ и „многiе опыты и доказательства“. „Безсомнѣнiя Нѣмцы и другiе иностранцы возопiютъ противъ меня, продолжаетъ онъ, какъ смѣю я утверждать, что многiя слова ихъ суть вѣтви славенскихъ словъ! Но ежелибъ они, отложа всякое пристрастiе къ языку своему, съ холоднымъ и здравымъ разумомъ вникли въ началы состава язы-

ковъ, то конечно согласились бы со мною, и каждый изъ нихъ увидѣлъ бы въ томъ пользу собственнаго языка своего. Но по несчастію не многіе иностранцы знаютъ славенскій языкъ, и потому не могутъ ни прочитать меня, ни почувствовать силы моихъ доводовъ“ [1]).

Около подобныхъ мыслей вращались всѣ quasi-научные интересы Шишкова. Все что не могло служить имъ, оставляло его равнодушнымъ, и славянскіе языки занимали его лишь по стольку, по скольку могли служить иллюстраціей его излюбленныхъ теорій. Ничего нѣтъ удивительнаго поэтому, что изъ всѣхъ его славянскихъ симпатій и сношеній получилось такъ мало осязательныхъ результатовъ.

Какія представленія о славянскихъ языкахъ обращались еще въ 1822 г. въ болѣе широкихъ кругахъ нашего общества, стоявшихъ въ сторонѣ отъ научной работы того времени, свидѣтельствуетъ невѣжественно путанная классификація славянскихъ языковъ въ „Опытѣ краткой Исторіи Русской литературы“ Греча, вышедшемъ въ этомъ году (см. выше, стр. 788). Путаница эта не была отмѣчена и тогдашними критиками книжки Греча (см. выше, стр. 788—789). Грубыя ошибки Греча не были нисколько удивительны. Наши университеты все еще не имѣли славянскихъ каѳедръ, и славянскимъ языкамъ учиться у насъ было негдѣ. Для этого нужно было ѣхать за границу, какъ и сдѣлалъ въ самомъ концѣ 1821 г. П. И. Кеппенъ, посѣтившій въ 1822 г. рядъ славянскихъ земель и городовъ, и завязавшій сношенія съ разными славянскими учеными, въ томъ числѣ и съ Коларомъ, котораго запрашивалъ „о разныхъ оттѣнкахъ Словацкаго нарѣчія (или о разныхъ нарѣчіяхъ Словацкаго языка)“. Въ отвѣтъ на этотъ запросъ Коларъ сообщилъ Кеппену „сколько можно удовлетворительное извѣстіе“, которое впослѣдствіи было напечатано въ предисловіи къ сборнику словацкихъ свѣтскихъ пѣсенъ Шафарика и Благослава (кн. I. 1823 г.) [2]). Но Кеппенъ путешествовалъ въ качествѣ частнаго человѣка, и лингвистическія наблюденія въ его поѣздкѣ стояли несомнѣнно на заднемъ планѣ. Одинъ только Виленскій университетъ еще въ 1821 г. командировалъ за границу въ славянскія земли для изученія славянскихъ нарѣчій ученаго ксендза Бобровскаго, имя котораго попадается и на страницахъ нашихъ журналовъ того времени [3]). Въ томъ же Виленскомъ университетѣ

[1]) Записки Шишкова, Берл. изданіе ч. II, стр. 391—393.

[2]) См. „Библіографическіе листы“ Кеппена, № 18, 1825 г., стлб. 254.

[3]) А. А. Кочубинскій въ своей книгѣ „Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ гр. Румянцовъ. Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія“. (Одесса 1887—88,

И. Н. Лобойко съ 1822 г. началъ преподавать „Славянскій языкъ по грамматикѣ Добровскаго, соединяя это съ разборомъ и чтеніемъ Славянскихъ книгъ“ [1]). Но достойному подражанія примѣру названнаго университета у насъ еще не собирались слѣдовать...

Частыя ссылки на славянскіе языки находимъ въ продолженіи Шишковскаго „Опыта разсужденія о первоначаліи, единствѣ и разности языковъ, основаннаго на изслѣдованіи оныхъ“ („Извѣстія Россійской Академіи“, кн. 10, 1822 г. стр. 72—230). Славянскій языкъ изображается здѣсь „самодревнѣйшимъ и можетъ быть ближайшимъ къ первобытному языку, ибо одно исчисленіе Скифо-Славенскихъ народовъ, подъ тысячами разныхъ именъ извѣстныхъ и по всему лицу земли разсѣлившихся, показываетъ ужé какъ великое его расширеніе, такъ и глубокую древность“ (стр. 83). Самое слово „Скифы или Скиты“ Шишковъ, вслѣдъ за Тредьяковскимъ (см. выше, стр. 206), считаетъ славянскимъ словомъ, „означающимъ *скитаніе*, т. е. прехожденіе отъ одного мѣста въ другое, поелику первоначальные народы не имѣли постоянныхъ жилищъ“ (стр. 83, прим.). Щедро приводятся примѣры изъ разныхъ слав. языковъ: „Богемцы отъ ошибки въ произношеніи перемѣнили букву *м* въ *н*, и вмѣсто *медвѣдь* пишутъ *nedwed*“ (стр. 93, прим.); „Богемецъ изъ... *hrb* (горбъ) произвелъ двѣ вѣтви *hrib* и *hreb* (такъ!), изъ которыхъ первая значитъ у него тоже, что и у насъ *грибъ*, а подъ второю (*hreb*) разумѣетъ онъ то, что мы называемъ *гвоздь*“ (стр. 97, прим.). Разсуждая объ отличіи языка отъ нарѣчія (стр. 100 и слѣд.), Шишковъ иллюстрируетъ свои мысли множествомъ примѣровъ изъ чешскаго языка, утверждая, что „богемскій“ языкъ отличается отъ русскаго: 1) „Разностію принятой Богемцами Латинской азбуки съ Славенскою, изъ которыхъ первая не имѣетъ достаточнаго числа буквъ къ выраженію всѣхъ звуковъ Славенскаго языка, и потому должна выражать ихъ, или одну букву многими, или одною буквою многія, различая оную на отточенную и неотточенную“ (! стр. 102). Такъ „з замѣняется буквою Z“: законъ, *zakon* и т. д., ж—„тою же буквою съ точкою съ верху“: жалоба, *żaloba* и т. д. („иногда пишутъ и ss: дождь, *desst*“...); х — буквами *ch*: хвала, *chwala* и т. д. (стр. 102). О буквѣ *g* говорится, что „буква сія ко всѣмъ

стр. 258—59) относитъ командировку Бобровскаго къ 1822 г., но изъ примѣчанія къ переводу одной изъ статей Бобровскаго въ „Вѣстн. Европы“ 1824 г. (№ 22, стр. 122) видно, что Бобровскій былъ въ Парижѣ уже въ 1821 г.

[1]) См. „Русскій Историч. Сборникъ“, т. 4, 1840 г., кн. I, стр. 150—51.

гласнымъ присоединяется и составляетъ съ ними всѣ наши гласныя буквы, какъ то: едва, *gedwa*; ѣду, *gedu*“ и т. д. *У* выражается иногда буквою *u*: муха, *mucha* и т. д., иногда буквами *au* (!): дубокъ, *daubok* (стр. 103), а иногда буквою *v* (!): уступъ, *vstup*; иногда буквами *gi*: утро, *gitro* (!). Такія же удивительныя сопоставленія не то „буквъ“, не то звуковъ находимъ и дальше: *ы* выражается посредствомъ *y* (быкъ, byk) и *au* (!): дыра, *daura* и т. п. (стр. 104).

2) „Одно нарѣчіе продолжаетъ разнствовать отъ первобытнаго образа своего (то-есть отъ языка) или отъ другаго нарѣчія измѣненіемъ гласныхъ буквъ: трость, *trest*; пепелъ, *popel*; десна, *dasne*; клокотать, *klektati* [ближе было бы сравнить съ kloktati] и проч. Иногда и согласныя измѣняются: ось, *wos*; звѣзда, *hwezda*; черешня, *tressne*; нравъ, *mraw*; хлыстъ, *klest* (!)“.

3) „Сокращеніемъ словъ: молчаливость, *mlcawost*; вергаю, *wrhu*; волна, *wlna* и проч. Иногда сіи сокращенія или выпуски буквъ совсѣмъ затмѣваютъ корень или происхожденіе слова, какъ на примѣръ *odniti* вм. *отгнути*, *wznitise* вмѣсто *возогнитися*, т. е. возгорѣться“.

4) „Растяженіемъ словъ: хладить, *chladnauti*; мыльня, *mytedlna*; сало, *sadlo*; дикій, *diwoky*“ и т. д. „Замѣтимъ, что въ семъ послѣднемъ случаѣ не они, но мы выпускомъ буквы *в* затмили корень; ибо слово *дикій*, по старинному *дивій*, происходитъ отъ имени *диво*, и слѣдовательно изъ *дивокій* или *дивкій* (т. е. всему удивляющійся, ни къ чему не привычный) сократилось въ *дикій*, отколѣ и слово *диковинка*, означающее больше *дивную*, нежели *дикую* вещь“.

5) „Переставкою буквъ“ (холмъ, *chlum*, пестръ, *perest* [!], долго, *dlauho* и т. д.).

6) „Различными окончаніями, хотя вообще свойственными языку, но въ одномъ нарѣчіи больше употребительными, нежели въ другомъ: мужество, *mužnost*, миротворецъ, *mirce*, мертвячина (трупъ), *mrcha*“ и т. д.

7) „Перемѣною предлоговъ: обвинять, *zawiniti*, поблѣднѣть, *zbledmauti*, издалека, *zdaleka* (!)“ и т. д.

8) „Болѣе же всего различіемъ производства вѣтвей изъ одного и того же корня или слова“. Примѣры: „мы говоримъ *мракъ*, *мрачный*, и Богемцы тоже *mrak*, *mracny*; но они въ одинаковомъ смыслѣ говорятъ *oblak* и *mracek*, а мы говоримъ токмо *облако*, не употребляя слово *мрачекъ*. Мы говоримъ *трость*, а они съ малымъ измѣненіемъ тоже *trest*; но они произвели отъ

сего имени глаголъ *trestati* (тростати, т. е. наказывать, бить тростью), а мы не имѣемъ сего глагола" (Шишковъ, очевидно, не зналъ русскаго глагола *тростить*) и т. д. и т. д. (стр. 105—108 и слѣд.).

Рядомъ съ этими, большею частію крайне грубыми, невѣрно формулированными или прямо ошибочными сличеніями, Шишковъ неожиданно обнаруживаетъ нѣкоторую тонкость этимологическаго анализа, указывая на слова, одинаково звучащія, но разныя этимологически: „Не рѣдко случается, что два слова изъ одинакихъ буквъ составленныя различное значатъ, поелику разные корни имѣютъ. Наше слово *подробность* происходитъ отъ глагола *дробить*, а ихъ („Богемцовъ") *podrobenost* отъ глагола *robiti* (соотвѣтствующаго нашему *работать*, который часто пріемлется въ смыслѣ чинить, служить) и потому ихъ *podrobenost* значитъ подчиненность, повиновеніе. Наше *припасать* происходитъ отъ *пасу*; а ихъ *pripasati*, отъ *pas* (поясъ), и потому значитъ *препоясать*. и проч.". Кромѣ того, въ числѣ отличій одного нарѣчія отъ другого Шишковъ указываетъ еще разницы лексическія, въ родѣ чешскихъ словъ *klid*, *smaha*, *rotitise* и т. д., у насъ въ живомъ языкѣ отсутствующихъ, но встрѣчающихся въ народныхъ говорахъ или „въ нѣкоторыхъ старинныхъ книгахъ" (стр. 111—113).

Говорящіе такими нарѣчіями не могутъ понимать другъ друга. „По сей причинѣ называемъ ихъ языками: Польской, Сербской, Богемской, Иллирійской языкъ". Но всѣ такія нарѣчія все же „составляютъ одинъ и тотъ же Славенской языкъ, различно употребляемый, но отнюдь не чуждый тому Славенину, кто станетъ его не по навыку слушать, а разбирать по разсудку и смежности понятій". Такъ мы можемъ понимать извѣстныя чешскія слова, въ родѣ *zbiradlo*=сборное мѣсто, *kriwoprisežnik*=клятвопреступникъ, *dati se snekym do wady* = поссориться и т. д. „Слѣдовательно не учась Богемскому нарѣчію можемъ по собственному своему языку понимать оное" (стр. 113—114). Ниже Шишковъ также прибѣгаетъ къ сравненію со славянскими языками, но уже не такъ часто, проявляя при этомъ тѣ же знакомые намъ пріемы. Такъ на стр. 174—182 находимъ сравненіе разныхъ слав. формъ слова *языкъ* съ формами другихъ индоевропейскихъ и даже неиндоевропейскихъ (ассирійскаго и кабардинскаго) языковъ (по словарямъ Екатерины II). Оказывается, что наше *языкъ* есть въ сущности *я зыкъ* (я есмь голосъ, звукъ) и родня нѣм. Lunge, а также и персидскому *зубанъ* (очевидно zeban), чтó представляется Шишкову вполнѣ естественнымъ, „поелику сей членъ во рту нашемъ столько же есть орудіе *зыка*, сколько *голоса* и *зубовъ*" (!?).

На стр. 213—218 разсматривается этимологія нѣм. *kutsche*, *kutscher*, причемъ приводятся и славянскія соотвѣтствія въ родѣ польск. „cozh, cotcz“, „богемскаго kocj, kotcj“, словацк. „koc“, серб. „kutscha“ и т. д. На стр. 226—228 трактуется этимологія „славенскаго“ *нощь* или *ночь* (съ приведеніемъ соотвѣтствій въ другихъ слав. языкахъ), производимаго отъ выраженія *нѣтъ очей*, и т. д.

Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, а также изъ приведенныхъ выше образчиковъ сравненій со словинскимъ языкомъ, относящихся къ 1817 г., Шишковъ по времени долженъ быть поставленъ самымъ первымъ въ ряду лицъ, занимавшихся у насъ въ началѣ XIX в. сравнительной грамматикой славянскихъ языковъ. Никто, пожалуй, такъ усердно и часто, съ такимъ обиліемъ сопоставленій, не занимался у насъ тогда въ печати [1]) сличеніемъ русскаго языка съ другими славянскими. Сопоставленія Востокова въ его „Разсужденіи“ скромны и незначительны на видъ, сравнительно съ длинными перечнями словъ и цѣлыми глоссаріями, которые мы находимъ въ статьяхъ Шишкова. Къ несчастію занятія послѣдняго были безтолковы, носили рѣзко выраженный любительскій отпечатокъ и ни къ какимъ сколько-нибудь цѣннымъ научнымъ результатамъ не привели. Обширные этюды Шишкова въ области сравнительной грамматики славянскихъ языковъ являются почти макулатурой, пожалуй лишенной даже историческаго значенія, тогда какъ скромное по объему „Разсужденіе“ Востокова (въ которомъ сравнительно-грамматическое освѣщеніе извѣстныхъ явленій славянскихъ языковъ въ сущности стояло на заднемъ планѣ) въ зародышѣ намѣчало цѣлый рядъ основныхъ, крупныхъ и важныхъ вопросовъ этой области знанія.

Большое впечатлѣніе, произведенное у насъ появленіемъ знаменитыхъ „Institutiones“ Добровскаго [2]), вполнѣ естественно порождало всеобщее желаніе видѣть этотъ трудъ въ русскомъ переводѣ. Евгеній Болховитиновъ, возвращавшій гр. Румянцову присланную ему для ознакомленія „грамматику Добровскаго“, писалъ канцлеру 28 окт. 1822 г., что она „стоитъ быть и у насъ на-

---

[1]) Этимологическія сближенія Востокова въ его «Словороспнсаніи» (см. выше, стр. 657 и сл.) остались въ рукописи.

[2]) Такъ даже гр. Румянцовъ, вообще мало интересовавшійся чистымъ языкознаніемъ, читалъ «прелюбопытный анализъ» грамматики Добровскаго, написанный Копитаромъ и напечатанный въ «Вѣнскомъ журналѣ» («Jahrbücher der Litteratur», см. переписку митроп. Евгенія, вып. II. Воронежъ, 1885, стр. 64). Евгеній въ свою очередь намѣревался приказать перевести для себя помянутую рецензію Копитара (тамъ же).

печатана" [1]), а Калайдовичъ еще 20 апр. того же года просилъ А. Ѳ. Малиновскаго доставить помощь и покровительство гр. Румянцова молодому Погодину и его пріятелю Кубареву при затѣянномъ ими переводѣ труда Добровскаго [2]). Мысль перевести „Institutiones" пришла Погодину самостоятельно, при первомъ извѣстіи о выходѣ книги въ свѣтъ, сообщенномъ ему Кубаревымъ, и онъ тогда же „опрометью побѣжалъ" къ Калайдовичу просить его написать объ этомъ намѣреніи гр. Румянцову [3]).

Отвѣчая Малиновскому на его предстательство, гр. Румянцовъ писалъ 8 мая 1822 г.: „Грамматика Добровскаго есть такое великое сочиненіе, что нельзя тому статься, чтобы переводъ ея не былъ порученъ отъ Россійской академіи кому-либо изъ ея членовъ, и, кажется мнѣ, не можетъ быть принадлежностію первыхъ опытовъ какого-либо таланта: но возданная хвала г. кандидату Погодину въ письмѣ г. Калайдовича возбуждаетъ во мнѣ особенное къ нему вниманіе и Вы меня премного одолжить изволите, ежели, познакомяся съ нимъ... мнѣ впередъ укажете, на чтобы его съ успѣхомъ употребить можно" [4]).

Слухъ о томъ, что Россійская Академія намѣревается переводить „Institutiones", продолжалъ держаться и въ 1823 г., хотя и не имѣлъ прочнаго основанія. 29 янв. 1823 г. Калайдовичъ писалъ Востокову: „Я слышалъ будто въ Росс. Академіи хотятъ перевести Грамматику Добровскаго. Сдѣлайте одолженіе, увѣдомьте правда-ли? мнѣ это очень знать нужно" [5]). Востоковъ отвѣчалъ ему, вполнѣ опредѣленно мотивируя ненужность такого перевода: „Вамъ угодно знать, правда ли, будто въ Рос. Академіи хотятъ перевести Грамматику Добровскаго. Помнится однажды въ собраніи Академіи говорили, что не худо бы перевести эти книгу: но формальнаго къ тому порученія, сколько мнѣ извѣстно, никому не сдѣлано, и никто изъ членовъ Академіи самъ на то не вызывался. Я съ моей стороны не взялся бы быть просто переводчикомъ этой Грамматики, находя въ ней многое, требующее передѣлки, пополненія и сокращенія. Кто хочетъ пользоваться ею въ настоящемъ видѣ, можетъ читать и Латинскій подлинникъ. Книга эта писана собственно для ученыхъ, которые должны разумѣть по Латынѣ. Другое дѣло, перевести Грамматику сію на Русскій съ нужными

---

[1]) Переписка митроп. Евгенія и т. д. Вып. II, стр. 62.
[2]) Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс. 1862, ч. III, стр. 68.
[3]) Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», ч. I, Спб. 1888, стр. 158.
[4]) «Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс.», 1882 г., кн. III, стр. 220.
[5]) «Сборникъ статей, чит. въ отд. русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ», т. V, вып. II, стр. 45.

дополненіями и примѣчаніями. Я за сіе не взялся бы, ибо намѣренъ сочинить свою Славенскую Грамматику, въ которой конечно не оставлю воспользоваться всѣми открытіями Добровскаго. Если кто между тѣмъ переведетъ его Грамматику для Русскихъ съ своими дополненіями и примѣчаніями: тѣмъ лучше! я воспользуюсь и его трудомъ. Крайне желалъ бы я васъ, почтеннѣйшій К. Ѳ., имѣть предшественникомъ моимъ на семъ поприщѣ. Можетъ быть мнѣ послѣ васъ не осталось бы уже никакого дѣла надъ поясненіемъ Грамматики Славенской. Съ радостью уступилъ бы я вамъ пальму по сей части. Вы бы развязали мнѣ руки для другихъ занятій" [1]).

Несмотря на вѣрное и вѣское сужденіе Востокова, мысль о переводѣ устарѣвшихъ уже въ то время „Institutiones" Добровскаго все же продолжала держаться и дѣйствительно была осуществлена Погодинымъ (вмѣстѣ съ Шевыревымъ) три года спустя. Востоковъ тѣмъ временемъ, хотя и писалъ Калайдовичу 19 іюля 1823 г., что „принялся за отработку начисто собираемыхъ... давно уже матеріаловъ къ Словенской Грамматикѣ" [2]), на дѣлѣ болѣе и болѣе удалялся отъ своихъ былыхъ лингвистическихъ интересовъ, погружаясь все глубже въ совсѣмъ не тронутыя разработкой залежи древнерусскихъ и старославянскихъ письменныхъ памятниковъ и полагая прочное основаніе русской и славянской палеографіи. Нетерпѣливое ожиданіе отъ Востокова „Славенской грамматики", сказывающееся въ письмахъ къ нему его современниковъ, напр. Калайдовича отъ 1 авг. 1823 г., и Кеппена отъ 1/13 окт. того же года [2]), было удовлетворено лишь 40 лѣтъ спустя его „Грамматикой Церковно-Словенскаго языка, изложенной по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ" (Спб. 1863).

Общіе, а иногда и болѣе частные вопросы славянскаго языкознанія затрогивались также въ знакомыхъ уже намъ статьяхъ, явившихся въ нашихъ журналахъ въ 1823 г.: въ статьѣ Фатера о происхожденіи русскаго языка (въ Вѣстн. Европы, см. выше, стр. 789—793), въ письмѣ Караджича къ Дм. Фрушичу (тамъ же, см. выше, стр. 793—95), въ любительскомъ письмѣ В. В. Капниста къ предсѣдателю Моск. Общ. Люб. Росс. Слов. (въ „Трудахъ" общества, см. выше, стр. 795—97) и въ интересномъ разсужденіи Н. Полевого „О древнемъ языкѣ словенскомъ" (тамъ же, см. выше, стр. 797—801), ставившемъ на очередь разработку сравнит. грамматики славянскихъ языковъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 47—48.

[2]) Тамъ же, стр. 63.

Общаго же вопроса о происхожденіи славянской группы языковъ касался Евгеній Болховитиновъ въ письмѣ своемъ (отъ 24 янв. 1823 г.) къ гр. Румянцову. Поводомъ къ этому послужила выписка изъ письма французскаго (датскаго) географа Мальтбрена къ канцлеру, отправленная послѣднимъ Евгенію. Мальтбренъ, ссылаясь на свою „Géographie Universelle“, поддерживалъ въ письмѣ къ гр. Румянцову положеніе, неслыханное въ тѣ времена, но очень близкое къ современному взгляду, что славяне обитаютъ въ Европѣ съ незапамятныхъ поръ и всегда составляли очень большую часть европейскаго населенія, хотя и не носили никакого общаго собирательнаго имени. Въ то же время онъ надѣялся доказать, что сарматы, весьма сильно отличающіеся отъ славянъ, представляютъ собой одинъ изъ кочевыхъ народовъ Азіи, которые наводняютъ и опустошаютъ страны на подобіе бурныхъ потоковъ и потомъ исчезаютъ сами собой. Въ концѣ концовъ Мальтбренъ хотѣлъ высказать нисколько не удивительную теперь для насъ мысль, что славяне столь же древніе жители Европы, какъ греки, римляне, кельты или готы [1]).

Евгеній жестоко обрушился на Мальтбрена за его довольно невинныя идеи: „изъ приложенной къ первому письму выписки изъ похвальбы Мальтбрюна, я ничего болѣе не замѣчаю, кромѣ бреда, въ который часто впадаютъ и знаменитые люди. Наши лѣтописатели, начиная съ Нестора, изъ подражанія *византійцамъ*, давно производятъ прямо отъ Ноя и сына его Афета *славянъ*, засѣлявшихъ якобы весь сѣверъ. Нашъ Тредьяковскій въ книгѣ своей о *трехъ русскихъ древностяхъ* всѣми силами доказывалъ, что и языкъ славенскій есть корень и источникъ *всѣхъ европѣйскихъ языковъ*. Теперь остается Мальтбрюну дополнить его доказательства“ [2]).

---

[1]) Извлеченіе изъ письма Мальтбрена напечатано въ «Перепискѣ митроп. Евгенія», вып. II, Воронежъ, 1885, стр. 69: «C'est avec d'aussi faibles moyens que j'ose essayer dans un nouveau tôme de ma Géographie Universelle de soutenir la thèse «que les nations Slavonnes, sinon toutes, du moins la plupart ont habité l'Europe de temps immémorial et quoique sans être connues sous un nom collectif, ont toujours formé une trés grande partie de la population Européenne». Je me flatte en même temps «de prouver que les Sarmates. très différents des Slavons, sont un de ces peuples nomades de l'Asie, qui innondent dévastent (такъ!) à l'instar de torrents et qui disparaissent de même». Si je peux démontrer ces deux thèses historiques, il en resulterait, que les nations Slavonnes sont aussi anciennes en Europe, que les Grecs, les Romains, les Celtes où les Goths».

[2]) Переписка митрополита Евгенія и т. д. Вып. II. Воронежъ, 1885 г. стр. 71.

Изъ журнальныхъ статей болѣе детальнаго характера отмѣтимъ знакомую уже намъ интересную статью И. Ѳ. Калайдовича „Нѣчто о прошедшихъ временахъ глаголовъ и т. д.“ („Вѣстникъ Европы“ 1823 г.), въ которой довольно удачно (хотя и не безъ ошибокъ) сравнивались русскія глагольныя формы съ соотвѣтствующими формами другихъ славянскихъ языковъ (см. выше, стр. 1049—1052).

1824 годъ мало внесъ новаго въ нашу скудную литературу по славянскому языкознанію. Изъ оригинальныхъ статей можно указать только одну: „Славянскія пѣсни разныхъ нарѣчій“, напечатанную кн. Цертелевымъ въ „Сѣверномъ Архивѣ“ (ч. IX, стр. 102—112). Большую часть статьи составляютъ народныя пѣсни: „Богемская“, моравскія и „Валаскія“ (Walaské) [1]), „Славянскія“ (т. е. словацкія), сербскія и одна „Вендская“ (т. е. словинская, у Челяковскаго—„виндская“), съ параллельнымъ русскимъ переводомъ. Пѣсни эти были взяты изъ первой части извѣстнаго собранія Челяковскаго „Slowanské národnj Pjsně“, которое Цертелевъ характеризуетъ такъ: „Собраніе сіе весьма любопытно для филологовъ; оно представляетъ такъ сказать паралель восьми Славянскихъ нарѣчій: Чехскаго или Богемскаго, Моравскаго, Валахскаго (!), Сербскаго, Вендскаго, Словенскаго, Малороссійскаго и Великороссійскаго. Не сомнѣваюсь, что литераторамъ нашимъ пріятно будетъ видѣть различные такъ сказать отливы Славянскаго языка, общаго нѣкогда столь многимъ поколѣніямъ“. Къ пѣснямъ приложены примѣчанія, содержащія характеристику Краледворской рукописи Шишкова (изъ 8-й книжки „Извѣстій Росс. Акад.“, см. выше, стр. 1194) и отрывокъ изъ письма Юнгмана къ Раковецкому (также изъ „Изв. Росс. Акад.“, кн. 9, см. выше, стр. 1201) о томъ, что славяне, „придя изъ отечества своего Индіи“, не были дикарями, но имѣли собственное свое письмо, вытѣсненное впослѣдствіи латинской азбукой при распространеніи христіанства и т. д. (стр. 104). Статья кончается небольшимъ послѣсловіемъ, свидѣтельствующимъ, что кн. Цертелевъ преслѣдовалъ въ ней лингвистическую цѣль: „Сего небольшаго числа пѣсенъ довольно для того, чтобы сравнить различныя нарѣчія языка Славянскаго, что же касается до пѣсенъ Малороссійскихъ и Великороссійскихъ, то не считаю нужнымъ выписывать ихъ, ибо нарѣчія сіи слишкомъ извѣстны нашимъ Писателямъ“. Малорусскій отдѣлъ сборника Челяковскаго Цертелевъ находитъ очень скуд-

[1]) Кн. Цертелевъ, вслѣдъ за Челяковскимъ, подъ «валахскимъ» языкомъ, разумѣлъ одинъ изъ чехо-моравскихъ діалектовъ.

нымъ и удивляется этому. По его мнѣнію, онъ могъ бы быть однимъ изъ богатѣйшихъ, „ибо ни одно можетъ быть изъ нарѣчій языка Славянскаго не имѣетъ столько разнообразныхъ прелестныхъ стихотвореній, какъ нарѣчіе Малороссійское“ (стр. 111).

„Вѣстникъ Европы“ въ 1824 г. помѣстилъ двѣ переводныхъ (съ польскаго) статьи виленскаго слависта, ксендза Бобровскаго. Первая изъ нихъ, снабженная примѣчаніями редактора, озаглавлена: „Записки о путешествіи по землямъ Славянскимъ“ (№ 22, стр. 122—135) и, какъ гласитъ примѣчаніе, была извлечена „изъ донесеній ученыхъ путешественниковъ, которые Виленскимъ Университетомъ были отправлены въ чужіе края для дальнѣйшаго усовершенствованія“. Оригинальная статья была написана въ Парижѣ въ 1821 г. и напечатана въ Dzienniku Wileńskiem за 1822 г. Kwiecień. Виленскій ученый обращалъ особое вниманіе на языкъ и литературу. По его словамъ, въ „свѣдѣніи о поколѣніяхъ Славянъ, пустившихъ столь обширныя вѣтви отъ одного ствола“, заботливый изыскатель древностей Славянскихъ... „найдетъ достовѣрную значительность множества словъ и откроетъ утраченные ихъ корни; ибо весьма часто встрѣчаются въ одномъ изъ нарѣчій Славянскихъ такія слова производныя, которыхъ первообразныя только въ другомъ сохранились“ [1]) (стр. 125—126). Отечественный языкъ Далмаціи авторъ называетъ *Гарвацкимъ* (т. е. Хорватскимъ), присовокупляя, что въ ученыхъ сочиненіяхъ онъ называется „Иллиріійскимъ“. „Языкъ сей подходитъ гораздо ближе къ свойствамъ древняго Славянскаго, нежели Польскій или Богемскій“ (стр. 127—28). Далѣе отмѣчается, что „у островитянъ, равно какъ жителей городовъ и селъ приморскихъ, языкъ Славянскій смѣшанъ съ Италіянскимъ; но чѣмъ далѣе отъ береговъ моря углубляетесь во внутренность края, тѣмъ чище языкъ Славянскій слышится изъ устъ грубаго Морлаха, выговаривающаго даже букву *(лъ)* весьма исправно. Сіе особенное свойство Славянскаго языка, чуждое многимъ нарѣчіямъ (кромѣ Польскаго и Россійскаго), во все время путешествія замѣчено мною однажды въ Моравіи, а въ другой разъ между жителями Далматіи: объ немъ не упоминалъ никто изъ филологовъ, которые писали о нарѣчіяхъ Славянъ южныхъ и самъ даже Аппендини немало удивился звуку сей согласной буквы, какъ неслыханной для него новости“ (стр. 128—29). По словамъ автора, „нимало неудиви-

---

[1]) Въ примѣчаніи редактора къ этому мѣсту говорится: «Напримѣръ кто бы подумалъ, что *воротникъ* происходитъ отъ слова *вратъ*, которое значитъ шея и донынѣ употребительно между Сербами?» (стр. 126).

тельно, что на каждомъ островѣ, въ каждомъ городѣ, въ каждомъ уѣздѣ иначе говорятъ и пишутъ, что слова и обороты заняты или изъ Италіянскаго языка, или изъ Турецкаго, изъ Венгерскаго; что Синтаксисъ имѣетъ въ себѣ много чужестраннаго и что вообще почти употребляются для письма Латинскія буквы" (объясняется историческими условіями). Далѣе идетъ рѣчь о съѣздѣ „ученѣйшихъ мужей" въ Зарѣ, имѣвшемъ составить „правописаніе для грамоты Иллирійской, которое служило бы правиломъ для всѣхъ училищъ". Подробное описаніе этого засѣданія, какъ мало интересное для русской публики, Каченовскимъ опущено. При этомъ, по поводу вопроса объ употребленіи въ Далмаціи глаголицы, Каченовскій дѣлаетъ примѣчаніе: „извѣстно, что азбучные знаки для Глаголическаго письма вымышлены Католиками въ XIII столѣтіи" (стр. 131). На стр. 132-й и слѣд. указывается на существованіе двухъ нарѣчій въ Далмаціи, сохранившихся, благодаря „Христіанской вѣрѣ и ученымъ ея служителямъ",—„*Далматскаго*" и „Рагузинскаго", и предлагается общій очеркъ исторіи далматской литературы. О томъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ оба названныя нарѣчія, „мало по малу отступая отъ первобытнаго языка Славянскаго, въ продолженіе вѣковъ дошли" до современнаго состоянія, о насажденіи славянской литургіи, печатныхъ глаголическихъ книгахъ и вліяніи ихъ на далматское нарѣчіе, введеніи латинской азбуки и итальянскаго правописанія и т. д. авторъ не намѣренъ говорить: „все сіе... можетъ послужить предметомъ особаго трактата", матеріалы для котораго собираются. Изъ примѣчаній редактора интересно одно—объ имени *Ляхъ* (стр. 124). Каченовскій отвергаетъ этимологію, приводимую Бобровскимъ изъ путешествія Кн. Сапѣги по славянскимъ землямъ (1802—3) и гласящую, что Морлахи=Моряхи, т. е. Ляхи, живущіе у моря, тогда какъ Поляки=Полевые ляхи, рыскавшіе по полямъ: „Догадка хороша! Но любитель историческихъ доводовъ предпочтетъ ей другое показаніе, а именно, что *Морлахи* суть потомки *Мавро-Влаховъ*, т. е. Черныхъ Влаховъ".

Вторая статья каноника Михаила Бобровскаго, впослѣдствіи профессора Виленскаго университета, переведенная изъ „Dziennika Wileńskiego" (1823, № 8), трактовала „О старинной Славянской рукописи хроники Далматской" („Вѣстн. Европы", 1824 г., № 23, стр. 258—274. „Дополнительныя примѣчанія" къ статьѣ, не имѣющія, впрочемъ, лингвистическаго содержанія, напечатаны въ № 24, стр. 315—18). Рукопись эта характеризуется (на стр. 269), какъ „единственный остатокъ, которымъ доказывается древность и свойство Далматскаго нарѣчія; въ то же время она слу-

жить новымъ источникомъ богатства для языка Славянскаго". Приводится и отрывокъ изъ нея съ грамматическими примѣчаніями и переводомъ устарѣвшихъ словъ на современныя далматскія (сдѣланъ жителемъ острова Курсоли, Матвѣемъ Капоромъ, стр. 273—74). Мы находимъ здѣсь такіе „переводы": *у томъ врымену*—нынѣ: *у то вриме; философъ—мудрознанъ, мужъ—чловикъ, сфета—света* и т. д. По поводу формы *меу* (между) замѣчается: „выбросивъ вставочное (!) Славянское *д* изъ слова *между*, получимъ *межу*; изъ сего видно, что Далматы лѣнились выговаривать и букву *ж.*". Обороты въ родѣ *обратіо, слишао быше*— относятся „къ отличіямъ Далматскаго нарѣчія, которое, мало помалу принимая формы Италіянскаго языка, теряло первобытныя свойства Славянскаго" и т. д.

Востоковъ въ теченіи 1824 года, кромѣ своихъ палеографическихъ работъ, о которыхъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, занимался „сочиненіемъ примѣчаній къ памятникамъ Краинскаго языка X вѣка, сохранившимся въ Фрейзингенской рукописи", снимки съ которой намѣревался издать Кеппенъ. По словамъ Востокова, „принявъ на себя по прозьбѣ Г. К. трудъ сей", онъ имѣлъ въ виду, что это изданіе предпринято было на средства гр. Румянцева. Работая надъ нимъ, Востоковъ не наносилъ ущерба интересамъ своего покровителя, напротивъ, содѣйствовалъ имъ [1]). Канцлеръ такъ и понялъ это, отвѣтивъ Востокову, что онъ „безъ сомнѣнія одолжилъ" его составленіемъ названныхъ примѣчаній [2]).

15 мая 1824 г. Шишковъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія, и, въ виду его „славенофильства", можно было ожидать, что, получивъ этотъ постъ, онъ предприметъ какія нибудь мѣры къ распространенію въ нашемъ обществѣ знакомства со славянскимъ міромъ вообще и слав. языками въ частности. Весьма вѣроятно, что, уже при самомъ вступленіи своемъ въ новую должность, Шишковъ могъ задумываться надъ такими мѣрами. Но, занятый болѣе важными, по его мнѣнію, дѣлами—борьбой съ „духомъ времени", мистиками, библейскимъ обществомъ, проведеніемъ новаго цензурнаго устава и т. д., онъ не имѣлъ времени перейти къ осуществленію своихъ плановъ. Лишь въ 1826 г. его мечтанія начали принимать болѣе конкретную форму, но и тогда имъ не суждено было превратиться въ дѣйствительность. Только второму изъ преемниковъ Шишкова, гр. Уварову, принад-

[1]) Письмо Востокова къ гр. Румянцову отъ 22 окт. 1824 г., см. «Сборн. статей, чит. въ отд. русск. языка и слов.», т. V, вып. 2, стр. 140.

[2]) Письмо отъ гр. Румянцова къ Востокову отъ 7 ноября 1824 г. Тамъ же, стр. 144.

лежитъ заслуга введенія славянскихъ каѳедръ въ нашихъ университетахъ.

Къ 1825 году относится появленіе новой переводной статьи [1]) ксендза Мих. Бобровскаго: „Краткая выписка изъ путешествія по верхней Лузаціи“, сдѣланная нѣкіимъ Т. М. („Вѣстникъ Европы“ 1825 г., янв.—февр., стр. 252—64). По словамъ редактора „Вѣстника Европы“, „предлагаемыя извѣстія о языкѣ и словесности Лузатскихъ Вендовъ для насъ совершенно новы“. Нужно замѣтить, что и переводчикъ статьи внесъ въ нее кое какія прибавленія съ своей стороны. Ученый путешественникъ разсказываетъ, что еще по дорогѣ, на одномъ постояломъ дворѣ въ Саксоніи, впервые „услышалъ говорящихъ полузацки и замѣтилъ существенную разницу между симъ нарѣчіемъ и другими Славянскими“, а именно удареніе на первомъ слогѣ словъ и то, что многія слова произносятся лужичанами „на Богемскую стать, или уродуются Нѣмецкимъ выговоромъ, или получаютъ Нѣмецкую форму“. Въ Будишинѣ Бобровскій познакомился „съ діакономъ Любенскимъ, авторомъ *Вендской грамматики*, еще не совсѣмъ оконченной“, которую ея авторъ намѣревался передѣлать по плану чешской грамматики Добровскаго, а также съ епископомъ Локке, изъяснявшимъ ему „свойства Лузацкаго нарѣчія, заимствуя примѣры“ изъ книги „Ставизне нового законя въ котрыхъ жъ вописано іо те живіеніо га та вусба нашог' кніеза Іезуса Крыстуса га тыхъ іого пріеньшихъ Вуцовниковъ въ Будушніе 1814“. Бобровскій удивляется присутствію въ лужицкомъ яз. нѣмецкихъ словъ „съ Лузацкимъ окончаніемъ“, напр. *лазуваньо*, *полазуваньо* (чтеніе) отъ lesen, ich las, тому, что слова начинаются съ согласныхъ, но не гласныхъ „буквъ“ (*вуцовникъ*=ученикъ, *га* вм. *а*=*и*, *вонъ* вм. *онъ* и т. д.). Кромѣ того, Бобровскій отмѣчаетъ въ рѣчи лужичанъ нѣчто похожее на просторѣчіе „крестьянъ западныхъ заднѣпрскихъ губерній“. Переводчикъ его статьи находитъ возможнымъ „прибавить, что нарѣчіе тамошнихъ (т. е. заднѣпровскихъ) селянъ, называемое *Руськимъ*, сходно съ нашимъ Малороссійскимъ, въ которомъ не трудно найти нѣсколько подобныхъ примѣровъ, *воко* вм. око, *вогонь* вм. огонь и пр.“. Далѣе сообщаются свѣдѣнія, полученныя отъ Бауценскаго Сеніора Фульке, о лужицкихъ сочиненіяхъ (рукописныхъ и печатныхъ), имѣющихся въ Горлицкой библіотекѣ и у частныхъ владѣльцевъ, о приходахъ, въ которыхъ еще „слово Божіе проповѣдуется на сербскомъ, или правильнѣе на сорбскомъ нарѣчіи“, и т. д. Отъ Любен-

[1]) Изъ «Dziennika Wileńskiego».

скаго Бобровскій получилъ свѣдѣнія о двухъ лужицкихъ нарѣчіяхъ, верхнемъ и нижнемъ, и, говоря о нихъ, указываетъ на сходство одного съ чешскимъ, другого съ польскимъ, а также на обиліе народныхъ говоровъ (чуть не въ каждой деревнѣ свой говоръ). Въ заключеніе приводится нѣсколько лексическихъ образчиковъ лужицкаго языка и выписки изъ рукописнаго словаря Христіана Геннинга 1705 г. о происхожденіи вендовъ. Какъ видно, Каченовскій имѣлъ право назвать свѣдѣнія, сообщаемыя Бобровскимъ, совершенно новыми для нашей публики. Дать что нибудь подобное этимъ наблюденіямъ у насъ было некому, и первымъ изъ русскихъ ученыхъ, изучавшихъ Лужицы de visu, былъ лишь И. И. Срезневскій, выѣхавшій въ славянскія земли уже въ 1839 г., т. е. 14 лѣтъ спустя послѣ появленія въ журналѣ Каченовскаго статьи Бобровскаго.

Дѣятельность Росс. Академіи на пользу славянскаго языкознанія въ этомъ году ограничилась однимъ чтеніемъ (въ засѣданіи 6-го іюня) знакомаго уже намъ (см. выше, стр. 797—802) разсужденія Н. Полеваго „О древнемъ языкѣ Словенскомъ“, напечатаннаго въ 4 т. новой серіи „Трудовъ“ Моск. Общ. Люб. Росс. Слов. (1824). За отсутствіемъ трудовъ собственныхъ сочленовъ, академія занялась чтеніемъ уже напечатанной статьи, о которой собраніе и разсуждало [1])...

Какъ замѣчательный шагъ, гораздо болѣе серьезный и цѣнный въ научномъ отношеніи, чѣмъ всѣ неудачныя попытки Россійской Академіи, должны быть отмѣчены сношенія гр. Н. П. Румянцова съ извѣстнымъ польскимъ грамматикомъ и лексикографомъ Христофоромъ Целестиномъ Мронговіусомъ (1764—1855), пасторомъ въ Данцигѣ. Издавъ свой „Słownik Niemiecko-Polski“ (1823, 4°, VIII, 712 стр.), гдѣ онъ пользовался своими познаніями въ кашубскомъ языкѣ и нѣмецко-латинско-польскимъ словаремъ изъ Flores trilingues 1702 г., содержавшимъ также кашубскія слова [2]), Мронговіусъ отправилъ свой трудъ гр. Румянцову, какъ это видно изъ письма графа къ Востокову отъ 26 іюня 1825 г., гласившаго: „Покажите Его Высокопреосвященству (митрополиту Евгенію) Польскій древній Лексиконъ съ Кашубскимъ нарѣчіемъ, полученный отъ Г. Мронговіуса, его ко мнѣ письмо и копію съ моего на то отвѣта, и для свѣдѣнія вашего съ Польскаго тако-

---

[1]) См. Записки засѣданій Росс. Академіи за 1825 г., № 18, 6-го іюня.

[2]) См. примѣчаніе И. И. Срезневскаго къ перепискѣ А. Х. Востокова въ «Сборн. статей, чит. въ отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. наукъ» т. V, вып. II, стр. 447.

ваго письма препровождаю къ вамъ Русскій переводъ. Потомъ храните всѣ сіи бумаги у дѣлъ при библіотекѣ; а ко мнѣ пожалуйста пришлите сей лексиконъ на время и дайте мнѣ теперь знать, не посвященъ ли онъ мнѣ" [1]).

Завязавшіяся такимъ образомъ сношенія между гр. Румянцовымъ и Мронговіусомъ приняли скоро болѣе прочный и дѣловой характеръ, какъ видно изъ извѣстія, напечатаннаго въ одномъ изъ послѣднихъ №№ „Библіографическихъ Листовъ" Кеппена за 1825 г. (№ 31, 20-го дек., стлб. 448) въ отдѣлѣ „Языкознаніе": „Любителямъ Словенской Литературы конечно весьма пріятно будетъ слышать, что Е. С. Графъ Н. П. Румянцовъ поручилъ извѣстному Данцигскому Лексикографу и Грамматику *Мронговіусу* объѣхать Кашубскія селенія, составить по возможности словарь сего погасающаго нарѣчія и собрать хотя нѣкоторыя преданія, существующія въ устахъ сихъ Поморянъ". По свидѣтельству Прейса, бывшаго въ началѣ 40-хъ гг. XIX в. въ кашубской области, Мронговіусъ дѣйствительно, „при пособіи Гр. Н. П. Румянцова", объѣзжалъ селенія кашубовъ и собиралъ на мѣстѣ свѣдѣнія о ихъ языкѣ, бытѣ, и правахъ, руководствуясь „превосходно составленною запискою", которая была ему прислана отъ графа. Записка эта была цѣла еще въ бытность Прейса въ кашубской округѣ и должна была служить одному изъ довѣренныхъ лицъ Прейса (патеру Борковскому) при собираніи имъ матеріаловъ для нашего слависта [2]).

Такимъ образомъ гр. Румянцовъ и въ области славянскаго языкознанія является однимъ изъ немногихъ у насъ въ то время лицъ, ясно понимавшихъ нужды науки и намѣчавшихъ опредѣленно и умѣло научныя задачи будущимъ дѣятелямъ русскаго просвѣщенія. Смерть прервала его сношенія съ Мронговіусомъ, но долгъ историка—отмѣтить, что въ дѣлѣ изученія кашубскаго языка, привлекавшаго впослѣдствіи столько русскихъ ученыхъ и до сихъ поръ еще представляющаго много темнаго, загадочнаго и весьма важнаго для сравнительной грамматики славянскихъ языковъ, имя графа Румянцова занимаетъ у насъ первое по времени мѣсто.

Небывало до тѣхъ поръ широкое мѣсто отведено было библіографіи славянскаго языкознанія въ „Библіографическихъ Листахъ" П. И. Кеппена, начавшихъ выходить съ 1825 года. Съ перваго же № въ нихъ началъ печататься „Списокъ первопечатнымъ Словенскимъ книгамъ" (на разныхъ славянскихъ языкахъ), составлен-

[1]) Тамъ же, стр. 228.

[2]) «Журналъ Минист. Нар. Просв.», ч. XXVIII, 1840, отд. IV, стр. 1—2, 11.

ный самимъ издателемъ на основаніи трудовъ Добровскаго („Geschichte der Böhmischen Sprache und ältern Literatur“, 2 изд. 1868), Бандтке, Бентковскаго и др. (№ 1, 6, 11, 16, 21, 26). Очевидно въ связи съ этой библіографической работой Кеппена находится письмо его къ Ганкѣ отъ 12 янв. 1825 г., гдѣ онъ писалъ: „въ прекрасномъ трудѣ нашего учителя, г. Добровскаго, я не нашелъ чешскихъ заглавій старопечатныхъ книгъ. Не могъ ли бы я получить ихъ отъ васъ?.. Кромѣ того меня очень интересуетъ полный указатель грамматикъ и словарей чешскаго языка. О Польской части мнѣ весьма любезно обѣщалъ озаботиться г. Хлендовскій изъ Варшавы. Не могли ли бы вы указать мнѣ на самый лучшій источникъ о чешскихъ трудахъ этого рода, равно какъ и дополнить его?“ [1]).

Въ № 18 находимъ библіографическій обзоръ новѣйшихъ произведеній литературы на разныхъ славянскихъ языкахъ, среди которыхъ не мало лингвистическихъ. Здѣсь говорится о грамматическихъ и лексикографическихъ трудахъ Мронговіуса, между прочимъ о его польскомъ словарѣ, упомянутомъ выше (стр. 1223), причемъ приводятся даваемыя въ предисловіи къ нему свѣдѣнія о кашубахъ и ихъ языкѣ (стлб. 251); о разныхъ чешскихъ и словацкихъ книгахъ (поэмѣ Колара, „Sláwy dcera“, сборникѣ славянскихъ свѣтскихъ пѣсенъ, собранныхъ въ Венгріи Шафарикомъ, Благославомъ и др., мнѣніи Добровскаго о подложности „Суда Любуши“, изданіи „Словацскаго“ словаря Бернолака и его же „Schlowakische Grammatik“ 1817 г., причемъ авторъ обозрѣнія— самъ Кеппенъ—касается вопроса о взаимномъ отношеніи языковъ „Богемскаго“ и „Словацкаго“, разныхъ нарѣчіяхъ словацкаго языка и т. д.); о новыхъ „краинскихъ“ книгахъ: собраніи древнеславянскихъ словъ, живущихъ еще въ современныхъ „вендскихъ“ діалектахъ, (Klagenfurt, 1822), словинской грамматикѣ Копитара (1808), о составляемомъ Копитаромъ „Словено-Греко-Латинскомъ словарѣ“, о словинской грамматикѣ Даинко (особенно подробно, съ цѣлымъ экскурсомъ о транскрипціи славянскихъ звуковъ, о большей близости „Краинскаго“ языка къ русскому, сравнительно съ польскимъ и чешскимъ, о сохраненіи въ немъ двойственнаго числа, заслуживающемъ „особаго вниманія Словенскихъ Филологовъ“); о новыхъ явленіяхъ сербской литературы, въ томъ числѣ о переводѣ Новаго Завѣта на сербскій языкъ Вука Ст. Караджича (съ образчикомъ языка) и другихъ его трудахъ: словарѣ, серб-

---

[1]) См. Кочубинскаго «Адм. Шишковъ и канцлеръ Гр. Румянцовъ. Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія. Одесса. 1887—88». ПриложеніеIV, № 5, CXXV.

ской грамматикѣ, сборникѣ нар. пѣсней, могущихъ „почитаться богатымъ Архивомъ языка и обычаевъ его отечества“, нѣм. переводѣ его грамматики, сдѣланномъ І. С. Фатеромъ (1824) и т. д.

Въ № 24 (стлб. 347—348) упоминаются разныя новыя польскія книги, въ томъ числѣ польская грамматика Мучковскаго (Познань, 1825 г.), грамматическіе труды полковника Мрозинскаго, изданіе „Польской орѳографіи“ Заборовскаго проф. Кухарскимъ, съ приложеніемъ списка польскихъ грамматикъ и словарей и т. д.

№ 25 занятъ двумя обширными рецензіями: на „Славянскую грамматику“ Пенинскаго (см. выше, стр. 1058—60) и только что тогда вышедшую первую часть словацко-чешско-латино-нѣмецко-венгерскаго словаря Бернолака (Будапештъ, 1825), причемъ рецензентъ (Кеппенъ) довольно подробно говоритъ о нарѣчіяхъ словацкаго языка и извѣстныхъ ему двухъ рукописныхъ словацкихъ словаряхъ, одинъ изъ которыхъ былъ даже имъ пріобрѣтенъ во время его заграничнаго путешествія.

Въ № 32 (стлб. 470) упоминается о двухъ статьяхъ касательно родства германскихъ языковъ со славянскими, и приводится заглавіе второй изъ нихъ, помѣщенной въ „Дополнит. листахъ къ Гальск. Лит. Вѣд.“ 1825 г. (№ 21, стр. 162): „Die Verwandschaft der germanischen und slawischen Sprachen mit einander und mit der griechischen und römischen“. Здѣсь же (стлб. 470—471) довольно подробно сообщается о печатавшемся въ то время „*Лешковомъ* Собраніи Словенскихъ словъ, вошедшихъ въ составъ Венгерскаго (Мадьярскаго) языка: Elenchus vocabulorum Slavonicorum in linguam Magyaricam illatorum“, причемъ упоминается и предшествующій подобный трудъ Pázmándy, „Syllabus vocum Hungarico-Illiricorum“ въ книгѣ „Schediasmata circa originem, sedes antiquas et linguam Uhro-Magarum populorum etc. Pestini, 1786“, и приводится рядъ венгерскихъ словъ, заимствованныхъ изъ славянскаго.

Въ замѣчательной „Запискѣ о путешествіи по Словенскимъ землямъ и Архивамъ“, составленной Кеппеномъ и напечатанной въ послѣднемъ № (33-мъ) „Библіограф. Листовъ“ за 1825 и первомъ изъ „дополнительныхъ“ №№ (34-мъ) отъ 21-го января 1826 г., нерѣдко дѣлаются указанія, полезныя и для языковѣда. Въ Бессарабіи (Кишиневѣ) рекомендуется: „въ бесѣдахъ съ Духовными Особами почерпать свѣдѣнія о древнихъ Словенскихъ книгахъ, печатныхъ и рукописныхъ, нынѣ уже безъ употребленія хранящихся при церквахъ, какъ въ Молдавіи, такъ и въ Валахіи“ (стлб. 476); затѣмъ предлагается побывать въ комитатахъ, населенныхъ „Руснякамн“, „опредѣляя вездѣ предѣлы жилищъ ихъ и замѣчая оттѣнки въ нарѣчіи“ (стлб. 478); въ Пржемыслѣ—

„познакомиться съ сочинителемъ Руснявкой грамматики. Г. *Могильницкимъ*, и помощію Малороссійской Энеиды, и другихъ печатныхъ сочиненій, опредѣлить отношеніе Руснявкаго языка къ Малороссійскому, съ которымъ оный принадлежитъ къ одному разряду“ (тамъ же); затѣмъ „чрезъ *Санокъ* и пр. отправиться въ *Римановъ*, гдѣ и опредѣлить въ точности предѣлы *Русинскаго* или *Карпато-Русскаго* и *Словацкаго* (Мадьяро-Словенскаго) языковъ“ (стлб. 478—479); „отправиться въ горы, называемыя *Татра*“, гдѣ „на вершинахъ Карпатскихъ, языкоизслѣдователь безъ сомнѣнія найдетъ полезную для себя пищу“ (стлб. 479). Въ *Гранѣ* слѣдуетъ познакомиться съ каноникомъ Палковичемъ, долго хранившимъ у себя четвероязычный словарь Бернолака, послѣ смерти его автора (стлб. 480); въ *Офенѣ*—„купить книги, на разныхъ Словенскихъ языкахъ тамъ напечатанныя“ (тамъ же); „въ *Пресбургѣ*—заняться Словацкимъ языкомъ подъ руководствомъ Г-на Палковича“ (стлб. 481);—побывать въ Тренчинѣ, „гдѣ по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, говорятъ чистѣйшимъ Словацкимъ нарѣчіемъ“ (тамъ же) и т. д. Далѣе также постоянно указываются тѣ или другія лица, занимавшіяся языкомъ и т. п., знакомство съ которыми можетъ быть полезно для ученаго путешественника; рекомендуется ознакомленіе съ разными рукописными или печатными произведеніями на разныхъ славянскихъ языкахъ, древними грамотами, надписями и т. д.

Таковы были главныя явленія въ области славянскаго языкознанія въ Россіи въ теченіе первой четверти XIX вѣка и главныя внѣшнія условія, въ которыхъ должна была развиваться у насъ эта отрасль науки. Какъ видно, поводы къ ознакомленію со славянскими языками были у насъ очень немногочисленны. Путешествія, пока еще весьма рѣдкія, лишь случайно и ненадолго приводили совсѣмъ къ тому неподготовленныхъ русскихъ людей въ соприкосновеніе со славянами. Какъ поводъ, выдвинутый самою жизнью, и то только на половину практическаго характера, можетъ быть указана развѣ лишь необходимость знанія славянскихъ языковъ для составленія споснаго школьнаго руководства къ изученію родного языка, въ какомъ мы тогда и долго спустя сильно нуждались. Но необходимость эта сознавалась лишь очень немногими, и осязательныхъ результатовъ сознаніе ея долго не имѣло и не могло имѣть. Тѣмъ не менѣе въ обществѣ понемногу зарождалась научная любознательность. Навстрѣчу ея запросамъ шла наша молодая журналистика, пробуждая въ свою очередь научные интересы среди своихъ, пока еще немногочисленныхъ, читателей. Являлись и отдѣльные замѣчательные дѣятели, въ родѣ все тѣхъ же, знакомыхъ

уже намъ по разнымъ другимъ своимъ трудамъ, Востокова, Калайдовича, Каченовскаго, гр. Румянцова, митрополита Евгенія, Ѳ. П. Аделунга и Кеппена, безкорыстныхъ любителей науки и неутомимыхъ тружениковъ въ разныхъ ея отрасляхъ. Но, занятые многими другими работами, они могли удѣлять слав. языкознанію лишь частицу своего времени и силъ. Своихъ славистовъ у насъ еще не могло быть въ достаточномъ числѣ; отсюда—несамостоятельность большинства нашихъ статей по славянскому языкознанію, отмѣченная неоднократно выше. Оффиціальныя наши сферы и учрежденія въ теченіе первой четверти XIX в. почти ничего не собрались сдѣлать для изученія слав. языковъ. Почти все, что было создано въ этомъ направленіи, есть дѣло молодого русскаго общества и немногихъ частныхъ лицъ, выдвинутыхъ имъ на подвигъ науки и просвѣщенія. Въ сравненіе съ трудами этихъ лицъ, конечно, не можетъ идти безтолковая дѣятельность Россійской Академіи, мнившей, что она что-то дѣлаетъ, но въ дѣйствительности бродившей въ совершенныхъ потьмахъ и плодившей лишь никому не нужную макулатуру. Тѣмъ не менѣе, какъ мы видѣли выше, кое-что самостоятельное и важное было достигнуто, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, и въ этомъ начальномъ періодѣ исторіи славянскаго языкознанія въ Россіи, подготовляя быстрое развитіе его въ теченіе слѣдующаго двадцатипятилѣтія, хотя бы покуда лишь въ нѣкоторыхъ нашихъ научныхъ центрахъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Указатель къ „Введенію въ изученіе языка“ Дельбрюка.

(Курсивомъ обозначены указанія на дополнительныя примѣчанія редактора перевода).

ВАЖНѢЙШІЯ ПОПРАВКИ.

стр.	строчка.		
3	4	снизу должно читать	Von
16	7	„ „ „	грамматическія
20	2	„ „ „	-θι
22	13	„ „ „	*nqva*
32	7	сверху уничтожить знакъ —	
36	11	снизу должно читать	символическій,
37	1	сверху „ „	звукъ (вмѣсто „букву“)
45	19	снизу „ „	дѣлаютъ
—	20	„ послѣ „и“ вставить:	тотъ кто
47	11	сверху уничтожить скобку	
—	9	снизу должно читать	der
59	подстрочныя примѣчанія поставить одно на мѣсто другого		
61	21	сверху должно читать	bhrā́tar
69	10	снизу „ „	von
75	5	„ уничтожить слова:	*Прим. ред.*
83	2	сверху должно читать	sprachwissenschaftliche
86	17	снизу „ „	оцѣнить
100	2	сверху уничтожить слово:	отъ
115	4	„ должно читать	91
117	7	снизу „ „	langage
122	10	сверху „ „	съ красной строки послѣ точки.
125	5	снизу „ „	Лейпц.
127	6	„ „ „	langage
128	6	„ „ „	60
137	2	„ „ „	Verwandtschaftsverhältnissen.
144	6	„ „ „	латышскихъ
159	14	„ „ „	Regulae
168	10	сверху „ „	принадлежавшемъ
172	10	„ „ „	τύψω
177	10	снизу „ „	ῥήματα
183	3	сверху „ „	τρεῖς
—	2	снизу „ „	академіи
189	10	„ послѣ „Выше“ вставить:	еще.
190	7	„ должно читать	Лейбницъ
—	15	„ „ „	безрезультатнымъ
191	9	„ „ „	Виніусъ
193	3 и 4	„ вычеркнуть (ср. прим. 3 на стр. 385).	
—	8	„ послѣ „либо“ вставить:	печатныхъ
—	13	„ должно читать	1714.
195	3	„ „ „	„Истор. Моск. Славяно-Греко-Латинской академіи“

стр.	строчка.	
204	7	сверху „ „ Тредьяковскій
216	3	снизу „ „ 46—69
—	7	„ уничтожить скобку
218	1	сверху въ концѣ прибавить знакъ —
222	7	„ должно читать *известь* (вм. *извлечь*)
—	2	снизу „ „ Adelung
223	13	„ „ „ Черкаловъ
227	7	„ послѣ „этого“ вставить: изданія
228	6	„ должно читать Поправки
237	6	„ послѣ „Полѣтики“ вставить: [2])
251	7	„ должно читать текстъ
268	12	„ „ „ значатъ
274—275		слѣдовало бы сначала говорить о статьѣ Сумарокова „Объ истребленіи чужихъ словъ“, а затѣмъ уже о статьѣ „О коренныхъ словахъ“...
276	11	снизу должно читать „великолѣпно
277	15	„ „ „ Слѣдующія (безъ „).
278	1	„ „ „ sandûk
293	3	„ „ „ Lateinisches Wörterbuch
348	7	сверху послѣ „Клаудія“ вставить: 1792
365	11	снизу послѣ „при“ вставить: ближайшихъ
370	6	„ должно читать академіи
415	18—20	сверху „ „ Вѣроятно изъ матеріаловъ, собиравшихся для Сравнительныхъ словарей имп. Екатерины II.
416	7	снизу должно читать: J obtained... Commandant
429	11	сверху вычеркнуть слова: Бакмейстера или
430	6	снизу должно читать: 1759:
446	6	сверху „ „ Къ половинѣ 80-хъ гг. XVIII в.
—	18	снизу вычеркнуть: также
448	17—18	сверху должно читать: къ началу 80-хъ гг. XVIII и принадлежитъ къ матеріаламъ для Сравн. словаря Екатерины II.
465	4	снизу должно читать: Журналѣ
493	7	„ „ „ Ket
500	17	„ „ „ jala
505	14	сверху „ „ общества
537	3	„ „ „ † 1816 (ср. стр. 1062)
548	5	„ „ „ и объ
563	4	снизу „ „ заставляетъ
577	11	сверху послѣ „курьезенъ“, вставить: какъ разсужденіе Горскаго,
579	2	снизу должно читать universalis
587	17	сверху „ „ Щербатова
592	3	снизу „ „ Friedrich.
599	—	„ „ „ разумѣ
621	21	сверху „ „ объясняются
631	12	снизу „ „ со-дрогаться
634	1	„ „ „ Гунта
639	19—20	сверху „ „ критическій анализъ его этимологій.
643	20	снизу „ „ пайшачи)
646	1	„ „ „ тожество
655	15	сверху „ „ χλόα=
656	13	снизу „ „ сближается
664	16	„ „ „ ἐρεύγω
672	6	сверху „ „ Карамзина
673	4	„ „ „ соепа
695	1	снизу „ „ гр. στιγμή
—	8	„ „ „ *стьза*

стр.	строчка.		
701	20	„ „ „	Аббатъ
727	11	„ „ „	1810
739	13	сверху, послѣ ?! вставить:	въ оригинальномъ изданіи — mrzawam
—	22	„ должно читать	(Böh)“
740	6—7	снизу „ „	должны быть отмѣчены
747	въ концѣ подстрочнаго примѣчанія прибавить: Ср. также Барсуковъ, „Жизнь и труды М. П. Погодина“, ч. I, Спб. 1888, стр. 38.		
960	1	снизу должно читать	Росс.
982	21	снизу вставить: За нимъ послѣдовалъ въ 1819 г. краткій словарь, помѣщенный при „Опытѣ собранія старинныхъ Малоросс. писемъ“ Цертелева и заключавшій въ себѣ болѣе 200 словъ и выраженій.	
990	6—7	снизу должно читать	Новицкимъ
991	4	„ „ „	Новицкаго
1018	5	„ „ „	стилистическимъ
1027	8	„ „ „	*выжига*
1032	3	„ „ „	Статья
1040	5—6	сверху „ „	грамматическимъ
1051	18	снизу „ „	къ эпохѣ
1134	1	сверху перенести скобку) послѣ „писменному“	
1149	16	снизу должно читать:	Благодарю васъ“
1150	14	„ „ „	банномъ (вм. „данномъ“)
1201	3	„ „ „	Pars altera
1213	13	„ „ „	s nekym
„	4	„ „ „	Zunge.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе въ изученіе языка Б. Дельбрюка.

Первая глава. Францъ Боппъ.

Вторая глава. Современники и преемники Боппа до Августа Шлейхера.

Третья глава. Августъ Шлейхеръ.

Четвертая глава. Третій періодъ.

Пятая глава. Теорія агглютинаціи.

Шестая глава. Звуковые законы.

Седьмая глава. Раздѣленіе народовъ.

Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи С. Булича.

 стр.

Ходаковскаго (1086—1087, 1090—1092 и 1094). Макарова (1087). Буткова (1087—1088, 1092). Пансiера (1088). Шишкова (1088—1090), Ст. Руссова (1094). А. Рихтеръ о лексич. заимствованiяхъ изъ тюркскихъ языковъ (1095). Историческiя этимологiи Погодина (1095—1097) и Эверса (1097—1100). Причины ничтожныхъ результатовъ, достигнутыхъ въ данной области (1100). стр.

Труды по дiалектологiи русскаго языка (1100—1141). Зародыши ея въ XVIII в. у Тредьяковскаго (1100), Ломоносова (1100—1101), Шлецера (1101—1102), Татищева (1102), Сумарокова (1102—1104), Барсова, Өомина, А. Мейера (1104), въ Сравнит. словарѣ Екатерины II (1104—1105) и путешествiяхъ Озерецковскаго (1105). Начало XIX в. Дорожникъ Глушкова (1105—1107); попытки въ области малорусской и бѣлорусской дiалектологiи; труды Орнатовскаго, Тимковскаго и Калайдовича (1107); вопросъ объ отношенiи малорусскаго нарѣчiя къ великорусскому и къ польск. языку у автора „Изслѣдованiя баннаго строенiя", Каченовскаго и Евгенiя Болховитинова (1107—1111); Прокоповичъ-Антонскiй о дiалектич. особенностяхъ ударенiя (1110), Ө. Глинка объ офенскомъ нарѣчiи (1111—1112), разныя дiалектологическiя замѣчанiя и матерiалы въ трудахъ Левшина, Карамзина, Каченовскаго, Семивскаго, Озерецковскаго, Калайдовича и др. (1112—1115), малорусск. грамматика Павловскаго (1115—1119), рецензiя на нее кн. Цертелева (1119—1121), его же „Опытъ собранiя старинныхъ малоросс. пѣсней" (1121—1122) и рецензiя на него „Сына Отечества" (1122—1123). М. Макаровъ о рязанскихъ говорахъ (1123). Взглядъ Ходаковскаго на важность дiалектологич. изслѣдованiй (1123), занятiя русской дiалектологiей Кеппена (1124—1128), классификацiя русскихъ нарѣчiй Евгенiя Болховитинова (1124—1125), Суворовъ объ Осташковскомъ говорѣ (1126), Ходаковскiй о Новгородскомъ и другихъ сѣверно-великорусскихъ нарѣчiяхъ (1128—1130, 1132—1134), К. Калайдовичъ о бѣлорусскомъ (1130—1132). Дiалектологическiе матерiалы, собранные Моск. Общ. Люб.-Росс. Слов. (1134—1136). „Прибавленiе" къ малор. грамматикѣ Павловскаго (1136—1137). Линде и Булгаринъ о языкахъ „русскомъ" и „россiйскомъ" (1137—1138). Орлай о языкѣ Карпато-россовъ и Евгенiй Болховитиновъ о бѣлорусскомъ нарѣчiи (1138). Дiалектологическiя наблюденiя Зельницкаго и Лажечникова (1138—1139). Интересъ гр. Румянцова къ бѣлорусскому нарѣчiю (1139). Наблюденiя надъ рязанскими говорами М. Макарова (1139—1140) и т. д. Общiй итогъ сдѣланнаго въ области русской дiалектологiи за первую четверть XIX в. (1141).

Изученiе славянскихъ языковъ въ первой четверти XIX в. (1141—1228). Первыя проявленiя интереса къ славянскимъ языкамъ въ самомъ началѣ XIX в. Смутность представленiй о взаимномъ отношенiи слав. языковъ другъ къ другу, проявленная въ полемикѣ Шишкова съ его антагонистами (1142). А. С. Кайсаровъ (1142—1144). Путешествiе по слав. землямъ Ө. И. Лубяновскаго (1145). Статьи „Вѣстника Европы" 1805—1809 г.; о языкѣ черногорцевъ, лужичанъ, славяносербскомъ (1145). Статья Каченовскаго объ источникахъ русской исторiи (1146). Переводъ Шлецеровыхъ „Russische Annalen" и свѣдѣнiя о слав. языкахъ, встрѣчаемыя въ немъ (1146—1149). Путешествiе въ Сербiю Д. Бантыша-Каменскаго (1149).